
SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
LVX
FIAT
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

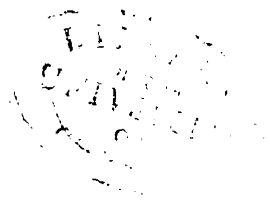
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

№ 13-14

№ 13-14

1914—1934

МОСКВА
Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"
1934

Литература о войне

XII пленум ИККИ (стенографический отчет). М. Партиздат, 1933, т. I 204 стр., т. II 261 стр., т. III 178 стр.

XIII пленум ИККИ (стенографический отчет). Партиздат, 1934, 597 стр.

Аварин В. Империализм в Манчжурии, т. II. Л. Гос. Соц. Эк. Из., 1934, 560 стр.

Александров А. П. Военно-морские силы капиталистических государств. Л. Картотип. Гидрограф. упр., 1934, 40 стр.

Александров А. И. Операции подводных лодок, т. I. Л. Воен. Морск. Академ. РККА, 1933, 486 стр.

Асик М. Вооруженные силы Японии. Справочник. Под. ред. и с предисл. Н. Петрова. М. Гос. Воен. изд., 1934, 222 стр.

Бастико Г. Будущая война. Сокр. пер. III т. труда. Эволюция военного искусства. Пер. с ит. Файвуш. С пред. Фельдмана. М. Гос. Воен. изд., 1934, 151 стр.

Брухмюллер Г. Артиллерия при наступлении в позиционной войне. Пер. с немецк. Ю. Шейдемана. Москва, Гос. Воен изд., 1933, 154 стр.

Бошкович Б. Перед новым взрывом на Балканах. М. Партиздат, 1934, 102 стр.

Буженов Д. Войсковая авиация. С пред. члена РВС СССР нач. Воен.-возд. сил РККА Алксниса. Изд. 2-е, Москва. Гос. Воен. изд., 1932, 82 стр.

Варфоломеев Н. Г. Ударная армия 1918 г. на Зап. фронте мировой империалистической войны. Москва. Гос. Воен. изд., 1933, 203 стр. Германское наступление (21 марта — 4 авг.).

Военная опасность и задачи Коминтерна (заключительные работы XI пленума ИККИ). М. Л. Соцэкгиз, вып. II, 1931, 255 стр.

Виноградов Н. Современные средства артиллерийской борьбы с воздушным флотом. М. Госвоен. изд., 1933, 145 стр.

Волков И. Подрывные средства при устройстве заграждений. М. Гос. Воен. изд., 1933, 100 стр.

Вотье. Воздушная опасность и будущее страны. Перев. с французского. М. Гос. Воен. изд., 1933.

Гайер А. Германские подводные лодки в войну 1914 — 1918. Под ред. и с предис. А. П. Александрова. Л. Ред.-изд. сектор УВМС РККА, 1933, 184 стр.

Гельдерс. Воздушная война. 1936 г. Разрушение Парижа. Пер. с нем. Зеленяной. Под ред. Лишуновского. М. Гос. Воен. изд., 1932, 112 стр.

Горшенин И. Манчжурия и угроза японо-американской войны. М. Партиздат, 1933, 167 стр.

Горький М. Против империалистской войны и интервенции. Сб. избр. статей. М. Гос. Воен. изд., 1932, 87 стр.

Гришин П. П. Война и революция. Сб. по Марксу, Энгельсу, Ленину и мат. Коминтерна. Л. ВПАТ, 1932, 357 стр.

Дмитриев Б. Буржуазия о новой войне, М. Партиздат, 1932, 55 стр.

Зайончковский А. М. Мировая война 1914—1918 гг., изд. 2-е. М. Огиз, 1931, 455 стр.

Зиновьев Г. Учение Маркса и Ленина о войне. М. Л. Огиз, 1931, 338 стр.

Зиновьев А. И. Морская тактика. Вып. I. М. Воен-Возд. Акад. РККА, 1934, 181 стр.

Иванов Л. Н. Англо-американское морское соперничество. М. Партиздат, 1933, 319 стр.

Изабелов. Милитаризация японской школы. М. Мол. гвардия, 1934, 38 стр.

Институт миров. хоз. и МП. Репарационный вопрос и военные долги. Под ред. А. Ерусалимского и Л. Иванова. Москва. Партиздат, 1933.

Институт миров. хоз. и МП. Подготовка второго тура империалистических войн. Сб. под. ред. тт. Бухарцева, Никонова, Фельдмана и Хмельницкой. М. Партиздат, 1934, 222(16) стр.

Институт миров. хоз. и МП. Кризис, фашизм, угроза войны. Материалы сессии Инст. МХ и МП. М. Партиздат, 1933, 254 стр.

Институт миров. хоз. и МП. Социал-фашизм — организатор интервенции. Под ред. Е. Варга, Бела Кун и С. Гопнер. Москва, Партиздат, 1932, 108 стр.

Институт миров. хоз. и МП. «Разоружение» — подготовка войны. Доклад и выступления в Инст. ИМХ и МП. Под ред. Бухарцева Д., Е. Варга и П. Лапинского. М. Партиздат, 1932, 217 стр.

Институт миров. хоз. и МП. Общий кризис капитализма. Сб. статей под ред. Варга. М. Партиздат, 1933, стр. 5—28.

Институт истории. Ленингр. Революционное движение в капиталистических странах во время и после мировой войны. Л. Ленпартиздат, 1933.

(Продолжение см. на 3-й стр.)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК
ЦК ВКП(б)

XI ГОД ИЗДАНИЯ

Адрес редакции:
Москва, ул. Горького, 48
Тел. 1-21-16. Кремль 3-93

№ 13-14 31 июля 1934 г.

СОДЕРЖАНИЕ

К 20-летию мировой империалистической войны

В двадцатую годовщину мировой войны, которая представляет собой поворотный пункт в истории человечества, не приходится уже доказывать, что эта война не была только историческим эпизодом, а была результатом глубочайших противоречий, созданных капитализмом и углубленных монополистической фазой его развития. Простой факт, что империалистический мир ныне стоит перед растущей опасностью новой мировой войны, говорит о глубоких причинах, вызвавших войну 1914 — 1918 гг.

Мировая война 1914 — 1918 гг. родилась в борьбе старой колониальной и империалистской Британии с молодой, полной сил и задора, капиталистической Германией, которая, явившись поздно на империалистскую арену, должна была поставить вопрос о переделе мира. Это противоречие стало решающим потому, что Соединенные штаты Америки еще не были главным конкурентом Англии. США были далеко, они только начали развивать экспорт капитала, создавать флот; Германия, будучи близким соседом Англии, бешеным темпом увеличивала свои вооружения и создавала флот, способный уничтожить английские позиции.

Географическое расположение Германии в центре Европы позволяло ей протягивать руки не только на запад, но и на восток, и юго-восток, угрожая подчинением себе не только Австро-Венгрии, Бал-

канских стран и Турции, но и российского царизма—«колосса на глиняных ногах». Предвоенная империалистская Германия угрожала таким образом созданием величайшей империи, способной оспаривать все колониальное могущество Англии. Германская опасность превысила тогда в глазах Англии англо-русские и англо-французские противоречия. Разбитый на Дальнем Востоке царизм в своем стремлении подчинить себе Турцию и Балканы тоже наталкивался на Германию. Франция видела опасность потери восточного союзника под давлением Германии и опасность того, что Германия подчинит себе Бельгию, окружив ее с севера. К тому же во Франции жили надежды на реванш за 1870—1871 г.

Так родилась мировая война 1914—1918 гг., вызванная стремлением молодого германского империализма к переделу мира и защитой status quo со стороны старых империалистских держав. Об эти простые факты разбивается вправ социал-патриотическая легенда о Германии, будто бы в мировой войне защищавшей свои законные права. В действительности Германия защищала свои права на колониальный грабеж и эксплоатацию добавочных сотен миллионов угнетенных народных масс колоний. Но об эти факты разбивается и антантовская легенда о «справедливой» войне старых демократических держав против «германского милитаризма». Старые империалистские державы защищали старый грабеж, «освященный» несколькими десятилетиями истории. Обе стороны боролись за продление жизни прогнившей империалистской системы.

Заставив десятки миллионов людей сражаться за рабовладельческие интересы, мировой империализм пытался представить эту войну как «последнюю войну», которая создаст условия для прочного мира между народами, для под'ема благосостояния народных масс. Война уничтожила десятки миллионов людей на европейском континенте, разорила народные массы, до небывалых размеров усилила элементы реакции, присущие империализму.

Прошло двадцать лет. Капитализм не сумел создать условий для преодоления глубоких экономических потрясений, вызванных войной. Он не сумел вернуть то «нормальное» капиталистическое развитие, которое перед войной создавало в отсталых слоях народных масс представление о незыблемости капиталистического строя. В первый период после окончания войны капитализм и его прислужники социал-демократы успокаивали народные массы тем, что дело идет-де о залечивании ран, нанесенных войной, т. е. о временных последствиях войны. С момента так называемой стабилизации капитализма, т. е. с 1924 г., мировая буржуазия и ее прихлебатели успокаивали народные массы тем, что кризис капитализма уже кончился, что начался период нового и постоянного под'ема мирового капиталистического хозяйства.

27 июля 1928 г. американский президент Гувер заявил: «Современные перспективы мира — это перспективы величайшей в истории экономической экспансии». 11 августа того же года он заявил: «Мы в Америке сегодня ближе к окончательному триумфу над бедностью чем какая бы то ни была страна когда бы то ни было в истории. Лачуги бедняков исчезают. Мы еще не у цели, но на основе политики последних восьми лет мы с божьей помощью быстро приближаемся к тому дню, когда исчезнет бедность». Вождь английской «рабочей» партии Сноуден писал о новой эре развития электрической и химической промышленности, которая даст капиталистической системе «новый долгий период могущественного развития» («Дейли геральд» от

17 апреля 1926 г.). То же пели и все другие представители II интернационала.

Теперь британское правительство, правительство самой крупной капиталистической державы Европы, заявляет в своей ноте, обращенной к США по вопросу о долгах, что «стабилизация оказалась фальшивой и иллюзорной стабилизацией», что «процветание в период с 1923 по 1929 г. было в значительной мере иллюзорным и посеяло семена будущих затруднений». Господин Ллойд-Джордж, в то время английский премьер, сделавший больше чем другие буржуазные политики для прославления мировой войны 1914—1918 гг. как «последней» войны, войны, которая, разрушая многое, построит «дома, достойные героев»,—теперь Ллойд-Джордж (в речи в Кэмбридже, апрель 1933 г.) был принужден сделать одно из самых важных признаний. «Если бы мы даже не имели великой войны, — сказал он, — если бы дела пошли обыкновенным ходом, мы бы все-таки—я в этом уверен—раньше или позже оказались бы в положении, напоминающем современный хаос. Повидимому, в современной экономической системе заложено что-то в основе неправильное, ибо богатство рождает бедность».

«Сова Минервы вылетает в сумерки», и в сумерках капитализма более дальновидные его представители начинают предчувствовать, что дело идет к концу. Ллойд-Джордж прав, говоря, что даже если бы капитализму удалось избежать войны 1914—1918 гг., то он все-таки неминуемо привел бы человечество к хаосу. Но к этому хаосу относится неминуемо и империалистская война, вооруженная свалка империалистских держав, борющихся за продление своей жизни. Английский либерал Кейнс, прославившийся во всем мире книгой против Версальского договора, свидетельствует в своей работе «Средства процветания», изданной в 1933 г.: «Циники... делают вывод, что ничто, кроме войны, не может вывести из такого кризиса». Американский финансовый журнал «Анналист» писал 17 марта 1933 г.: «Нельзя не признать, что налицо большая возможность европейской войны в ближайшем будущем. Взрыв войны 1914 г. спас нас от экономической депрессии. Было бы интересным повторение функций войны, если бы новая война принесла нам индустриальное спасение».

Таковы современные «мечты» вождей мировой финансовой олигархии.

Да, противоречия монополистического капитализма, родившие мировую войну 1914—1918 гг., не только не ослабели, но усилились в послевоенный период. Усилилась власть капиталистических монополий. Вместе с тем увеличились противоречия монополии в мировом масштабе. Мировая буржуазия в состоянии добиться лишь очень кратковременных соглашений в своей валютной, финансовой и экономической борьбе за господство над миром. После каждого такого соглашения происходит еще более острый взрыв противоречий. В результате валютного хаоса первых послевоенных лет руководящие империалистские державы заключили соглашение для спасения более слабых стран от пролетарской революции. Таково соглашение 1924—1925 г., когда Соединенные штаты, Великобритания, Голландия предоставили займы для спасения валют более слабых стран Европы, потрясенных революцией.

Мир переживает теперь войну всех против всех и на валютном рынке. Торговая политика представляет теперь поднимающиеся к небесам таможенные стены. Последняя держава, сохранявшая режим свободной торговли,—Великобритания, тоже перешла к протекционизму. Идет бешеная таможенная война, война не только при помощи высо-

ких тарифов, но и при помощи лицензий, квот. Всякая тонна товаров и всякая тысяча рублей ценностей, передвигаемые из одной страны в другую, являются предметом ожесточенной борьбы. Международный кредит как процесс передвижения капиталов из более богатых стран в отсталые почти прекратился. Остались только разбой, грабеж, поддержка империализмом наиболее реакционных, феодальных клик для создания оплота против восстающих народных масс. В клочки разорвано вашингтонское соглашение, от Версальского мира остались только территориальные решения.

Но вооружения побитых в 1918 г. держав и держав, не удовлетворенных Версальским миром, показывают, что и эти остатки Версальского мира находятся под знаком вопроса. Японский империализм, подстегиваемый приближающейся революцией, начал на Дальнем Востоке борьбу за свою гегемонию на азиатском континенте. В центре Европы германский фашизм подготовляет войну, заковывая рабочий класс в кандалы и бешено довооружаясь.

Ныне, в двадцатую годовщину первой мировой империалистской бойни, капиталистический мир содрогается до самых основ своих.

Тезис большевиков, тезис Ленина, гласящий, что только пролетарская революция может спасти мир от новой войны, подтвердился полностью. Но пролетарская революция победила пока только в одной стране: страна царизма стала страной победоносного пролетариата, стала страной строящегося социализма. Во всем остальном мире господствует еще капитализм. Поэтому угроза новой мировой войны тяжелой тучей нависла над человечеством. С мощной вышки пролетарское государство следит за приближающейся военной грозой. Борясь всеми силами против опасности войны, принимая все меры для защиты Страны советов, мы должны дать себе отчет, в чем разница обстановки, в которой может возникнуть ныне новая война, по сравнению с обстановкой 1914—1918 гг.

Если монополистический капитализм перед войной 1914—1918 гг. находился еще на поднимающейся кривой, если предвоенный империализм, представляя уже начало загнивания империалистской системы, скрывал его под непрерывным ростом промышленности и загнивание выражалось тогда в первую очередь в паразитизме, в отставании сельского хозяйства, в жесточайшей сверхэксплоатации трудящегося человечества в пользу маленькой группы рантье,—то теперь это загнивание стало центральной чертой развития империализма. Такой дани, какую теперь мир уплачивает паразитическим слоям рантье при одновременно растущей нужде и пауперизации народных масс, история никогда не знала. Загнивание империализма приняло ныне уже формы выключения из экономического развития целых стран, попросту приговоренных гнить на корню. В таком состоянии находятся весь юго-восток Европы и почти вся Азия (Япония — на особом положении). Империализм кричит о суживающихся рынках сбыта, но боится инвестировать в этих странах капитал, необходимый для их развития и эксплоатации. Загнивание сельского хозяйства во всех странах приняло ярчайший характер. Современная промышленная техника создала мощные средства индустриализации сельского хозяйства: трактор и комбайн, но капитализм не в состоянии реализовать назревшую промышленную революцию сельского хозяйства. Крестьянство не может купить средства производства, созданные промышленностью, не попадая в полную кабалу к финансовому капиталу. Но даже если бы оно пошло в эту кабалу, оно не может применять средства производства, несовместимые с карликовыми размерами крестьянского хозяйства. Это порождает деградацию сельского хозяйства во всех

капиталистических странах, пауперизацию крестьянства, бегство крестьян в город, где их не ждет ничего, кроме безработицы и нужды. В промышленности загнивание приняло размеры, которых не могли себе представить еще несколько лет назад даже люди, обладающие исключительной фантазией. В технике налицо сдвиги, приведшие к грани новой технической революции; но капитализм не в состоянии провести эту революцию в жизнь. Он не в состоянии осуществить переход к автоматической фабрике, хотя основы для этого созданы развитием электричества, ибо такой переход сделал бы ненужной основную массу пролетариата и привел бы к такому положению, когда восстание стало бы для этой массы просто физической необходимостью. Капитализм не в состоянии завершить победу синтетической химии, ибо он и без того погибает от избытка товаров при наличии нищеты народных масс. Капитализм настолько стал помехой развитию техники, что он отдает себе в этом ясный отчет, крича о «вреде» современной техники. Но в то же время капитализм не может и остановить этого развития, ибо если хоть одной группе капиталистов техника дает возможность нажиться за счет других групп, то эта группа отбрасывает все соображения общекапиталистического интереса и применяет необходимые технические усовершенствования. В период глубочайшего кризиса, выключившего во многих странах половину, а то и две трети производительных сил промышленности, руководящие капиталистические группы беспощадно проводили так называемую рационализацию, выбрасывая из производственной жизни не только миллионы рабочих, которые не найдут себе места в промышленности и в случае окончания кризиса, но выключали и целые отрасли промышленности, стоящие на уровне современной техники, оказавшиеся ненужными и долженствующие очистить рынки сбыта для своих конкурентов. Раньше капитализм искал выхода из кризиса за счет отсталых своих звеньев. Теперь он замораживает совершенно годные для жизни звенья только потому, что в жизни для них места нет.

В этом первое различие между нынешней обстановкой и обстановкой 20 лет назад.

Второе различие в обстановке состоит в том, что, вступая в мировую войну 1914—1918 гг., капитализм имел в тылу отсталые страны: Россию, Китай, Индию, представлявшие громадный экономический и человеческий резерв. Теперь нет больше царской России.

Есть Союз советских социалистических республик, который построил фундамент социализма, убедительно доказал пролетариату всего мира проведением в жизнь первой пятилетки преимущество социалистической системы. СССР во второй пятилетке достраивает здание социалистического общества, уничтожив основные эксплоататорские классы, промышленную, финансовую и торговую буржуазию, в основном ликвидировав как класс кулачество—главный политический резерв буржуазии и капитализма в пределах СССР. Пролетариат при помощи созданной им промышленности начал переделывать крестьянство в работников, строящих социализм на основе коллективизации. Таким образом глубочайшему загниванию капитализма противопоставляется рост социалистического общества на громадном пространстве государства, имеющего все материальные средства для этой постройки.

Третье различие состоит, таким образом, в том, что капиталистический мир, вступая в новую империалистскую войну, будет иметь в тылу могущественную державу — социалистическую Страну советов. Капиталистический мир не является уже единственно сущест-

вующим строем, по которому должен был равняться колониальный мир. Ему противостоит социалистический мир. Мало того: возникновение громадной пролетарской державы, опирающейся на громадную промышленность, ею созданную, на лучшую армию в мире, на десятки миллионов людей, об'единенных стремлением к бесклассовому обществу, вызывает в империалистских державах чувство глубочайшей тревоги. Это чувство толкает ряд империалистских держав на попытки уничтожения и расчленения СССР. Но так как капиталистические державы оказались неспособными придти к соглашению по какому бы то ни было крупному вопросу, то им трудненько добиться сделки насчет такого грандиозного «об'екта», как СССР, тем более, что СССР отнюдь не намерен быть «об'ектом» империалистской политики и всякому, кто попытается на него напасть, ответит всем своим могуществом.

Советский союз стал величайшей мировой силой, направленной против империализма. Этот факт путает все карты мирового империализма.

Четвертое различие обстановки состоит в том, что пролетарская революция, победившая пока что только в СССР, подорвала веру народных масс всего мира в капитализм как единственно возможный общественный порядок. Можно с уверенностью сказать, что немного осталось теперь промышленных рабочих, которые верят в капитализм. Для тех рабочих, которые не стали еще под знамя пролетарской революции, характерно не столько доверие к капитализму, сколько неверие в собственные силы, недоверие к возможности победы над капитализмом, боязнь тяжелых жертв, связанных с пролетарской революцией. Эти отсталые массы, руководимые шарлатанами из II интернационала, углубляющими их неверие в собственные силы, проповедующими им политику примирения с судьбой, политику «меньшего зла», не являются уже достаточно массовой базой, могущей выдержать испытание военных потрясений. В мировую войну основной морально-политической силой, которая позволила международной буржуазии выдержать это испытание и избегнуть пролетарской революции, была вера народных масс в то, что после войны наступит период долгого мира, период роста демократии и социальных реформ. Проводниками этой веры в рабочие массы были социал-демократические профсоюзы и II интернационал, являвшийся тогда единственно признанной организацией рабочего класса. II интернационал спас после войны мировую буржуазию от опасности победы пролетарской революции. II интернационал еще не исчез и теперь, но в целом ряде стран он разбит наголову, ибо народные массы разуверились в его программе и стали покидать его ряды. Возникновение таких массовых коммунистических партий, как германская и польская, является лучшим доказательством этого. Какими бы преследованиями ни обрушивался империализм на компартии, он может только на время скрыть тот факт, что компартии подходят уже к завоеванию большинства рабочего класса. Но капитализм не может этого факта уничтожить. В других странах партии II интернационала, еще ведущие за собой большинство рабочего класса, уже не в состоянии внушить им доверие к своему пути. Во Франции, в Англии они представляют по существу «новые» либеральные мелкобуржуазные партии в период банкротства старых либеральных партий. Не имея творческой программы, они не в состоянии выдержать серьезных политических потрясений. Во всех этих странах коммунистические партии, разные по своим размерам, по радиусу своего действия, являются массовыми организациями, которые при больших исторических потрясениях ста-

нут стержнем революционного движения пролетариата. Капиталистический мир колеблется между переоценкой уже достигнутой Коминтерном силы, делая Коминтерн ответственным за все и всякие революционные события в мире, и между недооценкой этой силы. Правда же состоит в том, что Коммунистический интернационал является ныне не только штабом мировой революции, но во многих странах его кадры уже представляют могучую армию мировой революции.

Пятое различие состоит в том, что в период мировой войны в колониальных странах налицо было только начало национально-реформистского движения, стремившегося к завоеванию условий для сотрудничества с мировой буржуазией. Национал-реформизм после войны отцвел, не успев расцвесть. Политика империализма превратила национал-реформистское движение в движение реакционное, представляющее блок империализма и паразитических слоев колоний. Но этим национал-реформизм ускорил вызревание рабоче-крестьянской революции в колониальных странах и возглавление ее коммунистическими партиями. Этот процесс достиг в разных странах разной степени зрелости. В то время как в Индии только кристаллизируются и об'единяются элементы массовой коммунистической партии, в Китае, прошедшем через неизбежную фазу блока с национал-реформистской буржуазией, прошедшем через горнило испытаний в период предательства Гоминдана, коммунистическая партия стала массовой партией. Она ведет за собой рабочих и крестьян значительной части Китая, она создала советские районы, возглавляет китайскую красную армию. Колониальные страны перестали быть верным резервом империализма.

Шестое различие в обстановке — это банкротство буржуазной демократии во всей Восточной, Юговосточной и Центральной Европе, победа фашизма в этих странах, нарастание фашистских тенденций во всех капиталистических странах. Этот факт вырывает из рук мировой буржуазии могучее орудие воздействия на народные массы. Надежды наиболее реакционных кругов мировой буржуазии на то, что фашизм не только усилит ее средства нажима на народные массы, но и поможет буржуазии взамен обанкротившихся социал-демократических иллюзий посеять в массах новые, непроверенные еще фашистские иллюзии,— эта надежда уже подорвана историческим развитием. Все следящие за развитием положения в Италии видят, что фашизму не удалось завоевать рабочий класс и трудящееся крестьянство. В Германии события 30 июня 1934 г. показали, что при остроте классовых противоречий фашизм после 17 месяцев пребывания у власти принужден сам начать разрушение своей массовой мелкобуржуазной базы.

Новая мировая война неминуемо вооружит народные массы. Все мечты фашистов о том, что им удастся создать «малые армии», вооруженные всеми чудесами современной техники, состоящие из чисто буржуазных элементов, противоречат условиям, в которых мировая буржуазия будет принуждена вести войну. Такие армии не были бы в состоянии решить исход войны, и буржуазии неминуемо придется вооружить рабочих, крестьян и пролетаризированную городскую мелкую буржуазию. Настроения этих масс неминуемо приведут к перерастанию империалистской войны в гражданскую. Если мировая буржуазия эту войну развяжет, она приведет к победе социалистической революции по крайней мере в ряде стран. Страх перед революцией является главной причиной того, что мировая буржуазия еще не решилась бросить жребий.

Советский союз, рожденный в борьбе за мир, ведет эту борьбу с растущей энергией, с непоколебимой силой. Сейчас, в день двадцатилетия мировой войны, СССР на глазах всего человечества стоит в центре борьбы против военной опасности. Капиталистический мир и сикофанты буржуазии из лагеря II интернационала кричат о «противоречии» между убеждением коммунистов в том, что новая империалистская война породит революцию, и мирной политикой Советского союза. Но это «противоречие» существует только для тех, для кого вся история рабочего движения является книгой за семью печатями.

Мировая война неминуемо приведет к новой волне мировой революции; но коммунисты сумеют возглавить и довести до победоносного конца новую волну революции, только беззаветно борясь против опасности новой войны, угрожающей смертью десяткам миллионов, уничтожением громаднейших материальных богатств. Советский союз доказал уже, что он может построить социализм. Возможность победы социализма в одной стране из гениальной теории Ленина, разработанной, углубленной Сталиным, превратилась под руководством Сталина в практическую действительность, в реальный факт, проверенный не только грандиозным строительством нашей промышленности, но и победой колхозов. Война может только оттянуть на защиту страны громадное количество материальных сил и средств, необходимых для постройки социализма, но она не может помешать нам достроить социализм. «Но, — заявляют нам социал-демократы,— ведь, по-вашему, война приблизит победу революции в других странах». «Да, это несомненно,—отвечают коммунисты,—но мир и ускорение достройки социализма в СССР ускорят революцию более экономным для нашего класса путем». Советскому союзу война ненужна ни с какой токи зрения: ни с точки зрения строительства социализма в СССР, ни с точки зрения мировой социалистической революции. Война нужна только капитализму, и поэтому Советский союз с такой энергией, с такой решительностью борется против военной опасности.

Ведя борьбу против военной опасности, коммунисты всех стран должны знать, что нет никакой иной гарантии против военной опасности, кроме победы пролетарской революции. Никакие дипломатические договоры, даже те, которые заключает Советский союз, разумеется, с намерением добросовестно выполнить все взятые на себя обязательства, не могут гарантировать мир, ибо империалистские противоречия, невозможность для капитализма найти выход из своих противоречий могут ежедневно толкнуть всякую империалистскую державу на разрыв того мирного договора, который она вчера с нами подписала. Необходима мобилизация рабочих и крестьян против опасности войны, для того чтобы революционным движением предупредить взрыв империалистских противоречий, для того чтобы в случае невозможности предупреждения войны превратить войну империалистскую в войну гражданскую.

Советский союз прекрасно отдает себе отчет в империалистских целях всех империалистских держав: все они направлены против интересов трудящихся. Но Советский союз не может не считать врагами те капиталистические державы, которые хотят ускорить военную развязку, которые спешат обрушиться огнем и мечом на народные массы. Против них Советский союз мобилизует силы других держав, заключая региональные пакты. Отказ определенной державы от подобного регионального пакта означает ее собственное признание в том, что она стремится решать спорные вопросы вооруженной си-

лой. И Советский союз не скрывает, что такое заявление дает ему право идти на известное соглашение с противниками той державы, которая подготовляет нападение на СССР — отечество международного пролетариата. Первый же региональный пакт, предложенный Советским союзом,—это пакт о гарантии мира в Восточной Европе. Советский союз хочет мира со всеми своими соседями, в том числе и с фашистской Германией, несмотря на социальную пропасть, отделяющую Советскую страну от стран фашизма. Те страны, которые отклоняют советские предложения под какими бы то ни было предлогами, тем самым заявляют, что они подготовляют нападение на СССР. Как указывал Ленин во время брестской дискуссии, пролетарское государство может и должно идти на деловое соглашение с любой империалистской державой против того империалистского государства, которое готовит нападение на СССР. Политика советского государства опирается на солидарность трудящихся. Это исключает, разумеется, какие бы то ни было сделки против народных масс других стран. Это исключает сделки, имеющие целью национальное расчленение, экономическое закабаление народных масс других стран. Интересы рабочих всего мира требуют усиления безопасности страны, строящей социализм, требуют поддержки всякого ее шага, имеющего целью изоляцию тех империалистских держав, которые готовят нападение на отечество пролетариата.

Наличие СССР — первого пролетарского государства — в огромной степени усиливает борьбу мирового пролетариата за мир и стремление его, в случае если империализм развяжет новую войну, окончить ее победой социализма. Бернард Шоу в своей речи, произнесенной 11 апреля 1933 г. в Нью-Йорке, высмеивая капиталистический мир, спрашивал: «Для того ли капитализм затеял войну 1914 года, чтобы она кончилась победой Советского союза?» Да, победа Советского союза родилась из мировой войны, но она не упала с неба: она родилась благодаря десятилетиям борьбы большевиков за идеи Маркса и Ленина, против оппортунизма. Мировой империализм готовит ныне новую войну. Пусть он знает, что этим он готовит победу революции в других странах, готовит возникновение новых советских республик. Но пусть пролетариат всего мира знает, что победа эта станет действительностью только тогда, когда рабочие всех стран об'единятся под знаменем Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, под руководством Коминтерна — штаба мировой революции — в борьбе за мир, на защиту страны социализма.

В двадцатую годовщину мировой войны, когда мы оплакиваем десятки миллионов рабочих и крестьян, погибших за дело капитализма, мы призываем пролетариат всего мира не допускать новой империалистской войны, не жалеть никаких жертв для того, чтобы превратить империалистскую войну в войну гражданскую, чтобы привести к победе тот класс, который раз и навсегда покончит со всеми войнами.

Международное рабочее движение в эпоху 1914—1934 гг.

В. Кнорин

Умы трудящихся во всем мире встревожены.

Иллюзии, что капитализм может развиваться без войн и грабежа, без нового передела мира, т. е. перестать быть империализмом, перестать быть капитализмом, выветрились. Бешено, из года в год, растут военные бюджеты и вооружения империалистических государств. Растет военная промышленность, изобретаются новые средства ведения войны, все капиталистическое хозяйство все больше приспособляется для нужд войны. Милитаризируется молодежь, школа. Созданы массовые вспомогательные военные организации. О предстоящей войне говорят министры, ученые, журналисты, писатели, даже социал-демократические вожди. Во всем чувствуется ее непосредственная близость... Перестраиваются правительства: в Японии у власти военная клика; в Германии непосредственной опорой правительства стал рейхсвер; во всех капиталистических странах растет фашизм как форма приспособления государственного аппарата для войны; во всех капиталистических странах правительства принимают все более открыто реакционный, шовинистический, милитаристский характер.

Бешено рыщут по всему миру агенты поджигателей войны (японские адмиралы и принцы, германские Розенберги и Геббельсы), подыскивая союзников и помощников для осуществления своих военных планов, сколачивая военные блоки. О пакте Келлога забыли все. О конференции по разоружению начинают забывать. Военный психоз все больше овладевает широкими слоями буржуазии. Национализм, шовинизм и милитаризм заполняют науку, философию, литературу.

Громадные политические и экономические противоречия, накопившиеся в капиталистическом мире, могут быть разрешены только путем войны. Капиталисты не видят другого выхода из депрессии, кроме войны, кроме перекройки карты мира, в частности карты Европы.

Грозный призрак новых десятков миллионов убитых и раненых, призрак крови и неимоверных мучений навис над трудящимися массами всего мира.

Все чувствуют, что новая мировая война близка, что **начало ее лишь задерживается** из-за мирной политики и роста силы СССР, из-за опасения революционных выступлений масс и роста их антивоенного движения, из-за перенапряжения экономики все еще не удовлетворяющей военщину подготовкой хозяйства к войне, из-за противоречий между самими империалистами.

Крах пацифистских мечтаний, бешеная открытая подготовка войны встревожили широчайшие массы трудящихся: их воля и решимость бороться против войны и фашизма растут. Голос коммунистов, непрерывно предупреждавших о неизбежности новых войн и необходимости вести **массовую борьбу против войны**, находит все более широкий отклик в массах. Растет влияние коммунистических партий, растет популярность лозунгов Коммунистического Интернационала. Ширится влияние комитета борьбы

против войны и фашизма. Ширится кампания антивоенного и антифашистского женского конгресса. Растет популярность мирной политики СССР. Мирная политика СССР, коммунизм и массовое антивоенное движение — единственная надежда трудящихся всех стран.

Доверие к социал-демократии падает, ибо она обманула массы еще раз болтовней о миролюбии буржуазии.

Воспоминания о мировой войне 1914—1918 гг. еще живут в памяти миллионов, в памяти — предательство Вандервельде, Геда, Тома, Гендерсона, Вельса, Шейдемана и других и слабость преданных ими рабочих организаций, в памяти — тяжелые поражения рабочего класса в 1914—1918 гг. Пролетарии не хотят «повторения пройденного».

Измена вождей II интернационала в 1914 г.

Двадцать лет назад накануне войны в Германии, Австрии, Франции происходили значительные экономические забастовки и в последних числах июля и в первых числах августа—стихийные демонстрации рабочих масс против войны. Но II интернационал, его сильнейшие западноевропейские партии, его парламентские фракции, его вожди перешли каждый на сторону своей буржуазии. Массы, верившие своим организациям и вождям, верившие решениям международных конгрессов, оказались без руководства, без ориентации, без организаторов, по существу, без организаций. Шовинистическая, националистическая волна захлестнула слабые голоса пролетарского интернационализма.

«Ни в каком случае, даже при предположении абсолютной слабости этой партии и необходимости подчинения воле буржуазного большинства нации, поведение вождей немецкой социал-демократической партии не может быть оправдано. На деле эта партия повела в данное время национал-либеральную политику...

Такого же осуждения заслуживает поведение вождей бельгийской и французской социал-демократических партий, которые предали социализм, вступая в буржуазные министерства», — писал Ленин (Т. XXX, стр. 218) 5—6 сентября 1914 г. И несколькими днями позже Ленин, разбирая выступления итальянских социалистов, добавляет: «Но верно ли, что так уже абсолютно ««incapacità»? Так ли? fucilare[1]? Heldentod[2] и подлая смерть?? in vantaggio di un'altra patria[3]?? Не всегда!! Почин был возможен, был обязателен. Нелегальная пропаганда и гражданская война были бы честнее, были бы обязательнее для социалистов (это пропагандируют русские социалисты)» (Ленин. Т. XXX, стр. 223).

Но Ленин не ограничился констатированием измены вождей II интернационала. Ленин тут же показал всю перспективу послевоенного развития, перспективу усиления шовинизма, фашизма, новых войн, которые неизбежны, если в ходе или в итоге первой империалистической мировой войны власть буржуазии не будет свергнута. Он предвидел, что предательство вождей II интернационала в 1914 г. ведет к новым их предательствам и к новым войнам: «...Утешают себя иллюзией: прекратится война, наладится... Нет!! Чтобы крах современного (1889—1914) Интернационала не был крахом социализма, чтобы массы не отвернулись, чтобы не получилось господства анархизма и синдикализма (так же позорно, (как) во Франции), надо смотреть истине в глаза. Кто бы ни победил, Европе угрожает усиление шовинизма, «реванш» etc. Милитаризм немецкий или великорусский возбуждает контр-шовинизм etc. etc.» (Ленин. Т. XXX, стр. 223). Победа ведет

[1] Позволять расстреливать? — Ред.
[2] Геройская смерть.—Ред.
[3] Ради чужого отечества??—Ред.

к реваншу, к новой войне побежденных против победителей, и победа и поражение ведут обязательно к новой волне шовинизма.

«Война представляется, как единое национальное дело,—с одной сторороны,—с другой стороны, как ненормальность, нарушение «мирного» капитализма etc.

Обе иллюзии вредны. И обе иллюзии губит война» (Ленин). Капитализм ведет неизбежно к войне, ибо капитализму нужны прибыли, следовательно, рынки, колонии. Чем тяжелее положение капитализма, чем глубже его загнивание, чем острее его кризис, тем в большей мере он ищет выхода в войне. Ибо «Война — «ужасная» вещь? Да. Но она ужасно прибыльная вещь... Война = ужасно прибыльная вещь = прямой и неизбежный продукт капитализма» (Ленин. Т. XXX, стр. 226—227).

И разве не так происходит, как предвидел Ленин?

Мир идет к новому туру революций и войн, ибо в результате измены вождей II интернационала и перехода их на сторону своей буржуазии пролетариат не воспользовался вызванным первой мировой войной кризисом, чтобы свергнуть власть буржуазии, установить свою власть, уничтожить капитализм.

Переход социал-демократии в 1914 г. на сторону «своей» националистической буржуазии не был случайностью.

Европейское социалистическое движение началось как широкое пролетарское интернациональное движение классовой борьбы против буржуазии. Но империализм и эксплоатация колоний дали буржуазии, в первую очередь английской, возможность подкупать верхушку рабочего класса, создавать привилегированную рабочую аристократию, не думающую уже о свержении буржуазии, а только о реформах. Победа над Францией в 1871 г. дала широкие возможности в этом направлении также германской буржуазии. В ходе развития в ряды рабочего движения все больше начала проникать мелкобуржуазно-националистическая идеология, идеология приспособления к капитализму.

Еще в 1879 г. Маркс и Энгельс в письме А. Бебелю, В. Либкнехту и др. должны были дать весьма резкую характеристику руководству германской социал-демократии:

«В течение почти 40 лет мы выдвигали на первый план классовую борьбу как непосредственную движущую силу истории и особенно классовую борьбу между буржуазией и пролетариатом, как могучий рычаг современного социального переворота; поэтому мы никак не можем идти с людьми, которые эту классовую борьбу стремятся вычеркнуть из движения... Если новый партийный орган примет направление, отвечающее воззрениям этих господ, если он будет буржуазным, а не пролетарским, то нам, к сожалению, не останется ничего другого, как выступить против этого публично и положить конец той солидарности с вами, которую мы проявляли до сих пор, представляя германскую партию заграницей» («Архив Маркса и Энгельса». Т. I (VI), стр. 155). Всем известны марксова критика Готской программы, многочисленные позднейшие указания Энгельса на проявления оппортунизма в германской социал-демократии. Этот оппортунизм после смерти Маркса и Энгельса уже не находил должного отпора. Социал-демократия постепенно, шаг за шагом, превращаясь в реформистскую партию, капитулировала перед буржуазным национализмом. В Германии этот процесс стал явным уже вскоре после отмены закона против социалистов. Даже такой близко стоящий к социал-демократии буржуазный демократ, как знаменитый писатель Генрих Манн, говорит: «Спор социал-демократии с господствующей властью закончился тем, что она получила свое социальное законодательство и в итоге стала националистической военной партией как и все другие. Она стала тако-

вой по существу при внешней оппозиционности... Она приучилась отдавать преимущество национальному по сравнению с любым социальным требованием. В ее международных выступлениях господствовали неверие и плохая совесть. Если бы это так не было во времена кайзера, тогда получилось бы иначе и с республикой» («Der Hass», стр. 15).

Этот переход социал-демократии на позиции сотрудничества с буржуазией, ее превращение в реформистскую социал-националистическую партию подготовили измену ее вождей в 1914 г., крах II интернационала. Но крах II интернационала был «крах вождей и большинства партий современного интернационала», а не крах социализма. «Не социализм потерпел крах в лице современного европейского Интернационала, а недостаточный социализм, т.-е. оппортунизм и реформизм» (Ленин. Т. XXX, стр. 222).

Большевики вместе с небольшой группой европейских социалистов (Либкнехт и др.) спасли социализм в 1914—1918 гг., взяв на себя борьбу против шовинизма и национализма, против империалистической войны. Большевики подняли в 1917 г. на новый уровень борьбу за социализм, свергнув буржуазию и приступив к строительству социалистического общества. Добившись победы социализма в СССР, они показали трудящимся всех стран путь спасения от капиталистического гнета, от новых империалистических войн—через революцию и установление диктатуры пролетариата. Благодаря большевикам пролетариат не потерял, а укрепил свою веру в социализм и в рабочее движение. Но только одна Россия выбыла из строя капиталистических держав. Только на территории бывшей России с тех пор положен конец шовинизму и милитаризму, там строится социализм, там процветает пролетарский интернационализм, там теперь СССР—там сердце нового, Коммунистического Интернационала, вокруг которого об'единилось все действительно революционное в международном рабочем движении.

Да, крах II интернационала, измена его вождей в 1914 г. привели к крупнейшему поражению рабочего класса. Социал-шовинистическим вождям удалось сорвать борьбу против войны и превратить пролетарские массовые организации, которые создавались десятилетиями классовой борьбы против буржуазии, в орудие срыва классовой борьбы и сотрудничества с буржуазией в интересах ведения войны. Но потерпевший поражение пролетариат Западной Европы вовсе не заснул летаргическим сном во время войны.

Классовая борьба во время войны

В течение четырех лет империалистической войны классовая борьба ни в одной стране не прекращалась. Прямой переход вождей социал-демократии на сторону своих правительств открыл ворота для проникновения националистической, шовинистической волны в рабочий класс. Дискредитация социализма «вождями», ставшими министрами своей же буржуазии, и шовинистический угар ослабили временно силы рабочего движения. Но большевики во главе с Лениным и вместе с ними с конца 1914 г., хотя и не так последовательно, Либкнехт и спартаковцы показывали массам выход, звали их к борьбе. Вопреки вождям-министрам, социал-шовинистским партиям, профсоюзам рабочий класс боролся за свои классовые интересы, против правительств, против войны. Однако в западноевропейских странах правительственный террор военного времени, с одной стороны, измена вождей социал-демократии, с другой стороны, уменьшили размах борьбы, затруднили выступления больших рабочих масс.

В России, где борьбой масс непрерывно за все время войны руководила нелегальная партия большевиков, призывая к превращению империалистической войны в гражданскую, в марте 1917 г. вспыхнула революция и в октябре 1917 г. была установлена диктатура пролетариата.

В Германии, где Либкнехт и спартаковцы вели революционную пропаганду в массах, непрерывно происходили голодные беспорядки, демонстрации женщин, рабочих, мелкие стачки; из них выросла знаменитая первомайская демонстрация 1916 г., на которой выступал Карл Либкнехт, массовая стачка берлинских рабочих в апреле 1917 г., массовая стачка в январе 1918 г. и, наконец, революционная борьба рабочих, солдатских, матросских масс в ноябре 1918 г., которая привела к свержению монархии Гогенцоллернов.

Во Франции, которая не имела своего Либкнехта, происходили многочисленные мелкие стачки, забастовки рабочих военных заводов, уличные демонстрации и, наконец, брожение и восстания в армии летом 1917 и осенью 1918 гг.

Несмотря на шовинистическую волну, несмотря на репрессии, которые ослабили рабочий класс, никому не удалось бы доказать, что накануне и во время войны массы не хотели бороться. После Февральской революции 1917 г. эта борьба масс приняла весьма крупные размеры. Вопреки измене вождей, несмотря на репрессии летом 1917 г. и во французской, как показывает Пуанкаре, и в германской армиях раздавались возгласы: «Долой войну!», «Да здравствует русская революция!»

С марта 1917 г. маяком для трудящихся масс, которые боролись против войны в Западной Европе, стала русская революция. Русская революция была громадной помощью международному рабочему движению. Она поднимала на борьбу ранее пассивных и апатичных, она показывала, как найти путь из нищеты и нужды, она содействовала оформлению оппозиционных групп внутри социал-демократии, порывающих с нею и идущих к Третьему, Коммунистическому Интернационалу.

«Мы накануне революции!» — так оценивали положение во Франции летом 1917 г. виднейшие представители буржуазии.

«Мы накануне революции!» — вторили им представители германской буржуазии.

Но там не было достаточно сильной, признанной, авторитетной, решительной организующей силы, способной возглавить движение масс, не было большевистских партий, поэтому война могла длиться до ноября 1918 г., пока окончательно не развалился германский Западный фронт. Германские и австрийские социал-демократы, в особенности Отто Бауэр, исписали много бумаги, чтобы убедить легковерных в том, что нельзя было приступить к экспроприации капиталистов, ибо у границ Германии и Австрии стояла «победоносная французская армия». Победоносная армия! Эту легенду лучше всего разбивают Пуанкаре, Пенлеве, Мальви и другие французские руководящие политики времен войны, показывающие в своих мемуарах и различных опубликованных документах, что французская армия к концу войны уже потеряла свою боеспособность и весьма немного надо было, чтобы она рассыпалась так же, как рассыпались германская и австрийская армия. Те же буржуазные политики Франции так ярко показывают влияние русской революции на французский рабочий класс и французскую армию, что становится ясно: пролетарская революция в Германии вызвала бы в скором времени пролетарскую революцию также и во Франции. «Стег очень озабочен состоянием умов в Париже, забастовками, митингами и демонстрациями, происходившими за последние дни... На этих днях в Дормане солдаты кричали «Да здравствует революция! Долой войну!» Одна рота отказалась выйти из окопов» (Пуанкаре. Т. IX, стр. 147).

«Полки, которым предстоит отправиться на позиции, организуют манифестации, шествия, поют «Интернационал» и кричат: «Мы не пойдем! Не пойдем!» «Полки на участке Суассона собираются, чтобы двинуться на Париж» (из доклада Петена). Так характеризуется положение во Франции уже во второй половине мая 1917 г.

Почему же это движение во Франции не привело к революции?

Конечно, большую роль сыграла победа в войне, но важнейшее значение имели те же причины, по каким в Германии вспыхнувшая в 1918 г. революция потерпела поражение.

Революционный кризис 1918—1920 гг.

Война ослабила буржуазию, сократила для нее возможности подкупа рабочей верхушки, сделала положение масс невыносимым. Брожение масс во Франции стало столь широким, поворот их к революции был так глубок, что все, что было честного в рабочем движении Франции, стало поворачиваться в сторону Коммунистического Интернационала. Но поднимавшиеся на революцию массы во Франции в 1917—1920 гг. не имели еще своего опытного руководителя, своей компартии. Такая партия создалась только на исходе революционного кризиса в Западной Европе. Пуанкаре, Пенлеве и другим слугам буржуазии удалось одурачить значительные слои пролетариата победой, выпавшей на долю Франции вследствие распада германской армии, заключением Версальского мира, обмануть их фанфарами победы и подчинить на время влиянию буржуазии.

Но в Германии пролетариат поднялся на революцию, массы вышли на улицу. Старый строй развалился. Ничто уже не было в состоянии спасти императорскую Германию, речь могла идти только о попытках спасти власть капитализма путем установления новых форм диктатуры буржуазии. «9 ноября 1918 г. Шейдеман, который уже был императорским министром, провозгласил социальную республику, больше по нужде чем по внутреннему стремлению (как показывает сам Шейдеман в своих мемуарах: исключительно под давлением масс, чтобы массы не перешли к спартаковцам.—*Кн.*). Большинство социал-демократических вождей хотело бы сохранить, если бы это было возможно, монархию под руководством кайзера, который в последний год войны вдруг принял парламентскую систему. Главную роль здесь играла боязнь громадной ответственности, которая ложилась на них. Для этой ответственности социал-демократия в действительности была совершенно неподготовлена. Не без оснований германскую социал-демократию уже в последние годы перед войной называли зеркалом немецкого милитаризма. Батальоны рабочих масс были организованы в партии и в профсоюзах как нигде в мире. Руководимые бюрократией, которая была столь же вышколенной, верной и преданной как прусская государственная бюрократия, социал-демократия и свободные профсоюзы были машиной, которая прекрасно действовала в оппозиции и, вероятно, могла быть хорошей школой правительственной ответственности для далекого будущего»,— так говорит в течение 15 лет сотрудничавший с социал-демократией буржуазный демократ Георг Бернгард, бывший редактор «Фоссише цейтунг» («Die Deutsche Tragödie. Selbstmord einer Republik», S. 31—32).

Социал-демократии пришлось взять на себя ответственность, пришлось провозгласить республику, «ибо никто не осмеливался начать борьбу за отрекшегося монарха или за идею монархии. Все они исчезли с лица земли и осмелились появиться лишь потом, когда социал-демократия при помощи всех своих сил, но, к сожалению, теряя доверие в массах, в неко-

торой степени восстановила порядок... Никто не должен был бы оспаривать историческую заслугу социал-демократии, которая в момент полной растерянности прежних руководящих политических кругов и большинства германской буржуазии спасла Германию» (Г. Бернгард, там же, стр. 40).

Социал-демократия спасла германский капитализм от революции в 1918 г., это признают все, вплоть до фашистов. Для этой цели она заключила союз с генералитетом и с банками, формировала и разрешала формирование националистических, в будущем фашистских отрядов, в том числе для похода на Прибалтику; с этой целью она расстреляла восставших в январе спартаковцев, руками фашистских отрядов убила Карла Либкнехта и Розу Люксембург.

Коммунисты еще не были достаточно популярны, как руководители масс. Массы знали уже Либкнехта, но не знали еще компартии, они составляли меньшинство на заводах, на фабриках, они не имели профсоюзов. Поэтому поднявшиеся на революцию пролетарские массы Германии могли быть обмануты социал-демократией, и революция была разбита. Фашистский писатель Эрнст фон-Саломон, участник похода на Прибалтику, участник каппорского путча и убийства Ратенау, в своем романе-исповеди «Die Geächteten» («Презренные») так описывает ход событий 6 января 1919 г.:

«Вдруг в воздухе слышится гуденье. Оно спускается сверху и наполняет собой туман, который свисает тяжелыми клочьями. Нет, оно идет не сверху, оно надвигается слева, ширится, полнится и поглощает все шумы улицы, как бы будит и прижимает к стенам домов все шорохи. Унтерофицер делает несколько быстрых шагов и тотчас же возвращается. «Идут!» — говорит он и указывает нам на темный под'езд в том месте, где улица делает поворот. Там мы стоим в тени, невидимые, хотя сами все видим. «Смирно!» Унтерофицер смотрит вперед, затем он оборачивается, подходит ко мне, к самому молодому, самому меньшему,—я стою на левом фланге — и говорит почти с угрозой: «Парень, если твое ружье выстрелит прежде, чем я прикажу...» Я говорю: «Нет, господин унтерофицер!» Он мрачно смотрит на меня и затем подходит к середине ряда.

Множество людей вдруг наполняют тихую улицу. Из домов бегут женщины, собираются дети. Извозчики задерживают свои экипажи. Все больше людей, молодых парней, большинство в куртках цвета хаки. На углах улиц уже черно — так много толпится людей. Гуденье сгущается. Обрывок песни — «Интернационал»; со стоном и кряхтеньем проезжает грузовик, на котором широко развевается выгнутое гигантским сводом красное знамя. Мы стоим без дыхания в под'езде, не отрывая глаз от площади. Никто не шевелится. Тяжело давит ремень с ручными гранатами. Тяжело навалилось на ногу ружье. Ноги сдвинуты, спина описывает напряженно изогнутую линию, глаза искрятся под шлемом.

Улица черна во всю ширь. Улица сама движется вперед. Кажется, что дома хотят наклониться, развертывается извилистая лента — медленно, неуловимо, неудержимо: массы, массы, массы.

Над толпой щелкают красные полотнища, звонкий голос вскрикивает: «Да здравствует революция!» Масса ревет: «Ура!» Этот звук подобно звуку орга́на вырывается из тысячи грудей, сметает туман. Хлопают окна. Ура и ура! Земля дрожит, а толпа катится дальше и дальше. Народ! В мозг врывается мысль о том, что все это означает: это—народ! Это—массы, тысячи,—человек к человеку, тело к телу, голова к голове—тяжесть шагов подчеркивает ритм, и снова идут знамена, они устало склоняются вперед, и среди вооруженных матросов, среди сверкающих штыков реют щиты: «Долой

предателей рабочих, долой Эберта, Шейдемана!», «Да здравствует Либкнехт!», «Голод», «Мир, свобода, хлеб!»

Поток не прекращается. Какой чудовищный кулак собрал эти массы и безжалостно загнал их в узкое горло улицы? Да, если бы они захотели! Кто мог бы им сопротивляться? Шум растет, они кричат, ненависть брызжет из темных уст. Вооруженные люди идут, в беспорядке скрещиваются винтовки, телеги скрипят, переполненные людьми, в них лежат пулеметы с круглыми глазами, и ленты блестящих патронов, готовых к выстрелу, как будто вытекают из их брюха.

Молодой человек, очень бледный и возбужденный, входит в под'езд. Он взволнованно машет руками и быстро выкрикивает: «Началось! Этой ночью они заняли весь квартал, где помещаются газеты. Либкнехт говорит у Бранденбургских ворот. Вас изобьют до смерти! С берлинцами шутки плохи...» Унтерофицер говорит: «Идите-ка прочь, молодой человек, вам здесь делать нечего». Снаружи рев круто обрывается. Кто-то стоит в машине и говорит. Это маленький бледный человек в пенсне, с остроконечной бородкой, с дождевым зонтом. Звучат короткие ясные фразы. Слова тяжело опускаются вниз, к нам: «Международный пролетариат... Наши товарищи по труду во всем мире... Наши братья во Франции, Англии и Италии... Германия несет ответственность...»

Теперь вся площадь заполнена. Нам видна стена человеческих спин. Среди них люди в белых косматых шубах, ремень стянут так, что мех бесформенно топорщится. Ружья перевернуты и свисают вниз. Один из этих людей увидел нас.

Он оборачивается, кричит, жестикулирует. Меня точно обжигает ледяной струей. Тысячи глаз, отравляя, парализуя, пристально смотрят на нас. Толпа взревела — началось — они наступают на нас. «Бейте их, эту свору палачей!» — ненависть брызжет, кипит как вода на раскаленном очаге. В красном тумане качаются головы, руки, тела, они надвигаются плоской и тяжелой стеной.

И вот унтерофицер кричит — вздох облегчения вырывается из наших судорожно напряженных грудей: «Заряжать! Спустить предохранитель!» Мы высоко поднимаем ружья, дулом в лицо массе, плохо повинующимися руками мы беремся за замок, вынимаем патроны, раздается безобразный шорох, щелкает затвор, отдает назад — на секунду становится тихо.

8 ружей грозят, в их стволах — смерть. Стена перед нами становится шире. Вытягиваются две линии. Напряжение становится невыносимым. Оно терзает и жжет как тонкая пылающая нить, одно единственное дыханье висит в воздухе, из земли горячо со стоном поднимается какое-то дуновение, точно наступил последний миг.

Вот встает маленький человек с дождевым зонтом, он машет руками: «Назад, не стрелять!» — и он становится между двумя застывшими фронтами. «Идите дальше!»—ревет он, и они повинуются. Колеблясь, они идут вперед, и он гонит их дальше, он поворачивается к нам и говорит: «А вам должно быть стыдно!»

Эрнст фон-Саломон дал действительно блестящую характеристику дня. Массы на улице, массы за революцию. Массы под политическим влиянием лозунгов коммунистов. Реакция в подворотне, ее можно разгромить в два счета. Но массами организационно еще руководит социал-демократия, и она знает для рабочих один «лозунг»: «Идите дальше», а с реакцией, с кайзеровскими генералами она заключает союз, для того чтобы подавить движение масс, чтобы подавить спартаковцев.

Но реакционеры-активисты не стыдятся, а организуются; они полностью используют союз с социал-демократией для собирания своих сил.

Независимцы, центристы «революционными» речами удерживают массы от борьбы, не предпринимая ничего для их организации. Коммунисты еще недостаточно сильны, чтобы доказать широчайшим массам, что буржуазия стреляет в них не во имя свободы, демократии и республики, а во имя национализма, реакции и будущей войны.

Рабочие следовали «русскому» образцу. Они хотели действовать «по-русски». Они создали советы рабочих и солдатских депутатов. Под их влиянием правительство именовалось Советом народных уполномоченных, а Германия называлась социалистической республикой. Но рабочие еще не понимали, что идти «по русскому пути»—значит выбросить за борт социал-демократию, в том числе вождей независимцев. Это определило исход борьбы, это привело к поражению.

В Венгрии в итоге революционных выступлений рабочих масс социал-демократы и буржуазные радикалы типа графа Карольи вынуждены были «добровольно» передать власть советскому правительству во главе с тов. Бела Куном. В Баварии в условиях исключительного разброда в рядах буржуазии и социал-демократии образовалась советская республика. Советы стали появляться повсюду.

Венгерской советской республике пришлось выдержать блокаду и отчаянную схватку с империалистической интервенцией. Баварской советской республике пришлось выдержать упорную борьбу с реакцией. Советы в Баварии победили бы, если бы не социал-демократия! Социал-демократы поддерживали империалистическую интервенцию против советской Венгрии. Внутри правительства и об'единенной партии они саботировали мероприятия диктатуры пролетариата. Коммунисты ослабили себя тем, что об'единились с социал-демократами, не расправившись с оппортунистами и центристами. Одни—коммунисты были бы сильнее, показывая массам пример революционных дел.

Поражение венгерской советской республики было следствием этого об'единения коммунистов с социал-демократией.

Но венгерская и баварская советские республики оказали громадную помощь всему международному рабочему движению. Они показали, что эпоха пролетарской революции началась во всем мире. Они сделали лозунги советской власти популярными и близкими еще новым миллионам рабочих. Они показали, что советская власть есть конкретная форма диктатуры пролетариата для рабочих всех стран.

Но в других странах, в том числе в Германии, социал-демократии удалось предотвратить венгерский путь развития, разгромить пролетарский авангард, обмануть массы лозунгами демократии и свободы, не допустить установления диктатуры пролетариата. Во всех странах, в особенности в Германии, коммунистические лозунги имели большое влияние в массах. Во всех странах, в особенности в Германии, большой популярностью пользовались советы. Но когда нужно было избирать представителей в фабрично-заводской комитет или даже в совет рабочих депутатов, фабрика или завод все-таки избирали социал-демократов, известных им по прошлому, в качестве руководителей борьбы в защиту повседневных нужд, избирали фабричных вожаков, произносящих теперь весьма «радикальные» речи, а не коммунистов, мало еще известных на фабриках и заводах. Поэтому могло «случиться» не только то, что профсоюзы, в которых коммунисты вообще почти не работали, в некоторых странах полностью, в других—в большей своей части остались в руках реформистов. И фабрично-заводские комитеты и даже советы, созданные как выразители воли масс в борьбе за власть, также оказались по своему составу социал-демократическими. Коммунисты пользовались влиянием на улице: они были достаточно сильны для мощных выступлений на улицах Берлина в январе 1919 г. Но при выборах в берлинский совет рабочих

депутатов в конце 1918 и в начале 1919 гг. они не получили ни одного места, а на Всегерманский с'езд советов был избран только один коммунист.

Массы стали на сторону советов. Они создавали советы как органы борьбы за власть. Социал-демократы приняли советы, ибо если бы они выступили против советов, то массы отбросили бы их в сторону и создали бы советы помимо них. Но, «приняв» советы, овладев ими, они превратили их в прикрытие для контрреволюции и заставили их самоликвидироваться. «Так было дело в Германии в конце 1918 года, когда советами руководили социал-демократы и когда они прикрывали контрреволюцию против революции» (Сталин). Так было дело и в ряде других стран в 1919 и 1920 гг. Социал-демократам удалось в революционную социалистическую форму влить контрреволюционное содержание только потому, что коммунисты не изолировали еще социал-демократических вождей, не сняли их с постов, не заменили их коммунистами. Коммунисты не могли этого сделать, так как компартии были еще слабы, их вожди недостаточно известны, работа коммунистов в массах была совершенно недостаточна.

Пролетариат потерпел поражение.

Но в этой борьбе был создан Коммунистический Интернационал — это новое международное товарищество рабочих, организованное по образу и подобию I интернационала, которым руководили Маркс и Энгельс, и по образу и подобию ВКП(б), которой руководил Ленин. Был создан Коммунистический Интернационал как международное об'единение рабочих для борьбы за пролетарскую революцию, за диктатуру пролетариата, за социализм.

Годы стабилизации капитализма и новый под'ем

Начался отлив революционной волны.

Пролетарская революция в Германии, Австрии, Венгрии потерпела поражение, а революционный кризис в Италии, во Франции, в Польше не привел к революции. Капитализм остался невредимым во всей Западной Европе. Он нашел новые возможности подкупа рабочей, социал-демократической бюрократии, тем самым отрывая некоторые слои от революционного фронта.

Но великий пример Страны советов будил на борьбу новые миллионы угнетенных и в метрополиях и в колониях. Социал-демократия уже не могла запрячь в колесницу буржуазии рабочий класс в целом. Для того чтобы оставаться главной социальной опорой буржуазии, социал-демократии пришлось раскалывать рабочие организации. Уже во время войны буржуазия стала открыто опираться на социал-демократию, привлекать ее в правительство. После войны, когда начался общий кризис капитализма и эра мировой пролетарской революции, когда уже существовала диктатура пролетариата в СССР, когда советы, хотя и на короткое время, уже имели в своих руках власть в Венгрии и Баварии, когда во всех странах образовались коммунистические партии, буржуазия стала чувствовать себя еще более слабой. В значительной части стран она временно передала социал-демократии управление государством. Социал-демократы стали министрами в Германии, Австрии, Чехо-Словакии, Бельгии, Англии, Дании, Швеции, Норвегии, Латвии, Финляндии. Они верой и правдой служили буржуазии, ее банкам и трестам, ее коронованным и некоронованным королям. Но каждое социал-демократическое министерство подавало в отставку, когда ему

случалось вынести более радикальное решение, против которого возражали банки и тресты. Оно уступало место от'явленному реакционеру, даже когда тот не имел большинства: «Пусть покажет, что может», и если никто не хочет браться за управление, то возьмемся, мол, мы. Буржуазия может «быть спокойна за судьбы «отечества» и капиталов». Но именно такие социал-демократические партии нужны были буржуазии.

Для того чтобы обмануть рабочие массы лозунгами демократии и свободы и включить большинство рабочих в контрреволюционный единый фронт с буржуазией для защиты капитализма, социал-демократии понадобилось, однако, отстоять перед буржуазией — однако урезав и извратив их до последней возможности — ряд демократических свобод, завоеванных рабочими: парламентскую систему, страхование рабочих, законодательное признание коллективных договоров и т. д., т. е. реформы, из которых ни одна не угрожает существованию капитализма.

Для осуществления контрреволюционного единого фронта с буржуазией социал-демократии пришлось углубить раскол рабочего движения. В Германии не только Носке, Шейдеман и Эберт заключили соглашение с генералами Гренером и Гесслером для разгрома спартаковцев, но «независимцы»-центристы Криспин и Гильфердинг раскололи Независимую социалистическую партию на с'езде в Галле, в ноябре 1920 г., после того как с'езд высказался большинством 237 голосов против 156 голосов за Коммунистический Интернационал. Во Франции социалисты обеспечили победу французской буржуазии в мировой войне, удержали массы от революционных выступлений в 1917 и 1918 гг. Но они оказали самую лучшую поддержку французской буржуазии тем, что на Турском конгрессе, после того как социалистическая партия 3028 голосами против 1082 голосов высказалась за присоединение к Коммунистическому Интернационалу, раскололи партию и все рабочее движение, и из турского меньшинства организовали главную социальную опору для буржуазии. В Англии лейбористская партия осуществила такой же раскол, исключив коммунистов из своих рядов. В Чехо-Словакии, после того как чешская социал-демократия подала 67% голосов за присоединение к Коминтерну, гг. Немецы и Соукупы провели такой же раскол. Социал-демократия раскалывала рабочие организации всегда и везде, как только революционеры начинали пользоваться в них влиянием, не говоря уже о тех случаях, когда сторонники Коммунистического Интернационала получали в них большинство. Но, к сожалению, большинство в НСП Германии, в социалистической партии Франции и в чешской социал-демократии стало на сторону Коминтерна только в конце первого тура революций, когда в массах уже замечалась усталость, начинался отлив. Это привело к тому, что профсоюзы—в основном—остались в руках социал-демократов.

Наступивший период стабилизации помог социал-демократии закрепить производственный раскол. Молодым коммунистическим партиям приходилось в условиях наступившего затишья в развитии революции вести упорную борьбу за массы. Социал-демократические организации все теснее срастались с аппаратом буржуазного государства. Они стали основным проводником буржуазного влияния в массах. Они сеяли в массах иллюзию о «демократии как пути к социализму», о современном империалистическом государстве как надклассовом «своем государстве», о «мирном развитии капитализма», без войн и потрясений, о мирном врастании в социализм через демократию, без революций. Эти иллюзии не могли не прельщать уставшую от войны и трудной борьбы массу. На практике политика социал-демократии являлась политикой сотрудничества со своей буржуазией, политикой подготовки войны против СССР, политикой подготовки к фашизму.

Что представляла на деле эта «демократическая» политика социал-демократии?

Под ее флагом «систематически организованное в мировом масштабе наступление капитала на все завоевания рабочего класса вихрем охватило все страны. Реорганизованный капитал повсюду беспощадно понижает реальную заработную плату рабочих, удлиняет рабочий день, урезывает скромные права рабочего класса в предприятиях и в странах с низкой валютой заставляет нищих рабочих расплачиваться за все бедствия, созданные в хозяйственной жизни, обесценением денег и т. д.» (резолюции IV конгресса Коминтерна о тактике Коминтерна, «Коммунистический Интернационал в документах», стр. 296). «В тесной связи с экономическим наступлением капитала стоит политическое наступление буржуазии на пролетариат. Особенно ярко оно проявляется в международном фашизме. Ввиду того, что все растущее обнищание охватывает также и средние слои, в том числе и чиновничество, господствующий класс уже не уверен, что он имеет в лице бюрократии совершенно послушное орудие. Поэтому он всюду переходит к созданию особой белой гвардии, которая специально направлена против всех революционных стремлений пролетариата и все более и более служит для насильственного подавления всякой попытки рабочего класса улучшить свое положение» (там же, стр. 297). Так на основе анализа всего международного положения характеризовал положение рабочих еще IV конгресс Коммунистического Интернационала в ноябре 1922 г.

Буржуазия взялась за проведение капиталистической рационализации, которая была также формой наступления на рабочих. Приспособляясь к нуждам капитализма, социал-демократия в ряде стран ввела принудительный государственный арбитраж, поддержала систему Монда, являющуюся прообразом фашистской «рабочей» политики. Но растущее наступление капитала на жизненный уровень трудящихся масс обостряло классовые противоречия, вело к революционному под'ему в рабочем классе и к переходу рабочих в контрнаступление. Для того чтобы парализовать переход рабочих на революционные позиции, социал-демократия все шире начала пропагандировать «завоевание» государственной власти путем избирательного бюллетеня. Именно благодаря тому, что начался поворот масс влево, что буржуазия слабела, в ряде крупных стран ей пришлось передать власть «левым» правительствам. Началась «демократически-пацифистская эра». «Эра демократического пацифизма» должна была дать возможность международной буржуазии укрепить хозяйство и подготовить свои «отечества» для войны. Социал-демократия стала на защиту буржуазного хозяйства, отказываясь даже теоретически от классовой борьбы. Реннер писал в 1929 г.: «Мы были теми, кто прокламировал ограничение классовой борьбы легальными средствами на почве правового государства и проводили это с крайним напряжением ума и материальных средств... Классовая борьба больше не является абсолютным, безграничным средством. Для чего мы установили добровольно эти границы? Гражданская война разрушает наше хозяйство и притом в такой мере, что в конце концов все равно, кто победит и кто потерпит поражение. Оба остаются нищими и при нынешних условиях мирового хозяйства не могут уже подняться» [1].

Социал-демократия поощряла и развивала национализм и шовинизм. Министры ее были в подлинном смысле слова националистами. Не удивительно, что многие из них потом открыто порвали с социал-демократией и перешли в лагерь националистической буржуазии (Макдональд, Томас, Бонкур, Зеве-

[1] K. Renner «Grundsätze. 2 Kampf d. Österr. Sozialdemokratie g. Faschismus». «Die Gesellschaft» № 2, S. 133. 1930.

ринг, Лебе и т. д.). В Германии, побежденной в империалистической войне и ограбленной победителями, национализм расцвел особенно пышным цветом и отравил сознание значительных масс.

Но социал-демократия вместе с тем была активным организатором войны против СССР. Резолюции всех конгрессов II интернационала направлены в первую очередь против СССР. Марсельский конгресс II интернационала подтвердил резолюцию люксембургского заседания своего исполкома, в которой говорится, что «после признания Советской России английским рабочим правительством и правительством Италии полное признание Советской России и восстановление дипломатических отношений со всеми другими государствами является непосредственно предстоящим фактом... В чем исполком видит лучшую гарантию прекращения политического бойкота Советской России и невозможности повторения интервенции и блокады». Исходя из этого, марсельский конгресс II интернационала повторяет решение брюссельского заседания исполкома, что теперь Советский союз якобы перейдет к агрессивной внешней политике. «Если раньше необходимо было бороться за признание России и против капиталистической интервенции, то теперь нужно думать о том, как охранить соседей России от русской империалистической интервенционистской политики». II интернационал направляет все усилия на то, чтобы доказать, что нападающей стороной будет СССР, что СССР угрожает своим западным соседям.

Не кто иной, как цитированный уже нами демократический писатель Генрих Манн, в этой связи пишет: «Национальная германская политика хотя попрежнему направлена против Франции, однако, только в целях «равноправия», и обе заинтересованные военные промышленности понимают ее по-другому чем политики престижа и бешеные националисты. Вновь вооруженная Германия была бы послана как передовой отряд против Советского союза, и это было бы в духе старой системы. Согласно же человеческому разуму, нельзя победить ни в одной революции, идея которой подкрепляется существующей действительностью и которая имеет одинаково думающих на противоположной стороне» («Der Hass»).

Какие свидетели еще нужны для того, чтобы показать, что политика германской социал-демократии была националистической, милитаристской и антисоветской политикой, что она подготовила гг. Розенбергов и Геббельсов?

Проведение этой политики означало с каждым годом все большее ухудшение положения рабочего класса, все новые тяготы для трудящихся, все новые репрессии против коммунистов, дальнейшее обнищание широчайших трудящихся масс. Конечно, трудящиеся массы поднимались против этой политики социал-демократии. Годы так называемого затишья революционной борьбы богаты многочисленными экономическими стачками, стихийными вспышками рабочих восстаний в большинстве стран Европы. Достаточно припомнить 1923 г. в Германии, краковское восстание в Польше, восстание в Эстонии в 1925 г., венское восстание 1927 г. в Австрии, всеобщую стачку 1926 г. в Англии, многочисленные стачки во Франции и в Германии в 1927—1928—1929 и 1930 гг.

Социал-демократы всех стран, боясь потерять влияние в своих собственных организациях, перешли к режиму исключительных законов против коммунистов в рабочем движении. Социал-демократы постепенно отменяли профсоюзную демократию и демократию во всех рабочих организациях вообще. Они вступили на путь исключения из общегосударственных организаций тех местных групп и организаций, которые принимали коммунистические решения или выбирали коммунистов. Углублением раскола и репрессиями против коммунистов социал-демократия хотела изолировать коммунистов от масс, уничтожить коммунистические партии. Ей это не уда-

лось, потому что благодаря успехам социализма в СССР в массах с каждым днем крепла вера в то, что единственный путь спасения для трудящихся— это путь Советов, по которому ведут их коммунисты.

Начало нового революционного под'ема было могучим восстанием масс против социал-демократической профбюрократии. На Руре, в Лодзи, в Мюнхен-Гладбахе и во многих других местах рабочие пошли на забастовку в защиту своей заработной платы вопреки социал-демократии, под революционным руководством. Но профсоюзная бюрократия в союзе с органами государственной власти сорвала эти забастовки. Рабочие видели, что революционные организации еще недостаточно сильны и опытны, для того чтобы довести забастовку до успешного конца. Рабочие взялись за укрепление революционных организаций, и в 1930 г. поднялась новая стачечная волна. Многие из забастовок оказались успешными. Этим была разбита теория, что во время кризиса нельзя вести успешных стачек. Вся сила профсоюзного аппарата опять-таки была сконцентрирована на том, чтобы сорвать самые важные из этих забастовок. И многие из них были сорваны (например Рур) социал-демократической профбюрократией. Это означало, что реформистские организации еще представляют такую силу, которая, следуя за своими «вождями», может сорвать даже хорошо организованные выступления большинства рабочих.

Коммунисты взяли на себя защиту всех повседневных требований рабочих. Рабочие поняли, что только коммунисты защищают интересы рабочих и могут повести их к победе. В Польше, Чехо-Словакии и во Франции поднялось могучее стачечное движение. Стачечное движение росло во всех странах. Но оно не могло охватить и не охватило весь рабочий класс. Революционных рабочих, участников не разрешенных профсоюзом стачек, социал-демократия продолжала изгонять из рабочих организаций, лишать пособий, которые получали члены профсоюзов. Виновные только в том, что они хотели бороться вопреки социал-демократии, рабочие вынуждены были дальше терпеть издевательство капитала, снижение заработной платы и увольнения. Большинство сторонников компартии, например в Германии, оказались безработными, многим пришлось странствовать с завода на завод. Перспектива безработицы и голода отпугивала от участия в стачках многих, еще имевших кусок хлеба. Но сломить волю рабочих к борьбе буржуазия и социал-демократия уже не могли. Великий пример Советского союза был верным маяком масс.

Но с углублением экономического кризиса положение рабочих становилось все невыносимее. Буржуазия пыталась все тяготы кризиса переложить на плечи рабочих. В 1931 и 1932 гг. шло бешеное наступление на жизненный уровень рабочих масс. В рабочих массах росла могучая воля к единству для борьбы. В начале 1932 г. стачка горняков в Брюксе, организованная и руководимая коммунистами вопреки социал-демократической партии и реформистским профсоюзам, об'единила всех без исключения рабочих Брюкского района. Эта стачка привлекла на сторону рабочего класса даже мелкобуржуазные слои этого района. Так же было в районе Боринажа и Шарлеруа в Бельгии. Такую же волю к единству проявили рабочие Домбровского бассейна и Лодзи (Польша). Та же воля к единству стала проявляться во Франции. Та же воля к единству проявилась и в берлинской транспортной стачке в конце 1932 г. Это мощное стачечное движение показало, что рабочий класс достаточно силен, чтобы отбить наступление буржуазии, что для этого нужно только об'единиться под боевым руководством коммунистов.

Но если в целом ряде стачек уже в эти годы удалось создать действительно широкий единый фронт, обеспечивающий успех рабочему классу, то в важнейших выступлениях пролетариата, когда нужно было напряжение всех сил рабочего класса, и в странах, где социал-демократия особенно силь-

на, рабочий еще не решался идти на решительную борьбу вопреки своему реформистскому руководству. Когда в Германии коммунисты призвали к всеобщей забастовке 20 июля 1932 г., рабочие прислушивались к тому, что скажут социал-демократы, что скажут реформистские профсоюзы. И когда социал-демократы высказались против забастовки, рабочие, которые были за забастовку, все-таки остались на работе, не веря, что организованная вопреки социал-демократии забастовка может быть успешной, боясь, что забастовка потерпит поражение и они будут выброшены с предприятия. То же повторилось в январе 1933 г. То же повторялось во всех капиталистических странах сотни раз.

Сила социал-демократии была не в ее идейном влиянии на массы, а в том, что в ее руках находилась могучая система организаций рабочего класса. Небольшая и все уменьшающаяся прослойка рабочей аристократии при помощи этой организационной системы удерживала рабочий класс от борьбы.

Рабочий класс, ослабленный, расколотый, не мог показать образцов успешной борьбы против буржуазии, не мог привлечь на свою сторону мелкобуржуазные и крестьянские массы, не мог привлечь на свою сторону малосознательные элементы из самих рабочих, теперь втягивающихся в политическую жизнь. Социал-демократия всей своей политикой в течение многих лет создала благоприятные условия для проникновения фашизма в массы. Война обострила национализм в Европе, разделив Европу на страны-победительницы и на страны побежденные. Она провела в Европе много новых государственных границ. Национальная буржуазия каждой страны стала перед неразрешимой проблемой рынков, особенно обостряющейся с начала кризиса. Все это должно было вести к росту национализма, шовинизма, к росту идеи реванша среди побежденных в империалистической войне народов. Война создала восприимчивую для националистических идей почву. Она выбросила миллионы людей с производства, превратив их в деклассированных люмпен-пролетариев. Она выбросила за борт сотни тысяч мелких буржуа—чиновников и служащих. Она ускорила пролетаризацию мелкобуржуазных масс и обнищание пролетариата. Кризис чрезвычайно ускорил процесс пауперизации средних слоев и чрезвычайно увеличил армию безработных.

Быстро рос революционный под'ем масс во всех странах. В **Китае** победоносно шествовала вперед антиимпериалистическая и аграрная советская революция. Китайская революция снова показала, что советы являются всемирной формой диктатуры пролетариата, а также демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства, и становятся все более популярными во всем мире. В **Испании** началась буржуазно-демократическая революция, показавшая величайшую силу борьбы масс. В **Германии** быстрым темпом росли предпосылки революционного кризиса. Передовая часть пролетариата начала все более открыто ставить в порядок дня вопрос о власти. Борьба внутри буржуазии из-за дележа сокращающихся прибылей приняла острые формы. В этих условиях монополистический капитал начал усиленную организацию своих контрреволюционных боевых отрядов для разгрома революционного движения, собирая вокруг партии Гитлера наиболее шовинистические слои мелкой буржуазии, обещая им укрепление мелкобуржуазной собственности, улучшение положения путем восстановления внешнеполитического величия Германии. Веймарская республика обанкротилась, мелкобуржуазные массы отвернулись от нее, ибо при ней их положение ухудшилось и продолжало ухудшаться с каждым днем. Массы искали выход. Быстро росло влияние компартии в рабочем классе, но компартия не могла обещать немедленного выхода из кризиса и образцами успешной борьбы привлечь на свою сторону мелкую буржуазию.

Поскольку пролетариат не мог дать им быстрый выход из нищеты и

нужды на путях борьбы за свержение буржуазии, мелкобуржуазные массы повернулись к фашизму, надеясь, что фашизм выведет их из нищеты через победу над другими государствами, путем военных успехов. Это привело к националистическому взрыву в Германии в январе 1933 г., которым воспользовался финансовый капитал, поставив у власти фашистское правительство для разгрома рабочего движения.

Те же причины, которые создали в Германии почву для шовинистической волны, усугубляемые приходом к власти фашистского правительства, организующего реваншистскую войну, привели к усилению чешского, французского, английского, голландского, польского национализма, проникновение которого в массы было подготовлено также социал-демократией. Национализм является только прикрытием для самых реакционных мероприятий финансового капитала, для уничтожения завоеваний рабочего класса.

Национализм создал базу фашизма.

Муссолини поднялся к власти на плечах националистических, мелкобуржуазных элементов, обиженных, не удовлетворенных исходом войны, не веривших, что маленькая коммунистическая партия при колебаниях и шатаниях социал-демократии способна привести к революции. Пилсудский воспользовался кризисом 1926 г. в Польше, чтобы во главе националистических элементов приступить к установлению режима политической реакции в условиях, когда пролетарский интернационализм был ослаблен деятельностью ППС. Движение Мосли в Англии растет за счет тех же пауперизированных элементов, национализм которых воспитан лейбористской имперской политикой. Если лейбористы все спасение от нищеты и нужды видели в большой Британской империи, то Мосли им обещает еще «большую Британию». Мусарт мобилизует фашистские силы под лозунгом «Великих Нидерландов», к нему прислушиваются обнищавшие слои голландского народа, стремящиеся на путях национальной империи вырваться из экономического тупика, нужды и нищеты. Французский фашизм растет под лозунгом национальной обороны, под лозунгом защиты завоеваний первой империалистической войны и борьбы за Францию как великую руководящую империалистическую державу.

Кто может приостановить эту волну? Только единое, мощное, действительно интернационалистическое рабочее движение может показать трудящимся массам подлинный выход—пролетарскую революцию. Коммунистические партии были и являются той силой, которая организует борьбу масс против фашизма. Социал-демократия, сросшаяся с национальной буржуазией, являлась и является помехой в этой борьбе. Поражение германского пролетариата в 1933 г. было следствием капитуляции социал-демократии и отказа ее от совместной с коммунистами борьбы. Поражение австрийского пролетариата в 1934 г. было следствием капитулянтской социал-демократической политики, ослабившей рабочий класс и создавшей такие условия, что рабочий класс должен был браться за оружие в наименее выгодных для себя условиях.

Но если социал-демократия оказалась способной организационно удержать массы от борьбы еще в 1932 и 1933 гг., то она благодаря великому примеру СССР оказалась уже неспособной предотвратить рост в широких трудящихся массах сознания того, что единственное спасение для них в социализме. Этим об'ясняются великий под'ем симпатий к СССР и рост коммунистического движения. Социал-демократия оказалась неспособной предотвратить укрепление в широких трудящихся массах сознания того, что единственное их спасение в революции. Поэтому даже германские фашисты вынуждены были переименовать свою националистическую контрреволюцию в национальную революцию, поэтому все фашист-

ские партии вынуждены рядиться в антикапиталистические, социалистические, революционные одежды.

Но именно в этом слабость фашизма. Он разбивает не только коммунистическое, но и реформистское рабочее движение, учитывая, что в условиях нынешнего обострения мирового положения всякая рабочая организация угрожает стать революционной. Но даже мелкую буржуазию нельзя обмануть надолго. Мобилизованные под флагом национализма мелкобуржуазные массы требуют изменения своего положения в современном государстве. Поскольку фашизм, являясь представителем крупного монополистического капитала, их требования удовлетворить не может, эти массы должны отойти от фашизма.

Единым фронтом против войны, к новому туру революций

Установление открытой фашистской диктатуры в Германии и Австрии является следствием социал-демократической политики сотрудничества классов, политики отказа от пролетарского интернационализма и революции и раскола рабочего движения. Оно в свою очередь привело к краху германской и австрийской социал-демократии, к глубокому кризису II интернационала.

Победа социализма в СССР, успешное выполнение плана первой пятилетки, успехи коллективизации, громадный рост мощи и международного веса СССР являются следствием Октябрьской революции и большевистской политики. Победа социализма в СССР привела к мощному росту всех коммунистических партий, в частности коммунистических партий в капиталистических странах, к громадному усилению популярности большевистских лозунгов.

Две политики, две стратегии, две тактики за эти двадцать лет подверглись исторической проверке. Одна привела к фашизму, другая привела к социализму.

Судьба германских пролетариев, лишенных ныне самых элементарных человеческих прав, пролетариев, расстреливаемых фашистами и загнанных в концентрационные лагери, является грозным предостережением против пассивности и несопротивления, пропагандируемых социал-демократией.

Под влиянием контрастов фашистской Германии и социалистического СССР, под влиянием тяжелого положения, нужды и нищеты рабочих масс в капиталистических и колониальных странах, перед перспективой новой мировой войны рушатся реформистские иллюзии, происходит крушение социал-демократической идеологии и политики в массах, происходит поворот масс к коммунизму.

Успехи германской компартии, начиная с 1930 г., были первым признаком кризиса послевоенной социал-демократии. Но кризис обнаружился тогда, когда капитуляция германской социал-демократии перед фашизмом, отказ от единого фронта с коммунистами и от борьбы против фашизма вообще привели к власти террористическую диктатуру наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала. Фашистская диктатура разогнала не только коммунистические, но и социал-демократические рабочие организации и начала бешеную подготовку войны в Европе. Это нанесло первый удар вождям II интернационала. Секции II интернационала начинают открыто ориентироваться на империалистические группировки, почти в каждой стране распадаясь на несколько партий и групп. Но степень революционизирования масс еще недостаточна, чтобы вопреки «вождям» пойти на единый фронт с коммунистами.

Вооруженная борьба в Австрии в феврале 1934 г. и поражение

австрийского пролетариата, приведшее к распаду австрийской социал-демократической партии—виновницы этого поражения, были вторым ударом по руководству II интернационала и привели к дальнейшему обострению его кризиса.

Мощные выступления французских рабочих в феврале против фашистских банд, всеобщая забастовка и демонстрации в Париже, заставившие фашистов отступить, показали всему международному рабочему классу, что единственный путь борьбы против фашизма—это путь совместной с коммунистами борьбы, единый фронт всех рабочих. С этого пути вождям французской социалистической партии уже не удалось свернуть массы. Когда коммунисты предложили единый фронт для борьбы за освобождение вождя германского пролетариата, тов. Тельмана, социал-фашисты пытались еще сманеврировать. Но местные организации (Париж, Рон) пошли на соглашение с коммунистами вопреки центральному руководству социалистической партии. Это заставило конференцию социалистической партии принять предложение коммунистов. Это было третьим ударом по II интернационалу.

Все это означает, что ныне происходит крупный поворот масс к революции, что зреют суб'ективные предпосылки победоносной пролетарской революции в ряде стран Европы, что разрушается контрреволюционный единый фронт социал-демократии и буржуазии, что капиталистическая система слабеет.

II интернационал переживает глубокий идеологический и политический кризис. Германская социал-демократия в 1933 г. должна была выбросить свою старую программу, заявить, что она из реформистской партии превращается в «революционную», что она будет «бороться за революцию против Гитлера», «за восстановление демократии путем насильственной революции». Но эта новая программа осталась «достоянием» ее заграничного комитета. Социал-демократические группы внутри Германии высказались, хотя и весьма путано, за диктатуру пролетариата. Многие из них переходят к коммунистам. Отто Бауэр, «вождь» заграничного комитета австрийской социал-демократии, вынужден был заявить, что целью борьбы австрийского пролетариата может быть только пролетарская революция, диктатура пролетариата и построение бесклассового, социалистического общества. Бауэр, конечно, уже не первый раз произносит архилевые фразы, чтобы потом от них отказаться. Но «партия революционных социалистов» в Австрии (бывшая социал-демократическая партия) пошла еще дальше и об'явила, что хотя она за II интернационал, но ее и коммунистов «уже не разделяют ни теоретические, ни тактические вопросы».

Но эти выступления австрийцев за пролетарскую революцию и за диктатуру пролетариата очень неприятны их товарищам по интернационалу, чешским, шведским и т. д. министрам. Поэтому II интернационал поручил ответить на них своему секретарю Фр. Адлеру. Главное затруднение при составлении ответа Фр. Адлеру доставляла, очевидно, проблема, как примирить революционную фразеологию австрийцев и немцев с сохранением министерских портфелей чешских, шведских, датских социал-демократов и обеспечить получение таковых английскими лейбористами. Однако он нашел «решение» этой проблемы: в фашистских странах можно вести революционную борьбу и говорить о диктатуре пролетариата, но в нефашистских странах необходимо только защищать демократию, какой бы фашизированной она ни была, вести дальше коалиционную правительственную политику, политику «меньшего зла», бороться против коммунистов

вплоть до запрещения компартий, закрытия газет и т. д., как это делают чешские и швейцарские социал-демократы. Следовательно, в Англии, Франции, США, Чехо-Словакии, Швеции, Дании — мирное врастание в социализм, коалиционные правительства; в Германии и Австрии—«революция» против фашизма.

Но для Фр. Адлера и для всего II интернационала новые затруднения создали Норман Томас, лидер американской социалистической партии, который высказывается за «революцию» в США, хотя и не за диктатуру пролетариата, и Ларго Кабальеро в Испании, который требует революции и диктатуры пролетариата в Испании, что не мешает обоим вести реформистскую политику. С другой стороны, Пайер, лидер венгерской социал-демократии, высказывается за сотрудничество с фашизмом; некоторые итальянские социалисты высказываются даже за возвращение в Италию и приспособление к условиям фашистской диктатуры. Все это, конечно, чрезвычайно осложняет положение II интернационала и его секретаря.

Популярность диктатуры пролетариата в СССР настолько велика, банкротство «демократии» в Германии, Австрии, Испании настолько серьезно, что лозунг «возврата к демократии» уже не может мобилизовать масс. Массы видят, что фашистской диктатуре можно противопоставить только диктатуру пролетариата. Поэтому социал-демократия, отстаивая в большинстве стран буржуазную демократию и ликвидируя ее на деле, вынуждена в странах, где все остатки парламентаризма уже уничтожены (Германия, Австрия и т. д.) признать «диктатуру пролетариата»; в странах где фашизм сочетается с некоторыми остатками парламентаризма (Польша), она выставляет «диктатуру пролетариата особого типа», — во всех случаях, чтобы извратить этот марксистский лозунг. В этом и заключается «гибкая» линия Фр. Адлера. Основой и предпосылкой диктатуры пролетариата, говорят марксисты, может быть только большевистская партия. Но Отто Бауэр и К°, хотя они заявляют, что прежняя австрийская социал-демократия не была революционной партией, решительнее всего борются против принципа централизованной единой революционной партии. Ларго Кабальеро даже отрицает значение такой партии. Говоря о «диктатуре пролетариата», они выступают против «схематического» «русского образца», умалчивают о советах или отрицают советы как форму диктатуры пролетариата. Они стремятся скомпрометировать лозунг диктатуры пролетариата, выставить свою «свободную диктатуру пролетариата» против настоящей диктатуры пролетариата. Кронштадские анархисты в 1921 г. вышли против большевиков с лозунгом «советы без большевиков». Теперь социал-демократы типа Бауэра выступают с лозунгом «диктатура пролетариата без коммунистов, без коммунистической партии, без советов», используя популярность диктатуры пролетариата в массах.

Это означает, что Коммунистическому Интернационалу придется теперь драться с социал-демократами еще в новой плоскости, так как социал-демократы хотят обманывать рабочих по-новому. Это означает, что драка с ними должна идти теперь не только по вопросу—диктатура или демократия, но и по вопросу о существе диктатуры пролетариата.

Но сложнее вопрос о войне.

17 мая 1933 г. в германском рейхстаге Вельс, член Бюро исполкома II интернационала, одобрил внешнюю политику Гитлера, политику подготовки войны. Другие германские социал-демократы поправили Вельса и высказались на словах за поражение фашизма в предстоящей войне. Но ни для кого не секрет, что, если война начнется, не только Вельс и Штампфер, но и Ауфгайзер и Гильфердинг об'явят себя «добрыми немцами» и будут

воевать на стороне Германии. Венгерская социал-демократия уже из'явила свое согласие на поддержку внешней политики Гембеша. Французские и чешские социал-демократы целиком солидаризируются с внешней политикой французской буржуазии. Английские лейбористы разрабатывают программу внешней политики лейбористского третьего правительства.

Резолюция об'единенного заседания генерального совета трэдюнионов и национального исполкома рабочей партии, напечатанная 29 июня 1934 г. в «Дейли геральд», констатирует, что «ни одно правительство не имеет большего влияния в Женеве чем британское», и, исходя из этого, подтверждает необходимость сохранения нынешней внешней политики Британии, и лишь кроме того устанавливает «три гражданских обязанности»:

«а) обязанность настаивать на том, чтобы наше правительство разрешало все свои споры мирным путем и избегало применения силы:

б) обязанность неограниченно поддерживать наше правительство во всех рискованных положениях и во всех последствиях его действий, в случае участия в коллективных мероприятиях против нарушителей мира;

в) отказаться принять необоснованные требования нашего правительства о применении силы при самообороне и настаивать на передаче такого требования на международный суд или арбитраж».

Формулировки этих гражданских обязанностей отдают дань антивоенным настроениям масс, однако во всей резолюции не упоминается Германия, почти обходится молчанием Японии, политика которых беспокоит общественное мнение всего мира, совершенно не упоминается также СССР, против которого в первую очередь направлена теперь агрессия поджигателей войны. Если к этому прибавить, что резолюция считает забастовку против войны в нынешних условиях невозможной и снимает с профсоюзов ответственность за прекращение войны, то становится ясным, что бороться против войны лейбористы и генсоветчики на деле не предполагают, что эта резолюция означает подтверждение единого фронта лейбористов и буржуазии в предстоящей войне. Но в Англии есть и рабочие политики и даже профсоюзники кроме генсоветчиков. Например в те же дни, когда заседали Национальный исполком и Генсовет, заседал и с'езд профсоюза железнодорожников, который высказался за всеобщую забастовку против войны. В Англии есть коммунисты; популярность их растет даже в профсоюзах. Например, на том же с'езде железнодорожников больше трети голосов было подано против отвода коммунистов из делегации на конгресс трэдюнионов.

Еще сложнее для II интернационала вопрос о едином фронте с коммунистами.

Для того чтобы всерьез пойти на единый фронт с коммунистами, необходимо порвать единый контрреволюционный фронт с буржуазией. Еще год назад все социал-демократические партии отвергли предложения коммунистов. Но теперь некоторые из них этого сделать уже не могли. Это показатель того, что революционный под'ем уже охватил и организованных в рядах социал-демократии рабочих. Но соглашение ФКП и французской социалистической партии, единый фронт в Австрии и Саарской области встревожили весь II интернационал, который выступает против единства действий за «органическое единство». Но в порядке дня поставлен именно вопрос о едином фронте, и на этот вопрос приходится дать ответ. Чехословацкие социал-демократы, находящиеся в правительстве, отклонили предложение о едином фронте, ибо это означало бы разрыв с буржуазией, выход из правительственной коалиции. Отклонили предложение также швейцар-

ские социал-демократы. Но в обеих этих демократических странах движение рабочих масс за единый фронт развивается. Коммунисты вступают в соглашения с местными организациями социал-демократии.

Центр тяжести борьбы коммунистов за единый фронт, однако, лежит теперь во Франции. Развитие единого фронта во Франции, Англии и США решает в основном судьбу II интернационала. Она будет решена против «вождей», об этом говорит тот факт, что не только Независимая рабочая партия, но вопреки генеральному совету и национальному исполкому лейбористов и все большее количество профсоюзов Англии начинает принимать участие в борьбе за освобождение тов. Тельмана, в подготовке антивоенного конгресса и антифашистского женского конгресса, в работе антивоенного и антифашистского комитетов. То же самое доказывает движение за единый фронт в США.

Но перед компартиями, добившимися соглашения о едином фронте, стоят еще большие трудности. Социал-демократы пытаются добиться от комммунистов принципиальных уступок, на что ни один коммунист идти не может. Они будут добиваться такого проведения совместных кампаний, которое сдерживало бы движение масс, на что ни один коммунист идти не может. От коммунистов требуется большая бдительность, уменье отразить тысячи маневров, на которые пойдут социал-демократы после заключения соглашения о совместных действиях.

Преодоление раскола рабочего движения началось на основе коммунистической тактики единого фронта. Это ведет к громадному росту сил и активности пролетариата и в дальнейшем к об'единению вокруг него средних слоев или, по крайней мере, их нейтрализации. Вместе с тем поднимается мощная волна рабочего движения. В Германии в подполье организовалась мощная коммунистическая партия, которая на события 30 июня ответила выпуском многочисленных листовок. В Австрии — февральские вооруженные бои, после них процесс об'единения всех лучших сил развалившейся социал-демократии в коммунистическую партию, чему безуспешно пытаются помешать Бауэр и Дейч. Во Франции — в феврале всеобщая забастовка в Париже и с тех пор непрекращающиеся громадные демонстрации и митинги на основе тактики единого фронта. В Испании — непрекращающаяся стачечная волна, громадная забастовка сельскохозяйственных рабочих в июне, обострение борьбы между революцией и контрреволюцией. В Англии — в конце февраля поход безработных и конгресс действия на основе тактики единого фронта с Независимой рабочей партией. В США — громадное забастовочное движение и в июле всеобщая забастовка в Сан-Франциско. В Польше — крупные политические и экономические забастовки в январе, феврале и почти непрерывно до сих пор во всех рабочих центрах. В Голландии — под влиянием компартии четырехдневные уличные бои в июле и демонстрации против снижения зарплаты и уменьшения пособий по безработице. В Греции — в мае всеобщая забастовка во всех крупнейших центрах страны на основе тактики единого фронта. В далекой Австралии коммунисты на основе единого фронта проводят в профсоюзах решение против арбитража...

Эти мощные выступления масс в ответ на натиск фашистов препятствуют установлению террористической фашистской диктатуры монополистического капитала (Франция, Греция), препятствуют проведению фашистских мероприятий (Германия, Австрия), препятствуют снижению зарплаты (США, Швейцария) и ухудшению положения безработных (Англия, Голландия). Они приводят к обострению борьбы внутри буржуазии, начинающей сознавать, что сроки ее господства приближаются к концу. Террористический аппарат германской буржуазии уже дал трещину 30 июня; начался

кризис германского фашизма, а Германия есть и остается решающей страной с точки зрения пролетарской революции в Европе. Националистическая волна в Германии идет на убыль. Скоро она пойдет на убыль и в других странах Европы.

Китайская советская республика, героически обороняясь против армий Чан Кай-ши, показывает колониальным народам путь освобождения от империалистического гнета. Вновь растет движение в колониях, недавно еще раздавленное империалистами, восстанавливаются коммунистические партии Индии, Индо-Китая, Индонезии.

Все это показывает, что зреет революционный кризис. Именно потому, что во всех странах поднимается мощная революционная волна, волна движения трудящихся масс, именно потому, что растут силы и влияние компартий, буржуазия переходит к фашизму и избирает путь войны, пытаясь опереться на националистические, шовинистические мелкобуржуазные массы.

В испуге перед мощным движением угнетенных масс «господствующие классы старательно уничтожают или сводят на-нет последние остатки парламентаризма и буржуазной демократии, которые могут быть использованы рабочим классом в его борьбе против угнетателей, загоняют в подполье коммунистические партии и переходят к открыто террористическим методам сохранения своей диктатуры» (Сталин, Отчетный доклад XVII с'езду ВКП(б). Запутавшись в своих противоречиях, не зная, как выбраться из экономического тупика и спастись от грозящей пролетарской революции, «несмотря на опыт первой империалистской войны, буржуазные политики все же хватаются за войну, как утопающий за соломинку» (Сталин, там же). «Но если буржуазия избирает путь войны, то рабочий класс капиталистических стран, доведенный до отчаяния 4-летним кризисом и безработицей, становится на путь революции. Это значит, что зреет и будет назревать революционный кризис. И революционный кризис будет нарастать тем скорее, чем больше будет запутываться буржуазия в своих военных комбинациях, чем чаще будет она прибегать к террористическим методам борьбы против рабочего класса и трудящихся крестьян» (Сталин, там же).

Мир идет не только к войне, мир идет прежде всего к новому туру пролетарских революций, которые зреют под тяжелым гнетом капиталистической эксплоатации и фашистского террора, вызревают в выступлениях единого фронта, в борьбе широчайших масс за освобождение взятых в плен фашистами коммунистических вождей, в экономических и политических стачках, в вооруженных столкновениях, в развязываемой самой буржуазией гражданской войне, в борьбе масс против подготовляемой империалистами новой войны.

Коммунистический Интернационал, основание которого в начале первой империалистической войны было провозглашено Лениным, который в 1919 г. был создан Лениным, вырос в крупнейшую политическую силу, мобилизующую пролетариев и угнетенных всех стран на борьбу против войны за революцию, за власть советов во всем мире.

Большевизм и война

Г. Зиновьев

«Пролетарское знамя гражданской войны не сегодня, так завтра,—не во время теперешней войны, так после нее,—не в эту, так в ближайшую следующую войну, соберет вокруг себя не только сотни тысяч сознательных рабочих, но и миллионы одураченных ныне шовинизмом полупролетариев и мелких буржуа, которых ужасы войны будут не только запугивать и забивать, но и просвещать, учить, будить, организовать, закалять и подготовлять к войне против буржуазии и «своей» страны и «чужих» стран».

(Ленин)

«Из империалистской войны, из империалистского мира вырвала первую сотню миллионов людей на земле первая большевистская революция. Следующие революции вырвут из таких войн и из такого мира все человечество».

(Ленин)

I

Ныне уже не только друзья и полудрузья, но и враги и полувраги знают или догадываются, что международное революционное рабочее движение—это большевизм, а большевизм—это международное революционное рабочее движение. Это знают передовики-шуцбундовцы, когда они рвут с социал-фашистскими вождями. Об этом догадываются рядовые шуцбундовцы, когда они берут ружья в руки, чтобы оказывать сопротивление фашистам. О шуцбундовцах мы говорим здесь потому, что в силу ряда условий судьба этого отряда австрийских рабочих, вчера еще шедших за социал-демократической партией, лучше всего подтверждает нашу мысль. Но и среди рабочих других стран наблюдается та же передвижка симпатий, только развивающаяся различными, иногда более медленными темпами. Среди рабочих Англии, ныне еще голосующих за лейбористов, тоже есть уже немало таких людей, которые догадываются об указанной истине. Среди французских рабочих, еще связанных с французской «социалистической» партией,—тем более. И в целом ряде стран, в сущности во всем мире, мы видим ту же картину. Да это и не может быть иначе, если вспомнить, какие события легли между 1914 и 1934 годами.

С другой стороны, это до конца знают такие идеологи буржуазии, как, скажем, Шпенглер, который целый «философский» трактат («Решающие годы») построил на констатировании этого печального для буржуазии факта. Об этом весьма и весьма догадываются практические политики буржуазии во всем мире. Фашисты притворяются, будто их лозунг «против марксизма» есть об'явление войны одинаково и коммунистам и социал-демо-

кратии, которую они на словах тоже «включают» в лагерь марксистов. На деле же они прекрасно знают, что с верхами официальной социал-демократии им помириться нетрудно. Своими подлинными врагами они считают только подлинных марксистов (т. е. коммунистические партии) плюс потенциальный марксизм тех рабочих масс, которые сегодня еще не идут за коммунистами, но завтра обязательно за ними пойдут. Фашисты знают или догадываются, что среди миллионов рабочих, еще не примкнувших к коммунистам, живет то, что Энгельс называл «скрытым социализмом масс». Этого скрытого марксизма масс они, конечно, боятся даже и тогда, когда массы еще голосуют за социал-демократию.

В «Открытом письме Суварину» Ленин писал еще в начале 1917 г. (до Февральской революции):

«Истинно-революционные интернационалисты количественно слабы. Это пустяки! Возьмем в качестве примера Францию 1780 года и Россию 1900 года. Сознательные и решительные революционеры, которые в первом случае были представителями буржуазии—революционного класса той эпохи, а во втором случае были представителями революционного класса настоящего времени—пролетариата, были чрезвычайно слабы количественно. Это были лишь единицы, составлявшие максимум лишь 1/10 000 или даже лишь 1/100 000 своего класса. А спустя несколько лет эти самые единицы, это самое, якобы столь ничтожное, меньшинство повело за собой массы, миллионы и десятки миллионов людей. Почему? Потому что это меньшинство представляло действительно интересы этих масс, потому что оно верило в грядущую революцию, потому что оно было готово беззаветно ей служить» [1].

Скоро, очень скоро история подтвердила эти слова вождя мировой революции. И как полновесно подтвердила!

В начале мировой империалистской войны об «изолированности» большевиков кричали все, кому было не лень. Ни одна социалистическая газета во всем мире не соглашалась напечатать хотя бы выдержки из первого антивоенного манифеста ЦК большевиков, написанного Лениным. Лозунг превращения империалистской войны в гражданскую об'являлся «фантазией» и «бредом»! А спустя всего три года этот лозунг стал историческим фактом и вся картина мира изменилась.

Сначала все «авторитетные» вожди II интернационала об'явили, что большевизм «особенно беспочвен» во время войны. Затем, после 25 октября 1917 г., они об'явили, что большевизм есть «специфический продукт» именно войны и что большевики осуществили-де «солдатский» переворот, а вовсе не пролетарскую революцию.

Но война окончилась, а большевизм продолжал расти во всем мире. Тогда стали «доказывать», что в «благоустроенных» странах демократии «бацилла» большевизма во всяком случае нежизнеспособна. «Мы еще понимаем, что в стране царистского гнета могла вызреть эта азиатская форма социализма, но у нас, в демократических странах,—никогда!»—так говорили столпы II интернационала, пересказывая «своими словами» то, что внушала им буржуазия.

Затем наступил период, когда и в странах «демократии», например в Германии дофашистских времен, коммунизм стал расти поистине великолепно. И тогда сочинили новую «теорию», согласно которой большевизм есть «специфический продукт», вырастающий в странах, побежденных в мировой войне. Затем коммунизм начал превосходно расти и во Франции, стране, победившей в мировой войне, и непригодность указанной «теории» и в новой ее версии опять стала очевидной.

[1] Ленин «Новые статьи и письма». Гиз. стр. 27. 1930.

Какое новое «об'яснение» дадут теперь господа «социалисты»?..

20 лет исполняется с начала первой мировой империалистской бойни. Невольно вспоминается пройденный путь.

Август 1914 г. «От имени» России «освободительную» войну об'являет Николай Кровавый. Разгул погромного «патриотизма». Партийные организации большевиков разгромлены. Большевистские депутаты вскоре были арестованы. Гонения приняли характер, невиданный даже в царской России. Поражение и разгром царских армий. Февраль 1917 г. Июль. Великий Октябрь. Гражданская война. Нэп. Переход к мирному хозяйственному строительству. Смерть учителя в 1924 г. Партия под руководством лучшего продолжателя дела Ленина не дает себя сбить с ленинского пути. Поражение всех антиленинских оппозиций. Первая пятилетка и ее громадная победа. Начало второй пятилетки. Рост могущества СССР. Страна, которая еще недавно играла роль международного жандарма, стала самой передовой страной в мире, надеждой и опорой всех трудящихся, гордостью пролетариев всех стран. Мировой кризис капитализма и грандиозный рост социалистического хозяйства в СССР. Индустриализация. Коллективизация. Теперь уже не говорят, что большевизм—«специфический продукт войны». Теперь буржуазия и ее слуги «утешают» себя другим соображением: «Ну да,—говорят они,—конечно, в мирное время они (большевики) быстро подымают свое хозяйство; но ведь пятилетки—«специфический продукт» мирного времени; а вот придет новая война (т. е.—а вот мы навяжем им новую войну), и посмотрим, как они выдержат военное испытание». Господа империалисты говорят так, и в то же время боятся, и в то же время думают: а ведь может случиться и наоборот, а ведь может случиться, что, вызвав новую войну, «мы» сами, своими руками, развяжем новые революции...

И это всего только за два десятилетия! Если переделка мира, если большевизация нашей планеты будет в дальнейшем идти темпами, столь же напряженными—а всего вероятнее, что эти темпы будут еще нарастать,—то жаловаться на монотонность жизни не придется, и новейшим фашистским рецептам буржуазии осталось недолго жить. И без войны, и при войне, и без фашизма, и при фашизме—все равно капитализм обречен. Чем больше «бешеных метаний буржуазии» (Ленин), тем хуже для гибнущего класса. Коммунисты должны знать, что «будущее во всяком случае принадлежит им». Так сказал Ленин. Великие победы, которые мы одерживаем из году в год под руководством Сталина, подтвердили и на каждому шагу подтверждают этот ленинский тезис.

Откуда и куда пришли за эти 20 лет мы, от какого до какого пункта дошел за эти два десятилетия наш класс, наша партия,—это ясно. От небольшой гонимой партии преследуемого меньшинства II интернационала—до могучей мировой коммунистической партии, об'единенной в Коминтерн! От царской России—до Союза советских социалистических республик, обнимающего 1/6 часть мира.

Ну, а «они»—буржуазия и «ее» социал-демократия? Какой итог подведут они тем же двум десятилетиям? Если «они» будут падать вниз хотя бы только с той же быстротой, что в эпоху 1914—1934 гг., то много ли им осталось до полного крушения? Только самые близорукие идеологи капитализма могут утешать себя тем соображением, что у буржуазии есть еще в распоряжении фашистская карта. Гораздо уместнее было бы употребить здесь слово «уже». Не радоваться тому, что у «них» есть еще фашистская глава истории, а горевать по поводу того, что эта фашистская глава уже началась, ибо в последнем счете фашизм семимильными шагами приближает гибель капитализма.

II

Утверждение, что большевизм является «специфическим продуктом» войны, так же неверно как утверждение, будто дальнейшие пролетарские революции вырастут только из новых войн. Но верно то, что только большевизм дал всестороннее, исчерпывающее научное освещение проблемы самой войны и основных сопутствующих ей проблем. Верно то, что в этой сфере большевизм дал мировому пролетариату и—через него—всему борющемуся человечеству так много, такой щедрой рукой, что одного учения Ленина и Сталина о войне было бы достаточно, чтобы сделать большевизм мировым направлением.

Учение Ленина о войне неразрывно связано с его учением об империализме. Ни Энгельс, ни тем более Маркс не дожили до начала империалистского периода капитализма. Они смогли провидеть лишь некоторые из его будущих основных черт. Задача об'яснить новую, последнюю стадию капитализма—его империалистскую стадию—легла на плечи Ленина.

Учение Ленина о войне является одной из важнейших составных частей ленинизма. Не все отдают себе отчет в том, что взгляды Ленина на войну представляют собой целую отрасль ленинизма.

«...Самой большой трудностью является преодоление того предрассудка, что этот вопрос простой, ясный и сравнительно легкий»,—писал в конце 1922 г. Ленин в одной из самых последних своих работ, посвященных вопросу о войне [1].

Учение Ленина о войне сложно уже потому, что оно освещает и задачи пролетариев тех стран, где у власти пока еще «прочно» стоит буржуазия; и задачи колониальных и полуколониальных народов; и задачи пролетариев той страны, где существует уже пролетарская диктатура; и задачи пролетариев тех стран, где она будет существовать завтра; наконец, при освещении задач пролетариата Советской страны (или советских стран) учение Ленина о войне различает *особые периоды в пределах* эпохи пролетарской диктатуры.

Если попробовать очень сжато напомнить то, что дал Ленин по вопросу о войне в 1914—1917 гг., т. е. с начала мировой бойни до великой Октябрьской революции, то можно будет сказать, что главное в работах Ленина за этот период сводилось к следующему:

1. «Реабилитация» Маркса и Энгельса, восстановление их подлинных взглядов на войну и революцию, в борьбе против анархистов (Гильом и К°), против вождей II интернационала, в особенности центристов (с Каутским во главе), против народников (Чернов и К°) и т. д.

2. Анализ нового империалистского периода развития капитализма и в связи с этим—нового характера войн—войн империалистского периода в отличие от войн национальных. В связи с этим разработка закона неравномерного развития капитализма и вытекающего отсюда учения о возможности победы социализма в одной стране.

3. Эпоха империализма есть эпоха реакционных империалистских войн, но она не исключает и войн национально-освободительных—«справедливых», «оборонительных», исторически-прогрессивных войн со стороны угнетенных национальностей колоний и полуколоний. Эпоха империализма прямо предполагает такие войны в Азии, Африке, Южной Америке и т. д. Она не исключает их и в Европе.

4. Отсюда лозунг «самоопределения национальностей» в его ленинской постановке, в смысле права на отделение и образование самостоятельных государств (полемика против люксембургианства и «левых» коммунистов).

[1] Ленин. 3-е изд. Т. XXVII, стр. 372.

5. Нельзя делить войны на оборонительные и наступательные, исходя из того, кто «первый» об'явил войну, кто «первый» напал. Нужно уметь определить конкретное историческое значение каждой данной войны или каждой данной полосы войн.

6. Лозунг «защиты отечества» «вообще», т. е. без учета конкретного исторического значения данной войны, есть отречение от марксизма. Все зависит от того, какие классы и во имя чего ведут данную войну, каков об'ективный, исторический характер данной войны.

7. Каждая внешняя война связана с соотношением классовых сил внутри воюющих стран. Война есть продолжение политики другими средствами.

8. Данная конкретная мировая война (1914—1917) есть война империалистская. Доказательство этого—на основании общего учения об империализме, общей оценки стремлений воюющих стран, оценки их политики, предшествовавшей войне, и т. д.

9. Связь первой всемирной империалистской войны с империализмом как последней стадией капитализма.

10. Мировая война как великий ускоритель мировой пролетарской революции.

11. Империалистскую войну необходимо превратить в войну гражданскую.

12. Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения «своему» правительству. Так называемое пораженчество как важнейший элемент тактики пролетарских интернационалистов.

13. Новые империалистские войны неизбежны.

14. Теория ультраимпериализма, мирного империализма (Каутский) есть реакционный вздор.

15. Пролетариату, завоевавшему власть в одной стране, неизбежно предстоит вести революционные войны

16. Лозунг разоружения, пока существует капитализм, есть реакционная утопия. Бери ружье в руки: в решительную минуту ты обернешь его против своей буржуазии. На свете есть еще слишком много такого, что может быть уничтожено только силой оружия.

17. Как сложится мировая пролетарская революция? Социальная революция не может произойти иначе, как ввиде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и целый ряд демократических и революционных, в том числе и национально-освободительных движений в неразвитых, отсталых и угнетенных странах. Почему? Потому что капитализм развивается неравномерно и об'ективная действительность показывает нам наряду с высокоразвитыми капиталистическими нациями целый ряд наций, очень слабо и совсем не развитых экономически [1].

18. Победа оппортунизма в главных партиях II интернационала может быть об'яснена только в тесной связи с учением Ленина об империализме.

19. Международная организация пролетариата не может быть восстановлена путем взаимной амнистии, которая была бы только новым обманом рабочих. Международная организация революционного пролетариата может быть создана только через прямой раскол с социал-шовинистами и центристами.

20. II интернационал позорно обанкротился. Да здравствует III интернационал!

Таковы важнейшие черты ленинского учения о войне. Но учение это в свою очередь связано со многими другими сторонами ленинизма как целого. Проблема войны теснейшим образом связана с проблемами революции вооб-

[1] Ленин «О карикатуре на марксизм». Собр. соч. 3-е изд. Т. XIX.

ще. Зачастую это две стороны одного и того же. Война и революция. Война и национальный вопрос. Война и крах II интернационала. Война и перерождение социал-реформизма в социал-шовинизм. Вопрос о союзе пролетариата и крестьянства. Все это важнейшие проблемы, разработка которых шла у Ленина в новой обстановке рука об руку с разработкой его учения о войне.

Первичные причины войн гнездятся в капитализме. Пока существует капитализм, войны неизбежны.

Но капитализм знает различные эпохи войн. В основном это три эпохи:

Первую эпоху, начиная с Великой французской революции и до франко-прусской войны, Ленин характеризовал как эпоху под'ема буржуазии, ее полной победы. Это восходящая линия буржуазии, эпоха буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности, эпоха быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений.

Вторая эпоха — эпоха полного господства и упадка буржуазии, эпоха перехода от прогрессивной буржуазии к реакционному и реакционнейшему финансовому капиталу, эпоха подготовки и медленного собирания сил рабочим классом.

Третья эпоха, начавшаяся в 1914 г., ставит буржуазию в такое положение, в каком были феодалы в течение первой эпохи,—это эпоха империализма, империалистических войн и начала пролетарских революций [1].

Лозунг защиты отечества был вполне уместным и исторически прогрессивным в первую из очерченных эпох, когда этот лозунг родился.

«Нельзя быть марксистом,—писал Ленин,—не питая глубочайшего уважения к великим буржуазным революционерам, которые имели всемирно-историческое право говорить от имени буржуазных «отечеств», поднимавших десятки миллионов новых наций к цивилизованной жизни в борьбе с феодализмом» [2].

Великие буржуазные революционеры были правы, выдвигая лозунг защиты отечества в национальных войнах, когда дело шло о борьбе с феодализмом. В указанном первом периоде дело шло именно об этом.

Ну, а теперь, когда дело идет об империалистской эпохе и империалистских войнах? Ясно, что выдвигать лозунг защиты отечества в этих войнах — значит служить реакционному классу, служить империалистской буржуазии.

В этот же период, как уже сказано, Лениным разработано учение о победе социализма в одной стране—учение, которое отстоял и гениально развил Сталин и которое в десятилетие 1924—1934 гг. получило незыблемое историческое подтверждение.

В известной статье «О лозунге Соединенных штатов Европы» В. И. писал в 1915 г.:

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств» [3].

В этой формуле ленинское учение о возможности победы социализма в одной стране тесно увязано с его же учением о войне.

---

[1] Ленин. Собр. соч. 3-е изд. Т. XVIII, стр. 108.
[2] Там же, стр. 250.
[3] Там же, стр. 232—233.

«И от пацифистов, и от анархистов мы, марксисты, отличаемся тем, что признаем необходимость исторического (с точки зрения диалектического материализма Маркса) изучения каждой войны в отдельности», — вот главный тезис Ленина. С этим «категорическим императивом»: изучай каждую войну в отдельности как марксист-диалектик — большевизм входит ныне и во второй тур войн и революций...

С 25 октября 1917 г. ленинское учение о войне выдвигает и разрешает новые проблемы. Отныне мы оборонцы. Отныне у пролетариата есть отечество, социалистическое отечество. Защита социалистического отечества становится нашим первейшим долгом.

1. Можно ли уступить в пространстве, чтобы выиграть во времени? Да, можно! Не только можно, но и должно, отвечает Ленин. Ленин и Сталин защищают тактику Брестского мира, выдвигая «теорию передышки», отстаивая ее против тех, кто не понял (или не сразу понял), что в сложившейся тогда обстановке это был единственный путь спасения пролетарской революции в России.

Самый факт победы социализма в одной стране означает, что этой стране придется вести борьбу с окружающими ее странами капиталистического мира. Организовав у себя социалистическое производство, пролетариат этой страны должен будет так или иначе бороться против «остального капиталистического мира», привлекая к себе угнетенные классы других стран и «выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств».

2. Может ли первое, только что родившееся социалистическое государство использовать военную схватку между двумя группами всемирных разбойников-империалистов? Может ли оно, лавируя и отступая, эпизодически войти в то или другое военное «соглашение» с одной стороной против другой? Да, может, да, должно! — отвечает Ленин. «Прошу присоединить мой голос, — пишет он, — за взятие помощи у разбойников англо-французского империализма» против германских разбойников. Первая страна пролетарской диктатуры, попавшая в такое затруднительное положение, как советская Россия, на рубежах которой стояли империалистские войска, готовые ежеминутно задушить ее, не только имеет право, но обязана использовать разногласия между двумя группами империалистов, оставаясь, разумеется, верной своим собственным целям, своему собственному знамени международного социализма.

3. Может ли пролетарская страна давать концессии иностранным капиталистам, торговать с ними, платить известную «дань» иностранным капиталистам, чтобы укрепить свое положение и выждать подхода новых пролетарских сил из других стран? Да, может, да, должна! Вся возможность социалистического строительства зависит от того, сумеем ли мы в течение известного переходного времени выплатой некоторой дани иностранному капиталу защитить свою внутреннюю экономическую самостоятельность.

4. Может ли пролетарская страна в своей международной политике более длительно использовать противоречия между двумя буржуазными государствами или двумя (и более) группами буржуазных государств?

Может и должна!

«Пока мы не завоевали всего мира, пока мы остаемся, с точки зрения экономической и военной, слабее, чем остальной капиталистический мир, до тех пор надо держаться правила: надо уметь использовать противоречия и противоположности между империалистами. Если бы мы этого правила не держались, мы давно, к удовольствию капиталистов, висели бы все на разных осинах» [1].

[1] Ленин. Собр. соч. Т. XXV, стр. 498.

Дурачки социал-патриоты видели нашу «гибель» в начале наших сношений с буржуазным миром, в том, что мы начали торговать с иностранными капиталистами. Например это заявлял «марксист» Спарго, которого Ленин называл «американским Алексинским». А Ленин отвечал: верно обратное; нельзя и подыскать лучшего доказательства и моральной и материальной нашей победы над капиталистами всего мира, чем то, что державы, ополчившиеся было на нас войной «и за наш террор и за весь наш строй, вынуждены, вопреки желанию, вступить на путь торговых сношений, зная, что этим они укрепляют нас» [1].

5. В состоянии ли пролетарское государство, пользуясь передышкой, поднять свое хозяйство, догнать и перегнать буржуазные страны в хозяйственном отношении, развить индустриализацию, устремиться на всех парах вперед?

Да, в состоянии! Да, при правильной политике пролетарское государство сможет достигнуть этого. И на эту цель должно быть устремлено все внимание пролетарской партии, раз она вырвалась из империалистской войны и победоносно окончила гражданскую войну.

Отсюда великий лозунг Ленина «Либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также экономически».

Партия Ленина доказала, что она твердо помнит завет учителя. Успешное выполнение пятилетки в четыре года — лучшее тому подтверждение. Вся нынешняя работа партии под руководством ленинского ЦК — лучшая тому порука.

Гениальная внешняя политика нашей партии, проводившаяся под руководством Ленина и Сталина и проводимая сейчас под руководством Сталина, добилась таких гигантских успехов, что их должны были признать даже враги.

III

Истины, которые Владимир Ильич в годы первой мировой империалистской войны отстаивал против целого мира врагов, против громадного большинства тогдашних «рабочих» партий, теперь незыблемо вошли в железный инвентарь международного рабочего движения. Переберем здесь только некоторые из самых важных звеньев тактической системы Ленина во время мировой войны.

Возьмем главный лозунг большевизма в этот период—«Превращение империалистской войны в войну гражданскую». Именно этот лозунг Ленина довел антибольшевистские страсти до белого каления. Именно за этот лозунг Ленин был об'явлен «изменником отечеству», «маниаком», «фантастом» и так далее. Именно этим лозунгом Ленин, по утверждению даже тогдашних «левых», больше всего «изолировал» себя в «Интернационале». А что показала история? Что показала вся международная классовая борьба пролетариата? В «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции» Ленин, вспоминая это время, писал:

«Слуги буржуазии и ее подпевалы в лице эс-эров и меньшевиков, в лице всей мелко-буржуазной, якобы «социалистической» демократии всего мира, издевались над лозунгом «превращения империалистской войны в войну гражданскую». И этот лозунг оказался единственной п р а в д о й — неприятной, грубой, обнаженной, жестокой, все это так, но п р а в д о й среди тьмы самых утонченных шовинистских и пацифистских обманов... Нельзя вырваться из империалистской войны, из порождающего ее неизбежно империалистского мира... нельзя вырваться из этого ада и н а ч е, как

[1] Ленин. Собр. соч. Т. XXV, стр. 486.

большевистской борьбой и большевистской революцией... Первый раз за сотни и за тысячи лет рабы ответили на войну между рабовладельцами открытым провозглашением лозунга: превратить эту войну между рабовладельцами — из-за дележа их добычи — в войну рабов всех наций против рабовладельцев всех наций.

Первый раз за сотни и тысячи лет этот лозунг превратился из смутного и бессильного ожидания в ясную, четкую политическую программу, в действенную борьбу миллионов угнетенных под руководством пролетариата, превратился в первую победу пролетариата, в первую победу дела уничтожения войн, дела союза рабочих всех стран, над союзом буржуазии разных наций, той буржуазии, которая и мирится и воюет на счет рабов капитала, на счет наемных рабочих, на счет крестьян, на счет трудящихся»[1].

К этим гордым словам, вошедшим в историю в тот же момент, как они были высказаны, прибавлять нечего.

Лозунгу «Превращение империалистской войны в войну гражданскую» даже противники войны из числа левых (спартаковцы) и центристов (Троцкий) в 1914—1917 гг. противопоставляли другой «лозунг» — лозунг мира. Именно: противопоставляли! В этом было все дело.

Никто не сумел создать в массах такую популярность лозунгам «Хлеба, мира, свободы», как это сумели сделать большевики в определенный период русской революции. Но у них это было не противопоставлением лозунгу «Превращение империалистской войны в гражданскую», а применением его, конкретизацией его, «расшифровкой» его в наиболее понятном для народных масс виде. Так же как лозунг «Долой десять министров-капиталистов» в определенной обстановке стал популяризацией идеи диктатуры пролетариата, так большевистская пропаганда мира в трехчленной формуле «Хлеба, мира и свободы» явилась в определенной обстановке только популяризацией идеи превращения империалистской войны в войну гражданскую.

То же самое, только в другой обстановке, видим мы и теперь, в 1934 году. Никто не добивается мира с большей последовательностью и настойчивостью чем большевистское правительство. Это вынуждены признать даже наши враги. Никто не борется против опасности новых войн с большей страстностью чем коммунисты. Но это удается большевизму только потому, что он остается верен революционной постановке этого вопроса. Военный рост вооружений давно привел бы к войне, если бы за войной не стояла революция еще ближе чем за вооруженным миром. Другими словами: если бы империалисты не знали, что мировой коммунизм сумеет использовать всякую новую империалистскую войну для превращения ее в гражданскую; если бы капиталисты не должны были считаться с тем, что всякую их войну рабочий класс под руководством коммунистов попытается использовать для ускорения пролетарской революции, — они гораздо скорее развязали бы новую войну. Лакеи буржуазии во главе с Каутским упрекают коммунистов в том, что они будто бы «ставят ставку на войну». А между тем двадцатилетие 1914—1934 гг. показало всему рабочему классу, что именно большевикам удалось вырвать первую сотню миллионов людей из ужасов империалистской бойни и удалось это им потому, что они сумели превратить империалистскую войну в войну гражданскую. Всякий, кто имеет глаза, чтобы видеть, не может не констатировать теперь, что в нынеш-

[1] Ленин «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции». Т. XXVII, стр. 27—28. Разрядка наша.—Г. З.

ней напряженной обстановке, когда ружья готовы сами начать стрелять, для дела мира реально работают только коммунисты и работают именно тем, что всякую империалистскую войну они готовятся превратить в гражданскую.

Если бы мы не имели массовых коммунистических партий в ряде стран Европы и Азии, если бы мировой большевизм не воспитал в этих странах целого поколения борцов, беззаветно преданных ленинской идее превращения империалистской войны в гражданскую, — империалисты давно развязали бы новую империалистскую войну. Сторонники «лозунга мира» в той его постановке, какую давали Каутский, Троцкий и К° в 1914 г., на деле помогали и помогают империалистским войнам. А противники такого «лозунга» мира и сторонники превращения империалистской войны в гражданскую на деле работают и для дела революции и для дела мира: они одни заставляют капиталистов хотя бы только на время откладывать новую войну.

Такова диалектика.

Ленин говорил в 1921 г., что вопрос, стоящий теперь перед нами,—«это вопрос о том, будет ли в следующей, на наших глазах подготовляемой буржуазией, на наших глазах вырастающей из капитализма, империалистской войне перебито 20 миллионов человек (вместо 10 миллионов убитых в войне 1914—1918 гг., с дополняющими ее «мелкими» войнами, не конченными и по-сейчас), будет ли в этой неизбежной (если сохранится капитализм) грядущей войне искалечено 60 миллионов (вместо искалеченных в 1914—1918 гг. 30 миллионов). И в этом вопросе наша Октябрьская революция открыла новую эпоху всемирной истории»[1].

С тех пор, как сказаны эти слова, прошло 13 лет. Если до сих пор дело еще не дошло до новой войны и не были перебиты 20 млн. и искалечены 60 млн. человек, если есть еще какие-либо шансы оттянуть на некоторое время новую империалистскую войну, — львиная доля заслуги в этом принадлежит Октябрьской революции, которая «открыла новую эпоху всемирной истории», и Коминтерну, твердо ставшему на почву превращения империалистской войны в гражданскую. Предотвратить новую войну, в которой убито и искалечено будет 80 и более миллионов людей, может только победа пролетарских революций в решающих империалистских странах.

IV

Где и когда раньше разразится новая война?

Где и когда раньше осуществится единый революционный фронт рабочего класса?

В сущности, именно эти две проблемы являются наиболее актуальными к моменту 20-летия первой мировой империалистской войны. Обе эти проблемы представляют только две стороны одного и того же вопроса, ребром поставленного 4 августа 1914 г.: либо рабочий класс сумеет ликвидировать раскол, внесенный в его ряды буржуазией через социал-демократию, и создаст единый революционный фронт под знаменем большевизма, либо буржуазия учинит еще не одну мировую бойню и перебьет еще не одну сотню миллионов людей во имя интересов различных групп финансового капитала. В последние годы вопрос о едином фронте больше всего связывали с вопросом о фашизме. В действительности это вопрос не только о фашизме, но и о новой войне. Впрочем фашизм, кроме всего остального, ведь означает именно войну.

[1] Ленин «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции». Т. XXVII, стр. 27. Разрядка наша.—Г. З.

Ход и исход первой мировой империалистской войны оставили нам и для нынешнего времени именно эту постановку вопроса. Победа пролетарской революции на $^1/_6$ части земного шара нанесла громадный удар империализму, но гарантии против новых империалистских войн Октябрьская победа в себе самой еще не заключала. В статье «О тезисах по аграрному вопросу французской компартии» Ленин в декабре 1921 г. писал:

«Нет сомнения, что революция пролетариата одна только может положить конец и несомненно положит конец всяким войнам вообще. Но было бы пацифистской иллюзией думать, что победоносная революция пролетариата в одной стране, например, во Франции, сразу и наверняка уничтожит всякие войны.

Опыт России наглядно опроверг эту иллюзию» [1].

Борьба пролетариата капиталистических стран против новых войн получает, разумеется, гигантскую поддержку в том факте, что на $^1/_6$ части земного шара существует и процветает социалистическое государство. Но сразу и наверняка уничтожить всякие войны победа эта еще не может.

Единый фронт становится «вопросом всех вопросов» прежде всего именно потому, что без новых революций пролетариата неизбежны новые войны. Подспудные стремления рабочей массы — в том числе и беспартийных и социал-демократических рабочих — к единому фронту растут, ибо масса чутьем улавливает приближающуюся новую военную грозу. Исполняются сроки. Надвигается новая война. И либо все мы, рабочие, об'единимся и свергнем буржуазию, либо она вновь заставит нас воевать, заставит нас гибнуть за дело империализма—эта альтернатива стучится в сознание рабочего-«середняка» во всем мире.

Ряд важнейших симптомов говорит о том, что Коминтерну в ближайшую эпоху предстоят громадные успехи именно в области реализации единого рабочего фронта. Ряд симптомов говорит о том, что в этой области коммунистам предстоит пожать обильную жатву и собрать теперь «в закрома» то, что было посеяно за целых 15 лет.

Две названных проблемы являются сейчас в указанном смысле главными. Ключ к вопросу о сроке и месте новой войны больше всего в данный момент находится в Англии. Ключ к вопросу о сроке и месте победы единого рабочего фронта больше всего в данный момент находится во Франции.

Остановимся на этих двух вопросах подробнее.

В сочинениях Ленина разобран целый ряд вариантов второго тура войн, причем Владимир Ильич всегда оговаривался, что знать точно срок и группировку империалистических держав невозможно. На несколько лет раньше или позже—этого знать точно невозможно. Сначала Америка против Англии, или Япония против Америки, или Америка против Японии плюс Англия—этого знать абсолютно точно нельзя. В какой именно комбинации и в какой именно срок империалисты начнут новую войну против СССР—этого тоже с абсолютной точностью знать нельзя. На XVII с'езде партии товарищ Сталин, развивая учение Ленина о войне, наметил ряд вариантов войны, вытекающих из мировой обстановки, как она сложилась через 10 лет после смерти Владимира Ильича и спустя 20 лет после начала первой мировой империалистской войны.

Один из этих вариантов, естественно, интересует международный пролетарский авангард больше всего и прежде всего. Это возможная коалиция японского империализма с фашистской Германией под руководством и протекторатором английского империализма против СССР. Этот империалистский «треугольник» до самого последнего

[1] Ленин. Собр. соч. Т XXVII, стр. 102.

времени вырисовывался все более четко как главная опасность для международного пролетариата на ближайший период.

Если японский империализм несколько отложил решительные действия, то это, во-первых, потому, что он сейчас «в уме» складывает рост своих вооружений с ростом германских вооружений и, противопоставляя сумму этих слагаемых росту вооруженных сил СССР, приходит к выводу, что все еще надо «довооружаться». И, во-вторых, потому, что европейский союзник и покровитель, который должен руководить всем предприятием, в значительной мере финансировать его и обеспечить ему дипломатический и всякий другой тыл, еще не сказал решающего слова.

Во всяком случае, не мировой большевизм будет возражать против «отодвигания» войны, какими бы мотивами оно ни об'яснялось. Мы помним слова Ленина о «самой главной победе, которую мы одержали над Антантой».

«Мы у нее отняли ее солдат, — писал В. И. — Мы на ее бесконечное военное и техническое превосходство ответили тем, что отняли это превосходство солидарностью трудящихся против империалистических правительств...

Это — наша первая и основная победа, потому что это не только военная и даже не военная победа, а победа на деле той международной солидарности трудящихся, во имя которой мы все революцию начинали, указывая на которую, мы говорили, что как бы много ни пришлось нам испытать, все эти жертвы окупятся развитием международной революции, которая неизбежна» [1].

Эти слова учителя мы помним. К тому же: что касается «бесконечного военного и технического превосходства», то времена не только меняются, но уже изменились...

Мы знаем, что, кроме четырех действий арифметики, существует еще высшая математика и что политика ближе к последней, как говорил Ленин.

Мы понимаем подлинные мотивы японских и германских империалистов и их покровителей. И мы внимательно всматриваемся в положение каждой из этих стран.

Внутреннее положение Японии отнюдь не улучшается.

Внутреннее положение фашистской Германии ухудшается с каждым днем, а после событий 30 июня 1934 г. будет ухудшаться еще быстрей. Фашистская буржуазия стремится начать внешнюю войну, надеясь через войну одним ударом выправить свое положение. Но без поддержки со стороны британского империализма она не может ни довести до конца свои вооружения, ни тем более начать войну. Англия выступает до известной степени суперарбитром между Францией и Германией. Англия диктует Италии ее отношение к Германии.

В этом смысле «ключ» сейчас больше всего в руках Англии.

Ну, а в каком смысле ключ к вопросу о победе единого фронта больше всего находится сейчас во Франции?

Во Франции в настоящий момент быстро назревает разрешение вопросов и о реализации фашистского переворота и о начале превентивной войны. Фашистское крыло французской буржуазии черпает из внутреннего положения Франции: ее экономики, результатов кризиса, финансового положения, рабочего вопроса и т. д. и т. п. — немало «аргументов» в пользу необходимости фашистского переворота. Но все же самые решающие «аргументы» оно черпает из сферы иностранной политики. Если в Германии у власти фашисты, если фашисты бешено вооружают Германию, если британский империализм «слегка» поддерживает в этом фашистскую Германию, если итальянский фашизм, имея конфликт с Германией из-за Австрии, в то

[1] Ленин. Собр. соч. Т. XXIV, стр. 594—595. Разрядка наша.—Г. З.

же время не возражает против германских вооружений, — то для влиятельных кругов французского империализма это не может не быть решающим аргументом в пользу создания фашистского режима у себя, во Франции, главным образом для организации войны, которую часть французской буржуазии хочет трактовать как превентивную. Победа фашизма во Франции в небывалой степени приблизила бы начало новой мировой войны. Сколько бы ни болтали Розенберги о «мировом фашизме» и «фашистском интернационале», в действительности международно-организованный фашизм невозможен, как невозможен международно-организованный капитализм вообще. Нет никаких сомнений, что фашистская Франция и фашистская Германия втянулись бы в военное столкновение — при прочих равных условиях — быстрее и острее нежели Франция и Германия при «нормальном» «демократическом» режиме. Либо это, либо их временная сделка непосредственно против СССР и в определенный момент все-таки бешеная драка между Францией и Германией.

Такова диалектика.

Однако фашистский переворот во Франции вызревает после фашистских переворотов в Германии, в Австрии и т. д. Этот чисто хронологический момент имеет немалое политическое значение. Берлинские и венские уроки оказали громадное влияние на рабочий класс Франции и на французские народные массы вообще. Французский пролетариат чувствует, что фашистский переворот в Париже, при теперешней мировой обстановке,—это наверняка новая мировая война со всеми ее ужасами, не говоря уже об ужасах самого фашизма. Французский фашизм ныне представляет уже большую силу, но все же еще далеко недостаточную для того, чтобы рискнуть прямо прорываться к власти. Мелкая буржуазия французским фашизмом не завоевана, а весь пролетариат уже становится на дыбы против фашизма (между прочим, именно потому, что дело происходит после Берлина и после Вены). Уроки германских событий июня 1934 г. еще усилят сопротивление французских рабочих. Рабочий класс Франции имеет все шансы не пустить фашистов к власти. Но это возможно только в том случае, если пролетарский авангард сумеет создать единый революционный рабочий фронт против социал-фашистской верхушки, которая бахвалится своими «антифашистскими» устремлениями, но которая на деле и во Франции расчищает дорогу фашизму.

События января—февраля 1934 г. во Франции показали, как реальна, как близка там опасность фашистского переворота. Но они же показали, как близок, как возможен единый рабочий фронт во Франции и какую гигантскую силу он представит, если будет осуществлен под руководством коммунистов. Если этот единый фронт во Франции осуществится, тогда станут возможными события, еще куда более грандиозные чем февральская всеобщая стачка 4 миллионов. Тогда французский пролетариат распрямит свою спину и покажет дорогу рабочим Англии, Германии, Австрии и ряда других стран. Крик галльского петуха в нынешней напряженной атмосфере встретил бы могучий отклик рабочих всего мира, среди которых усиленно «зреет идея штурма». Победа тактики единого революционного фронта во Франции показала бы пролетариям всех стран, «как это делается». Это был бы одновременный удар и по фашизму и по опасности войны. Это был бы такой удар по социал-фашизму, который добил бы подорванную социал-фашистскую верхушку в ряде стран. Это было бы такое великое событие, которое получило бы особенно большой отклик в Англии, где вопрос о сроках войны решается всего непосредственнее.

Фашистский переворот во Франции ближе всего отразился бы в Англии. Именно здесь он имел бы самые роковые последствия. И наоборот: победа единого революционного фронта во Франции возымела бы опять-таки громадное влияние в Англии и, разумеется, также в Германии и ряде других

стран. Это было бы такое благотворное событие, которое во многом повернуло бы весь ход вещей в пользу мирового пролетариата.

Говоря так, мы, разумеется, нисколько не умаляем значения борьбы за единый революционный фронт в других странах капитала, прежде всего в Германии и Австрии, где фашисты уже у власти. Добиться об'единения всего германского рабочего класса (или хотя бы его большинства) под руководством коммунистов — задача всемирно-исторического значения. Сбросить фашизм в Германии, Австрии и других странах тоже означает ударить и по опасности войны и по опасности новых фашистских переворотов. В английской буржуазной печати попадаются известия, что после событий 30 июня 1934 г. влияние коммунистов в Германии «распространяется как лесной пожар». Успехи германских и австрийских коммунистов в проведении тактики единого фронта имеют и будут иметь благотворное влияние на ход событий и в Англии и во Франции. Но все-таки главное звено сейчас в этом отношении — Франция. Здесь вопрос особенно актуален. Французская арена классовой борьбы сейчас особенно выпукло видна рабочим всех стран. Здесь рабочее движение еще не загнано в подполье. Здесь каждый шаг передовых рабочих в борьбе за единый фронт немедленно становится достоянием гласности. Здесь непосредственный исход борьбы сейчас решает особенно многое для ближайшего развития событий. Отбить натиск фашизма во Франции и развернуть дальнейшее наступление единого рабочего фронта сейчас означает оказать громадное влияние на ближайший ход мировой истории.

Вот в каком смысле мы говорим, что ключ к единому рабочему фронту сейчас больше всего находится во Франции.

Французская компартия становится во главе борьбы за единый рабочий фронт во Франции. Социал-фашистской верхушке становится все труднее маневрировать. Тот «вариант», который начал теперь осуществляться во Франции, есть не худший из вариантов. Тяга к единому фронту распространяется сейчас среди французских рабочих с изумительной, прямо-таки стихийной силой. Это симптом. Это надежда.

Чтобы правильно осуществить эту великую задачу, французская компартия должна была очиститься от перебежчиков (Дорио), играющих на стремлении рабочих к единому фронту для того, чтобы протаскивать фактическую ликвидацию компартии.

Когда в органе Дорио (статья Venet в журнале «Эмансипацион» от 28 апреля 1934 г.) пишут: «Мы хотим победить фашизм. Мы знаем, что только единство всех сил, заявляющих себя (se réclamant) антифашистскими, может привести нас к цели», — это есть «тактика» слияния с социал-фашистами и срыва единого революционного фронта. Ибо социал-фашистская верхушка, конечно, «заявляет себя» антифашистской, но на деле как и в Германии расчищает дорогу фашистам. Когда Дорио против ЦК компартии пишет (в том же журнале от 12 мая), что рабочим «надоели уловки, выдвигаемые как помеха делу об'единения с другими фракциями (!) рабочего класса (avec les autres fractions de la classe ouvrière), то ясно, что человек, который договорился до этого, порвал с коммунизмом. Назвать современную официальную «социал-демократию», т. е. ее официальные верхи, «фракцией» рабочего класса, с которой должна об'единиться другая «фракция» рабочего класса (т. е. коммунистическая партия),—значит перейти на сторону врага.

После исключения из партии Дорио окончательно снял маску. На собрании в Сен-Дени 5 июля 1934 г. Дорио уже открыто нападает на СССР и провозглашает: «Необходимо соединить революционный динамизм компартии с огромным политическим опытом социалистической партии, с тем чтобы создать большую настоящую пролетарскую партию». А 15 июля 1934 г. Дорио

печатает в социал-демократическом «Попюлере» письмо, в котором заявляет: «Партия, предлагающая единство действий, не имея в виду в дальнейшем добиться организационного единства, употребляет нечестный маневр, который следует с негодованием отвергнуть».

Дорио перешел на сторону Блюма и К°.

Только очистившись от таких «друзей» единого рабочего фронта, французские товарищи смогут осуществить подлинный единый фронт, как его защищает Коминтерн.

V

Тема «большевизм и война» непременно включает в себя тему «большевизм и борьба за единый революционный фронт рабочих». Эта последняя тема является самой злободневной в мировом рабочем движении к 20-летней годовщине империалистской войны. Это — то звено, за которое надо теперь всеми силами ухватиться, чтобы вытащить всю «цепь».

Но, разумеется, залог победы — только в той постановке, которую дает этой проблеме Коминтерн.

Двадцатилетие (1914—1934) капитализм в Европе прожил «за счет» социал-демократии. Если бы европейская социал-демократия в 1914 г. окончательно не перешла на сторону буржуазии, если бы она не поддержала разбойничью империалистскую войну, если бы она в начавшихся к концу войны революциях не выступила рука об руку с офицерским корпусом буржуазии в роли усмирительницы рабочих восстаний,—капитализм уже давным-давно был бы свергнут в ряде европейских стран.

Об этом нельзя ни на минуту забывать и теперь, когда опасность новой войны надвинулась вплотную и когда с перспективой новой войны в довольно близком будущем необходимо считаться как с чем-то весьма реальным. Официальная социал-демократия сошла нанет в целом ряде стран. Но, тем не менее, она продолжает оставаться важнейшей социальной опорой буржуазии в рабочем движении как «демократических», так и фашистских стран. Особенно, когда новая война начнется, услуги социал-демократии будут сугубо нужны буржуазии.

В чем состоит сейчас важнейший «социальный заказ», получаемый официальной социал-демократией в тех странах, где еще существует «демократический» режим? Больше всего и прежде всего—в идеологическом оправдании империалистской внешней политики буржуазии данных стран, в оправдании подготовки войны «своим» империализмом. Дело это для империалистской буржуазии не маленькое. В народных массах всего мира еще живы воспоминания о первой империалистской бойне, отвращение к ней, ужас перед войной, вражда и ненависть к войне. Поднять массы на новую войну за контрреволюционные империалистские цели — делю крайне трудное для самых «демократических» правительств. Без уверенности в поддержке со стороны своих «социалистов» решиться на это дело невозможно, ибо только при их помощи можно еще рассчитывать вновь расколоть «свой» рабочий класс, внести в его ряды колебания, увлечь хотя бы часть его на поддержку войны.

В этом отношении особенно характерно положение в Англии, которая все еще является важнейшей твердыней империализма в Европе и одной из сильнейших империалистских твердынь во всем мире. Ключ к вопросу о сроках новой империалистской войны в данный момент в данной конкретной международно-политической обстановке, как мы уже говорили, больше всего в руках Англии. Но без поддержки со стороны «своей» «рабочей партии» британский империализм не может решиться развязать новую

войну. И в этом смысле состояние умов в «рабочей партии», ее политика, настроение массы ее членов имеют гигантское значение.

Что народные массы Англии—и прежде всего рабочие массы—настроены против войны, это ясно. Более того. Рабочие массы Англии чуют, что ключ от сроков новой войны сейчас больше всего находится в руках британских империалистов. Народные массы Англии смутно догадываются, что именно в Англии больше всего решается сейчас этот вопрос, что именно в Англии, в кругах твердолобых, вызревает адский замысел, что именно здесь в тайне «рождается» война, что именно здесь, за спиной народа, вершится это темное дело, что именно в котле британского империализма больше всего варится эта отрава, несущая смерть десяткам миллионов людей. Народные массы, поддерживающие английскую «рабочую партию», смутно об этом догадываются и больше чуют правду, нежели знают и понимают ее, ибо ясно и точно понять дело мешает им именно «рабочая партия», сознательно и планомерно дезориентирующая рабочих в этом коренном вопросе.

Вожди английской «рабочей партии» действуют в этом пункте особенно искусно, опираясь и тут на традицию своей многоопытной и искушенной в обмане народных масс буржуазии. «Рабочая партия» очень ловко играет на тревоге народных масс, опасающихся того, что именно в Англии сейчас «делается» новая война. Именно вокруг этого, вокруг вопроса о подготовке новой войны, будет идти, вероятно, вся избирательная борьба на общих выборах в английскую Палату депутатов, если только эти выборы будут происходить в «нормальной» обстановке, без особых сюрпризов. Это очень важно понять, дабы отдать себе отчет и во всех дипломатических маневрах английской буржуазии на внешней арене. Вожди английской «рабочей партии» очень искусно пускают сейчас в ход пацифистские мелодии и, эксплоатируя ненависть народных масс к новой войне, опять привлекают на свою сторону рабочих и мелкобуржуазных избирателей. Именно н а э т о м покоятся все избирательные успехи «рабочей партии» в последний период. В то же время заправилы «рабочей партии» н а д е л е всюду и везде п о д д е р ж и в а ю т и з а щ и щ а ю т иностранную политику британского империализма, готовящего новую войну и только выбирающего для этого более «подходящую» ситуацию и более «удобную» группировку сил.

Пацифистские фразы для масс и реальная поддержка «своего» империализма на деле!—такова политика вождей «рабочей» партии.

Присмотритесь поближе к разделению труда между Макдональдом и Гендерсоном! Английская буржуазия, когда это ей понадобилось, произвела «маленький» раскол в «рабочей партии» и взяла себе в премьеры виднейшего и популярнейшего вождя «рабочей партии» — Макдональда, создав для него полуфиктивную группу под названием «национал-лейбористская партия». Буржуазия держит Макдональда в премьерах, хотя консерваторы имеют гигантское большинство в палате и могут в любой момент посадить премьером своего твердолобого. Это делается потому, что так легче обмануть рабочих, в особенности—в вопросе о новой войне. Макдональд десятки лет выступал как пацифист. При его помощи легче вести подготовку к новой войне.

Гендерсон перешел в «оппозицию» к правительству. Он признанный лидер «рабочей партии», после того как из нее ушел Макдональд. Гендерсон пожинает сейчас избирательные лавры, клянется и божится перед массами, что он «против войны», что он пацифист. А на деле он помогает внешней политике британского империализма не менее эффективно чем Макдональд. Именно Гендерсону — лидеру «оппозиции» — не шутите! — британский «разоружению», т. е. дал ему место, наиболее «удобное» для обмана рабочих империализм поручил председательствовать в Женеве на Конференции по масс. Британский империализм сам дал в руки «страшному» вождю «оппо-

зиции» те ноты, по которым сей вождь оппозиции должен петь оппозиционно-пацифистские арии.

Когда недавно (летом 1934 г.) в Женеве на Конференции произошла стычка между английским империализмом (Саймон) и французским империализмом (Барту), страшный вождь «оппозиции» Гендерсон, несколько позабыв свою роль, так распинался в пользу «своего» империализма, что самим хозяевам пришлось его одернуть и умерить его пыл. В Женеве на деликатнейших поручениях Гендерсон нисколько не менее полезен британскому империализму чем Макдональд.

Макдональд и Гендерсон раскололись, вернее, их расколола английская буржуазия, потому что ей это нужно в интересах империалистской внешней и внутренней политики. Буржуазия установила между ними определенное разделение труда. Если завтра ей понадобится, она произведет еще один—два раскольчика в «рабочей партии» и переставит «вождей» так, как это нужно для лучшего обмана масс.

В 1933 г., на Брайтонском конгрессе, лейбористы сочли необходимым для завоевания симпатий встревоженных опасностью войны рабочих принять резолюцию, в неопределенных выражениях намекающую на возможность об'явления всеобщей стачки в случае войны. А 29 июня 1934 г., на заседании об'единенного руководства «рабочей партии» и трэдюнионов вопрос об отношении к войне поставлен был заново и принято решение о «непрактичности» всеобщей стачки! Война близится, и надо развязывать себе руки. Поэтому выгодно намекнуть, что, может быть-де, Англии придется вести войну против фашистской Германии и такой войне «мы» должны помочь.

Гендерсоны, конечно, прекрасно знают, что на деле английский империализм, когда это ему выгодно, в иных важных вопросах поддерживает фашистскую Германию, помогает ей вооружаться, покровительствует ее блоку с Японией против СССР. Так было, по крайней мере, до самого последнего времени. Но лейбористские двурушники ловко используют ненависть английских народных масс к германскому фашизму, чтобы провалить «раз навсегда» идею всеобщей стачки, посеяв среди рабочих мысль об ее «непрактичности». Англия не должна участвовать в «агрессивной» войне. В случае же «оборонительной» войны следует защищать империю, говорится в резолюции. Ну, а какая война является «агрессивной» и какая «оборонительной», это уж Гендерсоны в свое время «раз'яснят». Не впервой!

Нельзя ни минуты сомневаться в том, что, когда пробьет час войны, Гендерсон и К° активно встанут на сторону «своего» империализма, как это было и в войне 1914—1918 гг. А пока что они улавливают массы пацифистскими лозунгами, ибо это пока выгодно самим империалистам. Без Гендерсонов британский империализм не мог вести войну 1914—1918 гг. и тем более не может вести войну теперь. «Пацифистская» игра вождей социал-демократии имеет поэтому очень большое значение, и опасность этой игры нельзя недооценивать. Можно даже сказать так: в послевоенный период у социал-демократических вождей было два козыря: 1) использование лозунга «Демократия против диктатуры» и 2) антивоенные фразы. После того как война окончилась, стали выгодны пацифистские клятвы: никогда, мол, мы не допустим новой войны.

Первый лозунг (демократия против диктатуры) явно выдохся или выдыхается после событий в Германии, Австрии и т. д., но второй (пацифистские заверения) еще действует.

В рабочей среде, в народных массах многие еще верят, что официальная социал-демократия войны все же не хочет и будет бороться против нее. В частности в Англии еще верят, будто «рабочая партия» «против войны».

Членская масса «рабочей партии» действительно против войны. Так было и в 1914 г. в Германии да и в ряде стран. Но в решающий момент именно

поведение вождей, поведение официального аппарата партии и социал-демократических профсоюзов получало гигантское значение, потому что вожди действовали в полном согласии со всем аппаратом буржуазных правительств. Когда в ходе войны 1914—1918 гг. Каутский, Троцкий и К° пробовали доказать, что большевики «преувеличивают» роль социал-демократических вождей, и ссылались на то, что-де и сами массы поддались патриотическому угару (аналогичные «доводы» те же люди приводят теперь по поводу фашистского переворота в Германии и Австрии), Ленин отвечал:

«Военная организация (т. е. военная организация империалистов.—*Г. З.*) была налицо, в ней измены вождей не было, она призывала «массу» поодиночке, ставя ультиматум: иди в войско (по совету своих вождей) или расстрел. Масса не могла поступить организованно, ибо организация ее, созданная заранее, организация, воплощенная в «горстке» Легинов, Каутских, Шейдеманов, предала массу, а для создания новой организации нужно время, нужна решимость выбросить вон старую, гнилую, отжившую организацию» [1].

На это же рассчитывают социал-демократические вожди и теперь, перед новой войной. «Мы», мол, их (рабочих) убаюкаем, захлороформируем, успокоим до поры до времени пацифистскими фразами, а «они» в свое время поставят перед каждым из них поодиночке ультиматум: иди в войско или — расстрел! Сами по себе официальные вожди социал-демократии, конечно, большой силы не представляли бы. Но в сочетании с государственной машиной буржуазии, могущей в решающий момент поставить рабочих «поодиночке» перед гильотиной этакого ультиматума, они сила. И в этом смысле нынешней, хоть и сильно потрепанной, социал-демократии предстоит еще сыграть крупную роль в предстоящей войне. В этой функции она очень ценна для буржуазии, не менее ценна чем фашисты.

VI

Выше мы говорили о «демократической» Англии. Но и в фашистской Германии mutatis mutandis (со всеми необходимыми различиями, вытекающими из различия обстановки) роль социал-демократических вождей в вопросе о новой войне та же. Какие бы «левые» манифесты теперь ни писали из Праги старые вожди германской социал-демократии, факт остается фактом: на единственном заседании гитлеровского рейхстага в котором участвовала социал-демократическая фракция (17 мая 1933 г.) и на котором обсуждались вопросы иностранной политики Германии, социал-демократические депутаты (65 человек) высказались и голосовали за программу, изложенную с трибуны рейхстага Гитлером. И это, — когда еще войны не было! И это — в момент, когда Гитлер обрушивал на голову социал-демократической партии жестокие репрессии! Ну, а когда война начнется, когда социал-демократические вожди будут стоять «на почве уже совершившихся фактов» и когда их опять поманят пальцем? В упомянутом «историческом» заседании рейхстага. Гитлер в ответ на любезные декларации социал-демократического вождя Вельса бросил социал-демократическим депутатам: «Вы приходите слишком поздно, но вы все же приходите». Ну, а в начале новой войны им скажут, конечно: «Вы приходите все же не слишком поздно»—и их услуги оценят!

Фрондирующие вожди итальянских социал-демократов, вынужденные сейчас пребывать во французской эмиграции, иногда намекают, что в случае войны Франции с Италией они будут на стороне первой; а австрийские социал-демократы намекают, что они будут на стороне Чехо-Словакии, про-

[1] Ленин. «Крах II интернационала». Т. XVII, стр. 265—266.

тив Австрии. Но, во-первых, в их постановке вопроса это ничего общего не имеет с «пораженчеством» пролетарских интернационалистов, как его защищали Маркс и Энгельс, как его проповедывали Ленин и Сталин в эпоху мировой империалистской войны. А, во-вторых, от слов до дела еще далеко. Как только «свое», хотя бы фашистское правительство поманит их, многие из верхушки официальных вождей тотчас же бросятся в его об'ятия.

Элементарный долг всякого, кто чувствует связь с рабочим делом, заключается в том, чтобы уже теперь, раньше, чем война началась, заявить: «Во всяком случае и при всех условиях я буду на стороне СССР, отечества пролетариев всех стран, против всех буржуазных «отечеств», в том числе и «моего». Но именно этой элементарной декларации не делает ни один из вождей современной социал-демократии ни в «демократических», ни в фашистских странах. Куда там! Даже самые «левые» из них еще совсем недавно травили СССР, клеветали на всю политику пролетарского государства. Даже «левый» Отто Бауэр на марсельском конгрессе II интернационала (1925 г.) провел резолюцию, в которой говорилось: «Если раньше необходимо было бороться за признание России и против капиталистической интервенции (что-то никто не заметил этой «борьбы».—*Г. З.)*, то теперь нужно думать о том, как охранить соседей России от русской империалистской (!) интервенционистской (!!) политики». Мы не говорим уже о выступлениях Вельсов, Гендерсонов и К°, защищавших в свое время ультиматум Керзона, и т. п. Достаточно вспомнить, как держали себя официальные органы II интернационала во время конфликта СССР с китайскими генералами из-за КВЖД.

Затаенная мечта наиболее «законченных» представителей социал-фашизма заключается в том, чтобы «они» (та или другая империалистская коалиция) в войне свергли большевиков, а потом призвали бы «нас» (социал-демократов) для мирного строительства на базисе «возрожденной» демократии. Немножко «обрезать» фашистов и зарезать при этом коммунистов — вот реальная программа официальной верхушки нынешних «социал-демократических» партий в ряде стран. Это единственная «перспектива», которую эти господа считают «реальной». Мы нисколько не преувеличиваем. Перелистайте «левый» орган германской социал-демократической эмиграции «Новый форвертс». О чем мечтает эта газета? О том, чтобы внутри Германии фашистская диктатура сменилась военной диктатурой какого-либо рейхсверовского генерала. Это они считают единственно реальной перспективой. Такая военная диктатура неминуемо призовет «нас», рассуждают они, и в то же время будет душить коммунистов. Ну, а что касается внешней политики, то, конечно, она должна остаться «национальной» (читай: империалистской), и тут «отечество» (читай: капитал) может на «нас» рассчитывать целиком.

В фашистских странах официальная социал-демократия сейчас «в оппозиции». Именно — «в оппозиции». Рабочая социал-демократическая масса ненавидит весь фашистский строй, и в ней «зреет идея штурма». Для нее дело идет о революции, а не об оппозиции. А старая официальная верхушка—мы говорим не о низовом и даже не о среднем функционере, а именно о политической верхушке—чувствует себя «в оппозиции». Что эта верхушка является и сейчас важнейшей социальной опорой «своей», хотя и фашистской, буржуазии в лагере рабочих,—это звучит иногда преувеличением. Но это факт. Главное, что нужно сейчас фашистской буржуазии в области внутренней политики, это—«не свергай меня силой, доказывай рабочим, что коммунисты предлагают нечто неприемлемое ни при каких условиях, что диктатура пролетариата гибельна», доказывай, что идея всеобщей стачки и вооруженного восстания есть «химера» и «преступная демагогия»! Ты (социал-демократический «вождь») можешь при этом употреблять какие угодно «левые»

фразы, но ты делаешь нужное «нам» дело. Оставайся на почве «оппозиции», борись против нас на почве «оппозиции», но раз ты мешаешь «им» (коммунистам) об'единять рабочих на почве революции, раз ты против того, чтобы свергать фашистский режим насильственно,—ты нам полезен, ты наша опора. Ну, а что касается внешней политики, тут ты пригодишься нам еще больше. Побывав «в оппозиции», ты будешь нам еще полезнее тем, что в решающий момент заявишь, как заявил 4 августа 1914 г.: «В минуту опасности мы не оставим своего отечества без защиты». Что ты поступишь именно так, за это ручаются все твое «славное» прошлое и вся твоя позиция по отношению к СССР сейчас...»

Так или приблизительно так рассуждают вожди буржуазии в фашистских и полуфашистских странах. Японские социал-демократические вожди, все эти господа Такахаси, Иномата и К°, служат «своему» империализму так, как это вытекает сейчас из японской обстановки. Сейчас их роль для буржуазии меньше, чем она станет во время войны. Гендерсоны и Макдональды служат «своему» империализму так, как это вытекает из английской обстановки. Итальянские социал-демократические вожди, живущие в эмиграции уже десяток лет, не перестали быть «принципиальными» защитниками буржуазного отечества в империалистской войне и позволяют себе только «оппозиционные» бутады, чтобы набить себе цену. Германские и австрийские социал-демократические вожди, вроде Вельса, Каутского, Гильфердинга, Реннера, Зейца и Бауэра, журят «свои» фашистские правительства за то, что они приносят ущерб внешней политике «своих» отечеств. Но, будучи в оппозиции к Гитлеру и Дольфусу, иные из этих вождей уже сейчас открыто отстаивают «защиту отечества» в империалистской войне. Блюмы и Форы тоже «в оппозиции» и даже поссорились с Реноделем и Компер-Морелем, но они согласны с отколовшимися «неосоциалистами» (эти последние играют во Франции до известной степени ту же роль, что макдональдовская группа в Англии,—вариант, вытекающий из современной французской обстановки), но в то же время наперебой с последними тоже заявляют, что они целиком стоят за «защиту отечества» в империалистской войне. А Вандервельде и К° все это санкционируют от имени официальных органов II интернационала, направо и налево проповедуя, что «эпоха баррикад миновала», с чем полностью солидаризируются фашисты в тех странах, где они уже являются счастливыми обладателями государственной власти.

Развал современной «социал-демократии» прогрессирует быстрым темпом. На будущее она выдала «задатки» под самые различные группировки, под самые различные «фирмы». На одном фланге — на правом — у нее французская «неосоциалистская» партия, которая на деле является неофашистской партией. На другом фланге—на левом—ряд групп (преимущественно живущих в эмиграции), которые высказываются за «революционную диктатуру». Какова цена этим «левым» группам (мы говорим, конечно, не о тех группах, которые идут к коммунизму, а о тех, которые консервируются для борьбы с коммунизмом), мы хорошо знаем хотя бы по той роли, которую сыграла, скажем, «независимая» социал-демократическая партия в германской революции. Что такие «левые» на деле предают пролетариат, это мы знаем. Об этом не стоит распространяться. Интересно только одно: как они предают его, как они маневрируют сейчас, чтобы сохранить хоть некоторое влияние на рабочих. Их маневры, их лозунги характерны для того, как приходится теперь гримироваться социал-демократическим вождям, какую маску приходится им одевать. Это имеет значение как косвенный показатель тех настроений, какие живут сейчас в среде социал-демократических рабочих, которым коммунисты брат-

ски протягивают руку в общей борьбе против фашизма, против военной опасности, против капитализма вообще.

Среди верхов германской и австрийской социал-демократии этакие «левые» группы плодятся как грибы. И вот особенно интересно, как к ним относятся такие господа, как Карл Каутский. Когда группа германских «левых» выпустила под псевдонимом «Miles» брошюру-платформу под лозунгом «Neu beginnen» («начать все по-новому»), Каутский посвятил ей статью в «Zeitschrift für Sozialismus» (выходит вместо гильфердинговского «Gesellschaft»). И что же? Он целиком солидаризировался с этими «левыми». Их «теоретическую» часть с защитой «революционной диктатуры» он слегка критикует, но их «программу» в целом горячо приветствует и приемлет, ибо он знает, что только в такой «левой» маске еще можно предстать ныне перед социал-демократическими рабочими. Каутский заявляет дословно:

«Недостаток места мешает мне подробнее разобрать теоретические доводы брошюры. Еще многое в ней уязвимо. Но, к счастью (!), это относится только к ее теоретической и критической части. За этой частью идет положительная программа, и эта последняя, к нашей радости, представляет собой нечто совсем другое. К ней мы можем почти без всяких оговорок присоединиться» («Zeitschrift für Sozialismus». Heft 2, S. 57).

Вот именно! Каутский со своей точки зрения поступает неглупо. Этот махровый представитель социал-фашизма совершенно прав, когда он «с радостью» приветствует «положительную программу» «левых», которые обманывают социал-демократических рабочих, заявляя, будто они хотят работать «по-новому». О «теоретической» части мы-де успеем поспорить, а практически вы делаете то, что нам нужно, заявляет Каутский «левым». Одно это заявление Каутского, по немецкому выражению, «равносильно целым томам». Каутский откровенно признал, что иные «левые» делают его делю. После такого заявления только слепой не разберется в том «разделении труда», которое имеется между Каутскими и Милесами. Среди сторонников группы Милеса есть и честные революционные элементы. Для них поцелуй Каутского послужит предостережением.

В основном это то же «разделение труда», что между Макдональдом и Гендерсоном. Это верно в отношении проблем внутренней политики. Но еще в большей мере это относится к проблемам внешней политики, т. е. и к проблеме подготовки войны. В вопросе о «защите отечества» в империалистской войне «левые» и правые социал-демократические вожди не расходятся даже на словах. Это святая святых для вождей обоих оттенков, ибо это святая святых для вдохновляющей их буржуазии.

Отто Бауэр и К° теперь на словах готовы даже признать лозунг диктатуры пролетариата. Но разве это им впервой? Ленин писал об этих именно людях в ту пору, когда они вышли из II интернационала (теперь, кстати сказать, они из II интернационала выходить не собираются) и собирались образовать «левый» 2½ интернационал:

«Самое опасное со стороны «Бернского» Интернационала,—это словесное признание диктатуры пролетариата. Эти люди способны все признать, все подписать, лишь бы остаться во главе рабочего движения. Каутский говорит уже теперь, что он не против диктатуры пролетариата. Французские социал-шовинисты и «центристы» подписываются под резолюцией за диктатуру пролетариата!

Доверия они не заслуживают ни на волос.

Не словесное признание нужно, а полный разрыв на деле с политикой реформизма, с предрассудками буржуазной свободы и буржуазной демократии, проведение на деле политики революционной классовой борьбы»[1].

Эти слова звучат так, как если бы они были написаны вчера. Этих слов мы не забудем. Ими мы будем руководствоваться и теперь. Их мы постараемся по-товарищески раз'яснить с.-д. рабочим, которым мы протягиваем руку.

VII

О будущих темпах триумфального шествия марксизма можно судить, хотя бы отчасти, по прошлым темпам. Следующие даты дают, нам кажется, достаточно наглядное представление о том, как марксизм завоевывает мир.

Взгляды Маркса сложились 90 лет назад. О работах Маркса в 1842 г. В. И. Ленин пишет: «Здесь намечается переход Маркса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму» (Статья «Карл Маркс»)[2]. «Начиная с 1844—5 гг., когда сложились взгляды Маркса, он был материалистом»[3].

Итак, 90 лет назад, в 1844—1845 гг., сложились взгляды Маркса.

В 1848 г. появляется «Манифест коммунистической партии».

В 1864 г. основывается под руководством Маркса I интернационал, 70-летие которого мы отмечаем в нынешнем году. От того момента, когда сложились взгляды Маркса, до создания I международного товарищества рабочих проходит 20 лет.

В 1871 г.—Парижская коммуна.

В 1883 г. умирает Маркс, а в 1895 г. — Энгельс. На политическую арену вышел молодой Ленин.

В 1894 г. появляется книга «Что такое «друзья» народа». Это первый развернутый манифест марксизма-ленинизма в России. Подлинную историю подлинного марксизма, т. е. ленинизма, в России надо считать с этой великой книги, которой в нынешнем году исполнилось 40 лет.

Через десяток лет — 1905 год, переломный пункт во всей новейшей истории мира, первая революция после 1871 г. Центр тяжести мирового революционного движения начинает переходить в Россию.

В 1914 г. разражается первая мировая империалистская бойня. Крах II интернационала. «Оппортунисты давно подготовляли этот крах, отрицая социалистическую революцию и подменяя ее буржуазным реформизмом[4]. Ленин выдвигает лозунг III интернационала.

Затем—1917 г. с первой великой победой пролетарской революции в Октябре. Гражданская война. Марксизм отвоевал $^1/_6$ часть земли. Создан Коминтерн. Начало революций в Европе, зарезанных предательством со стороны официальных вождей социал-демократии.

В 1924 г.—смерть Владимира Ильича.

1924—1934 годы—великое десятилетие построения социализма в СССР, эпоха, неразрывно связанная с именем Сталина, десятилетие, когда в историю СССР вписываются [illegible]личайшей славы страницы, когда социализм одерживает гигантские победы, имеющие всемирно-историческое значение. Мировой кризис капитализма 1929 — 1934 гг. только резче подчеркивает, что капитализм гибнет, а социализм идет вперед. Это эпоха, когда всему миру

[1] Ленин. Собр. соч Т. XXIV, стр. 397.
[2] Ленин. Собр. соч. Т. XVIII, стр. 32 .
[3] Там же, стр. 8. Разрядка наша.—Г. З.
[4] Там же, стр. 64.

становится ясно, что большевизм — не «специфический продукт» войны, что большевизм призван историей перестроить весь мир, что он строит и построит социализм.

С 1844 по 1934 гг. темпы победного шествия марксизма во всем мире постепенно нарастают, хотя дело не обходится без ряда измен со стороны мнимых «ортодоксов», пытающихся извращать идеи марксизма, хотя «внутренние враги» оказываются опаснее «внешних».

Если темпы будут развиваться с такой же быстротой,—а на деле они пойдут, вероятно, быстрее,—то к столетию идей марксизма социалистический строй будет совершившимся фактом не только на одной шестой части земли.

Неверно, будто Ленин связывал следующий революционный взрыв непосредственно с грядущей войной. Напротив, Ленин еще в 1916 г. писал:

«Социалистическая революция может разгореться не только из-за крупной стачки, или уличной демонстрации, или голодного бунта, или военного восстания, или колониального мятежа, — но и из-за любого политического кризиса вроде дела Дрейфуса, или Цабернского инцидента, или в связи с референдумом по вопросу об отделении угнетенной нации и т. п.» [1].

Эти слова особенно верны сейчас, когда к возможностям, перечисленным выше, можно было бы прибавить прежде всего: социалистическая революция может разгореться из-за попыток фашистского переворота, из-за ненависти, накопленной в массах против фашистского режима, из-за резни в лагере самих фашистов и т. п.

Ленин сказал партии и всему рабочему классу незадолго до своей смерти: на этом поприще (хозяйственном) борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу—и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно. Поэтому вопросы хозяйственного строительства приобретают для нас значение совершенно исключительное. Верная этому ленинскому завету, наша партия под руководством Сталина сконцентрировала все свои силы именно на этой задаче. Великие пятилетние планы являются гениальным осуществлением именно этой идеи. Но в то же время партия помнит и другой завет Ленина. Она не забыла его слов, сказанных на VIII всероссийском с'езде советов:

«... История учит нас, что ни один крупный вопрос, ни одна революция не решилась иначе, как в ряде войн... Надо быть готовыми к тому, что при малейшем изменении положения империалистские хищники снова направятся на нас. Надо быть готовыми к этому. Для этого прежде всего надо восстановить хозяйство, надо прочно поставить его на ноги.

...Вопрос стоит именно так,—долгий ряд войн до сих пор решал судьбу всех революций, всех величайших революций. Такой величайшей революцией является и наша революция. Мы кончили одну полосу войн, мы должны готовиться ко второй.

...Если мы из первой полосы войн могли выйти, то из второй полосы войн мы не выйдем так легко...

Надо, чтобы эту несомненную истину каждый беспартийный крестьянин понял...» [2].

«Кто забудет о постоянно грозящей нам опасности, которая не прекратится, пока существует мировой империализм,—кто забудет об этом, тот забудет о нашей трудовой республике»,— говорил на VIII с'езде Владимир Ильич. Партия не забыла этих слов. Она и в «мирный» период продолжает

[1] Ленин. Собр. соч. Т. XIX, стр. 39. Разрядка наша.—Г. З.
[2] Ленин. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 30, 35, 37.

ковать вооруженные силы СССР, являющиеся в то же время вооруженными силами всего мирового пролетариата. Под руководством Сталина партия выпестовала Красную армию, Красный флот, Красную авиацию, стоящие на уровне второй пятилетки и вполне отвечающие тем запросам, которые пред'являет нам история. Товарищ Сталин говорил на XVI с'езде: «...Каждый раз, когда капиталистические противоречия начинают обостряться, буржуазия обращает свои взоры в сторону СССР: нельзя ли разрешить то или иное противоречие капитализма или все противоречия, вместе взятые, за счет СССР...» Из этого глубоко верного анализа вытекала и вытекает вполне определенная программа действий. Ход событий на каждом шагу подтверждает сказанные тогда же слова Сталина, что «буржуазия будет искать выхода в новой империалистской войне и интервенции», а «пролетариат, борясь с капиталистической эксплоатацией и военной опасностью, будет искать выхода в революции». Эти положения являются прямым продолжением и развитием учения Ленина о войне. Только благодаря тому, что партия вовремя была вооружена теорией Ленина и Сталина, Страна социализма теперь имеет стоящую на высоте эпохи вооруженную силу, имеет Красную армию второй пятилетки, дающую возможность Советскому союзу спокойно смотреть в будущее.

Ллойд-Джордж, старая лиса британского империализма, прикидывается сейчас «пацифистом». Порода прикидывающихся пацифистами имеет некоторое распространение среди премьеров не у власти, социал-демократических вождей не при месте и т. п. Недавно Ллойд-Джордж поместил «пацифистскую» статью в немецкой прессе [1]. В этой статье он не без сокрушения констатирует: «Русская армия сейчас существенно лучше, чем она была в 1914 г. Это не прежняя лавина. Она получила крылья. Говорят, ее стальные птицы—самые опасные во всём мире».

Красная армия получила крылья!.. Старый Ллойд-Джордж даже не подозревает, какую истину он высказал в этих словах. Да, она получила крылья! И «крылья» получила не только наша Красная армия, но вся страна, весь Советский союз. Крылья за спиной чувствует теперь каждый рабочий, каждый колхозник, каждый работник умственного труда. Победа первой пятилетки окончательно вывела страну на широкую дорогу социализма. Самое трудное осталось позади. Вся страна слилась с партийным руководством, с вождем мирового пролетариата и переживает такой под'ем, который напоминает самые высшие моменты нашей революции.

Марксизм учит тому, что в современной войне экономическая организация имеет решающее значение. «Ссылаются постоянно на героический патриотизм и чудеса военной доблести французов в 1792—1793 годах. Но забывают о материальных историко-экономических условиях, которые только и сделали эти чудеса возможными... Нельзя сделать страну обороноспособной без величайшего героизма народа, осуществляющего смело, решительно великие экономическое преобразования»,—писал Ленин [2]. Отсюда Ленин и выводил великий лозунг «Либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономически».

Партия под руководством Сталина выполняет этот завет с такой энергией, беззаветностью и с таким успехом, которые вызывают изумление даже у наших врагов. Партия помнит это глубокое замечание Ленина о войнах Великой французской революции. Рабочий класс во главе с коммунистической партией смело и решительно осуществляет «великие экономические преобразования», олицетворяемые пятилетними планами. Вот откуда у нас будут и такие «чудеса военной доблести», которые затмят все, что до сих пор знала история.

[1] «Биржевой курьер». Берлин, 27 мая 1934 г.
[2] Ленин. Собр. соч. Т. XXI. стр. 189—190

Да, у СССР выросли крылья! Да будет это ведомо всем, всем. Когда Сталин говорит: «Мы войны не хотим, но войны не боимся и на удар ответим ударом»,— эти слова пережиты и передуманы всей страной. За этими словами стоит дело. Гениальной внешней политике Ленина—Сталина удалось на ряд лет оттянуть новое нападение империалистов на Советскую страну. «Передышка» превратилась в целую историческую полосу. И если эту полосу еще можно удлинить, то только на тех путях, по которым ведет сейчас страну и мировое революционное движение товарищ Сталин.

Как ни велики успехи, одержанные советской дипломатией на арене иностранной политики в последние годы, партия помнит слова Ленина: «Надо об'яснить людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается...» [1]. Наша партия сделала все, чтобы помочь рабочему классу СССР разгадать «тайну» мирового империализма. Никакая империалистская коалиция не застанет врасплох Советский союз, как бы велика ни была тайна, в которой война подготовляется. Братские компартии тоже сделали многое, чтобы помочь рабочим всех стран разгадать «тайну», в которой готовятся новые войны. Там, где в 1914 г. у рабочих был только один Либкнехт, теперь будут сотни и тысячи Либкнехтов, и притом свободных от ошибок люксембургианства и прошедших большевистскую школу, школу Ленина и Сталина.

Пусть назовут нам другую партию, которая так, как большевики, выполнила свой долг в первой мировой империалистской войне и чье дело увенчалось таким успехом, как наше. Пусть назовут нам другие имена в новейшей истории человечества, которые так много говорят рабочему классу всего мира, как имена Ленина и Сталина! Когда грянет новая война, мыслящие рабочие всего мира скажут: «Мы должны идти той дорогой, которой шли большевики, которой они пришли к победе, которой они ведут международный коммунистический авангард к окончательному торжеству коммунизма во всем мире».

Новые пролетарские революции возможны и без новых империалистских войн. Но новые империалистские войны уже невозможны без новых пролетарских революций.

В момент, когда нам навяжут новую войну, с особой силой прозвучат, ударив по сердцам пролетариев всех стран, вещие слова Ленина:

«Если бы мы перед такими постоянно активно-враждебными нам силами должны были дать зарок, как нам это предлагают, что мы никогда не приступим к известным действиям, которые в военно-стратегическом отношении могут оказаться наступательными, то мы были бы не только глупцами, но и преступниками» [2].

В будущей истории освобождения земли от ига капитализма глава «Большевизм и война» будет одной из самых значительных и увлекательных глав. Теоретическая мысль и практическое действие, полет ума и полет духа, революционная диалектика и революционная организация, смелость и отвага пролетарского авангарда отпразднуют свои величайшие триумфы. «Большевизм и война» — это и сейчас глава, наполняющая гордостью сердца лучшей части мирового пролетариата. По мере того как эта глава будет удлиняться, ее содержание будет делаться все поучительней, богаче и призывней.

---

[1] Ленин. Собр. соч Т. XXVII, стр. 372.
[2] Речь на VIII с'езде советов. Т. XXVI, стр. 49—50. Разрядка наша.—Г. З.

Двадцать лет назад

(Начало мировой империалистической войны в царской России)

А. Бадаев

Из опубликованных в послевоенные годы документов и переписки буржуазных правительств, венценосных монархов и их дипломатов мы теперь знаем, как тщательно, целыми десятилетиями, готовилась буржуазия капиталистических стран к грабительской войне 1914—1918 гг. за передел мира, за монополии на рынке, за грабеж колоний.

Российское царское правительство и в полном единении с ним российская буржуазия также вступили в войну за свои империалистические интересы: за завоевание проливов и ближневосточного рынка, против германской запретительной таможенной политики на русский помещичий хлеб. Несомненно и то, что российское самодержавие кроме этого смотрело на войну как на средство самозащиты от растущего революционного рабочего движения внутри страны.

Годы 1912—1914 в России знаменуются новым сильным под'емом борьбы против самодержавия, громадным развертыванием стачечного движения.

Уже в 1911 г. можно отметить значительное оживление стачечной борьбы, но особенно всколыхнулись рабочие массы после ленского расстрела, в апреле 1912 г. Волна забастовок прокатилась по всей России и, как бы окончательно разбудив рабочий класс, после длительной реакции начала подниматься все выше и выше.

За 1912 г. фабричной инспекцией было зарегистрировано 2032 стачки с 725 тыс. участников.

В 1913 г. общее число стачек достигло 2143 и число участников в них выросло до 861 тыс. чел.

В праздновании 1 Мая в 1913 г. в одном только Петербурге участвовало свыше 220 тыс. рабочих.

Эта волна стачек и демонстраций, сплошь и рядом принимавших ярко выраженный политический характер, продолжала безостановочно подниматься и в 1914 г., особенно усилившись к лету этого года.

Большевистской фракции IV государственной думы приходилось принимать непосредственное руководящее участие во всех значительных выступлениях того времени.

Одной из наиболее упорных забастовок летом 1914 г. была стачка на принадлежащем морскому ведомству Ижорском заводе, под Петербургом. Забастовка началась пред'явлением ряда экономических требований рабочих заводской электрической станции. Увольнение забастовавших вызвало стачку в других мастерских, пред'явивших в свою очередь различные требования, в том числе и введения 8-часового рабочего дня. Стачкой руководил петербургский комитет партии. По поручению комитета и по просьбе рабочих я приехал в Колпино, где было устроено собрание представителей бастующих. Собрание происходило в уединенном месте, на кладбище, и продолжалось до глубокой ночи. Решено было держаться как можно крепче. По мере разрастания забастовки морское ведомство начало проявлять признаки бес-

покойства и обратилось за помощью к охранке, которая выслала в Колпино казаков.

В день появления казаков я снова поехал на завод для участия в собрании бастующих, устроенном под Колпиным. Вызов казачьей сотни был встречен рабочими с крайним возмущением и еще более укрепил их решимость продолжать борьбу. С участием представителей наших партийных организаций были составлены агитационные листки, в которых перечислялись все требования ижорцев, и, помимо чисто экономических требований, в список был вставлен пункт об удалении начальника завода.

Администрация, узнав о распространении листков, начала охоту за ними. Офицеры (начальники отделений завода) вырывали листки из рук рабочих. Само собой разумеется, что это только подняло настроение бастующих, решивших упорно добиваться выполнения своих требований.

Забастовка на Ижорском заводе продолжалась три недели и закончилась обещанием администрации повысить расценки и рядом других уступок.

Не только в Петербурге, но и в ближайших к Петербургу районах рабочие усилили свою борьбу. Стачечная волна перекатывалась из одного города в другой по всей России. Рабочие в городах провинции начали проявлять небывалую до тех пор организованность, большую революционную сознательность и огромное упорство в борьбе.

В середине мая началась продолжительная и упорная забастовка текстильщиков в Московском районе. Движение началось в Костромской губернии, откуда быстро перебросилось на текстильные фабрики соседних Владимирской и Московской губерний. Число бастующих в одной только Костромской губернии достигло 50 тыс. чел., а по всему району — почти 100 тыс. Для текстильщиков, работавших на разбросанных и отдаленных друг от друга фабриках, это количество бастующих было огромно.

Забастовку текстильщиков думская большевистская фракция поддерживала и направляла всеми имеющимися в ее распоряжении средствами. Как только окончилась думская сессия, член фракции тов. Шагов, избранный в Думу от Костромской губернии, немедленно приехал туда и, об'езжая районы забастовок, проводил там партийное влияние. Поездка Шагова протекала в обстановке, обычной для поездок всех рабочих депутатов. Полицейские и шпики следовали за ним по пятам, следили за каждым его движением, вламывались в дома, куда заходил Шагов, арестовывали всех, с ним соприкасавшихся, и т. д.

В то время как текстильщики вели свою борьбу в Московском районе, на юге России, в Баку, произошли события, имевшие огромные последствия для всего рабочего движения.

Бакинская забастовка отличалась от ряда других тем, что она была особенно длительна и стойка, и кроме того тем, что со стороны предпринимателей и царского правительства для ее подавления были предприняты исключительные меры. Видно было, что забастовка на нефтяных промыслах, вызвавшая прекращение добычи нефти, ударила больно по интересам промышленной буржуазии. Эта забастовка замечательна еще тем, что повлекла за собой историческое выступление питерских рабочих накануне самого об'явления войны.

Кстати сказать, эта забастовка на бакинских нефтяных промыслах не была результатом стихийной вспышки, а подготавливалась в течение нескольких месяцев. В забастовке участвовало около 50 тыс. чел. Руководил забастовкой стачечный комитет, который выпускал прокламации, организовывал движение, создавал стачечный фонд и т. д. Стачечный комитет находился в тесной связи с партийными организациями и выполнял работу под их руководством. Рабочими был пред'явлен большой список требований, насчитывавший свыше 60 отдельных пунктов. На некоторых промыслах ра-

бочие требовали также введения 8-часового рабочего дня и официального признания первомайского праздника.

Характер этих требований, в числе которых было требование всеобщего обучения и признания первомайского праздника, указывал на то, что забастовка имела и политическую окраску, что являлось результатом значительного влияния на нее партийной организации. Предприниматели решили ни в чем не уступать рабочим и прибегнуть для борьбы с забастовкой к самым крайним мерам. Наравне с администрацией предприятий свирепствовала и полиция. Город был превращен в военный лагерь. В Баку были вызваны шесть сотен казаков для борьбы с «внутренним врагом». Профессиональный союз рабочих был разгромлен, и все активные работники союза арестованы. Арестовывали всех, кто подвернется; рабочие собрания разгонялись. В городе было об'явлено военное положение. После 8 часов вечера было запрещено выходить на улицу.

Несмотря на эти жестокие преследования полиции упорство бакинских рабочих не ослабевало. В последних числах июня была организована демонстрация, в которой участвовало свыше 20 тыс. чел. С плакатами, на которых были написаны требования рабочих, демонстранты двинулись к зданию Совета с'ездов нефтепромышленников. Полиция не справилась с огромной толпой, и тогда были вызваны казаки, окружившие и разогнавшие демонстрантов. При этом было арестовано несколько сот рабочих.

Вся страна со жгучим интересом следила за ходом бакинских событий. Обе стороны: предприниматели и царское правительство, с одной стороны, и рабочий класс — с другой,— напряженно ждали каждого известия о ходе развернувшейся грандиозной борьбы.

Для усиления борьбы со стачечниками по особому распоряжению Николая II в Баку был командирован чрезвычайный уполномоченный, сам товарищ министра внутренних дел генерал Джунковский, выехавший туда вместе с директором департамента полиции. Джунковский был начальником всей царской полиции и жандармерии, особенно отличившийся в усмирении революционных выступлений и жестокой расправе с революционными рабочими. С приездом Джунковского начались еще более сильные полицейские преследования.

Бакинские рабочие обратились за помощью к своим товарищам из других городов. Естественно, что в первую очередь они обратились к нашей думской фракции, уже неоднократно перед этим организовывавшей помощь бастовавшим рабочим. В Петербурге началась подготовка к выступлению на помощь бакинцам.

Кстати сказать, все эти события происходили летом, когда Государственная дума была распущена на очередные летние каникулы, депутаты раз'ехались по местам и из состава думской социал-демократической фракции оставался в Петербурге почти один лишь я, поэтому мне приходилось играть как представителю фракции заметную роль во всех происходивших событиях.

В донесении директору департамента полиции охранное отделение так описывало подготовительную работу нашей партии для организации выступлений питерских рабочих: «...Помимо систематически и явно будирующих бюллетеней о ходе означенной стачки в местных легально издающихся социал-демократических органах печати, руководящими кругами революционного подполья был дан лозунг—затрагивать и обсуждать вопросы о характере и значении бакинской забастовки на всех текущих собраниях и сходбищах рабочих, дабы указанием на невозможное положение трудящихся при существующем государственном строе повысить революционность настроения в рабочих кругах и тем самым еще больше заинтересовать конечными идеалами социалистического миросозерцания.

Усиленными агентурными наблюдениями за последнее время выяснено, что наиболее серьезная работа в означенном направлении ведется преимущественно или лично остающимся в городе Санкт-Петербурге членом социалдемократической думской фракции Бадаевым или же близко к нему стоящими и им руководимыми отдельными партийными работниками. Организуя загородные, под видом научных экскурсий, собрания рабочих, поименованный депутат Государственной думы и наблюдаемые в связи с ним лица, систематически освещая цели и задачи предстоящего социалистического конгресса, поднимая вопрос о бакинской стачке, агитировали за желательность солидарности между отдельными группами и указывали на крайнюю необходимость поддержания бастующих соответствующими мерами как морального, так равно и материального характера» [1].

Кампания за поддержку бакинской забастовки с каждым днем разрасталась. Когда в Петербург дошло известие о выселениях, высылках и арестах бастующих, питерские рабочие уже не ограничились одними денежными сборами. Классовая солидарность с бастующими выразилась в новом под'еме забастовок и протестов.

В первых числах июля массовое движение на петербургских фабриках и заводах начало быстро расти. 1 июля забастовали рабочие заводов Лангензиппена, Трубочного, Лесснера, Эриксона, Сименса и Шукерта, Айваза и других, более мелких. Перед оставлением предприятий забастовщиками принимались резолюции протеста против преследования рабочих. «Товарищи бакинцы, мы с вами», «Победа бакинцев — наша победа»,— заявляли питерские рабочие.

3 июля состоялся митинг на Путиловском заводе по поводу бакинских событий, собравший около 12 тыс. рабочих. Этот митинг закончился событием, которое явилось поворотным пунктом в июльских выступлениях петербургских рабочих. После окончания собрания рабочие подошли к воротам завода и потребовали, чтобы их открыли. Ворота открылись, но не для того, чтобы выпустить рабочих, а для того, чтобы пропустить во двор отряд конной и пешей полиции, которая еще с утра была спрятана на территории завода. По распоряжению полицейских ворота снова были закрыты за ними наглухо.

Раздались протесты рабочих, в ответ на которые полицией был дан залп. Кто-то крикнул: «На баррикады!» Толпа бросилась на находившуюся во дворе вышку, откуда в полицию полетели камни. Полицейские дали второй залп.

В итоге выстрелами полицейских было ранено около 50 чел. и двое, по сообщению рабочих, убито. Около 100 путиловских рабочих были арестованы и отправлены в ближайший участок.

Как обычно, при таких острых событиях революционного движения в помещение думской фракции позвонили по телефону, и по поручению товарищей я немедленно поехал на завод. За точными сведениями о расстреле я обратился к администрации завода, но, однако, последняя, боясь ответственности, постаралась уклониться от разговоров. Перепуганный фельдшер заводской больницы заявил, что он никого не видел и ничего не знает. По его словам, ни раненых, ни убитых не привозили в больницу. После упорных расспросов рабочих на заводе мне все же удалось восстановить всю картину расстрела и выяснить число жертв.

С завода я отправился в Петергофский участок, куда были загнаны арестованные. В комнате пристава я застал целую группу полицейских офицеров в полном боевом вооружении: в портупеях, с кобурами наружу. Я потребовал от пристава немедленного ответа на вопросы: кто распорядился

[1] Архив департамента полиции. Особое дело. 1914 г. Дело № 307, л.л. 330—332.

стрелять в безоружных рабочих, кто и за что арестован? Удивленный моей настойчивостью, пристав начал спорить: он не обязан отвечать какому-то неизвестному человеку, никто не имеет права вмешиваться в действия полиции. Мне пришлось назвать себя и показать депутатскую карточку. Это вызвало растерянность среди полицейских, пристав стал звонить градоначальнику с просьбой дать указания и получил категорическое распоряжение: никаких сведений мне не давать. После этого меня «вытеснили» из участка.

Под впечатлением всего виденного я отправился на обычное ночное дежурство в редакцию «Правды». Там наскоро приготовили сообщение для газеты, и добытые сведения о расстреле сообщили в ликвидаторскую газету меньшевиков и в газету «День», которые печатались в той же типографии.

На другой день сообщение о расстреле путиловских рабочих разошлось по всему городу. Еще ночью из редакции «Правды» я по телеграфу обратился к министру внутренних дел Маклакову с требованием назначить мне прием для переговоров о путиловских событиях. Маклакова не было в городе, вместо него управлял министерством товарищ министра, шеф жандармов Джунковский. Джунковский прислал мне на квартиру своего чиновника с сообщением, что примет меня утром у себя на дому.

На несколько минут позже назначенного срока я на другой день явился на Сергиевскую к Джунковскому, где произошел следующий, чрезвычайно любопытный и характерный разговор:

— Я опоздал,— начал я,— потому что всю ночь отбивал «Трудовую правду» от ваших налетчиков.

Такое начало сразу привело генерала в нервное состояние.

— Конечно, вам некогда: вы ездите по заводам, подстрекая рабочих к забастовкам. Удивляюсь, как вас допустили на Путиловский завод. Вы депутат Государственной думы, ваше дело заседать. Для этого вы и выбраны. А вы вместо того ходите по заводам, разводите смуту, выпускаете прокламации, издаете газету, которая с раннего утра занимается подстрекательством,—он указал на свеженький номер «Трудовой правды», уже лежавший на его столе.—Я распорядился образовать специальную комиссию для привлечения в срочном порядке к суду вас и вашу газету.

— Меня уже не первый раз привлекают по разным статьям. Вы на это дело способны. Я пришел не за тем. Скажите, какое право имела полиция расстреливать путиловцев? Ваш ответ я передам рабочим петербургских фабрик и заводов.

— Никаких выстрелов там не было. Полиция дала только два холостых залпа.

Джунковский встал, я тоже. Мы стояли друг против друга, как будто готовые к немедленной схватке.

— Мы не допустим,— сказал Джунковский,— чтобы рабочие избивали булыжниками полицейских, которые имеют винтовки и шашки. Полиция будет стрелять и впредь в таких случаях. Для этого она и вооружена.

— Другого ответа от наших министров никто и не ждал. Я его знал заранее и передам на фабрики и заводы. Запретить мне туда ездить вы не можете. Депутат от рабочих, в то время когда в участках водой отливают избитых, никогда не ограничится одними разговорами в Думе.

Резко оборвав разговор, я вышел от шефа царских жандармов.

Эту мою «дискуссию» с Джунковским мы тотчас же опубликовали в «Правде». Газету конфисковали. В следующем номере «Правда» его опять напечатала. Необходимо было раз'яснить всем рабочим, что выстрелы на Путиловском заводе не являются случайностью, а что это—система, от которой царское правительство никогда не откажется.

По силе того возмущения и негодования, которые охватили рабочих, весть о расправе с путиловскими рабочими могла сравниться лишь с сообщением о ленском расстреле.

II

На другой же день после разгрома путиловцев все фабрики и заводы Петербурга были охвачены стачками. С утра забастовало 90 тыс. чел.

«Выслушав сообщение о новом пролитии крови,—заявляли в своей резолюции рабочие завода Винклер,—мы решили не приступать к работе, а на новый вызов ответить стачкой. Нет слов негодования. Дальше терпеть нет сил...»

Множество подобных резолюций было напечатано в вышедшем на другой день номере «Правды». Улицы во всех рабочих районах с утра были полны толпами демонстрантов. С пением революционных песен и с красными флагами рабочие обходили соседние заводы, призывая товарищей прекратить работу. Толпы рабочих росли неудержимо. Во многих районах города произошли схватки между полицией и демонстрантами, причем вновь раздались выстрелы. В течение всего дня по всему городу происходили стычки и столкновения с полицией.

5 июля повторилась та же картина, что и накануне. К забастовавшим присоединился целый ряд новых заводов.

С утра 7 июля город принял облик, напоминавший дни 1905 г. Бастовало 130 тыс. чел. Улицы оказались во власти рабочих. Единственно, что могла сделать полиция, это не допустить демонстрантов на Невский проспект. Боясь конфуза перед французским президентом Пуанкаре, который в то время приехал к царю сговариваться о дальнейших совместных действиях, полиция в огромной массе сосредоточилась на охране центра города, не допуская туда рабочие демонстрации.

На царское правительство эти уличные выступления рабочих произвели сильнейшее впечатление. Вечером, 7 июля, состоялось экстренное совещание петербургского градоначальника с министром внутренних дел Маклаковым. Решено было прибегнуть к особенно крутым мерам. На другой день градоначальник обнародовал обращение к населению с предупреждением, что для прекращения беспорядков будут приняты самые крайние меры.

Несмотря на все эти запугивания 9 июля на улицах Петербурга уже появились баррикады. Материалом для баррикад служили остановленные трамвайные вагоны, бочки, столбы. Во многих местах это все оплеталось проволокой. Бóльшая часть баррикад была устроена на Выборгской: на углу Самсониевского проспекта, Башенного, Флугова и Муринского, на углу Парголовского и Муринского, Сердобольского и Языкова и в других местах пересечения улиц. В Василеостровском районе баррикады из бочек были построены на Большом проспекте. По Сестрорецкой железной дороге баррикадами было приостановлено движение поездов.

Совершенно очевидно, что это нарастание революционного движения не могло не испугать царя и его министров. Насколько тревожно следила охранка и правительство за развитием революционных событий, показывает то, что полиция систематически докладывала самому царю о всех выступлениях рабочих и давала ежемесячные сводки «о настроениях населения».

Таким образом, ясно, что одной из подчиненных целей войны являлась возможность отвлечь внимание рабочих и всего населения от революционного движения и одновременно под шовинистические фанфары расправиться с ненавистным революционным подпольем и в том числе с большевистской фракцией Государственной думы.

Расчет правительства в одной части для начала оправдался. Июльское движение было прекращено войной. Уже за неделю до об'явления войны начались

повсеместно патриотические демонстрации и выступления. Печать, школа, церковь, трибуна Государственной думы вместе с полицейскими мерами — все было пущено в ход, чтобы вызвать шовинистический угар и патриотический энтузиазм в населении. Одновременно началась жестокая расправа не только с партийным подпольем, но и с легальными рабочими организациями.

Российская буржуазия наравне с буржуазией других стран встретила об'явление войны с восторгом. Для буржуазии война сулила не только возможность грабежей на мировом рынке, но и огромные барыши внутри страны от бесчисленных военных заказов.

Шовинистический угар густой пеленой окутал страну и дал возможность военщине и полицейским властям распоясываться все больше и больше, не считаясь ни с какими средствами. Царская охранка торопилась свести свои старые счеты с «внутренним врагом», т. е. с наиболее передовой, сознательной частью российского пролетариата. Росчерком пера закрывались рабочие организации, пресекались всякие попытки рабочих собраний для обсуждения вопроса о войне, тюрьмы наполнялись новыми партиями арестованных, в Сибирь потянулись новые эшелоны высылаемых. Партийные организации были почти полностью разгромлены, потеряв целый ряд своих лучших работников. Черная волна реакции выхватывала все новые и новые жертвы из рабочих рядов.

И несмотря на все эти обстоятельства, несмотря на большой урон, который только что потерпел рабочий класс, в первые же дни войны Петербург был свидетелем нескольких противовоенных выступлений рабочих.

После об'явления мобилизации петербургский комитет нашей партии выпустил первую противовоенную прокламацию.

«Кровавый призрак веет над Европой, — этими словами начинался призыв партии ко всем рабочим, крестьянам и солдатам.—«Долой войну! Война войне!» — должно катиться мощно по городам и весям широкой Руси. Рабочие должны помнить, что у них нет врагов по ту сторону границы: всюду рабочий класс угнетается богатыми и власть имущими, везде гнетут его ярмо эксплоатации и цепи нищеты... Солдаты и рабочие, вас призывают умирать во славу казацкой нагайки, во славу отечества, расстреливающего голодных крестьян, рабочих, душащего по тюрьмам лучших своих сынов. «Нет, мы не хотим войны», — должны заявить мы. «Мы хотим свободы России!» — вот должен быть ваш крик...»

Эта прокламация, наскоро составленная под впечатлением первых сведений о разразившейся военной катастрофе, давала только краткую, беглую характеристику момента; но уже и тогда, в первые же дни войны, петербургская организация большевиков наметила ту правильную линию, которая впоследствии была подкреплена, пополнена и обоснована нашей партией как программа наших действий.

Отрывочные сведения из провинции, с трудом доходившие до нас, также давали понять, что в рабочих организациях несмотря на разброд под влиянием шовинистического угара уже организуются группы, готовые приступить к противовоенной работе. В письме из Костромы сообщалась, например, следующая резолюция, принятая на собрании группы костромских рабочих:

«Мы самым решительным образом протестуем против действий правительства и правящих классов, вовлекающих в братоубийственную войну пролетариев России, Сербии, Австрии и Германии, и мы спрашиваем СДР фракцию: какие меры предприняты ею против войны и для выражения солидарности пролетариата враждующих государств?»

В Петербурге первые дни войны ознаменовались несколькими забастовками и даже отдельными демонстрациями. В день мобилизации запасных в знак протеста против войны в Петербурге бастовало свыше 20 предприятий. В не-

которых местах рабочие встречали запасных криками «Долой войну!» и пением революционных песен.

Но, в то время как до об'явления войны рабочие выступления привлекали к себе симпатии студентов и мелкой буржуазии, теперь демонстрации происходили совсем уже в другой обстановке. Уличная толпа, особенно в центре города, взвинченная патриотическим угаром, не только не сочувствовала демонстрантам и не только не держала дружественного нейтралитета, но и сама набрасывалась на демонстрантов, помогая полиции арестовывать их и избивать. В приведенных полицейских донесениях царю уже рассказывалось об одной из таких демонстраций на Невском, когда публика Невского проспекта проявила «активность» в отношении демонстрантов, приняв на себя роль царской полиции и бросившись на выступавших рабочих с криком «Изменники, предатели!» Полиции в этом случае осталось только арестовывать участников демонстрации и отводить их в ближайший полицейский участок. Отдельные героические выступления рабочих тонули в общем море воинственного патриотизма.

III

Буржуазия во всех странах с трепетом следила за тем, как поведут себя рабочие партии по отношению к войне.

4 августа (22 июля старого стиля) социал-демократы, в том числе Гаазе и Каутский, совершили неслыханную в мире измену делу рабочего класса и вотировали в рейхстаге германскому правительству кредиты на войну. Ту же политику повели социал-демократические вожди других стран.

Буржуазная печать превозносила до небес благородное патриотическое поведение этих «рабочих» вождей и курила им фимиам. Российские газеты, очевидно, ожидали подобного же патриотизма, подобного же об'явления гражданского мира и от нашей фракции в Государственной думе.

Сразу же после об'явления войны ко мне как к депутату питерских рабочих на квартиру во время обычного приема рабочих ввалилась гурьба человек в 15 наиболее видных, «заслуженных» журналистов—представителей всех петербургских газет, начиная от левого «Дня» и кончая черносотенной «Земщиной». Они знали по прежним моим выступлениям в Государственной думе отношение большевиков к возможной империалистической войне.

Тем не менее явившиеся представители печати были всемерно заинтересованы в том, как мы ответим на поставленные ими по поручению своих редакций вопросы: «Как относятся рабочие к войне? Какую позицию занимает ваша фракция? Как будут вести себя в Думе рабочие депутаты?» и т. д.

Журналисты приготовились записывать мои ответы. Я уже говорил о том, что события начала войны разразились во время перерыва между сессиями Государственной думы. Раз'ехавшиеся депутаты еще не успели вернуться, и в Петербурге я был один из фракции. Я знал, что за каждое мое слово как представителя думской фракции я являюсь ответственным перед партией и пролетариатом и оно будет разнесено по всему миру.

То, что я сказал, было, однако, совсем не подходящим для опубликования в газетах, от которых явились журналисты.

— Рабочий класс,—заявил я,—будет бороться всеми силами против войны. Война не в интересах рабочих. Наоборот, всем своим острием она направлена против рабочего класса всего мира. На международном социалистическом конгрессе в Базеле было принято решение от имени пролетариата всего мира—в случае об'явления войны повести против нее решительную борьбу. «Война войне»—вот наш лозунг. За этот лозунг мы, действительные представители рабочего класса, и будем бороться. Наша фракция всеми

имеющимися в ее распоряжении средствами будет решительно бороться против войны.

Мой ответ произвел должное впечатление на представителей печати, и ни одна газета, конечно, не опубликовала моего заявления. Зато оно немедленно стало известным охранке, для которой мои слова были подтверждением уже ранее известной ей противовоенной позиции нашей партии. Были пущены в ход «доводы», целью которых было не столько убедить, сколько устрашить, терроризовать нас. В частности по моему адресу посыпались полные отборных ругательств угрожающие письма.

Все это происходило в самые первые дни войны, еще до публичного выступления нашей фракции в Государственной думе.

Для того чтобы полнее продемонстрировать «единение» правительства с народом, а главное, чтобы утвердить кредиты на войну, в экстренном порядке была созвана Государственная дума. С'ехавшиеся в Петербург депутаты начиная от крайних правых и кончая кадетами были настроены самым воинственным националистическим образом, крича о войне до победного конца, о защите отечества, о решительном отпоре «наглому врагу» и т. д. Газеты наперебой печатали патриотические заявления лидеров думских фракций, высказывавших самые урапатриотические мысли о необходимости об'единиться для борьбы с «общим» внешним врагом.

Наше выступление, в котором нам необходимо было охарактеризовать перед пролетариатом отношение большевистской фракции к войне, должно было состояться на заседании Государственной думы, посвященном голосованию военного бюджета. Никаких заранее приготовленных, согласованных с руководящими центрами заграницей формулировок у нас не было, и нужно было их выработать. После переговоров с теми из партийных товарищей, которые тогда были в городе, мы решили выработать, если это удастся, от имени обеих социал-демократических фракций общую декларацию, которая решительно осуждала бы войну и категорически отвергла бы всякую поддержку царского правительства рабочим классом. После первого же предварительного обмена мнениями, на котором присутствовали Керенский, Чхеидзе и я, трудовики окончательно отпали от нашей позиции. Керенский прямо заявил, что они считают необходимым выступить за поддержку об'явленной войны. Чхеидзе при первых переговорах занимал чрезвычайно неопределенную позицию, в значительной мере склоняясь к оборончеству.

После ряда переговоров было приступлено все-таки к выработке совместной декларации от обеих фракций. Совещание состоялось с участием нескольких членов ЦК большевиков и некоторых партийцев — меньшевиков. И здесь были намечены основные линии декларации. В тот же день, вечером, приехали члены большевистской фракции Шагов и Петровский, которые также приняли участие в выработке декларации. Постепенно под'езжали другие депутаты как нашей фракции, так и меньшевиков.

По отдельным пунктам и формулировкам шло очень много споров и дебатов, поправки и дополнения вносились чуть не к каждой фразе. Наконец, комбинированный текст декларации обеих фракций после нескольких обсуждений как в большевистских партийных кругах, так и среди меньшевиков был окончательно выработан.

Заседание Государственной думы состоялось 26 июля. Как водится, перед заседанием думское большинство, и на этот раз вместе с ним, против обыкновения, и трудовики, отправилось на прием во дворец для выражения своих верноподданнических чувств. При открытии заседания Думы Родзянко произнес торжественную высокопатриотическую речь об «единении русского царя с верным ему народом», об «охране целости и единства государства», о том, что «все народы, населяющие Россию, слились в одну братскую семью, когда общему отечеству грозит беда», и т. д., т. е. применил все те обычные

формулы воинственного патриотизма, которые с теми или иными изменениями повторяли затем лидеры всех фракций Думы.

Трудовики в оглашенной Керенским высокопарной декларации после нескольких фальшивых революционных фраз заявили, что они «непоколебимо уверены, что великая стихия российской демократии вместе со всеми другими силами даст решительный отпор нападающему врагу и защитит свои родные земли и культуру, созданные потом и кровью поколений». Вся Дума, вплоть до крайних правых, бешено аплодировала ренегатской декларации Керенского.

Затем была оглашена декларация социал-демократической фракции. На фоне патриотического угара ультранационалистских выступлений всех остальных фракций, на фоне только что выявившейся измены вождей западноевропейских социалистических партий, на фоне вотирования военных кредитов со стороны немецких социал-демократов даже эта компромиссная общая социал-демократическая декларация произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Родзянко перед напечатанием ее в стенографическом отчете сделал в декларации ряд цензурных урезок. Полный же текст, оглашенный нами с думской трибуны, был следующий:

«Страшное, небывалое бедствие обрушилось на народы всего мира. Миллионы рабочих оторваны от мирного труда, разорены, брошены в кровавый водоворот. Миллионы семей обречены на голод. Война началась... Когда европейские правительства готовились к войне, европейский пролетариат во главе с германским выступил с дружным протестом против подготовляемой правящими кругами войны. Ряд насилий над рабочей печатью и рабочими организациями непосредственно перед войной помешал рабочим России выступить открыто с тем же протестом против войны. Но в моменты грандиозных демонстраций европейских пролетариев против войны сердца российских пролетариев бились вместе с их сердцами. И мы, представители рабочего класса России, считаем своим долгом заявить, что настоящая война, порожденная политикой захватов и насилий, практикуемой всеми капиталистическими государствами, является войной, ответственность за которую несут правящие круги всех воюющих теперь стран, что война эта противоречит чувству и настроению сознательных элементов российского пролетариата так же как и пролетариата всего мира. Чуждый того фальшивого патриотизма, под прикрытием которого господствующие классы ведут свою хищническую политику, пролетариат, постоянный защитник свободы и интересов народа, во всякий момент исполнит свой долг и будет защищать культурные блага народа от всяких посягательств, откуда бы они ни исходили: извне или изнутри. Но, когда раздаются призывы к единению народа с властью, мы, констатируя, что народы России так же как и все народы, вовлеченные в войну помимо своей воли, по вине правящих кругов, считаем нужным подчеркнуть все лицемерие и всю беспочвенность этих призывов к единению.

Не может быть единения народа с властью, когда она не является исполнительницей сознательной воли народа, когда последний порабощен властью, когда народная масса, на которую ложится все бремя войны, бесправна, когда рабочая и крестьянская печать задушена, когда рабочие организации разгромлены, когда тюрьмы переполнены борцами за свободу и счастье народа и когда мы только что пережили расстрел петербургских рабочих войсками и полицией. Не может быть единения с властью и тех многочисленных народностей России, которые подвергаются национальным преследованиям и живут в атмосфере насилия и угнетения.

Сознательный пролетариат воюющих стран не мог помешать возникновению войны и тому разгулу варварства, который она с собой несет, но мы глубоко убеждены в том, что в международной солидарности пролетариата

всего мира человечество найдет средство к скорейшему прекращению этой войны. И пусть условия мирного договора будут продиктованы не дипломатами хищных правительств, а самими народами, которые возьмут свои судьбы в свои руки. Вместе с тем мы выражаем глубокое убеждение в том, что эта война окончательно раскроет глаза народным массам Европы на действительный источник насилий и угнетения, от которых они страдают, и что теперешняя ужасная вспышка варварства будет в то же время и последней вспышкой».

Наша декларация, как видно из ее текста, не давала правильной революционной оценки как характера самой войны, так и позиций рабочего класса. Фракция в это время была оторвана от ЦК партии, находившегося заграницей. Мы добивались совместного выступления с думской фракцией меньшевиков и шли на компромисс.

Несмотря, однако, на расплывчатый характер декларации, не ставившей коренного вопроса о превращении войны империалистической в войну гражданскую, все же на общем «урапатриотическом» фоне она прозвучала как резкий протест рабочего класса против военного безумия, против всякой возможности «единения» народа с властью кровавого царизма и крепостников-помещиков.

При переходе к вотированию военного бюджета наша фракция, основываясь на решениях всех конгрессов Интернационала, в знак протеста покинула заседание.

И декларация и отказ наш от голосования бюджета вызвали целую бурю возмущения и протестов со стороны думского большинства. Как одержимые бешенством набросились на нас в кулуарах депутаты всех фракций, не исключая левых кадетов и прогрессистов.

— Что вы делаете? Разве вы не понимаете, вы, представители рабочих, ведущие за собой массы, что вы тянете Россию в бездну? Вы погубите народ.

Черносотенные депутаты грозили откровенной расправой тут же, на месте. Мы уходили из Думы, сопровождаемые угрожающими выкриками думских зубров.

Ставшее широко известным рабочим массам наше выступление в Думе против войны явилось основным стержнем для всей нашей дальнейшей антивоенной работы.

IV

Постепенно, несмотря на то что условия партийной работы в связи с об'явлением войны стали во много раз труднее чем в предыдущие месяцы, мы начали снова развертывать подпольную деятельность, которая сейчас была направлена главным образом на организацию масс для борьбы против войны. Трудности работы в первое время заключались еще в том, что война, закрывшая границы, на первых порах совершенно лишила нас возможности поддерживать связь с находившимся заграницей Центральным комитетом партии. Кроме того, как известно, Центральный комитет в это время подвергся нападению австрийских властей, Владимир Ильич был заключен в тюрьму. Товарищ Сталин после бегства из ссылки вновь был арестован и сослан в далекий Туруханский край.

Прошли 2—3 недели после об'явления войны, пока возобновилась деятельность заграничного центра партии. Нашу же связь с ним удалось с колоссальными трудностями, и то лишь частично, восстановить только месяца через два. Условия партийной работы были чрезвычайно тяжелые. Военщина беспощадно расправлялась со всякими проявлениями рабочей общественности. Бесчисленные аресты и мобилизация на фронт образовали зияющие бреши в рядах партийных работников. «Правда», которая являлась организующим

центром революционного движения, была разгромлена, остальная рабочая печать также была полностью ликвидирована. Единственной, пока еще сохранившейся в полной мере организованной силой партии в начале войны оставалась думская фракция. На всех нас, членов фракции, теперь падали во много раз увеличившиеся обязанности и усиленная ответственность.

Первой нашей задачей было налаживание работы разгромленного петербургского комитета партии. При этом необходимо было как можно тщательнее законспирировать всю его деятельность, поэтому новая исполнительная комиссия ПК была сконструирована в значительно более узком чем раньше составе. Партийных сил стало гораздо меньше, между тем работа предстояла нам огромная.

Охранка, очевидно, уже подготовляла материалы для ареста фракции и привлечения ее к суду. Не получив при обысках необходимых для этого данных, начальник охранки докладывал, что «будут приняты все меры к получению откровенных показаний задержанных лиц, дабы добыть материал к изобличению в революционной пропаганде депутата Государственной думы Бадаева» [1].

Несмотря на все преследования постепенно начали возрождаться партийные ячейки, оправившиеся после первого разгрома. Уцелевшие от арестов и мобилизации партийцы стягивали вокруг себя новых работников и, соблюдая строжайшую конспирацию, восстанавливали работу. Вновь начали создаваться районные организации, направлявшие своих представителей в петербургский комитет. Правда, с большими затруднениями и не с той быстротой, как нам всем бы хотелось, большевистская организация в Петербурге начала снова оживать, обрастать связями и ячейками и развивать свою революционную работу.

Позиция думской социал-демократической фракции, выявившаяся в отказе голосовать по поводу военных кредитов и в декларации против войны, а также признаки того, что за этой позицией уже имеются организованные рабочие группы, чрезвычайно обеспокоили правительства союзных с нами стран и вождей социалистических партий в этих странах.

Для нашего увещевания и наставления нас «на путь истинный» решено было прибегнуть к авторитету самого председателя Интернационала Вандервельде, во время войны ставшего королевским министром Бельгии. Он прислал обеим социал-демократическим фракциям торжественную телеграмму следующего содержания: «Для социалистов Западной Европы поражение—я не говорю Германии, которую мы любим и пред которой мы преклоняемся,—но прусского юнкерства—это вопрос жизни и смерти... Но в этой ужасной войне, разразившейся над Европой вследствие противоречий буржуазного общества, свободные нации вынуждены рассчитывать на военную поддержку русского правительства. От российского революционного пролетариата в значительной степени будет зависеть, чтобы эта поддержка была более или менее решительной. Я, разумеется, не имею возможности указывать вам, что вам делать и чего требуют от вас ваши собственные интересы. Вы сами прежде всего должны решить, как вам поступить, но я вас прошу—и наш бедный Жорес, если бы он еще жил, конечно, также просил бы вас вместе со мной—стать на общую точку зрения положения социалистической демократии в Европе... Мы считаем, что против подобной опасности обязательно необходима коалиция всех живых сил Европы, и мы были бы счастливы узнать по этому поводу ваше мнение и еще более счастливы узнать, что оно сходится с нашим».

---

[1] Архив департамента полиции, особого отдела. 1914 г. Дело № 307, л.л. 94—96.

Под телеграммой красовалась подпись «Эмиль Вандервельде, делегат бельгийской рабочей партии в Международном социалистическом бюро, а со дня об'явления войны—министр».

Однако телеграмма Вандервельде провела окончательную грань между нашей позицией революционного большевизма и позицией меньшевиков, быстро скатившихся к социал-патриотизму и оборончеству.

Ответы на телеграмму Вандервельде писались уже каждой фракцией отдельно. Меньшевики в своем ответе, описывая вначале всю тяжесть полицейского строя в России, перечисляя усилившиеся репрессии царизма, кончали телеграмму следующим полным отказом от революционных позиций: «...но несмотря на наличность всех этих условий, имея в виду международное значение общеевропейского конфликта как и активное участие в нем социалистов передовых стран, дающее нам основание надеяться, что он разрешится в интересах международного социализма, мы заявляем вам, что в своей деятельности в России мы не противодействуем войне». «Не противодействуем»—значит прекращаем революционную деятельность против правительства, значит поддерживаем войну, значит отдаем рабочий класс на расправу царизму.

Другого значения такой ответ иметь не мог.

Позиция большевистской фракции, уже достаточно определившаяся нашей декларацией в Государственной думе и дальнейшей противовоенной пропагандой, могла быть только резко отрицательной в отношении телеграммы Вандервельде. Для окончательного редактирования ответа в последних числах сентября в Финляндии было устроено совещание членов фракции совместно с несколькими партийными работниками, на котором мы и были арестованы.

Дальнейшая судьба думской фракции большевиков известна.

* * *

Империалистическая война, через которую буржуазия стремилась не только к своим захватническим целям, но и к возможности подавления рабочего движения, раскрыла глаза рабочему и крестьянину на природу капиталистической эксплоатации и привела к социалистической революции в слабейшем месте империалистической цепи—царской России. Она же, эта война, разоблачила оппортунизм предателей социалистических партий II интернационала, разоблачила этих агентов буржуазии в рядах рабочего класса.

Сейчас, когда пролетарское революционное движение вновь находится на под'еме, когда австрийские баррикады заставили сердца империалистических властителей сжаться от страха, когда фашизм Гитлера и Муссолини обнаружил свое полное банкротство и неспособность спасти капитализм от кризиса и быстрого шествия к гибели, империалистические правительства всех стран вновь готовятся к грандиозным военным авантюрам.

Но пусть помнят они уроки войны 1914 г. К словам Базельского конгресса, что франко-прусская война привела к коммуне, а русско-японская война вызвала революцию 1905 г., сейчас необходимо добавить, что война 1914 г. привела к величайшей в мире победе российского пролетариата, свергшего диктатуру буржуазии и завоевавшего власть для того, чтобы строить своими руками социалистическое, бесклассовое общество.

И если уроки этой войны не научили еще буржуазию, то рабочий класс всего мира извлек из них ценнейшую практическую программу действий для окончательного разрушения капиталистического общества и создания коммунизма.

Тайна, в которой война рождается

А. Ерусалимский

I

В глубокой тайне от народных масс подготовлялась и развязывалась мировая империалистская бойня 1914—1918 гг. Только Ленин и большевистская партия, подлинные выразители идей пролетарского интернационализма, неустанно разоблачали ту классовую тайну, которая заложена была в мировой войне 1914—1918 гг. В обстановке неслыханного террора, всеобщего гнусного предательства со стороны социал-демократических партий только Ленин и большевистская партия подняли свой голос, чтобы раскрыть перед массами «действительное содержание, значение и смысл современной войны». Пользуясь острым скальпелем своего революционного учения, Ленин показал неизбежность этой войны, к которой привели «рост вооружений, крайнее обострение борьбы за рынки в эпоху новейшей, империалистической, стадии развития капитализма передовых стран, династические интересы наиболее отсталых восточно-европейских монархий» [1].

В глубочайшей тайне закулисной секретной дипломатии империалистские правительства вели неустанную подготовку этой войны.

Эту войну, говорил Ленин, в течение десятилетий подготовляли правительства и буржуазные партии всех стран.

В борьбе с молодой и быстро растущей империалистской державой—Германией, требующей аргументами бронированного кулака своего «места под солнцем» и добивающейся мировой гегемонии, империализм старой Англии должен был отказаться от своей традиционной политики «блестящего одиночества», покоящейся на первоклассном морском флоте, превышающем соединенный флот двух любых европейских держав. Развитие экономического и политического соперничества с Германией, борьба за монопольное владение источниками сырья, за колонии, за сферы приложения капиталов (особенно Багдадская железная дорога, стратегически угрожающая неприкосновенности Индии) — в своей совокупности перерастали в борьбу за мировую гегемонию. Огромный рост германской армии, а главное, усиленные темпы осуществления военно-морской судостроительной программы адмирала Тирпица—все это заставило британский империализм на почве раздела сфер влияния в колониальных и полуколониальных странах искать соглашения с Францией (1904 г.), а затем и с царской Россией (1907 г.). Беспрестанные взрывы империалистских противоречий происходили не только по линии борьбы между двумя основными сложившимися империалистскими группировками: между Тройственным союзом и Тройственным согласием, — не только по линии борьбы между отдельными, более мелкими государствами, находящимися в экономической и политической зависимости от более крупных империалистских государств той или иной группировки, но и внутри каждой из сложившихся группировок.

Все это вместе взятое бесконечно усложняло и без того запутанную сеть империалистских противоречий и находило свое выражение в том, что дипломатические конфликты, колониальные войны, вооруженные столкновения в

[1] Ленин. Собр. соч., т. XVIII, стр. 61.

Европе, серьезные политические кризисы, чередуясь и переплетаясь, завязывались в тот гордиев узел, разрубить который должен был меч войны.

Для прикрытия политики империалистских захватов, организации и консолидации военно-политических блоков была использована ширма буржуазного пацифизма.

Это нашло свое выражение в созыве первой в истории капитализма разоружительной конференции, так называемой мирной конференции в Гааге (1899 г.).

Политический смысл этой, как и следующей мирной конференции (1907 г.), был довольно точно определен германским императором Вильгельмом II; на одном из секретных донесений о закулисных переговорах по вопросу о том, как создать в народных массах еще одну иллюзию о возможности предотвращения империалистских войн, кайзер Вильгельм наложил грозную резолюцию: «В своей практике я буду и в дальнейшем полагаться только на бога и на свой острый меч». Он выдал тут не только свои собственные намерения, но и политическую программу всех империалистических правительств.

Итог Гаагской конференции сводился к решению о желательности ограничения государственных расходов на военные нужды. Известно, что добрыми намерениями вымощен ад, и ни к чему не обязывающие пожелания, высказанные для широкой публики, выражали только начало резкого обострения империалистических противоречий и прикрывали перегруппировку сил на арене мировой политики.

Подготовляя войну, империалистическая буржуазия принимала в расчет оппортунистическое перерождение социалистических партий. К деятельности лидеров этих партий буржуазия относилась не только с некоторой долей высокомерной иронии, но и с большой уверенностью относительно той позиции, которая будет ими занята в решающий момент. «Характерно,—указывал, например, Извольский, русский посол во Франции, в связи с созванным накануне войны «Постоянным междупарламентским франко-германским комитетом», в котором принимали участие преимущественно социалистические депутаты парламентов обеих стран,— что наиболее жгучие политические вопросы, раз'единяющие оба правительства, и, в частности, главнейший из них—об Эльзас-Лотарингии, были обойдены на означенном собрании полным молчанием. Очевидно, что на этой почве невозможен разговор даже между самыми ярыми сторонниками франко-германской дружбы. Большинство здешней прессы (имеется в виду, конечно, крупная капиталистическая пресса Франции.—*А. Е.*).—заключает Извольский,—относится ко всему этому делу весьма скептически» [1].

Не менее хорошо знали правящие классы и «душу» германской социалдемократии, проданную отечественной империалистической буржуазии. Германский канцлер Бетман-Гольвег имел, очевидно, основания с полным удовлетворением и нарочито подчеркнутой скромностью отмечать в своих написанных позднее мемуарах, что голосование социал-демократии за военные кредиты, состоявшееся «4 августа, показало, что мое отношение было не совсем неправильно» [2].

Действительно, во всех империалистских странах «военная организация была налицо, в ней измены вождей не было, она призывала «массу» поодиночке, ставя ультиматум: иди в войско (по совету твоих вождей)—или расстрел. Масса не могла поступить организованно, ибо организация ее, созданная заранее, организация, воплощенная в горстке Легинов, Каутских, Шейдеманов, предала массу, а для создания новой организации нужно вре-

---

[1] «Международные отношения в эпоху империализма» (в дальнейшем: М. О.), т. III, № 161.

[2] Бетман-Гольвег. «Мысли о войне».

мя, нужна решимость выбросить вон старую, гнилую, отжившую организацию» [1].

Но каждое правительство должно было облегчить социал-демократическим вождям проведение их предательской линии, должно было предоставить им аргументы в пользу того, что развязываемая империалистическая война якобы является войной «оборонительной». И когда еще в самом начале 1912 г. один из крупнейших военных деятелей в конфиденциальной беседе заявил, что в предстоящей войне «искусство дипломатии будет состоять в том, чтобы не быть нападающей стороной»,—он этим самым формулировал то, что наряду с тайной подготовки империалистской войны для единого фронта империалистских правительств, генеральных штабов и лидеров социал-демократии огромное значение имеет создание той тайны, в которой империалистская война рождается...

II

Империалистические противоречия к весне 1914 г. достигли огромной напряженности. Каждый день приносил такие конфликты и инциденты, которые могли быть использованы в качестве повода для начала войны. Уже за две недели до убийства в Сараеве,—непосредственного повода к возникновению войны,—состоялась встреча в Конопиште между австрийским престолонаследником Францем-Фердинандом и германским императором. Официально было об'явлено, что эта встреча носит совершенно частный характер и что она вызвана желанием Вильгельма посмотреть на чудесную расцветку роз в Конопиштском замке. В действительности же в Конопиште «с глазу на глаз» [2] обсуждалась не только австро-венгерская морская программа, которая предусматривала строительство дредноутов на 5 лет и срок выполнения которой был теперь сокращен,—но и «секретная программа, состоящая в изготовлении на заводах отдельных частей судов, могущих быть собранными в случае надобности весьма скоро» [3]. Германский империализм, опирающийся на огромную армию, имеющую ряд военно-технических преимуществ по сравнению со своими континентальными соперниками, считал, что общая международно-политическая ситуация, сложившаяся к 1914 г., достаточно благоприятна для того, чтобы военной развязкой на Балканах сделать огромный скачок к завоеванию мировой гегемонии. Для проведения в жизнь только что принятого во Франции закона о трехлетней службе, который должен был значительно увеличить кадры французской армии, требовалось еще известное время. Затруднения, переживаемые английским правительством в Ирландии, казалось, сковывали внешнеполитическую активность английского империализма. Одновременно германская дипломатия с напряженным вниманием следит за развитием отношений между царской Россией и Англией. Усилившиеся англо-русские трения, главным образом в Персии, зашли к 1914 г. столь далеко, что предметом официальных, крайне секретных, переговоров сделался вопрос о пересмотре конвенции 31 августа 1907 г.,—этой основы англо-русского соглашения. Правда, развитие противоречий между Англией и Россией на почве соперничества в Азии шло параллельно с процессами консолидации Антанты, в частности выразившимися в переговорах о заключении англо-русской (наподобие существовавшей англо-французской) морской конвенции. И, хотя переговоры эти были абсолютно секретными,—о них среди деятелей Антанты знало всего лишь несколько человек,—германское правительство, очевидно через своего шпиона, сидевшего в русском посольстве в Лондоне, было недурно о них информировано и в нужный момент, закулис-

[1] Ленин, т. XVIII, стр. 265—266.
[2] «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette» (в дальнейшем Gr. Pol.), XXXIX, № 15736.
[3] М. О., т. III, № 382.

но действуя соответствующими разоблачениями в прессе, сумело их приостановить и тем самым сорвать. Другой стороной развития англо-русских противоречий (по поводу которых в широкой прессе был поднят большой шум, прикрывающий подлинное намерение обоих правительств во что бы то ни стало преодолеть серьезные трения во имя борьбы против общего и основного врага, все усиливающего свою агрессию,—германского империализма) являлось некоторое сближение, наблюдавшееся в это время между Англией и Германией (соглашение о Багдадской железной дороге находилось накануне подписания, достигнуто было соглашение о совместном разделе Португальских колоний).

Таким образом то, чего не могла скрыть никакая дипломатическая тайна: факт углубления англо-русских противоречий и факт некоторого улучшения отношений между Германией и Англией (оба эти факта английская пресса муссировала), оставалось на поверхности и было принято в расчет австро-германским империализмом, когда он решил идти на развязывание войны. К этому толкала также и оценка внутренне-политической ситуации, сложившейся в Германии за последние годы под влиянием под'ема рабочего движения и обострения классовой борьбы. Такой вдумчивый и тонкий наблюдатель германской политической жизни, как Камбон, французский посол в Берлине, еще в конце 1913 г. отмечал, что некоторые влиятельные политические круги правящих классов Германии «желают войны из социальных соображений, так как они хотят переключить внимание на интересы внешнеполитического характера, которые одни только в состоянии помешать росту власти демократических и социалистических масс или оторочить его». Обострялось внутренне-политическое положение и в Австро-Венгрии. Лоскутная двуединая монархия переживала тяжелый внутренний кризис в результате обостренной борьбы в сложном переплете классовых и национальных отношений.

В Конопиште рассматривался также вопрос о том, насколько царская Россия подготовлена к войне. И тут, по мнению Франца-Фердинанда, не было оснований опасаться царской России: «внутренние затруднения слишком велики, чтобы разрешить этой стране вести агрессивную внешнюю политику» [1]. С этой оценкой, очевидно, вполне согласился и германский император, который посоветовал своим австрийским союзникам воспользоваться создавшейся ситуацией, чтобы крепким ударом по Сербии предотвратить об'единение южного славянства и окончательно утвердить свое влияние на Балканах. Для германского империализма это рисовало перспективу неимоверного укрепления экономического и политического влияния, охватывающего огромный территориальный комплекс от Гамбурга до Персидского залива. Это означало вытеснение политического влияния русского империализма и финансово-экономического влияния французского империализма на Балканском полуострове, а также в Малой Азии. Но это означало, что вплотную ставился вопрос о войне.

И этот вопрос был поставлен австро-германским империализмом. Но царская Россия, опираясь на содействие французской дипломатии и парижской биржи, не только не собиралась уступить дорогу своему империалистскому сопернику, но и сама готовилась к дальнейшим захватам и к борьбе. И почти в те же самые дни, когда в Конопиште Австрия и Германия обсуждали вопрос о развязывании войны,—в Констанце Сазонов говорил о возможности «вооруженного столкновения России с Австро-Венгрией по почину России», и тем самым о возникновении европейской войны «...в том случае, если... под каким-либо... предлогом Австрия пожелает напасть на Сербию» [2].

[1] Gr. Pol., XXXIX, стр. 15736.
[2] М. О., т. III, № 339.

В сложной сети империалистских и местных, балканских, противоречий было достаточно предлогов для военного столкновения. И в те самые дни, когда в Конопиште и в Констанце обсуждались перспективы развязывания войны,—в глубокой тайне уже заложен был тот фугас, взрыв которого привел к австро-сербскому столкновению, как исходному очагу возникновения мировой войны.

Уже самый факт австро-венгерских маневров, проведенных вблизи сербской границы, в'езд Франца-Фердинанда в Сараево 28 июня, в день сербского национального траура—«Видовдан»,—все это являлось не чем иным, как вызовом и провокацией в отношении сербского национализма, и привело в огромное возбуждение сербскую демократически и националистически настроенную молодежь, за спиной которой действовали тайные велико-сербские военно-патриотические организации Белграда. Австрийская провокация столкнулась со встречной провокацией, организованной тайной велико-сербской террористической организацией офицеров «Черная рука» («Единение или смерть»), руководимой начальником осведомительного отдела сербского генерального штаба, полковником Драгутином Дмитриевичем, по прозвищу—Апис. Эта законспирированная организация играла видную роль в политической жизни страны, и накануне войны она даже имела конфликт с правительством Пашича. Правительство не преследовало организацию «Черная рука», но боялось ее. Австрийское правительство уже давно, почти с самого появления «Черной руки», следило за деятельностью этой тайной велико-сербской организации. Следило за ее деятельностью и русское правительство, которое издавна через своих агентов завязывало связи с организациями сербских офицеров, политически поддерживая, однако, более осторожного и послушного Пашича. В 1910 г. царское правительство выдало субсидию в размере 4 млн. франков «Задруге», игравшей роль легального прикрытия «Черной руки». Уверенная в поддержке царской России (русский посланник в Белграде, Ник. Гартвиг уже давно носился с планами «натравить Сербию на Австрию»)[1], уверенная, что сербское правительство не решится назвать в Вене имена тех, кто взял на себя исполнение террористического акта, «Черная рука» довела свое дело до конца и на австрийскую провокацию ответила встречной провокацией.

В Вене тотчас же было решено, что сараевские события—удобный повод, для того чтобы свести счеты с Сербией. «Теперь или никогда!»[2]—в этих трех словах Вильгельма нашла свое выражение исходная позиция германского империализма в предвоенном кризисе. Соответствующие переговоры 5 и 6 июля велись в Потсдаме: «В Германии не поймут», если Австрия «упустит создавшуюся ситуацию, чтобы не нанести удара»[3],—так оценило австрийское правительство политический результат потсдамских переговоров. Отдав приказ по армии и флоту о подготовительных мерах на случай войны, Вильгельм отправился в свое давно предусмотренное морское путешествие. Несмотря на серьезность надвигающихся событий,—а вернее, именно имея их в виду,—путешествие не было отменено, дабы не возбуждать подозрений.

Австро-германский империализм считал создавшуюся ситуацию благоприятной,—более благоприятной, чем та, которая может сложиться через два—три года, когда царская Россия должна была закончить проведение программы своих военных мероприятий, а Франция должна была значительно увеличить контингенты своей армии на основании принятого закона о трехлетней военной службе.

---

[1] М. О. т. V. Приложение № 2.
[2] Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch (в дальнейшем — Д.). № 7.
[3] Diplomatische Aktenstücke zur Vorgeschichte des Krieges 1914 (в дальнейшем Ос. А). 1, 10.

Германское правительство всячески торопило Австрию, подталкивало ее к немедленному выступлению. Вопрос о войне был уже решен, австрийская дипломатия озабочена была лишь тем, чтобы пред'явить Сербии такие требования, которые неизбежно были бы отклонены. «Очистить Санджак—и тогда свалка немедленно налицо!» [1]—советует германский император. Предметом дипломатической активности всех империалистских правительств накануне взрыва являлось создание таких условий, при которых можно было политическую ответственность за развязывание войны переложить перед лицом масс на противника. И это являлось одной из причин задержки ультиматума, ибо, как формулировал Берхтольд, ультиматум должен был быть составлен так, чтобы ответственность за нападение перенести с Австро-Венгрии на Сербию. Но задержка об'яснялась еще и тем, что по расчетам начальника австрийского генерального штаба, Конрада фон Герцендорфа, проведение мобилизации возможно было только через 16 дней. Но этот срок совпадал со временем пребывания Пуанкаре в Петербурге, т. е. «предоставлял французам и русским возможность совместно договориться об их совместной позиции. Нота (ультимативная.—*А. Е.*) должна быть передана в Белграде, по возможности, до от'езда г. Пуанкаре из Парижа или после его от'езда из Петербурга. Это значит или 18 или 24 июля» [2]. И пока австрийское правительство готовилось к пред'явлению ультиматума, германская дипломатия через каналы буржуазной печати начала обрабатывать народные массы внутри страны и заграницей. Секретная инструкция специально требовала повлиять на прессу в том духе, чтобы «общественное мнение Европы насколько только возможно было уверено в истинной правоте Австрии» [3] и чтобы «самым тщательным образом скрыть все то, что может возбудить подозрение, будто мы (т. е. Германия) науськивали австрийцев на войну» [4]. Германская пропаганда в прессе была особенно активна в Англии,—и это имело, конечно, свои реально-политические основания: германский империализм рассчитывал добиться хотя бы временного нейтралитета Англии. Но британская дипломатия уже приступила к своей двойной игре, сталкивающей противников, углубляющей политический кризис и разжигающей европейскую войну.

6 июля, в тот самый день, когда заканчивались потсдамские переговоры, Лихновский «совершенно лично» сообщил Грею, что в Берлине считают необходимым, пользуясь слабостью царской России, не сдерживать Австро-Венгрию. Германская дипломатия тут начала зондировать позицию Англии в надвинувшейся войне. Полученный ответ мог лишь подталкивать Германию к выступлению: Грей осторожно соглашался с тем, что Россия не собирается выступать, и одновременно заверял, что Англия не имеет никаких обязательств в отношении России и Франции (в этом последнем, как мы увидим в дальнейшем, Грей сознательно лгал). Грей заверял, что Англия «в случае европейской войны никогда не выступит вместе с государством, являющимся нападающей стороной» [5].

В условиях развязывающейся империалистической войны ключ к определению нападающей стороны английский империализм оставлял в своем собственном кармане, и таким образом становятся понятными усилия Германии особенно воздействовать на английскую прессу. Не раскрывая своих карт, и оставляя за собой полную свободу действий, британский империализм по существу подталкивал Германию к выступлению.

---

[1] Д. № 29.
[2] Д. № 34-а.
[3] Д. № 31.
[4] Д. № 36.
[5] British Documents of the Origins of the War 1898—1914 (в дальнейшем—В. Д.). XI, № 32, ср. № 4.

Через два дня—8 июля, уже зная о сокровенных планах Германии и убедившись, что и царское правительство готово начать войну, английская дипломатия начала очень осторожно, но настойчиво подталкивать к выступлению и Россию. Подталкивая Германию своими уверениями, что царская Россия не выступит, Грей теперь вколачивал в мозги царского правительства мысль «...что рассчитывать на Германию... было бы неблагоразумно». Имея дело с Германией, английская дипломатия соглашалась, что Россия в военном отношении слаба и еще не подготовлена. Имея дело с царской Россией, Грей пел совсем иные песни. Когда царский посол в Лондоне Бенкендорф следующим образом резюмировал военное положение: «Россия значительно более сильна людским составом и железными дорогами. Франция—в том же точно положении, что прежде, Румыния стала подозрительной (с точки зрения Германии.—*А. Е.),* Англия—тем более»,—Грей дал на это весьма многозначительный ответ: «Да,—заявил он,—таковы и мои по этому поводу впечатления, о которых я хотел бы, чтобы г. Сазонов знал. Наш разговор, конечно, является строго конфиденциальным, но я считаю, что мы должны об этом подумать». И чтобы у царского правительства не оставалось сомнений в том, о чем следует подумать, Грей тут же указал, «что он знает из очень серьезных военных источников, что в глазах Германии центр тяжести перемещается довольно быстро с Запада на Восток», что «своего основного противника Германия видит в России» и, что, «военное положение видоизменяется в невыгодную для Германии сторону» [1]. Таким образом, одной рукой подталкивая Германию, британская дипломатия другой рукой подталкивала царскую Россию. Каждый из противников укреплялся в своей уверенности относительно благоприятной позиции британского империализма, который, ведя двойную игру, активно разжигал европейский пожар.

Не удивительно, что в Вене по германскому совету укрепляется решение пред'явить Сербии «такие требования, которых она не смогла бы принять и таким образом создать предпосылку для военного выступления» [2]. Если содержанием своего ультиматума стремились вызвать войну, и по сроку его пред'явления—предполагали застать врасплох своих империалистических противников, то форма его была заранее определена: он должен быть составлен так, «чтобы быть понятным широкой публике—особенно в Англии, и чтобы несправедливость можно было ясно и определенно приписать Сербии» [3]. Все эти решения о войне были искусно скрыты под маской миролюбия, и заботливость о настроениях широкой публики зашла весьма далеко: было сделано все возможное, «чтобы создать впечатление, что ничто серьезное не предстоит». В частности, в Германии установлено было специальное наблюдение за прессой, которая, по словам Ягова, «не должна преждевременно возбуждать тревогу» [3]. Расчеты покоились на уверенности, что Россия,—как писал Ягов Лихновскому 18 июля,—в настоящее время к войне еще не готова, что Франция и Англия также не захотят теперь войны. «Через несколько лет Россия по всем компетентным предположениям будет уже способна к бою. Тогда она нас задавит количеством своих солдат, тогда она уже построит свой Балтийский флот и свои стратегические железные дороги. Наша группа, между тем, все более слабеет» [4].

Исходя из таких расчетов, германский империализм считал локализацию австро-сербской войны наиболее благоприятной для себя перспективой: она принесла бы ему победу над царской Россией и всей Антантой прежде,

---

[1] М. О., т. IV, № 146.
[2] Д. № 49.
[3] Д. № 70.
[4] Д. № 72.

чем началась война. На первых порах предвоенного кризиса германская дипломатия еще надеялась,—и Англия сознательно укрепляла эти надежды,—что английский империализм будет содействовать локализации войны, т. е. той расправе Австрии над Сербией, которая неизбежно закончилась бы усилением австро-германского империализма на Балканах. Но и европейская война, неизбежная в случае выступления царской России, не пугала германских империалистов: «Wenn der Kampf sich bietet dürfen wir nicht kneifen» [1].

После вынужденного отступления под напором австро-германского империализма в 1908—1909 гг. и в 1913 г. царская Россия уже с самого начала кризиса определила свою позицию: воевать. Задача заключалась лишь в том, чтобы дипломатическими переговорами замаскировать свои военные приготовления и изобразить эту войну, как войну вынужденную, оборонительную. «С нашей точки зрения следует сказать, — сформулировал эту задачу Бенкендорф, — что если судьба приведет к войне, то чем больше мы сделаем явно и открыто и реально для ее предотвращения, — тем лучше будет наше положение... Для Лондона это исключительно важно» [2], — добавляет он тут же, имея в виду, что необходимо представить английскому правительству такие аргументы, которые могли бы помочь обмануть «общественное мнение».

Давно предусмотренная поездка Пуанкаре в Петербург предоставляла великолепную возможность непосредственно договориться с французскими союзниками о дальнейшем совместном проведении намеченной политической линии.

О содержании переговоров, состоявшихся во время пребывания Пуанкаре в Петербурге (20—23 июля), осведомленный Бьюкенен сообщил в Лондон и там сделал соответствующий политический вывод: «Совершенно ясно, что Франция и Россия пришли к решению поднять брошенную им перчатку» [3].

В тот самый, давно и точно предусмотренный день и час — 23 июля, когда Пуанкаре отбывал из России, в Белграде был вручен грозный австрийский ультиматум. Содержание этого ультиматума в основном заранее было известно не только германскому правительству, но и английскому. Этот факт скрывался и официально отвергался ими под предлогом невмешательства во внутренние дела Австрии. Знали заранее о содержании этого ультиматума и французское и русское правительство. Молчание одних империалистских правительств являлось поддержкой, молчание других — дипломатической провокацией. И то и другое разжигало войну. Радостно была в Берлине встречена весть о вручении австрийского ультиматума: «Браво! — Написал Вильгельм.—От венцев этого уже и не ждали! Каким пустым оказывается все так называемое великосербское государство; так обстоит дело и со всеми славянскими государствами! Только бы покрепче наступить на ноги этой сволочи». С удовлетворением была встречена весть об австрийском ультиматуме и в Петербурге. «Это—европейская война!» [4]—радостно воскликнул Сазонов. Этими тремя словами он выдал сокровенные намерения всех европейских империалистских правительств.

III

Позиция германского империализма была уже заранее определена. «Австрия должна получить на Балканах перевес над остальными мелкими державами за счет России, иначе не будет покоя» [5],—так формулировал ближайшую задачу германский кайзер.

[1] Д. № 72.
[2] М. О., т. IV, № 329.
[3] В. Д. № 101.
[4] М. О., т. V, № 25.
[5] Д. № 155.

Поэтому германский империализм торопил своих австрийских союзников нанести решающий удар на Балканах, чтобы застать соперников врасплох. В Берлине, как сообщил австрийский посол Сцегени 25 июля, «видят в каждой проволочке открытия военных действий большую опасность вмешательства других держав». «Нам советуют, — пишет он, — самым настоятельным образом, немедленно выступить и поставить мир перед совершившимся фактом».

Некоторые надежды на то, что царская Россия вынуждена будет уклониться от войны, правящие круги Австрии и Германии питали еще в связи с теми сведениями, которые поступали относительно революционных выступлений в России. С другой стороны, эти выступления не на шутку перепутали союзников и друзей русского царизма. «В последнюю неделю, — встревоженно сообщал из Петербурга английский посол Бьюкенен, — мы имеем (кто «мы»? — английская дипломатия и царская охранка? — маленькая, но не случайная и весьма характерная обмолвка—*А. Е.)* целый ряд очень плохих стачек» [1]. Они носят исключительно политический характер и организованы подпольным центром, — сообщает далее Бьюкенен. Не случайно и не безосновательно в иностранных дипломатических кругах Петербурга считали, что среди «подстрекателей к войне... министр внутренних дел играет первую роль», что он указывает на «настроения, опасные в настоящее время даже для престола, из чего вытекает безусловная необходимость, чтобы что-нибудь произошло» [2].

Этим «что-нибудь» и являлось решение о форсировании войны: при обсуждении вопроса о мобилизации одним из главнейших аргументов являлось стремление с помощью войны прервать назревающий революционный кризис.

24 июля, еще до истечения срока австрийского ультиматума, царское правительство приняло решение просить у царя «соизволение на об'явление, в зависимости от хода дел, мобилизации четырех военных округов — Киевского, Одесского, Московского и Казанского», направленных против Австро-Венгрии. Но, собираясь выступать в защиту братьев-славян, заодно сочли необходимым мобилизовать и черноморский флот: царизм сразу ставил вопрос о подготовке захвата Константинополя и проливов. Но на сей раз Николай II оказался последовательней своих сановников: если приходилось «защищать» сербов на Черном море, то это означало, что нужно воевать с Германией,— и в журнале Совета министров перед словами о мобилизации Черноморского флота Николай своей рукой вставляет слово «Балтийского» [3]. 25 июля царское правительство вынесло решение о введении со следующего дня на всей территории России положения о подготовительном к войне периоде. Военный механизм царской России начал работать, но, конечно, он не мог поспеть за аналогичными мероприятиями Австро-Венгрии и Германии, которые начали готовиться к войне после потсдамского совещания. Мы видели, что и английский флот уже к 25 июля был приведен в боевую готовность. В этот же день и французское правительство начало проводить ряд подготовительных мероприятий военного характера.

Поездка Пуанкаре в Петербург не была безрезультатна: даже Извольский, русский посол в Париже, «был поражен», насколько члены французского правительства «верно понимают положение и проникнуты твердой и спокойной решимостью оказывать нам полнейшую поддержку и избегать малейшей видимости разногласия с нами» [4]. Эта поддержка зашла столь далеко, что еще 30 июля, как только в Париже стало известно о германских угрозах отве-

---

[1] В. Д., т. XI, № 164
[2] М. О., т. V, № 395.
[3] М. О., т. V, № 19.
[4] М. О., т. V, № 129.

тить на русские военные приготовления об'явлением войны, французское правительство выступило с советом «чтобы приготовления эти носили как можно менее открытый и вызывающий характер...». «Военный министр,— сообщает Извольский,—высказал... что мы могли бы заявить, что в интересах мира мы согласны временно замедлить мобилизационные мероприятия, что не мешало бы нам продолжать и даже усилить военные приготовления» [1].

Напряженные дипломатические переговоры о предотвращении войны, протекавшие между главнейшими столицами Европы, имели для каждого правительства, вступающего в войну, значение прикрытия проводимых военных мероприятий.

Если для германского правительства важно было создать представление, что война вызвана нападением русского царя на Германию, — то царское правительство стремилось создать представление о нападении кайзера на Россию. Англия же раньше прежде всего стремилась оттянуть внимание и силы германского империализма с запада на восток.

Английская пресса еще продолжала твердить о незаинтересованности Англии в австро-сербском конфликте. Официальная британская дипломатия заверяла Германию, что только с того момента, когда вслед за австрийской мобилизацией последует мобилизация России «возникает положение, в коем заинтересованы будут державы. Но уже до этого момента все было подготовлено, чтобы можно было мобилизовать британский флот в 24 часа. «Англию страшит не столько австрийская гегемония на Балканах, — сколько мировая гегемония Германии» [2], — так формулировал Бенкендорф исходные позиции британского империализма. Еще в течение ряда дней британская пресса и официальная дипломатия делали вид, что считают возможным и необходимым локализовать австро-сербский конфликт. На деле же британский империализм с самого начала понимал, что ни о какой локализации не может быть и речи, — и исходя из этого, поддержал решение царского правительства об об'явлении мобилизации. «Берлин является более, чем Вена, центром действия», — неустанно продолжала внушать своим русским друзьям английская дипломатия. Фактически же этот центр переместился в Лондон.

Борьба идет вовсе не по вопросу о судьбе Сербии,—указывал Кроу, один из ближайших сотрудников Эд. Грея, — борьба идет за мировую гегемонию.

«В этой борьбе... в которой Германия добивается своей цели утвердить свое политическое превосходство в Европе, — ...наши интересы переплетаются с интересами Франции и России»,—писал Кроу 25 июля, в тот момент, когда еще не было формально известно — примет ли, или отвергнет Сербия пред'явленный ей ультиматум.

«Если война вспыхнет и Англия в нее не вступит, — тогда это приведет к следующему:

а) Или побеждают Германия и Австрия; они раздавливают Францию и укрощают Россию. Французский флот уничтожается, Германия овладевает Ламаншем при содействующей или противодействующей кооперации Голландии и Бельгии; каково будет тогда положение Англии, лишенной друзей?

б) Или Франция и Россия побеждают. Какую они тогда займут позицию в отношении Англии? И как тогда будет обстоять дело с Индией и Средиземным морем?» [3].

Исходя из этой альтернативы Кроу и предлагал еще 25 июля принять решение о немедленной мобилизации флота,—и об этом решении поставить в известность французское и русское правительство. Пока английская либе-

---

[1] М. О., т. V, № 291.
[2] М. О., т. V, № 91.
[3] В. Д. № 101.

ральная пресса пропагандировала, что худой мир лучше доброй ссоры и великодушно приглашала Сербию принять любые, пред'явленные Австрией, требования, пока консервативная пресса, вроде «Таймс» и «Морнинг-Пост» размышляла о том, может ли Англия остаться невовлеченной в европейскую войну,— британская дипломатия своими предложениями о посредничестве и поддерживании мира умело разжигала эту войну.

Еще до истечения срока ультиматума, 25 июля британская дипломатия выступает с предложением задержать все другие мобилизации, кроме русской и австрийской. Но ни в России, ни в Австрии в этот момент формально еще не была проведена мобилизация, — и это предложение сразу, таким образом, давало английскую санкцию на превращение восточной и юго-восточной Европы в вооруженный лагерь.

Имея уже наготове свой военный флот, английская дипломатия считала, что пацифистский план очень хорош, если им можно сковать военную активность своего империалистского соперника: «Грей сказал мне, — сообщает Бенкендорф,—что этот план предполагает прежде всего согласие на него Германии и обязательство ее не мобилизоваться» [1]. Первое же английское предложение о предотвращении войны являлось не чем иным, как «средством пощупать пульс Германии», по выражению самого Грея, который, как свидетельствует Бенкендорф,—сам «мало рассчитывает на действительность придуманного им средства. Он (Грей.—*А. Е.*) сомневается,—сообщает далее Бенкендорф,— он признался им в этом совершенно конфиденциально, чтобы Германия отказалась от выгод чрезвычайной быстроты своей мобилизации» [2].

И в то время как в Германии английская дипломатия умышленно поддерживала иллюзии о своем нейтралитете, Бенкендорф утверждал, что он «не наблюдал ни одного симптома ни со стороны Грея, ни со стороны короля, ни со стороны кого-либо из лиц, пользующихся влиянием, указывающего на то, что Англия серьезно считается с возможностью остаться нейтральной. Мои впечатления,—заключает Бенкендорф,—приводят меня к определенному выводу обратного порядка» [3]. На следующий день тот же Бенкендорф высказывает надежду, что ему удастся в самое ближайшее время «заставить Грея приподнять маску». Слово «маска»—не случайное слово. Маска пацифизма сыграла тут великолепную роль. Она была необходима, «ибо суть дела в том, что Грей не уверен в английском общественном мнении и опасается, что не будет поддержан, если он слишком ввяжется в дело».

Не снимая с себя маски, прикрывающей подлинные намерения британского империализма, Грей продолжал свое дело. Его многочисленные проекты о посредничестве и предотвращении войны,—всегда аккуратно запоздалые и заранее обреченные на провал,—имели весьма определенную цель: «Мне кажется более выгодным,—указывал Бенкендорф в связи с одним из таких посреднических выступлений,—что проект Грея был отвергнут не нами, а правительствами тройственного союза» [3]. Это давало возможность прививать народным массам сознание того, что угроза войны надвигается вплотную, несмотря на все противодействие английского правительства. И 27 июля, еще до того, как на континенте были об'явлены мобилизации армий, английское правительство уже поспешило произвести мобилизацию всего своего флота. На запросы в парламенте были заранее заготовлены весьма двусмысленные ответы, предварительно согласованные при этом с русской дипломатией.

Грей выступал как посторонний человек, желающий мира и ничего не знающий о подготовке войны. Он даже уверял, что его осведомленность по-

[1] М. О., т. V, № 56.
[2] М. О., т. V, № 91.
[3] М. О., т. V, № 126.

коится только на данных, опубликованных в прессе, в той самой прессе, которую читают и достопочтенные джентльмены, сидящие в Палате общин. Однако, добавил он, поскольку австро-сербский конфликт приобретает общеевропейский характер, нужно опасаться дальнейшего усиления пожара, который принесет неисчислимые бедствия всему миру [1].

Шли дипломатические переговоры, но еще более напряженно шли военные приготовления. 28 июля Вильгельм пытается сыграть на монархических чувствах русского царя и телеграфно убеждает его, что убийство австрийского престолонаследника — это «гнусное преступление», и что во всем последующем развитии кризиса «политика не играет никакой роли» [2]. Но царское правительство, зная громоздкость и медлительность своего мобилизационного аппарата, спешит, и после того, как убеждается, что секретно провести мобилизацию не удастся, назначает на 30 июля об'явление общей мобилизации [3]. Германские угрозы ответить встречной мобилизацией, конечно, не действуют и только заставляют царское правительство торопиться: ни для кого не являлось секретом, что германская армия может быть мобилизована в гораздо более короткие сроки. Заканчивала свои военные приготовления и Франция. В таких условиях приказ Николая II, внезапно испугавшегося надвигающихся событий, об отмене мобилизации вызвал буквально панику в царском правительстве. Сазонову пришлось прибегнуть к сильному нажиму, чтобы вырвать у венценосного кретина согласие на об'явление общей мобилизации, а начальник штаба Янушкевич, во избежание повторения подобной неожиданности, хотел даже сломать свой телефон. Судьба миллионов людей, посылаемых на бойню, была решена, и «известие об этом, по свидетельству одного из самых близких участников событий, было встречено с восторгом тесным кругом лиц, которые были посвящены в дело» [4]. Такие же настроения господствовали в момент развязывания войны и в руководящих кругах Парижа: там в генеральном штабе наблюдалась «нескрываемая радость воспользоваться выгодной, по мнению французов, стратегической обстановкой» [5]. Столь же приподнятое настроение было и в руководящих политических кругах австрийского и германского империализма. Но 29 июля в Германии впервые дрогнуло сердце у правительственной верхушки.

В Берлине получили известие от посла в Лондоне Лихновского, что британский империализм недвусмысленно дал понять о своей готовности к войне. Война с самого начала пошла по варианту, хотя и предусмотренному, но наиболее нежелательному для германского империализма. Это вызвало бешенство в правящих кругах германского империализма. «Англия открывает свои карты в тот момент, когда ей кажется, что мы загнаны в тупик и находимся в безвыходном положении! — надписал Вильгельм на телеграмме Лихновского. — Гнусная, торгашеская сволочь пыталась обмануть нас банкетами и речами... Это, по существу гроза, соединенная с блефом, чтобы раз'единить нас с Австрией, помешать мобилизации и взвалить вину за войну на нас. Он (Грей. — *А. Е.)* знает определенно, что стоит ему только произнести одно серьезное предостерегающее слово в Париже и Петербурге и порекомендовать им нейтралитет, и оба тотчас же притихнут. Но он остерегается вымолвить такое слово и вместо этого угрожает нам! Мерзкий сукин сын! Англия одна несет ответственность за войну и мир, а уж никак не мы! Это следует и публично установить» [6].

---

[1] В. Д. XI, № 190.
[2] М. О., т. V, № 184.
[3] М. О., т. V, № 210.
[4] М. О., т. V, № 224.
[5] М. О., т. V, № 297.
[6] Д., № 368.

«Грей отлично понимает положение и смотрит на дело совершенно ясно, — сообщал Бенкендорф 31 июля. — Прошу вас считать несомненным, что правительство не может двинуться вперед, не подготовив общественного мнения» [1].

«Сегодня было констатировано, что в данный момент парламент не может одобрить решительную позицию; дело Сербии нисколько не захватывает общественное мнение... но новые события могут легко изменить настроение умов; нужно их выждать» [2].

Эта выжидательная тактика вызывала большое нетерпение в правящих кругах Франции, которые, зная, что по плану Шлиффена-Мольтке и ввиду медлительности проведения русской мобилизации главные силы Германии будут брошены на французскую границу, всячески торопили английский кабинет. 1 августа Грей вынужден был заявить, что британский кабинет еще не в состоянии выступить. «Они нас предадут! Они нас предадут!» — вскричал изнервничавшийся Камбон. Вечером того же дня германский посол граф Пурталес явился к Сазонову и еще раз потребовал отмены русской мобилизации, но получил отказ. Вынув из кармана сложенную бумагу, Пурталес, не скрывая своего волнения, второй и третий раз повторил свое требование. «Сазонов, — как гласит запись свидетеля, — твердо и спокойно подтвердил еще раз только что данный им ответ». Сложенная бумага была передана Сазонову — это была нота с об'явлением войны, «которая, как оказалось впоследствии, содержала в себе 2 варианта, по оплошности германского посольства в Петербурге соединенные в одном тексте» [3].

Вслед за об'явлением русско-германской войны последовало и начало войны между Францией и Германией. Предлог для этого был создан немедленно: берлинское правительство ссылалось на то, что над германской территорией пролетали французские военные самолеты. Впоследствии оно вынуждено было признать, что никаких самолетов никто не видел.

Как бы то ни было, к обоюдному удовлетворению противников война началась и на Западном фронте. «Этот европейский мировой характер конфликта бесконечно важнее повода, его возбудившего» [4],—телеграфировал Сазонов в Лондон, призывая английское правительство к выступлению. И еще до формального об'явления войны Камбон, терпение которого уже иссякло и который не хотел ждать, пока английское правительство будет считать законченной операцию обмана своих народных масс, явился в английское министерство иностранных дел и положил на стол небольшой документ. Это был меморандум, напоминающий об одной хранящейся у него «маленькой бумажке» — письме, которым Эд. Грей еще в конце 1912 г. секретно подтвердил готовность Англии применить военные соглашения, заключенные между французским и английским генеральными штабами при переговорах, начавшихся еще в 1906 г. Это политическое обязательство являлось столь секретным, что о нем не знали даже многие члены кабинета. «Теперь я жду, — говорил Камбон, — и хочу убедиться, не вычеркнуто ли слово «честь» из английского словаря». Решение британского кабинета не заставило себя долго ждать.

Первые германские отряды перешли французскую границу — и это вызывает у французского правительства вздох облегчения, ибо «даст возможность... заявить палатам... что на Францию сделано нападение, и избежать формально об'явления войны».

В ожидании неизбежного нарушения бельгийского нейтралитета, английское правительство обращается к Германии и Франции с требованием сохра-

[1] М. О., т. V, № 350.
[2] М. О., т. V, № 351.
[3] М. О., т. V, № 396.
[4] М. О., т. V, № 452.

нить бельгийский нейтралитет, гарантированный державами еще в 1839 г. Все это делается в стремлении доказать массам, что английское правительство хочет мира и только мира, что оно стоит на страже справедливости и свободы малых государств. «Даже консерваторы, — не без удивления сообщает Бенкендорф, — несмотря на воодушевляющий их воинствующий дух, стараются не выступать в роли военной партии, что могло бы оттолкнуть... массы».

К 3 августа английский империализм, его правительство, его пресса достигли уже многого: «Возбуждение в Лондоне возрастает с часу на час»[1]. И в этот же день Эд. Грей уже выступает перед парламентом со своей знаменитой речью о неизбежности войны во имя чести (в наличии которой, как мы знаем, далеко не был уверен Камбон), во имя справедливости, во имя жизненных интересов английского народа, во имя сохранения бельгийского нейтралитета. «Речь была произнесена твердым тоном,— передает Бенкендорф свое впечатление.— Грей заботится о непосредственном достижении своей цели. Но нужно предоставить ему свободу и выбор средств»[2]. В этих средствах обмана масс руководитель внешней политики британского империализма ни в какой мере не стеснялся. Он утверждал, что Англия не имеет никаких секретных политических обязательств, и в доказательство он даже прочел ту секретную «маленькую бумажку», которой грозил ему Камбон. При чтении ее он, однако, весьма предусмотрительно опустил те строки, которые указывали на существование военных соглашений с Францией, а также о политической санкции этих соглашений.

Грей заявлял далее, что Англия не может допустить нарушения бельгийского нейтралитета,—и скромно умолчал о том, что уже в течение целого ряда лет английский генеральный штаб строил планы, предусматривающие ведение войны на территории Бельгии, что, начиная с 1906 г., между английским и бельгийским генеральными штабами велись секретные переговоры и о том, что еще во время первого марокканского кризиса Англия разработала планы переброски экспедиционного корпуса на континент через Бельгию.

Все это осталось скрытым от народных масс, которые войны не хотели. Германии была послана ультимативная нота, которая, как это заранее было известно, была столь же неприемлема как и австрийская нота, врученная Сербии. Не было никакого сомнения в том, что Германия не откажется от проведения своего военного плана, но стремление к войне было столь велико, что даже тут не обошлось без маленького подлога: срок ультиматума истекал в 12 часов ночи. Английский кабинет собрался, как сообщает об этом Ллойд-Джордж, за большим зеленым столом в зале, где не раз принимались в прошлом исторические решения. Хотя не было никаких надежд, что германский империализм согласится встать на колени, все-таки опасались, как бы Германия не приняла ультиматума. И, чтобы предупредить это, было решено использовать разницу во времени между Берлином и Лондоном: считать срок истечения ультиматума на один час ранее. В ожидании ответа, все смотрели то на стрелку часов, то на двери, и когда пробило одиннадцать, в зале воцарилась торжественная тишина. Через 20 минут явился Уинстон Черчиль и сообщил, что им разослана по всем морям и океанам радиотелеграмма, приказывающая английским военным судам начать военные операции.

В глубокой тайне от народных масс война была подготовлена. Массы были поставлены перед совершившимся фактом. В глубокой тайне зарожденная, мировая война началась...

[1] М. О., т. V, № 486.
[2] М. О., т. V, № 534.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ИНСТИТУТА МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА—ЛЕНИНА

I

Ф. ЭНГЕЛЬС. ПИСЬМО К ИОАН НАДЕЖДЕ

Публикуемое здесь письмо взято из той обширной переписки, которую Энгельс вел в период возникновения II интернационала с представителями и руководителями социалистических рабочих партий различных стран. Иоан Надежде (Joan Nadejde), румынский профессор, в 80-х годах был членом Генерального совета румынской социалистической партии и редактором ее периодического органа (в конце 90-х годов Надежде перешел к либералам). Непосредственным поводом для настоящего письма являлись, очевидно, материалы, пересланные Надежде Энгельсу через посредство Каутского.

Перевод письма сделан с черновика, имеющегося в архиве Института и написанного на французском языке. Письмо входит в XXVIII том сочинений Маркса и Энгельса, подготовляемый в настоящее время к печати.

ИНСТИТУТ МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА—ЛЕНИНА
ПРИ ЦК ВКП(б).

(Лондон), 4 января 1888 г.

Г-ну И. Надежде.

Уважаемый Гражданин!

Мой друг К. К(аутский) редактор «Neue Zeit», передал мне несколько комплектов «Rivista sociala» и «Contemporanul»[1], в которых напечатаны также и Ваши переводы некоторых моих работ и в частности моего «Происхождения семьи и т. д.» Позвольте мне выразить Вам мою искреннюю благодарность за труд, который Вы любезно взяли на себя, чтобы сделать эти работы доступными румынской общественности.

Помимо той чести, которой Вы меня удостоили, Вы оказали мне и личную услугу, так как предоставили мне возможность научиться, наконец, хоть немного Вашему языку. Я говорю наконец, потому что вот уже почти 50 лет, как я безуспешно пытался изучить его, пользуясь «Сравнительной Грамматикой романских языков» Дитца. Недавно я достал маленькую грамматику Сивока, но без упражнений для чтения и без словаря я подвигался очень медленно. С помощью вашего перевода я получил возможность сделать некоторые успехи; текст оригинала, латинская и славянская этимология заменяли мне

[1] «Социальное обозрение» и «Современник»—социал-демократические журналы, выходившие в начале 80-х годов под редакцией Надежде.

словарь, и благодаря Вам я могу теперь сказать, что румынский язык не является для меня совершенно незнакомым. Тем не менее Вы снова оказали бы мне очень большую услугу, если бы рекомендовали мне сносный словарь,— будь то румынско-немецкий, румынско-французский, или итальянский; это дало бы мне возможность лучше понимать Ваши статьи и брошюры «Ce vor Soc. Rum» и «K. M(arx) si Econ. nostre»[2], которые я тоже получил от К(аутского).

К величайшему своему удовлетворению я убедился в том, что социалисты Вашей страны строят свою программу на основных принципах той теории, вокруг которой удалось сгруппировать в единый тесный союз борцов огромное большинство европейских и американских социалистов, — теории, созданной моим покойным другом Карлом Марксом. Ко времени кончины этого великого мыслителя, социальное и политическое положение и успехи нашей партии во всех цивилизованных странах позволили ему закрыть глаза с уверенностью в том, что его усилия об'единить в единую великую армию и под одним знаменем пролетариев обоих полушарий увенчаются полным успехом. Но если бы только он мог предвидеть те огромные успехи, которых мы достигли после этого как в Америке, так и в Европе!

Эти успехи таковы, что всеобщая интернациональная политика стала необходимостью по крайней мере для европейской партии. Я снова с удовлетворением отмечаю, что и в этом отношении Вы принципиально согласны с нами и с массой западных социалистов. Об этом красноречиво свидетельствует Ваш перевод моей статьи о политическом положении Европы и Ваше письмо в редакцию «N(eue) Z(eit)». Действительно, все мы наталкиваемся на одно и то же огромное препятствие, мешающее свободному развитию всех наций вообще и каждой нации в отдельности, — развитию, без которого мы не сможем ни начать, ни тем менее завершить социальную революцию в различных странах, связывая их между собою для взаимного сотрудничества.

Это препятствие — старый Священный Союз, действующий под верховным руководством русского царизма и в конечном счете к его выгоде. Союз этот существует постоянно, даже в моменты внутренних раздоров, являющихся не чем иным, как домашними ссорами. Он будет существовать даже в случае непродолжительной войны между союзниками; ведь цель войны заключалась бы лишь в том, чтобы привести к повиновению Пруссию или непокорную Австрию. При условии существования Союза превосходство России над обоими союзниками вытекает из ее господствующего военного положения; положение это чрезвычайно укрепится после того, как Бисмарк, отторгнув в своем безумии Эльзас, предоставит силы Франции в распоряжение царя, как только Пруссия осмелилась бы пошевельнуться (результат аннексии, предсказанный Марксом еще в 1871 г.). Более того: Россия уязвима только со стороны Польши; другими словами, она для остальных двух союзников почти недосягаема, по крайней мере, если они не затеют войны, которая погубит их самих. Благодаря этим причинам, теперь, как и в 1815 г., Россия представляет собой ядро Священного Союза, является главным резервом европейской реакции. [Союз] трех убийц Польши, руководимый с 1815 г. русским царизмом, продолжает существовать до наших дней, несмотря на все кратковременные внутренние дрязги. В 1815 г. союз этот был основан в противовес революционному духу французского народа. В 1871 г. он был укреплен присоединением Эльзаса, превратившим

[2] «Что хотят румынские социалисты» и «К. Маркс и наши экономисты».

Германию в раба царизма, в царя — в арбитра всей Европы. В 1888 г. этот Союз поддерживается для того, чтобы подавлять внутри всех трех империй революционный дух, национальные стремления, а также и политические и социальные движения трудящихся классов. Так как Россия обладает стратегической позицией, почти недоступной нападению, то русский царизм образует ядро этого союза, главный резерв этой европейской реакции. Ниспровергнуть царизм, уничтожить этот кошмар, тяготеющий над всей Европой, — вот, по моему, первое условие освобождения национальностей в центре и на востоке Европы. Раз царизм будет раздавлен, вслед за ним исчезнет злосчастное могущество, воплощением которого является ныне Бисмарк, и наша рабочая партия пойдет гигантскими шагами к революции. Австрия распадется на части, потеряв единственный смысл своего существования — самым фактом своего существования мешать торжествующему царизму поглотить разрозненные нации Карпатов и Балкан; Польша возродится; Малороссия свободно определит свою политическую позицию; румыны, мадьяры и южные славяне смогут сами урегулировать между собой свои взаимоотношения и, освободившись от всякого иностранного вмешательства, установят новые границы; наконец, благородная великорусская нация будет стремиться уже не к завоевательным химерам на пользу царизма, а выполнит свою подлинную миссию, миссию цивилизатора Азии и в сотрудничестве с Западом разовьет свои обширные интеллектуальные силы вместо того, чтобы посылать на эшафот и каторгу лучших своих сыновей.

Вы в Румынии должны знать царизм, вы испытали его на собственном опыте, благодаря органическому регламенту Киселева[3], интервенциям 1848 г.[4], бесчисленным вторжениям в вашу страну, которая была для России лишь этапом по пути к Босфору, — благодаря уверенности, что ваша независимость прекратится в тот день, когда осуществится мечта царизма — завоевание Константинополя.

В настоящий момент союз, повидимому, распался, война неминуема. Если даже и вспыхнет война, то лишь для того, чтобы привести к повиновению непокорную Пруссию и Австрию. Я надеюсь, что мир будет сохранен; в подобной войне нельзя было бы сочувствовать ни одному из сражающихся, — наоборот, можно было бы только пожелать, чтобы все они были разбиты, — если это только возможно. Эта война была бы ужасна, но что бы ни случилось, все в конце концов пойдет на пользу социалистическому движению и приблизит победу рабочего класса.

Простите меня за эти рассуждения, но в данный момент я не мог писать румыну, не высказав своего мнения по поводу этих жгучих вопросов. Мнение это сводится к следующему: революция в России в данный момент спасла бы Европу от бедствий всеобщей войны и явилась бы началом всемирной социальной революции.

От редакции

Письмо Энгельса к И. Надежде имеет громадный интерес. Оно представляет собой как бы **сводку взглядов** Маркса и Энгельса по вопросу

[3] Органический регламент содержал основы управления Румынии (избрание господарей, финансы, судопроизводство, устав о торговле и т. д.). Он утвержден Государственным советом в Петербурге в 1831 году по предложению правительственного комитета, работавшего под председательством графа Киселева.

[4] Речь идет о русско-турецкой оккупации, происходившей после революционного восстания в Румынии в 1848 г., во время которого был отменен регламент Киселева, создана новая конституция и образовано временное правительство. Оккупация продолжалась 8 месяцев.

о международном значении и роли царской России. Энгельс пишет это письмо спустя 5 лет после смерти Маркса. И взгляды, проводимые на этот счет в письме к И. Надежде, в основе совпадают с тем, что проповедывали по этому поводу Маркс и Энгельс в течение всей их научной и политической деятельности, начиная по крайней мере с 1848 г. Меринг справедливо утверждал, что идея революционной войны против царской России была для руководимой Марксом «Новой рейнской газеты» «осью всей внешней политики». В царской России Маркс видел прежде всего руководящую державу Священного союза, главный источник сил германской реакции, международного жандарма, резерв мировой контрреволюции. В течение почти целого полустолетия эту оценку международной контрреволюционной роли царской России отстаивал и Энгельс.

Возьмите формулировки Энгельса в письме к И. Надежде:

«Царская Россия представляет собой ядро Священного союза».

«Царская Россия является главным резервом европейской реакции».

«Царская Россия — руководитель союза трех убийц Польши».

«Русский царь — арбитр всей Европы».

«Русский царизм — кошмар, тяготеющий над всей Европой».

Все эти формулы на разные лады дают один и тот же подход к вышеназванной проблеме. Эти формулы — сводка взглядов Маркса и Энгельса по вопросу о контрреволюционной роли русского царизма на мировой арене.

Ненависть к русскому царизму, этому международному жандарму и палачу народов, Маркс и Энгельс проповедывали неустанно в течение ряда десятилетий. Эту ненависть они завещали рабочим всех стран. И вот, когда в 1914 г. вспыхнула мировая империалистская бойня, с.-д. вожди германо-австрийской коалиции попытались сыграть на традиционной ненависти международного пролетариата к русскому царизму и по заказу «своих» империалистов изображали империалистскую войну Вильгельма Кровавого как «революционную» войну «против царизма». Эти негодяи имели наглость при этом ссылаться на заветы Маркса и Энгельса. Публикуемое письмо Энгельса к И. Надежде лишний раз разоблачает подлую подделку социал-шовинистов. Обсуждая перспективу возможной войны внутри лагеря Священного союза и допуская, что царская Россия об'явит войну Пруссии и Австрии, Энгельс заявляет:

«В подобной войне нельзя было бы сочувствовать ни одному из сражающихся,—наоборот, можно было бы только пожелать, чтобы все они были разбиты, — если это только возможно».

Эта постановка вопроса есть нечто прямо противоположное социал-патриотической позиции австро-германских с.-д. вождей в 1914—1917 гг. Эта постановка вопроса бьет социал-шовинистов прямо в лицо. Энгельс стоит, как видит читатель, целиком на «пораженческой» позиции. Самым желательным он считает поражение всех трех партнеров предполагаемой войны, в том числе и «своего» буржуазного отечества. Когда аналогичную позицию Ленин отстаивал в войне 1914 г., даже некоторые «интернационалисты» пытались высмеивать подобное — как они «остроумно» выражались — «панпораженчество». «Ведь это бессмыслица!» Не могут же все воюющие державы потерпеть поражение — кто-нибудь должен же победить. И «мы» должны «взять сторону одного из партнеров», — говорили эти господа.

Письмо Энгельса к И. Надежде доказывает, что «панпораженцем» был и Энгельс.

В течение почти целого полустолетия Маркс и Энгельс пропагандировали и призывали революцию в России.

О возможности крестьянской революции в России Энгельс говорил уже в письме к Марксу от 23 мая 1851 г. «В России началась революция», — писал Маркс Энгельсу 8 октября 1858 г. по поводу созыва «нотаблей» в Петербурге. 11 января 1860 г. Маркс в письме к Энгельсу с восторгом отмечает, с одной стороны, движение американских рабов, с другой — движение крепостных в России: «Открылось социальное движение на Западе и на Востоке. Это будет грандиозно вместе с предстоящим крушением в Центральной Европе». 12 февраля 1870 г. Маркс пишет Энгельсу (по поводу книги Флеровского «Положение рабочего класса в России»), что России предстоит «грозная социальная революция».

«Революция на этот раз начнется на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией контрреволюции...», — пишет Маркс в письме к Зорге от 27 сентября 1877 г.

В полемике с Ткачевым Энгельс говорит: «Нет сомнения, что Россия накануне революции. Она одним ударом уничтожит последний резерв всеевропейской реакции».

В письме к Беккеру в 1877 г. Энгельс пишет: «Безрезультатная война или новая неудача наверно вызовет в Петербурге революцию» [1].

Во время русско-турецкой войны Маркс писал Вильгельму Либкнехту, что военное поражение царизма «очень ускорило бы социальный переворот в России, элементы которого налицо в огромном количестве, и тем самым ускорило бы и резкий перелом во всей Европе» (Архив М.—Э. Т. VI, стр. 381).

Герман Лопатин, состоявший в личной связи с Энгельсом, писал народнице Ошаниной, что Энгельс считал Россию Францией нового века. «Ей (России) законно и правомерно принадлежит революционная инициатива нового социального переустройства» («Летописи марксизма» № 7, 8 за 1929 г.).

В обращении Маркса и Энгельса к лондонскому митингу в связи с убийством 1 марта 1881 г. Александра II говорилось о том, что русское революционное движение «в конце концов должно неизбежно привести к созданию Российской коммуны». Российской коммуны — так прямо и сказано.

В одном из последних писем Энгельса к Марксу, незадолго до смерти последнего, Энгельс пишет: «Прошло доброе, старое время, и Россия не стоит больше за русской дипломатией, а противостоит ей» [2].

«Что может избавить от закона против социалистов?» — спрашивает Бебель в письме к Энгельсу. «Конечно, взрыв в России»,—отвечает Энгельс.

«Странно, что все не могут привыкнуть к тому, что толчок должен придти оттуда, а ведь я не раз об'яснял это Бебелю», — замечает Энгельс в письме к Марксу от 30 ноября 1882 г. [3].

В таком же духе продолжалась переписка между Марксом и Энгельсом в течение десятилетий.

С величайшим вниманием Маркс и Энгельс следят за развитием освободительной борьбы в царской России, возлагая громадные надежды на русскую революцию.

Тот же ход идей мы видим в письме Энгельса к И. Надежде, писанном уже к самому концу 80-х годов:

«Революция в России в данный момент спасла бы Европу от бедствий всеобщей войны и явилась бы началом всемирной социальной революции».

---

[1] Энгельс «Забытые письма», стр. 21.

[2] Переписка Маркса с Энгельсом. Письмо от 12 сентября 1882 г. Нем. изд. Т. IV, стр. 476.

[3] Там же, стр. 492.

Русские меньшевики и их «международные» собратья даже в «лучшие» их времена руководились следующими тремя «принципами»: 1) Свержение буржуазии ни в коем случае не может произойти сначала в такой экономически отсталой стране, как Россия. 2) Буржуазная революция в России должна привести к власти буржуазию: максимум — буржуазная республика! 3) Между такой буржуазной революцией и будущей социалистической революцией обязательно должна лежать долгая историческая эпоха во много десятилетий.

Эти взгляды ничего общего не имеют со взглядами Маркса и Энгельса.

Еще в «Классовой борьбе во Франции» Маркс писал: «Естественно, что насильственные вспышки происходят раньше в конечностях буржуазного организма чем в его сердце, так как здесь урегулирование скорее возможно чем там».

Еще в 1853 г. в статье «Британское владычество в Индии» Маркс говорил:

«Совершая социальную революцию в Индостане, Англия, конечно, руководствовалась исключительно низменными интересами и действовала грубо, желая добиться своего. Но дело не в этом. Весь вопрос в следующем: может ли человечество выполнить свое назначение без коренной социальной революции в Азии? Если оно этого сделать не может, то Англия, каковы бы ни были ее преступления, была лишь невольным орудием истории при совершении этой революции».

Еще в начале 60-х годов Маркс писал по поводу восстания тайпингов:

«Можно смело предсказать, что китайская революция бросит искру в пороховой погреб современной промышленной системы и вызовет взрыв давно подготовлявшегося всеобщего кризиса, за которым, когда он распространится заграницей, непосредственно последует политическая революция на континенте».

В середине XIX в. Маркс допускал, что пролетарская революция может начаться во Франции. А Франция далеко не была тогда передовой промышленной страной.

Мы видим, таким образом, что Маркс и Энгельс ставили вопрос о пролетарской революции как и все остальные вопросы глубоко диалектически. Они допускали, что первый толчок может придти и из Франции, и из России, и из Индии, и из Китая. И, конечно, они готовы были «принять» революцию, откуда бы она ни пришла.

Только большевики, только Ленин и Сталин целиком восприняли подлинное учение Маркса и Энгельса, продолжили и развили его в обстановке империалистского периода капитализма. В известных записках Ленина о книге Суханова контрреволюционная сущность с.-д. взглядов на этот счет разоблачена до конца. Публикуемое письмо Энгельса дает в руки мирового коммунизма еще один аргумент против «международного» меньшевизма.

Превосходны в публикуемом письме замечания Энгельса по национальному вопросу. Распад Австрии и восстановление Польши целиком предсказаны Энгельсом. О миссии «благородной великорусской нации» Энгельс говорит в том же смысле и отчасти в тех же выражениях, как Ленин в его известной статье «О национальной гордости великороссов». Когда мы читаем у Энгельса о будущей роли революционной России как «цивилизатора Азии», нельзя не гордиться тем, что и это великое предсказание учителя ныне оправдалось. Вся политика СССР и в частности вся его ленинская национальная политика разве не являются — кроме всего прочего — осуществлением «миссии цивилизатора Азии» в самом лучшем, т. е. пролетарском, значении этого слова?

Каждый новый публикуемый документ Маркса и Энгельса, каждое новое, до сих пор неизвестное письмо их всегда и неизменно доказывает еще и

еще раз, что только большевизм, только ленинизм есть подлинный революционный марксизм нашей эпохи. В этом — величайшая гордость нашей партии мирового коммунизма.

II

Н. ЛЕНИН. ИЗ МАТЕРИАЛОВ ОБ ИМПЕРИАЛИЗМЕ И МИРОВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ

Ниже публикуется часть материалов одной из ленинских тетрадей посвященных вопросам империализма и мировой империалистической войны 1914 г. В подготовительных работах к книге «Империализм как высшая стадия капитализма», в выписках и заметках о войне 1914 г. Ленин вскрывает глубочайшие экономические корни мировой империалистической войны 1914 г. и в то же время тщательно и детально разбирает фактическую историю ее подготовки, ход развития международных конфликтов между империалистическими державами, «расстановку сил» на мировой арене и процесс формирования блоков «великих держав», столкнувшихся в 1914 г. в кровавой бойне за передел мира.

Публикуемые материалы представляют собой составленные Лениным синхронические таблицы — «опыт сводки главных данных всемирной истории после 1870 г. (Эгельгаф и др. источники)». Эти материалы взяты из тетради Ленина, посвященной выпискам и замечаниям по поводу работы Готлоба Эгельгафа (Архив ИМЭЛ № 18678) «История новейшего времени от франкфуртского мира до настоящего времени». Полностью эта тетрадь будет опубликована в XXIX Ленинском сборнике, где будут помещены последняя часть подготовительных работ Ленина по империализму и ряд новых ленинских материалов об империалистической войне 1914 г. и по национальному вопросу. Материалы являются одним из образцов исключительно тщательной работы Ленина по собиранию и изучению исторических фактов для разрабатываемого им вопроса.

Публикуемые заметки Ленина ярко и наглядно показывают вехи подготовки кровавой мировой империалистической войны, наступающее двадцатилетие которой характеризуется лихорадочной подготовкой империалистических держав к новой войне за новый передел мира, к военному нападению на СССР — великую страну социализма.

ИНСТИТУТ МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА—ЛЕНИНА
ПРИ ЦК ВКП(б).

Подготовка войны 1914—6 г.г. („вехи“).	(*Главнейшие*)	Кризисы в международной политике великих держав после 1870—1871 годов
1879: Союз Германии с Австрией.	*1877—1878:*	*(Освобождение национальных государств на Балканах). Грабят («делят») Турцию (Россия + Англия + Австрия).*
1891: Союз России с Францией.	*1885:*	*Россия на волосок от войны с Англией. Грабят*

(«делят») *Среднюю Азию* (*Россия* и *Англия*).

1895: (Китайско-Японская война). Грабят («делят») *Китай*. (*Япония* + *Россия* + *Англия* + *Германия* + *Франция*).

1898: Англия на волосок от войны с Францией (Фашода). Грабят («делят») *Африку*.

(!) 1904/5: (Русско-Японская война). Грабят («делят») *Китай* и *Корею* (*Россия* и *Япония*).

1907: Союз России с Англией.

1905: Германия на волосок от войны с Францией и Англией. Грабят («делят») *Марокко*.

1911: Германия на волосок от войны с Францией и Англией. Грабят («делят») *Марокко*. *Обменивают* Марокко на Конго.

10 января 1891: Ультиматум Англии к Португалии: грабят («делят») Африку.

1899: Грабеж островов Самоа (совместно Англией, Германией и Соединенными Штатами).

1898: Испано-Американская война. (Грабят Кубу и Филиппину).

1898: Англия ведет переговоры с Германией о союзе против России. (Не сторговались!)

Октябрь 1898: Договор Англии и Германии: делят колонии Португалии («на случай» ее финансовой несостоятельности)...

1899: «Трения» между Германией, Англией и Соединенными Штатами из-за Самоа. Угрозы войной. Конфликт. Договор о «дележе» этих островов: 14 ноября 1899.

1900: Душат Китай все вместе: Германия + Россия + Соединенные Штаты + Япония + Англия + Франция.

1903: Выколачивают долги из Венецуэлы (бомбардировка): Германия + Англия + Италия.

1904: Договор Англии с Францией (8 апреля): делят Африку (готовятся к войне с Германией).

1907: Договор России с Англией (31 августа): делят Персию, Афганистан, Тибет (готовятся к войне с Германией).

1908: Договор Японии с Соединенными Штатами (28 ноября) о гарантии «владений» обеих держав в Тихом Океане.

Июль 1910: Россия и Япония заключили договор: «обмен» Кореи на Монголию!

1911: Договор России с Германией (19 августа): «перестраховка» тоже своего рода (Багдад за Персию).

1911: Договор Англии с Японией (Англия нейтральна в случае войны Японии с Соединенными Штатами) (см. Франке в «Deutschland und der Weltkrieg» *)...

17 сентября 1914: «Договор» России с «независимой» Монголией. (Грабит Монголию).

---

* «Германия и мировая война». — *Ред.*

ОПЫТ СВОДКИ ГЛАВНЫХ ДАННЫХ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

	A	B	C	D	E
	Войны	Дипломатия	Колониальная политика	Экономическая политика (тресты и пр.; таможенные договоры etc., крупные концессии)	Рабочее движение и социалистические партии
1870—	Франко-прусская война (70—71)	„Союз трех императоров“ (71). 72: свидание трех императоров в Берлине.	(1866—7: Россия берет Коканд) 1868: Россия берет Бухару 1873: Россия берет Хиву	73: Золотая валюта в Германии	Парижская Коммуна (71). 71—75: Суды над коммунарами.
—1875		1875: Конфликт Германии и Франции. Вмешательство Александра II.		Ноябрь 75: Англия скупает акции Суэца.	75: Социал-демократический съезд в Готе. Объединение
1876		76: Переговоры России с Германией против Австрии			
	77: Русско-турецкая война	15 января 77: Договор России и Австрии (о дележе Турции).	77: Англия берет Трансвааль		
		78: Берлинский конгресс (грабят Турцию) 11 октября 78: Договор Австрии и Пруссии (об отмене пражских условий о Дании)	78: Англия берет Кипр		78: Закон о социалистах в Германии (19 октября).
	79: Война Англии с зулусами	79: Союз Германии с Австрией (7 октября 79).	79: „Afrikanerbund“ (союз голландцев в Южной Африке)	79: Протекционный тариф в Германии (союз промышленников и сельскохозяйственных аграриев)	
—1880			80: Гамбургский купец Гэдефрэй основал торговую компанию на *Самоа* (Рейхстаг 27 апреля 80 отклонил субсидию)		
1881—	27 февраля 81: Буры бьют англичан (при Майнбаберге)	81: (3 августа) Англия признала независимость Трансвааля 81: Россия подчинила туркменов 82: Англия берет Египет	81: Франция берет Тунис 81: Италия в Ассаб		
		83: „Тройственный союз“ (Германия + Австрия + Италия) (20 мая 1882) 84: свидание трех императоров в Скерневицах 15 ноября 84: Берлин. Конго — конференция: делят Африку. „Независимость“ Конго!!	84: Германия берет юго-западные африканские колонии + Камерун 84: Россия берет *Мерв*		
—1885	Война Франции с Китаем (из-за Тонкина)		85: Спор Германии с Испанией из-за Каролинских островов. 85: Англия берет Бечуана (южная Африка) 85: Франция берет Тонкин. 85: Италия в Массове 85: Англия берет Бирму	1880—88: Железная дорога в Самарканд 85: Субсидии пароходным обществам в Германии	

ПОСЛЕ 1870 ГОДА (ЭГЕЛЬГАФ И ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ)

F	G	H	J	K
Революционные движения (непролетарского характера)	Национальные движения и национальный вопрос	Демократические реформы	Социальные реформы	Разное и примечания
1868—1871: Япония (революция и преобразования). 73: Республика в Испании (вмешательство немецкого морского офицера Вернера 1 августа 1873) 74: Альфонс XII в Испании и 74—6: Карлистская война	1867: Соглашение Венгрии с Австрией. 75: Восстание в Боснии и Герцеговине.	61 — 71: Крестьянская реформа и буржуазно-демократические реформы. *Россия.* 71: Начало „просветительной борьбы“ в Германии (71—78). 71—79: Борьба с роялистами и клерикалами во Франции (75: победа республики). 2. апреля 73: Избирательная реформа в Австрии (4 курии). 75: Гражданский брак в Германии.		20 сентября 70: Италия берет Рим
	76: Восстание в Болгарии 77: Русско-турецкая война	Март 76: Кабинет левых в Италии (Депретис) до 91 г. 1877: Закон о всеобщем школьном обучении (Италия). 79: Отставка Фалька (конец „просветительной борьбы“, см. 87). 1879: Новое судопроизводство в Германии.		30 января 1879: отставка Мак-Магона 79: Антисемитское движение в Германии (78: основание христианско-социалистической партии).
1 марта 81: Умерщвлен Александр II	82: Пражский университет делится на чешский и немецкий	81: Ирландский земельный закон Гладстона 82: Светские школы во Франции 84: Избирательная реформа Гладстона	81: Послание Вильгельма II о социальных реформах 83: Страхование от болезней в Германии.	

ОПЫТ СВОДКИ ГЛАВНЫХ ДАННЫХ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

	A	B	C	D	E
	Войны	Дипломатия	Колониальная политика	Экономическая политика (тресты и пр.; таможенные договоры etc., крупные концессии)	Рабочее движение и социалистические партии
1886— —1890	87: „Договор о перестраховке" (Германии с Россией)	90: Договор Англии и Германии (Меняют Гельголанд на часть Африки)		88: „Панама" во Франции 88: (4 октября) „Немецкий банк" получает концессию на Багдадскую железную дорогу (до Ангоры). 89: Сесиль Родс основал Chartered company of South Africa*	90: Конец исключительного закона в Германии
1891— —1895	94—5: Война Китая с Японией 1895: Война Франции против Мадагаскара	10 января 91: Ультиматум Англии португальцам (грабят Африку) 1891: Франко-русский союз 95: Мир в Симоносеки 95: Договор о Памире (Россия берет Афганистан).	93: Франция берет *Дагомею*	91: Торговые договоры Германии с Австрией и другими государствами (понижение пошлин) 92: Валютная реформа в Австрии 93: „Немецкий банк" получает еще концессию на Багдадскую железную дорогу 95: Канал императора Вильгельма	1893: железнодорожная стачка в Голландии
1896— —1900	96: Абиссиния побеждает Италию (1 марта) (Мир 26 октября 1896). 97: Греко-турецкая война. 98: Испано-американская война 99—1902: война Англии с бурами	97: Соглашение России с Австрией о Балканах. 98: Фашода (Англия и Франция делят Африку) (21 марта 1899)	96: Набег Джемсона (Англия в Южной Африке) 96: Англия берет *Амантию* 97: Франция берет Мадагаскар. 97: Германия берет Киао-чао 98: Вильгельм II в Иерусалиме 98: (?) Восстание в Андижане. 99: Германия берет Каролинские, Савойские и др. острова.		

* Свободная компания Южной Африки.—*Ред.*

ПОСЛЕ 1870 ГОДА (ЭГЕЛЬГАФ И ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ)

F	G	H	J	K
Революционные движения (непролетарского характера)	**Национальные движения и национальный вопрос**	**Демократические реформы**	Социальные реформы	Разное и примечания
	86: Первое польское предложение (Германии) (Колонизационная комиссия)	86: 1-ый Гомруль—билль Гладстона 87: Конец „просветительной борьбы" в Германии (23 мая 1887). 88: Демократическое местное самоуправление в Англии	89: Страхование от старости (в Германии)	86: Буланже—военный министр. 90: Падение Бисмарка
	95: Восстание на Кубе.	1891: Подоходный налог в Германии 92: „Kleinstellengeset"** в Англии 93: 2-й Гомруль—билль Гладстона 93: двухлетняя военная служба (Германия) 1893: Избирательная реформа в Бельгии (множественность) 94: Начало дела Дрейфуса (Франция) 94: Гражданский брак в Венгрии 1888 — 1895: Переговоры Ватикана с Квириналом. Неудача!		92: „Ralliés"*** во Франции 93: „Союз сельских хозяев" (Германия)
	98: Второе польское предложение (Германии). 99: Подавление Финляндии	96: Бадени создает пятую курию в австрийском парламенте. 98: Движение „освобождение от Рима" в Австрии. —		97: Люгер—мэр Вены. 98: Первый закон о флоте (Германия). (30 апреля 98 основан флотский союз). 900: Второй закон о флоте в Германии.

** Закон о мелких держаниях (земли).
***

ОПЫТ СВОДКИ ГЛАВНЫХ ДАННЫХ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

	A	B	C	D	E
	Войны	Дипломатия	Колониальная политика	Экономическая политика (тресты и пр.; таможенные договоры etc., крупные концессии)	Рабочее движение и социалистические партии
1901—	1900—01: Война с Китаем (боксерское восстание).	1902: Англо-японское соглашение		01: Окончание Сибирской железной дороги 22 января 1902: „Немецко-французское общество" получает концессию на Багдадскую железную дорогу + навигацию в Месопотамии + рудники 02: Таможенный тариф в Германии 03: Чемберлен за таможенный союз Британской империи.	
—1905	1904—07: Война с Гереро 1904—5: Русско-японская война	1904: Англо-французское соглашение 1904: Лубэ в Италии 1905: 2-е англо-японское соглашение	05: Англия в Лхасса 05: 13 мая в Тангоре (Марокко).	05: Новые торговые договоры Германии	
1906—	1907: Конец войны в Африке (с Гереро и пр.)	1906: Конференция в Алжесирасе 1907: Соглашение Франции и России с Японией 1907: Соглашение России с Англией 1908: Свидание Эдуарда VII и Николая II в Ревеле (9 июня 1908) 1908: Соглашение Японии с Соединенными штатами о Тихом Океане		1907 (август): суд присуждает компанию „Стандарт-Ойль" к штрафу в 29 миллионов долларов	
—1910		1909: Немецко-французское соглашение о Марокко 1910: Потсдамское свидание (Вильгельм II и Николай II)	1910: Япония аннектирует Корею		1909: Баррикады в Барцелоне и Мадриде. Убийство Феррера 13 октября 1910: Бриан подавляет стачку железно-дорожных рабочих.

ПОСЛЕ 1870 года (ЭГЕЛЬГАФ И ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ)

F	G	H	J	K
Революционные движения (непролетарского характера)	Национальные движения и национальный вопрос	Демократические реформы	Социальные реформы	Разное и примечания
	1902: Третье польское предложение (Германии)	1901: „Республика" Австралии 1901: Французский закон о союзах (против орденов) 1902: Отмена параграфа о „диктаторских полномочиях" в Эльзас-Лотарингии		
	1903: Венгерский кризис. (Конфликт с Австрией из-за языка в армии)	1903: Комб закрывает католические ордена во Франции 1903: Ирландский билль (аграрный)		
1905: Революция в России 1905: Отделение Норвегии	← 1905	1905: Двухлетняя военная служба в Германии 1905: Отделение церкви от государства во Франции		
1906: Парламент в Персии	1906/07: „Стачка" школьников в прусской Польше (до 50.000 человек)	1906: Диэты в рейхстаге 12 июля 1906: Восстановление в правах Дрейфуса		
1907: Государственный переворот в России		1907: Всеобщее избирательное право в Австрии 1907: Аграрный закон в Англии (помощь мелкой собственности)		
1908: Убийство Карла I в Португалии 1908: Революция в Турции 1908: Свержение Абдул-Гамида	1908: Исландия требует независимости от Дании и получает парламент 1908: Четвертое польское предложение (принудительная покупка) 1908: Аннексия Боснии и Герцеговины Австрией 1908: Болгария объявляет себя независимой			
1909: Свержение шаха в Персии		1909: Новые льготы ирландским фермерам		
1910: Республика в Португалии	1910: Победа „национальной партии труда" над партией независимых в Венгрии 1910: Уничтожение независимости Финляндии !! 21 апреля 1910: Закон (Бельгия) о фламандском языке в средних школах (в четырех фламандских провинциях)	1910: Конфликт нижней и верхней палат в Англии		

ОПЫТ СВОДКИ ГЛАВНЫХ ДАННЫХ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

	A	B	C	D	E
	Войны	Дипломатия	Колониальная политика	Экономическая политика (тресты и пр.; таможенные договоры etc., крупные концессии)	Рабочее движение и социалистические партии
1911—	1911 (29 сентября): Турецко-итальянская война (Триполитанская) (—18 октября 1912)	1911: Русско-немецкое соглашение о Персии 1911: Немецко-французское соглашение о Марокко	1911: Франция и Испания идут „вперед" в Марокко	!! 15 мая 11: Суд объявляет компанию „Стандарт-Ойль" незаконной	
	1912: Балканская война (1-ая и 2-ая) 8 октября—17 октября 1912: объявление войны)				
			1913: Покушение России на Армению		
	1914: Европейская война				
—1915					

К ленинским материалам

Работы Ленина об империализме дают глубочайший теоретический анализ высшей стадии капитализма со всеми ее специфическими особенностями. Тщательно и всесторонне исследуя империалистическую фазу капитализма, Владимир Ильич звено за звеном вскрывает все ее отличительные черты, четко формулирует закономерности ее развития.

Сжатые, чеканные формулы Ленина, дающие такую четкую и исчерпывающую характеристику империализма, опираются на гигантский конкретный материал, мобилизованный и критически изученный Владимиром Ильичем. Каждый его теоретический тезис опирается на «Монблан фактического материала», во всех деталях и подробностях характеризующий различные стороны и черты империалистической стадии капитализма в ее возникновении и развитии.

Исследуя богатейший и разнообразнейший конкретный материал, характеризующий развитие капитализма в конце XIX и начале XX столетий, Ленин зорким глазом улавливает тенденции превращения капитализма в империализм, первые проявления этих тенденций, прослеживает их дальнейшее развитие, показывает, как меняется социально-экономическая ткань капиталистического мира, как развивается империализм — загнивающий, умирающий капитализм.

В основу ленинского анализа положен огромный экономический, статистический, исторический и географический фактический материал, детально рисующий конкретное развитие и проявление тенденций и черт империализма во всех важнейших капиталистических странах: в «великих державах» и малых государствах, в метрополиях и колониях, в странах развитых и отсталых.

Ленин не раз подчеркивал, что в своей работе об империализме он давал по преимуществу анализ экономики высшей стадии капитализма, ее экономической сущности. В то же время, изучая и освещая эконо-

ПОСЛЕ 1870 ГОДА (ЭГЕЛЬГАФ И ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ)

F	G	H	J	K
Революционные движения (непролетарского характера)	Национальные движения и национальный вопрос	Демократические реформы	Социальные реформы	Разное и примечания
		1911: Отмена (сокращение) привилегий верхней палаты в Англии	1911: Закон о страховании в Англии	
1912: Республика в Китае		1912: Гомруль—билль Асквита 25 мая 1912: Избирательная реформа в Италии (число избирателей с 2 миллионов до 6 миллионов) 17 июля 1912: Избирательная реформа в Англии (всеобщее избирательное право) 11 апреля 1912: Принят Гомруль для Ирландии 29 апреля 1911: Отделение церкви от государства в Португалии		

мическую основу империализма, Ленин привлекает огромный исторический материал, тщательно изучая конкретное историческое развитие отдельных стран, их столкновения и конфликты, пути их экспансии, механику колониальных захватов, ход борьбы за рынки сбыта, сырья, за об'екты экспорта капитала и т. д.

Чрезвычайно характерны в этом отношении хотя бы материалы, которые привлекает Владимир Ильич для обоснования одного из основных признаков в общей характеристике империализма — раздел мира закончен.

В подготовительных работах Ленина, в его «Тетрадках по империализму» (которые составят 4 Ленинских сборника) часто можно встретить подробнейшие выписки, заметки, таблицы, касающиеся фактического хода борьбы за раздел мира, захват колоний и «сфер влияния». Ни одна деталь не ускользает от внимания Владимира Ильича. Пользуясь самыми различными источниками и материалами—от официальных справочников и работ махровых патриотических идеологов различных империалистических держав до марксистских исследований, от толстых фолиантов ученых историков и экономистов до газетных статей и заметок,—Владимир Ильич внимательнейшим образом прослеживает во всех подробностях реальный процесс раздела мира между империалистическими хищниками. В свете борьбы за раздел мира, где все меньше и меньше остается «свободных об'ектов», которыми могли бы завладеть империалисты, становится ясной вся дьявольская механика международной политики «великих держав», хитросплетенная сеть коалиций и союзов, договоров и соглашений, сделок и интриг.

Завершение раздела мира между важнейшими империалистическими державами в процессе развития империализма приводит к борьбе за передел мира. Здесь находятся корни империалистической войны 1914 г., которая явилась первым разрушительным взрывом этой кровавой борьбы. Исследуя конкретный процесс раздела мира между империалистами, Ленин теснейшим образом связывает его с мировой войной 1914 г., с ходом ее подготовки и «расстановки сил» борющихся стран. Ярким образцом этой работы Влади-

мира Ильича являются публикуемые в настоящем номере «Большевика» страницы из одной из ленинских тетрадей, посвященных анализу империализма и мировой империалистической войны 1914 г. Тетрадь эта (полностью она будет опубликована в XXIX Ленинском сборнике) посвящена выпискам и заметкам по поводу работы Готлоба Эгельгафа «История новейших времен от франкфуртского мира до настоящего времени».

Отношение Ленина к Эгельгафу достаточно определенно и недвусмысленно выражено в следующей красочной характеристике:

«Автор — мерзавец, бисмаркианец. Но книга все же очень полезна, как сводка фактов и справочник. Простая сводка дает картину империализма и демократических движений, как главных отличительных черт эпохи. (К понятию «эпохи» архиважно!!). О социализме архимало вследствие тупой реакционности автора. Прехарактерно, что идиот-автор, с педантичной аккуратностью дающий даты и прочее о каждом царьке, о родне царьков, о выкидышах нидерландской королевы (Sic! стр. 440) и т. п.— не упомянул ни звуком восстание крестьян в Румынии в 1907 году!! Приложенная к книге «Хронологическая таблица» составлена идиотски, перечень сухой, голый, не систематизированный».

Изучая материал по империализму, Владимир Ильич пользуется самыми различными источниками, в том числе и работами ярых идеологов империализма, его пророков и поэтов. Беспощадно разоблачая их, безжалостно вскрывая апологетический характер их рассуждений, Ленин тщательно изучает и использует по-своему даваемый ими фактический материал, всячески проверяя и критически его перерабатывая. Это относится и к работе Эгельгафа. Аттестовав автора должным образом, Владимир Ильич внимательно изучает приводимый в его работе материал, разбирая исторические факты, пополняя их другими.

Вот например характерные выписки и заметки Ленина (при чтении книги Эгельгафа) о восстании племени «гереро» (Африка), которое немецким войскам пришлось достаточно долго усмирять. Ленин замечает:

«Восстание Гереро (юго-западная Африка) — 1904 г. — XII и 1905. Их песня «Wem gehör Hereroland» [1] и припев: «Uns gehör Hereroland» [2].

— Немецкое войско дошло до 17 тыс. чел. «Гереро большей частью уничтожены (Sic!) — к большой жалости для них, как и для нас», ибо-де «рабочих рук» нет (!!)».

Или следующая любопытная запись:

«Бисмарк был за республику во Франции ради отдаления ее от монархической России». Посол граф Harry Arvin, «действовавший» в Париже за восстановление монархии, был отозван в 1874 г. и осужден в 75 г. за опубликование тайных государственных документов на 5 лет каторги (!)».

Сбоку Ленин пишет: «Бисмарк ЗА республику во Франции».

В конце тетрадки Ленин дает представляющую исключительный интерес сводку, освещающую «главнейшие кризисы в международной политике великих держав после 1870—71 годов». Освещение этих «кризисов» четко и ясно показывает «вехи» подготовки войны 1914 г., группировки империалистических держав и расстановку их сил:

1879 г. — Союз Германии с Австрией.
1891 г. — Союз России с Францией.
1907 г. — Союз России с Англией.

Ленин показывает достаточно наглядно, на какой почве «произрастали» и складывались эти союзы

1877—1878 г. — Грабят («делят») Турцию (Россия + Англия + Австрия).

[1] «Кому принадлежит земля Гереро». — Ред.
[2] «Нам принадлежит земля Гереро». — Ред.

1885 г. — Россия на волосок от войны с Англией. Грабят («делят») Среднюю Азию (Россия и Англия).

1895 г. — (Китайско-японская война). Грабят («делят») Китай (Япония + Россия + Англия + Германия + Франция).

1898 г. — Англия на волосок от войны с Францией (Фашода). Грабят («делят») Африку.

1904/05 год — (Русско-Японская война). Грабят («делят») Китай и Корею (Россия и Япония).

1911 г. — Германия на волосок от войны с Францией. Англия грабит («делит») Марокко, обменивает Марокко на Конго

И т. д. и т. д.

Так, шаг за шагом в борьбе за раздел мира, складываются группировки империалистических держав для новой борьбы за его передел. Процесс формирования и расстановки сил империалистов — сложный, полный противоречий. Имеют, например, место и такие события, как в 1900 г. (Боксерское восстание в Китае). «Душат Китай все вместе: Германия + Россия + США + + Япония + Англия + Франция». Это трогательное единение в конкретной обстановке для конкретной цели — совместный грабеж Китая — отнюдь не мешает подготовке кровавой свалки 1914 г.

Ленин не ограничивается этой краткой «схемой». Он составляет подробные синхронические таблицы: «Опыт сводки главных данных всемирной истории в конце 70-х годов». При составлении этих таблиц Ленин пользовался, как он указывает, не только Эгельгафом, но и другими источниками. Среди этих дополнительных источников можно указать «Schulthess Europäischer Geschichts-Kalender» (Европейский исторический календарь Шультгесса, выходивший с 1861 г.).

Эти синхронические таблицы — документ выдающегося значения и интереса. Четыре странички обыкновенной ученической тетради тщательно разлинованы карандашом на клетки. И в них убористым, бисерным ленинским почерком вписаны соответствующие исторические факты, выстраивающиеся в стройные линии.

Ленин вообще придавал очень большое значение синхроническим таблицам, где исторические факты систематизированы «во времени и в пространстве», что чрезвычайно помогает сравнительному изучению реального хода исторического развития. Так, в отзыве на курс русской истории М. Н. Покровского Владимир Ильич указывает на необходимость разработки и включения в книгу синхронических таблиц.

Свой «Опыт сводки главных данных всемирной истории» от франко-прусской войны до мировой империалистической войны 1914 г. Ленин разбивает на 10 рубрик, по которым группирует исторические события:

1) Войны;
2) Дипломатия;
3) Колониальная политика;
4) Экономическая политика (тресты, партии; таможенные договоры и т. д.; крупные концессии);
5) Рабочее движение и социалистические партии;
6) Революционное движение (непролетарского характера);
7) Национальные движения и национальный вопрос;
8) Демократические реформы;
9) Социальные реформы;
10) Разное и примечания.

Период 1870—1915 гг. Ленин разбивает по пятилеткам. Ленинские синхронические таблицы требуют глубокого изучения.

Ленин не раз подчеркивал, что «безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса яв-

ляется постановка его в определенные исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране (например, о национальной программе для данной страны), учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи» (Ленин. Т. XV, стр. 12—13).

Публикуемый материал является одной из ярких иллюстраций того, как Ленин подходил к историческим материалам и использовал их в своей работе при анализе империалистической стадии развития капитализма и подготовки мировой империалистической войны 1914 г. По этим таблицам можно проследить весь ход процесса раздела мира конкретно- «в плоти и крови», можно ясно видеть все комбинации держав, их сговоры и внешнюю политику. В таблицах отчетливо видно, как происходил грабеж — «дележ» Африки и Азии; как главная добыча доставалась Англии, Франции, России, Японии. На долю империалистической Германии перепадает маловато. И эта бурно растущая империалистическая держава грубо и настойчиво добивается для себя больше места под империалистическим солнцем.

Ленинские синхронические таблицы помогают с исключительной четкостью изучать и сопоставлять различные исторические факты в различных странах в одни и те же периоды. Вот например первая строка ленинских таблиц. Франко-прусская война, Парижская коммуна. Ее разгром, Реакция. Вмешательство России. Свидание трех императоров в Берлине. Пока обостряются франко-прусские противоречия и грохочут пушки на полях франко-прусской войны, Россия берет Коканд, Бухару и Хиву. К концу пятилетия— снова конфликт Германии и Франции. Вмешательство Александра II. А Англия скупает акции Суэца.

Таблицы наглядно показывают, как тщательно и внимательно Ленин подходил к историческим фактам, не упуская самых, казалось бы, малозначащих деталей. Вот пятилетие 1876—1880: русско-турецкая война. Договор России и Австрии о дележе Турции. Берлинский конгресс—грабят Турцию. Англия берет Трансвааль. И тут же Ленин отмечает—1880: гамбургский купец Гэдефрэй основал торговую компанию в Самоа (рейхстаг 27 апреля 1880 года отклонил субсидию). Закон о социалистах в Германии И в графе «Демократические реформы»—закон о всеобщем школьном обучении в Италии. А в графе «Разное»—30 января 1879: Отставка Мак-Магона. 1879: Антисемитское движение в Германии (1878: основана христианско-социалистическая партия).

В графе «Рабочее движение и социалистические партии» вы найдете Парижскую коммуну, готский с'езд, железнодорожную стачку в Голландии (1893 г.) и баррикады в Барцелоне и Мадриде (1909 г.), а также—1910 г. Бриан подавляет стачку железнодорожных рабочих. В разделе «Экономическая политика» упоминается: 1879 г.—протекционный тариф в Германии (союз промышленников и с.-х. аграриев). 1880—1888 гг.—железная дорога в Самарканд (Россия). 1888:—«Панама» во Франции. Немецкий банк получает концессию на багдадскую железную дорогу до Ангоры. 1889: Сесиль Родс основал «свободную компанию Южной Африки». 1901: — Окончание Сибирской ж. д. 1902:—Таможенный тариф в Германии. 1903: Чемберлен за таможенный союз Британской империи. 15 мая 1911 г. суд об'явил компанию «Стандарт-Ойль» незаконной. Эту запись Ленин отчеркивает сбоку тремя чертами и ставит два восклицательных знака.

Чрезвычайно характерно особенное внимание, которое Ленин уделяет национальному вопросу и национальному движению, выделив их в особую графу Здесь он отмечает и такие явления, как 1867 г. — соглашение Венгрии с Австрией; 1875:—восстание в Боснии и Герцеговине; 1876:—восстание в Болгарии, и такие, как 1882 г.—пражский университет делится на чешский и немецкий; 1899:—подавление Финляндии (Россией); 1906/7 г.—

стачка школьников в прусской Польше (до 50 тыс. человек); 1908:—Аннексия Боснии и Герцеговины Австрией; 1910:—Уничтожение независимости Финляндии (Россией) и 21 апреля 1910 г.—закон (Бельгия) о фламандском языке в средних школах в четырех фламандских провинциях. Этот последний пункт Ленин отмечает двумя восклицательными знаками.

Невозможно, разумеется, исчерпать все богатства и глубину ленинских таблиц, помещенных им в качестве наброска в подготовительной тетради. Эти таблицы исключительно поучительны и в методологическом отношении как яркая характеристика подхода Ленина к историческому материалу.

Кое-какие неудачливые схематики у нас забыли, что сила марксизма—в его умении анализировать все явления в развитии, в их реальном движении, во всех их конкретных исторических связях и опосредствованиях. Марксизм—не отмычка, не сухая, безжизненная схема, не трафарет, которым можно по произволу мерить любые явления. Маркс не даром подчеркивал, что «события, поразительно аналогичные между собой, но происходившие в исторической различной среде, приводят к совершенно различным между собою результатам. Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сравнивая их между собой, легко найти ключ к уразумению этих явлений, но никогда нельзя придти к их пониманию, пуская в ход повсюду и всегда одну и ту же отмычку какой-либо историко-философской теории, самое высшее достоинство которой заключается в ее надисторичности »

Теоретические выводы Маркса—Ленина опираются на гигантский конкретный материал, взятый в историческом развитии. Ленин постоянно и настойчиво подчеркивал это. Вот например хотя бы его весьма поучительное указание:

«Для того, чтобы наиболее научным образом подойти к этому вопросу, надо бросить хотя бы беглый исторический взгляд на то, как государство возникло, и как оно развивалось. Самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений, самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной,—это не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» (Лекция свердловцам о государстве).

Марксистская теория неразрывно связана с революционной практикой. И ленинский теоретический анализ империализма неразрывно связан с практикой революционной борьбы пролетариата против империализма, против империалистических войн, за пролетарскую революцию, за пролетарскую диктатуру, за социализм. Глубокий анализ исторического развития капитализма, его последней стадии—империализма—дает пролетариату новое оружие для борьбы и победы.

Марксистско-ленинская теория—острое оружие пролетариата в его борьбе за революционное преобразование мира.

Ленинский анализ империализма помог рабочему классу России, его большевистской партии найти правильный путь и превратить в революционной борьбе войну империалистическую в войну гражданскую, помог одержать великую историческую победу.

И сегодня, в 20-летнюю годовщину мировой войны 1914 г., рабочий класс, в упорной борьбе строящий социалистическое общество на $^1/_6$ части земного шара, смело и бодро смотрит вперед: великие уроки истории снова и снова укрепляют его уверенность в окончательной победе. Будущее принадлежит пролетариату.

Б. ТАЛЬ

Из архивов Карла Либкнехта и Клары Цеткин

Уцелевшая часть архива Карла Либкнехта содержит массу в высшей степени ценных документов, с которыми мы будем постепенно знакомить наших читателей. В настоящем номере мы печатаем 1) письмо Клары Цеткин к Карлу Либкнехту от начала 1915 г., посвященное вопросу о созыве международной антивоенной женской конференции, состоявшейся в марте 1915 г. в Швейцарии (Берн); 2) письмо Карла Либкнехта к Кларе Цеткин от 29 ноября 1915 г., писанное из военного лазарета и содержащее превосходную личную характеристику нашей Клары.

Дорогой товарищ Карл!

Простите, что я только сегодня даю знать о себе, хотя я вернулась уже в пятницу вечером. Но я совсем выбилась из сил, а кроме того меня постиг тяжелый удар. Костя[1] должен был выступить уже в пятницу утром. Его вдруг назначили в пехоту, и он отправился (прибыл) в Ульм. Так что я даже не могла больше увидеть его и дать ему наставления. Что это теперь значит для меня, может понять только Р[2], так как она знает, чем он теперь для меня является. Но я не должна падать духом, так как на мне лежит большая обязанность.

Сначала только краткое сообщение. В А.[3] было невозможно добраться до К. Г.[4]. Он был в Бр.[5], наши друзья делали все, чтобы известить его (о наших делах). М.[6] даже послал сообщение с особым курьером. Однако мы не получили ответа. Я не могла также добраться ни до кого из наших английских друзей, вследствие усилившейся морской блокады. Но вы увидите из нижеследующего, что все это не так плохо, и что, несмотря на это, я могла действовать в направлении соглашения, как мы о нем говорили; и, как я думаю, успешно. В. М.[7] и еще другие вполне согласны с нашими взглядами, которые одни только и могут быть положены в основу соглашения. Они сделают соответствующие сообщения К. Г.; они разделяли мое мнение, что при новой попытке соединить то, что распалось, не может быть и речи об

---

[1] Сын Клары Цеткин, много помогавший ей в политической работе.

[2] Здесь говорится о Розе Люксембург. Незадолго до начала женской конференции, когда Роза Люксембург пошла за паспортом, ее посадили в тюрьму для отбытия года тюремного заключения, к которому она была приговорена еще до начала войны.

[3] Амстердам.

[4] Камилл Гюисманс, секретарь Международного социалистического бюро, известный вождь социал-демократической партии Бельгии.

[5] Брюссель.

[6] Здесь говорится о Вилли Мюнценберге, бывшем впоследствии секретарем основанного во время войны Интернационала молодежи, центр (местопребывание) которого был в Цюрихе.

[7] О том же, что и в сноске 6-й.

официальном соглашении, а должно быть непринужденное обсуждение, в котором примут участие не только официальные представители партии, но и оппозиционные элементы.

Они, так же как и мы, считают необходимым участие (товарищей) из нейтральных стран, мое присутствие — само собою разумеющимся. Все (наши) друзья вполне понимают, что Женский интернационал делает подготовительную работу для совместного действия большого Интернационала и является передовым борцом за мир. Все обещали свою поддержку. Перспективы для нашей женской работы весьма благоприятны, несмотря на германский ф. п.[8] и на В. Адлера[9]. У меня было уже несколько заседаний с голландскими товарками, и мы пришли к полному соглашению насчет самого важного. Две английские товарки, несмотря на опасность, хотели нарочно приехать в А. для совещания со мной, но, к сожалению, не могли попасть на пароход. Самое важное то, что они принципиально обещали свое полное согласие (с нами) и содействие, если я возьму на себя руководство, а не предоставлю его каким-либо «благонамеренным» группкам. Мы придерживались того мнения, что должно действовать как можно скорее. Наша международная конференция должна состояться в Швейцарии 26, 27 и 28 марта. В Берне или Цюрихе — еще не решено. Я веду об этом переписку со швейцарками. Так как дело идет только о небольшом круге лиц, техническая организация не представляет затруднений. Главное, чтобы все оставалось в тайне, пока мы не выступим публично с требованием мира, иначе многие товарищи встретят препятствия к участию в конференции. Кроме товарищей из нейтральных стран, несомненно, (примут) участие англичанки и русские; француженки обещали (участвовать), и мы надеемся, что правительственным социалистам не удастся отговорить их. Мы надеемся, что приедут и несколько бельгиек. Ф. П. (т. е. центральному комитету германской с.-д. партии) я сообщу (о конференции) только, когда все будет вполне готово. При известных обстоятельствах конференция может быть отстрочена до середины апреля. Я тогда просто сообщу ему и спрошу, входит ли в его намерения официальное представительство германских товарок и, кого он намерен делегировать. Если он делегирует — хорошо, если нет — тоже ничего не изменится. Чтобы товарищ Циц[10] не чувствовала себя обойденной, я попрежнему продолжаю осведомлять ее (обо всем), дабы она могла неофициально, только как руководящий товарищ, принимать участие в работе. На обратном пути я остановилась в Дюссельдорфе и там беседовала с Б.[11] и несколькими дельными товарищами. Все они со страстью отдаются работе и делегируют нашего испытанного товарища Агнес[12]. Я уже написала товарищу Д.[13], чтобы она занялась этим делом в Берлине и его окрестностях, Лейпциге, Дрездене и по воз-

---

[8] Имеется в виду германский форштанд (ЦК) партии.

[9] Виктор Адлер был вождем австрийской социал-демократии и членом Международного социалистического бюро.

[10] Луиза Циц была секретарем женской организации при германской социал-демократической партии. Она принадлежала к группе Каутского.

[11] Имеется в виду Петер Бертен, тогда ориентировавшийся на группу «Интернационал», позднее перешедший в УСП—Независимую социалистическую партию (USP), а затем опять примкнувший к социал-демократии.

[12] Лора Агнес также принадлежала к группе Каутского, потом перешла в УСП (USP) и опять возвратилась в ГСП.

[13] Имеется в виду товарищ Кете Дункер, которая с первого дня войны стояла на левом фланге оппозиции, участвуя в группе «Интернационал», и была выбрана в Центральный комитет компартии на партейтаге, положившем основание КПГ в 1918—1919 г.

можности в Гамбурге. Она должна приехать сама, кроме того я рассчитываю на участие товарища Венгельс[14], при известных условиях и тов. Вурм[15]. Для (представительства) Южной Германии есть испытанная товарка. Нет надобности, чтобы германская делегация на конференции была многочисленна, но (она должна) состоять из лиц, много поработавших в партии. И такая делегация у нас будет. — На следующей неделе я встречусь с австрийскими товарками. Надеюсь, что среди них будут такие, у которых найдется мужество восстать против адлеровской дипломатии и верховной власти. Во всяком случае я думаю, что как в Германии, так и в Австрии официальная партия откажется от своей политики неучастия в конференции, когда они увидят, что они этим только опозорят себя перед всем Интернационалом и все-таки ничего не смогут изменить. Благодаря самоотверженности голландских товарок уже собраны денежные средства для конференции.

Первая и важнейшая задача конференции, конечно, международная борьба женщин за мир. Для этого нужно выработать: 1) принципиальную декларацию, устанавливающую определенные директивы, предлагающую товаркам всех стран по возможности сообща и одновременно бороться за мир и в особенности не бояться демонстраций с требованием мира; 2) агитационный манифест к женщинам всех стран, предназначенный для массового распространения. Кроме того содействовать агитации должны две небольшие брошюры, в одной из которых должны быть собраны все до сих пор известные проявления солидарности и борьбы социалистических женщин за мир, а другая должна содержать отчет о нашей конференции. Наша борьба за мир должна увенчаться международной демонстрацией за мир, где должны высказаться представительницы всех стран. Вторым предметом обсуждения на конференции должны быть средства и пути, какими можно противодействовать национализму в общих рабочих организациях и добиваться признания принципов международного социализма.

Что Вы скажете обо всем этом? Я на днях пришлю Вам набросок наших принципиальных директив. Пока, повидимому, все идет на лад. Будем надеяться, что в последнюю минуту мы не встретим препятствий. Сообщение между континентом и Англией, а также с Францией и Бельгией очень плохое. Но мы все-таки надеемся все устроить.

Вы понимаете, сколько у меня дела в связи со всем этим, тем более, что со мной нет Кости. Я была погружена по уши в редакционную работу[16], которую надо было закончить к понедельнику. Теперь приходится с тревогой ожидать решения цензуры[17].

Радикальная организация в Вюртемберге издает листки для распространения по всей Германии. Я убеждена, что она с удовольствием издала бы что-либо, касающееся Вашего дела; тогда напечатанное исходило бы не от отдельных лиц только, а от целой организации. Однако я ничего не буду предпринимать в этом отношении, пока я не узнаю Вашего мнения. Следовательно, отзовитесь поскорее. Лучше всего пошлите Ваш ответ заказным в редакцию «Глейххейт» или «спешной почтой», особенно в случае вложения рукописи протеста против фракции. Самой собой разумеется, я бы спросила Вас еще о

---

[14] Товарка, принимавшая тогда участие в работе группы «Интернационал».

[15] Принадлежал к группе Каутского.

[16] Речь идет о редакторской работе для «Глейххейт», тогдашнего периодического органа социал-демократической партии Германии для женщин, который редактировала Клара Цеткин.

[17] Во время войны все газеты и журналы подлежали предварительной цензуре полицейских властей.

разных вещах, но на сегодня довольно. Ведь о самом важном Вы сообщите мне и без вопросов. Если Вы увидите Р. или будете писать ей, передайте ей тысячу поклонов, она на днях получит от меня подробное письмо.

Сердечный привет Вам, Вашей милой жене и всем

Ваша

(подп. Клара Цеткин).

Я только что говорила с Генриэттой *. Она послала адвокату заказное письмо. На всякий случай прилагаю для Вас его копию, так как, может быть, письмо еще не доставлено. Будем надеяться, что Генриэтта поступила правильно (не промахнулась?).

---

29 ноября 1915 г.
Берлин (Шенеберг)
Резервный госпиталь.

Дорогой друг Клара!

Попали ли к Вам в руки прочие мои письма, не знаю, но то, что Ваше здоровье лучше, нас порадовало. Улучшение должно продолжаться, ради Вас и ради нас. Ваше здоровье — драгоценное достояние, которым заведуете Вы и Ваши дорогие родственники, с помощью заботливых и дельных врачей; наши самые горячие пожелания всегда с Вами; и Вы не измените и не должны изменить и в этом важном вопросе. Надеюсь скоро получить подробные и гораздо лучшие известия.

Уже более 2 недель я торчу здесь, в этой золотой клетке, под надзором отличных врачей. Они теперь подтвердили и по об'ективным симптомам диагноз, поставленный еще в Кбг-е[1] — воспаление нервов, самые мучительные стороны которого теперь, конечно, с известной опасностью рецидива — уже устранены (благодаря электро-световым ваннам). Завтра мне разрешено выйти на несколько часов. Меня хотят потом еще послать на воды (в Висбаден). Но это не должно помешать моей политической работе.

Итак, насчет меня ни в коем случае не беспокойтесь.

Старик[2] был вчера с супругой у меня. Они ведут себя отлично во всех отношениях. Трогательна его забота о Вас, хотя и понятна.

Как обстоит дело с Монтре или Вевей?

Моя жена шлет Вам сердечные поклоны и пожелания. Вы целиком, вполне и надолго покорили эту женщину, сердцем которой не так-то легко овладеть. Это одна из бесчисленного количества Ваших побед. Так как у Вас (во всем Вашем существе) высокий ум и энергичная деятельность сочетаются с трогательной добротой и юношеским энтузиазмом, в Вас есть редкая сила обаяния для друзей и даже для врагов: Вы в самой гуще жесточайшей партийной борьбы и вместе с тем — Вы выше ее. Вы трансцендентальны. Синтез научно-воспитанного ума и благороднейшего чувства гуманности — социалистка.

Вы нужны нам, Вы нужны миру еще долго, долго.

Я всецело с Вами.

Всего, всего лучшего Вам и всем Вашим.

Ваш Карл Л.

Роза живет хорошо!

---

* Речь идет о Генриэтте Роланд-Гольст, которая хотела помочь Розе Люксембург приехать в Амстердам.

[1] Кгб—Кенигсберг. К. Л. сначала был привезен с Восточного фронта в Кенигсбергский лазарет, потом в Берлин—Шенеберг.

[2] Старик — Франц Меринг.

От редакции

При недавнем повторном тщательном просмотре архива Карла Либкнехта было найдено письмо Клары Цеткин Карлу Либкнехту от 1915 г. К сожалению, письмо сохранилось не полностью: полстраницы отрезано. Публикуемое письмо представляет большой интерес, потому что оно позволяет ближе познакомиться с деятельностью Клары Цеткин, которая как генеральный секретарь Международного бюро женщин-социалисток уже в первые месяцы империалистической войны прилагала все свои силы к тому, чтобы возобновить международные рабочие связи.

В письме говорится о подготовке к созыву первой международной конференции во время войны, Бернской международной женской конференции. Вопрос о ней был поставлен уже в ноябре 1914 г. заграничными представительницами женских организаций, примыкающих к Центральному комитету Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков). Клара Цеткин целиком поддержала эту инициативу; в декабре 1914 г. как секретарь Международного бюро женщин-социалисток она выпустила воззвание к женщинам-социалисткам всех стран о «борьбе за мир» и тотчас же взялась за организационную подготовку к международной женской конференции.

Конференция заседала с 26 до 28 марта в Берне, и в ней участвовали 25 делегаток из Англии, Германии, Голландии, Швейцарии, Италии, России и Польши. Большевистскую делегацию возглавляла Н. К. Крупская. В порядке дня стоял вопрос: международные выступления женщин-социалисток в пользу мира. Клара Цеткин представила, выработанный ею при участии английских и голландских делегаток проект резолюции, который был принят против голосов русских и польских делегаток. Русская делегация внесла свой проект резолюции, подвергавший резкой критике и осуждавший политику социал-демократических партий и выдвигавший лозунг «превращения империалистической войны в гражданскую». За эту резолюцию голосовали только русская и польская делегации.

Рассматривать содержание письма Клары Цеткин и его политическую линию как и позицию германской делегации на Бернской конференции и судить о них следует в связи с оценкой позиции всей тогдашней германской левой вообще. Старая левая германской социал-демократии в довоенное время не понимала твердости и непреклонности, с какой Ленин и большевики вели борьбу против оппортунизма, требуя раскола с оппортунистами и центристами. Они не признавали железной революционной необходимости разрыва с оппортунизмом и образования и создания новой партии, партии «нового типа». Они считали «единство» партии драгоценным, неприкосновенным достоянием и решительно отвергали мысль о расколе.

В первые годы мировой войны несмотря на призывы Ленина германская левая не ставила вопроса об образовании новой партии и создании нового, Третьего интернационала. Эта половинчатость, слабость и политические упущения германской левой проявляются и в письме Клары Цеткин. Она питала иллюзию, что удастся преобразовать «официальную партию». В подготовительных работах к конференции она опиралась не на большевиков, а на представительниц голландской и английской партий, политическая линия которых была явно пацифистской. Она надеялась, что бюро II интернационала так же как немецкий и австрийский форштанд партии так или иначе поддержат конференцию. Клара Цеткин таким образом вступила на

путь, который Ленин резко и беспощадно критиковал в своей статье «О борьбе с социал-шовинизмом», напечатанной в русском «Социал-демократе», № 42 от 1 июня 1915 г.

Ленин пишет об этом так:

«Представительницы женских организаций при О. К., голландки из партии Трульстра, швейцарки из организаций, резко воюющих с «Berner Tagwacht» за чрезмерную будто бы левизну этой газеты, французская представительница, не желающая ни в чем, сколько-нибудь важном, разойтись с официальной партией, стоящей, как известно, на социал-шовинистской точке зрения, англичанки, враждебные мысли о ясном отделении пацифизма от революционной пролетарской тактики,— все они сошлись с «левыми» немецкими социал-демократками на одной резолюции. Представительницы женских организаций при Центральном Комитете нашей партии разошлись с ними, предпочитая остаться на время в одиночестве, чем участвовать в таком блоке» [1].

Ленин характеризует разногласия, обнаружившиеся на Бернской конференции, как столкновение между «двумя миросозерцаниями», между «двумя оценками войны и задач Интернационала, двумя тактиками пролетарских партий»: одной, отрицающей крах Интернационала и желающей дать амнистию социал-шовинистам, и другой, со всей резкостью отвергающей всякую внутрипартийную дипломатию по отношению к оппортунистам и социал-шовинистам и требующей беспощадного провозглашения правды относительно политики социал-демократических партий.

«Надо было с интернациональной трибуны провозгласить бесповоротный разрыв с социал-шовинизмом во всем направлении, во всем характере социал-демократической работы; а вместо этого резолюция большинства еще раз повторила старую ошибку, ошибку II Интернационала, дипломатически прикрывавшего оппортунизм и расхождение слова с делом. Повторяем: по этому пути мы не пойдем» [2].

Несмотря на все слабости и ошибки Бернская конференция женщин все-таки имела большое значение, как первая действительно интернациональная конференция во время войны. Поэтому опубликование письма Клары Цеткин именно теперь, в связи с двадцатой годовщиной начала войны, является не только ценным обогащением документов того времени, но вместе с тем и еще одним памятником нашей Кларе, великой, вдохновенной и самоотверженной революционерке.

---

[1] В. И. Ленин. Соч. 3-е изд. Т. XVIII, стр. 165.
[2] В. И. Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 168.

О ПРОШЛОЙ И БУДУЩЕЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ

(факты и цифры)

Рост вооружений за 20 лет

В первую мировую войну капиталистические государства вступили с массовыми армиями и богатой военной техникой, в основном учитывавшими опыт франко-прусской войны 1870—1871 гг. и войн начала XX столетия. Система этих армий с первых же дней войны начала претерпевать крупные изменения. По утверждению французского военного писателя Кюльмана, процесс перестройки военной организации и способов ведения войны за период с 1914 по 1918 г. был более значительным чем все развитие военного дела со времени франко-прусской войны 1870—1871 гг. до 1914 г.

Первой характерной чертой ведения империалистической войны 1914—1918 гг. был массовый характер принимавших в ней участие вооруженных сил и большое количество государств-участников. Из 54 независимых государств мира в войну было вовлечено 39 государств, население которых составляло 67% народонаселения всего земного шара. Количество мобилизованных во всех воюющих государствах достигло 60 млн. чел.

Масштаб применения средств военной техники превысил самые смелые ожидания наиболее дальновидных буржуазных исследователей и военных руководителей. Увеличилось число пулеметов и орудий в несколько раз. Появились танки. Число их на фронте достигало: в Англии в 1916 г. 150, в 1918 г.—936; во Франции в 1918 г.—2 756; в США в 1918 г. 288 и в Германии в 1918 г.—20.

Производство пороха в 1918 г. достигло в Германии ежемесячных размеров в 14 500 т, во Франции — 10 000 т, в Англии — 40 000 т.

В результате к концу войны вооруженные силы воюющих государств оказались построенными на совершенно иной военно-технической базе чем в 1914 г. Это потребовало полной реконструкции вооруженных сил. Соотношение родов войск внутри отдельных армий коренным образом изменилось. Германская армия в 1914 г. после мобилизации имела в своем составе 62% пехоты, 4,7% конницы, 17% артиллерии и лишь 0,3% авиационных войск. В 1917 г. пехота в этой армии составляла лишь 46% (вместе с пулеметными частями), конница понизилась до 1,6%, зато артиллерия выросла с 17 до 20%, а авиация — до 2,3%. Французская армия весной 1916 г. имела в своем составе 67,8% пехоты, 4,8% конницы, 18,1% артиллерии и 0,4% авиации. В октябре 1918 г. пехота в этой армии составляла лишь 50%, конница — 4,0%, артиллерия колоссально возросла — до 35,7%. Таким образом, во время войны произошло глубокое изменение структуры всех вооруженных сил. Колоссальных размеров достигло использование артиллерии. В отдельных операциях насыщенность фронтов артиллерийскими средствами достигала чудовищных размеров. У немцев в 1917 г. под Ригой на 1 км фронта приходилось 35 4-орудийных батарей, у французов в 1917 г. под Мальмезоном — 40 батарей. Расход снарядов на р. Сомме с 24 июня по 10 июля 1916 г. во французских войсках

составил 2 013 484 легких и 519 165 тяжелых снарядов. Такой расход боеприпасов требовал колоссального подвоза. Для питания боя французским войскам под Мальмезоном (1917 г.) потребовалось подвезти в течение 7 суток 266 поездов со снарядами, под Верденом с 13 по 27 июля 1916 г. — 360 поездов.

Новые проблески возможности преодоления позиционной войны дали новые средства техники наступления (танки, химия и авиация). Однако в войну 1914—1918 гг. эти средства качественно и количественно находились еще в зачаточном состоянии и не дали всего возможного эффекта. Основная оперативно-тактическая проблема мировой войны — проблема подвижности — так и не была разрешена до окончания войны.

Исключительное значение в исходе войны приобрела степень политической устойчивости армий. Массовые армии империализма оказались ненадежными для буржуазии, в первую очередь для русского царизма, который был сметен мощной волной нарастающей пролетарской революции, а затем и для других государств.

Война 1914—1918 гг. превзошла все предыдущие войны по степени вовлечения всех ресурсов народного хозяйства в обслуживание и питание вооруженного фронта. Миллионы рабочих в тылу были привлечены к изготовлению оружия, снарядов, самолетов, отравляющих веществ и прочих средств истребления. Непосредственно на производстве боевых средств к концу войны было занято во Франции 1,8 млн. рабочих, в Англии — 2 млн., в США — 1,2 млн., в Германии — до 2,5 млн. В связи с этим произошли крупнейшие сдвиги в экономике капитализма, резко изменилось соотношение продукции различных отраслей производства.

Разрушительность войны 1914—1918 гг. во много раз превысила жертвы и потери целого ряда прежних войн. Прямые военные расходы в 11 главных воюющих государствах достигли 250 млрд. долларов, т. е. в 10 раз превысили стоимость всех войн с 1893 по 1907 г. Потери убитыми и умершими от ран составили 10 млн. чел., раненых насчитывалось 19 млн., из них около 3,5 млн. осталось инвалидами. Колоссальные жертвы вырывала смерть и из лагерей военнопленных. Так например число умерших русских пленных в Австрии и Германии составило почти 500 000 чел. Численность населения 10 европейских государств, в 1914 г. составлявшая 400 850 000 чел., в середине 1919 г. понизилась до 389 030 000 чел. В районах боевых действий было разрушено большое количество производственных предприятий, средств транспорта и других производительных сил. В одной лишь Северной Франции было уничтожено 23 000 промышленных предприятий (в том числе 10 доменных печей), 4 000 км железных дорог и 61 000 км других путей сообщения, 9 700 железнодорожных мостов, уничтожено 290 000 домов и разрушено в большей или меньшей степени 500 000 зданий. На морях было уничтожено свыше 16 млн. т торгового флота, стоимостью в 7 млрд. долларов. Потери военно-морских флотов составили: Великобритании — 237 кораблей водоизмещением 650 000 т, Германии — 347 кораблей (350 000 т), Франции — 64 корабля (110 000 т), Италии — 28 кораблей (76 000 т), Австро-Венгрии — 22 корабля (65 000 т), Японии — 9 кораблей (50 000 т), США — 4 корабля (17 000 т). В английском флоте погибло 41 000 чел., в германском — 18 000.

Численность вооруженных сил в настоящее время

Сама по себе численность буржуазных армий не может являться показателем действительного их роста. Как уже сказано выше, буржуазия принимает меры для маскировки своих вооружений, ее статистика и офи-

циальные сведения сознательно преуменьшают численность армий. Однако сильно возросла численность сухопутных регулярных армий за минувшие 20 лет. В этой области происходит непрекращающийся систематический рост. За последние годы происходит особенно заметное повышение численности буржуазных армий.

Показательными также являются цифры, характеризующие рост количества средств вооружения. Это можно видеть на примере следующих 6 армий:

	1914 г.	1925 г.	1929 г.	1934 г.
Англия				
Пулеметы	2 000	12 252	12 510	14 400
Орудия	2 000	2 208	2 284	2 400
США				
Пулеметы	1 500	34 500	35 000	36 000
Орудия	950	2 817	3 000	3 980
Япония				
Пулеметы	968	4 900	5 650	9 200
Орудия	1 200	1 230	1 372	2 200
Франция				
Пулеметы	1 788	23 400	22 100	23 000
Орудия	3 420	2 540	2 516	3 000
Германия				
Пулеметы	1 464	2 250	2 250	10 000
Орудия	4 312	334	334	1 000
Италия				
Пулеметы	424	6 150	6 500	6 650
Орудия	1 204	1 906	2 360	2 500

За 20-летие мы видим рост числа пулеметов с 8000 до 100 000 и рост артиллерии («старый» род войск) с 13 000 до 15 000 орудий.

Количество боевых самолетов в тех же странах изменилось за 20 лет следующим образом:

Государства	1914 г.	1925 г.	1929 г.	1934 г.
Англия	272	1 310	1 824	3 000
США	65	1 428	3 129	5 000
Япония	25	662	1 260	2 200
Франция	200	5 450	5 000	6 000
Германия	200	—	—	1 000
Италия	30	1 445	2 000	2 500
Итого	782	10 295	13 213	19 700

Выходит, что по сравнению с 1914 г. военная авиация выросла в 25 раз, а по отдельным странам (Япония, США, Италия) — почти в 100 раз. Рядом с этим оружием быстро развиваются появившиеся в конце войны танки и броневтомобили. К началу 1934 г. Япония имела 300 бронеавтомобилей и 700 танков, сейчас число танков достигло примерно 900.

Другие великие державы имеют: США — 150 бронеавтомобилей и 1100 танков, Англия — 300 бронеавтомобилей и 1000 танков, Франция — 750 бронеавтомобилей и 5500 танков, Италия — 100 бронеавтомобилей и 650 танков.

Военно-морские силы в капиталистических державах несмотря на происходящие структурные изменения в их составе, несмотря на повышение удельного веса более мелких кораблей (эсминцев, подводных лодок, торпедных катеров) по сравнению с линкорами также выявили за прошедшие 20 лет крупный рост. На происходившей в начале октября 1933 г. конференции консервативной партии Великобритании в Бирмингаме лорд Вильям Девисон заявил, что с 1914 г. «Италия увеличила свой морской флот на 20%, США — на 29% и Япония — на 33%». Ллойд-Джордж в своем выступлении в Палате общин от 8 ноября 1933 г. относительно роста торпедоносцев и эсминцев говорил следующее: «В 1914 г. мы имели 135 000 т, теперь мы имеем 197 000 т. Франция имела в 1914 г. 35 000 т, теперь она имеет 198 000 т. США имели 40 000 т к 1914 г., теперь они имеют 259 000 т. Япония (и это ужасная цифра) имела в 1918 г. 4470 т, теперь она имеет 125 000 т. Перейдем к подводным лодкам, которые едва не разрушили нашей морской мощи. В 1914 г. мы имели 47 000 т, теперь мы имеем 61 000 т. Франция имела 33 000 т, теперь она имеет 97 000 т. У нее на 36 000 т больше чем у нас. США имели 16 000 т подводных лодок в 1914 г., теперь они имеют 77 000 т. Япония имела 3264 т в 1914 г., теперь она имеет 77 000 т, и я думаю, что и у Италии больше чем у нас». Эти авторитетные свидетельства не оставляют сомнений в том, что и на морях, как и на суше и в воздухе, происходит непрерывный рост вооружений.

Наконец, важным показателем непрекращающегося роста численности вооруженных сил и бурных темпов общего развития милитаризма являются **военные бюджеты**. Разумеется, официальные военные бюджеты не дают представления о действительном росте военных расходов. Буржуазия всячески скрывает эти расходы, проводя их по секретным фондам правительств и частично по бюджетам других ведомств, кроме военных. Тем не менее за прошедшее 20-летие военные расходы увеличились, по официальным показателям, **вдвое**. Об этом говорит нижеследующая таблица военных расходов пяти великих держав (в млн. долл.):

Государства	1913/14 г.	1925/26 г.	1928/29 г.	1933/34 г.
США	335,3	676,8	790,5	767,0
Англия	375,3	503,1	557,8	520,0
Франция	294,0	244,6	413,0	534,0
Япония	97,2	187,0	239,0	412,0
Италия	126,0	190,7	279,0	314,0
Итого	1 227,8	1 802,2	2 279,3	2 547,0
Рост в номинальном выражении (в денеж. един.)	100%	150,7%	191%	195%
Рост бюджетов в реальном выражении (с учетом реальной покупательной способности в связи с падением цен)	100%	—	211,3%	229%

При учете вооруженных сил буржуазных стран и их военных расходов во всех данных буржуазной военной литературы и официальной статистики исключаются военизированные фашистские отряды, а также обученные людские резервы ввиде территориальных армий (Англия, США), контингентов запаса или резервистов (Япония, Польша, Франция). В настоящее время численность обученных людских резервов в пяти крупных

государствах (Англия, США, Япония, Франция, Италия) составляет 15—20 млн. чел. Как дополнение к ним существуют многочисленные фашистские штурмовые отряды в Германии и в других капиталистических странах. Во всех буржуазных странах идет рост милитаризации населения и школ. Громадную роль играет военная вневойсковая подготовка населения, особенно школьной молодежи. За годы мирового кризиса милитаризация достигла особенно широкого размаха. Фактические расходы на подготовку новых войн продолжали быстро идти вверх. По исчислениям Германского кон'юнктурного института, соотношение военных расходов и мировой продукции выражается в следующих коэфициентах (принимая 1928 г. за 100): 1913 г. военные расходы — 64, мировая продукция — 54, 1929 г. — 104 и 104, 1930 г. — 107 и 86, 1932 г. — 107 и 56.

Качественный рост вооружений

Качественное развитие вооружений характеризуется увеличением их убойной силы, которая в свою очередь определяется подвижностью, дальностью действий, могуществом в разрушении сооружений и уничтожении живой силы противника и т. д. Во время войны 1914 — 1918 гг. и в особенности после нее происходил процесс необычайно быстрого и коренного усовершенствования таких средств военной техники, как стрелковое вооружение (винтовки, пулеметы) и артиллерия, называемых обычно «старыми» средствами военной техники. Равным образом за минувшее 20-летие развивались и сейчас продолжают развиваться новые средства истребления, представленные прежде всего танками, химией и авиацией, а также изысканиями и новыми изобретениями в области телемеханики и использования лучистой энергии (электричество) для осуществления взрывов и воздействия на расстоянии. Качественные показатели роста военной техники по всем этим направлениям чудовищны. В 1914 г. индивидуальным оружием бойца была магазинная винтовка, обладающая скорострельностью — 10 выстрелов в минуту. Сейчас эта винтовка осталась на вооружении, но рядом с ней пехота имеет полуавтоматическую винтовку, со скоростью стрельбы 80—90 пуль в минуту, и пистолет-пулемет со скорострельностью — 400 выстрелов в минуту. Практическая скорострельность станковых пулеметов в 1934 г. по сравнению с 1914 г. поднялась с 250 до 400 выстрелов в минуту, ручных пулеметов — со 150 до 200, крупнокалиберных пулеметов — с 300 до 400, появились сверхскорострельные пулеметы, выпускающие до 2000 пуль в минуту, авиационные и зенитные пулеметы.

В области артиллерии развитие идет по линии создания противотанковых и зенитных орудий, увеличения дальнобойности, подвижности, скорострельности, мощности и меткости огня. Дальнобойность характеризуется следующими данными: дивизионные пушки повысили дальность с 9 км в 1918 г. до 14 км в 1933 г., 155-мм пушки—с 14 до 20 км, 240-мм орудия — с 23 до 52 км, сверхдальнобойная артиллерия — со 120 км до нескольких сот км (реактивные снаряды). В результате увеличения количества строевого и артиллерийского вооружения в общевойсковых соединениях боевая мощь их возросла в несколько раз. Французская дивизия 1914 г. могла выпустить в минуту 103 200 пуль и 3,9 т снарядов, в 1934 г. она выпускает 212 800 пуль и 14,5 т снарядов. Американская дивизия в 1914 г. могла выпустить в минуту 150 000 пуль, в настоящее время — 420 100 пуль, мощность артиллерийского огня повысилась с 8,1 т в одну минуту до 17,6 т. Японская дивизия в 1914 г. могла выпускать около 150 000 пуль в минуту и 3,6 т снарядов, в настоящее время — около 350 000 пуль и 9 т снарядов. В настоящее время в передовых ка-

питалистических армиях переведены на механическую тягу почти все виды артиллерии, кроме находящейся в составе дивизий. Вводятся самоходные артиллерийские установки с повышенной скоростью продвижения. Если до 1926—1927 гг. скорость этих систем равнялась 10—12 км, то в настоящее время ведется работа для достижения такой скорости, которая не связывала бы маневроспособность механизированных войск.

В США производились опыты переброски легких орудий по воздуху в разобранном виде.

Разрабатываются новые конструкции, основанные на использовании энергии реактивного действия и электромагнитных сил.

Американский профессор Рандольф дает следующую оценку этой идеи:

«По сравнению с артиллерией выгода реактивных снарядов заключается в том, что прибор их бросания несравненно легче артиллерийского орудия. Реактивные снаряды с 1000 т тринитротолуола или ОВ (отравляющие вещества) вполне возможны теоретически. Также вполне возможно спроектировать ракетный снаряд с такой скоростью, которая позволила бы бросить его из Красноярска в Нью-Йорк».

Проводится усиленная работа над электромагнитным орудием во Франции (Фашон-Виллеплэ), где якобы уже испытываются образцы электромагнитных орудий.

Совершенно исключительными темпами развивается техника военной авиации. Чрезвычайно возросла мощность моторов всех классов самолетов. В 1914 г. мощность мотора самолета-разведчика составляла 80 л. с., в 1925 г. она поднялась до 400 л. с., в 1929 г. она достигла 500 л. с., в 1933 г. — 800 л. с., в 1934 г. появились уже моторы в 1000 л. с. Аналогично растут качества моторов истребительной и бомбардировочной авиации. В соответствии с этим увеличилась грузопод'емность самолетов: в 1914 г. разведчики—150 кг, в 1925 г. разведчики—800 кг, истребители—400 кг, бомбардировщики—800 кг, в 1933—1934 г. бомбардировщики — до 7—8 т. Скорость разведчиков с 80 км в 1914 г. поднялась до 300—350 км в 1934 г. Скорость истребителей с 200 км в час в 1918 г. поднялась до 400—450 км в час в 1934 г., а их потолок — до 10—12 тыс. м. Скорость бомбардировщиков сейчас достигла 300 км в час при радиусе действий 800—1000 км. Созданы тяжелые бомбардировщики и другие классы воздушных кораблей, которых в войну 1914—1918 гг. не было. Увеличилось вооружение самолетов пулеметами: разведчики — до 4, истребители — до 2 и более, бомбардировщики — до 8—10 пулеметов, тогда как в 1914 г. пулеметов на вооружении авиации еще не было.

Непрерывно растут количественно и улучшаются в качественном отношении появившиеся во время войны 1914—1918 гг. танки. Подвижность танков с 3—4 км/ч выросла до 35—45 км/ч, а у лучших образцов (Кристи) даже до 70—120 км/ч. Широко внедряется в армии двигатель внутреннего сгорания. Мощность механических двигателей сухопутных армий Англии, Франции, Японии, США и Италии в 1933 г. составляла 2,5 млн. л. с.

Весьма быстрыми темпами развивается химическое оружие. Кроме газобаллонов, впервые примененных в 1915 г., химических минометов, газометов, химснарядов и авиохимбомб широко распространяются самолетные приборы для распыления ОВ, ядовитодымные шашки, нарезные химические минометы, автоцистерны и разного рода химические приборы. По масштабу и технике применения ОВ будущая война будет превосходить прошлую империалистическую войну в десятки раз. Рядом с во-

енной химией развивается бактериологическое оружие, применению которого в военном деле буржуазные военные специалисты уделяют весьма большое внимание. На службу милитаризму мобилизована вся капиталистическая наука и техника. Широко развернуты научно-исследовательские военные лаборатории, конструкторские и изобретательские бюро, институты и полигоны. Несмотря на кризис возможности передовых империалистических держав в области изготовления средств химической войны чрезвычайно сильно возросли. В 1918 г. максимальная месячная продукция ОВ составляла: в Германии — 1,5 тыс. т, в Англии — 1,2 тыс. т, во Франции — 0,8 тыс. т, в США — 0,6 тыс. т. В настоящее время ежемесячная продукция ОВ при полном развертывании мобилизованной химической промышленности может быть доведена: в США — до 35 тыс. т, в Германии — до 20 тыс. т, в Англии и Франции — до 10 тыс. т в каждой, в Японии — до 6 тыс. т. Другими словами, масштаб применения отравляющих веществ в предстоящей войне грозит стать гораздо более чудовищным чем в 1914—1918 гг.

В области развития вооружения военно-морских сил за послевоенный период характерным является то, что линкоры и линейные крейсеры, составлявшие ранее больше половины флота по своему удельному весу, теперь составляют только ⅓. Количество кораблей других классов в процентном отношении возросло. Особенно сильно увеличивается количество подводных лодок (в японском флоте с 1918 г. по 1933 г.—в 5 раз). Огромное значение приобрела морская авиация, на которую обращено серьезное внимание во всех крупных флотах. Появились новые корабли — авионосцы, количество которых в английском флоте к 1934 г. достигло 6, в американском — 3, в японском — 4. На линкорах и крейсерах установлены катапульты для самолетов корабельной авиации. Количество корабельных самолетов в американском флоте в 1933 г. достигло 140, в японском — 92. Как и в сухопутных армиях во флоте растут качественные показатели боевой мощи. Дальнобойность морской артиллерии с 1913 по 1933 г. возросла: крупной артиллерии — с 22 до 37 км, средней артиллерии — с 20 до 30 км, мелкой артиллерии — с 16 до 23 км. Огромного развития достигла техника торпедометания. Калибр торпеды увеличился с 18 дм в 1913 г. до 21 дм в 1933 г., вес заряда — со 116 кг до 250 кг, скорость — с 71 км/ч до 87 км/ч. Идет усиленная работа над дальнейшим повышением тактико-технических качеств торпеды. Производятся испытания по применению в качестве движущей энергии торпеды водородно-кислородной смеси, электричества, взрывчатых веществ (реактивные двигатели), испытывается радиоуправляемая и самоуправляющаяся аппаратом торпеда. Введен на вооружение неконтактный взрыватель, позволяющий наносить разрушение торпедой в наименее защищенные части кораблей, т. е. в днище. Усовершенствованы приборы управления торпедной стрельбой. Мощность механизмов в 1933 г. по сравнению с 1918 г. увеличилась: крейсеров — с 40 000 до 130 000 л. с., линкоров — с 36 000 до 58 000 л. с., эсминцев—с 38 000 до 50 000 л. с., подлодок—с 1100 до 6 600 л. с. Непрерывно растут скорость хода и дальность плавания кораблей всех классов.

Быстро идет общий рост морских вооружений. Весь послевоенный период характеризуется обострением противоречий и соперничеством в морских вооружениях в первую очередь между крупнейшими империалистическими державами: Англией, США, Японией, Францией и Италией. На морских конференциях в Вашингтоне в 1921—1922 гг. и в Лондоне в 1930 г. каждый из участников стремился обеспечить себе наивыгоднейшее соотношение сил на случай будущей войны. Исключив из строя после вашингтонской конференции устаревшие линейные корабли, непригод-

ные для использования в современных морских операциях, капиталистические государства перенесли соревнование в область строительства новых крейсеров, эсминцев, подлодок и качественного усовершенствования военно-морской техники, кораблестроения и вооружения. Сразу же после окончания лондонской морской конференции участвовавшие в ней страны начали усиленно осуществлять постройку кораблей до установленных конференцией пределов.

В настоящее время соревнование в морских вооружениях входит в новую фазу. Принятая США в 1933 г. новая кораблестроительная программа, предусматривающая в течение 1934—1935 гг. постройку 32 военных кораблей, вызвала ответную программу японского правительства, предусматривающую за тот же период постройку 33 кораблей. В свою очередь Англия в настоящее время занята разработкой новой программы развития военно-морских и военно-воздушных сил в целях удержания своих морских позиций. Все это бешеное морское соревнование направлено к отказу от норм Лондонского договора, срок которого истекает 31 декабря 1936 г.

На основе опыта войны 1914—1918 гг. во всех империалистических государствах широко развернуты мероприятия для повышения производственных возможностей в области вооружения. Особенно велик рост производственной мощности по так называемым новым средствам борьбы. Буржуазия проделала огромную работу для обеспечения скорейшего развертывания военного производства в случае войны. Сроки мобилизационного развертывания по сравнению с предыдущей войной сокращены в 2—3 раза. Невзирая на ускорение темпов работы промышленности на случай войны ускоренным темпом ведется накопление мобилизационных запасов. Стоимость мобзапасов во Франции перед 1914 г. определялась в 300 млн. долларов, в 1930 г.—до 2 млрд., в Англии соответственно: 200 млн. и 2 млрд. 200 млн. долларов, в Италии — 200 и 700 млн. долларов, в США — 150 млн. и 2 млрд. 400 млн. долларов, в Японии за последние 2½ года накоплены огромные запасы «стратегического сырья» (например до 2 млн. т нефти, сотни и тысячи тонн цветных металлов и т. д.) и боеприпасов.

Не подлежит никакому сомнению, что размах и темпы роста вооружений после мировой войны 1914—1918 гг. перекрывают то соревнование в вооружениях, которое имело место между капиталистическими державами накануне прошлой империалистической войны. Указание товарища Сталина на XVII с'езде партии о том, что «дело явным образом идет к новой войне», ничем так ярко не подтверждается, как обрисованным выше ростом вооружений капиталистического мира. Лелея новые планы империалистических войн, готовясь к новому переделу мира, в особенности же вынашивая планы антисоветской войны, империалисты делают все возможное, для того чтобы избежать повторения организационных ошибок в подготовке прошлой войны и чтобы шире использовать все возможности, предоставляемые материально-технической базой капиталистических стран для увеличения мощности вооружений. На этом пути за минувшие 20 лет достигнуты наиболее разительные успехи в человекоубойной промышленности, перед которыми, пожалуй, бледнеет вся сумма предыдущих «достижений» и усилий эксплоататорских классов на военном поприще на всем протяжении истории. Военная машина империализма в состоянии втягивать в сферу войны все материальные и людские ресурсы буржуазных стран. В период войны 1914—1918 гг. эта машина оказалась в состоянии двинуть на поля сражений гигантские вооруженные массы, мобилизовать для целей истребления и разрушения хозяйство почти всего капиталистического мира. В настоящее время буржуа-

зия пытается еще раз повторить этот грандиозный опыт мобилизации всех ресурсов для войны. Она применяет теперь более искусные и тонкие приемы для подготовки затеваемых вооруженных конфликтов. Как правильно указал в своем выступлении на XVII партконференции тов. Молотов, «особенность данного момента заключается в том, что все больше стирается грань между мирным положением и войной,—вползают в войну и воюют без открытого об'явления войны». В связи с этой тенденцией наблюдается во многих капиталистических странах заблаговременная подготовка развертывания вооруженных сил, специальные мероприятия по подготовке мобилизации промышленности, заблаговременный пуск в ход ряда предприятий и цехов военного значения, скрытая мобилизация части вооруженных сил под флагом разного рода учебных и чрезвычайных сборов, организация отборных фашистски настроенных и проверенных вооруженных сил для первого удара, ввиде так называемых ударных армий, армий прикрытия и т. д.

Осуществляя все эти мероприятия по подготовке новых войн, буржуазия, однако, понимает огромные затруднения, связанные для нее с вооружением масс. Тот способ ведения войны, который создан буржуазией на базе капиталистического строя, обнаружил в период 1914—1918 гг. целый ряд слабостей не только чисто военного характера, но, главное, он вскрыл всю глубину загнивания капитализма. Блестящим образом сбылось предсказание Энгельса, который писал в «Анти-Дюринге»:

«Милитаризм господствует над Европой и пожирает ее. Но этот милитаризм носит в себе же зародыш своего собственного уничтожения. Соперничество между отдельными государствами вынуждает их, с одной стороны, затрачивать с каждым годом все больше денег на армию, флот, артиллерию и т. д., а следовательно, все более и более приближаться к финансовому кризису; с другой стороны, оно вынуждает их знакомить, путем всеобщей воинской повинности, все большее и большее число подданных с употреблением оружия, пока они не ознакомят с ним весь народ и не сделают его способным противопоставить в известный момент свою волю воле своих военных командиров. И этот момент наступит тотчас же, как только народная масса — масса сельских и городских рабочих и крестьян — будет иметь свою волю. Тогда правительственное войско превратится в народное, машина откажется служить, и милитаризм разобьется о диалектику своего собственного развития» (Партиздат. 1933, стр. 121 — 122).

Уже во время мировой войны военная машина капиталистических государств подверглась коренной перестройке. Основы управления вооруженными силами были всюду изменены. Война, вовлекающая в свою сферу все народное хозяйство и все ресурсы страны, рассматривается как проблема не только одного военного ведомства, а всего правительства. Система высшего военного управления дополнилась целым рядом новых органов. Из состава правительства выделяется военный комитет, который руководит ведением войны в целом. Рядом с генеральным штабом и военным министерством возникли министерства сообщения и вооружения, а также многочисленные научно-технические и военно-исследовательские органы и институты. Разбух аппарат управления тылом, возникли специальные органы экономической мобилизации, развернулась военная промышленность. Для планомерного проведения военной пропаганды были созданы целые ведомства, министерства и институты. В войсках был учрежден институт культурно-просветительных офицеров и унтерофицеров, были расширены функции военного духовенства, были мобилизованы печать, наука, искусство, церковь — словом, весь аппарат буржуазной пропаганды. Непосредственное управление войсками было сильно диферен-

дировано. Появились гигантские аппараты фронтового и армейского военного управления с их многочисленными штабными, тыловыми, техническими и специальными органами. Благодаря применению радио сильно умножились и возросли средства связи и управления.

Гигантские войсковые массы с их многочисленными и разветвленными тылами потребовали громадных пространств для своего размещения. Глубина расположения армий и зона театра военных действий возросли до многих сотен километров. Линейные формы оперативно-тактических действий отошли в прошлое. Появилось огромное количество важных и уязвимых для авиации (и отчасти танков и химии, а также дальнобойной артиллерии) военных об'ектов в тылу расположения противника. К концу войны возникли зародыши новой, глубокой стратегии. Однако развертывание форм этой стратегии оказалось не поплечу буржуазному военному искусству. Основным фактором, который мешал и мешает этому, является политическая ненадежность для буржуазии массовых армий. В эпоху войн и революций, в условиях общего кризиса капиталистической системы этот фактор приводит к глубочайшим потрясениям всей военной машины империализма. Способ ведения войны, выработанный в условиях молодого, поднимающегося капитализма (начиная с Великой французской революции), развитый затем накануне мировой империалистической войны 1914—1918 гг., сейчас дал трещину. Он оказался ненадежным в условиях эпохи послевоенного империализма и начала пролетарских революций.

С. ДАШИНСКИЙ

Империалистическая война и империалистический мир

Мировая война и мирные договоры

Мировая империалистическая война 1914—1918 гг., вызвавшая гибель 10 млн. человеческих жизней и причинившая огромные материальные потери, закончилась целым рядом империалистических «мирных договоров». Эти мирные договоры перекроили карту Европы согласно планам и желаниям стран-победительниц и заложили основу для будущих конфликтов и войн.

Версальский договор

Одним из наиболее важных условий этого договора является обезоружение Германии. Это условие имело колоссальное значение для стран-победительниц; невыполнение его Германией поставило бы под вопрос все завоевания союзных держав в результате мировой войны. По условиям Версальского мира Германия выдала союзникам все запасы своего военного снаряжения и демобилизовала свою армию, состав которой был на будущее время ограничен 100 тыс. чел., вербуемых на 12 лет.

Германии были воспрещены производство и вывоз военных материалов. Кроме того она должна была выдать почти весь свой военный флот (ей были оставлены лишь несколько устаревших боевых единиц). Германии было запрещено иметь тяжелую артиллерию, подводные лодки и военные самолеты, и был установлен контроль над ее гражданской авиацией. Весь левый берег Рейна и полоса в 50 км на правом берегу были превращены в нейтральную зону, где Германия лишалась права содержать вооруженную силу. Позднее ей было предложено снести все восточные крепости.

Версальский договор перекроил границы Германии. Она должна была вернуть Франции Эльзас и Лотарингию, отторгнутые от Франции после франко-прусской войны 1871 г. Кроме того Германия временно (впредь до плебисцита, назначенного на 1934 г.) лишилась Саарской области с

богатыми угольными копями, которая была оккупирована Францией. Германские округа Эйпен и Мальмеди отошли к Бельгии.

Германия лишилась всей Познани, почти всей Западной Пруссии и части Силезии и Померании. Все эти территории вошли в состав вновь образованного Польского государства. Польские владения в Западной Пруссии и Померании, доходившие до берега Балтийского моря, образовали так называемый «коридор», отделивший Восточную Пруссию от остальной Германии.

У Германии также был отнят порт Данциг. Кроме того она потеряла все свои колониальные владения, в шесть раз превышавшие по площади Германскую империю и имевшие население в 13 млн. чел. Почти весь ее торговый флот был конфискован. Помимо всего этого Германия должна была произвести поставки натурой союзникам для возмещения убытков, причиненных ее войсками в оккупированных территориях, и платежи в золоте как в счет репараций, так и на содержание союзных оккупированных армий.

Точная сумма этих репараций не была окончательно определена. По первоначальному требованию союзников она должна была составлять 269 млрд. золотых марок, потом эта сумма была снижена до 132 млрд. марок.

До установления плана Дауэса (т. е. до 1924 г.) Германия уплатила:

по оценке германского правительства	56	млрд. марок.
» » американцев	26	» »
» » англичан	20—26	» »
» » репарационной комиссии	8	» »

Громадные расхождения в оценках об'ясняются в значительной мере тем, что уплата производилась: а) поставкой железнодорожных материалов (5 тыс. паровозов, 150 тыс. вагонов, 5 тыс. грузовиков и т. д.), б) скотом, лесом, углем; в) передачей всего военного и вспомогательного (коммерческие суда) флота; г) отнятием у Германии колоний, Западной Пруссии, Верхней Силезии и т. д.

С 1924 по 1930 г. Германия уплатила по плану Дауэса и по плану Юнга 10,5 млрд. марок.

Сенжерменский договор

Сенжерменский договор, подписанный 10 сентября 1919 г. странами-победительницами, с одной стороны, и Австрией — с другой, формулировал уничтожение Австровенгерской империи. Австро-Венгрия была разрушена: на ее месте возникли новые государства, выделившиеся из ее состава.

Территории прежней Австровенгерской империи были распределены между этими новыми государствами: Чехо-Словакией, Австрией и Венгрией. Кроме того за счет бывшей Австро-Венгрии увеличила свои владения Румыния (присоединением к ней Трансильвании и Баната), увеличила свои владения Сербия, превратившаяся в результате территориальных расширений в обширное государство — Югославию, а также Италия, получившая Триент и Триест и южную часть австрийского Тироля.

Западная и Восточная Галиции перешли к Польше. По условиям Сенжерменского договора была произведена демилитаризация Австрии. Условия этой демилитаризации аналогичны с Версальским договором. Так же как и Германия Австрия должна была разоружиться, выдать и уничтожить военные материалы, демобилизовать армию и отменить всеобщую воинскую повинность.

Австрийская армия должна была набираться по принципу доброволь-

ного найма со сроком службы в 12 лет и общей численностью вооруженных сил в 30 000 чел.

Так же как и Германия Австрия должна была выплачивать репарации; выплата их была рассрочена на 30 лет. Особая репарационная комиссия должна была устанавливать сумму репарационных платежей, способ их уплаты и наблюдать за правильным их внесением.

Трианонский договор

Трианонский договор был заключен 4 июня 1920 г. между странами-победительницами, с одной стороны, и Венгрией — с другой. Помимо территориальных потерь (от Венгрии были отторгнуты Хорватия, Словакия, Семиградье, Банат и пр.) по условиям договора Венгрия вынуждена была признать государственные займы, платить репарации и разоружиться.

Военные постановления Трианонского договора заключают в себе требование разоружения Венгрии; они отменяют воинскую повинность и определяют численность венгерской армии в 35 000 чел. при 12-летнем сроке службы.

Договор в Нейи

Договор в Нейи был заключен 27 ноября 1919 г. между странами-победительницами, с одной стороны, и Болгарией — с другой.

Территориальные постановления договора сводились к тому, что Болгарии пришлось признать переход к Греции и Сербии западной Фракии и линии Струмницы, а также переход Добруджи к Румынии. Выход Болгарии в Эгейское море был занят Грецией.

Военные постановления договора в Нейи — те же, что в Версальском, Сенжерменском и Трианонском договорах, поскольку дело идет об обезоружении, демобилизации и уничтожении военных запасов. Численность армии, формируемой на основе добровольного найма, не должна превышать 20 тыс. чел. при 12-летнем сроке службы.

Севрский и Лозаннский договоры

Севрский договор между союзниками и Турцией был заключен 10 августа 1920 г. и провозглашал раздел Турции между союзниками, экономическое и политическое порабощение турецкого народа. Согласно постановлениям Севрского договора, Турция лишалась следующих территорий: в Европе — Фракии, Адрианополя и полуострова Галлиполи; в Азии — Сирии, Палестины, Месопотамии, Смирны с окрестностями и островов Эгейского моря. Проливы были об'явлены демилитаризованными, укрепления на территории зоны, находящейся вокруг проливов, должны были быть срыты. Турция лишалась права содержать армию и флот, за исключением немногочисленной милиции. Финансы Турции поступили под контроль союзников.

Угроза экономического и политического порабощения вызвала под'ем турецкого национального движения и образование национального «кемалистского», «анкарского» правительства, которое об'явило Севрский договор недействительным. Антанта бросила против турок греческую армию Началась новая война, оказавшаяся успешной для Турции.

Новый мирный договор был заключен 24 июля 1923 г. в Лозанне. Согласно этому договору, Турции были возвращены почти все ее европейские владения, отторгнутые по Севрскому договору. Турецко-сирийская граница определяется по соглашению, заключенному в Анкаре 20 октября 1921 г. между Францией и Турцией. Зоны влияния в Анатолии (французская и итальянская), установленные по соглашению между союзниками, равно как и выделение Смирны в особую управляемую греками область, были отменены. Острова Додеканеза, расположенные менее чем

в трех милях от азиатского берега, остаются под турецким суверенитетом. Арабские области (Месопотамия, Сирия, Палестина) признаются отошедшими от Турции.

Мандаты на управление колониями

Согласно статье 22-й пакта Лиги наций, была установлена так называемая «опека» над некоторыми территориями, отнятыми по Версальскому договору у Германии и Турции. Эта опека свелась к раздаче Лигой наций Франции и Англии мандатов на управление этими территориями, мандатов на узаконенный грабеж.

Распределение мандатов было произведено в соответствии с интересами французского и английского империализма и имело целью обеспечить империалистическую экспансию этих держав. Не случайно, конечно, Англия получила мандат на Ирак и Палестину в Азии, на германскую Восточную Африку, на германскую Югозападную Африку, на часть Камеруна и Того в Африке, а также на германские владения в Австралазии.

Получение мандата на Ирак и Палестину (помимо приобретения Англией нефтеносных земель Моссула) обеспечивало за Англией подступы к Индии и укрепляло положение Суэцкого канала, через который проходит морской путь в Индию и Австралию. Мандат на африканские владения был необходим Англии для создания непрерывной цепи английских земель вдоль всей Африки, от Суэца до Капштадта. Точно так же получение Францией мандата на Сирию было вызвано ее стремлением укрепить свои позиции в восточной части Средиземного моря для успешной борьбы с итальянской экспансией и для обеспечения своих путей в Средиземном море, связывающих Францию с ее колониями, из которых она черпает людские резервы цветных войск.

Италия, являющаяся также одной из стран-победительниц, не получила в результате версальского дележа мандата на управление территориями, отнятыми у побежденного противника, и потому чувствует себя обиженной. Правда, ее европейские владения были несколько расширены за счет бывшей Австро-Венгрии, но это расширение представляется ей недостаточным и не удовлетворяет ее возрастающих империалистических стремлений.

В период временного англо-американского сотрудничества в Европе (1924—1926 гг.), использованного Англией для борьбы против гегемонии Франции, Италия была также привлечена Англией к участию в этой борьбе. В награду за поддержку Италией английской политики Англия пошла навстречу Италии и удовлетворила некоторые ее притязания.

Так, по Лондонскому договору от 15 июля 1924 г. Англия уступила Италии землю Джубеланд (в Восточной Африке), прилегающую к итальянской Сомалийской земле. По существу, эта передача была предусмотрена еще Лондонским договором от 26 апреля 1915 г. (когда союзники купили участие Италии в войне против Германии) и лишь оттягивалась Англией. Другой уступкой Италии со стороны Англии было исправление границ итальянской Ливии за счет Египта по итало-египетскому договору от 6 декабря 1925 г., по которому к итальянским владениям были присоединены территории Куфа и Джирабуб. Кроме того Италии была предоставлена некоторая роль в управлении Танжером (санитарный надзор).

Список войн

Ниже читатель найдет список войн, через которые прошло человечество с начала мировой империалистической войны и до сегодняшнего дня. Особенно знаменательно, какое количество войн происходит в так называемый мирный период, когда «больших» войн нет. Один этот спи-

сок есть красноречивейший обвинительный акт против капитализма. Один этот список есть призыв к международному пролетариату: «Войну империалистическую превратить в войну гражданскую!»

I

1914—1918 гг. Мировая империалистическая война.

II

Контрреволюционные войны против Страны советов

Империалистическая война переходит в ряд интервенций против Советского союза.

1918 г. Наступление германских войск на советскую Россию и советскую Украину. Оккупация советской Украины.
1918 г. Захват Румынией Бессарабии.
1918 г. (весной). Первый поход Антанты против советской России (Польша, Колчак, Деникин, Юденич).
1918 г. Английский десант в Мурманске.
1918 г. Захват англичанами Баку.
1918 г. (осенью). Второй поход Антанты против Советского союза (Деникин, Юденич, Польша).
1918 г. Французский десант в Одессе.
1918 г. Английские войска в Баку.
1918—1922 гг. Японская интервенция на Дальнем Востоке.
1920 г. Третий поход Антанты против Страны советов (польско-советская война).
1921 г. Карельская авантюра (Финляндия).
1929 г. Нападение китайских генералов на КВЖД

III

Со времени окончания мировой империалистической войны имел место ряд так называемых «малых войн»:

Европа

1919 г. Интервенция Антанты, Чехо-Словакии и Румынии против венгерской советской республики.
1919 г. Захват Фиуме итальянскими волонтерами под предводительством Габриеля д'Аннунцио.
1920 г. Занятие Франкфурта и Дармштадта французскими войсками.
1920 г. Занятие Вильно польскими войсками.
1920 г. Польско-германская повстанческая война в Верхней Силезии.
1923 г. Литва оккупирует Мемельскую область.
1923 г. Франция оккупирует Рурскую область.
1923 г. Италия временно захватывает остров Корфу.
1925 г. Вторжение Греции в Болгарию.

Дальний Восток

Непрекращающиеся генеральские войны в Китае тянулись со времени первой Китайской революции 1911 г. на протяжении десятилетий.

1925 г. Интервенция империалистических держав в Китае.
1927 г. Международная империалистическая интервенция в Шанхае. Бомбардировка Нанкина.
1930 г. Бомбардировка Чанша, занятого красной армией.
1930 г. 1-й поход нанкинцев против советских районв и красной армии в Китае.

1931—1934 гг. Война Японии в Северном Китае, захват Манчжурии.
1931 г. (апрель). Начало 2-го похода нанкинцев против советского Китая.
1931 г. (май). Провал 2-го похода.
1931 г. (август). Начало 3-го похода против советского Китая.
1931 г. (сентябрь). Провал 3-го похода.
1932 г. Нападение Японии на Шанхай.
1932 г. (февраль). Начало 4-го похода против советского Китая.
1932 г. (май). Провал 4-го похода.
1932 г. (июнь). Начало 5-го похода против советского Китая.
1933 г. (июль). Провал 5-го похода.
1933 г. (октябрь). Начало 6-го похода против советского Китая, продолжающегося по нынешний день.
1933 г. Захват китайских провинций Жэхэ и Чахара.
1933 г. Проникновение Англии в Тибет.
1933 г. Франция захватывает девять Коралловых островов, принадлежащих Китаю.

Африка

1919—1925 гг. Война Испании против племен риффов в Северной Африке.
1925—1926 гг. Французско-испанская карательная экспедиция в Северную Африку.
1929 г. Италия осаждает Триполи.
1929—1932 гг. Война Франции в Марокко.
1934 г. Испано-французская война против северо-африканских племен.

Ближний и Средний Восток

1919 г. Англо-афганская война.
1918—1922 гг. Турецко-греческая война.
1921—1925 гг. Война Англии против племен вахабитов в Аравии.
1925—1926 гг. Война Франции против племени друзов в Сирии.
1926 г. Война между Неджлом и Геджасом в Аравии.
1928—1929 гг. Междуусобная война в Афганистане, вызванная агентами английского империализма.
1930 г. Нападение на Геджас пограничных племен, действовавших при поддержке английского империализма.
1932 г. Операции английского воздушного флота против независимых курдских племен в Ираке.
1934 г. Война между Иеменом и Саудией.

Южная Америка

1928 г. Война между Боливией и Парагваем.
1928—1932 гг. Интервенция США в Никарагуа.
1932—1933 гг. Война между Перу и Колумбией.
1932—1934 гг. 2-я война между Боливией и Парагваем

Индия и Индокитай

1919 г. Война против Англии повстанцев в Пенджабе (Индия).
1927 г. Голландская карательная экспедиция в Индонезии.
1930 г. Французская карательная экспедиция против аннамитов в Индонезии.
1930—1931 гг. Английская колониальная война в Бирме и в Северозападной Индии.
1930—1931 гг. Военные действия английских войск, авиации в северозападных провинциях Индии.

„Сякай ундо цусин"

(„Вестник социального движения")

(Орган японской „зубатовщины")

Господствующие классы Японии и японское правительство применяют как обычно и террор и обман для предупреждения взрыва негодования широких народных масс, неимоверно страдающих от кризиса и войны.

Аппарат обмана масс чрезвычайно «многогранен» и обслуживается квалифицированнейшими агентами монархии, армии, религии, реформистских профсоюзов, «социал-демократической» партии и, конечно, всеми фашистскими группами.

Культ войны, императорской армии, монархии, пропаганда идей паназиатизма, расовой ненависти и превосходства Японии над другими странами являются главным содержанием многообразного обмана масс, проникающего во все сферы общественной жизни страны.

Среди печатных органов, предназначенных для обмана рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции, выделяется газета «Сякай ундо цусин», или «Вестник социального движения». В Японии общеизвестно, что эта газета связана с «социальным» отделом министерства внутренних дел, а следовательно, и с полицией. Тем не менее «Сякай ундо цусин» официально заявляет, что она «ставит своей целью информацию о движении рабочих, крестьян, национал-социалистов, социал-демократии и коммунистов». И действительно, с'езды, декларации, забастовочное движение, профдвижение, процессы компартии, вопросы единства, международное рабочее движение, Советский союз, проблемы войны и мира — все это «освещается» на страницах «Сякай ундо цусин». Но смысл всего дела заключается в следующем: под видом об'ективной, беспартийной, независимой информации производится на самом деле систематическое снабжение агентов японского империализма необходимыми материалом и аргументацией. К этим агентам относятся профсоюзная бюрократия, функционеры социал-демократической партии, реформисты в крестьянских союзах и т. п. Кроме того эта информация рассчитана на колеблющуюся и радикализирующуюся в условиях неслыханно тяжелого экономического положения интеллигенцию. Запугивание последней при помощи соответствующей «информации», несомненно, входит в задачу этой газеты.

В то же время газета активно пропагандирует фашистские лозунги и фашистскую социальную демагогию. Эта пропаганда и занимает бо́льшую часть газеты.

«Сякай ундо цусин» является совершенно исключительной газетой, своего рода ежедневным органом японской «зубатовщины», — в условиях,

когда единственная подлинно пролетарская коммунистическая партия находится в подполье, социал-демократическая партия открыто защищает интересы монархии и империализма и когда в стране действует большое число фашистских групп, среди которых имеется и группа, возглавляемая бывшим секретарем социал-демократической партии Акамацу.

По идее организаторов этой газеты, она должна служить обману масс особым методом, методом систематического «сопоставления» коммунизма, фашизма и социал-фашизма. И так как благодаря своей связи с полицией (что «Сякай ундо цусин», конечно, скрывает) она может давать информацию «внутреннего порядка», что при наличии свирепой цензуры и исключительных приемов японской прокуратуры вызывает сенсационный интерес, то ее ценность для агентуры господствующих классов исключительна.

Как же проводится это «сопоставление»?

Газета нередко помещает у себя заметки левого направления и даже высказывания людей, обвиняемых «в принадлежности к компартии».

В номере от 2 мая с. г. мы читаем воззвание по поводу 1 Мая, в котором фашисты и социал-фашисты квалифицируются как «предатели рабочего класса» и рабочие призываются «во имя единства» выступить 1 Мая через головы вождей-предателей и где черным по белому говорится «о международной солидарности пролетариата».

10 мая помещается статья революционного содержания под названием «Как мы дрались в 15-ю годовщину 1 Мая». «Борьба пролетариата в день 1 Мая, — пишет автор статьи, — прошла под знаком борьбы против капиталистов, помещиков, фашистов и социал-фашистов. В этом году наш токийский союз печатников как и прежде встретился с предательством социал-фашистских вождей — псов капитала. Однако это не помешало нам провести 24-часовую всеобщую забастовку».

Газета печатает даже выдержки из выступлений на суде члена ЦК японской компартии тов. Итикава, разоблачающего ренегатов Сано и Набэяма:

«...О нашем вступлении в партию и о нашей последующей деятельности я не намерен распространяться. Я хочу лишь остановиться на предательстве Сано и Набэяма. В чем выразился их отход от позиции партии? Во-первых, в том, что во время манчжурских событий они дошли до активной поддержки империалистической войны. И, во-вторых, в том, что интересы класса они подменили интересами нации, т. е. скатились к буржуазному национализму. Кроме того, они утверждают, что японская компартия не является подлинно пролетарской партией. Интересно, однако, на основании какого материала они делают свои выводы? Судя по всему, на основании материала, имеющегося в распоряжении прокуратуры».

«... Сано и Набэяма нападают на Коминтерн... Однако мы считаем, что японский пролетариат неизбежно будет освобожден Коминтерном и японской компартией».

«...Компартия стремится к тому, чтобы японский пролетариат установил в Японии диктатуру пролетариата... Мы считаем, что есть только два пути: или бороться за пролетарскую диктатуру или подчиниться диктатуре буржуазии. Третьего пути, который проповедуют Сано и Набэяма, нет».

Далее приводятся даже выдержки из выступления тов. Итикава по вопросу о внутреннем положении Японии: «Убийство офицерами 15 мая 1932 г. премьера Инукая — не что иное, как буржуазно-реакционная выходка...»

Печатанием этих выдержек газета рассчитывает создать видимость об'ективной информации. Но наряду с такой информацией дается другая, которая именно благодаря первой должна приобрести, по мнению авторов, правдоподобный характер. После убийств нескольких провокаторов,

подосланных японской полицией в компартию, в газете подробно и сенсационно расписывается это событие: дело изображается так, что... убийство провокаторов — это «террористические акты группы интеллигентов против рабочих». Газета пишет: «Вопрос о взаимоотношениях между рабочей группой и группой интеллигентов стал в компартии сразу же после ее вторичного образования. Однако до инцидента 15 апреля партийная дисциплина не нарушалась. Но в дальнейшем в связи с недостатком людей был упрощен прием людей в партию. А это привело к тому, что в партию проникли шпики и провокаторы. В партии создалась такая атмосфера, что каждый стал считать другого провокатором» (21 мая 1934 г.).

Здесь составители «информации» стремятся дать «внутренний» материал о положении японской компартии для лидеров социал-фашизма и профбюрократов в их борьбе против революционных рабочих, выдавая сокровенные желания господствующих классов Японии за действительность.

Получая сведения из полиции, газета иногда помещает такого рода сообщения: «Судя по имеющимся слухам, ЦК японской компартии продолжает издавать «Секки» («Красный флаг»). Кроме того для перевыборов ЦК, в котором оказалась группа предателей, подготовляется и специальная конференция» («Сякай ундо цусин» от 16/V 1934 г.). Эта «информация» газеты, разумеется, всемерно используется социал-фашистскими и реформистскими лидерами для внесения путаницы в рабочие массы, для все новых попыток дискредитации героической коммунистической партии Японии, влияние которой все глубже проникает в массы.

Наряду с такого рода сообщениями о компартии газета печатает сведения, рассчитанные на то, чтобы обелить ренегатов коммунизма, представляющих маленькую горсточку предателей, обманувших надежды своих инспираторов из прокуратуры и военно-фашистской группы, господ Араки и К°. В заметке от 10/V 1934 г. газета приводит выдержку из речи прокурора: «Обвиняемые, члены ЦК компартии Танака и Сано (другой), полностью признали свою вину. Со времени образования второй партии они вели упорную работу по расширению партии. Кроме того за период февраль 1929 г. — май 1930 г. они участвовали в террористических актах, жертвами которых стало несколько лиц (речь идет об убийстве провокаторов. — Г. В.). Оба обвиняемых втянули в свою работу много молодежи, что более усугубляет их вину. Правда, обвиняемые признали свои ошибки и изменили свои позиции. Они готовы идти по новому пути. Однако будет ли этот путь соответствовать интересам национального благополучия Японии, сказать пока трудно. Поэтому обвиняемых нельзя освободить от наказания».

Воздерживаясь от печатания собственных статей, газета служит целям своего заказчика путем не только специально подбираемой информации, но также печатанием об'явлений, резолюций и высказываний фашистских организаций, реформистских профбюрократов и лидеров социал-демократии. Со страниц газеты не сходят программы, резолюции, декларации, воззвания и всякого рода обращения всевозможных реакционных организаций. Приведем некоторые образцы социальной демагогии, которые регулярно печатаются на страницах «Сякай ундо цусин».

Выдержки из декларации и программы «Трудовой японской партии» («Кинро нихонто»):

«...Наша партия ставит своей задачей ликвидацию политики плутократии и преобразование государства на основе принципа «князь — народ». ...Наша партия ставит своей задачей рациональную реорганизацию зашедшего втупик капитализма и повышение жизненного уровня народа... Опираясь на дух патриотизма, наша партия ставит своей задачей устранение общественных зол путем повышения национальных добродетелей... Господ-

ству богачей должен быть положен конец... Предатели родины (читай: коммунисты. — Г. В.) должны быть уничтожены... Национализация и социализация финансовых органов... Упразднение бирж и создание централизованного национального рынка... Ограничение процента и преследование ростовщичества... Национализация внешней торговли... Национализация и социализация страховых предприятий... Национализация земли... Национализация производства и продажи сельскохозяйственных удобрений... Введение зарплаты, обеспечивающей прожиточный минимум, и регламентация рабочего времени... Государственная помощь безработным... Укрепление обороны... Равенство вооружений... Создание в целях укрепления мира на Дальнем Востоке Азиатской Лиги наций...» (номер от 30/V 1934 г.).

Газета не пропускает случая использовать борьбу внутри верхушки господствующих классов и даже внутри военных групп в целях социальной демагогии. В связи с борьбой военных групп за овладение кабинетом министров после ухода Араки газета широко публикует выступление офицерской молодежи («Гунбусейнен»), ведущей кампанию против корейского генерал-губернатора Угаки как возможного кандидата в премьеры. Газета популяризирует следующие мотивы борьбы офицерской молодежи:

«1. Кабинет Угаки будет буржуазно-фашистским. Японии же нужен социалистический фашизм. Поэтому для Японии чрезвычайного периода приход к власти Угаки будет величайшим злом.

2. Армия чрезвычайно враждебно настроена к Угаки.

3. Поскольку в случае назначения премьером Угаки власть будет в руках финансовой клики и политических партий, это отзовется на национальной обороне...» (31/V 1934 г.).

Японские профбюрократы не только пользуются информацией «Сякай ундо цусин» для своей пропаганды в борьбе против революционных профсоюзов, но сами непосредственно используют страницы этой газеты для популяризации своих взглядов. Интересно привести одну выдержку статьи органа реформистских профсоюзов «Соренго», перепечатанную 2 июня 1934 г. «Сякай ундо цусин»:

«Уверяют, что Япония занимается социальным демпингом, т. е. форсирует вывоз товаров, пользуясь голодным уровнем жизни японского рабочего. Мы, вожди профдвижения, плюем на заявления подобного рода... Экономические условия в отдельных странах Европы и Америки различны, тем более они различны, если сравнивать западные и восточные страны... В Японии условия труда, конечно, хуже чем в Европе и Америке... Однако происходит это из-за полной бедности в сырье, нашей перенаселенности, из-за того, что естественные ресурсы земли захвачены белой расой, японские товары облагаются высокими пошлинами и подвергаются всякого рода репрессиям».

Лицо газеты и ее назначение на основании всех приведенных здесь выдержек достаточно ясны. Следует еще добавить, что язык газеты недоступен широким массам. Издатели, повидимому, рассчитывают больше всего на офицерский и унтерофицерский состав социал-демократической партии и реформистских профсоюзов и на интеллигенцию.

Советскому читателю интересно познакомиться, хотя бы по этой беглой заметке, с газетой «Сякай ундо цусин» и составить представление о том, как господствующие классы Японии в своеобразной форме проводят идеологическую обработку масс через свою агентуру: фашистов, вождей социал-демократии и профбюрократической верхушки. В казарменно-полицейской обстановке, какая существует в Японии, газета «Сякай ундо цусин», изображаемая организаторами ее как «свободная трибуна» для осве-

щения всевозможных мнений и точек зрения, служит рупором монархического режима. Но широкие рабочие массы Японии все больше и больше начинают разбираться в жгучих вопросах политики страны, и информация «Сякай ундо цусин» на деле обернется против ее составителей.

Г. ВОЙТИНСКИЙ

Японские теории империалистических захватов

(Обзор японской литературы)

Японский империализм занял первое место в ряду империалистических держав, активно выступающих за передел мира посредством новой войны. Агрессивность милитаристской Японии заострена в первую очередь против Советского союза. В расчете на то, что война со страной строящегося социализма вызовет сочувствие и даже поддержку со стороны отдельных империалистических стран несмотря на разделяющие их противоречия, Япония стремится выступить как выразитель мировой империалистской реакции. Несомненно, у Японии имеется немало внутренних «данных» для этой роли: феодальный гнет паразитического. помещичьего землевладения переплетается в этой стране с хищническим господством монополистических трестов; военно-полицейский кулак полуфеодальной абсолютной монархии обеспечивает «единство» подавления и жесточайшей эксплоатации японских рабочих и крестьян при одновременном свирепом терроре и грабеже в колониях. Этим об'ективным качествам соответствует и идейный арсенал японских правящих классов. В отношении богатства и широты захватнических «идей» японский империализм может вполне законно соревноваться с германским.

Если мы обратимся к соответствующим японским источникам, то легко убедиться в том, что идея необходимости войны против Советского союза и необходимости войны вообще, для того чтобы Япония могла процветать, красной нитью проходит через большинство литературных произведений современной Японии.

В настоящей статье мы остановимся преимущественно на тех произведениях японских империалистов и их слуг, кои «обосновывают» идеологию войны вообще. На фундаменте этой идеологии «войны вообще» японская империалистская литература строит защиту необходимости конкретной войны против СССР.

Существующие в Японии попытки «теоретического обоснования» войны и оправдания японской агрессивности можно разбить в основном на две категории: 1) «научные» экономические доказательства необходимости японской экспансии с ссылками на бедность Японии и на знаменитый тезис о ее перенаселенности, 2) сугубо «идеологические» аргументы в пользу войн и дальнейших колониальных захватов, оперирующие мистическими понятиями, вроде «божественной миссии Японии по распространению императорского пути в Азии», и т. п.

Первая категория «доказательств» наиболее полно представлена апологетическими книгами и статьями японских буржуазных профессоров, в значительном большинстве «либералов». Сюда же необходимо отнести и весьма мало даже по фразеологии отличающиеся от буржуазно-либеральной стряпни «теоретические» откровения японских социал-фашистов (К. Такахаси, И. Иномата).

? „Большевик" № 13—14.

Вторая категория «аргументов» наиболее ярко представлена в произведениях японских фашистов, в том числе в писаниях доморощенных солдафонских «философов» в генеральских чинах. Особо значительное место в этих произведениях принадлежит «расовой проблеме» и связанной с этим «паназиатской» демагогии — крикам о том, что Япония должна возглавить угнетенные «цветные народы» в борьбе с белыми эксплоататорами.

Независимо от того, под каким—средневеково-феодальным или псевдо-научным «марксистским» — флером выступают произведения в защиту японского империализма, они в основном не выходят из узкого круга определенных положений. Это особенно легко проследить на примере применения этих ограниченных положений в официальных и неофициальных выступлениях японских политиков и дипломатов, нередко перемешивающих в своих речах сетования на «несправедливое распределение мировых естественных ресурсов» с разглагольствованиями на тему о «священном ветре», который дует в Японии, и прочей тому подобной чертовщине. В этом случае единство стиля, вытекающее не только из общности, но и из узости теоретических исходных положений, характерно не только для генерала Араки и Мацуока, но и для тех банковских дельцов, которые на деле, конечно, гораздо больше верят в капитал, дающий проценты, чем в божественное происхождение японского императора.

Устами Мацуока говорит как обычно наиболее агрессивный и при этом довольно слабо маскирующийся передовой отряд японского империализма.

В своей статье под заголовком «Кризис еще не миновал», помещенной в майском номере (1934 г.) журнала «Тюо корон», Мацуока следующим образом развивает пресловутую концепцию «перенаселенности» Японии:

«Первым источником внутреннего кризиса служит проблема народонаселения. В течение всего лишь шестидесяти лет население Японии выросло в три раза. Но мы не имеем пропорционального этому увеличения территории. В то же время материальные потребности индивидуумов, в особенности средних слоев и выше, также выросли в несколько раз по сравнению с уровнем, на котором они находились шестьдесят лет назад. Следовательно, если учитывать увеличение потребности в средствах существования, то оно равносильно тому, что население выросло примерно в 5—6 раз» (разрядка наша. — *Е. Ж.).*

В перенаселении Мацуока видит главный источник всех бед, которые свалились на голову Японии. Перенаселением он аргументирует и необходимость монопольного господства Японии в Китае. В другой своей статье, «Новое начало», помещенной в майском номере журнала «Кэйдзай орай», он заявляет:

«Америка провозгласила доктрину Монроэ по отношению к Южной и Северной Америке, и японцы не возражали против этого. Но Япония также выдвигает восточную доктрину Монроэ. И разве не было бы справедливым, чтобы Америка уважала восточную доктрину Монроэ, так справедливо выдвинутую Японией?».

Программа японских колониальных захватов вежливо именуется на дипломатическом языке «восточной доктриной Монроэ». Поэтому об «азиатской доктрине Монроэ» говорит и бывший постоянный японский представитель в Лиге наций, являвшийся там заместителем генерального секретаря Лиги, И. Сугимура (ныне японский посол в Риме). В своей книге, вышедшей в 1933 г., «Записки о международной дипломатии», в главе об азиатской доктрине Монроэ Сугимура проявляет неожиданный

космополитизм, склоняясь к тому, чтобы еще более широко толковать «доктрину».

«Судьба Японии состоит в том, — пишет Сугимура, — чтобы прогрессировать в качестве культурной державы и развиваться во всех направлениях. Современные японцы считают своим домом весь мир и, ощущая себя друзьями всего человечества, должны развиваться в мире по всем направлениям».

О том, что должно пониматься под этим «развитием», пространно говорит видный японский экономист профессор И. Танигути в своей последней работе «Экономическое развитие Японии и будущее ее экономической политики» (Токио. Май 1934 г.). Проф. Танигути «научно» доказывает, что захват одной только Манчжурии не может разрешить тех проблем, которые стоят перед японской экономикой. Он заявляет:

«Люди, сейчас уже размышляющие о дальнейшем продвижении вперед, не могут удовлетвориться японо-манчжурским блоком и стремятся включить в него Китай, создав японо-манчжуро-китайский блок. В этом случае, при наличии четырехсотмиллионного китайского населения, мы имели бы такую покупательную способность, что с точки зрения обеспеченности рынком наша мощь чрезвычайно бы возросла. По сравнению с японо-манчжурским блоком японо-манчжуро-китайский блок составлял бы бо́льшую силу. Но даже если бы был создан этот блок, мы почти не имели бы такого сырья, как нефть. Не было бы избытка и железа и угля, и в этом отношении мы не были бы удовлетворены вполне. Поэтому, чтобы получить еще больше, кроме японо-манчжуро-китайского блока, нужен блок Великой Азии, включающий южные моря и Индию. Тогда Япония, будучи лидером наиболее прогрессирующих стран, была бы богата и сырьем и продовольствием. Утверждают, что индийский хлопок и железо необычайно дешевы. Япония сняла бы таможенные пошлины на индийское железо. Если бы ввозилось индийское железо, японские металлургические компании, вероятно бы, расцвели. А в районе южных морей находится нефть. Кроме того в это время мы имели бы Великую Манчжурию, которая включала бы и Северный Сахалин. Таким образом с сырьем дело бы обстояло благополучно. А если говорить о рынке, то Япония с Манчжурией имеют свыше 100 000 000 населения. Если к этому присоединить Китай—400 000 000, Индию—350 000 000, Южные моря, то в результате получится около миллиарда человек. Это—количество, составляющее почти половину населения земного шара» (стр. 230—231. Разрядка наша. — *Е. Ж.)*.

Нарисовав такую завлекательную картину будущей японской экономики, проф. Танигути тут же меланхолически замечает: «Но если подойти к этому с политической точки зрения, то это, безусловно, является трудной проблемой».

«Профессор» чувствует, что он заврался. Он спешит перейти поэтому в своих дальнейших рассуждениях к определению того, «с кем» Япония должна идти: с США или с Англией ради успешного «регулирования» мировой экономики. Но суть не в этом. Основной интерес работы Танигути для нас заключается в том, что она представляет собой новейший образчик той «науки», которая преподносится японскому читателю для оправдания и «идеологического» обоснования политики империалистических захватов. Речь идет не только о случайном читателе, который может и проглядеть подобную «экономическую новинку». Книга Танигути, как это яв-

ствует из предисловия, является стенограммой лекций, читанных в самое последнее время (начиная с января 1934 г.) в различных научных собраниях, в том числе в солидных экономических ассоциациях крупнейших городов Японии.

Скромный автор предупреждает в своем предисловии, что его книга, откликаясь на жгучие проблемы современности, выходит за рамки научного знания, что «автор не знает, в какой мере его книга является новым вкладом в науку»; но можно заверить профессора в том, что его карьера обеспечена и любой японский университет, изгоняющий «красных», охотно примет в свое лоно столь бравого профессора, который, кстати, посвящает свою работу «духу безвременно погибшего» брата-офицера.

Токийский профессор Т. Уэда в статье, посвященной состоявшейся осенью 1933 г. конференции так называемого Института тихоокеанских отношений, дает критический обзор той дискуссии на тему «о японском праве на агрессию», которая развернулась на конференции в Банфе (журнал «Кайдзо» за ноябрь 1933 г.).

Японская делегация, возглавлявшаяся И. Нитобэ, недавно умершим бывшим редактором «Japan Times» (полуофициозной японской газеты, которая издается на английском языке в Токио для «раз'яснения» японской политики иностранцам), выступила на этой конференции с развернутой платформой обоснования неизбежности и необходимости японской экспансии. Согласно признаниям Уэда, японская позиция была в следующих словах резюмирована достаточно об'ективным сэром Гербертом Сэмюэлем, возглавлявшим английскую делегацию:

«Поскольку все страны мира стремятся производить полностью внутри своей страны все потребляемые ими товары, то такие державы, как Япония, неизбежно становятся агрессивными и империалистическими» (разрядка наша. — *Е. Ж.)*.

«Несчастная» Япония, не будучи в состоянии производить внутри страны все потребляемые ею товары ввиду многочисленности населения и бедности естественными ресурсами, «естественно» «вынуждена» грабить!

В подтверждение этого тезиса проф. Уэда приводит документ, относящийся к еще более древнему периоду. Документ этот фигурировал на II тихоокеанской конференции, происходившей в Гонолулу в 1927 г.

«Народонаселение Японии,—читаем мы в этом документе,—за 60 лет увеличилось в два раза, жизненный уровень также поднялся. Но поскольку Япония бедна естественными ресурсами, то она уже сейчас почти исчерпала возможность их использования. Обрабатываемая земельная площадь также не увеличивается. Сельское хозяйство крайне интенсивно. Промышленность хотя и развивается, но в общем национальный доход будет недостаточным для поддержания существующего жизненного уровня для населения, которое и в дальнейшем будет все больше и больше увеличиваться. В каждой стране большой рост народонаселения неизбежно приводит к недостатку продуктов продовольствия. Страны, обладающие рудными богатствами, кроме обрабатываемой сельскохозяйственной площади, могут способствовать промышленному развитию народа, но в тех странах, которые бедны естественными ресурсами, это развитие ограничено и быстро наступает перенаселение. Похоже на то, что Япония уже вступила в это состояние. Оно является основной причиной социального беспокойства, которое переживает в настоящее время Япония. Влияние такого факта, как бурный рост народонаселения, еще

не проявляется вовне, но эта проблема действительно является громадной» (стр. 19. Разрядка подлинника).

Мы могли бы бесконечно приводить цитаты из официальных документов, печатных статей, публичных выступлений японских политиков, экономистов, «ученых», которые все как один свидетельствуют о том, что «перенаселение» является движущей силой японской экспансии. От социал-демократа Такахаси Камэкити до фашиста Татибана Косабуро, который в своей книге «Аграрная наука» воспевает «научные» пошлости Мальтуса, никто еще не выдвинул иного «научного» довода в пользу грабительской политики Японии.

Но как же в действительности выглядит дело? Может быть, действительно японцам негде больше жить и работать на «восьми островах»? Это мнение японские империалисты сумели ведь распространить довольно широко. Присмотримся поближе к фактам. Куда эмигрируют японцы? Цифры, показывающие японскую эмиграцию по годам, ничтожны. Более того: официальная японская статистика свидетельствует о том, что японская эмиграция не только не растет, а имеет тенденцию к неуклонному сокращению. Если в 1929 г. эмигрировали из Японии 25 704 чел., то в 1930 г. — 21 829 чел., и, наконец, 1931 год дает мизерную цифру — 10 384 эмигрантов. Зато реэмиграция имеет колоссальные размеры. Если общее количество проживающих заграницей японцев в 1929 г. составляло 762 572 чел., то в 1930 г. оно упало до 509 754 чел.

История переселения японских колонистов в новую «землю обетованную» — Манчжоу-Го — сначала до конца представляла собой сплошные скандалы, которые пришлось открыто признать и японской печати. Японский официоз в Южной Манчжурии «Дайрен симбун» горестно отмечал, что «если судить по положению в настоящий момент, то японская иммиграция в Манчжурии потерпела полное фиаско» (от 7/IX 1933 г.). И это несмотря даже на то, что, пытаясь сделать их своей политической опорой и в целях агитационных, японское правительство снабдило своих военных поселенцев более чем достаточным минимумом средств для «обзаведения хозяйством»! Нечего и говорить, что основная масса японского крестьянства, лишенного средств производства, не может эмигрировать из Японии вообще куда бы то ни было. Но и специально отобранные для Манчжурии колонисты-военнообязанные, которым внушали, что переселение в Манчжоу-Го служит интересам «Великой Японии», большими партиями сбегали обратно в Японию, покидая Цзямусы и другие районы, специально отведенные для военных поселений. «Жизненный уровень» задавленного собственными помещиками и ростовщиками китайского крестьянства оказался еще ниже чем полуколониальный уровень японской деревни. Предпринятое японским империализмом насильственное переселение в Манчжурию корейцев также не открыло никакой перспективы для японской колонизации в Корею взамен переселяемых в Манчжурию корейских крестьян. И здесь действовали в основном те же причины: 1) полная неприспособленность привыкшего голодать японского крестьянина к существованию в еще более кошмарных условиях, в которых существует колониальный корейский крестьянин, 2) нищета японского крестьянина, которая физически не позволяет ему выбраться из своей страдающей аграрным перенаселением японской деревни, освободиться от связывающих его долгов и приобрести необходимые средства производства, для того чтобы начать «новую жизнь» в столь рекламируемых японских колониях.

Японская эмиграция — это либо экспорт в колонии чиновников, полицейских, жандармов, агентов Мицуи и Мицубиси, авантюристов и разного

рода специфических «колониальных» отбросов капиталистического общества либо отправка на государственный счет ограниченного кадра военизированной молодежи призывного возраста, по отбытии определенного срока возвращающейся домой в Японию, квалифицированных разведчиков и диверсантов.

«Перенаселенная» Япония обладает еще изрядным количеством собственной площади, годной для освоения сельскохозяйственным населением. Если средняя плотность населения в собственной Японии (исключая колонии) довольно велика—169 чел. на 1 кв. км (в этом отношении Япония по плотности населения уступает лишь таким густонаселенным странам Европы, как Бельгия, Голландия и Англия), то в ней имеются обширные районы, где население сравнительно очень невелико. В северной части главного острова Хонсю, в префектуре Аомори, плотность населения составляет 91 чел. на 1 кв. км, в префектуре Акита — 84 чел. на 1 кв. км, в префектуре Иватэ — 64 чел. на 1 кв. км и, наконец, на острове Хоккайдо плотность населения равна всего 32 чел. на 1 кв. км. Причем дело обстоит так не только в северных районах, которые якобы по климатическим условиям с трудом поддаются колонизации, но и в южных. Так например в префектуре Миядзаки, на южном острове Кюсю, плотность населения не достигает 100 чел. на 1 кв. км (98 чел.).

Но больше половины японского крестьянства составляют мелкие арендаторы, а остальную часть — «собственники» мельчайших земельных участков. Они прикованы к своим участкам. Японский крестьянин, находящийся в кабале у помещика, не в состоянии передвигаться даже внутри страны, чтобы освоить те резервы свободной сельскохозяйственной площади, которые существуют в собственной Японии. Общая сумма задолженности японского крестьянства, в большинстве лишенного своего инвентаря, приближается к 10 млрд. иен.

Мы не говорим уже о налогах на крестьянство, по поводу которых столь далекий от пристрастной оценки японского империализма автор, как И. Мацуока, заявляет в уже цитированной нами статье в майском номере журнала «Тюо корон» буквально следующее:

«Одновременно с ростом международного значения Японии ужасающе росло бремя налогов, лежащее на нашем народе. Разве была шестьдесят лет назад у нас такая армия и такой флот как сейчас? Разве была такая система образования, транспорт, связь, социальные институты? Все это требовало колоссальных расходов. Разве не лежат они целиком на плечах народа? Я не могу дать сейчас проверенных цифр. Но по известным мне подсчетам одного крестьянина из Канто налоговое обложение кантоских крестьян сегодня в сравнении с 1867 г. увеличилось в восемь десятых раз» (разрядка наша.—*Е. Ж.*).

«Диференцированная» налоговая система, при которой основная тяжесть колоссальных расходов на японское вооружение падает на плечи деревенского бедняка-арендатора и полуарендатора, еще более усиливает перманентную задолженность японского крестьянства, «облегчая» поступление его в беспредельную эксплоатацию к помещику и кулаку-ростовщику. Задолженность крестьянина в Японии непрерывно растет, ибо крестьянин, раз залезший в долг, уже не может выбраться из связывающих его пут.

При таких условиях главный «научный» аргумент японских империалистов в пользу колониальных захватов — «теория абсолютной перенаселенности» Японии — служит не только для оправдания грабительских

войн, но является лживым и наглым прикрытием той полуфеодальной кабалы, которая господствует в японской деревне и создает действительно аграрное перенаселение и связанную с ним нищету крестьянских масс. Именно существование этой кабалы в сочетании с могуществом финансового капитала предопределяет особую агрессивность хищнического «военно-феодального» японского империализма.

Война и колониальный грабеж, вооруженная борьба за передел мира и «перераспределение мировых естественных ресурсов», представляющие собой квинтэссенцию японской политики, еще более откровенно и выпукло выступают на первый план во второй группе японских теорий, обосновывающих «необходимость экспансии».

С легкой руки генерала Араки, являющегося признанным вождем наиболее агрессивного военно-фашистского крыла японского империализма, необходимость войны аргументируется в Японии не только грубыми материальными моментами, но и высокими, «чисто идейными» побуждениями. Араки вообще отказывается от «научно»-материалистической аргументации. В своей книге «Речи к японскому народу» он с гордым видом решительно отмежевывается от тех, кто пытается об'яснить манчжурский «инцидент» и все последующие события перенаселенностью Японии, нехваткой продовольственных ресурсов и тому подобными вещами. Араки заявляет:

«Когда я был в прошлом году в Китае, мне много приходилось беседовать с представителями сишаньской группировки. Они говорили мне тогда: «Япония испытывает затруднения от недостатка продуктов питания и от избытка населения. Мы предоставим ей и пропитание и место для размещения излишнего населения, но пусть Япония смотрит на нас как на основу своего существования, как это следовало бы, без обращения к оружию». Конечно, мы никогда не относились к Китаю с презрением или враждебностью. Но, с другой стороны, мы никогда не собирались разрешать вопросы перенаселения или продовольствия так, чтобы, отбросив все свое достоинство, пойти в Китай с преклоненной головой. Я отвечал им тогда: «Очень признателен вам за такую заботливость. Но мы как-нибудь пропитаемся и сами». Вопрос сближения Японии и Китая не есть вопрос пропитания. Если нам нечего будет есть, мы что-нибудь придумаем» (стр. 5—6).

Араки стремится аргументировать необходимость войны и колониального грабежа фактом превосходства японского духа, потребностью распространить японские добродетели по всему миру, удивляя все народы солдафонско-феодальными идеалами, воплощенными в пресловутом «императорском пути».

«Провести императорский путь за пределы своей страны — такова миссия Японии в годы Сёва!»[1] — восклицает Араки в своей книге. Как опытный демагог, он не перестает говорить о том, что в конечном счете миссия Японии — «поддержание мира». Мир, которого хочет Араки, — это гегемония японского империализма не только в Манчжурии и Монголии, но и во всем Китае, в Сибири, в Индии, в Средней Азии. Обо всем этом он достаточно красноречиво говорит в своем получившем широкую известность памфлете «Задачи Японии в эпоху Сёва». «Мир» для Араки — результат выполнения обширной программы военных захватов. Таким образом этот

[1] Годами Сёва называются годы правления нынешнего императора Японии, которое началось в декабре 1926 г.

мир, о котором печется Араки, прежде всего требует войны и предполагает войну, которая и воспевается на все лады как средство достижения гегемонии Японии в Азии.

«Дабы хранить мир в Азии, дабы беречь спокойствие азиатских народов, Япония встанет во главе азиатской военной колонны и пойдет куда бы ни пришлось пойти по вечному небесному пути, взирая на августейшего монарха, проникнутого человеколюбием. И если на этом пути нам будут чинить препятствия, то мы заставим Америку и Европу понять, что такое дух, который, шествуя, сметает все на своем пути» (стр. 118).

Воспевание японского меча как символа «справедливости» сочетается у Араки и «аракистов» с решительным отрицанием и плохо скрытой ненавистью ко всякой иностранной культуре (о ненависти его к пролетарской большевистской культуре нечего и говорить). Гнуснейший шовинизм, который японские генералы пытаются привить своим настоящим и будущим солдатам, базируется на теории исключительности, «избранности японского народа, божественной неповторимости японского государственного строя». В этом смысле, хотя некоторые японские генеральские философы на словах нападают на расистские теории германского фашизма, они блещут такой же тупостью, как и идеологи непорочности «арийской расы».

«Философия» Араки теснейшим образом связана с феодально-средневековой религиозно-философской концепцией синтоизма, основанного на культе предков и обожествлении императорского дома.

Подобно своим европейским собратьям японские фашисты вытаскивают свое идейное оружие из мусорных ям истории, переполненных разного рода реакционным хламом. Но нужно учитывать специфику японских условий. Рассматривая «аракизм» как новейший продукт кризиса капитализма и глубокого распада господствующей в Японии системы общественных или производственных отношений, нужно постоянно иметь в виду, что он имеет возможность цепляться за необычайно живучие и сильные в Японии остатки докапиталистических отношений и мобилизовать их в интересах сохранения существующего строя.

Воинственная «философия» японских фашистов, оправдывающая необходимость войн и захватов ссылками на идейное превосходство Японии и на «божественное происхождение» японской абсолютной монархии, тысячами нитей связана с общей системой официального воспитания японской молодежи.

Поэтому, если мы даже откажемся от того, чтобы на примере выступления самого Араки и его ближайших последователей обрисовать чисто фашистские «теории», проповедующие войну, мы сможем найти элементы этих «теорий» в работах любого японского буржуазного автора, маскирующих разбойничий облик японского империализма.

Уже цитированная нами книга японского дипломата Сугимура дает яркую иллюстрацию того, как сформулированное генералом Араки положение, что Япония должна «освободить все народы Азии от гнета эксплоатации со стороны белой расы», воспринимается и культивируется более тонкими защитниками чем сам Араки.

«Конечной целью японской политики, — пишет Сугимура, — является стать вождем и руководителем цветных рас и оказать руководящую помощь в их развитии. Мы должны занять позицию максимального сочувствия по отношению к освободительному движению или движению за независимость европейских и американских колоний или зависимых территорий. Наш долг — поспешить поддержать и оказать содействие уже возникшим го-

сударствам, когда мы видим ту тяжелую борьбу, которую они ведут для того, чтобы избежать несправедливого гнета со стороны сильных держав...

...Всякий, кто напрасно нарушает мир в Азии и третирует азиатов, — враг Японии. Поэтому Япония как вождь Дальнего Востока и должна занимать твердую позицию. Поэтому Япония и должна обладать сильными армией и флотом. А не просто лишь для национальной обороны» (стр. 363. Разрядка наша. — *Е. Ж.).*

Устами Сугимура японский империализм заявляет о своем твердом намерении бороться за новый насильственный передел мира, облекая в то же время свои колониальные вожделения в благородную мантию жажды «независимости» для угнетенных народов.

В журнале «Гайко дзихо» от 15 декабря 1933 г., в статье Фудзисава под многообещающим заглавием «Неотложные задачи утверждения принципов императорского пути в международной политике», мы находим следующие строки, подчеркнутые автором:

«Основным принципом японской дипломатии является единство военного и гражданского начала. Подобно тому как при осуществлении идеалов строительства нашего государства мы применяли силу против тех, кто хотел этому воспрепятствовать, мы должны заявить, что иногда применение вооруженной силы является неизбежностью. Иначе говоря, можно предположить, что при защите распространения начал международной справедливости, которая может осуществляться только японским народом, необходимо будет временно применить оружие. Но, поскольку это применение оружия будет базироваться на японском духе, нужно быть твердо уверенным, что оно будет справедливым» (стр. 16. Разрядка подлинника).

Итак, по мнению этого многообещающего автора, японские винтовки и пулеметы служат единственной гарантией международной справедливости, а посему все умирающие от японских пуль могут быть совершенно удовлетворены в том смысле, что их убивают с высоко идейных позиций.

Имеющий большое хождение в Японии лозунг «Азия для азиатов», или, как его правильнее следует читать, «Азия для японцев», является краеугольным камнем той шовинистической агитации, которая базируется на гнуснейшей демагогии относительно «освободительной миссии» Японии в отношении колониальных народов. В максимальной степени эта демагогия связана с захватнической политикой Японии в Китае. Нет нужды здесь доказывать, что «китайская политика» является ключом к пониманию всей внешней политики японского империализма. Поэтому для оправдания разбойничьей практики японских захватчиков в Китае об'единились махровые черносотенные «философы» типа Тояма и «левые» социал-фашисты, вроде ренегатов японской компартии Ямакава, Сано и других.

В журнале «Кэйдзай орай» (октябрь 1933 г.) было помещено обширное «Обращение к китайским народным массам», принадлежащее перу известного социал-фашистского специалиста по китайскому вопросу Миядзаки. В этом обращении автор, входящий в состав руководства основной социал-фашистской партии Японии — сякай тайсюто, распинается, что китайцы-де напрасно «не понимают» политики Японии:

«В Китае существует опасение, что Япония хочет захватить Манчжурию. Может быть, среди японцев, поставленных лицом к лицу с манчжурским инцидентом, и находились люди, питавшие такие планы. Может быть, они есть и сейчас. Но абсолютное большинство японского народа не

хочет такой глупости, как присвоение территории Манчжурии, увеличение национальных расходов и рост политических затруднений. Сущность вопроса представляется мне в том, что Япония, очутившись в обстановке охватившего весь мир беспокойства, была вынуждена организовывать свою экономическую независимость, и это привело к тому, что оказалось необходимым включить Манчжурию и даже часть побережья Китая в сферу японских военных операций» (стр. 75—76. Разрядка наша. — *Е. Ж.)*.

Превосходя по своему цинизму наиболее бесстыдные апологии империализма, прославившие европейских собратьев японского социал-фашизма, письмо Миядзаки повторяет наглые утверждения пэназиатов, что Япония имеет намерение вывести Китай из положения полуколонии, «эксплоатируемой английским империализмом». Ловко используя расовый момент в той особой ненависти, которую встречают в колониях английские империалисты, не скрывающие своего джентльменского презрения к «низшей расе», японские социал-фашисты, приспособляясь к обстоятельствам, оперируют почти «марксистской» фразеологией, стремясь обмануть и своих японских и китайских пролетариев.

Миядзаки в следующих выражениях обращается к «китайским массам»:

«Господа, Китай находится на положении полуколонии. Но кто же первый сделал вашу страну полуколонией? Кто, начав опиумную войну, всевозможными мерами насилия захватил Гонконг, а затем создал базу в Шанхае, и крепко держит Китай за горло? Опиумной войной началась английская экспансия в Китае, а затем, подражая ей, все державы стали проникать в Китай. Никто, кроме Японии, не разобьет мечты Англии об абсолютном владычестве на Востоке, уже достигшей того, что она владеет Индией и Китаем. Пока Япония преграждает путь на Востоке континента, Англия не может спать спокойно» (стр. 78).

При помощи этой двойной демагогии, не только замазывающей грабительскую сущность японской политики в Китае, но искажающей действительное соотношение японского и английского империализмов в Азии, японский социал-фашизм расчищает путь империалистической войне, оправдывает войну, призывает массы к поддержке кровавой практики японских захватчиков.

Японские империалисты готовят войну, которая представляет собой в их глазах «нормальное состояние».

Выступают ли теории, оправдывающие японскую «экспансию», под флагом излюбленных профессорами расчетов об абсолютном перенаселении или необходимости включить «пропадающие» естественные богатства в орбиту «прогрессирующей» японской экономики, выступают ли они под маской благородных помыслов «спасти» угнетенные народы Востока от англичан и американцев и уготовать им «счастливый» удел Кореи и Манчжурии, — во всех случаях из этих «теорий» явственно выступает на первый план разбойничий облик японского империализма.

Е. ЖУКОВ

К вопросу об иностранной политике германского фашизма

(Об одном важном документе)

Сейчас, когда вопрос о действительных целях иностранной политики германского фашизма приобрел такую злободневность, мы хотим ознакомить читателя с одним документом, который дает нам аутентичное изложение этой политики в момент, когда вожди фашистов могли еще говорить на эти темы более откровенно. Мы имеем в виду «открытое письмо Адольфа Гитлера рейхсканцлеру фон-Папену», появившееся 21 октября 1932 г. в «Фелькишер беобахтер» (подписано: Адольф Гитлер, Кобург, 16 октября 1932 г.). Письмо писано совсем незадолго до прихода фашистов к власти, но писано в такой момент, когда г. Гитлеру еще не приходилось считаться с дипломатическим этикетом и когда он без чрезмерных условностей формулировал реальную программу германского фашизма в области внешней политики. С тех пор прошло более полутора лет. Но всякому внимательному наблюдателю ясно, что документ этот нисколько не устарел, что он особенно интересен именно сейчас, ибо как раз теперь германский фашизм проводит в жизнь ту программу, которая изложена в этом важном документе, писанном, несомненно, под диктовку влиятельных представителей «отечественного» капитала.

Открытое письмо опубликовано в момент, когда канцлером был Папен, а Гитлера приглашали в заместители к Папену. Теперь наоборот: Гитлер является канцлером, а Папен — его заместителем. Но это дела не меняет. Документ остается документом. Ознакомимся поближе с его содержанием.

Прежде всего Гитлер останавливается на вопросе о разоружении. В связи с этим он дает оценку дипломатическим конференциям вообще и Женевской конференции в частности. Гитлер пишет:

«Теперь на международной конференции собираются положить начало или, по крайней мере, как-нибудь способствовать началу предусмотренного версальским мирным договором всеобщего разоружения. Германия тоже участвует в этой конференции. Заранее возникает вопрос. чего же можно вообще, рассуждая по-человечески, ожидать от такой конференции. Мне кажется здесь принципиально важным уяснить следующее:

На конференциях вообще никогда не удается добиться глубокого изменения существующих условий, а только ратифицируется то, что уже свершилось. Те силы, которые действительно формируют жизнь, не выступают за столом конференций. Жизнь создает определенное фактическое положение, а конференции разве только обращают его в формально-правовое...

Бессмысленно воображать, будто держава, которая нас разоружила, теперь сама, не будучи принуждаемой к этому, также станет всерьез разоружаться.

И если в Женеву отправилась бы германская делегация с мыслью, что там удастся побудить Францию к добровольному саморазоружению, то такую делегацию следовало бы как можно скорее вернуть назад, ибо она состояла бы из бездарных людей.

Но так же неверно было бы думать, что Франция когда-либо согласится добровольно на довооружение Германии, ибо в обоих случаях дело идет об одном и том же: о передвижке в нашу пользу нынешнего соотношения сил между Францией и нами. А этого Франция ни за что не хочет допустить».

Что же должна, по Гитлеру, делать Германия? Вооружаться, никого не спрашивая! Изменить реальное соотношение сил на деле, не дожидаясь никаких решений Женевы. Таков ответ документа.

«Не в Лозанне или Женеве будут вооружаться, а в конечном счете в Германии. И не в Женеве такое довооружение может рассчитывать на одобрение со стороны других наций. И то, что Германия тысячу раз имеет право на уравнение своих вооружений с вооружениями других наций, это обстоятельство — поскольку дело идет об эффективной перегруппировке сил в жизни народов — тоже не приведет к международной ратификации, если оно не будет уже совершившимся фактом».

Нельзя выразиться яснее. Надо поставить весь мир перед «уже совершившимся фактом». Когда германский империализм вооружится, когда это станет фактом, тогда это «приведет к международной ратификации», тогда империалисты другой окраски вынуждены будут считаться с «уже совершившимся фактом».

Вот центральный пункт программы, с которой германский фашизм шел к власти: приступить немедленно к вооружениям де факто и лишь затем добиваться признания их де юре. Вооружиться, добиться реального изменения в соотношении сил, подготовиться к войне на деле и лишь затем думать о «международной ратификации».

Эта программа не осталась на бумаге. Придя к власти, правительство Гитлера, как известно, приступило к вооружениям бешеными темпами.

Выполнен и другой пункт программы Гитлера, изложенной в том же открытом письме его к Папену от 21 октября 1932 г., а именно — уход с Женевской конференции. В упомянутом письме мы читаем:

«При этом вовсе не потребовалось бы, чтобы германская делегация до бесконечности участвовала в женевской комедии разоружения. Достаточно было бы недвусмысленно установить перед всем миром волю Франции не разоружаться, чтобы затем покинуть Конференцию с заявлением, что тем самым версальский мирный договор нарушен самими же подписывавшими его державами, и Германия оставляет за собой право при известных обстоятельствах сделать из этого соответствующие выводы».

Так именно и поступила фашистская Германия, спустя год после того, как написаны были приведенные слова Гитлера. Сделанное при этом Германией заявление было лишь переложением на дипломатический язык этих слов Гитлера...

Далее, Гитлер в открытом письме к Папену переходит к вопросу о том, какой род оружия имеет в данной обстановке наибольшее значение для Германии. Он отвергает для данного момента строительство больших военных кораблей. Причина этого, конечно, не в пацифизме Гитлера, а в чем-то совсем другом. Гитлер в упомянутом документе пишет:

«С чисто военной точки зрения: какой смысл в данный момент может иметь строительство больших военных кораблей?

Наибольшая опасность угрожает Германии с Востока. В мире есть немало проницательных людей, которые сами понимают и признают невозможность и непрочность положения Германии в этом отношении. Укрепление обороны Германии, дабы она имела возможность противостоять восточной опасности, сравнительно легко обосновать. Во всяком случае, для самой Германии является необходимым при целеустановке в деле своего национального вооружения неуклонно иметь в виду важнейшие задачи... Для борьбы вне Балтийского моря, скажем, против Англии или Франции, требуемое нами и возможное для нас теперь сооружение новых больших военных кораблей было бы совершенно недостаточно... Если бы нам и дано было разрешение сооружать большие военные корабли, то в военно-морском отношении это не имело бы никакого значе-

ния. При самом напряженном строительстве первая эскадра в составе четырех кораблей не была бы готова к бою раньше чем через четыре года. Безнадежное дело, если подумаешь об Англии или хотя бы только о Франции! А между тем требование себе права на постройку больших военных кораблей сейчас может только осложнить внешнеполитическую ситуацию и в конечном счете снова загнать нас в такое положение, которое мы уже однажды переживали с дрожью ужаса.

В условиях Балтийского моря в строительстве настоящих больших военных кораблей нет надобности, пока Россия или при известных обстоятельствах и Польша не будут располагать другими морскими силами, кроме нынешних. Но даже если вы считали, г-н фон-Папен, что уже теперь надо выдвинуть требование относительно морских сил, то ни в коем случае нельзя было сразу открыто выступать с этим требованием перед всем миром, а вы должны были сначала выяснить в Лондоне положение насчет согласия или же отказа Англии. Ибо сейчас для будущности Германии важны отношения взаимного доверия с Англией. Но, на мой взгляд, при таком безусловно необходимом отношении доверия к Англии на сегодняшний день можно было бы ограничиться внесением поправок к предусмотренной версальским договором программе строительства нашего флота, — всегда твердо уповая тем самым создать необходимую нам защиту **на Востоке**. Однако и здесь, как уже так часто бывало раньше, повидимому, не учитывается переворот, произведенный за это время современной техникой и в области военных ценностей. Требование еще одного вида оружия выдвигают, больше исходя из реминисценций, теперь уже только психологических, чем из соображений правильных для нашего нынешнего военно-технического положения. И при этом совершенно упускается из виду вопрос о том, какое воздействие на психологию одного из наших прежних противников возымело бы наше желание строить новый флот.

При этом вы, г-н фон-Папен, выдвигаете к тому же еще программу, финансовое осуществление которой в данный момент — вещь невозможная. На современную военную эскадру из действительно боеспособных судов надо в общем затратить, по крайней мере, 700—800 миллионов марок. И если бы даже мы располагали внешнеполитическими предпосылками для сооружения таких судов, то финансовое бремя ни в каком соотношении не стояло бы с ныне потребными военными единицами».

В высшей степени интересные соображения!

— Нам,— говорит Гитлер,— не надо сейчас ставить вопрос о флоте, во-первых, потому, что у нас нет на это денег, а, во-вторых, потому, что это произвело бы плохое впечатление на английский империализм, с которым нам надо жить в ладу, и, в-третьих, потому. что наш главный враг, советская Россия, большим флотом не обладает! Во всяком случае, надо было «сначала выяснить в Лондоне положение насчет согласия или же отказа в Англии, ибо для будущности Германии важны отношения взаимного доверия с Англией».

Ценнейшие признания!

Программа, намеченная в этих словах, целиком проводится сейчас фашистской Германией: о флоте «мы» пока помолчим и займемся созданием авиации (аэрохимия!), воссозданием сухопутной артиллерии, пехоты, технических войск.

«Предпосылкой германского равноправия является восстановление обороноспособности Германии... На практике равноправие останется пустой формулой до тех пор, пока восстановление германской обороноспособности не наполнит эту формулу реальным содержанием», — пишет Гитлер в том же документе.

«Можно всего ожидать, но только не того, что Франция сама добровольно заговорит о таком изменении нынешнего соотношения сил. И пусть Германия стократ будет исполнена серьезной воли к миру, она все же сможет добиться своего равноправия в ряде других наций только путем фактического восстановления равновесия. А при сложившемся положении в этом могут быть заинтересованы Англия и Италия.

Таким образом, всякий политический и дипломатический шаг, предпринимаемый без поддержки со стороны Италии или Англии или даже без необходимейшего уведомления этих государств, представляется весьма сомнительным, а при известных обстоятельствах даже пагубным начинанием.

В конечном счете всякая попытка германского приспособления к Франции до тех пор там не будет встречать взаимности, пока данная большой разницей в вооружениях уверенность Франции кажется ей дороже и потому предпочитается искреннему соглашению с Германией».

Смысл этих слов ясен. Франция будет сговорчивей, когда «мы» вооружимся. Тогда «мы», может быть, и с ней сговоримся — против «Востока». С английским же империализмом и с фашистской Италией у «нас», во всяком случае, союз возможен. Особенно — с империалистской Англией! В главе «Упущенные возможности союзов» Гитлер раз'ясняет Папену:

«В особенности — Англия, г-н фон-Папен!.. В Англии не хотят франко-германской войны, но еще меньше хотят, чтобы франко-германское соглашение завершилось франко-германской военной конвенцией! Об Италии нечего и говорить! Это единственная страна, которая не только понимает свои противоречащие Франции интересы, но и смело и открыто защищает их. Услуги, косвенно за последние годы оказанные этой страной и ее правительством германскому народу, не понимаются и не ценятся в нынешнем Берлине (напоминаю: писано в октябре 1932 г.—*Гр.)*. Уже неоднократно можно было бы добиться искренней дружбы этой страны с Германией, если бы в Берлине вообще было ясное представление о том, чего хотят или, по крайней мере, чего можно, с одной стороны, добиться и чего, с другой стороны, никогда не удастся добиться...»

О «германском народе» и т. п. тут говорится, конечно, всуе. Вся «беллетристика» в разбираемом документе должна быть отброшена. Ведь документ печатался в газетах, и поэтому без некоторых «красивых» слов обойтись нельзя было. Но суть ясна: в Англии пока не хотят франко-германской войны, но еще меньше хотят франко-германской дружбы; там «хотят» чего-то совсем другого. Чего? Иметь в лице фашистской Германии кулак против СССР и контрбаланс против чересчур сильной Франции! Вот почему империалистская Англия — главная надежда германских фашистов.

Гитлер «популярно» раз'ясняет Папену, что «мир является либо демократическим, либо большевистским, либо фашистским» и что задачей Германии в сложившейся обстановке является об'единение с «демократическим» миром против большевистского мира. Гитлер кончает свое открытое письмо обещанием приступить к осуществлению всей этой программы, когда национал-социалисты придут к власти...

Интересующий нас документ очень пространен. Одна «международная» часть открытого письма Гитлера к Папену занимает более печатного листа. Но если взять суть этого раздела письма, то ее можно свести к следующим пунктам:

1. Международные конференции о разоружениях — пустая комедия.
2. Германия должна приступить к вооружениям явочным порядком

Надо вооружиться во что бы то ни стало. В этом альфа и омега. Выиграть время для вооружений — это все.

3. В подходящий момент следует уйти из Женевы, чтобы лучше маневрировать.

4. С флотом можно подождать, ибо СССР большого флота не имеет, а на Англию произведет дурное впечатление, если «мы» заговорим о флоте.

5. Главная «ориентация» — на империалистскую Англию плюс Италия.

6. Главный враг — СССР («Восток»).

7. Если о сближении с Францией вообще можно говорить, то лишь тогда, когда «мы» вооружимся и станем сильнее.

8. «Фашистский мир» должен идти с «демократическим миром» против «большевистского мира».

9. По поводу союза с японским империализмом «мы» пока помолчим. Это делают, но об этом не говорят.

10. Придя к власти, «мы» начнем выполнять именно эту программу внешней политики и, чтобы выиграть время, конечно, будем до поры до времени произносить пацифистские речи, клясться в миролюбии и т. п.

Таков этот документ.

Он ключ к пониманию всей нынешней иностранной политики германского фашизма. Чем больше вооружается фашистская Германия, тем больше «миролюбивых» речей произносят ее нынешние правители. Чем больше пацифистских речей они произносят, тем больше вооружается фашистская Германия. Лавируя и выигрывая время, она готовится к войне. Готовясь к войне, она лавирует и выигрывает время.

Такова современная политика германского империализма.

Смешно было бы думать, что эта программа внешней политики Германии есть выдумка того или другого вождя германского фашизма, что она продукт личного творчества Гитлера. Смешно было бы думать, в частности, что выход Германии из Лиги наций есть личная политика Гитлера. Смешно было бы думать, что «миролюбивая» речь Гитлера в рейхстаге 17 мая 1933 г. есть его личная политика. Нет, во всем основном — это программа германского финансового капитала. Проведение этой программы, конечно, представляет громадные трудности. Отсюда необходимость лавирования. Отсюда знаменитая пацифистская речь Гитлера в рейхстаге, отсюда «франкофильские» декларации его заместителя Гесса, отсюда свидания в Варшаве, в Венеции, отсюда маневрирование в австрийском вопросе, отсюда маневрирование и попытки выиграть время в вопросе о восточном Локарно и т. д. Союз с империалистской Англией осуществить германскому фашизму тоже не так просто. Тут есть свои трудности. Англия хочет ослабить нынешнюю роль Франции, но отнюдь не хочет вернуть прежнюю роль Германии. Сама Англия к войне не готова. Она хочет, чтобы воевали другие. Все это знает германский финансовый капитал. Формула Гитлера: Англия не хочет сейчас войны Франции с Германией, но еще меньше хочет договоренности между ними — тоже не продукт личного творчества Гитлера. Это основной тезис, из которого исходит германский финансовый капитал. Этот расчет германских капиталистов в основе правилен, но только в основе, ибо английский империализм преследует, конечно, свои собственные цели и, если ему нужно будет, он десять раз «предаст» фашистскую Германию. Англия не только терпит, но в известных пределах прямо поощряет вооружения Германии. Смешно было бы думать, что программа вооружений, начатая фашистским правительством, есть программа только фашистской верхушки. Нет, эта программа одобрена финансовым капиталом и полностью одобрена верхушкой рейхсвера. Поэтому германский

финансовый капитал при всех трудностях попытается проводить эту программу и дальше. Считать, что эта программа германского капитала уже якобы сорвалась, что теперь против нее выступают стеной уже якобы империалисты всех стран, было бы импрессионизмом.

За полтора года фашистской власти накопилось немало новых препятствий, мешающих финансовому капиталу Германии осуществлять вышеприведенные десять пунктов. Но эти пункты — его пункты. К своей цели финансовый капитал Германии будет продолжать идти, хотя бы и более извилистыми и обходными путями. Это надо видеть ясно.

В октябре 1932 г. Гитлер, борясь за власть, вынужден был сформулировать эту политику германского империализма достаточно откровенно. Сейчас германские фашисты хотят предать забвению это письмо Гитлера к Папену. Рабочий класс заинтересован в обратном: мы должны «популяризировать» этот документ как можно шире.

Гр.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

Прибалтика—ближайший об'ект германской экспансии

(О книге Kurt Freytag «Raum deutscher Zukunft — greuzland im Osten» — «Страна немецкой будущности — пограничные области на Востоке»)

В литературе германского неоимпериализма Прибалтике уделено исключительное внимание. Это не случайно, так как балтийские лимитрофы, в первую очередь Эстония, Латвия и Литва, — бывшие «Остзейские провинции», — являются ближайшим об'ектом захватнических планов фашистской Германии. Об этом свидетельствуют активизация гитлеровской дипломатии в лимитрофах, активная работа фашистских эмиссаров в Прибалтике, установленная последними событиями в Эстонии, Мемеле, Литве и Латвии тесная связь германского фашизма с местными фашистскими организациями в лимитрофах, политический и экономический нажим фашистской Германии на балтийские государства. Об этом же империалистическом «Drang nach Osten» (экспансия на Восток) германского фашизма свидетельствует обильная литература, выпущенная за последний год в Германии, в той или иной вариации «обосновывающая» немецкие притязания на лимитрофы.

Далеко не случайно также, что эта литература появляется именно теперь, в канун второго тура империалистических войн. Небесполезно напомнить, что накануне первой мировой империалистической войны германский книжный рынок тоже был наводнен книгами, целью которых было «научно» оправдать агрессивные планы немецкого империализма в отношении Прибалтики. Достаточно указать на книгу Отто Танненберга «Grossdeutchland» («Великогермания»), вышедшую в 1911 г. и выдвинувшую пресловутый проект аграрного переселения немцев из Восточной Пруссии в Прибалтику. Если сравнить эту литературу с нынешней фашистской литературой «новых крестоносцев», бросается в глаза полное сходство (зачастую и терминологическое) в обосновании захватнических устремлений старого и «нового» германского империализма.

Рецензируемая книга Фрейтага является в этом отношении типичным образцом. Империалистический характер этой книги выпирает уже из ее оформления. Чего стоит одно название книги: «Страна немецкой будущности — пограничные области на Востоке». Можно подумать, что речь идет о Восточной Пруссии. Нет. Книга посвящена Польше, Латвии, Эстонии и Литве, свыше 15 лет существующим как самостоятельные государственные образования! Уже само название книги вскрывает апетиты фашистской Германии! Характер книги неплохо иллюстрируется также ее «мотто», взятым из основного сочинения фашистской идеологии — «Моей борьбы» Гитлера:

«Для Германии единственная возможность осуществления здоровой земельной политики в приобретении новой территории в самой Европе... Если захотеть новых земель в Европе, тогда новое государство должно снова продвигаться по пути бывших орденоносцев, чтобы немецким мечом

расчистить дорогу немецкому плугу, а немецкую нацию обеспечить хлебом насущным».

Как бы желая расшифровать конкретный смысл этой крестоносной фразеологии, автор (или издательство) снабдил книгу суперобложкой, на которой дается квинтэссенция всей книги. Эта суперобложка, пожалуй, интересней всей книги в целом, ибо она свидетельствует о той степени откровенности, до которой дошли идеологи германского неоимпериализма. Вот несколько выдержек:

«Пограничные области манят нас и взывают: в будущем не должно быть больше «народа без пространства...» Восток будет стоять в фокусе внешней политики Германии, так как Гитлер писал: если речь идет о колонизации для Германии, то она возможна только в Европе и только на Востоке. Эта книга посвящена поездке по странам немецкой судьбы и тоски («deutcher sehnsucht Schicksalsland»): Литве, Латвии, Эстонии и Польше».

Столь откровенные заявления, правда, плохо гармонируют с другими заявлениями лидеров фашистской Германии о миролюбии «третьей империи», но они неплохо иллюстрируют ряд далеко немиролюбивых действий фашистской Германии в Прибалтике (достаточно указать на финансирование из германских источников «движения ветеранов» в Эстонии, на тесную связь Берлина с лапуасцами в Финляндии, активность гитлеровцев в Мемельской области, инспирированный из Тильзита недавний путч Вольдемараса в Ковно и т. д. и т. п.).

Но перейдем к самой книге. Как изображает Фрейтаг Польшу и Прибалтику — об'ект немецкой «тоски и судьбы»? Скажем прямо: весьма неприглядно. По Фрейтагу, единственные культурные очаги в Польше и лимитрофах — это рудименты «великой эры» крестоносцев: лютеранские церкви, замки, рыцарские поместья, поселения колонистов. Все остальное — Азия, грязь, вонь... Больше всего в этом отношении достается Польше. Автор не скрывает своей «расистской» ненависти к самостоятельной Польше. Эта ненависть «выросла из первооснов народной души. Из боев за гегемонию на Востоке, из столкновения двух различных в своих характерных особенностях народных групп. Это противоречие выросло в открытый огонь... Веками Западная Пруссия была полем брани между славянами и немцами. До вчерашнего, до сегодняшнего дня. Извечная озлобленная борьба. Будет ли когда-нибудь мир? — Ибо эта ненависть подлинна. Это не пустой пограничный спор, она глубоко расистская. Здесь славянство, здесь германцы...» (стр. 27—28).

Эта историческая фразеология характерна для всего очерка о Польше. Она, как видит читатель, очень мало гармонирует с польско-германским флиртом и с недавними медоточивыми речами Геббельса в Варшаве.

Проезжая по Польскому коридору, автор видит «два мира»: «с одной стороны (немецкой. — *М. Г.)* провинцию с развитыми дорогами, чистыми селами и городами, наполненными высокоодухотворенной жизнью... И напротив — другая страна, к которой должны быть присоединены эти провинции, примитивная, большей частью некультивированная, — коротко, страна, которой понадобится по крайней мере столетие, чтобы достигнуть уровня Западной Пруссии, Силезии и всех остальных отторгнутых немецких земель».

Мимоходом Фрейтаг дает небезынтересные сценки из жизни современной Польши, говоря в частности о потрясающей нищете 2½-миллионного еврейского населения, о борьбе за национальное самоопределение укра-

инского и белорусского населения, о зверских репрессиях в отношении нацменьшинств. Общее свое впечатление о Польше Фрейтаг резюмирует следующим образом:

«Грабежи, хищения, нападения на угольные транспорты, приведшие к военной охране железных дорог, стачки государственных служащих, вызванные неуплатой жалованья, осадное положение — все это характеризует отчаянное хозяйственное положение Польши. Пусть в военном отношении Польша сегодня «готова» (очевидно, для войны с Германией. — *М. Г.)*, в экономическом и организационном отношениях она сильно отстает» (стр. 89—90).

Более благосклонно автор расценивает положение в Литве. Эта «благосклонность» об'ясняется наиболее откровенными захватническими устремлениями фашистской Германии в отношении именно этого участка балтийских лимитрофов. Фрейтаг приводит подсчеты германских экспертов, согласно которым одна Литва при «немецкой организации» могла бы прокормить всю Германию. Одновременно Литва является относительно значительным рынком сбыта германских товаров. Рисуя заманчивые перспективы включения Литвы в сферу влияния Германии, Фрейтаг пишет:

«Было бы глупо смотреть беззаботно на те великие перспективы, которые открываются для германского народа на территории, за которую наши предки когда-то так ожесточенно дрались» (стр. 110).

Автор с огорчением констатирует, что «пробуждение Востока» после мировой войны разрушило все колонизаторские планы старого германского империализма. С грустью душевной Фрейтаг вынужден признать также неудачу «стараний» генерала фон-дер-Гольца, попытавшегося, как известно, уже после разгрома вильгельмовской монархии в 1919 г. спасти владения немецких юнкеров в Прибалтике, опираясь на шейдемановское правительство и используя знаменитую авантюру Бермондта—Авалова.

Любопытна концовка очерка о Литве: автор сообщает о благоговении, навеянном созерцанием могил немецких солдат, павших в Литве в прошлую империалистическую войну: «Они двинулись на Восток, подобно их предкам столетия тому назад, и подобно им они пролили свою кровь в литовскую землю. Наша судьба связана с ними, с ними — немцами — нашими братьями!» (стр. 151).

Язык явно предвоенный...

Не менее откровенные империалистические устремления фашистской Германии автор высказывает в очерках, посвященных Латвии и Эстонии. Они озаглавлены весьма красочно: «Терра Марианна—страна немецкого ордена». Первые путевые впечатления Фрейтага при поездке в Латвию вызывают у него восторженные панегирики «великой древней германской культуре». Вся Латвия, за исключением Латгалии, по Фрейтагу, окружена немецким прошлым:

«Немецкие строения, немецкие города, гордые немецкие фамилии, и замки, и люди, которые в своем жестком диалекте своего второго отечества (так развязно глашатай розенберговских империалистических планов говорит о латышах, их языке и родине. — *М. Г.)*, говоря на языке своих предков, — все они рисуют обворожительную картину: немецкая отчизна, немецкая страна» (стр. 153—154). Однако... «по усам течет, а в рот не попадает». Фрейтаг с искренней горечью добавляет: «Это немецкая и в то же время не немецкая земля. Немцы потеряли людей этой страны. Держась от них (т. е. от латышей. — *М. Г.)* в стороне, немцы не смогли

их вклинить в себя...» Фрейтаг здесь, мягко выражаясь, явно фальсифицирует историю: «немцы не только не держались в стороне от народа», но веками самым зверским образом на своих дворянских латифундиях угнетали латышей. Именно этим об'ясняется глубокая ненависть латышских трудящихся масс к немецким юнкерам и их нынешним покровителям в гитлеровской Германии. Сам автор вынужден признать, что в эту мрачную эпоху «Терры Марианны» (нынешние Латвия и Эстония представляли в средние века своеобразное епископское государство, где орденоносцы выполняли военные и полицейские функции) «народ безмолвствовал, он был ничем, товаром, крепостным крестьянином» (стр. 156). Вынужденный признать, что ненависть латышского народа к немцам обусловлена социально-историческими причинами, Фрейтаг одновременно подчеркивает, что балтийские немцы в своей борьбе за реставрацию былого могущества при поддержке Германии не должны пойти ни на какие компромиссы с латышами. Он с восторгом рассказывает, что в одном из рижских буржуазных салонов, где присутствовали латыши, балтийцы-немцы и немцы из Германии, когда речь зашла о том, что одна балтийская немка вышла замуж за латыша, поднялась молодая балтийская баронесса и яростно заявила: «Если бы мне латыш сделал предложение, я бы ему ответила хлыстом». Приводя этот случай, Фрейтаг добавляет: «Такие и аналогичные инциденты нееденичны. В глазах старого балтийского населения латыши, независимо от занимаемых ими постов, не признаются общественно-равноценными, а являются выскочками, в которых можно очень легко разглядеть рабство их предков». Эти откровенные признания Фрейтага весьма выпукло подчеркивают антинародный характер политики той влиятельной части латышской буржуазии, которая льет воду на мельницу балтийских юнкеров...

О том, какую силу последние представляли при царизме, говорят следующие данные, приводимые в книге Фрейтага: в Эстонии 58% земельной площади, а именно 2½ млн. га, находились в руках крупных землевладельцев. Вся эта земля распределялась между 600 дворянскими фамилиями (стр. 312). Иными словами, на каждого балтийского помещика приходилось в среднем по 4 тыс. га! Если учесть, что под влиянием Октябрьской революции эстонская буржуазия, так же как и латвийская, вынуждена была уменьшить эти земли, становится понятной скорбь Фрейтага о былой мощи балтийского юнкерства. Но Фрейтаг не только скорбит о прошлом: он взывает к будущему, он агитирует за возврат «прежних веселых времен». Осматривая Ревель, Фрейтаг не может воздержаться от следующих откровений:

«Мы кровь от крови тех, которые тут сражались, тут колонизировали, тут культивировали, которые несли с собой миссию Германии. Жизнь, пульсировавшая в этом городе, была жизнью немецких людей, наших предков. Они двинулись сюда, чтобы завоевать место, пространство для следующих поколений, для нас, для тебя, для меня» (стр. 226). Это язык откровенных захватчиков, современных фашистских конквистадоров. К этому языку должны прислушаться не только трудящиеся массы Советского союза, но в первую очередь трудящиеся массы Прибалтики, ибо на их голову в первую очередь пытаются обрушить свой удар новоявленные крестоносцы, выполняющие волю наиболее агрессивных элементов германского монополистического капитализма.

Фрейтаг откровенно разоблачает эти захватнические планы. Заканчивая свою книгу, он пишет:

«Слишком долго мы присматривались бездеятельно к Востоку... Вновь восставший Восток лежит

между Россией и Германией. Только присоединившись (Anschluss) к 70 млн. немцев, давших ему культуру, он сумеет удержаться».

Польза книги Фрейтага именно в ее откровенности. Эта откровенность поможет трудящимся балтийских лимитрофов, пережившим вековой гнет немецких «культуртрегеров», правильно разобраться в истинном смысле новых притязаний германского империализма и побудит их еще энергичней искать в Советском союзе опору в борьбе за свою национальную независимость и за свое социальное освобождение.

М. ГЕРЦБАХ

Ллойд-Джордж и война

(По поводу первых двух томов «Военных мемуаров» Ллойд-Джорджа, появившихся на английском языке в Лондоне и выходящих в русском переводе в Соцэкгизе)

Вспоминать — это учить, мог бы сказать, перефразируя Платона, любой автор «воспоминаний», но нужно прибавить, что каждый учит посвоему. Иные авторы воспоминаний об империалистической войне, сознавая, что война эта была исключительным злодеянием, как бы стараются оправдать себя. Не то Ллойд-Джордж, автор настоящих мемуаров. Этот маленький провинциальный стряпчий по судебным и нотариальным делам, в какие-нибудь пятнадцать лет — изумительно короткий срок для старой Англии, где несмотря на «демократию» правят «фамилии» и их клиенты, — дорвавшийся силой своего демагогического таланта до высшей власти во время империалистической войны, не считает нужным в чем-либо оправдываться. Напротив, он ликующе доказывает, что только он один среди и против других, колебавшихся, сомневавшихся, ленивых и нерадивых, стоял с первого же момента за войну и в тяжкой борьбе с этими половинчатыми людьми довел ее до победного конца. И тут прежде всего он рисует свой собственный политический портрет.

Бесцеремонно охаяв своих либеральных друзей (исключая Черчиля, родственной души, такого же хамелеона и авантюриста как он сам, да, пожалуй, еще Холдена), наш автор в то же время не находит достаточно теплых слов для своих консервативных противников, разных Бонар Ло, Карсонов, Бальфуров, вождей махровой реакции, столпов британского империализма, организаторов накануне войны вооруженного сопротивления гомрулю в Ирландии и офицерского мятежа в ирландских гарнизонах, едва не доведших до гражданской войны самую Англию в своем рвении оградить от посягательства «демократии», представленной тем же Ллойд-Джорджем, привилегии Палаты лордов. На этот счет Ллойд-Джордж дает нам одно ценное указание, не сознавая, правда, его значения. Он пишет:

«В 1910 г. мы стояли перед множеством серьезных проблем, которые день ото дня становились все более серьезными. Наиболее серьезные из них еще не были разрешены. Всякому проницательному человеку становилось все более ясно, что партийная и парламентская система не будет в силах справиться с ними. У ворот законодательных шлюзов создалась пробка, и не было никакой надежды, чтобы суда, которых накоплялось все больше и больше, могли пройти через них.

Над горизонтом зловеще поднимался призрак безработицы. Наши иностранные соперники быстро шли вперед и оспаривали у нас первенство на мировых рынках. Приостановился рост нашей внешней торговли, тот рост, который содействовал феноменальному благополучию предыдущего полустолетия, но которым мы воспользовались так бестолково и

эгоистически. Скученное в грязных и неприветливых кварталах, не будучи уверено в своем хлебе насущном на завтрашний день в случае болезни или изменений в хозяйственной кон'юнктуре, наше рабочее население было охвачено недовольством и настраивалось все мрачнее. Несмотря на то что мы впадали во все бо́льшую зависимость от заграницы в отношении снабжения продуктами питания, наша посевная площадь постепенно сокращалась. Сельская жизнь умирала, и процесс сверхиндустриализации принимал опаснейшие размеры. Чрезмерное употребление спиртных напитков подрывало здоровье и производительность труда значительной массы населения. Споры вокруг Ирландии отравляли наши отношения с Соединенными штатами. Грандиозная конституционная борьба вокруг Палаты лордов угрожала революцией в Англии, угрожала гражданской войной в Ирландии. Великие державы лихорадочно вооружались в ожидании войны, в которую мы могли быть вовлечены теми или иными видимыми и невидимыми связями, интересами, симпатиями. Были ли мы готовы ко всем этим страшным возможностям?»

Это — замечательное признание. 1910 год, о котором идет речь, был годом величайшего конституционного конфликта, сотрясавшего самые основы политического уклада Англии. Инициатором и вождем этого конфликта был не кто иной, как Ллойд-Джордж, который был автором бюджетного проекта и который в борьбе с зарвавшейся Палатой лордов апеллировал к широким народным массам, называя противников, тех же Бальфуров и Бонар Ло, «зубрами» и «твердолобыми» (от него и идет этот термин, ставший у нас обиходным!), провозглашая незыблемые основы демократии и народных прав. И вот, оказывается, что как раз в те годы Ллойд-Джордж тайком лелеял мечту о том, чтобы предать эту самую демократию и народные права, заключить блок с этими же «зубрами» и твердолобыми и выбросить из конституции не больше и не меньше, как парламентскую систему! Нетрудно увидеть, что эта программа, в сущности, являлась преддверием фашистских программ наших дней с той же мотивировкой недостаточности парламентаризма для решения жгучих социальных проблем, в частности проблемы войны, и с той же установкой на «унификацию» политических партий, на осуществление диктатуры небольшой группы вождей, а в дальнейшем на устранение парламента как ненужной говорильни. Вот каков был Ллойд-Джордж, этот радикал из радикалов!

Главным предметом его воспоминаний является империалистическая война. Ллойд-Джордж рассказывает, что ни он, ни его коллеги, за исключением премьера, не посвящались сэром Эдуардом Греем, стоявшим во главе ведомства иностранных дел, в политику, которую он вел, и пребывали в состоянии блаженного неведения относительно того, что он проделывал за их спиной.

Справедливость требует отметить, что эта система ведения иностранной политики не была специальным изобретением Грея: она испокон веков существовала в Англии, да и не в одной Англии: заимствуя политику консерваторов, Грей перенял одновременно и всю консервативную систему дипломатической тайны и дипломатических методов работы. Радикал и пацифист Ллойд-Джордж, гордившийся своим мелкобуржуазным происхождением и традиционной ненавистью к аристократии, все же вступил в кабинет этого Грея и нашел возможным даже солидаризироваться с ним.

Все это очень характерно для Ллойд-Джорджа, не устающего на всем протяжении своего повествования повторять, что он враг войны («кроме как против диких» — милое из'ятие!) и убежденный пацифист. Зная его, зная, с какими людьми он нашел возможность заседать в кабинете мини-

стров, зная, дальше, что он уже в 1910 г. чувствовал «тайное влечение—род недуга» к консерваторам и питался кормом, преподносимым «Таймсом», —зная все это, мы теперь уже не будем удивлены, как были в свое время несказанно удивлены его современники, тем, что он нашел возможным выступить в августе 1911 г. в связи с марокккским кризисом на банкете финансистов со знаменитой речью, угрожающей Германии войной.

Эта речь была согласована с министром иностранных дел и премьером и имела целью произвести впечатление в Германии, но она вполне соответствовала и собственным настроениям Ллойд-Джорджа. Ллойд-Джордж, который еще совсем недавно своей демагогией в связи с бюджетным конфликтом, социальным законодательством и выступлениями против Палаты лордов сделал себя одиознейшей фигурой в глазах всех консервативных кругов, от королевского двора до последнего лавочника, отныне стал для них фигурой вполне приемлемой.

После этого Ллойд-Джордж тщетно старается доказать, что ни он, ни кто-либо другой в Англии не хотел, да и не предвидел войны и что если бы не скверный казус с Бельгией, то Англия, пожалуй, осталась бы в стороне от драки. Так говорить против всех очевидностей может лишь такой... смелый человек, как наш автор. Верно лишь то, что широкая публика, которая не имела ни малейшего представления обо всех секретных переговорах и сделках либерального правительства, не отдавала себе отчета в близости войны еще за неделю до ее начала; верно так же, что она войны и не хотела. Но ведь не о ней идет речь. Как мясники, загоняющие свой гурт скота на бойню, не имеют привычки предупреждать его относительно ожидающей его участи, так и правители современных империалистических государств не видят нужды посвящать народы в те меры, которыми они периодически уготовляют для них бойню. Напротив, они имеют все основания держать массы в заблуждении и подводить их к бойне так незаметно, чтобы они не осознали своего положения до того момента, когда всякое сопротивление окажется бесполезным или легко может быть сломлено.

Но сами-то правители знали и предвидели все, в течение долгих лет разрабатывали свои военные, финансовые и политические планы до мельчайших подробностей и принимали все необходимые меры к осуществлению их. А защита бельгийского нейтралитета? Роль бельгийского вопроса была совсем иная: он дал возможность правительству развить нужную демагогию и мобилизовать захваченное врасплох общественное мнение, в особенности мелкой буржуазии, в пользу войны под предлогом защиты международных обязательств, прав маленькой национальности и чести самой Англии, будто бы гарантировавшей Бельгии ее независимость. И все же в одной части населения к войне отнеслись без энтузиазма и с большим недоверием. Это был рабочий класс.

Классовый инстинкт подсказывал английскому пролетариату чрезвычайную сдержанность, а местами и прямую враждебность к инсценированному буржуазией военно-патриотическому спектаклю и заставлял его с подозрением смотреть на дело «национального единения», неожиданно прокламированного такими от'явленными реакционерами и врагами рабочего класса, как Бальфур, Бонар Ло и Карсон, с одной стороны, и такими иезуитами, демагогами и краснобаями, как Асквит и Ллойд-Джордж. Не подлежит сомнению, что смелое выступление против войны вождей рабочей партии мобилизовало бы против войны весь рабочий класс, а это означало бы полный ее срыв, если не гражданскую войну. Сам Ллойд-Джордж осторожно признает, что «если бы рабочий класс был враждебен, то войну нельзя было бы проводить как следует, а если бы

рабочий класс относился лишь с прохладцей, то победу можно было бы обеспечить лишь с большими и возрастающими трудностями». Но, к счастью для английского капитализма, вожди рабочей партии были уже давно деморализованы и куплены либералами, в частности с помощью ллойдджорджевской демагогии, и их предательство (как, впрочем, и предательство социалистических вождей, вроде Гайндмана и его ближайших соратников) решило этот труднейший вопрос в пользу буржуазии. «Самые выдающиеся и влиятельные вожди профдвижения, — свидетельствует Ллойд-Джордж, — боролись за победу во все продолжение войны: без их помощи она не могла бы быть достигнута».

Конечно, заслуга господ Гендерсонов, Томасов с их многочисленной братией перед британским империализмом не была ограничена одним этим моментом. В период, когда армия еще составлялась из добровольцев, эти вожди играли решающую роль в агитации среди пролетарских масс за вступление в нее; затем, когда мобилизовалась промышленность на производство снарядов и орудий всякого рода и нужно было прикреплять рабочих к определенным заводам, влить в производство огромную массу женщин, удлинить рабочий день и т. п., рабочие лидеры использовали все свое влияние, чтобы уговорить рабочих отказаться от профсоюзных уставов и закрепленных законодательством норм труда. А когда наступил момент ввести принудительный набор в армию — меру, для английского народа ненавистную как рабство, — те же лидеры употребили героические усилия, чтобы доказать рабочим массам, что «конскрипция» — не рабство, а свобода. Но нужно отметить, что хотя рабочие и поддавались этим увещеваниям, которые, понятно, подкреплялись и мерами принуждения со стороны предпринимателей и полицейских властей; как признает сам Ллойд-Джордж, во все продолжение войны, а особенно с 1916 г., не прекращалось забастовочное движение, создавались комитеты заводских старост и несмотря на репрессии усиливалась агитация против войны. Сам Ллойд-Джордж испытал это настроение рабочих, когда он в 1916 г. сделал попытку выступить перед ними в Глазго: ему не дали говорить, и он едва спасся при помощи полиции. Об этом эпизоде Ллойд-Джордж умалчивает, но он подробно излагает другой эпизод в том же городе, когда он явился вместе с Гендерсоном на большой пушечный завод уговаривать рабочих не «скупиться», а трудиться. Ему удалось добиться своей цели, но лишь на время: «Через несколько недель мы там опять имели неприятности, и тогда пришлось прибегнуть к решительным мерам ввиде депортации нескольких вождей и привлечения к судебной ответственности других». Интересно, что во время этого визита он встретил двух местных вождей: одного, который ему весьма понравился несмотря на напускную свирепость и, действительно, ему помог в переговорах с рабочими, и другого, который подошел к нему «с угрожающей миной и сжатыми кулаками», который ему совсем не понравился и, действительно, оказывал на рабочих «самое дурное влияние». Первый был Давид Керквуд, тогда «левый» социалист из «независимой рабочей партии», а впоследствии министр горной промышленности в первом «рабочем» кабинете Макдональда, а второй был Вильям Галлахер, тогда член британской социалистической партии, а ныне член политбюро коммунистической партии Великобритании. Ллойд-Джордж не ошибся в своем диагнозе.

Но вернемся к началу войны. Установив, что Англия войны не хотела и не ожидала, Ллойд-Джордж великодушно распространяет эту индульгенцию на всех участников войны. Даже кайзер, которого он позднее хотел повесить, оказывается, не хотел войны. Но в таком случае как же все-таки война вспыхнула? Ллойд-Джордж делает одно указание, которое можно

истолковать как косвенный ответ: виноват, в сущности, не кто иной, как Грей! Грей, видите ли, совершил одну роковую ошибку: он заблаговременно не заявил немцам, что если они нападут на Францию или на Бельгию, то Англия выступит против них. Если бы, говорит Ллойд-Джордж, Грей сделал такое заявление, то немцы не решились бы воевать, и все прошло бы благополучно. Но Грей не решался, отмалчивался и заговорил лишь тогда, когда уже было поздно. Ллойд-Джордж не один и не первый выдвигает эту теорию. Но действительно ли установлено, что Германия отступила бы, если бы знала, что Англия не останется всторону? На этот счет позволительны сомнения: в прошлом те же Грей и Ллойд-Джордж, не говоря уже о людях военных, не раз совершенно категорически заявляли, что в случае войны Германии с Францией Англия не останется нейтральной, а придет Франции на помощь всеми своими ресурсами. Несомненно, однако, что германский штаб учитывал не только возможность, но и вероятность английского вмешательства, когда базировал свои планы наступления на Францию на проходе через Бельгию, и заблаговременное предупреждение Грея само по себе не могло внести в эти расчеты никаких изменений. Раз Германия решила воевать — а к этому решению побуждало ее соображение, что через несколько лет у России будет готова новая сеть стратегических дорог и Франция закончит реорганизацию своей армии на основе трехлетней службы, — то она должна была проходить через Бельгию, какое бы решение ни приняла Англия. Но и английские империалисты были бы весьма огорчены, если бы Германия, испугавшись предупреждения Грея, отступила. Грей умышленно не поднимал этого вопроса, чтобы не спугнуть Германию и не оттянуть войны. Такое предположение гораздо более правдоподобно нежели то, из которого исходит Ллойд-Джордж.

Начиная с момента вступления Англии в войну изложение Ллойд-Джорджа преследует две параллельно идущие цели: дискредитировать не только политическое, но и военное руководство Англии до того момента, как он сам стал во главе либерально-консервативного рабочего кабинета, и возвеличить свою роль как организатора финансов и военного снабжения, политика и даже военного стратега и уж, конечно, великого патриота, борца за войну до победного конца.

Восторгаясь своими достижениями, которые в действительности вовсе не были так велики, как он их изображает, Ллойд-Джордж, как сказано, жестоко критикует деятельность своих коллег: премьер-министра сэра Эдуарда Грея и военного министра лорда Китченера и все военное руководство вообще: штаб, главнокомандующих и пр. — никому от него нет пощады. Грей, например, по его мнению, оплошал, не сумев вовлечь в войну на сторону союзников ни Турцию, ни Грецию, ни даже Болгарию. Что могло быть легче? Здесь оказать давление, там подкупить, здесь пообещать «честную добычу», там подкрепить дело посылкой нескольких дивизий бравых английских солдат — и все эти государства встали бы под знамена союзников и напали бы на Германию—Австрию с тыла и с флангов, в то время как крепко вооруженная его, Ллойд-Джорджа, снарядами и пушками русская несметная армия двигалась бы на Вену и Берлин с востока. К концу 1916 г. все было бы окончено.

Как ни умен и ловок Ллойд-Джордж, но и он, наверное, не смог бы преодолеть твердую решимость русского правительства не допускать ни присоединения Турции к Антанте, ни даже нейтралитета Турции, дабы не отнять у себя возможности разгромить ее и захватить Константинополь и проливы. Ллойд-Джордж должен был знать, что основная цель России в войне — овладение этими позициями, а это было достижимо лишь при условии, что Турция будет принимать участие в войне на стороне Герма-

нии. И русская дипломатия делала все возможное, чтобы не дать своим союзникам соблазниться турецким предложением сохранить дружественный нейтралитет в обмен за гарантию ее территориальной целостности, и тянула переговоры до тех пор, пока Турция, убедившись в неискренности союзников, приняла предложение Германии. Что мог тут сделать бедный Грей? Даже робкие его советы отвергались со всей решительностью, и Ллойд-Джордж, наверное, успел бы не лучше.

Что же касается Болгарии, то Ллойд-Джордж и по сей день обнаруживает совершенное незнакомство с элементами болгарской проблемы в том виде, в каком она стояла перед союзнической дипломатией в начале войны: Болгария, ограбленная в 1913 г. своими сербо-греческими союзниками в войне против турок, оставленная на произвол судьбы Россией за то, что она осмелилась двинуться на Константинополь, и преданная Англией и Францией на лондонской конференции 1913—1914 гг., Болгария должна была бы обладать поистине христианским смирением, если бы она согласилась выступить в войне на стороне союзников, не получив даже той территориальной компенсации ввиде возвращения части отнятых у нее Сербией земель, которую она требовала. Сербия категорически отказывалась уступить ей в этом, а союзники не имели ни мужества, ни власти заставить ее силой сделать это. И Ллойд-Джордж в 1933 г. все еще не понимает или не знает этих простых фактов политической истории Балкан!

При таком багаже знаний в области международных отношений Ллойд-Джордж с великой развязностью вмешивался, как видно из его воспоминаний, во внешнюю политику Грея и кабинета. Он развивает свои дипломатические соображения и сейчас. Самым ярким актом его своевольного вмешательства в компетенцию его коллеги Грея, актом, который вызвал протесты со всех сторон и, несомненно, укрепил позиции германского противника, была его беседа с американским журналистом в сентябре 1916 г., получившая историческую известность. В этой беседе он возвестил политику войны до полного разгрома противника и предупреждал против всяких попыток к посредническому вмешательству со стороны. Это было сказано в момент, когда и в Англии и в Германии созревала мысль о необходимости покончить с бойней каким-нибудь компромиссом, а Америка непрочь была выступить с предложением своего посредничества. Не удивительно, что это выступление было воспринято, как Ллойд-Джордж сам говорит, с величайшим раздражением повсюду, включая и самый кабинет, и нет сомнения, что только боязнь скомпрометировать дело союзников удержала его коллег от публичного его дезавуирования. В своей книге он, тем не менее, восхваляет свое выступление. Это доказывает, что Ллойд-Джорджу и сейчас лестно фигурировать перед читателем в качестве одного из самых ярых защитников во время войны продолжения ее до победного конца.

В галлерее деятелей империалистической войны фигуры Ллойд-Джорджа была одной из самых зловещих.

Больше доверия внушает его критика военного руководства. В свое время Наполеон весьма невежливо отзывался об английской армии как об армии львов, предводимых ослами. Насчет львов можно, быть может, еще усомниться, но относительно второй породы животных Лойд-Джордж, повидимому, с Наполеоном согласен. Действительно, такую коллекцию посредственностей, какую Англия выдвинула во время империалистической войны на поле брани, трудно было бы найти где-нибудь в другом месте, разве только в ее собственных военных анналах.

Не удивительно, что все операции на английском участке франко-германского фронта были сплошной кровавой неудачей несмотря на ллойд-джорджевские снаряды и только что придуманные танки. Интересно, что

эти неудачи, как отмечает Ллойд-Джордж, а главное, потери старательно скрывались не только от публики, но даже от самих членов кабинета. Пишущий эти строки хорошо помнит, какое продолжительное время английскую публику держали под впечатлением, что вступившие в Бельгию германские войска терпели поражение за поражением, что их «густые» колонны выкашивались бравыми бельгийскими артиллерийскими частями под стенами Льежа и других крепостей, пока не промелькнула в газетах, очевидно, по недосмотру пропущенная телеграмма о боях южнее Ле Като, во Франции. Оказывается, со слов нашего автора, что и сам кабинет не знал о жестоких поражениях при Монсе и Шарльруа, где легла костьми почти вся экспедиционная армия, так тщательно подготовленная Холдсном. Он намекает, что в тот момент война во многих кругах считалась уже потерянной и в политических клубах поговаривали о необходимости искать мира. Политическая тупость немцев, в критический момент ослабивших свое правое крыло, чтобы спасти заэльбские поместья юнкеров от русского нашествия, спасла положение, и англичане вздохнули свободно. Они получили передышку, чтобы создать новую, еще бо́льшую армию и вооружить ее новыми орудиями и снарядами. Тогда только военные «гении» Англии начали сознавать огромные размеры предпринятой ими кровавой авантюры, но, как справедливо и беспощадно заявляет в своих мемуарах Ллойд-Джордж, все их последующие операции вели только к катастрофическим потерям при полукилометровых выигрышах в территории.

Безрезультатный исход морского сражения при Скагерраке (Ютландия) показал неразрешимость и другой проблемы — уничтожения германского флота и десанта на правом фланге германцев. Наконец, ко второй половине 1916 г. подводная война, отнюдь еще не «неограниченная», нанесла английскому торговому флоту такие огромные потери, что, как читатель узнает из книги Ллойд-Джорджа, министерство торговли было до крайности встревожено и продовольственное положение в Англии стало настолько критическим, что был назначен продовольственный диктатор по германскому образцу, над которым в свое время столько смеялись. В этот момент выступил с наделавшей в свое время в осведомленных кругах много шуму запиской о мире лорд Лансдаун, один из влиятельнейших политиков в Англии, предшественник Грея по иностранному ведомству в консервативном кабинете Бальфура, соавтор англо-французской конвенции 1904 г., положившей основание Антанте.

Ллойд-Джордж излагает этот эпизод с явной целью показать, насколько он и его единомышленники были правы, настаивая на продолжении войны до победного конца и уже набрасывая (записка Бальфура) план будущего расчленения Германии и передела Европы, весьма близко предварявший условия «мирных» договоров 1919 г. Но и он ясно сознавал, что военное положение, создавшееся к концу 1916 г., ни на иоту не оправдывает оптимизма, проявленного противниками Лансдауна, и поэтому он перед коллегами выдвигал новый военно-стратегический план, переносивший центр тяжести военных действий на юговосток, на Балканский полуостров.

Самым пикантным в этом плане, однако, было то, что он базировался на нарушении нейтралитета Греции — на том самом грехе против «международного права и прав малых национальностей», в совершении которого Германией благородная Англия усмотрела достаточный повод к вмешательству в войну. Так меняются нормы морали у бравых буржуазных политиков.

Но для осуществления этого плана (он был отвергнут английскими и французскими политиками) требовалось наличие еще одной предпосылки — восстановления совершенно истрепанной военной мощи России. В

связи с этим Ллойд-Джордж делает некоторые замечания о причинах военной слабости России, которые, несомненно, остановят внимание читателя. Их стоит здесь привести:

«Россия обладала такими резервами здоровой молодежи, что четыре с половиной года (?) разрушительной войны, за которыми последовали еще годы опустошительных эпидемий, революции и контрреволюции, казалось, не отразились сколько-нибудь заметно на ее неисчерпаемых людских ресурсах. К концу 1916 г. в России было призвано в армию около 13 000 000 чел., и тогда считали, что еще оставалось несколько миллионов годных к военной службе лиц призывного возраста, которые еще никогда не призывались в армию. В мужестве и выносливости никто ни на той, ни на другой стороне поля брани не превосходил русского солдата. Но военное снаряжение русской армии по части орудий, винтовок, пулеметов, снарядов и транспортных средств было самое плохое из всех, и по этой причине русских били противники, уступавшие им в численности, а иногда и в боевых качествах, и уничтожали их миллионами без малейшей возможности обороняться или бить обратно... Россия была полупримитивной крестьянской страной и не имела знаний и опыта в области промышленного производства; поэтому она не была в состоянии снабдить своих храбрых молодых защитников необходимым военным снаряжением. Несмотря на свои огромные естественные ресурсы она не обладала теми разработанными или накопленными богатствами, которые могли бы служить основой для кредита и дать ей возможность закупить необходимое военное снаряжение и припасы... Неуменье русских использовать имеющиеся в их распоряжении ресурсы, естественные и благоприобретенные, было обусловлено не какими-нибудь умственными недостатками расы — напротив, русские—очень способный народ,—а сохранившимися у них крестьянскими привычками к расхлябанности и неаккуратности. Для них время не играет роли, а организация не имеет значения. Они пассивно ждут смены времен года и каждый год в течение месяцев не могут делать ничего более производительного, чем греться, пока возвращение солнца не призовет их к работе. Когда первая стадия работы окончена, у них опять наступает период праздношатания: они ничего не делают, предоставляя животворящим лучам солнца докончить их работу. Индустриализм Запада, требующий непрестанного, целеустремленного и сосредоточенного труда, никогда не входил в жизнь и не влиял на привычки девяти десятых русского народа».

Это — очень развязное и довольно невежественное описание жизни русского крестьянина. Только в воображении Ллойд-Джорджа, знания которого о России были так велики, что он, как известно, одно время принимал город Харьков за фамилию генерала, русский крестьянин зимнее время проводил на печи и не умел организовать свою работу. В его словах отчетливо слышно то глубочайшее презрение к русскому народу, которое, он, по существу, к нему питает, восхваляя его как пушечное мясо. Но Ллойд-Джордж не учел одной малости и, выводя свои строки в 1933 г., не сделал к ним необходимого корректива: он не учел, что примитивность экономической структуры и в частности примитивность крестьянского уклада суть категории преходящие, обусловленные характером всего строя — в данном случае помещичье-самодержавного, какой был в России, фигурировавшей в империалистической войне. Он не заметил, что с того времени произошло некое событие, именуемое Октябрьской революцией, которое разгромило буржуазно-помещичий строй и возвело на его развалинах новое государство, государство пролетарской диктатуры. Это новое, пролетарское государство на наших глазах с беспримерной в истории человечества энергией и целеустремленностью создало в невиданно ко-

роткий срок гигантскую промышленность, уже сравнявшуюся с пресловутым «индустриализмом» Запада, создало новый аграрный строй, основанный на коллективизации сельского хозяйства и социалистической переделке самого крестьянина, и на базе того и другого достигло огромной военной мощи, не только навсегда избавляя народы нашей страны от хронического «битья», но и сделав СССР непобедимым перед лицом всего капиталистического мира.

Ф. РОТШТЕЙН.

Торговцы смертью*

Чем больше военная опасность, тем ярче обнаруживается своеобразие военной промышленности как отрасли промышленности, извлекающей свои прибыли непосредственно из крови народных масс. Не удивительно, что особенно в последние месяцы, когда стало ясно банкротство Международной конференции по разоружению, когда все интенсивнее становились военные операции Японии и довооружение Германии, когда Англия официально выставила программу удвоения своего вооруженного флота и в связи с истечением срока вашингтонского и лондонского соглашений о морских вооружениях Америка, Англия и Япония лихорадочно строят новые военные суда, — не удивительно, что в это время выходит ряд книг и брошюр, разоблачающих «работу» военной промышленности, хотя и не с нашей, пролетарской точки зрения. Мы рассмотрим здесь важнейшие из этого рода книг, вышедшие за последние недели:

1. Г. Энгельбрехт и Ф. Хениген. Торговцы смертью. Нью-Йорк, 1934, 308 стр.

2. Джордж Сельдес. Железо, кровь и прибыли. Нью-Йорк, 1934, 415 стр.

3. Отто Леман-Русбюльдт. Война за прибыли. 2-е изд. Нью-Йорк, 1934, 175 стр.

Все эти книги проникнуты пацифистским духом, все они содержат исключительно богатый конкретный материал (настоящая сокровищница фактов!), разоблачающий истинную природу международной военной промышленности, но вместе с тем ни одна из них не в состоянии понять истинную,—т. е. капиталистическую, природу военной промышленности. Лишь поняв капиталистическую природу военной промышленности, лишь усвоив, что подобно всем другим отраслям капиталистического хозяйства она знает один лишь стимул и одну цель, а именно: извлечение прибыли, можно привести в логическую систему те тысячи интересных и на первый взгляд как будто противоречащих друг другу фактов, которые с таким усердием собраны авторами этих пацифистских книг и излагаются ими зачастую с негодованием.

Эти авторы неоспоримо доказывают, что военные промышленники всеми средствами стремятся вызвать войну. Да иначе и быть не может, ибо (а этого именно не понимают авторы) войны ведь представляют собой «хорошую кон'юнктуру», вызывая рост возможностей сбыта для военной промышленности. Авторы названных трех книг на множестве интересных примеров показывают, как военные промышленники умеют

* 1) Merchants of Death. A Study of the International Armament Industry. By H. C. Engelbrecht and F. G. Hanighen. Foreword by Harr Elmer Barnes. New-York. Dodd, Mead & Co. 1934. 308 pp.

2) Iron, Blood and Profits. An Exposure of the World-Wide Munitions Racket. By George Seldes. New-York. Harper Brothers. 1934. 415 pp.

3) War for Profits. By Otto Lehmann-Russbueldt. Translated from German by Pierre Loving. New Edition. New-York. Alfred H. King. 1934. 175 pp.

окружать себя патриотическим ореолом, как они выдают свою погоню за прибылью за служение родине. Они возмущаются тем, что военные промышленники, представляющие собой часто действительную власть, стоящую позади различных капиталистических правительств, извлекают свои прибыли не только из пота своих рабочих, но и из крови народных масс, но они не понимают, что капиталистическая погоня за прибылью вообще является предпосылкой получения этих кровавых прибылей. Они приводят бесчисленное множество важных и интересных фактов, разоблачающих происхождение прибылей военно-промышленных компаний, но они не в состоянии понять, что война и капитализм неотделимы друг от друга и что та же погоня за прибылью, которая воодушевляет так называемые «мирные» отрасли промышленности, неизбежно должна приводить к капиталистическим войнам, а тем самым и к колоссальным прибылям военной промышленности.

Наибольший интерес представляют те главы этих книг, в которых описаны трестификация и международные картели военной промышленности. Здесь ярче всего обнаруживаются вся отвратительность и лицемерие капиталистического общества. Военные промышленники выступают под маской патриотов своего отечества, но в то же время они готовы подобно всем другим капиталистам экспортировать свой товар заграницу и даже продавать его враждебным государствам. Крупп экспортировал перед мировой войной не менее половины своей продукции тяжелого артиллерийского снаряжения. И до и во время мировой войны Армстронг-Виккерс продавал военное снаряжение центральным державам, подобно тому как Крупп снабжал оружием Антанту. Германские военные промышленники через посредство Швейцарии продавали железо и сталь союзникам, а союзники тем же путем продавали Германии химикалии для производства взрывчатых веществ. Под Верденом полегли целые гекатомбы немецких солдат в союзнических проволочных заграждениях, на которых можно было ясно прочесть название германской фирмы. Английская компания Виккерса произвела те пушки, которые были использованы под Дарданеллами против английских войск. Шнейдер-Крезо снабжает танками фашистскую Германию. Один германский военный промышленник импортировал во время войны через Скандинавию в Россию сталь, для поддержания производства на принадлежащих ему в России заводах военного снаряжения.

Военные промышленники «беспристрастны». Авторы приводят чрезвычайно интересный и богатый материал, показывающий, как европейские и американские военные промышленники продавали и продают оружие Японии и Китаю, или Греции и Турции, находившимся тогда в состоянии войны, или воюющим друг с другом южноамериканским республикам. Годичный международный экспорт продуктов военной промышленности оценивается Энгельбрехтом и Хенигеном в 200 млн. долл. И это — в мирное время! В военное же время этот экспорт и извлекаемые из него прибыли неизмеримо выше. Одни лишь Соединенные штаты продали во время мировой войны на 10 млрд. долл. припасов для военных целей.

Больше всего возмущаются наши пацифистские авторы (и, конечно, с полным основанием!) тем, что предприниматели военной промышленности всеми средствами стремятся увеличить сбыт своей продукции и являются главными подстрекателями международной военной пропаганды. Они не могут понять, что пропаганда войны играет для военной промышленности ту же роль, как различные рекламные кампании для других отраслей промышленности. Армстрон-Виккерс в Англии, Комите де-Форж во Франции являются также владельцами большей части капиталистической печати этих стран и совершенно сознательно организуют шовини-

стические выступления, крестовые походы лжи и националистической травли, для того чтобы содействовать вооружению и тем самым добиться роста своих прибылей. Военные промышленники США послали на Женевскую конференцию по разоружению специального пропагандиста, небезызвестного Вильяма Б. Ширера, возложив на него задачу — всячески противодействовать разоружению. Всем известен институт парламентских «толкачей» военной промышленности в Вашингтоне (Munitions Lobby), который не раз вызывал крупнейшие политические скандалы.

Пацифистские авторы разбираемых книг обнаруживают общую наклонность свалить всю ответственность за вооружения и пропаганду войны на плечи военных промышленников. Но этим они лишь безуспешно стараются замазать основной факт действительности, тот факт, что сам капитализм как система несет ответственность как за войны, так и за военную промышленность.

Д. П.

Уполномоченный Главлита № Ц—87818
Тираж 450 000 экз.
В 1 п. л. 63 000 зн. 5 бум. листов
Изд. № 701

Материал сдан в набор 20/VII 1934 г., подписан к печати 25/VII 1934 г. Заказ № 2065

Типография газеты „Правда", Москва, ул. Горького, 48.

К ЧИТАТЕЛЯМ „БОЛЬШЕВИКА"

В связи с 10-летием „Большевика" в редакцию поступило от ряда местных партийных организаций и читателей „Большевика" предложение организовать сбор средств на постройку самолета „Большевик".

Редакция „Большевика" приняла по этому предложению следующее решение:

ПОДДЕРЖАТЬ ИНИЦИАТИВУ О ПОСТРОЙКЕ САМОЛЕТА „БОЛЬШЕВИК" НА СРЕДСТВА ЧИТАТЕЛЕЙ.

Все дела, связанные со сбором средств и постройкой, поручить издательству „Правда".

Редакция „Большевика" и издательство ЦК ВКП(б) „Правда" доводят до сведения всех парторганизаций и отдельных товарищей-читателей „Большевика", желающих принять участие в сборе средств на постройку самолета „Большевик", что все собранные суммы необходимо переводить по адресу: Москва, ул. Горького, 48, Октябрьское отделение Госбанка, текущий счет № 1564, указывая — „На самолет „Большевик"".

Квитанции о взносе или извещения с указанием организации, фамилии, номера квитанции и суммы взноса просьба пересылать в издательство „Правда" по адресу: Москва, ул. Горького, 48, издательство „Правда", комиссии по постройке самолета „Большевик".

Первые взносы поступили от читателей: Орлова — 3 руб., Суханова — 5 руб. (з-д „Изолятор", Москва), Егорова — 2 руб., Токарева — 2 руб. (Уфа), Рудакова — 10 руб. (Новоселье), Борисова — 10 руб. (Туапсе), Свирского — 3 руб. (Омск).

От областных отделений „Союзпечати" — 10 000 руб., от группы читателей и распространителей „Большевика" Октябрьского района — 106 руб., Краснопресненского района — 100 руб. (Москва), г. Омска — 127 руб., г. Кимры — 243 р. 50 к., г. Таганрога — 40 руб., г. Орши — 150 руб., г. Уфы — 450 руб., г. Челябинска — 120 руб., от работников Техбюро издательства „Правда" — 200 руб., от работников дирекции московского отделения „Союзпечати" — 125 руб., от группы работников издательства „Правда" — 350 руб.

Всего поступило на 20/VII 11 776 р. 50 к.

Каменев К. Воздушный флот в современной войне. Л. Лоиз, 1933, 145 стр.

Кауфельдт Ф. П. На пороге новой империалистической войны. Ленингр. обл. изд., 1933, 166(2) стр.

Кирилов-Губецкий И. М. Модернизация артиллерии. М. Гос. Воен. изд., 1933, 100 стр.

Клаузевиц К. О войне. Пер. А. К. Рачинского. Мос. Гос. Воен. изд., 1933, 212 стр.

Кожевников А. Тактика истребительной авиации. М. Гос. Воен. изд., 1933. 96 стр.

Коханский. Оборона иностранных армий. Справочник в схемах и таблицах. М. Гос. Воен. изд., 1933, 111 стр.

Красильников С. Н. Организация крупных общевойсковых соединений. (Прошедшее, настоящее, будущее). М. Гос. Воен. изд., 1933, 315 стр.

Кризис капитализма, угроза новых войн и интервенций. Статьи. Материалы. М. Партиздат, 1932.

Лапчинский А. Н. Воздушные силы в бою и операции. М. Гос. Воен. изд., 1932, 291 стр.

Ленинизм о войне. Сб. статей под ред. Дмитриева, ч. 1. М. Лит. им. Ворошилова, 1932, III, 439, 75 стр.

Ленский А. Захват и освоение Манчжурии японским империализмом. Хабаровск. Дальпартиздат, 1934, 158 стр.

Лорей Г. Операции германо-турецких морских сил в 1914—1918 гг. Пер. с нем. Е. Шведе. С пред. Е. Луори и с прим. Н. Новикова. Москва. Гос. Воен. изд., 1934, 316(4) стр.

Лощинин И. И. Противохимическая защита. Л. Кустнас. ПВО, 1933, 180 стр.

Маздур И. Британский империализм в Индии и подготовка интервенции против СССР. М. Межд. агр. и-т, 1933, 72 стр.

Марков М. А. Империалисты готовят войну и интервенцию против СССР. Л. Ленпартиздат, 1934, 134 стр.

Марксизм-ленинизм о войне и армии. Сост. Геронимус, Красильников, Пугачевский и Толмачев. М. Партиздат, 1932, 279(6) стр.

Медведев М. Е. Противовоздушная оборона страны. Ташкент. Госиздат, Уз. ССР, 1933, 32 стр.

Пакт четырех. Разоружение. Манчжурский конфликт. Выход Германии и Японии из Лиги наций. М. НКИД, 1934, 233 стр.

Под маской разоружения войны. Альбом диаграмм. Худ. Н. Кочергин. Общ. ред. Ю. Алякрицкий, А. Герлеман, И. Ринг и И. Шакир. Отв. ред. Лисс. Ленизогиз, 1933, 7 стр. текста, 31 отд. крас. диагр.

Потапов Г. Инженерное вооружение современных армий. М. Гос. Воен. изд., 1933, 207 стр.

О'Конрой. Японская угроза. Пер. с англ. Гос. Соц. Эк. Изд., 1934, 251 стр.

Очерки марксистско-ленинского учения о войне. Сб. статей. Под ред. К. Бочарова, М. Годеси, И. Слуцкина и И. Фенделя. Л. Ленпартиздат, 1933, 359 стр.

Радек. К. Мировой меньшевизм и интервенция против СССР. М.-Л. Огиз, 1931, 97 стр.

Радек К. Подготовка борьбы за новый передел мира. М. Партиздат, 1934, 168 стр.

СССР. Штаб РККА 1 Управление Военно-Историч. отдел. Экономика империалистической войны. Вып. 1. М. Штаб РККА, 1932, 68 стр.

Скляров Д. Экономическая политика японского империализма в Японии. Изд. 2-е. М. Партиздат, 1934, 117 стр.

Танин О. и Иоган Е. Военно-фашистское движение в Японии. Пред. К. Радек. М. Партиздат, 1933, 70 стр.

Татарченко Евг. Воздушный флот Британской империи. М. Гос. Воен. изд., 1932, 288 стр.

Тау. Моторизация и механизация армий и войны. М. Гос. Воен. изд., 1933, 234 стр.

Терентьев Ник. Очаг войны на Дальнем Востоке. М. Партиздат, 1934, 256 стр.

Тонехо П. Японский пролетариат в борьбе против империалистской войны, М. Партиздат, 1932, 60 стр.

Фей Сидней. Происхождение мировой войны, т. 1. М. Л. Огиз, 1934, 386 стр.

Фролов З. Н. Электрические прожекторы и их испытания. Л. М. Энергоизд., 1933, 308 стр.

Цытович Н. П. Тяжелая артиллерия сухопутных войск. М. Гос. Воен. изд., 1933, 109/3 стр.

Черчиль В. Мировой кризис Пер. с англ. с пред И. Минца. М. Л. Гос. Воен. изд., 1932, 328 стр.

Шварте М. Современная военная техника. Перев. с нем. и прим. Ю. Шейдеман. Моск. Гос. Воен. изд., 1933, 100 стр.

Ян Чогеу Лай. Японские империалисты в Шанхае. М. Партиздат, 1932, 80 стр.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

№ 15 15 августа № 15

МОСКВА
Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“
1934

СПИСОК КНИГ, ПРИСЛАННЫХ НА ОТЗЫВ В РЕДАКЦИЮ „БОЛЬШЕВИКА"*

ИМЭЛ. ПАРТИЗДАТ

1. **«Правда»** №№ 1-204 (1912 г.), вып. VII, стр. 345, цена 8 руб. 50 коп.
2. **«Звезда»** №№ 1-96 (1910 — 1912 гг.), вып. VII, «Невская звезда» №№ 1-14 (1912 г.), 1934, стр. 335, цена 8 р. 50 к.

ПАРТИЗДАТ

1. **Энгельс Ф.** По и Рейн, стр. 118, цена в переплете 1 р. 35 к.
2. **Розенберг Д.** История политической экономии. Институт экономики Комакадемии, 1934, часть I. стр. 303, цена в переплете 2 р. 75 к.

СОЦЭКГИЗ

1. **Славным завоевателям Арктики.** Сборник под ред. И. Р. Грозы и П. С. Дубенского, 1934, стр. 178, цена в переплете 3 р.
2. **Сепир Эдуард.** Язык. (Введение в изучение речи). 1934. Перевод с английского, стр. 223/20, цена в переплете 4 р.
3. **Ганди.** Моя жизнь, 1934, стр. 337, цена 3 р. 50 к.
4. **Электропромышленность США.** Сост. под рук. Я. Сегаля, 1934, стр. 307, цена 5 р. 50 к.
5. **Джордано Бруно.** О причине, начале и едином. Пер. с итальянского, 1934, стр. 230, цена в пер. 5 р.

ПРОФИЗДАТ

1. **Маршева Б., Исаев А. и Штейнбах Е.** Женский труд в машиностроении, 1934, стр. 133, цена 2 руб.
2. **Рассказы рабочих о Ленине.** Записи С. Мирера и В. Боровика. С предисл. Н. Крупской. Вступит. статья Ем. Ярославского, 1934, стр. 123, цена не указана.

Серия «Мой творческий опыт рабочему автору»:

3. **Шагинян Мариэтта.** Как я работала над «Гидроцентралью», 1933, стр. 63, цена 40 коп.
4. **Слонимский М.** Как я работаю над своими произведениями, 1934, стр. 39, цена 20 к.
5. **Сейфуллина Л.** Критика моей практики, 1934, стр. 64, цена 30 к.
6. **Гладков Федор.** Моя работа над «Энергией», 1934, стр. 47, цена 20 к.
7. **Жаров Александр.** Беседы, проведенные в Кабинете рабочего автора, 1933, стр. 85, цена 50 к.
8. **Павленко П.** Как я писал «Баррикады», 1934, стр. 54, цена 25 к.
9. **Бедный Демьян.** Вперед и выше, 1933, стр. 92, цена 50 к.

---

10. **Хаскин М.** Рабочее движение и советы в Чили, 1934, стр. 72, цена 60 к.
11. **Литвин-Молотов Г.** В тисках кризиса, фашизма и муштры (школа и учитель за рубежом), 1934, стр. 130, цена 1 р. 20 коп.
12. **Костаньян К.** Назревание революционного кризиса и задачи секций Профинтерна, 1934, стр. 56, цена 40 к.
13. **Балуцкий А.** Революционная борьба текстильщиков Лодзи, 1934, стр. 104, цена 40 к.

АКАДЕМИЯ

1. **Марат Жан-Поль.** Памфлеты, 1934, стр. 855, цена в переплете 15 руб.
2. **Коган П. С.** Очерки по истории западно-европейского театра, 1934, стр. 271, цена в пер. 5 р. 50 к.

ГИХЛ

1. **Гейне Генрих.** Избранные произведения, 1934, стр. 461, цена в пер. 6 р. 75 к.
2. **Штокмар М.** Библиография работ по стихосложению, 1934, стр. 183, цена в переплете 2 р. 75 к.
3. **Барбюс Анри.** Золя. 1933, стр. 222, цена в переплете 4 р. 50 к.

---

* Заголовок на обложке № 13—14 следует читать так: Книги о войне, выпущенные на русском языке за 1931 — 1933 гг.

(Продолжение следует)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

XI ГОД ИЗДАНИЯ

Адрес редакции: Москва, ул. Горького, 41 Тел. 1-21-16. Кремль 2-91

№ 15 15 АВГУСТА 1934 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Под флагом советов, под флагом социализма

Под руководством ленинского ЦК во главе с товарищем Сталиным СССР превратился в передовую индустриальную страну, страну самого крупного в мире социалистического земледелия; на фронте социалистической культуры одержаны крупнейшие победы.

Приветствуя с'езд писателей от ЦК ВКП(б), тов. Жданов сказал: «Великое знамя Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина победило. Именно победе этого знамени мы обязаны тем, что здесь собрался первый с'езд советских писателей. Не было бы этой победы, не было бы и вашего с'езда. Такой с'езд, как этот, не собрать никому, кроме нас — большевиков».

С'езд советских писателей — явление первостепенной важности в культурной жизни Советской страны. Содержание его работы — творческие вопросы советской литературы, определение путей ее дальнейшего развития. Это подлинно творческий с'езд: с основными докладами выступили писатели, а первый и главный доклад сделал Алексей Максимович Горький. На с'езде обсуждаются все вопросы литературы, ее задачи, взятые в целом, и вопросы отдельных литературных жанров (прозы, поэзии, драматургии).

Первый с'езд советских писателей — подлинно всесоюзный с'езд. Нигде в мире не мог быть организован такой широкий обмен опытом писателей стольких национальностей, как это имеет место на с'езде.

С'езд писателей завершает создание **единого** союза советских писателей. Союз советских писателей является единственной организацией в своем роде. Буржуазные писательские организации в капиталистических странах раздроблены, они создаются по цеховым и по-

литическим признакам. Доступ в них открыт не для всех писателей. Воспитанием молодых писателей они не занимаются. Основная их задача—охрана материальных интересов писателей, входящих в данное об'единение.

Организации буржуазных писателей, так называемые «пенклубы», ставят своей задачей устройство поездок, обедов, визитов, экскурсий; ежегодные с'езды этих организаций имеют такую же «глубокосодержательную» программу.

Союз советских писателей строится по совершенно иному принципу. Основная его задача — создание наиболее благоприятных условий для художественного творчества, связь литературы с политическими задачами современности, со строительством социализма, политическая и творческая взаимопомощь, помощь начинающим писателям, воспитание новых кадров.

Нигде в мире нет и не может быть такой всеоб'емлющей организации писателей с такими задачами. Советские писатели получают от нашей партии, правительства и всей пролетарской общественности такую поддержку, о какой, разумеется, и мечтать не может никакая писательская организация в странах капитализма.

К моменту вынесения решения ЦК от 23/IV 1932 г. старые организационные формы руководства художественной литературой изжили себя. Они создавались в первые годы нэпа, «когда в литературе налицо было еще значительное влияние чуждых элементов», «а кадры пролетарской литературы были еще слабы». Тогда «партия всемерно помогала созданию и укреплению особых пролетарских организаций в области литературы и искусства в целях укрепления позиций пролетарских писателей и работников искусства» (из постановления ЦК от 23/IV 1932 г.).

Успехи социалистического строительства, победы, одержанные под руководством партии на всех фронтах политической, хозяйственной и культурной жизни, произвели крупнейшие изменения в области художественной литературы. Выросли кадры творческих работников литературы и искусства, вышедших из рядов рабочих и колхозного крестьянства.

Писатели-коммунисты заняли вместе с лучшими беспартийными писателями передовые позиции в литературе по качеству своих произведений. Среди основных масс беспартийных писателей произошел крутой поворот в сторону советской власти, в сторону поддержки политики рабочего класса и коммунистической партии. При этих обстоятельствах раздельное существование организации пролетарских писателей и так называемых попутчиков становилось ненужным, мало того, оно становилось вредным, так как искусственно изолировало отдельные отряды советских писателей друг от друга и усложняло задачи руководства всей литературой. Кроме того в последний период существования РАПП в его рядах непомерно возросла групповая борьба. Само руководство РАПП в значительной степени подпало под влияние узко групповых интересов. Групповщина заменяла политико-воспитательную работу в области художественной литературы администрированием. Все это ограничивало размах художественного творчества.

Постановление ЦК от 23/IV 1932 г. оказало огромное влияние на всю литературно-художественную общественность. Писатели ответили на это постановление большим творческим под'емом.

Перестройка литературно-художественных организаций и создание единого союза советских писателей возлагают новые обязанности на писателей-коммунистов. Постановление Центрального комитета от

23/IV 1932 г. предусматривает создание в едином союзе советских писателей партийной группы (коммунистической фракции). Это решение возлагает на коммунистов-литераторов ответственность за все то, что происходит на всем фронте художественной литературы. Если раньше практика сложилась таким образом, что писатели-коммунисты чувствовали себя в полной мере ответственными только за то, что происходило на участке пролетарской литературы, то сейчас писатели-коммунисты отвечают перед партией за работу в области художественной литературы в целом.

Изменившееся соотношение классовых сил в области художественной литературы обязывает к новым методам руководства художественной литературой.

И в области литературы мы еще встречаемся с отдельными вылазками классово враждебных элементов. Однако необходимо отличать от враждебных вылазок ошибки и заблуждения писателей, действительно связывающих свое творчество с задачами социалистического строительства. Очень часто писатель, уже перешедший на сторону рабочего класса, сохраняет еще в своем творчестве пережитки старых, мелкобуржуазных и даже буржуазных влияний. Нередко чуждое классовое влияние находит проявление и в творчестве пролетарских писателей. Задача марксистско-ленинской критики, задача партийной группы в таких случаях—путем правдивой и принципиальной товарищеской критики устранять эти недостатки, помогать их изживанию, способствовать окончательному включению этих писателей в ряды строителей социализма.

Постановление ЦК от 23/IV 1932 г. предусматривает создание единой организации писателей во всесоюзном масштабе. На основе проведения ленинской национальной политики во всех республиках Советского союза растет литература, национальная по форме, социалистическая по содержанию. Постановление ЦК о перестройке литературно-художественных организаций оздоровило литературную жизнь во всех республиках Советского союза. Писатели ответили на постановление ЦК творческим под'емом, созданием новых высокохудожественных произведений. Рост литературы во всех республиках СССР делает совершенно необходимым обмен художественными ценностями, ознакомление писателей с достижениями литературы всех народов Советского союза. Оргкомитет ССП по инициативе Горького принял меры для организации изучения литератур всех народов Советского союза. Расширено дело перевода художественных произведений на русский язык с языков других советских народов. На Всесоюзном с'езде писателей заслушаны доклады о литературах Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджана, Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана и Татарии. Обсуждение этих докладов на с'езде расширит связи между всеми литературами Советского союза и этим поможет их быстрейшему росту.

Литература и искусство принимают участие в формировании сознания людей и тем самым определяют в известной мере поведение людей в классовой борьбе, в социалистическом строительстве. Именно это воздействие, воспитывающее, формирующее сознание людей, имел в виду товарищ Сталин, когда он в одной беседе назвал писателей «инженерами душ». Особенно вырастает значение литературы в эпоху второй пятилетки, основной задачей которой являются построение бесклассового общества и преодоление остатков капитализма не только в экономике, но и в сознании людей.

«Вы, как марксисты, — говорил товарищ Сталин, — должны знать, что сознание людей отстает в своем развитии от фактического их положения».

И на XVII с'езде партии товарищ Сталин указал:

«Но можно ли сказать, что мы уже преодолели все пережитки капитализма в экономике? Нет, нельзя этого сказать. Тем более нельзя сказать, что мы преодолели пережитки капитализма в сознании людей. Нельзя этого сказать не только потому, что сознание людей в его развитии отстает от их экономического положения, но и потому, что все еще существует капиталистическое окружение, которое старается оживлять и поддерживать пережитки капитализма в экономике и сознании людей в СССР и против которого мы, большевики, должны все время держать порох сухим».

Наша литература может и должна сыграть огромную роль в преодолении пережитков капитализма в сознании людей, ибо наша литература — самая идейная, самая революционная литература в мире.

В основе произведений советской литературы лежит борьба рабочего класса и колхозного крестьянства за социализм. Наша литература защищает равноправие трудящихся всех наций, отстаивает равноправие женщин, разбивает всякую мистику и т. д.

Залог успеха Первого всесоюзного с'езда писателей — внимательное повседневное руководство художественной литературой со стороны Центрального комитета ВКП(б), внимание и интерес к с'езду со стороны всей пролетарской общественности. Залог успеха с'езда в том, что во главе с'езда стоит великий пролетарский писатель Максим Горький.

* * *

Методом советской литературы является социалистический реализм. Накануне ликвидации РАПП навязывал писателям искусственно надуманные групповые догмы в качестве рецептов для художественного творчества. Одной из таких догм был так называемый «диалектико-материалистический творческий метод», пропагандировавший упрощенное вульгаризированное отношение и к диалектике и к художественному творчеству.

Согласно этой «теории», писатель должен был создавать художественные обобщения не путем изучения жизни, а путем их выведения из категорий диалектики. Ошибочная теория «диалектико-материалистического творческого метода» не учитывала основного правила марксизма, которое требует конкретного исторически классового подхода ко всем явлениям жизни. В особенности это нужно в области искусства. Изучение марксизма-ленинизма, изучение произведений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина необходимо для писателей. Но и в области искусства изучение марксизма-ленинизма не должно носить книжный схоластический характер. Изучение марксизма необходимо писателю для того, чтобы он мог проникнуть в жизнь, понять и овладеть ее конкретным содержанием, чтобы он сумел правильно выразить жизнь, как говорил Энгельс, в ее типичных характерах и типичных положениях. Именно поэтому социалистический реализм является основным методом советской художественной литературы.

Отличие социалистического реализма от классического реализма, указывал Максим Горький, заключается в том, что классический реализм был силен только в критике общественных недостатков, утверждать же ему было нечего; социалистический реализм несет в себе не только критику общественного зла в целях его устранения, но утвер-

ждение в жизни социалистических идеалов рабочего класса. Основное требование социалистического реализма — правдивое изображение действительности в ее революционном развитии. Рабочий класс хочет знать правду, ибо он строит свою политику, опираясь на реальные тенденции развития. В художественной литературе правда просвещает и будит сознание трудящихся масс так же как правда в политической агитации и пропаганде. Для того чтобы показать правду, искусство должно улавливать классовую сущность явлений действительности и показывать действительность в ее революционном развитии.

Рабочий класс победил в 1917 г., но то, что Горький в своем творчестве исходил из тенденций революционного развития, помогло ему, например в пьесе «Враги», написанной еще в 1906 г., правильно показать классовые взаимоотношения на капиталистической фабрике в типических характерах и типических обстоятельствах, показать, что «эти люди» (рабочие) победят. Следовательно, когда речь идет о социалистическом реализме, речь идет не о формальных приемах, а о таком искусстве, которое умеет при великом разнообразии художественных средств выразить подлинную глубокую сущность действительности.

Социалистический реализм влечет за собой разрыв с романтизмом старого типа, изображавшим несуществующую жизнь, несуществующих героев, уводя читателя от противоречий действительности в мир несбыточной фантастики. Но, как сказал на с'езде тов. Жданов, «революционный романтизм должен входить в литературное творчество как составная часть, ибо вся жизнь нашей партии, вся жизнь рабочего класса и его борьба заключаются в сочетании самой суровой, самой трезвой практической работы с величайшей героикой и грандиозными перспективами. Наша партия всегда была сильна тем, что она соединяла и соединяет сугубую деловитость и практичность с широкой перспективой, с постоянным устремлением вперед, с борьбой за построение коммунистического общества. Советская литература должна уметь показать наших героев, должна уметь заглянуть в наше завтра. Это не будет утопией, ибо наше завтра подготовляется планомерной сознательной работой уже сегодня».

Буржуазная и мелкобуржуазная литература воспитывает в своих читателях уверенность в прочности и незыблемости общественного строя, покоящегося на частной собственности и на буржуазном индивидуализме. В СССР впервые в мире художественная литература, создаваемая советскими писателями, всей совокупностью своих усилий, всей своей работой способствует воспитанию и укреплению у своих читателей социалистического сознания, борется за освобождение сознания от буржуазных и мелкобуржуазных пережитков.

В этом состоит тенденция советской художественной литературы. Советская художественная литература гордится этой своей тенденциозностью; в классовом обществе и не существовало никогда литературы нетенденциозной, какой бы «аполитичностью» она ни прикрывалась.

Именно социалистическая тенденциозность превращает советскую литературу в новую по своему социально-историческому типу литературу, в самую передовую литературу в мире.

Справедливая высокая оценка советской художественной литературы не означает, однако, что в нашей литературе нет недостатков. Советская литература—молодая литература и естественно, что недо-

статков у нее еще много. Но при наличии самокритики преодоление этих недостатков обеспечено. Ряд выступлений М. Горького мобилизовал внимание всей литературной общественности на борьбу с этими недостатками. М. Горький справедливо выступил прежде всего против неряшливого, небрежного отношения к языку в художественном творчестве. «Борьба за чистоту, за смысловую точность,— справедливо указывает М. Горький,— за остроту языка есть борьба за орудие культуры. Чем острее это орудие, чем более точно направлено, тем оно победоносней. Именно поэтому одни всегда стремятся притуплять язык, другие — оттачивать его». Без тщательнейшей, внимательной работы над языком нельзя бороться за художественное совершенство литературы.

Задача с'езда — помочь советской художественной литературе глубже овладеть методами социалистического реализма, теснее связаться с жизнью, более полно и всесторонне выразить ее содержание с точки зрения рабочего класса. Задача с'езда — мобилизовать советскую литературу на преодоление ее недостатков, для того чтобы она в кратчайшие исторические сроки создала художественные произведения, достойные нашей великой и радостной эпохи.

Наша литература имеет мировое значение. Ее читатели — не только советские рабочие и колхозники, ее читатели — революционные трудящиеся массы всего мира. Не даром к ней относятся с такой ненавистью буржуазные идеологи. Не даром не только пролетарские писатели, но и писатели других общественных слоев, настроенные оппозиционно к капиталистическому миру, относятся к советской литературе с глубочайшими вниманием и симпатией.

В классовой борьбе всех стран и всех народов идет борьба также и за интеллигенцию. Буржуазия стремится не допустить перехода лучших, талантливейших деятелей литературы и искусства на сторону рабочего класса.

Лучшие, талантливейшие представители интеллигенции, выросшие еще на почве буржуазного общества, протестуя против ужасов загнивающей капиталистической цивилизации, увлекаемые ростом революционной борьбы рабочего класса, переходят на сторону социализма. Ромен Роллан, Андрэ Жид, Теодор Драйзер, Джон Дос-Пассос и многие другие уже не являются одиночками. Фашизм и процессы фашизации не могут не ускорить процессов диференциации в среде мировой интеллигенции, не могут не привлекать на сторону рабочего класса и на сторону социализма всех тех колеблющихся «мастеров культуры», в которых не погасла еще любовь к творческому труду и к правде.

Задача Всесоюзного с'езда писателей — осветить перед мировой литературой широчайшие творческие перспективы, которые открывают перед ней пролетарская революция, диктатура пролетариата, борьба за социализм, и, с другой стороны, показать отсутствие перспектив для искусства в условиях капитализма, в условиях господства фашистской контрреволюции.

В обстановке обостренной классовой борьбы, вплотную надвинувшегося нового тура революций и войн окончательно разбита иллюзия о «независимости литературы и искусства от политики».

Фашизм, который является реакционнейшим отрядом буржуазии в ее борьбе за сохранение капиталистического строя, несет в художественную литературу проповедь человеконенавистничества и империалистических войн.

Всему этому советские писатели противопоставляют литературу, призывающую к борьбе за такой общественный строй, в котором никогда не будет ни классов, ни войн.

Естественно, что фашизм в искусстве ведет политику, столь же губительную как и во всех других областях экономики и культуры.

Рабочий класс требует от искусства прежде всего правды. Требование правды открывает перед литературой и искусством все неисчерпаемые богатства действительного мира.

Фашисты боятся правды, которая разоблачает их, ускоряет их неизбежное низвержение. Поэтому фашисты в искусстве требуют не правды, а лжи, поэтому они закрывают перед искусством все действительное содержание мира, требуя от искусства рабского переложения на язык ходульных образов своих человеконенавистнических лозунгов и кликушеских речей фашистских руководителей. Поэтому у фашизма нет подлинно художественной литературы.

Рабочий класс видит в союзе литературы с наукой лучший путь для проникновения в правду действительности, лучший путь для художественного роста литературы и ее влияния на массы.

Фашизм, об'явивший поход против подлинной науки во имя мистики, мракобесия, во имя средневекового невежества, борется против союза литературы и науки, пытаясь преградить литературе путь к передовым идеям века, к мировоззрению рабочего класса.

Марксистско-ленинская диалектика ставит своей задачей критическое усвоение культуры прошлого. Создавая новую по своему социально-историческому типу литературу и искусство, рабочий класс в то же время бережно сохраняет классическое наследие прошлого, призывая писателей и художников к критическому усвоению этого наследия.

Фашизм об'являет поход не только против подавляющего большинства современных писателей, но и против классического наследия прошлого. Великие классические произведения сжигаются на кострах. В области драматургии провозглашен лозунг отказа от классического наследия прошлого. Фашизм пытается выкорчевать самые корни, на которых выросла современная культура.

Советское искусство, воспитывая в своих читателях социалистический коллективизм, тем самым ведет к развитию и обогащению личных свойств, особенностей и талантов всех членов трудового коллектива.

Фашизм, заинтересованный в том, чтобы превратить массы в бессловесных солдат буржуазии, в слепое орудие войн и контрреволюции, проповедует в искусстве казарменный, нивелирующий, каторжный дух.

Современная буржуазная цивилизация зашла втупик. Спасение человечества и накопленной им культуры — только в пролетарской революции.

Только в Советском союзе созданы условия для расцвета культуры и искусства. Никогда и нигде художники слова не пользовались такой популярностью, таким уважением и вниманием со стороны самых широких трудящихся масс, какими они пользуются в Советском союзе.

Читатели-рабочие, читатели-колхозники видят в советской художественной литературе мощное оружие в своей борьбе за социалистическое перевоспитание людей. Давно прошли те времена, когда «писатель пописывал, а читатель почитывал». Советский читатель относится к литературе с величайшей серьезностью и требует такого же серьезного отношения к ней и от самих писателей.

Перед советскими писателями поставлена великая историческая задача—под руководством партии пролетариата, партии Ленина—Сталина, бороться за окончательную ликвидацию классов, за построение бесклассового, социалистического общества, создавая высокохудожественные произведения, охватывающие все многообразие революционного развития действительности, рост новых общественных отношений и новых людей, утверждающие новый строй в сознании людей,—произведения, призывающие миллионные массы к борьбе за освобождение всего человечества от цепей капиталистического рабства.

* * *

Уже первые дни работы с'езда показали, что он превратился в огромной важности культурное и политическое событие для всей страны. Выступления писателей свидетельствуют о большом политическом и творческом под'еме в художественной литературе. Прения на с'езде показали, что писатели живут созвучной жизнью с миллионами народных масс, строящих социализм под руководством пролетариата, что у советских писателей есть желание и уменье отразить в искусстве жизнь рабочего класса и колхозного крестьянства, процессы победоносного строительства социализма. В резолюции, единогласно принятой с'ездом, сказано: «Под руководством героической ВКП(б) во главе с тов. Сталиным и благодаря повседневной помощи партии, писатели всех народов СССР пришли на свой первый с'езд как коллектив, идейно, организованно и творчески сплоченный вокруг партии и советской власти в едином союзе советских писателей». Эта резолюция есть выражение подлинного идейного и политического единства нашей литературной общественности.

Замечательнейшей чертой, характеризующей работу с'езда, является неразрывная связь, установившаяся с самого момента открытия с'езда, между с'ездом и массами, между с'ездом и читателями-рабочими и читателями-колхозниками. Многочисленные делегации фабрик и колхозов, Красной армии и Осоавиахима пред'явили с'езду свои требования — отобразить героическое содержание и героических людей пролетарской революции в литературно-художественных произведениях. Воодушевление и под'ем, которыми с'езд реагировал на обращения представителей рабочего класса и колхозного крестьянства, являются залогом того, что эти требования будут выполнены. С'езд завершает идейное и организационное оформление и укрепление интеллигенции народов Советского союза под флагом советов, под флагом социализма.

В этом — огромное значение с'езда советских писателей для СССР, для дела социализма.

Первые итоги чистки парторганизаций

Ем. Ярославский

Чистка партийных рядов в этом году проходит на основе большого опыта прежних проверок партийных рядов и в особенности чистки 1933 г., когда были проверены крупнейшие области и края.

Чистка 1933 г., во время которой было проверено свыше 1 млн. членов и кандидатов партии[1], дала прекрасные результаты. Она показала, что огромное большинство членов и кандидатов партии оказалось выдержанными большевиками-ленинцами, борющимися за победу коммунизма, за построение бесклассового, социалистического общества. Такие организации, как Московская и Ленинградская, проверенные со всей строгостью и тщательностью, показали исключительные образцы большевистской выдержанности. Но даже если взять высокий процент исключенных, переведенных в кандидаты и сочувствующие по другим краям и областям, то и в этих краях и областях подавляющее большинство членов партии оказалось достойными носить звание ленинцев. Процент «отсева» был наиболее высок в Восточносибирском крае (33,5), в Одесской области (31,8), на Урале (30,7), в Киевской области (29,6). Высокий процент исключенных из партии, переведенных в кандидаты и сочувствующие по перечисленным краям и областям показывает, что чистка партии является радикальнейшим, могущественным средством очищения партийных рядов от негодных элементов, усиления монолитности партии, повышения ее качественного состава и идейно-политического уровня. Достаточно сказать, что доля рабочих в составе проверенных парторганизаций только в результате чистки повысилась на 2%. Исключенными оказались почти всюду, главным образом, молодые члены и кандидаты партии, вступившие в последние годы: из вступивших, например, до 1917 г. исключено было в 1933 г. лишь 2,7%; из вступивших в партию с 1918 по 1920 г. включительно—10,3%; с 1927 по 1928 г.—13,7%; из вступивших в 1932 г.—16,5%.

---

1 **Цифровые итоги чистки в 1933 г.**

Области и края	Прошло чистку членов и кандидатов	Исключено (в %)	Переведено в сочувствующие (%)
Московская	308 558	13,6	5,6
Ленинградская	240 588	12,7	3,8
Карельская	12 340	20,3	7,3
Уральская	112 288	23,1	7,6
Белорусская	54 341	18,1	6,7
Винницкая	31 776	17,2	9,3
Донецкая	128 553	19,7	7,1
Киевская	56 439	19,4	10,2
Одесская	48 722	21,9	9,9
Восточная Сибирь	47 730	25,2	8,3
ДВК	34 608	21,9	5,7
Итого	1 075 943	17,0	6,3

Эти цифры показывают действенность прежних чисток партии, когда партия отбирала и оставляла в своих рядах лучших. Эту задачу чистка партии выполнила и в 1933 г. Эту задачу она выполняет и теперь, проверяя горьковскую, западносибирскую, азовочерноморскую, северокавказскую, крымскую, харьковскую, днепропетровскую, чернитовскую, среднеазиатскую, а также молдавскую парторганизации. На этот раз чистка происходит—наряду с крупнейшими промышленными центрами Горьковского края, Западной Сибири, Азово-Черноморского края, Харьковской и Днепропетровской областей—и в областях, охватывающих важнейшие сельскохозяйственные районы, и в окраинных национальных республиках Средней Азии, Северного Кавказа, Крыма, Молдавии.

Областные комиссии по чистке приступили к работе 15 мая. На 20—25 мая в некоторых областях начали уже функционировать районные комиссии по чистке. Правда, подбор районных комиссий по чистке в некоторых местах затянулся и до сих пор еще не везде закончен полностью, потому что областные комиссии по чистке подходят к подбору районных комиссий в высшей степени серьезно, учитывая, какое огромное значение для всего хода чистки имеет правильный и тщательный подбор проверочных комиссий. Необходимо отметить, что парторганизации, в которых началась чистка в этом году, далеко не везде, не во всех районах, не на всех даже крупнейших предприятиях провели необходимую подготовительную работу. Как это ни странно, не везде был организован даже точный учет членов и кандидатов партии, подлежащих проверке. В ряде организаций оказалось много «мертвых душ»; по данным, представленным к XVII с'езду, числилось членов организаций гораздо больше, многих ко времени чистки не оказалось. Учетные карточки не были сверены с партийными билетами. В учетные карточки не были занесены сведения о партвзысканиях. Во многих парторганизациях не была ликвидирована задолженность по членским взносам, и в некоторых организациях оказалось, например, по десятку членов, не плативших членские взносы не только месяцами, но годами.

Такого рода факты показывают, что ряд парторганизаций крайне небрежно ведет организационную работу, что они не поняли, не усвоили еще величайшего значения организационного вопроса, что до их сознания не дошли еще решения XVII с'езда и те требования нового устава партии, которые ставят на большую принципиальную высоту самое понятие о членстве в партии. Это понимание устава нашей партии необходимо еще внедрить в сознание всех членов и кандидатов нашей партии, в особенности в сознание всех парторганизаторов. Не была проведена достаточная подготовительная работа и в том смысле, что основные решения партии, основные высказывания Ленина и Сталина о чистке партии не были популяризированы в массах. Поэтому, особенно в низовых парторганизациях на селе, не везде колхозники и даже партийцы ясно сознавали, какие цели и задачи ставит себе чистка, какими методами она проводится. Эту массовую подготовительную работу пришлось проводить уже самим районным комиссиям по чистке. Только с начала чистки стала перестраиваться печать. Только с начала чистки стала развертываться — и то не везде как следует — работа среди комсомола, направленная к активному вовлечению массы комсомольцев в чистку партии.

Несмотря на большие затруднения, которые пришлось преодолевать областным комиссиям по чистке, удалось подобрать состав проверочных комиссий, качественно стоящий на высоком уровне. Так, по Харьковской области среди председателей районных комиссий по партийному стажу 97% составляют члены партии до 1920 г.; из них 58% — члены партии до 1917 г. По социальному составу среди председателей районных комиссий

66% рабочих, среди членов районных комиссий 76% рабочих, а в первичных комиссиях рабочие составляют 78%. В Молдавской республике среди председателей районных комиссий рабочие составляют 82% и среди членов комиссий — 86%. Харьковская область и Молдавская республика не представляют исключения. По Горьковскому краю в составе комиссий рабочие по социальному положению составляют 61%, крестьяне — 11% и служащие — 28%. По партийному стажу до 1920 г. — около 80%. В Крыму в составе проверочных комиссий рабочих 71%, а по партстажу — 33% подпольщиков и 46% членов партии с 1918—1921 г.; по Западной Сибири рабочие составляют 57%, а по партстажу до 1920 г.—80%. Конечно, труднее подобрать такой состав проверочных комиссий в Средней Азии, но и там основное внимание в подготовительной организационной работе по чистке занял подбор проверочных комиссий, к которым мы пред'являем высокие требования как со стороны идеологической выдержанности, так и со стороны понимания тех задач, которые стоят перед комиссией по чистке.

Надо отметить, что как и во все прежние годы были отдельные случаи сопротивления чистке: люди, не уверенные в прочности своего пребывания в партии, люди, чуждые партии, принимали все меры к тому, чтобы не дать комиссиям по чистке вскрыть их дела. Так, председатель шахтного комитета Дубовский, «выступая на собрании по чистке по докладу шахтного парткомитета и говоря о самокритике, упрекал отдельных товарищей, что они сейчас, на собрании, говорят о таких недостатках, о которых раньше молчали, что он считает неправильным и недопустимым. Наконец, секретарь парткомитета Жмайлов дошел до того, что и сам лично и через подставных лиц стал угрожать отдельным товарищам (коммунистке Ячменниковой и беспартийной Сусловой) судом и всякими расправами в случае, если они не перестанут «болтать языком» (из материалов по чистке парторганизации Азово-Черноморского края).

В Днепропетровской области парторг колхоза «Партизан Рош» (с. Жура, Рыбницкого района) Коцун 14 июня на открытом партсобрании по вопросу о чистке заявил: «Не думайте, что во время чистки, когда меня будут чистить, вы сможете говорить то, что захотите,—за это вас будут крепко судить». На другой день Коцун вывесил возле кооператива об'явление, в котором писал, что во время чистки никто из колхозников и единоличников не имеет права выступать против членов и кандидатов партии. Райком снял Коцуна с работы и об'явил ему строгий выговор с предупреждением.

Председатель колхоза «Алтарла», Сейтлерского района (Крым), перед собранием по чистке собрал группу лиц, пьянствовал вместе с ними и уговаривал их, чтобы они на чистке не выступали против него. На чистке комиссия ничего не подметила, и он прошел чистку благополучно. После чистки он опять собрал эту группу, купил вина и поставил «магарыч» за то, что хорошо прошел чистку. Когда комиссия об этом факте узнала, она исключила его из партии.

Развернуть самокритику по-большевистски, привлечь к этой самокритике широкие массы рабочих, колхозников, служащих—вот какая задача стоит перед всеми нашими комиссиями по чистке. Конечно, решение этой задачи в значительной степени зависит от того, как относятся к чистке сами парторганизации. Можно отметить случаи, когда отдельные руководители районных комитетов, не уверенные в том, что они выйдут во время этой чистки «сухими из воды», смотрят на комиссии этак сбоку: поглядим, дескать, что вы у нас найдете. Само собой разумеется, что такая антипартийная по существу позиция не способствует развертыванию самокритики самим руководством района, и нет ничего удивительного, что комиссии по чистке в таких районах вскрывают вещи, о которых район либо не знал, либо знал, да помалкивал, скрывая их от областных руководящих центров

и центральных органов партии [1]. Поэтому громадное значение имеет работа районных комиссий по чистке и первичных комиссий, направленная к тому, чтобы развернуть самокритику. Методы развертывания самокритики достаточно испытаны партией: мобилизация партийной печати, открытые собрания с привлечением возможно более широкой массы беспартийных, мобилизация ВЛКСМ и в особенности «легкой кавалерии» комсомола, которая помогает комиссиям по чистке обследовать тот или иной участок работы, проверить работу отдельных коммунистов и отдельных организаций, выявить недостатки этой работы.

В Новосибирске комиссия по чистке широко использует материалы Комиссии советского контроля, проводит предварительные обследования работы тех учреждений и предприятий, к чистке парторганизаций которых она должна приступить. Обследовано состояние сортового семенного дела в крае, работа Ватозапчасти, проверена организация водоснабжения в животноводческих совхозах. Проверена работа бюро жалоб, крайзу, крайсуда и прокуратуры. Вся эта предварительная работа дала богатый материал для комиссий по чистке первичных парторганизаций этих учреждений и предприятий.

Интересную работу провела комиссия по чистке Ленинского района Харькова (председатель комиссии тов. Пилацкая). Организовали встречу-беседу с рабкорами: на беседу пришло 200 членов редколлегий, очеркистов, рабкоров, карикатуристов.

Черниговский облпрофсовет провел 12/V 1934 г. товарищескую беседу с кадровыми рабочими и бригадирами предприятий Чернигова.

В ряде организаций Харьковской, Черниговской областей, Западносибирского края проводят специальные совещания с пассивными членами партии, выявляя причины их отхода от партийной жизни. Парткомы, не ограничиваясь этими мероприятиями, к наиболее слабым коммунистам прикрепляют подготовленных товарищей.

Было бы, конечно, очень хорошо, если бы к этому можно было прибавить силу низовых органов массового контроля, которые должны быть организованы профсоюзами на основе решений XVII с'езда. Но, к сожалению, как показал пленум Комиссии партийного контроля, эти органы еще слабы, да и не везде еще они созданы, и пока они не оказывают комиссиям по чистке той помощи, которую могут и должны оказать. Именно они лучше всего могли бы вскрыть недостатки работы на производстве, недостатки работы снабжающих органов, культурно-бытовых учреждений. А ведь чистка идет не только по линии проверки честности, выдержанности, боеспособности каждого отдельного коммуниста,—она является также проверкой состояния каждой организации, где работает коммунист.

За последние дни участие профсоюзов в чистке несколько повысилось, но все же оно остается явно недостаточным. Профорганы не сумели увязать проведение чистки партии с задачами развертывания соцсоревнования и ударничества, борьбы за хозрасчет, в том числе и с задачами развития дела массового контроля согласно постановлениям XVII с'езда партии.

По сообщению районных комиссий, участие профсоюзов в чистке на селе не чувствуется.

Чистка проходит в этом году на несколько пониженном уровне по сравнению с 1933 г. Это констатировало последнее заседание Центральной комиссии по чистке, где были заслушаны доклады о ходе чистки в 9 краях и областях. Одна из причин этого — отсутствие у многих парторганизаций конкретной подготовки к чистке, отсутствие необходимой массово-раз'яснительной работы. Отчасти это об'ясняется также и тем, что к чистке таких крупнейших парторганизаций, как Московская, Ленинградская, есте-

[1] Харьковский обком КП(б)У снял, например, с работы секретаря балаклавского РПК за зажим самокритики в связи с чисткой.

ственно, было приковано особенно сильное внимание всей страны. И печать соответствующим образом реагировала на эту чистку острыми политическими статьями, подборками, отчетами о чистке. Несмотря на указания ЦК партии мы должны констатировать, что сейчас как местная, так и центральная печать еще не развернула полностью необходимой работы по освещению хода чистки партии. Влияние центральной печати на районную колоссально. Центральная печать «задает тон». Тон этот, доходя до провинции, иногда снижается, но если он ослаблен и в центральной печати, то это еще больше отражается на районной печати. Сами комиссии по чистке, повидимому, не всюду еще взяли достаточно боевой тон, способный дать массам почувствовать всю силу и значение этого мероприятия партии.

* * *

Несмотря на все эти и другие недостатки подготовки к чистке парторганизаций в этом году **налицо огромная активность масс**. По ряду предприятий, где имелось отставание, за последнее время значительно возросла активность. Несомненно, **налицо большой производственный под'ем**, за который мы должны бороться не только во время чистки, но и добиться того, чтобы этот производственный под'ем был закреплен, чтобы он стал постоянным методом и стилем работы. Так, на «Серпе и молоте» в Харькове, где был серьезнейший прорыв, июньская программа была выполнена досрочно 24 июня. Завод им. Шевченко майскую программу выполнил на 105,7%; Экспериментальный завод—на 156%, асфальто-бетонный завод—на 166%.

Можно было бы привести и по другим предприятиям Харьковской и др. областей примеры поднятия производственной активности. Так, по Горьковскому краю на Мантуровском заводе № 5 июньская программа перевыполняется всеми сменами, а до июня только смена коммуниста Смирнова выполняла производственную программу. На Прокопьевском руднике в Западной Сибири развернувшаяся подготовка к чистке парторганизации помогла выполнить майскую программу на 100%, на шахте им. тов. Эйхе—на 104%, на Голубовке—на 105% и т. д.

В этой борьбе за темпы коммунисты были ведущей силой. Такого же рода факты мы имеем на Днепровском металлургическом комбинате в Запорожье, на ряде предприятий в Ростове на Дону. В каждой области можно указать предприятия, где чистка партии вызвала производственный под'ем.

Можно было бы привести еще и такого рода факты, как **взятие на себя обязательств как коммунистами, так и беспартийными в связи с чисткой партии**. В Малояльчинском районе (Горьковский край) колхозники и единоличники 17 июня об'явили массовый субботник по дорожному строительству, и несмотря на дальнее расстояние (50—60 км) на субботнике участвовали 1003 чел.

На Металлстрое (Новосибирск) рабочий Проокурин (член партии, прошедший чистку) обязался план выполнять на 130%. Беспартийные рабочие взяли на себя обязательство выполнять план: Черных—на 116%, Обухов—на 110% и комсомолец Ипполитов—на 116%. На заводе горного оборудования (Новосибирск) по всем участкам и бригадам приняты производственные обязательства, из которых многие уже выполнены.

В Хакасской области рабочие Андреевского и Знаменитовского золотых рудников, Капчальского баритового рудника и Краснознаменной шахты 7-бис, отдельных смен Черногорских угольных копей отметили начало чистки перевыполнением планов и подлинно большевистскими образцами работы. Андреевский рудник весь план по металлу за первое полугодие выполнил на 104%. По старательскому металлу и скупке годовой план выполнен на 238%.

За 14 дней июня план по золоту выполнен на 139% («Советская Хакассия» № 75—76 от 26/VI 1934 г.).

Такие же факты можно отметить и по колхозам и совхозам. В связи с хлебоуборочной и хлебозаготовительной кампаниями комиссии по чистке проводят большую работу, направленную к тому, чтобы вовремя выполнить эти задания партии и правительства. Коммунисты в колхозах и совхозах проверяются с точки зрения того, как они руководят массами в поднятии сельского хозяйства, в проведении сева, прополки, уборки. Эта конкретная проверка деятельности коммунистов помогает привлечь массы к чистке. Активность масс очень высока и в этом году. На многих собраниях по чистке беспартийные составляют громадное большинство, и активность беспартийных в чистке иногда выше даже чем активность партийцев. Есть колхозы, в которых на собрании по чистке участвуют сотни колхозников, неизменно остающихся до самого конца собрания по чистке. Только благодаря этой активности беспартийных рабочих, работниц, колхозников во многих местах вскрыты искривления партийной линии, преступная деятельность некоторых коммунистов.

В колхозах «Большевистский путь» (Дорошевка), «Октябрьская революция» (Гремячка), Усок, Мироновка (Черниговской области) колхозники взяли на себя обязательство превысить нормы выработки и дать высокое качество сева. Эти условия они успешно выполнили.

Парткoм с.-х. артели «10 лет Октября» (Попелихинский район, Западная Сибирь) увязал изучение решений XVII с'езда с подготовкой к чистке. Парторг животноводческой бригады, ударница тов. Тюпина, организовала среди телятниц соцсоревнование, наладила выпуск бригадных газет. Коммунист тов. Агеев развернул соцсоревнование среди конюхов. В результате скот в артели находится в хорошем состоянии.

К перечисленным нами выше проявлениям активности масс в связи с чисткой надо отнести и довольно большое количество заявлений единоличников о вступлении в колхозы там, где комиссиям по чистке удалось оздоровить колхозы, изгнав из партийных рядов чуждых людей с партбилетом.

Колхозники с.-х. артели «В горах», Чайского аймака (Ойротия), в связи с чисткой районной парторганизации обратились через печать к другим колхозам с вызовом мобилизоваться на успешное проведение сеноуборочной кампании. Они пишут: «Мы расставили силы, подготовили весь инвентарь и 20 июня организованно начали сенокос, который проведем в сжатые сроки. Мы досрочно выполнили годовой план мясоналога, молокосдачи и трудового участия в дорожном строительстве. Сейчас вносим 2800 рублей средств по новому займу, досрочно выполняем финплан второго квартала».

В Змиевском районе (Харьковская область) широко развернулось соцсоревнование между колхозами. Если на 1/III 1934 г. соцсоревнованием в районе было охвачено 14 колхозов и 72 колхозных бригады, то в апреле в соцсоревнование включилось 55 колхозов и 112 колхозных бригад (все имеющиеся в районе колхозные бригады и колхозы).

Чистка в ряде колхозов Сузунского района (Западная Сибирь) проходила в полевых бригадах и вызывала большой производственный под'ем. Артель «Якорь» первой в районе выполнила план взмета паров.

Многие районы края сумели не только выполнить, но и перевыполнить повышенные планы сева. В Исиль-Кульском районе, где велась систематическая подготовка к чистке, установленный план в 123 тыс. га и дополнительный в 12 тыс. га выполнены к 1/VI.

Иногда только благодаря помощи беспартийного актива партии удается вскрыть чуждые, классово враждебные, разложившиеся элементы. Только благодаря этой активности масс удается разбить кое-где «заговор молча-

ния». Посещаемость беспартийных собраний по чистке велика. Так например «Советская Сибирь» сообщает о чистке в Кузбассе:

«Широкие массы беспартийных рабочих, колхозников, инженеров и техников принимают активное участие в проводимой чистке партийных рядов. Об этом говорят цифры посещаемости собраний беспартийными: на чистке парторганизации ТЭЦ участвуют ежедневно от 250 до 400 беспартийных, на мехзаводе—450—500 чел., на Северной шахте—до 250 чел.

На Северной шахте по отчетному докладу парткома выступало 26 чел., в том числе 17 беспартийных рабочих.

Об отношении беспартийных рабочих к чистке партии свидетельствуют многочисленные записки, подаваемые в комиссии, письма в стенные газеты, в газету «Кузбасс», которые идут ежедневно буквально из каждого предприятия, где проходит чистка» («Советская Сибирь» от 3/VII).

По сообщению чувашской областной комиссии по чистке, на собраниях бывает более 500 чел., большинство—беспартийные. Так например в Красно-Четаевском районе на чистке 52 коммунистов участвовало 758 чел. Был задан 561 вопрос. Выступали в прениях 241 чел. При чистке парторганизации в колхозе «Семеть» (Котовский район, Горьковского края) присутствовали все колхозники и единоличники. В прениях выступило до 40 чел.: колхозники вскрывали недостатки работы партийцев.

Эта активность не везде одинакова. Повторяем, здесь очень большое значение имеют и участие парторганизации, и участие комсомола, и работа печати.

В связи с чисткой усилился приток рационализаторских предложений.

Инженер Окунев, член комиссии по чистке парторганизации управления Омской железной дороги, сконструировал специальный фильтр для цилиндровых масел.

В гараже завода горного оборудования (Новосибирск) рабочий Сургилов внес рационализаторское предложение по механизации выгрузки сыпучих грузов, что даст экономию в 115 000 руб. По инициативе рабочих создан институт бригадных бракеров на строительстве завода; 37 бракеров уже работают.

Самообязательства распространены довольно широко. Они являются одной из форм проявления активности масс в связи с чисткой. Парторганизация, если она внимательно присматривается и прислушивается к тому, что происходит на собраниях по чистке, имеет возможность во время этих собраний тщательно изучить актив, который и составит новые пополнения рядов нашей партии после чистки. Из этого актива мы должны будем с гораздо большей тщательностью чем до сих пор отбирать тех, кто достоин вступить в ряды ленинской партии. Одновременно растет приток заявлений о вступлении в сочувствующие.

В связи с этим необходимо отметить, что во многих организациях еще не приступили к созданию групп сочувствующих, а там, где они созданы, с сочувствующими и с переведенными в сочувствующие очень слабо занимаются, мало помогают этим товарищам пополнить проблемы и исправить ошибки, мешающие им стать настоящими членами партии, настоящими большевиками.

* * *

Чистка вскрыла в ряде организаций очень большую засоренность, которая об'ясняется прежде всего тем, что прием в партию производился во многих парторганизациях очень невнимательно, про-

верка вступающих зачастую отсутствовала. В ряде организаций чистка вскрывает «парадный» прием, прием гуртом, по спискам. Это один из главных каналов засорения нашей парторганизации непроверенными элементами, среди которых при чистке оказываются и классово чуждые и скрывшие от партии свое контрреволюционное прошлое, бывшие петлюровцы, махновцы, колчаковцы и т. п. Чистка партии вскрыла преступные элементы, которые вследствие слабо развитой самокритики, вернее, даже в результате зажима самокритики со стороны местных парторганизаций творили преступления, которые вскрыты были только во время чистки.

Вот например ряд фактов, относящихся к парторганизациям Харьковской области. В Липецком районе, в колхозе «Червона Украина», который об'единяет 136 хозяйств, из 11 чел., составлявших партийную организацию, большинство оказалось классово чуждыми людьми, которые своей подрывной, вредительской работой привели колхоз к развалу. Бывший председатель колхоза, кандидат партии с 1932 г., Гуренко, оказался сыном председателя волостного суда, имевшим наемных рабочих. Кладовщиком в колхозе был кандидат партии с 1932 г., Перепелица, бывший петлюровец, который занимался расхищением зерна и продуктов. Счетоводом в колхозе был член партии с 1931 г., Войтович, присланный в колхоз шефом—Научно-исследовательским сельскохозяйственным институтом. Этот Войтович оказался сыном царского охранника. Классово чуждые люди, пробравшиеся в парторганизацию колхоза, пьянствовали, вредительствовали и привели колхоз к полному развалу: у крупных быков оказались подрезанными ноги, весь сельхозинветарь был доведен до полуразрушенного состояния, учет трудодней запутан, продовольственные фонды расхищены и т. д. Колхозники были запуганы этой бандой; зная, например, что им назначают председателем колхоза их односельчанина, некоего Крутько, обманным путем пролезшего в партию, сына дьячка, тайного агента охранки, лишенца, они побоялись протестовать. Из 11 членов парторганизации этого колхоза комиссия исключила 7.

Подобные же факты выявлены в другом колхозе, «Красный партизан», в с. Андреевке, Корольского района.

В колхозе «Красный партизан» налицо все элементы морально-бытового разложения и сращивания членов партии с чуждыми элементами, систематическое пьянство, растраты колхозных фондов. В колхозе разворованы сотни центнеров хлеба. В отношении колхозников тоже проявлялись грубейший зажим, нарушение революционной законности. Когда взялись как следует за председателя колхоза Кравченко, члена партии с 1927 г., то оказалось, что он имеет две судимости, на два года был лишен свободы, дважды исключался из партии и имел другие партвзыскания. И вот такого проходимца ставят во главе колхоза! Подобные факты вскрыты в ряде организаций.

К сожалению, подобные явления имеются и на заводах. Взять хотя бы парторганизацию Карловского крахмального завода, который, между прочим, находится всего в 2 км от РПК. Директором завода состоял член партии с 1931 г., некий Деблер, участник Кронштадтского мятежа, впоследствии бежавший вместе с белыми в Финляндию, где и находился до 1924 г. Этот Деблер писал про себя в анкетах, что был красноармейцем. За 4 месяца крахмальный завод под его «руководством» дал около 30 тыс. руб. убытку. Деблер приютил кулаков, которые вместе с ним вредили социалистическому строительству.

На ст. Панютино (Лозовской район) в парторганизацию вагоноремонтного завода в результате притупления классовой бдительности пролезли классово чуждые элементы, искусно примазавшиеся к партии. Причем некоторые из них были на лучшем счету: например, Пасечник, член партии с 1926 г., мастер кузнечного цеха. Он был разоблачен на чистке. Отец и тесть Пасечника являлись членами контрреволюционного «Союза хлеборо-

бов», организаторами кулацких отрядов, боровшихся с красными партизанами. А Пасечник фактически прикрывал их деятельность. Когда проверяли парторганизацию Вагоноремонтного завода, то из 63 чел. исключили 10, перевели в кандидаты 4, в сочувствующие 7. В парторганизации службы движения той же станции выявлен некий Криворучко, кандидат партии с 1931 г. По анкетным данным, он происходил из середняков, служил в красной гвардии и в армии с 1917 по 1919 г. «Самодеятельный огород», председателем которого Криворучко был, он пустил по ветру, а когда взялись как следует за его проверку, то оказалось, что он вовсе не был красным партизаном, был у гайдамаков, а выдавал это за службу в Красной армии. Отец его имел 120 десятин земли, занимался ростовщичеством, продавал дома, был активным членом «Союза хлеборобов».

Ряд преступлений был вскрыт комиссией по чистке в совхозе «Перемога» (Волчанского района) и в свиносовхозе им. Ленина (Красноградского района). Дело о свиносовхозе «Перемога» передано прокуратуре. В 1933 г. здесь директором был некий Красман, который вместе с секретарем парторганизации совхоза Гуда и председателем рабочкома Рябоштаном форменным образом издевался над рабочими совхоза. Красман и его пособники совершили ряд уголовных преступлений, за которые заслуживают высшей меры наказания. Только после того как эти враги партии и рабочего класса были арестованы и комиссия провела раз'яснительную работу, рабочие совхоза на чистке начали безбоязненно вскрывать накопившиеся безобразия. При чистке вскрылись причины того, почему в 1933 г. в совхозе отход свиней достигал 1360 штук, т. е. 29,8% (одна треть всего поголовья!). Как же такие люди годами находились у нас в партии? Они могли оставаться в рядах партии только вследствие полной слепоты районного партийного руководства, полного невнимания к тому, что делается вокруг, бездушного отношения к нуждам и заявлениям рабочих.

В Кременчугском, Купянском и Балковском районах чистка вскрыла факты самого гнусного отношения к переселенцам.

Парторг колхозной парторганизации в Спирино (Ордынский район, Западная Сибирь) Капилюшин оказался членом карательного отряда. Этого «парторга» окружали жулики с партбилетом в кармане: 1) Гутнин—завхоз колхоза «Земледелец», служил в колчаковской армии, отступал с карательным отрядом Таренкова, имел в 1928 г. батраков в своем хозяйстве; 2) Оловянников—участник карательных экспедиций; 3) Антропов—был при Колчаке церковным старостой, служил в колчаковской самоохране, участвовал в военно-полевых судах; 4) Кавкаев — кулак, в партии с 1924 г., заведывал мельницей, все время жил в данном районе, трижды привлекался к партийной ответственности, имеет три выговора за пьянство, за растранжиривание гарнцевого сбора.

Секретарь парткома Омского лесозавода Бокк развалил всю работу по заводу. С 1924 по 1928 г. Бокк имел свою кустарную мастерскую, причем скрыл это от партии.

В Махач-Кала при чистке парторганизации курсов марксизма-ленинизма разоблачены два бывших городовых: Нуров и Алшабенков, скрывшие от партии свое прошлое. Алшабенков числится в партии с 1919 г., Нуров считался рабочим с 30-летним производственным стажем.

Чистка партии вскрыла преступные элементы, которые вследствие слабо развитой самокритики, вернее, вследствие зажима самокритики со стороны местных парторганизаций творили преступления, которые вскрыты были только во время чистки.

* * *

Что показала чистка этого года? Пока мы имеем далеко неполные сведения и только первые цифры прошедших чистку. По этим далеко неполным

сведениям на 1 июля 1934 г. из 25 949 членов партии исключено 12,8%; переведено в кандидаты 8,8%; переведено в сочувствующие 1,3%. Из 14 694 кандидатов исключено 21,6% и переведено в сочувствующие 18,9%. Можно заранее сказать, что эти цифры с дальнейшим ходом чистки претерпят изменения. В одних местах чистке подверглись в первую очередь «прорывные» районы, в других—лучшие организации. Но если взять даже эти цифры, то они показывают, что в проверяемых организациях состав примерно такой же, как и в других организациях, проверенных в 1933 г. Цифры исключенных в различных организациях по районам очень сильно колеблются. Однако мы должны сказать на основании первых итогов чистки, что подавляющая масса партийцев и в этих проверяемых партией областях и краях достойна носить звание ленинцев, достойна быть в рядах большевистской партии.

Это, конечно, не значит, что в проверенных организациях нет крупнейших недостатков. Выше мы перечислили ряд фактов, свидетельствующих о большой засоренности чуждыми элементами ряда организаций, причем эти чуждые люди ухитрялись годами обманывать партию. В Новосибирске в аппарате связи сидела целая группа бывших колчаковских офицеров. Это было возможно только при ослаблении партийной бдительности районного руководства или при отсутствии этой партийной бдительности. Как могла, например, творить безобразия группа чужаков в свиносовхозе «Перемога»? Мало того, что она развалила совхоз,—она совершила целый ряд преступлений, а районное руководство ничего об этом не знало. Не знал ничего и политотдел. Всякая критика была задавлена, и только комиссии по чистке удалось прорвать этот «заговор молчания», нарушить эту тишину и вскрыть безобразия и преступления, которые творились в этом зерносовхозе.

Комиссии по чистке вскрыли разлагающую работу остатков троцкистов и правооппортунистических элементов, двурушнически прикрывавших свою разлагающую работу внешним признанием генеральной линии партии.

Проверка показывает большой рост политического уровня парторганизаций, понимание задач, которые стоят перед партией. Но вместе с тем чистка партии обнаруживает факты ужасающей политической неграмотности. Перевод в кандидаты и сочувствующие большого числа членов парторганизаций показывает, что часть организаций отстала, что кое-где политико-воспитательная работа стоит на очень низком уровне, что постановка пропаганды ленинизма отстает от требований, пред'являемых уставом партии к каждому члену и кандидату. Проверка выполнения, например, второго параграфа устава, гласящего, что каждый член партии должен «неустанно работать над повышением своей идейной вооруженности, над усвоением основ марксизма-ленинизма, важнейших политических и организационных решений партии и раз'яснять их беспартийным массам», приводит к выводу, что это требование партии выполняется далеко не большинством членов парторганизаций. Очень многие не только не работают неустанно над повышением своей идейной вооруженности, над усвоением основ марксизма-ленинизма, но вообще не работают над собой. Нередко члены партии, проведшие в рядах парторганизаций больше десяти лет, ни одной работы Маркса, Энгельса, Ленина не читали. К этому требованию многие организации относились очень «либерально»: дескать, что с него требовать? Хороший парень. Насчет теории слабоват, правда, но сойдет и так!

Пора сделать вывод, который сделала вся партия, включив в свой устав этот пункт: от каждого члена партии мы вправе требовать, чтобы он работал над повышением своей идейной вооруженности, над усвоением основ марксизма-лени-

низма; хорошего мало, если член партии за десять лет не найдет времени, чтобы познакомиться с основными работами Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Надо, чтобы не только во время чистки партии, но во всей нашей повседневной работе систематически и настойчиво проводилось это требование повышения идейной вооруженности всех членов и кандидатов партии, усвоения основ марксизма-ленинизма. Проверка показывает, что многие члены партии не знают важнейших политических и организационных решений партии. А раз они их не знают, то, само собой разумеется, они не могут и раз'яснять их беспартийным массам. Многие члены партии и не думают о том, что в их обязанности входит—быть пропагандистами марксизма-ленинизма во всей своей повседневной работе.

Программа и устав партии—вот что должно служить во время чистки парторганизаций основой проверки политических знаний.

Мы не останавливаемся здесь на анекдотических ответах, которые может привести любая комиссия по чистке. Гораздо важнее то, и это сейчас надо подчеркнуть, что сами комиссии по чистке не всегда тщательно готовятся к проверке, задают вопросы, на которые сами не могут дать правильного ответа, или имеют лишь смутное представление о вопросе. Мне известен случай, когда комиссия по чистке задала вопрос: как Маркс относился к легальным марксистам, и член комиссии по чистке об'яснял, что Маркс особенно критиковал неправильные взгляды легальных марксистов на крестьянский вопрос. Другой член комиссии по чистке «раз'яснял», что Троцкий считал возможным построение социализма в СССР и в Америке. Мы не говорим уже о мудреных вопросах, которые члены комиссии по чистке задают иногда без учета уровня развития проверяемого. Так, в Маритуревском районе (Марийская область) члены комиссии задавали такие вопросы: «Какое различие в диалектическом понимании между Марксом и буржуазными теоретиками?», «Какое различие в познании мироздания между буржуазными теоретиками и марксистской теорией диалектического материализма?» Есть случаи, когда комиссии по чистке начетнически подходили к проверке. Так, одна из комиссий в Харьковской области требовала, чтобы 6 условий товарища Сталина перечислены были в том самом порядке, в каком они приведены в его речи. В Горьковском крае одна из комиссий спрашивала, сколько строчек в резолюции, принятой XVII партс'ездом по докладу товарища Сталина. Конечно, такое начетничество ничего общего не имеет с требованием партии о проверке политических знаний.

Для улучшения качества работы комиссий по чистке необходимо особенно настаивать на двух требованиях. Первое: чистка должна проводиться без торопливости, без спешки. А между тем ряд фактов, которыми мы располагаем, свидетельствует о том, что некоторые комиссии допускают торопливость при чистке. В газете «За социалистичні темпи» (орган Петровского РПК КП(б)У, Харьковской области) была помещена заметка, в которой сообщалось, что с 9 по 25 июня первичная комиссия по чистке под председательством тов. Носова проверила два парткомитета (один из них совхозный), 22 первичных колхозных парторганизации, 7 территориальных парт групп да еще 3 коммунистов-одиночек. Всего за это время комиссия проверила 100 членов и кандидатов партии, провела 26 собраний. Разве проводимая с такой спешкой чистка может дать нужные результаты? Ведь для правильного развертывания чистки необходимо накопление опыта, а эта комиссия без всякого накопления опыта начала сразу брать такие высокие темпы, каких не следует брать даже в конце чистки. Само собой разумеется, что в подобных случаях не может быть глубокого изучения проверяемой парторганизации, не может быть глубокого и всестороннего изуче-

ния всей работы тех предприятий, колхозов, совхозов, учреждений и отдельных коммунистов, которые подвергаются проверке.

Центральная комиссия по чистке уже не раз указывала на недопустимость спешки. Поспешная чистка не дает нам возможности вскрыть все недочеты, выявить чуждые элементы. Именно поспешная чистка приводит иногда к необходимости повторной чистки, что крайне нежелательно, так как повторная чистка в большинстве случаев свидетельствует о том, что первая чистка была недостаточно серьезна. Спешная чистка означает отсутствие внимательного изучения проверяемой организации. Спешная чистка не дает возможности закрепить результаты чистки, а закрепление результатов чистки имеет исключительно большое значение, не меньшее, чем сама очистка от негодных элементов. Там, где парторганизации не умеют закрепить результатов чистки, нередко падает производственный под'ем, достигнутый во время подготовки организации к чистке и во время проведения чистки.

Второе требование, непосредственно связанное с первым,— это требование высокого качества работы проверочных комиссий. Это не только вопрос о спешке. Это вопрос о методах: насколько сумели привлечь беспартийную массу, насколько сумели заинтересовать, расшевелить аудиторию живыми, конкретными вопросами, чтобы чистка партии воспринималась как самое острое проявление самокритики, чтобы она действительно прошла «освежающей грозой» над проверяемой организацией. Добиться высокого качества работы проверочных комиссий — это значит вовлечь в работу по чистке всю комсомольскую организацию, крепко связаться с профсоюзной организацией, раскачать эту профсоюзную организацию. Это значит тщательно проверить все материалы, которые имеются о том или ином партийце, о той или иной парторганизации. А то у нас сплошь да рядом партиец имеет судебные приговоры, о которых не знает парторганизация. Высокое качество проверки означает самое серьезное обдумывание вопросов, которые задаются проверяемому, и уменье комиссии дать на них настоящий большевистский ответ, если этого ответа не может дать проверяемый. Высокое качество проверки — это превращение чистки партии в действительную массовую школу политического воспитания.

* * *

Чистка парторганизаций в этом году отличается от чистки 1933 г. тем, что мы имеем возможность и обязаны проверить, как перестроилась работа парторганизаций на основе решений XVII с'езда, насколько решения XVII с'езда о перестройке всей партийной работы, а также работы советских, профсоюзных и других организаций усвоены членами партии и проводятся ими в жизнь. Мы должны констатировать, что проверка свидетельствует в первую очередь о том, что перестройка работы во многих организациях еще даже не началась. Формально районные комитеты перестроились. На деле же районный комитет зачастую еще не охватил работу каждого колхоза, каждого совхоза. Факты самого грубого нарушения революционной законности, извращения партийной линии, расхищения социалистической собственности и т. д., раскрытые комиссиями по чистке, показывают, что райкомы в целом ряде районов (например, в Волчанском, Валковском, Сахновщанском и ряде других районов Харьковской области) не знали, что делается у них в колхозах, совхозах, кто руководит ими, как руководит. Эти райкомы довольствовались поверхностными сведениями о состоянии партработы. Вот почему мог иметь место такой факт, что, например,

в одном колхозе парторгом в течение нескольких месяцев был беспартийный.

Проверка показывает, что в течение полугода, прошедшего со времени XVII с'езда партии, в сознание парторганизаций и каждого в отдельности партийца не внедрено еще то понимание обязанностей члена партии, которое развито в принятом XVII с'ездом уставе партии. До сих пор даже некоторые ответственные работники не знают важнейших решений партии и правительства и, само собой разумеется, не могут раз'яснять эти решения беспартийным массам. В Наркомземе Украины два ответственных работника — зам. наркомзема и заведующий совпартшколами — не знали решения партии и правительства о сельхозналоге, не знали, какие льготы правительство дает колхозникам, какие виды сельского хозяйства освобождаются от налога, причем заведующий совпартшколами пытался оправдать свое незнание тем, что это-де не входит в круг его обязанностей. Беспартийная масса очень живо реагирует на поведение коммунистов, которые должны быть ведущей силой, но на самом деле такой силой не являются, не показывают окружающим пример в работе. Лучшая часть партийцев, конечно, отчетливо сознает, что коммунисты должны играть ведущую роль во всех отраслях народного хозяйства, во всех областях партийной и советской работы, что они должны быть образцом соблюдения трудовой и государственной дисциплины, овладевать техникой своего дела, непрерывно повышая свою производственную деловую квалификацию.

Конечно, чистка партии повысила чувство ответственности всех проверяемых; в целом ряде случаев под влиянием чистки лучшая часть коммунистов повышает свою производственную энергию, «подтягивается». К сожалению, этот под'ем закрепляется не везде. Есть случаи, когда достигнутый во время чистки под'ем в выполнении хозяйственных заданий сводился на-нет, едва чистка окончена. Вот почему такое громадное значение имеет проверка того, как выполняются парторганизацией выводы и решения комиссии по чистке. Некоторые первичные районные комиссии думают, что работа комиссии по чистке окончена, как только об'явлены выводы по чистке той или иной организации. Это неправильно. Надо еще проверить, как проводятся в жизнь решения, как осуществляются выводы комиссии по чистке. Необходимо, чтобы каждая проверенная организация, каждый проверенный член партии знали, что за их работой наблюдает руководящая парторганизация, наблюдает комиссия по чистке и что она проверит еще, как коммунисты исправляют свои, замеченные во время чистки, ошибки, недочеты, как они ликвидируют прорывы. Эта сторона работы комиссии по чистке имеет огромное значение, иногда не меньшее, чем непосредственная проверка членов и кандидатов партии.

Комиссии по чистке должны чрезвычайно серьезно относиться к составлению выводов. Выводы должны охватывать все существенные стороны работы партийцев и каждой отдельной организации. Сплошь и рядом комиссия в результате своей работы составляет благие общие пожелания: «усилить», «развернуть», «обратить внимание» и т. п. А вот конкретные недостатки и ошибки сплошь и рядом не отмечаются; в выводах и предложениях также отсутствуют эта конкретность, действенность; а выводы и предложения комиссии должны быть боевым наказом парторганизации на дальнейший период работы. Они должны указывать путь исправления недостатков в работе данной парторганизации, должны крепить, усиливать связь с массами и доверие этих масс к партии.

Чистка партии показала также, что решение XVII с'езда об организации групп сочувствующих и о работе с сочувствующими еще не проведено в жизнь многими

парторганизациями. Группы сочувствующих только-только еще начинают создаваться, а опыт уже проверенных организаций показывает, что парторганизации еще не занялись как следует укреплением этих групп и систематической политической работой с сочувствующими. Отсюда опасность отрыва сочувствующих от партии.

Мы уже подчеркивали: чистка партии показала, что очень слабо обстоит дело с выполнением требований устава партии о том, что каждый член партии обязан неустанно работать над повышением своей идейной вооруженности, над усвоением основ марксизма-ленинизма. Слабость массово-политической работы—вот что вскрывают комиссии по чистке в очень многих районах и особенно в колхозах. Правда, политический уровень колхозника за последнее время в громадной степени вырос, но выросли ведь и вопросы, которые стоят перед каждым колхозником, выросли задачи, стоящие перед селом. Классовый враг не прекратил своей вредительской работы, попыток сорвать строительство социализма в деревне. Классовый враг достаточно удачно замаскировался; на селе, да и в городе он еще проникает иногда даже в сильнейшие наши крепости — на заводы, как это показал процесс диверсантов на Уралмашстрое. Ведь чистка парторганизаций таких крупнейших заводов, как «Серп и молот» в Харькове, Харьковский тракторный завод и другие передовые заводы, показала, что и там в отдельных цехах, иногда чрезвычайно ответственных и важных, классовый враг имел свою агентуру, разворовывая социалистическую собственность, срывая выполнение плана, разлагая пьянством и антисоветской агитацией часть рабочих.

Чистка партии показала, что далеко еще не изжиты в отдельных организациях всякого рода националистические уклоны. Это в особенности надо сказать об Украине и Средней Азии. Украинские националисты, как известно, свили себе гнездо в целом ряде научных и учебных учреждений УССР. Вот почему комиссия по чистке особенно серьезно остановилась на проверке партийцев в таких организациях, как ВУАМЛИН, где некоторые партийцы годами извращали линию марксизма-ленинизма.

Чистка показала, что партия далеко еще не очистилась от двурушнических троцкистских и правооппортунистических элементов, скрывающихся в рядах нашей партии. А сильнейшее революционное оружие, которое дает возможность коммунистам более успешно вести борьбу с классовым врагом, с националистами, двурушниками, с извратителями марксистско-ленинской идеологии, — классовая бдительность, идейная непримиримость — в значительной части проверяемых организаций недостаточно заострено. Отсюда вывод: необходимо самое серьезное внимание обратить на осуществление указаний товарища Сталина на XVII с'езде партии:

«1) Поднять теоретический уровень партии на должную высоту.

2) Усилить идеологическую работу во всех звеньях партии.

3) Вести неустанную пропаганду ленинизма в рядах партии.

4) Воспитывать парторганизации и окружающий их беспартийный актив в духе ленинского интернационализма.

5) Не замазывать, а критиковать смело отклонения некоторых товарищей от марксизма-ленинизма.

6) Систематически разоблачать идеологию и остатки идеологии враждебных ленинизму течений».

* * *

Комиссии по чистке на основе накопленного опыта должны учесть первые недочеты в своей работе, быстро, находу их исправить. Чистка партии должна быть поднята на высокий идейный уровень. Этот

высокий идейный уровень чистки необходимо сочетать с тщательной проверкой практической деятельности каждого отдельного коммуниста, каждой парторганизации, с точки зрения того, как они борются за выполнение решений XVII с'езда, за выполнение важнейших хозяйственных заданий партии и правительства. Областные и районные комиссии по чистке должны самым внимательным образом следить, чтобы комиссии по чистке не допускали спешки, торопливости в этой работе, чтобы качество работы проверочных комиссий находилось на должном уровне. Комиссия по чистке должна давать самый решительный отпор малейшим, каким бы то ни было попыткам сопротивляться чистке, попыткам зажима самокритики, сговора против чистки, круговой поруки. Эти факты комиссия по чистке должна разоблачать и предавать широкой огласке, делать все необходимые выводы, вплоть до исключения зажимщиков из партии. Комиссии по чистке должны, наконец, обратить внимание на факты, о которых говорил в своей речи на пленуме Комиссии партийного контроля тов. Л. М. **Каганович**:

«В некоторых организациях, например пензенской и т. п., особенно там, где за последние годы имелись хозяйственные достижения, появились элементы самоуспокоенности, бытовые излишества, обилие празднеств, встреч и проводов, банкетов по поводу и без поводов. Там не всегда в почете самокритика, и на этой почве начинают проявляться элементы разложения, засасывание даже хороших партийцев в обывательскую тину, ослабление бдительности и боевитости руководителей партийных организаций».

Факты, о которых говорил тов. Каганович, вскрыты были в ряде организаций. Достаточно напомнить разложение отдельных организаций в Астрахани, дело киевского облхозо и треста хлебопечения, хозяйничание спекулянтов в Одессе, чтобы видеть серьезность этих фактов, сигнализирующих о неблагополучии в отдельных парторганизациях. Вся партия и особенно «партийные коллегии должны вести не кампанейскую, а систематическую борьбу изо дня в день с этими болезненными явлениями» (Л. М. Каганович); комиссии по чистке должны крепко ударить по этим явлениям. При этом необходимо иметь в виду указания тов. Кагановича, что «при правильной постановке работы можно исправлять эти недостатки не столько большим количеством исключений из партии, сколько своевременным серьезным партийным предупреждением».

Комиссии по чистке и вся парторганизация в целом должны в гораздо большей степени поднять **работу печати**, освещающей ход чистки. До сих пор печать, даже центральная, недостаточно ярко и остро освещает ход чистки и факты, вскрываемые ею. Печать еще не мобилизовала в этом году должным образом общественное внимание вокруг чистки.

Поднятая на высокий идейный уровень, сосредоточенная на вскрытии всех некоммунистических элементов и на поднятии чувства ответственности у всех тех, кого комиссия по чистке оставляет в рядах партии, чистка является могучим средством укрепления проверяемых парторганизаций. Она даст возможность этим краям и областям с большим успехом выполнить задачи, поставленные перед ними партией. Она укрепит в еще большей степени доверие масс к нашей партии, связь с этими массами. Она выявит новый мощный актив, обеспечит пополнение партийных рядов людьми, испытанными и проверенными в борьбе за коммунизм.

На под'еме

М. Разумов

В прошлом году яровой сев по Восточносибирскому краю закончился 10 и ю л я, причем было выполнено только 85%, плана. В этом году к 1 и ю н я, т. е. на 40 дней раньше, полностью выполнен посевной план яровых, а к 10 июня засеяно сверх плана еще 100 тыс. га по колхозно-единоличному сектору. В этом году колхозы выполнили свой посевной план на 110,6%. План сева пшеницы в прошлом году был выполнен на 91%, в этом году — на 111%.

Большую роль в деле укрепления колхозов и организации производственного под'ема колхозников Восточносибирского края сыграла реорганизация сельскохозяйственных коммун (их в крае было 600) в артели. Работа эта началась в декабре и закончена была до сева, причем реорганизация сопровождалась выдачей большинству колхозников крупного рогатого скота из фонда коммуны (корова, нетель или телка).

Отсутствие в прошлом правильного руководства колхозным строительством и нездоровая погоня за темпами коллективизации в ущерб правильным формам ее привели к организации огромного количества карликовых колхозов. В некоторых селах существовало сразу 8—10 колхозов, многие из них по 5—10—15 дворов. Ясно, как работали такие «колхозы». Зачастую это были семейные группы с крайне слабыми кадрами и хозяйственной базой, работавшие без всякого контроля. Кулаку в таких колхозах было полное раздолье.

При реорганизации вопрос был поставлен так: один колхоз на село; лишь в особенно крупных селах оставлено было по два колхоза. Со стороны колхозников это мероприятие встретило полную поддержку. До начала сева реорганизации подверглось свыше тысячи колхозов; громадный положительный результат реорганизации выявился уже в весеннем севе.

Дисциплина в колхозах Восточной Сибири окрепла. Производительность труда поднялась. Это обеспечило высокое качество полевых работ. Сев проходил с небывалым под'емом.

В крае нет ни одного района и МТС и даже, пожалуй, ни одного колхоза, не выполнивших посевного плана.

Как добилась Восточная Сибирь успешного проведения ярового сева?

Огромное значение имели прежде всего внимание, которое уделял нашему краю товарищ Сталин, и помощь, оказанная краю ЦК партии и правительством ввиде семенной ссуды и льгот, открывающих широкие перспективы зажиточной жизни для колхозников края.

Заслуга партийной организации Восточной Сибири состоит в том, что она сумела правильно использовать это внимание и эту помощь, организовать мощный производственный под'ем, развернуть ударничество и социалистическое соревнование.

В результате успешно проведенного весеннего сева на полях края сейчас собирается богатый урожай. Каждому честному колхознику теперь ясно, что в этом году реальным является большой трудодень, который не только сде-

дает всех добросовестных колхозников края сытыми, одетыми и обутыми, но даст им возможность шагнуть вперед, к зажиточной колхозной жизни.

Конечно, хлеба, зреющие на полях, сами не пойдут в колхозные и совхозные закрома: должна быть обеспечена дружная уборка в самые короткие сроки и без потерь. Но для этого вся колхозная масса должна приложить все силы для успешного проведения хлебоуборочной кампании; работать на полях во время уборки надо еще более напряженно чем даже во время сева. Работать во всех колхозах и совхозах честно и по-ударному, охраняя каждый колос, беспощадно борясь с хищениями, — таков основной лозунг уборочной кампании.

Восточная Сибирь уже вступила в уборку. На 20 августа скошено 139 тыс. га, или 10% зерновых колосовых культур. Одновременно с уборкой началась и хлебосдача. Сейчас внимание восточносибирской парторганизации направлено на то, чтобы собрать без потерь богатый урожай. А для этого— больше внимания правильной организации уборочных работ и имеющимся в нашем распоряжении техническим средствам уборки.

В этом году наш край получает свыше 700 тракторов и конных жнеек, но надо заранее учесть, что одних этих машин не хватит: «коса-матушка» должна будет сослужить большую службу еще и в нынешнем году.

Восточносибирские колхозы и совхозы имеют свыше 25 тыс. сенокосилок. Практика показала, что на уборке хлебов сенокосилка вполне может заменить лобогрейку. Для этого необходимо лишь приделать к сенокосилке несложный жатвенный аппарат и добавить сиденье для скидальщика (или переставить вправо имеющееся на сенокосилке сиденье).

В центре внимания и заботы как и перед севом должна оставаться лошадь. А в крае есть еще много фактов варварского, вредительского, кулацкого отношения к лошади.

О лошади должен заботиться не только конюх: о лошади должен заботиться и тот колхозник, к которому она прикреплена. Без этого не укрепить наше тягло. Надо беречь коня как зеницу ока. Надо, чтобы каждый конюх усвоил, какая важная и ответственная роль на него возложена.

Нужно позаботиться о подготовке тракторов и с.-х. машин к уборочной кампании: вовремя произвести высококачественный ремонт, вовремя подготовить запасные части, подвезти к месту работы горючее, тщательно проверить состав трактористов, оставив только тех, которые показали себя на весеннем севе добросовестными и умелыми работниками.

К контролю над трактором, его ремонтом и подготовкой, над его работой надо привлечь всех колхозников-ударников.

Тракторист, который честно выполняет свои обязательства, у которого трактор работает бесперебойно, который изо дня в день перевыполняет нормы, дает высокое качество и экономит горючее, — такой тракторист должен стать самым знатным человеком в колхозной деревне. Он должен быть окружен почетом, особым вниманием и заботой.

Тракторист-разгильдяй, недобросовестно относящийся к своей работе и к доверенному ему трактору, является самым вредным человеком в колхозе. Поведение тракториста-разгильдяя должно обсуждаться на собраниях колхозников, к нему должны применяться все меры воздействия, вплоть до исключения из колхоза.

Культурные полевые станы на уборке еще более необходимы чем во

время весеннего сева. Если к началу уборочной повсеместно, даже там, где поля находятся на расстоянии полутора километров от деревни, не организованы культурные полевые станы, уборка сильно страдает, ибо каждый потерянный час обходится в тонны хлеба. Организация токов производится с расчетом максимального приближения их к месту уборки, чтобы по возможности избежать перевозок необмолоченного зерна.

Беда в том, что сами колхозники еще плохо дерутся за экономное расходование трудодней в колхозе. В колхозе должно быть как можно меньше «начальства»; надо, чтобы как можно больше людей было занято непосредственно на колхозном производстве, особенно сейчас в уборочную кампанию.

Нормы производительности на ручной и машинной уборке и на молотьбе должны выполняться систематически, с первого и до последнего дня уборочной кампании. «В страду день год кормит», — говорит мудрая крестьянская пословица. В прошлом году, к сожалению, это правило не соблюдалось. Не было порядка, не было и высокой производительности труда, и колхозы и колхозники оказались в тяжелом положении.

Правильная организация труда на уборке важна едва ли не больше чем даже во время сева. Звено, занятое срезкой, вязкой снопов и копнением, отвечает за потери, ответственными за качество уборки являются в первую очередь, конечно, звеновой и вязальщики. Если с первых же дней уборки обеспечен образцовый порядок, то потерь не будет. Каждый колхозник должен понять, что лучше убрать хлеб полностью во время вязки снопов и копнения, чем потом вторично выходить в поле и собирать колосья.

В нынешнем году ни в какой мере недопустимо повторение ошибок и недочетов прошлогодней уборки. Абсолютно нетерпимы такие антигосударственные явления, какие были допущены в прошлом году при уборке в Миндерлинском совхозе, Сухобузимского района. Этот совхоз «растерял» так много колосьев, что своими силами не мог их собрать и сдал 300 га уборочной площади в «концессию» некоему Голованову, исключенному из колхоза. «Концессионер» в свою очередь начал сдавать право на сбор колосьев в «аренду» единоличникам. Часть собранного Голованов отдавал совхозу, а львиную долю брал себе. Дело было настолько выгодно, что Голованов, не имевший ни лошади, ни хозяйства, заработав «на колосках», завел корову, лошадь, сбрую да еще хату капитально отремонтировал.

Потери и хищения разлагали колхозы, подрывали их хозяйственную базу, закрывали путь к зажиточной жизни, плодили лодырей и воров.

Если в прошлом году на уборке кое-где имела успех кулацкая агитация за увеличение потерь, кулацкая практика расхищения социалистического колхозного урожая, то это являлось результатом из рук вон плохого руководства сельским хозяйством в крае. Достаточно сказать, что по плану, составленному руководящими органами Восточной Сибири, предполагалось провести уборку... в 50 дней! Колхозные массы не были мобилизованы на уборку, на борьбу с потерями и хищениями. Закон от 7 августа 1932 г. об охране социалистической общественной собственности находил крайне слабое применение.

Отсюда совершенно очевидно, какое исключительное значение для успешной уборки урожая этого года в Восточной Сибири имеют решения пленума ЦК ВКП(б) об уборке и зернопоставках. Борьба с потерями и хищениями урожая, твердое осуществление закона от 7 августа 1932 г., большевистская организация зернопоставок и сдачи хлеба государству — вот что является основным, решающим во всей работе партийных, советских, хозяйственных организаций, политотделов МТС и совхозов, в работе каждого коммуниста и комсомольца Восточносибирского края.

Трудно найти сейчас колхозника, который не знал бы задачи, поставленной товарищем Сталиным, — сделать колхозы больше-

вистскими, а колхозников зажиточными. На основе этого указания товарища Сталина партийные организации края мобилизуют колхозные массы, одерживают победу за победой в колхозном строительстве. Однако, в то время как понятие о зажиточном колхознике хорошо усвоено всеми, в понятии о большевистском колхозе часто забывается основное — необходимость первоочередного выполнения колхозом и колхозниками своих обязательств перед государством (поставки зерна и мяса, маслоналог, мобилизация средств и пр.). Этой «забывчивостью» часто грешат руководители даже тех районов и МТС, которые по успехам в сельском хозяйстве могут быть признаны передовыми.

Сдача хлеба государству по Восточной Сибири заканчивалась обычно только в феврале—марте, причем план полностью не выполнялся. В нынешнем году это положение терпимо быть не может.

В привлекаемой к зернопоставкам части края (около двух третей всех посевных площадей) подлежит сдаче с колхозного гектара в среднем $2\frac{1}{2}$ ц, а вместе с возвратом полученной ссуды — около 3 ц. Это кроме натуроплаты за работу МТС! Правда, в условиях Восточной Сибири сдача хлеба осложняется громадными расстояниями и бездорожьем. Большой трудностью является и острый недостаток молотильного инвентаря, вследствие чего во многих колхозах и районах молотьба затягивается чуть ли не до весны. Однако несмотря на все эти трудности партийная организация края поставила перед собой задачу — сдать в этом году хлеб государству к годовщине Октябрьской революции. Эту задачу большевики Восточной Сибири сумеют по-боевому выполнить.

Выполнение плана сева по краю к 1 июня явилось крупным шагом в под'еме сельского хозяйства, в ликвидации недостатков работы в деревне. Закрепить успехи сева, успешно провести уборку и зернопоставки, продолжая энергичную борьбу за дальнейший под'ем социалистического сельского хозяйства, добиваясь могучего расцвета его, — вот важнейшая задача восточносибирских большевиков.

С под'емом сельского хозяйства теснейшим образом связаны перспективы развития всего народного хозяйства в крае. Добиться расцвета сельского хозяйства — это значит не только прекратить утечку людей из края, но и обеспечить все условия для большего заселения его, для освоения огромных земельных и лесных массивов, неисчерпаемых богатейших залежей ископаемых.

Любопытно сравнить заселенность Восточносибирского края с другими районами Советского союза. В обжитой части края, без Крайнего Севера, на 1 кв. км площади приходится 1,2 чел. В наиболее освоенной части края — Канскокрасноярский куст — 3,23 чел. В средне освоенной части (районы Восточного Забайкалья) — 2,19 чел., в Бурятии — 1,08 чел. В среднем по Советскому союзу на 1 кв. км приходится 8,3 жителя и даже по соседству — в Западной Сибири — имеется 6,8 жителя на 1 кв. км, т. е. почти в 6 раз больше чем в Восточносибирском крае, взятом без Крайнего Севера.

* * *

Проведена подготовка к яровому севу будущего года, так как яровые занимают около 85% всех посевных площадей края. Подготовиться к севу будущего года — это значит прежде всего обеспечить яровые нужным количеством паров. Трудности весеннего сева 1934 г. состояли в том, что у нас было очень мало паров, да и то главным образом однорядных, по которым сеять тяжелее чем по весновспашке.

На 25 июня 1934 г. установленный правительством план взмета паров выполнен полностью, в то время как в прошлом году на это же число было поднято только 14% паров, причем качество было несравненно более низкое.

Восточносибирский край ставит перед собой задачу — одним из первых в Союзе закончить озимый сев, обязательно требуя от колхозов и совхозов машинного сева на всей площади.

Перед весенним севом и в период сева 1934 г. около 15 тыс. единоличных хозяйств вступили в колхозы. Авторитет колхозов в Восточносибирском крае значительно возрос. А, как известно, такой авторитет могут иметь и имеют только те колхозы, где устанавливается большевистский порядок, где отчетливо на практике видны огромные преимущества колхозного труда. Однако в отдельных районах края еще имеется пренебрежительное отношение к вовлечению единоличников. С этим пренебрежительным отношением к единоличнику надо покончить: оно вредит росту и укреплению колхозной стройки.

В результате улучшения руководства сельским хозяйством, массовой организаторской работы деревенских партийных организаций, политотделов в колхозах Восточной Сибири растет крепкий актив передовиков-колхозников и колхозниц. Выковалось уже немало действительных героев колхозного строя — ударников высоких темпов и качества, передовых бойцов за превращение Восточной Сибири в передовой край. Эти лучшие люди колхозной деревни помогают партии в социалистическом перевоспитании широких масс колхозников, увлекают за собой все новые и новые тысячи колхозников на победоносную борьбу за большевистские колхозы, за культурную зажиточную жизнь.

Наряду с важнейшей задачей — поднятием благосостояния колхозников — в крае остро стоит вопрос об укреплении хозяйственно-материальной и культурной базы колхозов. Многие колхозы испытывают большую нужду в тяговой силе, сбруе, телегах. Редкий колхоз в Восточной Сибири имеет хлебный амбар, машинный сарай. Очень мало еще колхозных конюшен и скотных дворов. Школьные здания кое-где так ветхи, что того и гляди развалятся. Большинство школьных зданий тесно и не вмещает всех ребят.

Конечно, всего сразу не сделаешь, но уже в этом году, борясь за полноценность трудодня, необходимо удовлетворить те наиболее острые хозяйственные нужды колхозов, в которые упирается их дальнейшее развитие

* * *

Если в период весеннего сева партийная организация Восточной Сибири сумела добиться решающего перелома в полеводстве, то в ж и в о т н о в о д с т в е серьезных сдвигов еще нет. Между тем условия для большевистской организации этой работы сейчас особенно благоприятны.

XVII с'езд партии и последний пленум ЦК сосредоточили внимание всей нашей партии, всей страны на вопросах животноводства как центральной проблеме в сельском хозяйстве. Дана исчерпывающая конкретная боевая программа действий. Решения партии и правительства о льготах для Восточносибирского края значительно повышают заинтересованность колхозов и колхозников в животноводческой отрасли сельского хозяйства. Вместе с тем укрепление колхозного строя позволяет правильно сочетать работы, обеспечивая одновременное развитие и полеводства и животноводства. Ранние сроки и лучшее чем в прошлые годы качество сева, гарантирующие высокий урожай, открывают еще большие перспективы для под'ема животноводства.

Товарищ С т а л и н на XVII с'езде говорил: «Дело животноводства должны взять в свои руки вся партия, все наши работники, партийные и беспартийные, имея в виду, что проблема животноводства является теперь такой же первоочередной проблемой, какой была вчера уже разрешенная с успехом проблема зерновая».

Это указание товарища С т а л и н а особенно близко касается именно Во-

сточной Сибири — края в основном животноводческого, имеющего богатейшие перспективы для развития этой отрасли.

Однако надо прямо сказать, что это важнейшее указание вождя нашей партии осуществляется пока в совершенно недостаточной степени. Партийные организации еще не повернулись лицом к животноводству, нет твердого повседневного руководства даже основными мероприятиями по животноводству (случная кампания и др.). Нет надлежащего планирования, оперативного контроля. Очень плохо поставлен учет поголовья скота.

Случная кампания проходит крайне неудовлетворительно. На 10 июня по краю должно было быть покрыто 80—90% конематок, а покрыто всего 54% и только 49% маточного поголовья коров.

Неудовлетворительно обстоит дело и с сохранением молодняка. Правда, по сравнению с прошлым годом падеж молодняка сократился в полтора раза. Но в прошлом году падеж доходил чуть ли не до половины всего молодняка; поэтому теперешнее сокращение отхода молодняка ни в какой мере нельзя признать достаточным успехом. Некоторые районы все еще работают из рук вон плохо. Так, в Улан-Хилокском районе, вышедшем в весеннем севе на одно из первых мест в крае, падеж молодняка составляет: телята — 18, поросята — 16, ягнята — 32%. В Братском районе падеж телят составляет 16, ягнят — 13 и поросят — 57%. В Красночикойском районе (Забайкалье) падеж телят достигает 32%.

Но есть уже районы, где за сохранение молодняка начинают действительно бороться и достигли первых успехов. В качестве примера можно привести Акшинский — крупнейший животноводческий район Забайкалья, который, умело сочетая большевистскую борьбу за сев с борьбой за развитие животноводства, добился того, что падеж молодняка здесь незначителен: по телятам — 3,5, по поросятам и ягнятам—2%.

Чем об'ясняются плохие показатели в области животноводства во многих районах? Это ясно видно на примере Куйтунского района, где конская случка проведена на 15,5%. Оказывается, в этом районе не только РК и райисполком, но даже заведующий райзо и заведующий сектором животноводства совершенно не занимались вопросами животноводства. Заведующий сектором животноводства, будучи командирован в качестве уполномоченного по посевной, совершенно не интересовался, как проходит случная кампания, как поставлен уход за молодняком, и т. д. Старший зоотехник того же района Василенко не бывал в колхозах, на фермах, а отсиживался в канцелярии райземотдела. Естественно, что такие настроения полной бездеятельности и безответственности передавались и в села. Председатели сельсоветов и колхозов тоже очень мало интересовались ходом выполнения мероприятий по животноводству. Например председатель чеботарихинского сельсовета даже не имел плана случной кампании. В районе не учтены производители и используются они нерационально. Так, в сельхозартели «Дружная» на 3 коровы в обобществленном стаде имеется два симментальских быка-производителя, а в других колхозах породистых производителей вовсе нет, и никто в районе и в сельсовете не подумал о перераспределении быков по колхозам в порядке хозяйственных договоров.

Кайтунский район — не исключение.

Большим тормозом в выполнении мероприятий по животноводству является то, что до сих пор в колхозах не установлена правильная оплата труда в животноводстве; не применяется снижение или повышение оценок трудодня в соответствии с ходом случной кампании, выходом приплода и т. п. Не практикуется поощрение за хорошую работу. До сих пор на фермах и в обобществленном стаде нет ответственности за сохранение молодняка. Не только у колхозников, но и у районных работников укоренилась скверная привычка сваливать на «об'ективные» причины вину за провал тех или иных

мероприятий в области развития животноводства, за высокий отход молодняка. Какова действительная природа этих «об'ективных» причин, видно хотя бы из следующих примеров.

Работники Боргойского совхоза (сейчас этот совхоз является лучшим животноводческим совхозом в крае) в прошлом году заявили о появлении инфекционного аборта у овец, а при проверке оказалось, что никакого инфекционного аборта нет. Причиной выкидышей у овец было то, что в помещении для них были сделаны только одни двери, поэтому, когда овец выпускали, они бросались друг на друга, падали, давили друг друга. Немало погибло овец, пока была, наконец, установлена действительная причина выкидышей.

Нечто подобное произошло и на Селенгинской опытной станции. Среди телят появилось массовое воспаление легких. Долго не могли понять, в чем дело, и, конечно, как водится, ссылались на инфекцию. На самом же деле причина была очень проста: телята стояли на холодном полу и простуживались. После того как сделали настил на высоте примерно полуметра от холодного пола, заболевания и падеж прекратились.

Вот, оказывается, каковы «об'ективные» причины!

В борьбе за осуществление указаний товарища Сталина и решений пленума ЦК об улучшении и развитии животноводства у большевиков, руководителей районов, МТС, колхозов Восточной Сибири не может быть никаких ссылок на «об'ективные» условия. Нужен крутой поворот всех партийных, советских и хозяйственных организаций, политотделов края к вопросам животноводства, нужна упорная, настойчивая работа, боевая повседневная организация масс — и тогда успех в практическом разрешении этой первоочередной проблемы будет обеспечен наверняка.

Еще совершенно не развито в крае племенное дело, имеющее огромное значение для повышения мясной и молочной продуктивности скота. Для того чтобы начать эту работу, в край в этом году завозится 2,5 тыс. племенных баранов, около 2,5 тыс. бычков и телок и около 1700 свиней. Разумеется, такое количество не может удовлетворить полностью запросов края. Поэтому необходимо произвести тщательный учет всего имеющегося в крае племенного скота, поставить его в самые лучшие условия в смысле ухода и кормления и тем самым обеспечить максимальное увеличение числа улучшателей.

Для того чтобы большевистскими темпами поднять продуктивность животноводства, необходимо вплотную заняться созданием кормовой базы. Наличие в крае большого количества сенокосных и пастбищных угодий создает у районных руководителей и у колхозников пренебрежительное отношение к кормовым запасам. Недооценка этой области работы отрицательно сказывается на выполнении планов посева кормовых культур, закладки силоса. Люди не понимают той простой истины, что дело не только в количестве кормов, но и в составе этих кормов, в правильном сочетании грубых, сочных и концентрированных кормов в кормовых рационах. В прошлом году план силосования был установлен в 150 тыс. т, а выполнен он был менее чем наполовину. В этом году план установлен в 200 тыс. т, и он должен быть не только выполнен, но и перевыполнен, так как этого категорически требуют интересы развития животноводства в крае.

Восточная Сибирь имеет 10 млн. га сенокосных угодий и пастбищ (в полтора раза больше чем во всей Германии). Но убирали мы до сих пор только 2,5 млн. га, да и то с большим запозданием, в результате чего теряли огромное количество кормов. По теоретическим подсчетам, потеря питательных веществ в связи с уборкой перестойного сена эквивалентна примерно 100 млн. л молока. В этом году сенокос проводится как одна из важнейших сельскохозяйственных кампаний.

Несмотря на большое количество сенокосных и пастбищных угодий мы должны взяться за посев кормовых трав и корнеплодов. Этот вопрос стоит наиболее остро для западных районов, где обеспеченность естественными кормовыми угодьями значительно ниже чем во всех остальных районах.

Особо стоит вопрос об использовании естественной кормовой базы в Забайкальской части края—Бурятии—и Читинской области. При высокой обеспеченности скотом (на одно колхозное хозяйство приходится до 30 и более голов крупного рогатого скота) нет никакой возможности при имеющихся трудовых ресурсах обеспечить заготовку кормов и круглогодовое стойловое содержание для всего скота. Вот почему экстенсивная форма животноводства с круглогодовой или почти круглогодовой пастьбой значительной части скота неизбежно сохранится еще в восточной части края наряду с интенсивной, более культурной формой животноводства.

В восточной части края колхозы с большим поголовьем скота должны иметь два стада, концентрируя в одном из них молочный скот в количестве, которое может быть обслужено культурно и для которого могут быть заготовлены корма на всю зиму. Второе стадо, имеющее мясное направление, должно быть расположено в ряде точек с таким расчетом, чтобы обеспечить содержание главным образом на подножном корму. Корма для второго стада должны запасаться только на случай неблагоприятных условий пастьбы.

Некоторые товарищи возражают против такой организации животноводства на востоке, расценивая это как шаг назад. Эти товарищи не понимают того, что невозможно иначе в ближайшие годы разрешить проблему более полного использования богатейших подножных кормов. Вот например сельхозартель им. товарища Сталина в Селенгинском аймаке. На 200 хозяйств там имеется 8 тыс. голов скота. Разве в состоянии колхоз обслужить такое стадо при стойловом его содержании зимой? Разве может колхоз заготовить для такого количества скота грубые корма на всю зиму? То же самое можно сказать о колхозе им. тов. Ворошилова в Агинском аймаке, где на 100 хозяйств имеется 6 тыс. голов скота.

Большую роль в борьбе с недостатками в области животноводства играет обеспечение скота теплыми конюшнями, скотными дворами, свинарниками и т. д. Казалось бы, суровый климат Восточной Сибири должен побуждать колхозы к возведению хороших животноводческих построек, тем более что обилие леса дает для этого все возможности. Однако до сих пор строительство в колхозах развертывалось крайне слабыми темпами. Партийная организация края решила по-большевистски развернуть в этом году обобществленное строительство в колхозах: строятся хорошие скотные дворы, свинарники, теплые конюшни.

Едва ли во всем Союзе есть край или область, где дело обстояло бы хуже чем в Восточной Сибири в смысле ветеринарного и зоотехнического обслуживания. На все районы Восточносибирского края имеется только 28 ветврачей и около 200 ветфельдшеров и техников, причем кадры эти очень низкой квалификации. С таким положением мириться никак нельзя. В ближайшее же время мы должны обеспечить районы хорошо подготовленными ветеринарными и зоотехническими кадрами и вместе с тем настойчиво выдвигать новые кадры из среды опытных колхозников-ударников.

Поэтому первейшей заботой краевой партийной организации является подготовка животноводческих колхозных кадров.

Особое значение в условиях Восточной Сибири, где пастбищное содержание скота играет большую роль, приобретает подбор хороших пастухов. До сих пор на это обращалось мало внимания, и пастух, на котором в летнее время — а в Забайкалье и в зимнее — по существу лежит вся забота о скоте, не пользовался нужным вниманием. С этим необходимо покончить. Пастух должен стать центральной фигурой животноводства в крае.

Отчаянное сопротивление развернутому социалистическому наступлению, колхозному строительству продолжают оказывать кулацкие недобитки, кулацкая агентура, выступающие в самых различных замаскированных формах. Классовому врагу или его агенту иногда удается пролезть на ответственную должность в колхозе. Сидя там, он ведет разлагающую работу, пытается снизить производительность труда, вызвать у колхозников недобросовестное отношение к общественному имуществу, к колхозному коню, увеличить потери на колхозных и совхозных полях. За полгода было около 40 случаев поджога колхозного и совхозного имущества кулацкими элементами. Бичом сельского хозяйства в крае остается конокрадство. В мае, по далеко неполным данным, было 70 случаев кражи коней. Это показывает, что охрана колхозного имущества еще не организована по-настоящему. В каждом колхозе нужно добиться надлежащей охраны лошадей, выдвинув на это дело таких людей, которые не предадут, не прозевают врага, покушающегося на социалистическую собственность.

Одним из проявлений кулацкой активности является попытка распространить среди колхозников картежную игру. Это наблюдалось во время весеннего сева в таких районах, как Качугский, Эхирит-Булагатский, Боханский, Саянский и др. На первый взгляд—явление это мелкое, случайное. На самом же деле оно пагубно отражалось на трудовой дисциплине, на качестве работы, на отношении к колхозной собственности.

Коммунисты и комсомольцы—руководители колхозов, колхозный актив, ударники должны неустанно, бдительно следить за всякими маневрами кулачества, вовремя разоблачать воровские махинации классового врага и быстро пресекать их.

* * *

Товарищ Сталин в своей речи о работе в деревне на январском пленуме ЦК и ЦКК в 1933 г. учил партию, что самое главное, самое важное в деле социалистического переустройства сельского хозяйства—это коренное улучшение партийного руководства деревней, конкретность, оперативность руководства, знание дела, уменье воспитать крепкие кадры организаторов социалистического сельского хозяйства из среды самих колхозников.

Надо всегда помнить указание товарища Сталина, что в плохой работе колхозов виноваты мы сами—коммунисты-руководители.

Первым условием правильного руководства работой в деревне является: «Поменьше суматохи, побольше оперативного, действительно конкретного руководства» (Сталин). На практике же иногда получается иное. В села едут десятки и сотни уполномоченных, ибо некоторые руководители считают, что вся задача состоит в том, чтобы как можно больше послать в деревню народу. Зачастую вместе с действительно полезными людьми, способными оказать реальную помощь колхозам, в деревню попадают люди, не знающие сельского хозяйства, недостаточно политически и культурно развитые.

В Устьудинском районе есть колхоз под названием «МДК» (Международный день кооперации).

В этом колхозе в самое горячее время посевной мы застали в канцелярии счетовода, бригадира и еще кое-кого из руководителей (всего в колхозе 40 трудоспособных, а начальства—5 человек).

— Почему вы, здоровые люди,—спрашиваем их,—не на поле?

Они немного смутились, а потом счетовод говорит:

— Как же мы будем на поле, когда здесь каждый день столько уполномоченных ездит? Вдруг приедут и не застанут нас. Скажут, что мы прячемся.

Действительно, во многих колхозах «принимать» уполномоченных приходится по нескольку раз в день.

Люди, посылаемые на уборочную кампанию из края и районов, должны быть проверены, должны понимать дело, уметь поставить массовую политическую работу в бригадах. Особое внимание должно быть приковано к укреплению первичных партийных организаций, сплочению вокруг них колхозного актива, чтобы сделать эти первичные организации действительной опорой партии во всей работе на селе. К сожалению, в практике работы уполномоченных нередко встречается игнорирование низовых парторганизаций, игнорирование парторгов, колхозного актива. Много еще есть фактов подмены массовой работы командованием.

Для того чтобы улучшить руководство деревней, мы должны тщательно изучать работу колхозов, причины прорывов, причины отставания, с тем чтобы иметь возможность быстро и правильно осуществлять такие организационные мероприятия, которые бы способствовали под'ему колхозов. К сожалению, кое-где в районах предпочитают действовать наскоком.

У нас иногда нет чуткого, бережного отношения к людям. И это бездушное, формально бюрократическое отношение идет вразрез с интересами колхозного дела. Вот вопиющий факт. Бригадир Винокуров, один из лучших бригадиров края, дельный грамотный старик, хорошо знающий сельское хозяйство, заслуженно пользуется уважением колхозников. Вдруг в начале мая против Винокурова возникает дело. Суть обвинения сводится к следующему: на 35 га, засеянных бригадой вручную, процентов 7—10 семян оказались на поверхности. Винокурову было предложено заделать семена волокушей, а он предпочел произвести заделку бороной. Комиссия с участием агронома, осмотрев участок, признала, что боронить было нельзя, так как зерно уже дало ростки. Комиссия пришла к выводу, что процентов 40 посева надо признать погибшими, а действия Винокурова—вредительскими.

Тов. Грецов, старый партиец, авторитетный товарищ, которого крайком послал расследовать это дело, сообщил, что всходы на участке, посеянном вручную, превосходные и что Винокуров, основываясь на своем опыте, поступил совершенно правильно, заделав семена бороной. Бригада Винокурова закончила сев первой в колхозе, и по качеству работа бригады признана превосходной. В ходе расследования выявилось, что обвинения против Винокурова выдвигались и раньше, его травили за то, что он якобы кулак. При проверке это было целиком опровергнуто. Характерно, что наиболее рьяными обвинителями Винокурова выступали Смольщиков (помощник бригадира), лодырь и горький пьяница; Иванова (председатель сельсовета), снятая с работы за развал дела и растрату; Горлин, изгнанный из колхоза за дезорганизаторскую работу. Нужно отметить, что секретарь райкома тов. Дружинин и политотдел оказали серьезную поддержку Винокурову. Но только вмешательство крайкома партии окончательно положило конец травле. Уполномоченный райкома тов. Богданович придерживался совершенно недопустимой позиции невмешательства, рассуждая, видимо, так: «Великое дело—одним бригадиром больше или меньше». Этот уполномоченный благодушно смотрел на травлю честного колхозника.

Образцы работы по воспитанию колхозников, по выращиванию колхозного актива дали Баяндаевская и Тункинская МТС, Сретенский и Оловяннинский районы и особенно Оловяннинская МТС, Эхирит-Булагатский аймак, Боргойский совхоз. Их руководители действительно поняли, что на них возлагается ответственность не только за с.-х. машины, но и за людей, без правильного использования и воспитания которых нельзя добиться успеха

К сожалению, некоторые начальники политотделов не усвоили еще как следует указаний тт. Сталина и Кагановича о том, что политотделы должны укреплять в деревне партийные организации, выращивать кадры колхозных организаторов. Некоторые работники политотделов, совхозов и МТС забывают о своей основной задаче, подменяют директора, смазывая тем са-

мым значение единоначалия. Пример правильных взаимоотношений между начальниками политотделов и директорами МТС дают Абанская, Баяндаевская, Тункинская, Оловянинская и ряд других МТС. Там нет споров из-за руководства, из-за власти. Начальник политотдела всячески стремится поддержать авторитет директора МТС, ибо если директора не будут уважать, то никакого порядка, никакой дисциплины на машинно-тракторной станции не будет. Дружная работа дирекции и политотделов обеспечила улучшение работы МТС, и это явилось одним из основных условий успешного проведения весеннего сева.

Понятно, что руководить нужно не только «добрым словом», убеждением. Вовремя наказать кого следует—значит предупредить многие нарушения интересов колхозного строительства. Речь идет лишь о более вдумчивом и серьезном отношении к людям. С неразоблаченными кулаками и вредителями, пробравшимися в колхозы, нужно вести беспощадную большевистскую борьбу. Воров, пьяниц, разгильдяев нужно наказывать так, чтобы другим неповадно было; колхозные массы будут в этом полностью нас поддерживать.

* * *

Проведение решающих кампаний этого сельскохозяйственного года, своевременное и полное выполнение обязательств перед государством, развитие животноводства—все это требует от партийных, советских и хозяйственных организаций края огромной инициативы и энергии, настойчивой боевой работы.

Окрепшая и сплотившаяся партийная организация Восточной Сибири, опираясь на широкий актив колхозников, по-большевистски мобилизует все свои силы для победного завершения впервые успешно начатого сельскохозяйственного года. Нет сомнения в том, что большевики края окажутся на высоте поставленных перед ними партией и правительством задач и уже в этом году добьются значительного укрепления сельского хозяйства края и дальнейшего мощного его развития.

Оборона страны и задачи Осоавиахима

Р. Эйдеман

I.

Последние годы, годы лихорадочных военных приготовлений, быстрой смены технической оснастки, реорганизации армий во всех без исключения капиталистических странах, решительно изменили все старые, установившиеся после мировой войны взгляды на организацию обороны страны.

Буржуазные военные теоретики (Фуллер, Лиддел-Гарт, Дуэ, Арманго и другие, даже японские борзописцы типа Хирата и Фукунага) при всех разногласиях, существующих между ними, сходятся в целом ряде положений, в основном определяющих характер будущей войны. Прежде всего они единодушно сходятся на том, что в будущей войне ликвидируется прежняя резкая грань между фронтом и тылом. Не говоря уже о том, что победа в современной войне целиком зависит от общего экономического состояния страны, от предельных возможностей ее промышленности, от величайшего напряжения всех ее материальных ресурсов и, следовательно, от косвенного участия в войне всего населения, последнему придется и непосредственно участвовать в тех или иных боевых событиях. Достаточно указать, что глубина фронтовых операций может достигать теперь 200—300 км; наземные средства борьбы будут иметь огромный радиус действия, ибо по сравнению с войной 1914—1918 гг. в несколько раз возросли дальнобойность артиллерийских орудий, мощность и скорость танков, подвижность моторизированных частей армии. Если принять во внимание неизмеримо возросший масштаб стратегических операций и, следовательно, неизбежность временных перемещений самого фронта на большие расстояния, то становится ясно, что арена непосредственного «театра войны» расширяется в несколько раз. Помимо этого выдвижение авиации на одно из первых (а по мнению ряда буржуазных военных специалистов, на одно из решающих) мест превращает сейчас самые отдаленные от границ центры воюющей страны в такой же участок фронта, каким прежде являлись лишь пограничные зоны.

Второе, на чем сходится большинство военных специалистов буржуазии, — это новые, более быстрые темпы развертывания современной войны, быстрое вступление войны в ее наивысшую фазу. Внезапное нападение — этот «последний крик» военной «моды» нашей эпохи — возведено сейчас в ранг вполне равноправной теоретической школы именно потому, что сроки мобилизации армий значительно сократились.

Невиданная еще до сих пор жестокость — таково третье отличие современной войны. Атака с воздуха жизненных пунктов неприятельской территории с целью полного расстройства тыла и деморализации всего населения — таков лейтмотив самых разнообразных теорий, развиваемых многочисленными военными писателями. «Немедленное, массовое, интенсивное, жестокое и беспощадное применение всех сил воздушной армии, чтобы не дать противнику опомниться и выиграть время»,— вот план итальянского

генерала Дуэ; «атака на гражданскую волю» — план английского писателя Фуллера; «удары против чувствительных пунктов территории противника до самого сердца страны» — план французского генерала Арманго; наконец, описание гибели Парижа в романе германского майора Гельдерса «Воздушная война 1936 г.», когда в ужасных мучениях в одну ночь гибнет почти все население многомиллионного города,— вот воображаемые пока что картины этой грядущей войны.

Наконец, четвертое и последнее, общее всем военным теориям положение — это неизмеримо возросшая роль техники.

Высокая военная техника — коренное отличие сегодняшних армий. Однако именно здесь ярче всего сказывается тот острый кризис, который в настоящее время переживает вся буржуазная военная мысль в вопросе о путях развития и строительства современных армий.

Этот кризис военной мысли является отражением величайшего кризиса буржуазной массовой, «всенародной» армии. Прошли времена молодости буржуазии как класса, когда она являлась организатором национальных армий. Устарела и оказалась негодной в эпоху империализма система всеобщей и всенародной воинской повинности, возникшая и оформившаяся на заре буржуазной государственности. Все чаще и чаще буржуазные военные теоретики выступают сейчас с разнообразнейшими проектами «маленьких» армий, армий профессионалов войны, отборных и верных защитников буржуазного строя, армий, в которых машина заменяет ненадежного человека. Таковы теории генерала Фуллера и ряда других крупнейших военных специалистов.

II

Победивший пролетариат нашей страны стал единственным организатором широчайших народных масс в деле защиты своей социалистической родины.

Только в нашей стране в момент опасности может быть и будет создана подлинно всенародная армия, армия социалистической родины пролетариев всего мира. И если Красная армия является сейчас численно, в процентном отношении ко всему населению и пропорционально протяженности наших границ, самой маленькой армией в мире, то одновременно она является единственной подлинно народной, подлинно массовой армией. Массобоязнь, которой страдают буржуазные генералы, стремящиеся к новым вооружениям и увеличению армий («массы» у них—это шуцбундовцы в Вене, это парижские забастовщики, это бойцы баррикад Амстердама, это, наконец, непобедимые германские пролетарии),—это явление совершенно незнакомо одной лишь Красной армии, окруженной любовью миллионов трудящихся всех национальностей, населяющих нашу страну. Резервы Красной армии неисчислимы.

Наглядным выражением могучего массового базиса нашей советской рабоче-крестьянской Красной армии является многомиллионный Осоавиахим.

Осоавиахим, одна из замечательнейших массовых добровольных организаций пролетариата, необычайно наглядно доказывает историческую правильность учения марксизма-ленинизма о войне и организации вооруженных сил пролетариата. Маленькая кадровая Красная армия окружена миллионами добровольцев обороны, активных строителей социализма и крепкой обороны своей социалистической родины. Это мыслимо только у нас, в СССР, где оборона стала доподлинно делом широчайших народных масс

Вступая в ряды Осоавиахима, своей родной пролетарской организации, в которой он знакомится с современной военной техникой, рабочий и колхоз-

ник осуществляет наказ Ленина: учись хорошенько военному делу — эта наука необходима для пролетариев, не для того, чтобы стрелять в своих братьев — рабочих других стран, а для того, чтобы положить конец эксплоатации, нищете и войнам.

В самом деле: не имеем ли мы в лице Осоавиахима, этой массовой самодеятельной добровольной организации народных масс, одну из форм возникновения подлинно народной милиции в стране, где оборона стала действительно делом народа?

Размах работы Осоавиахима сильно увеличился за последние годы. Если прежде, в восстановительный период, его задачи в основном сводились к организации материально-технической помощи Красной армии, к пропагандистской и агитационной работе в области авиации и химии, то сейчас сами массы требуют от Осоавиахима конкретной работы над укреплением обороны страны в сочетании с удовлетворением возросших культурных запросов. Это факт огромного политического значения. Именно возросшая политическая активность масс, в частности нашей комсомольской молодежи, потребовала развертывания работы Осоавиахима в направлении непосредственного удовлетворения желания трудящихся города и деревни овладеть техникой военного дела. Эту работу Осоавиахим осуществляет через широко развитую сеть многочисленных учебных пунктов и школ. Лагери Осоавиахима в целом ряде мест стали уже одной из основных форм летней массовой работы комсомольских, профсоюзных и осоавиахимовских организаций. Эти лагери организуют здоровый отдых трудящихся на воздухе, солнце, на воде, обслуживают их культурные запросы и сочетают конкретное изучение военного дела с разумным отдыхом и развлечениями. Лагери становятся очагами физкультурного и стрелкового дела в стране.

Культурный рост трудящихся масс сказывается и в огромной их тяге к овладению авиационной техникой. Растет интерес к химии и ее культурно-экономическому применению в народном хозяйстве. Этот факт нашел выражение в развертываемой Осоавиахимом борьбе с вредителями складского и сельского хозяйства, в создании многочисленных химических отрядов на селе, в широком развитии противохимической и противовоздушной работы и т. д.

Похоже ли все это на «вторую Красную армию»? Утверждая это, буржуазные журналисты лишь исполняют «социальный заказ» своих хозяев, заинтересованных в том, чтобы изобразить Осоавиахим как «страшную» дополнительную вооруженную силу. Для этого буржуазным писакам приходится прибегать к прямой клевете:

«Теперь организация Осоавиахим будет подчиняться генеральному штабу Красной армии»,—пишет, например, «Берлинер-тагеблатт». «Новая вооруженная сила в количестве 300 тыс. будет создана в ближайшее время»,— сообщает 18 апреля «Дейли телеграф» по поводу обращения ВЦСПС к профсоюзным организациям о содействии подготовке «ворошиловских стрелков».

Звериный страх перед сокрушительной силой освобожденного 170-миллионного народа, у которого стремление к миру сочетается с готовностью в любую минуту дать решительный отпор империалистическим хищникам, чувствуется во всех подобных агитационно-клеветнических выступлениях, пытающихся Осоавиахим, эту подлинно массовую организацию, свести к ограниченной по размаху организации профессионалов военного дела. Этот страх понятен. «Не случайно,—говорил недавно тов. Ворошилов в беседе с рабочими-осоавиахимовцами Сталинского района, — что и сейчас иностранцы, присутствующие на наших парадах, обращают особое внимание на наши рабочие осоавиахимовские отряды. Они понимают, что страна, которая может выставить такие отряды,—непобедима. Эту силу нельзя преодолеть».

Оборонная подготовка миллионов граждан, занятых мирной строитель-

ной работой, не может протекать в форме расплывчатых и случайных мероприятий. Она требует большой организованности. Но господа капиталистические газетчики одичавшей от фашистских костров и погромов Европы лгут. Миллионы осоавиахимовцев не представляют собой постоянных армейских соединений. У них нет постоянно действующих корпусов и дивизий. Осоавиахим—это детище пролетариата, самого организованного в мире класса. Вот почему, когда кружок стрелков-ворошиловцев выходит на улицу, когда пятитысячный коллектив Электрозавода с песнями едет на военизированную прогулку в свой подшефный колхоз, осоавиахимовцы идут стройными рядами под руководством своих испытанных в прошлых боях командиров.

Осоавиахим—это массовое добровольное общество, подобного которому нет и не может быть в буржуазном государстве. Выполняя волю миллионов друзей обороны, Осоавиахим взял на себя роль военного организатора гражданского населения страны. Успех обороны страны в условиях современной войны будет решаться не только на фронте (понятие к тому же сейчас весьма условное), но и на каждом заводе, на каждой фабрике, в каждом колхозе и совхозе.

Значение оборонной организованности всего гражданского населения обусловливается в первую очередь огромным развитием (в качественном и количественном отношении) современных воздушных флотов. Чем несовершеннее организация гражданского населения, тем больший успех сулит воздушное нападение. Немецкий военный писатель майор Гельдерс в своей полубеллетристической книге «Воздушная война 1936 г.», о которой мы уже упоминали, дает яркую картину гибели Парижа, атакуемого могущественными воздушными силами противника, причем Париж гибнет прежде всего потому, что его населением овладевает разрушающая паника, сковывающая и парализующая действие самой авиации.

Оборонная работа Осоавиахима направлена на осуществление главной задачи — практического содействия миллионам в овладении современной военной техникой. Борьба за воспитание меткого и сверхметкого стрелка, подготовка широких масс к противовоздушной и противохимической обороне, изучение мотора, самолета и автомашины, овладение самолетом и планером, овладение парашютом—таковы конкретные задачи осоавиахимовских организаций.

Около года назад появился у нас значок «ворошиловский стрелок». Для получения его требуется быть не только метким стрелком, но и ударником производства. За один год «ворошиловский значок» успел стать популярнейшим и почетным отличием. Заводы и цеха соревнуются в количестве подготовленных «ворошиловцев». Горделиво красуется этот яркий значок на груди юноши-комсомольца, работницы-девушки, старика-партизана.

Широко развернулась в начале текущего года «Ворошиловская эстафета им. XVII с'езда ВКП(б) и 16-летия РККА». Эстафету провели ленинский комсомол и Осоавиахим; около 100 тыс. «ворошиловских стрелков» рапортовали от имени Осоавиахима с'езду большевиков и вождю ленинской партии. К 1 Мая число «ворошиловцев» перевалило за 200 тыс., а сейчас достигает уже 300 тыс. Это подлинно лучший актив наших оборонных организаций, это застрельщики дальнейшей борьбы рабочих и колхозников за овладение военной техникой. Московский завод «Борец» по праву завоевал в «Ворошиловской эстафете» одно из первых мест в Союзе: из 2 тыс. рабочих и работниц завода свыше 1 тыс. сдали нормы «ворошиловского стрелка» к открытию XVII партс'езда.

Подготовка стрелков и дальнейшее их совершенствование, соревнования фабричных, колхозных, районных команд, соревнования мастеров стрелкового спорта, которые проводит Осоавиахим, военно-технический минимум комсо-

мола, профсоюзный конкурс «ворошиловских стрелков»—все это важные и серьезные мероприятия в общей подготовке страны к обороне. Через овладение винтовкой идет овладение всеми высотами современной военной техники, которая не только не исключает, не умаляет значения меткого стрелка, но пред'являет в этом отношении все более высокие требования. Танк, самолет, бронемашина действительны лишь при наличии метких, высококвалифицированных стрелков и пулеметчиков; борьба с ними также немыслима без отличного стрелка.

Каждый передовой директор социалистического предприятия заинтересован в успешном развертывании подготовки «ворошиловских стрелков». «Ворошиловский стрелок»—ведь это ударник производства. Человек, овладевший техникой стрельбы, научившийся беречь винтовку, выработавший меткий глазомер, навыки четкости, точности в работе,—такой человек лучше и организованнее будет овладевать и своей производственной техникой. Борьба за «ворошиловского стрелка» становится составной частью общей борьбы предприятия за подготовку технически квалифицированных, организованных и дисциплинированных кадров производственников.

Массовый поход за овладение стрелковым искусством расширил и поднял на новую высоту всю практическую работу Осоавиахима. Почти бесспорным мерилом работоспособности организации является сейчас количество и качество подготовленных ею «ворошиловцев».

Значительный размах приняла за последние годы и авиационная работа Осоавиахима. Энтузиазм пролетарской и колхозной молодежи, всеобщее увлечение авиационной техникой нашли свое выражение в небывалой тяге к изучению мотора, самолета, планера, в авиомоделизме и парашютном спорте. Осоавиахим, работающий в этой области рука об руку с ленинским комсомолом—шефом воздушного флота, стал организатором этой творческой активности масс.

Успехи нашей авиационной промышленности, вызванной к жизни могучим индустриальным под'емом всей страны, растущая роль авиации во всех отраслях социалистического строительства и в деле обороны страны—все это потребовало на пороге второй пятилетки новой организации подготовки кадров воздушного флота. Не сотни, а десятки тысяч летчиков нужны теперь нашей стране. Школу Осоавиахима, где обучались десятки людей, сменяет аэроклуб, где без отрыва от производства сотни и тысячи рабочих и колхозников могут научиться летать.

Программой действий для нашей авиационной общественности стал призыв тов. Ворошилова: «Ни одного промышленного центра без аэроклуба, ни одного завода без кружка планеристов, ни одной школы без кружка авиомоделистов».

Истекший год был периодом упорной борьбы за реализацию этой программы: за строительство аэроклубов, за создание сети планерных и авиомодельных кружков. В 1933 г. впервые был отпразднован Всесоюзный день авиации, ознаменовавший собой начало нового этапа в развитии советской авиационной культуры — этапа превращения авиации в дело миллионных масс.

До 18 августа 1933 г. у нас было всего 9 аэроклубов, накануне XVII парт-с'езда их было уже 49, а сейчас—112. Десятки тысяч рабочих и колхозников вступили в члены аэроклубов. Развернутый аэроклуб—это целый комбинат, ведущий систематическую массовую работу, имеющий свои самолеты и планеры, аэродромы, физкультурные учреждения и разного рода школы. Далеко еще не все аэроклубы вышли из организационного периода. Кое-где вся работа аэроклубов сводится еще к одной—двум учебным группам, нет еще ра-

боты с массами. Но все же сдвиг, происшедший в этой области работы Осоавиахима, исключительно ощутителен.

От модели к планеру, от планера к самолету — вот формула, которая определяет систему подготовки авиационных кадров в Осоавиахиме. Многие лучшие наши конструктора и летчики были когда-то первыми советскими моделистами, первыми планеристами—это определило их дальнейшие успехи. Именно Осоавиахим сумел подготовить летчиков, имена которых известны всему миру. Среди спасителей челюскинцев, среди героев—летчиков и бортмехаников—мы имеем ряд воспитанников Осоавиахима, его подлинных энтузиастов. «Меня воспитал Осоавиахим», — писал недавно тов. Каманин. «В течение нескольких лет я работал в рядах Осоавиахима», — говорит герой советского союза тов. Леваневский.

Сотни тысяч юных авиомоделистов—пионеров и школьников—не только играют сейчас «в челюскинцев» и их спасителей-летчиков: они пытливо, упорно и кропотливо строят модели воздушных кораблей в лабораториях и авиомодельных кружках Осоавиахима. Около 300 тыс. юных авиостроителей — втрое больше чем год назад — насчитывает сейчас наша страна.

Советские моделисты и старшее поколение—планеристы—добились за последнее время целого ряда изумительных технических достижений. 22—23 мая 1934 г. впервые был совершен перелет воздушного поезда из Москвы в Коктебель на расстояние 1270 км. Летчик Федосеев и планеристы Анохин, Симонов и Шелест благополучно провели этот замечательный рейс. Совсем недавно один из участников этого перелета, тов. Симонов, побил всесоюзный рекорд продолжительности полета, продержавшись в воздухе на планере 35 час. 11 мин.

Не отстают и юные авиомоделисты. 28 июня 1934 г. схематическая модель 16-летнего пионера Левченко на башкирском слете юных авиостроителей пролетела 5300 м, побив недавний рекорд 15-летнего сибиряка Макарова, 4000-метровый полет модели которого представлял мировой рекорд.

Творческая инициатива наших молодых авиационных кадров, их бьющая ключом энергия все выше подымают требования к руководству организаций Осоавиахима. Только по одному вопросу, о постройке нового стратостата «Осоавиахим», поступило за 3—4 месяца больше 200 ценнейших рабочих предложений.

III

Разнообразная и многогранная деятельность нашего добровольного общества содействия обороне страны выражается в организации сотен осоавиахимовских лагерей, ставших сейчас центром летней массовой работы не только Осоавиахима, но и комсомольских и профсоюзных организаций; в сотнях парашютных вышек, которые можно найти и в парках культуры и отдыха и даже в отдельных передовых колхозах; в шлюпочных походах по внутренней водной системе; в велосипедных пробегах, эстафетах и состязаниях.

По всей стране развернулся сейчас поход комсомольцев, рабочей и колхозной молодежи за сдачу военно-технического минимума. Юноши и девушки сдают интереснейший экзамен, в который входит и норма «ворошиловского стрелка», и разнообразные физкультурные требования значка ГТО, и знакомство с мотором, и топография, и парашютные прыжки.

В нашу Красную армию должны придти люди, физически закаленные, со строевой выправкой, меткие стрелки. Высокая культурность бойца Красной армии, его упорная боевая и техническая учеба, целый университет, который проходит боец за короткий срок обязательной службы,— все это требует большой и упорной подготовки от каждого гражданина Советской страны, которому когда-нибудь придется стать в ряды ее вооруженных защитников.

Массовость Осоавиахима, этой любимой организации трудящихся СССР, находит свое ярчайшее выражение в том, что Осоавиахим охватывает своим влиянием и молодежь и взрослое население, находит применение активности работниц и колхозниц, которые так же хотят защищать неприкосновенность границ своей родины.

Особой чертой Осоавиахима, резко отличающей его от так называемых военно-общественных организаций буржуазных стран, является его организационное построение. В то время как буржуазные военные общества, являющиеся преимущественно организациями профессионалов войны, строятся в основном по той же организационной схеме, как и кадровые армии (тем самым представляя собой не что иное, как скрытую, замаскированную вооруженную силу), организации Осоавиахима строятся по производственному принципу (учреждение, фабрика, колхоз и т. д.) и не имеют ни национальных, ни возрастных, ни половых ограничений.

Осоавиахим—это подлинное детище народных масс, желающих активно участвовать в организации обороны социалистического отечества. Члены Осоавиахима — это прежде всего активные участники социалистического строительства.

Пожалуй, нет уже ни одной фабрики, ни одного завода в СССР, где бы не существовало ударных оборонных осоавиахимовских бригад. Эти бригады, беря на себя обязательство высококачественного выполнения промфинплана, одновременно выступают в качестве зачинщиков массовой военной работы, возглавляя стрелковые походы, ликвидацию ПВО-неграмотности и т. д.

Всю учебу своих членов Осоавиахим проводит без отрыва их от основного производства. Огромным достижением Осоавиахима за истекший период является решение такой сложной задачи, как подготовка массовых летных кадров без отрыва от основного производства.

В деревне Осоавиахим выступает как ближайший помощник политотдела в борьбе за большевистские, зажиточные колхозы. Массовая оборонная организация, чрезвычайно популярная в широких кругах трудящихся деревни, Осоавиахим уже сейчас выступает на селе в качестве огромной организующей силы.

Помимо военно-политической пропаганды и агитации за распространение военных знаний Осоавиахим принимает активное участие в поднятии урожайности колхозных полей. Он сплошь и рядом выступает как инициатор организации охраны социалистического урожая. Тысячи химических отрядов из колхозной молодежи ведут борьбу с вредителями сельского хозяйства. Химический отряд, пропагандирующий естественные и искусственные удобрения и одновременно возглавляющий борьбу с вредителями сельского хозяйства, становится одной из наиболее популярных форм осоавиахимовской работы на селе. Осоавиахимовцы активно борются за коня. За последний год Осоавиахим в деревне значительно усилил свою физкультурную работу. При колхозных организациях Осоавиахима создаются различные физкультурные кружки. Осоавиахим организует физкультурные площадки, военно-полевые городки, проводит военизированные походы и организует разного рода физкультурные соревнования (бег, ходьба, работа на снарядах, плаванье, скачки и т. д.).

Вот как характеризует директор погроминского совхоза им. «Известий ЦИК» (Средняя Волга) тов. Хохлов организующую роль Осоавиахима на селе: «Когда совхоз переживает трудную минуту, я знаю, что Осоавиахим придет нам на помощь. Во время сева и под'ема паров осоавиахимовцы показали образцы работы. За образцовое проведение зимовки скота наш совхоз получил благодарность от средневолжского Союззернотреста, в чем во многом мы обязаны осоавиахимовцам. Осоавиахимовская организация совхоза прикрепила лучших осоавиахимовцев к лошадям и коровам. Они не только

проверяли уход за ними, но и сами заботливо растили поголовье. В 1933 г., во время сдачи хлеба государству, Осоавиахим охранял дороги. Я помню, как у нас на реке размыло плотину в пять метров вышины; осоавиахимовцы немедленно подняли тревогу и восстановили плотину. Силами осоавиахимовцев в этом году засеяно 50 га сверх плана в пользу обороны».

Таких примеров и отзывов можно было бы привести много.

Не ясно ли, что правильно руководимая, крепко сколоченная организация Осоавиахима на селе становится ближайшим помощником политотдела в борьбе за большевистские, зажиточные колхозы.

IV

Последний, V пленум Осоавиахима основное свое внимание направил на вопросы организационные. Проходивший под знаком реализации исторических решений XVII партс'езда, V пленум Осоавиахима выдвинул на первый план работу практических учреждений Осоавиахима: кружков, школ и лабораторий, учебных пунктов, водных и планерных станций, стрелковых и аэроклубов. Председатель первичной организации, инструктор в цеху, в колхозной бригаде, непосредственный руководитель практической оборонной работы, кружковод — вот основные осоавиахимовские фигуры. На создание крепких, подготовленных руководителей массовой и военно-массовой работы должно быть обращено сейчас все внимание.

Организационная перестройка еще не закончена. Во многих местах она проведена только формально. Об этом говорит прежде всего неравномерность работы отдельных осоавиахимовских организаций. Наряду с организациями, широко развернувшими подготовку «ворошиловских стрелков», авиомоделистов, планеристов, пилотов, занятия по ПВО, лагери, наряду с организациями, показывающими образцы организованности и уменья руководить (например Московская и Ленинградская области, Западная Сибирь), мы имеем организации, продолжающие плестись в хвосте, не умеющие по-настоящему возглавить активность и энтузиазм масс (Нижняя Волга, Винницкая и Одесская области, Киргизия и Туркменистан). Еще не везде осуществлен подлинный поворот всех руководящих органов Осоавиахима к конкретному, действенному обслуживанию масс. Еще не ликвидированы окончательно методы канцелярско-бюрократического руководства.

Уровень оборонной работы Осоавиахима зависит и от того, как, конкретно или неконкретно, руководят оборонно-общественной работой местные партийные организации. Сделать осоавиахимовскую работу неот'емлемой составной частью всей массовой партийной работы, всей работы по социалистическому перевоспитанию масс, закрепить кадры Осоавиахима, ликвидировать их текучесть, порождающую обезличку и безответственность, — вот боевая задача всех партийных организаций.

Говоря об организациях, которым «обязаны мы нашими успехами», товарищ Сталин в своем докладе на XVII партс'езде назвал вместе с комсомолом и профсоюзами многомиллионный Осоавиахим. Бороться за дальнейший под'ем осоавиахимовской работы, преодолевать ее недостатки и трудности, драться за выполнение важных и неотложных задач, возложенных на Осоавиахим,—дело каждого большевика, дело каждого партийного организатора и руководителя.

Задачи текстильной промышленности во второй пятилетке

И. Еремин

XVII партс'езд принял второй пятилетний план народного хозяйства, являющийся грандиозной программой дальнейшего социалистического наступления по всему фронту, окончательной ликвидации капиталистических элементов и классов вообще, построения бесклассового, социалистического общества, программой завершения технической реконструкции всего народного хозяйства и небывалого под'ема благосостояния трудящихся масс. Одной из важнейших задач второй пятилетки является резкое увеличение производства предметов широкого потребления.

Решающее значение для дальнейшего мощного развития легкой промышленности имеют установленный с'ездом огромный рост народного дохода (с 45,5 млрд. руб. до 100 млрд. руб., или в 2,2 раза), рост фонда потребления в 2,4 раза, увеличение товарооборота в 2,5 раза (с 31,9 млрд. руб. до 80 млрд. руб.) и производства предметов ширпотреба так же в 2,5 раза. Вторым пятилетним планом предусмотрено более быстрое развитие производства предметов потребления по сравнению с производством средств производства при дальнейшем колоссальном росте и этих последних.

Блестящие победы, одержанные рабочим классом СССР в первой пятилетке, и прежде всего крупнейшие победы в развитии тяжелой индустрии создали все необходимые условия для такого развертывания легкой промышленности, доступное только социалистической системе хозяйства и осуществляемое под руководством ленинского ЦК во главе с товарищем Сталиным.

Рост текстильной промышленности и задача улучшения качества

ЦК ВКП(б) уделил большое внимание вопросам текстильной промышленности и указал на ряд крупнейших недостатков в работе этой отрасли нашего народного хозяйства.

Работа основных отраслей текстильной промышленности за ряд последних лет была недостаточно удовлетворительна. Как правило, большинство текстильных предприятий систематически не выполняло годовые планы ни по об'емным, ни по качественным показателям. Сырье расходовалось и хранилось недостаточно бережно, результатом чего являлись ежегодные перерасходы сотен и тысяч тонн хлопка, шерсти, льна и т. д.

В погоне за снижением издержек производства текстильная промышленность зачастую шла по линии наименьшего сопротивления, упраздняя ряд необходимых промежуточных технологических процессов и прикрывая эти «нововведения» термином рационализации.

Ассортименту и качеству продукции не уделялось достаточного внимания, суррогаты внедрялись в производство без достаточной подготовки, широко практиковался выпуск облегченных сортов (так называемые «азики»), брак продукции достигал огромных размеров, запросы потребителя недостаточно изучались и не всегда учитывались.

Следует отметить, что большинство отраслей текстильной промышленности испытывало в течение последних лет сырьевые затруднения, однако основная причина неудовлетворительной работы текстильной промышленности заложена гораздо глубже. Она заключается прежде всего в неудовлетворительной организации и недостаточной конкретности руководства, в много-

звенности системы управления, в процветании функционалки, уравниловки и обезлички на многих текстильных фабриках, в неумение организовать рабочее место и четко установить персональную ответственность и единоначалие во всех звеньях и в первую очередь в неумение организовать работу в цеху. Тов. Каганович в своих выступлениях на ряде конференций работников текстильной промышленности в 1933 и 1934 гг. вскрыл и резко осудил эти недостатки в работе текстильной промышленности.

С середины 1933 г. начался некоторый перелом в сторону улучшения качества наших текстильных тканей.

Партия и правительство предложили текстильщикам прежде всего восстановить все операции, упраздненные под видом рационализации, так как отсутствие этих операций ухудшает качество продукции.

Внимание всех работников текстильной промышленности было заострено на вопросах ассортимента и на борьбе с браком, на борьбе за хорошую ткань.

В настоящее время мы добиваемся перелома в работе текстильной промышленности, в особенности в смысле качества и ассортимента выпускаемой продукции. Перелом этот, однако, еще совершенно недостаточен и ни в какой мере не соответствует тем повышенным требованиям, которые пред'являются к текстильной промышленности широкими массами потребителей.

План второй пятилетки, принятый XVII партийным с'ездом, является боевой программой не только огромного количественного роста нашей текстильной продукции, но и директивой о всемерном улучшении качества и ассортимента советской ткани.

Всю дальнейшую работу текстильной промышленности необходимо вести под лозунгом «Советская ткань должна быть лучшей в мире».

Рассмотрим количественные и качественные показатели, принятые в соответствии с директивами XVII партийного с'езда, по текстильной промышленности на 1937 год.

Для 1937 г. об'ем продукции по легкой промышленности установлен XVII с'ездом в 19,5 млрд. руб., что составляет 248,8% к 1932 г. Этот темп роста легкой промышленности выше темпа роста всей промышленности (214,1% в последнем году второй пятилетки по отношению к 1932 г.).

Соответственно и среднегодовые темпы роста по легкой промышленности составят свыше 20% при среднегодовом росте всей промышленной продукции в 16,5% и средств производства в 14,5%.

Текстильная промышленность получит при этом следующее развитие (в млн. руб. в ценах 1926—1927 г.):

Отрасли	1932 г.	1937 г.	1937 г. в % к 1932 г.
Хлопчатобумажная, включая ватную	2 571,4	5 360,0	208,4
Шерстяная	586,0	1 470,0	250,9
Валяльная	93,4	242,0	259,1
Льняная	205,9	981,0	476,7
Пенько джутовая	99,1	253,0	244,6
Шелковая	224,5	615,0	274,4
Трикотажная	504,3	2 300,0	456,1
Всего...	4 284,6	11 221,0	261,8

Среднегодовые темпы прироста по текстильной промышленности составят 21,8%. Удельный вес текстильной промышленности в общей массе продукции легкой промышленности повысится с 54,9% в 1932 г. до 60% в 1937 г. Внутри группы текстильных отраслей должны произойти значитель-

ные сдвиги в сторону увеличения удельного веса трикотажа, льна и шелка, что является ярким свидетельством перехода на значительно более высокую ступень с точки зрения требований, пред'являемых трудящимися нашей страны к ассортименту и качеству товаров.

Рост продукции текстильной промышленности в натуральном выражении характеризуется следующими данными:

	1932 г.	1937 г.	1937 в % к 1932 г.
Хлопчатобумажные ткани в млн. метров	2 596,4	4 900,0	192,6
Шерстяные ткани „ „ „	91,2	220,0	241,2
Льняные ткани „ „ „	130,0	600,0	421,1
Шелковые ткани „ „ „	19,3	59,0	305,6
Чулочно-носочные изделия в млн. пар	154,3	725,0	470,6
Бельевые изделия в млн. шт.	16,3	100,0	617,1
Верхний трикотаж „ „	6,0	30,0	500,0
Перчаточные изделия в млн. пар	7,2	80,0	1 067,0

Такое увеличение выпуска обеспечивает повышение норм потребления по главнейшим изделиям текстиля в 2—3 раза. По ряду отраслей это увеличение значительно выше, например по чулкам, трикотажному белью и льняным тканям.

Во второй пятилетке перед нашей текстильной и трикотажной промышленностью наряду с огромным количественным ростом партия поставила исключительные по своей важности задачи улучшения качества продукции и изменения ее ассортимента в целях наибольшего приближения к непрерывно растущим запросам трудящихся.

«...Сейчас драться за хорошую ткань, хорошую обувь, хороший костюм... не менее почетная задача, чем участвовать в строительстве Днепростроев тяжелой промышленности» (доклад тов. Куйбышева на XVII с'езде партии).

В решениях XVII партс'езда указаны совершенно конкретные мероприятия по улучшению качества и ассортимента текстильной продукции: «Повысить номерность пряжи, резко улучшить качество хлопчатобумажных и льняных тканей, увеличить удельный вес тонкосуконных и камвольных групп шерстяной промышленности, повысить удельный вес тонкой шерсти в тканях».

По хлопчатобумажной промышленности намечено увеличение удельного веса плательных, бельевых и меланжевых тканей за счет снижения удельного веса ситцевой группы.

Внутри плательной и бельевой групп резко возрастает выработка тканей высокого качества из тонких номеров пряжи гребенного прочеса, вырабатываемых из высокосортных хлопков. К этой группе тканей относятся: маркизет, батист, зефир, тафта, люнез, вольта, тонкие сатины. Значительный рост намечен по зимним плательным тканям типа бумазеи, фланели, байки. По одежной группе растет удельный вес прочно крашеных меланжевых тканей. Значительно будет улучшено качество гладко крашеных одежных тканей путем придания им большей плотности. Улучшение качества тканей в ситцевой группе будет достигнуто благодаря переходу на выработку более плотного миткаля из более высокого номера пряжи (изменение заправок).

Большое развитие получит ворсовая группа изделий ввиде тканей типа вельветкорд, бархата, полубархата и других тканей, идущих на изготовление костюмов, юбок, детских платьев, мужских блуз. Для выработки этих тканей проектируется строительство специального комбината.

Выпуск одеял вырастет в 14 раз. Внутри бязевой группы будут введены

сорта более плотных и добротных тканей, а также значительно увеличен выпуск широких бязей (простыни). Выпуск по специальной группе пестротканных тканей, вырабатываемых на многочелночных станках, возрастет с 74,5 млн. кв. м до 172,6 млн. кв. м. Увеличивается и выпуск полотенец (в 9 раз), махровых простынь (в 10 раз) и т. д.

Значительно увеличится выпуск тканей с применением искусственного шелка ввиде утка или просновки, что придаст тканям более красивый вид, удовлетворяющий художественные вкусы потребителей.

Первостепенное значение в работе каждого предприятия текстильной промышленности должно получить внешнее оформление тканей.

Руководители и партийные организации предприятий должны самым решительным образом преодолеть упрощенческие и лжерационализаторские тенденции, находившие за последние годы широкое распространение среди части работников хлопчатобумажной промышленности.

Уже восстановлены отмененные прежде процессы отделки, в частности мерсеризация.

Однотонные, грязные, мрачные и тусклые цвета тканей должны быть заменены красивыми, тонкими, разнообразными и прочными расцветками.

Рисунки тканей должны оформляться высокохудожественно. Для этого необходимо использовать все, что есть лучшего в заграничных коллекциях, и уделить особое внимание вопросу создания на фабриках собственных кадров квалифицированных колористов, отделочников и художников.

Ассортимент и качество шерстяных тканей, выпускавшихся в конце первого пятилетия и отчасти в 1933 г., были чрезвычайно неудовлетворительны. Это явилось результатом прежде всего перестройки ассортимента тканей в сторону их огрубения в связи с сокращением ресурсов шерстяного сырья и особенно в связи с дефицитом мериносовых и метисных шерстей.

Другой, не менее важной причиной ухудшения ассортимента шерстяных тканей за последние годы были уравнительные тенденции в построении ассортимента и отсутствие диференциации внутри ассортимента в пределах имеющихся сырьевых ресурсов. Качество шерстяных тканей, их внешний вид немало пострадали от всевозможных лжерационализаторских нововведений в производственном процессе, от упразднения ряда промежуточных операций, в особенности в отделке и крашении.

По проектировкам Госплана и НКЛП, в составе продукции шерстяной промышленности в 1937 г. произойдут значительные перемещения. При общем росте всего метража в 2,4 раза камвольная группа вырастет в 5 раз, тонкосуконная—в 2 с небольшим раза и грубосуконная—в 1,9 раза. Содержание тонких натуральных шерстей на 1 метр ткани значительно возрастет: в 1932 г. оно составляло 1,9%, в 1937 г. должно быть 11,7%.

В суконной промышленности наряду с натуральной шерстью основным компонентом в смеске явится регенерированная из лоскута шерсть, так называемая искусственная шерсть, широко применяемая и на Западе, дающая вполне доброкачественные ткани.

Удельный вес растительных примесей будет снижен с 29,4% в 1932 г. до 9,0% в 1937 г. Значительно увеличится удельный вес искусственного шелка, так называемой вистры, применяемой в камвольном прядении.

С точки зрения целевого назначения шерстяных тканей мы будем иметь следующую картину: по сравнению с 1933 г. пальтовая группа возрастет в 2,6 раза, костюмная—в 2,8 раза и плательная—в 10 с лишним раз. Наибольший абсолютный рост получит группа костюмных тканей, идущих, как известно, помимо своего прямого назначения, и на пошивку дамских и мужских пальто.

Качество тканей должно во много раз улучшиться в результате улучшения сырьевых смесок, в связи с восстановлением всех необходимых произ-

водственных операций и вследствие особого внимания, которое будет уделено вопросам крашения и отделки.

В льняной промышленности за последние годы в связи с недостаточностью сырьевых ресурсов и низкой номерностью льна группа тканей для ширпотреба вырабатывалась в крайне незначительных размерах (8—10% к общему выпуску по метражу).

Одной из важнейших задач льняной промышленности во второй пятилетке является развертывание производства тканей для широкого потребления. Удельный вес этой группы доводится до 47% к общему выпуску, и метраж льняных тканей для широкого рынка составит свыше 280 млн.

Качество льняных изделий улучшается за счет применения более высоких номеров льна и улучшения методов его обработки в прядении, ткачестве и отделке.

Ассортимент тканей, вырабатываемых шелковой промышленностью, значительно видоизменяется в соответствии с огромным ростом потребления искусственного волокна в этой отрасли. Выпуск тканей из искусственного шелка по сравнению с 1933 г. возрастет почти в 3 раза; выпуск тканей из хлопчатобумажной пряжи с искусственным шелком возрастет в 2,7 раза, выпуск тканей из натурального шелка возрастет в 2,3 раза.

Появится группа высокосортных тканей из чистого шелка и шерсти в количестве 3,5 млн. м (поплины с шерстью, крепдешины, одежные ткани).

Производство ворсовых тканей будет увеличено в 2,7 раза, причем в этой группе будут вырабатываться тончайшие плательные ткани типа панбархат.

Качество тканей улучшается за счет большей их плотности, увеличения среднего веса, особенно в группе чисто шелковых тканей, и значительно большего разнообразия расцветок и рисунков.

Высокими темпами намечено развитие ассортимента изделий трикотажной промышленности. Группа чулочно-носочных изделий вырастет в 4,7 раза, причем выпуск детских чулок и носок увеличится в 8,5 раза. Возрастет производство женских чулок, особенно высококачественных чулок со швом, так называемых котончулок (в 11,5 раза), вырабатываемых из тонких номеров пряжи и шелка.

Группа бельевых трикотажных изделий вырастет в 6,2 раза, причем выпуск детского белья увеличится в 11,6 раза. Выпуск спортивного белья (трусы, майки, купальные костюмы и т. д.) увеличится в 4,8 раза. Внутри бельевой группы будет выпускаться значительное количество зимнего белья из хлопчатобумажной пряжи с начесом, а также шерстяного белья.

Выработка верхнего трикотажа увеличится в 5 раз. В составе верхнего трикотажа будут выпускаться самые разнообразные изделия как по ассортименту (виды, фасоны), так и по качеству изделий (отделка, окраска, расцветки). Большой рост получит производство перчаток, как вязаных, так и кроеных (в 10,7 раза), самого разнообразного ассортимента в отношении сезонности, внешней отделки, размеров и фасонов.

Бурный рост всех отраслей текстильной промышленности и огромные сдвиги в улучшении ассортимента и качества ее изделий во втором пятилетии пред'являют серьезнейшие требования к нашей химической промышленности.

Потребность в красителях в весовом выражении возрастет почти в 2 раза, но, помимо такого огромного количественного увеличения продукции, от предприятий химической промышленности требуются максимальное улучшение качества вырабатываемых красителей и полное освоение новых марок стойких к свету и воде красок.

Прочные и яркие красители должны вырабатываться лучших марок и в полной гамме всех цветов. Необходимо добиться значительного улучшения

качества сернистых красителей и выпуска однородных как по оттенку, так и по концентрации красителей.

В отношении химикатов для текстильной промышленности необходимо наряду с расширением их производства поставить заново выработку новых видов химматериалов, без которых не могут применяться целые группы красителей в намечаемом разнообразном ассортименте. Комплектность снабжения химикалиями и красителями является непременным условием для нормальной работы и неуклонного роста текстильной промышленности.

Сырьевые проблемы текстильной промышленности

Несмотря на значительный рост нашей сырьевой базы в период первой пятилетки по основным культурам (хлопок, лен, шелк и т. д.) развитие текстильной промышленности лимитировалось сырьем.

В конце первой пятилетки работа наших текстильных предприятий полностью базировалась на внутренних ресурсах сырья. Сбор хлопка в 1932 г. достиг 23,7 млн. пудов волокна против 15,3 млн. пудов в 1928 г., т. е. увеличился больше чем в 1,5 раза. Заготовки льна в 1932 г. составили 287 тыс. т против 172 тыс. т в 1928 г. Заготовка коконов в 1933 г. составила 14,5 тыс. т против 10,8 тыс. т в 1928 г. Характерно, что несмотря на сокращение поголовья овец в результате причин, указанных в докладе товарища Сталина XVII партс'езду, заготовки шерсти держались примерно на одном уровне. Это явилось результатом обобществления значительной части стада, уменьшения оседания шерсти на местах и отчасти также усиления заготовительного аппарата.

Рост внутренней сырьевой базы был все же недостаточен для того, чтобы обеспечить убыстренные темпы развития текстильной промышленности и удовлетворить неуклонно растущие потребности страны в текстиле. Качество сырья так же не удовлетворяло требованиям текстильной промышленности. Снижение длины волокна и сортности в хлопке, понижение номерности льна, преобладание грубых шерстей по сравнению с тонкорунными и полугрубыми не только влияли отрицательно на ассортимент и качество изделий текстильной промышленности, но вследствие уменьшения выходов и производительности оборудования вызывали сокращение об'ема производства.

Это положение осложнялось еще и тем, что в самой промышленности использование сырья не было организовано как следует.

Задачи увеличения об'ема текстильной продукции и качественной ее перестройки во второй пятилетке выдвигают громадные требования и к внутренней сырьевой базе: необходим ее быстрый количественный и качественный рост. Все условия для такого роста обеспечены благодаря успешному завершению первой пятилетки и росту всех отраслей социалистического сельского хозяйства.

Каковы же конкретные требования, пред'являемые текстильной промышленностью сельскому хозяйству? Необходимо дальнейшее широкое развертывание хлопководства, чтобы в 1937 г. собрать не менее 42,7 млн. пудов. Качество хлопка должно повыситься. Основная масса хлопка должна иметь длину волокна 28—29 мм и выше. Длинноволокнистый хлопок египетских семян должен составить не менее 9—11% всего сбора хлопкового урожая. По удельному весу сортность хлопка должна распределяться следующим образом: 1-е и 2-е сорта — 90%, остальные сорта — 10%. Необходимо свести к минимуму засоренность хлопка.

Сбор льна в 1937 г. должен быть доведен до 645 тыс. т. Средний номер льна, поступающего в основную промышленность, необходимо повысить до № 13,1 вместо № 7,3 в 1932 г. Особенно большое внимание придется обратить на совершенно неудовлетворительную в настоящее время работу заво-

дов первичной обработки льна, выпускающих чрезмерно высокий процент короткого волокна при наличии громадных отходов.

Поголовье овец и коз в последнем году второй пятилетки достигнет 96 млн. голов. Коренными задачами здесь являются метизация грубошерстных маток с тонкорунными баранами и увеличение таким образом удельного веса полугрубошерстных и мериносовых овец: стадо полугрубошерстных овец должно быть доведено в 1937 г. до 23,1 млн. голов против 4,3 млн. голов в 1932 г.

Кроме того следует культивировать высокопородное козье стадо (тип ангорской козы), дающее отличную шерсть. Задача эта в наших природных условиях вполне разрешима.

Валовой сбор овечьих шерстей должен быть доведен до 150 тыс. т в 1937 г., в том числе мериносовых и полугрубых—60 тыс. т в немытом виде.

По натуральному шелку поставлена задача увеличения сбора коконов с 14,5 тыс. т в 1933 г. до 25,5 тыс. т в 1937 г. Для успешного решения этой задачи необходимо проведение агротехнических мероприятий, обеспечивающих рост тутовой базы и культурную выкормку шелкопряда в целях увеличения выхода коконов из одной коробки грены и их шелковистости (рандемана).

Значительным сырьевым ресурсом должно явиться для текстильной и трикотажной промышленности искусственное волокно ввиде искусственного шелка (преимущественно вискозы) и штапельного волокна, или так называемой вистры. Возможности переработки искусственного шелка в текстильной промышленности очень велики, особенно в хлопчатобумажной, где это не сопряжено почти ни с какими дополнительными затратами.

Существующие проектировки Наркомтяжпрома по развитию промышленности искусственного волокна отстают от роста потребности в нем текстильной промышленности и должны быть увеличены по крайней мере в 1,5 раза.

Значительный рост во второй пятилетке намечен и по производству котонина, использование которого будет все более расширяться.

Важнейшей задачей текстильной промышленности являются правильное использование сырья, большевистская организация транспортировки, хранения, обработки, чтобы ни один килограмм сырья не пропал зря.

Строительство новых предприятий

Намеченный партией на 1937 г. об'ем производства по текстильной промышленности требует значительного обновления и расширения основного капитала существующих предприятий и постройки большого числа новых.

Действующие предприятия в своем большинстве выстроены в дореволюционный период и несмотря на реконструктивные мероприятия, проведенные за первую пятилетку, частично оборудованы устарелыми машинами. Так например из 6,9 млн. установленных в хлопчатобумажной промышленности веретен имеется до 1,5 млн. веретен мюльных, производительность которых по крайней мере на 30% ниже производительности ватеров. Льняная промышленность оборудована тихоходными прядильными веретенами старой системы. В шерстяной промышленности часть ткацких станков совершенно изношена. В трикотажной промышленности до сих пор применяется до 1,4 тыс. ручных машин, так называемых «вшленок».

В течение первой пятилетки еще не были до конца устранены основные дефекты в структуре некоторых отраслей текстиля. Имеется еще наследие капиталистического прошлого—диспропорция между отдельными стадиями производства. В хлопчатобумажной промышленности мы располагаем более мощным ткачеством нежели прядением. Еще более значительна диспропорция в льняной промышленности. В шерстяной промышленности мощность

чесальных отделов в камвольном прядении значительно отстает от мощности камвольных прядильных отделов.

Отсюда очевидно, что реконструкция и расширение действующих предприятий должны идти по линии замены и обновления изношенного оборудования, ликвидации диспропорции между различными переделами и лучшего использования свободных или освобождающихся в связи с переходом на более производительные машины площадей для установки нового оборудования.

Идя по этим трем основным направлениям, мы получим возможность рационального использования действующего основного капитала. Затраты на расширение и реконструкцию составят по всей текстильной промышленности свыше 1,3 млрд. руб. Мощность предприятий текстильной промышленности после расширения и реконструкции их при 3-сменной прерывной работе будет выражаться в следующих цифрах:

По хлопчатобумажной промышленности	4,2 млрд. м
„ шерстяной „	160 мл. м
„ льняной „	400 „ „
„ шелковой „	50 „ „
„ пенько-джутовой „	95 тыс. т
„ трикотажной промышленности:	
а) чулочных изделий	375 млн. пар
б) белья	70 млн. шт.
в) верхнего трикотажа	20 „ „

Однако эта мощность не обеспечивает запроектированных на 1937 г. размеров производства.

Перед текстильной промышленностью стоит задача постройки и освоения в кратчайший срок громадного количества крупнейших новых предприятий.

XVII съезд партии указал на необходимость строительства следующих важнейших текстильных предприятий:

15 хлопчатобумажных комбинатов, из коих 5 комбинатов по 200 тыс. веретен.

12 шерстяных предприятий мощностью от 8 до 15 млн. м каждое.

12 льняных предприятий мощностью от 18 до 27 тыс. веретен каждое

18 крупных предприятий трикотажной промышленности.

11 шелковых фабрик.

В результате расширения и реконструкции, а также нового строительства, подлежащего окончанию во второй пятилетке, мы будем иметь в хлопчатобумажной промышленности на 1/I 1938 г. 9,1 млн. веретен и 246 тыс. ткацких станков, что даст прирост по отношению к 1933 г. в 2,2 млн. веретен и в 52 тыс. ткацких станков.

Вся мощность новых предприятий шерстяной промышленности во второй пятилетке определяется в 124 млн. м, из которых 45 млн. м камвольных и остальные 79 млн. м суконных тканей. Мощность нового строительства равна мощности действующей в настоящее время шерстяной промышленности. Кроме основных предприятий проектируется еще строительство фабрики технических сукон, шерстечесальной, фабрики топса, трех фабрик искусственной шерсти (для переработки тонкого и грубого лоскута) и 14 шерстомоек в различных сырьевых районах.

По льняной промышленности общая мощность всех новых предприятий исчисляется в 332 тыс. веретен, т. е. равна существующей в настоящее время мощности льняной промышленности по прядению.

Кроме основных прядильно-ткацких комбинатов в льняной промышленности проектируется строительство трех чесальных фабрик, а также одной прядильно-ниточной фабрики в Северном крае.

По шелковой промышленности мощность новых ткацко-красильных пред-

приятий определяется примерно в 40 млн. м, что составит 80% мощности существующих предприятий.

По пенько-джутовой промышленности будет строиться 7 комбинатов общей мощностью в 100 тыс. т.

В результате нового строительства мощность по крученым изделиям будет выше мощности существующих в настоящее время, после реконструкции предприятий.

Вся мощность новых предприятий трикотажной промышленности определяется: по чулочно-носочным изделиям в 508,4 млн. пар, по бельевым изделиям — в 105,6 млн. шт., по верхнему трикотажу — в 28 млн. шт., по перчаткам — в 87 млн. пар, по хлопчатобумажной пряже — в 64,1 тыс. т, по шерстяной пряже — в 22 тыс. т. Создаваемая новая мощность значительно превышает мощность существующих предприятий после их полной реконструкции: по чулочно-носочным изделиям — примерно на 35%, по белью — на 50%, по верхнему трикотажу — на 40%, по перчаткам — в 4 раза, по хлопчатобумажной пряже—в 2 раза и по шерстяной пряже мощность, по существу будет создана заново.

Эта конкретная программа гигантского нового строительства по текстильной промышленности внесет коренные изменения в размещение промышленности. Все новое строительство размещается в новых районах: создаются крупные очаги текстиля в Средней Азии, Западной Сибири, ЗСФСР, Поволжье; закладываются предприятия в Восточной Сибири и в ряде национальных районов РСФСР; строятся предприятия в Западной области, БССР, Горьковском крае, Азово-Черноморском крае и на Северном Кавказе; в дополнение к существующим предприятиям развертывается новое строительство в УССР.

Новое строительство по легкой промышленности одновременно с большим строительством по тяжелой промышленности, сельскому хозяйству, транспорту и в области культуры обеспечивает быстрое преодоление хозяйственной и культурной отсталости национальных республик и областей, более равномерное размещение производительных сил и приближение промышленности к источникам сырья.

XVII с'езд партии дал совершенно конкретные директивы по размещению отраслей легкой промышленности. Директивы эти нашли полное отражение в указанной выше программе нового строительства. «...Из 15 строящихся во втором пятилетии хлопчатобумажных комбинатов 10 намечены строительством в Средней Азии, Сибири и Закавказье», что «создает прочную базу текстильного производства в этих районах. По льняной промышленности создаются мощные базы переработки в Западной области, Горьковском крае и БССР... В основных центрах производства сельскохозяйственного сырья развертывается строительство... шерстяных... и других предприятий легкой... промышленности».

Сумма капитальных затрат на новое строительство текстильной промышленности определяется на второе пятилетие свыше 3,6 млрд. руб.

Текстильной промышленности предстоит так же провести крупнейшие работы по обновлению и созданию нового жилищного и культурно-бытового фонда на существующих предприятиях, по нижелимитному расширению и реконструкции, строительству лабораторий, научно-исследовательских и учебных учреждений для подготовки кадров, по приведению в хорошее, работоспособное состояние имеющегося оборудования и пр. Эти работы потребуют так же крупных затрат.

Вся сумма затрат на текстильную промышленность во втором пятилетии достигает 6 млрд. руб.

Осуществление грандиозных задач реконструкции нового строительства текстильной промышленности пред'являет машинострению серьезнейшие тре-

бования по выпуску и освоению необходимого оборудования. Без планомерного и достаточного снабжения оборудованием выполнение плана развития текстиля невозможно. Мощно развитая база внутреннего машиностроения и ее высокая организация к концу первой пятилетки являются порукой, что возлагаемые во второй пятилетке на машиностроение задания по снабжению текстильной промышленности могут быть и будут выполнены с честью.

Хлопчатобумажная промышленность должна получить в течение второй пятилетки до 3,5—3,7 млн. веретен, до 55 тыс. ткацких станков; трикотажная промышленность—до 21 тыс. чулочных автоматов, 150 комплектов котонмашин, 3,3 тыс. круглотрикотажных машин, до 1,3 млн. хлопчатобумажных веретен. Льняной промышленности потребуется свыше 400 тыс. веретен. Пенько-джутовой промышленности необходимо получить 206 машин сетевязальных, механических гильспинингов (веревочно-шпагатных) 120 шт., механических гильспинингов (канатное производство) 29 шт. и ряд других машин. Шерстяная промышленность потребует так же большого оборудования.

Кроме широкого развертывания производства уже освоенных видов оборудования машиностроению предстоит освоить новые виды машин и станков.

Уже с этого года нужно приступить к реконструкции и расширению существующих заводов текстильного машиностроения, а также к организации производства текстильного оборудования на имеющихся машиностроительных заводах, занятых сейчас другими работами, и к строительству новых крупных предприятий, производящих средства производства текстиля.

Основные задачи технической реконструкции текстильной промышленности

Бурные темпы роста текстильной и трикотажной промышленности, повышение производительности труда, выполнение возросших требований к ассортименту и качеству продукции возможны лишь при условии осуществления во второй пятилетке серьезнейшей технической реконструкции во всех отраслях текстиля.

Остановимся на основных линиях технической реконструкции по отдельным отраслям промышленности.

В хлопчатобумажной промышленности намечается проведение ряда крупнейших реконструктивных мероприятий, должна быть поднята на более высокую ступень первичная обработка хлопка на хлопкоочистительных заводах путем постановки на них мощных очистительных агрегатов. В прядении следует расширить практику применения высоких и экстравысоких вытяжек, усилить разрыхлительные процессы путем ввода мощных разрыхлительных агрегатов и смесителей, для улучшения трепальных операций установить однопроцессные трепальные машины, продолжить замену мюлей ватерами и в соответствии с изменениями в структуре сырьевого баланса и ассортимента тканей усилить удельный вес гребнечесания и кручения. В ткачестве необходимо продолжить курс на автоматизацию ткацкого станка и установку новых автоматических станков, расширить сферу применения быстроходных сновальных и мотальных машин с увеличенной паковкой и улучшением контроля пряжи, расширить механизацию проборки и присучки.

В отделке основными работами по реконструкции будут агрегирование машин, регенерация и утилизация отходов химпродуктов, автоматическое регулирование насыщенности растворов, и т. д.

Энергетическое хозяйство хлопчатобумажной промышленности будет усилено вводом индивидуальных моторов, шарикоподшипников, теплоэлектроцентралей при отделочных фабриках с промежуточным отбором пара в производство, механизацией внутрифабричного транспорта (конвейеры, подвесные дороги, автоэлектрокары).

Не менее серьезные задачи технической реконструкции стоят во второй пятилетке перед шерстяной промышленностью: широкое внедрение сети горячих моек в целях окончательной ликвидации ручной холодной мойки шерстей; дальнейшее развертывание переработки шерстяного и полушерстяного тряпья в искусственную шерсть; механизация операций по смешиванию сырья, суррогатов и угаров в приготовительных отделах суконного прядения.

В камвольном прядении необходимо устранить диспропорцию между чесальными и прядильными отделами постройкой на камвольных фабриках новых чесальных и применением в чесании более мощных чесальных машин отечественного изготовления. Специальной проблемой является организация нового вида производства — чесальных фабрик для предварительной обработки искусственного шелка. В ткачестве необходимо расширить практику применения новых перемоточных и сновальных машин.

В суконном прядении необходимо широко внедрить ватермашину системы Хрущова, значительно увеличивающую производительность и дающую экономию производственных помещений.

Должен быть достигнут переход камвольного производства на автоматические ткацкие станки, и должны быть широко внедрены в суконном производстве многочелночные, быстроходные ткацкие станки, дающие более высокую производительность и обеспечивающие выработку рисунчатых тканей.

В отделочном производстве необходимы установка красильных аппаратов для крашения волокна, пряжи и топса, установка последних моделей сушильно-ширильных машин, декатировочных машин, отпарочных столов и т. д.

Трикотажная промышленность должна во второй пятилетке внедрить новые виды сырья; освоить новейшие трикотажно-вязальные машины советского производства; автоматизировать и механизировать отдельные процессы производства.

Из новых видов сырья намечается широкое внедрение искусственного штапельного волокна, как чистого, так и в смеске с полугрубыми и мериносовыми шерстями.

Задача освоения новых видов быстроходных машин в приготовительных отделах заключается в замене существующих мотальных машин для бутылочных шпуль быстроходными мотальными для конических бобин, дающих втрое большую выработку на веретено. Для выработки носочных изделий будет осуществлен переход на комбинированные автоматы типа «комета». Увеличить выпуск высокосортных чулок со швом предполагается постройкой на советских заводах котонмашин типа последних быстроходных конструкций.

Постройка на советских машиностроительных заводах новейших жаккардовых машин увеличит выработку верхнего трикотажа и, в частности, разрешит проблему ассортимента и его художественного оформления. Швейные отделы фабрик должны быть реконструированы в результате внедрения конвейерно-поточной системы с применением последних моделей специальных швейных машин. В красильно-отделочном производстве необходимо будет заменить существующее примитивное оборудование новыми конструкциями красильных, сушильных, ворсовальных и других машин.

В целях автоматизации и механизации отдельных процессов производства трикотажной промышленности в первую очередь понадобится заменить ручные чулочные машины «виленки» (имеется в промышленности 1400 шт.) новыми, механизированными машинами.

Конструирование штопальных машин собственной, советской конструкции уменьшит применение ручного труда в операции штопки.

В льняной промышленности вопрос о ликвидации технической отсталости является особо актуальным. За годы первой пятилетки для решения этой задачи созданы все необходимые предпосылки. Нашим машиностроением осво-

ению изготовление ватеров сухого прядения с быстроходными веретенами, ленточных машин для переработки оческов льна в пряжу, геклингавтоматов и ватеров мокрого прядения системы инженера Зворыкина, являющихся крупным шагом вперед в рационализации процессов льнопрядения; освоено изготовление ткацких станков системы Паркера и т. д. К сожалению, выпуск этих машин не носил до последнего времени массового характера.

Дальнейшие задачи льняной промышленности заключаются в коренном переоборудовании льняных фабрик на основе уже освоенных, а также подлежащих освоению новых видов машин. В первую очередь необходимо механизировать промежуточные стадии приготовительного и прядильного процессов. Значительный рост группы льняных тканей для ширпотреба выдвигает на первое место проблему реконструкции отделочных цехов и снабжения их модернизированными типами оборудования (отбельные аппараты Эссер—Зворыкина).

Перед пенько-джутовой промышленностью с особой остротой стоит проблема перехода на высшую ступень технологического процесса по всем переделам и стадиям производства, причем решение этой проблемы целиком зависит от нашей машиностроительной базы. На 1934 г. машиностроительными заводами запроектировано к освоению и отчасти уже освоено до 9 типов пеньковых машин. Кроме этого в кратчайший срок должно быть освоено до 13 типов различных машин, начиная с кардного и прядильного оборудования и кончая тяжелыми сетевязальными машинами.

Огромная работа предстоит по технической реконструкции шелковой промышленности.

Нужно быстрее разрешить проблему создания автоматизированного шелкомотального станка на основе успешно ведущихся в настоящее время оригинальных конструкторских работ. Должна быть ликвидирована диспропорция между пеньяжным и прядильным цехами расширением существующего пеньяжного цеха и постройкой новых пеньяжных фабрик в районах шелководства. Предстоят обновление и модернизация машин приготовительно-ткацкого цеха, особенно необходимых для переработки значительных масс искусственного волокна, а также ввод новых ткацких станков взамен изношенных. Расширение и обновление красильно-отделочных цехов, являющихся в настоящее время узким местом, должны устранить препятствия в выпуске шелковых тканей разнообразных расцветок.

Настойчивое проведение в жизнь мероприятий по технической реконструкции наряду с успешным выполнением огромного плана нового строительства в текстильной промышленности должно обеспечить ей одно из первых мест в мире. Таким образом должна быть осуществлена на этом важнейшем участке социалистического строительства директива XVII с'езда партии о завершении технической реконструкции и превращении СССР в самое передовое в техническом отношении государство в Европе.

* * *

Выполнение грандиозного по об'ему производства и капитальным работам плана развития текстильной промышленности во второй пятилетке требует прежде всего решительной перестройки всей системы руководства и управления этой отраслью.

Основные принципы этой перестройки даны в решениях XVII с'езда по оргвопросам, а также в последних постановлениях правительства о реорганизации управления легкой промышленностью и об организации наркоматов местной промышленности. В июле ЦИК и СНК СССР было принято решение о реорганизации Наркомлегпрома. Это решение устанавливает четкую систему руководства текстильной промышленностью через организацию по

производственно-территориальному признаку ряда главных управлений, Хлопчатобумажная промышленность, например, будет руководиться тремя территориальными главными управлениями: одно—по Московской и Ленинградской областям, другое—по Ивановской области и третье—по хлопчатобумажной промышленности новых районов и новостроек. Тем самым создаются все условия для повседневного, конкретного и оперативного руководства предприятиями с учетом особенностей и трудностей, присущих каждому предприятию в отдельности.

Решение правительства указывает, что цель этой перестройки—ликвидировать организационные недостатки в работе Наркомлегпрома, улучшить работу его органов и укрепить единоначалие.

В свете этих задач и должна проводиться работа по перестройке системы руководства в текстильной промышленности. Обеспечить быстрое и точное выполнение решения правительства—основная предпосылка успешной борьбы за осуществление задач второй пятилетки в текстильной промышленности. Эти постановления обеспечивают переход к живому руководству и усиление персональной ответственности во всех звеньях управления и являются предпосылкой успешной борьбы за искоренение функционалки, уравниловки, обезлички и канцелярско-бюрократических методов руководства.

Решающим в борьбе за план второй пятилетки является вопрос о кадрах, который стоит для текстильной промышленности сейчас так же остро, как он стоял в первую пятилетку для тяжелой промышленности. В короткий срок будут почти удвоены основные фонды и больше чем удвоен об'ем производства. Это требует вовлечения в текстильную промышленность не менее 450 тыс новых рабочих, инженеров и техников.

Проблема кадров может быть разрешена лишь при помощи всей партии.

На базе мощной технической реконструкции текстильной промышленности и улучшения материально-бытовых и культурных условий жизни рабочих могут быть и будут успешно разрешены огромные задачи повышения производительности труда и снижения издержек производства.

Большое внимание должно быть уделено таким вопросам, как развертывание сети учебных и научно-исследовательских учреждений для текстильной промышленности, постановка производства подсобных материалов, запасных частей и деталей в системе самой текстильной промышленности, создание сети новых и усиление существующих проектирующих и строительных организаций.

Осуществление грандиозных задач текстильной промышленности во второй пятилетке обязывает к напряжению всех сил и энергии работников текстильной промышленности. Все силы и энергия должны быть направлены на то, чтобы выдвинуть советскую текстильную промышленность на одно из первых мест в мире и на основе успехов второй пятилетки перегнать в технико-экономическом отношении передовую текстильную промышленность капиталистических стран.

Большевики текстильной промышленности, как подобает верным сынам великой партии Ленина—Сталина, должны использовать все имеющиеся у нас возможности для победоносного осуществления исторических директив XVII с'езда о развитии легкой индустрии.

Строительство и освоение Магнитогорского завода

А. Завенягин

I

Истекшая зима 1933—1934 г. была для Магнитогорского комбината серьезным экзаменом, и следует признать, что завод его выдержал. Все огромное народнохозяйственное значение задачи бесперебойной работы в течение зимы особенно рельефно подчеркивается тем расстройством работы завода, какое было зимой в 1932 и 1933 гг., когда полный срыв производства давал основание даже некоторым крупным специалистам, участвовавшим в руководстве комбинатом, говорить, что в условиях магнитогорского климата металлургический завод строить не следовало. Для нас и ранее была ясна абсурдность подобной точки зрения, каким бы техническим авторитетом она ни подкреплялась, а истекшая зима, в первой своей половине весьма суровая, полностью опровергла на деле эти гнилые теории.

Зимовка далась нелегко. Буквально каждый успешно проработанный день заслуженно считался нашим трофеем, отвоеванным у зимы. Было немало значительных аварий (на руднике, разрыв газопроводов, разрыв водопроводов и затопление доменного цеха, несколько опасных пожаров), однако они быстро и с успехом ликвидировались.

Особенно слабыми участками были коксовый цех и гора. Уже в начале января удалось достигнуть решительного перелома, и проблема выжига кокса была снята с повестки дня. На горе же зимние расстройства затянулись. Здесь нужно будет провести серьезные строительные работы, чтобы как следует подготовиться к предстоящей зиме.

Результаты работы завода зимой этого года по сравнению с зимой прошлого года резко отличаются в положительную сторону. За январь—апрель 1934 г. по сравнению с тем же периодом 1933 г. добыто руды почти в 2 раза больше, выжжено кокса в 2,5 раза больше, выплавлено чугуна в 4 раза больше. Сталь и прокат в прошлом году не производились.

За 1-е полугодие этого года в целом по сравнению с первым полугодием прошлого года мы имеем следующий рост работы завода (в тысячах тонн):

	1-е полугодие 1933 г.	1-е полугодие 1934 г.
Железная руда	785	1491
Кокс	311	729
Чугун	167	526
Сталь	—	187
Прокат	—	111

Добыча руды достигла в мае этого года 317 тыс. т, т. е. в 2,2 раза больше мая прошлого года. В июне добыто руды 358 тыс. т, что составляет несколько меньше половины добычи руды в первом полугодии 1933 г.

Кокса выжжено в мае 1934 г. 143 тыс. т, т. е. в 2 с лишним раза больше выжига мая 1933 г.

Чугуна выплавлено в мае 1934 г. 98,8 тыс. т. В июне — 97 тыс т.

Стремительный рост продукции сопровождался и заметным улучшением качественных показателей. Продолжительность коксования с 30 час. 24 мин.

в феврале 1933 г. снизилась до 18 час. 42 мин. в феврале этого года. В апреле соответственно — 17 час. 48 мин. и 16 час. 51 мин. Работа коксовых печей из месяца в месяц идет гораздо ровнее прошлого года. Улучшилось качество кокса. Уменьшилась влажность с 9—9,8 в 1933 г. до 2—2,5% в 1934 г. Кокс стал крепче, что очень важно для больших и высоких печей, как магнитогорские, в которых кокс испытывает большое давление. Барабанная проба составляла в январе 1933 г. 233, достигнув в апреле 283, а в январе этого года — 272 и в апреле — 292,7.

Простои коксовых печей к календарному времени достигали в январе прошлого года 48,5, в феврале—43,5 и упали в апреле до 8,1%. В январе 1934 г. они не превысили 33,3, а в апреле упали до 6,7%. По сравнению с прошлым годом возросла лишь зольность: с 12,2 в апреле 1933 г. до 13,7% в апреле 1934 г., вследствие того что в шихту примешивается до 15% углей Караганды с высокой зольностью.

Качество кокса для Магнитки и Кузнецка до последнего времени было коренной проблемой. Доменные печи, особенно такого большого об'ема, как магнитогорские и две последние кузнецкие, не могли работать успешно при крайне низкой прочности кокса. Еще летом прошлого года были велики простои доменных печей из-за горения фурм, амбразур и холодильников, вызываемого низким качеством кокса. По этой же причине работа на печах была крайне изнурительна. Теперь доменщики забыли об этих болезнях и работают спокойно. Резкое снижение влаги в коксе, даже в наиболее тяжелые зимние месяцы, и увеличение барабанной пробы при содержании серы в коксе не более ½% позволяют признать его вполне удовлетворительным и всю проблему качества кокса—с успехом решенной. Уже в апреле и мае текущего года коксовый цех достиг уровня производительности, превышающего проектную мощность, и меньшей чем по проекту продолжительности коксования — вместо 17 часов 16 час. 51 мин.

Выплавка чугуна в апреле этого года составила 3264 т против 1111 т в апреле прошлого года. С вступлением в строй после ремонта первой печи Магнитка будет регулярно давать свыше 4 тыс. т чугуна в сутки.

Проектная мощность печи (1000 т) систематически превышается, так же превосходит проектные показатели и коэфициент использования об'ема (т. е. отношение об'ема доменной печи к суточной выплавке). Вместо проектных 1,18 мы в апреле этого года имели средний по цеху коэфициент 1,09, а по печи № 4—даже 1,04, с учетом же плановой остановки — ниже единицы.

Теперь на фактах неопровержимо доказана вся беспочвенность чрезмерно осторожных расчетов некоторых проектировщиков, считавших коэфициент 1,20 хорошим и даже блестящим. Доказана беспочвенность сомнений тех людей, которые размышляли на тему, не слишком ли велики печи Магнитной. Практика работы магнитогорских доменных печей лучше всяких дискуссий разбила вдребезги всяческие застарелые предрассудки, проистекавшие от нашей прежней технической отсталости.

Хуже пока обстоит дело с освоением производства в мартеновском и прокатном цехах, которые не достигли еще проектных показателей. Однако и здесь—заметный прогресс. Так, в апреле этого года с одного квадратного метра площади пода в календарные сутки было снято 3,68 т стали вместо 3,3 в марте и феврале. В конце же II квартала с'ем поднялся выше 4,1, что не уступает работе американских мартеновских печей. Передельные цехи несмотря на свою молодость и недостаточную опытность кадров добились серьезных успехов в производстве качественной стали (осевой, автотракторной и кузнечной), что заметно повлияло на снижение количества продукции[1] за истекшие 4 месяца. Из 110 тыс. т стали было выплавлено 50 тыс. т каче-

[1] Вследствие большей сложности выплавки качественных сталей.

ственной стали. В последнее время удельный вес качественного проката составляет 50%.

Себестоимость продукции в текущем году также дает резкое снижение по сравнению с прошлым годом. Тонна руды стоит 4 р. 80 к. против 6 р. 40 к. в прошлом году, тонна кокса—40 руб. вместо 50 руб., тонна передельного чугуна—60 руб. вместо 80 руб., тонна литейного чугуна—64 руб. вместо 90 руб., причем за 1933 г. здесь даны среднегодовые цифры. Если же результаты первых месяцев этого года оравнить с соответственным периодом прошлого года, то разница по себестоимости будет еще более значительной. Опять-таки хуже обстоит дело в отношении стали и проката. В связи с освоением качественной стали себестоимость стали и проката процентов на 10—15 выше плана.

Успешно справился со своими задачами в эту зиму и магнитогорский железнодорожный транспорт. Среднесуточная погрузка в январе прошлого года составляла 650 вагонов, в этом году—1500 вагонов, в феврале соответственно—700 и 1800, в апреле—1140 и 2020. В настоящее время ежедневная погрузка на Магнитогорском комбинате равна по своему об'ему погрузке почти любой из железных дорог Союза.

В иностранной буржуазной печати еще нередко можно встретить злорадные рассуждения, что вот большевики построили огромный завод, а получают от него ничтожные производственные результаты. Было и есть еще немало критиков, предсказывающих, что нам, большевикам, рабочему классу Советского союза, не по силам поднять такое сложнейшее гигантское предприятие. Понапрасну злорадствовали, впустую пророчествуют и клевещут господа капиталисты и их лакействующая пресса. Просчитались они на Магнитке, так же как и на многих сотнях других крупнейших новостроек страны пролетарской диктатуры, страны победившего социализма. Действительно, на Магнитке наша страна имела наиболее серьезные затруднения в освоении производства. Но, работая по-большевистски, пролетарии и специалисты Магнитки не только освоили первоклассные агрегаты самого крупного завода в Союзе, но и дают такие результаты, которых сплошь и рядом не имеют лучшие заводы заграницей, руководимые испытанными капитанами капиталистического хозяйства и техники.

Зима этого года несмотря на ряд осложнений положила конец периоду массовой аварийности, и хотя отдельные срывы еще есть, однако их не больше чем на большинстве металлургических заводов. Немало таких срывов и на заграничных заводах.

Однако нас далеко не может еще удовлетворить теперешнее положение. С еще большей настойчивостью руководители, специалисты, пролетарии Магнитки должны будут бороться за образцовую постановку работы цехов.

II

В настоящее время на Магнитке работают 4 коксовых батареи, 3 доменных печи [1], 6 мартеновских печей, 3 прокатных стана. Выходит из капитального ремонта первая домна, и впервые на Магнитке будут работать 4 домны. С июля начал работать новый мощный прокатный стан 500, а в конце этого года еще 2 прокатных стана; в мартеновском цехе будут пущены 4 новых мартеновских печи и миксер. Пуск четвертой домны на Кузнецке увеличит число работающих домен Урало-Кузнецкого комбината до 8, в связи с чем резко возрастет потребность в руде.

Первая домна потребует дальнейшего сильного возрастания грузопотоков

[1] С июня с. г. работают уже 4 домны.

на Магнитке. Рост же парка подвижного состава комбината совершенно недостаточен.

Старый известковый карьер на Агаповке, в 12 км от завода, уже не сможет обеспечить известняком 4 печи, в связи с чем выстроена мощная дробильно-сортировочная фабрика на известковом карьере, и работа переводится на широкую колею.

Таким образом обрисовывается картина серьезных трудностей дальнейшего роста комбината. По сравнению с прошлым годом надо удвоить добычу руды. Транспортный цех должен утроить перевозки внутризаводских и внешних грузов. Нужно пустить и быстро освоить сложную, с большим количеством механизмов, известковую дробильно-сортировочную фабрику на Агаповке, обеспечить кадрами новые прокатные станы, мартеновские печи, миксер и организовать их работу.

Надо прямо сказать, что достаточной подготовки к разрешению этих задач провести не удалось, что увеличивает затруднения.

Особенного внимания требует железный рудник. Удвоение добычи требует увеличения оборудования. Между тем часть потребного для Магнитки оборудования производится в Советском союзе в недостаточном количестве, часть оборудования только начинает производиться, а часть совершенно не производится (электровозы, семидесятитонные думкары, буровые станки и экскаваторы). Первую помощь рудник получает по распоряжению тов. Орджоникидзе с некоторых строек и предприятий за счет имеющихся там резервов.

Железный рудник состоит из собственно рудника и отстоящей от него в 2—3 км рудообогатительной фабрики на горе Ай-Дарлы. До последнего времени организация работы была тяжеловесной, бюрократической. Сейчас производится перестройка работы и прежде всего передвижка лучших специалистов в низовые звенья (в смены, к агрегатам). Упрощается схема руководства в высших звеньях, ликвидируются дробность цехов и связанная с ней функционалка.

Ввиду недостаточного развития горных работ производится проходка новых горизонтов на горе Атач и на горе Узянка; осуществляется новый вариант откаточных путей; форсируется в соответствии с приказом тов. Орджоникидзе строительство дробильно-обогатительной фабрики. С середины мая количество рабочих на строительстве третьей дробилки, складов руды и обогатительной фабрики удвоилось.

III

Улучшение работы завода еще более сплотило рабочих и инженерно-технический коллектив. До нынешнего года рабочее ядро завода только формировалось. Тяжелые бытовые условия и многочисленные аварии порождали большую текучесть, нервировали рабочих и инженеров, препятствовали сплочению заводского коллектива. Теперь наиболее тяжелый этап пройден. Повторно достигаемые серьезные успехи каждый раз вливают новые потоки бодрости, улучшают материальное положение рабочих и инженеров, позволяют углубиться в технику дела и способствуют выковыванию постоянных кадров.

Мы тщательно оберегаем ветеранов Магнитки (четырехгодичников), создаем для них ряд льгот во всех отношениях и окружаем их почетом. Насколько рабочие дорожат положением и званием четырехгодичников, показывают непрекращающийся прилив заявлений и настойчивая защита своих прав на это звание. Весной этого года проведена большая массовая работа по самозакреплению до конца второй пятилетки; для самозакрепившихся установлен ряд льгот. Число самозакрепившихся достигает сейчас 5650.

С осени прошлого года мы крепко взялись за приведение в порядок пло-

щадки завода, рабочих поселков и города, за ремонт и благоустройство рабочих жилищ. Здесь положение еще далеко нельзя признать благополучным, но первые успехи налицо. Десятки тысяч рабочих и их жен, начиная с весны, участвуют в работах по благоустройству. До осени мы рассчитываем добиться значительных результатов.

На заводской площадке нужно убрать сотни тысяч кубометров земли, неубранной при строительстве действующих в настоящее время агрегатов. Нужно проложить капитальные шоссейные дороги, огородить их, разбить газоны, посадить деревья. Эти работы развернуты сейчас во всю ширь. Начата постройка забора вокруг всей заводской территории с массивным красивым входом на завод.

По рабочим поселкам и городу также проводятся планировка земли, посадка деревьев и кустарников, разбивка тротуаров, постройка асфальтовых дорог, трамвая, наружная и внутренняя отделка зданий, прокладка канализации и водопровода. С начала этого года пущено в эксплоатацию до 30 автобусов и установлена связь между основными рабочими поселками, что весьма заметно сказалось на всей обстановке жизни магнитогорцев. Осенью прошлого года и весной нынешнего посажено не меньше 300 тыс. деревьев. Большого интереса заслуживает посадка многолетних четырех- и шестиметровых сосен и елей, произведенная в большом масштабе зимой и весной этого года. Порядочное количество деревьев стоит уже 2—3 месяца и чувствует себя хорошо; много шансов за то, что этот опыт вполне удастся.

Планировка города и рабочих поселков, проведенная в прошлом, совершенно неудовлетворительна. По этой причине правительство решило прекратить строительство города на левом берегу реки Урала и перенести его на правый берег. Таким образом город окажется расположенным на противоположном от завода берегу огромного заводского пруда. Расстояния до цехов значительно сократятся. Для сообщения между городом и заводом будут построены мосты. Правый берег открывает живописный вид на завод.

В настоящее время на площадке группа архитекторов ведет проектировку нового города, и с будущего года все строительные работы переносятся туда. Рабочие поселки будут связаны между собой и с правым берегом трамваем.

IV

В строительство Магнитогорского комбината вложено около 700 млн. руб. Несмотря на грандиозность этой цифры комбинат далеко еще не завершил строительства. Это красноречиво говорит о колоссальных масштабах предприятия.

В самом деле, Кузнецкий завод находится в периоде окончания строительства, сделав работ на сумму, меньшую чем Магнитка. Но всем известно, какое огромное предприятие представляет собой Кузнецкий завод.

Магнитогорский рудник в настоящее время дает лишь половину руды от своей проектной мощности и имеет примерно ¼ проектных устройств для переработки руды. Еще нет обогатительных фабрик, агломерационной фабрики, третьей дробильно-промывочной фабрики.

В коксовом цехе из 10 проектных батарей выстроено только 4. Сильно отстал химический завод. Из 8 домен, которые должны быть выстроены по проекту, действуют только 4; из 3 мартеновских цехов выстроен лишь 1 и то неполностью (6 печей из 10 и миксер); в прокатном цехе введены в строй пока только 4 стана из 15 и 2 находятся в строительстве (должны быть пущены в этом году). Соответственный об'ем работ предстоит по вспомогательным и подсобным цехам.

XVII с'езд партии постановил к концу второй пятилетки закончить развитие Магнитогорского металлургического завода на 2700 тыс. т чугуна.

Эта цифра определяет темп дальнейшего строительства. Нужно вкладывать в Магнитогорское строительство по 250—280 млн. руб. в год. До конца второй пятилетки на Магнитке можно сделать работ на миллиард рублей. В физическом выражении этот миллиард рублей позволит, учитывая снижение стоимости строительства, удвоить об'ем работ по сравнению с уже выполненным, что обеспечило бы окончание основных цехов.

Несмотря на существенные дефекты в организации труда, механизации массовых работ, а также крупные дефекты, вытекающие из перебоев с материалами, в самой организации стройки систематически идет процесс оздоровления. За 4 месяца этого года в области основного строительства сделано работ на 4 млн. руб. больше прошлого года и на 8 млн. руб. больше 1932 г. По временному строительству сделано на 1 млн. руб. меньше прошлого года и на 6 млн. руб. меньше 1932 г. Суммарный об'ем работ за первые 4 месяца этого года составил 55,5 млн. руб. против 52 млн. руб. прошлого года, и это при сокращении рабочих по сравнению с прошлым годом на 2 тыс. чел. Выработка на одного человека в нынешнем году значительно выше чем в прошлом и в 1932 г.

Эти успехи стройки явились результатом преодоления крупных организационных недостатков, которые были в предыдущие годы, мобилизации огромных ресурсов, мертвым капиталом лежавших на складах и площадке, результатом подбора и правильной расстановки наиболее способных работников строительных цехов. Эти успехи—яркий показатель овладения техникой и организационной стороной строительства.

Однако эти успехи совершенно недостаточны. Остается еще огромный простор для дальнейшей упорной работы по превращению строительного аппарата комбината в предприятие действительно индустриальное, высокоорганизованное, с большой производительностью труда.

V

Проект Магнитогорского комбината в свое время был разработан в основном в Америке с большой поспешностью и, несомненно, нуждается в некоторых поправках. При проектировке и строительстве было допущено несколько существенных и частично очень грубых ошибок. Особенно это относится к горе. Например неправильно был решен вопрос об откатке руды, и откаточные пути приходится теперь разбирать и переносить на другую сторону месторождения. Неправильно было выбрано расположение рудообогатительной фабрики: тяговая электростанция поставлена на рудном теле, в районе добычи руды и взрывов, и по этой причине в дальнейшем существование ее на этом месте является сомнительным.

Совершенно ясна необходимость некоторых изменений в проекте, которые можно осуществить без ущерба для основных строек комбината.

В отношении сталеплавильных цехов еще раньше был поднят вопрос о замене одного мартеновского цеха бессемеровским. После тщательного изучения этого вопроса была признана нецелесообразность постройки бессемера. В последние 1—2 года наше машиностроение резко повысило требования к качеству металла. Сорту и листу пред'являются большие механические требования: высокая чистота в отношении серы и фосфора, а также узкие границы содержания прочих элементов: углерода, марганца, кремния. Бессемеровский процесс не позволяет устранить фосфор, он никогда не может сравниться с мартеновским в получении чистого металла с точным анализом. Бессемеровский металл всегда содержит значительное количество газовых включений, которые не менее вредны чем наибольшее зло в металле—сера. Дуплекспроцесс, представляющий собой комбинацию бессемеровского и мартеновского, не вполне очищает металл и в то же время значи-

тельно удорожает стоимость металла. Отсюда следует, что вопрос о постройке на Магнитке бессемера или организации дуплекспроцесса должен быть снят с обсуждения.

В отношении доменного цеха в дальнейшем необходимо приспособление проекта к тяжелым климатическим условиям Магнитки.

В коксовом цехе вместо намечавшихся ранее 8 батарей коксовых печей надо строить 10 батарей с соответствующим развитием химического производства, так как 8 батарей не смогут обеспечить 8 доменных печей. В самой конструкции коксовых батарей нужно будет отказаться от слишком большого количества печей, так как одного комплекта инструментов и персонала недостаточно для обслуживания 69 печей, из которых состоят выстроенные в настоящее время батареи. Два же комплекта приведут к излишнему штату и удорожанию обслуживания. Особенно неудачной следует признать установку двух барельетов (устройства для отвода и охлаждения коксового газа, представляющие собой систему трубопроводов с брызгалами). Такая конструкция превращает верх печи в сковородку, так как со всех сторон закрывает доступ ветру на площадку печи. Условия для рабочих крайне тяжелы вследствие высокой температуры. Здесь надо не только изменить конструкцию новых батарей, но и переделать уже выстроенные.

Железнодорожные подходы к Магнитке и связь Магнитки с Кузбассом внушают тревогу. В январе этого года, когда потребовалось в аварийном порядке забросить значительное количество угля на Магнитку, все подходы оказались полностью зашитыми как по магистрали Челябинск—Кузнецк, так и между Челябинском и Магниткой. Уголь пришлось направлять через Свердловск. Были приняты такие из ряда вон выходящие меры, как полное прекращение всех — кроме угля — перевозок (строительные материалы, оборудование).

Ввод четвертой доменной печи и дальнейшее развертывание стройки требуют немедленной прокладки вторых путей по трассе Магнитка—Челябинск—Кузбасс и самой срочной постройки железной дороги Магнитная—Уфа (выход на запад). Работа такого завода, как Магнитогорский, просто невозможна без мощного и бесперебойно работающего транспорта. Транспортное строительство к востоку и западу от Магнитки является составной и важнейшей частью гигантского строительства комбината.

* * *

В нынешнем году на Магнитной завершается полный металлургический цикл от руды и кокса до готового проката, вступает в строй первая очередь завода, равная по своей мощности завершаемому в этом же 1934 г. первому Кузнецкому металлургическому заводу.

XVII с'езд партии постановил закончить во второй пятилетке строительство Магнитогорского завода на полную мощность.

В связи с этим Магнитострой разворачивает грандиозную работу, превосходящую все, имевшее место на Магнитной до сих пор. Однако на этом этапе задача усложняется необходимостью сочетать пафос стройки с пафосом освоения. Магнитогорцы показали, что они не спасовали перед этой задачей. Нет сомнения в том, что они справятся с ней и в дальнейшем.

Задачи электроэнергетики в социалистической реконструкции народного хозяйства

С. Игнат

I

Еще во время гражданской войны Владимир Ильич, говоря о задачах восстановления народного хозяйства, указал, что мы его «не можем восстановить на старом экономическом и техническом основании. Это невозможно и технически было бы дико: нужно найти новое основание. Таким новым основанием является план электрификации» [1].

Товарищ Сталин дал исчерпывающее определение сущности ленинской электрификации: «...Под электрификацией страны Ленин понимает не изолированное построение отдельных электростанций, а постепенный «перевод хозяйства страны, в том числе и земледелия, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства», связанного так или иначе, прямо или косвенно, с делом электрификации» [2].

Гигантское техническое перевооружение всего народного хозяйства, проведенное в невиданно короткий исторический срок, теснейшим образом связано с осуществлением плана электрификации. Всемирно-исторические успехи первой пятилетки в области социалистической индустриализации, подведение новой технической базы под все отрасли народного хозяйства прямо или косвенно связаны с делом электрификации. Создание в течение первой пятилетки мировых гигантов машиностроения, металлургии и химии в значительной мере базировалось на внедрении электроэнергии в промышленность.

Техническое перевооружение социалистической промышленности в период первой пятилетки нашло свое выражение в росте коэфициента электрификации рабочих машин [3]. В 1928 г. этот коэфициент составлял 51,2%, в 1932 г.—67, а в 1933 г. достиг уже 68,7%. В ряде важнейших отраслей промышленности электрифицирован почти весь производственный аппарат. Электрификация механизированной нефтедобычи по Азнефти составляла в 1932 г. 100%, по Грознефти—98. В машиностроении, химии, рудной, электротехнической и цветной промышленности коэфициент электрификации 90—100%. Электричество применяется не только как двигательная сила: использование электроэнергии в технологических процессах коренным образом революционизировало их. С электрификацией технологических процессов связано создание новых производств, имеющих огромное значение в современной индустрии: алюминий, высококачественные стали, ферросплавы, синтетический аммиак. За годы первой пятилетки в СССР было создано производство алюминия, сооружено сто электропечей, построены крупнейшие заводы ферросплавов.

На базе электрификации была проведена механизация производственных процессов угольной и металлургической промышленности. С при-

---

[1] Ленин. См. сб. «Об электрификации», стр. 21. Изд. Ин-та Ленина. 1932.

[2] Сталин «Вопросы ленинизма». 9-е изд., стр. 362.

[3] Коэфициент электрификации рабочих машин показывает, какая часть мощности всех рабочих машин на предприятиях обслуживается электромоторами.

менением электрической энергии связаны также новые методы организации производства (поточное, массовое производство), нашедшие широкое распространение в промышленности Союза.

На базе плановой электрификации мы добились комплексного разрешения крупнейших водохозяйственных (ирригационных и транспортных) проблем в гидростроительстве, принявшем огромный размах в I пятилетке.

Электрификация в первой пятилетке проникла на железнодорожный транспорт. К началу 1934 г. электрифицировано 340 км железнодорожных магистралей. Электрификация делает свои первые шаги и в сельском хозяйстве, прежде всего по линии замены стационарных двигателей.

Электрификация в первой пятилетке проникла во все отрасли народного хозяйства, обеспечила возможность механизации наиболее трудоемких процессов, революционизировала ряд старых технологических процессов и вызвала к жизни новые производства и новые методы работы. Тем самым электрификация стала одной из основ технической реконструкции всего нашего народного хозяйства.

Ленин и Сталин рассматривали создание мощной, технически передовой электроэнергетической базы электрификации как неразрывную часть социалистической реконструкции.

За годы революции и особенно в течение первой пятилетки Советский союз создал мощное электроэнергетическое хозяйство, стоящее на уровне современной техники. На 1 января 1934 г. установленная мощность районных станций Союза вместе с крупными промышленными достигла 3666 тыс. квт, а мощность всех станций Союза—5360 тыс. квт. Выработка электроэнергии в 1933 г. на всех станциях Союза достигла 15,9 млрд. квт-ч.

II

Важнейшей особенностью роста нашей электроэнергетической базы является создание главным образом крупных районных станций. Удельный вес районных станций в общей установленной мощности, составлявший в 1928 г. 33%, к концу первой пятилетки достиг уже 61%. Районные станции в 1933 г. дали 67% всей произведенной в Союзе электроэнергии.

По уровню концентрации производства энергии и централизации электроснабжения СССР занимает первое место в мире. Концентрация производства электроэнергии дает возможность широко использовать местное топливо для развития районных станций.

Глубина технических сдвигов в энергетическом хозяйстве за последние годы говорит о подлинном техническом перевороте. Это нашло свое отражение в массовом сжигании торфа, пылевидном сжигании угля, в укрупнении турбин и котлов, в повышении давления и температуры перегрева пара, в комбинированной выработке тепловой и электрической энергии, в высоком напряжении линий электропередач, в создании больших энергосистем.

Завершение технической реконструкции народного хозяйства—важнейшая хозяйственная задача второго пятилетия—неразрывно связано с электрификацией страны. Для того чтобы обеспечить дальнейшую электрификацию промышленности и рост электроемких производств, перевод на электротягу 5 тыс. км железнодорожного пути и постепенное внедрение электроэнергии в сельское хозяйство, необходимо создать прочную электроэнергетическую базу и глубоко освоить новую электроэнергетическую технику.

Выполнение плана 1934 г. имеет огромное значение для реализации всей программы электрификации, намеченной на второе пятилетие.

В 1933 г. на районных станциях Главэнерго было произведено 10 250 млн. квт-ч электрической энергии.

Второй год второй пятилетки является годом дальнейшего роста производства электроэнергии. В 1934 г. запроектирована выработка 12,5 млрд. квт-ч, т. е. рост производства электрической энергии на 22% по сравнению с прошлым годом. По всем станциям Союза план предусматривает рост производства электрической энергии с 15,9 млрд. квт-ч в 1933 г. до 19 млрд. в 1934 г., т. е. увеличение на 19,5%. Тепловой энергии в 1934 г. намечено отпустить со станций Главэнерго 3400 тыс. мегакалорий (прирост на 37,3% к отпуску прошлого года).

Значительность намеченных темпов роста выработки выделяется особенно ярко, если их сравнить с темпом развития электроэнергетического хозяйства капиталистических стран.

В капиталистических странах после ряда лет систематического падения производства электроэнергии в самое последнее время (1933 г.) обозначился некоторый сдвиг в сторону роста выработки.

За последние годы (1930—1932) резко снизилось потребление электрической энергии в Германии и в США. Лишь в Италии и Франции отпуск энергии вообще был довольно стабилен, а в Англии он даже рос.

Рост выработки электроэнергии в капиталистических странах в 1933 г. об'ясняется некоторым ростом промышленности, особенно связанной с военными заказами. Но этот рост незначителен и не может идти в сравнение с нашими темпами прироста потребления электроэнергии.

Несмотря на широчайшую пропаганду бытового потребления электроэнергии, несмотря на широкие правительственные субсидии муниципалитетам для реконструкции станций и кредитования абонентов, несмотря на установку стандартного типа приборов, продажа которых связывается с правительственным кредитованием,— Североамериканским соединенным штатам удалось поднять в 1933 г. отпуск электроэнергии по центральным станциям только на 2,8%. Выработка энергии в США до сих пор значительно ниже чем в 1929 г., когда на центральных станциях было произведено 91 млрд. квт-ч.

Из приводимой ниже таблицы видно, насколько рост производства электроэнергии в СССР в 1933 г. обгоняет страны капитала.

Надо иметь в виду, что, показывая некоторое увеличение выработки энергии в 1933 г., капиталистические страны все же остаются далеко позади своих рекордных годов: так, Германия, добившись увеличения производства энергии в 1933 г. на 9,3%, отстает от 1929 г., когда на станциях общего пользования было выработано 16,6 млрд. квч.

В СССР ежегодно систематически растет выработка электроэнергии.

Отпуск электрической энергии в 1932 и 1933 гг. (в млрд. квт-ч)

	1932 г.	1933 г.	Прирост в %
США—центральные станции	77,9	80,09	+2,8
Швейцария — все станции общего пользования	3,6	3,8	+5,5
Франция—станции общего пользования (около 65% всего отпуска)	9,4	10,2	+8,4
Италия—свыше 90% всего отпуска	10,18	11,2	+9,2
Германия—станции общего пользования (около 8/5 всего отпуска)	13,0	14,2	+ 9,3
Англия — станции общего пользования	12,2	13,5	+10,8
СССР—станции Главэнерго	8,29	10,2	+23,8

По всем станциям Союза мы имеем следующий систематический прирост выработки (к предыдущему году): 1929 г.—25%, 1930—34, 1931—27,5, 1932—27, 1933—19, 1934 г.—19,5%.

В 1934 г. наряду с общим увеличением выработки электроэнергии на районных станциях Главэнерго особо интенсивно будет расти потребление от

районных станций в следующих районах: на Урале оно поднимается на 33%, в Брянском районе — на 65, в Днепровском районе — на 72, в Закавказье — на 131, в Средней Азии — на 240%.

Выполнение и перевыполнение заданного плана выработки электроэнергии имеют огромное значение. От этого зависит нормальная работа всех отраслей промышленности и всего народного хозяйства. Это тем более важно подчеркнуть, что в некоторых районах несмотря на огромный рост установленной мощности все же ощущается недостаток электроэнергии. Особенно это относится к Москве и Южному Уралу.

В области производства электроэнергии в 1934 г. надо отметить чрезвычайно важный положительный момент: увеличение удельного веса гидроэнергии. За последние годы доля гидроэнергии (по системе Главэнерго) возросла с 7,2 в 1931 г. до 14,5% по плану 1934 г.

Рост строительства теплоэлектроцентралей, ввод и освоение новой теплофикационной мощности в 1934 г. увеличивают долю энергии, выработанной на теплоэлектроцентралях:

Выработка электроэнергии на ТЭЦ в м. квт-ч	1933 г.	460	1934 г.	821
Удельный вес общей выработки в %	1933 г.	4,5	1934 г.	6,5

Одна из основных ленинских установок в области электрификации—широчайшее использование местного топлива—получает в плане 1934 г. дальнейшее развитие. Крупнейшим завоеванием советской энергетики являются освоение техники сжигания и массовое использование торфа, антрацитового штыба, подмосковного и челябинского угля, продуктов обогащения кизеловских углей и других видов малокалорийного местного топлива. Эти успехи позволяют в большей степени разгрузить транспорт и экономить высококалорийное топливо. Борясь за внедрение местного и низкосортного топлива, отходов обогащения, мы улучшаем топливный баланс электростанций, систематически вытесняя высококалорийное дальнепривозное топливо.

В общей выработке электроэнергии тепловыми станциями удельный вес станций, работающих на нефти, падает с 15,5% в 1931 г., 19 в 1932 г. до 8,8% в 1934 г., работающих на донецком угле,— с 20% в 1931 г. до 18 в 1934 г. Наоборот, удельный вес станций, работающих на штыбах, возрастает с 15% до 23, на подмосковном угле,— с 7% до 13,6, на уральских и сибирских углях,—с 4,8% до 8,8. На торфе производится почти четверть энергии тепловых районных станций—23,3% в 1934 г. (в 1933 г.—29,2%).

По плану 1934 г., потребление мазута снижается: при росте общей выработки на 22% производство энергии на нефти уменьшается на 17%. Возрастает удельный вес антрацитового штыба, подмосковного и урало-сибирских углей. Однако в 1934 г. уменьшается и удельный вес энергии, выработанной на торфе, с 33,8 до 23%. Это об'ясняется неблагоприятными результатами торфяного сезона 1933 г. и возрастанием роли местных углей в топливном балансе станций.

В 1934 г. наши электростанции должны бороться за окончательное разрешение проблемы сжигания фрезерного торфа. Перед энергетикой Союза встает также важнейшая задача—научиться сжигать сланцы. Большая работа предстоит по линии перевода некоторых станций с жидкого топлива на уголь. Для устойчивого эксплоатационного режима станций огромное значение имеют нормальные запасы топлива.

Бесперебойное и надежное электроснабжение требует серьезной работы над освоением новой техники. Наши электростанции оснащены первоклассным оборудованием, и мы имеем все основания требовать от них четкой, бесперебойной работы. В 1934 г. самое серьезное внимание должно быть обращено на эксплоатацию, на внедрение твердого эксплоатационного режима в производственную жизнь станций. Между тем эксплоатация ряда электростанций поставлена еще очень плохо. До сих пор имеют место запу

щенность и грязь, особенно недопустимые на таких предприятиях, как электростанции с их сложным и дорогим оборудованием. Следует помнить, что борьба с грязью и запущенностью на станциях преследует не только культурно-технические цели: чистота—первейшее условие нормальной производственной работы электростанций, засыпанные золой дворы, грязь в котельных, пылящие пылепроводы нередко бывают причиной аварий.

Аварии вызвали недоотпуск 33 388 тыс. квт-ч электроэнергии (0,351% всего отпуска энергии). Под «аварийным недоотпуском» понимается всякий, даже самый кратковременный, перерыв в подаче электрической энергии. Хотя 1933 год и дает некоторое снижение процента аварийного недоотпуска по сравнению с 1932 г., когда недоотпуск составил 0,424%, тем не менее, эта цифра должна быть признана высокой.

Из 8 важнейших районных управлений, вырабатывающих свыше 80% всей электроэнергии системы Главэнерго (Мосэнерго, Ленэнерго, Уралэнерго, Севкавэнерго, Днепроэнерго, Закэнерго), только 6 снизили в 1933 г. аварийный недоотпуск с 14 863 тыс. квт-ч до 8043 млн. квт-ч, т. е. на 46%. Днепроэнерго снизил аварийный недоотпуск на 77%, Севкавэнерго—на 73, Уралэнерго—на 60, Ленэнерго—на 37, Мосэнерго—на 32%.

В ряде районных управлений в 1933 г. аварийный недоотпуск увеличился по Донэнерго на 10%, Ивэнерго (главным образом Ярославская станция) — в 4,3 раза. Из энергокомбинатов снизили аварийный недоотпуск только Сталинградская станция — на 88, Самара — на 49, Горьковская станция — на 45% и Одесса. Остальные 5 энергокомбинатов показывают в 1933 г. рост аварийного недоотпуска. С большими перебоями шла работа в Белорусском и Брянском комбинатах.

Анализируя характер аварий, необходимо обратить внимание на чрезвычайно большой процент зарегистрированных «аварий по вине персонала».

Результатом этих аварий явился недоотпуск 16 433 тыс. квт-ч электроэнергии, что составляет половину всего недоотпуска в 1933 г., или 0,177% всей отпущенной энергии.

В основе высокой аварийности лежат отсутствие твердого эксплоатационного режима, отсутствие работы с персоналом, недостаточная дисциплина, отсутствие внимания к отдельным производственным «мелочам», из которых вырастают аварии. Причины большой аварийности в ряде управлений и комбинатов таковы:

недостаточное внимание к анализу аварий и разработке противоаварийных мероприятий;

неправильные действия персонала (ошибочные выключения, несоблюдение правил обслуживания оборудования, упуск и перекачка воды в котле и т. п.);

отсутствие планово-предупредительного ремонта (особенно часты аварии в котельных: обвалы топочных сводов, поломки колосниковых решоток, поломки мельниц, дымососов и пр.);

отсутствие запасных частей, приводящее к невыполнению планово-предупредительных ремонтов;

несвоевременный и недоброкачественный ремонт (в тепловой части: неправильная сборка турбин, неудовлетворительный монтаж кипятильных труб в котлах и пр.; в электрической части: неудовлетворительная сушка трансформаторов, неполадки с маслом и т. д.);

низкая квалификация персонала, плохое инструктирование.

Конечно, большую роль играют также качество поставляемого оборудования, отсутствие надлежащей связи и защиты, допущенная в некоторых случаях сдача в эксплоатацию незаконченных об'ектов. Но основное—это все же отсутствие борьбы с авариями, невнимание к вопросам эксплоатации, отсутствие твердого производственного режима. *С авариями надо вести самую настойчивую, систематическую борьбу.*

Ни одна авария не должна остаться без тщательного расследования, виновные должны понести наказание, должны быть приняты меры для предупреждения подобных аварий. Для этого нужно в первую очередь внедрить большевистский порядок и железную пролетарскую дисциплину на станциях. Электрические станции являются предприятиями особой государственной важности, и от их работы зависит нормальная хозяйственная деятельность целых районов. Первым условием подлинного освоения новой техники на электростанциях являются твердое единоначалие, жесткая труддисциплина и образцовый, большевистский порядок.

Большое значение для борьбы с авариями имеет вопрос о системе планово-предупредительных ремонтов, особенно на электростанциях, где оборудование работает беспрерывно наибольшее количество часов.

Важным качественным показателем работы электростанций является удельный расход топлива на 1 квт-ч электроэнергии. За последние годы станции Главэнерго добились снижения этого расхода. В 1933 г. задание по удельному расходу на 1 квт-ч, отпущенный с шин районных станций (0,790 кг условного топлива), по станциям Главэнерго было в целом выполнено.

В 1933 г. экономия в сравнении с 1932 г. на каждый отпущенный с шин квт-ч энергии составила 0,058 кг условного топлива. При общем отпуске с тепловых станций Главэнерго 8,5 млрд. квт-ч эта экономия составила в общем 490 тыс. т условного топлива. В то же время на станциях, работающих на нефти, в 1933 г. не только не удалось добиться снижения удельного расхода топлива, но он даже увеличился (с 0,75 в 1932 г. до 0,771 в 1933 г.).

Наилучший удельный расход мы имеем на торфяных станциях. В 1932 г. он составлял 0,727, а в 1933 г.—0,697. Однако торфяные станции могли бы добиться еще большей экономии, если бы торф был менее влажным.

На 1934 г. намечена программа дальнейшей экономии топлива.

В 1934 г. при выполнении намеченного плана снижения удельного расхода до 0,740 кг квт-ч (т. е. снижение 0,050 кг на 1 квт-ч против 1933 г.) годовая экономия условного топлива должна составить 490—500 тыс. т условного топлива, а по сравнению с нормами расхода последнего года первой пятилетки (1932 г.) — свыше миллиона тонн условного топлива.

Наши передовые станции получают по удельному расходу топлива на 1934 г. такие задания, которые приближаются к уровню современных достижений электростанций Европы и Америки.

На наших станциях имеются еще огромные неиспользованные резервы, и на этом фронте мы можем и должны добиться больших результатов. Это особенно наглядно показала 1-я московская электростанция. На этой станции имелся значительный пережог нефти. По-большевистски борясь за снижение удельных расходов, работники станции добились в I квартале 1934 г. снижения удельного расхода топлива до 0,634 кг (вместо 0,677 кг за 1933 г., т е. на 6,3%). Значительно сократили удельный расход топлива в 1933 г. следующие станции: Ивгрэс — на 10,5%, Зуевская — на 9,6, Яргрэс — на 8,8, Шахтинская — на 7, Штеровка — на 5,5, Горьковская — на 5%.

Выполнив план 1934 г. по удельному расходу топлива, т. е. дойдя до 0,740 кг р. т., мы догоним станции общего пользования Англии, которые в 1933 г. показали 0,744 кг (на 520 станциях). Однако в США центральные станции в 1933 г. добились снижения расхода до 0,70 кг, а новые станции Германии — около 4 тыс. калорий — 0,57 кг условного топлива; 22 новых станции в Англии дали в 1933 г. удельный расход 0,5—0,6 кг условного топлива. Станции West в Берлине, Holland в Нью-Йорке, Колумбия дают удельный расход 0,45—0,48 кг квт-ч[1]. Мы должны держать курс на эти лучшие, рекордные цифры отдельных заграничных станций в нашей борьбе

[1] «Электрические станции» № 1 за 1934 г., стр. 17.

за снижение удельных расходов. Надо, чтобы расходы таких станций, как Ивгрэс, Челябинск, Кашира, стали обычными для наших станций.

Помимо снижения удельных расходов топлива необходимо добиться снижения расходов электроэнергии на собственные нужды станции и снизить потери в сетях.

Совокупным показателем правильного ведения хозяйства, в котором отражаются все виды экономии, является себестоимость одного квт-ч электрической энергии. Динамика средней коммерческой себестоимости одного квт-ч за последние годы такова: 1929 г.—5,2 коп., 1930 г.—4,68, 1931 г.—5,19, 1932 г.—6,00, 1933 г.—5,76, 1934 г.—5,60 коп.

Анализ итогов 1933 г. показывает, что при относительно неплохих общих результатах (снижение против 1932 г. на 4%) отдельные районные управления и энергокомбинаты закончили хозяйственный год с большим превышением себестоимости против намеченного плана. Наибольшие отклонения дают районы, осваивающие новые мощности (Казань, Средазэнерго, Закэнерго, Уралэнерго), а также районы, где топливные условия в 1933 г. были тяжелы (Ивэнерго, Брянск, Белэнерго).

Снизили себестоимость по сравнению с 1932 г. следующие районные управления и комбинаты системы Главэнерго: Донэнерго, Мосэнерго, Ивэнерго, Севкавэнерго, Самарский и Сталинградский комбинаты.

План 1934 г. намечает снижение коммерческой себестоимости на 2,5% (с 5,75 до 5,6 коп.). Предприятия Главэнерго должны бороться за перевыполнение этого задания, экономно ведя свое хозяйство, соблюдая строгую финансовую дисциплину, сокращая расходы энергии на собственные нужды и потери, а также жестко сокращая административно-хозяйственные расходы. Каких положительных результатов можно добиться в этом серьезнейшем деле, показывает пример отдельных станций, например: Кашира за 1933 г. снизила себестоимость 1 квт-ч (на шинах станции) по сравнению с 1932 г. на 6,5%, Зугрэс—на 16, Волховская ГЭС—на 5, Шахтинская—на 4, Загэс—на 5,5% и т. д.

Не приходится пояснять, какую огромную роль должна сыграть организационная перестройка Главэнерго, его периферийных органов и станций в сторону дальнейшего упрощения аппарата, ликвидации лишних звеньев и борьбы с функционалкой.

III

Программа электростроительства 1934 г. представляет крупный шаг в выполнении намеченного XVII с'ездом партии задания—выработки в 1937 г. на районных станциях 24,5 млрд. квт-ч электроэнергии.

В 1934 г. мощность строящихся по всей стране электростанций составляет почти 3,5 млн. квт. Только по системе Главэнерго в текущем году строятся 82 станции общей мощностью свыше двух с половиной млн. квт (2650 тыс. квт). Величина этого строительства выделяется особенно ярко на фоне почти полного прекращения нового строительства электростанций в капиталистических странах. Достаточно сказать, что за весь 1933 г. в США было введено всего 168 тыс. квт новой мощности и только на 178 тыс. квт расширены действующие электростанции.

Важнейшей задачей электростроительства 1934 г. является своевременная и полная реализация плана ввода новых мощностей на электростанциях. Это диктуется напряженным положением с электроэнергией в некоторых районах (Москва, Северный Кавказ и особенно Южный Урал).

В течение 1934 г. должна быть значительно пополнена электроэнергетическая база ряда районов. По Главэнерго ввод новой мощности составит:

	в тыс. квт		в тыс. квт
По Московской области	228	по Харьковской области	25
„ Уральской „	122	„ Киевской области	24
„ Западной Сибири	72	„ Ивановской „	24
„ Ленинградской области	48	„ Средней Волге	12
„ ЗСФСР	48	„ Казакской АССР	9
„ Нижней Волге	36	„ Одесской области	6
„ Северному Кавказу	27,5	„ БССР	6,4

Текущий год должен дать по всему Союзу ввод мощности — 1135 тыс. квт, на 450 тыс. квт превышая прошлый год (прирост на 63%).

Чтобы иметь представление об огромных размерах намечаемого в 1934 г. ввода мощностей, достаточно вспомнить, что все электростанции довоенной России обладали около 1000 тыс. квт; по плану Гоэлро, разработанному в 1920 г., предполагалось ввести в эксплоатацию в течение 10—15 лет до 1500 тыс. квт; за один только 1934 г. мы должны ввести 1160 тыс. квт.

К концу 1934 г. при выполнении намеченного плана ввода мощностей мы будем иметь установленную мощность на районных станциях Главэнерго 3880 тыс. квт; на промстанциях НКТП — 1600 тыс. квт, на станциях других ведомств — 1030 тыс. квт; на станциях всего Союза—6515 тыс. квт.

Наибольший интерес представляют районные станции Главэнерго и крупнопромышленные станции НКТП. По этим станциям, не считая турбин мелких мощностей по 2—3—6 тыс. квт, которые занимают приблизительно 8—9% всех вводимых мощностей, мы должны, по плану 1934 г., ввести: 4 конденсационных паровых турбины по 12 тыс. квт; 11 турбин по 24 тыс. квт; 9 теплофикационных турбин по 25 тыс. квт; 4 конденсационных турбины по 50 тыс. квт; 1 гидротурбину в 24 тыс. квт, 2 по 15 тыс. квт; 4 по 12 тыс. квт и 3 по 7,5 тыс. квт; 32 паровых котла[1].

Важнейшими пусковыми об'ектами 1934 г. являются: Сталиногорская (бывшая Бобриковская) ГРЭС—3 агрегата по 50 тыс. квт; Краснозаводская ТЭЦ в Харькове—теплофикационный агрегат в 25 тыс. квт; Среднеуральская—для энергоснабжения Свердловского района—50 тыс. квт; Киевская станция—24 тыс. квт; Челябинская ТЭЦ—24 тыс. квт; из гидростанций: Свирь № 3—2 по 24 тыс. квт; Рионгэс—2 по 12 тыс. квт; Загэс—2 по 12 тыс. квт; Нивская гидростанция в Хибинском районе—2 по 15 тыс. квт.

В 1934 г. будет кроме того продолжаться строительство станций, начатых в прошлые годы и вводимых в эксплоатацию в 1935 и последующих годах. Сюда относятся мощные гидростанции на Волге и Каме (Средволгострой), Чирчикстрой (Ср. Азия), Баксан (Северный Кавказ), Аджарис-Цхали и Сухумская (Грузия), Канакирская (Армения), Варзоб (Таджикская ССР) и тепловые: Орская, Севастопольская, Астраханская, Марийская и др.

Важнейшей особенностью плана электростроительства Главэнерго в 1934 г. является увеличение удельного веса теплоэлектроцентралей и гидростроительства.

Выработка электроэнергии на теплоэлектроцентралях дает значительную экономию топлива по сравнению с конденсационными станциями.

На крупных районных конденсационных станциях расход условного топлива составляет 0,68 кг на выработанный квт-ч, что соответствует коэфициенту полезного действия около 18%. Лучшие заграничные станции дают следующие показатели: 24—27%.

Коэфициент полезного действия даже таких наших маленьких ТЭЦ, как 1-я ТЭЦ или Краснопресненская в Москве, составляет 65—68%. Серьезное увеличение к. п. д. может быть достигнуто только путем теплофикации.

Теплофикация, т. е. комбинированное производство электроэнергии и

[1] Только для Главэнерго.

тепла в одной установке и централизованное снабжение теплом при помощи районных теплофикационных сетей, дает возможность использовать топливо в 3 раза экономнее. Однако не только экономия топлива, приобретающая в настоящий момент особо важное значение, но и огромное производственное и культурно-бытовое значение централизации теплоснабжения выдвигают теплофикацию как одно из крупнейших мероприятий по рационализации энергетики. За последние годы, особенно после июньского пленума ЦК в 1931 г., когда по инициативе товарища Сталина был поставлен вопрос о развертывании строительства ТЭЦ, мы добились существенных достижений по линии теплофикации.

400 тыс. квт установленной мощности на теплоэлектроцентралях, 2800 млн. калорий отпущенного в 1933 г. тепла, 200 км магистральных теплопроводов — с такими результатами в области теплофикации мы пришли к XVII с'езду партии. В плане электростроительства на 1934 г. продолжена линия на развитие теплофикации. Удельный вес теплоэлектроцентралей в общей мощности всех тепловых станций по годам составлял: 1928 г.— 0,6%, 1929 г.—2,2, 1930 г.—3,3, 1931 г.—5,1, 1932 г.—6,7, 1933 г.—9,45, 1934 г. (план)—15%.

Необходимость экономии топлива, разгрузки транспорта, комплексное решение энергетических и транспортно-ирригационных проблем выдвигают важнейшую задачу усиления гидроэлектростроительства. В течение первой пятилетки мы ввели на гидростанциях Главэнерго 350 тыс. квт новой мощности; во втором пятилетии намечен большой рост—почти в 3 раза—гидростанций.

В 1934 г. удельный вес гидростанций в электростроительстве значительно возрастает. Так, если взять по системе Главэнерго всю мощность, находящуюся в постройке,—2651 тыс. квт, то из нее гидростанции составляют 1200 тыс. квт, или 46%, в то время как в прошлом году они составляли всего 19%. Из числа строящихся гидростанций отметим Чирчикскую ГЭС (Средняя Азия) мощностью первой ступени 170 тыс. квт; Свирскую гидростанцию № 2 мощностью 144 тыс. квт; Канакирскую ГЭС (Армения)—88 тыс. квт, использующую сток высокогорного озера Севан, Тулома (Мурманский край), Храм (Грузия), регулирующую централь мощностью 90 тыс. квт; ТертерГЭС (Азербайджан) мощностью 54 тыс. квт; Баксанскую гидростанцию (Северный Кавказ) мощностью 22,5 тыс. квт; Аджарис-Цхали (Аджаристан) мощностью 16 тыс. квт и, наконец, станции Средневолгостроя.

В 1934 г. продолжаются концентрация генерирующих мощностей на отдельных станциях и укрупнение отдельных агрегатов. В результате выполнения плана электростроительства 1934 г. мы будем иметь рост средней мощности районной станции до 72 тыс. квт против 32,3 тыс. квт в 1928 г., 39,7 тыс. квт в 1930 г. и 67,3 тыс. квт в 1932 г.

Значительное количество вводимых в 1934 г. турбоагрегатов по 25 и по 50 тыс. квт приводит к росту средней мощности турбоагрегата на районных станциях до 18,0 тыс. квт против 7 тыс. квт в 1928 г. и 15,7 тыс. квт в 1932 г. В течение 1934 г. предстоит огромное сетевое строительство, строительство подстанций и линий электропередач.

По отдельным районам будут введены следующие крупные об'екты.

По Московской области — две 100-киловольтные линии передачи для выпуска мощности Каширской ГЭС и Бобриков. Кроме того частично должна быть построена 220-киловольтная линия Сталиногорск—Москва.

По Приднепровью — 160-киловольтная линия передачи Днепрогэс—Никополь—Кривой Рог и по тому же направлению линии передачи в 38 киловольт, что обеспечит электроснабжение электрифицируемой Екатерининской ж. д. на участке Запорожье—Долгинцево и питание предприятий

Криворожского бассейна током от Днепрогэса. Намечены строительные работы по линии передачи Днепр—Донбасс на 220 киловольт.

Будет завершена связь Северного Урала со Средним Уралом для передачи избытка энергии Свердловску. К высоковольтной сети присоединяются новые районы: Егоршинский и Закамский. Начнутся работы по сооружению линии Магнитная—Златоуст.

В Донбассе заканчиваются линия Зуевка—Мариуполь, вторая линия—Штеровка—Зуевка, линия Зуевка—Коссиор (Горловка) и Зуевка—Иван для улучшения электроснабжения Центрального и Сталинского районов.

По Ленинградской области должны быть окончены работы по линии передачи для освоения мощности Дубровской ГРЭС и по линии передачи Свирь—Ленинград (220 киловольт).

По Кемеровскому району замыкается связь Кемеровской ГРЭС и Кузнецкой ГРЭС (Сталинск).

На Северном Кавказе построена в 1934 г. линия передачи Гизельдон—Орджоникидзе для питания энергией Орджоникидзенского цинкового завода; в Азово-Черноморском крае заканчивается линия передачи Таганрог—Амвросиевка для питания промышленности Таганрога от Зуевской ГРЭС.

В 1934 г., по плану, вводится около 2200—2300 км линий электропередач. Протяженность воздушных высоковольтных сетей на конец 1934 г. составит около 13 тыс. км.

IV

Какие задачи стоят перед нами для успешного выполнения программы электростроительства в 1934 г.?

Прежде всего необходимо улучшить организацию строительства. В электростроительстве как и на крупном промышленном строительстве огромное значение имеют внутрипостроечное планирование, упорядочение смет, отчетности, правильная организация труда, жесткая финансовая дисциплина, проведение подлинного хозрасчета и на основе всего этого снижение стоимости строительства и высокое качество работ.

Необходимо подчеркнуть также ряд вопросов, имеющих специфическое значение для электростроительства и играющих большую роль и в реализации плана 1934 г. и в упорядочении всего электростроительства. Прежде всего речь идет об оборудовании и о проектах.

Огромное, почти решающее значение для выполнения плана ввода мощностей на электростанциях в 1934 г. имеет своевременная комплектная поставка доброкачественного оборудования. Советское энергетическое машиностроение за последние годы добилось ряда крупных успехов в деле освоения новых типов котлов, турбин и электрической аппаратуры.

Приводим таблицу, наглядно показывающую, как во времени протекал процесс перехода на оборудование советского производства (см. стр. 73).

В таблице показан удельный вес импорта, относящийся к вводу мощности. Если же говорить о строящихся станциях, то с 1933 г. мы уже целиком перешли на советские котлы и турбины. Энергетическое оборудование, произведенное на советских заводах, заняло решающее положение в электростроительстве. Все основное электрооборудование, требуемое для выполнения плана 1934 г., включено в программу заводов энергетического машиностроения. Задача состоит в том, чтобы добиться безусловного выполнения заданной заводам программы. При этом надо иметь в виду, что речь идет не только об основном, но и о вспомогательном оборудовании. Заводы должны во-время сдать не только котлы и турбины, но и все необходимые для нормальной работы приборы: дымососы, вентиляторы, трубопроводы, экономайзеры и т. д.

Участие импорта в установках крупных электростанций СССР в 1930—1933 гг.

Наименование оборудования	Годы вступления в эксплоатацию	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Турбины	В тыс. квт	337	773	534,1	411,0
"	В % ко всей установленной за год мощности	89,5	84,3	96,4	54,0
Генераторы	В тыс. квт	334	677	478,1	165
"	В %	88,2	73,8	86,3	21,7
Котлы	В кв. метр. поверх. нагр.	56 400	53 000	45 200	12 900
"	В %	86,9	83,6	84,2	27,5

Одним из самых узких мест является изготовление углепомольных мельниц для электростанций. Краматорский машиностроительный завод, которому поручено производство 40 комплектов этих мельниц, должен обеспечить своевременную их поставку.

За последнее время проектирование станций улучшилось. Стандартизация котлов и турбин дала возможность нормализировать проектирование стандартных станций. Уже сейчас 5—6 станций (Ткварчельская, Камыш-Бурунская, Севастопольская и др.) в основном будут строиться по одинаковым чертежам. Таким образом созданы типовые проекты станций. Об'ем проекта дополняется двумя существенными частями: проектами организации строительных работ и эксплоатации.

Но вместе с тем в проектировании имеется еще ряд крупных дефектов, которые надо устранить: часто наблюдаются несоответствие и несогласованность отдельных звеньев, например: запроектированная система топливоподачи не соответствует по своей производительности расходу топлива котельной; техническое водоснабжение на многих станциях не соответствует установленной мощности турбин и т. д. Ряд дефектов имеется в компановке помещений и защитных устройств. Отсутствуют проекты диспетчерской и внутренней связи, вентиляции трансформаторных помещений и т. д.

Надо добиться, чтобы проекты новых электростанций были избавлены от всех этих дефектов. Проекты новых электростанций должны обеспечить надежность и удобство эксплоатации наряду с экономичностью постройки. Проекты новых станций должны предусматривать эффективную очистку дымовых газов, хорошие условия освещения и вентиляции. Компановка станционных помещений и расположение оборудования должны быть удобны для монтажа, эксплоатации и ремонта. Несоблюдение этого условия часто становится источником аварий.

Созданная за годы революции мощная электроэнергетическая база Союза является одной из самых передовых в мире. 1934 год должен поднять еще выше технический уровень наших электростанций. Реализация плана 1934 г. явится крупнейшим шагом вперед в деле выполнения решения XVII с'езда о создании «новой энергетической базы для завершения реконструкции всех отраслей народного хозяйства». Намеченный строительный план и план ввода новых мощностей должны быть полностью выполнены. Имея технически высоковооруженное энергетическое хозяйство, мы должны добиться подлинного освоения новой техники, упорно, по-большевистски, борясь за четкое, бесперебойное энергоснабжение социалистической промышленности.

Подготовка капиталистического хозяйства к войне

Е. Хмельницкая

Подготовка к новой войне и борьба за упрочение расшатанных кризисом устоев капитализма теснейшим образом переплетаются сейчас в высоко поднявшейся волне государственно-монополистических мероприятий во всех странах буржуазии. Нельзя отделить одно от другого, ибо оба эти момента неразрывно сплетены всей обстановкой крушения стабилизации и наступления второго тура революций и войн.

Не случайно поэтому официальные программы государственной власти, в которых воплощены эти задачи буржуазии, чаще всего носят название «реконструктивных», «восстановительных», «оздоровительных» и т. п. Под этими названиями развертывалась кампания американской буржуазии в целях выхода из кризиса, проводившаяся правительством Рузвельта с поистине американским размахом. Так же обычно характеризуют и экономическую программу английского правительства.

В данной связи достаточно упомянуть основные элементы этих программ. При всех особенностях, обусловленных конкретными условиями различных стран, эти основные элементы характерны для современной обстановки во всем капиталистическом мире.

Это, прежде всего,—небывало широкое использование государственной казны и всех финансовых возможностей, которыми располагает современное капиталистическое государство, для финансирования частных монополий в невиданных доселе масштабах. С июня 1932 по июнь 1933 г. через каналы государственных финансов США прошло около 2 млрд. долл., предназначенных на различные формы финансирования хозяйства «в связи с кризисом»; за последний год (по июнь 1934 г.) эти расходы возросли с 1913 млн. долл. до 3925 млн. долл. Средства, предоставленные государством для так называемых «общественных работ», возросли с 1439 млн. долл. до 3085 млн. долл. в текущем году. Сверх того за время осуществления «великого эксперимента» Рузвельта было истрачено 680 млн. долл. на различного рода банковские субвенции.

Германский монополистический капитал получил с 1932 по 1934 г. около 5,4 млрд. марок на «общественные работы», кроме 1½ млрд. марок, полученных в результате освобождения от налогов и субсидий под заклад налоговых обязательств и других разнообразных форм «финансовой поддержки» за счет государственной казны. Ясно, что львиную долю этих средств получили отрасли, имеющие военное значение. Не случайно поэтому, что в расходах на так называемые «общественные работы» в большинстве капиталистических стран одно из первых мест занимают морской транспорт и дорожное строительство, огромное военное значение которых очевидно. Даже официальные подсчеты показывают, что в Германии из 8,6 млрд. марок, израсходованных государством за последний год на различные хозяйственные мероприятия, свыше 2,2 млрд. марок было потрачено на строительство дорог, имеющих стратегическое значение. Таковы же и огромные субсидии судостроительной, сахарной, химической промышленности (в особенности отпуск

средств на развитие производства синтетического бензина) в Англии, ассигнования на расширение программы военного судостроения в США, суммы, отпущенные на транспортные сооружения во французских колониях, и т. д.

В период прошлой мировой войны буржуазия организовала через свой государственный аппарат и органы монополистического капитала контроль над производством и распределением. Это вызывалось необходимостью максимально использовать производительные силы в обстановке разрухи и общего истощения хозяйства для удовлетворения растущих запросов войны. Сейчас, накануне новой войны, мы также наблюдаем развитие монополистического контроля с помощью и посредством государственной власти. Сейчас монополистический капитал нуждается в расширении контроля над хозяйством, для того чтобы втиснуть производительные силы в узкие рамки платежеспособного спроса. Стихийное разрушительное действие кризиса оказывается недостаточным. Понадобилась целая система специальных мероприятий для сокращения производства. Мы видим, что во всех капиталистических странах государство ставит ограничения, а в отдельных отраслях налагает прямой запрет на открытие новых предприятий и расширение существующих. Созданная Рузвельтом «Администрация восстановления промышленности» (знаменитая «Nira») добивается ограничения производства путем специальных соглашений отраслевых организаций предпринимателей; «аграрная администрация» Рузвельта упорно, систематически сокращает посевы и свертывает сельскохозяйственное производство. В Англии органы государственного контроля с той же целью давят на отдельные, раздробленные предприятия угольной и текстильной промышленности. В Германии финансовый капитал использует все рычаги фашистской диктатуры, для того чтобы не допустить расширения старых и открытия новых предприятий в цементной, стекольной, проволочной и других отраслях промышленности. Такого рода государственными мероприятиями в целях ограничения производства изобилует практика большинства капиталистических стран. Это как нельзя ярче характеризует реакционную, хищническую природу современного монополистического «планирования» и регулирования. Одновременно это есть попытка насильственным способом, под давлением соединенных сил финансовой олигархии и бюрократической государственной машины, ускорить процесс концентрации капитала. То, что Ленин подчеркивал как существо «приспособления» индустрии к военным условиям (разорение. Быстрая концентрация), уже сейчас форсируется диктатурой монополистического капитала, который добивается «восстановления» и одновременно готовится к новой войне.

Для того чтобы добиться долгожданного перелома в смысле обновления основного капитала промышленности, буржуазия, стараясь смягчить эту решающую трудность депрессии особого рода, всячески ускоряет процесс концентрации капитала. Мы видим, что всемерное насильственное подталкивание концентрации капитала все больше выдвигается на передний план в государственных мероприятиях буржуазии руководящих стран. «Новый курс» в США с самого начала был ознаменован отменой, правда, давно уже сделавшихся номинальными, законов и ограничений, направленных против трестов, а вся программа в целом, начиная от условий «честной конкуренции» и кончая регулированием зарплаты, была направлена на укрепление руководящих монополий, на вытеснение мелких разрозненных конкурентов. Перестройка капитала в Англии, начатая уже в 1930 г. организацией районных угольных картелей, идет под тем же знаком усиления монополий. Сейчас эта перестройка поднимается на новую ступень. При непосредственном участии государства создаются центральные картели в угольной и стальной промышленности. Картели ставят своей задачей—наряду с уничтожением излишнего основного капитала—заключать монопольные соглашения о ценах

и условиях экспорта. На тот же путь встает и текстильная промышленность—эта старейшая отрасль английской экономики, особенно отягощенная пережитками прошлого. За последнее время выработан план снятия около миллиона веретен в английской текстильной промышленности. Не менее показателен ряд фактов слияния и укрупнения руководящих монополий в Японии, имевших место за последнее время. Еще в прошлом году при участии государства произошло слияние 8 крупных металлургических предприятий в один концерн. Сейчас происходят дальнейшие слияния групп железоделательных компаний, находящихся под влиянием концерна Ясано. Таким же порядком был «укреплен» угольный концерн и усилен «контроль» над добычей, переработкой и потреблением нефти. Одним из последних актов правительства Саито в области хозяйственного регулирования явилось введение системы лицензий на переработку и ввоз нефти. В Италии закон о принудительных картелях, изданный еще в середине 1932 г., был применен к ряду новых отраслей (хлопчатобумажная, пеньковая, шолковая, производство красителей).

* * *

Но, пожалуй, наиболее яркие образцы подталкивания концентрации дает фашистская Германия. Фашистская диктатура в Германии с первых же своих шагов развернула систематическую, упорную работу над укреплением всех звеньев организации монополистического капитала. Знаменитая реорганизация «Стального треста» наиболее наглядно вскрыла сущность этих мероприятий. Как известно, в результате этой реорганизации группа Тиссена приобрела решающие позиции в тяжелой промышленности Рура и Рейнской области, оттеснив конкурирующие группы, овладев пакетом акций государства на 125 млн. марок, овладев крупнейшим угольным концерном. Влияние этой группы магнатов капитала распространилось и на ряд крупных предприятий в химической промышленности, в судоходстве («Hapag» и «Deutscher Lloyd»), в решающих банках. Не даром последний год развития монополий в Германии получил красноречивое название года «картельной лихорадки». Картелирование охватило решительно все отрасли германской промышленности: ни одна сколько-нибудь существенная отрасль не осталась в стороне от этой волны укрупнения картелей, их централизации, создания новых об'единений при участии государства. Число всевозможных монопольных об'единений возросло до двух с лишним тысяч, захватив и такие относительно раздробленные отрасли, как цементная, табачная, стекольная, консервная, переработка молочных продуктов и т. д. Развертывание и укрепление системы монополий увенчалось учреждением 12 отраслевых групп, возглавленных «вождями» из числа наиболее видных дельцов финансового капитала. Понадобилось бы слишком много места для перечисления многочисленных акционерных обществ, крупнейших банков и концернов, в которых «заседают», «наблюдают», «представительствуют», директорствуют, владеют пакетами акций подлинные хозяева и вожди фашистской Германии.

Фашистская пресса высокопарно рекламировала этот парад всевластия финансовой олигархии как «величественный синтез государства и самоуправления хозяйства». Официально эта перестройка монополистической организации получила название «органического построения хозяйства». При этом уже несколько месяцев назад решительно подчеркивалось, что «органическое построение хозяйства» не следует смешивать с «сословным принципом», с которым слишком уж явно связывала свои надежды и чаяния мелкая буржуазия, пытавшаяся найти в «сословных организациях» защиту от бурного натиска финансовой олигархии. Вокруг «органического построения хозяйства» фашистская пресса подняла невероятную суету и шумиху. Но из вихря распоряжений, декретов, многоречивых официозных комментариев и высказываний фашистских вождей все более отчетливо вырисовываются действи-

тельные контуры происходящего—это сплочение и перестройка для войны рядов капитала на государственно-монополистических началах.

Нигде не ощущается так явственно как в Германии дыхание войны в новейшем развитии тенденций государственно-монополистического капитализма. Известно, что в годы мировой войны Германия служила во всех отношениях образцом военного регулирования хозяйства. Нынешнее «органическое построение хозяйства» явно стремится при посредстве фашистской диктатуры превзойти этот образец. Уже сейчас созданная в Германии система сращенных с государством «главков» и центров в некоторых отношениях стройнее и последовательнее нежели та, какой удалось добиться германской буржуазии в годы мировой войны. В особенности это относится к отраслям хозяйства, так или иначе связанным с добычей или переработкой дефицитного сырья. Уже сейчас созданы «главки» и контрольные бюро по меди и прочим цветным металлам, по шерсти, хлопку, льну, коже, каучуку, нефтепродуктам, высококачественной руде и т. д.[1]. Эти «главки» и бюро имеют своей текущей и непосредственной задачей контроль над ввозом и потреблением сырья в связи с острейшими валютными затруднениями, в которых бьется германское хозяйство. Но вместе с тем уже создан во всех решающих частях аппарат для военного регулирования и мобилизации всех ресурсов страны. Этот аппарат уже сейчас осуществляет контроль и регулирует производство, ввоз и переработку сырья гораздо более централизованным порядком чем в годы войны, особенно на первых ее этапах. Каждая деталь государственно-монополистической машины продумана и взвешена фашистской диктатурой под углом зрения грядущей войны.

Надо сказать, что и в других капиталистических странах господствующие классы отнюдь не скрывают того обстоятельства, что эта усиленная апелляция к железному кулаку государства, все эти призывы к тесному сотрудничеству между государством и промышленностью имеют значение непосредственной военной подготовки. Наоборот, это нередко даже афишируется. Демонстративно привлекаются к руководящей работе старые специалисты военного хозяйства, имеющие опыт военной диктатуры монополистического капитала в прошлой войне, вроде бывших руководителей военно-промышленной организации США, которые были привлечены Рузвельтом для проведения «программы восстановления». И уже сейчас разгорается драка между различными группами капиталистов за участие в руководстве государственно-монополистическими органами, за использование этих исключительно выгодных позиций в конкурентной борьбе. Отстранение недавнего «вождя» отраслевых организаций германской промышленности, ставленника электропромышленности Кесслера, обвиненного в использовании государственной должности в интересах своей фирмы, буквально повторяет 1915 г., когда был отстранен от руководства военно-промышленной организацией ее инициатор Вальтер Ратенау по тому же обвинению. Все это показывает, что конкурентная борьба не ослабла, а только приняла новые формы.

Здесь мы сталкиваемся с одним из весьма существенных моментов современного развития государственно-монополистического капитализма.

Еще в «Анти-Дюринге» Энгельс указывал, что при растущей роли государства в хозяйстве «капиталистические отношения не устранятся, а еще бо-

---

[1] Этими «главками» руководят директора крупнейших фирм. Так например контрольное бюро по хлопку ежемесячно разверстывает норму ввоза хлопка между предприятиями на основании точных данных о состоянии производства, о наличных запасах, полученных заказах и т. п. В разрешении на покупку хлопка, выданном контрольным бюро, указываются не только количество сырья, предоставленное предприятию, но и сорта хлопка, изменить которые можно только с разрешения бюро, сообщая ему точные данные о ходе производства («Frankfurter Zeitung» от 10 апреля 1934 г.).

лее обострятся», и отмечал, что в лице государства буржуазное общество создает организацию для охраны капиталистического производства «от посягательства как рабочих, так и отдельных капиталистов»[1]. В эпоху империализма, когда государство становится орудием финансовой олигархии, эта функция подавления противоречивых устремлений отдельных капиталистов в пользу господствующей клики монополий колоссально усиливается. Это особенно необходимо монополистическому капиталу в нынешней обстановке величайшего обострения классовой борьбы и катастрофически быстрых сдвигов в соотношении сил между различными классами и классовыми группировками. К этому присоединяется еще то обстоятельство, что в рядах господствующих классов усилилась драка за распределение не только прибылей, но и убытков. Маркс неоднократно отмечал, что в таких случаях «война всех против всех»—борьба различных групп буржуазии — становится особенно ожесточенной.

Из истории развития фашизма в ряде стран, особенно в Германии, мы знаем, что в лагере господствующих классов отнюдь не было и нет единства мнений по вопросу о дальнейших методах диктатуры в условиях назревающих революционных боев и империалистических столкновений. Одной из задач фашизации буржуазной диктатуры является подчинение этих разноречивых устремлений различных конкурирующих групп самой буржуазии наиболее реакционным, наиболее шовинистическим, империалистическим слоям финансового капитала. Росту политического насилия капитала на путях фашизма соответствует усиление экономического самодержавия господствующих клик. Поэтому рост государственно-монополистических тенденций теснейшим образом сплетается с общим процессом фашизации буржуазной диктатуры. Не даром, например, в Англии носителями наиболее крайних идей государственного вмешательства являются как раз те круги, из которых исходят и тенденции фашизации буржуазной диктатуры. Из группы так называемых «молодых консерваторов» (Джордж Эллиот, Мак-Милэн[2], Мольчет и др.), представляющих наиболее явно фашизирующееся течение в консервативной партии, исходят проекты и предложения относительно реорганизации английского народного хозяйства на корпоративных началах. Эту же связь между фашизацией и госкапиталистическими тенденциями отчетливо выражают и программные выступления фашистского крыла во II интернационале, усиленно выдвигавшие требования «вмешательства» авторитетной, сильной власти в экономику, создания корпораций при участии государства и т. п.

Открытая фашистская диктатура, несомненно, обеспечивает ряд серьезных преимуществ усиленному развитию государственно-монополистических тенденций. Ликвидируя всякие формы буржуазной демократии, при помощи беспощадного террора насаждая «единомыслие», фашизм предоставляет наиболее агрессивным кругам империалистической буржуазии бо́льшую свободу действий. Он открывает широкие возможности для самого бесцеремонного использования государственного аппарата в интересах господствующей клики. Фашизм в значительной мере освобождает монополистическую буржуазию от необходимости оглядываться на настроения других группировок, от необходимости считаться с требованиями, которые выдвигаются различными буржуазными партиями.

Поэтому в странах фашистской диктатуры мы наблюдаем наиболее откровенные образцы слияния государства с монополиями. В странах фашистской диктатуры эти тенденции, типичные для всей капиталистической дей-

---

[1] Энгельс «Анти-Дюринг», Партиздат. 1934, стр. 200.

[2] Его перу принадлежит нашумевшая книга о «восстановлении» английского хозяйства, в которой была развернута программа трестификации при участии государства.

ствительности, выступают зачастую в особенно оголенном виде. Это, разумеется, не означает, что под покровом буржуазной демократии не могут расти те же тенденции. Пути, которыми буржуазная диктатура идет к фашизму, сложны и извилисты. После событий 30 июня в Германии, весьма сильно способствовавших дискредитации фашистского режима «национал-социалистского толка», маневры господствующих классов в этом направлении, несомненно, должны еще более усложниться. Не даром фактические носители фашизации в Англии поспешно открещиваются и отмежевываются от чересчур крикливых последователей типа Мосли. Но от этого практическая программа «сильной власти», программа фашизации буржуазной диктатуры без излишних жестов и шумихи, отнюдь не снимается с порядка дня.

* * *

Источником усиления государственно-монополистических тенденций, которым характеризуется капиталистический мир в преддверии новой войны, являются также современные условия борьбы за рынки и экономическое соперничество между империалистическими странами. В годы мировой войны блокада и нарушение нормальных хозяйственных связей между странами вызвали специфические формы активности государственной власти. То были: регулируемый государственной властью товарооборот между странами по принципу взаимной компенсации и приспособление хозяйства к внутренним ресурсам сырья и продовольствия. Сейчас эти мероприятия получили невиданный размах. С тех пор как кризис довел борьбу за рынки до всеобщей экономической войны, так называемый компенсационный товарооборот в торговле между капиталистическими странами все больше заменяет сданные в архив принципы «равенства конкуренции», наибольшего благоприятствования и т. п. Уже сейчас торговые договоры между странами (польско-германские соглашения, договоры Германии с Венгрией и Югославией, Англии с Данией и Скандинавскими странами и др.) все больше напоминают договоры о поставках, которые заключались во время мировой войны между воюющими и нейтральными странами.

Уже сейчас нет ни одной капиталистической страны, где внешнеторговые отношения не были бы поставлены под строгий контроль государства, ограничивающий ввоз, устанавливающий условия оплаты, финансирующий и непосредственно производящий накопление мобилизационных запасов сырья, добиваясь уступок от других стран и т. п. Это вытекает из катастрофического сокращения всех рынков сбыта в результате кризиса. Но и здесь свойственное монополизму вообще использование государства в борьбе за безраздельное обладание внутренним рынком теснейшим образом сплетено с подготовкой к войне. Развертывая реакционное знамя автаркии, империалистические страны ведут ожесточенную борьбу за расширение территории, с которой можно будет взимать дань для будущей войны. «Хозяйство на большой территории» — не только цель новой войны: его добиваются как предпосылки для успешного ведения войны. Ученые глашатаи империалистов уже начертили на картах желательные границы этих «больших хозяйственных территорий» и придумали различные «политические» и «расовые» обоснования для вожделений своей отечественной буржуазии. Они охотно выдают желаемое за должное и изобретают специальные теории «будущего крупных хозяйственных блоков». «Мы переживаем грандиозные времена»,—вещает один из таких теоретиков в органе германского милитаризма «Deutsche Wehr» [1],—

[1] Специальный номер от 7 февраля 1934 г., посвященный вопросам хозяйственной подготовки к войне.

«В будущем будут складываться все более замкнутые хозяйственные группы,
будь то отдельные автаркические страны или блоки и группы стран—Аме-
рика, Британская империя, возможно, с другими странами стерлингового
блока, Япония с Манчжоу-Го и т. д. Страны, не располагающие прочной
сырьевой базой, естественно, будут вынуждены включаться в такие группы.
Это неминуемо будет сопровождаться ожесточенными боями за завоевание
или сохранение сырьевой базы и за сбыт излишнего сырья и готовых изде-
лий. В результате этих боев будут возникать и сходить со сцены государ-
ства, будут опустошаться целые континенты, большевизм постоянно будет
грозно маячить на горизонте... Горе тем странам, которые не подготовлены
к этим грядущим мировым войнам за экономическое существование!» Гер-
манский фашизм делает отчаянные усилия, для того чтобы подготовиться к
«радужной перспективе» опустошения целых континентов во имя хозяйни-
чанья своего империализма на «большой территории». Торгами и переторж-
ками с рядом «малых соседей» (Венгрия, Польша, Югославия) он стремится
обеспечить себе аграрно-сырьевое дополнение для войны. Политика автаркии
уже сейчас загоняет германское хозяйство в колодки голодного военного
режима с карточной системой, суррогатами и прочими «достижениями» «са-
моснабжающейся страны».

Именно на примере Германии, быстрыми шагами приближающейся к хо-
зяйственной катастрофе, мы видим, к каким разорительным последствиям
приводят попытки осуществить реакционную утопию капиталистической
автаркии.

Во время прошлой мировой войны расстройство мировых хозяйственных
связей сыграло крупнейшую роль в нарастании разрухи, хозяйственном исто-
щении и разорении масс.

Сейчас, насильственно втискиваемое в прокрустово ложе замкнутого «са-
модовлеющего» баланса в целях подготовки войны, капиталистическое хозяй-
ство уже начинает на отдельных участках обнаруживать яркие симптомы
затруднений, характерные для военного времени (свертывание производства
из-за недостатка сырья, нехватка отдельных видов продовольствия и т. п.).

Госкапиталистические мероприятия в области сельского хозяйства в раз-
личных странах отличаются существенными особенностями. Естественно, что
государственный контроль и вмешательство должны ставить себе различные
задачи: одни задачи в США и в Канаде, где высокоразвитое капиталистиче-
ское земледелие задыхается от катастрофического сокращения мировых рын-
ков сбыта, другие задачи в аграрных, полуаграрных странах Европы и в
крупных капиталистических странах, находящихся в сильнейшей зависимо-
сти от импорта сельскохозяйственного сырья и продовольствия. Общим
для политики господствующих классов в большинстве стран является реши-
тельная борьба за укрепление позиций финансового капи-
тала в деревне, за всестороннее подчинение мелкого производителя мо-
нополистическому контролю и регулированию, за создание в деревне массо-
вой базы буржуазной диктатуры [1]. Но чем уязвимее автаркические расчеты
буржуазии, тем больше военных черт приобретает государственно-монопо-
листическое регулирование сельского хозяйства. Наиболее показательна в
этом отношении опять-таки фашистская политика регулирования сельского

[1] Впрочем, фашисты об этом говорят довольно открыто. Германский министр земледелия Вальтер Дарре в книжечке под характерным названием «Борьба за душу германского крестьянина» указывает, что в сельском хозяйстве должны быть созданы монопольные об'единения наподобие концернов, трестов и синдикатов в промышленности. Фактически неограниченные права контроля и господства над мелким производителем предоставляются уже существующим органам монополистического капитала в сельском хозяйстве в лице крупных предприятий по с.-х. переработке продуктов. На языке Дарре это называется «освобождением крестьянина от рыночной зависимости».

хозяйства Германии. Интересы социальной демагогии и сложные маневры фашизма в отношении деревни заставили придать этой системе особенно запутанную и сложную форму.

Для этого придумано вычурное и хитроумное сооружение «Всегерманское сословие питания» («Reichsernährstand»). На бумаге и в декларациях фашистских вождей эта «сословная организация» должна изображать представительство всех слоев населения, так или иначе причастных к производству, переработке и сбыту продуктов сельского хозяйства. Нечего и говорить, что это «сословное представительство» имеет такую же цену, как и вся пресловутая фашистская «корпоративная система», согласно которой на одном цветущем лугу должны мирно пастись предприниматели и рабочие, мелкие торговцы и крупные монополисты-оптовики. Закон, впрочем, предусмотрительно оговаривает, что «крестьянское сословие» могут представлять только «самостоятельные» хозяйства, производящие товары на рынок. Крупнейшее значение придается мельницам, предприятиям первичной переработки сельскохозяйственного сырья, оптовым закупочным конторам и т. п., которые должны представлять в этой организации «синтез индустрии и земледелия» на фашистский лад. По сути дела, органы монополистического капитала в сельском хозяйстве служат действительной опорой, являются аппаратом, через который фашистская диктатура осуществляет политику регулирования сельского хозяйства и перестройки его применительно к условиям войны. Характерна такая деталь: мельницы, консервные предприятия, складские конторы и т. д. обязаны хранить у себя определенные запасы сырья в размере своей двухмесячной пропускной способности. Государство финансирует эту операцию в целях накопления переходящего мобилизационного запаса важнейших сельскохозяйственных продуктов.

Под флагом «Всегерманского сословия питания» фашистская диктатура добивается сейчас такого регулирования сельскохозяйственного рынка, о котором не могла и мечтать юнкерско-монополистическая верхушка во времена войны 1914—1918 гг. Тогда под давлением растущей разрухи и голода государство вынуждено было переходить от косвенных мер регулирования (главным образом при помощи цен) к более или менее централизованному распределению наличных запасов продовольствия и к государственной монополии по наиболее важным продуктам. Сейчас фашистская диктатура создает систему голода, готовясь к войне среди кризисного изобилия, борясь со стихийной тенденцией падения цен на сельскохозяйственные продукты.

Хлебный рынок и рынки важнейших кормовых культур были еще раньше целиком монополизированы и подчинены непосредственному государственному регулированию через посредство крупнейших оптовых фирм по закупке, переработке и сбыту зерна. Фашистское правительство лишь довершило государственно-монопольную организацию хлебного рынка. Сейчас монополизация распространяется, по сути дела, на все отрасли сельского хозяйства: молочное хозяйство, животноводство, огородничество, птицеводство и т. д. Правительственные комиссары, подчиненные министру продовольствия, регулируют для этих отраслей рынок, цены, условия продажи, хранения, отгрузку и т. д. вплоть до розничной торговли. Специальные «главки» с разветвленной низовой сетью ведут учет движения животных продуктов, забоя скота, раздают лицензии на торговлю, снимают с рынка излишки, создают запасные фонды, следят за розничной торговой сетью. Так например правительственный комиссар по картофелю имеет право регулировать посевы, производить обследования урожая и наличных запасов, еженедельно фиксировать цены для своего района и т. д. Под угрозой штрафа в 100 марок за каждый центнер незаконно проданного картофеля крестьянин должен сдавать весь свой запас, предназначенный для продажи, в закупочную контору.

Только районная закупочная контора имеет право продавать картофель оптовым и розничным торговцам. Такими же драконовскими законами обставлено и распределение всех молочных продуктов: масло, сыр и творог, например, могут поступать в продажу только по специальным ордерам, которые выдаются местными конторами «главка». Ордер возвращается в «главк» с отчетом о проданных товарах. Неиспользованная норма переносится на следующий квартал. Если крестьянин продал продуктов выше нормы, он должен получить дополнительный ордер.

От внимания фашистских организаторов хозяйства не ускользнула даже такая отрасль, как торговля яйцами. Свободная закупка яиц запрещена. Для скупки яиц по крестьянским дворам назначаются сборщики, работающие под наблюдением районного комиссара. Скупленное сдается в районные конторы, которые распределяют товар по розничной торговой сети.

Такой же порядок введен и для других сельскохозяйственных продуктов.

Важную роль в системе регулирования сельского хозяйства фашистская диктатура отводит сельскохозяйственной сбытовой и закупочной кооперации. Фактически вся разветвленная система кооперации, начиная от низших звеньев и кончая оптовыми и кредитными центрами, полностью включена в государственную организацию регулирования сельского хозяйства. Фашистские вожди давно уже оценили крупное значение кооперации для монополистического господства в сельском хозяйстве. Через многочисленные кооперативные организации национал-социалистские агитаторы и практики запускали свои щупальцы в толщу германской деревни, кропотливо и настойчиво оплетая сетью государственно-монополистического господства сельское хозяйство. Сейчас наспех создается идеологическое обоснование этого господства.

«Для нового построения германского хозяйства, совершенно понятно, является жизненным вопросом то, что государство своей сильной рукой добивается овладения этим командным мостиком, с которого можно регулировать кредитное хозяйство и торговлю», — пишет официальный национал-социалистский журнал «Ди дейтче Фольксвиртшафт» (№ 8 за 1934 г.). На сцену вытаскиваются обветшалые прудонистские рассуждения насчет кооперации как «социализации обращения» и т. п. Старая погудка на новый лад! Фашистские идеологи прикрывают наступление государственного монополистического капитала на, довольно впрочем иллюзорные, «права» и «инициативу» мелкого производителя.

По схемам и планам, публикуемым в фашистской прессе, картина регулирования и «упорядочения» сельскохозяйственного рынка выглядит весьма внушительно. Согласно этим планам, ни один литр молока, ни одна национал-социалистская курица не должны попасть к потребителю без участия фашистских диктаторов сельскохозяйственного производства. В памяти народных масс Германии еще слишком живы воспоминания о той вакханалии спекуляции, откровенного обхода законов, которые царили в Германии во время мировой войны. Юнкер — помещик, кулак, находили тысячи способов нелегального и легального обхода всех законов, регулирующих сельское хозяйство и в какой-либо мере ставящих под угрозу его спекулятивную наживу.

Сейчас фашистские законодатели уже заранее гарантируют кулаку и помещику страховку от всяких неожиданностей. Этому служит политика регулирования цен на сельскохозяйственные товары. В официальном варианте политика регулирования цен должна «обеспечить производителю справедливую цену», не зависящую от сезонных колебаний и конкуренции мирового рынка. И действительно, цены на сельскохозяйственные товары в Германии, давно уже превышающие мировой уровень, систематически и упорно ползут вверх. Но даже из просачивающихся в прессу свидетельств мы видим,

какие выводы из этой политики цен делают беднейшие и даже довольно широкие слои германской деревни. Например об'единение розничных торговцев колониальными и бакалейными товарами в Баварии сообщает, что крестьяне пред'являют такой усиленный спрос на самые дешовые сорта маргарина, который об'единение не в состоянии удовлетворить. Политика высоких цен и «справедливых доходов» заставляет крестьянство Баварии, производящее немалую долю масла, переходить на потребление наиболее дешовых сортов суррогатов. Тот же союз бакалейщиков с возмущением отмечает, что дешовых сортов маргарина торговцам и без того не хватает, чтобы покрыть спрос городских потребителей по специальным карточкам. Розничная торговая сеть получает от фабрик маргарина в порядке принудительного асортимента к дешовым сортам маргарина определенное количество дорогих сортов, которые не по карману обнищавшим массам. Счастливые обладатели специальных карточек, дающих право на ежемесячное получение полутора фунтов удешевленного маргарина, не могут воспользоваться своей привилегией. Эти карточки были введены в январе 1934 г., причем введение их сопровождалось невероятной демагогической шумихой в прессе и по радио. Характерная деталь системы голода, развертываемой всемерно под видом «органического построения хозяйства»!

Форсированная перестройка германского сельского хозяйства применительно к военным условиям наталкивается, помимо всего прочего, на препятствия, создаваемые аграрным кризисом. Фашисты все время лавируют среди этих трудностей, вызываемых ограниченным спросом и необходимостью по внешнеполитическим соображениям допускать известный импорт сельскохозяйственных продуктов из аграрных восточных и юговосточных стран (Венгрия, Польша, Румыния). Весной 1934 г. германскому фашизму пришлось принять ряд специальных мер для ограничения посевов продовольственных зерновых культур, в особенности яровой пшеницы, довольно крупные запасы которых уже имелись в стране. Поставлена задача — добиться перехода мелкого крестьянского хозяйства на кормовые и масличные культуры, в особенности на лен и коноплю. Крестьянское хозяйство должно превратиться в сырьевое дополнение к помещичьему и кулацкому животноводству. Эта специализация крестьянского хозяйства является существенным пунктом фашистской военной перестройки сельского хозяйства. «К чести крестьянского сословия нужно признать, что оно крепко держится за свои консервативные привычки. Но здесь это упорство не оправдано: оно тормозит улучшение хозяйственного положения, которого добивается правительство»,— пишет один бургомистр сельскохозяйственного района в «Дейче тагесцейтунг». Этот низовый активист национал-социалистского агитпропа убеждает крестьянство распределить свою посевную площадь соответственно программе правительства, отказаться от многолетних навыков и привычного соотношения культур.

* * *

Но, разумеется, аляповатой пропагандой нельзя добиться того, чтобы мелкий производитель вернулся к давно заброшенным, весьма трудоемким отраслям сельского хозяйства. Для этого недостаточно и мер косвенного воздействия, ибо аграрный кризис постоянно опрокидывает попытки регулирования цен, предпринимаемые государством. Поэтому монополистический капиталист в Германии и в других странах все больше переходит к мерам открытого принуждения и насилия, осуществляемым государством.

Так как буржуазия не может вести войну без обеспечения «спокойствия» в тылу, милитаризация труда занимает важное место в системе военно-хозяйственной подготовки. В большинстве капиталистических стран законы о милитаризации труда и об'явление всеобщей трудовой повинности в случае

войны были разработаны и введены уже вскоре после окончания прошлой войны. Специальному подбору кадров и очистке от «неблагонадежных элементов» предприятий, имеющих важное значение (транспорт, электростанции и т. п.), уделялось все время серьезнейшее внимание. Устами Фуллеров, Сектов, Зольданов провозглашался отказ от массовых армий и переход к отборным отрядам вооруженной преторианской гвардии. Но в то же время буржуазия не уставала готовить молодые кадры и для фронта, и для тыла, и для военных заводов, и для всей той гигантской индустриальной машины, без которой нельзя сейчас вертеть колесо войны. Но лишь за последние годы получили массовое распространение такие формы открытой подготовки тыловых отрядов для предстоящей войны, какими являются разновидности принудительного труда (так называемые «общественные работы»), в том или ином об'еме осуществляемые в большинстве капиталистических стран. Отрывочные сведения говорят о сотнях тысяч безработных, занятых на различного рода «общественных работах»: на строительстве дорог, аэродромов, подсобных военных сооружений и т. п. Впереди, разумеется, идет фашистская Германия, где каторжный, принудительный труд является одним из требований официальной фашистской программы, осуществляемой с огромным размахом. По официальным данным (30 апреля 1934 г.), опубликованным в «Reichsarbeitsblatt», на различного вида принудительных работах занята миллионная армия рабочих (из них на «общественных работах» в помощь безработным—свыше 600 тыс., в лагерях для рабочей молодежи—около 300 тыс., на принудительных работах в кулацких и помещичьих хозяйствах — свыше 150 тыс. и т. п.).

В лагерях принудительного труда рабочий класс уже сейчас проходит школу военной каторги, которую подготовляет буржуазия для обеспечения тыла в грядущей войне. Но, разумеется, открытые формы принудительного труда являются лишь составной частью общей системы усмирения тыла на путях фашизма, без которой буржуазия не представляет себе подготовку грядущего «военного хозяйства», ибо буржуазия не мыслит себе новой войны за передел мира без соединения с контрреволюционной гражданской войной против пролетариата.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

О политике партии в деревне

Д. Лурье и Я. Никулихин. Политика партии в деревне. Учебник для высших коммунистических сельскохозяйственных школ. Гос. изд. колхозной и совхозной литературы. 1934. 423 стр. 5 р. 50 к.

Для идейно-политического вооружения большевистских кадров изучение аграрной политики партии представляет исключительно важное значение. До сих пор на книжном рынке не было учебника, популярно, четко, систематически излагающего политику нашей партии в деревне на различных этапах революционного движения.

Рецензируемая книга в известной степени восполняет этот пробел. Не приходится доказывать, что выпуск такого учебника в настоящее время имеет сугубо актуальное значение.

Первая глава книги рисует неимоверную отсталость русской дореволюционной деревни конца XIX и начала XX в., показывает расстановку классовых сил, борьбу крестьян против помещиков, самодержавия и остатков крепостничества.

В первых двух главах дается систематическое, четкое изложение аграрной программы партии начиная со II с'езда до Октябрьской революции.

Рассмотрение этого вопроса в свете гигантских успехов социалистической переделки деревни, в свете практической реализации основных положений марксизма-ленинизма представляет огромнейший интерес.

Аграрная программа не есть догматическая застывшая схема. Она есть живое, развивающееся целое. Изучение отдельных этапов политики партии в области крестьянского вопроса дает нам непревзойденный образец применения большевистской тактики, образец правильного сочетания основных принципов теории марксизма с практическими задачами определенного этапа борьбы.

Аграрная программа нашей партии, лозунги партии по крестьянскому вопросу всегда являются выводом, результатом четкой, ясной оценки экономического и политического состояния деревни, результатом правильного учета соотношения классовых сил на каждом данном этапе, учетом соотношения классовых сил в стране и в частности внутри деревни.

Уже в самом начале событий 1905 г. Ленин констатировал революционно-демократический характер крестьянского движения и возможность обеспечить гегемонию пролетариата в буржуазно-демократической революции. На III с'езде партии был выдвинут лозунг национализации земли и ликвидации помещичьего землевладения.

В учебнике показано, с какой «железной последовательностью, непримиримой принципиальностью боролся Ленин за программные требования большевизма», за национализацию земли.

В жестоких схватках с кадетами, с меньшевиками, эсерами шаг за шагом партия отвоевывает крестьянство у буржуазии, разбивает мелкобуржуазные, реакционные иллюзии эсеров.

В августе 1917 г., накануне Октябрьского переворота, бросая ретроспективный взгляд на события в деревне, Ленин писал:

«...Красной нитью через всю политическую историю России тянется вопрос: рабочему ли классу вести крестьян вперед, к социализму, или либеральному буржуа оттаскивать их назад к примирению с капитализмом» (Т. XXI, стр. 109—110).

Октябрьская революция открыла для трудящегося крестьянства возможность перехода на новый путь — на путь колхозов. В последующих главах учебника, особенно в главах III, V, VI, XII и XIV, читатель найдет развернутое изложение, показ того, что дала крестьянству Октябрьская революция. К сожалению, материал этот разбросан, не концентрирован, не подан в должном аспекте.

На протяжении всей книги подчеркивается руководящая и вдохновляющая роль товарища Сталина в борьбе за социалистическую реконструкцию сельского хозяйства. В тесной, неразрывной связи с живой, практической работой товарищ Сталин дальше разрабатывает все узловые вопросы аграрной теории Маркса — Ленина.

Именно товарищ Сталин, развивая дальше теорию марксизма-ленинизма, указал партии на новую обстановку (год великого перелома), создавшуюся в стране в результате роста и укрепления социалистических элементов, сформулировал задачи развернутого социалистического наступления, сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Товарищ Сталин организовал силы партии и рабочего класса на борьбу за осуществление этих задач.

Рост индустрии, реконструкция всего народного хозяйства означали одновременно коренную социально-техническую перестройку деревни. Две трети материалов рецензируемой книги посвящены реконструктивному периоду, связанному с итогами первой пятилетки и задачами второй пятилетки.

Цифры: 55 млн. руб. в 1913 г., 161 млн. руб. в 1928 г. и 890,4 млн. руб. в 1932 г.—характеризуют гигантский рост производства сельскохозяйственных машин, орудий, тракторов, ежегодно направляемых в сельское хозяйство. Являясь одним из показателей роста индустриальной мощи страны, эти цифры как и ряд других, обильно приведенных в учебнике, характеризуют качественные сдвиги, происходящие в деревне.

Базой применения тракторов, комбайнов и новых сложных сельскохозяйственных машин являются 10 тыс. совхозов (в том числе и нетрестированные) и 220 тыс. колхозов, созданных в результате первой пятилетки.

Еще более грандиозные, буквально захватывающие перспективы открываются для социалистического сельского хозяйства во второй пятилетке. В VIII, IX и XV главах учебника подробно говорится об этом.

В первой пятилетке создана база для мощного под'ема сельского хозяйства. XVII с'езд партии поставил задачей у д в о и т ь валовую продукцию сельского хозяйства к концу второй пятилетки. Центральная задача — под'ем урожайности полей, рост поголовья скота и повышение его продуктивности.

Все эти вопросы достаточно выпукло освещены в учебнике.

В основном авторы справились с изложением теории и практики большевистского решения аграрного вопроса. Однако в книге имеются нечеткие формулировки и ошибочные положения как по содержанию, так и по форме изложения.

Как известно, буржуазно-демократическая революция в России была завершена уже после победы пролетариата в 1917 г., как побочный продукт Октябрьской революции. У Сталина по этому поводу сказано: «Доведение до конца буржуазной революции не есть единичный акт. На деле

оно растянулось на целый период, захватывая не только кусочки 1918 года,... но и кусочки 1919 г. (Поволжье—Урал) и 1919—1920 гг. (Украина)» («О трех основных лозунгах партии по крестьянскому вопросу»).

Иное написано по этому вопросу в рецензируемом учебнике:

«С победой социалистической революции в октябре 1917 г. была завершена до конца буржуазно-демократическая революция в стране» (стр. 67).

Вопреки всей фактической истории, вопреки прямым указаниям, содержащимся в работах товарища Сталина, авторы учебника изображают «завершение до конца буржуазно-демократической революции в стране» как единичный акт, завершенный одним коротким ударом. Подобная небрежность в учебнике совершенно недопустима. Нечетка и явно ошибочна формулировка: «Уничтожение классов — цель кооперативного плана Ленина» (стр. 92).

Уничтожение классов есть основная задача диктатуры пролетариата. Так и надо было сказать. Все виды кооперации в эпоху диктатуры пролетариата ставятся на службу социализму. Наряду с целой системой других мероприятий (в частности строительство совхозов) кооперативный план Ленина является одним из важнейших инструментов, рычагов диктатуры пролетариата для коренного решения крестьянского вопроса.

Центр тяжести кооперативного плана лежит в переделке, в перестройке, в перевоспитании бедняцко-середняцких масс крестьянства. Но как раз эта основная особенность недостаточно освещена в учебнике при определении сущности кооперативного плана Ленина.

Не подчеркнуто и то обстоятельство, что осуществление аграрной программы большевизма не исчерпывается кооперативным планом, иначе строительство совхозов, мощной сети перерабатывающей индустрии и т. д. также пришлось бы зачислить по ведомству кооперации.

Нельзя согласиться с общей оценкой состояния отдельных участков сельского хозяйства на отдельных этапах.

В книге смазываются те специфические трудности, которые переживало сельское хозяйство, в частности животноводство, в реорганизационный период.

1933 год по сравнению с предыдущим дал рост лишь свиного поголовья. По лошадям, крупному рогатому скоту, овцам, т. е. по всем решающим видам животноводства, продолжалось сокращение поголовья. Между тем в учебнике говорится:

«...В 1933 году, в первый год после окончания реорганизационного периода, упадок поголовья скота почти приостановился» (стр. 220).

Товарищ Сталин на XVII с'езде со всей силой большевистской самокритики обрушился на руководящие земельные органы за то, что они «не подымают тревогу по поводу тяжелого положения животноводства...».

Цифры, диаграммы по животноводству, приведенные в учебнике, построены таким образом, что не поднимают тревоги, не мобилизуют внимания на успешное большевистское решение животноводческой проблемы.

Слишком оптимистическая и потому демобилизующая оценка дана также процессу внедрения севооборотов в колхозах и совхозах:

«В 1933 г. значительная часть колхозов и большинство совхозов были переведены на севообороты. В 1934 г. севооборот вводится во всех без исключения колхозах» (стр. 200).

Ни фактов, ни цифр в подтверждение этого не приведено и не могло быть приведено, потому что цифр, которые подтверждали бы это неверное

положение, не существует в природе. В 1933 г. в очень многих колхозах и в части совхозов севообороты были введены только на бумаге. Местами, если и были севообороты, они были неправильные, а в отдельных случаях просто вредительские.

В 1934 г. должно быть и будет сделано многое в области действительного внедрения в натуре правильных севооборотов. За это надо бороться. Но если принять во внимание, что в 1934 г. организуются новые колхозы и будут еще отстающие среди старых колхозов, то несерьезно утверждение учебника, что севообороты в 1934 г. будут введены «во всех без исключения колхозах».

Когда речь идет о практических мероприятиях, особенно в области агро- и зоотехники, нужен сугубо диференцированный подход к отдельным районам, к отдельным видам и процессам хозяйственной деятельности. То или иное мероприятие может являться правильным и необходимым для отдельных районов, но, будучи механически распространено на все другие, имеющие иной характер районы, оно может принести колоссальный вред. Целый ряд формулировок в учебнике грешит именно таким механическим подходом. Так, на стр. 406, в главе «Агротехническая политика», сказано: «Надо не только хорошо пахать, но и сеять, как правило, яровые по зяби, озимые по парам» (разрядка моя. — *А. У.*).

Все яровые, для всех районов, по единому рецепту «сеять по зяби»! Вредное и абсолютно неправильное утверждение!

Взять хотя бы яровую пшеницу. Для целого ряда восточных районов рекомендовать на данном этапе сеять эту ценнейшую культуру не по парам, а по зяби — это значит содействовать засорению полей, бить по урожайности.

Неправильно излагаются также задачи развития животноводства во второй пятилетке по отдельным районам Союза. На стр. 225, например, говорится: «...В Северном крае, центральных районах, на Урале, в Западной Сибири, в свекловичных районах Украины и ЦЧО особо интенсивное развитие получает молочно-мясное животноводство... Здесь животноводство дополняет полеводство, является второй по значению отраслью сельского хозяйства». И больше об этих районах—ни слова. Сказать о сельском хозяйстве бывшей Уральской области только то, что там должно развиваться молочное животноводство,—это в лучшем случае ничего не сказать, в худшем случае это значит неправильно ориентировать целые области, не говоря уже об отдельных районах. Из цитированного выше утверждения совершенно непонятно, почему, например, в свекловичных районах надо акцентировать внимание только на молочном животноводстве, совершенно игнорируя при этом свиноводство, которое успешно развивается и имеет громадные перспективы именно в этих районах.

Упрощенно и ошибочно трактуется проблема воспроизводства поголовья коров. Районы мясного скотоводства механически вырваны из общей народнохозяйственной системы, и дается установка выбраковывать в этих районах на убой «часть молодняка маточного стада крупного рогатого скота». В отдельных хозяйствах это, конечно, возможно. Однако суть вопроса в том, что резать телок в данный момент с точки зрения народнохозяйственной есть преступление. Надо организовать обмен этих телок на бычков, которые имеются в колхозах, в орсах, у колхозников и единоличников.

Проблема животноводства — это жгучая злободневная проблема, к которой приковано внимание всей партии, рабочего класса, всей многомиллионной массы колхозников и трудящихся-единоличников. Между тем раз-

дел, трактующий животноводство, изложен в учебнике явно неудовлетворительно, содержит ряд ошибок и требует коренной переработки.

Глава о совхозах (XIII) написана довольно схематично и не дает действительной картины развития совхозов и размаха их работы в настоящее время. Например по мясосовхозам и конесовхозам в качестве самых новейших данных, без всякой оговорки, приведены цифры 1931 г. (стр. 330). Такая «цыфирь», которая дается без сопоставления с дальнейшим, без характеристики совхозов в настоящее время, разумеется, в учебнике ненужна.

Совершенно обойден авторами приобретающий сейчас колоссальное значение вопрос о механизации труда в животноводческих совхозах и колхозных товарных фермах (механизация кормоприготовления и водоснабжения, внутрихозяйственный транспорт, электродойка и т. д.). Обо всех этих процессах ни слова не сказано даже в главе о завершении задач второй пятилетки.

Ничего не говорится также об особенностях развития сельского хозяйства в национальных республиках и областях, не показано громадное политическое и экономическое значение самой проблемы развития хозяйства национальных районов в теории и практике пролетарской революции, не показаны специфические особенности классовой борьбы на этом участке.

При повторном издании книги вышеуказанные пробелы должны быть восполнены, тем более, что это можно сделать, не увеличивая об'ема книги, за счет сокращения повторений, встречающихся в учебнике. Например глава VIII «Задачи второй пятилетки в области социалистической реконструкции сельского хозяйства» и глава XV «Задачи в области технического вооружения сельского хозяйства» дублируют друг друга. Очевидно, глава XV должна быть сокращена. От этого учебник только выиграет. Целый ряд повторений имеется и в других главах (стр. 69 и 111, 23 и 50, 24, 65—91—101 и т. д.).

Процесс превращения сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального квалифицируется как «превращение его в промысел, основанный на науке» (стр. 399).

На стр. 407 два раза употребляется фраза «Посевы по ранним и чистым парам». Агротехнически это сказано неточно, и потому никак нельзя понять, имеет ли в виду автор два типа паров или только один. Ранний пар — это тоже чистый пар, входит в рубрику чистых паров, и потому нелепо ставить союз между этими двумя терминами. Точно так же звучала бы фраза «Осина и дерево».

Ряд диаграмм и рисунков, призванных иллюстрировать цифровые показатели, выполнен небрежно (стр. 130, 150, 215). Диаграмма на стр. 130 бессмысленна. Показывает как раз обратное тому, что хотел иллюстрировать автор.

При устранении отмеченных выше недостатков учебник явится полезным пособием для комвузовцев, слушателей высших звеньев партпросвещения и для партийного актива.

А. УРАЛЬСКИЙ

Неиспользованные возможности

«Большэвік Беларусі». Политико-экономический двухнедельник ЦК КП(б)Б. №№ 1—10 за 1934 г.

Не приходится доказывать огромное значение партийных журналов, издающихся в республиках, краях и областях. Жизнь настолько богата событиями, практика партийной работы настолько многообразна, ибо в каждом районе хозяйственное и культурное строительство имеет свои специфические черты,— что нельзя, конечно, охватить все это, не имея разветвленной сети партийных журналов на местах.

Такие журналы должны помочь местным партийным организациям, главным образом активу, разобраться в многообразии опыта, они должны отобразить наиболее ценное из этого опыта, обобщить практику партийной работы, помочь пропагандистам в марксистско-ленинском воспитании партийных кадров. Каждый такой журнал должен, во-первых, быть связан с самыми широкими слоями партийного актива, чтобы все время черпать живой практический опыт, быть в курсе текущей, повседневной жизни и работы партийных организаций. Во-вторых, журнал должен сплотить вокруг себя актив из наиболее подготовленных в теоретическом отношении товарищей, должен быть самым тесным образом связан с научными институтами и т. д. Такая связь поможет своевременно освещать на страницах журнала достижения и результаты научно-исследовательской работы, хозяйственные достижения, а также давать пропагандистам квалифицированный материал для работы в системе партийного просвещения.

Ни один крупный вопрос, касающийся хозяйственного или культурного фронта, не должен пройти мимо партийного журнала, издающегося в республике, крае или области, будь то вопрос выполнения хозяйственных планов, развития какой-либо новой отрасли или вопрос текущей работы местной промышленности, совхозов и колхозов. Все это должно найти отражение на страницах журнала. То же самое относится к вопросам партийного строительства. Особенно важно подметить новое, обобщить пройденный путь и сделать практические выводы для дальнейшего.

Вопросы партийной работы должны освещаться не только с точки зрения раз'яснения тех или иных решений партии, но и с привлечением местного материала, чтобы журнал вооружал партийные организации положительным опытом передовых районов.

Борьба с оппортунизмом, с уклонами от генеральной линии партии, за усиление идеологической работы во всех звеньях партии имеет исключительно важное значение. Журнал должен пропагандировать ленинизм, бороться за овладение марксистско-ленинской теорией, показывать социальную природу оппортунизма, повышать бдительность партийных организаций, учить распознавать классовых врагов и их агентуру, воспитывать партийные массы в духе непримиримости к уклонам от генеральной линии партии. В то же время на фактах из местной практики надо показывать специфику классовой борьбы в данном районе, своевременно разоблачать врагов, изучать приемы их маскировки, приводить в связь отдельные проявления оппортунизма и показывать, куда они ведут. Только при этом условии борьба с оппортунизмом будет действенной, только тогда журнал будет действительно помогать партийным организациям бороться с конкретными носителями оппортунизма.

Мы нарочно остановились на этих общих задачах местных партийных журналов, потому что далеко не все они отвечают своему назначению. В одном случае журналы ограничиваются только пропагандистской рабо-

той, в других — становятся органами, которые охотно помещают на своих страницах различные сводки, докладные записки и другую ведомственную продукцию. Пока только немногие местные журналы сумели стать тем, чем они должны быть.

«Большэвік Беларусі», издающийся в республике, имеющей значительные кадры партийного актива, ряд научно-исследовательских институтов, имеет все условия, для того чтобы стать одним из солидных партийных журналов.

Пограничное положение Белорусской республики, острота борьбы против уклонов от ленинской национальной политики, необходимость быстрейшей ликвидации отсталости в хозяйственном и культурном отношении — все это указывает на исключительное значение хорошо поставленного партийного журнала.

Если поставить основной вопрос: отвечает ли журнал тем задачам, которые стоят перед партийной организацией Белоруссии, использовал ли он в достаточной мере имеющиеся возможности, и, наконец, отражает ли он размах культурного и хозяйственного строительства Белорусской республики, — то ответ получится не в пользу журнала. Нельзя, конечно, сказать, что «Большэвік Беларусі» стоит вдалеке от партийной и хозяйственной жизни, нельзя сказать, что в нем не отражаются вопросы, над которыми работает партийная организация Белоруссии. Но это делается в ряде случаев неудовлетворительно.

Достаточно просмотреть номера «Большэвіка Беларусі», чтобы убедиться в том, что его редакция не имеет достаточно продуманного тематического плана: подбор статей в значительной мере случаен, и очень часто чувствуется, что некоторые работники вместо статей сдали в журнал свои докладные записки после какой-нибудь конференции или совещания.

Крупнейшим недостатком журнала является то, что вопросы национальной политики партии, борьбы с местным национализмом, отражены в журнале недостаточно. Известно, что на последнем (XV) с'езде КП(б) Белоруссии внимание организации к этому вопросу было весьма заострено, известно также, что перед с'ездом был ряд выступлений «Правды» по поводу искажения ленинской национальной политики партии в некоторых районах Белоруссии. Наконец, на XVII с'езде ВКП(б) национальный вопрос был освещен в достаточной степени. Как же откликается на все это «Большэвік Беларусі»?

В 1—2, 3—4 номерах журнала за 1934 г. нет ничего о борьбе за ленинскую национальную политику партии. Больше того, в передовой статье «По-боевому бороться за выполнение решений XVII с'езда», помещенной в № 3—4, нет ни слова по этому вопросу. Это по меньшей мере странно! Если даже в передовой статье, посвященной очередным важнейшим задачам работы партийной организации, ничего не сказано о необходимости борьбы против искривлений ленинской национальной политики, то становится непонятным, как и в какой форме мыслит редакция обратить внимание партийного актива на этот вопрос.

В № 5 появляется статья по национальному вопросу, но одно название ее показывает, что это еще не то, что надо. Мы имеем в виду исторический очерк (так его назвала редакция) Агурского «Паолей — Ционизм как агентура буржуазии и английского империализма». Вопрос сам по себе важный. Но, к сожалению, это только «исторический очерк», очевидно, отрывок из какой-то работы или учебника. Правда, «концовка» очерка является попыткой «увязать» исторический материал с сегодняшним днем, но делается это при помощи нескольких общих фраз, без всякого указания на специфику борьбы в нынешних условиях. Подобного рода исто-

рический очерк весьма полезен и нужен, но, повторяем, ошибкой редакции является то, что она ограничила освещение национального вопроса в Белоруссии такими рамками.

Наконец, в № 7 появляется статья И. Корчика «Национал-оппортунизм в КПЗБ и идеологическое наследство «Белорусской революционной организации». Эта статья вскрывает связь, существующую между национал-оппортунизмом в компартии Западной Белоруссии и националистической идеологией белорусской, так называемой «революционной» организации. Это очень серьезная статья, показывающая один из источников, питающих белорусский национал-оппортунизм.

Вот, собственно говоря, и все, что было помещено в 10 номерах журнала по национальному вопросу. Как будто маловато?! Кроме указанных необходимо еще отметить большую статью Ильюшина «Ленин в борьбе за пролетарский интернационализм». Работа эта довольно обширная. Но нужно сказать, что сегодняшний день, специфика борьбы за ленинскую национальную политику партии отразились в ней довольно слабо, это скорее тоже исторический очерк.

Мы не склонны обвинять редакцию «Большэвіка Беларусі» в сознательном умалении важности и значимости национального вопроса, но, тем не менее, подчеркиваем, что журнал в этой части со своей задачей не справляется. Попытки, которые делались, не восполнили пробела и не ответили тем требованиям, которые пред'являются белорусской действительностью. Чего недостает? В журнале нет статей, которые толково и внятно рассказали бы партийному активу, какие силы питают в Белоруссии национализм и великодержавный шовинизм, почему первый стал в Белоруссии на данном этапе главной опасностью, как поставить агитацию и пропаганду, как правильно организовать воспитание масс в духе пролетарского интернационализма. Главное — побольше местного конкретного материала. Надо не только повторять формулу о главной опасности, а показывать на примерах, как надо ее понимать, раскрыть ее содержание. Нужны такие статьи, такие материалы, которые бы вооружали партийный актив в его работе и борьбе.

Нетрудно видеть, что ни «исторические очерки», ни громоздкие главы из учебников, печатаемые в журнале, не могут возместить указанных недостатков. Нетрудно понять и то, какое значение, какую силу приобретает партийный журнал, если вопросы теории он тесно увязывает с практикой *данной* организации.

Большое место в журнале занимают вопросы *сельского хозяйства*. Это совершенно законно. Укажем только, что помещаемые материалы носят главным образом узко оперативный характер. Вообще редакции надо построже подходить к отбору материалов, потому что, судя по напечатанным статьям, материал подбирается довольно случайно.

Большое недоумение вызывают консультации по сельскому хозяйству. В политико-экономическом двухнедельнике, органе ЦК КП(б)Б, весьма похвально заниматься вопросами техники сельского хозяйства, но это, однако, не значит, что политико-экономический журнал должен подменять специальные сельскохозяйственные журналы. Из номера в номер журнал ведет примитивную агро- и зоопропаганду. Тут и о пироплазмозе у лошадей, о менингите и лечении сапа, о том, как приготавливать подсолнух на силос, как выпаивать телят и т. д. и т. п.

Разве нет специальных журналов, могущих заняться этим делом, и заняться более квалифицированно и солидно?!

Гораздо лучше было бы, если бы журнал занялся проблемой севооборотов, кормовых трав, луговодства, метизации стада, совершенствования льняного дела, т. е. всем тем. что буквально стучится в двери партийного

журнала, и что в Белоруссии представляет задачу сегодняшнего дня. Именно это проходит сейчас мимо редакции «Большэвік Беларусі».

Журнал неплохо освещает вопросы партийного строительства. Из номера в номер «Большэвік Беларусі» печатает интересные материалы о перестройке партийных организаций в городе и деревне. Хорошо то, что в качестве авторов привлечены инструктора районных комитетов, начальники и работники политотделов.

Что касается промышленности, то отметим, что журнал не упускает важнейших вопросов и, в частности, очень своевременно выступил со статьей о развитии торфяного дела.

* * *

Мы не остановились на других сторонах работы журнала и не разбирали подробно напечатанные статьи. Нашей задачей было выяснить л и ц о журнала, приемы его работы, возможности и их реализацию.

Выводы, которые напрашиваются из ознакомления с комплектом «Большэвіка Беларусі»:

Журнал должен иметь п л а н. Помещаемые в нем статьи требуют более углубленного анализа, тщательно отобранных фактов, более широких обобщений.

Наконец, нужно уметь выбрать то, что сейчас наиболее важно для жизни местной партийной организации, для хозяйственного строительства, и освещать эти вопросы не «вообще», а привлекая факты и примеры из местной практики, пропагандируя передовой опыт, лучшие образцы работы.

«Большэвік Беларусі» имеет все условия и возможности стать хорошим партийным журналом.

А. ДАВИДЮК

Проблема военных долгов

Гарольд Маультон и Лео Позвольский «Военные долги». Соцэкгиз. 1934. 398 стр. 3 руб.

Среди многочисленных неразрешенных проблем, оставленных мировому капитализму войной и Версалем, межсоюзные долги и репарации занимают далеко не последнее место. Несмотря на то, что кризис нанес системе международной задолженности сокрушительный удар, вокруг этих вопросов до сих пор продолжается острая борьба империалистических противоречий. За последнее время мировая печать снова усиленно занялась проблемой военной задолженности.

Поводом к этому послужило в первую очередь наступление 15 июня, срока очередного платежа европейских должников своему кредитору США. Не нужно забывать, что в то время как проблема германских репараций была решена на лозаннской конференции летом 1932 г. (правда, до сих пор постановления лозаннской конференции окончательно не утверждены соответствующими правительствами), вопрос о межсоюзных военных долгах все еще формально не получил никакого разрешения.

В конце 1932 г. истек срок годового моратория, принятого по предложению Гувера по всем платежам по союзным долгам и репарациям, и европейские державы формально обязаны теперь два раза в год: 15 июня и 15 декабря — уплачивать взносы по процентам и погашению долга.

Правда, это относится лишь к долгам, причитающимся США, ибо Великобритания и Франция, будучи должниками Америки и в то же время являясь кредиторами остальных своих бывших союзников в войне 1914—1918 гг., отказались от взимания платежей впредь до вступления в силу лозаннского соглашения. Соединенные штаты, не принимавшие участия в лозаннской конференции, отказались признать какую-либо формальную связь между германскими платежами и задолженностью европейских стран Америке и уже в конце 1932 г. потребовали от своих должников возобновить платежи.

Еще в декабре 1932 г. Англия полностью заплатила очередной взнос США. Будучи сама крупнейшим кредитором мира, Англия боялась, что в этот период грандиозных крахов и банкротств огромного числа стран ее нежелание погашать свои долговые обязательства может повести к всеобщему отказу от платежей по долгам и нанесет ей самой огромный ущерб. В то же время англичане надеялись, что их «великодушный жест» заставит американцев при последующих переговорах пойти на значительные уступки. Большинство же остальных стран-должников во главе с Францией просто-напросто отказалось платить по долгам и с тех пор ничего не вносит США.

Следующий платеж — 15 июня 1933 г.—совпал с началом мировой экономической конференции. Английское правительство рассчитывало на этой конференции столковаться с США по важнейшим вопросам, в частности по вопросу о стабилизации валют, о порядке дальнейших платежей по военным долгам и т. д. Не желая тогда обострять отношений с США, англичане снова сделали взнос, однако, не в полной сумме, а лишь в размере нескольких процентов от полагавшегося платежа. Этот «символический» взнос должен был явиться показателем доброй воли Англии, показателем того, что Англия готова миролюбивым путем завершить переговоры. США согласились принять такой платеж, не желая с самого начала срывать экономическую конференцию. Как известно, мировая конференция потерпела полный крах, и с тех пор США значительно изменили тактику в отношении своих должников.

Улучшение финансового положения Англии, излишек по бюджету, полученный Англией в 1933—1934 гг., а также благоприятные бюджетные перспективы на 1934—1935 г. — все это в глазах США является доказательством того, что англичане в состоянии полностью производить свои платежи по военным долгам.

В то же время огромный рост бюджетного дефицита в США, усиление недовольства со стороны фермеров, стонущих под тяжестью огромной задолженности, являются фактором, который заставляет правительство США быть непримиримым по отношению к своим заграничным должникам. Вместе с тем военная задолженность всегда являлась для США одним из средств давления на Англию и Францию. В результате в последние месяцы США не только не склонны были идти на уступки своим должникам, но весной был принят даже закон Джонса, согласно которому всем тем странам, которые не платят долгов, запрещается предоставление или размещение новых государственных займов в США. Фактически это означало эмбарго (запрещение) на выпуск займов для большинства европейских стран. То, что этот закон не является пустой угрозой, показывает недавнее запрещение размещения в США крупного голландского займа, выпущенного для французского правительства.

Европейские должники, однако, реагировали на эту политику США весьма хладнокровно. Франция заявила, что она и впредь не собирается платить. Что касается англичан, то последние устами своей руководящей печати сперва заявили, что если США зачтет «символический» взнос, то

они его произведут в размере 10% причитающегося платежа, но если Англию все равно об'явят банкротом, то тогда нечего идти даже на эту «жертву». При этом английская печать цинично заявляла, что теперь Англии нечего бояться, что США будут считать ее банкротом; международное финансовое положение Англии настолько укрепилось, что она сумеет пресечь всякие попытки своих должников последовать примеру самой Англии.

И действительно, в дальнейшем, не дожидаясь окончательного раз'яснения США по вопросу о «символическом» взносе, Англия уведомила своего кредитора, что она отказывается что-либо вносить, но готова вести дальнейшие переговоры о «разумном» разрешении долговой проблемы. До сих пор еще продолжается обмен нотами между Англией и США без какой-либо перспективы на разрешение этого вопроса.

Нужно также иметь в виду, что проблема германской задолженности далеко не исчерпана тем, что в Лозанне репарации формально прекратили свое существование. Огромная частная внешняя задолженность, явившаяся отчасти результатом необходимости производить репарационные платежи по займу Дауэса и Юнга, продолжает давить Германию.

Отказ от производства платежей по всей долгосрочной заграничной задолженности, явившийся следствием катастрофического падения золотых и валютных резервов Германии, составляет в то же время один из крупных факторов ухудшения всего мирового финансового положения и обострения империалистических противоречий в Европе.

Все это делает вполне своевременным появление в русском издании работы Маультона и Позвольского, известных знатоков международных финансовых вопросов. Книга появилась в США в начале 1933 г. Заканчивается она анализом лозаннского соглашения. Работа эта является наиболее полным и добросовестным изложением истории военных долгов, включая межсоюзные долги и германские репарации. Ясность изложения, богатый фактический материал делают книгу очень полезной для ознакомления с этой важной проблемой послевоенного капитализма.

Мы не станем излагать здесь содержание книги. Остановимся лишь кратко на основной концепции авторов. Известно, что вокруг проблемы военных долгов в мировой буржуазной печати за последние годы велась широкая дискуссия: одни доказывали, что все беды, обрушившиеся на послевоенный капитализм, включая и последний экономический кризис, являются следствием системы военных долгов; другие заявляли, что военные долги не оказывают никакого влияния на мировое экономическое положение. Как правило, к числу первых относились представители стран-должников, а к числу вторых — представители стран-кредиторов. Наиболее яркое отражение эта дискуссия нашла в обмене нотами между Англией и США по вопросу о долгах в конце 1932 г. Английское правительство тогда прямо писало: «Общепризнанно, что военные долги и репарации были одной из главных причин современной депрессии». А правительство США хладнокровно отвечало: «Наше мнение таково, что причины кризиса вызваны более мощными силами чем трансакции по долгам».

Но и в среде господствующих классов США нет единства по вопросу о военных долгах. Значительные финансовые группы, которые за послевоенный период предоставили частных займов заграницей не менее чем на 8 млрд. долл. и кроме того произвели еще прямые инвестиции заграницей (в результате этого общая сумма американских иностранных вложений достигает теперь примерно 18 млрд. долл.), не заинтересованы в платежах по военным долгам. Наоборот, они считают, что эти платежи, напрягая платежный баланс и финансовое положение стран-должников, ухудшают для последних возможность выполнять их обязатель-

ства по частной заграничной задолженности. Вот почему эти финансовые группы США склонны идти на уступки по вопросу о военных долгах. Точку зрения именно этих групп отражают Маультон и Позвольский. Они на все лады стремятся доказать, что платежи по военным долгам только обостряют мировое экономическое положение и поэтому их аннулирование будет иметь огромное благотворное влияние для всего мира, в том числе и для самих стран-кредиторов. «Взимание межправительственных долгов было бы не выгодно, а, наоборот, экономически вредно для стран-кредиторов» — таков основной заключительный вывод работы (стр. 296). Не говоря уже о том, что авторы вообще преувеличивают значение проблемы долгов для послевоенной экономики капитализма, вся их аргументация построена на чисто экономических предпосылках. Авторы далеки от понимания того, что проблема военных долгов является в первую очередь политической проблемой, которая упирается в борьбу между империалистическими странами, в борьбу интересов между отдельными группами внутри заинтересованных стран.

Книга издана Соцэкгизом весьма неряшливо. На титульном листе названы оба автора и указан 1933 год, на обложке назван только один Маультон и поставлен 1934 год. Нигде не оговорено, что русскому изданию предпослано предисловие тов. Г. Я. Сокольникова.

М. ИОЭЛЬСОН

Уполномоченный Главлита № В - 93563
Тираж 450 000 экз.
В 1 п. л. 63 000 зн. 3 бум. листа
Изд. № 803

Редакция. А. Стецкий (редактор), В. Кнорин, П. Поспелов, Б. Таль

Материал сдан в набор 23/VIII 1934 г., подписан к печати 28/VIII 1934 г. Заказ № 2495

Типография газеты „Правда“. Москва, ул. Горького, 48.

4. **Островский А. Н.** Сочинения, 1934, стр 3??, цена в переплете 4 р. 75 к..

5. **Гончаров И. А.** Обломов. Послесловие и комментарии Н. Пиксанова, 1934, стр. 151, цена в переплете 6 р. 75 к.

6. **Революционно-демократическая поэзия 60-х годов**, стр. 303, цена в переплете 4 р. 25 к.

7. **Старчаков А.** Шевченко и революция, 1934, стр. 52, цена 30 к.

8. **Украинская проза.** Творчество народов СССР, стр. 204, цена в переплете 2 р. 75 к.

9. **Каменский Василий.** Избранные стихи, 1934, стр. 245, цена в переплете 5 р. 75 к.

10. **Петров Н. В.** Режиссер читает пьесу, 1934, стр. 146, цена в переплете 2 р. 75 к.

11. **Старцев А.** Джон Дос-Пассос, стр. 151, цена 1 р. 75 к.

12. **Джон Дос-Пассос.** Вершины счастья, 1934, цена в переплете 2 р. 65 к.

13. **Барта Александр.** Нет пощады, 1934, ст. 143, цена 2 р.

14. **Гатов А.** Поэты парижских баррикад, 1934, стр. 142, цена в переплете 3 р. 25 к.

15. **Эпик Г.** Первая весна. Перевод с украинского, 1934, стр. 207, цена в переплете 2 р 75 к.

16. **Кладиашвили Серго.** Пепел. Перевод с грузинского, 1934, стр. 80, цена в переплете 1 р. 65 к.

17. **Гайрати.** Избранные произведения. Перевод с узбекского, вступ. статья Валайтиса. 1934, стр. 59, цена в переплете 1 р. 75 к.

18. **Токунага Наоси.** Токио город безработных. Перевод с японского, 1934. стр. 318, цена в переплете 5 р. 25 к.

19. **Тургенев.** (К пятидесятилетию со дня смерти). Сб. статей. Ин-т лит. и искусства, 1934. стр. 394, цена в пер. 5 р. 75 к.

20. **Джавахишвили М.** Рассказы. Авторизов. перевод с грузинского, 1934, стр. 199, цена в пер. 3 р.

21. **Колас Якуб.** Трясина, 1934. стр. 153, цена в пер. 2 р. 50 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1. **Остряков С.** Вторая пятилетка великих работ. 1934, стр. 102, цена 65 к.

2. **Карельский (Артем).** Политотдельцы. 1934, стр. 100, цена 50 к.

4. **Фурманов Дм.** Из дневника писателя. 1934, стр. 132, цена в переплете 1 р. 80 к.

5. **Техники, изобретатели крепостной России.** Сборник. 1934. стр. 202, цена в переплете 3 р. 10 к.

Комакадемия. Институт Советского строительства и права.

1. **Левин И. Д.** Национальный вопрос в послевоенной Европе, 1934, стр. 526, цена в пер. 5 р. 25 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ В ЛЕНИНГРАДЕ

1. **Добин Ефим.** Ленин и искусство. Ленингр. отдел Комакадемии, 1934. стр. 279, цена 4 р.

2. **Соколов-Микитов И.** Ленкорань, стр. 154, цена в переплете 2 р. 70 к.

3. **Кожевников А.** Магистраль, стр. 319, цена 4 р. 50 к.

4. **Федин К.** Похищение Европы. кн. 1, 1934, стр. 312, ц. в пер. 5 р. 50 к.

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»

1. **Белецкий А. И.** К. Маркс, Ф. Энгельс и история литературы, 1934, стр. 115, цена 1 р. 60 к.

ИЗОГИЗ

1. **Живопись и скульптура.** Вып. I — Искусство древнего Востока; вып. II — Искусство европейского феодализма, цена 7 р.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВРЕМЯ»

1. **Пруст Марсель.** Собр. соч., т. I, стр. 802, цена в переплете 6 р.

СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

1. **Техническая энциклопедия,** т. XXIV, стр. 920, цена не указана.

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБ'ЕДИНЕНИЕ

1. **«Литературное наследство»,** т. 11—12. 1933, стр. 656, цена 18 руб. **Щедрин,** 1-й полутом.

2. **«Литературное наследство»,** т. 13—14, 1934, стр. 718, цена 22 руб. **Щедрин,** 2-й полутом.

Цена 40 коп.

Bol'shevik

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

№ 16 31 августа № 16

31 Aug.

МОСКВА
Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"
1934

СПИСОК КНИГ, ПРИСЛАННЫХ НА ОТЗЫВ В РЕДАКЦИЮ „БОЛЬШЕВИКА“

ИМЭЛ. ПАРТИЗДАТ

1. **Маркс, Ленин. ВКП(б).** (Тезисы). 1934, стр. 101, ц. 65 к.
2. **Ленин.** Избранные произведения, т. VI, 1934, стр. 334, цена не указана.
3. **К. Маркс.** Капитал, т. I, 1934, стр. 943 + VI, ц. в пер. 7 р.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) (ПАРТИЗДАТ)

1. **25 лет «Материализма и эмпириокритицизма».** Сб. 1934, стр. 194, ц. в пер. 2 р. 25 к.
2. **Южный А.** Япония. Ин-т мир. хоз. и мир. пол., изд. 2-е, 1934, стр. 396, ц. в пер. 3 р. 25 к.
3. **Ленинизм.** Хрестоматия под ред. Быстрянского и Мишина. Изд. 2-е, 1934, стр. 664, ц. в пер. 5 р. 50 к.

ИЗД. РЕДАКЦИИ «ПРАВДЫ»

1. **Как мы спасали челюскинцев. А. Ляпидевский, С. Леваневский, М. Слепнев, В. Молоков, Н. Каманин, М. Водопьянов, И. Доронин.** М. 1934, стр. 404, ц. в пер. 15 р.

СОЦЭКГИЗ

1. **Экономика советской торговли.** Уч. пос. для вузов и втузов. Под ред. Л. Гатовского, Г. Неймана, В. Ноделя. Ин-т эконом. Комакадемии. Изд. 2-е, 1934, стр. 472, ц. в пер. 5 р.
2. **Люксембург Роза.** Накопление капитала, т. I—II, 1934, стр. 478, ц. в пер. 7 р. 50 к.
3. **Ллойд-Джордж Давид.** Военные мемуары, т. I—II, 1934, стр. 678, в пер. 10 р. 50 к.
4. **Гидлевский К., Сафьянов М., Трегубенков К.** Минусинская коммуна 1917—1918. Из истории Октябрьской революции в Сибири. 1934, стр. 296, ц. в пер. 4 р.
5. **Аптекарь В. Б.** Н. Я. Марр и новое учение о языке. 1934, стр. 186, ц. 2 р. 35 к.
6. **Диалектический и исторический материализм в 2 частях.** Часть 1. Диалектический материализм. Уч. для комвузов и втузов. Сост. колл. Ин-та фил. Комакадемии, под рук. М. Митина. 1934, стр. 354, ц. в пер. 2 р. 75 к.

ИМЭЛ. ИЗДАТ. ИНОСТР. РАБОЧИХ

1. **Karl Marx.** Zur Kritik der Politischen Ökonomie. (К. Маркс. К критике политической экономии). 1934, стр. 282, ц. в пер. 4 р.
2. **Marx-Engels.** Aus gewählte Briefe. (Маркс - Энгельс. Избранные письма). 1934, стр. 467, ц. в пер. 6 р. 50 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1. **Чернышев А. А.** Высоковольтные сети в районах Волги. Труды ноябрьской сессии Академии наук СССР, посвященной проблеме Волго-Каспия. Л. 1934, стр. 19, ц. 30 к.
2. **Язык и мышление.** Сб. II. 1934, стр. 179, ц. в пер. 8 р.
3. **Миткевич В. Ф.,** акад. Основные физические воззрения. 1934, стр. 58, ц. 1 р. 50 к.
4. **Архив истории науки и техники,** вып. III, серия 1-я, 1934, стр. 349, ц. в пер. 11 р. 50 к.

АКАДЕМИЯ

1. **Гейне Генрих.** Германия. Зимняя сказка. 1934, стр. 214, ц. в пер. 9 р. 50 к.

ГИХЛ

1. **Писарев Д. И.** Избранные сочинения в 2 томах, т. I, 1934, стр. 600, ц. в пер. 10 р.

СЕВКРАЙГИЗ

2. **Визе В. Ю.** История исследования советской Арктики. 1934, стр. 210, ц. 3 р. 15 к.

ГИХЛ

1. **Гете.** Собрание сочинений, т. VI, 1934, стр. 631, ц. в пер. 6 р.

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. **Янка Купала.** Избранные стихи. 1934, стр. 219, ц. в пер. 4 р.
2. **Якуб Колас.** Новая Земля. 1934, стр. 180, ц. в пер. 4 р.
3. **Г. Коцюба.** Новые берега. 1934, стр. 267, ц. в пер. 3 р. 50 к.
4. **Б. Громов.** Поход Сибирякова. 1934, стр. 253, ц. в пер. 3 р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК
ЦК ВКП(б)

XI ГОД ИЗДАНИЯ

Адрес редакции:
Москва, ул. Горького, 48
Тел. 1-21-18. [illegible]

№ 16 31 АВГУСТА 1934 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Победно закончить сельскохозяйственный год

Страна вступила в самый напряженный период сельскохозяйственных работ: завершается уборка зерновых; в разгаре обмолот и хлебосдача; развернулся озимый сев; идут под'ем зяби, силосование кормов, второй укос трав; начинается уборка пропашных и технических культур. От практических работников социалистического земледелия, от сельских партийных организаций требуются исключительная маневренность, четкость и оперативность руководства. Мы должны добиться такого сочетания всех этих работ, так расставить тягло, машины и людей, чтобы аккуратно и своевременно выполнить государственный план хлебосдачи, высококачественно, в срок и без потерь собрать урожай.

План хлебосдачи в августе выполнен на 138,7% (зернопоставки — на 147,9%, натуроплата — на 120,4%). Эти успехи создали у некоторых руководителей парторганизаций настроения самоуспокоенности и благодушия. Нельзя успокаиваться на том, что годовой план хлебосдачи к 5 сентября выполнен на 54,9%. Есть факты снижения темпов хлебосдачи по ряду районов, например: Березовский район, Сталинградского края, сдал в первую пятидневку сентября в 8 раз меньше хлеба чем в последнюю пятидневку августа; Ольховский — в 15 раз меньше, а Алексеевский район того же края — в 20 раз меньше. Вот яркое свидетельство того, к чему приводят настроения самоуспокоенности, благодушия и ставка на самотек. Этим настроениям должен

быть дан решительный отпор. Нет и не может быть никаких об'ективных причин для снижения темпов выполнения столь важной народнохозяйственной задачи, как хлебопоставки.

«Говоря о трудностях хлебозаготовок, коммунисты обычно взваливают ответственность на крестьян, утверждая, что во всем виноваты крестьяне. Но это совершенно неверно и безусловно несправедливо. Крестьяне тут не при чем. Если речь идет об ответственности и виновности, то ответственность падает целиком и полностью на коммунистов, а виноваты здесь во всем — только мы, коммунисты» (Сталин).

И сейчас в сельских местностях можно найти немало горе-руководителей, которые пытаются свою бездеятельность прикрыть разговорами о трудностях. Безусловно, трудности есть, но эти трудности преодолимы. Все дело в энергии, инициативности, настойчивости коммунистов, несущих полную ответственность за успех хлебосдачи.

Решающее влияние на снижение хлебосдачи оказывают неконкретность руководства, увлечение «средними» данными о ходе хлебопоставок. А руководить при помощи «средних» данных — значит не знать действительного положения вещей в отдельных колхозах, МТС. Августовское перевыполнение планов хлебосдачи достигнуто за счет передовых районов и колхозов. А отстающих колхозов еще немало.

Сложившаяся к настоящему моменту картина хлебосдачи является прямым доказательством того, насколько своевременным и необходимым было предостережение, сделанное июньским пленумом ЦК ВКП(б). Пленум указывал, что «главным недостатком краевых (областных) партийных и советских организаций в руководстве районами, а районов — колхозами является неумение видеть специфические особенности каждого района и колхоза за средними статистическими цифрами, в результате чего при средних общих благоприятных цифрах по краю или области остаются незамеченными и без надлежащего руководства и помощи неблагополучные районы и колхозы» (Разрядка наша. — Ред.).

Этот недостаток отражается не только на хлебосдаче, но и на всей работе сельских парторганизаций. Грубейшие нарушения политики партии по отношению к крестьянству, возмутительные факты зажима самокритики в некоторых районах не были своевременно вскрыты областными и краевыми организациями. Это показывает, что решения XVII с'езда о перестройке партийной работы еще плохо проводятся в жизнь, что некоторые партийные руководители в краях и областях нередко находятся «в плену» у средних показателей и не умеют еще четко, оперативно руководить районами, своевременно, энергично, «на ходу» исправляя недостатки, предупреждать болезненные явления.

В некоторых восточных районах особенно резко выявились факты самоуспокоенности в связи с хорошим урожаем в этих районах. Западная Сибирь выполнила августовский план хлебосдачи на 36%, Восточная Сибирь — на 59,7% и Челябинская область — на 66%. Они полагают, очевидно, что раз урожай хороший, хлеб будет. Тем временем хлеб гниет, прорастает на полях, при уборке получаются гигантские потери, антигосударственные тенденции не встречают резкого, большевистского отпора.

Борьба с антигосударственными тенденциями, борьба со всеми теми, кто хочет обмануть пролетарское государство, должна быть в центре внимания парторганизаций. Уже выявлено немало попыток снизить фактическую урожайность. Разоблачены антигосударствен-

ные дела руководителей зерносовхоза им. Вегера в Одесщине, руководителей некоторых свеклосовхозов Украины. Есть немало случаев прямого хищения хлеба с колхозных и совхозных полей и спекуляции им.

Никакой пощады расхитителям колхозного добра, никакой пощады обманщикам государства — буржуазным перерожденцам! Бдительность партийных организаций и политотделов должна быть всемерно усилена. Борьба за выполнение планов хлебосдачи есть первейшая обязанность большевиков, и в этой борьбе мы должны одержать решительную победу.

Во многих районах партийные организации забыли об единоличнике, выполняя план хлебосдачи главным образом за счет колхозов и совхозов. Между тем некоторые единоличники, пользуясь этим, обходят закон о хлебопоставках и спекулируют хлебом на рынке. Надо напомнить этим людям, что наши государственные законы незыблемы и единоличник должен сдать хлеб в точном соответствии с законом о зернопоставках.

Хлебопоставки—важнейшая народнохозяйственная задача, и ее выполнение остается первейшей обязанностью партийных организаций на селе. О работе политотдела, райкома, обкома или крайкома партия будет судить прежде всего по выполнению плана хлебопоставок.

Важнейшее условие успеха хлебосдачи — это высококачественная уборка, планомерно, четко организованная борьба с потерями. Все предпосылки для разрешения этой задачи налицо. Организованность колхозов стала значительно выше. Возросла техническая вооруженность социалистического сельского хозяйства. Есть все возможности добиться максимального сбора хлебов при минимальных потерях.

Первые дни уборки были отмечены новым под'емом колхозной инициативы и изобретательства. На юге, где в ряде районов хлеба низкорослы, колхозная мысль работает над тем, как использовать сельскохозяйственные машины с наибольшей производительностью и наименьшими потерями. Появляются приспособления для понижения хедера на комбайнах для уборки низкорослого хлеба. Появляются различные усовершенствования лобогреек, жаток, устанавливаются дополнительные зерноуловители, тысячи самых остроумных приспособлений делаются для того, чтобы полностью собрать урожай.

Центральный комитет партии со всей решительностью указывает на задачу максимального использования комбайнов.

Сейчас можно подвести некоторые предварительные итоги использования уборочных машин на косовице хлебов. Интересны в этом отношении данные об использовании комбайнов в совхозах крымского Зернотреста. Там имеется 452 комбайна. В 1932 г. процент комбайнизации был равен 49 и на один комбайн приходилось 110,4 га скошенной площади. В 1933 г. процент комбайнизации поднялся уже до 57 и каждым комбайном было скошено 112,6 га. В текущем же году процент комбайнизации составляет 83 и на один комбайн приходится 165,0 га. Есть совхозы, как например Первомайский, которые весь хлеб убрали комбайнами. Отдельные комбайнеры показали очень высокую производительность труда. Комбайнер Дерюгин убрал 343 га, Кацюра — 340 га, Пруткин — 306 га. В совхозе «Бейсу-Ковче» комсомолец-комбайнер Дроздов добился рекордной выработки — 23 га в смену.

В МТС производительность комбайнов, как правило, ниже чем в совхозах. Так, по всем МТС Крыма каждый комбайн убрал 112 га.

Во многих МТС восточных районов производительность комбайнов еще ниже. Это об'ясняется тем, что зерносовхозы накопили больший опыт механизации.

Некоторые руководители колхозов, саботируя комбайн, отражают антигосударственные настроения и тенденции отсталых колхозников, стремящихся во что бы то ни стало, хотя бы за счет увеличения потерь, уменьшить натуроплату.

Но даже успешные показатели работы комбайнов в совхозах далеки от того, что могут дать комбайны у нас, в Советской стране. Мы еще не извлекаем полностью тех выгод, которые дает механизированное хозяйство. У нас еще много мелкобуржуазной распущенности и расхлябанности в организации и использовании машинного парка в сельском хозяйстве. Именно этим об'ясняются высокая цифра тракторов, идущих ежегодно в капитальный ремонт, большие простои и частые поломки машин. Недостаточной бдительностью и слабым овладением техникой об'ясняется и тот факт, что поломки и простои машин являются иногда результатом вредительской деятельности классового врага.

Из сказанного следует, что необходимы:

твердый режим планово-предупредительного ремонта, жесткая техническая дисциплина, без которой немыслима бесперебойная работа машин;

систематическое повышение квалификации технических кадров в сельском хозяйстве, пропаганда технических знаний, внедрение хорошей, доступной технической книги в широкие массы колхозников;

закрепление и воспитание технических кадров — и полевых и ремонтных, повышение ответственности за работу и состояние машин.

Величайшую ошибку допустили бы те коммунисты, те партийные организации, которые сочли бы перечисленные вопросы узкотехническими и «недостойными внимания» политических руководителей. Из года в год растет техническая вооруженность сельского хозяйства, все время увеличивается поток машин, идущих из города в деревню. Этот поток и в дальнейшем будет усиливаться, так как партия поставила задачу — завершить в основном к концу второй пятилетки механизацию сельского хозяйства. Овладение техникой, передача деревне опыта фабрик и заводов, повышение технических знаний актива и прежде всего коммунистов — вот чего должны добиться большевики колхозов и совхозов.

Серьезного внимания требуют вопросы **организации труда**. Борьба с уравниловкой, обезличкой, за высокую трудовую дисциплину приобрела в колхозной бригаде твердую почву.

В этом году, особенно на уборке, широкое распространение получила организация комбинированных звеньев в бригаде. Это новый шаг вперед в организации труда, в усилении маневренности постоянной колхозной бригады. Звено, созданное из небольшого числа колхозников, к которым прикреплены машины, выполняет какую-либо хозяйственную операцию, охватывая все специализированные работы, связанные с данной операцией.

Эта форма организации труда внутри бригады весьма гибка и в руках опытного бригадира является важным рычагом усиления оперативности бригады. Если раньше бригадир перед уборкой вынужден был создавать специализированные звенья (например звено вязальщиц или копнильщиц), то теперь, создавая комбинированное звено с придачей ему машин, бригадир об'единяет в нем все производствен-

ные функции, и звено отвечает за всю уборку, от начала до конца, на одном определенном участке.

Успех уборки и хлебосдачи есть основная предпосылка всего дальнейшего роста и укрепления колхозов. Весь урожай, каждый колос **после выполнения обязательств перед государством** идет на нужды самих колхозов и колхозников. Поэтому чем раньше и лучше будут завершены уборка и хлебосдача, чем лучше будет поставлена борьба с потерями, тем скорее будут распределены колхозные доходы и созданы необходимые колхозные фонды, тем выше будет уровень трудодня. Есть все основания предполагать, что в текущем году уровень трудодня будет выше чем в прошлом году.

Колхозники прочно и уверенно идут вперед, к зажиточной жизни, но зажиточная жизнь не может быть завоевана одними успехами в полеводстве: нужна еще большая работа по развитию животноводства. Решения июньского пленума ЦК всколыхнули колхозную массу, растут все новые и новые колхозные фермы, но многие партийные организации и земельные органы на местах не сделали еще всех выводов из решений пленума ЦК, не сумели по-настоящему обеспечить конкретное оперативное руководство выполнением большевистской программы животноводства, намеченной июньским пленумом ЦК.

Сейчас основной и центральной задачей в области животноводства является **подготовка зимовки скота**. Сюда нужно направить максимум внимания и сил. На этом участке создается прежде всего предпосылка дальнейших успехов в развитии животноводства.

Между тем в строительстве помещений для скота—большая неразбериха, заготовка кормов (силосование, второй укос, подвоз сена к базам) предоставлена во многих районах самотеку. По животноводческим совхозам Казакстана к концу августа годовой план сенокошения был выполнен, например, лишь наполовину, а к местам зимовки подвезена лишь четверть скошенного. Печальные уроки прошлых годов, когда весной скот погибал из-за недостатка кормов, ничему не научили некоторых руководителей животноводческого хозяйства на местах.

Сейчас мы подготовляем урожай будущего года: озимый сев идет в более благоприятных условиях чем в прошлом году; паров для озимого сева в прошлом году было поднято 23,6 млн. га, а в нынешнем — 26,1 млн. га. Надо добиться строжайшего соблюдения сроков сева и высокого качества пахоты и заделки семян. Есть все основания для того, чтобы получить в будущем году с озимых посевов больший урожай. Постановлением правительства в этом году должно быть поднято 41,8 млн. га зяби против 30,3 млн. га в прошлом году. Выполнить план зяблевой пахоты — это значит сократить размеры веснопашки, сократить сроки сева и тем самым завоевать еще более высокий урожай.

Сейчас созданы все возможности строить руководство сельским хозяйством на последних достижениях науки и техники, чтобы достигнуть культурного, цветущего земледелия и животноводства.

Классово враждебные элементы разгромлены, но нам приходится еще встречаться с кулацким влиянием, выявлять и выбрасывать из колхозов укрывшихся там врагов.

Разгром классового врага не означает, что можно хотя бы в малейшей степени ослабить партийное руководство колхозами. Условия хозяйствования все время меняются, самое хозяйство становится ши-

ре и сложнее. Иными, все более высокими качествами должны обладать и партийные руководители.

Вновь и вновь надо напомнить сделанное товарищем Сталиным предупреждение об опасности самотека в руководстве колхозами. «Многие думают, — говорил товарищ Сталин, — что коль скоро достигнуто, скажем, 70 или 80% коллективизации в том или ином районе, в той или иной области, то этим уже все дано, и мы можем предоставить дело естественному ходу вещей, предоставить дело самотеку, полагая, что коллективизация сама сделает свое дело, сама подымет сельское хозяйство. Но это глубокое заблуждение, товарищи. На самом деле переход к коллективному хозяйству, как преобладающей форме хозяйства, не уменьшает, а увеличивает наши заботы о сельском хозяйстве, не уменьшает, а увеличивает руководящую роль коммунистов в деле под'ема сельского хозяйства. Самотек теперь больше чем когда-либо опасен для дела развития сельского хозяйства. Самотек теперь может погубить все дело».

Факты сегодняшнего дня подтверждают глубокую правильность этого указания. На июньском пленуме ЦК приводились примеры того, как высокий процент коллективизации успокаивал руководителей и они не замечали, что абсолютное количество хозяйств, об'единенных в колхозах, в ряде районов уменьшается, что очень многие колхозы нуждаются в серьезном организационно-хозяйственном укреплении.

Многие партработники на селе «руководят» колхозами методом голого администрирования, приказами, репрессиями и т. д. Этим они показывают свою слабость, свое неумение, а подчас и нежелание заняться настоящей организаторской деятельностью, политическим воспитанием масс в колхозах. Такие работники заслуживают самого резкого осуждения.

Организаторская работа коммунистов, высокое ее качество играют решающую роль. «В сельском хозяйстве организационные вопросы, в связи с отсутствием опыта организации крупного производства, стоят гораздо острее, чем в других отраслях народного хозяйства» (Каганович).

Вот почему, говоря о качестве партийного руководства колхозами, надо со всей силой подчеркнуть значение организаторской работы — такой системы руководства, при которой ни один район, ни один колхоз не оставался бы без внимания и своевременной помощи.

Большевистское руководство колхозами строится на умении правильно сочетать практические, каждодневные дела с общими задачами дальнейшего развития колхозов. Намеченная XVII с'ездом партии программа роста продуктивности сельскохозяйственного производства во второй пятилетке будет выполнена на базе полного завершения коллективизации и осуществления технической реконструкции сельского хозяйства.

Решениями XVII с'езда партия сказала, что необходимо завершить коллективизацию во второй пятилетке. Это значит, что партийные организации должны систематически и упорно работать как над укреплением существующих колхозов, так и над организацией новых колхозов и над вовлечением в колхозы единоличников. Партийные организации не могут успокаиваться достигнутым процентом коллективизации и во всей своей практической работе должны всегда иметь перед собой эту задачу, поставленную XVII с'ездом и вождем партии товарищем Сталиным.

О советской школе

М. Эпштейн

Наступил новый, 1934—1935 учебный год. Для всей Советской страны начало учебных занятий превратилось в подлинно массовый праздник. Это неудивительно: любовью и заботой окружают свою школу миллионы трудящихся. В росте советской школы, в осуществлении всеобуча, в том, что 25 млн. детей ныне приступили к учебным занятиям, рабочие и колхозники видят огромный рост культурной революции, еще одну победу, завоеванную под мудрым руководством большевистской партии и ее вождя товарища Сталина.

Осуществляя программу партии и ленинские заветы в школьном строительстве, Советский союз добился огромных успехов во всем школьном деле. Успехи эти не только количественного порядка—расширение сети и охвата детей; принципиально иным стало все содержание школьного дела. Впервые в истории человечества школа своей целевой установкой и всем содержанием своей работы направлена на воспитание «поколения, способного окончательно установить коммунизм» (из программы ВКП(б).

Новый период в истории развития советской пролетарской школы начался 5 сентября 1931 г., со дня опубликования постановления ЦК о школе. До этой исторической даты в теории и практике школьной работы в течение почти десятилетия сказывались в той или иной мере влияния «леваков» и всяких оппортунистических, мелкобуржуазных экспериментаторов. Именно о них говорил Ленин на первом с'езде по внешкольному образованию в 1919 г. как о выходцах из буржуазной интеллигенции, которые «сплошь и рядом образовательные учреждения крестьян и рабочих, создаваемые по-новому», рассматривают «как самое удобное поприще для своих личных выдумок в области философии или области культуры, когда сплошь и рядом самое нелепейшее кривляние выдавалось за нечто новое и под видом чисто-пролетарского искусства и «пролетарской культуры» преподносилось нечто сверхестественное и несуразное» (Т. XXIV, стр. 276. 3-е изд.).

Влияние «левацких» теорий в школе сказывалось за это десятилетие в разной степени: то они переходили в наступление (1923—1925 гг., 1929—1930 гг.), то они несколько теряли в своем влиянии (1926—1929 гг.): переходили на оборонительные позиции, «обстреливаемые» со стороны наиболее передовых групп советского учительства.

На педагогическом фронте «левацкие» вожди — Шульгин, Крупенина и другие — были одно время «властителями дум». На программах, учебниках и на школьном режиме сказывалось влияние «левацких» теорий.

Клочкообразным программам соответствовали недоброй памяти «рассыпные учебники», получившие заслуженную оценку в постановлении ЦК об учебниках от 12 февраля 1933 г. и в выступлении тов. Кагановича на XVII с'езде партии.

С 1931 г. ЦК ВКП(б) опубликовал ряд важнейших директив о школе: постановления от 5 сентября 1931 г., от 25 августа 1932 г. об учебных программах и режиме в начальной и средней школе, об учебниках для начальной и средней школы от 12 февраля 1933 г. и, наконец, последние три постановле-

ния ЦК партии и СНК СССР о структуре начальной и средней школы, о преподавании гражданской истории и о преподавании географии в начальной и средней школе.

Этими постановлениями дана развернутая боевая программа строительства подлинно пролетарской школы, программа подготовки образованных, культурных и преданных строителей коммунистического общества. Этими постановлениями нанесен сокрушительный удар всем антиленинским уклонам в педагогике и в строительстве советской школы. Под непосредственным руководством ЦК и товарища Сталина разбита вдребезги «левацкая» теория, вскрыта ее псевдореволюционность, ее вредное влияние на развитие советской школы. Советское учительство нашло в директивах партии ясную, четкую принципиальную линию в сочетании с развернутым планом конкретной работы.

Советская школа находится на под'еме.

Последние два учебных года — 1932/33 и 1933/34 — прошли под знаком борьбы за осуществление директив партии о школе, в первую очередь под знаком борьбы против остатков «левацких» теорий и методического прожектерства.

Не приходится говорить о том, какое огромное значение имеют четкая организация школы и твердый порядок в ней для правильного воспитания детей и понимания нашей школьной системы широкими массами трудящихся. Вкорне неправильно думать, что унификация системы школьного образования носит характер технического переименования и произведена для удобства статистики. Такой взгляд ничего общего не имеет с действительной сущностью этой партийной директивы. Прежняя пестрота в названиях школ была не случайна. Она носила на себе все следы «прожектерства». В школьную систему была даже введена для мелких городов, где нет промышленности, своя школа: ШКС— школа коммунальной семилетки!

Даже переименование группы в класс имеет не только значение определенного удобства, хотя и последнее не так уже маловажно, например: школьник Москвы, где принято было класс называть группой, на вопрос: «какого ты класса?» отвечал «пролетарского», а школьник Ленинграда, где класс назывался классом, недоумевал при вопросе: «какой ты группы?» В самом названии «группа» отразилось принципиально неправильное строение школы: неустойчивые программы, рассыпные учебники и... даже «бродячие» школьные группы.

Беспринципное прожектерство и «левачество» отодвигали учителя на последний план во всей учебно-воспитательной работе, считая, что учит не столько школа, сколько личный опыт ребенка и окружающая среда; отсутствовала настоящая забота о руководящих кадрах школы, о подборе директоров школы.

Еще не ликвидированы до конца остатки путаницы в работе советской школы. Это обстоятельство говорит о том, что нет еще со стороны органов народного образования, в том числе и самого Наркомпроса, углубленной, вдумчивой и всесторонней проверки всех деталей школьного дела. Еще имеются остатки чуждых традиций, которые мешают нашей школе полностью следовать по пути, указанному партией.

Возьмем такой немаловажный вопрос, как принцип организации школьной сети. Громаднейшим историческим достижением советского государства является совершенно исключительный рост школ, особенно начальных, за годы первой пятилетки. Число учащихся в начальной и средней школе возросло с 7,8 млн. в 1914 г. до 20 млн. в 1931 г. и до 21,8 млн. в 1932—1933 г. Решающим для введения всеобщего обязательного начального обучения был 1930—1931 год, когда рост детских контингентов в школе до-

стиг 133,4 % по отношению к предшествующему году. Этот гигантский рост школ есть одновременно и показатель и орудие мощного культурного под'ема нашей страны.

В капиталистических странах всеобщее обучение осуществлялось в течение десятилетий и даже столетий. И даже в годы наибольшего промышленного расцвета в США, во Франции, в Англии десятки тысяч детей городской и деревенской бедноты все же оставались за бортом начальной школы.

Только в СССР, в стране, строящей социализм, фактически в 2—3 года введено всеобщее начальное обучение в порядке массовой общественно-политической работы при участии миллионов трудящихся.

Но до последнего времени живуч «кампанейский» метод в развертывании школьной сети. Многие органы народного образования полагают, что развитие школьной сети придет самотеком. Этот вреднейший оппортунистический предрассудок уже наделал немало бед. Он значительно снижает все качество нашей школьной работы. Именно в результате самотечных настроений у нас осталось еще немало школ, которые по существу являются «детскими ликпунктами», выпускающими кандидатов во взрослые ликпункты. Именно этот самотек приводит зачастую к такой дислокации сети школ, которая не оправдывается ни территориальным расселением, ни хозяйственной или политической значимостью района. Школа организовывалась не путем плановой подготовки учительских кадров, помещений, инвентаря, а возникала нередко в порядке стихийного процесса.

В школьной работе сейчас решает качество. Вот почему во всех своих постановлениях о школе ЦК выдвигает на первый план вопросы о программах, учебниках, системе обучения. Вот почему товарищ Сталин на XVII с'езде партии, говоря о культурном строительстве, особенно заострил вопрос о педагогическом образовании, о подготовке учителя.

Остатки оппортунистических взглядов еще не ликвидированы до конца и в содержании школьной работы.

Больше всего вреднейшей путаницы было внесено в вопросы общественно-политического воспитания школьника. Коммунистическое воспитание — эту первоочередную обязанность советской школы — оторвали от задачи преподавания общих дисциплин. Еще на II с'езде учителей-интернационалистов в 1919 г. Ленин предостерегал от попыток «принцип связи школы с политикой перетолковать и извратить в грубый и уродливый смысл, когда пытаются внести эту политику в умы еще молодого подрастающего поколения, которому следует подготовиться» (Т. XXIII, стр. 475). Против воспитания «коммунистических начетчиков» Ленин предостерегал в своей речи на III с'езде комсомола. Ленин указывал, что задача нашей школы — на базе прочных знаний, систематического изучения основ наук и всестороннего развития учащихся подвести их к революционному пониманию жизни, к марксистскому миропониманию.

Между тем нарушение систематики знаний, характерное для прежних наркомпросовских программ, по преимуществу базировалось на ложно понятых задачах общественно-политического воспитания. Именно этот антиленинский отрыв задач коммунистического воспитания от систематического и прочного усвоения знаний характеризует «коренной недостаток» школы, заключающийся в том, «что обучение в школе не дает достаточного об'ема общеобразовательных знаний» (из постановления ЦК ВКП(б) от 5/IX 1931 г.). Якобы в целях «коммунистического воспитания» создавались искусственные комплексы, нарушалась последовательность изложения учебных предметов, дети непосильно нагружались сведениями из «современности», экономполитики и даже из области философии марксизма.

Введенные, по решению ЦК, стабильные школьные программы и учебники коренным образом улучшили всю систему обучения. Но последние постано-

вления ЦК и СНК СССР о преподавании истории и географии указывают, что еще не все «старое» в программах, учебниках и в самом преподавании искоренено Наркомпросом до конца. В постановлении о преподавании истории говорится: «Вместо преподавания гражданской истории в живой, занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей учащимся преподносят абстрактные определения общественно-экономических формаций, подменяя таким образом связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами».

Не по-ленински понятые задачи коммунистического воспитания и связи школы с современностью явились почвой, которая питала эти «социологические схемы» как и перегрузку «преподавания и учебников по географии статистико-экономическим материалом и общими схемами» в ущерб изучению физико-географического материала.

Это все те же «левацкие» перегибы, игнорирование указаний Ленина и Сталина о том, что только на базе серьезно изучаемых основ наук школа может воспитать настоящего коммуниста. ЦК партии в своем постановлении о преподавании истории вновь напомнил об этом: только на конкретном историческом материале «возможны правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, подводящие учащегося к марксистскому пониманию истории» (разрядка моя.—*М. Э.*).

В свете постановлений ЦК и СНК о преподавании истории и географии яснее становится, что и в преподавании ряда других дисциплин все еще сохранились следы прошлых ошибок, хотя и программы и учебники значительно улучшены. В так называемом гуманитарном цикле (художественная литература, язык, обществоведение, и т. п.) каждый последующий раздел связан с предыдущим меньше чем в точных науках; поэтому здесь прожектерство, ничем неоправдываемые отступления, нарушения цельности систематического курса, общие суждения и схемы внедрялись особенно глубоко. Нетрудно проследить это на преподавании художественной литературы. Мы уже сейчас имеем хорошие образцы преподавания литературы, когда средняя школа дает учащимся большое знание фактического материала, широкий кругозор, даже уменье дать неплохой, марксистски грамотный разбор художественного произведения. Но нередко еще изучение художественной литературы страдает вульгаризаторством: к анализу художественного произведения искусственно привлекаются такие политические характеристики, которые только затрудняют правильное познание жизни, художественно отображенной в лучших образцах русской и мировой литературы. Образцом такого вульгарного подхода к преподаванию литературы может служить, например, следующий факт из практики испытаний текущего года.

Ученик 4-го класса читает стихотворение Пушкина: «Зима, крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь».

Учитель спрашивает: «Что тут неверного у Пушкина?»

Оказывается, по мнению педагога, что крестьянин не мог «торжествовать», так как тогда было крепостное право и ему-де было не до «торжеств»!

Наиболее распространенными темами для сочинений на прошедших недавно испытаниях по литературе были: «Николаевская эпоха в изображении Л. Н. Толстого», «Реконструктивный период в изображении пролетарской литературы», «Обывательщина и безыдейщина (?) в изображении Чехова», и т. п.

Совершенно очевидно, что такой подход к художественной литературе обезоруживает школу в ее борьбе за культурную, четкую, образную литературную речь, за внедрение навыков чтения и художественного творчества учащимся. Эта вульгаризация вредит и той цели, кото-

рой «упрощенцы» якобы добиваются,—цели коммунистического воспитания детей. Выхолащивание художественной литературы не оставляет места для детских переживаний, для творческого, действенного восприятия, и тем самым художественное слово и художественный образ теряют свое значение мощного орудия коммунистического воспитания.

Что же сказать об обществоведении в школе? Для коммунистического воспитания в школе необходимы живое, красочное, эмоционально насыщенное слово и образ, которые должны педагогически чутко вводить учащегося в курс современных событий, подводить его к пониманию сути нашей исторической борьбы. На ярком, героическом мы должны воспитать у подрастающего поколения ненависть к классовому врагу и беззаветную преданность ко всему тому, что характеризует нашу стройку, наш класс и наше мировоззрение. На деле же обществоведение еще до сих пор нередко превращают в катехизис, в абстрактную схематику. Такое преподавание нередко воспитывает, особенно у живого, интересного по своей индивидуальности ребенка, отвращение к этому предмету. Надо прямо сказать, что такое вредное направление обществоведения в школе дано прежде всего наркомпросовскими программами и учебниками по обществоведению, преподносящими ребенку сухой и отвлеченный материал. Учащийся 4-го класса, ребенок 11—12 лет, должен заучивать такие вещи, как: «Индустриализация национальных районов. Коллективизация сельского хозяйства. Ликвидация кулачества как класса... Основной итог: построен фундамент социалистической экономики, обеспечена победа социализма в СССР... Основные задачи второй пятилетки... Два мира — капиталистический и социалистический, и т. п.» (из программы Наркомпроса РСФСР, издания 1933 г.). 9—11-летним детям во время зачетов и испытаний задаются письменные работы на такие темы, по которым «срезался» бы, пожалуй, взрослый: «Что такое бесклассовое, социалистическое общество?», «Опиши, какие ты знаешь две системы хозяйствования», «Почему ликвидация кулачества и сплошная коллективизация неразрывно связаны между собой?», и т. п. Подобное опошление задач общественно-политического воспитания настолько в'елось в плоть и кровь, что даже после опубликования в мае 1934 г. постановления ЦК нашлись в Ростове на Дону такие горе-педагоги, которые в детском очаге № 1 организовали форменный экзамен дошкольникам по обществоведению, причем программа состояла из 48 вопросов, вроде следующего: «Для чего буржуазии нужна армия?» На этот вопрос трех—четырехлетние ребятишки должны были зазубрить следующий штампованный ответ: «Буржуазия использует свою армию для нападения на СССР и для удержания власти буржуев».

Разумеется, этот феноменальной глупости факт не характеризует работу всех наших дошкольных учреждений. Но в сочетании с приведенными выше фактами—это весьма симптоматично. Подобные факты показывают, что в педагогической практике еще не изжиты полностью извращения, которые умаляют роль школы как орудия коммунистического воспитания.

Без общественно-политического коммунистического воспитания советская школа немыслима, но это воспитание надо строить на правильной ленинской основе, учитывая возраст и особенности учащихся.

Злейший враг советской школы — начетничество, голая зубрежка, оторванные от жизни знания. Этот враг еще проникает в нашу школу.

Преподавание физики, естествознания и химии в наших школах ведется нередко «на слух», на доске, без постановки опытов не только потому, что не хватает пособий, приборов или препаратов. Чаще всего это бывает потому, что все еще довлеют худшие традиции старой школы с ее мертвящей схоластикой и разрывом между теорией и практикой.

В декабре 1933 г. была изучена постановка преподавания естествознания и биологии в ряде городских и сельских школ. Выводы получились совершенно неожиданные: оказалось, что учащиеся сельских школ дали самый низкий процент правильных ответов на такие вопросы, как «влияние внешней среды на прорастание семян», «перечисление однолетних, двухлетних и многолетних растений», «строение семени пшеницы», и т. п. Получился своеобразный парадокс: учащиеся сельских школ меньше чем городские ребята знают по ботанике, т. е. по такой дисциплине, которая окружает их естественными «пособиями». Это прямо-таки классический образец отрыва обучения от практики, образец абстрактной словесности в преподавании. Нечего и говорить, что такая «методика» преподавания ничего общего не имеет с советской школой.

В преподавании такой науки, как физика, лабораторные работы, по данным 1933—1934 учебного года, занимают только 3% учебного времени, хотя, по программе Наркомпроса, на лабораторные работы полагается около 16% времени (в школах Франции — 30%, США — даже 40%).

Преподавание систематических знаний отнюдь не исключает, а, наоборот, требует привлечения материала из окружающей жизни, подкрепления теоретических положений и выводов практикой, опытом и наблюдением. Без этого нет творческой работы. Наши лучшие школы уже дают прекрасные примеры чрезвычайно плодотворного сочетания строгой систематичности в преподавании учебных предметов с разнообразием методов, среди которых огромную роль играют опыт, наблюдения, труд, привлечение материала из окружающей действительности.

Однако даже лучшие наши школы еще не научились вооружать учащихся прочно усвоенными знаниями. Нередко учащиеся, сдав на «отлично» самые требовательные выпускные испытания в школе, «режутся» на приемных испытаниях в техникумы и вузы на протяжении того же года. Важнейшей причиной этого является непрочность приобретенных в школе знаний. Сейчас это наиболее животрепещущая проблема советской школы.

Крупнейшим препятствием на пути к прочному усвоению знаний были и чрезвычайная перегрузка программ, не совсем правильное распределение учебного материала, сохранившаяся еще «уравниловка» в учебных планах. В 1934—1935 учебном году Наркомпрос разгрузил программы и перераспределил учебный материал в большем соответствии с возрастными особенностями детей. Пересмотрена, и, надо сказать, достаточно радикально, учебная сетка. Длительность урока увеличена с 45 до 50 минут.

Всеми этими мероприятиями устранена одна из важнейших причин непрочности знаний, на которую совершенно справедливо ссылались учителя в прошлом учебном году: отсутствие времени на повторение, на закрепление, на тренировку, поскольку на каждом уроке нужно было давать учащимся новый учебный материал.

Но, чтобы добиться прочного усвоения знаний, мало одной разгрузки программ и пересмотра учебной сетки.

Новый, 1934—1935 учебный год должен стать годом усиленной работы учительства над применением разнообразных методов преподавания, с широким привлечением опыта, наглядных пособий, в том числе и самодельных, экскурсий, понятно, в разумном, педагогически целесообразном сочетании.

Классовый враг пытается изобразить дело так, что нашей школьной политикой за последние годы мы якобы восстанавливаем прежнюю школу. После опубликования трех последних постановлений ЦК и СНК о школе буржуазные и меньшевистские писаки радовались, что наша школа пошла-де по проторенной, старой дорожке.

Тщетные надежды! Контрреволюционная клевета!

Все полезное, проверенное многовековым опытом мы, качественно перерабатывая, используем в интересах нашей школы, для того чтобы готовить в ней культурных, образованных и активных строителей социализма.

Вся обстановка и все содержание нашей социалистической школы, ее массовость, ее боевой антирелигиозный дух, развитие детской общественности, и т. д. — все это принципиально отличает нашу школу от буржуазной школы. В этих отличительных принципиальных чертах—сила нашей советской педагогики: творческая активность нашей школы, самоотверженная ударная работа лучших наших учителей и крепнущая связь школы с народными массами.

Но успокаиваться на достигнутых успехах нельзя. Необходимо усилить идеологическую работу среди учительства, внедрение основ советской педагогики, особенно имея в виду, что за последние годы в учительскую армию влились сотни тысяч молодых педагогов, из которых мы должны воспитать учителей с большими знаниями и с «горячим сердцем», энтузиастов советской школы. Необходимо усилить большевистскую бдительность и партийную чуткость ко всем вопросам школы, систематически искореняя все остатки чуждых течений в школьной работе, памятуя, что и на школьном фронте «главную опасность представляет тот уклон, против которого перестали бороться» (Сталин).

Нужно знать школу не сверху, не в порядке административного налета, а знать все ее глубинные процессы, все мелочи ее разнообразной деятельности; привлечь к работе в школе и к руководству ею, к составлению школьных программ, учебников и других учебных пособий действительно образованных и культурных людей.

Овладеть «техникой» дела и методической стороной работы школы — вот требование, которое пред'явлено партией к коммунистам, находящимся на руководящей работе в области народного образования.

* * *

Мы свыклись с обобщающими статистическими данными, характеризующими динамику нашего культурного роста. Поэтому не всегда мы можем образно представить себе те исторические сдвиги, которые совершаются у нас на культурном фронте.

Каково положение школы в странах капитализма?

В Берлине за пятилетие (1926/27 — 1931/32) число учителей уменьшилось, число учащихся выросло менее чем на 1%, а расходуемые государством на школу средства уменьшились почти на 1 млн. марок.

В Вене расходы на школу составляли в 1930 г. 79 256 930 шилл., в 1931 г. они снизились до 78 946 450 шилл., а в 1932 г. упали до 71 755 020 шилл.

В Лондоне за 7 лет (1923/24 — 1930/31) число учащихся элементарных школ снизилось с 591 527 до 523 527 и расходы на начальное образование уменьшились с 9 493 678 ф. ст. до 9 436 092 ф. ст.

Последние годы характеризуются дальнейшим катастрофическим падением школьного дела в капиталистических странах.

Сопоставление с этими данными культурного упадка, одичания дает нам возможность лучше оценить огромный культурный под'ем нашей социалистической родины.

Динамика культурного роста в нашей пролетарской столице, в Москве, представляется в следующем виде:

Годы	Число учащихся	Число учителей	Расходы на школу (в млн. руб.)
1931	310 309	8 839	23,2
1933	416 632	13 566	45,0

Табличка показывает, что за три года число учащихся увеличилось более чем на 30%, число учителей—более чем на 50% и расходы на школу почти удвоились (при этом в расходах 1933 г. не учтены капиталовложения в школьное строительство. Между тем за один 1932—1933 учебный год введено в эксплоатацию 7 новых школ и сделано 7 пристроек общей сложностью на 23 тыс. учащихся).

Таков наш рост, таковы наши темпы.

Но, может быть, наша столица имеет особенно большой культурный рост в ущерб другим районам и городам?

Возьмем другие города, например Иваново, Вятку, Омск.

В Иванове учащихся в начальных школах в 1914 г. было 5270, в 1928 г.—7591, в 1932 г.—13 542, в 1934 г.—17 650. В средней школе соответственно — 3950, 5133, 6586 и 9712 учащихся. Детсадами в 1928 г. было охвачено 340 детей, в 1932 г.—5267 и в 1934 г.—8122. Бюджет народного образования в Иванове дает следующую динамику роста:

1928 г.	601 448 руб.
1930 »	1 159 252 »
1933 »	1 631 760 »

По Вятке учащихся в начальных школах в 1925 г. было 2397, в 1928 г. — 3978, в 1932 г. — 7297 и в 1933 г. — 7478. В средних школах соответственно — 3006, 2392, 3219 и 3401. Детсадами было охвачено: в 1925 г.—52 ребенка, в 1928 г.—443, в 1932 г.—2187 и в 1933 г.—2952.

Бюджет народного образования по Вятке составил:

1930 г.	1 034 тыс. руб.
1932 »	2 732 » »
1933 »	3 427 » »

Кроме того в настоящее время в Вятке имеются 3 вуза (Педагогический институт, Ветеринарный институт и вечерний комвуз) с общим количеством 990 учащихся, 6 техникумов (Педагогический, Медицинский, Промышленно-экономический, Мелиоративный, Индустриальный и Кожевенный) охватывают 1778 учащихся и в 11 школах ФЗУ обучается 2496 чел.

В Омске количество учащихся начальной школы с 5248 чел. в 1915 г. выросло до 20 083 в 1933 г. Количество учащихся в средней школе соответственно — 4838 и 7275. Бюджет народного образования со 154 тыс. руб. в 1915 г. вырос до 5730 тыс. руб. в 1933 г.

Не менее поразительны темпы культурного роста в советской деревне.

В дер. Чебаково, Ивановской области, до революции была только церковно-приходская школа на 75—80 детей. Сейчас работает ШКМ на 240 детей, в 1928 г. построен клуб. Грамотность населения достигла 98,5%; бюджет школы в 1913 г. составлял 749 руб., а сейчас — 25 948 руб. Дети чебаковских крестьян обучаются в вузах и техникумах; 12 чел. вышли из советских вузов инженерами, педагогами, врачами, агрономами.

Учитель Мухачев из Даровской школы, Горьковского края, пишет:

«Культурный уровень населения виден из следующего:

1) До революции в селе были такие культурные учреждения: церковно-приходская школа (3 класса), земское начальное училище (3 класса), библиотека Вятского губернского земства.

2) В 1928 г. были две школы I ступени, школа II ступени, библиотека. В 1929 г.—то же и кроме того театр и почта. С 1930 г. имеются кроме того детский сад, радиоузел, телефонная и телеграфная станции, столовая, организована физкультурная площадка «Динамо», имеется местная газета. После революции выстроены: школа, народный театр, детский сад, редакция газеты, столовая, новое здание для начальной школы.

До революции обучалось в начальной школе ежегодно 135—150 чел., в средней школе никто не обучался, за исключением отдельных, очень зажиточных лиц. Сейчас в школах I ступени обучается ежегодно 340—360 чел., в средней школе ежегодно обучается 260—280 чел.

Бюджет по народному образованию в нашем селе до революции составлял 3040 руб., сейчас—79 781 руб.

Культурных работников имелось до революции 6 чел., сейчас 43 чел.».

Из далекой Ахтынской школы Дагестана тов. Дагларов пишет:

«До революции в ауле Ахты было одно единственное двухклассное училище. После революции, до 1928 г., в ауле Ахты была опорная школа I ступени, 4-я школа I ступени, а также ШКМ. Работал национальный театр.

В 1930 г. открыт лезгинский педкомбинат, готовящий кадры для всего Южного Дагестана. В этом же году начала выходить на родном языке (лезгинском) районная газета «Новый путь». В 1930 г. выстроена стационарная больница и открыта амбулатория.

В 1931 г. открыты стационарное кино, клуб горняка. Открыт трансляционный радиоузел. Духовой оркестр. Первая столовая.

В 1933 г. открыты совпартшкола, консультация и детские ясли.

Грамотность до революции — 3%, в 1934 г. грамотность — 90%, остальные, неграмотные и малограмотные, обучаются в ликпунктах и школах грамоты.

Культработников до революции было 5, теперь культармия аула—100 чел. Учащихся до революции — 125 чел., теперь обучается в школах и техникуме 800 чел. В высшей школе и техникумах обучается детей крестьян и рабочих 300 чел.

Национальный театр пропускает в год до 25 тыс. зрителей и кино обслуживает 40 тыс. зрителей».

И так по всем городам и селениям нашей социалистической страны.

Вот оно — лицо большевистской культурной революции!

Но в этом гигантском росте заключаются и наши трудности. Выстроены десятки тысяч новых культурных учреждений, сотни тысяч людей привлечены к работе в них, создана огромная новая материальная база, выражающаяся в миллионах кубометров школьной площади, сотнях миллионов тетрадей, учебников, учебных пособий, и т. п. Однако мы еще не научились по-настоящему использовать все это, использовать каждого человека, каждый рубль в интересах роста школы, в интересах повышения качества ее работы. Главное сейчас — в подборе кадров, в конкретном руководстве наркомпросов и их органов на местах, с тем чтобы они были не только центрами методического руководства, но и хозяйственными организациями, умеющими рационально использовать миллиардные средства, отпускаемые пролетарским государством.

Весь прирост числа учащихся в 1932—1933 г. по отношению к 1928—1929 г. составляет 80,7%, из коих по городу—46,7%, а по селу — 93,6% (на селе по начальному образованию — 77,4%, а по среднему — 394,2% прироста). Таким образом за это пятилетие особенно велики темпы роста среднего образования в деревне. В то же время наименее удовлетворительна работа неполной средней школы в деревне (бывш. ШКМ). С укреплением новой сети этих школ органы народного образования по-настоящему еще не справились.

В нашем распоряжении имеются сведения о второгодничестве в школах за 1932—1933 учебный год. Эти показатели подтверждают сказанное выше.

Процент учащихся-второгодничников и учащихся, вопрос о переводе которых отложен до осени

	Сельская начальная школа	Сельская средняя школа
ЦЧО	21,0	30,4
Северокавказский край	20,8	32,3
Западносибирский »	17,9	24,0
Белорусская ССР	17,5	21,1
Харьковская область	13,7	13,9
Винницкая »	16,9	22,2

Мы сравнили только сельские школы, и в этом сравнении сельская средняя школа значительно отстает от сельской начальной школы.

Наибольшие темпы роста школ имели место в национальных республиках и областях. Районы, которые во времена царизма почти совершенно не имели школ, сейчас осуществили всеобщее обязательное начальное обучение на родном языке. В то время как общий прирост контингентов учащихся начальных школ за 1932—1933 г. по отношению к 1928—1929 г. составил для всего Советского союза 73,7%,— для Узбекской ССР в 1932—1933 г. это соотношение составляло 330,9%, для Туркменской ССР—144,4%. Еще в 1929—1930 г. охват детей школьного возраста начальной школой в автономных областях и республиках представлялся в следующем виде (в процентах):

Башкирия	65	Мари-область	53
Карелия	65	Кабардино-Балкария	52
Северная Осетия	65	Чувашия	49
Бурято-Монголия	64	Черкессия	43,5
Коми-область	63	Мордовия	42
Татреспублика	60	Ингушетия	40
Удмуртская. АО	55		

Сейчас во всех этих областях и республиках введен всеобуч. Это представляет собой фактор огромной политической и хозяйственной значимости. Все это могло иметь место только в пролетарской стране, которая неуклонно проводит национальную политику Ленина и Сталина.

Но надо помнить, что по содержанию и качеству своей работы школа именно в этих районах все еще отстает. Мы должны эти огромные темпы роста сочетать с крепкой плановой организацией школы, с подлинным ее укреплением.

На данном этапе проблема дальнейшего качественного роста школы сводится к четкому организационно-хозяйственному ее укреплению (правильная эксплоатация помещения и оборудования, внимание к «мелочам» школьного быта, твердый порядок и дисциплина в организации внутришкольной жизни) и, главным образом, к обеспечению школы знающим свое дело учителем. Решает дело в конечном итоге учитель. Вот почему на XVII с'езде партии товарищ Сталин игнорирование педагогического образования квалифицировал как «недопустимое явление», как «большой недостаток, граничащий с нарушением интересов государства».

За одно лишь последнее трехлетие в порядке ускоренного развертывания сети школ к педагогической деятельности приступило до 77 тыс. новых учителей. Это по преимуществу «краткосрочники», т. е. люди, имеющие общее образование в об'еме семилетки и получившие специальную педагогическую подготовку на курсах в 3—4, а то и в 1—2 месяца. В национальных районах, как правило, уровень общего образования учителя еще ниже. Разумеется, такой учитель не только педагогически неопытен, но и недостаточно грамотен. Подавляющая масса этих новых учителей — молодежь, нередко

преданные энтузиасты советской школы. Основная масса этой части учительства должна остаться и останется работать в школе. Очевидно, что важнейшей задачей в области укрепления школы является сейчас под'ем общеобразовательного уровня знаний учителя, его политической грамотности и методического мастерства. От этого зависит сейчас ближайшая будущность нашей школы. Дело чести каждого советского учителя — работать над собой, повышать свою квалификацию. Задача эта совершенно разрешимая и посильная.

* * *

Органам народного образования надо научиться конкретно руководить школой, видеть ее недостатки, своевременно приходить ей на помощь.

Надо укрепить аппараты народного образования знающими школу, образованными людьми, авторитетными среди педагогов, держать постоянную связь со школой, с лучшими учителями, проявлять повседневную большевистскую заботу об учителе, об условиях его жизни и труда, вникать во все мелочи школьной жизни, всемерно укреплять такие звенья руководства школой, на которые специально указывал ЦК,— образцовую школу и школьного инструктора. Это решает успех работы органов народного образования.

В борьбе за школу, за коммунистическое воспитание подрастающих поколений исключительное значение имеют комсомольская и пионерская организации. На героической и самоотверженной работе лучших комсомольцев, овладевающих высотами науки и техники, миллионы детей учатся беззаветной преданности своей социалистической родине. Но в практику работы и этих организаций в школе должно быть сейчас внесено много нового в соответствии с теми задачами, которые партия ныне ставит перед школой. В своем постановлении от 21/IV 1932 г. «О работе пионерской организации» ЦК ВКП(б) предлагает «в центре внимания пионерорганизации поставить задачу выработки социалистического отношения к учебе, труду и общественно-практической работе, как в своих пионерских рядах, так и среди всех детей». ЦК в постановлении от 23/IV 1934 г. показывает, какими методами должна вестись пионерская работа в школе: не шаблон, не натаскивание, отбивающее «всякий интерес даже к доступным для понимания детей явлениям общественной жизни и социалистического строительства», а живой, образный, занимательный рассказ о наиболее ярких общественных явлениях.

Нельзя больше мириться с таким порядком, когда пионерская работа шла параллельно и зачастую несогласованно со всей остальной внутришкольной работой. В том же постановлении ЦК указывается, что вся пионерработа в школе должна вестись с ведома директора школы и органов народного образования. Этим самым пионерская работа становится органической частью всей воспитательной работы школы.

Огромное значение в борьбе за качество работы школы имеет ленинский комсомол. Повышение идейно-политического уровня учителей-комсомольцев, тщательный подбор пионервожатых в школе, организация крепких комсомольских школьных ячеек, направление всей общественной работы детей на борьбу за качество учебы, за сознательную дисциплину, за живую, лишенную формализма детскую школьную организацию, за нормальную и культурную организацию досуга — вот что обеспечит единство действий школы, пионеротряда и комсомола.

В новый, 1934/35 учебный год советская школа вступает с сознанием не только своего под'ема, но и тех великих и ответственных требований, которые к ней пред'являет социалистическая страна. Это есть результат непосредственного руководства перестройкой школы со стороны ЦК партии и товарища Сталина. 1934—1935 год будет годом решающих побед на важнейшем для пролетарского дела фронте — на фронте воспитания и обучения октябрьского поколения строителей бесклассового общества.

Не зазнаваться, не успокаиваться!

М. Рубинштейн

Техническая реконструкция народного хозяйства СССР в первой пятилетке и за истекшие полтора года второй пятилетки представляет по своим размаху, глубине и следствиям начало подлинной технической революции, значительно превосходящей техническую революцию, осуществленную промышленным капитализмом на заре его существования.

В небывало короткий срок Советский союз коренным образом изменил производственный аппарат всех отраслей хозяйства и превратился в передовую индустриальную страну с тысячами новых предприятий, с крупным механизированным сельским хозяйством. Основным, решающим элементом этого бурного роста производительных сил, освобожденных от оков капитализма, были социалистическая переделка и воспитание новых людских кадров. Борьба за освоение техники, за полное использование созданного большевистскими усилиями мощного производственного аппарата, охватила миллионы трудящихся в городе и деревне. Как отметил товарищ Сталин на XVII с'езде партии: «...Из всех достижений промышленности, завоеванных ею за отчетный период, самым важным достижением нужно считать тот факт, что она сумела за это время воспитать и выковать тысячи новых людей и новых руководителей промышленности, целые слои новых инженеров и техников, сотни тысяч молодых квалифицированных рабочих, освоивших новую технику и двинувших вперед нашу социалистическую промышленность».

В настоящее время мы уже имеем ряд предприятий, которые оборудованы лучше соответствующих предприятий передовых капиталистических стран. Наши исследовательские институты добились за последние годы крупнейших научных достижений в самых различных областях науки и техники, достижений, имеющих мировое значение. Даже в области технико-производственных показателей, характеризующих степень освоения производственных процессов, где мы в значительной мере отстали от заграницы, можно привести ряд характерных примеров, ярко показывающих преимущества планового, социалистического хозяйства. Еще недавно в области сложного оборудования современных предприятий мы почти целиком зависели от импорта. Теперь мы можем своими силами сконструировать и построить любую машину, самый сложный технический агрегат, спроектировать и соорудить любое предприятие.

Но следует ли из этого, как воображают отдельные наши работники, что мы уже целиком и полностью догнали передовую заграничную технику или догоним ее «автоматически», что нам в этой области «все нипочем», что мы, мол, «шапками закидаем» науку и технику капитализма? Можно ли из неоспоримых фактов нашего стремительного развития, из колоссальных достижений в реализации лозунга догнать и перегнать технику передовых капиталистических стран сделать вывод, что в этой области пришла пора несколько передохнуть и успокоиться, тем более, что, мол, наука и техника в странах капитализма «все равно загнивают» и клонятся к упадку?

Такой вывод и основанные на нем действия (а чаще бездействие) являются вреднейшим самообманом, одним из опаснейших проявлений зазнайства и чванства, от которых так резко предостерегал нас Ленин и каждый раз вновь предостерегает товарищ Сталин.

К вопросам технической реконструкции в полной мере относятся выводы отчетного доклада товарища Сталина на XVII с'езде. В области техники так же как и в других областях социалистического строительства «наши успехи велики и необычайны. Страна переведена в сравнительно короткий срок на рельсы индустриализации и коллективизации. С успехом осуществлена первая пятилетка. Это рождает чувство гордости и укрепляет веру в свои силы у наших работников. Это, конечно, хорошо. Но успехи имеют иногда и свою теневую сторону». И товарищ Сталин указывает на опасность головокружения от успехов, зазнайства и убаюкивания, показывает трудности, которые предстоит преодолеть для осуществления грандиозного плана второй пятилетки. «Отсюда первый вывод: не увлекаться достигнутыми успехами и не зазнаваться». Об этом указании товарища Сталина нельзя забывать ни на минуту при осуществлении задач технической реконструкции и освоения новой техники во второй пятилетке, в борьбе за выполнение лозунга догнать и перегнать технику передовых капиталистических стран.

Загнивание капиталистической техники, которое, как показал Ленин, служит одним из характернейших проявлений развития капиталистических противоречий в эпоху империализма, не является и не может являться прямолинейным процессом.

Даже в период всеобщего кризиса капитализма, когда загнивание капиталистической техники резко усиливается, нередко принимая формы необычайно уродливого расточения и сознательного торможения производительных сил, мы видим не непрерывное падение кривой технического развития, а сложную тенденцию, которая на каждом шагу перекрещивается с рядом встречных тенденций и явлений. Эта тенденция при всей своей теоретической и практической значимости не мешает тому, что даже во время нынешнего кризиса, когда в большинстве капиталистических стран почти полностью приостановилось капитальное строительство, в ряде отраслей производства имеются, несомненно, технические сдвиги и ведется значительная конструкторская и научно-исследовательская работа. Большая часть технических достижений в капиталистических странах непосредственно обусловлена лихорадочной военной подготовкой. Значительная часть научных достижений, изобретений, патентов не получает широкого производственного применения; до поры до времени они спрятаны в сейфах монополистических трестов и т. д. Таких фактов можно привести сотни, но это не меняет интересующих нас в данном случае результатов. Военная подготовка в настоящее время не ограничивается относительно узкой областью специально военной промышленности, а охватывает в той или иной степени разнообразнейшие отрасли производства капиталистических стран. Поэтому и технические достижения, обусловленные военной подготовкой, прибdeрегаемые к началу новой империалистической войны, не остаются изолированными, а в той или иной степени отражаются на техническом развитии.

Таким образом нет и не может быть абсолютного застоя технического развития даже в период все более усиливающегося упадка капитализма. Неравномерность развития резко усиливается и в этой области. Наряду с многочисленными явлениями загнивания на одних участках нередко наблюдается

лихорадочное движение вперед на других, накопление мелких усовершенствований и изменений, в сумме так же обусловливающих несмотря на все преграды, которые ставит этому процессу монополистический капитализм, возможность серьезных технических сдвигов. Между тем у нас, в Советском союзе, догоняющем передовые капиталистические страны (в целом, однако, еще не достигшем их уровня по технике), на общем фоне стремительного технического развития имеется ряд производств и отдельных производственных процессов, в которых мы еще отстаем от заграницы. И нередко у людей, работающих на этих участках, несмотря на то что наша техническая отсталость именно на этих участках далеко еще не ликвидирована, есть опасные симптомы некоторого успокоения, неуменья или нежелания «глядеть вперед, в сторону прогресса техники», осваивать в производстве все достижения нашей научно-исследовательской мысли и все лучшее, что имеется в этой области в передовых капиталистических странах.

Поэтому особенно нетерпимо несерьезное отношение некоторых наших хозяйственников к техническому росту, к непрестанному совершенствованию производства, к конструкторской, экспериментальной и научно-исследовательской работе.

У нас есть хозяйственники, которым экспериментальная и исследовательская работа в неразрывной, органической связи с их производством кажется лишней обузой, ненужным накладным расходом. В условиях дефицитности производимой ими продукции они как бы подсознательно действуют по принципу «потребитель все слопает». Когда жизнь настоятельно ставит требования перейти к производству более совершенных типов оборудования или к новым производственным процессам, т. е. искать, затрачивать силы и средства на конструкторскую и научно-исследовательскую работу, такие, считающие себя весьма «деловыми», хозяйственники нередко пожимают плечами: дескать, «закажут — тогда посмотрим, нам некогда возиться со всякими новшествами».

Подобные заявления можно услышать даже в таких главках, как например Главэнергопром, Главэспром и пр., самое существо работы которых неразрывно связано с техническим перевооружением других отраслей народного хозяйства. Заграницей электротехнические тресты («Дженерал электрик», Вестингауз и др.) в мощных лабораториях, институтах, на опытных заводах и в конструкторских бюро непрестанно исследуют, проверяют, совершенствуют каждую мелочь изготовляемого ими оборудования, подгоняемые конкуренцией, которую, как подчеркивал Ленин, никакая монополия не устраняет, а, наоборот, лишь обостряет. А наши самые передовые, целиком созданные после революции отрасли электротехнической промышленности во многих случаях застывают на старых образцах, проявляют косность и отсутствие ясной технической политики, мирятся с крайне низким качеством продукции. Нередко наши институты и лаборатории (например ВЭИ и др.) долго и тщетно бьются над продвижением каждого своего достижения. И в электротехнической и в ряде других передовых отраслей промышленности немало технических достижений, обеспечивающих громадную экономию, у нас на годы застревает в бюрократических тенетах, не получает развития из-за «отсутствия» нескольких десятков тысяч рублей или простейшего оборудования, вернее, из-за полнейшего отсутствия внимания, интереса и живого руководства со стороны некоторых наших хозяйственных органов.

У многих наших предприятий, трестов и даже главков мало еще интереса к тому, как используется производимое ими оборудование. Это свидетельствует о том, что нам еще предстоит большая работа в деле внедрения новой техники.

Мы создали совершенно новую электроэнергетическую базу, опирающуюся на сеть мощных районных электростанций. Вместо жалких зародышей

электрического машиностроения, существовавших до революции и представлявших большей частью сборочные мастерские иностранных фирм, мы создали первоклассную электротехническую промышленность, опирающуюся на ряд крупнейших предприятий и научно-исследовательских институтов. Нужны целые тома, чтобы описать достижения нашей электрификации и электропромышленности, созданных буквально на пустом месте. Но и в этих областях, развитие которых определяет основное направление технического прогресса, мы имеем еще огромные нерешенные задачи в деле внедрения новейшей техники.

В области тепловых электростанций мы значительно отстаем от США в применении высоких давлений пара, обеспечивающих значительное повышение коэфициента полезного действия. Несмотря на ряд специфически капиталистических препятствий (с особенной яркостью выявляющихся в области теплофикации) давление в 60—120 атм. становится за последние годы все более распространенным как на новых, так и на реконструированных американских электростанциях. США опережают нас по мощности котельных агрегатов и турбогенераторов, по внедрению пылевидного топлива, автоматической регулировки, механического золоудаления. На американских предприятиях все смелее и шире экспериментируют в области использования бинарных циклов (особенно ртутно-парового, который на больших промышленных установках «Дженерал электрик» дал рекордные показатели экономичности). Мы не говорим уже о качестве оборудования для тепловых станций, которое у нас еще хромает, о гораздо меньшей аварийности в США, о прекрасной постановке планово-предупредительного ремонта, о строжайшем порядке и чистоте, о гораздо меньшем чем у нас на аналогичных станциях количестве персонала, и т. д. Обслуживающий персонал на американских и германских электростанциях обычно в 3—4 раза меньше чем у нас; на отдельных станциях персонал доведен там до 1—2 чел. на 1000 квт против 6—9 чел. на лучших наших станциях.

В области тепловых и особенно гидравлических станций нам нужно весьма многое освоить в отношении автоматизации и полуавтоматизации. На тепловых станциях автоматическое регулирование ряда процессов дало возможность ряду крупных (в 50 тыс. квт) американских станций сократить эксплоатационный персонал до 7—10 чел. в смену. У нас в этой области дело пока не идет дальше очень ограниченной (и большей частью общей) исследовательской работы. Еще хуже у нас с автоматизацией гидростанций, которая имеет громадное экономическое значение. В США первая автоматическая гидростанция выстроена в 1917 г., в Европе (Швейцария)—в 1922 г. В настоящее время суммарная мощность всех эксплоатируемых автоматических гидростанций составляет более 700 тыс. квт. Помимо США и Канады они находят все более широкое распространение в Швеции, Италии, Швейцарии, Германии, Франции. Опыт эксплоатации с несомненностью выявил, что автоматические гидростанции обеспечивают значительное сокращение обслуживающего персонала и эксплоатационных расходов, увеличение полезного напора, лучшее использование мощности агрегатов, быстроту пуска, улучшение резерва, сокращение аварийности и ряд других преимуществ (в частности возможность постройки небольших гидростанций в малодоступных, горных, болотистых и тому подобных районах). Между тем у нас до сих пор имеется лишь одна крохотная автоматическая гидростанция в Эривани, построенная на иностранном оборудовании, и строится с громадным трудом из-за отсутствия внимания и поддержки со стороны хозяйственных организаций маленькая автоматическая гидростанция в Рублеве на советском оборудовании.

В специальной статье мы предполагаем остановиться на других многочисленных отраслях автоматизации производственных процессов на элек-

трической основе, где несмотря на большую научно-исследовательскую работу мы все еще отстаем.

Остановимся вкратце на развитии электросварки, значение которой в самых разнообразных отраслях производства является общепризнанным. За годы первой пятилетки мы достигли огромных успехов в области сварки. Наш парк электросварочного оборудования превзошел в настоящее время не только передовые страны Европы, но и США. На заводе «Электрик», в Ленинграде, создана база для производства электросварочного оборудования, по своей мощности превосходящая все аналогичные предприятия заграницей. И все же в области сварки мы качественно отстаем. Несмотря на быстрый рост потребности в сварочной аппаратуре новых типов, приспособленной для нужд массового производства (особенно автотракторного, вагонного и т. п.), завод «Электрик», использующий по сварочному оборудованию не более половины своей производственной мощности, производит машины устаревших типов и к тому же не вполне доброкачественные. Оборудование для контактной сварки и особенно автоматические головки осваиваются медленно. Ассортимент производимого оборудования недостаточен, в частности отсутствуют необходимые для сельского хозяйства, транспорта и обороны легкие, портативные агрегаты. Отстает от заграницы экспериментальная и конструкторская работа. Еще хуже положение с электродами: помимо резкого количественного дефицита мы отстаем по ассортименту и качеству электродов и обмазок.

Если это отставание имеется у нас в области сварочного оборудования несмотря на наличие нового мощного предприятия, несмотря на большую (хотя крайне распыленную) научно-исследовательскую работу, то еще хуже положение в других отраслях электротермии, прежде всего в крайне важном для металлургии и ряда других технологических процессов производстве электропечей. Это производство имеет в настоящее время своей основной базой «угол» Электрокомбината, являющийся по существу полукустарной мастерской. Научно-исследовательской работы в этой области на заводе и в институтах почти нет. Нет инструкций по монтажу и эксплоатации, отсутствует изучение работы печей у потребителей, не суммируется и не подвергается анализу опыт работы импортных агрегатов. В результате мы еще не создали условий для непрестанного совершенствования и технического роста в этой, чрезвычайно динамичной и приобретающей все большее значение области техники. Это положение особенно опасно, если учесть, что нам уже в ближайшие годы предстоит установка новых электропечей на сотни тысяч квт, причем изготовлять их будут советские заводы.

По существу такое же положение мы имеем и в области оборудования для электрохимических производств (особенно электролиза растворов и расплавленных солей). И это в то время, когда XVII с'езд партии поставил задачу—обеспечить «рост потребления энергии электроемкими производствами более чем в 9 раз», когда мы строим такие гиганты, как Чирчикский азотный комбинат, основанный на электролизе воды, Уральский алюминиевый комбинат, магниевые заводы и ряд других электрохимических предприятий!

Почти такую же картину мы видим в области производства электрических контрольно-измерительных и регулирующих приборов, имеющих громадное значение для правильной организации самых разнообразных технологических процессов и для развития автоматизации производства. Несмотря на наличие ряда крупных предприятий (отдельные цеха ХЭМЗ, Электроприбор, Пирометр и др.), производственная мощность которых при правильном использовании была бы достаточной для удовлетворения самых основных потребителей (учитывая значительные возмож-

ности целесообразного использования мелких предприятий), в этой отрасли мы сделали еще мало в деле освоения новейшей техники и внедрения в народное хозяйство, в первую очередь в промышленность, новейших, самых совершенных, приборов. Это позорное отставание — позорное, ибо данное производство не требует ни сколько-нибудь больших капиталовложений, ни значительных количеств металла, ибо у нас есть в этой области неплохие исследовательские кадры и ряд крупных научных достижений—вызывается в первую очередь организационной беспризорностью, отсутствием целеустремленного технического руководства.

Аналогичных примеров из области электропромышленности можно привести немало. Отметим хотя бы чрезвычайно медленное развитие оборудования для индивидуального электродвигательного привода, имеющего исключительное значение для усовершенствования конструкций самых разнообразных машин; отметим также техническую отсталость нашей радиоприемной аппаратуры.

Эти примеры показывают, что при всех своих громадных, совершенно неоспоримых достижениях, которыми заслуженно гордится вся страна, электропромышленность все же еще не удовлетворяет ни количественно, ни, тем более, качественно быстро растущих потребностей современной техники. В области конструкторской работы, выпуска новых типов машин, аппаратов и приборов, планомерного внедрения автоматизации и т. д. наша электропромышленность имеет еще огромные нерешенные задачи. В ее технической «политике» много самотека, значителен выпуск устарелой аппаратуры, отсутствует внимание к работе оборудования у потребителей. Все это имеет место при наличии мощной сети институтов и лабораторий, больших кадров научных работников (в том числе людей, имеющих мировую известность) и прекрасной инженерно-технической молодежи, выросшей за последние годы. Одной из основных причин отмеченных выше явлений надо считать слабость и близорукость технического руководства, неуменье организовать и умело использовать кадры, во многих случаях—явный технический консерватизм, неуменье и нежелание понять, что электропромышленность должна быть технически ведущей, что, лишь опираясь на науку, организуя крепкую повседневную связь производств с исследовательской и экспериментальной работой, мы можем догнать и перегнать технику передовых капиталистических стран.

* * *

Современную химическую промышленность в Советском союзе мы создали по существу заново, опираясь на последние достижения мировой техники.

Освоен ряд совершенно новых производств, например: синтетический аммиак, калийная промышленность, синтетический каучук, анилиновые краски, пластмассы, искусственное волокно, фосфорные удобрения из апатитов, гидролиз древесины и многие другие. Резко изменился характер старых производств (серной кислоты и др.), баланс сырья, использование побочных продуктов, самый тип химических предприятий. Заново созданы разнообразные электрохимические производства. И в области химии мы имеем большую сеть научно-исследовательских институтов и лабораторий, ученых с мировым именем, громадные научные достижения, значительные (хотя и далеко еще недостаточные) кадры молодых специалистов, жадно впитывающих опыт и знания. Однако и здесь несмотря на всю грандиозность успехов в ряде отраслей мы еще не освоили всех достижений мировой техники. Приведем лишь несколько примеров. Характерен пример азотной промышленности. До революции у нас азотной промышленности не существовало. За послед-

ние годы выстроены и пущены в эксплоатацию первые азотные гиганты в Березниках, Сталиногорске и Горловке, запроектированные на основе последних достижений техники. Создан Научно-исследовательский институт азота, имеющий ряд крупнейших достижений, накоплен большой опыт проектирования, монтажа, освоения производства.

И все же вследствие медленности строительства предприятий и особенно вследствие слабости экспериментальной работы мы еще отстаем от передовых капиталистических стран не только по количеству, но и по качеству продукции.

Материалы комиссии тов. Бродова [1], подробно изучавшей азотную промышленность заграницей, показывают, что передовые азотные предприятия Европы и Америки значительно превосходят наши предприятия по интенсификации производственных процессов, по применению более высоких давлений и, в результате, по лучшему использованию и компактности оборудования.

Дю-Понт выстроил недавно в Вильмингтоне мощный научно-исследовательский институт, в который вложил несколько миллионов долларов. По свидетельству комиссии тов. Бродова, в азотных исследовательских институтах и лабораториях США работников больше чем на предприятиях. Однако и на самих предприятиях считаются обязательными мощные экспериментальные агрегаты, где в заводских условиях испытываются новые катализаторы, те или иные конструктивные новшества или изменения технологического процесса. Помимо этого на предприятиях имеются рационализаторские отделы, связывающие научно-исследовательские институты с заводской практикой. Большие работы производятся в области применения в азотной промышленности местных топлив, широкого использования побочных продуктов (в частности получение формалина, ацетона, высших спиртов и т. д. из отбросных газов). У нас очень мало знают о том, что делается в этой области заграницей. Японцы, например, годами держат своих ученых и инженеров на передовых предприятиях мира, где они детально изучают все изменения производства; успешный опыт того или иного предприятия несмотря на все преграды монополистического капитализма довольно быстро распространяется на другие заводы. А мы и здесь отстаем, используя крайне недостаточно гигантские преимущества социалистического, планового хозяйства.

В еще большей степени это относится к таким задачам современной химии, как например получение жидкого топлива из угля, особенно методами гидрирования. В Германии, Англии и в других капиталистических странах уже работают крупные предприятия, освоившие различные методы получения моторного топлива.

Еще характернее пример с использованием кислорода (или обогащенного кислородом воздуха) для интенсификации разнообразнейших химических и металлургических процессов (производство чугуна, стали, аммиака, соды, генераторного газа и многого другого). Несколько лет назад Советский союз был первым, развернувшим научно-исследовательские работы и полузаводские испытания (на Чернореченском заводе) этого интереснейшего комплексного метода, открывающего необозримые технико-экономические перспективы. Но в Германии и в ряде других капиталистических стран (в том числе в Японии) уже развернуто широкое промышленное использование кислорода для производства водяного газа, аммиака, азотной кислоты, для отдельных металлургических процессов и пр. Мы не только упустили инициативу, но и явно отстаем в этой важнейшей, созданной нашими исследовательскими работниками, области.

[1] Опубликованы в „Правде" от 29 мая 1934 г.

В производстве пластических масс у нас имеется ряд крупных научных достижений, но их производственное использование движется черепашьими темпами. Заграницей (и на мелких предприятиях по производству порошков для пластмасс и в крупных цехах пластиков у Форда, «Дженерал электрик» и др.) гораздо смелее и шире экспериментируют и в то же время быстрее внедряют новые производства и методы, чем это делаем мы, хотя экономическое значение пластмасс (в частности для экономии цветных металлов) особенно велико.

Крайне отстали мы в области газификации, т. е. комплексного химического и энергетического использования искусственных (коксовый, генераторный и др.) и естественных газов.

Ни по своей производственной базе, ни по уровню конструкторской работы химическое машиностроение несмотря на все свои достижения еще не может считаться подлинным рычагом технического прогресса в химической промышленности и значительно отстает от заграницы.

Нефтяная промышленность была у нас первой, осуществившей коренное техническое перевооружение и выполнившей пятилетку.

Наша нефтяная промышленность совершенно несравнима с дореволюционной. По степени электрификации она превзошла даже самые передовые капиталистические страны. Безвозвратно отошло в прошлое «тартание» с его мучительным трудом и жалкой производительностью. Сделан ряд интереснейших открытий. Успешно проводятся в Майкопском районе опыты подземной газификации нефти. Коренным образом изменились методы нефтепереработки. Однако и здесь имеется ряд областей, где мы не освоили еще всех достижений новейшей техники. Постановление ЦК отметило отставание в одном из решающих элементов добычи нефти — быстроте бурения. В этой области наша нефтяная и обслуживающая ее машиностроительная промышленность отстают от американцев по скорости проходки. Крупнейшее советское изобретение в этой области — турбобур Капелюшникова — внедряется в производственную практику крайне медленно.

Как заявляет руководитель бурения на промысле им. Орджоникидзе, наши заводы, производящие нефтяное оборудование (завод им. Шмидта в Баку, «Красный молот» в Грозном и др.), несмотря на то, что они расположены в основных нефтяных районах, «совершенно оторваны от производства. Они не знают и не хотят знать (разрядка моя.—*М. Р.*), как работает производимое ими оборудование, каков его эксплюатационный эффект». Наше машиностроение и здесь не ведет технику нефтедобычи вперед, а плетется в хвосте. То же относится к типу долотьев, к термической обработке деталей, к взаимозаменяемости частей, сильно облегчающей ремонт, к снабжению контрольно-измерительной аппаратурой и использованию ее. В Америке каждая буровая снабжена не только такими элементарными приборами, как манометр и дрилометр, но и сложной электрической аппаратурой, позволяющей следить за всеми процессами в пласте, а наши бурильщики не вооружены еще этими приборами.

В нефтепереработке мы не освоили еще ряд новых достижений по линии дальнейшего усовершенствования крекинга и гидрогенизации, более глубокого отбора светлых нефтепродуктов, комбинирования различных технологических процессов, централизованного управления и автоматизации нефтеперерабатывающих предприятий, и т. д. От этих достижений мы еще отстаем не только непосредственно в производственной практике, но и в области проектирования, определения наиболее целесообразных схем переработки, выбора типа заводов, соответствующей конструкторской и производственной подготовки нефтяного машиностроения. Осуществляя во второй пятилетке громадную программу строительства (46 трубчаток и 93 крекинга), мы дол-

жны применить в этом строительстве все новейшие достижения американской техники и освоить их в кратчайший срок.

Ряд аналогичных примеров можно привести из различных отраслей машиностроения. Создание мощной, технически передовой машиностроительной промышленности было важнейшей победой индустриализации в первой пятилетке, так как оно явилось базой для завершения технической реконструкции всего народного хозяйства. Лицо нашей машиностроительной промышленности коренным образом изменилось: построены сотни новых и целиком реконструированных предприятий, оборудованных по последнему слову американской и европейской техники, а в отдельных случаях превосходящих по техническому уровню соответствующие предприятия капиталистических стран. Однако и в машиностроении мы имеем «узкие места», ряд еще нерешенных задач. Мы уже отмечали этот факт для ряда отраслей энергетического и электромашиностроения, химического машиностроения, нефтяного оборудования и пр. То же относится ко многим типам металлообрабатывающих станков, металлургического оборудования, к текстильным машинам, судостроению и пр. Например в области судостроения морские суда, которые мы строим, значительно отстают от новых заграничных образцов по скорости (грузовые суда делают у нас 10 узлов в час против 16 узлов, которые делают заграничные суда; по пассажирским судам отставание еще больше). Отстали мы также в освоении сложных типов специальных судов, во внедрении сварки в судостроение, в модернизации старых и введения новых типов двигателей: пылеугольного отопления, механизации кочегарок, в сооружении так называемых электроходов, т. е. турбоэлектрических или дизельэлектрических судов.

Проектирующие организации иногда ориентируются на типы судов прошлого столетия, повторяя в новых проектах и конструкциях давно выявившиеся дефекты.

Качеству машиностроительной продукции, техническому контролю над материалами и готовыми машинами, тщательности внешней отделки каждой детали наше машиностроение все еще не уделяет должного внимания.

Мы начали в последнее время решительную борьбу за чистоту в цеху и на заводском дворе и добились в этом направлении больших сдвигов. Но все же мы еще отстаем от многих заграничных предприятий. Нередко точнейшие детали производятся у нас в грязных цехах, замасленными руками, что неизбежно влечет за собой брак, над причинами которого иногда тщетно ломают себе голову наши хозяйственники, не догадываясь обратить внимание на это элементарнейшее дело.

У нас есть машиностроительные предприятия, дворы которых чище чем цеха, где в беспорядке навалены готовые и забракованные детали. А между тем на многих заграничных предприятиях машины, лестницы и т. п. выкрашены в белую или кремовую краску, чтобы сразу было видно, чист ли станок; кочегары (как например у Форда) обязаны работать в белой одежде. У нас еще далеко не на всех предприятиях осознали, что борьба за элементарную чистоту и порядок—не мелочь, не «привесок», а органическое звено культурной организации производства.

* * *

Приведенные примеры с достаточной ясностью показывают, как велики еще наши задачи в деле изучения и освоения всех лучших достижений технического опыта передовых капиталистических стран. Само собой разумеется, что этот опыт надо воспринимать, не копируя слепо иностранные образцы, а критически, с тщательным отбором и анализом. Надо всегда помнить, что коренное различие социально-экономических условий отражается и на технике, иногда даже на конструкции отдельных ма-

шин (особенно ярко это сказывается в технике сельского хозяйства). Это бесспорное положение и тот факт, что мы в области научно-технических достижений все чаще опережаем заграницу, не дают никакого права зазнаваться и делать тот вывод, что опыт иностранной техники нам в настоящее время «вообще не так-то уж нужен». Между тем этот вывод иногда делается на практике, причем люди исходят здесь большей частью из разоблаченных товарищем Сталиным на XVII с'езде настроений: «можем, хоть кого, шапками закидать».

Сплошь и рядом наши хозяйственники, работники научно-исследовательских институтов, конструктора, изобретатели и особенно заводские инженеры и техники не знают иностранного технического опыта в соответствующей отрасли, повторяют зады, бьются над разрешением уже разрешенных проблем, изобретают уже изобретенное. Большая часть наших молодых специалистов и студентов-техников не знает иностранных языков и не следит за мировой технической литературой по своей отрасли. Издание переводной литературы и специальных журналов и бюллетеней по технической информации поставлено у нас бессистемно, иногда халтурно. Очень плохо используются нашими хозорганами договоры о технической помощи, заключенные с иностранными фирмами. Заграничные командировки хозяйственников и специалистов, имеющие громадное значение для накопления живого опыта мировой техники, так же проводятся недостаточно упорядоченно. Зачастую командируемые не знают иностранного языка и не могут поэтому использовать добрую половину действительных возможностей, зависят от случайных переводчиков. О своей командировке работник большей частью узнает лишь за несколько недель до от'езда и поэтому не имеет возможности заблаговременно изучить все имеющиеся материалы (в частности отчеты о прежних командировках по тому же вопросу), чтобы не терять зря дорогого времени. Опыт, привозимый хозяйственниками и инженерами из заграницы, далеко не всегда становится достоянием всей промышленности. Серия статей, помещенных летом 1934 г. в «Правде» и «За индустриализацию», о впечатлениях наших хозяйственников и инженеров заграницей, имела громадное значение. Но этого, разумеется, недостаточно. Эти статьи в отдельных случаях показывали, как нам приходится «открывать Америки» там, где при правильной и систематически поставленной технической информации они были бы давно известны.

Обмен техническим опытом внутри Союза поставлен плохо. Мы не говорим уже о довольно многочисленных случаях недопустимого в советских условиях «секретничества»—утаивания научных, конструкторских и производственных данных. Но сплошь и рядом наши предприятия просто не знают, как разрешены крайне злободневные для них технические вопросы на других предприятиях той же отрасли производства или в научных институтах. Приведем характерный пример: на Челябинском ферросплавном заводе около года бились над устранением разрыва цепей, поддерживающих электроды в мощных электропечах. Импортные цепи изготовляются из одного куска металла; наши цепи, производимые по другому методу, не выдерживали большой нагрузки при высокой температуре, и обрывы цепей долгое время тормозили всю работу завода, являясь одной из важнейших причин срыва выполнения плана. Лишь в конце 1933 г. относительно простое изобретение одного из работников завода позволило разрешить эту задачу, и печи стали работать бесперебойно. В то же время на соседнем абразивном заводе, который не отделен от ферросплавного завода даже забором и до 1934 г. входил в один с ним электротермический комбинат, бились над разрешением той же задачи для аналогичных (хоть и меньших) электропечей. Услышав, что у их соседей этот вопрос уже удачно разрешен, работники завода были весьма удивлены.

Газета «Техника» правильно поставила вопрос о коренной перестройке всей системы технической информации прежде всего на основе компетентной и оперативной отраслевой информации, отвечающей на злободневные запросы каждой отрасли производства, а иногда и отдельной профессии, отдельного метода производства, распространенного в самых различных отраслях (например сварка, литье, использование контрольно-измерительной аппаратуры, и т. п.).

Инженерно-техническому работнику нужно расширить свой кругозор. Он должен знать и уметь использовать опыт других, иногда даже несходных производств. Например в Институте легких металлов во время разработки нового метода получения глинозема для проектирования Тихвинского комбината ряд труднейших проблем был разрешен (более или менее случайно) путем использования опыта производства, казалось бы, не имеющих к алюминию никакого отношения: цементного, сахарного и т. д.

Так же как в техническом образовании мы стремимся теперь узкую специализацию дополнить основательной теоретической и политехнической подготовкой, мы должны обеспечить и находящимся на производстве специалистам возможность следить за развитием техники, отбирать и использовать из мирового и советского технического опыта то, что может найти применение в данном производстве, на данном предприятии (достаточно отметить, например, все более растущую в настоящее время роль электротехники на всех без исключения предприятиях или все еще недооцениваемую у нас роль механиков на химических заводах, химиков—на металлургических, пищевых предприятиях и мн. др.). Без этих элементов целесообразно поставленной политехнической информации, которая весьма умело ставится заграницей [1], даже самая тщательная специализация окажется неполноценной, практически не обеспечивающей непрестанного технического развития нашего народного хозяйства. Очень важную роль должны играть специальные бюро технической информации и т. п., организованные непосредственно на крупных предприятиях при заводских технических библиотеках (комплектованию последних и руководству ими должно уделяться значительно большее внимание чем до сих пор).

Важнейшее значение для выполнения лозунга догнать и перегнать передовую технику капитализма имеет **конструкторская и экспериментальная работа**. При поистине огромных достижениях в этой области мы в то же время должны констатировать в ряде случаев недооценку этой работы.

Заграницей почти каждый крупный завод имеет сильное конструкторское бюро и исследовательскую организацию, работа которых неразрывно связана с производством. В них сосредоточиваются лучшие технические силы предприятия. Эти звенья, как правило, наименее сократились во время кризиса. Во многих случаях (особенно если предприятие так или иначе связано с военной подготовкой) конструкторские бюро и лаборатории предприятий работают с повышенной нагрузкой, даже если само предприятие наполовину парализовано.

У нас конструкторская работа нередко чересчур централизована, сосредоточена во многих случаях не на предприятиях, а в исследовательских институтах и проектных организациях, имеющих другие задачи.

---

[1] См. например журналы „Mechanical Engineering“ в США, „Engineering“ в Англии, „La technique moderne“ во Франции, „V. D. J.“ в Германии, технические иллюстрированные приложения к ежедневным газетам „Deutsche Bergverks Zeitung“ и др.

Конструкторские бюро на заводах еще слабы, не имеют ни квалифицированных кадров, ни элементарной материальной базы. Резко сказываются их оторванность от цехов, от эксплоатационного персонала, отсутствие связи с научными институтами, незнание опыта аналогичных заводов, отсутствие заводских экспериментальных мастерских и средств на экспериментальные работы. Почти полное отсутствие внимания и руководства, особенно в отношении основного среднего и низового работника, приводит к неправильной организации конструкторской работы, к господству в ней обезлички и функционалки. О ведущей роли конструкторских бюро на предприятиях, о том, что они должны стать подлинным «мозгом» производства, не приходится и говорить. Отдельные яркие исключения еще более подчеркивают общее незавидное положение конструкторского дела. Резко сказываются на конструкторской работе отсутствие сколько-нибудь устойчивой специализации, непрерывные изменения производственной программы (иногда несколько раз в год), а то и всего профиля предприятий.

По своему размаху экспериментальная работа у нас так же во многих случаях значительно отстает. И здесь необходимо отказаться от чрезмерной централизации. Больший простор для технической инициативы, экспериментирования, иногда здорового риска будет сильнейшим оружием против технического застоя и отставания. Наличие сильной экспериментальной мастерской или экспериментальных агрегатов, тщательное испытание новых моделей и изменений технологического процесса позволят обеспечить надежность и бесперебойность работы в условиях крупного производства.

Именно потому, что мы так отстали в организации опытных заводов, экспериментальных цехов и агрегатов, у нас нередко чересчур много экспериментируют непосредственно в крупном производстве, меняя ход технологических процессов, нарушая производственные инструкции и создавая вместо нормального производственного режима постоянную лихорадку.

Осуществление всех этих задач обеспечивается мощной базой, созданной Советским союзом в области машиностроения.

Новая техника немыслима без науки, без точного анализа технологических процессов, полупродуктов и конечной продукции, без непрестанного совершенствования производственных процессов. Мы знаем по собственному опыту, что даже в таких массовых производствах, как например автотракторное, идут постоянная смена и совершенствование моделей, улучшение методов обработки, замена одних технологических процессов другими (например, внедрение сварки, литья под давлением, производство инструментов из сверхтвердых сплавов, автоматизация станков), замена одних материалов другими, и т. д.

Современное массовое производство является в этом отношении наиболее динамичным. Оно непримиримо с застоем, неподвижностью, остановкой развития. Его развитие требует органической связи производства со всеми видами научно-исследовательской работы—от быстрых лабораторных анализов непосредственно в цеху до глубоких теоретических исследований по физике, химии, механике, электротехнике, и т. д., на первый взгляд иногда очень далеких от данного технологического процесса.

Между тем у нас до сих пор научно-исследовательская работа и производственная практика зачастую идут вразброд, научные институты с их прекрасным оборудованием и квалифицированными кадрами не добиваются внедрения своих достижений в производство, а иные хозяйственные органы не

понимают, что без науки двигаться дальше в освоении новой техники просто невозможно, и, бравируя мнимой «практичностью», строят новые предприятия, позабыв о лаборатории и не используя полностью даже имеющиеся в их непосредственном распоряжении научные кадры.

Достаточно напомнить такие факты, как крайнее запоздание с постройкой лабораторий на наших новых металлургических заводах, передачу строящейся лаборатории Воскресенского химкомбината под контору и т. д.

В области научно-исследовательской, экспериментальной, конструкторской и изобретательской работы мы часто разбрасываемся, не доводя до конца своих достижений, не добиваясь полного их использования в производственной практике. Ярким примером может служить изобретательство. Изобретательство стало в Советском союзе широким, массовым движением: оно охватывает сотни тысяч рабочих, инженеров, научных работников. Ежегодно число изобретений и рабочих предложений достигает почти миллиона. Среди них есть немало ценнейших изобретений, дающих новое направление технологическим процессам или значительно усовершенствующих прежние методы. Но в то же время использование изобретательской мысли, внедрение изобретений в производственную практику все еще поставлены у нас неудовлетворительно.

Еще в 1930 г. ЦК партии принял постановление о положении массового изобретательства. В постановлении ЦК отмечалось, что «использование изобретений, усовершенствований, рабочих предложений на предприятиях и в хозорганах поставлено совершенно неудовлетворительно, что является следствием волокиты и саботажа, проистекающих из вредительства классово враждебных элементов. и от совершенно недопустимой косности, полной безответственности и недооценки хозяйственными, профсоюзными и партийными организациями всего значения массового изобретательства в создании новой техники, обеспечивающей в СССР невиданный в условиях капитализма рост производительности труда». Это постановление ЦК в основном не выполнено и в настоящее время.

В частности ЦК предлагал «хозяйственным наркоматам, хозоб'единениям и заводоуправлениям обеспечить полностью своевременное рассмотрение, экспертизу, учет и реализацию рабочих предложений, усовершенствований и изобретений путем создания на каждом предприятии необходимой производственной базы (экспериментальные мастерские, экспериментальные бригады, использование ФЗУ, техническая консультация, и т. п.) и включения в план работ научно-исследовательских институтов и лабораторий на предприятиях с 1931 г. исследовательской проработки, оценки и экспертизы наиболее сложных и крупных предложений и изобретений», а также широкой организации «социалистического обмена опытом между предприятиями». Между тем вся тяжелая промышленность имеет в настоящее время лишь около 230 экспериментальных мастерских, влачащих жалкое существование и, как правило, не имеющих ни надлежащего оборудования, ни кадров. К тому же эти мастерские большей частью загружаются совершенно посторонними задачами.

Таким образом даже у тяжелой промышленности экспериментальная база явно недостаточна, а в других отраслях положение еще хуже. Продвижение ряда крупнейших изобретений, сооружение опытных образцов, всесторонняя проверка их в действии и внедрение в производственную практику проходят у нас настолько медленно, зачастую с такими «муками», обусловленными преодолением всевозможных бюрократических препятствий, что иногда даже признанные изобретатели значительную часть своего времени тратят не на изобретательство, а на хождение по многочисленным инстан-

цией и «проталкивание» опытных образцов. В подавляющем большинстве случаев изобретательство не стимулируется (например, по действующим правилам инженер не получает вознаграждения, если он изобретает что-либо в своей области), и в то же время специальные премиальные фонды для изобретателей из году в год остаются неиспользованными. Таким образом при наличии массового и все растущего изобретательского движения и возможностей в этой области мы эти возможности реализуем крайне недостаточно.

* * *

Как это ни странно, одной из областей организации производства, где мы еще отстаем, являются специализация и коопирирование предприятий (особенно в машиностроении). Казалось бы, что социалистическое, плановое хозяйство открывает в этой области возможности, совершенно немыслимые для капитализма. Но мы используем эти возможности еще очень мало и плохо. Правда, степень специализации и кооперирования в нашей машиностроительной промышленности уже в настоящее время очень высока. В производстве отдельных видов машин участвуют зачастую десятки предприятий. Без этого было бы вообще немыслимо производство таких сложных видов оборудования, как например блюминги, оборудование доменных и мартеновских печей, мощные турбогенераторы, комплексы химической аппаратуры для синтетического аммиака, и т. д. Каждый новый вид оборудования, каждая новая научная и техническая задача (ярким примером может служить оборудование стратостата, вагонов метро, троллейбуса, и т. д.) требуют в настоящее время кооперированной работы ряда предприятий, а при переходе к серийному или массовому производству—специализации предприятий на изготовлении отдельных частей и деталей. В этом отношении 1933 год показал значительный сдвиг вперед, и именно это в значительной степени обеспечило нам возможность собственными силами построить любое, самое сложное оборудование. Но в то же время процесс специализации и кооперирования машиностроения носит у нас зачастую случайный характер. Для размещения производства новых сложных машин и агрегатов нередко приходилось загружать заводы продукцией, не соответствующей их оборудованию, кадрам и опыту. В то же время оставались неиспользованными значительные производственные мощности отдельных машиностроительных предприятий или отдельных цехов и мощных агрегатов (например литейных, металлообрабатывающих станков, прессов, электровысадочных машин, автоматов, и т. д.), могущих снабдить соответствующими деталями не только данные предприятия, но и ряд других.

Местнические тенденции отдельных предприятий и трестов создавали стремление обеспечить себя всеми заготовительными и вспомогательными цехами. Там создавались целые «универмаги» разнообразнейшего оборудования с крайне низкой степенью использования. В то же время весьма распространено отношение к заказам кооперированных предприятий как к какому-то чужому делу, которое хозяйственник всячески старается спихнуть или отодвинуть на задний план.

Результат: несоответствие сроков, некомплектность продукции, разнобой в качестве отдельных частей, причем нередко одно даже небольшое, но худшее звено делает непригодным весь сложный агрегат. Не подлежит сомнению, что в этой области мы еще далеко не использовали громадные преимущества и возможности социалистического, планового хозяйства.

Важнейшее значение имеет развитие специализации и кооперирования производства (особенно в машиностроении), для того чтобы обеспечить ком-

плектность продукции и максимальное использование станков и машин, не загруженных полностью продукцией данного предприятия.

В ближайшее время необходимо выделить ведущие хозорганы, конструкторско-монтажные конторы и предприятия, отвечающие за комплектность тех или иных установок (энергетических, химических, металлургических, погрузочно-разгрузочных, и пр.), и планомерно ставить производство сложных машин и агрегатов, пользуясь широкой кооперацией специализированных предприятий, производящих отдельные детали и части. Даже частичное разрешение задач специализации и кооперирования, несомненно, обеспечит значительное повышение производительности общественного труда.

В связи с развертыванием специализации и кооперирования производства необходимо отметить важнейшую задачу планомерного развития и наиболее целесообразного использования средних и мелких предприятий, в том числе предприятий так называемой местной промышленности. Концентрация производства достигла у нас уровня, далеко превосходящего все капиталистические страны. Достаточно отметить, что более половины всех рабочих машиностроительной промышленности занято на предприятиях-гигантах со средним числом рабочих свыше 5000 (в Германии на соответствующих предприятиях до кризиса было занято менее 15% рабочих); 86% всех рабочих-машиностроителей занято у нас на предприятиях с 1000 и более рабочих.

Концентрация производства, как указывал товарищ Сталин, обеспечила нам возможность полного использования новейших достижений науки и техники, громадного повышения производительности общественного труда. Концентрация, несомненно, будет продолжаться и впредь. Но это ни в коем случае не означает, что нужно забросить тысячи мелких и средних предприятий, сохраняющих свое немаловажное место в общественном разделении труда. Между тем у нас в этом вопросе укоренилась своеобразная «гигантомания». Толковый хозяйственник, администратор, инженер, а часто и рабочий считают как бы «зазорным» для себя работать на предприятии, насчитывающем менее 1000 рабочих, хотя многие такие предприятия заграницей считались бы крупнейшими в своей отрасли. В соответствующих хозорганах снабжение этих «мелких» предприятий сырьем, полуфабрикатами, элементарная техническая помощь, бытовое обслуживание большей частью находятся на последнем месте, а то и вовсе забыты. Сотни таких предприятий оказываются как бы беспризорными.

Между тем мелкое предприятие вовсе не должно быть технически отсталым и малопроизводительным. Электрификация и автоматизация производства дают возможность обслужить прекрасно оборудованные и высокопроизводительные предприятия сотнями и даже десятками рабочих. Достаточно напомнить известный пример завода автомобильных рам корпорации Смита в Мильвоки, техника которого значительно превышает заводы Форда и другие гиганты автопромышленности; на этом заводе занято всего 200 рабочих. Автоматические копировально-фрезерные станки Келлера — это высшее достижение современной станкостроительной техники, эти, как их назвал тов. М. М. Каганович, «станки с высшим образованием»,—производятся в Бруклине, на маленьком, занимающем один этаж жилого дома заводе с 150—200 рабочими. Сложнейшие контактные машины для электросварки, революционизирующие технику ряда процессов в автомобильном, транспортном и других массовых производствах, поставляются на всю Америку (и для экспорта) тремя небольшими предприятиями, в которых занято по 80—150 рабочих. И у нас имеется уже ряд примеров освоения сложнейших видов машин и оборудования на небольших предприятиях.

Специализация и кооперирование производства позволяют органически включать эти мелкие предприятия в сложную систему массового производ-

ства. Они специализируются на массовом изготовлении отдельных деталей, инструмента, приспособлений, всевозможных видов «смежной» продукции и пр.; на этих предприятиях возможны и организация непрерывного потока, и целесообразное использование станков-автоматов, и высокая точность производства, и т. д.

Громадная роль должна принадлежать этим предприятиям в осуществлении одной из важнейших задач второй пятилетки—в увеличении продукции ширпотреба. Но для этого необходимо решительно преодолеть пренебрежительное отношение к ним хозяйственных органов, выявить и учесть их производственные способности, расшить наиболее «узкие места» оборудования, организовать техническую помощь и инструктаж, снабжение чертежами и приспособлениями, укрепить кадры, и т. д. Внимание к нуждам мелкой промышленности и понимание ее значения в системе массового производства позволят нам использовать значительные резервы производственных мощностей, а также новые возможности подготовки квалифицированных кадров.

Наряду со специализацией и кооперированием большое значение получит в ближайшие годы комбинирование предприятий на основе всестороннего комплексного использования сырья и отходов производства.

В 1934—1935 гг. более или менее законченные формы примут такие величайшие в мире комбинаты, как Днепрокомбинат, Бобрики, Кемерово и многие другие. Широко развернется строительство таких комбинатов, как Среднеуральский комбинат цветной металлургии и химии, металлурго-машиностроительный комбинат в Нижнем Тагиле.

В связи с этим перед нами стоит задача—тщательно проработать технологические связи отдельных предприятий и так организовать техническое руководство, чтобы можно было полностью использовать все преимущества комбината.

До сих пор это условие очень часто отсутствовало и многие комбинаты были таковыми лишь по общей идее и по названию. Отдельные их части были разорваны по отраслям вертикальным делением: хозяйственные организации проектировали, строили и эксплоатировали предприятия без всякой организованной связи их с другими звеньями комбината. В отдельных случаях это приводило к исключительным проявлениям бесплановости и большим напрасным потерям.

Задача организации единого технического руководства комбинатами должна получить отражение уже при проектировании новых комбинатов и отдельных промышленных узлов. В ряде случаев она неизбежно перерастет в комплексную планировку отдельных промышленных районов, тщательно учитывающую все технические связи предприятий, снабжение сырьем и энергией, водоснабжение, транспорт, коммунальное хозяйство, и т. д.

Задачи освоения техники, охватывающие не только отдельные заводы, но и их комплексы, систему предприятий, получают тем большее значение, чем сильнее выявляются взаимозависимость разных отраслей производства и успехи планового руководства всем народным хозяйством.

* * *

В первой пятилетке Советский союз осуществлял глубочайшую техническую реконструкцию народного хозяйства, исходя из того жалкого «наследства» в области техники, которое было нам оставлено чахлым русским капитализмом.

Старые технические кадры были крайне немногочисленны, в известной части отстали от технического прогресса, во всяком случае, не имели почти

никакого опыта строительства и эксплоатации мощных предприятий совершенно нового типа, воплощающих наиболее передовые тенденции массового производства, электрификации, сложных химических процессов, механизации трудоемких работ, и т. д. Молодые технические кадры, рожденные революцией, сразу же после школьной скамьи (причем учебная подготовка имела в первые годы немало прорех) столкнулись с совершенно новым производственным опытом современных предприятий. Немудрено, что они осваивали его с громадными трудностями, нередко изобретая уже изобретенное, зачастую ошибаясь. То же относится в основном и к массовым кадрам рабочих, большая часть которых пришла из деревни или состоит из молодежи, впервые увидевшей современные машины.

Преодолев все эти трудности, Советский союз создал крупную, технически передовую промышленность, построил «тысячи передовых предприятий, переводящих все народное хозяйство на высокую ступень новой технической культуры и находящихся на уровне лучших образцов капиталистической техники».

Осуществляя основную и решающую хозяйственную задачу второй пятилетки—завершение реконструкции всего народного хозяйства,—мы исходим из мощного и технически передового производственного аппарата, и, самое главное, мы имеем громадные кадры работников, накопивших опыт борьбы за освоение новой техники, опыт, каждый год которого равен десятилетиям. Новые задачи, которые стоят перед нами в области технической реконструкции и освоения новой техники, еще крупнее, еще сложнее чем в первой пятилетке.

Мы должны полностью освоить уже созданный производственный аппарат и в самом процессе этого освоения непрестанно идти вперед, развивая и используя в повседневной производственной практике все достижения науки и техники, самостоятельно конструируя и сооружая сложнейшие машины и аппараты, организуя четкую связь производственных процессов не только внутри отдельных предприятий, но и в масштабе всего народного хозяйства.

Поставив в центре внимания борьбу за качество работы, ликвидировав рывки и штурмовщину, развернув широчайшее соревнование в борьбе за полное освоение новой техники, за высокую техническую культуру, за массовое техническое обучение, за железную дисциплину сознательного и квалифицированного труда, пролетариат Советского союза обеспечит в ближайшие годы новые завоевания социалистического строительства.

Опираясь на уже созданные нами производственные мощности, при помощи кадров, выкованных в богатейшем опыте борьбы за техническую реконструкцию, мы эти еще более трудные и сложные задачи можем в настоящее время ставить и решать еще смелее, еще быстрее чем раньше, твердо зная, что мы эти задачи разрешим. СССР во втором пятилетии превратится окончательно в технико-экономически независимую страну, в самое передовое в техническом отношении государство в Европе.

Боевые вопросы работы политотделов Средней Волги

А. Гричманов

Средневолжский край является одним из основных сельскохозяйственных районов Советского союза. Он занимает следующее после Украины место по посевным площадям и по об'ему товарной зерновой продукции. Ведущая культура в крае — пшеница. Заволжская пшеница имеет мировую известность: по своему качеству она превосходит лучшие сорта канадской пшеницы.

Огромная территория края — около 24 млн. га, из которых пахотоспособной земли 15 млн. га,—делится на две противоположных по природным условиям части: Левобережье, представляющее собой плодородный чернозем, но поражаемое систематической засухой и суховеями, и Правобережье, имеющее суглинистые, выщелоченные черноземные и бедные подзолистые почвы, но обладающее хорошими климатическими условиями для развития хлебов и технических культур.

В результате огромных успехов социалистической индустриализации и победы колхозного строя сельское хозяйство края получило свыше 17 тыс. тракторов, 130 комбайнов, сотни автомашин, десятки тысяч сельхозмашин и сложных прицепных орудий.

Бурный рост технической вооруженности колхозов Средней Волги виден из следующих данных:

Обеспеченность машинами	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.
Количество МТС	—	—	20	115	180	200	218
Тракторов (шт.)	800	1 085	3 677	3 929	5 061	7 936	12 325
Комбайнов (шт.)	—	—	—	—	200	1 075	1 301
Автомашин (груз. шт.)	—	—	—	—	318	638	740
Молотилок сложн. и полуслож.	1 000	1 400	св. нет	4 100	5 800	7 299	11 841

Техническое вооружение сельского хозяйства края шло на базе развития коллективизации при одновременном росте посевных площадей и широком внедрении агротехники. Коллективизация достигла 75,6%, причем в Левобережье коллективизировано 86% крестьянских хозяйств, а в Правобережье — 69,9%, в том числе отдельно по Мордовии — 64,3%. Большинство машинно-тракторных станций организовано на левом берегу. Здесь же созданы мощные зерновые и животноводческие совхозы.

Лицо сельского хозяйства вкорне изменилось. Достаточно сказать, что бывшие Симбирская и Пензенская губернии и Мордовия с их помещичьими гнездами, вечным малоземельем и ужасающей эксплоатацией бедняцко-середняцких масс крестьянства превратились сейчас из районов потребляющих в товарно-производящие и имеют все условия для того, чтобы превратиться в районы цветущего социалистического земледелия.

* * *

Несмотря на то что последние четыре года являлись для Средней Волги годами жесточайших засух и суховеев, несмотря на то что в 1933 г. было наи-

меньшее количество осадков и наибольшее количество засушливых дней в Левобережье, сельское хозяйство засушливых районов не только не было отброшено назад, а, наоборот, неуклонно продвигается вперед, к цели, поставленной товарищем Сталиным, — сделать все колхозы большевистскими, а колхозников зажиточными.

Здесь особенно ярко показали свою силу преимущества социалистического земледелия, неустанная забота пролетарского государства о трудящихся массах деревни. Раньше, до революции, при таких засухах крестьяне вымирали целыми уездами.

Вопрос о борьбе с засухой — коренной вопрос сельского хозяйства края.

На XVII партс'езде товарищ Сталин указал: «Насаждение лесов и лесозащитных полос в восточных районах Заволжья имеет громадное значение. Эта работа, как известно, уже производится, хотя нельзя сказать, чтобы она проводилась с достаточной интенсивностью. Что касается орошения Заволжья, — а это главное с точки зрения борьбы с засухой, — то нельзя допустить, чтобы это дело было отложено в долгий ящик. Правда, оно было несколько заторможено некоторыми внешними обстоятельствами, отвлекшими массу сил и средств. Но теперь нет больше оснований откладывать его дальше. Мы не можем обойтись без серьезной и совершенно стабильной, свободной от случайностей погоды — базы хлебного производства на Волге, дающей ежегодно миллионов 200 пудов товарного зерна. Это совершенно необходимо, если учесть рост городов на Волге, с одной стороны, и всякие возможные осложнения в области международных отношений, с другой.

Задача состоит в том, чтобы приступить к серьезной работе по организации дела орошения Заволжья».

Большевики Средней Волги должны взяться по-боевому за осуществление этой директивы вождя партии. В этом огромном деле им поможет вся страна.

На Средней Волге и раньше занимались организацией противозасушливых работ. Но никогда еще эти работы не принимали такого размаха, как сейчас, после указаний товарища Сталина. Перед краем поставлена задача— в этом году оргнизовать орошение 15 тыс. га. Эта задача уже выполнена. Работы по орошению производятся еще на 8 тыс. га. Построено свыше 700 новых плотин вместо намеченных 300.

В колхозной деревне поднялось широкое общественное движение против сил стихии, против засухи. Политотделы подняли колхозную массу на борьбу за орошаемые поля, убедили колхозников в преимуществах орошаемого земледелия. Десятки и сотни колхозников уже превратились в ревностных агитаторов за орошение, в инструкторов-опытников этого нового дела. Приведем один пример: опытник-колхозник Макин из Подбельской МТС — энтузиаст ирригационных работ; он открыл на склоне горы 7 родниковых ключей, и теперь этими источниками орошается 6 га колхозного огорода. Макин проявил дальнейшую инициативу, разбив фруктовый сад на 300 га, орошаемый водой из ближней речки. Макин—знатный человек в колхозе и МТС, он сделался инструктором, вербует и готовит кадры для оросительных работ. Энтузиастов, подобных Макину, в Подбельской МТС десятки. В этом году Подбельская МТС освоила площадь орошения до 1000 га.

В районах Левобережья имеются богатейшие возможности для организации орошения путем использования большой сети рек. Творческую инициативу колхозных масс, показавших героические образцы выполнения плана оросительных работ в истекшем году, можно и нужно использовать значительно шире.

По весьма осторожным подсчетам, выверенным топографическими с'емками, Средневолжский край может путем мелкого орошения освоить в бли-

жайшее время до 300 тыс. га новой земли. А 12 миллиардов кубических метров воды, которые сейчас «сбрасывают» многочисленные реки Средневолжского края, достаточно для орошения 3,5 млн. га!

Такое грандиозное дело, как орошение Левобережья, требует конкретного технического руководства со стороны краевых и центральных организаций. Во весь рост встает вопрос о снабжении оросительных работ необходимыми машинами, материалами, инструментами и инвентарем. Колхозники Каменнобродской МТС в своем письме товарищу Сталину совершенно правильно говорят о необходимости увеличить выпуск локомобилей, производство деревянных труб и других технических средств.

Первый серьезный шаг в выполнении указаний товарища Сталина об орошении Заволжья сделан. Но в деле насаждения лесов и лесозащитных полос указания вождя партии осуществляются пока еще крайне слабо.

Произведенная в 1933 г. в Левобережье выборочная инвентаризация агролесомелиоративных посадок 1918—1933 гг. на площади 7 тыс. га (пятая часть всей площади посадок) говорит о том, что мы еще не научились культурно насаждать леса. На 1613 га обследование установило гибель до 30% посадок; на 2650 га погибло от 30 до 65% посадок; на 2733 га — свыше 65% посадок. В целом 39% посадок на всей обследованной площади погибло; 57% посадочных площадей требует серьезного капитального ремонта, и лишь 4% всей площади являются годными, не требующими ремонта.

При этом выявлено, что 70% посадок этих погибло из-за нашей некультурности, варварского отношения к большим агрокультурным начинаниям (отсутствие ухода, потрава скотом, заезды, и т. д.).

В 1934 г. установлен следующий об'ем работ по лесонасаждению: посадочные работы по лесозащитным приовражным полосам и на песках будут произведены на 14 750 га; уход за имеющимися посадками (прополка и 3—4-кратное рыхление) — на 13 586 га; ремонт посадок прошлых лет—на 10 000 га; подготовка почвы к посадкам будущего года — на 16 222 га.

Все это лишь первые шаги агролесомелиорации. Впереди гигантская работа в этом направлении. Для того чтобы дать драгоценную влагу новым сотням тысяч гектаров прекрасных заволжских степей, чтобы дать стране новые сотни миллионов тонн хлеба, средневолжские большевики должны еще очень много и упорно поработать. Особенно велики и ответственны задачи по использованию Волги в целях орошения. Для разрешения этой грандиозной задачи ныне усиленно развиваются предварительные исследовательские и изыскательные работы.

* * *

Лозунги товарища Сталина на XVII с'езде партии зажгли трудящиеся массы средневолжской деревни новым энтузиазмом. Это лучше всего видно на итогах весеннего сева. К 30 мая государственный план весеннего сева был перевыполнен; сроки сева в этом году сокращены на 15 дней по сравнению с прошлым годом. Качество полевых работ было выше. Уход за посевами был значительно лучше; прополото свыше 4 млн. га зерновых.

Эти успехи достигнуты краевой парторганизацией благодаря исключительному вниманию и помощи Средневолжскому краю со стороны ЦК ВКП(б) и лично товарища Сталина.

Остановимся подробнее на одном крупнейшем агротехническом мероприятии, успешно внедряемом в колхозах и совхозах края, а именно на яровизации. Это новый агротехнический метод — предварительная подготовка семян при определенной температуре и влажности в целях сокращения сроков вегетации.

План 300 тыс. га яровизированного сева вызвал некоторое сомнение даже в Наркомземе. Однако он был утвержден и краем был выполнен. Сред-

неволжские большевики сделали смелый шаг — от 32 тыс. га яровизированного посева в 1933 г. к 300 тыс. га в 1934 г.

Решающую роль в подготовке к массовому проведению яровизированного сева, в популяризации этого мероприятия среди колхозников, в создании определенного отношения к яровизации сыграли политотделы МТС.

Политсектором крайземуправления были изданы брошюры, плакаты и листовки по яровизации. Через краевые курсы было пропущено 170 агрономов-яровизаторов и 867 инструкторов-яровизаторов из числа опытных колхозников. Эти инструктора явились ближайшими помощниками агрономов в деле осуществления плана яровизации. По районам и МТС через курсовую подготовку прошли 32 тыс. колхозников-яровизаторов. Таким образом за одну зиму была создана целая армия яровизаторов, которые стали не только руководителями и инструкторами в этом новом деле, но и пропагандистами и агитаторами за новые агротехнические мероприятия.

Опыт яровизации вырастил на местах энтузиастов-яровизаторов и убедил массы колхозников в необходимости яровизированных посевов. Энтузиасты яровизации буквально дрались за каждую мелочь, чтобы обеспечить успех яровизации. Были такие случаи, когда яровизаторы за время работы не отходили ни на минуту от своих семян и даже спали возле них.

Работа по яровизации в нынешнем году дала богатый опыт. Колхозники теперь знают, что помещение для яровизации надо готовить заранее, что на один метр площади пола нужно давать 75 кг зерна, а не 50, как делалось раньше. Опыт показал, что термометры надо заказывать не зимой, а в сентябре, и что комнатные спиртовые термометры для яровизации не годятся, что они неточны, быстро портятся, засоряются. Для яровизации нужен специальный, особого типа термометр, причем такие термометры надо изготовлять на заводах в массовом масштабе.

Опыт массовой яровизации полностью оправдал себя. Вот некоторые данные эффективности яровизированного сева 1934 г.:

	Урожай пшеницы с га в ц	
	Яровиз. посева	Неяровиз. посева
Колхоз „Степан Разин", Сергиевского района . .	11,4	9,5
Каменский район	22—25	16—18
Колхоз „Красный путь", Сорочинского района .	11,5	8

Эти данные являются лучшим агитатором за дальнейшее развитие яровизации.

* * *

Как добились средневолжские большевики того, что несмотря на неблагоприятные климатические условия (засуха) сельское хозяйство края неуклонно идет на под'ем? «Секрет» заключается в новой, социалистической системе земледелия, основанной на крупной машинной технике. Старой, единоличной деревне с ее примитивной техникой, конечно, не удалось бы противостоять той страшной стихии, какой является засуха. Крупная техника, крупное производство помогли обуздать стихию и вести колхозы от победы к победе.

С каждым годом растет не только количество сельскохозяйственных машин в крае, но и уменье управлять ими. Тракторный парк края во время весеннего сева выполнил производственное задание на 116%. Мощность тракторного парка освоена на 70% (в прошлом году тракторный парк был использован только на 45%). Решающим условием успеха здесь явилась систематическая учеба, освоение техники трактора руководящими работниками МТС, политотделов и районов. Значительно лучше была организована учеба трактористов, отобранных из более надежных и устойчивых кадров колхозников.

Вот один из примеров самоотверженной работы политотдела Ромашкинской МТС по освоению и использованию трактора, по политическому воспитанию и поднятию квалификации трактористов. Тракторная бригада превращена в крепко организованную производственную единицу. Каждой бригадой руководит лучший из лучших колхозников-трактористов. В каждой бригаде есть коммунисты, комсомольцы, в некоторых бригадах созданы первичные комсомольские организации. В каждой бригаде составлен производственный план, план профилактического ремонта, ведется книга производственных совещаний, дневник работы тракторов, имеется черная и красная доски, стенная газета, заключен социалистический договор на лучшее выполнение плана и сохранность машин. Бригады располагают вполне культурным жильем, имеют библиотечки, получают газеты, имеют радио, музыкальные инструменты: гармошку, гитару, балалайку. В некоторых бригадах есть и патефоны.

Новые производственные порядки внедрены в бригаде. Бригадир стал настоящим хозяином бригады. Укрепилась дисциплина, выполняются правила внутреннего распорядка. Каждый трактор имеет свое производственное задание, свою норму работы на день и свой загон. Введен строгий порядок в расходовании горючего. Производственный коллектив бригады сделался подлинной силой общественного воздействия на каждого тракториста.

Изучение решений XVII с'езда ВКП(б), читка газет, уроки политической грамоты, которые проводятся коммунистами-одиночками и работниками политотдела, повысили политическую активность трактористов. В большинстве бригад политические занятия проводятся регулярно. Каждый тракторист имеет на руках решения XVII с'езда, доклады тт. Сталина, Кагановича. Газеты читаются вслух. Из 150 трактористов выписывают газеты 112. Всего в тракторных бригадах выписывается 230 экземпляров газет и журналов. Сейчас трактористы превращаются в наиболее передовых людей на селе.

Большую силу приобрели производственные совещания в тракторных бригадах.

Через производственные совещания, путем умелой организации партийно-массовой работы, путем общественного воздействия на лодырей и бракоделов политотдел Ромашкинской МТС добился замечательных результатов в перевоспитании людей. Тракторист Злобин был, например, большим неряхой и лентяем. Злобинский трактор знали все как худший трактор (не проверены гайки, растеряны болты, гремят шпоры, грязь, сам тракторист полусонный, нормы выработки не выполняет). Злобина показывали в политотдельской газете. О Злобине писала бригадная стенная газета как о худшем трактористе. 7-я бригада под руководством политотдела взялась за перевоспитание Злобина. Сейчас Злобин совсем переменился: его трактор не узнаешь; Злобин — ударник, перевыполняющий нормы выработки и сэкономивший 400 кг горючего.

Исаева на селе знали как хулигана, пьяницу, не раз судившегося за озорство. В 1932 г. он работал плугатарем, потом подучился и стал трактористом. Исаев был худшим трактористом, худшим бригадиром. А сейчас Исаев стал другим. Любовь к труду, которую воспитал в нем политотдел, переделала Исаева. С Исаевым работал начальник политотдела: зимой чуть ли не ежедневно беседовал с ним, лично проверял его работу, помогал Исаеву в учебе. Сейчас Исаев — лучший бригадир и его бригада — лучшая в МТС. В период весеннего сева бригада перевыполняла нормы выработки на 24%, сэкономила 7 т горючего, дралась за качество работы и завоевала огромный авторитет среди колхозников.

Было бы, однако, неправильным, вредным переоценивать успехи, достигнутые краем в освоении растущей техники сельского хозяйства, ибо очень многие МТС еще совершенно неудовлетворительно используют трак-

торный парк, прицепные сельхозмашины и особенно комбайны. В целом МТС имеют успехи по овладению трактором, но комбайном они еще не овладели.

Ярким подтверждением плохого использования наших технических возможностей являются следующие данные по уборке:

Название района	Нужно было убрать всеми уборочными машинами в пятидневку (в тыс. га)	Фактически убрано (в тыс. га)
Б. Глушицкий	20,6	12,9
Кинельский	19,8	5,0
Клявлинский	14,6	5,1
Мелекесский	21,0	13,9
Приволжский	13,7	8,8

Несмотря на то что при расчетах были взяты заниженные нормы производительности уборочного инвентаря, все же показатели использования машин неудовлетворительны. На уборке используется от 30 до 60% производственной мощности машин.

Эти факты красноречиво говорят о том, как много еще нужно поработать политотделам, для того чтобы заставить машины служить колхозному строю со всей их производственной мощностью. Больше чем когда-либо нужно помнить слова товарища Сталина: «...Хозяйственник, не желающий изучать технику, не желающий овладеть техникой, — это анекдот, а не хозяйственник» [1].

* * *

Какова общая картина уборки и зернопоставок, и как организована политическая работа в массах для успеха этих работ?

В результате большевистской борьбы за внедрение агротехники на колхозных и совхозных полях, в результате трудового под'ема колхозных масс и большой работы политотделов над укреплением колхозов край завоевал более высокий урожай по сравнению с прошлым годом (8 с лишним центнеров с га в среднем) несмотря на неблагоприятные климатические показатели. За последние четыре года в засушливых районах этот год является годом наиболее высокого урожая.

Однако высокий урожай и лучшее проведение сева в этом году вызвали у некоторых работников нетерпимые для большевиков настроения самоуспокоенности в подготовке к уборке и хлебосдаче, благодушное отношение к борьбе с потерями хлеба.

В руководстве уборкой канцелярско-бюрократические методы нередко еще заслоняют живое, конкретное дело. Отдельные руководители районов, МТС, совхозов и колхозов забыли, что сейчас уже недостаточно знать колхозы по их средним показателям, что надо знать слабые стороны и конкретные недостатки в работе каждого колхоза, бригады, звена. Без этого не может быть оперативного руководства, без этого невозможно вытащить отдельные колхозы из прорыва и подтянуть их к уровню передовых. Это нужно особо подчеркнуть в связи с тем, что во многих колхозах края нагрузка на тягло и на трудоспособных колхозников крайне неравномерна.

Нагрузку на рабочую силу и тягло в уборке этого года можно характеризовать следующими данными:

Наименование МТС	Уборочная площадь	Колич. трудоспособных колхозн.	Колич. комбайнов	При полном использовании комбайнов падает в уборку га: На одного трудоспособ.	При полном использовании комбайнов падает в уборку га: На тягловую единицу в переводе в НР
Кумакская	31 633	2 300	9	13,1	14.4
Кардаиловская	19 428	798	6	23,3	16,8
Р. Борковская	14 423	1 122	6	12,0	17,0
Безводовская	30 222	5 253	1	5,7	19,0

[1] И. Сталин „Вопросы ленинизма". 9-е изд., стр. 585.

Приведенные данные показывают, что в определении напряженности уборочных работ не может быть общего подхода и «средних» цифр. Каждая МТС имеет свои особенности, свои трудности. Больше того, в одной и той же МТС положение колхозов в ряде случаев различное. Например в Кардаиловской МТС, в колхозе им. Максима Горького, на 90 трудоспособных (с подростками) падает 3000 га уборочной площади (33 га на человека), а в колхозе «Свобода», этой же МТС, на 141 чел. падает 2000 га уборочной площади (14 га на человека). Поэтому необходимо совершенно четкое, конкретное руководство работой каждой МТС, каждого колхоза.

Довольствоваться «средними» благополучными данными — значит вредить колхозному делу. Один плохой колхоз среди десятка хороших через призму «средних» не виден. А на деле, в реальной жизни, плохая работа этого колхоза влияет и на состояние других колхозов. Можем ли мы успокаиваться на том, что августовский план зернопоставок в крае перевыполнен? Конечно, нет. Конкретный анализ положения на этом важнейшем участке вскрывает наличие многих отстающих колхозов и даже районов. Отставание это вызвано благодушием среди работников ряда районов (Мелекесский, Абдулинский и др.) по поводу хорошего урожая и предоставлением дела уборки и зернопоставок самотеку. Тем временем хлеб гниет, прорастает на полях, при уборке имеют место огромные потери, а кулацко-враждебные элементы ведут свою антигосударственную работу.

Там, где директор МТС и политотделы руководят по-новому, там, где правильно расставлены люди, где ведется систематическая политическая работа среди колхозников, где коммунисты действительно являются передовиками на производстве, где каждый коммунист, каждый бригадир, звеновод, женорг и редактор стенной газеты чувствуют повседневную проверку своей работы и помощь со стороны дирекции МТС и политотдела,—там имеются положительные результаты в ходе уборки и хлебопоставок.

Опыт работы политотдела Борской МТС является одним из наглядных положительных примеров.

Во всех парторганизациях колхозов Борской МТС регулярно проводятся партсобрания. Докладчики по основным политическим вопросам на этих собраниях созываются политотделом на специальные совещания, инструктируются и снабжаются необходимой литературой. Все работники политотдела присутствуют на партсобраниях в колхозах, помогая колхозным парторганизациям правильно ставить и разрешать вопросы, давать правильное политическое направление их обсуждению, поднимать активность коммунистов и беспартийного актива на собраниях.

За время уборки на колхозных партийных собраниях с активом, помимо вопросов уборочной, были поставлены и обсуждены боевые общеполитические вопросы.

Посещаемость колхозных партсобраний очень высока.

Каждая колхозная парторганизация Борской МТС имеет крепко сколоченный беспартийный актив. Организованы группы сочувствующих.

Членов партии в колхозных парторганизациях Борской МТС 54, кандидатов — 48, сочувствующих — 34.

К организации групп сочувствующих политотдел Борской МТС подошел не формально. В группы сочувствующих приняты лучшие активисты-колхозники. Перед утверждением их все они созывались политотделом и начальник политотдела лично провел с ними беседу о нашей ленинской партии, о том, что такое группы сочувствующих и какие обязанности возлагаются на сочувствующего.

Серьезная политическая работа, проведенная политотделом, хорошо организованная товарищеская встреча сочувствующих с политотделом накануне уборки сыграли большую роль в проведении мероприятий политотдела во время уборки и хлебосдачи. Сочувствующие являются хорошими по-

мощниками в повседневной работе политотдела и колхозных парторганизаций.

В колхозах Борской МТС широко развернуто социалистическое соревнование, хорошо работают производственные совещания, регулярно выходят бригадные стенгазеты, проводятся вечера вопросов и ответов, на которых присутствуют почти все колхозники.

Для успешной реализации решений июньского пленума ЦК политотделом Борской МТС созданы две бригады, возглавляемые политотдельцами. В состав их входят агроном, зоотехник, культурник и другие работники. Об'ектом своей работы они наметили несколько МТФ и полеводческих бригад. Приехав на место, они изучают ферму или бригаду со всех сторон (поголовье, корма, помещение, рабочая сила, организация труда, агротехнические работы, партмассовая работа, система руководства). После этого вместе с руководителями колхозов и колхозниками намечаются практические мероприятия для ликвидации вскрытых недостатков, устанавливаются сроки выполнения этих мероприятий и организуется соревнование на проведение их в жизнь. Хорошо разработаны учет и проверка выполнения намеченных мероприятий.

Образец большевистской перестройки партийно-массовой работы на основе решений XVII партс'езда показывает парторг колхоза «Красный путь», Богатовской МТС, тов. Есипов. В колхозе имеется первичная партийная организация (3 коммуниста и 1 кандидат партии). Недавно создана группа сочувствующих из 9 человек.

Годовой план хлебопоставок по пшенице колхозом выполнен уже в августе.

У партийной организации этого колхоза можно поучиться. Во всех бригадах выделены партприкрепленные, комсомольские организаторы и редакторы бригадных газет. Парторг колхоза Есипов каждую пятидневку созывает короткие совещания коммунистов и комсомольцев бригад. Обыкновенно на этих совещаниях обсуждаются результаты производственной работы бригад и отдельных звеньев, заслушиваются отчеты коммунистов-одиночек в бригадах и отчеты бригадиров. Чаще всего такие совещания устраиваются на току в присутствии колхозников.

Во всех бригадах проводятся ежедневно получасовые производственные совещания в обеденный перерыв или после окончания работы. На этих совещаниях обсуждаются звеновые показатели и показатели работы отдельных колхозников, а также проверяется выполнение социалистических обязательств.

В каждом стане, кроме черной и красной досок, организованы культвитрины, где вывешиваются вырезки из центральных и краевых газет.

Каждая бригада выпускает свою стенную газету. Помимо этого раз в декаду партийная организация и правление колхоза выпускают так называемую «кольцевую», общеколхозную газету. Опыт «кольцевой» газеты интересен тем, что она дает возможность всем колхозникам, работающим в бригадах, узнать, как идут уборка и хлебопоставки по всему колхозу. Через «кольцевую» газету передается опыт работы лучших бригад, лучших ударников колхозного производства.

Парторг колхоза Есипов имеет план партийно-массовой работы по бригадам. Такой же план есть и во всех бригадах. Основное назначение плана — регламентировать проведение партийного и комсомольского дней, коллективных читок газет и художественной литературы.

Особенного внимания заслуживает опыт борьбы партийной организации колхоза за выполнение плана хлебопоставок. Колхозники постановили сдать государству хлеб досрочно и только самым доброкачественным зерном. Практически это реализуется так: молотьба хлеба в колхозе производится с выборочных клеток, где качество хлеба самое лучшее. После мо-

лотилки зерно пропускается через две веялки, затем через два больших сита, и только после этого хлеб отправляется на элеватор.

Мы привели несколько положительных примеров постановки партийной работы в колхозах Средневолжского края. Но необходимо указать, что многие политотделы еще не взялись как следует за оживление внутрипартийной работы колхозных парторганизаций. Причины этого кроются в недостаточно внимательном отношении отдельных политотделов и в первую голову заместителей начальников по партмассовой работе к вопросам организации повседневной партийно-массовой работы на стану, в бригаде.

Заместители начальников политотделов по партмассовой работе часто занимаются этой работой недостаточно углубленно не считают ее своей главной и основной работой, ведут свою прямую работу «вообще», бессистемно, беспланово.

В прошлогоднем решении ЦК ВКП(б) о работе ячеек колхозов «Искра» и «Вперед» указано, что каждый коммунист обязан активно участвовать в развертывании производственной и массово-политической работы в колхозе, показывать образцы работы, вникать «во все детали дела, быть бойцом-организатором, сплачивающим вокруг ячейки актив и колхозные массы, в борьбе за успех сева и хозяйственное укрепление колхоза, против кулака, лодыря, рвача, прогульщика».

Серьезная постановка партийно-массовой работы в колхозе требует продуманного и глубокого подхода к ее организации и руководству ею. Наскоком, гастролерством, «попутно» эту работу организовать нельзя. Это будет не массовая работа, а болтовня, пустая шумиха. Здесь требуются серьезное, живое партийное руководство и большая повседневная, кропотливая работа, требуется практическая помощь колхозным организациям со стороны политотделов.

* * *

Лозунг товарища Сталина о том, чтобы колхозники честно трудились и берегли колхозное добро, усвоен далеко не всеми колхозниками. Политотделам надо еще много поработать над социалистическим воспитанием колхозников. Нужно еще упорнее бороться против мелкобуржуазной распущенности в колхозах. И на уборке и на озимом севе выявлено много случаев недобросовестного отношения к труду, к охране колхозного добра. А задача политотделов—добиться того, чтобы все колхозники честно трудились, чтобы все колхозы стали большевистскими, а все колхозники—зажиточными.

Дальнейшие успехи в укреплении колхозов немыслимы без серьезной, продуманной организации и под'ема животноводства. Продвигать колхозы вперед, к зажиточной жизни, — это значит прежде всего добиться быстрейшего роста поголовья коров, овец, свиней, коз, птицы, и т. д.

Животноводство является наиболее сложной отраслью сельскохозяйственного производства. Оно требует четкой организации труда, особого внимания ко всем мелочам, глубокого знания техники дела.

Мы еще не добились того, чтобы в каждой МТС был конкретный, оперативный план под'ема животноводства по каждому колхозу, каждой бригаде, чтобы каждый колхозник знал этот план и самоотверженно и активно боролся за его выполнение. Мы еще не добились того, чтобы задача под'ема животноводства рассматривалась всеми колхозниками в тесной, неразрывной связи со всем дальнейшим укреплением колхозов.

Если произошел кое-какой сдвиг в приросте поголовья скота в обобществленном стаде, в особенности по колхозным фермам, то общее поголовье скота по краю за этот год все же снизилось. Состояние животноводства по краю можно охарактеризовать следующими выборочными данными. Одновременно с общим снижением поголовья рабочего и продуктивного ско-

та в структуре стада по колхозно-крестьянскому сектору произошли весьма существенные изменения. В 1929 г. удельный вес рабочих лошадей в общем поголовье составлял 75,9%, а молодняка до одного года — 12,1%. В 1932 г. удельный вес рабочих лошадей поднялся до 86,6%, а количество молодняка сократилось до 5. Аналогичная картина наблюдается и в отношении продуктивного скота: коров в общем поголовье в 1929 г. было 45,6%, а телят до одного года — 30%; в 1933 г. коров стало 62,6%, а телят до одного года — только 14,7%. Такое же положение с овцами и свиньями.

О чем говорят эти цифры? Они говорят об очень серьезной опасности: сокращение стада происходит за счет маточного состава и главным образом за счет молодняка. Из-за отсутствия ремонтного молодняка возможность быстрого воспроизводства поголовья стада затрудняется.

Поэтому основная и главная задача в области животноводства заключается прежде всего в том, чтобы совершенно прекратить отход молодняка и тем самым добиться общего увеличения поголовья.

В 1934 г. по краю значительно лучше дело обстоит с отелом, окотом и опоросом в стаде товарных колхозных ферм. Если на 1 мая 1933 г. родилось 30 880 телят, ягнят — 69 698 и поросят — 45 260, то на 1 мая 1934 г. приплод телят составил 44 000 голов, ягнят — 148 452, поросят—62 008.

В настоящее время по краю можно насчитать сотни ферм, которые сохранили весь полученный приплод. Так, товарная ферма колхоза им. Ворошилова сохранила всех родившихся 40 телят. СТФ колхоза «Боевик» получила на каждую матку 9 поросят и сохранила все 115 поросят. СТФ им. Торглера получила 200 поросят и сохранила этот приплод полностью.

Практика работы лучших МТФ показывает целесообразность прикрепления работников фермы к определенной группе скота на весь период с.-х. работ, но не меньше чем на год. Это дает возможность колхознику или колхознице хорошо изучить все особенности прикрепленного к ним скота, а значит, и умело использовать технические приемы ухода.

Очень важно покончить с текучестью работников колхозных товарных ферм; надо пробудить у колхозников интерес к работе с овцами, свиньями и коровами, чтобы на работу в животноводческие фермы посылались не случайные люди, не изгнанные из полеводческих бригад негодные работники, а честные и проверенные колхозники, самоотверженно борющиеся за укрепление колхозного строя.

Ведь смог же колхоз им. 15-й годовщины Октября (Покровский район) добиться такого положения, когда из 12 работников его молочно-товарной фермы 10 работают на ферме беспрерывно третий год.

Особенно вредной является широко распространенная форма организации единой животноводческой бригады для обслуживания всех ферм: молочной, овцеводческой, свиноводческой, птицеводческой, кролиководческой, пчеловодной. Такая практика вредит правильной организации животноводческого хозяйства. Разные виды скота требуют различных пастбищ, на практике очень часто удаленных друг от друга. Ясно, что бригадир такой «единой» животноводческой бригады не имеет физической возможности бывать на всех фермах ежедневно, хотя бы один раз. Поэтому и пользы от работы бригадира не будет никакой.

Больным вопросом является роль бригадира животноводческой бригады. На практике зачастую бригадир не пользуется должным авторитетом, его работа обезличена, нередко, помимо бригадира, в животноводческую бригаду назначаются люди, даются распоряжения о выдаче и переброске скота, кормов, и т. д. И выходит, что бригадир, по существу, не имеет никаких прав, не является единоначальником своей бригады. Ясно, что такое отношение к бригадиру наносит большой вред работе животноводческой бригады.

Самым слабым местом в работе по животноводству является недостаточное внимание к подбору животноводческих кадров. Подбором конюхов и

других животноводческих кадров политотделы занимаются явно недостаточно. Большинство политотделов ограничивается в лучшем случае только созывами слетов, организацией краткосрочных курсов. Слабо очищаются животноводческие кадры от кулацких недобитков, от воров и лодырей.

Основой развития животноводства является кормовая база. Без наличия устойчивой кормовой базы не может быть уверенности в успешности борьбы за под'ем животноводства. В крае на каждую голову скота (в переводе на крупный рогатый скот) приходится полтора га выгона. При условии правильного использования лугов и пастбищ, необходимой их обработки и удобрения эта площадь с избытком обеспечит потребность нашего скота в кормах.

Простое улучшение лугов путем уничтожения кустарников и кочек увеличивает производительность кормовых угодий на 20—25%. Применение минеральных удобрений дает повышение урожайности кормов на 30—60%. Эти простейшие мероприятия не требуют громадных капиталовложений, но они могут быть осуществлены лишь при наличии необходимой организованности и настойчивости колхозов и политотделов.

Плохо с травосеянием. В крае из году в год не выполняется план посева трав. В 1933 г. план посева однолетних трав был выполнен на 79%, корнеплодов — на 68,9%. В 1934 г. план посева однолетних трав выполнен на 81,5%, корнеплодов — на 83%. В большинстве районов и МТС недовыполнение плана посева трав пытаются оправдать отсутствием семян. А в то же время не используется такая возможность, как сбор дикорастущих трав (план их сбора в 1933 г. был выполнен только на 7%).

Наш край богат возможностями использования веточного корма. По самым минимальным подсчетам, в порядке ухода за лесами на площади сплошных рубок можно заготовить свыше 100 тыс. т высокоценного, питательного веточного корма для скота. Веточный корм по своей питательности превосходит солому и немногим ниже среднего сена. А мы пренебрегаем этим делом, часто считаем его пустой затеей!

Много кормов теряется из-за плохого проведения сенокосной кампании. Мы запаздываем с сенокошением, не боремся за то, чтобы взять по 2 и даже по 3 укоса в лето, не добиваемся в этом деле такого же оперативного руководства, как в весеннем севе.

Колхозные товарные фермы наряду с животноводческими совхозами являются основной формой социалистического животноводства. Каждая колхозная товарная животноводческая ферма, если работа в ней правильно организована, является источником укрепления колхоза и роста зажиточной жизни колхозников.

Вся наша страна борется за развитие животноводства. Июньский пленум ЦК ВКП(б) дал четкую программу развития животноводства. Эту программу необходимо реализовать.

Дальнейший успех работы политотделов будет измеряться прежде всего показателями под'ема животноводства.

* * *

Одной из важнейших предпосылок дальнейшего под'ема сельского хозяйства края является вопрос о завершении полной коллективизации, о правильном отношении к оставшимся единоличникам. Товарищ Сталин на XVII с'езде сказал:

«...Дальнейший процесс коллективизации представляет процесс постепенного всасывания и перевоспитания остатков индивидуальных крестьянских хозяйств колхозами».

Дальнейший рост коллективизации требует постоянной, систематической работы с единоличником, постоянного, неослабного внимания к укреплению колхозов.

Надо со всей прямотой заявить, что серьезной работы по коллективизации районные организации и политотделы, а также и краевые органы за последнее время не вели. Отдельные районные организации имеют стабильную цифру коллективизации. В крайзу единоличник был попросту сброшен со счетов и предоставлен самому себе. Наравне с этим в некоторых районах допускался грубый административный произвол по отношению к единоличнику. А в ряде районов Мордовии были попытки улучшить материальное положение единоличников за счет колхозов и отдельных колхозников, что способствовало оживлению деятельности кулацких элементов и породило колебания у неустойчивой части колхозников.

Руководители отдельных партийных организаций Мордовии при исправлении перегибов из одной крайности «шарахнулись» в другую. Они забыли, что революционная законность прежде всего стоит на страже интересов пролетарского государства и обобществленной колхозной собственности и что колхозы и колхозники должны находиться в преимущественном положении перед единоличником. Своей оппортунистической практикой эти работники нанесли вред делу коллективизации. Ряд работников либерально относился к единоличникам, саботирующим выполнение государственных заданий (мясопоставки, финплатежи, зернопоставки).

Чтобы исправить допущенные политические ошибки, потребовалось специальное решение крайкома ВКП(б).

* * *

Средняя Волга принадлежит к числу передовых краев. Это обстоятельство вызывает у некоторых работников края настроения зазнайства, самоуспокоенности. В этом отношении особенно характерны уроки Пензы. ЦК в своем решении о пензенской организации указал, что «руководство пензенской организации, во главе с б. секретарем Ильиным — после первых успехов в области сельского хозяйства, достигнутых осенью 1933 г.,— совершенно демобилизовалось, проявило чуждое большевизму зазнайство и самоуспокоенность, что привело к упадку политической и хозяйственной работы, к крупным политическим ошибкам, к грубейшим нарушениям государственной дисциплины, к бытовому разложению ряда работников. Пензенское партийное руководство подменило организаторскую работу болтовней о перестройке и не видело крупнейших провалов в работе».

Решение ЦК об ошибках и болезненных явлениях пензенской партийной организации представляет образец конкретного руководства и той помощи, какую ЦК оказывает партийным организациям, вскрывая со всей большевистской непримиримостью их недостатки. Оно помогло партийным организациям и политотделам быстрее вскрыть грубейшие извращения линии партии, факты зажима самокритики и отрыва от масс. Оно еще больше подняло революционную бдительность коммунистов и мобилизовало краевое руководство, райкомы и политотделы на преодоление трудностей в работе.

На основе решения ЦК краевому комитету партии удалось за последнее время вскрыть в отдельных районах вопиющие факты грубейшего нарушения революционной законности, разложения отдельных работников, использования служебного положения в личных, корыстных целях. Например в соль-илецкой организации заврайфо Кулагин, председатель райпотребсоюза Бутузов, заворготделом потребсоюза Кулаткин и ряд других работников организовали жульническую шайку, занимавшуюся самоснабжением, обворовыванием государственных торговых предприятий и кооперации. Эти люди сумели растащить 500 ц хлеба. Выдачу продовольственных карточек они превратили в воровские махинации. Карточки выдавались по запискам. Фонды рабочего снабжения разбазаривались.

Все это прошло мимо районного комитета партии. Райком узнал об этих фактах от краевого комитета, который, получив сигналы от колхозников и рабочих Соль-Илецка, послал туда специальную комиссию.

Краевые кооперативные и снабженческие организации так же проглядели это дело. Этот факт показывает, что проверка исполнения в этих органах поставлена совершенно неудовлетворительно, что в их работе преобладают методы бюрократического руководства, что здесь не знают и не изучают живой, конкретной действительности.

В майнской организации с ведома, даже больше — с одобрения секретаря райкома партии Мицина, государственный хлеб растаскивался на нужды различных организаций. Часть хлеба, поступающая по хлебопоставкам и натуроплате работ МТС, не приходовалась, а оставалась в районных «резервах».

В Чапаевском районе были вскрыты факты притупления классовой бдительности. Там в течение полугода рик не принимал никаких мер в отношении лишения прав гражданства 50 кулаков, вычищенных из колхоза. В этом же районе были обнаружены факты злостной волокиты в разборе дел со стороны прокуратуры, разбазаривание и самоснабжение за счет государственных средств.

Одновременно со вскрытием болезненных явлений в пензенской организации были выявлены извращения линии партии, зазнайство, зажим самокритики и отрыв от масс в ульяновской и каменской организациях и в Мордовии.

У отдельных коммунистов не хватает иногда смелости развернуть самокритику невзирая на лица, решительно разоблачать конкретных виновников зла.

Решение ЦК о пензенской парторганизации обязывает большевиков Средней Волги проявить особую требовательность в деле подбора и выращивания кадров.

Колхозный строй воспитал и воспитывает все новые и новые тысячи людей — энтузиастов колхозного производства.

«Когда говорят, что у нас нет людей, — это неправильно. Люди есть, и талантливые люди, надо уметь их выдвинуть, поднять, поставить на надлежащее место. Надо уметь по-настоящему ими руководить.

Надо поставленного на место работника воспитывать, поднимать его в процессе работы с тем, чтобы он не выхолащивался, чтобы он не запылился. Надо время от времени тряпочкой вытирать пыль, которая на него падает» (Каганович. Речь на XVII партс'езде).

Задача всей краевой партийной организации и политотделов заключается в том, чтобы на основе смелого развертывания большевистской самокритики, на основе упорной работы над повышением идейной вооруженности каждого коммуниста, на основе повседневной решительной борьбы с недостатками в работе подготовиться к чистке партии и конкретными делами успешным окончанием всего цикла сельскохозяйственных работ доказать свое уменье бороться за осуществление решений нашей партии.

Развитие единого фронта во Франции

А. Вассар

(член ЦК КП Франции)

15 июля Национальный совет французской социалистической партии принял огромным большинством голосов (3471 против 366) предложение ЦК французской компартии о совместном выступлении против фашизма. В этой победе идеи единого фронта, в этом важнейшем событии, огромное значение которого нельзя недооценивать, ярко проявляется, в первую очередь, рост боевых настроений трудящихся масс Франции; вместе с тем оно является результатом упорной работы компартии в массах и особенно среди рабочих, принадлежащих к социалистической партии, в целях сплочения антифашистских сил.

Борьба французской компартии за единый фронт снизу завоевывала с каждым днем все более широкие массы рабочих, находящихся в рядах социалистической партии, усиливая таким образом нажим низов социалистической партии на ее руководство в интересах осуществления единого фронта. Боясь усилить кризис в рядах своей партии, не желая вступать в открытый конфликт с широкими массами своих членов, вожди социалистической партии приняли предложения компартии. Во время прений в Национальном совете Лонге указывал на «течение среди масс в пользу единства действия, от которого партия не может отворачиваться, не приговаривая себя тем самым к смерти». Один из делегатов провинции резюмировал мнение большинства активных членов социалистической партии, заявив, что «Национальный совет должен юридически закрепить то, что уже фактически осуществилось». Наконец, генеральный секретарь социалистической партии Поль Фор заявил, что надо принять коммунистические предложения, «т а к к а к у ж е с л и ш к о м п о з д н о о т с т у п а т ь».

Напомним кратко основные этапы борьбы за единый фронт.

С середины 1932 г. французская компартия сильно расширила свою работу в массах, стремясь возможно скорее добиться совместных выступлений с рабочими, находящимися в рядах социалистической партии. Подготовка Антивоенного конгресса, созванного в конце августа 1932 г. в Амстердаме, помогла добиться больших результатов в этом направлении.

Отчетная кампания, проведенная после Амстердамского антивоенного конгресса, создание по всей стране сети комитетов борьбы с войной, массовое выступление против воздушных маневров, а также первые угрозы со стороны левого правительства усилили движение за единый фронт. В конце октября 1932 г. во Франции существовало уже 300 антивоенных комитетов. Социалистические лидеры, которые категорически отказались участвовать в Амстердамском конгрессе и предостерегали членов своей партии против этого «коммунистического маневра», забеспокоились. Заместитель секретаря социалистической партии Северак писал в органе «левого» крыла социалистической партии:

«Мне кажется, что самым серьезным в амстердамской афере является не то, что товарищи сознательно нарушили указания административной комиссии партии, и даже не то, что эти товарищи были доведены до того, что дали или как будто бы дали свое согласие на резолюцию, пытающуюся дискре-

дитировать международную организацию, к которой они принадлежат; по моему мнению, самым серьезным является то, что их присоединение к амстердамскому движению можно, по существу, об'яснить лишь отсутствием доверия к политике своей партии» («Батай сосиалист», октябрь 1932 г.).

Стараясь восстановить доверие, которое социалистическая партия начинала терять среди своих членов, «левая» федерация департамента Сены потребовала, чтобы II интернационал предал забвению свой отказ от участия в Амстердамском конгрессе и взял на себя инициативу созыва нового международного антивоенного конгресса. Стремясь задержать дальнейшее развитие движения за единство действия, руководство социалистической партии организовало 11 ноября 1932 г. в Пантеоне собрание в память Жореса, в то время как другие рабочие организации уже провели центральную антивоенную демонстрацию. Социалистические лидеры старались внести замешательство в массы, не допустить, чтобы движение за единый фронт пошло по линии конкретных действий, борьбы против подготовки войны.

Однако ни маневры, ни угрозы, ни всевозможные диверсионные попытки не смогли задержать рост движения за единый фронт. В начале 1933 г. во Франции существовало уже 400 амстердамских антивоенных комитетов. В состав этих комитетов входили три департаментские федерации и 140 местных организаций социалистической партии с 8 тыс. членов.

С приходом к власти германского фашизма движение за единый фронт вступило в новую фазу. 6 марта 1933 г. ЦК французской компартии обратился в соответствии с призывом, опубликованным ИККИ, с открытым письмом к трудящимся, находящимся в рядах социалистической партии, и к руководству последней с предложением создать общий боевой фронт борьбы с наступлением капитала, за основные требования трудящихся города и деревни. Компартия предложила создать комитеты действия, в которые вошли бы трудящиеся всех направлений, организовать уличные демонстрации, забастовки по всей стране и провести национальный день демонстраций в защиту требований французских трудящихся и для оказания помощи германским трудящимся.

Это предложение, поддержанное энергичной кампанией в печати, вызвало горячий отклик в рабочих массах и среди рабочих-социалистов. Руководство социалистической партии, однако, хранило полное молчание по поводу коммунистических предложений. ЦК французской компартии не получил ответа на свое открытое письмо. 28 марта социалистическая партия опубликовала короткое сообщение, в котором говорилось, что «административная комиссия партии решила ждать решения рабочего социалистического интернационала, прежде чем принять предложение о совместных действиях с другими политическими организациями».

Как ни был силен тогда нажим масс, он все же оказался недостаточным для того, чтобы опрокинуть сопротивление социалистических лидеров. Этот нажим, однако, возрастал; одновременно росло беспокойство некоторых лидеров социалистической партии. Секретарь парламентской фракции социалистической партии Деа показал себя одним из самых ожесточенных противников единого фронта с коммунистами. Выступая в роли теоретика своей партии, он писал:

«Если мы уступим и покинем свои позиции, если мы не будем их энергично отстаивать, мы погибнем, и только большевизм выиграет от этого сближения и от этих совместных выступлений. Я гораздо больше боюсь коммунистического заговора чем радикального, и об этом нужно будет в первую очередь думать на июльском с'езде» («Ви сосиалист», май 1933 г.).

С этого момента вопрос о едином фронте становится одним из важнейших элементов кризиса, свирепствующего в рядах социалистической партии. Обостряется внутренняя борьба по вопросу о том, каких методов придерживаться, чтобы обеспечить поддержку правительству, не оскорбляя слишком явно чувства социалистических масс, выражающих все большее недовольство этой политикой. Лидеры социалистической партии, принадлежащие к правому крылу и к центру, продолжали относиться к единому фронту с открытой враждебностью. Руководители «левого» крыла, обеспокоенные движением масс и подвергающиеся все более ожесточенной критике со стоны своих собственных сторонников, начинали поговаривать о возможности единства действия.

Стадия категорического отказа от предложения коммунистов о едином фронте была пройдена. Начался период обсуждения условий, необходимых для его осуществления.

Борьба внутри социалистической партии достигла такой степени, что в ноябре 1933 г. раскол сделался неизбежным. Национальный совет исключил правых депутатов: Марке, Деа, Монтаньона, защищавших неофашистскую программу и создавших свою «социалистическую партию Франции». Одновременно Национальный совет исключает и руководителей «социалистического действия», сторонников единого фронта, участников амстердамского движения.

Каковы причины кризиса социалистической партии? Кризис этот об'ясняется, во-первых, развалом II интернационала и капитуляцией германской социал-демократии перед Гитлером. Далее, он является результатом обострения классовой борьбы во Франции и роста боевой решимости масс, направленной против политики «левых» правительств, пользовавшихся почти постоянной поддержкой парламентской фракции социалистов. Наконец, кризис этот является результатом все большей тяги масс к единому фронту, за который компартия со всей энергией вела борьбу, при упорном саботаже единого фронта вождями социалистической партии. В социалистической партии на первый план выдвинулись более «левые» фигуры, могущие задержать рост коммунизма и облегчить возможность социалистической партии маневрировать против развития единого фронта. Раскол посеял в массах иллюзии насчет возможности «выправления» линии социалистической партии, отказа от интриг и парламентских компромиссов с буржуазными партиями, иллюзии насчет возможности возвращения к энергичным действиям и к независимости от буржуазных групп, с которыми социалистическая партия была связана.

Французская компартия усилила в этот период свою работу среди социалистических рабочих, вовлекая их в борьбу за совместное выступление в защиту конкретных требований французского пролетариата. И если «левые» жесты французских социалистических лидеров смогли до известной степени временно вернуть доверие масс к руководству социалистической партии, то эти жесты не смогли уже разрушить прочную связь, установившуюся во многих местах между социалистическими и коммунистическими рабочими и даже между их организациями.

Всеобщая забастовка 12 февраля изменила взаимоотношения между низовыми организациями различных групп, участвовавших в антифашистском выступлении. Члены различных организаций, которые боролись совместно, не хотели, чтобы их сближение носило случайный характер, чтобы оно прошло бесследно. Французская компартия и Унитарная конфедерация труда призывали к созданию об'единенных комитетов борьбы на основе амстердамского антивоенного и антифашистского движения. Число этих комитетов сильно выросло, дойдя в апреле 1934 г. до 800.

Социалистические лидеры, продолжая враждебно относиться к амстердамскому движению, не имели возможности непосредственно выступить против комитетов, ввиду того что в последних участвовал целый ряд социалистических организаций (многие низовые социалистические организации создавали даже по собственному почину подобные комитеты). Тогда социалистические лидеры выступили с идеей создания «комитетов бдительности», обособленных от амстердамского движения. И, как будто для того, чтобы не оставить сомнения насчет своего враждебного отношения к единству действия, Национальный комитет реформистской конфедерации труда на заседании 20 февраля принял резолюцию, осуждающую единый фронт.

* * *

После февральских событий глубокие перемены произошли во Франции. Фашистский путч 6 февраля не дал возможности буржуазии немедленно полностью добиться всех своих целей. Буржуазия, однако, смогла положить конец парламентской анархии и создать правительство национального единения, в котором представлены все буржуазные партии, борющиеся за «дело оздоровления». Это правительство получило неограниченные полномочия: оно выпустило целый ряд декретов, снизив жалованье и пенсии чиновникам и бывшим фронтовикам в интересах крупной буржуазии, оно выработало новую налоговую систему, сильно увеличило кредиты на военные нужды, облегчило развитие и вооружение фашистских лиг.

В то время как все яснее выявляются и укрепляются эти тенденции к «законной фашизации», собственно фашистские группировки проявляют большую активность, стараясь преодолеть слабости, обнаружившиеся в феврале вследствие отсутствия у них массовой основы, общей программы и об'единенного движения. Особенно энергичную деятельность они развивают среди промежуточных слоев населения, сильно пострадавших от экономического кризиса. Они стараются завербовать побольше людей в свои боевые организации; пытаются проводить многолюдные собрания в крупных провинциальных центрах, используя лозунг «национального единения», символом которого является правительство Думерга. При этом фашистские группы спекулируют на последних скандалах, выявивших парламентскую коррупцию, и ведут необузданную демагогическую антипарламентскую кампанию, расчищая путь «авторитетным методам», необходимым буржуазии для сокрушения боевой решимости трудящихся масс.

Процесс фашизации наталкивается, однако, на целый ряд затруднений. В лагере буржуазии есть сторонники того мнения, что «сильное правительство», о необходимости которого говорят все буржуазные партии, может быть сформировано законным конституционным образом, с помощью некоторых важных изменений в работе правительственного аппарата. К этим изменениям относятся уменьшение парламентских прерогатив, право роспуска Палаты депутатов без разрешения сената, выработка нового статута для чиновников с отменой права забастовки, и пр. Другие, однако, настаивают на быстрейшем переходе к политике беспощадного насилия, утверждая, что подготовка фашизма на путях «национального единения» продолжается слишком долго. В качестве аргумента они приводят факты, характеризующие обострение положения во всей Европе. Они указывают на обострение экономического кризиса, заявляя, что необходимо новое наступление на жизненный уровень трудящихся масс, чтобы получить возможность снизить издержки производства; они указывают на усиление боевой решимости масс в результате осуществления единства действия.

Усиление боевой решимости масс, проявляющееся главным образом в антифашистской борьбе, имеет свои особенности. Среди людей, борющихся в

одних рядах, плечом к плечу, с коммунистическими рабочими против фашистских собраний и демонстраций, многие принадлежат к нереволюционным организациям или находятся под влиянием последних и связаны с ними несмотря на свою справедливую критику политики и руководителей этих организаций. Эти рабочие еще далеко не всегда находятся под влиянием компартии. Несмотря на улучшение в работе французской компартии, несмотря на бесспорный рост ее влияния и авторитета во время февральских боев и после них многие трудящиеся все еще не считают компартию лучшим защитником своих интересов, все еще не уверены в том, что это единственная партия, способная руководить их борьбой и привести их к победе. Влияние компартии еще не охватывает всей огромной рабочей массы, участвовавшей в революционных боях после февраля.

Уже 12 февраля во всеобщей забастовке участвовало не меньше 4 млн. трудящихся.

После февральских боев произошел целый ряд новых массовых демонстраций. Начальник французской полиции, министр внутренних дел Сарро, привел недавно цифры, характеризующие размеры движения. Даже по этим цифрам, за время с февраля по июнь в Париже состоялись 930 публичных собраний и 22 уличных демонстрации, во время которых было ранено 376 полицейских; в провинции состоялось 634 демонстрации, заставивших поставить на ноги 30 тыс. жандармов. При этом во время столкновений было ранено 220 полицейских.

Демонстрации эти подготовлялись и проводились не только компартией, но и различными организациями, установившими единый фронт. Эта тенденция к развитию единого фронта низовых организаций настолько усилилась после совместных выступлений в феврале, что даже социалистическая партия не могла больше открыто выступать против нее. 11 марта 1934 г. Национальный совет был принужден вынести резолюцию, призывавшую к «борьбе за сплочение всех пролетарских элементов», причем это сплочение, однако, «не должно выходить из местных рамок и не должно привести к созданию постоянных органов, подменяющих партию».

Майский с'езд социалистической партии показал рост движения за единый фронт во всей стране. 35% делегатов с'езда высказались за включение социалистической партии в амстердамское движение. Около 40% потребовало отправки делегации в Москву для обсуждения с Коммунистическим Интернационалом условий, на основе которых можно было бы добиться единства действий социалистической и коммунистической партий.

Учитывая изменившееся положение, ЦК французской компартии принял ряд важных решений. ЦК КПФ подтвердил необходимость скорейшего сплочения всех антифашистских сил для борьбы с ростом фашизма и мерами фашизации, проводимыми правительством национального единения. Исходя из этих целей, ЦК КПФ и конференция французской компартии внесли целый ряд поправок в методы работы компартии в области защиты немедленных требований трудящихся масс и работы среди промежуточных слоев населения. Была пересмотрена позиция партии по отношению к опасности, угрожающей рабочему классу в результате фашизации. Указав на рост фашистской опасности при одновременном усилении массового движения за единство действия и учитывая необходимость расширения протеста против гитлеровского террора, ЦК французской компартии решил публично сделать социалистической партии новые предложения о едином фронте.

31 мая ЦК КПФ обратился к рабочим, отдельным организациям и к административной комиссии социалистической партии с предложением организовать в крупных городах во второй половине июля совместные митинги и демонстрации.

На основе этих предложений состоялась открытая дискуссия при участии представителей обеих партий. Административная комиссия социалистической партии, высказываясь на словах за предложения компартии, требовала всевозможных гарантий и публичного обязательства компартии отказаться от какой бы то ни было «оскорбительной критики» в отношении социалистической партии. ЦК компартии указал, что «оскорбительных выпадов» не допускает, но заявил совершенно недвусмысленно, что компартия оставляет за собой «право теоретической критики, анализа фактов и событий и право сделать тактические выводы исключительно в интересах трудящихся масс». Несмотря на это административная комиссия, использовав в качестве предлога оценку политики социалистической партии, данную в статьях теоретического органа французской компартии «Кайе дю большевизм» (напечатанных, между прочим, еще до дискуссии), 19 июня отвергла коммунистические предложения, заявив, что она «не считает возможным продолжать начатые переговоры».

Однако 24 июня национальная конференция компартии вновь вернулась к первым предложениям ЦК, расширила их и снова публично обратилась к рабочим и к руководству социалистической партии, а 25 июля социалистические и коммунистические организации Парижской области договорились о совместном проведении митинга против фашизма, в защиту Тельмана. Новые предложения коммунистов и решение социалистических организаций Парижского района произвели огромное впечатление на широкие массы членов социалистической партии. Ожесточенные противники единого фронта: социалистические депутаты Фроссар, Дормуа и др.—выступили против «недисциплинированности» Сенской федерации. Но, учитывая впечатление, произведенное новыми предложениями компартии, административная комиссия вынуждена была созвать чрезвычайное совещание Национального совета социалистической партии для обсуждения возможности единого фронта с компартией.

Во время дискуссии выявилось со всей очевидностью, что социалистическая партия стремится в первую очередь добиться от компартии таких обязательств, которые помешали бы коммунистам продолжать свою раз'яснительную работу среди рабочих масс, находящихся под влиянием социалистической партии, и среди членов социалистической партии; социалистическая партия хочет помешать разоблачению противоречий между словами и действиями ее руководителей; она хочет заставить компартию отказаться от помощи членам социалистической партии, увидевшим двурушничество некоторых своих вождей и ведущим борьбу внутри социалистической партии. Что касается борьбы с фашизмом, то о ней дискуссионные документы социалистической партии говорят лишь постольку, поскольку это необходимо, чтобы замаскировать основные цели предложенного ими пакта.

ЦК французской компартии в своем предложении ясно указал цели борьбы, вытекающие из современного положения во Франции. ЦК указал основные формы этой борьбы с фашизмом. Что касается условий осуществления единого фронта, то компартия в интересах этого выступления оставляет за собой право разоблачать всех, кто нарушит взятые на себя обязательства.

Коммунистические предложения и большой успех митинга и совместной демонстрации социалистических и коммунистических организаций Парижского района дали новый мощный толчок движению за единый фронт. В этих условиях собрался Национальный совет социалистической партии. Высказав целый ряд оговорок об «опасностях единого фронта» и преподав ряд советов о необходимости «сохранять сугубое благоразумие при этом эксперименте», Национальный совет социалистической партии принял значительным большинством голосов коммунистические предложения о совместном выступлении.

* * *

Какую тактику проводила французская компартия в течение всего этого периода? Партия в первую очередь стремилась привлечь как можно большие массы трудящихся, в особенности членов социалистической партии, к конкретным выступлениям применительно к условиям момента. Повторные попытки коммунистов организовать единый фронт снизу увенчались немалым успехом в отношении борьбы с войной. Несмотря на враждебное отношение руководства социалистической партии к совместному выступлению социалистов и коммунистов, а отчасти именно по причине этой враждебности, возмущавшей наиболее сознательные и боевые элементы в рядах социалистической партии, число комитетов единого фронта все росло.

Французская компартия проводила тактику, выраженную в резолюции IV конгресса Коминтерна в вопросе о едином фронте. IV конгресс указал, что «и во время переговоров с вождями самостоятельность коммунистической партии и ее агитации не может быть подвергнута ограничению».

Если французская компартия в своей борьбе за единый фронт обращалась главным образом к низам, это отнюдь не означало, что она закрывала для себя возможность сделать п р и и з в е с т н ы х у с л о в и я х предложения руководству социалистической партии. Нужно было, чтобы эти предложения делались в момент, когда боевая решимость масс возросла до такой степени, что руководители нереволюционных партий и организаций должны были либо принять предложения коммунистов, уступая давлению масс, либо отвергнуть их и тем самым разоблачить себя как противников революционной борьбы.

Никакие предложения, однако, не могут заменить упорную работу в низах. Эта работа, привлекая массы к совместной борьбе, сближая их с коммунистами, убеждает как в целесообразности единого фронта, так и в необходимости углубления классовой борьбы. Предложения, сделанные верхам при правильном проведении других условий единого фронта, могут помочь подлинному расширению движения за единый фронт и, во всяком случае, разоблачению тех, кто саботирует борьбу, высказываясь против совместного выступления. V конгресс Коминтерна дал по этому вопросу указания, основанные на опыте германских событий 1923 г.: «Единство с н и з у и о д н о в р е м е н н о переговоры с в е р х а м и ... коммунисты должны сделать все возможное для того, чтобы приковать внимание рабочих масс к этим переговорам».

Здесь необходимо остановиться на некоторых колебаниях и ошибках по вопросу о едином фронте, обнаружившихся внутри компартии.

Последние два года борьбы французской компартии за единый фронт против войны и фашизма представляют собой важный этап в развитии партии и повышении политического уровня коммунистических кадров. В течение этого периода партии пришлось бороться с целым рядом уклонов. В 1932 г. были еще сильны сектантские выступления против массовой работы. Исправляя эти сектантские ошибки, компартия Франции иногда впадала в другую крайность. Приходилось бороться с оппортунистической концепцией, рассматривавшей единый фронт как самоцель, а не как средство мобилизации, вовлечения масс в борьбу. Много путаницы было допущено в этом вопросе: в первый период амстердамского движения многие французские коммунисты считали, что создание комитетов—это вершина, к которой следует стремиться; некоторые считали, что нужно заставить комитеты полностью принять программу компартии; другие утверждали, что нельзя от комитетов требовать «больше того, что они могут сделать».

В первом случае забывали, что «тактика единого фронта является не чем иным, как предложением коммунистов вести совместную борьбу со всеми рабочими...» (IV конгресс Коминтерна). Во втором случае забывали о спе-

цифической работе партии и о необходимости неуклонно развивать и пропагандировать свои взгляды и цели. Имелась также тенденция заниматься лишь формальной работой по созданию единого фронта. Некоторые члены КПФ даже считали, что единый фронт — это в первую очередь маневр против социал-демократии; исходя из этой «маневренной» концепции, часто делали социалистическим организациям такие предложения, о которых заранее знали, что они будут отвергнуты. Делалось это для того, чтобы затем использовать отказ для разоблачения вождей социалистической партии. Совершенно ясно, что коммунисты должны разоблачать всех выступающих против массовой борьбы или саботирующих эту борьбу. Тактика единого фронта помогает этому разоблачению, но не тождественна с ним. Тактика единого фронта — наиболее эффективное средство борьбы с капиталом, средство мобилизации масс. Сущность единого фронта сводится к мобилизации масс на борьбу с капиталом.

Дорио, которого некоторые социалистические лидеры стараются выставить как сторонника единства действия, тогда как он вел раскольническую кампанию против компартии, является типичным представителем этой категории «маневристов». Через несколько недель после того, как социалистические лидеры исключили из партии членов «социалистического действия», участвовавших в амстердамском движении, когда все старания компартии Франции были направлены к тому, чтобы мобилизовать массы социалистической партии под лозунгами борьбы за конкретные требования, Дорио рекомендовал обратиться к руководству социалистической партии с предложениями и выразил надежду, что они будут вновь отвергнуты. ЦК французской компартии осудил Дорио и всех тех, кто полагает, что формальное маневренное обращение к верхам может заменить упорную, трудную, но плодотворную работу в низах.

* * *

Развитие единого фронта и открытая дискуссия об условиях единства действия социалистической и коммунистической партий, естественно, оказали огромное влияние на французское профсоюзное движение. Был дан мощный толчок борьбе за профсоюзное единство.

По социальному составу Реформистская конфедерация труда коренным образом отличается от Унитарной конфедерации труда. Большую часть членов Реформистской конфедерации труда составляют государственные, коммунальные чиновники, учителя, железнодорожники, почтовики. Среди этих слоев населения, если не считать железнодорожников, очень немного членов унитарных союзов, а среди государственных служащих их вовсе нет.

Движение за единый фронт особенно развито там, где между унитарными и реформистскими кадрами имеется известная близость, как например среди железнодорожников. Члены тех и других союзов часто сталкиваются друг с другом, и поэтому здесь чувствуется сильное влияние унитарных союзов.

Основное возражение, выдвигаемое реформистскими лидерами против предложений о совместных действиях, сводится к указанию на необходимость предварительного создания профсоюзного единства. Они утверждают, что если члены унитарных и реформистских союзов осуществят на практике единый фронт, то это приведет к расколу в рядах профсоюзов. Таким образом, мешая на практике созданию единого фронта, реформистские лидеры делают вид, будто они являются искренними сторонниками единства. В течение долгого периода они искусно противопоставляли «органическое единство» профсоюзного движения единому фронту реформистских и унитарных организаций. Тем более не следует недооценивать значение этой тактики, что в последнее время реформистские лидеры проявили известную инициативу в вопросе профсоюзного единства. Используя незначительную реформистскую фракцию, образовавшуюся в рядах Унитарной конфедерации тру-

да, Реформистская конфедерация труда развернула широкую кампанию, стараясь доказать, что единственный способ добиться профсоюзного единства заключается в возвращении унитарных союзов в ее ряды, т. е., другими словами, — в полной ликвидации Унитарной конфедерации труда. Руководство Унитарной конфедерации труда, находившееся тогда под влиянием сектантской группы Барбе, не поняло важности этого маневра Реформистской конфедерации труда. Унитарная конфедерация труда потеряла до известной степени инициативу в борьбе за единый фронт и вынуждена была занять оборонительную позицию по отношению к Реформистской конфедерации.

С развитием наступления предпринимателей и правительства на условия жизни трудящихся во всей стране стали бурно возникать комитеты действия из представителей унитарных и реформистских союзов. Многие реформистские профсоюзы, в том числе союз учителей, насчитывающий 80 тыс. членов, приняли участие в Амстердамском конгрессе. В феврале 1932 г., еще до того, как руководство Реформистской конфедерации труда выявило свое отношение к всеобщей забастовке, пять крупнейших унитарных союзов Парижского района сделали уже конкретные предложения о совместном выступлении соответствующим реформистским союзам и высказались за проведение забастовки протеста против фашистских демонстраций, имевших место в Париже.

Это взаимное сближение низов унитарных и реформистских союзов дало возможность сделать дальнейший шаг на пути к созданию профсоюзного единства. Были созданы единые союзы путем слияния существующих профсоюзов, главным образом унитарных и реформистских. Сейчас имеется большое количество единых профсоюзов, особенно среди железнодорожников. Среди железнодорожников первый такой союз возник в марте, а в июне железнодорожники имели уже 31 единый союз, в июле—70. Почтовики имеют 7 единых союзов и 22 комитета действия, согласовывающих деятельность союзов, но пока воздержавшихся от слияния. В табачной промышленности имеется уже 13 единых союзов, и в других отраслях промышленности это движение с каждым днем усиливается.

Единые профсоюзы создаются на основе программы, категорически отвергающей сотрудничество классов, т. е. теперешнюю политику Реформистской конфедерации труда. Они развиваются несмотря на все старания реформистских лидеров помешать их созданию.

В единых профсоюзах введены самая широкая профсоюзная демократия и система пропорционального представительства, на основе которой выбирается руководство союза. Не присоединяясь к той или другой конфедерации, единые союзы призывают другие профсоюзы последовать их примеру и требуют, чтобы обе конфедерации в самый краткий срок осуществили профсоюзное единство, проведя слияние на всех ступенях профсоюзного движения. Создание единых профсоюзов является таким образом прямым вызовом тактике Реформистской конфедерации труда, которая знает лишь одно «единство», а именно: безоговорочное возвращение унитарных союзов в ее ряды, т. е. ликвидацию центров революционного профдвижения на благо реформистской профбюрократии и ее политики борьбы с ростом недовольства масс и их организацией.

Унитарная конфедерация труда 8 июля предложила Реформистской конфедерации труда немедленно организовать совместную борьбу: 1) за отмену декретов; в защиту профсоюзных прав и права забастовки; в защиту основных требований безработных; за разоружение и роспуск фашистских лиг; 2) за организацию выступлений в угольных районах, ввиду того что наступление предпринимателей угрожает в первую очередь горнякам.

Верхом цинизма является ответ Реформистской конфедерации труда на это предложение. «Унитарная конфедерация труда,—говорится в этом ответе,—видимо, примирилась с наличием двух профсоюзных рабочих движений

и, должно быть, не думает о том, чтобы положить конец этому плачевному состоянию, раскалывающему трудящихся» («Пепль» от 13 июня). Реформистская конфедерация труда снова настаивала на необходимости предварительно осуществить «органическое единство».

Не желая дать Реформистской конфедерации труда возможности продолжать противопоставлять единству действия «органическое единство», Унитарная конфедерация труда выступила снова и предложила совместно об'явить следующее:

«...2) Всеобщая и Унитарная конфедерации труда призывают активных работников и организации осуществить это единство в массовых выступлениях в защиту непосредственных интересов рабочего класса от предпринимателей и правительства; в борьбе за отмену декретов, за аннулирование карательных мер, принятых против служащих; в борьбе за рабочие права, за профсоюзные права, за право забастовки; в борьбе за французских трудящихся и иммигрировавших, а также за служащих и чиновников; в борьбе за 40-часовую неделю без сокращения зарплаты; в борьбе за разоружение и роспуск фашистских лиг; в борьбе с подготовкой войны.

3) Всеобщая и Унитарная конфедерации труда призывают неорганизованных трудящихся вступить в ряды единых союзов.

4) Всеобщая и Унитарная конфедерация труда устанавливают срок созыва конгресса единства, в котором примут участие с правом совещательного голоса делегаты единых союзов, избранные на собраниях этих союзов» («Ви увриер» от 15 июня 1934 г.).

Соблюдая основные требования профсоюзной демократии, Унитарная конфедерация труда считает, что только конгресс единства сможет выработать программу единой конфедерации труда. В современной обстановке вместо выработки «предварительных условий», которая потребует много времени и приведет к бесконечным спорам, Унитарная конфедерация труда предлагает такие основы, на которых возможны немедленные совместные выступления, и устанавливает практические условия, позволяющие созвать в скором времени конгресс единства.

Унитарная конфедерация указывает, что профсоюз является организацией борьбы рабочего класса с капитализмом и как таковая он должен быть независим от буржуазии, ее партий и правительств. Так как профсоюзы должны сплотить всех рабочих, то нужно в настоящее время учитывать, что рабочие могут принадлежать к различным политическим партиям. Поэтому профсоюзы должны быть формально независимы от партий. Это, однако, не мешает профсоюзам принимать участие в выступлениях, носящих политический характер, если дело идет об интересах и правах рабочих. Но профсоюз должен гарантировать своим членам полное право выражать свое мнение, право принадлежать к любой партии и бороться в ее рядах за торжество идей рабочего класса.

Эта концепция независимости профсоюзного движения, ясно выраженная Унитарной конфедерацией труда, не по вкусу реформистским лидерам. «Независимость» является для них чем-то совершенно другим: это не только независимость от партий, но запрещение доступа в профсоюзы для членов определенных партий и полное закрытие доступа в профсоюзы для рабочих, входящих в ряды компартии. Трудно иначе понять следующее заявление одного из секретарей Реформистской конфедерации труда Белена: «Профсоюзное единство—хорошая вещь. Но что пользы от него, если оно введет в наши союзы 25 тыс. большевиков, выступающих на словах и на деле не в роли профсоюзников, а в качестве коммунистов, выполняющих приказы, полученные от своей политической партии?» («Пепль» от 7 июля 1934 г.).

Но массы рядовых членов реформистских профсоюзов не разделяют этого мнения своих руководителей.

Успехи единых союзов отражают недовольство и рост оппозиции в рядах Реформистской конфедерации. Национальный с'езд организации почтовиков, насчитывающей 15 тыс. членов, единогласно выдвинул требование, чтобы Реформистская конфедерация труда не настаивала на ликвидации Унитарной конфедерации труда и подумала о других средствах осуществления единства. На последнем с'езде реформистской федерации железнодорожников 133 профсоюза из общего количества 400 высказались против позиции Реформистской конфедерации труда в вопросе единого фронта. Департаментские организации реформистских союзов также высказываются против непримиримой позиции реформистских лидеров. Движение за созыв конгресса слияния быстро растет среди членов реформистских союзов. Руководители некоторых крупных реформистских организаций вынуждены отказаться от непримиримой позиции, которую они защищали несколько месяцев назад. Особенно сильно движение за единство среди железнодорожников. Члены реформистских союзов уже не верят росказням своих лидеров о «двуличии» и «маневрах» унитарных союзов.

Проблема профсоюзного единства вступила сейчас во Франции в решающую фазу. Позиция реформистских лидеров шатка среди членской массы их собственных союзов. Вопрос лишь в том, сколько времени реформистские лидеры еще смогут цепляться за выдвинутые ими условия слияния, относительно которых они отлично знают, что они не могут быть приняты Унитарной конфедерацией труда; весь вопрос в том, в какой мере давление масс позволит реформистским лидерам продолжать маневрировать; весь вопрос в том, заставит ли их это давление масс признать другие методы достижения единства, или же они будут упорствовать, оставаясь на своей теперешней позиции и рискуя тем, что значительные членские массы от них отвернутся.

* * *

27 июля 1934 г., после новой дискуссии, был окончательно выработан пакт единства действия коммунистической и социалистической партий. Окончательный текст этого пакта кое в чем отличается от первых коммунистических предложений. Приведем выдержки из этого важнейшего документа:

«1) Социалистическая и коммунистическая партии подписывают пакт единства действия, обязуясь совместно организовать и участвовать с использованием всех своих средств (организаций, прессы, активных работников и пр.) в кампании во всей стране, цель которой сводится к:

а) мобилизации всего трудящегося населения на борьбу против фашистских организаций, за их разоружение и роспуск;

б) защите демократических свобод, борьбе за пропорциональное представительство и роспуск Палаты депутатов;

в) борьбе против подготовки войны;

г) борьбе против декретов;

д) борьбе против фашистского террора в Германии и Австрии, за освобождение Тельмана, Карла Зейца и всех заключенных антифашистов.

2) Эта кампания должна проводиться при помощи совместных митингов, по возможности в большем количестве местностей и предприятий, при помощи уличных массовых демонстраций и контрдемонстраций, причем следует обеспечить самозащиту рабочих собраний, демонстраций, организаций и активных работников...

...Если во время совместного выступления члены той или другой партии окажутся в борьбе с фашистскими противниками, сторонники одной партии должны будут оказать помощь сторонникам другой.

Координационный комитет, в который входят по 7 делегатов от каждой партии, должен будет установить общий план и характер совместных демонстраций и собраний. Этот комитет будет заниматься разрешением споров и конфликтов. Решения этого комитета будут заноситься в протокол, сообща

редактироваться и доводиться до сведения трудящихся» («Юманите» от 28 июля 1934 г.).

Изменения в пакте об'ясняются отчасти новыми предложениями, внесенными во время дискуссии; но надо указать, что компартия в целях достижения соглашения сделала определенные уступки.

Ни одна из сделанных коммунистами уступок не означает отказа от коммунистических принципов. Они лишь говорят о том большом терпении и гибкости, которые должна была проявить французская компартия, для того чтобы добиться соглашения с социалистической партией.

Дискуссия на последнем заседании Национального совета социалистической партии показала, что некоторые лидеры этой партии, идя на единый фронт, хотели только дать выход настроениям низовой массы своей партии или только «запугать немножко буржуазию», подготовляя возобновление классового сотрудничества в более благоприятных условиях. Результатом этого может быть лишь опасность сужения базы, необходимой для единства действий, на котором настаивают трудящиеся массы и за которое компартия энергично борется. Осуществление единого фронта связано решающим образом с той специфической работой, которую должна будет вести французская компартия вокруг вопросов, могущих в настоящее время мобилизовать массы. Эта специфическая работа компартии явится лучшим средством для закрепления первых результатов создания единого фронта. Она придаст максимальную действенность совместным выступлениям и облегчит расширение основ для этого выступления.

Лойяльно участвуя в выступлениях, предусмотренных пактом, французская компартия должна продолжать осуществление при помощи своей специфической работы всего того, что, по ее мнению, необходимо для теперешней борьбы трудящихся масс против фашизма.

Расширение основ антифашистского единого фронта является одним из существенных условий победоносной борьбы с фашизмом во Франции. Французская компартия должна добиться осуществления решений, принятых на ее последней конференции в отношении антифашистской работы среди промежуточных слоев населения. Движение за единый фронт должно оставаться совершенно не зависимым от изменений, которые могут произойти в соглашениях между центральными организациями. Единый фронт снизу не должен страдать от конфликтов и разрывов, которые могут случиться в верхах.

Единый фронт должен пустить корни в массах. Нужно позаботиться о том, чтобы связи, установившиеся на основе общих выступлений между трудящимися, принадлежащими к разным организациям или сочувствующими им, не носили случайного характера, а превратились в постоянные. Необходимо консолидировать единый фронт, создав комитеты на местах и на предприятиях.

Французская компартия может открыто поставить эти вопросы перед массами и предложить создание таких комитетов, являющихся лучшим средством организации и руководства борьбой с буржуазией, если даже социалистическая партия не согласится участвовать в подобных постоянных организациях единого фронта. Не следует забывать, что амстердамские комитеты в значительной мере способствовали развитию во Франции движения за единый фронт, что опыт этих комитетов и их методы работы усилили среди членов социалистической партии стремление к совместным действиям несмотря на враждебное отношение социалистических лидеров к этим комитетам и выступлениям. Этот опыт позволяет сделать важные выводы. Создание сети комитетов должно проводиться наряду с расширением единства действия.

И в этом вопросе коммунисты не навязывают своих убеждений, но они должны открыто защищать их и доказывать, что именно эти предложения отвечают интересам движения.

Рост движения за единство действия вызывает дискуссии об органическом единстве, о возможностях и условиях создания единственной революционной партии пролетариата.

Коммунисты твердо убеждены в том, что практическое осуществление единства действия приведет к полному единству рабочего класса.

Социалистическая партия в резолюции своего Национального совета записала, что она «хочет видеть в единстве действия средство подготовить органическое единство, к которому она попрежнему горячо стремится».

Вопрос об органическом единстве должен быть полностью выяснен перед массами, дабы рассеять всякие недоразумения на этот счет.

Социалистические лидеры признают, что в течение ряда лет они мешали достижению единства действия, противопоставляя ему органическое единство.

«В течение ряда лет,—пишет Блюм,—когда нам говорили о единстве действия, мы обыкновенно заявляли следующее: «Никакого единства действия, а только органическое единство». Нам хотелось отложить или как-нибудь избежать борьбы за частичное или случайное единство до тех пор, пока не будет признано возможным полное, окончательное единство. Я сам так думал и рассуждал. Я чувствую, что теперь так нельзя рассуждать и что мы не выйдем из затруднений такой, чересчур простой отговоркой» («Попюлер» от 11 июля 1934 г.).

Коммунисты всегда выступали против обещаний будущего органического единства, целью которых было помешать немедленному осуществлению единства действия. Коммунисты напрягали все усилия в борьбе за единый фронт, прекрасно учитывая как всю глубину принципиальных разногласий между компартией и социалистической партией, так и то, что эти разногласия не должны стать стеной, мешающей совместной борьбе социалистических и коммунистических рабочих. Практика совместных выступлений способствует созданию единства рабочего класса не только в отдельных выступлениях с ограниченными целями, но и единства на принципиальной основе, которое проверено опытом борьбы, с целью осуществления конечных задач рабочего класса, т. е. единства на коммунистической основе.

Это значит, что есть большая разница между единым фронтом и органическим единством. Первый предполагает признание классовой борьбы как метода защиты интересов рабочего класса против наступления капитала, фашизма и войны. Второе предполагает единство в целях и методах достижения этих целей, т. е. единство всей программы. А здесь, в таких основных вопросах, как вопрос о насильственном свержении буржуазии, о советской власти как форме диктатуры пролетариата, между коммунистической партией и социалистической партией лежит непроходимая пропасть, их принципы непримиримы, и история показывает, что побеждают и победят принципы коммунизма.

Поэтому коммунисты, отвергая концепцию «органического единства», честно идут на единый фронт, ибо каждый шаг его расширения будет доказывать на опыте правоту учения марксизма-ленинизма.

С этой точки зрения интересна та быстрота, с какой Дорио разоблачил свои истинные намерения. Потеряв всякую возможность с помощью демагогических обещаний насчет единого фронта продолжать свою раскольническую кампанию против партии, он пытался продолжать эту кампанию под знаменем «органического единства». Но Дорио очень быстро проявил себя в роли ликвидатора и показал, насколько он далек от коммунистической партии, в верности которой он клялся еще несколько недель назад. Партии, построенной на принципах большевизма и монолитной организованности, он хотел противопоставить «большую партию, оставляющую право свободного

проявления тенденций со свободно согласованной дисциплиной» («Эмансипасион» от 21 июля 1934 г.).

Дорио таким образом выдвигает старое троцкистское требование, согласно которому партия должна представлять скопление различных фракций. Эта концепция не имеет ничего общего с принципами большевизма, так как «существование фракций несовместимо ни с единством партии, ни с ее железной дисциплиной» (Сталин «Вопросы ленинизма». 9-е изд., стр. 72).

Что касается формулы «свободно согласованная дисциплина», то она приобретает в устах Дорио особое значение, ибо, как известно, его толкование этой дисциплины не помешало ему в течение 4 месяцев саботировать все решения КПФ, публично вместе с ренегатами, которые были изгнаны из партии, нападать на политику и активных работников коммунистической партии. Когда в конце концов ЦК французской компартии вынужден был его исключить, Дорио выступил в роли жертвы. Как заявил тов. Рено Жан на конференции компартии, «Дорио уже не имеет ничего общего с революционным рабочим». Это бывший рабочий, который погряз в парламентском болоте. Но так как идет дискуссия об органическом единстве и Дорио высказывается по этому поводу, то французская компартия, разоблачив его ликвидаторскую позицию, может внести большую ясность в эту важную проблему.

* * *

Рост движения за единый фронт во Франции является успехом политики французской компартии, которая действовала в этот период с подлинными настойчивостью и мужеством. Еще несколько месяцев назад большая часть рабочих, входящих в ряды социалистической партии, рассматривала единый фронт как коммунистическую теорию и даже как средство, придуманное коммунистами для дезорганизации социалистической партии; сейчас единый фронт во Франции является огромной материальной силой, приводящей в движение все более широкие массы. Это расширение единого фронта усиливает боеспособность трудящихся масс не только против фашистской угрозы, но и против буржуазии.

Французская компартия, которая больше всего сделала для расширения единого фронта, должна и впредь возглавлять и вдохновлять это движение. Ей уже удалось убедить социалистические массы в том, что коммунистические предложения о совместных действиях—не маневр, а что они являются лучшей формой борьбы с фашизмом. Теперь, когда единый фронт обеих партий осуществляется, компартия должна продолжать свою собственную массовую пропагандистскую работу, указывая массам на необходимость увязывать борьбу с фашизмом с борьбой против режима, который порождает не только фашизм, материальную и моральную нужду миллионных масс, но и войны.

В едином фронте и при помощи его французская компартия должна завоевать широкие массы трудящихся, сделав их сторонниками революционного действия, необходимого для разгрома фашизма и подготовки окончательного освобождения пролетариата.

КОН'ЮНКТУРНЫЙ ОБЗОР

Полугодие под'ема

(Народное хозяйство СССР за 6 мес. 1934 г.)

Итоги первого полугодия в капиталистической промышленности свидетельствуют о продолжающейся «депрессии особого рода»; ряд важнейших отраслей промышленности в крупнейших капиталистических странах в последние месяцы показывает новое снижение производства.

В сельском хозяйстве капиталистических стран—дальнейшее углубление аграрного кризиса, обостренное еще и неурожаем, охватившим многочисленные страны капиталистического мира и несущим голод миллионным массам мелкого крестьянства и фермеров.

В капиталистической промышленности продолжается депрессивное состояние, при котором некоторый рост продукции по основным отраслям в первые месяцы года не мог быть стабилизирован; в последние месяцы уровень производства снова снизился. При этом рост производства в известной мере был связан с усиленной подготовкой к войне.

Сельское хозяйство капиталистических стран характеризуется неурожаем, принявшим, например в США, такие размеры, что правительство Рузвельта вынуждено разрабатывать мероприятия против непомерного роста цен на продукты питания, а так же принимать меры для борьбы с засухой.

Снова капиталистическому миру предстоит «тяжелая зима», означающая для рабочих новый рост безработицы, голода и холода.

На этом фоне идет лихорадочная гонка вооружений, лихорадочная подготовка к новой мировой бойне.

* * *

Каковы итоги истекших шести месяцев 1934 г. в народном хозяйстве Советского союза?

В социалистической промышленности мы имеем неизменный, из месяца в месяц, рост продукции, рост количества рабочих, занятых в производстве, и рост их материального обеспечения.

В социалистическом сельском хозяйстве продолжается дальнейшее организационно-хозяйственное укрепление колхозов, обеспечившее сбор хлебов не ниже прошлого года при некотором перемещении районов высокой урожайности. Все увеличивающиеся ресурсы сельскохозяйственного и промышленного сырья, топлива и производственных мощностей при растущем платежеспособном спросе населения являются базой дальнейшего под'ема народного хозяйства во всех отраслях.

Усиление материальной оснащенности нашего хозяйства сопровождается ростом организованности работы во всех звеньях и улучшением качественных показателей.

Показатели под'ема нашего хозяйства во всех отраслях дают новые неопровержимые доказательства силы социалистической организации хозяйства.

Промышленность

Основные данные выполнения плана по валовой продукции промышленности приводятся в следующей таблице:

Валовая продукция промышленности Наркомтяжпрома, Наркомлеспрома, Наркомлегпрома, Наркомснаба и КомзагСНК за первое полугодие 1934 г. (в ценах 1926—1927 гг.)

	I квартал 1934 г.		II квартал 1934 г.		Первое полугодие 1934 г.	
	Млн. руб.	В % к I кварталу 1933 г.	Млн. руб.	В % ко II кварталу 1933 г.	Млн. руб.	В % к первому полугодию 1933 г.
Промышленность НКТяжпрома, НКЛеспрома, НКЛегпрома, НКСнаба и КомзагСНК	8 931,9	119,3	8 881,7	120,2	17 813,6	119,7
В том числе:						
Производство средств производства	5 422,3	125,5	5 448,6	127,4	10 870,9	126,5
Производство предметов потребления	3 509,6	110,6	3 433,1	110,3	6 942,7	110,5
НКТяжпром[1]	4 547,8	128,7	4 968,0	129,8	9 515,8	129,3
НКЛеспром	788,5	110,2	395,0	105,5	1 183,5	108,6
НКЛегпром	2 086,7	103,8	2 085,6	102,2	4 172,3	103,0
НКСнаб	1 207,9	123,9	1 184,4	122,8	2 392,0	123,3
КомзагСНК	301,3	116,1	248,7	138,7	550,0	125,4

Эта таблица показывает крупные успехи нашей промышленности, давшей рост почти на 20% против первого полугодия прошлого года.

На первом месте по темпам роста стоит промышленность Наркомтяжпрома, увеличившая продукцию на 29%. Затем идет пищевая промышленность КомзаготСНК (мукомольная), давшая 25,4% роста, и пищевая промышленность (Наркомат пищевой промышленности), выросшая на 23%. Отстают промышленность Наркомлеса (8,6% роста) и особенно промышленность Наркомлегпрома, давшая всего 3% роста.

Производство средств производства выросло на 26,5%, а производство предметов потребления — на 10,5%.

Эти темпы роста значительно превышают темпы роста предыдущих двух лет (14% в 1932 г. и 9,2% в 1933 г.).

Известно, что замедление темпов роста в 1932 и 1933 гг. было вызвано главным образом отставанием в освоении новых производственных мощностей. Подготовленность рабочих и руководящих технических кадров отставала от роста основных фондов. К тому же мы отставали и по линии организационных методов руководства производством.

Значительное увеличение темпов прироста продукции в первой половине 1934 г. достигнуто на основе решительной организационной перестройки хозяйственного руководства, проведенной ЦК ВКП(б), и является результатом осуществления исторического лозунга товарища Сталина о пафосе освоения.

Проблема освоения в машиностроении требует не только выпуска новых 1934 г. Центральной задачей она остается и на ближайший период. Особенно наглядно это выявляется в черной металлургии.

В первом полугодии 1933 г. было выплавлено чугуна 3173,2 тыс. т, а за тот же период текущего года выплавлено 4907,4 тыс. т. По стали соответствующие данные составляют 3027,9 тыс. т и 4490,7 тыс. т, по прокату — 2271,4 тыс. т и 3128,8 тыс. т.

Мы добились в первом полугодии 1934 г. роста продукции по чугуну на 54,6%, по стали — на 48,3%, по прокату — на 37,8%.

[1] Включая продукцию угольных трестов НКПС.

Как достигнут этот рост?

Мы ввели за последние полтора года огромные новые мощности. Мощность доменных печей выросла с января 1933 г. по январь 1934 г. на 13,8%. В первом полугодии 1934 г. введены в строй еще 4 домны; продукция по чугуну выросла на 54,6%.

Дело, как мы видим, заключается не только во введении новых мощностей: дело в том, что мы значительно подвинулись вперед в освоении техники, научились лучше использовать наш производственный аппарат, продвинулись вперед по линии технической культуры.

Таков важнейший итог первого полугодия 1934 г. Его можно «прощупать руками», его можно увидеть во всех отраслях промышленности, которые дали значительный рост за истекшие месяцы.

По черной металлургии огромный рост продукции является прежде всего результатом того, что мы лучше используем доменные и мартеновские печи:

Коэфициент использования полезного об'ема доменных печей в первом полугодии 1933 и 1934 гг. (по номинальному времени)	1933 г.		1934 г.	
	I квартал	II квартал	I квартал	II квартал
По СССР				
На коксе	1,67[1]		1,43	1,27
По заводам				
Кузнецкий	2,45	1,34	1,39	1,16
Магнитогорский	3,78	1,76	1,29	1,13
Запорожсталь	—	—	1,27	1,23
Макеевский	1,73	1,52	1,29	1,09
Сталинский	1,83	1,26	1,22	1,16
Им. Петровского	1,53	1,54	1,29	1,24
Енакиевский	1,78	1,51	1,42	1,28
Краматорский	1,87	1,57	1,60	1,40

Эта таблица весьма красноречива. Она говорит о том, как далеко мы шагнули вперед в освоении доменного производства, в работе на доменных печах, оборудованных по последнему слову техники.

Эта таблица говорит также о том, что имеются еще отстающие заводы, которые тянут назад всю нашу металлургию.

Старейший завод, Сталинский, который считался среди металлургов одним из «трудных» заводов, благодаря хорошему руководству выходит на первое место в южной металлургии. У Сталинского завода домны не лучше чем у других металлургических заводов юга, однако чугуна мы получили здесь больше. Значит, заводы им. Петровского, Краматорский, Енакиевский и другие могут и должны подтянуться и тем самым увеличить общий выпуск чугуна на старых доменных печах.

Пестрота в работе имеется не только между доменными цехами различных заводов: она имеется также между различными домнами на одном и том же заводе. Например в июле на Магнитогорском заводе домна № 1 дала коэфициент 0,98, а домна № 2 — непомерно высокий коэфициент — 1,38; домна № 3 — 1,19 и домна № 4 — 1,16.

На Азовстали домна № 1 дала коэфициент 1,19, а домна № 2 — 1,29. На макеевской домне № 4 коэфициент — 1,03, на домне № 5 — 1,34. Подобные явления имеются и на ряде других заводов.

Между тем на Кузнецком заводе все три домны работали ровно и дали одинаковый коэфициент — 1,05, выполнив задание конкурса.

[1] Среднегодовой коэфициент.

Все домны на указанных заводах — новые, мощные, с полезным об'емом от 842 кубометров до 1220 кубометров, оборудованные по последнему слову техники. Ясно, что дело заключается только в освоении, в уменье полностью использовать производственную мощность. Лучшие домны уже дают высокие показатели, но и они не подошли еще к техническому пределу. Кузнецкий завод в июле достиг коэфициента 1,05, имея при этом 6,3% горячего простоя (6,3% времени домны были искусственно задержаны из-за технических неполадок). За счет сокращения простоев коэфициент мог быть снижен до 0,98. На лучших заграничных заводах домны достигают коэфициента 0,9.

Значит, мы еще неполностью овладели наиболее передовой техникой доменного дела и по этой линии можем и должны добиться еще многого.

Такую же картину мы имеем и по мартенам. С'ем стали с одного квадратного метра пода печи в первом полугодии 1934 г. составлял:

	(в тоннах)
I квартал	3,10
II квартал	3,36
Май	3,29
Июнь	3,42
Первое полугодие	3,24

Среднегодовой с'ем стали в 1933 г. составлял 2,90. В июне по мартенам заводов «Стали» худший показатель (2,60) дали мартены Сулинского завода, а лучший (4,83) — завода им. Коминтерна.

В мартеновском производстве перед нами еще стоят большие задачи освоения. Мы должны научиться без срывов, изо дня в день, из месяца в месяц, вести производство на высоких технических показателях.

Но если в доменном и мартеновском производстве достигнуты крупные успехи в освоении, то в области проката несмотря на значительный рост продукции мы в освоении отстаем. За полугодие продукция выросла на 37,8%, но полугодовой план выполнен только на 94,9%. Это отставание прежде всего об'ясняется плохим использованием новых прокатных станов Магнитогорского и Кузнецкого заводов. Кузнецкий завод выполнил план по рельсам 1-го сорта в I квартале всего на 46,6%, во втором—на 71%; по балкам и швеллерам план II квартала выполнен заводом на 51%. Магнитогорский завод выполнил план по осевой заготовке в I квартале на 52,8%, во II квартале — на 60,8%. По всему прокату Магнитогорский завод выполнил июньский план на 47,5%, июльский — на 33,3%; Кузнецкий завод в июне выполнил 66% плана, в июле—61,0%.

Именно эти новейшие заводы стоят на последнем месте по выполнению плана проката. Это показывает, что технический персонал и рабочие не освоили еще технику новейших прокатных станов, которыми оборудованы новые гиганты металлургии. Прокат — одно из узких мест в народном хозяйстве СССР. Необходимо приложить все усилия к быстрому освоению новых прокатных станов.

В 1933 г. мы ввели 12 агрегатов новых станов, а в текущем году мы должны ввести в производство 18 станов.

Из отраслей тяжелой индустрии, идущих впереди по выполнению производственных планов, надо отметить, кроме черной металлургии, основную химию, давшую рост на 59,9%; торфяную промышленность — на 43,7%; электростанции — на 32,0%; машиностроение — на 26,9%; резиновую промышленность — на 28,0%; угольную — на 26,6%

Цветная металлургия в целом, хотя и дает рост на 24,1%, еще значительно отстает от плановых заданий.

Свинца рафинированного выплавлено больше чем в первом полугодии 1933 г. на 81,2%, но годовой план за полугодие выполнен всего на 34,3%.

Черновой меди выплавлено на 8,3% больше чем в прошлом году, а годовой план выполнен всего на 35,4%; по цинку выплавка дает рост всего на 4,7%, а выплавка годового плана — 30,1%. Только алюминия выплавлено в 5 раз больше чем за тот же период прошлого года.

В алюминиевом производстве разрешена только первая часть проблемы освоения — план выполняется по количеству; но мы еще не разрешили основной задачи — не только количественно выполнить план, но дать при этом хороший и дешовый продукт.

По районным электростанциям успешно выполнен полугодовой план (32,0% роста и 101,9% плана), что дает 6298 млн. квч против 4762 млн. квч в 1933 г. Однако в зимние месяцы промышленность, главным образом местная промышленность, в отдельных местах испытывала перебои в снабжении энергией. Это пред'являет к электростанциям требование — основательно подготовиться к зимнему максимуму потребления. Предстоящая зима в этом отношении будет более благоприятной чем зима 1933 г. Во-первых, значительно выросла в текущем году добыча торфа (за полугодие на 43,7%). Теперь, когда торфяной сезон уже подошел к концу, мы можем сказать, что если даже план торфодобычи и не будет полностью выполнен (на 20 августа мы имели 90% годового плана), то против всей добычи прошлого года первое полугодие дает 16,2% роста, причем качество торфа в этом году значительно лучше. Трудности, которые имелись у электростанций прошлой зимой в связи с недостатком торфа и большой влажностью его, в этом году будут сказываться меньше. Необходимо, однако, указать, что и в этом году предстоят большие трудности с вывозкой торфа к станциям. Этому вопросу необходимо уделить большое внимание.

По машиностроению и металлообработке продукция выросла за 6 месяцев на 26,9% (4588 млн. руб. в 1934 г. против 3615 млн. руб. в первом полугодии 1933 г.). План II квартала выполнен на 93,2%, годовой план за полугодие — на 48,4%. Это вполне обеспечивает реализацию всего годового плана.

Полностью выполнен план выпуска автомашин (рост на 38,5% — 25,8 тыс. против 18,6 тыс. автомобилей). Выпуск тракторов увеличился на 35,7% (33 035 шт. в 1933 г. и 44 826 шт. в 1934 г.).

Транспортное машиностроение выросло на 38,9%, в том числе производство паровозов в пересчете на серию «Э» — на 35,6%, товарных вагонов в 2-осном исчислении — на 54,5% (14,3 тыс. против 9,3 тыс. вагонов). Однако и при таком росте план производства вагонов не выполняется. За полугодие выполнено 37,8% годового плана.

По станкостроению резко возросло производство металлорежущих станков: за первое полугодие 1934 г. выпущено 9,3 тыс. станков против 17,9 тыс. за весь 1933 г. (это составляет 52% к выпуску предыдущего года). Цифра станет еще более показательной, если учесть, что станки выпуска 1934 г. обладают значительно более высокой квалификацией и ассортимент станков значительно больший чем в 1933 г.

За первое полугодие выпущено 3772 токарных станка, 1058 сверлильных, 575 фрезерных, 703 револьверных, 131 шлифовальный станок, и т. д.

По фрезерным, револьверным и шлифовальным станкам в связи с введением в производство новых типов замечается некоторое отставание от плана.

Общее машиностроение (Главмашпром) дало рост на 24%, в том числе дизельные заводы (Союздизель) повысили производство на 37,7%, заводы торфяных машин (Союзторфмаш) — на 32,6%, Шарикоподшипник № 1 — на 146% и завод № 2 — на 47,3%.

Плохо работали заводы дорожных машин, выполнившие 36,6% годового плана и имеющие рост продукции на 5%, а также заводы лесобумажных машин (Союзлесбуммашина), которые дали 42,3% годового плана, снизив про-

изводство против прошлого года. Заводы продовольственного машиностроения (Союзпродмашина) выполнили 43,3% годового плана, дав 9,9% роста.

На низком уровне идет выполнение производственной программы по сельхозмашиностроению. Эта отрасль до сих пор не может преодолеть сезонности в работе. Характерно, что если за полгода сельхозмашиностроение выпустило 93,8% продукции по отношению к соответствующему периоду прошлого года, то за 7 месяцев выпуск сельхозмашин равнялся уже 98,3% к выпуску за 7 месяцев 1933 г. Таким образом, июль 1934 г. дал рост по сравнению с 1933 г. на 21,7%, т. е. к моменту сдачи заказа по уборочным машинам промышленность работала усиленным темпом. Преодоление сезонности остается одной из важнейших задач сельхозмашиностроения.

Проблема освоения — центральная задача нашей хозяйственной работы в типов машин и освоения производственных мощностей, но и налаживания бесперебойного производства в полном соответствии с планом.

В этом отношении особенно показательна работа автомобильной и тракторной промышленности. Производственные гиганты освоили заданную производственную мощность и, как правило, изо дня в день выпускают установленное для них количество машин.

Несколько отстает освоение Челябинского тракторного. В первом полугодии вместо 4,5 тыс. тракторов выпущено 3,5 тыс. Но уже в июне выпущено 882 трактора, а в июле — 963, что обеспечивает выполнение плана и дальнейшее развертывание производства тракторов в 1935 г.

Значительно хуже идет освоение производства пропашных тракторов на заводе «Красный путиловец». Вместо намеченных за полугодие 1000 тракторов выпущено только около 200. Конструкция изменялась 4 раза. Только в августе достигнут более или менее регулярный выпуск тракторов. Медленный темп освоения связан в первую очередь с недостаточной разработкой технологического процесса и с отставанием инструментального хозяйства.

Из новых заводов, плохо осваивающих производственную мощность, нужно указать на Луганский паровозостроительный. В первом полугодии выпущено всего 77 новых мощных паровозов «ФД» при годовом плане в 300 паровозов. Во II квартале произведено только на 3 паровоза больше чем в первом.

Так же медленно идет освоение турбогенераторного завода в Харькове. Годовой план за полугодие выполнен всего на 18,3%.

Наряду с этим успешно осваивают производство новые инструментальные заводы и другие машиностроительные заводы. Так, завод «Калибр», имеющий очень сложную номенклатуру изделий, перевыполнил полугодовой план на 12,7% (56,9% годового задания). Инструментальный завод Фрезер так же перевыполнил программу полугодия (52,8% годового плана).

Надо отметить также освоение производства целого ряда новых машин и станков. Выпущены первые пробные образцы новых сложных текстильных машин: ватера с экстравытяжкой, однопроцессно-трепальные машины Финишер Кард и пр. Из двигателей внутреннего сгорания освоены нефтянки в 22 л. с. 500 оборотов в минуту, уменьшенного веса с меньшим потреблением горючего (260 гр. на 1 л. с. вместо 400 гр.). Освоены также дизеля «Коджу», оправдавшие себя в автомобильном пробеге Москва—Тифлис. По химическому машиностроению освоен компрессор на 300 атм. производительностью в 10 тыс. куб. м в час, и т. д. За это время освоено 24 новых типа станков. Среди них нужно упомянуть автоматы «Индекс», зубодолбежные станки типа «Лоренц», радиально-сверлильные, фрезерные типа «Дуплекс», бесцентровые и шлифовальные, протяжные и калибровочные станки, и т. д.

Общий итог работы машиностроения за первое полугодие говорит о том, что наше машиностроение идет вперед.

Каменноугольная промышленность по основным трестам НКТП и НКПС дала 27% роста (34 672,2 тыс. т в 1 полугодии 1933 г. и 44 069,7 тыс. т в 1934 г.), причем план I квартала выполнен на 97,2%, план II квартала — на 94,9%.

В абсолютных размерах среднесуточная добыча остается на январском уровне с колебаниями от 240 тыс. т в марте до 250 тыс. т в феврале, апреле и июне. В июле получено 245,9 тыс. т. В соответствующие месяцы прошлого года добыча составляла от 185 тыс. т до 202 тыс. т. Рост, как мы видим, получился крупный. Однако этот рост недостаточен, особенно во II квартале, а также в июле и августе. Добыча в известной мере стабилизовалась, давая ломаную линию, показывающую снижения и повышения.

Хуже других угольных бассейнов работает Московский, в котором с января имеется хотя и незначительное, но непрерывное снижение (с 13,2 тыс. т среднесуточной добычи в январе до 12,8 тыс. т. в июле). Такое снижение по Москвуглю является результатом снижения плана механизированной добычи (в I квартале — 84,6%, во II квартале — 78,3%), частых аварий на шахтах. Это свидетельствует о плохом административно-техническом руководстве шахтами, о невыполнении из квартала в квартал плана по производительности труда (I квартал—план на 20,6%, выполнено 19,8; II квартал—план 20,9%, выполнено 19,2).

По Донбассу, наоборот, имеется тенденция под'ема со 160 тыс. т среднесуточной добычи в январе до 165,9 тыс. т в июне и 162,3 тыс. т в июле. По Кузбассу так же имеется под'ем, но с резким понижением в марте (в январе — 30,9 тыс. т, в марте — 27 тыс. т), а затем повышение до 32,2 тыс. т в июне и 32,3 тыс. т в июле.

Таким образом, главные угольные бассейны идут вперед, но рост добычи в этих бассейнах небольшой и только перекрывает отставание других, в том числе местных мелких угольных бассейнов.

Освоение мощностей новых и реконструированных шахт идет недостаточными темпами. Приведем ряд примеров по крупным шахтам.

Новая Щербиновка пущена в 1931 г. Ее проектная мощность—1150 тыс. т. Добыто в 1932 г. 557 тыс. т, в 1933 г. — 577 тыс. т; в 1934 г. выполняется план в 637 тыс. т.

Рутченковская шахта 17-bis мощностью в 1200 т пущена так же в 1931 г. В 1933 г. добыто всего 177 тыс. т. В 1934 г. выполняется план в 440 тыс. т. Шахта Карловка 7/8—мощностью в 1035 тыс. т. В 1933 г. она дала 204 тыс. т, в 1934 г. — 340 тыс. т.

Значительно лучше идет, например, шахта ОГПУ. Мощность ее 1400 тыс. т. В 1933 г. она дала 756 тыс. т, в 1934 г. — 934 тыс. т.

Таково положение на большинстве новых угольных шахт.

Если в начале года определенное сдерживающее влияние на добычу угля оказали избыточные запасы угля на шахтах, то в летние месяцы, когда запасы вывезены, недостаточный рост добычи характеризует главным образом недостаточное освоение производственных мощностей, недостаточное освоение техники механизированной добычи и вывозки угля.

Проводимые Наркомтяжпромом конкурсы на лучшие шахты показывают наличие больших достижений в результате правильной организации производства, в результате упорной борьбы за полное освоение механизмов, за полную механизацию.

В конечном счете показателем освоения являются использование производственной мощности шахт и выработка на одного рабочего.

Данные показывают, что мощность шахт осваивается очень медленно.

На четвертом году эксплоатации осваивается, как правило, не свыше половины проектной мощности.

Это значит, что огромные средства, вложенные в основные сооружения шахты и рассчитанные на полную мощность, не используются из-за того,

что строительство развертывается по большому фронту и, как правило, горные работы заканчиваются раньше чем комплектное оборудование подземных выработок и поверхностных сооружений. Особенно отстает жилищное строительство.

Угольная промышленность имеет еще огромные резервы неиспользованных мощностей. Имеется также возможность повысить угледобычу посредством повышения производительности труда. Плановая месячная выработка на одного рабочего в 1934 г. должна составлять 19,59 т; за первое полугодие выработка составляет только 18,87 т, что дает рост производительности труда на 13,7%.

Добыча нефти за 6 месяцев дала рост на 19,8% (добыто сырой нефти с газом за первое полугодие: в 1933 г.—10 439,4 тыс. т, в 1934 г.—12 503,9 тыс. т), однако планы значительно недовыполняются. В I квартале план выполнен на 83,6%, во II квартале — на 84%; годовой план за 6 месяцев выполнен всего на 40%, что указывает на опасность недовыполнения годового плана. Отставание происходит главным образом по Грознефти, однако и Азнефть выполнила план II квартала только на 88%. Такое положение в нефтяной промышленности требует специальных мероприятий.

В отличие от каменноугольной и ряда других отраслей промышленности в нефтяной промышленности вследствие ее специфичности мы не имеем готовых резервных мощностей. Проблема освоения в нефтяной промышленности сводится (по добыче) к необходимости наиболее быстрого бурения, причем глубокое бурение для таких районов, как Грозный, решает проблемы добычи.

На одном из первых мест по темпам роста стоит химическая промышленность, которая дала 40% роста и выполнила 48,9% годового плана (785,4 млн. руб. в первой половине 1933 г. и 1101 млн. руб. в первой половине 1934 г.). По основной продукции химической промышленности мы имеем следующий рост: серная кислота — на 36% (годовой план выполнен только на 41,5%); сода кальцинированная — на 29,3% (51,4% годового плана); сода каустическая — 18% (45,7% годового плана); суперфосфат — 40% (51,3% годового плана); сульфатаммоний — 284% (47,8% годового плана).

План в общем выполняется удовлетворительно, за исключением серной кислоты и некоторых других химикатов.

Особенно резко выросло производство некоторых средств борьбы с вредителями сельского хозяйства. Так, производство кремнефтористого натрия увеличилось на 232% (выполнено 69,1% годового плана), производство хлористого бария — на 66,5%, швейнфуртской зелени — на 200% (50% годового плана), медного купороса — на 105% (56,8% годового плана).

Особенно крупный рост (в шесть раз) дало производство синтетического каучука, которое только в этом году начинает принимать у нас массовый характер. Освоение новых заводов идет довольно успешно, хотя и не без трудностей и задержек. За полугодие годовая программа выполнена на 32% и план II квартала — на 81%.

Резиновая промышленность выросла на 28% и выполнила 48,8% годового плана. Выпуск резиновой обуви остался почти на уровне прошлого года (рост 1,6%). Резко возросло производство автопокрышек «Гигант» — на 81%, обыкновенных — на 142%.

Таким образом все важнейшие отрасли тяжелой промышленности дают рост за полугодие свыше 25%.

Какие же отрасли тяжелой промышленности (кроме тех, о которых мы уже говорили) попадают в отстающие? Это сланцевая с ростом в 9,6%; цементная с ростом в 16,7%; вяжущие материалы — 16,4%; новые стройматериалы — 13,6%; союзтехноткань — 0,6%.

Подробно останавливаться на этих отраслях мы не будем.

Укажем коротко, что сланцевая промышленность находится еще в зачаточном состоянии. Она имеет большие перспективы, но эти перспективы связаны с развитием химической переработки сланцев и требуют, во-первых, вполне законченной разработки технологических процессов и, во-вторых, больших капиталовложений.

Остальные отрасли, за исключением техноткани (по которой отставание связано с сырьевыми лимитами), являются отраслями, производящими стройматериалы. Хотя 16% роста—сам по себе процент большой, но если при этом годовой план по цементу выполнен всего на 34,4%, а по новым стройматериалам—на 32,2%, то это значит, что стройки недополучают необходимые им материалы и строительство не может быть развернуто должными темпами.

В то же время производственная мощность цементных заводов и заводов стройматериалов позволяет выполнить и более высокую программу.

Причины плохой работы этих отраслей коренятся в организационных недостатках и в транспортных затруднениях. Эти недочеты можно и нужно преодолеть.

Производство средств потребления

Если в области тяжелой промышленности первое полугодие дает резкий сдвиг в сторону улучшения работы и по количеству и по качеству, то в области легкой промышленности продолжается отставание.

Промышленность Наркомлегпрома дала прирост за полугодие всего на 3% (в первом полугодии 1933 г. выпущено всей продукции на 4052 млн. руб., а в текущем году — на 4177 млн. руб.), и годовая программа выполнена ею всего на 47,9%. Поскольку легкая промышленность должна была в первом полугодии дать несколько больше половины годового плана, отставание первого полугодия создает трудности в выполнении годового плана. Особенно отстают хлопчатобумажная промышленность (93% полугодового плана) и швейная промышленность (91,4% полугодового плана). Так как удельный вес этих отраслей особенно высок, выполнение плана по трикотажной, шерстяной, пенько-джутовой промышленности и др. не могло перекрыть отставания главных отраслей.

Отставание легкой промышленности наряду с сырьевыми затруднениями связано еще с тем, что легкая промышленность, в частности хлопчатобумажная, безобразно использует свое сырье.

Нормы выхода продукции из сырья не выполняются, а брак готовых изделий снижается чрезвычайно медленно.

По готовым тканям против 5,3% в 1933 г. брак составил в I квартале 1934 г. 7,5%, в апреле—6,8, в мае—6,1%. План выработки улучшенных тканей за 5 месяцев выполнен на 62,8%.

Нужно указать также на совершенно неудовлетворительное освоение производства предметов широкого потребления в стекольной промышленности. Планы не выполняются, продукция выпускается низкого качества. Продукция улучшенного качества выпускается в незначительных размерах. Это характерно также для продукции широкого потребления Наркомтяжпрома. Качество патефонов явилось, например, предметом судебного разбирательства. Качество метизов так же очень низкое.

Известно, какое большое внимание уделяет партия вопросам выработки высококачественных предметов широкого потребления; однако наши хозяйственники еще не сумели соответственно организовать производство.

Плохая работа легкой промышленности не ограничивается низкими темпами роста продукции и плохим ее качеством; при всем этом легкая промышленность еще повысила себестоимость продукции и снизила производительность труда на 0,2%. При росте продукции на 3,1% численность рабочих выросла на 3,3%.

Надо констатировать, что легкая промышленность еще не перестроилась.

В пищевой промышленности дело обстоит лучше: она дала прирост продукции на 21% и выполнила полугодовой план на 94,5% (вся валовая продукция промышленности НКСнаба за первое полугодие 1933 г. составила 1928 млн. руб., а в текущем году—2333 млн. руб.). Некоторые отрасли пищевой промышленности по темпам роста за первое полугодие стоят на первом месте, обогнав передовые отрасли тяжелой промышленности. Так, жировая промышленность дала рост на 115,3%, сахарорафинадная — на 81%, макаронная — на 65% и маслобойная — на 44,5% (жировая промышленность выпустила в I полугодии 1933 г. продукции в неизменных ценах на 64,4 млн. руб., а в текущем году — на 138,6 млн. руб. Сахару рафинада выпущено в 1933 г. 132,2 тыс. т, а в текущем году—238,1 тыс. т. Макарон соответственно — 52,5 и 88,2 тыс. т). Необходимо помнить, что для пищевой промышленности первое полугодие не является решающим. В первом полугодии дорабатываются остатки сырья от предыдущего года. Хороший урожай прошлого года обеспечил значительный рост по отдельным пищевым отраслям.

Но годовой план пищевой промышленности в целом выполнен только на 40%. Отстают рыбная (3% роста), консервная (10%) и табачная (0,7%) отрасли.

Труд и себестоимость

В прямом соответствии с ростом продукции находятся рост производительности труда и снижение себестоимости. Отрасли, имеющие крупный рост продукции, характеризуются крупным ростом производительности труда и значительным снижением себестоимости.

Мы уже указывали, что по легкой промышленности, давшей рост продукции на 3%, производительность труда (выработка на 1 отработанный человекодень) выросла всего на 0,5%, а себестоимость повысилась на 3,3%.

По Наркомлесу при росте продукции на 8,6% производительность труда выросла на 8,2% (за 5 месяцев), а себестоимость — на 0,3%.

По Наркомснабу при росте продукции на 23% производительность труда выросла на 1,1% (за 5 месяцев по неполному кругу отраслей), а себестоимость выросла на 1,5%.

По Наркомтяжпрому соответственно: рост продукции — на 2% и рост производительности труда — на 16,2%, а себестоимость снижена на 6,4%.

Это показывает, что рост продукции происходит не только путем увеличения количества рабочих, но главным образом в результате увеличения производительности труда, более полного использования оборудования и производственных мощностей, т. е. в результате лучшего их освоения.

Количество рабочих за полугодие выросло на 9,6%, а вся продукция крупной промышленности увеличилась на 20%.

Особенно большой рост имеется в передовых отраслях тяжелой промышленности.

Так, по черной металлургии производительность выросла на 27,8%, по химической—на 20,2%, по машиностроению—на 16,0%, по районным станциям Главэнерго—на 16,8%, по каменноугольной промышленности—на 12,3%, по цементной — на 17,4%.

По снижению себестоимости впереди идут машиностроение, давшее 10,6% снижения, и черная металлургия (8,2% снижения себестоимости). Каменноугольная промышленность дает снижение себестоимости на 3,3% (в том числе Донбасс, идущий впереди по росту продукции, снизил себестоимость на 4,8%, Москвуголь, отстающий по продукции, дал рост себестоимости на 3,8%, а Кузбассуголь — на 0,2%).

Химическая промышленность снизила себестоимость на 2,5%, в том числе основная химия — на 9,2%.

Цементная промышленность в I квартале повысила себестоимость на 6,4%, но во II квартале она резко улучшила работу, и себестоимость снижена на 5,9%.

По нефтяной промышленности себестоимость выросла на 9,5%.

Особенностью 1934 г. является то, что черная металлургия и каменноугольная промышленность, отстававшие в прошлые годы по качественным показателям, добились в 1934 г. значительного роста производительности труда и снижения себестоимости, что является свидетельством успехов освоения в этих отраслях.

Транспорт

Проблема освоения на транспорте имеет специфический характер. Здесь речь идет не только—и даже не столько—об освоении новых железных дорог или освоении совершенно новых видов транспортной техники. Новые виды техники, вроде электрифицированных дорог, автоблокировки, механизированных стрелок, механизированной погрузки и разгрузки, занимают в нашем транспорте еще сравнительно небольшое место, и вопросы освоения на транспорте охватывают главным образом перестройку управления, внедрение лучших методов эксплоатации, умелое командование подвижным составом, поднятие производственной дисциплины, повышение качества ремонта подвижного состава и путей, ускорение этих работ, рост производительности труда, а также улучшение строительства новых дорог. Разумеется, каждая из перечисленных отраслей работы транспорта имеет свои конкретные проблемы освоения новых методов, внедрения новейших технических достижений.

Предыдущие два года были для транспорта особенно тяжелыми. Против среднесуточной погрузки в 1931 г. в 49,3 тыс. вагонов 1932 г. дал 51,4 тыс. вагонов, а 1933 г. — 51,2 тыс. вагонов. Во второй половине 1933 г. работа транспорта начала улучшаться, и это улучшение продолжается и в первой половине 1934 г.

Сопоставим среднесуточную погрузку по месяцам за первое полугодие 1933 и 1934 гг.:

	1933 г.	1934 г.	В % к предыдущему периоду
Январь	46 310	51 800	111,9
Февраль	46 399	53 091	114,4
Март	48 325	52 000	107,6
Апрель	52 239	55 353	106,0
Май	53 812	57 217	106,3
Июнь	51 896	57 816	111,4
Среднее за полугодие . . .	49 862	54 547	109,4
Июль	49 862	54 547	109,4

В мае и июне 1934 г. мы добились наибольшей погрузки.

Как достигнуто это улучшение в работе транспорта?

Помимо роста подвижного состава железных дорог, которые за 6 месяцев 1934 г. получили 486 новых паровозов и 12 703 вагона (в 2-осном исчислении), огромное значение здесь имело улучшение работы. Оборот вагона за 6 месяцев 1934 г. уменьшился и составил 9,07 суток против 9,68 суток среднего времени оборота в первом полугодии 1933 г., а в июне 1934 г. оборот понизился до 8,4 суток. Статическая нагрузка вагона возросла за это время с 14,1 т в 1933 г. до 15,3 т в 1934 г. Среднесуточный пробег товарного вагона достиг в июне самой высокой цифры по сравнению со всеми предыдущими месяцами и составил 125 км против 96,5 км в январе 1934 г. и 107,5 км в июне 1933 г. Среднесуточный пробег товарного локомотива в июне 1934 г. составил 176 км против 156,1 км в январе 1934 г. и 172,7 км

в июне 1933 г. Наконец, средняя коммерческая скорость товарного поезда возросла в июне до 14,9 км/ч против 13,1 км/ч в январе 1933 г. и 14,6 км/ч в июне 1933 г.

Однако этот рост совершенно недостаточен. Рост грузооборота на 9,4% при росте продукции на 20% говорит о том, что транспорт продолжает отставать, сильно сдерживая темпы роста нашего хозяйства.

Поскольку в первую очередь и полностью должны провозиться грузы продовольственные, топливные и основное производственное сырье, задержки перевозок отражаются главным образом на строительных материалах, на продукции местной и кустарной промышленности.

Достигнутый уровень перевозок совершенно недостаточен, и страна вправе требовать от транспорта значительного улучшения работы, чтобы в осенние месяцы довести погрузку до 61—62 тыс. вагонов, необходимых для бесперебойного развития народного хозяйства.

Снижение погрузки в июле и августе против июня показывает, что железнодорожный транспорт несмотря на указанный выше рост еще не справляется со своими задачами и что использование провозоспособной мощности транспорта стоит еще на низком уровне.

Товарооборот

Розничный товарооборот, включая общественное питание, увеличился с 23,4 млрд. руб. за первое полугодие 1933 г. до 27,9 млрд. руб. за истекшее полугодие, или на 19,5% (в розничных ценах соответствующего года). Годовой план выполнен на 46,5%, полугодовой—на 98%.

Впереди идет госторговля, которая выполнила 51,3% годового плана. Кооперация системы Центросоюза выполнила 46,6% годового плана. Еще больше отстала торговля системы ОРС и других мелких торгующих организаций, выполнившая 42,3% годового плана. Плохо развиваются обороты общественного питания (43% годового плана и 89% полугодового). По сравнению с первым полугодием 1933 г. обороты общественного питания несколько снизились (3153 млрд. руб. и 3102 млрд. руб.). Это говорит о неудовлетворительной работе столовых, главным образом по качеству отпускаемых блюд.

По розничному товарообороту необходимо отметить интенсивное развитие сети специальных магазинов продукции улучшенного качества. За полугодие открыто 3300 магазинов подобного типа, включая и магазины по продаже коммерческого хлеба.

Особое значение для развертывания товарооборота на селе имеет сеть специализированных раймагов.

В июле обороты розничной торговли (без общественного питания) несколько снизились (3442 млрд. руб. в июне и 3286 млрд. руб. в июле), но по сравнению с июлем прошлого года это составляет рост на 43%.

Сельское хозяйство

Борьба за высокий урожай, за высокий сбор хлебов, технических культур и других продуктов сельского хозяйства стоит в центре внимания всей страны, миллионов колхозников и работников совхозов. Рост социалистического сознания, понимание необходимости повысить качество работы, качество сева, уборки, молотьбы, для того чтобы обеспечить хороший урожай и собрать этот урожай без потерь в социалистические амбары, выражаются в росте организованности работы колхозов и совхозов. Мы накопили уже некоторый опыт социалистической организации труда в сельском хозяйстве, нащупали методы организации этой работы и ее оплаты.

В результате соответствующие циклы сельскохозяйственных работ проходят в более короткие сроки чем в прошлом году и качество работы повышается. Сев в этом году закончен в среднем на месяц раньше чем в 1933 г.

Прополка зерновых к 20 июля была произведена на площади в 50 млн. га против 32 млн. га в прошлом году. Несмотря на такой рост план прополки был выполнен только на 62,8%. Ряд районов начал уборку, не успев провести прополку. На 1 августа прополка кукурузы была проведена по одному разу на 78,8%, а подсолнуха — на 84% площадей. Вторичная прополка проведена на 24—52% земельных площадей.

По всем хлопковым полям проведена одна окучка. Несмотря на значительное увеличение работ по окучке и прополке по сравнению с прошлым годом эти работы все же не проведены достаточно широко и в текущем году сорняки снова с'ели часть урожая.

Ход уборочной кампании говорит о росте организованности работ. На 25 августа скошено хлебов несколько меньше (62,7 млн. га против 66,1 млн. га в 1933 г.), но зато темпы обмолота и скирдования значительно выше чем в прошлом году. На 25 августа заскирдовано 46,7 млн. га и обмолочено 34,8 млн. га против 28,6 млн. га и 22 млн. га в прошлом году.

Отставание в уборке произошло за счет восточных районов, где поздно начался покос. Темпы косовицы, скирдования и обмолота надо ускорить, для того чтобы уменьшить потери и обеспечить сбор хлебов не меньший чем в прошлом году.

Колхозное крестьянство неуклонно идет вперед к зажиточной жизни. Четкое выполнение основных сельскохозяйственных работ — верный путь к этому, а выполнение планов хлебосдачи и других заготовок — необходимое условие роста продовольственного снабжения рабочих.

На 25 августа план хлебосдачи по всему Союзу выполнен на 43,6%, причем целый ряд районов перевыполнил месячные планы. Необходимо подтянуть хлебосдачу в отстающих районах и обеспечить выполнение плана в установленные сроки.

Для этого имеются все возможности.

* * *

Общая оценка итогов развития народного хозяйства за истекшее полугодие приводит к следующим выводам.

На основе освоения новейшей техники наша промышленность на решающих участках достигла крупных успехов. Промышленная продукция растет из месяца в месяц. Производство средств производства достигло высоких темпов. Отстают легкая промышленность и транспорт.

Отставание транспорта в известной мере сдерживает общий рост народного хозяйства и в частности строительство. План 1934 г. несмотря на указанный крупный рост еще не выполняется в целом при перевыполнении его по отдельным отраслям. Рост производства сопровождается ростом производительности труда и улучшением качественных показателей.

В большинстве отраслей повышается качество работы.

Партия неустанно борется за организационную перестройку хозяйственного руководства. Еще и еще раз перед каждым заводом, фабрикой, мастерской, шахтой ставится вопрос о путях освоения уже созданного огромного производственного механизма, о его техническом и организационном усовершенствовании.

Чтобы выполнить народнохозяйственный план 1934 г., необходимы упорная работа, неустанная борьба против всякого разгильдяйства, верхоглядства. Особенно остро стоят эти задачи перед транспортом, легкой промышленностью и отстающими отраслями тяжелой промышленности.

Не успокаиваясь на достигнутых успехах, не зазнаваясь, мы должны идти вперед, чтобы подготовить благоприятные условия для предстоящего 1935 года.

Э. КВИРИНГ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Нашей стране нужны смелые люди

«Как мы спасали челюскинцев», — *Анатолий Ляпидевский, Сигизмунд Леваневский, Маврикий Слепнев, Василий Молоков, Николай Каманин, Михаил Водопьянов, Иван Доронин. Под общей ред. О. Ю. Шмидта, И. Л. Баевского, Л. З. Мехлиса.* Изд. ред. «Правда». 1934. 404 стр. *Цена в пер. 15 руб.*

Книга, написанная семью героями Советского союза, — документ, отражающий как в зеркале нашу великую эпоху — героическую эпоху Сталина. В этом огромная партийно-политическая ценность разбираемой книги.

Блистательная эпопея спасения плененного Арктикой экипажа «Челюскина» продемонстрировала всему миру мощь Страны социализма: расцвет ее индустрии, высоту ее техники, рост социалистического сознания ее сынов и дочерей, несокрушимый авторитет и силу ее большевистской партии. По директиве партии, советские летчики на советских самолетах совершили то, что очень и очень многим казалось неосуществимым.

В своем предисловии к книге семи летчиков тов. Мехлис приводит отклики буржуазных газет на первые мероприятия советского правительства по спасению челюскинцев. Эти отклики — от злобного выпада мерзкого официоза германских фашистов «Фелькишер беобахтер» до дружественного некролога О. Ю. Шмидту датской «Политикен» — были по существу единодушны. Если отдельные, наиболее «оптимистически» настроенные представители буржуазной общественности и допускали возможность спасения отдельных участников экспедиции, то спасение всех затерявшихся во льдах людей было, по единодушному суждению буржуазного мира, немыслимым.

Наша страна еще не раз будет поражать и удивлять буржуазный мир: такова уж наша родина, что берет самые неприступные крепости!

Книга семи героев Советского союза — волнующая поэма о новых людях, гражданах социалистической страны, которых ведет партия во главе со Сталиным и для которых не существует неприступных крепостей.

Ляпидевского, Леваневского, Слепнева, Молокова, Каманина, Водопьянова, Доронина роднят бесстрашие, преданность социалистической родине, преданность делу трудящихся, высокое мастерство в технике летного дела. Четверо из них сражались на фронтах гражданской войны; трое младших прошли школу Красной армии, боролись на фронтах социалистической стройки, учились.

Молоков и Каманин состоят в партии уже не первый год. Леваневский, Ляпидевский, Водопьянов подали заявления о приеме в партию сразу после возвращения из Арктики.

В беседе с семью летчиками товарищ Сталин сказал, что нашей стране нужны смелые люди.

Наша страна, руководимая большевистской партией, разбила оковы одряхлевшего социального строя. Наша партия ставит и решает самые смелые задачи из всех, какие когда-либо ставились в истории человечества.

Вот почему нам нужны смелые, бесстрашные люди, люди, которые были бы подстать партии, подстать стране. Челюскинская эпопея показывает, что такие люди у нас есть.

А сколько таких же смелых людей имеется у нас в рядах Красной армии, на заводах и в колхозах! Они ждут своего часа, чтобы поразить своей смелостью весь мир.

Болтают о смелости и фашисты. Но между фашистской «смелостью» и смелостью большевистской лежит пропасть.

В современной Германии создается своеобразный культ удальства, именуемого «смелостью». Фашисты, например, укрепили дуэли в быту студенческой молодежи: считается «хорошим тоном» щеголять рассеченной физиономией; тематика фашистских песен вертится вокруг крови и кинжалов; на всех перекрестках фашисты воспевают войну.

Фашистская литература нередко избирает летчиков действующими лицами своих произведений. Фашистский летчик-«герой» живописуется обычно весьма несложными красками: назойливо выставляет он напоказ свое «геройство», которое сводится к удалым «штопорам» и «петлям» на глазах у изумленных зрителей. Таких же лихих правил придерживается «герой» и в неизбежно живописуемых боях с внешними врагами. Вот и вся тусклая картина фашистского «геройства».

Большевистский герой спокойно трудится на том участке, на который поставила его партия. Но по первому зову партии он готов идти, куда будет нужно. И даже выполняя опаснейшие задания, он будет бережно относиться к своей жизни, ибо эта жизнь нужна стране, ибо эта жизнь нужна самому себе — такая она интересная и радостная.

Вот что пишут люди, героизм которых признан всем миром.

Анатолий Ляпидевский говорит:

«Существовала, например, традиция, по которой приход новичка в строевую часть нужно обязательно вспрыснуть. Собирались, выпивали и тут же рассказывали, кто как летал, кто разбивался. Много и врали: знай, мол, наших. Однажды после одной такой встречи, где очень много было разных рассказов, молодой летчик Петров из удальства на другой день стал выделывать всякие штуки в воздухе и разбился насмерть...

Я лично считаю, что удальством заниматься не следует ни старым, ни молодым, ни людям среднего возраста».

Василий Молоков пишет:

«...Летать нужно трезво. Я против бесшабашных полетов. Конечно, бывают исключительные случаи, когда нужно лететь во что бы то ни стало... Курс на выдержку, уменье выжидать, терпение и упорство дали мне очень многое. И это ведь было так важно в спасении челюскинцев. Может быть, мы несколько опоздали в сроках, но мы спасли наверняка. Ежели бы мы независимо от погоды слепо рвались вперед, то многие из нас, может быть, и не дошли бы.

Летать трезво!»

Штурман каманинского самолета, он же секретарь партийной ячейки Н-ской части, Шелытанов рассказывает:

«...Мы сделали то, что сделал бы любой летчик нашей военной авиации. Мы победили выдержкой, организованностью, дисциплиной. Этому научила меня Красная армия. Помню, в начале моей летной жизни я застал в нашей авиации остатки партизанщины, панибратства, показного, бесшабашного «геройства».

Вспомнилась фигура одного летчика. Маленький, смуглый, крикливый, он ходил обычно распоясанный, в неодернутой гимнастерке. Ему нравилось на виду у всех завернуть десяток штопоров, запетлить на низкой высоте, пролететь бреющим полетом, а при посадке показать большой палец: вот, мол, какой я, одной рукой машину сажаю.

Летчики такого типа — «детская болезнь». Такие летчики начального периода в нашей авиации, может быть, и способны на отдельный геройский трюк (да и то, если на них смотрят), но в нашем деле требуется другое: выдержка, трезвый расчет и дисциплина.

Теперь в нашу авиацию пришли другие люди».

«Когда мне дали слово перед всем народом, — вспоминает Молоков о своем великолепном выступлении на Красной площади, — я стушевался и только сказал, что мы, товарищи, ничего такого необыкновенного не сделали. Мы только выполнили революционный долг перед пролетариатом, перед нашей партией. И это факт, это действительно так. Может быть, я не могу это хорошо выразить, рассказать. Когда меня спрашивают: «Что же вы сделали там?» я всем отвечаю, что мы сделали то-то и то-то на советской машине «Р-5», что мы выполнили свой долг. Но многие недовольны таким ответом. Я ругаю себя: люди интересуются, а ты не можешь хорошо рассказать. Но когда меня снова спрашивают, я отвечаю по-старому: «Мы сделали то, что всякий в нашей стране должен сделать. Вот и все».

Мы сделали то, что надо было сделать. Я могу назвать десяток своих товарищей, которые летают так, как «я».

Нет! Ничего общего не имеет описанный тов. Шелыгановым тип с величественно-простым и скромным Молоковым! Тов. Шелыганов показал «удальца», который глядит на нас со страниц фашистской литературы. Только там он олицетворяет собой не «детскую болезнь», а болезнь дряхлости.

Подлинным героям, как Ляпидевский, Молоков, Шелыганов, хвастливые удальцы не по душе. Но не по душе смелому человеку и трус, трясущийся за свое благополучие и свою жизнь.

Сигизмунд Леваневский с уничтожающим сарказмом вспоминает труса, попавшего на борт его самолета в период нашумевшего «маттерновского дела»:

«Второго пилота я списал. Когда у нас бывали трудности, этот пилот страшно ныл. Да к тому же человек недавно женился и очень скучал по жене. Слюнявый, сидит на берегу, смотрит на море и зовет: «Мария, Мария!» Нервничает. Я его ссадил, сказал ему: «Ты больше не летай, старайся в другом месте приспособиться!»

В самом деле, трусу нечего делать на советском самолете.

Челюскинцев спасла большевистская смелость героев-летчиков в соединении с большевистской стратегией организаторов спасательных работ.

Герои-летчики глубоко преданы своей социалистической родине. Эту преданность они доказали на фронтах гражданской войны и социалистического строительства, в бесчисленных отважных перелетах.

С какой сыновней нежностью говорят о родине эти обвеянные ветрами нескольких континентов водители воздушных кораблей!

«В любом деле, — заявляет Молоков, — есть у нас люди, которые делают свое дело так, как надо. И они не задумываются отдать свою жизнь за родину. И я скажу:

«Кто бы из нас так рвался в опасность в старое время? Да никогда в жизни! За какую родину отдавать свою жизнь, за что? За то, что мать работала, согнувшись в три погибели, чтобы только не помереть с голоду;

за то, что у меня не было настоящего детства—с девяти лет должен был хлеб своим трудом зарабатывать; за то, что до самой революции я оставался неграмотным!..

Ну, нет!..

И на Чехо-словацком фронте, и под Нарвой против Юденича, и на Северной Двине против англичан я боролся уже за свою родину. Для нее я летал в Арктику».

Разве не то же, что и седоголовый Молоков, говорит о своей великой родине юный Каманин? Вот его слова:

«В Кремле, среди мраморных стен Георгиевского зала, на банкете, я сидел почти рядом со Сталиным. Он предложил тост за героев Советского союза...

«Посмотрите на Каманина, — сказал Сталин, указывая на меня рукой, —какой он молодой! Что он знает о старом режиме? Он же городового не видел!..»

В эту минуту я мысленно сравнил свою судьбу с судьбой старших товарищей, сидевших со мной рядом, и подумал: «Какой я действительно счастливый! Как счастливо мое поколение!»

Старый, гнилой царский режим, отравлявший нашу страну, пронесся над нашим детством как облака над верхушками леса, почти не задевая. Мы выросли под лучами революции. Не ведая жертв, которых требует революция, мы сразу получили в руки ее богатые плоды.

Что стало бы со мной, если бы не было Октябрьской революции? Меня бы постигла участь отца. Я бы сидел в темной конуре и чинил стоптанную обувь для обывателей заброшенного и пыльного города Меленки».

Величайшей любовью к родине пронизаны все поступки героев. Разве не о любви к родине, горячей и чуткой, свидетельствует следующий маленький факт, о котором рассказывает в своей автобиографии Ляпидевский?

В бытность рейсовым летчиком в Хабаровске, Ляпидевскому пришлось во время осоавиахимовского праздника пилотировать платных пассажиров над Хабаровском. Ему бросилось в глаза, что один из пассажиров, японец, явился для вторичного полета. Ляпидевский обратил на это внимание инструктора, но тот не стал ничего предпринимать. Находчивый Ляпидевский все же придумал выход: вместо того чтобы летать над городом, он полетел над тайгой. Так ничего и не удалось увидеть чрезмерно любопытному японцу.

Родина вырастила, выпестовала и воспитала себе бдительных и верных сынов. Ее сыны платят ей неизменной любовью и преданностью.

Семь героев Советского союза, авторы книги «Как мы спасали челюскинцев», — не только смелые и верные сыны своей родины: они также мастера трудного летного дела, полностью овладевшие его техникой.

Об овладении техникой и об упорной учебе повествуют все семеро. Михаил Водопьянов прошел благодаря настойчивой работе над собой и учебе огромный путь — от возчика при дивизионе воздушных кораблей до мастера слепого пилотажа! Он прошел последовательно все ступеньки: возчик, командирский кучер, помощник шофера, шофер, моторист, бортмеханик и, наконец, пилот. Водопьянов беспрестанно учится, повышая свои технические знания и свой культурный уровень.

Техника становится в нашей стране достоянием все более широких масс. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать изумительные рассказы летчиков о ремонте самолетов Слепнева и Доронина, производившемся челюскинцами на ледяном аэродроме с необычайной изобретательностью и ловкостью.

Замечательные люди растут в нашей стране!

Тысячу раз прав тов. Мехлис, когда пишет в своем предисловии:

«...Если борьба за спасение самоотверженного отряда Шмидта подняла всю страну, то легко себе представить, с каким энтузиазмом 170-миллионный народ подымется, когда враг посягнет на нашу родину. Десятки тысяч Камаининых, Молоковых, Слепневых, Ляпидевских, Водопьяновых, Леваневских, Дорониных полетят на советских самолетах в любую точку земного шара по приказу партии и правительства. Чтобы защитить свою страну, свою родину, они будут готовы пожертвовать всем. Горе тем империалистическим кликам, которые испытают на себе удары революционного народа, защищающего завоевания Октября!»

Книга семи героев Советского союза вышла в прекрасном, художественно выполненном издании в рекордно короткий срок благодаря заботам Центрального комитета партии и лично товарища Сталина.

Издание книги было поручено «Правде»; оно тщательно и любовно выполнено коллективом правдистов. Многие издательства могли бы поучиться у «Правды», как издавать книги бережно, красиво, быстро и дешево.

Вслед за первой книгой «Героической эпопеи» выходят в свет первым изданием—изданием «Правды» — два остальных тома трилогии.

Мы говорим: первым изданием, ибо нет сомнения в том, что вслед за ним выйдут дальнейшие издания. «Героическая эпопея», эпопея о новых людях, воспитанных большевистской партией и ее вождем Сталиным, будет читаться веками.

Б. ИЗАКОВ

С. Слуцкина „Сущность противоречий между городом и деревней“

(Соцэкгиз. 1933. 195 стр. Цена 2 р.).

«Во втором пятилетии СССР осуществляет крупный шаг вперед в деле изживания вековой противоположности человеческого общества—противоположности между городом и деревней — и создает все необходимые предпосылки для устранения этой противоположности»,—в этих немногих словах резолюции XVII с'езда партии определена великая задача, осуществляемая пролетариатом Советского союза и руководимым им колхозным крестьянством.

Прежде чем ответить на вопрос, в какой мере книга тов. Слуцкиной удовлетворяет тем высоким требованиям, которые должны быть пред'явлены к исследовательской работе в этой области, необходимо хотя бы коротко изложить содержание книги.

Тов. Слуцкина в своей работе пыталась, видимо, разрешить три задачи: во-первых, изложить основы марксистско-ленинского учения об экономической сущности противоположности между городом и деревней; затем, исходя из основ ленинского учения, показать рост и обострение этого противоречия в эпоху империализма и общего кризиса капитализма и, на-

конец, в последней части книги, показать процесс уничтожения противоположности между городом и деревней в СССР.

Надо прямо сказать, что тов. Слуцкина с этими задачами не справилась.

Изложение основ марксистско-ленинского учения о сущности противоположности между городом и деревней сведено в работе тов. Слуцкиной к подбору цитат из классиков марксизма и к повторению содержания этих цитат своими словами, вместо того чтобы на конкретном, фактическом и цифровом материале показать процесс возникновения, развития и обострения противоположности между городом и деревней. Отсюда обилие общих рассуждений, «установок», дефиниций и почти полное отсутствие исследовательской работы над новым материалом. Буквально каждая страница книги пестрит общими, абстрактными, ни на шаг не продвигающими нас вперед рассуждениями о том, что «эпоха первобытного коммунизма не знала городов» (стр. 4), что «с развитием товарного хозяйства город все больше выделяется из деревни» (стр. 5).

На стр. 5 приводится цитата из Ленина: «Основой товарного хозяйства является общественное разделение труда», а на стр. 6, буквально через 10 строк, тов. Слуцкина пересказывает эту же цитату своими словами «Общественное разделение труда, — пишет она, — является основанием товарного хозяйства».

Там, где тов. Слуцкина пытается теоретически осветить вопрос, у нее дело не идет дальше общих мест или, как это нередко с ней случается, дальше «переложения» простых, четких и ясных марксистских положений на вычурный «гегелевский» язык. Почти единственный фактический материал в этой части книги—таблица на стр. 16 об уменьшении населения, занятого в сельском хозяйстве. Таблица должна подтвердить то положение, что «классовая сущность процесса отделения города от деревни выражена также в процессе урбанизации». Но и в этом случае все-таки не видно уменья пользоваться фактическим материалом. Например тов. Слуцкина включает Индию и Австралию в число стран, показывающих уменьшение сельского населения. И как это делается? В Индии уменьшение сельского населения составило 1,7%, а в Австралии — целых 19,71%, но данные эти взяты по Индии за... 30 лет (!), а по Австралии... за 81 год (?!). Автору, видимо, пришлось здесь нелегко! Между тем данные для характеристики процесса урбанизации найти вовсе не так трудно.

Если в первой части своей книги (на протяжении примерно 50 страниц) тов. Слуцкина склонна факты истории заменять общими рассуждениями, то во второй части книги она, стремясь восполнить этот пробел, приводит ворох материала для характеристики обострения противоречий между городом и деревней в эпоху империализма и всеобщего кризиса капитализма.

Вместо строго продуманных и тщательно подобранных фактических данных читателю сплошь и рядом преподносится совершенно несистематизированный, небрежно подобранный и устарелый цифровой материал. Некоторое исключение представляют главы, освещающие вопросы «ножниц», увеличения налогового бремени американского фермерства и немецкого крестьянства, однако и на этих главах лежит печать одного из немалых недостатков, свойственных рецензируемой книге: приведенный материал слабо характеризует как «ножницы», так и тяжесть налогового пресса в период наибольшего обострения современного экономического кризиса капиталистических стран. Материалы по движению цен в США обрываются на 1930 г., по Германии—частью на 1929 г., частью на 1931 г.; характеристика роста желез

нодорожных тарифов в Германии заканчивается данными за 1925 г. В главе о налогах цифровой материал по США приведен до 1929 г., а по Германии тов. Слуцкина вообще не указывает времени, к которому относится таблица (стр. 64), показывающая распределение тяжести налогов по хозяйствам с различной земельной площадью, предоставляя читателю возможность самому догадываться об этом.

В главе о «Задолженности и заложенности ферм» автор ограничивается материалами, показывающими рост фермерских банкротств и рост банкротств сельскохозяйственных банков в США с 1921 по 1926 г., совершенно не используя богатейший материал, показывающий массовое разорение фермерства под влиянием мирового экономического кризиса.

Тов. Слуцкина часто ссылается на буржуазных экономистов, приводя и критикуя их положения. Но при этом она подчас сама оказывается в плену вульгарных буржуазных представлений. «Естественные факторы в их социально-экономическом смысле (!),—пишет, например, тов. Слуцкина, — сами обусловлены влиянием цен (?) и уровнем развития производительных сил. Возьмем примеры. В большинстве случаев хорошие цены на картофель при посадке последнего обусловливают высокий урожай и обратно» (стр. 134). «Это влияние цен на урожай,—спешит, ссылаясь на иностранный источник, уверить читателя тов. Слуцкина, — несомненно, происходит и в отношении других посевов» (стр. 135). Выходит таким образом, что высокие цены во время сева обусловливают высокий урожай. Ясно, что в реальной жизни никоим образом нельзя обнаружить действия этого, столь хитро придуманного, механизма.

Тов. Слуцкина аргументирует в данном случае тем, что «цены, которые фермер ожидает получить за картофель, сильно влияют на его отношение к посеву, к обработке земли и т. д.» (стр. 135). Это практически возможный случай. Но практически возможно и обратное соображение: низкие цены во время сева могут стимулировать обработку, с тем, чтобы перекрыть низкие цены большей общей выручкой. Примером может служить поведение американских фермеров весной прошлого года. При крайне низких ценах на сельскохозяйственную продукцию правительство США, опасаясь получить хороший урожай, решило для предупреждения этого «бедствия» выдавать специальные премии тем фермерам, которые произведут сокращение своих посевных площадей.

Что же случилось?

Фермер от премии не отказался, посевные площади сократил, но и при низких ценах так «отнесся к посеву и обработке земли», что сбор урожая в 1933 г. оказался в США более высоким чем в 1932 г.

Вслед за этими рассуждениями тов. Слуцкиной о ценах и урожае следует нечто, уже совсем несообразное. «Стабилизация посевной площади,— пишет тов. Слуцкина,—должна таким образом иметь важное влияние на устойчивость урожая картофеля, потому что эта стабилизация будет стремиться (!?) стандартизировать производство картофеля» (стр. 135).

Стабилизация, стремящаяся стандартизировать производство картофеля! Действительно, лучше не скажешь! Но здесь дело не только в стиле: единственный простой смысл этого утверждения заключается в том, что якобы постоянная («стабилизированная») посевная площадь «должна иметь важное влияние» на устойчивость урожая, а значит, и на устойчивость валового сбора («стандартизирует производство»). Это, конечно, уже никуда не годится!

Примером некритического использования буржуазных источников является также приводимая автором таблица о производительности труда в отдельных отраслях производства, по данным Кинта (стр. 73). Таблица

эта составлена методологически совершенно неверно: тов. Слуцкина совершенно не анализирует таблицы по существу, сравнивая только конечные пункты ее — 1850 и 1910 гг.; сопоставление же 1870 и 1880 гг. с 1910 г. существенно меняет картину и показывает, что стоимость продукции на одного занятого в сельском хозяйстве выросла даже больше чем в промышленности.

В целом буржуазные источники используются автором весьма некритически и нередко серьезно «подводят» автора.

Весь второй раздел разбираемой книги перегружен таблицами; эти таблицы не сгруппированы по какой-либо определенной схеме, в значительной мере не соответствуют названиям глав и зачастую имеют весьма отдаленное отношение к вопросам, о которых идет речь в той или другой главе. Потребовалось бы специальное «исследование», чтобы разобраться в этой груде сырого материала. Попались автору под руку данные о банкротствах за 1926 г. — она их включила в книгу; оказалась под рукой таблица, показывающая урожайность, — она включила и ее в главу о концентрации сельского хозяйства; встретились цифры, показывающие распределение земельных площадей по фермам США за 1930 г., — помещаются в книге и они. По Германии, например, под рукой оказались данные только за 1907 и 1925 гг., хотя читателя больше всего интересуют последние данные, показывающие обострение диференциации крестьянства за годы экономического кризиса в капиталистических странах.

Но не только в этих казусах заключаются недостатки книги тов. Слуцкиной: основной недостаток ее состоит в том, что тов. Слуцкина не сумела показать на фактах противоположность между городом и деревней при капитализме как противоречие между классами. А этот большой фактический материал именно и нужно было систематизировать и показать. Слишком мало дано фактического материала о классовых схватках, о крестьянских бунтах, о забастовках фермеров в США, о рисовых бунтах в Японии, и т. д. А это ярко показало бы глубину противоречий и вскрыло бы силы, на которые нужно опереться для революционного уничтожения этой вековой противоположности.

Использованный в книге фактический материал сколько-нибудь серьезно не проанализирован, а бессистемное его размещение и «сплошной» метод анализа за годы до 1900 г., 1900—1912—1914 гг., 1914—1932 гг. лишают автора возможности показать различную степень загнивания капитализма и различную степень и формы обострения противоположности между городом и деревней в условиях капитализма доимпериалистического, до вступления его в эпоху общего кризиса и в условиях капитализма эпохи общего кризиса. Взгляды буржуазных писателей о возможности якобы уничтожения противоположности между городом и деревней в условиях капиталистического строя фактически не раскритикованы. Тов. Слуцкина ограничилась следующей фразой (стр. 27): «В критике Лениным взглядов Булгакова, считающего идею уничтожения противоположности между городом и деревней «совершенной фантазией» и обосновывающего вечность этой противоположности пресловутым законом убывания плодородия почвы, содержится ответ и современным апологетам капитализма». Это правильно. Но задачей автора была к р и т и к а «современных апологетов капитализма» на новом и современном фактическом материале. От этой задачи автор просто отмахнулся.

В книге есть неточные и неверные формулировки по вопросу о ренте, о сущности аграрных кризисов, о периодичности аграрных кризисов, и пр.

Противоречия капитализма в разбираемой книге показаны крайне отвлеченно и безжизненно. Тов. Слуцкина почти не останавливается на росте

революционного крестьянского движения в эпоху общего кризиса капитализма, на растущем влиянии городского пролетариата, братских компартий и на влиянии успехов СССР на массы крестьянства капиталистических стран.

* * *

Особенно безотрадное впечатление производит последняя часть работы тов. Слуцкиной, посвященная, как она пишет (стр. 154), «вопросу о проблеме противоположности между городом и деревней в СССР» (стиль-то каков!—*Ц.* и *М.*).

Что вправе требовать читатель от работы по этим вопросам, вышедшей накануне XVII с'езда партии и после XVII партконференции?

Прежде всего обобщения и конкретного показа живой, творческой, героической деятельности миллионов рабочих и колхозников, поднятых нашей партией на борьбу за социалистический строй,—той деятельности, которая до неузнаваемости изменила лицо нашей страны и позволила выдвинуть как ближайшую практическую задачу второй пятилетки создание всех необходимых предпосылок для устранения противоположности между городом и деревней.

Надо было, следовательно, конкретно показать, что и как сделала наша партия на пути устранения вековой противоположности между городом и деревней и какие задачи здесь предстоит разрешить. Надо было показать, как социалистический, пролетарский город крепил, развивал и умножал экономические связи с советской деревней; как вследствие этого изменилась, употребляя выражение Маркса, костная и мускульная система производства в нашей деревне; как социалистический город помогал деревне, посылая ей лучших людей рабочего класса и партии, обладающих большевистской закалкой, культурой и организационным опытом, и как все это создало в нашей деревне новые отряды армии социалистического труда.

Внедрение техники поднимает на новую ступень механизацию труда в социалистическом сельском хозяйстве по сравнению со старым крестьянским хозяйством. На основе механизации колхозного производства растет производительность труда, уменьшаются затраты труда как на единицу обрабатываемой площади, так и на единицу продукции.

Крупное колхозное производство охватывает также и животноводство, эту наиболее сложную отрасль сельского хозяйства. Тов. Слуцкина не прошла мимо колхозного животноводства и правильно отметила, что «форма колхозных ферм наиболее соответствует нынешней артельной стадии развития колхозного хозяйства» (стр. 176). Однако наряду с этим следовало бы показать рост ферм и поголовья скота в них, роль ферм в производстве продукции животноводства, в воспроизводстве стада, организацию труда и т е н о в ы е отношения, которые как раз и отличают животноводство колхозной фермы от крестьянского животноводства.

Процесс образования новых, городского типа, центров сопровождается в противоположность капиталистической действительности невиданным под'емом культуры сельского населения, в широком понимании этого слова. Это особенно важно подчеркнуть, так как противоположность между городом и деревней не сводится к явлениям только экономического порядка, хотя они и лежат в основе ее. Противоположность между городом и деревней охватывает также всю совокупность культурно-идеологических и бытовых отношений, что совершенно упускает из виду тов. Слуцкина. Все достижения города (книги, газеты, театр, кино, телефон, радио,

физкультура, ясли, больницы, и т. д.), о которых трудящееся крестьянство раньше не могло и мечтать, становятся достоянием колхозников.

Здоровая попытка, обнаруженная автором в середине главы, — показать, что и как завоевано за время от Октябрьского переворота и до наших дней ставшим у власти пролетариатом на пути уничтожения вековой противоположности между городом и деревней, — оказалась случайным проблеском, быстро угасшим в море общих и тусклых фраз вроде: «Построение социализма, уничтожение противоположности между городом и деревней совершаются на основе соответствующего (?) роста социалистических производительных сил» (стр. 162), или: «Противоречия в советской экономике принципиально отличны от противоречий при капитализме и качественно отличны (от чего? — *Ц.* и *М.)* на каждом этапе строительства социализма. Не вдаваясь в анализ (!) всех противоречий, мы отмечаем антагонистический характер противоречия между пролетариатом как господствующим классом и капиталистическим классом с его агентурой. На различных этапах экономики переходного периода этот антагонизм имеет и свое особое содержание и формы» (стр. 159—160).

Так, «не вдаваясь в анализ», но «отмечая противоречия», имеющие «особое содержание и форму», тов. Слуцкина порхает от одного «вопроса о проблеме» к другому, воскрешая скверные традиции «пустейшего говорения», «литературщины», словесной трескотни, — словом, «метод исследования» тов. Слуцкиной является живой иллюстрацией к характеристике такого рода «исследований», сделанной тов. Кагановичем на XVII с'езде партии [1]. «К сожалению, — говорил тов. Каганович, — часть наших профессоров вместо соединения теории с практикой сочиняет глубокомысленные трактаты на тему: веревка — вервие простое, а так как у Маркса и Энгельса на этот счет ничего нет, то они считают, что этим самым углубляют и обогащают сокровищницу марксизма».

В главе имеются политически неряшливые формулировки. Так например на стр. 184 тов. Слуцкина забывает, что артель является главной формой колхозного движения на данном этапе; на стр. 155 дана путаная формулировка о путях разрешения противоречий экономики переходного периода. Автор не анализирует характера и форм классовой борьбы в период сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса.

Совершенно непозволительно сужена проблема уничтожения противоположности между городом и деревней. Автор ограничивает рассмотрение ее главным образом вопросами, связанными с механизацией сельскохозяйственного производства. Но даже цифр и фактов по этому вопросу, особенно за годы первой пятилетки, тов. Слуцкина не удосужилась изучить добросовестно.

Подводя итоги выполнения первой пятилетки в области сельского хозяйства, тов. Слуцкина пишет: «Площадь, которая находилась под посевами колхозов (если исчислить по весне и осени (?) 1930 г.), достигла 43 млн. га, тогда как пятилетним планом для последнего его года намечалось довести площадь под колхозами (ну и стиль!—*Ц.* и *М.)* до 20 млн. га. Удельный вес обобществленного сектора в основных фондах составил уже в 1929—1930 гг. 62%, т. е. он уже здесь достиг абсолютного перевеса. Обобществленный сектор в 1929—1930 гг. давал уже 23,5% всей валовой продукции сельского хозяйства». Запомни, читатель: в 1929 — 1930 гг. удельный вес социалистического сектора в основных фондах сельского хозяйства достиг абсолютного перевеса. Это написано на стр.

[1] XVII с'езд ВКП(б). Стенографический отчет, стр. 554. Партиздат. 1934.

172, а рядом, на стр. 175, где приводятся цифры, относящиеся к 1932 г., тов. Слуцкина утверждает совершенно обратное: «Социалистический сектор занимал к началу 1928 г. 7,2% общей стоимости фондов в сельском хозяйстве, а к началу 1932 г., с учетом стоимости фондов в скоте, он занимал 44,3%», т. е. получается, что в течение двух последующих лет социалистический сектор не только не закрепил, но и потерял свой абсолютный перевес. Если бы тов. Слуцкина добросовестно и серьезно отнеслась к тому материалу, который она держала в руках, то не получилось бы совершенно ложной картины, искажающей действительный процесс развития социалистического обобществления основных фондов в сельском хозяйстве СССР.

Обратимся к статистическому сборнику Госплана «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными с'ездами». Составленная нами по материалам этого сборника таблица о средствах производства в сельском хозяйстве и доле социалистических форм хозяйства в них показывает на самом деле следующее:

Показатели	1929 г.		1930 г.	
	Абсол. (в млн. руб.)	В %	Абсол. (в млн. руб.)	В %
Всего средств производства . . .	17 750,0	100,0	17 250,4	100,0
В том числе:				
совхозы	443,2	2,5	937,6	5,4
колхозы (обобществ. фонды) . . .	228,8	1,3	1 922,6	11,1
единоличники (включая индивидуальную часть хозяйства колхозников)	17 078,0	96,2	14 390,2	83,5

Как видим, удельный вес социалистических форм хозяйства — совхозов и колхозов — в 1929 и 1930 гг. составлял не 62%, как утверждает тов. Слуцкина, а всего лишь 3,8% в 1929 г. и 16,5% в 1930 г. [1]. Не ясно ли, что тов. Слуцкина исказила действительную картину обобществления основных производственных фондов в сельском хозяйстве и совершенно неверно ориентировала читателя?

К сожалению, этим дело не ограничивается. Любой враг колхозного строя постарается воспользоваться «анализом» тов. Слуцкиной. В самом деле, если социалистический сектор, располагая 62% основных производственных фондов, производил только 23,5% валовой продукции сельского хозяйства, то, очевидно, частный сектор, обладая 38% основных фондов, сумел произвести 76,5% всей валовой продукции. По этой горе-статистике нашего исследователя выходит, что единоличное хозяйство выгоднее крупного, коллективного, социалистического, дает бо́льшие урожаи, лучше использует средства производства, и т. д. Подумала ли тов. Слуцкина, кому наруку она играет и кто будет черпать из этого «научного» источника?

Между тем и здесь дело обстоит совершенно иначе. Социалистический сектор, располагая в 1930 г. 16,5% основных фондов, давал 23,5% валовой продукции, а индивидуальное производство в земледелии, обла-

[1] Мы говорим о фондах в основных средствах производства, а тов. Слуцкина оперирует термином «основные фонды», куда, кроме производственных фондов, возможно включение жилого фонда. Но это не может изменить существа дела.

дая 83% основных фондов, давало 76,5% валовой продукции. Колхозное хозяйство, следовательно, более выгодно чем единоличное.

Еще большую «беззаботность» относительно правильности и точности цифр обнаруживает тов. Слуцкина при разборе данных о посевных площадях сельского хозяйства СССР. «Посевная площадь в совхозах,— пишет тов. Слуцкина,— в 1932 г. в процентах к 1928 г.—794,1, посевная площадь колхозов в 1932 г. в процентах к 1928 г. — 2180,9... посевная площадь технических культур — 175,0%, стоимость основных производственных фондов в сельском хозяйстве за те же годы — 150,3%, количество тракторов в колхозах — 425,0%» (стр. 173—174).

Здесь что ни цифра, то ошибка. Сопоставим данные, изысканные тов. Слуцкиной, с цифрами, опубликованными Госпланом в «Итогах выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР»:

	1932 г. в % к 1928 г.	
	По Слуцкиной	По данным Госплана
Посевная площадь совхозов	794,1	781,4
„ „ колхозов . . .	2 180,9	6 684,5
Число тракторов в колхозах и МТС	425,0	904,8

Темп роста посевной площади колхоза тов. Слуцкина умудрилась преуменьшить ровно в три раза, темп роста количества тракторов—показать в два раза меньшим, чем он есть в действительности.

Так обстоит дело с цифровым, фактическим материалом в книге тов. Слуцкиной.

В заключение необходимо указать еще на некоторые образцы неряшливости в научной работе и просто пренебрежительного отношения к читателю. Часто тов. Слуцкина, забывая написанное на одной странице, повторяет то же самое на другой. Такого рода повторения встречаются на стр. 165 и 166 (о торговле), на стр. 168 и 169 (о кооперации) и в других местах.

Или, говоря о способах обеспечения рабочей силой помещичьих имений («накануне войны 1914 г.»), когда помещики зимой нанимали крестьян на предстоящие летние работы на условиях, крайне тяжелых для крестьян, она утверждает, что «эти закабалившиеся помещиком (?) крестьянские хозяйства носили название «обязанных крестьян» (стр. 168). Оставляя в стороне несколько своеобразный стиль автора («закабалившиеся помещиком» хозяйства, носящие название «обязанных крестьян»), мы вынуждены огорчить тов. Слуцкину замечанием, что хотя «обязанные крестьяне» и существовали в дореволюционной России, но время их существования относится к несколько более раннему периоду чем канун войны 1914 г.

В 1842 г., 2 апреля, правительствующий сенат своим указом предоставил возможность помещикам по их желанию «даровать» своим крепостным крестьянам личную «свободу» при сохранении за помещиками собственности на землю, обрабатываемую этими крестьянами. «Освобожденные» таким образом крестьяне должны были уплачивать помещику оброк или нести другого рода повинности, причем выполнение крестьянами этих обязательств обеспечивалось круговой порукой. Вот эти-то крестьяне, тов. Слуцкина, и назывались «обязанными крестьянами».

На стр. 170 тов. Слуцкина дважды приводит выдержки из стенограммы XIV партс'езда (из доклада товарища Сталина и из резолюции

с'езда), указывая оба раза, что эти выдержки взяты ею из доклада товарища Сталина на XVI партс'езде и из резолюции XVI с'езда.

Приводя на стр. 146 цитату из статьи Ф. Энгельса «Революционные движения 1847 г.» (Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. V, стр. 244—245), она указывает, что эта выдержка взята ею из «Принципов коммунизма».

Все это лишний раз говорит о «легком» отношении автора к своей работе и к читателю.

Книга тов. Слуцкиной не продвигает нас ни на шаг вперед в разработке актуальнейшей проблемы противоположности между городом и деревней.

В книге много неряшливостей, опечаток, слишком много цифр, причем цифр не всегда уместных. Книга трудно читается.

* * *

Мы никак не можем присоединиться к тому похвальному слову книге тов. Слуцкиной, которое недавно было произнесено журналом «Проблемы экономики» (№ 2 за 1934 г.). Журнал считает, что анализ сущности противоположности между городом и деревней тов. Слуцкина дала классово четко и партийно, что ею проработан и продуман на основе работ Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина большой фактический материал и что книгу тов. Слуцкиной следует переиздать.

К счастью, журнал сам заставляет читателей усомниться в правильности своих выводов, ибо на стр. 156 «Проблем экономики» черным по белому напечатано, что при характеристике противоречия между городом и деревней «в период становления капитализма» тов. Слуцкина не дала ни плоти, ни крови этого процесса, т. е. что у нее отсутствует здесь фактический, исторический материал. Далее, оценивая главу об уничтожении противоположности между городом и деревней в СССР, журнал отмечает, что тов. Слуцкина «не дает достаточного анализа конкретных путей и методов уничтожения этой противоположности (например развернутого анализа превращения сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального, сближения материального и культурного уровня города и деревни, достаточно развернутого анализа роли МТС, переделки колхозников, и т. д.)», т. е. и здесь опять-таки указывается, что в книге тов. Слуцкиной нет конкретного анализа действительного процесса. А если нет плоти и крови, то что же остается? Общие рассуждения по поводу возникновения и уничтожения противоположности между городом и деревней, или, как изящно выразился журнал «Проблемы экономики», «освещение основных установок взаимоотношений города и деревни». Но, увы, на одних «установках» далеко не уедешь ни в практической, ни в теоретической работе. Кроме того «установки» тов. Слуцкиной нередко политически путаны и неверны, о чем мы говорили уже выше и о чем умолчал журнал.

Цифрового материала во второй части книги приведено много, но как же можно утверждать, что он теоретически осмыслен и продуман на основе работ учителей коммунизма, если в нем стерты грани между различными фразами и этапами в развитии капитализма, если сама тов. Слуцкина нередко оказывается в плену вульгарных, буржуазных представлений, если она почти полностью проглядела революционную работу братских компартий в деревне и нарастание возмущения крестьянских трудящихся масс?!

Несогласны мы с тем, что книгу тов. Слуцкиной надо переиздать: Эта огромная тема требует подлинно научной, большевистской разработки.

Г. ЦИБУЛЬСКИЙ и И. МАЛЫШЕВ

Плановое и бесплановое хозяйство

(Три документа американской современности)

Рексфорд Г. ТАГВЕЛЛ и Говард ХИЛЛ «Наш экономический строй и его проблемы». Исследование об американском уровне жизни и путях его повышения. Нью-Йорк. 1934 [1].

Клеренс ДАРРОУ. Доклад комиссии обследования результатов политики национального восстановления. 1934 [2].

Мэри ВАН-КЛИКК. Горняки и предприниматели. Нью-Йорк. 1934 г. Изд. Рессель Сейдж Фоундейшен [3].

Какое огромное различие между шумным оптимизмом буржуазии перед мировым экономическим кризисом и ее нынешним похмельем! До конца 1929 г. американская буржуазия — господствующий класс богатейшей капиталистической страны — считала, что она владеет секретом преодоления противоречий и кризисов капиталистического способа производства.

Буржуазия и социал-демократия Европы и всего мира как зачарованные взирали на Америку с ее «чудотворной» капиталистической троицей: массовым производством, низкими ценами и «высокой» заработной платой. В этот период, так сказать, ввиде «побочного продукта» американского «процветания», появился целый поток апологетической буржуазной экономической литературы во всех капиталистических странах. «Тайна высокой заработной платы», «Новое промышленное евангелие», «Американская тайна», «Американское хозяйственное чудо», «Золотая Америка» — таковы названия книг, опубликованных в то время профессорами и хозяйственными деятелями различнейших стран: Аустином и Ллойдом, Дж.-Эллисом Баркером, Ю. Гиршем, Рамзеем Мюиром, и т. д. Эти буржуазные профессора и хозяйственники, так же как и руководители германских реформистских профсоюзов в своем отчете о посещении Америки, видели в американском «процветании» оправдание капиталистического способа производства и показывали «американское экономическое чудо» в качестве «образца» для всей Европы. Это была пора расцвета митчелевской теории «перманентного процветания» и «сглаживания» периодических кризисов, пора расцвета социал-демократической теории «организованного капитализма» и правооппортунистической теории «исключительности».

Мировой экономический кризис с его перепроизводством, массовой безработицей и всеобщей неустойчивостью выбросил весь этот буржуазный, социал-демократический и правооппортунистический хлам. Вера буржуазии в самое себя была глубоко подорвана.

Профессор Вагеман, руководитель фашизированного Берлинского кон'юнктурного института, был вынужден признать в своей книге «Структура и ритм мирового хозяйства»: «Апокалиптические всадники мирового экономического кризиса не только внесли нужду и нищету, заботу и отчаяние в материальное существование: они также глубоко подорвали его духовно-политическую надстройку».

Вся глубина разложения капиталистического хозяйства особенно ярко подчеркивается успехами социалистического строительства в СССР. Са-

---

[1] Rexford Guy Tugwell and Howard C. Hill. Our Economie Society and its Problems A. Study of American Levels of Living and how to Improwe them. New-York. 1934. Harcourt, Brace and C°.

[2] Clarence Darrow. Report of the National Recovery Review Board. 1934.

[3] Mary van Kleeck. Miners and Management. New-Iork. 1934. Russel Sage Foundation.

мо существование Советского союза, наличие социалистического планирования наряду с разрушительным мировым кризисом в капиталистических странах оказали решающее влияние на подрыв у широких народных масс и даже у части идеологов буржуазии веры в вечность капитализма как единственно возможной экономической системы. Немецкий буржуазный профессор М. Ю. Бонн выражает эту мысль следующим образом: «Всемирно-историческое значение русской революции... основано прежде всего на том великом факте, что она существует. До дня большевистской революции сторонникам социализма можно было возразить, что их система ложна, что она помимо того невозможна, даже если бы она была правильна. Существующая же социалистическая система может быть отвратительна или даже пагубна, но от нее никак нельзя отделаться как от невозможной. Она существует и, поскольку она существует наряду с капиталистической системой, она самим своим существованием призывает к сравнению».

Это сравнение потрясенной кризисом капиталистической системы с единственной страной мира, где нет никаких явлений кризиса, — Советским союзом—все ярче выступает в глазах широких масс пролетариата и даже мелкой буржуазии капиталистических стран. Все более широкие массы убеждаются в том, что Советский союз — единственная страна в мире, действительно представляющая собой «экономическое чудо», где происходит непрерывный под'ем, где безработица ликвидирована, где благосостояние трудящихся постоянно растет, где предприятия не свертываются, а, наоборот, возникают все новые промышленные гиганты.

Огромное значение успешного строительства социализма в СССР заключается также и в том, что оно указывает массам выход из ужасов кризиса и нищеты.

Панический страх перед тем, что массы поймут огромное превосходство социалистической системы над капитализмом, порождает обширную, ежедневно возрастающую буржуазную литературу, посвященную проблеме возможности «планирования» при капитализме.

Этот же страх является лейтмотивом разбираемой нами новой книги Тагвелла и Хилла. Авторы сами в этом сознаются: «Пока уровень жизни в России ниже чем в Америке, советская экономика не служит еще для нас серьезным вызовом... Но если уровень жизни в России приблизится к нашему, то вызов станет серьезным, так как при равном уровне жизни и наличии большей экономической демократии и равенства русская система явится мощным призывом к массам мыслящих людей. Безусловно, уровень жизни в России может сравняться с нашим. Повторные кризисы, на которые мы, повидимому, обречены, могут замедлить наш прогресс. Когда русское хозяйство вырастет так, как это представляется весьма вероятным, организованная дисциплина и энтузиазм советской системы, наверное, неизмеримо повысят уровень жизни.

Если же мы тем временем ничего не сделаем для исправления явных недостатков нашей системы, мы подвергнемся реальной опасности. Одна опасность — это внезапный переход к социалистическому хозяйству... Другой же реальной возможностью является наступление эпохи торговых войн или военных столкновений между двумя мировыми системами, равного могущества и принципиально непримиримыми. Так же как наша страна не могла существовать наполовину в рабстве и наполовину в свободе, так и весь мир не сможет оставаться наполовину социалистическим и наполовину капиталистическим, а многие считают, что капитализм, как он сложился в XIX в., а также в его нынешней

форме, окажется более слабой системой чем система, складывающаяся ныне в Советском союзе» («Наш экономический строй и его проблемы», стр. 525).

Г. Хилл — профессор Чикагского университета. Тагвелл — профессор политической экономии Колумбийского университета в Нью-Йорке; в настоящее время он занимает пост заместителя министра земледелия США и является признанным лидером так называемого «мозгового треста», организованного президентом Рузвельтом. Книга Тагвелла и Хилла должна послужить фактической основой и теоретической схемой «новой системы». Как говорят сами авторы, центральной проблемой их книги являются следующие вопросы: «**Как мы может повысить наш уровень жизни?**», «**Как можно построить лучший экономический строй?**»

В книге дается анализ двух экономических систем: системы «laissez faire», как выражаются авторы, и системы «социального контроля»: как они сложились, с одной стороны, в Соединенных штатах, а с другой — в социалистическом Советском союзе.

Первая часть исследования Тагвелла и Хилла посвящена анализу уровня жизни трудящихся масс города и деревни в США. Результаты этого исследования поистине потрясающи. Авторы констатируют, что в 1918 г. из 37 млн. семейств в Соединенных штатах почти 20 млн. жили «**в бедности**», причем более 14 млн. из них находились в состоянии «**крайней бедности**» и почти 2 млн. семейств были «**буквально нищими**». В период 1919—1930 гг. целых «три четверти **фермерских** семейств находилось в состоянии **бедности**, а более половины жили в **самой крайней бедности**».

Затем авторы исследуют изменения в уровне жизни масс, происшедшие с 1919 по 1929 г. «Эти одиннадцать лет были очень показательны, потому что на эти годы приходится **самый высокий уровень процветания, когда-либо достигнутый Америкой**. Это был период, когда многие заявляли, что бедность уже исчезает».

Итог столь рекламировавшегося американского «процветания» таков: «10 млн. семейств — **более трети всего населения** — оставалось **в бедности**, а из этих 10 млн. более 2 млн. семейств оставалось в крайней бедности. Если мы ограничим наше внимание лишь городским населением, то окажется, что почти 7 млн. городских семейств—даже в период процветания—принадлежали к группе «бедных», причем уровень жизни около 1650 тыс. семейств был ниже необходимого для существования минимума. Размеры нужды, выражаемой этими цифрами, лишают смысла термин «процветание», которым мы пользуемся условно. Но та фикция, что в этом периоде все переживали процветание, не удалена еще из общественного сознания» («Наш экономический строй и его проблемы», стр. 79). Такое признание со стороны члена американского правительства весьма ценно: ведь оно относится к тому периоду, который официальной демагогией Гувера был назван в свое время эпохой «уничтожения бедности», а ренегатом Ловстоном (вольно подражавшим Гуверу) был окрещен «викторианским веком» прогресса и благосостояния!

Распространение бедности и нищеты в период современного экономического кризиса Тагвелл и Хилл характеризуют следующим образом: «Пройдут годы, пока вполне возможно будет оценить значение кризиса, начавшегося в 1929 г. Но мы уже знаем, что если в 1929 г. треть нашего населения жила в условиях бедности, то количество городских и деревенских семейств, находившихся на этом уровне, достигло в 1933 г. приблизительно 15 млн., т. е. **более половины всего населения**

Соединенных штатов. Из этих же 15 млн. семейств, вероятно, от 5 до 10 млн. были нищими. Это значит, что около 10 млн. деревенских семейств находилось в состоянии бедности, причем, вероятно, от 3 до 7 млн. из них были нищими. Эти цифры подтверждаются тем фактом, что, согласно данным Федеральной администрации помощи, в списках получающих общественные пособия в 1933 г. числилось около 4 млн. семейств» («Наш экономический строй и его проблемы», стр. 83).

Итак, более половины всего населения США находится в состоянии бедности и нищеты в 1933 г.—вот, по свидетельству буржуазного профессора, члена капиталистического правительства, итог капиталистического способа производства даже в могущественнейшей, богатейшей и прогрессивнейшей капиталистической стране! Тагвелл и Хилл с отчаянием констатируют: «Серьезная депрессия высасывает то, что было достигнуто в течение десятилетий».

Как деревенская, так и городская бедность имеет тенденцию «увековечивать себя»: она передается от одного поколения к другому, и при капитализме нет никакой возможности ее преодолеть — таков вывод книги Тагвелла и Хилла. При этом, как признают сами авторы, распространение бедности ими сильно преуменьшено, так как они при своих статистических вычислениях сделали «до нелепости оптимистические предположения».

Во второй части книги дается анализ возможностей повышения уровня жизни масс. Авторы приходят к тому выводу, что на основе капиталистической конкуренции, анархии производства и распределения невозможны постоянное и действительное повышение уровня жизни масс и устранение периодических кризисов. Здесь очень ценно признание, что весь комплекс рузвельтовских реформ и законов оказался бессильным перед лицом этих проблем.

Авторы вынуждены говорить о результатах экономического планирования в СССР в таких выражениях: «Вся деятельность координирована в общественных интересах... Без каких-либо затруднений производимые блага распределяются между потребителями на довольно справедливой основе. С 1930 г. почти не было безработицы, которая сохранилась лишь как мера наказания. Накопленное богатство используется для социального блага» («Наш экономический строй и его проблемы», стр. 521). «Русское хозяйство не служит для извлечения частной прибыли... В общем оно служит общественным интересам, как мы обычно понимаем это выражение... Вознаграждение рабочих не одинаково, а соответственно качеству их работы. Но в противоположность капиталистическим странам нет резкого неравенства между отдельными лицами в одной и той же или в различных отраслях производства; богачей нет, и есть сильная тенденция ко все большему уравнению... Работающие получают заработную плату, а о неспособных работать заботится социальное страхование... Одним из главнейших теоретических возражений против социализма было то, что уничтожение стимула прибыли понизит экономическую производительность. Рано еще говорить, подтверждает ли русский опыт эту критику, но до сих пор нет данных для утверждения, что русское хозяйство страдает от безразличного отношения рабочих к своему делу» (там же, стр. 513—514). «Принципиальных столкновений между руководством и рабочими, которые столь часты в других странах, в Советском союзе нет» (там же, стр. 516).

Итак, некоторые из плодов диктатуры пролетариата в Советском союзе представляются Тагвеллу и Хиллу желательными, но самое дерево, на котором они растут, авторы находят «несимпатичным».

Все разговоры о планировании при капитализме, которыми заполнена 3-я часть книги Тагвелла и Хилла, как они сами признают, служат единственной цели — предупредить пролетарскую революцию. Не удивительно поэтому, что авторы, признав, что живой пример Советского союза вызывает стремления к планированию народного хозяйства и в США, категорически высказываются, однако, против «коммунистической тактики».

Разумеется, предложения Тагвелла и Хилла бесплодны. Иначе и быть не может при подобной их позиции: за экономическое планирование, но против пролетарской революции. Они признают, что «планирование хозяйства в целом возможно лишь при наличии общественной собственности и контроля над орудиями производства», но они решительно отвергают основную предпосылку обобществления средств производства — диктатуру пролетариата. А планирование народного хозяйства без диктатуры пролетариата равносильно квадратуре круга.

* * *

Вторым важным документом американской современности является «Доклад комиссии обследования результатов политики национального восстановления» Дарроу. Президент Рузвельт назначил Клеренса Дарроу, известного радикального адвоката, председателем правительственной комиссии, созданной для расследования того, действительно ли «Закон о восстановлении народного хозяйства» приводит, как утверждают его противники, к усилению монополистических тенденций и к вытеснению мелких производителей. Клеренс Дарроу в своем докладе пришел к выводам, которые стали величайшей сенсацией всей американской политической жизни. По выражению радикального журнала «Нейшен», опубликование доклада комиссии Дарроу подействовало как «взрыв адской машины». Орган коммунистической партии «Дейли уоркер» назвал доклад Дарроу «документом первостепенного политического значения», так как «в нем впервые правительственное учреждение замечательным образом признает те возражения, которые до сих пор одна лишь коммунистическая партия выдвигала против всей рузвельтовской программы восстановления, с тех пор как она стала проводиться».

Доклад Дарроу, представляющий солидный документ в 155 стр., долгое время держался в тайне и был опубликован лишь одновременно с ответом председателя Администрации национального восстановления, генерала Джонсона, так же содержащим 155 стр. Оба эти документа отличаются беспримерной в Америке резкостью и остротой полемики между двумя официальными правительственными учреждениями.

Понятно, почему доклад Дарроу вызвал такое возмущение руководящих органов американского правительства! Исследовав применение кодексов в ряде важнейших отраслей промышленности, Дарроу пришел к выводу, что во всех этих отраслях промышленности благодаря рузвельтовскому законодательству, крупнейшие монополистические организации достигли полной победы и была ускорена гибель мелких предпринимателей. «Мы имеем здесь организацию, — говорит Дарроу, — не только превосходно снабженную орудиями монополистического контроля, но также наделенную чрезвычайными полномочиями, несовместимыми с традиционными идеалами свободной страны».

Политика американского правительства, по утверждению Дарроу, приводит к победе крупнейших монополий, но поворот к системе свободной конкуренции уже невозможен: «Лишь путем полного использования про-

изводственной мощности в целях повышения уровня жизни отдельных лиц и всего общества можно достигнуть устойчивого равновесия в век изобилия».

Америка должна сделать выбор между господством монополий и плановым хозяйством, которое в свою очередь предполагает общественную собственность на средства производства, — таков вывод Дарроу. «Остается лишь выбор между системой правительственной поддержки монополий, что, очевидно, является тенденцией Администрации национального восстановления, и плановым хозяйством, которое требует общественной собственности и контроля, так как лишь путем социализации собственности неизбежный конфликт между частнособственническими предприятиями из-за рынков сбыта может быть заменен плановым хозяйством. Обеспечение правительством прибылей — это не плановое хозяйство, а регламентированная организация для обеспечения эксплоатации. Администрация национального восстановления находится в настоящее время в стадии борьбы противоречивых интересов. Но, поскольку правительственная власть санкционирует регулирование хозяйства монополистическими промышленными организациями, политика эта неизбежно приводит к монополии с устранением мелких предприятий».

Отвечая на этот последний вывод Дарроу, генерал Джонсон заявил: «Если отбросить туманную фразеологию, это означает, что американский народ должен выбрать или фашизм или коммунизм, но ни того, ни другого не может допустить тот, кто верит в наши демократические учреждения, и официальное лицо, давшее присягу защищать конституцию Соединенных штатов, не может принять или официально защищать подобную программу. Этот доклад полностью подтверждает правильность моего предложения, чтобы исследовательская комиссия была уничтожена».

Таким образом дискуссия между двумя правительственными учреждениями закончилась требованием со стороны генерала Джонсона — немедленно распустить комиссию Дарроу, что и было тотчас же сделано президентом Рузвельтом. Однако впечатление, произведенное докладом Дарроу, еще очень сильно, и дискуссия по поводу его не прекращается. Чрезвычайно характерна кристаллизация классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом в Америке вокруг этих основных проблем. Усиливается и борьба буржуазии за полное господство монополистического финансового капитала и борьба рабочих за диктатуру пролетариата, за социалистическое, плановое хозяйство.

* * *

Третьим интересным документом американской современности является новая книга Мэри ван-Кликк «Горняки и предприниматели». Основной тезис автора гласит, что планирование народного хозяйства на капиталистической основе невозможно, что предпосылкой планирования является диктатура пролетариата, что планирование не может быть осуществлено ни правительством Рузвельта, ни каким-либо другим капиталистическим правительством, а лишь рабочим классом.

Разумеется, не этот тезис сам по себе об'ясняет то огромное впечатление, которое произвела в Америке книга Мэри ван-Кликк: ведь коммунистическая партия США давно уже выдвигает этот тезис против всех попыток «планирования» капиталистического хозяйства. Сенсация была

вызвана тем, что этот тезис, хотя бы в самой общей форме, защищает теперь в своей книге Мэри ван-Кликк — директор отдела промышленных исследований «Рессель Сейдж Фоундейшен», одна из известнейших деятельниц американской буржуазной экономической науки.

Консервативная буржуазная печать с возмущением спрашивала: как возможно, что такое почтенное, солидное и консервативное учреждение, как «Рессель Сейдж Фоундейшен», издало книгу, содержащую столь неслыханно еретический тезис? Нужно отметить, что «Рессель Сейдж Фоундейшен», основанная известной миллионершей и филантропкой Рессель Сейдж, пожертвовавшей 10 млн. долл. для «улучшения социальных условий», принадлежит в течение почти 30 лет к солиднейшим идеологическим опорам американского капитализма.

Книга Мери ван-Кликк — это первая книга в огромной и все возрастающей массе буржуазной литературы об экономическом «планировании» в капиталистической Америке, вынужденная давать решительно отрицательный ответ на вопрос о возможности какого-либо планирования в условиях капитализма.

Мэри ван-Кликк дает наглядный анализ начавшегося еще до мирового экономического кризиса капитализма кризиса угольной промышленности и его причин. Причинами катастрофического положения угольной промышленности она считает частную собственность, которая неизбежно приводит к «экономической войне за рынки», и классовую борьбу между рабочими и владельцами шахт. Мэри ван-Кликк приходит к тому выводу, что всякие соглашения «в лучшем случае представляют собой лишь род перемирия» и что «принципиальное примирение интересов рабочих и предпринимателей в основанной на частной собственности промышленности невозможно».

Этими причинами и об'ясняет Мэри ван-Кликк ту общую картину угольной промышленности, основные черты которой она рисует следующим образом: «Эксплоатация человека человеком; невозможность жизни в достатке для тех, кто выбрал эту профессию и приобрел в ней квалификацию; отсутствие прочных и нормальных условий жизни в поселениях горняков; нерегулярное и расточительное обслуживание потребностей домашних хозяйств; расточение невосстановимых естественных ресурсов».

Мэри ван-Кликк констатирует, что эти факты в той или иной мере известны уже давно; поэтому основным вопросом является: почему США до сих пор ничего не предприняли для изменения этого положения? Она анализирует мероприятия буржуазного государства и приходит к выводу о полной его неспособности «навести порядок» в хаосе угольной промышленности. Она показывает полное банкротство реформистского руководства профсоюзов, ведшего рабочих от поражения к поражению. Далее, Мэри ван-Кликк анализирует «Закон о восстановлении народного хозяйства», устанавливающий по существу сотрудничество рузвельтовского правительства и реформистского профсоюзного руководства, и приходит к следующему выводу: «Даже самый осторожный исследователь придет к тому выводу, что эти пороки свойственны самой системе отдельных частнособственнических предприятий, т. е. капиталистической системе».

Планирование угольной промышленности и вообще всякой отдельной отрасли промышленности, доказывает Мэри ван-Кликк, немыслимо, так как каждая отрасль производства находится во взаимной связи с другими отраслями. Планирование является таким образом «проблемой всей социально-экономической системы». Планирование требует «научной организации производства в целом». Но эту «научную организацию»

нельзя сводить (здесь Мэри ван-Кликк критикует тейлоризм) к научному руководству отдельными предприятиями или же рассматривать как «общую сумму мероприятий по руководству отдельными компаниями». Именно поэтому научная организация промышленности по существу своему «превышает силы частного собственника».

Вслед за этим Мэри ван-Кликк делает второй решающий шаг. Констатируя, что всякая попытка экономического планирования при капитализме должна потерпеть неудачу из-за частной собственности и анархии производства, из-за конкуренции и классовой борьбы между трудом и капиталом, она ставит вопрос о роли государственной власти.

Лишь помня силу тех демократических иллюзий, которые все еще имеют столь глубокие корни в США, можно оценить эту смелость анализа в устах буржуазного экономиста. Но Мэри ван-Кликк делает из этого анализа и дальнейшие смелые выводы. Она приходит к тому заключению, что «обычное предложение о национализации угольной промышленности и передаче ее во владение и руководство правительства неосуществимо».

Капиталистическое государство вообще неспособно к руководству хозяйством на плановых началах, и «для руководства современной промышленностью необходимо создать совершенно новые политические средства». Пример этих новых политических учреждений являет Советский союз: «В Советском союзе уголь подобно всем прочим естественным ресурсам и средствам производства национализирован и угольная промышленность планируется как один из элементов всего планового хозяйства. Замечательно, что из всех добывающих уголь стран лишь в Советском союзе, где одновременно был подвергнут изменению как экономический, так и государственный строй, осуществлена национализация горной промышленности».

Что это за новое политическое орудие, без которого невозможно экономическое планирование? Мэри ван-Кликк дает следующий ответ: «Новая политическая система в форме рабочего государства заступила место старого, царского правительства, и эта новая политическая система — орудие «диктатуры пролетариата» — поставила себе задачей социализацию производства, понимая под этим как общественную собственность, так и общественное управление».

После конкретного описания планирования угольной промышленности в Советском союзе как части всего народного хозяйства Мэри ван-Кликк заявляет: «Таковы основные черты планирования и управления угольной промышленностью в Советском союзе. Но и для США возможно предусмотреть соответствующую систему научной организации». Для этого, однако, необходимо изменить как экономический, так и политический строй, чтобы «Соединенные штаты перешли от современных нерациональных условий нищеты среди изобилия продуктов к конструктивной задаче использования богатейших естественных ресурсов Америки для замены современного, позорно низкого уровня жизни в основных отраслях промышленности обеспеченностью, удобствами и верой в будущее, соответствующими искусству и производительности американских рабочих».

Такова, по мнению Мэри ван-Кликк, «историческая задача настоящего поколения». Но эта задача, говорит она, может быть

осуществлена лишь путем классовой борьбы: «Эта перемена будет осуществлена путем борьбы за власть между рабочими и предпринимателями». В борьбе за социализацию промышленности и за создание планового хозяйства «рабочие логически являются вождями», потому что «социализация по существу своему — коллективное дело, а цель рабочих — установление устойчивости и повышение уровня жизни — представляет собой единственный рычаг, который может успешно установить баланс между производством и потреблением в век перепроизводства».

Этими словами заканчивается книга Мэри ван-Кликк. Как мы видим, ее выводы действительно примечательны, особенно если учесть, что автор, как мы уже сказали, до сих пор принадлежал к кругу виднейших американских буржуазных экономистов и является одним из руководителей такого консервативного учреждения, как «Рессель Сейдж Фоундейшен».

Любопытно, что Мэри ван-Кликк, как она сама рассказывает, пришла к столь радикальным выводам лишь после долгой и тяжелой внутренней борьбы. Ее формулировки часто неточны, неудачны или наивны, видно, что она, так сказать, «эмпирически» открывает те основные законы капитализма, которые давно уже научно доказаны Марксом и Лениным. Но несмотря на это (или, быть может, именно поэтому) ее книга представляет собой важный документ американской современности, свидетельствуя о глубоком брожении в рядах интеллигенции. Получается своеобразная поляризация: одна часть буржуазной интеллигенции стремится к «восстановлению» капиталистического хозяйства на путях фашизма и полуфашизма в различных их разновидностях; другая, все большая часть интеллигенции, разочарованная в капиталистической системе, все больше обращает свои взоры в сторону СССР.

ДЖ. П

Уполномоченный Главлита № В—93890
Тираж 450 000 экз.
В 1 п. л. 63 000 зн. 3 бум. листа
Изд. № 937

Редакция: А. Стецкий (редактор), В. Кнорин, П. Поспелов, Б. Таль.

Материал сдан в набор 10/IX 1934 г., подписан к печати 13/IX 1934 г. Заказ 2777

Тип. газ. „Правда“, Москва, ул. Горького, 48.

ИНСТИТУТ МАССОВОГО ЗАОЧНОГО ОБУЧЕНИЯ ПАРТАКТИВА при ЦК ВКП(б)

доводит до сведения всех партийных и комсомольских организаций, политотделов, членов партии и комсомола, что с 1 **сентября по 1 октября** Областные и Краевые отделения Института проводят **организованный набор** заочников на 1934/35 учебный год:

1) **НА СЛУШАНИЕ ЦИКЛОВ РАДИОЛЕКЦИЙ ИНСТИТУТА ПРИ ЦК ВКП(б);**
2) **НА 6-МЕСЯЧНЫЕ КУРСЫ КОЛХОЗНОГО АКТИВА;**
3) **В 8-МЕСЯЧНУЮ ПАРТИЙНУЮ ШКОЛУ;**
4) **В ГОДИЧНЫЙ КОМВУЗ РАЙПАРТАКТИВА;**
5) **НА ИЗУЧЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ СОЦ.-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН И ПРОИЗВЕДЕНИЙ КЛАССИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА.**

1. СЛУШАНИЕ ЦИКЛОВ РАДИОЛЕКЦИЙ ИНСТИТУТА ПРИ ЦК ВКП(б).

Набор на организованное слушание радиолекций Института производится на следующие циклы: 1) **История партии**, 2) **Ленинизм**, 3) **История и программа Коминтерна**, 4) **Программа и устав партии**, 5) **История России и СССР** и 6) **Вопросы социалистического сельского хозяйства.**

Продолжительность каждого цикла—3-4 месяца.

Лекции по циклам сопровождаются в радиоаудиториях консультацией и рекомендацией литературы.

2. ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ АКТИВА КОЛХОЗОВ, СОВХОЗОВ И МТС

В течение 6 зимних месяцев заочники курсов изучают учебник **Карпинского «Беседы о ленинизме»**, **доклад тов. Сталина на XVII с'езде ВКП(б)** и основные вопросы сельскохозяйственного производства в колхозах.

На курсы принимаются партийцы, комсомольцы и беспартийные активисты совхозов, колхозов и МТС, умеющие хорошо читать и писать.

3. ВОСЬМИМЕСЯЧНАЯ ЗАОЧНАЯ ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА

Заочники партийной школы изучают **историю ВКП(б), политэкономию и основные вопросы II пятилетки** и слушают по радио цикл лекций по истории партии.

В партшколу принимаются партийцы, комсомольцы и беспартийный актив рабочих и колхозников, окончившие начальную школу ленинизма и имеющие знания в об'еме 4-летки.

4. ГОДИЧНЫЙ ЗАОЧНЫЙ КОМВУЗ РАЙПАРТАКТИВА

Заочники комвуза изучают в течение 10 месяцев 2 предмета: **историю партии и ленинизм или политэкономию и ленинизм.**

В комвуз райпартактива принимается партийный и комсомольский актив, имеющий общее образование за пятилетку и политическую подготовку в об'еме совпартшколы.

5. ИЗУЧЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН И ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Все отделения Института принимают заочников на изучение **истории партии, политэкономии, ленинизма.** В ряде областей и краев будет также набор на изучение **диамата, истории России и СССР, истории международного революционного движения и отдельных произведений классиков марксизма-ленинизма.**

На изучение отдельных дисциплин и произведений принимаются районный партийный и комсомольский актив, агрономы, учителя, врачи и инженерно-технические работники, главным образом сельскохозяйственных районов.

Набор заочников и руководство их обучением производят областные (краевые) отделения Института, которые находятся при обкомах (крайкомах) ВКП(б).

Все желающие поступить на заочное партобучение должны обратиться в свою партийную организацию или в районный комитет ВКП(б) к райорганизатору по заочному обучению.

Директор Института **В. УВАРОВ.**

осуществлена лишь путем классовой борьбы: «Эта перемена будет осуществлена путем борьбы за власть между рабочими и предпринимателями». В борьбе за социализацию промышленности и за создание планового хозяйства «рабочие логически являются вождями», потому что «социализация по существу своему — коллективное дело, а цель рабочих — установление устойчивости и повышение уровня жизни — представляет собой единственный рычаг, который может успешно установить баланс между производством и потреблением в век перепроизводства».

Этими словами заканчивается книга Мэри ван-Кликк. Как мы видим, ее выводы действительно примечательны, особенно если учесть, что автор, как мы уже сказали, до сих пор принадлежал к кругу виднейших американских буржуазных экономистов и является одним из руководителей такого консервативного учреждения, как «Рессель Сейдж Фоундейшен».

Любопытно, что Мэри ван-Кликк, как она сама рассказывает, пришла к столь радикальным выводам лишь после долгой и тяжелой внутренней борьбы. Ее формулировки часто неточны, неудачны или наивны, видно, что она, так сказать, «эмпирически» открывает те основные законы капитализма, которые давно уже научно доказаны Марксом и Лениным. Но несмотря на это (или, быть может, именно поэтому) ее книга представляет собой важный документ американской современности, свидетельствуя о глубоком брожении в рядах интеллигенции. Получается своеобразная поляризация: одна часть буржуазной интеллигенции стремится к «восстановлению» капиталистического хозяйства на путях фашизма и полуфашизма в различных их разновидностях; другая, все большая часть интеллигенции, разочарованная в капиталистической системе, все больше обращает свои взоры в сторону СССР.

ДЖ. П

Уполномоченный Главлита № В—93890
Тираж 450 000 экз.
В 1 п. л. 63 000 зн. 3 бум. листа
Изд. № 937

Материал сдан в набор 10/IX 1934 г., подписан к печати 13/IX 1934 г. Заказ 2777

Тип. газ. „Правда“, Москва, ул. Горького, 48.

Цена 40 коп.

Bol'shevik

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

№ 17 15 сентября № 17

МОСКВА
Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"
1934

СПИСОК
КНИГ, ПРИСЛАННЫХ НА ОТЗЫВ В РЕДАКЦИЮ „БОЛЬШЕВИКА"

ПАРТИЗДАТ

1. **ВОЛИН, Б. Политграмота.** 3-е изд. (переработ.). 1934. 302 стр. 2 р. 50 к.

2. **ИНГУЛОВ, С. Политбеседы.** Краткий учебник политграмоты. 259 стр. 2 руб. в перепл.

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ «ПРАВДА»

1. **ПОХОД «ЧЕЛЮСКИНА».** Т. I. 407 стр. 15 руб. в перепл. Т. II. 407 стр., 15 руб. в перепл.

ВОЕНГИЗ. Институт мир. хоз. и мир. пол.

1. **Мировая война в цифрах.** 1934. 127 стр. 2 р. 50 к. в перепл.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБ-ВА ПОЛИТКАТОРЖАН.

1. **ФЕЛИКС КОН. За 50 лет.** Т. III. Экспедиция в Сойотию. 1934. 294 стр. 6 р. 25 к. в перепл.

2. **ВЕРА ФИГНЕР. В борьбе.** 1934. 143 стр. 5 р. 50 к. в перепл.

«АКАДЕМИЯ»

1. **ФРАНЦ МЕРИНГ. Литературно-критические статьи.** Т. II. 1934. 601 стр. 8 руб. в перепл.

2. **СЕН-СИМОН. Мемуары.** Т. I. 1934. 506 стр. 10 руб. в перепл.

3. **ПАРНАХ, ВАЛЕНТИН. Испанские и португальские поэты — жертвы инквизиции.** 1934. 188 стр. 5 р. 50 к. в перепл.

4. **ДАНТЕ. Новая жизнь.** Перевод с итальянского. 1934. 240 стр. 10 руб. в перепл.

5. **БЕРАНЖЕ. Пьер-Жан.** Полное собрание песен. Т. I. 1934. 702 стр. 14 руб. в перепл.

6. **ИВАНОВ, ВСЕВОЛОД. Дикие люди.** Рассказы. 1934. 91 стр. 5 руб. в перепл.

«СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1. Год семнадцатый. Альманах четвертый. 1934. 495 стр. 5 руб. в перепл.

2. **МУКАНОВ, САБИТ. Туллар.** Сборник избранных стихотворений. Перевод с казакского. 1934. 101 стр. 1 р. 75 к. в перепл.

ГИХЛ

1. **ДОБРОЛЮБОВ, Н. А. Литературная критика.** Статьи и рецензии. 1934. 675 стр. 8 р. 25 к. в перепл.

2. **БАЛУХАТЫЙ, С. Критика о М. Горьком.** Библиография статей и книг. 1934. 592 стр. 8 р. 50 к. в перепл.

3. **СМОТР СИЛ.** Сборник 2-й. 1934. 237 стр. 4 руб.

4. **СЕРАФИМОВИЧ, А. С. Сочинения.** 1934. 535 стр. 7 р. 50 к. в перепл.

5. **ТОЛСТОЙ, АЛЕКСЕЙ. Петр I.** Книга 2-я. 1934. 310 стр. 1 р. 50 к.

6. **АНТОКОЛЬСКИЙ, П. Франсуа Вийон.** 1934. 117 стр. 2 р. 25 к. в перепл.

7. **КУЛИК, И. Черная эпопея.** Стихи. Перевод с украинского. 1934. 100 стр. 3 р. 50 к. в переплете.

8. **ПОЭТЫ БЕЛОРУССИИ.** 1934. 119 стр. 3 р. 50 к.

9. **ПОЭТЫ СОВЕТСКОГО ТУРКМЕНИСТАНА.** 1934. 77 стр. 1 р. 75 к. в перепл.

10. **АРАЗИ. Избранные рассказы.** Перевод с армянского. 1934. 156 стр. 2 р. 75 к. в перепл.

11. **КОЦЮБА, ГОРДИЙ. Золотое руно.** Перевод с украинского. 1934. 191 стр. 2 р. 75 к. в перепл.

12. **КОРНЕЙЧУК, А. Гибель эскадры.** Перевод с украинского. 1934. 98 стр. 1 р. 35 к. в перепл.

13. **ЖИД, АНДРЭ. Дневники.** Молодость. Перевод с французского. 93 стр. 2 руб. в перепл.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

1. **КРУПСКАЯ, Н. К. Коммунистическое воспитание смены.** 255 стр. 2 руб. в перепл.

2. **ПИСАТЕЛИ О КОМСОМОЛЕ.** Литературно-художественный альманах. 1934. 346 стр. 3 руб. в перепл.

3. **БОБРОВ, П. С. Путь пилота.** 1934. 90 стр. 35 коп.

«ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБ'ЕДИНЕНИЕ»

1. **ЗАВАДОВСКИЙ, М. Л. Пастер.** 1934. 168 стр. 2 руб. в перепл.

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

XI ГОД ИЗДАНИЯ

№ 17 15 СЕНТЯБРЯ 1934 г.

Адрес редакции: Москва, ул. Горького, 48 Тел. 1-21-16. Кремль 3-00

СОДЕРЖАНИЕ

О перестройке профсоюзов

Перестройка профсоюзов, проводимая на основе постановления IV пленума ВЦСПС (5—6 сентября 1934 г.), вытекает из решений XVII с'езда партии, который поставил перед всеми массовыми организациями, в том числе и перед профсоюзами, задачу повышения качества работы во всех отраслях, в первую очередь—задачу улучшения организационно-практического руководства. Необходимость этой перестройки прямо вытекает из факта резкого отставания практической работы профсоюзов от задач, поставленных перед ними партией. Смысл перестройки профсоюзов в том, чтобы привести организационную структуру профсоюзов и в первую очередь руководящего профсоюзного аппарата в соответствие с выросшими задачами советского профдвижения и тем самым обеспечить выполнение этих задач.

Укрепление диктатуры пролетариата как обязательная предпосылка дальнейшего победоносного развития социализма в нашей стране предполагает укрепление и профсоюзов, представляющих неот'емлемую составную часть всего механизма пролетарской диктатуры, один из важнейших «приводных ремней» (Сталин) от партии к массам. Воспитательные задачи второй пятилетки — превращение «всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового, социалистического общества» — в немалой степени ложатся на плечи профсоюзов, которые уже сейчас об'единяют в своих рядах 18¼ млн. рабочих, служащих, инженерно-технических и научных работников, деятелей литературы и искусства.

В этих условиях роль профсоюзов как «школы коммунизма» неизмеримо возрастает. Тов. Каганович на IX с'езде профсоюзов (1932 г.) подчеркнул необходимость сочетать на практике заботу о нуждах рабочих с заботой о социалистическом производстве. «Лицом к производству в своей профсоюзной работе, — говорил тов. Каганович, — это значит в вопросах зар-

платы, нормирования труда, снабжения, жилстроительства быть на первом месте.

Для профсоюзов в шести указаниях т. Сталина главнейшими, решающими являются вопросы зарплаты и нормирования труда, охраны труда, снабжения и жилища. Именно отсюда должны профсоюзы «идти» к производственным вопросам».

За последние два года по всем этим направлениям перед профсоюзами встали громадные практические задачи. Дальнейшее развитие ударничества, социалистического соревнования в громадной степени зависит от овладения техникой. Именно за эти два года развернулось массовое движение в форме общественно-технических экзаменов по государственному техническому минимуму. Или возьмем вопросы рабочего снабжения: сейчас все сколько-нибудь значительные предприятия промышленности и транспорта имеют ОРС, свои пригородные хозяйства, сеть учреждений общественного питания, складов, магазинов, киосков. Возьмем жилищное строительство: только в одной тяжелой промышленности жилищная площадь возросла за время с 1928 по 1934 г. с 8 млн. кв. м до 20 млн. кв. м. В прошлом году в связи с ликвидацией Народного комиссариата труда правительство передало профсоюзам дело социального страхования и охраны труда. Бюджет социального страхования на 1934 г. составляет около 5 млрд. руб.

XVII с'езд партии постановил «передать профсоюзам все права низовых органов РКИ на предприятиях и руководство контрольными органами при ОРС, ЗРК, райпо, горпо».

Совершенно очевидно, насколько выросла и усложнилась практическая работа профсоюзов, повысилась их роль как «школы хозяйничанья, школы управления». Передача профсоюзам руководства массовым контролем особенно усиливает их практические возможности в области выращивания кадров для советского аппарата: «Хороший контролер — будущий хороший управитель» (Каганович).

Задача, поставленная XVII с'ездом партии, задача органического слияния «функций контроля со всей работой профсоюзов», как это подчеркнул на II пленуме Комиссии партийного контроля тов. Каганович, требует решительного перелома в методах работы профсоюзных организаций, требует полного отказа от «бумажной писанины», перехода к изучению и разбору «конкретных жалоб и заявлений рабочих».

В свете огромных и сложных задач жалко и комично выглядит недавняя болтовня некоторых профсоюзных работников об «отмирании» профсоюзов, о «бесперспективности» профработы. Отражая полнейшую теоретическую путаницу в головах этих — с позволения сказать — «деятелей» профдвижения, такие разговоры свидетельствовали о растерянности перед грандиозностью новых практических дел у той части профработников, которая не в состоянии их осилить. Основные кадры работников советского профдвижения, миллионные слои низового общественного профсоюзного актива со всей решительностью и энергией работают над осуществлением этих задач.

Основным звеном профсоюзов, которому на деле приходится воплощать в жизнь огромные задачи организации и воспитания масс рабочих, в частности новых рабочих, является первичная профсоюзная организация предприятия во главе с фабзавместкомом. Здесь в конечном счете решается успех каждого конкретного мероприятия. Здесь должен быть организован контроль и борьба против обсчетов по заработной плате, против обмеривания и обвешивания в магазинах, против низкого качества общественного питания и т. д. Здесь должна быть развернута борьба за правильную организацию зарплаты, поставлена работа инспекции охраны труда и работа выплатного пункта кассы социального страхования, органи-

зованы культурное обслуживание и здоровый отдых советского рабочего. Именно здесь, в фабзавместкоме, бьется пульс всей производственной, материально-бытовой и культурной жизни каждой профсоюзной организации.

Для того чтобы фабзавместком и его руководители — низовые профработники — были постоянно обращены лицом к цеху, к профгруппе, к нуждам каждого отдельного рабочего, необходимо, чтобы в первую очередь весь руководящий профсоюзный аппарат повернулся к фабзавместкому, оказывал ему действительную помощь, оперативно руководил им.

Было ли это до последнего времени? Совершенно не в достаточной степени. Если перечисленные выше большие практические задачи, поставленные перед профсоюзами, права, переданные профсоюзам, государственные средства, которыми распоряжаются профсоюзы, достаточно ярко характеризуют рост тех возможностей, которыми наши профсоюзы располагают, то перечень недостатков профсоюзной работы покажет, почему эти возможности далеко еще не в полной мере реализуются профсоюзами.

Профсоюзы — «школа об'единения», но они еще не организовали в своих рядах поголовно всех рабочих: 22% рабочих и служащих в нашей стране еще не вовлечены в профсоюзы.

Организующая и воспитательная роль профсоюзов в новой колхозной деревне бесспорна. Но как отстает еще закрепление профсоюзами этого своего влияния! Об этом говорят хотя бы цифры охвата профсоюзным членством по союзу рабочих животноводческих совхозов — 54,6% (и это в условиях мобилизации всех массовых организаций на под'ем животноводства!), торфяников — 54,2, рабочих лесосплава — 51,2, рабочих земледельческих совхозов — 49,5, сахарников — 40,2%. Иногда находятся среди профработников «защитники» этой отсталости, которые пытаются мотивировать недопустимо низкий охват профсоюзным членством «об'ективными» условиями, «специфическим» составом рабочих и т. п. Обычный оппортунистический прием! Почему же союз рабочих МТС сумел уже охватить членством 73,7% работающих? Это также совершенно недостаточный процент охвата, но он все же гораздо выше чем, скажем, в союзах совхозных рабочих или у сахарников. Совершенно очевидно, что дело не в «об'ективных причинах», а в причинах, лежащих внутри профсоюзов,—в их структуре и в методах их работы.

Возьмем ли мы руководство со стороны профсоюзов движением за овладение техникой или их участие в постановке технического нормирования, в борьбе против остатков уравниловки — и здесь мы найдем немало прорех. Всем еще памятны те вполне обоснованные упреки, с которыми «Правда» и комсомол обращались к ВЦСПС перед XVII с'ездом партии, отмечая чрезвычайно слабое участие профсоюзных организаций в общественно-технических экзаменах. На IV пленуме ВЦСПС приводились весьма показательные факты неиспользования предприятиями средств, ассигнованных на охрану труда и технику безопасности, частые случаи отсутствия борьбы профорганизаций со сверхурочными работами, с удлинением рабочего дня подростков и пр. Вряд ли найдутся такие профработники, которые станут утверждать, что 5-миллиардный бюджет соцстраха, сеть домов отдыха, санаториев, курортов, профилактических учреждений уже освоены профсоюзами.

Совершенно недостаточен размах культурно-массовой работы профсоюзов. Безобразно используются культфонды даже на таких крупнейших предприятиях и в таких промышленных центрах, как Магнитка, Челябинский тракторный или Тагил. На Магнитке, например, по союзу строителей свыше 80% культфонда расходуется на зарплату культработникам. Понятно, что в этих условиях высококачественного обслуживания культурных запросов масс поставить нельзя. А эти запросы выросли и растут с каждым днем.

Достигнув некоторых успехов в культурной работе, профсоюзы кое-где на этом «успокоились», сильно отстали от непрерывно и быстро расширяющейся тяги масс к культуре. В продолжение последних лет со страниц наших газет и журналов не сходят статьи и заметки о плохой культработе, о закрытых клубах, о халтурных постановках, о слабом развитии физкультуры и спорта в отдельных районах и областях и т. д. Но к огромному большинству этих сигналов профорганизации остаются глухи.

Бытовые вопросы, вся многообразная масса жизненных «мелочей», волнующих рабочего, работницу, жену рабочего,—ко всему этому еще не приковано повседневное внимание профсоюзных работников. Отсутствие должного и постоянного внимания со стороны профсоюзов, скажем, к жилищу рабочего, приводит к тому, что даже великолепные, недавно построенные и хорошо оборудованные жилые дома портятся, бесхозяйственно растрачивается ценный жилищный фонд. Государственные средства, затраченные на жилстроительство, не дают того эффекта, который они могли бы дать при культурном, хозяйственном отношении к жилищу.

Борьба за повышение материального уровня жизни рабочих складывается, между прочим, из огромного количества таких бытовых «мелочей», как хорошо организованная прачечная, правильный вес и правильная цена в магазине, хорошее овощехранилище или починочная мастерская, правильно организованная детская площадка при доме и т. д. и т. п. Профсоюзы еще далеко не сделали и в этой области всего того, что они должны были сделать.

Медлительность, с которой профсоюзы брались за дело массового контроля, вызвала специальное решение II пленума Комиссии партийного контроля, в котором констатируется, что «до последнего времени профсоюзами была слабо развернута массовая проверочно-контрольная работа». Еще более резкая оценка была дана особым постановлением ЦК ВКП(б) «О борьбе с обвешиванием, обмериванием потребителей и нарушением розничных цен в торговле». Показателен уже тот факт, что вопрос об обвешивании, обмеривании и т. д. был поставлен не по сигналам профсоюзов, которые не удосужились до решения ЦК по-настоящему взяться за эти вопросы.

Где же коренятся причины всех этих недостатков в работе профсоюзов? Одной из причин является несоответствие организационных форм и методов работы профсоюзов задачам, которые профсоюзы должны разрешить. Громоздкость союзов, об'единявших сотни и тысячи предприятий, нередко резко отличающихся друг от друга и размещенных по всей нашей огромной стране, наличие средостения между фабзавместкомами и ЦК союзов, разбухание платного аппарата при крайне незначительном привлечении к работе добровольческого актива, функционалка в построении аппарата, сужение инициативы и, следовательно, уменьшение ответственности производственных союзов вмешательством межсоюзных органов в их функции — таковы важнейшие недостатки организационного построения профсоюзов, сохранившиеся до последнего времени. Отсюда неповоротливость руководящего профаппарата, дерганье фабзавместкомов вместо авторитетной помощи им из одного руководящего центра, канцелярская волокита, странствование рабочих жалоб и заявлений по ступеням профсоюзной лестницы (завком — горком — обком — республиканский комитет или правление союза — ЦК союза). Отсюда руководство «вообще», без точного знания всех условий производства и производственного быта рабочих (зарплата, охрана труда, соцстрах и т. д.); отсюда и слабость проверки исполнения важнейших решений партии, правительства и самих же профсоюзов.

На XVII с'езде тов. Каганович в своем докладе по организационным вопросам дал исчерпывающую характеристику тех организационных недостатков, которые мешают профсоюзам использовать свои величайшие возможности:

«Профсоюзы имеют огромные возможности, опираясь на инициативу каждого рабочего, молодежи, новых рабочих-ударников, ставить перед правительством и ЦК вопросы. К сожалению, профсоюзы еще не полностью используют свои возможности. Они не умеют выявить главного и обобщить факты. Эмпиризм заедает профсоюзы. Они работают, они копошатся, они стараются, но еще не научились обобщить и провести в жизнь то, что намечают. Мы имеем в профсоюзах людей, которые искренне хотят работать, однако они еще не умеют возглавить ту кипучую жизнь, инициативу и энергию, которые есть на фабриках и заводах, в ударных бригадах.

И ВЦСПС неполностью выполнил директиву ЦК, директиву своего с'езда по части предоставления большей инициативы центральным комитетам производственных союзов. Он все еще держит курс на осуществление полного руководства только из ВЦСПС.

... Профсоюзам необходимо на основе решений с'езда партии перестроиться и улучшить свою работу, изгнать канцелярщину и в большей мере организовывать творческую активность ударников и всех членов профсоюзов».

Организационная перестройка профсоюзов — необходимое условие для улучшения всей профсоюзной работы. В этих целях IV пленум ВЦСПС принял решение о дальнейшем разукрупнении профсоюзов и образовании из 47 существовавших до сих пор союзов 154 самостоятельных производственных союзов, об упразднении в ряде союзов средних звеньев, а в ряде районов — райсовпрофов, о ликвидации функционалки в построении профсоюзного аппарата, о сокращении числа платных профработников и широком привлечении добровольческого актива в руководящий профаппарат, о решительном размежевании функций производственных союзов и межсоюзных профорганов (ВЦСПС и совпрофы).

Эти мероприятия должны повернуть весь руководящий профсоюзный аппарат лицом к предприятию, приблизить его к фабзавместкомам, обеспечить конкретную помощь и оперативное руководство низовыми профорганизациями, расширить и укрепить профсоюзную демократию и усилить борьбу с бюрократизмом в профсоюзном аппарате. Эти мероприятия должны еще больше приблизить профсоюзы к массам, еще больше повысить роль производственных союзов. Такова суть принятых ВЦСПС решений о перестройке профсоюзов.

Инициатива разукрупнения профсоюзов принадлежит товарищу Сталину. Это есть дальнейшее развитие того развернутого большевистского наступления, которое партия проводит шаг за шагом под руководством своего гениального вождя.

Наше социалистическое хозяйство, в особенности его ведущее звено — тяжелая индустрия, гигантски выросло и укрепилось за эти годы. Громадное развитие получили самые разнообразные по условиям производства совхозы; сформировалось в особую разветвленную отрасль промышленности строительное дело. В народном хозяйстве занято свыше 22 млн. рабочих и служащих. Такова об'ективная обстановка работы профсоюзов. Она определяет и те требования, которые пред'являются к организационной структуре профсоюзов. Нынешняя структура уже не отвечает этим требованиям. Отсюда возникла необходимость решительного разукрупнения профсоюзов. Опыт предыдущего разукрупнения, проведенного по решению ЦК ВКП(б) от 15 января 1931 г., показал, что это единственно правильная предпосылка действительной перестройки профсоюзной работы.

65 центральных комитетов союзов (из 154) в связи с проводимым разукрупнением переедут из Москвы в другие промышленные центры страны — ближе к своему производству. 43 союза совсем не будут иметь средних звеньев. Центральные комитеты союзов приближаются к фабзавместкомам.

Производственный принцип построения профсоюзов — основной принцип советского профдвижения — не только сохраняется целиком и полностью, но еще резче выступает во всей практике руководства со стороны центральных комитетов союзов. Теперь перед центральными комитетами союзов будут стоять не расплывчатые вопросы машиностроения «вообще», земледелия «вообще», т. е. условий труда, заработной платы, снабжения, овладения техникой в этих громадных областях народного хозяйства, а неизмеримо более конкретные вопросы — станко-инструментальной промышленности, или точного машиностроения и т. д., производства зерна, или овощей, или фруктов, или хлопка.

Только безнадежные, неисправимые путаники или явные оппортунисты могут заниматься всякого рода разговорчиками, о «попятном движении» профсоюзов к «цеховщине».

В результате перестройки производственный характер советских профсоюзов усиливается.

Старое, правооппортунистическое руководство ВЦСПС держало курс на уничтожение самостоятельных производственных профсоюзов, на превращение их в «секции общероссийского центра профессионального движения».

На IX с'езде профсоюзов тов. Каганович подверг жесточайшей критике этот курс на бюрократическую централизацию профдвижения так же как и другой уклон — троцкистов и шляпниковцев — в сторону цеховой замкнутости производственных союзов и отрыва их от общего советского профдвижения.

Партия даст жестокий отпор каждому, кто попытается словами или делами препятствовать усилению роли производственных профсоюзов, тормозить самостоятельность и инициативу их центральных комитетов.

Новым в работе руководящих органов производственных профсоюзов является организация секций в е д у щ и х п р о ф е с с и й. Теперь, когда союзы разукрупнены, появляется возможность путем секций организационно выделить обслуживание рабочих ведущих профессий (врубовые машинисты— в союзах угольщиков, сталевары—в союзах металлургов и т. п.). Усиление производственного принципа построения союзов не ослабляет, а, наоборот, усиливает возможность особой заботы о рабочих важнейших профессий данного производства.

Размежевание функций, при котором центр тяжести в работе совпрофов переносится на проверку исполнения производственными профсоюзами директив партии и правительства, решений руководящих профсоюзных органов (с'ездов ВЦСПС, пленумов центральных комитетов союзов), должно ликвидировать такое положение, когда совпрофы вместо об'единения работы местных органов производственных союзов пытались подменять их, непосредственно руководить фабзавместкомами, вмешиваться в мелочи текущей работы.

Хватаясь за несвойственное им оперативное руководство низовыми профорганизациями, совпрофы не занимались ни проверкой исполнения, ни обобщением опыта местных профорганизаций. Изменение методов работы совпрофов во главе с ВЦСПС нанесет серьезный удар бесконтрольности и эмпиризму в практике профсоюзной работы.

* * *

Профсоюзы — «приводной ремень» от партии к массам рабочего класса, проводник ее коммунистического влияния.

Перестройка профсоюзов не может пройти «самотеком». Нужна громадная работа: решения ВЦСПС о перестройке, принятые на основе указаний товарища С т а л и н а и под руководством ЦК ВКП(б), надо сделать известными каждому рабочему и работнице; надо поднять широкую волну са-

мокритики против недостатков профсоюзной работы; надо привлечь к активному участию в перестройке все профсоюзные массы; надо выдвинуть десятки и сотни тысяч низовых активистов, рабочих-ударников в помощь платному профаппарату — и не только в качестве добровольных работников центральных комитетов союзов и совпрофов, но и в качестве добровольцев, помогающих своему фабзавместкому. Вслед за сокращением на 35% аппарата ВЦСПС, центральных комитетов союзов, совпрофов и средних союзных звеньев должно быть сокращено число платных профработников и на предприятиях.

Некоторым бюрократам кажется, что это неизбежно ведет к ухудшению работы. Это неверно. Нужно со всей энергией взяться за привлечение актива, а нытиков и болтунов, не могущих работать без разбухшего аппарата, надо с позором изгонять из среды профработников.

Под руководством большевистской партии наши профсоюзы должны путем коренной перестройки всей работы преодолеть свое отставание и выполнить стоящие перед ними величайшие задачи организации, сплочения, воспитания десятков миллионов пролетариев нашей страны для успешного движения вперед, к бесклассовому обществу.

Беседа т. Сталина с английским писателем Г. Д. Уэллсом

(23 июля 1934 года)

Уэллс. Я Вам очень благодарен, м-р Сталин, за то, что Вы согласились меня принять. Я недавно был в Соединенных Штатах, имел продолжительную беседу с президентом Рузвельтом и пытался выяснить, в чем заключаются его руководящие идеи. Теперь я приехал к Вам, чтобы расспросить Вас, что Вы делаете для того, чтобы изменить мир...

Сталин. Не так уж много...

Уэллс. Я иногда брожу по белу свету и, как простой человек, смотрю, что делается вокруг меня.

Сталин. Крупные деятели, вроде Вас, не являются «простыми людьми». Конечно, только история сможет показать, насколько значителен тот или иной крупный деятель, но, во всяком случае, Вы смотрите на мир, не как «простой человек».

Уэллс. Я не собираюсь скромничать. Я имею в виду, что я стремлюсь видеть мир глазами простого человека, а не партийного политика или ответственного государственного деятеля. Моя поездка в Соединенные Штаты произвела на меня потрясающее впечатление. Рушится старый финансовый мир, перестраивается по-новому экономическая жизнь страны. Ленин в свое время сказал, что надо «учиться торговать», учиться этому у капиталистов. Ныне капиталисты должны учиться у вас, постигнуть дух социализма. Мне кажется, что в Содиненных Штатах речь идет о глубокой реорганизации, о создании планового, то есть социалистического хозяйства. Вы и Рузвельт отправляетесь от двух разных исходных точек. Но не имеется ли идейной связи, идейного родства между Вашингтоном и Москвой? Мне, например, бросилось в глаза в Вашингтоне то же, что происходит здесь: расширение управленческого аппарата, создание ряда новых государственных регулирующих органов, организация всеоб'емлющей общественной службы. Так же, как и в вашей стране, им не хватает умения руководить.

Сталин. У США другая цель, чем у нас, в СССР. Та цель, которую преследуют американцы, возникла на почве экономической неурядицы, хозяйственного кризиса. Американцы хотят разделаться с кризисом на основе частно-капиталистической деятельности, не меняя экономической базы. Они стремятся свести к минимуму ту разруху, тот ущерб, которые причиняются существующей экономической системой. У нас же, как Вы знаете, на месте разрушенной старой экономической базы создана совершенно другая, новая экономическая база. Даже если те американцы, о которых Вы говорите, частично добьются своей цели, т. е. сведут к минимуму этот ущерб, то и в этом случае они не уничтожат корней той анархии, которая свойственна существующей капиталистической системе. Они сохраняют тот экономический строй, который обязательно должен приводить, не может не приводить к анархии в производстве. Таким образом, в лучшем

случае речь будет идти не о перестройке общества, не об уничтожении старого общественного строя, порождающего анархию и кризисы, а об ограничении отдельных отрицательных его сторон, ограничении отдельных его эксцессов. Суб'ективно эти американцы может быть и думают, что перестраивают общество, но об'ективно нынешняя база общества сохраняется у них. Поэтому, об'ективно, никакой перестройки общества не получится.

Не будет и планового хозяйства. Ведь что такое плановое хозяйство, каковы некоторые его признаки? Плановое хозяйство стремится уничтожить безработицу. Допустим, что удастся, сохраняя капиталистический строй, довести безработицу до некоторого минимума. Но ведь ни один капиталист никогда и ни за что не согласится на полную ликвидацию безработицы, на уничтожение резервной армии безработных, назначение которой—давить на рынок труда, обеспечивать дешевле оплачиваемые рабочие руки. Вот Вам уже одна прореха в «плановом хозяйстве» буржуазного общества. Плановое хозяйство предполагает, далее, что усиливается производство в тех отраслях промышленности, продукты которых особенно нужны народным массам. А Вы знаете, что расширение производства при капитализме происходит по совершенно иным мотивам, что капитал устремляется в те отрасли хозяйства, где более значительна норма прибыли. Никогда Вы не заставите капиталиста наносить самому себе ущерб и согласиться на меньшую норму прибыли, во имя удовлетворения народных нужд. Не освободившись от капиталистов, не разделавшись с принципом частной собственности на средства производства, Вы не создадите планового хозяйства.

Уэллс. Я согласен со многим из того, что Вы сказали. Но я хотел бы подчеркнуть, что если страна в целом приемлет принцип планового хозяйства, если правительство понемногу, шаг за шагом, начинает последовательно проводить этот принцип, то, в конечном счете, будет уничтожена финансовая олигархия и водворится социализм в том смысле, в каком его понимают в англо-саксонском мире. Рузвельтовские лозунги «нового порядка» имеют колоссальный эффект и, по моему, являются социалистическими лозунгами. Мне кажется, что вместо того, чтобы подчеркивать антагонизм между двумя мирами, надо было бы в современной обстановке стремиться установить общность языка между всеми конструктивными силами.

Сталин. Когда я говорю о невозможности осуществления принципов планового хозяйства при сохранении экономической базы капитализма, я этим ни в какой степени не хочу умалить выдающиеся личные качества Рузвельта—его инициативу, мужество, решительность. Несомненно, из всех капитанов современного капиталистического мира Рузвельт самая сильная фигура. Я поэтому хотел бы еще раз подчеркнуть, что мое убеждение в невозможности планового хозяйства в условиях капитализма вовсе не означает сомнения в личных способностях, таланте и мужестве президента Рузвельта. Но самый талантливый полководец, если обстановка ему не благоприятствует, не может добиться той цели, о которой Вы говорите. Теоретически, конечно, не исключено, что можно, в условиях капитализма, понемногу, шаг за шагом, идти к той цели, которую Вы называете социализмом в англо-саксонском толковании этого слова. Но что будет означать этот «социализм»? В лучшем случае—некоторое обуздание наиболее необузданных отдельных представителей капиталистического профита, некоторое усиление регулирующего начала в народном хозяйстве. Все это хорошо. Но как только Рузвельт или какой-либо другой ка-

питан современного буржуазного мира захочет предпринять что-нибудь серьезное против основ капитализма, он неизбежно потерпит полную неудачу. Ведь банки не у Рузвельта, ведь промышленность не у него, ведь крупные предприятия, крупные экономии—не у него. Ведь все это является частной собственностью. И железные дороги, и торговый флот—все это в руках частных хозяев. И, наконец, армия квалифицированного труда, инженеры, техники, они ведь тоже не у Рузвельта, а у частных хозяев, они работают на них. Нельзя забывать о функциях государства в буржуазном мире. Это—институт организации обороны страны, организации охраны «порядка», аппарат собирания налогов. Хозяйство же в собственном смысле мало касается капиталистического государства, оно не в его руках. Наоборот, государство находится в руках капиталистического хозяйства. Поэтому, я боюсь, что Рузвельт, несмотря на всю свою энергию и способности, не добьется той цели, о которой Вы говорите, если вообще у него есть эта цель. Может быть, через несколько поколений можно было бы несколько приблизиться к этой цели, но я лично считаю и это маловероятным.

Уэллс. Я, быть может, сильнее, чем Вы, верю в экономическую интерпретацию политики. Благодаря изобретениям и современной науке приведены в действие громадные силы, ведущие к лучшей организации, к лучшему функционированию человеческого коллектива, т. е. к социализму. Организация и регулирование индивидуальных действий стали механической необходимостью, независимо от социальных теорий. Если начать с государственного контроля над банками, затем перейти к контролю над транспортом, над тяжелой промышленностью, над промышленностью вообще, над торговлей, и т. д., то такой всеоб'емлющий контроль будет равносилен государственной собственности на все отрасли народного хозяйства. Это и будет процессом социализации. Ведь социализм, с одной стороны, и индивидуализм—с другой, не являются такими же антиподами, как черное и белое. Между ними имеется много промежуточных стадий. Имеется индивидуализм, граничащий с бандитизмом, и имеется дисциплинированность и организованность, равносильная социализму. Осуществление планового хозяйства зависит в значительной степени от организаторов хозяйства, от квалифицированной технической интеллигенции, которую можно, шаг за шагом, завоевать на сторону социалистических принципов организации. А это самое главное. Ибо,—сначала организация, затем социализм. Организация является наиболее важным фактором. Без организации, идея социализма—всего лишь идея.

Сталин. Непримиримого контраста между индивидуумом и коллективом, между интересами отдельной личности и интересами коллектива не имеется, не должно быть. Его не должно быть, так как коллективизм, социализм не отрицает, а совмещает индивидуальные интересы с интересами коллектива. Социализм не может отвлекаться от индивидуальных интересов. Дать наиболее полное удовлетворение этим личным интересам может только социалистическое общество. Более того,— социалистическое общество представляет единственно прочную гарантию охраны интересов личности. В этом смысле непримиримого контраста между «индивидуализмом» и социализмом нет. Но разве можно отрицать контраст между классами, между классом имущих, классом капиталистов, и классом трудящихся, классом пролетариев? С одной стороны,—класс имущих, в руках которых банки, заводы, рудники, транспорт, плантации в колониях. Эти люди

не видят ничего, кроме своего интереса, своего стремления к прибыли. Они не подчиняются воле коллектива, они стремятся подчинить любой коллектив своей воле. С другой стороны,—класс бедных, класс эксплуатируемых, у которых нет ни фабрик, ни заводов, ни банков, которые вынуждены жить продажей своей рабочей силы капиталистам и которые лишены возможности удовлетворить свои самые элементарные потребности. Как можно примирить такие противоположные интересы и устремления. Насколько я знаю, Рузвельту не удалось найти путь к примирению этих интересов. Да это и невозможно, как говорит опыт. Впрочем, Вы знакомы с положением в Соединенных Штатах лучше, чем я, так как я в США не бывал и слежу за американскими делами преимущественно по литературе. Но у меня есть кое-какой опыт по части борьбы за социализм, и этот опыт говорит мне: если Рузвельт попытается действительно удовлетворить интересы класса пролетариев за счет класса капиталистов, последние заменят его другим президентом. Капиталисты скажут: президенты уходят и приходят, а мы, капиталисты, остаемся; если тот или иной президент не отстаивает наших интересов, найдем другого. Что может противопоставить президент воле класса капиталистов?

Уэллс. Я возражаю против этой упрощенной классификации человечества на бедных и богатых. Конечно, есть категория людей, стремящихся исключительно к наживе. Но разве этих людей не считают точно так же, как и здесь, помехой? Разве на Западе мало людей, для которых нажива не цель, которые обладают известными средствами, хотят их инвестировать, получают от этого прибыль, но совсем не в этом видят цель своей деятельности? Эти люди рассматривают инвестирование средств, как неудобную необходимость. Разве мало талантливых и преданных инженеров, организаторов хозяйства, деятельность которых движется стимулами совсем иными, чем нажива? По моему, имеется многочисленный класс попросту способных людей, сознающих неудовлетворительность нынешней системы и призванных сыграть большую роль в будущем, социалистическом обществе. Я много занимался последние годы и много думал о необходимости пропаганды идей социализма и космополитизма в широких кругах инженеров, летчиков, в военно-технических кругах и т. д. Подходить к этим кругам с прямолинейной пропагандой классовой борьбы—бесцельно. Это круги, понимающие, в каком состоянии находится мир, превращающийся в кровавое болото, но эти круги считают ваш примитивный антагонизм классовой борьбы нонсенсом.

Сталин. Вы возражаете против упрощенной классификации людей на богатых и бедных. Конечно, есть средние слои, есть и та техническая интеллигенция, о которой Вы говорите, и в среде которой есть очень хорошие, очень честные люди. Есть в этой среде и нечестные, злые люди. Всякие есть. Но, прежде всего, человеческое общество делится на богатых и бедных, на имущих и эксплуатируемых, и отвлечься от этого основного деления и от противоречия между бедными и богатыми—значит отвлечься от основного факта. Я не отрицаю наличия промежуточных средних слоев, которые либо становятся на сторону одного из этих двух борющихся между собой классов, либо занимают в этой борьбе нейтральную или полу-нейтральную позицию. Но, повторяю, отвлечься от этого основного деления общества и этой основной борьбы между двумя основными классами—значит игнорировать факты. Эта борьба идет и будет идти. Исход этой борьбы решается классом пролетариев, классом работающих.

Уэллс. Но разве мало не-бедных людей, которые работают и работают продуктивно?

Сталин. Конечно, имеются и мелкие землевладельцы, ремесленники, мелкие торговцы, но не эти люди определяют судьбы стран, а те трудящиеся массы, которые производят все необходимое для общества.

Уэллс. Но ведь имеются очень различные капиталисты. Имеются такие, которые только думают о профите, о наживе, имеются и такие, которые готовы на жертвы. Например — старый Морган: этот думал только о наживе, он был попросту паразитом на теле общества, он лишь аккумулировал в своих руках богатства. Но вот возьмите Рокфеллера: он блестящий организатор, он дал пример организации сбыта нефти, достойный подражания. Или Форд: конечно, Форд себе на уме, он эгоистичен; но не является ли он страстным организатором рационального производства, у которого и вы учитесь? — Я хотел бы подчеркнуть, что за последнее время в англо-саксонских странах произошел по отношению к СССР серьезный перелом в общественном мнении. Причиной этому является, в первую очередь позиция Японии и события в Германии. Но есть и другие причины, не вытекающие из одной только международной политики. Есть причина более глубокая: осознание широкими кругами того факта, что система, покоющаяся на частной наживе, рушится. И в этих условиях, мне кажется, что надо не выпячивать антагонизм между двумя мирами, а стремиться сочетать все конструктивные движения, все конструктивные силы, в максимально возможной степени. Мне кажется, что я левее Вас, м-р Сталин, что я считаю, что мир уже ближе подошел к изжитию старой системы.

Сталин. Когда я говорю о капиталистах, которые стремятся лишь к профиту, к наживе, я этим вовсе не хочу сказать, что это—последние люди, ни на что иное не способные. У многих из них имеются несомненно крупные организаторские способности, которые я и не думаю отрицать. Мы, советские люди, многому у капиталистов учимся. И Морган, которому Вы даете такую отрицательную характеристику, являлся, безусловно, хорошим, способным организатором. Но если Вы говорите о людях, готовых реконструктировать мир, то их, конечно, нельзя найти в среде тех, которые верой и правдой служат делу наживы. Мы и эти люди находимся на противоположных полюсах. Вы говорите о Форде. Конечно, он способный организатор производства. Но разве Вам неизвестно его отношение к рабочему классу, разве Вы не знаете, сколько рабочих он зря выбрасывает на улицу? Капиталист прикован к профиту, его никакими силами оторвать от него нельзя. И капитализм будет уничтожен не «организаторами» производства, не технической интеллигенцией, а рабочим классом, ибо эта прослойка не играет самостоятельной роли. Ведь инженер, организатор производства работает не так, как он хотел-бы, а так, как ему прикажут, как велит интерес хозяина. Есть, конечно, исключения, есть люди из этой прослойки, которые освободились от дурмана капитализма. Техническая интеллигенция может, в определенных условиях, творить «чудеса», приносить человечеству громадную пользу. Но она же может приносить и большой вред. Мы, советские люди, имеем свой не малый опыт с технической интеллигенцией. После Октябрьской революции определенная часть технической интеллигенции не захотела участвовать в строительстве нового общества, противилась этому строительству, саботировала его. Мы всячески стремились включить техническую интеллигенцию в это строи-

тельство, подходили к ней и так, и этак. Прошло не мало времени, прежде чем наша техническая интеллигенция стала на путь активной помощи новому строю. Ныне лучшая ее часть — в первых рядах строительства социалистического общества. Мы, имея этот опыт, далеки от недооценки как положительных, так и отрицательных сторон технической интеллигенции, и мы знаем, что она может и повредить, и творить «чудеса». Конечно, дело обстояло бы иначе, если можно было бы единым ударом оторвать духовно техническую интеллигенцию от капиталистического мира. Но это утопия. Разве много найдется людей из технической интеллигенции, которые решатся порвать с буржуазным миром и взяться за реконструкцию общества? Как по Вашему, много ли есть таких людей, скажем, в Англии, во Франции? Нет, мало имеется охотников порвать со своими хозяевами и начать реконструкцию мира!

Кроме того, разве можно упускать из виду, что для того, чтобы переделать мир надо иметь **власть?** Мне кажется, г-н Уэллс, что Вы сильно недооцениваете вопрос о власти, что он вообще выпадает из Вашей концепции. Ведь что могут сделать люди даже с наилучшими намерениями, если они неспособны поставить вопрос о взятии власти и не имеют в руках власти? Они могут, в лучшем случае, оказать содействие тому новому классу, который возьмет власть, но сами перевернуть мир они не могут. Для этого требуется большой класс, который заменил бы класс капиталистов и стал бы таким же полновластным хозяином, как он. Таким классом является рабочий класс. Конечно, надо принять помощь технической интеллигенции и надо, в свою очередь, оказать ей помощь. Но не надо думать, что она, техническая интеллигенция, может сыграть самостоятельную историческую роль. Переделка мира есть большой, сложный и мучительный процесс. Для этого большого дела требуется большой класс. Большому кораблю большое плавание.

Уэллс. Да, но для большого плавания требуются капитан и навигатор.

Сталин. Верно, но для большого плавания требуется прежде всего большой корабль. Что такое навигатор без корабля? Человек без дела.

Уэллс. Большой корабль—это человечество, а не класс.

Сталин. Вы, г-н Уэллс, исходите, как видно, из предпосылки, что все люди добры. А я не забываю, что имеется много злых людей. Я не верю в доброту буржуазии.

Уэллс. Я припоминаю, как обстояло дело с технической интеллигенцией несколько десятилетий тому назад. Тогда технической интеллигенции было мало, зато дела было много и каждый инженер, техник, интеллигент находил применение своим знаниям. Поэтому это был наименее революционный класс. Ныне же наблюдается избыток технической интеллигенции и настроение ее круто изменилось. Квалифицированный интеллигент, который ранее никогда не стал бы даже прислушиваться к революционным разговорам, теперь очень ими интересуется. Недавно я был приглашен на обед Королевского Общества, нашего крупнейшего английского научного общества. Речь председателя была речью в пользу социального планирования и научного управления. Лет тридцать тому назад там не стали бы даже слушать того, что я говорю. А теперь во главе этого общества стоит человек с революционными взглядами, настаивающий на научной реорганизации человеческого общества. Ваша пропаганда классовой борьбы не посчиталась с этими фактами. Настроения меняются.

Сталин. Да, я это знаю и об'ясняется это тем, что капиталистическое общество находится теперь в тупике. Капиталисты ищут и не могут найти такого выхода из этого тупика, который был бы совместим с достоинством этого класса, с интересами этого класса. Они могут частично выкарабкаться из кризиса на четвереньках, но такого выхода, через который они могли бы выйти с высоко поднятой головой, который не нарушал бы в корне интересов капитализма, они найти не могут. Это, конечно, чувствуют широкие круги технической интеллигенции. Значительная часть ее начинает осознавать общность интересов с тем классом, который способен указать выход из тупика.

Уэллс. Вы, м-р Сталин, лучше, чем кто-либо иной, знаете, что такое революция, и притом на практике. Восстают ли когда-либо массы сáми? Не считаете ли Вы установленной истиной тот факт, что все революции делаются меньшинством?

Сталин. Для революции требуется ведущее революционное меньшинство, но самое талантливое, преданное и энергичное меньшинство будет беспомощно, если не будет опираться на хотя бы пассивную поддержку миллионов людей.

Уэллс. Хотя бы пассивную? Может быть, подсознательную?

Сталин. Частично и на полу-инстинктивную, и на полу-сознательную поддержку, но без поддержки миллионов самое лучшее меньшинство бессильно.

Уэллс. Я слежу за коммунистической пропагандой на Западе и мне кажется, что эта пропаганда в современных условиях звучит весьма старомодно, ибо она является пропагандой насильственных действий. Эта пропаганда насильственного свержения общественного строя была уместной тогда, когда речь шла о безраздельном господстве той или иной тирании. Но в современных условиях, когда господствующая система все равно рушится, и без того разлагается, надо было бы делать ударение не на инсуррекции, а на эффективности, на компетентности, на производительности. Инсуррекционная нотка кажется мне устаревшей. С точки зрения конструктивно мыслящих людей, коммунистическая пропаганда на Западе представляется помехой.

Сталин. Конечно, старая система рушится, разлагается. Это верно. Но верно и то, что делаются новые потуги иными методами, всеми мерами защитить, спасти эту гибнущую систему. Из правильной констатации Вы делаете неправильный вывод. Вы правильно констатируете, что старый мир рушится. Но Вы не правы, когда думаете, что он рухнет сам собой. Нет, замена одного общественного порядка другим общественным порядком является сложным и длительным революционным процессом. Это не просто стихийный процесс, а это борьба, это процесс, связанный со столкновением классов. Капитализм сгнил, но нельзя его сравнивать просто с деревом, которое настолько сгнило, что оно само должно упасть на землю. Нет, революция, смена одного общественного строя другим, всегда была борьбой, борьбой мучительной и жестокой, борьбой на жизнь и смерть. И всякий раз, когда люди нового мира приходили к власти, им надо было защищаться от попыток старого мира вернуть силой старый порядок, им, людям нового мира, всегда надо было быть настороже, быть готовыми дать отпор покушениям старого мира на новый порядок.

Да, Вы правы, когда говорите, что старый общественный строй рушится, но он не рухнет сам собой. Взять, например, фашизм. Фашизм есть реакционная сила, пытающаяся сохранить старый мир путем насилия. Что Вы будете делать с фашистами? Уговаривать их?

Убеждать их? Но ведь это на них никак не подействует. Коммунисты вовсе не идеализируют метод насилия. Но они, коммунисты, не хотят оказаться застигнутыми врасплох, они не могут расчитывать на то, что старый мир сам уйдет со сцены, они видят, что старый порядок защищается силой, и поэтому коммунисты говорят рабочему классу: готовьтесь ответить силой на силу, сделайте все, чтобы вас не раздавил гибнущий старый строй, не позволяйте ему наложить кандалы на ваши руки, которыми вы свергнете этот строй. Как видите, процесс смены одного общественного строя другим является для коммунистов процессом не просто стихийным и мирным, а процессом сложным, длительным и насильственным. Коммунисты не могут не считаться с фактами.

Уэллс. Но присмотритесь к тому, что происходит сейчас в капиталистическом мире. Ведь это не просто крушение строя. Это взрыв реакционного насилия, вырождающегося в прямой гангстеризм. И мне кажется, что когда речь идет о конфликтах с этими реакционными и неумными насильниками, социалисты должны аппелировать к закону и вместо того, чтобы рассматривать полицию, как врага, поддерживать ее в борьбе с реакционерами. Мне кажется, что нельзя просто действовать методами старого, не гибкого инсуррекционного социализма.

Сталин. Коммунисты исходят из богатого исторического опыта, который учит, что отжившие классы добровольно не уходят с исторической сцены. Вспомните историю Англии XVII века. Разве не говорили многие, что сгнил старый общественный порядок? Но разве, тем не менее, не понадобился Кромвель, чтобы его добить силой?

Уэллс. Кромвель действовал опираясь на конституцию и от имени конституционного порядка.

Сталин. Во имя конституции он прибегал к насилию, казнил короля, разогнал парламент, арестовывал одних, обезглавливал других!

Но возьмем пример из нашей истории. Разве не ясно, было в течении долгого времени, что царский порядок гниет, что он рушится? Сколько крови, однако, понадобилось, чтобы его свалить!

А Октябрьская Революция? Разве мало было людей, которые знали, что только мы, большевики, указываем единственно правильный выход? Разве непонятно было, что сгнил русский капитализм? Но Вы знаете, как велико было сопротивление, сколько крови было пролито, чтобы отстоять Октябрьскую Революцию от всех врагов, внутренних и внешних?

Или возьмем Францию конца XVIII века. Задолго до 1789 года было ясно многим, насколько прогнили королевская власть, крепостные порядки. Но не обошлось, не могло обойтись без народного восстания, без столкновения классов.

В чем же дело? Дело в том, что классы, которые должны сойти с исторической сцены, последними убеждаются в том, что их роль окончена. Убедить их в этом невозможно. Им кажется, что трещины в прогнившем здании старого строя можно заделать, что можно отремонтировать и спасти рушащееся здание старого порядка. Поэтому, гибнущие классы берут в руки оружие и всеми средствами начинают отстаивать свое существование, как господствующего класса.

Уэллс. Но во главе Великой Французской Революции стояло не мало адвокатов.

Сталин. Разве Вы отрицаете роль интеллигенции в революционных движениях? Разве Великая Французская Революция была адвокат-

ской революцией, а не революцией народной, которая победила, подняв громадные народные массы против феодализма и отстаивая интересы третьего сословия? И разве адвокаты из числа вождей Великой Французской Революции действовали по законам старого порядка, разве не ввели они новую, буржуазную революционную законность?

Богатый исторический опыт учит, что добровольно до сих пор ни один класс не уступал дорогу другому классу. Нет такого прецедента в мировой истории. И коммунисты усвоили этот исторический опыт. Коммунисты приветствовали бы добровольный уход буржуазии. Но такой оборот дел невероятен, как говорит опыт. Поэтому коммунисты хотят быть готовыми к худшему и призывают рабочий класс к бдительности, к боевой готовности. Кому нужен полководец, усыпляющий бдительность своей армии, полководец, не понимающий, что противник не сдастся, что его надо добить? Быть таким полководцем значит обманывать, предавать рабочий класс. Вот почему я думаю, что то, что кажется Вам старомодным, на самом деле является мерой революционной целесообразности для рабочего класса.

Уэллс. Я вовсе не отрицаю необходимости насилия, но считаю, что формы борьбы должны быть максимально близки к тем возможностям, которые даются существующими законами, которые надо защищать от реакционных покушений. Старый порядок не надо дезорганизовать уже потому, что он в достаточной степени сам дезорганизуется. Именно поэтому мне кажется, что борьба против порядка, против закона, есть нечто устаревшее, старомодное. Впрочем, я нарочно утрирую, чтобы ярче выявить истину. Я могу сформулировать свою точку зрения следующим образом: во-первых, я за порядок; во-вторых, я нападаю на существующую систему, поскольку она не обеспечивает порядка; в-третьих, я считаю, что пропаганда идей классовой борьбы может изолировать от социализма как раз те образованные круги, которые нужны для социализма.

Сталин. Чтобы совершить большое, серьезное общественное дело, нужно, чтобы была налицо главная сила, опора, революционный класс. Нужно, далее, чтобы была организована помощь этой главной силе со стороны вспомогательной силы, которой является в данном случае партия, куда войдут и лучшие силы интеллигенции. Вы только что говорили об «образованных кругах». Но каких образованных людей Вы имели в виду? Разве мало было образованных людей на стороне старого порядка и в XVII веке в Англии, и в конце XVIII века во Франции, и в эпоху Октябрьской Революции в России? Старый строй имел на своей стороне, на своей службе много высокообразованных людей, которые защищали старый строй, которые шли против нового строя. Ведь образование—это оружие, эффект которого зависит от того, кто его держит в своих руках, кого этим оружием хотят ударить. Конечно, пролетариату, социализму нужны высокообразованные люди. Ведь ясно, что не олухи царя небесного могут помогать пролетариату бороться за социализм, строить новое общество. Роль интеллигенции я не недооцениваю, ее роль я, наоборот, подчеркиваю. Дело только в том, о какой интеллигенции идет речь, ибо интеллигенты бывают разные.

Уэллс. Не может быть революции без коренного изменения в системе народного образования. Достаточно привести два примера: пример германской республики, не тронувшей старой системы образования и поэтому не ставшей никогда республикой, и пример ан-

глийской лейбористской партии, у которой не хватает решимости настоять на коренном изменении системы народного просвещения.

Сталин. Это правильное замечание.

Позвольте теперь ответить на Ваши три пункта.

Во-первых, главное для революции — это наличие социальной опоры. Этой опорой для революции является рабочий класс.

Во-вторых, необходима вспомогательная сила, то, что называется у коммунистов партией. Сюда войдут и интеллигентные рабочие и те элементы из технической интеллигенции, которые тесно связаны с рабочим классом. Интеллигенция может быть сильна, только если соединится с рабочим классом. Если она идет против рабочего класса, она превращается в ничто.

В-третьих, нужна власть, как рычаг преобразования. Новая власть создает новую законность, новый порядок, который является революционным порядком.

Я стою не за всякий порядок. Я стою за такой порядок, который соответствует интересам рабочего класса. Если же некоторые законы старого строя могут быть использованы в интересах борьбы за новый порядок, то следует использовать и старую законность. Против Вашего положения о том, что надо нападать на существующую систему, поскольку она не обеспечивает необходимого для народа порядка, я ничего возразить не могу.

И, наконец, Вы неправы, если думаете, что коммунисты влюблены в насилие. Они бы с удовольствием отказались от метода насилия, если бы господствующие классы согласились уступить место рабочему классу. Но опыт истории говорит против такого предположения.

Уэллс. В истории Англии, однако, был пример добровольной передачи власти одним классом другому. В период между 1830 и 1870 г.г. произошел, без всякой ожесточенной борьбы, процесс добровольного перехода власти от аристократии, влияние которой к концу XVIII века было еще очень велико, к буржуазии, которая являлась сантиментальной опорой монархии. Этот переход власти привел в дальнейшем к установлению господства финансовой олигархии.

Сталин. Но Вы незаметно перешли от вопросов революции к вопросам реформы. Это не одно и то же. Не думаете ли Вы, что большую роль в деле реформ в Англии в XIX веке сыграло чартистское движение?

Уэллс. Чартисты мало что сделали и исчезли бесследно.

Сталин. Я с Вами не согласен. Чартисты и организованное ими забастовочное движение сыграли большую роль, заставили господствующие классы пойти на ряд уступок, в области избирательной системы, в области ликвидации, так называемых, «гнилых местечек», осуществления некоторых пунктов «хартии». Чартизм сыграл свою не малую историческую роль и побудил одну часть господствующих классов пойти на некоторые уступки, на реформы, во имя избежания больших потрясений. Вообще, надо сказать, что из всех господствующих классов, господствующие классы Англии, и аристократия, и буржуазия, оказались наиболее умными, наиболее гибкими с точки зрения своих классовых интересов, с точки зрения сохранения своей власти. Возьмем пример хотя бы из современной истории: всеобщую забастовку 1926 года в Англии. Любая буржуазия, перед лицом этих событий, когда генеральный совет тред-юнионов призвал к забастовке, прежде всего арестовала бы лидеров тред-юнионов. Английская буржуазия этого не сделала и поступила умно, с точки зрения своих интересов. Ни в США, ни в Германии, ни во Франции, я не мыслю

себе подобной гибкой классовой стратегии со стороны буржуазии. В интересах утверждения своего господства, господствующие классы Англии никогда не зарекались от мелких уступок, от реформ. Но было бы ошибочно думать, что эти реформы представляют революцию.

Уэллс. Вы более высокого мнения о господствующих классах моей страны, чем я. Но велика ли вообще разница между малой революцией и большой реформой, не являются ли реформы малой революцией?

Сталин. В результате напора снизу, напора масс, буржуазия иногда может идти на те или иные частичные реформы, оставаясь на базе существующего общественно-экономического строя. Поступая так, она считает, что эти уступки необходимы в интересах сохранения своего классового господства. В этом суть реформ. Революция же означает переход власти от одного класса к другому. Поэтому нельзя называть какую бы то ни было реформу революцией. Вот почему не приходится расчитывать на то, чтобы смена общественных строев могла произойти в порядке незаметного перехода от одного строя к другому путем реформ, путем уступок господствующего класса.

Уэллс. Я Вам очень благодарен за эту беседу, имеющую для меня громадное значение. Давая мне Ваши раз'яснения, Вы, наверное, вспомнили о том, как в подпольных дореволюционных кружках Вам приходилось об'яснять основы социализма. В настоящее время во всем мире имеются только две личности, к мнению, к каждому слову которых прислушиваются миллионы: Вы и Рузвельт. Другие могут проповедывать сколько угодно, их не станут ни печатать, ни слушать. Я еще не могу оценить то, что сделано в Вашей стране, в которую я прибыл лишь вчера. Но я видел уже счастливые лица здоровых людей и я знаю, что у Вас делается нечто очень значительное. Контраст по сравнению с 1920 годом поразительный.

Сталин. Можно было бы сделать еще больше, если бы мы, большевики, были поумнее.

Уэллс. Нет, если бы вообще умнее были человеческие существа. Не мешало бы выдумать пятилетку по реконструкции человеческого мозга, которому явно не хватает многих частиц, необходимых для совершенного социального порядка. **(Смех).**

Сталин. Не собираетесь ли побывать на с'езде Союза советских писателей?

Уэллс. К сожалению, у меня имеются разные обязательства и я смогу остаться в СССР только неделю. Я приехал, чтобы встретиться с Вами и я глубоко удовлетворен нашей беседой. Но я собираюсь говорить с теми советскими писателями, с которыми я смогу встретиться, о возможности их вступления в Пен-Клуб. Это международная организация писателей, основанная Голсуорси, после смерти которого я стал председателем. Организация эта еще слабая, но все же имеет секции во многих странах и, что еще важнее, выступления ее членов широко освещаются в печати. Эта организация настаивает на праве свободного выражения всех мнений, включая оппозиционных. Я расчитываю поговорить на эту тему с Максимом Горьким. Однако, я не знаю, может ли здесь быть предоставлена такая широкая свобода.

Сталин. Это называется у нас, у большевиков, «самокритикой». Она широко применяется в СССР.

Если у Вас имеются какие-либо пожелания, я Вам охотно помогу.

Уэллс. Благодарит.

Сталин. Благодарит за беседу.

Записал К. УМАНСКИЙ.

Вступление СССР в Лигу наций

К. Радек

I

Вступление СССР в Лигу наций — настолько крупное политическое событие, что оно вызвало в империалистской печати оживленную дискуссию, являющуюся отражением той борьбы, которая происходила в лагере мировой буржуазии в связи с вопросом об отношении Лиги к СССР.

Органы твердолобых всего мира с большим пафосом предупреждали капиталистический мир о принципиальных последствиях допущения СССР в Лигу наций. Они напоминали историю Октябрьской революции, которая упразднила власть буржуазии и помещиков, уничтожила частную собственность на средства производства и создала диктатуру пролетариата, строящего социализм. Освободив трудовые массы от эксплоатации, Октябрьская революция подорвала основы влияния религии, этого убежища бессильных народных масс, пытающихся уйти от эксплоатации в неизвестный мир, в котором должно царствовать равенство.

Разве Лига наций — защитник современной «цивилизации» — может склонить голову перед этими низвергателями идолов, перед государством, не верящим ни в бога, ни в капитал?! С подобными декламациями выступили на пленуме Лиги наций представители Португалии, Швейцарии, играющие роль героев, готовых погибнуть при безнадежной защите последних бастионов капитализма. «Но жребий брошен. Alea jacta est»,— декламировал господин М о т т а, швейцарский министр иностранных дел, и испуганные слушатели с тревогой ждали момента, когда представитель швейцарской цивилизации бросится, подобно древнему герою, на собственный меч и погибнет. Но господин Мотта не собирался так трагически кончать жизнь. Он кончал только свою речь: «Мы предпочитаем играть роль того, кто предупреждает и предостерегает. Мы хотели бы, чтобы будущее показало чрезмерность наших опасений. Мы рассчитываем, что все государства помогут нам не допустить превращения Женевы в очаг разлагающей пропаганды. Мы будем стоять настраже. Таков наш долг. В настоящее время для нас достаточно того, что советская Россия не могла войти в Лигу наций при единогласном одобрении, с забвением ее прошлого, в венке победителя». Сказав все это, господин Мотта уселся.

Эта ложноклассическая сцена не произвела на мир потрясающего впечатления, а на «варваров» из СССР она вообще не произвела никакого впечатления. Ибо, как всем известно, Советский союз не только не желает, чтобы народные массы всего мира забыли его прошлое, но имеет целый ряд учреждений, задачей которых является разработка всех документов о прошлом Советского союза и ознакомление с этим славным прошлым трудящихся масс всего мира. Господин Мотта переоценил также желание Советского союза быть принятым с распростертыми об'ятиями всем капиталистическим миром. Капиталистический мир так устроен, что всеобщей любви он не знает: если бы весь капиталистический мир воспылал к нам страстной лю-

бовью, то трудящиеся всего мира наверняка спросили бы, не отказался ли Советский союз от своих целей.

На декламации «принципиальных» противников вступления Советского союза в Лигу наций ответил уже лорд Сесиль, один из отцов Лиги; в своем письме в лондонский «Таймс» он напоминает забывчивым девицам из Лиги наций о том, что они уже давно потеряли невинность. Ведь Советский союз уже принимал участие в целом ряде мелких и крупных конференций, организованных Лигой наций, в том числе в посвященных таким немаловажным вопросам, как восстановление мирового хозяйства и разоружение. Тот факт, что из этих конференций ничего не вышло, нисколько не умаляет принципиального значения участия в них Советского союза. Если мировая буржуазия хотела сохранить принципиальную «девственность», т. е. не признавать того, что миновали времена, когда капиталистическая система была единственной господствующей системой, что капитализм потерял свою монополию 17 лет назад, что, кроме капиталистической государственной системы, существует система советских государств, носящая гордое имя Союза советских социалистических республик,— об этом надо было думать тогда, когда большинство капиталистических государств заключало договоры с СССР, признавало СССР и когда Лига наций приглашала Советский союз на свои конференции. Ведь та же самая Швейцария (с Португалией нам не приходилось встречаться) давала субсидии своим купцам для установления торговых отношений с СССР! Господа «протестанты» запутались безнадежно!

Не менее смешны «доброжелательные» выступления той части мировой печати, которая, беря Советский союз под руку, высказывает надежду, что в таком хорошем обществе, как Лига наций, он «исправит свои нравы», отречется от мировой революции и станет таким же, как все порядочные государства, которым папаша оставил не только свидетельство о легальном происхождении, но и значительную ренту. Этим добрякам ответил уже тов. Литвинов в своей великолепной речи, заявляя, что Советский союз входит в Лигу наций как представитель «новой социально-экономической системы государства, не отказываясь ни от каких особенностей этого государства, и сохраняя полностью свое лицо, как сохраняют его остальные государства, здесь представленные». В подкрепление этого заявления тов. Литвинов не только отклонил вмешательство Лиги наций во внутренние дела Советского союза, не только отклонил арбитраж по прежним конфликтам с капиталистическим миром, заявил о несогласии с мандатной политикой Лиги наций, являющейся прикрытием колониальной эксплоатации, но и заявил о своем несогласии с теми бумажными методами защиты мира, которыми занималась до сего времени Лига.

Принципиальное значение вхождения Советского союза в Лигу наций состоит в том, что вступление СССР в это наиболее обширное об'единение государств в качестве равноправного члена окончательно установило раскол мира на капиталистическую и социалистическую системы государств, в том, что, голосуя в своем большинстве за принятие Советского союза в Лигу наций, капиталистические державы расписались в признании крупнейшего факта раскола мира на два лагеря, из которых каждый нашел свое государственное олицетворение. Пять шестых земного шара находятся еще под властью капитализма, но одна шестая уже находится под государственной властью пролетариата и представляет силу, с которой не могут не считаться капиталистические государства.

Бешеные выступления твердолобой прессы против принятия СССР в Лигу очень полезны как доказательство того, что мировая буржуазия не хо-

чет и не может забыть прошлое Советского союза и что она боится будущей его роли как представителя трудящихся масс всего мира. Наша задача состоит в том, чтобы показать этим массам, что дело идет не просто о злобе борзописцев, которые 17 лет кормились клеветой на Советский союз и теперь боятся, что свобода их вранья может оказаться ограниченной из-за вхождения Советского союза в Лигу наций.

Народные массы должны знать, что во всех капиталистических странах влиятельнейшие капиталистические круги ничуть не изменили своего принципиального отношения к СССР, что две великие державы — Япония и Германия—пустили в ход все средства своего закулисного влияния, чтобы не допустить вхождения СССР в Лигу наций. Массы должны знать, что открытое выступление нескольких малых держав против СССР на пленуме Лиги наций, находящееся в полном противоречии с дипломатическими нравами, столь оберегаемыми блюстителями капиталистической цивилизации, было бы невозможным, если бы эти державы не знали, что некоторые очень влиятельные, крупные государства, голосовавшие за принятие СССР, будут довольны такими протестами. Лондонский «Таймс» в статье от 10 сентября, посвященной отношениям СССР и Лиги наций, выразил, вероятно, общие чувства капиталистического мира, когда писал: «Очень жаль, что положение заставило Лигу обратиться с приглашением к Советскому союзу».

Для того чтобы понять значение вхождения Советского союза в Лигу наций, надо изучить то положение, которое заставило империалистские державы и их клиентуру взять на себя инициативу приглашения Советского союза; надо вспомнить историю Лиги наций, в которой отражается развитие взаимоотношений империалистических держав и их отношений к СССР.

II

Когда 14 февраля 1919 г. комиссия, назначенная Версальской конференцией мира, предложила устав Лиги наций, спешно выработанный ею в продолжение десяти дней, ибо американский президент, главный застрельщик создания Лиги наций, торопился обратно в Америку, Вильсон произнес речь в честь своего детища, завернутого в статут из 26 статей.

«Эта война, — сказал он, — имела страшные последствия, но она имеет и прекрасные плоды. Преступление побеждено. Мир больше чем когда-либо понял величие права. Народы, которые друг другу не доверяли, могут теперь жить как друзья и товарищи, как одна семья, и они желают, чтобы так и впредь оставалось. Зародыши недоверия и интриг устранены. Люди могут смотреть друг другу в лицо и сказать: «Мы братья, и мы имеем общую цель. Раньше мы этого не знали, теперь мы отдаем себе отчет в этом». Здесь лежит перед нами пакт братства и дружбы».

Произнося эту речь, Вильсон выступал уже не как пророк, а как шарлатан, ибо идея Лиги наций в то время уже понесла первое решительное поражение. Она возникла не как идея братства, а как идея американской гегемонии. В своих записках, изданных профессором Сеймуром, полковник Хауз, главный советник Вильсона, рассказывает, как эта идея рождалась еще перед войной в качестве идеи Лиги наций американских народов. «Лига наций американских народов» должна была стать органом, представляющим стремление капитала США к господству над государствами Центральной и Южной Америки. Когда американский финансовый капитал, вкладывая во время войны миллиарды в займы, предоставленные союзникам, должен был поставить себе вопрос, как же он обеспечит

выколачивание процентов с этих миллиардов, как же он будет контролировать дальнейшее развитие Европы, в которую он вложил такие большие средства, Вильсон выдвинул три идеи, ближайшим образом связанные друг с другом; это были идея Лиги наций, идея свободы морей и идея организации Европы на национальном базисе. Лозунг свободы морей означал для Великобритании, укрепившей во время войны при помощи блокады господство на всех морях, отказ от права на блокаду. Соединенные штаты, значительно более слабые на море чем Англия, увеличили бы таким образом свой удельный вес и, по существу, могли бы господствовать при помощи своих займов, без которых Антанта не только не могла победить в войне, но не могла мечтать и о восстановлении хозяйства, т. е. спасти себя от растущих сил революции. Англичане не выступали против основных идей Вильсона только до тех пор, пока гремели пушки. Едва Германия признала свое поражение, как английский империализм начинает решительнейшую борьбу против идеи свободы морей. Английский империализм убежден, что, вложив много миллиардов в финансирование войны, Соединенные штаты принуждены будут в дальнейшем помогать материально победителям, чтобы не потерять вложенного. Когда во время переговоров, предшествовавших установлению перемирия с Германией, представитель Вильсона полковник Хауз спросил: «А что же будет со свободой морей?», Ллойд-Джордж заявил, что если бы он признал это требование, его бы смела буря. Он готов обсудить этот вопрос позже, в более спокойное время. Вильсон, предчувствуя возможность такого хода, провел уже раньше через парламентские учреждения Соединенных штатов громадную программу морских вооружений, цель которых американский министр флота Даниэльс определил позже, перед комиссией сената, словами: «Мы не можем позволить никакой нации иметь хотя бы на грамм больше мощи на море, чем имеют Соединенные штаты». В то самое время когда господин Вильсон уезжал в Америку со статутом Лиги наций в кармане как гарантией новой исторической эпохи дружбы и братства народов, Ллойд-Джордж попросил американского министра флота переговорить с первым лордом британского адмиралтейства Вальтером Лонгом насчет американской морской программы. И Вальтер Лонг открыто заявил американскому министру флота, что «его страна очень обеспокоена программой морских вооружений США, осуществление которой сделало бы английский флот второстепенным». Лонг добавил: «Мистер Ллойд-Джордж не может поддержать Лигу наций, если Соединенные штаты не согласятся уменьшить свою морскую программу. Великобритания не может согласиться, чтобы какая-либо держава имела первенство на море». «Я не ответил, — пишет г. Даниэльс, — на этот ультиматум. На этом закончилась дискуссия. Что же вы думаете о предложении, которое об'являет, что Лига наций зависит от отказа Соединенных штатов от своей морской программы? Я не спал эту ночь».

Не будем продолжать выписок из мемуаров Даниэльса. Приведенного достаточно, чтобы показать, что в момент, когда Версальская конференция включала в Версальский договор статут Лиги наций, реальное содержание Лиги было уже изменено в основном пункте. Лига не стала органом гегемонии американского финансового капитала, как мечтал Вильсон. Это подтверждает полковник Хауз, сообщая после заключения Версальского договора из Лондона Вильсону, что отношения между Англией и США начинают очень напоминать отношения между предвоенной Англией и Германией, отношения, которые привели к мировой войне. И Хауз со вздохом говорит, что нужна осмотрительная политика, дабы США не оказались в таком же одиночестве, в каком оказалась Германия в решающий для нее момент. Вильсон пытался не-

смотря на все это обеспечить принятие Версальского договора Соединенными штатами. Это означало его согласие довольствоваться пока что англо-американским блоком, позволяющим американскому финансовому капиталу совместно с английским господствовать над миром. Но американский финансовый капитал не согласился на подобную сделку, которая связывала бы его свободу действий. Использовав сопротивление народных масс Америки—фермеров и рабочих—против продолжения политики втягивания США в европейские дела, крупный капитал Соединенных штатов отклонил Версальский договор и вхождение Америки в Лигу наций. Лига наций потеряла таким образом сотрудничество самой сильной империалистской державы. Но это означало в частности, что на Дальнем Востоке Лига оказалась без всяких средств давления на Японию.

Если английский империализм саботировал вопрос о свободе морей, то Вильсону пришлось на Версальской конференции отказаться и от такого решения национальных вопросов, которое позволило бы надеяться, что национальный вопрос перестанет быть острым вопросом в послевоенной Европе, перестанет быть рычагом, которым империализм может пользоваться для своих целей. Ему пришлось пойти на это под давлением французского империализма, который в момент своей победы не забывал, что в Европе немцев почти в два раза больше чем французов, что немецкая буржуазия владеет хорошо организованным производственным аппаратом, при помощи которого она может в любой момент воссоздать германскую военную мощь. Территориальные решения Версальского договора, являющиеся основой возникновения чехословацкого, югославского и польского государств, отражают в значительной мере стратегические интересы победившей Франции. Усилиями Вильсона и Ллойд-Джорджа удалось, обещая англо-американскую гарантию французских границ, отвоевать Рейнскую область от посягательств генерала Фоша, но национальный вопрос может и впредь быть использован монополистической буржуазией как рычаг серьезнейших трений между европейскими капиталистическими державами.

Нечего говорить о том, что Лига наций не устранила эксплоатации колониальных народов, что система мандатов, созданная с согласия Вильсона, являлась новой формой господства империализма. За кулисами Версальской конференции это не скрывалось, и господин Вильсон, подхвативший с большой радостью идею генерала Смутса об установлении мандатов, боролся только за видимость, когда убеждал австралийского и новозеландского премьер-министров отказаться от требования непосредственной передачи им захваченных у Германии тихоокеанских островов. Австралийские и новозеландские государственные люди как и японские империалисты знали, что мандатная форма обладания колониями представляет собой только дань лицемерию американского империализма, пытающегося спасти свою репутацию «освободителя» в глазах народных масс всего мира.

С отказом США вступить в Лигу наций, последняя становится на деле органом, в рамках которого происходит борьба английского и французского империализмов за гегемонию в Европе. Борьба Англии и Америки за мировую гегемонию проходит вне Лиги наций, лишь косвенным образом влияя на отношения в Лиге. Вопросы, касающиеся Дальнего Востока, вплоть до 1931 г. оставались фактически вне влияния Лиги наций, хотя в ее состав входили два дальневосточных государства: Япония и Китай. Что же является об'ектом борь-

бы, идущей в рамках Лиги наций между Англией и Францией? Этим об'ектом является Германия.

Уничтожив германский флот и отняв у Германии ее колонии, английский империализм больше не боялся Германии. Раньше чем начать свою борьбу за экспансию вне Европы, за завоевание новых колоний, Германия должна добиться свободы действий в Европе, должна настолько изменить свои границы, чтобы вырваться из капкана между Одером и Везером и получить возможность стратегически развернуться. Франция, понятно, противится этому, используя обязательства, наложенные на Германию в форме репараций, военного контроля над Рейнской областью, контроля над германскими вооружениями. Франция знает, что с исчезновением этих пут Германия начнет борьбу за восстановление своего могущества в Европе и что победа в этой борьбе, даже если бы за Францией остались Эльзас и Лотарингия, неминуемо подорвала бы значение Франции как руководящей державы в Европе, а тем самым уничтожила бы и основу мирового веса Франции.

Англия продолжает свою историческую политику поддержки более слабой из конкурирующих в Европе держав. В этой борьбе английский империализм добивается ряда крупных побед, ибо он получает поддержку Соединенных штатов Америки. Финансовый капитал Соединенных штатов считает, что Германия в версальских тисках неминуемо покатится к пролетарской революции и что победа революции в Германии потянет за собой победу революции в других странах континента, ставя таким образом под вопрос судьбу вложений американского капитала в Европе. Когда в 1923 г. франко-германская борьба привела к захвату Рура, потрясая до глубины всю социальную систему Германии, английский и американский капитал добился предоставления Германии дауэсовского займа, который является на деле началом ликвидации репараций. Уплата репараций при помощи американских и английских займов означает, что Франция лишается репарационного рычага для нажима на Германию, что создаются предпосылки освобождения Германии от репараций вообще.

Это открывает для Англии путь втягивания Германии в Лигу наций. Локарнский договор и вхождение Германии в Лигу наций представляют собой победу Англии над Францией. Англия видит в Германии не только возможного союзника против Франции, но и возможного союзника против СССР. Здесь начинается третий период развития Лиги наций, основные тенденции которого действовали и раньше, но смогли выступить более отчетливо именно с момента вхождения Германии в Лигу наций.

III

Лига наций возникла не только как орудие держав-победительниц против побежденных. Уже в колыбели Лига наций имела ярко очерченный антисоветский характер. «Яд большевизма так охотно впитывается миром потому, что это является протестом против способов, какими мир управляется», — говорил Вильсон своим спутникам, отправляясь в Европу в декабре 1918 г. на военном корабле «Джордж Вашингтон». Спасение против яда большевизма он видел только в Лиге наций. Его помощник, полковник Хауз, писал 22 марта 1919 г.: «Ежедневно до нас доходят раскаты недовольства. Народ хочет мира, большевизм везде пускает корни. Венгрия только что ему подчинилась. Мы сидим на пороховом погребе, и ежедневно искра может взорвать его». В Лиге наций Хауз видел единственный выход из положения. Ллойд-Джордж писал в пресловутом документе из Фонтенебло, в тайном меморандуме, представленном руководителям конференции:

«Революция находится в самом своем начале. В России царствует неистовый террор. Вся Европа проникнута революционным ду-

хом. Существуют не только недовольство, но *ярость и гнев рабочего класса, направленные против условий его существования. Население всей Европы начинает сомневаться в закономерности современного социального, политического и экономического порядка*. В некоторых странах, как в *Германии и России*, это брожение выливается в форму открытого восстания. В других странах, как во Франции, Англии и Италии, недовольство проявляется в стачках, в нежелании работать, что свидетельствует о стремлении к социальным и политическим реформам, равно как к улучшению условий труда... *Если мы желаем дать Европе нечто лучшее чем большевизм, мы должны образовать Лигу наций, которая будет служить как гарантией для всех наций, лойяльных по отношению к своим соседям, так и угрозой для тех, кто будет посягать на чужие права, будь это монархический или большевистский империализм* (!). *Создание Лиги наций есть один из краеугольных камней здания мира*, ибо она будет во всем мире верным защитником международного права и свободы».

Ллойд-Джордж предлагал пойти на уступки Германии, допустить ее в Лигу наций, но заявлял, что это не решает вопроса о мире.

«Наконец, если мирная конференция, — писал он дальше, — действительно хочет обеспечить Европе мир и порядок, которые все разумные люди должны предпочесть анархии, она должна *обсудить положение дел в России*. Большевистский империализм (!) угрожает не только странам, граничащим с Россией, он угрожает также *всей Азии*, и Америка отстоит от него не дальше чем Франция. Как бы ни был прочен мир, заключенный нами с Германией, не следует думать, что конференция может разойтись спокойно, оставив Россию в ее нынешнем положении».

Ллойд-Джордж не делал из этих положений вывода о необходимости войны против СССР, на которой настаивал Клемансо. Он, понятно, не сопротивлялся интервенции, но если ближе присмотреться к документам, то он не очень верил в это средство ликвидации русской революции, пока не удалось прибрать к рукам Германию. Программа Ллойд-Джорджа требовала в первую очередь *компромисса с Германией*, после того как Германия потеряла возможность бороться с Англией. Он надеялся, что этот компромисс обеспечит стабилизацию капиталистической системы в Германии, отнимет у Октябрьской революции перспективы развития и что предоставленная сама себе советская Россия будет медленно пятиться назад к капитализму; если же советская Россия заупрямится, тогда можно будет ее, изолированную, прикончить. Скептицизм Ллойд-Джорджа по отношению к перспективам интервенции оказался правильным. Миллиард, который Англия ухлопала на интервенцию, оказался потерянным. Ллойд-Джордж выдвигает идею *Генуэзской конференции*, которая должна была показать, не готова ли советская власть перед лицом голода пойти на *самоликвидацию*, приняв условия, при которых восстановление капитализма было бы неминуемым. Политика Ллойд-Джорджа диктовалась не только боязнью, что новое столкновение с СССР может привести к невиданным революционным потрясениям: она диктовалась и непосредственными интересами английского торгового капитала, стремящегося к скорейшему восстановлению мирового хозяйства. Она диктовалась стремлением открыть дорогу германскому капиталу в СССР, где он должен был играть роль младшего компаньона, а то и приказчика английского финансового капитала.

Эта политика обанкротилась. Произошло признание СССР Англией после короткого периода антисоветской вспышки Керзона и прихода к власти лей-

бористов. Лишенные всякой творческой идеи, лишенные смелости в сближении с СССР, лейбористы выражали только неспособность английской буржуазии на данном этапе воевать за низвержение советского правительства. С момента вступления Германии в Лигу наций политика создания условий для антисоветского блока получила более серьезную базу. Не подлежит сомнению, что эта политика не только была путеводной звездой твердолобых, но находила полное сочувствие и у Штреземана, с той только разницей, что Штреземан видел антисоветский блок в более отдаленной перспективе. Штреземан хотел сначала, опираясь на СССР, добиться уступок со стороны Франции, разбить франко-польский союз, чтобы, оторвав Коридор от Польши, получить таким образом стратегические позиции для войны и продать Англии за дорогую цену свою поддержку в войне против СССР.

В период между 1926 и 1930 гг. за кулисами Лиги наций шли постоянные переговоры, пока что частного характера, подготовлявшие создание антисоветского блока. Они прорывались наружу в таких актах, как разрыв сношений между Англией и СССР, как налет на Аркос, организованный министром внутренних дел Джойнсоном Хиксом. Они прорвались наружу в конфликте, приведшем к необходимости отозвания из Парижа Раковского. В своем некрологе, посвященном Бриану и помещенном в «Журналь де Женев», об этом открыто рассказал профессор Мартен, сообщая об антисоветских планах, о которых говорил с ним Бриан, как о подпочве своей панъевропейской программы. План этот состоял в стремлении к *примирению Германии с версальской системой за счет известных уступок, с тем чтобы позже повернуть всю мощь западноевропейских империалистских держав, об'единенных в один блок, против Советского союза.*

IV

Мировой экономический кризис нанес тяжелый удар всем этим планам.

Он неслыханно углубил не только классовые противоречия, не только противоречия между колониальными народами и империализмом, но и *противоречия между империалистскими державами.* Если богатейшие империалистские державы имели значительные резервы для того, чтобы выдерживать удары кризиса, если Соединенные штаты имели перспективу завоевания новых рынков при помощи займов, предоставляемых Южной Америке, Китаю, если Франция имела перспективу развертывания производительных сил в своей громадной колониальной империи, если Англия могла надеяться уменьшить свою зависимость от сокращающегося мирового рынка при помощи лучшего использования внутриимперских связей, то таких перспектив не было ни у Германии, ни у Японии. *Германия* с промышленностью, находящейся на уровне американской техники, достаточно мощной, чтобы обслужить значительную часть мирового рынка, с промышленностью, третья часть которой работала на мировой рынок, находилась перед перспективой, что мощные конкуренты при помощи займов, усиливая одновременно свои позиции развитием своей колониальной базы, вытеснят ее с мирового рынка. *Япония* — страна, в которой кризис капитализма чрезвычайно обострен пережитками феодализма, несравненно более крупными чем в других странах, страна, не имеющая накоплений, достаточных для вывоза капитала, который мог бы померяться с американским, страна, не обладающая необходимой мощностью тяжелой промышленности, — шла навстречу развитию, которое должно было неминуемо уменьшать ее удельный вес на континенте Азии. И *Япония и Германия ставят вопрос о переделе мира.*

Япония делает это открыто, захватывая Манчжурию, чтобы включением ее в японское хозяйство, создать себе продовольственную и сырьевую базу

для будущей войны за овладение Китаем. Эта база должна одновременно вооружить ее для войны с Советским союзом. Таким образом японская военщина не только начала превентивную войну с Китаем, но вынашивает план превентивной войны с Советским союзом. Она выступает в качестве «чемпиона порядка» в Азии, пытаясь заручиться в этом деле поддержкой других империалистских держав. Но одновременно она заявляет, что вашингтонские и лондонские соглашения 1922 и 1930 гг., определившие вес Японии как второстепенной империалистской державы и признавшие за ней соответственно с этим право на флот, количественно второстепенный, не соответствуют больше ее интересам. Таким образом Япония разорвала не только те части вашингтонского соглашения, которые гарантировали территориальную неприкосновенность Китая как условие политики равных возможностей для всех империалистских держав, но она поставила под знак вопроса самый Вашингтонский договор, выдвигая требование об изменении соотношения морских сил. Политика Японии на этой стадии направлена непосредственно против Китая, СССР и США, но и для английского империализма не составляет секрета, что победа японской программы означала бы ни больше не меньше, как подготовку для захвата голландских колоний. Английский империализм не может не понимать, что победа японской военщины над Китаем, США и СССР означала бы подготовку к борьбе Японии за гегемонию над всем азиатским континентом.

В Германии под влиянием кризиса ускорился приход к власти фашизма, в продолжении десяти лет создававшего программу войны за передел Европы, направленную против Франции, против Польши, против Чехо-Словакии и против СССР. Придя к власти, германский фашизм выдвигает как заслон целый короб мирных заверений, источником которых, как теперь уже можно установить документально, была боязнь, что Франция и Польша ответят на победу германского фашизма немедленными военными действиями. Но, размахивая флагом мира, германский фашизм одновременно требует во имя равноправия устранения тех частей Версальского договора, которые стесняют его свободу вооружений. Не дожидаясь результатов этих своих стараний, он лихорадочно усиливает свои вооружения, чтобы в кратчайший срок приступить к реализации своей программы.

Натолкнувшись на сопротивление Франции, германский империализм борется за подрыв французской системы союзов, пытаясь оторвать от нее Польшу; германский империализм обещает не трогать Польшу территориально при условии совместной борьбы за раздел СССР.

Обе программы экспансии: программа японского и программа германского империализма — имеют общим об'ектом СССР. Неизвестно еще, закреплена ли эта общность программ в дипломатическом договоре, но не подлежит никакому сомнению, что не только сознание общности интересов имеется у руководящих кругов германского фашизма и японской военщины, но в целом ряде случаев эта идея приводит уже к взаимной поддержке на деле.

Вероятно, германский фашизм руководится надеждой, что инициативу проявит Япония, что Япония начнет действия, которые возбудят аппетиты разных империалистических держав, и что тогда создастся обстановка, позволяющая Германии выступить, пользуясь поддержкой других империалистических держав.

В этих условиях все империалистические державы принуждены продумать и пересмотреть свою политику, решить, ставят ли они ставку на развязывание войны против СССР или нет.

V

Политика Франции в этом отношении не оставляет сомнений, ибо она совершенно ясно вытекает из интересов Франции. Понятно, Франция является капиталистической державой, враждебно настроенной к коммунизму. Но ее жизненные интересы не могут ничего выиграть от усиления германского империализма. Германский фашизм перед своим приходом к власти совершенно открыто прокламировал свою вражду к Франции. Попытка замаскировать эту вражду, постоянно повторяемая Гитлером и его помощниками, утверждение Гитлера, что после решения саарской проблемы нет никаких противоречий между Францией и Германией, не могут никого обмануть. Если даже согласиться с тем, что гитлеровской программой завоеваний на Востоке и Юговостоке исчерпываются цели германского империализма, если пойти еще дальше и допустить, что Гитлер стремится к «мирному» об'единению «срединной Европы», хотя нет никаких причин верить этому, то реализация этой программы означает сведение Франции к положению второстепенной европейской державы, полностью зависящей от германского империализма. Путь к реализации этой программы на востоке ведет или к уничтожению независимой Польши или к включению ее в орбиту германского экономического и политического влияния, к подчинению Варшавы Берлину. В обоих случаях Франция не только теряет союзника, но человеческие и материальные силы Польши становятся активом германского империализма. Поэтому попытка германских фашистов завоевать поддержку для своей восточной политики, провозглашая борьбу против СССР, не могла вызвать в серьезных кругах Парижа никаких симпатий. Победа восточной программы германского империализма, охватывающей и балтийские страны, означала бы германскую гегемонию в Европе. Эта гегемония усилилась бы после реализации юговосточной программы германского империализма. Присоединив Австрию к Германии, германский фашизм окружил бы со всех сторон союзника Франции — Чехо-Словакию—и, оторвав от нее германские области, передав словацкие области Венгрии, германский империализм включил бы в свою систему и Венгрию. Эта победа еще усилила бы и без того значительное германское влияние в Румынии. Германия подчинила бы себе таким образом значительную часть востока и юг Европы. Она сосредоточила бы в своих руках столь мощные экономические и человеческие ресурсы, что диктовала бы свою волю Европе. Это означало бы конец всем позициям, завоеванным французским империализмом.

Пребывание у власти германского фашизма, подготовка германского хозяйства для войны, мобилизация народных масс Германии во имя империалистической программы — все это не могло не ослабить во Франции тенденций к сделке с Германией, тенденций, имеющихся одновременно у части мелкобуржуазных радикалов и у части представителей монополистического капитала. Франция заняла антигерманскую позицию. Борьба, происходящая в лагере господствующих классов относительно курса внешней политики Франции, касается только методов борьбы с наступлением Германии. В то время, когда правящие круги Франции пытаются в своей борьбе против опасности войны координировать свои действия с Советским союзом, наиболее реакционные элементы, использующие такие органы печати, как «Журналь де-Деба», «Аксион франсез», «Либерте», выступают против франко-советского сближения, угрожая теми опасностями, которые, по их мнению, такое сближение несет внутреннему развитию Франции. Но и в этих кругах не видно тенденции допустить усиление германских позиций на Востоке или Юговостоке Европы.

Французская дипломатия, заняв позиции, враждебные германской политике завоевания Востока Европы, стала перед вопросом о своем отношении

к японской агрессии на Дальнем Востоке. Французский империализм в начале манчжурской авантюры принадлежал к наиболее ярым защитникам японского империализма. Эта позиция зависела не только от влияния на французскую печать крупных оружейных фирм, получивших большие японские заказы, не только от боязни влияния китайской революции на Индо-Китай, не только от боязни того, что Япония, если не повернуть ее экспансию на Север, может стать опасной для Индо-Китая. Прояпонская позиция французского империализма диктовалась, понятно, и антисоветской позицией, желанием ослабить Советский союз. Позиция эта начинает изменяться с момента прихода к власти германских фашистов, с момента, когда германский фашизм всеми своими действиями показал, что он подготовляет военную развязку. Даже для антисоветских элементов во Франции стало ясным, что германский империализм видит в агрессии Японии на Дальнем Востоке элемент, благоприятствующий развертыванию германской агрессии. Представители германского империализма не скрывают, что война Японии против СССР создала бы положение, позволяющее им приступить к реализации своей программы. Война эта неминуемо связывала бы силы английского и американского империализма на Дальнем Востоке. Она изолировала бы Францию, лишала бы ее возможной поддержки бывших военных союзников. Это создало бы для германского империализма самые благоприятные условия, чтобы поставить Францию перед альтернативой: либо согласиться на немецкую экспансию на Восток, т. е. капитулировать, либо начать войну. «Всякое усиление Японии связывает европейские великие державы вне Европы. Это не касается только Германии, ибо она не имеет никаких политических интересов в Восточной Азии и на Тихом океане. Разве мы заинтересованы в том, чтобы защищать положение других европейских великих держав?.. Наше положение создает нашу заинтересованность в росте всякой внеевропейской державы, так как оно связывает силы наших соседей и освобождает немецкие силы. Всякое усиление Японии как самой крупной внеевропейской державы означает усиление немецкой позиции, означает известное освобождение наших сил, особенно после сближения СССР и Франции». Эти слова Иоганна фон-Леерса в сентябрьском номере фашистского журнала «Ди таг» повторяют только то, что говорили фашистские публицисты в продолжение последних 1½ лет. Из этого следует, что Франция в данных условиях не может быть заинтересована в развязывании японской агрессии против СССР. Французский империализм боится, понятно, выступить против Японии, но он не может поддерживать и поощрять японское нападение на СССР, если не хочет развязать агрессии германского империализма.

Политика Великобритании значительно более сложна и менее выкристаллизировалась чем политика Франции. Английский империализм поддерживал Германию все послевоенное время, видя в ней силу, призванную в будущем ограничить французскую гегемонию и могущую оказать большие услуги в борьбе против СССР. Как мы указывали выше, эта политика Англии опиралась на убеждение, что Германия, потеряв свой морской флот и не будучи в состоянии его воссоздать в ближайшие десятилетия, не может стать опасной для английского империализма. Германские воздушные вооружения, которые за последние 1½ года играют все растущую роль в системе германского довооружения, начинают вызывать изменения в английской политике по отношению

к Германии. Утверждение Черчилля в английском парламенте, что германский воздушный флот будет скоро сильнее английского, не вызвало опровержения со стороны министра иностранных дел сэра Джона Саймона, к которому Черчилль обращался со своим запросом. Утверждения Черчилля, опирающиеся, как видно, на донесения английской разведки и поэтому не опровергнутые министром иностранных дел, имеют все признаки вероятия. Германская гражданская авиация богата типами крупнейших самолетов, которые по своей скорости, радиусу действия и по другим качествам могут без всяких затруднений стать военными аэропланами. Обучение летному делу охватывает в Германии такое значительное количество лиц, что дело может идти только о массовой подготовке сил для военной авиации.

Германская авиационная промышленность имеет производственную мощность в 30 000 моторов в год. Возникновение авиационной мощи Германии лишает какой-либо почвы уверенность Англии в том, что германский империализм неспособен за отсутствием морского флота нанести вред Англии как островной державе. Пространство, отделяющее германскую авиацию от английских фабричных центров, не больше того пространства, которое отделяет Германию от Франции.

Понимание изменившейся обстановки вызвало усиление той группы в господствующих классах Англии, которая сохранила союзнические традиции со времен войны. Заявление Болдуина в английском парламенте о том, что линия защиты Англии находится не на скалах Дувра, а на Рейне, выражает рост тенденций к совместной антигерманской политике с Францией. Эти тенденции привели уже к известным военным переговорам. Английское правительство отрицает, что оно взяло на себя какие бы то ни было обязательства, выходящие за рамки Локарнского договора 1925 г. Вероятнее всего, это заявление формально отвечает действительности. Английское правительство не было формально связано союзным договором с Францией и в 1914 г. Но это не означает, что заявление Болдуина, наиболее типичного представителя «средней линии» английского империализма, равно повторению локарнских обязательств Англии; в Локарно Англия обязалась поддерживать Францию в случае германского нападения и Германию в случае французского нападения. В Локарно Англия заняла позицию арбитра между Германией и Францией, угрожая выступить в защиту подвергшейся нападению стороны. Если же Болдуин утверждает, что защита интересов английского империализма должна вестись на Рейне, то это выражает боязнь Англии перед германской авиацией. Германская авиация опасна для Англии независимо от того, напала бы непосредственно Германия на Францию или Франция ответила бы военными действиями на немецкое продвижение на Восток. От позиции арбитра Англия перешла — если слова Болдуина выражают политику английского правительства — к позиции противника всякой германской победы на Западе независимо от того, как пришла бы Германия к этой победе.

Английский империализм устами Болдуина говорит французской буржуазии: мы солидарны с тобой в защите французской территории. Но французская буржуазия не намерена удовлетвориться защитой своей территории. Она борется за свою позицию в Европе и во всем мире. Английский империализм заявил, что он относится благосклонно к франко-советским планам восточного пакта, но, поддерживая их дипломатически, не может принять никакой ответственности за эти планы. Франко-советский проект восточного пакта обязывает заключившие его державы к взаимной защите в случае нападения. Если на основе этого пакта Франция была бы втянута в войну с Германией, тогда Англия стала бы перед необходимостью решить,

допускает ли она поражение Франции в войне, возникшей из борьбы против германской восточной или юговосточной экспансии.

Мы видим таким образом, что европейская политика Англии находится в периоде передвижек, брожения, борьбы тенденций. Это выражается и в переходе от локарнских позиций к болдуиновским, но одновременно и в попытке сохранения старого принципа, согласно которому судьбы Восточной Европы не касаются интересов английского империализма (на практике это означало предоставление Германии свободы действий на востоке Европы). Это глубоко противоречивая позиция, на которой английский империализм удержаться не сумеет.

Еще более противоречива позиция английского империализма перед лицом развития японской агрессии на Дальнем Востоке. Империалистическая печать Англии искала поводов, могущих «об'яснить» японскую политику по отношению к Китаю; даже теория о том, что Китай не представляет собой государства в обыкновенном смысле этого слова, — основной тезис японской империалистической политики по отношению к Китаю,—находила защиту в официозном органе английского правительства «Таймс».

В Лиге наций английская дипломатия делала все, чтобы не допустить применения против Японии соответствующих параграфов устава Лиги наций. Англия руководилась при этом желанием сохранить дружбу с Японией как козырь, который может быть использован в борьбе с Соединенными штатами Америки и в борьбе с СССР. Давление Соединенных штатов Америки заставило английскую дипломатию в марте 1932 г. присоединиться к формуле, выдвинутой американским государственным секретарем Стимсоном, о непризнании изменений на Дальнем Востоке, вызванных иными методами чем дипломатические переговоры. Англия была вынуждена согласиться, чтобы эта формула легла в основу резолюции Лиги наций по манчжурскому вопросу, запрещающей членам Лиги наций признать захват Манчжурии Японией.

Но сильнее всех колебаний, вызванных давлением Соединенных штатов на дальневосточную политику Великобритании, была вражда к СССР. Английская империалистическая печать не скрывала, что она приветствовала бы нападение Японии на СССР. Она пыталась убедить Соединенные штаты в том, что предоставление Японии подобной свободы продвижения на север является единственным средством предотвращения японской экспансии в Собственно Китай и на тихоокеанские острова, что война Японии против СССР означала бы спасение интересов английского и американского империализма в Китае. Американская печать указывала, что японские морские вооружения говорят не только о подготовке войны с СССР, но что дело идет и о подготовке войны против Америки; в ответ на это английские империалисты заявляли, что именно война против СССР настолько подорвет силы Японии, что на десятки лет она окажется неспособной реализовать свою общую программу экспансии в Азии.

В этой линии поведения английского империализма на Дальнем Востоке не произошло никаких изменений. Посылка английской промышленной делегации в Манчжоу-Го в момент обострения японо-советских отношений имела, очевидно, не только экономические цели, а должна была продемонстрировать Японии, что несмотря на дипломатическую поддержку, оказанную Англией проекту франко-советского восточного пакта, и несмотря на то что Англия поддерживает французскую политику приглашения Советского союза в Лигу наций, ее политика поддержки Японии остается неизменной.

Если, как мы выше показали, английская политика поддержки мира в Западной Европе и «безразличия» к тому, что происходит в Восточной Европе, полна противоречий, то тем большая пропасть зияет между политикой сохранения мира в Европе и политикой поддержки Японии на Дальнем Востоке. Ибо если Япония в надежде на предоставление Англией хотя бы серьезных займов, без которых японская военщина не может вести войну, бросится в авантюру против СССР, то война на Дальнем Востоке может развязать все агрессивные силы в Европе. Нельзя допустить, что английские империалисты не понимают этой связи между положением на Дальнем Востоке и положением в Европе. Противоречия в их политике выражают борьбу тенденций в лагере английского империализма.

На одной стороне стоят элементы, считающие, что основным врагом является СССР и что если Германия и Япония захотят взять на себя инициативу борьбы с советским государством, то их надо в этом поощрять. Эти элементы надеются, что другие капиталистические страны не посмеют выступить против японского и германского империализма, против СССР, что войну удастся «локализовать», удержать в рамках антисоветской войны, причем Англия сможет заработать и на Японии и на Германии. Этим авантюристским антисоветским элементам противостоят более реалистически настроенные элементы, склоняющиеся к убеждению, что локализовать такую войну не удастся, что она перерастет в мировую войну, в которой британскому империализму придется выбирать между Францией и Германией, между США и Японией. Эти элементы боятся, что Великобритания будет таким образом втянута в военный кризис, к которому она недостаточно подготовлена. Они боятся, что если военный кризис противопоставит Англию Соединенным штатам, то это приведет к расколу Британской империи. Исходя из этих позиций, эти более реалистические элементы английского империализма высказываются на ближайший отрезок времени против поощрения военных тенденций, даже направленных на СССР. Именно влиянию этих элементов надо приписать позицию, занятую Великобританией по отношению к восточному пакту и к вхождению СССР в Лигу наций.

Внешняя политика английского империализма находится в периоде колебаний, поисков новой ориентировки. Было бы неверно не видеть тех новых элементов в английской политике, которые могли бы привести к ослаблению вражды Английской империи против СССР, которые могли бы усилить мирные тенденции английской политики. Но еще неправильнее было бы думать, что можно положиться в ближайшем будущем на мирный курс английской политики. В английской политике происходит борьба тенденций, а в таких случаях английские господствующие классы пытаются выиграть время, не принимая решений. Но эта нерешительность усиливает авантюристские империалистические элементы, которые могут попытаться повлиять на политику Англии, поставив ее перед совершившимся фактом.

Важные изменения произошли за последний год в итальянской политике. Все перспективы внешней политики германского фашизма строились на стремлении к блоку с Великобританией и Италией. Что касается Италии, то германский фашизм полагался не столько на сходство идеологии, являющейся базой политики обоих государств, сколько на тот факт, что итальянский фашизм, «обиженный» в Версале, добивающийся от Франции серьезных территориальных уступок в колониях, стремящийся стать твердой ногой на Балканах, находился в конфликте с Францией. Это положение заставляло Италию искать союзников и в этих поисках поднимать вопрос о

ревизии Версальского договора. Италия была первой из держав-победительниц, выдвинувшей открыто и недвусмысленно лозунг ревизии Версальского договора. С момента прихода германских фашистов к власти наступило очевидное итало-германское сближение. Понятно, Италия не скрывала, что она является противницей присоединения Австрии к Германии, но руководители германской внешней политики утешались тем, что если поставить Италию перед совершившимся фактом, то во имя общих интересов с Германией Италия с этим фактом примирится.

Германские фашисты знали, что итальянские стремления к руководящей роли на Балканах упираются и в отсутствие средств и в невозможность для Италии поглотить сельскохозяйственный вывоз придунайских и балканских стран. Экономическое сотрудничество Германии с Италией на Балканах как основа итало-германского кондоминиума[1] в Придунайском бассейне и на Балканах должно было компенсировать Италию за присоединение Австрии к Германии. Вынужденный маневрировать на востоке Европы, для того чтобы разбить франко-польский союз, вынужденный временно отказаться от притязаний на Данцигский коридор, германский фашизм был принужден форсировать события в южном направлении. Он пытался несмотря на предостережение Муссолини, сделанное при торжественной встрече с Гитлером в Венеции, изнутри захватить власть в Австрии. Эта попытка, кончившаяся убийством Дольфуса, не привела к цели. Австрийский отряд национал-социализма власти не захватил, но опасность, в которой находилось австрийское правительство, связанное с итальянским фашизмом, привела к итальянской мобилизации на австрийской границе и к повороту итальянской политики. Итальянский фашизм пришел к убеждению, что ревизионистские стремления Германии в данных условиях направлены в первую очередь против Италии. Италия начала искать сотрудничества с Францией для обеспечения Австрии от дальнейших наскоков германского империализма. Переговоры о франко-итальянском сближении, начатые де-Жувенелем, продолжаемые Шамбреном, вряд ли обеспечивают полное согласование политики обоих государств. Уступки, которых добивается Италия и в колониях и на Балканах, очень значительны и вряд ли будут полностью удовлетворены Францией, которая стремится сохранить основные козыри в своих руках на случай, если дело с Германией дойдет до решающего кризиса. Франция боится, что если она теперь израсходует эти резервы, то ей нечем будет удержать Италию от сближения с Германией в решающий момент. Как бы то ни было, итальянские стремления договориться с Францией совпадают с последним антигерманским поворотом Англии и смягчают остроту вопроса о ревизии Версальского договора. Тут еще нет окончательной договоренности; и тут еще на решительном повороте дело может разбиться о ряд подводных камней. Но налицо тенденция к отходу Италии от Германии к Франции. Эта тенденция усиливает итальянскую политику сближения с СССР, которую вел Муссолини несмотря на свою зависимость от Лондона. Политика сближения Италии с СССР диктовалась и экономическими и политическими соображениями. Обмен продуктов итальянской промышленности, особенно высокоразвитой электрической промышленности, на советский хлеб, уголь и нефть, стремление Италии обеспечить дружеские отношения не только с СССР, но и с Турцией, — вот что заставляло реалистически настроенного Муссолини отказаться от соображений ненависти к коммунизму при решении вопросов внешней политики. Отношения Италии и СССР затруднялись итальянской поддержкой германского фашизма, который открыто провозглашал своей целью борьбу с СССР. Отход Италии от сотрудничества с германским фашизмом может поэтому только укрепить советско-итальянские отношения. Если Италия не вернется к политике сотруд-

[1] Кондоминиум — совместное господство.

ничества с Германией, то она не будет заинтересована и в поощрении германской экспансии. Что касается отношения Италии к положению на Дальнем Востоке, то она открыто выступала против японского демпинга, угрожающего ее шелковой промышленности. В последнее время она выступает вообще против японской политики агрессии, которая привела к попыткам вытеснить Италию из Абиссинии. Японская политика в Абиссинии диктуется не только экономическими соображениями, попытками получить хлопок в обмен на японские промышленные изделия; Япония пытается усилить свое политическое влияние по обе стороны выходов из Красного моря, дабы иметь средство давления на Англию в случае конфликта с английским империализмом. Абиссиния могла бы стать базой для воздушных сил Японии. Таким образом, исходя из своих ближайших интересов, Италия не может поощрять японской агрессии.

Если передвижения в империалистическом лагере во Франции, в Италии и отчасти в Англии усилили элементы, заинтересованные в борьбе против развязывания сил войны германским и японским империализмом, то, наоборот, в Польше происходят процессы, ставящие под вопрос ту позицию, которую Польша занимала в последние два года. До 1931 г. польская политика, идя в общем фарватере французской политической системы, занимала позиции, враждебные одновременно и Германии и Советскому союзу. Обострение германской опасности и очевидность того, что Советский союз не стремится к совместным действиям с фашистской Германией, привели к тому, что Польша начала положительно относиться к советской политике сближения со своими соседями. Это привело к заключению пактов о ненападении и об определении агрессора, к некоторому сокращению широких антисоветских кампаний в Польше, к культурному сближению Польши и СССР. Одновременно Польша прощупывала с помощью высадки войск в Данциге и военной демонстрации на литовской границе, готов ли германский империализм к немедленным действиям против нее. Германский фашизм, убедившийся в том, что с Францией сговориться не удастся и что Польша в случае нападения Германии не только может рассчитывать на помощь Франции, но что она имеет обеспеченный тыл, перешел к политике сближения с Польшей. Он не отказался от своих притязаний на Коридор, но пошел на декларацию о ненападении в продолжение десяти лет и на сближение с Польшей во всех возможных областях.

Польская дипломатия, считая, что она добилась таким образом усиления своих позиций, поставила себе в качестве ближайшей задачи завоевание юридического положения великой державы. Борьба за эту цель была направлена в первую очередь против ее союзника — Франции, которую польская дипломатия и пресса обвиняли в «недостаточно бережном отношении» к польским интересам и в рассматривании союзной Польши как державы второго ранга. Одновременно Польша старается добиться нормализирования своих отношений с Литвой и освобождения от контроля со стороны Лиги наций над положением национальных меньшинств в Польше, видя в этом несоответствие своему положению великой державы. Острую дискуссию, происходящую между польской и французской печатью об отношениях обоих союзников, попытки самостоятельного аннулирования договора о защите меньшинств, установленного Версальским договором, французская дипломатия рассматривает как атаку на основу отношений между Францией и Польшей, т. е. как услугу германскому империализму, также пытающемуся односторонне ликвидировать Версальский договор. Постоянной полемике польской печати против французской внешней политики французская дипломатия противопоставляет дружественную атмосферу, установившуюся в последние месяцы между польской и германской печатью.

Из этих фактов значительная часть мировой печати делает вывод о наличии в польской политике тенденции к разрыву союзных отношений с Фран-

цией и к сближению с Германией, что может кончиться польско-германским сотрудничеством на востоке Европы. Отрицательное отношение польской печати к франко-советскому проекту восточного пакта оценивается международной прессой как дальнейший симптом этих прогерманских тенденций. Польская пресса отрицает наличие подобных стремлений у польской политики, но не может найти аргумента, ослабляющего утверждение, что Польша является единственным государством, которое помогает Германии выйти из изоляции, в которую завела ее внешняя политика германского фашизма. В частности по поводу юговосточного направления германской экспансии польская пресса недвусмысленно заявила о своей незаинтересованности. Кроме того не подлежит сомнению, что если франко-польские отношения еще более расшатаются, то Польша будет принуждена искать опоры в Германии. Если бы даже она купила таким сближением временную безопасность своей западной границы, то платой за это была бы полнейшая зависимость от Берлина. Германская фашистская печать убеждена в возможности включить Польшу в орбиту германского влияния. Из этой перспективы она черпает надежды на возможность совместной политики на Востоке. Польская пресса заверяет, что эти надежды не обоснованы и что дело идет только о завоевании позиций в международной политике, отвечающих стремлению Польши к равноправию с союзной Францией и другими великими державами.

Будущее покажет, каково действительное значение сдвигов, происходящих в польской дипломатии.

VI

Сказанного достаточно, чтобы показать, насколько изменилось международное положение и насколько благодаря этому изменилось положение в Лиге наций. Не изменился, разумеется, характер Лиги наций как организации капиталистических держав. Не изменилось отношение Лиги наций к колониальным народам. Вступление СССР в Лигу наций не может изменить этого основного ее характера. Но Лига наций представляет теперь организацию тех капиталистических держав, в которых в данный момент налицо **тенденции к сохранению мира**. Эти тенденции выражает **французская** политика, ибо Франция сейчас ничего не может выиграть от новой войны. Эти тенденции поддерживает **Малая Антанта**, против которой направлены ревизионистские стремления Германии, Венгрии и Болгарии. Эти тенденции поддерживают **прибалтийские государства** и заинтересованные в сохранении мира **скандинавские страны**. Эти тенденции начинают пробивать себе путь и в английской политике. Если дело дойдет до франко-итальянского соглашения, то итальянская политика не будет заинтересована в поддержке тенденций, ставящих в порядок дня новый передел мира. Это создало условия, при которых, как это указал товарищ **Сталин**, Лига наций может явиться известной помехой для развязывания военных тенденций. Лучшее доказательство этого дает выход Германии и Японии из Лиги наций. Но если бы удалось об'единить те державы, которые **на данном историческом этапе** не заинтересованы в новом переделе мира, если бы эти державы сумели конкретными решениями продемонстрировать свою готовность к совместной защите мира, то это настолько угрожало бы изоляцией поджигателям новой войны, что заставило бы их сто-крат подумать, прежде чем бросить факел в пороховой погреб.

Для усиления этих тенденций Советский союз вступил в Лигу наций. Утверждения твердолобой прессы, что СССР, вступая в Лигу наций, преследует какие-то таинственные цели, представляют собой только увертки империалистских органов, заинтересованных в подготовке войны и боящихся помехи со стороны Советского союза. В Лиге наций нечего захватывать: она не является территорией и не является государственной

властью. Лига наций—это политика, которую решат вести входящие в ее состав главные державы. «Захватить» в Лиге наций ничего нельзя, но можно разоблачить военные тенденции, разоблачить покровительство силам, развязывающим войну, можно поддержать тенденции, служащие укреплению мира.

Советский союз, согласившись вступить в Лигу наций, видит в ней один из рычагов, одно из возможных орудий для организации дела мира. За вступление Советского союза в Лигу наций боролись те державы, которые на данном этапе заинтересованы в сохранении мира. Они поняли громадную силу Советского союза как фактора мира. Эта сила является результатом не только непоколебимой мирной политики Советского союза, но и грандиозных экономических и социально-политических побед, благодаря которым Советский союз представляет собой сильнейшую опору для друзей мира и грозную опасность для врагов, которые покусились бы на его целость и независимость. Удастся ли усилить Лигу как тормоз, действующий против войны,—будет зависеть в значительной мере от политики Великобритании. Что Соединенные штаты Америки не стремятся к немедленной войне, это на данном историческом этапе не подлежит сомнению. Если Великобритания перестанет балансировать между военными и антивоенными тенденциями, то совместные действия европейских великих держав, поддержанных малыми и средними державами, которые в случае войны были бы первыми ее жертвами, могут обеспечить мир на много лет или в случае войны — разгром агрессора. Но такие об'единенные усилия предполагают недвусмысленные решения и готовность к действенной защите мира. Тов. Литвинов в своей речи указал от имени советского правительства. что оно считает методы. применявшиеся до этого времени Лигой наций, неэффективными и что СССР будет бороться в Лиге за применение действительно эффективных методов.

Деятельность Советского союза в Лиге наций даст тем большие результаты, чем глубже народные массы СССР осознают, что влияние СССР на политику Лиги будет пропорционально росту нашей экономической мощи и нашей обороноспособности и росту давления рабочих и крестьянских масс во всем мире на правительства капиталистических стран.

Лига наций является дипломатическим инструментом, инструментом согласования политики ряда держав. Дипломатия играет в исторических решениях второстепенную роль: первостепенную роль играют действительные факторы силы. Но рабочие массы всего мира заинтересованы в том, чтобы свою силу, силу своего движения поставить на поддержку мирной политики, за которую борется дипломатия Советского союза в Лиге наций.

Впервые в истории рабочий класс в лице СССР в состоянии поддержать стремление международного пролетариата к миру мощью великой геройской армии рабочих и крестьян. Поэтому вхождение СССР в Лигу наций является не отступлением от революционного пути, а победой, одержанной на этом пути.

Вхождение советского правительства в Лигу наций для борьбы за укрепление и сохранение мира стало возможным только благодаря неизмеримо выросшей силе Советского союза.

Использование Лиги наций для борьбы за мир стало возможным только благодаря тому, что наша сталинская внешняя политика оказалась на высотах ленинского умения использовать всякое противоречие империалистского мира в интересах Советского союза, в интересах борьбы против опасности войны.

К 70-летию I Интернационала

Историческое значение I Интернационала

В. Адоратский

70 лет назад в Лондоне, на собрании в Сент-Мартинс-Холле, был основан I Интернационал — первая массовая международная пролетарская партия. Под руководством Маркса, который с начала до конца был вдохновителем и вождем этой организации, Интернационал завоевал себе мировую славу и занял выдающееся место в истории человечества. В начале 70-х годов он, по выражению Энгельса, занял положение «седьмой мировой державы».

Впервые в мировой истории Интернационал показал всем и прежде всего самим рабочим, какую могучую силу представляет рабочий класс, когда он об'единен и руководится передовой революционной теорией. Рабочий класс на собственном опыте увидел, каковы истинные условия его освобождения. Успехи Интернационала, руководимого Марксом, вселяли в массы рабочих бодрость и уверенность в победе, приводя буржуазию и всех врагов рабочего класса в неописуемый страх.

Все правительства континентальной Европы пришли в ужас перед «могущественной и страшной организацией Международного товарищества рабочих и перед быстрым развитием, которого оно достигло в течение нескольких лет» (см. циркуляр испанского министра иностранных дел испанским послам заграницей). «...папа и его епископы проклинали Интернационал, французский парламент диких помещиков (ruraux) об'явил его вне закона, Бисмарк при встрече австрийского и германского императоров в Зальцбурге угрожал ему крестовым походом священного союза, белый царь поручил Интернационал попечению своего страшного «третьего отделения»...» (Маркс и Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 432—433).

I Интернационал стоит у истока того великого социалистического строительства, которое совершается в настоящее время в нашей стране.

Всемирно-историческое значение I Интернационала в том, что с его помощью рабочий класс совершил переход от сектантства к массовой пролетарской партии. В этой именно организации массы изжили прежние навыки утопизма и сектантства и получили первые уроки научного коммунизма Маркса.

Рассмотрим подробнее, из каких предпосылок и в каких условиях возник I Интернационал, с какими врагами приходилось ему бороться и каков был итог его славной деятельности и борьбы.

I

I Интернационал был подготовлен всем предшествующим ему развитием рабочего движения и социализма.

Более чем за 15 лет до возникновения Интернационала Маркс в «Коммунистическом манифесте», в программе Союза коммунистов четко и ясно сформулировал всемирно-историческую задачу рабочего класса — путем классовой борьбы, путем революции сделаться господствующим классом, силой упразднить буржуазные производственные отношения и на основе гигантского развития производительных сил «ликвидировать классы», создать бес-

классовое, коммунистическое общество, в котором «свободное развитие каждого будет являться условием свободного развития всех».

Но Союз коммунистов (тоже международная, только не массовая организация) не мог еще сыграть роли массовой партии в Германии в годы революции (1848—1849), потому что это была организация лишь небольшого количества передовых рабочих.

Маркс и Энгельс в «Новой рейнской газете» подняли знамя пролетариата. Они последовательно проводили политику революционного пролетариата, и эта последовательная, систематическая работа принесла свои плоды.

«Июньское восстание парижских рабочих застало нас на посту,—пишет Энгельс в статье «Маркс и «Новая рейнская газета». — С первого выстрела мы решительно стали на сторону восставших. После их поражения Маркс почтил память побежденных одной из своих самых сильных статей... Мы были в Германии и почти во всей Европе единственной газетой, высоко державшей знамя разгромленного пролетариата в момент, когда буржуазия и мещанство всех стран обливали побежденных грязью своей клеветы» (Соч. Т. VI, стр. 9).

При всякой исторической обстановке, во всех условиях Маркс всегда содействовал пролетариату в выполнении его исторической задачи. Ленин, давая характеристику революционной тактики марксизма, всегда подчеркивал как основу этой тактики уменье связаться с массами, учет конкретной действительности, установление очередных задач на основе учета всей обстановки, не упуская из виду ни на минуту конечную цель и в то же время не отрываясь от масс, не допуская перепрыгивания через непройденные еще ступени.

«Когда кончилась эпоха революций 1848—49 гг.,— пишет Ленин в статье «Карл Маркс»,—Маркс восстал против всякой игры в революцию (Шаппер—Виллих и борьба с ними), требуя уменья работать в эпоху новой полосы, готовящей якобы—«мирно» новые революции. В каком духе требовал Маркс ведения этой работы, видно из следующей его оценки положения в Германии в наиболее глухое реакционное время в 1856 году: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны» («Переписка с Энгельсом», II, 108)» [1].

Пока демократическая (буржуазная) революция в Германии была не закончена, все внимание в тактике социалистического пролетариата Маркс устремлял на развитие демократической энергии крестьянства. Лассаля он считал совершающим «об'ективно измену рабочему движению на пользу Пруссии, между прочим, и именно потому, что Лассаль мирволил помещикам и прусскому национализму» (Ленин. Соч. 3-е изд. Т. XVIII, стр. 30).

Находясь с 1849 г. в эмиграции, Маркс вел последовательную борьбу против всех враждебных пролетариату элементов и сил. Маркс боролся против представителей вульгарной демократии, стремясь отстоять незапятнанным знамя пролетарской партии.

В 1859—1860 гг. Маркс в тяжелых условиях должен был вести борьбу против подлой клеветы бонапартистского агента Карла Фогта. Это тоже была борьба за пролетарскую партию, организатором и вождем которой Маркс был в течение всей своей жизни, начиная с создания Союза коммунистов. Маркс расценивал клеветническую атаку Фогта как «удар буржуазной вульгарной демократии и одновременно русско-бонапартистской сволочи — против всей партии».

[1] Ленин ссылается здесь на издание переписки Маркса и Энгельса, опубликованное Бебелем и Бернштейном в 1913 г. Русское издание сочинений Маркса и Энгельса. Т. XXII, стр. 138—139.

В письме Фрейлиграту от 23 февраля 1860 г. Маркс говорит: «Ты ошибаешься, повидимому, относительно значения процессов, возбужденных мною в Лондоне и Берлине. Они имеют решающее значение для исторического оправдания партии и для ее будущего положения в Германии».

Будучи лишен возможности — вследствие произвольного отказа со стороны прусского суда — судебным порядком разоблачить Фогта и опровергнуть его клевету, Маркс написал блестящий памфлет «Господин Фогт», вышедший в 1860 г.

Последовательная борьба Маркса против буржуазных и мелкобуржуазных влияний на пролетариат, против вульгарной демократии, мужественное отстаивание знамени самостоятельной пролетарской партии и упорная работа в тяжелых условиях эмигрантской жизни над теоретическим обоснованием задач пролетарской революции, работа над большим научным исследованием по теории политической экономии — все это было необходимейшими составными элементами в подготовке Интернационала, его будущей деятельности, его успехов. Политическая борьба и научная работа Маркса в 40—50-х годах обеспечили ту огромную историческую роль, которую сыграл Интернационал в 60—70-х годах.

Интернационал возник в условиях нового под'ема и оживления революционного и рабочего движения, начавшегося после кризиса 1857 г. В 1859—1860 гг. прокатилась первая волна забастовок в Англии. Стачка строительных рабочих в Англии в 1861 г. закончилась победой рабочих, завоеванием 9½-часового рабочего дня, признанием за рабочими права собраний и союзов. В рабочем движении Франции тоже наступило оживление. В Германии в 1863 г. образовался «Всеобщий немецкий рабочий союз». В 1859 г. произошла итальянская война. В Германии и в бонапартистской Франции оживилось оппозиционное движение. В 1861 г. началась гражданская война в Америке,— бунт рабовладельцев, восставших против отмены рабства негров. В 1863 г. началось восстание в Польше.

13 февраля 1863 г. Маркс писал Энгельсу, что в Европе, видимо, снова начался период революций.

Предпосылками возникновения I Интернационала являются таким образом рост противоречий капитализма и движения, направленные к тому, чтобы завершить невыполненные еще задачи демократической революции (задачи национального об'единения Италии, Германии); опыт предшествующего революционного рабочего движения, подытоженный и теоретически освещенный Марксом; стихийное стремление рабочих масс к интернациональному об'единению в борьбе против капитала; наличие такого вождя и теоретика, как Маркс, вместе с Энгельсом сплотившего вокруг себя небольшую группу сотрудников, более десятка лет активно боровшихся под руководством Маркса за дело освобождения пролетариата, за его международное об'единение для борьбы против буржуазной и всякой иной эксплоатации.

II

Интернационал формально возник на собрании 28 сентября 1864 г. в Лондоне, в Сент-Мартинс-Холле, устроенном Оджером (сапожником) и Кримером (плотником) — вождями английских рабочих, организованных в тред-юнионы.

Незадолго перед этим Оджер и Кример при участии либералов Брайта и Кобдена организовали большие собрания для выражения симпатии Северной Америке и в честь Гарибальди.

Собрание в Сент-Мартинс-Холле явилось одним из этапов уже раньше происходившего сближения французских и английских рабочих. На собрании, как говорит отчет о нем, напечатанный в газете «Beehive» (вначале

исполнявшей роль официального органа Интернационала), присутствовало «множество рабочих и в том числе почти все, кто принимает активное участие в современных прогрессивных движениях». Приглашен был и Маркс. Он, обычно избегавший всяких торжественных собраний и банкетов, решил присутствовать на этом собрании, так как знал, что там будут подлинные представители французских и английских рабочих, связанные с массовыми организациями. Зал был набит битком. Было много рабочих—англичан, французов, немцев, итальянцев.

Было принято решение—учредить Международное товарищество рабочих. Генеральный совет Товарищества должен был находиться в Лондоне. Постановили созвать в 1865 г. в Бельгии общий конгресс рабочих. На собрании был также избран временный комитет, куда вошли: Оджер и Кример — от Англии; майор Вольф, Фонтана и другие итальянцы—от Италии; Ле-Любе и другие — от Франции; от Германии в комитет были избраны Маркс и Эккариус. Комитету было предоставлено право пополнять свой состав кооптацией. Комитет выделил комиссию для составления «декларации принципов» и «временного устава»; Маркс был избран в эту комиссию.

Целью Интернационала было «сплотить воедино разрозненные силы мирового пролетариата и таким образом стать живым представителем об'единяющей рабочих общности интересов» (брошюра об «Альянсе»). Имея в виду именно эту цель, Маркс руководил организацией Интернационала; в таком духе он и составил «Учредительный манифест» и устав Интернационала. Новая организация должна была «иметь такую программу, которая не закрывала бы дверей перед английскими тредюнионами, французскими, бельгийскими, итальянскими и испанскими прудонистами и немецкими лассальянцами» (Энгельс. Предисловие к нем. изд. «Коммунистического манифеста». 1890 г.). В то же время вся работа Интернационала была направлена к тому, чтобы помочь рабочим создать организацию, обеспечивающую выполнение исторических задач рабочего класса: «заменить социалистические и полусоциалистические секты действительной организацией рабочего класса для его борьбы» (Маркс — Больте от 23 ноября 1871 г.).

Привилегированное, монопольное положение английской промышленности на мировом рынке в 50—60-е годы, сложившееся в силу ряда условий, привело к тому, что «английский рабочий класс в политическом отношении стал придатком «великой либеральной партии» — партии, которой руководили фабриканты» (Энгельс. Предисловие ко 2-му изд. «Положения рабочего класса в Англии». 1892 г.).

«Особенностью Англии,— говорит Ленин,— было уже с половины XIX века то, что по крайней мере две крупнейшие отличительные черты империализма в ней находились налицо: (1) необ'ятные колонии и (2) монопольная прибыль (вследствие монопольного положения на всемирном рынке). В обоих отношениях Англия была тогда исключением среди капиталистических стран, и Энгельс с Марксом, анализируя это исключение, совершенно ясно и определенно указывали связь его с победой (временной) оппортунизма в английском рабочем движении» (Ленин «Империализм и раскол социализма». Соч. Т. XIX, стр. 306).

В письме к Марксу от 7 октября 1858 г. Энгельс говорит: «... Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, повидимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат рядом с буржуазией. Разумеется, со стороны нации, которая эксплоатирует весь мир, это до известной степени правомерно».

Английская буржуазия производила подкуп верхушки пролетариата, уделяя крохи из своих гигантских монопольных прибылей, создавая некоторым слоям несколько лучшее, привилегированное положение; это обстоятельство

приводило к тому, что рабочий класс Англии в политическом отношении шел на буксире у буржуазии. Выработался особый тип английских тред-юнионистов, ставящих себе только одну цель — улучшить положение квалифицированных рабочих в рамках буржуазного строя. Сравнительное улучшение положения ограничивалось, однако, лишь двумя слоями рабочего класса: фабричными рабочими и рабочими, организованными в крупные тред-юнионы, т. е. рабочими отраслей промышленности, «в которых применяется исключительно или по крайней мере главным образом труд взрослых мужчин». «Их организованную силу до сих пор, — писал Энгельс в 1892 г., — не удалось сломить ни конкуренции женского и детского труда, ни конкуренции машин. Машиностроительные рабочие, плотники и столяры, строительные рабочие об'единены в организации, из которых каждая в отдельности настолько сильна, что может, как это делают, например, строительные рабочие, с успехом противостоять введению машин. Несомненно, их положение с 1848 г. значительно улучшилось; наилучшим доказательством этого служит то, что в течение более 15 лет (т. е. в 70 — начале 80-х годов) не только хозяева были чрезвычайно довольны ими, но и они — хозяевами. Они составляют аристократию в рабочем классе; им удалось добиться, сравнительно, комфортабельного положения, и это положение они рассматривают как окончательно завоеванное».

Привилегированное положение некоторых верхушечных слоев рабочего класса ни в коем случае не означало, что и остальные слои пролетариата испытывали такое же сравнительное благополучие. Положение широких масс, даже в самые благоприятные времена процветания промышленности в капиталистических условиях, всюду, в том числе и в Англии, не может не быть ужасным. Маркс указывает на это в «Учредительном манифесте», иллюстрируя эту истину яркими примерами, которые сами говорят за себя. Это положение было ужасным в 50—60-х годах; таким же осталось оно и позднее.

«Что касается широкой массы рабочих, то для нее уровень нищеты и необеспеченности существования в настоящее время так же низок, как был всегда, если только не ниже»,—писал Энгельс в 1885 г. (см. цитированное выше Предисловие ко 2-му изд. «Положения рабочего класса в Англии»).

«Восточная часть Лондона представляет из себя все более расширяющуюся трясину безысходной нищеты и отчаяния, голода в период безработицы, физического и морального упадка во время работы. За исключением только привилегированного меньшинства рабочих то же самое происходит и во всех других крупных городах; не лучше обстоит дело в более мелких городах и в сельских округах. Закон, ограничивающий стоимость рабочей силы ценой необходимых для нее средств существования, и другой закон, понижающий, как правило, ее среднюю стоимость до минимума этих средств существования,—оба эти закона действуют с непреодолимой силой машины-автомата, давящей рабочего между своими колесами» (Предисловие к «Положению рабочего класса в Англии»).

Чтобы завоевать массы рабочего класса, Маркс считал целесообразным и необходимым вовлечь в организацию рабочей партии представителей тред-юнионизма, хотя большинство этих вождей ни по воззрениям своим, ни по своим личным качествам не могло внушать Марксу никакого доверия. Раз'ясняя основы своей тактики З. Мейеру, одному из живших в Америке рабочих, проводивших под руководством Маркса его линию в рабочих организациях Америки, Маркс писал о себе и Энгельсе: «Мы работаем здесь в Лондоне вместе с англичанами, часть которых нам совершенно не нравится, и мы прекрасно знаем, что они хотят использовать Интернационал лишь в качестве дойной коровы для своих мелких, личных, честолюбивых целей. И все же мы вынуждены делать bonne mine au mauvais jeu (довольное лицо при дурной игре). Если бы мы из-за этих людей в негодовании

удалились, мы только укрепили бы этим их влияние, которое парализуется в настоящее время нашим присутствием. Так же должны поступать и вы». (Маркс — З. Мейеру от 21 января 1871 г.).

Узколобый практицизм, ограничение борьбы рабочего класса лишь экономической борьбой, борьбой за улучшение положения рабочих в рамках буржуазного строя, признание руководящей политической роли либеральной партии, отказ от борьбы за власть, от самостоятельной политики рабочего класса, направленной на свержение буржуазии, готовность всегда идти с буржуазией — вот основные черты тредюнионизма, с представителями которого приходилось Марксу иметь дело в I Интернационале, так как других рабочих организаций в Англии тогда не было.

Маркс своей работой в Интернационале стремился помочь массам на собственном опыте убедиться, что их насущные задачи могут быть выполнены лишь при условии придания их борьбе характера политической борьбы, лишь при условии превращения ее в революционную, классовую борьбу. В этом духе Маркс и вел систематическую пропаганду.

Результат работы Маркса не замедлил сказаться. В начале 1870 г он писал: «Англичане обладают всеми необходимыми материальными предварительными условиями социальной революции. Чего им не хватает, так это духа обобщения и революционной страсти. Только Генеральный совет в состоянии вдохнуть в них этот дух и эту страсть и ускорить таким образом истинно революционное движение в этой стране, а, следовательно, и повсюду. Крупные результаты, которых мы уже достигли в этом смысле, засвидетельствованы лучшими и влиятельнейшими газетами господствующих классов, как напр. «Pall Mall Gazette», «Saturday Review», «Spectator» и «Fortnightly Review», не говоря уже о так называемых радикальных членах нижней палаты и палаты лордов, которые еще недавно оказывали такое большое влияние на вожаков английских рабочих. Они открыто обвиняют нас в том, что мы отравили и почти задушили английский дух рабочего класса и толкнули этот класс к революционному социализму» (Маркс. Письмо Генерального совета Федеративному совету романской Швейцарии, в Женеве. При письме к Кугельману от 28 марта 1870 г.).

Представители французских рабочих тоже были очень далеки от правильного понимания исторической роли рабочего класса и стоящих перед ним задач. Находясь под влиянием идей Прудона, выразителя мелкобуржуазных взглядов, они были противниками коммунизма, ярыми защитниками мелкого производства и вообще имели чрезвычайно путаные представления в вопросах политики и тактики рабочего класса. «Коньком» прудонистов было «равенство», и, главное, спасение они рассчитывали получить от организации «взаимопомощи», дешового кредита, от организации банка для регулирования обмена. Они стремились достичь идеального строя мирным путем. «Капитал рабочих» должен одержать победу над «привилегированным капиталом» в результате «взаимопомощи», дарового, беспроцентного кредита и организации кооперативных предприятий; этот идеальный строй должен был быть основан на товарном хозяйстве. Еще в 1846 г., когда Энгельс жил в Париже, ведя пропаганду научного коммунизма в кружках главным образом немецких рабочих, он писал о том, какой прудонистский вздор приходилось ему опровергать. «Пролетарии должны копить мелкие акции. На эти средства (для начала требуется, конечно, не меньше 10 000—20 000 рабочих) строят сначала одну или несколько мастерских в одной или в нескольких отраслях ремесла, и часть акционеров начинает там работать. Продукты, произведенные там: 1) продаются акционерам по цене сырого материала + цена труда (акционеры не должны оплачивать прибыль) и 2) что остается из продуктов сверх этого — продается на рынке по рыночной цене. По мере того как капитал общества будет увеличиваться

взносами вновь вступивших членов или новыми сбережениями старых акционеров, на этот капитал будут строить новые мастерские и фабрики и т. д. и т. д., пока, наконец, все пролетарии не будут заняты работой, и все находящиеся в стране производительные силы не будут скуплены, и благодаря этому капиталы, находящиеся в руках буржуазии, потеряют свою власть над рабочими, власть извлекать из них прибыль!.. Эти господа собираются, ни много ни мало, постепенно скупить всю Францию, а потом, пожалуй, и весь остальной мир, скупить на пролетарские сбережения, только с помощью пролетарских сбережений, путем отказа пролетариев от прибыли и процентов на их капитал» (Энгельс—Марксу от 18 сентября 1846 г.).

Подобным же мусором были засорены и головы представителей французских рабочих, присутствовавших на собрании в Сент-Мартинс-Холле. С ними пришлось иметь дело Марксу в комитете и в комиссии по выработке «Манифеста» Интернационала и его устава.

Если в письме английских рабочих французским, зачитанном на собрании 28 сентября 1864 г., выдвигался как основная задача «союз со всеми людьми, которые стремятся к миру, к развитию промышленности, к свободе и счастью человечества во всем мире», то и французские рабочие в своем ответном письме выдвигали как идеал такую перспективу: «Свободный обмен в соединении со свободой труда не повел бы к продолжению борьбы; наоборот, он развил бы способности и дарования каждого народа и превратил бы, наконец, врагов в соревнующихся».

Как уже было оказано, на первом заседании комитета была выбрана комиссия для выработки «декларации принципов» и устава. Маркс не был на первых двух заседаниях комиссии. Членами комиссии: представителем итальянских рабочих—мадзинистом Вольфом, старым оуэнистом Уэстоном и французом Ле-Любе — были составлены «декларация принципов» и устав.

«Я прямо в ужас пришел,— рассказывает Маркс в письме к Энгельсу от 4 ноября 1864 г.,—когда услыхал (на заседании комитета 18 октября — *В. А.)* оглашенное милейшим Ле-Любе непомерно фразистое, плохо написанное и совершенно незрелое введение, претендующее на то, чтобы быть декларацией принципов, где на каждом шагу проглядывал Мадзини, прикрашенное самыми туманными обрывками французского социализма. Кроме того был принят в общем и целом итальянский устав, который, не говоря уже об остальных ошибках, ставил себе целью нечто действительно невозможное, нечто вроде центрального правительства рабочего класса Европы (конечно, с Мадзини за кулисами)».

После возражений Маркса и после долгого обсуждения было решено снова передать все в комиссию и подвергнуть документ новой «редакции». Марксу пришлось затем затратить целый вечер на заседании комиссии и тактично добиться того, чтобы получить в свои руки эти документы. Написанный Марксом заново «Манифест к рабочему классу» и проредактированный им устав были приняты комиссией; Маркса только «обязали вставить во введении к уставу две фразы: о «долге» и «праве» и об «истине, нравственности и справедливости». Маркс вставил их так, чтобы они «не могли причинить никакого вреда». На заседании Генерального совета 1 ноября «Манифест» и устав были единогласно приняты Советом, причем «Доктору Марксу, г. Уэстону и г. Ле-Любе» была выражена благодарность «за их труд и составление такого прекрасного манифеста».

В письме Энгельсу, рассказывая о всех перипетиях выработки «Учредительного манифеста» и устава I Интернационала, Маркс говорит:

«Было очень трудно провести дело так, чтобы наши взгляды были изложены в такой форме, в которой они были бы приемлемы для теперешнего уровня рабочего движения. Те же лица будут недели через две устраивать митинги с Кобденом и Брайтом в защиту избирательного права. Нужно вре-

мя, пока возродившееся движение позволит снова пользоваться прежним смелым языком. Необходимо быть сильнее на деле и умереннее в форме. Как только эта штука будет напечатана, ты ее получишь».

«Я с интересом ожидаю Манифеста к рабочим,—писал в ответ Энгельс 7 ноября 1864 г.,—судя по тому, что ты мне пишешь об этих людях, это должно быть настоящим шедевром. Хорошо, что мы снова завязываем связь с людьми, которые представляют, по крайней мере, свой класс, в конце концов, это — самое главное. Особенно важно влияние на итальянцев, тут все же есть шансы на то, что лозунгу «бог и народ» будет положен конец среди рабочих — для бравого Джузеппе (Мадзини) это будет неожиданностью. Впрочем, я полагаю, что это новое Товарищество очень скоро расколется на теоретически-буржуазные и теоретически-пролетарские элементы, лишь только вопросы будут немного уточнены» (Энгельс—Марксу от 7 ноября 1864 г.).

В «Учредительном манифесте» были по существу изложены идеи «Коммунистического манифеста», хотя самый термин «коммунизм» там не фигурировал. Маркс ссылается на успехи в области законодательного регулирования рабочего дня и на успехи кооперативного движения не для того, чтобы рабочий класс искал освобождения путем одних мирных реформ,— Маркс ссылается на эти успехи как на доказательство «торжества принципа политической экономии рабочего класса над буржуазной политической экономией». Успех кооперации доказывает, что «производство в крупных размерах, соответствующее требованиям современной науки, осуществимо без класса хозяев, пользующегося наемными рабочими, что орудия труда для того, чтобы приносить плоды, вовсе не должны быть обязательно монополизированы в качестве орудий господства над самим трудящимся человеком и для его ограбления» («Учредительный манифест»).

Таким образом Маркс, ставя эти условия, выдвигает коммунизм как цель рабочего движения. Указав, что землевладельцы и капиталисты добровольно своих привилегий не уступят, Маркс говорит, что «завоевание политической власти стало поэтому великой обязанностью рабочего класса» (там же).

III

Давая характеристику роли Маркса в I Интернационале, делая обзор его работы за период существования Интернационала, в котором Марксу все время принадлежала руководящая, решающая роль, необходимо прежде всего подчеркнуть, что 1864—1874 годы были для Маркса годами напряженнейшей теоретической творческой работы. В эти годы Маркс на основании проделанной им огромной подготовительной работы написал всю основную часть «Капитала», подготовил к печати и опубликовал I том «Капитала», выпустил его второе издание, значительно переработанное, и проредактировал его французский перевод (о последнем Маркс говорит в предисловии, что он является новой переработкой и сохраняет самостоятельное значение наряду с немецким изданием I тома).

После выхода в свет первого выпуска «К критике политической экономии» Маркс заново изучил вопрос о производстве прибавочной стоимости. Он написал с августа 1861 г. по июль 1863 г. ряд монографий, содержащих обширный материал по всем вопросам, которые должны были быть освещены в «Капитале». Эти монографии составили 23 больших тетради. На основании этих тетрадей Маркс написал всю основную часть «Капитала», которая должна была составить, по его предположению, два тома. Начав работу над этой рукописью в июле 1863 г., Маркс закончил ее в декабре 1865 г. С 1 января 1866 г. Маркс принялся переписывать начисто («вылизывать младенца после стольких родовых мук») I том «Капитала». Эту работу он

закончил в апреле 1867 г. В августе 1867 г. он подписал последний лист к печати. После этого Маркс немедленно приступил к подготовке для печати рукописи II тома (куда входили II и III тома). Он занимался этим до начала 1870 г.

В 1871 г. Маркс, повидимому, над «Капиталом» не работал. Но с конца декабря 1871 г. в течение 1872 г. он работал над вторым изданием I тома. От начала 1872 г. до конца 1874 г. он проделал огромную работу над редактированием и обработкой французского издания.

Мы видим таким образом, что во все время существования I Интернационала Маркс с небольшими перерывами был занят «Капиталом»: сначала подготовкой рукописи к печати, а затем переизданием и переводом I тома.

Работа над основным теоретическим сочинением — чрезвычайно важная составная часть работы Маркса в Интернационале. Только на основе разработанной им революционной теории Маркс мог разгромить те сектантские, мелкобуржуазные, утопические формы социализма, которые еще оказывали свое влияние на рабочий класс.

11 сентября 1867 г. Маркс писал Энгельсу: «На ближайшем конгрессе в Брюсселе я лично покончу с этими ослами-прудонистами. Я вел все это дело дипломатически и не хотел выступать лично, прежде чем моя книга («Капитал») не выйдет в свет и наше Товарищество не пустит корни. Кроме того я отделаю их (прудонистов) в официальном отчете Генерального совета. Несмотря на все свои усилия, парижские болтуны не смогли помешать нашему переизбранию».

Маркс отмечает, далее, рост Интернационала и его влияния:

«Между тем наше Товарищество сделало большие успехи. Паршивая «Star», пытавшаяся совершенно игнорировать нас, вчера в передовой статье заявила, что мы важнее конгресса мира. Шульце-Делич не может помешать рабочему союзу примкнуть к нам. Прохвосты из числа английских тред-юнионистов, для которых мы были слишком «левыми», наперерыв прибегают теперь к нам. Кроме «Courrier Français» отчеты о нашем конгрессе дала «Liberté» Жирардена, «Siècle», «Monde», «Gazette de France» и т. д. Дело подвигается вперед. И при ближайшей революции, которая, быть может, ближе, чем нам кажется, мы (т. е. ты и я) будем иметь эту могучую машину в наших руках. Сравни с этим результаты усилий Мадзини и прочих в течение 30 лет! И притом без всяких денег! При интригах прудонистов во Франции, Мадзини в Италии, завистливых Оджера, Кримера и Поттера в Лондоне, со сторонниками Шульце-Делича и лассальянцами в Германии! Мы можем быть очень довольны!»

Маркс писал это после Лозаннского конгресса (1867 г.), после трех лет существования Интернационала, когда результаты последовательного, систематического руководства в духе марксизма начали уже сказываться.

Напряженно работая над «Капиталом», находясь в периоде наиболее плодотворной теоретической творческой работы, Маркс в то же время был организатором и практическим руководителем Интернационала. Он регулярно присутствовал на всех заседаниях Генерального совета. Среди протоколов Генерального совета есть листы, где отмечалось посещение заседаний. Из отметок видно, что Маркс не пропустил ни одного заседания. Все важнейшие документы Интернационала, обращения (адресы), воззвания, манифесты написаны Марксом. Из конгрессов Маркс присутствовал только на одном—на последнем конгрессе Интернационала в Гааге 1872 г. Но ни один конгресс не прошел без его непосредственного руководства: он вырабатывал порядок дня, писал доклады, давал инструкции и директивы по важнейшим вопросам. Маркс систематически, последовательно работал над тем, чтобы выяснить борющимся рабочим всю недостаточность тех всеисцеляющих «знахарских средств», которых они придерживались, и «сделать их головы более воспри-

имчивыми к основательному пониманию действительных условий освобождения рабочих» (Энгельс. Предисловие к «Коммунистическому манифесту»).

В письме от 13 марта 1865 г. Маркс писал Энгельсу: «В последнее время, не говоря уже о продолжающихся фурункулах, дьявольски завален работой; вчера, напр., я лег лишь в 4-м часу утра. Наряду с моей работой над книгой невероятно много времени отнимает у меня Международное товарищество, так как фактически я являюсь его руководителем. И что за потеря времени! (Как раз теперь, когда одновременно происходит история с французами, выборная кампания здесь и т. д.). Вот, например, французская кутерьма:

28 февраля. Приехали из Парижа Толен и Фрибур. Происходит заседание Центрального совета, пред которым они дают свои об'яснения и грызутся с Ле-Любе до 12 час. ночи. После этого еще ночное заседание в боллетеровском кабачке, где мне пришлось подписать около 200 карточек...

1 марта. Польский митинг.

4 марта. Заседание комиссии по французскому вопросу до часу ночи.

6 марта. Заседание комиссии по тому же поводу до часу ночи.

7 марта. Заседание Центрального совета до 12 ночи. Принятие решений...

Это заседание от 7 марта, на котором Ле-Любе потерпел полное поражение, было очень мучительно, бурно и произвело, в особенности на англичан, впечатление, что французы действительно нуждаются в Бонапарте! А тут еще беготня ко мне и от меня людей по поводу конференции с Брайтом и т. д., которая состоялась в субботу, 11 марта. Я написал о ней критический отчет Джонсу (он запрашивал меня об этом заранее, в пятницу) и поручил ему передать тебе это письмо.

Ну, тут уже ничего не поделаешь. Приходится говорить Б, раз сказал А».

Этот перечень заседаний относится к 1865 г., т. е. как раз к тому времени, когда Маркс усиленно работал над рукописью основной части «Капитала».

В первую половину существования Интернационала вопрос шел главным образом о том, чтобы выяснить самые основные условия освобождения рабочего класса, чего, собственно, следует добиваться, ту цель, к которой должен стремиться рабочий класс.

На конгрессах в Женеве (1866 г.), Лозанне (1867 г.), Брюсселе (1868 г.) шла дискуссия главным образом с прудонистами.

На Женевском конгрессе прудонисты выступали против стачек, против законодательного ограничения рабочего дня, против женского труда на фабриках (место женщины — у домашнего очага). При обсуждении предложенной Генеральным советом резолюции против русского царизма и за восстановление Польши прудонист Фрибур внес предложение, чтобы конгресс воздержался от голосования по «запутанному национальному вопросу», а ограничился общими фразами против деспотизма и т. д. После Женевского конгресса Маркс писал о прудонистах Кугельману:

«Я очень опасался за первый конгресс в Женеве. Но, вопреки моему ожиданию, он прошел в целом хорошо. Влияние во Франции, Англии и Америке совершенно неожиданно. Я не мог и не хотел поехать на конгресс, но написал программу лондонских делегатов. Я ограничил ее намеренно такими пунктами, на которых рабочим можно непосредственно согласиться и действовать совместно и которые дают потребностям классовой борьбы и организации рабочих в класс непосредственный материал и толчок к их развитию.

Господа парижане набили себе головы пустейшими прудонистскими фразами. Они болтают о науке, а сами ничего не знают. Они презрительно от-

носятся ко всякому революционному действию, т. е. вытекающему из самой классовой борьбы, ко всякому концентрированному общественному движению, т. е. такому, которое может быть проведено политическими средствами (как, напр., законодательное сокращение рабочего дня).

Под предлогом свободы и антигувернаментализма (отрицания всякого правительства), или индивидуализма, враждебного всяким авторитетам, эти господа, которые 16 лет так спокойно выносили и выносят самый позорный деспотизм, проповедуют на деле лишь прудонистски-идеализированное обыкновенное буржуазное хозяйство. Прудон принес громадный вред. Сначала его призрачная критика и его призрачное отличие от утопистов (сам он представляет из себя мелкобуржуазного утописта, тогда как в утопиях таких людей, как Фурье, Оуэн и т. д., есть предвосхищение и фантастическое изображение нового мира) — его лжекритика захватила и подкупила блестящую молодежь, студентов, потом рабочих, особенно парижских, которые, будучи заняты производством предметов роскоши, сильно тяготеют, сами того не сознавая, к старой пакости. Невежественные, тщеславные, претенциозные, болтливые, надутые ложным пафосом, они чуть было все не испортили, явившись на конгресс в таком большом количестве, которое совершенно не соответствовало числу их членов. В отчете, не называя их прямо, я им воздам должное.

Большую радость доставил мне происходивший одновременно американский рабочий конгресс в Балтиморе. Организация для борьбы против капитала служила там лозунгом, и, удивительное дело, большинство выработанных мною для Женевы требований было точно так же поставлено там благодаря верному инстинкту рабочих.

Движение за реформу в Англии, которое вызвал к жизни наш Центральный совет (в котором немалая доля и моего труда), принимает теперь все более и более крупные размеры и становится непреодолимым. Я все время держался за кулисами и не беспокоюсь больше об этом, раз дело пошло на лад» (Маркс—Кугельману от 9 октября 1866 г.).

Большое значение для роста влияния Интернационала имела практическая помощь, которую оказывал Генеральный совет стачкам,—этим «партизанским боям между капиталом и трудом». Правительства и пресса капиталистов изо всех сил стремились доказать, что стачки «вызваны не нищетой рабочих и не деспотизмом капиталистов, а тайными интригами» Интернационала (см. отчет Генерального совета Базельскому конгрессу). Рабочим же помощь Интернационала показывала, что рабочий класс, когда он организован, об'единен и руководство его организацией находится в руках людей, действительно отстаивающих его интересы, представляет собой непреодолимую, могучую силу.

Приведем несколько примеров помощи Интернационала.

В апреле—мае 1866 г. возгорелся конфликт подмастерьев-портных с мастерами в Лондоне:

«Дело шло не только о том, чтобы довести заработную плату портных до уровня других отраслей промышленности, соответственно повышению цен на все предметы первой необходимости, но также и о том, чтобы положить конец исключительно грубому обращению с рабочими в этой отрасли промышленности. Мастера старались помешать организации подмастерьев-портных посредством вербовки подмастерьев в Бельгии, Франции, Швейцарии... Секретари Генерального совета Международного товарищества рабочих опубликовали в бельгийских, французских и швейцарских газетах предостережение, которое имело полный успех. Маневр лондонских мастеров был пресечен, и они были вынуждены удовлетворить справедливые требования

своих рабочих» (Письмо Маркса немецким портным от 4 мая 1866 г. Лондон).

В апреле 1867 г. благодаря поддержке из разных стран, организованной Генеральным советом, рабочие-бронзовщики в Париже добились полного удовлетворения своих требований. В 1868 г. победой закончилась стачка строительных рабочих в Женеве. Бастовавшие рабочие получили денежную поддержку путем устроенных органами Интернационала в разных странах сборов; сборы среди рабочих давали большие суммы для поддержки борющихся товарищей по классу. В 1868—1869 гг. стачки становились все чаще, борьба обострялась и в ряде случаев конфликты (главным образом в Бельгии) сопровождались кровавыми событиями, зверскими избиениями стачечников.

Умело организованные Генеральным советом помощь и поддержка стачечников, систематическое освещение в рабочей печати их борьбы, осязательные успехи — все это поднимало дух рабочих, укрепляло в них уверенность в своих силах, показывало мощь организации.

В Бельгии борьба рабочих, руководимая Интернационалом, вызвала со стороны правительства и органов буржуазии бешеную кампанию травли и клеветы.

«Международное товарищество рабочих, — писал Маркс в статье «Бельгийские избиения», — не оказалось желанным гостем в Бельгии. Преданное анафеме духовенством, осыпанное клеветой в органах респектабельной прессы, оно вскоре оказалось на ножах с правительством. Последнее усердно пыталось от него избавиться, возложив на него ответственность за стачки углекопов в Шарлеруа в 1867—1868 гг., стачки, которые закончились, по неизменному бельгийскому правилу, официальными избиениями, а затем и судебным преследованием жертв. Но эта интрига не удалась. Товарищество предприняло активные шаги, благодаря которым рудокопы в Шарлеруа были признаны *невиновными*, а тем самым было признано виновным само правительство. Раздраженные этой неудачей, бельгийские министры излили свою злобу в яростных выступлениях в палате депутатов, возводя обвинения на *Международное товарищество рабочих* и торжественно заявляя, что они никогда не допустят, чтобы *всеобщий конгресс* Товарищества собрался в Брюсселе. Несмотря на их угрозы, конгресс состоялся именно в Брюсселе».

Подобные факты неизменно служили росту престижа и успехам Интернационала. К нему стало примыкать все больше организаций, в разных странах образовывались новые секции, в значительном количестве к Интернационалу примыкали и неорганизованные рабочие.

На Лондонской конференции 1871 г. Маркс говорил о громадном значении этого факта. Он указывал на то, что тредюнионы представляют собой аристократическое меньшинство среди английских рабочих того времени. Рабочие, пришедшие из деревни, долгое время в них не попадают, а сама обездоленная масса вовсе не состоит в тредюнионах. Крестьяне, поденные рабочие никогда не входят в эти общества. Интернационалу же удается оказывать воздействие и на неорганизованных рабочих. Интернационал — единственное общество, внушающее рабочим полное доверие.

Стремясь организовать массовую борьбу рабочего класса за его освобождение в Англии, потому что именно в этой стране дальше всего зашло капиталистическое развитие и больше всего созрели условия социалистической революции, — Маркс глубоко, во всех подробностях, изучал условия существования английского капитализма. Он пришел к выводу, что одной из главных причин слабости английского рабочего класса является порабощение Англией Ирландии и вообще та политика колониального грабежа, на которой основывается могущество Великобритании. 1 января 1870 г. Маркс разо-

слал конфиденциальный циркуляр, содержание которого он сжато излагает в письме З. Мейеру и А. Фогту от 9 апреля 1870 г.

Национальный вопрос Маркс и Энгельс решали на конкретном примере Польши и Ирландии: уничтожить угнетение и эксплоатацию одними нациями других наций; уничтожить раскол и вражду между пролетариатом разных национальностей; об'единить и сплотить рабочих всех наций в их общей борьбе против капитализма, за полное освобождение рабочего класса. Такова была программа I Интернационала—программа Маркса и Энгельса.

IV

Высшей точкой развития деятельности I Интернационала и высшим расцветом его могущества была Парижская коммуна. При всех ее ошибках — это был «величайший образец величайшего пролетарского движения XIX века» (Ленин «Уроки Коммуны». Т. XII, стр. 162).

Маркс принимал самое живое, самое непосредственное участие в борьбе Коммуны. Он переживал эту борьбу со всем свойственным ему пылом и страстью. Им было написано в связи с Коммуной, в интересах ее дела, «несколько сот писем во все концы света», где существовали секции Интернационала (Маркс—Франкелю и Варлену от 13 мая 1871 г.). Маркс вопреки всем препятствиям поддерживал довольно регулярные сношения с Парижем. Генеральный совет послал в Париж своего представителя — Серрайе. Связь с Коммуной поддерживалась через одного знакомого Маркса — купца, который по делам регулярно ездил во Францию; Маркс посылал через него членам Коммуны словесные, а иногда и письменные инструкции (Маркс—Бизли от 12 июня 1871 г.).

Когда же Коммуна потерпела поражение, Маркс, «не скрывая от пролетариата ни одной ошибки Коммуны, посвятил этому **подвигу** произведение, которое до сих пор служит лучшим руководством в борьбе за «небо» и самым страшным пугалом для либеральных и радикальных «**свиней**» (Ленин. Предисловие к русскому переводу писем Маркса Кугельману. 18 февраля 1907 г.).

В массовом революционном движении, хотя оно и не достигло цели, Маркс видел «исторический опыт», «практический шаг, более важный, чем сотни программ и рассуждений». «Чем бы ни кончилось дело непосредственно на этот раз, — писал Маркс Кугельману 17 апреля 1871 г., — новый исходный пункт всемирно-исторической важности все-таки завоеван». Маркс самым внимательным образом изучил этот исторический опыт, проанализировал его, извлек из него уроки тактики, учел то новое, что было создано историческим творчеством масс. В результате появилось одно из гениальнейших произведений Маркса — «Гражданская война во Франции». Оно было напечатано в июне 1871 г. как и «Манифест» Интернационала.

Здесь следует сказать, что Маркс должен был написать «Манифест» Интернационала, т. е. сжатое, краткое воззвание; но, изучая Коммуну, Маркс собрал материал для большой книги. Он набросал эту книгу, опубликовать же ему пришлось только два листа. Остальное осталось лежать подспудом. И только теперь вся работа в целом (все выписки из газет и все наброски) будет опубликована в выходящем из печати III томе «Архива Маркса и Энгельса».

Наброски Маркса нельзя назвать черновиками: изложение в них блестящее. Все мысли набросков переданы в опубликованной брошюре, но иногда в сильно сжатом виде; в набросках многое изложено подробнее.

Приведем несколько примеров.

В «Гражданской войне во Франции» мы читаем: «Рабочий класс не требовал чудес от Коммуны. Он не думает осуществлять посредством народного

решения готовых и законченных утопий. Он знает, что для того, чтобы добиться своего освобождения и достигнуть той высшей формы жизни, к которой неудержимо стремится современное общество в силу собственного своего экономического развития, ему придется выдержать упорную борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и людей и обстоятельства».

Этому месту соответствуют в набросках следующие страницы. Маркс пишет об утопиях и утопистах:

«Все социалисты—основатели сект—принадлежат к тому периоду, когда ни рабочий класс не был еще достаточно вышколен и организован ходом развития самого капиталистического общества, чтобы выступить исторически действующим лицом на мировую арену, ни материальные условия его освобождения не созрели в достаточной мере в недрах самого старого мира. Нищета рабочего класса существовала, но условия для его собственного движения еще не существовали. Утописты, основатели сект, ясно начертав в своей критике современного общества цель социального движения — отмену системы наемного труда со всеми экономическими условиями классового господства, — не нашли ни в самом обществе материальных условий его преобразования, ни в рабочем классе организованной силы и понимания движения. Отсутствие исторических условий движения они старались возместить фантастическими картинами и планами нового общества, в пропаганде которого они усматривали верное средство спасения. С того момента, как движение рабочего класса стало действительностью, фантастические утопии исчезли не потому, что рабочий класс отказался от цели, к которой стремились эти утописты, а потому, что он нашел действительные средства для ее осуществления, потому что место фантазии заняло действительное понимание исторических условий движения и все большее собирание сил боевой организации рабочего класса. Но две конечные цели движения, провозглашенные утопистами, являются и конечными целями, провозглашенными парижской революцией и Интернационалом. Только средства различны, и реальные условия движения не скрываются больше в тумане утопических басен. И потому эти друзья — покровители пролетариата, превратно толкующие громко провозглашенные социалистические тенденции нынешней революции, — являются лишь жертвами своего собственного невежества. Парижский пролетариат невиноват в том, что для них утопические создания пророков рабочего движения все еще являются «социальной революцией», т. е. если социальная революция для них все еще «утопична» («Архив Маркса и Энгельса». Т. III (VIII), стр. 349—351). Сюда же относится и следующее место: «Рабочий класс знает, что он должен пройти через различные стадии классовой борьбы. Он знает, что замена экономических условий рабства труда условиями свободного и об'единенного товарищеского труда (associated labour) может быть только последовательным делом времени, что экономическое преобразование, которого он требует, является не только изменением распределения, но и новой организацией производства, или, вернее, является освобождением общественных форм производства в нынешней организации труда (порожденной современной промышленностью) из пут рабства, освобождением от их нынешнего классового характера и их гармоничной национальной и интернациональной координацией. Он знает, что эта работа возрождения будет снова и снова замедляться и задерживаться сопротивлением старых интересов и классовых эгоизмов. Он знает, что нынешнее «стихийное действие естественных законов капитала и земельной собственности» может быть заменено «стихийным действием законов социальной экономики свободного и ассоциированного труда» только в результате длительного процесса развития новых условий, как было в свое время заменено «стихийное действие экономических законов рабства» и «стихийное действие

экономических законов крепостничества». Но рабочий класс знает в то же время, что огромные шаги на этом пути могут быть сделаны сразу же благодаря коммунальной форме политической организации и что для него настало время начать это движение в своих собственных интересах и в интересах человечества» («Архив Маркса и Энгельса». Т. III (VIII), стр. 333—335).

Приведем еще одно место из опубликованного текста: «Когда Парижская коммуна взяла руководство революцией в свои руки; когда простые рабочие впервые осмелились посягнуть на привилегию своего «естественного начальства», именно на привилегию управления, и стали в неслыханно тяжелых условиях выполнять свою работу скромно, добросовестно и успешно, — выполнять за вознаграждение, высший размер которого, по словам одного известного авторитета в науке, не превышал пятой части того, что является минимумом для оплаты секретаря лондонского школьного члена совета, — тогда старый мир скорчило от бешенства при виде красного знамени, символа республики труда, развевающегося над городской ратушей» («Гражданская война во Франции». «Архив Маркса и Энгельса». Т. III, стр. 49—51).

Соответственное место в набросках выглядит так: «В том, что рабочие Парижа взяли на себя инициативу нынешней революции и с геройской самоотверженностью несут всю тяжесть борьбы, — нет ничего нового. Это поразительная черта всех французских революций! Это лишь повторение прошлого! Что революция произведена от имени и открыто в интересах народных масс, т. е. производящих масс, — эту черту настоящая революция разделяет со всеми своими предшественницами. Новое заключается в том, что народ не разоружился после первого восстания и не отдал своей власти республиканским шутам господствующих классов, что, учредив Коммуну, он взял в собственные руки действительное руководство своей революцией и нашел в то же время средство, в случае успеха, удержать это руководство в руках самого народа, заменив государственную машину, правительственную машину господствующих классов, своей собственной правительственной машиной. Вот в чем его неслыханное преступление! Рабочие посягают на привилегию управления государством, привилегию, которая находится в руках «верхних десяти тысяч», и заявляют о своем желании разрушить экономическую основу классового деспотизма, который, в своих собственных интересах, распоряжался организованной государственной силой общества! Вот что повергло в бешеное исступление респектабельные классы в Европе и в Соединенных штатах, вот чем об'ясняются их негодующие вопли о святотатстве, их яростные призывы к кровавой расправе с народом, площадная ругань и клевета с их парламентских трибун и в их лакейской прессе» («Архив Маркса и Энгельса». Т. III (VIII), стр. 347—349).

Эти два примера показывают достаточно ясно, сколько ценного содержат в себе неопубликованные наброски Маркса к «Гражданской войне во Франции» Таких примеров можно было бы привести чрезвычайно много. По вопросу об отношении пролетариата к мелкой буржуазии, о его политике по отношению к крестьянству, по вопросу о национализме и шовинизме и т. д. многое в набросках дополняет и развивает опубликованный текст.

(Окончание следует).

ИМЭЛ приступил к изданию серии протоколов конгрессов и конференций Первого Интернационала.

Эти протоколы дают исключительно ценный материал для изучения работы Первого Интернационала, вождями и организаторами которого были Маркс и Энгельс. В раздел приложений к каждому тому протоколов включаются материалы (в значительной части публикуемые впервые) из архива Первого Интернационала, а также ряд неопубликованных рукописей Маркса и Энгельса.

В ближайшие дни выходит из печати один из томов этой серии — Протоколы Базельского конгресса Первого Интернационала (1869). Ниже публикуется извлеченный из этих протоколов ДОКЛАД ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА ПЕРВОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА по вопросу о праве наследования. Доклад был написан Марксом для Базельского конгресса и оглашен на конгрессе.

ИНСТИТУТ МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА—ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП(б)

Карл Маркс

Доклад Генерального совета о праве наследования

1. Право наследования имеет социальное значение лишь постольку, поскольку оно оставляет за наследником ту власть, которой покойный обладал при жизни, а именно власть при помощи своей собственности присваивать продукты чужого труда. Например, земля дает землевладельцу при жизни власть под титулом ренты присваивать без всякой компенсации плоды чужого труда. Капитал дает ему власть делать то же самое под титулом прибыли и процента. Собственность на ценные бумаги дает ему возможность жить, не трудясь, плодами чужого труда и т. д.

Наследование не создает этой возможности перекладывать плоды труда одного человека в карман другого—оно касается лишь смены лиц, обладающих этой возможностью. Как и все гражданское право вообще, законы о наследовании являются не причиной, а следствием, юридическим выводом из существующей экономической организации общества, которая основана на частной собственности на средства производства, т. е. на землю, сырье, машины и пр. Точно так же право передавать рабов по наследству не есть причина рабства, а, наоборот, рабство есть причина перехода рабов по наследству.

2. Нам надлежит бороться с причиной, а не со следствием, с экономическим базисом—а не с его юридической надстройкой. Предположим, что средства производства из источника частного благосостояния превратились в источник общественного благосостояния; тогда право наследования (поскольку оно имеет какое-либо социальное значение) отомрет само собою, ибо человек оставляет после своей смерти лишь то, чем он владел при жизни. Поэтому наша великая цель

должна заключаться в уничтожении тех институтов, которые дают некоторым людям в течение их жизни экономическую власть присваивать плоды труда многих. Там, где общество находится на достаточном уровне развития, а рабочий класс обладает достаточной силой, чтобы упразднить такого рода институты, он должен сделать это прямым путем. Например, аннулируя государственный долг, можно, разумеется, вместе с тем избавиться от перехода облигаций по наследству. С другой стороны, не обладая достаточной властью, чтобы аннулировать государственный долг, было бы глупо пытаться отменить право наследования в отношении облигаций.

Исчезновение права наследования будет естественным результатом того социального переустройства, которое упразднит частную собственность на средства производства; но отмена права наследования никогда не может стать отправной точкой такого социального преобразования.

3. Одна из крупных ошибок, сделанных лет 40 тому назад учениками Сен-Симона, заключалась в том, что они рассматривали право наследования не как юридическое следствие, а как экономическую причину нынешней организации общества. Это нисколько не помешало им увековечить в своей социальной системе частную собственность на землю и другие средства производства. Они не сомневались в том, что возможны выборные и пожизненные собственники,—подобно тому, как существовали выборные короли.

Признать отмену права наследования отправной точкой социальной революции означало бы только отвлечь рабочий класс от той позиции, с которой действительно следует повести атаку на современное общество. Это было бы так же нелепо, как отменять договорное право между покупателем и продавцом, сохраняя нынешний порядок обмена товарами.

Это было бы ошибочно теоретически и реакционно на практике.

4. Рассматривая законы наследования, мы неизбежно предполагаем, что частная собственность на средства производства продолжает существовать. Если бы частная собственность уже не существовала при жизни людей, она не могла бы передаваться ими и от них после их смерти. Поэтому все мероприятия, касающиеся права наследования, могут относиться только к переходному состоянию общества, когда, с одной стороны, нынешняя экономическая основа общества еще не преобразована, а с другой стороны, рабочие массы накопили достаточно сил, чтобы заставить принять переходные мероприятия, рассчитанные на то, чтобы произвести в конце концов радикальное переустройство общества.

Рассматриваемое с этой точки зрения изменение законов о наследовании составляет лишь одно из многочисленных других переходных мероприятий, которые все ведут к той же цели.

Такими переходными мероприятиями в отношении законов о наследовании могут быть только:

а) более широкое применение уже существующих во многих государствах налогов на наследство и обращение получаемых этим путем средств на цели социального освобождения;

б) ограничение права наследования по завещанию, которое — в отличие от права наследования без завещания, или семейного права наследования — представляется произвольным и суеверным преувеличением самого принципа частной собственности.

Из истории борьбы Маркса за пролетарскую партию

I

Вся деятельность Маркса в Первом Интернационале была подчинена задаче подготовки пролетарской революции. Маркс строил Интернационал как международную партию рабочего класса, призванную организовать пролетариат и поднять его от «партизанских схваток» с капиталом к революционной войне по всему фронту, войне за низвержение буржуазии, за установление пролетарской диктатуры, за уничтожение классов.

Маркс и Энгельс полагали, что на долю Первого Интернационала выпадет и собирание сил рабочего класса и непосредственное руководство пролетариатом в предстоящих революционных боях за власть. «Когда наступит революция, которая, возможно, ближе, чем это кажется,— писал Маркс Энгельсу в 1867 г.,—то в наших руках, т. е. у тебя и у меня, будет эта могучая машина» [1]. Местонахождение в Лондоне Генерального совета — главного рычага этой машины — Маркс мотивировал в первую очередь тем, что именно в Лондоне руководство Интернационала в решающий момент окажется в центре международной пролетарской революции.

Как известно, в вопрос о сроках история внесла свои коррективы. Но только тупицы или фальсификаторы способны изображать дело так, будто тем самым ставится под сомнение правильность политики Маркса и Энгельса в Первом Интернационале. Напротив, вся линия марксова руководства Интернационалом целиком и полностью оправдана историей. Только этому руководству, только твердому и неуклонному курсу Маркса и Энгельса на пролетарскую революцию, только их гениальной революционной стратегии и тактике Первый Интернационал обязан тем, что ему удалось, по словам Ленина, «заложить фундамент международной организации рабочих для подготовки их революционного натиска на капитал» [2].

Маркс не питал ни малейших иллюзий насчет того уровня, на котором находился к тому времени пролетариат и рабочее движение. Что означало в условиях 60-х годов прошлого века построить международную массовую партию пролетариата? Это, прежде всего, означало направить в общее русло Интернационала различные потоки рабочего движения отдельных стран, отражавшие всю пестроту идейно-политического развития тогдашнего пролетариата. Международное Товарищество Рабочих, писал Энгельс, должно было «об'единить в одну великую армию все боеспособные силы рабочего класса Европы и Америки... Оно должно было иметь такую программу, которая не закрывала бы дверей английским тред-юнионам, французским, бельгийским, итальянским и испанским прудонистам и немецким лассальянцам» [3].

Маркс и Энгельс сознательно шли на то, что состав Интернационала на первых порах будет чрезвычайно разнородным. Но только заведомые фальсификаторы марксизма из рядов социал-демократии способны толковать политику Маркса как политику «примирения» различных течений в лоне Интернационала. Напротив, политика Маркса в Первом Интернационале означала не примирение, а борьбу; она состояла в терпеливом раз'яснении рабочим, на основе их собственного опыта, единственно верных путей борьбы, и тем самым вела к разоблачению всех антипролетарских течений в Интернационале; она подразумевала настойчивую работу по завоеванию масс, постепенную изоляцию сектантских вождей и, в конечном счете, их полное вытеснение из Интернационала.

---

[1] Маркс. Избранные произведения. Т. II, стр. 480.
[2] Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 247.
[3] Маркс. Избранные произведения. Т. I, стр. 149.

Ко времени Базельского конгресса, четвертого по счету конгресса Интернационала, Маркс добился на этом пути больших успехов. Общая политическая обстановка была крайне благоприятна для развития Интернационала. Вторая половина 60-х годов была периодом войн и революционных потрясений во всех концах тогдашнего «цивилизованного мира». В Англии пролетариат как класс впервые со времен борьбы за хартию выступил против буржуазии на политической арене и добился частичных успехов, которыми не в малой доле был обязан помощи Интернационала. Во Франции Вторая империя на всех парах шла навстречу своему политическому и военному краху и, стало быть, навстречу новой революции; не даром Маркс писал Кугельману (весной 1869 г.) о предстоящей во Франции «новой революционной борьбе» и радовался тому, что там «снова кипит весь котел у чародейки-истории»[1]. В Германии и в Италии в ходе обостренной классовой борьбы решался главный (для этих двух стран) вопрос буржуазно-демократической революции — вопрос о национальном об'единении; в Эйзенахе в августе 1869 г. была основана первая социал-демократическая партия. Испания находилась в состоянии глубокого брожения, и 1868 год ознаменовался свержением Бурбонов — одним из многочисленных этапов буржуазной революции в этой стране. Австрия еще не оправилась от потрясения, вызванного ее разгромом в войне 1866 г. В Соединенных штатах, на почве, которая была расчищена победой северян в гражданской войне, начинался бурный под'ем капитализма и быстро развивалось рабочее движение.

В 1867—1869 гг. по Западной Европе прошла волна стачек, нередко сопровождавшихся столкновениями с войсками и полицией. Интернационал принял активное участие в стачечном движении, что в гигантской степени содействовало росту его авторитета в пролетарских массах и в то же время вызвало изрядную тревогу в лагере буржуазии. Эта тревога сказалась, с одной стороны, в обострении полицейского террора, а с другой — в усиленных попытках радикальных буржуа заигрывать с рабочим движением. «Нет ничего более комичного, — писал Энгельс Лесснеру в апреле 1869 г., — чем кисло-сладкие комплименты, которые они вынуждены делать социальному движению, в то время как они отлично знают, что в один прекрасный день это социальное движение повергнет их в прах». В том же письме Энгельс дает общую оценку международного положения. Во всем мире налицо «обострение противоречий между трудом и капиталом и более ожесточенная классовая борьба». Констатируя это, Энгельс пишет: «Дело идет лучше, чем когда бы то ни было...»[2]. Действительно, 1869 год — год бурного под'ема международного рабочего движения, год небывалого численного роста приверженцев Интернационала во всех важнейших европейских странах.

Но не только этим численным ростом об'ясняется то особое место, которое занимает Базельский конгресс 1869 г. в истории Первого Интернационала. Для правильной оценки значения этого конгресса необходимо его рассматривать в связи со всей той борьбой, которая велась в рядах Интернационала **до** и **после** конгресса и которая нашла яркое отражение в ходе самого конгресса.

Главным действующим лицом в этой борьбе был **Маркс**. Он был, без сомнения, и центральной фигурой Базельского конгресса, хотя не присутствовал на самом конгрессе.

Маркс непосредственно руководил всей подготовкой конгресса. На ряде заседаний Генерального совета в июне — августе 1869 г. обсуждались вопросы порядка дня предстоявшего конгресса. В своих выступлениях в Совете Маркс развернул свою позицию по всем этим вопросам и тем самым обосновал линию Генерального совета на конгрессе. Одновременно Маркс вел пе-

[1] **Маркс**. Письма к Кугельману. Изд. 1928 г., стр. 63.
[2] Письмо войдет в XXVI том Сочинений.

реписку по тем же вопросам с рядом деятелей Интернационала, в том числе с Либкнехтом и Де Папом. Ближайшие сотрудники Маркса по Генеральному совету перед своей поездкой в Базель получили, таким образом, от Маркса отчетливые политические директивы, которые они в меру сил и уменья проводили на конгрессе.

Перу Маркса принадлежит, далее, блестящий отчет Генерального совета конгрессу; оглашение этого отчета в Базеле произвело огромное впечатление и, по словам Лесснера, «то и дело прерывалось бурей одобрений». Наконец, уже во время хода конгресса, Маркс прислал Юнгу, который председательствовал на конгрессе, и другие материалы, в том числе доклад о праве наследования. Получив эти материалы, Юнг заявил своим товарищам по делегации Генерального совета: «теперь мы во всеоружии» [1].

II

Одним из основных вопросов конгресса был вопрос о земельной собственности.

Этот вопрос уже не впервые подымался на конгрессах Интернационала. Он вызвал споры в Лозанне в 1867 г. и был подвергнут специальному обсуждению в Брюсселе в 1868 г.; Брюссельский конгресс 34 голосами из 64 постановил, что «экономическое развитие современного общества создает общественную потребность перехода пахотной земли во владение общества» и «сдачи земли от имени государства сельскохозяйственным товариществам на условиях, которые обеспечат ее рациональную обработку».

Прудонисты, сторонники частной собственности, оставшиеся в Брюсселе в меньшинстве, высказывали резкое недовольство тем, что земельный вопрос не был обсужден «всесторонне», и после конгресса не раз возобновляли атаку против принятой резолюции. Маркс вновь поставил этот вопрос в порядок дня очередного конгресса, имея в виду в Базеле окончательно рассчитаться с прудонистами и решительно подчеркнуть пролетарски-социалистический характер Интернационала.

Со своей стороны прудонисты тоже готовились к наступлению. «Индивидуалисты,— писал Де Пап Марксу 9 июня 1869 г.,— хотят взять реванш за постановление Брюссельского конгресса, и я очень боюсь, что если на этот раз коллективисты будут поддержаны только брюссельским и руанским докладами, то конгресс будет застигнут врасплох и откажется от выводов, утвержденных в Брюсселе».

Опасения Де Папа оказались преувеличенными. Сторонникам Маркса удалось по вопросу о земельной собственности сплотить вокруг себя огромное большинство делегатов. Противниками обобществления земли выступала только небольшая группа французских прудонистов старого толка (Толен, Шемале, Мюра, Ланглуа, Фрюно). Их аргументы сводились к вульгарной апологетике мелкой собственности и к злобным выпадам против коммунизма.

Толен и Шемале встретили резкий отпор со стороны большинства выступавших в прениях. Конгрессом была принята резолюция, которая признала, что «общество имеет право упразднить частную собственность на землю и превратить ее в общественную собственность» и что «это превращение является необходимостью».

Базельское постановление по земельному вопросу наносило сокрушительный удар буржуазным элементам в Интернационале. Как бы ни была расплывчата по своей формулировке принятая резолюция (что вполне соответствовало составу того весьма пестрого большинства, которое об'единилось на ее почве), она не случайно произвела огромное впечатление и в пролетарской и в буржуазной среде: и там и тут понимали, что речь идет не о догматиче-

[1] Письмо Лесснера Марксу от 8 сентября 1869 г.

ском споре и не о невинной реформе. Базельские решения были вдохновлены Марксом, который еще в 1850 г. заявил: «только падение капитала может поднять крестьян, только антикапиталистическое рабочее правительство может положить конец их экономической нищете и общественной деградации» [1]. Маркс ставил перед Интернационалом вопрос о земле как составную часть вопроса о пролетарской революции. Для того чтобы «поднять крестьян», необходима диктатура рабочего класса; но, для того чтобы завоевать эту диктатуру, необходимо сомкнуть пролетарскую революцию с крестьянской войной.

В речах делегатов Генерального совета в Базеле, несмотря на всю политическую и теоретическую незрелость этих людей, явственно звучат прямые указания Маркса и сказывается та работа, которая была им проделана накануне конгресса. Примером может послужить речь Лекрафта, который требовал, чтобы земля перешла в руки нации, чтобы она стала «собственностью государства и обрабатывалась государством на пользу всему обществу — не под руководством привилегированного меньшинства». Лекрафт решительно выступает против увековечения мелкой собственности; он стоит за то, чтобы «земля обрабатывалась в крупном масштабе с использованием всех сберегающих труд машин, которые только можно применить», и чтобы «наука работала ко всеобщей выгоде». Далее Лекрафт говорит о том, что «рабочий класс должен овладеть политической властью, превратить парламент в рабочий парламент», и только при этом условии будет действительно осуществлен переход земли в руки народа. На преимуществах крупного сельского хозяйства перед мелким настаивают также Лесснер и Эккариус. «В настоящее время, — поясняет Лесснер, — вся выгода, которую приносит крупное сельское хозяйство, попадает в карман немногих. Наука решила вопрос и решила его в пользу общественной собственности».

Базельская резолюция по земельному вопросу имела большое значение для рабочего движения в Англии и Германии; она привела и к известному усилению позиций Интернационала в ряде стран с преобладанием крестьянского хозяйства. В развитие этой резолюции Маркс написал, по просьбе Эппльгарта, свой гениальный набросок о национализации земли, который начинался словами: «Земельная собственность — первоначальный источник всякого богатства — стала великой проблемой, от решения которой зависит будущее рабочего класса».

С тех пор как были написаны эти строки, пролетариат прошел гигантский путь; его революционная теория, обогащенная опытом десятилетий, поднялась в ленинизме на новую, высшую ступень. Богатейший опыт Первого Интернационала, как и все великое наследство Маркса, получил свое дальнейшее развитие в теории и практике большевизма, в работах Ленина и Сталина. Это относится и к урокам борьбы, которая велась в рядах Первого Интернационала по вопросу о земельной собственности. Прямой путь ведет от борьбы Маркса и Энгельса против реакционных идеологов мелкой собственности — прудонистов — к борьбе Ленина и Сталина против реакционных утопий народничества, против либерально-буржуазных рецептов меньшевика Маслова, против оппортунистических — троцкистских и правокапитулянтских — извращений марксизма в послеоктябрьский период. Без этой последовательной и упорной борьбы на протяжении семи десятилетий была бы немыслима великая победа колхозного строя в советской деревне и тем самым немыслима окончательная победа над капитализмом, которая под гениальным руководством товарища Сталина одержана в нашей стране.

[1] Маркс и Энгельс. Сочинения. Т. VIII.

III

Борьба вокруг аграрной резолюции Базельского конгресса была последней серьезной схваткой марксизма с прудонизмом. После нее прудонизм в его старой форме был мертв. На заседаниях Генерального совета, предшествовавших конгрессу, Маркс еще счел нужным резко выступить против «сторонников мелкого фермерства, представляющих идеи крестьян-собственников» [1]. Но к тому времени прудонизм уже потерял почву под ногами даже в своей метрополии — в Париже. «Большинство парижских рабочих высказывается в пользу общественной собственности на землю», — заявил Юнг в Генеральном совете после своего возвращения из Базеля; «делегаты, подавшие голос против, не выражают настоящего мнения [парижских рабочих]».

Провал «индивидуалистов» в Базеле свидетельствовал о том, что отходит в прошлое целая полоса истории Интернационала. В течение всего первого периода (1864—1869) этой истории главным вопросом, по которому проходил основной водораздел в Интернационале, был вопрос о цели пролетарского движения; на конгрессах этого периода спорили о собственности, т. е. по сути дела о социализме. Главным и наиболее воинственным противником марксизма в Интернационале был в течение этого периода прудонизм, охарактеризованный еще в «Манифесте коммунистической партии» как «буржуазный социализм». В противовес пролетарскому социализму Маркса «господа парижане» защищали «прудонистски-идеализированное обыкновенное буржуазное хозяйство» [2]. В этой борьбе между пролетарским и буржуазным социализмом Маркс одержал ко времени Базельского конгресса блестящую победу. С этого момента в Интернационале было немыслимо серьезное выступление против марксизма под флагом открытой защиты частной собственности. Старый спор об «индивидуализме» и «коллективизме» потерял свою остроту. Отныне всякая сколько-нибудь внушительная оппозиция против руководимого Марксом Генерального совета могла выступать в Интернационале только под прикрытием революционной и социалистической фразеологии. Так оно и произошло на деле: на смену прудонизму пришел бакунизм.

Прудонизм отражал настроения консервативного мелкого собственника, суеверно цеплявшегося за свой клочок земли или за свой ремесленный верстак и еще не потерявшего надежды спастись на путях «взаимопомощи» и «кредита». Бакунизм отражал отчаяние того же мелкого собственника, уже попавшего в тиски пауперизации, неспособного подняться на уровень организованной революционной борьбы и поэтому легко поддающегося влиянию громких мнимореволюционных фраз. Реакционный утопизм Прудона и «левое» кликушество Бакунина уходят корнями в одну и ту же классовую подпочву. Бакунизм — один из классических образцов мелкобуржуазного революционаризма.

Именно в период между Брюссельским и Базельским конгрессами Бакунин энергично развернул конспиративную борьбу в рядах Интернационала, подготовляя открытое выступление против Маркса и марксизма. Бакунин задался целью захватить руководство Интернационалом и навязать ему свою анархистскую программу. Он противопоставил учению Маркса свою собственную «теорию», которую он сам определил как очищенный и реформированный прудонизм. Действительно, бакунинское учение представляло собой «смесь из прудонизма и коммунизма», «понадерганную отовсюду мешанину»,

---

[1] См. отчет в «Beehive», где имя Маркса не названо. В конспекте Постгейта это место звучит определеннее. «Маркс утверждает, что прудонисты являются представителями мелкого крестьянства» («Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». Т. III, стр. 320).

[2] Маркс. Избранные произведения. Т. II, стр. 478—479.

в которой «главной догмой (по-прудонистски) выставляется воздержание от участия в политике»[1]. Увенчанием этой «теории» была знаменитая «социальная ликвидация»; эта «социальная ликвидация» должна была одним ударом уничтожить капитализм и государство, водворив на их развалинах «анархию юридическую и политическую».

По замыслу Бакунина, созданная им тайная организация, Альянс социалистической демократии, должна была в результате своей заговорщической деятельности захватить «незримую диктатуру» — сначала в рядах Интернационала, а затем и во всем мире — и возвестить пришествие «социальной ликвидации». Попытка Бакунина в декабре 1868 г. легализовать Альянс как особое интернациональное общество внутри Международного товарищества встретила решительный отпор со стороны Маркса. Согласившись по требованию Генерального совета на роспуск Альянса, Бакунин не только сохранил Альянс как тайное общество, но и стал лихорадочно укреплять, собирая силы для открытого удара против Генерального совета.

Ареной для этой первой атаки Бакунин наметил Базельский конгресс. Для этого он поставил себе целью прежде всего стянуть в Базель как можно больше своих приверженцев, чтобы любой ценой получить большинство на конгрессе. «Они (альянсисты) сделали все, чтобы отвести мою кандидатуру в Базель, — писал Юнгу женевец Перре, — и кандидатуру Гросле на тоже... Их маневр состоял в том, чтобы послать в Базель исключительно членов Альянса: Генга, Броссе, Бакунина». «Я написал во все места, написал абсолютно всем нашим друзьям, предлагая им встретиться в сентябре, — сообщал Бакунин 29 июля одному из своих главных сподвижников, Ришару. — Вы должны постараться быть многочисленными, так как немцы лезут из кожи вон»... «Все то, что можно было сделать, сделано в полной мере. Горе немцам, которые, судя по слухам, собираются на конгресс, чтобы потягаться с нами». Говоря о «немцах», Бакунин подразумевал, конечно, Маркса и его ближайших сторонников.

Вся эта возня, несмотря на ее сугубо конспиративный характер, не могла остаться незамеченной в Лондоне. Маркс еще не имел на руках доказательств существования тайного Альянса, но не сомневался насчет действительных намерений Бакунина. «Сам Беккер не опасен, — писал Маркс Энгельсу 27 июля 1869 г., — но его секретарь Реми, как нам сообщают из Швейцарии, навязан ему Бакуниным и является орудием Бакунина. Этот русский хочет, повидимому, стать диктатором европейского рабочего движения. Пусть он поостережется, иначе он будет официально исключен». «Что за этим скрывается жирный Бакунин,— отвечал Энгельс,— вполне ясно... Этот проклятый русский и в самом деле думает пробраться при помощи интриг к руководству рабочим движением».

Надежды, которые Альянс возлагал на сентябрьский конгресс, не оправдались. В Базеле Бакунин еще не отважился выступить с открытым забралом и поставить ребром вопрос о политической линии, о составе, о местопребывании Генерального совета. Но Бакунин все же попытался — и не вполне безуспешно — противопоставить по ряду вопросов свою позицию позиции Маркса и дезорганизовать то разнородное большинство конгресса, которое возглавлялось делегатами Генерального совета.

В земельном вопросе альянсисты поддерживали большинство. Но, выступая как бы единым фронтом с Генеральным советом против прудонистов, Бакунин уже в прениях по вопросу о земле возвестил, что все дело в «социальной ликвидации», под которой «он подразумевает упразднение полити-

---

[1] Маркс. Избранные произведения. Т. II, стр. 483—484, письмо Энгельса Куно от 24 января 1872 г.; там же, стр. 482, письмо Маркса Больте от 23 ноября 1871 г.

ческого и юридического государства». Свою поддержку резолюции большинства Бакунин мотивировал тем, что обобществление земли предполагает якобы «организацию общества снизу вверх», между тем как меньшинство комиссии «все еще говорит о государстве»...

Этот выпад не остался без ответа. Перчатку поднял Эккариус, который, полемизируя с Бакуниным, подчеркнул решающую роль пролетарского государства, без которого лозунг обобществления земли останется пустой фразой. Эккариус указал и на внутреннюю связь между прудонизмом и бакунизмом: «Бакунин в своих беседах с французами заразился, очевидно, их боязнью государства... Государство нельзя переделать, если держаться в стороне от него, и социальное преобразование должно быть произведено посредством той власти, которой рабочий класс сможет овладеть в государстве».

IV

За этой первой стычкой последовал главный задуманный Бакуниным удар — дискуссия о праве наследования.

Сенсимонистский тезис о праве наследования давно составлял одну из самых излюбленных «идей» Бакунина. Во всех вариантах его деклараций, программ и катехизисов этот вопрос занимает одно из центральных мест. Бакунин настаивал на том, что отмена права наследования законодательным путем, в рамках буржуазного государства, станет исходным моментом социалистической революции. Вот почему этот пункт бакунинской программы был намечен Альянсом как предмет генерального сражения в Базеле. Кроме того Бакуниным в этом выборе руководили и чисто тактические соображения.

Предложение поставить этот вопрос в порядок дня конгресса исходило от женевской секции Товарищества и было, разумеется, инспирировано Бакуниным. Уже при предварительном обсуждении вопроса в Генеральном совете Маркс выступил (20 июля 1869 г.) с подробным разбором бакунинского проекта. Маркс без труда разоблачил махровый реформизм, скрытый под мнимой революционностью этого предложения: «такой парламент, — говорил Маркс, — который захочет отменить право наследования и будет обладать достаточной властью, чтобы этого добиться, сможет равным образом провести и экспроприацию».

Маркс не решился доверить Юнгу и Эккариусу самостоятельное изложение на конгрессе позиции Генерального совета по этому вопросу. Маркс снабдил их докладом, который был оглашен на Базельском конгрессе от имени Совета и в котором бакунинская панацея была подвергнута уничтожающей критике. «Как и все гражданское право вообще, — говорит Маркс в этом документе, — законы о наследовании являются не причиной, а следствием, юридическим выводом из существующей экономической организации общества, которое основано на частной собственности на средства производства... Нам надлежит бороться с причиной, а не со следствием, с экономическим базисом, а не с его юридической надстройкой... Признать отмену права наследования отправной точкой социальной революции значило бы отвлечь рабочий класс от той позиции, с которой действительно следует повести атаку на современное общество... Это было бы ошибочно теоретически и реакционно на практике».

Контраргументация Бакунина, которую он выдвинул в защиту своего проекта, красноречиво свидетельствует о том, что он сознательно ставил ставку не только на своих сторонников, но и на крайнее правое крыло конгресса. В бакунинской речи о праве наследования — ни слова о «социальной ликвидации»; зато Бакунин изо всех сил подчеркивает, что в отличие от марксистов, связывающих решение этого вопроса с революцией и

экспроприацией, «он и его друзья, предлагая отмену права наследования, руководятся прежде всего именно практическими соображениями». В этой отмене он видит способ осуществить обобществление земли мирным путем, не отпугивая мелкого собственника угрозой экспроприации, «постепенно передавая участки земли в распоряжение общества после смерти их нынешних владельцев»...

Эти маневры Бакунина при отсутствии на конгрессе достаточно твердой и теоретически вооруженной марксистской группы не могли не сказаться в прениях и при голосовании резолюции. Позицию Маркса пытался поддержать в прениях один Де Пап, заявивший, что «источник зла кроется в делении людей на капиталистов и наемных тружеников. Как положить конец такому разделению, — вот та задача, которую надо разрешить». Де Пап сумел, следуя за Марксом, подчеркнуть оппортунистический характер бакунинского рецепта: «противники права наследования рассчитывают на возможность соглашения между капиталистами и рабочим классом», между тем как в большинстве стран «пролетариату придется последовать примеру буржуазии и применить насилие»[1].

Применный список голосовавших свидетельствует о немалой растерянности значительного числа делегатов: многие голосовали против обеих резолюций, некоторые воздержались — даже Де Пап не голосовал за резолюцию Генерального совета. Предложение комиссии собрало больше голосов чем предложение Генерального совета, но не получило абсолютного большинства. Оба предложения оказались отвергнутыми, и конгресс не вынес никакой резолюции о праве наследования.

Первая демонстративная вылазка Бакунина не увенчалась победой. Но в то же время она показала, что бакунизм стал серьезнейшей угрозой для дальнейшего развития Интернационала. По словам Маркса, базельская схватка была «сигналом к открытой и непрерывной войне, которую Альянс вел не только против Генерального совета, но и против всех секций Интернационала, отвергающих программу этой сектантской лиги и, в особенности, учение о полном воздержании от политической деятельности»[2].

V

Маркс был величайшим организатором. В Генеральном совете Интернационала Маркс неутомимо занимался всеми организационными делами Товарищества, лично входил во все детали и изо дня в день, не покладая рук, строил первую в истории массовую политическую партию пролетариата.

Ко времени Базельского конгресса Интернационал уже далеко ушел от того слабо оформленного об'единения немногочисленных и разрозненных рабочих обществ, каким он был в 1864—1865 гг. Базельский конгресс продемонстрировал огромный рост политического значения Интернационала, который был бы немыслим без пятилетней упорной организаторской работы Маркса в Генеральном совете. Новая полоса в истории Интернационала настоятельно требовала еще большего организационного укрепления рядов Интернационала, и в первую голову—решительного усиления роли Генерального совета. С точки зрения этих задач положение дел в 1869 г. оставляло желать лучшего.

Успехи Интернационала привели к созданию на местах множества новых секций и групп, во главе которых нередко становились сомнительные эле-

[1] Некоторый отпор Бакунину был, повидимому, оказан и на заседании комиссии по вопросу о праве наследования, хотя эта комиссия состояла в большинстве из заведомых бакунистов. 8 сентября Лесснер писал Марксу: «Он (Юнг) и Гесс вчера вечером на заседании комиссии по вопросу о наследовании здорово отколотили Бакунина».

[2] Маркс, Мнимые расколы в Интернационале (войдет в XIII том Сочинений).

менты, буржуазные демагоги и карьеристы, злоупотреблявшие именем Интернационала. Многие из местных отделений не только не подчинялись Генеральному совету и не платили установленных членских взносов, но сплошь и рядом не доводили даже до сведения Совета о своем существовании. «Мы встречаем в газетах,—заявил Дюпон в марте 1869 г. на заседании Совета,— множество извещений о присоединении [к Интернационалу], но не получаем об этом официальных уведомлений».

Вопрос о правах Генерального совета и его взаимоотношениях с местными секциями приобретал особое значение в связи с развертыванием конспиративной деятельности Альянса. Наруку Бакунину играл в этот период и И.-Ф. Беккер, который выдвинул нелепый организационный проект, в корне противоречивший принципам Интернационала: превратить Товарищество в систему об'единений по признаку языка. Если бы этот план был проведен в жизнь, то руководство местными отделениями перешло бы к «языковым центральным комитетам»; другими словами, роль Генерального совета была бы сведена на нет, а его место заняли бы в первую очередь немецкий и французский «языковые» комитеты с местопребыванием их... в Женеве. Как только Маркс и Энгельс получили женевский «Vorbote» с беккеровским проектом [1], им сразу стала ясна бакунинская подоплека этой «архиреакционной идеи, достойной панславистов». Они встретили, разумеется, эту затею в штыки. Бебель и Либкнехт (эйзенахцы) поддержали их в этом вопросе; в других странах женевский план тоже не нашел сторонников и, таким образом, блистательно провалился.

Чем ближе к Базельскому конгрессу, тем чаще и настойчивее Маркс ставит вопросы централизации Товарищества и укрепления дисциплины в его рядах. Об этом красноречиво свидетельствуют протоколы Генерального совета и переписка Маркса и Энгельса. Интернационал не мог бы расти и развиваться без этой упорной борьбы против мелкобуржуазной раздробленности, распущенности, сектантской ограниченности, без этой последовательной борьбы Маркса за пролетарскую партийность.

К сожалению, отчеты не дают ясного представления о ходе обсуждения организационных вопросов на самом Базельском конгрессе: этим вопросам по соображениям конспирации были посвящены особые, закрытые заседания. Во всяком случае, по этому пункту Бакунин в Базеле еще не решился открыть свои карты. Конгрессом был принят ряд решений, укреплявших Интернационал и значительно расширявших права его руководящего органа. Особое значение имели пункты 5, 6 и 7, предоставлявшие Генеральному совету право принимать новые секции или отказывать им в приеме, исключать секции на время до очередного конгресса и разрешать конфликты между местными организациями. В силу этих пунктов Генеральный совет облекался полномочиями, которые за ним ранее оспаривались и которые в дальнейшем облегчали Марксу задачу борьбы против его «антиавторитарных» противников.

Не даром базельские решения по организационным вопросам так часто фигурируют в последующей истории Товарищества. К базельским решениям тесно примыкают резолюции Лондонской конференции 1871 г., написанные, главным образом, Марксом и Энгельсом и заостренные против анархистов. В ходе этой борьбы в рядах Интернационала Маркс и Энгельс создавали и развивали те гениальные «основные наброски о партии, как передовом отряде пролетариата» [2], которые впоследствии послужили фундаментом учения Ленина и Сталина о пролетарской партии.

---

[1] «Der Vorbote» № 7, июль 1869 г., стр. 102—107, резолюция «Центрального комитета группы секций немецкого языка» за подписями Беккера, Реми и др.

[2] Сталин. Вопросы ленинизма. 9-е изд., стр. 266.

* * *

1869 год был годом поворота во всей истории Международного Товарищества Рабочих. Победы, одержанные марксизмом в Интернационале, и в частности—разгром прудонизма поднимали Товарищество на новую, более высокую ступень. Со времени Базельского конгресса в центре борьбы внутри Интернационала стоит уже не вопрос о собственности, не вопрос о социализме как цели рабочего движения, а вопрос о пути пролетариата к социализму, точнее: о политической борьбе как методе революционного действия рабочего класса; о централизованной и дисциплинированной партии как руководителе пролетариата в этой борьбе; о пролетарской диктатуре как орудии социалистического переустройства общества. Именно по этим вопросам, которые отныне стали вопросами жизни и смерти Интернационала, бакунизм со времени Базельского конгресса повел бешеную наступательную войну против Маркса и Генерального совета. Вот почему все дальнейшее развитие Интернационала не могло не протекать в острейшей борьбе против бакунизма.

Базельский конгресс составляет, таким образом, важнейший рубеж, разделяющий два этапа в борьбе Маркса за революционно-пролетарскую линию в Первом Интернационале. Изучение Базельского конгресса и связанной с ним деятельности Маркса является поэтому одним из важнейших условий правильного понимания истории первой международной пролетарской партии.

---

28 сентября 1934 г. исполнилось 70 лет с тех пор, как в Лондоне, в зале Сент-Мартинс-Холл, на собрании рабочих различных национальностей, был учрежден Интернационал. Гигантский путь прошел мировой рабочий класс от Первого Интернационала до Третьего, от Сент-Мартинс-Холла до красной Москвы, от Учредительного манифеста, написанного Марксом осенью 1864 года, до работ Ленина, до работ и речей Сталина, каждая из которых является новой вехой на пути развития и обогащения марксизма-ленинизма.

Коммунисты с полным основанием провозгласили себя преемниками Первого Интернационала. Одержана великая победа над капитализмом в Советском союзе. Растет большевизм во всех странах Запада и Востока—вопреки неистовствам фашистского террора, вопреки лихорадочной деятельности «правосудия» и полиции в так называемых «демократических» странах. Все это свидетельствует о том, что мировая партия Ленина и Сталина героически продолжает и победоносно завершит дело, начатое 70 лет тому назад славным Международным Товариществом Рабочих.

М. ЗОРКИЙ

КОН'ЮНКТУРНЫЙ ОБЗОР

Экономика мирового капитализма за 6 месяцев 1934 г.

Прошло уже более двух лет с тех пор (июль 1932 г.), как производство мировой капиталистической промышленности перешагнуло низшую точку. Прежние капиталистические кризисы показывают, что после того как промышленное производство достигало «дна», как правило, проходило не более года до нового под'ема к докризисному уровню. Депрессии сравнительно быстро сменялись общим оживлением и под'емом; промышленное производство достигало затем более высокого уровня чем в предыдущем цикле.

Хотя за эти два года производство по сравнению с самой низшей точкой и поднялось, оно для мирового капитализма в целом не только не достигло уровня 1929 г., но отстоит от него в настоящее время даже дальше чем в прошлом году.

Уже одно это показывает особый характер современной депрессии, протекающей в условиях общего кризиса капитализма. Движение производства за эти два года носит чрезвычайно неравномерный характер: кратковременные периоды сравнительно быстрого роста сменяются длительным спадом. Последняя волна повышения, начавшаяся в конце 1933 г., уже с марта 1934 г. уступила место убыстряющемуся новому сокращению мирового капиталистического промышленного производства. Еще в начале июля Берлинский кон'юнктурный институт констатировал: «В мировом хозяйстве, после того как в первые месяцы этого года имело место сильное оживление, снова усилилось известное беспокойство. Мировое промышленное производство едва увеличилось с марта» [1].

Фактически же с марта началось довольно заметное падение индекса мирового капиталистического производства. Это падение, по всем данным, продолжается вплоть до настоящего времени [2].

Характерно, что если в прошлом году рост производства продолжался до июля (правда, он начался позже чем в этом году), достигнув уровня 86,3 (1928 год равен 100), то в 1934 г. перелом произошел уже в марте, когда был достигнут максимум этого года, равный всего 82. Таким образом достигнутый в этом году максимум мирового промышленного производства еще значительно отстает от уровня 1929 г., когда он составлял 106,0; в настоящее время уровень производства ниже чем в прошлом году.

---

[1] «Кон'юнктура летом 1934 г.», стр. 79. Квартальный обзор Берлинского кон'юнктурного института. 9-й год изд., 2-я тетрадь. Часть А. 1934.

[2] Было время, когда Берлинский кон'юнктурный институт должен был признать, что «если мы хотим проследить движение производства в капиталистических странах, то целесообразно не включать в мировой индекс промышленность СССР» (см. «Промышленное хозяйство» 1860—1932 гг. Берлин. 1933). Однако фашистское руководство Института теперь снова преподносит читателю «единый» индекс, включая промышленную продукцию СССР в общий мировой индекс. Таким образом успехи нашей социалистической промышленности мошеннически используются фашистскими «кон'юнктуроведами» для прикрашивания капиталистической действительности.

В этом неуверенном, сопровождающемся частыми срывами движении промышленного производства находит свое выражение особый характер современной депрессии, не создающей условий для действительного быстрого роста промышленности, который неизбежно наталкивается на все суживающиеся рамки рынка.

Снижение индекса мирового капиталистического производства за последние месяцы вытекает прежде всего из резкого свертывания американской промышленности, которая отличается особенно резкими колебаниями.

В 1933 г. с марта (месяц банковской катастрофы) по июль индекс поднялся с 54 до 90 (1928 год равен 100), а к ноябрю снова упал до 65. С конца 1933 г. начался новый рост, который закончился в мае на уровне 77 (следовательно, на значительно более низком уровне чем в 1933 г.). За последние три месяца снова происходит резкое сокращение производства, в результате которого индекс уже в августе составил 66[1].

Следовательно, в настоящее время производство лишь незначительно превышает уровень 1933 г., который составлял 59% докризисного.

Не столь быстрое, но зато непрерывное свертывание промышленного производства происходит и во Франции. За последний год из месяца в месяц индекс промышленного производства во Франции снижается. В июле 1933 г. индекс промышленного производства составлял 112, а к июлю этого года он снизился до 97 (1913 год равен 100) против 96 в среднем в 1932 г.

Несколько иную картину показывает развитие промышленности в Японии, Германии и Англии. Благодаря главным образом военно-инфляционной кон'юнктуре в Японии уже с 1932 г. наблюдается рост промышленного производства. За эти годы общий об'ем промышленного производства превысил примерно на 40% уровень 1928 г.

С 1932 г. имел место довольно устойчивый рост промышленного производства в Англии. Во II квартале 1934 г. промышленное производство в Англии впервые превысило, правда, всего на 0,8%, размеры прежнего максимума, достигнутого в последнем квартале 1929 г. С июня этого года и в Англии наблюдается свертывание промышленного производства.

В Германии официальная статистика, все время утверждавшая, что налицо быстрый рост промышленного производства, с июня также вынуждена констатировать новое свертывание промышленности.

Данные о положении в отдельных странах наглядно показывают новое ухудшение положения мировой капиталистической экономики. Это ухудшение является следствием тех острейших противоречий, которые все резче проявляются в современной депрессии особого рода.

* * *

Со все большей очевидностью обнаруживается, что теперь, в условиях общего кризиса капитализма, не создаются предпосылки для широкого обновления, технической модернизации и расширения производственного аппарата капиталистической промышленности. За годы кризиса произошла огромная централизация капитала. «...Кризисы—всякого рода, экономические чаще всего, но не одни только экономические, в свою очередь в громадных размерах усиливают тенденцию к концентрации и к монополии», — подчеркивал Ленин[2].

Банкротство огромного числа мелких, средних и даже отдельных крупных капиталистических предприятий, огромная волна протекционизма, не-

[1] См. «Экономическая кон'юнктура в Соединенных штатах» в «Дер дейче фольксвирт» от 31 августа 1934 г. Взят индекс Федеральной резервной палаты, перечисленный на 1928 г., причем данные за июль и август ориентировочные.

[2] Собр. соч. 3-е изд. Т. XIX, стр. 92.

посредственное содействие государства крупным монополиям и т. д. привели за последние годы к гигантскому усилению мощи верхушки финансового капитала.

Как далеко зашли процессы централизации капитала, показывают, например, последние данные о числе банков в США: если летом 1929 г. в стране имелось 25 110 банков, то летом 1934 г. число их сократилось до 14 826. Не менее яркие примеры централизации капитала мы видим и в промышленности. Однако в условиях современного кризиса этот процесс характеризуется в основном централизацией капитала, не сопровождающейся соответственной концентрацией производства на основе новой техники. Излюбленной формой об'единения все больше становятся картели, включающие и многочисленные отсталые предприятия. По существу, в том же направлении действуют и государственные мероприятия. НИРА в США, создание многочисленных принудительных картелей в Германии, правительственные проекты «реорганизации» угольной, металлургической и текстильной промышленности в Англии фактически означают образование многочисленных картельных об'единений, добивающихся монопольного положения на рынке путем повышения цен, сокращения производства и стремящихся усилить возрастание капитальной стоимости. Такой процесс централизации капитала является в первую очередь выражением все усиливающегося капиталистического загнивания и паразитизма. «Техническая концентрация прогрессивна в технике, — писал Ленин, — финансовая может укреплять и укрепляет всесилие монопольного капитала при отсталой технике...» [1].

Но картелирование, гарантирующее сбыт и рентабельные цены даже технически отсталым предприятиям, лишает их стимула к введению новых технических усовершенствований, к массовому обновлению основного капитала. Финансовый капитал в настоящее время видит все зло в «излишнем» производственном аппарате, который не позволяет одновременно значительно ограничить производство и обеспечить рентабельность предприятий. «Во Франции так же как и во многих других развитых промышленных странах после войны образовалась полнейшая диспропорция между национальной промышленной мощностью и национальным потреблением», — констатирует, например, последний официальный английский отчет о современном экономическом положении во Франции[2].

Не надеясь на возможность значительно расширить потребление, монополистические союзы направляют теперь все усилия на разрушение «излишней» части производственного аппарата. Создаются специальные общества, занимающиеся сломом и сносом устаревших промышленных предприятий. В Англии планы «реорганизации» основных отраслей промышленности в основном сводятся к уничтожению значительной части производственного аппарата. В Германии правительство запрещает новое строительство во все большем числе отраслей промышленности.

Ничего пока не слышно о проектах, предусматривающих крупное расширение и обновление основного капитала промышленности, зато чрезвычайно многочисленны всякого рода планы, направленные к разрушению промышленного аппарата и к ограничению производства. Капиталисты ищут теперь снижения себестоимости и увеличения рентабельности почти исключительно на путях интенсификации труда, удлинения рабочего дня, снижения зарплаты и повышения цен. Понятно, что в этих условиях новые частные капиталовложения сравнительно незначительны, и все усиливающиеся монопольные об'единения становятся теперь еще больше чем прежде тормозом технической модернизации производства. Поэтому на-

[1] Ленинский сборник XXII, стр. 324.
[2] «Экономическое положение во Франции», стр. 626. Лондон. 1934.

блюдающееся возрастание спроса на средства производства об'ясняется главным образом заменой изношенных уже машин или накоплением запасов в торговой сети.

Это, конечно, не исключает нового строительства и модернизации производства в отдельных предприятиях и концернах. Но опыт последних двух лет, начиная с первого американского «бума» 1932 г., показывает, что за все эти годы не было такого массового расширения и обновления основного капитала, которые могли бы создать прочную базу для дальнейшего роста производства тяжелой промышленности.

Сокращение производства тяжелой промышленности (например загрузка американской стальной промышленности упала с 60% весной 1934 г. до 18% в начале сентября[1]), происходящее за последние месяцы в ряде капиталистических стран, в основном вытекает из отсутствия длительного спроса на средства производства.

«Для того чтобы достигнуть более продолжительного оживления деятельности, — пишет «Джерналь оф коммерс», анализируя перспективы американской стальной промышленности, — необходимо, чтобы частные предприниматели снова приступили к строительству и замене средств производства на нормальном уровне при помощи капиталов, привлеченных через частные финансовые каналы. Стальная промышленность в большей степени чем большинство других зависит от готовности деловых людей делать длительные инвестиции. Без них стальная промышленность испытывает сравнительно оживленную деятельность только в течение короткого времени и то только с помощью таких искусственных мероприятий, как программа общественных работ»[2].

Между тем, как сообщает другой руководящий финансовый орган, «Уолл-стрит джерналь», «становится все более ясным, что стальной промышленности предстоит период... отсутствия спроса на такие изделия, как рельсы, оборудование, и т. д.» [3].

Отсутствие широкой частной инвестиционной деятельности во всех капиталистических странах подтверждается также низким попрежнему уровнем эмиссии капиталов и сокращением банковского кредитования.

Слабость процессов частного инвестирования в известной мере компенсируется за последние годы проведением в жизнь различных государственных мероприятий, направленных к «оживлению» хозяйственной деятельности, тесно связанных с развертыванием подготовки к войне во всех капиталистических странах. Рост затрат на вооружение лишь в слабой степени отражается в данных «Ежегодника вооружений», издаваемого Лигой наций; в последнем выпуске этого «Ежегодника» указывается, что в 1933 г. расходы на вооружение составили самую высокую сумму за последние годы (4399 млн. золотых долларов против 3522 млн. в 1925 г., когда эти данные впервые стали учитываться).

Проведение в жизнь различных государственных схем, выполнение военных заказов, конечно, создают условия для быстрого роста промышленного производства в ряде стран, особенно в Японии и Германии. Неуклонный рост продукции тяжелой промышленности в Германии без соответствующего расширения экспорта и спроса со стороны перерабатывающей промышленности подтверждает, что она работает на войну. Этот факт уже неоднократно подчеркивался.

---

[1] Ухудшающееся положение стальной промышленности в США видно также из падения отгрузок Стального треста, которые составили в июле 1934 г. 370 тыс. т против 985 тыс. т в июне и 701 тыс. т в июле 1933 г. Самая низкая кризисная точка составляла 257 тыс. т (март 1933 г.).

[2] «Джерналь оф коммерс» от 20 августа 1934 г.

[3] «Уолл-стрит джерналь» от 21 августа 1934 г.

Усиление спроса этого рода на промышленные изделия неизбежно ведет к огромному напряжению экономических сил страны и, как мы видим на опыте Германии, приводит народное хозяйство к катастрофическому положению. В то же время постоянное подталкивание производства со стороны государства фактически означает, что малейшее сокращение государственных субсидий сразу вызывает резкий срыв кон'юнктуры. «Дер Дейче фольксвирт», анализируя американскую кон'юнктуру, пишет: «После полугодового непрерывного под'ема хозяйственной деятельности, обусловленного государственными мероприятиями «накручивания», экономика США с начала июня испытывает новые ухудшения, вследствие того что консолидация хозяйства и социальной атмосферы весной не пошла настолько далеко, чтобы вызвать действительное оживление частной инициативы. Все считали возможным наступление в летние месяцы сверхсезонного ухудшения кон'юнктуры, однако фактические размеры этого ухудшения далеко превосходят эти ожидания» [1].

* * *

Огромное влияние на развитие капиталистической кон'юнктуры имеют явления, происходящие в области мировой торговли и финансов. Здесь в отличие от промышленного производства даже не наблюдалось повышения; наоборот, неуклонно продолжается сокращение об'ема мировых хозяйственных связей.

За последние четыре года движение внешней торговли (по первым полугодиям каждого года) рисуется следующими цифрами:

Индекс мировой торговли[2]

1928 = 100	1933 = 36,6
1931 = 62,4	1934 = 33,8
1932 = 41,1	

Хотя темпы сокращения размеров мировой торговли за последний год и уменьшились, но все же неуклонно продолжается снижение; при этом нельзя забывать, что за эти годы в целом имелся все же довольно значительный рост размеров промышленного производства по сравнению с 1932 г.

Сокращение об'ема внешней торговли вытекает из всей совокупности автаркических мероприятий капиталистических стран.

Эпоха, когда движение импорта регулировалось исключительно таможенным тарифом, все больше отходит в прошлое. Чудовищный демпинг в состоянии пробить любую таможенную стену. В качестве мер охранения внутреннего рынка от иностранного ввоза все больше выдвигаются контингенты, валютные ограничения, и т. д. Например во Франции, где система импортных квот была введена только летом 1931 г., уже к началу 1934 г. из 7 тыс. статей таможенного тарифа не менее 3 тыс. (из которых $2/3$ относятся к промышленности) касалось товаров, которые могут быть ввезены лишь в пределах установленных контингентов по специальным лицензиям [3].

Какое значение для вывоза отдельных стран имеют новые методы «регулирования» импорта, показывают, например, данные по Германии, из

---

[1] «Дер дейче фольксвирт» от 31/VIII 1934 г.

[2] «Хозяйство и статистика», стр. 531. Изд. Германского статистического управления. Август 1934 г., № 16 Индекс вычислен на основе золотых цен.

[3] См цитированный выше отчет «Экономическое положение во Франции», стр. 670, а также «Файнаншиэл таймс» от 22/VIII 1934 г.

которых видно, что в 1933 г. 43,4% германского экспорта составляли товары, ввоз которых регулировался в других странах контингентами, и 15,7% составляли товары, регулируемые девизными контингентами.

Комментируя эти цифры, Берлинский кон'юнктурный институт пишет: «Во всем мире применяются теперь многочисленные виды регулирования торговли: торговые монополии и запрещение ввоза, новые пошлины и преференциальные тарифы, ценностные и количественные контингенты, автономные и договорные контингенты, девизное регулирование, разрешительные системы, и т. д. сделались во всевозможных комбинациях орудием торговой политики»[1].

Фашистский экономический орган забывает добавить, что эту современную торговую политику в первую очередь проводит само германское правительство. После ряда всевозможных ограничительных мероприятий по импорту германское правительство в сентябре распространило разрешительно-лицензионную систему на ввоз почти всех товаров.

В результате этих автаркических мероприятий отрасли промышленности, выросшие на экспорте, продолжают переживать глубочайший кризис, что неизбежно отражается на всем народном хозяйстве в целом. Поэтому даже самые оптимистические буржуазные оценки кон'юнктуры ограничиваются утверждением, что речь идет только об оживлении на внутреннем рынке. Так например редактор крупнейшей английской финансовой газеты «Файнаншиэл ньюс», Гобсон, недавно писал[2]:

«То оживление, которое наступило после современной депрессии в этой (т. е. в Англии) и некоторых других странах, относится почти исключительно к внутренней торговле в отличие от внешней торговли... Если правительства большинства руководящих стран мира, включая и наше, будут продолжать подобную националистическую политику (а отсутствуют признаки, что они этого не будут делать), будущее развитие принесет разочарование».

Наступившее за последние месяцы ухудшение в экономическом положении Англии отчасти об'ясняется и тем, что экспорт, от которого зависят основные отрасли английской промышленности, не соответствовал росту производства.

«В некоторых кругах задают вопрос, — пишет орган другого крупного английского банка, — не достигло ли восстановительное движение своего зенита, не достигли ли уже мы лимита экспансии нашей промышленности. Независимо от того, каков будет ответ на этот вопрос, совершенно неизбежно достижение того пункта, после которого нужно ожидать ухудшения, если не наступит значительное расширение экспорта»[3].

Отсутствие условий для роста промышленного экспорта важнейших капиталистических стран ухудшает и возможности импорта для этих стран. Характерно в этом отношении положение Германии, которая за последние месяцы, как известно, принуждена была резко сократить импорт сырья, готовых изделий и продовольствия из заграницы. А это в свою очередь не может не отразиться на положении стран, являющихся главными поставщиками сырья и продовольствия на мировых рынках[4].

В целом это не может не вести к ухудшению экономического положения во всем капиталистическом мире.

---

[1] См. цитированный обзор «Кон'юнктура летом 1934 г.».

[2] См. его статью «Экономическое восстановление и будущее» в месячном бюллетене «Ллойдс банк» за июль 1934 г.

[3] Обзор «Вестминстер банк» за август 1934 г.

[4] Достаточно, например, отметить, что в 1931 г. импорт в Германию в мировом экспорте хлопка составлял 11%, шерсти—16%, железной руды—27%, меди—18%.

* * *

Развал мировых хозяйственных связей продолжается не только в области торговли, но и в кредитно-денежной сфере. Валютная борьба идет с полной силой; будущее важнейших валют все еще остается чрезвычайно неопределенным. Английский «Стэтист» недавно, например, писал: «Растет убеждение, что в конце этого года нужно ожидать в Соединенных штатах дальнейших валютных экспериментов»[1].

Недавнее новое снижение курса английского фунта является ярким проявлением валютной борьбы. Германская марка находится накануне катастрофы.

Колебание валют, неустойчивость экономического и политического положения, массовые банкротства привели к резкому сокращению кредитования мировой торговли. По данным Банка международных расчетов, общая сумма краткосрочных кредитов за последние годы сокращалась следующим образом: в конце 1930 г. международная краткосрочная задолженность составляла 70 млрд. швейцарских франков, в 1931 г. она упала до 45 млрд., в конце 1932 г.—до 39 млрд. и в конце 1933 г.—до 32 млрд. швейцарских франков. Но из этих 32 млрд. кредиты, которые в настоящее время являются «замороженными», составляют 11,5 млрд. франков.

Такое резкое сокращение кредитования в свою очередь способствует сокращению мировой торговли, ухудшению возможностей обмена товарами между отдельными странами. К этому прибавляется продолжающееся отсутствие значительного долгосрочного экспорта капитала. Еще в 1928 г. четыре важнейших страны—экспортеры капиталов: США, Англия, Франция и Голландия — экспортировали 2.8 млрд. долларов, а в 1933 г. экспорт составил всего 0,4 млрд. долларов. Экспорт капитала за последнее время возобновила частично только Англия, причем, согласно новому постановлению английского правительства от 19 июля 1934 г., экспорт капитала разрешается только в целях расширения английского экспорта или укрепления «стерлингового блока».

Другими словами, даже этот ограниченный экспорт капитала служит исключительно усилению английских позиций на мировом рынке и не может, следовательно, не обострить еще более валютную и торговую войну.

* * *

В развитии аграрного кризиса за последние месяцы произошло дальнейшее обострение, вызванное в первую очередь огромным неурожаем в ряде важнейших капиталистических стран. При этом нужно подчеркнуть, что неурожай нельзя об'яснять исключительно природными явлениями, в частности засухой. Катастрофические последствия засухи в значительной мере об'ясняются деградацией сельского хозяйства в капиталистических странах за годы кризиса, сокращением применения удобрения, худшей обработкой земли, и т. д.

Размеры неурожая этого года в США видны из следующей таблицы:

Урожай в США[2]

(в млн. бушелей)

	1927—1931 гг.	1934 г.
Пшеница	886	491
Маис	2516	1607
Овес	1187	545

[1] «Стэтист» от 24/VIII 1934 г.
[2] «Экономист» от 25/VIII 1934 г.

Насколько серьезны последствия засухи для сельского хозяйства США, показывает оценка, сделанная «Экономистом»: последний считает, что каждый пятый фермер в Америке будет затронут засухой. Если сокращение урожая поведет к повышению цен, то основная масса фермеров не получит от этого никакой выгоды, поскольку она не будет иметь продуктов для продажи на рынке [1]. В то же время повышение цен на сельскохозяйственные продукты неизбежно ухудшит бюджет трудящихся масс города и, следовательно, уменьшит их покупательную способность в отношении изделий промышленности. В американском буржуазном органе «Анналист» недавно появилась серия статей о положении сельского хозяйства в США в связи с неурожаем. Автор этих статей пишет: «Засуха в значительной части сельскохозяйственных районов, уничтожение урожая и стад, сокращение засеянной площади приведут к сокращению снабжения продовольствием до таких размеров, что цены поднимутся выше покупательной способности миллионов населения» [2].

Понятно поэтому, что неурожай не может не отразиться на положении промышленности. «Свертывание производства в настоящее время, — пишет один из наиболее серьезных американских буржуазных экономистов, Айрес, — в значительной степени об'ясняется засухой, которая превратилась в бедствие» [3].

* * *

Что касается положения рабочего класса, то два года, истекшие со времени перелома в развитии кризиса, показали, что несмотря на рост производства отсутствуют какие-либо признаки значительного уменьшения хронической безработицы — этой характерной черты общего кризиса капитализма.

Промышленное производство в Англии в этом году перешагнуло докризисный уровень, а между тем безработица в Англии в настоящее время вдвое выше чем в 1929 г. и, по официальным данным, превышает 2 млн. человек. В США, даже по оценке желтых профсоюзов, число безработных составляет больше 10 млн. человек. Что касается Германии, то данные об уменьшении числа безработных, публикуемые фашистской печатью, свидетельствуют не столько о «нормальном» втягивании рабочей силы в производство, сколько о том, что значительная часть безработных занята теперь на различных «общественных работах». В то же время в результате снижения зарплаты и продолжающегося повышения розничных цен реальная зарплата рабочих в капиталистических странах продолжает уменьшаться.

Упомянутый нами отчет о «достижениях» Рузвельта должен был констатировать, что за истекший период стоимость жизни возросла на 9,6%, в то время как номинальная зарплата рабочего, по этим данным, увеличилась всего на 8,5%. Другими словами, как пишет лондонский «Таймс», «рабочий, даже имеющий работу, живет теперь хуже чем раньше» [4]. Рост дороговизны, наступление предпринимателей на рабочих вызывают все больший отпор со стороны пролетариата капиталистических стран. Волна забастовок все шире разливается по капиталистическому миру. «Никогда еще в США не было столько забастовок, — пишет, например, «Нейе

---

[1] «Высокие цены на сельскохозяйственные товары не означают соответствующего увеличения доходов фермеров»,— констатирует один из недавно опубликованных официальных отчетов о «достижениях» политики Рузвельта.

[2] «Анналист» от 24 VIII 1934 г.

[3] Цитирую по «Нью-Йорк геральд трибун» от 16/VIII 1934 г.

[4] В этом же отчете указывается, что в настоящее время за счет благотворительности в США живет 4 млн. семейств, или, как пишет «Таймс» (от 4/VII), не менее 20 млн. человек влачат нищенское существование!

фрейе пресс»,—и, во всяком случае, не было такой готовности к забастовкам, как в настоящее время»[1].

Рост революционного движения внушает все большее беспокойство господствующим классам. «Жизненный уровень нельзя снижать продолжительное время без того, чтобы страдающие от него народные массы не революционизировались»[2],—угрожал недавно Шахт, обращаясь к иностранным кредиторам. И хотя эти слова имели целью напугать правительства стран-кредиторов и побудить их к уступкам по отношению к германской задолженности, — безусловно, они в то же время выражают тревогу германской буржуазии за свою судьбу.

* * *

Наш обзор показал, что последние месяцы развития кон'юнктуры мирового хозяйства проходят под знаком ухудшения. «Успехи восстановления определенно ослабели», — констатирует в своем последнем месячном обзоре «Экономист»[3], анализируя положение мирового капитализма в целом.

В осенние месяцы в связи с обычным сезонным оживлением возможен некоторый новый рост производства в ряде стран. Но продолжающееся падение покупательной способности широких трудящихся масс, сокращение об'ема мировой торговли, отсутствие предпосылок для широкой инвестиционной деятельности в промышленности ведут к тому, что и этот рост промышленного производства снова должен будет уже в зимние месяцы закончиться новым спадом. С каждым месяцем множатся признаки того, что развитие современной депрессии особого рода пока не несет в себе предпосылок для нового экономического под'ема мирового капитализма.

М. ИОЭЛЬСОН

[1] «Нейе фрейе пресс» от 17/VIII 1934 г.
[2] «Дейче бергверксцейтунг» от 31 VIII 1934 г.
[3] «Торговое приложение» от 25/VIII.

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

Лицо современного германского милитаризма

«Дейче вер» («Германская оборона») №№ 1—24 за 1934 г.

«Армия, за которой не стоит твердая воля государства к мужественному самоутверждению, теряет основу своего права на существование. Вооруженная сила, которая не имеет глубоких корней в почве воински мыслящего народа, обречена на оскудение в своих лучших стремлениях».

Этими словами военного министра Бломберга начинается новогодняя передовая статья германского военного журнала «Дейче вер». Журнал этот не является официальным органом военного министерства, но он близок к рейхсверу и к руководящим кругам офицерства и группирует вокруг себя «цвет» империалистической военщины Германии. Вот почему тема, с которой журнал начинает 1934 г., приобретает чрезвычайный интерес,—это вопрос о взаимоотношениях между рейхсвером и фашистской диктатурой. Статья, о которой мы говорим, полна славословий по адресу «Третьей империи», которая подняла-де армию на небывалую высоту, вернула ей старое почетное место в системе капиталистического государства. Журнал указывает, что при Веймарской республике рейхсвер был выразителем «военной воли меньшинства». Он был «государством в государстве», и лишь теперь он полноправно вступил в «Третью империю». Журнал опровергает мнение, что рейхсвер не оказывал активной поддержки фашистскому движению:

«Оба великих соратника национальной воли к борьбе: могущественное народное движение, созданное и ведомое к победе Адольфом Гитлером, и армия — оба имеющие одно и то же происхождение, оба служащие одной цели, если даже до сих пор шли различными путями, слились теперь в одно целое, которое никто в Германии никогда не сможет разбить. И Гитлер в Мюнхене, на собрании командиров, назвал это воплощением лучших своих надежд».

Журнал подчеркивает, что если бы не поддержка рейхсвера, национал-социалисты не пришли бы к власти:

«Солдат мог поэтому (при Веймарской республике.—*И. Л.)* внешне несколько стушеваться на политической арене, отдаться выполнению чисто военных задач. Сделать, однако, на основании этой внешней картины заключение, что армия вообще стояла в стороне, было бы ошибкой. Вождь часто об этом говорил, например в Ганновере: «Если бы армия в дни революции не стояла на нашей стороне, нас бы здесь не было. Мы можем заверить, что мы никогда этого не забудем».

Цитируя эти слова Гитлера, журнал указывает, что фашистская диктатура поставила армию на почетнейшее место, сделала ее центром внимания, превратила в «цвет нации». Здесь и указание на старые гогенцоллерновские флаги, которые вновь развеваются над казармами и над кораблями, здесь и подчеркивание того обстоятельства, что за армией стоит народ, воодушевленный «военной волей» и готовый бороться за свое «равноправие» и за свое «самоутверждение».

Германская военщина солидаризируется с фашистской диктатурой, которая называет себя «носительницей солдатского духа», которая не только уделяет особое внимание казармам рейхсвера, но и превращает всю Германию в сплошную военную казарму. К этой теме («единение» с фашизмом) журнал возвращается неоднократно. В № 10, в передовой статье, посвященной вопросу о создании «государственного учения о войне», журнал дает развернутую программу военно-фашистской идеологии. Он указывает, что «наука о войне» должна пронизать все стороны народного воспитания, ликвидировать все те либеральные, пацифистские иллюзии, которые еще живы в народном сознании.

«В эпоху либерализма, — читаем мы, — предоставлено было отдельным людям заниматься вопросами войны и разрешать возникавшие в связи с этим проблемы с собственной точки зрения. Правительство было далеко от того, чтобы стремиться к единой установке в этом вопросе, имеющем решающее значение как для государственно-политического обучения населения, так и для воспитания готовности приносить жертвы отечеству. В результате этого упущения в широких кругах населения господствовало полное непонимание сущности и причин войны; оценку вопросов обороны страны определяли не понимание и знание дела, а чисто личные чувства и пожелания, чуждые представления... Подобное развитие было возможным лишь вследствие того, что государство тогда отказывалось от широко поставленного и пронизанного единой идеей воспитания масс. Для нового государства, поставившего перед собой великие задачи воспитания народа в духе национал-социалистского мировоззрения, подобный ход вещей («Laufen lassen der Dinge») просто невозможен. Создание государственного учения о войне выдвигается как настоятельная задача для духовного цементирования нового государства».

Что же это за «наука о войне», которую возвещает германский военный журнал? Это та самая наука, которую проповедует известный Эвальд Банзе, указывающий, что «война отделяет сегодняшнюю германскую нужду от завтрашнего германского счастья». Наука о войне — это, по словам Банзе, наука о том, как собирать все материальные и интеллектуальные силы для нужд войны, это своего рода новая военизированная философия эпохи загнивающего и умирающего капитализма. Как известно, германское правительство запретило слишком откровенные книги Банзе («Wehrwissenschaft» [1], «Volk und Raum im Weltkrieg» [2]), так как заграницей поднялся вокруг них большой шум. Но военному журналу, имеющему ограниченный круг читателей, главным образом из военной верхушки, нечего стесняться. Он преподносит свою «науку о войне» без всяких недомолвок и околичностей. Прежде всего он устанавливает, что война — явление «вечное и неустранимое»:

«Когда мы задаемся вопросом о причинах происхождения войны в жизни народов, то оказывается, что эти причины лежат вне границ нашего познания. Если бы война принадлежала к сфере рационального, то, можно быть уверенным, человеческий разум давно бы позаботился об ее окончательном устранении».

Итак, война — явление неизбежное, внеисторическое, она была, есть и будет. Как будто германские милитаристы не слыхали, что «война есть продолжение политики иными средствами», как будто им так-таки совершенно неизвестно, что войну делают господствующие в капиталистических странах классы, что войну делают в первую очередь авторы «наук о войне» и те, чьими военными и идеологическими приказчиками они

[1] «Наука об обороне».
[2] «Народ и пространство в мировой войне».

являются. Современные германские милитаристы систематически стараются вытравить из сознания формулу Клаузевица, что война есть продолжение политики иными средствами. Генерал Сект в своих «Мыслях солдата» специально выпячивает задачу борьбы с этим «ходким словечком» («Schlagwort») и пытается свести формулу Клаузевица лишь к тому положению, что политика продолжается и во время войны.

«Установив», что война есть неизбежное явление, журнал подводит под нее «естественно-научное обоснование»:

«Природа не терпит застоя. Для поддержания жизни она требует от человеческих созданий сильного напряжения, сосредоточения всех сил для борьбы за собственное развитие. Отказ от борьбы означает окостенение, закат, смерть. В аспекте этого закона природы человеку дан врожденный инстинкт борьбы».

Так законы биологии жульнически переносятся на общественную жизнь, война об'является законом природы, формой «борьбы за существование». Идеологи милитаризма стараются свести международные отношения к биологическим законам, а войну об'являют естественным законом природы, осью, вокруг которой вращаются все исторические события:

«Война в действительности есть оборотное доказательство инстинкта борьбы в его высшей форме. Это, в подлинном смысле этого слова, ось, вокруг которой вращается историческое развитие. Только при помощи меча преобразовывался политический мир. Всмотримся в карту европейских государств. Как бы она выглядела, если бы не было войн!»

Война, однако, существует не только для разрешения внешнеполитических задач. С циничной откровенностью автор указывает, что армия и война разрешают также внутренние задачи:

«Однако война в руках государственного руководства есть не только средство обеспечения существования народа в наступлении или в обороне против внешнего врага. Она служит также для создания и сохранения политических организаций внутри страны. Обеспечение всей общественной и частной жизни так же как и государственных учреждений большей частью покоится на наличии вооруженной силы, а также косвенно на страхе перед ужасами войны в собственной стране. Предположим, что сегодня армия, флот и полиция уйдут в небытие, тогда правительство не будет иметь в руках никаких средств власти для осуществления своей воли. Тогда всякий авторитет перестал бы действовать, и как следствие— хаос и борьба всех против всех».

Журнал, конечно, умалчивает о том, что господствующие классы капиталистических стран ищут в войне выхода из внутренних противоречий. Но он все же откровенно выбалтывает, что вооруженная сила есть единственное «авторитарное средство» господствующих классов для угнетения народных масс. Он повторяет здесь известную формулу Муссолини, что если бы государство перестало действовать хотя бы на 24 часа, победила бы революция. Вывод отсюда заключается в том, что высшая задача народа — быть хорошим пушечным мясом для империализма. Поднявшись на вершины милитаристского пафоса, автор статьи пишет:

«В слове «война» понятие чести и свободы получило свое высшее завершение. Народ, который берется за оружие, чтобы защитить свою честь и чтобы утвердиться на своей жизненной территории, этим самым проявляет величайший идеализм... Война становится непререкаемым судьей в оценке внутренних качеств и жизненного полноправия народа. Одновременно идея войны поднимается до нравственного требования, потому что самоутверждение при помощи чрезвычайных средств войны является для

народов величайшей нравственной задачей, какую они вообще могут выполнить».

Кажется, достаточно. Воспевание империалистической войны, этого кровавого апофеоза политики капитализма, как самого святого и нужного народу дела, широчайшее внедрение этих «человекоубойных» идей в сознание народных масс—вот идеологическая программа современного германского милитаризма. Журнал, конечно, не забывает при классификации войн подчеркнуть, что мировая война 1914—1918 гг. была завоевательной войной со стороны держав Антанты, которые собирались ограбить Германию, и была... оборонительной (!) национальной (!) войной со стороны германского империализма, который, мол, собирался только «утвердить свое существование». Такие вещи, как оккупация советской Украины, Брестский мир, пангерманистская программа поглощения Европы, ныне снова поднятая на щит германским империализмом, роль германского правительства в развязывании мировой войны.— все это выпадает из памяти современных германских империалистов, ибо новую войну, которую они готовят, они тоже хотят жульнически выдать за национальную войну, за войну во имя самоутверждения германской расы, и т. п.

Идеологические установки «Дейче вер», как мы видим, не отличаются от установок национал-социализма. Но что резко бросается в глаза, это полное и абсолютное отсутствие той антикапиталистической демагогии, той «социалистической» фразеологии, которыми пересыпаны писания «правоверных» национал-социалистских идеологов, предназначенные «для народа». Как известно, в рейхсвере введено постоянное политическое обучение основам национал-социализма. Военный министр Бломберг в приказе особо подчеркнул необходимость уделить величайшее внимание политическому обучению. Но в рейхсвере национал-социализм решительно очищается от всякой антикапиталистической демагогии. Об этом можно судить по журналу «Дейче вер». Даже в своих комментариях к новому уставному положению об обязанностях германского солдата, опубликованному 25 мая 1934 г. за подписью Гинденбурга и Бломберга, «Дейче вер» (№ 23 от 7 июня) всемерно обливает помоями Веймарскую республику, славословит фашизм, но опять-таки обходится без всякой антикапиталистической демагогии. А ведь здесь речь идет об основных установках по воспитанию с о л д а т а. В этих комментариях интересно отметить один момент:

«Параграф 2-ой положения 1930 г. об обязанностях солдата отброшен. И с полным основанием. Он гласит: «Рейхсвер служит государству, а не партиям. Политическая деятельность солдатам запрещена». Этот параграф был правилен в тот момент, пока государство, народ и национал-социалистское движение не слились в одно целое. До этого времени солдат должен был быть внепартийным. До этого времени он должен был искать убежище в абстрактной государственной идеологии, так как большая часть народа представляла хаос различных интересов. Ныне «внепартийный» означало бы то же самое, что «внегосударственный».—странный парадокс для германского солдата, могущий нравиться в лучшем случае бескорыстным французским солдатам международной армии Лиги наций. Германский солдат — национал-социалист, даже если он не принадлежит формально к партии. Носящий оружие солдат не является «внеполитическим», он не может быть таковым, и он никогда им не был, потому что он не живет в безвоздушном пространстве».

Таким образом мы видим всю фальшь и лицемерие старого империалистического софизма «армия вне политики», софизма, которым буржуазия всегда старалась прикрыть истинную роль армии как орудия

капиталистической диктатуры. В настоящее время, когда в фашистской Германии процветает культ войны и военщины, когда армия начинает играть все более крупную и решающую роль в политической жизни, старый софизм стал ненужным и его выбрасывают в мусорную корзину вместе с мишурой различных других «либеральных» и пацифистских концепций.

«Солдат — это национал-социалист»,— утверждает «Дейче вер». Но национал-социализм этот — особого толка. Характерно, что «Дейче вер», уделяющий большое внимание военным организациям и учреждениям фашистской Германии (трудовая повинность, организации «полевого спорта», и т. д.), почти никакого внимания не уделяет штурмовым отрядам. В просмотренных нами номерах за 1934 г. есть только отчет о речи Рема перед дипломатическим корпусом 18 апреля. В комментариях к речи подчеркивается, что перед штурмовиками и рейхсвером стоят различные задачи и что они между собой ничего общего не имеют,— словом, то, что предназначено для заграницы. Как известно, дело обстоит как раз наоборот: и рейхсвер и штурмовики — чисто военные организации, вопрос об унификации вооруженных сил не снимался с порядка дня, после последних событий в Германии, повидимому, полностью осуществляются требования руководства рейхсвера; после событий 30 июня 1934 г. нельзя уже сомневаться, что сокращенные штурмовые отряды будут превращены в подсобные организации рейхсвера. Журнал старательно обходит все те трения и столкновения между рейхсвером и штурмовиками, между «Штальгельмом» и штурмовыми отрядами, которые предшествовали последним событиям в Германии.

Из военных деятелей национал-социализма «Дейче вер» популяризировал только Геринга, человека, наиболее близкого к рейхсверу, получившего чин генерала. В специальном приложении к журналу «Pour la merite», посвященном популяризации подвигов героев, уделено особое внимание Герингу, кавалеру ордена «Пур ля мерит». Здесь рассказывается, как Геринг после революции 1918 г. выступил против военного министра, снявшего старую форму и посоветовавшего ему надеть красный бант. Геринг указал, что настанет час, когда армия снова расправится с веймарскими изменниками. Словом, Геринг — вполне «свой человек» для рейхсвера — не даром ему пожалован генеральский чин.

Редактор журнала «Дейче вер» — германский военный писатель Георг Зольдан, сторонник Фуллера, проповедник «малой» профессиональной механизированной армии, которая должна решить в короткий срок судьбу будущей войны. Это не мешает, однако, журналу широко обсуждать вопросы массового военного обучения, давать богатые материалы для военного обучения молодежи, инструктировать и корректировать работу, связанную с формированием массовой армии германского империализма. Но характерно, что даже идея этой отборной механизированной армии, о которой мечтают Фуллеры и Зольданы, создает новые политические затруднения для милитаристов. Эти затруднения заключаются, в частности, в том, что именно для высоко оснащенной техникой армии требуется больше пролетарского человеческого материала чем для армии старого типа. В этом отношении большой интерес представляет дискуссия, которая проводится на страницах журнала «Дейче вер» по вопросу о человеке и технике в современной армии. Автор статьи, которой началась дискуссия (№ 2 от 10 января 1934 г.), указывает, что необходимость воспитать воинские качества в офицерстве находится в глубоком противоречии с необходимостью воспитать технические навыки и внедрить технические знания. В связи с этим поднимается вопрос об опасности «огражданивания» армии—термин, за которым скрывается страх перед неизбежным приходом

в армию большого количества пролетарских элементов для обслуживания новой военной техники. Журнал, конечно, не ставит вопроса во всей широте, ограничиваясь офицерскими кадрами. Но это лишь частица большого и неразрешимого для империалистической армии вопроса.

Центральное место в журнале занимают вопросы военной техники: авиация, самостоятельные действия воздушных сил, мотомеханизированные части, и т. д. В этом отношении журнал дает очень интересный и ценный фактический материал, главным образом из опыта иностранных армий, подробно освещает историю развития техники, современные технические новинки, тактическое применение новой техники, и т. д. «Дейче вер» является в этом отношении одним из самых интересных военных журналов. Достаточно указать на статьи о воздушных десантах, о современном состоянии авиации по различным странам, о развитии и современном состоянии мототанков и танкового вооружения, на статьи, посвященные противовоздушной обороне, и т. д. Описание иностранной техники сопровождается обычно слезными жалобами на «безоружность» Германии, агитацией за германские вооружения. Например в статье «Германия и тотальная воздушная война» (№ 3 от 17 января) описывается, как одна западная и одна восточная державы посылают шесть тысяч самолетов для уничтожения Германии, используя воздушный флот для «вертикального окружения», для высадки мотомеханизированных десантов, а Германия не имеет никаких средств защиты. Сплошь и рядом фотографии, иллюстрирующие заграничную технику (танки и т. д.), сопровождаются фотографиями, снятыми с германских танков-макетов, для того чтобы опять-таки подчеркнуть «безоружность» Германии. О германских явных и тайных вооружениях — ни звука! Если где и упоминается о них, то лишь для того, чтобы «дать отпор заграничным выдумкам».

Весьма любопытный отдел журнала — военные обзоры современных плацдармов войны и ведущихся ныне войн. Ближний Восток, Средиземное море, Дальний Восток, Балканы, Южная Америка — все эти плацдармы журнал подробно освещает с военной точки зрения, дает военные комментарии к текущим политическим событиям, помещает обзоры военной и гражданской печати. Надо указать, что «Дейче вер» в целях информации очень часто перепечатывает материалы из «Красной звезды», главным образом относящиеся к вооружениям иностранных армий.

Наконец, несколько слов о внешности журнала. Последний год журнал издается значительно лучше, обильно украшается фотографиями и рисунками, выходит в хорошей обложке. Раньше внешность его была несравненно скромнее...

Германский милитаризм наливается соками и кровью, и германская военная печать, как говорится, тоже шагает в ногу...

И. Л.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

Об учебнике „Диалектический и исторический материализм"

Под рук. и под ред. М. Митина. Ч. 1-я. Диалектический материализм. Соцэкгиз. 1934. 354 стр. 2 р. 75 к.

Пропаганда философского материализма Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина в нашей стране в настоящее время особенно актуальна в связи с задачей преодоления пережитков капитализма не только в экономике, но и в сознании людей.

Маркс когда-то писал, что традиции прошлых поколений кошмаром тяготеют над головами живых. Идеи, мысли, формы общественного сознания, раз возникнув под влиянием соответствующих общественных условий, приобретают некоторую относительную самостоятельность по отношению к бытию. Общественные условия существования классов могут коренным образом измениться, а идеи, явившиеся продуктом прежних общественных условий, продолжают существовать, препятствуя росту нового. Примером может служить еще не изжитое среди отсталых слоев колхозников и даже рабочих прежнее отношение к труду. Примером являются пережитки религиозных верований среди отсталой части трудящихся. Подобные идеи обладают большой консервативной силой, и, чтобы выкорчевать их, нужно было прежде всего создать новые формы хозяйственной жизни, заменить примитивную технику хозяйства современной машинной техникой, внедрить в широкие трудящиеся массы грамоту, культуру, поднять их классовое самосознание. Только эти великие мероприятия способны оздоровить психологию вчерашнего мелкого собственника, нынешнего колхозника, способны поднять на более высокий политический и культурный уровень трудящихся нашей страны. Уничтожение пережитков капитализма в сознании людей не может произойти само собой, как стихийный процесс, самотеком. Остатки, пережитки старого мировоззрения уничтожаются в б о р ь б е. Пропаганда материалистического мировоззрения является одним из существенных моментов борьбы за воспитание социалистического мировоззрения масс, за превращение всех трудящихся в активных и сознательных строителей социализма.

Диалектический материализм — философия пролетариата — является мировоззрением и методом познания и действия. Этим методом должны быть вооружены все сознательные строители социализма и прежде всего те, кто призван руководить тем или иным участком нашего советского и хозяйственного строительства. Кадры советской, пролетарской интеллигенции должны в совершенстве владеть техникой своего дела, быть подкованными в вопросах революционной теории, диалектического материализма. Тов. Киров на XVII с'езде партии говорил, что пролетарские специалисты-строители должны знать не только законы сопротивления материалов, но и законы сопротивления классового врага, законы классовой борьбы, законы нашего движения вперед. Представители пролетарской интеллигенции, подлинные советские специалисты, должны знать в совер-

шенстве не только, что и как делать, но и для чего делать, должны знать, какое место занимает их работа в общей системе нашего строительства. Они должны научиться видеть, понимать, осмысливать всю окружающую обстановку, весь путь своего класса, со всеми трудностями и перипетиями борьбы. Эту ориентировку в окружающей обстановке, перспективу движения классов современного общества дает только пролетарская, марксистско-ленинская теория — марксизм-ленинизм, а живую душу этой теории составляет диалектический метод. Изложению основ диалектического материализма как мировоззрения и метода и посвящена рецензируемая нами книга «Диалектический и исторический материализм», часть первая[1].

Книга написана коллективом работников Института философии Коммунистической академии под руководством и под редакцией тов. Митина и представляет собой учебник для комвузов и втузов.

Авторы в предисловии так определяют задачу книги:

«1) Освещение основных вопросов диалектического материализма и его применение к истории общества и всемирно-исторической практике пролетариата, получивших свою разработку и классическое выражение у Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина; 2) ликвидация разрыва, созданного механистами и меньшевиствующими идеалистами между теорией и практикой, между философией и политикой пролетариата, между мировоззрением и методом, между материализмом и диалектикой; 3) освещение вопросов диалектического и исторического материализма на основе критики буржуазной философии и социологии, а также современных социал-фашистских воззрений; 4) освещение роли философии в борьбе за генеральную линию партии на два фронта—с правым и «левым» оппортунизмом и контрреволюционным троцкизмом, с механицизмом и меньшевиствующим идеализмом как философской основой уклонов от генеральной линии партии; 5) выявление и освещение того нового, что вносит марксизм-ленинизм в лице Ленина и Сталина в общую сокровищницу философии марксизма».

Уже из перечисленных задач видно, что это не обычный учебник, в котором дается систематическое изложение предмета: разбираемая книга является продуктом борьбы с механицизмом и меньшевиствующим идеализмом и как бы подводит в систематизированной форме итоги этой борьбы по каждому отдельному вопросу нашего мировоззрения. Обширность и ответственность задач, взятых на себя авторами учебника, значительнее чем в других работах этого рода. Это наложило отпечаток на всю книгу, определило в значительной мере ее содержание, форму, ее достоинства и недостатки. В ней много полемических отступлений, критическая часть преобладает над положительным изложением предмета, но в общем книга все же дает связное, цельное, последовательное изложение основных вопросов диалектического материализма.

То обстоятельство, что учебник написан коллективом в двенадцать человек, причем некоторые главы писались, как видно, без учета того, что пишется в других, привело к ряду повторений, нарушающих стройность и последовательность изложения (например вопрос о философской эволюции в I и II главах; проблема практики в I, III, V и VI главах, вопросы борьбы с ревизионизмом, и т. д.). Это привело также к тому, что все же книга скорее напоминает очерки по диалектическому материализму чем учебник. Здесь же следует указать, что не все главы находятся на одинаковом уровне: различна степень популярности, различен язык, и т. д. Это заставляет нас при рецензировании говорить не только об учебнике в целом, но останавливаться и на отдельных главах.

[1] Вторая часть, посвященная вопросам исторического материализма, вышла раньше.

В I главе дается общая характеристика условий возникновения марксизма, характеристика его содержания и определяются место и значение диалектического материализма в общей системе марксизма-ленинизма как его философской основы. В этой же главе кратко рассматривается развитие марксизма, его борьба с различными видами ревизионизма. Глава завершается характеристикой ленинизма как высшей ступени в развитии марксизма. В общем глава содержательна, написана неплохо, местами даже хорошо, хотя и неравномерно (раздел о ленинизме—слабее). В главе есть лишь отдельные, частные ошибки и неверные формулировки, которые следовало бы устранить в следующем издании учебника. Так, на стр. 8, где выясняются условия возникновения марксизма, говорится:

«В трех ведущих в то время (в эпоху возникновения марксизма. — *Ф. К.)* странах Европы—Англии, Франции и Германии, стоявших на разных уровнях капиталистического развития, с разной силой и с разных сторон выпячивались эти антагонистические противоречия капитализма. Три главнейших течения передовой человеческой мысли—классическая немецкая философия, классическая английская политическая экономия, французский социализм в связи с французскими революционными учениями вообще — отражают движение этих противоречий. В этих противоречиях буржуазного общества и в общественных теориях, отражающих их, следует искать исторические корни марксизма».

Здесь содержится несколько ошибок исторического и принципиального порядка.

Во-первых, неверно, что немецкая классическая философия была выражением антагонистических противоречий к а п и т а л и з м а: она была прежде всего выражением противоречий между развивающимся капитализмом и старыми, феодальными порядками.

Немецкая классическая философия, особенно гегелевская философия, об'ективно была выражением революционных стремлений поднимающейся буржуазии: «Подобно тому как во Франции XVIII века, в Германии XIX столетия философская революция служила введением к политическому краху» (Энгельс «Людвиг Фейербах», стр. 5. Партиздат. 1933).

Во-вторых, английская классическая политическая экономия могла возникнуть и получить развитие лишь тогда, когда антагонистические противоречия капитализма еще не обнаружились резко. Период, когда антагонистические противоречия капитализма резко выступили наружу, был концом английской классической политической экономии: место науки заняла жалкая апологетика.

Немецкая философия, английская политическая экономия и французский социализм имеют свои исторические корни, а марксизм — свои особые исторические корни, прежде всего и главным образом — наличие пролетариата и классовых противоречий, раздирающих капиталистическое общество. Авторы учебника спутали разные понятия: «источник» и «исторические корни». Источники марксизма — это то состояние философских, экономических и исторических учений, которые предшествовали марксизму, перерабатывая, критикуя и преодолевая которые Маркс и Энгельс создали свое учение. Исторические его корни — это классовые отношения конца первой половины XIX в. в Западной Европе и возникновение пролетариата как особого класса, идеологией которого и явился марксизм.

Справедливость требует указать, что автор этой главы на стр. 17 сам дает правильную оценку условий возникновения английской политической экономии, но эта оценка противоречит написанному на стр. 8.

Вторая глава учебника посвящена рассмотрению борьбы материализма и идеализма в философии. Эта борьба в конечном счете отражает историю борьбы классов.

Опираясь на учение классиков марксизма-ленинизма, авторы пишут: «За словесной мишурой многочисленных философских систем, за разнообразием пестрых ярлычков, наклеиваемых на свои учения философами, кроется длительная и жестокая борьба двух основных линий в философии: материализма и идеализма. История философии при всей своей сложности представляет собой историю борьбы и развития этих двух антагонистических философских направлений. Все философские течения и школы суть их разновидности. Каждое философское учение, заявляет ли оно об этом открыто или всячески старается это скрыть, необходимо примыкает либо к лагерю идеализма либо к лагерю материализма» (стр. 36).

Далее, авторы показывают эту борьбу на богатом материале из истории философии и на примере современных философских течений выявляют корни этой борьбы, находящиеся в борьбе классов.

Анализируя причины возникновения и существования идеологических систем, авторы не упрощают вопроса, правильно вскрывая классовые и гносеологические корни идеализма. В частности при рассмотрении современных форм идеализма авторы, следуя Ленину, вскрывают связь между идеализмом и кризисом, переживаемым современным естествознанием. В этой главе показано, что и сам материализм, противостоящий идеализму, имеет свою историю. От ограниченного, метафизического материализма XVII и XVIII вв. через материализм Фейербаха развитие завершается возникновением диалектического материализма — высшей формы материализма, опирающейся на все достижения всемирно-исторической практики, на все достижения естественных и общественных наук.

Наименее удачной является первая часть этой главы (стр. 36—44): она криклива, многословна и неконкретна, читателя раздражает обилие пустых, трескучих фраз вместо живого содержания. Вторая часть главы (стр. 45—89) значительно лучше, богаче содержанием; прочтя ее, читатель-вузовец почувствует, что не зря потратил время, что приобрел новые знания.

Заключительная часть этой главы, посвященная философской эволюции Маркса, страдает следующими недостатками:

1) она в некоторой части повторяет I главу;

2) усиленно подчеркивается наличие материалистической тенденции в работах Маркса — Энгельса в ранний, гегельянский период их развития, причем в подтверждение этого не приводится буквально ни одного доказательства. В нашей литературе иногда встречаются попытки такого упрощенного толкования философского развития Маркса: некоторые считают, что Маркс уже в первых своих литературных работах был и материалистом и идеологом пролетариата. Эти утверждения не отвечают исторической действительности. Ленин писал в статье «Карл Маркс», что в 1840—1841 гг. «по взглядам своим Маркс был еще тогда гегельянцем-идеалистом». 1842—1843 годы были годами бурного революционного развития Маркса: в своих статьях, напечатанных во «Французско-немецком ежегоднике», Маркс выступает уже как революционер, апеллирующий в своей беспощадной критике буржуазного строя уже к пролетариату.

Изложению собственно диалектического материализма посвящены III и IV главы. Здесь дается характеристика материалистической диалектики как философской науки, излагаются учение о материи и формах ее существования, а также основные законы и категории материалистической диалектики.

Достоинство глав, посвященных изложению материалистической диалектики, как, впрочем, и всего учебника, в том, что здесь используются

сравнительно широко работы классиков марксизма-ленинизма: Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. В особенности следует отметить использование «Ленинских философских тетрадей», которые являются подлинной сокровищницей материалистической диалектики, но, к сожалению, мало доступны для использования в качестве учебного пособия. Тем большее значение приобретает популярное, систематическое изложение гениальных мыслей Ленина, разбросанных в этих «Тетрадях». Меньшевиствующие идеалисты и механисты игнорировали ленинское философское наследство, и именно поэтому очень ценно показать шаг за шагом то новое, что внес Ленин в развитие диалектического материализма по каждой его проблеме. Авторы эту линию последовательно проводят во всем учебнике.

В III главе почти отсутствуют примеры и иллюстрации. Изложение вопроса правильное, но сухое, неинтересное — словом, не такое, какое требуется в хорошем учебном пособии. Когда читаешь III главу, почти на каждой странице хочется видеть пример, доказательство. Но авторы почему-то не считают нужным приводить доказательства или примеры, как будто каждый читатель учебника — уже философски образованный материалист и диалектик. Иногда вместо примера или доказательства приводится вырванная из контекста цитата, которая сама по себе, взятая вне контекста, еще ничего не говорит, не доказывает, не убеждает. Отсюда некоторый налет декларативности, догматизма в изложении предмета — черта, противоречащая самому существу диалектического материализма.

На стр. 114 написано:

«Считать, что наши представления о времени и пространстве должны оставаться неизменными, как это полагают наши механисты, скатываться в вопросе о времени и пространстве к метафизическим представлениям Декарта или к механистическим представлениям физиков фарадеевской школы, как это делает А. Тимирязев: смешивать эфир как одну из форм материального движения с пространством, т. е. об'ективно-реальной формой бытия, — это значит становиться на позиции метафизического материализма — на позиции отрицания движения и развития».

Все это совершенно правильно и понятно тому, кто знает, почему неверно декартовское и фарадеевское представление о пространстве. Но для тех, кто этого не знает, вся тирада — пустой звук. Почему отождествление эфира и пространства ведет к отрицанию движения и развития? Ведь это же надо в учебнике не только декларировать, но и показать, подвести к этому неискушенного читателя, убедить. Иначе студент должен или пропустить весь абзац или зазубрить его как попугай. Возникает также вопрос: почему метафизический материализм отрицает движение? В том же учебнике студент прочитал об английских материалистах, о французских материалистах, которые были метафизиками, но не только не отрицали движения как основного свойства материи, но признавали движение вечным, несотворимым и неразрушимым. Другое дело, что движение они, как правило, понимали механистически. Они констатировали, что вселенная находится в движении, но им еще чуждо было понимание движения как саморазвития, развития через противоречия. Однако это не то же самое, что отрицание движения вообще. Спиноза тоже признавал движение, хотя и считал его только бесконечным модусом (первого рода), а не атрибутом. Известно, что уже Дж. Толанд признавал движение атрибутом, т. е. основным и вечно присущим свойством материи.

В следующем абзаце говорится:

«Новейшее естествознание блестяще подтвердило диалектически-материалистическое понимание про-

странства и времени. Связанное с именем Эйнштейна современное научное понятие пространства непреложно устанавливает его материальность, единство пространства и времени, относительность наших представлений о пространстве и времени» (стр. 114).

Прочтя это, хочется сказать: «Может быть, это и верно, но где доказательства?» Из литературы механистов читатель, например, может узнать, что эйнштейновское учение о пространстве и времени есть по существу махистское, идеалистическое, суб'ективистское; почему же верно именно то, что написано в учебнике? Вот опять результат того, что авторы учебника не подумали, для кого и для чего они пишут; иначе они обязательно привели бы доказательства, убедительные факты в подтверждение сказанного — это во-первых. Во-вторых, формулировка авторов не совсем точная, как нужно для учебника. Следуя буквальному смыслу приведенного положения, можно понять его так, что только эйнштейновское учение доказало материальность пространства и единство пространства и времени. Авторы, вероятно, хотели показать, что современная наука дает дополнительные и все более богатые доказательства правильности марксистско-ленинского учения о пространстве и времени.

Отсутствуют примеры и на следующих страницах, где излагается теория отражения. Не показано, почему наши понятия есть копии, снимки с действительных, реальных вещей, а не условные знаки или иероглифы. Теория отражения — важнейший момент в философии марксизма-ленинизма. В последующих изданиях учебника этот вопрос необходимо разработать более тщательно и обосновать на конкретном материале истории знания и современного состояния науки. Раздел, посвященный теории отражения, принципиально дан на достаточном теоретическом уровне, но изложение опять-таки сухое, без примеров, не такое, какое нужно в учебнике.

Значительно лучше обстоит дело с IV главой, где излагаются законы и категории материалистической диалектики. Здесь как содержание, так и форма изложения находятся в большем соответствии, глава вполне доступна, содержательна и читается с интересом, за исключением разделов, посвященных диалектике «Капитала», написанных плохим, трудным языком (см. стр. 152—153), и некоторых мест о сущности, форме и содержании, изложенных труднее чем у Гегеля (стр. 177—188). Следует указать также, что между этой главой и предыдущей нет перехода. Нам кажется, что законы диалектики следует рассматривать вместе с проблемой движения. Нельзя проблему движения и его источник понять вне основного закона движения и развития — закона единства противоположностей. Так же нельзя понять и различные формы движения материи вне проблемы качества, оторванно от закона перехода количества в качество и обратно. Отдельные ошибки и неточные формулировки, имеющиеся в этой главе, мы здесь разбирать не будем.

Особенно следует отметить последние, V и VI главы, посвященные борьбе на два фронта в философии и ленинскому этапу. Шаг за шагом здесь показывается антимарксистский, ревизионистский и реакционный характер философских воззрений механистов и меньшевиствующих идеалистов, устанавливается внутренняя связь между философским ревизионизмом и антипартийными уклонами, между философией и политикой Эти главы написаны просто, популярно и по своему содержанию боевые, партийно заостренные. В главе о ленинском этапе делается попытка дать обобщающую характеристику того нового, что внес великий гений Ленина в сокровищницу философии марксизма, обогатив ее глубочайшим анализом новой эпохи — эпохи империализма и пролетарских революций, анализом достижений науки, в особенности естествознания, за период

после смерти Энгельса. Здесь же дается характеристика развития материалистической диалектики в работах вождя нашей партии товарища Сталина Эта глава понятна, доступна и вооружает читателей на практическое революционное действие.

В заключение — еще раз о форме, о языке всего учебника. Это, конечно, внешняя сторона, но она имеет существенное значение. Тут дело не в форме самой по себе, а в практическом интересе. Каждая наша книга — стрела, пущенная в противника. Чтобы эта стрела была смертоносной, чтобы она разила наибольшее количество врагов и с наибольшей силой, надо, чтобы она была хорошо отточена.

Наши книги имеют широчайший круг читателей. Важно, чтобы книгу прочитали с наибольшей пользой, хорошо понимая и усваивая прочитанное. Не только по содержанию, но и по форме книга должна отражать огненное дыхание нашей революции. В области философии примером такой литературы в прошлом могут служить произведения французских материалистов накануне Великой французской революции. Эти произведения, написанные около 200 лет назад, еще и теперь дышат свежестью, бодрым. боевым духом. Не даром Ленин рекомендовал эти произведения перепечатывать как образец атеистической литературы.

У нас есть величайшие образцы того, как надо писать по самым трудным вопросам, — это произведения наших учителей, Ленина и Сталина. «Вопросы ленинизма» — лучший образец того, как просто, ясно можно изложить великие, гениальные идеи, сделав их доступными миллионам. Надо учиться у классиков марксизма-ленинизма не только тому, что они пишут, но и тому, как они пишут.

* * *

Подводя итоги краткого разбора первой части учебника «Диалектический и исторический материализм», необходимо сказать, что несмотря на ряд серьезных недостатков и ошибок, часть которых мы указали, книга в целом является не только полезной, но и необходимой для начального систематического ознакомления с философским учением марксизма-ленинизма.

В последующих изданиях книга (обе ее части) должна быть значительно переработана и улучшена. Общий размер ее должен быть сокращен по крайней мере на четверть, от этого учебник только выиграет. Должно быть обращено очень серьезное внимание на стиль: нужно добиться ясности, простоты и точности изложения.

Надо осуществлять прекрасные традиции Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина в выработке блестящей формы изложения.

Надо использовать так же в смысле формы изложения опыт таких популяризаторов марксизма, как Плеханов, Поль Лафарг, Фр. Меринг и Роза Люксембург, умевших труднейшие вопросы преподносить в живой и увлекательной форме.

Особое внимание при переработке учебника должно быть уделено освоению с точки зрения материалистической диалектики всего нового, что дает современное состояние науки во всех областях и величайший опыт классовой борьбы пролетариата и социалистического строительства.

Ф. КОНСТАНТИНОВ

Сети партийного просвещения—большевистский учебник

(*Б. Волин. Политграмота. 3-е изд., перераб. 1934. 302 стр. 2 р. 50 к.*

С. Ингулов. Политбеседы. Краткий учебник политграмоты. 1934. 259 стр. 2 руб.)

На XVII с'езде ВКП(б) товарищ Сталин исчерпывающе определил задачи партии в области идейно-политической работы. Эти задачи таковы:

«1. Поднять теоретический уровень партии на должную высоту;

2. Усилить идеологическую работу во всех звеньях партии;

3. Вести неустанную пропаганду ленинизма в рядах партии;

4. Воспитывать парторганизации и окружающий их беспартийный актив в духе ленинского интернационализма;

5. Не замазывать, а критиковать смело отклонения некоторых товарищей от марксизма-ленинизма;

6. Систематически разоблачать идеологию и остатки идеологии враждебных ленинизму течений».

Данные о работе сети партпросвещения (Белоруссия, Ивановская область, Азово-Черноморский край и др.) показывают, что многие коммунисты и даже партийные организации еще не поняли, почему на данном этапе столь остро стоит задача идейного вооружения членов и кандидатов ВКП(б). Именно недопониманием об'ясняется и тот факт, что некоторые организации не ведут достаточно напряженной подготовки к партучебе в этом году.

Надо понять, что идейное вооружение членов и кандидатов партии, их большевистское воспитание в духе указаний товарища Сталина являются делом чести, боевой задачей каждой партийной организации. Без этого нет перестройки партийной работы в духе решений XVII с'езда ВКП(б).

Чистка партии показала, что теоретический уровень многих членов партии невысок. С другой стороны, грандиозный размах хозяйственной, политической и культурной работы во второй пятилетке—пятилетке построения бесклассового, социалистического общества — ставит как никогда остро вопрос об идейном вооружении коммунистов. Коммунист — это член правящей партии, под руководством которой созидается социалистическое общество. Надо понять, что без овладения основами теории ленинизма коммунист не сможет быть вожаком, организатором, строителем и борцом за вторую пятилетку.

Товарищ Сталин указывал на XVII с'езде ВКП(б), что врагов партии: оппортунистов всех мастей, национал-уклонистов всякого рода—мы разбили, но «остатки их идеологии живут еще в головах отдельных членов партии и нередко дают о себе знать». Наша партия, учит товарищ Сталин, не есть нечто оторванное от окружающей ее среды. Поэтому не удивительно, что «в партию проникают нередко извне нездоровые настроения». Ибо почва для таких настроений имеется в нашей стране: мы еще не преодолели всех пережитков капитализма не только в сознании людей, но и в экономике; мы еще не преодолели всех трудностей, стоящих перед нами в процессе социалистического строительства. Наконец, наша социалистическая родина окружена врагами — капиталистическими странами. Пока «существует капиталистическое окружение, которое старается оживлять и поддерживать пережитки капитализма в экономике и сознании людей в СССР и против которого мы, большевики, — говорил товарищ Сталин,— должны все время держать порох сухим».

Вот почему так остро стоит теперь задача идейного вооружения коммунистов. Вот почему все внимание сети партпросвещения в этом году должно быть приковано к изучению доклада товарища Сталина и решений XVII с'езда ВКП(б), дающих развернутую программу построения бесклассового. социалистического общества.

Хорошо организованная и проведенная подготовка нового учебного года (комплектование сети партпросвещения, подбор пропагандистов, обеспечение сети партпросвещения учебниками) решает дело.

Одним из важнейших условий нормальной работы сети партпросвещения является своевременное снабжение партучебниками, причем доброкачественными. партийно-выдержанными, отвечающими тем задачам, которые поставлены в области партийно-воспитательной работы товарищем Сталиным.

* * *

«Политграмота» Б. Волина уже известна нашему партийному пропагандисту. Она вышла сейчас третьим изданием и таким образом будет в течение третьего учебного года обслуживать сеть кандидатских партийных школ, для которых она предназначена. Наряду с другими учебниками политграмоты книга Б. Волина рассчитана на более или менее политически подготовленных товарищей.

Несмотря на свою стабильность учебник тов. Волина в новом, третьем издании значительно отличается от предыдущих изданий. Снова, как и во втором издании. выходит в переработанном виде. Надо сказать, что такая переработка от издания к изданию улучшила книгу, привела к устранению ряда крупных недочетов, имевшихся в прежних изданиях. Эти недочеты не раз отмечались пропагандистами, работавшими над книгой тов. Волина.

Недостатки учебника носили преимущественно методический характер. Они состояли в следующем:

1) Книга была слишком велика (во втором издании в ней было 23½ печатных листа); проработать в течение одной зимы столь большую книгу в кандидатской партшколе было чрезвычайно трудно.

2) В книге не было соблюдено то, что можно назвать «единством стиля». К тому же в книге имелся ряд повторений, большое количество цитат.

3) И главный недостаток: книга была все же трудна для многих кандидатов в члены ВКП(б), проходивших по ней курс политграмоты.

Известно, что очень многие элементарные теоретические вопросы чрезвычайно трудно поддаются популярному изложению. Возьмем, например, теорию стоимости. Знакомство с ней необходимо, для того чтобы усвоить понятие прибавочной стоимости и эксплоатации. Но, для того чтобы об'яснить сущность стоимости, надо об'яснить, что такое абстрактный общественно-необходимый труд. Последние два понятия чрезвычайно сложны несмотря на их кажущуюся простоту. Несомненно, что в учебнике политграмоты для кандидатских школ, в котором надо раз'яснить сущность капиталистической эксплоатации, не стоит вдаваться в подробности учения Маркса о стоимости и ее моментах. Это можно сделать позднее, когда кандидат в члены ВКП(б) усвоит политграмоту и перейдет в кружок по изучению политической экономии.

Между тем в прежних изданиях «Политграмота» тов. Волина пыталась охватить подробными рассуждениями отдельные вопросы. Это создавало излишние трудности в изложении, вело к нагромождению проблем и вызывало справедливые нарекания со стороны пропагандистов. Одобряя книгу в целом, пропагандисты жаловались на то, что учебник далеко не всегда бывает по силам тому, для кого он предназначен, — кандидату в члены ВКП(б).

В новом, третьем издании «Политграмота» тов. Волина значительно улучшена в смысле устранения отмеченных недостатков. Книга сокращена до 19 печатных листов. Значительно выравнен стиль. Устранено большинство повторений. Многочисленные цитаты, перегружавшие прежние издания, заменены самостоятельным изложением. Изложение дано на достаточном теоретическом уровне.

В целом «Политграмота» Б. Волина является небольшим, методически продуманным, построенным по последовательному плану, систематическим пособием по важнейшим политико-экономическим вопросам.

Первая глава «Политграмоты» дает сравнительную характеристику двух систем хозяйства: капиталистической и социалистической. Характеристика капиталистической системы хозяйства начинается изложением общих, элементарных понятий о капитализме, о капиталистической эксплоатации, об основном противоречии капитализма и о неизбежности гибели капиталистического строя. Вслед за этим дается характеристика общего кризиса капитализма и его современного состояния. На этой основе показаны безработица, голод, нищета, политическое бесправие и угнетение трудящихся масс капиталистических стран; капиталистическим странам противопоставляется страна социализма, Советский союз. Первая глава носит вводный характер. Ее основная задача — дать общее представление о капитализме и капиталистической эксплоатации, а так же общее, в порядке беглого сравнения с капитализмом, представление о советской системе.

Надо сказать, что эта вводная глава всегда оказывается трудной для проработки в школах политграмоты. Несомненно, усвоить сущность капиталистической эксплоатации, хотя бы в той элементарной форме, в какой она дается в «Политграмоте» тов. Волина, усвоить, почему неизбежна гибель капитализма, в чем состоит основное противоречие капитализма, каково соотношение общего кризиса капитализма и экономического кризиса, и т. д., кандидату в члены партии, может быть, впервые пришедшему в партшколу, не всегда легко.

Однако избежать этих трудностей нельзя. То, что дается в первой главе, служит основой, на которой развивается затем дальнейшее содержание курса. Проработка первой главы требует особенного внимания со стороны пропагандиста, который обязан помочь учащимся в усвоении наиболее трудных положений этой главы.

Вторая, небольшая глава говорит о двух фазах коммунизма. Характеристика первой фазы коммунизма тесно связана с практикой строительства социализма в Советском союзе. Поэтому здесь ставятся вопросы, которые должны быть узловыми при проработке этой главы: вопросы об уравниловке и ее отличии от марксистско-ленинского понимания равенства при социализме, об укреплении диктатуры пролетариата и о государстве при социализме, о значении т р у д а при социализме. Включение этих вопросов в главу, дающую характеристику двух фаз коммунизма, несомненно, даст учащимся правильное представление о великой полосе социалистического строительства в СССР.

Основным содержанием третьей главы (о диктатуре пролетариата) является строение органов советской власти. Глава дает сжатое изложение Конституции Советского союза. При проработке этой главы руководителям школ политграмоты придется привлекать и самый текст Конституции СССР. Имеющиеся данные говорят, что в прошлом недостаточно внимания уделялось изучению Советской конституции в школах политграмоты (в связи с общей проработкой курса политграмоты) и кандидаты в члены партии не знали Конституции.

Глава третья показывает путь к коммунизму через диктатуру пролетариата. Главы четвертая и пятая излагают учение о партии как руководителе рабочего класса и трудящихся масс в борьбе за диктатуру пролетариата, за социализм. Содержанием четвертой главы являются устав партии и основные организационные принципы большевизма. Глава пятая кратко излагает историю большевистской партии. Следует отметить, что пятая глава написана лучше других в отношении доступности и живости изложения. Однако и в пятой главе есть трудные места, в частности в изложении ленинского учения о перерастании. Руководителю школы политграмоты, несомненно, и здесь придется помогать слушателю.

Главы шестая, седьмая и восьмая излагают программу партии. Глава шестая знакомит читателя с сущностью нэпа, с понятием социалистической индустриализации в отличие от капиталистической индустриализации, а также с итогами первой пятилетки.

Седьмая глава, посвященная социалистической реконструкции сельского хозяйства, заостряет внимание на задачах колхозного строительства. Она говорит об организационно-хозяйственном и политическом укреплении колхозов, о задачах политотделов в деревне, о борьбе за зажиточную жизнь, и т. д.

Глава восьмая излагает основные установки и задачи второй пятилетки. По своему построению глава эта соответствует в общем докладу тов. Молотова на XVII с'езде ВКП(б). Необходимо отметить, что эта глава трудновата: несколько перегружена цифрами, длинна.

Девятая глава представляет собой краткий очерк ленинских принципов национальной политики. Глава десятая — краткое изложение программы Коминтерна и решений XII и XIII пленумов ИККИ; эта глава дает так же краткую историю III интернационала.

Последняя, одиннадцатая глава содержит биографические данные о вождях и учителях пролетариата: Марксе, Энгельсе, Ленине и Сталине. В этой главе дается так же довольно подробная характеристика теоретических работ вождей пролетариата и того нового, что внесено ими в разработку теории научного коммунизма.

Примерно то же содержание учебник Б. Волина имел и в предыдущем издании. В новом издании, однако, заново написана глава, излагающая основные решения XVII с'езда партии о второй пятилетке. В новом издании сильно переделано так же начало первой главы (о капитализме). Облегчено изложение сущности капиталистической эксплоатации, устранены повторявшиеся во втором издании цитаты и отдельные параграфы (например о фашизме). Сильно переработана так же четвертая глава (о партии) в соответствии с новым уставом партии и решениями XVII партс'езда по организационным вопросам. В главе о вождях пролетарской революции значительно расширен биографический материал.

Новое издание «Политграмоты» Б. Волина, несомненно, значительно улучшено и приближено к тем требованиям, которые пред'являет учебнику политграмоты кандидатская партийная школа.

Несомненно так же, что в теоретическом и партийном отношении книга Б. Волина вполне выдержанна и проверена опытом двух минувших лет, когда она являлась одним из основных учебных пособий кандидатской партийной школы.

При всем том надо все-таки отметить, что сделать книгу в полной мере доступной кандидату в члены ВКП(б) и в этом новом, третьем издании автору не удалось. Более того: в некоторых главах в результате произведенных сокращений изложение даже стало несколько труднее. Трудна и новая глава о второй пятилетке.

* * *

Книга тов. Волина не ставит перед собой задачи — охватить различные по уровню политического развития кандидатские группы.

Задачу обслужить теоретически наиболее слабых кандидатов в члены ВКП(б), а также сочувствующих ставит себе новый краткий учебник политграмоты — «Политбеседы» С. Ингулова.

«Политбеседы» тов. Ингулова выходят первым изданием. Они являются попыткой дать изложение политической грамоты, вполне доступное наиболее теоретически слабым прослойкам кандидатов партии и сочувствующих. Политграмота излагается в образной, местами разговорной форме, исходя от близкого и известного. Напечатана книга крупным шрифтом.

В книге тов. Ингулова даются только самые общие, элементарные основы политической грамоты. В ней не разбирается, например, понятие прибавочной стоимости, хотя и дается понятие о капиталистической эксплоатации. Нет такого подробного разбора пяти признаков империализма, какой дан в «Политграмоте» Б. Волина, хотя понятие об империализме как последней стадии капитализма все же дается.

Первая беседа является простым описанием жизни рабочих и крестьян до революции; за этим следует краткий очерк революционной борьбы рабочих и крестьян за свержение власти помещиков и капиталистов. Описание жизни рабочих до революции выясняет незаметно для читателя (без специальных экскурсов в политическую экономию) сущность эксплоатации.

Вторая беседа продолжает первую. Здесь дается сравнительная характеристика жизни рабочих у нас, в СССР, и в современном капиталистическом обществе. Росту материального благосостояния трудящихся СССР противопоставляются голод, нищета, безработица трудящихся масс в странах капитализма. Характеристика капиталистического мира приводит к обобщениям: выясняются неизбежность гибели капитализма, сущность империализма, сущность общего и современного экономического кризиса капитализма.

Две первые главы нового учебника политграмоты тов. Ингулова написаны ярко. убедительно. популярно, местами даже художественно. Вместе с тем они являют пример того, как можно без специальных теоретических изысканий о стоимости и общественно-необходимом труде раз'яснить сущность эксплоатации в капиталистическом обществе и неизбежность гибели капитализма. Можно заранее сказать, что первые главы «Политбесед» тов. Ингулова без большого труда будут прочтены и усвоены даже самыми слабыми в смысле политического развития учащимися школ политграмоты.

Ответственная задача руководителя школы — добиться, чтобы при чтении этих глав учащийся не только получил некоторое общее представление о капитализме, но чтобы он в итоге вынес определенные теоретиче-

ские обобщения и уроки. Для этого надо помочь читателю выделить основные теоретические узлы в этих главах. Так, в первой главе должно быть выяснено, в чем состоит эксплоатация при капитализме. Вторая глава должна дать понятие о том, что такое капиталистический кризис, что такое империализм, почему неизбежна гибель капитализма и т. д.

Общий принцип построения учебника тов. Ингулова — двигаться от понятного и известного к теоретическим обобщениям. Поэтому в третьей беседе, например, сначала, раз'ясняется сущность диктатуры пролетариата, а затем, очень коротко рассказывается, что такое коммунизм.

Беседа пятая и шестая излагают программу партии; беседа седьмая посвящена уставу партии; беседа восьмая дает биографии Ленина и Сталина; беседа девятая содержит очень краткое изложение программы и последних решений Коминтерна.

Учебник тов. Ингулова еще не проверен практикой работы кандидатских школ. Он еще не подвергся всестороннему обсуждению в сети партийных школ. Несомненно все же, что издание такого учебника представляет серьезный успех и принесет большую пользу. Сеть партийного просвещения получила подлинно популярный учебник простейших основ политической грамоты; при этом тов. Ингулов избежал опасности впасть в вульгаризацию.

Изданы оба разобранных учебника хорошо.

С. ХВАТОВ и Е. СИТКОВСКИЙ

Идеология воинствующего фашизма

Перед нами последняя книга «внешнеполитического специалиста» фашистской Германии Альфреда Розенберга, автора знаменитых антисоветских «крестоносных» проектов.

В этой книге, подготовленной к печати неким Тиль фон-Трота, собраны избранные статьи и речи Розенберга за период 1919—1933 гг. Все это творчество, об'единенное названием «Кровь и честь»[1], разбито на четыре отдела: «Против старой системы», «За новую империю», «Мировоззрение и культура» и «Внешняя политика». Интереснее других, разумеется, последний раздел, и на нем мы остановимся более подробно.

Прежде всего несколько слов о самом авторе. Упомянутый Тиль фон-Трота, сообщая в предисловии к рецензируемой книге биографические сведения о Розенберге, всячески скрывает его активную антисоветскую деятельность за период 1918—1919 гг., во время так называемой «бермонтиады» (поход авантюриста Бермонта-Авалова на Советский союз через Прибалтику). Между тем, по совершенно достоверным историческим данным, Розенберг (выходец из балтийско-немецкой ревельской семьи) был одним из непосредственных организаторов так называемой «Северозападной армии» Бермонта-Авалова, фактическим командующим которой был известный генерал фон-дер-Гольц. Нам думается, что в «послужном списке» Розенберга «бермонтиада» сыграла далеко не последнюю роль в особенности при его выдвижении Гитлером на пост руководителя внешнеполитического отдела национал-социалистской партии.

[1] Alfred Rosenberg «Blut und Ehre». Ein Kampf für deutsche Wiedergeburt. Reden u. Aufsätze von 1919—1933. München. 1934.

Розенберг следующим образом формулировал задачи этого отдела: «В самой общей форме в круг задач внешнеполитического отдела входит разработка проблем Восточного пространства (Ostraum), Дунайского пространства, немецкого равноправия и привлечение молодых личностей, которые могли бы быть призваны эффективно участвовать и в области внешней политики Германии» (из статьи в «Фелькишер беобахтер» от 5 апреля 1933 г.). Это было написано $1\frac{1}{2}$ года назад. За эти $1\frac{1}{2}$ года в странах Прибалтики и в Австрии, или, говоря языком Розенберга, в «Восточном и Дунайском пространствах», произошел ряд знаменательных событий (достаточно упомянуть события 25 июля в Австрии, движение «ветеранов» в Эстонии, неудавшийся путч Вольдемараса 7 июня в Каунас, путчистскую деятельность фашистских эмиссаров в Мемеле и т. д.), тесно переплетенных с деятельностью «молодых личностей» из внешнеполитического отдела гитлеровской партии. Правда, деятельность эта не увенчалась особыми успехами, но это уже не вина, а беда Розенберга...

Напрасно читатель искал бы во внешнеполитической «концепции» Розенберга анализ международного положения Германии, ее отношений к великим державам, к ее соседям и т. д. Розенберговская методология гораздо проще: в основу всей — и внешней и внутренней — политики фашистской Германии он кладет... чистоту крови. «Борьбе за чистоту крови» Розенберг посвятил свой главный «труд» (700 страниц убористого шрифта!) «Миф XX века»; та же многообещающая «концепция крови» фигурирует и в большинстве статей рецензируемой книги. В статье «Кровь, территория, личность», написанной в ноябре 1932 г. и помещенной в «теоретическом» органе фашистской партии «Национал-социалистские ежемесячники», Розенберг следующим образом формулирует основы национал-социалистского мировоззрения:

«Национал-социалистическое мировоззрение исходит из утверждения, что кровь и территория — суть германского народа, что культурная и государственная политика должна определяться этими двумя моментами, что чистота (буквально: «Gesundheit» — «здоровье») крови является предпосылкой для любого крупного деяния и что поэтому основной целью внутренней и внешней политики должно быть сохранение и укрепление этой крови» (стр. 242). Мы могли бы спокойно пройти мимо этой галиматьи мракобеса, если бы в ней не был заложен весьма определенный политический, антисоветский смысл. Ибо вся философия «чистоты немецкой крови», или, как выражаются некоторые фашистские расовые «теоретики», «чистоты немецкой спермы», необходима Розенбергам для обоснования того варианта империалистической войны «высшей» расы против «низшей», о котором говорил товарищ Сталин на XVII партс'езде. Розенберг и не скрывает антисоветской подоплеки своей «кровавой» философии. Вслед за цитированными выше строками Розенберг, опираясь на авторитет ряда расовых «теоретиков» — от католика-мракобеса Гобино (автора известного «Опыта о неравенстве человеческих рас») до современного фашистского «расобиолога» Гюнтера, — говорит:

«Как бездна, глубокая ненависть (повидимому, к буржуазии. — *М. Г.)* действительно убежденного большевика стала понятна как прямое выражение в расовом отношении (буквально: «в отношении крови» — «blutmässig») деградировавшего или отравленного человечества; стало понятным, что в противоположность этому героический элемент во всех областях жизни тесно переплетен с той частью арийской расы, которой распоряжается немецкий народ» (стр. 242). Перед нами обнаженная шовинистическая пропаганда антисоветской интервенции во имя интересов «выс-

шей» расы. Разнузданность этой «героической» арийской пропаганды можно сравнить лишь с разнузданностью японской антисоветской пропаганды типа знаменитого сочинения Араки «Задачи Японии в эпоху Сиова». Розенберг, занимающий официальный пост в правительственной клике гитлеровской Германии, демонстрировавшей недавно при подавлении «революции педерастов» весь арсенал своих отвратительных методов господства, смеет говорить о «героических элементах» фашистского движения! Поистине, зрелище для богов!

От «философских» концепций Розенберга перейдем к его статьям и речам, посвященным внешней политике фашистской Германии. Необходимо отметить, что статьи Розенберга, содержащие откровенно антисоветские проекты отторжения советских земель от Страны пролетарской диктатуры, в частности знаменитые «украинские проекты», в рецензируемый сборник не включены. Тем не менее интервенционистские нотки ясно звучат в интересующем нас разделе «Внешняя политика». В докладе на тему «Кризис и возрождение Европы» Розенберг, развивая свою теорию превосходства арийской расы и подчеркивая растущее возмущение «смешанных» рас (читай: угнетенных колониальных народов. — *М. Г.*), заявил:

«Это возмущение возглавляется большевистским движением. Указания на этот факт должно быть достаточно, чтобы найти практическое единство в защите всей Европы с целью преодоления этой мировой опасности» (стр. 305). Этот прямой призыв к созданию антисоветского фронта Розенберг в том же докладе дополняет следующими комментариями о разделе сфер влияния четырех империалистических держав: Англии, Франции, Италии и Германии:

«Германия направляется на восток и северовосток, Франция—на юг, Италия — на юговосток и восток, Великобритания — на заморские владения» (стр. 311).

Нет сомнения, что эти проекты легли в основу внешнеполитической активности, которая была проявлена Розенбергом в гитлеровской Германии, в частности в его известных переговорах в Лондоне. Неудача этих переговоров не приостановила, как известно, антисоветского рвения: еще в мае 1934 г. на заседании «Северного общества», происходившем под председательством Розенберга, ближайший сподвижник последнего В. Дайц заявил следующее:

«Великая задача Германии состоит сейчас в том, чтобы опять пустить в ход европейскую хозяйственную карусель, которая в течение 400 лет двигалась все медленнее, об'единить юговосток с востоком и соединить все эти территории вместе с Россией в одну общую хозяйственную единицу» («Berliner Börsenzeitung» от 15/IV 1934 г.). Те же идеи возрождения «эпохи крестоносцев», что практически означает захват фашистской Германией Прибалтийских государств, развиваются и в рецензируемой книге. Более того, Розенберг подчеркивает, что основные принципы национал-социалистского движения, в первую очередь принцип беспрекословного повиновения «вождю», заимствованы у крестоносцев.

«Германия вновь обрела старый закон построения своей политической и общественной жизни. Она вернулась к старому германскому принципу герцога и его свиты. Если мы возродим в памяти старые законы тех орденов, которые колонизировали немецкий восток, мы найдем полное сходство принципов, согласно которым управлялось когда-то государство крестоносцев, с принципами, которыми управляется национал-социалистское движение». Сказано очень откровенно! Но Розенберг

«забыл» добавить, что основными «принципами» крестоносцев были грабеж чужих территорий и угнетение чужих народов. Не будем спорить с утверждением Розенберга, что эти принципы полностью совпадают с внешнеполитическими установками гитлеровской Германии: ему, руководителю внешнеполитического отдела национал-социалистской партии, виднее...

Философия грабежа и угнетения чужих территорий проскальзывает и в ряде других высказываний Розенберга. Вот например характерные «мысли» Розенберга об Африке:

«Африка тоже возрождается: ее расы не едины, не равноценны; моральные качества среди «черных» выявляют большие различия. Фактом, однако, является то, что действительной черной культуры не существует и что черно-белое расовое смешение приводит к вырождению».

Вывод напрашивается сам собой: «Отсутствие у Африки собственной государственности означает в международно-политическом отношении право белых на колонии» (стр. 304). Но Розенберг не довольствуется грабежом чужих земель: он резко выступает против «цивилизаторской» деятельности империалистических государств и обосновывает необходимость полного угнетения колониальных народов. Говоря о праве белых на колонии, Розенберг подчеркивает:

«Пользуясь этим правом, белые должны и в Африке отказаться от всей либеральной «идеи воспитания», от всех попыток сделать «европейского культурного человека» из совершенно иначе сложившегося черного» (стр. 304). Эта рабовладельческая философия выглядит особенно занимательной на фоне полного провала всех захватнических проектов и стремлений германского неоимпериализма получить хоть какую-нибудь «колонишку». Впрочем, рабовладельческая откровенность Розенберга по отношению к колониальным народам мало вяжется с широкой пропагандой «цивилизаторской» роли кайзеровской Германии в колониях, проводимой не без участия розенберговского «внешнеполитического отдела» многочисленными колониальными организациями фашистской Германии.

В связи с приведенными высказываниями Розенберга о «праве белых» на угнетение колоний небезынтересно упомянуть его рассуждения об антиимпериалистическом движении угнетенных народов. В рецензируемой книге имеется статья «Запад и Восток», посвященная Брюссельскому антиимпериалистическому конгрессу 1927 г. Автор обрушивается на те органы немецкой буржуазной печати, которые выражали свои симпатии Брюссельскому конгрессу. Розенберг усматривает в этом угрозу белой расе:

«В тот момент, когда различные народы земного шара под коммунистическим руководством об'явили в одной из европейских столиц войну белой расе, наше отношение к этому новому орудию III интернационала не может не быть отрицательным». Это прислужничество немецких фашистов к мировому империализму чрезвычайно характерно для всей внешнеполитической концепции Розенберга.

Интересны высказывания Розенберга о Польше. Напоминаем, что рецензируемая книга об'единяет статьи Розенберга, напечатанные до 1934 г., т. е. до польско-германского соглашения. Однако составитель книги не включил в сборник наиболее антипольские высказывания своего шефа. Известно, что к полякам Розенберг питает прямо звериную ненависть; нелишне напомнить, что в своем главном «труде» («Миф XX столетия») Розенберг весьма нелестно отзывался о поляках и о чехах. Достаточно привести следующее место из «Мифа XX столетия»:

«В великой борьбе за существование, честь, свободу и хлеб, какую ныне ведет столь творческая нация, как Германия, недопустимо

считаться с поляками, чехами и т. п. нациями, столь же импотентными и ничтожными, сколь и требовательными и нахальными».

Однако и в рецензируемой книге имеется ряд антипольских высказываний Розенберга, относящихся к 1930—1932 гг. Мы говорим о двух его речах в германском рейхстаге, направленных против уступок Польше со стороны догитлеровских германских правительств. Касаясь вопроса о положении немецкого нацменьшинства в Польше, Розенберг заявил в германском рейхстаге 5 декабря 1930 г.:

«Речь идет не о временном или постоянном ущемлении немецкого нацменьшинства в Польше, а о развернутой кампании с целью уничтожения немцев в Польше, о кампании с политической целью дискриминации Германии за ее пределами» (стр. 275). Далее, Розенберг прямо обвиняет Польшу в прямом и очевидном срыве конвенции о нацменьшинствах: «Германское правительство обязано сделать вытекающие из этого факта выводы и должно затребовать аннулирования его решения от 21/X 1921 г. (т. е. о разделе Верхней Силезии)... Мы полагаем, что наступил момент заявить всему миру, что Германия не примирилась с этой потерей». Еще более резко Розенберг выступил против Польши на заседании рейхстага 24 февраля 1932 г., заявив:

«Польша нарушила договоры от 24 и 28 июня 1919 г. об охране нацменьшинств. Признание конвенции о нацменьшинствах было предпосылкой для признания Польши вообще. Польша тогда вынуждена была обязательства этой конвенции о меньшинствах выполнить». В качестве практического мероприятия Розенберг предлагал тогда обратиться с протестом... в Лигу наций, резко критикуя «мягкотелость», проявленную правительством Брюнинга по отношению к Польше. Чувствуя все неудобство опубликования этих антипольских высказываний, автор (или составитель) снабдил эти две речи следующим осторожным примечанием:

«Если Польша теперь стремится придти к соглашению с Германией, то новая империя будет это приветствовать, исходя из интересов истинного мира».

Однако без всяких примечаний в книге перепечатан доклад Розенберга о выходе из Лиги наций, прочитанный 30 октября 1933 г. В этом докладе Розенберг снова резко обрушился на Польшу, обвиняя правительство Пилсудского в преследованиях немецкого нацменьшинства и в невыполнении своих версальских и женевских обязательств.

Эти высказывания Розенберга приобретают исключительно актуальное значение в свете последнего заявления польского миниидела Бека на пленуме Лиги наций об одностороннем расторжении конвенции об охране нацменьшинств. Вот что тогда писал Розенберг:

«В июне 1919 г. Польское государство получило международное признание. Этому признанию предшествовал сохранивший свою обязательную силу меморандум, который председатель Мирной конференции Клемансо вручил Польше. В этом меморандуме было об'явлено, что Польша получает признание при условии уважения прав нацменьшинств... Таким образом признание Польшей прав нацменьшинств является предпосылкой признания Польского государства».

Эти высказывания, не имеющие еще годовой давности, не помешали тому же Розенбергу надних приветствовать на страницах «Фелькишер беобахтер» декларацию Бека в Лиге наций. Такая исключительная беспринципность характерна для той внешнеполитической изолированности, в которой очутилась гитлеровская Германия.

Книга Розенберга свидетельствует о крайнем убожестве фашистской «идеологии». Розенберговская философия «крови», рассчитанная на разжигание нового предвоенного патриотизма и самых низких шовинистических инстинктов, не в состоянии поднять массы. Рабочий класс и трудящиеся массы Германии, активно борясь под руководством своей героической коммунистической партии, давно уже вынесли приговор фашистскому режиму и его идеологам.

М. ГЕРЦБАХ

Уполномоченный Главлита № В - 93896
Тираж 450 000 экз.
В 1 п. л. 63 000 зн. 3 бум. листа
Изд. № 947

Редакция: А. Стецкий (редактор), В. Кнорин, П. Поспелов, Б. Таль

Материал сдан в набор 23/IX 1934 г., подписан к печати 27/IX 1934 г. Заказ № 2815

Типография газеты „Правда" Москва, ул. Горького, 48.

ИНСТИТУТ МАССОВОГО ЗАОЧНОГО ОБУЧЕНИЯ ПАРТАКТИВА ПРИ ЦК ВКП(б)

доводит до сведения всех партийных и комсомольских организаций, политотделов, членов партии и комсомола, что в 1934—1935 УЧЕБНОМ ГОДУ ИНСТИТУТ ПЕРЕДАЕТ СЛЕДУЮЩИЕ ЦИКЛЫ РАДИОЛЕКЦИЙ, рассчитанные на широкий партийный, комсомольский и беспартийный актив города и деревни, заочников партучебы, организованных радиослушателей, пропагандистов партсети и преподавателей:

I. ИСТОРИЯ ВКП(б) (18 лекций)

Курс передается с октября 1934 г. по январь 1935 г.

В октябре передаются лекции:

15/X **Рабочее движение 70—80-х годов и возникновение марксизма в России.**

20/X **Борьба Ленина за революционный марксизм, за партию нового типа в 90-х годах.**

25/X **Ленинская «Искра».**

II. ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ПРОГРАММЫ КОМИНТЕРНА (10 лекций)

Цикл передается с октября по декабрь 1934 г.

В октябре передаются лекции:

16/X **Крах II интернационала и борьба большевиков за создание Коминтерна.**

26/X **Организационные основы Коммунистического интернационала.**

III. ВОПРОСЫ ПРОГРАММЫ И УСТАВА ВКП(б) (12 лекций)

Цикл передается с января по апрель 1935 г.

IV. ИСТОРИЯ РОССИИ И СССР (20 лекций)

Курс передается с января по май 1935 г.

V. ВОПРОСЫ ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ (12 лекций)

Цикл передается с января по апрель 1935 г.

VI. ЛЕНИНИЗМ (12 лекций)

Курс передается с февраля по апрель 1935 г.

VII. КАК ИЗУЧАТЬ ПРОИЗВЕДЕНИЯ КЛАССИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Консультации передаются с октября 1934 г. по май 1935 г. по 2 лекции в месяц.

В октябре передаются лекции:

19/X **Как изучать «Коммунистический манифест».**

22/X **Как изучать статью Ленина «Карл Маркс».**

VIII. ВОПРОСЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА (24 лекции)

Цикл передается с октября 1934 г. по апрель 1935 г.

В октябре передаются лекции:

17/X **За выполнение решений июньского пленума ЦК ВКП(б) о животноводстве.**

27/X **Улучшение породы молочного скота и племенное дело.**

IX. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ СССР (9 лекций)

Цикл передается с октября по декабрь 1934 г.

В октябре передаются лекции 14, 21 и 28-го числа.

X. ЭПИЗОДИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ РАДИОЛЕКЦИЙ И КОНСУЛЬТАЦИЙ (22 лекции)

Циклы передаются с октября 1934 г. по май 1935 г.

В октябре передается цикл лекций по вопросам современной художественной литературы.

2/X **Литературная молодежь нашей страны.**

5/X **Колхозное движение в произведениях советских писателей.**

11/X **О современной мировой литературе.**

XI. ВОПРОСЫ ТЕКУЩЕЙ ПОЛИТИКИ ПАРТИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВА (21 лекция)

Лекции передаются с октября 1934 г. по май 1935 г.

В октябре лекции по текущей политике передаются 3, 7, 13 и 23-го числа.

Радиолекции Института передаются через станцию им. Коминтерна с 18 ч. 30 м. до 19 ч. 30 м. по московскому времени.

Лекции слушайте в специально оборудованных радиоаудиториях при политотделах, в парткабинетах, а также у себя дома на индивидуальных приемниках.

Вопросы, отзывы и замечания о радиопередачах направляйте по адресу: Москва 12, Ильинка, 21, Институт при ЦК ВКП(б), Корреспондентское бюро

Директор Института В. УВАРОВ

Цена 40 коп.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

№ 18 30 сентября № 18

МОСКВА
Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"
1934

СПИСОК
КНИГ, ПРИСЛАННЫХ НА ОТЗЫВ В РЕДАКЦИЮ „БОЛЬШЕВИКА"

ИМЭЛ

1. **ЛЕНИН. Сочинения.** 3-е изд. 1934. Т. II, 667 стр.

2. **ЛЕНИН. Сочинения.** 3-е изд. 1934. Т. III. 614 стр.

3. **ЛЕНИН. Сочинения.** 3-е изд. 1934. Т. XXIX. 596 стр.

ИМЭЛ. ПАРТИЗДАТ

1. **ЛЕНИН В. И. Война и крах II интернационала.** 1934. 169 стр. 1 р. 10 к.

2. **Первый интернационал в документах** (серия брошюр).

1) **Основание Первого интернационала.** 1934. 85 стр. 55 к.

2) **Против белого террора.** 1934. 74 стр. 60 коп.

ПАРТИЗДАТ

1. **Маркс К. Господин Фогт.** 1934, 354 стр. 3 р. в перепл.

2. **Краткая история ВКП(б).** Под ред. Кнорина. 2-е изд. 1934. 408 стр. 2 р. 75 к. в перепл.

3. **СЕРГЕЕВ Б. З. Михаил Иванович Калинин.** 1934. 127 стр. 1 р. 40 к. в перепл.

СОЦЭКГИЗ

1. **ФРИДЛЯНД. Жан-Поль Марат и гражданская война XVIII в.** Т. I. 1934. 510 стр. 8 р. 50 к. в переплете.

2. **Экономика труда.** Учебное пособие. 2-е перераб. изд. 1934. 446 стр. 9 р. 25 к. в перепл.

3. **История пролетариата СССР.** Сборник II. 1934. 267 стр. 4 руб.

ВОЕНГИЗ

1. **ГЕЛЬДЕРС. Воздушная война 1936 года.** Перевод с немецкого. 2-е изд. 1934. 160 стр. 3 р. 10 к. в перепл.

2. **МОРЕТТА РОККО. Какой будет завтрашняя война.** Перевод с итальянского. 1934. 239 стр. 3 р. 75 к. в перепл.

ПРОФИЗДАТ

1. **Сталинцы транспорта.** Сборник очерков о знатных людях транспорта. 1934. 179 стр. 2 р. 25 к. в перепл.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОБЩ-ВА ПОЛИТКАТОРЖАН

1. **ЛАВРОВ П. Избранные сочинения на социально-политические темы.** Т. I. 1934. 519 стр. 9 р. в переплете.

СЕЛЬХОЗГИЗ

1. **Постоянная колхозная бригада и внутрибригадная организация труда.** 1934. 185 стр. 2 р.

ЦУНХУ ГОСПЛАНА

1. **Социалистическое строительство СССР.** Статистический ежегодник. 1934. 8 р. в перепл.

2. **Капиталистические страны в 1913—1920—1933 гг.** 128 стр. 2 р. 50 к. в перепл.

ГИХЛ

1. **Борьба за стиль.** Сборник статей. 1934. 330 стр. 5 р. 50 к. в переплете.

2. **ПУШКИН А. С. Стихотворения.** Т. I. 568 стр. 5 р. в перепл. Т. II. 467 стр. 5 р. в перепл. Т. III. 534 стр. 5 р. в перепл.

3. **ТУРГЕНЕВ И. С. Поэмы, стихотворения, воспоминания.** Т. IX. 1934. 677 стр. 7 руб. в перепл.

4. **НОВИКОВ-ПРИБОЙ А. Соленая купель.** 4-е изд. 1934. 195 стр. 2 р. 75 к. в перепл.

5. **ШЕВЧЕНКО Т. Г. Кобзарь.** Избранные стихотворения. Перевод с украинского. 1934. 390 стр. 6 руб. в перепл.

6. **ТАГИРОВ А. Солдаты.** Перевод с башкирского 1934, 205 стр. 3 р. в перепл.

7. **ТАШ-НАЗАРОВ О. Батрак.** Поэма. Перевод с туркменского. 1934. 187 стр. 3 р. 25 к. в перепл.

8. **ФРАНС АНАТОЛЬ. Остров пингвинов.** Перевод с французского. 1934. 237 стр. 4 р. в перепл.

9. **НИЗАН ПОЛЬ. Антуан Блуайе.** Перевод с французского. 1934. 203 стр. 3 р. 75 к. в перепл.

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. **ЖАРОВ А. Избранные стихи.** 1934. 140 стр. 2 р. 50 к.

2. **ЛЕОНОВ ЛЕОНИД. Избранные произведения.** 1934. 4 р. в переплете.

3. **НИКУЛИН Л. Дело Жуковского.** 1934. 157 стр. 2 р. в перепл.

4. **МИРСКИЙ А. Интеллидженсиа.** 1934. 138 стр. 1 р. 65 к. в переплете.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ В ЛЕНИНГРАДЕ

1. **ДЕЛЬВИГ А. А. Полное собрание стихотворений.** 1934. 552 стр. 9 р. 50 к. в перепл.

2. **ЧЕРНЕНКО АЛЕКСАНДР. Моряна (каспийская повесть).** Т. I. 1934. 374 стр. 6 р. 25 к. в перепл.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

Политико-экономический
ДВУХНЕДЕЛЬНИК
ЦК ВКП(б)

XI ГОД ИЗДАНИЯ

Адрес редакции:
Москва, ул. Горького, 43
Тел. 1-21-15. Кремль 3-90

№ 18 30 СЕНТЯБРЯ 1934 г.

СОДЕРЖАНИЕ

МОБИЛИЗОВАТЬ РЕЗЕРВЫ, ПЕРЕВЫПОЛНИТЬ ПЛАН

Тяжелая промышленность — база технической реконструкции всего народного хозяйства СССР—добилась в текущем году несомненных успехов. Истекшие три квартала дали большой прирост продукции, превысившей на 28% уровень соответственного периода прошлого года (плановое годовое задание требует увеличения продукции тяжелой промышленности на 23%). На пороге четвертого квартала, завершающего год, позиции важнейших отраслей тяжелой промышленности достаточно наглядно характеризуются хотя бы следующими данными.

За первые девять месяцев текущего года каменноугольная промышленность выполнила 70,7% годового плана, в то время как за тот же период прошлого года она дала только 66,3% годового задания, а в 1931 г.—48,8%.

Производство электроэнергии за девять месяцев — 3/4 года — составило 75,4% годовой программы, а в прошлом году за этот же период оно едва достигло 68%, не превысив в 1931 г. 58%. Выплавка чугуна за 3/4 года превысила 76% годового задания, в прошлом же году за этот период было дано лишь 57,1% годового плана, а в 1931 г. — менее 45%.

Подобные примеры можно умножить. Они показывают, что на втором году второй пятилетки тяжелая промышленность не только обеспечила высокий прирост общего уровня продукции, но добилась более ровной и уверенной работы из квартала в квартал. Есть еще отстающие участки (например медь, нефть, цемент), не выполняющие плановых заданий, но в целом тяжелая индустрия одержала немалую победу. О том же говорят и важнейшие качественные показатели: тяжелая промышленность добилась повышения производительности труда на 11,8% (за восемь месяцев) и снижения себестоимости около 5% (за семь месяцев).

Все это первые результаты борьбы за освоение новой техники, созданной в огне героической борьбы рабочего класса в годы первой пятилетки.

Главная ценность этих успехов тяжелой индустрии в том, что они воплощают в себе первые победы в борьбе за освоение, за разрешение исторических задач второй пятилетки.

Но это только первые шаги на пути реализации лозунга товарища Сталина «Пафос строительства дополнить пафосом освоения». И совершенно правильно поступило совещание работников тяжелой промышленности, сосредоточив главное внимание не на достигнутых успехах, а на новых, нерешенных еще задачах, которые вырастают на базе одержанных побед

Тяжелая индустрия обладает мощными ресурсами. Упорно борясь за социалистическую индустриализацию, мобилизуя творческую активность миллионных масс трудящихся, сметая со своего пути все препятствия, нанося сокрушительные удары классовому врагу и его агентуре—правым и «левым» оппортунистам, партия создала могучую тяжелую промышленность, прочную основу реконструкции всего хозяйства СССР на базе передовой техники.

Как указывал в речи на совещании тов. Орджоникидзе, с 1929 г. в тяжелую промышленность страна вложила 32 млрд. руб., причем введено уже в эксплоатацию новых основных фондов на 21,7 млрд. руб. Материальные ценности, которыми располагает тяжелая промышленность, составляют 40 млрд. руб. Армия ее работников охватывает 6 млн. рабочих, служащих, техников, инженеров. Вот те гигантские ресурсы, которыми располагает гордость рабочего класса СССР — наша тяжелая промышленность, созданная в невиданно короткий срок.

Как же используются эти огромные ресурсы? Приведены ли они полностью в движение, давая стране мощные потоки продукции, соответствующие возможностям нашей индустрии? Это важнейший вопрос работы промышленности.

Тов. Орджоникидзе дает на этот вопрос четкий большевистский ответ: «Мы должны прямо, по-большевистски сказать, что мы далеко еще не сумели использовать всех наших ресурсов. Если бы мы сумели как следует мобилизоваться, мы дали бы гораздо больше, чем даем сейчас. А Советская страна имеет право от нас требовать». Мобилизовать все резервы, полностью овладеть мощностями, которыми располагает наша промышленность, — такова важнейшая задача, которая во весь рост встала перед нами в процессе развернутой борьбы за вторую пятилетку.

Всестороннее овладение полной мощностью всех предприятий, агрегатов, механизмов, уменье извлечь из машины максимум того, что она может дать при наилучших технико-экономических показателях,— таково «материальное содержание» лозунга освоения новой техники, под знаком которого партия развертывает свое большевистское наступление во второй пятилетке. Резервы тяжелой промышленности велики и многообразны.

Полностью ли загружено оборудование на наших предприятиях? Далеко не полностью. Здесь сколько угодно добавочных возможностей. Наше машиностроение в среднем загружено не более чем на 80%. Но это средняя цифра. Очень много предприятий, имеющих первоклассное оборудование, использует его значительно меньше. Есть еще заводы (для примера можно привести хотя бы уральский гигант тяжелого машиностроения), которые работают только в одну смену.

Проблема полной загрузки оборудования, полного и рационального использования механизмов и агрегатов — одна из серьезнейших проблем нашей хозяйственной работы. Она не может быть разрешена просто, примитивно, «одним ударом». Ее разрешение требует упорной, глубоко продуманной, согласованной работы от

наркомата до мастера и бригадира в цеху. Тщательная взаимная увязка заводов, вдумчивое кооперирование, правильное маневрирование сырьем и полуфабрикатами, опирающиеся на глубокое знание оборудования, действительных технических возможностей и потребностей всех предприятий,—вот что необходимо для более полного использования мощностей тяжелой промышленности, для повышения загрузки ее оборудования.

Надо добиться более высоких коэфициентов использования агрегатов. От каждого агрегата и механизма надо получить максимум того, что они могут дать. Здесь таятся огромные резервы. Здесь—широчайшее поле для творческой работы наших технических сил. О том, что может дать борьба за улучшение технико-экономических показателей использования механизмов, с исключительной наглядностью свидетельствует работа нашей черной металлургии. В 1932—1933 г. коэфициент использования полезного об'ема наших доменных печей (работающих на коксе) составил около 1,65. В нынешнем году этот коэфициент — один из главнейших показателей качества работы доменных цехов — достигает 1,26. Иначе говоря, те же доменные печи дают на 30% больше металла чем давали в прошлом году.

На XVII с'езде партии отмечалась передовая роль Сталинского завода в Донбассе, который «прорвал фронт» в борьбе за передовые показатели. Развивая успехи, этот завод добился уже коэфициента 1,13, т. е. на тех же печах он дает на 200 с лишним тонн чугуна в сутки больше. А доменщики Сталинского завода Кузбасса (Кузнецк), добившись в сентябре на своих печах коэфициента 1,017, ставят задачей достигнуть коэфициента 0,9, превзойдя тем самым лучшие американские нормы. Нужен ли более яркий показатель тех огромных возможностей, которыми располагает наша промышленность, более яркий пример значения мобилизации резервов!

Если бы все наши металлурги добились показателей Сталинских заводов, то без всякого увеличения мощностей доменных и мартеновских цехов, без особых новых капиталовложений Советская страна получила бы добавочно сотни тысяч и миллионы тонн чугуна и стали.

Достижение лучших показателей использования агрегатов—важнейшая задача всей нашей промышленности. Ее разрешение даст новые потоки продукции с того оборудования, которым располагает тяжелая индустрия.

Могут ли наши нефтяники добиться американских темпов бурения, если буровые станки и механизмы использовались в июне текущего года таким образом, что производительное время, затрачиваемое на бурение и углубление скважин, по Азнефти не достигало 46%, а по Грознефти—52%? Подобные примеры можно привести из практики любой отрасли промышленности. При этом всюду можно указать передовые участки, передовых ударников, которые на том же оборудовании, при тех же условиях с успехом овладевают передовыми показателями использования механизмов, перекрывая иной раз и американские нормы. Эти передовики показывают пути борьбы за мобилизацию резервов, таящихся в лучшем использовании машин, в более полной загрузке оборудования промышленности.

Но этим отнюдь не исчерпываются задачи борьбы за резервы, за полное использование мощностей наших предприятий.

Не менее важное значение имеет борьба за уплотнение рабочего дня.

Семичасовой рабочий день принадлежит к числу крупных завоеваний рабочего класса СССР, победоносно строящего социализм. Этот 7-часовой рабочий день должен использоваться полностью, с максимальной производительностью для Советской страны. Между тем фактическая загрузка рабочего дня в промышленности составляет всего 5 — 5,5 часов, а на ряде предприятий и того меньше.

Задача полной загрузки рабочего дня далеко не исчерпывается борьбой за укрепление трудовой дисциплины. Сплошь да рядом простои рабочих вызываются дефектами в организации производства, нераспорядительностью «командного состава», недостатками планирования, неразберихой и безалаберщиной, которых еще более чем достаточно на наших предприятиях.

Уплотнение рабочего дня, полное производительное использование 7 часов работы — вот резерв, который может дать стране огромную добавочную продукцию без увеличения оборудования. За мобилизацию этих резервов должны упорно бороться соединенными усилиями и хозяйственники, и инженерно-технические работники, и партийные, профсоюзные, комсомольские организации.

Важным участком в борьбе за мобилизацию резервов является экономия в расходовании материалов. Наши хозяйственники очень часто жалуются на недостатки технического снабжения, на нехватку сырья, топлива, вспомогательных материалов. В то же время они не склонны замечать, что у них на предприятиях эти материалы сплошь да рядом расходуются самым хищническим образом. Можно ли терпеть положение, которое имеет место, например, на новом Луганском паровозостроительном заводе, где перерасход металла на каждый паровоз «ФД» превышает 5 тонн? Сколько бесполезных затрат труда, загрузки оборудования и порчи материала вызывает на этом заводе тот факт, что там в механические цеха подаются заготовки с огромными припусками, с грубым нарушением установленных норм? Луганский завод, к сожалению, отнюдь не одинок. Многие ли предприятия имеют основания похвастать тем, что они соблюдают нормы расхода топлива? Большинство заводов, электростанций, шахт, промыслов может представить печальную летопись недопустимых перерасходов угля, кокса, нефти, торфа.

Почему на изготовление одной и той же детали Сталинградский и Харьковский тракторные заводы затрачивают различное количество металла? И почему оба эти завода, как правило, затрачивают больше сырья чем американские заводы при производстве аналогичной продукции?

Строгая экономия материалов при непрерывном повышении качества продукции, ее отделки — одна из важнейших задач нашей промышленности. Здесь скрыты большие резервы, мобилизация которых позволит промышленности значительно увеличить свою продукцию.

Проблема мобилизации резервов была во весь рост поставлена на конференции работников тяжелой промышленности. Но эта проблема, разумеется, полностью сохраняет свое значение и для всех других отраслей народного хозяйства.

Каким же путем можно добиться успеха в борьбе за полное овладение мощностями нашей промышленности? Каким образом можно привести в движение все огромные ресурсы, которые мы накопили? Путь к победе ясен. Он указан товарищем Сталиным. Выдвинув в начале 1931 г. исторический лозунг «Большевики должны овладеть техникой», товарищ Сталин четко указал путь к разрешению этой задачи. Шесть условий товарища Сталина, развернутая программа работы и руководства по-новому,—вот что лежит в основе успехов нашей индустрии. Кое-кто из хозяйственников, не в меру увлекающихся своими успехами, склонны думать, что ими сделано уже все для проведения в жизнь шести условий товарища Сталина. Это—глубочайшее и вреднейшее заблуждение. Совершенно правильно подчеркнул тов. Орджоникидзе, что на современном этапе шесть условий товарища Сталина имеют для нас еще более актуальное значение.

Наша тяжелая промышленность обладает мощной технической базой. Выросли и окрепли ее кадры. Успех в борьбе за овладение этой первоклассной техникой зависит от того, как будет организована эта борьба,

как будет организовано производство. А пути этой организации и указывают шесть условий товарища Сталина.

Особенно наглядно можно показать, какие огромные задачи стоят перед работниками промышленности в борьбе за действительное проведение в современных условиях указаний товарища Сталина хотя бы на вопросах организации труда и зарплаты. Наша промышленность добилась немалых успехов в борьбе с мелкобуржуазной уравниловкой. Однако эта уравниловка еще не добита. До сих пор руководствуются еще обезличенной «средней зарплатой». Между тем в процессе развития тяжелой промышленности выросли совершенно новые производства, новые предприятия, вооруженные сложнейшими агрегатами, работа у которых требует высочайшей квалификации. Можно ли тут чего-нибудь добиться, руководствуясь «средней зарплатой» вообще?

Многие хозяйственники не желают заниматься вопросами зарплаты, передоверяя это важнейшее дело второстепенным работникам. Они забывают, что зарплата — сильнейший рычаг в борьбе за повышение производительности труда и правильную организацию производства. Директор, начальник цеха, мастер — командиры производства — должны лично и непосредственно заниматься вопросами зарплаты, тщательно учитывая индивидуальные особенности каждого производственного участка, неуклонно следя за тем, чтобы зарплата действительно соответствовала проделанной работе, чтобы социалистический принцип оплаты «каждому по его труду» на деле проводился в жизнь во всей практике промышленности.

Или возьмем другой пример: механизацию трудоемких работ. В этой области нужно проделать огромнейшую работу, особенно на строительстве. Надо, с одной стороны, увеличить производство механизмов и повысить техническую вооруженность строек. Наше машиностроение настолько выросло и окрепло, что ему поплечу разрешение этой задачи. Но, с другой стороны, надо повести самую беспощадную борьбу с теми антимеханизаторскими настроениями, которые еще очень сильны на ряде участков строительства. Тот факт, что имеющиеся на стройках механизмы — экскаваторы, краны и др. — простаивают, свидетельствует, что нужна еще упорная и настойчивая борьба за проведение в жизнь указаний товарища Сталина.

Или взять вопрос об улучшении материального и культурно-бытового обслуживания рабочих. Материальное положение рабочих и инженерно-технических кадров непрерывно улучшается. Однако могут ли руководители предприятий тяжелой промышленности сказать, что ими сделано и делается в этой области все, что необходимо и возможно? Вряд ли много найдется таких нескромных директоров, которые осмелились бы утвердительно ответить на этот вопрос. Весь сложный и многообразный комплекс задач, из которых складывается культурно-бытовое обслуживание рабочих и их семей (жилищное, коммунальное строительство и благоустройство, ОРС, столовые, клубы, школы, ясли и т. д.), требует самого настойчивого и действенного внимания со стороны руководителей предприятий, которые вместе с общественными организациями должны добиваться в этой области непрерывного движения вперед.

В борьбе за овладение новой техникой, за действительное проведение в жизнь шести условий товарища Сталина перед работниками промышленности во весь рост встает задача большевистской перестройки, культурной организации производства и труда. Совещание работников тяжелой промышленности четко сформулировало конкретное требование культурной работы. Культурная работа отнюдь не сводится, как это кажется некоторым хозяйственникам, к тому, чтобы навести внешний лоск, чистоту, посадить цветочки у парадного под'езда главной конторы и т. п. Перестройка работы

и руководства на основе указаний товарища Сталина и решений XVII с'езда партии должна охватить все стороны и звенья производственной жизни.

Уменье правильно организовать производство, подобрать и правильно расставить необходимых людей, чтобы полностью загрузить оборудование,— важнейшая задача каждого работника промышленности. Надо обеспечить работу по четкому плану — напряженную, но ровную и уверенную, без штурмовщины. Немало еще у нас «героев», которые считают высшей доблестью уменье организовать штурм, все перевернуть, совершить резкий прыжок, чтобы потом успокоиться, провалить дело и затем снова ринуться на штурм. В такой работе нет ничего хорошего. Штурмовщина ни в какой мере не является хозяйственной добродетелью. Она показывает, наоборот, неуменье правильно организовать производство и овладеть техникой дела.

Не может быть и речи об успешной работе, если не обеспечены правильная организация труда, правильная постановка технического нормирования и зарплаты.

Железная пролетарская дисциплина во всех звеньях производства — важнейшее условие успеха. Борясь за укрепление дисциплины, каждый хозяйственник должен помнить, что дисциплина начинается с него самого. Государственный план — это закон, и большевистская самоотверженная борьба за выполнение государственных заданий, за проведение в жизнь директив партии и правительства — первый долг работников промышленности.

Решающая сила производства — живые люди. И никогда не добьется успеха хозяйственник, не изучающий людей, с которыми он работает, особенно молодые технические кадры. Развертывание творческой инициативы, уменье правильно воспитать и продвигать новые кадры—важнейшее условие победы в борьбе за овладение новой техникой.

Иные работники считают возможным добиваться «высоких» технических показателей любой ценой, в ущерб состоянию оборудования. В погоне за дешовыми «победами» они допускают нарушение технических правил, «забывают» о плановом ремонте, об уходе за машинами. Вряд ли нужно доказывать, что подобные действия не имеют ничего общего с культурной работой. Сохранение оборудования, содержание его в образцовой чистоте и порядке должны сочетаться с уменьем извлечь из этого оборудования максимум того, что оно может дать при правильной организации производства.

В этом году на большинстве наших предприятий можно заметить новую черту—борьбу за чистоту. Это очень ценный факт. Образцовая чистота в цеху, у станка, на заводском дворе, на складе приучает к чистой, четкой и точной работе. А именно такой работы требует высокосовершенная новая техника, которой вооружена сейчас тяжелая промышленность. Но никуда не годится такая организация дела, когда внешняя, показная чистота прикрывает внутренние дефекты, безалаберщину и беспорядочность на производстве.

У нас еще не вывелись работники, которые считают возможным увеличивать количество выпускаемой продукции за счет ухудшения ее качества. Непрерывное повышение качества продукции, тщательная ее отделка, комплектная отгрузка — обязательные условия культурной работы. Все работники предприятий тяжелой промышленности должны по-большевистски бороться за честь своей заводской марки, все выше и выше поднимая ее достоинство.

За последнее время укрепление финансовой дисциплины заставило работников промышленности почувствовать вкус к финансовым вопросам. Однако нельзя сказать, чтобы борьба за жесткий хозрасчет, за советскую копейку велась с достаточной энергией, интенсивностью и ком-

петентностью. Между тем не может быть и речи об успешном овладении техникой, если себестоимость продукции не будет непрерывно снижаться в соответствии с повышением производительности труда и всесторонним улучшением использования оборудования.

Беспощадная борьба с канцелярско-бюрократическими методами, далеко еще не добитыми, подлинно конкретное, действенное компетентное руководство, постоянная проверка исполнения—важнейшие условия перестройки.

Задачи, стоящие перед промышленностью, становятся все сложнее. Все шире и глубже развертывается борьба за овладение новой техникой, которая пред'являет чрезвычайно высокие требования ко всем кадрам работников промышленности. Неустанная работа над собой, над повышением своей политической, культурной и технической подготовки — вот то условие, без которого ни один работник не сумеет подняться до уровня величайших задач борьбы за завершение технической реконструкции всего народного хозяйства.

Партия победоносно развертывает борьбу за вторую пятилетку, за то, чтобы вывести страну пролетарской диктатуры на первое место в Европе по уровню техники, чтобы превратить ее в богатейшую страну мира.

В этой борьбе на тяжелую индустрию ложатся ответственнейшие задачи. Во втором году второй пятилетки тяжелая промышленность одержала ряд побед на пути освоения новой техники, снова и снова доказывая, что нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять.

Но сделаны только первые шаги. Не успокаиваться на достигнутом, не зазнаваться, непрерывно двигаться вперед, неустанно проверяя всю работу в огне большевистской самокритики! Возможности тяжелой промышленности огромны. Все эти возможности нужно превратить в действительность большевистской борьбой.

Мобилизуя свои мощные резервы, перестраивая работу, повышая ее качество, тяжелая промышленность сумеет придти к VII с'езду советов, перед которым она будет отчитываться, с новыми блестящими победами.

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ*

(К VII КОНГРЕССУ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА)

О. Пятницкий

Отвечаю на те из полученных мной вопросов, которые кажутся мне наиболее актуальными, причем я их перегруппировал по отдельным темам. Вопросами международного профессионального движения будет заниматься VII конгресс Коминтерна. Заранее оговариваюсь: возможно и даже вероятно, что тот или иной данный мной ответ будет изменен в процессе подготовки к конгрессу или на самом конгрессе. Я отвечу на заданные мне вопросы так, как я их сейчас понимаю.

* * *

Вопрос. Необходимо ли сделать сейчас особый упор в работе революционных профсоюзов на установление единого фронта в профдвижении и на профсоюзное единство?

Ответ. Безусловно, да. Коммунисты никогда не переставали говорить об этой необходимости. Но решающим и новым является сейчас то, что и рабочие в реформистских, автономных, «независимых», католических и других профсоюзах начинают убеждаться в этой необходимости. А это значит, что профсоюзное единство становится сейчас и более возможным чем раньше.

Реформистские и другие нереволюционные профсоюзы во все послевоенные годы проводили политику соглашения с буржуазией. Революционное рабочее движение, прокатившееся во всем мире после мировой войны, вырвало у буржуазии ряд уступок, облыжно об'явленных социал-демократами и реформистами результатом их реформистской политики. Однако, подавив революционные выступления рабочих, буржуазия с помощью тех же реформистов стала все больше урезывать свои уступки рабочим. Положение рабочего класса с начала экономического кризиса становится в главнейших капиталистических странах хуже чем до войны.

Революционное профдвижение построило свою политику на борьбе против буржуазии. В тех странах, где революционное профдвижение было сильно, ему удавалось добиться значительных успехов в этой борьбе. Во время кризиса, когда буржуазия во всех странах систематически ухудшала положение трудящихся, рабочие под влиянием революционных профсоюзов и революционной профоппозиции провели ряд боевых забастовок, давая отпор наступлению капитала.

В ходе этой борьбы таяли реформистские иллюзии у рабочих, шедших за социал-демократией. И, несмотря на то что стачки во время кризиса стали труднее, реформистские профсоюзы были вынуждены под давлением масс принимать участие в забастовках; участились и совместные выступления рабочих организаций, принадлежащих к различным профоб'единениям. В этой совместной борьбе реформистские рабочие все больше и больше убеждались в том, что профбюрократы, участвуя в забастовках и даже руководя ими,

---

* Эта работа в вопросах и ответах представляет собой переработанную стенограмму доклада на собрании коммунистов Профинтерна.

проводят курс капитуляции перед буржуазией. Реформистские рабочие все больше убеждались в том, что коммунисты и революционные рабочие идут в первых рядах борцов за интересы рабочего класса.

С переходом к депрессии особого рода все более широкие массы рабочих убеждаются в лживости всех разговоров реформистов о том, будто скоро вернется «процветание», что жизненный уровень рабочих повысится, что безработные будут приняты обратно на производство, и т. д. Несмотря на то, что производство в важнейших капиталистических странах поднимается, безработица сокращается весьма незначительно, а в ряде случаев совсем не сокращается вследствие роста интенсификации труда. Реальная заработная плата осталась на нищенском уровне периода обострения кризиса, а в некоторых странах, как например в США, она даже понизилась. Одновременно с ухудшением материального положения рабочих увеличивается их бесправие и порабощение, особенно в странах фашизма. Это ухудшение положения рабочего класса происходит в обстановке стремительного роста прибылей трестов и монополистов. Опыт, который рабочие массы сейчас выносят из наступления капитала, в особенности приход фашистов к власти в странах, где реформисты вели за собой большинство рабочих, — в Германии и в Австрии, ускоряет изживание реформистских иллюзий в рабочем классе. Все более широкие слои рабочих начинают убеждаться в необходимости совместной борьбы против классового врага, в защиту своих интересов.

Перед значительными массами рабочих лежат два пройденных пути: один — путь реформизма и сотрудничества классов, путь, который отбросил рабочий класс в ряде стран на полустолетие назад в экономическом и политическом отношении; и второй — путь революционной борьбы коммунистов против буржуазии, за свержение капитализма и установление диктатуры пролетариата. Первый путь привел к фашистскому рабству даже в такой стране с высоко организованным рабочим движением, как Германия. Второй путь, путь Октябрьской социалистической революции, привел к победе социализма в СССР.

Разочарование все более широких масс рабочего класса в первом, реформистском пути и огромные успехи революционного пути обусловливают тягу рабочих к единству действий с коммунистами, к единому фронту, к установлению единства профсоюзных организаций.

При всех трудностях профединство возможно, если будет вестись систематическая, упорная, умелая борьба за него. Сейчас, при росте активности организованных в реформистские профсоюзы масс и общей тяги рабочих к единству, обстановка для этой борьбы благоприятнее чем когда бы то ни было в течение последних десяти лет.

Необходимо учесть и то, что профессиональное движение сильно разрозненно и имеет в разных странах разные формы и направления. Во Франции существуют, например, реформистские, красные, автономные, христианские и другие профсоюзы. В Испании — реформистские, анархосиндикалистские, красные, автономные и националистические профсоюзы (баски и т. д.). В США есть профсоюзы, примыкающие к Американской федерации труда, примыкающие к Лиге профединства, независимые профсоюзы, не считая компанейских союзов, куда предприниматели при поддержке правительства сумели загнать до 5 млн. человек. В Польше и Чехо-Словакии все партии (а их немало!) имеют свои профсоюзы. Лишь в Англии реформистские профсоюзы — наиболее массовые организации, не имеющие крупных конкурентов в лице профдвижения других направлений. Однако трудность задачи для нас, коммунистов, меньше всего означает отказ от ее разрешения. Это значит, что *по одному шаблону, одним и тем же путем нельзя добиться профсоюзного единства в различных странах.* Нужно исходить из учета конкретного состояния профессионального движе-

ния в каждой стране, чтобы повести борьбу за единство вне и в особенности внутри реформистских и реакционных профсоюзов.

Не может быть и речи об успехах в борьбе за профединство, если коммунисты, наконец, не поставят серьезно работу внутри массовых нереволюционных профсоюзов и если они не развернут на предприятиях систематической раз'яснительной работы среди организованных, а также неорганизованных рабочих, борясь за единый фронт и профединство.

Вопрос. Имеются ли какие-либо существенные сдвиги в об'ективной обстановке, влияющие на применение нашей тактики единого фронта и единства, или речь идет об исправлении ошибок в применении нашей тактики единства (как тактики единого фронта снизу) и улучшении руководства стихийным движением широких масс за единство?

Ответ. По сравнению с периодом VI конгресса Коминтерна и V конгресса Профинтерна в рабочем классе и в рабочем движении за последнее время, безусловно, произошли большие сдвиги. После временного поражения германского рабочего класса в январе 1933 г. и распада германской социал-демократии, и в особенности после февральских событий 1934 г. в Австрии, в рабочем классе наметился двойной процесс: не только разочарование в реформистской политике и кое-где отход от социал-демократической партии, но и растущая тяга к единому фронту, к организационному единству, а местами и к переходу наиболее сознательной части реформистских рабочих к коммунистам.

Социал-демократические и профсоюзные лидеры, конечно, пускают в ход различного рода маневры с целью затормозить этот глубокий процесс, но могут ли они теперь лавировать с таким успехом, как они это делали, например, в 1918 — 1920 гг.? Нет, они не имеют теперь такой возможности — прежде всего потому, что эти сдвиги в рабочем классе и рабочем движении происходят в обстановке глубокого экономического кризиса и обостряющегося кризиса капитализма.

Как лавировали и маневрировали социал-демократические партии и профбюрократы тогда?

В Германии, будучи у власти, социал-демократическая партия в те годы расстреливала революционных рабочих, гвардия Носке еще в январе 1920 г. расстреливала демонстрации, которые происходили около рейхстага в связи с обсуждением закона о фабзавкомах. Но одновременно та же социал-демократическая партия сдерживала революционное движение рабочих масс реформами, имевшими значение для каждого рабочего: тарифные колдоговоры, восьмичасовой рабочий день, фабзавкомы, имевшие право участвовать в выработке внутреннего распорядка предприятия, и т. д. После войны рабочие в целом ряде стран не были уже так бесправны, как до войны, когда профсоюзы должны были вести борьбу за их признание предпринимателями и т. п. В Австрии было проведено рабочее законодательство, более широкое чем в Германии. В Англии было проведено страхование по безработице. Во Франции был проведен закон о страховании по болезни, и по сравнению с прежним положением рабочие получили кое-какое облегчение. Одним словом, тогда с.-д. лидеры и профбюрократы, расстреливая революционных рабочих и коммунистов, в то же время вынуждены были провести ряд реформ, облегчивших положение рабочих. Большая часть организованных и неорганизованных рабочих, удовлетворившись этими реформами, отвернулась от революционных организаций, и предательство реформистов прошло тогда безнаказанно.

Могут ли реформисты теперь спекулировать на том, будто они сделали что-либо для широких слоев рабочих? Не могут. В последние годы в каждой стране буржуазия, чтобы выйти из экономического кризиса за счет трудящихся, отменяла или ухудшала с помощью социал-демократической партии те законы, которые были проведены сейчас же после войны. С помо-

щью реформистов буржуазия ухудшила экономическое положение рабочих. В ряде стран все более широкие массы рабочих убеждаются в том, что реформистская политика, сулившая «мирный» путь к социализму, на деле приводит к фашизму. Поэтому социал-демократические партии не могут теперь обманывать рабочий класс так, как они обманывали его в 1918—1920 гг. Это дает возможность компартиям и революционному профсоюзному движению использовать недовольство широких масс реформистской политикой и их тягу к единству.

Это новое ставит вопрос об уточнении и некотором изменении тактики, а также методов, формы и содержания работы коммунистов.

Как проводится тактика единого фронта? Из формулировки этого вопроса следует, будто коммунисты теперь отказываются от единого фронта снизу. Это, конечно, неверно. *Единый фронт снизу был и остается основной формой единого фронта.* Но это отнюдь не значит, что исключается применение тактики единого фронта и *сверху*. Во многих случаях и теперь может оказаться возможным осуществление единого фронта только снизу, но *не может быть* единого фронта только сверху. Возьмем Англию. Рабочая партия, профсоюзы, кооперативная партия до сих пор продолжают отказываться от единого фронта с коммунистической партией Англии. За ними идут широкие массы. Должна ли компартия Англии прекратить применение тактики единого фронта в каждодневной экономической и политической борьбе? Конечно, нет. Коммунисты с удвоенной силой должны повести борьбу за единый фронт снизу, используя в то же время всякую возможность снова и снова ставить перед руководством Рабочей партии и тредюнионами вопрос о единстве действий в борьбе против наступления капитала, против фашизма и опасности войны [1]. Мне могут сказать, что компартия Англии установила единый фронт с Независимой рабочей партией Англии путем соглашения сверху. Да, но это соглашение было достигнуто благодаря тому, что Национальный совет Независимой рабочей партии под давлением массы своих членов вынужден был пойти на единый фронт с коммунистами, и благодаря тому, что борьба коммунистов за единый фронт снизу была успешной.

Возьмем Францию, где сейчас заключено соглашение между руководством социалистической партии и ЦК компартии о совместных выступлениях по ряду вопросов. Ведь совсем недавно, в начале 1934 г., и с'езд социалистической партии, хотя и при очень значительном меньшинстве возражавших, и ЦК социалистической партии отказались от переговоров о едином фронте. Но и после этого отказа низовые организации компартии Франции снова обратились непосредственно к низовым организациям социалистической партии с предложением о совместной борьбе против фашизма; в результате этого единый фронт в Париже и других промышленных городах начал фактически осуществляться.

Это давление снизу оказалось настолько сильным, что руководители социалистической партии Франции, *Фор* и *Блюм*, на своем Национальном совете должны были констатировать, что единый фронт делает большие успехи помимо ЦК социалистической партии и что удержать своих членов от самовольного установления единого фронта они могут, лишь вступив в переговоры с ЦК компартии Франции сверху.

---

[1] Единый фронт в Англии вопреки руководству Рабочей партии и Генсовету реформистских профсоюзов сделал значительный шаг вперед: 9 сентября 1934 г. по призыву компартии и Независимой рабочей партии Англии вышли на контрдемонстрацию против фашизма свыше 100 тыс. рабочих, несмотря на то что Рабочая партия и руководство реформистских профсоюзов призывали рабочих не участвовать в демонстрации. Больше того, 34 низовых профсоюзных организации районов, 2 профсоюзные организации Лондона, 2 ЦК профсоюзов, 30 низовых районных организаций Лиги молодежи присоединились к призыву о демонстрации и активно в ней участвовали.

Можно ли после этого утверждать, что единый фронт во Франции достигнут соглашением только сверху? Конечно, нет.

Говорить о едином фронте только сверху тем менее уместно сейчас, когда в целом ряде стран (Франция, Англия, а тем более Австрия) значительная часть членов реформистских профсоюзов и социал-демократических партий сами во многих случаях не только начинают настаивать на осуществлении единого фронта, но и проводить его помимо решений «вождей». Новое в проведении тактики единого фронта заключается сейчас, следовательно, не в том, что якобы меняется принципиальная оценка той или иной формы единого фронта, а в том, что коммунисты гораздо настойчивее, смелее и гибче проводят эту тактику, перейдя в решительное наступление против социал-демократических лидеров и профбюрократов, саботирующих единый фронт борьбы. Этим коммунисты исправляют и свои недочеты в борьбе за единый фронт в прошлом: коммунисты слишком легко мирились с саботажем единого фронта со стороны реформистов, не проявляли достаточной энергии, чтобы добиться поставленной цели. Сейчас обеспечена поддержка со стороны самых широчайших масс делу единства, сейчас коммунисты систематически и упорно борются за единый фронт, и это залог победы единства борьбы.

Единый фронт до сих пор осуществлялся по инициативе коммунистов, при этом применялась тактика двоякого рода.

В одних случаях единый фронт осуществлялся по отдельным вопросам между руководством параллельно существующих профсоюзов или политических партий, причем коммунисты и революционные профсоюзы одновременно обращались к членам этих организаций, а также к широким рабочим массам с призывом о совместной борьбе.

В других случаях, когда центральное руководство реформистских профсоюзов и социалистических партий отказывалось от установления единого фронта, революционные профсоюзные и коммунистические организации обращались через голову реформистского руководства к параллельно существующим низовым организациям реформистов.

Известно, что во Франции 9 и 12 февраля 1934 г. по призыву компартии Франции вышли на демонстрации огромные массы французского пролетариата, в том числе и члены реформистских профсоюзов и социалистической партии, несмотря на то что руководство реформистских профсоюзов прямо призывало не участвовать в этих демонстрациях. Это показывает, что рабочие, которые шли за реформистами и социалистами, вопреки желанию своего центрального руководства были вовлечены компартией и красными профсоюзами в борьбу против фашистов, ибо компартия и красные профсоюзы сумели выбрать подходящий момент для выступления, выставить правильные, захватившие массы лозунги, широко популяризовать эти лозунги и провести все необходимые подготовительные организационные мероприятия. Как известно, на 12 февраля социалисты назначили забастовку «скрещенных рук», без демонстраций, без митингов и т. д. Компартия Франции присоединилась к этой забастовке, но вместе с тем призвала рабочих выйти на демонстрацию. По призыву компартии большие массы рабочих вышли на демонстрацию 12 февраля.

Это-то и побуждает руководство социалистов и отдельных реформистских профсоюзов принять предлагаемый коммунистами единый фронт.

В ряде стран реформистское руководство продолжает свою старую тактику открытого саботажа единого фронта. В этих странах солидарность в борьбе достигается тем, что предложения коммунистов о едином фронте принимаются низовыми реформистскими организациями (Англия и Чехо-Словакия).

Таким образом в громадном большинстве случаев осуществление единого фронта являлось результатом активности коммунистов и революционных рабочих, сумевших опереться на тягу рабочих масс к совместной борьбе

против экономического и политического наступления буржуазии, против фашистской опасности и фашизма.

Что дает рабочему классу единый фронт борьбы? Во-первых, он увеличивает силу рабочего класса в борьбе с буржуазией. Во-вторых, он повышает боеспособность пролетариата и его веру в свои силы. В-третьих, он увеличивает авторитет компартии в массах, разрушая легенду о раскольничестве коммунистов. В-четвертых, он поворачивает социал-демократических рабочих на рельсы классовой борьбы. В-пятых, способствуя сближению рабочих—коммунистов и социал-демократов, увеличивает силу воздействия компартии на социал-демократических рабочих.

Коммунистические партии находятся еще в самом начале проведения единого фронта. Сделано в этом отношении еще очень немного, но и то, что уже кое-где достигнуто, явилось серьезным шагом в деле приближения коммунистов к широким массам рабочих. Тем самым облегчается разрешение одной из важнейших задач коммунистов — освобождения рабочих масс от реформистских иллюзий, перевода их на позиции классовой борьбы. Коммунисты должны удесятерить свои усилия в борьбе за единый фронт, форсировать его проведение на деле.

Вопрос. Какова платформа создания единого профдвижения, какова платформа об'единения там, где оно конкретно стоит (Франция, Испания)?

Как ставить вопрос о единстве профдвижения в странах, где имеется централизованное красное профдвижение (Франция, Чехо-Словакия, Испания, Куба и США), как реализовать в этих странах единство?

Как проводить кампанию за единство профдвижения в странах, где нет централизованного красного профдвижения, а имеются лишь небольшие отдельные красные профсоюзы (например Бельгия, Швейцария)?

Ответ. Несмотря на то, что все перечисленные в первых двух вопросах страны имеют централизованное профдвижение, вопрос о профединстве стоит в них по-разному.

Возьмем Чехо-Словакию. Там, кроме реформистских, существуют еще профсоюзы национал-социалистские, бенешевского толка. Возможно ли об'единение с национал-социалистскими профсоюзами? Руководство этих профсоюзов на об'единение никогда не пойдет. Значит, об'единение с ними возможно лишь в той мере, в какой члены этих профсоюзов будут освобождаться из-под влияния своих руководителей. Возможно ли пойти на проф-об'единение с социал-демократическими немецкими и чешскими профсоюзами? Да, возможно, с этого и надо начать осуществление профединства в Чехо-Словакии. Но как относятся реформистские профбюрократы к этому единству? Они участвуют в правительстве и поддерживают всю программу выхода из кризиса за счет рабочих. Об'единение станет здесь реально осуществимым, по мере того как профсоюзы отдельных отраслей промышленности будут отходить от общего, центрального руководства или будут переизбирать свое руководство.

Борясь за об'единение, красные профсоюзы должны выставлять такие понятные широким массам рабочих условия, как например борьба за замену гентской системы страхования от безработицы государственным страхованием без рабочих взносов, как борьба за уничтожение законов (введенных с помощью социал-демократических партий), перекладывающих на рабочих тяготы кризиса, за увеличение зарплаты, за действительную свободу стачек и т. п.

Не может быть сомнения, что от об'единения на такой минимальной платформе плюс гарантия внутрипрофсоюзной демократии, пропорциональных выборов и права критики, безусловно, выиграют организованные и неорганизованные рабочие Чехо-Словакии.

Раздробленность профдвижения — одна из главных причин того, что пролетариат Чехо-Словакии не вел до сих пор действительной борьбы против

непрекращающегося ухудшения его положения. Эта раздробленность наруку буржуазии, и не удивительно, что буржуазная печать мечет громы и молнии против единого фронта и единства рабочего класса. Реформистские и национал-социалистские лидеры профсоюзов, сотрудничающие с буржуазией, выступают также против профединства. Но члены этих профсоюзов и низовые профорганизации на профединство пойдут. Среди них нужно умело и настойчиво вести агитацию за это единство внутри и вне этих организаций. Компартия Чехо-Словакии должна энергично взяться за работу в реформистских профсоюзах (чешских и немецких) и в профсоюзах, идущих за партией Бенеша, выступая перед рабочими как решительный поборник профсоюзного единства в интересах рабочих.

Как стоит вопрос о профсоюзном единстве в Испании? В стране имеются профсоюзные центры красных профсоюзов, анархосиндикалистский, реформистский; имеется, наконец, и множество автономных профсоюзов [1].

Должны ли красные профсоюзы в Испании поставить вопрос об об'единении всех существующих профсоюзов? Не только должны, но это в настоящее время вполне возможно, ибо во всех забастовках последнего периода принимали участие члены профсоюзов всех течений, даже тогда, когда руководство реформистских и анархосиндикалистских профсоюзов не призывало своих членов к забастовкам. Условия для об'единения всех существующих здесь профсоюзов вполне благоприятны. Выдвигаемая красными профсоюзами платформа об'единения, учитывая революционную обстановку в стране, включает в себя примерно такие требования: отмену всех антирабочих законов, борьбу против реакции, за свободу стачек, за сорокачасовую рабочую неделю без снижения зарплаты, за увеличение зарплаты и введение всех видов государственного страхования без взносов от работающих и т. д. Организационные гарантии: пропорциональные выборы, право критики и внутрипрофсоюзная демократия.

Необходимо отметить, что борьба красных профсоюзов за профсоюзное единство в Испании тормозится вследствие того, что при организации их была совершенно запущена работа в комитетах профсоюзного единства, и эти комитеты фактически сошли на-нет. Только за последнее время они начали исправлять эту ошибку.

Несколько иначе стоит вопрос о профединстве во Франции. Здесь жизнь уже выдвинула новую форму профсоюзного об'единения. Профбюрократы всячески саботируют профсоюзное единство: еще недавно СЖТ (реформистский профессиональный центр) ответил на предложение СЖТЮ (об'единение красных профсоюзов) о единстве тем, что предложил красным профсоюзам без всяких условий вступить и раствориться в них. При этом лидеры реформистских профсоюзов заявляют, что только после такого вступления красных профсоюзов в реформистские организации будет поставлен

---

[1] Раздробленность испанского профсоюзного движения сыграла роковую роль в октябрьских событиях в Испании. В «Альянса обрера», которая прокламировала всеобщую стачку, перешедшую в вооруженную борьбу, входили коммунистические и социалистические организации, красные и реформистские профсоюзы. Но в ней отсутствовали анархосиндикалистские профсоюзы (лишь кое-где местные анархосиндикалистские профсоюзы входили, вопреки их центральному руководству, в местные «Альянса обрера»). Анархосиндикалистские профсоюзы очень сильны в самой промышленной области Испании, в Каталонии.

Колебания социалистической партии и реформистских профсоюзов (они не призвали к забастовке железнодорожников) и предательство анархосиндикалистских вождей, саботировавших забастовку и призывавших к прекращению борьбы, привели испанский пролетариат к временному поражению. Только в Астурии, где провинциальная организация КП Испании имела и имеет большое влияние на рабочих, где красные профсоюзы очень сильны и активны, власть перешла в руки рабочих. В Астурии рабочие прокламировали «республику рабочих, крестьян и солдат». «Альянса обрера» в Астурии вооружила пролетариат, который до сих пор героически дерется против правительственных войск.

вопрос о том, созывать ли национальный конгресс профсоюзов или не созывать его. По сути это означает: мы, реформисты, посмотрим, каково будет соотношение сил после вступления красных профсоюзов: если революционные рабочие окажутся везде в профсоюзах в меньшинстве, тогда мы созовем конгресс и закрепим наше превосходство; если же революционные рабочие окажутся в крупных профсоюзах в большинстве, тогда мы отложим конгресс и созовем его только после того, как мы их переварим.

Но если профбюрократы так подходят к вопросу о единстве, то ясно, что в случае принятия красными профсоюзами этих условий реформистские профбюрократы прежде всего постарались бы под разными предлогами исключить из об'единенных профсоюзов прежнее красное руководство. Французские профбюрократы имеют в этом деле большой опыт. До раскола профсоюзов во Франции они исключали целые организации, выступавшие против сотрудничества классов.

Могут ли красные профсоюзы Франции пойти в такую ловушку?

Красные профсоюзы на это не идут. Они борются за профсоюзное единство на основе минимальной платформы, требуя обеспечения соответствующих условий для своей работы внутри об'единенных профсоюзов.

Следует ли оставить мысль о единстве профсоюзов во Франции, раз профбюрократы отвергают его? Красные профсоюзы говорят: никоим образом, тем более, что именно во Франции широкие массы рабочих и служащих, в том числе значительная часть членов реформистских и автономных профсоюзов, уже начинают втягиваться в широкий единый фронт помимо профбюрократов. Эти участники единого фронта борьбы хотят идти и пойдут на профединство. Задача красных профсоюзов в том и состоит, чтобы использовать это настроение и широко повести кампанию за профединство. Для этого необходимо, чтобы коммунисты, развернув работу внутри реформистских союзов, собрали вокруг себя всех членов реформистских профсоюзов, недовольных реформистской политикой своих лидеров, и создали влиятельную профоппозицию внутри реформистских профсоюзов. Эта оппозиция внутри профсоюзов должна требовать осуществления профединства, поддерживая в то же время красные профсоюзы в борьбе за повседневные интересы рабочих. С этой точки зрения особенно важно, что уже имеется много случаев, когда отдельные, параллельно существующие профсоюзы: красные, реформистские и автономные, — выходя из своих центральных профоб'единений или оставаясь еще связанными со своими профцентрами, сливаются и организуют самостоятельную профорганизацию в одном производстве, городе и области.

Во Франции создалось уже 166 об'единенных профсоюзных организаций, в частности у железнодорожников — 105, у табачников — 27, у транспортников Парижской области — 12, у горняков — 3 и т. д. Движение захватывает профсоюзы и в других отраслях. Этот способ об'единения не может не оказать давления и на руководство реформистов, как бы оно ни пыталось противопоставлять ему свой план безусловного вступления красных профсоюзов в реформистские организации[1].

Избегают ли красные профсоюзы такого метода об'единения? Нет. Красные профсоюзы стараются об'единить хотя бы таким образом профсоюзы разных направлений одной и той же отрасли промышленности. Эти профсоюзы, которые об'единяются, выходя из существующих реформистского

[1] По докладу Жуо сессия Совета реформистского интернационала (Амстердамского), состоявшаяся в начале сентября в Веймуте (Англия), приняла резолюцию, в которой по примеру французской СЖТ (реформистский профцентр) вместо осуществления профединства на основе об'единения профсоюзов различных направлений предлагает красным союзам «распустить организации, а их членам вернуться» в лоно реформистских профсоюзов. Однако в этом решении Амстердамского интернационала ничего не говорится о том, намерен ли он прекратить

(СЖТ) и унитарного (СЖТЮ) центральных об'единений, или даже остаются еще связанными с ними, могут сыграть положительную роль в деле проведения профсоюзного единства. Я считаю, что красные профсоюзы должны со своей стороны сделать все, чтобы без всяких оттяжек и колебаний сблизиться как с теми профсоюзами, которые готовы отойти от центрального реформистского руководства, так и с автономными профсоюзами. Так как красные профсоюзы ведут забастовки и защищают интересы рабочих и служащих, то при правильном подходе к реформистским рабочим им удастся втянуть в совместную борьбу и другие профсоюзы, а это уже само по себе серьезный шаг к профединству.

Целые годы пришлось потратить на то, чтобы доказать необходимость работы в реформистских профсоюзах. Теперь эта необходимость на словах как будто уже не отрицается, но на деле нет еще какого-либо устойчивого улучшения в этой работе за период с VI конгресса Коминтерна.

Почему решения Коминтерна и Профинтерна о работе в реформистских профсоюзах не были проведены в жизнь?

Основная причина заключалась в том, что компартии не всегда умели применять эти решения к разнообразным условиям своих стран. Так, в тех странах, где имеются красные профсоюзы, коммунисты не распределяли своих сил таким образом, чтобы одновременно была обеспечена работа и в красных и в реформистских профсоюзах. В других странах профсоюзная оппозиция вследствие недостаточного или неправильного руководства центр тяжести своей работы сосредоточила не внутри, а вне реформистских профсоюзов. В третьей группе стран компартии, организовав нелегальные красные профсоюзы, которые хотя и вели отдельные забастовки, но вследствие террора не могли стать массовыми, не проводили работу в гоминдановских (Китай) и фашистских (Италия) профсоюзах.

Нередко проведение решений было механическим, лозунги и агитация не всегда понятны членам реформистских профсоюзов, а общий подход к массам носил нередко сектантский характер.

К вышеперечисленным причинам следует прибавить еще и ту, что не всегда решения в отношении отдельных стран достаточно учитывали конкретную обстановку или трудности их проведения в данных конкретных условиях.

Наличие слабостей и ошибок дает некоторым товарищам основание делать вывод, что раз компартии не достигли достаточных успехов в профсоюзной работе, значит профсоюзная политика вообще была неверна. Эти товарищи неправы. Опыт работы коммунистов в реформистских профсоюзах Англии, Швеции, Польши и США показывает, что там, где работа в реформистских профсоюзах велась умело и настойчиво, результаты ее неоспоримы. Раз работа внутри реформистского профсоюза одного производства, одного города или одной страны дает положительный результат, нет основания думать, что такая же работа, при учете своеобразия обстановки, не может дать при более или менее одинаковых условиях подобных результатов и в другом производстве, городе или стране.

Можно ли исключать всякую возможность перехода без условий отдельных красных профсоюзов к параллельно существующим реформистским союзам? В отдельных случаях это возможно, — в тех случаях, когда пере-

---

свою систему исключения из профсоюзов революционных рабочих, намерен ли он предоставить вступающим в реформистские профсоюзы членам красных профсоюзов право и возможность бороться за выборные должности на основе профсоюзной демократии. Вместе с тем веймутская резолюция показывает, что верхушка реформистских профсоюзов уже не в состоянии пренебречь растущей в рабочих массах тягой к профединству и вынуждена прибегать к более искусным чем раньше маневрам, отвергая предложения красных профсоюзов об об'единении.

шедшие в реформистский профсоюз без всяких условий члены красного профсоюза получают фактическую возможность вести в нем борьбу за выборные должности и направлять его активность на борьбу за интересы рабочих.

Могут ли такие единичные случаи превратиться в общую профсоюзную политику коммунистов в данное время? По-моему, нет.

Почему? Во-первых, потому, что, как правило, нет и не может быть основания рассчитывать, что реформисты дадут возможность работать внутри союза влившимся туда без всяких условий членам красного профсоюза. Во-вторых, при назревании революционного кризиса компартия не может обходиться без находящихся под ее влиянием массовых профсоюзных организаций с более широким чем у компартии охватом рабочих, через которые она могла бы влиять на широкие массы неорганизованных рабочих.

Целесообразно ли с этой точки зрения перевести во Франции или в Испании небольшие красные профсоюзы без всяких условий к реформистам? Красные профсоюзы этих стран на это отвечают отрицательно. Во Франции и в Испании наряду с крупными красными союзами имеется нередко в одном и том же городе множество маленьких союзов, и такой перевод, без всяких условий, мог бы привести к фактической ликвидации красных профсоюзов, к капитуляции на милость реформистских заправил.

Возьмем такой пример: организация безработных в Голландии, состоящая из 15 тыс. человек, на которую имеет влияние компартия Голландии, без всяких условий перешла бы к реформистам, собирающимся создавать союз безработных, из-за того, что реформисты получат кое-какие подачки от правительства для безработных, и даже до полного выяснения, что это за подачки. Не может ли эта организация безработных добиться от правительства, чтобы она была поставлена в такие же условия, как реформисты, и имеет ли реформистский профсоюз безработных шансы стать широкой массовой организацией?

Компартия Голландии имеет 6 тыс. членов, а организация безработных— 15 тыс. членов, охватывая таким образом более широкие чем компартия массы рабочих. Известно, что в последних событиях в Голландии, начавшихся после того, как правительство одним безработным сократило, а другим совсем прекратило выдачу пособия, компартия играла большую роль. Компартия Голландии в дни событий опиралась главным образом на эту организацию безработных.

Разве переход организации безработных к реформистам не имел бы плохих последствий для революционного движения Голландии?

Когда президиум Коминтерна принимал (1 апреля 1933 г.) резолюцию о событиях в Германии, которая содержит указания, что и с.-д. рабочие несут ответственность за временное поражение германского пролетариата, мне приходилось неоднократно выступать в защиту этого положения. Товарищи, возражавшие против этого пункта, рассуждали так: мы все время говорили, что рядовые члены и даже низовые активисты с.-д. партии—не то же самое, что с.-д. руководство, что к ним нужно подходить иначе чем к их руководителям. Как же можно утверждать теперь, недоуменно спрашивали они, что ответственность за временное поражение германского пролетариата падает также и на с.-д. рабочих? Мы тогда об'ясняли: было и остается совершенно верным, что к рядовым членам и низовым функционерам надо подходить иначе чем к руководству. Тем не менее и они несут известную ответственность за то, что в решительный момент слепо следовали за этим предательским руководством, что вследствие этого они не пошли на единый фронт несмотря на то, что и компартия, и местные ее организации, и отдельные коммунисты сделали все возможное, чтобы облегчить с.-д. рабочим понимание необходимости единого фронта борьбы и втянуть их в совместную борьбу против фашизма. Поскольку несмотря на все это они не приняли

участия в едином фронте борьбы против фашизма, часть ответственности за временное поражение пролетариата падает и на них. Настроения широких слоев с.-д. партии даже «демократических» стран за время существования фашистской диктатуры в Германии и Австрии сильно изменились: все бо́льшая часть их начинает освобождаться от реформистских иллюзий и требует от своего руководства совместной с коммунистами борьбы против фашизма. Постановление президиума Коминтерна, указывающее с.-д. рабочим Германии на ту роль, которую они об'ективно играли, не поддержав антифашистской борьбы коммунистов, немало способствовало тому, что с.-д. рабочие учатся сейчас на своем собственном опыте.

Примерно то же самое происходит теперь и с вопросом об отношении к реформистским профсоюзам. Коминтерн неоднократно указывал компартиям, что надо добиться перелома в работе коммунистов внутри реформистских профсоюзов, подчеркивал, что когда работа ведется достаточно умело и систематически, она дает положительные результаты. Усвоив это вполне правильное положение, некоторые товарищи начинают рассуждать так: раз работа коммунистов в реформистских организациях, если только она ведется, дает положительные результаты, то когда красные профсоюзы будут ликвидированы и члены красных профсоюзов полностью, хотя бы и без всяких условий, перейдут к реформистам, тогда, конечно, мы будем иметь гораздо бо́льшие успехи. Я думаю, что товарищи, рассуждающие так упрощенно, не продумали вопроса до конца и не учли той конкретной обстановки, в которой нам приходится бороться за профединство. Очень похвально, что они ищут новых путей для улучшения работы внутри реформистских профсоюзов. Но путь, который они предлагают как самый легкий из всех, привел бы не к усилению, а к ослаблению революционного профдвижения. Поэтому согласиться с этими предложениями никак невозможно.

Могут ли компартии в момент, когда назревают крупные события, остаться только партийными организациями, не имея широких, крепких массовых рабочих организаций, охватывающих своим влиянием широкие массы рабочих? Я думаю, что не могут. Это относится прежде всего к тем компартиям, которые идут непосредственно к решительной борьбе. В этом случае надо особенно тщательно взвесить целесообразность ликвидации находящейся под коммунистическим влиянием хотя бы небольшой массовой организации, когда нет шансов этой ценой действительно завоевать влияние в более широкой организации, еще находящейся под враждебным руководством. Возьму два примера, относящиеся к этой области.

В Германии в 1923 г. была революционная ситуация, наличие которой вряд ли кто-нибудь может отрицать. Но в то же время за компартией Германии не шел ни один профсоюз в масштабе всей страны, а от создания советов германские коммунисты (и правые и левые) отказались. Правда, компартия Германии имела тогда неоспоримое влияние на фабзавкомы, но они не были об'единены во всех промышленных центрах, не имели крепкого руководства и не были связаны крепко с массами. Общегородские центры фабзавкомов избирались не на собраниях выборных представителей фабзавкомов, за которыми фабзавкомы шли бы целиком или хотя бы в своем большинстве,— эти центры избирались на собраниях членов фабзавкомов, на которых присутствовали далеко не все члены всех фабзавкомов и которые не везде имели за собой большинство в фабзавкомах. И если бы даже политика ЦК КП Германии в 1923 г. была правильна (а всем известно, что эта политика была архинеправильна), то и тогда она не могла бы быть проведена в жизнь, так как партия организационно не была связана с широкими рабочими массами. Недостаточно иметь хорошую политику. Это очень важно, но это еще не все. Необходимо организовать проведение этой политики в жизнь.

Напомню пример из истории борьбы пролетариата бывшей России перед Октябрем 1917 г. 12 августа 1917 г. Временное правительство и представи-

тели всех буржуазных и соглашательских партий приехали из Петрограда, в котором кипела революционная борьба, в Москву для устройства государственного совещания. Они бежали из революционного Петрограда в «консервативную» Москву. Московский комитет партии большевиков постановил отметить их приезд. Решено было устроить 24-часовую всеобщую забастовку. В Москве, как и в других городах России, уже тогда существовала широкая массовая организация — Совет рабочих и солдатских депутатов. Но Московский совет, в котором большинство принадлежало меньшевикам и эсерам, высказался против забастовки. Тогда Московский комитет большевиков апеллировал к профсоюзам, и профсоюзы Москвы подписали вместе с большевиками призыв к забастовке. И вот через голову самой массовой организации — Совета — большевики, опираясь на профсоюзы и фабзавкомы, организовали всеобщую забастовку. Совет опубликовал воззвание против забастовки; меньшевистские, эсеровские и буржуазные газеты трубили против забастовки, а забастовка прошла блестяще. Смогли бы большевики провести эту забастовку, не имея влияния на профсоюзы, на их руководство? Нет, не смогли бы. Как действовали большевики от Февраля до Октября, когда у них не было еще большинства в советах, когда они не имели еще большинства во всех профсоюзах Ленинграда? Когда было надо, они опирались на фабзавкомы и солдатские комитеты против советов и профсовета. А в Москве большевики использовали профсоюзы и фабзавкомы против соглашательских советов. Все это было возможно потому, что большевики работали, и весьма умело и энергично, во всех массовых организациях рабочих, солдат, крестьян и служащих. Имея правильную линию и четкие лозунги, большевики дрались за них внутри всех массовых организаций, в которых они были в меньшинстве. Они внутри этих организаций активно поддерживали все выступления большевистской партии, мобилизуя своих сторонников для участия в этих выступлениях.

Такие ситуации не составляют национальной особенности России: они могут повториться и в других странах. Коммунистическая партия, которая идет к власти, должна иметь широкие организации, которые в свою очередь охватывают влиянием еще более широкие слои организованных и неорганизованных рабочих. Большевики в России в 1917 г. были, конечно, в лучших условиях чем коммунистические партии в капиталистических странах Европы и Америки в настоящее время.

Российские большевики работали в условиях революционной ситуации, когда массы, быстро революционизируясь, не цеплялись за свои старые организации и партии, когда те переставали удовлетворять их революционным запросам. К тому же если политические партии, за которыми шли рабочие, существовали в России давно (нелегально), то профсоюзные организации, хотя и существовавшие с 1905 г. легально, имелись не во всех производствах и не во всех городах и влачили жалкое существование. Лишь после февраля 1917 г. начался бурный под'ем организации рабочих, крестьянских и солдатских масс и организации трудящихся стали подлинно массовыми организациями. Несмотря на то что в России до Октябрьской революции существовало много политических партий, массовые рабочие организации в общем не были расколоты; настроение масс было такое, что меньшевики и эсеры, как правило, не решались пойти на исключение большевиков из массовых организаций и на раскол этих организаций. Все партии имели возможность более или менее свободно бороться за влияние над массовыми организациями. Это был очень выигрышный момент для партии большевиков: она имела возможность драться внутри массовых организаций за идейное влияние и свои успехи закреплять организационно. Летом 1917 г. большевики не имели формального большинства не только во всех, но даже в большинстве рабочих и солдатских организаций. Но во многих городах они имели большинство в отдельных профсоюзах, в районных советах, в фабзавкомах, ротных и пол-

ковых комитетах. Через них и через комфракции во всех массовых организациях они боролись за свое влияние. Поэтому большевики могли, когда это было нужно в интересах революции, использовать одни массовые организации, уже находившиеся под их влиянием, против других, где соглашатели еще были в большинстве.

Во многих странах Европы и Америки компартии в самом начале своей организации были поставлены раскольнической политикой реформистов в необходимость создавать параллельные беспартийные рабочие организации. Всем известно, какой громадный вред принесла рабочему классу эта раскольническая тактика реформистов. С одной стороны, она мешала коммунистам бороться за влияние в реформистских массовых организациях, в которые входило большинство организованных рабочих, так как коммунисты концентрировали свою работу в параллельно существующих красных организациях; с другой—существование по вине реформистов параллельных организаций затрудняло совместную борьбу рабочих против капитала. Раскалывая рабочий класс, реформистские вожди выполняли свою задачу как агенты буржуазии в рабочем классе. Сейчас, когда влияние реформистов ослабевает и рабочие готовы единым фронтом бороться против наступления фашизма и роста эксплоатации, коммунисты и революционные рабочие должны использовать более благоприятную обстановку и, не теряя времени, повести решительную борьбу за профединство. Эта борьба должна быть начата по всем линиям: центральные и местные руководства должны постоянно обращаться к параллельно существующим реформистским профсоюзам и профорганизациям других течений с конкретными, в зависимости от обстановки, предложениями об об'единении профсоюзов; необходимо усилить работу коммунистов и революционных рабочих внутри массовых профсоюзов других направлений, чтобы превратить их в организации, защищающие интересы рабочих и отстаивающие профединство. Но это нисколько не означает, что красные профсоюзы должны пойти на об'единение без всяких условий.

Все сказанное выше относится к уже существующим параллельно с реформистскими революционным организациям. Другой вопрос, должны ли компартии создавать свои профсоюзы в таких странах, как Англия. На этот вопрос надо дать отрицательный ответ.

Итак, коммунисты не считают целесообразным, как правило, распускать уже существующие массовые организации, находящиеся под их идейным и организационным влиянием, и не рекомендуют им переходить к реформистам без обеспечения условий, при которых коммунисты и их сторонники сумеют свободно вести работу в реформистских организациях. Но это отнюдь не уменьшает, а, наоборот, подчеркивает значение решительной и умелой борьбы за профсоюзное единство на известных условиях, и прежде всего обязанность коммуниста — настойчиво, терпеливо и убедительно раз'яснять реформистским рабочим, что эти условия выставляются коммунистами в интересах победоносной борьбы рабочих.

В о п р о с. Во Франции сейчас в ходу лозунг независимости профсоюзного движения от политических партий. Он повторяется коммунистической печатью в качестве условия об'единения профсоюзов, причем повторяется без всяких критических замечаний. Ленин неоднократно осуждал теорию нейтральности профсоюзов как ведущую к притуплению классовой борьбы. Не искажают ли французские товарищи в самом начале широко развернувшегося движения за единство — основное в нашей тактике единого фронта и единства?

О т в е т. Я думаю, что товарищи, которые поставили этот вопрос, неправы. Нейтральных профсоюзов не существует в природе. Это известно. Профсоюзы не могут быть нейтральны в отношении буржуазии, если они ведут борьбу против нее. Следовательно, профсоюзы не могут быть по существу нейтральны по отношению к той партии, которая ведет классовую

борьбу с буржуазией, — к компартии. Это ясно. Но в данном случае речь идет не о нейтральности, а о независимости профсоюзов от политических партий. Подойдем к этому вопросу конкретно, с точки зрения обстановки во Франции.

Там имеются две партии — социалистическая и коммунистическая — и два крупных профсоюзных об'единения, которые идут за этими двумя политическими партиями. Коммунистическая партия Франции ставит себе целью об'единение обеих этих профсоюзных организаций. Но коммунисты не смогут пойти на об'единение, если профессиональные союзы будут подчиняться социалистической партии, и, наоборот, социалисты не пойдут на об'единение, если профессиональные союзы будут подчиняться компартии.

Нельзя делать из самого правильного положения догму. А не учитывать конкретной обстановки, в которой развивается борьба за профсоюзное единство во Франции, — это и значит превратить правильное положение в догму.

Товарищи, работающие во французском революционном профдвижении, написали в своих основных резолюциях, с целью борьбы с анархосиндикалистами, что они признают руководство французской компартии. Я не знаю, было ли целесообразно и тогда принимать такое решение. Предположим, однако, что для борьбы с анархосиндикалистами оно тогда было нужно, но когда комитет 22-х, во главе которого стал заядлый реформист Шамбелян и к которому примкнули некоторые руководители унитарных профсоюзов железнодорожников государственных дорог, докеров и пекарей, начал демагогическую кампанию за профединство на основе независимости профсоюзов, французские товарищи должны были для более успешной борьбы с этим комитетом отказаться от демонстративного подчеркивания своей старой формулировки, от официального признания красными профсоюзами руководства компартии.

Вопрос о руководстве профсоюзным движением — это не вопрос деклараций, а вопрос правильной политики и тактики, которые завоевывают массы на сторону руководства компартии. Единство же профсоюзного движения обеспечивает возможность для компартии влиять на более широкие массы чем в настоящее время. Поэтому французские товарищи поступили правильно, не делая из вопроса о независимости профсоюзного движения препятствия к об'единению.

Что означает эта независимость? То ли, что коммунисты отказываются иметь комфракции в этих профсоюзах или отказываются проводить там свою политику? Конечно, нет. От этого и социалисты не отказываются.

В статьях о профсоюзном единстве «Попюлер» (№ 4215 от 25/VIII 1934 г.) пишет: «...Оставим за реакционерами лживый лозунг «Никакой политики». В действительности всякая профсоюзная работа основывается на известной политической философии». Стало быть, кто лучше и энергичнее будет работать в этих об'единенных профсоюзах, кто сумеет убедительнее доказать большинству членов правильность своей политики, тот окажется победителем в них. Либо социалисты будут организованнее нас, будут проводить свою реформистскую политику более умело чем коммунисты политику классовой борьбы, и тогда они выиграют от об'единения, либо коммунисты сумеют убедить большинство членов в том, что не только их линия правильна, но что они и работают лучше реформистов, т. е. более своевременно будут ставить все профсоюзные вопросы, проявлять бóльшую инициативу при организации забастовок и в формулировании требований и т. д., и тогда коммунисты скоро выйдут победителями. Я исхожу при этом из предположения, что в об'единенных профсоюзах существует действительная рабочая демократия.

Французские коммунисты, желая действительно сделать большой шаг в смысле об'единения профсоюзов, пошли на формулу независимости, ни на йоту при этом не отказываясь от задачи всемерно влиять через свои фракции

на деятельность этих профсоюзов. Поэтому коммунисты не ставят условием об'единения предварительное формальное признание руководящей роли компартии в об'единенных профсоюзах, а своей работой в этих профсоюзах стараются убедить на деле большинство членов в правильности коммунистического руководства.

Вопрос Каковы должны быть основные методы и формы работы наших сторонников в об'единенных (единых) профсоюзах?

Ответ. Отчасти я уже на этот вопрос ответил. При выставлении внутри об'единенных профсоюзов требований повседневной борьбы коммунистические фракции должны, как правило, выдвигать такие требования, осуществления которых профсоюз при правильной и настойчивой работе может добиться. Коммунисты должны особенно тщательно продумывать выставляемые ими при забастовках требования, популяризируя их среди членов профсоюзов и добиваясь, чтобы за ними стояла компактная масса еще до начала стачечной борьбы. Если этого не будет, сторонники реформистских методов воспользуются первой неудачей профсоюзов, чтобы дискредитировать коммунистов. Профсоюзная демократия в об'единенных профсоюзах должна быть использована коммунистами для всемерного развития инициативы и активности членов, всячески помогая им мобилизовать свои силы для борьбы. Надо избегать заострения конфликта по второстепенным, формальным вопросам, уступая иногда реформистам в мелочах, чтобы тем решительнее и убедительнее для членской массы отстаивать свою точку зрения по важным вопросам. Максимальная гибкость при принципиальной выдержанности должна быть проявлена коммунистами. Широкие массы членов тогда быстрее поймут нашу политику, и коммунисты выиграют от об'единения профсоюзов.

Вопрос. Как надо ставить вопрос о вербовке в реформистские профсоюзы, в частности точен ли лозунг «Революционные рабочие, входите в реформистские профсоюзы»?

Ответ. Если в стране существуют красные профсоюзы, то коммунисты, разумеется, вербуют в эти профсоюзы. Но это не значит, что на предприятиях, где нет красного профсоюза, коммунисты не могут вербовать в реформистский профсоюз. Должны ли при этом коммунисты подчеркивать, чтобы только революционные рабочие входили в реформистский союз? Нет. Усиления влияния коммунистов в профсоюзе можно в этом случае добиться проще. Предположим, коммунисты на каком-нибудь предприятии провели успешно забастовку. Тогда они должны поставить первой своей задачей немедленно организовать на этом предприятии профгруппы. Уже организовав их, они могут решить, в зависимости от того, что больше будет способствовать укреплению революционного профдвижения, куда целесообразнее повести их: в красный профсоюз, если такой существует в этой отрасли промышленности, или в реформистский. В случае вступления группы в реформистский профсоюз коммунисты должны на данной фабрике максимально усилить вербовку в этот профсоюз, ибо чем многочисленнее будет эта фабрично-заводская профгруппа, тем сильнее будет коммунистическое влияние в реформистском профсоюзе. Значит, в этом случае лозунг «Только революционные рабочие входите в реформистский профсоюз» был бы неправилен. Ясно, что коммунисты должны не только навербовать много членов в этот профсоюз, но и работать среди навербованных ими членов, чтобы действительно получить или расширить свое влияние в нем. Возможно ли это? По-моему, да, хотя на практике наши товарищи не всегда умеют работать в реформистских профсоюзах как коммунисты и в то же время вербовать новых членов, вербовать не просто для увеличения численности реформистского профсоюза, а для усиления в нем коммунистического влияния, для превращения его в организацию классовой борьбы.

Если коммунисты проводят вербовку в реформистские профсоюзы, то нужно звать туда не только революционных рабочих. Но и среди навербованных коммунисты должны работать, чтобы усилить через них свое влияние.

Вопрос. Почему решение V конгресса Профинтерна о снятии для Германии и Польши лозунга «Входите в реформистские профсоюзы» механически применялось почти во всех секциях Профинтерна?

Ответ. Я не знакомился со специальными причинами снятия этого лозунга в каждой стране. Общие же причины самовольного и неправильного снятия лозунга во всех странах, где он был снят, кроме Германии и Польши, были те, что вести революционную работу в реформистских профсоюзах нелегко, а в большинстве случаев и небезопасно. Работа внутри реформистских профсоюзов без надлежащего руководства со стороны парторганизаций, без создания правильно функционирующих комфракций часто была для отдельных коммунистов нелегка, тем более, что они имели перед собой тертых, ловких и опытных реформистских активистов. Наши секции, вместо того чтобы действительно помочь отдельным коммунистам поставить эту работу, часто уклонялись от этой работы, а также от вербовки. При этом в качестве предлога выдвигались всякого рода сектантские соображения, вроде того, что реформисты реакционны. Но и V конгрессом Профинтерна коммунисты Германии и Польши не были освобождены от обязанности работать в реформистских профсоюзах: такого решения не было и быть не могло. Если коммунисты имеют крепкую оппозицию в каком-нибудь реформистском профсоюзе Польши, то и речи не может быть о том, чтобы ей запрещалось вербовать в этот реформистский профсоюз, где она для того и работает, чтобы усилить там свое влияние. Товарищи, которые самовольно сняли лозунг «Идите в реформистские профсоюзы» (в странах, где нет красных профсоюзов, кроме Германии и Польши), сделали очень серьезную ошибку.

Вопрос. Как ставится теперь вопрос о завоевании нами профсоюзных руководств?

Ответ. Теперь так же, как и во время X пленума ИККИ, как и во время XII пленума ИККИ, надо бороться за каждую выборную должность, будь то должность в центральном правлении (председатель, секретарь или просто член центрального правления профсоюза какого-нибудь производства), будь то выборная должность в центральном совете всех профсоюзов в масштабе всей страны, области, города, района или отделения профсоюза. Словом, необходимо драться (это значит серьезно работать, чтобы завоевать, а затем и удержать) за каждую выборную должность, показав на практике членам реформистских союзов, что коммунисты действительно хотят и умеют работать в профсоюзах.

За последние несколько лет в Англии, Швеции и в других странах коммунистам удалось завоевать выборные должности в тех реформистских профсоюзах, в которых они хорошо работали. Это доказывает, что коммунисты смогут, особенно с начавшимся ослаблением маневроспособности профбюрократов, отвоевать у них при известных условиях и важнейшие посты, вплоть до центрального руководства отдельных профсоюзов.

В резолюции XII пленума ИККИ по этому вопросу совершенно определенно говорится о необходимости решительной борьбы за каждый выборный пост в реформистских профсоюзах.

Вопрос. Как ставится вопрос о защите профсоюзов, если они находятся под влиянием реформистов?

Ответ. Если реформистским профсоюзным организациям в какой-нибудь стране угрожает опасность быть разгромленными буржуазией, компартия должна выступить в их защиту против фашизма, причем коммунисты должны сказать реформистским рабочим примерно следующее: реформистские вожди превратили профсоюзы из орудия защиты интересов рабочего

класса в орудие осуществления сотрудничества с буржуазией. Когда члены реформистских профсоюзов поймут это и захотят бороться против профбюрократов за изменение политики реформистских профсоюзов, они сумеют это сделать; отдельные такие случаи бывают уже сейчас. Коммунисты призывали и не перестанут призывать рабочих изменить политику реформистских профсоюзов. Коммунисты—против реформистской политики профсоюзов, но они еще больше против того, чтобы буржуазное государство уничтожило рабочие организации. Поэтому коммунисты, стремясь и рассчитывая изменить политику реформистских профсоюзов, уже сейчас готовы все сделать, чтобы не допустить разгрома их буржуазией. Коммунисты в Германии во время «унификации» фашистами профсоюзов выбросили лозунг «Защищайте профсоюзы! Рабочие, будем все отстаивать их!» Это было правильно, но это не значит, что коммунисты отстаивают реформистскую политику и тактику, организационные методы и т. д. Коммунисты говорили при этом реформистским рабочим: будем вместе отстаивать реформистские профсоюзы, но мы постараемся внутри этих профсоюзов изменить их политику и тактику, их организационные методы.

Вопрос. В чем разница в нашей тактике по отношению к реформистским и всяким другим профсоюзам—христианским, «демократическим» и фашистским—в тех странах, где еще нет фашистской диктатуры?

Ответ. Трудно ответить на этот вопрос в такой общей форме. Работать коммунисты должны во всех массовых профсоюзах, но, как правило, компартии должны концентрировать свое внимание в особенности на реформистских профсоюзах. Организованных в реформистские профсоюзы рабочих легче двинуть на стачечную борьбу чем, скажем, рабочих католических союзов.

В Польше фашистские союзы существуют в главнейших производствах и на крупнейших предприятиях. Отказ на деле от работы в них является большой ошибкой.

Если бы в Китае, скажем, рядом существовали гоминдановский массовый и реформистский неширокий профсоюзы, то где коммунисты должны были бы больше всего работать? Конечно, в гоминдановском профсоюзе.

Нельзя заранее решить огульно, в каких профсоюзах коммунисты должны в первую очередь концентрировать свою работу; надо рассмотреть конкретно условия в каждой отдельной стране. Одно ясно: работать коммунисты должны во всех профсоюзах, которые имеют за собой массы. Нужно так распределить силы, чтобы коммунисты могли быть везде и всюду, но главные силы должны быть направлены в те рабочие организации, куда входят основные пролетарские массы.

Вопрос. В какой мере изменяется оценка, данная Коминтерном германской социал-демократии как главной социальной опоре буржуазии, и как эти изменения должны отразиться на профсоюзной тактике компартии в Германии?

Ответ. Я думаю, что раньше всего надо рассмотреть, что было в Германии до фашистской диктатуры и что имеется теперь. Всем известно, что до прихода Гитлера к власти реформистские профсоюзы и социал-демократическая партия всячески поддерживали буржуазию, поддерживали одно за другим все правительства. Профсоюзы мешали борьбе как политической, так и экономической. Взять хотя бы ноябрьскую забастовку транспортников в Берлине перед самым приходом Гитлера к власти. После прихода фашизма к власти реформисты передали профсоюзы фашистам. 17 мая 1933 г. вся фракция социал-демократической партии голосовала за внешнюю политику фашистов, и если бы в тот же день стоял вопрос о внутренней политике фашистов, с.-д. партия, вероятно, не посмела бы высказаться и против нее. Тогда с.-д. партия и профсоюзы еще существовали, тогда с.-д. партия в Германии еще была социальной опорой буржуазии. Нельзя быть уверенным в

том, что социал-демократия, если бы к ней в той или иной форме вернулось прежнее ее влияние, не стала бы снова такой опорой. Но в настоящий момент ни реформистских, ни каких бы то ни было иных профсоюзов в Германии нет; никаких других реформистских массовых организаций не существует. Не существует и централизованной социал-демократической партии. Те социал-демократические группы, которые проявляют какие бы то ни было признаки жизни, — против фашистов.

Не исключено, конечно, что буржуазия повернет назад, кажется, она немножечко уже поворачивает в сторону реформистских профбюрократов, вступая с ними, как сообщает «Манчестер гардиан», в переговоры через каких-то посредников. Фашизм добился уничтожения всех профсоюзов, всех массовых рабочих организаций, но получил уже массовый, хотя и стихийный отпор рабочих, в подавляющем большинстве бойкотировавших выборы «доверенных» лиц. Не имея теперь таких массовых организаций, за которыми шли бы рабочие, как они в свое время шли за реформистами (фашисты этого не могли обеспечить), буржуазия начинает подумывать о создании новых организаций, через которые она могла бы своей централизованной системой удержать под своим давлением рабочих. Какие это будут организации, мы еще не знаем. Может быть, будут опять реформистские или созданные с помощью реформистов смешанные реформистско-фашистские профсоюзы. Тогда, если бы этим организациям удалось стать массовыми, реформисты могли бы снова играть до известной степени роль социальной опоры буржуазии.

Но в данный момент можно ли говорить, что социал-демократические рабочие, которые в маленьких группах агитируют против фашистов, выпускают листовки и иногда распространяют коммунистическую литературу, не говоря уже о тех случаях, когда они входят в компартию Германии, подвергаясь преследованиям и арестам, кое-где заключают единый фронт с коммунистами, что они являются опорой буржуазии? Думаю, что нет.

Каково положение в Австрии? Опубликовано воззвание революционных социалистов и компартии с призывом к антивоенной демонстрации 1 августа. Платформа совместной борьбы принята почти целиком коммунистическая. Есть ли это та самая с.-д. партия, которая была не только до 1934 г., но даже в момент февральской борьбы с фашизмом, когда с.-д. партия как таковая все еще шла за вождями типа Бауэра, Дейча, Зейца и других? Конечно, нет.

Можем ли мы сказать, что завтра Отто Бауэр, Дейч, Реннер и Зейц не сколотят своей партии и что эта партия не будет снова поддерживать буржуазию? Ручаться за это нельзя. Правда, некоторые из вождей, как например Бауэр, по разным причинам, прежде всего из боязни потерять влияние на массы, обнаруживают большой словесный радикализм. Известно, что Бауэр «высказывается» даже за диктатуру пролетариата. Но что представляет собой эта бауэровская «диктатура пролетариата»? Мы, говорит он, за диктатуру пролетариата, но когда установим ее, тогда перейдем к демократии. Какой? Для кого? Бауэр и его подражатели в других с.-д. партиях, играя словами «диктатура пролетариата», в то же время как черти от ладана бегут от советов: их даже не упоминают. Им не нужна советская демократия, действительно подлинная демократия для трудящихся.

Значит, положение с.-д. в Австрии существенно изменилось, и нельзя считать, что отдельные социал-демократические организации, борющиеся против фашизма, являются в данный момент и там опорой буржуазии. Было бы неправильно применять одну и ту же оценку к социал-демократии в разные времена несмотря на то, что крупнейшие события изменили ситуацию.

Какова наша тактика в Австрии и Германии в профсоюзном вопросе? В Австрии коммунисты и революционные социалисты стараются отстоять и

укрепить реформистские профсоюзы, которых фашисты не в состоянии заставить прекратить свою деятельность.

В Германии коммунисты ставят себе теперь целью восстановить свободные профсоюзы и их лучшие довоенные традиции с тем, чтобы они в первую очередь организовали борьбу против закона от 20 января 1934 г., отнимающего у рабочих Германии все права, добытые ими в борьбе в течение 50 лет. Одновременно германские коммунисты ведут работу в массовых фашистских организациях.

Вопросы: а) Должна ли на данном этапе РПО (революционная профоппозиция) строиться как организация (с членством и пр.) или как более широкое и менее оформленное движение?

б) Должна ли организация РПО соответствовать системе тех союзов, где она работает (конечно, за исключением групп на предприятиях), или же строиться всегда по индустриальному принципу, независимо от системы реформистских союзов?

в) Почему в большинстве стран РПО охватывала главным образом неорганизованных?

Ответ. Я думаю, что вопрос об организации РПО нельзя решать для всех периодов и для всех стран одинаково. Возьмем фашистские Германию и Австрию. В тех свободных профсоюзах, которые необходимо восстановить после фашистского разгрома, коммунисты смогут ограничиться образованием комфракций. Если бы удалось создать профсоюзы, способные повести борьбу против закона от 20 января 1934 г., то в этих более или менее революционных организациях коммунисты смогут ограничиться созданием фракций.

Возьмем Англию. Должны ли коммунисты иметь здесь такую революционную профоппозицию (РПО), которая имела бы законченный сверху донизу аппарат параллельно аппарату реформистских профсоюзов, организовывала бы, как правило, забастовки не через тредюнионы, а отдельно от них и т. д.? Нет, не выйдет там этого, если бы мы даже захотели: коммунисты в Англии еще очень слабы, и такая форма РПО могла бы только изолировать их от профсоюзов. Поэтому форма революционной профоппозиции в Англии должна быть иная, чем она была, скажем, в Германии до фашистского переворота.

Говорить об РПО в Чехо-Словакии или во Франции, где имеются красные профсоюзы, не приходится. В этих странах очередная задача заключается в создании профоппозиции в реформистских профсоюзах, а уже тогда можно будет решать вопрос о форме ее организации.

В США и речи быть не может о том, чтобы коммунисты построили РПО с членскими взносами и пр. параллельно существующим профсоюзам АФТ [1].

Задача здесь заключается в том, чтобы глубоко проникнуть в АФТ на волне устремившихся в эти союзы рабочих масс, об'единить радикализирующихся рабочих в этих союзах, завоевать руководящие посты и целые профсоюзные организации АФТ под свое влияние. Опыт последних массовых забастовок, в особенности всеобщая забастовка в Сан-Франциско, показывает, что эта задача вполне разрешима, если только не на словах, а на деле усилия партии будут сконцентрированы на работе в союзах АФТ.

Во всех странах РПО должна, и это определяет форму ее организации, работать внутри реформистских профсоюзов, проявлять инициативу, организовывать ведение забастовок, если для этого будут подходящие условия, использовать свое влияние среди членской массы реформистских профсоюзов для поддержки ею забастовок, которые будут назначаться красными. В остальном роль РПО не может быть одной и той же во всех странах. На-

[1] Американская федерация труда.

до в каждой стране изучить национальные особенности и местные условия, чтобы избрать ту форму РПО, которая больше подходит для данной страны.

То, что во всех странах старались перестроить РПО наподобие организации, какая имелась в Германии до прихода Гитлера к власти, было абсолютно ошибочно. В самой же Германии тогда было правильно, что РПО построила свой аппарат параллельно реформистскому и старалась самостоятельно организовать и вести забастовки. Но абсолютно неправильно было то, что РПО в Германии не работала внутри реформистских профсоюзов, и это принесло громадный вред КП Германии и германскому рабочему классу в целом. Вопрос о членстве, членских книжках и т. д. должен быть решен с точки зрения обеспечения более широкого охвата РПО рабочих и в зависимости от условий в каждой стране и в каждом производстве.

Перехожу ко второй части вопроса. Я считаю нецелесообразным обязательно строить революционную профоппозицию по индустриальному принципу, потому что при такой организации она оказалась бы оторванной от тех профсоюзов, внутри которых она должна работать. РПО должна быть построена соответственно организации тех профсоюзов, в которых она работает. Если она работает внутри индустриального профсоюза, то, разумеется, и она должна быть так же организована. Но если она работает, скажем, среди металлистов Англии, где имеются несколько профсоюзов металлистов, у текстильщиков, где положение аналогичное, РПО должна быть организована соответственно этим профсоюзам, чтобы легче было работать внутри каждого из них. Но это, конечно, не значит, что РПО всех союзов металлистов или текстильщиков Англии не могут иметь связи между собой для координации своей работы; они могут иметь даже общий комитет для координации своей деятельности.

Главная причина, почему в большинстве стран РПО охватывала преимущественно неорганизованных рабочих, заключается в том, что коммунисты не сумели убедить членов реформистских профсоюзов, что РПО не является параллельной профсоюзной организацией. Многие члены реформистских профсоюзов не хотели состоять одновременно в двух параллельных профсоюзных организациях. Они усматривали в существовании РПО попытку к расколу профсоюзов и этого боялись. Коммунисты недостаточно об'ясняли членам профсоюзов роль РПО как оппозиции в н у т р и реформистских профсоюзов. С другой стороны, РПО не сумела перевести в реформистские профсоюзы своих неорганизованных в профсоюзы членов, чтобы через них усилить свое влияние внутри профсоюзов. Нельзя отрицать и значение того факта, что члены реформистского профсоюза, вступив в РПО, должны были платить членские взносы дважды, хотя членские взносы в РПО и были небольшие. Неорганизованные рабочие, которые входили в РПО, тоже не хотели платить еще один взнос, становясь членами профсоюза, и поэтому не вступали в реформистский профсоюз. Попробуйте добиться, например, в Англии, чтобы рабочие платили членские взносы два раза в профсоюзные организации! Они привыкли платить в профсоюз, через профсоюз они уже и политически организованы, профсоюз платит за них в политическую организацию — в лейбористскую партию. Поэтому впредь РПО, как правило, следует прекратить взимание членских взносов и перейти к добровольным, необязательным сборам. Во всяком случае и к этому частному вопросу надо в каждой стране подойти с учетом конкретной обстановки, как и к вопросу об общем построении РПО.

НЕКОТОРЫЕ УРОКИ ПРОРЫВОВ ВОСТОЧНО-КАЗАКСТАНСКОЙ ПАРТОРГАНИЗАЦИИ

П. Караваев

Восточноказакстанская область оказалась одной из самых отстающих в Союзе по выполнению хлебопоставок. На 4 октября Восточный Казакстан выполнил план хлебосдачи всего на 38%, в то время как вся Казакстанская республика, в целом также отстающая, в среднем выполнила на это число 70% плана.

Это позорное отставание Восточноказакстанской области с хлебосдачей и хлебоуборкой имеет место в условиях прекрасного урожая, какого не было десятки лет. Как правило, обмолот дает около 10 ц с га. Урожай пшеницы на отдельных участках доходил до 20 — 25 ц с га, а овса — даже до 32 ц с га. Область имеет немало тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин. Однако руководство области, райкомов, МТС, совхозов не сумело использовать значительную техническую вооруженность сельского хозяйства.

На примере Восточного Казакстана лишний раз можно убедиться, какую огромную роль играет в нашем социалистическом строительстве суб'ективный фактор, т. е. живые люди, их расстановка, правильное руководство ими. Там, где нет подлинно большевистского оперативного руководства, где руководители не знают, что делается в районах и в колхозах, где люди надеются на самотек и на хорошую погоду, где не готовятся вовремя к таким важнейшим кампаниям, как хлебоуборка и хлебосдача, — там неизбежны провалы в работе при самых благоприятных об'ективных условиях.

На уборке и хлебосдаче проверяются партийные и советские кадры, проверяется **степень мобилизованности** каждой партийной организации. Этой проверки восточноказакстанская парторганизация не выдержала.

Богатый урожай застал врасплох руководство Восточноказакстанской области. Областная парторганизация не была мобилизована на выполнение решений июньского пленума ЦК ВКП(б), поставившего в качестве боевой задачи перед всеми партийными и советскими организациями «**успешное и организованное проведение уборки и обеспечение максимального сбора хлебов с минимальными потерями**».

Перспективы хорошего урожая внесли в областную организацию настроения **самоуспокоенности**, антибольшевистского благодушия. Широко стали распространяться настроения, что, мол, при нынешнем урожае хлеба все равно хватит и для сдачи государству и для самих колхозников, все равно **как бы хлеб ни убирался**. Этим настроениям самоуспокоенности обком вовремя отпора не дал.

Область плохо подготовилась к хлебоуборке и хлебосдаче. Не были проверены наличие машин, их готовность к работе, подготовка кадров комбайнеров и т. д. Ремонт инвентаря к началу уборки в ряде районов не был закончен. С подготовкой запасных частей также не справились. Здесь в особенности проявились никудышная работа облзу, полное незнание его работ-

никами порученного им дела: достаточно сказать, что заявки на запасные части были сделаны всего лишь для 265 тракторов, тогда как в области насчитывается свыше 900 тракторов.

Все эти ошибки сказались с самого начала уборки. Плохо использовались машины. Комбайны из-за отсутствия подготовленных комбайнеров быстро выходили из строя, ломались и бездействовали. Сложные молотилки зачастую работали с половинной нагрузкой.

Вопрос о правильном использовании машин в ходе уборки является в Восточном Казакстане решающим для успеха уборочной особенно в этом году ввиду крайне сжатых сроков уборки. Между тем здесь не чувствовалось твердой руководящей руки обкома. На бюро обкома не обсуждалась работа ни одной МТС, ни одного района, где машины отвратительно использовались в результате плохой организации дела, наплевательского отношения к комбайну, антимеханизаторских настроений. А таких МТС было много!

В Шеманаихинском районе нам пришлось, например, столкнуться с таким фактом, что весь рабочий план уборки колхозов был построен с расчетом не на максимальное, а на минимальное использование механизмов (тракторных лобогреек и др.).

Почему неудовлетворительно работают комбайны или молотилки в той или иной МТС и колхозе, как лучше использовать транспорт, как расставить силы, чтобы быстро вывезти хлеб на пункты, как помочь отдельным МТС горючим — все эти конкретные вопросы руководства уборочной проходили мимо обкома.

Налицо было явное отставание партийного и советского руководства от тех требований, которые пред'являются к нему в настоящее время. Областное руководство не перестроило своей работы в соответствии с решениями XVII с'езда по докладу тов. Кагановича об организационных вопросах. Это выражается прежде всего в отсутствии оперативности руководства. В обкоме и облисполкоме не знают районов, не знакомы с местами, с отдельными участками работы, не знают своеобразия и конкретных особенностей отдельных районов или МТС. Поэтому отсутствует диференцированное конкретное руководство.

Нам пришлось присутствовать на бюро обкома при обсуждении вопроса о ходе хлебоуборки. Докладывал заведующий облзу Бехтерев. Более беспомощный, бессодержательный доклад трудно себе представить. Видно, что человеку неизвестно, что делается в районах, какие районы работают лучше, какие хуже, какие там недочеты, трудности в работе. Больше того, даже элементарной сводки о ходе уборки и сдачи хлеба по районам облзу не сумело получить. Выступление руководителя сельскохозяйственного отдела обкома Берестнева тоже показало незнание того, что делается на местах: где плохо, где хорошо, на какие районы надо нажимать. Ни одного из больших, решающих вопросов уборки докладчики не поставили перед бюро обкома. Как лучше организовать использование машин, как расставить силы, использовать тягло, чтобы выполнение плана хлебосдачи было в центре всей работы, чтобы молотьба не отставала от косьбы, как добиться мобилизации и под'ема всей колхозной массы на борьбу за большевистские темпы уборки и сдачи, на борьбу с потерями, как устранить «узкие места» отдельных МТС — подобные коренные вопросы оперативного руководства уборкой не получили почти никакого отражения в работе бюро обкома.

В результате оторванности от мест получилось руководство на холостом ходу, директивы обкома часто били мимо цели, давались невпопад. Одной из особенностей этого года было неравномерное созревание хлебов. В то время как хлеб в значительной части колхозов начал уже быстро созревать, у районных руководителей и в МТС все еще преобладали настроения выжидания, раскачки. Надо было решительно переломить эту медлительность в раз-

вертывании уборочной. Надо было немедленно начинать косьбу на тех участках, где хлеб уже созрел, не дожидаясь поспевания всего хлеба. Обком же, наоборот, дает «директиву» о том, что за преждевременную косьбу хлеба виновные будут привлекаться к строгой ответственности.

Вот почему выжидательные настроения, ссылки на то, что, мол, хлеб еще зеленый, оставались в районах и колхозах до тех пор, пока часть хлеба не начала осыпаться на корню. Затем «зеленые» настроения сменились в ряде районов «дождливыми» жалобами: мол, дождь мешает уборке и хлебосдаче.

В колхозах и совхозах очень плохо поставлена организация труда, не было настоящего контроля за выполнением норм выработки, процветала кулацкая уравниловка. В результате слабой работы по организации труда, плохо поставленной массовой партийной работы колхозная масса не была поднята на борьбу за хлеб, за уменьшение потерь, на борьбу против антигосударственных тенденций, против кулака и лодыря. Здесь в значительной степени корень того, что и теперь Восточноказакстанская область по выполнению плана уборки и хлебосдачи плетется в хвосте отстающего в целом Казакстана.

Насколько мало обком занимался вопросами организации труда в колхозах, показывают факты грубейшего нарушения директив партии об авансировании колхозников. В большинстве колхозов Шеманаихинского и Устькаменогорского районов, даже в тех, которые выполняют месячный план хлебосдачи, не выдавались авансы. Мотивируется это чаще всего нелепым рассуждением, что если выдать авансы, колхозники не пойдут на работу.

Наряду с отдельными примерами, когда 60—70% обмолоченного хлеба раздавалось колхозникам ввиде аванса, когда в колхозах гулял кулацкий лозунг «сначала себе, а потом государству», — было много случаев, когда руководители колхозов и МТС, грубейшим образом нарушая директивы партии и правительства, совершенно не осуществляли авансирования и практиковали прямую «пайковщину».

Подобное гнилое руководство приводило к невыходам на работу, к огромным потерям при богатом урожае, давало возможность кулацким элементам разлагать колхозников.

Под влиянием этой кулацкой агитации некоторые колхозники стали в первую очередь убирать урожай со своих огородов и индивидуальных посевов. Начались невыходы на работу, в то время как половина зерновых еще оставалась нескошенной.

Такое искривление директив партии в отношении выдачи авансов дезориентировало колхозников, ослабляло у них уверенность в получении хлеба на трудодень и при хорошем урожае ослабляло стимулы к повышению производительности труда.

Во многих колхозах, где нам пришлось побывать, даже там, где налицо высокий урожай, настроение у колхозников неуверенное, идут такие разговоры: «Неизвестно, получим ли еще что на трудодни».

И только после того, как представителями Комиссии партийного контроля этот вопрос был поставлен перед обкомом, было вынесено решение о неправильности задержки авансирования. Однако в ряде колхозов, задержка авансов продолжалась вплоть до октября. В некоторых районах и МТС установили авансирование только мукой, а так как мельницы работали с перебоями, то выдача авансов задерживалась.

Нельзя, конечно, сказать, что обком вовсе не занимался уборкой, не руководил районами. Но «руководил» обком общими резолюциями. Посылает обком своих уполномоченных по районам, а потом с этими уполномоченными теряется всякая связь. Вследствие этого бюро обкома не обобщало опыта работы своих уполномоченных, не воспитывало организацию на конкрет-

ных примерах хорошей или плохой работы отдельных МТС, колхозов, районов.

Значительная часть уполномоченных занималась гастролерством, внося ненужную сутолоку в колхозы и в МТС. Об этом правильно писалось в газете «Казакстанская правда»:

«Восточный Казакстан не может пожаловаться на недостаток уполномоченных. Не все, однако, уполномоченные занимались и занимаются тем, чем подобает сейчас заниматься. В ряде районов руководители колхозов прямо-таки приучены к тому, что уполномоченные приезжают только для того, чтобы взять сводку, не вылезая из машины. Один догадливый председатель колхоза в Павлодарском районе стал заготавливать эти сводки дюжинами под копировальную бумагу, с тем чтобы немедленно оделять ими приезжающих уполномоченных...».

Крайне неудовлетворительно справляется парторганизация Восточноказакстанской области и с другими хозяйственно-политическими задачами. Особенно плохо выполняются решения ЦК о развитии **животноводства**.

Животноводство Восточного Казакстана, потерпевшее в прошлые годы большой урон в результате исключительных перегибов, допущенных прежним краевым руководством, теперь оправляется от понесенных потерь чрезвычайно медленно и с большими задержками. Так, поголовье рогатого скота в колхозно-крестьянском секторе за второе полугодие 1933 г. уменьшилось на 8,8% с лишним.

Весной 1934 г. вследствие бескормицы, явившейся результатом недостаточной заботы о подготовке к зиме, падеж скота еще увеличился.

Особенно плохо обстоит дело с сохранением конского поголовья. Только в самое последнее время снижение поголовья рогатого скота приостановлено, причем лишь в колхозном секторе.

Плох уход за скотом, плохо подбираются кадры, нет надлежащей организации труда на фермах. Неудачно в этом году прошел сенокос: план недовыполнен на 17%. Особенную тревогу вызывает положение с кормами в совхозах области. Уроки прошлой зимы, как видно, не научили по-настоящему организовать сеноуборку, чтобы в этом году обеспечить скот кормами.

Совсем плохо была проведена случная кампания. Очковтирательство было на каждом шагу. В ряде колхозов и совхозов, где, по официальным данным, случка прошла удовлетворительно, фактически ничего не было сделано.

Все это показывает, что партийная организация в области, где животноводство является важнейшей отраслью хозяйства, лицом к животноводству не повернулась, не дерется по-настоящему за выполнение решений пленума ЦК о животноводстве.

* * *

Запаздывание руководства, недостаточная большевистская бдительность выразились особенно в том, что обком проглядел факты разложения, разбазаривания и хищения государственных средств, имевшие место в результате проникновения в аппараты ХОЗО при восточноказакстанском облисполкоме, «Алтайзолота» и «Заготпушнины» чуждых, преступных элементов и жуликов с партийными билетами.

Поддавшиеся влиянию засоривших аппарат классово враждебных элементов, отдельные руководящие работники (бывший секретарь семипалатинского горкома Козловцев, председатель облисполкома Сарымулдаев, его заместитель Алексеев, руководители «Заготпушнины»—Шалаевский и «Алтайзолота»—Глинских и Бородулин и др.) не только не вели борьбы с извращениями и преступлениями, но по существу оказались в руках преступных

элементов и сами допустили излишества, бесконтрольное и бесплатное получение материальных ценностей и средств.

Советский и хозяйственный аппараты области значительно засорены чуждыми и преступными элементами. Нечистоплотные люди, иногда жулики с партийными билетами, пролезшие в перечисленные выше организации, орудовали и мошенничали там как хотели, подчиняя своему влиянию отдельных руководителей.

Так было в частности в ХОЗО — организации, созданной в целях улучшения материально-бытовых условий жизни актива. Дело это необходимое. Но фактически оно оказалось в руках грязных людишек (бывшего члена партии Курманова, беспартийного Гузе и др.), преступно разбазаривавших деньги и продукты, производивших растраты и хищения, что причинило значительный ущерб государству.

Эти нечистоплотные дельцы, ставшие заправилами ХОЗО, сумели втереться в доверие к председателю облисполкома Сарымулдаеву и его заму Алексееву, подсовывали им без оплаты кое-какие продукты, втянули обоих в организацию банкетов с выпивкой по всякому поводу. Обком партии не только не вскрыл этих извращений, но в течение длительного срока проходил мимо сигналов о творившихся в ХОЗО злоупотреблениях.

В постановлении Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) о результатах проверки восточноказакстанской парторганизации указывается, что «руководство восточноказакстанского обкома не обеспечило развертывания самокритики в работе парторганизации, не реагировало на поступившие сигналы (в частности со стороны пытавшейся критиковать недочеты в работе организации редакции областной газеты), не вскрыло отмеченных безобразий и преступлений, не проявило таким образом партийного чутья и не выполнило решения ЦК о непримиримой борьбе с излишествами и извращениями».

История с излишествами, безобразиями и преступлениями, вскрытыми в Восточноказакстанской области, показывает, что от руководителя организации требуются не только личная безупречность, строгость к себе, но и уменье остро реагировать на всевозможные излишества и злоупотребления, уменье быстро вытравлять элементы разложения, вовремя одергивать людей, катящихся по наклонной плоскости.

Возьмем, например, бывшего секретаря восточноказакстанского обкома тов. Стакуна, снятого с работы постановлением казакстанского крайкома за неудовлетворительное руководство делом уборки и хлебосдачи. В постановлении Комиссии партийного контроля подчеркивается его ответственность за те безобразия, факты разложения, которые вскрылись, хотя он лично и не был замешан в излишествах и злоупотреблениях:

«Тов. Стакун, будучи непричастен ко всем проявленным излишествам и злоупотреблениям, не обеспечил большевистского руководства организациями и благодаря слабому реагированию и благодушному настроению допустил разложение у части руководящих работников».

Примерно такого же рода факты, как и в ХОЗО, имели место в «Заготпушнине». Руководитель этой организации Шалаевский вместе с бывшим секретарем семипалатинского горкома Козловцевым широко организовали разбазаривание пушнины и товарных фондов. Козловцев в конце концов оказался явно прогнившим элементом, развалил работу организации, беспробудно пьянствовал.

Опять-таки и в этом случае обком не проявил непримиримости и большевистского чутья, не устранил имевшие место в «Заготпушнине» извращения. В частности Козловцев не был привлечен к ответственности, его лишь перевели на другую, не менее ответственную работу. Козловцева перебрасывают в Караганду, здесь он работает некоторое время в качестве заместителя председателя карагандинского облисполкома. Карагандинский обком, зная об

его «художествах», все-таки послал его уполномоченным по хлебоуборке и хлебосдаче в один из наиболее важных районов. Однако Козловцев в течение трех дней не выехал на проведение уборочной в район, занимаясь беспрерывным пьянством. Только по предложению уполномоченного Комиссии партийного контроля по Казакстану этот вконец разложившийся тип был исключен из партии.

Аналогичная картина наблюдалась и в «Алтайзолоте». Во всех этих хозяйственных организациях (ХОЗО, «Заготпушнина», «Алтайзолото») злоупотребления и самоснабжение длились месяцами. Разговоры об этом шли кругом; доходили и до обкома. Но такова уже была система работы, система руководства обкома, что бюро обкома не реагировало остро на поступавшие сигналы. Областное руководство не только не вскрывало злоупотребления и факты загнивания части партийцев, не вело непримиримой борьбы с извращениями, но в ряде случаев не давало даже отпора зажиму самокритики; например рабочих «Заготпушнины», выступивших с разоблачением, прямо затравили, а обком не принял никаких мер. Понятно, подобная пассивность руководства не воспитывала организацию, не поднимала у членов партии способность давать отпор новым вылазкам классового врага, вскрывать гнойники, предупреждать извращения и прорывы.

Обком мариновал ряд заявлений. Так например в обкоме без движения больше месяца лежало заявление о фактах загнивания отдельных комсомольских работников — оно было рассмотрено уже после приезда комиссии, посланной Комиссией партийного контроля при ЦК ВКП(б).

Стоит привести также случай безобразной, преступной волокиты прокуратуры Устькаменогорского района по делу о кулацком покушении на активистов бобровского сельсовета. В результате бездеятельности районных властей оставшиеся безнаказанными кулаки через месяц убили председателя сельсовета Семьянкова.

Обком опять-таки не реагировал на это возмутительное потворство районных организаций распоясавшемуся классовому врагу.

Благодушие и самоуспокоенность привели, как мы видели, к утрате большевистского оперативного руководства хлебоуборкой и хлебосдачей. Благодушие и самоуспокоенность, терпимость к безобразиям, отсутствие непримиримой борьбы с прорывами и искривлениями, с признаками разложения части партийцев — все это привело к нарастанию этих отрицательных явлений. Это находится в самой тесной связи с недостаточным развертыванием самокритики в восточноказакстанской организации.

Так как в организации почти отсутствовала самокритика, то первая же серьезная критика со стороны крайкома вызвала явную растерянность и разброд среди членов бюро обкома, в особенности когда открылись злоупотребления в ХОЗО и других учреждениях. Некоторые из товарищей заговорили о загнивании всего руководящего ядра, об утрате организацией боеспособности в деле разрешения стоящих перед ней хозяйственно-политических задач. Такие разговоры и настроения неправильны и являются результатом растерянности, охватившей кое-кого из активистов в связи с выявленными прорывами и извращениями. Нашлись охотники свалить в одну кучу и товарищей, допустивших известные излишества, запутавшихся, но по существу честных работников, и прямых жуликов, сознательно расхищавших социалистическую собственность. Обком же, не вскрыв вовремя несмотря на ряд сигналов отмеченных выше безобразий и преступлений, а затем, когда эти преступления окончательно обнаружились, не сумев быстро и решительно ликвидировать их, наказать виновных, занялся бесконечными дискуссиями вокруг этого дела. Достаточно сказать, что одно из заседаний обкома по этим вопросам продолжалось чуть ли не три дня и три ночи подряд!

И в то же время парторганизация не была воспитана и мобилизована на этих вопросах, не была развернута самокритика, не была сплочена лучшая часть парторганизации для решения неотложных боевых задач — хлебоуборки и хлебосдачи.

А между тем в основе своей восточноказакстанская парторганизация — достаточно здоровая и боеспособная. Наряду с прорывными участками есть немало примеров хорошей, добросовестной работы, успешной борьбы за выполнение решений партии в партийных организациях, колхозах и МТС области.

Партийные организации таких колхозов, как «Победа», им. товарища Сталина, «Путь Ленина», являются передовыми, дают пример боевой работы, успешного выполнения обязательств перед государством, проведения уборочной, роста и укрепления колхозного хозяйства. Наличие в организации значительного количества преданных, проверенных коммунистов, способных, преодолевая трудности, проводить партийную линию, служит порукой того, что организация при правильном руководстве справится с прорывами, сумеет успешно осуществить поставленные перед ней партией задачи.

Руководство восточноказакстанской организации должно быть коренным образом перестроено и укреплено. Необходимо перестроить всю систему работы, устранить такие крупные недочеты, как совершенно недостаточная оперативность руководства, отставание внутрипартийной работы, запоздалое реагирование на извращения и прорывы в работе, отсутствие развернутой самокритики.

Необходимо также серьезно обновить руководящие кадры и укрепить их. ЦК ВКП(б) уже принял меры к смене руководства и поднятию его на более высокий уровень. Краевой комитет также должен помочь укреплению организации более сильными кадрами.

Надо сказать, что хотя казакстанский краевой комитет партии и указывал неоднократно бывшему руководству Восточноказакстанской области на недочеты его работы и резко критиковал на июньском пленуме неудовлетворительное проведение весеннего сева, однако крайком, как это отмечено в решении Комиссии партийного контроля, «не принял своевременно оперативных мер к исправлению этих недочетов и предотвращению искривлений и ошибок, допущенных руководством восточноказакстанского обкома за последний период».

В своем решении, принятом уже в августе, крайком дал в общем правильную оценку недочетов работы восточноказакстанского обкома и вскрытых в области извращений, но также не принял никаких практических мер для исправления создавшейся обстановки. Не дал крайком в этом решении прямых указаний и краевым органам о недочетах их руководства Восточным Казакстаном и о мерах помощи областным органам. А эти указания были очень нужны хотя бы Наркомзему, руководства которого в области абсолютно не чувствуется.

В настоящее время руководство восточноказакстанской парторганизации обновлено. В результате посещения области тов. Кировым мобилизованность парторганизации значительно повысилась. Важнейшей задачей нового руководства является убрать весь хлеб, резко повысить темпы хлебосдачи, до конца ликвидировать на основе развертывания большевистской самокритики те болезненные явления, на которые указывается в постановлении Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) «О результатах проверки восточноказакстанской парторганизации».

Следуя указаниям ЦК и товарища Сталина, смело развертывая самокритику и давая решительный отпор всем искривлениям линии партии, восточноказакстанская организация сумеет выйти из прорыва и обеспечить осуществление задач строительства социализма и проведения ленинской национальной политики партии.

ОБ УКРЕПЛЕНИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЗАКОННОСТИ В ПЕРИОД СОЦИАЛИЗМА

А. Вышинский

Нынешний период пролетарской революции характеризуется не только блестящими, невиданными в истории человечества победами социализма, но и обострением классовой борьбы — прямым результатом отчаянного, упорного сопротивления эксплоататорских классов социалистическому строительству, результатом упорных попыток этих классов и их агентуры повернуть вспять колесо истории, задержать или даже остановить победоносное движение пролетариата вперед, к бесклассовому, социалистическому обществу.

На январском пленуме ЦК партии (1933 г.) товарищ Сталин специально указывал на то, что «рост мощи советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов», что эти остатки, «именно потому, что они умирают и доживают последние дни... будут переходить от одних форм наскоков к другим, более резким формам наскоков, апеллируя к отсталым слоям населения и мобилизуя их против советской власти».

Несмотря на то, что еще в 1929г., т. е. за четыре года до этого выступления, товарищ Сталин, разоблачая правооппортунистические извращения, показал, что источником этого сопротивления является ощущение капиталистами своей слабости, неизбежности своей окончательной гибели, что они действительно становятся слабее нас, а мы, наоборот, становимся сильнее их,— кое-кто до сих пор не понимает этого. Такие люди не понимают и всей важности и всего значения поставленной сейчас во весь рост проблемы революционной законности как одного из средств укрепления всего пролетарского государства, как одного из средств укрепления фронта борьбы с враждебными делу социализма вылазками всяких «бывших людей».

Значение революционной законности в настоящее время особенно велико именно потому, что оно направляет свое острие на охрану общественной, социалистической собственности, являющейся о с н о в о й всего советского строя. Партия и правительство особенно подчеркнули это последнее обстоятельство изданием закона 7 августа 1932 г.

«Этот закон, — говорил на январском пленуме ЦК партии товарищ Сталин, — есть основа революционной законности в настоящий момент А обязанность строжайшего его проведения в жизнь является первейшим долгом каждого коммуниста, каждого рабочего и колхозника».

Это указание вождя и учителя нашей партии имеет исключительное значение не только для характеристики исторического смысла декрета 7 августа, но и для характеристики всей нашей революционной законности.

Именно поэтому товарищ Сталин говорит о борьбе за охрану общественной собственности как об одной из основных задач всей партии, связывая с этой задачей и задачу общего укрепления пролетарской диктатуры.

«С и л ь н а я и м о щ н а я д и к т а т у р а п р о л е т а р и а т а — в о т ч т о н а м н у ж н о т е п е р ь д л я т о г о, ч т о б ы р а з в е я т ь в п р а х п о с л е д н и е о с т а т к и у м и р а ю щ и х к л а с с о в и р а з б и т ь и х в о р о в с к и е м а х и н а ц и и», — указывал товарищ С т а л и н в своем докладе об итогах первой пятилетки.

Вопросы укрепления революционной законности теснейшим образом связаны со всемерным усилением мощи всей системы советской власти, всего аппарата советского государства.

Эти вопросы нельзя рассматривать и решать, отрывая их один от другого, не только в силу того, что «право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права» (Ленин), но в силу той роли, которую играют органы юстиции в качестве органов осуществления и охраны революционной законности.

Недооценка значения органов советской юстиции и роли революционной законности является проявлением тех же оппортунистических взглядов, что и недооценка роли и значения самого советского государства.

Оппортунисты не видят остроты классовой борьбы, питающей в нашей стране самые разнообразные формы преступности, находящей свое проявление и в таких типичных актах классового сопротивления эксплоататоров и их агентуры, как вредительство, кулацкий саботаж и т. п., и в таких явлениях, как бытовые преступления, порожденные господством пережитков капитализма в сознании и нравах части трудящихся.

Ленин еще в 1918 г. писал:

«Нельзя забывать ни на минуту, что буржуазная и мелко-буржуазная стихия борется против Советской власти двояко: с одной стороны, действуя извне, приемами Савинковых, Гоцов, Гегечкори, Корниловых, заговорами и восстаниями, их грязным «идеологическим» отражением, потоками лжи и клеветы в печати кадетов, правых эсеров и меньшевиков; — с другой стороны, эта стихия действует изнутри, используя всякий элемент разложения, всякую слабость для подкупа, для усиления недисциплинированности, распущенности, хаоса» [1].

Здесь чрезвычайно четко показаны пути и способы сопротивления эксплоататорских классов новому строю: это, с одной стороны, прямые политические, контрреволюционные вылазки и, с другой стороны, всякого рода «общие» преступления, оказывающиеся иногда даже более опасными чем первые.

Опыт нашего хозяйственного и культурного строительства подтверждает удивительную историческую проницательность Владимира Ильича, в самом начале революции указавшего на те специфические формы классового сопротивления, которые классовый враг попытается применять в наиболее критические минуты своего существования.

Проследив с этой точки зрения историю буржуазной контрреволюции, можно сделать совершенно бесспорный вывод, что буржуазия, кулачество и другие антисоветские элементы в первые годы революции, действуя так же «двояко», как и в настоящее время, больше пользовались для своих контрреволюционных целей оружием, если можно так выразиться, первого рода — оружием политического нападения в его чистом виде: заговорами, восстаниями и т. д. Даже при переходе к таким методам антисоветской борьбы, как вредительство, буржуазия действовала на основе четко сформулированных политических «платформ», открыто провозглашая свои антисоветские политические цели и задачи. Конечно, и в это время буржуазная контрреволюция смыкала свой антисоветский фронт со всякого рода «взяточниками и жуликами», ворами и хулиганами, для которых Ленин требовал беспощадного расстрела на месте.

По мере роста нашей силы, нашей организованности, по мере хозяйственного, политического и культурного роста нашей страны изменяются и формы сопротивления разбитого, но не добитого классового врага. Не отказываясь от прежних форм борьбы (вредительство, диверсии и т. д.), классовый враг делает главным своим методом «тихую сапу», борясь разными способами против основы советского строя — общественной, социалистической

[1] Ленин. Собр. соч. 3-е изд. Т. XXII, стр. 459—460.

собственности. На этом поприще классовый враг находит себе союзника в «стихии мелкобуржуазной анархичности», в пережитках капитализма в сознании людей.

«Чем ближе мы подходим к полному военному подавлению буржуазии, — писал Ленин в 1918 г., — тем опаснее становится для нас стихия мелкобуржуазной анархичности. И борьбу с этой стихией нельзя вести только пропагандой и агитацией, только организацией соревнования, только отбором организаторов, — борьбу надо вести и принуждением» («Очередные задачи советской власти»)

В другом месте «Очередных задач» Ленин писал:

«Мелкобуржуазная стихия, с которой нам предстоит теперь вести самую упорную борьбу, сказывается именно в том, что слабо сознание народно-хозяйственной и политической связи голода и безработицы с распущенностью всех и каждого в деле организации и дисциплины, — что держится прочно мелко-собственнический взгляд: мне бы урвать побольше, а там хоть трава не расти» [1].

Опасность, которую несли и несут с собой для социалистического общества эти мелкобуржуазные пороки и «традиции капитализма», заключается в том, что на этой почве рождаются всевозможные хозяйственно-бытовые преступления, грозящие поражением отдельных участков новой хозяйственной системы, дезорганизацией их, нарушением правильности их работы, подрывом самой их жизнеспособности. Тысячи мелких хищений, тысячи мелочных злоупотреблений корыстного, спекулянтско-грабительского характера, тысячи мелких ударов по организационно-хозяйственному строительству МТС, совхозов, колхозов — все это в известных условиях и в известные исторические моменты оказывается для интересов социалистического общества не менее опасным, чем настоящий контрреволюционный заговор.

В известные исторические моменты подобные преступления выступают на первый план, составляя основное содержание классового сопротивления «бывших людей», которые, по меткой характеристике товарища Сталина, «расползлись по нашим заводам и фабрикам, по нашим учреждениям и торговым организациям, по предприятиям железнодорожного и водного транспорта и главным образом, — по колхозам и совхозам», чтобы «пакостить и вредить рабочим, колхозникам, советской власти, партии». «И они, — добавлял товарищ Сталин, — пакостят как только могут, действуя тихой сапой».

Разгромить эти маневры классового врага — вот прямая обязанность органов революционной законности, советской прокуратуры и советского суда, значение которых чрезвычайно усилилось в настоящее время, особенно в связи с учреждением НКВД, что подчеркивает необходимость максимального укрепления органов советской юстиции.

Образование Наркомвнудела является ярким свидетельством возросшей мощи Советского союза, все большего укрепления классовых позиций пролетарской диктатуры. Именно в результате разгрома классового врага и укрепления позиций пролетарской диктатуры мы можем в данное время не прибегать более к чрезвычайным мерам, а карать врагов пролетариата и нарушителей советских законов через суд. Роль советского суда в огромной степени выросла. Выросли и требования к его работе.

Условия нынешнего периода, определяемые окончательным поворотом миллионных масс крестьянства в сторону социализма, победой колхозного строя, дальнейшим ростом всего социалистического хозяйства, чрезвычайно облегчают по сравнению с первыми годами революции решение проблемы революционной законности. Созданы материальные и общественные предпосылки для укрепления трудовой дисциплины, для борьбы с дезорганизаторами, ворами и хулиганами, разлагающе влияющими на окружающих;

[1] Ленин. Собр. соч. Т. XXII, стр. 460.

созданы об'ективные условия борьбы с преступным отношением к общественному имуществу, воспитывается бережное отношение к созданным ценностям, забота о советском добре, и вместе с тем растет непримиримая ненависть к разгильдяям, растратчикам, ко всем, кто преступно, халатно, бесхозяйственно относится к общественному имуществу и к своим обязанностям советского гражданина и трудящегося

В этих новых условиях старая проблема революционной законности наполняется новым содержанием Революционная законность, основной задачей которой в настоящее время является охрана общественной, социалистической собственности, поднимается на высоту законности социалистической

Революционная законность нынешнего периода — это социалистическая законность Не случайно именно так говорится о советской законности в постановлении правительства об организации союзной прокуратуры (21 июня 1933 г.), призванной охранять социалистическую законность и общественную, социалистическую собственность

Революционная законность, являясь одной из форм или одним из методов пролетарской диктатуры, представляет собой поистине огромную политическую силу, с помощью которой — в ряде других способов — пролетарское государство подавляет сопротивление эксплоататоров и, с другой стороны, воспитывает в массах дисциплину и осуществляет поголовное привлечение трудящихся к управлению государством

Революционная законность — оружие для беспощадного подавления буржуазных контрреволюционных заговоров, оружие для беспощадного разгрома преступных шаек уголовников, подрывающих советский строй, расхищающих общественную, социалистическую собственность, обвешивающих потребителя и подтачивающих разными «жульническими махинациями» благосостояние трудящихся

Но революционная законность является не только оружием подавления: она сильна и тем, что воспитывает чувство дисциплины и ответственности перед советским государством

Революционная законность воспитывает новое, социалистическое правосознание, борющееся против мелкобуржуазной распущенности и анархичности; она играет громадную роль в разрушении тех привычек, унаследованных от капитализма, которые классовый враг старается использовать против советского строя, против трудящихся

Характеризуя сущность диктатуры пролетариата, товарищ Сталин указывал на три основные ее стороны:

«1) Использование власти пролетариата для подавления эксплоататоров, для обороны страны, для упрочения связей с пролетариями других стран, для развития и победы революции во всех странах

2) Использование власти пролетариата для окончательного отрыва трудящихся и эксплоатируемых масс от буржуазии, для упрочения союза пролетариата с этими массами, для вовлечения этих масс в дело социалистического строительства, для государственного руководства этими массами со стороны пролетариата

3) Использование власти пролетариата для организации социализма, для уничтожения классов, для перехода в общество без классов, в общество без государства

Пролетарская диктатура есть соединение всех этих трех сторон Ни одна из этих сторон не может быть выдвинута как единственно характерный признак диктатуры пролетариата, и, наоборот, достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков чтобы диктатура пролетариата перестала быть диктатурой в обстановке капиталистического окружения Поэтому ни одна из этих трех сторон не может быть исключена без опасности исказить

понятие диктатуры пролетариата. Только все эти три стороны, взятые вместе, дают нам полное и законченное понятие диктатуры пролетариата»[1].

В этом анализе сущности диктатуры пролетариата мы находим место и для революционной законности как одного из методов осуществления каждой из этих трех сторон пролетарской диктатуры.

Революционная законность является и способом подавления сопротивления эксплоататоров и одним из способов организации трудящихся масс и вовлечения их в социалистическое строительство.

На основе успехов первой пятилетки мы поставили перед собой на вторую пятилетку задачу окончательной ликвидации последних остатков капиталистических классов и классов вообще, задачу искоренения пережитков капитализма из сознания трудящихся, задачу превращения всех трудящихся в сознательных и активных строителей бесклассового, социалистического общества. Таких задач не знал еще мир! Нельзя не видеть трудностей их разрешения. Нельзя не понимать, что, борясь против осуществления этих задач, классовый враг использует все средства и силы, чтобы попытаться сорвать их успешное разрешение. Только безнадежные оппортунисты могут еще болтать о «плавном и тихом» «врастании» капиталистических элементов в социализм, о затухании классовой борьбы. Только оппортунисты, ссылаясь на предстоящее в будущем «отмирание» государства, могут отрицать необходимость всемерного укрепления пролетарской диктатуры в настоящее время. Товарищ Сталин указал, что «такие люди не могут иметь ничего общего с нашей партией. Это — перерожденцы, либо двурушники, которых надо гнать из партии». Здесь же товарищ Сталин со всей силой подчеркнул, что отмирание государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление. «Для полного отмирания государства нужен полный коммунизм» (Ленин).

Укрепление советского государства неразрывно связано с укреплением революционной законности и с укреплением социалистического правосознания. Превращение трудящихся в сознательных и активных строителей социалистического общества означает воспитание в них нового, коммунистического отношения к труду, новой, пролетарской, социалистической дисциплины. Это длинный и трудный путь переделки всей психологии громадных масс трудящихся, усвоивших от капиталистического строя «тьму привычек», о которых не раз говорил Ленин, мешающих нашему продвижению к бесклассовому, социалистическому обществу.

Здесь нам предстоит необ'ятная работа над созданием и укреплением новой, социалистической, советской культуры, которая уже пустила крепкие корни в советской земле, но над дальнейшим ростом которой нужно еще много и упорно работать. И в разрешении этой задачи большая работа ложится и на долю нашей революционной законности. Наша революционная законность так же органически связана с культурной революцией как и со всем развитием советского государства.

Эта связь революционной законности с культурной революцией составляет исключительное своеобразие советского права и советской законности. Буржуазная законность никогда не была и не могла быть «орудием воспитания» трудящихся: это противоречит самой природе «законности» эксплоататорских классов, призванной увековечивать, поддерживать и укреплять господство угнетателей. Современное состояние буржуазной законности, с каждым днем все больше дряхлеющей и загнивающей, как дряхлеет и загнивает само капиталистическое общество, лучше всего характеризуется положением юстиции в фашистских и полуфашистских странах, открыто делающих то, что в странах буржуазной «демократии» тщательно вуалируется всевозможными фокусами так называемого «правового государства».

---

[1] Сталин «Вопросы ленинизма». 9-е изд., стр. 201.

Только в Советской стране, где управление государством непосредственно осуществляется миллионными массами рабочих и крестьян, юстиция играет роль школы, воспитывающей дисциплину, воспитывающей людей в новом, социалистическом духе. В буржуазной стране нет и не может быть такого суда, который являлся бы школой, «орудием воспитания», который мог бы выполнять эту задачу величайшего исторического значения. Но в Советской стране суд является именно таким учреждением.

Нелишне напомнить, в чем Ленин видел различие между судом буржуазным и советским судом. По этому поводу Ленин говорил: «Суд был в капиталистическом обществе преимущественно аппаратом угнетения, аппаратом буржуазной эксплуатации... Октябрьская революция... на место старого суда... стала создавать новый народный суд, вернее, Советский суд, построенный на принципе участия трудящихся и эксплуатируемых классов,—и только этих классов.— в управлении государством. Новый суд нужен был прежде всего для борьбы против эксплуататоров, пытающихся восстановить свое господство или отстаивать свои привилегии, или тайком протащить, обманом заполучить ту или иную частичку этих привилегий. Но, кроме того, на суды, если они организованы действительно на принципе советских учреждений, ложится другая, еще более важная задача. Это — задача обеспечить строжайшее проведение дисциплины и самодисциплины трудящихся... И на них (советские суды.— *А. В.*) ложится громадная задача воспитания населения к трудовой дисциплине» [1].

В полном согласии с этими задачами советского суда и всей советской юстиции мы обязаны на данном этапе социалистического строительства обратить особенное внимание на воспитательную работу, на воспитание и перевоспитание неустойчивых элементов из среды трудящихся, сохраняющих еще многочисленные недостатки, пороки и предрассудки старого общества.

Для этой воспитательной работы, которая, конечно, ни в коей мере не может и не должна ослабить нашу карательно-репрессивную деятельность по отношению к классовым врагам, сейчас созданы все необходимые предпосылки. Мы достигли уже того уровня материально-экономической и технической мощи государства и того уровня материально-бытового благополучия трудящихся, на основе которых можно вести мерами воспитательно-трудового воздействия победоносную борьбу с преступлениями среди трудящихся.

Советский закон и вся система органов, призванных к его охране, являются таким образом исполинской культурной силой, воспитательное действие которой проявляется с особенной отчетливостью в деятельности таких учреждений, как производственно-товарищеские суды, сельские общественные суды, колхозные, жилищно-товарищеские суды и т. п.

Вот почему, характеризуя сущность советской революционной законности, мы подчеркиваем ту ее культурно-творческую роль, которой нет и не может быть в законности буржуазных государств.

Вот почему каждый новый декрет мы встречаем как новое культурное достижение, как документ, на основе которого трудящиеся нашего Союза получают возможность более четко и успешно бороться со своими врагами и добиваться новых побед в великом деле строительства социализма.

Эту особенную, исключительную черту советского декрета прекрасно охарактеризовал в свое время Ленин.

«Если бы мы ожидали, — говорил Ленин, — что от написания сотни декретов изменится вся деревенская жизнь, мы были бы круглыми идиотами. Но если бы мы отказались от того, чтобы в декретах наметить путь, мы были бы изменниками социализму. Эти декреты, которые практически не могли

[1] Ленин. Собр. соч. Т. XXII, стр. 424.

быть проведены сразу и полностью, играли большую роль для пропаганды. Если в прежнее время мы пропагандировали общими истинами, то теперь мы пропагандируем работой. Это — тоже проповедь, но это проповедь действием — только не в смысле единичных действий каких-нибудь выскочек, над чем мы много смеялись в эпоху анархистов и старого социализма. Наш декрет есть призыв, но не призыв в прежнем духе: «Рабочие, поднимайтесь, свергайте буржуазию!» Нет, это — призыв к массам, призыв их к практическому делу. Декреты, это — инструкции, зовущие к массовому практическому делу. Вот что важно»[1].

Истинная природа советского права — то, что оно право творческое, органически связанное с живой практикой социалистического строительства, право, несущее в массы новую культуру, новые понятия, новые стремления и привычки, прокладывающие путь для нового общественного уклада. Вот чем об'ясняется и то требование, которое мы пред'являем ко всем органам, призванным защищать и охранять революционную законность, и которое заключается в необходимости, применяя советский закон, исходить из основных задач и целей пролетарской революции, строить всю практику осуществления революционной законности в соответствии с этими основными задачами.

Ленин и Сталин постоянно подчеркивают связь революционной законности с культурой и культурной работой.

В своих исторических тезисах «Новая экономическая политика и задачи политпросветов» рядом с п. 8, в котором Ленин говорит о такой задаче, как «повышение культуры», Ленин ставит п. 9, говорящий о повышении законности, о том, что нужно «научить бороться культурно за законность, ничуть не забывая границ законности в революции»[2].

Сталин в «Вопросах ленинизма», характеризуя пролетарскую диктатуру в период социализма, говорит о культурной работе диктатуры рядом с революционной законностью как о категориях одного и того же порядка[3].

Именно сочетание советской революционной законности с культурной работой, с советской культурой вскрывает подлинную сущность революционной законности как законности социалистической, как величайшего фактора социалистического строительства.

На состоявшемся 21 сентября 1934 г. при МК ВКП(б) совещании работников суда и прокуратуры Москвы и области Л. М. Каганович особо подчеркнул это обстоятельство, говоря о том, что судьи и прокуроры должны работать образцово. «Что значит работать образцово? — спрашивал тов. Каганович и отвечал: — Это значит — судить за то, за что следует, судить по закону, справедливо, без волокиты и сутяжничества, судить грамотно, культурно...»

Это нужно особенно подчеркнуть в настоящее время, когда самый центр задач органов юстиции переносится, в известном смысле, на задачи воспитательного порядка. Такое перемещение центра нашей уголовной политики вовсе не означает ослабления уголовного наказания, не означает курса на смягчение нашей карательной политики. Беспощадно подавлять сопротивление классового врага и его агентуры попрежнему остается одной из важнейших задач советской юстиции и революционной законности, направленной, по словам товарища Сталина, своим острием против воров и вредителей в общественном хозяйстве, против хулиганов и расхитителей общественной собственности. Но выполнение этой важнейшей обязанности органами революционной законности в нынешних условиях возможно лишь при изменении ме-

[1] Ленин «Доклад о работе в деревне». Т. XXIV, стр. 166.
[2] Ленин. Собр. соч. Т. XXVII, стр. 35.
[3] Сталин «Вопросы ленинизма». 9-е изд., стр. 201.

тодов и тактики нашей борьбы с уголовными преступлениями. На первый план выдвигается обязанность — обеспечить максимальную меткость и точность уголовной репрессии, применение которой должно быть поддержано активным участием широких масс трудящихся. Это означает необходимость коренной перестройки самой тактики судебно-следственной работы, успех которой обусловлен именно участием в ней пролетарского и колхозного актива. Без этого нельзя рассчитывать на своевременное и последовательное разоблачение классово враждебных вылазок, на разоблачение всех и всяческих «воровских махинаций».

Общественно-массовая работа органов юстиции в настоящее время еще необходимее там, где идет речь о воздействии силой судебного приговора, авторитетом революционной законности на самих трудящихся, требующих исправления и нуждающихся в перевоспитании. Нечего и говорить, что эта задача абсолютно не может быть разрешена канцелярско-бюрократическими методами в работе органов юстиции.

Буржуазная юстиция — буржуазная прокуратура и буржуазный суд, не говоря уже о буржуазной тюрьме, — стирает вправ преступника, жертву буржуазной законности, своими страшными жерновами, нисколько не заботясь о внутреннем мире осужденного, о его человеческой сущности. Наказание в странах капитализма — это мученье, страданье, как говорил еще Миттермайер, видевший именно в этих особенностях буржуазной пенитенциарной политики ее наибольшие достоинства. Буржуазный закон — это, по словам Энгельса, «кнут, сплетенный буржуазией» для пролетариата. Буржуазная законность преследует одну цель — «держать в узде необходимый ей (т. е. буржуазии. — *А. В.*) пролетариат», подавляя всякое его движение, всякий его порыв к освобождению от капиталистического ига. Поэтому ни о какой действительно культурной, воспитательной роли буржуазной законности не может быть и речи. Социалистическая законность, наоборот, характерна своей культурно-воспитательной стороной; она не исключает элементов насилия, но самое насилие здесь качественно иное, так как здесь нет насилия меньшинства угнетателей над огромным большинством трудящихся.

Исключительное значение культурно-воспитательная работа советской законности принимает сейчас, в период борьбы за осуществление величайших задач второй пятилетки. Классовый враг действует «тихой сапой», апеллирует к отсталым слоям населения, старается мобилизовать их против советской власти. Совершенно очевидно, что в этих условиях удар по классовому врагу неразрывно связан с необходимостью нанести удар и по отсталости, по капиталистическим пережиткам и традициям, цепко держащим в своих лапах сознание отсталой части трудящихся. Поэтому сейчас больше чем когда-либо задача органов советской юстиции заключается в том, чтобы разоблачить маневры классового врага, вывести его на чистую воду, сорвать с него маску, показать трудящимся подлинное его лицо и обнаружить его настоящие, враждебные интересам трудящихся преступные замыслы.

* * *

Опираясь на принципы пролетарской демократии, советская прокуратура и советский суд призваны сочетать в своей работе начала подавления и принуждения с началами убеждения и воспитания, решая эти две задачи как одну задачу, как «двуединую» задачу (Ленин). Свою роль советского суда, орудия воспитания к дисциплине, как говорил Ленин, организатора общественного мнения, наш суд может выполнить, лишь правильно построив свою работу, обеспечив высокое качество ее.

На заседании, посвященном 10-летию деятельности Верхсуда СССР, тов. Калинин специально подчеркнул, что «работа нарсуда — очень ответственная, политическая работа».

«Если судья, — говорил тов. Калинин, — хороший марксист, диалектик, культурный, грамотный человек, то можно смело сказать, что 99% его приговоров и решений будет иметь положительное политическое значение... Судья должен не только уметь правильно политически разбираться в данном конкретном деле, в той обстановке, в которой это дело произошло, правильно оценить, распознать людей, участвующих в этом деле, выявить все положительные моменты данного дела, его классовую подоплеку и сущность, но должен еще кроме того суметь это сделать так убедительно, так показательно, чтобы не только он сам и народные заседатели, но и все присутствующие на суде разобрались в этом деле и поняли правильно вынесенное судом решение».

К сожалению, еще очень большой процент приговоров и судебных решений не удовлетворяет этим требованиям.

Есть довольно много дел, по которым судебные приговора в большом проценте подвергаются последующему коренному исправлению, вплоть до полной отмены вынесенного судом решения. Даже по делам, влекущим за собой наиболее серьезную меру наказания, отменяется в отдельных республиках и их краях и областях до 25—30% приговоров, признанных кассационной инстанцией неправильными как по квалификации преступления, так и по несоответствию с фактическими материалами дела.

Немало приговоров поражает своей безграмотностью (причем не только юридической, но и общей). До сих пор еще бывают случаи, когда в приговорах оказываются перепутанными имена и отчества осужденных, имеют место ошибки, касающиеся социального и классового положения осужденных, и, наконец, даже прямые извращения отдельных обстоятельств дела.

На первом всесоюзном совещании судебно-прокурорских работников был приведен целый ряд подобного рода приговоров, ярко иллюстрирующих неудовлетворительное положение в этой области. При этом грубые ошибки и безответственные решения встречаются в практике даже таких судов, как Ленинградский областной суд и ряд других судов, где состав судебных коллегий более квалифицированный чем в ряде других мест.

Нельзя добиться настоящего укрепления революционной законности и социалистического правосознания без борьбы за улучшение работы суда и прокуратуры. Ведь эти органы стоят чрезвычайно близко к широким массам населения, и их деятельность затрагивает самую «гущу» жизни: каждый судебный приговор затрагивает интересы больших масс людей. К решению суда прислушивается чрезвычайно широкая периферия: ведь оно выносится от имени советского государства.

Вот почему наша партия придает такое громадное значение гласному судебному разбирательству. Еще в 1921 г. Ленин в записке к тогдашнему наркому юстиции тов. Курскому требовал по поводу волокиты в деле проф. Графтио: «1) поставить это дело на суд; 2) добиться ошельмования виновных и в прессе и строгим наказанием», требовал поставить несколько дел о волоките, «подобрав случаи «поярче» и сделав из каждого суда *политическое* дело»[1].

Вот почему Ленин требовал «не бояться суда (суд у нас пролетарский) и гласности, а тащить волокиту на суд гласности: только так мы эту болезнь всерьез вылечим», требовал, чтобы «наш *слабенький* Н. К. Юст» научился «ставить и вести гласные дела о волоките».

В другой записке тов. Курскому Ленин говорит о необходимости, применяя наше революционное правосознание, «показывать систематически,

[1] *Ленин*. Собр. соч. Т. XXIX, стр. 403.

упорно, настойчиво на ряде образцовых процессов, как надо делать с умом и энергией».

Ясно, что эту задачу можно разрешить только при высоком качестве судебной работы, а для этого необходим и соответствующий подбор судебных кадров; необходимо иметь действительно умных судей, как писал об этом Ленин по делу о плугах Фаулера, а не торопыг, не крикунов, не фразеров».

Одной из причин неудовлетворительного состояния судебной работы в ряде мест является слабая квалификация судебного состава, плохой подбор судейских кадров, недостаточная их политическая и общекультурная подготовка, столь необходимая для такого ответственного дела, как судебная работа.

Несомненно, этим об'ясняется и недооценка некоторой частью судебно-прокурорских работников формально-правовых требований советских законов и в частности законов уголовных и уголовно-процессуальных До сих пор у некоторых работников наблюдается даже пренебрежительное отношение к этим требованиям как к своего рода «буржуазному предрассудку». Думающие так забывают, очевидно, о революционном содержании и революционно-творческой роли советского права Среди наших судей и прокуроров встречаются люди, очень напоминающие тех «зазнавшихся вельмож», которые считают, что «советские законы писаны не для них, а для дураков», и которые таким отношением к законам «разрушают, таким образом, основы партийной и государственной дисциплины» (Сталин).

Вот несколько примеров Бывший прокурор Ингушско-Чеченской области Мамакаев «воспитывал» в своих сотрудниках «чувство законности» таким образом «Слушайся, — говорил он своим помощникам, — не закона, слушайся меня...»

В Белорусской ССР один районный прокурор (тов Гомелько, Ельский район) вообще не боролся с нарушениями революционной законности, ограничиваясь направлением в газеты своих корреспонденций за подписью «прокурор-селькор Гомелько» Этот «прокурор-селькор» писал корреспонденции, вместо того чтобы пресечь беззаконие и виновных отдать под суд, употребив принадлежащую ему как представителю органа революционной законности силу власти Когда его спрашивали о причинах такого странного поведения, «прокурор-селькор» отвечал, что у него нет «законных» оснований для возбуждения уголовного преследования Когда же ему указывали на корреспонденции о беззаконии, он, не смущаясь, отвечал: «Я убежден, что имеются нарушения законности...»

С такими работниками, разумеется, не укрепишь революционной законности, не воспитаешь уважения к советскому закону, не воспитаешь социалистического правосознания в широких массах.

Разумеется, Мамакаевы и Гомелько с работы сняты Мамакаевым и Гомелько не место в органах советской юстиции Но этим вопрос не исчерпывается, потому что мамакаевско-гомельковская «линия» отражает еще не изжитое в некоторых кругах работников юстиции отношение к своему долгу, которое нельзя назвать иначе, чем чиновничьим, издевательско-бюрократическим отношением к революционной законности и к высокоответственным обязанностям органов советской юстиции Как это ни странно и ни печально, нужно признать, что неисполнение законов самими «законниками», самими работниками суда и прокуратуры, — очень распространенное явление. Именно поэтому так высок процент отменяемых в порядке кассационной проверки судебных приговоров Именно потому вышестоящим органам прокуратуры приходится так широко применять предоставленное им право протеста в порядке надзора, добиваясь отмены приговоров и переквалификации громадного количества дел. В течение первого полугодия своей работы прокуратура Союза опротестовала из числа рассмотренных ею в по-

рядке надзора дел по РСФСР 40,6%, по УССР — 50%, по БССР — 64%, по среднеазиатским республикам и ЗСФСР — от 60 до 74% приговоров.

Если принять во внимание, что прокуратура Союза имела дело в этих случаях с судебным производством, как правило, прошедшим все республиканские инстанции, вплоть до кассационных коллегий, а в некоторых случаях и до президиумов верховных судов союзных республик, то будет ясно, что состояние работы многих наших судов неудовлетворительно, что оно требует немедленного и решительного улучшения.

Нельзя не отметить, что некоторые суды допускают грубые ошибки в силу совершенно неправильного, абсолютно недопустимого в советском суде подхода к своей задаче. Среди некоторых работников юстиции пользуется влиянием своеобразная «теория», согласно которой каждое дело, попадающее в суд, должно закончиться обвинительным приговором. Против этой «теории» энергично борется НКЮ УССР, где она особенно давала себя знать в недалеком прошлом. Но следы этой «теории», культивирующей «обвинительный уклон» в работе судов, продолжают еще чувствоваться и порой даже довольно серьезно среди других категорий работников юстиции и в частности среди следователей и прокуроров.

Есть случаи, когда прокурор не только не прислушивается к получаемым от вышестоящих органов прокуратуры и суда указаниям относительно недочетов предварительного расследования того или иного уголовного дела, но прямо проявляет недисциплинированность, комчванство, допускает бюрократическое издевательство над судебным материалом и над живыми людьми. В БССР один прокурор побил рекорд бюрократического отношения к своему долгу бойца за революционную законность: получив указание на необоснованность своего обвинительного пыла, он вместо тщательной и об'ективной проверки следственного производства позволил себе отправить дело обратно в Верховный суд с надписью: «Вернуть Верхсуду без исполнения...»

Где причина такого грубого извращения своего долга, где причина нарушения революционной законности самим прокурором? Причина этого в отсутствии у подобных работников правильного понимания обязанностей **прокурора** как блюстителя революционной законности, причина в недостаточном **правовом воспитании** и недостаточности советской культуры у ряда работников нашей юстиции.

А между тем без повышения этой культуры среди самих работников юстиции невозможна борьба за последовательное и неуклонное, соответствующее интересам пролетарского государства и социалистического строительства осуществление революционной законности. Без этого невозможна и борьба за укрепление социалистического правосознания, которое характеризуется уверенностью в неизбежном и строгом применении законов, охраняющих советский правопорядок, интересы трудящихся и пролетарской революции. Одним из методов «тихой сапы», применяемых нашими классовыми врагами, является попытка подорвать доверие к советской власти, к советским законам, к их силе и твердости в защите законных требований и интересов трудящихся. «Бывшие люди», пролезшие в советские учреждения на должность, дающую им в руки какую-нибудь власть, дающую право решать какие-либо вопросы, связанные с насущными нуждами трудящихся, используют свое положение, чтобы нагадить советской власти, навредить ей, подорвать ее авторитет, ослабить доверие к ней. «Лучшим средством» для этого являются злоупотребление властью, незаконные мероприятия вроде незаконного наложения штрафов, необоснованных арестов, неправильного из'ятия имущества и вообще всякого нарушения прав трудящихся. Нередко, однако, классовый враг остается в тени, используя для антисоветской работы подпадающих под его влияние малосознательных трудящихся. Так обычно бывает в многочисленных случаях «перегибов» и головотяпства, со-

вершаемых отдельными должностными лицами. В одном случае рьяные администраторы обрушивают на колхозы целую эпидемию штрафов, подвергая этому наказанию подряд десятки колхозников и единоличников-трудящихся, штрафуя в размере 20% и больше членов колхозов (подобные факты имели место, например, в Татарской республике, ЦЧО и др.) и притом в невероятных суммах (в Татарии, в Кибеч-Дубясском районе, было оштрафовано 156 колхозников сразу на 600 трудодней; в Щигринском районе, ЦЧО, председатель колхоза Богданов был оштрафован сразу на 150 трудодней и пр.). В другом случае арестовывают целые бригады за плохой ремонт, не разобравшись как следует в существе дела (прокурор Енисейского бассейна Готовкин по делу Озерцова, прокурор Куйтунского района Поваров и др.).

Такая практика не может содействовать росту правосознания, уважения к революционной законности.

Этого не понимают горе-администраторы. Не понимают этого и кое-какие горе-прокуроры, неспособные оказать сокрушительное противодействие подобного рода фактам, не говоря уже об их предотвращении.

Проблема революционой законности в наше время ставит перед органами прокуратуры и суда гораздо более широкие и серьезные задачи чем простое «предупреждение и пресечение», чем привлечение или отдача под суд.

Привлечь к ответственности — это дело сравнительно нетрудное. Гораздо более трудно вскрыть корни расследуемого преступления, обнаружить перед трудящимися массами тайные пружины данного преступления. А в этом — главная задача органов революционной законности в их борьбе с преступностью. Но для выполнения этой задачи нужны большое уменье, большое искусство, особенно перед лицом искусного и изворотливого врага. Здесь нужно то «уменье поймать», о котором говорил Ленин в своей статье «О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности», подчеркивая недостаточность одной только решительности.

Роль следователя в данных условиях становится особенно ответственной, превращая народного следователя в центральную фигуру прокурорского аппарата. Ведь качеством расследования, как правило, определяется эффективность судебного процесса и судебного приговора. От качества расследования в девяноста случаях из ста зависит качество работы всей судебно-прокурорской системы.

Этот вопрос сейчас особенно резко выдвигается на первый план, потому что условия борьбы с преступностью, маскирующей в значительном числе случаев тонко и ловко организованное классовое сопротивление социалистическому строительству, в настоящее время гораздо более сложны чем раньше.

Громадную роль в выработке новых приемов борьбы, в овладении органами революционной законности техникой этого дела играет изучение опыта, подытоживание уже достигнутого в этой области.

Ленин прямо подчеркивал, что «нужно подытоживать опыт относительно того, как вы ловили и сколько вы провели судебных процессов, какой вы получили результат...» [1].

В 1921 г. Ленин писал о задачах РКИ: «Приемы постановки отчетности, приемы кары за недочеты, приемы «ловли» за обман, приемы проверки исполнения на деле должны быть в РабКрине изучены, сведены, подытожены». И, далее, говоря о борьбе за «сносную отчетность», Ленин добавлял: «В РабКрине должна быть календарная таблица, показывающая ход этой войны, успехи и поражения наши в этой войне» (Лен. сб. VIII, стр. 43).

Эти замечательные слова полностью применимы и к работе прокуратуры и органов расследования. Эти органы ведут подлинную войну с посягательством и посягателями на советский строй, на его устои, на отдель-

[1] Ленин. Собр. соч. Т. XXVI, стр. 407.

ные стороны его жизни и творчества. Этим обстоятельством обусловливается необходимость серьезного овладения техникой дела, в первую очередь техникой расследования. Но надо помнить, что техника неразрывно связана с политикой, с политическим воспитанием и политической подготовкой следственных работников.

Так сходятся и завязываются в один узел различные линии работы органов революционной законности: наблюдение за правильным и неуклонным соблюдением советских законов, последовательная и меткая борьба со всеми нарушителями революционной законности, искусное и политически правильно направленное преследование всех врагов советского социалистического строительства, — всех, кто осмеливается посягать на интересы советского государства и трудящихся масс нашей великой страны, борющейся за социализм, за построение бесклассового, социалистического общества.

* * *

Развертывая борьбу за укрепление революционной законности и социалистического правосознания, органы советской юстиции оказались вплотную поставленными перед необходимостью коренным образом перестроить свою работу, усвоить новую тактику и новые методы борьбы с преступностью и преступниками.

Перестройка необходима. Без такой перестройки органы юстиции не в состоянии выполнить возложенные на них в настоящее время чрезвычайно возросшие задачи.

Рабочий ныне не хочет и не может мириться с разгильдяйством, хулиганством, с растратами и расхищением общественной собственности, с обмериванием и обвешиванием потребителя. У него значительно повысилось чувство советской гражданственности, понимания близости общегосударственных интересов, социалистическое отношение к окружающему, к интересам своего класса. Ведь декрет об охране общественной (социалистической) собственности от 7 августа 1932 г. явился прямым выражением настроений широчайших масс рабочих и колхозников, прямым ответом на их многочисленные требования суровой расправы с расхитителями общественной собственности как с врагами народа.

Этот декрет показывает воочию, как выросло правосознание трудящихся масс, как повысились в настоящее время их требования к охране собственности пролетарского государства и общественных и кооперативных организаций. О новом содержании социалистического правосознания, воспитанного пролетарской революцией и блестящими победами социалистического строительства, говорит и такой декрет, как декрет об измене родине, поставивший новую веху в борьбе рабочего класса со всеми и всякими врагами нашего пролетарского отечества.

Всей своей работой органы юстиции должны подавать пример исполнения советских законов. В своей практической деятельности, в своих делах, они должны быть проводниками и воспитателями социалистического правосознания, требующего уверенности в неизбежном сокрушении силой советского закона всякого нарушения и всякого нарушителя велений советского государства.

Только действуя таким образом, органы советской юстиции докажут, что революционная законность — грозное и верное оружие в руках пролетариата, осуществляющего строительство бесклассового, социалистического общества под руководством коммунистической партии и великого Сталина.

МЕТАЛЛУРГИЯ НА ПОД'ЕМЕ

Г. Лауэр

I

Крупные успехи нашей промышленности на протяжении 1934 г. лучше всего характеризуются несомненным переломом, достигнутым в работе черной металлургии. За первые восемь месяцев валовая продукция всей тяжелой промышленности выросла на 28,4% по сравнению с соответствующим периодом 1933 г. Это — исключительно высокий темп роста. Но еще сильнее продвинулась вперед черная металлургия: ее валовая продукция выросла на 39,2%. В частности выплавка чугуна выросла на 51%, выплавка стали — на 44,5%, выпуск проката — на 36,7%, в том числе выпуск качественного проката — на 46%. Металлургия имеет все данные, чтобы победно закончить 1934 год и рапортовать VII с'езду советов об успешном выполнении годового плана.

Действительно, наша металлургия далеко ушла от тех печальных показателей начала 1933 г., когда выплавка чугуна упала до 15 тыс. т в сутки, а выпуск проката — до 11,5 тыс. т. Теперь в ежедневных сводках мы часто читаем цифру 31 тыс. т чугуна и 18—20 тыс. т проката.

Если мы присмотримся, из каких элементов слагается прирост продукции, то увидим, что дело идет о **качественном** переломе в работе металлургии. Например выплавка чугуна за первые восемь месяцев выросла с 4463 тыс. т в 1933 г. до 6747 тыс. т в 1934 г., т. е. на 2284 тыс. т.

Из этого прироста 1175 тыс. т следует отнести за счет работы новых домен, которые еще не давали продукции в соответствующий период прошлого года; остальные 1109 тыс. т представляют **прирост**, вызванный **улучшением** работы действовавших в прошлом году агрегатов. Это значит, что **работа домен улучшена на** 25%.

К такому же выводу мы придем, если рассмотрим коэфициенты использования оборудования.

В то время как коэфициент использования доменных печей, работающих на коксе, составлял в 1932 и 1933 гг. около 1,65, — в текущем году он на протяжении ряда месяцев колеблется около 1,26. Это означает, что одни и те же домны на одном и том же сырье дают чугуна уже на 30% больше чем в прошлом году.

В прошлом году во время всесоюзного конкурса доменных печей на первое место вышел Сталинский завод в Донбассе, достигший коэфициента использования 1,24; то, что было высшим достижением в прошлом году, становится средней нормой в 1934 г. Сталинский же завод, уверенно идя вперед, показал во время конкурса 1934 г. коэфициент 1,13, т. е. улучшил свой «рекорд» на 10%. Доменщики Дзержинки, Енакиева, Петровки и других заводов должны равняться по этой новой «норме»!

Еще лучшие показатели имеет Кузнецкий завод (коэфициент 1,04), правда, работающий на менее сернистом коксе чем южные заводы.

То же самое мы видим по мартеновским печам. Средний с'ем стали с 1 м² пода вырос с 2,9 до 3,4 т, т. е. на 17%. Особенно показательны результаты работы новых больших мартеновских печей. Об этом говорил тов. Орджоникидзе на совещании работников тяжелой промышленности:

«Раньше говорили, что с больших печей нельзя добиться с'ема стали с квадратного метра пода больше чем 3—3½ т. Больше, говорили, не выйдет.

Беру большую 110-тонную печь. С'ем с квадратного метра пода в среднем 5 т, в мае — 4,82, в июне — 5,18, в июле — 5,36, в августе — 5,35. Это новый мартеновский цех на Дзержинке. А сколько нам доказывали, что на больших печах нельзя так работать! Фактами доказано обратное, и от достигнутых показателей никак не отвертишься».

Прирост выпуска проката тоже вызван в первую очередь улучшением использования действующих станов. Возьмем для примера такой важнейший вид проката, как ж.-д. рельсы. Выпуск рельсов первого сорта увеличился за восемь месяцев на 66% по сравнению с прошлым годом. Если же не учитывать продукцию кузнецкого рельсового стана, который в прошлом году только начинал осваивать производство, то окажется, что выпуск рельсов на старых заводах на том же оборудовании вырос на 33%. Несмотря на то, что за последние годы не установлено ни одного нового бандажного стана выпуск бандажей вырос на 41,6%.

Эти цифры говорят о том, какие огромные резервы заключены в нашем прокатном оборудовании, и в то же время показывают, что наша металлургия в 1934 г. начала поворачиваться лицом к ж.-д. транспорту и выполнять тем самым важнейшую директиву партии и правительства.

Далеко не безразлично, получился ли прирост продукции благодаря постройке новых заводов и вводу в действие добавочного оборудования или же благодаря лучшему использованию существующего оборудования. Мы не собираемся ослаблять во второй пятилетке темпа строительства новых металлургических заводов. Но особенно важны и ценны те успехи, которых мы достигаем в освоении созданных мощностей. Увеличение выплавки чугуна в действующей домне на 30% не требует увеличения количества рабочих, если эта домна механизирована, не требует больше электроэнергии и воды. А это означает, что на тонну чугуна падает меньше зарплаты и меньше накладных расходов, т. е. что себестоимость чугуна значительно снижается. Увеличение выплавки свидетельствует также о лучшей организации работы, о более ровном ходе процесса, и поэтому увеличению выплавки обычно сопутствует снижение расходных коэфициентов сырья и топлива.

Действительно, перелом в 1934 г. произошел в области не только количественных, но и качественных показателей металлургии. Год тому назад нам приходилось указывать[1] на огромные пережоги топлива и перерасход руды в черной металлургии. Мы писали, что «удельный расход топлива на тонну чугуна, на тонну стали — это один из основных показателей качества работы металлургии». Удельные расходы топлива за истекший год значительно снижены. Средний расход кокса на тонну передельного чугуна составил, например, на Макеевском заводе в 1933 г. 1130 кг, а за период апрель—август 1934 г. — только 950 кг. На заводе им. Петровского — 1282 и 1030 кг; на Магнитогорском заводе—953 и 920 кг. По большинству южных заводов снижение удельного расхода кокса составило 10—20%.

Мы не располагаем полным материалом относительно расхода топлива в мартеновских цехах. Но имеющиеся данные также говорят о снижении удельных расходов. Абсолютный уровень этих расходов топлива еще непомерно высок, но все же нельзя не отметить улучшения. Одно снижение горячих простоев мартеновских печей с 32% календарного времени в 1933 г. (во время конкурса) до 24—25% в текущем году означает огромное сбережение топлива. Такое же влияние оказывает сокращение продолжительности плавок.

Улучшение использования оборудования, сокрашение расходных коэфициентов определили значительное повышение производительности труда и

[1] См. «Большевик» № 22 за 1933 г., стр. 46.

снижение себестоимости. Выработка на одного рабочего выросла на 26,7% при росте зарплаты на 9,8%. Себестоимость продукции после нескольких лет систематического повышения впервые серьезно снизилась: за семь месяцев снижение составило 8,3% и в годовом разрезе, повидимому, превысит 10%. Например себестоимость передельного чугуна по об'единению «Сталь» повысилась в 1933 г. до 73 р. 81 к. за тонну (в 1932 г.—67 р. 36 к.), а в июле 1934 г. она снизилась до 63 р. 18 к.

Все же себестоимость еще очень высока и задача ее снижения попрежнему стоит перед нашей металлургией.

Из этого обзора главных моментов работы металлургии мы видим, что положительные сдвиги имеются по всему ее фронту. Это — первые плоды борьбы за освоение новой техники, нового оборудования, борьбы за выполнение шести условий товарища Сталина, которая развернулась на наших заводах. Они показывают, какие огромные победы мы можем одержать, когда эта борьба развернется вовсю, когда задачи освоения станут действительно в центре внимания рабочих, инженеров и хозяйственников.

Мы уже указывали, что металлургия имеет все шансы победно выполнить годовой план. По чугуну план будет, несомненно, перевыполнен — выплавка чугуна достигнет 10,5 млн. т. Действительно: за восемь месяцев выплавлено 6747 тыс. т чугуна, за сентябрь—около 920 тыс. т. План на IV квартал (2900 тыс. т чугуна) предусматривает ежесуточную выплавку 31,5 тыс. т., т. е. такой уровень выплавки, который уже достигнут в конце сентября. Между тем вскоре вступают в строй 1-я липецкая и 4-я кузнецкая домны, которые еще увеличат суточную выплавку. Таким образом возможность выполнения плана IV квартала, а тем самым превышения годового плана на полмиллиона тонн чугуна не может вызывать сомнения.

Годовой план будет выполнен, но он будет выполнен иначе, чем это предполагалось в начале года. Целый ряд новых домен, мартенов, прокатных станов, которые должны были на протяжении года вступить в строй и дать продукцию, фактически будет введен в действие только в 1935 г. Продукции с этих агрегатов, предусмотренной планом, мы в 1934 г. не получили. Зато действующие агрегаты, особенно на старых заводах, работали значительно лучше, чем это было запроектировано, и таким образом удалось перекрыть недодачу. Работники ряда южных заводов взяли на себя обязательство — закончить выполнение годовой программы в ноябре и, вероятно, сумеют сдержать это обещание.

Таким образом мы в 1934 г. можем ожидать следующего годового прироста продукции: по чугуну — 48%, по стали — 43%, по прокату — 34%. Таких темпов прироста не знает история металлургии капиталистических стран.

Но одних только высоких темпов нам мало.

На XVI с'езде ВКП(б) товарищ Сталин учил не смешивать темпы развития с уровнем развития и указывал, что, хотя темпы у нас высокие, уровень продукции чугуна еще очень низок. Он говорил: «Что касается уровня развития чугунной промышленности у нас и на Западе, то мы имеем следующую картину: производство чугуна в США в 1929 г. выражалось в цифре 42,3 млн. тонн; в Германии — 13,4 млн. тонн; во Франции — 10,45 млн. тонн[1]; в Англии — 7,7 млн. тонн; а в СССР производство чугуна составит в конце 1929/30 г. всего лишь 5,5 млн. тонн.

Разница, как видите, немалая.

Выходит, таким образом, что по уровню развития чугунного производства мы стоим позади всех этих стран».

Как же обстоит дело сейчас?

---

[1] По уточненным данным — 10,36 млн. т. — Г. Л.

Известно, что в течение последних трех лет, в связи с резким падением выплавки чугуна в капиталистических странах и роста ее в СССР, мы прочно заняли первое место в Европе по производству чугуна. Но теперь можно сказать больше: мы достигли такого уровня месячной выплавки чугуна (в августе 929 тыс. т), какого никогда не достигали ни Франция, ни Англия. Действительно, максимальная годовая выплавка чугуна в Англии составила 10 425 тыс. т в 1913 г., или 868 тыс. т в месяц; после войны выплавка чугуна в Англии никогда не подымалась выше 730 тыс. т в месяц (май 1927 г.). Во Франции максимальная выплавка была достигнута в 1929 г. (в среднем 863 тыс. т в месяц), высшая месячная выплавка составила 904 тыс. т (январь 1929 г.). Лишь Германия до мирового кризиса выплавляла больше 10 млн. т чугуна в год (13,1 млн т в 1927 г., 11,7 млн. т в 1928 г. и 13,4 млн. т в 1929 г.). С апреля 1930 г. месячная выплавка чугуна в Германии падает до 900 тыс. т и с тех пор все время остается ниже этого уровня.

Если учесть, что суточная выплавка чугуна в СССР может достигнуть в ближайшие месяцы 32—33 тыс. т и что в 1935 г. будет выплавлено не менее 12,5 млн. т чугуна, то мы увидим, что по производству чугуна СССР обогнал Францию и Англию, обогнал Германию и приближается к высшему уровню, достигнутому после войны германской металлургией. Четыре года после XVI с'езда партии не прошли даром для нашей металлургии.

Приведем сравнительные цифры по стали:

	Ср. мес. 1929 г.	Максимальная месячн. выплавка	Август 1934 г.
Германия	1354	1470 (янв. 1929)	1067
Англия	816	904 (янв. 1929)	617
Франция	808	855 (май 1930)	511[1]
СССР	417	817 (авг. 1934)	817

По стали мы занимаем не первое, а второе место в Европе, уступая Германии. В 1933 г. производство стали сильно выросло и в Германии и в Англии, причем каждая из этих стран произвела больше стали чем СССР. В 1934 г. производство стали в этих странах продолжало расти, но СССР быстро увеличивал выплавку стали, обгоняя Англию В настоящее время мы достигли уровня, близкого к максимальной годовой выплавке Франции и Англии. В ближайшие годы мы должны догнать и перегнать Германию.

Интересно сравнить темпы роста нашей металлургии с историей развития немецкой довоенной металлургии. Укажем, в каком году довоенная Германия (включая Саар, Лотарингию и В. Силезию) достигала впервые выплавки чугуна, осуществленной в СССР за 1928 — 1934 гг.

СССР Годы	СССР Тыс. тонн	Германия (в довоен. границ.) Годы
1928	3372	1883
1929	4312	1888
1930	5018	1893
1932	6170	1896
1933	7133	1898
1934	10500	1904

Мы видим, что путь, пройденный Германией за 21 год, мы пробежали в 6 лет. Этот путь США проходили в течение 18 лет (с 1880 по 1898 гг.).

Так обстоит дело с темпами и уровнем развития нашей металлургии.

[1] Июль.

II

Успехи нашей металлургии не свалились с неба, не появились сами собой, в порядке самотека. Они — результат длительной, упорной, большевистской борьбы, которую вела армия металлургов под руководством партии, под непосредственным каждодневным руководством тов. Серго Орджоникидзе, на основе указаний товарища Сталина.

Лозунгами этой борьбы за проведение 6 условий товарища Сталина были: внедрение настоящей производственной дисциплины, закрепление постоянных кадров рабочих и инженеров, механизация, единоначалие, грамотное техническое руководство, освоение передовой техники.

Элементы перелома накапливались на протяжении многих месяцев. Напомним главнейшие организационные мероприятия, сыгравшие крупную роль в оздоровлении работы металлургии.

Во второй половине 1932 г. был издан декрет о борьбе с прогулами, осуществлена реформа системы продовольственного снабжения, созданы ОРС. Хозяйственнику, директору завода это дало мощное орудие для борьбы с прогульщиками, летунами, дезорганизаторами производства и для поощрения подлинных ударников труда.

Громадная работа проделана за последние три года по улучшению культурно-бытовых, в особенности жилищных условий рабочих-металлургов. Дело не только в капиталовложениях; дело в том повороте внимания хозяйственников к быту рабочих, который имел место за последние годы. Правда, этот поворот еще не повсеместен, еще есть вопиющее бескультурье, грязь во многих рабочих поселках, особенно на Урале. Но неверно было бы не заметить и не оценить того огромного улучшения жилищно-бытовых условий рабочих, которое прочно завоевано за истекшие годы.

Нельзя сравнивать бараки-общежития, которые мы имели несколько лет тому назад в Донбассе, с теми «домами каталя» (завод им. Петровского), «общежитиями изотовцев» (Сталинск), которые имеются сегодня.

Возьмем для примера завод им. Петровского в Днепропетровске. Из 7 тыс. холостых рабочих больше 2 тыс. живут в образцовых общежитиях-гостиницах, остальные — в чистых бараках с комнатной системой. «Дом каталя», «дом транспортника», «дом мартеновца» — все это многоэтажные каменные дома-гостиницы с комнатами на 2—4 рабочих. Возвращаясь с работы, рабочий принимает душ и меняет спецовку на домашнюю одежду, хранимую в индивидуальном шкафу. В комнатах — кровати с чистым бельем, электрический свет. На каждом этаже — комната отдыха с газетами, шахматами. В коридорах половики. Насекомых нет. Вокруг общежитий — газоны, цветы. За квартиру с обслуживанием каталь платит 6 руб. в месяц. Из такого общежития рабочий не сбежит! Он приобретает в нем культурные навыки, имеет возможность отдохнуть, почитать, заниматься.

Текучесть рабочих в 1934 г. резко упала. По всей металлургии мы имеем следующие цифры (в проценте среднего числа рабочих):

Годы	Принято на работу	Уволено с работы
1928	78	69,6
1930	163,2	145,2
1932	112,8	117,6
1933	104,7	98,3

За первое полугодие 1934 г. текучесть сократилась примерно на 35% по сравнению с 1933 г. Она упала ниже уровня 1928 г.

Товарищ Сталин в 1931 г., говоря о ликвидации текучести рабочей силы, ставил ликвидацию текучести в прямую связь с улучшением бытовых условий рабочих. Успехи, достигнутые металлургией в уменьшении текучести, — прямой результат борьбы за выполнение этих указаний вождя.

Тем крепче надо ударить по хозяйственникам и профсоюзным работникам, стоящим в стороне от борьбы, которую ведут партия и советская власть за улучшение бытовых условий рабочих. Их нерадивость, равнодушие обесценивает огромные средства, отпускаемые государством на жилищное и культурно-бытовое строительство.

Тов. Орджоникидзе в своей речи на совещании работников тяжелой промышленности говорил:

«В некоторых местах дело доходит до позорных фактов. Когда людям говоришь, как же это происходит: нехватило денег в этом году, если бы отпустили деньги, мы бы это сделали. Но почему же то, что построено, загажено?

...Я целый месяц ездил по Уралу, не было ни одного собрания, где бы не ругались и не говорили о клопах Неужели нельзя почистить квартиру, нельзя привести ее в порядок? Там, где захотели это сделать, делают».

Рост культурности рабочего — основной фактор улучшения работы металлургии. Рабочий растет — и вместе с этим возникают новые формы активности рабочих в борьбе за план.

Постановление ЦК и СНК 1933 г. о Донбассе сыграло исключительную роль для перестройки работы черной металлургии Несколько сот инженеров и техников было направлено из канцелярии на производство. Структура управления металлургических заводов была упрощена; усилились значение и право начальника цеха и мастера как командиров производства.

Важнейшее значение имел подбор директорского состава. Директор металлургического завода, такого, как Магнитогорский комбинат или завод им Дзержинского, руководит работой нескольких десятков тысяч рабочих и сотен инженеров. Он стоит во главе огромного, сложного хозяйства с разветвленной сетью подсобных предприятий, с огромным жилищным фондом, собственными совхозами, ж.-д. транспортом, сетью дорог и т. д Директор металлургического завода должен быть крупным политическим организатором масс и одновременно технически и экономически образованным человеком.

За последние годы кадры директоров металлургии усилились благодаря переброске на заводы ряда крупных хозяйственников из центральных аппаратов Укажем для примера, что директор Магнитогорского завода, тов. Завенягин — инженер-металлург, был раньше управляющим Гипромеза, потом зам. начальника Главного управления металлургической промышленности НКТП XVII съездом партии он выбран кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Тов Макаров, директор Сталинского завода в Донбассе, окончил Промакадемию, кандидат в члены ЦК ВКП(б), был управляющим объединения «Сталь». Директор завода им. Петровского тов. Бирман был управляющим треста «Югосталь» и начальником одного из главных управлений НКТП.

Немалое значение имело уменьшение «текучести» директоров. Директор, чтобы действительно конкретно руководить заводом, должен знать лично и изучить не только начальников цехов, инженеров, но и мастеров, лучших бригадиров и ударников. Это требует длительной работы. Частая смена руководства не менее вредно отражается на производстве чем текучесть рабочих.

В 1933 г. на «Серпе и молоте» (Москва) была организована первая заводская конференция по себестоимости, где выработаны мероприятия по снижению издержек производства. Эта новая форма массовой борьбы за план была подхвачена рядом других заводов и дала положительные результаты.

Большую роль сыграло совещание ударников черной металлургии, созванное тов. Орджоникидзе в начале 1934 г. Это совещание выработало производственные инструкции для рабочих отдельных ведущих профессий.

В этих инструкциях лучшие ударники зафиксировали свой коллективный опыт для передачи его другим работникам черной металлургии.

В конце 1933 г. тов. Орджоникидзе издал приказ, представляющий важный этап в борьбе металлургии за качество продукции. Начиная с 1 декабря 1933 г. в счет выполнения плана цехов зачисляются только слитки, принятые прокатными цехами, и только тот прокат, который отвечает техническим условиям заказа.

Решающее значение для оздоровления работы металлургии имело укрепление ее тыла — выжиг кокса, добыча руды и флюсов, производство огнеупоров.

В 1932 г. наметилось серьезное отставание добычи руды, в частности криворожской руды, от выплавки чугуна. Это отставание продолжалось и в 1933 г Для обеспечения растущей выплавки чугуна пришлось использовать старые запасы руды, накопленные в Криворожье в 1930 и 1931 гг. Но их могло хватить только до конца 1933 г. Над металлургией нависла угроза нехватки руды. Надо было взяться всерьез за усиление добычи руды и горноподготовительных работ, за ускорение ввода новых шахт. В половине 1933 г. руководство Криворожского бассейна было обновлено. Дружная работа нового управляющего треста «Руда» тов. Трахтера и криворожской парторганизации (секретарь тов. Струц) дала серьезные результаты. Добыча криворожской руды поднялась с 5500 тыс т за первые восемь месяцев 1933 г. до 8 336 тыс. т за восемь месяцев текущего года, т. е. на 51,6% Суточная добыча выросла с 21,7 тыс. т в мае 1933 г. до 39 тыс. т в августе 1934 г. Достроен и введен в работу ряд шахт, стройка которых тянулась много лет, как например шахта им. Орджоникидзе (Ленинский рудник), шахта им. Коминтерна (Октябрьский рудник), шахта «Коммунар»/бис и др. Однако это не значит, что Кривой Рог может в какой бы то ни было мере успокаиваться. Чтобы обеспечить работу домен в 1935 и особенно в 1936 и 1937 гг., надо быстро готовить новые горизонты, заканчивать проходку шахт, закладывать новые шахты (на рудниках Дзержичского, Кагановича, Красногвардейском).

Металлургия за последние три года получила громадное количество новых механизмов, моторов, измерительных приборов. Металлургия получила сотни и тысячи новых инженеров и техников. В 1934 г. произошло, как говорил тов Пятаков на конференции хозяйственников, «как бы химическое сцепление этих элементов: новых заводов, нового оборудования, молодого нового технического персонала и новых рабочих». Но, в отличие от химических процессов, это «сцепление» произошло не стихийно, а явилось результатом правильного, большевистского руководства.

III

Успехи черной металлургии значительны. Но было бы ошибкой полагать что уже преодолено отставание черной металлургии от нужд народного хозяйства Наше народное хозяйство все еще находится на очень скудном металлическом пайке.

Напомним, что на душу населения приходилось в 1929 г. в США 518 кг металла, в Германии — 240 кг, во Франции — 235 кг. В 1932 г. эта цифра упала до 117 кг в США, до 80 кг. в Германии и 127 кг во Франции, но поднялась значительно в 1933 г Для СССР мы имеем следующие цифры: в 1928 г. — 37 кг; в 1932 г. — 56 кг; в 1934 г. — около 78 кг Мы еще отстали по уровню потребления металла от передовых капиталистических стран. А между тем перед нами стоят такие задачи, которые на Западе уже разрешены. Мы должны перестроить и расширить нашу ж.-д. сеть, проложить тысячи километров нефтепроводов, снабдить города сетью труб

для воды, пара, газа, мощность нашего машиностроения выросла настолько, что оно могло бы переработать по крайней мере на 30% больше металла, чем получает в действительности. Перед металлургией стоят гигантские задачи, к разрешению которых она только подошла.

Не меньшей ошибкой было бы думать, что внутри металлургии все уже обстоит благополучно. То, что тов. Орджоникидзе говорил на совещании хозяйственников о громадных неиспользованных резервах нашей промышленности, в первую очередь можно отнести к черной металлургии. Это станет сразу ясным, если перейти от средних цифр к конкретным показателям работы отдельных заводов, цехов и агрегатов. Например средний коэфициент с'ема стали с 72 мартеновских печей об'единения «Сталь» составляет, как сообщил на совещании тов. Шлейфер, 3,79 т, в то время как завод им. Коминтерна дает 4,78 т., новомартеновский цех завода им. Дзержинского—5,35 т. Из этих цифр следует, что по многим печам с'ем стали ниже 3 т с м², что имеется громадное расстояние между худшими и лучшими, между технически возможным и действительно осуществляемым.

То же самое мы видим в прокатных цехах. Из 39 обследованных прокатных станов об'единения «Сталь» 21 работает прекрасно, а 18 станов — отвратительно. Одни станы работают с минимальными простоями, другие простаивают до трети всего назначенного времени.

Вот что говорил об этом тов. Орджоникидзе:

«Я не раз спрашивал инженеров, каков нормальный простой. Во-первых, сказали мне, что такого «нормального простоя» не найдешь. Дело зависит от людей, которые работают. Во-вторых, заграницей стоят приблизительно 20—18 проц., а мы при нашей неаккуратности и все прочее, можем принять 25—27 проц. простоя. Оказывается, что это неверно».

И тов. Серго приводит пример завода им. Коминтерна, где простои станов составляют всего 12 — 14%, «Серпа и молота» — 11 — 14%, «Красного Октября» — 10 — 13% и др. А в то же время прокатный цех завода им. Кабакова имеет от 23 до 28% простоя. Какое огромное количество проката могла бы получить страна, если бы все заводы работали так же, как передовые!

Наши передовые заводы добились коэфициентов использования оборудования, приближающихся к лучшим мировым показателям. Но даже лучшие заводы еще значительно отстают от заграничных образцов по части расхода топлива и материалов. Слишком еще велики пережоги топлива; слишком значительны потери металла при разливке; слишком много брака и вторых сортов при прокатке. Здесь резервы поистине огромны.

Мы обогнали английскую металлургию. Мы вправе гордиться этим. Но английские прокатчики прокатывают то, что нужно английским капиталистам; наши же прокатчики еще не совсем научились катать то, что нужно Советской стране: при огромной потребности в прокате у нас часто случается, что заводы выпускают продукцию, не имеющую потребителя, так называемый «прокат не по заказам». Что это значит? Это значит, что прокатный металл не отвечает техническим условиям заказа и не может быть использован заказчиком. В конце концов и такой металл найдет применение, но он пойдет уже не по плановому руслу, а производственная программа заказчика — по большей части программа производства ответственных машин — ставится под удар.

Самым отстающим участком металлургии продолжает быть прокат. В то время как выплавка чугуна выросла за последние шесть лет больше чем в три раза, выпуск проката вырос немного меньше чем в два раза. Соотношение проката и чугуна изменилось в неблагоприятную сторону. Если взять всю мировую металлургию, то выпуск проката составлял в ней в 1929 г. 88% выплавки чугуна, в Германии — 84%, во Франции — 73%. В последние годы, в связи с кризисом и относительным увеличением

роли лома в выплавке стали, это соотношение выросло до 94% в среднем для 1932 г. В СССР выпуск проката составляет только 62% выплавки чугуна. Это нашло свое выражение в том, что в стране образовались запасы как передельного, так и литейного чугуна. Нам не хватает сталеплавильных печей и прокатных станов, а действующие печи и станы использованы недостаточно.

Постановление сессии ЦИК по народнохозяйственному плану 1934 г. резко подчеркивало отставание проката, ставя как одну из основных задач плана 1934 г. ликвидацию этого отставания.

Хотя в 1934 г. в производстве проката сделан значительный шаг вперед, однако отставание еще продолжается. Самым дефицитным видом проката остается листовое железо. И именно здесь достигнут меньший успех чем по всему фронту проката. В то время как выпуск проката вырос за восемь месяцев на 36,7%, а выпуск качественного проката — на 46%, — выпуск листа вырос только на 29,6%, в том числе выпуск качественного листа — на 37%.

Нехватка листа лимитирует такие важные отрасли, как речное судостроение, вагоностроение, производство железных конструкций и мостов. Не хватает листа для бочек, в которых хранится горючее для автомобилей и тракторов. Железные баки для горючего — важнейший вопрос для социалистического сельского хозяйства, для МТС и совхозов, ибо в деревянной бочке бензин хранить нельзя.

Качественный лист нужен для производства автомобилей, самолетов, для электротехнической промышленности. Жесть, декапированное железо широко применяются в приборостроении и в производстве металлического ширпотреба.

План капитального строительства металлургии намечал широкие мероприятия по строительству и реконструкции прокатных станов, и в особенности листовых станов.

Надо сказать, что эта часть плана капитального строительства выполняется хуже других. За первые девять месяцев из 28 прокатных станов, которые должны были войти в строй в 1934 г., фактически введены в эксплоатацию три: мощный сортовой стан на Магнитогорском заводе, восстановленный маломощный среднелистовой стан на Выксунском заводе и маломощный сортовой стан на Иркутском машиностроительном заводе. До сих пор не пущен среднелистовой стан на «Красном Октябре». Только к концу года будет пущен мощный листовой стан на Кузнецком заводе. На заводе Дзержинского уже больше года лежит импортный, так называемый «универсальный» стан, который будет давать 130 тыс. самого дефицитного универсального железа, т. е. по существу узкого листа, применяемого в мостостроении и вагоностроении. Пуск этого стана был назначен на IV квартал текущего года. Но завод им. Дзержинского в прошлом году не проводил никаких подготовительных работ для установки стана и в этом году почти не вел работ по этому важнейшему агрегату. Из 50 млн. руб., затраченных по заводу на капитальное строительство, только 5 млн. руб. приходится на универсальный стан. Пуск его отодвигается на целый год; мы и в 1935 г. почти не получим с него продукции.

Этот пример показывает, что еще далеко не все поняли необходимость подтягивания проката. В июне 1934 года тов. Орджоникидзе издал приказ, обязывающий всех директоров заводов и начальников строек сосредоточить во втором полугодии максимум сил, стройматериалов и денежных затрат на строительстве прокатных цехов. Но и этот приказ, как и директива сессии ЦИК, оказался недостаточным, чтобы перестроить мозги некоторых хозяйственников и решительно повернуть их лицом к прокатным цехам.

Партийные организации должны широко раз'яснить значение правительственных директив по прокату и обеспечить их действительное проведение.

Реконструкция действующих прокатных станов — не менее важная задача чем строительство новых прокатных цехов.

Год тому назад ГУМП НКТП развернул в специальном приказе широкую программу реконструкции и рационализаци прокатных станов. Выполнение этого приказа должно было обеспечить прирост продукции в несколько сот тысяч тонн проката в год. Эта программа предусматривала установку 21 электромотора вместо старых паровых машин или вместо моторов меньшей мощности, постройку ряда нагревательных печей, установку дополнительных кранов, рольгангов, ножниц для механизации транспорта и уборки проката. Однако и этот приказ выполнен в очень недостаточной степени.

Металлурги должны взяться всерьез за улучшение работы прокатных станов, за строительство и реконструкцию прокатных цехов.

IV

В 1935 г. металлургия опять шагнет вперед, увеличивая свою продукцию. Но не только увеличения выпуска требует от металлургии народное хозяйство. Чем более развивается и диференцируется наше машиностроение, чем более растет химия, чем глубже захватывается реконструкцией железнодорожный транспорт, тем строже и разнообразнее становятся требования, пред'являемые к нашей черной металлургии.

Металлургия должна давать стране не «металл вообще», а именно тот металл, который нужен — тот вид, тот профиль, то качество. Металлургия должна обеспечить комплектное снабжение металлом, систематически повышать качество своей продукции, следить за прогрессом мировой техники, идти впереди требований потребителей, а не плестись в хвосте их.

Возьмем такую отрасль, как нефтепромышленность. Она за последние годы отстала от новейших достижений американской техники. Но нефтепромышленность стремится наверстать упущенное время. Для этого ей нужны трубы из металла более высокого качества, долота высокой производительности и т. д. Наши инженеры-нефтяники, приехавшие из Америки, сообщают, что там 12-дюймовые нефтепроводные трубы, выдерживающие до 100 атм. давления, имеют стенки толщиной в 7—8 мм, в то время как у нас металлургия поставляет такие же трубы с толщиной стенки в 11 мм. Это вызвано тем, что наши трубы разностенны, и толщина их при средней в 11 мм колеблется часто от 8 до 14 мм. Таким образом из-за недостаточной точности работы наших трубопрокатных цехов мы вынуждены зарывать в землю лишних 40—50% металла. Наша металлургия до сих пор не катает нефтепроводных труб диаметром в 16 дюймов, и мы вынуждены из-за этого укладывать 12-дюймовые трубы и увеличивать число перекачечных станций для проталкивания нефти через узкий нефтепровод. Необходимо добиться, чтобы металлургия давала нефтяникам такие трубы, какие им нужны.

Железнодорожный транспорт, который перешел на более тяжелые паровозы и вагоны, требует рельсы более высокого качества, чем те, которые до сих пор поставляла промышленность. Для уменьшения хрупкости рельсов из бессемеровской стали необходимо снизить в них содержание фосфора. Комиссия Академии наук, изучившая этот вопрос, наметила целый ряд мероприятий для обеспечения повышенного качества рельсов. Следует расширить добычу малофосфористых руд в Криворожском бассейне, построить агломерационные фабрики в первую очередь на тех заводах, которые выплавляют бессемеровский чугун, чтобы иметь возможность использовать пылеватые малофосфористые руды; построить миксеры для выравнивания ка-

чества чугуна и т. п. Металлургия может и должна перейти с 1935 г. к выпуску рельсов, полностью отвечающих новому стандарту. Новые требования к качеству бандажей обязывают провести в бандажных цехах некоторые реконструктивные работы в части термической обработки.

Повышение качества автомобильного листа требует введения на заводах-производителях ряда дополнительных операций, как нормализация, холодная прокатка и др. Необходимо срочно создать соответствующие устройства на заводе «Серп и молот».

Почти каждое новое изделие, производимое нашей промышленностью, пред'являет металлургии свой счет. Возьмем хотя бы патефон. Для пружины патефона требуется высококачественная лента, подвергнутая специальной термической обработке. Иголка патефона также требует высококачественной стали особого вида.

Улучшение качества металла, выпуск новых его марок требуют не только создания дополнительных устройств — термических печей, калибровочных станов и т. д.: необходимо прежде всего тесное сотрудничество металлургических заводов с научными институтами, внедрение научных методов производства, систематическое изучение заграничного опыта и использование его на наших заводах. Там, где эти условия выполняются, мы имеем крупные успехи. Примером может служить об'единение «Спецсталь» и его заводы. «Электросталь» — вот пример завода, где научная работа оплодотворяет производство и подымает его на высшую ступень.

Перед советской металлургией стоит весьма важная проблема — проблема заменителей. Сущность ее в том, чтобы заменить ряд качественных сталей, содержащих дефицитные элементы, как никель, вольфрам, молибден, сталями, обладающими такими же качествами, но не содержащими этих элементов.

Нужно найти такие комбинации хрома, марганца, кремния, ванадия, которые, будучи присажены к стали, заменили бы никель, вольфрам, молибден. Над этой проблемой упорно работают наши институты и заводы, и они добились уже серьезных результатов.

Но напряженная работа этих заводов и организаций иногда срывается косностью других организаций и их неуменьем применить научные завоевания.

Примером такой косности, причиняющей прямой вред нашему хозяйству, может служить история уральских титано-магнетитов. Титано-магнетитовые руды на Урале, чистые по сере и фосфору, содержат ценнейший элемент — ванадий, завоевывающий себе все более видное место в металлургии качественных сталей как облагораживающая примесь. Эти руды металлургией не использовались, ибо содержание в них титана вызывало большие затруднения при доменной плавке. Начиная с 1930 г. были выработаны методы переработки титано-магнетитов, позволяющие получить раздельно все три ценных компонента этих руд: железо, титан, ванадий (титан имеет также широкое применение в химической промышленности для производства белил и т. д.). Первый из этих методов — плавка в домне на соленом коксе — был предложен академиком Брицке и разработан молодыми учеными Шманенковым и Тагировым (Институт прикладной минералогии), которые и провели ряд опытных плавок в 1931 и 1932 гг.

Академик Павлов провел опытные плавки титано-магнетитов в домне как на древесном угле, так и на обыкновенном коксе и получил ванадистый чугун, более чистый по сере чем чугун академика Брицке. При переделе такого чугуна в мартеновской печи ванадий переходит в шлак, из которого может быть извлечен методом, разработанным проф. Соболевым (Институт редких элементов).

Третий метод, повидимому, более надежный чем первые два, требующие от доменщиков высокого искусства, разработан покойным проф. Шадлуном

из Уральского института металлов Этот метод состоит в предварительном разделении железного и титанового концентратов путем дробления руды и магнитной сепарации Выплавка ванадистого чугуна из железного концентрата (предварительно агломерированного) не представляет затруднений Наконец, Уральский институт прикладной минералогии (инж Снопова) разработал весьма обещающий метод извлечения ванадия, основанный на прямом восстановлении железа, однако этот метод еще не проверен в заводском масштабе.

Мы нарочно привели эти подробные данные, чтобы показать, что пять научных институтов и лучшие ученые нашей страны упорно работали над разрешением этой проблемы, имеющей важнейшее значение для нашего хозяйства Достаточно сказать, что тонна ванадия стоит 10 тыс. руб. золотом и что мы могли бы не только освободиться от импорта ванадия, но даже экспортировать его и значительно расширить его потребление в металлургии заменяя им другие дефицитные элементы Спрашивается, как же наша промышленность использовала работу наших ученых? — Никак! Что сделано для того, чтобы освободить страну от импорта ванадия? — Почти ничего!

«Востокосталь», которой было поручено это дело, игнорировала его. Созданный постановлением Наркомтяжпрома специальный трест «Титаномагнетит», оставленный в подчинении у «Востокостали», продолжил традицию бездействия До сих пор не закончена еще ветка, связывающая месторождение титано-магнетитов с ж.-д сетью, не оборудован рудник, не дооборудована обогатительная фабрика. Это пример того, как не следует работать металлургии в 1935 году.

* * *

Металлургия одержала крупные победы Улучшено использование оборудования, повышена производительность труда, серьезно снижена себестоимость Но слишком еще высоки расходы топлива и материалов; слишком много еще отстающих цехов и агрегатов; слишком много еще брака и некондиционной продукции Еще велики колебания выплавки, часты срывы и аварии. Еще не ликвидировано отставание проката

Ряд заводов нашей металлургии взял на себя торжественное обязательство досрочно выполнить годовой план и образцово подготовиться к зиме. Надо закрепить и углубить достигнутые успехи, добиться ровной, уверенной работы заводов и агрегатов, основанной на твердом соблюдении технологического режима процессов, на производственной дисциплине и культурности.

Надо настойчиво драться за выполнение правительственной директивы о подтягивании проката, налечь на строительство прокатных цехов, ликвидировать недопустимое его отставание

Надо шире развернуть борьбу за качество продукции, за марку советской стали, теснее сомкнуть научные институты и заводы

Металлургия должна дать те новые материалы, новые виды сталей, новые профили и марки, которых требует техническая реконструкция страны. Наша металлургия должна перейти в более высокий класс!

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ I ИНТЕРНАЦИОНАЛА*

В. Адоратский

Если в первом Учредительном манифесте Интернационала в 1864 г. Маркс принужден был в изложении своих мыслей быть «умереннее в форме», то в манифесте 1871 г. о гражданской войне «возродившееся движение» позволило ему снова «пользоваться прежним смелым языком».

Появление Манифеста даже буржуазная пресса не смогла замолчать. Частью лондонской прессы он был встречен «хором проклятий», говорит Маркс в одной из своих статей. «Один еженедельник напал на гнусного автора, трусливо прячущего свое имя за ширмой Генерального совета. В ответ на это я заявил в «Daily News», что автором манифеста был я» (Соч. Маркса и Энгельса. Т. XV, стр. 431).

Манифест о гражданской войне во Франции с такой резкостью поставил основные вопросы пролетарского движения, что в Генеральном совете произошел некоторый раскол, раскол, который предвидел Энгельс в 1864 г. Тредюнионисты Оджер и Лекрафт высказались против опубликования манифеста, а потом ряд тредюнионистских вождей публично отрекался от него в печати.

В письме от 18 июня 1871 г. Маркс сообщает Кугельману, что «Гражданская война во Франции» «производит чертовский переполох, и я имею честь быть в настоящий момент человеком, на которого во всем Лондоне всего сильнее клевещут и которому более всего грозят. Это, право же, отлично после скучной двадцатилетней болотной идиллии Правительственный орган «Observer» грозит мне судебным преследованием. Пусть осмелятся! Плюю я на этих каналий!» После разгрома Коммуны об'ем работы Маркса как руководителя Интернационала еще более возрос, к тому же в Лондоне был большой наплыв эмигрантов из Франции: «Работа для Интернационала огромна, а к тому еще прибавилось наводнение Лондона эмигрантами, о которых мы должны заботиться. Кроме того мне не дают покоя газетные сотрудники и всевозможные лица, желающие видеть «чудовище» собственными глазами» (Маркс—Кугельману от 27 июня 1871 г.).

V

После Парижской коммуны влияние Интернационала достигло небывалой высоты. Энгельс в письме Бебелю от 20 июня 1873 г говорит, что в то время Интернационал «имел огромный успех. Перепуганные насмерть буржуа считали его всемогущим».

Но в то же время складывалось такое положение, когда по чисто об'ективным условиям существование Интернационала в прежней форме становилось невозможным. В самом Интернационале развертывалась борьба с бакунизмом, закончившаяся исключением Бакунина и Гильома из Интернацио-

* Окончание. См. начало в № 17 «Большевика».

нала на Гаагском конгрессе 1872 г. и образованием самостоятельного анархистского интернационала.

1869 год — год Базельского конгресса — был поворотным в истории Интернационала. Выше мы уже указали, что в первые годы борьба в Интернационале шла главным образом вокруг вопроса о том, должен ли рабочий класс быть революционным борцом за коммунизм или он может в политическом отношении идти на буксире у либеральной буржуазии, а в области социальных мероприятий—ограничиваться прудоновскими знахарскими средствами: «даровым кредитом», «рабочим банком», «взаимопомощью», кооперативными предприятиями, организуемыми на гроши рабочих, и тому подобной прудонистской чепухой. Главным противником марксизма в этот первый период был прудонизм.

На конгрессах в Женеве (1866 г.), Лозанне (1867 г.), Брюсселе (1868 г.), Базеле (1869 г.) прудонисты терпели ряд поражений и постепенно сдавали свои позиции. Конгрессами был принят ряд постановлений, определенно высказывающихся за коммунизм. На Базельском конгрессе активно выступил новый враг—бакунизм. Новый противник об'являл себя пламенным сторонником коммунизма, якобы более решительным чем Генеральный совет с Марксом во главе. Прикрываясь революционной фразеологией, выдвигая программу социальных мероприятий, нелепых самих по себе, но преследующих якобы цели коммунизма и способных «навести ужас на буржуазных кретинов», Бакунин стремился изнутри овладеть организацией Интернационала, разрушить ее, подчинив ее своим личным целям. Борясь с Генеральным советом, Бакунин стал центром, об'единявшим вокруг себя все антимарксистские, антипролетарские элементы.

Социальные слои, на которые опирался Бакунин, идеологию которых выражал бакунизм,—это слои разоряющейся мелкой буржуазии, люмпенпролетариат и отсталые элементы пролетариата, не порвавшие еще со своим ремесленным, мелкобуржуазным прошлым. Этим об'ясняется, что главной опорой бакунизма оказались как раз те страны, в которых был еще слабо развит капитализм, где массы пролетариата и разоряющейся мелкой буржуазии страдали еще не столько от капитализма, сколько от недостаточного развития капитализма: Италия, Испания, Швейцария (Юра). Кроме того к бакунизму примыкали некоторые пустые, тщеславные интеллигентские элементы в романской Швейцарии и в Бельгии.

Мелкий ремесленник, кустарь, разоряющийся мелкий буржуа и тому подобные слои испытывают гнет капитализма, страдая в первую очередь и главным образом от налогов и ростовщичества. Этим об'ясняется их **ненависть к государству**. Бакунин и проповедывал как раз, что «главное зло, подлежащее устранению,—не капитал, не классовые противоречия между капиталистами и рабочими возникшие благодаря общественному развитию, а **государство**». Государство Бакунин об'являл основной причиной, создавшей капитал.

Проповедь воздержания от политики соответствует мелкобуржуазной революционности, которая неспособна к выдержанной, систематической деятельности—непременному условию политической борьбы. Подобная проповедь не может встретить сочувствия у рабочих. Среди промышленных рабочих бакунизм успеха не имел.

Безвыходное положение разоренного, отчаявшегося мелкого хозяйчика обусловливало **мелкобуржуазную революционность, бунтарство**, принимавшее крайние формы, но разрозненное бессильное беспомощное потому, что носители его лишены понимания действительных пружин эксплоатации, неспособны понять действительные условия освобождения угнетенных и эксплоатируемых масс. Эта мелкобуржуазная революционность ярко проявилась в выступлениях и писаниях Бакунина.

Теории Бакунина Маркс с полным правом охарактеризовал как «б е л и б е р д у», «составленную по кусочкам из прудоновских, сенсимонистских и других теорий».

Правда, теории эти были для Бакунина вещью второстепенной: «Они служили ему лишь средством к приобретению личного значения и веса» (Маркс — Ф. Больте от 23 ноября 1871 г.).

В теоретическом отношении Бакунин—нуль, говорит Маркс, но как интриган он на высоте Не имея никаких теоретических знаний, Бакунин претендовал на то, чтобы быть представителем н а у ч н о й пропаганды в Интернационале.

Маркс перечисляет основные пункты программы Бакунина: он проповедывал «равенство классов» (!), «уничтожение наследственного права как исходный пункт социального движения» (сенсимонистские бредни), «а т е и з м как д о г м а», а главный догмат (по-прудоновски)—«в о з д е р ж а н и е о т у ч а с т и я в политике» (см. то же письмо).

Наряду с претензией на «науку» в бакунинской проповеди мы встречаем презрительное, нигилистическое отношение к теории. Это тоже отвечало культурному уровню и настроениям мелкобуржуазных и отсталых, не порвавших с мелкобуржуазным прошлым рабочих элементов. Но среди промышленного пролетариата бакунизм, конечно, сочувствия встретить не мог.

Выражением тех же отсталых настроений задавленного нищетой темного мелкого хозяйчика является в писаниях Бакунина враждебное отношение к промышленным рабочим, которые якобы «буржуазны».

Для мелкобуржуазных элементов характерны неустойчивость, колебания, противоречивость их поступков, метания из стороны в сторону: то истеричная революционность, то переход к реакции. Сам Бакунин был так же далек от последовательности Стремление создать вокруг него легенду, поднять его на высоту как исключительно выдающегося революционера не соответствует фактам.

В 40-х годах в Париже (с 1843 по 1848) Бакунин разыгрывал «решительного социалиста», как говорит Маркс в письме Беккеру 2 августа 1870 г. В 1848 г., переехав в Бреславль, Бакунин связался с б у р ж у а з н ы м и д е м о к р а т а м и и содействовал избранию во франкфуртский парламент Арнольда Руге, «ярого врага социалистов». Затем Бакунин выступил как панславист, т е. на деле как агент царизма.

Только один факт, достойный похвалы, отмечает Маркс в карьере Бакунина—это его участие в дрезденском восстании 1849 г.

Бежав из ссылки в 1861 г., Бакунин в 1862 г. (ему было тогда уже 48 лет) выпустил брошюру «Народное дело, Романов, Пугачев или Пестель». В тот момент, когда революционная партия в России полностью была разгромлена, когда Чернышевский сидел в тюрьме, Бакунин на вопрос о том, какое политическое знамя поднять, за кем идти, отвечал: «Скажем правду: мы всего охотнее пошли бы за Р о м а н о в ы м, если бы Романов мог и хотел превратиться из петербургского императора в царя земского... Мы еще потому пошли бы за ним, что о н о д и н мог совершить и окончить великую мирную революцию, не пролив ни одной капли русской или славянской крови. Кровавые революции благодаря людской глупости становятся иногда необходимыми, но все-таки они зло, великое зло и большое несчастье, не только в отношении к жертвам своим, но и в отношении к чистоте и полноте достижения той цели, для которой они совершаются. Мы видели это на революции французской».

Встретившись в 1864 г. с Марксом, Бакунин вступил в Интернационал. Затем он уехал в Италию и в течение нескольких лет решительно ничего не делал для Интернационала. Попытавшись играть роль в буржуазной лиге мира и потерпев там неудачу, он создал собственную организацию «Альянс социалистической демократии» и с помощью ее хотел овладеть Интернационалом.

В истории Бакунин занял определенное место врага марксизма, врага революционной теории самого революционного в мировой истории класса — пролетариата. Он вел упорную борьбу против гегемонии этого класса.

Бакунин в Интернационале стремился об'единить вокруг себя все враждебные политике революционного пролетариата элементы. К нему примкнули не только революционеры-фразеры, но и правые тред-юнионистские вожди, интриговавшие против Маркса, завидовавшие его авторитету среди рабочих, злобствовавшие на Маркса за то, что он разоблачал их предательство по отношению к рабочему классу, их готовность продаться буржуазии.

Основной вопрос, из-за которого шла борьба с бакунизмом, был вопрос о создании пролетарской массовой партии, которая руководит борьбой пролетариата, готовит пролетариат к выполнению его исторической задачи—к завоеванию власти, созданию бесклассового общества,—партии, которая владеет всеми видами и формами организации и деятельности.

Бешеная борьба с марксизмом всеми возможными средствами, включая гнусную клевету, проповедь антиавторитаризма, борьба, имеющая целью разрушить революционную рабочую организацию, демагогия относительно антигувернементализма (против политики, против государства), направленная на то, чтобы разоружить пролетариат, когда наступит революция,—все это об'ективно вело к одной цели — к разрушению рабочей партии, к разоружению рабочего класса.

Борьба Маркса против бакунизма окончилась полной победой марксизма, разгромом анархизма. Рабочие стран, где капитализм был развит, не пошли за Бакуниным. Потерпев поражение на Базельском конгрессе 1869 г., Бакунин, не стесняясь средствами, с помощью своего «Альянса», который продолжал существовать тайно внутри Интернационала, развернул целую сеть интриг и повел в своих газетах систематическую кампанию против Генерального совета.

На Лондонской конференции 1871 г. были приняты решения против Бакунина. Главное решение «о политической деятельности рабочего класса» «полагало конец той смуте, которую Бакунин хотел внести в Интернационал, включив в его программу доктрину об абсолютном воздержании в области политики» (брошюра об «Альянсе», написанная Энгельсом и Лафаргом).

Вся деятельность, вся энергия Бакунина и бакунистов в Интернационале были направлены на борьбу против рабочего движения, против организации пролетариата, а не против буржуазии.

За обман партии, за создание тайной организации внутри партии, организации, которая преследовала антипартийные цели, Бакунин на Гаагском конгрессе был исключен из Интернационала. «Присутствовавшие на последнем решающем заседании члены Коммуны говорят,—писал Энгельс Бебелю 20 июня 1873 г.,—что ни одно заседание Коммуны не производило на них такого потрясающего впечатления, как этот суд над предателями европейского пролетариата».

В Гааге Маркс провел также решение о переводе Генерального совета из Лондона в Нью-Йорк.

Организованный Бакуниным анархистский интернационал в течение нескольких лет влачил жалкое существование, но для рабочего движения сколько-нибудь существенного значения не имел.

После падения Парижской коммуны сложилась такая обстановка, в которой Интернационал не мог уже существовать в прежнем виде. Маркс, руководя Интернационалом, пытался, как это указывает Ленин в статье о Штутгартском международном конгрессе 1908 г., сверху создать международное единство борющегося пролетариата. Мы видели, каким успехом увенчалась

эта попытка в условиях нараставшего революционного под'ема. После разгрома Коммуны обстановка изменилась.

«Падение Парижской коммуны, — говорит Энгельс в статье «Карл Маркс»,—создало для Интернационала невыносимое положение. Он был выдвинут на авансцену европейской истории в такой момент, когда для него повсюду была отрезана возможность всякого успешного практического действия. События, поднявшие его до положения седьмой великой державы, в то же время не позволяли ему мобилизовать и пустить в ход свои боевые силы под страхом верного поражения и упадка рабочего движения на целые десятилетия. К тому же напирали элементы, пытавшиеся использовать так быстро возросшую славу Товарищества в целях своего личного тщеславия и личного честолюбия, не понимая и не учитывая истинного положения Интернационала» (Соч. Т. XV, стр. 418).

В письме к Зорге от 27 сентября 1873 г. Маркс писал, что ввиду создавшегося в Европе положения «полезно временно отодвинуть на задний план формальную организацию Интернационала и только, если это окажется возможным, не выпускать из рук центрального пункта в Нью-Йорке, чтобы идиоты вроде Перре или авантюристы вроде Клюзере не захватили бы руководство и не скомпрометировали все дело».

Но это временное прекращение деятельности Интернационала не означало, что прекратились рост и развитие рабочих партий, а вместе с тем и их интернациональное сотрудничество.

В статье, напечатанной 4 августа 1878 г., Маркс писал, что «рабочие партии, организованные в национальном масштабе в Германии, Швейцарии, Дании, Португалии, Италии, Бельгии, Голландии и Соединенных штатах Америки составляют интернациональные группы, которые не являются уже разрозненными секциями, в небольшом количестве рассеянными по различным странам и об'единенными вовне стоящим Генеральным советом, а образуются рабочими массами, находящимися в постоянном, активном, непосредственном общении, спаянными обменом мыслей, взаимной помощью и общими стремлениями».

«Таким образом,—говорит Маркс, — Интернационал не изжил себя, а только перешел из первого периода зарождения в более высокий, в котором первоначальные его стремления отчасти стали уже действительностью. В ходе своего прогрессивного развития он должен будет претерпеть еще много изменений, прежде чем сможет быть написана последняя глава его истории» (Маркс и Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 433).

В одном из писем к Зорге (1878 г.) Маркс высказал надежду еще дожить до революции. Однако надежда эта не оправдалась: наступившая в Европе после разгрома Парижской коммуны реакция затянулась слишком долго, русская революция, открывшая собой новый революционный период, наступила только в 1905 г.

В период II интернационала, возникшего в 1889 г., рост пролетарского движения пошел вширь, что «не обошлось,—как говорит Ленин,—без временного понижения революционного уровня». Разлагающее влияние подкупа верхушек рабочего класса за счет империалистических сверхприбылей, установившиеся навыки к работе исключительно в условиях легальности сделали то, что организации II интернационала подпали под влияние оппортунизма.

В новую эпоху империализма и пролетарских революций только партия большевиков с Лениным во главе высоко несла великое знамя марксизма. Ленин в условиях новой эпохи конкретизировал и развил дальше учение Маркса. Ленин продолжил и претворил в жизнь учение Маркса о гегемонии и диктатуре пролетариата и обогатил его подытожением нового исторического опыта Российской социалистической федеративной советской республики, основателем и руководителем которой он был.

Ленин создал марксистскую теорию империалистической стадии капитализма, стратегию и тактику пролетарской борьбы в эпоху империализма и пролетарской революции.

Ленин основал Коммунистический интернационал, возникновение которого предвидели Маркс и Энгельс. Партия большевиков и Коминтерн под руководством Сталина победоносно продолжают великое дело коммунистической революции, борьбы за бесклассовое, коммунистическое общество, начатое Марксом, 70 лет назад основавшим I интернационал.

ОТ I К III ИНТЕРНАЦИОНАЛУ

Бела Кун

Из всех организаций международного пролетариата лишь одна имеет право чествовать память Международного товарищества рабочих как память своего предшественника. Это право имеет лишь Коммунистический интернационал.

Послевоенный II интернационал и не пред'являет требований на это право. Но довоенный II интернационал 20 лет назад, в 1914 г., когда близилась пятидесятая годовщина основания I интернационала, готовился созвать торжественный конгресс всех социал-демократических партий для празднования этой годовщины. Этот конгресс не состоялся.

Об этом предполагавшемся конгрессе центральный орган германской социал-демократии, «Форвертс», писал:

«Нам представляется, что пятидесятая годовщина основания Интернационала совпадает с новым разгромом этого союза. Не так ли было и в первый раз, когда война между Германией и Францией повлекла за собой роспуск Интернационала?» («Форвертс» от 27/IX 1914 г.)

Центральный орган ведущей партии II интернационала и на этот раз никак не смог обойтись без исторической фальсификации. Он должен был хотя бы констатировать, что «политика немецких и французских социалистов в это тяжелое время (т. е. во время франко-прусской войны. — *Б. К.*) совпадала», но при этом умолчал о том, в чем заключалось это совпадение. Оно заключалось именно в том, что и французские и немецкие социалисты **вместе** боролись против собственной буржуазии. Проводя неоправданную аналогию в положении и поведении I и II интернационалов во время войны, «Форвертс» умолчал о том, что политика партий II интернационала, в отличие от партий I интернационала, во время войны совпадала только в одном: в том, что все они, за исключением партии русских большевиков, тем или иным способом поддерживали военную политику своих отечественных империалистов или не оказывали ей революционного сопротивления.

Нет, не война явилась причиной распада I интернационала. Но юбилейный конгресс II интернационала не смог состояться тоже не из-за войны. Делегаты социал-демократических партий не смогли явиться на конгресс вовсе не потому, что фронты действующих армий преградили им дорогу. История основания III интернационала показала, что никакие проволочные заграждения империалистических фронтов, никакие санитарные кордоны против бацилл большевистской революции не смогли сдержать революционных борцов за международное об'единение сил пролетариата. Двадцать лет назад социал-демократические партии не смогли отпраздновать пятидесятилетие I интернационала вовсе не потому, что им были закрыты пути. Не в путях было дело, а в отсутствии **воли к борьбе** против собственной буржуазии, в отсутствии воли к международному единству борьбы пролетариата, в отсутствии воли к революционной классовой борьбе по за-

ветам I интернационала, Интернационала Маркса и Энгельса. Оппортунизм, раз'едавший II интернационал уже в мирное время, оппортунизм, в своем дальнейшем развитии превратившийся в социал-шовинизм, в социал-империализм, задушил волю социал-демократических партий к борьбе Союз с отечественными империалистами, заключенный социал-демократическими партиями в т ы л у всех фронтов войны, лишил их возможности достойно отпраздновать память революционного Интернационала. Вместо того чтобы воскресить дух I интернационала на юбилейном конгрессе, социал-демократы устами своего теоретика Каутского произнесли надгробное слово II интернационалу:

«Интернационал... не может быть действенным инструментом во время войны, он представляет собой в основном инструмент мира» («Нейе цейт», 39-й год издания Т. I, стр. 242).

На развалинах II интернационала Ленин водрузил знамя Маркса и Энгельса. От имени большевистской партии он обратился к рабочим всего мира, стрелявшим друг в друга на фронтах империалистической войны, с призывом, которым заканчиваются и «Коммунистический манифест», и «Учредительный манифест» I интернационала,—с призывом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Эта теоретическая и практическая преемственность между I и III интернационалами нашла выражение и в уставе Коминтерна.

«Третий Коммунистический Интернационал, основанный в марте 1919 г., в столице Российской Социалистической Федеративной Советской Республики в городе Москве, — говорится в первом уставе Коминтерна, выработанном при непосредственном участии Ленина, — торжественно перед всем миром заявил о том, что он берет на себя продолжение и завершение великого дела, начатого I Международным Товариществом Рабочих...

Империалистская война особенно тесно связала судьбы рабочих одной страны с судьбами пролетариев всех стран. Империалистская война лишний раз подтвердила то, что говорилось в уставе I интернационала: освобождение рабочих является задачей не местной или национальной, а задачей м е ж д у н а р о д н о й»[1].

В новую историческую эпоху, когда капитализм в своем развитии вошел в свою высшую и последнюю стадию, стадию империализма, особенно актуальной стала задача, поставленная в «Учредительном манифесте» I интернационала: «Завоевание политической власти стало... великой обязанностью рабочего класса». В эту эпоху численность рабочего класса (а в «Учредительном манифесте» сказано, что численность — элемент успеха) достигла небывалых размеров; в эту эпоху в огромном масштабе выросла и организованность численно мощного рабочего класса Этому численно мощному, организованному в Интернационале рабочему классу не хватало третьего, важнейшего элемента успеха — революционного марксизма, изгнанного вождями социал-демократических партий И в эту эпоху, на этом историческом повороте закончился исторический срок существования II интернационала.

Распад Международного товарищества рабочих не означал общего поражения марксизма, того идейного направления в рабочем движении, которое было гегемоном в I интернационале. Этот распад показывал только, что совместное существование в о д н о й организации сторонников марксова социализма и сторонников домарксистских социалистических течений, сожительство в о д н о й организации представителей к л а с с о в о й политики пролетариата и представителей «всеспасающих» сектантских теорий, строивших свою мнимую революционность не на классовой основе, стало невозможным.

---

[1] Второй конгресс Коминтерна, стр. 535. Партиздат. 1934.

Маркс использовал в I интернационале все элементы рабочего движения, которые хоть в какой-то мере могли пригодиться для борьбы за разрушение буржуазного общества: он собрал и прудонистов, и бакунистов, и бланкистов, и тредюнионистов, и рабочих других направлений, колебавшихся еще между рабочей демократией и буржуазным либерализмом. Но когда эта организация политически изжила себя, когда она стала препятствием на пути развития политической борьбы рабочего класса, когда она стала тормозом распространения вширь классового, т. е. марксистского, движения, Маркс сумел без колебаний сделать необходимые организационные выводы. Он сумел устранить изжившую себя организационную форму, чтобы расчистить путь развитию ее идейного содержания. Он сделал это именно потому, что вместе с Энгельсом неизменно считал Интернационал и революционной, и массовой организацией, а противники марксизма, бакунисты и другие, препятствовали развитию I интернационала как в отношении его революционности, так и в отношении массовости.

Маркс и Энгельс считали все время, что Интернационал и после его фактического конца не мог умереть и не умер, вопреки уверениям злорадствовавших оппортунистов справа и слева. Маркс утверждал, что Интернационал только меняет форму, но что международное рабочее движение не умерло, а развивается дальше в отдельных странах, где растут революционные пролетарские партии.

Но когда Маркс и Энгельс после распада I интернационала увидели, что еще не назрели предпосылки создания такой революционной международной организации, которая опиралась бы на массовые партии в национальном масштабе, они решительно высказались против преждевременного создания нового Интернационала.

Спустя несколько лет после распада I интернационала старые борцы Международного товарищества рабочих, а также и новые деятели рабочего движения стали ставить вопрос о создании нового Интернационала. Голландский социалист Домела-Ньювенгюйс (впоследствии ставший анархистом) в январе 1881 г. обратился к Марксу с вопросом по поводу международного рабочего конгресса, который должен был состояться в Цюрихе. По мнению Домела-Ньювенгюйса и его друзей, на этом конгрессе следовало бы поставить такой вопрос:

«Какие законы необходимо было бы издать и какие немедленно отменить как в политической, так и в экономической области, чтобы обеспечить победу социализма, если бы социалисты каким-либо способом пришли к власти?»

Сама постановка вопроса показывала, что созыв международного конгресса и инициатива создания нового Интернационала не исходили в данном случае ни из об'ективных революционных предпосылок, ни из повседневных актуальных запросов рабочего движения в отдельных странах.

Маркс считал, что для создания нового Интернационала необходимы два предварительных условия: нарастание об'ективной революционной ситуации и наличие таких социалистических партий, которые смогли бы явиться ядром Интернационала. Поэтому Маркс ответил на вопрос резко и четко:

«По моему мнению, критический момент для создания нового Международного товарищества рабочих еще не наступил; поэтому я считаю, что все рабочие, а также и социалистические конгрессы, поскольку они не связаны с непосредственными условиями, имеющимися налицо в той или другой стране, не только бесполезны, но даже вредны. Они неизбежно будут сводиться к бесконечному пережевыванию банальных общих мест».

Того критического момента, в который должны были назреть условия создания нового рабочего Интернационала, Маркс и Энгельс ждали в первую очередь от революции в России. «Авангард революции, — писал Энгельс о России своему старому другу, швейцарцу Беккеру,—собирается ввязаться

5*

в драку» и далее писал о неизбежном воздействии этой революции на Германию. «Тогда,—писал Энгельс от имени своего и Маркса,—наступит момент большой манифестации и создания официального, оформленного Интернационала, который уже не может быть обществом пропаганды, а может быть лишь обществом действий».

II интернационал не был создан при таких условиях и не стал тем Интернационалом, которого хотели Маркс и Энгельс, считавшие, что будущий Интернационал, после распада первого, будет коммунистическим.

II интернационал был создан в иных условиях, чем представляли Маркс и Энгельс. Он был создан в период сравнительно «мирный», после окончания буржуазных революций на Западе и до пробуждения миллионных масс народов Востока, когда на горизонте еще не вырисовывались большие общественные потрясения Он был создан не так, как того хотелось Энгельсу, не как чисто Коммунистический интернационал, а из двух направлений в рабочем движении: из марксистов и из представителей оппортунистического течения, так называемых поссибилистов (Энгельс считал при этом, что и большинство марксистов может называться таковым лишь с натяжкой, лишь по сравнению с поссибилистами; см. письма Энгельса к Зорге). Энгельс относился скептически не только к об'единению с поссибилистами, но и к поведению марксистов в этом об'единении. В своих письмах к Зорге он говорит:

«На обоих конгрессах, конечно, много вранья насчет слияния. Иностранцы хотят слияния, французы в обоих случаях удерживают от него. Слияние при национальных условиях — очень хорошо, но вранье заключается в том, что наши кричат о слиянии любой ценой».

Создание II интернационала несмотря на это являлось несомненной победой марксизма. Эта победа состояла в первую очередь в том, что все международное рабочее движение признало необходимость политической борьбы; с другой стороны, новый интернационал был создан из массовых рабочих партий в отдельных странах. Если Энгельс после Брюссельского конгресса II интернационала несколько изменил к лучшему свое отношение к нему, то лишь потому, что Брюссельский конгресс окончательно порвал с анархистами и что во время этого конгресса английские тредюнионы — эти крупные массовые организации,—хоть и с колебаниями, приблизились ко II интернационалу. В своем письме к Лафаргу Энгельс говорил:

«Конгресс хорошо сделал, что голосовал за исключение анархистов: старый Интернационал этим закончил, новый — с этого начинает. Тем самым, спустя 19 лет, дано ясное и простое подтверждение резолюциям Гаагского конгресса.

Не менее важно то обстоятельство, что широко открыты двери для английских тредюнионов. Этот шаг свидетельствует о том, как хорошо поняли ситуацию. А те решения, которые связали тредюнионы «классовой борьбой и отменой наемного труда», показывают, что с нашей стороны не было сделано никаких уступок».

Энгельс считал, что «европейские рабочие окончательно вышли из периода господства звонкой фразы и что они отдают себе отчет в той ответственности, которую несут: они являются классом, сложившимся в партию «борьбы», в партию, которая считается с «фактами». А факты принимают все более революционный оборот».

Если с этой точки зрения создание II интернационала было шагом вперед по отношению к I интернационалу, то руководители II интернационала сейчас же отступили от тех принципов, на которых строился I интернационал. Это отступление впервые выражено Вильгельмом Либкнехтом, который заявил на учредительном конгрессе II интернационала в Париже: «Интернациональное рабочее движение переросло рамки одной единой организации».

Это было отступлением не только от положения Маркса, что Интернационал не может быть простым почтовым ящиком; это было отступлением

от принципа I интернационала, от пролетарского интернационализма, от единой теории и тактики международного рабочего движения. Это была и несомненная уступка национализму уже при возникновении II интернационала.

В начальный период существования II интернационала, который совпал еще с «мирным» этапом всемирной истории, наступившим после франко-прусской войны и Парижской коммуны, в этот мирный период, когда революционные слова не могли еще проверяться революционным действием, начавшееся вырождение II интернационала не вышло еще наружу. Но после русской революции 1905 г., когда на основе империалистического развития капитализма развернулась эпоха империалистических войн и пролетарских революций, ясно стало и другое, еще более важное принципиальное отступление Второго интернационала от заветов Первого. Ревизия марксова учения в первую очередь означала ревизию теории об отношении пролетариата к буржуазному государству, теории пролетарской диктатуры; она означала поэтому, что II интернационал выбросил за борт лучшие традиции I интернационала — традиции Парижской коммуны.

Накануне поворота всемирной истории, накануне революции 1905 г. во II интернационале боролись между собой два главных течения, из которых ни одно не было последовательно революционным. Признанный теоретический вождь II интернационала, Каутский, выступая против открытого реформизма, против открытого сотрудничества с буржуазией, с одной стороны, выступал против тех воззрений, согласно которым политическая власть может быть завоевана «по кусочкам», а с другой стороны, в комиссии Амстердамского конгресса по вопросу о мильеранизме, об участии в буржуазном правительстве он впервые выставил тезис о «чрезвычайных условиях», при которых социалист может вступить в буржуазное правительство В качестве примера таких чрезвычайных условий он привел организацию защиты отечества, в интересах которой социалисту можно принимать участие в правительстве. Жорес при всем своем оппортунизме был прав, когда он ехидно возразил Каутскому: «Министериализм может стать составной частью ортодоксального учения, поскольку он переплетается с национализмом».

Нужно ли лучшее доказательство правоты положения товарища Сталина о том, что II интернационал был блоком пролетариата и мелкой буржуазии, чем утверждение голландского социалиста из II интернационала Трульстра на этом конгрессе:

«Оба направления (ревизионизм и ортодоксия) в каждой партии связаны друг с другом и вместе образуют ее сущность».

Эта характеристика II интернационала, данная одним из его руководящих деятелей, была правильной и лишний раз иллюстрирует положение товарища Сталина о том, что:

«... Между Марксом — Энгельсом, с одной стороны, и Лениным — с другой, лежит целая полоса безраздельного господства оппортунизма II интернационала» [1].

Если в первый период существования II интернационала главным источником мелкобуржуазного мировоззрения и соответствующего этому оппортунизма в политике II интернационала являлись новые слои рабочих, только что пролетаризировавшиеся выходцы из мелкобуржуазных слоев, то во второй период этим источником являлась уже рабочая аристократия, существование которой — вначале только английское явление — после расшатывания монополии Англии на мировом рынке распространилось на все передовые капиталистические страны. Слова, сказанные Марксом в мандатной комиссии Гаагской конференции I интернационала, о том, что вожди английских

[1] Сталин «Вопросы ленинизма». 9-е изд., стр. 11.

тредюнионов подкуплены буржуазией, во второй период существования II интернационала можно было отнести уже к целому ряду индустриально развитых стран.

Отношение партий II интернационала к буржуазному государству и пролетарской революции определило всю судьбу II интернационала. Эта судьба завершилась 4 августа 1914 г., когда руководящие партии II интернационала не случайно, не в порядке случайного грехопадения стали на сторону собственных империалистов в братоубийственной империалистической войне. Этому не смогла препятствовать даже воля к миру в социал-демократических массах.

Отто Бауэр в своей книге «Национальный вопрос и социал-демократия» еще в 1908 г. писал о революции в случае империалистической войны следующее:

«Несомненно, что будущая империалистическая мировая война повлечет за собой революционный переворот Империалистическая всемирная катастрофа, несомненно, будет началом мирового социалистического переворота».

Отто Бауэр оказался хорошим пророком. Империалистическая война сделалась действительно «началом мирового социалистического переворота». Но тот же самый Отто Бауэр, который до сих пор готов без конца воспевать свободу мнений при буржуазной демократии, который настолько ненавидит диктатуру пролетариата, что согласен даже на словах признать ее, чтобы лучше удержать рабочих от борьбы за нее, — тот же самый Отто Бауэр не только стал на сторону империалистов во время войны, но и с самого начала «мирового социалистического переворота» оказался в лагере решительных врагов социалистической революции.

Только одна партия, во главе которой стоял величайший продолжатель дела Маркса—Энгельса и I интернационала, только Ленин и его партия видели неизбежность распада II интернационала и пути к новому, третьему, Коммунистическому интернационалу Когда споры вокруг вопросов теории и тактики велись во II интернационале еще средствами идейной борьбы, Ленин предвидел кристаллизацию двух настоящих фронтов в рабочем движении, которое было тогда формально единым. Ленин писал:

«То, что теперь мы переживаем зачастую только идейно, споры с теоретическими поправками к Марксу,—то, что теперь прорывается на практике лишь по отдельным частным вопросам рабочего движения, как тактические разногласия с ревизионистами и расколы на этой почве, — это придется еще непременно пережить рабочему классу в несравненно более крупных размерах, когда пролетарская революция обострит все спорные вопросы, сконцентрирует все разногласия на пунктах, имеющих самое непосредственное значение для определения поведения масс, заставит в пылу борьбы отделять врагов от друзей, выбрасывать плохих союзников для нанесения решительных ударов врагу» [1].

Когда знамя довоенного II интернационала утонуло в грязи, Ленин и большевики уже держали знамя III коммунистического интернационала, вокруг которого начали собираться все те деятели международного рабочего движения, которые не на словах, а на деле хотели бороться и боролись за великий социалистический переворот.

После раскола международного рабочего движения и раскола рабочих организаций в национальном масштабе первым шагом к созданию классового и международного единства всемирного пролетариата было основание коммунистических партий и Коммунистического интернационала. Предпосылкой к этому явилась Октябрьская революция. Великая октябрьская революция,

---

[1] Ленин «Марксизм и ревизионизм».

установление диктатуры пролетариата на территории бывшей царской империи создали тот «критический момент», который Маркс считал условием для создания нового Международного товарищества рабочих. Союз передовых рабочих всех стран с пролетариатом, победившим в одной стране, и начало борьбы за диктатуру пролетариата в ряде капиталистических стран (революции в Германии, Австрии, Венгрии),—это и были те условия, на которые рассчитывали Маркс и Энгельс, когда они хотели создать только такое новое Международное товарищество рабочих, «которое уже не может быть только обществом пропаганды, а может быть лишь обществом действий». Революция в России, ее победа, ее воздействие не только на Германию, но и на все страны Запада и Востока создали тот «критический момент» в развитии всемирной истории, когда международный пролетариат смог прочно завоевать и создать в революционной борьбе III коммунистический интернационал.

Переняв от II интернационала все, что было в нем лучшего, в особенности его массовость, Коммунистический интернационал является не только хранителем традиций первого Международного товарищества рабочих в области теории, практики и организации, но и завершителем его дела. Так же как ленинизм является дальнейшим развитием марксизма эпохи империализма и пролетарских революций, Коммунистический интернационал является не только наследником I интернационала, но и продолжателем и завершителем его дела на высшей ступени развития революционного рабочего движения. Это выражается не только в том, что Коммунистический интернационал стал мировым Интернационалом, к которому примыкают не только передовые рабочие передовых капиталистических стран, но и угнетенные и эксплоатируемые империализмом колониальные и полуколониальные народы; это выражается и в том, что Третье международное товарищество рабочих является организацией непосредственной борьбы за те принципы, которые I интернационал лишь провозглашал. Коммунистический интернационал является осуществлением той мировой партии пролетариата, которой, согласно концепции Маркса и Энгельса, должен был быть I интернационал, с той разницей, что он основывается на отдельных партиях и массовых организациях пролетариата в масштабе отдельных стран. III интернационал является осуществлением того интернационала, о котором мечтали Маркс и Энгельс, борясь за гегемонию пролетарского коммунизма, марксизма во всем рабочем движении и всех его отраслях.

Имея такую могучую базу, как Советский союз, с его большевистской партией, с его социалистической индустрией и крупным социалистическим земледелием, с его славной рабоче-крестьянской Красной армией, имея во главе великую организацию — Коммунистический интернационал и его вождя товарища Сталина, международный пролетариат, сложившийся, по словам Энгельса, «в партию борьбы, в партию, которая считается с фактами», стал крупнейшим фактором мировой политики. Не подлежит сомнению, что слова «Учредительного манифеста» I интернационала, которые вменяли в обязанность международному рабочему классу «овладеть тайнами международной политики, следить за дипломатической деятельностью своих правительств и, в случае необходимости, противостоять ей всеми находящимися в его распоряжении средствами», будут выполнены, и будут выполнены такими средствами, которых международный пролетариат не мог иметь до эпохи Коммунистического интернационала. Опыт истории всего международ-

ного рабочего движения, в особенности опыт периода II интернационала и позорный крах последнего, наверняка научили огромные массы пролетариата тому, что не «мудрость» господствующих классов, а лишь героическое сопротивление рабочего класса может воспрепятствовать империалистической буржуазии начать за счет трудящихся новую братоубийственную войну и в частности контрреволюционную войну против Советского союза.

Кризис послевоенного II интернационала, который в отличие от кризиса довоенного II интернационала наступил еще до начала новой мировой империалистической войны, все более и более наглядно показывает все более и более широким массам рабочего класса, что подлинный пролетарский интернационализм существует только на основе революционной классовой борьбы. Рабочий класс всего мира осуществляет пролетарский интернационализм, борясь против буржуазии в собственной стране и одновременно борясь против буржуазии тех стран, которые являются наиболее опасными врагами Советского союза и мира. Пролетарский интернационализм осуществляется защитой первого пролетарского государства, где рабочий класс вместе с колхозным крестьянством изо дня в день осуществляет те идеалы пролетариев, о которых когда-то мечтали первые социалистические мыслители и за которые борется, руководясь передовой теорией марксизма-ленинизма, революционный рабочий класс капиталистических стран. Этот пролетарский интернационализм, воплощенный Коммунистическим интернационалом в борьбе против подготовки новой империалистической войны, против отчаянных попыток буржуазии спасти от гибели капиталистическую систему, этот пролетарский интернационализм Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина об'единяет в духе «Учредительного манифеста» I интернационала разрозненные когда-то выступления пролетариата в могучее движение за освобождение рабочего класса, за советскую власть, за диктатуру пролетариата.

На путях социалистической революции, на путях великого Октября, под руководством большевистской партии рабочий класс бывшей царской империи преодолел раскол в рабочем движении и обосновал в огне Октябрьского вооруженного восстания свое прочное революционное единство. В борьбе против империалистической войны, против фашизма, вокруг лозунгов, выдвинутых Коммунистическим интернационалом, преодолевается раскол в рабочем движении капиталистических стран и через единство в действии создаются условия нового единства рабочего движения на высшей ступени, в борьбе за диктатуру пролетариата, за советскую власть. Новым и особенным в тяге к единству рабочих всех стран является то, что это стремление к единству не является простой сентиментальной мечтой, а выражает активную волю к избавлению от векового капиталистического рабства, активную волю к тому, чтобы избавиться от предательского реформизма, стать вершителем своих судеб так, как стал хозяином своего настоящего и будущего пролетариат Советского союза, находящийся на подступах к бесклассовому обществу.

Мы имеем передовую теорию, которая дает нам возможность, как делали Маркс, Энгельс, Ленин и как делает Сталин, видеть далекие цели и делать то, что нужно делать в данный, ближайший момент. Мы имеем передовую организацию, об'единяющую лучших борцов рабочего класса. Мы имеем такого вождя, как Сталин. Коммунистический интернационал под руководством Сталина является, как того хотел Ленин, подступом к всемирной социалистической республике советов.

КОН'ЮНКТУРНЫЙ ОБЗОР

СОВЕТСКАЯ ТОРГОВЛЯ В 1934 ГОДУ*

Успешное развитие народного хозяйства нашей страны, рост продукции промышленности и сельского хозяйства выдвигают как один из важнейших боевых участков организацию развернутой советской торговли.

Выросла новая, колхозная деревня, и колхозники, быстро идущие по пути к зажиточной жизни, пред'являют законное требование — удовлетворить их возросшие и непрерывно растущие потребности высококачественными товарами. Спрос советского потребителя — рабочего и колхозника, жизненный уровень которых непрерывно повышается, — разнообразен; требуется большое умение самих торгующих организаций, чтобы удовлетворить этот спрос и дать товар хорошего качества. Доведение товара до потребителя требует гибкой, маневренной, широко разветвленной культурной советской торговли. Вот почему такое огромное значение приобретает сейчас развернутая советская торговля. Товарищ Сталин на XVII с'езде нашей партии с исчерпывающей полнотой и ясностью определил значение и задачи советской торговли в период социализма. «Чтобы экономическая жизнь страны могла забить ключом, а промышленность и сельское хозяйство имели стимул к дальнейшему росту своей продукции, надо иметь еще одно условие, а именно,— развернутый товарооборот между городом и деревней, между районами и областями страны, между различными отраслями народного хозяйства. Необходимо, чтобы страна была покрыта богатой сетью торговых баз, магазинов, лавок. Необходимо, чтобы по каналам этих баз, магазинов, лавок безостановочно циркулировали товары от мест производства к потребителю. Необходимо, чтобы в это дело были вовлечены и государственная торговая сеть, и кооперативная торговая сеть, и местная промышленность, и колхозы, и единоличные крестьяне» (Сталин «Отчет ЦК XVII с'езду»).

Партии нужно было разоблачить «дворянские предрассудки» среди одной части «практиков», пренебрежительно, по-барски относящихся к советской торговле, устранить монопольное положение кооперации на рынке, развернуть подлинное соревнование торговых систем и преодолеть нездоровые привычки к механическому распределению товаров. Нужно было ударить по левацко-мелкобуржуазным «теоретикам» прямого продуктообмена, проповедникам отмены денег в период социализма, проповедникам никчемности развертывания товарооборота. Эти люди «не понимают, что продуктообмен может притти лишь на смену и в результате идеально налаженной советской торговли, чего у нас нет и в помине и что не скоро будет у нас» (Сталин).

Прошло восемь месяцев с тех пор, как товарищ Сталин на XVII с'езде ВКП(б) наметил ясный путь, поставил совершенно четкие конкретные задачи, разрешая которые советская торговля может пойти в ногу со всем ходом социалистического строительства.

* В обзоре использованы главным образом данные ЦУНХУ.

Как развивалась за это время советская торговля?

1934 год был годом интенсивного развертывания советской торговли. План розничного товарооборота за 1-е полугодие перевыполнен.

За восемь месяцев 1934 г. обороты розничной торговли основных систем (розница Наркомвнуторга, Наркомпищепрома, ОРС и потребкооперация) составили примерно 30,9 млрд. руб., превысив розничный оборот тех же торговых систем за соответственный период прошлого года на 31.1%. Если к этому добавить обороты общественного питания и обороты неосновных торговых систем, учитываемых в плане, то совершенно бесспорно. что намеченная цифра годового плана товарооборота в 60 млрд. руб может быть не только достигнута, но даже перевыполнена при активизации работы торговых систем в IV квартале.

В этом росте товарооборота прежде всего сказалось значительное (хотя и ниже плана) увеличение по сравнению с прошлым годом выработки товаров госпромышленности, идущих на широкий рынок, а также значительный рост поступления сельхозпродуктов в торговую сеть. Особенно выросла пищевая продукция за 8 месяцев 1934 г. по сравнению с 8 месяцами 1933 г. (по Наркомпищепрому на 22%, по Комзагу на 29%). Август 1934 г. дал по сравнению с августом 1933 г. рост по Наркомпищепрому на 27,6%, по Комзагу — на 28,1%; значительно ниже рост выработки по Наркомлегпрому.

Значительно выросло по сравнению с прошлым годом потребление трудящихся как в городе, так и в деревне при некотором, хотя и недостаточном улучшении качества товарной продукции. Это подтверждается статистическими данными, в частности данными бюджета рабочих и колхозников.

1934 год дает убыстрение по сравнению с прошлым годом темпов роста потребления трудящихся и оборота государственной и кооперативной торговой сети.

Чрезвычайно резко возросли обороты колхозных рынков.

Какие же сдвиги в самой структуре советской торговли скрываются за этими общими цифрами? Как изменилось за этот период соотношение различных форм советской торговли? На каких ее участках развитие происходило более быстро, на каких менее быстро?

Прежде чем ответить на эти вопросы, вспомним, как формулировались основные задания по торговле при составлении плана 1934 г. Основной задачей ставились повышение и улучшение качества самой торговли, рост государственной ненормированной торговли, развитие ее оборота, который был запроектирован в сумме 13 млрд. руб. против 7 млрд. руб. прошлого года. при одновременном снижении цен государственной ненормированной торговли. с тем чтобы все шире и шире развивалась практика того. что мы называем неограниченной, ненормированной продажей сельскохозяйственных и промышленных изделий.

Выполнение этих заданий требовало дальнейших сдвигов в соотношении торговых систем в общем обороте в соответствии с их подлинным значением на данном отрезке времени, с качеством их работы, с их достижениями в соревновании. В 1930 г. фактически отсутствовало соревнование торговых систем, и потребкооперация совершенно незаслуженно пользовалась монопольным положением на рынке, что приводило к пренебрежительному отношению к запросам потребителя и к низкому качеству торговой работы.

Товарищ Сталин неоднократно указывал на необходимость ликвидации этого монопольного положения, подчеркивая, что развертывание советской торговли обязательно включает соревнование торговых систем, а следовательно, и ликвидацию монополии потребкооперации. Поскольку сейчас проблема качества — центральная проблема советской торго-

вли. особо заостряется необходимость ликвидации остатков этого монопольного положения потребкооперации и подлинного развертывания соревнования в торговле. Важнейшее звено этого соревнования заключается в развертывании государственной ненормированной культурной торговли.

Падение удельного веса потребкооперации в общем товарообороте сказалось уже в 1933 г. в связи с развертыванием государственной коммерческой торговли, оказавшейся лучше приспособленной чем кооперация к открытой культурной торговле, в связи с развертыванием сети ОРС, которые несмотря на свои крупные недочеты ближе связаны с жизнью предприятий, с их запросами чем прежние ЗРК. В 1934 г. этот процесс продолжается, особенно по линии открытой торговли, толкая кооперацию на улучшение качества своей работы как в деревне, где она продолжает оставаться преобладающей системой, так и в городе, где для нее сохраняется весьма широкое поле деятельности.

Обратимся к показателям процесса сокращения удельного веса потребкооперации в 1934 г. и к факторам этого сокращения. За восемь месяцев 1934 г. оборот потребкооперации вырос на 15,4%, в то время как оборот ОРС вырос на 32,4%, а оборот госрозницы Наркомвнуторга — на 77,5%.

В 1934 г. продолжается быстрый рост удельного веса госторговли (главным образом за счет открытой торговля Наркомвнуторга) в розничном обороте и падение удельного веса потребкооперации.

В 1931 г. потребкооперация занимала около 70% розничного оборота. В 1933 г. ее удельный вес в отношении к общему обороту основных торговых систем составил уже только 52%, а госторговли (включая ОРС) — 48%. За восемь месяцев 1934 г. удельный вес потребкооперации в обороте этих систем снизился уже до 44%, а удельный вес госторговли (включая ОРС) повысился до 56%. Таким образом в 1934 г. значительно более половины всего розничного оборота приходится на долю госторговли. Особенно выросла розница Наркомснаба. В 1931 г. ее обороты составляли примерно 30% розничных оборотов потребкооперации. а в 1933 г. — около 70% ее оборотов, а за 8 мес. 1934 г. она уже обогнала по своим оборотам розницу потребкооперации. Таковы итоги соревнования торговых систем к настоящему времени.

За счет какого же сектора, городского или сельского, произошло падение удельного веса потребкооперации? Обратимся к цифрам соотношения торговых систем по городу.

В 1931 г. потребкооперация занимала 65% городского оборота, в 1933 г. — 46% оборота основных систем. За восемь месяцев 1934 г. потребкооперация занимает уже только 36% оборота этих систем. Госторговля повысила свою долю с 54% в 1933 г. до 64% в 1934 г. На госторговлю приходится уже две трети городского розничного оборота.

В сельском обороте доля потребкооперации непрерывно падала с 1931 по 1933 г. В 1931 г. она равнялась приблизительно 80%, а в 1933 г. ее доля в сельском обороте основных торговых систем снизилась до 64%. В 1934 г процесс сокращения доли потребкооперации в деревне резко замедлился. Она составляет сейчас по отношению к основным торговым системам примерно 63%. Мы имеем фактически стабилизацию удельного веса потребкооперации на селе.

В деревне потребкооперация продолжает оставаться основной, преобладающей торговой системой. Сельпо и раймаги продолжают оставаться основными звеньями сельской торговли.

Обратимся снова к городскому розничному обороту. Выше уже было отмечено. что еще два года тому назад потребкооперация была преобладающей торговой системой не только в деревне, но и в городе. Теперь

потребкооперация в области закрытого рабочего снабжения уступила ведущую роль системе ОРС, а в открытой торговле — Наркомснабу.

Обороты ЗРК за первое полугодие 1934 г. уже составили лишь 38% оборота городских ОРС.

В 1934 г. продолжался процесс передачи ЗРК системе ОРС.

Однако основным моментом, обусловившим резкое сокращение удельного веса потребкооперации в городском и общем розничном обороте в 1934 г., явилось бурное развертывание оборотов открытой торговли Наркомснаба (ныне Наркомвнуторга). Если в 1933 г. обороты городской розницы Наркомснаба составляли 85% городской розницы потребкооперации, то оборот розницы Наркомвнуторга и Наркомпищепрома (быв. Наркомснаба) за восемь месяцев 1934 г. уже на 40% превышает соответствующий оборот потребкооперации. Розница Наркомвнуторга уже является наиболее мощной, ведущей, передовой торговой системой в городе. В своей подавляющей части розница Наркомвнуторга является открытой ненормированной торговлей. При этом удельный вес открытой торговли в госрознице резко возрастает. Если обороты городской розницы Наркомвнуторга в целом выросли за восемь месяцев 1934 г. на 93% по сравнению с соответственным периодом прошлого года, то в части коммерческих фондов они выросли на 154%, а в части нормированного фонда даже немного снизились. Притом особенно возрастали обороты розницы Наркомвнуторга в области свободной продажи хлеба, а также на таких передовых участках культурной советской торговли, как «Гастроном», «Бакалея» и «Показательные универмаги». Обороты «Гастронома» выросли за восемь месяцев 1934 г. в четыре раза. Возникшая в 1934 г. сеть «Бакалеи» и «Показательных универмагов» дала уже за весьма короткий период, до 1 сентября 1934 г., обороты более чем на 400 млн. руб. Уже к концу первого полугодия 1934 г. работало около 100 улучшенных магазинов «Гастронома» и более 70 улучшенных магазинов «Бакалеи».

Особо следует подчеркнуть исключительное значение и исключительный успех развертывания государственной коммерческой хлебной торговли, что сыграло огромную роль в деле снижения хлебных, а следовательно, и других цен в колхозной торговле.

В своем докладе на XVII с'езде партии товарищ Сталин, говоря о достижениях в развертывании советской торговли, особым пунктом отметил «рост сети коммерческих магазинов по торговле хлебом, охватывающей в настоящее время 330 городов»[1].

За первое полугодие 1934 г. Наркомснаб развернул по этой линии новую огромную сеть и располагал на 1 июля 1934 г. 5473 хлебными коммерческими магазинами. С тех пор эта сеть росла и разветвлялась, проникая во все более мелкие и отдаленные от центров населенные пункты.

Мощная разветвленная сеть государственной открытой хлебной торговли, сыгравшая исключительно положительную роль в оздоровлении хлебного рынка и снижении базарных цен, дала рост оборотов за восемь месяцев 1934 г. в пять раз по сравнению с соответственным периодом 1933 г., при наличии значительного снижения своих цен.

Только по этим четырем новым видам открытой госторговли (возникшим в нынешнем или прошлом году) обороты розницы Наркомвнуторга за восемь месяцев текущего года выросли по сравнению с этим периодом прошлого года примерно на 3½ млрд. руб.

[1] Стенографический отчет XVII с'езда ВКП(б), стр. 27. Партиздат. 1934.

Кроме того в 1934 г. рядом наркоматов широко развернута сеть специализированной торговли своими продуктами. Например Наркомлегпром значительно увеличил сеть специализированных магазинов. Сильно развилась торговля промкооперации и ряда республиканских, областных, местных организаций. По данным Наркомвнуторга, в настоящее время число торговых организаций, только планируемых в централизованном порядке, превысило 30. Так широко развернулось соревнование торговых систем в 1934 г., так преодолено монопольное положение потребкооперации на рынке.

Бесспорно, что в 1934 г. сделан огромный шаг вперед в развертывании новых форм советской открытой культурной торговли: показательных и образцовых городских универмагов, раймагов, специальных культраймагов, магазинов «Гастронома», «Бакалеи», коммерческих хлебных магазинов, а также улучшенных специализированных магазинов потребкооперации и наркоматов.

Тов. Микоян на XVII партс'езде подчеркнул. что открытая ненормированная торговля гораздо больше стимулирует серьезное улучшение торговой работы чем закрытая.

Как правило, закрытая торговля по качеству работы, качеству обслуживания потребителей, по приспособлению к их запросам до сих пор еще отстает от открытой, которая создает школу советской культурной торговли. Опыт 1934 г. подтверждает это.

В развернутой Наркомснабом открытой, ненормированной торговле в 1934 г. имеется уже значительное количество образцовых предприятий культурной торговли, которые, во-первых, в своей работе исходят не из «принципа» «потребитель, мол, слопает все, что дают», а широко учитывают запросы потребителя и предоставляют его выбору весьма разнообразный ассортимент; во-вторых, вместо пассивного приспособления к тому, что дает промышленность, эти образцовые предприятия активно воздействуют на нее, заставляют ее производить то, что нужно потребителю, активно мобилизуют нужный потребителю ассортимент и, в-третьих, создают условия культурного обслуживания потребителя (качество торгового помещения, чистота, умелое и вежливое обращение с покупателем, упаковка и т. д.). Как выше было отмечено, широкое развертывание Наркомснабом в 1934 г. образцовых предприятий открытой сети сыграло в соревновании торговых систем огромную воспитательную роль в смысле улучшения качества торговой работы потребкооперации и ОРС, заставив их сильно подтянуться. В частности в своей довольно успешной работе по развертыванию образцовых городских универмагов, раймагов и культмагов потребкооперация равнялась по образцовой сети Наркомснаба. Потребкооперация развернула в 1934 г. мощную сеть раймагов сложного ассортимента и райкультмагов, задачей которых является резкое улучшение качества обслуживания сельского потребителя, предоставление ему значительно более широкого чем в сельпо ассортимента и, следовательно, возможность выбора ассортимента. К 1 сентября потребкооперация открыла 2160 раймагов и 1243 специальных культмага, несомненно значительно улучшивших работу потребкооперации на селе. Многие из этих магазинов уже стали образцовыми предприятиями советской культурной торговли. Однако значительная пестрота в качестве их работы свидетельствует о наличии еще неиспользованных больших возможностей улучшения. Например во II квартале по удельному весу самозакупок, свидетельствующему о степени активности в мобилизации товарных фондов, наблюдаются такие градации даже в среднеобластных данных: от 9,3 (Татария) до 36,5% (Ивановская обл.) при средней в 21,3%; по удельному весу числа продавцов ко всем торговым штатам, что свидетельствует об оперативности аппарата: от 44,8 (Грузия) до 74,3% (Челябинск) при сред-

ней в 59,3%; по расходам на зарплату и транспорт в процентах к обороту — от 1,6 до 4% при средней в 2,4%.

Бурное развертывание государственной открытой торговли уже сейчас привело к тому, что по суммам своих оборотов открытая торговля не только в деревне, но и в городе значительно превышает закрытую.

В своем докладе на XVII с'езде партии тов. Молотов подчеркнул, что «во второй пятилетке мы должны обеспечить такой рост товарооборота и осуществление такой политики цен на промышленные товары и сельскохозяйственные продукты, чтобы подготовить отмену нормированной торговли» [1].

Подлинное развертывание культурной советской торговли требует систематического повышения роли открытой торговли, и в этом отношении в 1934 г. сделан весьма значительный шаг вперед.

Открытая торговля, как отметил тов. Микоян на XVII с'езде партии, «постепенно расширяясь и снижая в будущем рыночные цены, пойдет на смену системе закрытой торговли». Однако отмена нормированного отпуска товаров не может быть проведена сразу. Она представляет собой довольно длительный процесс, темпы которого зависят прежде всего от роста товарных ресурсов, а следовательно, и от качества работы самих торговых организаций по мобилизации этих ресурсов. По мере того как фонды по тому или иному товару возрастут настолько, что станет возможным продавать его без ограничений, причем продавать по ценам, обеспечивающим намеченный рост реальной зарплаты, без риска вызвать ажиотаж и спекуляцию, — по мере этого начнет отпадать необходимость в нормированном отпуске и будет осуществляться переход на открытую, ненормированную продажу этого товара по единой цене. По ряду товаров это уже проведено.

Несмотря на быстрый рост открытой торговли роль закрытой, нормированной торговли еще очень велика. По об'ему продовольственных фондов в натуральном выражении закрытая сеть (ОРС, ЗРК, ЗР), в силу необходимости, еще превосходит открытую. Внимание к улучшению качества работы закрытой сети не должно ослабевать, а усиливаться, в частности необходимо всячески пресекать имевшие место в 1934 г. вредные попытки закрытой сети подменять свою прямую обязанность нормированного отпуска продуктов коммерческой торговлей. «Самым коренным улучшением, — говорил тов. Микоян на XVII с'езде, — снабжения было бы раскрытие закрытых распределителей и открытие продажи без карточек, без книжек, без бюрократизма, с тем чтобы каждый рабочий, каждый служащий, каждый советский гражданин мог бы придти в магазин и за советские деньги купить, что ему нужно» (Стенографический отчет XVII с'езда, стр. 184). Однако, как он подчеркнул, пока еще необходимо существование двух видов торговли — открытого и закрытого. Необходимо при максимальном развертывании первого добиться наилучшей работы второго.

Непременным условием процесса отмены нормированного отпуска продуктов является намеченное снижение среднего уровня цен за счет ненормированной и колхозной торговли, что позволит сочетать отмену нормирования с намеченным ростом реальной зарплаты. И в этом отношении в 1934 г. достигнуты заметные сдвиги.

В своем докладе о народнохозяйственном плане 1934 г. на сессии ЦИК, в декабре 1933 г., тов. Молотов отметил:

«С 1934 года внимание переносится не на дальнейшее увеличение денежной заработной платы, а на увеличение реальной заработной платы. Это возможно прежде всего при снижении цен на промышленные и про-

[1] Молотов «Задачи второй пятилетки», стр. 46. Партиздат. 1934.

довольственные товары, и к этому мы приступаем в будущем году в так называемой коммерческой торговле»[1].

В соответствии с этим в плане 1934 г. было намечено «предусмотреть снижение розничных цен ненормированной государственной торговли»[2].

В 1933 и 1934 гг. проведено серьезное снижение на ряд товаров широкого потребления коммерческого фонда; например цены на 1 апреля 1934 г. были ниже среднегодовых цен 1933 г.:

Товары	На сколько %
Мыло хозяйственное	23,9
Нитки	56,8
Хлопчатобумажные ткани, вырабатываемые шерстяной промышленностью	35,9
Грубосуконные и некоторые тонкосуконные ткани	15
Обувь мужская на монолитной подошве	18,8

Начиная с I квартала 1933 г., проводится непрерывное снижение отпускных цен по системе кустарно-промысловой кооперации.

Так, отпускные цены промкооперации за июль 1934 г. ниже по сравнению с ценами I квартала 1933 г. в среднем на 15%, а по некоторым видам товаров цены снижены еще значительней:

Товары	На сколько %
Меховая группа	22
Трикотажная группа	23
Галантерейная группа	23
Бум.-полиграф. группа	24

За последнее время значительно снижены розничные цены на ряд других продовольственных товаров так называемого «коммерческого фонда»; например снижены цены:

Товары	На сколько %
Сахар рафинад	20
Сахарный песок	23,1
Карамель и мягкие конфеты	5—25
Рис 1-го сорта	16,7

Особенное значение имел тот факт, что в 1933 и 1934 гг. проведено весьма значительное снижение розничных цен открытой госторговли по тем продовольственным продуктам, которые реализуются в колхозной торговле. Цены на 1 сентября 1934 г. снижены, например, по сравнению с ценами начального срока открытой продажи этих товаров в 1933 г. (по некоторым товарам — это март, по другим — апрель, май или сентябрь):

Продукты	На сколько %
Хлеб печеный ржаной	38,8
» » пшеничный	24,0
Масло животное	34,4
» растительное	25,1
Молоко	24,0
Картофель	37,5
Маргарин	16

Развертывание государственной коммерческой торговли продовольственными товарами — важнейший рычаг пролетарского государства в области регулирования цен колхозной торговли, их систематического снижения.

Весной 1933 г., буквально через 2—3 дня после начала государственной коммерческой продажи хлеба, в ряде городов базарные цены на хлеб

[1] Молотов «О народнохозяйственном плане на 1934 год», стр. 29. Партиздат. 1934.
[2] Постановление ЦИК о народнохозяйственном плане на 1934 г.

снизились на 45—60%. Такая же картина наблюдалась и по другим продовольственным продуктам; например произошло немедленное снижение базарных цен на молоко на 30—40 и более процентов (летом 1933 г. при развертывании государственной коммерческой продажи молока).

Вот что об этом говорил тов. Микоян на XVII с'езде:

«В прошлом году весной, когда базарные цены стали сильно подниматься не только на Украине и в других районах, но даже и в Москве, товарищ Сталин дал замечательную идею, замечательную силу в наши руки, предложив развернуть торговлю государственным хлебом и другими продуктами в наших магазинах, чтобы снизить цены на колхозном рынке путем давления пресса государственной экономической интервенции» (Стенографический отчет XVII с'езда, стр 180).

Не административное установление таксы является методом регулирования цен колхозной торговли, а прежде всего экономическое воздействие. Государственная торговля выступает здесь как ведущая система, заставляющая колхозную базарную торговлю соревноваться с ней и борющаяся со спекулятивными тенденциями в колхозной торговле.

Подлинное развертывание колхозной торговли и связанная с этим борьба со спекулятивными тенденциями в ней потребовали комплексного воздействия следующих экономических рычагов: во-первых, перехода к закону об обязательных поставках, позволившего колхозам, колхозникам и единоличникам точно знать свои обязательства, свои товарные ресурсы для колхозной торговли; во-вторых, развертывания коммерческой торговли сельскохозяйственными продуктами для регулирования цен колхозной торговли; в-третьих, развертывания закупок и децентрализованных заготовок сельскохозяйственных продуктов при широком применении договоров с колхозами и соответственном снабжении промтоварами для стимулирования этих заготовок и закупок. Всеми этими экономическими рычагами мы располагали в 1934 г. в достаточной степени. Благодаря этому мы имеем дальнейшее развертывание, оздоровление и улучшение колхозной торговли.

Уже в 1933 г., на базе под'ема социалистического сельского хозяйства, произошло огромное развертывание колхозной базарной торговли по сравнению с 1932 г. Обороты колхозных базаров в 1933 г. возросли в натуре на 75—100%, т. е. почти удвоились. В то же время в течение 1933 г. произошло резкое снижение базарных цен (по хлебу и овощам примерно вдвое). В результате потребитель во втором полугодии 1933 г. приобрел на колхозных базарах почти вдвое больше продуктов чем в 1932 г. при тех же примерно затратах.

Трудящийся потребитель выиграл, таким образом, от снижения цен несколько миллиардов рублей.

В 1934 г. продолжается значительный рост привоза на колхозные базары по сравнению с 1933 г. (по предварительным расчетам, истекшие три квартала 1934 г. дают по сравнению с тремя кварталами 1933 г. в натуре рост на 65—70%) при дальнейшем значительном снижении цен.

Так, по группе овощных товаров цены на колхозных базарах в августе 1934 г. по сравнению с августом прошлого года снижены на 45.2%, по группе животноводческих продуктов — на 27.8%. Если же сравнивать августовские цены 1934 г. с ценами начиная с марта 1933 г. (т. е. с периодом, предшествовавшим прошлогоднему снижению базарных цен), то цены колхозных базаров по овощам снизились на 54.7%, а по животноводческим продуктам — на 45,4%, в том числе по молочной группе — на 52%.

Трудящийся потребитель снова как и в 1933 г. весьма значительно выигрывает на снижении базарных цен в 1934 г. по сравнению с 1933 г.

Большой интерес с точки зрения наличия свободных хлебных ресур-

сов в деревне и состояния спроса на хлеб имеют августовские базарные цены (в неразрешенной хлебной торговле) Цены на хлебопродукты в августе 1934 г. резко снизились по сравнению с августом 1933 г. (по сравнению с весной 1933 г. они снизились в 3 раза). Так, цены на 25 августа 1934 г. по сравнению с ценами на 25 августа 1933 г. снизились по ржаной муке на 35%, (Москва), 42% (Чернигов), 55—56% (Иваново, Житомир. Пенза), а по ряду городов — на 60—70% (Верхнеудинск, Оренбург, Златоуст, Ярославль, Кострома и др.).

Такая же примерно картина имеется по пшеничной муке (снижение на 40—50—60%, а в Туркмении (Ашхабад) даже на 72%). Цены на печеный ржаной хлеб снизились еще больше (на 60—70%, а по Архангельску даже на 80%) Резко снизились цены и на пшеничный печеный хлеб (на 30—50%, по ряду городов значительно выше, в частности по Брянску и Иванову — на 70%).

Резкое снижение цен (на 40—50—60%, а кое-где 70% и выше) по сравнению с августом прошлого года дала нелегальная продажа картофеля.

Эти цифры свидетельствуют, что процесс снижения цен продолжается даже сейчас, когда еще не разрешена базарная торговля хлебом и картофелем, причем продолжается усиленным темпом. В нелегальной базарной торговле хлебом и картофелем в августе 1934 г. цены установились значительно ниже соответственных цен прошлого года и цен колхозной торговли первого полугодия 1934 г. Это говорит о продолжающемся быстром улучшении состояния хлебных ресурсов и оздоровлении хлебного рынка; при этом необходимо учесть, что хлебосдача в нынешнем году не только не отстает от прошлого года. но в августе несколько превышала об'ем хлебосдачи 1933 г. (а по сравнению с 1932 г. она в два с половиной раза больше).

Эти цифры говорят о продолжающемся под'еме зернового хозяйства, подтверждают колоссальные преимущества колхозного строя, который дал возможность при неблагоприятных метеорологических условиях 1934 г. собрать значительный урожай. в то время как в капиталистических странах налицо крупный недород. Эти цифры говорят, далее. о больших возможностях успешного осуществления хлебозакупок. Наконец, эти цифры говорят об исключительной силе регулирующей роли государственной открытой хлебной торговли в отношении базарных цен.

Следует отметить значительное снижение базарных цен на хлеб и картофель по Дальнему Востоку и Восточной Сибири. свидетельствующее о значительном росте ресурсов этих продуктов в деревне. Так. на 25 августа 1934 г. по сравнению с ценами на 25 августа 1933 г. цены на ржаную и пшеничную муку по Владивостоку снизились на 50%, на пшено — на 53%, на картофель — на 61,5% (а по Хабаровску — на 75%).

Анализ движения цен на колхозных базарах показывает, что в 1934 г. произошло уже заметное сближение базарных и нормированных цен на продовольственные продукты. Это свидетельствует о том. что все больше растут предпосылки к переходу в будущем к единой цене и отмене нормирования не только на товары легкой промышленности, но и на продовольственные товары.

Снижение цен в коммерческой торговле и на базарах составляет для рабочего и служащего (являющихся сейчас основным потребителем городской ненормированной торговли) экономию в несколько миллиардов рублей. Эта экономия, а также снижение цен на некоторые продукты в закрытой сети с лихвой перекрывают потери на повышении хлебных цен в нормированной торговле.

Помимо приближающейся к своему успешному завершению хлебосдачи мощные дополнительные хлебные ресурсы дает хлебозакупка. Несмо-

„Большевик“ № 18.

тря на короткий срок, истекший с начала ее развертывания, хлебозакупка уже на 10 октября достигла десятков миллионов пудов хлеба. Наиболее передовой здесь является Московская область, заготовившая уже 6 млн. пуд. Это подтверждает реальность всего плана хлебозакупок. На стимулирование хлебозакупок брошено большое количество высококачественных товаров разнообразного ассортимента, что, несомненно, будет значительно способствовать повышению потребления промтоваров деревней.

* * *

Успехи в развертывании советской торговли в 1934 г. бесспорны, но эти успехи еще далеко недостаточны для растущих запросов народного хозяйства, для растущих запросов потребителя. Потребитель непрерывно повышает свои требования к ассортименту и качеству товара. Недочеты торговых организаций, которые «сходили с рук» в 1932 г. и даже в 1933 г., сейчас немедленно приводят к замораживанию оборота, бьют рублем. Потребитель в большинстве случаев не встречает должного обслуживания, не имеет возможности выбора нужного асортимента и притом в хорошем и близко расположенном магазине. При наличии недостатков в обслуживании потребителя, усугубляемых иногда самовольным повышением цен, обмериванием и обвешиванием, торговля не выполняет еще норм издержек и на ряде участков является нерентабельной. Торговля продолжает еще быть отстающим участком. Это сказывается на недостаточной увязке торговой работы с производством, с одной стороны, и с потребительским спросом — с другой.

В этой связи остановимся главным образом на вопросах сбыта изделий легкой промышленности.

В 1934 г. легкой промышленностью достигнуты некоторые, правда, еще незначительные успехи в части ассортимента и качества продукции. Снижен брак, улучшена система бракеража и приемки продукции, пересмотрен ассортимент, снят с производства ряд худших сортов и увеличен удельный вес улучшенных, восстановлены некоторые производственные операции, ведущие к улучшению качества тканей, их прочности, носкости, плотности, улучшены внешняя отделка тканей, их раскраска, рисунок, качество пошивки швейных изделий, обуви. Значительно выросла в 1934 г. индивидуальная пошивка, увеличен удельный вес детского ассортимента. Несмотря на этот сдвиг легкая промышленность не выполнила заданий по улучшению качества и асортимента. Положение здесь продолжает и в 1934 г. оставаться неудовлетворительным. Например брак и второй разбор по хлопчатобумажным тканям, выявленные в промышленности и на базах «Союзхлопкосбыта», хотя и заметно уменьшились по сравнению с 1933 г. и продолжают уменьшаться, все же еще весьма велики, составляя в первом полугодии свыше 36%, а в июле — 25%. Еще весьма высок брак и по другим отраслям легкой промышленности. Характерно, что по льняной и шелковой промышленности брак вырос. Все это заметно сокращает реальные ресурсы товарооборота.

Что касается улучшения ассортимента, планы здесь также не выполняются. Так например хлопчатобумажная промышленность, выполнив план по всей продукции за первое полугодие на 93%, по улучшенным тканям выполнила план только на 81%, а по вновь вводимым улучшенным сортам дан еще меньший процент выполнения. В ряде предприятий швейной промышленности продолжается выпуск неудовлетворительных, иногда прямо безобразных фасонов. Положение с детским ассортиментом продолжает оставаться крайне неблагополучным. Ряд фабрик выполняет план по детскому ассортименту лишь на 10—20%.

Весьма резко сказался в текущем году отрыв легкой промышленности от рынка, от его запросов во времени (сезонность) и в

пространстве (спрос районов). Это сказалось в полной неподготовленности к переходу от зимнего к весенне-летнему ассортименту в 1934 г. Почти повсеместно в весенние и даже летние месяцы ощущался резкий недостаток весенне-летних швейных изделий, тканей, обуви при затоваривании зимним ассортиментом. Несмотря на это легкая промышленность продолжала производить весной в огромном масштабе зимний ассортимент и в недостаточной мере — летний. По значительному числу трестов и предприятий наблюдалось прямо наплевательское отношение к элементарным требованиям сезонности. Здесь сказывались бездушное отношение к потребителю, погоня за формальными показателями выполнения производственной программы, нежелание тратить время и средства на перезаправку, нежелание переходить на более трудоемкие сорта. Кое-где немалую роль играла тяга к темным зимним цветам, чтобы затушевывать брак и низкое качество отделки, и т. д. Производственные предприятия и об'единения легкой промышленности в большинстве случаев показали слабый интерес к запросам рынка, неосведомленность об этих запросах. Что же касается сбытовых органов легкой промышленности, то они обнаружили, во-первых, свой отрыв от производства, от технологических процессов, а часто неосведомленность в них, и, во-вторых, нежелание или неуменье воздействовать на производство в сторону приспособления его к запросам рынка. Итак, с одной стороны, имел место отрыв от рынка, а с другой — отрыв от производства. Производство и сбыт были отнесены к разным «департаментам» и «увязывались» в порядке канцелярско-бюрократической переписки. Отсюда ясно, что зачастую вся энергия сбытовых органов направлялась главным образом на то, чтобы «проталкивать» иногда в порядке принудительного ассортимента малоходовой товар. Таким образом со всей силой обнаружилась неналаженность организации выпуска сезонного ассортимента.

Этот отрыв предприятий легкой промышленности от запросов рынка и отрыв сбытовых об'единений от производства обнаружился в первом полугодии и в отношении порайонного завоза продукции легкой промышленности. Огромный процент обратных и встречных перевозок изделий ширпотреба, тяжело отзывавшийся на транспорте, увеличивающий издержки, излишнее скопление товаров в одних районах при остром дефиците в других вызывались рядом моментов. Производственные программы предприятий не учитывали районного «размещения» спроса, не учитывали спроса ближайших к данным предприятиям областей. Специализация предприятий достигала часто анекдотической степени, в силу чего приходилось части одного ассортимента возить из разных, иногда весьма отдаленных областей. Здесь узко понятые производственные интересы отдельных фабрик (выгода от узкой специализации) вступили в непримиримое противоречие с интересами народного хозяйства в целом. Сбытовые органы легкой промышленности не только не выправили создавшегося положения, но часто усугубляли его недочетами в порайонном распределении товаров (резкое недовыполнение планов по одним районам при перевыполнении по другим). Немалую роль сыграли здесь неравномерность отгрузок товаров по времени, запаздывание спуска планов и отсутствие дисциплины на самих предприятиях, где вопрос об адресатах отгрузки фактически часто решали экспедитор и кладовщик.

Проведенная в 1934 г. коренная перестройка Наркомлегпрома и всей организационной структуры легкой промышленности бьет и по этим недочетам. Она устраняет вредное искусственное размежевание производства и сбыта, децентрализует сбыт, повышает ответственность производственных организаций за сбыт, создает для них стимулы заинтересованности в хорошем обслуживании рынка, переводит торговую работу из центральных канцелярий в трест и на предприятия, связывает тресты с потреби-

тельским спросом их районов, — словом, создает условия для поворота легкой промышленности «лицом к рынку».

Опыт весны 1934 г. (опоздание с переходом на летний ассортимент) мало чему научил легкую промышленность. Трикотажная промышленность выпустила лишь ничтожные запасы теплых вещей и встречает осенне-зимний сезон при весьма слабой подготовке. Швейная и кожевенно-обувная промышленность явно недостаточно подготовились к осенне-зимнему сезону.

Отгрузка зимних тканей усиленно шла в южные районы и гораздо слабее — в северные и центральные и т. д.

Пока еще не поздно, необходимо выправить крайне неблагополучное положение с подготовкой легкой промышленности к производству зимнего ассортимента.

Огромное значение не только по своему об'ему, но и по своему ассортименту имеет ширпотреб, производимый Наркомтяжпромом.

За восемь месяцев 1934 г. предприятия Наркомтяжпрома выполнили годовой план выработки металлических изделий ширпотреба лишь на 46%, по электроизделиям — на 46,7%, по радиоаппаратуре — на 34,7%, а всего по группам металлических изделий и электро- и радиоаппаратуре — на 44,9%. Это значит, что по производственной программе восьми месяцев налицо недовыполнение на одну треть. Потребитель за восемь месяцев недополучил этих товаров уже на сотни миллионов рублей.

Весьма плохо обстоит дело с фактической отгрузкой рынку.

Сплошь и рядом наблюдаются факты, когда директора предприятий — гигантов Наркомтяжпрома — и их заместители вообще не считают нужным заниматься вопросами ширпотреба. Производство ширпотреба на этих предприятиях иногда рассматривается как «принудительный ассортимент», как никчемное дело, отвлекающее от других задач предприятия.

На производство ширпотреба выделено крайне ограниченное количество квалифицированных технических кадров. Отсюда крайняя медлительность в освоении ряда производств, значительные трудности в выполнении производственных программ, обилие производственных неполадок, недоработанность конструкций, крайняя медлительность в их разработке. Недооценка значения производства ширпотреба сказывается и в крайнем «ущемлении» снабжения этой отрасли сырьем и материалами.

Ответственность за недочеты производства и сбыта товаров широкого потребления падает, разумеется, и на торговые системы (Центросоюз, Главторг и т. д.). В 1934 г. они были вооружены лучше чем в предыдущие годы в борьбе за выполнение договоров промышленности. За последнее время был издан ряд постановлений об ответственности за выпуск недоброкачественной продукции, об обязательной маркировке изделий, категорическом запрещении принудительного ассортимента, о широком применении системы предварительных заказов. Однако это оружие было использовано недостаточно. Повышенные требования потребителя к ассортименту и качеству доводятся до промышленности в незначительной степени.

Контроль рублем, привлечение к ответственности за невыполнение договоров применяются слабо. Широко распространена «взаимная амнистия» поставщиков и получателей, от которой страдает потребитель. Постановления партии и правительства о предварительных заказах фактически не выполняются и иногда сводятся к вредным формальностям. Так например «предварительные заказы» сплошь и рядом искусственно фабрикуются в областных центрах без ведома не только низовых, но и районных и даже межрайонных организаций и сильно «подправляются» самой промышленностью; они составляются «чохом», на всю область, и тем самым

превращаются в подлинный «принудительный ассортимент» для низовых организаций. Практика «принудительного ассортимента» в 1934 г. все еще находит широкое применение как в отношении промышленности к серединному торговому звену, так и в отношении серединного звена к низовке.

Многие торговые организации, особенно торговая низовка, слабо используют возможности отбора товара не только на самом предприятии (это вообще бывает лишь в виде исключений), но даже на складах сбытовых об'единений. Существенным минусом в работе торговых систем в 1934 г., и притом минусом, угрожающим перейти также и на 1935 г., является пассивное отношение к вопросам производственных программ промышленности, ассортиментного разреза этих программ и распределения этих программ в порайонном разрезе. В 1934 г. как и в предыдущие годы не было проведено рациональное прикрепление определенных районов потребления к определенным предприятиям, что резко повысило бы ответственность предприятий за отгрузку товаров, усилило бы контроль за ними, резко увеличило бы скорость товаропродвижения, сократило бы издержки и обеспечило бы более равномерное выполнение планов. Такая работа, будучи проведена в IV квартале и будучи связана с договорной кампанией, могла бы дать значительный эффект. Договорная кампания на 1935 г. должна быть, в противоположность нынешнему году, проведена своевременно и достаточно организованно. Все это становится особо важным сейчас, в связи с ростом значения качества торговли.

* * *

Необходимость удовлетворить растущие запросы потребителя, широкое развертывание сети открытой культурной торговли, необходимость коренного улучшения товаропродвижения потребовали организации в текущем году специального наркомата внутренней торговли. Образование Наркомвнуторга имеет очень большое значение в деле развертывания советской торговли. Наркомвнуторг должен сыграть крупную роль в установлении необходимого контакта промышленности и торговли, устранении отмеченных выше дефектов, в активизации торговых систем, в борьбе за добросовестное выполнение договоров промышленностью, в упорядочении бракеража товаров.

В IV квартале нужно не только на ходу выправлять имеющиеся недочеты, в частности выправить положение с зимним ассортиментом, но и организованно провести составление планов товарооборота на 1935 г. и договорную кампанию на 1935 г. в достаточной увязке с производственно-ассортиментными показателями промышленности. При этом необходимо предусмотреть максимальную мобилизацию местных ресурсов, опираясь в частности на организованные в текущем году наркоматы местной промышленности.

Особое значение имеет в IV квартале большевистское проведение хлебозакупок и своевременное доведение стимулирующих их товарных фондов до потребителя. Кампания хлебозакупок находится в центре внимания Наркомвнуторга.

Необходимо усилить внимание к сельскому обороту, рост которого отстает от роста городского. Так, за 8 месяцев 1934 г. розничный оборот по селу вырос по сравнению с 8 месяцами 1933 г. на 13%, а по городу — на 40%. Выполнение плана по селу несколько отстает от выполнения плана по городу.

Перед Наркомвнуторгом и торговыми организациями стоят задачи организационного упорядочения работы торговых систем, усиления активности низового звена — магазина, сельпо, разработка норм и правил торговли, прав и обязанностей завмагов, внедре-

ние хозрасчета как в городское, так и сельское низовое звено, искоренение механического распределения и многозвенности в торговле.

Состояние материально-технической базы торговых организаций неудовлетворительно, самый учет ее поставлен крайне слабо, капитальное строительство не упорядочено, слабо развернуто производство торгового инвентаря и оборудования, не упорядочено тарное хозяйство.

Сильно отстающим участком является подготовка торговых кадров. Эти вопросы, как и вопросы рентабельности торговых организаций, в частности рентабельности основного торгового звена на селе — сельпо, требуют серьезного внимания Наркомвнуторга и всех торговых организаций. Предварительные итоги по издержкам обращения за первое полугодие 1934 г. говорят о некотором улучшении положения по сравнению с 1933 г. при значительном, однако, невыполнении плановых норм. Положение с рентабельностью сельпо продолжает еще оставаться явно неудовлетворительным.

Одной из важнейших задач Наркомвнуторга и всех торговых организаций является искоренение обмеривания и обвешивания потребителя, хищений, растрат и превышения установленных цен. В текущем году было вынесено постановление ЦК ВКП(б) и правительства о мерах борьбы с этими возмутительными извращениями. С тех пор прошло более 2 месяцев. Многое сделано для исполнения этих решений, но активность и торговых систем и прокуратуры в этом отношении недостаточна; сплошь и рядом проявляется недопустимый либерализм. Большое значение имеет здесь и неудовлетворительное состояние производства весового инвентаря.

В области борьбы с растратами и хищениями предстоит, в частности, провести большую работу по уточнению норм убыли, — это облегчит выявление растратчиков.

От качества работы наркомата внутренней торговли как и работы всех торгующих организаций зависит закрепление достигнутых в текущем году серьезных успехов в развертывании советской торговли и скорейшее изжитие ее недочетов.

Л. ГАТОВСКИЙ

Д. Розенберг „История политической экономии"

Часть первая. Изд. Института экономики Комакадемии. Москва. 1934. 303 стр. 2 р. 75 к. в перепл.

Марксистско-ленинская политическая экономия неразрывно связана с критикой буржуазных экономических теорий. Маркс создал свое экономическое учение на основе критической переработки всех предшествовавших и современных ему буржуазных теорий. а Ленин развил учение Маркса в борьбе с противниками и социал-демократическими оппортунистическими его «толкователями». Действительное усвоение марксистско-ленинской политической экономии вне критики буржуазной политической экономии невозможно. Тем менее возможно усвоить ее. не зная истории классической политической экономии, являющейся одним из трех источников марксизма.

Эта история дана в работах Маркса и Ленина. Работа Маркса «Теории прибавочной стоимости» посвящена целиком истории буржуазной политической экономии. Но это, разумеется, отнюдь не устраняет необходимости систематического учебного курса истории политической экономии, отсутствие которого остро ощущается в нашей учебной литературе.

Работа тов. Розенберга в известной мере восполняет этот пробел. Только в известной мере, во-первых, потому, что книга написана для читателя, уже изучавшего «Капитал» Маркса (книга составилась из курса лекций, читанных в Институте красной профессуры); изложение ведется с учетом весьма подготовленного читателя. Во-вторых, наряду с крупными достоинствами в книге имеются и некоторые существенные недостатки.

Тов. Розенберг совершенно правильно определяет предмет истории политической экономии: это политическая экономия, взятая как процесс, развивающийся вместе с развитием самой буржуазной экономики. Этот процесс должен изучаться в аспекте «борьбы течений, направлений, школ в области экономической мысли» как «одной из форм борьбы классов» (стр. 5). «История политической экономии должна вскрыть закономерность развития политической экономии» (стр. 12). Автор правильно указывает, что история политической экономии, анализируя различного рода буржуазные теории, должна вместе с тем вскрывать их общий классовый корень. И в этой связи автор правильно критикует Гильфердинга, который дает идеалистическое, махистское определение предмета истории политической экономии, и Рубина, пытающегося «сблизить» марксову и буржуазную политическую экономию.

В вышедшей первой части своей работы автор охватывает историю классической политической экономии, период от зарождения политической экономии до Рикардо включительно. Это период, когда буржуазная экономическая наука находилась на восходящей линии своего развития, была еще научной. Все содержание книги может быть сгруппи-

ровано по четырем разделам: 1) меркантилизм, его разложение и возникновение классической школы, 2) физиократы. 3) Адам Смит и 4) Рикардо. Каждому периоду в развитии политической экономии предпослан очерк экономического и политического строя данной эпохи, и на этой основе дается характеристика теорий этой эпохи.

Меркантилизм — экономическая теория эпохи торгового капитала, являющегося «предысторией» капиталистического способа производства,— правильно характеризуется как «предыстория» политической экономии. Вскрыты основы развития и причины разложения меркантилизма. Дана очень меткая характеристика Петти и физиократов, заложивших основы классической политической экономии (стр. 34).

В главе о физиократах хорошо изложена как самая система физиократов, так и ее своеобразие. заключавшееся в том. что эта первая буржуазная экономическая система, провозгласившая принцип экономической свободы и всем своим острием направленная против феодализма, облачалась в феодальное одеяние. В физиократической системе, говорит Маркс, феодализм принимает «буржуазный вид», а «буржуазное общество получает феодальную внешность».

Наиболее удачными главами книги являются главы о Смите, этом идеологе буржуазии эпохи развитой мануфактуры. кануна промышленного переворота. При изложении смитовской теории стоимости тов. Розенберг проводит прекрасную параллель между Смитом и Петти. Дан хороший анализ основной ошибки Смита, состоявшей в смешении труда, овеществленного в товаре, и живого труда. «Дуализм методологии Смита, — говорит автор, — коренится в его классовой позиции. лишающей его возможности понять товар. стоимость. деньги как исторически обусловленные формы». Вскрыта диалектика противоречий Смита, его дуализма, приведшего к тому, что он, с одной стороны. дал основу для наивысшего развития буржуазной политической экономии в лице Рикардо, а с другой — основы для вульгарной политической экономии.

Главы о Рикардо, хотя и даны на том же высоком теоретическом уровне, несколько уступают, однако, главам о Смите. Как высший представитель и завершитель классической экономии Рикардо заслуживает более широкого и более детального анализа чем Смит. Между тем в книге главы о Смите разработаны и написаны глубже и интереснее чем главы о Рикардо.

С большим интересом читаются страницы. в которых автор разоблачает всевозможного рода критиков и «комментаторов» Рикардо, как буржуазных, так и псевдомарксистских. Освободив смитовскую теорию стоимости от ее внутреннего противоречия, Рикардо довел теорию стоимости до высшей ступени, возможной в пределах буржуазного кругозора. Определение стоимости рабочим временем Рикардо положил в основу изучения «физиологии буржуазной системы». Правда, вследствие своей буржуазной ограниченности, вследствие того, что он не видел и не мог видеть исторического характера капитализма и всех его категорий, Рикардо не смог вскрыть эту физиологию. но это нисколько не умаляет его исторической заслуги перед наукой. заслуги. заключавшейся в том, что он провозгласил и показал (на критике Смита) необходимость об'яснения процесса капиталистического производства на основе определения стоимости рабочим временем.

«С этой исторической заслугой, — говорит Маркс, — тесно связано то, что Рикардо открывает. формулирует экономическое противоречие[1] классов,— как его обнаруживает внутренняя связь,— и таким образом в

[1] В русском издании «Теорий» (Партиздат. Т. II. Ч. 1-я, стр. 13. 1932) неправильно переведено «противоречие» вместо «противоположность».

экономии формулируется, открывается историческая борьба и процесс развития в его корнях. Поэтому К э р и доносит на него как на отца коммунизма» (Маркс «Теории прибавочной стоимости». Т. II. Ч. 1-я, стр. 13).

Благодаря своему научному инстинкту Рикардо смутно сознавал историческую ограниченность капиталистического способа производства. Отсюда — та паника, которую у буржуазных апологетов вызвало учение Рикардо, отсюда — буржуазная критика Рикардо.

Одни буржуазные экономисты открыто выступают против теории стоимости Рикардо, другие — «комментируют» эту теорию в духе теории издержек производства и выхолащивают ясное и недвусмысленное основное положение Рикардо, что стоимость товара определяется затраченным на его производство рабочим временем, третьи, — вроде Туган-Барановского, то утверждают, что Маркс ничего нового не прибавил к рикардовской теории стоимости, то утверждают, что ничего общего нет между теорией Рикардо и теорией Маркса.

Вся эта возня буржуазных апологетов и вульгаризаторов по сути дела направлена против Маркса. И на помощь им приходят «марксистские» интерпретаторы Рикардо. Одни из них пытаются доказать правильность учения Рикардо, изображая Маркса чуть ли не как рикардианца и тем самым растворяя его в Рикардо. Другие, вроде Гильфердинга и Рубина, перекрашивают Маркса в идеалиста и формалиста и отмежевывают Маркса от Рикардо под тем предлогом, что Маркс в отличие от Рикардо исключил якобы из круга исследования потребительную стоимость и производительные силы и анализировал форму, оторванную от материального содержания.

Эти страницы тов. Розенберга, на которых дана критика критиков и комментаторов Рикардо, — одни из лучших в книге.

К достоинствам книги следует отнести то, что автор в важнейших вопросах дает удачную критику буржуазных и социал-демократических экономистов.

Самая сильная сторона разбираемой работы заключается в трактовке вопросов методологии. Автор не ограничивается тем, что при характеристике того или иного крупного теоретика дает предварительно критический очерк его методологии: вопросы методологии пронизывают разбор того или иного учения по существу, они всегда составляют ось этого изложения. Это содействует более углубленному пониманию читателем не только разбираемых буржуазных теорий, но и методологии Маркса. Это — очень ценное качество всей книги.

Необходимо также отметить хорошо составленные биографические очерки крупнейших экономистов. В них даются важнейшие факты жизни того или иного экономиста, его научной деятельности, характеристика общего мировоззрения, социальная среда и социальные связи, политические воззрения и политическая деятельность и т. д. Получаются сжатые и вместе с тем достаточно полные и живые характеристики творцов классической экономии, бросающие свет и на их теории.

Характеристика личности того или иного творца экономической теории и к о н к р е т н о й человеческой среды, окружающей эту личность, дается автором как связующее звено между социально-экономическим и политическим строем эпохи и соответствующими ей экономическими теориями.

Но, как мы уже говорили, книга тов. Розенберга имеет ряд недостатков.

Прежде чем перейти к основному недостатку книги, необходимо остановиться на некоторых важнейших частных недостатках.

В главе о меркантилизме автор пишет: «Процесс обращения капитала они представляли как кругооборот, состоящий только из двух фаз обращения: Д-Т и Т-Д. П о э т о м у они считали обращение источником

прибыли и источником богатства вообще. Отсюда и их представление о богатстве как о «скоплении денег» (стр. 34; разрядка моя.— *Л. С.)*. Получается неправильное об'яснение меркантилизма. Ведь несколькими строками выше тов. Розенберг правильно говорит, что предмет исследования у меркантилистов — обращение, что они берут только поверхность явлений и что «результат их исследования — формулировка целого ряда эмпирических закономерностей». Следовательно, сведение меркантилистами кругооборота капитала к Д-Т-Д было не причиной, как утверждает автор, а следствием того, что они считали обращение источником прибыли. Это было только выражением их основной концепции.

В главе о физиократах большим недостатком является то, что в отличие от остальных глав здесь не дана экономическая характеристика эпохи. Дан только очерк классовой борьбы и политического строя Франции второй половины XVII и первой половины XVIII вв. Но читатель не получает представления об экономической основе политического строя. Надо было бы показать формы капитализма во Франции как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, в особенности показать, в чем экономически выражался феодализм во Франции той эпохи, роль торгового капитала, цехи, тогдашний пролетариат, дать экономическую характеристику третьего сословия и т. д. У автора феодализм изображен односторонне, как абсолютизм. Получается политика, оторванная от экономики; читатель не получает достаточной базы для углубленного понимания системы физиократов и ее значения.

Классификация смитовских определений производительного и непроизводительного труда сделана неправильно. Маркс говорит о двух смитовских определениях, а тов. Розенберг устанавливает их три. Первое, правильное определение Смита состоит в том, что производительный труд — это труд, обмениваемый на капитал, а непроизводительный — труд, обмениваемый на доход. Второе, неправильное определение Смита: производительный труд — это тот, который производит стоимость и фиксируется в материальном предмете, а непроизводительный — труд, не фиксирующийся в нем. Это второе определение тов. Розенберг расчленил на два (на труд, создающий стоимость, и на труд, фиксирующийся в предмете) и получил три определения вместо марксовой группировки.

Необходимо отметить еще несколько неправильных формулировок. На стр. 8 автор пишет, что у Маркса «есть несколько (!?) страниц, непосредственно посвященных социализму и докапиталистическим отношениям» (разрядка моя. — *Л. С.)*.

На стр. 17: «Маркс и Ленин дали нам все основное для правильной разработки истории политической экономии» (разрядка автора). Это неверно: они не только дали все основное для разработки, но и разработали сами эту историю. Ведь пишет же сам тов. Розенберг на стр. 19, что Маркс «построил по-новому историю политической экономии».

На стр. 24, говоря об эпохе меркантилизма, автор пишет, что «тон всему хозяйству задавал торговец, потому что оно в последнем нуждалось», и что сила торговой буржуазии «базировалась на материальных интересах развивающегося общества». Не лучше ли было вместо туманных «материальных интересов хозяйства» говорить о развитии производительных сил?

Таковы некоторые важнейшие частные недостатки книги. Общий же недостаток ее состоит в том, что книга по существу представляет собой очерки по истории политической экономии, мало между собой связанные. В пределах каждого периода все на месте: дана характеристика эпохи, методологическая характеристика системы и т. д., но отсутствуют обобщения и связь между периодами развития.

Так, в главе о развитии экономической мысли после Петти (Локк, Норс, Ло, Юм, Стюарт) даны краткие очерки каждого из этих экономистов без необходимого обобщения основных научных результатов этого периода. Так называемое «общее резюме» в конце главы фактически таковым не является. Читатель оказывается перед трудной задачей—самому обобщить весь период. В особенности резко этот недостаток сказывается в главах о физиократах Смите и Рикардо. После изложения и разбора их учений читатель все же остается в неведении, что же данная система в целом внесла нового в науку.

Смит, например, представляет решающий этап в развитии классической экономии, решающий в том смысле, что «политическая экономия развилась в труде А. Смита в одно большое целое» (Маркс «Теории». Т. II, ч 1-я, стр 12). Именно учение Смита было ближайшей ступенью к завершению классической экономии в лице Рикардо. Читатель вправе требовать от автора, чтобы он показал учение Смита как целое, чтобы было показано, на какую высоту Смит поднял науку, какие проблемы он, так сказать, оставил для Рикардо и что именно послужило исходной базой для этого последнего. А между тем чрезвычайно богатая по содержанию глава о Смите заканчивается изложением частного, второстепенного вопроса. У читателя остается явное чувство неудовлетворения.

Точно так же обстоит дело с Рикардо. В конце концов читатель не знает, почему именно Рикардо был высшим представителем классической экономии и ее завершителем. Нельзя считать достаточным написанное на двух страничках заключение под заголовком «Кризис классической школы», где даются схематические наброски о Сисмонди. Если в Англии завершителем классической экономии был Рикардо, то во Франции им был Сисмонди. Этому последнему как родоначальнику мелкобуржуазного социализма Маркс и Ленин, как известно, уделяли немало внимания. И для понимания сущности классической экономии и ее исторического значения необходим обстоятельный разбор Сисмонди именно в этой части книги, охватывающей всю историю классической школы.

Отсутствие обобщений ведет к тому, что читатель не видит всего процесса развития классической политической экономии, не видит преемственной связи между периодами ее развития, не видит диалектики этого процесса. Отсюда неизбежно получилось, что в книге не показано, каким образом классическая экономия явилась одним из источников марксизма. Таким образом автор не только не разрешил, но даже и не поставил перед собой одну из основных задач в изложении истории политической экономии.

Эти обстоятельства лишают книгу единой оси. Книга, безусловно, имеет крупные достоинства: она дает читателю серьезный материал, правильную трактовку каждой школы и каждого экономиста в отдельности, но это достоинства книги как очерков по истории политической экономии. Автору остается сделать немного, чтобы превратить эти очерки в настоящий курс истории политической экономии.

Л. СЕГАЛЬ

Карикатура на планирование

Продолжающееся массовое производство буржуазной экономической литературы о возможностях и формах «планирования» капиталистического хозяйства свидетельствует о том, как сильно давление масс, все более недовольных капитализмом, и как велика неуверенность господствующих классов, для которых все уменьшается возможность править по-старому.

Самым консервативным и наиболее лишенным перспективы произведением новейшей буржуазной «плановой» литературы в Америке является доклад комиссии Колумбийского университета. Эта профессорская комиссия была учреждена в конце 1932 г., когда вошло в большую моду движение так называемых «технократов», занимавшихся мрачными пророчествами об автоматическом крушении капитализма. Резкая критика консервативного крыла американской буржуазии оказала свое влияние на университетских профессоров: они откололись от технократов и создали свою собственную исследовательскую комиссию, выводы которой опубликованы теперь в книге «Экономическое восстановление. Доклад Комиссии Колумбийского университета» (Нью-Йорк 1934. 250 стр.) [1].

Профессорская комиссия прежде всего занялась исследованием обоснованности утверждения технократов о наличии перманентного и все возрастающего расхождения между мощностью производственного аппарата и действительным производством. Комиссия разослала анкетные листы хозяйственным деятелям, фабрикантам и инженерам, и то, что анкета подтверждает факт хронической недогрузки промышленности, является, собственно, единственно ценной частью книги. В остальном же вся работа «ученой комиссии» профессоров Колумбийского университета заключается в пережевывании других, более старых предложений из литературы о капиталистическом «планировании», это сознательная апология капитализма, хотя и очень стыдливая и производимая под флагом «планирования», которое, по мнению колумбийских профессоров, вовсе не так уже опасно и может быть осуществлено без «революции» и в особенности без «террора».

Гораздо интереснее этой работы книга Волтера Липпмана «Метод свободы» (Нью-Йорк. 1934. 117 стр.) [2]. В Липпман — один из виднейших американских буржуазных публицистов, статьи его печатаются одновременно в сотнях газет. В своей книге он констатирует наличие в Америке «революционного настроения», которое вызвано не «агитацией сознательных революционеров», а «невозможностью добиться восстановления довоенной экономики», невозможностью восстановить «бесплановый и неупорядоченный капитализм XIX столетия». По мнению Липпмана, выбор должен быть сделан не между «laissez faire», с одной стороны, и планированием и социализмом—с другой; имеются лишь две возможности: «регулируемое хозяйство абсолютного коллективизма» или «уравновешенное хозяйство свободного коллективизма». Буржуазный идеолог Липпман с ужасом отвергает «абсолютный коллективизм», который, говорит он, господствует в Советском союзе, так как «абсолютный коллективизм требует-де «террора»; Липпман мечтает о «свободном коллективизме», который является для него суррогатом социализма и задачей которого будет «устранить злоупотребления и преодолеть беспорядок капитализма». Народное хозяйство в целом не должно быть регулируемо и планируемо, свобода хозяйствующей личности должна быть сохранена, но она должна кор-

---

[1] Economic Reconstruction. Report of the Columbia University Commission. New York 1934 Columbia University Press. 250 pp.

[2] Walter Lippman «The Method of Freedom». New-York. 1934. Mac-Millan. 117 pp.

ригироваться известными уравновешивающими контрольными мероприятиями, как например долгосрочное планирование общественных работ, инфляция, централизация банков и т. д. Государственная власть должна вмешиваться в экономическую жизнь, — именно в этом и заключается, по Липпману, «свободный коллективизм». Но для этого должна быть реформирована и сама государственная власть, ибо такое вмешательство «несовместимо с политической демократией в ее современной форме». Капитализм и демократия должны быть реформированы так, чтобы исполнительная власть была усилена по сравнению с парламентскими учреждениями. Основной опасностью, приводящей к постоянному нарушению равновесия всей системы, является, по Липпману, с одной стороны, наличие многочисленного пролетариата с неустойчивыми условиями существования, а с другой—плутократия, всегда стремящаяся добиться привилегий. Стабильность государственной власти может быть обеспечена лишь посредством ограничения обеих этих крайностей, а также путем поддержки «солидного среднего класса» частных собственников. Отсюда видно. что в книге Липпмана под маской «планирования» скрываются явно фашистские идеи.

Липпмановский «свободный коллективизм» появляется и в другой. более «ученой» и более обширной книге Льюиса Мамфорда «Техника и цивилизация» (Нью-Йорк. 1934. 495 стр.) [1]. Здесь он носит уже другое название, а именно: «фундаментальный коммунизм» («basis communism»). Под «фундаментальным коммунизмом» автор понимает обеспечение для каждого члена общества небольшого постоянного дохода, которого будет достаточно для удовлетворения элементарнейших потребностей, но который должен быть настолько мал, чтобы создавался стимул для производительной работы. Мамфорд говорит, что сироты, вдовы и старики и в настоящее время обеспечиваются предметами питания и жилищем, не производя за это никакой работы: «распространение этой системы на все общество в целом и составляет то, что я называю фундаментальным коммунизмом».

Основным содержанием книги Льюиса Мамфорда является, собственно, история техники и ее влияния на цивилизацию. Он излагает историю «эотехнической» эры, продолжавшейся с самого начала цивилизации приблизительно до 1700 г., затем—историю «палеотехнической» эры, кульминационным пунктом которой была основанная на паровой машине цивилизация XIX в., и, наконец, он анализирует современность, называемую им «неотехнической» эрой—периодом электричества, науки, замены живого труда машиной. Машина господствует ныне над человечеством. В палеотехнической эре энергия использовалась индивидуалистически, у каждого фабриканта был свой собственный паровой котел, свои собственные паровые машины. Современная же неотехническая эра характеризуется, по Мамфорду, не индивидуализмом, а коллективизмом,—производительные силы обобществлены уже в такой мере. что они требуют коллективизма и в производственных отношениях. Капитализм исчерпал все свои возможности и является банкротом. Вместо капитализма Мамфорд выдвигает свою систему «фундаментального коммунизма», которая, как он резко подчеркивает, ничего общего не имеет ни с марксизмом, ни с марксовым коммунизмом или с «дикой коммунистической агитацией» компартии США. «Фундаментальный коммунизм» Мамфорда такой же суррогат социализма, как и «свободный коллективизм» Волтера Липпмана. И в книге Мамфорда обнаруживаются более или менее фашистские тенденции: и в подчеркивании ведущей роли инженера в неотехнической эре, и в превращении всего населения в государственных пенсионеров при сохранении частной

[1] Lewis Mamford «Technics and Civilization». New-York. 1934. Harcourt, Brace a. C°, 495 pp.

собственности капиталистов на средства производства и сохранении системы прибыли[1].

Шаг влево делает Джордж Соул в своей книге «Грядущая американская революция» (Нью-Йорк. 1934. 314 стр.)[2]. Вообще г. Соул идет, или, употребляя его терминологию, «эволюционирует» влево. В своей книге «Плановое хозяйство», выпущенной в 1932 г. и представляющей одну из первых работ о капиталистическом «планировании», Соул стоял еще на той точке зрения, что планирование народного хозяйства вполне возможно на основе капиталистического общественного строя. Этот же взгляд он защищал и на всемирной конференции по вопросам планирования, состоявшейся в Гааге в 1931 г. В рассматриваемой же книге Соул приходит уже к иному выводу: «Планирование по своей природе противоречит основным требованиям капитализма. Капитализм, созревший уже для своего падения, вынужден пытаться составить план, но он не может успешно планировать, не сбросив с себя тех своих черт, которые делают его таким, каков он есть. Он не в состоянии организовать сознательно планируемое общество, служащее интересам большинства населения, оставаясь в то же время капитализмом. Пока он остается капитализмом, он будет планировать скверно».

В первой части своей книги Соул пытается дать «морфологию революции». На основе анализа английской революции XVII в., американской — 1776 г., Великой французской и русских революций он приходит к тому выводу, что как консервативные противники, так и радикальные сторонники революции до сих пор неправильно применяли этот термин. Согласно м-ру Соулу, для «истинной революции характерны не вооруженные восстания, не насилие, а мелкие невидимые перемены, совершающиеся иногда в течение нескольких поколений». Революция, по Соулу, невозможна без эволюции; при этом он настолько выхолащивает понятие революции, удаляя из него все внезапное, катастрофичное, скачкообразное, что в конце концов революция и эволюция становятся почти тождественны.

Во второй части книги Соул дает анализ современного положения в Америке, которое он характеризует как предреволюционный этап, но предреволюционный лишь в том смысле, что механизм американского капитализма функционирует со все бо́льшими затруднениями, делая невозможным возвращение к «laissez faire», что американский капитализм развивается в направлении к революционному кризису.

Третья часть книги представляет собой анализ деятельности правительств Гувера и Рузвельта. Гувера Соул характеризует следующим образом:

«Он был во власти тех сил, которые его сотворили (а именно господствующих экономических классов Соединенных штатов). Они были так же глупы и растеряны, как и он».

Резко критикует Соул и политику правительства Рузвельта. Он констатирует, что «новому курсу» не удалось ликвидировать безработицу, что сильные колебания промышленного производства попрежнему продолжаются, что линия рузвельтовского правительства является, собственно, «постоянной импровизацией». Вывод Соула гласит:

---

[1] Идеи Мамфорда повторяются и в новой книге Бернарда Драхмана «Взгляд на Америку», но лишь в еще более плоской форме. Драхман хочет разрешить все трудности американского капитализма своей системой так называемого «фратернализма», которая, по его определению, не является «ни безусловным капитализмом, ни социализмом или коммунизмом». Он предлагает создать «братский фонд» из принудительного сбора со всех лиц, доход которых превышает 5 тыс. долл. в год, причем должна удерживаться половина излишка. По его вычислениям, этот сбор будет давать 25 млрд. долл в год; эта сумма должна равными долями распределяться между всем населением страны (Bernard Drachman «Looking at America». New-York. Putnam. 1934. 288 pp.).

[2] George Soule «The coming American». Revolution». New-York. Mac-Millan. 1934 314 pp.

«Современный капитализм дает арьергардный бой: чем дольше ему удается сохранить свое существование, тем дальше он должен отступать. Каждый его шаг вперед делает необходимой борьбу. Территория. на которой он сейчас находится. решительно враждебна ему Так или иначе, он неизбежно должен отступить и очистить поле сражения коллективизму. Подобно тому как феодализм был принужден в конечном счете уступить место средним классам и капитализму, так и капитализм должен в конце концов уступить место рабочему классу и социализму».

Соул приходит к этому выводу на основе анализа «имманентных противоречий» капитализма. Он видит неизбежность социализма, но будучи, как говорил Ленин о другом профессоре — Петре Струве. об'ективистом, а не материалистом, он отвергает единственное средство для осуществления социализма—насильственное свержение господства буржуазии и установление диктатуры пролетариата

Основой роста всей этой буржуазной литературы о «планировании» народного хозяйства является тот всемирно-исторический факт, что производительные силы капиталистического общества переросли руководство буржуазии, что конфликт между общественными производительными силами и капиталистическими производственными отношениями достиг кульминационного пункта, что капитализм стал банкротом, что сами производительные силы требуют коллективизма. социализма Но все эти профессора, экономисты и публицисты остаются, по существу, на платформе буржуазии, пытаясь предотвратить неизбежную победу социализма. Этой цели служат эклектические предложения профессоров Колумбийского университета, «свободный коллективизм» Липпмана. «фундаментальный коммунизм» Мамфорда, «фратернализм» Драхмана, и даже если они заходят столь далеко, как Соул, и признают, что капитализм и планирование несовместимы, у них нет смелости стать на сторону пролетариата, и своими разговорами о небольших изменениях, эволюции. рассчитанной на несколько поколений, они выдают свой страх перед пролетарской революцией.

Дж. П.

ОТ ОТДЕЛА КОНСУЛЬТАЦИИ

Почтой посланы ответы на следующие вопросы:

1. Козуляеву (Луганск). Является ли противоположность между городом и деревней при капитализме законом развития капиталистического общества.

2. Розенблюму А. (Харьков). Означает ли ликвидация функционалки также ликвидацию разделения труда внутри отдельного участка работы.

3. Тихонову Г. П. (Якутск). Был ли военный коммунизм рассчитан на построение социализма.

4. Манькову Т П. (Москва). О каком кризисе в 1935 — 1936 году говорят японские газеты.

5. Смирнову (Москва). Является ли крестьянство в целом союзником рабочего класса на буржуазно-демократическом этапе революции.

6. Судаковичу М. (Одесса). 1) Какая разница между анархизмом и коммунизмом 2) В чем сущность лозунга Бухарина «обогащайтесь» и в чем его отличие от лозунга товарища Сталина «сделать всех колхозников зажиточными».

7. Игнатьеву Р. И (Москва). В чем сущность абсолютной прибавочной стоимости. как она влияет на положение рабочего класса и в чем сущность рубинских извращений марксовой теории прибавочной стоимости.

8. Постольному (Бобруйск). Когда начинается отмирание государства.

9. Филатову Г. Г. (ЦЧО, Моршанск). Когда СССР вступил в период социализма — после Октябрьской революции или после выполнения первой пятилетки.

10. Христолюбову М. Л. (Тифлис). Являлись ли меньшевики-мартовцы на II с'езде сознательной агентурой буржуазии.

11. Тараканову Е. С. (АМ ССР, м. Рыбница). Кто такие шуцбундовцы.

12. Малине А. М. (АТ ССР, Камско-Устинский район). Чем был вызван продолжительный перерыв между V и VI с'ездом партии.

13. Тавгеру (Москва). Что означает программа-минимум и максимум.

14. Тагирову, Али (Дагестанская республика). Какая разница между уставом и программой партии.

15. Долгову Д. П. (Аксубаево). Продолжается ли сейчас пролетарская революция или она закончилась захватом власти в 1917 году.

16. Босому (Харьков). Является ли кооперация путем к социализму.

17. Кефели А. (Москва). Каково взаимоотношение между отмиранием государства и ликвидацией классов.

18. Афанаськову (Ялта). Чем прикрывают империалисты свои захватнические действия на КВЖД.

19. Гордону Б. Л. (Луганск). Что означает «материальное» и «духовное» производство и какое существует различие между ними.

20. Тарасову (Пенза). Что такое случайность в марксистском понимании.

21. Герману Е. О. (Балашов). Есть ли разница между понятиями «общественная собственность» и «общественное богатство».

22. Юрову М. М. (Гомель) и Шунько Е. И. (Петрозаводск). Есть ли классовая борьба в колхозах или имеются лишь элементы классовой борьбы.

23. Салмину П. В. (Москва). Какой существует порядок приема в партию переведенных при чистке из членов или кандидатов в сочувствующие.

№ 17 „БОЛЬШЕВИКА“ БЫЛ ИЗДАН ТИРАЖОМ 600 ТЫСЯЧ ЭКЗЕМПЛЯРОВ

Уполномоченный Главлита № В — 96538.
Тираж 450 000 экз.
В 1 п. л. 63 000 зн. 3 бум. листа.
Изд. № 998.

Редакция: А. Стецкий (редактор), В. Кнорин, П. Поспелов, Б. Таль

Материал сдан в набор 14/X 1934 г., подписан к печати 17/X 1934 г. Заказ № 168.

Типография газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 8.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

№ 19—20 nov 7 № 19—20

XVII ЛЕТ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

МОСКВА
Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"
1934

КНИГИ
ОБ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1. **ЛЕНИН. Сочинения.** т. XIX (1916—1917 гг.). Институт Ленина при ЦК ВКП(б). 3-е изд. 1931. 546 стр.

2. **ЛЕНИН. Сочинения,** т. XX (1917 г.). Институт Ленина при ЦК ВКП(б). 3-е изд. 1927. 724 стр.

3. **ЛЕНИН. Сочинения,** т. XXI (1917 г.). Институт Ленина при ЦК ВКП(б). 3-е изд. 1931. 585 стр.

4. **ЛЕНИН. Сочинения,** т. XXII (1917—1918 гг.). Институт Ленина при ЦК ВКП(б). 3-е изд. 1931. 680 стр.

5. **ЛЕНИН В. И. Избранные произведения в двух томах.** Под общей ред. В. Адоратского, В. Сорина, А. Стецкого. ИМЭЛ. Партиздат. 1934. Т. II. 655 стр.

6. **ЛЕНИН В. И. Апрельские тезисы.** Партиздат. 1934. 107 стр.

7. **ЛЕНИН В. И. Об Октябрьской революции.** Составил и снабдил примечаниями М. Пошерстник. Предисловие С. Кривцова. М.—Л. Гиз. 1926. 93 стр.

8. **Ленин — великий основоположник социалистического строительства.** Тезисы к 10-летию смерти Ленина. ИМЭЛ. Партиздат. 1934. 40 стр.

9. **ЛЕНИН Н. и СТАЛИН И. Июльские дни 1917 года.** Харьков. «Пролетарий». 1925. 94 стр.

10. **СТАЛИН И. На путях к Октябрю.** Статьи и речи. Март — октябрь 1917 г. 2-е изд. Л. Гос. изд. 1925. 221 стр.

11. **СТАЛИН И. Об Октябрьской революции.** Сборник статей и речей. Партиздат. М. 1932. 136 стр.

12. **СТАЛИН И. Октябрьская революция и тактика русских коммунистов.** Предисловие к книге «На путях к Октябрю». Партиздат. 1932. 32 стр.

13. **СТАЛИН И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос.** Сборник статей и речей. ИМЭЛ — Партиздат. 1934. См. статьи:

1) Октябрьский переворот и национальный вопрос.

2) Октябрьская революция и национальная политика русских коммунистов.

3) Октябрьская революция и вопрос о средних слоях.

14. **СТАЛИН И. Об оппозиции.** Статьи и речи 1921—1927 гг. Гиз. 1928. 744 стр.

15. **Сборник статей к пятидесятилетию со дня рождения И. В. Сталина.** Гиз. 1929. 208 стр.

16. **Декреты Октябрьской революции.** От Октябрьского переворота до роспуска Учредительного собрания. Под ред. М. Д. Орахелашвили и В. Г. Сорина. Партиздат. 1934. 463 стр.

17. **Протоколы Седьмой («апрельской») всероссийской и петроградской общегородской конференций РСДРП(б).** Под ред. Орахелашвили. ИМЭЛ. Партиздат. 1934. 311 стр.

18. **Протоколы Шестого с'езда РСДРП(б). Август 1917 г.** Под ред. А. С. Бубнова, А. М. Кактыня и Г. И. Ломова. ИМЭЛ. Партиздат. 1934. 371 стр.

19. **Протоколы Седьмого с'езда ВКП(б). Март 1918 г.** Гиз. 1928. 305 стр.

20. **МОЛОТОВ В. М. Октябрьская революция и борьба за социализм.** Доклад на торжественном собрании Моссовета 6 ноября 1932 г. Партиздат. 1933. 31 стр.

21. **ВОРОШИЛОВ К. Ленин, Сталин и Красная армия.** Партиздат. 1934. 105 стр.

22. **ВОРОШИЛОВ К. Сталин и Красная армия.** Гиз. Отд. военной литературы. 1929. 32 стр.

23. **РАДЕК К. Зодчий социалистического общества.** Партиздат 1934. 32 стр.

24. **Краткая история ВКП(б).** Под ред. В. Кнорина. 2-е изд. Партиздат. 1934. 408 стр.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

Политико-экономический ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

XI ГОД ИЗДАНИЯ

№ 19—20 7 НОЯБРЯ 1934 г.

Адрес редакции: Москва, ул. Горького, 48 Тел. 1-21-16. Кремль 2-98

СОДЕРЖАНИЕ

СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ

Семнадцать славных лет минуло с тех пор, как загремели пушки «Авроры» и победоносным октябрьским штурмом, вдохновлявшимся и руководившимся Лениным и Сталиным, открылась новая эпоха в истории человечества—эпоха международной социалистической революции.

«Большевики продержатся не более двух недель»,—авторитетно заявляли «мудрые» буржуазные политики, русские и заграничные, всевозможные ученые кретины, не понимавшие, что пробил уже двенадцатый час истории, что мир с 25 октября 1917 г. раскололся на две части, на две системы, что новорожденная социалистическая система будет расти и крепнуть, словно сказочный богатырь, не по дням, а по часам.

Шли недели и месяцы, шли годы. В огне гражданской войны, громя полчища белогвардейцев и иностранных интервентов, преодолевая голод, саботаж, блокаду, росла и крепла пролетарская диктатура.

На рельсах новой экономической политики, обманув надежды врагов, вслух мечтавших о постепенном буржуазном перерождении советской власти в условиях нэпа, мы добились полной победы социалистических элементов хозяйства над капиталистическими, в невиданно короткие сроки создали мощную социалистическую индустрию, осуществили сплошную коллективизацию и ликвидацию кулачества как класса, построили фундамент социалистической экономики. Под руководством товарища Сталина, гениального стратега пролетарской революции, партия и рабочий класс в союзе с трудящимися массами крестьянства победоносно завершили тот «последний и решительный бой» с русским капитализмом, о котором говорил Ленин на XI с'езде партии. Всемирно-исторические итоги нашей борьбы и победы социализма подведены XVII с'ездом партии, законно вошедшим в историю как с'езд победителей.

Ленинская теория возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране, гениально развитая товарищем Сталиным, являлась и является путеводным компасом нашей гигантской борьбы.

«Доказано на опыте нашей страны, — говорил товарищ Сталин в своем докладе на XVII с'езде, — что победа социализма в одной, отдельно взятой стране—вполне возможна. Что можно возразить против этого факта?»

Этот исторический факт победы социализма в СССР имеет величайшее значение для развертывания борьбы за коммунизм во всем мире. Замолчать, скрыть наши успехи капиталисты и защитники капиталистического строя, каково бы ни было их обличье, уже не могут, особенно на фоне мирового экономического кризиса и депрессии особого рода, угнетающей капиталистическое хозяйство. Вот почему защитникам капиталистической системы наряду с открытой антисоветской клеветой (на этом особенно специализировались фашистские газеты) приходится прибегать к более утонченным методам. Приходится доказывать, что, мол, те методы, которые были применимы в России, «не подходят» для других стран, где якобы нет непримиримого антагонизма между трудом и капиталом, где можно якобы перейти к социализму не путем революции и установления диктатуры пролетариата, а путем мирной и безболезненной «эволюции», рассчитанной на несколько поколений.

Приведем, например, любопытное заявление известного американского сенатора Бора, сделанное им представителю агентства «Юнайтед пресс» по поводу беседы товарища Сталина с Г. Дж. Уэллсом:

«Сталин показал себя великим вождем для СССР, но его идеи не подходят для США. Мы не приемлем теорию Сталина о непримиримом антагонизме между трудом и капиталом. Американский рабочий сам является капиталистом».

Понятно, странно и смешно было бы ожидать от людей, не видящих не только антагонизма, но даже разницы между рабочим и капиталистом, чтобы они восприняли революционную теорию и стали следовать ей в своей работе. Но весьма симптоматично, что даже подобные люди не могут отрицать победы социализма в СССР. Не могут они отрицать и фактов разложения капиталистической системы.

Большой интерес с точки зрения умонастроений известной части буржуазной интеллигенции, начинающей разочаровываться в прелестях капиталистической системы хозяйства, недавно еще казавшейся им «естественной и вечной», представляет беседа товарища Сталина с английским писателем Г. Дж. Уэллсом.

Непрерывный и грандиозный рост социалистической экономики СССР на фоне мирового экономического кризиса поражает воображение буржуазной интеллигенции в капиталистических странах. Недаром Г. Уэллс в беседе с товарищем Сталиным признал, что одной из причин, притом самой глубокой, серьезного перелома в общественном мнении англо-саксонских стран по отношению к СССР является «осознание широкими кругами того факта, что система, покоящаяся на частной наживе, рушится».

Но как мыслят себе люди, подобные Г. Уэллсу, «крушение» капиталистической системы? Не иначе, как посредством штопанья дыр и прорех капитализма; они хотят ввести планирование, не затрагивая основ капиталистической системы и частной собственности на средства производства. Они мечтают «привить апельсины к луковице», по остроумному выражению одного американского журналиста; хотят перенести карикатуру на большевистские методы планирования в условия капиталистического хозяйства. Вместе с тем их пугает самая мысль о возможности насильственного свержения капиталистического строя. По мнению Г. Уэллса, «в современных условиях, ко-

гда господствующая система все равно рушится, и без того разлагается, надо было бы делать ударение не на инсуррекции, а на эффективности, на компетентности, на производительности».

Товарищ Сталин в своих терпеливых раз'яснениях Уэллсу дал блестящий образец глубоко научного и вместе с тем кристально-ясного изложения основ программы и тактики коммунизма.

«Вы правильно констатируете,—говорил товарищ Сталин Г. Уэллсу,—что старый мир рушится. Но Вы не правы, когда думаете, что он рухнет сам собой. Нет, замена одного общественного порядка другим общественным порядком является сложным и длительным революционным процессом. Это не просто стихийный процесс, а это борьба, это процесс, связанный с столкновением классов. Капитализм сгнил, но нельзя его сравнивать просто с деревом, которое настолько сгнило, что оно само должно упасть на землю. Нет, революция, смена одного общественного строя другим, всегда была борьбой, борьбой мучительной и жестокой, борьбой на жизнь и смерть».

Нужно, очевидно, еще немало времени и предметных уроков, чтобы широкие слои интеллигенции в капиталистических странах вслед за своими лучшими, наиболее честными и дальновидными представителями, уже приблизившимися к коммунизму, окончательно решились отряхнуть с своих ног прах старого мира и перейти на сторону пролетариата.

Экономика капиталистических стран продолжает оставаться под знаком депрессии особого рода, «которая не ведет к новому под'ему и расцвету промышленности, но и не возвращает ее к точке наибольшего упадка» (Сталин). Моментом наибольшего упадка капиталистического хозяйства является июль 1932 г., когда об'ем мирового промышленного производства (без СССР) сократился до 61% по сравнению с докризисным периодом.

В апреле 1934 г. промышленная продукция капиталистических стран составила уже 82% по сравнению с докризисным периодом и поднялась за два года почти на одну треть по сравнению с точкой наибольшего упадка.

Однако этот медленный и весьма неравномерный под'ем промышленного производства приостановился в начале лета 1934 г. Вновь стали обнаруживаться признаки спада кон'юнктуры, особенно заметные в США, где индекс промышленного производства с 79,3% (1928 г.=100) в апреле 1934 г. скатился до 67,6% в июле. Это еще раз подтверждает, что нынешняя депрессия, как указывал товарищ Сталин на XVII с'езде, есть депрессия особого рода, отличная от депрессий при прошлых кризисах.

Капитализм добился перехода от низшей точки падения производства к депрессии особого рода путем жесточайшего нажима на трудящиеся массы за счет углубления их эксплоатации. Вместе с тем монополистические об'единения в условиях данного кризиса сопротивлялись снижению цен (которое являлось одним из условий выхода из прошлых экономических кризисов капитализма), старались сохранить высокий уровень цен, варварски уничтожая гигантские массы уже произведенной продукции. Падение покупательной способности рабочего класса, дальнейшее обнищание и деградация трудящихся масс крестьянства суживают внутренний рынок для капиталистической промышленности, создают серьезнейшие препятствия к выходу из рамок депрессии особого рода.

* * *

Результатом затяжного экономического кризиса явилось, как указывал товарищ Сталин в докладе на XVII с'езде, небывалое обострение политического положения в капиталистических странах:

«Усиление борьбы за внешние рынки, уничтожение последних остатков свободной торговли, запретительные таможенные пошлины, торговая война, война валют, демпинг и многие другие аналогичные мероприятия, демонстрирующие крайний национализм в экономической политике, обострили до крайности отношения между странами, создали почву для военных столкновений и поставили на очередь войну, как средство нового передела мира и сфер влияния в пользу более сильных государств».

Особенность создавшегося международного положения заключается также в том, что некоторые капиталистические державы, исходя, понятно, из своих капиталистических интересов, все же на сегодняшний день не заинтересованы начинать борьбу за передел мира. С другой стороны, на Западе и на Востоке есть государства, которые уже сегодня открыто бряцают оружием, бешено вооружаются, ищут малейшего предлога, чтобы начать вооруженную борьбу за передел мира. В своей борьбе за мир СССР учитывает эти противоречия между различными группами капиталистических держав и готов поддержать те силы, которые в данный момент не заинтересованы в нарушении мира.

Крупнейшим событием в международной жизни явилось вступление СССР в Лигу наций. С момента выхода из Лиги наций Японии и Германии в Лиге получили перевес те силы, которые не хотят начинать войну. Тем самым Лига наций может стать известным препятствием, некиим «бугорком» на пути развязывания войны. Самый факт приглашения СССР в Лигу наций, сильно испортивший настроение поджигателям войны, и процедура вступления явились наглядной демонстрацией перед лицом всего мира, всех трудящихся и просто честных людей невиданно выросшей мощи, колоссального авторитета СССР как передового борца за мир.

Наряду с внешними противоречиями, которые раздирают капиталистический мир, все более растут и зреют противоречия внутри капиталистических стран, непримиримый антагонизм между трудом и капиталом.

Нужда, голод, безработица десятков миллионов, усиление эксплоатации пролетариата, разорение неимущих слоев крестьянства под влиянием сельскохозяйственного кризиса — все это революционизирует массы. Сегодня, после почти пяти лет мирового экономического кризиса, даже отсталому рабочему и крестьянину в странах капитализма становится все более ясно и очевидно, что действительная причина его бедствий кроется в самой системе капиталистического производства, в системе частной наживы.

Миллионы трудящихся в капиталистических странах, забитые гнетом капиталистической эксплоатации, отравленные дурманом буржуазной прессы, кино, радио, церковных проповедей и прочих орудий духовного угнетения, которые применяет буржуазия, все же прозрели в результате мировой империалистической войны и Октябрьской революции, поняли великую правду большевизма.

Десятки и сотни миллионов трудящихся и угнетенных все более прозревают теперь, видя, как с каждым днем растет и крепнет Советский Союз, видя, с. другой стороны, наглядное банкротство капиталистических методов хозяйства, испытывая чудовищный гнет фашизма. Они начинают освобождаться от демократических иллюзий, начинают понимать, что нет другого пути освобождения от капиталистического рабства, от нищеты, безработицы, голода, кроме того пути, которым шли русские рабочие под руководством большевистской партии,—кроме завоевания диктатуры пролетариата, завоевания советской власти, которая одна только обеспечивает пролетарскую демократию.

«Идея штурма зреет в сознании масс», — говорил товарищ Сталин на XVII с'езде партии, указывая на обострение политического положения в капиталистических странах. События 1934 г. явились наглядным

подтверждением гениального анализа вождя мировой революции. Вооруженная борьба австрийских шуцбундовцев в феврале 1934 г. показала, какое колоссальное количество революционной энергии заложено в рабочих массах капиталистических стран. Австрийские шуцбундовцы поднялись против наступления католическо-фашистской реакции и показали чудеса героизма. Если буржуазии удалось их разгромить, то лишь благодаря тому, что здесь «львами командовали ослы», что вооруженная борьба австрийских рабочих под влиянием социал-демократии носила чисто оборонительный характер, не была организована и не была руководима по-революционному, по-большевистски.

Вооруженное выступление австрийских рабочих против фашизма не переросло в настоящее вооруженное восстание, в борьбу за свержение буржуазии и захват власти пролетариатом. В этом была главная ошибка. Реакция одержала временную победу в Австрии. Но это такая победа, которая не дает успокоения победителям. Австрийский пролетариат сумеет извлечь все уроки из своего поражения и второй раз таких ошибок не сделает. Залогом этого является переход к коммунизму все более широких слоев австрийских рабочих, в том числе и бывших социал-демократов.

На неизмеримо более высокую ступень поднялось октябрьское восстание испанских рабочих. Свыше 10 дней продолжалась всеобщая стачка, более 12 дней держались вооруженные рабочие, захватившие власть в ряде городов Испании, против войск буржуазного правительства. Мужественные горняки Астурии — области, в которой наиболее сильно влияние компартии,—отступившие в горы, не сломлены окончательно буржуазией и до сих пор. Десятки и сотни очевидцев, нередко даже из враждебного лагеря, рассказывают, с какой организованностью, с каким подлинно легендарным героизмом и презрением к смерти вели борьбу испанские рабочие. «Когда рабочие наступали на жандармов и полицию,—пишет один из очевидцев вооруженной борьбы за Овиедо, — впереди шел «динамитчик» с динамитными патронами на поясе и с горящей папиросой во рту. Подойдя на достаточно близкое расстояние к жандармам, динамитчик поджигал патроны и метал их в полицейских».

1934 год проходит под знаком серьезных успехов в области об'единения сил рабочего класса для борьбы против фашизма и угрозы новой империалистической войны. Германские фашисты смогли придти к власти в первую очередь в результате предательского и малодушного поведения социал-демократии, фактически помогшей фашистам придти к власти и тем самым обрекшей рабочий класс Германии на тяжкие, неслыханные мучения. Но временное поражение германских рабочих и невыносимый гнет фашистской реакции, показавшей перед всем миром свой отвратительный лик, послужили грозным предостережением для рабочих в других странах. Под влиянием этих исторических уроков резко усилилась тяга рабочих-социалистов к единству с коммунистами для борьбы против фашизма.

Всеобщая стачка в феврале 1934 г. в ответ на выступления поднимающих голову фашистских клик и дальнейшие успехи единого фронта во Франции, 100-тысячная антифашистская демонстрация в Лондоне в сентябре показывают, что тяга к единому фронту для борьбы с фашизмом все более увеличивается в самых широких массах рабочего класса. И в процессе этой революционной активной борьбы массы будут обучаться на собственном опыте, в результате активной работы братских компартий в массах будет все более и более увеличиваться политическая армия коммунизма, которая пойдет на решающий штурм капиталистической системы.

* * *

Семнадцатая годовщина Октябрьской революции совпадает с начавшимися выборами в советы, с подготовкой к VII с'езду советов. Несколько

лет отделяют нас от VI с'езда советов. Уже VI с'езд советов констатировал, что «в нашей стране вопрос о победе социализма решен и победа социализма в Союзе ССР полностью обеспечена». Но какой славный путь борьбы за социализм пройден за эти годы, как далеко мы продвинулись вперед! Приведем несколько цифровых иллюстраций, касающихся работы социалистической индустрии. В 1930 г. наша промышленность давала всего 13 тыс. т чугуна в сутки, а в 1934 г. выплавка чугуна превысила 30 тыс. т. Еще в прошлом году черная металлургия находилась в числе отстающих отраслей промышленности. Сейчас она является наглядным примером того, как крепко стала на ноги социалистическая индустрия, как значительно мы продвинулись вперед в деле освоения новой техники. По выплавке чугуна мы заняли в сентябре первое место в мире! За 1929—1930 хозяйственный год мы произвели всего 9 тыс. тракторов, а теперь мы выпускаем с наших тракторных заводов-гигантов ровно в десять раз больше — 90 тыс. в год.

Не менее велики успехи в области социалистического земледелия. Уже XVI с'езд дал оценку всемирно-исторического значения решающего перелома в деле коллективизации сельского хозяйства, которая к моменту XVI с'езда в основных зерновых районах производящих областей охватывала уже 40—50% крестьянских хозяйств. Тем самым определился важнейший этап в деле построения фундамента социалистического общества СССР. Уже VI с'езд советов констатировал решающую победу колхозного строя, констатировал, что «колхозное крестьянство превратилось в основную и действительно мощную опору советской власти в деревне». Но как далеко продвинулись мы вперед по пути укрепления коллективного, крупного механизированного сельского хозяйства за эти годы, как усилилось руководящее воздействие пролетарского государства на колхозы через МТС! В 1930 г. было только 158 МТС, а сейчас—3500. Более 250 тыс. тракторов, десятки тысяч комбайнов работают на колхозных и совхозных полях вместо 72—100 тракторов в 1930 г.

В текущем году социалистическое сельское хозяйство блестяще выдержало новую проверку, которой явились неблагоприятные климатические условия и частичная весенняя засуха в южных районах Союза. В условиях единоличного хозяйства подобная весна грозила бы полной катастрофой и разорением миллионов крестьянских дворов. Колхозы и совхозы, вооруженные машинной техникой, обеспечивающей лучшее качество обработки, сумели спасти урожай, проведя быстро ряд мер, недоступных единоличнику (пересев, поливка и т. д.).

Одним из показателей укрепления социалистического земледелия является тот факт, что государственный план хлебосдачи (по всем видам, кроме гарнцевого сбора) в текущем году был выполнен уже на 97,8% к 20 октября. К этому сроку в закрома государства поступило на 100 млн. пудов хлеба больше чем в прошлом году.

XVII с'езд и июньский пленум ЦК ВКП(б) со всей остротой поставили проблему животноводства. «Дело животноводства должны взять в свои руки вся партия, все наши работники, партийные и беспартийные, имея в виду, что проблема животноводства является теперь такой же первоочередной проблемой, какой была вчера уже разрешенная с успехом проблема зерновая», — указывал товарищ Сталин. Июньский пленум ЦК ВКП(б) дал конкретную, боевую программу под'ема животноводства, дал важнейшую директиву о государственном плане животноводства. Данные прироста скота за 1934 г. показывают, что 1934 год явится годом перелома к под'ему во всем животноводческом хозяйстве, хотя здесь еще немало прорывных и отстающих участков (например животноводческие совхозы Средней Волги).

Социализм победил окончательно и бесповоротно и в городе и в деревне. В результате непрерывного мощного под'ема социалистической индустрии, в результате укрепления колхозов, уверенно идущих под большевистским руководством к зажиточной жизни, неуклонно растет и повышается материальный и культурный уровень жизни трудящихся Советского Союза. Сделать свою родину еще более цветущей и богатой, обильной, поднять дисциплину труда, сделать его максимально производительным, жить культурно и радостно, овладеть всеми богатствами знаний, науки и техники, чтобы завершить построение социалистического общества в нашей стране,— эти задачи становятся все более понятными и близкими рядовому рабочему и колхознику Советского Союза.

1934 год принес такое великолепное, незабываемое доказательство растущей мощи нашей родины, доказательство величайшего героизма, на который способны рядовые советские люди, как эпопея челюскинцев и подвиги 7 летчиков, ставших первыми Героями Советского Союза. Великолепен и незабываем был их триумф. Вся страна во главе с товарищем Сталиным и Политбюро ЦК ВКП(б) приветствовала их, окружила их величайшей любовью. Это была победа большевистской организованности, серьезная проверка большевистской техники, которая заставила призадуматься людей, вынашивающих планы вооруженного нападения на СССР, мечтающих поправить свои дела за счет грабежа наших территорий. Новой, дополнительной проверкой зрелости нашей авиационной техники является достижение мирового рекорда восьмым Героем Советского Союза — тов. Громовым, пролетевшим на самолете, сконструированном и изготовленном у нас, в течение 75 часов без посадки 12 411 километров.

Всемирно-исторические победы социализма наполняют законной гордостью сердца рабочих и крестьян за великое настоящее и еще более великое будущее нашей социалистической родины — несокрушимого оплота и базы мировой революции.

Это законное чувство гордости прекрасно и просто выразил молодой начинающий поэт, рабочий завода «Серп и молот» тов. Филатов:

«Нам ли, сталеварам, не гордиться!
Видите: из нашего литья
Самолеты шумной вереницей
Над родной республикой летят».

Но большевикам несвойственно зазнаваться, успокаиваться на достигнутом. Товарищ Сталин учил и учит партию и рабочий класс неустанно бороться против зазнайства, самоуспокоенности. Вот почему, например, совещание хозяйственников тяжелой промышленности все внимание сосредоточило не на бесспорных успехах тяжелой индустрии, особенно бросающихся в глаза за последний год, а на том, чтобы мобилизовать резервы, чтобы полностью освоить первоклассную технику нашей тяжелой промышленности и неустанно развивать ее дальше. Мы не можем успокаиваться на достигнутом уровне техники, а должны все время двигать ее вперед, чтобы догнать и перегнать технику передовых стран капитализма, тем более, что сплошного загнивания, застоя капиталистической техники нет даже в условиях мирового экономического кризиса.

Отсюда — на невиданную высоту подымаются во второй пятилетке вопросы производственной культуры. Отсюда — колоссальное значение приобретает дальнейшее улучшение работы конструкторских бюро на заводах, работы научно-исследовательских институтов.

На наших предприятиях созданы многомиллиардные материальные ценности, сосредоточена передовая техника. Немало у нас станков, работающих с точностью до десятых долей микрона; есть станки, которые по спра-

ведливости можно назвать «станками с высшим образованием» и которые в свою очередь требуют для обслуживания квалифицированных инженеров. Совершенно очевидно, что это величайшее богатство техники требует непрерывного повышения организации и культуры всей работы наших предприятий, каждого хозяйственника, инженера, техника, рабочего.

Важнейшим достижением нашей промышленности, которое подчеркивал товарищ Сталин в своем докладе на XVII с'езде, является создание кадров — то, что она сумела «воспитать и выковать тысячи новых людей и новых руководителей промышленности, целые слои новых инженеров и техников, сотни тысяч молодых квалифицированных рабочих, освоивших новую технику и двинувших вперед нашу социалистическую промышленность». Но чтобы решать новые и новые задачи, чтобы двигаться дальше, этим кадрам нужно непрерывно работать над собой, выковывать из себя настоящих мастеров, художников своего дела. Этого требует наша всемирно-историческая борьба, на все более высокую ступень которой мы поднимаемся.

Если наша тяжелая промышленность (за исключением отдельных отраслей) приходит к семнадцатой годовщине Октября с крупными достижениями, то нельзя еще этого сказать о легкой индустрии, где и вопросы количественного выполнения планов и особенно качества стоят еще очень остро. Железнодорожный транспорт также делает еще только первые шаги к ликвидации своего отставания. Советская торговля должна быть значительно улучшена и усовершенствована, чтобы бесперебойно доводить до потребителя все возрастающие массы материальных ценностей.

* * *

Октябрьская революция победила в первую очередь благодаря безраздельному руководству одной партии, партии большевиков, которая от Февраля к Октябрю упорно завоевывала на свою сторону массы, неустанно создавала, готовила и организовала свою политическую армию из миллионов рабочих и крестьян. Партия Ленина—Сталина является ведущей и направляющей силой диктатуры пролетариата, вождем и организатором социалистического строительства. Великие, всемирно-исторические победы социализма в СССР достигнуты к семнадцатой годовщине Октября под руководством партии, под гениальным водительством товарища Сталина.

Эти успехи достигнуты не самотеком, не в порядке «плавного покачивания на волнах жизни», а в порядке упорной, суровой борьбы с классовым врагом, с правыми и «левыми» оппортунистами. Сейчас перед лицом грандиозной борьбы за план второй пятилетки партия на XVII с'езде в решениях по докладу тов. Кагановича во весь рост выдвинула задачу—повысить качество работы во всех отраслях, в первую очередь качество организационно-практического руководства, поднять организационную работу до уровня политического руководства.

«После того, как правильность политической линии партии подтверждена опытом ряда лет, а готовность рабочих и крестьян поддержать эту линию не вызывает больше сомнений,—роль так называемых об'ективных условий свелась к минимуму, тогда как роль наших организаций и их руководителей стала решающей, исключительной»,—указывал товарищ Сталин.

Отставание восточных районов Союза по хлебоуборке и хлебосдаче, имевшее место в текущем году, является яркой иллюстрацией того, что даже при благоприятных условиях недостаточная мобилизованность и недостаточное организационное руководство могут тормозить дело. И, наоборот, после того как руководство в этих областях и краях перестроилось после суровой

критики и непосредственной помощи со стороны ЦК ВКП(б), выполнение планов хлебосдачи резко поднялось и было завершено в короткие сроки.

Классовая борьба в деревне развертывалась в текущем году преимущественно вокруг вопросов хлебосдачи. Остатки кулацких элементов, буржуазные националисты, оппортунисты всех мастей, осколки контрреволюционного троцкизма и правого уклона—все эти элементы прилагали все свои усилия к тому, чтобы затянуть хлебосдачу. Но партия, мобилизуя боеспособность партийных организаций, разбила эти попытки.

Вопросы руководства колхозным движением и дальнейшее укрепление колхозов, повышение урожайности, под'ем животноводства не могут не быть в центре внимания партийных организаций. Плох тот руководитель, который будет успокаиваться при этом «средними цифрами». Подтягивание отстающих звеньев, отстающих районов, колхозов, совхозов—в этом сейчас решающий «гвоздь» организационной работы. Дальнейшее укрепление колхозов неразрывно связано с тем, чтобы обеспечить всюду действительные преимущества колхознику перед единоличником, чтобы помочь трудящимся единоличникам вступить в колхозы. Огромное значение имеет при этом укрепление сельсоветов, которые во многих районах оказывались без достаточного руководства партийных организаций.

Выборы в советы — великий смотр наших достижений перед лицом всех трудящихся. Вместе с тем это деловая проверка работы наших советских органов, деловой отчет каждого депутата перед его избирателями в том, что он делал для выполнения их наказов, для преодоления тех или иных бюрократических недостатков. Выборы должны еще более укрепить советы — органы пролетарской диктатуры, проводники ленинской политики, организаторы строительства социализма и обороны нашей великой родины! Лучшие ударники, показавшие себя в борьбе за первую и вторую пятилетку, лучшие бойцы за социализм, знатные люди нашей страны будут избираться в советы.

Неослабное внимание и забота о нашей родной Красной армии, могучем оплоте мирной политики советской власти, зорком часовом советских границ, верном страже нашей великой родины, — важнейшая задача советов.

Наша борьба за план второй пятилетки, план построения бесклассового, социалистического общества, за превращение всего трудящегося населения нашей страны в сознательных и активных строителей социализма, за торжество социалистической революции во всем мире требует усиления идейной вооруженности каждого коммуниста. Эта задача со всей силой была подчеркнута товарищем Сталиным на XVII с'езде, она вошла в новый устав партии наряду с требованием строжайшей партийной дисциплины, с требованием быть образцом трудовой и государственной дисциплины, овладевать техникой своего дела. Коммунист не может выполнить свою роль передового борца за социализм, если он будет отставать политически. Вместе с тем партийные организации ни на минуту не должны ослаблять величайшую бдительность по отношению к всевозможным отклонениям от марксизма-ленинизма, к отдельным рецидивам защиты в той или иной форме идеологии правого оппортунизма или контрреволюционного троцкизма.

Под знаменем Маркса — Энгельса — Ленина, под гениальным водительством Сталина, зорко оберегая несокрушимое большевистское единство и железную дисциплину своих рядов, наша партия пришла к 17-й годовщине Октября с величайшими победами социализма. Под этим знаменем партия Ленина — Сталина пойдет к новым боям и победам, к завершению плана второй пятилетки, к победоносной социалистической революции во всем мире!

СССР И МИРОВОЙ ПРОЛЕТАРИАТ

В. Кнорин

Октябрьская социалистическая революция, освободившая народы СССР от гнета капитализма, расшатала и подорвала всю мировую империалистическую систему. Она показала путь действительного освобождения рабочим Запада и разбудила от вековой спячки народы Востока. Она положила начало соревнованию двух систем: старой, капиталистической и новой, социалистической. Семнадцать лет — небольшой срок с точки зрения мирового развития. Но как изменился за эти семнадцать лет весь мир! Какие величественные всемирно-исторические победы одержал социализм над капитализмом, как могуче революционное движение пролетариев всех стран!

Пролетарии Запада и угнетенные народы Востока пока еще не освободились от гнета империализма, но борьба их за свое освобождение непременно увенчается успехом, ибо рост социализма в СССР убеждает все более широкие слои трудящихся в необходимости замены капиталистической хозяйственной системы социалистической системой и диктатуры буржуазии — диктатурой пролетариата. На наших глазах происходит разрушение реформистских, демократических и пацифистских иллюзий, происходит поворот масс к революции.

Мир находится на величайшем историческом повороте.

I

Загнивающий и умирающий капитализм находится сейчас в тупике. Социал-демократия, которая несколько лет назад заявила, что она берется за лечение капитализма, сама заражена его недугами и переживает глубокий кризис. «Новый почин» лечения капитализма при помощи государственно-капиталистических мероприятий американского президента Рузвельта явно проваливается, наталкиваясь на сопротивление масс и противодействие даже самих капиталистов. Фашистская военно-хозяйственная программа Гитлера привела Германию к небывалым хозяйственным затруднениям и явно ведет ее к экономической катастрофе. Попытки планировать капиталистическое хозяйство проваливаются одна за другой, ибо они не могут устранить анархию, вытекающую из буржуазного общественного строя, не могут примирить противоречия классов и устранить классовую борьбу. Развитие производительных сил пришло в столь острое противоречие с производственными отношениями, что это противоречие срывает все планы буржуазии, обостряет до крайности отношения между классами. Депрессия особого рода, наступившая в 1933 г., после исключительно глубокого экономического кризиса, не открывает перспектив промышленного под'ема. В ряде стран начавшееся улучшение уже заменилось новым ухудшением хозяйственной кон'юнктуры. Десятки миллионов рабочих остаются попрежнему без работы и не имеют никаких надежд при капитализме быть вновь включенными в производство. Нужда и нищета масс не могут быть серьезно смягчены, пока существует капитализм. Врачи, пытающиеся лечить капитализм, оказываются безграмотными знахарями.

Болезнь капиталистической системы неизлечима, — это начинают понимать даже многие буржуазные ученые, писатели и журналисты, которые до сих пор верой и правдой служили буржуазии и никакого отношения к пролетарскому революционному движению не имели. Тем более это начинают понимать трудящиеся массы всех стран. Первые годы кризиса широкие рабочие массы еще рассматривали как стихийное бедствие, подобное наводнению, урагану, тайфуну, землетрясению, в котором никто не виноват, которое никто предотвратить не может. Они терпели и надеялись на новый под'ем экономической кон'юнктуры, на скорое возвращение к «нормальной» мере эксплоатации, нужды и нищеты. Когда кризис затянулся, часть рабочих в одних странах начала впадать в отчаяние, в других странах, считая, что причиной их бедствий является иностранная буржуазия, некоторые группы рабочих начали подпадать под влияние националистической, шовинистической агитации фашистов. Теперь же, когда кризис сменился депрессией, а положение их не только не улучшается, а ухудшается, широкие рабочие массы начинают все больше сознавать, что чрезмерный рост их нужды и нищеты вовсе не является следствием стихийного бедствия, социального «тайфуна» или «землетрясения» или следствием иностранного угнетения и обиды, нанесенной буржуазией одной страны буржуазии другой страны, они начинают все больше сознавать, что *причина неимоверных мучений трудящихся масс — это капитализм*. Новые и новые миллионы трудящихся *начинают думать политически*, втягиваются в политическую жизнь, перестают уповать на бога и *поворачиваются к борьбе против своей буржуазии*. Быстро растут антикапиталистические настроения, стихийная воля к борьбе против капитализма, за социализм. «Идея штурма зреет в сознании масс».

Буржуазия, которая видит рост революционных настроений рабочего класса, ободренная успехом германского фашизма, во все бо́льшем количестве стран пытается перейти к открытой фашистской диктатуре, уничтожая последние остатки парламентаризма и демократических свобод и подготавливая войну за новый передел мира. Кровавые расправы с рабочими и крестьянами, средневековые пытки и истязания стали постоянным методом буржуазного классового господства над пролетариатом в большинстве капиталистических стран. Организация путчей, убийства государственных деятелей своих противников стали постоянными спутниками междугосударственных отношений и методом распространения своего влияния для фашистских авантюристов типа Альфреда *Розенберга*. Это делает все отношения, как в каждой стране в отдельности, так и отношения между государствами, непрочными и напряженными, ведет к росту фашизма и ускоряет вызревание как революционного кризиса, так и новой мировой войны.

Буржуазная демократия была уже подорвана до первой империалистической мировой войны. Военная диктатура с законсервированным парламентаризмом и временно отмененными демократическими свободами подорвала ее вкорне. В результате октябрьской победы выросло государство диктатуры пролетариата, которое сурово подавляет сопротивление эксплоататоров, но одновременно является новой формой демократии — пролетарской, советской демократии, которая благодаря победе Октябрьской революции уже осуществлена в СССР. Но буржуазии удалось еще обмануть большую часть трудящихся большинства стран лозунгами демократии и свободы и спасти капитализм от пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Послевоенная умирающая буржуазная демократия, умирающий парламентаризм, сочетающий всеобщее избирательное право и участие социал-демократов в правительствах с расстрелом рабочих и запрещением компартий, со свирепыми исключительными законами против пролетариата, завершает развитие от буржуазной демократии, прокламированной Великой французской буржуазной революцией, к открытой террористической диктатуре наиболее ре-

акционных групп финансового капитала. Умирающий капитализм уже дошел до той ступени своего развития по нисходящей линии, когда он свое господство может удержать только путем открытого террора против трудящихся масс.

Период фашизма, через который проходит сейчас ряд стран, однако, не может быть продолжительным потому, что фашизм не может оздоровить капитализм, не может смягчить, а наоборот, обостряет классовую борьбу, и потому, что Октябрьская революция уже открыла эру диктатуры пролетариата, эру пролетарской, советской демократии. Поэтому вся ненависть буржуазии направлена против СССР, поэтому буржуазия во всех капиталистических странах всеми силами и всеми средствами пытается уничтожить зародыши диктатуры пролетариата—коммунистические партии, разгромить всякую самостоятельную организацию рабочего класса, уничтожить революционных вождей рабочего класса, ибо все развитие показывает, что рабочий класс капиталистических стран поворачивает к диктатуре пролетариата, к советам.

Но этого для буржуазии недостаточно: запрещение рабочих организаций не может вывести капитализм из его трудностей, не может изменить исторически неизбежного развития капитализма по нисходящей линии, не может устранить классовую борьбу. Рабочие вопреки фашистскому террору находят новые формы и методы для организации своих сил. Запрещение рабочих организаций только временно усиливает власть буржуазии. Война против трудящихся есть составная часть подготовки новой империалистической войны за передел мира и в частности Европы. Эти две войны тесно связаны между собой. Все современное положение находится под знаком этих двух войн, на подступах к которым выявляется ужасное, отвратительное лицо современного, пережившего свой век, капитализма.

Социал-демократия в течение полутора десятилетий была верной помощницей, а в ряде стран «управляющим делами» буржуазии. Но социал-демократия не могла создать такой сильной власти, какая необходима буржуазии в период назревания революционного кризиса. Социал-демократия выполняла волю буржуазии, не смея пред'явить ей каких-либо требований, одновременно считая, что буржуазия уже побеждена ею. Она одурачивала рабочий класс антимарксистской, антинаучной теорией о мирном завоевании парламентского большинства и верой в чудеса, творимые таким правительством социалистического парламентского большинства, которое когда-нибудь придет и будет иметь достаточно голосов для «отмены» капитализма и осуществления социализма. К этой политике относится характеристика, данная К. Марксом в «Восемнадцатое брюмера» правительству демократов 1852 г.:

«Слабость, как всегда, спасалась верой в чудеса, считала врага побежденным, если ей удавалось одолеть его в своем воображении, и утрачивала всякое чувство реальности из-за бездейственного превознесения до небес ожидающего ее будущего и подвигов, которые она намерена совершить, но пока считает преждевременными» [1].

Эта политика «демократии» вырастила фашизм и открыла ему путь к власти в Германии, Австрии, Испании, открыла дорогу самой бешеной реакции и шовинизму, самым реакционным средневековым «экспериментам». Привлекая на свою сторону взбесившуюся мелкую буржуазию, опираясь на созданные из нее отряды, воспользовавшись слабостью рабочего движения, фашисты как представители наиболее реакционных групп финансового капитала пришли к власти в Германии, разгромили массовые рабочие организации и создали новый государственный аппарат угнетения, в десятки раз превосходящий аппарат угнетения веймарской республики. Но подчинить своему влиянию рабочий класс они не могли, а сидеть только на штыках неудобно.

---

[1] К. Маркс. Избранные произведения. Т. II, стр. 250. ИМЭЛ. 1934.

Принужденные приковывать к себе внимание масс все новыми неожиданностями, они об'являют «новый почин», нарушают во имя общеклассовых интересов буржуазии права отдельных собственников, вмешиваясь в управление хозяйством, иногда даже нарушают священные права папы римского во имя создания сильной фашистской власти. Повторяется в другой обстановке, с реакционнейшей частью буржуазии в качестве действующего лица, то, о чем говорил К. Маркс в своем «Восемнадцатое брюмера»:

«Бонапарт погружает все буржуазное хозяйство в сплошной хаос, прикасается ко всему, что казалось неприкосновенным революции 1848 г., одних приучает равнодушно относиться к революции, а других возбуждает к революции, создает настоящую анархию во имя порядка и в то же время срывает священный ореол с государственной машины, профанирует ее, делает ее одновременно отвратительной и смешной» [1].

Мощным обручем террористического государственного аппарата господствующие реакционнейшие группы буржуазии сковывают весь народ, подавляя силой всякое выражение недовольства трудящихся. Но недовольство трудящихся масс растет. Фашизм не в состоянии создать послушных рабочих организаций. Всякая массовая организация, даже с назначенными фашистскими вождями, становится аккумулятором недовольства и опасна для капитализма. Таким аккумулятором становится каждая фабрика и завод, ибо сам капитализм создал условия для классовой организации пролетариата.

Вместе с тем **рушатся демократические иллюзии** в массах. Рушатся иллюзии, что буржуазное государство есть свое государство, прививавшиеся социал-демократией в течение нескольких десятилетий. Растет в трудящихся массах воля к борьбе против капитализма. Поднимается воля всех рабочих к единому фронту для отпора наступающему фашизму.

И в ужасной нищете и нужде, под гнетом террора и пыток рабочие знают один исход, одну цель — **социализм**. Как в 1917 г., во время империалистической войны, в окопах французской и германской армий для солдат, измученных затянувшейся позиционной войной, грязью и голодом, была одна надежда — русская Октябрьская социалистическая революция, которая показывала выход из войны и призывала действовать, так теперь в тысячу раз больше для пролетариев, измученных кризисом, нищетой и нуждой, дикими фашистскими расправами, невыносимым гнетом капитализма, стоящих перед угрозой новой войны, **единственным маяком и надеждой является страна диктатуры пролетариата — СОЮЗ ССР.**

II

Советский Союз—отечество всех трудящихся, ударная бригада мирового пролетариата, база и опора мировой пролетарской революции. На СССР обращены взоры трудящихся всего мира, ибо «интересы строительства социализма в нашей стране целиком и полностью сливаются с интересами революционного движения всех стран в один общий интерес победы революции во всех странах». На VII расширенном пленуме ИККИ в декабре 1926 г. товарищ Сталин поставил вопрос:

«Что будет, если будут нарастать в СССР успехи социалистического строительства? Это коренным образом улучшит революционные позиции пролетариев всех стран в их борьбе с капитализмом, подорвет позиции международного капитала в его борьбе с пролетариатом и подымет шансы мирового коммунизма до высшей степени» [2].

С тех пор СССР непрерывно развивался **по восходящей линии**, капиталистические страны — **по нисходящей линии**; непрерывно **креп авторитет социализма**; несмотря на временную стабилизацию **непрерывно падал авторитет капиталистической си-**

[1] К. Маркс. Избранные произведения. Т. II, стр. 329.
[2] Сталин «Об оппозиции», стр. 457.

стемы. Выкорчевывание последних корней капитализма в СССР, построение социалистической индустрии, победа колхозов и совхозов в деревне, победа социалистического строя и в городе и в деревне, громадное увеличение международного веса и влияния СССР — все это было величайшими победами мирового пролетариата, доказательством реальности и возможности создания нового социального и политического строя вместо старого, загнившего капиталистического строя, который не может обеспечить своему рабу даже его рабское существование.

Вместе с победами социализма в СССР укреплялся союз пролетариев СССР с пролетариями всех стран, основанный на взаимной помощи и братской пролетарской солидарности. Но формы выражения союза пролетариата СССР с пролетариатом капиталистических стран, методы помощи и международной солидарности менялись и меняются вместе с изменением методов и форм классовой борьбы, вместе с развитием всей мировой политической обстановки. Если в 1917 г. пролетарии СССР оказали помощь пролетариям всех стран тем, что они прогнали свою буржуазию и установили диктатуру пролетариата, и пролетарии Германии в 1918 г. оказали помощь пролетариям СССР тем, что поднялись на революцию и прогнали кайзера, то в последние годы пролетарии СССР свою помощь международному пролетариату оказывали главным образом борьбой за социализм в своей стране, а пролетарии других стран оказывали помощь пролетариату СССР поддержкой этого строительства и борьбой против войны.

«Рабочий класс СССР есть часть мирового рабочего класса. Мы победили не только усилиями рабочего класса СССР, но и благодаря поддержке мирового рабочего класса. Без такой поддержки нас давно расклевали бы. Говорят, что наша страна является ударной бригадой пролетариата всех стран. Это хорошо сказано. Но это накладывает на нас серьезнейшие обязательства. Ради чего поддерживает нас международный пролетариат, чем мы заслуживаем такую поддержку? Тем, что мы первые кинулись в бой с капитализмом, мы первые установили рабочую власть, мы первые стали строить социализм. Тем, что мы делаем дело, которое в случае успеха перевернет весь мир и освободит весь рабочий класс. А что требуется для успеха? Ликвидация нашей отсталости, развитие высоких большевистских темпов в строительстве. Мы должны двигаться вперед так, чтобы рабочий класс всего мира, глядя на нас, мог сказать: вот он, мой передовой отряд, вот она, моя ударная бригада, вот оно, мое отечество, — они делают свое дело, наше дело — хорошо — поддержим их против капиталистов и раздуем дело мировой революции»[1].

Все социалистическое строительство СССР, весь великий героизм пролетариев в борьбе за первую пятилетку были не чем иным, как выполнением великих обязанностей пролетариев СССР в борьбе за социализм в своей стране и обязанностей — которые еще больше — в борьбе за мировую пролетарскую революцию. Победа первой пятилетки героическими усилиями пролетариата СССР была победой всего мирового пролетариата, поднимающей на высшую ступень его борьбу против капитализма, за социализм, ибо:

«Итоги пятилетки разбили известный буржуазный «символ веры» о том, что рабочий класс не способен строить новое, что он способен лишь разрушить старое. Итоги пятилетки показали, что рабочий класс способен так же хорошо строить новое, как разрушать старое...

Итоги пятилетки показали, что капиталистическая система хозяйства несостоятельна и непрочна, что она уже отживает свой век и должна уступить свое место другой, высшей, советской, социалистической системе хозяйства, что единственная система хозяйства, которая не боится кризисов и

---

[1] Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 584—585. 9-е изд.

способна преодолеть трудности, неразрешимые для капитализма, — это советская система хозяйства»[1].

Победа социализма в СССР по-новому поставила вопрос о борьбе за социализм в других странах, обогатила аргументацию революционеров всех стран и повернула симпатии новых миллионов трудящихся к Советскому Союзу. Миллионы и миллионы рабочих начинают видеть в СССР образец будущего социального и национального переустройства своей страны и всего мира. Не удивительно поэтому, что теперь уже и крестьянин, мелкий буржуа, интеллигент интересуются положением и успехами СССР, ибо они хотят знать, что их ожидает в будущей советской Америке, советской Англии, советской Франции, советской Германии. Семнадцать лет назад в пользу большевиков говорила только лучшая революционная теория научного социализма и лучшая революционная тактика. Теперь, когда социализм стал действительностью на одной шестой части земной суши, за большевиков говорит лучшая экономическая и политическая система.

Когда семнадцать лет назад солдаты — рабочие и крестьяне — изнемогали в окопах империалистической войны, российские пролетарии показали выход из войны в пролетарской революции. Теперь СССР — первое пролетарское государство — всеми своими силами и всеми доступными ему средствами борется против новой империалистической войны ради спасения трудящихся всего мира от ее ужасов. Эта политика мира, последовательно проводимая СССР, есть политика международного пролетариата.

Когда кризис буржуазной демократии стал очевидным, пролетарии России создали новую форму демократии для трудящихся — советскую, пролетарскую демократию. Они отстояли СССР и превратили его в могущественную социалистическую великую державу. Теперь, когда фашизм уничтожает последние остатки парламентаризма и демократических свобод, трудящиеся всех стран видят, что единственный выход для них в диктатуре пролетариата, пролетарской демократии. Политика укрепления СССР, политика беспощадного подавления буржуазии и политика широкой демократии для трудящихся есть политика международного пролетариата.

Когда колониальные народы, доведенные до вымирания, вынуждены терпеть дьявольский гнет империалистических насильников; когда во всем мире растет национализм и шовинизм, ненависть народа к народу, воспитываемая буржуазией; когда страна, вырастившая германских пролетариев, превращена фашистскими насильниками в концентрационный лагерь и камеру пыток; когда в то же время в СССР каждый народ получил полное право на свою независимость и сотни народов, которые не имели своей письменности и культуры, поднимаются к новой, социалистической по содержанию и национальной по форме культуре, — тогда угнетенные народы Востока и все угнетенные и опасающиеся за судьбы своей национальной независимости народы Запада видят, что полное освобождение и разрешение национального вопроса для всех народов может дать только пролетарская революция. Ясно, что ленинско-сталинская национальная политика СССР есть помощь угнетенным народам в их борьбе за свое освобождение, что эта политика есть политика мирового пролетариата.

Когда капитализм зашел в тупик, СССР показывает, что не только возможна, но уже на одной шестой части земной суши существует новая, социалистическая система хозяйства, которая не боится кризисов, преодолела трудности и ведет рабочих и колхозных крестьян к новой, культурной зажиточной жизни. Ясно, что политика социалистического строительства, индустриализация и коллективизация, укрепившая СССР, что политика борь-

1 Сталин «Итоги пятилетки».

бы за пятилетку была помощью международному пролетариату и есть политика международного пролетариата.

Когда социал-демократические лидеры говорят рабочим, что рабочие не могут одни взять власть, не способны одни управлять государством, то рабочий класс теперь может ответить им: вы видите, что в СССР рабочие сумели организовать вооруженное восстание, сумели взять одни власть, разгромили своих угнетателей, доказали, что могут управлять громаднейшим государством и добиться без капиталистов и помещиков величайших успехов в области хозяйства, культуры и социалистической перестройки общества. Мы поищем таких вождей, которые повели бы нас «по русскому пути».

Говорят, что громаднейший успех советского фильма «Броненосец Потемкин» несколько лет назад среди иностранных пролетариев, как писали некоторые социал-демократические журналисты, об'ясняется не только художественными качествами этого великолепного фильма, но и тем, что рабочие видели в «Потемкине» символ того, что угнетенные могут взять власть в свои руки и свергнуть эксплоататоров, повести сами государственную машину. Это весьма вероятно.

Политические тупицы во всем мире все еще ищут «московских агентов» и «московских денег». Как слабо и беспомощно было бы международное революционное движение, основанное на такой «помощи»! Международный пролетариат получает от СССР гораздо более действенную помощь. Этой помощью являются успехи социалистического строительства, превратившие СССР в социалистическую великую державу, и борьба СССР против новой мировой войны. Этой помощью был небывалый в истории с'езд писателей, демонстрирующий величайший культурный под'ем Страны советов и свободу творчества для каждого писателя, доказывающий, что только социализм может обеспечить рост и развитие культуры. Этой помощью являются даже такие обыденные в СССР события, как юбилеи академика Павлова и Мичурина, показывающие интеллигенции всех стран, что при коммунизме их ожидает вовсе не жалкое прозябание, на какое они обречены при власти капиталистов, а наилучшие условия для их творчества, что пролетариат высоко ценит каждого культурного деятеля и ученого. Такой помощью являются победы советских исследователей и летчиков над Арктикой, полеты советских аэропланов по Европе, даже приезд советских спортсменов в Париж и Прагу, ибо каждое из этих событий показывает, на какую новую высоту во всех областях человеческой деятельности может подняться рабочий, если власть перешла к его классу.

Что именно эта помощь есть та, которой ожидает рабочий капиталистических стран от СССР, показывают восторженные встречи каждого представителя Советской страны рабочими капиталистических стран, показывает то внимание, с которым рабочие и крестьяне капиталистических стран следят за каждым шагом борьбы пролетариата СССР. Все, что создано усилиями пролетариата СССР, становится символом освобождения трудящихся капиталистических стран от своих угнетателей.

СССР уже во многом формирует и определяет идейный мир международного пролетариата. СССР внедряет волю к освобождению в рабочие массы и показывает формы и методы, какими это освобождение может быть завоевано. Идеи, которые 17 лет назад были только идеями русских большевиков, идеи и понятия, которые определяли важнейшие этапы развития и побед Советской страны, становятся родными для все более широких масс.

До существования СССР диктатура пролетариата была абстрактным термином научного социализма и лозунгом большевиков, кото-

рый социал-демократии удалось благополучно удалить из всех программных документов западноевропейских социалистических партий. Ныне, когда лозунг диктатуры пролетариата воплотился в громадное социалистическое государство, суть этого лозунга не может скрыть никакая цензура, не могут «раз'яснить» никакие профессора, — десятки миллионов рабочих понимают, что это есть власть рабочего класса для подавления его эксплоататоров и для построения социалистического общества. Социал-демократические лидеры в течение многих лет изощрялись в том, чтобы доказать, что диктатура пролетариата и диктатура фашистов — «почти одно и то же»; троцкисты всячески изощрялись, чтобы доказать, что «советская власть в СССР есть власть бюрократии». Но теперь уже ясно, что социал-демократическим литераторам только на короткое время удалось затормозить распространение лозунга диктатуры пролетариата, который теперь завоевывает широкие массы. Теперь уже почти все социал-демократические партии вынуждены дискутировать вопрос о диктатуре пролетариата. Ныне, когда фашизм беспощадно разбивает демократические иллюзии, живой пропаганде диктатуры пролетариата, осуществляемой Союзом ССР, уже не могут противостоять никакие хитросплетения социал-демократических теорий «демократического социализма».

До Октябрьской революции экспроприация фабрик и заводов и конфискация помещичьей земли были абстрактными, непроверенными, еще неосуществленными нигде в жизни требованиями рабочих и бедных крестьян. Теперь трудящиеся видят, что осуществление этих требований привело к свободе и благополучию трудящихся СССР. Если в Испании пролетарии требовали действовать «по-русски», то под этим они прежде всего понимали экспроприацию капиталистов и конфискацию помещичьей земли по образу и подобию СССР. Когда рабочие Астурии поднялись на вооруженное восстание, первым их делом было арестовать капиталистов, об'явить фабрики и заводы собственностью трудящихся и поставить во главе их управляющих из рабочих. Безусловно, образец для своих действий рабочие Астурии взяли из СССР.

До Октябрьской революции советы не были известны международному пролетариату. Пролетариат СССР открыл советы как новую всемирную форму диктатуры пролетариата в пролетарской революции и революционно-демократической диктатуры в буржуазно-демократической революции. Лозунг советов быстро распространился по всей Европе сразу же после Октябрьской революции, но был искажен социал-демократами. Однако развитие СССР показало на деле, что советы являются такой организационной формой, которая не только обеспечивает наиболее широкую пролетарскую демократию и об'единяет в руках рабочих законодательную и исполнительную власть, но, втягивая всех трудящихся в управление государством, под руководством большевиков ведет к социализму. Поэтому идея советов именно теперь становится идеей широких рабочих масс. Поэтому, как постановил XIII пленум ИККИ, главный лозунг Коммунистического Интернационала теперь — советская власть.

Социализм и революция — это были абстрактные слова, музыка далекого будущего, теперь они стали живым, понятным для широких масс делом. Теперь стихийная тяга рабочих к социализму, воспитываемая самим капиталистическим способом производства, находит четкое оформление даже там, где международная социал-демократия всеми силами пыталась умалить в глазах рабочих значение великой социалистической революции в СССР. Нет такого социал-демократического лидера, который не предсказывал бы в свое время провал «большевистского эксперимента» и неизбежное падение СССР, который так или иначе не клеветал бы на СССР, об'являя советскую власть «диктатурой над пролетариатом», «диктатурой бюрократии», «диктатурой партии», который не предсказывал бы провал хозяйствен-

ного строительства СССР, не называл бы его «бессмысленным экспериментом», а когда успехи СССР стали очевидны всякому — госкапитализмом. Не прошло и десяти лет с тех пор как II интернационал мобилизовывал буржуазию против «красного советского империализма». Но уже несколько лет как даже в рядах социал-демократических лидеров начались расхождения по вопросу об оценке СССР.

В то время как Карл Каутский и К°, а также всякие голландские Альбарды до сегодняшнего дня продолжают говорить о СССР как о режиме насилия и диктатуре бюрократии, которую необходимо свергать оружием, о социалистической хозяйственной системе СССР как о новом капитализме, — некоторые социал-демократические лидеры, не говоря уже о рабочих, начинают признавать, что в СССР строится социализм, что СССР — великое пролетарское государство. Еще два года назад, в связи с пятнадцатилетием Октябрьской революции, центральный орган австрийской социал-демократии «Арбейтер цейтунг» должен был сказать: «Несмотря на то что дело советской диктатуры в России еще далеко не закончено, тот переворот, который она в течение 15 лет провела, действительно громаден. Окруженная капиталистическим миром, в котором свирепствует величайший в мировой истории кризис и имеется 25 миллионов безработных, она дает образец государства, в котором создается колоссальная современная промышленность, которая не принадлежит больше капиталистам, а принадлежит самому народу и не подвержена дикой анархической игре капиталистической борьбы за сверхприбыли, а управляется согласно социалистическому плану».

За австрийской социал-демократией по пути признания социалистического пролетарского характера СССР пошли английская Независимая социалистическая партия, часть испанской социал-демократии, часть американской социалистической партии, часть германской социал-демократии и значительные группы социалистов во всех странах.

Однако, начиная свою капитуляцию перед очевидными всякому успехами социализма в СССР и признавая пролетарский, социалистический характер советского государства, эти группы «левых» социал-демократов продолжали сеять сомнения и всеми мерами обороняться против естественного вывода, который делают рабочие, что борьба за социализм в других странах должна будет пойти по тому же пути, по какому пролетариат СССР пришел к победе. «Пролетариат стран Запада пойдет к социализму другими путями чем пролетариат СССР», — говорят они.

«Пролетариат стран Запада последует примеру СССР, если диктатура пролетариата докажет, что она привела народ к благополучию, если диктатура пролетариата докажет, что она дала свободу, если...»

Но СССР разбивает все оговорки, все «если» этих «левых»: безработица ликвидирована много лет назад, жизненный уровень рабочих масс во второй пятилетке быстро поднимается, колхозники становятся зажиточными.

Теперь «левым» социал-демократам приходится изыскивать новые «если».

Теперь лидерам социал-демократии приходится усиливать свою клевету на внешнюю политику СССР, ухищряться, чтобы сконструировать «противоречия» интересов СССР и мирового пролетариата, создавать легенды о том, что СССР принял социал-демократические внешнеполитические принципы, что тактика единого фронта вызвана внешнеполитическими национальными интересами СССР и т. д. и т. п.

Эти банкроты, умирая, хотят еще мешать созреванию идеи штурма в сознании масс.

Но если правые лидеры навсегда связаны с умирающим капитализмом и умрут вместе с ним, если часть левых лидеров учится под давлением глубокого поворота в массах, то рабочие массы ищут в СССР подлинного идейного руководителя в борьбе за свое освобождение.

СССР стал идеалом для широких трудящихся масс, в том числе и социал-демократических рабочих.

К пятнадцатой годовщине Октябрьской революции австрийский левый социал-демократ, ныне член австрийской коммунистической партии, Эрнст Фишер писал в «Арбейтер цейтунг»:

«Если раньше когда-то молодежь другого класса и других времен жаждала быть похожей на героев и искателей приключений, о которых она с трепетом сердечным читала в книгах, то теперь социалистическая молодежь должна стремиться равняться по людям, которые в десять дней потрясли мир и в пять лет перестроили мир».

Желание тысяч социал-демократических рабочих стать подобными строителям социализма в СССР и самим строить социализм в своей стране привело после длительных колебаний Эрнста Фишера и многие тысячи социал-демократических рабочих в ряды компартии. Желание строить социализм, как в СССР, жить без капиталистов, как в СССР должно привести под знамя коммунизма миллионы рабочих.

III

Победа социализма в СССР подрывает существование капитализма, ибо она завоевывает сердца рабочих для борьбы за социализм.

Буржуазия, видя свою обреченность, пытается перестроить свои собственные ряды, усилить свой государственный аппарат насилия над трудящимися и подготовляет новую империалистическую войну. Она ищет путей, чтобы связать бушующую стихию капиталистической хозяйственной анархии, уменьшить разруху, ущерб, который причиняет существующей экономической системе ее анархическое построение. Она ищет путей, чтобы избавиться от необходимости считаться с рабочими организациями. Она ищет новых путей и новых пророков, чтобы, пожертвовав кое-какими из своих старых принципов, спасти капитализм и свое господство.

Этими новыми пророками буржуазии являются Рузвельт и Гитлер. «Демократ» Рузвельт пытается организовать плановое хозяйство при капитализме, чтобы укрепить капитализм. Гитлер поставил своей задачей террористический разгром рабочего движения, чтобы этим путем укрепить капитализм. Во всех капиталистических странах появляются фашистские организации, угрожающие разгромить рабочие организации. Во всех странах появляются пророки войны, пропагандирующие «миф крови» наподобие пресловутого Альфреда Розенберга.

На поражении рабочего класса в Германии и Австрии рабочие всех стран учатся, что победы фашистов являются только следствием ослабления рабочего класса влияниями реформизма, следствием отказа реформистских организаций от борьбы против капитализма.

Поэтому коммунисты за единый фронт всех рабочих организаций для борьбы против капитализма, фашизма и войны.

Единый фронт означает усиление, а не ослабление борьбы против соглашательства и реформизма. Единый фронт есть школа борьбы для рабочих, которые находятся в рядах реформистских организаций.

Коммунисты прекрасно понимают, что, отразив фашистское наступление, рабочий класс не будет еще спасен от капиталистической эксплоатации и гнета. Борьба против фашизма и войны может быть успешной только как борьба против империалистического государства в целом, она есть порог борьбы за власть пролетариата. Через борьбу против фашизма и войны пролетариат поднимается к решительной борьбе за власть.

Для успешной борьбы за власть рабочего класса, для установления и укрепления диктатуры пролетариата и борьбы за бесклассовое, социалистиче-

ское общество необходимо руководство одной и единой коммунистической партии, воплощающей и организующей революционную волю всего рабочего класса. Только мощная и сильная коммунистическая партия, разгромив оппортунизм, реформизм и соглашательство, может завоевать решающее большинство рабочего класса на свою сторону и повести за собой широкие массы крестьян и средних слоев города на завоевание государственной власти пролетариатом.

Коммунистические партии растут, их популярность в рабочем классе поднимается, многие из них стали уже действительно массовыми партиями. Обострение всей политической ситуации за последние годы, созревание революционного кризиса в настоящее время привели к повороту в широких массах в сторону компартий. Но значительные слои рабочего класса все еще остались под влиянием социал-демократии.

Сила старых организационных форм и политических традиций, однако, настолько велика, что она удерживает значительную часть уже повернувшихся к коммунизму масс в рядах социал-демократических партий. Сила долголетних демократических иллюзий настолько велика, что делает весьма медленным переход этих масс в ряды коммунистических партий.

Что тормозит переход социал-демократических рабочих на позиции коммунизма?

Во-первых, фетишизм больших старых массовых партий, фетишизм «единства» рабочего класса в этих партиях. Многие сотни бывших австрийских социал-демократов, которые после февральских боев перешли в ряды компартии, рассказывают почти одну и ту же историю своей жизни: они с юных лет вошли в социал-демократическую детскую организацию, прошли школу социалистического союза молодежи, через которую пришли в ряды социал-демократической партии, сотнями нитей связав с нею свою жизнь. Они с великой симпатией следили за социалистическим строительством в СССР, но оставались в рядах социал-демократии, потому что предполагали, что в этой партии воплощено единство рабочего класса, потому что она имеет общепризнанных в Австрии лидеров. Больше всего боясь раскола этой партии, они боролись против коммунистов, признавая, однако, их революционный героизм и сочувствуя Советскому Союзу. И всего за несколько месяцев до окончательного разрыва с нею ради единства в рядах социал-демократии они капитулировали перед Бауэром и Дейчем. Только после февральских боев они поняли, что «единство» под руководством социал-демократов ведет рабочий класс к поражению. В английской лейбористской партии, которая является самой крупной партией английских рабочих, безусловно, имеется большая прослойка рабочих, которые сердцем и душой за социализм, против капитализма, за СССР, но которые, тем не менее, остаются в рядах лейбористской партии, потому что это большая рабочая партия, потому что за эту партию стоит их профсоюз. Лейбористские рабочие еще не поняли, что единство с реформистами под руководством Морисона и Гендерсона ведет рабочий класс к поражению. Так же обстоит дело во многих других странах.

Этот фетишизм старой массовой партии может быть преодолен только в условиях, когда события круто взрывают массы и поворачивают их в сторону коммунизма, когда становится очевидным, что реформистские организации не ведут масс на борьбу, которая стала абсолютно неизбежной, и капитулируют перед врагом.

Во-вторых, иллюзии, что возможны еще существенные реформы, серьезно облегчающие положение рабочих. Английские рабочие убедились, что два лейбористских правительства им ничего не дали, но большинство их надеется, что на уроках прошлого учатся и лейбористские вожди, что бесплодность первых двух лейбористских правительств якобы частично об'ясняется тем, что они не имели парламентского большинства и что третье лей-

бористское правительство будет коренным образом отличаться от первых двух, если оно получит большинство в парламенте, что оно не только сменит ненавистное им национальное правительство, но проведет ряд важнейших реформ и облегчит участь рабочих масс. В этом мнении их укрепляет политика лейбористского лондонского муниципалитета, который все-таки кое-что предпринял для благоустройства рабочих окраин в отличие от прежнего чисто буржуазного муниципалитета. Австрийские рабочие держались за социал-демократию, видя муниципальное строительство в Вене. Они предполагали, что за этими мелкими делами последуют большие реформы и даже революционные дела. Они не поняли только того, что в период глубокого загнивания капитализма реформы уже невозможны, что для завоевания власти и уничтожения капитализма необходима иная партия чем для муниципального строительства в условиях господства капитализма.

В-третьих, иллюзии, что все-таки в передовых капиталистических странах победа социализма может быть достигнута менее трудным путем чем в экономически и культурно отсталой царской России. Социал-демократические лидеры, когда они вынуждены были признать для России путь революции и диктатуры пролетариата, особенно культивировали эту иллюзию в массах. Вооруженная борьба в Австрии и Испании нашла глубокое сочувствие в массах. Даже будущие лейбористские и нынешние шведские и чешские министры не осмелятся сказать, что не нужно было браться за оружие. Эту печальную роль взяли на себя лишь социал-фашисты Каутский и Гильфердинг. Но французские, чешские и английские рабочие все-таки еще надеются, что если будет отражено наступление фашизма и будет дан отпор зачинщикам войны, авось колесо истории еще повернет назад, авось капитализм еще облагородится и возможно будет обойтись без тяжкой вооруженной борьбы. Скоро они убедятся, что это невозможно.

В-четвертых, иллюзии, что можно реформировать социал-демократию, и некоторое недоверие к организационному руководству компартий западноевропейских стран, которые в силу известных причин не могли дать крупных образцов успешно проведенной под коммунистическим руководством борьбы и не могли создать больших массовых рабочих организаций.

В силу этих причин отход широких рабочих масс от реформизма на нынешней стадии еще не выражается в прямом разрыве с социал-демократией. Однако этот отход от реформизма весьма глубок.

Глубже всего отход рабочих масс от реформизма в Австрии, Испании, Германии. Австрийская социал-демократия после февральских вооруженных боев, которые показали ее неспособность руководить борьбой масс, перешла к антиреформистской фразеологии, начала пропагандировать «диктатуру пролетариата и крестьянства», которая, однако, по мнению ее, не должна быть целиком похожей на диктатуру пролетариата, пропагандируемую коммунистами. Она отказалась от старого названия своей партии и заявила, что между социалистами и коммунистами существуют разногласия только по вопросу об Интернационале и тактике повседневной борьбы. Германская социал-демократия, которая была до мозга костей реформистской, после прихода фашизма к власти оказалась мертвой. Для того чтобы говорить с массами, ее вожди несколько разбавили свой махровый реформизм революционной фразой, поставили на обсуждение вопрос о причинах поражения, о реформизме и революции и даже включили в свой «форштанд» людей, пишущих статьи против реформизма. Однако всего этого оказалось недостаточно, чтобы получить доступ к массам, отвернувшимся от социал-демократии и реформизма. Часть эмигрировавших заграницу лидеров решила пойти дальше. В то время как Вельс, Гильфердинг и Штампфер остались на старых позициях, Александр Шифрин, прошедший школу русского меньшевизма и немецкого социал-фашизма, выставил тезис о необходимости революционного ликвидаторства,

о необходимости ликвидировать реформизм до конца и признать диктатуру пролетариата и крестьянства по-Бауэру, насильственную революцию, отказаться от демократии, ориентироваться на социалистическую революцию и установить единый фронт с коммунистами. Еще решительнее об этом заявил Ауфгейзер. Наконец, группа революционных социалистов (состоящая из людей от «форштанда» до бывших «левых») выступила с программой, признающей диктатуру пролетариата как цель своей борьбы, единственную форму господства пролетариата в борьбе за бесклассовое общество, задачей которой является «сломить сопротивление врагов народа, уничтожить средства господства буржуазии и полностью преодолеть капиталистическое классовое государство».

Но в то время как в австрийской, испанской и германской социал-демократии совершается глубокий отход от реформизма, чешские, шведские, английские, датские, шотландские и т. д. социал-демократы присягают старым формулам защиты буржуазного государства и стоят за сотрудничество с реакционной буржуазией.

Эта гамма мнений социал-демократической верхушки отражает различную степень поворота различных групп социал-демократических масс от классового сотрудничества к классовой борьбе. Рабочие массы учатся на опыте СССР. Революционное сознание зреет в массах, но решающий поворот к революции еще не наступил, еще не созрел революционный кризис.

Для того чтобы отразить наступление капитала на рабочий класс, воспрепятствовать попыткам установить фашистскую диктатуру в еще новых странах, самое важное — немедленная эффективная борьба против фашизма и войны, за повседневные нужды рабочих, против капитализма. Было бы величайшей недооценкой интересов масс, непониманием путей подготовки их для решающих классовых боев за власть, если бы коммунисты не сделали все возможное для того, чтобы втянуть социал-демократических рабочих в борьбу против фашизма и войны.

Единый фронт в каждой стране имеет особые непосредственные задачи.

Единый фронт в Испании принял форму совместной организации вооруженного восстания для отражения фашистского наступления и в Астурии, для борьбы за власть пролетариата и крестьян под руководством коммунистов. Единый фронт в Австрии принял форму совместного построения массовых организаций пролетариата и организации отпора фашистской диктатуре. Единый фронт во Франции принял характер совместной организации демонстраций и собраний против фашизма и войны, против реакционных мероприятий правительства Думерга. Единый фронт в Англии вопреки руководству лейбористов принял характер организации антифашистских демонстраций и голодного похода безработных.

Единый фронт против фашизма и войны ставит перед рабочим классом все основные вопросы революционного рабочего движения. Он ставит прежде всего вопрос о том, что было бы дальше, если нападение фашистов было бы отражено, если попытки буржуазии снизить заработную плату были бы отражены. Теоретики социал-демократии могут предполагать, что рабочий класс, отбив наступление фашистов, удовлетворится своим рабским положением в капиталистическом государстве. Но история классовой борьбы показывает, что рабочий класс, почувствовавший свою силу, не захочет дальше быть рабом капитала, а поднимется на свержение капиталистического строя в целом. Движение единого фронта есть движение для подготовки решительной борьбы пролетариата против капитализма.

Единый фронт для борьбы против фашизма и войны, за повседневные требования рабочего класса, против капитала должен вести к разрыву рабочих с контрреволюционным единым фронтом социал-демократии с буржуазией. Этот разрыв, может быть, еще не окончательный, но массы, всту-

на этот путь, уже не согласятся повернуть назад, к сотрудничеству с буржуазией.

Единый фронт должен вести к переходу социал-демократических рабочих от реформизма к последовательной классовой борьбе, к борьбе за власть рабочего класса.

Единый фронт с социал-демократическими верхами есть отражение того факта, что социал-демократические партии уже не могут удержать рабочих от борьбы, что если «верхи» откажутся, единый фронт медленнее, но все-таки будет установлен снизу коммунистами вопреки социал-демократическим вождям. Социал-демократические лидеры идут на единый фронт под нажимом масс. Вместе с тем единый фронт вызывает глубокие разногласия во II интернационале о тактике по отношению к коммунистам. Теперь, когда Коммунистический интернационал поставил открыто перед Социалистическим интернационалом вопрос о совместных действиях обоих интернационалов для помощи испанским пролетариям, социал-демократические противники тактики единого фронта угрожают **расколом** II интернационала. Вождь голландской социал-демократии, представитель ее в Исполкоме II интернационала Альбарда пишет:

«Существует возможность, что внутри Социалистического рабочего интернационала образуется конфликт между двумя группами принадлежащих к нему партий. Как ни прискорбна была бы эта возможность, мы не можем закрывать на нее глаза и должны рассмотреть ее. Этот конфликт не обязательно должен привести к расколу Социалистического рабочего интернационала. Не исключено, что Исполком возьмет обратно свое постановление от 17 марта 1933 г., через которое, между прочим, уже переступили французская партия и итальянская эмигрантская партия. Тогда каждая партия получит свободу по-своему относиться к коммунистам. Социалистический рабочий интернационал останется единым. Но долго ли он останется единым, — это покажет опыт. Возможно, что он немедленно расколется на две части. Одна часть, которая за, другая часть, которая против сотрудничества с Москвой. Это плохие предвидения, но они должны быть рассмотрены» («Фольксбладет» от 18/X).

Если **Альбарда** — голландский, **Стивин** — чехословацкий, **Морисон** — английский угрожают расколом, то это значит, что тактические разногласия во II интернационале действительно серьезны.

Если несколько лет назад все партии II интернационала развивались по пути срастания с буржуазным государственным аппаратом, то теперь германская, австрийская, испанская, итальянская социал-демократия организует нелегальную борьбу против своих правительств. Нельзя уже говорить, что эти партии срастаются с буржуазным государством. Но в Швеции, Дании, Чехо-Словакии этот процесс продолжается при резком сопротивлении масс.

Если социал-демократия в некоторых странах отошла от открытого сотрудничества с буржуазией, то это еще не означает, что наступил момент решающей классовой борьбы. Это означает, что коммунисты должны организовать и воспитать для решающих классовых битв массы, порвавшие союз с буржуазией.

Если несколько лет назад налицо был всеобщий процесс фашизации социал-демократических партий, то ныне в ряде стран этот процесс сменился процессом полевения социал-демократических масс, в некоторых странах даже процессом полевения некоторых социал-демократических лидеров. Поэтому ныне непригодны какие-либо общие формулы для оценки всех социал-демократических лидеров.

Но многие социал-демократические лидеры теперь особенно пытаются оторвать симпатии трудящихся масс капиталистических стран от СССР. В том числе те, кто заключил соглашение о едином фронте с коммунистами, как например **Леон Блюм**. Но эта попытка явно несостоятельна.

Политика мира, проводимая СССР, и политика социалистического строительства наносят решительный удар всякой клевете социал-демократических лидеров.

Но социал-демократические лидеры, в особенности те, кто заключил соглашение о едином фронте с коммунистами, пытаются клеветать на Коминтерн, чтобы удержать массы от перехода под знамя Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина. Подготовка масс к решающим классовым битвам может произойти только в решительной борьбе как против правых, так и «левых» социал-демократов, за гегемонию коммунистической партии в рабочем движении. Только методы борьбы должны быть различны по отношению к каждому оттенку, каждой группе.

В мировом рабочем движении происходят крупнейшие сдвиги. Идея штурма зреет в сознании масс. Приближается эпоха гегемонии Коммунистического интернационала в мировом рабочем движении, т. е. эпоха решающего штурма капитализма. Революционный кризис зреет, он будет вызревать тем быстрее, чем быстрее будет расти социализм в СССР, чем больше буржуазия будет переходить к фашизму и войне.

* * *

Великий Союз советских социалистических республик — единственный оплот трудящихся масс против капитализма, фашизма и войны, единственный носитель прогресса человеческого общества.

Ненависть к культуре и прогрессу — это философия современного капитализма. «Стать более аграрным — значит стать беднее и примитивнее, быть может более нецивилизованными, варварскими, но зато более немецкими», — так формулируют цели Германии философы германского фашизма.

Судьбы прогресса и культуры человеческого общества ныне связаны с переходом от капитализма к социализму. Движение вперед человеческого общества возможно теперь только под знаменем беспощадной борьбы против капитализма, против надвигающейся новой империалистической войны.

Во главе борьбы за будущее человечества, во главе движения вперед человеческого прогресса и культуры стали большевики, стал СССР.

ВКП(б)—ВОЖДЬ И ОРГАНИЗАТОР ПОБЕДОНОСНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА

Ем. Ярославский

Образование большевистской партии в начале настоящего столетия — самый значительный факт в истории мирового рабочего движения со времени Парижской коммуны на пути к созданию Коммунистического Интернационала. Подобно тому как «Союз коммунистов» и Первое Международное Товарищество Рабочих, положившие начало организованному коммунистическому движению, дали рабочему классу программу, организационные принципы и тактику борьбы до Парижской коммуны, в период восходящего движения капитализма, в период утверждения последнего во всех передовых капиталистических странах и даже во многих отсталых странах, — большевизм дал рабочему классу всех стран программу, тактику и организационные принципы построения боевого авангарда пролетариата. Наша партия действовала и действует в период перехода капитализма в высшую его стадию, империалистическую, период упадка капитализма, его загнивания, период империалистических войн и пролетарских революций. Октябрь 1917 г. открыл в истории человечества новую эру — эру пролетарских революций.

С первых дней своего существования партия большевиков высоко подняла знамя революционного учения Маркса. «Мы стоим всецело на почве теории Маркса: она впервые превратила социализм из утопии в науку, установила твердые основания этой науки и наметила путь, по которому должно итти, развивая дальше эту науку, и разрабатывая ее во всех частностях» [1],— писал Ленин в программной статье «Искры». Но в то время перед нами еще не было непосредственной задачи социалистического переустройства общества, перед нами еще стояла задача собирания революционных сил, пропаганды идеи политической борьбы и социализма среди передовых рабочих, создания боевой пролетарской организации для свержения царского самодержавия, для свержения господства помещиков и капиталистов. Нас, большевиков, в те годы не раз упрекали в том, что у нас-де нет ясного детального плана переустройства общества. Но теория Маркса и не ставила себе такой задачи. Теория Маркса «выяснила настоящую задачу революционной социалистической партии: не сочинение планов переустройства общества, не проповедь капиталистам и их прихвостням об улучшении положения рабочих, не устройство заговоров, а организацию классовой борьбы пролетариата и руководство этой борьбой, конечная цель которой — завоевание политической власти пролетариатом и организация социалистического общества» [2].

Можно сказать, что до октября 1917 г., до завоевания пролетарской диктатуры, мы пережили другие семнадцать лет, семнадцать лет собирания сил и подготовки рабочего класса к великому решительному штурму. Больше всего именно с этой точки зрения Ленин всегда рассматривал 1905 год как генеральную репетицию Октября. Во время этой генеральной репетиции ра-

[1] Ленин. Т. II, стр. 513. 3-е изд.
[2] Там же.

бочий класс на деле увидел, в бою, в действии, по обе стороны баррикады, все политические партии, все классы России. На протяжении первой революции, в период между двумя революциями, в эпоху империалистической войны и между февралем и октябрем 1917 г. рабочий класс получил богатейший по своему содержанию революционный опыт всех видов, всех форм борьбы. Борьба с меньшевиками, эсерами, анархистами, кадетами, черносотенцами еще задолго до 1917 г. закалила передовые элементы рабочего класса, научила их относиться к большевистской партии как к единственному руководителю борьбы. «Мы должны помнить, — писал Ленин еще накануне первой революции в статье «Революционный авантюризм», — что революционная партия только тогда заслуживает своего имени, когда она на деле руководит движением революционного класса» [1]. Сила нашей партии в том, что она на деле руководила движением пролетариата. Как союз сознательных передовых борцов за освобождение рабочего класса наша партия сумела в самых трудных условиях реакции, в период между двумя революциями, сочетать нелегальную революционную деятельность с использованием всех легальных возможностей. В этом отношении наша партия дала прекрасный образец организации, которая помогает рабочему классу преодолевать величайшие препятствия на своем пути в деле об'единения для политической борьбы при всяких условиях. Еще задолго до того как партия большевиков брала власть, Ленин указывал на то, что наша партия не только воспитывает передовых рабочих, но что она способна руководить всем народом на пути к социализму. Эту роль великого организатора и в период штурма царского самодержавия и в период штурма капитализма наша партия на другой день пролетарской революции начала выполнять и в деле социалистического переустройства общества.

«Воспитывая рабочую партию, марксизм воспитывает авангард пролетариата, способный взять власть и вести весь народ к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплуатируемых в деле устройства своей общественной жизни без буржуазии и против буржуазии» [2].

После февральско-мартовской революции наша партия оказалась перед совершенно новыми условиями работы. На апрельской конференции (в 1917 г.) Ленин набрасывал схему этих новых условий партийной работы: неслыханная легальность; возможность говорить открыто перед десятками миллионов, канун невиданного краха (война и голод). Ленин считал, что мы должны готовиться к краху и революции в тысячу раз сильнее февральской. Ленин был прав: Октябрьская революция действительно оказалась в тысячу раз сильнее февральской во всех отношениях.

Что же нужно было для обеспечения успеха этой революции? Ленин намечает следующие важнейшие меры: «удесятерение коллегий агитаторов + пропагандистов + организаторов... Максимум марксизма = =максимум популярности и простоты» [3]. Ленин особенно подчеркивает необходимость удесятерения коллегий организаторов. Эту организаторскую роль партии Ленин подчеркивал всегда. Как одну из причин поражения революции 1905 г. Ленин отмечал недостаток организаторских сил, то, что рабочие и крестьяне, одетые в солдатские мундиры, будучи душой восставших, не обладали еще достаточными организаторскими способностями, чтобы повести эти массы к победе.

---

[1] Ленин. Т V, стр. 151.
[2] Ленин. Т. XXI, стр. 386.
[3] Ленинский сборник IV, стр. 291.

Наша партия всегда придавала громадное значение выработке организационных способностей, созданию кадра организаторов. Вот почему и Ленин в 1917 г. подчеркивает с такой силой необходимость удесятерить организаторские силы. Если вспомнить, что мы организовали нашу политическую армию для октябрьского штурма на протяжении всего нескольких месяцев, от февраля до октября, то особенно ясной станет громадная роль вдохновителей и руководителей Октябрьской революции Ленина и Сталина, роль таких виднейших организаторов боевых сил партии, как Свердлов, Дзержинский. Конечно, громадное значение имело то, что «твердая пролетарская политика дает всему рабочему классу такой запас идей, такую ясность понимания и выдержанность в борьбе, которые ничто в мире не может отнять у с.-д.-ии»[1]. Но одного запаса идей совершенно недостаточно, если у революционного класса нет крепкой боевой организации, если у этой организации нет принципиально выдержанных, закаленных в боях, испытанных, проверенных вождей. Ибо «объективно-максимальная способность пролетариата к объединению в класс реализуется живыми людьми, реализуется не иначе, как в определенных формах организации»[2].

Не менее важное значение имело то, что партия большевиков, создавшая на идейной основе революционного марксизма боевую организацию пролетариата, воспитывала эту организацию в духе железной дисциплины «воюющей партии», дала этой организации твердое руководство, крепкий боевой штаб, — партия сумела собрать в рядах этой организации все боеспособное, живое, кому принадлежало будущее. В статье «Кризис меньшевизма» Ленин, отвечая Ю. Ларину, тогда меньшевику, на его жалобу по поводу того, что «у нас преобладает в партии рабочая молодежь, что семейных рабочих у нас мало, что они отходят от партии», привел ответ Энгельса буржуазному профессору, немецкому кадету: «...Энгельс писал: разве не естественно, что у нас, партии революции, преобладает молодежь? Мы партия будущего, а будущее принадлежит молодежи. Мы партия новаторов, а за новаторами всегда охотнее идет молодежь. Мы партия самоотверженной борьбы с старым гнильем, а на самоотверженную борьбу всегда первою пойдет молодежь»[3].

Старая большевистская гвардия, старые подпольщики играли огромнейшую роль во всей нашей революции. Боевой штаб большевистской партии и сегодня состоит по преимуществу из представителей этой старой большевистской гвардии. Но было бы совершенно неправильно, близоруко, если бы партия не собрала вокруг себя молодые силы, молодые кадры, если бы она не воспитала эти молодые кадры в духе большевизма, в духе непримиримой борьбы со всякого рода немарксистскими влияниями в рабочем классе, если бы партия не воспитала, не закалила в повседневной борьбе десятки тысяч новых молодых организаторов для всех отраслей нашей стройки. По сути дела вся страна наша молодая. Любой завод, любая фабрика, любой колхоз, любая стройка насчитывают в первых своих рядах новых людей. Среди них немало родившихся незадолго до Октября. Миллионы молодых избирателей в советы идут, например, в этом году впервые на избирательные собрания. Их родила, их воспитала революция, их воспитала наша партия. И среди этих миллионов немало подлинных будущих организаторов социалистического, бесклассового общества.

* * *

Если до Октября нам незачем было составлять конкретные планы переустройства общества, то эта задача стала перед нами вплотную, когда мы брали власть. Мы должны были строить плановое социалистическое хозяй-

[1] Ленин. Т. XI, стр. 254.
[2] Ленин. Т. XII, стр. 63. Разрядка моя. — Ем. Я.
[3] Ленин. Т. X, стр. 188.

ство, строить планы социалистического переустройства общества. Ибо Октябрьская революция 7 ноября (25 октября 1917 г.) в России, писал Ленин, осуществит диктатуру пролетариата, начавшего при поддержке беднейшего крестьянства или полупролетариата созидать основы коммунистического общества. Конечно, для созидания этих основ коммунистического общества нужен был план. План этот мы не могли выработать во всех его подробностях с самого начала революции, тем меньше мы могли его выработать до революции. Но черновые контуры этого плана, конкретизацию мероприятий, которые мы должны были проводить с самого начала не только для расчистки авгиевых конюшен царизма, доставшихся нам в наследство от старого порядка, но для построения фундамента социалистической экономики, — эти черновые контуры мы должны были намечать еще до завоевания власти.

На VI с'езде партии, который был с'ездом подготовки к октябрьскому штурму и проходил под знаком подготовки к вооруженному восстанию, товарищ Сталин, непосредственно руководивший с'ездом, определил уже характер надвигающейся новой революции как революции социалистической.

«Между тем, — говорил он в докладе о политическом положении, — война продолжается, экономическая разруха растет, революция продолжается, получая все более социалистический характер. Революция врывается в сферу производства — ставится вопрос о контроле. Революция врывается в сельскохозяйственную сферу — ставится вопрос не только о конфискации земли, но и о конфискации инвентаря, живого и мертвого. Поскольку большевики являлись глашатаями пролетарской революции, они верно определили ее характер... Таким образом, тот факт, что у нас революция развивалась и шла вперед, этот факт толкал нас на путь необходимости перешагнуть через революцию буржуазную к революции социалистической» [1].

Еще до взятия власти Ленин доказывал, что советское правительство должно немедленно ввести в общегосударственном масштабе рабочий контроль над производством и потреблением; немедленно национализировать банки и страховое дело, а равно важнейшие синдицированные отрасли промышленности: нефтяную, каменноугольную, металлургическую, сахарную и пр. Эти мероприятия, конечно, еще не означали «немедленного введения социализма», но они были шагом к социализму, неизбежным с первых же дней революции, как неизбежны были конфискация всех помещичьих земель и передача их в пользование крестьянам, как неизбежны были для пролетарской революции выход из империалистической войны и превращение войны империалистической в войну гражданскую против капиталистов и помещиков.

После захвата власти и установления пролетарской диктатуры начинается новый период в деятельности большевистской партии. «Красногвардейская атака» на капитал. Суровый период военного коммунизма, вынужденного войной и разорением. Непосредственный переход к социалистическому переустройству был невозможен. Нужно было перейти, как говорил Ленин, от штурма к осаде. Партия перешла к новой экономической политике, укрепив союз пролетариата с трудящимся крестьянством. Необходимо было временное отступление для перестройки, для нового наступления широким фронтом на рельсах новой экономической политики. Нужно было пережить труднейший восстановительный период. Надо было еще учиться торговать, учиться строить, надо было выработать в себе навыки организаторов нового, социалистического общества, нового, социалистического хозяйства. Терпеливо, шаг за шагом, надо было налаживать смычку с крестьянством на новых основаниях. С'езды и конференции партии, важнейшие выступления Ленина и Сталина в этот период направлены именно в эту сторону, — чтобы перед

[1] Протоколы VI с'езда РСДРП(б), стр. 108. ИМЭЛ. 1934.

партией, перед каждым партийцем во весь рост поставить эти задачи. Именно потому, что партия большевиков сумела выделить и выковать организаторов социалистического хозяйства; именно потому, что она подняла на большую высоту эти организационные задачи социалистического переустройства общества, социалистического переустройства всего народного хозяйства, она добилась в короткий период таких огромных результатов. Пройден был в несколько лет восстановительный период нашего хозяйства. Страна под руководством партии уверенно вступила в реконструктивный период.

В этом новом периоде борьбы рабочего класса СССР за победу социализма партия под руководством товарища Сталина ведет пролетариат к новым победам. Огромнейшее наследство оставил партии и всему международному пролетариату Ленин в своих трудах, в своих речах и статьях, в гениальных планах, которые он разрабатывал вместе с боевым штабом нашей партии — Центральным комитетом, со всей партией. Но жизнь ставит нас перед новой обстановкой, перед новыми, иногда весьма трудными положениями международного и внутреннего порядка. Необходимы величайшая идейная сила и твердость, организационная четкость, ясность предвидения и уменье организовать огромный, многомиллионный коллектив, чтобы вести партию вперед, к новым победам, как ведет ее все эти годы товарищ Сталин.

Только после того как на отдельных участках хозяйственного фронта партия одержала серьезные победы, стало возможно наступление по всему фронту. Эта установка — «наступление по всему фронту» — дана была в политическом отчете товарища Сталина на XVI с'езде.

«Основная установка партии в данный момент, — говорил товарищ Сталин, — состоит в переходе от наступления социализма на отдельных участках хозяйственного фронта к наступлению по всему фронту и в области промышленности, и в области сельского хозяйства. XIV с'езд был, по преимуществу, с'ездом индустриализации. XV с'езд был, по преимуществу, с'ездом коллективизации. Это была подготовка к общему наступлению. В отличие от пройденных этапов период перед XVI с'ездом является периодом общего наступления социализма по всему фронту, периодом усиленного строительства социализма и в области промышленности и в области сельского хозяйства. XVI с'езд есть с'езд развернутого наступления социализма по всему фронту, ликвидации кулачества как класса и проведения в жизнь сплошной коллективизации» [1].

Организаторская роль и работа партии в этот период гигантски выросли. Партия поставила перед собой новые грандиознейшие задачи. Буржуазный мир не верил в то, что рабочий класс может выделить достаточное количество организаторских сил для выполнения этих задач. Трудности наши еще возрастали оттого, что мы в начале революции не имели своих пролетарских кадров техников, инженеров, строителей. Враги наши были того мнения, что большевики неплохо умеют разрушать, но они не верили в то, что большевики умеют не хуже того строить, созидать. Задача воспитания новых кадров организаторов, техников, инженеров, агрономов, врачей и т. п. была выдвинута нашей партией как одна из важнейших задач. Партия уделяла этой задаче серьезнейшее внимание. Она создала такие организации, как Промакадемия — академия подготовки командного состава промышленности, она создала десятки новых втузов, техникумов. Около полумиллиона людей, вчера стоявших у станка, у сохи, засели за математику, химию, технологию, механику, агрономические науки, пошли в лаборатории, в исследо-

[1] Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 550. 9-е изд.

вательские институты, стали инженерами и даже профессорами. И сейчас не так уж трудно встретить молодых по годам, но уже достаточно известных своими научными работами, своими изобретениями, своими образцовыми стройками инженеров-коммунистов. Сплошь и рядом директора заводов, директора МТС, совхозов — коммунисты, которые еще в период Октябрьской революции умели лишь хорошо владеть винтовкой, направленной против врагов пролетариата. Сейчас они овладевают техникой. Немало среди них совсем еще молодых людей, в период Октября бывших детьми. Чем дальше мы отходим от славной исторической даты — октября 1917 г., — тем значительнее становится эта прослойка.

Вопрос об овладении техникой был одним из важнейших вопросов, выдвинутых революцией перед нами, большевиками. Вряд ли найдется другая страна, где бы этот вопрос не был поставлен перед рабочим классом на другой день после революции. Может быть, такие страны, как Германия, Англия, окажутся в этом отношении в несколько лучшем положении, потому что удельный вес рабочего класса в этих странах выше, чем был удельный вес рабочего класса в России накануне Октября, потому что техника в этих странах стоит на более высоком уровне. Недостаточно назначить коммуниста директором завода. Надо, чтобы этот коммунист сам овладел техникой производства. Об этой задаче говорил товарищ Сталин на I всесоюзной конференции работников социалистической промышленности в феврале 1931 г.:

«Спрашивают часто, почему у нас нет единоначалия? Его нет и не будет, пока мы не овладеем техникой. Пока среди нас, среди большевиков, не будет достаточного количества людей, хорошо знакомых с вопросами техники, экономики и финансов, у нас не будет действительного единоначалия. Пишите сколько угодно резолюций, клянитесь какими угодно словами, но если не овладеете техникой, экономикой, финансами завода, фабрики, шахты — толку не будет, единоначалия не будет.

Задача, стало быть, состоит в том, чтобы нам самим овладеть техникой, самим стать хозяевами дела».

И дальше товарищ Сталин говорил:

«Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [1].

Боевым приказом для партии были эти указания товарища Сталина об овладении техникой. Вряд ли можно отрицать громадные успехи в освоении новых производств, достигнутые за последние годы. Вряд ли теперь есть машина, которую мы не могли бы сделать на своих заводах. Вряд ли есть такой завод, который мы не могли бы оборудовать своими машинами. Освоение сложнейших агрегатов на новых заводах за последние два—три года дало совершенно определенные результаты. Достаточно напомнить только такого рода факты, как производство синтетического каучука, производство алюминия, производство многочисленных сортов лучших качественных сталей, достаточно пробежать список машин, которые мы производили у себя в начале реконструктивного периода и производим теперь, чтобы видеть, какое огромное расстояние мы пробежали за последние десять лет. Еще более разительно будет это сравнение, если мы возьмем последние 3—4 года.

Но лозунг овладения техникой относится ведь не только к промышленности. Он относится в равной мере к сельскому хозяйству. И в сельском хозяйстве мы имеем исключительно большие успехи.

Взять хотя бы лето этого года. По климатическим условиям оно было сравнительно неблагоприятным, а в целом ряде областей даже крайне неблагоприятным. Засуха в течение ряда весенних месяцев задержала рост хлебов и вызвала необходимость даже перепахивания, пересева больших пространств. Но именно благодаря тому, что мы за последние годы технически перевооружили сельское хозяйство, благодаря организации МТС, благодаря

[1] Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 583—584.

организации политотделов и благодаря тому, что мы двинули в деревню, в сельское хозяйство десятки тысяч молодых агрономов, зоотехников и т. п.,— мы добились в этом году исключительных результатов. Лозунг сделать все колхозы большевистскими и всех колхозников зажиточными — это живой действенный лозунг, если за него берутся подлинные организаторы социалистического строительства. А за него взялись десятки и сотни тысяч передовых колхозников, коммунистов, комсомольцев и беспартийных, преданных социализму людей. План весеннего сева был выполнен в короткий срок. Даже там, где была засуха, искусственный полив, как например в Кабардино-Балкарской области, дал возможность собрать невиданный урожай: колхозники Кабардино-Балкарии получили на трудодень в среднем по полтора пуда хлеба. Сокращены были сроки уборки и хлебосдачи. Еще никогда к годовщине Октября мы не имели выполнения годового плана хлебосдачи, а в этом году к Октябрьской годовщине план хлебосдачи почти выполнен. Никогда еще не было поднято столько зяби, не был выполнен к этому сроку и в таких размерах план осеннего сева. Никогда еще не было такой борьбы за качество, какая ведется сейчас на колхозных и совхозных полях.

Мы имеем такие успехи в области тяжелой промышленности, выплавки чугуна, добычи угля, золота, каких еще не имели. В сентябре СССР *вышел на первое место в мире по выплавке чугуна*. Страна, еще недавно аграрно-индустриальная, с разбитым после войны хозяйством, со слабой, еле оживавшей промышленностью стала страной мощного машиностроения, гигантских электростанций, мощного социалистического сельского хозяйства. Без партии Ленина, Сталина, без железной дисциплины в ее рядах, без тесной связи партии с самыми широкими массами, без выковывания новых, социалистических кадров организаторов партия не могла бы добиться этих грандиозных побед.

Перед нашей партией, перед всей страной стоят еще незавершенные величайшие задачи второй пятилетки. XVII с'езд нашей партии, с'езд победителей, указал:

«...Выполнение второго пятилетнего плана, плана общей технической реконструкции народного хозяйства требует такой организации дела, при которой были бы обеспечены:

во-первых, оперативность и конкретность повседневного хозяйственного руководства, не мирящегося с бюрократическими извращениями в хозаппарате;

во-вторых, сосредоточение лучших инженерно-технических сил на решающих производственных участках, а не в канцеляриях учреждений;

в-третьих, правильная организация заработной платы рабочих, обеспечивающая материальное поощрение роста производительности труда;

в-четвертых, поднятие дела социалистического соревнования, особенно в целях лучшего освоения новой техники и новых производств;

в-пятых, крепкая производственная дисциплина как в промышленных предприятиях и совхозах, так и в колхозах;

в-шестых, революционная бдительность против врагов диктатуры пролетариата и действительная ответственность перед рабочим классом и его партией за порученное дело;

в-седьмых, дальнейшее укрепление союза рабочих и трудящихся крестьян»[1].

* * *

Было бы неправильно забывать о том, что эти гигантские успехи стали возможны только потому, что вокруг Центрального комитета нашей партии, вокруг вождя нашей партии товарища Сталина тесно сплотилась вся партия. Это стоило немалых трудов. История борьбы за пролетар-

[1] Резолюция XVII с'езда ВКП(б) по докладу тт. Молотова и Куйбышева. Стенографический отчет, стр. 669.

скую диктатуру есть в то же время история борьбы со всеми открытыми и скрытыми врагами пролетарской диктатуры, со всеми врагами нашей большевистской пролетарской дисциплины, наших большевистских организационных принципов и нашей программы. Такие вопросы, как вопрос о возможности победы социализма в одной стране, с самого начала для нас были не только теоретическими вопросами. Борьба за большевистские принципы принимала столь острый характер в нашей партии, что Ленин говорил, например, перед X с'ездом о кризисе партии, о том, что партия больна, что партию треплет лихорадка. На кризис нашей партии рассчитывали наши враги. Они пытались даже вызвать такой кризис, стремясь создать внутри нашей партии свою собственную, вторую партию. После смерти Ленина троцкисты особенно подняли голову и хотели повернуть нашу партию на путь меньшевизма, на путь оппортунизма. Правые оппортунисты также боролись против политики партии, направленной на развертывание социалистического наступления по всему фронту, против индустриализации страны и коллективизации. И величайшей заслугой Центрального комитета нашей партии и его руководителя товарища Сталина является изгнание оппортунистов из рядов нашей партии, разгром их. В период после революции 1905—1907 гг. наша партия изгнала ликвидаторов справа и ликвидаторов «слева» из рядов нашей организации. И только поэтому она сумела, восстановив разрушенные партийные центры на Пражской конференции, сохранить свои боевые кадры и вывести их в октябре 1917 г. в бой за пролетарскую диктатуру. Так после смерти Ленина изгнание оппортунистов из нашей партии, непримиримая борьба против всяких видов оппортунизма и извращений ленинской линии укрепили нашу партию, сплотили ее, сделали ее способной выполнить величайшие задачи первой и второй пятилеток социалистического переустройства.

Конечно, для этого понадобилась и огромная организационная работа, организационная перестройка. Политика нашей партии победила, «во-первых, потому, что эта политика соответствует классовым интересам миллионов рабочих и крестьян, и, во-вторых, потому, что большевистская партия, ее ЦК не только провозгласили политические лозунги, но сумели по-большевистски, практически организовать массы для проведения в жизнь этих лозунгов, организовать и перестроить все органы и аппараты пролетарской диктатуры применительно к новым задачам реконструктивного периода»[1].

Эта организационная перестройка направлена к тому, чтобы руководство носило действительно оперативный конкретный характер, чтобы улучшение этого руководства шло наряду с повышением идеологического уровня членов нашей партии. Принятый на XVII с'езде новый устав партии представляет в этом отношении исключительной важности исторический документ. Устав нашей партии во весь рост ставит перед каждым членом большевистской организации задачи освоения марксистско-ленинского учения, поднятия идеологического уровня. То, что Ленин писал в 1917 г. о необходимости «максимума марксизма», в неменьшей степени является задачей сегодняшнего дня. Потому что перед нами стоят грандиозные задачи создания бесклассового, социалистического общества. Нельзя подходить к этим задачам, не владея в совершенстве революционным учением Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина.

* * *

Прошло 17 лет со дня возникновения первого в мире пролетарского государства, далеким прообразом, предшественником которого была Парижская коммуна 1871 г. Но если Парижская коммуна просуществовала всего не-

[1] Резолюция XVII с'езда ВКП(б) по докладу тов. Л. Кагановича. Стенографический отчет, стр. 670.

сколько десятков дней, то СССР за 17 лет своего существования показал, какие огромные силы накоплены международным пролетариатом. Мы всегда помнили и учитывали, что мы делаем дело международного пролетариата. Это подчеркивал Ленин с первых дней революции, это всегда подчеркивал товарищ Сталин СССР стал оплотом рабочего класса, трудящихся всех стран, их надеждой, целью их стремлений. Наша партия показала рабочему классу путь к победе. Она показала не только путь к власти рабочему классу, но она показала, как надо эту власть удержать в своих руках. Она показала, как надо строить социалистическое общество, социалистическое хозяйство.

И чем дальше мы отходим от этой важнейшей исторической даты — октября 1917 г., тем бóльший накапливается у нас опыт, тем больше становится удельный вес СССР, противостоящего системе капиталистических государств. Эти две системы борются, соревнуются в различных формах. В первые годы эта борьба велась с оружием в руках, когда интервенты хотели стереть с лица земли Советское государство. Эта борьба происходит за последние годы в иных формах, хотя империалисты, конечно, не оставили мысль об уничтожении советской власти. Страна советов показала все преимущества социалистического хозяйства для миллионов и сотен миллионов рабочих, крестьян, трудящихся всего мира. В огромной степени выросла мировая роль СССР и в неменьшей степени выросла ведущая роль ВКП(б) как партии, имеющей единственный в истории человечества опыт построения пролетарского государства, построения социалистического общества.

Но мы ни на минуту не должны забывать стоящих перед нами задач. Мы должны по-большевистски бороться за успешное выполнение второй пятилетки, пятилетки построения бесклассового, социалистического общества и завершения технической реконструкции всего народного хозяйства.

Партия большевиков возникла на заре рабочего движения нашей страны. Она организовала вначале лишь сотни передовых рабочих. Она создала величайшую в мире боевую организацию пролетариата Она закрепила многомиллионный союз рабочих и крестьян. Во главе этого союза она прошла через три революции, через гражданскую войну, вывела массы в бой за окончательную победу социализма, научила эти массы бороться за социализм и побеждать. Она создала и создает многочисленные кадры организаторов нового, социалистического общества. Она вносит в железный арсенал мирового рабочего движения оружие, которым она побеждала, и этим оружием она помогает рабочему классу всего мира, угнетенным, трудящимся всех стран сбросить власть дряхлеющего, загнивающего, распадающегося капиталистического общества. Партия наша с честью и гордостью выполняет роль передового отряда мирового рабочего движения, передового отряда борьбы за победу социализма во всем мире.

ЗА УКРЕПЛЕНИЕ СОВЕТОВ—ОРГАНОВ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ

А. С. Енукидзе

Выборы в советы являются величайшей массовой политической кампанией уже потому, что они охватывают поголовно все трудовое население нашей страны. Значение этой кампании особенно вырастает, если принять во внимание то, что происходит за нашими рубежами, в капиталистическом мире.

Историческое значение побед, достигнутых нами в социалистическом строительстве, признано даже нашими врагами. Советская страна, успешно и твердо строящая социализм, стала знаменем борьбы и надежд трудящихся всего мира. В глубинной Азии — в Китае, в дальнем углу Европы — в Испании, на заокеанском острове Кубе — всюду пролетарии провозглашают советы как лозунг своей борьбы, как символ своих сегодняшних и будущих побед.

Трудящиеся всего мира знают, что в Стране советов люди труда являются хозяевами своей страны и своей судьбы.

Глубочайший кризис капитализма, обнаруживший банкротство буржуазных общественных отношений, острая безработица во всех странах капитализма, обнищание самых широких народных масс в «передовых» странах буржуазной демократии, распад парламентаризма и наступление фашизма, лишение избирательных прав целых слоев трудящихся масс — все это заставляет не только пролетариат и крестьянство, но и значительную часть интеллигенции этих стран разувериться во всех обещаниях и мероприятиях капиталистических правительств и видеть свое спасение на единственно правильном пути — пути Советского союза.

В отчетно-выборных собраниях советов у нас будет принимать участие свыше 90 млн. чел. Во всех уголках нашей великой родины: за полярным кругом и в Средней Азии, у западных границ и на Дальнем Востоке, в Сибири и Закавказье, руководители и депутаты советов выйдут на эти собрания, для того чтобы дать исчерпывающие отчеты своим избирателям.

Во всех уголках Советского союза избиратели подведут итоги огромным, поистине историческим достижениям 170-миллионной страны, строящей социализм несмотря на многие трудности этого небывалого в мире дела.

Рабочие, колхозники, единоличники, служащие, бойцы Красной армии, краснофлотцы, летчики, инженеры, техники, колхозные бригадиры, трактористы, ленинская молодежь — мужчины и женщины в городах и селах, на новостройках и кораблях, на промыслах и шахтах, в совхозах — всюду будут оценивать гигантские успехи своей страны. И определяя силы и пути, какими достигнуты эти исторические победы, мы еще раз вспомним слова товарища Сталина:

«Это, прежде всего, активность и самоотверженность, энтузиазм и инициатива миллионных масс рабочих и колхозников, развивших вместе с инженерно-техническими силами колоссальную энергию по разворачиванию социалистического соревнования и ударничества. Не может быть сомнения,

что без этого обстоятельства мы не могли бы добиться цели, не могли бы двинуться вперед ни на шаг.

Это, во-вторых, твердое руководство партии и правительства, звавших массы вперед и преодолевавших все и всякие трудности на пути к цели.

Это, наконец, особые достоинства и преимущества советской системы хозяйства, таящей в себе колоссальные возможности, необходимые для преодоления всех и всяких трудностей.

Таковы три основные силы, определившие историческую победу СССР»[1].

Эти же силы и в дальнейшем будут решающими для новых побед социализма.

В итоге социалистических побед произошли громадные политические сдвиги в массе избирателей СССР. В огромной мере возросла численность рабочего класса, составляющего авангард трудящихся. Миллионы вчерашних единоличников работают в колхозных рядах, расширяя надежную опору советской власти в деревне. Во всех слоях организованного трудового населения широко развиты разнообразные формы социалистического соревнования и ударничества. Созданием политотделов усилено руководство нашей партии в сельском хозяйстве и на транспорте. Советские организации окружены массовым и уже накопившим опыт активом рабочих и колхозников. Самокритика становится все более действенным оружием против всякой косности, отсталости и недостатков в работе. И как сегодняшний итог этого политического роста масс, как лучшее выражение их преданности делу социализма, как знак величайшего доверия партии и советской власти в эти дни мы наблюдаем бурно растущий производственный под'ем рабочих и колхозников, который навстречу VII всесоюзному с'езду советов несет своевременное и досрочное выполнение народнохозяйственных планов и обязательств перед государством.

И тот факт, что в этом производственном походе имени VII с'езда советов участвуют широкие круги специалистов различных отраслей строительства, говорит об отрадном явлении: усиливается сплоченность между работниками физического и умственного труда. Люди высших профессий и высокой научной квалификации идут в ногу со всеми строителями социализма. Этим самым еще более обеспечиваются дальнейшие успехи социалистического строительства.

Все это облегчает работу партийных и советских организаций в кампании перевыборов, но в то же время еще более повышает требования к качеству их работы, к качеству политического руководства и организаторского влияния на массы. Обстановка и великие задачи второй пятилетки требуют, чтобы в этом отношении мы были на голову выше того уровня, на котором проведена предыдущая кампания перевыборов.

В период, отделяющий VI всесоюзный с'езд советов от VII с'езда, период, богатый событиями и общеизвестными достижениями нашей страны, мы разрешали задачи, вытекавшие из директив партии о завершении плана первой пятилетки и о развороте великих работ второй пятилетки. Но если первая пятилетка была периодом главным образом нового строительства, то теперь мы боремся за осуществление второй пятилетки, которая по преимуществу является пятилеткой освоения, овладения техникой, большевистской культурой труда и роста его социалистической производительности.

Это уже новая, огромная ступень, которую мы перешагнем только при условии и путем превращения всех трудящихся в сознательных и активных строителей бесклассового, социалистического общества. На новом этапе борьбы неизбежны будут жестокое сопротивление ликвидируемых остатков классового врага и отчаянные попытки его повлиять на коммунистов и беспартийный состав советских организаций, на известные слои рабочего клас-

[1] Сталин «Итоги первой пятилетки».

са́ и крестьянства. Это сопротивление и влияние классово враждебных элементов неминуемо и с особой силой будут чувствоваться при выборах в советы. Вот почему мы говорим о необходимости неусыпной классовой бдительности, о непримиримой борьбе против всякого оппортунизма и двурушничества, о строжайшем соблюдении революционной законности и избирательного законодательства СССР.

Опасность проникновения в советы классово чуждых и неустойчивых элементов особенно серьезно должна быть учтена партийными и советскими организациями в деревне, где капиталистические пережитки сильнее, где кулацкие элементы и кулацкое влияние направляются против устоев коллективизации руками не только прямой агентуры классового врага, но и через «обволакиваемых» работников совета и колхоза. Классовые враги учитывают, что подрыв колхозного строительства и кулацкое влияние на органы власти приводят к ослаблению органов пролетарской диктатуры в деревне.

Каждый избиратель, а тем более каждый коммунист и каждый работник совета обязан ни на минуту не забывать, что борьба за укрепление диктатуры пролетариата, за дальнейшее успешное развертывание социалистического строительства и усиление сплоченности трудящихся вокруг партии и советов нанесет самый сокрушительный и самый верный удар по всем проискам классовых врагов.

Изгнание классово враждебных элементов из советов — одна из важнейших задач выборов. Борьба с классовым врагом и оппортунистами, правыми и «левыми», — это вопрос о путях, средствах и темпах борьбы за социализм. Ибо «дело не только в советах, как в форме организации, хотя сама эта форма представляет величайшее революционное завоевание. Дело, прежде всего, в содержании работы советов, дело в характере работы советов, дело в том, кто именно руководит советами, — революционеры или контрреволюционеры» (Сталин).

Вот почему снова и снова мы подчеркиваем задачу — охранять классовую чистоту совета как органа диктатуры пролетариата, укреплять его классово стойкими работниками из лучших ударников производства и общественной работы, из передовиков социалистического строительства, из «знатных» людей нашей страны.

* * *

Не только в городе, но и в деревне социализм, как это подчеркнул товарищ Сталин на XVII с'езде партии, стал безраздельно господствующей и единственно командующей силой в экономике СССР.

Классовый враг уже лишен той экономической базы, которая питала его в сельскохозяйственном производстве. Но не добиты еще остатки кулачества, не ликвидировано еще полностью кулацкое влияние на отсталые слои колхозников и единоличников. В недрах миллионных колхозных масс затаился немногочисленный уже, но непримиримый классовый враг, обманом проникший в артельную среду, чтобы пакостить, вредить изнутри, расхищать колхозное добро, подогревать собственнические инстинкты вчерашних единоличников.

Это методы «тихой сапы», методы «воровских махинаций». Разоблачать, искоренять врагов, воспитывая колхозников в духе сознательных и активных строителей социализма,— нелегкая задача. Разрешение ее необходимо сочетать с правильной организацией труда в колхозах, с дальнейшим внедрением и овладением агротехникой, с воспитанием партийного и беспартийного актива, со строжайшим соблюдением революционной законности и укреплением советов — органов диктатуры пролетариата.

Самотеком, без упорной классовой борьбы, без работы над укреплением наших организаций, тут ничего не возьмешь. «Самотек может погубить все дело». «Сильная и мощная диктатура пролетариата — вот что нам нужно теперь для того, чтобы развеять в прах последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махинации» (Сталин).

Вся практика работы советов подтверждает всю правильность этого указания товарища Сталина. Достаточно взять материалы чистки, достаточно вспомнить уроки хлебозаготовок на Северном Кавказе и Украине в 1932 г. Прорывы в районах были тем глубже, чем больше их аппарат был засорен кулацкими, белогвардейскими, вредительскими элементами. Именно эти осколки разбитого строя, пользуясь притуплением классовой бдительности у некоторых руководителей местных организаций, «работали» так, что только дискредитировали советскую власть. Сопротивление классового врага, которое так часто дает себя чувствовать на разных участках социалистического строительства, с особой силой подчеркивает, насколько необходимо максимальное укрепление советов.

Мы боремся за бесклассовое общество. Придти к нему нельзя каким-то отвлеченным, «самотечным» путем, даже в условиях величайших побед колхозного строя. Эти победы, этот «переход к коллективному хозяйству как преобладающей форме хозяйства не уменьшает, а увеличивает наши заботы о сельском хозяйстве, не уменьшает, а увеличивает руководящую роль коммунистов в деле под'ема сельского хозяйства». Обстановка классовой борьбы против замаскированного врага требует еще большего укрепления всех органов пролетарской диктатуры. Вне этого условия мы не обеспечим четкого выполнения законов советского государства, не обеспечим стопроцентного выполнения обязательств перед государством, не обеспечим необходимых темпов выполнения народнохозяйственных планов.

В хлебосдаче, в борьбе за под'ем животноводства, в охране общественной собственности, в организации и оплате труда — на всех важнейших позициях мы наблюдаем злобный, но скрытый напор чужаков, проводящих антигосударственные и антиколхозные действия.

О необходимости повышения революционной бдительности забывать нельзя.

* * *

В выборах в советы будут участвовать многомиллионные массы избирателей, в том числе мощный слой советской молодежи, которая впервые пойдет на отчетно-избирательные собрания. Для проведения этой политически самой ответственной кампании ЦИК Союза ССР установил срок, 40 дней, вместо почти двух месяцев, на которые растягивались перевыборы в прошлом. При возросшем контингенте избирателей нынешнюю кампанию требуется провести на высоком политическом уровне, соответствующем сегодняшнему политическому и культурному уровню трудящихся, а всю подготовительную и практическую работу сочетать с бесперебойным выполнением текущих кампаний.

Все это во весь рост ставит перед нашими организациями, партийными и советскими, вопрос, достаточно ли мы подготовлены, хорошо ли политически и технически организовались для ее проведения, застраховались ли мы от повторения ошибок прошлой кампании перевыборов?

Ошибки эти сейчас необходимо вспомнить, ибо, судя по сообщениям с мест, они в ряде случаев наблюдаются и сейчас.

В чем состояли эти ошибки? Руководящие организации некоторых областей и районов положились на инициативу низовых организаций, оставляя

их без надлежащей проверки и оперативной помощи. К упущениям в подготовке на местах эти руководящие областные и районные организации относились почти снисходительно, ссылаясь на занятость очередными хозяйственными кампаниями. Мы имели в прошлом следующие недостатки: ослабление массовой работы с такими слоями трудящегося населения, как беднота и батрачество, сезонники, вновь пришедшие из деревень рабочие, женские массы села, единоличники, так называемое неорганизованное городское население; неуменье всю работу по перевыборам сочетать с боевым выполнением других кампаний и, больше того, сделать перевыборы лучшим орудием для их выполнения; неуменье организовать участие всех профессиональных и других общественных организаций в подготовке и проведении перевыборов; недостаточное выдвижение в состав советов женщин и молодежи несмотря на их высокую общественную и производственную активность; слабое внимание к коренизации советского аппарата в национальных районах; формальное отношение к проверке выполнения и составления наказов избирателей; недостаточная подготовка кандидатов в совет.

За все эти недостатки и ошибки мы расплачивались потом большими упущениями в различных отраслях своей работы, недоделками, прорывами, кампанейщиной, ненужным администрированием, не говоря уже о том, что все это ослабляло авторитет соответственных советских, общественных и партийных организаций. И в этом случае применимы слова товарища Сталина о том, что «если речь идет об ответственности и виновности, то ответственность падает целиком и полностью на коммунистов».

* * *

Перед избирателями будут отчитываться депутаты, получившие доверие масс три—четыре года назад. Накануне отчетных собраний ревизионные комиссии с помощью смотровых бригад и советского актива обязаны тщательно и всесторонне проверить работу советов, с тем чтобы не только дополнить отчетный доклад совета, но и критически его осветить.

Бесспорно, что достижения наши в различных отраслях строительства огромны. Но этими успехами мы не можем ни закрывать, ни оправдывать, ни смягчать тех недостатков и упущений, которые имеются у нас в промышленном, городском, колхозном строительстве. На ликвидацию этих недостатков необходимо мобилизовать всю активность трудящихся масс, а выявление этих недостатков на отчетных собраниях поможет лучше оценить работоспособность, настойчивость, инициативность работников прежнего состава советов и отобрать лучших активистов в новый состав. Поэтому требуется проверить работу не только совета или исполкома в целом, но и каждого депутата в отдельности.

Отсюда понятно значение полного участия избирателей в отчетных собраниях, где, по существу, происходит подбор людей, необходимых совету как опора в борьбе за успехи дальнейшего социалистического строительства. Отсюда ясно, насколько важно развернуть здесь самую широкую деловую самокритику. Отсюда, наконец, понятна также необходимость давать отчеты не в общих и средних цифрах, а по каждому заданию, по каждому отдельному участку, по каждой отрасли работы.

Городской совет и его депутаты покажут, например, как выполняли и выполнили они указания партии о городском и коммунальном строительстве, о помощи железнодорожному транспорту, об улучшении товарооборота, о рабочем жилище, об организации бытовых учреждений, о расширении и улучшении культурных очагов, о выполнении конкретных требований трудящихся, выраженных в наказе, и т. д.

Районный исполком или сельский совет обязаны также обстоятельно доложить, что сделали они для точного выполнения обязательств перед

государством, как помогают росту и укреплению колхозов, насколько увеличено поголовье скота, насколько поднята трудовая дисциплина и производительность труда в колхозах, как (на примерах) соблюдалась революционная законность и охранялась социалистическая собственность, хорошо ли освоена машинная техника в сельском хозяйстве, насколько выросла стоимость трудодня колхозников, что сделано по насаждению культурного быта на селе, как развивалась самокритика и практика общественного контроля над работой сельских учреждений, достаточно ли совет вовлекает и закрепляет на советской работе трудящихся женщин, в чем и насколько колхозники ушли вперед от своего недавнего единоличного ведения хозяйства, выполняет ли совет директивы партии и товарища Сталина об отношении к единоличникам как к завтрашним колхозникам и т. д.

Советы городов и сел обязаны дать отчет в том, какое участие приняли они во всесоюзных соревнованиях советов по отраслевым конкурсам.

При всем этом следует полнее выявить роль коммуниста в совете, обязанного быть передовым, классово стойким производственником и общественником. К членам партии, работающим в совете, мы в первую голову пред'являем требование образцово работать и в массовых органах совета, и в колхозе, и среди единоличников. Депутаты-партийцы обязаны служить для беспартийных примером высокой дисциплинированности, классовой бдительности и политической выдержки. На основе такой проверки партийные организации сумеют лучше оценить и тех коммунистов, которые намечаются к выдвижению в новый состав советов.

На опыте лучших партийных работников совета надо показать, как члены данного парторганизации воспитывают в себе качества большевистских организаторов различных отраслей городского и колхозного строительства, руководя советом или участвуя в его секциях и депутатских группах.

Но заслуга партийца-депутата не только в его личной активности, работоспособности и революционной твердости. Коммуниста в совете мы ценим еще по тому, как он помогает другим депутатам и активистам совета из рядовых и «средних» работников выйти в строй ударников и передовиков.

В отчете перед избирателями надо лишний раз подчеркнуть, насколько почетно звание депутата в нашей стране и какие задачи поэтому возлагают на него наша партия и советская власть. На основе обращения ЦИК Союза ССР следует напомнить, что советы будут главнейшими проводниками генеральной линии партии, выполняя великие задачи второй пятилетки. Поэтому в совете место только тем, кто беззаветно предан делу рабочего класса, кто на деле доказал свою готовность бороться за успехи социалистического строительства при всех условиях и несмотря на все трудности. Для чуждых людей, классово враждебных, ненадежных, неработоспособных, оторванных от трудящихся масс, места в совете нет. Только высокой революционной бдительностью, только массовой активностью избирателей, только на основе большевистской самокритики и строжайшего отбора людей мы обеспечим крепкий состав советов.

* * *

Большое внимание партийные и советские организации должны уделить строжайшему выполнению как избирательной «Инструкции Союза ССР», так и всего нашего избирательного законодательства. К нынешним перевыборам в «Инструкцию» внесен ряд изменений и поправок, касающихся главным образом статей о лишении избирательных прав кулацких элементов. В «Инструкции» учтено, что за истекший после VI с'езда советов период коренным образом изменился облик кулака.

На базе сплошной коллективизации кулачество как класс в основном ликвидировано, и теперь уже нет или почти нет таких кулаков, которые

обладали бы крупными имущественными об'ектами, вроде сельскохозяйственных предприятий, при помощи которых они эксплоатировали окружающее население. Основной формой эксплоататорской «деятельности» кулака ныне является спекуляция, главным образом в ее скрытом виде. «Чтобы разглядеть такого ловкого врага... нужно обладать революционной бдительностью, нужно обладать способностью сорвать маску с врага и показать колхозникам его действительное контрреволюционное лицо» (Сталин).

«Инструкция» отчетливо указывает признаки, которые служат основанием для лишения этих элементов избирательных прав. В частности по «Инструкции» лишаются избирательных прав торговцы, спекулянты, барышники, торговые посредники, перекупщики и ростовщики. Это указание сыграет крупную роль в борьбе с теми, кто пытается превратить советскую торговлю в орудие спекуляции, в средство личной наживы за счет рабочих и трудящегося крестьянства.

Учитывая, что известная часть раскулаченных элементов, в особенности дети кулаков, все больше становится на путь честной работы на социалистических стройках и предприятиях, в «Инструкцию» внесены соответственные указания об облегченном порядке восстановления в избирательных правах тех лишенцев, которые проявили себя как ударники, добросовестно относящиеся к своему труду, тем самым искупив свою вину перед советским государством. Все эти указания надо изучить и строго соблюдать.

Строжайшее соблюдение нашего избирательного законодательства обязательно не только в целях изоляции чуждых элементов от совета, но и для правильной организации и проведения кампании выборов с участием всей массы избирателей, для выдвижения в советы лучших представителей трудящихся и превращения избирательной кампании в могучее средство борьбы за дальнейшие успехи нашего социалистического строительства.

Практика прошлых избирательных кампаний показала, что невнимательное отношение к избирательному законодательству приводило к искажениям, совершенно нетерпимым в нашей советской действительности. Недопустима например, погоня за большим числом лишенцев по горсовету или сельсовету, когда в списки лишенцев необоснованно и неправильно заносились трудящиеся (встречались и такие нелепости, как причисление к лишенцам глубоких стариков и старух из трудящихся).

Точно соблюдать все указания избирательной «Инструкции» — это значит умело, авторитетно и политически выдержанно руководить всей кампанией, обеспечить активное и полное участие трудящихся в выборах, открыть двери совета преданным советской власти людям и очистить советы от чужаков.

Начав пропаганду уважения и безусловного исполнения советских законов с раз'яснительной работы вокруг избирательной «Инструкции», наши партийные организации, политотделы и органы советской прокуратуры могут и должны сделать огромное дело. И, наоборот, невнимание хотя бы к одному из требований нашего избирательного законодательства неизбежно приведет к дефектам, которые скажутся отрицательно на избирательной кампании в данном районе, городе или селе.

Особо надо учесть условия, которые следует создать для обеспечения полной явки избирателей на отчетные и перевыборные собрания. Нужно в соответствии с «Инструкцией» создать и тщательно подготовить избирательные участки. Нужно своевременно расширить сеть детских яслей, чтобы все избиратели-женщины получили возможность участвовать в этих собраниях. Нужно подготовить культурное обслуживание собраний. Необходимо бдительно проследить за тем, чтобы ни один лишенец не получил избирательной повестки, и, наоборот, чтобы эту повестку вовремя получили все до единого избиратели. Нам надо также добиться, чтобы шефствующие над селами и колхозами рабочие коллективы послали в помощь подшефным для

проведения кампании своих лучших товарищей пропагандистов и организаторов. Наконец, от городских и районных организаций мы вправе требовать оперативного руководства и помощи местам в этой ответственнейшей кампании.

* * *

Отчетно-выборная кампания — это массовый смотр всех звеньев государственного аппарата. В процессе ее мы должны проверить, как выполняются решения XVII с'езда ВКП(б) и советского правительства.

Победы рабочего класса и всей страны в строительстве социализма надо широко продемонстрировать массам избирателей, особенно на селе. На живых примерах нашей действительности надо «мобилизовать их волю и энергию на разрешение поставленных партией задач, поднимать массы до уровня понимания огромного общегосударственного значения этих задач» (Калинин).

Докладчики на отчетно-выборных собраниях, партийные пропагандисты, наш актив должны помочь избирателю понять великую программу работ во втором пятилетии и наряду с этим раз'яснять необходимость укрепления обороноспособности нашей родины.

Осуществляя программу хозяйственного и культурного строительства на основе массовых политических мероприятий, советы в городе и особенно в деревне не могут стоять в стороне от задач общегосударственных в деле культурного под'ема широких масс нашей страны. Они должны практически помогать нашим клубам, школам, читальням, молодежным кружкам, физкультурным обществам на твердую ногу поставить агитационно-раз'яснительную работу, распространение печати, изучение произведений Ленина и Сталина, освещение международных событий.

Советы обязаны создавать и всячески поддерживать спортивные кружки, готовящие молодежь к труду и обороне. Советы должны энергично взяться за дорожное строительство. Советы должны четко и организованно проводить призывы в Красную армию, окружая призывников всеми заботами и строго обеспечивая красноармейские семьи законными льготами и помощью.

Долг совета и каждого исполкома воспитывать у трудящихся любовь к своей великой родине и ее героям, гордость ее могущественным ростом, ведущей революционной ролью, неизмеримой силой масс, тесно сплоченных вокруг ленинской партии и советского правительства.

Выполнение этих задач будет лучшим показателем политической зрелости или косности совета.

* * *

По опыту прошлой избирательной кампании нельзя забывать, что успех кампании определялся тем, как активно участвовали в ней профсоюзы, комсомол, все общественные организации, насколько оперативным и деловым было руководство партийных организаций. Там, где общественные организации участвовали в кампании слабо, было больше недостатков, достижения были ниже.

Другой отличительной чертой умелого проведения перевыборов должна быть серьезная работа по выдвижению в состав советов значительно большего процента женщин и молодежи, проявляющих в общественной и производственной жизни страны за последние годы особенно высокую активность. В настоящей избирательной кампании эту линию необходимо провести во всех советах. Ведь армия женщин, занятых в народном хозяйстве страны (без сельского хозяйства), составляет более 7 млн. чел., или около одной трети всех рабочих.

«Женщины, — говорил на XVII с'езде ВКП(б) товарищ Сталин, — составляют громадную армию труда, и они призваны воспитывать наших детей,

наше будущее поколение, т. е. нашу будущность. Вот почему мы не можем допустить, чтобы эта громадная армия трудящихся прозябала в темноте и невежестве! Вот почему мы должны приветствовать и их выдвижение на руководящие посты...»

Рост этой активности женщин и их участие в социалистическом строительстве товарищ Сталин показал на ярком факте. Уже к началу 1934 г. у нас насчитывались десятки и сотни тысяч женщин, выполняющих руководящую и организаторскую работу в колхозах. Женщины почти во всех отраслях и промышленного и колхозного производства идут в ногу с мужчинами, на тысячах примеров доказали свое уменье быть прекрасными мастерами, героями труда, а в ряде отраслей (животноводство, устройство культурно-бытовых учреждений, борьба за благоустройство городов и сел, контрольно-ревизионная работа и т. д.) роль женщины подчас незаменима. Воспитывать, выдвигать женщин на учебу и руководящую работу — обязанность каждого совета, и это необходимо учесть в настоящих перевыборах, помня директиву XVII с'езда партии: «Особенное внимание обратить на вовлечение в работу советов и их секций женщин—активисток, работниц и колхозниц». Советы города и деревни уже располагают женским советским активом: членов сельсоветов — около 300 тыс., членов горсоветов — 43 тыс. и т. д. Резервы женского актива в секциях, депутатских группах еще многочисленней. Директива XVII с'езда ВКП(б) может и должна быть полностью выполнена нами в нынешней кампании перевыборов.

В рядах депутатов, лучших работников на производстве и в общественной жизни. в рядах рабочих и колхозников, преданных советской власти специалистов, учителей, агрономов, врачей женщина, борющаяся наравне с мужчиной за построение социализма, должна занять почетное место.

Наше отношение к трудящимся единоличникам на выборах должно строиться как отношение к завтрашним колхозникам. Из их среды надо вовлекать в советы тех единоличников, которые стоят близко к колхозам и помогают советам эти колхозы укреплять.

В ходе выборной кампании в советы строгое внимание необходимо обратить на проверку выполнения прежних и разработку новых наказов избирателей. Проверка выполнения наказов и удовлетворение конкретных законных запросов трудящихся поможет оценить, насколько высоко было у совета чувство ответственности перед массами. Партийные организации должны помочь составлению новых наказов избирателей, учитывая, что наш нынешний избиратель стремится участвовать не только в избрании депутатов, но и в решении задач социалистического строительства, в обсуждении и утверждении планов развития народного хозяйства. Лучшей формой этого участия является наказ, обеспечиваемый необходимыми для его выполнения денежными и материальными ресурсами и включающий в себя указания широких масс трудящихся. Наша задача — обеспечить составление наказов реальных, материально-обеспеченных, понятных избирателю.

Опираясь на инициативу и энтузиазм трудящихся, идущих навстречу VII всесоюзному с'езду советов, наши организации должны не только подхватить и возглавить производственный под'ем, но еще более расширить его, закрепляя достижения лучших коллективов. Особенно важно добиться этого в области овладения техникой, в работе транспорта, в деле развития животноводства, в выполнении планов по металлу и углю, в борьбе за культурную советскую торговлю, а также в борьбе за благоустройство и насаждение культурного быта в городах и колхозных селах на основе растущего материального благосостояния трудящихся. Во всех этих отраслях производства и культурного строительства партия и советы обязаны выполнить свою политическую и организующую роль.

* * *

Огромная работа по организации и лучшему проведению перевыборной кампании в целом должна быть подчинена одной задаче, — чтобы вся масса избирателей не только приняла участие в выборах в советы, но и направила всю свою активность и волю на выполнение планов второй пятилетки. Чем боеспособнее будут советы нового состава, тем вернее гарантия выполнения и перевыполнения этих планов.

Трудностей впереди будет еще немало, ибо классовая борьба внутри страны не закончена, ненависть к Стране советов со стороны империалистов не может ослабеть и угроза войны висит еще над нами.

Но в борьбе с трудностями мы накопили огромные силы и большой опыт. Опираясь на многомиллионные массы трудящихся-избирателей, советская власть разрешала и разрешает великие задачи социалистического строительства, ломая все преграды на своем пути. И нет таких выдвинутых нами задач, с которыми мы не сумеем справиться. Вспомним слова Сталина: «В мире нет и не бывало такой могучей и авторитетной власти, как наша, советская власть», и руководящая советами «партия непобедима, если она знает, куда вести дело, и не боится трудностей».

ПОБЕДОНОСНО ЗАВЕРШИТЬ ВТОРОЙ ГОД ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ

В. Межлаук

В последнем квартале 1934 г., второго года второй пятилетки, должен быть выполнен успешно осуществлявшийся в течение первых девяти месяцев план 1934 г. и завершена подготовка к выполнению народнохозяйственного плана 1935 года.

План развития народного хозяйства в 1934 г. является неразрывной составной частью развернутой программы разрешения основной задачи второй пятилетки — завершения технической реконструкции народного хозяйства. В этом плане нашли особое отражение задачи улучшения работы железнодорожного транспорта, освоения новой техники и новых производств, быстрого под'ема на этой базе промышленного производства, развертывания производства товаров широкого потребления, повышения урожайности и развития животноводства, значительного поднятия производительности труда, снижения себестоимости промышленной продукции и улучшения качества продукции во всех отраслях производства.

Установленное планом расширение топливно-энергетической базы народного хозяйства, повышение добычи промышленного сырья и рост технических культур в сельском хозяйстве обеспечивают дальнейшее широкое развертывание промышленности, в особенности производства товаров широкого потребления.

Народнохозяйственный план 1934 г. поставил перед страной задачи, разрешение которых требует постоянной и решительной борьбы с остатками враждебных классов, сокрушения всех и всяческих попыток сопротивления быстро развертывающемуся социалистическому строительству, борьбы с антисоветскими элементами и плетущимися за ними буржуазными перерожденцами На основе борьбы за освоение производства, за развитие научно-технической мысли, за улучшение организации управления и руководства, за поднятие трудовой дисциплины мы должны добиться дальнейшего роста производства и преодоления «узких мест» в народном хозяйстве.

Такими отстающими участками, мешавшими еще более быстрому развитию социалистического строительства, к началу 1934 г. были: железнодорожный транспорт, отстающий от потребностей страны; недостаточные темпы улучшения работы водного транспорта; недостаточное развертывание местных топливных ресурсов; отставание добычи нефти и ее переработки от потребностей страны; неудовлетворительное выполнение программы и резкое отставание черной металлургии в области проката от потребностей производства и строительства; недостаточное производство предметов широкого потребления, в особенности тяжелой промышленностью; низкое качество промышленной продукции; недостаточность перелома в деле снижения себестоимости производства и невыполнение заданий по снижению стоимости строительства в 1933 г. В сельском хозяйстве — неудовлетворительная организация уборки урожая 1933 г., сопровождавшаяся большими потерями зерна, и продолжавшееся, хотя и значительно более замедленными темпами, по

сравнению с 1930—1932 гг. снижение поголовья скота при наличии перелома в свиноводстве.

Выполнение народнохозяйственного плана 1934 г. за первые девять месяцев свидетельствует о значительных успехах, достигнутых рабочим классом благодаря настойчивой и упорной борьбе за осуществление намеченной программы социалистического строительства и в особенности благодаря все более полному осуществлению организационной перестройки руководства народным хозяйством, проводимой по указаниям партии и правительства.

Успехи в освоении новой техники и результаты широко развернувшейся технической реконструкции сказались прежде всего в быстром темпе роста валовой продукции промышленности за первые три квартала 1934 г.; по отношению к трем кварталам 1933 г. рост составил 20,2% вместо намеченных планом на 1934 г. 20,1%, причем по промышленности, производящей средства производства, рост составил 25,9% против плана в 22,8% и по промышленности, производящей предметы широкого потребления,—11,7% против плана в 16%.

Темп роста промышленной продукции значительно превышает темпы, достигнутые за предшествующие годы; в 1932 г. по крупной промышленности рост продукции составил 13,5%, в 1933 г.—9,1%. В то же время он является более высоким чем средний годовой прирост продукции, утвержденный для второго пятилетнего плана в 16,5% в год.

Ведущая в деле технической реконструкции тяжелая промышленность дала прирост продукции в 27,9% при годовом плане в 23,2%.

Продукция черной металлургии по чугуну увеличилась на 49,7%, стали—на 42,6%, по прокату — на 37,0%.

Машиностроительная продукция Наркомтяжпрома увеличилась на 26,2%, добыча угля — на 24,8% при плане в 25,5%, а нефти — на 15,9% при плане в 33,2%.

В промышленности, производящей предметы потребления, произошел решительный сдвиг по наркомату пищевой промышленности: за три квартала рост к соответственному периоду 1933 г. составил 24,5% при плане на весь 1934 год в 22,1%. По Главному управлению кинофотопромышленности имел место рост на 27,6% при годовом плане в 45,9%, по Комитету заготовок при СНК СССР — рост на 24,9% при годовом плане в 36,1%. По легкой промышленности темпы роста значительно отстали от намеченного плана, составив за 9 месяцев 5,1% против плана в 10,6%.

Рост промышленной продукции за весь истекший период, в особенности если проследить его по-квартально (прирост I квартала по отношению к I кварталу 1933 г. составил 19,2%, II квартала ко II кварталу 1933 г.— 20,1%, III квартала к III кварталу 1933 г. — 21,3%), свидетельствует о том, что поставленная партией задача освоения новых предприятий и новых производств в текущем году выполняется промышленностью значительно более успешно чем в предшествующие годы, а в отраслях, производящих средства производства, приводит частью к полному уничтожению, частью к ослаблению сезонных колебаний, наблюдавшихся в предшествующие годы.

Об этом свидетельствует и улучшение технических показателей использования оборудования в тяжелой промышленности, лесной и легкой промышленности и на железнодорожном транспорте. Особенно ярким свидетельством являются коэфициент использования доменных печей, составивший за девять месяцев 1934 г. 1,35 против 1,70 в 1933 г., и с'ем стали с 1 м² пода мартеновских печей, составивший 3,30 т против 2,90 т в 1933 г.

Весьма значительны успехи в деле повышения производительности труда в промышленности. При плановом задании на 1934 г. по НКТП в 17% фактическое повышение производительности труда за 9 месяцев 1934 г. по отношению к 9 месяцам 1933 г. составило 15,8%; соответствующие цифры по

НКЛесу — 12% и 10,4%; по НКПищепрому — 13,8% и 1,4% и в особенности по НКЛегпрому производительность труда осталась на уровне прошлого года.

Значительные успехи имеются в деле снижения себестоимости в тяжелой промышленности. Это важнейший показатель успеха в освоении новой техники и новых производств; по предварительным данным, снижение фабрично-заводской себестоимости за 8 месяцев 1934 г. составило 6,5%. В других отраслях промышленности в снижении себестоимости все еще нет необходимого сдвига.

По железнодорожному транспорту мероприятия, проведенные Центральным комитетом ВКП(б) и Советом народных комиссаров, привели к некоторому еще совершенно недостаточному улучшению работы железных дорог.

Установленный правительством и жестко осуществляемый порядок работы железных дорог позволил увеличить среднесуточную погрузку за первые девять месяцев текущего года на 9,6% по сравнению с 1933 г. при одновременном значительном повышении перевозок важнейших грузов (уголь — на 26%, нефть — на 20,4%, металл — на 32,1%, руда — на 28,6%) и обеспечении перевозок важнейших грузов ширпотреба.

Благодаря упорядочению планирования перевозок улучшились и основные показатели работы подвижного состава. Среднесуточный пробег товарного паровоза составил 172,1 км против 168,4 км в 1933 г. Среднесуточный пробег вагонов товарного парка составил 119,4 км против 100,4 км в 1933 г. Нагрузка на ось груженного вагона товарного парка коммерческого движения возросла с 7,24 в 1933 г. до 7,43 в 1934 г.

Насколько тесно связано это улучшение работы с твердым осуществлением решения Центрального комитета ВКП(б) и Совета народных комиссаров о планировании перевозок, показывает помесячная динамика соответствующих показателей:

		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
Среднесуточная погрузка (тыс. вагонов)	1933	46,3	46,4	48,3	52,2	53,8	51,9	49,9	51	54
Среднесуточная погрузка (тыс. вагонов)	1934	52,3	53,9	52,7	55,9	57,7	58,8	57,2	57,6	56,3
Погрузка помесячно (млн. тонн)	1934	23,3	22,1	24,7	25,6	27,6	27,3	27,7	27,7	—

Перелом, приведший к достижению рекордных цифр по этим показателям за весь период с 1928 по 1934 г., наступает с апреля 1934 г., когда вошел в силу новый порядок планирования перевозок; в октябре 1934 г. среднесуточная погрузка в течение ряда дней уже превышает 60 тыс. вагонов.

По водному транспорту выполнение плана перевозок с начала навигации по 1 октября дало рост по сравнению с соответствующим периодом прошлого года на 15,9%, хотя план и недовыполнен на 17,6%.

Таким образом за первые три квартала 1934 г. мы имеем известное улучшение работы транспорта, хотя еще совершенно недостаточное. Правда, НКПС еще не вполне справился с регулировкой потока груженных вагонов и порожняка и с задачей лучшего использования товарного вагонного парка. Это нашло свое отражение в увеличении процента пробега порожняка в течение первых месяцев текущего года до 29 против 28 в 1933 г. Не выполнен план перевозок по железным дорогам как по среднесуточной погрузке вагонов, так и по количеству перевозимых грузов и тоннокилометражу Все еще недопустимо высоким остается процент крушений, слаба трудовая дисциплина во всех звеньях транспортного аппарата, неудовлетворительно поставлен ремонт и совершенно недостаточны темпы строительства.

В области социалистического сельского хозяйства происходит дальнейший под'ем, сопровождающийся ростом коллективизации. На 1 апреля 1934 г. коллективизацией охвачено 70,8% хозяйств. Организация широкой сети политотделов МТС и совхозов способствовала значительному улучшению показателей сельскохозяйственного производства, и несмотря на неблагоприятные климатические условия весеннего периода ранний и сверхранний сев на 4,6 млн. га обусловил окончание посевной кампании в текущем году на 10 дней раньше чем в 1933 г. на посевной площади в 95,9 млн. га против 93,5 млн. га в 1933 г. Сильно сокращены были сроки сева. Так, по УССР сев продолжался 20 дней вместо 40, по Средней Волге—20 дней вместо 45 в 1933 г. Под'ем паров по всему СССР был выполнен на 2,7 млн. га больше и в среднем на 15 дней раньше чем в 1933 г. Посев зерновых чистосортными семенами составил 32% против 29% в 1933 г., и посев улучшенными семенами хлопка — 17,5% против 4,7% в 1933 г.

Осуществляемые партией и правительством руководство и помощь сельскому хозяйству и преимущества социалистической организации сельского хозяйства позволили даже в наиболее неблагоприятных по засухе районах (в ряде колхозов Днепропетровской области, Азово-Черноморского и Северокавказского краев) с помощью широко развернутых агротехнических мероприятий и быстрого проведения простейшей местной ирригации и полива предотвратить гибель посевов и ослабить влияние неблагоприятной погоды. Благодаря улучшению, хотя и далеко еще недостаточному, работы колхозов и совхозов по уборке и мероприятиям по сохранению зерна от потерь при уборке государство и колхозы СССР в целом могут и должны получить в текущем году хлеба не меньше, а больше чем в прошлом году.

Своевременный посев и проведение необходимых работ по прополке, окучиванию и т. д. обеспечили значительный рост продукции технических культур, в особенности льна, конопли и свеклы; возросла продукция хлопка.

В области животноводства 1934 год, как показывает июньская перепись скота, стал годом «перелома к под'ему» (Сталин) по всем видам скота, кроме лошадей, поголовье которых еще несколько уменьшилось при одновременном значительном росте молодняка. Возросло поголовье овец и коз и продолжается рост поголовья свиней; увеличилось и поголовье крупного рогатого скота, в особенности молодняка, при стабильном поголовье коров.

В области товарооборота первые три квартала текущего года дали дальнейший рост розничного оборота по госторговле и Центросоюзу, составивший 30% по отношению к соответствующему периоду 1933 г. Рост товарооборота сопровождался улучшением товаропроводящей сети, увеличением количества товаров в ненормированной продаже, значительным снижением цен на колхозном рынке против 1933 г.; этот рост привел к значительному повышению реальной заработной платы трудящихся.

Главным показателем технической реконструкции является осуществление плана капитального строительства и затрат в народном хозяйстве. За первые девять месяцев план капитальных затрат составил 18,5 млрд. руб., а его выполнение по предварительной оценке — 16,5 млрд. руб. Ввод в эксплоатацию по предварительной оценке составил около 10 млрд. руб.

В первом полугодии 1934 г. введены в эксплоатацию 215 тыс. квт мощности электростанций, в том числе тепловая Кемеровская электростанция—1 агрегат в 24 тыс. квт, Кизеловская III очередь—в 24 тыс. квт, Сталинградская II очередь в 24 тыс. квт, ТЭЦ Всесоюзного теплотехнического института—второй агрегат в 24 тыс. квт и гидростанции Гизельдон—22,5 квт установленной мощности, Свирь № 3—2 агрегата по 24 тыс. квт, ЗАГЭС—агрегат в 12 тыс. квт, РионГЭС—второй агрегат в 12 тыс. квт.

По каменноугольной промышленности за первое полугодие вступили в

строй 10 шахт общей мощностью около 6 млн. т угля в год и имеющие огромное значение для повышения качества угля Кальмиусская центральная обогатительная фабрика и Моспинские брикетная и обогатительная фабрики.

В черной металлургии начал работать Криворожский завод. Введено в эксплоатацию 5 доменных печей мощностью по выплавке чугуна в 1770 тыс. т в год, 13 мартеновских печей мощностью по выплавке стали в 815 тыс. т в год и 3 прокатных стана мощностью в 365 тыс. т в год, в том числе представляющий собой последнее слово прокатной техники магнитогорский крупносортовой стан «500» мощностью в 320 тыс. т в год.

Для обеспечения роста выплавки чугуна введены в работу Запорожский коксовый завод мощностью в 650 тыс. т в год и Кемеровский коксовый завод мощностью в 250 тыс. т.

По цветной металлургии вошли в эксплоатацию Чимкентский свинцовый завод, Орджоникидзенский электролитный цинковый завод, Уфалейский никелевый завод, глиноземный завод Днепровского алюминиевого комбината, центральная шахта Корабельского рудоуправления, Салаирский свинцово-цинковый рудник.

Введен в эксплоатацию гигантский Краматорский машиностроительный завод; пуском цеха чугунных колес началась работа Уралвагонстроя.

Вошли в эксплоатацию Кричевский и Каменский цементные заводы, Гомельский стекольный, Ленинградский игольный, начинают пусковой период Ташкентский и Барнаульский текстильные комбинаты, введены в эксплоатацию Новолялинский завод бумажной тары, 4 чайных фабрики в Закавказье и многие другие.

Значительные успехи достигнуты в выполнении директивы XVII с'езда ВКП(б) о важнейшем участке технической реконструкции — механизации трудоемких работ. В угольной промышленности введение новых механизмов и их освоение повысили процент механизированной добычи с 76,9 в 1933 г. до 80,5 в сентябре 1934 г. Черная металлургия обогатилась 5 полностью механизированными домнами, 13 мартенами и 1 прокатным станом непрерывного полностью механизированного действия. Лесная промышленность получила 375 гусеничных тракторов. Сельское хозяйство за девять месяцев получило 61 640 тракторов, 8437 грузовых автомобилей и 7337 комбайнов.

* * *

Однако наряду с этими крупнейшими успехами «узкие места» на отдельных участках социалистического строительства остались еще непреодоленными.

Остается недостаточным несмотря на удовлетворительное выполнение плана черной металлургии в целом производство прокатного металла и изделий, в особенности труб, катанки, листового металла и мелкосортного железа; ввод прокатных станов в эксплоатацию отстает от сроков, установленных планом на 1934 г.

Несмотря на значительный рост производства годовой план по цветной металлургии выполнен за 9 месяцев на 68,8%, что тормозит производство таких важнейших отраслей народного хозяйства, как электростроительство, машиностроительная промышленность, радио, ремонтные работы по транспорту и сельскому хозяйству и т. д.

Отстает выполнение плана по угольным бассейнам местного значения, в особенности по Подмосковному бассейну, выполнившему годовой план за девять месяцев на 59%, и по бредннским углям (в районе Магнитогорска), где годовой план выполнен только на 37%.

Недостаточно увеличение добычи по нефтяной промышленности, продукция которой выросла на 15,9% против намеченного планом годового роста на 33,2%. При успешном росте добычи по Азнефти, которая за девять месяцев превысила производство 1933 г. на 31,6% и составляет 74,2% годо-

вого плана, добыча по Грознефти составила лишь 45% годового плана. Добыча сырой нефти на Эмбе и в новых районах, являющаяся важнейшей частью плана развития производства нефти, также отстает: годовой план «Эмбанефти» выполнен лишь на 42%, по Кубчернефти — на 33%. Нефтяная промышленность, шедшая в первой пятилетке на уровне современной американской техники, отстает от новейшей техники, в особенности в деле бурения и переработки нефти.

Не выполнен план производства предметов потребления, которое при росте его против 1933 г. на 11,7% составляет, однако, всего 64,3% годового плана. Особенно значительно недовыполнен план производства металлических изделий широкого потребления по системе Наркомтяжпрома: при задании в 900 млн. руб. за первые три квартала 1934 г. было выпущено продукции лишь на сумму около 500 млн. руб., или 45% плана.

Не вполне удовлетворительна и работа в части повышения качества продукции по изделиям ширпотреба (велосипеды, патефоны, ткани, стеклянная и фарфоровая посуда и др.) и по предметам производственного потребления. При удовлетворительном качестве основных агрегатов нередко арматура и мелкие детали являются серьезным препятствием для достижения такого качества продукции, которое обеспечивает решение проблемы — догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны.

Несмотря на первые успехи, достигнутые железнодорожным транспортом в течение девяти месяцев 1934 г., далеко еще не преодолено его отставание не только от потребностей страны, но и от плановых заданий.

По капитальному строительству за первые три квартала отстает от плана ввод в эксплоатацию.

При повышении производительности труда на строительстве и несколько улучшившейся в целом организации работ стоимость строительства не была снижена в размерах, установленных правительством. На ряде строек снижение стоимости в первом полугодии 1934 г. достигло значительных размеров: например по Электростальстрою — 7,4%, Дзержинстрою — 6,2%, сахарному заводу в Белове — 19,6% по Мясокомбинату в г. Энгельсе — 15%. На других же стройках—Сталиногорский химкомбинат (+16,4%), Костромской льняной комбинат (+34,6%), Петровский спиртозавод (+33,5%), Московский мясокомбинат (+23%), наблюдалось, как мы видим, значительное повышение стоимости строительства, вызванное плохой организацией, совершенно недостаточной борьбой за соблюдение установленных правительством цен на стройматериалы и норм других расходов, а также громадным превышением накладных расходов.

Большую роль сыграла и недостаточно удовлетворительная постановка проектирования и сметного дела; решение СНК Союза ССР о прекращении беспроектного и бессметного строительства, вносящее решительное оздоровление в эту работу, является важнейшим фактором упорядочения всей строительной индустрии.

* * *

План IV квартала исходит из завершения основных задач, которые были поставлены народнохозяйственным планом 1934 г. и развернутой подготовкой к выполнению плана 1935 г. по главнейшим направлениям.

В соответствии с этим план промышленного производства в IV квартале предусматривает значительный рост особенно по тем отраслям промышленности, продукция которых является решающей для выполнения всего годового плана. Рост промышленного производства составляет 20,9% по сравнению с IV кварталом 1933 г при увеличении продукции по сравнению с III кварталом 1934 г. на 25,5%. Такой высокий темп роста, подготовленный всем

предшествующим выполнением плана, обусловлен, с одной стороны, вступлением в работу ряда сезонных отраслей промышленности (сахарная, лесозаготовки, вывозка леса и т. д.), а с другой—возможностью и необходимостью в IV квартале добиться быстрейшего развития отставших отраслей.

Наиболее успешно выполняющая план в течение всего года тяжелая промышленность должна увеличить продукцию в IV квартале на 10% по сравнению с III кварталом, тогда как менее удовлетворительно работавшая легкая промышленность должна увеличить выпуск продукции на 25,1%, а фотокинопромышленность — на 31%. Сезонное развертывание лесной промышленности и упорядочение ее неудовлетворительной в настоящее время работы требуют увеличения продукции на 25%. Развертывание сезонных отраслей и улучшение работы пищевой промышленности требуют увеличения выпуска продукции на 84%, а промышленности Комитета заготовок при СНК СССР—на 59%.

Борьба за выполнение плана IV квартала таким образом означает борьбу за выполнение всего годового плана промышленности.

Важнейшей задачей промышленности для обеспечения этой победы является прежде всего выполнение плана выпуска прокатного металла, определяющего дальнейший рост машиностроения и металлообрабатывающей промышленности (включая и производство металлических изделий как производственного назначения, так и в особенности для широкого потребления), а также развитие строительства. Выполнение плана машиностроения в IV квартале находится в прямой зависимости от работы металлургических заводов, от выпуска ими рядового и качественного прокатного металла. Работа металлургических заводов определяет и успех подготовки ремонтной кампании 1934—1935 г. в сельском хозяйстве и на транспорте. Поэтому производство проката должно стать предметом особого внимания всех рабочих, специалистов и хозяйственников металлургии.

Вторым главнейшим элементом выполнения плана является соответствующий программе выпуск цветных металлов, в особенности меди. Несмотря на то что цветная металлургия, после нескольких лет топтания на месте, впервые в апреле текущего года оставила далеко позади уровень производства предшествующих лет и за девять месяцев 1934 г. превысила на 26,3% уровень производства меди за тот же период 1933 г., план по цветной металлургии выполнен в совершенно недостаточном размере. В IV квартале, в котором добыча меди должна возрасти на 26% по отношению к III кварталу, производство меди является решающим для ввода в эксплоатацию ряда новых электростанций и использования той мощности электростанций, которая заперта в настоящее время из-за отсутствия достаточных электросетей. Производство меди является решающим и для выполнения программы всей электропромышленности слабых и сильных токов, для обеспечения выпуска продукции машиностроения в целом и для снабжения ремонтных работ железнодорожного и водного транспорта и сельского хозяйства.

Третьей задачей обеспечения текущего производства и подготовки к работам 1935 г. являются повышение добычи угля в местных бассейнах и в особенности добыча и переработка нефти. Недовыполнение программы нефтяной промышленности за первые девять месяцев 1934 г. требует максимального развертывания производства в IV квартале. Значительное увеличение метража бурения по всей нефтяной промышленности дает право требовать от нефтяной промышленности в IV квартале выполнения всей программы добычи нефти, которая должна превысить на 14% добычу III квартала и на 20% добычу нефти в IV квартале 1933 г.

Выполнение программы, обеспечивающее текущее снабжение нефтетопливом, бензином и керосином, является обязательным условием и для подготовки запасов керосина и бензина к весенней посевной кампании. Быстро

увеличивающийся тракторный и автомобильный парки сельского хозяйства требуют накопления больших запасов горючего, чтобы огромные достижения, завоеванные партией в деле раннего сева и своевременного окончания сельскохозяйственных работ, были закреплены и развиты далее.

Первостепенной задачей IV квартала является выполнение программы транспортного машиностроения. Отставший от плана выпуск паровозов новых типов, в особенности мощного паровоза «ФД», должен быть восполнен в IV квартале. Если за первые девять месяцев освоения производства этих паровозов было выпущено 129 паровозов, то в IV квартале должно быть выпущено не менее 100 паровозов.

Равным образом при выпуске за первые девять месяцев 22 511 товарных вагонов (в двухосном исчислении) в IV квартале должно быть выпущено 11 тыс. вагонов.

Полностью должна быть выполнена программа по морскому и в особенности по речному судостроению, обеспечивающая выполнение значительно увеличенного плана водных перевозок как в основных водных бассейнах, так и в новых, осваиваемых в 1935 г., бассейнах.

Пятой важнейшей задачей, решение которой обязательно для осуществления намеченного планом IV квартала капитального строительства и ввода в эксплоатацию, одним из основных условий дальнейшего быстрого роста производства в 1935 г. является увеличение в IV квартале производства оборудования всех видов (энергетического, станочного, технологического и т. д.), с тем чтобы снабжение оборудованием народного хозяйства увеличилось на 30—35% по сравнению с IV кварталом 1933 г.

Четвертый квартал является периодом завершения строительных работ, усиленного монтажа оборудования, оживляющего средства, вложенные в строительство зданий и сооружений в течение всего строительства. Поэтому монтажные работы в связи с отнесением на IV квартал пуска значительной части предприятий, вводимых в эксплоатацию в 1934 г., требуют от машиностроительной промышленности особого напряжения производства.

Шестая крупная задача промышленности в IV квартале заключается в увеличении выпуска и полной реализации плана по азотным и фосфористым удобрениям для обеспечения намеченного повышения урожайности технических культур в 1935 г.

Наконец, важнейшей задачей промышленного производства, связанной с необходимостью большого развертывания товарооборота в IV квартале как в городе, так и на селе, в особенности в связи с выполнением плана закупки хлеба, является увеличение производства предметов широкого потребления по всем наркоматам. План производства, в частности металлоизделий широкого потребления по Наркомтяжпрому, требует от этой отрасли металлопромышленности выпуска в одном IV квартале металлоизделий ширпотреба на 250 млн. руб при выпуске за первые девять месяцев на сумму около 500 млн. руб.

Выполнение плана капитальных работ, составляющего в IV квартале 5,1 млрд. руб. по всему народному хозяйству, обеспечивает выполнение всего грандиозного плана капитальных работ, намеченного на 1934 г. Особенно важно при этом такое направление капитальных затрат, которое обеспечило бы утвержденный правительством годовой план ввода в эксплоатацию новых и реконструируемых предприятий, оживляющий капитальные вложения текущего года и предшествующих лет, на огромную сумму в 20,6 млрд. руб.

Усиленное поступление подвижного состава от промышленности, продолжение политики жесткого планирования перевозок, показавшей себя одним из важнейших средств оздоровления работы железнодорожного транспорта,

дальнейшее организационное и хозяйственное укрепление железнодорожного транспорта, борьба за укрепление дисциплины, наконец, фактически достигнутый уровень погрузки позволяют требовать от наших железных дорог не только стопроцентного выполнения плана, еще не достигнутого ими, что является одной из важнейших предпосылок успешного выполнения всего народнохозяйственного плана IV квартала, в особенности в связи с сезонным прекращением работы речного транспорта, но и перевыполнения установленной планом погрузки (61 тыс. вагонов в сутки в IV квартале).

Важнейшей частью сельскохозяйственного плана IV квартала является быстрейшее завершение плана уборочных работ и молотьбы, озимого сева и зяблевой вспашки.

Не менее важным является выполнение программы ремонта тракторов, автомобилей и сельскохозяйственных машин, обусловливающее успех сельскохозяйственных работ в 1935 г.

Усиленными темпами заканчивающаяся в IV квартале подготовка животноводческих хозяйств к зиме и заготовка кормов, обеспечивающая выполнение намеченного ЦК ВКП(б) плана развития животноводства, составляют одну из основных работ текущего квартала.

Решающим условием для выполнения всего народнохозяйственного плана в 1935 г., в особенности плана под'ема легкой и пищевой промышленности и повышения жизненного уровня трудящихся масс, что составляет одну из важнейших задач второго пятилетнего плана, является полное и своевременное выполнение прежде всего плана хлебопоставок и заготовки хлопка, свеклы, льна, пеньки, клещевины и других технических культур.

Только полная и безусловная реализация этих планов, беспощадная борьба со всеми антисоветскими и кулацкими элементами, с оппортунистами и перерожденцами, большевистская борьба за выполнение плана хлебопоставок, хлебозакупок и заготовки технических культур могут обеспечить выполнение ответственных задач второго года второй пятилетки.

Одним из важнейших условий выполнения плана являются быстрое развертывание товарооборота, преодоление бюрократизма и неповоротливости торгового аппарата, плановое продвижение всей массы товаров ширпотреба в город и в деревню. Планом установлено увеличение товарооборота в IV квартале текущего года на 24,3% против III квартала.

* * *

Таковы решающие задачи IV квартала. Для завершения успешно выполнявшегося в течение девяти месяцев плана налицо все предпосылки. Главным орудием победы является действительная борьба за улучшение руководства, за его конкретизацию, за лучшую организацию во всех отраслях народного хозяйства. Рационализация работы промышленности, дальнейшее осуществление программы организационной перестройки работы промышленности, транспорта и сельского хозяйства в соответствии с решениями ЦК ВКП(б), принятыми по предложению товарища Сталина, обусловили наши победы в течение первых девяти месяцев 1934 г. и обеспечивают выполнение годового плана в целом.

Повышение производительности труда и снижение себестоимости одновременно с повышением качества продукции являются главным средством для выполнения плана и осуществления плана социалистического накопления в IV квартале.

Правильное построение системы заработной платы по каждому предприятию в соответствии с конкретными требованиями все усложняющегося производства, при обязательном соблюдении установленного для этого предприятия фонда и уровня зарплаты, соответствующего заданной производительности труда, решительное улучшение нормирования, условий труда и быта

рабочих и специалистов, развертывание социалистического соревнования и ударничества—все это является одним из основных рычагов выполнения народнохозяйственного плана IV квартала.

Неослабное внимание должно быть приковано к внедрению новейших достижений науки и техники в производство. Мы должны упорно бороться с «шапкозакидайством», зазнайством и успокоением на достигнутых успехах в выполнении лозунга догнать и перегнать заграничную передовую технику. Кризис в капиталистических странах, вызывая развал их экономики в целом, в то же время заставил отдельные сильнейшие предприятия в условиях борьбы за самосохранение, за возможность конкуренции на рынках с низкими ценами лихорадочно развивать технику своего производства. Поэтому техника отдельных предприятий и производств в капиталистических странах продолжала шагать вперед и опасность отстать от нее угрожает каждой отрасли нашей промышленности. Надо вести самую решительную борьбу с попытками успокаивать себя насквозь фальшивой и антимарксистской «теорией» отрицания вопреки фактам самой возможности применения новых технических открытий и достижений в отдельных сильнейших предприятиях капиталистической промышленности в период кризиса.

Для выполнения плана необходимо использование огромных внутренних резервов народного хозяйства: освоение нового оборудования, полное использование рабочего дня, использование тракторов, комбайнов и других машин в сельском хозяйстве, лучшая утилизация подвижного состава. Все это дает возможность не только выполнить, но и перевыполнить план.

Улучшение организации снабжения предприятий, точное выполнение каждым предприятием своих договорных обязательств по отношению к потребителям является одним из условий успешного выполнения плана.

Организационная перестройка, разделение Наркомснаба на наркомат пищевой промышленности и наркомат внутренней торговли, организация наркоматов местной промышленности, являющаяся стимулом мощного под'ема местной промышленности, открывают дополнительные возможности для улучшения производства предметов широкого потребления и для роста товарооборота.

Уже достигнутые успехи технической реконструкции всего народного хозяйства, огромный рост благосостояния трудящихся масс в городе и в деревне, под'ем реальной заработной платы в соответствии с принятым партией и правительством пятилетним планом, огромный рост кадров специалистов и высококвалифицированных рабочих на базе освоения новых производств и овладения наукой и техникой, непрерывный культурный рост трудящихся масс —все это служит залогом победы в борьбе за выполнение плана второго года второй пятилетки. Рабочий класс Союза ССР под испытанным боевым руководством Центрального комитета нашей партии и ее вождя товарища Сталина уже близок к этой победе.

О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РОДИНЕ

А. Угаров

Марксизм-ленинизм требует при изучении всех общественных явлений конкретного исторического подхода, всестороннего выяснения характера рассматриваемой эпохи, установления того, какой класс стоит в «центре эпохи», определяет основную линию развития человечества.

В учении ленинизма его основоположники Ленин и Сталин отводят значительное место анализу войн, формулируя отношение коммунистов к «национальной идеологии», к лозунгу «защиты отечества», отношение пролетариата к родине в различного типа войнах современной империалистической эпохи. Этот круг вопросов образует одну из существенных сторон ленинизма, один из важнейших моментов того нового, что внесено Лениным и Сталиным в сокровищницу марксизма.

В данной статье мы ограничимся освещением того, как ставит и разрешает ленинизм вопрос об отношении рабочего класса к буржуазному отечеству и «обороне родины» до и после установления диктатуры пролетариата.

Рабочий класс и буржуазное отечество

Буржуазное общество возникло из недр феодализма. Процесс его зарождения и формирования протекал в различных странах по-разному в различные периоды. Но во всех случаях он знаменовал собой выдвижение на историческую сцену нового общественного класса — буржуазии — в качестве вождя и руководителя всего общества (что, разумеется, не означало гармонии классовых интересов внутри «третьего сословия»). Политические деятели буржуазии, выступавшие против чужеземного гнета, феодальной раздробленности и дикости, против абсолютизма под знаменем единого «национального государства», заслуживают со стороны рабочего класса тем большего признания, чем с большей энергией и смелостью они ставили и решали новые исторические задачи.

«Нельзя быть марксистом, не питая глубочайшего уважения к великим буржуазным революционерам, которые имели всемирно-историческое право говорить от имени буржуазных «отечеств», поднимавших десятки миллионов новых наций к цивилизованной жизни в борьбе с феодализмом» [1].

Именно в ходе национальных войн против феодализма, абсолютизма и чужеземного гнета, войн, связанных с могучими массовыми национально-освободительными движениями, сложилось понятие «защиты отечества».

«На этой почве и только на ней выросло понятие «защиты отечества», защиты освобождающейся буржуазной нации против средневековья» [2].

Прокладывая себе дорогу в боях с феодализмом, буржуазия создавала «национальное государство», ибо оно служило необходимой предпосылкой и опорой капиталистического развития.

---

[1] Ленин «Крах II интернационала». Т. XVIII, стр. 250. 3-е изд.
[2] Ленин «Оппортунизм и крах II интернационала». Т. XVIII, стр. 340.

Под'ем «национально-освобождающегося капитала» и его борьба против феодализма — вот характерная черта эпохи; буржуазно-национальные рамки государства в ту эпоху являются действительной опорой развития производительных сил человечества.

«Национальность и отечество» были необходимыми формами восходящего буржуазного строя, освобождающегося от феодализма.

«Главным классом, который тогда, во время этих войн и участвуя в этих войнах, шел по поднимающейся вверх линии и который один только мог выступать с подавляющей силой против феодалистски-абсолютистских учреждений, — была буржуазия» [1].

Каково было отношение учителей научного коммунизма к буржуазно-прогрессивным национальным движениям и войнам того времени, к защите буржуазного отечества?

В национальных войнах рождающегося буржуазного общества вожди пролетарской демократии Маркс и Энгельс заботились более всего о расширении массовой «плебейской» базы движения, признавая справедливость и необходимость «защиты рождающихся буржуазных отечеств против феодализма».

Поддерживая борьбу прогрессивной буржуазии против феодализма (но вместе с тем никогда не сливая своей позиции с буржуазной демократией), анализируя военные столкновения отдельных стран, Маркс и Энгельс исходили из того, успех буржуазии какой страны желательнее с точки зрения создания наиболее благоприятных предпосылок для дальнейшей пролетарской борьбы за социализм.

Таково отношение научного коммунизма к «национальным войнам» поднимающейся к власти буржуазии.

После прихода буржуазии к власти классовые интересы повелительно диктуют ей не только сохранение, но и всемерное упрочение «национальной идеологии», возникшей на заре буржуазного общества. «Национальная идеология» буржуазии непосредственно связана с идеей гражданского мира и классового сотрудничества, она ограждает капиталистическую эксплоатацию от всяческих нарушений, порождаемых классовой борьбой пролетариата.

«Национальная идеология», служившая боевым знаменем в борьбе восходящего буржуазного общества против феодализма, содержавшая в себе огромную «историческую правду», становится в руках правящей буржуазии величайшей реакционной силой, средством подчинения рабочего класса интересам капитала, средством грабежа, угнетения и удушения слабых и малых народов, слабых и малых национальностей (как в Европе и Америке, так и в особенности в колониях и полуколониях).

Создав свое «национальное государство», в котором господствующая, не всегда численно преобладающая нация командует национальными меньшинствами, буржуазия не могла «успокоиться» в пределах этого государства: она нуждалась для дальнейшего развития в захвате иностранных рынков, чужих земель, населенных чужими народностями. Буржуазия решает эту задачу на присущий ей лад, порабощая и грабя, иногда целиком уничтожая слабые нации.

В годы 1871—1914 совершается переход «от прогрессивной буржуазии к реакционному и реакционнейшему финансовому капиталу» (Ленин).

Империализм до крайности обострил национальный гнет и борьбу между великодержавными нациями за внешние рынки, источники сырья, за передел мира.

«Национальная идеология» в эпоху империализма превращается в свою прямую противоположность. Буржуазия каждой великодержавной нации

---

[1] Ленин «Под чужим флагом». Т. XVIII, стр. 109.

старалась оправдать захватническую и грабительскую политику своим «историческим призванием» и «цивилизаторской миссией». «Национальная идеология» становится прикрытием империалистического разбоя в колониальных войнах и национального угнетения. Буржуазный национализм империалистической эпохи коренным образом отличается от «национальной идеологии», воодушевлявшей буржуазию в ее борьбе против феодализма. Он по существу своему глубоко реакционен, ибо сам капитализм стал реакционной силой, помехой движению человечества вперед. «Буржуазия из подымающегося передового класса стала опускающимся, упадочным, внутренне мертвым, реакционным» (Ленин).

Не следует думать, что буржуазный национализм, возникший в битвах против феодализма, в дальнейшем держится силой одной только исторической традиции и воспоминаний, усиленно подогреваемых пропагандой буржуазии и ее оруженосцев из лагеря II интернационала.

Разумеется, национальная идеология эпохи 1789—1871 гг. оставила на долгое время глубокий след во всех общественных слоях, в том числе и в народных массах; это всемерно использует в своих целях буржуазия. Но одно это обстоятельство не может об'яснить под'ема буржуазного национализма, который наблюдается в эпоху империализма среди господствующих классов, увлечения мелкой буржуазии империализмом, пленения империалистской идеологией даже некоторых слоев рабочего класса.

Буржуазный национализм современной эпохи имеет под собой определенную материальную основу. Он воплощает интересы финансового капитала, заинтересованность мелкой рантьерской буржуазии в грабительской политике империализма, материальные выгоды, получаемые некоторой частью рабочего класса (обуржуазившимися рабочими) от монопольного положения «своей» «нации» на мировом рынке, от обладания колониями и зависимыми странами. Для этих слоев преуспеяние или неуспех «своего» отечества прочно связаны с под'емом или падением их доходов.

Каково отношение рабочего класса к защите буржуазного отечества в эпоху империализма?

«Рабочие не имеют отечества» — так формулирует «Коммунистический манифест» отношение пролетариата к буржуазному отечеству, в котором буржуазия достигла полного господства. Это основная истина социализма, завещанная Марксом и Энгельсом международному рабочему движению. В ней воплощена коренная и непримиримая противоположность классовых интересов пролетариев и буржуазии; интересы международной пролетарской борьбы и солидарности стоят выше интересов буржуазной нации и буржуазного отечества. Эта истина социализма была извращена оппортунистическими вождями II интернационала в угоду империалистской буржуазии.

Рабочий класс остается «национальным» в буржуазном обществе, но в совершенно другом смысле, чем это понимает буржуазия. До того как он начинает пролетарскую борьбу за социализм, ему необходимо устроиться в пределах нации. Пролетариат проходит через различные ступени развития, прежде чем его борьба против буржуазии принимает характер «национальной классовой борьбы» (т. е. борьбы, ведущейся во всех областях буржуазно-национального государства), в которой он по всему фронту противопоставляет свои интересы и цели интересам господствующей буржуазии.

«Так как пролетариат должен прежде всего завоевать себе политическое господство, подняться до положения национального класса, конституироваться как нация, он сам пока еще национален, хотя, конечно, вовсе не в буржуазном смысле» [1].

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс «Манифест коммунистической партии» (К. Маркс. Избранные произведения. Т. I, стр. 168. ИМЭЛ. 1934).

Борьба рабочего класса против буржуазии национальна в том смысле, что «пролетариат каждой страны, конечно, должен прежде всего покончить со своей собственной буржуазией» («Коммунистический манифест»).

Ленин и Сталин в учении об империалистских войнах и о «защите отечества» в эпоху империализма и пролетарской революции не ограничились восстановлением взглядов Маркса на войну: они продолжили его учение, обогатили сокровищницу революционного марксизма рядом новых, исключительно важных теоретических положений, подытоживающих историческое развитие и опыт борьбы международного рабочего класса.

Основная особенность империалистской эпохи с точки зрения соотношения классов заключается в том, что пролетариат стал центральной фигурой эпохи, «определяя главное ее содержание, главное направление ее развития, главные исторические особенности исторической обстановки данной эпохи и т. д.»[1].

Рабочий класс в этот период призван взять на свои плечи заботу о дальнейшем развитии всего общества, об избавлении всего человечества от ужасов и цепей капиталистического рабства. Буржуазно-национальные рамки государств стали оковами, мешающими росту производительных сил.

Проблема «буржуазного отечества» приобретает для пролетариата существенно новые черты.

В порядок дня выдвигается задача создания исторически более высоких и прогрессивных форм человеческого общежития, открывающих безграничный простор для дальнейшего под'ема производительных сил человечества.

Эту гигантскую задачу и выполняет международный рабочий класс в процессе социалистической революции, которая, как учит ленинизм, не совершается сразу, одновременно во всех странах, а начинается в одной или нескольких капиталистических странах и обнимает собой многие годы и даже десятилетия.

«Социалистическое движение не может победить в старых (т. е. буржуазных. — *А. У.*) рамках отечества. Оно творит новые, высшие формы человеческого общежития, когда законные потребности и прогрессивные стремления трудящихся масс всякой национальности будут впервые удовлетворены в интернациональном единстве, при условии уничтожения теперешних национальных перегородок»[2].

Так отвечает ленинизм на вопрос об отношении рабочего класса к буржуазному отечеству. Ленинизм ставит и разрешает этот вопрос по-новому, в соответствии с новой исторической обстановкой, неразрывно связывая его с учением об империализме, о победе социализма в одной стране, с теорией пролетарской революции.

Лозунги большевизма в годы империалистической войны (превращение империалистической войны в гражданскую, поражение в войне собственного правительства) вытекали органически из общего анализа империалистской эпохи и обусловленных ею новых задач международного рабочего класса.

Становясь на путь гражданской войны, пролетариат разрушает враждебные ему, исторически отжившие и реакционные «буржуазные отечества»; впервые в истории пролетариат борется за то, чтобы создать свое отечество, отечество диктатуры пролетариата.

В эпоху империализма пролетариат выступает в качестве единственной прогрессивной силы; борясь за свои классовые интересы, он выражает вместе с тем исторические интересы всей нации, всего народа своей страны. Это вносит еще одну чрезвычайно важную особенность в положение рабочего класса. Буржуазия охотно изображает коммунистов и сознательных проле-

[1] Ленин «Под чужим флагом», стр. 107. Разрядка моя. — А. У.

[2] Ленин «Положение и задачи социалистического Интернационала». Т. XVIII, стр. 70.

тариев лишенными чувства национальной гордости, любви к родине, к языку своего народа и т. д.

Буржуазия клевещет на коммунизм. Здесь как и во всем прогнившая и реакционная буржуазия стремится обмануть народные массы, безудержно спекулируя на «любви к родине», понимая под этим готовность трудящихся безропотно сносить ярмо капиталистической эксплоатации и наемного рабства, готовность в международных столкновениях защищать буржуазные отечества (т. е. прибыли, доходы, земли, награбленные своей буржуазией). Коммунисты воспитывают трудящихся в ненависти к буржуазии, в ненависти к буржуазному отечеству — угнетателю и палачу народных масс. Но это и значит, что только коммунисты в современную историческую эпоху являются действительными вождями народа, на деле доказывая свою любовь к родине, к своему народу.

В 1914 г., во время империалистической войны, Владимир Ильич написал замечательную статью «О национальной гордости великороссов», имеющую громадное значение для международного коммунизма. В ту пору Россия еще изнывала под гнетом самодержавия и была «тюрьмой народов».

«Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, — писал Владимир Ильич, — чувство национальной гордости? Конечно, нет! *Мы любим свой язык, свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы* (т. е. $^9/_{10}$ *ее* населения) *поднять до сознательной жизни демократов и социалистов*. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты...»

«Мы полны чувства национальной гордости, и именно поэтому мы *особенно* ненавидим *свое* рабское прошлое и свое рабское настоящее...»

«И мы, великорусские рабочие, полные чувства национальной гордости, хотим во что бы то ни стало свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссии...»

«Именно потому, что мы хотим ее, мы говорим: нельзя в XX веке в Европе (хотя бы и дальневосточной Европе) «защищать отечество» иначе, как борясь всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов *своего* отечества, т. е. *худших* врагов нашей родины, — нельзя великороссам «защищать отечество», иначе как желая поражения во всякой войне царизму...»

«Интерес (не по-холопски понятой) национальной гордости великороссов совпадает с *социалистическим* интересом великорусских (и всех иных) пролетариев» [1].

Социалистические интересы международного пролетариата в современную эпоху совпадают с интересами всестороннего развития всех наций земного шара. Только диктатура пролетариата может обеспечить действительные интересы национального развития.

Это верно как для великодержавных наций (в странах, где господство буржуазии, утратившей право говорить от имени нации, поддерживается режимом жесточайшего террора над народными массами и прежде всего над пролетариатом, авангардом их, цветом нации), так и для угнетенных наций внутри буржуазных государств, в колониях и полуколониях.

Коммунисты — лучшие и единственные друзья, вожди и учителя всех трудящихся, лучшие выразители правильно понятых интересов своей нации и всех народов, населяющих земной шар.

Любовь к своей родине и своему народу требует, например, от германских коммунистов героической и беззаветной борьбы против фашистской

---

[1] *Ленин* «О национальной гордости великороссов». Т. XVIII, стр. 81—83. Разрядка моя. — **А. У.**

диктатуры, позорящей великий немецкий народ, пытающейся превратить его в раба, глумящейся над его историческим прошлым, калечащей его настоящее.

Любовь к родине, к своему народу обязывает французских, английских и японских коммунистов к неустанной и мужественной борьбе против буржуазии собственной страны, которая довела до голода миллионы и десятки миллионов людей, которая неспособна дать народу ничего, кроме нищеты и рабства.

Буржуазия стала историческим банкротом. Она не смеет больше говорить от имени нации, от имени народа.

Действительным вождем народа, единственным законным в историческом смысле представителем и выразителем интересов своей нации являются только социалистический рабочий класс и его авангард — коммунистическая партия.

Социалистическая родина рабочего класса

С завоеванием политической власти рабочий класс приобретает свою родину, свое отечество. Превращение рабочего класса в господствующий класс, берущий на себя в качестве вождя и руководителя ответственность за дальнейшую судьбу всего общества, всей страны, коренным образом изменяет отношение пролетариата к отечеству, к родине, поставило для него совершенно по-новому вопросы обороны отечества, вопросы войны и т. д. Победоносная Октябрьская революция 1917 г. утвердила в нашей стране диктатуру пролетариата.

В статьях и речах, посвященных Брестскому миру, Владимир Ильич в 1918 г. не раз тщательным образом выясняет отношение победившего пролетариата к отечеству. В статье «Тяжелый, но необходимый урок» Владимир Ильич писал:

«Мы — оборонцы, теперь с 7 ноября (25 октября) 1917 г., мы — за защиту отечества с этого дня. Ибо мы доказали *на деле* наш разрыв с империализмом. Мы расторгли и опубликовали грязные и кровавые империалистические договоры-заговоры. Мы свергли *свою* буржуазию. Мы дали свободу угнетавшимся *нами* народам. Мы дали землю народу и рабочий контроль. Мы — за защиту Советской социалистической республики России» [1].

Несколько позднее ту же мысль Владимир Ильич выражает в следующих словах:

«Мы, оборонцы, с 7 ноября (25 октября) 1917 г. Мы за «защиту отечества», но та отечественная война, к которой мы идем, *является войной за социалистическое отечество, за социализм, как отечество, за Советскую республику, как отряд всемирной армии социализма*» [2].

С первых дней Октябрьской революции партия большевиков воспитывает трудящиеся массы нашей страны в сознании того, что с этих пор они приобрели отечество и должны во всей своей борьбе и работе рассматривать защиту отечества как одну из важнейших и коренных задач революции [3].

Эта принципиальная позиция большевизма нашла свое воплощение и в законодательстве тех дней. 21 февраля 1918 г., после того как немецкий империализм вопреки согласию советского правительства на подписание мира начал развивать наступление, Совет народных комиссаров издал декрет

[1] Ленин. Т. XXII, стр. 291.

[2] Ленин «Главная задача наших дней». Т. XXII, стр. 378. Разрядка моя.—А. У.

[3] Несмотря на это некоторые буржуазные публицисты, которых нельзя упрекнуть в грамотности по части большевизма, ухитряются издание декрета об измене социалистическому отечеству об'явить чуть ли не коренным переворотом во взглядах большевиков на отечество. — А. У.

«Социалистическое отечество в опасности». Этот декрет послужил основой организации сил пролетарской революции для отпора империализму.

На всем протяжении исторического развития классовая природа отечества определяется классовой структурой общества. Отечество выступает носителем и выразителем материальных интересов господствующего класса и его идеологии.

По своей классовой природе родина рабочего класса является социалистической, во-первых, потому, что победивший в одной стране пролетариат осуществляет социалистическую революцию и его боевая программа — построение бесклассового, социалистического общества; во-вторых, потому, что пролетарское государство выступает как передовой отряд всемирного социализма.

Подобно тому как буржуазное отечество выражало собой наличие определенного социального строя — капиталистического,—социалистическое отечество знаменовало возникновение и появление на исторической сцене нового общественно-экономического строя — социалистического.

Разумеется, это отнюдь не означало, что на другой же день после победы Октябрьской революции новый, социалистический уклад хозяйства уже сразу занял господствующее место в экономике страны.

Октябрьская революция создала Советскую социалистическую республику; при первых шагах рабоче-крестьянского правительства это было равносильно тому, что советская власть, руководимая коммунистической партией, берет на себя осуществление революционного перехода от капитализма к социализму. Национализация банков, железных дорог, крупной промышленности, национализация земли, установление монополии внешней торговли послужили теми материальными предпосылками, которые открывали возможность успешного строительства социализма и одновременно были материальной, экономической базой социалистического отечества.

Поэтому войны, которые приходилось вести рабочему классу нашей страны после Октябрьской революции, служили защите и обороне отечества социализма, защите и обороне завоеваний социалистической революции от покушений международного империализма и внутренней буржуазно-помещичьей контрреволюции.

Вся история до борьбы пролетариата за социализм была историей борьбы различных классов, каждый из которых стремился установить и увековечить свое господство над другими. Каждый из них выдавал свои узкоэгоистические классовые интересы за интересы всей нации, всего народа.

Так поступали римские патриции и всадники, когда они вели грабительские войны в Африке, Малой Азии, Галлии и т. д. Так поступали феодалы средневековья. Так, наконец, поступает буржуазия, утвердившая свое господство на развалинах феодального строя.

Совсем иное положение наступает после прихода пролетариата к власти. Рабочий класс не стремится к увековечению своего господства над другими классами. Его деятельность направлена к уничтожению частной собственности — основы всякого классового господства, — к ликвидации классов. Его классовые интересы совпадают с исторически правильно понятыми интересами всего народа.

Будучи носителем социализма, вождем, учителем и организатором народных масс, строителем и организатором социалистического отечества, пролетариат не находится подобно буржуазии во враждебном отношении к большинству населения. Отечество рабочего класса — это в подлинном, глубоком смысле слова отечество всего народа, широчайших трудящихся масс; пролетариат выступает в качестве их вождя в освободительной борьбе, ведущей к уничтожению векового рабства.

Социализм — единственная форма общественного хозяйства, в которой совершается действительное освобождение трудящихся масс. Социалистиче-

ская революция «походя» разрешает с невиданной полнотой задачи буржуазно-демократической революции (земельный и национальный вопросы и т. д.), смыкая в крепком союзе на этой основе широкие массы мелкобуржуазной демократии и в первую голову крестьянства с рабочим классом.

В силу этого социалистическое отечество рабочего класса становится с первых дней своего существования отечеством всех трудящихся народных масс. Под руководством пролетариата они сражаются с беззаветным энтузиазмом за советскую власть, давшую им мир, землю, национальное раскрепощение.

В гражданской войне 1917—1921 гг. для широких масс трудящихся крестьян лозунг социализма не был непосредственно движущей силой их борьбы; они дрались за сохранение отобранной у помещиков земли, против оголтелого великодержавного шовинизма и буржуазно-помещичьей контрреволюции.

В этой войне они признали руководство рабочего класса, и тем самым об'ективно их борьба была прямой поддержкой социалистической революции и социалистического отечества пролетариата.

Социалистическим отечеством рабочего класса Советский союз является не только по своей программе, по своим задачам внутри страны, но и в силу международного значения нашей революции, ее роли и места в международном коммунистическом движении. Советская власть и Советская страна с самого начала выступают на исторической сцене как передовой отряд мировой армии социализма, подчиняя внутреннюю и внешнюю политику интересам международной пролетарской революции.

Еще при основании Коммунистического интернационала Владимир Ильич подчеркивал, что «характернейшая черта III интернационала сразу проявила себя тем, что новое, третье «Международное Общество Рабочих» стало *уже теперь совпадать* в известной мере *с Союзом Советских Социалистических Республик*»[1].

Советская страна вопреки грязной клевете контрреволюционного троцкизма никогда не знала национальной ограниченности, и, руководимая партией Ленина — Сталина, она умела видеть постоянно конкретный процесс развития международной пролетарской революции, конкретный путь движения международного рабочего класса к его победе над мировой буржуазией.

Теперь уже вряд ли надо подробно доказывать, что наше советское государство — самая могучая сила международного коммунизма, что укрепление его мощи — священная обязанность не только трудящихся СССР, но и трудящихся всего мира.

Развитие социалистического отечества рабочего класса коренным образом отличается от исторического пути буржуазного отечества. Буржуазное отечество было исторической формой возникновения и сплочения буржуазного общества. Оно знаменовало собой уничтожение чужеземного гнета, крушение феодализма и абсолютизма, пробуждение новых многомиллионных наций к самостоятельной политической жизни. Но каждый дальнейший шаг буржуазного отечества ставил его в резко враждебное отношение к народным массам, которые вчера еще составляли армию его бойцов. Буржуазное отечество все больше превращалось в глубочайшую ложь и обман широких трудящихся масс. В буржуазном отечестве, которое было знаменем всей нации в борьбе с феодализмом, на другой же день после утверждения господства буржуазии вспыхивает ожесточенная классовая борьба между буржуазией и пролетариатом — ее могильщиком.

Развитие капитализма разоряет и порождает обнищание широчайших масс крестьянства.

---

[1] *Ленин* «Третий интернационал и его место в истории». Т. XXIV, стр. 247.

Каждый день господства буржуазии углубляет пропасть между жизненными условиями буржуазии и условиями существования народа (рабочих и трудящихся крестьян), пока, наконец, это противоречие не найдет своего разрешения в победоносной гражданской войне пролетариата.

Внутри буржуазного отечества великодержавная нация господствует над остальными, угнетая национальные меньшинства. Во внешней политике буржуазное отечество быстро становится на путь открытого грабежа и угнетения многомиллионных народных масс колоний и полуколоний.

По своей экономической природе капитализм стремится к ломке национальных границ, к самой всесторонней интернационализации хозяйственной жизни, к созданию международного рынка, к международной эксплоатации природных богатств и т. д. Но этот процесс идет противоречивым путем усиления отдельных буржуазно-национальных государств, обострения их соперничества, раздела и передела мира, угнетения ими сотен миллионов трудящихся колоний и полуколоний.

Капитализм стал величайшим реакционным злом, тягчайшим бедствием для народных масс, душителем национальных движений в колониях и полуколониях.

С начала XX в., вступив в свою высшую и последнюю империалистическую фазу, капитализм обнаруживает черты гниения, упадка и распада.

«Из освободителя наций, каким капитализм был в борьбе с феодализмом, империалистский капитализм стал величайшим угнетателем наций. Капитализм из прогрессивного стал реакционным, он развил производительные силы настолько, что человечеству предстоит либо перейти к социализму, либо годами и даже десятилетиями переживать вооруженную борьбу «великих» держав за искусственное сохранение капитализма посредством колоний, монополий, привилегий и национальных угнетений всяческого рода» [1].

Империалистская эпоха доводит до крайнего предела и напряжения классовые противоречия внутри буржуазных национальных государств, невиданно по всему фронту усиливает национальный гнет, приводит в движение десятки и сотни миллионов людей в колониях и полуколониях, рвущихся к национальному освобождению. Буржуазное отечество дает глубокую трещину, и первый сокрушительный удар наносит ему первая победоносная пролетарская революция.

Таким образом, чем дальше развивалось буржуазное общество, тем больше внутри его созревали силы, которые вели к разрушению буржуазного отечества.

В «Коммунистическом манифесте» содержится гениальное предвосхищение исторического банкротства буржуазного общества, в основе которого лежит эксплоатация наемных рабочих.

«Современный же рабочий, — писали Маркс и Энгельс, — вместо того, чтобы подниматься вместе с прогрессом промышленности, опускается все ниже и ниже условий существования своего собственного класса. Рабочий становится нищим и нищета развивается еще быстрее, чем население и богатство. Это ясно показывает, что буржуазия неспособна оставаться долее господствующим классом общества и навязывать всему обществу условия существования своего класса в качестве регулирующего закона. Она неспособна господствовать, потому что она неспособна обеспечить своему рабу существование даже в пределах его рабства, потому что она вынуждена дать ему опуститься до такого положения, когда она сама должна его кормить, вместо того, чтобы кормиться за его счет. Общество не может более жить под ее властью, т. е. ее жизнь несовместима более с обществом» [2].

---

[1] Ленин «Социализм и война». Т. XVIII, стр. 195.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс «Коммунистический манифест» (К. Маркс. Избранные произведения. Т. I, стр. 162).

Развитие диктатуры пролетариата происходит в противоположном направлении.

Рабочий класс, будучи вождем народных масс в борьбе за свержение буржуазии, и на другой день после победы пролетарской революции выступает их вождем и учителем в борьбе за новый, социалистический уклад хозяйства, в котором навсегда уничтожаются источники голода, нужды, бедствий и лишений народных масс.

Главнейшей предпосылкой успешной деятельности пролетариата является привлечение на свою сторону большинства народа и прежде всего трудящихся крестьян. Стремясь к тому, чтобы сделать «условия своего собственного существования» (социалистическую организацию производства) нормой, регулирующей весь общественный строй, пролетариат избавляет трудящихся крестьян от кабалы, голода, открывает для них в колхозах ту форму, в которой благосостояние их поднимается на невиданную высоту, помогает им материально (сельскохозяйственными машинами, кредитом, людьми) в налаживании новой, социалистической жизни.

Уничтожая эксплоататорские классы, пролетариат действует в интересах народных масс. Строя в упорной борьбе коммунистическое общество, пролетариат создает условия, при которых сельскохозяйственный труд становится разновидностью индустриального труда, грань между рабочим и крестьянином постепенно стирается, трудящиеся города и деревни постепенно образуют единую армию работников социалистического общества.

Мы ведем непосредственную борьбу за разрешение этой задачи во второй пятилетке.

В отличие от господства буржуазии, при котором нарастает и обостряется конфликт между ростом производительных сил и частнокапиталистическим присвоением, каждый день существования пролетарской диктатуры укрепляет и расширяет материальную, экономическую базу социализма, тем самым ведя к убыстрению под'ема производительных сил общества и непрерывному росту благосостояния трудящихся масс. С точки зрения борьбы классов движение вперед диктатуры пролетариата знаменует собой укрепление политической базы социализма, так как уничтожение эксплоататорских классов (крупной буржуазии, помещиков и кулачества) и переход на рельсы социализма основных масс крестьянства увеличивают мощь диктатуры пролетариата.

Оба эти процесса неразрывно связаны между собой и происходят в обстановке могучего развития национальной по форме и социалистической по своему содержанию культуры всех народов СССР.

Это значит, что социалистическое отечество в ходе развития пролетарской революции приобретает экономически и политически все более крепкий фундамент. В то время как развитие буржуазного отечества накопляет внутри его разрушительные силы и «взрывчатый материал», социалистическое отечество через уничтожение классов и на путях классовой борьбы становится все более монолитным.

Один из важнейших итогов первой пятилетки состоит в том, что **социализм** как новый общественный порядок с переходом основных масс крестьянства в колхозы становится и для них тем путем, по которому идет и будет идти развитие их жизни, и чем успешнее будет наша работа по превращению колхозов в большевистские, чем успешнее будут преодолеваться мелкособственнические предрассудки в среде колхозников, тем важнее будет для них значение социалистического отечества.

Социализм выражает теперь уже не только условия существования рабочего класса, но и материальные условия существования широчайших масс трудящихся крестьян. Поворот основных масс интеллигенции в сторону советской власти также обусловлен гигантскими успехами в строительстве социализма.

Победоносное строительство социализма в СССР изо дня в день поднимало и поднимает в сознании трудящихся масс Советского союза значение нашей родины, укрепляет их любовь к своей стране и вместе с тем служило и служит могучей поддержкой международному рабочему классу в его борьбе против буржуазии.

Всемирно-историческое значение политики партии в первой пятилетке заключалось именно в том, что партия обеспечила на одной шестой части земного шара решающие победы социализма как высшей формы общественного хозяйства, показав на деле перед всем миром неисчерпаемые преимущества социализма перед капитализмом. Вооруженная учением Ленина—Сталина о пролетарской революции и строительстве социализма в одной стране, разгромив кулачество и разбив наголову контрреволюционный троцкизм и правый оппортунизм, наша партия в первой пятилетке построила фундамент социализма и создала тем самым незыблемый материальный базис социалистического отечества, нашей великой родины. Продолжая борьбу, партия поставила в качестве непосредственной практической задачи во второй пятилетке окончательное уничтожение классов. Тот, кто хочет быть верным сыном Советского союза, великой родины трудящихся, тот должен быть везде и во всем честным и мужественным проводником политики партии и советской власти.

Социалистическое отечество не висит в воздухе; это вовсе не какая-то абстрактная идея или абстрактный принцип. Социалистическое отечество существует в определенных государственно-территориальных границах.

Пролетарская революция в нашей стране показала конкретный путь создания и формирования социалистического отечества в его новых государственно-территориальных рамках.

Социалистическое отечество рабочего класса строится на основе хозяйственного, политического и культурного сотрудничества всех народов, населяющих территорию Советского союза.

В национальных республиках, входящих в состав Советского союза, развивается национальная по форме, социалистическая по содержанию культура, свой национальный язык. Каждый из народов, населяющих Советский союз, любит и свой язык, и свою литературу, и свою землю. Но все это не разделяет их, не поселяет между ними розни и вражды, ибо все это им дала социалистическая революция, ибо они об'единены строительством новой, социалистической жизни. Главное и основное, что неразрывно связывает народы Советского союза, — это строительство социализма, защита его от классовых врагов.

Героическая борьба за социализм политически равных, многонациональных народных масс Союза сплачивает их воедино. Советский союз—их общая дорогая социалистическая родина, в рамках которой они только и могут получить необходимый простор и необходимую основу для экономического, культурного и политического под'ема. Интересы социализма, интересы Союза советских социалистических республик — вот что стоит выше всего для народов СССР, вот что делает каждую государственную границу нашей великой страны социалистическим рубежом, который охраняют все народы Союза.

В своей речи на собрании студентов Университета народов Востока товарищ Сталин в 1925 г. следующим образом формулировал соотношение между под'емом национальной культуры в советских республиках и строительством социализма:

«Как совместить строительство национальной культуры, развитие школ и курсов на родном языке и выработку кадров из местных людей со строительством социализма, строительством пролетарской культуры? Нет ли тут непроходимого противоречия? Конечно, нет Мы строим пролетарскую культуру. Это совершенно верно. Но верно также и то, что пролетарская куль-

тура, социалистическая по своему содержанию, принимает различные формы и способы выражения у различных народов, втянутых в социалистическое строительство, в зависимости от различия языка, быта и т. д. Пролетарская по своему содержанию, национальная по форме, — такова та общечеловеческая культура, к которой идет социализм. Пролетарская культура не отменяет национальной культуры, а дает ей содержание. И, наоборот, национальная культура не отменяет пролетарской культуры, а дает ей форму. Лозунг национальной культуры был лозунгом буржуазным, пока у власти стояла буржуазия, а консолидация наций происходила под эгидой буржуазных порядков. Лозунг национальной культуры стал лозунгом пролетарским, когда у власти стал пролетариат, а консолидация наций стала протекать под эгидой советской власти. Кто не понял этого принципиального различия двух различных обстановок, тот никогда не поймет ни ленинизма, ни существа национального вопроса с точки зрения ленинизма» [1].

Рабочие и все трудящиеся нашей страны горды тем, что у них есть своя великая и героическая родина. Их гордость становится тем большей, чем большие победы одерживает социализм, чем выше завоевания социалистической страны во всех областях жизни — в экономике, технике, культуре.

Из году в год социалистический патриотизм народов Советского союза становится все более широким, глубоким и могущественным, ибо это чувство питается новыми и новыми победами социализма, ибо оно неудержимо растет вместе с победоносным движением социализма.

Каждая новая победа нашей техники на суше, на море, в воздухе, под землей и под водой, каждое новое научное открытие, каждая новая победа в повышении качества изделий социалистической промышленности, каждое новое завоевание в обработке полей, в под'еме урожайности — все это ведет к росту социалистического отечества, к все большему осознанию трудящимися мощи своей страны, величия своей родины. Мы уже теперь не только политически, в смысле государственного устройства, самая передовая страна во всем мире: мы стали одной из передовых стран мира и в технико-экономическом отношении. Больше того, Советский союз становится средоточием и организующим центром передовой культуры (Менделеевский с'езд, с'езд по атомному ядру, с'езд писателей, предстоящий международный физиологический конгресс и т. д.). Победный рост социализма поставил СССР на международной арене в положение той ведущей силы, которая в международной политике, сквозь сеть внутриимпериалистических противоречий, проводит неизменно свою социалистическую политику.

Трудящиеся нашей страны видят, что Советский союз выступает сейчас как могучая сила в разрешении всех международных вопросов, что нашей стране принадлежит руководящая роль в борьбе за мир, в борьбе с опасностью империалистической войны.

Рабочие и крестьяне понимают, что наши успехи нельзя об'яснить только искусством советской дипломатии; они понимают, что международные победы Советского союза имеют опору в гигантских победах социализма внутри страны. Приглашение Советского союза в Лигу наций — наглядное доказательство того, каким огромным весом пользуется Советский союз в международной политике.

Мы должны всемерно воспитывать чувство социалистического патриотизма трудящихся, чувство гордости за свою родину, поднимая каждого трудящегося к осознанию всемирно-исторической роли рабочего класса нашей страны, к осознанию всемирно-исторического значения нашего советского государства.

---

[1] И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 158. Партиздат. 1934.

Английская буржуазия, обманывая трудящихся, внушала английскому народу такой девиз: «Права или нет, — но это моя страна», и поэтому всюду и везде англичанин должен становиться на сторону своей страны. Этим девизом прикрывались и колониальные грабежи, и подавление Ирландии, а также все разбойничьи проделки британских империалистов.

«Моя страна» и «моя родина» звучат гордо для каждого трудящегося Советского союза, ибо наша страна несет всему человечеству освобождение от рабства и свободную, социалистическую жизнь.

Советский союз сейчас является единственной социалистической родиной международного рабочего класса.

Советский союз — отечество международного рабочего класса, ибо он ведет борьбу за уничтожение капиталистического рабства, за торжество социализма во всем мире. Другого отечества, кроме социалистического, у рабочего класса быть не может. Активное разрушение своего буржуазного отечества и активная поддержка Советского союза — такова единственная политическая линия, которую могут отстаивать пролетарские революционеры.

Советский союз — родина всех трудящихся мира, ибо в нем осуществляется новое, социалистическое общество, ибо он дает пример и оказывает помощь всем трудящимся в их борьбе против капиталистического рабства. Советский союз — родина всех трудящихся мира, ибо он является могучим оплотом международной пролетарской революции (а вне ее выхода и спасения для трудящегося человечества нет) и ведет непримиримую борьбу против империализма.

Вот почему священная обязанность международного рабочего класса, обязанность трудящихся всех стран — неустанно бороться в защиту Советского союза.

Как пойдет дальнейший процесс распада империализма и нарастания международной пролетарской революции?

В замечательном предисловии к книге «На путях к Октябрю» товарищ Сталин устанавливает наиболее вероятный ход развития мировой пролетарской революции и взаимоотношений между победившей социалистической страной и трудящимися массами всех других стран:

«Вероятнее всего, что мировая революция будет развиваться путем революционного отпадения ряда новых стран от системы империалистических государств при поддержке пролетариев этих стран со стороны пролетариата империалистических государств. Мы видим, что первая отпавшая страна, первая победившая страна уже поддерживается рабочими и трудящимися массами вообще других стран. Без этой поддержки она не могла бы продержаться. Несомненно, что поддержка эта будет усиливаться и нарастать. Но несомненно также и то, что само развитие мировой революции, самый процесс отпадения от империализма ряда новых стран, будет происходить тем скорее и основательнее, чем основательнее будет укрепляться социализм в первой победившей стране, чем скорее будет превращаться эта страна в базу дальнейшего развертывания мировой революции, в рычаг дальнейшего разложения империализма».

Таким образом мы видим, какая глубокая и неразрывная взаимная связь существует между победоносной диктатурой пролетариата в одной стране и борьбой трудящихся масс во всем мире против империализма.

Именно этим об'ясняется та могучая поддержка, которую оказали Октябрьской революции в годы гражданской войны пролетариат и все трудящиеся других стран.

С каждым днем рабочие и трудящиеся всех стран все больше убеждаются в том, что Советский союз — их настоящая родина, их отечество, и в победах социализма они находят неиссякаемый источник новых сил, новой энергии в борьбе за диктатуру пролетариата.

Советский союз находится в капиталистическом окружении. Поэтому и для нашего времени сохраняет свое значение указание Владимира Ильича о том, что «исторически неизбежны в настоящий период начавшейся эры социалистической революции многократные военные наступления империалистских государств (как с Запада, так и с Востока) против Советской России» [1].

Как скоро наступит это военное столкновение, разумеется, нельзя сказать сколько-нибудь точно Однако характер грядущей новой империалистической войны уже поддается точному определению, и мы должны его ежечасно раз'яснять трудящимся. Со стороны Советского союза это будет справедливая война против капиталистического рабства, против национального угнетения, против капиталистической системы, ставшей помехой движению человечества вперед. Это будет социалистическая революционная война в интересах освобождения трудящихся всего мира, в защиту более высокой формы общественного хозяйства, социалистической формы, против изжившего себя капитализма.

Эту войну международный пролетариат будет вести всеми средствами, обеспечивающими ему скорейшую победу, используя все противоречия в лагере империалистов и не отказываясь от временного соглашения с отдельными из них.

Мы стоим на страже мира. Мы держим высоко и непоколебимо знамя политики мира, отвечающей коренным интересам социалистического отечества. Неустанно крепя оборону социалистических границ, мы всегда начеку, всегда готовы к защите границ отечества социализма.

---

[1] Ленин «Резолюция о войне и мире на VII с'езде».

СОЦИАЛИЗМ И БОГАТСТВО

А. Леонтьев и Е. Хмельницкая

Растет и множится богатство нашей великой социалистической родины. Семнадцать лет назад пролетариат нашей страны разбил оковы капитала. Сбросив иго буржуазии, рабочий класс твердой поступью пошел по пути ликвидации нищеты и отсталости, оставленных в наследство капитализмом. Революция разбудила неисчислимые источники богатства, тысячелетиями дремавшие в недрах земли. Революция раскрыла невиданный простор для непрерывного материального и культурного роста десятков миллионов людей. Впервые в истории общественное богатство и его источники стали достоянием освобожденного труда. Под руководством партии Ленина — Сталина трудящиеся массы СССР ведут упорную борьбу за укрепление хозяйственной мощи нашей страны. Создан несокрушимый фундамент для дальнейшего роста производительных сил социалистического труда, для умножения богатства социалистического общества.

I

Богатство капиталистического строя и богатство социалистического общества отличаются друг от друга как небо от земли. Проследить это различие — значит рассмотреть одну из сторон той **противоположности двух миров**, которой характеризуется современная историческая эпоха.

«Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как «огромное скопление товаров» — этой фразой начинается «Капитал» Маркса. Элементарная форма буржуазного богатства — это отдельный товар. Анализом товара, этой экономической клеточки капитализма, Маркс начинает свое исследование. И он доводит это исследование до полного раскрытия антагонистического характера буржуазного богатства, до всестороннего обоснования неизбежности гибели капитализма под ударами пролетарской революции.

Первая форма, в которой исторически появляется богатство, — это излишек или избыток продуктов труда. Это та часть продукта труда, которая выходит за пределы того, что требуется для удовлетворения насущных потребностей. Само **представление о богатстве** меняется с развитием общества. На первых ступенях классового господства преобладает натуральное хозяйство. В соответствии с этим «**живот** считается органом накопления богатства»: богатого человека оценивают по толщине его брюха[1]. С развитием обмена и денег богатство приобретает свою абстрактную и всеобщую форму ввиде драгоценных металлов. Признаком богатого человека является обладание золотом и серебром. «Он позолачивает себя и свой дом»[2]. С развитием капитализма, банков и биржи представление о богатстве становится еще более абстрактным: оно распространяется на представителей и заместителей благородных металлов. Маркс в своем труде «К критике политической экономии» рассказывает о лондонском отпрыске банкирского рода

---

[1] «Капитал». Т. I, стр. 112. Изд. 1934 г.

[2] **К. Маркс** «К критике политической экономии», стр. 149. Партиздат. 1933.

Ротшильдов, «повесившем за стеклом и в раме банковый билет в 100 000 ф. ст. в качестве подобающего фамильного герба» [1]. В стране, где капиталистический способ производства развит в наиболее чистом виде, в Соединенных штатах Америки, человек оценивается в долларах «Он стоит столько-то долларов» — в этой форме дается исчерпывающая оценка богатства, способностей, шансов в жизни, моральных свойств и черт характера.

Размышления насчет «природы и причин богатства народа» возникают уже на утренней заре капитализма. На поверхности буржуазного общества все отношения выступают в позолоченном или посеребренном виде. Не удивительно, что «природа богатства» была прежде всего открыта в деньгах. Но деньги — лишь превращенная форма продукта труда. Наивные представления монетарной и меркантильной системы сменяются поисками богатства в различных конкретных отраслях общественного труда. Так например об'ект богатства раскрывается физиократами в продукте сельского хозяйства, этой специфически добывающей отрасли человеческого труда. Наконец, Адам Смит перевернул страницу в истории науки, отбросив «всякую определенность деятельности, порождающей богатства» [2]. Богатство порождается не каким-либо определенным видом труда, а трудом как таковым. Богатство — это «продукт вообще или, опять-таки, труд вообще, но уже как прошедший овеществленный труд».

У Пушкина Евгений Онегин

«...читал Адама Смита
И был глубокий эконом,
То-есть умел судить о том,
Как государство богатеет
И чем живет и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет».

Пушкин иронически добавляет, что

«Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог».

Во времена Адама Смита капитализм был молод и полон сил. История открывала перед новым строем путь быстрого и бурного развития. Богатство общества зависит, по словам Смита, от двух причин. Первая — это «искусство, уменье и сообразительность», с какими применяется труд данного народа. Вторая — это «отношение между числом тех, кто занят полезным трудом, и числом тех, кто им не занят» [3].

Со свойственным ему социальным оптимизмом Смит утверждает, что решающее значение имеет первая причина, а не вторая. Он не прикрашивал сознательно капитализма. Он знал о существовании тех, кто «жнет не посеяв». Без особого почтения он зачисляет в число «непроизводительных работников» короля наряду с ворами, священников наряду с проститутками. Однако, наивно выражая противоречия капитализма, Смит не мог видеть их исторического значения. Он не видел пути их развития. Он не мог вскрыть глубоко противоречивого характера буржуазного богатства. Ведь он сам был выразителем идеологии молодой, поднимающейся буржуазии. Только Маркс — великий вождь и идеолог пролетариата — сумел вскрыть антагонизм капиталистического строя и его пути.

---

[1] К. Маркс «К критике политической экономии», стр. 149. Партиздат. 1933.
[2] Там же.
[3] А. Смит «Исследование о природе и причинах богатства народов», стр. 5. Соцэкгиз, 1931.

Под впечатлением первых громовых раскатов классовой борьбы Рикардо, этот «экономист производства по преимуществу», об'являет центральной задачей нации открытие законов распределения богатства в обществе Но только гений Маркса мог вскрыть истинную глубоко антагонистическую природу буржуазного богатства.

Мир вещественного богатства имеет своими источниками, с одной стороны, природу, с другой — человеческий труд. Маркс приводит афоризм Петти. «Труд — отец богатства, а земля — его мать». И Маркс, далее, показывает, как капитализм, развивая производительные силы общества, в то же время подрывает источники всякого богатства — землю и рабочего.

Капитализм основан на отделении непосредственного производителя от об'ектов условий его труда на базе товарного производства. Продукт прошедшего труда противостоит носителю непосредственного труда как враждебная ему сила, находящаяся в монопольном обладании эксплоататорского класса. Мертвый труд, подобно вампиру, высасывает все жизненные соки из живого труда; это и есть капитал. Потребность капитала в самовозрастании, в высасывании прибавочной стоимости встает между живым трудом и условиями его реализации. Богатство принимает общественную форму капитала.

Масса непосредственных производителей, лишенная средств производства, выносит на рынок свой единственный товар — рабочую силу. Рабочая сила, эта совокупность физических и духовных свойств человека, становится товаром Она отчуждается ее владельцем. Она поступает в безраздельное распоряжение командира капиталистического производства, воодушевленного лишь одним стремлением — жаждой наживы Условия труда отделены от непосредственного производителя и противостоят ему ввиде безличной силы капитала. Не рабочий применяет средства труда, а средства труда применяют рабочего. Средства производства противостоят рабочему в качестве средств его эксплоатации. Сам капиталист выступает как персонифицированный капитал. Движущий стимул деятельности капиталиста — погоня за прибылью, а не удовлетворение потребностей общества. Он производит вещественные богатства как «инобытие богатства» в его абстрактной форме — денег. Вещное богатство является для него самоцелью, действительный производитель — лишь средством к достижению этой цели. «И отсюда развитие этого вещного богатства в противоположность человеческому индивиду и за его счет»[1]. Общественная форма богатства при капиталистическом строе непримиримо враждебна трудящимся. Капиталистическое отношение, производство прибавочной стоимости лежит в основе величайшего классового антагонизма человеческой истории, антагонизма между буржуазией и пролетариатом.

Капиталистический строй революционизирует процесс труда. Труд расчленяется между многими работниками—отдельными винтиками производственного организма Прежде самостоятельный производитель становится одной из бесчисленных частиц «совокупного рабочего». Общественная комбинация труда является неиссякаемым источником роста богатства Но она противостоит рабочему как чуждая и враждебная ему сила. Она поставлена на службу капиталу Она принадлежит капиталу. Сама производительная сила труда выступает как производительная сила капитала. Повышение производительности труда осуществляется за счет рабочего. Технический прогресс превращается в прогресс эксплоатации рабочего. Капитализм впервые осуществляет в производстве переход от эмпирических методов к методам научным. Наука внедряется в процесс производства. Применение науки открывает огромные возможности для роста общественного богатства. Но наука, поставленная на службу капиталу, выступает как сила капитала, враждебная рабочему

Рабочий превращается в придаток машины. Его труд опустошается, ли-

[1] «Архив Маркса и Энгельса». Т. II (VII), стр. 125.

шается всех привлекательных сторон, становится постылым и безрадостным бременем.

Победное шествие капитала в промышленности, как и в земледелии, является сплошным «мартирологом производителей». Машина становится могущественным средством порабощения и пауперизации рабочего. Рост производительности труда, это основное условие возрастания общественного богатства, несет неисчислимые страдания рабочему классу. С ростом общественной производительной силы труда «растет противостоящее рабочему нагроможденное богатство, как господствующее над ним богатство, как капитал». Вместе с этим ростом «расширяется противостоящий ему мир богатства, как чуждый ему, господствующий над ними мир». Вместе с ростом богатства, произведенного его трудом, «растет его собственная нищета, нужда и зависимость». Накопление богатства в руках буржуазии имеет своим неизбежным спутником накопление нищеты пролетариата. «Его обнищание и это изобилие соответствуют друг другу, идут нога в ногу» [1].

Сокровенная тайна буржуазного богатства раскрыта Марксом,—это всеобщий закон капиталистического накопления. Чем больше общественное богатство, тем больше нищета и лишения пролетариата. «Относительная величина промышленной резервной армии вырастает вместе с мощью богатства».

Антагонистический характер капиталистического богатства не в состоянии были скрыть представители господствующих классов. Маркс цитирует «холодного как рыба буржуазного доктринера» Дестют-Де Траси, который «грубо выбалтывает» тайну буржуазного богатства: «Бедные нации суть те, где народу живется хорошо, а богатые нации суть те, где он обыкновенно беден» [2].

Рост антагонизма между трудом и капиталом подрывает основы классового господства буржуазии. В лице пролетариата капиталистический строй производит своего собственного могильщика. Вместе с нищетой рабочего класса растет его возмущение. Вместе с безвыходностью его положения при капитализме растет воля рабочего класса к уничтожению эксплоататорского строя. Вместе с муками труда на потребу враждебного класса растет железная решимость сокрушить строй наемного рабства. Наряду с созданием суб'ективного носителя нового строя капитализм подготовляет об'ективные предпосылки социализма. Социалистическая революция пролетариата устраняет антагонистический характер общественного богатства. Она освобождает его источники — землю и труд — от пут капиталистического строя. Уничтожение классовых антагонизмов открывает невиданный простор для роста власти человека над природой. Открываются возможности небывалого роста общественного богатства.

II

Резко отрицательное отношение к богатству как таковому характерно для первых шагов социалистического движения. Лишь Маркс, превративший социализм из утопии в науку, раскрыл действительное содержание социализма. Он показал, что социализм несет с собой грандиозный рост всех источников общественного богатства. Луддиты (разрушители машин) свою ярость против эксплоататорского строя направляли против машин. Они еще не умели отличать машину от ее капиталистического применения. Ранние коммунистические секты выступали против материального богатства, не умея отличать богатство от его общественной формы.

Пролетариат еще только выделялся из общей мелкобуржуазной массы. Это были полуремесленники, полурабочие. Всеми корнями своего бытия и со-

---

[1] «Архив Маркса и Энгельса». Т. II (VII), стр. 171.
[2] К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 742. Изд. 1934 г.

знания они еще пребывали в мире мелкого производства. Великая историческая заслуга первых коммунистических движений заключается в том, что они провозгласили пламенный протест против мира классового угнетения, выставив своей целью коммунизм — общество без классов. Однако незрелость исторической обстановки не позволяла им открыть действительный путь, ведущий к бесклассовому обществу. Та же печать незрелости лежит на свойственных им положительных представлениях о коммунизме. Эти представления примитивны и бедны. Альфой и омегой примитивного коммунизма является требование равенства. Этим требованием у колыбели пролетарского движения выражается прежде всего стремление к уничтожению классов. В то же время это требование отображает ограниченность тех представлений о коммунизме, которые являются достоянием плебейских и полупролетарских масс в эпоху, когда классовое размежевание капиталистического общества делает только первые свои шаги.

Плебейская струя в Великой крестьянской войне, движение Бабефа в эпоху французской революции, коммунистические секты 30-х и 40-х годов XIX в. — все эти движения по-разному окрашены в цвета примитивного коммунизма.

Общность имуществ, равенство в области потребления, общность потребительского фонда — такова центральная ось примитивных представлений о коммунизме.

Но равенство в области потребления предполагает равенство потребностей, а равенство потребностей означает ограничение последних. Поэтому «коммунизм равенства» неизбежно связан с аскетизмом. Бабувисты были готовы отказаться от искусства в той мере, в какой невозможно достигнуть полного равенства в пользовании его произведениями.

Энгельс в «Крестьянской войне в Германии» дает чрезвычайно меткую характеристику аскетизма, стоявшего у колыбели революционного движения рабочего класса. Он указывает, что это требование ограничения потребностей является необходимой переходной ступенью, без которой угнетенный класс не может придти в движение. Низший слой общества начинает свой протест против существующего строя в форме требования спартанского равенства. Он выставляет своим знаменем отказ от всего, что еще может примирить его с существующим порядком вещей. Его лозунг — отрешение от тех немногих наслаждений, которые еще несколько прикрашивают его существование. Этот аскетизм является той формой, в которой плебейские массы развивают свою энергию, в которой они осознают свое враждебное положение по отношению к господствующим классам [1].

Плебейский аскетизм, характерный для первых этапов классового пробуждения пролетариата, коренным образом отличается от буржуазной проповеди аскетизма. Секрет буржуазного аскетизма в накоплении, в бережливости. На заре капитализма носителем буржуазного аскетизма выступает собиратель сокровищ. «Скупые рыцари» и Плюшкины выполняют определенную функцию в деле создания предпосылок для возникновения капитализма. Безграничная страсть к богатству в его абстрактной форме заставляет этих «мучеников накопления» отрекаться от всех конкретных форм богатства. Они приносят весь мир потребностей и наслаждений в жертву всеохватывающей жажде обогащения. Весь мир потребительных стоимостей они приносят в жертву меновой стоимости в ее наиболее всеобщей форме — в образе золотого тельца.

«На первых исторических ступенях капиталистического способа производства, — а каждый капиталистический выскочка индивидуально продел-

[1] Ф. Энгельс «Крестьянская война в Германии», стр. 50—51.

вает эту историческую стадию, — жажда обогащения и скупость преобладают как абсолютные страсти»[1].

Однако с дальнейшим развитием капиталистического производства этот образ буржуазного аскетизма уходит в область прошлого. Капиталист смотрит на собирателя сокровищ свысока, с полным сознанием собственного превосходства. Он раскрыл секрет одновременного удовлетворения обеих борющихся в его груди страстей — страсти к наслаждению и страсти к обогащению. Этот секрет заключается в безудержной эксплоатации рабочего. Роскошь входит в издержки представительства капитала. Известный уровень расточительности поднимает кредитоспособность капиталиста. «Поэтому, хотя расточительность капиталиста никогда не приобретает того откровенного характера, как расточительность разгульного феодала, и за ее оболочкой, напротив, всегда таится самая грязная скаредность и скрупулезная расчетливость, — тем не менее, расточительность капиталиста возрастает с ростом его накопления, причем одно ничуть не мешает другому»[2].

Классическая экономия рассматривала рабочего как машину для производства прибавочной стоимости, а капиталиста как машину для накопления последней. Вульгарная экономия пытается апологетически оправдать капитал, представляя его ввиде результата «воздержания» и «сбережения». Цель вульгарной экономии — скрыть от сознания масс, что расширенное воспроизводство в обществе может беспрепятственно осуществляться без всякой помощи и участия «рыцаря печального образа», каким выступает фигура «воздерживающегося капиталиста». С проповедью аскетизма и бережливости буржуазия теперь обращается к рабочему классу. Этот род проповеди аскетизма охарактеризовал еще Гейне:

«Я знаю мотивчик, я знаю текст
И авторов знаю породу:
Они келейно пьют вино,
Проповедуя гласно воду»[3].

Но пролетариат в условиях капитализма менее всего нуждается в проповеди аскетизма. Законы капиталистической эксплоатации сводят уровень его жизни до нищенских пределов. Нищета и лишения рабочего класса все ярче выделяются на фоне гигантского развития производительных сил. С ростом числа предметов, удовлетворяющих человеческие потребности, все ярче бросается в глаза вынужденное «воздержание» пролетариата от удовлетворения значительнейшей части своих потребностей. Тем самым аскетические мотивы, игравшие известную роль в пробуждении революционного сознания эксплоатируемых масс, теряют всякое прогрессивное значение.

Марксизм не имеет ничего общего с аскетическими и уравнительскими идеалами примитивного коммунизма. Уже в 40-х годах Маркс и Энгельс резко выступают против «грубого коммунизма». Они решительно отбрасывают его проповедь возвращения вспять, на уже пройденную ступень в развитии производительных сил. Они показывают пролетариату путь вперед, к еще невиданному уровню в развитии общественного богатства. «Коммунистический манифест» отвергает «всеобщий аскетизм и грубую уравнительность», проповедуемую ранними коммунистическими сектами.

Марксизм раскрыл действительное содержание требования равенства со стороны рабочего класса. Реальное содержание пролетарского требования равенства—это **уничтожение классов**. Всякое требование равенства, пытающееся идти по другому пути, есть нелепость.

---

[1] К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 672. 1934.
[2] Там же, стр. 672—673. 1934.
[3] Г. Гейне «Германия», стр. 63. Перевод Л. Пеньковского.

Социализм не имеет ничего общего с всеобщей нивелировкой людей в отношении их потребностей и жизненных интересов. Наоборот, социализм впервые открывает величайший простор для всестороннего развития человеческой индивидуальности. Капиталистический строй развивает производительные силы на костях миллионов. Это развитие происходит в рамках, поставленных непримиримыми противоречиями анархического, эксплоататорского строя. Социализм освобождает производительные силы от капиталистических пут. Он открывает необозримые возможности развития власти человека над природой. Все источники общественного богатства, освобожденные от оков классового строя, польются широкой струей.

Представление о том, что социализм означает низведение человеческих потребностей до самого примитивного уровня и равное распределение нищеты на всех членов общества, принадлежит к числу распространеннейших клеветнических измышлений насчет социализма, сознательно культивируемых буржуазией. Даже гений Гейне отдал дань этому предрассудку. Он писал, что «с ужасом и трепетом» думает о том времени, когда победят коммунисты. «Своими грубыми руками они беспощадно разобьют все мраморные статуи красоты, столь дорогие моему сердцу; они разрушат все те фантастические игрушки искусства, которые так любил поэт; они вырубят мои олеандровые рощи и станут сажать в них картофель... и—увы!—из моей «Книги песен» бакалейный торговец будет делать пакеты и всыпать в них кофе или нюхательный табак для старых баб будущего».

Гейне не знал еще научного социализма—марксизма; свои представления о коммунизме он составил по домарксовым коммунистическим сектам.

Однако представление о социализме как о строе поравненной нищеты служит одним из излюбленных приемов слуг буржуазии в их борьбе против революционного рабочего движения. Евгений Рихтер, вождь германской либеральной буржуазии последней трети прошлого века, заслужил славу классического образца пошлого социалистоедства. В 1893 г. в германском рейхстаге было устроено обсуждение вопроса о «будущем обществе» социализма. Вот с какими ламентациями обращается Е. Рихтер[1] к социалистическим скамьям: «Логическое развитие вашего будущего государства приведет к такому состоянию, которое будет гораздо хуже положения каторжников; оно приведет нас обратно в состояние такого варварства, какое вряд ли существовало в период охотничьей и пастушеской жизни человека и которое, несомненно, бесконечно ниже современного уровня культуры... Вы уничтожите в человеке всякий интерес к совершенствованию; отдельные лица утратят возможность добиваться для себя лучшего положения, будь они трудолюбивы или нет; человек вообще перестанет стремиться вперед; сбережет ли он что-нибудь, он не будет иметь права завещать это своим наследникам; дети его не получат никакой выгоды от его сбережений. Весь накопленный капитал достается государству; из общего дохода государство должно брать столько, сколько потребуется для населения. Всякий личный интерес накоплять капиталы исчезает. Вы устраняете конкуренцию частных предпринимателей; этим вы уничтожаете всякое стремление из собственных интересов делать улучшение, увеличивать производительность труда, и хотя это стремление имеет своим источником личный интерес, но в то же время оно служит и к общей пользе. Все это, по вашему мнению, можно заменить социал-демократическим воодушевлением идеей общего блага. Такая вера возможна только потому, что вы представляете себе таких людей, каких никогда не было, нет и не будет. Люди, которые подходили бы к вашему государству, просто какие-то винтики в большой производительной и потребительной ма-

---

[1] «Государство будущего. Дебаты германского рейхстага», стр. 82—83. СПБ. 1907.

шине». Рассуждения Рихтера—яркий образец той злобной клеветы, которую распространяют о социализме идеологи буржуазии.

Социалистическая революция оказалась тем очистительным огнем, в котором бесследно сгорают нелепые представления, в течение десятилетий распространявшиеся врагами социализма; цепь международного империализма была разорвана в ее слабом звене. Революция рабочего класса победила в стране отсталой, с низким уровнем развития производительных сил и низким уровнем культуры. Отсталость нашей страны меньшевики, в том числе троцкисты, выдвигали ввиде одного из «доказательств» невозможности построения социализма в нашей стране. Партия Ленина—Сталина вдребезги разбила меньшевистско-троцкистские измышления. Завоевав власть, создав могучее государство пролетарской диктатуры, ликвидировать отсталость страны в кратчайший исторический срок, догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые страны капитализма — таков был стратегический план нашей партии. На этом пути достигнуты гигантские успехи. Этого теперь не в состоянии отрицать даже наши злейшие враги. Практически перед лицом всего мира доказана возможность построения социализма в одной стране. Эта возможность победоносно претворяется в действительность. Разве теперь среди самых идиотских представителей фашизма найдутся люди, повторяющие рассуждения Е. Рихтера о том, что социализм означает возврат к варварству, конец прогресса и т. д.!

Мощный производственный аппарат является необходимой базой для роста социалистического богатства. Социализму чуждо производство ради производства. Но и узко потребительский подход, обычно сочетающийся с уравнительскими тенденциями, не имеет ничего общего с социализмом. Ставя своей целью всестороннее удовлетворение потребностей трудящихся масс, социализм требует быстрого развития всех источников общественного богатства, ранее задыхавшихся в тисках эксплоататорского строя.

Невиданными темпами, в огне героической борьбы рабочего класса был сооружен в стране пролетарской диктатуры несокрушимый **фундамент социалистической экономики**. С огромным под'емом нами были преодолены величайшие трудности, стоявшие на пути превращения нашей страны из нищей, отсталой в мощную индустриальную, вооруженную передовой техникой страну. Фундамент социалистической экономики есть в то же время база для дальнейшего бурного роста производительных сил, прочный фундамент для зажиточной и культурной жизни.

«Социализм может быть построен лишь на базе бурного роста производительных сил общества, на базе обилия продуктов и товаров, на базе зажиточной жизни трудящихся, на базе бурного роста культурности» (Сталин).

Пролетарская диктатура есть классовое господство совершенно особого типа. Маркс писал относительно капиталистического общества, что основная производительная сила этого общества есть сам революционный класс. Социалистическая революция приводит к власти пролетариат, являющийся основной производительной силой. Господствующим классом является тот класс, который своей физической и духовной энергией, своим трудом создает все богатство общества. Диктатура пролетариата есть путь к уничтожению всяких классовых различий, к бесклассовому обществу.

Пролетариат осуществляет грандиозную строительную программу не во имя аскетических идеалов примитивного коммунизма. Социализм стремится к максимальному удовлетворению всесторонних потребностей трудящихся. Наряду с выполнением величайшей строительной программы советский строй обеспечил неуклонный рост материального и культурного уровня рабочих масс. Из году в год возрастает **численность рабочего класса**. Уже в первые годы первой пятилетки исчезла навсегда **безработица** — этот бич рабочего класса при капитализме. Перед пролетариатом широко откры-

ваются двери всех источников знания и образования, которые в странах капитала составляют монополию привилегированной верхушки, паразитических классов. Исчезают старые рабочие окраины, нет больше «городка Окурова». Растут новые рабочие поселки и социалистические города. И все же рост материальных потребностей и духовных запросов класса-производителя и строителя, ставшего вместе с тем господствующим классом, обгоняет бурный рост средств удовлетворения этих потребностей и запросов. Рост потребностей подстегивает, подгоняет те отрасли производства, которые непосредственно обслуживают рабочие массы. Партия указывает, что нет более почетной задачи, чем борьба за лучшее материально-бытовое обслуживание пролетариата.

Победа колхозного строя ознаменовала победу социализма и в области сельского хозяйства, где дольше всего сохранялась питательная почва капитализма—распыленное мелкое производство. Мудрый лозунг вождя «сделать всех колхозников зажиточными, а колхозы — большевистскими» в доступной и понятной форме показывает десяткам миллионов путь дальнейшей борьбы. Разгромлен последний оплот капиталистической эксплоатации—кулачество. Подорваны самые глубокие корни капитализма. Подорвана основа нищеты, пауперизм. Крупное социалистическое производство колхозов и совхозов создало основную предпосылку для невиданно бурного роста производительных сил сельского хозяйства. Мощная социалистическая индустрия—ведущая сила социалистического строительства вооружает социалистическое земледелие колоннами тракторов, комбайнов, разного рода машинами, все растущими массами искусственных удобрений. Чтобы источники богатства в земледелии забили могучим ключом, требуется лишь одно условие — добросовестный, самоотверженный, организованный труд всей массы колхозников.

Некоторые подозрительно «догадливые» люди выражали «сомнение». не является ли лозунг о зажиточной жизни колхозников возвращением к старому лозунгу правых «обогащайтесь». Товарищ Сталин в докладе на XVII партс'езде показал, что между этими двумя лозунгами «лежит целая пропасть». Лозунг правых оппортунистов «обогащайтесь» был обращен к индивидуальному крестьянскому хозяйству и означал призыв к «крепкому мужику», призыв к обогащению путем роста кулацкого хозяйства за счет эксплоатации чужого труда. Лозунг «сделать всех колхозников зажиточными» дан в условиях победы и укрепления колхозного строя в деревне, когда капиталистические элементы деревни разгромлены. Этот лозунг обращен ко всей массе колхозников. Он дан в тесной связи с лозунгом «сделать колхозы большевистскими».

«Лозунг «обогащайтесь» означал по сути дела призыв — восстановить капитализм, тогда как лозунг «сделать всех колхозников зажиточными» означает призыв — добить последние остатки капитализма путем усиления экономической мощи колхозов и превращения всех колхозников в зажиточных тружеников» [1].

Колхозный строй открывает перед трудящимися деревни широкий путь к зажиточной, культурной жизни. Необозримые перспективы открываются перед деревней, которую капитализм обрекал на застой, нищету, бесперспективность.

«Социализм, марксистский социализм означает не сокращение личных потребностей, а всемерное их расширение и расцвет, не ограничение или отказ от удовлетворения этих потребностей, а всестороннее и полное удовлетворение всех потребностей культурно-развитых трудящихся людей» [2].

---

[1] Сталин «Доклад на XVII партс'езде», стр. 45.
[2] Там же.

III

Октябрьская революция спасла страну от той пропасти, куда ее вовлекли господствовавшие классы. Сохранение власти буржуазии открывало перед страной лишь одну перспективу — превратиться в колониальный плацдарм драки империалистических клик. России предстояла участь Китая.

Через несколько месяцев после Октября один из наиболее умных представителей русской буржуазии, проф. Гриневецкий, попытался набросать перспективы хозяйственного развития страны. Власть большевиков он считал, разумеется, кратковременным «недоразумением». Убогая перспектива, нарисованная им, заключалась в чрезвычайно медленном восстановлении того, что было разрушено империалистической войной. Условием выполнения этой задачи Гриневецкий считал, во-первых, сведение жизненного уровня русского рабочего и крестьянина до уровня жизни китайского кули и, во-вторых, распродажу естественных богатств иностранцам в обмен на многомиллиардные займы. В результате выполнения этой «программы» были бы кое-как заштопаны наиболее зияющие дыры в хозяйственном организме при сохранении его уродливой односторонности. Полуколониальная Россия попрежнему осталась бы аграрным «дополнением» промышленноразвитых стран Западной Европы, причем и эта «увлекательная» программа могла быть выполнена, по мнению Гриневецкого, лишь при исключительно благоприятном стечении обстоятельств, во что он, кстати сказать, весьма мало верил.

Социалистическая революция разбудила невиданные силы. Их оказалось достаточно, чтобы победоносно отразить атаки об'единенной внутренней и мировой контрреволюции, чтобы небывало быстрыми темпами восстановить разрушенное и осуществить вслед за тем грандиозную программу коренной реконструкции народного хозяйства Советской страны.

Отщепенцы, выброшенные революцией из насиженных гнезд, прислужники денежного мешка, нередко брались за предсказание путей развития нашей страны. Одно из таких предсказаний, сделанное в 1925 г., т. е. примерно в конце восстановительного периода, стоит теперь вспомнить. В сборнике статей, посвященном П. Струве и изданном в Праге, небезызвестный А. Каминка взялся нарисовать «тип будущего русского хозяйства», о котором мечтала буржуазия. Суть экономической программы более чем проста: выкачивать из сельского хозяйства максимальное количество сырья для экспорта заграницу. Промышленность надо развивать лишь в той мере, в какой это необходимо для сельскохозяйственного экспорта, требующего железнодорожной сети и т. д. Бывший банковский делец и прожженный агент иностранного капитала неплохо знал повадки своих хозяев. Иностранцы, писал он, не будут давать своих капиталов на развитие промышленности, они долгое время будут оплачивать товары лишь в тот момент, когда последние попадут на иностранный пароход.

«Мы думаем,—писал он,—что в течение, во всяком случае, нескольких десятилетий ход развития нашей хозяйственной жизни будет таков, что сельское хозяйство и сырье будут главным источником нашего вывоза, в обмен на который мы будем восстанавливать наши уничтоженные богатства, а в области промышленности мы будем в состоянии, ввиде общего правила, выполнять лишь простейшие задания».

По мнению Каминки, это «программа, достаточна значительная для того, чтобы в течение нескольких поколений заставить страну работать с максимальной нагрузкой, вплоть до отказа»[1].

Такова была «блестящая» перспектива, которую могли посулить стране бывшие хозяева ее жизни «Несколько поколений» должны работать «с максимальной нагрузкой, вплоть до отказа» в условиях капиталистического раб-

[1] «Сборник статей, посвященных П. Струве», стр. 115—116. Прага, 1925.

ства, и в результате промышленность сможет «выполнять лишь простейшие задания».

Пролетариат проявил мало уважения к прежним господствовавшим классам и их планам. Расправившись с ними, рабочий класс СССР добился того, что не «через несколько поколений», а сейчас, через семнадцать лет после Октября, нет такой машины, которой не могли бы построить советские предприятия из советских материалов.

Как пролетарская революция расширила источники богатства страны?

Источниками всякого богатства Маркс считал землю и труд. Маркс показал, как капитализм, развивая производство, подрывает эти два источника богатства.

Не случайно поэтому Ленин и Сталин, характеризуя источники роста богатства страны пролетарской диктатуры, указывали на мощь естественных ресурсов, которыми располагает наша родина.

Еще в первые месяцы пролетарской диктатуры Ленин указывал, что для решения основной задачи советской власти — поднятия производительности труда — «Российская Советская Республика находится постольку в выгодных условиях, что она располагает — даже после Брестского мира — гигантскими запасами руды (на Урале), топлива в Западной Сибири (каменный уголь), на Кавказе и на юго-востоке (нефть), в центре (торф), гигантскими богатствами леса, водных сил, сырья для химической промышленности (Карабугаз) и т. д. Разработка этих естественных богатств приемами новейшей техники даст основу невиданного прогресса производительных сил» [1].

В героический год борьбы за завершение фундамента социализма товарищ Сталин со всей силой подчеркнул значение естественных богатств страны пролетарской диктатуры для выполнения народнохозяйственного плана:

«В чем состоят эти возможности, что требуется для того, чтобы эти возможности существовали в реальности? Прежде всего, требуются достаточные природные богатства в стране: железная руда, уголь, нефть, хлеб, хлопок. Есть ли они у нас? Есть. Есть больше, чем в любой другой стране. Взять хотя бы Урал, который представляет такую комбинацию богатств, какой нельзя найти ни в одной стране. Руда, уголь, нефть, хлеб, — чего только нет на Урале! У нас имеется в стране все, кроме разве каучука. Но через год — два и каучук мы будем иметь в своем распоряжении. С этой стороны, со стороны природных богатств мы обеспечены полностью. Их у нас даже больше, чем нужно» [2].

Социализм раскрепостил источники богатства. Земля освободилась от пут частной собственности. Ее поверхность, ее недра подлинно раскрыли свои богатства лишь в руках пролетариата на службе социалистическому обществу. Древняя российская поговорка гласила, что «земля наша велика и обильна». Но никто не знал как следует, насколько она обильна, каким неисчерпаемым источником богатства она может служить. Лишь диктатура пролетариата организует по-настоящему изучение естественных ресурсов страны.

С каждым годом по мере изучения территории СССР в геологическом отношении умножаются сведения о наших естественных богатствах. Кузбасс и Печора, Бурея и пески Кара-Кума, Караганда и Тунгусский бассейн, степи Приуралья и Казакстана, пустынные побережья Каспия и Арала, тундры Кольского полуострова, неприступные вершины среднеазиатских горных кряжей, ледяные просторы далекого Севера все больше раскрывают вековые тайны своих естественных богатств.

Для капитализма «вырванные из недр земли производительные силы ка-

---

[1] Ленин. Собр. соч. Т. XXII, стр. 453.

[2] Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 742. 4-е изд.

жутся производительными силами самого капитала» (Маркс). Каждое открытие новых источников богатства в недрах или на поверхности земли служит стимулом для новых порабощений, завоеваний, грабежа. Но хищнически используя то, что лежит под рукой, что доступно эксплоатации при наименьших затратах капитала, буржуазия оставляет под спудом гигантские богатства в колониях, на «национальных окраинах», придавленных империалистической пятой.

Пролетарская диктатура заново «открыла» целые части нашей страны, призвав к жизни дремлющие в них источники богатства. Герои великой социалистической родины сомкнутым ударным строем штурмуют недра и высь, раскрывая их изобилие для умножения богатства пролетариата.

Но источники богатства, таящиеся в земле, мертвы до тех пор, пока их не оплодотворит труд человека. Труд пробуждает к жизни мертвые силы природы, охватывая их своим животворящим пламенем.

Революция раскрепостила т р у д, в эксплоататорском строе являющийся трудом на враждебный класс. Социалистическая революция впервые в истории открыла перед массами возможность труда на себя, на свой собственный класс, на свое собственное государство, где господствующим классом является пролетариат. Происходит «коренной переворот во взглядах людей на труд» (Сталин). Отпали уродующие условия классового общества, превращавшие естественную необходимость труда в постылое бремя, лишенное всякой привлекательности. В условиях социализма растет творческий энтузиазм масс. Выковывается могучая армия строителей социализма, для которых социалистический труд становится делом чести, славы, доблести и геройства.

Между предметом труда, данным природой, и живым человеческим трудом действуют с р е д с т в а т р у д а. Пролетариат в упорной борьбе добился увеличения своих орудий и средств труда, умножения их количества, улучшения их качества и действенной силы.

Богатство пролетариата заключается и в его орудиях производства, облегчающих и усовершенствующих труд. Страна пролетариата располагает ныне могучими средствами производства. Производственные основные фонды крупной промышленности (по 1 января 1933 г.) составили уже 217,5% к тому, значительно возросшему по сравнению с дореволюционным, уровню фондов, с которыми страна вступила в первую пятилетку. В добыче топлива основные производственные фонды, созданные пролетарской диктатурой, составляют 84,8%, в добыче минералов — 84,3%, в химической промышленности — 78,7%.

За последние годы буржуазные страны потратили немало усилий на то, чтобы оживить замершие в результате мирового кризиса основные капиталы. Миллиардные суммы были израсходованы на всякого рода кампании «поощрения» капиталовложений в наиболее богатых капиталистических странах. Руководящие экономические органы капиталистических стран вынуждены признать, что «проблема оживления промышленности, производящей средства производства, продолжает стоять во всей остроте», что «капиталовложения происходили преимущественно в непромышленных отраслях» и «их нельзя расценивать исключительно с точки зрения хозяйственной рентабельности» [1].

За два года, которые прошли с тех пор, как была преодолена низшая точка падения производства (летом 1932 г.), капиталистическая промышленность не смогла решить проблему обновления основного капитала. Гигантские богатства, накопленные в капиталистических странах ввиде основного капитала промышленности, попрежнему не могут быть использованы. Богатства капиталистического строя попрежнему лежат тяжелым бременем на нищающих массах. «Кризисная рационализация», проводимая преимущественно

[1] «Annalist» от 5 октября 1931 г.

за счет мускулов и нервов рабочего, неслыханно увеличивает муки труда и безработицу.

Новая техника, новые орудия труда поставили новые задачи перед действенным источником нашего богатства, перед социалистическим трудом. На социалистическом предприятии, вооруженном машинами наиболее совершенного в мире образца, нет места грязи, пыли, копоти, запущенности. Социалистическое производство выковывает ударников, которые заботятся о чистоте и украшении богатства пролетариата—его фабрик и заводов. Освоение новой техники требует новой культуры производства и управления хозяйством. Кадры рабочих, технических руководителей производства, хозяйственников проверяются под углом зрения этих новых требований освоения техники.

В СССР великим завершающим шагом в раскрепощении источника богатства — земли — явилось слияние единоличных крестьянских полосок в колхозные массивы. Сплошная коллективизация распахала межи и с корнем вырвала ядовитые сорняки кулацкого хозяйства. Социалистическое земледелие вооружилось новыми, невиданными и недоступными мелкому производству орудиями труда.

Стоимость сельскохозяйственных машин и орудий, которыми располагает социалистический сектор сельского хозяйства, возросла со 102,6 млн. руб. в 1928 г. до 1 756,8 млн. руб. в 1933 г., стоимость тракторного парка — с 31,9 млн. руб. до 399 млн. руб., стоимость транспортных средств — с 17,1 млн. руб. до 887,9 млн. руб. В целом основные средства производства социалистического сельского хозяйства составили (на 1933 г.) 11 638,5 млн. руб. против 1 289,5 млн. руб. в 1928 г.

Социалистическое земледелие изменило и представления о возможностях использования земли. В прежде скудных «потребляющих районах» ныне осваиваются новые виды сельскохозяйственных культур. В Московской области из году в год неуклонно возрастают посевы пшеницы. Новые площади освобождаются для посева ценных технических культур. Умелые руки энтузиастов «мичуринской школы» заставляют цвести сады и под яркими лучами южного солнца и под бледным небом Севера.

В капиталистических странах крестьянство в нынешнем году получило новые наглядные уроки той иллюзорности мелкой собственности, о которой неоднократно говорили Маркс, Ленин, Сталин. Жалкие клочки, за которые с упорством предрассудка цепляется забитый и порабощенный капитализмом мелкий собственник, жестоко пострадали от засушливого, неурожайного лета. Но иллюзорность мелкой собственности еще более наглядно раз'ясняется политикой буржуазии. Крестьянство Германии получило новые доказательства иллюзорности своего «богатства на малом клочке земли» от фашистского правительства, которое лишило крестьянина права продать мешок картофеля, десяток яиц, кило овощей без наблюдения фашистского чиновника. Иллюзорность мелкой собственности наглядно раз'ясняется фермерам США законами о сокращении посевов и об уничтожении скота, о распродаже имущества с молотка за долги банкам.

IV

Вещественное богатство — это мир потребительных стоимостей. В товарно-капиталистическом обществе потребительная стоимость служит носителем меновой стоимости, которая является формой проявления стоимости. Противоречие товара — это противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью. В этом противоречии — зародыш всей суммы неразрешимых противоречий капитализма. Защитники эксплоататорского строя пытаются спастись от обступающих их противоречий капитализма то

бегством в область «чистых» потребительных стоимостей, «благ» (различные варианты теории «полезности», теории «услуг» и т. п.), то в область «чистой» социальной формы (идеалистические концепции вроде рубинщины).

При капитализме вся масса потребительных стоимостей опосредствуется меновой стоимостью [1]. Между рождением потребительной стоимости в процессе производства и ее «завершением» в процессе потребления стоит необходимость легитимировать ее как товар. Товар должен получить печать общественного признания путем обмена на деньги, на этот «материальный представитель богатства». «На самых оживленных улицах Лондона теснятся магазины, в витринах которых сверкают все богатства мира: индийские шали, американские револьверы, китайский фарфор, парижские корсеты, русские меха и тропические пряности, — но все эти заманчивые вещи носят на лбу роковые белые бумажные знаки с арабскими знаками и лаконическими надписями: Z. Sh., d. (фунт стерлинга, шиллинг, пенс)» [2].

Апологеты пытались представить капитализм как строй, в котором каждый производит для удовлетворения своих потребностей, а излишки обменивает. Этот взгляд едко высмеян еще в старой социалистической литературе: машиностроительный фабрикант производит, очевидно, машины для себя и своей семьи, а все, что остается за покрытием этих потребностей, он сбывает; гробовщик выделывает гробы главным образом на случай смерти своих близких, остаток же он продает. На самом деле, разумеется, капиталистическое производство есть производство не ради потребительной стоимости, а ради меновой стоимости. Стоимость товара при реализации содержит помимо возмещения авансированного капитала прибавочную стоимость. Между производством и потреблением, между рабочими руками и средствами производства стеной стоят условия самовозрастания капитала. Между потребностями трудящихся и горами продуктов, произведенных их собственными руками, стоит роковая категория платежеспособного спроса, ограниченного нищенским уровнем заработной платы.

Условия эксплоататорского строя определяют самый характер производимых потребительных стоимостей. Потребительная стоимость есть вещь, удовлетворяющая какой-либо человеческой потребности. Характер этой потребности не играет роли. Она может быть порождением желудка или фантазии [3]. Но капитализм накладывает тяжелую печать на характер потребления трудящихся масс. Потребление наемного рабочего «фактически выступает лишь как инцидент самого процесса труда, как потребление угля паровой машиной, масла колесом или сена лошадью» [4]. И Рикардо, отображая капиталистическую действительность, перечисляет «пищу и одежду» наряду с сырьем, инструментами и т. д.; и то и другое служит как капитал в процессе труда.

Еще в «Нищете философии» Маркс ярко показал тенденцию капитализма свести потребление рабочих масс к самому нищенскому уровню. Производительные силы разбиваются, число и качество потребительных стоимостей возрастают, но в то же время безраздельную гегемонию в потреблении масс завоевывают самые дешовые продукты: хлопок, картофель и водка.

В другой работе Маркс замечает, что «большая часть годового продукта», идущая на потребление масс, «состоит из удовлетворяющих самым жалким прихотям, капризам и т. п. обыденнейших продуктов» [5]. Наряду с этим производство предметов роскоши принимает такие гигантские размеры в условиях нищеты масс, что экономисты теряются в невразумительных моральных ламентациях. Между тем роскошь «есть абсолютная необходимость

---

[1] «Архив Маркса и Энгельса». Т. II (VII), стр. 135.
[2] Маркс «К критике политической экономии», стр. 103—104.
[3] Маркс «Капитал». Т. I, стр. 47. Изд. 1934 г.
[4] «Архив» Маркса и Энгельса». Т. II (VII), стр. 61.
[5] Там же, стр. 141.

для способа производства, который производит богатство для непроизводящих». Роскошь дает продукту ту форму, в которой он «может присваиваться богатством, которое только потребляет» [1].

Господствующие классы нищей и отсталой царской России прославились на весь мир своим безудержным мотовством, утонченной роскошью. В то же время потребительные стоимости, доступные трудящимся массам, ограничивались каморочным помещением, темными бараками и казармами, ужасающе грязными, вонючими и тесными; они ограничивались краюхой черного хлеба, капустой, квасом и линючим ситцем. Идеологи буржуазии охотно предавались размышлениям по поводу низкого уровня душевого потребления в стране. Мечтая о расширении рынка, они «красноречиво» изрекали: «Какой-то статистик подсчитал, что если китайцы удлинят свою национальную одежду только на ширину пальца, то обеспечат работой все бумаготкацкие фабрики Англии на целый год». Цитируя эти размышления защитника интересов капитала, Ленин писал: «Что же необходимо для того, чтобы десятки миллионов русских крестьян «удлиняли свою национальную одежду», т. е., говоря без метафор, увеличили свое потребление, перестали быть нищими, стали, наконец, хоть сколько-нибудь людьми?!!» [2]. Для этого было необходимо свержение власти буржуазии, для этого была необходима победоносная пролетарская революция.

Социалистическая революция сметает преграды, стоящие между производством и потреблением масс. Уровень жизни пролетариата определяется уже не стихийными законами стоимости рабочей силы, которая перестает быть товаром, а достигнутой степенью развития производительности труда и сознательной волей пролетариата, организованного в государство, в котором по плану воплощается его политика строительства социализма, устанавливающего распределение годового продукта между фондом накопления и фондом потребления. Ликвидация капиталистических элементов означает уничтожение паразитического потребления. Повышение материального и культурного быта трудящихся происходит неуклонно и систематически. Рабочий класс и трудящиеся массы страны подходят с новыми запросами к производству, удовлетворяющему их повседневные нужды. Асортимент «потребительных стоимостей», которыми раньше покрывалось потребление народных масс страны, уже не может удовлетворить их. Рабочие и колхозники требуют большего разнообразия, лучшего качества изделий.

Задачу удовлетворения возросших потребностей масс партия поставила во всей широте. Здесь перед нами еще огромное поле работы. Еще недавно в ряде отраслей легкой промышленности упражнялись «горе-рационализаторы». Их «рационализация» зачастую выражалась в однообразной, унылой окраске выпускаемых тканей. Они «наводили экономию» путем ухудшения качества, сокращения ряда необходимых операций обработки сырья, путем замены доброкачественного сырья негодными суррогатами.

Подобным установкам партия дала решительный отпор. Советские товары должны быть лучшими в мире — под этим лозунгом партия мобилизует энергию и активность масс. В этой области нам предстоит еще многое сделать.

В передовых капиталистических странах производственная культура, накопленная десятилетиями, дает в условиях жесткой конкуренции образцы высокого качества изделий. Но, как правило, высококачественные товары доступны лишь паразитической верхушке. Трудящиеся массы вынуждены удовлетворяться специальным «народным» асортиментом, суррогатами, дешовой дрянью.

---

[1] «Архив Маркса и Энгельса». Т. II (VII), стр. 141.
[2] Ленин. Собр. соч. Т. XVI, стр. 542—543.

Перед нами стоит задача — сочетать высокое качество изделий с доступностью их для масс трудящихся.

В бесклассовом, социалистическом обществе, которое строится в нашей стране, в корне меняется отношение производителя к создаваемому им продукту, к потребительной стоимости.

На капиталистической фабрике рабочему нет дела до потребительной стоимости того товара, который он производит Будь это машины для прядения или шелк, духи или душеспасительные книги, — он производит товар, поступающий в безраздельное распоряжение капиталиста. Дело нисколько не меняется, если рабочий занят в производстве средств потребления масс. На фабрике обувного короля Бати рабочие на каждом шагу чувствуют, что они трудятся на капиталиста, хотя подавляющую массу произведенных ими сапог носят, несомненно, трудящиеся. Капиталист применяет свои методы контроля над качеством труда рабочего. Качество же изготовленного товара проверяется рыночной капиталистической конкуренцией, открывающей, впрочем, огромный простор фальсификации, надувательству, обману, при условии если это делается с необходимой ловкостью.

На социалистической фабрике производитель, выпускающий недоброкачественный продукт, наносит ущерб своему классу, себе самому. Открываются совершенно новые возможности в деле борьбы за качество продукции.

Только в советских условиях, на социалистической фабрике, высокое достоинство «марки предприятия» становится знаменем борьбы для пролетарских масс.

Чувство ответственности перед страной за качество выпускаемых изделий все больше внедряется в сознание рабочих масс. Выпустить плохого качества средства производства — значит подвести тот отряд пролетариата, который борется за социализм на смежном участке производства. Выпустить плохого качества предметы потребления — значит фактически сократить фонд потребления своего собственного класса.

Задачи борьбы за качество тесно связаны с задачей освоения новой техники. В форме новых и реконструированных предприятий, технически совершенных станков, новейших машин отдельные отряды пролетариата получили в свое распоряжение мощное техническое вооружение, облегчающее труд, умножающее его результаты. Это вооружение не с неба свалилось и не досталось даром. Оно представляет собой овеществленный результат напряженнейшей работы всей армии строителей социализма. Рабочий класс вправе требовать от каждого из своих отрядов максимального использования предоставленных в его распоряжение ресурсов.

Под властью пролетариата наша страна значительно умножила свое богатство Маркс писал, что «рента сидит на продукте, как вошь».

Октябрьская социалистическая революция смела всех паразитов с продуктов труда народных масс. Дальнейшее движение к зажиточной жизни, к полному и всестороннему удовлетворению потребностей трудящихся масс зависит теперь от качества работы, организации и руководства.

БОРЬБА ЗА ГЕГЕМОНИЮ ПРОЛЕТАРИАТА В КОЛОНИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

П. Миф

Гегемония пролетариата—решающая предпосылка успешности революционно-освободительной борьбы трудящихся масс колониальных и полуколониальных стран. Так как колониальные революции входят составной частью в общий процесс мировой пролетарской революции, вопрос о гегемонии пролетариата в колониальной революции неразрывно связан с борьбой за социализм во **всем** мире.

Конкретный ход национально-освободительных движений в послеоктябрьский период целиком подтверждает первостепенное значение вопроса о гегемонии пролетариата. Опыт этих движений показывает историческую невозможность под главенством буржуазии или мелкой буржуазии добиться самостоятельного экономического развития колоний и их полной экономической и государственной независимости. Вот почему VI конгресс КИ указывал, что «**гегемония пролетариата**—основная стратегическая цель коммунистического движения при буржуазно-демократической революции».

В настоящей статье мы хотели бы подвести некоторые итоги борьбы за гегемонию пролетариата в наиболее развитых колониальных и полуколониальных странах за последние годы.

Прежде всего — об условиях, в которых шла борьба пролетариата за гегемонию в национально-освободительных движениях.

Мировой экономический кризис и связанная с ним возросшая агрессия империалистической буржуазии, перекладывающей в известной мере тяготы кризиса на плечи трудящихся масс колониальных и полуколониальных стран, привели в этих странах: 1) к глубочайшему потрясению всех основ колониальной экономики; 2) к жесточайшему наступлению иностранных и туземных капиталистов на жизненный уровень рабочего класса, к массовой безработице; 3) к эксплоатации, разорению и чудовищному обнищанию миллионов колониальных производителей—крестьян и ремесленников; 4) к обострению противоречий между некоторыми слоями колониальной буржуазии и буржуазией метрополий, хотя преобладающей остается тенденция к достижению сотрудничества, к капитуляции колониальной буржуазии перед иностранным капиталом; 5) к возрастанию роли колоний как источника конфликтов между империалистами, как об'екта новой мировой войны за передел колониальных рынков.

Переход к депрессии особого рода в странах развитого капитализма не принес существенных изменений в экономическом положении колониальных и полуколониальных стран, ибо переход к депрессии в передовых капиталистических странах в большой мере произошел за счет ограбления, усиления эксплоатации колониальных и полуколониальных стран. Это усиливает затяжной характер кризиса в колониальных и полуколониальных странах. Поэтому, несмотря на некоторое улучшение в отдельных странах и в отдельных отраслях хозяйства, в общем теперешнее состояние экономики колониальных и полуколониальных стран не дает оснований для вывода, что переход к депрессии особого рода в империалистических метрополиях совер-

шается в адэкватных формах и в колониальных и полуколониальных странах — процесс здесь значительно сложней. Более того, в этих странах продолжает углубляться аграрный кризис, и, поскольку сельское хозяйство играет в колониях доминирующую роль, это не может не определять общего состояния экономики этих стран.

Если бесчеловечная эксплоатация трудящихся масс колониальных и полуколониальных стран порождала и раньше борьбу против угнетателей, понятно, что в теперешних условиях эта борьба не может не разгораться еще сильнее. Действительно, последние годы принесли новые доказательства усиления революционной борьбы трудящихся масс колониальных и полуколониальных стран

Полностью подтвердились указания VI конгресса о возросшем значении колоний и полуколоний как факторов кризиса мировой империалистической системы и о том, что «гигантский мир колоний и полуколоний превратился в неугасимый очаг революционного массового движения». За годы, истекшие со времени VI конгресса, знаменательные победы одержаны советской революцией в Китае; массовые вооруженные антиимпериалистические выступления имели место в Индо-Китае; мощный размах приобрело освободительное движение в странах Южной и Центральной Америки, особенно на Кубе; в Корее прокатилась знаменитая гензанская стачка; не меньшее значение имела стачка нефтяников в Персии и т. д.

Уже один этот перечень революционных событий последних лет достаточно красноречиво свидетельствует о растущем возмущении трудящихся масс колониальных и полуколониальных стран Но нужно отметить не только расширение фронта антиимпериалистической борьбы, но и классовые сдвиги, происшедшие внутри революционного лагеря. Какими же новыми явлениями характеризуется революционно-освободительное движение колониальных и полуколониальных стран за последние годы?

Новым является то, что пролетариат добивается все бóльших успехов в завоевании гегемонии в национально-освободительных движениях. Прежняя безраздельная гегемония буржуазии, характеризовавшая национально-освободительное движение в первые годы после войны, уступает место — и чем дальше, тем в большей мере — гегемонии рабочего класса, выступающего застрельщиком в борьбе за национальное и социальное освобождение трудящихся масс колониальных и полуколониальных стран. Прочно завоевана гегемония пролетариата в Китае. В Индо-Китае в момент наивысшего под'ема борьбы, в 1930—1931 гг., компартия выступила вождем всего антиимпериалистического и антифеодального движения. Все успешнее оспаривает гегемонию у национальной буржуазии индийский пролетариат.

Отмеченные нами успехи борьбы пролетариата за гегемонию находят свое выражение и в росте коммунистических партий в колониальных и полуколониальных странах. Нет необходимости подчеркивать все значение этого обстоятельства. Завоевание гегемонии пролетариатом немыслимо без создания крепких, связанных с массами коммунистических партий, боевых революционных партий нового типа. В этом деле Коминтерн достиг за последние годы несомненных успехов. Компартия Китая за эти годы превратилась в мощный политический фактор и является признанным гегемоном китайских трудящихся в их борьбе за национальное и социальное освобождение. Образовалась компартия в Индии, создана компартия в Индо-Китае, прошедшая уже через серьезные испытания. Шесть новых компартий со времени VI конгресса возникли в странах Южной и Караибской Америки (в Сальвадоре, Панаме, Костарико, Перу, Венецуэле и Порторико). Оформились компартии на Формозе, на Филиппинах и в других странах.

Острой и неотложной остается задача дальнейшей большевизации компартий и превращения их в подлинно массовые.

В связи с ростом компартий, ростом их влияния и в связи с успехами пролетариата в борьбе за гегемонию выступает новое явление — наметившееся **слияние двух потоков колониальной революции**, а именно антиимпериалистической и аграрной революции. В первом туре освободительных движений буржуазия всячески старалась удерживать антиимпериалистическую революцию в рамках верхушечной национальной революции. Лишь гегемония пролетариата открывает иные перспективы перед колониальной революцией.

Говоря о наиболее важных новых явлениях в революционной освободительной борьбе трудящихся масс колониальных и полуколониальных стран, мы должны остановиться на вопросе о советской форме этих движений. Лозунг советов не является уже чем-то новым в колониальных странах. Этот лозунг проникает в гущу трудящихся масс колониальных стран и овладевает массами. Советы существуют и побеждают в Китае, что дает огромный резонанс во всех колониальных и полуколониальных странах. Советы существовали в Индо-Китае. Под советским знаменем шла борьба нескольких десятков тысяч вооруженных рабочих и крестьян в Индонезии. Советы существовали в Чили. Лозунг советов как лозунг практического, революционного действия выдвигался на Кубе. Перечисленных примеров достаточно, чтобы увидеть, как идея советов проникает в широчайшие массы трудящихся колониальных и полуколониальных стран.

* * *

Завоевание гегемонии пролетариатом предполагает самоотверженные **выступления рабочего класса**, которые должны играть роль главного средства для революционной раскачки масс и об'единения их вокруг пролетариата. Статистика стачек по 17 странам за последние годы (см. помещаемую ниже таблицу) свидетельствует о большом удельном весе стачек в колониальных и полуколониальных странах, особенно в Китае и Индии, и о более массовом их характере даже по сравнению с капиталистически развитыми странами.

Число стачек и участников конфликтов по 17 странам за годы кризиса с 1929 по 1933 г. (в тыс.)

(Англия, Германия, Франция, Польша, Чехо-Словакия, Австрия, Бельгия, Болгария, Швейцария, Венгрия, Дания, США, Канада, Китай, Япония, Индия, Новая Зеландия)

	1929 г.		1930 г.		1931 г.		1932 г.		1933 г.	
	Число конфликтов и стачек	Число участников стачек	Число конфликтов и стачек	Число участников стачек	Число конфликтов и стачек	Число участников стачек	Число конфликтов и стачек	Число участников стачек	Число конфликтов и стачек	Число участников стачек
По 17 странам	5944	3440	6931	2576	5946	2656	5974	2911,5	5277	2426,3
Из них:										
Китай	300	750	635	357	891	730	327	1215,5	359	691,5
в %	5	22	9	13	7	28	5,5	41,7	6,8	28,5
Индия	141	531	148	196	166	203	118	128	146	165
в %	2	15	2	8	3	8	2	4,1	2.7	6,8
Япония	571	77	906	81	998	64	2217	123,3	1508	97,5
в %	9	3	13	4	16	2	37	4,2	28,5	4
Итого по восточным странам	1012	1358	1689	634	1555	997	2662	1467,1	2013	954
в %	16	40	24	25	26	38	44,5	50,1	38	39,3

Из приведенной таблицы мы видим, какой большой процент падает на Китай и Индию. В 1929 г. 37% общего количества стачечников приходилось на эти две страны. В 1930 г.—21%, в 1931 г.—36%, в 1932 г.—46,1%, т. е.

почти половина общего количества стачечников пришлась на Китай и Индию. В 1933 г. удельный вес несколько снизился, но все же он составил 35,3%.

Необходимо указать на массовый характер стачек в Китае и Индии. Так, в 1929 г. лишь 5% общего количества стачек приходится на Китай, но они охватывают 22% участников стачечного движения 17 стран На Индию в 1929 г. падает 2% стачек и 15% участников. Это соотношение мы наблюдаем и в последующие годы.

За последние годы произошли крупнейшие стачечные бои и в Индии и в Китае. Достаточно напомнить всеобщую стачку текстильщиков в Бомбее в 1928 г., охватившую 150 тыс. рабочих и продолжавшуюся 6 месяцев. Стачки джутовых рабочих в Калькутте в августе 1929 г. в общей сложности охватили 270 тыс. рабочих. Во второй всеобщей стачке в Бомбее в 1929 г. участвовало 110 тыс. рабочих, и она прололжалась около полугода. В 1934 г. всеобщая стачка текстильщиков в Бомбее охватывает не меньше 130 тыс. рабочих, причем индийская пресса констатирует исключительную активность и боевой дух бастующих.

Китай также может служить примером мощного под'ема стачечной волны. Здесь стачечное движение играло и продолжает играть исключительно важную роль в развертывании общенародной революционно-освободительной борьбы. Известна роль стачек в Гонконге в 1922 г., на Пекин-Ханькоуской ж. д. в 1923 г., в Шанхае и Гонконге в 1925—1926 гг. Эти стачки придавали силу и поднимали все национально-освободительное движение на более высокую ступень. Эту же роль стачки китайского пролетариата продолжали выполнять и в последние годы. Напомним хотя бы такие выступления китайского пролетариата, как всеобщую стачку мукденских и аньдунских рабочих в ответ на оккупацию Манчжурии или всеобщую стачку рабочих японских предприятий в Шанхае во время японской интервенции. Но кроме этих крупнейших стачечных боев в Китае за последние годы неоднократно проходили всеобщие стачки шелковиков, горняков, крупные стачки текстильщиков, железнодорожников, табачников и т. д.

Рост стачечного движения за последние годы мы наблюдаем и в Корее, и в Южноафриканском союзе, и в странах Южной и Караибской Америки, и в других колониальных и полуколониальных странах. Конечно, эти страны меньше по своему масштабу, там невелика и общая численность пролетариата, но и там стачечное движение приобретает с каждым годом все больший размах. Так, в Корее, где раньше ежегодно бастовало от 3 до 5 тыс., в 1929 г. участвовало в стачках 19 тыс. рабочих, в 1930 г. — 15 тыс., в 1931 г. — 27 тыс., в 1932 г. — 16 тыс., в 1933 г. — 14 300 рабочих. Если учесть, что в Корее примерно всего около 100 тыс. промышленных рабочих, то получается, что за последние годы в среднем от одной пятой до одной четвертой всего количества рабочих вовлечено в стачечную борьбу.

Громадный рост стачечной борьбы охватил также и страны Южной и Караибской Америки. Крупные бои в 1932 г. прокатились в Бразилии. На Кубе мощное стачечное движение в июне—июле 1933 г. переросло во всеобщую политическую стачку, завершившуюся вооруженной борьбой против диктатуры Мачадо. В 1934 г. в этой же стране свыше 250 тыс. рабочих приняло участие во всеобщей стачке против правительства Мендиетты.

Приведенных примеров достаточно, чтобы придти к выводу о том, что этот рост стачечной борьбы, эти героические выступления колониального пролетариата являются выдающейся важности событиями не только для колониальных и полуколониальных стран, но и в истории международного рабочего движения они представляют собой далеко незаурядные явления. Эти выступления способствуют росту классового самосознания пролетариата, ускоряют организацию его рядов и подтверждают наличие в колониальных и полуколониальных странах революционного класса, способного вести за собой трудящиеся массы.

Было бы, конечно, неверно, если бы мы этот размах стачечной борьбы приписывали исключительно роли коммунистических партий. Не следует преуменьшать слабости революционного профдвижения и существующие трудности, которые стоят перед коммунистическими партиями в организации сил и борьбы колониального пролетариата. Достаточно учесть некоторые типичные черты рабочего класса колониальных и полуколониальных стран. Они сказываются прежде всего на его составе. Там по преимуществу преобладает женский и детский труд, труднее поддающийся организации. Система оплаты рабочих через подрядчиков и так называемыми бонусами — наградными — сохраняет еще много черт патриархальщины. Колониальный пролетариат сравнительно молод: очень большая прослойка среди рабочих— это недавно разорившиеся крестьяне и кустари, не разделавшиеся еще окончательно с мелкособственнической идеологией. Большим влиянием пользуются еще национал-реформисты. Сказываются малограмотность большинства рабочих, многоязычие и другие моменты, затрудняющие организацию колониального пролетариата. Во всех этих странах вовсе отсутствуют либо чрезвычайно слабы профсоюзы. Рабочему классу, лишенному этих организаций, приходится вести борьбу при полном отсутствии стачечных фондов, в условиях массовой безработицы, в условиях, когда угроза получения расчета сулит перспективу голодной смерти. Но бесчеловечная эксплоатация, которой подвергается рабочий класс этих стран, вызывает растущее сопротивление пролетариата и толкает его на все более решительную борьбу.

Отсюда понятно, какое исключительное значение приобретает в этих странах вопрос о едином фронте, какую важность имеет работа коммунистов во всех массовых рабочих организациях, насколько актуальна задача использования легальных и полулегальных возможностей и насколько необходима упорная и систематическая борьба коммунистов за самостоятельное возглавление и организацию стачек и всемерное укрепление революционного профдвижения.

Таковы общие условия, в которых коммунистическим партиям колониальных и полуколониальных стран приходится вести борьбу за организацию пролетарских рядов.

Теперь коротко остановимся на опыте крестьянского движения колониальных и полуколониальных стран. Что нового в этой области мы наблюдаем за последние годы? Во-первых, нужно отметить громадный размах крестьянского движения в колониальных и полуколониальных странах. Нет сейчас ни одной страны, которая не была бы захвачена аграрными конфликтами.

Приведем несколько примеров. Возьмем Корею. Раньше в среднем ежегодно в корейской деревне происходило до 30 конфликтов, а в 1932 г. вспыхнуло около 600 крестьянских конфликтов, в течение же 1933 г. в корейской деревне имели место 724 выступления. В 1930 г. свыше 3 тыс. крестьян выступило под руководством коммунистов в уезде Данчен, в результате чего 40 человек было убито и около 2 тыс. арестовано. В 1931 г. произошли серьезные волнения нескольких тысяч крестьян против налогов и повышения арендной платы в уездах Хончуэн и Менчэн. В конце 1931 и в начале 1932 гг. выступило почти все крестьянство под руководством коммунистов уезда Енхин. Число крестьянских конфликтов растет из году в год и в других странах. В Персии, по данным персидских газет, с 1928 г. по 1933 г. включительно, помимо более крупных выступлений, произошло 98 вспышек так называемого «аграрного бандитизма».

Второе новое явление — это переход от низших, пассивных форм к активно наступательным формам борьбы. Вооруженные схватки становятся все более частым явлением в колониальной деревне. Так, в 17 странах негритянской Африки с 1928 г. по первые месяцы 1934 г. произошло 86 вооруженных выступлений крестьян.

Конечно, эти вооруженные выступления негритянского крестьянства были разной силы, разной продолжительности и носили далеко не однородный характер. Поводом для выступлений служили отчуждение земли, возросшее бремя налогов, принудительный труд, террор и гнет империалистов и т. д. Примечательно, что в 46 случаях сил полиции и местных гарнизонов оказалось недостаточно для подавления этих вооруженных выступлений. В 46 случаях империалистам пришлось прибегнуть к авиации, к высадке десантов морской пехоты, к переброске крупных войсковых частей, а в 4 случаях пришлось открыть совместные действия британских, французских и бельгийских частей.

Переход к активным вооруженным формам борьбы имел место в эти годы и в Индо-Китае, примером чего могут служить известные события 1930 — 1931 гг.

Можно было бы привести немало подобных примеров, свидетельствующих о нарастании активных форм крестьянской борьбы.

Как новое и весьма важное явление можно отметить приобщение национальных меньшинств и угнетенных племен к аграрно-крестьянскому движению. В Китае, в провинциях Гуанси и Гуйчжоу, некитайские племена начали принимать участие в общекрестьянской борьбе. То же мы наблюдаем в Индо-Китае. В Персии за последние годы произошли восстания белуджистанских племен, арабского племени «бени гуруф», племени «насар», луров, курдских племен и т. д. Конечно, в известных случаях эти выступления не носят революционного характера и инспирируются империалистами и их агентами. Но значительная часть выступлений национальных меньшинств, несомненно, прямо отражает влияние и служит дополнительным симптомом нарастающей аграрной и антиимпериалистической революции в колониальных и полуколониальных странах.

Надо подчеркнуть влияние нарастающей аграрной и антиимпериалистической революции на армию, на солдатскую массу в первую очередь. Известны довольно многочисленные случаи перехода нанкинских гоминдановских частей на сторону красной армии Китая; известны также отдельные случаи перехода манчжурских частей на сторону партизан. Такие факты имели место не только в Китае. В Индо-Китае именно восстание целого гарнизона придало мощный размах и, в известной мере, общенародный характер революционно-освободительной борьбе, способствовало под'ему всего движения на более высокую ступень, создав для него вооруженную опору. В Индонезии в феврале 1933 г. восставшие туземные и европейские моряки захватили броненосец «Де севен провинсиен». В странах Южной и Караибской Америки произошли восстание 5-го полка в Перу, военные восстания на севере Бразилии, революционные выступления в парагвайской и боливийской армиях, революционные волнения в отдельных аргентинских частях; имел место целый ряд отказов сальвадорских солдат от участия в подавлении батрацко-крестьянского восстания в январе 1932 г.; в 1931 г. вспыхнуло известное восстание всего чилийского флота; революционное движение охватило и армию Кубы, где солдатам удалось после свержения Мачадо выбросить ненавистных им офицеров.

Нельзя недооценивать революционное значение всех этих событий. Все эти факты достаточно красноречиво говорят о том, что революционный под'ем начал расшатывать вооруженную опору господствующих классов; они говорят о благоприятных возможностях для работы коммунистического авангарда колониального пролетариата в солдатской массе по завоеванию ее на свою сторону.

Последнее обстоятельство, на котором мы хотели бы остановить внимание, заключается в том, что крестьянская борьба продолжает сохранять по преимуществу неорганизованный, стихийный характер. Наибольшие успехи в организации под пролетарской гегемонией крестьянской борьбы

имеются в Китае. Китайский опыт представляет для нас интерес, поскольку он показывает перерастание от низших к высшим формам крестьянской борьбы и доказывает возможность прямого привлечения трудовых крестьянских масс под коммунистическое руководство, возможность для коммунистов организации вооруженного революционного крестьянского движения и координирования его с борьбой пролетариата.

Подведем теперь некоторые итоги тому, что мы говорили о крестьянском движении в колониальных и полуколониальных странах. Создаются условия для постепенного преодоления неравномерности движения, отставания крестьянского движения от революционной борьбы пролетариата. Наметился переход от пассивных и низших к активно наступательным, высшим формам борьбы. Сохраняется по преимуществу стихийный характер крестьянского движения, и в большинстве стран пролетарские организации делают лишь первые попытки установления связи с ним. Однако бесспорно, что идейное и организационное влияние пролетариата на колониальное крестьянство будет усиливаться, поскольку все бо́льшие массы крестьян колониальных и полуколониальных стран пробуждаются к борьбе и логика этой борьбы толкает их на союз с организованным пролетариатом. Задача заключается в том, чтобы коммунисты в этих странах целиком использовали создавшуюся обстановку.

Гегемония пролетариата в колониальной революции требует самого энергичного включения рабочего класса как руководящей силы в антиимпериалистическую борьбу. Пролетариат колониальных стран должен показать трудящимся массам, что он ведет самую энергичную, самую самоотверженную, самую упорную и последовательную борьбу против империализма — этого главного врага порабощенных народов колониальных и полуколониальных стран.

В этой связи мы укажем на опыт борьбы китайских и индийских коммунистов. В Индии наши коммунистические группы и отдельные коммунисты, страдая в недалеком прошлом сектантским уклоном, самоустранялись от антиимпериалистической борьбы и предоставляли тем самым руководство антиимпериалистическим движением буржуазному Национальному конгрессу. В Китае же коммунистическая партия стремилась использовать каждый конфликт, каждый акт насилия империалистов, каждое антиимпериалистическое выступление масс для расширения антиимпериалистической борьбы под руководством компартии. Этим активным участием в антиимпериалистическом движении несмотря на отдельные промахи и слабости коммунистическая партия Китая сумела завоевать руководящие позиции в общенародной антиимпериалистической борьбе и превратиться в мощный политический фактор, опирающийся на крепкое советское государство, ведущее по советскому пути народы Китая к полному национальному и социальному освобождению.

В борьбе за возглавление и дальнейшее усиление антиимпериалистического движения коммунистические партии колониальных стран должны парализовать влияние национал-реформизма, дезорганизующего революционную борьбу масс. Не завоевав на свою сторону масс, еще идущих за национал-реформистами, коммунистические партии не могут достичь решающих успехов в борьбе с империалистическими угнетателями. Возможности для завоевания масс на свою сторону у коммунистов сейчас выросли. Национал-реформизм переживает сейчас серьезный кризис и оказывается как бы между молотом и наковальней. С одной стороны, в условиях возросшей империалистической агрессии усиливается нажим империалистов на национал-реформизм, все более настойчиво пред'являются требования полной его капитуляции перед иностранным капиталом. С другой стороны, в этих странах все более мощный размах приобретает борьба трудящихся масс против империализма.

Однако это не означает утрату национал-реформизмом маневроспособности. Чтобы прикрыть свою капитулянтскую практику и, с другой стороны, под давлением растущего массового движения, национал-реформизм пускается на различные маневры. К числу последних нужно отнести, например, декларацию «Сарикат Ислама» в Индонезии об отстаивании им якобы социалистического пути развития и о желательности насаждения колхозов (правда, с помощью японского капитала!).

Почти во всех странах на смену скомпрометированным официальным организациям национал-реформистов создаются новые, якобы социалистические организации так называемых «левых» национал-реформистов.

Гегемония пролетариата в колониальной революции не может быть завоевана без разоблачения всех маневров национал-реформизма. Особенно нужно предвидеть предательское поведение национал-реформистов в условиях большой войны, возможность спекуляции отдельных национал-реформистских групп на военных осложнениях. Всем памятен опыт империалистической войны 1914 г., когда большую помощь империалистам оказали национал-реформисты. Они облегчили империалистам возможность использования колоний как источника необходимого сырья для военных нужд, как дополнительную базу для легкой промышленности, как поставщика солдатской массы и вспомогательной рабочей силы для военно-промышленных и саперных работ. Во время войны 14-го года и в Индии, и в Южноафриканском союзе, и в арабских странах национал-реформисты заняли позицию гражданского мира для защиты «своей» империи. Сейчас, когда нависла угроза новой войны, национал-реформисты активно участвуют в идеологической подготовке антисоветской интервенции. Они ведут клеветнические кампании против Советского союза. Они распространяют всякие вымыслы о «красном империализме», о преследованиях национальных меньшинств, о притеснении мусульман, о подавлении религии, о принудительном труде и т. д., причем их кампании совпадают с каким-нибудь обострением отношений между Советским союзом и империалистическим миром и с теми кампаниями, которые ведутся на столбцах буржуазной прессы против страны диктатуры пролетариата. Так они стараются оказать посильную помощь империалистам в обработке общественного мнения в подготовке к войне против Советского союза. Перед коммунистами колониальных стран стоит серьезнейшая задача — разоблачать всю политику и деятельность национал-реформистов, связанные с угрозой войны, разоблачать все их клеветнические выпады против Советского союза.

Мы уже говорили о довольно многочисленных национальных меньшинствах в колониальных и полуколониальных странах и о необходимости вовлечения их в общий фронт антиимпериалистической борьбы.

Гегемония пролетариата в колониальной революции требует также установления правильной тактики по отношению к городской мелкой буржуазии для использования и направления недовольства разоряющихся широких слоев городской мелкой буржуазии в русло руководимой пролетариатом антиимпериалистической и аграрной революции.

* * *

Но коммунистические партии в колониальных и полуколониальных странах не смогут сыграть своей исторически важной роли, если они окажутся не в состоянии осмыслить основные процессы, происходящие в своих странах, правильно анализировать конкретные особенности развития своих стран, разработать применительно к условиям своих стран лозунги и требования, отвечающие назревшей действительности, если они в борьбе на два фронта не будут отстаивать классовую чистоту своей линии и последователь-

ное претворение ее в жизнь. Первостепенное значение имеет правильное представление об аграрных отношениях и об особенностях капиталистического развития колониальных и полуколониальных стран.

О том, что в годы империалистического господства в колониальных и полуколониальных странах шло развитие капитализма, спору не может быть. Там разрушался старый, отсталый общественно-экономический уклад, росли товарно-денежные отношения, росла товарность сельского хозяйства, его специализация, создавались целые районы технических культур, возникала и развивалась, хотя и медленно, местная промышленность, выросли такие центры, как Шанхай, Бомбей, Калькутта, Ухань и т. д. Вопрос заключается в определении особенностей капиталистического развития в этих странах.

Колонии были и являются придатком империалистической метрополии. Все свое влияние монополистический капитал использовал для того, чтобы сохранить колонии на положении аграрно-сырьевого придатка. А это положение колоний создавало целый ряд особенностей капиталистического развития этих стран. Развитие товарно-денежных отношений служило на пользу главным образом промышленному развитию метрополий. Быстрый рост производительных сил на почве разрушения натурального хозяйства в колониях происходил не столько в самых колониях, сколько опять-таки в метрополиях. Складывающийся рынок в колониях являлся не столько рынком для туземной промышленности, сколько рынком для иностранного капитала. Происходила громадная утечка капиталов ввиде колониальной дани, оплодотворявшей хозяйство метрополий.

Процесс товаризации в колониальных и полуколониальных странах приобретал форму односторонней специализации сельского хозяйства. В этих странах происходила задержка в развитии промышленности, и эта заторможенная в своем развитии промышленность не была, конечно, в состоянии дать работу разоряющимся крестьянам, кустарям и т. д. Замедленное развитие промышленности приводило к задержке вытеснения торгово-ростовщического капитала, продолжающего играть огромную роль в эксплоатации непосредственных производителей.

Маркс и Ленин указывали на обезлюдение деревни как на толчок к развитию и применению техники в сельском хозяйстве. В колониальных же и полуколониальных странах, где быстрому, стремительному процессу пауперизации не соответствует рост промышленности, характерны огромные относительное перенаселение, острейшая земельная теснота, дробное землепользование, характерны условия, при которых помещикам и кулакам менее выгодно строить свое хозяйство на чисто капиталистический лад, менее выгодно прибегать к найму рабочей силы и применять машинную технику, а значительно выгоднее сдавать мелкими, карликовыми участками свои земельные владения в аренду и подвергать чудовищной эксплоатации крестьянские массы.

Все эти особенности капиталистического развития не могут не накладывать соответствующего отпечатка на процесс классовой диференциации, сопровождающей капиталистическое развитие.

Более подробно нужно остановиться на вопросе о земле. В этом отношении небезынтересно эволюцию колониальной экономики сопоставить с развитием капитализма в России. Анализируя пореформенную экономику дореволюционной России, устанавливая направление экономической эволюции, Ленин подчеркивал уменьшение дворянского землевладения (с 73 млн. десятин в 1877 г. до 53 млн. десятин в 1905 г.) и указывал на линию развития капиталистического земледелия, заключающуюся в превращении мелких по площади хозяйств в крупные по производству. Две тенденции, направленные к ликвидации феодальных отношений и характеризовавшие борьбу общественно-политических сил в России, получили у Ленина наименование «прусского» и «американского» путей развития. Как обстоит дело в колониях и

полуколониях? Мы подробнее задержимся на этом вопросе, ибо это послужит ключом к пониманию основных особенностей капиталистического развития колониальных и полуколониальных стран.

Начнем с вопроса о землевладении в Корее. Посевная площадь, находящаяся в руках помещиков, увеличилась с 2377 тыс. те в 1928 г. до 2515 тыс. те в 1932 г. Помещики, владевшие в 1928 г. 54,1% посевной площади, сейчас владеют 56,4%. В то же время соответственно увеличилось количество арендаторов, безземельных крестьян с 1191 тыс. дворов в 1926 г. до 1 393 424 дворов в 1931 г. Поднялся их удельный вес. В 1926 г. они составляли 43,3%, а в 1931 г. уже 48,4% к общему количеству дворов.

Возьмем данные о землевладении в Египте[1].

Группы владений (в акрах)	Число владений			Площадь земли			Средняя площадь	
	1906 г.	1932 г.	Прирост в %	1906 г.	1932 г.	Прирост в %	1905 г.	1932 г.
До 5	1 005 705	2 111 316	109,0	1 264 034	1 764 434	39,6	1,26	0,83
От 5 до 10	77 [illegible]	84 627	9,0	544 624	[illegible]72 094	5,1	7,01	0,75
„ 10 „ 30	49 305	52 318	6,0	402 323	827 811	3,2	16,30	15,80
„ 30 „ 50	8 601	9 427	9,0	331 501	361 387	9,0	38,50	38,30
Свыше 50	12 475	12 492	0,1	2 356 602	2 290 617	2,8	189,00	183,00

Если присмотреться к кривой помещичьего землевладения в Египте, то она одно время шла книзу, затем поднималась, но за последние 27 лет, как это видно из вышеприведенной таблицы, по существу сколько-нибудь больших изменений с земельной площадью, находящейся в руках крупных помещиков, не произошло. Если к площади владельцев свыше 50 акров прибавить 500 тыс. акров церковных и династических земель и 400 тыс. акров обрабатываемых и сдаваемых в аренду государственных земель, то около половины всего земельного фонда падает на долю феодально-помещичьего землевладения. Однако, если не произошло существенных изменений с крупным помещичьим землевладением, то за эти же 27 лет значительно выросли поместья мелких и средних помещиков, выросли кулацкие земли. В то же время происходит резкая парцелляция мелкокрестьянской собственности. Число бедняцких владений возросло больше чем вдвое, и средний размер земельной площади этого хозяйства сократился с 1,26 до 0,83 акра.

О стремительном процессе парцелляции землевладения в Египте сообщает интересные данные «Эжипшиен газет» (13 апреля 1934 г.):

«Следующие цифры характеризуют пауперизацию египетского крестьянства. Парцеллярные собственники, имеющие меньше 5 акров, составляли в 1894 г. 77,6% общего числа египетских земельных собственников, в 1914 г. — 90,6%; в 1932 г. — 93%. В 1894 г. под мелкими парцеллами (до 5 акров) находилось 19,8% всех земель, в 1932 г.—30,3%».

Так идет в колониальных и полуколониальных странах процесс обезземеления крестьян и параллельно с этим процесс роста паразитического помещичьего землевладения. И ни для кого не секрет, что в этих колониальных и полуколониальных странах помещики преимущественно сами своего хозяйства не ведут и принадлежащие им земли сдают небольшими участками в аренду на кабальных условиях.

В связи с этим небезынтересно остановиться на вопросе о землевладении в Японии, где аграрные отношения имеют много сходного с положением в колониальных и полуколониальных странах. Площадь помещичьей земли в

[1] Данные из «Ежемесячника с.-х. и экономической статистики Египта» за ноябрь 1933 г. и из «Статистического ежегодника» за 1926—1927 гг.

Японии за последние 50 лет, т. е. за годы как раз быстрого капиталистического развития, увеличилась с 36 до 46% по отношению ко всей обрабатываемой площади. За эти же годы кабальная аренда—полукрепостническая эксплоатация—не только распространилась на новые слои крестьянства, но и приняла более тяжелые формы. Так, если принять ставку арендной платы в 1886 г. за 100, то в 1909 — 1913 гг. она равнялась 113, а в 1917 — 1921 гг. она достигла 117.

По официальной японской статистике получается, что в последние четверть века число мелких помещиков и кулаков (от 10 до 16 га) увеличилось на 16%, число помещиков, владеющих свыше 50 га, увеличилось на 40%. Все остальные группы собственников численно уменьшились, за исключением самой низшей (группа владеющих в среднем по 1/6 га), которая увеличилась на 11%. Таким образом и здесь происходит быстрая концентрация земли в руках крупных помещиков и отчасти кулаков за счет экспроприации мелких и средних собственников. И здесь не прекращается процесс дробления землевладельческих участков до таких мелких размеров, что прокормиться на них становится невозможным.

Этот рост помещичьего землевладения, происходящий наряду с капиталистическим развитием, характерен и для Индии и для стран Южной и Караибской Америки. Так, в Мексике 90% всей частновладельческой земли принадлежит помещикам и иностранному финансовому капиталу. В Аргентине, в этой наиболее развитой в Южной и Караибской Америке стране, почти 95% всей обрабатываемой земли находится в руках помещиков и иностранного капитала.

Коротко остановимся еще на землевладении в Индонезии. С одной стороны, мы наблюдаем там резкое сокращение числа деревень с общинным землевладением. В 1882 г. их было 23 600, а в 1927 г. — 11 тыс. Возрастает денежная часть крестьянского бюджета. В 1901 г. она составляла 48%, а в 1924 г. уже 56%. Все это, несомненно, является показателем капиталистического развития. Но и здесь, в Индонезии, разрушение натурального хозяйства, развитие капиталистических отношений сочетаются и переплетаются с усилением полуфеодальных методов эксплоатации. Мобилизация земли в руках помещичьих и торгово-ростовщических элементов, как правило, не сопровождается организацией более крупного капиталистического хозяйства, а большей частью служит источником усиленной эксплоатации в докапиталистических формах обезземеленного и малоземельного крестьянства. До какой степени доходит раздробленность крестьянского землепользования, видно уже по тому, что арендуемые 18 млн. участков составляют общей площадью 6 млн. га, т. е. что средний размер арендуемого участка не превышает 1/3 га. Как видим, и здесь груз докапиталистических пережитков становится все более тяжелым, и здесь помещики пожирают остатки крестьянского землевладения, и здесь в тяжелейших для масс формах идет капиталистическое развитие колониального типа.

Рассмотрение вопроса о землевладении в колониальных и полуколониальных странах нет необходимости дополнять материалами о Китае. В ряде работ, в частности Яо Син-нуня и Чэнь Хань-сэна, достаточно освещен процесс разорения, пауперизации, обезземеления китайских крестьян при одновременном росте помещичьего землевладения и полуфеодальной кабалы. В китайской гоминдановской деревне мы в свою очередь наблюдаем уменьшение размеров крестьянских дворов, сокращение рабочего скота и других средств производства и т. д. Нужно лишь подчеркнуть, и это имеет отношение не только к Китаю, но и ко всем колониальным и полуколониальным странам, что мировой экономический кризис не изменил отмеченного нами направления развития колониальной экономики, а лишь гигантски и катастрофически ускорил все эти процессы.

Богатейший опыт китайской советской революции позволяет установить характерные особенности демократического этапа колониальной революции, наметить перспективы дальнейшего перерастания этой революции и правильно оценить все значение в этом деле гегемонии пролетариата. Правда, пока еще нет возможности на основе китайского опыта строить сколько-нибудь законченные обобщения. Нет таких возможностей, ибо китайская революция еще не выявила все свои творческие способности, она не могла еще полностью развернуть всю свою программу созидательных работ. Китайская советская революция охватывает пока еще часть страны и притом сравнительно отсталые районы, к тому же эти районы окончательно еще не стабилизировались и вся деятельность внутри них протекает в условиях непрерывной гражданской войны. Но целый ряд полезных уроков из китайского опыта можно извлечь уже сейчас.

По своему основному содержанию советская революция в Китае в настоящее время носит буржуазно-демократический характер. Китайские советы на деле подтвердили правильность ленинской установки Коминтерна на революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. Но уже на этом, буржуазно-демократическом этапе китайская советская революция характеризуется наличием социалистических элементов, составляющих здесь специфическую особенность революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Пролетарские черты в китайской революции сказываются уже в том, что пролетариат выступает как руководящая сила, как авангард движения. Далее, революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства в Китае: 1) является властью антиимпериалистической, 2) приобретает наиболее целесообразную советскую форму (опирающуюся на массовые организации и являющуюся демократией для трудящихся и суровой диктатурой по отношению к эксплоататорским классам), 3) характеризуется сосредоточением руководящей роли в правительстве и во всех массовых организациях в руках компартии, 4) располагает своими вооруженными силами в лице рабоче-крестьянской красной армии и 5) проводит наряду с основными демократическими мероприятиями некоторые мероприятия в зародышевой форме социалистического характера. К числу последних относятся: руководство предприятиями, находящимися в руках революционного государства; контроль над производством; государственные мероприятия по регулированию цен и организации вывоза и ввоза и снабжения населения предметами первой необходимости; проведение кампаний, направленных к поднятию сельскохозяйственного производства (посевная, уборочная кампании, кампания по оказанию помощи инвентарем и семенами); помощь и стимулирование кооперативного движения и т. д.

Означает ли сказанное выше, что в китайской революции стираются всякие грани между революционно-демократической диктатурой и социалистической диктатурой пролетариата? Нет, эти грани стирать нельзя, ибо в одном случае мы имеем диктатуру одного класса — пролетариата, а в другом случае — революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. Руководство в правительстве и в общественных организациях принадлежит китайским коммунистам, однако они должны исходить из того, что созрело в экономике и в сознании масс. Коммунисты действуют не в безвоздушном пространстве. Когда мы говорим, что коммунисты руководят там правительством, то нужно учитывать, что руководят они не в условиях диктатуры пролетариата, а в условиях революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. А это ставит их деятельность в соответствующие рамки.

С другой стороны, признаком пролетарской революции являются свержение буржуазии и строительство социализма; в то время как при буржуазно-демократической революции (что имеет место и в теперешнем Китае) капитализм остается как основа; применительно к китайским условиям основой остается мелкотоварное производство. Правда, развитию капитализма на базе этого мелкотоварного производства с самого начала противостоят экономические и политические позиции революционного государства, которое их использует и всемерно будет укреплять в интересах некапиталистического развития. Однако революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства в Китае не может ставить сразу же перед собой задачи вытеснения капитализма из всех пор общественных отношений.

Мы видим таким образом, что основные признаки буржуазно-демократической революции остаются в силе и для данного этапа советской революции в Китае. Но возможности, создаваемые фактом существования революционного советского государства, реализуемые на советских территориях в Китае, несомненно, облегчат весь последующий процесс перерастания революции в Китае в социалистический этап.

Благоприятные перспективы дальнейшего развития китайской революции складываются и по другим линиям. Уже на демократическом этапе китайской революции создаются при советах группы бедноты. Несомненно, что по мере дальнейшего развития революции будет возрастать организованность деревенской бедноты и все более тесной будет становиться ее связь с городским пролетариатом. Это имеет громадное значение в смысле перспектив последующего перерастания революции.

Таковы внутренние предпосылки перерастания китайской революции, такова роль гегемонии пролетариата не только в доведении до конца демократических задач революции, но и в обеспечении последующего продвижения к социализму. Эти условия дополняются наличием исключительно благоприятного внешнего фактора в лице СССР и растущего международного пролетарского движения, так что перспективы развития китайской революции при правильной политике киткомпартии не могут вызвать сомнений. Это развитие китайской революции будет освещать перспективы революционно-освободительной борьбы трудящихся масс остальных колониальных и полуколониальных стран.

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

„Они хотят прививать апельсины к луковице"

(Обзор буржуазной литературы о плановом хозяйстве в СССР)

Не освободившись от капиталистов, не разделавшись с принципом частной собственности на средства производства. Вы не создадите планового хозяйства.

(Сталин. Из беседы с английским писателем Г. Д. Уэллсом).

«Для широкого мира никакое достижение советского режима не может иметь большего значения, чем его попытка планировать и направлять народное хозяйство страны, занимающей шестую часть земного шара, с населением свыше 160 миллионов человек».

Эти слова солидного английского еженедельника «Экономист» свидетельствуют о том интересе, который возбудили во всем мире успехи первой пятилетки.

Пожалуй, ни одна особенность советской действительности не освещалась так подробно, как проблема планирования. Тот же «Экономист» от 8 сентября в цитированной выше статье «Планируемая экономика России» довольно внятно излагает причину этого:

«К положительной стороне плановой экономики следует отнести значительное увеличение производительности многих отраслей промышленности... устранение безработицы, весьма значительный рост просвещения...»

Автор считает доказанными преимущества плановой системы хозяйства Советского союза и, констатируя, что «советский режим своим пятилетним планом поставил волнующую проблему для экономистов именно потому, что этот план является наиболее законченным образцом плановой экономики», он категорически заявляет: «Вопросы, стоящие теперь перед всем миром... заключаются не в том, должно ли существовать государственное планирование экономической жизни, но в том, кому следует проводить это планирование и как это делать».

Эти заявления о целесообразности и необходимости планового хозяйства, навеянные успехами планирования в Советском союзе, уместно сопоставить с теми высказываниями на эту же тему, которые еще столь недавно доминировали в международной буржуазной печати.

В те времена, когда еще популярны были попытки опровергнуть факты пятилетки, в октябре 1931 г., авторитетнейшая американская буржуазная газета «Нью-Йорк таймс» весьма решительно утверждала:

«Что же касается планового хозяйства, то это только бумажная схема идеального мира, которая рано или поздно вступит в противоречие с фактами и кончится провалом».

Спустя год, 28 декабря 1932 г., с упорством, достойным сожаления, и вопреки тому, что печаталось на страницах того же органа в телеграммах его московского корреспондента Дюранти, «Нью-Йорк таймс» указывал:

«В течение срока, который был поставлен официально для завершения пятилетнего плана, эта знаменитая программа была выполнена немногим больше 50%. Пятилетний план... на деле не является планом. Это «спекуляция».

Взгляды о невозможности планирования распространялись упрямо и настойчиво. Орган французской буржуазии «Тан» в апреле 1932 г. снисходительно поучал:

«Единое управление хозяйственным механизмом является чистым безумием. Мудрость народов уже давно учит—«необ'ятного об'ять нельзя».

Даже Чэйз, виднейший американский экономический публицист, сочетал свое удивление перед размахом строительства в СССР с иронизированием насчет «всеоб'емлющего» плана.

«Предположим, — писал он, — что завтра вам предложат отправиться в Вашингтон, сесть за стол в правительственном учреждении, взять карандаш и бумагу и указать железным дорогам, силовым станциям, металлургическим предприятиям, угольным шахтам, нефтяным источникам, секретарю казначейства, банкам, компаниям оптовой торговли, фермерам, судоходным линиям, автомобильным заводам, как им распоряжаться капитальными вложениями и сырьем, как планировать производство и распределение в течение ближайших лет. Можно предположить, что даже мистер Г. Форд струсил бы перед этим предложением. Для простого смертного путешествие на луну не показалось бы более трудным делом. И вот тут мы находим людей, которые приняли этот вызов...»

Когда Чэйз это писал, вряд ли он предполагал, что через пять лет глубочайший кризис вынудит правительство США пуститься на безнадежную попытку «планировать производство», сохраняя незыблемой частную собственность.

В нестройном хоре певцов капиталистического планирования и хулителей идеи плановости раздавались и такие голоса, которые утверждали о нереальности плана вообще. Например крупнейший американский экономист Липиман в начале пятилетки говорил:

«Для нас в Америке идея плановой и регулируемой экономики лежит вне практических возможностей. Нет даже нужды обсуждать желательность этого».

Но, пожалуй, наиболее курьезный подход к проблеме планирования в Советском союзе и его урокам обнаружил орган английской Рабочей партии «Дейли геральд». В статье об итогах первой пятилетки этот орган писал: «Русские стали планировать, но дело в том, что они не могли избежать этого».

По мере развития и углубления мирового экономического кризиса все настойчивее становились голоса, подчеркивавшие неопровержимые успехи небывалого промышленного развития в СССР.

Немецкая «Франкфуртер цейтунг» в начале октября 1932 г. сокрушенно констатировала:

«В то время как во всех странах свирепствует промышленный кризис, Советский союз спокойно готовится ко второй пятилетке».

Орган самой обездоленной европейской буржуазии — австрийская «Нейе фрейе прессе»—даже с некоторым злорадством отмечал, что советская экономика развивается по своим законам: «Россия не считается в новом пятилетнем плане с ходом мирового кризиса». А английский либеральный еженедельник «Нью стейтсмен» прямо утверждал: «Единственная страна, которой не угрожает банкротство и которая полна веры в будущее, — это Советский союз».

Резкую картину противоречия двух миров дал «Манчестер гардиан», подводя итоги 1931 г.:

«В 1931 г. СССР был оазисом спокойствия в смятенной и взволнованной Европе. СССР обособлен от экономической финансовой системы остального мира, а советская пятилетка оказалась, безусловно, действительным лекарством против безработицы. В результате СССР не знал таких явлений мирового кризиса, как безработица, кредитные и валютные беспорядки».

Достаточно обеспеченный, чтобы не бояться за свое личное благополучие, и слишком старый, чтобы бояться разрушения иллюзий, маркиз Лотиен, побывавший в СССР вместе с Шоу, позволил себе еще более смелое утверждение. В сентябре 1931 г. он писал:

«... Признаюсь, пророчества Маркса и Ленина о неизбежном развитии современного западного общества осуществляются с самой неутешительной точностью: рост международной капиталистической монополии, упадок демократии, бессилие тредюнионизма, слабость национального государства перед лицом международного финансового капитала, эксплоатация отсталых народов и т. д. Если мы станем вглядываться в западный мир, в его теперешнее положение с его постоянными тревогами, то не ясно ли, что мы должны будем проникнуть в основные причины этого гораздо глубже, чем мы это привыкли делать, а поступив так, я думаю, мы должны будем признать, что очень многое в марксистском диагнозе верно».

Сознание того, что капиталистический мир зашел в тупик, крушение всех попыток найти решающее средство исцеления от кризиса все настойчивее заставляют приглядываться к «великому эксперименту» в СССР.

Неплохо писал об этом повороте в международной экономической и общей печати виднейший американский экономический еженедельник «Анналист» (11 ноября 1932 г.):

«В момент самого разгара экономического кризиса в капиталистических странах из России пришли вести об успехах пятилетнего плана. И внезапно те же люди, которые несколько лет тому назад вопили, что большевизм—это исчадие сатаны, стали обнаруживать тайные симпатии к нему в глубине своих сердец. Их заклинания, исполненные ненависти, уступили место гимнам о высокой целесообразности».

Бывший французский премьер-министр и министр финансов Кайо писал в начале 1932 г. в «Берлинер берзен курьер», что единственное спасение для капиталистической системы — это организация планового хозяйства сначала в национальном, а затем и в интернациональном масштабе.

Идеологи капиталистического мира даже не скрывали истоков этой «тоски по плану». Небезызвестный американский проф. Тэгвелл, имя которого сейчас связано с рузвельтовскими попытками регулирования, говорил в Американской экономической ассоциации: «Успехи Советского союза и кризис капиталистических стран — вот что заставляет капиталистов стремиться к экономическому планированию».

Бывший товарищ военного министра в правительстве Макдональда майор Аттли нашел еще более откровенные слова: «Пятилетка доказала преимущества планового хозяйства. Под влиянием советского правительства разговоры о планировании стали чуть ли не излюбленной темой многих англичан, в том числе и государственных деятелей».

«Франкфуртер цейтунг» с горечью констатировала:

«Умножаются признаки отчетливо выраженного чувства неполноценности капиталистического мира, растерянности и кокетничания с плановым хозяйством и социалистическими идеями».

Совершенно умилительно старалась английская Рабочая партия убедить капиталистических хозяев страны «применить» планирование. Шот-

ландский еженедельник Рабочей партии «Форвард» в конце 1932 г. так уговаривал капитанов промышленности:

«Русская система в целом невозможна и неприемлема для таких стран, как Великобритания, но одна черта этой системы — государственное планирование — применима весьма определенно».

Известный идеолог немецкого «паневропеизма» Куденгов-Калерги утверждал:

«Анархия частного хозяйства должна уступить место системе сотрудничества, плановому хозяйству. Великие экономические силы должны быть больше чем до сих пор вовлечены в государственное хозяйство. Они должны стать не ведомствами правительства, но вассалами, феодалом которых является государство. Наряду с этими обществами и лицами, автономному руководству которых государство вверяет отрасли своего хозяйства, так как оно ждет от них инициативы и конкуренции, под'ема и удешевления производства, государство возьмет под свое управление другие отрасли хозяйства. Но все же они вместе взятые находятся под его контролем, чтобы включить или подчинить личные интересы общим» [1].

Весьма любопытны оговорки насчет того, что основное — частная собственность — никак не должно быть нарушено. Американский журналист Шерман убеждал: «Западный мир должен создать для себя совершенный экономический механизм, который может дать больше того, что ожидает Россия от осуществления своих планов, но в то же время этот механизм должен соответствовать нашим собственным традициям и порядкам».

При этом экономическая печать считала необходимым предупредить, что большевистские темпы являются все же недосягаемыми и капитализм должен будет действовать медленнее, в меру своих сил. Французский экономический ежемесячник «Ревю экономик энтернасиональ» осторожно предсказывал: «Западная Европа не сможет выкарабкаться, если какое-нибудь государство не даст аналогичного примера об'единения на основе более длительной программы, вроде десятилетнего плана. Западный план будет предусматривать десятилетку вложений, медленно, шаг за шагом. Там, где российская автократия говорит о пятилетке, мы должны по крайней мере удвоить сроки».

То были годы, когда «девственность» идеи планирования средствами капиталистического государства еще не была опорочена судорожными попытками регулирования народного хозяйства, происходящими за последнее время в ряде стран.

В свете неудач Рузвельта с его пресловутым законом национального восстановления жалко звучат призывы Куденгова-Калерги в той же книжке обратиться к примеру США:

«Эта большая организация хозяйства предполагает реформу государства в направлении большей стабильности и авторитета. Помимо попыток фашизма создать эти предпосылки Европа сможет научиться у США и Швейцарии тому, что эта стабильность совместима с идеей свободы».

Упования на «стабильность» США представляются ныне столь же мало убедительными, как и смелые заявления «Чикаго трибюн» в октябре 1932 г., доказывавшего в передовице под громким заголовком «Американское плановое общество», что в США плановость уже существует:

«Америка начала с планового общества... Идея этого плана заключалась в том, чтобы предоставить миру наиболее высокую степень свободы и безопасности... Этот план функционировал лучше чем всякий другой план в любой другой стране, и это наиболее совершенный план».

---

[1] Coudenhove-Kalergi «Stalin et C°». Paneuropa Verlag. Leipzig. Wien. 1931.

Как известно, в 1931 г. в Амстердаме состоялся международный конгресс по вопросам планирования хозяйства. Конгресс усердно занимался все теми же попытками примирить непримиримое и обуздать анархию капиталистического строя, введя ее в рамки государственного планирования. В недавно вышедшей книге германского журналиста д-ра Роберта Швейцера «Эксперимент промышленного планирования в Советском союзе» (Берлин, 1934 г.) [1] дан обзор дискуссии на этом конгрессе:

«Международная конференция планирования хозяйства в Амстердаме в 1931 г. показывает, что интерес к планированию не ограничивается одной страной».

Автор далее об'ясняет, чем вызван этот интерес:

«Так как впервые в истории крупное государство предпринимает попытку перейти к социалистическому хозяйственному строю, который можно себе представить только планово-хозяйственным, то не удивительно, что вся мировая общественность с напряженнейшим вниманием следит за этой попыткой».

И не только следит, но, убедившись в ее успехах, пытается из этого сделать для себя выводы. Указывая, что основной проблемой конгресса было капиталистически или социалистически ориентированное плановое хозяйство, Швейцер излагает развернувшуюся на нем дискуссию:

«Представители капиталистических стран на международной плановой конференции были в большинстве сторонниками капиталистически ориентированного планового хозяйства. Доктор Люис Лорвин из Научного экономического института Брукинга в Вашингтоне охарактеризовал идею плана как логический результат экономического развития и выдвинул мысль о своего рода «организованном капитализме». Он различает четыре типа экономического планирования: 1) абсолютный социалистический тип, 2) частичный государственный социалистический тип, 3) добровольный деловой тип и 4) социальный прогрессивный тип. Типы третий и четвертый следует рассматривать как предложения об установлении планового принципа посредством добровольной самоорганизации капиталистов при сохранении капиталистического способа производства или, по типу четвертому, посредством совместных действий предпринимателей, рабочих и технико-экономической интеллигенции. Лорвин утверждает этим «возможность единого руководства без диктатуры и без полной отмены прав и установлений частной собственности».

После той бессмыслицы о «добровольной самоорганизации капиталистов» и «едином руководстве», которая на все лады муссировалась на конгрессе идеологами капиталистического мира в облачении умных слов и высоких теорий, прошли годы кризиса, ожесточенной конкуренции, отчаянных фашистских авантюр.

Следующий большой вопрос, который в этой связи заставляет немало ломать голову, — это вопрос о возмещении предпринимателя.

Однако для Советского союза это уже больше не проблемы. Пролетарская революция устранила подобного рода препятствия для проведения народнохозяйственного планирования.

Все усилия каким-нибудь образом приспособить плановый принцип к капиталистическому хозяйству непрерывно подогреваются сведениями об успехах советской системы. Один из лучших иностранных корреспондентов в СССР, Вальтер Дюранти, выпустивший недавно сборник своих статей о СССР за 12 лет [2], писал в корреспонденциях о втором пятилетнем плане:

---

[1] «Das Experiment der Industrieplanung in der Sovietunion. Von d-r Robert Schweizer. Deutsher Betriebswirte-Verlag. B. 1934.

[2] «Russia reported 1921—1933» by W. Durant. Victor Gollanz. L. 1934.

«При проведении первого плана вопрос заключался в том, чтобы построить, доставить на место, набрать рабочую силу, снабдить ее едой, одеждой и жильем—одним словом, пустить в ход промышленность и сельское хозяйство на социалистической основе в масштабе всей страны, воспитать для этой цели население... Несмотря на все ошибки и недостатки это было выполнено».

Как известно, подобного рода признания успеха пятилетнего плана стали сейчас весьма часты.

Это, однако, не значит, что прекратились злобные измышления, сумасшедшая клевета и жалкие попытки оболгать и извратить те сообщения о строительстве в СССР, которых жадно ждет широкая масса читателей. Несмотря на то что во многих английских газетах, не говоря уже об экономических журналах, помещались подробные сведения об итогах первой пятилетки и начале второй, такой серьезный орган, как «Фортнойтли ревью», английский политический ежемесячник, близкий к консервативным кругам, нимало не смущаясь, заявляет, дабы обосновать свои утверждения о невозможности планового руководства, что в первом году второй пятилетки план по промышленности был выполнен на 55%.

Но оставим в стороне эти попытки грубо солгать насчет пятилетки, после того как не удалось ее сорвать.

Дежурное блюдо антисоветской клеветы не сходит с меню капиталистических газет. С особенной любовью и старательностью его сервируют незадачливые рестораторы фашистской литературной кухни. Давно уже не появлялось в буржуазной печати такого количества диких бредней, воплей, ненависти и несусветных глупостей, как в органах национал-социалистской Германии. Массовая остановка предприятий в СССР, миллионная безработица и т. д. и т. п.—вот те фантастические измышления, которыми гитлеровские писаки сдабривают пресные полосы унифицированной, казенной прессы на потребу фашистской демагогии. В изданиях, рассчитанных на массы, крики о развале промышленности в СССР должны прикрывать банкротство «экономической политики» национал-социализма.

Но в литературе, рассчитанной на хозяев, на узкий круг, мы найдем немало попыток отдать себе отчет в успехах социалистического строительства в СССР. Примером этого служит упомянутая нами книга Роберта Швейцера, представляющая собой детальнейший обзор системы планирования народного хозяйства в СССР, начиная с высших плановых органов и кончая промфинпланом предприятий.

Вот какую он дает характеристику советского хозяйства:

«Нынешнее советское хозяйство представляет собой переходное хозяйство. Советский союз находится в стадии замены капиталистического экономического строя социалистическим, замены рыночного хозяйства плановым. История показала, что переход от одного экономического строя к другому никогда не означает радикального разрыва с прошлым. Отмирающий экономический строй заходит более или менее глубоко и сохраняется на более или менее длительное время в новом строе. Переход означает борьбу. В настоящее время государственный сектор советского хозяйства непреодолимо расширяется, в то время как частнокапиталистический подвергается перманентному процессу сокращения».

И с откровенной тревогой он заявляет: «По нашему мнению, не соответствует действительности утверждение, что большевизм является специфически русским явлением и может быть об'яснен только русским народным духом и русским народным характером».

Впрочем, из этих признаний не следует делать того вывода, что автор чужд клеветы и измышлений. В книжке, написанной в конце 1933 г., он находит «мужество» утверждать, что «социалистическое безрыночное хозяйство должно еще доказать возможность своего существования», хотя

несколькими строками раньше он сам пишет, что «частнокапиталистический сектор подвергается перманентному сокращению».

Давая довольно об'ективную картину системы руководства предприятием в Советском союзе, автор вынужден сделать ряд выводов, когда он проводит параллель между планированием в СССР и «планированием» на капиталистических предприятиях:

«Советская промышленность представляет собой единство, развитие которого в первую очередь определяется не рынком, а промышленным планом, который в свою очередь представляет собой составную часть всеоб'емлющего плана, плана всего народного хозяйства. Эта связь имеет решающее значение для структуры внутризаводского планирования в советской промышленности. Тот, кто хочет сравнить хозяйственные планы капиталистических предприятий с планами советских предприятий, все время должен помнить об этой связи. Планам капиталистических предприятий не хватает связи с более широкими общими планами. Капиталистическое предприятие самостоятельно выводит свой плановый прогноз на основе существующих условий рынка. В плановой работе отдельных предприятий в Советском союзе отсутствует непосредственная связь с рынком. В основе их плановой работы лежат лимиты и директивы, установленные в плановых инстанциях. Капиталистическое предприятие имеет дело с самостоятельным плановым творчеством, а социалистическое — с конкретизацией данных плановых директив».

Не умея и не пытаясь связать концы с концами, противореча себе при малейших потугах перейти от конкретного описания плановой системы хозяйства к ее принципиальному анализу, Швейцер в заключение констатирует:

«Индустриализация первого пятилетнего плана с точки зрения количества двинута вперед фантастическим темпом. Техническая отсталость русской промышленности уменьшилась, и зависимость от капиталистической заграницы стала слабее».

Книга Швейцера недвусмысленно констатирует успехи социалистического строительства и служит неплохой иллюстрацией беспомощности всех стараний совместить капитализм с плановостью.

Противоестественность такого совмещения не составляет тайны даже для тех кругов, которые хотя и не находятся в марксистском лагере, но искренно пытаются подойти к нему и встать по нашу сторону баррикады. Весьма характерны в этом смысле слова 53 выдающихся деятелей литературы США, во главе с Дос Пассосом, Андерсоном, Фрэком и другими. В своей брошюре «Культура и кризис» они писали:

«Либеральная интеллигенция тоже базирует свою программу на гибнущем капитализме, который она старается оживить с помощью национальной экономической плановости. Основываясь на успехах планового хозяйства в СССР, они упускают при этом из виду один очень существенный момент: советская плановость есть социалистическая плановость, возможная и успешная только в силу того, что капиталисты лишены власти, а производство является общественным достоянием».

В одной из наиболее значительных и интересных книг, написанных в последние годы о Советском союзе, в книге «Люди и машины» [1], известный американский журналист Луи Фишер язвительно замечает:

«Когда буржуазные экономисты говорят о применении планов к капитализму, они фактически предлагают сочетать коллективизм и индивидуализм, они хотят складывать слонов и вечные перья, они хотят прививать апельсины к луковице».

Другой вдумчивый исследователь советской действительности, аме-

---

[1] «L. Fisher «Men and Machines». 1932.

риканец Гиндус, в книге с патетическим заголовком «Человечество, перевернутое в корне»[1], не об'являя себя сторонником нового человечества, но понимая, что социалистическое строительство в СССР открывает перед человечеством новые пути, на которые он сам не решается встать, с типичными интеллигентскими колебаниями ставит вопрос, не давая на него ответа:

«Вопрос заключается в том, обладает ли русское пламя коллективизма, сжигающее те стимулы, которые питают частную собственность, и ниспровергающее установленные привычки жизни и работы,—обладает ли оно возможностью достигнуть ожидаемых результатов. Сами русские так же уверены в своей победе, как уверен пахарь в том, что семя, посеянное им, даст всходы. Они читают свой триумф в страницах истории, в самых элементах природы.

Если они достигнут успеха, то коллективизм в той или иной форме овладеет миром и частная собственность как источник дохода исчезнет. Более высокие созидательные идеи побеждают, каковы бы ни были препятствия и какие бы жертвы для этого ни требовались. Это такой же непреодолимый закон истории, как всякий закон природы».

Поучительное для многих заключение!

А. ТИВЕЛЬ

Американская буржуазная литература о Советском союзе

Победоносное завершение первой пятилетки и осуществление второй пятилетки вызывают огромный интерес в кругах зарубежной интеллигенции, в широких промежуточных, «средних» слоях капиталистических стран. Кризис разрушил веру интеллигенции, особенно технической интеллигенции, в прогрессивную роль капитализма. Буржуазная интеллигенция находится в стадии острого идейного разброда: она ищет «новых» путей; часть ее переметнулась в лагерь фашизма, другая часть уже нашла путь к революции. Большая же часть этих слоев еще колеблется, выжидает, «ищет» и с огромным интересом присматривается к небывалому в истории «русскому эксперименту». Особенно велик интерес к СССР среди американской интеллигенции[2], еще усилившийся после установления дипломатических отношений между США и СССР. Проблема планового хозяйства, ликвидация безработицы в СССР, советская юстиция, медицина, наука, с'езд писателей, советский театр — на эти темы пишутся десятки и сотни статей в американской периодической печати. Неслучайно Уэллс, вернувшись из США, в беседе с товарищем Сталиным подчеркнул:

«Ленин в свое время сказал, что надо «учиться торговать», учиться этому у капиталистов. Ныне капиталисты должны учиться у вас постигнуть дух социализма».

В этой же беседе Уэллс так об'яснил причину идеологического поворота западноевропейской интеллигенции:

---

[1] «Humanity uprooted» by M. Hindus. New-York. J. Cafe and H. Smith. 1930.

[2] Но не только среди американской. Укажем на очень сильную тягу к СССР среди польской интеллигенции. Орган молодых пилсудчиков «Панство працы», приветствуя политическое сближение между Польшей и СССР, недавно писал: «Вслед за политическим сближением, сближением правительств. должно наступить сближение в области культуры, сближение культурных обществ, конкретное, реальное, каждодневное...» «...Если мы не все можем поехать в СССР, то мы все хотим с ним познакомиться. Мы хотим очень простых вещей: допущения в Польшу советских газет и книг, развития туризма, взаимных выездов на каникулы и обмена театральными пьесами... От правительства мы ждем отмены тысяч запрещений и ограничений, которые разделяют китайской стеной общество обеих стран».

«Я припоминаю, как обстояло дело с технической интеллигенцией несколько десятилетий тому назад. Тогда технической интеллигенции было мало, зато дела было много, и каждый инженер, техник, интеллигент находил применение своим знаниям. Поэтому это был наименее революционный класс. Ныне же наблюдается избыток технической интеллигенции, и настроение ее круто изменилось. Квалифицированный интеллигент, который ранее никогда не стал бы даже прислушиваться к революционным разговорам, теперь очень ими интересуется»[1].

Одним из проявлений интереса американской интеллигенции к Советскому союзу является обилие книг о СССР, вышедших за последнее время в США. Спрос на эти книги, повидимому, превышает предложение, ибо многие из них выходят повторными изданиями. Мы лишены возможности хотя бы перечислить более или менее исчерпывающе книжные новинки о СССР, появившиеся за годы первой и второй пятилеток. Остановимся на нескольких из них, появившихся только за 1934 г. Мы имеем в виду следующие четыре книги: «Индустриализированная Россия» Алкан Гирша; «Россия сегодня, чему мы можем у нее учиться?» Шервуда Эдди; «Мои русские соседи» Александра Уикстида и «Россия бросает вызов религии» Георга Мекленбурга. Авторы этих книг — люди различных профессий, мировоззрений и общественного положения: Гирш — крупный специалист-химик, работавший в СССР консультантом при Гипрохиме; Шервуд Эдди — известный журналист, автор многих книг о Европе и Азии, побывавший в СССР восемь раз; Уикстид — преподаватель английского языка в московских вузах; Мекленбург — священник из Миннеаполиса, дважды побывавший в Советском союзе. Они по-разному относятся к Советскому союзу: одни (Гирш и Уикстид) с явной симпатией, другие (Шервуд и в особенности Мекленбург) — с явной тревогой. Однако все эти авторы сходятся в одном — в признании огромного роста СССР, роста его силы и могущества в годы первой и второй пятилеток, в признании преимущества социалистической системы хозяйства перед исторически обреченной капиталистической системой. Ярче всего это выражает Мекленбург[2]:

«Каждый день моего пребывания в России, каждый километр путешествия явились вызовом моему американизму и христианству. Я был возбужден, взволнован, встревожен».

Что же вывело из душевного равновесия этого почтенного рыцаря христианства? Оказывается:

«Русский эксперимент (так любят американские литераторы называть грандиозное социалистическое строительство в Стране советов.—*М. Г.*) ставит под вопрос любой элемент западной цивилизации; христианство же еще более остро вызывается на бой этим экспериментом чем обычным развитием западного материализма» (стр. 21).

Провинциальный американский поп, пробыв несколько месяцев в СССР после победоносного завершения первой пятилетки, с ужасом убеждается, что социалистическое строительство в стране пролетарской диктатуры наносит чудовищный удар капиталистической системе производства, революционизирует трудящиеся массы в странах капитализма, разрушает идеологию капитализма. Вот откуда испуг и тревога у Мекленбурга. Автор понимает огромную притягательную силу Советского союза, его растущую мощь. Он с ужасом пишет:

«Россия огромна... Россия занимает центральное место в группе 14 наций. Россия быстро растет: ее ежегодный чистый прирост населения ра-

[1] «Большевик» № 17. Беседа товарища Сталина с Г. Д. Уэллсом.

[2] George Mecklenburg «Russia Challenges Religion». N.-Y. 1934, pp. 128.

вен 3 365 000 чел. Россия полна природными ресурсами. Она свободна от сковывающих традиций... Мы можем хулить Россию, мы можем ненавидеть Россию, но мы не можем игнорировать России».

«Честный» служитель христианской религии, Мекленбург, конечно, не скрывает своей классовой ненависти к стране пролетарской диктатуры. Но тем более знаменательно, что даже такие люди, как Мекленбург, побывав в СССР, вынуждены признать величие социалистической системы, осуществляемой победившим пролетариатом. Еще более знаменательно, что христианский священник вынужден сравнивать эту систему с системой капиталистической. То, что при этом сравнении пишет Мекленбург, приобретает, несомненно, исключительный интерес:

«В то время когда все мы говорим, что с нашей (т. е. капиталистической. — *М. Г.)* системой что-то неладно, Россия выступает с новым хозяйственным планом. В то время как мы сомневаемся, как долго может еще существовать наша индивидуалистическая, бесплановая, основанная на погоне за прибылью система, Россия выступает перед нами как гигантская мировая лаборатория... Это — социальная лаборатория, духовная лаборатория. В самом деле, в России — все в движении, все на испытании. Рождается совершенно новая цивилизация».

Итак, служитель христианской религии, вся социальная функция которой состоит в оправдывании капиталистической эксплоатации, вынужден делать вывод явно не в пользу умирающего капитализма.

Автор пытается также об'яснить основную причину преимущества СССР перед странами капитализма. Он пишет:

«Коммунисты обладают исключительной верой. Они действительно уверены в царстве господнем на земле, хотя они не называют его так. Они предпочитают слово «Утопия» (? — *М. Г.).* Если бы мы имели в Америке христиан с половиной той веры в возможность создания царства божия, по сравнению с верой в возможность установления Утопии, которой обладают русские руководители, религия сразу же стала бы огромной силой... Мы потеряли веру... Русские же уверены, что их новая экономическая система создаст новое человечество. Их вера так сильна, что она обнаруживается во всем их существе. Вы чувствуете ее в первую же минуту общения с руководителями России».

Если отбросить поповский стиль его выражений, то мысль Мекленбурга становится совершенно ясной: кризис разрушил веру в незыблемость капитализма. СССР — будущность всего человечества. Не удивительно, что, придя к таким выводам, религиозный автор впадает в отчаянный пессимизм:

«Если церковь не может пробудить, когда разрушается и падает на нас цивилизация, то церковь безнадежна, и впереди нас — только черная ночь».

В противоположность этой мрачной поповщине книга Уикстида[1] («Мои русские соседи. Воспоминания за десять лет в советской Москве») пронизана исключительно бодрым, оптимистическим духом. В живой, образной форме автор, прекрасный наблюдатель и незаурядный литератор, дает исключительно яркие очерки советской жизни с точки зрения «человека улицы» («The man in the Street»). В отличие от остальных иностранцев, пишущих о СССР, Уикстид — не интурист и наблюдает советскую действительность не глазами туриста. Как он пишет в своем предисловии, «в жизни, которую я веду (в Москве. — *М. Г.)*, нет ничего экстерриториального. Единственным исключением бывали такие случаи, когда

[1] Alexander Wicksteed «My Russian Neighoess. N.-Y. 1934. pp. 28.

я... уезжал из России в «Метрополь» и имел «экстерриториальную выпивку в совершенно буржуазной и интернациональной атмосфере». Однако Уикстид признает, что это «путешествие заграницу» приносит ему мало удовольствия: «Я должен сказать, что после такого времяпровождения я был чрезвычайно рад вернуться обратно на социалистическую улицу». Любопытно обращение автора к своим читателям: «Если вы не можете устоять перед этой книгой, я советую отложить ее в сторону; но не сжигайте ее, отдайте ее рассыльному мальчику, может быть, он подрастающий Ленин, и в этом случае — кто знает? — может быть, это доброе дело спасет вас от расстрела, когда настанет время».

Автор очень ехидно высмеивает легковесные заключения, которые обычно делаются ингуристами, посещающими Советский союз; он правильно указывает, что даже об'ективное перечисление фактов не дает правильной картины роста Советского союза, что эти факты необходимо уметь анализировать. В главе о жизненном уровне автор показывает, что правильное представление об огромном росте материального уровня советских трудящихся возможно только на основе сопоставления с уровнем жизни миллионных масс русского народа до революции. «А что касается того, что вообще называется культурой, если под культурой понимать книги, кино, театр, музыку, — я бы сказал, что уровень, как в городе, так и в деревне, здесь значительно выше, чем где бы то ни было в мире». Мы не имеем здесь возможности останавливаться на отдельных главах книги Уикстида, посвященных пятилетке, индустриализации, социалистической реконструкции деревни, народному просвещению, нацменьшинствам, даже... напиткам. Нет сомнения, что эта книга вызовет среди американских и английских читателей большой интерес.

Книга Шервуда Эдди[1] более претенциозна и более критична чем книга Уикстида. Эдди делит свою книгу на две части: на «список преступлений» и «список благодеяний» советской власти. Первую часть автор озаглавил «Предостережения от российских зол», вторую — «Возможное содействие человеческому благосостоянию». Надо отдать справедливость Шервуду Эдди: «список преступлений» у него гораздо короче и... неубедительней чем «список благодеяний». Первому он отводит всего тридцать страниц из 300. Что же включает критический автор в список «зол» советской власти? Во-первых, «бюрократизм и отрицание свободы», во-вторых, «насилие и принуждение», в-третьих, «догматизм, атеизм и борьбу с религией». Автор не жалеет красок, рисуя «диктаторский» советский режим.

«В Советской России сейчас бесспорное отрицание свободы... Она отрицает свободу слова, печати, собраний, коалиций. Одна и только одна партия легальна. Она господствует в правительстве, которое в свою очередь обладает полным контролем над печатью, радио и всеми средствами связи».

Мы не станем утомлять советского читателя в 17-ю годовщину Октябрьской социалистической революции этими, отнюдь не новыми рассуждениями. Всякому ясно, что спорить с такими адептами «свободы» бесполезно.

Либеральствующий певец мелкобуржуазной концепции «свободы» не хочет видеть, что всюду в странах капитала эта «свобода» печати, собраний, коалиций — призрак, миф, легенда, что этой свободы лишены миллионы и десятки миллионов трудящихся города и деревни (в том числе и интеллигентов) даже в «демократических» странах, что эта «свобода» используется исключительно господствующими классами, составляющими

[1] Sherwood Eddy «Russia Today. What Can We learn From It.». N.-Y. 1934. pp. 308.

ничтожное меньшинство населения, что только в СССР осуществляется подлинная свобода трудящихся.

Впрочем, сам автор вынужден признать, что его понятие свободы и понятие свободы у пролетариата — различные вещи. «Средние классы и пролетарии, — говорит он, — придерживаются различных точек зрения на свободу. Либералы думают о себе индивидуалистически, в то время как массы рабочих являются естественными коллективистами и считают необходимым социальный контроль... Каждая точка зрения законна. Если рабочий в России согласен с существующей системой, — внутри ее жестких рамок он свободен и чувствует себя свободно».

Пустым донкихотством являются после этого утверждения Шервуда Эдди, что в СССР «личность не имеет прав в отношении к государству», не располагает Декларацией независимости или Законом о правах. Опять-таки, о какой «личности» идет речь? Или, может быть, наш почтенный «борец за свободу» попытается отрицать тот факт, что в странах капитала, «гарантирующих», как известно, в своих бумажных конституциях «свободу личности», пребывает в тюрьмах, к осени 1934 г., свыше 500 тыс. революционеров—рабочих, крестьян, представителей «средних классов»,— борющихся за подлинную свободу?

Стоит ли подробно останавливаться на ламентациях Шервуда Эдди по поводу того, что коммунисты применяют насилие, принуждение, террор против своих классовых врагов, что «тактика коммунистов подчас жестока»? Его рассуждения соприкасаются очень тесно с мыслями Г. Дж. Уэллса о ненужности «инсуррекций», насилия в борьбе коммунизма против капиталистического строя. Как и Уэллс, Шервуд Эдди не понимает, что построение бесклассового, социалистического общества достигается не в результате проповеди и убеждения, а в результате жестокой борьбы с остатками капиталистических классов, что «революция, смена одного общественного строя другим, всегда была борьбой, борьбой мучительной и жестокой, борьбой на жизнь и смерть», что коммунисты с удовольствием отказались бы от метода насилия, если бы господствующие классы согласились уступить место рабочему классу. Но опыт истории говорит против такого предположения [1].

Дальнейшее зло советской власти Шервуд Эдди видит в том, что коммунизм «догматичен»: «Маркс, Ленин и Сталин являются примерами воплощения элементов догматизма в коммунистическую систему. Они все героичны, но жестки, тверды и разрушительны». В качестве примера автор приводит отношение советской власти к религии: его изумляет, что не может быть хорошего коммуниста, верящего в бога, что, по мнению большевиков, «каждый подлинный ученый — атеист». Шервуду Эдди все это кажется «догматизмом», «не вяжущимся с марксовой диалектикой». Этот «грех» придется, повидимому, советской власти брать на себя...

Обратимся к «списку благодеяний» советской власти. Нужно отдать должное наблюдательности Эдди: этот список довольно полный и включает такие моменты, как: 1) «идея социальной справедливости и общественного планирования», 2) «идея бесклассового общества, освобожденного от национальных и расовых предрассудков», 3) «новое учение о наказаниях и человеческое обращение с преступниками», 4) «замечательная забота о детях, методы, призывающие и стимулирующие молодежь к услугам и жертвам», 5) «новые побудители и стимулы, замещающие стимул профита», 6) «методы уничтожения безработицы и забота об улучшении жилищных условий», 7) «революция коллективного с. х.», 8) «рациональная, практическая база новой морали», 9) «единое мировоз-

[1] «Большевик» № 17. Беседа товарища Сталина с Г. Д. Уэллсом.

зрение», 10) «интерпретация истории с точки зрения русского эксперимента». Каждому из этих «благодеяний» автор посвящает отдельную главу. Автор считает, что по ряду вопросов (в частности Эдди как и Уэллс думает здесь о плановом хозяйстве) СССР может служить «стимулом и побудителем» и для капиталистического мира. Несмотря на свою враждебность к коммунизму Эдди вынужден признать преимущество социалистического хозяйства перед капиталистическим. Он это выражает следующим образом:

«В западных странах мы видим безработицу и перепроизводство — свыше 30 миллионов людей без работы в течение долгих лет кризиса и лишены возможности купить товары, которые они сами производили. В Советской России нет безработицы и имеет место довольно значительное недопроизводство. Она не будет в состоянии еще годы и, может быть, десятилетия, полностью покрыть спрос на внутреннее потребление в этой колоссальной республике с ее 165 млн. населения». Как и Мекленбурга Шервуда Эдди поражает быстрый прирост советского населения, «равный 10 тысячам в день и превосходящий всю Европу в целом». Как бы подводя итоги борьбы двух систем, Эдди пишет:

«Здесь крупнейшая страна в мире, производящая величайший в истории эксперимент. Здесь заняты строительством нового мира, нового человечества. Впервые в истории целая часть человечества радикально преобразовалась в соответствии с новым идеалом, с целью создания новой среды, новой психологии, нового, социалистического, экономического и политического строя, реконструированного в своих основаниях».

Наиболее положительную и наиболее свободную от мелкобуржуазных предрассудков оценку «русскому эксперименту» дает Алкан Гирш в своей чрезвычайно содержательной книге «Индустриализированная Россия»[1]. Автор — не случайный турист, а крупнейший специалист-химик, побывавший на работе в Мексике, Испании, Северной Африке, Египте, Турции, Палестине, Японии (где он с 1916 до 1918 г. был главным консультантом по химии при правительстве) и проработавший свыше двух лет на советских химстройках. Он умеет сопоставлять, сравнивать, и поэтому ему удалось нарисовать исключительно яркую и убедительную картину грандиозного развития советской промышленности. Книга Гирша обращена ко всем скептикам, колеблющимся элементам среди американской технической интеллигенции. Он пишет только на основе своего личного наблюдения и опыта; он зло издевается над своим приятелем — американским журналистом в Москве, каждый день выискивавшим какие-нибудь интересные «плохие» новости о СССР. Гирш спрашивает этого журналиста: «Разве только плохие новости интересны?» И автор решил написать хорошую книгу о Советском союзе, написать «не панегирик, а свободный от предрассудков обзор». Уже первая глава, носящая характерный заголовок «Критерий» (The Jardstick), показывает, что автор на правильном пути: «Чтобы осознать все величие достижений советской власти, надо сравнивать нынешний уровень СССР не с высоко развитой индустриальной страной, подобно США, развивавшейся поколениями, а с уровнем дореволюционной России». Три факта вызвали в нем, как признается сам автор, поворот в сторону «признания» советской системы хозяйства: во-первых, обязательное всеобщее обучение на всей территории СССР, во-вторых, «искреннее старание Советов поднять жизненный уровень народных масс»

[1] Alcan Hirsch «Industrialized Russia». N.-Y. 1934, pp. 309.

и, в-третьих, тот факт, что наука в СССР занимает исключительно почетное место. «Убедившись, что из этих основ должны последовать хорошие результаты, я решил сотрудничать с Советами, и у меня нет причин отказаться от этого решения».

Большой интерес представляет глава книги, названная «Личный опыт». Автор детально записывает свои первые впечатления по приезде в СССР; многие из этих впечатлений носят поверхностный и наивный характер (вроде утверждения, что шляпа рассматривается в СССР как буржуазный предрассудок и что единственный человек, который ее носит в Союзе, — это Максим Горький). Тем не менее автор заметил основное: что у нас создается новая, социалистическая система хозяйства, имеющая неизмеримые преимущества перед капиталистической системой. Гирш пишет:

«Это очевидный факт, что в течение последних нескольких лет мирового кризиса выявился огромный контраст между Советским союзом и капиталистическим Западом. В Америке и Европе люди шляются без дела, а в России каждый имеет работу, часто перегружен ею, каждый старательно и добросовестно выполняет свой план, который является частью Великого плана». Автор с особой симпатией характеризует советскую молодежь, отмечая ее производственный энтузиазм, ее бодрую уверенность в завтрашнем дне, ее коллективистическую мораль, ее чистый и открытый нрав, ее преданность генеральной линии партии.

Книга Гирша дает отличную отповедь Шервуду Эдди, оплакивающему «подавление личности» в Советском союзе. Гирш показывает, что только в СССР личность получает возможность наиболее полного проявления всех своих способностей. Автор утверждает, что нигде в мире нет такой «конкуренции», как в Советском союзе, однако «ее цель существенно отлична от капиталистической конкуренции, ибо она не ведется в интересах личной наживы». Автор, говоря о «конкуренции» в советских условиях, имеет в виду социалистическое соревнование.

Ряд глав автор посвящает отдельным отраслям советской промышленности, причем с особым восторгом он отзывается о грандиозных успехах химической промышленности, особенно выросшей по сравнению с довоенным временем (этот раздел как и книга в целом иллюстрирован прекрасными снимками наших гигантов).

Гирш особенно подчеркивает успехи Советского союза в борьбе за экономическую независимость и за подготовку собственной, пролетарской интеллигенции. Автор пытается определить коренную причину этих успехов. В интересной главе «Советская система и ее вожди» он правильно нащупывает эту причину: «В нашей стране (т. е. в США.—*М. Г.)* несмотря на кодексы «НИРА» труд все еще остается товаром. Не так в Советской России. Труд там — важнейший элемент социальной и индустриальной схемы. Труд в Советской России может быть определен как способность к полезной социальной деятельности, рассматриваемой как капитальное вложение» (investment).

Конечно, Гирш отмечает отдельные недостатки и «неровности» (по терминологии автора) в советском хозяйстве. Автор их правильно об'ясняет как болезни роста:

«Ребенок тоже часто спотыкается, учась ходить, но, научившись, он ходит ровно, спотыкается все реже и реже. Старик тоже спотыкается и падает все чаще и чаще и, может случиться, не сумеет больше подняться. Между этими двумя видами «спотыкания» чудовищная разница. Не делайте ошибки: Советская Россия — юношеская, мужественная, крепкая нация, сильно и неуклонно растущая и освобождающаяся от своих болезней роста».

На этом мы можем закончить. В самом деле, господа, не делайте ошибки: прислушайтесь к словам передовых представителей своей собственной интеллигенции: Советский союз, которому всего 17 лет, растет неуклонно. Капиталистический мир дряхлеет и исторически обречен!

М. ГЕРЦБАХ

Три японских книги о СССР

Как известно, японский книжный рынок усиленно наводняется антисоветской литературой, лживость которой может соперничать только с ее злобностью. Наряду с литературой этого сорта в Японии встречаются и кое-какие произведения иного характера.

Если исключить военно-фашистскую, антисоветскую литературу и обратиться к литературе о СССР, отражающей взгляды наиболее трезвых японских буржуазных кругов, то мы увидим, что большинство книг о СССР просто дает «сухую» искаженную информацию, стремящуюся как-либо удовлетворить глубокий интерес масс к СССР.

Ниже мы даем оценку трех книг о СССР, вышедших в Японии за последний год.

* * *

В качестве приложения к апрельскому номеру солидного японского левобуржуазного журнала «Кэйдзай орай» за 1934 г. была разослана книга под названием «Хрестоматия о России». Эта «Хрестоматия» составлена из 18 очерков, охватывающих различные стороны советской жизни и написанных различными авторами. «Хрестоматия» может служить прекрасным примером «двойственности» японской литературы о СССР. Тон очерков, помещенных в «Хрестоматии», в подавляющем большинстве не только об'ективный, но в отдельных случаях даже дружественный. Но одновременно в этот же сборник «вкраплены» 2—3 махровых антисоветских «произведения». Так, офицер японского военного министерства И. Хорига преподносит в своем очерке нарочито мрачные «впечатления» от посещения Советского союза. Явно стремясь нейтрализовать то выгодное представление о Советском союзе, которое может сложиться у читателя на основании остальных очерков, майор Хорига пытается набросить тень на миролюбие СССР и представить его в роли возможного инициатора войны. Озаглавив свой очерк «Советская Россия без прикрас», Хорига с первых же строк «предупреждает» читателя, что «современная Советская Россия представляет собой государство, к которому нужно отнестись чрезвычайно критически». Угрозу всеобщему миру Хорига видит... в превосходном состоянии Красной армии. Он пишет:

«Нужно отметить, что армия (Красная армия.—*Е. Ж.)* превосходит вооруженные силы царизма не только в количественном отношении. С точки зрения организационной подготовки она превосходит любую армию в мире и не уступает даже французской армии. С любой точки зрения советская армия, безусловно, стоит в ряду армий великих держав. И эта превосходная армия, если полагаться на заявления Советской страны, не имеет, как будто, захватнических намерений... Однако, когда утверждают, что эта армия по своему характеру служит лишь для территориальной защиты, — тут же возникает вопрос». Дальше идут чрезвычайно бесталанные и уже набившие оскомину утверждения о том, что Красная армия служит целям «насильственной большевизации». Статья Хорига заканчивается беззастенчивым перепевом второсортных антисоветских небылиц о

«восстаниях», происходящих якобы в СССР, и «прогнозами» о непрочности советского строя. Однако произведения Хоригэ и им подобные выглядят настолько топорно, что, повидимому, они представляют своего рода «принудительный асортимент», указывающий на политическую лойяльность издателей к такого рода авторам.

Для того чтобы составить себе представление об общем характере «Хрестоматии о России», необходимо привести несколько выдержек из статей других авторов, в ином тоне говорящих о СССР. Например статья некоего Т. Фудзи, посвященная «Сдвигам во внешней политике Советского союза», так резюмирует итоги работы советской дипломатии:

«В обстановке предвоенной атмосферы в Европе и тревоги на Тихом океане взаимоотношения Советского союза с внешним миром все время улучшаются. Внешняя политика СССР, если кратко формулировать, развивается на путях отказа от политической и военной агрессии и отказа от экономической агрессии».

Этот взгляд, диаметрально противоположный уверениям майора Хоригэ, Фудзи подтверждает многочисленными фактами из истории взаимоотношений СССР с капиталистическим миром, достаточно выпукло рисующими последовательно мирный характер советской политики.

Другой участник сборника, видный буржуазный журналист и издатель Х. Отакэ, специализирующийся на изучении Советского союза и уже известный своими работами, представляющими в основном солидную и сравнительно об'ективную информацию о советской действительности, в своей статье о пятилетке следующим образом рисует советскую экономику:

«Для того чтобы ясно воспроизвести развитие советского пятилетнего плана, нужно представить себе картину движения огромной морской эскадры. В центре — огромные линкоры, окруженные различными судами, часть которых составляет авангард, часть следует позади. Тут есть корабли, обладающие колоссальной скоростью, есть и такие, которые движутся медленно. Но скорость их движения регулируется, и они гармонично движутся вперед — все вместе как одно целое. Для того чтобы составить себе представление о пятилетке, нужно применить этот закон движения эскадры к области экономического развития. Точно так же как существуют быстроходные и отстающие суда, в области экономики есть отрасли, способные к быстрому развитию, и есть такие, которые развиваются более медленно. Первые могут идти вперед быстро по собственному желанию, но когда вторые отстают и плетутся в хвосте, то экономическая жизнь течет нерегулярно. Сознательно регулировать это движение, чтобы подвигаться вперед всем фронтом, — такова отличительная черта плановой экономики, экономики, регулируемой советским пятилетним планом».

Не вдаваясь в оценку того, насколько этот образ художественно убедителен, следует отметить, что общий тон статьи Х. Отакэ вполне благожелателен по отношению к СССР.

К этому же типу принадлежат помещенные в сборнике статьи о сельском хозяйстве, о народном образовании, науке и искусствах в СССР и др. Т. Такахаси пишет о проблемах сельского хозяйства в Советском союзе. Его оценка итогов коллективизации в СССР диаметрально расходится с вымыслами «очевидцев» из военного министерства. О тоне статьи Такахаси можно судить по следующей фразе: «Конечно, еще преждевременно говорить о полной ликвидации недостатка продуктов продовольствия по всему СССР, но то, что продовольственная проблема с прошлого года стала значительно менее напряженной, — об этом говорят не только правительственные сообщения, но это признают равным образом все путешественники».

Значительная часть «Хрестоматии о России» посвящена проблемам культурного строительства в СССР. Особо подчеркивается та почетная роль, которая принадлежит науке в социалистическом строительстве.

«Особенность научного исследования в Советском союзе, — говорит одна из статей,—заключается в том, что наука является влиятельным участником строительства промышленности. Все отрасли знания, всевозможные исследования мобилизованы для достижения победы человека над природой, на развитие промышленности, на строительство промышленности, обладающей самой высокой производительностью. Все лаборатории, Академия и все другие исследовательские учреждения организованы и оборудованы для этой цели. Все они имеют тесную связь с промышленностью. Например ЦАГИ поддерживает тесную связь с авиационными предприятиями, являясь их исследовательским центром. Научно-исследовательский институт резиновой промышленности (НИИРП) является исследовательским центром резиновой промышленности. И почти во всех остальных отраслях промышленности и сельского хозяйства имеются соответствующие исследовательские учреждения».

Статья, посвященная литературе. указывает: «Общие успехи социалистического строительства в стране оказали влияние и на литературу. В результате наблюдается блестящий творческий под'ем у пролетариата и на литературном фронте. Социалистическое строительство, бесспорно, является величайшим историческим фактом. Многообразие, разносторонность и богатство его содержания неизмеримы. Все внешние и внутренние условия человеческой жизни изменились. все стороны ее совершенно обьовились, совершенно изменилась даже психология. Основной задачей советской литературы в эту эпоху является правдивое и глубокое отображение этих многообразных и разносторонних исторических процессов».

Специальная статья А. Цукуси, посвященная общим итогам семнадцатилетнего существования Советского союза. констатирует:

«Величайшим историческим событием нужно признать то, что (здесь весьма прозрачный цензурный пропуск двух слов) пролетариат России имеет уже семнадцатилетнюю историю... Существование советского государства теперь уже независимо от того. нравится оно или не нравится, — исторический факт, который, безусловно. никто не может игнорировать и который является одним из решающих факторов в международных отношениях».

Весьма характерно звучат заключительные строки этой итоговой статьи:

«Явственный поворот к лучшему во внешнеполитической области должен быть особенно отмечен в Советском союзе как результат первого года второй пятилетки. Изменения взаимоотношений Советского союза с капиталистическим миром в период первого пятилетнего плана произошли в 1933 году. Стремительное выдвижение наци в Германии. ухудшение японо-советских отношений на Дальнем Востоке явились причиной политики соглашений Советского союза с другими странами и значительно изменили к лучшему его взаимоотношения с Европой и Америкой. Об этом говорят такие факты, как поворот, обусловленный заключением СССР пактов о ненападении и соглашений об определении агрессора со странами, представлявшими в прошлом наибольшую для нас опасность,— с Францией, Польшей, Румынией, отмена английских ограничительных законов против советского импорта и заключение нового торгового договора, заключение пакта о ненападении с Италией. наконец. восстановление советско-американских отношений. Единственным исключением являются две страны: в Европе — Германия. на Дальнем Востоке — Япония. Особенно серьезно советской стороной оцениваются взаимоотношения с Японией».

Из приведенных выдержек явствует, что *общий тон* «Хрестоматии о России» *не* определяется реакционной военщиной. Основной потребитель книги и журнальной литературы о СССР относится с недоверием к грубым антисоветским измышлениям, пытающимся набросить тень на миролюбие социалистического государства. Офицерские литературные упражнения, повторяем, выполняют, как видно, роль «принудительного асортимента».

* * *

На примере другой книги мы видим, что даже в том случае, когда автор стремится преподнести читательской массе заведомо враждебное освещение Советского союза, он пытается делать это под маской «научного об'ективизма». Один из соавторов «Хрестоматии о России», С. *Сигемори*, видный японский «руссовед», выпустил недавно книгу под широковещательным названием «Япония и СССР» (Токио, июль 1934 г. 330 стр.). В предисловии к этой работе автор, кстати еще недавно считавший себя «советофилом», указывает, что его задача — дать анализ советско-японских взаимоотношений под углом зрения того, произойдет ли война между этими двумя странами. Однако трудно представить себе более неудачное разрешение этой задачи чем книга Сигемори.

Для характеристики псевдонаучного подхода и стиля автора достаточно привести «классификацию» проблем, составляющих, по его мнению, стержень японо-советских отношений. По Сигемори, существо японо-советских взаимоотношений «весьма сложно и многообразно»; в основном японо-советские взаимоотношения представляют собой комбинацию из: «1) географических отношений, 2) классовых отношений, 3) экономических отношений, 4) исторических отношений, 5) национальных отношений и 6) культурных отношений». Что понимает хитроумный Сигемори под этими элементами? Об этом подробно рассказано в специальных параграфах: географический фактор автором рассматривается в свете того, что образование Манчжоу-го еще больше увеличило территориальное соприкосновение Японии с СССР, поскольку «общеизвестно, что Манчжоу-го является *так называемым* союзным государством, составляющим жизненную линию для Японии» (разрядка моя.—*Е. Ж.*). Из территориальной близости Японии и СССР делается вывод о том, что японо-советские отношения никак нельзя приравнивать к японо-американским или советско-американским отношениям. Весьма «глубокое» замечание!

Второй момент — классовые отношения. После периода интервенции «в соответствии со сдвигами во внутренней и внешней политике» между Японией и СССР установились дипломатические отношения. «Однако, — подчеркивает автор, — классовые отношения между обеими странами не исчезли и установилось лишь временное перемирие для того, чтобы следующая схватка была гораздо более серьезной».

Третий момент — экономические взаимоотношения между двумя странами. По мнению Сигемори, они подразделяются в свою очередь на: 1) торговые отношения, 2) рыболовные дела, 3) дела, связанные с концессиями на Северном Сахалине, 4) транспортные отношения и 5) вопросы, связанные с технической помощью. Сигемори указывает, что индустриализация советского Дальнего Востока ограничивает возможность сбыта продукции Японии, хотя «индустриальная Япония» и «страна сырья — Советский союз» имеют много данных для экономического сотрудничества. Почтенный автор глухо «намекает», что было бы неплохо приостановить процесс индустриализации советского Дальнего Востока, «географически» тяготеющего «гораздо больше к Японии чем к Европейской России». Явное недовольство вызывает у автора и интенсивное развитие совет-

ского рыболовства, в котором он тоже видит «угрозу для Японии». Грустные раздумья вызывают у него и японские концессии на Северном Сахалине, ибо приходится говорить о прогрессирующем росте собственной советской нефтедобычи и угледобычи на Сахалине. Единственными «светлыми пятнами» на этом безрадостном «экономическом» фоне добросовестный автор считает... заинтересованность Японии в транзитном кратчайшем пути через СССР в Европу и относящуюся уже к прошлому техническую помощь Советскому союзу со стороны японских специалистов. Повидимому, только эти два фактора из области экономики могут способствовать улучшению японо-советских отношений, но и то последний отпадает в связи с сокращением потребности СССР в привлечении японских специалистов.

Четвертый «составной элемент» японо-советских отношений—это история. Мы ничего не можем возразить против привлечения этого фактора. Однако неясно, какое касательство имеет к японо-советским отношениям, например, посольство Екатерины II во главе с Лаксманом, отправленное в Японию в 1792 г., и прочие исторические факты, на которые ссылается автор. Это тем более невразумительно, что и сам автор в конце повторяет, что после революции в России основную роль в японо-советских взаимоотношениях играл «классовый момент».

Национальный вопрос — пятая «проблема» японо-советских отношений. Здесь читатель с изумлением узнает, что «сами русские, взятые в целом, по крови ближе стоят к японцам чем другие европейцы и чем американцы». Трудно сказать, чем вызван подобный незаслуженный «комплимент». Не исключена возможность, что эта декларация национального «родства» имеет такое же значение, как расистские изыскания японских фашистов, ищущих оправдания грабительской политики Японии в Китае в том факте, что и японцы и китайцы принадлежат к одной желтой «семье».

Последний «составной элемент» японо-советских отношений — культурные связи. Здесь автор не в состоянии дать искаженной картины, ибо это именно та область японо-советских отношений, которая ближе всего знакома основному японскому потребителю книг о СССР, тем более, что лично г. Сигемори причисляет себя к сторонникам советско-японского культурного сближения. Поэтому автор вполне резонно отмечает, что если глубока была культурная связь между Японией и старой Россией, ввиде проникновения и огромного воздействия на японскую интеллигенцию старой русской литературы — Толстого, Достоевского, Тургенева, Чехова, то не менее, если не более, велико влияние советской коммунистической культуры. Из песни слова не выкинешь:

«Эта культура коммунистической идеологии,—признается Сигемори,—оказала огромное влияние на художественный и идейный мир Японии как в области различных искусств: литературы, театра, кино, живописи, музыки, архитектуры, так и в области науки. Несколько лет тому назад говорили, что существуют два больших направления в японской культуре и идеологии: американизм и россиянизм. За последнее время под влиянием манчжурских событий произошло выдвижение на первый план японского фашизма и под'ем национального самосознания, в результате чего произошел значительный спад американизма и россиянизма. Но во всяком случае можно сказать, что культурные связи нашей Японии с Советской Россией, идущие от времен старой России, являются достаточно тесными».

В заключение этой главы вышеназванной книги автор, явно затрудняясь связать концы с концами и опасаясь возбудить у читателей законные сомнения в своей «об'ективности», пытается кратко об'яснить, в чем же лежат причины нынешнего ухудшения японо-советских отношений.

И здесь Сигемори неожиданно совершает «героический» поступок: он вспоминает свое «советофильство» и устанавливает, что не одна только «советская угроза» определила изменение обстановки, а «два момента»: «1. Изменение соотношения сил на Дальнем Востоке в связи с ускорением континентальной экспансии Японии после манчжурских событий. 2. Экспансия Советского союза на Дальнем Востоке в связи с советским пятилетним планом». Доказав таким образом японскому читателю свою безусловную «об'ективность», вплоть до того, что на первое место он поставил экспансию Японии, а не Советского союза, автор иллюстрирует свое положение следующими примерами:

«... с момента возникновения манчжурских событий до лета прошлого года было заметно отступление Советского союза в Северной Манчжурии по всему фронту. Это видно из того, что сейчас происходят переговоры о продаже Североманчжурской железной дороги (КВЖД. — *Е. Ж.*). Следовательно, в этом вопросе наступающей стороной была Япония, теснимой— Советский союз. Что же касается пятилетнего плана, реализация которого продолжается Советским союзом на русском Дальнем Востоке, то уже по первой пятилетке были достигнуты соответствующие успехи в области рыбопромышленности, нефтепромышленности и лесоводства. Во второй пятилетке ожидается снова чрезвычайное развитие и прилагаются усилия к тому, чтобы русский Дальний Восток превратить из колонии Европейской России в страну современной промышленности. В этом пункте наступающей стороной является Советский союз, страдающей — Япония».

Эта классическая оценка японо-советских взаимоотношений как нельзя лучше отражает лицо книги и ее автора. Трусливый либеральный «об'ективизм», профессорское гелертерство в сочетании с явным стремлением попасть «в тон» хозяевам — таков облик об'емистого труда Сигемори.

Перемешивая быль с небылицей, приводя достижения Советской страны и сейчас же «разбавляя» их лошадиной дозой обывательских рассуждений, автор не проявляет при этом даже самых элементарных качеств солидного буржуазного исследователя.

Ложные данные, которые сплошь и рядом попадаются в книге, вроде, например, заимствованных из подозрительных источников данных «о структуре ГПУ», можно об'яснить лишь присутствием у автора особых «идеологических» мотивов.

* * *

Третья рассматриваемая нами книга о СССР принадлежит перу бывшего московского спецкора японских газет «Токио Нити-Нити» и «Осака Майнити» — X. Баба. Эта книга не претендует на «научность» изложения. Она представляет собой систематизированные заметки, впечатления от путешествий по Советскому союзу. Несмотря на то что автор книги, безусловно, далек от какого-либо сочувствия социалистическому строительству, отсутствие претенциозных попыток дать «анализ» советско-японских проблем в стиле Сигемори делает работу X. Баба, безусловно, менее вредной для массового читателя в Японии чем «советофильские» потуги предшествовавшего автора.

Книга X. Баба построена по географическому принципу: он описывает последовательно Москву, города Поволжья, Северный Кавказ, Закавказье, путешествие по Черному морю, Крым, Украину, Белоруссию, Ленинград, Мурманск, Архангельск, Среднюю Азию и Урал. Впечатления автора исключительно поверхностны. Он удовлетворяется самым беглым описанием, регистрируя лишь то, что попадает непосредственно в сферу его зрительного восприятия. Чтобы восполнить зияющие пробелы в изображении Советского союза, автор снабдил книгу многочисленными фотоиллюстрациями и приложениями. В приложениях даны основные данные о второй

пятилетке, административное деление СССР, национальный состав СССР с указанием численности, территории, занятий, религии и языков 169 национальностей, таблица народонаселения СССР с разбивкой по полу и возрасту. Кроме того специально для туристов приложена таблица расстояния важнейших пунктов СССР от Москвы и железнодорожное расписание.

Однако, несмотря на то что книга Х. Баба не находится на высоком уровне и по типу чрезвычайно близка к туристским путеводителям, она интересна тем, что автор, безусловно, не приспособляется (в обычных для японской литературы размерах) к антисоветским требованиям авантюристских элементов.

Приходится удивляться только тому, что проживший несколько лет в Москве корреспондент двух крупнейших японских газет все же не находит возможным опубликовать что-либо более серьезное о СССР чем свои путевые впечатления, тем более что в предисловии к своей книге Х. Баба еще более определенно чем Сигемори указывает, что распространение информации о СССР в Японии особенно необходимо в период, когда «в целях укрепления дружбы между обеими странами происходят переговоры о Северománчжурской железной дороге».

Необходимо также отметить, что книга Х. Баба снабжена предисловием самого японского мининдела Хирота, который дает весьма высокую оценку деятельности автора во время его пребывания в Москве.

* * *

Мы остановились на трех японских книгах о СССР, вышедших за последнее время, поскольку они в отличие от наводняющей японский книжный рынок антисоветской литературы пытаются отразить «об'ективную» позицию в своем освещении Страны советов.

Общий вывод таков: в нынешней обстановке те наиболее трезвые капиталистические элементы в Японии, которые пессимистически оценивают политику авантюр и отдают себе отчет в важности и необходимости сохранения мирных отношений с Советским союзом, весьма ограничены в возможностях независимо и членораздельно выразить свое мнение; это мнение пока еще, видимо, идет вразрез с официальной политикой японского империализма. С другой стороны, популярность Советского союза в японских массах трудящихся и в широких слоях интеллигенции, возросшая мощь и сила пролетарского государства пробивают себе путь, вызывая колоссальный спрос на книгу, отображающую жизнь страны строящегося социализма.

Вопреки всей официальной военной пропаганде, клевете фашистов, патриотическому угару, трусливым недомолвкам и прямым искажениям правда о Советском союзе с неудержимой силой проникает в трудящиеся массы Японии и увеличивает ряды друзей СССР.

Е. ЖУКОВ

Новый том рукописей Маркса

(«Архив Маркса и Энгельса». Под ред. В. Адоратского. Т. III (VIII). ИМЭЛ. 1934. 449 стр.)

Рецензируемый том «Архива», выходящий на-днях в свет, содержит брошюру Маркса «Гражданская война во Франции. Обращение Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих» и подготовительные работы Маркса к этой брошюре (выписки из различных органов печати и первый и второй варианты «Гражданской войны во Франции»).

Впервые публикуемые подготовительные работы Маркса к «Гражданской войне» представляют исключительную актуально-политическую ценность. Хотя основные идеи, содержащиеся в них, вошли в окончательный текст «Гражданской войны», однако ряд важнейших и принципиальнейших положений брошюры получил в предварительных набросках более развернутую формулировку. Связанный об'емом подготовляемой им работы (в качестве обращения Генерального совета I Интернационала она не должна была превышать двух печатных листов), Маркс вынужден был многократно «конденсировать» материал, уплотнять его, придавая ему порой лапидарную форму. Поэтому в ряде существеннейших моментов предварительные наброски как бы дополняют окончательный текст брошюры.

Поскольку речь идет о работе, основным содержанием которой является вопрос о диктатуре пролетариата, поскольку в «Гражданской войне во Франции» нашел отражение важнейший этап в развитии учения Маркса о государстве,—ценность и огромное значение этого впервые опубликованного материала из литературного наследства Маркса ясны сами собой.

Наряду с этим подготовительные работы к «Гражданской войне» дают интереснейший материал для характеристики Маркса как историка и публициста, для изучения методов его работы. «Гражданская война во Франции» писалась Марксом буквально по пятам событий (первоначальные наброски «обращения» были написаны примерно к 23 мая, т. е. еще до падения Коммуны, окончательный же текст оглашен на заседании Генерального совета Интернационала 30 мая). И, однако, работа блестяще выдержала суд истории и как теоретический, программный документ пролетариата и как научный исторический труд.

Каковы же были источники и материалы, которыми Маркс воспользовался в своей работе?

Огромное место занимают выписки из газет, публикуемые в «Архиве». Эти выписки охватывают период от 18 марта до 1 мая 1871 г. Один простой перечень газет, использованных Марксом при этих выписках, показывает, сколько труда должен был потратить он только на собирание ма-

териалов. Вот этот перечень: «Daily News», «Situation», «La liberté», «Le National», «Le Figaro», «Standard», «Cloche», «Petit Journal», «Daily Telegraph», «Le Reppel», «Irishman», «Evening Standard», «Times», «Le Vengeur», «Le Mot d'ordr», «Echo», «L'avant-garde», «Observer», «Tribune de Bordeaux» и др.

Конечно, газеты не были единственным источником информации для Маркса. У него были и другие, более важные и более ценные источники: та информация, которую он получал от деятелей Коммуны. Версальское правительство и Бисмарк позаботились о том, чтобы Коммуна не могла сообщить миру правду о Париже, чтобы она не могла опровергнуть те потоки лжи и клеветы, которые изливались буржуазными газетными писаками на мятежный Париж. Однако сложными, окольными путями информация из Парижа достигала Лондона, Генерального совета и Маркса. Маркс получал корреспонденции от Франкеля, Серайе, Тумановской и других деятелей Коммуны, сообщавших Марксу о внутренней жизни Коммуны, спрашивавших у него совета по разным вопросам [1] и опровергавших то, «что рассказывают эти свиньи, английские репортеры» [2] о Коммуне. Несмотря на кордон, окружавший Париж, Маркс не только смог собрать необходимые ему для брошюры материалы о Коммуне, но и с своей стороны посылал Коммуне информацию, давал ей военные и др. советы, писал письма о Коммуне всем секциям Интернационала, давал информацию о Коммуне в газеты, и т. д., и т. п. Маркс не был бы блестящим теоретиком и историком Коммуны, если бы он не был участником «массовой борьбы, которую он переживал со всем свойственным ему пылом и страстью, сидя в изгнании в Лондоне...» [3].

«Гражданская война во Франции» — это и научная, историческая работа, и пламенный панегирик революции пролетариата, и потрясающей силы обвинительный акт ее палачам. Каждое теоретическое положение, содержащееся в ней, подкреплено ярким описанием исторических событий, незабываемыми характеристиками действующих лиц.

Парижу рабочих, героическому, самоотверженному, полному энтузиазма в сознании своей геркулесовой задачи, мужественному, суровому, борющемуся, трудящемуся, мыслящему и... слишком великодушному Парижу, Маркс противопоставляет другой мир—мир Версаля, подлый мир тунеядцев и мошенников, мир коррупции и измены. Этот другой мир, мир буржуазии, тоже имеет своих «героев». Если даже в окончательной редакции своей брошюры Маркс не поскупился на индивидуальные характеристики «героев» Версаля, то еще более тщательно написанные их портреты мы находим в предварительных набросках «Гражданской войны». Достаточно упомянуть характеристику Жюля Фавра, этого елейного защитника «семьи, религии, собственности и порядка» [4], который сумел при помощи ряда наглых подлогов захватить огромное наследство и давно уже подлежал уголовному суду; или характеристики Эрнеста Пикара, заслуживающего подобно Жюлю Фавру уголовного суда и каторги; или Жюля Ферри, нищего адвоката, сколотившего себе огромное состояние на организованном им в Париже голоде. Все эти от'явленные мошенники и воры группируются вокруг главного персонажа, которому Маркс уделяет особое внимание, — главы Версальского правительства Тьера. Характеристики, кото-

[1] См., например, письмо Франкеля к Марксу от 30 марта 1871 г. с просьбой сообщить мнение Маркса о социальных реформах, которые надо провести в жизнь («Письма деятелей Первого Интернационала в дни Коммуны 1871 г.», стр. 23. ИМЭЛ. 1933).

[2] Там же, стр. 19. Письмо Серайе.

[3] Ленин. Т. X, стр. 365. 3-е изд.

[4] «Архив». Т. III, стр. 247.

рые ему дал Маркс, по своей силе и красочности подымаются до шекспировского драматизма.

Приведем в качестве образца одну из бесчисленных характеристик Тьера, содержащихся в первоначальных вариантах «Гражданской войны».

«Стремящийся блистать, подобно всем крошечным людям, жадный до видных постов и доходов, с бесплодным умом, но живой фантазией, эпикуреец и скептик, с энциклопедической легкостью овладевающий (усваивающий) наружной стороной вещей и превращающий вещи в простой предлог для болтовни, словесный фехтовальщик редкой силы в пустяковых разговорах, писатель столь же ясный, сколь и плоский, мастер мелких государственных плутней, виртуоз в вероломстве, артист во всех мелочных хитростях, ловкий в происках и коварных низостях мелкой парламентской борьбы партий, человек с национальными и классовыми предрассудками вместо идей и с тщеславием вместо совести; всегда готовый устранить соперника, готовый расстреливать народ, чтобы задушить революцию, злонамеренный, когда он в оппозиции, ненавистный, когда у власти, никогда не останавливающийся перед провоцированием революций, — история его общественной жизни является летописью бедствий его страны» [1].

Маленький Тьер, карлик-чудовище, мастер мелких плутней, парламентский паяц и палач Коммуны — таким, с легкой руки Маркса, вошел Тьер в историю. Незабываемый образ героя буржуазии в эпоху ее упадка!

Маркс-историк бесконечно далек от худосочного схематизма. И если своим материалистическим пониманием истории Маркс нанес сокрушительный удар идеалистическому культу личности, гипертрофии ее роли в историческом процессе, то, с другой стороны, он всегда напоминал, что история делается живыми людьми и что историк обязан не только вскрывать законы исторического развития, но и изучать то влияние, которое оказывают на конкретный ход исторических событий такого рода «случайности», как характер людей, стоящих во главе движения.

Особенности Маркса как историка нами пока далеко не изучены; подготовительные работы к «Гражданской войне во Франции» являются великолепным материалом для этого изучения.

* * *

Еще больший теоретический и политический интерес представляют подготовительные материалы с точки зрения развития марксовой теории государства и диктатуры пролетариата.

Третий раздел своей брошюры, целиком посвященный этим проблемам, Маркс начинает следующим вопросом: «Что же такое Коммуна, этот сфинкс, причиняющий столько терзаний буржуазному уму?»

Ответ на этот вопрос дали прежде всего сами пролетарии Парижа, благодаря творческой инициативе и революционному мужеству которых родилась Коммуна. В манифесте Центрального комитета от 18 марта они заявили, что «их повелительный долг и безусловное право — стать господами своей собственной судьбы, взяв правительственную власть» [2]. Приведя эти слова манифеста парижских коммунаров, Маркс вслед за этим формулирует важнейший и принципиальнейший вывод: «Но рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей».

---

[1] «Архив». Т. III, стр. 389.

[2] Там же, стр. 35

Этот вывод Маркс и Энгельс считали настолько важным, что в предисловии к немецкому изданию «Коммунистического манифеста» 1872 г. они указали: программа революционных мероприятий, содержащаяся в конце второй главы «Манифеста» в настоящее время местами устарела. В особенности Коммуна доказала, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей»[1].

Как известно, этой формулировке Маркса «не повезло». Ревизионисты всякого рода, открытые и замаскированные, пытались неоднократно истолковать это место из «Гражданской войны» в смысле диаметрально-противоположном тому, какой придавал ему Маркс. В своих «Предпосылках социализма» Бернштейн «скачет и играет» по поводу этой формулировки, которая якобы доказывает, что после опыта Коммуны Маркс внес существеннейшие поправки в свою теорию, отказался от идеи насильственной революции и диктатуры пролетариата, от всей своей революционной программы, изложенной в «Коммунистическом манифесте».

Величайшая заслуга Ленина в том, что, защищая чистоту марксова учения о государстве и диктатуре пролетариата, развивая и конкретизируя это учение, он вскрыл в частности и те искажения, которым подверглось в работах Бернштейна это место из «Гражданской войны» и предисловия 1872 г. к «Коммунистическому манифесту», а также вскрыл и уступки оппортунизму, которые допустил в полемике с Бернштейном по этому вопросу Каутский.

По словам Ленина, Маркс в этом месте «хочет сказать, что рабочий класс должен р а з б и т ь, с л о м а т ь, в з о р в а т ь (Sprengung, взрыв, — выражение, употребленное Энгельсом) всю государственную машину. А у Бернштейна выходит, будто Маркс предостерегал этими словами рабочий класс п р о т и в чрезмерной революционности при захвате власти»[2].

Особенно интересны комментарии Ленина к этому месту из «Гражданской войны» в подготовительных материалах к брошюре «Государство и революция». Приведя эту цитату из «Гражданской войны», Ленин пишет:

«Это место, отдельно взятое, неясно; оно оставляет как бы лазейку для оппортунизма, давая на первый взгляд возможность истолковать его в том смысле, что-де, «просто» взять «в руки» «готовую» «государственную машину» нельзя — з н а ч и т... не надо революций, поосторожнее с ними, побольше внимания к идее н е захвата власти, а медленного развития, врастания и т. п. и т. д.»[3].

В качестве примера Ленин ссылается на упражнения Бернштейна на эту тему в «Предпосылках социализма». Заявляя, что такое толкование «архиложно», Ленин пишет: «На деле Маркс имеет в виду с о в с е м обратное: революция пролетариата не может «просто» взять в руки «готовую» государственную машину, революция должна р а з б и т ь е е, эту г о т о в у ю машину, и заменить н о в о й»[4]. В доказательство этого положения Ленин цитирует письмо Маркса к Кугельману от 1 апреля 1871 г., в котором Маркс говорит о необходимости с л о м а т ь бюрократически-военную машину.

Ленин, разоблачив эти оппортунистические извращения Маркса Бернштейном, Каутским и др., вскрыл подлинный смысл знаменитой цитаты из «Гражданской войны». На помощь Бернштейну и Каутскому поспешил

---

[1] К. М а р к с. Избранные произведения. Т. I, стр. 145. ИМЭЛ. 1934.

[2] Л е н и н. Т. XXI, стр. 444.

[3] Л е н и н «Марксизм о государстве», стр. 15—16. ИМЭЛ. 1934.

[4] Там же.

Кунов, который в своей книге «Die Marxsche Geschichts-Gesellschafts und Staatstheories» обвиняет Ленина за такое толкование Маркса не более не менее как... в бакунизме.

...«Теория большевизма или, точнее, ленинизма есть не что иное, как возвращение к бакунизму, к известной теории Михаила Бакунина»...[1]. «Претензия большевистских теоретиков представлять подлинный марксизм доказывает лишь, сколь принципиально различные взгляды должен прикрывать теперь марксистский флаг»[2].

Мы не собираемся оспаривать утверждение Кунова, что марксистским знаменем в наше время частенько стараются прикрыться люди, ничего общего с марксизмом не имеющие. Сам Кунов достаточное тому доказательство. У самого Маркса знаменитое «спорное» место развито в предварительных вариантах «Гражданской войны во Франции» с такой исчерпывающей полнотой, формулировано с такой предельной ясностью, что даже профессорское крючкотворство Кунова и свойственная ему, как и всякому оппортунисту, способность виться ужом ему не помогут.

«Но пролетариат не может, как это делали господствующие классы и их различные соперничающие группы в последовательные моменты своего торжества, — пишет Маркс, — просто овладеть существующим государственным аппаратом и пустить в ход эту готовую машину для своих собственных целей. Первое условие для удержания политической власти — переделать рабочий механизм и разрушить его, этот инструмент классового господства»[3].

Несколькими строками ниже Маркс вновь возвращается к этой же мысли и опять формулирует ее более развернуто чем в окончательном тексте брошюры:

«Но рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей. Политическое орудие его порабощения не может служить политическим орудием его освобождения»[4].

Революция 18 марта, по словам Маркса, замечательна тем, что «это не была революция с целью передать государственную власть из рук одной части господствующих классов в руки другой; это была революция с целью разбить всю эту страшную машину классового господства»[5].

Ленин был тысячу раз прав, когда писал по поводу «Гражданской войны во Франции»: «Основная идея Маркса: завоевание политической власти пролетариатом не есть овладение «готовой» государственной машиной, а (!) «разбитие», разрушение ее и замена новой»[6].

И в окончательном тексте брошюры Маркс неоднократно повторяет эту мысль. Так, он пишет о необходимости «уничтожения той государственной власти», которая хотела быть «независимой от самой нации и стоящей над ней»[7]. «Задача состояла в том, чтобы отсечь чисто угнетательские органы старой правительственной власти»[8]. Он говорит

---

[1] Cunow «Die Marxsche Geschichts-Gesellschafts und Staatstheorie». Berlin. 1923. I Band, S. 335.
[2] Там же, стр. 337.
[3] «Архив». Т. III, стр. 415. Разрядка моя. — *Е. С.*
[4] Там же. Разрядка моя.—*Е. С.*
[5] Там же, стр. 325. Разрядка моя.—*Е. С.*
[6] Ленин «Марксизм о государстве», стр. 58. ИМЭЛ. 1934.
[7] «Архив». Т. III, стр. 43. Разрядка моя.—*Е. С.*
[8] Там же. Разрядка моя. — *Е. С.*

о новой Коммуне, «которая ломает современную государственную власть», и т. д.[1].

Это основная идея не только «Гражданской войны во Франции». Об этом же Маркс неизменно писал и в последней главе «18 брюмера», и в ряде своих писем, и в ряде работ до и после Парижской коммуны. Подготовительные работы Маркса к «Гражданской войне во Франции» еще раз неопровержимо и блестяще доказывают, кто в действительности имеет ложные «претензии представлять подлинный марксизм». Они свидетельствуют, как глубоко понимал Ленин дух марксова учения, каким верным защитником и продолжателем этого учения он был. Подготовительные материалы к «Гражданской войне» — новое доказательство торжества ленинизма.

«Маркс изучает опыт Коммуны,—писал Ленин,—он не сочиняет этой «новой» власти, а изучает, как сами революции «открывают» («наконец открывают», стр. 49. 3-е изд.) ее, как само рабочее движение подходит к этой задаче, как практика начинает решать ее»[2]. И далее Ленин отмечает, что нового внесла с тех пор историческая практика рабочего класса, как российский пролетариат обогатил и расширил опыт Парижской коммуны уже в своей революции 1905 г.:

«Русская революция подошла к этому же приему, с одной стороны, слабее (более робко) подошла, чем Парижская коммуна, с другой стороны, показала шире — «советы рабочих депутатов», «железнодорожных депутатов», «солдатских и матросских депутатов», «крестьянских депутатов». Это Nota bene»[3].

Это было написано в январе—феврале 1917 г., до Октябрьской революции. Октябрьская революция, открывшая собой новую главу всемирной истории, обогатила марксистско-ленинскую теорию новым, невиданным доселе опытом в деле построения государства нового типа. Этот опыт гениально обобщен в работах Ленина и Сталина, которые неоднократно подчеркивали, что советская власть является развернутой формой того государства нового типа, которое Маркс увидел в Парижской коммуне:

«Республика советов является, таким образом, той искомой и найденной, наконец, политической формой, в рамках которой должно быть совершено экономическое освобождение пролетариата, полная победа социализма.

Парижская коммуна была зародышем этой формы. Советская власть является ее развитием и завершением»[4].

Каковы же основные черты государства нового типа, которые Маркс вскрыл на опыте первых, еще робких шагов Парижской коммуны, развитием и завершением которых является советская власть? Что представляет собой Коммуна—эта «политическая форма социального раскрепощения»[5]. И по этому вопросу мы находим в подготовительных работах Маркса к «Гражданской войне» целый ряд дополнительных материалов.

Что конкретно отличает революцию 18 марта от многочисленных предшествовавших острых классовых боев, которыми так изобилует история Франции? Что позволило Марксу увидеть в революции 18 марта качественно новое событие всемирноисторического значения?

«Новое заключается в том, что народ не разоружился после первого восстания и не отдал своей власти республиканским шутам господствую-

---

[1] «Архив». Т. III, стр. 45. Разрядка моя.—*Е. С.*

[2] Ленин. «Марксизм о государстве», стр. 58. ИМЭЛ. 1934.

[3] Там же. ИМЭЛ. 1934.

[4] Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 36. 9-е изд.

[5] «Архив». Т. III, стр. 333.

щих классов. что, учредив Коммуну, он взял в собственные руки действительное руководство своей революцией и нашел в то же время средство, в случае успеха, удержать это руководство в руках самого народа, заменив государственную машину, правительственную машину господствующих классов своей собственной правительственной машиной» [1].

Новым является, следовательно, то, что рабочий класс, совершив эту революцию, в отличие от предшествующих революций сохранил в своих руках оружие — материальную, физическую основу своей власти, что он разрушил старую государственную машину и создал новый тип государства. «Рабочее правительство провозглашено, как война труда против монополистических собственников средств труда, против капитала» [2].

«Эта форма была проста, как все великое»,—говорит Маркс. И анализируя мероприятия Коммуны, Маркс показывает, как рабочий класс разрешает на практике задачу построения нового государства. Указав на одно из основных мероприятий Коммуны — замену старой постоянной армии и полиции вооруженным народом,—Маркс подробно анализирует и другие мероприятия Коммуны, направленные к уничтожению старого, бюрократического аппарата и к замене его новым аппаратом, построенным на принципах пролетарской демократии.

Коммуна уничтожила парламентаризм, который был во Второй империи «простым фарсом, простым придатком деспотизма в его самой грубой форме: парламентаризм тогда умер во Франции, и уж, конечно. не рабочая революция станет воскрешать его из мертвых» [3]. Вскрывая подлинную сущность и служебную роль буржуазного парламентаризма, Маркс дает беспощадную критику всеобщего избирательного права, «которым до сих пор либо злоупотребляли как средством парламентского санкционирования священной государственной власти, либо бывшее игрушкой в руках господствующих классов и служившее народу только для того, чтобы раз в несколько лет санкционировать парламентское классовое господство (выбирать орудия этого господства)» [4].

На место эксплоататорской, буржуазной демократии пришла воплощенная в Коммуне пролетарская демократия, выражающаяся в выборности, ответственности и сменяемости чиновников, оплате их в размере, не превышающем заработной платы квалифицированного рабочего, в широчайшем вовлечении рабочих в дело управления государством.

«Исчезла иллюзия, будто административное и политическое управление—это какие-то тайны, какие-то потусторонние функции, которые могут быть доверены только обученной касте—государственным паразитам, щедро оплачиваемым сикофантам и бездельникам, людям, которые, находясь на высших постах, убивают разум масс, а на низших ступенях иерархической лестницы натравливают народ друг против друга... Весь хлам государственных тайн и государственных притязаний был выметен вон Коммуной, состоявшей, главным образом, из простых рабочих, которые организовали оборону Парижа, вели войну против преторианцев Бонапарта, снабжали продовольствием огромный город, выполняли все функции, распределявшиеся до тех пор между правительством, полицией и префектурой; при этом они делали свое дело открыто, просто, в исключительно трудной и сложной обстановке, и делали его так же, как Мильтон писал свой «Потерянный рай», т. е. за очень скромное вознаграждение, действуя на глазах у всех, не претендуя на непогрешимость, не скрываясь за канцелярской канителью, не стыдясь сознаваться в своих ошибках и

[1] «Архив», т. III, стр. 347—349.
[2] Там же, стр. 353.
[3] Там же, стр. 327.
[4] Там же, стр. 329.

исправлять их. Они сразу превратили общественные функции—военные, административные, политические из тайных атрибутов особой касты в функции действительных рабочих; (поддерживали порядок в бурях гражданской войны и революции), (предприняли меры для возрождения страны)» [1].

В противоположность буржуазному парламентаризму Коммуна «должна была бы быть работающей, а не парламентской корпорацией, исполнительной и законодательной в одно и то же время» [2].

Маркс издевается над людьми, которые пытаются на основании каких-либо чисто внешних признаков выдать Коммуну — это новое, невиданное в истории и принципиально отличное государственное образование — за старые, отжившие формы общественной жизни. Так, Бисмарк усмотрел в Коммуне стремление к прусскому городскому устройству 1791 г.; проводилась также аналогия между борьбой Коммуны против старой государственной власти и идеей федерализма у Монтескье и жирондистов. Позднее, как известно, тот же Э. Бернштейн попытался изобразить Коммуну как федерацию муниципалитетов по прудоновскому образцу. Маркс отметает всякие попытки подобных аналогий, защищая историческое первородство Коммуны и вскрывая то новое, невиданное в истории, что принесла эта конкретная форма пролетарской диктатуры.

Коренное отличие Коммуны от всех остальных, существовавших до сих пор форм государственной власти, состоит в том, что она детище пролетариата, его творение. «Одни лишь пролетарии, воодушевленные новой социальной задачей, которую им предстоит выполнить в интересах всего общества,— задачей уничтожения всех классов и классового господства, — были способны сломать орудие этого классового господства — государство, т. е. централизованную и организованную правительственную власть, ставшую хозяином общества вместо того, чтобы быть его слугой» [3]. «Только рабочий класс мог сформулировать в слове «Коммуна» и впервые воплотить в жизнь в боевой Парижской Коммуне это новое устремление» [4].

Но Коммуна является не только символом освобождения пролетариата, она раскрепощает и крестьянство.

Вопрос о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства, о политике, которую должна была бы проводить Коммуна в отношении к крестьянству, занимает большое место в подготовительных работах Маркса к «Гражданской войне». Маркс разоблачает всю несостоятельность попыток помещичьих депутатов Национального собрания выдать себя за представителей крестьянства. В действительности Национальное собрание представляет не интересы французского крестьянства, а интересы его ближайших и непосредственных врагов— помещиков, дворянства. Не даром в этом собрании такое почетное место заняла партия легитимистов, партия реставрации; казалось, уничтоженные революционным ураганом 1789 г., эти благородные представители потомственного дворянства снова выплыли на поверхность. «Отдельные группы легитимистов, экспроприированные революцией 1789 г., вернули себе свои имения тем, что поступили в лакейскую Наполеона I, а большинство их — благодаря миллиарду возмещения и личным дарениям во время реставрации» [5].

Эти люди ничего не забыли и ничему не научились. И этих-то людей, исконных врагов крестьянства, пытаются выдать за его представителей!

---

[1] «Архив», стр. 329—331.
[2] Там же, стр. 423.
[3] Там же, стр. 327.
[4] Там же, стр. 325.
[5] Там же, стр. 395.

То обстоятельство, что на исторической арене снова ожили и зашевелились тени прошлого, кошмарные исчадия старой Франции, Франции Бурбонов, свидетельствует лишь о том, как живучи старые классы, о том, как не глубока была революция против помещиков, совершенная под руководством буржуазии. «Французский народ, пораженный и возмущенный возвращением всех этих высокородных Пурсоньяков, которых он считал давно похороненными, убедился, что ему нужно не только сделать революцию XIX века, но и доделать революцию 1789 г., отправив (претендентов) туда, куда попадают в конце концов все деревенские преступники, т. е. на живодерню» [1].

Нет, не помещичья палата представляет интересы крестьянства! Представителям подлинных интересов крестьянина должна явиться Коммуна, его руководителем — рабочий класс. «Империя опиралась на искусственно питаемые иллюзии и традиционные предрассудки крестьянина, Коммуна опиралась бы на его живые интересы и действительные нужды!.. «Помещики» знают, что три месяца господства республики во Франции явились бы сигналом к восстанию крестьянства и сельского пролетариата против них. Вот откуда их свирепая ненависть к Коммуне! Еще больше, чем даже освобождения городского пролетариата, они боятся освобождения крестьян. Крестьяне очень скоро провозгласили бы городской пролетариат своим руководителем и старшим братом» [2].

Маркс предвидит, однако, что вопрос о взаимоотношении пролетариата и крестьянства будет одним из сложнейших вопросов пролетарской революции. Крестьянство — естественный союзник пролетариата в революции. Однако между ними существуют экономические различия, отражающиеся на их социальных и политических взглядах. «Стремлением пролетариата, материальной основой его движения является труд, организованный в крупном масштабе, хотя теперь он организован деспотически, и централизация средств производства, хотя они теперь централизованы в руках монополиста не только как средства производства, но и как средства эксплоатации и порабощения производителя. Задача пролетариата состоит в том, чтобы преобразовать нынешний капиталистический характер этого организованного труда и этих централизованных средств труда, превратить их из средств классового господства и классовой эксплоатации в формы свободного ассоциированного труда и в общественные средства производства»[3].

Крестьянин — собственник. Труд его раз'единен, и его средства производства раздроблены, распылены.

Но крестьянская собственность вступила в период упадка, «стала теперь номинальной, оставляя крестьянину иллюзию собственности и отнимая у него плоды его собственного труда» [4]. В результате конкуренции крупных фермеров, ростовщичества, всякого рода налогов и поборов крестьянин низведен до положения индийского райота. «Следовательно крестьянина отделяет от пролетария уже не реальный интерес, а его обманчивый предрассудок. Если Коммуна, как мы показали, является единственной властью, которая может, даже при своем нынешнем экономическом положении, немедленно дать ему крупные ссуды, то она же есть единственная форма правления, которая может обеспечить преобразование его нынешнего экономического положения, спасти его от экспроприации крупным землевладельцем, с одной стороны, и избавить его от каторжного

---

[1] «Архив». Т. III, стр. 399. Разрядка моя.—*Е. С.*
[2] Там же, стр. 339.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 341.

труда и нищеты, терпимой ради мнимой собственности... Получив непосредственные выгоды от Коммунальной республики, он скоро проникся бы доверием к ней»[1].

Маркс отнюдь не склонен представлять себе исторический путь захватившего власть в свои руки рабочего класса к полному уничтожению классов и отмиранию государства ввиде мирного, идиллического «врастания в социализм». «Коммуна не устраняет классовой борьбы, посредством которой рабочий класс стремится уничтожить все классы и, следовательно, всякое классовое господство»[2], — говорит Маркс.

«Рабочий класс знает, что он должен пройти через различные стадии классовой борьбы. Он знает, что замена экономических условий рабства труда условиями свободного и ассоциированного труда может быть только последовательным делом времени, что экономическое преобразование, которого он требует, является не только изменением распределения, но и новой организацией производства или, вернее, является освобождением общественных форм производства при нынешней организации труда (порожденной современной промышленностью) из пут рабства, освобождением от их нынешнего классового характера, и их гармоничной национальной и интернациональной координацией. Он знает, что эта работа возрождения будет снова и снова замедляться и задерживаться сопротивлением старых интересов и классовых эгоизмов»[3].

И хотя рабочий класс должен еще пройти через различные стадии классовой борьбы, хотя построение социалистического общества есть «результат длительного процесса развития новых условий», все же, захватив власть в свои руки, пролетариат становится обладателем сильнейшего и острейшего орудия классовой борьбы, могучего рычага политического и экономического преобразования.

«Но рабочий класс знает в то же время, что огромные шаги на этом пути могут быть сделаны сразу же, благодаря коммунальной форме политической организации, и что для него настало время начать это движение в своих собственных интересах и в интересах человечества»[4].

Неоднократно возвращаясь к мысли, что коммуна не устраняет классовой борьбы, что новая власть может отстоять свое существование лишь в беспощадных классовых схватках, Маркс упрекает Парижскую коммуну в том, что она «чрезмерно гуманна»[5], что зверствам версальцев она не противопоставила острого оружия революционного террора, что она придерживается оборонительной тактики. Внимательно следя за всеми шагами Коммуны, он уже в ходе борьбы отмечает ее ошибки, которые имели для нее роковые последствия.

«Вместо того, чтобы обезвредить полицейских, перед ними раскрыли двери; они ушли в Версаль, где были встречены, как спасители; дали уйти 43-му линейному полку; распустили по домам всех солдат, братавшихся с народом; позволили реакции организоваться в самом центре Парижа; оставили в покое Версаль»[6].

Перечисляя ошибки Коммуны, предвидя возможность ее гибели, Маркс подчеркивает всемирноисторическое значение Коммуны, ее бессмертные заслуги. Коммуна явилась «началом социальной революции XIX века. И поэтому, какова бы ни была ее судьба в Париже, она обойдет в е с ь

---

1 «Архив». Т. III, стр. 341.
2 Там же, стр. 333.
3 Там же, стр. 333—335.
4 Там же.
5 Там же, стр. 311.
6 Там же, стр. 369.

мир» [1]. Рабочие Парижа, взяв власть в свои руки, завоевали позицию передового отряда рабочих всех стран. «Рабочий класс Европы и Соединенных штатов сразу же приветствовал ее, как волшебное слово освобождения» [2].

«Парижская коммуна может пасть, но социальная революция, которую она начала, восторжествует. Место ее рождения — повсюду» [3].

Пролетарская революция, родившаяся в Париже и потерпевшая там тягчайшее поражение, возродилась вновь, но уже как победоносная революция на другом краю Европы — в России. Российский пролетариат избежал тех ошибок, которые повели к гибели лучших сынов рабочего класса Франции. И этим пролетариат России обязан в первую очередь своей большевистской партии — единой, монолитной пролетарской партии, отсутствие которой так остро ощущалось во время героической борьбы парижских коммунаров.

«Итак, безраздельное руководство одной партии, партии коммунистов, как основной момент подготовки Октября,— такова характерная черта Октябрьской революции, такова первая особенность тактики большевиков в период подготовки Октября.

Едва ли нужно доказывать, что без этой особенности тактики большевиков победа диктатуры пролетариата в обстановке империализма была бы невозможна.

Этим выгодно отличается Октябрьская революция от революции 1871 года во Франции, где руководство революцией делили между собой две партии, из коих ни одна не может быть названа коммунистической партией» [4].

Большевистская партия осветила путь пролетариата революционной теорией, развитой и конкретизированной продолжателями дела Маркса — Лениным и Сталиным. «...Ленинизм не только возродил марксизм, но он сделал еще шаг вперед, развив марксизм дальше в новых условиях капитализма и классовой борьбы пролетариата» [5].

Историческому пути пролетариата от Парижской коммуны до Октябрьской революции и всемирноисторических побед в деле построения бесклассового, социалистического общества соответствует в области революционной теории путь от «Гражданской войны во Франции» Маркса к «Государству и революции» Ленина и «Вопросам ленинизма» Сталина.

Е. СТЕПАНОВА

[1] «Архив». Т. III, стр. 325.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 429.
[4] Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 91. 9-е изд.
[5] Там же, стр. 6.

Уполномоченный Главлита № В — 96550.
Тираж 450 000 экз.
В 1 п. л. 63 000 зн. 3 бум. листа.
Изд. № 1019.

Редакция: А. Стецкий (редактор), В. Кнорин, П. Поспелов, Б. Таль

Материал сдан в набор 31/X-1934 г., подписан к печати 3/XI-1934 г. Заказ № 252.

Типография газ. „Правда" им. Сталина, Москва, ул. „Правды", 8.

КНИГИ
ОБ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

25. **ЯРОСЛАВСКИЙ Ем. Международное значение Октябрьской революции.** Соцэкгиз. 1934. 148 стр.

26. **ЯРОСЛАВСКИЙ Ем. Партия большевиков в 1917 году.** М.—Л. Гос. изд. 1927. 112 стр.

27. **ПОКРОВСКИЙ М. Н. Октябрьская революция.** Сборник статей 1917 — 1927. М. Комакадемия. 1929. 418 стр.

28. **ПОКРОВСКИЙ М. Н. Очерки по истории Октябрьской революции.** Работы исторического семинара Института красной профессуры. М.—Л. Гос. изд. Т. I — 518 стр. Т. II — 452 стр.

29. **РИД ДЖ. Десять дней, которые потрясли мир.** Перев. с английского А. И. Ромма. Ред. и подбор документов и материалов В. Л. Меллера. 3-е изд. Гиз. 1929. 376 стр.

30. **Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне.** Под ред. и с вступ. статьей А. К. Дрезена. Партиздат. 1932. 339 стр.

31. **Большевики в борьбе за Октябрь.** М. «Старый большевик». 1933. 200 стр.

32. **Большевизация Петроградского гарнизона.** Сборник материалов и документов. Ред. и вступ. статья А. К. Дрезена. «Лоиз». 1932. 437 стр.

33. **ВЛАДИМИРСКИЙ М. Октябрьские дни в Москве.** «Московский рабочий». 1927. 70 стр.

34. **ГРИШИН П. П. Меньшевики и Октябрьская революция.** М.—Л. Партиздат. 1932. 40 стр.

35. **ГУКОВСКИЙ А. И. Антанта и Октябрьская революция.** (Популярный очерк) М.—Л. Соцэкгиз. 1931. 158 стр.

36. **ЖУКОВ В. К. Черноморский флот в революции 1917—1918 гг.** (С предисл. Ф. Раскольникова). 2-е изд., дополн. М. Огиз. «Молодая гвардия». 1932. 288 стр. (История гражданской войны в воспоминаниях участников).

37. **КОРНАТОВСКИЙ И. Партия и Октябрьское восстание в Петрограде.** Под ред. О. Лидак. Ленинградский институт истории ВКП(б). Ленпартиздат. 1933. 136 стр.

38. **КОСТОМАРОВ Г.** (состав.) **Октябрь в Москве.** Материалы и документы. М.—Л. Соцэкгиз. 1932. 208 стр.

39. **КОСТОМАРОВ Г. Д. и МАЛАХОВСКИЙ Вл. Из истории Московской рабочей красной гвардии.** Материалы и документы. Истпарт МК ВКП(б). М. «Московский рабочий». 1930. 208 стр.

40. **КОСТОМАРОВ Г. От Красной гвардии к Красной армии в Москве.** М. Моспартиздат. 1933. 96 стр.

41. **ЛИДАК О. А. 1917 год. Очерк истории Октябрьской революции.** Партиздат. 1932. 148 стр.

42. **ЛУРЬЕ М. Л. В борьбе за большевистские советы (1917).** Партиздат. М.—Л. 1932. 155 стр.

43. **МОСКАЛЕВ М. Документы Октября.** М. Партиздат. 1932. 184 стр.

44. **Октябрь в Петрограде.** Сборник статей. Под ред. О. А. Лидак. Ленпартиздат. 1933. 388 стр.

45. **Архив Октябрьской революции.** 1917 год в документах и материалах. Под общ. ред. М. Ф. Владимирского, А. С. Енукидзе, М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева. Первый всероссийский с'езд. Соцэкгиз. 1931. 489 стр.

46. **Архив Октябрьской революции.** 1917 год в документах и материалах. Под ред. М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева. Всероссийское учредительное собрание. Гиз. 1930. 247 стр.

Цена 80 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1935 год

НА ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

„БОЛЬШЕВИК"

В целях обеспечения систематического получения „БОЛЬШЕВИКА" с 1 января 1935 г. необходимо возобновить подписку заблаговременно — НЕ ПОЗЖЕ 15 ДЕКАБРЯ.

По выходе из печати „БОЛЬШЕВИК" в первую очередь доставляется подписчикам.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1935 г.:

на 3 мес. — 2 р. 40 к.
на 6 мес. — 4 р. 80 к.
на 12 мес. — 9 р. 60 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ во всех почтовых отделениях, организаторами подписки „Союзпечати" на предприятиях и уполномоченными по партпечати в партгруппах.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

№ 21 15 ноября № 21

МОСКВА
Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“
1934

СПИСОК
КНИГ, ПОСТУПИВШИХ В РЕДАКЦИЮ „БОЛЬШЕВИКА"

ИМЭЛ

1. **ЛЕНИН. Сочинения.** 3-е изд. 1934. Т. I. 535 стр.

ПАРТИЗДАТ

1. **СТАЛИН И. Вопросы ленинизма.** 10-е изд. 1934. 783 стр. 4 р. в перепл.
2. **ВОРОШИЛОВ К. Статьи и речи от XVI до XVII с'езда ВКП(б).** 2-е дополненное изд. 207 стр. 2 р.
3. **ФРУНЗЕ М. В. Избранные произведения.** 1934. 598 стр. 6 р. в перепл.
4. **ЯРОСЛАВСКИЙ ЕМ. История ВКП(б).** Часть 2-я. 2-е изд. 1934. 341 стр. 2 р. 65 к. в перепл.
5. **ИНГУЛОВ С. Политграмота.** 3-е переработанное изд. 1934. 342 стр., 2 р. 75 к. в перепл.
6. **КАРПИНСКИЙ В. Борьба за социализм.** Беседы о политике партии и советской власти. 1934. 273 стр., 2 р. в перепл.
7. **К выборам в советы** (М. Калинин, В. Молотов, Д. Сулимов). 1934. 16 стр. 10 к.
8. **КИСЕЛЕВ А. С. Задачи выборов в советы.** 1934. 80 стр. 25 к.
9. **Социал-демократические листовки 1894—1917 гг.** Библиографический указатель. Т. II. Часть 1-я. 1934. 188 стр. 1 р. 75 к.

СОЦЭКГИЗ

1. **Страны Востока.** Экономический справочник. 1. Ближний Восток. 1934. 573 стр. 10 р. в перепл.
2. **История пролетариата СССР** (Институт истории Комакадемии). Сборник III. 248 стр. 4 р.
3. **Статистика** (Основы общей торговли). Московский институт народнохозяйственного учета ЦУНХУ СССР. 1934. 321 стр. 4 р. 20 к. в перепл.
4. **ПОЛЕТИКА Н. П.,** проф. **Подготовка империалистской войны 1914—1918 гг.** 1934. 81 стр. 65 к.
5. **ЛЕЙДЕР Г. Концентрация капитала в американской промышленности.** 1934. 358 стр. 5 р. 35 к. репл.
7. **ЯУТИХАРА ТАДАО. Формоза под властью японского империализма.** 1934. 162 стр. 2 р. 50 к.

ВОЕНГИЗ

1. **ЛЕМИН И. Пропаганда войны в Японии и Германии.** 1934. 170 стр. 2 р. 50 к. в перепл.
2. **ТУЛЬСКИЙ С. и ФЕДОРОВ М. Манчжурия — плацдарм для нападения на СССР.** 1934. 72 стр. 45 к.

ПРОФИЗДАТ

1. **Профсоюзная перепись 1932—1933 гг.** Вып. I. 1934. 259 стр. 4 р.

ГОСУД. ТЕХНИКО-ТЕОРЕТИЧ. ИЗД-ВО

1. **ГАЛИЛЕЙ ГАЛИЛЕО. Сочинения.** 1934. Т. I. 695 стр. 8 р. в переплете.

ИЗД-ВО ИНСТИТУТА НАРОДОВ СЕВЕРА ЦИК СССР

1. **МОРГАН ЛЬЮИС Г. Древнее общество.** Перевод с английского. 350 стр. 11 р. в перепл.

АКАДЕМИЯ

1. **Пушкин — критик.** 1934. 667 стр. 20 р. в перепл.
2. **ЧЕХОВ А. Мужики и другие** рассказы. 1934. 749 стр. 11 р. в переплете.
3. **ПРОСПЕР МЕРИМЕ.** 1934. Т. III. 644 стр. 10 р. в перепл.
4. **МАССИМО Д'АДЗЕЛИО. Этторе Фьерамоска или барлеттский турнир.** 1934. 468 стр. 7 р. в перепл.
5. **ТЕРЕНЦИЙ. Комедии.** 1934. 644 стр. 11 р.
6. **ФИРДАУСИ. Книга царей. Шахнамэ.** Избранные места. Перевод М. Лозинского. 157 стр. 8 р. в перепл.
7. **Книга тысячи и одной ночи.** 1934. Т. VI. 597 стр. 20 р. в перепл.
8. **БОМАРШЕ. Трилогия.** 435 стр. 14 р. в перепл.
9. **Звенья.** Сборник III—IV. 1934. 947 стр. 20 р. в перепл.

ГИХЛ

1. **ЩЕДРИН Н.** (М. Е. Салтыков). **Благонамеренные речи.** 1934. 578 стр. 7 р. в перепл.
2. **УСПЕНСКИЙ ГЛЕБ. Избранные рассказы.** 1934. 256 стр. 1 р. 40 к. в перепл.
3. **ЭГОН ЭРВИН КИШ. Разоблаченный Китай.** Перевод с немецкого. 1934. 156 стр. 3 р. в перепл.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

Политико-экономический
ДВУХНЕДЕЛЬНИК
ЦК ВКП(б)

XI ГОД ИЗДАНИЯ

№ 21 15 НОЯБРЯ 1934 г.

Адрес редакции:
Москва, ул. Горького, 48
Тел. 1-21-16. Кремль 3-90

СОДЕРЖАНИЕ

ВЫБОРЫ В СОВЕТЫ И ЗАДАЧИ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

За четыре года, прошедшие после VI с'езда советов, в международном и внутреннем положении СССР произошли крупнейшие изменения.

Социалистическое строительство развернулось невиданными темпами. Под руководством своего любимого и мудрого вождя товарища Сталина партия мобилизовала под знаменем развернутого наступления социализма по всему фронту десятки миллионов трудящихся. Под этим знаменем нами одержаны победы, имеющие всемирно-историческое значение.

За эти годы во всех капиталистических странах промышленность падала, и лишь в СССР она из года в год росла. Советский Союз продолжал планомерно осуществлять политику индустриализации: построил сотни и тысячи новых промышленных предприятий, освоил десятки и сотни новых производств, новых машин и станков, «страна наша стала прочно и окончательно — индустриальной страной» (Сталин).

Достаточно привести лишь несколько цифр, чтобы убедиться в гигантском росте, в огромной мощи нашей социалистической индустрии. Продукция крупной промышленности выросла с 27,5 миллиардов рублей в 1930 г. до 41,9 миллиардов рублей в 1933 г. В 1930 г. наша промышленность давала 13 000 т чугуна в сутки, а в 1934 г. суточная выплавка превысила 30 000 т. В сентябре СССР занял первое место в мире по выплавке чугуна. Вместо 9 000 тракторов, произведенных в 1929—30 г., мы сейчас выпускаем 90 000 тракторов в год.

На мощной базе индустриализации страны и технического перевооружения сельского хозяйства выросла окончательная и бесповоротная победа

колхозного строя. Уже к VI с'езду советов колхозный строй одержал решающие победы.

VI с'езд советов констатировал, что «колхозное крестьянство превратилось в основную и действительно мощную опору советской власти в деревне». С этой точки зрения утверждения некоторых «теоретиков», что «VII С'езд Советов есть первый С'езд Советов, собирающийся на основе победы колхозного строя»,— нельзя расценивать иначе, как отрицание всем известных исторических фактов, причем об'ективный смысл этого отрицания заключается в том, чтобы «задним числом» оправдать правооппортунистические оценки положения в деревне того времени.

Весьма и весьма полезно напомнить в связи с этим, что уже в своей исторический статье «Год великого перелома» (ноябрь 1929 г.) товарищ Сталин констатировал коренной перелом «в развитии нашего земледелия от мелкого и отсталого индивидуального хозяйства к крупному и передовому коллективному земледелию».

Годы, прошедшие от VI с'езда советов к VII, характерны дальнейшим гигантским ростом и укреплением колхозного строя и всего социалистического сектора сельского хозяйства. Пролетарское государство оказало трудящемуся крестьянству огромную помощь в перестройке сельского хозяйства на социалистических началах. С 1930 по 1933 гг. на организацию МТС было затрачено 2 миллиарда рублей, на кредиты колхозам — 1,6 миллиарда рублей, на семенную и продовольственную помощь — 262 миллиона пудов зерна, на льготы маломощным крестьянам по налогу и страхованию — 370 миллионов рублей и т. д. Нет ничего удивительного, что на этой основе гигантскими темпами росли колхозы, поднималось и крепло социалистическое хозяйство.

К VI с'езду советов было коллективизировано 8 830 000 крестьянских хозяйств, а в 1933 г. — около 16 миллионов.

В 1930 г. было лишь 158 МТС, а сейчас—3 500 МТС. Сотни тысяч тракторов, десятки тысяч автомобилей, комбайнов, сложных машин, произведенных нашими советскими заводами, дали партия и советская власть колхозам и совхозам. Десятки тысяч организаторов — передовых рабочих, политотдельцев — партия послала в колхозы, в совхозы на помощь трудящемуся крестьянству. Трактористов, комбайнеров, шоферов, штурвальных подготовлено по одной лишь системе Наркомзема свыше 2 млн. человек. Подготовлено и переподготовлено председателей и членов правлений колхозов, бригадиров, счетоводов свыше полутора миллионов человек!

Эти цифры говорят о гигантском размахе организационной работы партии в осуществлении социалистической перестройки сельского хозяйства, о строгой планомерности мероприятий партии и правительства в борьбе за организационно-хозяйственное укрепление колхозов. Социализм стал безраздельно господствующей и единственно командующей силой во всем народном хозяйстве СССР.

«Факты говорят, что наше советское крестьянство окончательно отчалило от берегов капитализма и пошло вперед в союзе с рабочим классом— к социализму. Факты говорят, что мы уже построили фундамент социалистического общества в СССР и нам остается лишь увенчать его надстрой-

ками, — дело, несомненно, более легкое, чем построение фундамента социалистического общества» (Сталин).

Миллиарды рублей партия и правительство затратили в эти годы на реконструкцию городов, на жилищное строительство, на мощное развитие культурно-бытовых учреждений (школы, клубы, санатории, больницы и т. д.). В результате изменился облик наших городов и деревень. В городах исчезли трущобы, и на их месте выросли вновь отстроенные рабочие кварталы. В деревне широко развивается строительство хозяйственных построек в колхозе, школ, больниц, клубов, театров и т. д.

Громадные хозяйственные победы обусловили мощный рост культурного уровня страны, коренное улучшение в материальном положении и во всем быту трудящихся.

С этими всемирно-историческими победами трудящиеся СССР приходят к VII с'езду советов. Эти победы — основа огромного укрепления международного значения нашей страны, роста Советского Союза как фактора борьбы за мир, против войны. Они — основа роста обороноспособности и несокрушимой мощи нашей великой родины.

Важнейшая задача всех партийных и советских организаций в избирательной кампании — по-деловому, убедительно, без трескотни показать десяткам миллионов советских избирателей наши достижения, воспитать у всех трудящихся сознание ответственности за дальнейшее укрепление пролетарской диктатуры, за мощь и обороноспособность пролетарского государства. Наши успехи завоеваны в упорной борьбе с классовыми врагами, с правыми и «левыми» оппортунистами. Надо показать миллионам трудящихся, как партия боролась за эти победы, какие огромные трудности были преодолены на этом пути. Это тем более важно, что кое-кто из бывших правых оппортунистов, «признавая» наши достижения, пытается, по сути дела, в завуалированной форме протаскивать утверждение, что к этим победам мы якобы могли придти с меньшими трудностями, с меньшими издержками.

Широко развернувшаяся избирательная кампания проходит в условиях гигантского под'ема активности десятков миллионов трудящихся. Тысячи фактов говорят об этом. Однако было бы совершенно неправильно думать, что громадные успехи социалистического строительства и мощный под'ем миллионов трудящихся в какой-либо степени освобождают партийные организации от обязанности напрячь все силы для успешного проведения избирательной кампании.

В выборах советов должны участвовать свыше 90 миллионов трудящихся. В прошлой избирательной кампании участвовало 61 миллион человек. Это значит, что около 30 млн. избирателей (из них 10 млн. молодежи, впервые выбирающих в советы) должны быть втянуты в активное участие в выборах в советы. Одни лишь эти цифры в достаточной степени подчеркивают огромную ответственность всех партийных и советских организаций за образцовое проведение избирательной кампании, за развертывание организационной и массовой раз'яснительной работы. Нельзя упускать из виду, что выборы в советы — лишь первая ступень и самая широкая форма вовлечения масс в государственное строительство.

Политически правильно организовать 90 миллионов советских избирателей можно лишь при том условии, если будут учтены конкретные запросы самых различных слоев трудящихся, их культурно-политический уровень, специфические условия данного района, производства и т. д. Это требует сугубо ответственного отношения к составлению отчетов советов, к подбору докладчиков, к разработке наказов, к обсуждению и выдвижению кандидатов в советы.

Многие забывают, что отчетный доклад совета — это не обычный пропагандистский доклад. Советы — выборные органы пролетарской власти — отчитываются, а трудящиеся их проверяют. Это особенно важно подчеркнуть в связи с тем, что с мест поступает немало сведений о совершенно нетерпимом бюрократическом отношении некоторых горе-руководителей к критике избирателями на отчетных собраниях недостатков в работе советов. Эти горе-руководители хотели бы провести важнейшую политическую кампанию, самую массовую кампанию, без особых хлопот и забот, между делом, в «административном порядке». В этом отношении сказывается не только совершенно нетерпимое игнорирование большевистской самокритики, но и грубое непонимание элементарных основ советской демократии.

Совет, отчитываясь перед избирателями, обязан честно рассказать рабочим, колхозникам, служащим не только о своих достижениях, но и о недостатках. На устранении недостатков он должен концентрировать наибольшее внимание. Выборы в условиях пролетарской диктатуры ничего общего не имеют с выборами в буржуазных государствах. Роль избирателя у нас не исчерпывается тем, что он проголосует за того или иного кандидата в совет. В условиях пролетарской диктатуры, в условиях самой широкой, развернутой, действительной, а не формальной демократии каждому трудящемуся на деле обеспечена возможность участвовать в управлении государством. Советский избиратель несет ответственность за работу своего депутата, своего совета и всех его органов. Это значит, что на отчетных и выборных собраниях должна быть развернута большевистская самокритика всех недостатков в работе советов, в работе депутатов. Таким путем поднимаются десятки миллионов трудящихся к пониманию общегосударственных задач и мобилизуется их активность на укрепление органов диктатуры пролетариата. Без развертывания самокритики нельзя изгнать из советов чуждых людей, бюрократов, перерожденцев, нельзя мобилизовать огромные, еще неиспользованные резервы, нельзя, наконец, обеспечить стопроцентное участие трудящихся в выборах советов.

«Когда мы идем с отчетом к избирателю, мы идем к нему, как к законодателю, как к источнику власти; это не то, что заслушали какой-нибудь общий доклад и этот общий доклад покритиковали. Отчет совета надо так критиковать и так развернуть прения по этому отчету, чтобы были даны практические указания для исправления недочетов и программ на будущее» (Каганович).

Сообщения с мест свидетельствуют о крайне безответственном отношении многих партийных и советских организаций к отчетной кампании советов, к составлению наказов вновь избранным советам. В газетах были

приведены прямо анекдотические факты, когда кое-где при составлении проектов наказов механически переписывались наказы к прошлым выборам. Наказ — это деловая программа будущей работы совета. Совершенно нетерпимо, когда составлению наказа местные партийные организации не уделяют внимания. Очень часто в наказ механически всключаются, без разбора, без критики, все предложения избирателей. Это — проявление беспринципности и хвостизма. Кое-где местные партийные организации забывают, что они отвечают не только за правильность политической линии совета, но и за всю его деловую работу.

Повседневные конкретные нужды трудящихся надо уметь связать с величайшими перспективами нашего строительства. Запросы и потребности рабочих, колхозников и служащих значительно выросли. Надо суметь об'яснить каждому трудящемуся, даже самому отсталому, что несмотря на наши гигантские успехи и достижения мы еще не можем полностью удовлетворить все запросы и потребности. Понятное раз'яснение, почему то или иное невыполнимое предложение не следует включать в наказ, имеет исключительное значение для политического воспитания миллионов трудящихся. Далеко не всем трудящимся уже ясны до конца пути преодоления трудностей нашего дальнейшего роста. Их впереди немало. Мы все еще живем в капиталистическом окружении. Внутри страны классовые враги разгромлены, но еще не добиты. Во время избирательной кампании неизбежны отдельные вылазки антисоветских элементов. Именно поэтому особое внимание партийные организации, все коммунисты должны уделить терпеливому и принципиальному раз'яснению возможных ошибочных выступлений отдельных отсталых избирателей и дать жестокий отпор вылазкам классового врага.

Каким должен быть наказ? «Он должен быть таким, чтобы избиратели **по существу** обсуждали результаты прошлой деятельности, практически выявляли недочеты и намечали план будущей деятельности...

Все искусство большевиков, все искусство партии и политических руководителей должно заключаться в том, чтобы соединить вопросы строительства бани и прачечной с основными вопросами нашей политики, с основной линией нашей партии» (**Каганович**).

Высокий идейный уровень раз'яснительной работы и сугубо чуткое и деловое отношение к составлению наказов, ко всем предложениям избирателей помогут поднять сознание миллионов трудящихся до уровня великих задач, стоящих перед нами, обеспечат укрепление советов как органов диктатуры пролетариата.

Особую роль в развертывании самокритики вокруг отчетов советов и составления наказов, во всей раз'яснительной работе должна сыграть наша **печать**. Многие газеты еще далеко не поняли, какая ответственность ложится на них за освещение избирательной кампании. В значительной степени этим следует об'яснить крупнейшие недостатки и ошибки в работе многих избирательных комиссий на местах. Это относится и к некоторым центральным газетам, все еще недостаточно освещающим избирательную кампанию, а иногда допускающим политически ошибочные формулировки.

Нашей печати пора всерьез заняться освещением избирательной кампании, всем партийным и советским организациям необходимо усилить руко-

водство избирательными комиссиями, необходимо серьезно заняться «мелочами» организационной техники выборов в советы, тщательно проверить состав избирательных комиссий и т. д.

Постановление Центральной Избирательной Комиссии ЦИК Союза ССР о продлении выборов в сельсоветы до 10 декабря и в городские советы — до 15 декабря, в связи с отставанием в подготовке и ходе избирательной кампании по отдельным республикам и областям, должно привлечь внимание всех партийных и советских организаций.

Слабое руководство партийных организаций избирательной кампанией в ряде областей и краев сказывается также в недопустимом отношении к подбору кандидатов в советы. Нередки случаи, когда местные партийные организации выдвигают на выборных собраниях неавторитетных людей, а отводы со стороны избирателей об'являются чуть ли не антисоветскими выступлениями.

Весьма своевременно в связи с этим напомнить постановление об'единенного пленума МК и МГК ВКП(б) о выборах в советы, которое предлагает «добиваться избрания коммунистов и лучших ударников — беспартийных рабочих, колхозников, трудящихся женщин, бойцов Красной Армии, работников науки и техники, проверенных, преданных делу партии, активных людей, которые действительно проявили и могут себя проявить на работе, и с любовью, по-деловому будут относиться к обязанностям депутатов». Но лишь люди, забывающие существо советов как органов пролетарской диктатуры на всех этапах революции после Октября, могут выступать с утверждениями, что «громадная перестановка и переделка основных классовых — и притом массовых сил — влечет за собой и изменение состава массовых организаций власти, т. е. советов». Такого рода утверждения ставят по существу вопрос об изменении социального состава советов, их существа, что является чудовищной оппортунистической путаницей.

Огромный под'ем социалистического строительства в городе и деревне привел к невиданному политическому росту миллионов трудящихся. Сотни тысяч передовых ударников и ударниц на предприятиях и в колхозах, рабоче-крестьянская молодежь, воспитанная партией и советской властью, прекрасные кадры советской интеллигенции, беззаветно преданные нашей партии и рабочему классу, — вот они, знатные люди Советского Союза, которых мы должны смело выдвигать в советы. За их счет должен умножиться многомиллионный советский актив в секциях и депутатских группах на предприятиях, в совхозах и в колхозах.

За последние годы многие партийные организации на местах уделяли советам недостаточное внимание. Известно, что несколько лет назад отдельными товарищами развивалась оппортунистическая «теория» об отмирании сельсоветов, а в связи с конкретно поставленной задачей построения бесклассового, социалистического общества иные горе-теоретики вкривь и вкось толковали об отмирании органов пролетарской диктатуры.

Партия в пух и прах разбила эти оппортунистические теории. Но на практике многие местные партийные организации стоят в стороне от сельсоветов. В результате далеко не редки случаи, когда в сельсоветах было

очень слабо влияние колхозников, в них преобладали единоличники. Такие сельсоветы, естественно, не могут бороться за завершение коллективизации. Эти сельсоветы пытались за счет колхозников и во вред колхозам ставить единоличника в более благоприятные условия в отношении землепользования, налогового обложения и т. д. (Мордовия, Башкирия). Политический вред такой, с позволения сказать, политики не требует особых доказательств. Под защитой таких сельсоветов кое-где единоличники уклоняются от ряда важнейших общественных обязанностей — от помощи школе, участия в дорожном строительстве и т. д.

Люди забыли указание товарища Сталина на январском (1933 г.) пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), что дело не только в советах как в форме организации, дело прежде всего в содержании работы советов, дело в характере работы советов, дело в том, кто именно руководит советами.

С организацией колхозов задачи сельсоветов не только не уменьшились, но значительно возросли. Новые культурно-бытовые запросы колхозников пред'являют к сельсоветам большие требования в отношении школьного строительства, лучшей постановки здравоохранения, дорожного строительства и т. д. В связи с этим деятельность сельсоветов становится все более и более разносторонней и сложной. Главное сейчас — в организации людей, в организации работы. Задачи, стоящие перед нами в области дальнейшей перестройки сельского хозяйства, требуют еще более упорной и систематической борьбы за укрепление всех сельсоветов, за улучшение всей советской работы. Задача заключается в том, чтобы еще в большей степени повернуть сельсоветы лицом к колхозу, к коллективизации.

Все это необходимо учесть в текущей избирательной кампании. Остатки недобитых классово враждебных элементов, несомненно, кое-где попытаются использовать избирательную кампанию, чтобы повлиять на недостаточно сознательные и колеблющиеся слои трудящихся, чтобы проникнуть во вновь избранные советы. Это налагает огромную ответственность на все партийные организации, на каждого коммуниста в отдельности.

О ВНУТРИПАРТИЙНОЙ РАБОТЕ И ОТДЕЛАХ РУКОВОДЯЩИХ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ*

Л. М. Каганович

Место отделов руководящих парторганов в партийном аппарате

I

Отделы руководящих партийных органов — новые отделы в партийном аппарате. Они созданы решением XVII с'езда партии.

Всякая перестройка аппарата, давая огромные плюсы в работе, сопряжена и с накладными расходами. Пока идет эта перестройка, пока люди осваивают свои новые функции, проходит время и в работе получается заминка. Наша задача — свести к минимуму эту заминку. Нужно, чтобы отделы руководящих парторганов быстрее освоили свои функции. А до сего времени они не развернули по-настоящему работы. Из ряда выступлений на вашем совещании видно, что на местах еще нет полной ясности в вопросе о функциях отделов руководящих партийных органов, об отличии их от прежних оргинстров и нынешних производственно-отраслевых отделов обкомов — крайкомов.

База отделов руководящих парторганов более узкая чем у бывших оргинстров. Оргинстры занимались организацией всех и вся. Они должны были проводить «безбрежный», всеоб'емлющий инструктаж всех партийных организаций. Свыше ста тысяч первичных партийных организаций, или, как тогда назывались, ячеек — промышленных, сельскохозяйственных, красноармейских, учрежденских, вузовских, — всеми ими должен был заниматься оргинстр. Это — функциональная система построения аппарата. Она была целесообразна и необходима в первоначальный, организационный период, когда организационная работа была попроще, когда можно было еще обходиться общими организационными положениями, инструкциями и пр. Но потом работа все более усложнялась, потребовалась большая диференциация в работе. Один отдел не в силах был обслужить все виды парторганизаций.

XVII с'езд партии установил такую структуру партийного аппарата, при котором парторганизациями промышленных предприятий занимается промышленный отдел, парторганизациями совхозов, колхозов — сельскохозяйственный отдел, парторганизациями транспорта — транспортный отдел и так далее. Эти производственно-отраслевые отделы партийных комитетов должны сочетать руководство хозяйственной и партийной работой, занимаясь в первую очередь партийной работой под углом тех хозяйственных задач, которые стоят перед той или другой парторганизацией.

Но кроме первичных парторганизаций заводов, колхозов, учреждений, станций и т. п. имеются руководящие ими территориальные органы — райкомы, горкомы, обкомы, а также политотделы, которые, как указал XVII партс'езд, будут по мере выполнения своих ударных задач превращаться в обычные партийные органы, построенные по производственно-территориальному признаку. Райкомов и горкомов по Советскому Союзу около трех ты-

* Речь на совещании заведующих отделами руководящих партийных органов 3 сентября 1934 г. Дается по сокращенной и переработанной стенограмме.

сяч. Нужно руководить ими, контролировать их работу. Для помощи обкомам, крайкомам ЦК в оперативном руководстве райкомами и горкомами созданы отделы руководящих партийных органов.

Помогая контролировать работу райкомов и горкомов, отделы руководящих парторганов тем самым помогают обкомам, крайкомам проверять работу и их производственных отделов. Этим смущаться не надо. Взаимоконтроль есть первое условие нормальной работы. Плоха та система организации, в которой каждая клеточка не связана с другой, существует изолированно. Жизнь контролирует нас, когда бьет за плохую работу. Но задачи руководства заключаются в том, чтобы заблаговременно предупредить прорывы, исправить недостатки.

Приведу условный пример, хотя бы по взаимоконтролю Отдела руководящих парторганов и Транспортного отдела. Допустим к примеру, как это мы вчера разбирали на Оргбюро, что Транспортный отдел проморгал бюрократическую мобилизацию, проведенную НКПС при посылке паровозных бригад и в частности машинистов на места, когда коммунистов вызывали в Москву якобы для посылки на учебу, а на самом деле предлагали в 48 часов выехать работать на другую дорогу. Допустим, транспортный отдел проморгал этот вопрос (на деле он действительно несколько запоздал с постановкой вопроса, что мы и отметили на Оргбюро). Тогда отдел руководящих парторганов должен был (на деле этого не случилось), проверяя работу Московского комитета партии, читая его протоколы, следя за его работой, обнаружить, что МК по сигнализации местных парторганизаций занимался этим вопросом, вызывал начальника политотдела Московско-Белорусско-Балтийской железной дороги тов. Воропаева, об'явил ряду работников выговор за бюрократическое проведение посылки рабочих на места. Обнаружив этот факт, отдел руководящих парторганов сигнализирует секретарям ЦК: НКПС было допущено такое-то безобразие, транспортный отдел проморгал этот вопрос, а мы, проверяя работу московской организации, вскрыли это дело. В этом и будет заключаться контроль отдела руководящих парторганов над производственно-отраслевым отделом ЦК.

Или возьмем другой пример контроля производственно-отраслевого отдела над отделом руководящих парторганов. Предположим, промышленный отдел, расследуя какие-либо безобразия на предприятиях, например перебои со снабжением, задержки в выплате заработной платы, плохую работу ОРС и т. п., обнаружил, что местный райком или горком плохо руководит данным предприятием, проморгал крупнейшие безобразия. А когда Промышленный отдел спросил Отдел руководящих парторганов, знает ли он, что такой-то райком плохо работает, допустил крупнейшие безобразия, то оказывается, что Отдел руководящих парторганов прошел мимо этих фактов. Так может Производственно-отраслевой отдел в свою очередь контролировать Отдел руководящих парторганов.

II

Вот как правильно должно быть поставлено дело. Наша партия руководит крупнейшей страной. Наше социалистическое государство строит свою работу на развертывании самокритики, на глубоком контроле внутри самого советского аппарата, внутри партии. Вот почему мы имеем Комиссию партийного контроля, Комиссию советского контроля. Вот почему и профсоюзы перестраивают под руководством партии свою работу в сторону усиления массового контроля. Вот почему и внутри партийного аппарата мы должны взаимно контролировать друг друга, сообща помогать друг другу устранять наши недостатки. А в наших аппаратах еще много бюрократизма, неповоротливости, неуменья работать.

В процессе работы, в процессе борьбы за первую и вторую пятилетку гигантски выросли новые кадры работников, выросли и наши партийные работники. Нельзя сравнить партработника теперешнего и прежнего. Если раньше партработник был преимущественно агитатором, то теперь он знает хорошо производство, прошел богатую школу хозяйственной деятельности, кругозор стал у него шире, он стал государственным деятелем. Но при этом общем росте наших руководящих партийных кадров могут быть срывы на отдельных участках, срывы тем более опасные, чем сложнее и шире круг деятельности партработников. Тем острее, тем настоятельнее стоит вопрос о контроле и взаимоконтроле.

Какие требования пред'являются к отделам руководящих парторганов в первую очередь? Внимательно изучать и хорошо знать состояние каждой районной и городской парторганизации, работу каждого райкома и горкома, а для отдела руководящих парторганов ЦК ВКП(б) — обкома и крайкома. Изучать и знать кадры городских и районных работников. Во-время ставить перед партийными комитетами вопросы о недостатках в работе той или иной парторганизации, того или иного работника.

Даже хороший работник, если его систематически не контролировать, не критиковать его недостатки, время от времени не «протирать тряпочкой от пыли, на него садящейся», может испортиться, «заплесневеть». Чтобы не губить работника, надо его во-время предупреждать о его недостатках.

Районные работники работают много. Никто не может упрекнуть районщиков, что они работают мало. Но часто районных работников захлестывает текучка. Утром получит одно задание, днем телеграмму по другому вопросу, к вечеру возникает еще ряд новых вопросов. Он, бедняга, мечется от одного вопроса к другому, упуская порой основное. Он не успевает продумать, а из-за этого часто теряет перспективу в работе. Если во-время притти к такому работнику и об'яснить, что здесь ты проморгал то-то, что надо поступить так-то и не просто выругать и приказать ему, а об'яснить, расширить его кругозор, то это значит спасти и работу и человека, это значит поднять работника на ступеньку выше.

Нужны не сенсации, не только эпизодические наскоки на ту или иную партийную организацию, а органическая, повседневная, черновая кропотливая работа партийного аппарата. Нужно, чтобы был аппарат, который будет систематически читать «скучные» протоколы, который, прочитав 100 вопросов, пропустит 90 или даже 98 как правильные, но два вопроса, положим, зацепит как неправильные и скажет об этом ЦК партии (или, соответственно, своему обкому — крайкому). Этим одним такой отдел оправдывает свое существование как аппарат, который колесиками своего механизма зацепляет все негодное, хорошее поддерживает, а негодному не дает хода.

Для чего это нам нужно? Это нас гарантирует от того, чтобы мы не спохватывались слишком поздно по поводу той или иной парторганизации. Напомню пример пензенской организации. Хвалили ее кругом, работники крайкома ездили в Пензу, но ездили наскоком, не обнаруживали зародышей недостатков. И вскрыли недостатки только тогда, когда выперло уже явное разложение части руководящего актива. Если бы отдел руководящих парторганов Средневолжского крайкома не «вообще» знал работу Пензенского горкома, а тщательно ее изучал, читал внимательно каждый документ, то он своевременно сигнализировал бы крайкому о первых признаках разложения, которые потом выросли в вопиющие факты.

Отдел должен был притти к секретарям крайкома и сказать: некоторые краевые работники хвалят Пензенский горком, у него действительно есть достижения, но обратите внимание, что у него есть признаки самоуспокоенности, семейственности и круговой поруки, нелюбви к самокритике. И если бы во-время обратили на это внимание, с'ездили бы в Пензу, глубже изу-

чили дело, исправили бы недостатки в самом их зародыше, то не надо было бы прибегать к таким крупным мерам, не надо было бы так сильно критиковать пензенскую парторганизацию и наказывать тов. Ильина, который был в свое время неплохим работником.

Товарищ Сталин систематически учит нас тому, что партия не может строить свою работу на основе слепого доверия, без проверки и без самокритики. Любой человек, будь он семи пядей во лбу, будь он самым замечательным человеком, если вы его поставите в условия полной бесконтрольности, слепо доверяя ему, поставите в условия систематических похвал и отсутствия критики, он испортится, зазнается, неизбежно скатится вниз. Нет идеальных людей, людей без недостатков. Мы критикуем не только плохих работников, мы критикуем и хороших работников за их недостатки и тем подтягиваем их на ступеньку выше, предостерегаем их от скатывания вниз.

III

Партия требует от отделов руководящих парторганов тщательного изучения и глубокого знания районного и городского актива. Это касается в первую очередь отделов крайкомов и обкомов. Отдел руководящих парторганов ЦК должен знать районный актив через отделы руководящих парторганов райкомов и обкомов. Мы вправе устроить экзамен здесь присутствующим — дайте характеристику каждому секретарю райкома вашего края или области. И не только секретарю, но 10—15 руководящим работникам этого района. И я опасаюсь, что в результате такого экзамена выявится весьма неутешительная картина.

Булатов. По пятибальной системе на 2, пожалуй, вытянут!

Каганович. Я допускаю, что не на два, а на три с минусом вытянут. Но мы ведь руководим не в среднем. Если даже в 1 или 2 районах вскрыт гнойник, разложение, то обком не может успокаиваться средними цифрами, а должен краснеть и отвечать за свои недостатки, вскрытые в 1—2 районах, должен скорее исправить их, стремиться не допускать их в дальнейшем.

Нужно добиться, чтобы отдел руководящих парторганов знал в каждом районе своего края или области по 10—15 работников, знал не только по анкетам и личным делам (и их нужно внимательно изучать), но и по работе, на основе личных бесед, проверки на месте.

Отделы руководящих парторганов должны знать не только районных работников, но и работников политотделов. XVII партс'езд поручил ЦК «в связи с образованием новых экономических центров вокруг МТС, создавать новые самостоятельные районы или в менее мощных центрах МТС подрайоны, а политотделы МТС по мере необходимости преобразовывать в райкомы или подрайкомы». Политотдельские работники сейчас, как члены бюро райкомов, а в будущем как работники райкомов и подрайкомов являются основными кадрами наших отделов руководящих парторганов.

Сейчас повсюду слышишь жалобы — нет работников. Раньше, когда у нас были губернии и уезды, то уезды подготовляли кадры для губерний. Теперь уездные и окружные работники распылились по более чем 2½ тысячам районов. Люди есть, но их плохо изучают, мало выдвигают, считая порой, что слишком большой скачок из района в область или край. Это неверно. Товарищ Сталин учит нас смелее выдвигать людей, хорошо проявивших себя на практической работе. Нужно помочь партии выдвигать лучших людей, поддерживать их в работе. Это—великое дело. Но выдвигать или поддерживать можно только на основе хорошего знания этих работников.

Необходимо к районам и районным работникам проявлять особую внимательность, не подходить легковесно, по шаблону, «рубить сплеча». Есть такие районы, которые находятся за сотни километров от своего краевого или областного центра, а от ЦК еще дальше. Работает районщик в таком районе год — два и больше. Работает в общем неплохо. При плохом практическом руководстве районами и незнании их работников, пока работа идет гладко, районного работника зачастую не замечают. Случится заминка в каком-нибудь вопросе, приедет обследователь из края, распишет недостатки — и вся прежняя работа идет насмарку. Вот в таких условиях и считают некоторые районные работники недели и месяцы своей работы. Прошел год — другой, ну, надо «смываться» из района по-добру, по-здорову, пускай другой на этом месте посидит, а то как бы не «вылететь с треском».

Если видишь, что работник честный, работает добросовестно, но у него случился прорыв или ошибка, надо бить, критиковать, но одновременно нужно помочь исправить ошибку, помочь подняться на ноги. Такой конкретный, индивидуальный, товарищеский подход возможен только на основе хорошего знания работников, внимательного систематического изучения их работы. Нужно, чтобы работник знал, что любая его ошибка, отклонение от линии партии не пройдут безнаказанно, но в то же время районщик должен быть уверен, что его работу знают, ценят, что если он работает честно, хорошо, то случайная ошибка или провал не зачеркнут его прошлой работы, не приведут к неожиданной его катастрофе.

Зная досконально каждый район, отделы руководящих парторганов смогут помогать и производственным отделам ставить работу по-настоящему и, главное, оперативно. Надо признать, что сейчас многие производственные отделы несколько односторонне ведут свою работу, больше внимания уделяют хозяйственным вопросам, а вопросы партийной жизни, внутрипартийного строительства у них остаются в стороне. Своей работой отделы руководящих парторганов должны помогать крайкомам и обкомам исправлять эту однобокость, эти недостатки в работе производственных отделов.

Нельзя ни на минуту забывать, что в центре работы партийного аппарата должны быть вопросы партийной работы. Ведь по всем другим вопросам ведет работу советский, кооперативный, профсоюзный аппарат. А партийной работой никто, кроме партийных комитетов, не занимается. За состояние партийной работы партийный аппарат отвечает непосредственно, если так можно выразиться, юридически. С другой стороны, какую бы отрасль работы ни взять, — будь то капитальное строительство, сев, заготовки, школьное дело и т. п.,—вся эта работа проводится живыми людьми и коммунистами как передовиками, как авангардом в первую очередь. Без коммунистов, без их партийной организации никакого дела не сдвинешь, не разрешишь. Партийный аппарат должен подходить к разрешению государственных и хозяйственных вопросов прежде всего через развертывание работы среди членов партии, путем организации коммунистов и беспартийного актива на выполнение тех или других задач.

Если вы просмотрите протоколы наших обкомов и крайкомов, то убедитесь, что непосредственные практические вопросы работы того или иного райкома почти не ставятся и вообще слишком мало разбираются чисто партийно-организационные вопросы. «Скучновато» как будто заниматься этими будничными вопросами. И только тогда, когда начинает «пахнуть жареным», когда район попадает в прорыв, тогда все начинают заниматься этим районом. Такое положение свидетельствует, что отделы руководящих парторганов не ведут еще как следует органической работы и не проявляют настойчивости в постановке своих вопросов на бюро. Если отдел руководящих парторганов выявил тот или другой важный, острый вопрос внутрипартийной работы, он должен проявить настойчивость и добиться разрешения

этого вопроса обкомом или крайкомом. Я не призываю к воинственности против секретарей обкомов (Смех), я сам секретарь обкома, но дело в том, что каждый поставленный на свое дело должен любить его, уметь добиваться разрешения своих вопросов.

Возьмем к примеру учет членов партии. Без точного учета членов партии не может быть правильной работы парторганизации. Сейчас этот учет поставлен безобразно. Вступая в партию, коммунист заполняет одну анкету, при постановке на учет — другую, из них одна хранится в райкоме, другая — на заводе. Все эти документы валяются в безобразном состоянии, начиная с завода и кончая райкомом партии. Если на заводе имеется тысяча членов партии, то, чтобы как следует следить за карточками, во-время их переставлять, нужен штат из 1—2 человек. Не дашь такого штата — будет кавардак с учетом. Оно теперь так и есть: по статистике показывают одно число членов партии, а начнешь проверять, налицо совсем другое. Поэтому на последнем заседании Оргбюро мы решили децентрализовать учет по цеховым парторганизациям, упростить формы учета, но уже те, которые остаются, спрашивать крепко.

Неналаженность партийного учета — стыд и позор для партийного аппарата. Мы строго спрашиваем с хозяйственника за неточный учет материалов на заводе, брака продукции и т. п. Мы зовем его в Комиссию партконтроля в случае несовпадения учетных данных с наличностью. Что же сказать о таком партийном аппарате, который не может точно учесть своих членов партии? Ведь это живые люди — передовики!

У партийного аппарата много работы, много функций. Но за учет членов партии он отвечает в первую очередь, отвечает юридически. За неправильный учет надо привлекать к суровой ответственности.

Нельзя ограничиваться одним бумажным учетом. Надо не забывать, что за учетной карточкой стоит живой человек, коммунист. На одном из последних заседаний в ЦК один из парторгов участка пути железнодорожного транспорта рассказал, что по учету и протоколам, которые он получил от прежнего секретаря ячейки, один из коммунистов числился безнадежным хулиганом, пьяницей, подлежащим безусловному исключению из партии. А когда вновь назначенный парторг поработал над перевоспитанием этого коммуниста, поговорил и не раз-другой с ним по-душам, то удалось втянуть его в работу, и теперь этот, ранее считавшийся безнадежным, товарищ является передовым ударником на производстве и активным общественником. Я привожу этот пример для того, чтобы показать, что большевик—партийный работник—должен **сочетать четкость** в технике своей работы с **чуткостью и товарищеским подходом** к коммунистам и беспартийным трудящимся.

Вот примерно то, что требуется от отделов руководящих парторганов. **Главная задача отделов — быть помощником секретарей обкомов — крайкомов по оперативному руководству горкомами и райкомами, своевременно указывать, где плохо, что надо исправить, или вытягивать хорошо работающие райкомы как образцы.**

Об инструкторах райкомов и обкомов

Разрешите прежде всего сказать несколько слов о работе инструкторов обкомов и райкомов. Инструктора после XVII с'езда партии должны стать важнейшим звеном, если так можно выразиться, центральной фигурой партийного аппарата. Должны стать, но еще далеко не стали. И это не потому, что работники слабы, а главным образом потому, что не нашли еще себе места — своей «полочки», как следует не освоили своих функций.

В работе большинства инструкторов преобладает еще текучка, стихия их захлестывает и превращает ряд инструкторов в толкачей и ходатаев предприятий и колхозов по хозяйственным вопросам перед районными и областными органами.

Многие инструктора не определили еще своей роли в аппарате — то ли они контролеры, то ли консультанты, то ли составители записок и «сигнализаторы». Инструктор еще не выделяет главные звенья в своей работе: какое предприятие у него ведущее, за что надо ухватиться на каждом предприятии.

Между тем роль инструкторов особенно велика и ответственна. Все мы знаем цену решениям, записанным на бумаге, если нет людей, которые продвигают и контролируют выполнение этих решений. **Инструктора должны быть бойцами за выполнение решений партийных комитетов, они должны быть связующим звеном между первичными парторганизациями и райкомами—горкомами.** Инструктор должен уметь приковывать внимание руководителей партийной организации к поставленным им вопросам. У всех нас уйма работы, всем некогда, многих засасывает текучка, но инструктор должен так ставить вопросы своих первичных парторганизаций, чтобы приковать внимание секретаря и бюро партийного комитета к действительно острым и важным вопросам.

Нужно завести порядок, чтобы не реже раза в шестидневку секретарь партийного комитета или его заместитель созывали небольшое летучее совещание инструкторов, на котором разрешались бы текущие оперативные вопросы. Нужно предоставить право инструктору раз в один — два дня поговорить хотя бы несколько минут с секретарем обкома, горкома и поставить перед ним наиболее острые вопросы. Нужно предоставить инструкторам возможность посещать все бюро и пленумы райкомов (или, соответственно, обкомов). Если инструктор видит, что его правильные сигнализации не находят отклика в его партийном комитете, он может поставить этот вопрос в вышестоящем партийном комитете вплоть до ЦК ВКП(б).

Нужно тщательно подбирать инструкторов, устранять всякую случайность и небрежность в подборе, не допускать текучести инструкторского состава. Инструктора райкомов и горкомов должны утверждаться бюро обкомов — крайкомов. Отдел руководящих парторганов ЦК ВКП(б) должен завести учет всех инструкторов райкомов и обкомов, отводить тех, кто не может соответствовать своему назначению, и вместе с тем представлять ЦК на выдвижение инструкторов, которые длительное время работают и проявляли себя хорошо на работе. Инструктор должен быть уверен, что если он 2—3 года проработает у себя в районе и поработает хорошо, то он имеет перспективу на дальнейшее выдвижение, а для этого его надо знать.

Одновременно необходимо организовать в районах повышение квалификации инструкторов, их учебу в семинарах и кружках повышенного типа, улучшить материальное положение инструкторов. Мы должны помнить, что 10—15 тысяч инструкторов составляют основной костяк партийного аппарата, и поэтому забота об инструкторах, руководство ими является первейшей обязанностью каждого партийного руководителя.

Основной задачей инструкторов райкомов и горкомов должна быть надлежащая постановка в первичных парторганизациях организационно-партийной и идейно-политической работы. В центре внимания инструктора должен быть член партии, его идейное вооружение и повышение его авангардной роли на производстве и в общественно-политической жизни. Инструктор должен внимательно относиться к таким вопросам, как рост партийной организации, постановка учета коммунистов, практика наложения партийных взысканий, обеспечивая внимательное, чуткое отношение со стороны

партийных организаций к каждому отдельному члену партии. Инструктор должен знать не только партийный, но и беспартийный актив обслуживаемых им предприятий, участвовать в подборе, расстановке и выдвижении кадров, работать над созданием резерва работников.

Инструктор является ответственным представителем партийного комитета в парторганизациях, к которым он прикреплен, и отвечает наряду с парткомами за постановку в них партийной работы. Он должен обеспечить повседневный контроль за выполнением постановлений ЦК и местных парторганов.

Инструктор обязан быстро реагировать на все вопросы и сигналы коммунистов, рабочих и колхозников, смело вскрывать недочеты работы всех организаций, не допуская смазывания или прикрытия недостатков, и принимать вместе с партийными организациями необходимые меры к их устранению.

Основной метод работы инструктора — живая связь с парторганизациями. Не менее двух третей своего времени инструктор должен проводить в первичных парторганизациях. И здесь инструктор должен избегать двух крайностей: первая — превратиться в агента первичных парторганизаций, в толкача преимущественно по хозяйственным вопросам перед районными или областными органами и вторая — подменить секретаря первичной парторганизации, связать его инициативу, превратить его вроде как в своего помощника, порученца.

Инструктор должен концентрировать свое внимание на узловых вопросах партийной работы, обеспечить в первую очередь обслуживание важнейших участков, подтягивание отстающих парторганизаций, не гастролируя и не стремясь охватить одновременно все парторганизации «вообще».

Ошибочны попытки некоторых инструкторов разрешать все вопросы своими силами. Инструктора должны действовать через парторганизации и приводить в движение аппараты советских, хозяйственных, кооперативных, профессиональных, комсомольских организаций, стремясь подойти к разрешению хозяйственно-политических вопросов путем политической мобилизации масс и организации коммунистов, комсомольцев и беспартийных рабочих и колхозников.

Основное в работе партийного аппарата — организация и под'ем идейного уровня членов партии

I

Некоторые работники не поняли существа перестройки работы парторганизаций, установленной XVII с'ездом, не поняли, что центром этой перестройки является член партии, его идейное вооружение, его политический рост. XVII с'езд партии упростил организационную структуру партийных организаций, в частности ликвидировал отделы в парткомах, бюро цеховых ячеек и т. п. именно для того, чтобы уничтожить лишние нагромождения между членом партии и партийным комитетом, нагромождения, мешавшие партийному комитету непосредственно, чутко и гибко обслуживать каждого члена партии.

При проведении перестройки после с'езда в некоторых организациях извратили основную суть решений с'езда, ограничились изменениями формы, а то и просто переменой вывесок, не перестраивая работы по существу. С одной стороны, штампы, с другой — оригинальничанье, погоня за новыми организационными формами в ущерб содержанию — таковы основные недостатки в работе ряда партийных организаций. В том и другом случае выхолащивается существо партийной работы — идейная закалка, мобилизация на боевые задачи членов партии.

После с'езда партии мы заслушивали несколько раз в ЦК вопросы партийной перестройки. И выяснилось, что во многих местах перестройка проходит формально. Не стали созывать заседания бюро цеховых ячеек — завели дневники цеховых парторганизаций. Если нет дневников, то завели «политнаряды» (Смех) или издали толстенную книгу нагрузок коммунистов по сто граф на каждого члена партии. И, бедняга — низовой партработник — превращается из политического организатора в статистика, сидит и записывает нагрузки и перегрузки (Смех).

Много штампа, формальности наблюдается и в такой области, где их, казалось, не должно быть вовсе, — в области идейного вооружения, воспитания членов партии. Вы все помните, как ЦК ВКП(б) резко осудил такие формы проработки решений XVII с'езда, как политлотереи, политудочки, политфанты, такие «маскарады», как вымышленные «интернациональные конгрессы», где организационная шумиха и трескотня, оригинальничанье, стремление поразить мир новыми организационными трюками подменяли спокойное, вдумчивое изучение основных партийных решений, подменяли систематическую, углубленную работу по освоению коммунистами основ марксизма-ленинизма.

Товарищ Сталин на XVII с'езде партии четко определил наши задачи в области идейно-политической работы:

«1) Поднять теоретический уровень партии на должную высоту;

2) Усилить идеологическую работу во всех звеньях партии;

3) Вести неустанную пропаганду ленинизма в рядах партии;

4) Воспитывать парторганизации и окружающий их беспартийный актив в духе ленинского интернационализма;

5) Не замазывать, а критиковать смело отклонения некоторых товарищей от марксизма-ленинизма;

6) Систематически разоблачать идеологию и остатки идеологии враждебных ленинизму течений».

Из этого мы должны исходить во всей своей работе.

Партийная работа, нет сомнения, значительно развернулась за последние годы, поднялось сознание людей, но еще много шаблона в партийной работе и в частности в организации и проведении парт- и политдней. Я вполне согласен с тов. Низовцевым из Ленинграда, критиковавшим недостатки в организации и проведении партдней.

Аппарат — великое и хорошее дело. В чем хорошие стороны аппарата? В том, что он проводит в жизнь то, что нужно партии, организует массы вокруг основных лозунгов партии, контролирует выполнение партийных решений, но в аппарате зачастую проявляются и плохие стороны. В чем проявляются в некоторых организациях плохие стороны аппарата? В том, что шаблонизируются многие хорошие решения, порой из них выхолащивается существо и остается одна форма. Наша задача — все время следить за работой аппарата, устранять отрицательные стороны его работы, развивать положительные стороны, всемерно подымая активность членов партии и развивая самокритику.

II

Что такое партийный день в московской, ленинградской или во всякой другой партийной организации? Это значит, что двести тысяч коммунистов или во всяком случае десятки тысяч коммунистов — передовых людей, цвет рабочего класса — собираются в один определенный день и направляют лучшее, что у них есть: свои мысли, думы, предложения на разрешение определенных вопросов. Подготовка такого дня — святое дело. А между тем у

нас весьма часто эта подготовка ведется небрежно, передоверяется второстепенным работникам.

Как надо подготовлять партдень по-настоящему?

Во-первых, надо продумать повестку партдня. Не всегда нужно и целесообразно назначать собрания в один день. Иногда лучше на одной группе предприятий провести собрания, положим, сегодня, а на другой — завтра или послезавтра. Не всегда целесообразно назначать единую повестку. Предположим, в вузовских парторганизациях нужно было бы провести партдень в связи с началом учебного года, а в других организациях можно провести собрания по другим вопросам.

Стоит кропотливо и добросовестно изучить вопросы, задаваемые докладчикам на собраниях, стоит побеседовать с десятком-другим рабочих на данном предприятии, и выявятся вопросы, интересующие рабочих. Конечно, не все эти вопросы можно и нужно включать в повестку партдня, так же как нельзя ограничивать повестку только вопросами, которые подымаются рабочими, но кропотливо изучить и внимательно проанализировать эти вопросы, чтобы определить повестку вдумчиво, сознательно, а не вольной импровизацией, — это долг каждого серьезного партийного руководителя.

У нас часто не диференцируют вопросов партдня и политдня, устраиваемого для всех рабочих завода или членов колхоза — партийных и беспартийных. Политдни проводятся вслед за партднями и повторяют их повестку. Так поступать нельзя. На партднях надо ставить преимущественно такие вопросы, которые следует предварительно обсудить только среди коммунистов. Не нужно каждое партийное собрание делать открытым. Нужно, чтобы коммунисты (а это касается в первую очередь молодых коммунистов) привыкли собираться в своей среде и предварительно обсуждать волнующие их вопросы, прежде чем выйти с ними к рабочей массе. При такой постановке и авторитет партийных собраний будет выше.

Мы не можем пожаловаться на количество собраний на предприятиях. Собраний проводится много, но качество их хромает. Надо сократить число собраний в два — три раза, но так обеспечить организацию их, чтобы каждое собрание подымало участников его на известную ступень, а в этом отношении большое значение имеют подбор и инструктирование докладчиков.

Неблагополучно у нас с подбором докладчиков и подготовкой их к докладам. У нас не подбирают докладчиков хотя бы с такой тщательностью, как секретарей парткомов, парторгов, как хозяйственников. А ведь докладчик формирует сознание коммунистов. От докладчика во многом зависит, правильно или путано усвоят собравшиеся тот или иной вопрос политики партии. Иной раз ошибочные взгляды, внушенные докладчиками, впоследствии надо исправлять на нескольких собраниях.

Наши рабочие стали гораздо более культурными, развитыми. Они предъявляют больше запросов чем раньше, и запросов более сложных, более тонких. Выросли и кадры наших талантливых агитаторов, пропагандистов, докладчиков из рабочих. Групповая агитация широко развернулась, но чтобы низовой агитатор чувствовал себя уверенно, он должен быть на голову выше, культурнее тех, кого он агитирует. На деле не всегда мы это имеем. Докладчики должны усиленно над собой работать, беспрерывно учиться, расти.

Наши работники завалены работой и, надо признаться, порой даже газеты просматривают на ходу, с запозданием, а большие статьи откладывают «до выходного дня». Пропустил, положим, такой работник первое сообщение о начале забастовки в Амстердаме, глядишь, а последующие сообщения для него уже непонятны. Спросить кого-либо, почему произошла забастовка, в

чем ее смысл, как-то неловко, еще засмеют. Вот он и робеет выступать на собраниях,— а вдруг спросят и он не сможет правильно ответить.

Наши активисты значительно выросли как организаторы, как хозяйственные люди, как государственные деятели Но чего им часто не хватает? Не хватает систематического знания, общей культуры, нет времени для самообразования. У нас много работников, которые не учились ни в какой школе, ни в каком университете. Но готовясь серьезно и глубоко к любому выступлению, они день за днем, год за годом выросли в грамотных, образованных людей, добросовестно работая над собой. Один готовится наспех, по газетным материалам, другой готовится глубже, изучает вопрос до корней и не только делает более содержательные доклады, но и сам с каждым докладом подымается на ступеньку в своем культурном и политическом развитии.

На помощь таким докладчикам должны придти парткабинеты, существующие уже ряд лет, но работающие, к сожалению, слабо. Посадить в парткабинеты надо крепких большевиков, задушевных работников, с которыми бы не постеснялись побеседовать, посоветоваться, получить справку, совет и крупные, солидные докладчики. Если райкомы и обкомы с любовью поставят работу в своих парткабинетах, они сделают большое культурное партийное дело, которое нужно будет каждому члену партии, каждому пропагандисту и докладчику.

III

На заседаниях партийных комитетов мы обсуждаем вопросы качества сева, уборки, качества промышленной продукции, качества советской торговли. Но весьма редко обсуждаем качество докладов на партийных собраниях, как прошло партийное собрание, что оно дало собравшимся, каковы недостатки организации собрания, докладчиков и т. п. На партийных комитетах мы обсуждаем разные хозяйственные планы, проект строительства и т. п. Это хорошо, но почему бы нам так же внимательно не обсуждать, например, программы наших партийных школ и кружков? Нельзя ли предварительно обсуждать на бюро партийных комитетов, с вызовом авторов, содержание «блокнотов агитаторов», программ и т. п.? Почему мы критикуем на партийных комитетах хозяйственников, критикуем секретарей парткомов, но не критикуем авторов программ, «блокнотов агитаторов», докладчиков? Ведь такое обсуждение вопросов будет подымать идейную жизнь парторганизаций, будет повышать квалификацию докладчиков, да и всех, принимающих участие в обсуждении этих вопросов.

Одновременно надо дать возможность активу работать над собой, забронировать время для учебы.

Многие не понимают, что работа по идейному вооружению и воспитанию тем и отличается от организационной и административной работы, что она требует значительно больше времени и культуры, потому что дать распоряжение человеку гораздо проще и быстрее, чем ответить на недоуменный идейный вопрос. А у нас сплошь и рядом методы работы наших идеологических кадров не намного отличаются от методов работы администраторов.

Недостатки в работе наших партийных организаций особенно ярко проявляются на примерах колхозных и вообще сельских парторганизаций. К хозяйственным вопросам наши первичные парторганизации на селе подошли вплотную и занимаются ими неплохо (конечно, и здесь есть исключения). Но сторона идейного вооружения, под'ема культурного уровня членов своей организации еще хромает. Вопросам чисто партийным, идейно-политическим, раз'яснению политики нашей партии, международной обстановки не уделяется еще достаточного внимания.

Наши секретари, партийные работники, как правило, стали сведущи в хозяйственных вопросах. Надо увеличивать, накоплять знания и в дальнейшем все больше, но надо также с любовью настоящего партийного организатора как кропотливому партийному кроту влезать во все мелочи партийной работы, с любовью изучать состояние первичных партийных организаций, изучать динамику состава парторганизаций, не перекладывая всей практики партийной работы (а в партийной работе вся без исключения практика — даже мелочи — сплошная политика) на плечи «специалистов» этого дела.

Партийную работу надо любить. Бюрократические, формальные элементы в ней преступны в гораздо большей мере, чем в любой другой работе потому, что здесь вы имеете дело с передовыми людьми, цветом рабочего класса. Я призываю к кропотливой организаторской работе, которая помогала бы нашей партии еще лучше организовывать на борьбу с классовыми врагами, на социалистическое строительство миллионные массы рабочих, колхозников, трудящейся интеллигенции! (Аплодисменты).

Мы имеем много побед и достижений, но обстановка у нас попрежнему сложная, мы ведем политику мира, но должны быть готовы каждую минуту отразить нападение империалистов на нашу социалистическую родину. Прежде всего мы должны иметь идеально организованный авангард пролетариата — нашу партию. Мы должны успешно закончить хозяйственный план этого года как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Глубоко ошибаются те, кто думает, что дело пойдет самотеком. Самотеком ничего не приходит, и надо организовывать борьбу за промфинплан, за хлебосдачу, за хлебозакупки, за укрепление колхозов, за развертывание советской торговли.

Некоторые думают: раз разбили кулака, оппозиции, дескать, нет,— можно работать спокойно, быть либералом. Это неверно. Враги не прекратили борьбу с нами, хотя и изменили ее форму. Борьба продолжается. Борьба — это значит, что каждый из нас в своей практической работе должен быть непримиримым большевиком — ленинцем-сталинцем в борьбе с недостатками, которые у нас есть, в борьбе за усовершенствование работы, за то, чтобы мы были еще больше вооружены, еще лучше подготовлены к выполнению тех задач, которые перед нами поставлены.

Позвольте, товарищи, выразить уверенность в том, что это совещание, а мы думаем созвать в ЦК по всем отделам еще ряд совещаний, что это первое совещание отделов руководящих парторганов послужит толчком к тому, чтобы практически поднять кропотливую партийную организаторскую работу, послужит еще большим толчком к тому, чтобы мы стали более подготовлены, более вооружены для выполнения тех директив, которые дал нам XVII с'езд партии, которые дал и дает нам наш первый организатор товарищ Сталин! (Бурные аплодисменты).

МОСКОВСКИЕ БОЛЬШЕВИКИ В БОРЬБЕ ЗА ПРОИЗВОДЯЩУЮ ОБЛАСТЬ

Т. Ворошилов

«...Мы стоим у власти, мы располагаем средствами государства, мы призваны руководить колхозами и мы должны нести всю полноту ответственности за работу в деревне» (Сталин).

«Московская область может и должна дать рекордные урожаи...» (Каганович).

I

Ошибочно представление о том, что сельское хозяйство районов так называемой потребляющей полосы не играет сколько-нибудь серьезной роли в обеспечении страны продовольствием и сырьем. Такой взгляд мог сложиться только в результате наблюдений за развитием, вернее, деградацией сельского хозяйства этих районов в дореволюционное время.

Огромные сдвиги, происшедшие в стране за семнадцать лет социалистической революции, особенно в период сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса, коренным образом изменили лицо «потребляющей» полосы. В своем докладе на XVII с'езде партии товарищ Сталин говорил:

«...Известное деление наших областей на потребительские и производящие тоже начинает терять свой исключительный характер. Такие «потребительские» области, как Московская и Горьковская, дали в этом году государству около 80 миллионов пудов хлеба. Это, конечно, не мелочь».

Чем характеризовалось прежде, до революции, сельское хозяйство Московской губернии? Исключительная отсталость крестьянского хозяйства, соха и серп олицетворяли дедовскую технику. Половина земли находилась у помещиков и монастырей, низка урожайность, нищенским был уровень жизни бедноты и значительной части середняков, на которых тяжелым грузом лежали царские подати и которых безудержно эксплоатировали кулаки и спекулятивные элементы деревни.

Посевные площади не только не расширялись, но, наоборот, из году в год уменьшались. Бывшая Московская губерния за время с 1887 по 1917 гг. сократила свои посевы с 930,3 тыс. га до 478,6 тыс. га, т. е. вдвое. Сокращение посевных площадей сопровождалось увеличением площадей под лесами, кустарниками, сенокосами и выгонами. Местами происходило естественное облесение старопахотных земель. Сельское хозяйство деградировало. Разорение крестьян, массовый отход «на заработки» в промышленность, в шахты, запустение земель—вот как «развивалась» дореволюционная деревня Московской губернии.

На III областной Московской конференции тов. Каганович говорил:

«Несмотря на то, что Московское земство считалось «лучшим» земством, сельское хозяйство до революции в нашей области было исключительно отсталым. В бывш. Московском, столичном, уезде в 1917 г. на 39 тыс. крестьянских дворов было 500 плугов, 6400 сох, всего 49 сеялок, 17 веялок,

39 жнеек и молотилок. Вот вам лицо сельского хозяйства бывшего Московского уезда.

Еще в 1926 г. в губерниях, вошедших в Московскую область, насчитывалось свыше 500 тыс. сох. Полмиллиона сох—вот какой был основной капитал!»

Трудности, которые приходится преодолевать московским большевикам в деле социалистической реконструкции сельского хозяйства,—исключительно велики. Снятое в свое время правое руководство МК грубо игнорировало задачи развития сельского хозяйства области, на словах выступая якобы за крестьянство. Много пришлось потратить сил на ликвидацию допущенных в 1930 г. перегибов. Но энергичная борьба московской партийной организации под руководством тов. Кагановича, лучшего соратника товарища Сталина, обеспечила крупный успех. Сельское хозяйство Московской области стало крупным, коллективным, в значительной мере вооруженным новой техникой. Достигнутые успехи обеспечивают превращение в самый короткий срок Московской области из потребляющей в производящую.

Вот некоторые факты.

Посевная площадь Московской области равна теперь 5988 тыс. га против 4962,8 тыс. га в 1930 г. За первую пятилетку Московская область увеличила запашный клин больше чем на миллион гектаров. По посевным площадям Московская область занимает третье место в Союзе. Удельный вес социалистического сектора—86,8%.

Особенно большой прирост посевов дал 1931 год (на 476 тыс. га)—год массового поворота бедноты и середняков к колхозам—после ликвидации последствий антисередняцких перегибов, которые были допущены тогдашним руководством МК.

Увеличение посевов шло главным образом в социалистическом секторе—совхозах и колхозах, которые не только осваивали старопахотные земли, но и поднимали целину.

Следующая таблица дает представление о росте посевных площадей по культурам (в тыс. га):

	1930 г.	1934 г.
Вся посевная площадь	4 962,8	5 987,9
В том числе зерновых и бобовых . .	3 485,1	3 902,8
Картофель	542,1	699,1
Овощи	74,6	137,1
Лен	145,6	232,1

Крупнейшим изменениям подверглась структура посевов. В отсталом, дореволюционном крестьянском хозяйстве царствовала трехполка; еще в 1917 г. озимые в общем посевном плане по области занимали 43,8%, а в пашне — 32,3%, в то время как картофель составлял только 6%, а овощи—0,1%.

За годы революции, особенно в первой пятилетке, положение коренным образом изменилось. В 1934 г. озимые несмотря на их абсолютный рост снижаются по удельному весу до 27% и на этом уровне закрепляются севооборотами. Удельный вес картофеля поднимается до 11,8%, а овощей—до 2,3%, при стремительном росте посевных площадей под этими культурами.

Особо надо отметить продвижение на север пшеницы. Еще в 1931 г. по области пшеницей было засеяно только 32,6 тыс. га. В 1934 г. озимой и яровой пшеницей засеяно 438 тыс. га.

Следующая таблица дает представление о росте валового сбора сельскохозяйственной продукции (в тыс. тонн):

	1930 г.	1934 г.	Прирост
Зерновые	2 779	5 197	2 418
Картофель	5 251	7 417	2 166
Овощи	859	1 782	923
Лен	41	—	—

В 1933 г. валовой сбор зерновых в области составил 3 744 300 т; в текущем году ожидается свыше 4 млн. т. Совхозы и колхозы сдали государству 33 млн. пудов и кроме этого продано государству 7 млн. пудов.

По сбору картофеля Московская область заняла первое место в Союзе и полностью удовлетворяет потребности 3½-миллионной Москвы и промышленных центров области. А еще совсем недавно, в 1930 г., потребность Московской области в картофеле на 25% удовлетворялась путем ввоза из других областей. Это целиком относится и к овощам: увеличение площадей под овощами вдвое (с 74 тыс. га в 1930 г. до 137,1 в 1934 г.) уже второй год полностью обеспечивает Москву и область овощами.

Количество МТС выросло с 8 в 1930 г. до 127 — в 1934 г. с парком мощностью в 58 000 НР.

Машинно-тракторные станции в 1933—1934 г. сдали государству 3,5 млн. пуд. хлеба в порядке натуроплаты.

Теперь имеется 149 тыс. двухкорпусных плугов (соха целиком вытеснена), 21 тыс. сеялок, 1910 тракторных сеялок, 25340 жаток и лобогреек, 27700 конных молотилок, около 3,5 тыс. сложных и полусложных молотилок, сноповязалки, комбайны и др. Льняные колхозы имеют 1200 льнотеребилок «комсомолка» и 152 широкозахватных ВНИЛ-5. Работают 59 льнозаводов. Силами области в этом году произведено до 2 тыс. льнотрепалок с конным приводом системы Горлачёва и Антонова. Только в этом году на средства, вырученные от продажи хлеба государству, колхозы приобрели 4 тыс. жаток, 2.500 конных молотилок, 40 сложных и полусложных молотилок, 300 грузовых автомашин и др.

Таких успехов Московская область могла добиться только при условии того большевистского руководства сельским хозяйством со стороны МК, которое связано с именем тов. Л. М. Кагановича.

Тов. Каганович выдвинул и потом неустанно внедрял ту мысль, что Москва должна кормиться своими собственными продуктами — хлебом, картофелем, овощами, что Московская область должна стать передовой по сельскому хозяйству:

«... Мы неоднократно ставили и ставим перед всей Московской областной парторганизацией задачу: ликвидировать отсталость сельского хозяйства, поднять урожайность, неустанно добиваться превращения в кратчайший срок Московской области из потребляющей в производящую» [1].

Этот лозунг стал идейным оружием не только всей московской партийной организации, но и десятков тысяч рядовых рабочих, через рабочие шефские организации активно участвующих в социалистической перестройке сельского хозяйства области. Он стал программой борьбы каждой низовой парторганизации, каждого колхоза, каждого колхозного активиста.

Требовалась большая, настойчивая, кропотливая работа по идейному вооружению коммунистов, мобилизация всех сил и средств для осуществления лозунга «превратить область из потребляющей в производящую».

Практика Московского комитета партии богата замечательными образцами большевистского руководства сельским хозяйством. Приведем несколько примеров.

Условия уборки в прошлом году для Московской области были исключительно тяжелые. Проливные дожди застали многие колхозы врасплох, руководители колхозов растерялись, уборка затянулась. За свою неподготовленность к уборке при плохой погоде колхозы расплачивались крупными потерями.

---

[1] Л. М. Каганович «Боевые задачи московской партийной организации по под'ему сельского хозяйства и укреплению колхозов», стр. 4. Партиздат. 1932.

Острейшим образом встала проблема подготовки колхоза к уборке в любую погоду.

Эту проблему тов. Каганович выдвинул как одно из условий борьбы за высокий урожай в Московской области. В значительной мере этой проблеме посвящена была работа декабрьского пленума МК ВКП(б). Пленум принял решения о зимней работе в колхозах, разработал программу вооружения каждого колхоза средствами «борьбы с дождями»: колхозная рига, сушилка, навесы, простейшие мелиоративные работы и другие меры, обеспечивающие уборку хлебов в любую погоду. По далеко неполным данным, за зиму только по 64 районам было построено 1 434 риги, 816 навесов, 93 сушилки, 501 молотильный сарай, 396 зернохранилищ.

Л. М. Каганович в 1931 г. выдвинул задачу—организованно закрепить подшефные сельские районы за районами Москвы, а колхозы—за определенными фабриками и заводами. МК обязал секретарей райкомов и секретарей парторганизаций предприятий Москвы лично отвечать за постановку политической работы в подшефных районах и колхозах. На этой основе заводы и фабрики проделали исключительно большую работу; московские пролетарии оказали крупную помощь подшефным колхозам в деле их политического, организационного и хозяйственного укрепления.

Замечательным примером большевистской борьбы за осуществление лозунга превращения области из потребляющей в производящую может служить следующий факт: Московская область, как известно, стала получать тракторы значительно позже других районов. МК принял решение завезти из других областей разбитые и выбракованные тракторы, сданные на «кладбище». На московских заводах и в МТС восстановлено 1 300 таких тракторов-«мертвецов» и из них организовано 24 новых МТС. Этот пример поучителен, ибо он показывает, как много можно сделать, если действительно по-большевистски бороться за использование дополнительных резервов.

Конечно, приведенными примерами не исчерпывается напряженная работа большевиков Москвы и боевого штаба московской организации—МК ВКП(б) в деле реконструкции сельского хозяйства области.

Работа с людьми, воспитание кадров, идейное вооружение низового актива и помощь ему в работе занимают центральное место в работе МК. За прошедшую зиму и весну проведены: семинар 900 секретарей и парторгов колхозных парторганизаций, слет колхозниц-льнотрепальщиц, слет кузнецов и рабочих МТМ, слет двух тысяч председателей колхозов, председателей сельсоветов, положивший начало походу им. Л. М. Кагановича за высокий урожай, и ряд других мероприятий.

Только такая упорная большевистская работа могла обеспечить те крупные победы, которые одержала Московская область и за что она получила высокую награду—о р д е н Л е н и н а. Московские большевики, по указанию своего руководителя, работали «глубокой бороздой».

II

В этом году колхозы и совхозы области получают урожай выше чем в прошлом году. Вместо 9,9 ц в среднем с гектара, полученных в 1933 г., государственная комиссия по урожайности предварительно определила средний урожай зерновых по Московской области значительно выше. В борьбе за урожай сделан новый шаг вперед.

Приводимая ниже таблица показывает, что урожай 1934 г. есть результат хотя и медленного, но более или менее закономерного движения вперед.

	Средняя за 3 года (1912—1914)	Средняя за 4 года (1929—1932)	1933 г.
Рожь озимая	7,5	8,9	10,5
Пшеница озимая . .	—	8,4	9,9
Овес	7,7	8,6	9,3
Вика на зерно	—	6,5	11,6
Картофель	70,5	84,0	97,4

Урожай 1934 г. самый высокий из всех урожаев последних лет, не говоря уже об урожаях дореволюционного времени, не поднимавшихся выше 7—8 ц с гектара. Но и урожай 1934 г. нас удовлетворить ни в коем случае не может. Он не удовлетворяет нас прежде всего потому, что уже в этом году не один район и не одна сотня колхозов Московской области добились куда более высоких урожаев.

Вот наиболее передовые районы и колхозы.

Колхоз «Борьба» 2-й Спасской МТС добился урожайности ржи в 26,18 ц с гектара, пшеницы — 22,57 ц с гектара.

Колхоз им. Красной армии получил урожай проса в одной из бригад 31 ц с гектара.

Колхоз «Завет Ильича» собрал с гектара 18,31 ц овса вместо 9,34 ц в прошлом году.

Колхоз им. Крыленко собрал с гектара 18 ц овса.

Колхоз «Красная культура» достиг урожайности лука в 170 ц с гектара вместо 110 ц в 1933 г.

Что это не исключения, свидетельствует следующая таблица 10 районов, которые географически расположены в разных частях области: юг, север, юго-восток.

Районы	Средний урожай	Урожай ржи	Урожай пшеницы		Урожай овса	Картофель
			Озимой	Яровой		
Дмитровский	14,2	14,4	16,8	11,8	15,2	133
Ижевский	13,9	13,1	13,4	12,8	15,5	121
Сараевский	12,4	12,6	12,2	10,8	11,3	110
Спасский	12,0	12,6	13,5	11,0	13,5	113
Рязанский	11,6	12,1	13,9	11,7	12,2	110
Захаровский	12,5	11,3	12,4	12,6	11,3	122
Ухоловский	11,7	12,3	13,4	10,8	12,0	103
Побединский	11,9	12,1	15,0	8,3	11,2	102
Калязинский	13,6	13,5	15,0	13,0	13,2	117
Кимрский	12,6	12,3	15,0	11,1	12,9	120

Снижают средний урожай юго-западные и западные районы, у которых урожай хотя и лучше чем в прошлом году, но значительно ниже среднего областного. Этим районам еще не удалось ликвидировать последствия прошлогоднего неурожая. Качество полевых работ и качество семян, которыми сеяли эти колхозы, определили урожай 1934 г., особенно по озимым культурам. Пример текущего сельскохозяйственного года в юго-западных районах лишний раз свидетельствует о том, что, ведя хозяйство на «авось», нельзя добиться высоких урожаев. Добиться высокого качества полевых работ, соблюдения требований агротехники, высокого качества семян—остается главной задачей в борьбе за высокий урожай.

Средний урожай по области снижают также единоличники, поля которых легко можно отличить не только по мелким делянкам, но по засоренности, редким и чахлым колосьям.

Приведенные выше данные о размере посевов и сборе урожая показывают, каких крупных успехов большевики московской организации достигли в деле выполнения указаний ЦК партии и товарища Сталина о создании пшеничной базы в центральных и северных областях. Известно, что Московская область в силу исторически сложившихся условий производила только рожь и «ученые» люди упорно доказывали невозможность сеять здесь пшеницу. Жизнь доказала обратное. Колхозы Московской области не только успешно освоили пшеницу, но более того—урожайность пшеницы при хорошем уходе часто выше чем урожайность ржи. Данные по десяти районам показывают, что урожай пшеницы в 14—16 ц с гектара не является редкостью.

Посев яровой пшеницы в 1934 г., проведенный в широком масштабе, целиком себя оправдал. Еще в 1933 г. область значительно перевыполнила правительственный план сева озимой пшеницы, засеяв вместо 100 тыс. га 244 тыс. га. Осенью 1934 г. посевной план в 250 тыс. га был также перевыполнен—засеяно 315 тыс. га. Яровой пшеницей весной 1934 г. было засеяно 127 тыс. га вместо 100 тыс. га по плану. В результате уборочная площадь на будущий год составит более 500 тыс. га.

Задача—довести посевы пшеницы до 700 тыс. га,—несомненно, будет успешно разрешена в ближайшие год—два. Теперь уже нет нужды доказывать возможность и выгодность посевов пшеницы в Московской области. Это доказано жизнью. Значительная часть районов Московской области будет иметь свой белый хлеб уже в этом году.

Преодолена одна из основных трудностей — отсутствие собственных семян. Теперь нужно обеспечить высокую сортность семян, сеять пшеницу на лучших, наименее засоренных землях, по чистому и раннему пару, на удобренных полях. Об этом надо еще и еще раз напомнить районному и колхозному активу. Вполне удовлетворительные урожаи создали легкое отношение к пшенице, забвение того, что в наших условиях пшеница — новая культура, требующая особого ухода. Люди забывают, что к возделыванию пшеницы пред'являлись более высокие требования, что для нее были отведены лучшие земли. В дальнейшем эти требования должны выполняться еще строже.

В 1930 г. потребность Московской области в овощах и картофеле в значительной степени покрывалась ввозом: картофеля ввозилось 25%, свеклы—23,7%, луку—62,3%, помидоров—100% потребности. Свыше 30 тыс. вагонов в самые напряженные для транспорта осенние месяцы бывало занято перевозками овощей и картофеля в Московскую область.

За последние 2—3 года картина резко изменилась. Товарищ Каганович поставил задачу—добиться удовлетворения потребности в картофеле и овощах производством их внутри Московской области. Эта задача успешно разрешена. Если в 1930 г. площадь под картофелем была равна 542,5 тыс. га, то в 1934 г. она выросла до 699,1 тыс. га и под овощами—с 74,6 тыс. га в 1930 г. до 137,1 тыс. га в 1934 г. Валовой сбор картофеля вырос с 5 251,4 тыс. т в 1930 г. до 7 298 тыс. т в 1934 г. (по предварительным данным). За последние 2 года широко организованы посевы раннего картофеля, расширена площадь под овощами. Валовой сбор овощей возрос с 858,6 тыс. т в 1930 г. до 1 987 тыс. т в 1934 г., что полностью удовлетворяет потребность населения Москвы и области.

Рост благосостояния трудящихся увеличивает спрос на ценные овощи. Поэтому ближайшей задачей является наряду с увеличением посевов картофеля и овощей дальнейшее расширение посевов раннего картофеля, ценных витаминных видов овощей, как помидоры, шпинат, цветная капуста и т. д.

Крупнейших успехов добилась Московская область в расширении посевов льна, в улучшении агротехники и механизации трудоемких процессов льнообработки. Посевы льна выросли на 60% по сравнению с 1930 г. (против 145 тыс. га, засеянных в 1930 г., в 1934 г. было засеяно 232 тыс. га).

Успехи Московской области в расширении посевов льна особенно разительны в свете непрерывного сокращения посевов льна в капиталистических странах, где площадь подо льном резко сократилась. А в СССР посевы льна превышают теперь 2 400 тыс. га, причем одна Московская область засевает 232 тыс. га. Урожай льна за последние годы возрос. Лозунг тов. Кагановича «советский лен должен стать лучшим льном в мире» стал боевой программой борьбы парторганизаций льнопроизводящих районов.

Таковы показатели по отдельным сельскохозяйственным культурам. Московские большевики добились этих успехов в упорной борьбе за новые методы ведения с.-х. производства, в результате широкого применения агротехники, поднятия агрикультурного уровня колхозника.

Что можно считать завоеванным в борьбе за урожай?

Колхозы поняли значение ранних сроков сева и научились ценить время. Ежегодно область сокращает сроки сева. Если сев яровых в 1932 г. продолжался 58 дней, т. е. почти два месяца, то уже в 1933 г. сев проведен в 45 дней, а в 1934 г.—в 35 дней. Озимый сев 1934 г. закончен в 26 дней вместо 46 дней в 1933 г. Это—крупное завоевание! Сверхранний сев, особенно в этом году, дал, как правило, прекрасный урожай.

Второе завоевание — тщательная прополка полей. В этом году впервые были прополоты не только овощи, но и значительная часть зерновых. Так например в 1933 г. зерновых прополото 1175 тыс. га, а в 1934 г.—1921 тыс. га (примерно половина всех зерновых). Раньше, как известно, сельское хозяйство Московской области не знало прополки зерновых.

В 1930 г. зяблевая пахота проводилась на 880 тыс. га, в 1932 г. — на 1 893 тыс. га, в 1933 г.—на 2 180 тыс. га и в 1934 г.—на 2 358 тыс. га.

Резко усилилось использование навоза: в 1933 г. вывезено 45 млн. возов вместо 30,7 млн. в 1932 г.

Добавим к этому, что культурные севообороты введены на 5.224 тыс. га. Имеется также некоторое улучшение в подготовке семенного материала.

Вся эта сумма мероприятий обеспечила, даже в условиях засушливой весны, средний урожай по области в 10,6 ц с га.

Однако это только начало. Замечательные образцы высокой урожайности в сотнях колхозов показывают, каких крупных результатов можно добиться, если все районы и все колхозы будут вести свое хозяйство на высоком культурном уровне. Пока этого еще нет в абсолютном большинстве колхозов. Поэтому нужна самая суровая самокритика и критика недостатков, обнаруженных на опыте текущего хозяйственного года, которые сказались на снижении возможной урожайности.

Вот главнейшие недостатки.

Нарушение севооборотов имело место в ряде районов и МТС и в этом году. С одной стороны, облзу не сумело обеспечить правильное планирование посевных площадей по районам, а с другой—район и МТС, не зная как следует земель колхоза, в погоне за перевыполнением плана часто доводят до колхоза такое посевное задание, которое неизбежно нарушает севообороты, вызывает нарушение правильного чередования культур и отсюда—понижение урожаев. Устойчивый севооборот в колхозе—еще полностью нерешенная задача.

Агрономы в значительной мере руководят и управляют производством колхоза из канцелярии. Меры, принятые МК и облисполкомом в этом году,

разгрузили агронома от бумаг, но в недостаточной степени. Культурный уровень агрономов очень низок. Из 1 365 учтенных агрономов только 189 имеют высшее образование, а 1 033—среднее и 143—низшее. Это по существу в своем абсолютном большинстве—агротехники, а не агрономы. Ближайшая задача состоит в том, чтобы агроном на деле занял почетное место технорука, инженера сельского хозяйства.

Мы коснулись здесь только части вопросов, над которыми надо еще много работать. Но и сказанного достаточно, чтобы видеть, как велики не решенные еще задачи. **В борьбе за высокий урожай мы сделали только первые шаги.**

III

Еще в 1928 г. в Московской области было всего 450 тракторов (преимущественно в совхозах). За истекший период, особенно за три последние года, дело коренным образом изменилось. Уже в 1934 г. область имеет, как было указано, парк в 6 300 тракторов, 230 комбайнов и другие сложные сельскохозяйственные орудия и машины. Трактор теперь—уже не гость в московской деревне.

Техническое вооружение совхозов и колхозов Московской области стало быстро увеличиваться именно за последние годы и находится в прямой связи с победами, одержанными партией в первой пятилетке. Приведенные цифры иллюстрируют техническую оснащенность колхозов и совхозов, процесс коренного обновления техники сельского хозяйства. Любопытно, что этот процесс косвенно находит отражение в некоторых названиях колхозов Московской области: «Прощай, сошка», «Трактор», «Комбайн» и др. Появился новый замечательный трактор «сталинец» Челябинского завода, необходимый колхозам Московской области для поднятия целины.

Эксплоатацией тракторного парка МТС стали заниматься как следует только с организацией политотделов. Но и сегодня в полной силе остаются слова товарища **Сталина** на XVII с'езде партии о том, что у нас ещё совершенно неудовлетворительно поставлены уход за тракторами и их эксплоатация.

Причины неудовлетворительной работы многих МТС коренятся прежде всего в плохом руководстве парком, в неумелом подборе и воспитании кадров трактористов, в отсутствии заботы об их материально-бытовом положении. Те МТС, которые к участию в походе им. Кагановича отнеслись не формально и готовили к работе одинаково и трактор и тракториста, сумели обеспечить высокое качество работы. Политотделы в руководстве соревнованием трактористов поставили себе задачу—добиться, чтобы на каждом тракторе работал хотя бы один тракторист первой категории. Большинство старых МТС обеспечило себя трактористами первой категории; всего по области из 6 тыс. трактористов 2 300—трактористы первой категории.

Во многих МТС, например Тепло-Огаревской, Кушалинской, Кораблинской, Старожиловской, Спасской, Новодеревенской, Ухоловской, Ряжской и др., больше половины трактористов—перворазрядники. Эти МТС, как правило, хорошо поставили работу тракторного парка.

Зимой текущего года, уделяя большое внимание ремонту тракторного парка, мы ставим задачу переподготовки трактористов в целях перевода второразрядников в первый разряд. Для каждого политотдела имеется полная возможность обеспечить трактор минимум одним трактористом-перворазрядником.

Более сложна задача укрепления кадров механиков. Несмотря на то что МК послал на село значительные кадры механиков в порядке мобилизации, все же механиков, хорошо знающих дело и желающих постоянно работать на селе, очень мало. Текучесть механиков исключительно велика. Задача состоит в том, чтобы готовить кадры механиков из выросших на ра-

боте в МТС колхозников. Сотни замечательных бригадиров тракторных бригад вышли из рядов трактористов, причем они не уступают по своей квалификации раз'ездным ремонтным механикам. Однако им не хватает теоретических знаний. Поэтому, наряду с организацией областного техникума механизации и улучшением работы двух существующих школ тракторных бригадиров, в Московской области организуются курсы переподготовки механиков. Курсы комплектуются из лучших бригадиров-ударников и раз'ездных механиков.

Практика показала также, что технический инструктаж и контроль за ходом работы тракторов со стороны аппарата облзу должны быть поставлены на неизмеримо большую высоту чем до сих пор. Но это трудно осуществить, так как аппарат облзу при наличии 5—6 инженеров-механиков охватить 127 МТС не может. А контроль за работой тракторного парка и помощь ему со стороны облзу крайне необходимы. Поэтому в 1934 г. при 13 МТМ и 3 ремонтно-тракторных заводах будут работать по 2—3 раз'ездных инспектора-механика, которые во время зимнего ремонта преимущественно работают у себя в мастерской или на заводе, а во время весенних, летних и осенних работ должны систематически раз'езжать и наблюдать за работой тракторного парка. Тем самым между МТМ и МТС будет существовать крепкая связь не только во время зимнего ремонта, но и в течение всего года.

Немало политотделов уже сумело поставить партийно-массовую работу среди трактористов на высокий уровень и подняло качество работы тракторного парка.

Интересен опыт политотдела Спартаковской МТС, о котором политсектор в специально изданной брошюре рассказал всем политотделам. Стержнем партийно-массовой работы политотдела Спартаковской МТС среди трактористов явилось социалистическое соревнование. Трактористы, принимая участие в походе им. Кагановича за высокий урожай, соревновались на выполнение и перевыполнение норм, лучшее качество работы и экономию горючего, лучший уход за трактором и строгую производственную дисциплину. В число основных требований соревнования входили также: лучшая техническая учеба (борьба за звание трактористов первой категории), лучшее культурно-бытовое обслуживание и самообслуживание.

Политотдел Спартаковской МТС организовал техническую учебу трактористов еще зимой. Новички-трактористы были пропущены через трехмесячные курсы подготовки трактористов. Среди трактористов, участвовавших в ремонте тракторов, техническая учеба была организована в форме техчаса и путем прикрепления малоопытных трактористов к трактористам-«старичкам». Перед отправкой тракторов в борозду политотдел провел «технические бои» и технические экзамены, которые показали несравненно более высокий нежели в прошлом году уровень технических знаний у трактористов.

Не ограничиваясь зимней подготовкой трактористов, политотдел продолжал техническую учебу трактористов и в поле. Одной из простых и наиболее гибких форм технической учебы явились летучие технические проверки—консультации.

Как проводятся эти летучки?

Приезжает в тракторный отряд старший механик МТС (обычно вместе с политотдельцами), знакомится с работой тракторов и определяет, каковы недостатки в уходе за тракторами или в управлении ими. Механик спрашивает трактористов, как они понимают свои технические обязанности, проверяет их технические знания и не только указывает, что надо сделать с неисправной машиной (как исправить дефект), но попутно дает и технические раз'яснения.

Все больше распространяется в тракторных отрядах шефство «старичков» над новичками.

Со всей серьезностью подошел политотдел в нынешнем году к организации материально-бытового и культурного обслуживания трактористов. Прежде всего еще накануне выезда трактористов в поле политотдел и партком МТС организовали проверку готовности колхозов к встрече тракторных отрядов. МТС оборудовала для отрядов полевые вагончики и разборные будки на 6—8 чел. (с расчетом на 1 смену). Вагончики имеют спальные нары. В вагончиках и будках к моменту выезда в поле были устроены красные уголки с передвижной библиотечкой, журналами и газетами, которые выписываются на каждый отряд, с красной и черной досками для учета индивидуального соревнования.

Пример Спартаковской МТС показывает, какими, в сущности, простыми мерами можно повысить эффективность работы тракторного парка, какое большое значение имеет забота о людях, систематическая партийно-массовая работа среди трактористов.

Особое внимание Московская область уделяет в этом году ремонту тракторов. В прошлом году Московская область первой в Союзе закончила ремонт тракторов. Однако не удалось добиться высокого качества ремонта по всем мастерским. Эту задачу политотделы МТС Московской области должны во что бы то ни стало решить в текущем году.

Рабочие и механики 3 передовых МТМ области (Калининской, Спартаковской, Ростокинской) обратились ко всем рабочим и инженерно-техническим работникам МТМ Советского Союза с призывом начать социалистическое соревнование на лучшее проведение ремонтной кампании. Показатели соревнования, выдвигаемые этими МТМ, являются решающими условиями успеха ремонтнюй кампании.

Качество ремонта — самое главное; нужна беспощадная борьба с обезличкой в ремонте и персональная ответственность за ремонт каждой детали. Сборка каждого узла должна обязательно контролироваться браковщиками, а также общественными инспекторами качества.

Ремонтировать тракторы должны не случайные люди, а те, кто доказал на деле желание и уменье по-хозяйски обращаться с трактором. Поэтому посылаемые на ремонтную работу в МТМ лучшие трактористы-ударники и участковые механики должны быть отобраны дирекцией и кандидатуры их обсуждены на собрании тракторных бригад.

В зимний период организуется техническая учеба для повышения квалификации по каждой специальности, а к концу ремонта—экзамен на перевод лучших трактористов в бригадиры, лучших бригадиров—в механики.

Шефы-заводы и областные организации должны обеспечить над каждой МТМ шефство опытных специалистов, знатоков мотора, которые своими знаниями, советом и контролем помогли бы поднять качество ремонта.

Улучшение быта рабочих, организация образцовых общежитий — эти вопросы должны стоять в центре внимания общественных организаций и администрации МТМ.

IV

На 15 сентября колхозами охвачено 78% всех крестьянских хозяйств Московской области. Из году в год последовательно росли и укреплялись ряды колхозников и расширялись колхозные поля.

Московская организация, выполняя указания ЦК партии и товарища Сталина, под руководством тов. Кагановича полностью ликвидировала антисередняцкие перегибы прежнего руководства.

Успешное окончание нынешнего сельскохозяйственного года создает благоприятную почву для дальнейшего количественного и качественного роста колхозов. Об этом свидетельствуют многочисленные факты вступления единоличников в колхозы в таких районах, как Ряжск, Сапожок, Сасово

и др. Например в Ряжске процент коллективизации с июля по 1 октября 1934 г. поднялся с 67,1 до 75,1, в Сапожке за то же время—с 58,8 до 74,1.

Для ускорения коллективизации оставшихся единоличников крупное значение имеет укрепление так называемых отсталых и отстающих колхозов.

Нельзя считать решенной задачу организационного и политического укрепления колхозов, если имеется группа отстающих колхозов, у которых из-за исключительно скверной их работы ничего или очень мало остается на трудодень. А такие колхозы имеются и в Московской области. Отсталый колхоз—это колхоз, у которого прежде всего отсутствует крепкое политическое руководство, плоха организация труда, плохо ведется хозяйство, низко качество обработки земли, низок трудодень. Отсталый колхоз, как правило, позже других справляется с сельскохозяйственными работами и допускает крупные потери урожая. Часто вместо сдачи хлеба государству такой колхоз нуждается в помощи государства.

Предварительные данные районов и политотделов свидетельствуют о том, что Московская область имеет свыше 10% отстающих колхозов. Это преимущественно мелкие и средние колхозы. Треть из них состоит из 10—25 хозяйств; 34,7% отстающих колхозов падает на льняную зону, где очень много мелких колхозов (например Бежецк имеет 500 колхозов, Кашин—400 колхозов и т. д.). Малый размер колхозов сильно затрудняет повседневное конкретное руководство каждым колхозом. В таких колхозах нет политически крепкого руководства, там еще по-настоящему не чувствуется рука большевиков.

Самая большая группа из этих колхозов (почти половина) отстает по причинам совершенно неудовлетворительного руководства, слабой, расшатанной труддисциплины и скверной организации труда. Это по преимуществу мелкие колхозы из льняной юго-западной и подмосковной зон. В этих колхозах часто меняются руководители. Например из 700 отстающих колхозов этой группы только у 85 не были сменены за последний год председатели правления. По 1 председателю сменилось у 158 колхозов; по 2 — у 180 колхозов; по 3 — у 116 колхозов; по 4 — у 80 колхозов; по 5 и больше — у 81 колхоза.

Коммунистов в таких колхозах мало. Из 18 отстающих колхозов в Иваньковском районе лишь в 3 колхозах имеются коммунисты. В Дедиловском районе на 9 отстающих колхозов—1 коммунист. Высокиничский район имеет 80 коммунистов, в колхозах же работает только 16. В Угодско-Заводском—185 коммунистов, а в колхозах работает всего 37. В Можайском районе—446 коммунистов, в колхозах работает—45, и т. д. На отставании колхозов сказывается также слабый состав партийных организаций.

Главной задачей низовых парторганизаций и прежде всего политотделов остается политическое укрепление этих колхозов.

Необеспеченность тяговой силой и недостаток рабочих рук при высокой норме обеспеченности землей—причина отставания следующей группы колхозов. Это в первую очередь колхозы пригородной полосы, Подмосковного угольного бассейна, а также колхозы юго-востока. Среди отстающих колхозов в районах Подмосковного бассейна из-за недостатка тягла отстают 75%, в юго-восточных—62%, в овоще-картофельной зоне—65%, в районах, расположенных близ Москвы,—64%. Нагрузка на лошадь в этих районах очень высокая. Например по отстающим колхозам юго-востока на рабочую лошадь приходится 15 га, в юго-западных районах, где почвы более тяжелые,—10 га и т. д. В этих колхозах, как правило, все сельскохозяйственные работы затягиваются.

Совершенно очевидно, что главным и решающим средством укрепления этих колхозов является механизация сельскохозяйственных работ и в первую очередь включение их в обслуживание МТС. А между тем только $1/3$ отстающих колхозов обслуживается МТС. В Рязанском районе имеется круп-

ный колхоз «Возрождение» высоковского сельсовета. В прошлом году на районной партконференции о нем много говорили, потому что этот колхоз оставил в поле урожай ржи и овса на 300 га. По ходатайству районных организаций этот колхоз был включен на 1934 г. в обслуживание МТС. Тракторы МТС в этом году обработали колхозу 2700 га в переводе на пахоту. В результате колхоз снял в среднем 9 ц с га, расплатился с государством, внес 800 ц натуроплаты и выдаст на руки колхозникам около 5 кг зерновых и 7 кг картофеля на трудодень. Конечно, без напряженной работы политотдела таких успехов добиться не удалось бы.

Не перечисляя подробно всех причин отставания, укажем лишь, что для многих районов причинами отставания являются: неземлеустроенность колхозов, чересполосица, отсутствие правильных севооборотов, необходимость обязательного проведения мелиорации, особенно в льняных районах. В некоторых районах югозапада, как например Алексин, надо менять направление хозяйства, избрать вместо зернового молочно-животноводческое.

Ликвидация отсталости отдельных колхозов стала насущнейшей партийной задачей. Партийные организации должны помогать отстающим колхозам, конкретно подходя к каждому из них. Нельзя дать один общий рецепт для всех колхозов, ибо причины отставания различны. В одних случаях это недостаток тягла, в других—неземлеустроенность, перегрузка колхозников приусадебными участками и т. д. Нужен совершенно конкретный подход; общая мерка была бы самой опасной. К оценке работы колхоза надо подходить политически, а не узко-хозяйственно. Хозяйственная и производственная отсталость колхоза в большинстве случаев является результатом политической отсталости, слабого руководства, отсутствия крепкого актива, того «большевистского ядра», о котором четко говорится в решениях прошлогоднего январского пленума ЦК ВКП(б).

Это выдвигает на первый план массово-политическую работу. В отстающих колхозах политотделы и низовые парторганизации должны проделать такую же по характеру и по содержанию работу, которая проделана в первый год организации политотделов, ибо слабые стороны, недостатки отстающих колхозов—это в основном те же недостатки, что у большинства молодых, неокрепших колхозов.

V

Московская область одна из первых в Союзе выполнила годовой план хлебосдачи и успешно заканчивает сельскохозяйственные работы. Итоги 1934 г. говорят о том, что московские большевики сделали новый шаг вперед в деле превращения области из потребляющей в производящую. Но ЦК нашей ленинской партии, вождь партии товарищ Сталин и руководитель московских большевиков тов. Каганович учат нас не зазнаваться. Тем более нельзя зазнаваться большевикам московской организации, ибо ее руководящий актив, в том числе и средний (район, политотдел) и низовой (предприятие, колхоз), имеют преимущество перед другими организациями в том, что они ежедневно проходят замечательную большевистскую школу руководства ленинского ЦК, руководства любимого, мудрого вождя партии Сталина. Это обязывает нас работать лучше, чем мы работали.

Перед большевиками московской организации стоят большие задачи в деле выполнения указаний ЦК партии и товарища Сталина о том, чтобы сделать все колхозы большевистскими и всех колхозников зажиточными.

Победы в деле организационного и политического укрепления колхозов, которых добилась наша партия, тесно связаны с подлинно большевистской работой с людьми. Прекрасные образцы этой работы дали многие политотделы. Партийная работа по своему существу есть работа с людьми. Успех всякого хозяйственного и политического мероприятия в колхозе решается

наличием политически крепкого колхозного руководства и массовой работы с ударниками-колхозниками, женщинами-колхозницами и т. д. Между тем есть опасность забвения этого важного условия партийного руководства значительной частью политотделов и низовых парторганизаций, особенно «молодых» политотделов, организованных только в этом году и не имеющих опыта работы. Поэтому осенне-зимний период должен быть использован для воспитательной работы в колхозах, для повышения политической, агрикультурной и общеобразовательной работы в массах. Прежде всего эта работа должна быть хорошо поставлена среди коммунистов и беспартийного колхозного актива.

Стержневым вопросом массовой работы в колхозах должно стать распределение доходов. Распределением доходов подводится итог хозяйственной деятельности колхоза и участия в ней каждого колхозника в отдельности. Размером оплаты трудодня отчасти проверяется движение колхоза по пути к зажиточной жизни, а обеспечение отдельного колхозника дает ответ на вопрос, все ли колхозники честно трудились, все ли колхозники боролись за реализацию указаний товарища Сталина.

Таким образом правильное распределение доходов есть глубоко политическая задача. Распределением доходов надо руководить, исправляя на-ходу ошибки. Доходы должны распределяться не в канцеляриях, а на собраниях колхозников. Исключительно большую роль играет вовлечение колхозников в обсуждение результатов сельскохозяйственного года.

Первые итоги распределения доходов говорят, во-первых, о том, что в этом году происходит дальнейшее улучшение материального положения колхозников. Во-вторых, если в прошлом году характерны были большие колебания в размерах трудодня между отдельными зонами области, то в этом году в результате подтягивания южных районов, отчасти юго-западных, а также северных районов, которые подняли свой трудодень как вследствие вполне удовлетворительного урожая зерновых, так и в результате высокого качества сдаваемого государству льна, средний размер трудодня выравнивается.

Распределение доходов по качеству работы, осуществление побригадного принципа, когда лучше работавшей бригаде начисляется более высокий трудодень за счет снижения трудодня до 20% плохо работавшим бригадам, острее поставило вопросы борьбы с остатками классового врага и его пособниками—лодырями, прогульщиками, бракоделами. Побригадное распределение доходов есть новое завоевание колхозов; оно укрепляет трудовую дисциплину, является показателем роста организованности и политической зрелости, оно связано с прямым указанием VI с'езда советов:

«Распределение колхозных доходов по принципу—кто больше и лучше работает, тот больше получает, кто не работает, тот ничего не получает,—должно стать правилом для всех колхозников и колхозов».

Это обязывает райкомы, политотделы усилить политическое руководство распределением доходов. Дело не столько в том, чтобы правильно составить план и во-время его утвердить (что также очень важно),—нужно распределение доходов сделать массовым смотром итогов хозяйственного года, развернув широкую политическую работу среди колхозников. Правильное распределение доходов закладывает фундамент дальнейшей борьбы за высокий урожай, за большевистские колхозы, за зажиточную жизнь.

В связи с распределением доходов многие политотделы провели массовые колхозные праздники. Хорошо организованный праздник с устройством сельскохозяйственной выставки, с отчетными докладами лучших колхозов, с подведением итогов похода за высокий урожай, с вручением знамен и значков победителям превращает колхозный праздник в крупное политическое событие для тысяч колхозников. Хорошо были организованы праздники в Н. Деревне, Сарае, Спасске и других районах и МТС. По решению МК

проведены межрайонные колхозные праздники в Туле, Калинине, Рязани, Калуге. На этих праздниках подведен итог сельскохозяйственного года и борьбы за высокий урожай, которую колхозы облекли в форму похода имени тов. Кагановича.

На организации похода им. тов. Кагановича следует остановиться более подробно. Поход им. тов. Кагановича явился примером того, как надо организовать партийную и массовую политическую работу.

По инициативе колхозников Калуги межрайонный слет председателей колхозов послал на имя тов. Кагановича письмо, в котором об'являл соревнование на лучшее проведение сева.

«... Мы знаем, что колхозы наших районов работают плохо и тянут передовую Московскую область назад,—писали колхозники.—Мы знаем, что никаких оправданий нам нет. Больше отставать мы не имеем никакого права. Нам теперь оказана огромная помощь, и дело только за нами.

Мы поднимаем знамя соревнования, знамя массового похода твоего имени за высокий, устойчивый урожай независимо от погоды, чтобы стать достойными передовой области, которой руководишь ты, лучший ученик Сталина».

Обращение калужских колхозников встретило горячий отклик и вылилось в массовую взаимную проверку готовности к севу. Надо прямо сказать, что никакой инспектор или уполномоченный не мог бы лучше проверить и подвергнуть жестокой критике подготовку к севу, чем это сделали бригады и комиссии колхозов.

Во время похода на колхозных полях развернулось настоящее соревнование масс, борьба за первенство, за качество работы, за высокий урожай. В соревнование были втянуты сотни тысяч людей. К моменту окончания сева МК в рапорте на имя ЦК партии и Совнаркома сообщил, что за время сева выросла стотысячная армия новых ударников-значкистов, активных борцов за колхозный строй, за социализм.

В этом походе самым ценным завоеванием была большевистская проверка работы: проверка отдельно соревнующихся колхозников, взаимная проверка бригад и колхозов и, наконец, проверка специалистами облзу качества полевых работ по каждому району и МТС. В сотнях случаев по предложению проверочной комиссии соревнующегося колхоза политотдел отбирал свидетельства участников похода и значки ударников. Большей обиды, протестов, обещаний и клятв со стороны рядовых колхозников нельзя было видеть ни на каком другом собрании. Особенно плохо чувствовали себя председатели колхозов, которые довели до такого позора свой колхоз. Как правило, колхозы после отобрания у них свидетельств упорной работой добивались возвращения этих свидетельств.

Соревнование продолжалось и во время других сельскохозяйственных работ: прополки, уборки, обмолота, зернопоставок.

Сейчас подводится итог выполнению условий похода по колхозам и районам области. Районам и МТС—победителям похода—будут выданы знамена МК, МОИК, МГК, Моссовета, Политсектора, МК ВЛКСМ. По предложению тов. Кагановича на Колхозной площади, в Москве, сооружена монументальная доска почета, на которую занесены первые двенадцать колхозов-победителей в походе за высокий урожай.

Опыт соревнования в борьбе за урожай необходимо перенести на выполнение плана развития животноводства (о животноводстве мы в этой статье не говорим, так как это большая самостоятельная тема).

Соревнование вырастило замечательную армию актива. Задача большевиков Московской области состоит в том, чтобы развернуть с этим активом широкую воспитательную работу и вырастить из него боевых руководителей колхозов.

К ИТОГАМ ЧИСТКИ ЧЕРНИГОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ПАРТОРГАНИЗАЦИИ

Б. Ройзенман

Черниговская область — молодая, в прошлом — сильно отстающая как в экономическом, так и в культурном отношении. Парторганизация Черниговской области под руководством ЦК КП(б)У добилась значительных успехов в преодолении этого отставания.

Основная масса бедняцко-середняцких хозяйств вовлечена в колхозы. За период существования области (с 1/X 1932 г.) процент коллективизации поднялся с 44,8 до 80 с лишним. От темного, отсталого в прошлом Полесья не осталось и помина. Под сельское хозяйство подведена мощная техническая база. В текущем году на полях Черниговской области работало 2.133 трактора и свыше 200 грузовых машин. Создано 93 совхоза, 44 машинно-тракторных станции. Значительно расширены площади посева, повысилась урожайность. В этом году собран обильный урожай. В текущем году сев проведен значительно лучше, чем в прошлом году. План сева был выполнен почти полностью. Уборочная кампания прошла хорошо. Зернопоставки выполнены успешно. Происходящие в настоящее время хлебозакупки идут также успешно.

Поднялся уровень материально-культурной жизни рабочих, колхозников и всех трудящихся области. Крупнейшие успехи имеет область на фронте культурного строительства. В 1916 г. в школах Черниговщины обучалось около 200 тыс. чел., а в 1933 г. число обучающихся в школах превысило 500 тыс. чел. До революции было только одно высшее учебное заведение (в Нежине), а в 1933 г. в области имеется 7 вузов, 28 рабфаков и 53 техникума.

Парторганизация области имеет значительные достижения в деле создания легкой промышленности (постройка фабрики кинопленки, целого ряда пенькозаводов, строительство котонинной фабрики, фабрики музыкальных инструментов и др.) и в коренной реконструкции громадного количества старых предприятий (сахарные заводы, спиртозаводы и др.).

Чистка черниговской парторганизации закончена. Прошли чистку 14.505 членов и кандидатов партии, или 97,6% всей парторганизации. Из партии исключено проходивших чистку коммунистов 29,3%. Отдельно из прошедших чистку членов партии исключено 27,9%, из прошедших чистку кандидатов исключено 31,8%. Переведено из членов партии в кандидаты 11,3%. Переведено из кандидатов в сочувствующие 21,1%.

Эти данные приводятся без учета рассмотрения апелляций в районных и областной комиссиях, что, безусловно, внесет существенные изменения в цифровые результаты чистки.

По социальному положению исключено из партии по отношению к числу прошедших чистку: рабочих—26,2%, служащих—27,8%, крестьян—32,2%.

Чистка показала, что парторганизация в громадном своем большинстве идеологически здорова и боеспособна; об этом свидетельствуют все те успехи, кото-

рые область имеет за сравнительно небольшой период со времени ее образования.

Разгромив буржуазных националистов, все контрреволюционные петлюровские элементы, которые мешали успешному продвижению вперед, область под руководством ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У добилась больших достижений.

Чистка в области прошла на высоком идейно-политическом уровне. Можно без преувеличения сказать, что такой глубочайшей проверки всей своей работы парторганизация Черниговщины еще не знала.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что из общего количества исключенных 72% принято в партию за последние 2—3 года. Такой сравнительно большой процент исключенных, даже для сельскохозяйственной области, об'ясняется прежде всего крупнейшими ошибками, допущенными как обкомом, так и райпарткомами при приеме в партию; грубо нарушался устав партии; в партию принимали механически; слабо организовали партпросвещение. К этому присоединились крайне неудовлетворительная постановка внутрипартийной работы и притупление большевистской бдительности в целом ряде районных организаций. Отсутствие проверки исполнения, большевистской борьбы с нарушителями революционной законности и железной дисциплины партии и государства привело к крупнейшим извращениям политики партии.

Все эти недостатки были вскрыты в процессе чистки благодаря активной помощи со стороны всей парторганизации, на основе развертывания большевистской самокритики и высокой политической активности, сознательности многочисленного беспартийного актива и широчайших масс трудящихся, что лишний раз свидетельствует о громадном доверии их к нашей партии.

Вот несколько фактов, говорящих об исключительно высокой активности и большом развитии самокритики, об активном участии беспартийных в чистке партии. В Городнянском районе на собраниях по чистке сельской парторганизации присутствовало около 70% всего взрослого населения. В Прилукском районе на чистке парторганизации махорочной фабрики присутствовали все рабочие фабрики. На собрании по чистке парторганизации рика присутствовало до 1000 чел. В Шостинском районе на собраниях по чистке присутствовало еще больше.

Во время чистки сельской парторганизации Атюши на собрании присутствовало 500 чел. Накануне чистки комиссия по чистке совместно с парторганизацией организовала уборку помещения. Здание было украшено лозунгами, цветами. Колхозники приходили на собрание организованно, со знаменами, активно выступали с деловой самокритикой при проверке каждого коммуниста. По поводу трех проверяемых выступило 16 чел. Колхозники помогли комиссии по чистке разоблачить председателя колхоза им. Шевченко, кандидата партии Гудака, как бывшего петлюровца, дважды дезертировавшего из Красной армии, активного участника кулацкого восстания в селе Атюши в 1920 г. На этом же собрании колхозники разоблачили другого кандидата партии, Рома, как пьяницу, взяточника и т. д. В селе Гнилицы, Новодевицкого района, помещение клуба, вмещающее 400 чел., не могло вместить всех желающих присутствовать на чистке. Многие стояли на улице.

Такую же большую активность проявили рабочие, служащие и трудящиеся в Ромненском, Конотопском, Нежинском, Прилукском, Черниговском и других районах.

На 4567 учтенных собраниях по чистке присутствовало 1 020 707 чел., в том числе 87 522 коммуниста, 81 518 комсомольцев и 851 567 беспартийных рабочих, колхозников, трудящихся единоличников и служащих.

Выступили в прениях 74 873 чел., в среднем 4—5 чел. на одного проходящего чистку коммуниста.

В начале своей работы комиссии по чистке встретились с многочисленными фактами зажима самокритики, круговой поруки, сговора против чистки. Были даже случаи прямой физической расправы с коммунистами, беспартийными колхозниками и рабочими, помогавшими комиссиям по чистке в разоблачении негодных элементов. Приведем лишь несколько характерных примеров, дающих представление о бешеном сопротивлении чистке со стороны классово враждебных элементов и их агентуры. Например в Семеновском районе, в селе Железный мост, кандидат партии, председатель колхоза Голик И., брат его Голик П. и парторг колхоза Деньгу провели нелегальное собрание избранных лиц, на котором сговорились защищать друг друга на чистке партии, чтобы скрыть преступления, имевшие место в колхозе. Все эти люди отданы под суд и осуждены. В том же Семеновском районе, в селе Карповичи, был избит активист Бондаренко, который изобличил бригадира колхоза Вишняка и других в ряде злоупотреблений.

Мы имеем немало фактов, когда классовые враги вкупе с перерожденцами и другими негодными элементами активно «участвовали» в чистке, пытаясь дискредитировать честных коммунистов и помешать разоблачению прохвостов и жуликов.

Из Глуховского района поступили в областную комиссию по чистке клеветнические заявления о том, что председатели первичных комиссий якобы являются чужаками и извращают инструкцию по чистке. Проверка показала, что обвинения эти были сплошной ложью. Даже фамилии авторов заявления оказались вымышленными.

Таких примеров можно привести много. Они говорят о том, что чистка есть участок острой классовой борьбы. Это понятно, ибо острие чистки в первую очередь направлено именно против враждебных элементов. Все махинации классовых врагов и врагов партии решительным образом разоблачались.

* * *

Какие недостатки и ошибки вскрыла чистка в работе парторганизации Черниговщины? Прежде всего нужно сказать о механическом приеме в партию.

Рост черниговской партийной организации проходил в основном за счет лучшей части передовиков-ударников, рабочих и колхозников. Результаты чистки свидетельствуют об этом с полной несомненностью. Но вместе с тем чистка показала, что при приеме в партию в ряде партийных организаций области наблюдался чисто формальный подход. Многие низовые партийные организации и райпарткомы подходили к этому важнейшему вопросу не по-большевистски, невнимательно, нарушая устав партии, без индивидуальной проверки каждого вступавшего в партию. Механически утверждали прием группами, причем зачастую заочно.

Приведем примеры.

В черниговской городской парторганизации при приеме в партию не было проявлено большевистской бдительности: «рассматривали» на заседаниях по 70—80 заявлений о приеме в партию и о переводе из кандидатов в члены партии, причем отказов в приеме почти не было. Например на одном заседании в 1931 г. из поступивших 361 заявления о приеме в партию отклонено лишь 19. В порядке такого приема по ячейке Гостипографии был принят в партию как рабочий, по первой категории, и утвержден райкомом бывший бундовец Гандельсман.

В ячейке лесопильного завода пролез в партию некто Зайцев, один из бывших совладельцев завода, эксплоатировавший рабочих. Все это Зайцев скрыл от партии. Разумеется, он разоблачен и выброшен из рядов партии.

В конотопской организации принимали в партию также без индивидуального подхода, большими группами.

Партком Конотопского паровозоремонтного завода к октябрьским праздникам принял в кандидаты партии сразу 65 чел. На пяти заседаниях было принято в партию 340 человек. В Шостенском районе партком завода № 53 в ознаменование Октябрьской годовщины в 1932 г. принял в кандидаты партии сразу 186 чел. В глуховской партийной организации были случаи, когда прием в партию производился опросом членов бюро РПК. В бахмачском райкоме принимали по спискам. В протоколах принятые в партию даже не перечислялись по именам. При проверке оказалось, что приложенные к некоторым протоколам списки, по которым утверждался прием в партию, утеряны и кто принят, неизвестно. Коропский райпартком давал контрольные задания по вербовке в партию.

Все эти факты погони за количеством обусловили значительное засорение отдельных парторганизаций в области. Классовые враги, жулики, прихвостни пользовались этим и пролезали в партийные организации, чтобы лучше и вернее творить свои преступные дела.

* * *

Честные труженики, рабочие и колхозники, преданные нашей партии и принятые в партию, во многих парторганизациях области не воспитывались в большевистском духе. Чистка обнаружила развал марксистско-ленинского воспитания во многих районах. Надо прямо сказать, что большинство районных партийных комитетов и некоторые политотделы вопросами партпросвещения не занимались или занимались совершенно недостаточно. В большинстве районов сеть партпросвещения либо не существовала вовсе либо работала совершенно неудовлетворительно.

В Конотопском районе райпартком не организовал партучебы, не выделил квалифицированных пропагандистов. Обкому давались дутые сведения о школах. К июню считали здесь 47 кандидатских школ и 28 начальных партшкол с общим охватом 864 чел., а на деле никаких школ не было и партучеба в районе фактически разваливалась.

Добрянский райпартком давал обкому партии неверные сведения о том, что в районе имеются 22 партийных школы, выделены 26 пропагандистов и все партийцы охвачены сетью партпросвещения, а на деле школ не было и партучебы также не было.

Обком принимал сведения, полученные от РПК, за чистую монету, не проверял, как поставлена партучеба, и очковтиратели оставались безнаказанными.

Борзенский райпартком расходовал не по назначению деньги, отпущенные на партпросвещение. Из 8 500 руб., отпущенных в 1933 г., на партпросвещение фактически израсходовано лишь 2 429 руб. Из 10 000 руб., отпущенных на 1934 г., на партпросвещение израсходовано только 656 руб. Не по назначению израсходовали большую часть средств, отпущенных на просвещение, талалаевский, носовский и другие райпарткомы.

Чистка выявила во многих районах чрезвычайную слабость партийно-массовой работы.

В Дмитровском районе подавляющая часть партийных организаций на селе внутрипартийной работой не занималась. Например первичная парторганизация села Вердера за 8 месяцев не провела ни одного партийного собрания, в селе Петровском за 8 месяцев также не было ни одного собрания.

Первичная парторганизация с 5 коммунистами при колхозе «Червонный прапор» села Дмитровка вследствие отсутствия руководства со стороны политотдела к чистке пришла развапенной. Никакой внутрипартийной ра-

боты там не велось. Начиная с апреля 1934 г. не было ни одного партийного собрания, ни одна директива партии не проработана среди членов партии и среди колхозников. Член партии Сторчак от партии оторвался, 3 года не вел никакой партийной работы; Пузырев вступил в кандидаты партии в 1931 г., уплатил сразу членские взносы за 5 месяцев и с тех пор членских взносов не платил, на чистку принес чистую кандидатскую карточку, которая хранилась у него в сундуке.

Ряд парторганизаций вместо систематической работы над повышением идейно-политической вооруженности коммунистов в период подготовки к чистке занялся трескотней· внедряли штампованные формы политобразования, осужденные ЦК, зубрежку и т. д. (Добрянский, Бахмачский и др. районы).

Небольшевистское отношение к организации марксистско-ленинской учебы выражается еще в том, что многие райпарткомы выделяли в качестве пропагандистов совершенно неподходящих как по политическому развитию, так и по социальным признакам людей.

В Понорицком районе руководитель партшколы совхоза им. XVII партс'езда Сойкин не мог ответить комиссии по чистке на элементарные политические вопросы, в частности на вопрос о том, какие обязанности возлагаются на члена партии уставом партии. Этот пропагандист провел в совхозе 29 занятий, и никто не проверял, как он занимается. В Недригайловском районе пропагандист Хуторный не знает, что такое нэп, какая разница между продразверсткой и продналогом, не знает основных решений XVII с'езда партии.

В Конотопском районе подбор пропагандистских кадров был совершенно неудовлетворителен, в результате чего из 27 прошедших чистку пропагандистов исключены 13 как сросшиеся с кулацкими элементами, как буржуазные националисты и т. д.

В результате чистки исключено из партии пропагандистов: в Глуховском районе—30 из 75, в Козелецком—7 из 16, в Недригайловском—10 из 28.

Райпарткомы и обком не позаботились о том, чтобы переварить в большевистском котле молодых членов партии, в большинстве своем честных тружеников, дать им марксистско-ленинскую закалку; о них забывали, не давали им партийных поручений. Осуществление руководства членами партии, работа с каждым отдельным членом партии—эта задача не стояла в центре внимания партийной организации, как этого требовал тов Каганович в своем докладе на XVII с'езде партии Отсюда отрыв значительной части коммунистов от партработы, от партийной организации, политическая неграмотность, отсюда и пассивность, а зачастую пьянство и моральное разложение.

Отсутствие внутрипартийной работы, проверки исполнения и постоянного наблюдения за работой отдельных коммунистов привело в ряде случаев к притуплению классовой бдительности. Пролезшие обманным путем в партию чужаки, морально разложившиеся, жулики с партбилетом в кармане творили антипартийные поступки, нарушали революционную законность, а парторганизация этого не замечала.

* * *

Решающее значение для работы низовых парторганизаций имеет парторганизатор. Роль парторга, особенно в деревне, в настоящее время колоссально возросла. Громадный рост политической сознательности колхозников пред'являет большие требования к парторгу как политическому руководителю масс. Однако многие районные комитеты партии не уделяли внимания подбору парторгов и работе с ними. Нередко в качестве парторгов посылались совершенно непроверенные люди, неграмотные и зачастую недостойные быть парторгами.

В то же время перед комиссиями по чистке прошло немало парторгов, которые образцово поставили свою работу и сумели сделать партмассовую и воспитательную работу мощным рычагом для мобилизации широких масс на выполнение поставленных партией и правительством задач.

Вот, например, тов. Окостень Г. — парторг колхоза «1 мая» (село Макеевка, Носовского района) — политически грамотный, усиленно работает над собой, сам руководит политшколой, через день проводит в бригадах политчас, каждый вечер после работы консультирует колхозников по различным политическим вопросам и по вопросам производственной жизни. Тов. Окостень добился того, что все колхозники выписывают газету. Каждому коммунисту он дает декадные задания, выполнение которых систематически проверяет. На прорывном участке он становился во главе бригады и своим личным примером увлекал других. Неудивительно, что тов. Окостень пользуется громадным авторитетом и любовью колхозников. Колхоз досрочно выполнил все хозяйственно-политические кампании и продал государству 100 ц хлеба.

Вот другой пример. Тов. Грохольский — парторг колхоза «Искра», шабалиновского сельсовета, Коропского района, член партии с 1926 г., рабочий, 25-тысячник. Благодаря работе тов. Грохольского колхоз стал образцовым во всем районе. Создана хорошая молочно-товарная ферма, построены прекрасные конюшни, телятник, коровник. Хорошо был проведен весенний сев, результатом чего был прекрасный урожай. В уборочную кампанию была организована колхозная масса, и урожай собрали без потерь. Сам Грохольский является лучшим производственником, дает лучшие показатели в выработке. Образцово организована в колхозе группа сочувствующих, с которыми систематически проводятся занятия. Среди колхозников проводятся беседы, читки газет. Широко применяются социалистические методы труда.

Такие примеры можно было бы умножить.

Однако вследствие невнимательного отношения к подбору кадров в число парторгов попадали безграмотные, недееспособные люди, состав парторгов оказался засоренным классово чуждыми элементами, буржуазными перерожденцами, нарушителями партийной дисциплины.

В Черниговском районе, в колхозе «Червоний маяк» (село Павловка), колхозник Соколенко при чистке парторга Носеникова заявил: «Мы выросли, хотим знать, что решает партия, у нас требования на политзнания увеличились, а парторг тов. Носеников нам этого дать не может, потому что он неграмотен. Он ниже нас на голову. Дайте нам настоящего политического руководителя».

В Березнянском районе в партийно-комсомольской группе села Березнова, в колхозе «Незаможник», парторгом работал Тарасенко — беспартийный, исключенный из партии райпарткомом еще в июле 1933 г. и выдвинутый райпарткомом же на работу в качестве парторга через 6 месяцев после исключения.

В Бобровицком районе парторгом колхоза «Коминтерн», село Ст. Басань, работал Зубец, осужденный на 8 лет с лишением прав на 3 года. Парторгом другого колхоза был послан Мирошник, оказавшийся вором-рецидивистом. Парторгом Октябрьского отделения Н.-Быковского свиносовхоза работал Антончик, осуждавшийся на 3 года за убийство и имеющий три серьезных партвзыскания.

В Глуховском районе парторгом в селе Береза работал кулак Павловский, парторгом в селе Завитки — бывший дьяк Дыль; два парторга — Карпенко и Шалаев — сбежали и на чистку не явились.

По 31 району из прошедших чистку 1627 парторгов исключено из партии 490, или 30,1%. Переведено в кандидаты и сочувствующие из-за политической неграмотности 121 чел., или 7,5%.

* * *

Там, где нет идейности в работе, там, где игнорируют внутрипартийную работу, на арену выступает администрирование. Многие партработники на селе, не умея или не желая убеждать, прибегают к приказу. Это находит отражение прежде всего в руководстве работой отдельных коммунистов.

Значительная часть райпарткомов сплошь и рядом подменяла партмассовую и воспитательную работу голым администрированием. Об этом свидетельствует огромное количество партвзысканий, привлечений к суду и т. д. Вместо того чтобы исправлять ошибки на-ходу, помогать на деле улучшать работу, своевременно предупреждать болезненные явления, нередко увлекались массовым применением партвзысканий.

Член партии Мартыненко, председатель сельсовета в Городнянском районе, имеет следующие партвзыскания: выговор за нарушение революционной законности, два выговора за лесовывозку, выговор за плохую финансовую работу, выговор за невыполнение хлебопоставок и др. Крутько Павел за 14 месяцев работы получил 6 партвзысканий, в том числе 2 выговора и 3 строгих выговора с предупреждением и снятием с работы. Имеются даже случаи, когда дают по 2 выговора в один день и по 3 выговора за одну и ту же кампанию.

В Репкинском районе труднее найти коммуниста без выговора чем с выговором. Из 180 коммунистов 89 имеют выговоры и строгие выговоры, причем многие имеют по 2 и по 3 выговора. За пять месяцев 1934 г. 35 коммунистов отданы под суд.

Это администрирование во внутрипартийной работе было результатом основного, крупнейшего недостатка во всей областной организации: кадров не изучали, их плохо подбирали, новых слабо выдвигали. Отсюда исключительная текучесть кадров, что явилось буквально бичом для многих районов области. Вот несколько характерных примеров: с момента организации Черниговской области по 36 районам сменилось 78 секретарей райпарткомов, 96 заместителей секретарей, 101 председатель райисполкома и 72 районных прокурора. Имеются районы, где секретари сменялись по нескольку раз: в Нежинском и Остерском районах—4 раза, Бахмачском, Бобровицком, Глуховском, Коропском, Понорицком, Талалаевском — по 3 раза.

За то же время сменился 101 председатель райисполкомов; при этом в 12 районах председатели риков сменялись по 2 раза, в 6 районах — по 3 раза, а в некоторых районах — по 4 раза. В Глуховском районе за последние полтора года сменилось 15 председателей и 10 секретарей горсовета, за год — 6 председателей рика, 4 заврайздравом, 4 заврайоно; за 7 месяцев 1934 г. сменилось 27 секретарей президиума; председатели сельсоветов перебрасывались из одного села в другое по 2 раза, причем 12 председателей — по 3 раза, 2 председателя — по 4 раза. В селе Высоком, Борзенского района, за 8 месяцев 1934 г. сменилось 7 председателей сельсовета.

Огромна текучесть председателей райпотребсоюзов. Только в 10 районах председатели райпотребсоюза сменились за год по 2 раза, в 12 районах — по 3 раза, в 3 районах — по 4 раза, а в Козелецком районе смена председателей райпотребсоюза достигла 5 в год.

Во многих организациях глубоко укоренилась небольшевистская практика работы. Так, многие работники несмотря на числящиеся за ними преступления и антипартийные действия перебрасывались с одной руководящей работы на другую как «незаменимые» работники.

Вот несколько характерных примеров, выявленных комиссией по чистке.

Бирун Н. С., член партии с 1929 г., председатель даницкого сельсовета, Репкинского района. Работая предсельсовета, а до того председателем колхоза в том же селе, совершил за последние пять лет целый ряд

уголовных преступлений, за что неоднократно был судим, получил ряд партвзысканий. В 1929 г. Бирун был осужден на один год условно за покровительство кулакам, содействие восстановлению их в избирательных правах, наделение лучшей землей и пр. В 1932 г. за разбазаривание гарнцевого сбора в размере 107 пудов осужден на 6 месяцев принудительных работ. В этом же году за бесхозяйственность в хранении картофеля (погибло 1000 пуд.) осужден еще на 3 месяца принудительных работ.

В течение 1934 г. Бирун снова четыре раза подвергался суду и осужден на различные сроки: на 5 мес. принудительных работ за незаконное из'ятие коровы у семьи красноармейца, на 3 месяца принудработ за незаконный арест крестьянки-беднячки, трижды осужден на 6 мес. принудительных работ за преследование рабселькоров и зажим самокритики. В сентябре народный суд снова осудил Бируна на 3 года за присвоение пшеничной муки, отпущенной для детских яслей колхоза.

К приговорам Бирун настолько привык, что по поводу последнего приговора заявил: «Ну что же, одним приговором больше будет». По партийной линии Бирун имеет пять взысканий ввиде выговоров и строгих выговоров за искривление классовой линии и оппортунизм на практике. А районные организации несмотря на все это продолжали считать Бируна «незаменимым», перебрасывали его с места на место, пока комиссия по чистке не изгнала его из рядов партии.

Стругацкий — член партии с 1928 г., работал председателем райпотребсоюза Репкинского района, в 1932—1933 г. — председателем райпотребсоюза Иченского района, а в 1934 г. облпотребсоюз выдвинул его на ответственную областную работу заведующего Обловощи. Председатель облпотребсоюза Швецов, исключенный из партии во время чистки, в своем выступлении на чистке Стругацкого дал ему блестящую характеристику.

Чистка выявила, что Стругацкий, будучи председателем репкинского райпотребсоюза, в огромных размерах практиковал разбазаривание товарных и продуктовых фондов кооперации и занимался самоснабжением: разбазарено остро дефицитных товаров и продуктов на 55 тыс. руб., предназначенных для сельпо.

Будучи председателем Иченского РПС, Стругацкий допустил целый ряд преступных действий, в частности давал очковтирательские сводки о выполнении плана товарооборота. Обманув партию и государство, этот жулик с партбилетом в кармане добился переходного знамени, организовал по этому случаю грандиозную пьянку, самопремирование и пр., истратив свыше 20 000 руб. Разумеется, Стругацкий исключен из партии, привлечен к ответственности и отдан под суд.

Подобные факты являются результатом незнания руководящих кадров, слабого изучения их областной и районными организациями, следствием никудышной проверки исполнения, невнимания к воспитанию новых кадров из партийного актива и лучших беспартийных рабочих, колхозников-ударников, следствием бюрократической боязни выдвигать эти новые кадры на руководящую работу.

* * *

Что показала чистка парторганизаций колхозов? Перед комиссией по чистке прошло немалое количество колхозных партийных организаций, которые перестроили свою работу на основе исторических решений XVII партс'езда, на основе большевистской борьбы за организационно-хозяйственное укрепление колхозов и добились крупнейших успехов.

Например парторганизация колхоза «Воля», Нежинского района, состоящая из 12 чел., хорошо руководила колхозным производством. Коммунисты являлись примером образцовой работы в колхозе; 10 коммунистов премированы за образцовую работу. Колхоз раньше срока выполнил все сельско-

хозяйственные работы и добился к 1/X выполнения плана хлебосдачи и натуроплаты на 100%. Из проданных государству 2 000 пуд. хлеба колхоз вывез на 1 октября 1 700 пуд. В колхозе имеется прирост поголовья скота. В результате хорошей работы колхозники в этом году получили на трудодень по 3,02 кг зерна, 6,6 кг картофеля и по 2 руб. деньгами. Благодаря массово-раз'яснительной работе, проведенной парторганизацией среди единоличников, 41 хозяйство единоличников вовлечено в колхозы.

Перед комиссией по чистке прошло множество коммунистов, показавших образцы работы по социалистическому переустройству деревни.

Вот, например, председатель колхоза им. 1 Мая (село Лысьи горы, Дмитровского района) тов. Данько, кандидат партии. Колхоз состоит исключительно из бедноты, в прошлом никогда не имевшей в достаточном количестве хлеба. Колхоз находился в крайне плохом состоянии. Тов. Данько был послан для укрепления руководства, и в результате его работы весенний сев был проведен организованно, план выполнен. Уборочная кампания проведена хорошо и своевременно. Собранный хлеб был заскирдован, организованно проведен обмолот, выполнена хлебосдача. Осенний сев проведен хорошо. Колхозники в этом году получат не меньше 6 кг на трудодень.

Колхозники на чистке прямо заявили, что эти достижения они имеют «исключительно благодаря действительно большевистскому руководству со стороны председателя колхоза, кандидата партии тов. Данько».

Тов. Данько ведет крепкую большевистскую борьбу за колхоз. Он умеет мобилизовать массы колхозников. Каждое мероприятие широко обсуждается в массах, и массы знают о тех задачах, которые стоят перед колхозом.

Таких примерных колхозов, примерных парторганизаций и отдельных коммунистов на фронте колхозного строительства можно указать очень много.

Но вместе с тем чистка вскрыла ряд низовых колхозных парторганизаций, которые плохо борются за генеральную линию партии, а иногда прямо проводят кулацкую политику. Чистка вскрыла также в ряде звеньев колхозных парторганизаций засоренность кулацкими, петлюровскими и прочими антипартийными элементами.

Чистка члена партии, бывшего председателя чеберяковского колхоза «14 лет Октября», Ромненского района, Луция С. П. выявила в колхозе явно преступную, вредительскую работу группы врагов партии и пролетарского государства, возглавляемой Луция. Во главе колхоза на протяжении 1930—1932 гг. орудовала шайка кулаков и подкулачников.

Председатель колхоза Луция со всей этой бандой сросся, систематически пьянствовал. Эта группа разбазарила 149 ц. колхозного зерна, допустила преступный уход за скотом. В 1933—1934 гг. погибло 74 свиньи, пропала неизвестно куда 21 свинья, производился убой молодняка, а мясо разбазаривалось и деньги присваивались этой шайкой. Разбазарен колхозный мед — 280 кг, а на зиму пчелы остались без меда, вследствие чего весной обнаружена гибель 47 ульев. Систематически уничтожались птицефермы. Лошади в колхозе заражены менингитом, 21 лошадь пала; вследствие перегрузки тяжелой работой, плохого ухода и побоев погибли 22 конематки.

Луция исключен из партии и вместе со всей кулацкой шайкой, вредительствовавшей в колхозе, отдан под суд.

Засоренными оказались кадры коммунистов — председателей колхозов. В результате чистки по 20 районам из 717 коммунистов — председателей колхозов — исключено из партии 260, или 36,2%.

Какова роль коммуниста на селе в условиях значительных еще остатков единоличного хозяйства?

Черниговская парторганизация, борясь за генеральную линию партии, добилась того, что 80% крестьянских хозяйств вовлечено в колхозы. Однако около 20% крестьянских хозяйств находятся вне колхозов; а до чистки

их было более 30%. По отдельным районам, в особенности по отдельным селам, этот процент еще выше.

Единоличные хозяйства систематически тянут вниз все показатели выполнения хозяйственно-политических заданий в области. В ряде районных организаций недооценивают задачи дальнейшей коллективизации. Часто полагаются в этом вопросе на самотек, не проводят массово-раз'яснительной работы среди единоличников. Своими неправильными мероприятиями коммунисты не обеспечивали преимуществ, установленных советским законодательством для колхозников в отношении прирезки земли, хлебосдачи, агротехнических мероприятий и т. д., и тем тормозили процесс коллективизации. Отсюда и отставание единоличников в выполнении хозяйственно-политических заданий.

Приведем несколько примеров.

В Козелецком райзо районный землеустроитель, член партии Половинченко, землеустраивал в первую очередь единоличников, не заботился об установлении севооборота в колхозах, за землеустроительную работу брал с колхозов плату, превышающую государственные расценки, лучшие земли отводил единоличникам.

В Добрянском районе райзо стало на оппортунистический путь уменьшения данных областью планов технических культур по единоличному сектору. В ряде сел — Горностаевичи, Грибово-Орудия, Старые Яроловичи — лучшие земли отводились единоличникам. В Прилукском районе райзо также отводило единоличникам лучшие земли.

В Борзенском районе недообложили значительную часть единоличников. По всему району обнаружено лишь 9 хозяйств единоличников, обложенных в индивидуальном порядке. В Городнянском районе райфо проводил явную правооппортунистическую налоговую практику. Кулак в районе был потерян. В 1934 г. обложено в экспертном порядке всего 8 хозяйств против 112 хозяйств в 1933 г. После чистки обложено дополнительно экспертным порядком 117 хозяйств.

Эти махровые правооппортунистические дела долгое время оставались неразоблаченными. Часть райкомов либерально относилась к этим явлениям и прикрывала эти кулацкие дела. Эти факты вновь говорят о том, как важно «сохранять порох сухим» в борьбе с оппортунистами, как важно каждодневно разоблачать оппортунистов на всех участках нашей строительной работы.

Комиссия по чистке вскрыла в районе большое количество недообложенных кулацких зажиточных хозяйств.

Талалаевское райфо проводило прямую кулацкую политику в налоговом обложении. В 1933 г. было освобождено от налога 144 хозяйства, а в 1934 г.—211 хозяйств. В 1933 г. в индивидуальном порядке было обложено 153 хозяйства, а в 1934 г.—всего 6 хозяйств. И в этом районе кулак был потерян.

* * *

Как работали коммунисты в советах? Это особенно важно осветить ввиду приближающихся выборов в советы. В Черниговской области, так же как и по всему Союзу, вместе с ростом и укреплением диктатуры пролетариата росло и влияние советов. Можно привести множество примеров того, какую ведущую роль сыграли сельсоветы в разгроме кулачества, петлюровцев, буржуазных националистов, жуликов. Подавляющая масса советских органов возглавляется преданными советскому строю людьми, выросшими из низов, сознающими все величие государственных задач. Отдельные советы показали поистине героические образцы борьбы за большевистские колхозы, борьбы за ликвидацию кулачества. Но тем острее сегодня чувствуется надобность указать на недостатки в работе сельсоветов, для

того чтобы в процессе предстоящей кампании выборов обеспечить исправление этих недочетов.

Чистка партии вскрыла, что коммунисты в сельсоветах не всегда сознавали свои ответственные задачи: не проводили должной организационно-массовой работы, не втягивали в работу пленумов, секций, депутатских групп широчайшие массы колхозников и трудящихся единоличников, самоустранялись от хода дальнейшей коллективизации. Многие сельсоветы проводили явно кулацкую политику, давая поблажки единоличникам, а зачастую и кулакам.

Особенно плоха работа сельсоветов в Ромненском районе. Здесь подавляющее большинство секций и депутатских групп не работает. Значительная часть членов сельсоветов «потеряна» и в работе участия не принимает.

В связи с этим в ряде сельсоветов заправляли всей работой единоличники, лучшие земли в этих сельсоветах отводились единоличникам, извращалась налоговая политика. Единоличники не выполняли своих обязательств перед пролетарским государством.

Ни один из 26 проверенных сельсоветов в Ромненском районе ни разу не обсуждал доклада о работе колхоза. Неудивительно, что ряд сельсоветов имеет низкий процент коллективизации: летчинский — 30, волчанский — 26, заруднянский — 35, каштуровский и николаевский — 40 и т. д.

Чистка вскрыла в ряде районов (Коропский, Ромненский и др.) много фактов грубого нарушения революционной законности на селе, а районные организации, в том числе прокуратура, суд и отделения НКВД, не вели должной борьбы с этими недопустимыми фактами.

В результате неудовлетворительного, оппортунистического руководства со стороны облисполкома и райисполкома сельсоветами, отсутствия тщательного подбора кадров и проверки исполнения часть сельсоветов оказалась засоренной классово чуждыми элементами, растратчиками и морально разложившимися.

Характерно, что из 40 председателей сельсоветов Ромненского района лишь один председатель избран на собрании членов совета. В 1933—1934 гг. было сменено по району 87 председателей сельсоветов, из них 9 отдано под суд. Ромненский район в наиболее сгущенной форме отражает недостатки в работе сельсоветов. Разумеется, многие из этих недостатков имели место и в других районах.

Районные партийные и советские организации, в первую очередь райисполкомы, не осуществляют оперативного руководства и систематического контроля над работой сельсоветов, не знают своих кадров, не проверяют их работы.

Районные партийные комитеты в подборе кадров шли по линии наименьшего сопротивления. Как вскрыла чистка, нередко посылали людей, дискредитировавших себя в одном селе, на не менее ответственную работу в другое село. Только этим можно об'яснить, что в Глуховском районе за 7 месяцев 1934 г. 27 председателей сельсоветов перебрасывались из села в село по 2 раза, 12 председателей сельсоветов — по 3 раза, 2 председателя сельсоветов—по 4 раза. В результате чистки по 28 райпарторганизациям исключено из партии 38,3% общего состава коммунистов—председателей сельсоветов.

Областной партийный комитет и районные партийные комитеты работой сельсоветов как органов диктатуры пролетариата мало интересовались.

* * *

Чистка была тем оселком, который помог проверить боеспособность всех хозяйственных и прочих органов и вскрыть много преступнейших наруше-

ний советских законов, расхищения общественной соцсобственности, нарушения революционной законности.

Вскрыты значительные растраты и хищения в кооперативных и торговых организациях. По Облпотребсоюзу выявлено в 1933 г. 2910 растрат на сумму 1 728 700 руб. В I квартале 1934 г. — 1 114 растрат на сумму 575 тыс. руб.; во II квартале растрат еще больше. По Черниговторгу в 1933 г. растрачено 588 900 руб. Козелецкий райпотребсоюз имел к началу чистки на текущем счету... 63 коп., в то время как произведено растрат на 23 тыс. руб. В Олешевском районе почти в каждом сельпо имеют место растраты. В Носовском районе руководители райпотребсоюза — Молчанов и Закревский — оказались жуликами с партбилетом, которые совершили ряд уголовных преступлений и скрылись, не явившись на чистку. К растратчикам никаких мер не принималось, их зачастую перебрасывали на другие работы, где они совершали новые растраты (Иченский, Конотопский и целый ряд других районов).

С ворами и растратчиками—этой заразой, чумой, язвой, оставленной нам капитализмом, — надлежащей борьбы в области не велось. Одной из важнейших причин неудовлетворительной работы торгово-кооперативных организаций является совершенно неудовлетворительное руководство ими со стороны областных организаций (потребсоюз, Черниговторг).

Парторганизации Облпотребсоюза и Черниговторга также были засорены перерожденцами, нарушителями государственной дисциплины и другими негодными элементами. В системе Облпотребсоюза и Черниговторга отсутствовали живая связь и конкретное руководство периферией. Вот как «руководят» в Облпотребсоюзе: руководитель тов. Шевцов вместе с зам. завторготделом Райвичем в течение 10 дней июня об'ехали 12 РПС и около 50 сельпо. Какое могло быть руководство в Черниговторге, когда во главе его долгое время стояли растратчики — директор Чаплинский и заместитель Рихтер! Ряд РПК совершенно не руководил торгово-кооперативными организациями.

В прилуцком райпарткоме несмотря на ряд крупнейших безобразий, имеющих место в прилукском отделении Черниговторга, на протяжении 2 лет лишь один раз был заслушан доклад о состоянии работы Черниговторга, да и то ограничились вынесением постановления, не проверили его выполнения, и безобразия продолжались.

В том же Прилуцком районе 23 июня дан «рапорт» о том, что райпотребсоюз досрочно выполнил план товарооборота. Этот рапорт — чистейшее очковтирательство, как установлено райкомиссией по чистке. Наоборот, имеется большой прорыв в выполнении плана. Исключительно велика текучесть торгово-кооперативных работников. Так например н.-северский райпартком за 2 года сменил 15 председателей горрайкопа.

Как повлияла чистка на работу черниговской областной организации?

Чистка выявила, что в огромном большинстве парторганизаций Черниговщины имеются примерные коммунисты, преданно борющиеся за осуществление генеральной линии партии, за проведение указаний вождя партии товарища Сталина.

Свыше 10 тыс. коммунистов и сотни тысяч честных беспартийных рабочих и колхозников посредством большевистской критики и самокритики помогли комиссиям по чистке вскрыть обманщиков партии, нарушителей железной дисциплины партии и государства и другие чуждые элементы, примазавшиеся к партии и советскому аппарату.

Чистка явилась могучим средством повышения авангардной роли коммунистов, поднятия политической и производственной активности рабочих, колхозников и служащих. Безусловно улучшилась работа всей областной парторганизации. Показателем является то, что с основными хозяйственно-поли-

тическими кампаниями Черниговская область в текущем году справляется несравненно лучше, чем в предыдущие годы. Многие районы добились успехов в хлебозакупках.

Комиссии по чистке основное внимание сосредоточивали на том, чтобы всемерно помочь черниговской парторганизации в кратчайший срок полностью завершить выполнение текущих хозяйственно-политических кампаний хлебопоставок, хлебозакупки, уборки, сдачи свеклы и т. д. После чистки росла производственная активность трудящихся.

Вот несколько примеров, выразительно говорящих о том, какое благотворное значение имела чистка в области.

Буринская райкомиссия по чистке в артели им. Шевченко (с. Михайловка) помогла организовать ежедневный выход на сбор колосков во время уборочной кампании по 250—300 чел., собиравших по тонне и больше колосков в день. Комиссия приняла активное и непосредственное участие в проведении хлебозакупок.

В этом же Буринском районе подавляющее большинство колхозов, где проведена чистка парторганизации, досрочно выполнило план хлебосдачи. В колхозе «3-й решающий» после чистки увеличился выход на работу. Развернулось соцсоревнование. Колхоз «Красная звезда» (вознесенский сельсовет) до чистки был самым отсталым в районе вследствие плохого руководства, плохой работы председателя колхоза коммуниста Тришечкина. После чистки тов. Тришечкин стал более ответственно относиться к работе, организовал колхозный актив, который помогает ему в работе. Этот актив организовал читку газет, проработку решений партии и готовится вступить в группу сочувствующих. Колхоз успешно выполнил план сеносдачи, уборку хлеба, досрочно выполнил обязательство по хлебосдаче. Значительно укреплена трудовая дисциплина. Колхоз вышел в передовой ряд по району.

В Добрянском районе в парторганизации колхоза «Красная звезда» были исключены из партии срывщики выполнения плана коммунисты Горбачевский и Протасов. Райкомиссия оказала конкретную помощь оставшимся трем коммунистам парторганизации. До чистки трудовая дисциплина была в упадке, и в самый разгар полевых работ выход на поле составлял не более 70% трудоспособных, прополка картофеля, сеноуборка, сеносдача и другие кампании находились под угрозой срыва; после чистки развернулось соцсоревнование и ударничество, выход на работу составлял 100%. На работу выходили не позже 6 час. утра, а не в 8—9 час., как это было раньше. Колхоз досрочно выполнил план сеноуборки и сеносдачи, хлебосдачи и осеннего сева.

В Семеновском районе, в колхозе имени Ильича (Николаевка), проверенные коммунисты образцово организовали уборочную. В поле были устроены культурные лагеря. В лагерях проведено радио, имеются специальные читальни. Местными силами проведен в лагерь телефон. Организовано хорошее общественное питание в поле. В колхозе на уборочной работали не только трудоспособные колхозники, но и старухи и старики, которых раньше считали нетрудоспособными. Старики и старухи организовались в специальную бригаду, заключили договор на соревнование с другой бригадой и вышли победителями. Уборку колосовых колхоз закончил досрочно, в 6 дней вместо 9 по плану.

Немало примеров роста производственной активности колхозов и трудящихся единоличников в связи с чисткой можно было бы привести и по другим районам.

Чистка способствовала росту производственной активности на ряде промышленных и транспортных предприятий области.

После чистки партии все парторганизации Сновского железнодорожного узла, положив в основу своей работы выводы комиссии по чистке и правиль-

но расставив партийные силы на решающих участках, добились повышения партдисциплины и авангардной роли коммунистов на производстве. Например в дорожных мастерских (партгрупорг тов. Онуфриев) ни один коммунист не имеет брака в ремонте, все коммунисты стали ударниками, себестоимость выпуска продукции снижена на 17%, значительно повысилась производительность труда.

Парторганизация 25-й дистанции пути (парторг тов. Чичин) добилась приведения хозяйства пути в хорошее состояние. Дистанция выдвинулась на первое место по Западной дороге. Больших успехов добились также мастерские депо и цех периодического ремонта.

Решительно повысилась авангардная роль коммунистов на узле. Например коммунисты старшие стрелочники — Шейман и Приходько — на производстве были самыми худшими, их стрелки находились в грязном и неисправном состоянии; Шейман и Приходько неоднократно грубо нарушали труддисциплину; в партийной, общественной жизни не участвовали. После чистки они не только стали работать гораздо лучше, но их смены стали передовыми. Теперь тт. Шейман и Приходько принимают активное участие в партийной и общественной жизни, работают над собой, оба в данный момент ударники. Или смазчик Васько. До чистки за ним как за плохим производственником числилось большое количество отцепок и случаев горения букс. Партийных нагрузок Васько не выполнял, партсобраний не посещал, над собой не работал. После чистки крепко подтянулся, не имеет отцепок, активно участвует в партийной, общественной жизни, аккуратно посещает партийную школу, включился в сталинский поход.

Очищая ряды черниговской областной парторганизации от классово чуждых, враждебных элементов, от буржуазных перерожденцев, буржуазных националистов, нарушителей железной дисциплины партии и государства, двурушников, оппортунистов, морально разложившихся и прочих антипартийных и негодных элементов, чистка партии явилась, безусловно, могучим средством дальнейшего укрепления рядов парторганизации и повышения ее боеспособности. Она высоко подняла чувство ответственности у коммунистов и беспартийных работников за порученное им дело и резко повысила партийную и государственную дисциплину.

Чистка всколыхнула широчайшие массы беспартийных рабочих, колхозников и трудящихся, еще более укрепила их доверие к нашей партии и советской власти.

Обком партии, райпарторганизации и все руководители советских, хозяйственных и торгово-кооперативных органов Черниговщины должны учесть уроки чистки, использовать мощный под'ем коммунистов и честных беспартийных тружеников, чтобы закрепить результаты чистки, не успокаиваясь на достигнутых успехах.

Черниговская парторганизация после чистки выходит еще более боеспособной, идейно вооруженной; под руководством ЦК ВКП(б), ЦК КП(б)У и гениального, любимого вождя партии товарища Сталина она станет в шеренгу передовых областей Украины и всего Советского Союза.

АМЕРИКАНСКИЙ КАПИТАЛИЗМ В ТУПИКЕ

Е. Варга

В дни, когда СССР, в разгар своей великой творческой работы, празднует XVII годовщину свержения власти буржуазии, интересно сделать краткий обзор развития за тот же период крупнейшей и богатейшей капиталистической страны — Соединенных штатов Америки. США — та самая страна, которую реформисты всегда приводили как доказательство того, будто под'ем рабочего класса возможен и при капитализме, а посему пролетарская революция является излишней. США — та самая страна, экономический расцвет которой в 1923—1929 гг. использовался в качестве основания для отрицания общего кризиса капитализма. США — та страна, о которой в последние годы утверждали, будто она нашла выход из кризиса посредством планомерной организации капитализма.

Соединенные штаты,— несомненно, одна из богатейших стран в мире. Гигантская территория, избыток земель по сравнению с численностью населения привлекали в США в XIX в. десятки миллионов людей из Европы, искавших счастья за океаном. Многие иммигранты погибли. Некоторым удалось тяжким трудом скопить столько, чтобы по возвращении в Европу, на родину, купить себе клочок земли. Многие устремлялись на Дальний Запад, где вплоть до конца XIX в. можно было по исключительно низким, номинальным ценам купить незанятые, пустующие земли, где земельная монополия экономически еще не существовала или существовала в очень незначительной мере [1]. Перспектива, переселившись на Запад, сделаться самостоятельными фермерами, поддерживалась у рабочих относительно высоким по сравнению с Европой уровнем зарплаты в США [2]. Из Европы притекала не только рабочая сила, но и капитал в громадных размерах. Вплоть до конца XIX в. США были страной, импортировавшей капиталы [3]. На основе колоссальных естественных богатств— плодородная земля, огромные запасы ископаемых (уголь, нефть, железо, медь и т. д.) — с помощью европейских капиталов и европейской рабочей силы американский капитализм и в первую голову американская промышленность развивались быстрым темпом. Нехватка рабочей силы и сравнительно высокие ставки зарплаты вынудили американский капитал в гораздо большей степени, чем это было в Европе, прибегать к использованию машин, экономящих труд, к расширению и обновлению основного капитала. Повышение органического состава капитала шло все более ускоренным темпом. Это создавало стреми-

[1] Правда, за отводимый земельный участок нужно было выплачивать государству или железнодорожным компаниям номинальную плату, но формально-юридическое наличие частной собственности на землю, как подчеркнул Маркс в своей полемике против Родбертуса в т. II «Теорий прибавочной стоимости», вкорне отличается от экономической земельной монополии.

[2] Все это не относится к феодально-помещичьему рабовладельческому Югу, где до середины XIX в. и даже позже существовало рабство негров, пережитки которого не изжиты до сих пор.

[3] Даже в то время, когда вспыхнула мировая империалистическая война, европейские капиталовложения в США на несколько миллиардов превышали сумму американских капиталовложений заграницей.

тельно расширяющийся внутренний рынок для средств производства; параллельно этому неуклонный рост сельского населения на основе освоения новых гигантских территорий и сравнительно высокая зарплата рабочих расширяли емкость внутреннего рынка и для средств потребления. Таким образом, развитие американского капитализма, разумеется с резкими колебаниями в периоды кризисов, представляет картину быстрого под'ема. Об этом свидетельствуют следующие данные американской переписи предприятий обрабатывающей промышленности[1]:

Годы	Промышлен. предприятий (в тыс.)	Рабочих (в тыс.)	Лошадиных сил (в тыс.)	Стоимость продукции (в млн. долл.)
1849	123	957	—	1 019
1879	254	2 733	3 411	5 370
1909	261	6 615	18 675	20 672
1914	177	6 896	22 291	23 988

За 30 лет, с 1848 по 1879 гг., число промышленных рабочих в США выросло втрое, стоимость же промышленной продукции в 5 раз. За тридцатилетие, с 1879 по 1909 гг., число промышленных рабочих возросло более чем вдвое, энерговооруженность предприятий — в 6 раз, стоимость промышленной продукции — в 4 раза. Скачкообразно возраставшая промышленная продукция почти целиком поглощалась внутренним рынком. США экспортировали продовольствие и сырье, но почти не вывозили промышленных изделий. Высокоразвитый промышленный капитализм находил на собственной территории широкие предпосылки для своеобразной экспансии во вновь открываемые аграрные районы.

Во второй половине XIX в. накопление богатств в США пошло гораздо быстрее чем когда-либо в другой капиталистической стране. В таких своеобразных условиях порой удавалось и иному мелкому буржуа, даже отдельному рабочему, обогащаться, попадать в класс капиталистов. Границы класса в известном смысле были еще подвижны. В 1869 г. Маркс писал, что республика является «...консервативной жизненной формой... в Северо-Американских Соединенных Штатах, где классы хотя уже существуют, но еще не отстоялись, а в беспрерывном движении меняют и уступают друг другу свои составные части, где современные средства производства не только не совпадают с хроническим перенаселением, а, наоборот, пополняют относительный недостаток в головах и руках и где, наконец, лихорадочное, полное юношеских сил движение материального производства, которое должно освоить новый мир...»[2].

Образовалась рабочая аристократия, в первую очередь из квалифицированных американских рабочих, которая резко отмежевывалась от иммигрантов и негров и представляла собой привилегированную касту.

Эти моменты определяли, а частично и до сих пор определяют некоторое своеобразие американского рабочего движения. В то время как в Европе профсоюзы в общем стремились по возможности увеличить свой численный состав, охватить всех рабочих данной категории, американские профсоюзы, которые в некоторых отраслях производства (типографские работы, строительные работы) добились монополии в посылке на работу (так называемая

[1] «Статистикал абстракт», стр. 730, 1932. В 1899 г. предприятия с годовой продукцией на сумму ниже 500 долл., а в 1914 г. на сумму ниже 5000 долл. не регистрировались. Но удельный вес их был очень невелик, так что общая тенденция от этого не изменялась.

[2] К. Маркс «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Избранные произведения. Т. II, стр. 253. ИМЭЛ. 1934.

система «закрытых мастерских» — «closed shops»), старались непомерно высокими вступительными взносами, достигавшими иногда сотен долларов, задержать приток новых членов. Высокие ставки, получаемые этим привилегированным, организованным в профсоюзы меньшинством, состоявшим из квалифицированных рабочих, обобщались апологетами американского капитализма в отношении всего рабочего класса США и приводились европейскими реформистами в доказательство того, что, мол, капиталисту выгодно платить рабочим высокую зарплату. Фактически же эксплоатация широкой массы американских рабочих, в особенности негров, иммигрировавших новичков, неквалифицированных рабочих была очень велика даже во времена расцвета американского капитализма. Попытки этих эксплоатируемых слоев посредством стачек добиться улучшения условий своего существования, как правило, беспощадно подавлялись. Высокий жизненный уровень американской рабочей аристократии базировался на жестокой эксплоатации рабочих масс капитализмом [1].

Те же причины определяли отсталость политического движения американского рабочего класса. Квалифицированные «американские» рабочие по преимуществу шли за буржуазией. Большая же часть иммигрантов-рабочих считала свое пребывание в Америке временным и думала лишь о том, как бы скопить определенную сумму и возвратиться на родину, нисколько не интересуясь политикой и зачастую продавая свои голоса за ничтожные материальные подачки одной из двух буржуазных партий США. Негры получили политические права лишь на бумаге, фактически же они остались бесправными.

* * *

Приблизительно на рубеже XIX и XX вв. темп под'ема американского капитализма замедлился. Быстрое повышение органического состава капитала было связано с усиленной концентрацией посредством накопления и централизацией капитала. Американский капитализм обнаруживает резко выраженные черты монополистического капитала. Для поддержания цен на высоком уровне монополии стали ограничивать продукцию, связывая бурное до тех пор развитие производительных сил. Расширению сельскохозяйственной продукции все более препятствует земельная монополия, поскольку пахотная земля уже большей частью освоена. Промышленный капитал, сталкиваясь с преградами на внутреннем рынке, начинает форсированно расширять внешний рынок.

Мировая война создала колоссальный спрос воевавших стран на продовольствие и сырье и дала американскому сельскому хозяйству новый толчок

---

[1] В 1910 г. состав населения США был таков (в тыс. чел.):

Общая численность населения	92 267	
В том числе:		
Негров	9 828	
Др. «цветных» (китайцев, индейцев)	402	
Уроженцев других стран	13 515	
Рожденных в США от родителей-иностранцев	18 898	42 643
Природных уроженцев США		49 488

Как видим, еще в 1910 г. только половину населения США составляли «чистокровные американцы», а внутри рабочего класса процент «чистокровных американцев» был еще ниже, так как иммигранты — это прежде всего рабочие (данные взяты из «Статистикал абстракт»).

к расширению возделываемой площади [1]. Промышленность, получая огромные заказы, вовлекая в производственный процесс новые рабочие руки, быстро расширяла производственный аппарат, вводила все более усовершенствованные машины в целях экономии труда. Линия замедления темпов развития прервалась.

С другой стороны, ускорилось монополистическое перерождение капитализма. Капитал реализовал при стремительно возраставших ценах колоссальные прибыли, тогда как реальная зарплата не только широкой массы рабочих, но и отдельных групп рабочей аристократии падала даже по данным буржуазной статистики [2]. Экспорт, в особенности экспорт промышленных изделий, быстро увеличивался: торговый баланс с высокоактивным сальдо [3] дал США возможность не только ликвидировать свои заграничные долги, но и превратиться в одного из крупнейших экспортеров капитала. Все это вместе с гигантским ростом внутренних государственных долгов [4] создавало обширный класс рантье. Паразитические черты монополистического капитализма выступали все резче. Границы между классами окончательно упрочились. Отдельные рабочие уже не имели возможности подниматься в класс капиталистов. Концентрация капитала дошла до такой степени, что уже невозможно было делать мелкие капиталовложения в промышленность, наоборот, процесс централизации капитала все быстрее вытеснял мелких и средних капиталистов. Самостоятельный предприниматель, который сам руководит собственным предприятием, перестал быть центральной фигурой американского капитализма. На первый план все более выдвигается финансовая олигархия, которая несмотря на закон против трестов стала всецело господствующей.

После сравнительно короткого и не очень глубокого циклического кризиса в 1923 г. начался новый ускоренный под'ем американского капитализма, пресловутый период «вечного» процветания — «просперити». Возникла теория «исключительности» США, теория Троцкого о том, что Америка посадит старую Европу «на паек».

Европейские капиталисты ездили в США, чтобы высмотреть у американцев секрет их процветания. Европейские экономисты словословили «страну неограниченных возможностей». Европейские реформистские профсоюзные вожди превозносили «прогрессирующий демократический американский капитализм», якобы доказывающий, что пролетарская большевистская революция является совершенно излишней, поскольку рабочий класс может очень хорошо жить и при капитализме. Дескать, Форд — «путеводная звезда», а не Маркс.

Развитие американской промышленности во время и после войны характеризуется следующими цифрами [5] (см. таблицу на стр. 52).

Эта таблица в известной степени раскрывает перед нами внутреннюю динамику пресловутого периода «просперити». За 15 лет, с 1914 по 1929 гг., применение механической энергии в американской промышленности **почти удвоилось**. Можно предположить, что весь основной капитал увели-

---

[1] Посевная площадь под пшеницей расширилась с 45,7 млн. акров в 1910 г. до 75,7 млн. акров в 1920 г. («Yearbook of Agriculture» — «Ежегодник земледелия»).

[2] П. Х. **Дуглас** «Реальная зарплата в США в 1890—1926 гг.». Бостон. 1930.

[3] Избыток экспорта повысился с 500 млн. долл. круглым счетом в среднем за 1900—1914 гг. до 3 млрд. долл. с лишним в годы 1916—1920; за 7 лет, с 1915 по 1921 г., экспорт превысил импорт на 17 млрд. долл. (по данным «Статистикал абстракт» за 1932 г.).

[4] Государственный долг США составлял за 1914 г. 1,18, за 1919 г. — 25,23 млрд. долл.

[5] «Статистикал абстракт», стр. 730.

Годы	Число предприят.	Колич. лош. сил	Число рабочих	Общая сумма зарплаты	„Value added“[1]	Индекс оптовой торговли[2] (1913 г. = 100)
	(В тысячах)			(В млн. долл.)		
1914	177	22 291	6 896	4 068	9 710	98
1919	214	29 328	9 000	10 462	24 809	199
1923	196	33 094	8 7.8	11 009	25 850	144
1925	187	35 773	8 384	10 730	26 778	148
1927	192	38 826	8 350	10 849	27 585	137
1929	211	42 931	8 839	11 621	31 885	137

чился, примерно, в той же пропорции[3]. Число рабочих с 1919 по 1929 гг. несмотря на колоссальный рост промышленной продукции оставалось неизменным. В 1929 г., когда стоимость промышленной продукции, даже учитывая падение цен, возросла почти вдвое против 1919 г.,— в промышленности было занято меньше рабочих чем в 1919 г. Характерное для капитализма в период его общего кризиса абсолютное высвобождение рабочей силы из промышленности: то обстоятельство, что неизбежно происходящее при капитализме в результате повышечия производительности труда относительное высвобождение рабочей силы уже не компенсируется расширением сбыта, дало себя знать уже в период пресловутого «вечного» «просперити».

Одновременно данные свидетельствуют о быстром снижении доли рабочего в производимом продукте. С 1919 по 1929 гг. общая сумма зарплаты повысилась на 1159 млн. долл. — 11%; «Value added» промышленной продукции за тот же период выросла на 7076 млн. долл. — 29%. Если в 1919 г. общая сумма зарплаты составляла 42% стоимости продукции, то в 1929 г. сумма зарплаты понизилась до 36% круглым счетом,—это конкретное цифровое доказательство тезиса Маркса, что с развитием капитализма все усиливается противоречие между безграничным стремлением капитала к экспансии и ограниченной потребительной способностью общества. Вместе с тем уменьшается покупательная способность крупнейшего слоя потребителей — сельского населения. Расцвет американского сельского хозяйства окончился вместе с войной. Начался хронический аграрный кризис. Цены на сельскохозяйственные продукты быстро падали, тогда как цены на покупаемые фермерами товары монополистических трестов держались на сравнительно высоком уровне. Образовался сильный разрыв, ножницы[4]. Понижение доходов фермеров происходило не совсем параллельно падению цен, потому что об'ем продукции продолжал увеличиваться[5]. Но ножницы, тяжелые налоги, проценты по закладным ухудшали с каждым годом положе-

---

[1] Под этим термином американские статистики подразумевают разницу между продажной ценой товара и расходами на сырье, полуфабрикаты и зарплату.

[2] Данные Лиги наций.

[3] Американская статистика не дает возможности определить основной капитал, так как включает стоимость земли, на которой возведено фабричное здание; в больших городах, где земельные участки очень дороги, это составляет очень высокую статью. Сильное изменение цен тоже путает картину.

[4] Индекс цен на продаваемые и покупаемые фермерами товары (1909 — 1914 гг.=100):

	1920 г.	1925 г.	1929 г.	1930 г.
Продажные цены	225	142	133	94
Покупные »	206	159	155	146

(По данным «Ежегодника земледелия» за 1932 г., стр. 900—902).

[5] Валовой доход фермеров (в млн. долл.):

1920 г.	1925 г.	1929 г.	1930 г.
16 935	11 968	11 741	11 911

ние фермеров. В период пресловутого «всеобщего процветания» из года в год разорялись 2—3% фермеров, и земля их продавалась с молотка [1].

На протяжении всего этого периода процесс концентрации земли как следствие диференциации непрерывно развивался. Следующая таблица является как бы продолжением ленинской таблицы, приведенной в его очерках развития земледелия в Америке [2].

Процентное распределение обработанной земли по группам ферм [3].

Акры [4]	1900 г.	1910 г.	1920 г.	1930 г.
До 20	1,6	1,7	1,0	1,8
20—49 . .	8,0	7,6	7,7	7,9
50—99 . .	16,2	14,9	14,4	13,1
100—174 . .	28,6	26,9	25,5	23,7
175—499 . .	32,7	33,8	33,8	34,4
500—999 . .	7,1	8,5	9,6	11,1
1000 и более .	5,9	6,5	7,5	8,0

Таблица показывает развитие крупных капиталистических сельхозпредприятий за счет средних ферм. Хозяйства свыше 500 акров в 1930 г. занимают 19,1% пахотной земли против 13% в 1900 г.; земельная площадь средних типичных фермерских хозяйств (от 50 до 175 акров) уменьшилась с 45% в 1900 г. до 37% в 1930 г. Эти цифры показывают, что линия концентрации, вскрытая Лениным, продолжает развиваться в сельском хозяйстве Америки ускоренным темпом.

Чтобы показать все значение диференциации, мы должны привести еще данные относительно земельной собственности. Процент фермеров, хозяйствовавших исключительно на арендованных участках, согласно переписи составлял: в 1900 г. — 35,3; в 1920 г. — 38,1; в 1930 г. — 42,4.

Концентрация землевладения, как видим, прогрессирует усиленным темпом. За 10 лет «просперити» число фермеров-арендаторов увеличилось на 11,3%, тогда как до этого периода в течение 20 лет (1900—1920 гг.) увеличение числа арендаторов составило всего лишь 8%.

Резюмируем: период «процветания» не улучшил положения ни рабочих, ни трудящихся фермеров. К этому периоду можно полностью отнести те слова Гладстона, которые Маркс цитирует в «Капитале»:

«Это ошеломляющее увеличение богатства и силы... коснулось только состоятельных классов».

В то время как доходы рабочего класса и фермеров в лучшем случае оставались на одном уровне, прибыли капиталистов стремительно росли [5]:

Годы	Чистая прибыль акц. общ. (в млн. долл.)	Выплаченные ими проценты	Итого
1923 . . .	7 634	3 278	10 912
1924	6 795	3 445	10 240
1925	9 316	3 617	12 933
1926 . . .	9 510	3 989	13 499
1927	8 669	4 375	13 044
1928	10 736	4 582	15 318
1929	11 859	4 926	16 795

[1] Продажа с аукциона фермерской земли и банкротства фермеров в процентах к общему числу фермеров составили: в 1927 г. — 2,4; в 1928 г. — 2,3; в 1929 г. — 2,0; в 1930 г. — 2,1.

[2] Ленин «Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки». Т. XVII, стр. 604. 3-е изд. «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии».

[3] Данные за 1900 и 1910 гг. заимствованы у Ленина, а за 1920 и 1930 гг. — из «Статистикал абстракт» за 1932 г., стр. 581.

[4] 1 акр = 0,4 га.

[5] Данные заимствуем из «Статистикал абстракт» за 1928 г., стр. 191 и 1932 г., стр. 185.

Эти данные, заимствованные из статистики доходов, которая ведется в целях налогового обложения, показывают лишь динамику барышей акционерных обществ: фактические прибыли были значительно выше. Сюда не включены важнейшие статьи, образуемые прибылями, секретные «резервы», колоссальные суммы, выкачиваемые верхами финансовой олигархии из контролируемых ими предприятий[1], налоги (помимо подоходного налога) и т. д. Но даже эти данные показывают, что чистая прибыль в период «просперити» повысилась до 4235 млн. долл., т. е. на 55%. Для капитала это действительно был «золотой век».

Каждому марксисту ясно, что такое повышение суммы прибылей означает повышение присваиваемой капиталом массы прибавочной стоимости. Прибавочная стоимость создается в процессе производства рабочими, занятыми на предприятиях промышленного капитала, на фабриках, заводах, в шахтах, сельском хозяйстве, на перевозках. Рабочие, занятые в сфере обращения товаров, хотя и эксплоатируются, но не создают новых стоимостей, а следовательно, не создают и прибавочной стоимости. Увеличение массы прибавочной стоимости становится возможным либо посредством эксплоатации большего числа рабочих, либо посредством усиления степени эксплоатации труда. Последнее, несомненно, имело место в период «процветания». Это можно доказать на основе официальных данных американской переписи, по крайней мере в отношении фабрично-заводской промышленности.

Усиление степени эксплоатации в фабрично-заводской промышленности США в период процветания[2]

Годы	Число рабочих (в тыс. чел.)	Выплачен. сумма зарплаты (в млн. долл.)	Увеличение стоимости продукции (за вычетом расхода на амортизацию машин) (в млн. долл.)	Норма прибавочной стоимости
1921 . .	6 947	8 202	8 730	106
1923 . .	8 778	11 009	13 041	118
1925 . .	8 384	10 730	13 748	128
1927 . .	8 350	10 849	14 436	133
1929 .	8 839	11 621	17 664	158

Мы видим характерные для упадка капитализма признаки: число эксплоатируемых рабочих в период «процветания» остается неизменным, норма же прибавочной стоимости повышается на 50%[3]. Золотой век процветания для капиталистов был периодом величайшей эксплоатации рабочих.

Несоразмерность между быстро возрастающими прибылями капиталистов и застывшими на одном уровне доходами пролетариата, несмотря на усиленную эксплоатацию труда, до такой степени бросалась в глаза, что даже апологеты капитализма сочли нужным, наряду с теорией «высокой зарплаты», изобрести новую теорию. Суть этой новой теории заключается в том, что якобы в результате все более распространяющегося владения акциями разница между капиталистами и рабочими вообще исчезает. Некий аме-

[1] Директора крупных банков получают по 2—3 млн. долл. в год в виде премий за успешное ведение банковских операций. Они спекулируют деньгами банка, причем прибыль получают персонально они, потери же ложатся на банк, и т. д.

[2] «Статистикал абстракт». Расходы на амортизацию вычислены мною на основе прежних данных. — Е. В.

[3] Это, конечно, лишь приблизительный подсчет. Из общей суммы прибавочной стоимости следовало бы вычесть расходы на амортизацию строений; но зато надо было бы прибавить торговую прибыль, поскольку промышленный капитал часть своей прибавочной стоимости предоставляет торговому капиталу.

риканский профессор Карвер отважился даже заявить, что в США происходит «первая подлинно социальная революция», поскольку число акционеров повысилось до 17 млн. и все рабочие уже находятся на пути к тому, чтобы стать капиталистами. Составленная гуверовским комитетом книга «Новейшие изменения в экономике» («Recent Economic Changes»), рекламный труд периода «просперити», повторяет это лживое измышление в своем итоговом отчете [1]:

«Число владельцев акций возросло приблизительно с 2 млн. до 17 млн. слишком...»

Эта цифра — 17 млн. акционеров — появилась в результате грубого статистического подлога. Несколько капиталистических предприятий опубликовало данные о росте числа своих акционеров; эти данные были попросту перенесены на все акционерные общества пропорционально количеству выпущенных ими акций, причем совершенно игнорировалось то обстоятельство, что ни один капиталист никогда не вкладывает весь свой капитал в акции одной только фирмы, а размещает его в 10—20 различных фирмах, чтобы лучше застраховаться от риска, и, следовательно, один и тот же акционер фигурирует в нескольких предприятиях, и т. д.

На основе официальной статистики доходов получается следующая, более соответствующая истине, картина распределения акций в 1927 г. [2]:

		Сумма получен. дивидендов (в млн. долл.)
Всего держателей акций	3 300 000	
В том числе с доходом свыше 5000 долл. .	516 000	3762
» » » ниже 5000 долл. .	484 000	493
Ниже облагаемого налогом минимума . . .	2 300 000	45

Ясно: 2,3 млн. некапиталистических держателей акций, в том числе и рабочие, получили 45 млн. долл. дивидендов, т. е. в среднем по 20 долл. в год на человека. Хороши «капиталисты», получающие в виде дивиденда целых 20 долл. в год! Вот как обстоит дело с «превращением рабочих в капиталистов» в США — обетованном царстве «просперити», воспетом всеми реформистами.

Между прочим большая часть рабочих, имеющих мелкие акции, приобрела их вовсе не по собственному желанию: акции были навязаны рабочим в принудительном порядке частью предпринимателями, частью же местными акционерными обществами электричества, газа и телефона. Навязывание акций в форме принудительных отчислений из зарплаты практикуется и теперь:

«На одной текстильной фабрике в районе Монгомери у рабочих было удержано 25 проц. из их заработка в счет принудительного вложения в акции компании. Одна девушка сообщает, что даже из 14 центов, которые ей только и удалось заработать, ввиду недостатка работы, за целую неделю, работодатель все же удержал 3 цента на покупку акций» [3].

Вот как создаются «рабочие-капиталисты» в США!

И не только рабочие и крестьяне, но и значительные слои средней буржуазии ничего не получили от «просперити» [4]. Львиная доля барышей до-

[1] «Recent Economic Changes». Т. I, стр. XII.

[2] Выдержка из работы статистика бюро переписи Джоз. Мак Коя «Источники процветания», цитированная Кореем в его труде «Упадок американского капитализма». Нью-Йорк. 1934.

[3] Феннер Броквей «Удастся ли Рузвельту?» («Will Roosevelt succed?») стр. 78. Лондон. 1934.

[4] По налоговому обложению акционерные общества имеют потери:

В тыс. долл.		В % к общему числу акц. о-в	
1923 г.	1929 г.	1923 г.	1929 г.
106	187	41	47

Конечно, речь идет о мелких и средних предприятиях, которые не занимали монопольных позиций и еще в период процветания работали в убыток, а во время кризиса разорились окончательно.

сталась монополистическому капиталу: крупным банкам, финансовой олигархии, крупным спекулянтам [1].

Мы так подробно остановились на анализе периода «просперити», чтобы показать, что уже тогда едва удавалось замаскировать упадок американского капитализма. Ведь только на основе анализа фазы процветания становится понятным, почему так резко обнаружился упадок во время кризиса и в современной депрессии особого рода, почему «новый курс» не привел к новой фазе процветания.

Период процветания не был связан со сколько-нибудь значительным расширением покупательной способности широких рабоче-крестьянских масс. Процветание стало возможным в силу необходимости наверстать недостаточную во время войны замену изношенного основного капитала (машины, постройки, железные дороги): капиталисты стремились превратить нажитые на войне колоссальные прибыли в производительный капитал. Процветание почти исключительно базировалось на расширении продукции 1-го подразделения (средства производства); то был типичный случай такого расширения рынка, когда, как говорит Ленин, капиталисты были взаимно лучшими покупателями своих товаров [2].

Но так как параллельно с расширением и обновлением основного капитала происходило относительно сильное сокращение числа занятых рабочих, причем это сокращение не компенсировалось расширением производства, ибо не расширялась соответствующим образом покупательная способность рабочих и трудящихся фермеров, то неизбежно должно было наступить перепроизводство основного капитала [3] и перепроизводство товаров. Еще в период «просперити» все острее стала чувствоваться узость рынка сбыта. В годы 1924 и 1927 наблюдались уже явления регресса. Некоторые «старые» отрасли промышленности—угольная, судостроительная, текстильная—испытали лишь очень незначительный под'ем. Колоссальную производственную способность удавалось использовать примерно лишь наполовину. Монополии вели на почве конкуренции отчаянную борьбу «за доллар» потребителя [4]. В то время как адвокаты американского капитализма, не имея никакого представления о внутренних законах своего собственного хозяйства, горделиво возвещали, что им удалось уничтожить циклические кри-

---

[1] Прибыль непроизводительных «финансовых» акционерных обществ (банки, холдинг-компании и компании финансирования и т. д.) повысилась с 870 млн. долл. в 1923 г. до 2438 млн. долл. в 1929 г.

[2] По подсчетам Германского кон'юнктурного института движение индекса промышленного производства США представляется в следующем виде (1828 г.=100):

	1913 г.	1919 г.	1923 г.	1929 г.
1-е подразделение . . .	57	68	91	109
2-е подразделение . . .	78	89	99	104

Сдвиг в сторону 1-го подразделения по сравнению с довоенным временем огромный. Стоимость одной только продукции машин возросла с 4,7 млрд. долл. в 1923 г. до 7 млрд. в 1929 г.

[3] Множество интересных данных об избытке основного капитала приведено в книге Стюарта Чейза «Экономика изобилия», вышедшей в Нью-Йорке в 1934 г.

По подсчетам Доана, производственная способность всего американского народного хозяйства (включая сельское хозяйство) в годы высокой кон'юнктуры, из расчета одной смены в день и 6 смен в неделю, превышала фактическую сумму продукции на 32%, а потребление — на 67% («Экономика изобилия», стр. 179).

[4] Непроизводительные расходы, сопряженные с борьбой на почве конкуренции, сильно возросли. Число коммивояжеров увеличилось с 179 тыс. в 1920 г. до 224 тыс. в 1930 г. Расходы на рекламу (газеты, журналы, плакаты, радио и т. д.) за 1927 г. достигают по некоторым подсчетам 1502 млн. долл. («Новейшие сдвиги в экономике». Т. I, стр. 402). Автопромышленность, мебельная торговля, радио расширили сбыт искусственно, путем продажи в рассрочку.

зисы[1], разразился большой кризис, который положил конец болтовне о «вечном» процветании и обнаружил упадок американского капитализма.

Мы не будем заниматься анализом самого кризиса: с этим наши читатели уже знакомы. Необходимо только отметить, что централизация капитала продолжала стремительно развиваться и во время кризиса, что миллионы фермеров, ремесленников, мелких спекулянтов разорялись и гибли, что зарплата падала еще быстрее чем цены. Все это приводило к длительному сокращению потребительной способности общества. Цель нашей статьи — показать, как упадок американского капитализма проявляется в депрессии особого рода: почему не может наступить новая фаза процветания, аналогичная 1923—1929 гг., и почему «новый курс» потерпел неудачу.

Исходным пунктом возьмем низшую точку кризиса, достигнутую в середине 1932 г. Как и во всяком циклическом кризисе, внутренний механизм капитализма создал известные предпосылки для перехода к депрессии. Избыточные запасы промышленных изделий, возникшие в результате перепроизводства, понизились до нормального уровня путем свертывания производства, физического уничтожения товаров и сильнейшего падения цен[2]. В течение затянувшегося кризиса не компенсировалось даже естественное снашивание основного капитала; таким образом накопился известный спрос, вызываемый необходимостью замены, особенно на железных дорогах. Как почти во всех капиталистических странах, начался рост промышленной продукции. Казалось бы, путь перехода к депрессии был открыт.

Как известно, это развитие было прервано банковским кризисом, разразившимся в начале 1933 г. и в марте приведшим к настоящей катастрофе. Предотвратить окончательный крах всей кредитной системы, банкротство всех банков удалось только путем полного государственного моратория.

Этот запоздалый, но тем более сильный взрыв кредитного кризиса находится в непосредственной связи с тенденцией упадка американского капитализма. Во время кризиса происходило очень сильное, притом крайне неравномерное, падение цен. Бремя долгов, которые в период «просперити» легкомысленно накапливались в силу беспочвенной надежды, что «просперити» будет длиться бесконечно, оказалось невыносимым для промышленного капитала, для фермеров и т. д. Крупные банки, поддерживаемые государством, приложили все усилия, чтобы задержать взрыв кредитного кризиса, поскольку при тесном сращивании промышленного капитала с банковским капиталом[3] кредитный кризис угрожал существованию самих крупных банков.

Взрыв кредитного кризиса совпал с приходом Рузвельта к власти. Началась политика «нового курса», которая продолжается уже полтора года и результаты которой мы должны подвергнуть анализу в этой статье.

Внешняя форма, в которую облечен «новый курс», — это вручение парламентом широчайших полномочий президенту. На этой основе

---

[1] В гуверовском отчете «Новейшие сдвиги в экономике», на стр. XXII, читаем: «Поскольку аппетит на товары и услуги практически не удовлетворен и производительность может непрестанно повышаться, мы, видимо, сможем продолжать работать с повышенной активностью».

«Аппетит» к товарам у масс налицо, им не хватает только денег, чтобы купить эти товары для удовлетворения своего аппетита. В этом вся загвоздка.

[2] Индекс запасов промышленных изделий составлял: в 1923—1925 гг. — 100; в 1929 г. — 120; в 1930 г. — 120; в 1931 г. — 114; в 1932 г. (июль) — 104. Официальные данные «Survey of Current Business».

[3] В качестве примера можно привести банкирский дом Моргана. Дж. П. Морган и К° занимают директорские посты в промышленных и банковских предприятиях, располагающих свыше 20 млрд. долл. Банки Моргана: банкирский трест, Гаранти-трест и Первый национальный банк — располагают руководящими постами в акционерных обществах, имеющих в своем распоряжении свыше 52 млрд. долл. «Союзники» Моргана—Чейз Нешнел банк и Нешнел сити банк—занимают руководящие позиции в обществах, располагающих свыше 45 млрд. долл. См. Л. Корей «Банкирский дом Моргана», стр. 30.

происходит глубочайшее вмешательство государства в развитие хозяйства, что резко противоречит традиционному американскому «здоровому индивидуализму». Но страх перед банковской катастрофой у буржуазии был так велик, возмущение фермеров приняло такой всеобщий характер, результаты «ортодоксального» гуверовского режима были столь потрясающими[1], что в течение почти целого года никакой организованной оппозиции против новой политики не было. Вся конструкция «нового курса», несомненно, содержит элементы фашизации государства.

Экономическое содержание политики «нового курса» делится на три части:

а) Немедленные мероприятия для спасения американского капитализма от катастрофического положения, от того «disaster», в котором он очутился в марте 1933 г.

б) Меры для преодоления циклического экономического кризиса.

в) Меры, имеющие целью остановить упадок американского капитализма и преодолеть в Америке общий кризис капитализма путем осуществления капиталистического «планового хозяйства».

Теоретической основой «нового курса», поскольку вообще можно говорить о таковой, является самая вульгарная мелкобуржуазная теория недопотребления: страна богата, население умственно развито и трудолюбиво; «корень зла» заключается в неправильном распределении доходов; надо только, чтобы капиталисты повысили заработную плату, тогда рабочие смогут покупать больше товаров и не будет никакого перепроизводства. Предприятия-де будут загружены больше, себестоимость снизится, а прибыль капиталистов несмотря на повышение заработной платы не уменьшится.

Политическое содержание «нового курса» сводится к наивному и, разумеется, совершенно бесперспективному стремлению удовлетворить и примирить в рамках капитализма все классы: буржуазию, фермеров, мелкую буржуазию, рабочих.

Спасение от кредитной и банковской катастрофы было достигнуто обычными буржуазными методами: установлением всеобщего моратория и предписанием закрыть все банки; был установлен государственный контроль над всеми финансовыми учреждениями; государство взяло на себя гарантию вкладов в сберегательные кассы; государство получило возможность в случае необходимости на много миллиардов увеличить сумму средств обращения. Таким путем удалось преодолеть, вернее, отсрочить, острый кредитный кризис. Правда, несколько тысяч мелких банков было принесено в жертву.

Важнейшие меры для преодоления циклического экономического кризиса сводились к следующему:

а) Снижение курса доллара на 40%[2]. Это повело к повышению всех цен, что после известного промежутка времени поведет к соответствующему облегчению долгового бремени, к изменению распределения доходов в пользу промышленного капитала в ущерб заемному капиталу.

б) Законы, изданные специально для повышения цен на сельскохозяй-

[1] В марте 1933 г., по данным Американской федерации труда, число полностью безработных в США достигало 13 689 000 чел. Больше трети населения было вынуждено жить на крохи благотворительности. Миллионы фермеров впали в ужасающую нищету. Из 24 650 банков, имевшихся в 1929 г., к началу 1933 г. оставалось только 18 390. Подавляющая часть отраслей производства средств производства работала с убытком и т. д.

[2] Так как торговый и платежный баланс США является активным и государственный дефицит не был покрыт эмиссией бумажных денег, то пришлось для обесценения доллара вступить на совершенно новый путь: правительство США скупало золото на мировом рынке по все более высоким ценам, пока не был достигнут желательный уровень девальвации.

ственные продукты, особенно упавших за время кризиса. Для целого ряда товаров: пшеница, кукуруза, хлопок, табак, свиньи — установлены были государственные минимальные цены или выплачивались премии-компенсации за снижение количества продукции. Необходимые для этого денежные фонды были образованы путем отчислений, которые выплачивались государству владельцами первичных перерабатывающих сельскохозяйственное сырье предприятий, причем эти расходы, разумеется, перелагались на потребителей.

в) Борьба с безработицей путем ассигнования колоссальных государственных средств на организацию общественных работ — прокладку дорог, облесение и т. д., на стимулирование коммунального строительства, на увеличение флота до установленных Вашингтонским соглашением границ. Финансовым итогом всех этих мероприятий был быстрый рост суммы государственного долга (с 20,8 млрд. долл. в начале 1933 г. до 27,1 млрд. долл. в августе 1934 г.).

В основу «нового курса» НИРА (закон о восстановлении национальной промышленности) положены так называемые кодексы в промышленности. Эти кодексы, как было возвещено идеологами «нового курса», должны преодолеть анархию капиталистического способа производства плановым регулированием хозяйства, положить конец безработице, повысить доходы рабочего класса и в общем создать такое распределение доходов, которое исключало бы возможность повторения кризиса.

В нашу задачу не входит исследование субъективных мотивов, которыми руководствовались инициаторы введения этих кодексов. Но каждому марксисту ясно, что вся эта концепция является мелкобуржуазной утопией, что внутри капиталистического режима всякая попытка государственного «планирования» должна укрепить позиции монополистического капитала; что всякая попытка устранить путем государственного вмешательства противоречие между стремлением капитала к безграничному расширению продукции и потребительной способностью общества, ограничиваемой пролетарскими условиями существования трудящихся масс, осуждена на провал; что таким путем невозможно ликвидировать общий кризис американского капитализма, и всякая такая попытка неизбежно ведет лишь к усилению эксплоатации рабочего класса. Только такие люди, как Грин, председатель Американской федерации труда, душой и телом продавшиеся буржуазии, могут в целях демагогии притворяться, что они действительно верят в такую чепуху, будто капиталистам выгодно платить рабочим более высокую зарплату.

«Отказ делить прибыли с производительными рабочими приводит к иссяканию источников большего дохода для промышленности... Если бы рабочие могли покупать все, в чем они нуждаются и чего хотят, промышленность могла бы больше зарабатывать, зарплата и дивиденды повысились бы... Наша способность производить фактически беспредельна, что касается механической стороны производства. Предел ставится способностью потребителя покупать. И тут мы попали в затруднение, вызванное нашей неспособностью понять взаимозависимость производства и розничной торговли. Индивидуальный работодатель не понимал, что зарплата, которую он платит своим рабочим, составляет часть покупательной силы, от которой зависит его предприятие. Пока рабочим и служащим не будет доставаться значительно большая доля стоимости продукции, никакого рынка сбыта для повышенной продукции не будет» [1].

Эта теория не только нелепа, но и сознательно контрреволюционна: ее цель — внушить рабочим, будто в рамках капитализма возможно параллельно развитию производства улучшить их положение.

---

[1] Вильям Грин «Национальное планирование». «Нью-Йорк таймс» от 17 декабря 1933 г.

Посмотрим, что дал «новый курс» промышленному пролетариату. При этом мы будем пользоваться исключительно официальными данными буржуазной статистики [1].

	Индекс промышл. продукции 1923/25 = 100	Степень занятости 1923/25 = 100	Общая сумма выплач. зарплаты	Индекс стоимости жизни [2] 1926 = 100	Индекс цен на готовые фабрикаты 1926=100
Июль 1932 . . .	55	59	40	77,0	70,5
Июль 1933 . . .	97	72	51	75,2	72,2
Июль 1934 . . .	73	79	60	79,1	78,2

Кодексы вступили в силу примерно к середине 1933 г. — одни раньше, другие позже. Первый отрезок времени с июля 1932 г. по 1933 г. показал увеличение об'ема промышленной продукции на 76%. Этот колоссальный рост промышленной продукции потребовал увеличения числа занятых рабочих [3] только на 22% и повышение общей суммы зарплаты на 27%. Таким образом посредством увеличения общей суммы зарплаты лишь на 27% было достигнуто повышение производительности труда на 76%, т. е. колоссально повысилась эксплоатация на основе тех рационализаторских мероприятий, которые американский капитал провел во время кризиса за счет рабочих. В результате, хотя промышленная продукция достигла почти «нормального» уровня, около 12 млн. остались безработными [4].

Если мы на основе приведенной таблицы рассмотрим период действия НИРА с июля 1933 г. по июль 1934 г., то получится следующий весьма жалкий результат: число рабочих, судя по ведомостям зарплаты, повысилось на 10%, общая сумма их зарплаты увеличилась на 18%, в то время как стоимость жизни повысилась значительно больше: Фейрчайлдовский индекс [5] розничных цен поднялся с 76,1 в июле 1933 г. до 87,9 в июле 1934 г., т. е. на 15%. Цифра безработицы в июле 1934 г. составляла 10,7 млн.

Этот убогий результат действия кодексов, якобы благоприятных для рабочих, об'ясняется следующими причинами:

а) капиталисты не проводили в жизнь предписаний кодексов;

б) капиталисты пользуются установлением минимума зарплаты, чтобы снижать ставки вышеоплачивавшихся рабочих.

И то и другое стало возможно в силу ряда обстоятельств: тексты кодексов, а их почти тысяча, составлялись преимущественно самими предпринимателями данной отрасли производства. Поэтому все пункты, касающиеся зарплаты, изложены неясно, и толкование их весьма растяжимо. Исключений так много, что общие постановления делаются иллюзорными [6]. Кодексами ведает одна лишь центральная администрация, и на местах нет работоспо-

---

[1] «Federal Reserve Bulletin», сент. 1934 г., стр. 594.

[2] «Survey of Current Business».

[3] В статистических данных приводится число рабочих, которые значились в течение определенного отрезка времени в ведомостях зарплаты, независимо от того, работали ли они шесть дней или один день в неделю.

[4] Американская федерация труда указывает на июль 1933 г. цифру безработицы 11 793 000 чел. («American Federationist» за апрель 1934 г., стр. 423). Буржуазные источники, например «National Industrial Conference Board», приводят цифры, существенно не отличающиеся от этой цифры АФТ: на июль 1933 г. — 10 250 000. При этом «National Industrial Conference Board» подчеркивает: «Придерживаясь консервативного курса, мы предпочитаем скорее преуменьшить, чем преувеличить число безработных» (см. «Conference Board Bulletin» за июнь 1934 г., стр. 42). Но по данным других источников число безработных значительно выше, чем приводимая АФТ цифра.

[5] «Survey of Current Business» за сентябрь 1934 г., стр. 24.

[6] Один из рабочих представителей в бюро жалоб в Детройте показал на рабочем собрании подписанный Рузвельтом кодекс для рабочих, не охватываемых специальным кодексом; этот кодекс занимал полторы странички, а перечень исключений, допускаемых властями, представлял целую книгу в 235 страниц (Феннер Броквей, стр. 74).

собных ее отделов [1], которые могли бы карать за нарушение кодексов. Суды и весь государственный аппарат насилия попрежнему остаются в руках капитала.

Вот несколько конкретных примеров:

«Со всех концов Юга ежедневно поступают заверенные заявления, обвиняющие предпринимателей в том, что они нарушают предписания кодексов относительно минимума зарплаты и коллективных договоров о зарплате и уклоняются от выплаты полностью минимальных ставок, нанимая обученных рабочих в качестве еще подучивающихся. Из тысячи пятисот жалоб, принесенных союзом, ни одна не была удовлетворена» [2].

Феннер Броквей передает беседу с участником стачки рабочих шелковых фабрик в Патерсоне [3]:

«Новых рабочих (в связи с сокращением рабочей недели) не набрали. Машины же пустили ускоренным темпом. Вот и все. Некоторые вырабатывают в два раза больше чем прежде. Я не видел ни одного нового лица, за исключением одного сторожа у ворот. Он понадобился потому, что сокращение рабочего дня означало введение еще одной дополнительной смены».

Предусмотренная кодексами рабочая неделя частью длиннее, чем фактически существовавшая до кодексов [4], а там, где рабочая неделя была продолжительнее, правила кодексов не соблюдаются, особенно в тех отраслях и местностях, где рабочие организации и коммунистическая партия слабы.

«Велики страдания Юга. До НИРА меньшинство рабочих получало приличные ставки. А теперь «минимум» НИРА стал всеобщим максимумом: делегаты уверяли меня, что могут в доказательство принести целые корзины конвертов от зарплаты. „44-часовая рабочая неделя существует только на бумаге... Делегаты рассказывали мне о людях, которые все еще работают по 90 час. в неделю...» [5].

«Недавно я получил письмо от группы рабочих с одной фабрики Юга:

М. г.! Только пару слов, — быть может Вы сможете нам помочь. По кодексу все текстильщики должны получать не меньше 12 долл. в неделю... Посылаю Вам несколько пустых конвертов от зарплаты в доказательство того, что некоторые получают только 8 долл. в неделю за 40 час. работы. Сударь, клянусь, я не могу содержать семью из 9—10 душ на этот ничтожный заработок» [6].

Можно было бы до бесконечности приводить подобные факты из буржуазной литературы, не говоря уже о коммунистической печати. Все эти факты показывают, что благоприятные для рабочих правила и постановления кодексов в большинстве случаев остаются только на бумаге.

---

[1] «Бюро жалоб в Детройте не имеет никаких... материальных средств для работы: ни помещения, ни денег для найма такового, ни стенографисток, ни денег на оплату хотя бы одной стенографистки. А между тем бюро до того завалено жалобами на нарушение кодексов, что члены бюро пять раз в неделю заседают по 10 час. и все-таки у них запоздание по работе на два месяца» (там же, стр. 75).

[2] Председатель Об'единенного союза текстильщиков Мак Магон в «Дейли Ньюс рекорд» от 20 октября 1933 г. Цитата приведена в книге «Иллюзии Рузвельта» Эмиля Беренса и Ф. М. Роя. Лондон.

[3] Феннер Броквей. Стр. 70.

[4]

Отрасли пром-сти	Предусм. кодексами раб. неделя	Средн. раб. неделя до кодексов
Автомобильная	35	31,9 (1932 г.)
Нефть	40	42,6 (июнь 1933 г.)
Сталь	40	37,9 » »
Битуминозный уголь	40	28,5 » »

[5] О. Карлсон «Южные рабочие организуются». «Нойшен» от 26 сентября 1934 г., стр. 353.

[6] Там же.

Да иначе и быть не может. В буржуазном государстве подобные законы остаются на бумаге, если сильные классовые рабочие организации не следят за их проведением в жизнь и не заставляют соблюдать их. Но владельцы всех крупных предприятий: шахт, металлургических заводов, автомобильных заводов и т. д., не признавали и не терпели на своих предприятиях никаких профессиональных организаций, в том числе союзов АФТ, которые представляют собою все, что угодно, только не революционные организации. Капиталисты терпели только ими же организованные желтые, компанейские, союзы. Между тем в каждом кодексе имеется пресловутый пункт «7/а НИРА», якобы обеспечивающий рабочим свободу профсоюзов во всех предприятиях. Пункт этот гласит:

«1) Рабочим должно быть предоставлено право организации и коллективных переговоров о зарплате через выборных их представителей, причем рабочие должны быть свободны от всякого вмешательства, ограничения или принуждения со стороны работодателей и их агентов в избрании таких представителей или в создании своей организации или во всяком другом коллективном действии в целях ведения коллективных переговоров о зарплате, взаимопомощи или защите.

2) Ни одному рабочему или предлагающему свой труд нельзя ставить условием предоставления работы вступление его в компанейский союз или требовать, чтобы он воздержался от присоединения, от организации или активного участия в какой-нибудь рабочей организации по собственному выбору.

3) Предприниматели должны соблюдать нормы максимального рабочего времени, минимальных ставок или другие правила труда, одобренные или предписанные президентом».

Но капитал нашел пути и средства к обходу этого правила. Форд просто отказался проводить их в жизнь и демонстративно закрыл один из своих заводов. В кодекс автомобильной промышленности, принятый после долгих переговоров, был включен пункт, предоставляющий предпринимателям право увольнять любого рабочего, независимо от его профсоюзной принадлежности, если он не показывает соответствующей производительности труда. Этот параграф дает предпринимателям полную возможность увольнять членов профсоюзов. На многих предприятиях капиталисты принуждают рабочих вступать в компанейские союзы, признавая только эти союзы как договорную сторону, и т. д. Характерно, что за период НИРА происходили грандиозные стачки под лозунгом свободы союзов в духе параграфа «7/а», хотя нынешние вожди АФТ прилагают все усилия, чтобы предотвратить стачечные бои, а когда стачки все же вспыхивают, как можно быстрее срывают их, словом, всячески стараются поддержать классовый мир с капиталистами. Но воля рабочих масс к борьбе, отчасти под влиянием компартии Америки, велика. И верхушечной клике АФТ приходится прибегать к весьма сложным и хитроумным маневрам, чтобы сохранить «хорошие отношения» с администрацией НИРА и с капиталистами и вместе с тем не потерять своих позиций в профдвижении, причем эти позиции иногда приходится поддерживать даже силой [1].

И при наличии «кодексов» решающей является только борьба рабочих. Об этом свидетельствует успешная стачка рабочих медных копей Анаконда, одного из крупнейших горнопромышленных предприятий в США. Рабочие

---

[1] Общеизвестен факт, что большинство «вождей» союзов АФТ поддерживает самую тесную связь с государственным аппаратом насилия. Некоторые из этих «вождей» не стесняются даже нанимать бандитов для борьбы против коммунистов. Чикагские бандиты занимают руководящие посты в тех профсоюзах, которые важны для обслуживания улицы: сторожа, швейцары, почтальоны, кучера и т. д. См. книгу Ф. Д. Пасли «Аль Капоне — биография человека, обязанного всем самому себе» (Self Made man). 1930 г.

после долгой, месяцами тянувшейся, стачки все-таки добились значительно более высоких ставок зарплаты, чем предусмотренные кодексом [1].

Итак, благоприятные для рабочих правила НИРА по сути дела остались на бумаге; некоторые наиболее низко оплачиваемые категории рабочих достигли незначительного повышения ставок, но это досталось им ценою чрезвычайной интенсификации труда; ставки же большинства высшеоплачиваемых рабочих были снижены. За свободу союзов приходится упорно и жестоко сражаться.

Важнейший положительный результат — это развертывание грандиозных стачек, вовлечение новых миллионов в рабочее движение и на этой основе рост влияния компартии Америки.

* * *

Баланс НИРА активен только в пользу капитала. Старые законы против монополии отменены. Под лозунгом «устранения нечестной конкуренции» и связанной с этим «расточительности» кодексы поощряют создание картелей, укрепляют монополии.

Результат «нового курса» для капитала в цифровом выражении представляется в следующем виде [2]:

	млн. долл.
1475 промышленных и торговых акционерных обществ за 1932 г. понесли убытков на сумму .	97
Эти же акционерные общества в 1933 г имели прибылей . .	661
250 крупных промышленных предприятий за первое полугодие 1933 г. дали прибыли .	86
Те же предприятия за первое полугодие 1934 г. дали прибыли	277

Комментарии к этим цифрам излишни. Фермерам, в особенности верхушечной их прослойке, «новый курс» временно тоже помог. Несколько сот миллионов долларов из казны были распределены между фермерами в качестве премии за ограничение производства. Бремя процентов по долговым обязательствам для более состоятельных фермеров было уменьшено перечислением долгов. Цены на сельхозпродукты, в особенности в связи с неурожаем 1934 г., повышались, хотя и неравномерно. Наступило некоторое временное смягчение аграрного кризиса [3].

Возникает вопрос, почему же при таких обстоятельствах так сильна оппозиция со стороны капиталистов против «нового курса», в особенности против НИРА и кодексов?

Почему происходит эта борьба, укрепляющая внушаемые идеологами «нового курса» и реформистами иллюзии, будто «новый курс» направлен против капитала? В основном все дело здесь в том, что при резких противоречиях между различными слоями и группами буржуазии, вызываемых борьбой за рынок, никакая политика не может одновременно удовлетворить все слои и группы буржуазии.

Крупные промышленные тузы типа Форда восстают против всякого вме-

---

[1] «Нейшен» от 3 октября 1934 г.

[2] Ежемесячный отчет «Нейшенел сити банк» за апрель 1934 г. и за август 1934 г.

[3] Денежные доходы фермеров США таковы (в млн. долл.):

1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.
10 479	8 451	5 899	4 328	5 050	6 000

В данные за 1933—1934 гг. включены правительственные субсидии. Цифры взяты из подсчетов «Бюро сельскохозяйственной экономики».

шательства государства в условия труда: эти магнаты хотят на 100% быть «хозяевами у себя в доме».

Картелирование, предусматриваемое различными кодексами, не по душе мелким и средним капиталистам, поскольку эти предписания подчиняют их диктатуре больших монополий.

В то же время есть такие отрасли промышленности, в которых несколько монопольных предприятий располагают столь сильными позициями, что они рассчитывают в конкурентной борьбе уничтожить своих соперников и поэтому выступают против всяких связующих предписаний.

«Интернациональные банкиры» — против «валютных экспериментов», поскольку эти последние уменьшают роль Нью-Йорка как международного банковского центра (выпуск иностранных займов, которые давали такие прекрасные проценты[1], совершенно прекратился при «новом курсе»).

Банковский капитал вообще недоволен законами, подчиняющими выпуск внутренних займов известному контролю и затрудняющими ограбление мелких спекулянтов.

Несмотря на эту оппозицию со стороны капиталистов, ясно, что политика «нового курса», независимо от суб'ективных намерений ее идеологов, об'ективно направлена против рабочего класса и действует в пользу монополистического капитала.

* * *

Полный провал потерпел «новый курс» как средство преодоления кризиса: общий кризис капитализма воспрепятствовал тому, чтобы по минованию низшей точки циклического кризиса развернулась нормальная депрессия как основа нового под'ема. Произошел переход к депрессии особого рода, причем американскому капитализму с помощью «нового курса» не удалось добиться большего, чем другим крупным промышленным странам, как показывают следующие цифры:

Индекс промышленной продукции (1928 г. = 100)

Годы	САШ	Канада	Германия	Англия	Франция	Италия
1932 июль	52,3	63	60	82,8	72,4	73
1933 июль	89,2	70,1	70,6	91,8	88,2	84,9
1934 июль/август	68,5	84,7	86,6	104,6	76,4	86,6

Цифры эти можно сопоставить только в их динамике. Они показывают, что в то время как в других крупнейших промышленных странах, за исключением Франции, уровень промышленной продукции за последний год еще повышался, в США наступил резкий отлив, продолжающийся до сих пор[2]. Политика «нового курса» потерпела полное крушение в качестве «нового метода» преодоления кризиса.

Причина ясна: в США с его изобилием капитала особенно сильно должен был ощущаться характерный для общего кризиса капитализма избыток

[1] Например барыши, полученные банкирским домом Диллон Ред, составляли (в тыс. долл.):

По первым 25 млн. долл. займа Бразилии	467
По вторым „ „ „ „	880
12 млн. долл. займа Рио де-Жанейро	370
14 „ „ „ Боливии	506

Последний заем во время кризиса упал до 3,5% номинала (Анонимус «Зеркало Уоллстрита», стр. 189. Нью-Йорк. 1933).

[2] Движение индекса «Анналиста» за последние месяцы 1934 г. представляется в следующем виде: май — 80,2, июнь — 77,2, июль — 73,1, август — 70,5, сентябрь — 66.

основного капитала. Фактически никакого расширения основного капитала, никакого оживления в области капиталовложений при «новом курсе» не происходило, хотя необходимые для этого деньги—заемный капитал—были налицо в избытке. Лучше всего это доказывает статистика строительных работ.

Индекс строительных работ в США[1] (1928 г. = 100)

	1930	1931	1932	1933	1934 (первые месяцы)
Жилые дома	40,5	33,5	13	12,8	12,1
Другие постройки	60,5	43,3	20,5	18,2	21,7

Так как сколько-нибудь значительного расширения основного капитала не произошло и инфляция привела лишь к незначительному расширению экспорта[2], а доход рабочего класса в результате НИРА повысился очень незначительно,—первая волна под'ема продукции в 1933 г. неизбежно должна была быстро упасть, как только осуществилась наиболее неотложная замена изношенного за время кризиса основного капитала, как только торговые предприятия заполнили свои опустевшие склады и состоятельные классы, в ожидании инфляционного повышения цен, покрыли свой долго откладывавшийся спрос на автомобили, мебель и т. д. Наступил отлив, и вот уже в течение года американское хозяйство никак не может сойти с мертвой точки: несколько месяцев выпуск продукции растет, а затем снова падает до исходной точки или даже ниже. Это типичная картина депрессии особого рода. Общий кризис капитализма препятствует переходу к новому под'ему.

Никаких перспектив на существенное изменение пока нет. Правда, в отдельных случаях происходит известное обновление основного капитала. Технический прогресс при капитализме никогда не прекращается совершенно. В военной области одно техническое нововведение обгоняет другое, что не может происходить без известного технического прогресса в производстве вообще. Но и применение технических новшеств при нынешней депрессии особого рода обусловлено особыми предпосылками. Поскольку избыток основного капитала в США очень велик, а издержки на зарплату под давлением существующей более чем 10-миллионной армии безработных очень снижены,—*вводятся лишь такие технические усовершенствования, которые гарантируют резкое снижение производственных издержек*, т. е. ведут к увольнению множества рабочих. Ибо лишь в таком случае выгодно обновлять основной капитал, несмотря на наличие множества излишних, бездействующих предприятий. Избыток основного капитала особенно тормозит технический прогресс[3]. Но поскольку этот прогресс имеет место, он связан с увольнением рабочих, т. е. с сильным сокращением потребительной способности

[1] Данные из «Бюллетеня Лиги наций». «Другие постройки»—это преимущественно субсидируемые государством коммунальные здания, но не фабрично-заводские постройки.

[2] Экспорт США составлял (в млн. долл.): в 1932 г.—131, в 1933 г.—137 (среднемесячные цифры) и за первые восемь месяцев 1934 г.—164.

По прежнему курсу золотого доллара сумма экспорта остается еще ниже чем в 1931 г.

[3] До какой степени капиталистический общественный строй тормозит использование производительных сил, показывает следующий факт: комиссия Колумбийского университета, состоявшая из известных экономистов, обратилась в 1933 г. к виднейшим руководителям предприятий и инженерам с вопросом: «Какое увеличение продукции могло бы быть достигнуто, если бы все предприятия были подняты до уровня *современных лучших* предприятий?» В ответ инженеры указали в среднем цифру 90,1%, руководители предприятий—84,4%. (См. «Экономическое восстановление»—отчет комиссии Колумбийского университета. Нью-Йорк. 1934).

общества. А это означает углубление общего кризиса капитализма вопреки техническому прогрессу и именно на базе этого технического прогресса. Основное противоречие капитализма — непримиримость между общественным характером производства и капиталистическим присвоением — действует с все большей силой. Во всяком случае обновление и расширение основного капитала в ближайшие годы будет происходить в очень узких рамках, и именно поэтому пока нет никаких перспектив на новую фазу процветания[1]. «Новый курс» всецело направлен на принудительное ограничение производства как в промышленности[2], так и особенно в сельском хозяйстве.

* * *

Неудача «нового курса» начинает сказываться в политической жизни. Популярность Рузвельта еще очень велика, как показали ноябрьские выборы. Но оппозиция все больше поднимает голову. Рамки старой буржуазной системы двух партий начинают распадаться. Есть сторонники и противники «нового курса» и в республиканской и в демократической партии[3].

Одновременно в процессе мощных стачечных боев происходят глубокие сдвиги в американском рабочем движении. Квалифицированным рабочим, американской «рабочей аристократии» (позиции которой и без того были ослаблены автоматизацией трудового процесса, конвейером) тенденция нивелировки ставок зарплаты в сторону их снижения нанесла тяжкий удар. Колеблется самая основа оппортунизма в американском рабочем движении. Полевение масс бросается в глаза. Могучие стачечные бои приобретают все более политический характер. Путь к быстрому формированию массовой коммунистической партии открыт. В США на основе ускоренного углубления общего кризиса капитализма исторически дана возможность миновать стадию реформистской массовой партии пролетариата.

Итак, мы видим: общий кризис капитализма ни в коей мере не пощадил богатейшую страну капиталистического мира. В тот момент, когда народы Советского Союза, в сознании своей могучей силы, уверенно идут вперед к бесклассовому, социалистическому обществу и празднуют 17-ю годовщину своей победы, буржуазные политические деятели и ученые США беспомощны перед проблемами, которые ставит кризис капитализма: четверть всего населения США вынуждена пользоваться пособиями; миллионы безработных и бездомных блуждают по стране; безработные замерзают у стен громадных жилых домов с центральным отоплением, наполовину пустующих; все больше разгорается возмущение масс против такого общественного строя, при котором товары имеются в избытке, а люди голодают, замерзают, скитаются без крова, умирают на проселочных дорогах.

---

[1] Смешно и любопытно, что через 70 лет после Маркса некий американский экономист Айрес на основе анализа кризиса самостоятельно «открыл» роль основного капитала (Durable goods) в цикле и за это был превознесен до небес печатью. (См. Л. П. Айрес «Экономика оздоровления». Нью-Йорк. 1934).

[2] Часть кодексов ограничивает количество рабочих часов в неделю. Другие кодексы запрещают «повышать производственную способность» или устанавливают максимальные квоты для каждого предприятия данной отрасли.

[3] Среди американской крупной буржуазии имеются два течения: одни хотели бы сохранить выгодную сторону НИРА, т. е. государственное поощрение картелирования, но в то же время хотели бы пресечь вмешательство государства в трудовые отношения и возвратиться к «американскому суровому индивидуализму». Другое течение стремится превратить аппарат НИРА в «орган самоуправления» промышленности и сделать имеющиеся в системе НИРА фашистские начинания отправным пунктом для фашистского преобразования государства.

КУДА ИДЕТ БУРЖУАЗНАЯ НАУКА

Э. Кольман

В начале сентября в Праге состоялся VIII международный философский конгресс. Свыше 120 зачитанных на нем докладов обсуждали проблемы 1) границы естествознания, 2) норма и факт в социальных науках, 3) религия и философия, 4) кризис демократии, 5) миссия философии в современной эпохе. По первому вопросу генеральным докладчиком был известный приверженец витализма (учения о таинственных жизненных силах) Дриш. По второму — гитлеровец Геллпах, защищавший «расово-культурное» понимание нации. По третьему—немецкий поп, иезуит Пшивар.

Гвоздем конгресса была дискуссия о демократии, перешедшая в сражение между ее защитниками—французами и противниками—итальянцами. Вступительное слово в пользу демократии произнес чехословацкий премьер Бенеш, и, наконец, новое определение дали ей Орестано и Дель-Веккио, заменявшие вождя итальянской философии Кроче: «фашизм—это концентрированная демократия».

Советские философы в конгрессе участия не приняли; не явился и французский академик, один из виднейших современных физиков, Ланжевен, приглашенный в качестве оппонента Дришу из материалистического лагеря.

Итоги конгресса, долженствовавшего выявить состояние буржуазной философской мысли, подводит журнал «Наша эпоха», стоящий на философских и политических позициях президента республики Масарика и председателя конгресса Радла: «Мировая философия все еще распылена и лишена значения из-за своей оторванности от остальной жизни; ни одна нация не дала нового захватывающего философского учения; ни один философ не может быть назван ведущим, да и нет таких философских направлений, которые серьезно претендовали бы на это звание. Все же позитивизм и вместе с ним переоценка естествознания явно отступают; логистика хоть и может уберечь некоторые положения позитивизма, но на дальнейшие успехи не имеет надежд. Против иррационализма и интеллектуализма и против нейтрального об'ективизма возрастает сознательное сопротивление... Религия завоевала новый кредит, пантеизм отжил. Защита демократии была защитой самих основ западной цивилизации»[1].

Картина, далекая от оптимизма, выявляющая бессилие бороться с реакцией, невозможность удержаться на позициях либеральной философии. Эта глубокая растерянность характерна для современного состояния умонастроений большинства научной интеллигенции капиталистических стран. Она отражает в области высших идеологических надстроек все те процессы, которые с невероятной силой и неумолимостью непреложных законов происходят в среде этих промежуточных классов и групп, мечущихся между пролетариатом и буржуазией.

В период капиталистической стабилизации из мелкой буржуазии, как правило, рекрутировались почти исключительно союзники крупной буржуазии: в области политики—в качестве приверженцев демократии, членов со-

[1] «Naše doba» 10 (1934), 604—605.

общества. А это означает углубление общего кризиса капитализма вопреки техническому прогрессу и именно на базе этого технического прогресса. Основное противоречие капитализма — непримиримость между общественным характером производства и капиталистическим присвоением — действует с все большей силой. Во всяком случае обновление и расширение основного капитала в ближайшие годы будет происходить в очень узких рамках, и именно поэтому пока нет никаких перспектив на новую фазу процветания [1]. «Новый курс» всецело направлен на принудительное ограничение производства как в промышленности [2], так и особенно в сельском хозяйстве.

* * *

Неудача «нового курса» начинает сказываться в политической жизни. Популярность Рузвельта еще очень велика, как показали ноябрьские выборы. Но оппозиция все больше поднимает голову. Рамки старой буржуазной системы двух партий начинают распадаться. Есть сторонники и противники «нового курса» и в республиканской и в демократической партии [3].

Одновременно в процессе мощных стачечных боев происходят глубокие сдвиги в американском рабочем движении. Квалифицированным рабочим, американской «рабочей аристократии» (позиции которой и без того были ослаблены автоматизацией трудового процесса, конвейером) тенденция нивелировки ставок зарплаты в сторону их снижения нанесла тяжкий удар. Колеблется самая основа оппортунизма в американском рабочем движении. Полевение масс бросается в глаза. Могучие стачечные бои приобретают все более политический характер. Путь к быстрому формированию массовой коммунистической партии открыт. В США на основе ускоренного углубления общего кризиса капитализма исторически дана возможность миновать стадию реформистской массовой партии пролетариата.

Итак, мы видим: общий кризис капитализма ни в коей мере не пощадил богатейшую страну капиталистического мира. В тот момент, когда народы Советского Союза, в сознании своей могучей силы, уверенно идут вперед к бесклассовому, социалистическому обществу и празднуют 17-ю годовщину своей победы, буржуазные политические деятели и ученые США беспомощны перед проблемами, которые ставит кризис капитализма: четверть всего населения США вынуждена пользоваться пособиями; миллионы безработных и бездомных блуждают по стране; безработные замерзают у стен громадных жилых домов с центральным отоплением, наполовину пустующих; все больше разгорается возмущение масс против такого общественного строя, при котором товары имеются в избытке, а люди голодают, замерзают, скитаются без крова, умирают на проселочных дорогах.

---

[1] Смешно и любопытно, что через 70 лет после Маркса некий американский экономист Айрес на основе анализа кризиса самостоятельно «открыл» роль основного капитала (Durable goods) в цикле и за это был превознесен до небес печатью. (См. Л. П. Айрес «Экономика оздоровления». Нью-Йорк. 1934).

[2] Часть кодексов ограничивает количество рабочих часов в неделю. Другие кодексы запрещают «повышать производственную способность» или устанавливают максимальные квоты для каждого предприятия данной отрасли.

[3] Среди американской крупной буржуазии имеются два течения: одни хотели бы сохранить выгодную сторону НИРА, т. е. государственное поощрение картелирования, но в то же время хотели бы пресечь вмешательство государства в трудовые отношения и возвратиться к «американскому суровому индивидуализму». Другое течение стремится превратить аппарат НИРА в «орган самоуправления» промышленности и сделать имеющиеся в системе НИРА фашистские начинания отправным пунктом для фашистского преобразования государства.

КУДА ИДЕТ БУРЖУАЗНАЯ НАУКА

Э. Кольман

В начале сентября в Праге состоялся VIII международный философский конгресс. Свыше 120 зачитанных на нем докладов обсуждали проблемы 1) границы естествознания, 2) норма и факт в социальных науках, 3) религия и философия, 4) кризис демократии, 5) миссия философии в современной эпохе. По первому вопросу генеральным докладчиком был известный приверженец витализма (учения о таинственных жизненных силах) Дриш. По второму — гитлеровец Геллпах, защищавший «расово-культурное» понимание нации. По третьему—немецкий поп, иезуит Прживар.

Гвоздем конгресса была дискуссия о демократии, перешедшая в сражение между ее защитниками—французами и противниками—итальянцами. Вступительное слово в пользу демократии произнес чехословацкий премьер Бенеш, и, наконец, новое определение дали ей Орестано и Дель-Веккис, заменявшие вождя итальянской философии Кроче: «фашизм—это концентрированная демократия».

Советские философы в конгрессе участия не приняли; не явился и французский академик, один из виднейших современных физиков, Ланжевен, приглашенный в качестве оппонента Дришу из материалистического лагеря.

Итоги конгресса, долженствовавшего выявить состояние буржуазной философской мысли, подводит журнал «Наша эпоха», стоящий на философских и политических позициях президента республики Масарика и председателя конгресса Радла: «Мировая философия все еще распылена и лишена значения из-за своей оторванности от остальной жизни; ни одна нация не дала нового захватывающего философского учения; ни один философ не может быть назван ведущим, да и нет таких философских направлений, которые серьезно претендовали бы на это звание. Все же позитивизм и вместе с ним переоценка естествознания явно отступают; логистика хоть и может уберечь некоторые положения позитивизма, но на дальнейшие успехи не имеет надежд. Против иррационализма и интеллектуализма и против нейтрального об'ективизма возрастает сознательное сопротивление... Религия завоевала новый кредит, пантеизм отжил. Защита демократии была защитой самих основ западной цивилизации»[1].

Картина, далекая от оптимизма, выявляющая бессилие бороться с реакцией, невозможность удержаться на позициях либеральной философии. Эта глубокая растерянность характерна для современного состояния умонастроений большинства научной интеллигенции капиталистических стран. Она отражает в области высших идеологических надстроек все те процессы, которые с невероятной силой и неумолимостью непреложных законов происходят в среде этих промежуточных классов и групп, мечущихся между пролетариатом и буржуазией.

В период капиталистической стабилизации из мелкой буржуазии, как правило, рекрутировались почти исключительно союзники крупной буржуазии: в области политики—в качестве приверженцев демократии, членов со-

[1] «Naše doba» 10 (1934), 604—605.

циал-демократических, социалистических партий, в области философии—в качестве сторонников всех разновидностей идеализма. Лишь одиночные выходцы из мелкой буржуазии переходили тогда на сторону пролетариата даже в области политики; в области же философии это были исключительные случаи.

Сейчас, накануне второго тура революций и войн, дело обстоит совершенно иначе: Удары кризиса потрясли и надломили все общественные устои. Демократические иллюзии все больше рассеиваются, теряют способность прикрывать вырисовывающиеся все более четко единственные возможности дальнейшего развития: в политике—или к фашизму или по «русскому пути»; в философии и науке—или к чертовщине и варварству или к современному материализму. Вот почему мелкая буржуазия не только поставляет кадры для фашистского режима штыков, но выделяет значительные революционные резервы и для коммунистического движения. Вот почему интеллигенция трудится не только в качестве апологетов буржуазного порядка, фашизма, расизма, церкви, но и дает из своей среды все больше самоотверженных сторонников Советского Союза и приверженцев диалектического материализма.

Эта диференциация буржуазной интеллигенции, размывание серединного в ней, эта «поляризация» порождает явления настолько красочные, что они не могут не привлекать к себе внимания. У нас писалось не раз о реакционных течениях, преобладающих в современном буржуазном естествознании, о лозунгах, выдвинутых буржуазными идеологами («Назад к Аристотелю», «Назад к Фоме Аквинскому»), о том, как фашистское государство «унифицирует» науку, очищая ряды ученых от всех инакомыслящих, как в целях проповеди расизма биологические науки подвергаются грубейшей фальсификации, как искажаются история, филология, психология для создания мифа об «избранном» германском народе и т. д. и т. п. Однако чаще всего подобные факты приводятся в нашей печати без достаточной увязки и анализа классовых сдвигов, без учета всей той сложности, которая кроется в формуле «деградация буржуазной науки». Вот почему понимание этих процессов страдает зачастую некоторой поверхностностью и даже иногда сопровождается искажениями.

Иногда, говоря о кризисе и упадке современной технической, естественно-научной и философской буржуазной мысли, валят все в одну кучу, подходят к технике как к естествознанию, а к естествознанию как к философии. Во-вторых, случается, что, рисуя картину деградации, прибегают к одной только краске—наичернейшей из черных, замазывая ею все явления роста, которые дает буржуазная наука даже в период глубокого упадка. В-третьих, вместо изображения органического процесса, раз'едающего подобно ржавчине буржуазную науку, выдергивают часто лишь отдельные сенсационные факты наиболее реакционных выступлений и варварских поступков; тем самым создается впечатление, что налицо преходящие эксцессы, а не целая, последовательно утверждающая себя, система. Наконец, не уделяется должного внимания тому, что происходит на левом, материалистическом, крыле философов и естественников капиталистических стран.

Между процессами распада капитализма в экономике, политике, технике, естествознании, философии имеется, несомненно, глубокое сходство, но отнюдь не тождество. Все это стремительно нисходящие, почти параллельные, но разные ряды. То, что происходит в экономике, отражается, но именно лишь отражается, в идеологических надстройках, и в каждой из них развивается в разных формах, переплетениях, разными темпами, в разных направлениях, оказывая обратное влияние и на самый экономический базис и на другие, соседние, идеологии. Например после того как период «процветания» в США окончился, когда экономический кризис начал постепенно проявляться не только в возрастающей безработице, эпидемии банковских

крахов, но частично и в массовом уничтожении продуктов и средств производства, в фактическом переходе с высшего уровня техники на более низкий,—начали процветать идеи «технократии», т е строя, основанного на господстве научной и технической интеллигенции. Эти идеи, об'ективно соответствующие уже пройденному этапу, являющиеся его запоздалым рефлексом, теперь тщетно предлагаются буржуазии в качестве целебного средства.

Своеобразие и сложность возникновения, развития и исчезновения отдельных идеологий и течений в них следует особенно иметь в виду, анализируя деградацию буржуазной научной мысли в целом. Ведь и при самом глубоком всеобщем кризисе капитализм, в условиях резкой неравномерности, находит даже в экономической области достаточно резервов, чтобы на отдельных участках проявлять частичный под'ем Ведь и в области техники, при самом затяжном прекращении спроса и остановке предприятий, вводятся в отдельных звеньях новые технические приемы именно с целью проглотить тех конкурентов, которые уже обессилены кризисом. Мы не говорим уже о технике вооружений, которая при всех обстоятельствах шагает вперед. Это возможно и в области науки, в частности в естествознании, и в области философии.

Кризис уничтожает материальную базу науки, распыляет и истощает ее кадры, закрывает источники финансирования лабораторий, институтов, резко уменьшает спрос на приложение научных открытий к технике, круто тормозит научный прогресс. Это, без сомнения, основное. Но вместе с тем научные кадры, воспитанные вековой традицией, обладают большой силой инерции. Новые открытия, даже в области экспериментального естествознания, зачастую могут происходить без сколько-нибудь значительных новых капиталовложений, а просто за счет новых комбинаций старой аппаратуры. В области же теории творческая мысль ученых иногда работает особенно интенсивно как раз потому, что в ней они ищут утешения от лишенного перспектив безвременья. Так, даже в настоящий период общего кризиса капитализма в естествознании сделаны крупные открытия и развились новые, поразительные, теории Построены электростатические генераторы большой мощности, громадной силы рефракторы, электронный микроскоп, приборы для полета в стратосферу. В физике найдено строение атома, открыты новые частицы—нейтрон, позитрон, фотон, достигнуто превращение химических элементов, исследуется атомное ядро, космические лучи, широко разработаны теория относительности, теория единого поля, квантовая и волновая теории материи. В астрономии сделаны большие успехи в изучении структуры и развития вселенной, внутреннего строения и эволюции звезд, открыта новая, девятая, планета—Плутон, возникла теория о «расширяющейся» и об «островных» вселенных. В биологии и физиологии значительны успехи генетики и рефлексологии, достигнуты искусственные мутации.

Равным образом нельзя подходить упрощенчески и к закату буржуазной философии. Иные рассуждают так: стоит ли обращать внимание на появившиеся философские течения (в Англии и США—«холизм», в Германии—«философия существования», в Италии и Франции—«неотомизм»)? Ведь все эти «измы»—лишь новые вывески, прикрывающие ветхое мракобесие идеализма. Конечно, современная буржуазная философия никакой принципиально новой линии создать не может, она живет преимущественно за счет комбинирования в новые, причудливые, узоры пестрых и многогранных осколков философских мыслей нового времени, а также средневековья, древности и Востока. Эти-то комбинации мы и должны пристально изучать. Ведь до сих пор, например, в нашей литературе, как правило, встречается утверждение, что философией фашизма является неогегельянство Между тем один только германский фашизм обосновывается по меньшей мере пятью разными философскими школами, а именно: неогегельянством, ницшеанством, неокантианством, «философией существования» и вульгарнейшим материализмом.

Серьезный анализ идеологии фашизма не может пройти мимо подобных явлений.

Черные тучи реакции обволакивают буржуазную идеологию, в частности буржуазную науку. Перед нами длительные сдвиги, характеризующие целый период последнего этапа развития капитализма. Неравномерно, в разных странах по-разному, распространяется волна реакции. Специфические черты носит и фашизация науки в зависимости от национального типа фашизма той или другой страны. Но как бы сильно ни разнились эти направления: будь это реакция церкви, будь это мистика, будь это расизм (иногда они даже сталкиваются в острой полемике), об'ективно это составные части единого процесса. Их надо изучать особо, но не в отрыве от общей связи, а тем более не рассматривать их лишь в качестве иллюстративного материала.

Фашизации науки в гитлеровской Германии представляет собой политически рассчитанный, непрекращающийся процесс, вовсе не ограничивающийся смещением в первые месяцы национал-социалистского режима десятков «неарийских» профессоров. Процесс этот выходит далеко за пределы наук, поставляющих теоретическую базу расизму. Это подтверждается высказываниями наемников фашистской «унификации». Ограничимся лишь одним, правда исключительно ярким, примером.

В журнале «Германское будущее»[1] напечатан реферат доклада Бибербаха, известного ученого в области теории функций, ординарного профессора математики Берлинского университета. Доклад под названием «Новая математика» был прочитан на годичном собрании «Общества для продвижения преподавания математики и естествознания». В Германии считают, что доклад этот имеет историческое значение для развития «третьей империи», поскольку он показывает, что «учение о крови и расе захватывает и эту область и подчиняет и наиболее абстрактную из всех наук унифицированному государству».

Поводом для выступления Бибербаха послужили события в Геттингене, где национал-социалистское студенчество, хулиганя, прогнало проф. Эдмунда Ландау, крупнейшего из современных специалистов по теории чисел, автора единственного в своем роде фундаментального труда о простых числах. Бибербах оправдывает это поведение, считая его «обоснованным и справедливым», ибо «случай с Ландау ясно показывает, что существует германская и еврейская математика, два мира, разделенные непроходимой пропастью. Выбор проблем и метод их решения характерны для мыслителя и поэтому являются порождением его расовой принадлежности. Так, стиль Ландау свидетельствует о духовном высокомерии, смущая и отпугивая своей отчужденностью от действительности». В качестве подтверждения Бибербах избрал способ введения круговых функций и числа «π» в новом учебнике Ландау «Введение в анализ», противопоставив ему «доступный» способ, которым арийский математик Эрхардт Шмидт трактует тот же предмет. «Народ, осознавший самого себя, не может терпеть таких учителей, должен отклонить чуждое мышление».

Бибербах идет еще дальше: он усматривает различия между французским и англо-германским способом математического мышления, ссылаясь при этом на высказывание Пуанкаре о Максвелле, а также противопоставляя способ введения мнимостей Гауссом, который соблюдал наибольшую наглядность, способу Коши—Гурса, которые выдвигают на первое место чисто формальные моменты. «У нас, немцев, — говорит Бибербах, — способ изложения Коши—Гурса вызывает невыносимое неудовольствие, а у всяких Ландау, конечно, не вызывает. Тут имеется нечто, определяемое самим строением психики». Бибербах ссылается на теорию типов психолога Иенша (главы

[1] «Deutsche Zukunft», 14 (1934), 15. Без комментариев сообщено также в американском журнале «Science», 2063 (1934), 35—36.

так называемой эйдетической школы, кладущей в основу психики восприятие дикарей и детей), говоря о различии между абстрагирующим S—типом (французы и романцы вообще) и I—типом, широко открытым восприятию действительности (англо-германцы).

В качестве прототипов германско-еврейского антагонизма в математике Бибербах выставляет Гаусса и Якоби. «Гаусс—остфалец (саксонец), полная противоположность Якоби с его восточным бесцеремонным эгоизмом и интеллектуальной спесью. В то время как мышление Гаусса всегда было глубоко и ясно и притом направлено на наглядность и практическое применение, мышление Якоби было, напротив, умышленно абстрактно, полно духовной надменности и дьявольской изворотливости. Для еврейской математики вообще показательны жонглирование понятиями и явно продувной характер. Еврейское мышление отличается тем, что оно ухватывается за что-либо уже готовое и эксплоатирует его, между тем как арийское мышление творит из самого себя. Поэтому плодом еврейского мышления является «дегуманизация» математики, ее отчуждение от природы, наглядности и практического применения. Разрыв математики на чистую и прикладную недаром имеет свое начало у Якоби».

Противопоставляя педагогический принцип своего учителя Клейна—«воспитание наглядного мышления»—принципам венского аксиоматика Гана, высказывавшегося за отвлечение от наглядности, Бибербах утверждает, что здесь налицо проявление противоположного типа, и заключает: «Не существует какого-то самостоятельного математического царства, независимого от наглядности и жизни. Спор вокруг обоснования математики, который бушует в наши дни, является на деле расовым спором». Отсюда для практической политики в области культуры Бибербах делает вывод, что «математика освобождается от проклятия стерильного интеллектуализма. Его бремя падает на тех мыслителей, чуждых народу и расе, которые не будут существовать в будущем, и на тех принадлежащих к прошлому представителей, которых больше нельзя будет рассматривать как немецких исследователей. Так как германская математика имеет корни в крови и почве, государство может и должно поддерживать и пестовать ее. Великие творения германских математиков прошлого и настоящего вскрывают значение науки как мощного проявления народности, поэтому она и не нуждается в дальнейшем оправдании».

Мы не станем, конечно, полемизировать с подобным нагромождением бессмыслиц и беззастенчивых выдумок. Столь беззастенчивая подтасовка истории математики рассчитана на незнание того, что как раз Гаусс вместе с Абелем и Коши своими первыми строгими исследованиями сходимости положили начало современному логическому, не прибегающему к обманчивой наглядности, обоснованию анализа. Именно Якоби, давший ценнейшие работы по теории возмущений и динамике, вместе с Риманном, Клебшем и Ли принадлежит к наглядно-дедуктивному направлению в математике. Только имея перед собой отягченную не столько знаниями, сколько пивом аудиторию, можно рассчитывать, что доклад, исходящий из «тезиса» существования «арийской и неарийской» математики, закончится торжественным «что и требовалось доказать» и что аудитория примет его так восторженно, как описал Гейне:

«Все мы ослы! И-а! И-а!
От лошадей свобода!
Клячу долой! Виват, ура,
Король ослиного рода!»

Так говорил патриот. И зал
Дружно оратору хлопал.
Каждый националистом стал
И бил копытом об пол.

Дубовый венок на его главу
Потом возложило собранье,
И он благодарил толпу,
Хвостом махая в молчаньи»[1].

---

[1] Г. Гейне «Ослы-избиратели».

Но между идеологией фашизма и расистской проповедью нельзя ставить знак равенства. Даже германский фашизм, обладающий резко расистской окраской, об'ясняющейся специфическим характером германской экспансии, невозможностью осуществить ее вовне и потребностью найти выход для разнузданной демагогии,—даже германский фашизм, помимо расизма и отчасти вступая в противоречие с этой грубой «психологией случного пункта» (как ее называют итальянские фашисты), широко пользуется более утонченными видами идеологической отравы.

Спрос на все сорта заумного бреда, мистицизма, спиритизма безграничен в Германии и во всей Европе. Стоит просмотреть такой ведущий немецкий естественно-научный журнал, как «Естественные науки», чтобы в этом убедиться. Например в ноябрьском номере [1], в передовой «Вопросы причинности в биологии», написанной венским биологом Г. Г. Мейером, к семидесятилетнему юбилею виталиста Икскюлла, с ученейшей миной разбираются «необ'яснимые восприятия животных, а также способности особой породы людей, а именно: одаренных ясновидением... то есть тех, кто другими путями, чем доступными нам, обыкновенным людям, восприятиями, доходит до познания настоящих, но иногда и пространственно и во времени весьма отдаленных предметов и событий... Имеем ли мы здесь дело с новым видом людей, который, быть может, в далеком будущем получит всеобщее распространение, или же с мутационной разновидностью, возникающей на протяжении тысячелетий лишь случайно и побочно,—все равно ясновидцы отличаются от обыкновенных людей не только по степени, но и по виду». Констатируя, что многочисленные исследования «ясновидцев» давали до сих пор противоречивые результаты, автор находит это в порядке вещей, ибо «понять ясновидцев для нас так же невозможно, как если бы слепые от рождения захотели, оставаясь внутри своей среды, понять и научно исследовать навсегда непонятное им зрение других. Ясновидцы могут о своих способностях договариваться только между собой, сравнивая и измеряя их, создавая для них не вызывающие недоразумений названия, понятия, изобретая методы исследования». С этой целью автор предлагает создать особую «Академию Ясновидения». Нельзя не согласиться, что в «третьей империи» для подобной «академии» самое подходящее место...

Усиленная и все усиливающаяся пропаганда реакционных идей в естествознании и философии ведется и в таких странах, где фашистские группы не находятся у власти, а только формируются, собирают силы и «обрабатывают» общественное мнение. Например в стране классической демократии—в Англии—можно проследить, как из номера в номер такой журнал, как «Природа», становится все более откровенным проповедником самого густопсового мракобесия. Характерна та позиция, которую этот журнал занял по отношению к Джемсу Джинсу.

Джинс—один из виднейших современных астрофизиков, блестящий популяризатор, хорошо известный многим советским читателям своей книгой «Вселенная вокруг нас», автор ряда широко распространенных популярных изданий: «Мистическая вселенная», «Наука на новом фоне», «Звезды в их движении» и др. Джинс недавно был избран президентом Британской ассоциации наук и, как требует традиция, прочел вступительный адрес на торжественном собрании этого общества, состоявшемся 5 сентября в Абердине, в Шотландии. Тему он взял злободневную и много раз излагавшуюся им: «Новая картина мира современной физики». Публикуя, как полагается, этот доклад, журнал «Природа», в нарушение исконной респектабельности, помещает тут же (о ужас!) редакционную передовую «Философия

---

[1] «Die Naturwissenschaften» № 36, стр. 598—601. 1934.

сэра Джемса Джинса»[1], в которой, не соблюдая даже приличествующий моменту тон, разносит Джинса по всем правилам.

Чем, спрашивается, маститый ученый прогневал авгуров из «Природы», блюстителей нравов и взглядов доброй старой Англии? Быть может, Джинс, упаси боже, затаенный материалист? Но нет, Джинс—идеалист, причем идеалист сознательный, воинствующий! Каждая из его популяризаций, красочная и увлекательная по форме, богатая фактическим изложением положительных данных науки, вместе с тем насыщена развернутой пропагандой идеалистической философии, «опровержением» материализма. В чем же тогда дело?

Отпуская Джинсу более чем сомнительные комплименты насчет «проворства, точнее непоседливости его духа», «интеллектуальной близорукости», «постоянной склонности к незавершенным размышлениям, для которых «противоречие» слишком сильное, а «двусмысленность» слишком слабое название», редакция предостерегает читателей: содержание речи Джинса отличается от взглядов, излагавшихся во всех его предыдущих трудах, якобы «не вследствие развития физической теории, нет, неверно: это эволюция понимания физической теории у самого сэра Джинса». Два момента вызывают повышенное раздражение редакции: отношение Джинса к детерминизму и в особенности его формулировка различия суб'ективного и об'ективного.

В противовес всем прежним ярко антидетерминистским высказываниям, отрицающим господство причинности в природе, он вдруг выступает теперь за «полный детерминизм». Это, конечно, не детерминизм материального мира; «детерминизм, который появляется в новой физике, — это детерминизм волн, а значит, в последнем счете, детерминизм познания». Однако, как никак, признание Джинсом и такого «детерминизма» сильно встревожило бдительную редакцию. Ведь как бы ни заверял Джинс, что «от материализма остались лишь одни ярлыки», и «доказано, что его об'ективный и материальный мир состоит не из чего другого, как из построений нашего собственного сознания», и что «современная физика развилась в направлении философского идеализма», все же... детерминизм—это пахнет крамолой! И вообще в спевшемся хоре отрицающих детерминизм современных буржуазных физиков голос Джинса прозвучал резким диссонансом. Чем чорт не шутит, так ведь можно дойти и до отрицания свободы воли!

Но благочестивую редакцию этот детерминизм обеспокоил прежде всего в связи с теми погрешностями, которые Джинс допустил в трактовке об'ективного и суб'ективного. Им невдомек было, что Джинс сделал этот крутой вираж в пользу детерминизма только для того, чтобы освободить себе руки для защиты идеализма в более утонченном виде, не отрекаясь от самого важного для него как физика—от возможности научного исследования. «Куда в самом деле это годится?—решили они.—Нельзя ведь простить Джинсу такие полуматериалистические ляпсусы, как «задача физики состоит в упорядочении впечатлений, которые вселенная производит на наши чувства», или, когда он, спеша поправиться, заявляет: «Природа, которую мы изучаем, состоит не столько из чего-то воспринимаемого нами, сколько из наших восприятий». Передовая «Природы» констатирует, что подобная «неоднородность мышления» проходит через весь доклад Джинса, полный «сумбура парадоксов»; и редакция поучает Джинса: «Об'ективная природа—это наши восприятия, теоретическая же физика с ее материей, атомами, электронами, фотонами, волнами, частицами, эфиром, уравнениями и чем бы там ни было — суб'ективна».

Джинс—идеалист. Как идеалист он «решает» проклятый вопрос: «Почему, если природа—лишь построение нашего ума, то все умы строят одну и ту же природу?» Он даже высказывается за «холизм»—учение о том, что

[1] «Nature» № 3384, стр. 337—341, 355—365. 1934.

«наш ум не индивидуален, а нераздельная частица непрерывного жизненного потока». Но почему же он перепутал всю философскую терминологию! Как он не «осознал, что та истина, до которой он дошел,—это анализ разума, а у него выходит, что это анализ материи!»

И редакция ядовито заявляет: «Мы склонны пожалеть, что руководство нашего крупнейшего общественного научного учреждения не украсилось плодами более зрелой стадии интеллектуальной эволюции сэра Джинса...»

Бедный Джинс! Не уберегло его от гнева редакции и то, что он закончил свою речь реакционным призывом: «Спасение для цивилизации от надвигающихся на нее угроз лежит не в уменьшении значения науки, как думают иные, а, наоборот, в его увеличении за счет психологии, которая научит нас «познавать самих себя»,—в науке, не противоречащей морали и религии (!), в научных и конструктивных мероприятиях евгеники, в контроле рождаемости (!!), достижений промышленности и земледелия, чтобы ослабить давление народонаселения (!!!) и требования экспансии...»

В истории с Джинсом нам важно установить, во-первых, что усердие редакции «Природы» не случайно, а симптоматично для общего направления идеологических сдвигов, происходящих в буржуазной науке, во-вторых, что не случайны и те «материалистические» «промахи», которые делает верой и правдой стоящий за идеализм Джинс. «Промахи» Джинса не случайны потому, что в них прорывается наружу, в искаженном, разумеется, виде, тот стихийный материализм, без которого ни один естественник не может быть подлинным исследователем. Не случайны они и потому, что косвенно отражают те общие идейные колебания, которым, как и все промежуточные классы капиталистических стран, подвержена научно-техническая интеллигенция.

Процессы расслоения, происходящие в настоящее время в среде научно-технической интеллигенции, не следует представлять себе прямолинейными. Политические симпатии ученых далеко не всегда совпадают с их философскими установками. Можно встретить идеалистов, симпатизирующих СССР, или вульгарных материалистов—фашистов (например физик Штарк).

Для нас громадное значение имеет изучение левого крыла, хотя сравнительно немногочисленного, того движения за диалектический материализм, которое начинает все больше расти в капиталистических странах среди некоторых прослоек ученых.

Успехи нашего социалистического строительства, особенно резко выступающие на фоне капиталистического кризиса, достижения нашей науки, забота о ней партии и правительства, культурный под'ем страны—все это мощные стимулы для создания среди буржуазных ученых таких групп, которые прогрессивны не только в смысле политических симпатий к Советскому Союзу, но тянутся к изучению и усвоению нашего революционного мировоззрения. Так, в Париже уже 2—3 года существует группа научных работников, называющая себя «Материалистической академией», собирающаяся для обсуждения отдельных научных проблем, искренно стремящаяся усвоить диалектико-материалистическую концепцию. К этой группе принадлежит такой ученый с мировым именем, как Ланжевен, в нее входят профессор Сорбонны, биолог Пренан, астроном Парижской обсерватории Минер и ряд других людей науки—физиологов, психологов, математиков, лингвистов, историков. В Англии философия диалектического материализма имеет таких сторонников, как математик проф. Г. Леви; приближаются к ней биологи проф. Дж. Б. С. Холден и проф. Л. Т. Хокбен[1]. В Оксфорде и Кембридже существуют кружки, изучающие марксизм. Аналогичная группа имеется и в

[1] Статьи Холдена «Генетика и современные социальные теории» и Хокбена «Биологические основы фашистской философии» напечатаны в 4-м выпуске журнала «Успехи современной биологии» (1934 г.).

одном из научных центров США, причем к ней принадлежит и несколько эмигрировавших из гитлеровской Германии ученых. Подобные группы существуют и в ряде других стран.

Это движение нашло отражение и в литературе, выходящей в капиталистических странах. Так, в Англии вышли работы Геккера «Московские диалоги о красной философии» и «Религия и коммунизм», книга Мак-Меррея «Философия коммунизма», Леви «Мир науки» и «Наука в иррациональном обществе»; во Франции—работа Якубисяка «О философских основах коммунизма»; в Швейцарии—книга Хаса «Интеллектуальный большевизм»; в США—работы Сиднея Гаука «К пониманию Карла Маркса» и Теодора Брамельде «Философский подход к коммунизму» и др. В Японии интерес к диалектическому материализму в среде интеллигенции настолько велик, что буржуазные издательства переводят и издают не только классиков марксизма, но даже целые номера журнала «Под знаменем марксизма», учебник под ред. Митина «Исторический материализм» и др. Конечно, выходящая на Западе оригинальная литература вовсе не однородна. В ней есть сочинения, представляющие причудливую смесь христианства и не совсем понятных отдельных коммунистических положений, есть и сознательные и бессознательные искажения марксизма, есть работы, в целом действительно стоящие на наших позициях. К таким работам относятся прежде всего обе книги Леви (в особенности последняя, вышедшая в текущем году), а также особо стоящие выступления Ланжевена.

В первой книге, вышедшей в 1932 г.[1], Леви доказывает, что развитие науки отражает развитие всего общества, что отсюда рождаются и ее методы и критерии ее истинности, отсюда рождается и преобладающий в ней ныне идеализм. Останавливаясь подробно на «математизации естествознания, которая мистифицировала его и привела к отрицанию причинности», Леви усматривает основное зло в «принципе абсолютной изоляции», т. е. в разрыве связей, в подмене динамики статикой, в принципе, который довлеет над большинством ученых. В общем автор, тщательно избегая называть материализм материализмом, диалектику диалектикой, не делая ни одной ссылки на таких авторов, как Энгельс, которые могли бы «шокировать» умеренных читателей, по существу и при этом умело, живо, популярно излагает взгляды, содержащиеся в «Анти-Дюринге», «Диалектике природы» и «Материализме и эмпириокритицизме». Вторая книга Леви[2], менее об'емистая, представляет содержание доклада в «Обществе рационалистов и свободомыслящих» и является как бы продолжением первой книги. Леви показывает, что в «иррациональном обществе», под которым надо понимать, как он прямо говорит, общество антагонистическое, капиталистическое, не может существовать «об'ективной» науки,, вскрывает корни «бегства научной интерпретации от реальности». Он детально анализирует различия между естественными и социальными науками и их закономерностями и заканчивает книгу следующим любопытным определением: «Иррационалист тот, кто во имя гуманности старается осуществить что-либо в противовес законам материи и законам социальных изменений, или игнорируя их. Иррационалист вынужден поэтому встречаемое им сопротивление людей и вещей об'яснять человеческой извращенностью и греховностью. Иррационалист прибегает поэтому к варварским методам для достижения своей иррациональной цели. Но законы материи и человеческие законы индивидуальной и социальной жизни являются выражением необходимостей, которые в конце концов заставляют разум человека приспособиться к их природе. Так иррациональность действует в мире для своего собственного уничтожения». И здесь, как видно, применен тот же эзоповский язык, что и в первой книге.

---

[1] H. Levy «The Universe of Science» (1932), XII + 224 стр.

[2] H. Levy «Science in an irrational society» (1934), VII + 82 стр.

Иначе обстоит дело во Франции. Например в журнале «Природа»[1] упомянутый выше агроном Минер излагает историческое и логическое развитие понятия времени, заканчивая серию своих статей разделами «Диалектическое развитие науки», «История диалектики», «Материалистическая диалектика», ссылаясь при этом на высказывания Энгельса. Исключительный интерес представляют выступления Ланжевена, три его доклада «Наука и детерминизм»[2], прочитанные в 1930 г. в «Рационалистическом обществе» и доклад «Понятие атомов и корпускул»[3], сделанный им в 1933 г. в связи с 25-летием Общества физической химии. Ланжевен высказывается со всей решительностью за детерминизм, против отрицания причинности, против всеобще распространенного взгляда, наиболее ярко сформулированного, пожалуй, Дираком, что «электрон выбирает свой путь, он свободен так же, как человек, который предпочитает покончить с собой, и в физике действительны только законы демографические». Ланжевен высказывается за материализм, против идеализма, причем в новейших своих выступлениях со все большей ясностью и последовательностью, преодолевая остатки идеалистической фразеологии. Он призывает ученых повернуться к диалектическому материализму как к единственному выходу из раздвоенности современной физики, заявляя, что «физика неизбежно придет к нему, как бы иные физики этому и ни сопротивлялись».

Все приведенные здесь примеры показывают, что и в кругах научной интеллигенции, как и в кругах писателей и деятелей искусства, процесс поляризации зашел далеко и что его политическое значение не должно недооцениваться нами. В этой связи необходимо глубоко вдуматься в слова товарища Сталина, сказанные им в беседе с Г. Д. Уэллсом: «Техническая интеллигенция может, в определенных условиях, творить «чудеса», приносить человечеству громадную пользу. Но она же может приносить и большой вред. Мы, советские люди, имеем свой не малый опыт с технической интеллигенцией. После Октябрьской революции определенная часть технической интеллигенции не захотела участвовать в строительстве нового общества, противилась этому строительству, саботировала его. Мы всячески стремились включить техническую интеллигенцию в это строительство, подходили к ней и так, и этак. Прошло не мало времени, прежде чем наша техническая интеллигенция стала на путь активной помощи новому строю. Ныне лучшая ее часть—в первых рядах строительства социалистического общества. Мы, имея этот опыт, далеки от недооценки как положительных, так и отрицательных сторон технической интеллигенции, и мы знаем, что она может и повредить, и творить «чудеса». Конечно, дело обстояло бы иначе, если можно было бы единым ударом оторвать духовно техническую интеллигенцию от капиталистического мира. Но это утопия»[4].

Надо сознаться, что мы делаем еще крайне мало, чтобы помочь этому процессу в среде научно-технической интеллигенции, помочь тем из них, кто в условиях капиталистического строя достаточно дальновиден и мужественен, чтобы разорвать многочисленные нити, связывающие ученого или инженера с их капиталистическими хозяевами, с миром частной собственности и ее идеологией. Среди приезжающих к нам в СССР западноевропейских и американских ученых увеличивается число желающих не только серьезно изучить наши экономические успехи, не только ознакомиться с нашей государственной системой, с нашими общекультурными достижениями: многие из них пытаются понять и те идеологические установки, которые руководят нами, те научные методы, которые мы применяем, то мировоззрение, ко-

[1] «La nature» 2933—2937 (1934). H. Mineur «Qu'est-ce que le temps? La position métaphysique et la position scientifique du problème».
[2] P. Langevin «La science et le déterminisme». 1930.
[3] P. Langevin «La notion des atoms et des corpuscules». 1933.
[4] «Большевик» № 17, стр. 12—13. 1934.

торое мы защищаем. Эта прослойка научно-технической интеллигенции снова и снова ставит в беседах с нашими деятелями вопрос о том, что незнание русского языка мешает ей знакомиться с выходящей у нас научной литературой и следовало бы наладить издание переводной научной литературы. Между тем если не считать узко специального «Физического журнала СССР» (выходит по-немецки под названием «Physikalische Zeitschrift der Sowjetunion»), а также не связанного ни с заграничным научным миром, ни с научным миром СССР, ни с журналом «Под знаменем марксизма» выходящего на немецком языке одноименного журнала «Unter dem Banner des Marxismus», то мы почти не имеем подобных изданий. А спрос на серьезную книгу, знакомящую с нашей философской и естественно-научной методологической мыслью, в таких странах, как Англия, США, Франция, действительно громаден. Ведь вышедшая в Лондоне по случаю Международного конгресса по истории науки и техники в 1931 г. книга «Наука на распутьи» [1], содержащая доклады советской делегации, является теперь библиографической редкостью, что случается, как известно, с научной книгой в этих странах не часто. Организации же типа «Издательства иностранных рабочих» недостаточно учитывают эти специфические особенности запросов научно-технической интеллигенции капиталистических стран.

Нам кажется, что пришла пора организовать международный марксистско-философский и общественно-экономический журнал, печатающий статьи ученых материалистов на разных языках. Пора взяться также за выпуск сборников переводов работ советских ученых и наладить издание иностранных бюллетеней, дающих информацию о научной жизни в СССР.

Журнал, даже выходящий лишь 4 раза в год, стал бы организатором друзей диалектического материализма из лагеря ученых капиталистических стран, подготовляя тем самым новых союзников для пролетариата в его борьбе за социализм. Такой журнал помогал бы вырывать науку из-под власти «иррационального общества», общества эксплоатации и порабощения. Он помогал бы превращать науку, образование, которое держит в своих руках буржуазия, в оружие пролетарита. «Ведь образование—это оружие, эффект которого зависит от того, кто его держит в своих руках, кого этим оружием хотят ударить» [2].

---

[1] «Science at the cross roads» стр. 234 (1931).
[2] Беседа товарища Сталина с Г. Д. Уэллсом, «Большевик» № 17, стр. 16. 1934.

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

О новейших экономических изданиях Лиги наций*

Бюро экономической информации при Лиге наций уже в течение многих лет ежегодно публикует статистико-экономические обзоры по отдельным вопросам мировой экономики. Эти обзоры дают богатейший фактический материал о современном капитализме. В годы кризиса по специальному постановлению II ассамблеи Лиги наций (1930 г.) ежегодно составляется еще более углубленный анализ общего экономического положения в форме специальных «Обозрений мировой экономики». Первая подобная работа, опубликованная в 1931 г. под названием «Течение и фазы мировой экономической депрессии», написана шведским профессором Олином; последующие три обзора принадлежат перу проф. Кендлифа. Рецензируемый нами обзор охватывает в основном 1933 г., но в нем имеется также дополнительная глава о положении мировой экономики на июль 1934 г.

Задача этих ежегодников — найти светлые стороны капиталистической действительности, нарисовать радужные перспективы. Однако трудности, стоящие перед современным капитализмом, так велики и очевидны, что автор, располагавший столь исчерпывающим и богатым фактическим материалом, не решился на этот раз сделать какие-либо широкие обобщения и выводы и ограничился в основном систематической обработкой статистико-экономических данных. Лишь в первых двух главах он пытается наметить некоторые основные тенденции в развитии современного капитализма. «Оглядываясь в начале 1934 г. назад, экономический обозреватель находит много признаков улучшения по сравнению с самой глубокой точкой длительного кризиса», — говорит автор и тут же вынужден подчеркнуть, что очень мало сделано для устранения основных препятствий к оздоровлению положения. «Цены не повысились, международная торговля подвергнута огромным ограничениям, валютное положение осталось неустойчивым, международная задолженность не урегулирована, и международные инвестиции не возобновлены в значительных размерах» (стр. 7—8). Тем не менее автор считает, что действие внутренних экономических сил капитализма все же создало условия для перелома в развитии кризиса и повело к росту промышленного производства. Автор отмечает, что выход из кризиса в настоящее время идет в совершенно других условиях, чем при прежних кризисах. «В прежних депрессиях,— пишет автор,—после довольно длительного и мучительного периода реорганизации, коммерческие предприятия могли рассчитывать на возобновление возможностей получения прибылей при тех же самых условиях, которые существовали перед кризисом. В настоящее время, плохо это

* «Обозрение мировой экономики 1933—34», «Мировая продукция и цены 1925—1933», «Обзор мировой торговли 1933», «Статистический ежегодник Лиги наций 1933—34». Все эти книги вышли осенью 1934 г. на французском и английском языках.

или хорошо, но коммерческие предприятия, после того как они перестроились, находят положение совершенно изменившимся по сравнению с тем, что было раньше. С одной стороны, существует неопределенность относительно будущих курсов валют, относительно внешнеторговых ограничений. С другой стороны, положительная деятельность правительства в отношении регулирования и контроля, как бы правильна она ни была для настоящего времени, делает перспективы восстановления более чем сомнительными».

Автор перечисляет, далее, основные структурные сдвиги, происшедшие в годы кризиса. Он подробно говорит об усилении роли монополии, о росте государственного вмешательства в хозяйственную жизнь капиталистических стран, перечисляет различные государственные мероприятия для преодоления кризиса, останавливается на политике автаркии и разрыве мировых хозяйственных связей и т. п.

Давая в этих разделах новый и интересный материал, автор фактически воздерживается от формулирования своей собственной точки зрения на происходящие изменения. Совершенно не связывая, например, констатируемые им сдвиги с подготовкой к новой империалистической войне, автор не в состоянии наметить и дальнейшие перспективы. Оставаясь, как это можно видеть по отдельным его замечаниям, на позициях «манчестерства», автор продолжает верить, что действие «свободных капиталистических сил» снова в известной мере восстановит старое разделение труда между странами и затем поведет к ослаблению всех форм государственного контроля над частным хозяйством, как это уже однажды было после войны 1914—18 гг.

Этим по существу ограничиваются «проблемные» стороны работы Кендлифа. Вся остальная часть книги, так же как и другие рецензируемые издания, в основном посвящена систематическому освещению отдельных сторон современного мирового хозяйства. Приводимый огромный фактический материал дает возможность сделать ряд интереснейших выводов о современном состоянии и перспективах развития экономики капитализма.

Достигнув низшей точки в средине 1932 г., промышленное производство капиталистического мира в 1933—1934 г., хотя и довольно значительно поднялось, все еще далеко отстает от докризисного уровня. Надо принять кроме того во внимание, что за последние месяцы, уже после составления рецензируемых материалов, произошло дальнейшее снижение кон'юнктуры в капиталистических странах. Из приводимых данных ясно, что рост производства шел почти исключительно за счет увеличения сбыта на **внутреннем** рынке, в значительной степени путем проведения в жизнь различных правительственных схем.

Если сравнить динамику развития мировой промышленности с движением количества промышленных товаров в мировой торговле, то получится следующая картина:

Индекс мировой промышленности и торговли промышленными товарами

	1929 г.	1932 г.	1933 г.
Мировое промышленное производство. . .	100	69	77
Мировая торговля промышленными изделиями	100	58	59

Следовательно, вся возросшая часть мировой продукции должна найти сбыт на внутреннем рынке. Но так как в важнейших капиталистических странах 25—30% промышленной продукции обычно идет на экспорт, то невозможность расширения экспорта уже ставит узкие пределы для дальнейшего роста промышленности. Важнейшим фактором, препят-

ствующим новому промышленному оживлению, продолжает оставаться отсутствие широкого обновления и расширения основного капитала в промышленности. Этому как будто противоречат данные о росте за последние годы производства средств производства, относительно более быстром чем рост производства предметов потребления. Так например с низшей точки в 1932 г. по I квартал 1934 г. средства производства выросли в Германии на 63%, а предметы потребления на 22%: в США, соответственно, 96% и 17%; в Англии — 35% и 16% и т. д. При рассмотрении этих цифр нужно однако принять во внимание, с одной стороны, чрезвычайно низкий уровень, до которого упало производство в тяжелой промышленности, с другой — усиленное производство военных материалов в капиталистических странах. Характерны в этом отношении данные по Германии. Здесь на первом месте по росту производства за указанный период идут следующие товары: цемент — рост на 659%, грузовые автомобили — 569%, чугун — 141%. Между тем рост выпуска машин составлял лишь 90%, оставаясь на уровне 60% по отношению к докризисному периоду. Эти цифры ясно демонстрируют, на какие цели идет значительная часть выросшей продукции тяжелой промышленности. Несмотря на относительный рост средств производства за последние годы, уровень всех видов машиностроительной промышленности и фабричного оборудования еще чрезвычайно отстает от предкризисного. В США в начале 1934 г. производство электрических моторов было на 65% ниже докризисного, производство машин — на 66%, оборудования железоделательной промышленности — на 67%, локомотивов — на 97% и т. д. Эти данные с достаточной очевидностью говорят об отсутствии и до сих пор значительных процессов расширения основного капитала промышленности. То, что рост производства тяжелой промышленности в огромной степени вызывается лишь непосредственными государственными мероприятиями, констатируется и в указанных материалах. «В Германии, — пишет «Обзор мирового производства и цен», — быстрый и продолжающийся в течение всего указанного периода рост производства явился результатом политики прямого вмешательства правительства. Значительное улучшение положения тяжелой промышленности в США с ноября 1933 г. также без сомнения вызывалось поддержкой со стороны правительства, реализующего планы общественных работ» (стр. 63). Наряду с наличием еще до сих пор огромного «излишка» производственной мощности в капиталистической промышленности, препятствием для новых инвестиций в промышленности продолжает оставаться отсутствие новых эмиссий, застой в области банковского кредитования и разрыв цен между средствами производства и предметами потребления.

Другим фактором, ставившим пределы возможности расширения сбыта, является падение покупательной способности широких масс потребителей. Обнищание трудящихся масс, в частности в колониальных странах, ярко обрисовано следующим письмом с островов Самоа, приводимым Кендлифом. «Обычная вещь, — пишет автор письма, — встретить теперь в каждом самоанском доме самодельную лампу, которая горит на самодельном масле из копры или кокосового ореха, тлеющую и дымящую вместо того, чтобы давать свет. Я никогда не видел народа, так бедствующего: не имеющего мыла, керосина... Кризис заставил туземцев возвратиться к их странным самоанским обычаям» (стр. 158). Пользуясь официальной статистикой, автор пытается доказать, что реальная заработная плата рабочих за годы кризиса, а особенно за последний год, почти не упала, а во многих случаях даже увеличилась. Насквозь фальсифицированный характер этих данных бросается в глаза даже при самом поверхностном просмотре. Автор сам должен признать незначительность уменьшения за последний год безработицы, ни в коей мере

не идущего в ногу с ростом продукции. Выработка на одного рабочего США увеличилась с 1929 г., принятого за 100, до 124 в 1933 г.; в Германии лишь с 1929 г. по 1932 г. выработка на одного рабочего возросла на 16% и т. д.

Для работающей части пролетариата эти годы были годами непрерывного снижения номинальной заработной платы. В то же время розничные цены, особенно на продовольствие, за последний год значительно выросли. К этому нужно прибавить чрезвычайное увеличение косвенных налогов. Падение поступлений от прямых налогов буржуазные правительства пытаются компенсировать увеличением налогов на потребление. Удельный вес этих налогов в доходной части бюджета с 1929 по 1934 г. увеличился, например, в Германии с 48 до 57%, в США — с 14 до 48%, в Швеции — с 35 до 50%, в Австралии — с 21 до 38% и т. д. К этому прибавляется еще огромное увеличение таможенных пошлин, также ложащееся на плечи трудящихся. Все попытки буржуазной статистики, которой слепо следует Кендлиф, доказать рост доходов трудящихся масс за последний год не выдерживают никакой критики. Обнищание широких масс, падение их покупательной способности является важнейшим препятствием для нового оживления в капиталистической промышленности.

Ухудшается положение не только промышленного пролетариата, но и трудящихся крестьянских масс. Правда, в ряде стран за последний год произошло некоторое сближение между сельскохозяйственными и промышленными ценами Но разрыв все же остается чрезвычайно большим. Кроме того основные массы крестьян вследствие неурожая в состоянии выбрасывать на рынок все меньшие массы продукции. Положение экспортирующих стран ухудшается также политикой сельскохозяйственной автаркии, проводимой во всех странах импорта. Сдвиги, происшедшие, например, в мировом производстве пшеницы, видны из того, что с 1928—1929 г. по 1933—1934 г. сбор пшеницы в экспортирующих странах упал с 64,5 млн. т до 42,9 млн. т, а в импортирующих странах Европы увеличился с 26,6 млн. т до 34,2 млн. т. Несмотря на рост промышленного производства и сокращение сельскохозяйственной продукции, запасы сельскохозяйственного сырья еще чрезвычайно велики. Индекс мировых запасов, принятых за 100 в 1925—1929 гг., составлял в середине 1934 г. 184 против 194 в среднем за 1932 г. и 124 в 1929 г. Эти огромные запасы продолжают давить на рынок, не дают возможности длительного повышения цен. Если к этому прибавить, что несмотря на инфляцию в ряде стран и широкую волну банкротств задолженность сельского хозяйства еще чрезвычайно велика, то станет понятно, что даже буржуазные исследователи не могут отрицать продолжающегося ухудшения мирового аграрного положения. «Тяжесть задолженности еще сильно чувствуется в большинстве аграрных областей. Стоимость сельскохозяйственной продукции и, следовательно, доход упали значительно во время депрессии, и если в некоторых странах в этом отношении имелось улучшение в 1933 г., то это улучшение было незначительным и ни в коем случае не всеобщим», — пишет, например, Кендлиф (стр. 296).

Для характеристики положения современного капитализма к этим основным факторам нужно добавить продолжающийся развал мировой торговли. Известно, что мировая торговля продолжает сокращаться и в годы вступления мирового капитализма в период депрессии особого рода. Все больше усиливаются всевозможные формы регулирования внешней торговли. Свободный обмен товарами между странами отходит все больше на задний план, его заменяют различные виды компенсационного обмена между странами. Интересные подсчеты, приводимые в «Об-

зоре мировой торговли», показывают, что если размеры мировой торговли в 1929 г. принять за 100, то для 1933 г. в целом они составят 35%, в то время как индекс «свободного» товарообмена упал до 26. Компенсационная торговля упала лишь до 48. Все большее значение получает торговля между странами, об'единенными в один политико-экономический комплекс. Так, внутриимперская торговля Британской, Французской и Голландской колониальных империй занимала в мировой торговле уже в 1929 г. до 40,6%, а в 1933 г. на них падало 43,9%. Изменилась роль отдельных стран в мировой торговле. В первые годы кризиса произошло резкое падение удельного веса США в мировой торговле. Занимая первое место — 13,83% мировой торговли в 1929 г., США затем должны были уступить первенство Англии, причем удельный вес США упал в 1933 г. до 9,89%. Только в 1934 г., с развертыванием инфляции, начинается укрепление позиций США на мировых рынках. Англия и в годы кризиса улучшила свое положение, и в 1933 г. на нее падает 13,59% против 13,05% в 1929 г. Увеличила свой удельный вес и Япония. Зато Германия, которая в 1931 г. по экспорту перегнала Англию, теперь значительно отстает от Англии и США. Резко сократился и удельный вес в мировой торговле стран, сохранивших золотой стандарт. Борьба за сократившийся мировой рынок все более обостряется. Падение оборотов мировой торговли катастрофически отражается и на такой крупной отрасли капиталистического хозяйства, как судоходство. Значение судоходства видно из того, что перед кризисом доходы от мирового судоходства составляли 2,3—2,4 млрд. долл. в год. Теперь эти доходы резко упали, нанося огромный ущерб платежному балансу ряда капиталистических стран. Несмотря на огромные субсидии судоходство всех капиталистических стран продолжает переживать тяжелейший кризис, который неизбежно отражается и на положении судостроительной промышленности.

Наконец, в области международных финансовых и кредитных связей последние годы также не принесли капитализму какого-либо облегчения. «Свободное международное движение капиталов, которое имело место перед 1929 г., теперь прекратилось», — подчеркивает Кендлиф (стр. 82). Наряду с экспортом капитала сокращается и об'ем международного краткосрочного кредитования. «В условиях тревожного международного положения, когда политические трудности обостряются экономической неопределенностью, имеется мало перспектив для возобновления иностранных займов», — указывает в заключение этого раздела Кендлиф. Без восстановления международного движения капиталов, однако, нельзя рассчитывать и на улучшение положения мировой торговли, на увеличение спроса на товары со стороны стран — импортеров капитала.

Мы рассмотрели лишь незначительную часть тех данных, которыми обильно снабжены рецензируемые работы. Но эти факты достаточно ясно показывают все противоречия, в которых развивается депрессия особого рода, которые продолжают тормозить возможности дальнейших успехов в развитии капиталистического хозяйства, препятствуют наступлению нового общего оживления и под'ема в капиталистическом мире.

В заключение необходимо остановиться на освещении экономического положения СССР в этих изданиях Лиги наций. Нужно отметить, что эти работы принадлежат к тем немногочисленным официальным буржуазным исследованиям, которые целиком базируются на наших статистических материалах. Знакомство с фактами нашей экономической действительности должно всякого мало-мальски беспристрастного исследователя убедить в тех огромных достижениях, которых добился Советский Союз в годы величайшего кризиса капиталистического мира.

Понятно поэтому, что указанные работы не могут обойти успехов Советского Союза. Говоря о развитии мировой продукции за эти годы, обзор Лиги наций посвящает СССР отдельный пункт, в котором мы читаем: «В СССР расширение промышленности, особенно тяжелой промышленности, успешно развивалось в течение годов мирового экономического кризиса в соответствии с первым пятилетним планом, который был закончен в 1932 г. Расширение продолжалось, хотя несколько более медленным темпом, и в течение первого года второго пятилетнего плана» («Обзор мировой продукции цен», стр. 6). Приводимые затем фактические материалы ярко рисуют противоположность развития двух систем за эти годы. Особенные успехи «Обзор» констатирует в отношении тяжелой промышленности Советского Союза. Следующая таблица рисует, например, движение выплавки чугуна и стали в СССР и в капиталистических странах.

Выплавка чугуна и стали (1925—1929 гг. = 100)

	Чугун		Сталь	
	1930	1934 (II кв.)	1930	1934 (II кв.)
СССР	174	367	159	259
США	83	60	83	78
Германия	84	74	81	83
Франция	105	65	108	71
Англия	99,5	102	95,7	117,4

Но особенно разительны на фоне продолжающегося глубочайшего кризиса капиталистического машиностроения наши достижения в этой области. Как мы уже указывали, машиностроительная промышленность за последний год не дала сколько-нибудь значительного роста в капиталистических странах. В СССР же и за последний год имеет место дальнейший быстрый рост машиностроения. Динамика машиностроения за истекшие годы кризиса демонстрируется нижеследующей таблицей.

Индекс машиностроения (1925—1929 гг. = 100)

	1925	1929	1931	1932	1933
СССР	48	173	368	472	537
США	77	145	38	18	25
Германия	86	122	72	46	51
Франция	88	120	104	74	82

Даже в области внешней торговли, где СССР непосредственно приходится сталкиваться со всей системой ограничительных мероприятий, проводимых в капиталистических странах в связи с падением цен, удельный вес Советского Союза увеличился за годы кризиса, составив 1,83% в 1933 г. против 1,36% в 1929 г.

Приводя многочисленные доказательства успехов Советского Союза, рецензируемые издания должны поэтому подчеркнуть, что Советский Союз «следовал совсем другой линии развития, чем другие страны за эти годы». В отличие от Берлинского кон'юнктурного института и от других подобных буржуазных учреждений Бюро экономической информации при Лиге наций выделяет СССР из всех индексов, рисующих мировое производство.

Экономические издания Лиги наций считаются авторитетнейшими источниками информации в капиталистических странах. Эти издания волей-неволей вынуждены ознакомлять читателей капиталистических стран с успехами нашего социалистического строительства.

М. ИОЭЛЬСОН

6*

БИБЛИОГРАФИЯ

К. Маркс и Ф. Энгельс. Собрание сочинений. Т. XV

(Под ред. В. Адоратского. ИМЭЛ. 1934. 724 стр.).

Пятнадцатый том собрания сочинений Маркса и Энгельса должен привлечь внимание самых широких слоев партийного актива. Этот том содержит богатейший материал, составляющий неоценимый вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма. В XV томе собраны произведения великих учителей пролетариата, относящиеся к периоду 1873 — 1883 гг., т. е. к последнему десятилетию жизни Маркса. Заканчивается том речью Энгельса на могиле Маркса и статьей Энгельса по поводу смерти Маркса.

В XV томе помещен ряд работ, достаточно хорошо известных советскому читателю. Это—«Критика Готской программы» Маркса, «Развитие социализма от утопии к науке» и «Жилищный вопрос» Энгельса. Наряду с этим значительную часть тома составляют работы, русские издания которых давно уже стали библиографической редкостью (не говоря уже о недочетах старых переводов); немалая часть материалов вообще впервые появляется на русском языке.

Огромное большинство работ, вошедших в XV том, принадлежит к числу тех, которые оппортунисты II интернационала десятилетиями держали под спудом, тщательно скрывая их от рабочих масс, ибо каждая из этих работ наносит уничтожающий удар оппортунизму. Многие из включенных в XV том произведений были впервые извлечены из-под спуда Лениным в его борьбе с оппортунистами II интернационала. Целый ряд работ, помещенных в этом томе, Ленин тщательно изучал при подготовке «Государства и революции» и большей частью использовал в этом произведении [1].

Десятилетие 1873 — 1883 гг. — это десятилетие после Парижской коммуны, когда I интернационал, выполнив свою роль, уступил «место эпохе неизмеримо более крупного роста рабочего движения во всех странах мира, именно эпохе роста его вширь, создания массовых социалистических рабочих партий на базе отдельных национальных государств»[2]. Содержание данного тома отражает кипучую деятельность Маркса и Энгельса, их работу по руководству международным рабочим движением в эту переходную эпоху. Движение в отдельных странах находится в центре внимания Маркса и Энгельса. Обращая особенное внимание на Германию, Францию и Англию, они в то же время внимательнейшим образом следят за развитием движения в Испании и Италии, в Америке и Швейцарии, в Польше и России. Из материалов, относящихся

---

[1] См. Ленин «Марксизм о государстве». Материалы по подготовке брошюры «Государство и революция. Институт Ленина, 1931. Здесь из числа вошедших в XV том законспектированы следующие работы Маркса и Энгельса: «Критика Готской программы», «Жилищный вопрос», письмо Энгельса о Готской программе, Энгельс — «Об авторитете», Маркс—«Политический индиферентизм».

[2] Ленин. Т. XVIII, стр. 8.

непосредственно к России, следует отметить статьи Энгельса против Ткачева (1875 г.), знаменитое письмо Маркса в редакцию «Отечественных записок» (1877 г.), предисловие к русскому изданию «Коммунистического манифеста» (1882 г.). С точки зрения того, как Маркс изучал материалы на русском языке, особенно интересен его конспект книги Бакунина «Государственность и анархия» (1874 г.); помещенный в книге снимок с рукописи показывает, как Маркс делал выписки из Бакунина по-русски.

После прекращения деятельности Генерального совета не оказалось недостатка в «пророках», спешивших похоронить Интернационал, а с ним и революционное рабочее движение вообще. Одному из таких «пророков», который в 1878 г. пытался успокоить свою буржуазную аудиторию утверждением, что Интернационал потерпел крушение и исчез навсегда, Маркс отвечает: «На самом же деле социал-демократические рабочие партии, организованные в более или менее национальном масштабе в Германии, Швейцарии, Дании, Португалии, Италии, Бельгии, Голландии и Соединенных Штатах Америки, составляют международные группы, которые не являются уже разрозненными секциями, в небольшом числе рассеянными по различным странам и об'единенными во-вне стоящим Генеральным советом, а образуются самими рабочими массами, находящимися в постоянном, активном, непосредственном общении, спаянными обменом мыслей, взаимной помощью и общими стремлениями».

И Маркс делает отсюда вывод:

«Таким образом, Интернационал не изжил себя, а только перешел из первого периода зарождения в более высокий, в котором первоначальные его стремления отчасти стали уже действительностью» (стр. 433).

Исключительно интересный и содержательный анализ развития рабочего движения в отдельных европейских странах после падения Коммуны и прекращения деятельности Международного товарищества рабочих дает Энгельс в статье «Европейские рабочие в 1877 г.». Энгельс приходит к следующему выводу:

«Таким образом, куда ни кинуть взгляд в Европе, повсюду классовое движение рабочих развивается не только успешно, но и быстро, и, что еще важнее, повсюду в одном и том же духе. Восстановлено полное единомыслие, а вместе с ним восстанавливается тем или иным путем постоянное и регулярное общение между рабочими разных стран. Люди, которые в 1864 г. основали Международное товарищество рабочих, которые высоко держали его знамя в годы борьбы, сначала против внешних, потом против внутренних врагов, покуда политическая необходимость в еще большей степени, чем внутренние раздоры, не привела к расколу и к кажущемуся отступлению, — эти люди могут теперь с гордостью воскликнуть: «Интернационал выполнил свое дело; он вполне достиг своей великой цели — об'единения пролетариата всего мира в борьбе против своих угнетателей!» (стр. 400—401).

После того как I интернационал сошел со сцены, Маркс и Энгельс с неослабной энергией продолжают свою работу по вовлечению рабочих масс в русло революционной борьбы за социализм. Интересным документом, характеризующим их подход к рабочим массам, зараженным мелкобуржуазной реформистской идеологией, является серия статей Энгельса, опубликованных им в английском тредюнионистском журнале «Знамя труда». Первая статья Энгельса озаглавлена «Справедливая заработная плата за справедливый рабочий день». Энгельс берет в качестве отправного пункта для своей агитации этот лозунг английского рабочего движения, имеющий полувековую историю и хорошо известный даже самому отсталому и далекому от революционных идей рабочему. Энгельс указывает, что этот лозунг сослужил в свое время славную службу. Однако

времена меняются. И Энгельс популярно излагает основные моменты марксова учения о наемном труде и заработной плате. Он показывает, что дело не в «справедливости». Капиталисту самая чудовищная эксплоатация представляется вполне «справедливым» делом, так как она протекает по всем законам деятельности капитала. И Энгельс умело приводит читателя к выводу, что «старый лозунг отжил свой век». Он заканчивает статью словами: «Итак, похороним навеки старый лозунг и заменим его другим:

«Средства труда — сырье, фабрики, машины — во владение самих рабочих».

Тредюнионистская доктрина исходила из того, что рабочие ведут лишь экономическую борьбу, что в области политики представителями их интересов являются политические партии буржуазии. Энгельс вскрывает несостоятельность этой крохоборческой позиции и раз'ясняет необходимость организации в Англии партии рабочего класса. «Мы живем в таком мире, — пишет Энгельс, — где каждый сам обязан заботиться о себе. Однако английский рабочий класс позволяет классам лендлордов, капиталистов и мелких торговцев с их прихвостнями — юристами, журналистами и т. д. — заботиться о его интересах. Неудивительно, что реформы, в которых рабочий заинтересован, осуществляются так медленно и такими жалкими крохами» (стр. 584).

После того как распалась «первая во всемирной истории рабочая партия, партия чартистов», противники политической борьбы рабочего класса охотно ссылались на крушение чартизма. Они говорили: «Да, но ведь чартисты распались и ничего не достигли». Энгельс принимает этот вызов и отвечает: «Так ли это? Из шести пунктов Народной хартии два, а именно тайная подача голосов и отмена имущественного ценза, являются теперь законом страны. Третий пункт, всеобщее избирательное право, проведен, по крайней мере приблизительно, в форме избирательного права для квартиронанимателей; четвертый пункт, равные избирательные округа, определенно имеют в виду провести, как реформу, обещанную нынешним правительством. Так что крушение чартистского движения привело к осуществлению доброй половины чартистской программы».

Совсем недавно эту же, культивируемую буржуазными историками Англии версию о том, будто чартизм ничего не добился, повторил писатель Уэллс в своей беседе с товарищем Сталиным [1], утверждая, что «чартисты мало что сделали и исчезли бесследно».

Решительная борьба против разнообразных видов оппортунизма проходит красной нитью через все содержание XV тома, составляя ось ряда замечательнейших произведений, вошедших в него.

Маркс и Энгельс беспощадно разоблачают открытый реформизм, открытую проповедь классового мира и соглашения с буржуазией и оппортунизм, рядящийся в «левые» одежды, прикрывающийся «левой» якобы революционной фразой. Они вскрывают мелкобуржуазно-утопический характер рецептов прудонизма, ярко показывают отсталость и беспомощность бланкизма, страстно бичуют оппортунистические, соглашательские маневры лассальянства, обнажают предательское нутро анархистской идеологии бакунизма.

Ленин подчеркивал, что главное в марксизме — это диктатура пролетариата. Учение о диктатуре пролетариата — центральный пункт, который Маркс и Энгельс разрабатывают, защищают и оттачивают в борьбе против оппортунизма всех видов. В произведениях, помещенных в XV томе, вопросы пролетарской диктатуры разрабатываются под свежим впе-

[1] См. «Большевик» № 17, стр. 17.

чатлением великого опыта парижских коммунаров. В настоящую эпоху, когда пролетарская диктатура является величайшим фактом современности, каждая строка, посвященная великими учителями рабочего класса этой проблеме, имеет огромную ценность.

В «Жилищном вопросе» Энгельс разоблачает антиреволюционную сущность знахарских способов излечения «жилищной нужды», проповедывавшихся прудонистами и буржуазными реформаторами. Энгельс вскрывает глубокие причины жилищной нужды при капитализме. Он показывает, что это вопиющее зло, сразу бросающееся в глаза, так что скрыть его невозможно, является производным и подчиненным по отношению к основной причине: капиталистической эксплоатации.

Разбирая деятельность буржуазного государства в жилищной области, Энгельс исходит из элементарного для него и Маркса положения о том, что капиталистическое государство — это «совокупный капиталист» (стр. 52). Отсюда вытекают и задачи пролетарской революции по отношению к этому государству. Задача пролетариата — свергнуть государственное господство буржуазии и установить свою диктатуру для уничтожения классовой эксплоатации и построения бесклассового, социалистического общества.

Приводя цитату из «Жилищного вопроса», в которой указывается, как диктатура пролетариата распорядится буржуазными квартирами для смягчения жилищной нужды трудящихся, Ленин в подготовительных материалах к «Государству и революции» замечает:

«Вот наглядно — одна из функций диктатуры пролетариата, одна из задач государства (об'единение пролетариев) в переходную эпоху от капитализма к полному коммунизму. Такой вещи нельзя тотчас начать делать без революционного использования государственной власти»[1].

Ленин отмечает, что «Жилищный вопрос» был написан Энгельсом в 1872 г., т. е. спустя год после Парижской коммуны, этого первого в истории человечества опыта пролетарской диктатуры. Это обстоятельство придает особое значение тем указаниям о диктатуре пролетариата, ее характере и задачах, которые Энгельс делает в «Жилищном вопросе». Чрезвычайный интерес представляет та оценка деятельности Коммуны, которую Энгельс дает в этой работе. Говоря о наличии большого количества прудонистов в Коммуне, Энгельс указывает:

«Хотя прудонисты были в ней сильно представлены, все же не сделано было ни малейшей попытки, на основе проектов Прудона, ликвидировать старое общество или организовать экономические силы. Напротив. К величайшей чести Коммуны, «живую душу» всех ее экономических мероприятий составляли не какие-либо принципы, а... простая практическая потребность. Но потому-то эти мероприятия — отмена ночного труда пекарей, запрещение денежных штрафов на фабриках, конфискация закрытых фабрик и мастерских и предоставление их рабочим ассоциациям — соответствуют вовсе не духу Прудона, а духу немецкого научного социализма. Единственное социальное мероприятие, проведенное прудонистами, — это отказ от конфискации Французского банка, что и было одной из причин гибели Коммуны. Точно так же и так называемые бланкисты, как только они сделали попытку из чисто политических революционеров превратиться в социалистическую рабочую фракцию с определенной программой, что выразилось в выпущенном в Лондоне бланкистами-эмигрантами манифесте «Internationale et Revolution»[2], провозгласили не

[1] Ленин «Марксизм о государстве», стр. 48.

[2] «Интернационал и революция». См. ст. «Эмигрантская литература» в рецензируемом томе, стр. 224—230.

«принципы» прудоновского плана спасения общества, а (и притом почти буквально) воззрения немецкого научного социализма о необходимости политического действия пролетариата и его диктатуры, как перехода к отмене классов, а вместе с ними и государства, как было сказано об этом еще в «Коммунистическом манифесте» и с тех пор повторялось бесчисленное количество раз» (стр. 59 — 60).

Как известно, буржуазные холопы из II интернационала не постеснялись пустить в оборот клеветническую выдумку о том, будто «диктатура пролетариата» — это обмолвка, сорвавшаяся с пера Маркса в «Гражданской войне во Франции». Лишь Ленин, восстанавливая революционный марксизм, блестяще показал, что учение о диктатуре пролетариата есть **главное** в учении Маркса и Энгельса. С тех пор как марксизм стал огромной силой, нет недостатка в попытках «доказать», будто Маркс все основные элементы своего учения «заимствовал» у других. Так, «доказывалось», что теория прибавочной стоимости «заимствована» Марксом у смирнейшего оуэниста В. Томсона, являвшегося одновременно восторженным поклонником Бентама. Точно так же пытались «доказать», будто диктатура пролетариата «заимствована» Марксом у... Бланки, на том «основании», что-де это выражение встречается впервые в 1850 г. в документе, в составлении которого участвовали бланкисты. Свидетельство Энгельса лишний раз опровергает подобного рода выдумку. В «Жилищном вопросе» Энгельс еще раз подчеркивает, что лозунг диктатуры пролетариата как единственного пути к уничтожению классов повторялся им и Марксом **бесчисленное количество раз, начиная с «Коммунистического манифеста»**.

В другом месте Энгельс пишет:

«...**Всякая** действительно-пролетарская партия, начиная с английских чартистов, всегда выставляла первым условием классовую политику, организацию пролетариата в самостоятельную политическую партию, а ближайшей целью борьбы — диктатуру пролетариата» (стр. 61).

Если «Жилищный вопрос» направлен против попыток прудонистов пробраться в ряды рабочего движения в **Германии**, то борьбе против аналогичных попыток в **Италии** посвящена статья Маркса «Политический индиферентизм». В этой статье Маркс высмеивает Прудона, который выступал против стачек, против борьбы за рабочее законодательство и т. п. под тем предлогом, что это значило бы «заключать компромисс» с существующим строем, посягать на неограниченное господство той «свободы конкуренции», которую Прудон считал всеспасающей силой. Прудонисты дополняют «экономический индиферентизм», проповедывавшийся их учителем, еще «политическим индиферентизмом», который должен «сохранить в неприкосновенности буржуазную свободу, их единственную гарантию» (стр. 95). Статьи Маркса и Энгельса против прудонизма приобретают в настоящее время особенно **актуальное** значение, так как ряд моментов в идеологии **фашизма**, несомненно, имеет своим истоком идейное наследство Прудона. Не даром последователи Прудона, как Ж. Сорель и В. Парето, были учителями Муссолини.

Большое место в XV томе занимают работы, посвященные борьбе против **бакунизма**. Это не удивительно: в 70-х годах бакунисты продолжали свою подрывную работу внутри рабочего движения, непосредственно смыкаясь с агентурой охранки ряда государств. В целом ряде статей Энгельс показывает подрывную, раскольническую деятельность бакунистов в Интернационале (статья «В **Интернационале**»), их предательскую роль в испанском восстании 1873 г. («**Бакунисты за работой**»), разоблачает бланкистские и бакунистские тенденции у эмигрантов Коммуны и у русских революционеров того времени (серия статей «**Эмигрантская литература**»).

Особенно актуальное, можно даже сказать злободневное, значение имеет статья Энгельса «Об авторитете». Это небольшой, мастерски написанный разбор «антиавторитаристских» взглядов бакунистов. Цель социальной революции в путанном представлении бакунистов заключалась в том, чтобы с места в карьер «отменить государство» как источник всяческого зла. Энгельс вскрывает всю нелепость этого требования и при этом блестяще характеризует сущность революции. «Видали ли эти люди когда-нибудь революцию? Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков и пушек, т. е. средств, чрезвычайно авторитарных; и если победившая партия не хочет потерять плоды своих усилий, она должна удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве она продержалась бы дольше одного дня? Не в праве ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом?» (стр. 137).

Выписав это место, Ленин в своем конспекте отмечает у начала цитаты: «хорошо сказано».

Величайший опыт нашей революции блестяще подтвердил правильность этих указаний Энгельса. Непонимание этого положения характерно не только для анархистов (им это «по штату» положено!), но и для всяких мелкобуржуазных течений, выступавших против политики нашей партии. Разве в криках троцкистов и правых оппортунистов, недовольных «режимом» пролетарской диктатуры, не проявляется полнейшее непонимание того, что революция — самая авторитарная вещь, какая лишь возможна?!

Энгельс указывает, что и в хозяйственной области социальная революция не «отменяет» авторитета, а лишь изменяет его характер и форму. Он подробно рассматривает отличия крупного производства и показывает, что оно немыслимо без строго координированного труда многих людей, подчиняющихся единой воле: «Желать уничтожения авторитета в крупной промышленности значит желать уничтожения самой промышленности,—уничтожения паровой прядильной машины для того, чтобы вернуться к прялке» (стр. 135). Результаты политики нашей партии, направленной на укрепление единоначалия на предприятиях, на укрепление железной пролетарской дисциплины во всех звеньях хозяйственного аппарата, являются прямым доказательством правильности этого положения Энгельса.

Огромную ценность представляют замечания Маркса на книгу Бакунина «Государственность и анархия». Маркс подробно законспектировал эту работу пресловутого «апостола анархизма». При этом он сделал ряд гениальных замечаний о путях развития пролетарской диктатуры.

Маркс останавливается главным образом на той части книги, где Бакунин критикует основы марксизма, излагая и толкуя их вкривь и вкось. Бакунин приводит, например, указание Маркса о том, что в результате социальной революции пролетариат становится господствующим классом (или, как пишет Бакунин, «сословием»). «Над кем же он будет господствовать?» — глубокомысленно вопрошает Бакунин и не менее глубокомысленно отвечает: «Значит, останется еще другой пролетариат, который будет подчинен этому новому господству, новому государству».

Маркс делает по этому поводу следующее замечание: «Это значит, что покуда существуют еще другие классы, в особенности класс капиталистический, покуда пролетариат с ним борется (ибо с приходом пролетариата к власти еще не исчезают его враги, не исчезает старый общественный

строй), он должен применять меры насилия, стало быть, правительственные меры; если сам он остается еще классом и если еще не исчезли экономические условия, на которых основывается классовая борьба и существование классов, они должны быть насильственно устранены или преобразованы, и процесс их преобразования должен быть насильственно ускорен» [1].

Бакунин сделал поразительное «открытие», что угнетенным классом при пролетарской диктатуре окажется... крестьянство. В этом пункте Бакунин «предвосхитил» не только меньшевиков и эсеров, верой и правдой служивших всякой интервенционистской сволочи во имя якобы «спасения» крестьянства от «эксплоатации» его пролетариатом, но и «теоретиков» правого оппортунизма с их печально-знаменитым тезисом насчет «военно-феодальной эксплоатации крестьянства». Маркс дает Бакунину по этому поводу блестящую отповедь: «...Там, где крестьянин существует в массовом масштабе как частный земельный собственник, там, где он даже образует более или менее значительное большинство, как во всех странах западно-европейского континента; где он не исчез и не заменен сельскохозяйственными батраками, как в Англии, — там произойдет следующее: либо крестьянин станет препятствовать и будет приводить к крушению всякую рабочую революцию, как он это делал до сих пор во Франции, либо же пролетариат (ибо крестьянин-собственник не принадлежит к пролетариату; даже тогда, когда по своему положению он к нему принадлежит, он не думает, что принадлежит к нему) должен в качестве правительства принимать меры, вследствие которых положение крестьянина непосредственно улучшится и которые, таким образом, привлекут его на сторону революции; меры, однако, которые в зародыше облегчают переход от частной собственности на землю к собственности коллективной, так что крестьянин сам приходит к этому хозяйственным путем; но нельзя огорошивать крестьянина, провозглашая, например, отмену права наследования или отмену его собственности; последнее возможно только там, где арендатор-капиталист вытеснил крестьянина, и настоящий земледелец стал таким же пролетарием, наемным рабочим, как и городской рабочий, и, следовательно, имеет с ним одни и те же интересы непосредственно, а не только косвенно; тем более нельзя укреплять мелкую собственность, увеличивая мелкие участки просто путем передачи больших имений крестьянам, как в революционном походе Бакунина».

Проблема взаимоотношений пролетариата с крестьянством в условиях пролетарской диктатуры была гениально разработана Лениным. Победоносный опыт социалистической переделки деревни в СССР, осуществленный под руководством великого продолжателя дела Маркса — Ленина товарища Сталина, который дал дальнейшее развитие марксизма-ленинизма, блестяще подтверждает правильность этого замечания Маркса.

Бакунин, ничего не поняв в учении Маркса о пролетарской диктатуре, выступает со смехотворным утверждением, будто марксисты «утешаются мыслью, что эта диктатура будет временная и короткая». Маркс в этом месте замечает: «Классовое господство рабочих над сопротивляющимися им прослойками старого мира должно длиться до тех самых пор, пока не будут уничтожены экономические основы существования классов» (стр. 192). Это указание Маркса имеет особенно актуальное значение в современных условиях Развитие происходит не путем затухания классовой борьбы, как проповедывали правые апостолы «мирного врастания кулака в социализм». Напротив, для полного уничтожения классов есть лишь один путь — путь всемерного укрепления «классового господства рабочих над сопротивляющимися им прослойками старого мира». Партия

---

[1] Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XV, стр. 186.

под руководством Ленина и Сталина пошла по тому пути, который здесь гениально намечен Марксом.

В своих замечаниях на книгу Бакунина Маркс затрагивает и ряд других вопросов, имеющих первостепенное значение в условиях борьбы за социализм.

Важнейшим документом, освещающим основные проблемы пролетарской диктатуры, является «Критика Готской программы».

Положения, изложенные Марксом в этом бессмертном произведении, вошли незыблемой основой в великое здание марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата. Основные положения «Критики Готской программы» послужили исходным пунктом для дальнейшей разработки учения о пролетарской диктатуре Лениным и Сталиным.

«Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Ему соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата» (стр. 283).

Эта чеканная формулировка пути к социализму была извлечена из-под спуда Лениным и использована им для обоснования революционной борьбы пролетариата за власть. Оппортунисты всех мастей приходили в бешенство и неистовство по поводу этого исключительно яркого и недвусмысленного указания Маркса. И только у Каутского хватило филистерского слабоумия заявить, что под «политическим переходным периодом», о котором говорил Маркс, следует понимать... коалиционное правительство, в котором предатели социализма помогают буржуазии подавлять рабочие восстания.

В «Критике Готской программы» Маркс рисует процесс становления бесклассового, социалистического общества. Он характеризует родовые муки и родимые пятна, которые неизбежно сопутствуют процессу рождения нового строя. Вместе с тем он рисует грандиозные перспективы, открывающиеся перед обществом, освобожденным от оков капитализма.

Перспективы, намеченные Марксом, частью уже стали прочной реальностью; их осуществление открывает перед страной пролетарской диктатуры еще более захватывающие перспективы дальнейшего развития по пути социализма.

Если замечания на книгу Бакунина посвящены главным образом проблемам пролетарской революции, то напечатанные в этом же томе замечания на книгу Вагнера представляют огромную ценность для понимания марксова метода, в особенности в области политической экономии. Те и другие замечания представляют в то же время огромный интерес в том отношении, что они вводят читателя в лабораторию мысли Маркса, демонстрируют его манеру работать.

Вагнер — один из столпов «социально-этической» школы в политической экономии, этого младшего отпрыска «исторической школы». Он — основоположник катедер-социализма, который пытался елейными словесами прикрыть зияющую пропасть растущих классовых антагонизмов, колоссально усиливающихся с наступлением империалистической эпохи. Но прикрашиванию капитализма мешает стройное здание марксова учения. И вот пигмей буржуазной науки предпринимает отчаянные попытки подорвать это здание. Вагнеру принадлежит одна из наиболее ранних попыток в этом направлении. Вагнер «опирается» при этом на Родбертуса. Именно с его легкой руки пошла «мода» на противопоставление Марксу Родбертуса. Последующие критики Маркса, начиная от «блестящего» Бем-Баверка и кончая современными авторами «лакейских диссертаций» антимарксистского толка, немало позаимствовали у Вагнера. По-

этому убийственная критика, заключенная в замечаниях Маркса на книгу Вагнера, попадает не в бровь, а в глаз довольно широкому кругу «марксоедов».

Идеалистическому методу Вагнера Маркс противопоставляет метод материалистической диалектики. Вагнер исходит из «понятия» стоимости. блага, «человека вообще». Отношения человека к природе у него с самого начала не практические, а чисто теоретические, мыслительные, созерцательные. Маркс замечает «профессору-доктринеру», что «люди никоим образом не начинают с того, что «стоят в этом теоретическом отношении к предметам внешнего мира». Как и всякое животное, они начинают с того, чтобы есть, пить и т. д., т. е. не «стоять» в каком-нибудь отношении, а активно действовать, овладевать при помощи действия известными предметами внешнего мира и таким образом удовлетворять свои потребности (они, стало быть, начинают с производства)» (стр. 461). В качестве исходного пункта следует принять не «человека вообще», а «определенный характер общественного человека, т. е. определенный характер общества, в котором он живет» (стр. 460). И Маркс, далее, раз'ясняет «темному мужу» (Вагнеру), который повсюду норовит «исходить из понятий», вместо того чтобы анализировать действительность: «...Я исхожу не из «понятий», стало быть, также не из «понятия стоимости», и потому не имею никакой нужды в «разделении» последнего. Я исхожу из простейшей общественной формы, в которой продукт труда представляется в современном обществе; это — «товар». Я анализирую последний, и притом сначала в той форме, в которой он проявляется. Здесь я нахожу, что, с одной стороны, товар в своей натуральной форме есть предмет потребления, или потребительная стоимость, а с другой стороны, носитель меновой стоимости, и с этой точки зрения он сам — «меновая стоимость». Дальнейший анализ последней показывает мне, что меновая стоимость есть лишь «форма проявления», самостоятельная форма представления содержащейся в товаре стоимости, и тогда я перехожу к анализу последней» (стр. 467). Маркс подвергает уничтожающей критике «открытие» Родбертуса насчет «исторических» и «логических» категорий и показывает, что «за этими высокопарными фразами скрывается во тьме не что иное, как бессмертное открытие, что человек при всех состояниях должен есть, пить и т. д. (нельзя даже просто продолжить и сказать: одеваться или иметь нож и вилку, кровать и жилище, так как это имеет место не при всех состояниях)» (стр. 474). Замечания Маркса на книгу Вагнера наносят сокрушительный удар всем идеалистическим извращениям марксизма, проделываемым социал-фашистскими теоретиками (вспомним меньшевика-вредителя Рубина с его идеалистической концепцией, выдаваемой им за марксизм).

Из помещенных в XV томе документов, относящихся к борьбе Маркса и Энгельса против оппортунизма в рядах пролетарской партии, следует особо отметить знаменитое «Циркулярное письмо» 1879 г., которое вожаки II интернационала держали под спудом ряд десятилетий. В этом письме, адресованном Бебелю, Либкнехту. Бракке и др., Маркс и Энгельс подвергают уничтожающей критике оппортунистическую политику ряда руководящих работников германской партии. С пламенной страстностью великие революционеры обрушиваются на социал-демократического депутата Кайзера, который в рейхстаге голосовал за косвенные налоги и за бисмарковский бюджет. Маркс и Энгельс решительно осуждают не только Кайзера, но и тех, кто его поддерживал и пытался защищать. В том же письме они подвергают решительной критике «манифест цюрихской тройки» (Бернштейн, Гехберг и Шрамм), в котором уже довольно отчетливо выступает та предательская философия, которая два десятка

лет спустя, уже после смерти Энгельса, нашла свое открытое выражение в выступлении родоначальника ревизионизма — Бернштейна. Маркс и Энгельс жестоко бичуют реформистский «манифест» и требуют самых решительных выводов по отношению к его авторам. «Каким образом партия может далее терпеть в своих рядах авторов этой статьи, нам совершенно непонятно. Если же в руки таких людей в той или иной мере попадает даже партийное руководство, — значит, партия попросту кастрирована и в ней нет больше пролетарской энергии» (стр. 450). Эти документы, направленные против оппортунизма и реформизма в рабочем движении, имеют колоссальное значение и для современной борьбы с оппортунизмом.

Ряд работ, помещеных в XV томе, представляет крупнейший интерес как образцы исторического исследования. Среди них прежде всего должны быть названы работы Энгельса о германской марке и его же обширная статья о В. Вольфе. Не меньшего внимания заслуживают многочисленные, помещенные в XV томе статьи, в которых Маркс и Энгельс откликались на ряд важнейших событий текущей политики. Эти статьи, дающие оценку событий основоположниками марксизма, послужат неоценимым руководством для каждого, кто изучает данную эпоху.

А. ЛЕОНТЬЕВ

Уполномоченный Главлита № В — 102105.
Тираж 500 000 экз.
В 1 п. л. 63 000 зн. 3 бум. листа.
Изд. № 1087.

Редакция: А. Стецкий (редактор), В. Кнорин, П. Поспелов, Б. Таль

Материал сдан в набор 11/XI 1934 г., подписан к печати 18/XI 1934 г. Заказ № 341

Типография газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 8.

СОДЕРЖАНИЕ 10-го ИЗДАНИЯ „ВОПРОСОВ ЛЕНИНИЗМА"

Цена 40 коп.

ИНСТИТУТ МАССОВОГО ЗАОЧНОГО ОБУЧЕНИЯ ПАРТАКТИВА ПРИ ЦК ВКП(б)

ПЕРЕДАЕТ СЛЕДУЮЩИЕ КУРСЫ И ЦИКЛЫ РАДИОЛЕКЦИЙ:

ИСТОРИЯ ВКП(б) (18 лекций)

Курс передается с октября 1934 г. по январь 1935 г. В декабре слушайте:

5/XII — **Партия в годы империалистической войны.**

10/XII — **Как большевики одержали победу над самодержавием.**

15/XII — **Как большевики организовали победу Октября.**

20/XII — **Первые шаги советской власти.**

25/XII — **Партия — организатор побед на фронтах гражданской войны.**

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ПРОГРАММЫ КОМИНТЕРНА (10 лекций)

Цикл передается с октября по декабрь 1934 г. В декабре слушайте:

2/XII — **IV и V конгрессы Коминтерна и борьба за большевизацию компартий.**

8/XII — **Китайская революция и борьба за советы в Китае.**

16/XII — **VI конгресс Коминтерна и его историческое значение.**

26/XII — **Германская компартия в борьбе с фашистской диктатурой.**

ВВОДНЫЕ ЛЕКЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МАРКСА, ЭНГЕЛЬСА, ЛЕНИНА, СТАЛИНА

4/XII — **ЛЕНИН «Что такое друзья народа?»**

14/XII — **ЛЕНИН «Две тактики социал-демократии в демократической революции».**

ВОПРОСЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ЖИВОТНОВОДСТВА

7/XII — **Как расширить кормовую базу в колхозах.**

17/XII — **Болезни домашнего скота, борьба с ними и меры их предупреждения.**

ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ С.-Х. ПРОИЗВОДСТВА В КОЛХОЗАХ

22/XII — **Организация и работа постоянной полеводческой бригады в колхозе.**

27/XII — **Как составить производственный план колхозной полеводческой бригады.**

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ (9 лекций)

Цикл передается с октября по декабрь 1934 г.

В декабре слушайте:

1/XII — **Урало-Кузбасский комбинат.**

11/XII — **Богатства Советского Севера и их освоение.**

19/XII — **Проблема Большой Волги.**

ВОПРОСЫ ТЕКУЩЕЙ ПОЛИТИКИ

В декабре передачи слушайте: **3-го, 13-го и 23-го числа.**

ЭПИЗОДИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ РАДИОЛЕКЦИЙ И КОНСУЛЬТАЦИЙ

В декабре слушайте цикл лекций к VII всесоюзному с'езду советов: **9-го, 21-го и 28-го числа.**

ОТВЕТЫ КОРРЕСПОНДЕНТСКОГО БЮРО ИНСТИТУТА

На вопросы партактива, радиослушателей и заочников Корреспондентское бюро дает ответы: **3, 7, 13, 17, 23 и 29** декабря после радиолекций Института.

Радиолекции Института передаются через станцию им. Коминтерна с 18 час. 30 мин. до 19 час. 30 мин. по московскому времени. Лекции слушайте в специально оборудованных радиоаудиториях при политотделах, в парткабинетах и на своих приемниках.

Вопросы, отзывы и замечания о радиопередачах направляйте по адресу: Москва, Ильинка, 21, Институт при ЦК ВКП(б), Корреспондентское бюро.

Директор Института **В. Уваров**

Bol'shevik

November

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

№ 22 30 ноября № 22

МОСКВА
Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"
1934

СПИСОК КНИГ, ПОСТУПИВШИХ НА ОТЗЫВ В РЕДАКЦИЮ „БОЛЬШЕВИКА"

ИМЭЛ—ПАРТИЗДАТ

1. **ЛЕНИН Н. И. Сочинения.** Т. V. 3-е изд. 1934. 444 стр.

2. **ЛЕНИН В. И. Коммунистический Интернационал.** (Статьи, речи, документы 1914—1923). Под редакцией В. Кнорина. 1934. 514 стр. 4 р. 25 к. в перепл.

3. **Ленинский сборник.** Т. XXVI. 1934. 453 стр. 5 р. 20 к. в перепл.

4. **К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС.** Сочинения. Т. XVIII («Капитал». Т. II). 1934. 593 стр.

5. **Архив Маркса и Энгельса.** Т. III (VIII). 1934. 463 стр. 5 р. в перепл.

6. **Базельский конгресс Первого Интернационала.** 1934. 189 стр. 2 р. 50 к. в перепл.

ПАРТИЗДАТ

1. **КИРОВ С. Марксизм-ленинизм — это единственная наука, которая учит трудящихся побеждать своих врагов.** Речь на пленуме Ленинградского областкома и горкома ВКП(б) 10 октября 1934 г. 32 стр.

2. **ПОПОВ Н.** Очерк истории ВКП(б). Изд. XV, исправленное и дополненное. Вып. 2. 1934. 302 стр. 2 р. 40 к. в перепл.

3. **САРАБЬЯНОВ В. Диалектический и исторический материализм** (очерки). 1934. 124 стр. 1 р. 50 к. в перепл.

4. **Конституция СССР.** 1934. 79 стр. 20 к.

СОЦЭКГИЗ

1. **МЕРИНГ Ф. Карл Маркс — его жизнь и деятельность.** 1934. 485 стр. 8 р. 50 к. в перепл.

2. **ПОКРОВСКИЙ М. Н. Русская история с древнейших времен.** Т. IV. 1934. 448 стр. 6 р. 25 к. в перепл.

3. **ПОКРОВСКИЙ М. Н. Империалистская война.** 1934. 446 стр. 5 р. 50 к. в перепл.

4. **ГОЛЬДМАН И. и ФЕЛЬДМАН Г. Химическое машиностроение.** Под ред. М. М. Кагановича, А. О. Золотарева, В. Г. Файнберга и Н. Г. Диманштейна. 1934. 37 стр. 40 к.

5. **ПЕРЧИК Л. Жилищный вопрос при капитализме и социализме.** 2-е дополн. изд. 1934. 124 стр. 90 к.

6. **ЗИМАН Л. Капиталистический мир.** 1934. 450 стр. 5 р. в перепл.

7. **Япония.** Сборник статей. Под ред. Е. Жукова и А. Розена. 1934. 415 стр. 6 р. 50 к.

8. **ПОПОВ КОНСТАНТИН. Техно-экономическая база Японии.** Часть I. 1934. 229 стр. 4 р. 25 к.

9. **ЛАН В. Англия и Америка.** (Институт мирового хозяйства и мировой политики Комакадемии). 1934. 62 стр. 75 к.

10. **СЕГАЛЛ Я. Е. Очерки экономической политики германского фашизма.** 1934. 106 стр. 1 р. 35 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СТАРЫЙ БОЛЬШЕВИК"

1. **БИБИНЕЙШВИЛИ Б. Камо.** 1934. 371 стр. 5 р. в перепл.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АГРАРНЫЙ ИНСТИТУТ

1. **Война и крестьянство.** Сборник статей. 1934. 132 стр. 2 р. 25 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1. **ЕНУКИДЗЕ А. Большевистские нелегальные типографии.** 1934. 80 стр. 60 к.

2. **ОЛЬМИНСКИЙ М. (М. АЛЕКСАНДРОВ).** В тюрьме. 1934. 161 стр. 1 р. 25 к.

3. **БЫХОВСКИЙ А. Расы и происхождение человека.** 1934. 173 стр. 2 р.

4. **ГОРБАТОВ Б. Мое поколение.** 1934. 387 стр. 5 р. 55 к. в перепл.

5. **Из ледяного плена.** Составили: Е. Бабушкин, И. Бачелис, С. Диковский. Под редакцией В. Бубекина. 1934. 195 стр. 1 р. 50 к.

6. **ШЕНШТЕДТ В. Убит при попытке к бегству.** 1934. 174 стр. 2 р. 05 к. в перепл.

7. **ЛЯСС МИХАИЛ. Эрнст Тельман.** 1934. 118 стр. 1 р. 15 к.

ГОСУД. ИЗД-ВО „ИСТОРИЯ ЗАВОДОВ"

1. **История заводов.** Сборник 3—4. 1934. 236 стр. 3 р.

ГОСУД. УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗД-ВО

1. **ВИНОГРАДОВ В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.** 1934. 288 стр. 4 р. 20 к. в перепл.

Во время верстки этого номера «Большевика» было получено трагическое известие о том, что 1 декабря в Ленинграде предательской рукой врага рабочего класса **убит** Секретарь Центрального и Ленинградского Комитетов ВКП(б), член Политбюро ЦК ВКП(б) тов. С. М. КИРОВ.

С. М. КИРОВ

ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков)

Центральный Комитет ВКП (большевиков) с великим прискорбием извещает партию, рабочий класс и всех трудящихся Союза ССР и трудящихся всего мира, что 1 декабря в Ленинграде от предательской руки врага рабочего класса погиб выдающийся деятель нашей партии, пламенный бесстрашный революционер, любимый руководитель большевиков и всех трудящихся Ленинграда—Секретарь Центрального и Ленинградского Комитетов ВКП (большевиков), член Политбюро ЦК ВКП(б) товарищ СЕРГЕЙ МИРОНОВИЧ КИРОВ.

Потеря товарища Кирова, любимого всей партией и всем рабочим классом СССР, кристально чистого и непоколебимо стойкого партийца, большевика-ленинца, отдавшего всю свою яркую, славную жизнь делу рабочего класса, делу коммунизма, является самой тяжкой потерей для всей партии и страны Советов за последние годы.

Центральный Комитет верит, что память о товарище КИРОВЕ, светлый пример его бесстрашной и неутомимой борьбы за пролетарскую революцию, за строительство социализма в СССР будут вдохновлять миллионы пролетариев и всех трудящихся на дальнейшую борьбу за торжество социализма, за окончательное искоренение всех врагов рабочего класса.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ (большевиков)

ВЕРНЫЙ ДРУГ, ЛЮБИМЫЙ ТО

Нашу партию постигло большое несчастье. 1-го декабря от руки злодея-убийцы, подосланного классовыми врагами, погиб товарищ КИРОВ. Не только для нас — его близких друзей и товарищей, но для всех знавших его по революционной работе, знавших его как бойца, товарища и друга, смерть КИРОВА является ничем невознаградимой утратой. От руки врага погиб человек, который всю свою яркую жизнь отдал делу рабочего класса, делу коммунизма, делу освобождения человечества.

Товарищ КИРОВ представлял из себя образец большевика, не знавшего страха и трудностей в достижении великой цели, поставленной партией. Его прямота, железная стойкость, его изумительные качества вдохновенного трибуна революции сочетались в нем с той сердечностью и мягкостью в личных товарищеских и дружеских отношениях, с той лучистой теплотой и скромностью, которые присущи настоящему ленинцу.

Товарищ КИРОВ работал в разных частях Союза ССР и во времена подполья и после Октябрьской революции, — в Томске и Астрахани, во Владикавказе и Баку — и всюду он высоко держал знамя партии и завоевывал для дела партии миллионы трудящихся своей неутомимой, энергичной и плодотворной работой революционера.

Последние девять лет товарищ КИРОВ руководил организацией нашей партии в городе Ленина и Ленинградской области. В кратком скорбном письме нет возможности дать оценку его деятельности среди трудящихся Ленинграда. Трудно было бы найти в нашей партии более подходящего руководителя для рабочего класса Ленинграда, так умело спаявшего всех партийцев и весь рабочий класс вокруг партии. Он создал во всей Ленинградской организации ту атмосферу большевистской организованности, дисциплины, любви и преданности делу революции, коими отличался сам товарищ КИРОВ.

Ты был близок всем нам, т. КИРОВ, как верный друг, любимый товарищ, надежный соратник. До последних дней

РИЩ, НАДЕЖНЫЙ СОРАТНИК

своей жизни и борьбы мы будем вспоминать тебя, дорогой друг, и будем чувствовать горечь нашей утери. Ты был всегда с нами в годы тяжких боев за торжество социализма в нашей стране, ты был с нами всегда в годы колебаний и трудностей внутри нашей партии, ты пережил с нами все трудности последних лет, и мы потеряли тебя в момент, когда наша страна достигла великих побед. Во всей этой борьбе, во всех наших достижениях много твоей доли, много твоей энергии, силы и пламенной любви к делу коммунизма.

И. СТАЛИН.
С. ОРДЖОНИКИДЗЕ.
В. МОЛОТОВ.
М. КАЛИНИН.
К. ВОРОШИЛОВ.
Л. КАГАНОВИЧ.
А. МИКОЯН.
А. АНДРЕЕВ.
В. ЧУБАРЬ.
А. ЖДАНОВ.
В. КУЙБЫШЕВ.
Я. РУДЗУТАК.
С. КОСИОР.
П. ПОСТЫШЕВ.
Г. ПЕТРОВСКИЙ.
А. ЕНУКИДЗЕ.
М. ШКИРЯТОВ.
Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ.
Н. ЕЖОВ.

ПАМЯТИ СЛАВНОГО БОРЦА ЗА КОММУНИЗМ

Партия наша понесла тягчайшую потерю. Подлая, злодейская пуля убийцы, подосланного классовыми врагами, вырвала из наших рядов Сергея Мироновича Кирова, любимого вождя ленинградских пролетариев, любимца всей партии, ближайшего соратника, ученика и друга великого Сталина.

Товарищ Киров был подлинным сыном рабочего класса, сыном нужды и борьбы, сыном неимоверных лишений и героических усилий.

Его пламенная жизнь неустрашимого борца за социализм — яркая, великолепная иллюстрация к героической истории ВКП(б). Он рос и мужал вместе с партией, активно участвовал на всех стадиях борьбы, всегда был в первых рядах и на самых опасных участках.

Из рядового профессионального революционера-подпольщика, пройдя царские тюрьмы и казематы, пройдя фронты гражданской войны, товарищ Киров вырос, и стал одним из руководителей большевистской партии, членом Политбюро и секретарем Центрального и Ленинградского комитетов ВКП(б), одним из руководителей великого Союза Советских Социалистических Республик. Таков славный путь его тридцатилетней революционной борьбы.

* * *

Суровое, безрадостное детство круглого сироты. Не потому ли он всегда так особенно трогательно заботился о детях, о беспризорных, о школьниках и пионерах, стремился обеспечить им то внимание и ласку, которых ему самому не досталось в детстве?

Ранние связи с революционерами, политическими ссыльными, загнанными царским правительством в «медвежий угол», в глухой городишко Уржум, Вятской губернии, где родился и вырос Сергей Миронович. Чтение нелегальной литературы.

Восемнадцатилетним юношей он закаляется в горниле революции 1905 г., этой, по словам Ленина, «генеральной репетиции» Октябрьской революции.

В Октябрьские дни 1905 г. Киров входит в состав боевой дружины, организованной томским партийным комитетом. Когда черносотенцы подожгли здание, в котором происходил огромный митинг, Киров с группой дружинников с оружием в руках прорывается из горящего здания сквозь цепь черносотенцев и жан-

дармов. Боевая дружина, вооруженная демонстрация, организация и обслуживание подпольной типографии, пропаганда в рабочих нелегальных кружках, выступления на рабочих собраниях, организация забастовки железнодорожников — все эти этапы борьбы прошел Сергей Миронович в революцию 1905 г.

Молодой революционер приговаривается к трем годам крепости. Это был период жесточайшей реакции, временного поражения революции. По всей стране свирепствовали карательные экспедиции, наспех сколачивались виселицы. Часто по ночам одиночный корпус томской загородной тюрьмы оглашался душераздирающими криками прощавшихся с товарищами и с жизнью «смертников», которых уводили на казнь.

Сергей Миронович Киров из царской тюрьмы вышел еще более закаленным, отважным революционером и образованным марксистом. Пребывание в тюрьме он сумел использовать как своеобразный революционный университет для усиления своей идейной вооруженности. В сочетании с практическим опытом революции 1905 г., здесь, в одиночке томской загородной тюрьмы, окончательно сложились у Сергея Мироновича все те свойства его богато одаренной натуры, которые сделали из него в дальнейшем боевого руководителя миллионных масс, пламенного трибуна и неутомимого организатора.

Отбыв заключение, товарищ Киров переехал в Иркутск. Но вскоре, в связи с случайным обнаружением томской подпольной типографии, ему пришлось оставить Сибирь и бежать на Кавказ.

Товарищ Киров во Владикавказе. Организации здесь не было. Были только отдельные товарищи. Здесь товарищ Киров в качестве нелегального работника прожил несколько лет. Началась война. В 1915 г. — четвертый арест. По этапу отправлен в Томск. Снова год тюрьмы. Предстояла высылка в Нарымский край, но этому помешала Февральская революция. Товарищ Киров принимает в ней самое активное участие в качестве члена владикавказского комитета социал-демократической организации. Он разоблачает соглашательскую, предательскую линию меньшевиков, завоевывает на сторону большевиков рабочих Владикавказа. Киров — один из организаторов Октябрьской революции и советской власти на Кавказе. Когда начинается гражданская война с белоказачьими бандами, большевистская организация командирует его в Москву по делам вооружения, снабжения и пр. С большим транспортом оружия и боевых припасов возвращается товарищ Киров в 1918 г. на Кавказ через Царицын. Однако проехать уже было нельзя. Белогвардейцы уже оттеснили разрозненные партизанские отряды кавказской Красной Армии. Партия поручает товарищу Кирову один из самых важных участков борьбы с контрреволюцией — оборону Астрахани и низовьев Волги. Киров — председатель астраханского военно-революционного комитета, представитель Реввоенсовета Южного фронта, член Реввоенсовета XI армии. Товарищ Киров собирает остатки отступившей после разгрома XI армии. Он умел вдохнуть бодрость в ряды уставших бойцов. Своим огненным словом и личным бесстрашным примером он вел их к новым битвам, к победе.

Астрахань окружена белогвардейскими полчищами. С моря ей угрожает белогвардейский и английский флот. То и дело английские аэропланы налетают на осажденный город, бомбардируют его. Жесточайший продовольственный кризис, нет хлеба. Эпидемия сыпного тифа косит ряды бойцов. Внутренняя контрреволюция подымает голову. В такой обстановке проходила легендарная оборона Астрахани — одна из ярчайших и важнейших страниц истории гражданской войны. Советская Астрахань не была взята врагами в первую очередь благодаря неисчерпаемой энергии и героизму Сергея Мироновича Кирова, который был душой обороны Астрахани.

Вместе с XI армией, во главе ее, товарищ Киров участвует в восстановлении советской власти на Северном Кавказе и в Баку. Высшей боевой наградой — орденом Красного знамени — отмечена боевая работа товарища Кирова.

Но вот партия дает ему в руки новое оружие — оружие дипломатии. После советизации Азербайджана товарищ Киров назначается полномочным представителем РСФСР в меньшевистскую Грузию. Через некоторое время он получает новое ответственное поручение — участвовать в качестве члена советской делегации в переговорах с Польшей о мире. После заключения мира с поляками — снова партийная работа на Северном Кавказе, потом в Азербайджане. Здесь товарищ Киров работает в качестве секретаря Центрального комитета Азербайджанской коммунистической партии и члена Закавказского краевого комитета ВКП(б).

Товарищу Кирову, выдающемуся партийному руководителю, принадлежат огромные заслуги в деле создания и укрепления советской власти на Северном Кавказе и в Закавказье.

Еще в 1917—1918 гг. своими незабываемыми выступлениями он завоевывает на сторону советской власти горскую бедноту и трудящихся казаков, предотвращает межнациональную резню, затеянную казачьими офицерами, нефтяными магнатами, муллами и кулаками.

С самого начала своей работы в Баку он окружен любовью и доверием бакинского пролетариата и азербайджанского трудящегося крестьянства. В сложной обстановке неизжитых еще тогда в Закавказье пережитков национальной розни, которую культивировало царское правительство, он неустанно воспитывает партийную организацию в духе пролетарского интернационализма, в духе последовательного проведения ленинско-сталинской национальной политики. Он активнейшим образом участвует в выковывании братского единства народов Закавказья — ЗСФСР.

Огромна роль товарища Кирова в деле восстановления и реконструкции бакинской нефтяной промышленности. Выполнение нефтяной пятилетки в два с половиной года — прямой результат работы товарища Кирова в Баку, за которую он был награжден орденом Ленина.

Товарищ Киров был всегда верным сыном партии. Страстный революционер, непримиримый враг малейших отклонений от большевизма, от ленинизма, он всегда стоял на страже генеральной линии партии. Весь свой огромный талант пламенного трибуна революции и блестящего организатора он вкладывал в борь-

бу за партию Ленина—Сталина, за Центральный Комитет, за победу социализма в нашей стране. Товарищ Киров беспощадно разоблачал и громил контрреволюционный троцкизм, зиновьевскую оппозицию, правых оппортунистов.

Товарищ Киров был любимцем всей партии. Партия хорошо его знала. Уже на X с'езде он избирается кандидатом в члены Центрального Комитета, а на XI с'езде — членом Центрального Комитета.

В 1926 г., в момент разгрома троцкистско-зиновьевской оппозиции, ленинградские большевики избирают товарища Кирова своим руководителем. Товарищ Киров блестяще оправдал высокое доверие Центрального Комитета и ленинградских большевиков. Он помог ленинградской партийной организации быстро исправить ошибки, очиститься от троцкистско-зиновьевской антипартийной скверны, подняться на новую, огромную высоту в глазах всей партии.

Девять лет вел товарищ Киров ленинградский пролетариат от победы к победе. За эти годы Ленинград совершенно преобразился. Заново реконструированы его заводы-гиганты, освоены новые производства, построены мощные электростанции и комбинаты. Свирьская гидростанция и величественный комбинат на хибиногорских апатитах, Беломорский канал и полярный Нивастрой, волховский алюминий, мощные турбины и блюминги, сложнейшие электротехнические аппараты, краснопутиловские тракторы, дома культуры и новые школы-дворцы, втузы и пригородные хозяйства — все это связано с именем товарища Кирова, с его кипучей деятельностью.

И товарищ Киров мог с полным правом сказать на XVII с'езде:

«У нас, например, ленинградские рабочие говорят, что в Ленинграде остались старыми только славные революционные традиции петербургских рабочих, — все остальное стало новым».

Этот новый Ленинград — **лучший памятник товарищу Кирову.**

Сергей Миронович умел заразить своим энтузиазмом, своим мужеством и решительностью каждого работника, учил людей работать по-ленински, по-сталински. Он учил понимать великую связь повседневных, будничных дел с грандиозными перспективами нашей всемирно-исторической борьбы. Когда тот или иной хозяйственный участок отставал, он, бывая на заводе, прежде всего выяснял: а знают ли рабочие, какое значение имеет вырабатываемая ими машина или деталь для всего народного хозяйства, для той или иной ударной стройки. Он успевал следить за всеми участками великой социалистической стройки. Его знали и любили беспартийные рабочие, с которыми он так часто запросто беседовал, посещая фабрики и заводы; его знали и любили колхозники, ученые, писатели, художники и инженеры, летчики, моряки, полярные исследователи — все те, кто день за днем воздвигает и украшает чудесное здание социализма, кто выковывает и крепит мощь Советского Союза.

Революционная самоотверженная работа — вот что требуется от каждого большевика, говорил и повторял Киров. И вся его

жизнь была ярчайшим примером такой работы. За эту самоотверженную работу, за исключительное обаяние, отзывчивость и чуткость, за необыкновенную скромность и простоту любила Сергея Мироновича вся партия, любили рабочие и трудящиеся Ленинграда и всей страны.

Простыми, ясными, солнечными словами, которые доходили до сердца каждого рабочего, он звал массы на борьбу за социализм.

Внимание простым, будничным делам, внимание так называемым «мелочам», из которых складываются большие дела, — неустанно напоминал товарищ Киров. И вместе с тем где бы он ни выступал, — будь то с'езд горских народов, будь то собрание колхозников, рабочий митинг или собрание партийного актива,— Сергей Миронович никогда не забывал показать революционную перспективу, показать завтрашний день нашей борьбы.

В своей речи об итогах первой пятилетки Киров говорил:

«Товарищи, много веков тому назад великий математик мечтал найти точку опоры, для того чтобы, опираясь на нее, повернуть земной шар. Прошли века, и эта опора не только найдена, она создана нашими руками. Не пройдет много лет, когда мы с вами, опираясь на завоевания социализма в нашей Советской стране, оба земных полушария повернем на путь коммунизма».

Ему не пришлось дожить до этого счастливого дня. Враг оборвал его драгоценную жизнь в расцвете творческих сил. Но тверда поступь великой армии коммунизма, не дрогнули ее ряды. Никому не удастся повернуть назад колесо истории.

Суровая непреклонность пролетарского революционера и вместе с тем величайший оптимизм, величайшая жизнерадостность класса-победителя, величайшая любовь к труду, к творчеству — вот чем дышали все речи товарища Кирова.

«Мы выковываем твердых, прямолинейных, любящих труд, науку, любящих радости, но не боящихся и горя, молодых борцов», — говорил товарищ Киров.

Товарищ Киров всегда придавал исключительное значение делу идейного вооружения партийцев, овладения теорией марксизма-ленинизма.

«Надо, — говорил он, — построить всю нашу партийную жизнь так, чтобы укрепить нашу большевистскую мощь ленинской учебой, где соединяется живая революционная практика с теорией марксизма-ленинизма».

У всех в памяти потрясающая, вдохновенная речь товарища Кирова на XVII с'езде партии, с'езде победителей. Это он предложил доклад великого Сталина принять к руководству и исполнению как партийный закон.

Память о славном революционере-большевике Кирове, верном сыне партии Ленина — Сталина, величие его дел будет жить в веках. Его могилу, его утрату никогда не забудут наша партия, пролетариат и все трудящиеся нашей великой родины, не забудет мировой пролетариат. Его светлый образ не забудут грядущие поколения освобожденного человечества, для блага и счастья которого он отдал свою замечательную жизнь.

* * *

Вся наша великая родина скорбит, оплакивает Сергея Мироновича Кирова.

Но классовый враг, подославший трижды проклятого, презренного выродка — убийцу, рассчитывавший этим подлым убийством затемнить значение наших побед, просчитался. Роковой выстрел не внес смятения в ряды пролетариата. Эти траурные дни были незабываемой демонстрацией мощи и сплочения страны социализма. Нет такого оружия, нет такой силы, которая могла бы хоть на минуту задержать уверенную поступь миллионов, идущих под знаменем Ленина—Сталина. «Пусть враги помнят, что не только боль, но и великий гнев потрясает наши сердца. Смерть Кирова дорого обойдется врагам», — заявляют ленинградские и московские пролетарии.

Смерть товарища Кирова призывает к тому, чтобы утроить классовую бдительность. Мы ни на минуту не можем забывать, что живем еще в капиталистическом окружении. Именно потому, что дело социализма в нашей стране победило,— остатки разгромленного, но недобитого классового врага, смыкаясь с международной контрреволюцией, в последних судорогах отчаяния пойдут на самые гнусные преступления, будут хвататься за самые подлые средства борьбы. Классовый враг прибегал и прибегает к вредительству, поджогу наших фабрик и заводов, устраивает крушения на железных дорогах. К этому арсеналу вредительских приемов диверсионных шаек прибавляется последнее, самое отчаянное средство — организация террористических актов против работников советской власти.

Мы ни на минуту не можем забывать, что именно потому, что за последние годы неслыханно вырос авторитет Союза ССР как передового борца за мир,—наши заклятые враги попытаются сделать все, чтобы подлыми убийствами поколебать все возрастающий международный авторитет Союза ССР. Анализ буржуазной мировой печати показывает, что именно те элементы, которые заинтересованы в нарушении мира, обнаруживают каннибальскую радость по поводу убийства товарища Кирова, распространяют самую нелепую, возмутительную ложь про Советский Союз.

Но слишком рано радуются господа поджигатели и вдохновители, тренеры профессиональных наемных убийц! Мы знаем, что враг будет принимать любое обличье, чтобы усыпить нашу классовую бдительность. Мы сумеем распознать врага под любым обличьем.

Притаившиеся белогвардейские гадины будут раздавлены.

Пролетарская революция беспощадно сметет со своего пути эти человеческие отребья, этих выродков и бешеных собак.

Обреченным на гибель врагам революции не остановить победного шествия социализма.

Дело коммунизма, которому отдал всю свою жизнь до последнего вздоха товарищ Киров, победит в нашей стране и во всем мире!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

Политико-экономический двухнедельник ЦК ВКП(б)

XI ГОД ИЗДАНИЯ

Адрес редакции: Москва, ул. Горького, 48
Тел. 1-21-15. Кремль 3-90

№ 22 30 НОЯБРЯ 1934 г.

СОДЕРЖАНИЕ

НОЯБРЬСКИЙ ПЛЕНУМ ЦК ВКП(б)

Решения ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) имеют исключительное значение в борьбе за вторую пятилетку, за построение бесклассового, социалистического общества в СССР. Эти решения — яркий показатель и результат успехов, которых добилась наша партия, твердо, уверенно и неуклонно развертывая большевистское наступление по всему фронту социалистического строительства.

Решение пленума ЦК об отмене карточной системы по хлебу — новый крупнейший шаг в деле развертывания товарооборота, развития советской торговли.

На XVII с'езде партии товарищ Сталин со всей силой подчеркнул, что развертывание товарооборота вместе с решительным улучшением транспорта является очередной и актуальнейшей задачей, без разрешения которой мы не можем успешно двигаться вперед. XVII с'езд партии закончил свою работу в феврале 1934 г. А в ноябре этого же года пленум ЦК вынес решение об отмене хлебных карточек, имеющее величайшее значение для замены системы централизованного распределения развернутой советской торговлей.

Это важнейшее хозяйственно-политическое мероприятие, результаты которого скажутся на всей экономической жизни СССР, подготовлено упорной и продуманной борьбой партии в последние годы, прежде всего успехами социалистического земледелия, победами колхозного строя.

Карточная система по хлебу сыграла свою большую историческую роль. Она была введена в 1928 г., когда партия и рабочий класс начинали великую борьбу за первую пятилетку. Рост промышленности, мощный разворот строительства, рост городов, увеличение спроса на хлеб со стороны районов

производства технических культур — все это увеличивало потребность в товарном хлебе.

Между тем в деревне решительно преобладало мелкое и мельчайшее индивидуальное хозяйство. 24—25 млн. индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств давали 74% всего товарного хлеба. Роль совхозов и колхозов была крайне невелика — 6% товарного хлеба. Наконец, довольно значительны были позиции кулацких элементов, пытавшихся использовать хлебные затруднения для срыва хозяйственной политики советской власти. Отсталость мелкого индивидуального крестьянского хозяйства с его низкой техникой (достаточно напомнить, что тогда деревянная соха была еще распространенным сельскохозяйственным орудием: в употреблении было 5 миллионов сох!), низкой урожайностью и ничтожной товарностью резко сокращала хлебные ресурсы, находившиеся в руках советского государства. Государственные заготовки хлеба в 1928—1929 г. составили всего 650 млн. пудов.

В этих условиях партия должна была ввести карточную систему, чтобы твердо взять в руки важнейшее дело снабжения хлебом и обеспечить социалистическую реконструкцию народного хозяйства, быстрое создание мощной социалистической индустрии, которая могла бы реорганизовать и земледелие, перевести его на рельсы крупного, обобществленного, высоко технически вооруженного хозяйства.

Карточная система на хлеб позволила советскому государству обеспечить снабжение городов, промышленных районов, новостроек, где решались судьбы индустриализации СССР. Карточная система помогла организовать преимущественное снабжение наиболее важных производственных участков и ударников. Система рационирования позволила государству наладить снабжение хлебом тех сельскохозяйственных районов, где развивалось производство технических культур (хлопок, лен и т. д.), дающих сырье для промышленности.

Карточная система снабжения хлебом, вызванная чрезмерным отставанием раздробленного сельского хозяйства от развития промышленности и всего народного хозяйства Советской страны, явилась сильным орудием в руках партии для успешного осуществления великих задач социалистической реконструкции.

В настоящее время положение коренным образом изменилось. Советская страна создала могучую индустрию — базу технического перевооружения всего народного хозяйства. Наша промышленность уже начала осуществлять эту свою важнейшую задачу, в первую очередь в области сельского хозяйства. Опираясь на мощь социалистической промышленности, партия добилась коренной перестройки сельского хозяйства на базе колхозов и совхозов, разгромив кулачество.

Облик нашего сельского хозяйства в 1934 г. глубочайшим образом изменился по сравнению с 1928 г. Советский Союз стал страной самого крупного сельского хозяйства в мире. 281 тысяча тракторов, 33 тысячи комбайнов, 34 тысячи грузовых автомобилей, 845 тысяч конных и тракторных сеялок, 129 тысяч молотилок, свыше 2 миллионов различных уборочных машин работают на социалистических полях. Решающей силой в деревне являются колхозы, об'единяющие $^{3}/_{4}$ крестьянских хозяйств и 90% посевных площадей. Кулачество разгромлено. Выкорчевываются самые глубокие корни капитализма.

За последний год партия добилась значительного организационно-хозяйственного укрепления колхозов. При помощи огромной работы политотделов партия сплотила многомиллионные массы колхозников в борьбе за осуществление лозунга товарища Сталина — сделать все колхозы большевистскими, всех колхозников зажиточными. Изолированы, в основном разоблачены и изгнаны из колхозов и совхозов кулацкие элементы, пытавшиеся

подорвать колхозы и совхозы изнутри, организуя саботаж и вредительство.

Колхозный строй растет и крепнет.

Об этом достаточно наглядно свидетельствуют хотя бы следующие факты. Весенний сев в 1934 г. проведен на 15—20 дней быстрее чем в 1933 г. и на 30—40 дней быстрее чем в 1932 г. Несмотря на большие недостатки в работе ряда районов, особенно на востоке, уборка в этом году проведена значительно лучше чем в прошлые годы.

В результате, несмотря на засуху в ряде районов Украины, Северного Кавказа, в текущем году собран урожай не меньший чем в прошлом году.

План хлебопоставок в 1934 г. выполнен на 1½ месяца раньше чем в 1933 г. и на 3 месяца раньше чем в 1932 г. В этом году широко и успешно развернулись государственные закупки хлеба по повышенным ценам.

В результате советское государство будет иметь в своем распоряжении не менее 1,5 млрд. пудов хлеба вместо 650 млн. пудов, которыми оно располагало в 1928 г., когда вводилась карточная система по хлебу. В упорной, настойчивой борьбе за социалистическую реконструкцию всего хозяйства СССР, на основе величайшего под'ема могучего творческого энтузиазма десятков миллионов рабочих и колхозников, в беспощадной борьбе с классовым врагом и его агентурой — правыми и «левыми» оппортунистами — партия перевела сельское хозяйство на новую техническую и экономическую базу, преодолев то резкое отставание, которым характеризовалось развитие сельского хозяйства пять лет назад.

Эти новые условия дали возможность отказаться от карточной системы снабжения хлебом. Это чрезвычайно важное решение подготовлено, с другой стороны, проводившейся в последние годы интенсивной работой по развитию советской торговли. Устранение монопольного положения кооперации, создание государственной торговли, сети орсов при крупнейших предприятиях, развертывание торговой сети, расширение колхозной торговли — все это создало материальную базу для устранения системы централизованного распределения и замены ее развернутой советской торговлей.

В 1928 г. количество государственных и кооперативных магазинов и лавок достигало 123 тыс. В настоящее время оно увеличилось до 283 тысяч. Частная торговля ликвидирована, частник вытеснен из товарооборота, хотя его остатки пытаются организовать спекуляцию на советском рынке, и нужна бдительная и неустанная борьба с этими попытками.

Весь розничный товарооборот резко возрос: в 1934 г. он составит 61 млрд. руб. против 15,5 млрд. руб. в 1928 г.

За последние годы выросла коммерческая торговля, развитие которой имело особое значение для подготовки отмены карточной системы по хлебу. Удельный вес коммерческой торговли в розничном товарообороте должен составить уже в этом году 24%. Значительно выросла и колхозная торговля.

Развитие государственной коммерческой торговли и колхозной торговли привело к значительному снижению спекулятивно-вздутых цен на базарах, что свидетельствует о неуклонном укреплении советской торговли. Как указал в докладе на пленуме тов. М о л о т о в, «развивая государственно-кооперативную торговлю, всемерно поддерживая рост коммерческой торговли, а также содействуя колхозной торговле, партия и правительство заботились о том, чтобы дело государственного регулирования торговли не только не ослаблялось, а было бы поднято на должную высоту». В связи с этим по инициативе товарища С т а л и н а был создан летом этого года специальный наркомат внутренней торговли.

Отмена хлебных карточек была подготовлена продуманной системой разносторонних мероприятий и по линии организации советской торговли.

Принятая пленумом ЦК по предложению товарища С т а л и н а отмена карточной системы по хлебу является наиболее серьезным за последние

годы шагом по пути разрешения одной из важнейших очередных задач партии — развертывания товарооборота.

Мы добились мощного роста промышленного производства, включая и выпуск товаров широкого потребления. Мы обеспечили рост продукции сельского хозяйства. Советская система обеспечивает непрерывный рост потребностей трудящихся масс и их спроса на различные товары. «Что еще требуется для того, чтобы сомкнуть эти условия и обеспечить всей массе потребителей получение необходимых товаров и продуктов?» — спрашивал товарищ Сталин на XVII с'езде партии и отвечал:

«Чтобы экономическая жизнь страны могла забить ключом, а промышленность и сельское хозяйство имели стимул к дальнейшему росту своей продукции, надо иметь еще одно условие, а именно, — развернутый товарооборот между городом и деревней, между районами и областями страны, между различными отраслями народного хозяйства».

Некоторые левацкие болтуны никак не хотят понять необходимости развертывания товарооборота на данном этапе развития советского хозяйства. Они говорят о непосредственном переходе к прямому продуктообмену, не давая себе труда задуматься над тем, какие условия для этого перехода необходимы. Мы умеем производить и в промышленности и в сельском хозяйстве. Но этого мало. Надо организовать обмен между городом и деревней, между сельским хозяйством и промышленностью. В современных условиях этот обмен может быть осуществлен только в форме развернутого товарооборота. Советская торговля укрепляет смычку между городом и деревней, тесно связанными социалистическим производством. Только тогда, когда мы полностью используем все то, что может дать нам развернутый товарооборот (а сейчас мы не использовали этого и в малой мере), только тогда, когда мы развернем богатейшую торговую сеть, умеющую гибко и быстро удовлетворять все запросы потребителя, учитывать все особенности отдельных районов и областей, — только тогда будут созданы условия для перехода к продуктообмену. Герои мелкобуржуазного радикализма не прочь поболтать о том, что нашей партии не к лицу использовать такой инструмент буржуазной экономики, каким является товарооборот. Этим пустым фразерам и невдомек, что государство пролетарской диктатуры в процессе строительства социализма берет отдельные инструменты буржуазной экономики, чтобы, коренным образом изменив их содержание, поставить их на службу делу пролетариата, делу строительства бесклассового общества.

Отмена карточной системы по хлебу — крупный шаг вперед в деле укрепления союза рабочих и крестьян, смычки между промышленностью и сельским хозяйством и упразднения механического, слепого, бюрократического распределения. Чем скорее и полнее развернем мы товарооборот, советскую торговлю, тем быстрее добьемся новых успехов в строительстве социализма. Система развернутого товароборота должна целиком и полностью заменить нынешнюю систему обезличенного, централизованного, механического распределения с ее «средне-взвешенным потребителем».

Это потребует решительной перестройки работы нашей торгово-кооперативной сети. Многие работники этой сети привыкли работать автоматически. Они не видят живого потребителя; для них лицо потребителя заслоняется карточкой. Они привыкли относиться к потребителю согласно бездушному бюрократичскому принципу «бери, что дают». Развертывание культурной советской торговли означает решительное изменение всех методов работы торговой сети. Надо учитывать вкусы потребителя. Абстрактного потребителя с «средне-взвешенными» потребностями и запросами не существует. Надо строить сложную работу торговой сети, исходя из учета многообразных потребностей и запросов живого потребителя со всеми его особенностями. Без этой радикальной перестройки говорить о переходе к продуктообмену — вредная глупость. Величайшее хозяйственно-политическое

значение отмены карточной системы по хлебу в том и заключается, что она наносит удар системе механического распределения в одной из важнейших областей товарооборота. Карточная система в настоящих условиях является тормозом в развитии товарооборота, оковами для растущей советской торговли. Отмена хлебных карточек даст сильнейший толчок дальнейшему широкому развертыванию советской торговли.

Отмена карточной системы, с установлением единых цен на хлеб в каждой зоне, устраняет существовавшие до сих пор двойные и тройные цены, что уменьшает возможность спекуляции. Свободная советская торговля хлебом и хлебопродуктами по единым твердым ценам, значительно сниженным по сравнению с уровнем теперешних коммерческих цен, неизбежно приведет к снижению цен на всем рынке. Тем самым решение пленума ЦК об отмене хлебных карточек означает крупный шаг вперед по пути осуществления политики партии по снижению цен. Партия осуществляет действительное и реальное снижение цен, начиная с хлеба. Это снижение цен будет продолжено. В то же время проводится повышение заработной платы рабочим и служащим, общий размер которого составляет 4,2 млрд. руб.

Общее снижение цен на хлеб и организация свободной торговли хлебом по твердым ценам имеют большое значение и с точки зрения развития животноводства. Снижение рыночных цен на зерно создаст новый стимул к развитию животноводства. Развитие животноводства будет увеличивать товарооборот, содействуя общему под'ему и улучшению снабжения населения.

Отмена карточной системы, развитие товарооборота и советской торговли, снижение цен укрепят нашу денежную систему. Еще на XVII с'езде партии товарищ Сталин подверг жесточайшей критике левацкую мелкобуржуазную болтовню о том, что деньги будут скоро отменены, так как они превратились якобы в простые расчетные знаки. Товарищ Сталин подчеркивал, что «эти люди, которые так же далеки от марксизма, как небо от земли, очевидно, не понимают, что деньги останутся у нас еще долго, вплоть до завершения первой стадии коммунизма, — социалистической стадии развития».

Укрепление нашей денежной системы, неразрывно связанное с развертыванием товарооборота и снижением цен, усиливает все наше планирование и хозрасчет. Жесткий контроль рублем — основа управления нашим хозяйством и планирования. Без хозрасчета, не опираясь на контроль рублем, планы могут оказаться канцелярскими, бумажными. Отсюда ясно, насколько большое значение для всего нашего хозяйства имеет отмена карточной системы по хлебу и вся совокупность связанных с ней экономических мероприятий и хозяйственных процессов.

В итоге, как отмечает резолюция ноябрьского пленума ЦК ВКП(б), «ликвидация карточной системы по хлебу и некоторым другим продуктам и повсеместный переход к широкой хлебной торговле по единым твердым государственным ценам, а также безусловная возможность в дальнейшем дополнительного снижения этих цен и, вместе с тем, снижения цен на промышленные товары создают благоприятные условия для дальнейшего роста благосостояния рабочих и крестьянских масс».

Большой ошибкой было бы предполагать, что отмена карточной системы по хлебу может быть проведена легко и просто, в порядке самотека. Надо самым решительным образом бороться с подобными легкомысленными взглядами и настроениями благодушествующих работников. Для того чтобы быстрее и полнее осуществить решение пленума ЦК, надо развернуть самую интенсивную подготовительную работу. Эта подготовительная работа, разумеется, ни в коем случае не может быть выполнена силами одних торгующих организаций. Здесь нужно самое активное участие и повседневное конкретное руководство всех партийных организаций.

Необходимо в самом срочном порядке обеспечить расширение и улучшение

хлебопечения. Это дело в ряде районов, например в Свердловской области, совершенно недопустимо отстает. Надо быстрее развернуть тщательно продуманную сеть хлеботорговли, которая максимально учитывала бы запросы, нужды и удобства потребителя. Надо организовать быструю доставку хлеба, расширение ассортимента выпекаемых сортов и т. д. Надо тщательно просмотреть работу и кадры всех торгующих организаций, самым решительным образом очищая их от враждебных элементов, которые засоряют нашу торговую систему. Надо до конца разгромить барско-пренебрежительное, «дворянское» отношение к советской торговле, которое так жестоко бичевал на XVII с'езде партии товарищ Сталин и которое до сих пор далеко не изжито во многих наших организациях. Все партийные, советские, профсоюзные и хозяйственные организации должны самым тщательным образом продумать систему планирования завоза хлеба, которая в новых условиях совершенно меняется. Наряду с этим надо организовать самую широкую раз'яснительную работу, чтобы все трудящиеся точно знали, какие изменения производятся в порядке снабжения хлебом. Все партийные, советские и профессиональные организации должны понять, что организация свободной советской торговли хлебом, в особенности на первых порах, требует от них несравненно большего уменья учитывать обстановку и оперативно руководить, нежели старая система централизованного снабжения по карточкам.

Практические задачи, вставшие перед нами в связи с проведением в жизнь решения пленума ЦК, чрезвычайно сложны и ответственны, и каждая партийная организация, каждый коммунист должны быть готовы к тому, чтобы дать самый сокрушительный отпор всем и всяким дезорганизаторским вылазкам классового врага, который попытается использовать всякую щель, если она возникнет в результате нашей неповоротливости.

Решение пленума ЦК ВКП(б) об отмене хлебных карточек связано с крупными победами, особенно в области социалистической реконструкции сельского хозяйства, укрепления колхозного строя. С этими успехами связано и решение пленума по докладу тов. Л. М. Кагановича о политотделах в сельском хозяйстве. Политотделы МТС были организованы два года назад в соответствии с решениями январского пленума 1933 г. На этом пленуме товарищ Сталин вскрыл с исчерпывающей полнотой крупнейшие политические, организационные и хозяйственные недостатки нашей работы в деревне, препятствовавшие укреплению колхозного строя и давшие во многих случаях возможность кулацким элементам разлагать колхозы изнутри. Политотделы явились острым оружием нашей партии в борьбе за организационное и хозяйственное укрепление колхозов и совхозов, в борьбе с разгромленным, но еще недобитым классовым врагом, которому партийные работники деревенских организаций далеко не всегда умели давать необходимый отпор. За истекшие годы было создано свыше 3300 политотделов МТС и свыше 2 тысяч политотделов совхозов. Учитывая те ответственные и ударные задачи, которые партия ставила перед политотделами, Центральный Комитет с особой тщательностью подошел к подбору кадров политотдельцев. На работу в политотделы МТС было послано 17 тысяч работников и 8 тысяч — в политотделы совхозов. На эту работу посылались тщательно проверенные партийные работники, обладающие твердой политической закалкой, широким марксистско-ленинским кругозором и необходимым практическим организационным опытом.

Политотделы за два года проделали огромнейшую работу по устранению тех недостатков, о которых говорил товарищ Сталин. Завоевать большинство колхозов и совхозов «не фиктивно, не формально, а по существу», завоевать такое большинство, «которое при всех и всяких условиях будет драться за колхоз, будет бороться за его оздоровление, за его укрепление, бороться против тех антисоветских элементов, которые пытаются противопоставить колхоз пролетарскому государству, бороться за выполне-

ние всех обязательств перед государством», — так формулировал Л. М. Каганович одну из важнейших задач политотделов. В упорной борьбе с классово враждебными элементами политотделы с этой задачей справились. Политотделы сыграли огромнейшую роль в создании и сплочении многочисленного беспартийного актива колхозников, который воспитывался на борьбе за большевистское укрепление колхозов, за охрану общественной собственности, за первоочередное выполнение обязательств перед государством. Политотделы сыграли огромнейшую роль в борьбе за разоблачение и изгнание из колхозов и совхозов антисоветских, саботажнических и вредительских элементов, кулаков и подкулачников, пытавшихся «тихой сапой» разлагать их изнутри. Работа политотделов обеспечила укрепление построенных по производственному признаку первичных колхозных партийных организаций и приблизила партийное руководство к колхозу, к селу.

«...т. Сталин внес в ЦК предложение об организации политотделов МТС и совхозов, чтобы улучшить работу МТС и совхозов, политически их укрепить, улучшить хозяйственную работу, работу в массах, улучшить работу партийных ячеек», — так формулировал тов. Л. М. Каганович задачу политотделов на январском пленуме ЦК в 1933 г. В осуществлении этих задач партия при помощи политотделов добилась крупнейших успехов. Колхозная деревня окрепла. Ярким доказательством этого являются хотя бы итоги нынешнего сельскохозяйственного года, когда, несмотря на весьма неблагоприятные климатические условия в ряде районов, общий сбор урожая не ниже прошлогоднего сбора. Те недостатки работы в деревне, о которых говорил товарищ Сталин на январском пленуме ЦК в 1933 г., в значительной степени изжиты. Усилия всей партии при активнейшей работе политотделов быстро дали свои результаты. Политотделы, опираясь на силы и авторитет всей партии, на хозяйственную мощь машинно-тракторных станций, добились серьезных успехов в деле превращения отсталого участка социалистического строительства — сельского хозяйства — в передовой. Именно в связи с этими успехами и встал вопрос о преобразовании политотделов. Политотдел — чрезвычайная форма организации. Устав нашей партии предоставил право Центральному Комитету «создавать политические отделы... на отстающих участках социалистического строительства, приобретающих особо важное значение для народного хозяйства и страны в целом, а также, по мере выполнения политическими отделами своих ударных задач, превращать их в обычные партийные органы, построенные по производственно-территориальному признаку».

Политотделы МТС занимались главным образом вопросами, связанными с производством, организационно-хозяйственным укреплением колхозов. Сейчас задачи работы в деревне все больше усложняются: выросли задачи руководства советами и административной работой, выросли школы, культурно-просветительные и бытовые учреждения. Эту многогранную работу в целом могут обнять лучше всего обычные партийные органы, построенные по производственно-территориальному признаку, которые призваны осуществлять партийное руководство не только в области производства, но и во всех других отраслях. Практика и опыт работы по руководству колхозной деревней показали, что для руководства всей работой в целом — политической, хозяйственной, культурно-бытовой — требуется укрепление нормальных партийных и советских органов. Поэтому ноябрьский пленум ЦК ВКП(б), учитывая новые условия и новую обстановку в деревне, постановил: «Преобразовать политотделы МТС в обычные партийные органы, для чего слить политотделы с существующими районными комитетами партии, а особенно большие районы — разбить на несколько новых районов, влив туда соответствующие политотделы».

Кое-какие оппортунистические элементы и люди, зараженные местническими настроениями, были весьма недовольны созданием политотделов. Бле-

стящая работа политотделов, явившихся острейшим и действенным оружием партии в борьбе за устранение недостатков работы в деревне, за превращение колхозов в большевистские, нанесла сокрушительный удар местничеству и оппортунистическим скептикам, не умеющим подняться до понимания общегосударственных задач. Система политотделов оправдала себя полностью и целиком. Их перестройка в настоящее время подготовлена именно их успешной большевистской работой. Чрезвычайно важное значение имеет укрепление районных партийных органов, которые должны обеспечить подлинное, конкретное, действенное, гибкое и твердое руководство всеми первичными партийными организациями в район.

Само собой разумеется, что все наличные работники политотделов должны быть безусловно оставлены на работе в районах. Иначе задача укрепления последних не была бы разрешена. Пленум ЦК ВКП(б) подчеркнул, что преобразование политотделов *усиливает* ответственность райкомов, обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий за успешное разрешение задачи дальнейшего укрепления колхозов и выполнение лозунга партии «сделать колхозы большевистскими, колхозников — зажиточными». Ни на минуту нельзя забывать, что в работе колхозов несмотря на их рост и укрепление все еще имеется много недостатков. Ни на минуту нельзя забывать, что подрывная вредительская работа кулацких элементов еще не сломлена в ряде колхозов. Об этом свидетельствуют с достаточной убедительностью трудности в организации уборки и хлебозаготовок в ряде районов, особенно на востоке. Практика этого года показала, что в силу политической близорукости и попустительства со стороны ряда деревенских коммунистов, в том числе и некоторых работников районов и даже политотделов, классово враждебные элементы проявляли значительную активность и сумели вызвать немало затруднений, которых можно и должно было избежать.

Решения ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) свидетельствуют о новых крупных успехах партии. Эти успехи, однако, ни в какой мере не должны давать основания для какого бы то ни было самоуспокоения.

«...*Не убаюкивать надо партию, — а развивать в ней бдительность, не усыплять ее, — а держать в состоянии боевой готовности, не разоружать, а вооружать, не демобилизовывать, — а держать ее в состоянии мобилизации для осуществления второй пятилетки*».

Это указание товарища *Сталина* должны хорошо запомнить все члены партии. Товарищ *Сталин* неустанно подчеркивает, что победа никогда не приходит сама собой. Победу нужно *организовать*. Классовый враг никогда не сдается без боя. Его надо разбить и добить, неизменно сохраняя величайшую бдительность.

Широким фронтом развертывает партия борьбу за вторую пятилетку. Второй год второй пятилетки принес нам много новых побед. Тяжелая индустрия, упорно борясь за освоение новой техники, успешно выполняет план, укрепляя техническую мощь всех отраслей народного хозяйства. В деревне растет и крепнет колхозный строй. С огромной силой растет политическая активность десятков миллионов трудящихся, все теснее сплачивающихся вокруг нашей партии, вокруг ленинского ЦК, вокруг вождя партии и всех трудящихся товарища *Сталина*. Эта активность находит свое выражение в проходящей сейчас кампании выборов в советы.

Пленум ЦК, отметив наши победы, выдвинул новые задачи. На разрешении этих задач, на организации дальнейшего развернутого наступления по всему фронту борьбы за пятилетку должны быть сосредоточены усилия всей партии, всего рабочего класса, всех трудящихся.

ОТМЕНА КАРТОЧНОЙ СИСТЕМЫ ПО ХЛЕБУ И ЗАДАЧИ ТОВАРООБОРОТА

И. Вейцер

I

Решение ноябрьского пленума ЦК нашей партии «Об отмене карточной системы по хлебу и некоторым другим продуктам» знаменует крупнейший шаг в развитии советской торговли и в улучшении снабжения населения.

Отмена карточной системы продажи хлеба является прямым результатом успешной борьбы за разрешение задач развертывания советской торговли, которые в течение всех последних лет с исключительной настойчивостью и последовательностью выдвигал ЦК партии и лично товарищ Сталин.

Товарищ Сталин еще в 1930 г. на XVI с'езде партии подверг суровой критике недостатки, бюрократические извращения в работе торгово-кооперативных и снабженческих организаций.

В майском (1931 г.) обращении ЦК ВКП(б) и СНК СССР со всей четкостью была определена задача ликвидации и механического распределения товаров, и бюрократического замораживания товарооборота; предложено было отменить нормирование промтоваров и решительно сократить их бронирование.

Октябрьский пленум ЦК в 1931 г. на основе проверки работы товаропроводящего аппарата указал, что «главной причиной, препятствующей развертыванию советской торговли, является непонимание и неумение значительной прослойки работников кооперативно-торгового аппарата перейти с рельсов механического распределения товаров на рельсы развертывания советской торговли».

XVII партконференция в качестве важнейшей директивы второго пятилетнего плана указала: «Для обеспечения большевистских темпов под'ема всего народного хозяйства и лучшего удовлетворения запросов широких масс города и деревни в отношении товаров широкого потребления первостепенное значение имеет развертывание товарооборота... только на основе развертывания товарооборота возможно обеспечить дальнейшее быстрое улучшение снабжения рабочих и трудящихся деревни промышленными товарами и продуктами сельского хозяйства, для чего в свою очередь необходимо всемерное расширение сети магазинов, лавок и всей торговой сети с проведением необходимой технической ее реконструкции. Только на этой основе возможно подготовить отмену нормирования отпуска товаров и заменить систему централизованного распределения развернутой советской торговлей»[1].

В 1932 г. ЦК создал по инициативе и под непосредственным руководством товарища Сталина специальную комиссию, систематически занимавшуюся практическими вопросами расширения производства товаров ширпотреба по линии тяжелой и легкой промышленности, промкооперации и местной

[1] Разрядка моя. — И. В.

промышленности. Резко были увеличены рыночные фонды товаров за счет сокращения внерыночного потребления.

В мае 1932 г. ЦК вынес решение о колхозной торговле, указав, что «в интересах дальнейшего расширения товарооборота между городом и деревней и еще большего улучшения снабжения городского населения» мы должны сочетать методы государственных хлебозаготовок с методами торговли хлебом самих колхозов и колхозников.

Пленум ЦК в октябре 1932 г. в своих решениях о развертывании советской торговли потребовал от партийных организаций борьбы за искоренение частников, перекупщиков, спекулянтов, пытающихся нажиться на колхозной торговле.

На январском пленуме ЦК в 1933 г. товарищ Сталин, подводя итоги выполнения первой пятилетки, дал классическую формулировку сущности советской торговли как торговли «без капиталистов — малых и больших... без спекулянтов — малых и больших». В 1933 г. по указанию товарища Сталина Наркомснаб приступает к развертыванию большой сети магазинов, торгующих по коммерческим ценам.

Наконец, в 1934 г. на XVII с'езде партии товарищ Сталин выдвигает задачу развертывания советской торговли как одну из решающих задач социалистического строительства на данном этапе.

«Было бы ошибочно думать, — сказал товарищ Сталин, — что всего этого разворота советской торговли достаточно, чтобы удовлетворить потребности нашей экономики. Наоборот, теперь больше чем когда-либо становится ясным, что нынешнее состояние товарооборота не может удовлетворить наших потребностей. Поэтому задача состоит в том, чтобы развернуть дальше советскую торговлю, втянуть в это дело местную промышленность, усилить колхозно-крестьянскую торговлю и добиться новых решающих успехов в области под'ема советской торговли...

Мы добились того, что основные вопросы промышленности решены правильно, и промышленность стоит теперь твердо на ногах. Мы добились того, что основные вопросы сельского хозяйства также решены правильно, и сельское хозяйство — мы можем сказать это прямо — также стоит теперь твердо на ногах. Но мы можем лишиться этих достижений, если наш товарооборот начнет хромать и транспорт окажется у нас гирей на ногах. Поэтому задача развертывания товарооборота и решительного улучшения транспорта является той очередной и актуальнейшей задачей, без разрешения которой мы не можем двигаться вперед».

Таковы основные решения и мероприятия партии, в результате настойчивого и успешного проведения которых ноябрьский пленум ЦК принял историческое постановление об отмене карточной системы по хлебу и некоторым другим продуктам.

II

Карточная система сыграла большую положительную роль в социалистическом строительстве. Вопреки болтовне наших врагов, видевших в карточной системе признак хозяйственной слабости СССР, эта система содействовала мощному под'ему ведущих отраслей народного хозяйства. Карточная система была введена именно потому, что мы должны были бурным темпом двинуть вперед индустриализацию страны, несмотря на отсталость сельского хозяйства, в котором к началу первой пятилетки господствовало мелкое, распыленное, примитивное крестьянское хозяйство, не способное удовлетворить растущий спрос на хлеб. Пока в деревне господствовало это раздробленное, малопроизводительное единоличное хозяйство, наше советское государство не могло сосредоточить в своих руках массу хлеба, достаточную для удовлетворения потребности населения на основе свободной продажи.

В этих условиях карточная система обеспечивала снабжение хлебом рабочих и служащих и ограждала от спекулятивных хлебных цен на вольном рынке.

В результате индустриального развития страны, победы колхозного строя и укрепления совхозов положение коренным образом изменилось. Социалистическое земледелие окрепло настолько, что мы теперь имеем прочную и все более расширяющуюся социалистичскую продовольственную базу. В этом году 92% хлеба, заготовленного государством, получено от колхозов и совхозов. Централизованные заготовки хлеба в 1934 г. превысили почти вдвое хлебозаготовки 1928 г. Хлебозакупки на 5/XI 1934 г. уже превысили в 7 раз хлебозакупки всего прошлого года.

«Все это дало возможность товарищу Сталину поставить вопрос об отмене карточной системы по хлебу. Политбюро ЦК целиком и полностью одобрило предложение товарища Сталина и вносит его на утверждение пленума ЦК» (Молотов).

Советское государство в итоге выполнения хлебозаготовительного плана и успешного проведения хлебозакупок сконцентрировало в своих руках такой мощный хлебный фонд, который позволяет организовать в стране свободную продажу хлеба без карточек, без норм, по принципу развернутой советской торговли.

Еще шесть лет назад, при введении карточной системы, несмотря на ее крупную положительную роль в индустриализации страны, партия отдавала себе ясный отчет во всех отрицательных сторонах этой системы. Карточная система сковывала товарооборот, приводила к механическому распределению централизованных продуктов, без учета запросов потребителя. Торговые организации не боролись по-настоящему за высокое качество и не заботились о разнообразии ассортимента товаров.

«У нас бывали случаи, — говорил товарищ Сталин на XVII с'езде, — когда товаров и продуктов было не мало, но они не только не доходили до потребителя, а продолжали годами гулять в бюрократических закоулках так называемой товаропроводящей сети — в стороне от потребителя. Понятно, что при этих условиях промышленность и сельское хозяйство теряли всякий стимул к расширению производства, товаропроводящая сеть затоваривалась, а рабочие и крестьяне оставались без товаров и продуктов. В результате — расстройство экономической жизни страны, несмотря на наличие товаров и продуктов. Чтобы экономическая жизнь страны могла забить ключом, а промышленность и сельское хозяйство имели стимул к дальнейшему росту своей продукции, надо иметь еще одно условие, а именно — развернутый товарооборот между городом и деревней, между районами и областями страны, между различными отраслями народного хозяйства. Необходимо, чтобы страна была покрыта богатой сетью торговых баз, магазинов, лавок. Необходимо, чтобы по каналам этих баз, магазинов, лавок безостановочно циркулировали товары от мест производства к потребителю. Необходимо, чтобы в это дело были вовлечены и государственная торговая сеть, и кооперативная торговая сеть, и местная промышленность, и колхозы, и единоличные крестьяне.

Это и называется у нас развернутой советской торговлей, торговлей без капиталистов, торговлей без спекулянтов.

Как видите, развертывание советской торговли является той актуальнейшей задачей, без разрешения которой невозможно дальше двигаться вперед».

Сохранение карточной системы отпуска хлеба в нынешних, новых условиях привело бы лишь к задержке развития советской торговли, к закупорке товарооборота, к его бюрократизации.

Переход к свободной продаже хлеба и других продуктов заставит наш торговый аппарат повернуться лицом к потребителю, заставит этот аппарат, как говорит товарищ Сталин, уважать потребителя, считаться с

его интересами, с его вкусами, с его удобствами, явится основой для ликвидации обезлички и канцелярско-бюрократических методов в работе торговой сети.

Отмена карточной системы, уничтожение двойных цен и установление твердой единой государственной цены на хлеб нанесет решающий удар по спекуляции.

III

Все мероприятия партии за минувшие четыре года, направленные к развертыванию товарооборота, организационно подготовили возможность отмены карточной системы по хлебу и другим продуктам и переход к свободной продаже хлеба, муки, крупы.

Еше с марта 1933 г. была начата коммерческая торговля хлебом. Рост этой торговли иллюстрируется следующими данными:

В марте 1933 г. имелось 446 торговых предприятий по коммерческой продаже хлеба в 4 пунктах; во II квартале 1933 г. — 576 предприятий в 6 пунктах; в III квартале — 3650 предприятий в 122 пунктах; в IV квартале — 4659 предприятий в 255 пунктах. В I квартале 1934 г. соответственно: 5231 и 361; во II квартале — 5364 и 531; в III квартале — 5479 и 549; в IV квартале — 5888 и 746.

В этом бурном росте торговой сети отражено непрерывное увеличение количества коммерческого хлеба, выпускавшегося на рынок.

Коммерческая торговая сеть продала печеного хлеба (в тысячах тонн):

1933 г.		1934 г.	
Март	18,5	I квартал	592,4
II квартал	111,7	II »	673,3
III »	199,1	III »	609,6
IV »	459,1		

Коммерческая продажа хлеба охватывает теперь все города с населением свыше 50 тысяч человек и 71% городов с населением от 25 до 50 тысяч.

Если во II квартале 1933 г. количество хлеба, проданного по коммерческим ценам, составляло лишь 3,2% по отношению к хлебу, распределенному по карточной системе, то в IV квартале 1933 г. этот процент поднялся до 26,5, а в III квартале 1934 г. — до 39,7.

Было проведено сближение цен на нормированный и коммерческий хлеб путем снижения коммерческих и повышения нормированных цен. Цена на нормированный ржаной хлеб в 1933 г. была поднята с 12,5 до 25 коп. и в 1934 г. — с 25 до 50 коп. за килограмм. За это же время коммерческая цена на ржаной хлеб была снижена с 2 руб. 50 коп. до 2 руб., а затем до 1 руб. 50 коп. за килограмм. Цена на нормированный пшеничный хлеб была повышена в 1933 г. с 30 до 60 коп. и в 1934 г. с 60 коп. до 1 руб. 20 коп. за килограмм. Одновременно коммерческая цена была понижена с 4 до 3 руб. 50 коп. и затем до 3 руб. за килограмм.

Эти мероприятия в большой степени воздействовали на базарные хлебные цены. Пока не было коммерческой торговли хлебом, разрыв между базарными и твердыми ценами был настолько велик, что экономического воздействия на базарные цены государство, по сути дела, оказывать не могло.

Совершенно по-иному сложилось дело в результате увеличения выпуска хлеба для вольной продажи.

По крупнейшим центрам Союза за год базарные цены на хлеб и муку снизились в 2—3 раза. С 1 июля 1933 г. по 1 июля 1934 г. базарные цены на ржаной хлеб снизились в Москве на 48%, в Горьком — на 43%, в Сталинграде — на 75%, в Сталинске — на 53,6%, в Березняках — на 33% и т. д. За этот же период цены на пшеничный хлеб снизились в Москве на 39%, в Горьком — на 61,6%, в Саратове — на 68%; на муку ржаную: в Мо-

скве — на 51%, в Горьком — на 67,4%, в Днепропетровске — на 82,5%, в Новосибирске — на 66,7% и т. д.

Опыт последнего года показал, что под влиянием советской коммерческой торговли базарные цены неуклонно приближаются к коммерческим ценам советской торговли. Следующая таблица иллюстрирует это со всей наглядностью:

Процентное отношение базарных цен в Москве к коммерческим ценам, принятым за 100.

Продукты	1933 г. (8 мес.)	1934 г. (8 мес.)
Хлеб ржаной	134,0	98,5
Хлеб пшеничный	116,5	85,0
Мясо	131,6	100,5
Животное масло	120,5	110,3

Коммерческие хлебные цены давили на базарные цены в сторону снижения. Это дает полную уверенность в том, что после отмены карточной системы произойдет дальнейшее снижение базарных цен на хлеб и на другие продукты и в значительной мере повысится жизненный уровень рабочего класса.

Однако для каждого большевика должно быть совершенно очевидным, что решение ноябрьского пленума ЦК об отмене карточной системы требует от всех партийных, советских и торговых организаций еще большего внимания, еще большей ответственности за улучшение снабжения трудящихся нашей страны.

Партийным, советским, торговым работникам должно быть абсолютно ясно, что проведение реформы карточной системы обязывает к серьезнейшей, кропотливой практической работе: к быстрейшему расширению имеющейся базы хлебопечения, пересмотру дислокации торгующих хлебом предприятий и увеличению их числа; рациональной организации хлебного транспорта и правильной постановке работы торговой сети.

За последние годы у нас быстрыми темпами растет хлебопечение. Особенно большие успехи достигнуты в области механизированного хлебопечения. Царская Россия совершенно не знала механизированного хлебопечения; сейчас СССР по об'ему механизации хлебопечения занимает первое место в мире. Еще в 1929 г. удельный вес механизированного хлебопечения составлял всего 21%, а сейчас он равен 79%.

Отмена карточной системы снабжения хлебом и переход к повсеместной свободной продаже хлеба требуют дальнейшего расширения выпечки хлеба. Особенно актуальна эта задача для тех районов, где крайне недостаточно развито государственное и кооперативное хлебопечение, где это важнейшее дело было запущено местными работниками. Так обстоит дело в Свердловской области, в ряде районов Ивановской, Челябинской областей и др.

Задача партийных, советских и торговых организаций состоит в том, чтобы не только восстановить значительное количество средних, а подчас и мелких ныне законсервированных хлебопекарен, но и оборудовать новые пекарни, а также позаботиться о лучшем использовании действующих хлебозаводов. Не может быть никаких оправданий бездействию. Насквозь оппортунистическими будут все попытки сослаться на нехватку средств и тому подобное. Возможность мобилизовать местные ресурсы стройматериалов, рабочей силы, выделить помещения и т. д. имеется в любом городе, в любом районе нашего Союза.

Нужна большевистская работа местных организаций, чтобы полностью и в кратчайшие сроки выполнить директиву ноябрьского пленума ЦК об увеличении сети лавок, торгующих хлебом, не менее чем на 10 тысяч торговых единиц. Это расширение должно происходить путем дооборудования и приспособления существующей сети, а также путем постройки новых магазинов

и палаток. Следует использовать для торговли хлебом всю продуктовую сеть, все магазины «Гастронома» и «Бакалеи» и всю сеть заготовителей сельскохозяйственного сырья.

Но вопрос о торговой сети не исчерпывается количеством торговых единиц. В условиях развернутой хлебной торговли первостепенное значение приобретает вопрос о территориальном расположении торговой сети. Ряд магазинов и лавок был открыт без учета того, удобно ли они расположены для покупателя. Покупатель, прикрепленный к определенному магазину, волей-неволей должен был ходить за хлебом в этот магазин, и поэтому сбыт был обеспечен. Укажем, например, Меланжевый комбинат в Иванове. К магазинам, расположенным у Меланжевого комбината, прикреплено примерно 24 тысячи человек, между тем в районе этого комбината живет только около 2 тысяч человек. Аналогичные факты имеются и в Сталинграде и в других местах.

Теперь положение резко меняется. Потребители смогут покупать хлеб в любом магазине. Это, несомненно, поведет к закрытию многих неудачно расположенных торговых предприятий. Поэтому необходимо пересмотреть точки расположения магазинов и палаток в районах и на отдельных улицах, исходя из интересов потребителей.

Самое серьезное внимание должно быть обращено на организацию работы каждого магазина, каждой лавки.

Нетерпимы дольше такие недостатки наших магазинов, как отсутствие достаточного и самого необходимого инвентаря, антисанитарное состояние помещений, грубое обращение с покупателями, не говоря уже об обвешивании.

Реформа карточной системы со всей остротой ставит проблему качества и ассортимента выпечки.

Если при карточной системе потребитель, будучи прикреплен к определенному магазину, должен был покупать хлеб в том ассортименте и того качества, которые ему предлагались магазином, то теперь положение резко меняется. Потребитель пойдет туда, где хлеб лучшего качества и лучшего ассортимента. При этих условиях тот хлебозавод, та пекарня, которые не улучшат качества выпекаемого хлеба, не сумеют дать требуемый ассортимент, неизбежно потеряют покупателя, у них произойдет затоваривание и создадутся перебои в торговле.

Вот почему необходимо теперь же, без промедлений, практически провести все мероприятия по улучшению качества и ассортимента хлебных изделий.

Неотложной боевой задачей является также правильная организация и использование транспортных средств для перевозки муки и хлеба.

Транспорт в области хлебной торговли в настоящее время — узкое место, и неправильная организация транспорта может сорвать бесперебойный завоз хлеба и муки в торговую сеть.

Транспорту теперь придется работать в более сложных условиях. Если раньше, при карточной системе, хлеб завозился в лавки, прикрепленные к определенным хлебозаводам и пекарням, по установленному графику, то теперь хлебный магазин должен будет иметь постоянно свежий хлеб и в полном ассортименте; на транспорт ложится задача постоянно освежать ассортимент отдельных магазинов и по первому телефонному звонку подвозить требуемые хлебные изделия. Местные организации обязаны расширить все виды транспорта и добиться правильного их использования. Прежде всего торгующим организациям следует самым тщательным образом проверить фактическое состояние своего транспорта (фургоны, брезенты, повозки, упряжь и т. д.), пополнить его, оборудовать, организовать своевременный ремонт.

Все эти важнейшие практические задачи по улучшению снабжения населения хлебом могут и должны быть успешно разрешены местными партийными, советскими и торговыми организациями в самые короткие сроки.

IV

Отмена карточной системы отпуска хлеба и связанная с этим отмена так называемого отоваривания хлебом заготовок сельскохозяйственного сырья создают широкую базу для развертывания советской торговли и для значительного усиления товарооборота между городом и деревней.

Хлеб является решающим, «командующим» товаром, и развертывание широкой торговли хлебом вызовет дальнейшее развертывание советской торговли и другими товарами.

1934 год был годом интенсивного роста советской торговли. Розничный товарооборот СССР (включая обороты столовых) достигает в 1934 г. примерно 61 млрд. руб. против 49 млрд. руб. в 1933 г., т. е. мы будем иметь в этом году рост товарооборота на 24%.

В 1934 г. особенно быстро увеличивался удельный вес госторговли в розничном обороте (главным образом в открытой торговле Наркомвнуторга) и снижался удельный вес потребкооперации. Рост товарооборота по госторговле за 1934 г. составит примерно 32—33%; рост товарооборота кооперативной системы — примерно 11%. Удельный вес госторговли в розничном товарообороте в 1934 г. составит 58%, а удельный вес кооперативной торговли — 41%, в том числе удельный вес потребкооперации — 38%.

Если взять отдельно городской и сельский обороты, то в городе удельный вес госторговли в товарообороте составляет 64,7%, а удельный вес кооперативной торговли — 34,6% (в том числе потребкооперации — 30,7%). В сельском товарообороте госторговля занимает 41,8%, а кооперативная торговля — 58,2% (в том числе Центросоюз — 56,3%).

Таким образом в *городе* потребкооперация, которая еще два — три года назад была преобладающей, почти монопольной торговой системой, теперь в области закрытого снабжения уступила ведущую роль системе ОРС, а в открытой торговле — рознице Наркомвнуторга. В *деревне* же потребкооперация продолжает оставаться основной торговой системой.

Особенно показателен бурный рост оборотов открытой розничной торговли Наркомвнуторга. По предварительным данным, рост оборотов розницы Наркомвнуторга в этом году составит почти 57% по отношению к прошлому году. Такой большой рост об'ясняется прежде всего ненормированной коммерческой продажей товаров.

По 11 планируемым промтоварам (хлопчатка, нитки, шерстяные ткани, платки, швейные изделия, кожаная обувь, трикотаж, резиновая обувь, мыло хозяйственное, махорка, папиросы) в IV квартале 1934 г. удельный вес фонда коммерческих промтоваров во всем городском фонде составит примерно 70% (в отпускных ценах промышленности). Это означает, что открытая, ненормированная, коммерческая продажа по 11 планируемым промтоварам является преобладающей.

Характерны цифры по отдельным товарам. Удельный вес коммерческого фонда в общем *городском* фонде в IV квартале составляет (в процентах):

нитки	85,5
шерстяные ткани	86,1
кожобувь	79
трикотаж	79
резиновая обувь	78,7

Увеличилась открытая, ненормированная продажа продовольственных товаров. Удельный вес коммерческого фонда в общем *городском* фонде продовольственных товаров в 1934 г. примерно удвоился.

По отдельным продовольственным товарам в IV квартале удельный вес коммерческого фонда в городском фонде (без общественного питания и закрытой сети) примерно составляет (в процентах):

сельди	44
яйца	60
консервы	38
сыр	61

Все эти данные исчислены по отпускным ценам промышленности. Если же считать по розничным ценам, то удельный вес коммерческого фонда будет выше.

Так неуклонно повышается роль открытой, ненормированной торговли, которая, постепенно расширяясь, придет на смену системе закрытой торговли.

Госторговля стала ведущей силой торговли не только по темпам своего роста. Она подтягивает все остальные наши торговые системы и звенья в смысле качественного улучшения обслуживания потребителя и четкой организации работы магазинов и лавок. Вместе с тем госторговля начинает оказывать известное влияние на качество товаров промышленности, выпускаемых на широкий рынок, хотя это влияние еще совершенно недостаточно, и здесь сделаны только первые шаги.

* * *

Переход от системы механического распределения к развернутой культурной советской торговле и усиление темпов этого перехода, в связи с отменой карточной системы на хлеб, во весь рост ставят перед работниками советской торговли ряд крупных организационных задач.

Остро стоит вопрос о розничной торговле, о решительном устранении серьезных недостатков, имеющихся в розничной торговой сети. Торговая сеть должна лучше обслуживать потребителя, изучать его вкус, повседневно учитывая спрос.

Необходима упорная и систематическая борьба за улучшение работы торговой сети, за правильное ее организационное построение, чтобы успешно решить крупнейшие политические задачи, поставленные партией перед торгующими организациями.

За этот год достигнуты известные успехи в области специализации розничных торговых предприятий в городах. Специализированная продовольственная сеть в городах возросла на 14,5% (с 17 380 до 19 900 единиц); специализированная промтоварная сеть — на 9,7% (с 11 300 до 12 400 единиц).

Однако эти улучшения в структуре торговой сети все еще крайне недостаточны.

Удельный вес специализированной сети составляет лишь 28—29%.

Отсюда ясна необходимость ряда таких мероприятий: дальнейшее расширение сети специализированных розничных торговых предприятий в городах наряду с постепенным сокращением мелких (карликовых) смешанных магазинов; дальнейшая перестройка сельской сети потребкооперации путем развертывания районных универмагов и некоторой специализации основной сети лавок сельпо там, где это возможно; дальнейшее развертывание сети образцовых специализированных магазинов («Гастроном», «Бакалея» и т. п.).

В то же время надо со всей энергией работать над реконструкцией материально-технической базы советской торговли и над внедрением основ современной торговой техники в наши магазины.

Недостатки организации сети сказываются даже в магазинах улучшенного типа («Гастроном», «Бакалея», образцово-показательные универмаги и т. п.), хотя по оборудованию и качеству обслуживания потребителя эти магазины являются образцами для всей остальной торговли.

Проблема организации работы магазинов — одна из важнейших проблем организации товарооборота, ибо чем лучше обслуживается потребитель розничной системой, тем успешней развертывается товарооборот. Отмена карточной системы отпуска хлеба, дальнейшее еще более широкое развертывание товарооборота и открытие ненормированной торговли хлебом, мукой и крупой пред'являют целый ряд новых серьезнейших требований к розничной торговой сети. Нужна большая настойчивость в борьбе со всеми недостатками розничного товаропроводящего аппарата: с пренебрежительным отношением к потребителю, с обмериванием и обвешиванием потребителя, с хищениями и растратами, с превышением установленных цен и т. п.

У иных работников торговых организаций все еще упорно живут такие настроения: все дело, дескать, в том, чтобы товар достать и товар продать. А каков этот товар, его качество, сорт, хранение, внешний вид, обстановка его продажи, — все это многих не интересует, все это считается «блажью» потребителя. Такие настроения могут погубить дело советской торговли. Такие настроения нетерпимы в советской торговле.

Пора понять, что мы выросли и политически, и экономически, и культурно, что потребитель вырос, что он пред'являет законнейшие требования, и работники советской торговли обязаны эти возросшие требования удовлетворить. Мы должны вести торговлю не по-азиатски, не по-охотнорядски, а по-культурному, по-советски.

Свободная продажа хлеба и открытая нормальная торговля — это серьезный экзамен, подлинная массовая проверка качества работы наших торговых организаций. Экономическое соревнование на лучшее обслуживание покупателя — вот, что дает нам развернутая советская торговля.

Центральный Комитет партии еще в 1931 г. указывал, что монопольное положение кооперации на рынке привело к ряду бюрократических болезней в ее работе. Свободная продажа хлеба и других товаров поможет быстрому и радикальному уничтожению этих болезней, заставит подтянуться весь торговый аппарат. Однако самотеком это дело не пойдет. От работников советской торговли требуется огромная организаторская работа. Необходим повседневный контроль за торговлей как со стороны партийных и советских органов, так и со стороны масс потребителей.

V

Решения ноябрьского пленума ЦК — огромная победа партии, отстоявшей свою генеральную линию в борьбе с правооппортунистическими кулацкими «теориями» и левацкими извращениями. Под руководством товарища Сталина партия разбила теорию правых, добивавшихся развязывания мелкобуржуазной стихии, ликвидации регулирующей роли государства на рынке и мечтавших о «полной свободе» торговли. Правые оппортунисты, выражая интересы кулаков, спекулянтов и скупщиков, пытались сорвать нэп, оперируя лозунгами «нормализации рынка» и «свободной игры цен на рынке». Наша партия, вооруженная теорией Ленина и Сталина, разгромила этих идеологов кулачества.

Линию партии в области торговли пытались извратить и левацкие болтуны, считавшие, что советская торговля — пройденный этап, что мы можем скоро отменить деньги и организовать прямой продуктообмен. Об этих людях товарищ Сталин на XVII с'езде говорил: «...Смешно и забавно, что эти люди, неспособные наладить простейшее дело советской торговли, болтают о своей готовности наладить более сложное и трудное дело прямого продуктообмена. Но Дон-Кихоты потому и называются Дон-Кихотами, что они лишены элементарного чутья жизни. Эти люди, которые так же далеки от марксизма, как небо от земли, очевидно, не понимают, что деньги оста-

нутся у нас еще долго, вплоть до завершения первой стадии коммунизма, — социалистической стадии развития. Они не понимают, что деньги являются тем инструментом буржуазной экономики, который взяла в свои руки советская власть и приспособила к интересам социализма для того, чтобы развернуть во-всю советскую торговлю и подготовить тем самым условия для прямого продуктообмена. Они не понимают, что продуктообмен может притти лишь на смену и в результате идеально налаженной советской торговли, чего у нас нет и в помине и что не скоро будет у нас. Понятно, что партия, стремясь организовать развернутую советскую торговлю, сочла необходимым погромить и этих «левых» уродов, а их мелко-буржуазную болтовню — пустить на ветер»[1].

Разгромив правооппортунистические и левацкие «теории», партия в борьбе за развертывание советской торговли показала образцы применения теории, тактики и стратегии Маркса — Ленина — Сталина с таким же блеском, как и в области индустриализации и социалистической перестройки сельского хозяйства. Решение ноябрьского пленума ЦК об отмене карточной системы по хлебу является прекрасным выражением победоносного претворения в жизнь ленинско-сталинской стратегии.

Отмена карточной системы отпуска хлеба и некоторых других продуктов имеет чрезвычайно важное народнохозяйственное значение. Отмена карточной системы показывает, что хозяйственная мощь нашей страны неуклонно возрастает.

Освобождение товарооборота от пут карточной системы создает условия для ускорения темпов товарооборота между городом и селом, между отдельными областями и краями, между отдельными отраслями народного хозяйства. Оживление товарооборота при систематическом снижении цен укрепляет советский рубль, укрепляет нашу денежную систему, а это заставит хозяйственные и торгующие организации по-настоящему, по-деловому относиться к хозяйственному расчету, заставит их бережно, по-хозяйски относиться к рублю, заставит их бороться на деле за рентабельность производства и торговли.

Отмена карточной системы имеет крупнейшее значение для дальнейшего организационно-хозяйственного укрепления колхозов и совхозов. Рост товарооборота, снижение базарных цен на хлеб, муку, отруби, овес, укрепление денежной системы заставят колхозы с большей настойчивостью вести борьбу за снижение производственных расходов, за высокое качество продукции, за под'ем животноводства, за развитие технических культур.

Отмена карточной системы окажет положительное влияние и на улучшение качества работы нашей торговой системы. Торгующие организации должны покончить с механическим распределением товаров, с пренебрежительным, наплевательским отношением к запросам потребителя. Необходимость изучения запросов потребителя заставит торгующие организации требовать от промышленности товары лучшего качества и лучшего ассортимента. А это в свою очередь заставит работников промышленности больше заботиться о качестве промышленных изделий.

Теперь, как никогда, требуется решительная борьба за увеличение товарной массы в стране, за постоянное расширение ассортимента и улучшение качества товаров. Теперь, как никогда, требуется правильное, гибкое, оперативное маневрирование огромными товарными массами в зависимости от особенностей и изменений спроса; в то же время нельзя допускать застревания товаров в закоулках товаропроводящей сети. Резко выдвигается требование широкого развития внутрирайонного оборота, втягивания в товарооборот кустарных промыслов и местной промышленности со всеми их воз-

[1] Разрядка моя. — **И. В.**

можностями, увеличения децентрализованных заготовок и крепкого содействия колхозной торговле.

Отмена карточной системы ставит новые задачи в **планировании и регулировании советской торговли**. Иные думают, что отмена карточек на хлеб означает и отмену плана вообще на этом участке народного хозяйства. Это представление абсолютно неправильно. Советская торговля — торговля без капиталистов, без спекулянтов; она не может не быть торговлей, которая ведется на основе государственного плана. Но методы планирования не могут остаться старыми. В условиях развернутой советской торговли на первое место выдвигаются методы экономического регулирования; эти методы все больше становятся орудием осуществления народнохозяйственного плана.

Экономическое регулирование означает необходимость постоянного учета и изучения конкретных особенностей спроса в различных районах и со стороны различных групп населения, необходимость правильного маневрирования товарными массами и ценами, требует применения методов государственной торговой интервенции, постоянного учета движения цен на вольном рынке и систематического воздействия на эти цены. Если до сих пор завоз хлеба и других товаров в разные районы и города строился на основе голого подсчета контингентов и норм снабжения и планы завоза чаще всего составлялись в канцеляриях, то в новых условиях дело коренным образом меняется. Канцелярско-бюрократические методы планирования не могут в новых условиях привести ни к чему иному, кроме провала. Только гибкое оперативное планирование и регулирование могут сделать советскую торговлю действительным рычагом осуществления народнохозяйственного плана советского государства.

При проведении отмены карточной системы на хлеб мы, несомненно, столкнемся с вылазками классового врага, с рвачами, спекулянтами, темными дельцами. Классово-чуждые элементы будут пытаться проникнуть в торговый аппарат, чтобы изнутри тормозить, подрывать проведение этого важнейшего мероприятия партии.

Необходимо усилить бдительность всех партийных, советских и торгующих организаций, чтобы своевременно разоблачать и пресекать в самом начале все махинации классового врага. Для того, чтобы успешно сокрушить все вражеские вылазки, — партийные, советские и торговые организации должны тщательно подготовиться к проведению этой реформы, провести ее без «раскачек» и заминок, и всю свою работу в условиях свободной продажи хлеба подчинить задаче лучшего, быстрого, четкого удовлетворения нужд и запросов потребителей.

Отмена карточной системы по хлебу и некоторым другим продуктам является новым важнейшим шагом на пути широкого развертывания советской торговли и отмены централизованного распределения товаров.

Свободная продажа хлеба явится одним из могучих средств для достижения новых успехов в строительстве социализма, в деле улучшения снабжения трудящихся Советского Союза, роста их зажиточности и культурности.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПЕРЕДЕЛКЕ КОЛХОЗНИКОВ

Д. Лурье

Колхозный строй в СССР победил окончательно. Наше советское трудовое крестьянство бесповоротно вступило на социалистический путь. Итоги сельскохозяйственных кампаний первых двух лет второй пятилетки ярко и наглядно доказывают окончательную победу и укрепление колхозного строя и в то же время ставят на очередь ряд новых вопросов руководства колхозами и дальнейшего их организационно-хозяйственного укрепления.

Наиболее ярким показателем окончательной победы колхозного строя в нашей стране и огромных преимуществ крупного социалистического сельскохозяйственного производства над капиталистическим и мелкотоварным является итог хлебосдачи 1934 г. Известно, что нынешний год не был благоприятным с точки зрения метеорологических условий. Значительные площади в основных зерновых районах на юге нашей страны были весной и летом охвачены засухой, которая не могла не повлиять на урожайность в этих районах. Тем не менее мы имеем не только удовлетворительный валовой сбор хлебов, но много тысяч колхозов и совхозов в засушливых районах Крыма и Украины дали вполне удовлетворительный и даже высокий урожай Между тем в таких метеорологических условиях гибель урожая на мелких крестьянских полосках была бы неминуемой. Тот факт, что хлебосдача всех видов и натуроплата МТС выполнены по Союзу в целом быстрее, нежели в 1933 г., является сам по себе свидетельством громадных успехов в деле политического и организационно-хозяйственного укрепления колхозов.

На почве засухи в капиталистических странах усиливается процесс разорения мелких фермеров и крестьян. Частично захватившая и нашу страну, засуха не только не привела у нас к бедствию, но и не приостановила победного движения колхозников и всей страны к зажиточной и культурной жизни, к социализму.

В ходе хлебосдачи выявился, однако, целый ряд отрицательных моментов, свидетельствующих о том, что классовый враг еще не добит, что сопротивление его еще окончательно не сломлено, что дело социалистического перевоспитания колхозников и укрепления колхозов как социалистических предприятий требует дальнейшего усиления большевистского руководства колхозами.

О чем свидетельствуют эти отрицательные моменты в уборке урожая текущего года и в хлебосдаточной кампании? Прежде всего они подтверждают одно из важнейших указаний вождя партии товарища Сталина, сделанное им в речи «О работе в деревне» в январе 1933 г. Товарищ Сталин говорил тогда: «... Переход к коллективному хозяйству, как преобладающей форме хозяйства, не уменьшает, а увеличивает наши заботы о сельском хозяйстве, не уменьшает, а увеличивает руководящую роль коммунистов в деле под'ема сельского хозяйства. Самотек теперь больше чем когда-либо опасен для дела развития сельского хозяйства. Самотек теперь может погубить все дело»[1].

[1] «Вопросы ленинизма», стр. 517. 10-е издание. Разрядка наша. — Д. Л.

В нынешнем году в партийных организациях кое-где замечались настроения оппортунистического благодушия, успокоенности и надежда на самотек. Так, в Челябинской области и Западносибирском крае, где колхозы получили исключительно высокий урожай, где весенние и летние работы были проведены с успехом, партийные организации, в том числе крайком и обком партии, не учли трудностей организации уборки и хлебосдачи. Это дело считалось как бы заранее обеспеченным предыдущими успехами. Партийные организации не были мобилизованы на преодоление трудностей уборочной кампании в условиях высокого, но не вполне равномерного урожая, позднего созревания хлебов и опасности ранних заморозков. Партийные организации не были мобилизованы на борьбу против сопротивления классового врага, который пытается использовать всякую трудность, встающую перед нами. Результатом было резкое отставание уборки и хлебосдачи в Челябинской области и Западносибирском крае в августе и сентябре, растерянность местных работников, которых трудности захватили врасплох, усиление сопротивления недобитого классового врага, многочисленные проявления антигосударственных тенденций в ряде районных организаций и даже в ряде политотделов МТС и совхозов.

Потребовалось вмешательство ЦК партии, потребовалось личное участие тт. Молотова и Кагановича, чтобы встряхнуть эти партийные организации, преодолеть оппортунистическую успокоенность и надежды на самотек. Нужен был удар по антигосударственным тенденциям. Только после этого, в октябре, Челябинская область и Западносибирский край стали успешно преодолевать свое отставание в уборочной кампании.

Опыт уборки и хлебосдачи целиком подтверждает основной вывод: там, где ослабляется большевистская бдительность партийной организации, там, где начинают надеяться на самотек, где оперативное конкретное руководство подменяется канцелярскими методами, — там немедленно поднимает голову недобитый классовый враг, усиливается его сопротивление.

То же самое проявилось и в ряде других фактов, обнаружившихся в нынешнем году. Мы имеем в виду резкое отставание единоличного сектора в темпах хлебосдачи, проявившееся в ряде краев и областей. Это явление связано с совершенно недостаточной работой среди единоличников, местами — с либеральным отношением к единоличникам, не выполняющим своих обязательств перед государством.

Работа среди единоличников более трудна и кропотлива, нежели работа с колхозами. Легче организовать сбор хлеба с колхозов, нежели с раздробленных единоличников. С единоличников труднее собирать налоги. Следить за своевременным выполнением государственных обязательств единоличными хозяйствами также труднее, ибо нужно доводить эти обязательства до отдельного мелкого хозяйства, контролировать выполнение этого плана и т. д. Некоторые наши партийные и советские организации пошли по линии наименьшего сопротивления: организуя работу в колхозах, они совершенно забросили единоличный сектор. Посевные планы не доводились до каждого единоличника. Сельсоветы не следили за выполнением посевных планов. Налоги с единоличников собирались неаккуратно. Сильно отставала массовая организационно-политическая работа среди единоличников — этих завтрашних колхозников.

Все это создавало условия, при которых единоличник мог ускользать от выполнения своих обязательств перед государством. На этой почве росли спекулятивные тенденции и нездоровые антисоветские настроения. Единоличник, имеющий собственную лошадь (а таких единоличников большинство), получал возможность извлекать довольно большие доходы, забрасывая сельское хозяйство и употребляя свою лошадь для других работ. Особенного внимания требуют те взаимоотношения, которые складываются на этой почве между единоличником и колхозником. Колхозник нуждается в тягле для об-

работки своих приусадебных участков. Если колхоз не организует ему помощи тяговой силой в плановом порядке, то колхозник иногда обращается за лошадью к своему соседу—единоличнику. То же самое он делает иногда и в тех случаях, когда ему необходима лошадь для поездки на базар и т. д. Единоличник при этом неожиданно оказывается в таком положении, когда он может брать с колхозника высокую плату за оказанную «услугу». Таким образом возникает щель, через которую доходы колхозника иногда уплывают в руки спекулирующего единоличника, что позволяет этому последнему забросить обработку собственного участка земли.

Ослабление работы партийных организаций среди единоличников привело к усилению «работы» классового врага, к усилению спекулятивных тенденций среди этих последних и в ряде случаев к задержке темпов роста колхозов. Нужен был ряд указаний партии и правительства, в частности — новый закон о единовременном налоге на единоличников, чтобы приковать внимание партийных организаций к этому участку работы.

Опыт истекшего сельскохозяйственного года свидетельствует о крайней неравномерности достигнутых успехов в организационно-хозяйственном укреплении совхозов и колхозов. Если, например, в Средневолжском и Северокавказском краях и в Крыму совхозы шли впереди колхозов и по организованности сельскохозяйственных работ и по срокам хлебосдачи, то в ряде других областей, в частности в Западной и Восточной Сибири, совхозы все еще отставали от колхозов. Здесь нет иной причины, кроме различия в руководстве совхозами. Если, например, в Средневолжском крае зерносовхозы достигли в среднем очень высокого показателя (238 га) уборочной площади на один комбайн за сезон и сумели таким образом широко использовать преимущества этой прекрасной машины, то в зерносовхозах Западносибирского края картина совершенно другая: здесь комбайны зачастую бездействовали, что затягивало уборку и увеличивало потери.

То же самое относится и к колхозам—отсталых колхозов у нас еще довольно много. Вопрос о подтягивании отсталых колхозов до общего уровня относится к числу важнейших вопросов руководства колхозным строительством. Причины отставания колхозов требуют внимательного изучения и должны быть вскрыты во всей их конкретности. Чаще всего причина отставания отдельных колхозов лежит непосредственно в руководстве данным колхозом. Иногда внутри одного и того же района, на территории одной и той же МТС, в одних и тех же условиях технической вооруженности, землеобеспеченности и т. д. различные колхозы дают резко различные показатели и столь же различными оказываются итоги сельскохозяйственного года для колхозников.

В этом случае отставание зависит обычно от того, что во главе колхоза стоит слабое правление, неудачно подобраны председатель и бригадиры, слаба партийная организация. Нередки случаи, когда в таких колхозах «тихой сапой» орудует классовый враг. Здесь необходим особо внимательный подход со стороны МТС и районных организаций, которые обязаны уделить особое внимание отстающим колхозам, обязаны методами конкретного, внимательного руководства добиться выдвижения и выращивания новых кадров, своевременно вскрывая махинации классового врага.

Иногда причина отставания колхозов лежит в недостатках планирования колхозного производства со стороны района и МТС. Имели место случаи механического распределения посевных заданий, а также работы тракторов без учета состояния тяги и рабочей силы в отдельных колхозах и без учета других особенностей этих хозяйств. И здесь дело упирается в руководство. Роль руководства в нашем сельскохозяйственном строительстве все более и более возрастает.

Одной из великих побед в деле социалистического переустройства сельского хозяйства, достигнутых под руководством товарища Сталина, является проверка на опыте и окончательное закрепление форм социалистических предприятий и форм организации труда, наиболее соответствующих задаче социалистического перевоспитания вчерашнего мелкого производителя и максимально быстрого под'ема производительности труда.

В нашем сельском хозяйстве имеется мощный отряд совхозов, значение которых как авангарда социалистической перестройки сельского хозяйства неуклонно растет.

За этим авангардом идут колхозы, причем окончательно найдена, проверена на практике и закреплена основная форма колхоза, единственно правильная для данного периода развития,—сельскохозяйственная артель, которая правильно сочетает личные интересы колхозников с общественными интересами. Артель развивается на базе государственных машинно-тракторных станций, в руках которых концентрируются важнейшие механические средства производства, играющие с каждым годом все большую и большую роль в сельскохозяйственном производстве, переводящие современное земледелие на высшую техническую базу. Внутри артели найдены правильные формы социалистической организации труда: постоянная бригада и колхозная сдельщина, основанная на нормировании и учете всех работ в трудоднях с последующим распределением доходов в строгом соответствии с социалистическим принципом — кто лучше и больше работает, тот больше получает. Все это проверено на практике, все это «завоевано и записано» как достижение победившего колхозного строя. Задача заключается сейчас в том, чтобы закреплять эти формы, развивать их социалистическое содержание. На основе укрепления артели, при расширении МТС, при укреплении государственного руководства, мы должны решить окончательно задачу переделки вчерашнего мелкого собственника в активного строителя бесклассового социалистического общества, мы должны таким образом подойти к полному разрешению задачи построения бесклассового социалистического общества — основной политической задачи второй пятилетки.

* * *

Любая социально-экономическая проблема советского хозяйства может быть правильно разрешена лишь при условии правильного методологического подхода к пониманию закономерностей переходной социалистической экономики. В нашей стране экономические формы развиваются, видоизменяются и наполняются социалистическим содержанием не стихийно, не самотеком, а под организованным руководством диктатуры пролетариата. Диктатура пролетариата является основой всех экономических закономерностей. Мощный суб'ективный фактор революции имеет решающее значение в деле превращения об'ективных возможностей, заложенных в советском социалистическом строе, в природных ресурсах нашей страны, в уровне развития производительных сил, — в реальную действительность. Политика партии является той ведущей силой, которая организует труд миллионов в строительстве социалистического общества, превращает об'ективные возможности в действительность и с каждым новым достижением создает все новые и новые возможности дальнейшего движения вперед.

Осуществление каждой очередной задачи социалистического строительства в нашей стране должно рассматриваться не как процесс, происходящий стихийно, не как некая «об'ективная» закономерность, не зависящая от воли и сознания людей — участников производства, а как организованное преодоление препятствий под руководством диктатуры пролетариата и ее ве-

дущей силы — коммунистической партии, как организованное превращение имеющихся возможностей в живую действительность.

Такой подход к экономическим закономерностям одинаково далек и от правооппортунистического «об'ективизма», отождествляющего законы нашего развития со стихийными законами развития капитализма, и от левацкого, идеалистического по своей природе, «волюнтаризма», склонного отказаться начисто от учета об'ективных условий, об'ективных возможностей нашего развития.

Такой подход к изучению экономических закономерностей требует учета возможностей и постановки реальных задач для превращения этих возможностей в действительность.

Такой подход основан на диалектическом понимании связи возможного и действительного, на учете великой роли суб'ективного фактора в деле превращения возможности в действительность. Новые взаимоотношения политики и экономики, суб'ективного и об'ективного, свойственные советскому хозяйству, обнаруживаются при таком подходе наиболее ясно.

При рассмотрении любого вопроса советской экономики, в том числе и вопроса о социальной природе колхозов и колхозного крестьянства, следует отказаться от формально-логического подхода, который является лишь другой стороной «об'ективистского» подхода к явлениям. Вопрос не решается формальным анализом производственных отношений, существующих в колхозе, или сравнением этих производственных отношений с отношениями в мелкокрестьянском хозяйстве, с одной стороны, и в предприятии последовательно-социалистического типа, с другой стороны.

Интересующий нас вопрос следует рассматривать в динамике, в процессе развития, в процессе проявления руководящей и определяющей роли диктатуры пролетариата.

Колхоз в его артельной форме есть социалистическое предприятие. Он является таковым потому, что в колхозе все основные средства производства из'яты из частной собственности и являются общественной социалистической собственностью. Земля—это важнейшее средство производства в земледелии, — а также крупнейшие машины: тракторы, комбайны, сложные молотилки — принадлежат пролетарскому государству. Лишь небольшая часть средств производства остается в личной собственности колхозников, составляя его добавочное подсобное хозяйство. Здесь, следовательно, господствует общественная социалистическая собственность на основные средства производства. Мы должны различать две формы общественной социалистической собственности: собственность государства и собственность самого колхоза. Эти формы различны, но их об'единяет общее свойство: они являются двумя разновидностями общественной социалистической собственности.

Верно ли, что собственность колхоза является также разновидностью общественной социалистической собственности? На этот вопрос в отдельных теоретических работах давался неправильный ответ. Колхозная собственность рассматривалась не как общественная социалистическая, а как частногрупповая (или просто как «групповая»). Но тогда колхоз не был бы социалистическим предприятием. Однако это неверно. Колхозная собственность не является разновидностью частной, хотя бы и групповой, собственности. Колхозная собственность, наоборот, основана на отрицании частной собственности, на ее уничтожении. Это очень ярко выражается также и в том, что доходы колхозов распределяются по социалистическому принципу, т. е. в зависимости от количества и качества затраченного каждым колхозником труда. На доход колхозника не влияет размер его прежней частной собственности, обобществленной в колхозе. Много ли, мало ли он внес при вступлении в колхоз своего частного имущества, все

равно доход его определяется исключительно степенью его участия в колхозном труде.

Но распределительные отношения являются не чем иным, как другой стороной отношений производства. Следовательно, тот факт, что доходы в колхозе распределяются по социалистическому принципу, есть лишь выражение более глубокого факта, а именно, социалистических производственных отношений в колхозах, т. е. социалистического характера собственности на средства производства.

Как возникли социалистические производственные отношения в наших колхозах? Они могли возникнуть только в условиях диктатуры пролетариата. Вне условий диктатуры пролетариата, в любой капиталистической стране производственное об'единение крестьян, хотя бы по внешности и напоминающее нашу артель, не имело бы в себе ничего социалистического, являлось бы обычным групповым, частнокапиталистическим предприятием или погибло бы. В условиях же диктатуры пролетариата, когда командные высоты хозяйства принадлежат пролетарскому государству, оказалось возможным создание социалистических производственных отношений. Создание этих отношений потребовало упорной борьбы, напряженной организационной и политической работы, большевистского руководства колхозным движением. Об этом свидетельствует вся история наших колхозов: борьба за МТС как государственную организацию хозяйственно-политического руководства, борьба за артель, борьба против перескакивания к коммуне, против попытки остановить колхозное движение на уровне «тозов», борьба за социалистическую организацию труда, за колхозную сдельщину, за правильное распределение доходов, против паевого, едоцкого и других буржуазных принципов распределения.

Таким образом социалистическая природа наших колхозов явилась следствием руководящего влияния диктатуры пролетариата, руководства перестройкой сельского хозяйства со стороны рабочего класса и его партии. Социалистическая природа колхозов не может быть, таким образом, рассматриваема вне руководящего воздействия диктатуры пролетариата. Следовательно, и дальнейший процесс развития колхозов по социалистическому пути, процесс социалистической переделки крестьянина, превращения его в работника бесклассового социалистического общества зависит от дальнейшего укрепления диктатуры пролетариата, от усиления организаторского и планового воздействия пролетарского государства на колхозы.

Но колхозная собственность на средства производства отличается от собственности государственной. Будучи разновидностью общественной социалистической собственности, колхозная собственность и соответствующие ей производственные отношения не тождественны с собственностью государственной и являются как бы менее развитой, переходной формой социалистической собственности. Отсюда возникает вопрос: какова дальнейшая судьба колхозной формы собственности на средства производства и какова ее роль в разрешении задачи уничтожения классов? Ответ на этот вопрос уже дан в основных наметках второго пятилетнего плана, утвержденных XVII с'ездом партии. Из года в год в наших колхозах будет расти государственная собственность на средства производства. Число машинно-тракторных станций, являющихся государственными предприятиями последовательно-социалистического типа, с каждым годом возрастает. К концу второй пятилетки число их должно быть доведено до 6 000, и они охватят своим руководством и своей технической базой все без исключения колхозы. На базе совхозов и МТС будет завершена в основном механизация сельскохозяйственного производства. Таким образом решающие машинные средства производства, роль которых в земледелии непрерывно возрастает, уже сейчас принадлежат государству, и роль государственной собственности к концу второй пятилетки возрастет еще более. В условиях нашей страны, где вся

земля является государственной собственностью, это, несомненно, приводит к абсолютному преобладанию государственной собственности на средства производства во всем сельском хозяйстве.

Но одновременно, хотя и менее быстро, растет и колхозная собственность: колхозные постройки, поголовье продуктивного и рабочего скота. В известных ограниченных пределах растет и личное добавочное хозяйство колхозника. План второй пятилетки предусматривает рост удельного веса государственной собственности на средства производства при одновременном росте колхозной собственности. Такой путь развития означает, что колхозы как кооперативные предприятия социалистического типа развиваются, артельная форма колхоза сохраняется, но с каждым годом создается все более и более мощная экономическая основа для дальнейшего усиления и совершенствования руководящего и планирующего воздействия на колхозы со стороны пролетарского государства.

Является ли различие между колхозной и государственной формами социалистической собственности и соответствующее им различие в отношениях распределения (например различие между заработной платой рабочего и распределением доходов в колхозе) основанием сохранения классовых различий между пролетарием и колхозником? Правильный ответ на этот вопрос может быть дан лишь при рассмотрении его в динамике в связи с ростом и укреплением диктатуры пролетариата, в связи с усилением государственного пролетарского руководства колхозами.

Обе формы собственности, и государственная и колхозно-кооперативная, являются разновидностями социалистической общественной собственности. Обе они в условиях диктатуры пролетариата предполагают отсутствие отношения эксплоатации. Но колхозно-кооперативная собственность на средства производства и соответствующие ей производственные отношения в колхозе могут воспроизводиться и развиваться по социалистическому пути лишь в условиях постоянно укрепляющегося государственного руководства. Поэтому совершенно неверно было бы не видеть различия между этими формами, не видеть значения этого различия для определения классовой природы колхозного крестьянства. В то же время неверно было бы считать, что для уничтожения этого классового различия необходимо унифицировать формы собственности, т. е. заменить колхозную собственность собственностью государства.

Все дело заключается в том, в каком направлении развивается и укрепляется артель. Если бы артель развивалась как нечто замкнутое, противопоставленное общегосударственным интересам, если бы в развитии артели возобладали частнохозяйственные принципы, то на этой основе сложился бы новый класс групповых частных собственников. Такое развитие совсем не было бы путем к построению бесклассового социалистического общества. В этом случае колхозно-кооперативная собственность была бы противопоставлена государственной собственности как определенная разновидность частной собственности на средства производства. На этот буржуазный путь многократно старались толкнуть нас классовые враги: вспомним чаяновскую «самоколлективизацию», бешеную атаку классовых врагов против МТС, попытки из'ять МТС из собственности государства, тенденции к «замыканию» колхозов, кулацкий саботаж хлебозаготовок в ряде районов в 1932 г. и т. д.

Но развитие наших колхозов под руководством партии и государства шло по другому пути. Наши артели развивались и продолжают развиваться в социалистическом направлении. Условием этого является укрепление диктатуры пролетариата, национализация земли и дальнейший быстрый рост общегосударственной собственности на средства производства, приводящий к ее абсолютному преобладанию во всем нашем

сельском хозяйстве. Артель развивается как кооперативное предприятие социалистического типа, не противопоставляющее своих интересов интересам государства, а наоборот, тесно соединяющее все свои практические интересы с выполнением государственных планов и всех обязательств перед пролетарским государством. Артель развивается не как замкнутое предприятие, конкурирующее с другими, а как хозяйство, вступающее в социалистическое соревнование с другими аналогичными хозяйствами, добиваясь общего под'ема.

Различие между производственными отношениями в государственных предприятиях, с одной стороны, и в колхозах — с другой (например различие между зарплатой и распределением доходов по трудодням) постепенно перестанет быть классово разделяющим признаком, поскольку тот и другой тип производственных отношений носит социалистический характер, поскольку развитие идет под единым плановым руководством пролетарского государства, поскольку государственная собственность на средства производства, давно уже ставшая преобладающей в промышленности, становится преобладающей и в сельском хозяйстве на основе развития совхозов и МТС.

Наличие личного добавочного хозяйства колхозников при правильной политике также не может явиться элементом, исключающим уничтожение классовых различий между пролетариатом и крестьянством и превращение тех и других в работников бесклассового социалистического общества. Все дело здесь в том, чтобы добавочное хозяйство не превращалось в основной источник дохода, чтобы добавочное хозяйство не перерастало известных рамок, вне которых оно превращается уже в самостоятельное, индивидуальное хозяйство. Одним из видов правооппортунистических извращений в колхозном строительстве является нездоровое раздувание в отдельных местах личного хозяйства колхозников: большие приусадебные участки (иногда в 2—3 га), обзаведение двумя, а то и тремя коровами и т. д. Особенно чувствительна опасность подобных извращений в районах с ограниченной землеобеспеченностью или там, где колхозы еще слабы. Опасность подобных извращений заключается в том, что личное хозяйство может превратиться в основное, а коллективное — в его придаток, наподобие того как это предлагали в своих книгах «неонародники» (Чаянов) и правые оппортунисты.

Чтобы этого не случилось, нужен очень продуманный подход к планированию и руководству добавочным личным хозяйством. Неправильным, например, является положение, когда самые доходные, самые рентабельные отрасли сельскохозяйственного производства развиваются исключительно в добавочном личном хозяйстве, а обобществленное хозяйство целиком занято менее рентабельными отраслями. Например если в каком-либо районе, в силу экономических и природных условий может быть получен крупный доход от огородничества, садоводства, птицеводства, свиноводства, пчеловодства или от посевов картофеля, конопли и т. д.,—было бы неправильно, если бы эти культуры и виды животных развивались исключительно в добавочном личном хозяйстве. Между тем иногда бывает, что колхозное хозяйство в таких районах носит по преимуществу зерновой характер, а перечисленные высокодоходные отрасли развиваются почти исключительно на базе личного добавочного хозяйства. Необходимо в этих районах организовать колхозные огороды, сады, птицеводческие и свиноводческие фермы и т. д. Необходимо стремиться всеми мерами повысить рентабельность обобществленного колхозного хозяйства не только за счет получения большего количества зерна на трудодень, но и за счет всемерного повышения денежного дохода колхозов в целом и денежной оплаты трудодня.

Проблема правильного сочетания обобществленного и личного добавочного хозяйства упирается, таким образом, в повышение рентабельности колхозного производства. Мы должны развивать обобществленное хозяйство, повышать его доходность, и тогда добавочное личное хозяйство будет ограничиваться рамками подсобного хозяйства. Нужно сделать так, чтобы

труд в обобществленном хозяйстве приносил все большие и большие выгоды по сравнению с трудом в личном, подсобном хозяйстве. Только в этом случае личные бытовые интересы колхозника будут правильно сочетаться с общественными и приспособляться к этим последним.

Не менее решительно следует бороться с «левыми» загибами, с попыткой заглушить личные бытовые интересы колхозников, искусственно форсировать отказ колхозников от личного добавочного хозяйства, форсировать переход от артели к коммуне. Наоборот, государство помогает всем колхозникам обзавестись коровой и мелким скотом. Нельзя забывать указаний товарища Сталина на XVII с'езде партии, где он подчеркивал, что артельная форма колхозов наиболее соответствует делу социалистического перевоспитания колхозников, облегчает «воспитание вчерашних единоличников в духе коллективизма». Он говорил по поводу перерастания артели в будущую коммуну: «Когда это будет? Конечно, не скоро. Но это будет. Было бы преступлением искусственно ускорять процесс перерастания артелей в будущую коммуну. Это спутало бы все карты и облегчило бы дело наших врагов»[1].

Для дальнейшего усиления политического, организационного, планового руководства сельским хозяйством и всеми сторонами жизни колхозов необходимо укрепить все органы партийного руководства и советской власти в деревне. Великую роль в этом деле сыграли политотделы МТС.

«Политотделы, как чрезвычайная форма организации, опираясь на силу и авторитет всей партии, на хозяйственную мощь МТС, добились серьезных успехов в деле превращения отсталого участка социалистического строительства — сельского хозяйства — в передовой.

Однако опыт показал, что, по мере роста задач руководства деревней, политотделы сами по себе уже недостаточны, что для руководства всей работой в колхозной деревне — политической, хозяйственной, культурно-бытовой (школы, больницы и т. д.) требуется укрепление нормальных партийных и советских органов, охватывающих всю работу: административную, хозяйственную, культурно-бытовую, финансовую и т. д.»[2].

Преобразование политотделов в обычные партийные органы, укрепление райкомов, дальнейшее приближение их к селу, перенесение в их работу всего того ценного, что внесли политотделы в методы работы с колхозниками, закрепление политотдельских кадров на новой работе в райкомах — таковы очередные задачи, которые должны поднять на новую ступень партийное руководство колхозами. Роль МТС при этом еще более возрастает.

На очереди — дальнейшее укрепление сельсоветов, этих низовых рычагов диктатуры пролетариата в деревне. Нельзя забывать того исторического урока, когда враждебные силы с помощью правых и «левых» оппортунистов попытались ликвидировать сельсоветы, ставшие якобы ненужными в условиях сплошной коллективизации. В этом проявилась «линия» классового врага, направленная на ослабление диктатуры пролетариата.

Победоносная линия партии направлена на укрепление и усовершенствование всех органов диктатуры пролетариата, на вовлечение в советы лучших людей из рабочего класса и колхозников-ударников.

В настоящее время колхозное крестьянство в классовом отношении еще отличается от рабочего класса. Мы не даром называем колхозников колхозным крестьянством. Это большая часть класса крестьянства, которая отказалась уже от частной собственности на средства производства и находится, таким образом, на пути к превращению в работников бесклассового социалистического общества. Но колхозное крестьянство сохраняет еще

---

[1] Доклад на XVII с'езде партии. Разрядка моя. — Д. Л.
[2] Из резолюций ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1934 г.

многочисленные частнособственнические пережитки как в идеологии, так и в экономике.

Вопрос о частнособственнических пережитках в сознании колхозников имеет очень важное значение для определения классовой природы колхозника. Совершенно неверно «абстрагироваться» от этого вопроса при определении природы колхозного крестьянства. К вопросу о классах в нашей стране нельзя подходить узко экономически. Нужно рассматривать переделку мелких производителей в работников бесклассового социалистического общества как процесс, происходящий под руководством пролетарского государства. А в этом процессе переделка сознания колхозников, воспитание у них навыков социалистического хозяйствования, социалистического отношения к труду и к общественной собственности играет важнейшую роль. Целый ряд пережитков капитализма в экономике колхозной деревни зависит именно от частнособственнических пережитков в области сознания. Сюда относятся такие явления, как нарушение социалистической дисциплины труда, скатывание отсталых элементов среди колхозников на путь расхищения общественной социалистической собственности и т. д. Перевоспитание колхозников на уроках жизни является средством уничтожения пережитков капитализма и в сфере экономики.

Но не все пережитки в сфере экономики зависят от частнособственнической психологии колхозника. В современной экономике сохранились еще такие стороны, которые в свою очередь способны питать частнособственнические настроения.

В недалеком прошлом эти стороны нашей экономики давали себя чувствовать достаточно сильно. Товарищ Сталин в январе 1933 г., в речи «О работе в деревне», указал партии на обстановку, созданную об'явлением колхозной торговли. Он рекомендовал учитывать не только положительную, но и отрицательную сторону колхозной торговли. Характеризуя эту отрицательную сторону, товарищ Сталин говорил о самой простой и естественной логике, на основании которой «крестьянин прикидывал так: «об'явлена колхозная торговля хлебом, легализована рыночная цена, на рынке я могу за то же количество хлеба получить больше, чем при сдаче хлеба государству, — стало быть, ежели я не дурак, я должен хлеб попридержать, сдавать его государству меньше, оставить его для колхозной торговли больше и таким образом добиться того, чтобы выручить больше за то же количество проданного хлеба» [1].

Товарищ Сталин требовал, чтобы первой заповедью нашей работы в деревне, первой заповедью колхозников было первоочередное выполнение обязательств перед государством по сдаче хлеба и других продуктов. На проведение в жизнь этой сталинской заповеди и направлена работа партии в деревне.

За прошедшие два года обстановка в деревне значительно изменилась. Партия провела громадную работу, направленную на преодоление частнособственнических тенденций колхозников, тенденций противопоставления частных интересов — общественным, государственным. Были организованы политотделы МТС, которые «сыграли исключительно важную роль в устранении недостатков, имеющихся в деревне» [2]. Принятый с 1933 г. новый порядок хлебосдачи (твердые поставки, имеющие силу налога); развернутая политическая и воспитательная работа, проведенная в деревне под сталинским лозунгом «сделать все колхозы большевистскими, всех колхозников — зажиточными»; очищение колхозных рядов от пробравшихся туда классовых врагов; общие успехи укрепления колхозов и МТС и наглядные уроки из

[1] «Вопросы ленинизма», стр. 514. 10-е изд.
[2] Из резолюций ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1934 г.

практики 1933—1934 гг. — все это привело к значительным результатам в деле социалистического перевоспитания колхозников.

«В сознание миллионов колхозников внедрилось понимание первоочередности выполнения своих обязательств перед государством.

Лозунг, выдвинутый партией на с'езде колхозников-ударников в феврале 1933 года о борьбе за большевистские колхозы и за зажиточную жизнь колхозников, вошел в сознание и быт десятков миллионов колхозников и стал практической, боевой программой мобилизации широких масс на укрепление колхозов, на общий дальнейший под'ем сельского хозяйства» [1].

Изменилась и экономическая обстановка. Цены на колхозном рынке под влиянием роста хлебной продукции 1933—1934 гг. и развертывания коммерческой торговли значительно снизились. Дальнейшим огромной важности шагом является решение пленума ЦК ВКП(б) от 26 ноября 1934 г. «Об отмене карточной системы по хлебу и некоторым другим продуктам». Согласно этому решению, с 1 января 1935 г. устанавливаются «единые розничные государственные цены на хлеб, муку и крупу применительно к нескольким территориальным поясам, включающим определенные группы областей, краев и республик». Эти единые государственные цены, будучи много ниже нынешних коммерческих, окажут регулирующее влияние на цены зерновых продуктов на колхозном рынке. Цены на колхозном рынке снизятся, особенно там, где они еще высоки. Будут нивелированы существующие ныне большие различия в ценах колхозного рынка по районам. Цены колхозного рынка приобретут тенденцию к дальнейшему снижению вслед за единой государственной продажной ценой на хлеб. Все это ведет к коренному изменению обстановки на колхозном рынке, ведет к искоренению спекуляции, облегчает неизмеримо борьбу с мелкособственническими, спекулятивными тенденциями.

Нельзя, однако, считать эту задачу решенной уже сегодня. Постановление пленума ЦК ВКП(б) надо еще провести в жизнь. Для этого нужна большевистская организованность и бдительность. Едва ли можно сомневаться в том, что недобитый классовый враг попытается этому препятствовать, попытается усилить разлагающую работу среди колхозников и единоличников, чтобы толкнуть наиболее отсталых из них на путь спекуляции. О том, что частнособственнические тенденции колхозников еще не преодолены полностью, свидетельствует, например, практика хлебозакупок этого года, хотя в целом хлебозакупки проводятся весьма успешно.

Частнособственнические стремления колхозников проявляются иногда и в нежелании создавать обобществленные колхозные фонды хлеба для продажи государству с целью покупки новых средств производства для колхоза (автомашин, сельскохозяйственных машин, строительных материалов). Отсталые колхозники предпочитают требовать распределения всего хлеба, оставшегося после хлебопоставок, для того чтобы самостоятельно распоряжаться его рыночными излишками. Колхозник имеет право получить на руки рыночные излишки хлеба и продавать его, когда это будет разрешено, на колхозном рынке. Но и государство и колхоз заинтересованы в том, чтобы часть колхозного хлеба превратить в обобществленный фонд накопления и продать его государству в порядке хлебозакупок.

Организационная и политическая работа по созданию фондов хлеба для продажи государству имеет очень большое хозяйственное и политическое значение. Этим ускоряется расширенное воспроизводство колхозного хозяйства. В то же время это увеличивает хлебные ресурсы государства, укрепляет мощь диктатуры пролетариата. Работу в этом направлении нужно продолжать неослабным темпом, толково раз'ясняя колхозникам сочетание их интересов с интересами государства, не допуская грубого административ-

---

[1] Из резолюций ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1934 г.

ного нажима, который может только повредить делу. Решающую роль здесь должна сыграть также организация своевременного завоза нужных колхознику товаров.

Решения ноябрьского пленума ЦК и предыдущие решения партии показывают путь, который ведет к полному уничтожению тех экономических корней, которые способны еще питать частнособственнические тенденции в среде колхозников.

Товарищ Сталин указывал в речи на XVII с'езде партии, что «лозунг «сделать всех колхозников зажиточными» означает призыв — добить последние остатки капитализма путем усиления экономической мощи колхозов и превращения всех колхозников в зажиточных тружеников». Правильная политика, твердое руководство со стороны партии и пролетарского государства, развернутая организационно-политическая и воспитательная работа, превращение всех колхозов в большевистские делают развитие сельскохозяйственного производства и обилие продуктов тем средством, при помощи которого мы добиваем последние остатки капитализма.

ОКТЯБРЬСКИЕ БОИ ПРОЛЕТАРИАТА В ИСПАНИИ

И. П. Степанов

I

Непосредственным поводом для октябрьских боев пролетариата явилось образование правительства Леруса, в которое вошли три представителя помещичьего союза, носящего название «Испанская конфедерация автономных правых» (сокращенно — СЭДА). На образование этого правительства пролетариат ответил всеобщей стачкой. Правительство ввело осадное положение, двинуло против рабочих полицию, штурмовую гвардию, армию, авиацию, военный флот, колониальные войсковые части, иностранный легион, иначе говоря, привело в действие все вооруженные и репрессивные силы государственного аппарата.

Буржуазно-помещичья контрреволюция, овладевшая полностью всеми постами и всеми рычагами государственного аппарата, решила огнем и мечом сразить быстро сплачивающиеся силы революции, раньше чем они начнут свой решительный штурм.

Крупная буржуазия и помещики Хиль Роблес и Лерус знали, что они идут на развязывание гражданской войны. Об этом открыто писалось в прессе. Об этом предупреждал Мартинес Барриос — до января нынешнего года второй (после Леруса) вождь партии радикалов, партии крупной буржуазии. 1 октября 1934 г. на заседании конференции Республиканского об'единения Мартинес Барриос заявил, что «вступление правых в правительство при данной ситуации будет означать сигнал к гражданской войне».

В таком же духе высказывалось большинство газет. Но у буржуазно-помещичьей контрреволюции был свой расчет на гражданскую войну. Расчет оказался неудачным. Буржуазно-помещичья контрреволюция с громадными усилиями добилась лишь военного, причем частичного и кратковременного, успеха в первых боях. В политическом же отношении она многое потеряла. Ее власть стала еще более неустойчивой, непрочной чем до октября. Пролетариат проиграл первое сражение, но революция крепнет.

Октябрьские дни поставили перед пролетариатом в самой резкой форме, в форме практических вопросов массового революционного действия, все основные вопросы испанской революции.

Октябрьские бои, во-первых, показали широким трудящимся массам Испании, что успешная борьба против наступления капитала и фашизма возможна только под руководством компартии, что только там, где коммунисты стали во главе борьбы, движение превратилось в настоящую борьбу трудящихся масс за власть. Трудящиеся массы убедились на деле, что социал-демократы, даже когда они решились призвать массы к борьбе, как только массы стали нарушать «права» буржуазии и выставлять лозунг рабоче-крестьянского правительства, отходили в сторону, отказываясь от дальнейшей ответственности за развитие борьбы. Трудящиеся массы убедились, что только коммунисты давали правильную оценку положения, правильную программу и лозунги борьбы, что только коммунисты вели их к завоеванию госу-

дарственной власти и к свержению власти буржуазии. Поэтому перед рабочим классом Испании теперь со всей резкостью поставлен вопрос о необходимости коммунистического руководства для победы в революции, о необходимости перехода на сторону компартии.

Октябрьские дни показали, во-вторых, громадное значение аграрного вопроса, повелительную необходимость пролетарской организации и руководства аграрной революцией. Стихийно развертывающаяся уже два года аграрная революция не может в решительный момент включиться в общий штурм, если революционный пролетариат не возьмет в свои руки политическое и организационное руководство многомиллионными массами батрачества и крестьянства.

Октябрьские бои, в-третьих, подчеркнули необходимость высвобождения революционных резервов — национально-освободительных движений угнетенных национальностей — из-под влияния обанкротившихся предательских мелкобуржуазных и буржуазных националистических партий и необходимость вовлечения этих резервов в борьбу под руководством революционного пролетариата.

В-четвертых, октябрьские дни показали широким массам на деле, что пролетариат — их подлинный руководитель, самый дисциплинированный, преданный и боевой; внедрили в сознание масс идею о том, что политическая и организационная гегемония пролетариата есть необходимое условие победы революции.

В-пятых, октябрьские бои со всей силой и во всю ширь поставили вопрос о серьезной постановке агитационной, политической и организационной работы в армии и флоте для привлечения на сторону революции не единиц, а значительных масс и целых частей армии.

В-шестых, октябрьские дни дали предметный и суровый урок не только революционным активистам, но и широким массам, показав, какое громадное значение имеют военно-технические вопросы революции и вообще основные законы и правила вооруженного восстания.

В-седьмых, октябрьским опытом доказана со всей очевидностью не только громадная сила массовой политической стачки как одного из самых могучих орудий революционного штурма, но и то, что в острореволюционной ситуации необходимы особые методы руководства массовой политической стачкой, тем более в обстановке сочетания стачки с вооруженной борьбой.

В-восьмых, и это самое главное и самое важное, октябрьские бои пролетариата впервые за все время испанской революции практически поставили вопрос о захвате власти пролетариатом и крестьянством и вопрос о конкретных организационных формах подготовки и ведения борьбы: советы рабочих, советы крестьян, революционные комитеты, фабрично-заводские комитеты и т. п. Своеобразная зародышевая форма осуществления единого революционного фронта борьбы — рабочие альянсы или рабочие и крестьянские альянсы — завоевала себе в процессе развертывания борьбы громадный авторитет. События показали, что для выполнения громадной исторической роли, которая предстоит рабочим и крестьянским альянсам, последние должны создаваться и действовать так, как создавались, организовывались и действовали советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов в русской революции.

Освирепелые и смертельно напуганные помещики и крупная буржуазия зверски расправляются с рабочими. Церковь, папа римский и реставрированные иезуитские ордена требуют крови. Монархическая офицерня, жандармы, белогвардейские бандиты, иностранный легион и темные африканские рабы пытают и убивают разоруженных рабочих, женщин и детей. Банкиры и помещики, бывшие гранды, монахи, великосветские дамы и «сам» Альфонс XIII делают денежные взносы, чтобы отблагодарить разнузданные шай-

ки погромщиков. Монархистские генералы Франко, Батет, Очаа и 5000 восстановленных в своих правах монархистских офицеров защищают и водворяют «республиканский порядок». Вождь открытых монархистов-традиционалистов Гойкочеа, сын генерала Примо де Ривера, вместе с органом Ватикана «Оссерваторе Романо» и прессой Гитлера, хором поют дифирамбы зверствам Леруса.

Громадные потери понес рабочий класс. «Я чувствую, что плаваю в крови», — был вынужден признать сам президент республики Алькала Самора. И все-таки революция в Испании не сломлена. Октябрьские бои пролетариата закончились военной неудачей. Но они создали предпосылки, которые обеспечат верную победу пролетариата в грядущих боях.

«Номинальным победителем, — писала английская газета «Ньюс Кроникль», — является Лерус, глава правительства, хотя число его сторонников в парламенте не превышает 80 из 472 депутатов; фактическими победителями, однако, являются реакционеры из католической партии. Но их победа будет, вероятно, преходящей. Большинство опытных наблюдателей убеждено в том, что окончательный характер правительства в Испании, которое рано или поздно будет окончательно установлено, будет представлять собой какую-нибудь форму федерального советизма с полной автономией Каталонии и других важных провинций».

Октябрьская борьба пролетариата Испании — это могучая, грозная увертюра к начавшемуся новому этапу испанской революции.

Чтобы правильно оценить значение октябрьских событий, их место в ходе развития испанской революции и их влияние на ее дальнейшие перспективы, необходимо рассмотреть историческую связь, в которой они находятся с предшествующими им революционными событиями в Испании.

II

Массовая революционная борьба в Испании началась в конце 1929 г. Наступление масс в конце января 1930 г. сбросило военно-фашистскую диктатуру генерала Примо де Ривера. Под мощным ударом революционного пролетариата, увлекшего за собой широчайшие народные массы, рухнула в апреле 1931 г. монархия, и в стране была провозглашена республика. Однако власть захватили не рабочие и крестьяне, а крупная буржуазия и помещики.

Пожертвовав монархией, провозгласив республику, захватив в свои руки власть, блок буржуазии и помещиков сумел почти полностью уберечь от ударов революции материальные, экономические и политические пережитки средневековья, мощь и привилегии помещиков, церкви и финансового капитала. Обманув массы, буржуазно-помещичий блок сохранил почти нетронутым унаследованный от монархии антинародный государственный аппарат. Этот обман масс был осуществлен при активном прямом содействии мелкобуржуазных партий и группировок, особенно социалистов, анархистов и «каталонских левых» националистов. В июне 1931 г. эти партии получили огромное большинство голосов рабочих и трудящихся. В июньских учредительных кортесах они имели две трети мандатов.

Первый период политической деятельности июньских кортесов, период учредительного собрания, охватывает ровно 6 месяцев, с 14 июня по 15 декабря 1931 г. За этот период главным стремлением мелкобуржуазных партий, имевших большинство в кортесах и занимавших все ответственные руководящие посты в государственном аппарате, было втиснуть республику в такие юридические рамки, так ее обессилить и кастрировать, чтобы заранее отнять у нее всякие права и возможности, могущие угрожать положе-

нию помещиков и крупной буржуазии. Суть выработанной кортесами конституции заключается в том, что она заранее ограничивает пределы законодательства республики, гарантирует соблюдение интересов помещиков и крупной буржуазии со стороны республики.

Конституция обязывала к энергичной, очень энергичной, защите этих интересов. Не случайно на обложке конституции помещена сентенция из средневекового кодекса провинции Леон, гласящая: «Всякому, принадлежащему к нашему или иному поколению, кто сознательно попытается нарушить эту нашу конституцию, да будут сломлены его руки, ноги и голова, да будут вырваны его глаза и разорваны его кишки, да поразит его тело проказа и да вонзится меч анафемы в его душу и да пребудет он в вечных пытках вместе с дьяволом и его аггелами».

Июньские кортесы санкционировали (19 октября) реакционный декрет о «защите республики», направленный против революционного движения и революционных организаций рабочих, крестьян и угнетенных национальностей.

За этот период крестьяне ничего не получили от республики, кроме четырех проектов «аграрной реформы» и одного декрета о пересмотре арендных договоров. Учредительный период ознаменовался, помимо майских стихийных выступлений масс против церквей и монастырей, июньской кровавой неделей в Севилье и сентябрьской всеобщей забастовкой в Барселоне: это два крупнейших события в начавшейся полосе стачечного движения. Рабочие получили «закон о смешанных арбитражных комиссиях».

Второй период режима июньских кортесов охватывает почти два года: с 15 декабря 1931 г. по 10 сентября 1933 г. За этот период июньские кортесы существуют как обыкновенный формальный, законный парламент. Этот период ознаменован лишь одной крупной датой: 9 сентября 1932 г. — день принятия «аграрной реформы» и «каталонского статута». Закон об «аграрной реформе» не дал земли крестьянам и батракам, не затронул пережитков феодальных отношений. Материальные предпосылки для развертывания аграрной революции остались полностью в силе. «Каталонский статут», по существу, узаконил неравноправное положение Каталонии, еще больше подчинил ее центральным мадридским властям. Во всех других областях и в первую очередь в отношении рабочих и безработных законодательные июньские кортесы проводили политику крупного капитала.

В этот период шло сплочение сил буржуазно-помещичьей контрреволюции. В этот же период нарастало и ширилось недовольство рабочих и крестьян. Резче начало обнаруживаться противоречие между интересами, требованиями и ожиданиями масс и политикой республики.

История двухлетнего законодательного периода июньских кортесов — это неуклонное практическое саморазоблачение партий мелкобуржуазной демократии как прислужников и проводников политики крупного капитала и помещиков; это история постепенной сдачи всех завоеванных позиций буржуазии и помещикам; в то же время — это история перегруппировки и сплочения сил революции под классовой гегемонией пролетариата.

В декабре 1931 г. представители радикалов — партии крупной буржуазии — Лерус и Барриос вышли из правительства. В качестве формального мотива своего ухода они выставили тот аргумент, что они не могут сотрудничать с социалистами в правительстве. Фактически буржуазия хотела возложить на плечи социалистов и других мелкобуржуазных демократов всю ответственность за проведение антинародного законодательства по аграрному, рабочему и национальному вопросам.

Выходя из правительства, партия радикалов развязала себе руки для внепарламентской систематической работы над перегруппировкой и сплочением контрреволюционных сил.

С начала февраля 1932 г., непосредственно после восстания горняков в Льобрегате, Лерус открывает оппозиционную кампанию против правитель-

ства Асанья и против социалистов. Под влиянием этих атак кортесы принимают реакционный закон, так называемый закон 8 апреля, ограничивающий свободу профсоюзов и регламентирующий право стачек. Затем, начиная с 6 мая 1932 г., т. е. с начала обсуждения каталонского статута в кортесах, и вплоть до 9 сентября 1932 г., когда этот статут был принят, Лерус ведет против него бешеную кампанию: организует в Мадриде, Сарагоссе и во многих других городах Испании митинги и студенческие демонстрации против Каталонии. В этот период Лерус политически об'единяет вокруг себя все группировки помещиков и финансового капитала Испании, до каталонских банкиров, промышленников и помещиков включительно. В начале 1933 г., в особенности после разгрома январских повстанческих взрывов (возникших во многих местах стихийно, кое-где организованных на путчистский манер анархистами, а кое-где организованных даже полицией и провокаторами, причем не без соучастия некоторых лерусистов и монархистов), наступление поднявших голову правых реакционно-клерикальных, помещичьих и монархических элементов приобретает уже характер настоящей концентрированной кампании. Лерус, помещики, клерикалы и монархисты становятся в позу «защитников» рабочих и крестьян против репрессий правительства. Лерус, помещики, клерикалы и монархисты становятся в позу критиков «аграрной реформы» и выдвигают свою «реформу аграрной реформы». По мере обнажения банкротства политики мелкобуржуазной демократии, по мере усиления размаха и остроты революционного движения рабочих и в особенности по мере роста крестьянских революционных выступлений усиливается и сплоченность помещиков, церкви, монархистов, крупной буржуазии. В марте 1933 г. возникает СЭДА (Испанская конфедерация автономных правых)— союз всех важнейших национальных и областных партий и организаций клерикально-помещичьей реакции. И вскоре, на апрельских частичных коммунальных выборах, этот союз сумел вместе с партией радикалов добиться таких позиций, с которых он начинает уже открытое наступление на июньские кортесы с целью их роспуска.

После апрельских муниципальных выборов (1933 г.) июньские кортесы и их правительство пытаются умилостивить наступающие клерикально-помещичьи и крупнобуржуазные партии и организации. 27 июня 1933 г. кортесы принимают «закон об аренде», а 28 июня — «закон об общественном порядке», тот самый закон, на основе которого буржуазно-помещичья контрреволюция правит теперь страной посредством осадного положения и кровавых расправ.

3 сентября 1933 г. происходят выборы в Трибунал конституционных гарантий. Этот трибунал, формально представляющий собою верховный суд, фактически является чем-то вроде верхней палаты, имеющей право судить даже президента, т. е. главу государства. Выборы дали абсолютный перевес и в этом трибунале правым партиям (радикалам, СЭДА и т. д.). Таким образом один из верховных решающих государственных органов оказался в руках реакционнейших партий крупной буржуазии и помещиков.

Итоги выборов в Трибунал конституционных гарантий означали конец правительства Асанья—Кавальеро, а вместе с тем и конец левореспубликанско-социалистических правительственных коалиций. Правительство Асанья, несмотря на сохранение им большинства в кортесах, подает в отставку. Новое правительство формирует Лерус (первый кабинет Леруса).

Лерус приходит к власти под лозунгом разгона июньских кортесов. Июньские кортесы, в припадке минутной храбрости, решают проявить свою власть — дать парламентский бой Лерусу. Они свергают министерство Леруса. Но пришедшее к власти новое правительство во главе с радикалом Барриосом распускает агонизирующие июньские кортесы. Так бесславно погибли прозябавшие в постоянном страхе июньские кортесы.

Ноябрьские выборы и ноябрьские кортесы (1933 г.) зафиксировали политическое банкротство мелкобуржуазного парламентаризма. Они показали еще раз, что продолжавшаяся 2½ года республиканско-демагогическая шумиха только способствовала усилению контрреволюции, ибо оставила нетронутым материальное и политическое господство помещиков, касиков, церкви, монархистов и офицерства.

Ноябрьские кортесы — это кортесы блока крупной буржуазии и крупных помещиков, клерикалов и монархистов. Вытеснение мелкобуржуазных партий и группировок из государственного аппарата в основном завершено. Только Каталония оставалась еще в руках «каталонской левой».

Заняв преобладающее место в муниципалитетах, в Трибунале конституционных гарантий, в кортесах, блок крупной буржуазии и помещиков очутился, однако, среди бушующего моря революционной стихии в городе и деревне. Во весь рост встал перед крупной буржуазией и помещиками призрак рабоче-крестьянской революции.

С ноября 1933 г. буржуазно-помещичья контрреволюция концентрирует свои усилия на удовлетворении «непосредственных требований» помещиков и церкви, на уничтожении остатков социального законодательства, на замене гражданских и военных губернаторов надежными, испытанными реакционерами, на уничтожении прав муниципалитетов и замене республиканских или социалистических алькальдов правительственными комиссарами.

Эту политику об'единенных сил крупной буржуазии и помещиков проводит второе правительство Леруса (17/XII 1933 г. — 26/IV 1934 г.). В его состав не входит ни одна из левобуржуазных и мелкобуржуазных республиканских партий. Зато в него вошла, впервые за время республики, реакционно-помещичья партия, так называемая «национальная аграрная партия», об'единяющая главным образом титулованную земельную знать. Характерно, что эта партия лишь в конце декабря 1933 г., т. е. после своего вступления в правительство, условно «признала существующий режим».

Однако эта правительственная коалиция радикалов и аграриев, не имея большинства в кортесах, могла продержаться у власти лишь благодаря поддержке самой многочисленной фракции СЭДА — «Аксион Популяр». Тем самым помещичье-католико-фашистская «Аксион Популяр» завоевала возможность оказывать и в парламенте решающее влияние на правительство. Политика второго правительства Леруса фактически проводилась под диктовку фашиста Хиль Роблеса. Последний открыто заявил, что до прихода СЭДА—«Аксион Популяр» к власти нужен «переходный период» ликвидации наследия республики. Второй кабинет Леруса и сформировался под лозунгом «ликвидации наследия апрельской республики».

Даже первый кабинет Леруса, находившийся у власти меньше месяца (с 9/IX по 3/X 1933 г.), еще до выборов, т. е. при наличии леволеспубликанско-социалистического большинства в кортесах, начал ликвидацию ряда принятых прежде законов. Так например в декретном порядке было приостановлено действие «закона о муниципальных округах» (закон 3/IX 1931 г.), запрещавшего помещикам нанимать пришлых батраков при наличии безработицы среди батраков данного муниципального округа. Несмотря на то что этот закон шел навстречу местническим, цеховым тенденциям среди сельскохозяйственных рабочих, он в условиях острой безработицы и бешеного наступления помещиков на зарплату и прочие условия труда батраков все же в известных пределах затруднял наступление помещиков, которые всегда охотно нанимали «более сговорчивых» пришлых батраков для снижения зарплаты батрачества, использовали их в качестве штрейкбрехеров и т. д. Недаром отмена этого закона составляла одно из главных требований помещичьих организаций, угрожавших в сентябре (18/IX) даже «походом на Мадрид». Из-за боязни неминуемой всеобщей забастовки рабочих этот «поход»

не состоялся. Но помещики все-таки добились согласия правительства Леруса на приостановку действия закона, т. е. фактически на отмену его.

Таким же порядком первый кабинет Леруса 27 сентября 1933 г. отменил введенную при республике так называемую «принудительную сменность найма», состоявшую в том, что при безработице в данной местности помещики были обязаны поочередно нанимать всех занесенных в списки батраков данной местности с таким расчетом, чтобы в течение определенного времени (недели, месяца) все местные батраки хоть на несколько дней имели работу.

Второй кабинет Леруса пошел значительно дальше: в декабре была запрещена печать компартии и печать анархо-синдикалистов. Профсоюзы, примыкающие к анархо-синдикалистской Национальной конфедерации труда, были об'явлены вне закона. В январе 1934 г. были смещены с постов председателей так называемых смешанных комиссий по труду (арбитражные органы) все социалисты, которых заменили лицами, назначенными правительством. В кортесы был внесен в январе проект окончательной отмены закона о муниципальных округах. В том же январе правительство официально поставило вопрос о «реформе аграрной реформы», которой добивались все помещичьи организации. Первый шаг к пересмотру аграрной реформы был сделан законом об амнистии, принятым 24 апреля 1934 г. Этот закон амнистирует участников монархических мятежей против республики, причем помещикам, у которых за участие в этих мятежах земля была конфискована безвозмездно, должна быть возвращена не только эта земля, но и полученные со времени конфискации этой земли доходы.

С весны текущего года буржуазно-помещичья контрреволюция начинает мобилизацию и подготовку своих сил в предвидении неизбежности взрыва гражданской войны. Обстановка становится все напряженней. Революционное движение пролетариата приобретает громадный размах. Каталонский вопрос вообще и в частности борьба каталонских крестьян против помещиков становятся вопросами непосредственной массовой революционной борьбы. Обостряется национальное движение в Басконии. Надвигается угроза революционного наступления батрачества. Широкие массы городской мелкой буржуазии явно колебнулись в сторону пролетариата. Перед лицом такой перспективы, на почве разногласий о тактических мерах для предотвращения победоносного штурма революции, происходит в конце апреля падение второго правительства Леруса и замена его правительством Сампера (28/IV—2/X 1934 г.), сохранившего почти полностью состав правительства Леруса.

Правительство Сампера проводит окончательную отмену закона о муниципальных округах (23 мая). В июне, в связи с генеральной стачкой сельскохозяйственных рабочих, оно об'являет страну «на положении тревоги» с отменой всех конституционных свобод, причем это «положение тревоги» было дважды продлено (в июле и августе). Самперу пришлось вместе с реакционным буржуазно-помещичьим Трибуналом конституционных гарантий демонстративно нарушить конституцию, аннулировать дважды принятые решения каталонского парламента по вопросу об арендных договорах. Самперу пришлось распустить и арестовать муниципальных советников Басконии и принять меры для об'явления осадного положения во всей стране.

При Сампере начинается восстановление церкви во всей полноте ее доапрельских привилегий, ставится вопрос о возвращении имущества иезуитскому ордену, о восстановлении обязательного преподавания религии в школах. При Сампере ведутся переговоры с Ватиканом о конкордате. Сампер и кортесы удовлетворяют требование помещиков о повышении цен на пшеницу и другие предметы питания. Наконец, правительство Сампера издало декрет о запрещении комсомола и соцмола.

Таким образом буржуазно-помещичья контрреволюция проводит систематически и неуклонно политику монархической реставрации. Не даром

Мартинес Барриос был вынужден открыто заявить в уже упомянутой речи от 1 октября: «В Испании существует лишь формально республиканский режим, фактически, однако, существующий режим является не республиканским, а монархическим и диктаторским».

Закончив свою тактическую миссию, правительство Сампера уходит в отставку. Лерус — Хиль Роблес развязывают гражданскую войну.

III

Апрельский республиканский переворот 1931 г. лишь временно прервал и приостановил поступательный ход развития революционного движения пролетариата и широких непролетарских трудящихся масс города и деревни. Очень скоро революционное движение прорвало плотину социалистического реформистского об'единения профсоюзов и анархо-синдикалистской конфедерации труда. Непосредственно после майских дней, когда массы предают огню и разрушению сотни монастырей и церквей и громят редакции католико-монархических газет, начинается стачечное движение рабочих. И с тех пор оно развивается неуклонно по восходящей линии. Июльская кровавая неделя в Севилье, где жандармерия под командой монархических генералов бомбардировала город, показала классовое лицо республики. Сентябрьская всеобщая забастовка в Барселоне, сопровождавшаяся баррикадными уличными боями, дополнила севильский политический урок. Оба эти крупных события были сигналом к начавшемуся высвобождению пролетариата из-под республиканско-конституционного и соглашательского обмана. В конце декабря 1931 г. стихийная стачка 70 000 батраков в провинции Бадахос, вспыхнувшая против воли реформистской профсоюзной централи, открыла собой полосу батрацких и крестьянских революционных выступлений против помещичьего землевладения и помещичьей эксплоатации. Январь и февраль 1932 г. подняли на ноги 2 200 000 стачечников. Эти месяцы ознаменовались также кровавыми столкновениями крестьян и жандармерии в деревнях Арпедо и Кастильбланко. В январе 1932 г. вспыхивает стихийная вооруженная борьба горняков долины Льобрегат, охватившая значительное число городов и деревень Каталонии. В январе происходит всеобщая стачка, организованная компартией, и в феврале — вторая всеобщая стачка в знак протеста против ссылки революционных активистов. В этих событиях выявилась первая могучая волна нарастающей рабоче-крестьянской революции.

Социалистам и руководителям реформистских профсоюзов, однако, еще удается удерживать под своим влиянием большие слои рабочих города и батраков деревни и срывать стихийные революционные выступления. Анархо-синдикалистам все еще удается улавливать революционно-настроенных рабочих. Компартия, еще молодая, идейно-политически и организационно еще не окрепшая, еще не изжившая анархо-синдикалистского наследия, расширяет свое влияние и усиливает свою деятельность, однако далеко еще не в той мере, в какой этого требуют бурный ход событий и задачи момента.

С конца 1932 г. и за весь 1933 г. наряду с ростом и расширением стачечного движения и демонстраций городского пролетариата и безработных развертывается с возрастающей силой революционная борьба в деревне, разгорается аграрная революция. Эта борьба постепенно охватывает все провинции. В нее вслед за батрачеством втягиваются постепенно не только слой безземельного крестьянства, но и средние крестьяне, арендаторы и кое-где даже часть сравнительно зажиточного крестьянства. Забастовки сельскохозяйственных рабочих, захваты помещичьей земли, урожая, скота, инвентаря, поджоги помещичьих усадеб, отказ от уплаты аренды и налогов, вооруженные столкновения с жандармерией, разрушение с.-х. машин, волнения и бунты голодающих безработных и крестьян — вот картина испанской деревни вплоть до весны 1934 г. На гребне резкого под'ема крестьянской революции происходит в январе 1933 г. вторая попытка анархо-син-

дикалистского восстания, охватывающего на сей раз Каталонию, Мадрид, Валенсию, Андалузию и частично Эстрамадуру.

Во время ноябрьских выборов в кортесы значительная часть не только крестьянства и батрачества, но и городского пролетариата не принимала участия в выборах. С момента ноябрьских выборов 1933 г. намечается резкий перелом в темпах, размахе, остроте революционного движения рабочих. Рабочие массы сразу восприняли результаты ноябрьских выборов как вызов, как угрозу, как историческое предупреждение. Массы увидели надвигающийся кровавый режим фашистского террора, инквизиции и монархистской офицерни. Снова пролетарии переходят в стихийное наступление. И снова, в декабре 1933 г., в третий раз на протяжении двух лет, анархо-синдикалисты подымают восстание-путч. Борьба перехлестывает через путчистские планы анархистов и в многочисленных городах и деревнях принимает массовый упорный характер. Декабрьские выступления рабочих подавлены. Но сознание необходимости бороться и дать революционный отпор фашизму не покидает рабочих. Лозунг единого революционного фронта начинает находить широкий отклик внутри реформистских и анархо-синдикалистских профсоюзов. Впервые с этого момента под влиянием растущего давления низов внутри социалистической партии начинают раздаваться из уст руководителей социалистической партии голоса в пользу диктатуры пролетариата.

С начала текущего года стачки и демонстрации растут из месяца в месяц. 12 февраля компартией была организована всеобщая стачка (125 000 участников) в знак солидарности с австрийскими и французскими пролетариями. В марте началась 40-дневная всеобщая стачка в Сарагоссе. 21—22 апреля — всеобщая стачка в Мадриде (200 000 участников) в знак протеста против фашистского слета в Эскуриале, близ Мадрида. В июне — пятнадцатидневная стачка 500 000 сельхозрабочих. 31 августа — семидесятитысячная демонстрация в Мадриде во время похорон убитого фашистами члена ЦК комсомола. 8 сентября — всеобщая стачка в Мадриде (200 000 участников) в знак протеста против слета каталонских помещиков и в знак действенной солидарности и поддержки каталонских рабочих и крестьян. 15 сентября — демонстрация протеста в Мадриде (80 000 участников), против запрещения комсомола и соцмола. В целом ряде городов, в особенности в провинциях Басконии и Астурии, непрерывно вспыхивают стачки и демонстрации против фашизма.

В знак солидарности с бастующими бочарами маленького городка Херес де ля Фронтера вспыхивает всеобщая стачка в Кадиксе и десятитысячная стачка на Канарских островах. Настроения перехода в решительное революционное наступление охватывают широкие массы пролетариата. Уже в июньской пятисоттысячной стачке сельскохозяйственные рабочие были убеждены, что революционный штурм против помещиков и буржуазии начался.

Развитие стачечного движения и вся обстановка оттеснили на второй план экономические требования и стихийно выдвинули на первый план вопрос о власти, вопрос о решительном бое против буржуазии и помещиков. Обстановка становится еще более напряженной с апреля вследствие непрерывного обострения борьбы между мадридскими властями и каталонским и баскским крестьянскими национальными движениями.

В июле — августе — сентябре некоторое затишье наблюдается в таком широком секторе революционного движения, как деревня; батраки только что вышли из боя полуразбитые, разочарованные. Андалузия и Эстрамадура временно утихли. Лишь арендаторы Леванты и Каталонии переходили в решительное наступление. Относительный и временный спад аграрного движения произошел не только в связи с сезонными особенностями (июль — август — сентябрь) и не только в связи с поражением июньской забастовки батраков и жестокими репрессиями, а также с бешеной деятельностью по-

мещичье-фашистской «Аксион Популяр». Главная причина этого спада и главная причина неподвижности крестьянских масс в октябрьские дни состоят в том, что ни реформистская федерация трудящихся земли, ни национальная конфедерация труда, ни социалистическая партия не подумали о деревне, не приняли организационных мер для вовлечения деревни в общую борьбу, не обращались к деревне.

* * *

С ноября 1933 г. начинается процесс коренной политической перегруппировки внутри рабочего класса. Быстро растет и ширится политическое влияние компартии. Программа советской власти и рабоче-крестьянского правительства, выдвинутая компартией во время октябрьско-ноябрьской кампании, все больше становится знаменем борьбы рабочих масс. Борьба за единый фронт, носившая вплоть до ноября 1933 г. в большей мере пропагандистский нежели практический характер, подхватывается теперь самими массами. Низовые организации на местах начинают сами осуществлять единый фронт антифашистской борьбы. Стихийная тяга рабочих масс к единому фронту и желание удержать под своим влиянием левеющих рабочих и помешать компартии увлечь их за собой заставляют центральные органы социалистов и анархистов почти одновременно начать кампанию за единый фронт. Анархисты заговорили об «обновлении тактики». Одна часть анархистов прямо высказывается за совместные действия с коммунистами. Другая, бо́льшая часть отвергает предложения коммунистов, заявляя, что коммунисты хуже фашистов и монархистов. Со своей стороны, социалисты организуют вместе с мауринистами и триентистами (отколовшимися от анархо-синдикалистской конфедерации труда профсоюзов) верхушечное соглашение «Альянса обрера» (союз рабочих). В то же время внутри социалистической партии и реформистских профсоюзов происходит смена руководства. Не только в партии, но и во всех профсоюзах (за исключением профсоюза железнодорожников) все руководящие посты занимаются левыми или «левеющими» социалистами. Социалистическая пресса начинает все чаще заговаривать о необходимости новой революции, о диктатуре пролетариата и даже о необходимости вооруженного восстания. Ларго Кабальеро идет на «самокритику», признает ошибкой прежнюю политику социалистической партии. Другие левые социалисты ставят прямо, в особенности после февральских событий в Австрии, вопрос о том, что выбирать можно только между «путем Москвы и путем Рима», и они выбирают «путь Москвы». Тем не менее вплоть до лета социалистическая партия и реформистские профсоюзы неоднократно отвергают предложения компартии об организации совместных выступлений. Но единый фронт на местах осуществляется вопреки руководству социалистической партии. Он осуществляется в Астурии, Касересе, Вальядолиде, Саламанке, Толедо, Галисии, Малаге, Бильбао, частично в Валенсии, в Сеуте (Марокко), Хаене, Мурсии, Паленсии, Гренаде, Леоне, Кадиксе и т. д. Он осуществляется также и между комсомолом и соцмолом. Опираясь на осуществляющийся на местах в совместной борьбе единый фронт и учитывая близкую перспективу неизбежных серьезных боев между пролетариатом и буржуазно-помещичьей реакцией, компартия выносит в начале сентября решение о вступлении в «Альянса обрера».

Вступая в рабочий альянс, компартия открыто изложила свои позиции, а именно: 1) она сохраняет за собой право критики и право отстаивать внутри альянса свою точку зрения в вопросе о программе, целях и организации революции; 2) она будет отстаивать и пропагандировать свою платформу советской власти; 3) она будет добиваться, чтобы рабочий альянс превратился в рабочие и крестьянские альянсы на местах, в которые должны входить не только представители партийных и профсоюзных организаций,

но и представители фабрично-заводских и крестьянских комитетов. Компартия открыто заявила, поскольку социалистами был выдвинут лозунг «вся власть рабочим альянсам», что она будет бороться за превращение этих альянсов по своему строению, своим задачам и функциям в массовые органы наподобие советов. Компартия предложила рабочему альянсу принять и обязаться провести немедленно после взятия власти следующую программу:

1) Конфискация помещичьей и церковной земли и бесплатная ее раздача крестьянам и батракам.

2) Разоружение всех сил контрреволюции и вооружение рабочих и крестьян.

3) Контроль над производством и над банками.

4) 40-часовая рабочая неделя с сохранением зарплаты за 48 часов.

5) Введение социального страхования и страхования против безработицы.

6) Борьба против крупных спекулянтов и ростовщиков, конфискация их имущества в фонд безработных.

7) Уничтожение всех долгов крестьян и мелких лавочников по отношению к банкам.

8) Освобождение угнетенных национальностей Каталонии, Басконии и Галисии и независимость Марокко.

В связи с рабочими альянсами необходимо отметить следующий характерный момент. Если до вступления компартии в «Альянса обрера» социалисты вели широкую пропаганду за создание рабочих альянсов и выдвигали лозунг «вся власть рабочим альянсам», то после вступления компартии социалисты прекратили эту пропаганду и снова вернулись к старому своему лозунгу «вся власть социалистической партии». Анархо-синдикалисты отказались вступить в рабочие альянсы. Таким образом накануне октябрьских событий рабочие альянсы были созданы лишь в немногих городах, в частности в Мадриде, а также в Каталонии, Басконии, Астурии и т. д. Причем они еще не являлись органами, выбранными всеми рабочими, а только органами представительств от организаций. Развязка событий пришла раньше, чем окрепли новые боевые органы пролетариата.

IV

Всеобщая стачка началась в целом ряде городов еще 4 октября вечером; 5 октября она охватила уже большинство городов. Наибольшего размаха она достигла на севере Испании — в Астурии, Басконии, Леоне, Каталонии, а также в центре, в особенности в Мадриде, и на западе — в Галисии и Саламанке. В Мадриде стачка длилась 9 дней, в Бильбао — 10 дней, в Сантандере — 11 дней. Неравномерно стачка охватила Леванте, и лишь частичный характер она носила в Андалузии и Эстрамадуре, за исключением нескольких городов. Вооруженная борьба происходила в Мадриде, Барселоне и многих городах и деревнях Каталонии. В Астурии и Басконии происходило настоящее революционное восстание с захватом власти, созданием советов, революционных комитетов, революционной власти на местах. В Астурии, где еще летом был осуществлен единый революционный фронт и где политическое влияние компартии огромно, рабочие во главе с горняками, поддержанные городской беднотой и крестьянством, восстали 5 октября, перешли в наступление, разбили правительственные войска, захватили власть, вооружились, создали настоящую, дисциплинированную красную армию. В течение почти 15 дней в Астурии существовала власть рабочих, показавшая не только чудеса героизма, но и уменье быстро наладить производство, распределение продовольствия и образцовый революционный порядок.

Советы были созданы в Миересе (где они держались 15 дней), Трубии и в других городах. В баскских провинциях восставшие рабочие овладели всей горняцкой и частично металлургической зоной. В Каталонии рабочие были хозяевами на некоторое время в Сабаделле, Манресе, Сальсоне, Рипполеге,

Лериде, Матаро, Бадалоне, Таррагоне и ряде других городов. Во многих деревнях Каталонии крестьяне создавали свою местную власть. Не будь маневров и предательской капитуляции каталонского правительства, Барселона превратилась бы в могучую крепость победоносной революционной борьбы. Вооруженная борьба происходила в некоторых местах Галисии, в ряде мест в провинциях Леоне и Саламанка, в Лагроньо, кое-где в Эстрамадуре, в провинции Кадикс, в Аликанте.

Надо вообще оговориться, что еще нет точных и полных сведений о том, где и как происходили вооруженные бои и восстания. Осадное положение, зверские расправы и военно-полевые трибуналы мешают собиранию таких сведений. Военная цензура и клерикально-фашистская пресса старались и стараются скрыть или отрицать грандиозность размаха пролетарской борьбы. Но все же из того, что известно, можно получить ясное представление о том, какой упорной и героической была октябрьская борьба испанского пролетариата.

Причины, обусловившие временное военное поражение пролетариата Испании в октябрьских боях, двоякого характера. С одной стороны, это причины, заключающиеся в слабостях, ошибках, упущениях политического, организационного и оперативного руководства борьбой; с другой стороны, — это причины, связанные с характером и содержанием деятельности партий и организаций пролетариата за весь предшествующий период. Первая категория причин является, несомненно, производной от второй, ее следствием. Из причин первой группы можно было бы перечислить следующие:

а) Не были приняты все необходимые меры к тому, чтобы всеобщая стачка проводилась со всей решительностью во всех провинциях и городах и чтобы на местах были созданы руководящие стачечные комитеты. В ряде мест профсоюзы и партийные организации социалистов и коммунистов о стачке узнали лишь из прессы. Федерация профсоюзов железнодорожников, руководимая правыми социалистами, не об'явила всеобщей стачки на железных дорогах. Если на некоторых ж.-д. линиях прекратилось движение поездов, то это произошло по инициативе самих железнодорожников.

б) Во время борьбы не был создан единый авторитетный и решительно действующий центральный орган для оперативного руководства во всей Испании всеми формами борьбы, в частности стачками, вооруженной борьбой и вооруженными восстаниями. Таких органов не было и на местах, за исключением Астурии. Вообще отсутствовал единый военно-стратегический план восстания.

в) Из-за преувеличенных и необоснованных надежд и расчетов на активное содействие части низового офицерства не были предприняты серьезные попытки завоевать на сторону пролетариата не отдельные единицы из солдатской массы, а целые части. В этом отношении колебания и нерешительность явно сочувствовавших пролетариату элементов среди низшего и даже среднего командного состава армии отражали колебания, обнаружившиеся среди руководства той политической организации, под влиянием которой они находились и с которой они были связаны.

г) Не были приняты необходимые меры и не были сделаны все возможные попытки к тому, чтобы воспрепятствовать или затруднить концентрацию и переброску армейских частей.

д) Не были приняты меры к прекращению выхода клерикально-буржуазно-фашистской прессы, не было полного и своевременного обслуживания борющихся масс нужной ежедневной информацией.

Однако все эти причины, какими бы серьезными и важными они ни были, являются все же производными от основной и главной причины: недостаточности политической и организационной, а вслед за ней и военно-технической подготовки к решительной борьбе за свержение власти буржазно-помещичьего блока, за захват власти пролетариатом и крестьянством.

В самом деле, какова была расстановка сил внутри лагеря революции? Пролетариат был расколот на три части. Большинство организованного пролетариата, около 800 000 чел. (до миллиона), в том числе 200 000 сельскохозяйственных рабочих, находилось в реформистских профсоюзах под руководством пятидесятитысячной социалистической партии. Другая часть организованного пролетариата, около 400—500 000 чел., находилась в анархо-синдикалистской Национальной конфедерации труда, руководимой Иберийской федерацией анархистов, насчитывающей около 5000 членов-активистов, спаянных в полуподпольных, замкнутых группах. Лишь около 70 000 членов Унитарной конфедерации труда и столько же членов автономных профсоюзов, общей сложностью около 150 000 чел., находились под руководством или непосредственным влиянием коммунистической партии Испании, насчитывающей немного более 20 000 членов. Хотя политическое влияние компартии шире чем показывают эти цифры (ибо во время ноябрьских выборов она собрала за развернутую программу рабоче-крестьянской советской власти около 400 000 голосов рабочих старше 23 лет), хотя значительное число членов реформистских и анархистских профсоюзов относится сочувственно к компартии, тем не менее соотношение организованных пролетарских сил: миллион, полмиллиона и 150—200 000—показывает, что к началу событий большинство пролетариата еще не находилось под влиянием и руководством компартии. Организационная распыленность пролетариата осложнена еще тем, что большинство баскских рабочих и трудящихся находится политически и организационно под влиянием и руководством баскских националистов во главе с крупнобуржуазной баскской национальной партией, что огромное большинство пролетариата Каталонии и Леванте и значительные слои пролетариата Андалузии и Эстрамадуры находятся политически и организационно под влиянием анархо-синдикалистской конфедерации труда, и, наконец, тем, что громадное большинство железнодорожников организовано в реформистском профсоюзе, во главе которого стоят крайние правые социалисты. Высокий уровень профсоюзной организованности пролетариата Испании и привязанность рабочих к своим организациям превращались в фактор бессилия вследствие наличия трех руководящих политико-организационных центров, среди которых только один, коммунистический, имеет правильную установку, программу, тактику. Накануне октябрьских событий имелось лишь весьма незначительное количество фабрично-заводских комитетов (в Мадриде, в Бискайе и почти на всех шахтах и металлургических заводах Астурии). Кампанию за создание и практическую работу по организации фабрично-заводских комитетов вела только компартия. Анархо-синдикалисты и социалисты, прикрываясь неодинаковыми, конечно, мотивировками и «принципиальными» соображениями, боролись против создания фабрично-заводских комитетов. Рабочие альянсы, как уже отмечено, находились еще в зародышевом состоянии, причем они имелись в весьма ограниченном числе городов. В громадном большинстве городов не было даже зародышевых рабочих альянсов.

Ясное, правильное представление о характере, целях и задачах борьбы имела только коммунистическая партия. Еще в начале 1933 г. компартия поставила себе задачу — всю свою работу проводить под знаком политической и организационной подготовки рабочих, крестьян, трудящихся для взятия власти. В таком духе компартия проводила антифашистские кампании, вела кампанию во время апрельских частичных муниципальных выборов 1933 г. С такой же целью во время ноябрьской выборной парламентской кампании 1933 г. компартия выступила с популярной развернутой программой рабоче-крестьянского правительства, т. е. с программой, которую победившая советская власть рабочих и крестьян немедленно осуществит. С удвоенной силой компартия борется за создание единого революционного фронта, за осуществление профсоюзного единства на основе классовой борь-

бы. Весной 1934 г. компартия еще настойчивее предупреждает против повторения многократных печальных опытов анархистских «деланий революции», без серьезной подготовки политической и организационной массовой опоры и органов, необходимых для победы в решительной схватке. Компартия еще и еще раз ставит вопрос о крестьянской программе революции, о безоговорочной поддержке, развязывании и организации «плебейской» крестьянской революции, об активном вовлечении в революцию национально-освободительного движения Каталонии, Басконии, Галисии. Компартия ставит вопрос о власти, выдвигает лозунги борьбы за свержение власти буржуазно-помещичьего блока, о создании советской власти рабочих и крестьян, дает лозунги о создании советов как органов руководства революции.

За два дня до об'явления всеобщей стачки компартия еще раз публикует в «Мундо Обреро» от 3 октября программу рабоче-крестьянского правительства и советской власти. Большинство рабочего класса не было еще завоевано компартией, еще не находилось под ее влиянием и руководством. Она это трезво сознавала. Компартия отдавала себе ясный отчет в недостаточности политической, организационной и военно-технической подготовки масс для решительной борьбы за взятие власти. Она понимала неблагоприятность момента. Момент выступления масс был навязан противником. Но выбора не было. И, как и следовало ожидать, компартия была на передовых позициях всех участков борьбы. Она показала себя самым активным и решительным, самым дальновидным и инициативным, до конца революционным и боевым авангардом борющихся. Компартия прекрасно знала, за что идет борьба, чего надо добиваться. Но того, что знала и понимала компартия, еще не знали и не понимали широкие массы.

Деревня, батраки и крестьяне, за исключением Астурии, Каталонии и частично Басконии и Леоне, не поддержали активно пролетариат. Основные центры аграрной революции — Андалузия и Эстрамадура — молчали. Об'ясняется это тем, что перед городским пролетариатом и беднотой, батрачеством и крестьянством этих провинций не была поставлена ясная цель — захват власти. Этот вопрос не был поставлен и в Мадриде и в Каталонии. В Басконии и в особенности в Астурии размах и быстрый первоначальный успех борьбы, который обусловил бы полную победу революции во всей стране, если бы вся страна была подготовлена для решительной борьбы, мог иметь место главным образом потому, что там под влиянием компартии необходимость борьбы за власть была осознана массами и их руководством.

Вопрос о свержении буржуазно-помещичьей власти, об установлении власти рабочих и крестьян — этот вопрос социалистами не ставился. Еще меньше думала о взятии власти «каталонская левая», не говоря уже об анархо-синдикалистах и баскских националистах. Конечно, с конца 1933 г. социалисты не раз об'являли себя сторонниками диктатуры пролетариата. Не раз они выступали с проповедью свертывания борьбы пролетариата за экономические и другие частичные требования в целях якобы сбережения и накопления сил для приближающейся пролетарской революции. Они даже выдвинули сперва лозунг «вся власть социалистической партии», затем лозунг «вся власть рабочим альянсам». Но революционнейшими средствами борьбы — всеобщей политической стачкой и вооруженным восстанием — они стремились добиться лишь парламентского эффекта. Они не хотели *свержения* власти блока буржуазии и помещиков, они стремились достичь только перемены личного состава правительства, образования правительства широкой республиканской коалиции.

За исключением части руководителей и активистов, левых социалистов и соцмола, которые по вопросу о взятии власти стояли на близких к компартии позициях, остальные руководители и активисты социалистической партии разделяли взгляды и установки вождей буржуазно-республиканской оппозиции.

Их пугает перспектива клерикально-фашистского режима диктатуры и террора. И в то же время они впадают в панический ужас перед перспективой развязывания «плебейской» революции, революции эксплоатируемых и угнетенных масс пролетариата и крестьянства. Всеобщая стачка и угроза восстания мыслились ими как средство нажима, давления на президента республики, на буржуазных политических деятелей, как средство воскрешения республиканской идиллии 1931 г.

Но всеобщая стачка сразу же переросла в вооруженное восстание. И в тот же момент все руководители мелкобуржуазной демократии — правые социалисты, анархисты, «каталонская левая» и т. п. — отвернулись от борющихся масс. Они сделали все возможное, чтобы помешать массам захватить оружие.

Компанис и его друзья из «каталонской левой» имели все возможности и средства превратить Каталонию в базу для развития революции во всей Испании. Но они не хотели и боялись этого. 6 октября они еще могли вооружить массы. Но громадное количество динамита и оружия, как это разоблачил Денкас, бывший министр внутренних дел каталонского правительства, было *спрятано специально для того, чтобы оно не попало в руки масс.*

Спрятав от масс оружие и динамит, отпустив на свободу генерала Батета, дав ему время и возможность принять необходимые меры против восставших, руководители «каталонской левой», как будто издеваясь над массами, обратились по радио с призывом: «Каталонцы! Внимание, внимание! Каталонцы, друзья республиканцы, товарищи социалисты! К оружию! К оружию, товарищи коммунисты! Товарищи анархисты, к оружию! Все к оружию! Рабассейры, в Барселону! К оружию!» А спустя несколько часов Компанис и его друзья капитулируют и дают себя арестовать генералу Батету.

Гнуснее и позорнее всех вели себя, однако, вожди Иберийской федерации анархистов, руководители Национальной конфедерации труда. Они оказали неоценимую услугу буржуазно-помещичьей, клерикально-фашистско-монархической реакции. Еще летом, когда вырисовывалась перспектива борьбы Каталонии против мадридских властей, анархистские вожди угрожали всеобщей забастовкой и даже вооруженным восстанием против «мелкобуржуазных националистических притязаний каталонцев». В октябрьские дни анархистские вожди пошли еще дальше. 3 октября они дают директиву («Солидаридад Обрера» от 3/X 1934 г.): «Никто не должен итти с движением, которое не обеспечено решением нашей организации. Восстановим свою организацию и по возможности свои кадры и *подождем*». Монархистская мадридская газета «ABC» от 5 октября, комментируя эту директиву анархистских вождей, писала: «Даже из среды самого пролетариата раздаются голоса против подобного фарса...» Затем анархисты дают директиву против участия во всеобщей стачке. Вожди анархистов по собственной инициативе, добровольно и сознательно, повинуясь своей «свободной индивидуальности», пользуются радиостанцией, *находящейся в руках генерала Батета*, для того чтобы уговаривать стачечников и всех борющихся рабочих прекратить борьбу и вернуться на работу. В Сарагоссе и Хаэне местные анархистские руководители, матерые «антимилитаристы» и «противники всякой власти», делают визит генерал-губернаторам, чтобы испросить разрешение на расклейку афиш с призывом к рабочим не принимать участия в борьбе, «так как борьба руководится политическими партиями». 10 октября, когда выходили только клерикальные, монархистские и фашистские газеты, вышла и «Солидаридад Обрера» — орган анархо-синдикалистов. Когда через несколько дней газета была запрещена, представитель аграрной реакционной партии, депутат Вильянова, специально ходатайствовал перед Леруссом о снятии запрета, мотивируя свое ходатайство тем, что «нужно учитывать, что синдикалисты воздерживались от революционного выступления

и тем самым мешали его успешному развитию». Испанский анархизм, как это обнаружилось еще раз на последних событиях, является оружием в руках буржуазии для раскола рабочего движения, для борьбы против сплочения революционных сил пролетариата, для удержания Каталонии под господством мадридских властей. Октябрьские события еще раз подтвердили, еще раз наглядно показали, каким препятствием на пути испанской революции является анархо-синдикализм.

Каталония, где сконцентрировано 40% промышленного пролетариата Испании, где непрерывно бурлит национально-освободительное движение, где крестьянство, в том числе и среднее крестьянство, не прекращает упорной борьбы против помещиков и против мадридских властей, — такая Каталония могла бы стать авангардом всей испанской революции. Но анархо-синдикалисты удерживают еще в своих руках громадное большинство организованного в профсоюзы пролетариата Каталонии и этим мешают пролетариату стать подлинным гегемоном революционной борьбы всех трудящихся масс Каталонии.

Обеспечение успеха революции требует преодоления влияния анархистов на рабочий класс, в частности их влияния в Каталонии, требует высвобождения пролетариата из-под влияния мелкобуржуазных иллюзий, требует упрочения гегемонии пролетариата в революционной борьбе крестьянства и угнетенных национальностей, решительной установки на захват власти, на создание советской власти. В этом направлении и ведется сейчас среди рабочих, в особенности среди рабочих, организованных в реформистские профсоюзы и социалистическую партию, работа по изучению уроков октябрьских событий.

Красная Астурия показала, как надо действовать, как надо бороться. Одна провинция — один район — смогла бороться, победить и продержаться 15 дней, геройски отражая наступление об'единенных вооруженных сил испанской контрреволюции. Никто и ничто: ни зверские кровавые расправы, ни военные трибуналы, ни режим террора — не смогут вычеркнуть из сознания испанских рабочих то, чему их научила истекающая кровью и все еще борющаяся красная Астурия, а именно — если серьезно взяться за дело, можно победить. Буржуазия и помещики охвачены ужасом: они предчувствуют, что астурийскому примеру последуют при новой схватке десятки других провинций. Вот причины кровавых расправ над разоруженными рабочими, над их семьями.

«Со зверями нужно расправляться по-зверски» — такой лозунг бросила 18 октября «гуманная» «левобуржуазная» и даже полуоппозиционная газета «Эль Соль». Зверями она назвала астурийских рабочих. Потому ли, что они осмелились побеждать? Потому ли, что они расклеили приказ: «Воры и бандиты будут расстреляны»? Должно быть, у капиталистов и помещиков имеются серьезные основания считать себя задетыми этим приказом.

Красная Астурия успешно боролась потому, что руководство борьбой находилось в руках компартии; что там было осуществлено единство революционных действий рабочих, завоевана гегемония пролетариата, ведущего крестьянство и массы городской бедноты; что там рабочий класс под руководством коммунистической партии перешел от обороны к наступлению, пошел на захват власти, образование своей революционной власти.

* * *

Общее положение в стране продолжает оставаться революционным. Октябрьские события в целом и в частности методы борьбы буржуазии и помещиков и их правительства против рабочих стали сами фактором углубления и обострения революционного кризиса. Реакционно-фашистская правительственная коалиция радикалов и помещиков ведет политику грубого наступления на батраков и крестьянство, политику выселения «временно

землеустроенных» крестьян. Весьма вероятно, что испанская деревня снова заговорит уже в ближайшие недели. Безработица растет. Голодом и нищетой охвачены большие массы. «Победители» усиливают национальное угнетение каталонцев, басков, галисийцев. В Каталонии уничтожены даже те «права» и «свободы», которые существовали при монархии и при военно-фашистской диктатуре генерала Примо де Ривера. Нет ни малейшего симптома ослабления промышленного и аграрного кризиса. Напряженность политической ситуации не разрядилась. Настроение рабочих масс боевое, угрожающее. Достаточно возникнуть слуху о том, что готовится забастовка, как немедленно власти впадают в панику и подымают на ноги все полицейские и армейские части. Государственный аппарат получил такие трещины, которых не заделать ничем. Не увенчаются успехом и попытки расширить «влево» правительственную коалицию. В сторону «порядка» поворачивают напуганные размахом пролетарских выступлений мелкобуржуазные политиканы вроде Бестейро и прочих правых социалистов. Буржуазия и помещики, монархисты, попы и фашисты делают огромные усилия и тратят громадные суммы с целью создания «антимарксистских профсоюзов», пользуясь прямым или косвенным сотрудничеством части анархо-синдикалистских вождей. Но рабочие массы не дают себя обмануть. Их больше нельзя повернуть назад, с пути революционной борьбы.

Совершенно обоснованными поэтому являются тот бодрый и боевой дух, та уверенность в недалекой победе, которыми проникнут манифест ЦК компартии Испании от середины октября. Закончим нашу статью следующими словами этого манифеста:

«Все, что есть реакционного и отсталого в обществе, устремилось в лагерь контрреволюции и спешит праздновать победу. Но пусть не торопятся... Народ не успокоить виселицами и штыками. Приказами озверелых генералов невозможно предотвратить ту катастрофу в промышленности и сельском хозяйстве, на которую нас обрек этот режим.

Рабочие хотят хлеба и работы, крестьяне хотят земли, весь народ хочет свободы. Каждый рабочий, каждый крестьянин исполнен воли к борьбе и победе. Классовая ненависть против этого режима, против голода, нищеты и террора растет, и в трудящихся массах зреет неистощимая ненависть, которая прорвется — и очень скоро — наружу, и наученные последними уроками, проникнутые боевыми настроениями и организованные под руководством своего классового авангарда, они ринутся в бой и одержат победу».

БОРЬБА КИТАЙСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ ПРОТИВ ШЕСТОГО ПОХОДА ЧАН КАЙ-ШИ

Ван Мин

I. Новая тактика Чан Кай-ши и пути борьбы с ней

План шестого похода и его тактика, по словам самого Чан Кай-ши, выработаны на основе планов генерала Секта и опыта Цзэн Го-фана. Согласно этому плану, по заявлениям Чан Кай-ши, Ван Цзин-вея и других, «30% отводится военным мероприятиям и 70% — политическим мероприятиям в борьбе против Красной Армии».

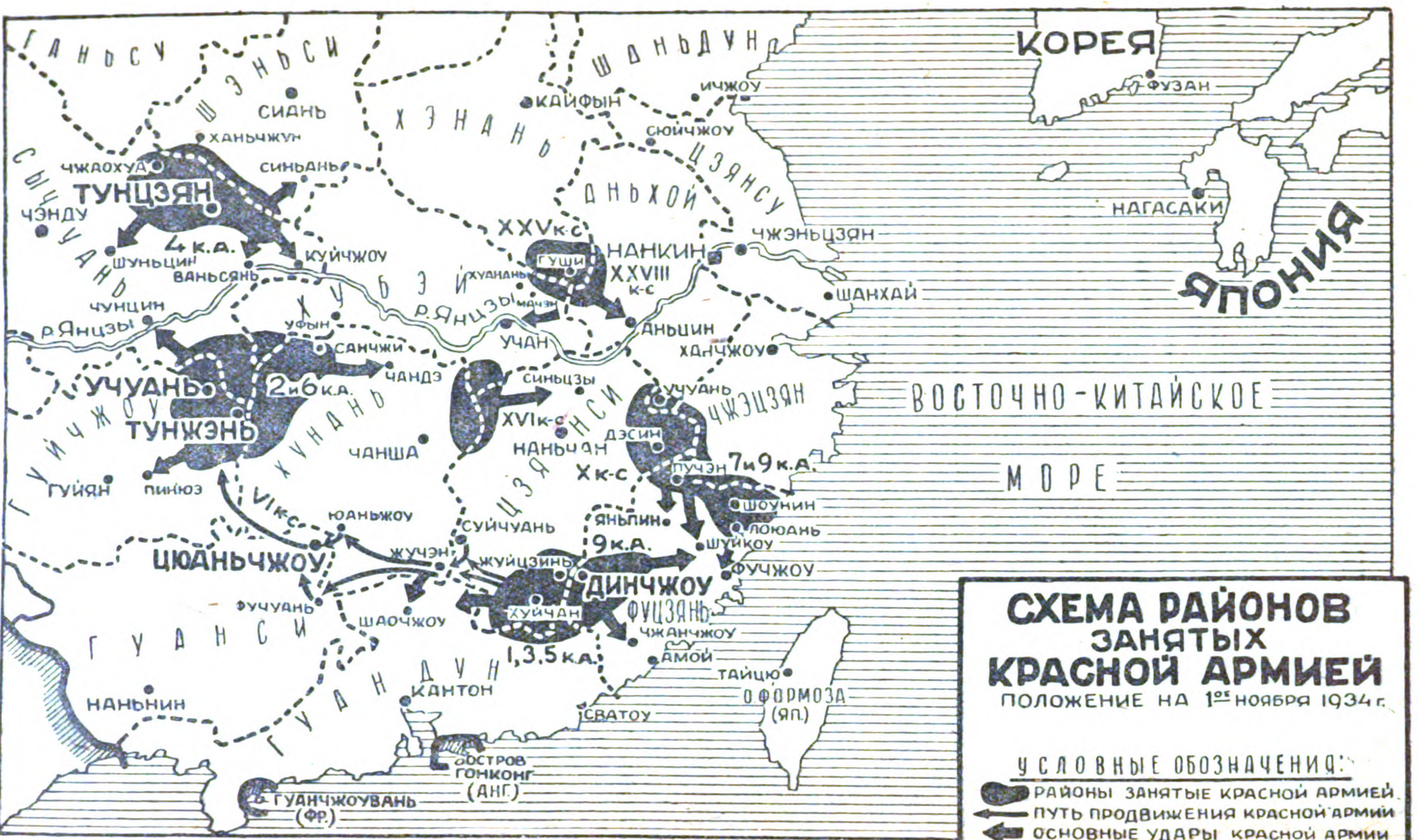
В чем выражаются эти «70% политических мероприятий»?

Это прежде всего лозунг «политической экспедиции против коммунизма». Под этим лозунгом Чан Кай-ши организовал специальную фашистскую организацию—союз синерубашечников. Во-вторых, Чан Кай-ши организует «отделы политического воспитания» во всех воинских частях, которые состоят главным образом из членов союза синерубашечников и выполняют не только политическо-пропагандистскую роль, но и роль жандарма, держа под своим контролем воинские части в боях с Красной Армией. В-третьих, Чан Кай-ши широко развертывает миньтуани (вооруженные отряды помещиков) и отряды по истреблению коммунистов в деревне, а также систематически практикует круговую поруку. В-четвертых, издаются демагогические декреты вроде декрета о «восстановлении сельского хозяйства», об «уменьшении налогов и поборов» и т. д. В-пятых, Чан Кай-ши в последнее время ведет очень широкую кампанию под лозунгом «за новую жизнь в Китае», фактически кампанию за восстановление самого старого средневекового порядка, за конфуцианство, феодальную мораль и т. д. Но самым главным политическим мероприятием Чан Кай-ши является усиление в крупнейших торговых и промышленных центрах борьбы против антиимпериалистического и революционного движения народных масс и особенно против их вождя—коммунистической партии. Здесь Чан Кай-ши пользуется всеми средствами, начиная от бешеного террора и кончая подкупом отдельных изменников, чтобы разложить и развалить коммунистические организации.

Второй лозунг —это так называемая «экономическая экспедиция против коммунизма». Под этим лозунгом Чан Кай-ши проводит жесткую экономическую блокаду советских районов и беспощадно уничтожает сельское хозяйство, транспорт и промышленность в советском Китае путем авиационной бомбардировки и прямого грабежа.

Третий лозунг — это так называемая «транспортная экспедиция против коммунизма». Под этим лозунгом Чан Кай-ши строит новые шоссейные и железные дороги вокруг Центрального советского района для перевозки войск, направляемых против Красной Армии, уничтожает и сжигает леса в горных местностях, служащие прикрытием для красных партизанских отрядов и отдельных частей Красной Армии.

Наконец, четвертый лозунг — это так называемая «культурная экспедиция против коммунизма». Под этим лозунгом Чан Кай-ши сжигает революционную и левую литературу (в одном Шанхае, например, было сожжено до 2500 книг разных авторов, начиная с коммунистической

КОРЕЯ
ФУЗАН
ЯПОНИЯ
НАГАСАКИ
ГАНЬСУ
ШЭНЬСИ
СИДАНЬ
ХАНЬЧЖУН
ХЭНАНЬ
КАЙФЫН
ШАНЬДУН
ИЧЖОУ
СЮЙЧЖОУ
ЦЗЯНСУ
АНЬХОЙ
СЫЧУАНЬ
ЧЖАОХУА
СИНЬДЯНЬ
ТУНЦЗЯН
ЧЭНДУ
4 к.а.
ШУНЬЦИН
ВАНЬСЯНЬ
КУЙЧЖОУ
XXV к-с
ГУШИ
НАНКИН
XXVIII к-с
ЧЖЭНЬЦЗЯН
ШАНХАЙ
ХУБЭЙ
ХУАНАНЬ
МАЧЭН
Р. ЯНЦЗЫ
ЧУНЦИН
УФЫН
САНЧЖИ
ЧАНДЭ
УЧАН
АНЬЦИН
ХАНЧЖОУ
УЧУАНЬ
2 и 6 к.а.
ГУЙЧЖОУ
ТУНЖЭНЬ
ХУНАНЬ
ЧАНША
СИНЬЦЗЫ
XVI к-с
НАНЬЧАН
ЦЗЯНСИ
ЧЖЭЦЗЯН
ДЭСИН
ПУЧЭН
7 и 9 к.а.
Х к-с
ВОСТОЧНО-КИТАЙСКОЕ
МОРЕ
ГУЙЯН
ПИНЮЭ
VI к-с
ЮАНЬЖОУ
СУЙЧУАНЬ
ЯНЬПИН
ШОУНИН
ЛОЮАНЬ
ШУЙКОУ
ЦЮАНЬЧЖОУ
ЖУЧЭН
ЖУЙЦЗИНЬ
9 к.а.
ДИНЧЖОУ
ФУЧЖОУ
ФУЧУАНЬ
ШАОЧЖОУ
ХУЙЧАН
ФУЦЗЯНЬ
ЧЖАНЧЖОУ
ГУАНСИ
1,3,5 к.а.
АМОЙ
ТАЙЦЮ
О. ФОРМОЗА (ЯП.)
ГУАНДУН
КАНТОН
НАНЬНИН
СВАТОУ
ОСТРОВ ГОНКОНГ (АНГ.)
ГУАНЧЖОУВАНЬ (ФР.)
СХЕМА РАЙОНОВ
ЗАНЯТЫХ
КРАСНОЙ АРМИЕЙ
ПОЛОЖЕНИЕ НА 1-е НОЯБРЯ 1934 г.
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:
РАЙОНЫ ЗАНЯТЫЕ КРАСНОЙ АРМИЕЙ
ПУТЬ ПРОДВИЖЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ
ОСНОВНЫЕ УДАРЫ КРАСНОЙ АРМИИ

литературы и кончая либерально-буржуазной), ведет кампанию «против коммунизма в школах и университетах», в связи с чем очень многие студенты, писатели, журналисты в Шанхае, Нанкине, Бейпине и других крупных городах были похищены бандами синерубашечников.

Тем не менее основной частью шестого похода Чан Кай-ши является все же военный план. Для борьбы против Красной Армии в одном Центральном цзянсийском советском районе Чан Кай-ши мобилизовал от 65 до 70 дивизий и 8 отдельных бригад регулярных войск, причем каждая дивизия насчитывает от 7000 до 10 000 чел. Это составляет примерно ²/₃ официальных войсковых частей во всем Китае и почти все находящиеся в распоряжении Чан Кай-ши войска. Чан Кай-ши имеет в своем распоряжении около 300 самолетов, из которых около 150 производят ежедневную бомбардировку на фронтах. Основное в новом военном плане, разработанном германским генералом Сектом, заключается в следующем: от прямого наступления на Красную Армию Чан Кай-ши перешел к тактике измора и к осаде; от быстрого и прямого проникновения воинских частей на территорию советских районов Чан Кай-ши сейчас перешел к тактике медленного движения вперед. Каждый день его войска продвигаются вперед всего на 5—6 ли, т. е. на 2—3 км; после занятия каждого пункта производится укрепление захваченных позиций и строятся дороги, чтобы установить автомобильную связь между наступающими войсками и тыловыми частями; наконец Чан Кай-ши от действий отдельными дивизиями переходит к действиям компактными крупными военными соединениями в 6, 10 и даже 12 дивизий. Вместе с тем Чан Кай-ши в большей степени использует свои преимущества в области военной техники: сначала действует авиация, затем тяжелая артиллерия и только после этого он посылает пехотные части.

Эти моменты составляют основное содержание нового военного плана Чан Кай-ши, разработанного Сектом. Этот план дополнен планом Цзэн Го-фаня, согласно которому, кроме регулярной армии, Чан Кай-ши, по опыту Цзэн Го-фаня в борьбе против Тайпинской революции, начал широко организовывать нерегулярные части — миньтуани и отряды, которые истребляют коммунистов и используются для содействия и помощи военным операциям регулярных частей.

Основная цель нового плана заключается в том, что Чан Кай-ши пытается таким образом постепенно окружить со всех сторон советские районы и постепенно вытеснить Красную Армию из ее обширной территории, загнать ее на узкий участок и постоянной авиационной и артиллерийской бомбардировкой, применением удушливых газов окончательно истребить основные живые силы Красной Армии.

Этот план создает ряд серьезных трудностей для Красной Армии. Прежде всего вследствие недостатка новой военной техники, т. е. авиации и тяжелой артиллерии, Красной Армии трудно вести позиционную войну с войсками Чан Кай-ши, трудно прорывать сильно укрепленные участки фронта Чан Кай-ши, и это в огромной степени затрудняет возможность быстро ликвидировать живые силы Чан Кай-ши на основных фронтах.

Вторая трудность заключается в том, что прежняя, очень успешная тактика Красной Армии теперь дает уже меньший эффект. Раньше тактика Красной Армии в основном заключалась во втягивании нанкинских войск в глубину советских районов, чтобы при помощи массовой партизанской войны и при содействии трудящихся масс окружать и разбивать войска Чан Кай-ши внутри советских районов; Красная Армия наносила удары отдельным, сравнительно слабым участкам фронта Чан Кай-ши, чтобы через них прорывать более укрепленные участки фронта. Теперь войска Чан Кай-ши с большой осторожностью проникают на советские территории; им запрещено пре-

следовать Красную Армию в глубине советских районов; Чан Кай-ши стремится укрепить все свои фронты крупными военными силами и тем самым уменьшает эффект прежней военной тактики Красной Армии. Компактные действия крупных частей чанкайшистских войск, создание укреплений и усиление военного контроля и террора против своих солдат и офицеров в значительной степени затрудняют захват у них Красной Армией боеприпасов и оружия, а также переход отдельных воинских частей на сторону Красной Армии. Наконец, в связи с усилением авиационной и артиллерийской бомбардировки часто трудно становится оборонять советскую территорию, и Красная Армия бывает иногда вынуждена покидать некоторые города.

Есть ли у Красной Армии возможность победить Чан Кай-ши и в этих условиях? Такая возможность есть. Чан Кай-ши в состоянии проводить в жизнь свой план только потому, что, во-первых, вооруженная борьба революции с контрреволюцией развивается пока еще только в отдельных частях обширной территории Китая; Чан Кай-ши еще может концентрировать все свои военные силы для окружения Центрального советского района. Если бы крупные революционные битвы начали развиваться в больших масштабах, особенно в крупных городах и в основных тылах Чан Кай-ши, то новый план Чан Кай-ши быстро потерял бы свою силу. Во-вторых, Чан Кай-ши в состоянии проводить свой план только потому, что Красная Армия еще не обладает достаточной военной техникой: авиацией и тяжелой артиллерией; если бы она имела эту технику, то с шестым походом было бы давно покончено.

Но на сегодня это только общая постановка вопроса. Конкретно вопрос заключается в том, может ли Красная Армия в нынешних условиях, в условиях временной задержки крупных революционных битв в гоминдановском Китае, при отсутствии достаточной военной техники разбить новый военный план Чан Кай-ши? Эта возможность имеется. Есть по крайней мере два варианта тактики, с помощью которой можно разбить новый план Чан Кай-ши.

Первый вариант заключается в сочетании оборонительной войны Красной Армии и партизанов внутри Центрального советского района с действиями партизанских отрядов и Красной Армии на флангах и в тылу Чан Кай-ши, в широком развертывании партизанской и маневренной войны плюс взрыв крупных солдатских восстаний в войсках Чан Кай-ши или возникновение серьезных вооруженных столкновений между Чан Кай-ши и другими милитаристами. Этот вариант при нынешних условиях является, конечно, наиболее эффективным, но нужно учитывать, что такое условие, как восстания в войсках Чан Кай-ши или вооруженные столкновения между милитаристами, не всегда зависит исключительно от желания китайских коммунистов.

Второй вариант заключается в сочетании военных действий Красной Армии в Центральном советском районе с широким развертыванием партизанской и маневренной войны частями Красной Армии и массовыми партизанскими отрядами на флангах и в близких и глубоких тылах Чан Кай-ши плюс сочетание этой борьбы с действиями Красной Армии и партизанских отрядов в других советских и партизанских районах. Этот второй вариант, конечно, ни в коем случае не противостоит первому. И в первом и во втором вариантах основной тактической установкой Красной Армии в борьбе против Чан Кай-ши должно быть всемерное сохранение, укрепление и дальнейший рост живых сил Красной Армии, ибо живые силы Красной Армии — это не только основная гарантия победы над шестым походом Чан Кай-ши, это важнейшее условие и средство для завоевания решающей и полной победы китайской советской революции.

II. Четыре этапа шестого похода

Первый этап шестого похода Чан Кай-ши продолжался с сентября—октября прошлого года до фуцзяньских событий (конец прошлого года). Этот этап характеризуется победой Красной Армии над войсками Чан Кай-ши на северном фронте в Фуцзяне и на восточном фронте в Цзянси. Красная Армия в течение августа—сентября успешно отражала атаки 19-й армии и разбила четыре из шести основных ее дивизий. В результате Красная Армия заняла очень важный стратегический пункт и крупный город Яньпин в северном Фуцзяне, а также окружной город Шаоу. Опираясь на Шаоу и Яньпин, Красная Армия стала угрожать Фучжоу и всему восточному и северному фронту чанкайшистских войск в Цзянси. Победа Красной Армии в Фуцзяне заставила Чан Кай-ши пересмотреть военный план и заняться подготовкой к новому наступлению.

Фуцзяньскими событиями, т. е. открытым выступлением 19-й армии против Чан Кай-ши и Японии, и образованием самостоятельного от Нанкина, так называемого «народного» правительства в Фучжоу открывается второй этап борьбы Красной Армии против шестого похода. Самым характерным здесь является то, что Чан Кай-ши вынужден был перебрасывать свои войска на фуцзяньский фронт против 19-й армии, и в результате на основном северном фронте Цзянси создалось частичное ослабление действий основных частей чанкайшистских войск. Это был период, когда создалось самое выгодное положение для Красной Армии, и если бы Красная Армия сумела его использовать, она могла бы сравнительно легко справиться с шестым походом. Но фуцзяньские события продолжались недолго — всего около полутора месяцев, подходящий момент был упущен вследствие ошибок со стороны Красной Армии и со стороны 19-й армии.

Поражение 19-й армии в Фуцзяне открыло третий этап, продолжавшийся примерно с февраля до начала августа 1934 г. Третий этап был этапом упорной и кровопролитной борьбы между основными частями Красной Армии в Центральном советском районе и главными частями войск Чан Кай-ши. Этот этап был самым трудным для Красной Армии, так как только на этом этапе Чан Кай-ши мог действительно последовательно проводить свой новый военный план в жизнь. Чан Кай-ши понудил Красную Армию обороняться на два фронта, на севере и на востоке, и заставил других милитаристов, раньше более или менее пассивно относившихся к военным действиям, активизировать свои действия против Красной Армии. На этом этапе имело место действительное окружение Центрального советского района с севера, востока, запада и частично с юга. Но и на третьем этапе Красная Армия имела многочисленные отдельные, частичные победы. Например 16 февраля в боях в Ли-Дие-Ао и Фун-Чан-Шань (оба в уезде Наньфун) Красная Армия разбила 79-ю и 67-ю дивизии Чан Кай-ши. 15 марта в боях в Сань-Сици и Ван-Ду Красная Армия разбила 4 полка противника. 23—25 марта в боях в Чан-Син-чао Красная армия разбила целую бригаду, ликвидировала полк генерала Тан и захватила 186 винтовок, 17 пулеметов, 4 пушки, свыше 100 000 патронов, 5000 бомб и т. д. 18 апреля в боях в уезде Юн-Ане Красная Армия разбила 52-ю дивизию противника, захватив 1000 пленных, около 1000 винтовок, 10 пулеметов, 7 пушек, 3 радиоаппарата и т. д. 11—18 апреля в боях в уезде Гуанчане Красная Армия разбила 11-ю дивизию Чан Кай-ши и захватила сотни винтовок, 7 пулеметов и около 30 000 патронов. С 26 апреля по 19 мая в уезде Цзяньлин Красная Армия разбила 2 отряда войск генералов Чжоу и Тан и захватила 214 винтовок, 8 пулеметов и 20 000 патронов. 27 мая в боях в Мый-ин, в уезде Шасяне, 2 батальона из 80-й дивизии войск Чан Кай-ши были полностью разбиты Красной Армией, захвачено более 300 пленных, свыше 300 винтовок, 4 пулемета и около 100 000 патронов. 29 мая в боях в Ху-Юн 1-я бригада 80-й дивизии была со-

вершенно разбита Красной Армией; было захвачено 1420 пленных, 910 винтовок, 42 пулемета и 3 пушки. 8 апреля в Лун-Гане, в уезде Юн-Гане и уезде Юн-Фуне 91-я дивизия противника потерпела поражение и потеряла свыше 400 чел. пленными, 350 винтовок, 11 пулеметов и пр. В июне — июле вокруг Гуанчена и Цзянина шли серьезные бои, и в этих боях Красная Армия нанесла серьезный удар наступающим дивизиям Чан Кай-ши.

За последний год, по данным самого Чан Кай-ши, он потерял 40—50 000 убитыми, 12—15 000 взятыми в плен и около 40 000 ранеными. Несмотря на это Чан Кай-ши удалось очень быстро пополнить свои отряды войсковыми частями из других провинций и вновь нанятыми солдатами. Военно-техническая слабость Красной Армии не позволяла ей прорывать укрепления Чан Кай-ши, и поэтому Красная Армия не смогла разбить основные военные силы противника и тем самым добиться решающей победы. Кроме того Чан Кай-ши благодаря преимуществу в военно-техническом отношении удалось на этом этапе борьбы заставить части Красной Армии отступить из нескольких уездных городов (Гуанчан, Цзянлин, Тайлин и др.).

С конца июля и начала августа 1934 г. коммунистическая партия Китая и командование Красной Армии решили применить военную тактику, более соответствующую нынешним условиям войны. Первым результатом этой новой тактики явилось то, что в начале августа 7-й и 9-й корпуса Красной Армии прорвали фуцзянский фронт и быстро перешли через всю южную часть провинции Фуцзян к главному городу провинции Фуцзян—Фучжоу. На этом марше 7-й корпус одержал многочисленные победы, разбив дивизии противника, заняв города Шасянь, Юци, Шуэй-Коу и др., захватил крупные военные трофеи, в том числе 23 грузовика, которые были использованы для ускорения продвижения к Фучжоу. Затем 7-й корпус быстро двинулся на северо-восток, соединившись с партизанскими отрядами, захватил город Фунин, продвинулся дальше через Шоунин и Чжэнхэ и подошел к стыку границ провинций Фуцзян—Чжецзянь—Цзянси. Таким образом, 7-й корпус своими военными действиями создал **новый фронт** против Чан Кай-ши и вместе с партизанскими отрядами создал **новые советские и партизанские районы** на стыке трех провинций: Фуцзян, Чжецзянь и Цзянси. По последним сведениям 7-й корпус уже присоединился к 10-му корпусу Красной Армии на границах провинций Цзянси — Анхуэй-Фуцзян и вместе с ним создал новый фронт в тылу и на флангах Чан Кай-ши. Тем самым создана угроза основным тылам северного и восточного фронтов и главным базам Чан Кай-ши в провинции Чжецзянь, что облегчило военные действия Красной Армии и партизан в Центральном советском районе. Кроме того **7-й корпус начал выполнять славнейшую задачу, порученную ему китайским советским правительством и реввоенсоветом: 7-й корпус, под командованием тов. Ло-Бинь-Гуэй, будучи одним из лучших и боеспособнейших отрядов героической рабоче-крестьянской Красной Армии Китая, выступил в качестве передового отряда антияпонской национально-революционной войны. На его боевом знамени написано: «Антияпонский авангардный отряд рабоче-крестьянской Красной Армии Китая».**

Девятый корпус Красной Армии, проделав успешный поход вместе с 7-м корпусом, сейчас активно действует в провинции Фуцзян.

Вторым результатом применения новой тактики было то, что основные силы 6-й армии, под командованием тов. Сао-Кэ, успешно прошли через всю восточную и южную часть провинции Хунань, заняв города Жуй-Чен, Гуэй-Дун, Гуэй-Ян, Син-Тянь и Дао-Сянь. Подойдя к границе Гуанси, 6-я армия захватила город Чуаин-Чжоу, двинулась далее в провинцию Гуэй-Чжоу и

здесь установила связь со второй армией, находящейся под командованием тов. Хо-Луна. По последним данным 6-я армия продвигается дальше в Сычуань и вместе с наступающей победоносной 4-й армией угрожает Чунцину. Эта операция создала мост для установления территориальной и партизанской связи между советскими и партизанскими районами в провинциях Сычуань, Гуэй-Чжоу, Хунань и Цзянси и создала возможность отхода регулярных частей Красной Армии из Цзянси. Тем самым Красная Армия и партизаны получили возможность дальнейшего, более широкого развития партизанской и маневренной войны на флангах и в тылу Чан Кай-ши.

С начала применения новой тактики, с начала наступления 7-го корпуса на востоке и северо-востоке и 6-й армии на западе и северо-западе борьба Красной Армии против шестого похода в Центральном советском районе, в Цзянси, переходит в четвертый этап. Применение новой тактики привело:

1) к созданию дополнительных боевых фронтов на флангах, в близких и глубоких тылах противника, что облегчает оборонительную войну в Центральном советском районе и затрудняет военные операции Чан Кай-ши;

2) постепенному захвату Красной Армией инициативы в военных действиях в Цзянси — Фуцзян — Хуане;

3) полному провалу плана Секта — Чан Кай-ши в отношении окружения Красной Армии и уничтожения ее живой силы и созданию возможности отхода Красной Армии из Центрального района в направлении Сычуаня;

4) быстрому росту живых сил Красной Армии и партизан, увеличению продовольственных и боевых припасов и созданию новых советских и партизанских районов.

В связи с изменением военной тактики Красной Армии меняет свою тактику и Чан Кай-ши. Вместо концентрации главных сил на северном фронте Цзянси Чан Кай-ши теперь пытается нанести Красной Армии главный удар с Востока. Вместо медленного продвижения своих войск в глубину советского района он добивается быстрого захвата красных городов Ши-Чен, Дин-Чжоу и Жуй-Цзин. Об этих новых тактических мероприятиях Чан Кай-ши ясно свидетельствует его последнее, начатое 26 сентября, крупное наступление по направлению к Ши-Чен и Тин-Чжоу, где он сконцентрировал свыше 14 дивизий и мощную бомбардировочную авиацию. Чан Кай-ши, учитывая провал плана окружения и блокады, пытается добиться уничтожения живой силы Красной Армии. Исходя из интересов сохранения живой силы Красной Армии и ставя своей задачей перенесение центра советских районов на запад, в начале ноября (по японским сведениям 10/XI) главные силы Красной Армии Центрального района организованно покинули некоторые свои базы, в том числе и бывшую столицу — город Жуй-Цзин. Успешно прорвав укрепленный фронт на границах Гуандуна и Хунаня, одержав ряд побед над гуандунскими и хунанскими войсками, Красная Армия уже дошла до северных и центральных районов провинции Гуэй-Чжоу и стремительно продвигается к провинции Сычуань. Эта операция Красной Армии имеет громадное военное и политическое значение. Она свидетельствует не только о том, что план Чан Кай-ши и Секта об окружении Красной Армии в Цзянси совершенно провалился, но и о том, что Красная Армия уже создала новую обстановку, которая улучшает условия борьбы, усиливает трудности Чан Кай-ши и обостряет борьбу между Чан Кай-ши и другими милитаристами.

С точки зрения провала нового плана Секта относительно окружения Красной Армии, с точки зрения сохранения и роста живой силы Красной Армии, с точки зрения координирования всех борющихся сил Красной Армии и красных партизан для совместной и планомерной вооруженной борьбы и, наконец, с точки зрения ближайшей перспективы развития советской революции в Китае положение Красной Армии и советов на нынешнем, четвер-

том этапе значительно лучше, чем на предыдущем этапе борьбы против шестого похода Чан Кай-ши.

Тот факт, что в течение года вооруженной борьбы с количественно во много раз превосходящими силами противника, поддерживаемого оружием, военными специалистами, советниками и деньгами международных империалистов, живая сила Красной Армии, этот самый важный и самый основной и решающий фактор, не только не уменьшилась, а наоборот, во много раз увеличилась благодаря умелой и гибкой тактике ЦК КПК и РВС КСР; тот факт, что действия всех частей Красной Армии и красных партизан и вне и внутри Центрального советского района развиваются, согласно планам реввоенсовета и генштаба, по растущей, восходящей линии; тот факт, что с небывалой быстротой растут влияние и авторитет КПК и руководимой ею Красной Армии и советской власти среди всего китайского народа и в связи с этим усиливаются горячая поддержка и сочувствие широчайших народных масс борьбе Красной Армии и советов против Чан Кай-ши; наконец, тот факт, что общее политическое положение во всем Китае развивается в пользу Красной Армии и советов,—все эти неоспоримые факты позволяют с уверенностью сказать, что Красная Армия и советы в Китае, несмотря на частичную и временную территориальную потерю в Центральном советском районе, могут в недалеком будущем добиться решающей победы над Чан Кай-ши.

III. Чем об'ясняется длительный и затяжной характер борьбы против шестого похода

В чем заключаются основные причины длительного и затяжного характера вооруженной борьбы между революцией и контрреволюцией в Китае? Эти причины кроются в сильных и слабых сторонах революции и контрреволюции. В чем состоит сила контрреволюции? Основным источником силы Чан Кай-ши является прежде всего военная и финансовая помощь, получаемая им от мирового империализма. По японским сведениям в течение последних трех лет Чан Кай-ши под разными предлогами получил от Америки и Европы внешние займы в сумме 550 млн. китайских долларов, причем в эту сумму не включены специальные военные займы, размер которых трудно установить. Сейчас уже для каждого ясно, что непрерывные военные походы Чан Кай-ши против Красной Армии фактически являются замаскированной войной мирового империализма против китайской революции. Без помощи иностранных империалистов Чан Кай-ши давным-давно был бы раздавлен растущей мощью советской революции. Империалисты поддерживают Чан Кай-ши и других милитаристов как своих агентов, как орудие удержания своего кровавого господства над китайским народом; Чан Кай-ши и другие милитаристы истребляют свой собственный народ в угоду чужеземным империалистским хозяевам. Вот в чем основная сила контрреволюции в Китае. Конечно, сила Чан Кай-ши не только в этом. Чан Кай-ши пользуется также помощью и поддержкой китайских помещиков и буржуазии, в особенности чжецзянской финансовой буржуазии, экономически самой сильной группы китайской буржуазии. Эта группа чжецзянской буржуазии служит посредником Чан Кай-ши и в получении внешних займов и в реализации внутренних займов нанкинского правительства. За это буржуазия Чжецзяна ежегодно получает за счет народа десятки миллионов долларов в виде «процентов» и «прибылей». Сила Чан Кай-ши заключается и в том, что он использует все государственные доходы, налоги и поборы для покрытия своих военных расходов. Ему также до сих пор еще удается использовать многочисленных безработных и голодающих трудящихся, физически истощенных, идеологически обманутых, в качестве наемных солдат для борьбы против их братьев по классу.

Основная и непреодолимая слабость Чан Кай-ши заключается в том, что он не пользуется ни поддержкой, ни сочувствием трудящихся масс не только советских районов, не только Китая, но и всего мира. А мировая история неоднократно доказывала, что вооруженная борьба между революцией и контрреволюцией в конечном итоге решается не военной техникой, а волей и энергией широчайших народных масс.

Сила китайской советской революции состоит прежде всего в том, что она имеет надежное способное руководство в лице массовой и большевистской коммунистической партии. Во-вторых, советская революция уже в начальной стадии создала свою вооруженную опору—рабоче-крестьянскую Красную Армию. В-третьих, китайская советская революция уже в начальной стадии своего развития создала центральный орган народной власти—временное революционное правительство, т. е. центральное советское правительство. В-четвертых, советская революция имеет определенные территориальные базы. В-пятых, она пользуется громадной помощью и сочувствием трудящихся масс Китая. Наконец, огромные территории дают возможность Красной Армии маневрировать с продовольственными ресурсами, облегчают военные действия Красной Армии и советов. С точки зрения международных условий сила китайской советской революции состоит в том, что она развивается в эпоху общего кризиса капитализма, накануне второго тура революций и войн; она может пользоваться богатейшим опытом русских большевиков в революциях 1905 г. и 1917 г. и особенно в вооруженной борьбе против белогвардейцев и интервентов; наконец, она пользуется широчайшей поддержкой и сочувствием пролетариата и угнетенных народов во всем мире.

Вместе с тем китайская советская революция имеет и свои трудности. Во-первых, она встречает на пути своего развития могущественного врага в лице международного империализма. В отличие, например, от индийской или индокитайской революции, перед которой, по крайней мере на первых этапах, стоит одна империалистическая держава—Англия или Франция, китайская революция встретилась с первого же дня со всеми мировыми империалистами в качестве об'единившегося врага. В отличие, например, от Октябрьской социалистической революции, против которой началась открытая вооруженная интервенция империалистов в тот момент, когда большевики уже завоевали решающую победу в решающих центрах страны, китайская революция еще до победы в решающих центрах страны на каждом шагу встречается с непосредственным вмешательством империалистов, которые фактически давным-давно оккупировали все крупные города и порты Китая. Вторая слабость китайской советской революции заключается в том, что она развивается и победила сначала в областях экономически менее развитых и до сих пор территориально раздробленных. Третья слабость советской революции в Китае состоит в том, что влияние и сила КП до сих пор еще недостаточны в крупных городах и особенно в войсках противника.

Эти сильные и слабые стороны революции и контрреволюции обуславливают длительный и затяжной характер вооруженной борьбы между ними.

Вторая основная причина длительного и затяжного характера войны между Чан Кай-ши и Красной Армией в шестом походе состоит в открытой капитулянтской и предательской политике Чан Кай-ши перед японским империализмом.

В 1933 г., особенно с момента заключения соглашения в Тангу, Чан Кай-ши перешел от скрытой капитуляции к открытой капитулянтской политике перед японским империализмом. На основе тангусского соглашения Чан Кай-ши согласился на: 1) фактическое признание Манчжоу-го; 2) так называемое экономическое сотрудничество между Китаем, Японией и Манчжоу-го; 3) фактическую передачу пяти северных провинций Китая под непосредст-

венный военный контроль Японии; 4) открытое беспощадное подавление всех антияпонских народных массовых движений; 5) взаимную помощь в борьбе против «беспорядков», т. е. против революционного движения народных масс в Китае и Манчжоу-го.

Все эти пункты тангусского соглашения уже проведены в той или иной форме в жизнь. Установление так называемой демилитаризованной зоны, предоставление Японии Бейпина и Тяньцзина для подготовки военного плацдарма, восстановление непосредственной почтовой и железнодорожной связи между Северным Китаем и Мукденом, открытая пропаганда чанкайшистскими органами безнадежности попыток возвращения Китаю Манчжурии и Жэхэ, беспощадная борьба против антияпонского национально-революционного движения и в первую очередь против компартии и руководимой ею Красной Армии, опубликование нанкинским правительством декрета об уменьшении таможенных пошлин на все японские товары в Китае и т. д.—все это звенья цепи, выкованной в Тангу. Именно ценою этой предательской политики Чан Кай-ши получал большую помощь от Японии. Чан Кай-ши при помощи Японии заставил воинские части Чжан Сюэ-ляна уйти из Хобея в провинции Хубей и Хэнань и тем самым получил возможность перебрасывать свои войска из этих провинций на цзянсийский фронт против Красной Армии. Северные милитаристские группировки под непосредственной угрозой Японии прекратили открытую борьбу против Чан Кай-ши, что укрепило тыл Чан Кай-ши с севера. Опираясь на японские штыки, Чан Кай-ши удалось быстро ликвидировать античанкайшистские и антияпонские военные выступления Цзи Хун-чана, Фан Джэн-у, Сунь Дянь-ина и Фын Юй-сяна. При военной помощи Японии Чан Кай-ши удалось быстро победить антияпонские и античанкайшистские выступления 19-й армии в Фуцзяне. Этим об'ясняется, почему в шестом походе Чан Кай-ши удалось сконцентрировать около 2/3 наличных войск Китая и почти все свои собственные войсковые части в Цзянси против Центрального советского района. В пяти прежних походах Чан Кай-ши получал помощь от американского, германского и др. империализма. А в шестом походе, кроме усиленной поддержки со стороны американского, германского, итальянского империализма, Чан Кай-ши получил также огромную военную и финансовую помощь от японского империализма. Усиленная помощь японского империализма является второй причиной длительности борьбы против шестого похода Чан Кай-ши.

Третьей причиной длительного и затяжного характера борьбы против шестого похода являются ошибки и слабости работы китайской компартии. Крупные ошибки были допущены в военном плане во время фуцзянских событий в конце прошлого и в начале этого года. Об'ективная причина поражения 19-й армии — превосходство военных сил Чан Кай-ши и военная поддержка японских и др. империалистов. Наряду с этим поражение в Фуцзяне было вызвано и ошибками командования и политического руководства 19-й армии. Командование 19-й армии и деятели так называемой партии производственников и троцкисты-чендусюисты пытались использовать 19-ю армию для того, чтобы установить «третий путь», т. е. несоветский и негоминдановский путь, дальнейшего развития Китая. На словах они выдвигали лозунги «перераспределения земли» и др., а на деле не давали даже элементарных демократических прав (свободы слова, печати, союза, стачек, демонстраций и т. д.). В итоге 19-я армия и фуцзянское, так называемое народное правительство не получили действительной поддержки трудящихся масс из-за противоречий между своими революционными словами и своими делами; с другой стороны, громкие революционные фразы напугали многочисленных возможных союзников 19-й армии из числа античанкайшистских милитаристских группировок, и последние остались на выжидательной позиции по отношению к фуцзянским событиям. Командование 19-й армии и фуцзянское правительство выполнили только часть условий, содержавшихся в их согла-

шении с Красной Армией и советским правительством. Они, например, не вооружили народные массы для борьбы против японского империализма и Чан Кай-ши, не осуществили широкой организации рабочих и крестьянских масс и т. д. Командование 19-й армии, недооценив значения северо-восточного фронта на границах Цзянси—Фуцзян, поручило ненадежным и продажным генералам такую важнейшую задачу, как оборона стратегического пункта — города Яньпина. Более того, после сдачи Яньпина командование 19-й армии не приняло предложения реввоенсовета и центрального правительства Китайской советской республики о немедленном вооружении народных масс, о необходимости упорной и решительной борьбы против Чан Кай-ши на фронте от Яньпина до Фучжоу, чтобы вместе с Красной Армией добиться перелома в создавшемся положении. Фактически Фучжоу был сдан без боя войскам Чан Кай-ши.

Руководство компартии и китайской Красной Армии также допустило крупную ошибку в своем военном плане во время фуцзянских событий. Так же как и командование 19-й армии, оно недооценило серьезности политического и военно-стратегического значения северо-восточного фронта Цзянси—Фуцзяна. Как и командование 19-й армии, красное командование ожидало серьезных боев между войсками Чан Кай-ши и 19-й армией на чжецзянском фронте; поэтому вместо того, чтобы серьезно оборонять северо-восточный фронт Цзянси—Фуцзяна и всеми силами препятствовать наступлению войск Чан Кай-ши через этот кратчайший путь на Яньпин и Фучжоу, руководство Красной Армии перебросило свои корпуса с этого фронта на северный фронт Цзянси, на укрепленные пункты вокруг Фучжоу и даже пыталось продвигать свои части через реку Гань, чтобы ударить в тыл войскам Чан Кай-ши. В связи с ослаблением ответственнейшего участка фронта Красной Армии чанкайшистским частям удалось быстро продвинуться в этом направлении. В результате Чан Кай-ши при помощи своих ставленников — генерала Лю Хо-дина и других, временно перешедших на сторону фуцзянского правительства, быстро занял Яньпин и прямо угрожал наступавшей тогда на Чжецзян части 19-й армии, а также нанес сильный фронтальный удар обороняющейся части 19-й армии в Фучжоу, в связи с чем на всех участках фронта 19-й армии создалась паника, а Красная Армия была уже не в состоянии оказать должную и своевременную военную помощь. Именно эта ошибка командования Красной Армии наряду с ошибками и слабостями 19-й армии сыграла очень крупную роль в исходе борьбы между Чан Кай-ши и 19-й армией. Поражение 19-й армии создало крупные дополнительные трудности в борьбе Красной Армии против шестого похода Чан Кай-ши. Если бы не эти ошибки, исход фуцзянских событий мог быть совершенно иным.

К числу ошибок и слабостей, непосредственно влиявших на борьбу Красной Армии против шестого похода Чан Кай-ши за последний год, относится и недооценка северными организациями компартии значения античанкайшистских и антияпонских вооруженных выступлений войск Цзи Хун-чана, Сун Дянь-ина, Фын Юй-сяна и Фан Чжен-у в Северном Китае, имевших место в марте—мае 1934 г. Основные причины неудачи этих выступлений состояли в том, что, во-первых, Чан Кай-ши послал войска для нанесения им удара с тыла и тем самым облегчил военные операции против них об'единенным войскам Японии и так называемого Манчжоу-го; во-вторых, эти выступления не совпали с выступлением 19-й армии на юге, а происходили после ее поражения; в-третьих, высшее командование этих войск не допустило свободы организации и вооружения народных масс для серьезной борьбы против вооруженных до зубов японских хищников и их агентуры. Вместе с тем надо раскрыть ошибки, допущенные коммунистическими организациями при этих выступлениях: парторганизации несерьезно отнеслись к этим событиям и не пытались вовлечь эти войска в решительную антимилитаристическую и античанкайшистскую борьбу. Несмотря на неоднократные указания

ЦК коммунистической партии о необходимости создания в этих войсках боеспособного политического и военного руководства и крепкого коммунистического костяка северные парторганизации послали ничтожное количество коммунистов в эти многотысячные армии и создали такую руководящую тройку, одним из членов которой был Чжан Цзин-жен — явный и видный сторонник контрреволюционной лочжанлуновщины, только что вернувшийся в ряды компартии, подав бумажное заявление о признании своих ошибок, а остальные два товарища и в политическом и военном отношениях были недостаточно сильны для того, чтобы руководить самостоятельно. В результате контрреволюционному лочжанлуновцу удалось провести свою провокаторскую работу, дискредитирующую компартию в глазах масс, лишить коммунистов в этих воинских частях возможности вести войсковые части против японского империализма и Чан Кай-ши. Если бы северные парторганизации не совершили этой грубой ошибки, то возможно было бы завоевать по крайней мере очень значительную часть этих антияпонских и античанкайшистских войск на сторону решительной революционной борьбы и создать в Северном и Северо-западном Китае дополнительный фронт против Чан Кай-ши.

К числу ошибок, непосредственно приведших к длительности и затяжному характеру борьбы Красной Армии против шестого похода, относятся также ошибки компартии в проведении антиимпериалистического рабочего и крестьянского движения в несоветских районах вообще и недопустимо пренебрежительное отношение парторганизаций и коммунистов к работе среди войск противника, милитаристских в особенности. А в нынешних условиях работа компартии в войсках противника имеет первостепенное и решающее значение. Все эти ошибки и слабости в той или иной мере вытекают из одного общего источника — из непонимания новых моментов, которые создались сейчас в Китае. Эти новые моменты в основном сводятся к следующему:

1) В связи с небывалым национальным кризисом и растущим национально-революционным под'емом широчайших народных масс очень многие воинские части милитаристов настроены в пользу священной оборонительной войны китайского народа против японского империализма.

2) Красная Армия в последние годы уже выросла в могучий военный фактор во всем Китае. Только она одна выступает открыто с лозунгом «национально-революционной войны вооруженного народа против японского империализма, за защиту целостности, независимости и об'единения Китая». Среди всех античанкайшистских военных сил только Красная Армия в состоянии успешно отражать непрерывные военные походы Чан Кай-ши и вести войну против Чан Кай-ши—главного национального предателя. Ввиду этого все антияпонские и античанкайшистские политические и военные группировки, исходят ли они из соображений действительно патриотических и национально-освободительных или выступают просто в силу милитаристических и империалистических противоречий, не могут не рассматривать Красную Армию как крупнейший военный фактор в вооруженной борьбе против Японии и Чан Кай-ши.

3) Организация и ведение национально-революционной войны вооруженного народа против японского и др. империализма пойдет неизбежно и необходимо через участие в ней не только рабоче-крестьянской Красной Армии и всех революционно-сознательных трудящихся, но также и различных политических и военных сил, представляющих собой временных, неустойчивых и колеблющихся союзников.

Исходя из этих новых моментов, вопросы о работе компартии среди войск противника и об использовании противоречий среди милитаристов должны быть поставлены по-новому.

Новое в работе компартии среди войск противника состоит в том, что при нынешних условиях в Китае компартия может завоевать на свою сторону не только солдатские массы, но и значительную часть низового и среднего командного состава на основе боевого лозунга вооруженной защиты родины. При известных условиях даже отдельные высшие командиры под давлением революционных воинских частей и народных масс вынуждены будут пойти на открытые вооруженные выступления против японского империализма. Таким образом компартия, работая среди войск противника, ставит теперь своей задачей не столько их разложение, сколько завоевание их на свою сторону для вооруженной борьбы за спасение родины.

Новое в вопросе об использовании противоречий среди милитаристских группировок состоит в том, что любой конфликт среди милитаристов компартия должна направить в пользу вооруженной борьбы Красной Армии. Учитывая тот факт, что в нынешних условиях главным врагом является Чан Кай-ши, что каждая победа Чан Кай-ши над его противниками-милитаристами означает усиление его мощи и против Красной Армии, командование Красной Армии должно обратить серьезное внимание на использование противоречий среди милитаристов для ослабления Чан Кай-ши. Командование Красной Армии не только не должно отказываться от предложений античанкайшистских группировок о заключении военного соглашения для совместной борьбы против Чан Кай-ши, а должно всемерно активизировать свои действия в этом направлении. В случае, если война между Чан Кай-ши и его противником действительно начнется, командование Красной Армии, независимо от того, существует ли военное соглашение между Красной Армией и этим противником Чан Кай-ши, должно максимально активизировать свои военные действия на соответствующих участках фронта против войск Чан Кай-ши. При нынешних условиях каждое серьезное антияпонское вооруженное выступление рано или поздно неизбежно превращается в борьбу против Чан Кай-ши (например действия 19-й армии), так же как каждое крупное античанкайшистское вооруженное выступление может превратиться в открытую войну с японским империализмом (например выступления Цзи Хунчана и других). Компартия не может рассматривать военные действия между Чан Кай-ши и античанкайшистскими силами только как обычное противоречие между милитаристами и не может занимать пассивную позицию. Компартия должна стараться в той или иной форме превратить военные действия противника Чан Кай-ши в составную часть общенациональной освободительной борьбы китайского народа против японских колониальных поработителей.

Четвертая основная причина длительного и затяжного характера вооруженной борьбы Красной Армии против шестого похода состоит во все еще недостаточной помощи китайской Красной Армии со стороны пролетариев и братских компартий в империалистических странах. Если бы американские, японские, английские, германские, итальянские, французские рабочие путем серьезной массовой борьбы заставили империалистические правительства прекратить выпуск военных и формально «невоенных» займов китайским милитаристам, отозвать военных «советников» и военно-технических специалистов из Китая, если бы пролетариату удалось задержать отправку из своих стран оружия, снарядов, самолетов и ядовитых газов в Китай, шестой поход давным-давно окончился бы полным поражением Чан Кай-ши.

IV. Об общем политическом положении в Китае и ближайших перспективах китайской советской революции

Прежде всего — о положении в советских районах. Следующее сопоставление может дать характеристику итогов шестого похода в отношении сил армий:

Рост Красной Армии с октября 1933 г. по октябрь 1934 г.

а) *В Центральном советском районе рост на 50—60%* (только в мае — июле с. г. увеличение на 62 000 чел.).

б) *В Сычуан-Шеньсийском советском районе 4-я армия* за год выросла с 15 000 до 140—150 000.

в) *В районах 2-й Красной Армии* — рост на 100—120%.

г) *В районах 10-го корпуса* — рост на 40%.

д) *В районах 16-го корпуса* — рост на 50%.

е) *В Хубей-Хэнан-Анхуэйском советском районе* — рост на 50%.

Потери войск противника за последний год в шестом походе.

а) В боях в Центральном советском районе — свыше 100 000 чел. (40 — 45 000 убитых, 12 — 15 000 пленных, 40—45 000 раненых).

б) Все войска сычуанских милитаристов — около 30—35 дивизий — потерпели поражение в боях с Красной Армией и только в сентябре — октябре потеряли 70 000 убитыми.

в) Около 10 дивизий были разбиты в боях.

г) 8 дивизий частично разбиты.

д) Неизвестно.

е) 8 дивизий потерпели частичное поражение.

В отношении нерегулярных частей, т. е. красной гвардии, молодой гвардии и местных партизан, также имеется колоссальный рост. Если в конце прошлого года в нерегулярных частях числилось 600—800 тыс. чел. во всех советских районах, то теперь такое количество имеется в одном Центральном советском районе.

Относительно размеров территорий мы не имеем точных обобщенных данных, но отдельные цифры таковы: занятые Красной Армией новые уезды в разных провинциях (около 15—20 уездов в Сычуане и Шеньси заняты 4-й армией, около 10 новых уездов заняты 2-й армией в Хубее, Хунане и Гуэйчжоу, 5-я армия заняла несколько уездов в Хунане и Гуэйчжоу, 7-й корпус занял несколько уездов в Фуцзяне и Чжецзяне, главные силы Красной Армии заняли сейчас много уездов в Хунане и Гуэйчжоу и т. д.), в два раза превышают по территории потерянные ею 10—15 уездных городов в Цзянси и Фуцзяне (в Центральном, Северо-восточном и Западно-цзянсийском районах); вместе с тем в уездах Красная Армия потеряла в основном уездные города, а многие деревни этих уездов до сих пор находятся в руках Красной Армии или красных партизан. Однако несмотря на это мы должны признать, что территориальные потери в цзянси-фуцзянских советских районах наносят известный урон Красной Армии и советам в борьбе против шестого похода, так как многие из потерянных уездов являлись в течение последних лет территориальными базами Красной Армии и советов. После занятия этих баз белыми войсками там восстанавливаются средневековый режим, помещичья собственность на землю, рабское положение трудящихся масс, там царит бешеный террор.

Потеря части территории не играет, однако, решающей роли в определении исхода борьбы против походов Чан Кай-ши, так как при сохранении и росте живой силы Красной Армии частичная потеря старой территории может быть возмещена занятием новых районов, которые через известный промежуток времени, после соответствующей политической и военной подготовки, могут превратиться в новые территориальные базы Красной Армии и советов.

Крупнейшая победа одержана 4-й армией в провинциях Сычуань и Шеньси. Сычуань-шеньсийские советские районы, с точки зрения общекитайской политической борьбы и военно-стратегических преимуществ, имеют громадное значение. При дальнейшем укреплении и расширении их территории сы-

чуань-шеньсийские советские районы будут выдвигаться на первое место в общей борьбе за решающую победу советской революции во всем Китае.

Необходимо вести борьбу против неправильного понимания и истолкования временных и частичных территориальных потерь Красной Армии. Надо вести борьбу против тех, кто из факта частичных территориальных потерь делает вывод о поражении китайской советской революции. Такой взгляд, во-первых, не соответствует действительности, во-вторых, совершенно извращает правильную и гибкую тактическую установку Красной Армии, которую компартия и реввоенсовет применяли раньше, применяют теперь и будут применять в будущем, а в-третьих, распространяет пессимистические и панические настроения и не дает правильного понимания ближайших перспектив советской революции в Китае. Наряду с этим нужно вести борьбу и против тех, кто совершенно отрицает трудности в борьбе, кто легкомысленно относится к территориальным потерям и не понимает значения старых территориальных баз революции.

Народные массы во всех советских районах оказывают Красной Армии всемерную моральную и материальную помощь, начиная с общественной поддержки семьям красноармейцев и красных командиров и кончая непосредственным участием в боях даже женщин и детей и непрерывным пополнением личного состава Красной Армии взрослыми и молодежью. В бывших базах 4-й армии после ухода Красной Армии из этих районов (т. е. с сентября — октября 1933 г.) население подвергалось наряду с бешеным белым террором и политической обработке. Гоминдан применял многочисленные демагогические маневры с целью отвоевать массы из-под влияния Красной Армии и советов. Но отношение народных масс к красным осталось непоколебленным, и гоминдановская печать вынуждена открыто признать крах своей политики в этих районах. 25-й и 28-й корпусы Красной Армии, при огромной поддержке и сочувствии народных масс в этих районах, за последние 5—6 месяцев уже добились военных успехов и восстановили часть прежних баз 4-й армии. Та истина, что Красная Армия и советская власть, возглавляемые компартией, являются единственной силой, способной спасти Китай и китайский народ от окончательного колониального порабощения и голодного вымирания, стала общепризнанной не только в советских районах, но постепенно распространяется и во всем несоветском Китае.

Общие итоги борьбы Красной Армии против шестого похода Чан Кай-ши таковы: регулярные части Красной Армии эвакуировали основную часть Центрального советского района, продолжая в нем партизанскую борьбу. Красная Армия, наступая в сычуань-шеньсийских районах, уже победила самого сильного врага — войско Лю Сяна, и все сычуанские милитаристы сейчас в панике перед успешным наступлением 4-й армии. 2-я и 6-я красные армии об'единились для наступления на милитаристов в провинциях Хунаня, Гуэйчжоу, Сычуань и Цзянси. 10-й и 7-й корпусы об'единились для продвижения к основной базе Чан Кай-ши, т. е. к провинции Чженцзян. Главные силы Красной Армии успешно продвигаются в западном направлении.

Положение в гоминдановском Китае также свидетельствует о дальнейшем росте революционного движения. Антиимпериалистическая, прежде всего антияпонская борьба охватывает все более широкие народные массы. Об этом говорит, в частности, факт опубликования «общей платформы организации национально-оборонительной войны китайского народа против японского империализма» с массой подписей, в том числе и подписью Сун Цзи-лин. В этой платформе открыто говорится о безнадежности и вредности иллюзии, будто возможно сопротивление японской агрессии со стороны Гоминдана и Чан Кай-ши или со стороны американского империализма и Лиги наций. Вместе с тем платформа призывает китайский народ решительно стать на единственно правильный путь спасения родины, путь священной национально-оборонительной народной войны против японского

империализма. Сун Цзи-лин и другие выдвигают следующие требования: 1) общая мобилизация всех военных сил Китая для войны с японским империализмом, для чего необходимо прекращение всякой междоусобной внутренней войны; 2) общая мобилизация всего китайского народа на войну с японским империализмом; 3) общее вооружение народа из государственных и частных военных арсеналов и складов и путем закупки оружия заграницей; 4) принятие следующих мероприятий для покрытия военных расходов на первое время: а) конфискация всего имущества (банков, железных дорог, фабрик, заводов, шахт, пароходных компаний, крупных торговых компаний и складов и т. д.) японских империалистов в Китае, б) конфискация всего имущества всех национальных предателей, в) прекращение платежей по всем японским долгам, г) расходование всех государственных доходов на войну против японского империализма, д) проведение единого прогрессивного подоходного налога, е) проведение широкой кампании по сбору средств среди населения внутри страны, а также среди эмигрантов и всех сочувствующих освободительной борьбе китайского народа; 5) создание всекитайского комитета вооружённой национальной обороны из выборных представителей предприятий, казарм, деревень, школ, университетов и торговых компаний для практического руководства всеми делами, непосредственно касающимися вооруженной национальной обороны; 6) союз со всеми врагами японского империализма и прежде всего с трудящимися самой Японии, Формозы, Кореи и подмандатных Японии островов для совместной борьбы против общего врага. Наряду с этим в платформе указывается, что все те державы, которые поддерживают и сочувствуют национально-освободительной борьбе китайского народа или по крайней мере соблюдают благожелательный нейтралитет, китайский народ будет считать своими друзьями, а державы, которые поддерживают агрессию японского империализма против Китая или сами по примеру Японии проводят агрессивную политику по отношению к Китаю, китайский народ будет рассматривать как своих врагов и будет вести такую же борьбу против них, какую он ведет против японского империализма.

Опубликование этой платформы встретило небывало широкое сочувствие и поддержку народных масс и вызвало массу откликов в иностранной и китайской, в том числе и буржуазной прессе; в частности японские газеты в Шанхае, Манчжурии и др. проявили необычайную нервозность и пришли в большое негодование.

До опубликования в печати платформу в течение 1—1½ месяцев в одном только Шанхае подписало свыше 3000 чел., не только представители рабочих и крестьянских организаций, журналистов, ученых, профессоров, адвокатов, торговцев и не только известные радикальные политические деятели вроде Сун Цзи-лин, Хо Сян-ина и др., но и большое число военных командиров (например Ли Ду и др.), заведующий чженцзянским промышленным банком Чжан Лай-чи, 86-летний ученый и политический деятель Ма Сян-бай и даже небезызвестный старый политикан Ху-Хань-мин. Кампания по сбору подписей проходит сейчас с небывалым энтузиазмом в Шанхае, Тяньцзине, Бейпине, Кантоне и др. крупнейших городах Китая, а также за границей среди китайских эмигрантов. Этот факт блестяще показывает, насколько созрела среди широчайших слоев китайского народа идея необходимости вооруженной защиты страны.

Борьба рабочих масс в крупнейших городах усилилась не только в отношении количества конфликтов, но и приобрела чрезвычайно острый характер; весьма участились вооруженные конфликты рабочих с полицией, жандармерией и войсками, общие стачки в целых отраслях промышленности и т. д. Новым и очень важным явлением в крестьянском движении является тот факт, что крестьянские бунты и восстания начали широко распространяться в богатейших провинциях Китая—Цзянсу и Чжецзян, которые являются основными базами и твердыней Чан Кай-ши и китайской буржуазии.

С другой стороны, крестьянское движение в северо-западных (Сычуань, Шеньси и т. д.) и юго-западных провинциях (Гуэйчжоу, Юнань) все больше и шире включается в советскую революцию.

Раздоры внутри контрреволюционного лагеря с каждым днем углубляются. Внутри чанкайшистского лагеря идет борьба между японофильской группировкой (Чан Кай-ши, Ван Цзин-вей и старые известные анфуистские политиканы — Ян Юн-тай и Хуан Фу) и группой американской ориентации во главе с Сун Цзый-уном, Сун Фо и др. Идет борьба между анфуистами (Ян Юн-тай и Хуан Фу) и группой Ван Пу, между анфуистами и группой Чен Ли-фу и Чен Го-фу. Эти три основные группы борются за влияние, за грабеж народных денег, за подачки от Чан Кай-ши и японского империализма. Группа Ван Пу сама раз'единена на три, друг другу противостоящие группочки: 1) группа самых реакционных — основное ядро союза синерубашечников, верных приверженцев Чан Кай-ши; 2) группа, недовольная чанкайшистской политикой по отношению к японской агрессии, не нашедшая правильного пути борьбы и связанная с другими античанкайшистскими милитаристскими группировками; 3) группа леворадикальной молодежи, недовольной капитулянтской и продажной политикой Чан Кай-ши, желающая вести борьбу с Японией и тянущаяся к национально-революционному движению и революционным организациям. Борьба между этими разными группами и группками внутри чанкайшистского лагеря настолько обострена, что привела уже, например, к взрыву 58 военных самолетов на нанчинском аэродроме и многих авиационных материалов в складе ханчжоуской авиошколы, к расстрелу Сюй Пый-гина (начальник авиосил Чан Кай-ши, ректор ханчжоуской авиошколы и один из видных вождей синерубашечников), к аресту около 70 видных активистов союза синерубашечников во главе с личным секретарем Чан Кай-ши — Дэн Ун-и, Хо Чун-ханом и др., к аресту главнокомандующего восточным направлением армий Чан Кай-ши генерала Чан Дин-уна (за конфликт с губернатором Фуцзяна генералом Чен, назначение которого на этот пост было сделано по прямой указке японского империализма, и за связь с гуандунской группировкой). Борьба между Чан Кай-ши и северными милитаристами приобретает все более острый характер.

* * *

Нынешнее положение в Китае характеризуется **дальнейшим ростом силы советской революции. Основные тенденции развития благоприятствуют достижению Красной Армией решающей победы над шестым походом Чан Кай-ши и Секта.**

Не исключено, что империалисты и прежде всего японские империалисты рискнут пойти на **открытую вооруженную** интервенцию против китайского народа и его Красной Армии и советов. Однако при нынешних внутрикитайских и международных политических условиях этот шаг империалистов не может не вызвать такого возмущения китайского народа, которое приведет к гигантской всенародной национально-революционной оборонительной войне с империализмом, войне, которая будет потрясать основы всего империалистического мира.

Компартия Китая должна быть готова к этому. Компартия во главе с ЦК твердо уверена в том, что эта величайшая справедливая, прогрессивная и священная война китайского народа против империалистических хищников будет поддержана всеми пролетариями и угнетенными народами всех стран мира и принесет китайскому народу победу.

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

Пропаганда войны прессой германского фашизма

Публицисты и ученые, выступающие в германской фашистской печати, часто напоминают бравых офицеров, которые знают, что добродетель прусского солдата — не рассуждая повиноваться и подобно кавалерийской лошади отвечать на призыв полковой трубы. По авторитетному раз'яснению «Фелькишер Беобахтер» (17 мая 1933 г.), именно такова роль, отведенная науке в национал-социалистском государстве.

«Не следует забывать, — писала эта газета, — что германская историческая наука предприняла борьбу против версальского договора. Выковывалось историческое оружие против лжи о виновниках войны, относительно «коридора» и Верхней Силезии, за присоединение Австрии и для борьбы за Рейн».

Упоминание о «коридоре» и Верхней Силезии не случайно: статья была опубликована до польско-германского соглашения, еще до того как Гитлер, прикрываясь маской миролюбия, вынужден был предпринять глубокий маневр. Однако теперь, во время большой кампании, предпринятой в связи с 20-летием мировой империалистской войны, фашистская печать проявила себя достаточно дисциплинированной и на пушечный выстрел не подходила к теме о «коридоре» и о Верхней Силезии. Кампания проходила в полном соответствии с конкретными внешнеполитическими задачами германского фашизма на современном этапе.

В цитированной выше статье центральный орган национал-социалистской партии достаточно категорически указывал, что «фашистское государство должно найти свою поддержку в исторической науке, а последняя в государстве должна найти свою опору». Мы сейчас увидим, что это означает и чем это определяется в действительности. Оказывается, старые буржуазные исторические концепции, характерные своим слишком ограниченным европейским кругозором, не могут удовлетворить вершителей «национальной революции». «Национальная история, — приказывает «Фелькишер Беобахтер», — должна пониматься в рамках мировой истории», история должна стать на службу германскому фашизму, должна служить той борьбе, которую ведет «третья империя». Но для борьбы нужны союзники, и прусские самураи обращают свои взоры в сторону японских пруссаков. Оказывается, без изучения Японии нельзя изучить национальной истории Германии, так как творить национальную историю фашистской Германии придется вместе с Японией:

«То, что в другом культурном кругу в лице Японии возникла великая держава... лишает нас права рассматривать историю заморских стран только под углом зрения европейского расширения. Теперь другие континенты должны быть поняты, исходя из их собственных предпосылок, и должны быть рассматриваемы как самостоятельные партнеры в отношениях с западноевропейскими государствами».

Эта удивительная предупредительность чистокровных арийцев в отношении японских империалистов проистекает из обычной политической идеи: нужно изучать историю прошлого таким образом, чтобы можно было оправдать подготовляемое осуществление политических планов.

Двадцатилетие мировой империалистской войны было широко использовано германским фашизмом для пропаганды этих планов. В руководящей статье «Двадцать лет тому назад» центральный орган германской национал-социалистской партии указывает, что исторические даты приобретают огромное значение только в том случае, если они имеют непосредственное отношение к актуально-политическим задачам германского фашизма, и заключает, что «пережитое в мировой войне является для нас еще вполне современностью». Далее внедряется важная и достаточно симптоматичная мысль: оказывается, что с началом мировой империалистской войны начался и «огромный перелом германской души и германской жизни, перелом, в центре которого мы до сих пор еще находимся, свидетелями и деятелями которого мы являемся».

Фашистский орган раз'ясняет сущность этого загадочного «перелома души» германского Фауста, утверждая несколькими строками ниже, что фашистский переворот «имеет свое духовное происхождение в августовских днях 1914 года», когда германские войска были брошены на фронт; коллективным отцом этого духовного детища, имя которому — фашизм, об'являются «полки молодых добровольцев». При этом особенно подчеркивается, что тип современного германского фашиста создался именно «в наступательных битвах мировой войны». Фашизм, как авторитетно указывает «Фелькишер Беобахтер», «начался в тот самый момент, когда в августе 1914 г. весь германский народ в стихийно вспыхнувшем воодушевлении поспешил взяться за оружие».

Итак, исторически связав себя с мировой империалистской войной, германский фашизм не случайно поставил следующую политическую задачу: «...всему нашему народу дать теперь картину того великого, что было пережито и что двадцать лет тому назад поставило наш народ на его путь и что внешне и внутренне неким образом определяюще повлияло на каждую отдельную личность». И чтобы не было никаких сомнений относительно подлинных мотивов политической кампании, связанной с двадцатилетием мировой империалистской войны, фашистский центральный орган заключает: «Прежде всего мы должны у живущего вместе с нами поколения пробудить и углубить сознание того, что солдатское поведение и солдатские действия должны быть неот'емлемой частью государственного творения».

Первоавгустовской антивоенной кампании рабочего класса и его коммунистической партии фашизм противопоставил широкую пропаганду войны и культ солдатчины. «После захвата власти национал-социализмом понимание солдатского начала стало в усиленной мере поддерживаться также и государством, и как раз в настоящем, 1934, году, когда воспоминание об августе 1914 г. снова оживает, сердечные симпатии германского народа к его армии нашли бы особенно сильное выражение», — в таком элегическом тоне скорбит «Дейче альгемейне цейтунг» (от 14 июля 1934 г.) по поводу предполагавшейся отсрочки больших осенних маневров германского рейхсвера. Газета считает, что с точки зрения

воспитания германского народа в духе солдатского повиновения и войны, а также с точки зрения международной демонстрации германских вооружений, прикрываемых бесконечными переговорами о равноправии, эти большие маневры были бы особенно своевременны в двадцатую годовщину мировой империалистской войны.

Апология империалистской войны и утверждение фашистского культа солдатчины — такова наиболее характерная черта всей кампании, проводившейся германской унифицированной прессой. В статье «Солдаты и носители империи» «Фелькишер Беобахтер» (от 25 июля 1934 г.) провозглашает, что «носителями и провозвестниками национал-социализма» являются «солдаты 1914—1934 гг.», которые, оказывается, сделаны «из того же теста», что и «великие души вечной немецкой национальности». При этом имеются в виду «прежде всего люди крепкого кулака, которые дают звучание нашей истории». Дальше недвусмысленно указывается, что это «звучание» истории — война.

В другой статье—«Германский народ и война»—«Фелькишер Беобахтер» (от 8 августа 1934 г.), воспевая «солдатский дух и солдатскую сущность», заявляет: «Путь германской революции (имеется в виду фашистский переворот. — *А. Е.)* и позднее вел не через парламенты и комиссии, а через германскую солдатчину».

Куда же ведет этот путь?

Ответ даст «Берзен цейтунг» в статье, носящей многозначительное заглавие «Черный день» (имеется в виду 28 июня — годовщина сараевского убийства, совпадающая с годовщиной подписания версальского договора):

«Не случайно, что версальский трактат, впервые в истории мирных договоров, не включает в свое введение формулы, в которой воевавшие стороны условились бы... о взаимном согласии в длительном мире». Отсюда делается вывод, что «этот мир... связывает нас лишь фактически, но не морально».

В заключение дается рецепт приспособления фактического положения вещей к уровню фашистской морали: «Зона потрясений (таков, очевидно, синоним войны. — *А. Е.)* — как переход к подлинному миру — должна быть пройдена». И чтобы не осталось сомнения относительно того, что лозунг ревизии версальской системы лишь прикрывает захватнические планы германского фашизма и его стремление к войне за новый передел мира, газета заявляет: «Новая Германия не хочет механической ревизии, слепого восстановления всего того, что было».

Не удовлетворяясь и довоенными границами Германии, фашизм добивается «не столько ревизии для нас, сколько переустройства всей Европы». При этом германский фашизм добивается признания за ним права выступать от имени всего европейского капитализма: «Мы живем как жизненно важная часть Европы с полным пониманием нашей ответственности за все европейское сообщество».

Эта фашистская заботливость столь велика, что простирается даже на Францию. «Мы знаем, что при существовании Версаля Франция также не может придти к спокойствию и к счастью», — соболезнующе и сокрушенно замечает «Берлинер берзен цейтунг» и тут же выражает надежду, что положение изменится после того, как во Франции придут к власти люди, «которые нас понимают и которых мы понимаем». В ожидании этой перспективы приходится бороться против тех, кто представляет собой современную Францию. И тут в первую

очередь газета называет Барту, изображая его злым гением современной Европы, стремящимся к тому лишь, «чтобы не могло наступить ничего хорошего». В свете последующих событий в Марселе указание на Барту в годовщину сараевского убийства бросает зловещую тень на черные дни и деяния фашистских поджигателей войны.

Столь же знаменательна, с точки зрения понимания фашистских методов, статья «Призывы к судьбе», которая помещена была в тот же день, 28 июня, на страницах вдохновляемой Папеном газеты «Германия». Последовательно применяя «расовую теорию» к вопросу о происхождении мировой войны, статья эта вместе с тем наиболее откровенно показывает, куда направляется удар. Рассматривая мировую империалистскую войну как исторически необходимое столкновение двух рас — германцев и славян — и считая, что борьба отнюдь не закончена и будет продолжаться, «Германия» заявляет, что эта борьба может быть успешно завершена при условии об'единения всей германской расы. Отсюда — требование захвата Австрии.

«Однако, — пишет газета Папена, — ни один политический деятель в Европе не защищал столь фанатически «независимость» Австрии, как канцлер Дольфус... Выстрел в Сараеве означал войну, так как Германская империя связала свою судьбу с габсбургской монархией, так как государственные деятели Вены могли быть уверены, что Германия всю свою жизнь положит за великодержавную позицию ее союзницы. Чувство и благодарность не имеют в политике никакой цены, и «нибелунгова верность» оставила после себя очень горький привкус... Это делает для нас современной общность судьбы всех немцев, — это и есть реальность, которой ни один политик немецкой крови не может безнаказанно пренебрегать».

Убийство Дольфуса, которое во всей мировой печати сопоставлялось с убийством в Сараеве, показало, что «призывы к судьбе», раздававшиеся со страниц фашистской печати в Берлине, были правильно восприняты фашистскими путчистами в Вене.

Так исторические воспоминания не только переплетаются с политическими директивами, но и определяются этими последними. Меняются политические задачи — меняются и светотени исторических оценок.

В своем откровении «Моя борьба» апостол германского фашизма высказал сожаление, что война 1914 г. не разразилась несколькими годами раньше, когда, как он предполагает, условия для германского империализма были более благоприятны. Он утверждает, далее, что война являлась национальной необходимостью и что даже народные массы Германии ее страстно желали. С некоторыми вариациями этот тезис был положен в основу политической кампании фашистской прессы в связи с 20-летием мировой империалистской войны. При этом особенный интерес проявлялся к проблеме военных союзов, политических блоков, соглашений и дипломатических сближений.

В полном соответствии с внешнеполитической линией германского империализма фашистская пресса твердит об общности основных и коренных интересов Англии и Германии в Центральной и Восточной Европе и старается не затрагивать вопроса об англо-германских противоречиях. Создавалось впечатление, что фашистская пресса в своем рвении практически установить эту общность во имя создания наиболее благоприятных условий для подготовки и развязывания новой империалистской войны готова

идти на взаимную амнистию в оценке роли своего английского противника в возникновении прошлой мировой войны. С тем большей настойчивостью германская пресса обрушивалась на франко-русский союз, стараясь создать впечатление полного тождества с ним современного этапа сближения Франции с Советским Союзом. «Кельнише цейтунг» (от 24 июня 1934 г.) довольно прозрачно намекает, что возвращение к вопросу о довоенных блоках вызвано у нее опасением той перегруппировки сил на международно-политической арене, которая знаменует совместные усилия всех держав, заинтересованных на данном этапе в поддержании мира.

Не включаясь в эту систему организации мира, германский фашизм раскрывает свои собственные намерения и на исторических аналогиях и примерах из эпохи мировой империалистской войны 1914 г. пытается оправдать свою подготовку к новой войне.

Еще совсем недавно германская наука и печать приводили тысячи аргументов в пользу того утверждения, что белградское правительство, подготовившее сараевское убийство, несет главную ответственность за возникновение мировой войны. Теперь, отражая попытки германского фашизма выключить Югославию из системы Малой Антанты и добиться соглашения с Белградом относительно передела Центральной Европы, как бы подготовляя дипломатическую миссию Геринга, фон Вегерер выступает в «Берлинер берзен цейтунг» со специальной статьей, в которой делает попытку дать историческую амнистию белградскому правительству:

«Если бы в 1914 г. расследование (сараевского убийства. — *А. Е.*) в Белграде состоялось, то стало бы ясно, что сербское правительство не было в состоянии сдерживать преступные деяния национал-социалистических кругов (так он называет радикальные кружки сербской молодежи. — *А. Е.*) и тайных организаций».

Можно предполагать, что если бы автор, находящийся теперь на службе у германского фашизма, предвидел, какие аналогии это замечание вызовет после марсельского убийства, он, вероятно, облек бы свои заигрывания с Белградом в более осторожную форму.

На страницах фашистской печати кампания идеологической подготовки войны продолжается до сих пор, и ее задачи следующим образом директивно установил «Фелькишер Беобахтер» от 23 июля 1934 г.:

«Каждый, принадлежащий к немецкому народу, должен создать себе представление о ходе военных действий и связанных с этим мероприятиях и решениях. При участии выдающихся специалистов будут опубликованы в соответствующих отделах газеты статьи, которые будут тесным образом увязаны с событиями текущей жизни. Этим самым будет достигнуто живое представление относительно многосторонних вопросов, выдвигаемых войной. Германский народ должен получить представление о множестве задач и величии их выполнения, о планах руководства и заботах отдельного человека, о кольце фронтов и об условиях жизни в тылу... Мы должны также спокойно рассмотреть теперь упущения и недостатки, чтобы тем самым приобрести такие познания, которых люди нашего поколения не могли приобрести».

Господа Геббельс и Розенберг могут быть довольны: германская унифицированная пресса достаточно дисциплинированно выполняет эти политические директивы. Ведущую роль и тут играет центральный орган национал-социалистской партии, на страницах которого ежедневно помещаются донесения с фронта о победах, которые имели место... два десятка лет назад. Предполагается, очевидно, что эти сводки должны иметь благоприятное морально-политическое и воспитательное влияние на новое поколение, не знающее, какой ценой германский империализм в прошлом платил за свои победы, — на поколение, которому предназначено быть

пушечным мясом в новой войне. Характерно, что в этих сводках особенно тщательно изо дня в день отмечаются победы, одержанные германским оружием на Востоке.

«... Нам нужно солдатское героическое понимание истории, которое учит восхищению Фридрихом Великим за мужество отчаяния, с которым он боролся против целого мира врагов, и за то, что, как говорит Клаузевиц, он чувствовал «гордость славной гибели»,—писал полковник В. Ферстер в «Дейче альгемейне цейтунг» от 8/IX 1934 г.— Нам нужно понимание истории, которое видит в битве под Танненбергом классический пример того, как воля к победе в состоянии совершить вещи, кажущиеся невозможными. Нам нужно понимание истории, которое учит, что можно преодолевать судьбу».

Апелляция к Фридриху Великому не должна удивлять: старый Фриц мечтал о том, чтобы превратить всю Пруссию в казарму. Его современные последователи оказались удачливее: они превращают в казарму всю Германию. Но если Фридриху удалось сыграть на основном противоречии его времени, противоречии между Англией и Францией, то планы германского фашизма—сыграть на основном противоречии нашей эпохи, противоречии между Советским Союзом и капиталистическим миром, заранее обречены на провал. С энергией отчаявшихся людей, насаждая в своей стране культ солдатчины, германские фашисты готовят новую войну. Но, развязав эту войну, они на собственном опыте убедятся, что «мужество отчаяния» отнюдь не достаточно для того, чтобы «преодолеть судьбу» того класса, который сам приближает собственную гибель.

А. ЕРУСАЛИМСКИЙ

Книга о японской интервенции в Китае

Под названием «На Тихом океане разгорается война» только что вышла из печати в известном немецком издательстве Шерля книга Вольфганга Зорге[1]. Автор пробыл последние три года на Дальнем Востоке в качестве корреспондента немецких газет и был свидетелем японской оккупации Манчжурии, шанхайских боев, вторжения японских милитаристов в Северный Китай и Внутреннюю Монголию. Автор — «человек пера и фотоаппарата», как он сам говорит о себе в предисловии к названной книге. Его книга лишена анализа, политических или исторических обобщений — это скорее путевые записки, хроника событий, случайные зарисовки лиц и фактов, попавших в поле зрения или фотооб'ектив автора.

При всей своей деланной об'ективности Зорге явно симпатизирует «самурайскому империализму», кровью и железом «наводящему порядок» на необ'ятной китайской территории. Тем не менее книга не лишена политического интереса и для советской читательской массы. Пожалуй, самое интересное в ней — это приложенные к книге 60 фотоснимков, подлинных документов чудовищного грабежа и насилий, совершенных японскими империалистами. Пепелища горящего Чапея, бездомные крестьяне оккупированной Манчжурии, разрушения от японских бомб, обстрел японскими броневиками шанхайского мирного населения, гиена среди трупов на улицах Чапея, жалкий скарб китайских беженцев из раз-

[1] Wolfgang Sorge «Krieg entbrennt am Pazifik». 1931. 229.

рушенных японцами китайских поселений — эти снимки против воли автора вскрывают истинное лицо «цивилизаторской миссии» японского милитаризма в Китае.

Остановимся на описываемых автором фактах. Большой интерес представляют главы, посвященные борьбе за Шанхай.

«Впервые в мировой истории, — пишет Зорге, — в течение многих недель в крупном мировом городе велась настоящая война всеми средствами военной техники, а город продолжал жить своей почти обычной жизнью».

Впрочем, как признается сам автор, «обычной своей жизнью» жил только «иностранный сетльмент» под охраной «добровольной» иностранной полиции. Любопытен национальный состав этой полиции: в нее входят английские, французские, американские, японские отряды и отряд русских белогвардейцев. Немцы по окончании мировой войны не имели своих «добровольцев» в Шанхае. Однако ко времени шанхайских боев «ощущался острый недостаток в людях», и шанхайские немцы влились в американские отряды. Характерная деталь: большинство этих немцев-«добровольцев» избрало для себя роль «специальных полицейских», т. е. попросту охранников.

Как же жил в эти дни китайский Шанхай, Шанхай трудящихся, скученных в районе Чапея? Этот Шанхай никем не охранялся от японских насильников, этот Шанхай горел, обстрелянный японской авиацией...

С потрясающим цинизмом автор описывает один из ночных налетов японской бомбардировочной авиации на китайские кварталы Шанхая:

«Начинается жужжание пропеллеров. Маленькие самолеты швыряют зажигательные бомбы, и кажется, что эти ужасные снаряды из магнезия медленно, как на парашютах, спускаются к земле... Теперь ясно виден весь отряд самолетов — легкие разведчики и 8 тяжелых бомбовозов, каждый из которых вооружен шестью бомбами по 250 фунтов. Попарно бомбы сбрасываются вниз и разрываются на земле. Изящным пируэтом бомбовоз полымается вверх, в то же время внизу, в Чапее, раздаются ужасающие взрывы. Ясно видны взлетающие в воздух дома. Ясно слышны неприятные детонации... Не повсюду наблюдения поля битвы на границе иностранного сетльмента представляют такое театральное зрелище».

Потерявший всякий такт фашиствующий корреспондент имеет наглость называть «театральным зрелищем» расстрел японскими бомбовозами мирного безоружного населения Чапея! В то же время автор с возмущением отмечает факт ранения двух американских «волонтеров» китайскими отрядами.

Автор вынужден констатировать, что японские интервенты натолкнулись в Шанхае на «энергичный и хладнокровный отпор, явившийся для всего мира неожиданностью». Разгадку этого отпора автор видит в следующем:

«Во время шанхайской войны китайское население видело в армии (речь идет о 19-й китайской армии) своих защитников, которыми оно гордилось и которым оно охотно приносило жертвы... В этом кроется тайна неожиданного китайского отпора».

Несомненно, Зорге здесь отмечает один из важнейших «секретов» мужественной защиты Шанхая 19-й армией.

Много места автор уделяет выяснению целей, которые поставила себе Япония, пытаясь оккупировать Шанхай. Он усматривает здесь попытку сломить бойкот японских товаров, принявший особенно широкие размеры в конце 1931 г. во всем Китае и в особенности в Шанхае. Автор не исключает и того предположения, что захватом Шанхая японские империалисты хотели приобрести «разменный об'ект» и отвлечь внимание остальных им-

периалистических государств от Манчжурии. Автор в конце концов склоняется к общему выводу, что «у японцев не было строго очерченной военной цели в Шанхае. Они считали необходимым военное вторжение и добивались прежде всего победы. Какими плодами можно будет воспользоваться, это, полагали японцы, покажет будущее».

В этой связи большой интерес приобретает заявление о характере японской политики в Китае, сделанное автору тогдашним японским послом, позже — вице-мининделом Сигемицу. В изложении Зорге этот влиятельный японский дипломат высказался следующим образом:

«В Китае нет правительства, партии или личности, с которыми можно было бы добиться окончательного соглашения... Мы должны в Китае все время договариваться с отдельными лицами и присматриваться... Если японские интересы в какой-либо части Китая подвергаются угрозе, тогда ничего другого не остается, как прибегнуть к войскам, подобно тому, как это случилось в Манчжурии и Шанхае. Аналогично этим случаям может понадобиться через некоторое время военное вмешательство на севере или юге Китая. Япония всегда будет этими путями охранять свое имущество и попытается привести к власти таких китайцев, которые предоставят гарантии, что они могут держать обещания».

На вопрос Зорге: «Итак — цепь военных событий, которые растянутся на годы?» «Да, — ответил Сигемицу, — я таким же образом представляю себе развитие событий».

Эти рассуждения видного ставленника японского империализма, относящиеся к 1932 г., являются неплохим комментарием к интервенционистской политике японской военщины за последние 2—3 года в Северном Китае, в Жэхэ, Чахаре, а также к «соглашениям» между японскими интервентами и «национальным» правительством Чан Кай-ши.

Выпущенная Партиздатом в 1933 г. работа тт. О. Танина и Е. Иогана «Военно-фашистское движение в Японии» уже дала советскому читателю сведения о деятельности различного рода тайных японских реакционно-шовинистических обществ, действующих за кулисами, но играющих сплошь и рядом решающую роль в японской внешней политике. Сеть этих организаций вроде «Черного дракона», связанного с традициями еще времен самураев, раскинута по всей Восточной Азии. Деятельность одной из этих тайных организаций, игравшей далеко не последнюю роль в оккупации Манчжурии и в шанхайской интервенции, описывается в рецензируемой книге. Авторы указывают, что эта организация «выполняет такие задачи японской политики, которые официально осуществлять неудобно». Зорге главой этой организации называет известного реакционного политика Тояму, «таинственного Тояму, имя которого никогда не упоминается в печати, но влияние которого исключительно сильно: любая реорганизация кабинета, любое важное внутри- или внешнеполитическое решение японского правительства заранее согласовывается с Тоямой». Чрезвычайно интересны отдельные подробности о деятельности «Ронин», как называет это общество Зорге. Они образуют нечто вроде ордена: все они знают друг друга, имеют свой клуб в Хонкю (Шанхай) и являются как бы авангардным отрядом японского империализма в Китае:

«В сентябре (1931 г.), до начала оккупации, члены общества Тояма собрались в Манчжурии, а в начале января (1932 г.) они все отправились в Шанхай. Когда 28 января адмирал Шиозава, предпринял свое первое наступление на Чапей, «ронины» составляли фактический японский генеральный штаб, они были все мобилизованы, получили специальную повязку на руку с печатью главного штаба флота, к каждому отряду матросов были прикреплены по 2—3 «ронина», прекрасно ориентирующиеся в местных условиях... Они были подлинными хозяевами Хонкю и в погра-

ничных с Чапеем кварталах... В помещении японского клуба заседал штаб «ронинов» и правил суд над захваченными китайцами, которые обычно тут же, во дворе клуба, расстреливались» (стр. 69).

Зорге утверждает, что делом рук той же таинственной организации Тоямы является известное покушение в парке Хонкю 29 апреля 1932 г. и убийство главнокомандующего шанхайской экспедиции Широкавы, давшие сигнал к ряду покушений и убийств (в том числе к убийству премьера) и террористических актов в самой Японии. Зорге ставит эти террористические акты в прямую связь с неудачей шанхайской интервенции. «Еще до покушения в парке Хонкю слово «Шанхай» встречало в Японии и в японских колониях на Тихом океане всеобщее раздражение; старались этого слова вообще не произносить. Ибо японское население, в особенности военные, но также служащие и мелкие землевладельцы, испытывали ощущение, что в Шанхае Япония потерпела самое тяжелое в своей истории поражение».

Большой интерес представляет освещение автором деятельности международных военных фирм, сильно активизировавшихся во время шанхайских событий. Почуяв запах пороха и предвкушая большие прибыли, интернациональные «торговцы смертью» кинулись в Шанхай. В начале 1932 г. шанхайские отели и кафе превратились в настоящую биржу международной торговли оружием. «Вот г-н Маршан — крупнейшая фигура международной торговли оружием, представитель Шнейдер-Крезо, он сидит ежедневно с астрономической точностью от 5 до 6 в баре крупнейшей шанхайской гостиницы... Вот представитель Армстронга (вместе с Виккерсом образующего крупнейший английский военно-промышленный концерн. — *М. Г.)*... Вот господин польского происхождения, представляющий интересы американской военно-химической фирмы Дю Пон де Намур... Конечно, все они не «торгуют», а наблюдают прежде всего друг за другом». Все эти агенты крупнейших международных военных фирм в дни, когда ярким пламенем горел Чапей, зарабатывали чудовищные деньги на поставках пулеметов, самолетов, пушек, снарядов, необходимых обеим враждующим сторонам. Самое любопытное то, что в поставках военных материалов Китаю участвовал также японский военный концерн Мицуи: в самом начале шанхайских событий Мицуи продал 19-й армии большую партию японского оружия старого образца и, как свидетельствует Зорге, неплохо заработал на этой сделке.

Остальные главы книги Зорге посвящены Манчжурии и Северному Китаю. Автор подчеркивает, что исключительная легкость, с которой японцам удалось оккупировать в столь короткий срок территорию Манчжурии, по величине вдвое превосходящую территорию Германии, об'ясняется не только огромными военными силами, брошенными японским империализмом в Манчжурию, но главным образом отсутствием должного сопротивления со стороны местных китайских военных сил. Тем не менее автор вынужден констатировать, что освоить оккупированную страну японцам не удалось, ибо «население Манчжурии, состоящее на 90% из чистокровных китайцев, противится и оккупации и новому, зависимому от Японии, правительству. Нацменьшинства, на которые могли бы опираться японцы, играют ничтожную роль: японцев в Манчжурии, кроме армии, не больше 200 000; имеется 800 000 корейцев, но они сильно китаизированы». Единственная верная опора японской военщины в Манчжурии — это, по мнению Зорге, 200 000 русских эмигрантов-белогвардейцев, спекулирующих на японо-советской войне.

«Но массы населения настроены враждебно к оккупации, и эта враж-

дебность сделала возможным то партизанское движение, которое в течение года превратило Манчжурию в хаос».

И хотя Зорге смешивает партизанское движение с хунхузами и «бандитизмом», он все же вынужден констатировать безуспешность попыток японских оккупантов ликвидировать партизанское движение в Манчжурии: «Нельзя уничтожить все население, чтобы создать в стране порядок, нельзя также к каждому крестьянину приставить солдата. Японцы присылают новые дивизии, но еще сильнее растет сопротивление».

В борьбе против партизанского движения безуспешной оказалась и деятельность секретных агентур, созданных японской разведкой по всей стране. Зорге сообщает некоторые небезынтересные детали о деятельности японской разведки. «Как известно, японцы повсюду обладают широко разветвленной сетью тайной агентуры. И в Манчжурии она широко поставлена. Бесчисленные японские бары, находящиеся на всем протяжении в 5000 км между Манчжурией и Сингапуром, не что иное, как небольшие японские полицейские участки. Хорошо разбирающиеся в местных наречиях девушки, обслуживающие эти кабаки, обязаны каждое утро являться в полицию и докладывать о событиях за истекший вечер». Этой секретной агентурой японцы охватили все рестораны, торговлю опиумом, притоны шулеров и т. д. По сведениям Зорге (можно поверить его исключительной осведомленности о деятельности японской охранки в Китае), «при помощи этой системы японцы (в борьбе с партизанским движением. — *М. Г.*) достигают бóльших результатов, чем от всех своих военных мероприятий». Характерно, что Зорге считает одной из побудительных причин захвата японцами провинции Жэхэ — стремление завладеть контролем над производством опиума; именно здесь, на полях Жэхэ, имеются лучшие посевы этого наркотического средства. Опий из Жэхэ «обслуживает» всю Манчжурию и весь Северный Китай. Именно поэтому правительство Манчжоу-го установило государственную монополию на опиум, а японские оккупанты ввели огромные налоги на производителей опиума в Жэхэ. «Гуманный» автор горячо оправдывает введение японцами торговли опиумом.

Сколько же человеческих жизней стоило военное вторжение японских милитаристов в Китай? Автор не верит официальным японским подсчетам, согласно которым японцы с начала оккупации Манчжурии до окончания больших боев в Северном Китае потеряли всего 1497 убитыми и 3468 ранеными. По подсчетам Зорге, в одной Манчжурии японские потери исчисляются в 14 000 убитых и 35 000 раненых, в том числе 10 000 пострадавших от морозов. Что касается китайских потерь, то, по Зорге, они значительно больше: за период с 18 сентября 1931 г. по 20 мая 1933 г. убито свыше 220 000 чел., в том числе 54 000 мирных граждан. Это число распределяется следующим образом: 50 000 чел. — в Манчжурии, 52 000 — в Шанхае, 70 000 — в Жэхэ и 50 000 — в боях к югу от Китайской стены. Таков итог последних достижений «самурайской цивилизации»...

Последнюю главу своей книги автор назвал «Перспективы». В ней он пытается наметить дальнейшие пути развития событий на Дальнем Востоке. Автор подчеркивает крайнее обострение, неустойчивость взаимоотношений великих держав, интересы которых сталкиваются на Тихом океане. Угроза большой войны на Тихом океане, по мнению Зорге, приближается все больше, причем «средний европеец на Востоке уверен, что эта война разгорится в 1935—1936 гг.». Автор приводит любопытное заявление бывшего военного министра Араки, сделанное им в конце сентября 1933 г. на большом военном совете:

«Положение на Дальнем Востоке таково, что искра может зажечь по-

жар в любой момент. Очень серьезные дни должны наступить в 1935—1936 гг. Единственное средство для подготовки к этим событиям — это вооружиться до зубов».

Настроенный явно японофильски, Зорге вынужден констатировать, что проводимые Японией за последние годы лихорадочные вооружения до крайности обременяют финансы страны.

Автор подробно описывает последние воздушные маневры в Токио, принявшие исключительно широкие размеры и имевшие целью заставить население свыкнуться с мыслью о том, что предстоит война. Зорге констатирует: «Чего в случае войны особенно опасаются японцы, — это воздушных нападений на густонаселенные центры вокруг Токио и вокруг Осака». Против кого японская военщина вооружается? Ясный ответ на этот вопрос дает приводимое Зорге (стр. 226) заявление того же Араки:

«Первая цель японской политики — это полная и окончательная ликвидация всех советских интересов на Дальнем Востоке, начиная с КВЖД, которая должна перейти к Манчжоу-го. Непосредственно вслед за этим должно проводиться постоянное внедрение Японии в Приморье, Камчатку, Северный Сахалин. Советский Союз должен в этих областях предоставить Японии далеко идущие концессии, если он желает сохранить мир».

Таков откровенный язык японских интервентов. Однако с тех пор, как это заявление было сделано, произошли кое-какие существенные сдвиги на Дальнем Востоке и на международной арене. Араки вынужден был уйти в отставку. Захватить КВЖД не удалось. Обороноспособность Советского Союза, в частности на Дальнем Востоке, значительно выросла, и мечты японских «самураев» о Владивостоке остались мечтами. Англо-японские и в особенности американо-японские противоречия, как показывают лондонские переговоры, продолжают обостряться. В целом позиции Японии отнюдь не укрепились. Это понимает и Зорге, когда он в заключение пишет:

«Японские дипломаты полагают, что удачный момент упущен. Если бы одновременно с мукденским инцидентом в 1931 г. было предпринято наступление на Владивосток, — мы не рисковали бы большой войной... Ныне же Россия обеспечена на Западе и имеет поддержку великих держав. Ныне нападение на северные границы означало бы начало долголетних войн, превышающих силы Японии».

Над этими выводами японофильски настроенного автора не мешает задуматься многим японским деятелям.

М. Г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Литературно-критические статьи Ф. Меринга

Том I, 744 стр., 10 р. в перепл. Том II, 598 стр., 8 р. в перепл. Академия. 1934.

Двухтомник литературно-критических статей Ф. Меринга, подготовленный Научно-исследовательским институтом литературы и искусства при Коммунистической академии и выпущенный в свет издательством «Академия», содержит все наиболее ценные литературные работы Меринга. Наряду с большими работами, как «Легенда о Лессинге», биография Шиллера, в издание включены статьи о Гете, Винкельмане, Гердере, Клейсте, Платене, Фрейлиграте, Геббеле, Гейне, Гауптмане, Ибсене и др. В двухтомник включены также статьи по вопросам эстетики: «Эстетические разведки», посвященные анализу эстетики Канта, Шиллера и современного Мерингу натурализма. Большая статья тов. Лукача дает критический разбор теоретических взглядов Меринга. Таким образом настоящее издание позволяет советскому читателю более основательно ознакомиться с литературными взглядами Ф. Меринга.

Работы Меринга, посвященные вопросам эстетики и литературы, несмотря на ряд весьма существенных ошибок в методе и конкретных оценках, сохраняют большое значение. При глубокой разработке проблем марксистско-ленинской эстетики нельзя пройти мимо них. Меринг поучителен не только там, где он развивает правильные положения, идет по верному пути, но и там, где он не освободился из плена ложных теоретических представлений. Его ошибки не являются чисто индивидуальными заблуждениями: они типичны для определенного теоретического направления. Несмотря на то что Меринг в свое время вел борьбу против махрового оппортунизма в германской социал-демократии, против ревизионизма, он не смог полностью и до конца порвать с идеологическими предрассудками и «пережитками» II интернационала. Поэтому преодоление и критика ошибок Меринга являются необходимой составной частью работы над проблемами марксистской литературной науки.

Политический и теоретический путь Меринга сложен и извилист. Вначале буржуазный демократ, Меринг был затем в плену у идеалистической теории, потом примкнул к германской социал-демократии, к концу жизни боролся на ее левом фланге, участвовал в организации группы «Спартак» и вступил в германскую коммунистическую партию. Борясь против ревизионизма и оппортунизма, он не смог, однако, до конца усвоить последовательные взгляды революционного марксизма. Этим определяется отношение марксизма-ленинизма к литературно-критическим работам Меринга. Мы далеки от того, чтобы об'являть его взгляды ортодоксальным марксизмом, но не менее далеки и от того, чтобы запросто сбрасывать со счета его литературное наследство. Задача заключается в том, чтобы установить действительное место Меринга как литературного критика.

В свое время статьи Меринга играли большую роль в германской социал-демократии. Меринг прекрасно понимал, что область эстетики не

является чем-то чуждым классовой борьбе пролетариата. В ряде блестящих по своей эрудиции статей Меринг показал, что лишь пролетариат — действительный наследник лучших традиций и произведений классического периода буржуазной литературы. Так, в своей работе о Лессинге Меринг говорит: «Жизненный труд Лессинга принадлежит не буржуазии, а пролетариату»[1]. В статье о Гете Меринг указывает: «До сих пор еще искусство является привилегией незначительного меньшинства, которое к тому же, для вящшего своего прославления, сочинило наглый догмат, что массы никогда не смогут переносить полный солнечный свет искусства и должны, в лучшем случае, довольствоваться лишь немногими, более слабыми лучами этого света»[2]. Этот догмат господствующих классов Меринг клеймит как смешную, клеветническую нелепость. Он предсказывает время, когда погибнут привилегированные классы и имя Гете взойдет, «излучая свет и теплоту, как солнце, выступающее из облаков».

Меринг чрезвычайно высоко ценит буржуазную литературу классического периода как наследство, от которого пролетариат не отказывается, ибо это была литература поднимающегося, революционного класса, идущего на штурм старого общества. Современная буржуазия изображает великих борцов за ее идеи как филистеров, сглаживает слишком острые углы в их мировоззрении, причесывает их согласно своим теперешним реакционным потребностям. Меринг разоблачает легенды, созданные официальной буржуазной историографией, и справедливо видит в Лессинге наиболее яркого выразителя «классового самосознания буржуазии своего времени».

Привлекая большой и убедительный исторический материал, Меринг вскрывает убожество германской общественной жизни периода Лессинга, Гете и Шиллера, показывает среду, в которой развивался их поэтический гений, препятствия, которые они вынуждены были преодолевать. Историческая сторона работ Меринга представляет наибольшую ценность. С большой эрудицией и убедительно он раскрывает истинное неприглядное лицо Германии периода «просвещенного деспотизма» Фридриха, периода германской раздробленности, когда удельные князья торговали своими подданными, поставляя наемных солдат в армии соседних государств. В работах о Лессинге и Шиллере, в статье о Гете Меринг раскрывает связь между общественными условиями, в которых развивались эти гении, и их искусством.

В своих конкретных оценках, в анализе произведений Лессинга, Гете, Шиллера, Гейне, Ибсена и др. Меринг высказывает ряд интересных и заслуживающих внимания мыслей. Он не ограничивается чисто внешней характеристикой произведений, а стремится вскрыть их основную идею и установить степень ее соответствия действительности. Меринг прекрасно понимает, что новый класс, идущий на смену буржуазии, требует реалистического отражения действительности. Он упрекает Ибсена в том, что образы ряда его героев нежизненны, неправдивы. Рассматривая драматургию германского натурализма, Гауптмана и др., Меринг замечает: «Действительная беда современных драматургов заключается в их нежелании или неспособности выбирать сюжеты, в которых современная жизнь действительно бьется сильным и горячим пульсом»[3]. Меринг критикует германских натуралистов за то, что они «со священным ужасом сторонятся всякого художественного описания, которое хотя бы косвенно касается освободительной борьбы пролетариата. Они скорее погрузятся в любой мистический и символический туман, чем пойдут на это». Несмотря на то, что германский натурализм в первые годы своего появления щеголял со-

---

[1] Ф. Меринг «Литературно-критические статьи». Т. I, стр. 469.

[2] Там же, стр. 535—536.

[3] Ф. Меринг «Литературно-критические статьи». Т. II, стр. 322.

циальной фразеологией и социал-демократические критики об'являли его «новым словом», Меринг быстро разгадал буржуазную сущность натурализма; не будучи в состоянии отказаться от изображения мерзости буржуазного общества, натурализм остается целиком на почве этого общества и выступает в качестве его апологета.

Отметим еще одно положение, имеющее принципиальное значение. Меринг в статье о Гауптмане пишет:

«Отвержение традиционных драматических форм представляет большой прогресс, если таким путем может и должно быть завоевано новое содержание драмы, но оно превращается во зло, если является самоцелью, если реалистическое воспроизведение случайных внешних черт оно ставит выше духовного отражения исторического процесса» [1]. Это положение весьма важно, ибо критерием поисков новых форм Меринг выдвигает здесь новое содержание. В качестве высшего критерия реальности изображения Меринг выдвигает не простое копирование внешних черт, а верную передачу хода исторического процесса. Понятие реализма приобретает здесь более глубокое содержание чем просто верное изображение деталей жизни.

Мы привели лишь очень немногое из того, что составляет сильную сторону работ Меринга. Однако, как указывалось выше, взгляды Меринга страдают непоследовательностью и ошибками.

Меринг не понял достаточно глубоко метод Маркса и Энгельса и, пытаясь применить его в области эстетической, во многих пунктах пошел по ложному пути. Он более силен как историк; философия была его слабой стороной. Диалектический метод Маркса не получил у Меринга полного развития. Неуменье в полной мере пользоваться диалектическим методом особенно сильно сказалось у Меринга в решении вопроса о сущности искусства, этого основного вопроса всякой эстетики.

Меринг стремится примирить Канта с действительностью. Констатируя, что «чистого эстетического отношения» не существует, он все же считает вторжение практических критериев в область эстетики нарушением ее законов. Меринг нападает на докантовскую эстетику за то, что она «рекомендовала искусству плоское подражание природе или связывала искусство морально, или рассматривала его как скрытую форму философии» [2]. В противовес этой эстетике Меринг выдвигает Канта, который, по его мнению, показал «в глубоко продуманной, хотя именно поэтому искусственно конструированной, но богатой свободными и широкими перспективами системе,—что искусство представляет отличительную и первичную способность человечества» [3].

Излагая взгляды Канта, Меринг пишет: «Если Кант, следовательно, говорит, что эстетическое наслаждение не является ни логическим, ни этическим, что всякое суждение о красоте, к которому примешивается малейший интерес, очень партийно и не есть чистое суждение вкуса, то он обосновал свой абстрактно-абсолютный тезис наиболее убедительным образом» [4]. Таким образом, кантовский тезис о незаинтересованности эстетического суждения принимается Мерингом в качестве критерия. Говоря, что эстетическое чувство пролетариата «носит за собой славную моральную косичку», он об'ясняет это лишь обостренностью политической борьбы и считает нарушением эстетических принципов: «Во все революционные эпохи, у всех борющихся за свое освобождение классов вкус всегда будет в сильной степени затемняться логикой и этикой, что, в переводе

---

[1] Ф. Меринг «Литературно-критические статьи». Т. II, стр. 367.
[2] Там же, стр. 442.
[3] Там же, стр. 442—443.
[4] Там же, стр. 465.

на язык философии, означает только, что там, где сильно напряжены способности познания и желания, там всегда ущемляется эстетическая сила суждения» [1].

Все эти положения не являются у Меринга случайными оговорками, они проводятся им в ряде работ. Так, в статье о Толстом Меринг заявляет: «Наиболее богатая жизнь суждена литературе тогда, когда экономия и политика еще недостаточно созрели, чтобы вызвать исторический переворот, который уже возвещает о себе сотнями языков» [2].

Он отрицает также возможность создания пролетариатом своих великих произведений искусства в период ожесточенной классовой борьбы, ибо «когда гремит оружие, музы молчат». Расцвет социалистического искусства, по мнению Меринга, наступит лишь в социалистическом обществе. Действительность полностью опровергла эти взгляды Меринга. Пролетарские художники в период борьбы за социализм создали произведения непреходящей ценности.

Меринг принимает и основную предпосылку кантовой эстетики. Вслед за Кантом он считает, что основная проблема всякой эстетики сводится к решению вопроса о том, как возможны об'ективные основания эстетических суждений, как можно спорить о вкусах, если эстетический вкус суб'ективен и индивидуален. Однако самая постановка проблемы неправильна. Марксизм знает, что эстетические суждения, какими бы индивидуальными отличиями они ни обладали, имеют свою почву в общественных условиях, являются суждениями определенного класса, на определенной стадии исторического развития и в конкретных условиях. Поэтому основная проблема марксистской эстетики сводится к установлению причин возникновения тех или иных эстетических представлений у различных классов, к анализу форм проявления классовой борьбы в области эстетической. При этом марксизм не обособляет эстетического, не противопоставляет его этике или политике, а рассматривает его в конкретной связи со всеми другими сторонами общественной жизни. Вторжение политики, философии в область эстетических суждений для марксизма является не нарушением чистых эстетических принципов, а законом.

Мы так подробно остановились на рассмотрении этих положений Меринга потому, что они достаточно живучи, имеют седых предков и юных апологетов. Кроме того, отправляясь от этих неправильных положений, Меринг приходит к ряду неправильных выводов. Так, он разделяет и противопоставляет друг другу область поэзии и область политики. «Политика и поэзия, — говорит он, — представляют раздельные области; границы их не должны стираться...» Меринг пытается оспорить справедливость сурового осуждения Марксом и Энгельсом ренегатства немецкого поэта Фрейлиграта, одно время пытавшегося сблизиться с революционным движением пролетариата. Полемизируя с Марксом и Энгельсом, Меринг заявляет: «...Они упустили из виду, что поэт имеет право говорить на собственном языке, который по своей логической четкости не должен и не может равняться с научным» [3]. Маркс и Энгельс прекрасно понимали различие между языком поэзии и языком науки; но они знали также, что поэтическое творчество является оружием в борьбе; именно поэтому они подвергли осуждению Фрейлиграта за его так называемый «истинный социализм», едко ими осмеянный, и за его ренегатство.

Сущность ревизии взглядов Маркса и Энгельса в отношении Фрейлиграта не сводится у Меринга к этой «поправке»; Меринг устанавливает тот принцип, что поэт должен стоять «на башне более высокой, чем выш-

---

[1] Ф. Меринг «Литературно-критические статьи». Т. II, стр. 467—468.
[2] Там же, стр. 290.
[3] Там же, стр. 75—76.

ка партии». Эта попытка провозгласить надпартийность «настоящего искусства», имеющая своей основой кантианство, в корне противоречит взглядам Маркса и Энгельса на искусство.

Проблема партийности искусства осталась для Меринга по существу книгой за семью печатями, как бы он ни настаивал в отдельных своих выступлениях на том, что художник должен отражать в своих произведениях борьбу пролетариата. Эта проблема осталась не понятой Мерингом, ибо она была несовместима с эстетикой Канта. Совершенно несомненно, что партийность художественных произведений, сознательное выражение в них мировоззрения передового класса, основанного на истинном понимании действительности, не только не снижает ценности искусства, но, наоборот, придает ему огромную силу.

Преувеличенная оценка кантовской эстетики приводит Меринга к переоценке творчества Шиллера и его эстетических взглядов, целиком основанных на эстетике Канта. Он упрекает гегелевскую эстетику в том, что она «ударилась в безмерное восхищение Шекспиром». Между тем гегелевская эстетика была, несомненно, права, когда она отмечала реалистическое мастерство Шекспира и отдавала предпочтение его методу в сравнении с методом Шиллера. Меринг, игнорируя достижения эстетики Гегеля, плененный Кантом, стремится реабилитировать метод Шиллера и здесь снова выступает в качестве ревизиониста взглядов Маркса. Маркс указывал в свое время, что шиллеровское бегство к кантовскому идеалу «в конце концов сводилось к замене пошлого убожества убожеством высокопарным», противопоставляя шиллеровскому методу метод Шекспира и Гете. Меринг и здесь выступает с критикой Маркса. Он заявляет, что Гете в сравнении с Шиллером «не является более активной натурой», как это считал Маркс. Более того, Меринг считает Шиллера более продуктивным в области философии чем Гете.

Следует отметить еще одну черту в работах Меринга, имеющую методологическое значение. Меринг наиболее силен там, где он раскрывает конкретные исторические условия, в которых развивалась классическая германская литература. Бесспорны его характеристики Лессинга и Шиллера как представителей германской буржуазии в период, когда она готовилась выступить на штурм феодализма, но в силу неразвитости германских общественных условий остановилась в своей критике и в своем протесте на полдороге. Но самый метод анализа связи между конкретными экономическими условиями и характером творчества рассматриваемых Мерингом поэтов далеко не является бесспорным.

В об'яснениях литературных фактов Меринг не анализирует всей сложности идейной атмосферы данной эпохи. Хотя Меринг стремится разоблачить легенды буржуазной историографии, противопоставляя им свою концепцию, все же в подходе к проблеме он зачастую следует тем рамкам, которые установлены идеалистическим методом исторического анализа. Во многих случаях среда, обусловившая творчество писателя, рассматривается Мерингом как быт писателя. Между тем в понятие общественной среды входит вся совокупность общественных условий—философия, право, политика, формы общественного строя и классовой борьбы. Эта сложность связей между творчеством писателя и эпохой не раскрывается Мерингом, а вследствие этого он не может раскрыть и всех особенностей творчества писателя.

Даже в таких работах, как «Легенда о Лессинге» и биография Шиллера, Меринг не выходит из круга взаимоотношений личностей, семейной жизни, отношений поэтов с придворными кругами. Все это интересный материал, но он может играть лишь подсобную роль и еще не дает полного представления об эпохе. В статье о Геббеле Меринг об'ясняет удачи поэта чисто биографическими моментами; основное настроение произве-

дения Геббеля «Женевьева» он об'ясняет тем, что в это время Геббель «воспылал сильной страстью к девушке, на которой не мог жениться, и муки этой безнадежной любви выплакивал на груди девушки, которая содержала его и уже носила под своим сердцем ребенка от него». Такого рода об'яснений немало у Меринга. Никто, разумеется, не будет отрицать, что личное в жизни поэта отражается в его произведениях. Но марксистская критика не может удовлетвориться таким поверхностным суждением; она ставит и исследует основной вопрос: каким образом это личное становится общественным фактом, почему настроения, созданные личными причинами, воспринимаются как выражение общественных настроений? А этого-то вопроса Меринг, по существу, и не ставит, останавливаясь там, где задача марксиста только начинается. Преклонение Гейне перед Наполеоном, в сущности выражавшее революционное настроение Гейне, ибо в Наполеоне Гейне воспевал разрушителя феодальных оков, порождение французской революции, Меринг об'ясняет лишь тем, что французское господство в Рейнской области, откуда происходил Гейне, «освободило немецкое еврейство от позорных оков». Вообще национальное происхождение Гейне Меринг делает ключом к раскрытию его творчества. Это происхождение, как он говорит, составляло «все счастье и несчастье его жизни». Однако всю сложность поэзии Гейне, ее огромное историческое значение нельзя вместить в узкие рамки его национальной принадлежности.

Основной порок — переоценка кантовской эстетики — привел Меринга к отрицанию возможности создания пролетариатом своих великих произведений в период борьбы за социализм. В этом отношении характерна статья о «социалистической лирике». Знаменательно, что в этой работе Меринг рассматривает лишь Гервега, Фрейлиграта и Гейне. Однако он сам вынужден признать, что ни один из них не может быть назван «просто социалистическим лириком». Причисление этих поэтов к социалистическим лирикам об'ясняется у Меринга тем, что они «находились в более или менее тесном общении с ведущими величинами немецкой социал-демократии, в особенности с Марксом и Лассалем». Если оставить в стороне эту свойственную Мерингу концепцию, ставящую в один ряд Маркса и Лассаля, то неправильно на основании временных отношений, существовавших между Марксом и тремя этими поэтами, зачислять их, хотя бы условно, в «социалистические лирики». Творчество этих трех поэтов, взятое в целом, хотя они и находились одно время под влиянием Маркса, не дает для этого основания. После периода сотрудничества с Марксом все они так или иначе отошли от социалистического движения и не поняли его идей. Даже Генрих Гейне, самый умный и талантливый из них, боялся прихода коммунизма, воображал, что коммунисты «своими грубыми руками... беспощадно разобьют все мраморные статуи красоты», столь дорогие его сердцу. Маркс оказал огромное влияние на творчество Гейне; несомненно, Маркс направил его на путь сатиры и бичевания убогой немецкой действительности того времени. Однако при всем том Гейне не вырос в социалистического поэта, хотя его поэзия сыграла большую роль не только в борьбе с феодализмом, но и в разоблачении буржуазии.

В статье о «социалистической лирике», вернее о Гервеге, Фрейлиграте и Гейне, Меринг выдвигает следующее положение, которое бросает свет на причину его ошибок в определении социалистической лирики. «История социалистической лирики,—говорит Меринг,—еще не написана, и нельзя надеяться, что она будет скоро или вообще когда-либо написана. Если понятие социализма до известной степени является не совсем определенным в области политической науки, то еще менее определенным оно является в области эстетики» [1].

[1] Ф. Меринг «Литературно-критические статьи». Т. II, стр. 61.

Мы далеко не исчерпали характеристику работ Меринга. Критикуя слабые стороны работ Меринга, мы, однако, ни на минуту не должны забывать и о положительных сторонах его работ. Необходимо внимательно и тщательно изучать литературное наследство Меринга. Это изучение поможет и нашей советской критике освободиться от многих ее недостатков. Несмотря на ошибки Меринг принадлежит нам. Положительные стороны его учения о литературе являются для нас основным и существенным, и критика его недостатков имеет своей целью еще более выпукло подчеркнуть тот вклад в марксистскую литературную науку, который внес Меринг.

Однако подлинная высокая оценка литературного наследства Меринга заключается не в замалчивании его слабых сторон, а в их критике. Это единственный путь, дающий возможность правильно использовать работы Меринга. Вооруженные методом Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, мы имеем возможность рассмотреть проблемы, которых касался Меринг, с более «высокой исторической вышки».

И. БЕСПАЛОВ

Ганди „Моя жизнь“

Перевод с английского. С предисловием Р. Ульяновского. Под редакцией И. М. Рейснера. Соцэкгиз. 1934. 337 стр. 3 р. 50 к.

Автобиография Махатмы Ганди, выпущенная Соцэкгизом под заглавием «Моя жизнь», по-английски носит более претенциозное название: «Мои опыты искания истины». По мнению издательства, «книга дает яркую картину политической деятельности Ганди и его роли в нацреформизме на службе у индийской буржуазии и английских империалистов. В этом отношении автобиография Ганди является лучшим саморазоблачением, почти не требующим комментария». Эта рекомендация является не только преувеличением, но и явным искажением того, что есть. Если бы хитрый ханжа, ловкий фокусник национал-реформизма полагал, что его автобиография не будет служить определенным политическим целям, а, наоборот, помешает его соглашательскому мистификаторству, он, наверное, не пустил бы в оборот своих «Опытов искания истины». Все произведение выдержано в тоне самоуниженного лицемерия — лицемерия, стелящегося до земли. Ганди как будто тщательно перечисляет все случаи, когда ему доводилось оказывать услуги британскому империализму. Но о главном, об услугах наиболее серьезных, когда он вместе с Национальным конгрессом становился между империализмом и мятежными массами, чтобы отвести удар революции от поработителей страны, он не говорит. Куцая автобиография ставит точку на самом интересном месте, на 1921 годе. О предательстве в Бардоли в 1922 г., когда по почину Ганди комитет конгресса положил конец кампании гражданского неповиновения, испугавшись перехода крестьян от пассивного неподчинения английским чиновникам к открытой борьбе против английских империалистических насильников и индийских полуфеодальных помещиков, в автобиографии ни словечка. Ни слова и обо всем последующем.

Спрашивается: как же такая автобиография может быть приравнена к уничтожающей и чуть ли не исчерпывающей самокритике гандизма? Очевидно, либо по незнанию либо вследствие отсутствия ясного понимания существа гандизма. Сущность гандизма не «улавливается» с помощью пары—другой бойких цитат. Она раскрывается анализом классовой политики индийской буржуазии, которая весь послевоенный период прилагала свои главнейшие усилия к тому, чтобы через массовое антиимпериалистическое, рабочее и крестьянское движение пробивать себе дорогу к переговорам и капитулянтским сделкам с британским империализмом.

Говорят, стиль — это человек. Фальшиво самоуниженный стиль автобиографии Ганди создает такое впечатление, будто читатель попал на собрание «Армии спасения» и его обращают в истинную и вполне «потустороннюю» веру по каждому пустяку: и по вопросу о том, сколько нужно пить молока, чтобы не страдать от разнузданных страстей, и по пункту о неудобствах езды в III классе по Индии и по Африке, и насчет необходимости сугубо вежливого обращения с британскими джентльменами, представляющими не только «моральный авторитет империи», но и увесистость ее кулака.

Чтобы понять манеру письма, стиль и жанр автобиографии Ганди, нужно несколько заинтересоваться хитрой механикой национал-реформистского обмана масс колониально порабощенной страны.

Гандизм — специфическая классовая идеология и политика индийской буржуазии. Это усвоил даже автор весьма неудачного предисловия к автобиографии. Но гандизм передает ряд своеобразных колониальных черт индийского буржуазного и мелкобуржуазного бытия. Здесь буржуазия использует рабскую приниженность и придавленность, патриархальную веру в действительность мужицкого «бунта на коленях» для отвлечения в другое русло массовой революционной энергии, для борьбы с революционизированием масс. Эту рабскую пассивность, продиктованную неверием в свои силы и боязнью борьбы, гандизм сумел претворить в принцип политического действия, в форму проявления массового протеста, в средство ограничения массовой борьбы «законными и мирными путями». Гандизм развил тактику, основывающуюся на принципиальном отказе от всякого насилия и допускающую протест лишь в форме пассивного уклонения от выполнения правительственных предписаний и законов. Эта тактика имеет самые разнообразные варианты: начиная с массового отказа от пользования правительственными учреждениями, отказа от платежа налогов в отдельных местностях и кончая незаконной вываркой морской соли в нарушение монопольных прав английской казны.

Гандизм апеллирует к «моральному превосходству», к превосходству «чистоты намерений», к внутренней, психологической «отрешенности» от всяких мыслей о насилии, стараясь увести массы от намерения померяться силами с империалистическими поработителями. В основе этого лежит корыстный классовый расчет буржуазии, которая пытается создать себе якобы самостоятельную «национальную» позицию между империализмом и революцией и которая на деле блокируется с империализмом, капитулируя перед ним в целях борьбы с угрозой народной революции. Гандизм «художественно оформляет» этот классовый расчет, приспособляясь к условиям времени. Вспомним, что писал Ленин: «Пессимизм, непротивленство, апелляция к «Духу» есть идеология, неизбежно появляющаяся в такую эпоху, когда весь старый строй «переворотился» и когда масса, воспитанная в этом старом строе, с молоком матери впитавшая в себя начала, привычки, традиции, верования этого строя, не видит и не может видеть, каков «укладывающийся» новый строй, какие общественные силы и как именно его «укладывают», какие общественные силы способны принести избавление от неисчислимых, особенно острых бедствий, свойственных эпохам «ломки» [1].

Гандизм превращает непротивленство, распространенное в настроениях широких мелкобуржуазных — городских и деревенских — масс, которые только что начали пробуждаться (а в 350-миллионной стране новые миллионы и десятки миллионов постоянно, ежедневно, ежегодно начинают пробуждаться!), в средство сопротивления революции. Он

[1] Ленин. 3-е изд. Т. XV, стр. 102.

выдает бессилие за всесилие, стараясь культивировать массобоязнь, боязнь революции. Именно на фоне этой политики фокусничество Ганди принимает гипертрофически раздутое политическое значение. Индийская буржуазия сделала Ганди общенациональным барометром политической погоды в Индии. В такую оригинально юродствующую форму облекла индийская буржуазия свои притязания на монопольное политическое руководство национально-освободительным движением.

«Ганди голодает», «Ганди начал принимать апельсинный сок», «Ганди написал вицекоролю, «Ганди считает, что атмосфера насилия требует прекращения гражданского неповиновения»—подобными газетными анонсами разукрашивается фасад политической жизни Индии за последние полтора десятка лет.

Делая сногсшибательную рекламу Ганди, индийская буржуазия закрывала этой ханжески-плутовской фигурой миллионам трудящихся глаза на вулканические взрывы пролетарских революционных выступлений и крестьянских восстаний.

Правда, Ганди в последнее время явно «переиграл», увенчав провал последней кампании гражданского неповиновения аскетическим заключением. Однако это не индивидуальная вина Ганди, а следствие кризиса национал-реформистского капитулянства. Уроки пролетарских боев, крестьянских восстаний и антиимпериалистских выступлений периода 1930 — 1934 гг., вплоть до последней всеобщей стачки текстильщиков, уже нельзя вытравить из сознания масс.

На страницах своей автобиографии Ганди юродствует вволю. Он привык и приучен к тому, чтобы его жизненные отправления, переживания и происшествия служили чуть ли не лозунгами официальной национально-буржуазной жизни Индии. Поэтому читатель узнает, что в вегетарианских столовых Лондона можно получить вегетарианские блюда (стр. 81), что идеальной пищей для «брахмачарья» являются свежие фрукты и орехи. «При такой пище я совершенно не знал страстей» (стр. 141), что за перенесение тела сына лорда Робертса с поля битвы во время англо-бурской войны английские солдаты вознаградили Ганди и его присных милостивым разрешением удовлетворить их жажду.

Правда, есть отдельные страницы, где юродствующий фокусник излагает довольно открыто свои верноподданнические чувства перед английским империализмом. Но это отдельные страницы, и лучше было бы поторопиться с изданием речей Ганди, чем заставлять советского читателя мучиться в этой пустыне ханжеского скудоумия и фальши. Еще лучше и разумнее было бы подобрать и издать выступления Ганди периода 1929—1934 г., несравненно более классово отточенные и более далекие... от «брахмачарья».

В своей автобиографии Ганди творит целую легенду вокруг «открытия» им самопрялки. Он ее искал без малого десять лет, с 1908 по 1917 год, пока, наконец, не нашел совершенно подходящий ручной станок. Самопрялка для тканья «хади» была нужна не для того, чтобы вернуться из фабричного ада в золотое царство древних Ведд, а для того, чтобы дать паллиатив против деревенской безработицы и вместе с тем отвлечь крестьян от борьбы с помещиками.

Великолепна мотивировка Ганди по поводу поддержки им британского империализма в первой мировой бойне. Непротивленец и аскетический потребитель фруктов и орехов пишет: «Я надеялся улучшить свое положение и положение моего народа, служа Британской империи. Находясь в Англии, я пользовался защитой британского флота, и тем самым, что я искал убежища под охраной его вооруженной мощи, я непосредственно участвовал в его возможных насильственных действиях» (стр. 193).

Тут невольно приходит на ум убийственная характеристика, приве-

денная Лениным, либерала, «который... боится «занять место» падающего класса»[1].

Ганди приводит отдельные примеры дикого империалистического глумления над человеческим достоинством колониальных рабов. Но показательно, насколько для него это является вопросом личного неудобства, «трудностей» раболепного приспособления. Такие вещи он переносит целиком в сферу морализирующей критики, совершенно «лишенной страстей».

И это понятно: для него как представителя имущего класса эти унижения целиком заслоняются заботами о нахождении метафизического равновесия между силами империализма и силами революции, такого равновесия, при котором суперарбитром оказался бы национал-реформизм. В колонизаторских издевательствах для него как представителя буржуазно-помещичьей среды не находит отражения факт нечеловеческого порабощения трудящегося и эксплоатируемого большинства страны.

Недвусмысленно рисуясь, Ганди рассказывает об оригинальном способе примирения труда и капитала с помощью... поста. «Мой пост, — горюет Махатма, — был не лишен некоторых отрицательных сторон... Я был в очень тесных и дружественных отношениях с фабрикантами, и мой пост не мог не отразиться на их решениях и поведении. В качестве последователя движения сатьяграхи (упорствования в отстаивании истины при абсолютном отказе от насилия.—*Г. С.)* я не имел права поститься, чтобы вынудить у них то, что желательно было мне» (стр. 235).

Описав эти «страсти-мордасти», Ганди осведомляет читателя о том, как дело повернулось к благополучному концу: «В первые дни со мной заодно постились несколько друзей и рабочих, но я быстро убедил их отказаться от этого. В результате создалась очень благоприятная атмосфера. Оттаяли сердца фабрикантов, которые принялись изыскивать средства для соглашения» (стр. 236. Разрядка наша. — *Г. С.*).

В 1934 г. Махатма, т. е. святой, уже не склонен убеждать рабочих и крестьян постом и молитвою. «Огрубел» и «очерствел» народ под натиском империализма, полуфеодальных помещиков и ростовщиков, под нажимом наступающего капитала.

25 июля 1934 г. к Ганди, в Каунпуре, явилась депутация заминдаров Бенареса. обеспокоенных ростом революционных настроений крестьянства. Ганди успокоил испуганных паразитов. «Наш социализм или коммунизм (!),—заявил он,—должен базироваться не на насилии, а на гармоническом сотрудничестве труда и капитала, помещика и арендатора. В воззрениях конгресса нет ничего такого, что бы могло пугать вас. Переверните новую страницу в отношениях заминдаров и райотов, и вы найдете нас на вашей стороне, ревностно защищающими ваши частные права и собственность». Ганди показывает клыки собственника: «Классовая война чужда индийскому гению, способному эволюционировать и к коммунизму, но на широкой базе принципиально равной справедливости для всех»[2].

«Равная» справедливость для рабочего, выбрасываемого на улицу индийским капиталистом во имя процветания национальной промышленности, и для капиталиста, загребающего многомиллионные прибыли; для крестьянина, вколачиваемого в гроб помещиком, и для полуфеодального паразита, экспроприирующего крестьян; для колониального раба и для империалиста-рабовладельца, — таков гандизм без прикрас.

Только «порочные иностранцы» способны совращать Индию на большевистскую дорогу. «Мы сами», индийские буржуа, сочинившие для массового потребления суррогат освободительной борьбы, можем сфабрико-

---

[1] Ленин. Т. XV, стр. 119.
[2] «The Mahratta» от 12 августа 1934 г.

вать дополнительную подделку под коммунизм с увековечением империализма, наемного рабства и полуфеодального паразитизма. Так агитирует Махатма в 1934 г. О коммунизме приходится говорить, о нем заставляют говорить недовольные массы, он сделался внутренней опасностью для Индии несмотря на неистовые потуги британского империализма превратить всю Индию в одну большую тюрьму, потребляющую водянистое млеко гандизма.

Указывая на политику империалистов, товарищ Сталин сказал: «Господа буржуа рассчитывают залить эти страны кровью и опереться на полицейские штыки, призвав на помощь людей вроде Ганди. Не может быть сомнения, что полицейские штыки—плохая опора. Царизм тоже старался в свое время опереться на полицейские штыки, но какая из этого вышла опора—всем известно. Что касается помощников типа Ганди, то царизм имел их целое стадо в лице либеральных соглашателей всякого рода, из чего, однако, ничего, кроме конфуза, не получилось» [1].

Автобиография Ганди—убогая самореклама. При чтении ее поражает хамелеонская робость мысли, боязнь смелого образа и сравнения, обилие поповского наставничества без намека на какую-нибудь самостоятельную идею. Это — свидетельство о бедности, выданное гандизмом самому себе.

Г. САФАРОВ

[1] Политический отчет ЦК XVI с'езду ВКП(б).

Уполномоченный Главлита № В — 102112.
Тираж 500 000 экз.
В 1 п. л. 63 000 зн. 3 бум. листа.
Изд. № 1160.

Редакция: А. Стецкий (редактор), В. Кнорин, П. Поспелов, Б. Таль

Материал сдан в набор 5/XII 1934 г., подписан к печати 8/XII 1934 г. Заказ № 454

Типография газ. „Правда" им. Сталина, Москва, ул. „Правды", 8.

СПИСОК КНИГ, ПОСТУПИВШИХ НА ОТЗЫВ В РЕДАКЦИЮ „БОЛЬШЕВИКА"

ГОСУД. ИЗД-ВО „СТАНДАРТИЗАЦИЯ И РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ"

1. **БОЛЬШАКОВ МИХ. и РУБИНСКИЙ ВЛ. Камчатская область.** 1934. 142 стр. 3 р.

ГОРЬКОВСКОЕ КРАЕВОЕ ИЗД-ВО

1. **Социалистическое строительство и экономика Горьковского края.** Экономический справочник. Т. I. 1934. 175 стр. 3 р.

САРАТОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗД-ВО

1. **ТАМБОВЦЕВ Н. Я. За высокие колхозные доходы и большевистское распределение.** (Саратовский научно - исследовательский колхозный институт). 1934. 62 стр. 60 к.

АКАДЕМИЯ

1. **НЕКРАСОВ Н. А. Полное собрание стихотворений.** 1934. 783 стр. 10 р. в перепл.
2. **Слово о полку Игореве.** 1934. 303 стр. 15 р. в перепл.
3. **СЕРВАНТЕС. Дон Кихот.** Т. II. 1934. 910 стр. 10 р. в перепл.

ГИХЛ

1. **ПИСАРЕВ Д. И. Избранные сочинения в двух томах.** Т. I. 1934. 600 стр. 9 р. в перепл.
2. **МАЯКОВСКИЙ В. В.** Т. III. **Мистерия-Буфф.** 1934. 262 стр. Т. VI—**Владимир Ильич Ленин.** 1934. 243 стр. 4 р. 50 к. в перепл.
3. **ЭРЕНБУРГ И. День второй.** 2-е изд. 1934. 255 стр. 4 р. 50 к. в перепл.
4. **ПРИШВИН МИХАИЛ. В краю испуганных птиц.** 1934. 191 стр., 3 р. 50 к. в перепл.
5. **ИВАНОВ ВСЕВОЛОД. Партизанские повести.** 1934. 268 стр. 3 р. 75 к. в перепл.
6. **Поэты Армении.** Перевод А. Гатова. 1934. 119 стр. 3 р. в перепл.
7. **ГИДАШ АНАТОЛЬ. Москва — родина.** Избранные стихи. Перевод А. Кочеткова и А. Ромма. 1934. 169 стр. 3 р. 50 к.
8. **РУСТАМ-ЗАДЕ СУЛЕЙМАН. Стихи.** Перевод с тюркского. 1934. 48 стр. 75 к.
9. **АЛЬБЕРТИ РАФАЭЛЬ. Стихи. Испанские крестьяне (Эстремадура).** 1934. 54 стр. 1 р. в перепл.
10. **Из истории реализма XIX века на Западе.** Сборник статей. 1934. 294 стр. 4 р. в перепл.
11. **ФЛОБЕР ГЮСТАВ. Три повести.** Перевод с французского. 1934. 185 стр. 2 р. 75 к. в перепл.
12. **ДИККЕНС ЧАРЛЬЗ. Посмертные записки Пиквикского клуба.** 1934. 730 стр. 8 р. 50 к. в перепл.
13. **МОРИАК ФРАНСУА. Клубок змей.** Перевод с французского. 1934. 143 стр. 2 р. 75 к. в перепл.
14. **ШАМСОН АНДРЭ. Преступление праведников.** Перевод с французского. 1934. 88 стр. 1 р. 50 к. в перепл.
15. **ГЕРГЕЛЬ ШАНДОР. Что-то готовится.** Перевод с венгерского. 1934. 215 стр. 3 р. в перепл.
16. **РЕГЕР Э. Уния сильной руки.** Перевод с немецкого. 1934. 396 стр. 5 р. 50 к. в перепл.

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. **БАГРИЦКИЙ ЭДУАРД. Однотомник.** 1934. 252 стр. 4 р. 50 к. в перепл.
2. **ГЕРАСИМОВА В. Человек без подробностей.** 1934. 246 стр. 3 руб. в перепл.
3. **АВДЕЕВ ВИКТОР. Карапет.** 1934. 178 стр. 2 р. 15 к. в перепл.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ В ЛЕНИНГРАДЕ

1. **ЕВГЕНЬЕВ - МАКСИМОВ В. «Современник» в 40-50-х гг.** 1934. 454 стр. 7 р. 50 к. в перепл.
2. **РОЗЕНФЕЛЬД СЕМЕН. Старинная повесть.** 1934. 267 стр. 6 руб. в перепл.
3. **ЧУКОВСКИЙ Н. Юность.** 1934. 178 стр. 2 р. 25 к. в перепл.
4. **ЛЕБЕДЕНКО А. Г. Первая министерская.** 1934. 268 стр. 4 р. 50 к. в перепл.
5. **АСЕЕВ Н. Обнова.** Стихи. 1934. 117 стр. 4 р. в перепл.
6. **КОЗАКОВ МИХАИЛ. Три повести.** 1934. 299 стр. 5 р. в перепл.
7. **АНТОКОЛЬСКИЙ П. Стихотворения и поэмы.** 1934. 319 стр. 7 р. в перепл.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ"

1. **ГРИН А. Фантастические новеллы.** 1934. 595 стр. 8 р. в перепл.

Цена 40 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1935 год

НА ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК
ЦК ВКП(б)

„БОЛЬШЕВИК"

В целях обеспечения систематического получения „БОЛЬШЕВИКА" с 1 января 1935 г. необходимо возобновить подписку заблаговременно — НЕ ПОЗЖЕ 15 ДЕКАБРЯ.

По выходе из печати „БОЛЬШЕВИК" в первую очередь доставляется подписчикам.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1935 г.:

на 3 мес. — 2 р. 40 к.
на 6 мес. — 4 р. 80 к.
на 12 мес. — 9 р. 60 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ во всех почтовых отделениях, организаторами подписки „Союзпечати" на предприятиях и уполномоченными по партпечати в партгруппах.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

№ 23 15 декабря № 23

МОСКВА
Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“
1934

С. М. КИРОВ И О КИРОВЕ

1. **КИРОВ, С. Ленинградские большевики между XVI и XVII с'ездами ВКП(б).** Доклады и речи 1930—1933 гг. Партиздат. 1934. 414 стр.

2. **КИРОВ, С. М. Статьи и речи 1934 г.** Партиздат. 1934. 189 стр. 2 р. в перепл.

3. **КИРОВ, С. Марксизм-ленинизм — это единственная наука, которая учит трудящихся побеждать своих врагов.** Речь на пленуме Ленинградского областкома и горкома ВКП(б) 10 октября 1934 г. Партиздат. 1934. 32 стр.

4. **С. М. КИРОВ (1886—1934). Материалы к биографии.** Партиздат. 1934. 110 стр. 50 к.

5. **Памяти С. М. Кирова (1886—1934).** Партиздат. 1934. 46 стр. 25 коп.

6. **Траурный митинг памяти С. М. Кирова на Красной площади 6 декабря 1934 г.** Партиздат. 1934. 31 стр. 20 к.

7. **Памяти руководителя, товарища, друга.** «Молодая гвардия». 1934. 62 стр. 25 к.

8. **Жизнь, отданная революции. Юным пионерам о Сергее Мироновиче Кирове.** «Молодая гвардия». 1934. 59 стр. 20 к.

9. **Sergej Mironowitsch Kirow.** Verlagsgenossenschaft Ausländischer Arbeiter in der UdSSR. 1934. S. 110. 70 k.

10. **Sergej Kirow — Der Kämpfer und Führer.** Verlagsgenossenschaft Ausländischer Arbeiter in der UdSSR. 1934. S. 46. 20 k.

11. **Sergey Mironovich Kirov.** Cooperative Publishing Society of Foreign Workers in the U. S. S. R. 1934. P. 96. 70 k.

12. **S. M. Kirov. In memoriam.** Cooperative Publishing Society of Foreign Workers in the U. S. S. R. 1934. P. 39. 20 k.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

Политико-экономический
ДВУХНЕДЕЛЬНИК
ЦК ВКП(б)

XI ГОД ИЗДАНИЯ

Адрес редакции:
Москва, ул. Горького, 48
Тел. 1-21-16. Кремль 2-90

№ 23 15 ДЕКАБРЯ 1934 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАВЕРШЕННЫЙ КРУГ ИЗМЕН И ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Уже немного дней отделяют нас от VII с'езда советов, к которому с величайшим под'емом готовится вся страна. От берегов Тихого океана до пограничных районов Белоруссии и Украины, от заполярных просторов Кировска (Хибиногорска) до советских субтропиков, до «пламенной Колхиды» — всюду заканчиваются выборы в советы, идут районные, областные и краевые с'езды советов. Выборы в советы явились подлинным смотром той гигантской работы, которая проделана за последние годы во всех областях социалистического строительства.

Когда лучшие ударники Москвы во время выборов об'езжали на автомобилях фабрики, заводы, до неузнаваемости преображенные, прекрасные улицы социалистической Москвы, они с гордостью и восторгом смотрели на дело своих рук. Не зря было потрачено столько героических усилий за годы первой и второй пятилеток! Нет уже такой машины, которую мы не смогли бы произвести на наших заводах. Наша черная металлургия 16 декабря выполнила свой годовой план, дав стране 10 миллионов тонн чугуна, увеличив за год свою продукцию на 48 процентов. Наша черная металлургия прочно заняла первое место в Европе и второе — в мире. А ведь недавно еще она была отстающим участком.

Социалистическому земледелию пришлось весной этого года выдержать серьезный бой с природой, с неблагоприятными климатическими условиями. Благодаря преимуществам социалистической системы хозяйства мы вышли с честью из этого испытания. Урожай в целом по всей стране оказался примерно на уровне прошлого года, а за счет лучше организованной уборки, за счет уменьшения потерь было фактически собрано даже на 250—300 млн. пудов хлеба больше, чем в прошлом году.

Крупнейшей победой социализма является решение ноябрьского пленума ЦК об отмене карточек на хлеб и некоторые другие продукты. Оно показывает, насколько мы продвинулись вперед, какие огромные материальные фонды мы создали. Оно ведет к полному расцвету всех тех возможностей, которые заложены в социалистической экономике, в советской торговле. С каждым днем увеличивается количество и разнообразие товаров, необходимых для населения. Страна наша с каждым днем становится все более могучей и обильной. Это вынуждены признать даже буржуазные журналисты — люди, которых нельзя заподозрить в особых симпатиях к коммунизму. Как никогда, полнокровен пульс жизни нашей великой родины. Всюду кипит творческая работа. Спокойно, уверенно строят рабочие, колхозники и все трудящиеся СССР прекрасную, светлую, радостную жизнь. Они строят эту жизнь под руководством своей родной коммунистической партии во главе с ее любимым и мудрым вождем, учителем и другом трудящихся товарищем Сталиным. И никакие силы в мире не смогут помешать трудящимся СССР закончить построение великого здания социализма.

Но наша радость омрачена злодейским убийством любимца всей партии — товарища Кирова, которого вырвали из наших рядов гнусные подонки зиновьевской антипартийной группы, скатившиеся в клоаку белогвардейско-фашистской контрреволюции. Кто они, эти трижды проклятые и презренные убийцы из «ленинградского центра»? Здесь сошлись те, кто годами вынашивал в своих мелких, грязных душонках звериную злобу и ненависть к партии, к руководству Центрального Комитета. Девять—десять лет назад большинство из них было молодыми людьми из числа «подающих надежды». Зиновьев своей отвратительной демагогией развращал этих зеленых юнцов, внушал им мысль, что они-де соль земли, «настоящие революционеры 96 пробы». Среди них лидеры зиновьевской антипартийной оппозиции еще накануне XIV с'езда, не стесняясь, вели контрреволюционную болтовню насчет «термидора», внушая им мысль, что старые партийные кадры якобы «переродились». Уже тогда в них сеялись семена злобы и недоверия к руководству Центрального Комитета, им доказывалось, что построение социализма в нашей стране невозможно. Среди них распространялись всевозможные «синие тетрадки» и другие фракционные документы зиновьевской оппозиции. Стремясь противопоставить комсомол партии, зиновьевская оппозиция пыталась в 1925 г. созвать в Ленинграде почти что всероссийскую конференцию комсомола без ведома ЦК партии и ЦК комсомола. Как известно, попытки превратить ленинградскую партийную и комсомольскую организации в центр борьбы против Центрального Комитета кончились позорным крахом зиновьевской оппозиции. Ленинградская партийная организация, ленинградские пролетарии уже в ходе XIV с'езда убедились в антипартийных замыслах зиновьевской оппозиции. Отбросив ее, ленинградская парторганизация под руководством товарища Кирова сплотилась вокруг Центрального Комитета и заняла подобающее ей место в борьбе за построение социализма в нашей стране.

Вопреки капитулянтам и дезертирам, не верящим в дело социалистического строительства, вырос новый Ленинград. Его прекрасными заводами, кузницей индустриальной мощи СССР, гордится вся страна. Но презренные перебежчики в лагерь капитализма не видели этих достижений. Ослепленные злобой к партии, контрреволюционные выродки на все смотрели глазами наших заклятых врагов. Гнусные подонки зиновьевской антипартийной и антисоветской группы, сколотившие свой «ленинградский центр», с ненавистью смотрели на каждый новый завод, на каждый новый дворец культуры, на крепнущие совхозы и колхозы, на колхозные базары. Ибо все это говорило, кричало об их измене революции, все это било по их контрреволюционной установке «чем хуже, тем лучше».

Они продолжали цепляться за старую антипартийную троцкистско-

зиновьевскую платформу, они болтали о «непосильности» темпов индустриализации, о ненужности колхозов и совхозов, они оплакивали кулачество, ликвидированное в основном как класс. Но могли ли они придти с этой программой восстановления капитализма в нашей стране к рабочим и колхозникам? Конечно, нет. Вот почему среди фашистской банды убийц из «ленинградского центра» нет ни одного рабочего, ни одного колхозника. Гнусные подонки бывшей зиновьевской антипартийной и антисоветской оппозиции вынуждены были вариться в собственном соку, в узком кругу людей, связанных долгими годами борьбы против партии и диктатуры пролетариата.

Не питая никаких надежд свернуть партию и рабочий класс с пути победоносного социалистического строительства, проклятые контрреволюционные выродки стали мечтать об интервенции, о вооруженном нападении империалистов на СССР. Они надеялись, что таким путем сорвется выполнение планов второй пятилетки, что таким путем удастся свергнуть ненавистную им советскую власть. Нужно ли более яркое доказательство белогвардейско-фашистской сущности так называемого «ленинградского центра»?

Л. Николаев заявлял близким людям, что «свергнуть Советскую власть возможно только путем нападения на нее иностранных капиталистических государств и что он будет всеми мерами помогать, будучи за границей, всякому капиталистическому государству, которое нападает на Советский Союз, чтобы свергнуть Советскую власть».

Гнусные подонки зиновьевской антипартийной и антисоветской группы связались с представителями капиталистического окружения, не раз ходили к ним за помощью, предлагали им различные шпионские «материалы». Контрреволюционная шайка «ленинградского центра» получала крупные денежные подачки от консула одной из иностранных держав, через этого консула стремилась связаться с матерым контрреволюционером Троцким.

Вот что говорит об этом в своих показаниях Л. Николаев:

«На следующей встрече — третьей или четвертой в здании консульства — консул сообщил мне, что он согласен удовлетворить мои просьбы, и вручил мне пять тысяч рублей.

При этом сказал, что установить связь с Троцким он может, если я вручу какое-либо письмо от группы к Троцкому.

О своем разговоре с консулом я сообщил Котолынову, передав ему полученные деньги в размере четырех тысяч пятисот рублей, а пятьсот рублей оставил себе».

Нет никакой разницы между целями и методами борьбы контрреволюционных подонков зиновьевской оппозиции и между целями и методами открытых врагов народа — эмигрантских белогвардейских помещичье-капиталистических организаций «Российский Общевоинский Союз» и «Братство Русской Правды» (деникинцы), открыто пропагандирующих террор, систематически перебрасывающих на территорию СССР своих агентов в целях организации и совершения террористических актов против представителей советской власти и осуществивших убийства тов. Воровского и тов. Войкова.

Фашисты из «ленинградского центра», эти подлые перебежчики в лагерь капитализма, мечтавшие об интервенции, готовые помогать самым лютым врагам СССР, также встали на путь террора. Путем злодейских убийств руководителей партии и правительства они думали дезорганизовать партию, дезорганизовать руководство советского правительства.

«Расследованием установлено, — говорится в сообщении Народного комиссариата внутренних дел СССР от 22 декабря, — что эта антисоветская группа представляла собой замкнутую группу, потерявшую всякую надежду на поддержку масс, политически обреченную и ставшую, ввиду безнадежности осуществления своих целей, на путь террора».

Не случайно и то, что подлые убийцы направили свою пулю в тов. С. М. Кирова. В злобных душонках участников бывшей зиновьевской антипартийной и антисоветской оппозиции гнездилось низкое чувство мести к пламенному трибуну революции, который разбил идейно и политически зиновьевскую оппозицию в Ленинграде.

«Что касается убийства т. *Кирова*,—говорится в сообщении НКВД,—то здесь, по заявлению обвиняемых, имел место дополнительный мотив мести в отношении т. *Кирова*, разбившего идейно и политически ленинградскую группу бывших зиновьевцев. Николаев говорит в своих показаниях: «с *Кировым* у бывшей оппозиции имеются свои особые счеты в связи с той борьбой, которую он организовал против ленинградских оппозиционеров».

* * *

Кто воспитал убийц из «ленинградского центра»? Кто был в течение многих лет учителями, идейным знаменем этой контрреволюционной банды? Их учителями и воспитателями были Зиновьев и Каменев.

Не лишне сейчас вспомнить некоторые страницы истории большевистской партии. Они говорят, что много раз в решающие, поворотные моменты революции Зиновьев и Каменев позорно *изменяли* нашей партии и делу революции.

1915 год. Идет царский суд над депутатами Государственной думы и другими большевиками, захваченными на подпольной конференции в ноябре 1914 г. В отличие от мужественного поведения тов. Петровского и других депутатов-большевиков Каменев постыдно трусит, старается доказать царскому суду свою солидарность с социал-патриотом г. Иорданским, свое несогласие с Центральным Комитетом. В своей статье «Что доказал суд над Р. С. Д. Р. фракцией?» Ленин клеймил позором это поведение Каменева на суде.

Март 1917 г. Февральская революция докатилась до сибирского захолустного городка Ачинска. Каменев выступает на митинге с либеральной, социал-патриотической речью (не даром он на суде солидаризировался с Иорданским!), лобызается с именитыми ачинскими купцами и посылает вместе с ними приветственную телеграмму... Михаилу Романову.

Апрельская конференция 1917 г. Каменев выступает с содокладом *против* Ленина, против его гениальных апрельских тезисов, против лозунга перехода от буржуазно-демократической революции к революции социалистической. Каменев самоуверенно заявляет:

«На мой взгляд, неправ товарищ Ленин, когда он говорит, что буржуазно-демократическая революция закончилась. Я думаю, она не закончилась. В этом наше расхождение».

Каменев поет хвалебные гимны буржуазной демократии: «Рано еще говорить, что буржуазная демократия исчерпала все свои возможности».

Октябрь 1917 г. Дважды повторяют Зиновьев и Каменев самую черную измену, штрейкбрехерство, дезертирство в великие Октябрьские дни 1917 года.

Под руководством *Ленина* и *Сталина* партия усиленно готовила Октябрьский штурм. 23 (10) октября ЦК партии выносит историческое решение о вооруженном восстании. Зиновьев и Каменев бешено боролись против этого решения. Потерпев поражение, они изменнически выступили в непартийной печати с полемикой против решения ЦК о вооруженном восстании, предательски раскрывая перед буржуазией планы нашей партии. Ленин в письме к членам партии большевиков говорил о «*безмерной подлости, настоящем изменничестве*» Зиновьева и Каменева, требовал их исключения из партии.

«Каменев и Зиновьев *выдали* Родзянке и Керенскому решение ЦК

своей партии о вооруженном восстании и о сокрытии от врага подготовки вооруженного восстания, выбора срока для вооруженного восстания», — гневно писал Ленин (т. XXI, стр. 355).

Но на этом не кончилась предательская роль Зиновьева и Каменева в Октябрьские дни. Они признали на словах свою ошибку, их оставили в партии. Однако не прошло нескольких дней, еще не закончилась вооруженная борьба с юнкерами и казаками, как Зиновьев и Каменев совершают новое предательство. Они требовали от ЦК образовать правительство из всех так называемых «социалистических партий», во что бы то ни стало пойти на соглашение с правыми эсерами и меньшевиками. Они готовы были принять ультиматум правых эсеров и меньшевиков, требовавших не более не менее как снятия Ленина с поста председателя Совнаркома и замены его Авксентьевым или Черновым!

Убедившись, что им не удастся поколебать твердую волю ленинского ЦК, Каменев и Зиновьев с жалкой кучкой своих сторонников (Шляпников, Рыков и др.) дезертируют с постов, подают заявления об отставке, надеясь этим создать кризис в рядах партии и правительства.

Буржуазия и ее пособники ликовали и злорадствовали по поводу этого заявления, кричали о развале, пророчили гибель большевистского правительства. Но дезертирам и штрейкбрехерам Октябрьской революции не удалось ни на минуту ослабить великий под'ем масс, великий героизм миллионов рабочих, солдат и крестьян, который «отодвинул дезертиров с такой же легкостью, с какою железнодорожный поезд отбрасывает щепки».

Ленин указывал, что октябрьский позорный «эпизод» Каменева и Зиновьева, конечно, не являлся случайным. Не случайно, что еще накануне XIV партконференции, когда партия под руководством товарища Сталина развертывала грандиозный план построения социализма в нашей стране, Зиновьев и Каменев снова выступили с паническими, штрейкбрехерскими заявлениями, будто бы мы «не сможем справиться с внутренними трудностями из-за нашей технической и экономической отсталости, если только нас не спасет международная революция».

Не случайна их бешеная фракционная борьба против ЦК в период XIV с'езда партии. Не случайно, что «идейной базой» этой борьбы явилось отрицание ленинской теории возможности победы социализма в одной стране, гениально развитой товарищем Сталиным.

Штрейкбрехерство и предательство в Октябрьские дни, гнилая меньшевистская теория, что мы должны погибнуть от технической отсталости, развивавшаяся Зиновьевым и Каменевым в период XIV партконференции, борьба против партии на XIV с'езде под лозунгом невозможности построения социализма в одной стране, беспринципный блок с контрреволюционным троцкизмом и другими антипартийными и антисоветскими группировками, предательские, антисоветские выступления против партии и диктатуры пролетариата перед XV с'ездом, исключение из партии на XV с'езде; после восстановления в партии — двурушническое заигрывание с правыми в 1928—1929 гг., связь с контрреволюционной группой Рютина и других в 1932 г. и, наконец, связь с контрреволюционными последышами зиновьевской оппозиции, «ленинградским центром», — таков завершенный круг предательства и измен партии, проделанный Зиновьевым и Каменевым.

Двурушничество, лицемерные заявления и слезливые покаяния с целью обмана партии стали их второй натурой. Этому они обучали и своих последышей.

* * *

На этих примерах двурушничества и обмана партии, на прямых директивах Зиновьева — подавать фальшивые, обманные заявления, чтобы, восстановившись в партии, удобнее вести борьбу против партии, против дикта-

туры пролетариата, — воспитывались и те, кто потом окончательно скатился на путь белогвардейско-фашистской террористической деятельности «ленинградского центра».

Прикрываясь лживыми заявлениями, как ядовитая змея, вползали они в партию, чтобы готовить свои подлые укусы. Этим презренным выродкам и тупым бездельникам были органически противны упорная, будничная работа и учеба, была ненавистна железная партийная дисциплина. Встречаясь под видом различных семейных торжеств, под видом воспоминаний об истории ленинградского комсомола (которую они всячески фальсифицировали в духе троцкистско-зиновьевской оппозиции) и т. д., они накачивали друг друга дикой злобой к партии, к ее руководству. Плодом этой контрреволюционной, фашистской «работы» явился выстрел 1 декабря.

Раздавить контрреволюционную, фашистскую гадину! Смерть убийцам и их пособникам! — таков единодушный голос масс рабочих и колхозников, до глубины души потрясенных злодейским убийством тов. Кирова. Выкорчевать с корнем все контрреволюционные подонки бывшей зиновьевской антипартийной и антисоветской группы! Еще больше надо усилить классовую, политическую бдительность, чтобы издыхающая контрреволюционная змея не могла больше укусить партию. Еще больше надо усилить бдительность и на идеологическом фронте.

Мы ни на минуту не можем забывать указания товарища Сталина:

«Надо иметь в виду, что рост мощи советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов. Именно потому, что они умирают и доживают последние дни, они будут переходить от одних форм наскоков к другим, более резким формам наскоков... Нет такой пакости и клеветы, которую бы эти бывшие люди не возвели на советскую власть и вокруг которых не попытались бы мобилизовать отсталые элементы. На этой почве могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контрреволюционных партий эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут ожить и зашевелиться осколки контрреволюционных оппозиционных элементов из троцкистов и правых уклонистов».

Помнить о враге, всюду выкорчевывать его остатки, усилить во много раз нашу идейно-политическую и организаторскую работу!

Об этом говорил в своем докладе об итогах ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) тов. Каганович:

«Бдительность требует не только помнить о враге. Бдительность требует, чтобы мы удесятерили свою борьбу, чтобы мы удесятерили свою идейно-политическую и организаторскую работу. Бдительность требует, чтобы мы везде и всюду разили врага, до конца выкорчевывали его остатки».

На убийство тов. Кирова партия и все трудящиеся СССР отвечают усиленной работой по строительству социализма, отвечают беспощадным разгромом классовых врагов и их агентуры, отвечают еще бóльшим сплочением вокруг ленинского, сталинского Центрального Комитета, вокруг любимого вождя партии и мирового пролетариата товарища Сталина.

О ПРЕОБРАЗОВАНИИ ПОЛИТОТДЕЛОВ МТС

А. Левин

I

План преобразования политотделов МТС, принятый ноябрьским пленумом ЦК ВКП(б), означает поднятие всей работы наших деревенских парторганизаций на новую, более высокую ступень, их дальнейшее организационное укрепление, дальнейший шаг в деле создания боеспособных парторганизаций в деревне на основе грандиозных успехов, одержанных в сельском хозяйстве за последний период.

Отличительной особенностью большевистской партии всегда являлось уменье на каждом этапе развития революции находить правильные организационные формы для разрешения очередных задач.

«Партия революционного марксизма в корне отрицает поиски абсолютно правильной, годной для всех ступеней революционного процесса формы партийной организации, а равно и методов ее работы. Наоборот, форма организации и методы работы всецело определяются особенностями данной конкретной исторической обстановки и теми задачами, которые из этой обстановки непосредственно вытекают» [1].

Политотделы МТС были особой, чрезвычайной формой организации, вызванной к жизни конкретной исторической обстановкой и теми недостатками партийной работы в деревне, которые вскрыл товарищ Сталин в своей речи на январском пленуме ЦК в 1933 г. Но за время, протекшее с этого периода, обстановка в деревне радикально изменилась.

Теперь партия приблизила свое руководство к селу, к каждому колхозу, к колхозному производству. Под влиянием практики, приемов и методов работы политотделов улучшилась работа не только первичных парторганизаций, но и районных комитетов партии. Именно под влиянием политотделом МТС большинство райкомов перестроило приемы своей работы. В результате совместной работы райкомов и политотделов МТС очищенные в основном от классово враждебной нечисти, об'единяя $^3/_4$ крестьянских хозяйств и 90% посевных площадей, колхозы стали прочной и непобедимой силой в деревне. В борьбе с правыми оппортунистами, пытавшимися тащить страну назад, на позиции единоличного крестьянского хозяйства, следовательно, к реставрации капитализма; в борьбе с контрреволюционной троцкистско-зиновьевской группой, считавшей крестьянство сплошной реакционной массой и отрицавшей возможность построения социализма,—партия, по гениальному плану товарища Сталина, под его водительством провела грандиозную реконструкцию сельского хозяйства, ликвидировала в основном кулачество как класс и в непродолжительный срок незыблемо укрепила колхозный строй в деревне.

На основе организационного укрепления и мощного роста технической вооруженности МТС стало возможным создание целого ряда новых районных центров. Сейчас имеются все предпосылки для того, чтобы невиданно

[1] **Протоколы X с'езда РКП(б), стр. 605—606. Партиздат. 1933.**

улучшить и организационно укрепить парторганизацию в деревне, еще выше поднять качество партийного руководства колхозами, охватить партийным руководством не только колхозное производство, но и все стороны жизни колхозов.

Всем памятна исключительной силы и глубины речь товарища Сталина о работе в деревне; острие этой речи было направлено против стихийности и самотека в руководстве сельским хозяйством, колхозами. Товарищ Сталин ставил вопрос таким образом: нейтральных колхозов быть не может, колхозы могут быть либо под нашим руководством либо под руководством наших классовых врагов. Если в свое время Ленин в борьбе с экономистами ставил вопрос о необходимости активного, организованного привнесения социалистической идеологии в стихийно развивающееся рабочее движение, то с еще большим основанием можно было поставить этот вопрос в отношении колхозников, сознание которых, как говорил товарищ Сталин, отстает от их положения: по положению они коллективисты, а сознание их частнособственническое.

Трудящееся крестьянство, вступая в колхозы, не сразу освобождается от мелкособственнических привычек и традиций, исторически сложившихся в условиях развития капитализма. Мелкособственническая идеология, индивидуализм, рвачество — все эти качества, неизбежно вытекающие из условий конкуренции и анархии капиталистического производства, являлись основными моральными правилами буржуазного общества. Всем ходом развития капитализма крестьянин был приучен рассуждать по формуле «плохое — да мое, хорошее — да чужое». Это «чужое» противостояло крестьянину как некая враждебная сила, и он не мог бережно относиться к этому «чужому», охранять и укреплять его.

Особенностью колхозов является то обстоятельство, что они представляют собой тот единственный путь, через который крестьянство идет к социализму, путь переделки собственнической природы мелких товаропроизводителей. Становясь в новые отношения к основным средствам производства, колхозники в массе своей не перестают сразу быть крестьянами с характерными чертами и привычками, свойственными классу мелких товаропроизводителей. Их идеология, сознание продолжают еще отставать от стремительного хода строительства новых, социалистических форм хозяйства в деревне, организуемого под руководством пролетариата. Вступая в колхоз, крестьянин не сразу отрывается от пуповины, связывающей его с индивидуальным хозяйством, и нужно вплотную и основательно поработать над тем, чтобы приучить его к социалистической дисциплине труда, чтобы «выправить его индивидуалистическую психологию и сделать из него настоящего труженика социалистического общества» (Сталин).

Этого не понимали в период, предшествовавший организации политотделов МТС, многие деревенские парторганизации,—в тот период, когда партия уже вплотную занималась организационно-хозяйственным укреплением колхозов. Лишенные зачастую революционной чуткости и бдительности, некоторые деревенские парторганизации не могли осуществлять должного большевистского руководства колхозами. Ошибки ряда районных парторганизаций состояли в том, что они механически перенесли методы работы, сложившиеся в условиях индивидуального хозяйства, в условиях, когда «партия могла ограничивать свое вмешательство в дело развития сельского хозяйства отдельными актами помощи, совета или предупреждения» (Сталин), в принципиально иную обстановку колхозной деревни. В то время, когда нужно было тесно связаться с колхозным производством, влезть во все детали колхозной жизни, целый ряд райкомов партии, проведя первоначальную работу по организации колхозов, добившись определенного уровня коллективизации, задержался на старых методах работы, находился в со-

стоянии оторванности от непосредственных вопросов колхозного производства. В ряде случаев колхозы были предоставлены самим себе. Между тем «переход от индивидуального хозяйства к колхозам должен был привести к усилению руководства коммунистов в деревне. А на деле в ряде случаев этот переход привел к тому, что коммунисты почили на лаврах, козыряя высоким процентом коллективизации, и предоставили дело самотеку, предоставили дело естественному ходу вещей» [1].

Здесь лишний раз подтвердилось известное большевикам положение: всюду, где ослабляется партийное руководство, там усиливается влияние наших классовых врагов. Цепляясь за мелкобуржуазные пережитки и отсталые настроения, пользуясь ослаблением руководства колхозами со стороны ряда деревенских парторганизаций, классовый враг забирался в колхозы, пытался окопаться в них, пытался взорвать колхозы изнутри. «Проникая в колхозы в качестве счетоводов, завхозов, кладовщиков, бригадиров и т. п., а нередко и в качестве руководящих работников правлений колхозов, антисоветские элементы стремятся организовать вредительство, портят машины, сеют с огрехами, расхищают колхозное добро, подрывают трудовую дисциплину, организуют воровство семян, тайные амбары, саботаж хлебозаготовок, — и иногда удается им разложить колхозы» (из постановления январского пленума ЦК).

Идеализацией колхозов со стороны некоторых районных, областных руководящих работников, ослаблением руководства колхозами со стороны деревенских парторганизаций, проникновением в колхозы антисоветских элементов об'ясняются трудности в хлебозаготовках 1932 г. и контрреволюционный саботаж хлебозаготовок, организованный кулачеством на Кубани. Со всей остротой встал тогда вопрос о большевистском руководстве сельским хозяйством, о большевистском руководстве колхозами.

Товарищ Сталин с исключительной яркостью, силой и глубиной вскрыл тогда недостатки и ошибки в руководстве колхозами, показал, в чем состоит новая тактика классовых врагов, и развернул программу практической работы партии по дальнейшей организации и укреплению колхозного движения. «Не в крестьянах надо искать причину затруднений в хлебозаготовках,—говорил товарищ Сталин,—а в нас самих, в наших собственных рядах. Ибо мы стоим у власти, мы располагаем средствами государства, мы призваны руководить колхозами и мы должны нести всю полноту ответственности за работу в деревне». Товарищ Сталин указывал, что в связи с созданием колхозного строя, как никогда, опасен и вреден отрыв коммунистов от жизни колхозов и что борьба с кулацким влиянием в колхозах будет успешной только тогда, когда парторганизации вплотную подойдут к нуждам и запросам колхозов, по-настоящему возьмутся за руководство колхозным производством; только при этом условии можно исправить недостатки в сельском хозяйстве. «Можно ли исправить эти недостатки?» — спрашивал, далее, товарищ Сталин и отвечал: «Да, безусловно можно. Исправим ли мы их в ближайшее время? Да, безусловно исправим. В этом не может быть никакого сомнения.

Я думаю, что политотделы МТС и совхозов являются одним из тех решающих средств, при помощи которых можно будет устранить эти недостатки в самый короткий срок».

Политотделы МТС, созданные по инициативе товарища Сталина, явились в руках партии мощным оружием в борьбе с остатками кулачества за большевистские колхозы. Впервые за все годы революции в деревню были направлены такие мощные партийные силы. Под непосредственным руководст-

[1] И. Сталин «Доклад на об'единенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г.».

вом Центрального Комитета партии происходил отбор проверенных большевиков для работы в политотделах МТС. Около 17 тысяч отборных большевиков стали посланцами пролетарского города в деревню. Политотдельцы активно внедряли в колхозы, исходя из опыта промышленных центров и Красной армии, большевистские навыки и уменье в работе, навыки большевистской организованности и пролетарской дисциплины труда. Помогая деревенским парторганизациям приблизиться к колхозам, очищая колхозы от классово чуждых элементов, сплачивая большевистское ядро в колхозах, развертывая массово-политическую работу, политотдельцы помогли внести коренное изменение в сознание миллионов вчерашних единоличников, в их отношение к социалистической дисциплине труда, к общественной собственности, к обязательствам перед государством.

Политотдельцы были новой мощной партийной струей в деревне, которая оживляла и подталкивала работу всей деревенской парторганизации, директоров МТС и председателей советов и райисполкомов. Они явились тем рычагом, который, как сказал тов. Каганович на пленуме ЦК, заставил по-новому работать все наши организации в деревне. Несмотря на то что в работе многих политотделов МТС были крупные недостатки, все же в подавляющем своем большинстве они с самого начала имели значительные достижения в приемах работы по сравнению с районными комитетами партии. Это об'ясняется также и тем, что политотдельцы с самого начала имели значительное преимущество по сравнению с работниками райкомов, заключающееся в том, что они являлись в деревне новыми, свежими людьми и не были, так сказать, связаны цепочкой местнических наслоений, отношений и т. д. Учитывая ошибки, допущенные многими деревенскими парторганизациями, учитывая критику этих ошибок в исторической речи товарища Сталина, политотдельцы сумели быстро примениться к новой обстановке в деревне, тесно, вплотную связаться с колхозами, влезть во все мелочи колхозного производства, овладевая агротехникой, сумели подобрать, изучить и расставить коммунистов на ответственных участках, поднять их на борьбу за организационно-хозяйственное укрепление колхозов.

II

Именно сейчас, когда все лучшие силы деревенского отряда партии сосредоточиваются в районных комитетах партии, в высшей степени важно уяснить себе, что из так называемых «политотдельских методов» должно незыблемо войти в арсенал работы старых и новых райкомов и что требует дальнейшего совершенствования на основе решений ноябрьского пленума ЦК. Некоторые увлекающиеся товарищи любят говорить об особом политотдельском «стиле», об'являют этот стиль «секретом» политотдельцев, забывая, что этот «секрет» известен каждому большевику-организатору, имеющему опыт конкретно-оперативной партийной работы. Вот что пишет в этой связи начальник политотдела Ново-Егорлыцкой МТС (Азово-Черноморский край):

«Конкретность, оперативность руководства—вот, пожалуй, самые основные характерные черты наших методов работы. Мы не издавали циркуляров, не загружали организаций отношениями и бумажным хламом, мы стремились наладить повседневное живое руководство ячейками и колхозами. Если в каком-либо колхозе или бригаде становилось туго,— работники политотделов ехали на места, помогали, инструктировали и обязательно доводили дело до конца. Вообще едва ли не 90% всего рабочего времени политотдельцы проводили в бригадах. Здесь мы проводили беседы, инструктировали бригадиров, помогали расставить тягло и людей, организовать работу. Здесь мы сами вникали в детали колхозного производства».

Работать по-ленински, по-сталински — вот чего сумели добиться передо-

вые политотдельцы, и именно в этом «секрет» их успехов; именно это и составляло содержание так называемого политотдельского стиля в работе. И на пороге нового организационного этапа в жизни деревенских партийных организаций отнюдь нелишне воспроизвести кое-что из методов политотдельской работы, заставивших и райкомы работать по-новому, воспринятых уже большинством райкомов партии.

Изучение организационно-хозяйственного состояния колхозов, знание конкретных хозяйственных деталей колхозного производства позволяли политотдельцам выделить в тот или иной период главное звено в работе, наметить конкретную программу укрепления каждого колхоза в отдельности и наметить мероприятия для проведения в жизнь этой программы. Не в пример некоторым райкомам, которые иногда отмахивались от отстающих колхозов, передовые политотделы в первую очередь шли в отстающие колхозы, сидели там по нескольку дней, выясняли конкретные причины их отставания и там же, на месте, с правлениями колхозов, с парторганизациями, с активом намечали мероприятия для улучшения работы колхозов. Поучителен в этом отношении пример Акржанской МТС (Одесская область):

«Самый крупный колхоз им. Петровского три года подряд не выходил из прорыва. Не проходило почти ни одного заседания райкома, на котором не обсуждался бы вопрос о колхозе им. Петровского; выносились постановления: «принять решительные меры к ликвидации прорыва», «удвоить классовую бдительность с обнаглевшим классовым врагом», «усилить партийно-массовую работу в колхозе», «добиться решительного перелома в работе артели», а колхоз тем не менее находился в прорыве. Иначе действовали политотдельцы. Они безвыездно сидели в этом колхозе, пока не вскрыли контрреволюционное гнездо, сколотили небольшую группу колхозников-активистов, опираясь на них повели широкую массово-политическую работу среди колхозников, посадили крепкого парторга, организовали экскурсию колхозников колхоза им. Петровского в передовые колхозы района. В колхоз были переброшены лучшие ударники из передовых колхозов, которые делали на бригадных собраниях доклады об организации производства и труда в их колхозах. В результате колхоз твердо встал на ноги и занял в 1934 году по качеству работы и урожайности одно из первых мест в районе. Колхоз им. Петровского является серьезным соперником передового в районе колхоза им. Сталина в получении красного знамени» (из сообщения политотдела МТС).

Оперативность и конкретность руководства предполагают не только основательное знание хозяйственных условий в том или ином колхозе, но и основательное знание людей, в первую очередь коммунистов,— такое их знание, которое может обеспечить правильный подбор и расстановку сил на решающих участках.

Несмотря на крупнейшие недостатки в изучении и идейном воспитании членов и кандидатов партии передовые политотделы добились и на этом участке значительных успехов. В результате конкретной, живой работы политотделов МТС с членами и кандидатами партии «повысилась революционная бдительность и большевистская идейная вооруженность деревенских членов партии» (из постановления ноябрьского пленума ЦК). Многие политотделы порвали с практикой сплошного подхода к коммунистам из деревенских организаций, лично узнавали их биографии, их опыт, их индивидуальные склонности, идейно вооружали, поднимали деревенского коммуниста до уровня организатора и политического вожака колхозников.

Многие политотделы МТС перенесли в деревню высоко-квалифицированную пропаганду, агитацию городского типа; партсобрания, организуемые политотделами, являлись крупной воспитательной силой, средством действительной мобилизации деревенских коммунистов вокруг задач партии, сред-

ством политического роста коммунистов. И перед районными партийными организациями, перестроенными на основе решений ноябрьского пленума ЦК, стоит задача—еще шире развернуть партийно-массовую работу, которая сплошь и рядом была наиболее уязвимым местом в работе очень многих политотделов МТС, нередко подменявших собой директоров МТС. Но можно привести огромное количество положительных фактов, взятых из практики передовых политотделов МТС, примеров индивидуального изучения коммунистов, конкретной, диференцированной расстановки их на ответственных участках колхозного производства, живой, практической работы над повышением идейной вооруженности членов партии, над повышением их ведущей организаторской роли в колхозах. В этой связи опять-таки представляют интерес высказывания начальника политотдела Советской МТС (Азово-Черноморский край) т. Орехова, ранее работавшего секретарем райкома:

«Если говорить откровенно, то надо сказать, что работу коммунистов района мы не изучали сколько-нибудь серьезно, сколько-нибудь обстоятельно, коммунистов не знали, подходили ко всем с одной меркой, не знали, на какую работу, почему и кого можно поставить. Я мог бы привести из прежней моей работы секретарем райкома много примеров случайных назначений, выдвижения коммунистов на ту или иную работу. Дело в результате страдало, сельские партийные организации очень слабо или почти не были связаны с беспартийным активом, в производстве не участвовали.

Теперь я знаю производство, знаю, где и какая бригада работает, знаю людей в бригадах, знаю коммунистов, о каждом могу сказать, почему он работает именно на этом, а не на другом участке колхозного производства, может ли он по-большевистски организовать колхозников».

В центре внимания политотделов стояла работа с людьми, их изучение, выискивание лучших людей в колхозах, их отбор, сплачивание их вокруг партии, выращивание и закрепление их на руководящей колхозной работе. Например работники политотдела Тульчинской МТС (Винницкая область) лично знают около 350 активистов-колхозников; работники политотдела Братской МТС организовали вокруг политотдела 560 активистов, из которых начальник политотдела знает лично 270, первый его заместитель — 50, второй заместитель — 200 активистов.

Политотделы МТС подняли новые людские пласты в деревне; совершенно незаметные прежде люди под руководством политотделов МТС, благодаря конкретности их работы с живым человеком стали передовыми ударниками, руководителями колхозов, знатными людьми колхозной деревни.

Знание хозяйственной обстановки, условий в том или ином колхозе, знание людей, их выращивание, повседневное личное инструктирование руководящих работников колхозов дополнялись у большинства политотдельцев самой существенной, решающей чертой конкретно-оперативного, большевистского метода работы: повседневной проверкой исполнения своих указаний и директив. Политотдельцы руководствовались указанием Ленина, прекрасно развитым и конкретизированным Сталиным: проверяйте людей, проверяйте фактическое исполнение дела. В этом и еще раз только в этом гвоздь всей работы, всей политики. У колхозников Сальской МТС уже сложился такой взгляд: «Раз приехал политотдел в бригаду, значит наверняка проверит в первую очередь производственные показатели бригады, учет труда, котел ударника, проверит массовую работу за день и лишь потом поведет разговор с бригадиром, парторгом, руководителем колхоза» (из политдонесения начальника политотдела).

Практика конкретно-оперативного руководства передовых политотделов складывается из целого ряда условий, форм и методов, навыков и уменья, проверенных на опыте работы социалистических промышленных центров и

Красной Армии. Знание деталей колхозного производства, конкретное знание обстановки на том или ином участке работы, конкретное знание людей, уменье правильно расставить их, маневрировать ими в зависимости от обстановки, ежедневная проверка исполнения своих директив и указаний — вот из чего складывалось конкретно-оперативное руководство политотделов. Этим методам научились от политотделов многие районные комитеты партии.

Исключительно интересным и поучительным является сообщение начальника политотдела Токаревской МТС (Воронежская область) тов. Серкина как иллюстрация к указанию ноябрьского пленума ЦК о том, что райкомы перестраивались и улучшали приемы своей работы под влиянием политотделов МТС:

«В короткий срок работники политотдела МТС лично знали всех коммунистов, основной кадр актива, знали настроения в каждом колхозе. Это дало возможность политотделу МТС выдвинуть ряд вопросов на обсуждение бюро райкома, связанных с перестройкой методов руководства колхозами. Перестраивая свою работу, мы заставили перестраиваться всю парторганизацию и в частности перестраивать формы и методы руководства со стороны райкома партии. Наглядная практика нашей работы заставила райком сократить заседательскую суетню, сократить поток бумажных резолюций, не подкрепленных повседневной проверкой исполнения, уничтожить практику случайных наездов работников в колхозы. Райком вместе с нами стал заниматься живым практическим делом по организационно-хозяйственному укреплению колхозов».

Успех в этой области обусловил в частности возможность преобразования политотделов МТС в парторганизации обычного типа, построенные по производственно-территориальному принципу. Это «наследство» политотделов райкомы партии обязаны приумножить умелой оперативной работой, должны поднять партийное руководство в деревне на еще более высокую ступень, сделать его еще более гибким, охватывающим все стороны производственной, политической и культурной жизни.

III

Работа политотделов МТС сыграла огромную роль в коренном изменении отношения колхозников к труду, к общественной собственности, в мобилизации и развитии в колхозных массах сознания незыблемости советских законов, необходимости безусловного первоочередного выполнения всех государственных обязательств.

До 1934 г. в истории нашей революции еще не было года, когда план государственных обязательств в размере около миллиарда пудов продовольственных культур был бы выполнен в ноябре. Выполнение плана хлебосдачи показывает, что огромное, подавляющее большинство колхозников рассматривает свои обязательства перед государством как первоочередную незыблемую заповедь. Среди большинства колхозников укрепляется сознание того, что интересы рабоче-крестьянского государства, освободившего их от помещиков, давшего им землю, вооружившего их передовой техникой, новейшими с.-х. машинами, непосредственно помогающего им двигаться по пути к зажиточной и культурной жизни, выше их личных интересов, домашних и групповых. «В сознание миллионов колхозников внедрилось понимание первоочередности выполнения своих обязательств перед государством.

Лозунг, выдвинутый партией на с'езде колхозников-ударников в феврале 1933 года, о борьбе за большевистские колхозы и за зажиточную жизнь колхозников вошел в сознание и быт десятков миллионов колхозников и стал практической, боевой программой мобилизации широких масс на укре-

пление колхозов, на общий дальнейший под'ем сельского хозяйства» (из постановления ноябрьского пленума ЦК).

Однако опыт выполнения колхозами государственных обязательств в этом году показал, что не сломлена еще окончательно в ряде колхозов антигосударственная подрывная работа классово враждебных элементов, направленная на срыв государственного плана зернопоставок. Будучи построен на учете интересов и нужд всего народного хозяйства, государственный план зернопоставок и твердые сроки его выполнения являются одним из основных методов под'ема социалистической промышленности и социалистического сельского хозяйства. Этим об'ясняется, почему борьба вокруг необходимости выполнения государственного плана хлебосдачи является на данном этапе важнейшей стержневой формой классовой борьбы.

Отдельные работники политотделов МТС (особенно Винницкой, Челябинской областей, Западносибирского края) проявили политическую близорукость, у них притупилось классовое чутье, и они попали в плен антигосударственных тенденций. Не понимая того, что действительная судьба колхозов зависит от большевистской борьбы за урожай и под'ем производительности труда, они стали на путь составления хлебофуражных балансов, они требовали «коррективов», «снижения» плана, отказываясь, по существу, от борьбы за выполнение государственных обязательств. Потребовалось непосредственное вмешательство ЦК партии для преодоления в некоторых партийных организациях оппортунистической успокоенности и надежды на самотек, для того чтобы крепко поправить отдельных работников партийных комитетов и политотделов МТС. Партия сурово подходила к отдельным работникам райкомов и политотделов МТС не потому, что мы были слабы в деревне, а потому, что в период второй пятилетки, когда созданы все об'ективные предпосылки для построения бесклассового общества, от каждого члена партии, тем более от посланца пролетарского города в деревню, требуется несравненно большая ответственность за порученное ему дело, величайшая напряженность, организованность и четкость в работе, беззаветное желание по-большевистски выполнить задачи, поставленные партией.

Классово враждебные, кулацкие элементы в своей борьбе против колхозного строя, особенно против выполнения плана государственных обязательств, цепляются за неизжитые еще целиком мелкособственнические привычки и навыки; не всегда поэтому непосредственным носителем кулацкой тактики является кулак, тем более в его старом обличии. Там, где ослаблена политическая работа с живыми колхозниками, непосредственным носителем кулацкой идеологии очень часто является просто отсталый колхозник как подставное лицо тонко замаскированного, действительного классового врага.

Против трудовой инициативы и самодеятельности ударников выступают сложившиеся тысячелетиями привычки уравнительности, неизжитые еще в колхозах быт и психология мелкого товаропроизводителя. В колхозной деревне сохранилась еще старинная единоличная привычка «жить в мире со своим соседом», иначе говоря, быть нейтральным к плохой работе своего соседа. На эту мелкобуржуазную привычку пытаются опереться сейчас разбитые и недобитые еще кулаки и их агенты. Они всеми способами стараются сохранить и укрепить привычку к уравнительности. Цепляясь за эту привычку уравнительности, кулацкие недобитки стремятся развить мелкобуржуазную распущенность и расхлябанность в колхозах, задержать выдвижение ударников, затормозить развитие новой, социалистической дисциплины труда, развитие сознания, развитие правильного представления об общественной, колхозной собственности, о незыблемости и первоочередности выполнения государственных обязательств. Все это требует от районных комитетов партии, перестраиваемых на основе решений ноябрьского пленума ЦК, особой классовой зоркости и бдительности. Нужно

помнить указания ноябрьского пленума ЦК о том, что «не сломлена еще окончательно в ряде колхозов подрывная, вредительская работа пролезших в них кулацких элементов».

Вот почему воспитание, выдвижение из рядовых колхозников таких ударников, которые чувствуют ответственность не только за себя, но, по крайней мере, за десяток своих товарищей по работе, ударников, которые на деле будут активно драться за выполнение в срок первой заповеди колхозов, является наряду с борьбой за выполнение плана зернопоставок одной из форм классовой борьбы в деревне.

Огромное положительное значение передовых политотделов МТС состояло в том, что они умели отыскивать ударников в колхозах, во-время поддержать их, сплотить их вокруг партии, обеспечить им почет в колхозах, опереться на них при проведении всех хозяйственно-политических мероприятий, особенно в выполнении государственных обязательств, политически закалить их, организовать их для беспощадной борьбы с кулаком, лодырем, рвачем, с мелкобуржуазной распущенностью и расхлябанностью в колхозах.

Вождь нашей партии сказал известные теперь всему миру слова: план — «это живые люди, это мы с вами». Подавляющее большинство политотдельцев под руководством ЦК, под руководством крайкомов и обкомов, бесспорно, оправдало эти мудрые и простые слова великого Сталина. И не только потому, что отборные коммунисты-организаторы должны были показать и доказать, как надо работать, но и потому, что вокруг этих большевиков, отобранных Центральным Комитетом партии, сплачивались лучшие люди колхозов, готовые на деле драться за колхозный строй. Политотделы МТС подошли вплотную к нуждам колхозного производства, окружили себя преданным делу партии колхозным активом, стали центром сплочения лучших людей колхозной деревни. Велика заслуга политотделов МТС в борьбе с остатками кулачества. Вооруженные сталинским анализом, правильным пониманием новой обстановки в деревне, политотделы сумели помочь деревенским парторганизациям рассмотреть «волка в овечьей шкуре», сорвать с врага маску и при помощи честных колхозников очистить в основном колхозы от классово чуждых, вредительских, саботажнических элементов. Политотделы МТС оставили в деревне неизгладимый след, который никогда не будет забыт колхозниками, их работа войдет как одна из замечательных страниц в историю колхозного движения.

Задача райкомов партии — еще неизмеримо выше поднять в глазах колхозных масс авторитет большевика-организатора. Задача райкомов партии, в огромной массе своей скомплектованных сейчас из работников политотделов МТС, — удесятерить, умножить ряды колхозников-ударников. Так же, как лучшие политотдельцы, каждый работник райкома партии должен быть окружен величайшим вниманием и любовью передовых людей колхозной деревни.

IV

Если подвести самый сжатый и общий итог успехам партии в результате организации и работы политотделов МТС, успехам, требующим закрепления непрерывного творческого развития со стороны райкомов партии, то тут раньше всего необходимо подчеркнуть следующее:

Во-первых, деревня располагает, как никогда раньше, проверенными партийными кадрами, прошедшими отличную выучку промышленных центров и Красной Армии и сумевшими за время работы в политотделе приобрести превосходный опыт работы в деревне, в том числе и агротехнический опыт. Деревенские парторганизации вступают в новый организационный этап, при-

обретая «наследство» в виде мощного людского капитала—17 тыс. человек, причем около 70% всего состава начальников политотделов МТС—это люди с партийным стажем 1917—1920 гг., т. е. имеющие не менее 14 лет пребывания в партии; 37% всех начальников политотделов МТС прошли школу военно-политической работы в Красной Армии; 60% всех начальников политотделов МТС — рабочие, т. е. люди, прошедшие фабричную выучку; 22% всего состава — работники с высшим образованием. Этот мощный отряд посланцев пролетарских городов получил также небывалое для деревни материально-техническое оснащение, фундамент для развертывания большевистской пропаганды: 1673 типографии, 2 тысячи радиостанций, 2 тысячи книжных киосков и свыше 2 тысяч кинопередвижек; и такой же фундамент для под'ема оперативных методов работы: 3200 автомашин и свыше 6 тысяч велосипедов.

Во-вторых, являясь лучшими, проверенными практикой социалистического строительства рычагами руководства со стороны пролетариата социалистической переделкой крестьянства, машинно-тракторные станции только после организации политотделов стали действительно выполнять ту роль, которую на них возлагала партия, стали не только организационно-хозяйственным, но и политическим центром руководства колхозным движением и технического перевооружения колхозного производства. «Ополитотделенные» МТС окончательно изжили элементы прокатных пунктов, стали основным и решающим рычагом ликвидации противоположности между городом и деревней, рычагом превращения сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального. Они охватывают теперь все стороны и звенья сельскохозяйственного производственного процесса, всесторонне влияют на всю систему колхозного производства, и это дает возможность вносить смелые поправки в карту районирования страны, создавать на базе МТС новые районы.

В-третьих, являясь величайшим завоеванием революции, способным показать чудеса хозяйственного строительства, колхозы именно в процессе проделанной партией под руководством Центрального Комитета работы, в результате организации политотделов стали активно и быстро наполняться большевистским содержанием, укреплять социалистическую дисциплину труда, освобождаться от обильно присосавшейся к ним и раз'едающей их классово враждебной нечисти. Особенно памятна будет весна 1933 г., когда очищению колхозов и МТС от классово враждебных элементов.

В-четвертых, на основе постановления ЦК ВКП(б) от 15 июля вместо сельской территориальной ячейки, об'единявшей коммунистов многих колхозов наряду с коммунистами, работавшими в сельских советах, кооперативных и других общественных учреждениях, теперь созданы самостоятельные первичные парторганизации или кандидатские группы в колхозах. Расширение партийной сети в колхозах, передвижка сельских коммунистов непосредственно в колхозы, на производство, охват коммунистами и комсомольцами решающих участков колхозного производства, расширение непосредственных связей коммунистов с колхозниками, перенесение центра партийно-массовой работы в производственную бригаду, укрепление «перестроенных по производственному признаку первичных колхозных партийных организаций», повышение революционной бдительности и большевистской идейной вооруженности деревенских членов партии — таков итог работы политотделов над созданием боеспособной партийной организации в колхозах; однако в этой области особенно видна недостаточная работа политотделов МТС, и райкомы партии должны здесь добиться резкого перелома.

В-пятых, под руководством ЦК партии политотделы МТС помогли деревенским парторганизациям вырастить огромную армию новых людей в де-

ревне, закалить политически, сколотить вокруг партии колхозный актив и закрепить его на руководящей работе в колхозах. Беспартийный колхозный актив, выращенный и выдвинутый нашими деревенскими парторганизациями при помощи политотделов МТС, приобрел уже значительный политический и организационный опыт, в подавляющем большинстве колхозов превратился в надежное большевистское ядро. Роль беспартийного актива в деле выполнения государственных обязательств, в борьбе с врагами колхозов значительно выросла.

Наконец, широким фронтом развернулись среди колхозников социалистическое соревнование и ударничество. Вдвое—втрое возросшая армия ударников—бесспорный и непреложный показатель положительных итогов работы политотделов.

«Политотделы... опираясь на силу и авторитет всей партии, на хозяйственную мощь МТС, добились серьезных успехов в деле превращения отсталого участка социалистического строительства—сельского хозяйства—в передовой» (из постановления ноябрьского пленума ЦК).

Но эти великие достижения вовсе не означают, что можно почить на лаврах. Классовая борьба продолжается, меняются лишь ее формы. Чем успешней развертывается социалистическое наступление, тем судорожней и ожесточенней делается сопротивление остатков разгромленных эксплоататорских классов. Ими руководит классовая месть, беспредельная ненависть к социализму, озлобление против его побед, стремление жить за счет чужого труда. Агентура классовых врагов внутри нашей партии еще не уничтожена окончательно, это должен помнить каждый райком партии, каждый его работник. Разбитые в открытой политической борьбе, совершенно изолированные от масс, «гнусные, коварные агенты классового врага, подлые подонки бывшей зиновьевской антипартийной группы» вступили на белобандитский, фашистский путь борьбы с советской властью, на путь индивидуального террора, вырвали из наших рядов тов. Кирова.

Сохраняя порох сухим против остатков разгромленных капиталистических классов и остатков разгромленных антиленинских групп, партия еще настойчивей и упорней будет разрешать все хозяйственно-политические задачи, еще настойчивей и упорней будет организовывать дальнейшее укрепление и дальнейшие победы колхозного строя.

У колхозов есть все необходимое для того, чтобы в самый кратчайший срок достигнуть зажиточной, культурной жизни. Для этого надо только одно: «работать честно и беречь колхозное добро». В этих гениально простых словах товарища С т а л и н а выражена великая историческая правда, вывод из всей многовековой борьбы крестьянских масс за освобождение от ига эксплоатации, указана программа дальнейших побед колхозного строя.

Мобилизуя и используя все внутренние резервы и возможности колхозного строя, укрепляя колхозное производство, райкомы партии должны вплотную заниматься теперь улучшением работы сельсоветов, школ, больниц, кооперации, всей совокупностью вопросов культурного строительства и благоустройства села. На основе достигнутых успехов в деле укрепления колхозов, изгнания в основном из колхозов и МТС антисоветских, классово враждебных элементов, на основе организационно-хозяйственного укрепления колхозов и МТС, сплочения вокруг партии беспартийного актива, значительного улучшения работы районных комитетов партии и перестроенных по производственному принципу первичных колхозных парторганизаций, — на этой основе возникли такие вопросы, разрешение которых настоятельно потребовало преобразования политотделов в нормальные парторганизации, охватывающие своим непосредственным влиянием и руковод-

ством не только колхозное производство, но и все вопросы колхозной жизни, все вопросы в целом, стоящие перед селом. Политотделы МТС никогда не мыслились как постоянная организационная форма, они были чрезвычайной формой организации в деревне, формой, вызванной к жизни теми недостатками работы в деревне, на которые указывал товарищ Сталин в своей речи на январском пленуме ЦК 1933 г. «Вопрос о преобразовании политотделов МТС не был неожиданным. В уставе, принятом на XVII с'езде партии и в постановлении по организационному вопросу было специально подчеркнуто, что политотделы создаются, как ударные органы и что, по мере минования надобности в этих ударных органах, с'езд поручает ЦК преобразовывать их в обычные партийные органы» (Каганович «Об итогах ноябрьского пленума ЦК»). На нынешнем этапе, как указывается в резолюции пленума ЦК, «политотделы сами по себе уже недостаточны... для руководства всей работой в колхозной деревне — политической, хозяйственной, культурно-бытовой (школы, больницы и т. д.) — требуется укрепление нормальных партийных и советских органов, охватывающих всю работу: административную, хозяйственную, культурно-бытовую, финансовую и т. д.». Вот почему задачи партийного руководства сейчас расширяются и ответственность партийных организаций, в первую очередь в лице районных комитетов партии, как никогда раньше, возрастает.

Задача райкомов партии—качественно закрепить те огромные достижения в сельском хозяйстве, о которых говорит резолюция ноябрьского пленума ЦК.

V

Решение ноябрьского пленума ЦК о политотделах МТС подчеркивает, что «преобразование политотделов усиливает ответственность райкомов» (разрядка моя. — *А. Л.*). Если раньше районные комитеты партии отвечали за состояние МТС и колхозов наряду с политотделами, то теперь эта ответственность целиком и полностью ложится только на райкомы. При этом надо иметь в виду, что самые задачи руководства по сравнению с истекшими двумя годами не уменьшаются, а значительно увеличиваются и усложняются. Рост колхозов пред'является к партийному руководству непрерывно качественно повышающиеся требования. Машинно-тракторные станции, являясь теперь новым сложным энергетическим и организационно-хозяйственным центром колхозной деревни, требуют повседневного, не бумажного, а конкретно-оперативного, качественно высокого партийного руководства. Выросли запросы масс колхозников, колхозного актива, значительно повысились требования к руководству со стороны членов и кандидатов партии. Политотделец, который привык непосредственно соприкасаться преимущественно с производственной стороной колхозной жизни, ныне на работе в райкоме должен взять на себя новую роль организатора и руководителя всех сторон жизни колхоза, села. И это налагает на него обязанность не снизить, а, наоборот, повысить качество партийного руководства, не сбиваясь ни в коем случае с методов конкретно-оперативной работы на методы руководства через соответствующие районные учреждения и организации, попрежнему вникая в детали колхозного производства.

Одно из первых, решающих условий успешной работы райкомов в новых условиях—полностью сохранить на работе политотдельские кадры в старых и вновь организуемых районах. Райкомы должны бороться с текучестью, добиваться устойчивости кадров. Установленный решениями ноябрьского пленума ЦК порядок смещения и назначения секретарей райкомов с утверждения ЦК ВКП(б) способствует устойчивости руководящих кадров деревни и устранению той текучести руководящего состава деревенских

райкомов, которая была характерна для очень многих из них. «Надо с самого начала пресечь настроения: раз политотделы МТС преобразуются — сливаются с райкомами, значит сняты, разрешены те ударные задачи, которые были возложены на политотделы, значит уже везде дело обстоит благополучно, значит можно снизить напряженность, работать поспокойнее, с «прохладцей», отдохнуть, «поспать». Нет ничего вреднее подобных настроений» (Каганович «Об итогах ноябрьского пленума ЦК»). Все без исключения политотдельцы должны, как и подобает большевикам, откликнуться на решение пленума ЦК обязательством с удвоенной энергией продолжать борьбу за большевистские колхозы, за зажиточную и культурную жизнь. Нет сомнений, что политотдельцы оправдают уверенность Центрального Комитета партии в том, что «работники политотделов, показавшие себя в подавляющем большинстве с наилучшей стороны, как действительные большевистские партийные организаторы, и в новых условиях, на работе в райкомах и в качестве заместителей директоров МТС по политчасти, сумеют быть достойными тех великих задач, которые возлагаются на них партией» (из решений ноябрьского пленума ЦК).

Первейшей из этих задач является, как неоднократно указывал тов. Каганович, то, что в центре внимания всей партийной работы должен быть каждый член партии, каждый кандидат партии, их идейное вооружение, повышение их ведущей организаторской роли в колхозном производстве и в культурно-политической жизни колхоза. Надо добиться, чтобы все руководящие работники райкомов сделали решительные организационные шаги в деле дальнейшего изучения коммунистов, их опыта, их индивидуальных склонностей, их культурно-политических запросов. Зимний период, который должен быть использован «для дальнейшего укрепления колхозов, сплочения беспартийного актива, улучшения работы правлений и председателей колхозов, повышения роли и значения общих собраний колхозников» (из решений ноябрьского пленума ЦК), в особенности должен быть использован для действительного укрепления партийной работы, повышения идейного уровня коммунистов и умножения их связей с беспартийными активистами и рядовыми колхозниками.

Из числа отдельных вопросов, которые, на наш взгляд, особо остро встают в области партийной работы в деревне, следовало бы остановиться на вопросе о работе с коммунистами-одиночками. За последние полтора года количество деревенских коммунистов-одиночек, не об'единенных партгруппами и парткомсогруппами, выросло с 15 до 105 тысяч (при уменьшении числа первичных парторганизаций с 52 425 до 48 667). Во многих МТС в колхозах отсутствуют первичные партийные организации, и все коммунисты распылены по-одному, по-два в колхозе. В этом огромном увеличении числа коммунистов-одиночек мы видим неизбежные, так сказать, «издержки» процесса производственной перестройки, которые можно и должно умело перекрыть всеми теми огромными преимуществами, которые дает перестройка по производственному признаку. Политотделы МТС, порой чересчур узко-производственно понимая свои задачи, не сумели в ряде случаев развернуть нужную политическую и партийную работу среди коммунистов-одиночек. В Западной области насчитывается свыше 6 тысяч одиночек, причем уровень их партийной жизни снизился в результате их распыления, вызванного перестройкой деревенских парторганизаций по производственному признаку; стали редкими партийные собрания одиночек, ослабла политическая информация и т. д. Это тем более опасно, что коммунисты-одиночки в большинстве своем чрезвычайно молоды по партстажу,—это главным образом кандидаты. В Бельском районе той же Западной области из 90 одиночек—57 кандидатов; из 96 одиночек Дорогобужского района — 55 кандидатов; из 80 одиночек Темкинского района—53 кандидата. При этом

несмотря на свой молодой партийный стаж большинство коммунистов-одиночек работает на руководящей колхозной и советской работе. Сводные данные по 17 районам Западной области показывают, что из 1 648 коммунистов-одиночек председателей колхозов—665 (40%), председателей сельсоветов—312 (19%), бригадиров и заведующих фермами—114 (7%) и т. д. Рядовых колхозников всего 329 (20% всех одиночек). Эти факты свидетельствуют о том, что коммунист-одиночка в целом ряде районов стал центральной фигурой внутрипартийной работы в деревне. И говоря о задачах райкомов в области дальнейшего укрепления партийной организации в деревне, нельзя ни на минуту забывать об этой распыленности коммунистов в деревне, из чего вытекает необходимость сделать во всей системе нашей партийной работы, в частности партийного просвещения, ясный упор на гибкое, умелое и «доходчивое» обслуживание коммунистов-одиночек (термин, кстати сказать, не совсем удачный: коммунист, связанный с массой, никогда не бывает «одиночкой»).

Руководить партийной организацией деревни—это значит, теперь в особенности, руководить каждым членом партии в отдельности, памятуя, что в этих условиях особенно неправильно рассматривать члена партии, так сказать, «узко-функционально», т. е. лишь как некоего исполнителя определенных хозяйственных функций, и только, забывая о той политической ответственности, которую несет каждый коммунист.

Вот почему необходимо по-новому сделать упор на созыв регулярных кустовых собраний партийцев-одиночек, ибо коммунист не может расти и развиваться вне партийной атмосферы. По-особому назрел вопрос о партийном дне для одиночек. В этих случаях не следует опасаться об'единенной работы колхозных и территориальных коммунистов-одиночек; в работе с отдельными членами партии нужно всесторонне использовать опыт промышленных, в особенности транспортных парторганизаций.

И новые и старые райкомы, вступая в новый этап работы, должны учесть все ошибки тех политотделов МТС, которые не занимались своим главным делом, а именно, партийно-массовой работой, действительным укреплением первичных парторганизаций в колхозах, забывая, что именно здесь решается успех всех больших и малых производственных задач колхозного строительства.

Особо большим вопросом является вопрос об укреплении парторганизаций МТС и МТМ. Следует подчеркнуть то важнейшее обстоятельство, что при общем уменьшении количества членов деревенской парторганизации (в результате чистки) за эти полтора года количество коммунистов в МТС и МТМ выросло с 40 800 до 61 700, а количество первичных организаций в них — с 2022 до 4867. Парторганизации МТС и МТМ должны быть ведущими парторганизациями в деревне, так сказать, идейными и организационными крепостями, на которые должны опираться райкомы партии в выполнении стоящих перед ними задач.

* * *

Постановление ноябрьского пленума ЦК о преобразовании политотделов МТС в обычные партийные органы, отмечая гигантские победы, одержанные в сельском хозяйстве, в то же время подчеркивает, что впереди еще немало работы, борьбы за дальнейшее превращение наших колхозов в большевистские и колхозников — в зажиточных. Нет сомнений, что в выполнении всех этих задач передовую и решающую роль сыграет тот отряд партии, который был сконцентрирован в политотделах МТС и который сейчас переключен на руководящую работу в районных партийных организациях.

Новый организационный этап в жизни деревенских парторганизаций начинается в условиях, когда в деревне имеется небывало крепкий кадровый костяк — мощный отряд посланцев пролетарского города. Преобразование политотделов МТС создает базу для такого развертывания партийной работы, которое обеспечит непрерывное и органическое укрепление боеспособной партийной организации в колхозной деревне.

Ответственность районных комитетов партии за дальнейшее укрепление колхозов возрастает, и они выполнят свои задачи, если будут работать конкретно и оперативно, если будут так же, как лучшие политотдельцы, соединять в практике своей работы революционный размах, революционный порыв с настойчивой деловитостью большевистских строителей, как тому учит нас вождь партии товарищ Сталин.

ОТ ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА К ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ И БЕСПОВОРОТНОЙ ПОБЕДЕ КОЛХОЗНОГО СТРОЯ

К ПЯТИЛЕТИЮ ВЫСТУПЛЕНИЯ ТОВАРИЩА СТАЛИНА НА КОНФЕРЕНЦИИ АГРАРНИКОВ-МАРКСИСТОВ

А. Никаноров

Наступление на кулачество есть серьезное дело. Его нельзя смешивать с декламацией против кулачества. Его нельзя также смешивать с политикой царапанья с кулачеством, которую усиленно навязывала партии зиновьевско-троцкистская оппозиция. Наступать на кулачество — это значит сломить кулачество и ликвидировать его как класс.

Сталин

Теперь мы имеем возможность повести решительное наступление на кулачество, сломить его сопротивление, ликвидировать его как класс и заменить его производство производством колхозов и совхозов.

Сталин

...Придется еще много поработать над тем, чтобы переделать крестьянина-колхозника, выправить его индивидуалистическую психологию и сделать из него настоящего труженика социалистического общества.

Сталин

В мировой истории классовой борьбы, величественную картину которой дали Маркс и Энгельс в «Коммунистическом Манифесте», последующая история большевизма, история нашей партии, занимает и будет занимать наиболее яркое место. Без всякого преувеличения можно сказать, что история большевизма, история нашей партии, является глубочайшим источником, из которого пролетариат всех стран черпает и будет черпать опыт в своей борьбе за социализм. История большевизма с ее героической борьбой масс и отдельных ее представителей служит и будет служить неисчерпаемым источником творчества для лучших представителей искусства во всех его областях. Ленин в «Детской болезни «левизны» в коммунизме», отмечая историческое международное значение большевизма, указывает, что марксизм в нашей стране выстрадан и завоеван как господствующая идеология в результате борьбы в течение десятков лет, при самых разнообразных и тяжелых условиях. Наша партия — передовой отряд мирового большевизма, — организованная более 30 лет назад на прочной базе марксизма-ленинизма, по своему богатому опыту борьбы, огромному разнообразию форм движения, лозунгов, фронтов и участков, разнообразию организационных форм (от подпольных кружков до руководства первым социалистическим государством на огромной территории) не имеет равной себе во всем мире.

Социализм в нашей стране победил, и победил именно потому, что партия всегда неизменно была на своем передовом посту вместе с массами и впереди миллионных масс, борющихся за социализм. Вся история большевизма показывает, что наша партия не только своевременно улавливала сдвиги, перемены в соотношениях борющихся классов, в ходе классовой борьбы, изменения форм этой борьбы и соответственно намечала свою тактику, изменяла формы своей организации, но и ускоряла эти сдвиги, орга-

низовывала их, неизменно боролась с врагами рабочего класса и трудящегося крестьянства за диктатуру пролетариата, за социализм.

В арсенале марксизма-ленинизма имеется целый ряд документов, наиболее ярко и отчетливо показывающих эти сдвиги и переломы в классовой борьбе, дающих конкретную программу борьбы пролетариата, его партии на данном этапе, программу дальнейшего движения вперед, к конечной цели — коммунизму. Это прежде всего такие работы великого Ленина, как «Что делать», «Две тактики», апрельские тезисы «О задачах пролетариата в данной революции» (1917 г.), выступление Ленина на VIII с'езде партии по вопросу об отношении к середняку, его работа «О продналоге». Несмотря на все особенности различных этапов, когда были созданы перечисленные документы большевизма, общим для них является: во-первых, наличие анализа переломных моментов, переживаемых рабочим движением, а также переломных сдвигов в многомиллионных слоях крестьянства в тот или другой период; во-вторых, все эти работы ярко и исчерпывающе говорят об исторической роли рабочего класса, показывая для каждого данного этапа конкретные пути осуществления этой исторической роли, пути борьбы за диктатуру пролетариата, ее организационные формы и конкретные задачи пролетарского государства.

В этих работах, как и в других своих трудах, Ленин, развивая основной тезис учения Маркса о диктатуре пролетариата, все время указывает пролетариату на его роль гегемона по отношению к многомиллионным массам трудящегося крестьянства в революционном движении. На всем протяжении революционного движения как до Октябрьской революции, так и после сдвиги и переломы в классовой борьбе захватывали и не могли не захватывать огромные, миллионные массы крестьянства. И правильным ответом на вопрос о задачах рабочего класса в его борьбе за коммунизм мог быть только такой ответ, который четко указывал и на задачи пролетариата по отношению к крестьянству, к различным слоям крестьянства, который указывал на задачи пролетариата после завоевания власти в разрешении труднейшего вопроса социализма — вопроса о переводе миллионов мелких и мельчайших крестьянских хозяйств на рельсы крупного социалистического хозяйства.

Выступление Сталина по вопросам аграрной политики в СССР является таким же великим документом марксизма-ленинизма. И так же, как в истории большевизма, апрельские (1917 г.) тезисы Ленина имеют величайшее значение документа, сформулировавшего конкретные задачи пролетариата в его непосредственной борьбе за диктатуру пролетариата, за советы, за советский строй,—такое же величайшее значение в истории мирового большевизма имеет выступление товарища Сталина на конференции аграрников-марксистов. В этом выступлении Сталин сформулировал как основную политическую задачу рабочего класса и его партии переход от политики ограничения и вытеснения кулачества к ликвидации его как класса на основе сплошной коллективизации.

Еще в ноябре 1929 г. Сталин в своей статье «Год великого перелома» указывал на тот огромной важности факт, что в колхозы пошли не только отдельные бедняцкие и середняцкие хозяйства, но что в колхозы пошли основные массы крестьянства. И на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. Сталин, указывая на факт колоссального роста колхозного движения, дает такую исчерпывающую характеристику этого великого перелома советской деревни:

«Характерная черта нынешнего колхозного движения состоит в том, что в колхозы вступают не только отдельные группы бедноты, как это было до сих пор, но в колхозы пошел в своей массе и середняк. Это зна-

чит, что колхозное движение превратилось из движения отдельных групп и прослоек трудящихся крестьян в движение миллионов и миллионов основных масс крестьянства. Этим между прочим и следует об'яснять тот колоссальной важности факт, что колхозное движение, принявшее характер мощной, нарастающей антикулацкой лавины, сметает на своем пути сопротивление кулака, ломает кулачество и прокладывает дорогу для широкого социалистического строительства в деревне»[1].

Товарищ Сталин не только указал на великий перелом в советской деревне и вскрыл его огромное политическое значение, которого не понимали и не могли понять оппортунисты из правого и «левого» лагерей, но дал и политическую формулировку новой политики по отношению к кулачеству. Переход от политики ограничения эксплоататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации является одним из величайших и решающих поворотов политики партии на всем протяжении ее истории.

«До последнего времени партия стояла на позиции ограничения эксплоататорских тенденций кулачества. Известно, что эта политика была провозглашена еще на VIII с'езде. Она, эта самая политика, была вновь возвещена при введении нэпа и на XI с'езде нашей партии. Всем памятно известное письмо Ленина на имя Преображенского (1922 г.), где он вновь возвращается к вопросу о необходимости проведения такой именно политики. Она была, наконец, подтверждена XV с'ездом нашей партии. Ее и проводили мы до последнего времени»[2].

Сейчас, спустя пять лет после начала великого перелома, когда колхозы уже стали прочной, непобедимой силой, нам трудно представить себе любую советскую деревушку без колхоза. Сейчас, когда колхозы стали непобедимой силой, об'единяющей три четверти крестьянских хозяйств и 90% посевных площадей, мы должны еще и еще раз подчеркнуть, что вопрос о переводе миллионов мелких и мельчайших крестьянских хозяйств на рельсы крупного социалистического хозяйства есть наиболее трудный и сложный вопрос социализма. Этот вопрос в нашей стране разрешен окончательно и бесповоротно. Но нужно было гениальное предвидение Сталина, чтобы во-время уловить этот перелом, вскрыть его действительное социалистическое содержание, своевременно очистить его от различного рода извращений в практике местных партийных и советских организаций и отдельных коммунистов, во-время предупредить от «головокружения от успехов».

«Революция — локомотив истории», — говорил Маркс. Темпы революционных событий, как отмечал не раз Ленин, во много превосходят темпы «нормального» развития истории. Таким величайшим революционным событием явились процессы, происходившие в советской деревне во второй половине 1929 г. Для партии этот революционный перелом не явился неожиданностью, так как он был подготовлен всей предшествующей политикой партии. Партия Ленина—Сталина очень много сделала для того, чтобы добиться этого перелома, борясь со всеми, кто сопротивлялся, кто старался задержать этот перелом. В результате этой борьбы партии мы и имеем массовый переход трудовых слоев крестьянства на рельсы социализма.

«Поворот крестьянства в сторону коллективизации начался не сразу,— говорит товарищ Сталин. — Он, этот поворот, и не мог начаться сразу. Правда, лозунг коллективизации был провозглашен партией еще на XV с'езде. Но для массового поворота крестьянства в сторону социализма недостаточно еще провозглашения лозунга. Для поворота требуется, по крайней

[1] Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 442. 9-е изд.
[2] Там же, стр. 456—457.

мере, еще одно обстоятельство, а именно, чтобы сами крестьянские массы убедились в правильности провозглашенного лозунга и приняли его как свой собственный лозунг. Поэтому поворот этот подготовлялся исподволь. Подготовлялся он всем ходом нашего развития, всем ходом развития нашей индустрии и прежде всего развитием индустрии, поставляющей машины и тракторы для сельского хозяйства. Подготовлялся он политикой решительной борьбы с кулачеством и ходом наших хлебозаготовок в его новых формах за 1928 и 1929 гг., ставящих кулацкое хозяйство под контроль бедняцко-середняцких масс. Подготовлялся он развитием с.-х. кооперации, приучающей индивидуального крестьянина к коллективному ведению дела. Подготовлялся он сетью колхозов, где крестьянин проверял преимущество коллективных форм хозяйства перед индивидуальным хозяйством. Подготовлялся он, наконец, сетью разбросанных по всему СССР и вооруженных новой техникой совхозов, где крестьянин получал возможность убедиться в силе и преимуществах новой техники. Было бы ошибочно видеть в наших совхозах только лишь источник хлебных ресурсов. На самом деле совхозы с их новой техникой, с их помощью окружающим крестьянам, с их невиданным хозяйственным размахом явились той ведущей силой, которая облегчила поворот крестьянских масс и двинула их на путь коллективизации»[1].

Таково исчерпывающее об'яснение подготовки величайшего, невиданного в истории поворота трудового крестьянства от мелкособственнического хозяйства к хозяйству крупному, социалистическому.

Огромную роль сыграла также отмена частной собственности на землю. Национализация земли, осуществленная диктатурой пролетариата, облегчила «дело перехода индивидуального крестьянина на рельсы коллективизации». Уничтожение частной собственности на землю, уничтожение земельной ренты открыло свободный путь для колхозов (а также для совхозов) в деле освоения бывших помещичьих и кулацких земель.

Для многих наиболее дальновидных представителей буржуазии этот массовый поворот крестьянства в сторону социализма прозвучал надгробным звоном. Слова Маркса о том, что пролетариат является могильщиком буржуазии, еще раз подтвердились.

Буржуазия пыталась опорочить действительное значение великого перелома всякого рода гнусными инсинуациями. Приложили свои руки к гнусной кампании против под'ема коллективизации в 1929—1930 гг. верный слуга буржуазии Каутский и контрреволюционер Троцкий. Каутский для утешения буржуазии пытался найти об'яснение великого перелома в том, что большевики путем административного нажима на многомиллионное крестьянство якобы загнали его в колхозы, а так как административные меры — вещь непрочная в истории, то и колхозы, мол, созданные большевиками, скоро рухнут, как карточный домик. Троцкий, который много истратил сил в борьбе против нашей партии, доказывая, что середняк никогда не перейдет на сторону социализма, а, наоборот, является прочной реакционной силой, от которой диктатуру рабочего класса может спасти только во-время подоспевшая революция на Западе, — Троцкий также пытался отрицать значение великого перелома и его социалистическое содержание. Ход аргументации Троцкого чрезвычайно прост: ничего социалистического колхозы собой не представляют, классовое расслоение и классовая борьба в колхозах будут идти своим чередом, никакого повышения производительности труда колхозы как об'единения на базе простейших крестьянских орудий не дадут. А следовательно, утешал Троцкий буржуазию, колхозы не являются прочной силой и исчезнут так же быстро, как они возникли.

Непонятен и неприемлем был великий перелом и для правых оппортунистов. В самом деле, какой для них мог быть перелом, если правые оппор-

[1] Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 514. 9-е изд.

тунисты, эта агентура кулачества, представляли себе развитие социализма не иначе, как путем мирного врастания кулака в социализм. Теория мирного врастания кулака в социализм, теория равновесия и мирного сосуществования двух секторов — капиталистического и социалистического — ввиде своего рода движения двух ящиков по параллельным линиям, как выразился об этой правооппортунистической теории товарищ Сталин на конференции аграрников-марксистов; теория самотека, отрицающая активную роль за рабочим классом и его партией в деле насаждения совхозов и организации колхозов,—эти теории правых оппортунистов, конечно, находились в непримиримом противоречии с правильным пониманием великого перелома. Правые в своей борьбе против партии прибегали к гнусной клевете на колхозы, на партию, создающую эти колхозы и оказывающую им всяческую организационную и финансовую поддержку. Всем еще памятны высказывания правых оппортунистов против колхозов, за индивидуальное хозяйство, за развертывание производства в кулацких хозяйствах.

Основной причиной, обеспечившей переход советского трудового крестьянства под красное знамя социализма, как мы уже видели из приведенных выше слов товарища Сталина, является борьба партии на два фронта за диктатуру пролетариата, за ее правильное ленинское понимание. Это правильное понимание диктатуры пролетариата товарищ Сталин следующим образом формулирует при характеристике трех основных сторон диктатуры пролетариата:

«1) Использование власти пролетариата для подавления эксплоататоров, для обороны страны, для упрочения связей с пролетариями других стран, для развития и победы революции во всех странах.

2) Использование власти пролетариата для окончательного отрыва трудящихся и эксплоатируемых масс от буржуазии, для упрочения союза пролетариата с этими массами, для вовлечения этих масс в дело социалистического строительства, для государственного руководства этими массами со стороны пролетариата.

3) Использование власти пролетариата для организации социализма, для уничтожения классов, для перехода в общество без классов, в общество без государства» [1].

Эти три основные стороны диктатуры пролетариата исчерпывающе вскрывают существо диктатуры пролетариата, ее задачи.

Диктатура пролетариата — не самоцель, говорит Сталин, а средство и орудие для построения социализма. Социализм же есть уничтожение классов, следовательно, задачей диктатуры пролетариата является уничтожение классов. А уничтожение классов не может не происходить без самой ожесточенной классовой борьбы.

В приведенной формулировке Сталина о содержании и сущности диктатуры пролетариата дается четкое указание об отношении пролетариата и его диктатуры к различным классам. Острие диктатуры пролетариата направлено на подавление всякого сопротивления буржуазии, на окончательное уничтожение буржуазии. Но остаются огромные, многомиллионные массы трудящихся крестьян, и по отношению к ним задачи диктатуры пролетариата определены как союз пролетариата с этими массами. Причем задача этого союза, в котором пролетариат играет руководящую роль, сводится к тому, чтобы привести к полному уничтожению классов. Именно на основе такого, единственно правильного понимания задач диктатуры пролетариата построен прочный союз рабочего класса с середняком, при опоре на бедноту и при непримиримой борьбе с кулаком. Именно потому, что партия под руководством Сталина последовательно проводила такую политику; именно потому, что вся практика партийных и со-

[1] Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 201. 9-е изд.

ветских организаций основывалась на такой политике, был обеспечен великий перелом 1929 г., массовый переход крестьянства на сторону социализма.

* * *

Великий перелом 1929 г. является огромной победой марксизма-ленинизма в его основном, решающем пункте, именно в учении марксизма-ленинизма о диктатуре пролетариата. В свете этой величайшей победы особенно ярко видна предательская роль II интернационала, его равнодушное и отрицательное отношение к крестьянству. В свете великого перелома также особенно ярко видна предательская позиция контрреволюционера Троцкого, бравшего все крестьянство за одни скобки, как одну сплошную реакционную силу, и вместе со своими союзниками из зиновьевского лагеря отрицавшего возможность построения социализма в нашей стране. Здесь можно перефразировать слова товарища Сталина: для того, кто боится революции, кто не верит в пролетарскую диктатуру, не верит в возможность построения социализма в одной, отдельно взятой стране, — такой, как наша страна; тот, кто настроен пораженчески по отношению к возможности создания бесклассового общества, а тем самым к созданию твердой, незыблемой базы мировой революции, — для того, конечно, вопрос о союзниках пролетариата не существует и крестьянство представляет только сплошную враждебную среду. То же самое можно сказать и по отношению к правым. Тот, кто не видит и не понимает, что социализм есть уничтожение классов, а диктатура пролетариата является наиболее острым орудием классовой борьбы пролетариата; тот, кто не видит, что крестьянство — это не сплошная, однообразная масса, а состоит в свою очередь из различных социальных групп; тот, кто не видит внутри этого крестьянства жестокой классовой борьбы и не видит ярого сопротивления кулаков наступающему социализму, — для того, конечно, все проблемы диктатуры пролетариата сводятся к плоской, либеральной теорийке мирного врастания кулака в социализм.

По существу, все проблемы, поставленные товарищем Сталиным в его выступлении на конференции аграрников-марксистов: проблемы воспроизводства, о природе колхозов, критика «теорий» равновесия, устойчивости мелкого крестьянского хозяйства, самотека и т. д. — направлены на то, чтобы разгромить буржуазные и мелкобуржуазные попытки извращения основного в марксизме-ленинизме учения о диктатуре пролетариата.

Возьмем, например, проблему воспроизводства. Товарищ Сталин при изложении этой проблемы развивает следующее основное положение марксистской теории воспроизводства: в процессе общественного производства не только создаются, воспроизводятся ценности, но и воспроизводятся присущие данной общественной форме производства общественные отношения. Для капиталистического воспроизводства Маркс формулирует это положение следующим образом: «Как простое воспроизводство непрерывно воспроизводит и само капиталистическое отношение,—капиталистов на одной стороне, наемных рабочих на другой,— так воспроизводство в расширенном масштабе или накопление воспроизводит капиталистическое отношение в расширенном масштабе: больше капиталистов или более крупных капиталистов на одном полюсе, больше наемных рабочих на другом»[1].

Таким образом, расширенное капиталистическое воспроизводство непрерывно порождает богатство эксплоататоров, капиталистов на одном полюсе и нищету, наемное рабство—на другом.

Социалистическое расширенное воспроизводство принципиально противо-

[1] Маркс «Капитал». Т. I, стр. 696—697. 1934.

положно, ибо оно воспроизводит, накопляет все в большем и большем масштабе социалистические производственные отношения, ограничивая развитие капиталистических отношений, вытесняя их, а затем и целиком уничтожая. Социалистическое воспроизводство направлено на уничтожение нищеты, на полное освобождение всех трудящихся и эксплоатируемых. Ясное дело, что ни о каком «равновесии» не может быть и речи. Между социализмом и капитализмом идет ожесточенная борьба по принципу «кто кого».

Но социалистическое расширенное воспроизводство происходит в условиях, когда, кроме социалистического хозяйства и хозяйства капиталистического, имеется огромная масса крестьянских хозяйств, бедняков и середняков, по отношению к которым партия проводила политику вовлечения в дело социалистического строительства. «Наша крупная централизованная социалистическая промышленность развивается по марксистской теории расширенного воспроизводства, ибо она растет ежегодно в своем об'еме, имеет свои накопления и двигается вперед семимильными шагами. Но наша крупная промышленность не исчерпывает народного хозяйства. Наоборот, в нашем народном хозяйстве все еще преобладает мелкое крестьянское хозяйство» [1].

Следовательно, проблема построения социализма означает организацию всего народного хозяйства на социалистических принципах. Следовательно, социалистическое расширенное воспроизводство есть воспроизводство социалистических производственных отношений и в городе и в деревне. И товарищ Сталин со всей силой подчеркивает здесь два момента: во-первых, пролетарское государство и социалистическое строительство не могут базироваться на двух разных основах—«на основе самой крупной и об'единенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства»; во-вторых, процесс социалистического расширенного воспроизводства, охватывающий все народное хозяйство в целом, не есть стихийный процесс, как при капитализме, когда «капиталистическое хозяйство города и мелкотоварное хозяйство крестьянина являются в своей основе однотипным хозяйством». Мелкотоварное крестьянское хозяйство, не являясь еще капиталистическим, однако, «рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе» (Ленин). Следовательно, процесс социалистического воспроизводства не есть явление стихийное, происходящее самотеком, а есть процесс, вызываемый политикой пролетарской диктатуры, ею организуемый и направляемый. «Теория «самотека» в социалистическом строительстве есть теория антимарксистская. Социалистический город должен вести за собой мелкокрестьянскую деревню, насаждая в деревне колхозы и совхозы и преобразуя деревню на новый, социалистический лад» [2].

Повторяем, теория социалистического расширенного воспроизводства, созданная товарищем Сталиным, есть могучее оружие большевизма в его борьбе за социализм с классовым врагом, с различного рода буржуазными «теориями», как буржуазная «теория» невозможности построения социализма в нашей стране (Троцкий, Зиновьев, Каменев), «теория» «пожирания» мелкого крестьянского хозяйства крупной социалистической промышленностью (Преображенский), «теории» мирного врастания кулака в социализм, равновесия, самотека (Бухарин и другие правые оппортунисты) и т. д.

Товарищ Сталин в своем выступлении 27 декабря 1929 г. подвел итоги богатейшему этапу в истории большевизма и развернул программу огромных перспектив борьбы рабочего класса и его партии за построение бес-

[1] Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 444. 9-е изд.
[2] Там же, стр. 446—447.

классового общества. Здесь чрезвычайно важно отметить ту основную мысль речи товарища Сталина, которая красной нитью проходит через все его работы, относящиеся к вопросам строительства социализма: борьба за превращение трудящихся крестьян в работников социалистического общества есть одновременно и борьба против кулака; и наоборот: борьба с кулачеством на базе коллективизации есть одно из важнейших и решающих оружий перевода мелкого крестьянского хозяйства на рельсы крупного социалистического хозяйства и переделки многомиллионных масс трудящегося крестьянства в сознательных работников социализма. И величайшее преступление правых оппортунистов перед партией и всем рабочим классом заключается именно в том, что они вытравляли эту основную задачу борьбы с кулачеством и тем самым об'ективно стояли за увековечение капиталистических отношений в деревне. Проповедуя о том, что колхозы не являются столбовой дорогой к социализму, что социализм вырастет из таких кооперативных об'единений, как потребительская кооперация, правые оставляли нетронутой самую базу, порождающую капитализм, а именно, мелкое крестьянское производство. В этой системе, сконструированной в свое время тов. Бухариным, находил удобное место кулак, который должен мирно врасти в социализм.

В выступлении товарища Сталина избавление от капитала дано в диалектическом единстве, а именно: ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Кулака нужно ликвидировать как класс, но его нужно ликвидировать на основе создаваемого колхозного производства. Нужно создавать колхозы и организовывать в них массы крестьянства, вступившие на социалистический путь развития сельского хозяйства. Но это нужно делать при одновременном уничтожении кулачества как класса на основе сплошной коллективизации.

Политика нашей партии по отношению к кулачеству в условиях диктатуры пролетариата исходит из опыта революционного движения как в нашей стране, так и во всех других странах Европы.

«Опыт всех революций, — говорит Ленин, — которые до сих пор были в Европе, наглядно подтверждает, что революция неизбежно терпит поражение, если крестьянство не побеждает кулацкого засилья»[1].

Кулаки со всей яростью выступили против диктатуры пролетариата, против советской власти.

«Кулаки — бешеный враг советской власти. Либо кулаки перережут бесконечно много рабочих, либо рабочие беспощадно раздавят восстания кулацкого, грабительского меньшинства народа против власти трудящихся. Середины тут быть не может. Миру не бывать: кулака можно и легко можно помирить с помещиком, царем и попом, даже если они поссорились, но с рабочим классом никогда»[2].

Позднее, в своем выступлении на VIII с'езде партии, Ленин, приводя слова Энгельса о том, что пролетариату, быть может, удастся обойтись без репрессии по отношению к крупному крестьянству, указал, что в России это предположение не оправдалось: мы состояли, состоим и будем состоять в прямой гражданской войне с кулаком. Но одновременно с этим Ленин всегда подчеркивал различие в отношении пролетариата к деревенской буржуазии, т. е. кулаку, и в отношении к помещику, к капиталисту. Если партия с первых же дней диктатуры пролетариата провела национализацию земли,

[1] Ленин. Т. XXIII, стр. 280. 3-е изд.

[2] Там же, стр. 206.

помещичьих хозяйств, заводов, фабрик, банков и т. д., то по отношению к кулаку, даже в самый острый период борьбы с контрреволюционными выступлениями кулаков, партия не проводила полной экспроприации кулацкого производства. Борьба была направлена на подавление контрреволюционных выступлений кулачества, на ограничение его эксплоататорских тенденций. Наиболее полно политика партии по отношению к кулачеству после победы пролетариата сформулирована в известном ленинском документе «Первоначальные наброски тезисов по аграрному вопросу» для II конгресса Коминтерна. Здесь Ленин указывает на необходимость для пролетариата, после его победы, немедленно начать подготовку, чтобы нанести решительный, беспощадный удар кулаку при первом же его сопротивлении, и говорит:

«Однако, экспроприация даже крупных крестьян никоим образом не может быть непосредственной задачей победившего пролетариата, ибо для обобществления таковых хозяйств нет еще налицо материальных, в частности технических, а затем и социальных условий» [1].

Своеобразие классовой борьбы в деревне требует и своеобразия в применении тактики партии пролетариата по отношению к различным враждебным классам. Однако основная цель ясно показана в приведенном документе: обобществление кулацких хозяйств, т. е. ликвидация кулачества как класса, не отрицается, а лишь отодвигается ее срок, пока «нет еще налицо материальных, в частности технических, а затем и социальных условий». Вся политика партии была направлена на то, чтобы создать эти условия — материальные и социальные. Политика социалистической индустриализации страны, укрепление социалистических элементов деревни в виде кооперативов, организация и сплочение бедноты, борьба с кулаком, политика ограничения и вытеснения капиталистических элементов, работа с середняком, сплочение его вокруг партии, борьба партии на два фронта по этому важнейшему вопросу — все это как раз и явилось материальными и социальными условиями великого перелома и поворота в политике партии, т. е. перехода от старой политики ограничения и вытеснения кулачества к его ликвидации как класса на базе сплошной коллективизации.

Чтобы еще сильней подчеркнуть все огромное значение успехов партии в подготовке великого перелома, т. е. начало массового под'ема коллективизации, на основе которого был поставлен вопрос о ликвидации кулачества, необходимо указать, что еще в 1925 г. в результате еще неизжитых остатков военного коммунизма как в области экономической, так и политически-административной практики середняк в ряде районов Союза оказался на стороне кулака, против бедноты. И решение XIV партийной конференции было направлено к тому, «чтобы сплотить середняков вокруг пролетариата, завоевать их вновь» [2].

А в 1929 г., т. е. после четырех лет борьбы партии за сплочение середняка вокруг пролетариата, середняки вместе с бедняками, вступая массами в колхозы, уже сами под руководством рабочего класса проводили раскулачивание и, таким образом, уже представляли собой антикулацкую лавину. Не нужно забывать при этом, что еще в 1927 г. кулаки имели в своих руках 13% валового хлеба и 20% товарного хлеба. Пользуясь этими запасами плюс большое количество хлеба, скупленного ими у бедняков и середняков, кулаки выступали как серьезная сила против советского государства, против политики снабжения хлебом индустриальных центров страны.

Для мирового пролетариата, борющегося за власть, этот период истории нашей партии дает исключительно богатый опыт. Не декламация про-

[1] Ленин. Т. XXV, стр. 273.
[2] Сталин «К итогам работы XIV партконференции». «Вопросы ленинизма», стр. 127—128. 9-е изд.

тив кулака, не царапанье с кулаком, предлагавшиеся зиновьевско-троцкистской оппозицией, не мелкобуржуазная реакционная утопия всеобщего равенства (Зиновьев), а действительно большевистская, упорная и в то же время терпеливая работа с середняком, окружение и изоляция кулака — вот итог политики партии под руководством Сталина за этот период.

Выступление в этот период Зиновьева с предложением дать каждому безлошадному крестьянину лошадь особенно ярко выявило кулацко-оппортунистическую сущность оппозиции. Под прикрытием «левой» фразы Зиновьев — этот лидер презренной троцкистско-зиновьевской оппозиции, докатившийся в своей борьбе против партии до вдохновления террористических актов, направленных на ее вождей,—защищал условия увековечения мелкого хозяйства—самой прочной базы возникновения и развития капитализма.

Партия под руководством Сталина разбила вдребезги антиленинские взгляды всех врагов коммунизма, и победа была обеспечена как в городе, так и в деревне.

Колхозы созданы. Ставится в порядок дня практическая, конкретная задача дальнейшего социалистического перевоспитания колхозников, изжития той индивидуалистической психологии, с которой колхозники приходят в колхоз. В порядок дня ставится конкретная задача социалистического перевоспитания вчерашнего мелкого хозяйчика и превращения его в настоящего труженика социалистического общества. Но и эта задача может быть разрешена только при условии самой непримиримой и упорной борьбы с остатками кулачества, с кулацкими недобитками, с кулацкими, антигосударственными тенденциями, просачивающимися в колхозы.

Следовательно, учение марксизма-ленинизма о том, что классы и классовая борьба «остались и останутся в течение эпохи диктатуры пролетариата» (Ленин), сохраняет всю свою силу и после того, когда кулачество разгромлено и в основном ликвидировано как класс. Но формы классовой борьбы меняются. Меняются потому, что соотношения классов в стране коренным образом изменились. Не понять этого — значит совершить грубейшую ошибку по отношению к основам марксизма-ленинизма. Не видеть коренного изменения в соотношении классовых сил в стране и утверждать, что классовая борьба в колхозах происходит и будет происходить так же, как и до организации колхоза, — значит не видеть великого перелома, отрицать этот великий перелом, не видеть разгрома кулачества, отрицать величайшую победу партии.

С другой стороны, глубочайшей ошибкой было бы забыть о классах и классовой борьбе, которая не исчезает в колхозах. Это значило бы обезоружить себя в борьбе с классовыми врагами, которые не прекращают и не прекратят попыток использовать колхозную форму в своей борьбе против социализма.

Товарищ Сталин в своем выступлении 27 декабря 1929 г. с исчерпывающей ясностью вскрыл эти ошибки и предупредил против опасности извращения марксизма-ленинизма в этом вопросе. Товарищ Сталин разгромил троцкистские утверждения о том, что колхозы не имеют ничего общего с социалистической формой хозяйства, и указал, «что колхозы в целом, взятые с их противоречиями и недостатками, колхозы как хозяйственный факт, представляют в основном новый путь развития деревни, путь социалистического развития деревни, в противоположность кулацкому, капиталистическому пути развития»[1].

Окончание следует

[1] Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 454.

ЗА БОЛЬШЕВИСТСКОЕ ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ

А. Панкратова

I

Постановление ЦК партии и правительства от 16 мая 1934 г. о преподавании гражданской истории в школах СССР по своему исключительному значению выходит далеко за рамки средней школы, которой оно в первую очередь касается.

Это постановление переводит все дело исторического образования в нашей стране на новую, высшую ступень и влечет за собой перестройку исторического образования во всех его звеньях.

Центральный Комитет партии констатировал неудовлетворительную постановку преподавания истории в средней школе и подчеркнул необходимость «историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий».

«Только такой курс истории, — указывало решение ЦК и СНК, — может обеспечить необходимую для учащихся доступность, наглядность и конкретность исторического материала, на основе чего только и возможны правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, подводящие учащегося к марксистскому пониманию истории».

Одновременно было постановлено подготовить к июню 1935 г. пять новых учебников: по истории древнего мира, по истории средних веков, по новой истории, по истории СССР, по новой истории зависимых и колониальных стран.

Майское решение, представляющее образец конкретного партийного руководства, явилось непосредственным результатом той суровой критики, какой товарищ Сталин подверг крайне неудовлетворительную постановку преподавания истории в нашей массовой школе.

Товарищ Сталин обратил внимание на тот факт, что ни наша школа, ни школьные учебники истории не дают подрастающим поколениям конкретных исторических знаний и не помогают им выработать историческую перспективу, без чего нельзя воспитать марксистски образованного и политически боеспособного строителя социалистического общества.

Указания товарища Сталина и решения ЦК от 16 мая являются настоящей программой большевистского преподавания истории. Эта программа приобретает международное значение в настоящее время, когда вопросы преподавания истории стали предметом особого внимания буржуазии во всех странах, что весьма ярко отразили международные конгрессы последних лет (особенно варшавский конгресс историков в августе 1933 г. и базельская конференция по преподаванию истории в июне 1934 г.). В целом ряде стран проведена школьная реформа, направленная к усилению правительственного контроля над постановкой преподавания и программами по истории.

Советский Союз является единственной страной, где историческое образование имеет не только научную базу, но и перспективы развития, небывалые и невозможные ни в одной из буржуазных стран.

В своих указаниях товарищ Сталин не только развернул критику недостатков преподавания истории, но одновременно заострил вопрос о роли и значении исторической науки и исторического образования во всей системе марксистских общественных наук и во всей системе революционного воспитания молодых поколений в СССР. Без исторического знания нет подлинного марксизма. Историзм является всеобщим и обязательным методом научного марксистского знания во всех его областях. Именно это имел в виду Маркс в «Немецкой идеологии», требуя исторического познания природы и общества, когда писал: «Мы знаем только одну единственную науку, науку истории» [1]. Не только специалисты-историки, но и философы, экономисты, естественники, политики должны обладать серьезными научными знаниями в области истории.

Пролетариат является единственным классом в мировой истории, заинтересованным в действительном и глубоком познании мира, революционное преобразование которого является его исторической задачей. Наоборот, буржуазия, которая стремится упрочить свое положение и об'являет его вечным, в своем миросозерцании антиисторична.

Вот почему именно в СССР, в стране победившего пролетариата, изучение конкретной истории, ее об'ективного хода и ее закономерностей является боевой, политической задачей.

Ни в одной стране не сделано и не могло быть так много сделано для расцвета исторической науки, как в стране пролетарской диктатуры. За время существования советской власти значительно выросли кадры историков-коммунистов, создан ряд крупнейших научно-исследовательских институтов для изучения истории, выходит большое количество исторических журналов и т. п. Все это дало возможность провести успешную борьбу с буржуазными и мелкобуржуазными историческими концепциями (Платонов, Петрушевский, Виппер, Добш, Матьез и др.), а также с меньшевистскими, троцкистскими и националистическими концепциями и их пережитками и влияниями в марксистской исторической литературе. Мы имеем ряд крупнейших достижений и в области творческой разработки важнейших проблем истории (например истории западноевропейских революций, истории крестьянских движений, истории пролетариата СССР, истории революции 1905 г., истории Октябрьской революции и гражданской войны, истории эпохи империализма и т. п.).

Однако эти достижения еще отчетливее подчеркивают отмеченные товарищем Сталиным недостатки нашей научной работы в области истории, такие, например, как отсутствие серьезных марксистских работ по истории древнего мира, средних веков, истории колониальных и зависимых народов, истории народов СССР, которые Октябрьская революция вывела на широкую историческую дорогу. Но даже те научные работы, которые историческая наука в СССР числит в своем активе, очень часто не давали достаточного конкретного материала, обращая все свое внимание на социологический анализ, на изучение общественных формаций и т. п. Именно таковы, например, были многочисленные работы по истории западноевропейских буржуазных революций, по истории Парижской коммуны, революции 1905 г. и т. п. В них анализ социально-экономических предпосылок, движущих сил, характера революции, причин поражения и т. п. почти исключал конкретно-историческое изложение классовой борьбы, без чего социологические характеристики и обобщения часто превращались в голые схемы. Эти серьезные недостатки и пробелы в области научно-исследовательской работы по истории, естественно, не могли не сказаться на качестве нашей учебной исторической литературы и на общей постановке преподавания истории, что и было отмечено в выступлении товарища Ста-

[1] «Архив Маркса и Энгельса». Т. I, стр. 214. 1924.

лина. Без решительного поворота нашей научной работы по истории нельзя достигнуть быстрых и прочных успехов в области преподавания истории.

А между тем историческое образование является неот'емлемой частью марксистско-ленинского воспитания масс. Его правильная постановка чрезвычайно важна для осуществления намеченной XVII с'ездом партии задачи переделки всего трудящегося населения страны в активных и сознательных строителей социалистического общества. Под влиянием грандиозных достижений пролетарской диктатуры произошла и происходит огромная ломка старого мировоззрения. Выросли и растут новые поколения, которые надо воспитать в духе революционного марксистско-ленинского мировоззрения. Эти поколения не знали капиталистической эксплоатации, не испытывали на себе экономического, политического и национального гнета; они не знали той боевой, революционной практики, которая учила старые поколения борцов за социализм понимать величайшие теоретические истины марксизма-ленинизма.

Глубоко неправильными и оппортунистическими являются рассуждения, что в наше время горячей практической стройки вопросы теории отступают на второй план, что чем ближе мы к победе, тем меньше мы нуждаемся в марксистско-ленинской теории. Никогда, ни в одну эпоху эта теория не приобретала такого исключительного значения, как в нашу.

В борьбе за построение социализма в нашей стране, в условиях крайнего обострения классовой борьбы, общественные науки вообще и историческая наука как самая политическая из наук, в особенности нередко использовались врагами пролетариата как прямое оружие борьбы с ленинизмом.

Одно из самых замечательных высказываний Ленина, касающихся истории, прямо говорит о политической роли истории в классовой борьбе пролетариата:

«Мы должны, — указывает Ленин в статье «Революционные дни», — ...писать историю современности и стараться писать ее так, чтобы наше бытописание приносило посильную помощь непосредственным участникам движения и героям-пролетариям там, на месте действий, — писать так, чтобы способствовать расширению движения, сознательному выбору средств, приемов и методов борьбы, способных при наименьшей затрате сил дать наибольшие и наиболее прочные результаты» [1].

Значение исторической науки особенно велико на данном этапе борьбы партии за бесклассовое, социалистическое общество. История должна показать массам при помощи свойственного ей метода конкретно-исторического анализа длинный и трудный путь борьбы классов, ведущий человечество к бесклассовому, социалистическому обществу, организатором которого становится самый передовой и революционный класс буржуазного общества — пролетариат. История должна подвести миллионы подрастающих строителей социалистического общества к тому общему выводу, что без пролетарской революции, без организации и укрепления пролетарской диктатуры, без победы социализма человеческое общество не может развиваться и прогрессировать, что всем ходом исторического развития пролетариат поставлен перед задачей борьбы за победу социализма во всем мире.

Вопрос о характере и роли исторического знания в общей системе коммунистического воспитания и обучения в СССР приобретает сейчас значение одного из важнейших принципиальных вопросов политики партии в деле строительства социалистической культуры в нашей стране.

«Пролетарская культура, — не раз говорил Ленин, — должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества...» [2].

---

[1] Ленин. Т. VII. стр. 83. 3-е изд.
[2] Ленин. Т. XXX, стр. 406.

Знать завоевания культуры, созданной всем развитием человечества, усвоить его исторический опыт — вот обязательное условие марксистско-ленинского образования как оружия партии в борьбе с пережитками капитализма в сознании людей и в процессе переделки людей в сознательных строителей социализма.

Одним из самых важных и решающих моментов перестройки исторического образования является вопрос об учебнике истории. Товарищ Сталин в своей критике существующих стабильных учебников и конспектов новых учебников направляет внимание партии на вопрос об учебнике как на актуальнейшую проблему и центральное звено всего вопроса о преподавании истории в школах СССР.

И это естественно! Учебник сейчас становится самой ответственной книгой. Ведь ни одна книга, за исключением работ классиков марксизма-ленинизма, не может иметь такого количества читателей, как школьный учебник. Учебником пользуются миллионы читателей, из него они усваивают «основы науки», из него черпают свои первые, основные знания по истории, влияющие на формирование мировоззрения молодых поколений. Материал учебника воспринимается детьми как неоспоримая истина. Вот почему к учебнику надо пред'являть самые высокие научные, педагогические и политические требования. Именно это и подчеркивал товарищ Сталин в своих выступлениях, особенно в своих критических замечаниях по поводу конспекта учебника истории СССР.

Выработанное на основе предложений товарища Сталина решение ЦК и СНК от 16 мая центральным вопросом ставит вопрос о создании новых учебников истории.

На очереди стоит задача написать такой учебник, в котором сочетались бы требования научности содержания, принципиально-политической выдержанности, заостренности и высокого педагогического качества. Новые марксистские учебники истории должны принципиально отличаться от старых, дореволюционных, и от современных буржуазных учебников, о которых Ленин говорил, что они не столько учат, сколько развращают молодежь.

Необходимость новых марксистских учебников Ленин подчеркивал давно и неоднократно. В заключительном слове на XI с'езде РКП(б), в спорах с Лариным, Ленин советовал нашим литераторам поменьше уделять внимания политической трескотне и побольше — воспитанию молодого поколения. «В самом деле — на чем оно учится общественным наукам?» — спрашивал Ленин. — «На старом буржуазном хламе. Это — позор! И это тогда, когда у нас сотни марксистских литераторов, которые могут дать учебники по всем общественным вопросам, но не дают, потому что не тем заняты, не туда устремляются» [1].

Рекомендуя книгу Степанова об электрификации как настоящее «пособие для школ», Ленин снова с возмущением подчеркивал, что «почти пять лет спустя после завоевания политической власти пролетариатом, в его, пролетариата, государственных школах и университетах учат (вернее, развращают) молодежь старые буржуазные ученые старому буржуазному хламу» [2].

Ленин с большим вниманием отнесся к «Русской истории в сжатом очерке» М. Н. Покровского, подчеркнув при этом основное требование к марксистскому учебнику: учебник должен быть конкретен, давать факты и даты. Чтобы «сжатый очерк» мог стать учебником, Ленин предложил восполнить недостаточный в нем фактический материал особыми синхронистическими таблицами. Ленин писал по этому поводу М. Н. Покровскому: «Учащиеся должны знать и Вашу книгу и указатель, чтобы не было

[1] Ленин. Т. XXVII, стр. 261.
[2] Там же, стр. 195.

верхоглядства, чтобы знали факты, чтобы учились сравнивать старую науку и новую»[1].

Создание марксистского учебника истории — крупнейшая политическая задача, разрешение которой возложено постановлением ЦК от 16 мая на специально подобранные авторские коллективы.

Каково же должно быть содержание советского исторического учебника и в чем его принципиальное отличие от старого, дореволюционного, или современного буржуазного учебного пособия по истории? На этом вопросе необходимо остановиться подробнее.

Первым и основным требованием, которое пред'являет товарищ Сталин к содержанию всякого учебника истории, написанного марксистом-большевиком, является требование подлинной научности.

В своих указаниях, сделанных при просмотре конспектов будущих учебников истории СССР и новой истории, товарищ Сталин критикует авторов за то, что они оперируют затасканными, трафаретными, совершенно ненаучными терминами и определениями, некритически заимствованными из арсенала буржуазной историографии, не умея противопоставить им научно обоснованные определения.

В стране социализма, строящей всю свою жизнь на прочном научном фундаменте, не может быть разного подхода и разных требований к научности в исследовательских работах и популяризациях.

Ленин требовал, чтобы популярная литература, выпускаемая партией, была такого высокого научного и политического качества, чтобы ее пригодность измерялась долгими годами.

«...Популярная литература, — писал он, — только та хороша, только та и годится, которая служит десятилетия. Ибо популярная литература есть ряд учебников для народа, а учебники излагают азы, не меняющиеся по полустолетиям»[2].

Популярную литературу, которая издавалась при царизме пудами для затемнения революционного сознания народа, Ленин называл «макулатурой и шарлатанством».

Беззастенчивым шарлатанством являются и те популяризации и учебники, которые изготовляют для школы буржуазные историки.

Буржуазия не может создать действительно научного исторического учебника, поскольку для нее и сама история, по существу, не является наукой.

«Всякая попытка научно трактовать историю есть нечто в последней основе совершенно противоречивое; поэтому всякое прагматическое историческое описание, на какой бы высоте оно ни стояло, есть компромисс. Природу должно трактовать научным образом; напротив, история должна быть предметом поэтического творчества», — так вещает самый популярный в послевоенное время «мыслитель» буржуазии Шпенглер в своей широко известной книге «Закат Европы»[3].

Шпенглер прямо заявляет, что исследователь истории «тем значительнее, чем меньше он принадлежит науке в собственном смысле слова».

Шпенглер не открыл ничего принципиально нового для буржуазии. Еще со времен Фихте и Шеллинга буржуазная историческая мысль склонна была рассматривать свой предмет «по образу эпоса, который не имеет никакого определенного начала и никакого определенного конца» (Шеллинг).

Обострение классовой борьбы в настоящее время заставило буржуазных историков отбросить устаревшие для нашей эпохи рассуждения об истории как «об'ективной», «аполитичной», «надклассовой» и т. п. науке.

---

[1] Ленин. Т. XXIX, стр. 442.
[2] Ленин., Т. V, стр. 232. (Примечание).
[3] O. Spengler «Der Untergang des Abendlandes». I. S. 139.

В прошлом и во имя прошлого современная буржуазия все чаще ищет теперь «исторических» оснований для борьбы с пролетарской революцией.

Это обращение к прошлому, к «истории», нисколько не мешает ей отрицать закономерность исторических событий. «Отыскивать в истории тенденции развития является устарелым рационализмом», — заявляет «ведущая» до сих пор в буржуазной исторической науке школа Риккерта, имевшая, кстати, горячих адептов и среди русской буржуазной историографии (Петрушевский и др.).

После краткого блестящего расцвета буржуазной истории в период господства гегелевской школы научный уровень буржуазных исторических работ резко снизился, — началась фабрикация исторических диссертаций и учебных пособий, иногда интересных и богатых своим фактическим материалом, но теоретически беспомощных и ненаучных.

В свете этой краткой характеристики кризиса буржуазной исторической науки, науки, которая неспособна подняться от плоского эмпиризма, эклектики и идеализма на высоту подлинного научного знания, особенно ответственной является общественная роль марксистской историографии как подлинно и единственно научной.

Таким образом, требуемая товарищем Сталиным в письме в редакцию журнала «Пролетарская революция» высота научной принципиальности в исторических исследованиях чрезвычайно важна и актуальна именно потому, что марксистская историческая наука является единственным представителем подлинно научного исторического знания.

В своей критике существующих стабильных учебников и конспектов будущих учебников истории товарищ Сталин нагляднейшим образом показал, что надо включать в требование подлинной и высокой научности марксистского учебника истории. Основная критика нынешних стабильных учебников шла по линии их схематизма, перегруженности социологизмом, недостаточности в них конкретного, фактического, исторического материала. Однако представленные конспекты выявили преобладание в них исторического эмпиризма, голой конкретики. Товарищ Сталин развернул решительную и резкую критику конспектов за отсутствие в них ясно выраженных принципиальных проблем, четких историко-методологических установок, необходимых политических выводов и обобщений.

Неправильно понятая «социология» привела одних авторов к фактической ликвидации изучения конкретной истории и к замене ее изучением общественно-экономических формаций.

Увлечение конкретикой, без сопутствующей и вытекающей из нее принципиальности, без общих выводов на основе уже изученных фактов, могло привести авторов учебников к вредным извращениям марксизма, идущим по пути эмпиризма буржуазных историков.

Понятие общественно-экономической формации, — одно из плодотворнейших открытий Маркса, явившееся фундаментальной теоретической категорией исторической науки, обусловившей возможность создать историю как науку, — никогда не исключало для марксиста конкретно-исторического анализа. Наоборот, Маркс и Ленин всегда подчеркивали обязательную для марксиста задачу изучения общественных формаций во всей их исторической конкретности. Каждая историческая эпоха должна изучаться во всех своих особенностях, с учетом свойственной именно данной эпохе закономерности развития.

Еще в одной из самых первых своих работ «Что такое «друзья народа» Ленин, указывая, что краеугольным камнем учения Маркса об историческом развитии общества является учение об общественно-экономических формациях, подчеркивал обязательную необходимость конкретно-исторического анализа, дающего возможность выделить то, что отличает одну страну от другой, и исследовать то, что обще им.

Однако на практике наша школа стержнем своих программ сделала изучение общественных формаций и преимущественно экономической истории. Если обратиться в порядке иллюстраций к существующим школьным учебникам истории, то самый беглый анализ их содержания подтвердит отмеченный выше «социологизм» и «академизм» этих работ, трудных для понимания не только учащегося, но нередко и учителя. Таково, например, в учебнике Никольского исключительно трудное изложение происхождения языка по Марру и т. п.

Учебник древней истории акад. Никольского сразу же начинается с такого самого общего утверждения: «Изучение классовой борьбы — это самая главная задача истории. Классовая борьба — это движущая сила исторического развития, всех исторических изменений, всех исторических событий» (стр. 3). Затем дается общая схема исторического процесса без всякого конкретного содержания, перечисление всех формаций, характеристика феодализма, изучать который учащиеся будут только в следующем году, и т. п.

Самая же история Древнего Востока, Греции и Рима дается почти исключительно как экономическая история.

Еще больше, чем в учебнике Никольского, отвлеченных социологических схем имеется в учебнике Гуковского и Трахтенберга: «История эпохи феодализма». Фактический материал в нем служит лишь иллюстрацией для социологических обобщений.

С первых же страниц дается социологическая характеристика основных классов феодального общества и определение феодализма как общественного строя, выросшего на почве распада рабовладельческого строя Римской империи и изменений в хозяйственном строе древних германцев. При этом почти совершенно отсутствует конкретный материал о германских завоеваниях, об истории франкского государства, об империи Карла Великого и т. п. История феодального города начинается также с трудного социологического обобщения: «Выделение ремесленного производства из сельского хозяйства означало развитие общественного разделения труда» (стр. 34). И лишь после нескольких общих параграфов о развитии ремесла, рынков, городов даются некоторые (все же недостаточные) факты о борьбе городов с феодалами. Именно потому, что вместо конкретной истории учебник дает социологическую характеристику феодализма, в учебнике нет, например, конкретной истории Англии. Факты же из истории Англии приводятся в трех различных местах учебника для иллюстрации различных сторон процесса феодализации общества и последовавшего затем разложения феодализма в Европе.

Учебник Ефимова и Фрейберг по истории нового времени также дает социологически схематическое изложение истории промышленного капитализма. И в нем преобладает изложение экономической истории с небольшим добавлением отдельных моментов из истории рабочего движения. Вся политическая и культурная история нового времени, таким образом, остается вне учебника.

В учебнике Ванага по истории СССР (для рабфаков и комвузов) в основном весь материал сводится к истории экономического развития России и истории революционного движения.

Учебники истории даже носили соответственные названия: «История феодализма», «История промышленного капитализма» и т. п. Товарищ Сталин предложил проводить преподавание систематического курса всеобщей истории (начиная с 5-го класса и до последнего) в определенной последовательности по следующим курсам: история древнего мира, история средних веков, история нового времени, история СССР и новая история колониальных и зависимых стран. Соответственно изменятся названия всех выходящих сейчас новых учебников. Эта перемена названий должна еще более подчеркнуть радикальную перемену содержания исторических учеб-

ников, посвященных истории определенных конкретно-исторических эпох и стран. Эта перемена названий подчеркивает необходимость дать в учебнике не просто и не только экономическую историю, как делалось до сих пор, а широкую и конкретную гражданскую историю, включающую историю экономического, политического, культурного развития изучаемой страны, ход классовой борьбы в ней, характеристики ее исторических деятелей и т. п.

Показать, что «люди сами делают свою историю», является безусловным требованием научности для любого марксистского исторического исследования, а тем более для учебника истории.

Товарищ Сталин в беседе с немецким писателем Людвигом довольно подробно остановился на этом известном тезисе Маркса:

«... Люди,—говорил товарищ Сталин,—делают историю не так, как им подсказывает какая-нибудь фантазия, не так, как им придет в голову. Каждое новое поколение встречается с определенными условиями, уже имевшимися в готовом виде в момент, когда это поколение народилось... Именно люди, но лишь поскольку они правильно понимают условия, которые они застали в готовом виде, и лишь поскольку они понимают, как эти условия изменить, — делают историю» [1].

Этот творческий, действенный подход к роли личности в том историческом процессе, в котором она участвует, является для нас обязательным.

Весь исторический процесс должен быть связан в сознании учеников с конкретными историческими личностями — выразителями интересов и стремлений определенных общественных классов.

Подводя итоги требованиям научности исторической марксистской работы, необходимо запомнить следующее чрезвычайно выразительное замечание по этому поводу Ленина.

«Марксизм, — писал Ленин, — отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе об'ективного положения вещей и об'ективного хода эволюций с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс, — а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами» [2].

Следует, наконец, остановиться и еще на одном требовании товарища Сталина к учебнику — на вопросе о хронологии. Требуя от авторов будущих учебников методологического продумывания и правильного употребления таких понятий, как «эпоха», «период» и т. п., товарищ Сталин подчеркивает большое значение хронологии для изучения конкретной истории. Без хронологии трудно получить понимание исторической перспективы. Изучение хронологии дает возможность учащимся наглядно представить локализацию исторических фактов во времени. Такое же значение для выработки исторической перспективы имеют и исторические карты, помогающие наглядно и конкретно изучать исторические факты, представляя их локализацию в пространстве. Борьба за точные исторические знания, которых требует майское решение ЦК, должна начаться с учебника. Составление массового образцового учебника истории для школы должно отразить достижения марксистско-ленинской исторической науки. В учебнике должны быть использованы наиболее ценные научные результаты исторических исследований, приведены результаты наиболее обоснованного решения новых проблем истории, собраны такие факты, которые были

---

[1] И. Сталин «Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом». «Большевик» № 8. 1932. Разрядка моя. — **А. П.**

[2] Ленин «Против бойкота». Т. XII, стр. 32.

ранее погребены в архивах, факты, мимо которых проходили буржуазные историки.

Работа над марксистскими учебниками истории должна, таким образом, стать настоящей научной работой, хотя, разумеется, ни в коем случае мы не должны превращать учебники в «академические», ученые труды, мало доступные школе.

Требование доступности, популярности, живости изложения, красочной конкретности — это непременное требование, без которого нельзя представить себе настоящего школьного учебника. Это требование решительно подчеркнуто в майском решении ЦК.

II

Создать научный исторический учебник, — значит создать большевистский учебник, ибо наша историческая наука — большевистская наука.

Задача большевистского учебника истории любой эпохи — показать эту историю в аспекте нашей грандиозной эпохи, в свете исторической борьбы рабочего класса за пролетарскую диктатуру и социализм во всем мире. Именно эта задача делает возможным и необходимым в наших учебниках историю вчерашнего дня увязать с теми грандиозными новыми задачами социалистического строительства, которые стоят перед нами сегодня и еще будут стоять завтра.

Ленин в своих заметках на тезисы Н. К. Крупской, касаясь вопроса о конкретном содержании учебного плана по истории в нашей советской школе и предлагая составить программу по годам, намечал в учебных планах школы историю вообще, историю революций, историю революции 1917 года.

Требуя конкретного изучения всеобщей истории, Ленин выделял при этом историю революций, и особенно историю Октябрьской социалистической революции. Подчеркивая, что всемирная история неуклонно идет к диктатуре пролетариата, что «вопрос о диктатуре пролетариата есть коренной вопрос современного рабочего движения во всех без исключения капиталистических странах», Ленин считал проблему диктатуры пролетариата, как и ее историю, центральной проблемой, подлежащей нашему изучению.

«...История всех революций угнетенного и эксплуатируемого класса против эксплуататоров является самым главным материалом и источником наших знаний по вопросу о диктатуре», — писал Ленин по этому поводу [1].

Товарищ Сталин, подходя к критике установок конспектов по новой истории и истории СССР, чрезвычайно остро подчеркнул ленинское положение о том, что история пролетарской диктатуры есть стержень всей мировой истории в том именно смысле, в каком подчеркивали эту мысль Маркс и Ленин, анализируя историческую перспективу развития человеческого общества.

То, что Маркс внес нового в мировую науку, заключалось прежде всего в создании целостной концепции исторического развития человеческого общества от первобытного коммунизма, через классовое общество, через диктатуру пролетариата к коммунистическому строю.

Выделение революционных этапов этой мировой истории означало изучение путей, какими шла и идет борьба человечества за коммунизм. Именно в такой перспективе должны показать исторический процесс наши учебники истории — посредством конкретной истории человеческого общества, отдельных его народов и стран и в древние, и в средние века, и в новое время включительно до нашей, современной борьбы и ее перспектив.

Имея в виду такую общую историческую перспективу, Сталин, как и Ленин, предложил выделить в качестве гигантской исторической вехи Октябрьскую социалистическую революцию и диктатуру пролетариата.

[1] Ленин. Т. XXV, стр. 431 и др. «К истории вопроса о диктатуре».

Центральной задачей учебников и новой истории и истории СССР товарищ Сталин выдвинул необходимость исторического обоснования Октябрьской революции, как социалистической революции пролетариата, и ее противопоставления французской революции, как революции буржуазной.

Основной осью учебника, развивает эту мысль товарищ Сталин, должна быть именно эта идея противоположности между революцией буржуазной и социалистической, показ того, что французская и всякая иная буржуазная революция, освободив народ от цепей феодализма и абсолютизма, наложила на нее новые цепи — цепи капитализма и буржуазной демократии, тогда как социалистическая революция в России разбила все и всякие цепи и освободила народ от всех форм эксплоатации. Вот что должно составлять красную нить учебника новой истории. Нельзя допустить, чтобы французскую революцию называли просто Великой. Ее надо трактовать как революцию буржуазную, а революцию Октябрьскую надо рассматривать и трактовать как революцию пролетарскую.

Это важнейшее замечание товарища Сталина дает ориентировку и определяет большевистский подход к изучению любой исторической проблемы и любого отрезка новой истории или истории СССР. А главное, оно дает ключ к пониманию актуальнейшего вопроса о борьбе двух систем — капитализма и социализма, их происхождении, развитии и столкновении. Октябрьская социалистическая революция—исторический рубеж этих двух систем. Французская буржуазная революция достигла максимума возможных для буржуазной революции побед. Буржуазные историки безоговорочно называют ее Великой революцией. Но Великой она была, как неоднократно подчеркивали Ленин и Сталин, лишь постольку, поскольку в ней участвовали плебейские массы, превращавшие буржуазную революцию в мощное народное движение. Но этот кульминационный пункт Великой буржуазной революции во Франции — якобинская «плебейская» диктатура — не мог на том этапе развития рабочего класса закончиться победой революционных, демократических элементов.

«Буржуазная революция не может сплотить вокруг буржуазии на сколько-нибудь длительный период миллионы трудящихся и эксплоатируемых масс именно потому, что они являются трудящимися и эксплоатируемыми» [1], — писал товарищ Сталин в своем известном определении различия между буржуазной и пролетарской революцией.

Требуя от историков установления различия между буржуазными и буржуазно-демократическими революциями, товарищ Сталин ставит перед ними прежде всего задачу конкретного анализа подлинной роли плебейских элементов и перспектив перерастания революции буржуазной в революцию пролетарскую, социалистическую.

В учебнике должна быть четко подчеркнута и конкретно показана историческая ограниченность буржуазной революции, ее неспособность расчистить до конца «авгиевы конюшни» старого режима. Ленин подчеркивал, что буржуазия, стремясь утвердить свое господство как класса-собственника, естественно, не может бороться с такой последовательностью, как пролетариат, который является наиболее самоотверженным борцом в буржуазной революции.

Вот почему «буржуазии, — писал Ленин, — выгодно опираться на некоторые остатки старины против пролетариата, например, на монархию, на постоянную армию и т. п.» [2].

Еще более верно это положение для поздних буржуазных революций, когда угроза со стороны пролетариата толкает буржуазию на сделки со ста-

[1] Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 107. 10-е изд.
[2] Ленин. Т. VIII, стр. 57.

рым режимом, как это было в русской революции 1905 года. Таким образом, в результате буржуазных революций, даже самых радикальных, создается как венец достижений режим парламентской демократии, означающей для масс только замену одних цепей (феодальных) другими цепями (капиталистическими).

Две системы, два мира — вот что должен показать учебник новой истории. Поэтому он должен включить в свой план специальные разделы об Октябрьской революции, о создании Советского Союза, о победе социализма в СССР, противопоставляя систему победоносного социализма системе капитализма, вступившего после войны и Октябрьской революции в период общего кризиса капиталистической системы.

Это общее замечание товарища Сталина дает возможность установить принципиальные основания для научной периодизации нового времени.

Товарищ Сталин намечает три основных периода в истории нового времени:

1) от французской буржуазной революции до франко-прусской войны и Парижской коммуны — период победы и утверждения капитализма в передовых странах;

2) от Парижской коммуны до победы Октябрьской революции в России и окончания империалистической войны — период начала упадка капитализма, первого удара по капитализму со стороны Парижской коммуны, перерастания старого, «свободного» капитализма в империализм и свержения капитализма в СССР силами Октябрьской революции, открывшей новую эру в истории человечества;

3) от 1918 г. (года окончания войны) до конца 1934 г. — период послевоенного империализма, экономического и политического кризиса в капиталистических странах, период фашизма и усиления борьбы за колонии, с одной стороны, и с другой — период гражданской войны и интервенции в СССР, период первой и второй пятилеток в СССР, период победоносного строительства социализма в нашей стране.

Деление всей новой истории на указанные три периода, конечно, далеко выходит по своему громадному научному и политическому значению за рамки периодизации учебника и вообще за рамки вопроса о периодизации. Это — сжатая большевистская схема всей новой истории, основным содержанием которой является борьба пролетариата с буржуазией за установление диктатуры пролетариата и в основу которой положена идея противоположности буржуазной и пролетарской революций.

Отправным пунктом, с которого товарищ Сталин предлагает начать историю нового времени, является история французской буржуазной революции. Именно французская буржуазная революция установила господство буржуазных отношений в Европе, утвердила политическую роль буржуазии как класса, хотя борьба за установление буржуазного порядка исторически началась гораздо раньше, и в истории имеется ряд буржуазных революций до французской буржуазной революции. История этих революций, как и весь процесс формирования буржуазного общества, должна быть показана в заключительных главах по средней истории и в вводной главе по новой истории.

На основе этих указаний и переработан сейчас план содержания учебника истории нового времени.

Через весь конспект проведено резко принципиальное отличие всех буржуазных революций от социалистической, показана историческая ограниченность буржуазного парламентаризма и демократии, на конкретном историческом материале по истории отдельных стран в эпоху империализма дано разграничение революций буржуазных и буржуазно-демократических, усилен конкретный материал по истории колониальной политики в эпоху империализма, даны особые главы по истории революций в Китае, Персии и Тур-

ции в начале XX в., по истории Японии и Индии в эпоху довоенного империализма.

Замечания по новой истории необходимо иметь в виду и при составлении нового, большевистского учебника истории СССР.

Ленин еще в апреле 1920 г. напоминал о необходимости приступить к созданию истории Советской республики. «...Можете ли собрать материалы для истории гражданской войны и истории Советской республики?» — спрашивал Ленин в письме к Адоратскому [1].

Международное значение книги по истории СССР огромно. История советской власти, история того, как пролетариат, ведя за собой эксплоатируемые трудящиеся массы, под руководством партии Ленина—Сталина совершил победоносную социалистическую революцию и в условиях жесточайшей классовой борьбы со своей и мировой буржуазией сумел привести к победе социализма в Советском Союзе, — эта история должна стать достоянием широчайших масс не только в СССР, но и в странах капитала.

Все прежние буржуазные историки, начиная от Чичерина и Соловьева, кончая Платоновым, Ключевским, Корниловым и Пресняковым, составляли учебные курсы истории, давая исключительно историю великорусского народа. У Корнилова в его «курсе» дана особенно четкая формулировка великодержавной позиции «русской истории»: «Я буду излагать главным образом историю русского народа, останавливаясь на истории прочих частей населения лишь постольку, поскольку события, составляющие эту историю, вопросы, тут возникающие, и процессы, среди этих народностей развивающиеся, касаются интересов всего русского государства» [2].

История «русского государства», для которого история народов, входивших в его состав, была лишь дополнительным материалом, а сами эти народы рассматривались как «прочие части населения», была стержнем русской буржуазной историографии. «Общий курс» Ключевского, вышедший в конце XIX в., курс Платонова, появившийся в начале XX в., и курс Любавского, вышедший в начале второго десятилетия XX в.,—все они стержнем русского исторического процесса делают историю государства. Сконструированная ими историческая схема сводила всю историю к созданию и развитию Российского государства, сложившегося на великорусской основе.

Эта концепция русской буржуазной историографии не заслуживала бы упоминания, если бы ее традиции не были такими жизнестойкими, если бы они не оказали влияния на обучавшихся по этим историческим курсам и до и после Октябрьской революции. Эти концепции русского исторического процесса не только определяли содержание всей школьной истории, но и оказывали непосредственное влияние на выработку определенной, враждебной пролетариату меньшевистской политической идеологии (Плеханов, Троцкий). Наши университеты довольно широко используют исторические труды Ключевского — этого наиболее популярного историка и любимца русской буржуазной интеллигенции до революции. Его эклектическая схема, в которой сочетались и чрезвычайно талантливо преподносились и чичеринская теория закрепощения и раскрепощения, и соловьевская схема борьбы со степью, и щаповские теории о влиянии географического фактора, и элементы экономического материализма,—находила широкое распространение. Мы не отказываемся от использования исторического наследства буржуазии, но для правильного его использования необходимо, во-первых, уяснить себе основные черты буржуазного исторического мировоззрения и, во-вторых, противопоставить ему наше мировоззрение и определяемую им марксистско-ленинскую схему русского исторического процесса.

---

[1]. Ленин. Т. XXIX, стр. 436.

[2] «Курс». Ч. I, стр. 4.

М. Н. Покровский с большим блеском выполнил первую часть этой задачи, оставив нам ряд исключительно ярких и острых критических страниц, разрушающих буржуазные и мелкобуржуазные схемы русских историков. Но во второй, положительной части этой задачи—в собственной исторической концепции М. Н. Покровского—был ряд таких существенных ошибок, которые не могли сделать его схему приемлемой.

Сам М. Н. Покровский подверг свою схему о торговом капитале как стержне русской истории довольно серьезной критике[1], но преодолеть ее до конца он все же не мог.

Общую схему истории СССР, которой необходимо руководствоваться авторам учебника истории СССР, выработали вожди мирового пролетариата Ленин и Сталин. Фундаментальные работы в области истории В. И. Ленина, как «Развитие капитализма», «Что такое «друзья народа», лекция свердловцам о государстве, «Аграрный вопрос» и многие другие, теоретические работы товарища Сталина, как «Основы ленинизма», «Октябрьская революция», «Марксизм и национальный вопрос», письмо в редакцию «Пролетарской революции» и его замечания на оба конспекта, — вот чем должны руководствоваться работники большевистской исторической науки.

Критические замечания товарища Сталина вместе с другими его высказываниями на основе громадного ленинского наследства должны помочь нашей исторической науке конкретизировать в целом ряде специальных исследований и учебных пособий сформулированную Лениным и Сталиным схему исторического процесса.

Центральной осью содержания учебника истории СССР, как и всей новой истории, является Октябрьская социалистическая революция. Все историческое развитие дооктябрьской России должно привести к обоснованию неизбежности и закономерности пролетарской революции в России, сразу же принявшей международный характер.

Товарищ Сталин предлагает изучать весь процесс исторического развития России и отдельные его этапы в международном аспекте как часть мировой истории. При этом необходимо показать, как сложилась после победы Октября принципиально новая система, вступившая в единоборство с системой международного империализма.

Вот почему ряд критических замечаний товарища Сталина идет по линии указаний международной роли и положения русского царизма, русского капитализма, русской революции.

Учебник истории СССР прежде всего должен дать конкретное историческое освещение и обоснование роли царской России как тюрьмы народов. В учебнике должна быть подчеркнута аннексионистско-колониальная роль русского царизма вкупе с русской буржуазией и помещиками, подчинившими русскому царизму целые народы и громадные территории. Должна быть освещена история Украины, Белоруссии, Финляндии, прибалтийских народов, Северного Кавказа, Закавказья, народов Средней Азии, Дальнего Востока, а также волжских и северных народов: татар, башкир, чувашей и т. п.

Одновременно в учебнике должна быть показана и контрреволюционная роль русского царизма во внешней политике, особенно со времен Екатерины II до 50-х гг. XIX в. и позже. Царизм играет роль активного палача буржуазных революций на Западе и превращается в международного жандарма, помогающего феодальной реакции в Европе громить революции.

Товарищ Сталин подчеркивает тот исторический рубеж, каким было в истории царизма его поражение в крымской войне, после которой царизм лишился своей прежней самостоятельной роли в международной поли-

[1] См. статью «О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России», представляющую переработку его выступлений в семинарах ИКП истории в 1931 г.

тике и превратился постепенно в резерв западно-европейского империализма.

Чрезвычайно важно конкретно выяснить исторические корни первой империалистической войны и роль в ней царизма, а также показать зависимую роль как русского царизма, так и русского капитализма от капитализма западно-европейского. Без учета этого факта значение Октябрьской революции в части освобождения России от ее полуколониального положения останется немотивированным, тогда как основная задача учебника заключается именно в конкретно-историческом показе величайшего и всеоб'емлющего освободительного значения Октябрьской революции в истории человечества. Под этим углом зрения товарищ Сталин требует конкретного показа в учебнике условий и истоков национально-освободительного движения покоренных царизмом народов России. Без этого Октябрьская революция как революция, освободившая эти народы от национального гнета, остается немотивированной, как немотивированным остается и создание Советского Союза.

Товарищ Сталин требует, чтобы учебник отражал роль и влияние западно-европейских революций и социалистического движения на формирование буржуазного революционного движения и пролетарского социализма в России.

Эту же связь западно-европейской и русской революционной мысли (на примере другой эпохи и других задач) товарищ Сталин подчеркивает и в своем требовании отобразить в учебнике наличие общеевропейского политического кризиса перед мировой войной. Упадку буржуазного парламентаризма и демократизма должны быть противопоставлены Советы как носители пролетарского демократизма.

Товарищ Сталин заостряет вопрос о необходимости показать в учебнике борьбу внутри правящей партии различных оппортунистических течений, подрывавших единство ее рядов, без которого партия не могла бы привести пролетариат к победе социализма.

В настоящее время, когда подонки зиновьевской оппозиции завершили свой путь измены, штрейкбрехерства и политического двурушничества подлым террором против вождей пролетарской революции, особый политический смысл приобретает требование товарища Сталина показать в учебнике весь ход борьбы партии с троцкизмом как с проявлением мелкобуржуазной контрреволюции.

Все эти указания явились базой полной перестройки плана будущего учебника истории СССР. Учебник истории СССР пишется как учебник истории народов СССР. В учебнике должны быть конкретно показаны основные этапы исторического развития СССР. Товарищ Сталин указал на недопустимость сваливания в одну кучу феодального и дофеодального периода, самодержавного строя государства и строя феодального, когда Россия была раздроблена на множество самостоятельных полугосударств.

Период феодализма в России в учебнике должен быть изложен, в соответствии с высказываниями товарища Сталина, по основным этапам развития: период феодальной раздробленности, период самодержавия и образование Российской империи. На этой основе должны быть показаны классовые битвы и особенно крестьянские войны, подавление которых создало основу для укрепления феодально-крепостнического самодержавия.

В следующих разделах должны быть показаны крепостная Россия в борьбе с буржуазной революцией в Европе, развитие промышленного капитализма, начало марксизма и рабочего движения, борьба за раздел мира между капиталистическими странами и роль царской России, военно-феодальный империализм и борьба пролетариата за гегемонию в революционном движении, буржуазно-демократическая революция 1905 г., царская Россия до и во время империалистической войны, борьба за диктатуру пролетари-

ата, Октябрьская социалистическая революция, создание советского государства, гражданская война и империалистическая интервенция, образование СССР, история Союза ССР в восстановительный период и победа социализма в СССР.

На основе указаний товарища Сталина необходимо создать высококачественный научный учебник истории СССР, который осветил бы историю угнетения царизмом народов России и историю расцвета национальных республик в условиях диктатуры пролетариата. Такой учебник должен помочь разоблачению великодержавного и местного национализма и стать одним из активных средств воспитания подрастающих поколений в духе пролетарского интернационализма.

Огромное политическое значение будет иметь и создание учебника истории колониальных и зависимых стран.

Еще Маркс и Энгельс уделяли большое внимание истории классовой борьбы и процессам экономического развития в колониальных странах.

В письмах Маркса и Энгельса постоянно встречаются оценки и характеристики таких исторических событий, как сипайское и тайпингское восстания, как борьба в Индии против английской колонизации, раздел Турции и т. п.

В эпоху империализма, когда национально-колониальный вопрос становится частью общего вопроса о мировой пролетарской революции, Ленин и Сталин посвящают этому вопросу особое внимание, внося в сокровищницу марксизма новое теоретическое богатство ввиде теории национально-колониального вопроса в пролетарской революции.

На этой ценнейшей теоретической базе и должен быть построен конкретно-исторический учебник истории колониальных и зависимых народов Востока, Азии, Африки, Америки и др.

Такие страны, как Китай, Индия, Афганистан, Персия, Турция, арабские страны, Латинская Америка, Южная Африка и т. п., должны быть показаны как об'екты колониального грабежа с начала колониальной экспансии европейских держав, с XV—XVI вв. (эпоха великих открытий).

Осветить и об'яснить конкретные факты истории колониальных и зависимых народов, показать их борьбу за освобождение от империализма — значит не только воспитать молодые поколения СССР в духе интернационализма, но и дать боевую книгу интернационального значения в руки мировому пролетариату и угнетенным народам мира.

В нашей школе должно быть усилено также внимание к преподаванию древней истории и истории средневековья. Актуальной и заслуживающей изучения является не только эпоха капитализма и империализма. Политическую актуальность может представлять для нас изучение самых отдаленных исторических эпох. Весьма часто классовые враги пролетариата выступали против пролетарской революции, опираясь на материал из истории очень отдаленных эпох. Крайне характерен, например, тот факт, что буржуазная историческая наука в настоящее время уделяет большое внимание истории древнего мира и средневековья, стремясь именно на материале древности доказать вечность и незыблемость капитализма. Не случайно, например, что Моммзен, как указывал еще Маркс, открывает капитализм в античном мире. Моммзен, а затем и Эдуард Майер положили основу для целой школы современных модернизаторов древности, которые в истории древнего мира пытаются найти формы хозяйства, типичные для современного капитализма. Целевая установка таких историков ясна: доказать незыблемость капитализма и невозможность пролетарской революции и социализма как реальной исторической перспективы. К этому сводятся теории таких видных апологетов капитализма, как Пельман (по истории античного мира) или Добш (по истории феодализма) и буржуазно-исторические концепции, находившие распространение в СССР, как теория феодализации общества за несколько

тысяч лет до нашей эпохи, теория наличия капитализма в античном мире, теория вотчинного капитализма и т. п.

В фашистском преподавании истории древность занимает преобладающее место. Историю древних германцев фашистские историки толкуют как историю развития мировой цивилизации. Германцы, по утверждению фашистских историков, создали индийскую, персидскую, греческую и римскую культуру и повсюду были создателями и организаторами новых общественных порядков.

Подобные исторические фальсификации фашистские историки Германии практикуют повседневно в целях «исторического» обоснования официальной расовой концепции германского фашизма.

Преподавание древней истории в буржуазной школе особенно отчетливо отражает стремление буржуазии превратить историю в орудие своего идеологического господства. Не случайно, что для Моммзена древний Рим эпохи Юлия Цезаря явился только материалом для обоснования политики «сильного человека» современной ему Германии — Бисмарка. Мы потому останавливаемся на этом факте, что влияние буржуазной трактовки истории докапиталистических формаций проникает и в наши советские учебники.

Та дискуссия, которая уже несколько лет ведется по вопросу об «азиатском способе производства» и о том, к какой общественно-экономической формации принадлежит общество Древнего Востока,—было ли там рабство или феодализм, отразилась и на учебнике акад. Никольского, по которому учились и сейчас учатся миллионы советских школьников. Это создает вредную путаницу в головах учащихся. Чего, например, стоит следующая путаная, неряшливая формулировка в учебнике, т.-е. в такой книге, где особенно требуются ясность, четкость и определенность мысли: «На смену родовому коммунистическому обществу пришло классовое общество, феодальное или рабовладельческое» (учебник Никольского, стр. 41).

В № 3 журнала «История в средней школе» опубликованы утвержденные Наркомпросом конспекты учебников истории древнего мира и истории средних веков для неполной средней школы. Эти конспекты дают представление о фактическом материале будущих учебников, создаваемых по решению ЦК от 16 мая 1934 г.

Конспект по истории древнего мира намечает отбор фактического материала по истории Древнего Востока (Египет, древнейшие государства в Двуречье, Ассирия, Халдея и Персия, Древняя Индия и Древний Китай), по истории Древней Греции (древнейший период Греции, Спарта, Афины, Македония) и по истории Рима.

Конспект учебника по истории средних веков дает в первой части историю средневековой Европы до XV в. (древние германцы, Византия VI—XI вв., арабы VI—XI вв., франкское государство VI—IX вв.) и историю отдельных стран Западной Европы в период до XV в.

Вторая часть учебника посвящается концу средних веков и переходу к новому времени; здесь дается история Италии XI—XVI вв., Турции и Испании, история великих путешествий и открытий, реформация и крестьянские войны в Германии, нидерландская революция, тридцатилетняя война, английская революция, установление буржуазного строя в Голландии и Англии, история Восточной Европы конца XVII и начала XVIII веков.

История средних веков должна на конкретном историческом материале показать процесс феодализации общества, генезис и разложение феодализма не в общих схематических и абстрактных рассуждениях, а таким образом, чтобы весь материал приводил учащихся к пониманию закономерностей общественного развития и вырабатывал у них историческую перспективу. В конкретном, исторически складывающемся обществе нет «чистых» общественно-экономических формаций. Учащиеся должны научиться понимать, что «если рассматривать какое угодно общественное явление в процессе его

развития, то в нем всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего»[1] — как писал Ленин в «Друзьях народа».

Правильно понять генезис феодализма можно лишь на основе учения Маркса о рабстве как первой фазе классового общества; точно так же генезис капитализма надо искать еще в эпохе разложения феодализма. Каждый из крупных периодов человеческой истории: рабовладельческий, крепостнический, капиталистический, как писал Ленин, обнимает десятки и сотни столетий. Исключительно важным поэтому является результат изучения истории, который должен привести учащихся к ленинскому выводу: для того, чтобы победить, нужно понять всю глубину истории старого буржуазного мира.

III

Роль и значение исторического образования, однако, недостаточно учитывались в практике нашей школы, которая прежде всего должна была давать исторические знания миллионам учащихся.

Недооценка воспитательного значения исторического образования сказывалась в том, что до недавнего времени история как учебная дисциплина фактически отсутствовала в учебных планах школ. История долгое время входила в курс обществоведения, в котором она преподносилась либо крайне эпизодически либо в виде общих схем и социологических обобщений.

Как сложилось такое положение?

Октябрьская революция, уничтожая старый государственный аппарат, разрушила и старую школьную систему. В новой школе, однако, и после Октября продолжалась острая политическая борьба. Значительная часть учительства старой школы вела активную пропаганду в пользу свергнутых революцией классов в первую очередь при посредстве таких учебных дисциплин, как история. В программах 1918 г. обществоведения, как отдельного предмета еще не было. Вместо него преподавались всеобщая и русская история, история социализма и политическая экономия. Но преподавание шло плохо. По сравнению с дореволюционными программы были обширные и сложные, а преподавать по ним было некому. Марксистские педагоги, как и марксистская учебная литература, почти совершенно отсутствовали. Преподавание истории по Випперу (или Иванову, Карееву, Виноградову) и Платонову (или Елпатьевскому, Скворцову, Иванову), да еще политически враждебными или в лучшем случае «нейтральными» педагогами приводило к превращению истории в предмет антимарксистской пропаганды в школе. К тому же эта школьная история, посвященная преимущественно первобытной культуре, древней истории и средневековью, едва доводила изложение до французской буржуазной революции. Учащиеся не получали никакого представления об истории наиболее близких и богатых событиями эпох. Все это вырабатывало отрицательное отношение к прежней истории как к предмету преподавания в новой школе. Поэтому уже в программах 1920—1921 гг. мы находим положение, что историю как предмет школьного обучения нужно либо «пропитать обществоведческой точкой зрения» либо расстаться с курсом истории как самостоятельным предметом, взяв из него лишь то, что непосредственно помогает об'яснять современность. Чрезвычайно характерны для этого рода установок статьи и публичные выступления покойного методиста-историка М. Н. Коваленского, которые и были положены в основу программы школ 2-й ступени, изданных ГУС в 1923 г.

«Полагаю,—писал М. Н. Коваленский,—что из всего мирового развития культуры в новой школе должны быть обследованы моменты такого значения, как современность и первобытная культура в их особенностях и проти-

[1] Ленин. Т. I, стр. 94. (Разрядка моя. — А. П.).

воположностях, с одной стороны, как начала культурного развития человечества, и тот конец, до которого оно дошло в наши дни—с другой, и те основные промежуточные моменты на пути этого развития, как феодализм и капитализм... Все остальное из курса истории культуры, не исключая и Древнего Востока, Греции, средних веков, реформации, гуманизма, татарщины, опричины, Смутного времени и т. д., может быть вынесено за пределы собственной школьной работы...» [1]

Именно «традициями» такого взгляда на исторический процесс, в котором достойны изучения только «начало» и «конец»,—первобытный коммунизм и «современность»,—об'ясняется незнание конкретных исторических фактов и непонимание исторического процесса учащимися. Результаты его мы обнаруживаем в 1932 г. при обследовании состояния преподавания истории. В официальной записке Наркомпроса «История в средней школе», изданной в августе 1933 г., приводятся крайне плачевные результаты таких «традиций» в области преподавания истории. Так, в контрольных работах учеников одной из школ г. Дзержинска имеются примеры, прямо иллюстрирующие вышеприведенные взгляды на «концы» и «начала» истории. В ответ на вопрос преподавателя: «В чем сходство и различие между первобытным и современным (?) коммунизмом?»—ученики давали лишь малопонятные общие формулы или ответы вроде таких: «Первобытный коммунизм отличался от современного тем, что там занимались, например, земледелием не так; дальше не знаю...» Или такой ответ: «Древний коммунизм был из одной семьи, а современный коммунизм состоит из многих семейств» и т. п.

Таков был итог того, что с 1923 г. из учебных планов история как самостоятельный предмет фактически исчезла. Этот факт был тем большим перегибом со стороны органов Наркомпроса, что к 1923—24 г. обстановка в школе и в частности положение на фронте исторической науки совершенно изменилось. Выросли новые советские кадры преподавателей, появились марксистские исторические книги и учебники, развернулась научно-исследовательская работа марксистов-большевиков в области истории. И тем не менее только с 1927 г. история как учебная дисциплина опять начинает появляться в массовой школе, но не ввиде систематического курса, а в «картинном порядке», как гласит об'яснительная записка к программе 1927 г., категорически утверждающая: «Не может быть и речи о том, чтобы дать на первом концентре систематический курс истории, хотя бы новейшей». Почему же? Потому, утверждает составитель «Записки», что если поставить систематический курс истории, то... обществоведению нечего будет делать.

Так история стала преподаваться только «картинно», эпизодически, лоскутно, что исключало понимание исторического процесса в целом и выработку исторической перспективы.

Программы по истории в средней школе, кроме того, стали еще средством насаждения механического понимания марксизма, ибо в них особенно наглядно выступало полное забвение слов Маркса о том, что люди сами делают свою историю. Ни о каких действовавших в истории людях ни в программах, ни в «методразработках», ни в учебных пособиях даже не упоминалось. Абстрактный схематизм, типологическое построение (следуя по стопам курса истории Кареева или Рожкова) или эпизодическое «картинное» построение программ по истории — такова была разноголосица, конец которой положило выступление товарища Сталина и решение ЦК ВКП(б) и СНК от 16 мая 1934 г.

Это постановление находится в связи со всеми предшествующими решениями ЦК относительно перестройки массовой советской школы, которая неизменно была предметом заботы и внимания со стороны партии.

[1] «Основные вопросы преподавания в средней школе», стр. 24. 1928.

Ленин еще в первые годы революции подчеркивал гигантскую роль учителя и школы в деле воспитания новых людей. «Это,—говорил он,—есть аппарат, который должен двигать работу, будить мысль, бороться с предрассудками, которые еще до сих пор существуют в массах» [1].

В годы борьбы за первую и вторую пятилетки, когда вопрос о подготовке кадров культурных и сознательных строителей социализма вырос в большую и решающую проблему, вопросы воспитания, образования и культуры новых поколений встали перед партией во весь рост.

Школа требовала гораздо более непосредственного идеологического руководства со стороны партии еще и потому, что под воздействием школы вырастают сейчас уже не тысячи, а миллионы будущих участников социалистического общества. До революции в начальной и средней школе обучалось всего 5 532 тыс. человек. В настоящее время в массовой школе обучается 26 500 тыс., а в 1937 г. в ней будет уже 36 млн. учащихся. Эти громадные цифры означают живые и растущие кадры новых людей, выработкой революционного мировоззрения которых должна под руководством партии заняться прежде всего советская школа.

Именно по этой линии шли директивы партии, начиная с решения о введении всеобщего обучения (от 25 июля 1930 г.), о перестройке школы в политехническую школу, с постановления об увеличении об'ема общеобразовательных знаний учащихся (от 5 сентября 1931 г.), с предложения Наркомпросу создать новые учебные программы и усилить в них элементы историзма, с директивы ввести специальные курсы всеобщей истории (от 25 августа 1932 г.), с предложения создать стабильные учебники (в начале 1933 г.) и кончая последним историческим решением от 16 мая 1934 г.

Это решение и указания товарища Сталина должны привести к радикальной перестройке всей системы исторического образования, а также к улучшению всего дела подготовки научных и педагогических кадров, без которых невозможна намеченная перестройка.

Именно для этой цели в Москве, Ленинграде и в ряде других крупнейших городов Союза созданы специальные исторические факультеты при университетах. Эти новые факультеты должны на практике реализовать директиву товарища Сталина о повороте к исторической конкретности, о постановке всего дела исторического образования на бо́льшую научную и политическую высоту.

Подготовка высококвалифицированных и политически выдержанных кадров преподавателей является сейчас актуальнейшей задачей в области перестройки исторического образования. Партия и правительство уделяют этой задаче большое внимание. Обязанности органов Наркомпроса, наших педагогических вузов и исследовательских учреждений по отношению к преподавателям средней школы сейчас особенно велики. Повышение квалификации педагогических кадров в области истории является непременным условием правильного преподавания истории.

Учиться и переучиваться—вот что нужно почти всему без исключения преподавательскому составу историков средней школы. Аспирантура наших педагогических вузов и исторических факультетов, университетов должна быть поставлена в совершенно иные условия подготовки к своей будущей преподавательской деятельности, чем это было до сих пор. Директивы партии касаются, однако, не только нашей средней и высшей школы, но и наших научно-исследовательских институтов и организаций, работающих в области исторической науки. Поставить историческое образование на большевистские научные рельсы можно только при еще более вы-

[1] Ленин. Т. XXV, стр. 453.

соких темпах и еще лучшем качестве научно-исследовательской работы, чем до сих пор. Перед учеными-историками возникает целый ряд новых проблем, которые ставятся новыми требованиями преподавания в связи с указаниями товарища Сталина. Научный исторический фронт стоит перед ответственной задачей конкретной помощи школе.

Пересмотр и выработка новых учебных планов уже дают свои положительные результаты. Материалы работы кафедр исторических факультетов, учебные планы и программы наших вузов позволяют отметить успешную работу по перестройке исторического образования в высшей школе.

Материалы обследований преподавания истории в средней школе характеризуют громадные сдвиги по пути выполнения директив товарища Сталина и реализации решения ЦК и СНК от 16 мая.

«Как идет сейчас в школах борьба с коренными недостатками в преподавании истории?»—спрашивает отчет 36-й школы СОНО (Москва) и отвечает: «Прежде всего педагоги восстанавливают в своей памяти или вновь овладевают конкретной историей. Педагогам приходится много и упорно заниматься самим, тщательно готовиться по содержанию уроков. Большое, почетное, основное место заняла в преподавании историческая карта, изготовляемая учащимися под руководством педагогов. Педагоги сообщают учащимся и требуют от них конкретных твердых знаний, основных хронологических дат. Учитель чаще спрашивает учащихся. Ярче стало слово педагога, живее и занимательнее рассказ учащихся. В рассказе учителя встают перед учащимися образы исторических деятелей, в отрывках из исторических документов звучат их слова. Большое место в преподавании истории занимают исторические картины, таблицы, частью вынутые из школьных архивов, частью изготовляемые учащимися в порядке самооборудования педагогического процесса».

Аналогичную картину рисуют и многие другие отчеты. В преподавании истории в средней школе еще много недочетов, много перегибов и трудностей. Но перегибы исправляются, трудности преодолеваются. Здесь, как и во всей нашей грандиозной стройке, решают все живые люди, их творческая инициатива, их большевистское упорство, их горячий энтузиазм.

Преподавание истории имеет твердый большевистский компас—директивы и указания вождя партии товарища Сталина. Научиться двигать вперед наше историческое образование, следуя этому компасу,—такова конкретная и почетная задача всех тех, кто работает над перестройкой исторического образования в СССР.

О зиновьевской оппозиции и ее контрреволюционных подонках

Вся страна, весь пролетарский мир охвачены единодушной ненавистью к фашистским подонкам зиновьевской антипартийной группы и к людям, вырастившим этих негодяев, создавшим контрреволюционную «идеологию» для фашистских убийц.

Широкие круги членов нашей партии знают, что зиновьевская оппозиционная, антипартийная группа оформилась в период между XIII и XIV партс'ездами. Но история зиновьевской антипартийной линии уходит в значительно более далекое прошлое.

Известна оппортунистическая позиция Каменева по вопросу об империализме, когда он скатывался к гильфердинговщине. Известна его позорная роль во время суда над большевистской фракцией Государственной думы, когда он позорно отмежевывался, «страха ради», от последовательно-революционной линии большевиков. Ленин клеймил тогда в центральном органе большевиков — «Социал-демократе» — его недостойное революционера поведение. Недавно опубликованное письмо Ленина к Зиновьеву показывает, как Ленин разоблачал в 1916 г. двуличную политику Зиновьева. Речь шла тогда о необходимости издания самостоятельного теоретического органа партии «Сборник социал-демократа» вместо «Коммуниста», в котором участвовал Бухарин и др., намеревавшиеся протаскивать свои антимарксистские взгляды. «Партийное — и международное — положение теперь таково, — писал тогда Ленин, — что ЦК должен продолжать идти вперед самостоятельно, не связывая себе руки ни в русских, ни в международных делах». Зиновьев, вторя Шляпникову, фактически вел за спиной Ленина другую линию. Считая нужным осуществить соглашение об издании «Коммуниста», они прикрыли шатания Бухарина и давали ему возможность установить фракционные связи с Россией и с заграницей.

Зиновьев подписал письмо (что требовал Ленин) от редакции ЦО группе Бухарина о том, что редакция отказывается от участия в «Коммунисте», так как брать ответственность за таких соредакторов ленинский «Социал-демократ» не мог и не хотел и так как «отношение их к делу непартийное» [1].

Однако вместе с этим за спиной Ленина Зиновьев списывался с Шляпниковым, советуя ему оказать давление на Ленина и добиться от него уступок. Эти махинации Зиновьева вскрыл тогда Ленин, квалифицируя

[1] Письмо В. И. Ленина Г. Е. Зиновьеву. «Пролетарская революция» № 4 за 1934 г., стр. 76 — 77.

поведение Зиновьева как «отречение от всей нашей политики». Когда было написано письмо, говорит Ленин, «...Ваш прямой и безусловный долг был после этого всеми силами напасть на издателей, порвать с ними окончательно и употребить всяческие усилия, чтобы доказать Александру невозможность иметь дело с этими г.г., как редакторами руководящего журнала.

Вместо этого Вы предлагаете сдаться им, отказаться от всяких условий, взять назад Вами же подписанное письмо от редакции Ц. О.! И это — под предлогом, что «их не стоит брать всерьез»: на деле Вы предлагаете, чтобы Вашу политику не брали всерьез; Вы сводите письмо редакции чорт знает к чему, отрекаетесь от себя и даете право издателям сделать вывод, что редакция Ц. О. самодурствовала!

Это уже не только колебания, это такие колебания в кубе, которые превращаются в нечто гораздо худшее» [1].

«...Вы знаете,— пишет далее Ленин,— что в Кинтале Радек хотел майоризировать нас среди левых, на совещании левых, пользуясь Фрелихом, Робманшей и т. п., и что потребовался ультиматум для того, чтобы заставить его признать самостоятельность нашего ЦК. Какую еще «игру» поведут на этом люди, когда встанет вопрос об отношении к Junius'у (вопрос этот уже встал) или о «механическом отделении» от каутскианцев и пр.! Вы ручаетесь, что никакой?? Если да, то это равнялось бы с Вашей стороны отречению от всей нашей политики. Если нет, то безумно связывать себе руки после этого в редакции нашего руководящего журнала.

Ни в коем случае я на эту безумную политику не иду. Это мое окончательное решение» [2].

Дальнейшая история показала, что для Зиновьева «отрекаться от себя», от своих заявлений и обманывать партию, как он обманывал Ленина, стало, можно сказать, профессией. Мало того, Зиновьев и Каменев привили подобного рода политику всей своей группе, воспитывая кадры оппозиции в этом духе.

Вся оппортунистическая линия оппозиции теснейшим образом связана с позицией Зиновьева и Каменева в дни Октября. Они тогда выступили против Октябрьского восстания, против социалистической революции в России, исходя из того, что большевистская партия не может и не должна брать власть в свои руки, так как страна не подготовлена для перехода к социализму. Они целиком и полностью скатывались на позицию II интернационала в данном вопросе. В то время как Ленин, Сталин, Центральный Комитет партии звали рабочий класс на борьбу за свержение капиталистического строя, Каменев и Зиновьев предлагали создать правительство из всех так называемых социалистических партий, т. е. включить в него вместе с большевиками злейших врагов пролетариата — меньшевиков и эсеров, уже полностью разоблаченных как прислужники буржуазии. Только Зиновьев и Каменев из всего состава ЦК голосовали против вооруженного восстания в Октябре. И мало того, они выступили в полуменьшевистской газете против решений партии, тем самым открывая врагу решение ЦК о подготовке восстания.

«Каменев и Зиновьев выдали Родзянке и Керенскому решение Ц.К. своей партии о вооруженном восстании и о сокрытии от врага подготовки вооруженного восстания... — писал Ленин. — Это факт. Никакими увертками нельзя опровергнуть этого факта. Двое членов Ц.К. кляузной

---

[1] Письмо В. И. Ленина Г. Е. Зиновьеву. «Пролетарская революция» № 4 за 1934 г., стр. 76 — 77.

[2] Там же, стр. 78.

ложью перед капиталистами выдали им решение рабочих. Ответ на это может и должен быть один: немедленное решение Ц.К:

«Признав полный состав штрейкбрехерства в выступлении Каменева и Зиновьева в непартийной печати, Ц. К. исключает обоих из партии»[1]. «Штрейкбрехеры» — с этой позорной кличкой вошли они в историю великой Октябрьской революции.

Оценивая их позицию в период Октября, товарищ Сталин писал: «Они прямо говорили тогда, что, подымая восстание, мы идем к гибели, что нужно ждать Учредительного собрания, что условия для социализма не назрели и не скоро назреют. Из этой же установки исходил Троцкий, когда он шел на восстание. Ибо он прямо говорил, что ежели победоносная пролетарская революция на западе не подоспеет на помощь в более или менее близком будущем, то глупо было бы думать, что революционная Россия может устоять против консервативной Европы...

Вот почему Троцкий и Каменев с Зиновьевым нашли общий язык на десятом году Октябрьской революции»[2].

Не ограничиваясь борьбой против восстания до победы Октябрьской революции, эти «штрейкбрехеры» снова выступили против Ленина уже в тот период, когда власть была в руках пролетарской диктатуры. Они снова добивались создания коалиционного правительства и были поддержаны в этом вопросе рядом других оппортунистов. Эта позиция означала передачу уже завоеванной власти снова в руки соглашателей, в руки буржуазии. Вместо Ленина, стоявшего во главе первого Совнаркома, они, таким образом, предлагали поставить буржуазных приспешников, злейших врагов пролетариата—Авксентьева или Чернова.

Каменев за свою оппортунистическую линию был снят тогда с поста председателя Всероссийского центрального исполнительного комитета советов.

В период подготовки к XIV с'езду зиновьевская оппозиция выступила с развернутой атакой на всю линию партии. В этот период Зиновьев и Каменев сочиняли свои оппортунистические теории и платформу, готовили силы для борьбы против ЦК. В этом духе велась вся подготовка к XXII ленинградской конференции. В Ленинграде, где тогда работал Зиновьев, широко практиковались фракционные совещания для пропаганды зиновьевской платформы и «обработки» своих сторонников. На этих совещаниях развертывалась критика линии и работы ЦК и вырабатывались антиленинские теории по всем важнейшим вопросам политики партии. Так, зиновьевцы характеризовали наш строй как госкапитализм, рассматривали новую экономическую политику как сплошное отступление. В то время как Ленин при введении нэпа указывал, что партия временно отступила для того, чтобы перегруппировать силы пролетарской диктатуры и повести новое наступление на капиталистические элементы для построения социализма в нашей стране, Зиновьев в корне извращал это ленинское учение. «Нэп — это отступление, — писал Зиновьев. — Когда созреет пролетарская революция в других странах и пролетариат Запада придет нам на помощь, тогда мы снова начнем наступление. Пока же мы имеем лишь передышку». Эта установка безусловно привела бы нашу страну, первую страну пролетарской диктатуры к поражению. Поэтому и все наши предприятия, которые Ленин называл «предприятиями последовательно социалистическими» и которые составляют крепость социалистической экономики, оппозиционеры характеризовали как «госкапиталистические». Ясно, что госкапиталистические предприятия и их рост не могут привести к со-

---

[1] Ленин. Т. XXI, стр. 355.
[2] Политический отчет XV с'езду партии.

циализму и нет надобности за это бороться — таков был прямой вывод из этой пораженческой зиновьевской идеологии.

В тесной связи с этой антипартийной линией стояли утверждения Каменева и Зиновьева о нашихвзаимоотношениях с крестьянством. Зиновьев прямо писал, что партия должна проводить политику нейтрализации середняка. Если партия, строго руководствуясь положениями Ленина о взаимоотношениях с крестьянством, считала, что она **строит социализм в союзе с середняком**, опираясь на бедноту и борясь с кулаком,— то оппозиция выступала против союза с середняком. Вопреки совершенно ясным выступлениям Ленина на X с'езде партии о политике союза с средним крестьянством зиновьевцы клеветнически утверждали, что Ленин стоял за нейтрализацию середняка при диктатуре пролетариата. Зиновьевцы, таким образом, выступали против основного стратегического лозунга Ленина по крестьянскому вопросу. Чтобы «напугать» партию и рабочий класс, чтобы заставить партию отказаться от проводимой ею политики в отношении крестьянства, Каменев и Зиновьев начали панически раздувать кулацкую опасность. Оперируя явно неверными цифрами, они утверждали, что кулачество держит две трети хлеба в своих руках. «Центральной фигурой» деревни является не середняк, а кулак, кулаки «затопили» все низовые сельские органы, вопил Каменев, рассчитывая дискредитировать линию Центрального Комитета, посеять панику в рядах партии и добиться проведения своей оппортунистической линии.

В отношении партийного строительства оппозиция выдвинула явно меньшевистское требование. Желая выставить себя защитниками пролетариата и пролетарского состава партии, зиновьевцы демагогически требовали, чтобы к следующему с'езду партия включила в свои ряды 90% рабочих от станка. Это требование означало, что партия в течение года должна принять 4—5 млн. новых членов, т. е. почти всех рабочих нашей страны. Проведение такой политики нарушило бы все традиции большевизма, уничтожило бы различие между партией как авангардом пролетариата и беспартийной массой, растворило бы партию в классе и привело бы к потере руководства и к ослаблению диктатуры пролетариата.

Требование оппозиции о приеме в партию было направлено прямо против установок Ленина по этому вопросу, которые он выдвигал в марте 1922 г. В письме на имя тов. Молотова «Об условиях приема новых членов в партию» Ленин прямо подчеркивал тогда грубейшие оппортунистические ошибки Зиновьева по вопросу о приеме в партию. «Я считаю,— писал Ленин,— крайне важным удлинить стаж для приема новых членов в партию. У Зиновьева стаж определен в ½ года для рабочих и год для остальных. Предлагаю оставить полгода только для тех рабочих, которые не меньше 10 лет пробыли фактически рабочими в крупных промышленных предприятиях. Для остальных рабочих назначить 1½; 2 года назначить для крестьян и красноармейцев и 3 года для остальных. Особое из'ятие допускается с совместного разрешения Ц.К. и Ц.К.К.

Я считаю крайне опасным оставить без изменения предлагаемые Зиновьевым краткие сроки» [1].

Таким образом, зиновьевские ошибки, а не ленинские указания взяла оппозиция в качестве своей платформы. Мы видим, что при первом же случае Зиновьев вытащил свои оппортунистические взгляды о приеме в партию, разоблаченные Лениным, и выдвинул их в противовес партии.

Зиновьевская оппозиция, организуя своих сторонников перед XIV

[1] Ленин. Т. XXVII, стр. 209. 3-е изд.

с'ездом партии и пропагандируя извращенные теории о госкапитализме, о нэпе и т. д., не остановилась перед самым гнусным, клеветническим утверждением. Вслед за Зиновьевым его ближайший соратник П. Залуцкий, бывший тогда секретарем ленинградского губкома, выдвинул клевету «о перерождении» партии, о «термидоре», пытаясь, таким образом, создать почву для борьбы против Центрального Комитета и выставляя оппозицию в качестве защитника революционной линии. Однако вся суть их антиленинских взглядов уже тогда показывала, кто действительно перерождался, скатываясь все дальше и дальше в лагерь врагов пролетарской диктатуры. Взгляды и лозунги оппозиции, выдвинутые в тот период, прикрытые «левой» фразой и меньшевистские по существу, отражали напор мелкобуржуазной стихии на нашу партию, стремление этой стихии повернуть развитие страны пролетарской диктатуры по капиталистическому пути.

Всю подготовку к XIV с'езду зиновьевцы вели с тем расчетом, чтобы составить в ленинградском губкоме заранее подобранную группу сторонников оппозиции и составить такую же делегацию на с'езд. С этой целью к тем руководящим работникам ленинградской организации, которые не соглашались с зиновьевской линией, применялись прямые угрозы, и, наконец, их вывели из состава делегации и ленинградского комитета. Все руководящие партийные органы ленинградской организации (райкомы, губком) формировались по признаку подбора сторонников оппозиции.

Однако широким массам партийной организации Ленинграда зиновьевцы не заявляли открыто о своей борьбе против линии партии, о подборе делегации, стоящей против ЦК, и т. д. Все нападки на ЦК велись пока в узких группах оппозиционеров. Партийным массам рассказывали о том, что необходимо усилить борьбу с троцкизмом, что надо вести борьбу с ошибками группы Бухарина, что основная задача ленинградской организации — борьба за ленинизм и зоркость в отношении растущего кулачества в деревне и т. д. Это было сознательным обманом партийных организаций, и только с помощью этого обмана оппозиция могла на некоторое, короткое, время получить большинство в ленинградской организации.

Готовя атаку на линию партии и сорганизовав свою группу на определенной платформе, оппозиционеры тем более скрывали это от ЦК. Вся «работа» зиновьевцами проделывалась тайно, за спиной ЦК, и вследствие этого носила особенно глубоко разлагающий, антибольшевистский характер, выращивая такие кадры, которые привыкают на словах заявлять о солидарности с политикой партии, а на деле готовить удар в спину, готовить атаку на партию. Вся деятельность зиновьевской оппозиции давала пример двурушничества. Она показала путь всем антипартийным элементам, дала пример тайной, подпольной антипартийной борьбы, прикрываемой до поры, до времени разговорами о единстве. Зиновьевская оппозиция была матерью двурушнических групп, образовывавшихся позднее и ведших борьбу с партией.

Особенное внимание зиновьевская оппозиция направила на «обработку» комсомола, стараясь привить ему свои оппортунистические взгляды. С этой целью зиновьевцы через представителей ленинградского губкома КСМ попытались завоевать на свою сторону ЦК ВЛКСМ. Однако эти попытки потерпели крах. Тогда ленинградский губкомол под прямым покровительством и по директивам зиновьевского центра попытался созвать в Ленинграде без ведома ЦК почти всеросийскую конференцию комсомола. Основной задачей этой конференции была мобилизация сил для борьбы против линии партии. Здесь зиновьевцы хотели за спиной Центрального Комитета вести пропаганду своих оппозиционных, оппортуни-

стических взглядов, они рассчитывали на то, что среди молодежи будет легче спекулировать на мнимой «левизне» их лозунгов о борьбе с Троцким, о равенстве, о вовлечении в партию 90% рабочих и т. д.

Подрывная работа оппозиционеров была разоблачена ЦК, который запретил созыв этой конференции и предложил снять с руководящих постов ее подготовителей.

Разлагающая идеологическая и организационная работа оппозиции среди комсомола привела к тому, что из среды комсомольских работников Ленинграда выращивались заядлые оппортунисты и враги партии. Была создана целая теория о том, что «одно лишь партийное руководство не может обеспечить пролетарскому ядру союза руководящую роль в комсомоле». Это был прямой призыв к недоверию партийному руководству и к выработке своей политической линии, которая, независимо от партии, должна обеспечить «пролетарскому ядру руководящую роль». Там развивались и такие теории, что «комсомол революционнее партии» и что «молодежь вообще должна быть левее партии». Подобного рода теории и систематическая антипартийная работа в рядах ленинградского комсомола, выращивавшая недоверие к ленинскому руководству ЦК, к генеральной линии партии, дали свои результаты и привели уже вскоре к неслыханному выпаду против партии: на заседании бюро ленинградского губкома комсомола, после XIV с'езда партии, было провалено предложение о том, чтобы «признать решения XIV партс'езда правильными». Это было неслыханным делом во всей истории комсомола. В то время как все организации партии единодушно приветствовали решения с'езда, руководство ленинградского комсомола приняло антипартийное постановление.

Таковы были плоды того политического разврата, в духе которого воспитывали зиновьевцы членов комсомола.

Совершенно ясно, что политическая вина за это решение, как за все другие «деяния» врагов партии, вышедших из рядов ленинградского комсомола того периода, лежит на всей «новой оппозиции» и ее зиновьевско-каменевском руководстве.

На XIV с'езде партии оппозиция выставила в противовес докладчику ЦК — товарищу Сталину — своего содокладчика — Зиновьева, ясно показав всей партии, что все разговоры оппозиции о единстве партийных рядов есть сплошное лицемерие и обман. На деле это было открытым шагом к расколу партии. На XIV с'езде и XV конференции полностью была выявлена и разоблачена платформа зиновьевской оппозиции.

В основе всей ее политической линии лежало отрицание возможности построения социализма в одной стране. Товарищ Сталин, подводя итоги борьбы к XV конференции, писал: «Я думаю, что неверие в победу социалистического строительства является основной ошибкой новой оппозиции. Ошибка эта является, по-моему, основной потому, что из нее проистекают все остальные ошибки новой оппозиции. Ошибки новой оппозиции по вопросу о нэпе, о госкапитализме, о природе нашей социалистической промышленности, о роли кооперации при диктатуре пролетариата, о методах борьбы с кулачеством, о роли и удельном весе среднего крестьянства — все эти ошибки являются производными от основной ошибки оппозиции, от неверия в возможность построения социалистического общества силами нашей страны» [1].

Партия, организуя массы рабочего класса и трудящегося крестьянства на проведение очередных задач социалистического строительства, исходила из незыблемости ленинской теории о возможности победы социа-

[1] Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 141. 10-е изд.

лизма первоначально в одной стране, о возможности построения полного социалистического общества в нашей стране. Это учение лежало в основе всей генеральной линии партии. Ленин еще в годы империалистической войны, в 1915 г., доказал и обосновал эту теорию. Ленин тогда же разоблачил и разбил Троцкого, который выступил против этого учения. В период борьбы за социалистическую революцию в России, с февраля по октябрь 1917 г., Ленин и Сталин исходили во всей работе по подготовке Октября из возможности победы социализма в России и вели непримиримую борьбу с оппортунистами вроде Каменева, Рыкова, Преображенского, которые пытались отрицать эту теорию.

Ленинское учение о возможности победы социализма в одной стране лежит в основе всей политики нашей партии. После перехода к нэпу, в 1922—1923 гг., незадолго до смерти Ленин снова писал, что в нашей стране имеется «все необходимое и достаточное» для построения полного социалистического общества. Он подчеркивал, что «из России нэповской будет Россия социалистическая».

Зиновьевская оппозиция выступила против этих решающих указаний Ленина, против основного принципа, служившего руководством для всей политики партии в переходный от капитализма к социализму период, для всей практической работы по социалистическому строительству.

Еще накануне XIV партийной конференции Зиновьев и Каменев выступили на одном из заседаний Политбюро с утверждениями о том, что «партия не справится с внутренними трудностями из-за технической и экономической отсталости нашей страны, если нас не спасет международная революция». В своей книге «Ленинизм» Зиновьев, определяя нэп, проповедывал ту же идею. На с'езде и конференции оппозиция выступила с развернутым обоснованием этой антипартийной, антиленинской теории и с атаками на учение о возможности построения социализма в нашей стране. На этой позиции она стояла на всем протяжении своей борьбы.

Нужно сказать, что в рассматриваемый период вопрос о возможности победы социализма в одной стране приобрел исключительное политическое значение. Партия только что потеряла своего основоположника и вождя — Ленина. Это было на труднейшем переломе развития первой страны пролетарской диктатуры. Товарищ Сталин, характеризуя этот период и сравнивая его с кануном Октября, говорил: «Тогда, в 1917 году речь шла о том, чтобы сделать переход от власти буржуазии к власти пролетариата. Теперь, в 1925 году, речь идет о том, чтобы сделать переход от нынешней экономики, которую нельзя назвать в целом социалистической, к экономике социалистической, к той экономике, которая должна послужить материальной основой социалистического общества» [1].

Это был период, когда ясно определилась задержка в ходе мировой пролетарской революции, когда наступила частичная стабилизация капитализма и в связи с этим встал вопрос: не ведет ли эта стабилизация к тому, чтобы ослабить или уничтожить возможность построения социализма в нашей стране? С другой стороны, это был период, когда партия восстановила промышленность, ликвидировала хозяйственную разруху и переходила к реконструкции всего народного хозяйства, осуществляя наступление на путях новой экономической политики. Встал вопрос, в связи с этим, не ослабляет ли нэп возможности строительства социализма в нашей стране.

В силу этих моментов перед партией с особой остротой встал вопрос о перспективах нашей революции. Нельзя строить по-настоящему, не зная, во имя чего строишь, говорил товарищ Сталин, обосновывая величайшее значение теории о возможности построения социализма пер-

[1] И. Сталин «Об октябрьской революции». Партиздат. 1932. 106 стр.

воначально в одной стране: «Строим ли мы для того, чтобы унавозить почву для буржуазной демократии, или для того, чтобы построить социалистическое общество, — в этом теперь корень нашей строительной работы. Есть ли у нас возможность строить социалистическое хозяйство теперь, в условиях нэпа, при частичной стабилизации капитализма, — в этом теперь один из важнейших вопросов нашей партийной и советской работы» [1].

Партия ответила на этот вопрос положительно. Оппозиция отрицала возможность создания социалистического общества в нашей стране. В своих многочисленных выступлениях, платформах, в подпольной агитации оппозиция на протяжении этих лет борьбы всячески нападала на эту теорию, об'являя ее «теорией национальной ограниченности», «разрывом с марксизмом» и т. д.

Величайшей заслугой товарища Сталина является то, что он в сложнейших условиях того периода оценил и показал партии все огромное политическое значение этого ленинского учения, отстоял его в борьбе с оппозицией и развил дальше. Сталин воодушевил рабочий класс идеей о возможности победы социализма в нашей стране. Иначе не могла бы быть проведена мобилизация сил пролетариата на борьбу за те победы социалистического строительства, которые теперь изумляют весь мир.

Вопрос о возможности победы социализма в нашей стране являлся и является программным вопросом, который определил генеральную линию партии, линию всего развития страны пролетарской диктатуры. Оппозиция, выступив против партии по этому вопросу, перешла на меньшевистские позиции.

Зиновьевская оппозиция, проповедуя неверие в победу социализма в одной стране, скатилась полностью к троцкизму и стала ревностной защитницей троцкистской теории и троцкистских нападок на ленинизм. По всем основным вопросам теории и тактики партии зиновьевская оппозиция стояла на позициях троцкизма. Вместе с тем произошло и организационное об'единение обеих групп на идейной основе троцкизма. При этом лидерами обеих группировок была об'явлена взаимная амнистия. «Мы заявляем, — говорил Зиновьев на пленуме ЦК в 1926 г., — что сейчас уже не может быть никакого сомнения в том, что основное ядро оппозиции 1923 г. правильно предупреждало об опасности сдвига с пролетарской линии и об угрожающем росте аппаратного режима». То же самое сделал Троцкий, заявив, что он был неправ в своей критике ошибок Зиновьева и Каменева.

Чтобы оценить весь смысл этих заявлений, свидетельствующих о глубокой политической беспринципности, достаточно вспомнить, что говорили незадолго перед тем зиновьевцы о Троцком, который являлся теперь «вождем» об'единенной троцкистско-зиновьевской оппозиции. Тогда Каменев заявлял: «Как только партия натыкается на какие-нибудь затруднения, как только партии нужно повернуть руль, как только тов. Троцкий попытается парадировать перед партией в роли спасителя и поучителя, он всегда указывает неправильный путь, потому что в основных вопросах он не усвоил большевизма...

Партия знала, и на опыте все более и более убеждалась, что поступить по Троцкому, значит подменить большевизм троцкизмом» [2].

То же самое заявлял Зиновьев, за несколько месяцев до того десятки раз говоривший в ленинградской организации о необходимости «усилить борьбу с троцкизмом».

---

[1] Стенографический отчет VII пленума ИККИ. Т. II, стр. 18. ГИЗ. 1927.

[2] Каменев «Партия и троцкизм», стр. 51—52. ГИЗ. 1924. Разрядка моя.—*Б. П.*

Подлинная цена этих слов сказалась теперь с полной ясностью. Люди, которые еще вчера на всех перекрестках божились, что они являются наиболее непримиримыми врагами троцкизма и будут всегда вести борьбу с этим антиленинским течением, сегодня взяли троцкизм своим оружием, сделали его знаменем в борьбе против партии. Зиновьевская оппозиция проделала прямой прыжок в лагерь заклятых врагов ленинизма, которые в течение многих лет вели борьбу против партии. Этот «перелет» был показателем беспринципности, показателем неслыханной глубины падения оппозиции.

Зиновьевцы показывали пример политики, не стесняющейся никакими средствами для разложения партийных рядов, для борьбы с руководством партии, во главе которого стоял, неустанно, с железной выдержкой, защищая дело Ленина, великий, непоколебимый Сталин.

Зиновьевская оппозиция расчистила своей деятельностью путь троцкизму для его последующей борьбы; ее лидеры выступили, как говорил товарищ Сталин, в роли «дворника у Троцкого, прочищающего ему дорогу». Об'единившись с Троцким, зиновьевская оппозиция влила новые силы в троцкистскую группировку и вместе с ней скатилась на путь антисоветских выступлений накануне XV с'езда.

Этим об'единением руководило лишь одно стремление — собрать все силы, всех противников партийной линии для атак на Центральный Комитет партии.

Подобного рода политикой создавалась, творилась новая «философия» — проповедь использования каких угодно средств для достижения своей цели, для свержения партийного руководства. Вся последующая деятельность оппозиции показывает, что она действовала, исходя из этой установки.

На XIV с'езде партии Зиновьев, будучи жестоко разгромлен, видя это и желая подготовить силы для дальнейшей борьбы, бросил призыв к об'единению всех антипартийных группировок. Он предложил «привлечь к работе все силы всех бывших групп в нашей партии и дать им возможность работать». И вскоре троцкистско-зиновьевская группа сплотила вокруг себя все оппозиционные подонки и включила их в ряды «об'единенной оппозиции». Она привлекла группу «рабочей оппозиции» Шляпникова — Медведева, которую, по предложению Ленина, X с'езд партии осудил как анархо-синдикалистскую и которая снова активно зашевелилась, увидя атаки новой оппозиции против ЦК. Затем оппозицией была привлечена группа «демократического централизма» Сапронова — В. М. Смирнова, явно скатывавшаяся к контрреволюции. Троцкистско-зиновьевская оппозиция всецело поддержала прохвоста Оссовского, который выступал за развитие в нашей стране буржуазного парламентаризма и заявлял о необходимости разрешить существование в СССР многих партий, в том числе и партий, могущих защищать интересы капиталистов — нэпманов. Не ограничиваясь собиранием врагов партии в Советском Союзе, оппозиция сколачивала вокруг себя оппортунистов всех мастей в рядах Коминтерна. Пользуясь тем, что Зиновьев работал в Исполкоме Коминтерна, оппозиционеры установили связь с оппортунистическими и исключенными из рядов компартии врагами коммунизма вроде Маслова, Корша, Урбанса Вебера в Германии, Суварина во Франции и т. д.

Так обстояло дело с привлечением и сплачиванием в один блок всех оппортунистических, враждебных партии сил. Так же обстояло дело в отношении средств борьбы. Оппозиция не стеснялась в их выборе, выходя с первых же шагов за рамки партийности. Будучи разгромлена на XIV с'езде, потерпев поражение в ленинградской организации, которая изгнала зиновьевцев как только узнала их подлинные взгляды, оппозиция организует конспиративные собрания своих сторонников, уходит в под-

полье для скрытой борьбы и подготовки новых боев против партии. Летом 1926 г. зиновьевцами было созвано конспиративное собрание в лесу, под Москвой. Были установлены свои клички, пароль и т. д., заслушивался доклад, противопоставленный линии Центрального Комитета, и обсуждались меры борьбы против ЦК. Оппозиция организовывала из своих сторонников тайные кружки, группки, которые снабжались от ее лидеров: Троцкого, Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Залуцкого, Бакаева и т. д. — литературой, платформами, листовками и прочими «материалами». Устанавливалась своя гнусная фракционная мораль о том, как держать себя в случае провала в контрольных комиссиях. Таким образом, создавалась своя, проникнутая идейным маразмом, система тайной, разлагающей и не стесняющейся в методах борьбы против партии и ее руководства.

Центральный Комитет партии, вскрыв ряд фактов антипартийной фракционной деятельности оппозиции («лесное собрание» и др.), резко осудил ее, исключил Лашевича, организатора этого собрания, из состава ЦК и предупредил, что партия будет принимать более резкие меры по отношению к антипартийным элементам, если они не прекратят своей борьбы.

Центральный Комитет широко показал и раз'яснил партии всю антиленинскую, меньшевистско-троцкистскую, ликвидаторскую сущность платформы оппозиции и вредную суть ее фракционной деятельности (решения июльского пленума ЦК 1926 г.).

К концу 1926 г. оппозиция, потерпев еще ряд поражений, будучи жестоко побита на собраниях рабочих ячеек Москвы и Ленинграда, куда она сделала вылазку, подала 4 и 16 октября заявления в ЦК. Она признавала ошибочными свои обвинения ЦК, осудила исключенных из Коминтерна оппортунистов, заявила о недопустимости фракционных методов борьбы и призывала своих сторонников распустить созданные фракционные организации. Однако эти заявления были не чем иным, как обманом партии. Дальнейшая деятельность оппозиции показала, что это был лишь бесчестный маневр с ее стороны. Своей фракционной и раскольнической деятельности оппозиция не прекратила. На XV партконференции и VII пленуме Исполкома Коминтерна лидеры оппозиции снова выступили с защитой своей платформы, своего утверждения о невозможности построения социализма в нашей стране, давая этим сигнал своим единомышленникам к развертыванию борьбы с партией. Одновременно оппозиционеры продолжали вести фракционную, разлагающую работу, нарушая данные партии обещания. В начале 1927 г. Зиновьев на широком беспартийном собрании, посвященном юбилею «Правды», выступил с критикой политики партии. Вскоре после этого оппозиция сфабриковала так называемое «заявление 83» и собирала по всей стране подписи под этой платформой. Подписавшихся оказалась маленькая, ничтожная кучка. Все, что было лучшего в оппозиции, отошло от нее и боролось за линию партии. В своей платформе оппозиция противопоставила свою оппортунистическую линию генеральной линии партии по всем вопросам и скатилась, по существу, на платформу контрреволюции. К концу 1927 г. оппозиция окончательно сорганизовалась в свою отдельную подпольную партию со своим центром, с соответствующими местными комитетами, членскими взносами, своей фракционной дисциплиной и т. д. Не ограничиваясь борьбой против партии, оппозиционеры перешли к явно антисоветской деятельности. Они выступали на беспартийных собраниях, организовывали подпольные типографии, пользуясь при этом помощью прямых врагов советской власти. Оппозиция вступила в союз с буржуазными интеллигентами, которые были прямо связаны с белогвардейцами, подготовлявшими заговор для свержения советской власти. Оппозиция выступила против манифеста о 7-часовом рабочем дне. И, наконец, в 10-ю годовщину Октябрьской революции она вышла на улицу со своими лозунгами и пы-

талась организовать открытую антисоветскую демонстрацию. Все эти факты показывали, что оппозиция скатилась на путь открытой борьбы против пролетарской диктатуры.

XV с'езд партии, собравшийся в декабре 1927 г., исключил из партии 75 активных деятелей оппозиции. Вслед за Троцким и Зиновьевым были исключены Каменев, Евдокимов, Залуцкий, Раковский, Бакаев. Тогда же были исключены Котолынов, Румянцев и др.

С'езд дал следующую итоговую характеристику антипартийной и антисоветской троцкистско-зиновьевской оппозиции:

«XV с'езд констатирует, — говорилось в резолюции, — что, несмотря на предупреждение XIII с'езда партии, отметившего «мелкобуржуазный уклон» группы Троцкого, и несмотря на предупреждение XV Всесоюзной партконференции о «социал-демократическом уклоне» об'единенной под руководством Троцкого оппозиции, последняя продолжала из месяца в месяц углублять свои ревизионистские ошибки, вести борьбу против ВКП(б) и учения Ленина, построив свою особую партию, вынося борьбу за пределы ВКП(б) и апеллируя к непролетарским элементам в стране против режима диктатуры пролетариата. Идеология оппозиции, открыто сблокировавшейся с ренегатами международного коммунизма (Маслов — Суварин и К°), в настоящее время сложилась и оформилась, как меньшевизм в его своеобразной троцкистской формулировке. Отрицание социалистического характера советских государственных предприятий, отрицание возможности победоносного социалистического строительства в нашей стране, отрицание политики союза рабочего класса с основными массами крестьянства, отрицание организационных принципов большевизма (политика раскола ВКП(б) и Коминтерна) логически привели троцкистско-меньшевистскую оппозицию к клевете на СССР как переродившееся термидорианское государство, к отрицанию пролетарской диктатуры в СССР и контрреволюционной борьбе против нее» (резолюция XV с'езда).

Не один раз после с'езда, после заявлений о своих ошибках и клятв о верности партии выплывали в борьбе против партии Каменев и Зиновьев. Всякий раз там, где речь шла о тайной подготовке этой борьбы, о блоке антипартийных сил, там они оказывались участниками. В сентябре 1928 г. Каменев ведет с троцкистами Переверзевым и Каплинским разговоры, направленные против линии ЦК. В тот период, когда правая оппозиция начинала снова свои атаки, Каменев разговаривает с Бухариным, пытаясь сколотить блок. Наконец, когда контрреволюционные последыши правых — Рютин, Слепков и др. — организовали свою группку, они тоже тянулись к Зиновьеву и Каменеву, обсуждали с ними свою контрреволюционную платформу реставрации капитализма.

Ошибки Зиновьева и Каменева, углубленные ими во много раз в период 1925—1927 гг., привели их к гнуснейшей антипартийной и антисоветской борьбе.

Будучи вдребезги разбиты партией и оказавшись жалкой кучкой «генералов без армии», зиновьевцы подавали заявление за заявлением в ЦК партии о своем раскаянии, о том, что они признают правильность всей политики партии и клянутся ее защищать.

Однако вся последующая деятельность зиновьевцев показала, что эти клятвы были направлены к тому, чтобы призвать своих сторонников вернуться в партию и «отсидеться» до более благоприятного момента. В конце 1927 г. Каменев и его присные, разбитые московским пролетариатом на октябрьской демонстрации, заявили, что «их дело на данной стадии развития проиграно». Головка оппозиции, таким образом, давала установку своим сторонникам сейчас внешне согласиться с линией партии

и готовиться к борьбе на следующих стадиях. Зиновьевцы обманным путем проникали в партию; бесконечно клянясь и заверяя о своей солидарности с ней, они «вползали на брюхе» в партию, с камнем за пазухой, с тем чтобы при первом удобном случае запустить этот камень в голову партии.

Таково было прошлое зиновьевской оппозиции.

Такова краткая история той организации, которая вскормила гнусных убийц тов. Кирова. Развитие этой организаций показывает, на каких ликвидаторских идеях оппозиции воспитывались ее подонки и какие разлагающие методы борьбы с партией усваивали они.

История борьбы зиновьевской оппозиции с партией показывает путь ее к трижды проклятому «ленинградскому центру».

* * *

Котолынов, Толмазов, Румянцев, входившие в одну группу с Николаевым и организовавшие убийство тов. Кирова, в рядах зиновьевской оппозиции и на ее платформе приучались к тайной борьбе против партии. Они проходили школу конспирации и обмана, разложившую их до полного маразма, на зиновьевских тайных собраниях в 1925 и 1926 гг. Именно эти люди под прямым руководством Зиновьева и его соратников организовали оппозицию в ленинградском комсомоле и проводили резолюции, отказывающиеся признать правильными решения XIV партийного с'езда.

Из этих ростков, насаженных тогда руками зиновьевцев, взращенных в школе оппозиционной фракционной борьбы, выросли теперь белогвардейско-фашистские убийцы из «ленинградского центра».

В Ленинграде, более чем где-либо в другом месте, оставались корешки оппозиции. Там, более чем где-либо в другом месте, зиновьевцы смогли на первых порах ввести в заблуждение партийцев, и там чрезвычайно остро развертывалась борьба с оппозицией. После XIV с'езда ЦК направил в Ленинград группу руководящих работников партии для раз'яснения решений с'езда и разоблачения оппозиции. Центральный Комитет направил туда тов. Кирова. На собраниях партийных ячеек заводов и фабрик Ленинграда члены ЦК раз'ясняли партийным массам антиленинскую сущность зиновьевщины, вскрывали тот обман, с которым она вела подготовку XXII ленинградской конференции.

В Ленинграде под руководством тов. Кирова быстро был сломлен хребет оппозиции. И затем на протяжении всех лет ленинградская организация, освобожденная Кировым от оппозиционного влияния и выпестованная им, была твердой опорой сталинского Центрального Комитета.

Провалившиеся со своими «теориями» о невозможности построения социализма в нашей стране, разбитые в щепки партией, выброшенные в результате своей борьбы с руководящих постов, они использовали свое пребывание в партии, руководясь примером, преподанным всей историей борьбы оппозиции, для того, чтобы лучше нанести удар партии. Они были уже отравлены зиновьевско-троцкистской идеологией и практикой, заражены ненавистью к партии, к ее руководству. С этой точки зрения подходили они и ко всем великим достижениям нашего строительства, радующим сердца миллионов рабочих.

Поэтому они не остановились перед гнуснейшим преступлением. Они убили любимца всей партии, послали пулю в одну из самых светлых голов руководителей рабочего класса.

Если в 1925—1926 гг. зиновьевская оппозиция отражала напор мелкобуржуазной стихии на партию и сопротивление со стороны классовых врагов пролетариата переходу к развернутому социалистическому наступле-

нию, то теперь подлые подонки этой оппозиции выражают звериную ненависть остатков разгромленных капиталистических классов нашей страны, раздавленных могучим ходом пролетарской диктатуры и осужденных на гибель победами развернутого социалистического наступления. Вместе с тем эти мерзавцы выражают чаяния и стремления всей международной контрреволюции, чаяния и стремления фашизма — заклятого врага первого в мире пролетарского государства.

Обвинительное заключение по делу Николаева и других показывает, что «цели и методы борьбы этой контрреволюционной террористической группы в г. Ленинграде полностью совпадают с целями и методами открытых врагов народа, — эмигрантских белогвардейских помещичье-капиталистических организаций — «Российский Общевоинский Союз» и «Братство Русской Правды» (деникинцы), открыто пропагандирующих террор, систематически перебрасывающих на территорию СССР своих агентов, в целях организации и совершения террористических актов против представителей Советской власти и осуществивших убийства тов. Воровского В. В. и тов. Войкова П. Л.». Участники бывшей зиновьевской антисоветской группы устанавливали связь с мировой контрреволюцией, с матерым контрреволюционером Троцким, об'единяясь, таким образом, со всеми врагами пролетариата. Контрреволюционные зиновьевские последыши из «ленинградского центра» мечтали об интервенции, о вооруженном нападении империалистов на СССР. Они кормились денежными подачками агентов империалистических правительств.

Таким образом участники зиновьевской группы, взращенные зиновьевской оппозицией, стоят в одном ряду с злейшими врагами нашей социалистической родины — помещиками и капиталистами, свергнутыми в Октябре и разбитыми вдребезги пролетарской диктатурой.

Никакой пощады этим врагам! Больше бдительности, зоркости в повседневной работе партии и пролетарской диктатуры!

Б. ПОНОМАРЕВ

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

Откровения социал-предателя

An Autobiography. By Philip Viscount Snowden. London. 1934.

История лейбористского движения в Англии представляет крупный интерес для понимания исторических путей международного рабочего движения.

Вот почему немалый интерес представляет только что вышедшая в Англии двухтомная автобиография одного из крупнейших вождей лейбористского движения в Англии — Филипа Сноудена. Семидесятилетний Сноуден — живая история «буржуазной рабочей партии» в Англии, одна из характернейших фигур ее руководства. У него за плечами 40 лет политической деятельности; он 34 года состоял членом Независимой рабочей партии, в течение 20 лет был членом ее национального совета и шесть раз ее председателем. Сноуден — один из основателей лейбористской партии; в течение 25 лет он представлял ее в парламенте, был одним из членов руководящей «пятерки» лейбористов, занимал важнейший после премьер-министра пост канцлера казначейства (министра финансов) в обоих лейбористских правительствах.

Нынешний виконт Сноуден родился в глухой йоркширской деревушке. Отец его успел сколотить кое-какие средства, чтобы выбиться в мелкие буржуа, стал заведующим местной школой. Сноуден учился в этой школе, родители мечтали сделать из него адвоката, но на дальнейшее образование сына не хватило денег, и Сноуден поступил служащим в контору страхового общества. Среди ткачей безрадостного, глухого Йоркшира еще живы были отклики чартистского движения, в котором кое-какое участие принимал и отец Сноудена, да и сам нынешний лорд Сноуден вспоминает, как он десятилетним мальчиком нес во время демонстрации плакат с надписью «Долой палату лордов!» Рабочее движение, впрочем, находилось под влиянием либеральной партии, которая своим основным лозунгом «свобода торговли» привлекала рабочих, обещая более низкие цены на товары, в первую очередь на продовольственные продукты. Однако среди рабочих уже зарождалось стремление к самостоятельной политической борьбе. Этого было достаточно, чтобы либералы встревожились и принялись усиленно насаждать «либеральных рабочих-политиков». При Гладстоне либералы привлекали рабочих из верхушек профсоюзов на хорошо оплачиваемые должности фабричных инспекторов и на еще более почетные посты мировых судей. В 1886 г. два таких либеральных рабочих-тредюниониста были назначены товарищами министров в либеральном кабинете — факт, до того времени неслыханный в истории Англии.

Молодой Сноуден стал либералом. К тому времени он сдал экзамен на гражданского чиновника и работал в акцизе в одном из маленьких городков Шотландии. Быть может, он так бы и кончил свою жизнь исправным и ревностным акцизным чиновником. «Я был бы счастлив отдать свою

жизнь этой профессии», — пишет он, поясняя, что, мол, жалованье хотя было и невелико, но зато служба — постоянная. Но «не бывать бы счастью, да несчастье помогло»: Сноуден разбился при падении с велосипеда, получил повреждение позвоночника и остался на всю жизнь с полупарализованными ногами Он вынужден был бросить службу и искать другое поле деятельности. Вместо проверки акцизных сборов с шотландских водочных и пивных заводов этим новым поприщем неожиданно для него самого оказался английский социализм.

«Социализм» молодого Сноудена вполне соответствовал «мещанскому и цеховому духу рабочей аристократии», нашедшему свое политическое выражение в Независимой рабочей партии. «Я осмелюсь сделать признание, — пишет Сноуден в своей автобиографии, — которое могли бы сделать многие социалисты, если бы у них хватило на это мужества: я никогда не читал Карла Маркса» (стр. 62). Откуда же черпали свой «социализм» он и ему подобные социалисты? На это Сноуден дает точный ответ: «Раннее социалистическое движение в Великобритании почерпало свое вдохновение гораздо больше из «Нагорной проповеди» чем из экономических учений» (стр. 63). Сноуден, далее, гордо констатирует, что «в те дни в социалистическом движении было мало материалистического духа. Социализм был... подобен религии — откровением свободной духовной жизни» (стр. 81). Семидесятилетний виконт, член палаты лордов, бывший министр финансов трех правительств, проводивший снижение пособий безработным, чтобы восстановить «доверие», а с ним и кредиты американских банкиров, благочестиво вздыхает: «О, если бы социалистическое движение сегодняшнего дня могло вернуть себе духовную экзальтацию и религиозную веру тех прежних дней!» (стр. 64).

Сноуден был раз'ездным агитатором, потом редактором еженедельной газеты, одновременно работал в своей деревушке в качестве члена церковного и школьного советов. Он стал настолько популярен в партии, что в 1898 г. его избрали членом национального совета, а с 1900 г. он уже выставляется, правда, безуспешно, кандидатом партии в парламент.

Тем временем развивалось движение за единство политической борьбы рабочего класса. И Конгресс профсоюзов, насчитывавших к 1902 г. уже около миллиона организованных рабочих, и мелкобуржуазные социалистические организации, претендовавшие политически представлять английский пролетариат, мыслили это единство прежде всего в форме единого парламентского представительства рабочего класса. Из этих попыток возник сначала Комитет рабочего представительства, а потом и лейбористская партия как «компромисс между социалистической партией и не социалистическими профессиональными союзами», компромисс, порожденный «особенностями английской истории, обособлением аристократии рабочего класса в несоциалистические, либеральные профессиональные союзы» [1]. На созванной с этой целью конференции профсоюзов и всех социалистических организаций лишь британские социал-демократы боролись за создание единой партии рабочего класса, «самостоятельной по отношению к капиталистическим партиям, признающей классовую борьбу и ставящей себе конечной целью национализацию средств производства, распределения и обмена». Независимая рабочая партия, наоборот, предлагала создание рабочей парламентской группы, готовой «сотрудничать с любой другой партией, проводящей в данный момент законодательные меры, отвечающие непосредственным интересам рабочего класса». Предложение Независимой рабочей партии было принято Конгрессом: политика классового сотрудничества была с самого начала положена в основу создания лейбористской партии. Живой свидетель основания лейборист-

[1] Ленин, Т. XVI, стр. 303. «С'езд английской рабочей партии».

ской партии, Сноуден, так и говорит, что «профсоюзы вошли в лейбористское движение не в качестве социалистических организаций, но с целью усилить рабочее представительство в парламенте и не имея никакой определенной рабочей программы» (стр. 114). Лишь в 1905 г. (не без влияния русской революции) ливерпульская конференция, переименовав «Рабочую группу» в парламенте в лейбористскую партию, приняла постановление, гласящее, что конечной целью партии «является свержение существующей капиталистической системы, основанной на конкуренции, и установление системы общественной собственности на все средства производства, потребления и обмена».

Впрочем, подобные формальности мало смущали Сноуденов. Уже в самом начале своей автобиографии, излагая свое политическое «кредо», Сноуден заявляет: «Мой опыт с конференциями научил меня обращать очень мало внимания на их резолюции. Из сотен резолюций, принимавшихся при мне конференциями лейбористской партии и содержавших решительную программу реформ, я вряд ли могу вспомнить хотя бы одну, которая имела какие-либо практические результаты. Конференции хотят болтать: ну и пусть болтают. Правительств, включая сюда и лейбористские правительства, резолюции конференций не касаются» (стр. 88).

С 1903 г. Сноуден избирается председателем Независимой рабочей партии. После ряда безуспешных попыток он, наконец, в 1906 г. проходит в парламент. Это был первый после двадцатилетнего правления консерваторов либеральный парламент, в котором либералы, опрокинувшие на выборах консерваторов по вопросу о введении тарифов Джозефа Чемберлена и одержавшие победу под лозунгом «свободы торговли», получили прочное большинство.

Потянулись долгие годы «органической» парламентской работы; полным ходом работала направляемая либералами и лейбористами машина буржуазной демократии — «широко разветвленной, систематически проведенной, прочно оборудованной системы лести, лжи, мошенничества, жонглерства модными и популярными словечками, обещания направо и налево любых реформ и любых благ рабочим, — лишь бы они отказались от революционной борьбы за свержение буржуазии» [1]. Лейбористские депутаты поддерживали и по мере сил подправляли и подкрашивали куцые реформы либералов, вроде страхования от старости, законопроектов об арбитраже и компенсации рабочих за увечья. Да и то, как меланхолично свидетельствует Сноуден, лейбористы еле посещали парламент, ибо парламентская работа, видите ли, уже «потеряла свою новизну». А между тем наступали иные времена, требовавшие иных песен.

Но «новые» песни реформизма не лейбористы затянули первыми, с ними выступил Ллойд Джордж. В 1909 г. он внес свой знаменитый «революционный» бюджет, борьба за который, перешедшая в борьбу палаты общин против палаты лордов, заполнила своим демагогическим шумом последующие годы. Ллойд Джордж устанавливал в своем бюджете новые налоги на сумму в 14 200 тыс. фунтов стерлингов, в том числе новый налог на земельную собственность. Сумма налога была чрезвычайно невелика даже по тогдашним временам—всего 500 тыс. фунтов стерлингов в год (одно увеличение в том же бюджете кредитов на нужды флота, а именно, на постройку четырех тогдашних морских «новинок» — дредноутов, составляло 3 млн. фунтов стерлингов). Но консерваторы, защищая самый «принцип» необлагаемости земельной собственности, выступили самым решительным образом против введения налога. Обсуждение «революционного» бюджета в парламенте продолжалось 6 месяцев. В стране была поднята невообразимая демагогическая кампания.

[1] Ленин. Т. XIX, стр. 311. «Империализм и раскол социализма».

«Ллойд Джордж, — вспоминает Сноуден, — выступал на больших митингах в стране, атакуя помещиков с силою, которая бы сделала честь коммунистическому агитатору» (стр. 199).

После принятия палатой общин бюджет был немедленно отвергнут палатой лордов. Либеральное правительство ответило внесением законопроекта о лишении палаты лордов права контроля в финансовых вопросах. Были назначены новые выборы, которые хотя и дали большинство либералам, но настолько ослабили их позиции в парламенте, что отныне либералы стали зависеть от голосов лейбористских депутатов. Это еще сильнее толкало лейбористов на тесное сотрудничество с либералами.

Все это питало недовольство рядовых членов партии. В ее рядах нарастал протест против либеральной рабочей политики. Классовая борьба обострялась, вылившись в последние предвоенные годы в огромные стачки (свыше полумиллиона бастовавших в 1910 г., около миллиона в 1911 г. и около полутора миллионов в 1912 г.).

Сноуден подробно рассказывает, как и почему он боролся против стачечного движения. «Я выступал против стачек 1911—1912 гг. по двум соображениям. Мои взгляды на этот вопрос в основном остались неизменными. Во-первых, я не верю, что стачка когда-либо может быть действительным общим средством улучшения условий труда... Во-вторых, эпидемия стачек угрожает разрушить профсоюзное движение...» (стр. 237—238). Аргументы Сноудена, как мы видим, не блещут новизной: это старые, пошлые, плоские аргументы любого предателя, любого наемного штрейкбрехера.

Обострение классовой борьбы, а вместе с тем и подрыв почвы для оппортунизма в английском рабочем движении все усиливались, когда разразился ураган мировой войны. Английский оппортунизм превратился в социал-шовинизм— «открытый, грубый союз с буржуазией и генеральными штабами». Борьба против открытого реформизма в английском рабочем движении воспроизводилась на новой исторической основе.

Война вызвала своеобразное размежевание в рядах английских «рабочих» лидеров. Британская социалистическая партия, так же как и большинство профсоюзных вождей, скатилась к открытому шовинизму, к открытой поддержке войны. Но большинство Независимой рабочей партии заняло антивоенную позицию. Ленин замечал по этому поводу: «Это — действительно исключение из правила» [1]. Однако позиция вождей Независимой рабочей партии не была позицией революционной борьбы против войны. Это была каутскианская позиция с большой примесью мелкобуржуазного, «гуманитарного» пацифизма. Это был тот же оппортунизм, успокаивающий революционные массы пацифистскими речами, оппортунизм прикровенный, робкий, лицемерный и слащавый [2]. Как выглядел пацифизм лейбористских вождей на практике, Сноуден нам показывает на ряде примеров.

Когда разразилась война, Сноуден совершал поездку по Канаде и Соединенным штатам. Этот «вождь» рабочего движения не торопился вернуться на родину, чтобы принять участие либо в войне либо в борьбе против нее. Он спокойно продолжал поездку: из западных штатов Америки направился в Сан-Франциско, оттуда в Новую Зеландию, и в то время, когда германские пушки гремели под Парижем, он об'езжал эту страну, читая лекции... о вреде алкоголя, по поручению какой-то местной «партии трезвости». Затем он проехал в Австралию и вернулся в охваченную войной Европу лишь в феврале 1915 г.

---

[1] Ленин. Т. XVIII, стр. 68. «Положение и задачи социалистического интернационала».

[2] Там же, стр. 346. «Оппортунизм и крах II интернационала».

Какими соображениями диктовалась такая позиция лейбористских вождей? «Мы были против войны,— говорит Сноуден,— не только потому, что она варварство и приносит с собой всеобщие страдания и разорение, но и потому, что война бесполезна» (стр. 362). Гендерсон думал несколько иначе: он считал, что война есть «борьба за демократию и христианство», и на этом основании вскоре вошел в качестве министра в военный кабинет Асквита. По этому вопросу, впрочем, он получил поддержку колебавшихся вначале партийных центров: исполком лейбористской партии был за вхождение, парламентская фракция большинством лишь одного голоса высказалась против, а на объединенном собрании исполкома и парламентской фракции вхождение в правительство было одобрено семнадцатью голосами против одиннадцати. Не менее примечательна была позиция «рабочих» вождей по вопросу о введении в Англии обязательной воинской повинности. Совет профсоюзов принял резолюцию, в которой резко протестовал против введения воинской повинности, и, чтобы избежать необходимости ее введения, рекомендовал профсоюзным организациям... «удвоить свои усилия» по вербовке добровольцев в действующую армию.

Немного спустя, в январе 1916 г., на очередной конференции лейбористской партии была принята резолюция о том, что «конференция стоит в оппозиции к законопроекту о воинской повинности». Но вторая часть резолюции, гласившая «и в случае проведения закона будет агитировать за его отмену», была отвергнута. Профсоюзные лидеры были против воинской повинности, но не против войны; на той же конференции большинством двух третей голосов была принята самая шовинистическая резолюция, содержавшая выражение «ужаса по поводу немецких зверств», «убийств жен и детей» и т. д. и дававшая обещание «помогать, насколько возможно, правительству в деле успешного проведения войны».

Сноуден спокойно плыл по течению. Выступая вначале против введения воинской повинности, он вскоре стал выступать за ее расширение. «Раз воинская повинность в принципе и на деле уже была принята парламентом, — поясняет он, — не было никаких логических оснований выступать против расширения ее на мужчин всех призывных возрастов» (стр. 400).

Когда в России произошла Февральская революция, лейбористские лидеры поспешили и в этом вопросе придти на помощь своей буржуазии. Вот как рассказывает об этом сам Сноуден: «Правительство одело мистеров Уилла Торна и Джемса О'Грэди (лейбористских депутатов) в военную форму, дало первому чин полковника, а второму — чин капитана и послало их в Петроград с задачей, как ее формулировал Бонар Лоу, «насколько сумеют, вдохновить русское правительство на продолжение войны» (стр. 448). А у себя дома лейбористы подняли демагогическую кампанию сочувствия русской революции, «свергнувшей царя, чтобы успешнее продолжать войну».

Но эти «левые» маневры плохо спасали репутацию лейбористских лидеров в глазах измученных войной и требовавших мира масс. Что Сноудены и Макдональды, а с ними и профсоюзные лейбористские лидеры теряют свое влияние на массы, а, следовательно, и свою ценность для буржуазии, — понимали наиболее дальновидные английские буржуазные политики. Сноуден передает очень любопытный «откровенный разговор», который он имел с Асквитом, специально пригласившим его к себе. «Асквит был чрезвычайно заинтересован узнать от меня, как относятся к войне рядовые члены профсоюзов. Он считал, что профсоюзные лидеры не представляют мнения массы членов профсоюзов... Он с презрением отзывался об усилиях Ллойд Джорджа получить поддержку лейбористских вождей:

Ллойд Джордж подкупает их, раздавая им должности, и думает, что если он имеет поддержку лидеров, то он завоевал и рядовых членов» (стр. 442).

Окончание войны и разгром Германии вызвали новый под'ем шовинизма, усиленно раздувавшегося буржуазией. В день перемирия, 11 ноября 1918 г., Ллойд Джордж торжественно заявил в парламенте: «Сегодня в 11 часов утра положен конец самой жестокой и самой ужасной войне, которая когда-либо постигала человечество. Мы можем сказать, что в это историческое утро положен конец всяким войнам вообще». Учтя настроение масс и иллюзии, вызванные заключением мира, Ллойд Джордж поспешно провел новые выборы в парламент под лозунгами «повесить кайзера» и «Германия заплатит за все». Выборы дали ему подавляющее большинство в парламенте. Лейбористская партия понесла жестокие потери: были побиты как ее пацифистские вожди (в том числе и Сноуден), так и сторонники Гендерсона, скомпрометировавшие себя открытым сотрудничеством с правительством. Массы, как умели, выражали свое недовольство политикой лейбористской партии во время войны.

По вопросу о Версальском мире Независимая рабочая партия вела себя не менее двурушнически. В июне 1919 г. Гендерсон торжественно заявлял: «Мирный договор — не наш договор, и мы никогда не примем его. Мы не удовлетворимся, пока он не будет основательным образом перестроен». Гендерсон требовал «честного демократического мира, основанного на справедливости». «Эта точка зрения, — повествует Сноуден, — была одобрена конференцией партии, собравшейся в Саутпорте на той же неделе».

А когда тот же версальский договор был внесен на утверждение парламента, то, по словам Сноудена, «лидеры лейбористской партии не только не заявили о своей оппозиции по отношению к условиям договора, но фактически одобрили их и восхваляли авторов договора таким языком, который заслужил восторженную благодарность правительства и самых реакционных консерваторов». Лейбористский лидер Клайнс, за месяц до того поддерживавший на конференции приведенную выше резолюцию, выступил в парламенте с речью, в которой заявил:

«Мы должны чувствовать огромное облегчение при мысли, что мир был спасен победой союзного оружия... В течение ближайших лет немцы должны платить тяжелую и горькую плату за все те чудовищные правонарушения, в которых они виновны... Наша точка зрения такова, что мирный договор со всеми его недостатками является делом рук людей, которых побуждали мотивы высочайшего патриотизма и благороднейшей заботы об управлении человечеством» (стр. 529).

Клайнс был единственным оратором, которого лейбористская партия выставила в прениях по вопросу о ратификации версальского договора.

Провалившийся на выборах Сноуден занялся другой работой. Он был переизбран председателем Независимой рабочей партии; его главной задачей было бороться против того революционного духа, который начал проникать в эти годы даже в твердыню английского оппортунизма. «Это были, пожалуй, самые критические годы в истории партии, — пишет Сноуден. — Молодые люди, полные энтузиазма, но мало знакомые с социализмом, в большом числе шли в партию, и требовалось устойчивое влияние, чтобы держать их в разумных границах... Перед национальным советом партии в те годы стояла трудная задача — удерживать Независимую рабочую партию на ее традиционной линии в качестве конституционного средства распространения социализма» (стр. 533).

Спасать старый оплот реформизма было тем более необходимо, что в те годы в Англии уже началось коммунистическое движение. Повествуя об этих трудных временах, Сноуден попутно излагает свои незамысловатые взгляды на коммунистическое движение. Для него «русская коммунистиче-

ская партия является инструментом русского правительства», а «созданный ею Коммунистический Интернационал тратит огромные суммы в других странах для подготовки мировой революции». Эта полицейски-обывательская концепция достаточно характеризует взгляды Сноудена на коммунистическое движение, но Сноуден пытается углубить ее.

«Я расхожусь с коммунистами не только в вопросе о коммунизме как теории, но в вопросе о методах, при помощи которых они стремятся создать коммунистическое государство. Чистый коммунистический идеал — один за всех и все за одного — это великая концепция. Это христианский идеал совершенного общества: когда-нибудь человечество сможет достигнуть такой ступени морального развития, на которой такое общество станет возможным... Упорядоченный прогресс есть закон жизни; это жизненный принцип, двигающий людей и нации вперед. Метод демократического прогресса может быть тускл и малопривлекателен, но он является единственно надежной и верной дорогой к конечной цели» (стр. 540—541).

Чтобы исчерпать идеологический багаж Сноудена, можно привести еще два его руководящих принципа: во-первых, «в мире идет борьба между демократией и диктатурой», причем «нет никакой принципиальной или тактической разницы между правой и левой диктатурой»; во-вторых, «реформы есть самое надежное предохранительное средство от революции» (стр. 540 и 542).

В 1920 г. забастовочное движение, протекавшее во все более и более революционных формах, достигло новой, высшей точки: английский пролетариат, создав Советы действия и выдвинув новую форму массового представительства—рабочих старост, впервые в истории английского рабочего движения осуществил несмотря на противодействие своих вождей единый фронт против буржуазии, пытавшейся вовлечь страну в войну против Советской республики. Сноуден называет этот период «экстраординарной ситуацией». В рабочее движение он никогда не верил и не верит, и решение лондонской лейбористской конференции, на которой вожди профсоюзов и лейбористской партии под давлением масс были вынуждены угрожать правительству всеобщей стачкой в случае об'явления войны Советской республике, по Сноудену, «можно об'яснить только предположив, что вожди действовали под влиянием какого-то эмоциального импульса» (стр. 562).

Трудно без отвращения читать те страницы автобиографии Сноудена, где он рассказывает о крысиной возне, подленьких интригах и борьбе мелких честолюбий, которые сопровождали дележ мест в правительстве между вождями лейбористского движения. Он подробно описывает, например, как Гендерсон торговался с Макдональдом, то предлагавшим ему третьестепенный портфель даже без звания министра, то выдвигавшим его кандидатуру в военные министры, надеясь, что на этом посту Гендерсон, состоявший в то время председателем II интернационала, довольно быстро себя скомпрометирует в глазах рабочих. Первое рабочее правительство было сформировано, как подтверждает Сноуден, в целях успокоения «общественного мнения», боявшегося прихода к власти лейбористских «социалистов»: из двадцати министров пятеро были вчерашние либералы и тринадцать не имели никакого отношения к профсоюзам; последние как раз требовали более сильного представительства профсоюзной бюрократии в кабинете. Лордом-председателем совета был даже назначен лорд Пармур — вчерашний консерватор и известный церковный деятель. Сноуден получил ответственный пост канцлера казначейства.

Образование рабочего правительства было сознательным маневром английской буржуазии перед лицом роста классового сознания рабочего класса. Но все же, опасаясь давления со стороны масс и зная всю политиче-

скую бесхарактерность лейбористских вождей, дальновидные политики английской буржуазии держали первое лейбористское правительство в полной зависимости от поддержки либералов в парламенте. Асквит так формулировал создавшуюся политическую комбинацию: «Рабочее правительство должно кормиться из рук либералов». Под прикрытием мелких уступок, вроде относительного удешевления цен на продовольственные продукты, предусмотренного сноуденовским бюджетом, лейбористское правительство сначала вело по отношению к рабочим политику либеральной терпимости, поскольку рабочие не угрожали прибылям капиталистов; но когда стала подыматься стачечная волна, лейбористское правительство начало впускать в рабочие организации шпиков, посылало штрейкбрехеров, мобилизовало полицию для разгона рабочих демонстраций, подготовляло военные мероприятия против рабочих. Законопроект о национализации копей и о минимальной заработной плате горнякам был засаботирован в парламенте.

Неспособность лейбористского правительства помочь рабочим массам вызывала разочарование среди активного меньшинства пролетариата. Внутри английского профдвижения развивалось левое течение, оформившееся в качестве «движения меньшинства», усиливалось движение за профсоюзное единство, нашедшее свое выражение в англо-русском комитете, росла солидарность рабочих в их борьбе за экономические требования, росло влияние коммунистической партии.

В этих условиях консервативное крыло английской буржуазии решило положить конец эксперименту с рабочим правительством. Эта операция была произведена тремя последовательными ударами. Сначала была выставлена напоказ коррупция лейбористских вождей. Печать подняла большой шум вокруг истории о «подарке» в 30 тысяч акций, который сделал Макдональду владелец одной крупной бисквитной фирмы. Об'яснения, которые давал Макдональд, были довольно сбивчивы: это, дескать, его старый приятель хотел подарить ему автомобиль, чтобы рабочему премьеру не приходилось ходить пешком; но вместо автомобиля он почему-то подарил 30 тысяч акций своей фирмы, якобы только в пожизненное пользование, с тем чтобы Макдональд на проценты мог приобрести и содержать автомобиль. Всем было ясно, что тут дело нечисто, что Макдональд опустился до вульгарного взяточничества, ибо вскоре после этого подарка лейбористское правительство наделило друга и благодетеля Макдональда титулом баронета.

Второй удар был нанесен по вопросу об аресте коммуниста Кэмпбелла. Макдональд, заслушав доклад министра юстиции и главного прокурора, посоветовал им прекратить скандальное дело против Кэмпбелла, которое способно было раздражить рабочих.

На вопросе об аресте Кэмпбелла лейбористское правительство было свергнуто; были назначены новые выборы. Тогда последовал третий удар: за несколько дней до выборов было опубликовано пресловутое «письмо Зиновьева». Роль самого Макдональда в этом деле достаточно известна.

Лейбористская партия все же сумела на выборах несколько увеличить число полученных ею голосов, но благодаря механике английской избирательной системы она потеряла 116 мест в парламенте, оставшись с 42 депутатами. На 4½ года в Англии воцарилось консервативное правительство.

По мемуарам Сноудена трудно дать картину его роли и роли лейбористских вождей в наиболее знаменательном эпизоде наступившего правления консерваторов и в наиболее ярком эпизоде истории классовой борьбы в Англии — всеобщей стачке 1926 г. Из тысячи с лишним страниц своей автобиографии Сноуден посвящает генеральной стачке лишь восемь страничек. Он не скрывает своей радости по поводу неудачи стачки: «Профсоюзам нужен был урок, чтобы показать всю бесполезность и глу-

ность всеобщей стачки». Он с удовольствием констатирует, что «урок этой стачки был усвоен вождями профсоюзов. С тех пор еще не было повторения подобной безнадежной авантюры, да и вряд ли будет, пока сохранится в памяти этот их неудачный опыт» (стр. 731—732).

Всеобщая стачка, бывшая, с одной стороны, выражением ослабления экономического и политического положения английского капитализма, а с другой — проявлением роста классовых противоречий внутри страны и роста классового самосознания рабочих, явилась огромной вехой на пути развития английского рабочего движения. В то же время всеобщая стачка и продолжавшаяся после нее упорная борьба горнорабочих сплотили лейбористскую и профсоюзную бюрократию, толкая ее на еще более открытый союз с капиталистами. Яростная борьба, которую возобновили с новой силой лейбористские вожди против коммунистической партии, являлась показателем еще более тесного сближения их с буржуазией для борьбы против революции.

Однако вождям лейбористской партии более или менее удавалось скрашивать печальный опыт первого лейбористского правительства неизменной ссылкой на то, что это правительство зависело от голосов либералов и потому не смогло развернуть полностью свою программу. Долголетние реформистские иллюзии в английском рабочем движении не могли быть, конечно, рассеяны опытом первого «рабочего» правительства, да и суб'ективный фактор революционного движения в Англии — компартия — был еще слаб, чтобы суметь вырвать значительную часть рабочего класса из-под власти этих иллюзий. Когда в мае 1929 г. произошли новые выборы, лейбористская партия получила 8 380 000 голосов, став самой сильной партией в парламенте и образовав второе «рабочее» правительство, все же оставшееся в зависимости от голосов либералов.

Сноуден опять дает красочное описание драки лейбористских вождей вокруг распределения портфелей. Никогда не упуская случая рассказать какую-нибудь пакость о своих ближайших соратниках, он подробно живописует, как Гендерсон шантажировал Макдональда и надувал Томаса, добиваясь портфеля министра иностранных дел, как Томас до седьмого пота торговался с Макдональдом, стараясь получить более видный пост в кабинете. Второе «рабочее» правительство отличалось от первого, пожалуй, лишь тем, что, по словам Сноудена, «в подавляющем большинстве оно состояло из представителей п р а в о г о к р ы л а лейбористского движения» (стр. 767). Лейбористы, связанные с профсоюзами, были опять обойдены при распределении портфелей: в кабинет были включены вчерашние либералы и подозрительные авантюристы, вроде Мосли, вскоре ставшего фашистом.

В самом «рабочем» правительстве начали появляться трещины. Макдональд, забыв традиционный для лейбористской партии принцип свободы торговли, начал склоняться к протекционизму и подумывать о блоке с консерваторами. Гендерсон, обладавший, несомненно, более тонким нюхом, сообразил, что пора покидать тонущий корабль, и в мае 1931 г. поразил своих коллег по кабинету заявлением, что он хочет подать в отставку и быть назначенным в палату лордов (конечно, не без соответствующего титула). Сидней Вэбб, занимавший пост министра колоний, также вскоре подал в отставку, получив титул лорда Пассфильда и назначение в палату лордов. Идея открытого блока с буржуазными партиями в форме создания национального правительства уже носилась в воздухе и обсуждалась в парламентских кулуарах.

Наконец, в августе 1931 г. второе «рабочее» правительство было взорвано крупной буржуазией. Роль мины, подведенной под лейбористское правительство, сыграл доклад так называемой Экономической комиссии, назна-

ченной правительством для выяснения положения государственных финансов. Заключение этой комиссии было фактически ультиматумом, который лондонское Сити пред'явило правительству Макдональда. Доклад требовал снижения в ближайшие шесть месяцев государственных расходов на колоссальную сумму в 120 млн. фунтов. Больше половины этой «экономии», 66½ млн. фунтов, должно было быть получено путем снижения пособий безработным.

Сноуден весьма цинично заявляет: «Страхование от безработицы было не только выполнением гуманитарного долга, но и страхованием против революции» (стр. 847). Доклад предусматривал также снижение расходов по здравоохранению, сокращение жалованья учителям на 13 млн. фунтов, сокращение жалованья военнослужащим и полиции.

Но предоставим слово Сноудену: «Макдональд сознательно подготовлял осуществление своего плана о создании Национального правительства, которое позволило бы ему одновременно и сохранить свой пост премьер-министра и связать свою судьбу с политическими деятелями, к которым он питал бóльшие симпатии чем когда-либо по отношению к своим лейбористским коллегам. Он всегда испытывал нечто вроде презрения по отношению к профсоюзным лидерам. Еще задолго до кризиса у него сложилась идея о новой ориентации партии» (стр. 954).

Сноуден вспоминает, как за 2 или 3 года до этого дальновидный Болдуин предсказывал, что недалеко то время, когда Макдональд будет заседать с ним в одном правительстве. Буржуазные политики знали, с кем имеют дело.

«Когда лейбористский кабинет, — продолжает Сноуден, — отклонил снижение пособий безработным, Макдональд слишком поспешно сделал вывод, что это должно повлечь за собой отставку кабинета. Он ни разу не проявил никакого сожаления по поводу столь печального хода событий. Наоборот, он принялся за образование Национального правительства с таким энтузиазмом, который показывал, что вся эта авантюра ему в высшей степени приятна» (стр. 953). И далее Сноуден рассказывает инцидент, рисующий все мелкое, мещанское тщеславие главы «рабочего» правительства:

«Как я уже сказал, я не думаю, чтобы мистер Макдональд чувствовал какое-нибудь сожаление по поводу разрыва со своими лейбористскими коллегами. Дальнейшие события полностью подтвердили это. На другой день после образования Национального правительства Макдональд пришел в мой кабинет на Даунинг-стрит в очень хорошем расположении духа. Я заметил ему, что теперь он станет очень популярен в несвойственных ему кругах. Макдональд ответил, весело потирая руки: «Да, завтра любой герцогине в Лондоне захочется меня поцеловать» (стр. 957).

Впрочем, желчная и циничная оценка, которую дает Сноуден своему вождю и премьеру, вовсе не послужила для него препятствием, чтобы пойти по стопам Макдональда. Сноуден вошел в Национальное правительство и составил новый бюджет, согласно требованиям американских и лондонских банкиров. «После образования Национального правительства государственное казначейство получило в Нью-Йорке и в Париже кредиты на сумму 80 млн. фунтов стерлингов» (стр. 964). Так международная биржа оценила открытый переход лейбористских вождей в лагерь буржуазии.

Сноуден оказался умнее и дальновиднее мелкого, тщеславного карьериста Макдональда. Он не выставил своей кандидатуры в парламент на состоявшихся вскоре после образования Национального правительства парламентских выборах. Он предпочел, чтобы его наградили титулом виконта и пожизненным местом в палате лордов. Во второе Национальное правительство, сформированное после выборов на тех же основах, что и первое, он вошел уже не в качестве министра финансов, а предпочел почетный, но

мало влиятельный пост «лорда-хранителя печати», и вскоре, придравшись к тому, что Макдональд вместе с консерваторами начал проводить протекционистскую политику, он вспомнил, что всю жизнь был фритредером, и подал в отставку.

Но и сданный с почетом в политический архив, Сноуден рассчитывает, что он может еще понадобиться буржуазии.

Из своего политического «кредо» он сохранил готовность служить буржуазии до конца, ненависть к революционному движению, презрение к своим реформистским соратникам, старомодное фритредерство и упрямый пацифизм. Фритредерство в нынешний период империализма и автаркических тенденций годится лишь для музея истории. Но на своем пацифизме, соединенном с ненавистью к революции, Сноуден все же еще хочет политически играть. Не даром он заканчивает свою книгу зловещим карканьем по поводу «преступного безумия» подготовки новой войны.

Книга Сноудена дает выпуклый автопортрет одного из вождей «узкой, себялюбивой, черствой, корыстной, мещанской, империалистски настроенной и империализмом подкупленной, империализмом развращенной «рабочей аристократии»[1]. Лейбористские вожди типа Макдональда, Сноудена и Томаса — характерные фигуры английского социал-шовинизма в период кризиса капитализма и роста фашизма. Их пацифизм не может явиться идеологическим барьером, а скорее может стать составной частью идеологии английского фашизма, который, конечно, не будет импортировать готовыми свои идеологические и организационные нормы из Италии и Германии (как это без большого успеха делает сейчас не очень умный Мосли), но, усвоив уроки и итальянского и германского фашизма, будет пытаться создать свою специфическую английскую идеологию и организацию. На книге Сноудена мы видим, как история английского оппортунизма переходит в предысторию зарождающегося английского фашизма.

Б. МИХАЙЛОВ

Бернард Шоу отчитывает Герберта Уэллса

Перед самой войной Герберт Уэллс опубликовал свой роман «Освобожденный мир», в котором рисует образы распадающегося мира, разгромленного войной. И вот настало время, когда страшные картины будущего стали еще более страшной действительностью. И Герберт Уэллс встал тогда в ряды тех, кто, сами оставаясь в тылу, разжигали мировую бойню: Уэллс возглавил военную пропаганду и тем самым принял на свою ответственность тысячи и тысячи людей, погибших в мировой бойне.

В прошлом году в Англии ему об этом напомнили. Уэллс пытался оправдаться, он пытался снять с себя эту несмываемую ответственность, но это ему не удалось—последнее слово осталось не за ним.

Второго испытания своего отношения к СССР он тоже не выдержал, хотя лучшие умы человечества с честью исполнили свой долг: Ромэн Роллан, Бернард Шоу, Андре Жид, Теодор Драйзер. Им Уэллс ответил своей книжкой «Россия во мгле». Им он ответил своей книгой «Мир Вильяма Клиссольда», беззастенчиво оперируя в 1926 г. лишь теми фактами, которые видел задолго до этого, во время своего первого посещения СССР.

Это не было об'ективно. Это было нарочитым искажением советской действительности.

[1] Ленин. Т. XXV, стр. 196. «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».

С тех пор прошло восемь лет. Герберт Уэллс снова приехал в Советский Союз.

Он выступил по возвращении с речами и статьями, вызвавшими резкий ответ Бернарда Шоу на страницах английского журнала «Нью стейтсмен энд нейшен».

Бернард Шоу подчеркивает, что Уэллс не терпит никакой критики и что «малейшее противоречие повергает его в слепую ярость презрительного и исполненного красноречивой ругани нетерпения». Тем более заслуживает внимания, что Шоу выступил против Уэллса.

Бернард Шоу указывает, что Г. Уэллс встретил в СССР очень хороший прием и имел возможность беседовать с товарищем Сталиным. «Он,—пишет Бернард Шоу о товарище Сталине,—государственный деятель исключительной опытности, сравнение которого с правителями западных держав, привязанными к дикой и автоматической системе, вооруженными пустыми фразами, лживыми баснями и пыльной рутиной, похоже на сравнение с поношенными экспонатами из музея восковых фигур. Привилегия иметь беседу со Сталиным является честью и таким преимуществом, которым мог бы гордиться самый знаменитый философ-социолог».

Как известно, сам Бернард Шоу во время своего пребывания в СССР тоже имел беседу с товарищем Сталиным. Он с гордостью говорит об этом: «Я никогда не видел человека, который умел бы говорить так хорошо и вместе с тем так не спешил бы говорить, как Сталин».

Читая стенограмму беседы Г. Уэллса с товарищем Сталиным, Бернард Шоу находит, что Уэллс своими ответами все время бьет мимо цели, ибо он слишком самонадеян и хочет всех учить, не желая учиться сам: «Сталин внимательно и серьезно слушает Уэллса, правильно воспринимая его аргументацию и неизменно попадая в своих ответах прямо в точку». Бернард Шоу едко высмеивает ограниченность аргументации Уэллса.

Шоу атакует Уэллса за его теорийку, что мир могут спасти только Клиссольды.

Советский читатель может ознакомиться в переводе с романом Уэллса «Мир Вильяма Клиссольда». Уэллс в нем выводит «просвещенного» капиталиста Клиссольда как спасителя мира. Оказывается, выход из всех социальных противоречий найден: капиталисты и интеллигенция организуют «открытый заговор», распространяют свои идеи через книжечки и статейки—и все готово. Люди сделаются лучше, капиталисты перестанут быть капиталистами, пушки перестанут стрелять, аэропланы—бомбардировать, колонизаторы—угнетать колонизуемых.

Бернард Шоу пишет о «клиссольдизме» Уэллса:

«Уэллс намерен спасти мир посредством клиссольдизма. Он не сознает, что Клиссольд — это только морализирующий частный капиталист Конта и что Конт уже не имеет никакого значения потому, что он не смог решить задачу классовой борьбы. «Ротари клубы», основанные, чтобы организовать Клиссольда, почти сейчас же стали клубами, где завтракали люди, никогда не слыхавшие о Конте, о Клиссольде и даже о Герберте Уэллсе. Но Г. Уэллс верит, что клиссольдизму принадлежит последнее слово, и бестактно уверяет Сталина, что классовая борьба—бессмыслица».

«Сталин, который знает по опыту, что стоят Клиссольды, вежливо пытается привести мысли Г. Уэллса в надлежащий марксистский порядок. Но Уэллс, уверенный, что Сталин находится под гипнозом глупой формулы классовой борьбы, относится к его раз'яснениям как к не относящимся к делу скучным отклонениям от беседы и, отделавшись от них благосклонной фразой: «Я согласен со многим, что Вы сказали»,—продолжает свое утверждение значимости Клиссольда».

Шоу правильно вскрывает основу всех высказываний Уэллса: мир нужно «изменить», но с капитализмом не бороться. И Шоу прямо и решительно заявляет:

«Нельзя отрицать предпосылку Сталина, что невозможно изменить мир без захвата политической власти». Но именно этого и не может органически понять Уэллс, как видно по всем его репликам в беседе с товарищем Сталиным. По стенограмме Бернард Шоу заключает, как мягко и тактично Герберту Уэллсу развили правильную систему взглядов на мир. По стенограмме Бернард Шоу заключает, что Уэллс имел такого собеседника, который действительно мог бы его научить понимать вещи, как они есть, а не такими, какими они кажутся Уэллсу. Однако, говорит Шоу, все это производит на Уэллса меньше впечатления «чем на гуся вода».

Как водопад на муху обрушивает Б. Шоу на Г. Уэллса такую аргументацию, которая ничего не оставляет от утверждений последнего.

Б. Шоу заявляет, что «Россия разрешила все проблемы, от которых мы беспомощно пытаемся откупиться пособиями по безработице, или запугать вооружениями, или отмолиться молитвами о возрождении торговли. В ходе решения этих задач были сделаны политические открытия в прикладной политической науке—открытия наиболее животрепещущего характера и жизненной важности».

«Русские государственные деятели открыли,—пишет Шоу,—что в действительно свободной стране, т. е. в стране, которая принадлежит своему народу, чувство ответственности за эту свободу является настолько великим, что Россия была в состоянии произвести такую социальную перестройку в десять лет, которая при нашей системе потребовала бы сто лет, и то, если бы только предложение этой перестройки не привело бы к немедленному заключению ее защитников в сумасшедший дом».

Б. Шоу отмечает, что Уэллс попал в смешное положение, когда, «не замечая существования комитета интеллектуального сотрудничества — Лиги наций и всех Интернационалов—первого, второго, третьего,—предлагает России в качестве замены Пенклуб».

С убийственной иронией разоблачает Б. Шоу оруженосца «клиссольдизма»—Г. Уэллса, полностью опровергая его поспешные и поверхностные суждения.

Да, Г. Уэллс умел красиво мечтать о будущем. Но советское правительство, как пишет Б. Шоу, превратило мечты в действительность, «чтобы мир мог взять пример».

Б. Шоу энергично и решительно разрушает концепцию Уэллса о каком-то несбыточном «мировом государстве» на базе капитализма. Он настойчиво требует, чтобы Г. Уэллс понял до конца, что уже есть действительно свободная страна—СССР.

Б. Шоу заявляет, что «в России народное правительство создано людьми, которые серьезно заботятся о положении народа и посвящают себя работе ради народа».

Что может на это возразить Г. Уэллс? Пока он успешно делает только одно, а именно, ничего не делает, чтобы приблизиться к пониманию того, о чем пишет Б. Шоу и что творится на одной шестой земного шара.

Мы знаем, что на Западе есть не только такие писатели, как Герберт Уэллс, но и такие, как Бернард Шоу, Андре Жид, Ромэн Роллан, Андре Мальро, Джон Дос Пассос и Теодор Драйзер, видящие правду нового мира, питающие ненависть к лжи и лицемерию старого общества и борющиеся за освобождение человечества.

С. Д.

К тридцатилетию революции 1905 года

Ленинский сборник XXVI. ИМЭЛ — Партиздат. 1934. 453 стр. 5 р. 20 к.

К предстоящему тридцатилетию первой русской революции 1905 года Институтом Маркса — Энгельса — Ленина выпущен XXVI Ленинский сборник. Этим в основном заканчивается публикация ленинского наследства, относящегося к 1905 году. Вместе с ранее вышедшими V и XVI Ленинскими сборниками и двумя томами (VII и VIII) сочинений Ленина XXVI сборник завершает опубликование материалов этого периода, показывая нам, как работал Ленин по собиранию сил пролетариата, формированию его партии и выработке ее политической линии в период «генеральной репетиции» Октября.

Материалы, включенные в сборник, охватывают время с 9 января по ноябрь 1905 г. В этот мятежный и бурный год события развивались с исключительной быстротой, показывая непрерывное нарастание революции, невиданные еще в России по своей силе бои восставшего и возглавившего демократическую революцию пролетариата с царским самодержавием. Каждый месяц, неделя, а иногда и день приносили с собой новые проявления революционной борьбы, новые формы революционного движения рабочего класса и крестьянства и их организаций, различную расстановку классовых сил, создание целых новых партий, заявлявших, что их программы составлены «от имени революции», и т. д. После 9 января революция с каждым днем приобретала все больший размах, втягивая в свою орбиту все новые и новые миллионы во всех уголках страны.

Ленину, находившемуся в эмиграции, заграницей, нужно было прежде всего знать обстановку, иметь возможно более подробную информацию о событиях в России. Выработка общей политической линии и тактики партии невозможна была без точного знания и анализа событий. И Ленин внимательнейшим образом следит за каждым фактом революционной борьбы, собирает массу сведений о 9 января и последующем развертывании революции в Петербурге и во всей России.

Каждый Ленинский сборник дает огромный материал, наглядно подтверждающий ту важнейшую черту Ленина как вождя и создателя большевистской партии, которую характеризовал товарищ Сталин в беседе с немецким писателем Э. Людвигом: «Очень немногие из тех, которые оставались в России, были так тесно связаны с русской действительностью, с рабочим движением внутри страны, как Ленин, хотя он и находился долго за границей, — говорит товарищ Сталин. — Всегда, когда я к нему приезжал за границу — в 1907, 1908, 1912 гг., я видел у него груды писем от практиков из России, и всегда Ленин знал больше, чем те, которые оставались в России»[1].

[1] «Большевик» № 8, стр. 40—41. 1932. Разрядка моя,—*Б. П.*

Десятки источников использовал Ленин для того, чтобы наиболее полно и глубоко уяснить обстановку в России. Беседы с приезжавшими заграницу партийными работниками, огромная переписка с с.-д. организациями, с отдельными партийными работниками и беспартийными рабочими, русская и заграничная, немецкая, английская, французская печать — все эти источники Владимир Ильич использовал для изучения «русской действительности и рабочего движения».

Выписки из газет, главным образом иностранных, приведенные в VII разделе сборника, показывают один из источников информации о событиях в России, использованных в тот период Лениным [1].

В сборнике особенно полно представлена работа Ленина в связи с событиями 9 января. В IV разделе воспроизведены статьи, корреспонденции и заметки, печатавшиеся в №№ 3, 4, 5 «Вперед». Здесь на основании сообщений из России Ленин дает уже свою оценку событиям и указывает путь, по которому должны идти местные социал-демократические большевистские организации в своей работе.

Обстановка политической жизни в России к началу 1905 г. все больше и больше накалялась. В ростовской забастовке 1902 г., всеобщей стачке на юге России в 1903 г., в первомайских событиях в Харькове и т. д. выросший и сконцентрированный на крупнейших предприятиях рабочий класс России показывал уже тогда всему миру ту новую силу, которая созрела в России и которая призвана была возглавить вековую борьбу народов России с самодержавием и повести их дальше, к борьбе за социализм.

Царское правительство в это время вело войну с Японией и потерпело уже к началу 1905 г. ряд крупнейших поражений. За несколько дней до «Кровавого воскресенья» пал Порт-Артур и ясно выявилось начало общего поражения царского правительства в войне с Японией. Ленин в своей статье о падении Порт-Артура дал блестящую оценку этому событию, в котором «не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению» [2].

Военный крах не мог не оказаться началом глубокого политического кризиса, писал Ленин 14 января 1905 г.; когда 9 января рабочая демонстрация в Петербурге, шедшая к царю с петицией, была расстреляна,— это вызвало всеобщее возмущение. Ленин определяет это как «начало революции в России». «Рабочий класс, как будто остававшийся долго в стороне от буржуазного оппозиционного движения, поднял свой голос. С головокружительной быстротой догнали широкие рабочие массы своих передовых товарищей, сознательных социалдемократов. Петербургское рабочее движение шло за эти дни поистине семимильными шагами. Экономические требования сменяются политическими. Стачка становится всеобщей и приводит к неслыханно колоссальной демонстрации, престиж царского имени рушится навсегда. Начинается восстание. Сила против силы. Кипит уличный бой, воздвигаются баррикады, трещат залпы и грохочут пушки. Льются ручьи крови, разгорается гражданская война за свободу. К пролетариату Петербурга готовы примкнуть Москва и Юг, Кавказ и Польша. Лозунгом рабочих стало: смерть или свобода! — так пишет Ленин в своей статье «Революция в России», помещенной в XXVI сборнике (стр. 107). Материал сборника (раздел IV) показывает, как Ленин следит за ходом событий после 9 января, дает в газете «Вперед» картину их полного разворота

[1] Необходимо отметить, что работа по подготовке сборника к печати проделана недостаточно тщательно.

Допущен, например, ряд искажающих смысл ошибок при переводе ленинских выписок из иностранных газет. Подобного рода недостатки недопустимы в изданиях ИМЭЛ, выпускающего работы классиков марксизма.

[2] Ленин. Т. VII, стр. 49. 3-е изд.

по всей стране и определяет задачи пролетариата и его организованного партийного авангарда в революционной борьбе.

Особенный интерес представляют в этом разделе наряду с заметками, дающими подробное описание событий в Петербурге, статьи №№ 3, 4, 5 «Вперед», характеризующие тот бурный отклик, который нашло по всей стране «Кровавое воскресенье». С особой тщательностью собирает тогда Ленин все факты революционного движения и со страниц большевистского органа сообщает всем социал-демократическим организациям о том громадном размахе, который принимает движение.

«Во вторник, 11 января, забастовали рабочие в Вильне... В Гомеле забастовали ремесленники, приказчики, аптекарские ученики, банковые служащие и прислуга...

Затем стачечное движение стало переходить на юг и на Поволжье. Из Брянска сообщали от 15 января, что забастовали рабочие стекольного завода. Ждут стачки во всем Мальцевском районе и на рельсовом заводе. В Киеве стачка началась 17 января... Про Екатеринослав телеграммы сообщали: Типографии стали. Газет нет. Забастовали рабочие заводов Александровского, Брянского, Днепровского и Юзовского.

... Началась стачка в Тифлисе. Она перекинулась уже (20 января) на Батум.

В Нарве забастовали рабочие прядильной фабрики...» (стр. 133).

И далее следуют подробные сообщения о забастовках в Риге, Либаве, Виндаве, Митаве, Варшаве, Лодзи, Гельсингфорсе и др. городах.

Ленин, таким образом, тщательно собирая факты, показывает на страницах большевистского центрального органа растущую забастовочную волну и переход рабочего класса в наступление против самодержавия и предпринимателей.

Таких сообщений и тем более такой картины борьбы рабочие в тот период не могли получить ни со страниц легальной прессы, ни из других источников. Поэтому собирание всех фактов революционного движения и правильное их освещение имело огромное политическое значение для ознакомления революционного пролетариата и крестьянства с общим положением в стране и для выработки тактики партии в новых условиях разгоравшейся революции.

Особого внимания заслуживает написанная Лениным листовка «Первое мая».

Это было обращение партии, ее открытый призыв к рабочему классу России. Эта прокламация, как и другие, написанные Лениным, является непревзойденным образцом ленинского подхода к массам, раз'яснения сложной обстановки классовой борьбы, общих целей борьбы пролетариата и конкретных задач его практических действий в данный момент.

Ленин писал эту первомайскую листовку несколько месяцев спустя после 9 января. «Никогда еще не переживала Россия такого пробуждения от сна, забитости и неволи, как теперь... Борьба кипит теперь по всей России, бастуют рабочие, требуя свободы и лучшей жизни, льется кровь в Риге и в Польше, на Волге и на юге, поднимаются повсюду крестьяне. Борьба за свободу становится общенародной борьбой» (стр. 69).

Предельно ясно нарисовав картину безысходного положения рабочих и крестьян России, дав об'яснение грабительской войны, которую вело царское правительство, и показав рост революционного движения в стране, Ленин выдвигает конкретный лозунг действия масс: «Пусть первое мая этого года будет для нас праздником народного восстания,—давайте готовиться к нему, ждать сигнала к решительному нападению на тирана. Долой царское правительство!» (стр. 70).

Вслед за этим Ленин дает план конкретных действий по подготовке

восстания и в 10 строчках замечательно излагает программу демократической революции. Но на буржуазно-демократическом перевороте не может остановиться пролетариат и его партия. Партия, создававшаяся Лениным,— это партия пролетарской революции. Ленин воспитывает и партию и рабочий класс как борцов за социализм, за переход от революции буржуазно-демократической к революции социалистической. «...Мы не остановимся ни перед какими жертвами, мы пойдем через восстание к свободе, через свободу к социализму» (стр. 71. Разрядка моя — *Б. П.)* — так заканчивает прокламацию Ленин в апреле 1905 г., используя всякую возможность для воспитания пролетарских масс в духе революционного марксизма, в духе борьбы за осуществление исторической миссии рабочего класса—создателя социалистического общества.

К вновь разысканным и впервые публикуемым ленинским материалам периода 1905 г. относится большая статья «Между двух битв». Она имеет большое самостоятельное значение и является ценнейшим дополнением к классическим работам Ленина периода 1905 г. Статья написана им 15 ноября, как раз между двумя наиболее высокими точками под'ема революционной волны пятого года: в промежутке между событиями, развернувшимися после 9 января и приведшими к восстанию «Потемкина» и всеобщей политической стачке в октябре, с одной стороны, и декабрьским вооруженным восстанием—с другой.

Ленин прежде всего разоблачает в своей статье попытку царского правительства с помощью манифеста 17 октября, с помощью реформы спастись от революции. «Посмотрите, в самом деле, на манифест 17 октября и на русскую действительность: может ли быть что-нибудь поучительнее этого признания конституции царем на бумаге и—действительной «конституцией», — действительным применением царской власти?» (стр. 98). Манифест содержит ряд обещаний: о свободе собраний, печати, о неприкосновенности личности, а на деле «граждане свободной России», неугодные самодержавию, остаются в тюрьмах, в ссылке, на деле университеты, в которых происходили собрания, закрыты полицией. Газета рабочих «Новая жизнь» конфискована.

Только либеральная буржуазия готова на сделку с царизмом, устанавливает Ленин, подтверждая рядом фактов основную большевистскую оценку роли русской буржуазии в буржуазно-демократической революции. «Переговоры Витте с вождями либеральной буржуазии имеют, несомненно, серьезнейшее политическое значение, но только в том отношении... что они показывают лишний раз, как именно и кто именно собирается хоронить русскую революцию» (стр. 96).

Но эти переговоры не будут успешны. Они обречены на провал, пишет Ленин, «потому, что революция еще жива». Мы переживаем маленький перерыв между двумя битвами—так определяет он положение 15 ноября, и гром декабрьского восстания, грянувшего через месяц, дает блестящее историческое подтверждение ленинскому прогнозу.

Отметая все рассуждения «могильщиков революции» и фактически поддерживавших их меньшевиков, раз'ясняя реакционную сущность всех рассуждений о «конце» и «закате революции» в связи с манифестом 17 октября, Ленин выдвигает в противовес им требование большевизма—развертывать дальше революцию до ее полной победы. «Нам надо завоевать не обещание свободы, не бумажку о свободе, а настоящую свободу. Нам надо добиться не унижения царской власти... а уничтожения этой власти» (стр. 99).

Рабочий класс ни на минуту не забывает о своих социалистических задачах, подчеркивает Ленин, систематически раз'ясняя идею перерастания

буржуазно-демократической революции в пролетарскую и воспитывая пролетариат в соответствии с этой идеей. «В такое время политика революционного пролетариата, сознающего свои всемирно-исторические цели, стремящегося не только к политическому, но и экономическому освобождению трудящихся, не забывающего ни на минуту о своих социалистических задачах,—его политика должна быть особенно тверда, ясна и определенна» (стр. 96. Разрядка моя.— Б. П.). Так определял Ленин линию борьбы пролетарской партии в чрезвычайно сложный период «между двух битв».

В частности необходимо отметить данную в этой же статье характеристику гражданской войны, ее этапов и отличия от других войн.

«Гражданская война,—пишет Ленин,—естественно, отличается от других войн тем, что формы сражений гораздо разнообразнее, число и состав сражающихся на обеих сторонах наименее поддается учету и наиболее колеблется, попытки заключить мир или хотя бы перемирие исходят не от сражающихся и переплетаются самым причудливым образом с военными действиями» (стр. 93).

Эта характеристика гражданской войны десятки раз была подтверждена жизнью за истекшие с того времени годы. Эта ленинская характеристика имеет актуальнейшее значение в настоящий момент и безусловно относится не только к буржуазно-демократическим революциям, но и к гражданской войне, развертывающейся в процессе пролетарской революции.

В непосредственной связи с работой Ленина по организации сил революции для борьбы с самодержавием стоит опубликованный в XXVI сборнике перевод главы из работы генерала Парижской коммуны, Клюзерэ, и набросок его биографии, сделанный Лениным.

Этот материал был помещен в № 11 «Вперед» в марте 1905 г., т. е. вскоре после 9 января и последовавшего за ним бурного роста революционного движения.

События тогда развертывались с чрезвычайной быстротой, бурно и широко поднималась волна революции. Необходимо было развернуть повсеместно подготовку пролетариата к вооруженной борьбе с самодержавием, к восстанию. И Ленин выбирает из международной литературы материал, который помог бы этому. Он организует и редактирует перевод записок генерала Коммуны, Клюзерэ, и печатает их в газете, стараясь передать широким массам рабочих опыт вооруженной борьбы международного пролетариата.

* * *

Особый раздел в сборнике занимают документы, характеризующие работу Ленина на III с'езде партии. Они дают дополнительный материал (см. V и XVI сборники) для характеристики той огромной работы, которую он вел на с'езде. Ленин не только председательствовал на с'езде, писал резолюции по важнейшим вопросам повестки дня, но и участвовал почти во всех комиссиях с'езда, вырабатывая резолюции по вопросам, даже кажущимся на первый взгляд второстепенными, писал резолюции, которые предлагались теми или другими делегатами, редактировал документы с'езда, словом, был всюду, где требовалась его руководящая и направляющая рука.

Материал, помещенный в VI разделе сборника, показывает работу Ленина в организационной и протокольной комиссиях, редакторские изменения и поправки к ряду резолюций с'езда, участие Ленина в выборах ЦК и его работу в качестве автора ряда решений с'езда. Ни одна мало-мальски важная часть работы с'езда не проходила без участия Ленина.

Особого внимания заслуживает отредактированная Лениным резолюция о меньшевистских организациях (стр. 228). Учитывая, на основе антипартийного поведения меньшевиков после II с'езда, что некоторые меньшевистские организации откажутся признать решения III с'езда, Ленин от имени с'езда в специальной резолюции «предлагает Ц. К. распускать такие организации и у т в е р ж д а т ь параллельные им и п о д ч и н я ю щ и е с я с'е з д у о р г а н и з а ц и и, к а к к о м и т е т ы...»

Здесь с полной силой выступает ленинская твердость и непримиримость в борьбе за партию. Если меньшевики ведут к дезорганизации работы социал-демократии,—их надо беспощадно выкинуть из партии, распустить их организации и создавать свои большевистские.

Эта небольшая резолюция имеет огромное значение для понимания истории нашей партии. Резолюция показывает, как, опираясь на решения III с'езда и разоблачая меньшевиков, Ленин боролся за партию, создавал подлинно марксистскую, большевистскую партию в противовес меньшевистской, созвавшей параллельно с III с'ездом свою конференцию в Женеве.

В свете борьбы Ленина за выковывание партии важно и необходимо обратить особое внимание на те документы, которые показывают, как внимательно относился Ленин к конструированию с'езда. Он участвует в работе Организационного комитета, тщательно просматривая все мандаты делегатов, полномочия местных комитетов и т. д. (стр. 211—215).

* * *

Кроме материалов, охватывающих 1905 год, в XXVI сборнике помещены письмо Ленина к Горькому в 1908 г. и письма к Луначарскому в 1907, 1908 и 1917 гг.

В своем письме великому пролетарскому писателю Ленин всецело одобряет оценку, сделанную Горьким относительно политического упадочничества, ренегатства, охватившего так называемое «общество» и интеллигентскую публику после поражения революции 1905 г. «Я тысячу раз согласен с Вами насчет необходимости с и с т е м а т и ч е с к о й борьбы с политическим упадочничеством, ренегатством, нытьем и проч. Насчет «общества» и «молодежи» не думаю, чтобы у нас было разногласие. Значение интеллигентской публики в нашей партии падает: отовсюду вести, что интеллигенция б е ж и т из партии. Туда и дорога этой сволочи. Партия очищается от мещанского сора. Рабочие больше берутся за дело. Усиливается роль профессионалов-рабочих. Это все чудесно, и я уверен, что «пинки» Ваши в том же смысле разуметь надлежит» (стр. 43).

Эта сжатая ленинская характеристика замечательна по своему диалектическому уменью четко видеть процессы выковывания подлинно пролетарской партии и руководить ими. В бегстве интеллигенции, скатывающейся к ренегатству, Ленин видит необходимый процесс очищения партии и усиления роли рабочего партийного ядра. В то время как оппортунисты и примиренцы «ныли» и пессимистически оценивали факт отхода интеллигенции, в ленинских строках звучит исключительная бодрость, и это явление оценивается как полезное для партии. Ленин рассматривает его как очищение от мещанского сора, как усиление роли профессионалов-рабочих. «Это все чудесно»,—подытоживает общую оценку Ленин.

В своем письме, далее, он зовет Горького к участию в «Пролетарии», чтобы в нем «ввести в обычай тот жанр, который Вы начали «заметками» о мещанстве» в Новой Жизни и начали, по моему, хорошо». Необходимо, пишет Ленин, «связать и литературную критику т е с н е е с партийной работой, с руководством партией» (стр. 44—45). Но, стараясь втянуть Горького в работу газеты, Ленин в то же время, внимательно и чутко относясь к работе великого писателя, подчеркивает, какое огромное значе-

ние для рабочего класса имеют большие работы, большие художественные произведения Горького. Ленин пишет: «Если у Вас не лежит душа к небольшим, коротким, периодическим (недельным, двухнедельным) статьям, если лучше чувствуете себя за большой работой,—уж, конечно, я не посоветую прерывать ее. Она больше пользы принесет» (стр. 44).

Из писем к Луначарскому особенно необходимо остановиться на двух, относящихся к 1907 и 1917 гг.

Первое письмо Ленина излагает позицию большевиков по отношению к II интернационалу; оно дает исключительно много для понимания роли большевизма на международной арене и его борьбы со всеми проявлениями оппортунизма и центризма.

Направляя свой удар против оппортунизма и центризма в германской социал-демократии и одновременно против Троцкого, который прислал «одно сплошное славословие по поводу Эссена и немецкой социал-демократии вообще»,—Ленин пишет, что «большевизм, учась не только у немцев, но и на немцах... сумеет взять все живое у синдикализма, чтобы убить русский синдикализм и оппортунизм. Именно нам, бе—кам, всего легче и естественнее это сделать, ибо мы в революции всего больше боролись против парламентского кретинизма и Плехановского оппортунизма» (стр. 32).

То положение Ленина, что надо учиться «не только у немцев, но и на немцах», проходит красной линией во всей его работе как вождя, создавшего партию нового типа, партию, которая не терпит в своих рядах никаких оппортунистов. «Учиться на немцах»—это значило не копировать их, не только учиться у немцев, а перенимать у них все полезное, не перенимая в то же время ошибок немецкой социал-демократии, и вести борьбу с оппортунизмом, откуда бы он ни исходил. Так писал Ленин в 1907 г. В тот период, да и много раньше, для него были ясны все оппортунистические стороны немецкой социал-демократии, и он вел свою партию по другому пути, единственно обеспечивавшему создание партии нового типа, какой не являлась ни одна из партий II интернационала.

Второе письмо Луначарскому написано Лениным в марте 1917 г., вскоре после Февральской революции в России. Это ответ Луначарскому, предлагавшему созвать совещание вместе с группой «Начало». Ленин отвечает ему то же, о чем он писал с самого начала Февральской революции в «Правде», в своих исторических «Письмах издалека». Ленин подчеркивает, что совещание «целесообразно теперь лишь между людьми, готовыми предостеречь пролетариат не только против гвоздевцев, но и против колебаний Чхеидзе». И далее еще резче формулирует недопустимость сближения большевиков с другими партиями. «Именно поэтому я не теряю времени ни на одно совещание с Мартовым и К°,—пишет Владимир Ильич.—Самостоятельность и особность нашей партии, никакого сближения с другими партиями—для меня ультимативны. Без этого помогать пролетариату идти через демократический переворот к коммуне нельзя, а другим целям служить я не стал бы» (стр. 40).

Это последнее положение Ленина, характеризующее задачу развертывания буржуазно-демократической революции, ее немедленного перерастания в революцию социалистическую и задачу построения коммунизма, представляет исключительный интерес. Оно как бы подытоживает на грани двух эпох, накануне Октябрьской революции, весь жизненный путь Владимира Ильича и характеризует те цели, за которые он боролся, которым он посвятил всю свою жизнь. Эту линию борьбы «за коммуну» он проводил с самых первых своих шагов и служил только этой великой цели на каждом этапе своей жизни и борьбы.

* * *

Кроме характеристики тех статей и писем, о которых говорилось выше, необходимо остановиться еще на другом.

От собрания сочинений Ленинские сборники отличаются тем, что в них дается наряду с некоторыми, вновь найденными работами также материал, характеризующий работу Ленина над теми произведениями, которые вошли в собрание сочинений. Огромное место в сборниках занимают ленинские планы, наброски статей, различные заметки, записки о выступлениях, подчеркивания на книгах, выписки из них и т. д. В Ленинских сборниках раскрывается перед нами лаборатория самой работы Ленина.

Опубликованные планы и наброски статей показывают, как работал Владимир Ильич, какую огромную подготовительную работу проделывал он для той или иной статьи, листовки, выступления и т. д.

Ленинские сборники вместе с тем отражают всю разностороннюю, гигантскую по своему размаху деятельность Ленина как вождя и создателя партии, шаг за шагом, день за днем сколачивавшего большевистскую партию.

Огромен об'ем работы Ленина.

XXVI сборник еще раз показывает нам Ленина как создателя и редактора первого (после раскола с меньшевиками) центрального органа партии, редактора, собирающего массу материала, терпеливо и скрупулезно отделывающего все статьи каждого номера, ведущего огромную переписку с местными организациями и т. д.

Ленинская правка статей, в том числе и статей работников редакции— Луначарского, Воровского, Ольминского,—приведенная в сборнике, показывает, с какой тщательностью следил Ленин за политической четкостью всех положений, печатающихся в большевистском органе. С большой тщательностью отделывает Ленин также и свои собственные статьи. Материал, помещенный в IV разделе, показывает, как он старательно подбирает заголовки статей, чтобы наиболее метко и удачно схватить самое важное, основную мысль данной статьи. Он тщательно редактирует текст статьи, устраняя все шероховатости, подбирая более удачные выражения и т. д.

Из Ленинских сборников мы знаем, что ряд статей, вошедших в сочинения, имеет 4—5—6 вариантов, написанных Лениным, прежде чем эти статьи были окончательно отделаны и сданы в печать. Работа Ленина как автора и редактора является замечательным образцом и лучшим примером для каждого работника партии.

Ленинские сборники показывают далее всю грандиозную организационную работу Ленина. Каждая книжка сборников, раскрывая и характеризуя все новые и новые моменты этой работы, рисует нам образ величайшего организатора, какого когда-либо знала история.

Вся эта огромная работа была направлена на выковывание той силы, которая призвана была, по выражению Ленина, «перевернуть весь мир».

И сейчас можно понять все исторические причины, обусловившие создание большевистской партии, «сила и авторитет которой почти что неизмеримы» [1], только имея ввиду огромную работу гениев пролетарской организации, Ленина и Сталина, в течение десятков лет выковывавших нашу партию, равной которой не знает история.

Каждый Ленинский сборник показывает работу Ленина по созданию партии, по ее теории, стратегии, тактике и организации. Изучение этих сборников имеет огромное значение для теоретического роста партийных кадров.

Б. П.

[1] Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 334. 10-е изд.

„Четыре года работы Московского совета"

Издание Моссовета. 1934. 118 стр.

К выборам 1934 г. Московский совет издал два отчета о своей деятельности: один—полный, другой—сокращенный. Надо подчеркнуть особое значение выпуска сокращенного отчета, предпринятого по специальному указанию Московского комитета партии. Краткий отчет, написанный простым, ясным, хорошим языком, изданный большим тиражом, дает возможность самым широким кругам избирателей ознакомиться с той поистине громадной работой, которая проделана партией и советской властью за последние четыре года для превращения Москвы в образцовый социалистический город.

Четыре года, минувшие со времени предыдущих выборов в советы, преобразили Москву. В невозвратимое прошлое ушла не только дореволюционная «купецкая» Москва, не только полуразрушенная Москва суровых годин гражданской войны, но уже нет и той Москвы, какой мы ее знали всего четыре года назад. Отчет Московского совета за 1931—1934 гг. рисует картину изменений, которые произошли в Москве за это время.

Во всех концах города выросли корпуса новых предприятий. Москва создала первоклассную металлическую промышленность. Новые фабрики и заводы, которые составляют теперь честь и гордость пролетарской столицы, четыре года назад только начинали строиться. Завод автомобилей, завод шарикоподшипников, завод станков, завод инструментов, завод измерительных приборов и многие другие теперь построены, пущены и дают стране свою продукцию. Совершенно изменили свое лицо старые предприятия Москвы: они расширились, вооружились новой техникой.

Москва стала одним из крупнейших центров машиностроения, электротехники и авиационного строительства. И если Ленинград—наш старейший машиностроительный центр—по праву гордится тем, что в Советском Союзе нет уголка, где не работали бы те или иные машины с маркой «Сделано в Ленинграде», то теперь столь же широкое распространение получает и марка «Сделано в Москве». В отчете Московского совета приведена любопытная справка о выпуске различной продукции:

«В настоящее время московская тяжелая промышленность ежемесячно выпускает: 1700 грузовых автомобилей, 2280 моторов для трамваев, магистральных электровозов, троллейбусов, метро и т. д., 6000 тонн качественной стали, 1 400 000 подшипников, 385 станков для обработки металла, 2 270 трансформаторов, 60 компрессоров, 4 190 насосов, 10 400 карманных часов, 7 290 велосипедов, 4 470 000 электрических ламп, 3 830 арифмометров.

Даже из этого короткого перечня, охватывающего лишь небольшую часть имеющихся новых производств, видно новое лицо индустриальной Москвы» (стр. 17).

Достигнуты первые серьезные успехи в освоении новой техники и новых производств. Отчет Моссовета справедливо отмечает, что продукция московских предприятий начинает зарекомендовывать себя как первоклассная по качеству.

«Московские заводы строили самолеты, на которых советские летчики долетели до ледяного лагеря в далеком и холодном Чукотском море и спасли экспедицию «Челюскина», вызвав восторг и изумление всего мира. Московские заводы построили стратостат «СССР», установивший непревзойденный никем мировой рекорд высоты. Московские же заводы и московские научные институты создали самолет «РД», который побил мировой рекорд дальности полета без посадки» (стр. 18).

Эти три авиационные победы—достаточно хорошая рекомендация для всей московской промышленности, так как в строительстве воздушных аппаратов принимают участие почти все ее отрасли.

Легкая промышленность Москвы за эти годы расцвела, как никогда. Достаточно сказать, что текстильная продукция в текущем году превысит довоенный уровень в три раза.

«Каждый день легкая индустрия Москвы в настоящее время производит: 1 миллион 800 тысяч метров хлопчатобумажных тканей, 137 тысяч метров шерстяных и шелковых тканей, 65 тысяч пар резиновых галош, 48 тысяч пар обуви, 233 тысячи килограммов мыла, сотни видов других предметов широкого потребления» (стр. 20—21).

Правые оппортунисты, борясь против политики индустриализации страны, именно в Москве пытались создать себе базу, выступая с демагогическим лозунгом «защиты легкой индустрии». Уже давно разоблачена контрреволюционная сущность лозунгов правой оппозиции. Итоги развития московской промышленности за последние четыре года особенно ярко подчеркивают убожество и вредоносность этих лозунгов. Нет и не было у партии другого пути к расцвету легкой промышленности, как развитие в первую очередь тяжелой индустрии. Легкая индустрия Москвы, опираясь на всю мощь своей старшей сестры—тяжелой промышленности, поднялась на невиданную высоту.

Вместе с ростом промышленности Москвы растет и ее население. За четыре года число жителей в столице выросло почти на 1 миллион человек. Сейчас Москва насчитывает 3628 тысяч жителей. По количеству населения Москва заняла шестое место среди городов мира, если считать с пригородами, а без пригородов—третье место после Нью-Йорка (около 7 миллионов жителей) и Лондона (4 млн. жителей).

Особенно быстро растет в Москве численность пролетарского населения. Количество рабочих выросло за четыре года с 673 тысяч до 823 тысяч человек.

«Москва стала в полном смысле слова пролетарским центром в противовес буржуазным столицам, которые, несмотря на значительную часть пролетариата в них, приобретают все более паразитический характер». Эти слова тов. Л. М. Кагановича, сказанные в 1931 г., с еще большим основанием могут быть повторены сейчас.

Небезынтересно сравнить социальное лицо нынешней Москвы с дореволюционным временем.

По данным 1912 г., в Москве было 33 тысячи частных предпринимателей. Сейчас этой категории населения в Москве не существует вовсе.

В 1912 г. в Москве было 9 тысяч рантье. Революция ликвидировала эту социальную категорию начисто и бесповоротно.

В 1912 г. в Москве насчитывалось 7 тысяч служителей религиозных культов. В 1933 г. их оставалось около тысячи.

Зато в громадной степени выросли ряды рабочего класса, который после революции стал полным и безраздельным хозяином города. В 1912 г. в Москве было 142 тысячи рабочих крупной промышленности. Сейчас их свыше 450 тысяч. Число занятых по найму выросло с 700 тысяч человек до 1700 тысяч.

Состав московского пролетариата за последние четыре года подвергся значительным изменениям. Бросается в глаза резкое увеличение числа женщин среди рабочих и служащих. В 1931 г. среди рабочих и служащих Москвы насчитывалось 446 тысяч женщин. Сейчас их количество возросло до 710 тысяч, причем тогда женщины составляли 36,8% к общему числу трудящихся, а теперь они составляют 40,9%.

«Вовлечение женщины в производство является могучим средством под-

нятия благосостояния рабочей семьи, ибо чем больше работников в семье, тем лучше она материально обеспечена. И если в капиталистическом Берлине и в любой другой буржуазной столице десятки тысяч рабочих семей не имеют ни одного работающего, то в социалистической Москве нет ни одного трудоспособного, который не находил бы себе работы» (стр. 105).

Московскому совету в отчетный период пришлось приступить к выполнению высокой и почетной задачи—развернуть во всю ширь социалистическую реконструкцию красной столицы. По инициативе товарища Сталина, на июньском пленуме ЦК партии в 1931 г. был поставлен вопрос о реконструкции городского хозяйства Москвы. Доклад товарища Кагановича и резолюция пленума стали программой грандиозных работ по превращению Москвы в образцовый социалистический город.

Строится метрополитен. Под улицами Москвы на расстоянии почти 12 км—от Сокольников до Смоленской площади—проложен тоннель. Через несколько месяцев первая очередь метро будет сдана в эксплоатацию. Это огромное строительство требовало исключительного внимания, мобилизации больших сил и средств. Чтобы судить о размерах стройки метро, надо принять во внимание, что бетонные работы по первой очереди превышают бетонные работы Днепростроя. В старой московской городской думе не раз поднимался вопрос о постройке подземной железной дороги, ибо Москва и тогда в ней нуждалась. Но дума неуклонно отказывалась от постройки метрополитена. Столь грандиозное сооружение было не по плечу старым хозяевам Москвы. Оно оказалось под силу лишь пролетарской власти.

Строится канал Москва—Волга. Постройка этого канала превратит Москва-реку в мощную судоходную артерию, по которой будут свободно проходить самые большие волжские пароходы. Канал свяжет Москву водными путями с Балтийским, Белым, Каспийским и Черным морями. В то же время канал даст Москве в нужном количестве питьевую и промышленную воду. Уже в первые годы эксплоатации канала потребление воды в Москве будет увеличено со 165 до 250 литров на одного жителя, а в последующее время до 500 литров, т. е. Москва по потреблению воды выйдет в ряды наиболее благоустроенных в этом отношении городов мира. Канал представляет собой гигантское сооружение. Длина его—120 км, ширина—85 м, глубина—5,5 м. Воды канала будут подниматься вверх по ступеням шлюзов на 55 м, образуя по пути несколько огромных озер. Чтобы построить первую очередь канала, надо вынуть 134 миллиона кубометров земли. При строительстве Панамского канала земли было вынуто 160 миллионов кубометров. Работы на строительстве канала идут полным ходом. К настоящему времени уже вынуто 25 миллионов кубометров земли, что превышает все земляные работы Беломорстроя.

Начата новая планировка города. Приступлено к реконструкции площадей и улиц. Облик площадей и важнейших улиц за эти годы резко изменился. Асфальт стремительно наступает на булыгу. В старое время только 2% замощенных улиц приходилось на асфальт и брусчатку. Процент усовершенствованных мостовых сейчас поднялся до 25. За четыре года усовершенствованными мостовыми покрыты 255 важнейших улиц, площадей, проездов и рынков Москвы. Набережные Москва-реки одеваются в гранит. Разбиты новые скверы и бульвары. Созданы новые парки культуры и отдыха. Улицы Москвы по ночам перестали тонуть в темноте. Тусклое газовое освещение улиц заменено электрическим. За четыре года число уличных фонарей увеличено вдвое. Приступлено к сносу дряхлых строений, которые затрудняют движение и портят вид столицы. Убрана Сухаревская башня, тормозившая движение в одном из самых оживленных пунктов Москвы. От площади Ногина до площади Свердлова снесена

Китайгородская стена. Здесь возник новый широкий проспект, который мог бы украсить любой европейский город. Два огромных новых здания безукоризненной архитектуры (гостиница Моссовета и Дом Совнаркома) выросли по обеим сторонам Охотного ряда и превратили этот центральный участок города из скопления грязных лабазов в красивейшую улицу. Архитектурному оформлению площадей, улиц и отдельных домов уделяется исключительное внимание. Положен решительный конец экспериментам загибщиков в архитектуре, которые одно время начали строить в Москве здания в виде уродливых коробок упрощенной формы. Лучшие архитектурные силы собраны в проектных и планировочных мастерских Московского совета. Москва становится красивым и удобным городом.

Широким фронтом развернуто новое жилищное строительство. За четыре года выстроено 2300 жилых домов. В новые дома вселено 500 тысяч человек. Совершенно прекращено строительство деревянных бараков и так называемых стандартных домов. Строятся исключительно капитальные дома. Ликвидировано наследие прошлого — пресловутые казармы на текстильных фабриках, построенные в свое время капиталистами. 72 казармы превращены в благоустроенные, чистые и светлые дома. 13 000 рабочих, преимущественно текстильщиков, переселены из общих «спален» в отдельные квартиры и комнаты.

Энергетическое хозяйство Москвы расширилось и окрепло. Потребление электричества в городе за четыре года удвоилось и в текущем году почти в 11 раз превосходит довоенный уровень. В солидную отрасль энергетики превратилась теплофикация. В ближайшие годы сотни и тысячи московских домов будут переведены на централизованное снабжение теплом, подобно тому как они снабжаются водой и электричеством.

Реконструировано хлебопечение. Москва имеет сейчас 12 хлебозаводов и 25 механизированных пекарен, которые выпекают в сутки 2½ миллиона кг хлеба. Механизация хлебопечения покончила с перебоями в выпечке хлеба, из-за которых сильно страдало снабжение трудящихся. Построен мясной комбинат. Кустарные городские бойни заменены мощной механизированной фабрикой.

«Проведенная за отчетные годы работа в области городского хозяйства Москвы является лишь началом его коренной реконструкции. Многое еще не сделано. Несмотря на это, достигнутые за истекшие годы результаты войдут в историю как крупнейшее завоевание партии и рабочего класса всей нашей страны» (стр. 9).

Впервые в истории победивший пролетариат приступает к реконструкции городов на научных основах и в интересах широких трудящихся масс. Москва, которая идет во главе этой реконструкции, уже сделала крупные шаги по пути превращения в образцовый социалистический город. Самым выдающимся достижением является ликвидация разницы между центром и окраинами города. Для старой Москвы, как и для всякого капиталистического города, характерным было резкое различие между условиями жизни в центре, заселенном привилегированными классами, и окраинами, где ютились рабочие семьи. В центре—роскошь, великолепные дома, все услуги городского благоустройства, на окраинах—грязь, темнота, низкие, мрачные, запущенные жилища, отсутствие всякого благоустройства и культурных учреждений. Такова типичная картина капиталистического города. Такой была и старая Москва.

В нынешней Москве нет больше темной и грязной окраины капиталистических времен. На месте прокопченных хибарок Симоновой слободы выросла многоэтажная, широкооконная Ленинская слобода с асфальтом улиц, с зеленью бульваров, с чистотой и порядком, достойными самых

лучших кварталов большого города. Усачевка, Дубровка, Дангауэровка— везде и всюду видна чудесная работа нашей революции, создающей новый, невиданный мир.

Строя метро, канал, разрешая генеральные задачи реконструкции городского хозяйства и планировки Москвы, Московский совет в то же время ни на минуту не забывает о текущих коммунальных нуждах населения.

За четыре года построено шесть новых бань. Проложены десятки километров новой водопроводной сети. До революции из каждой сотни москвичей только 40 человек обслуживались водопроводом, сейчас—95. Расширена канализация. Общее количество жителей в домах, присоединенных к городской канализации. до революции составляло 790 тысяч, четыре года назад—1780 тысяч, сейчас—2375 тысяч.

Гораздо меньше стало грязи на улицах Москвы. Количество дворников за четыре года увеличено с 5500 до 12 тысяч. Закрыты заражавшие город антисанитарией мусорные свалки Калужская, Алексеевская, Сукино болото и другие. На их месте разбиты огороды, устроены грибницы, парники.

Кардинально разрешен вопрос о снабжении населения дровами. Четыре года назад Москва испытывала острые затруднения с топливом. Сейчас «дровяная проблема» разрешена полностью.

Широким фронтом развернут ремонт домов. Построено 25 новых трамвайных линий, число трамвайных вагонов увеличилось с 1661 до 2478. Усилилось автобусное сообщение. На улицах Москвы появился новый вид городского транспорта—троллейбусы. Построены 23 фабрики-кухни. Из каждых трех жителей Москвы двое питаются в общественных столовых.

В центре внимания Моссовета за эти годы находились также вопросы развертывания товарооборота, вопросы народного здравоохранения и народного образования.

«Недостаток товаров, который ощущался в Москве четыре года назад, с каждым годом, с каждым месяцем устраняется, хотя возрастающие потребности и покупательная способность населения еще удовлетворяются далеко не достаточно. Увеличилось количество товаров в продаже и сильно расширился их ассортимент. Текстиль, белье, обувь, галоши, галантерея, мебель, хозяйственные товары, бакалейные и гастрономические изделия идут в торгующую сеть нарастающим потоком» (стр. 67).

Розничный годовой оборот торговых организаций Москвы четыре года назад составлял менее 3 миллиардов рублей. В 1934 г. он вырос почти до 6 миллиардов рублей.

По всей Москве четыре года назад было 2048 магазинов и 4090 палаток и ларьков. Сейчас имеется 3306 магазинов и 4930 палаток и ларьков.

За эти годы в Москве возникла и развилась колхозная торговля. Московский рынок потерял облик старой толкучки, на которой господствовал спекулянт. Моссовет перестроил все старые городские рынки и выстроил 22 новых рынка.

Громадная работа проделана за эти годы по бесперебойному снабжению Москвы овощами и картофелем. Москва сейчас полностью обеспечена картофелем и овощами на весь год.

Об успехах охраны народного здоровья в Москве лучше всяких слов говорит следующее сравнение.

Из всех столиц мира Москва дает наибольший естественный прирост населения—7 человек на 1 тысячу жителей в год. В Лондоне естественный прирост составляет только 2 человека. В Париже—0,5. Что касается Берлина, то там не только нет никакого естественного прироста, но смертность даже превышает рождаемость.

Одним из самых замечательных достижений здравоохранения является

организация поликлиник на крупнейших предприятиях Москвы. Например поликлиника на шарикоподшипниковом заводе им. Кагановича занимает четырехэтажное здание, имеет 15 отделений и свыше 40 кабинетов по всем специальностям. 60 врачей и 4 профессора-консультанта работают здесь. В течение дня поликлиника может принять до 2 тысяч человек.

В результате широкого развития мероприятий по народному здравоохранению заболеваемость и смертность среди населения столицы резко снизились. Вот один из ярких примеров, приводимых в отчете. В дореволюционной Москве было только 4 лечебницы по борьбе с туберкулезом, и те в годы империалистической войны закрылись. Сейчас Москва имеет 10 туберкулезных диспансеров, а также областной и городской туберкулезные институты.

Смертность от туберкулеза в дореволюционное время составляла от 26 до 46 человек на 10 тысяч населения в год. Сейчас смертность от туберкулеза составляет 14—15 человек на то же число населения.

Неизмеримо выросло за эти годы значение Москвы как культурного центра Союза. Опыт ее образцовых школ, детских садов и площадок, общеобразовательных школ для взрослых, парков культуры и отдыха широко распространяется по другим городам. Переезд в Москву Всесоюзной академии наук с ее институтами еще более поднял значение столицы как научного центра страны.

Отчет Моссовета, подводящий итоги большим достижениям, проникнут духом самокритики. Он указывает на неполное использование производственной мощности предприятий тяжелой промышленности, на низкое качество многих изделий легкой индустрии, на различные недостатки в обслуживании повседневных нужд широких масс населения. Но ведь Москва только начала реконструкцию своего огромного хозяйства! Недостатки эти будут устранены в кратчайший срок. Благоустройство столицы, ее культура, уровень жизни трудящихся будут расти с каждым годом и месяцем. Для этого созданы все необходимые условия и заложен прочный фундамент.

Таковы некоторые факты и цифры из отчета Моссовета о его деятельности за четыре года.

За каждым из этих фактов, за каждой из этих цифр стоит большая и кропотливая работа московской партийной организации и Московского совета.

«Взять, к примеру, такое дело, как снабжение Москвы картофелем. Чтобы успешно разрешить эту задачу, надо было, во-первых, организовать заготовки картофеля и провести большую массовую работу в районах области, развернув при этом решительную борьбу с кулацкими элементами; во-вторых, надо было организовать доставку заготовленного картофеля в Москву; в-третьих, разместить картофель по складам, сохранить его сухим и доброкачественным в течение всей зимы.

Между тем в Москве не было ни достаточного количества складов, ни кладовщиков, знающих дело хранения картофеля, не было хорошего, опытного заготовительного аппарата, не было транспорта для переброски картофеля от железнодорожных станций на городские склады.

В районы заготовок были брошены сотни руководящих работников. Для транспортировки картофеля были мобилизованы почти все автомашины города, вплоть до легковых. Под склады были приспособлены подвалы жилых домов. Одновременно развернулось строительство новых складов. Сотни коммунистов были сняты Московским комитетом партии с различных работ и назначены кладовщиками и заведующими картофельных складов. Руководящие работники Моссовета и районов были прикреплены к складам, и на каждого из них возложена личная ответственность за сохран-

ность картофеля. В результате всего этого картофельная проблема была быстро разрешена» (стр. 70).

Борьба за картофель—это лишь одна небольшая страничка борьбы московской партийной организации и Московского совета за обеспеченную, зажиточную, культурную жизнь трудящихся. Но и эта одна страничка с достаточной ясностью показывает, как были достигнуты большие победы.

Отчет обрисовывает громадную роль в строительстве социалистической Москвы вождя рабочего класса товарища Сталина и руководителя московских большевиков товарища Кагановича.

По инициативе товарища Сталина был поставлен вопрос о реконструкции городского хозяйства Москвы, при его постоянной помощи и руководстве проходила и проходит вся практическая работа. С именем товарища Сталина «непосредственно связаны строительство метрополитена и канала Москва—Волга, громадная работа по замощению улиц и сооружению гранитных набережных. Касается ли дело разработки генерального плана реконструкции Москвы или снабжения города дровами, трамвайного сообщения или общественного питания,—во всех коренных вопросах жизни города и его населения тов. Сталин принимает непосредственное участие. Руководство, помощь и внимание нашего великого друга, нашего вождя и учителя, нашего родного товарища Сталина—решающее условие достижений московского пролетариата и залог его дальнейших побед...» (стр. 9—10).

Непосредственным руководителем и организатором всей работы по реконструкции Москвы является Московский комитет партии и соратник великого Сталина тов. Каганович. Под руководством тов. Кагановича московские большевики боролись за генеральную линию партии, за линию Ленина—Сталина, разбивая беспощадно остатки контрреволюционного троцкизма, правый и «левый» оппортунизм.

«С трибуны областного с'езда советов и партийных конференций, на пленумах МК и Московского совета, изо дня в день, в тоннелях метро, на многочисленных промышленных и жилищных стройках Москвы, везде и всюду, где кипит бурная строительная работа, при встречах с сотнями и тысячами пролетариев тов. Каганович определял направление борьбы и поднимал на эту борьбу десятки и сотни тысяч людей. В этом—одно из решающих условий успехов Московского совета и большевистского авангарда московского пролетариата и трудящихся Москвы — московской партийной организации» (стр. 10).

Гордое имя Москвы, овеянное славой пролетарских побед, звучит во всех концах мира как символ побеждающего социализма. Миллионы трудящихся носят его в своем сердце с чувством величайшей любви и преданности. В красную столицу тянутся мысли, надежды и чаяния лучших людей трудящегося человечества. «...Как раньше Париж являлся убежищем и школой для революционных представителей подымающейся буржуазии, так и теперь Москва является убежищем и школой для революционных представителей подымающегося пролетариата»[1].

Высокое звание столицы Советского Союза обязывает Москву идти в первых рядах социалистического наступления, служить образцом и примером для других городов и пролетарских центров Страны советов.

Факты показывают, что Москва с честью выполняет эту свою великую обязанность. Отчет Моссовета в этом наглядно убеждает.

М. ИВАНОВ

---

[1] Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 208. 10-е изд.

Вредная путаница

Журнал «Поволжье», литературно-художественный и общественно-политический орган сталинградского краевого правления Союза советских писателей, № 4—5 за 1934 г.

На XVII с'езде партии товарищ Сталин говорил: «Врагов партии, оппортунистов всех мастей, национал-уклонистов всякого рода—разбили. Но остатки их идеологии живут еще в головах отдельных членов партии и нередко дают о себе знать».

Пережитки капитализма еще не преодолены ни в экономике, ни в сознании людей. «Понятно, что эти пережитки не могут не являться благоприятной почвой для оживления идеологии разбитых антиленинских групп в головах отдельных членов партии».

Примером такой вреднейшей путаницы в головах отдельных членов партии по основным принципам ленинизма является статья В. Руберт под названием «К десятилетию книги «Об основах ленинизма», помещенная в № 4—5 журнала «Поволжье» за 1934 г. (отв. редактор И. Макарьев).

В статье В. Руберт затрагиваются вопросы о пролетарской революции, о стратегии, тактике и разработке этих вопросов товарищем Сталиным. Основное внимание в статье уделяется теории о возможности победы социализма в одной стране.

Статья поверхностна, допускает путаницу по важнейшим вопросам марксизма-ленинизма и ни в коей мере не справляется с поставленными задачами.

Всякому коммунисту, изучавшему историю борьбы партии с троцкистской и зиновьевской оппозицией, известно, что Ленин еще в 1915 г. вел борьбу с Троцким по вопросу о возможности построения социализма в одной стране.

Ленин, сформулировавший тогда закон неравномерности развития капитализма в эпоху империализма, доказал —и это целиком подтвердила история,—что в эпоху империализма возможна победа социализма в одной, отдельно взятой стране.

Товарищ Сталин в своих работах с исчерпывающей полнотой показал всю историю борьбы Ленина с троцкизмом по этому важнейшему вопросу.

Учение о возможности построения социализма в одной стране является одним из важнейших новых вкладов, внесенных Лениным в сокровищницу марксизма.

Величайшая историческая заслуга товарища Сталина состоит в том, что он в новых исторических условиях отстоял ленинское учение о построении социализма, в беспощадной борьбе с троцкистами, зиновьевцами и правыми развил это учение дальше, обогатив его великим опытом борьбы пролетариата СССР за построение социализма. Развивая дальше учение Ленина о возможности построения социализма в одной стране, товарищ Сталин собрал воедино положения Ленина, высказанные в ряде трудов, приведя их в стройную систему.

Товарищ Сталин дал новое обоснование и доказательства правильности этой теории на основе всего опыта социалистического строительства. Он с исключительной теоретической глубиной разработал вопрос о путях победы социализма. Главнейшие моменты этого вопроса: индустриализация страны как основа всей политики построения социализма; разработка аграрной теории марксизма-ленинизма, в особенности учения о союзе рабочего класса с крестьянством и о коллективизации; о формах классовой борьбы в эпоху построения социализма и ликвидация кулачества как класса; учение о диктатуре пролетариата и задачи ее укрепления в период

социализма; учение о партии и ее роли в укреплении диктатуры пролетариата и в построении бесклассового общества; роль советской торговли и денег в эпоху построения социализма и т. д.

Все эти вопросы, разработанные товарищем Сталиным, вошли как основные моменты ленинской теории возможности построения социализма в одной стране и составляют дальнейшее ее развитие. Под гениальным руководством Сталина партия претворила в жизнь теорию о возможности победы социализма в одной стране.

Всякому мало-мальски грамотному коммунисту известно, что троцкисты, а с ними Зиновьев и Каменев пытались доказать, что теория построения социализма не принадлежит Ленину, что эта теория создана только в 1924—1925 гг. и т. д.

Статья В. Руберт, хотел или не хотел этого автор, по сути скатывается на подобную трактовку вопроса. Во всей статье В. Руберт мы не найдем даже беглого упоминания, что теория возможности построения социализма в одной стране создана была Лениным в 1915 г. и что до 1924—1925 гг. вокруг этой теории в партии велась борьба. Единственной датой, с которой В. Руберт связывает теорию возможности победы социализма в одной стране, является 1924—1925 гг. У читателя статьи может сложиться глубоко неверное представление, что теория возможности победы социализма в одной стране возникла лишь в период XIV партконференции.

Связывая постановку вопроса о возможности построения социализма в одной стране с 1924 годом и первой половиной 1925 года, В. Руберт замечает, что тогда «вопрос о возможности построения социализма внутри нашей партии открыто никем не оспаривался» (стр. 92).

Неверно, что вопрос о возможности построения социализма в нашей стране в этот период никем не оспаривался. Взять хотя бы статью Троцкого «Об уроках Октября». Мы не говорим уже об оппортунистических выступлениях в ЦК накануне XIV партконференции Зиновьева и Каменева, утверждавших, что мы погибнем из-за технической отсталости, если нам на помощь не придет международная революция.

Если же взять годы с 1915 по 1924, то здесь не раз возникали жестокие споры между ленинизмом и троцкизмом по вопросу о возможности победы социализма в одной стране. Об этом говорят полемика Ленина с Троцким в 1915 г., полемика товарища Сталина на VI с'езде партии с Преображенским, уже тогда отрицавшим возможность социалистического переустройства нашей страны до победы пролетарской революции на Западе, попытки Троцкого в 1922 г. в предисловии к книге «1905 г.» и к «Программе мира» протащить идеи перманентной революции и отрицания возможности построения социализма в одной стране.

Товарищ Сталин в речи на VII пленуме Исполкома Коминтерна, разобрав детально, шаг за шагом, историю ленинского учения о возможности победы социализма в одной стране и историю борьбы троцкистско-зиновьевской группы против этой теории, говорил: «Вы видите, таким образом, что вопрос о строительстве социализма в одной стране был выдвинут в нашей партии еще в 1915 году, выдвинут он был лично Лениным, с которым спорил по этому вопросу не кто иной, как Троцкий, обвиняя Ленина в «национальной ограниченности».

Вы видите, что с тех пор этот вопрос не сходил с порядка дня работы нашей партии вплоть до смерти тов. Ленина.

Вы видите, что этот вопрос несколько раз возбуждался в той или иной форме Троцким в виде скрытой, но совершенно определенной полемики с тов. Лениным, причем каждый раз трактовался этот вопрос у Троцкого не в духе Ленина и ленинизма, а против Ленина и ленинизма.

Вы видите, что Троцкий говорит прямую неправду, уверяя, что вопрос о строительстве социализма в одной стране не выдвигался никем до 1925 года».

В. Руберт утверждает, что «уже на XIV партконференции в апреле 1925 г. теория о возможности построения социализма в одной стране легла в основу всей политики партии, стала общепартийной директивой» (стр. 90).

Теория возможности построения социализма в одной стране лежала в основе нашей стратегии, в основе нашей политики и тогда, когда партия вела рабочий класс на взятие власти в октябре 1917 г., и в годы гражданской войны, и в 1921—1923 гг., когда партия после гражданской войны приступила к хозяйственному строительству, повела рабочий класс на восстановление разрушенного войной и интервенцией народного хозяйства.

Совершенно бесспорно, что вопрос о возможности построения социализма в одной стране приобрел исключительное значение, когда партия и рабочий класс ликвидировали хозяйственную разруху, восстановили промышленность и вступили в полосу перестройки всего хозяйства на новой технической основе.

«Строим ли мы для того, чтобы унавозить почву для буржуазной демократии, или для того, чтобы построить социалистическое общество, — в этом теперь корень нашей строительной работы», — указывал товарищ Сталин на VII пленуме Исполкома Коминтерна.

Из всей концепции В. Руберт вытекает, что только в 1924—1925 гг. был впервые поставлен вопрос о победе социализма в одной стране и что только с этого времени теория о возможности построения социализма в одной стране легла в основу всей политики партии. При этом надо еще раз подчеркнуть, что во всей статье ни слова нет о том, что эта теория Лениным была выдвинута в 1915 г. и что партия всегда с тех пор стояла на этих позициях.

Тот факт, что на XIV партконференции впервые вопрос о победе социализма в одной стране был записан в официальные решения партии, В. Руберт и И. Макарьев выдают за то, что будто бы вообще впервые в партии на XIV конференции был поставлен вопрос о возможности победы социализма в одной стране.

Четырнадцатая партконференция, давая официальное партийное выражение вопроса о возможности построения социализма в одной стране, в своих решениях целиком и полностью исходила из программных положений Ленина. Товарищ Сталин на VII пленуме ИККИ говорил, что «резолюция XIV конференции является точным изложением основных положений ленинизма в вопросе о возможности строительства социализма в нашей стране... Исходным пунктом решений нашей партии по вопросу о возможности строительства социализма в нашей стране являются известные программные труды тов. Ленина» [1].

Тот факт, что XIV партконференция впервые записала официально в решениях партии основные положения ленинизма в вопросе о строительстве социализма в одной стране, никоим образом не дает оснований говорить, что только с XIV партконференции теория о возможности построения социализма в одной стране легла в основу политики партии и стала общепартийной директивой.

Приведем еще только одно положение В. Руберт:

«Оппозиция, далее, пыталась дезориентировать партию в этом важнейшем вопросе, указывая на то, что у Ленина в его работах встречается ряд

[1] Стенографический отчет VII пленума ИККИ. Т. II, стр. 323 — 327.

указаний на невозможность построения социализма в одной стране... Ссылки оппозиции на Ленина являются покушением с негодными средствами, ибо в приводимых высказываниях речь шла об окончательной победе социализма, в смысле полной гарантии от интервенции, а не о возможности построения социализма, исходя из невозможности преодоления внутренних противоречий» (стр. 92—93).

Допустим, что «в приводимых высказываниях речь шла об окончательной победе социализма» (хотя известно, что оппозиция просто-напросто жульнически фальсифицировала взгляды Ленина). Ну, а в тех положениях Ленина, которые оппозиция не приводила, в них-то ведь (так же, как и в приводимых, хотя и искаженно, оппозицией положениях) прямо доказывается Лениным возможность победы социализма в одной стране!

Почему же об этом вы, автор и редактор, молчите?

Статья В. Руберт, несмотря на отдельные правильные положения, в целом допускает вреднейшую путаницу по вопросу о ленинской теории возможности победы социализма в одной стране, замалчивая, что этот вопрос был выдвинут в нашей партии Лениным еще в 1915 г. Эта идейная путаница идет по линии взглядов, которые защищала троцкистско-зиновьевская оппозиция.

Вся статья В. Руберт написана поверхностно. Чего стоит, например, такое признание самого автора, берущегося писать о книге товарища Сталина «Об основах ленинизма»:

«В статье совершенно не нашла отражения теоретическая разработка товарищем Сталиным таких проблем, как проблема диктатуры пролетариата и новые формы классовой борьбы в переходном периоде, национально-колониальный вопрос, учение о партии».

Помещение статьи В. Руберт в таком виде, как она есть, является серьезной политической ошибкой журнала «Поволжье» и его ответственного редактора тов. И. Макарьева.

П. Юдин

Уполномоченный Главлита № В — 102123.
Тираж 450 000 экз.
В 1 п. л. 63 000 зн. 3 бум. листа.
Изд. № 1188.

Редакция: А. Стецкий (редактор), В. Кнорин, П. Поспелов, Б. Таль

Материал сдан в набор 25/XII-34 г., подписан к печати 29/XII-34 г. Заказ 666.

Типография газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 8.

СПИСОК КНИГ,
ПОСТУПИВШИХ НА ОТЗЫВ В РЕДАКЦИЮ „БОЛЬШЕВИКА“

ИМЭЛ — ПАРТИЗДАТ

1. **ЛЕНИН. Избранные произведения.** 1934. Т. VI. 1934. 334 стр.

2. **КАРЛ МАРКС. Даты жизни и деятельности (1818—1883).** Под ред. тов. Адоратского. 1934. 442 стр. 5 р. 50 к. в перепл.

3. **Протоколы Первого с'езда РКСМ.** 1934. 126 стр. 2 р. 25 к. в перепл.

ПАРТИЗДАТ

1. **МОЛОТОВ, В. М. Об отмене карточной системы по хлебу.** Доклад на пленуме ЦК ВКП(б) 25 ноября 1934 г. 31 стр. 20 к.

2. **Резолюции пленума Центрального Комитета ВКП(б)** 25—28 ноября 1934 г. 15 стр. 10 к.

3. **О фашистской диктатуре в Германии.** Коммунистический интернационал в документах. 1934. 245 стр. 1 р. 75 к.

4. **БЛАГОЕВА, С. Георгий Димитров.** Очерк жизни и борьбы пролетарского революционера. 1934. 102 стр. 1 р. 20 к. в перепл.

5. **КАРПИНСКИЙ, В. Беседы о ленинизме.** Изд. 3-е. 1934. 411 стр. 2 р. 25 к. в перепл.

СОЦЭКГИЗ

1. **КАБО, Р., Очерки истории и экономики Тувы.** 1934. Часть 1-я. 202 стр. 3 р. 75 к. в перепл.

2. **СЕРЕБРЯННИКОВ, Г. Н. Женский труд в СССР.** 1934. 240 стр. 3 р.

3. **СПИНОЗА, БЕНЕДИКТ. Трактат об усовершенствовании разума.** 1934. 154 стр. 2 р. 35 к. в перепл.

4. **КАНТ, ИММАНУИЛ. Пролегомены.** 1934. 378 стр. 4 р. 75 к. в перепл.

5. **КЛАРК, Дж. Б. Распределение богатства.** Перевод с английского. 1934. 299 стр. 5 р. в перепл.

6. **ВИОЛИС, АНДРЕ. Япония и ее империя.** Перевод с французского. 1934. 148 стр. 1р. 75 к.

7. **«Тихий океан».** Политико-социально-экономический журнал № 1. Институт мирового хозяйства и мировой политики. 1934. 218 стр. 4 р.

ВОЕНГИЗ

1. **ДЕ-ЛАЗАРИ, А. Атлас «Мировая империалистическая война 1914—1918 гг.» в схемах с пояснительным текстом.** 1934.

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ПОЛИТКАТОРЖАН

1. **БАКУНИН, М. А. Собрание сочинений и писем.** Т. II. 503 стр. 10 руб. в перепл.

2. **ЛАВРОВ, П. Л. Избранные сочинения на социально-политические темы.** 1934. Т. II. 430 стр. 8 руб. в перепл. Т. III. 417 стр. 8 руб. в перепл.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АНТИРЕЛИГИОЗНОЕ ИЗД-ВО

1. **ГОЛЬБАХ, ПОЛЬ АНРИ ДИТРИХ. Избранные антирелигиозные произведения.** Т. I. 658 стр. 8 р. в перепл.

САРАТОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗД-ВО

1. **ФОКЕЕВ, Б. И. КРАУС, Э. Д. и другие.** Техника крекинга системы Винклер-Кох. 1934. 137 стр. 3 р. 60 к. в перепл.

ОНТИ

1. **ГЕРЧИКОВ, С. С.,** проф. **Основы организации производства в каменноугольной промышленности.** 1934. 507 стр. 7 р. 60 к. в перепл.

АКАДЕМИЯ

1. **РЫЛЕЕВ, К. Ф. Полное собрание сочинений.** 1934. 908 стр. 15 р. в перепл.

ГИХЛ

1. **ПРИШВИН, М. Колобок.** 1934. 262 стр. 3 р. 75 к. в перепл.

ГОСЛИТИЗДАТ

1. **ПУШКИН, А. С. Том четвертый.** 2-е изд. 1934. 813 стр. 5 р. в перепл.

2. **ПУЩИН, И. И. Записки о Пушкине.** Статья и редакция С. Я. Штрайха. 1934. 258 стр. 2 р. 75 к.

3. **ЧЕХОВ, А. Избранные произведения.** 2-е изд. 1934. 540 стр. 2 р. в перепл.

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБ'ЕДИНЕНИЕ

1. **ЖИЖКА, М. Радищев.** 202 стр. 2 р. в перепл.

2. **ВЛАДИМИРОВ, В. Н. Франклин.** 1934. 218 стр. 3 р.

3. **ВОЛЬСКИЙ, СТ. Кромвель.** 1934. 303 стр. 3 р. в перепл.

4. **СУХОТИН, П. Бальзак.** 1934. 366 стр. 3 р. 50 к.

Цена 40 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1935 год

НА ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

„БОЛЬШЕВИК"

В целях обеспечения систематического получения „БОЛЬШЕВИКА" с 1 января 1935 г. необходимо возобновить подписку заблаговременно — НЕ ПОЗЖЕ 5 ЯНВАРЯ

По выходе из печати „БОЛЬШЕВИК" в первую очередь доставляется подписчикам.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1935 г.:

на 3 мес. — 2 р. 40 к.
на 6 мес. — 4 р. 80 к.
на 12 мес. — 9 р. 60 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ во всех почтовых отделениях, организаторами подписки „Союзпечати" на предприятиях и уполномоченными по партпечати в партгруппах.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

№ 24 31 декабря № 24

МОСКВА
Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“
1934

СПИСОК КНИГ,
ПОСТУПИВШИХ НА ОТЗЫВ В РЕДАКЦИЮ „БОЛЬШЕВИКА“

ИМЭЛ. ПАРТИЗДАТ

1. **МАРКС, К. и ЭНГЕЛЬС, Ф. Сочинения.** Т. XXV. 1934. 502 стр.

2. **МАРКС, К. и ЭНГЕЛЬС, Ф. Три статьи против анархизма.** Коммунистический Интернационал в документах. 1934. 40 стр. 25 к.

3. **Коминтерн и трудящаяся женщина.** Коммунистический Интернационал в документах. 1934. 70 стр. 55 к.

ПАРТИЗДАТ

1. **КАГАНОВИЧ, Л. М. Итоги ноябрьского пленума ЦК ВКП(б).** Доклад на активе московской городской партийной организации 15 декабря 1934 г. 24 стр. 15 к.

2. **ЖДАНОВ, А. А. Об итогах ноябрьского пленума ЦК ВКП(б).** Доклад на активе ленинградской городской парторганизации 15 декабря 1934 г. 23 стр. 15 к.

СОЦЭКГИЗ

1. **КЕМАЛЬ МУСТАФА. Путь новой Турции.** Т. III. 1934. 460 стр. 10 р.

ВОЕНГИЗ

1. **КЛАУЗЕВИЦ. О войне.** Перевод с немецкого. 1934. 689 стр. 9 р.

2. **ПЮЖАН. Германские кавалерийские корпуса в сражении на Марне.** Перевод с французского. С предисловием С. М. Буденного. 1934. 194 стр. 3 р. 75 к.

СЕЛЬХОЗГИЗ

1. **Сельскохозяйственная наука в СССР.** Сборник статей. Под общей редакцией А. С. Бондаренко. 1934. 446 стр. 7 р. 50 к. в перепл.

АКАДЕМИЯ

1. **КУРОЧКИН, В. С. Собрание стихотворений.** 1934. 548 стр. 9 р. в перепл.

2. **ЖИХАРЕВ, С. П. Записки современника.** Т. II. 1934. 609 стр. 9 р. в перепл.

3. **БАТЮШКОВ, К. Н. Сочинения.** 1934. 743 стр. 14 р. в перепл.

4. **СТРЕПЕТОВА, П. А. Воспоминания и письма.** 1934. 589 стр. 7 р. 50 к. в перепл.

5. **ПАНТЕЛЕЕВ, Л. Ф. Из воспоминаний прошлого.** 1934. 795 стр. 12 р. в перепл.

6. **БАКУШИНСКИЙ, А. В. Искусство Палеха.** 1934. 262 стр. 40 р. в перепл.

7. **ЭККЕРМАН, ИОГАНН ПЕТЕР. Разговоры с Гете.** 1934. 962 стр. 18 р. в перепл.

8. **Заговор Катилины.** 1934. 475 стр. 7 р. 50 к. в перепл.

9. **ТОБАЙЕС, СМОЛЕТ. Приключения Перегрина Пикля.** Т. I. 1934. 667 стр. 9 р. в перепл.

10. **ПАЙЕН ИЗ МЕЗЬЕРА. Мул без узды.** 1934. 92 стр. 4 р. в перепл.

ГОСЛИТИЗДАТ

1. **ПУШКИН, А. С. Избранные стихотворения и поэмы.** 2-е изд. 1934. 176 стр. 2 р. 75 к. в перепл.

2. **НЕКРАСОВ, Н. А. Полное собрание стихотворений.** 8-е исправленное изд. 1934. 606 стр. 8 р. в перепл.

3. **ЩЕДРИН, Н.** (Салтыков, М. Е.). **Сатира в прозе.** 1934. 490 стр. 7 р. в. перепл.

4. **ШТОРМ, Г.** Труды и дни Михаила Ломоносова. 1934. 308 стр. 4 р. 85 к.

5. **Первый Всесоюзный с'езд советских писателей.** Стенографический отчет. 1934. 718 стр. 12 р. в перепл.

6. **ГАШЕК, ЯРОСЛАВ. Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны.** 1934. 689 стр. 10 р. 50 к. в перепл.

7. **Гейне, Генрих. Германия — зимняя сказка.** Перевод Юрия Тынянова. 2-е дополненное изд. 1934. 225 стр. 4 р. 75 к. в перепл.

8. **Американская новелла XX века.** Сборник. 1934. 371 стр. 5 р. в перепл.

9. **СЕНДЕР РАМОН Х. Семь красных воскресений.** Перевод с испанского. 1934. 293 стр. 4 р. 50 к. в перепл.

10. **КОССОНЕН, ЛЮДВИГ. Знаменный марш.** Перевод с финского. 1934. 208 стр. 1 р. 80 к.

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1. **ЭРЕНБУРГ, ИЛЬЯ. Затянувшаяся развязка.** 1934. 285 стр. 5 р. 75 к. в перепл.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

Политико-экономический ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

XI ГОД ИЗДАНИЯ

Адрес редакции: Москва, ул. Горького, 48. Тел. 1-21-16. Кремль 3-90

№ 24 31 ДЕКАБРЯ 1934 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗА НОВЫЙ ПОД'ЕМ КОЛХОЗОВ!

К VII Всесоюзному с'езду советов сельское хозяйство нашей страны приходит с громадными достижениями. Под могучим воздействием социалистической индустрии и организующей силы партии пролетариата «капиталистическое хозяйство в СССР уже ликвидировано, а единолично-крестьянский сектор в деревне оттеснен на второстепенные позиции» (Сталин). Социалистический уклад безраздельно господствует не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Итоги сельскохозяйственного года говорят о том, что колхозы одержали новую огромную победу и прочно стали на ноги. Преимущества крупного социалистического сельского хозяйства, преимущества колхозного строя еще раз были продемонстрированы перед всем миром. Несмотря на стихийные бедствия (засуху в отдельных областях), нам удалось собрать самый обильный за все годы революции урожай. Беспощадно разоблачая классовых врагов, всемерно укрепляя трудовую дисциплину, выполняя свои обязательства перед государством, колхозное крестьянство твердо и уверенно идет по пути зажиточной, культурной жизни.

Одной из ярких страниц в истории нашей партии является борьба с теми недостатками в нашей работе на селе, которые были вскрыты товарищем Сталиным на январском пленуме ЦК, — борьба за социалистическое содержание колхозов.

И здесь, на этом чрезвычайно трудном участке строительства социализма, партия в результате упорной работы за эти два года одержала великую победу. Завершается выдающийся этап в работе всей партии по укреплению колхозов, по созданию прочной основы партийной организации на селе,

сплочению колхозного актива и по коренному улучшению всего руководства сельским хозяйством.

Колхозы являются социалистической формой хозяйственной организации. Но этим отнюдь еще не обеспечивается автоматически социалистическое содержание их работы в интересах пролетарского государства И советы, являясь социалистической формой политической организации, представляя величайшее революционное завоевание, не всегда и не на всех этапах революции действовали в интересах революции: так, в июле 1917 г., когда советами руководили меньшевики и эсеры, советы прикрывали контрреволюцию. Все дело в содержании работы советов и прежде всего в том, кто непосредственно руководит советами: революционеры или контрреволюционеры. Поставив с исключительной силой и глубиной эту важнейшую проблему колхозного строительства, товарищ Сталин доказал, что колхозы, хотя они являются социалистической формой хозяйственной организации, не только не гарантированы от их использования при известных условиях против революции, но как массовая организация «представляют даже на первое время некоторые удобства для временного использования их контр-революционерами».

Отсюда следовал тот боевой вывод, который стал ведущим во всей работе и деятельности политотделов МТС и совхозов: «Дело не только в самих колхозах, как социалистической форме организации, но прежде всего в том, какое содержание вливается в эту форму, — дело прежде всего в том, кто стоит во главе колхозов и кто руководит ими» (И. Сталин «О работе в деревне»).

Разрешая вопрос о создании политотделов МТС и совхозов, Центральный Комитет этим, казалось бы, чисто организационным вопросом фактически ставил все коренные вопросы колхозного строительства.

Политотделы должны были трезво подойти к каждому колхозу, без тех розовых очков и небольшевистской идеализации, которые мешали некоторым сельским коммунистам, ряду районных и областных (краевых) работников разглядеть и вскрыть несоответствие между социалистической формой и фактическим существом работы многих и многих колхозов. Январский пленум ЦК предупреждал политотделы, сельских партийцев и комсомольцев против легковерного увлечения внешним, показным единством таких колхозов, которые изнутри подтачивались антисоветскими и антиколхозными элементами. «Нам нужно не всякое единство. Нам нужно такое единство в колхозе или совхозе, которое обеспечивает руководство и главенство большевистского ядра, поддерживаемого беспартийным активом. А такого единства невозможно добиться без серьезной борьбы за изгнание антиобщественных и антиколхозных элементов из колхозов и совхозов» (из резолюции январского об'единенного пленума ЦК и ЦКК).

И в результате работы всей партии, в результате большевистской борьбы политотделов за социалистическое содержание колхозов лицо колхозной деревни за эти два года резко изменилось.

При помощи политотделов разоблачено и изгнано из колхозов и совхозов большинство тех антисоветских и антиколхозных, саботажнических и вредительских элементов, кулаков и подкулачников, которые проникли в колхозы и совхозы для того, чтобы изнутри раз'едать и разлагать их «тихой сапой». Повысились революционная бдительность и большевистская боевитость колхозных партийных организаций, сельских партийцев и комсомольцев. Перестроенные по производственному принципу, первичные колхозные партийные организации значительно окрепли и вошли в гущу колхозного производства. Выдвинутый товарищем Сталиным лозунг о превращении колхозов в большевистские и колхозников в зажиточных глубоко проник в сознание десятков миллионов колхозников и колхозниц и стал практической боевой программой мобилизации широких масс на укрепле-

ние колхозов, на общий дальнейший под'ем сельского хозяйства. Коренной вопрос, поставленный в январе 1933 г. товарищем Сталиным, о колхозной форме и о конкретном содержании каждого колхоза стал в руках партии могучим оружием для сплочения внутри колхозов всех честных и преданных партии и советской власти колхозников, для перевоспитания отсталых и колеблющихся, для отсечения антисоветских элементов, ведущих явную или скрытую под маской «нейтральности» борьбу против закрепления колхозного строя.

Разумеется, нельзя еще сказать, что колхозы стали полностью, на 100%, социалистическими. В колхозах все еще имеется много недостатков (и притом достаточно серьезных). В части колхозов не сломлена еще окончательно подрывная, вредительская работа пролезших в них кулацких элементов; это достаточно ясно показал ход хлебозаготовок 1934 года. В ряде восточных районов классово враждебные элементы «ввиду политической близорукости и попустительства деревенских коммунистов и даже отдельных работников районов и политотделов» сумели активизироваться, срывая работу комбайнов, молотилок, затягивая уборку и обмолот хлеба. Все это требует неослабной бдительности, систематического разоблачения классового врага и его влияния. Но несмотря на все это бесспорно, что подавляющее большинство колхозов не только по форме, но в основном и по своему содержанию являются уже устойчивыми социалистическими хозяйствами.

Политотделы МТС по своему существу являлись рычагом оздоровления и поднятия производственной жизни колхозов. Ряд других важнейших рычагов пролетарского воздействия на деревню — советско-административный, культурный — впредь должны в несравненно большей мере чем до сих пор влиять на дальнейшее закрепление колхозного строя. Все приводные ремни от партии и правительства к колхозным массам должны быть полностью переключены на выполнение этой задачи. Поэтому нет необходимости в дальнейшем параллельном существовании политотделов, ведущих в колхозах производственную и политическую работу, и райкомов, отвечающих за советскую, культурную и другие отрасли работы.

Подытожив все это, ноябрьский пленум ЦК пришел к выводу о необходимости преобразовать политотделы МТС в обычные партийные органы, для чего слить их с районными комитетами партии.

Кое-кто может из этого решения пленума сделать вывод, что преобразование политотделов в обычные партийные органы означает ослабление классовой борьбы в деревне или является показателем спада напряженности в нашей работе по закреплению и дальнейшему под'ему колхозного производства.

Такой вывод был бы глубоко ошибочным. Острота классовой борьбы требует не ослабления организационной и всей работы партии на селе, а еще большего повышения революционной бдительности. Усложнившаяся обстановка и повысившиеся запросы колхозов требуют дальнейшего улучшения качества политического и организационного руководства. Именно этой потребности дальнейшего приближения партийного и советского руководства к МТС, колхозу — к производству — и отвечают решения ЦК о разукрупнении больших районов и краев, о введении в больших сельскохозяйственных районах второго секретаря райкома и о создании сельскохозяйственных отделов в аппарате райкомов. Для политического обеспечения успешности хозяйственных мероприятий машино-тракторных станций пленум ЦК постановил учредить в каждой МТС должность заместителя директора МТС по политической части, подчиненного одновременно районному комитету партии. Все эти организационные мероприятия завершают

районирование, начатое еще при ликвидации округов, и должны обеспечить дальнейшее улучшение руководства сельским хозяйством.

Из имеющихся по Союзу 2535 районов: без МТС — 629, с 1 МТС — 1009, с 2 МТС — 515, с 3 МТС — 214, с 4 МТС — 89, с 5 МТС — 38, с 6 и более — 41.

Разумеется, трудно обеспечить конкретное и оперативное руководство в районе, где существует 4—5—6 МТС, сотня и больше колхозов, 150—200 тыс. га посевов и т. п. Между тем таких районов, которые лишь немногим меньше прежних округов, у нас и по сию пору немало.

Для примера можно привести Сорочинский район, Средневолжского края, в котором имеется более 129 тыс. населения, 10 МТС, более 318 тыс. га посевов, 574 трактора, 179 колхозов и 8 совхозов. Подобные районы для повышения конкретности и оперативности руководства необходимо разделить на 2—3 района, создав в каждом из них прочный и устойчивый кадр политических, советских и хозяйственных работников. Намеченное пленумом ЦК разукрупнение районов даст 700—800 новых районов по Союзу. Такое же значение имеют и решения ЦК, принятые уже после пленума, о разукрупнении ряда краев и областей (Западносибирский, Горьковский, Средневолжский края).

Необходимым условием укрепления райкомов и недопущения снижения достигнутого уровня политической и хозяйственной работы является закрепление на партийной работе в деревне тех кадров, которые были отобраны партией для политотделов. Необходимо решительно бороться с попытками разбазарить эти кадры. Для этого необходимо вдумчиво подойти к каждому работнику политотдела, наиболее правильно его использовать.

Для обеспечения устойчивости основных политических кадров, работающих на селе, пленум ЦК принял важнейшее решение о том, что секретарь райкома и заместитель директора МТС по политической части утверждаются и смещаются только по постановлению ЦК.

Незачем доказывать, что преобразование политотделов и слияние их с нормальными партийными органами требуют не только от райкомов, но и от вышестоящих партийных организаций: обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий, от всех их отделов и в первую очередь от отдела руководящих парторганов — дальнейшего повышения конкретности и оперативности в работе.

Прежде всего необходимо безоговорочно покончить с практикой руководства на основе «средних цифр» и «средних показателей». Эта система является одним из наиболее вредных выражений бумажного и канцелярского руководства. Обкомы и крайкомы не могут ограничиваться средними областными и краевыми итогами, скажем, по ремонту тракторов, засыпке семян, подготовке кадров и т. п. Они обязаны знать, как обстоит дело в каждом районе и прежде всего почему, по каким причинам те или иные районы отстают или плетутся в хвосте. Если своевременно проявить бдительность и вскрыть причины отставания района по тому или другому отдельному заданию, — можно предупредить более серьезные трудности и неожиданности в этом районе. Отсюда прямой вывод: наиболее напряженное и пристальное внимание уделить наиболее отстающим районам, принять меры к их своевременному укреплению и подтягиванию к уровню передовых. Это правило должно быть с особой настойчивостью привито районным партийным и советским руководителям для культивирования конкретного делового подхода к каждому колхозу, к его нуждам и запросам. Нужно покончить с такой практикой, когда в районе есть «заброшенные» колхозы, которые чаще всего и преподносят районному руководству всяческие неожиданности.

Не менее остро встает задача организации серьезной политической работы в тех селах, где низок процент коллективизации или нет ее системати-

ческого роста. Разумеется, нет никакой нужды гнаться за немедленным вовлечением всех единоличников в колхозы. Коллективизация — это дело добровольное. Но совершенно нетерпимо такое положение, когда единоличник выпадает из поля зрения районных организаций и когда единоличные села превращаются в какую-то «неведомую землю».

Решение XVII с'езда партии об обеспечении во второй пятилетке «полного завершения коллективизации» требует систематической и напряженной политической и организационной работы среди единоличников. Надежда на самотек в отношении их вовлечения в колхозы — грубая политическая ошибка и явное забвение классовой борьбы.

Повышение темпов коллективизации также требует разоблачения классового врага, восстанавливающего единоличника против колхоза, требует большевистской активной политической и организационной работы среди бедняков и середняков, требует не сплошного, а диференцированного подхода к разным прослойкам единоличного сектора. Повышение темпов коллективизации требует укрепления отстающих колхозов, требует разоблачения классового врага, еще не изгнанного из ряда колхозов, его изгнания, требует сплочения лучших, наиболее стойких колхозников.

Между тем немало районных руководителей считают своей особой заслугой то, что они бросили помышлять об единоличном секторе, хотя в их районе имеется еще 15—20, а иногда и больше процентов единоличных хозяйств. В этой «забывчивости» нет ни грана большевизма. Только в результате недопустимого извращения политики партии единоличник получает возможность ускользать от целого ряда законных повинностей и платежей, а районные и сельские организации вместо борьбы за обязательное выполнение этих заданий нередко перекладывают их на колхозников. Такой практике должен быть положен решительный конец. Единоличник должен выполнять полностью все свои обязательства перед государством. В то же время неправильно создавать, как это еще бывает, формальные затруднения для вступления честных единоличников в колхозы. Работа районных партийных организаций будет расцениваться не только по состоянию колхозов, но и по обеспечению ими систематического роста коллективизации.

Дальнейшее укрепление колхозов требует решительного улучшения финансового хозяйства. Колхоз как социалистическое предприятие должен получить устойчивую финансовую базу. Между тем нередки случаи, когда заготовительные государственные и кооперативные организации на многие месяцы затягивают расчеты с колхозами за полученную от них сельскохозяйственную продукцию. Нередко банковские организации крайне легко подходят к колхозным счетам, списывая отдельные суммы без разрешения и даже без запроса правления колхоза. Пленум ЦК поручил Политбюро разработать мероприятия, обеспечивающие упорядочение финансового хозяйства колхозов. По предложению товарища Сталина ЦК принял важнейшее постановление о списании с колхозов всей задолженности, числящейся за ними до 1 января 1933 г. Эта задолженность достигает по Союзу 435,6 миллионов рублей. Возникла она в подавляющей части в организационный период колхозного строительства. Предоставление колхозам этой громадной льготы укрепит их финансовое хозяйство и значительно повысит денежные доходы колхозников.

Июньский пленум ЦК рассмотрел все основные вопросы поднятия животноводства. Постановление июньского пленума обязало областные и краевые партийные организации разработать конкретные мероприятия на 1935 г. по каждому виду скота в отдельности. Доклады местных партийных организаций и легли в основу того общего плана развития животноводства на 1935 г., который был рассмотрен ноябрьским пленумом ЦК. Основное место в постановлении пленума занимают практические мероприятия по сохранению молодняка. Между тем многочисленные сведения, поступающие с

мест (Западная область, Сталинградский край и др.), сигнализируют неудовлетворительную подготовку многих колхозов, колхозно-товарных ферм и совхозов к зиме, отсутствие или недостаток теплых и утепленных стойловых помещений, неудовлетворительное использование кормовых ресурсов и все еще недостаточное внимание к сохранению приплода.

Пленум поручил Политбюро разработать новый примерный устав сельскохозяйственной артели, поскольку ныне действующий устав во многом уже устарел и не отвечает насущным задачам дальнейшего укрепления колхозного строя.

Все эти постановления пленума ЦК ВКП(б) пронизаны единой, целеустремленной задачей: добиться «дальнейшего укрепления колхозов и выполнения лозунга партии — сделать колхозы большевистскими, а колхозников — зажиточными».

На практическом осуществлении решений пленума при проведении таких важнейших работ, как правильное распределение доходов, своевременная засыпка высококачественных семенных фондов, ремонт инвентаря, обеспечение теплого помещения и сытного корма для скота и особенно для молодняка, райкомы должны вновь и вновь **проверить в каждом колхозе боевитость и бдительность колхозной парторганизации и беспартийного колхозного актива.**

Районные комитеты партии должны немедленно взять под самое пристальное наблюдение работу машино-тракторных станций и мастерских по ремонту тракторов, комбайнов, сельскохозяйственных машин, по подготовке кадров комбайнеров, трактористов, механиков и т. д. Громадная техническая база нашего социалистического земледелия — колхозов и совхозов — с особенной остротой ставит вопрос о правильном использовании людей, уже овладевших этой техникой. Ежегодно наши МТС и совхозы подготовляют сотни тысяч людей, но еще не сумели создать необходимые условия для закрепления этих кадров, для их бережного выращивания, воспитания, для повышения их квалификации. Указание товарища **Сталина** в беседе с металлургами о том, что «главное теперь — **в людях, овладевших техникой**», имеет огромное значение для сельского хозяйства.

Политическая раз'яснительная работа в колхозных массах, поднятая политотделами на значительную высоту, не только не должна быть ослаблена, но, напротив, всемерно развернута и усилена. Лозунг бдительности, боевая задача распознавания и разоблачения притаившегося классового врага настоятельно требуют большей глубины, большей конкретности от нашей политической работы в массах. Настоящая массовая работа не может ограничиваться только общим собранием, митингом, массовкой, а требует терпеливой беседы с каждым — **лицом к лицу**. Чтобы сельские коммунисты могли поднять политическую работу в массах на этот новый уровень, райкомы должны вплотную поставить задачу улучшения **внутрипартийной** работы в низовой сельской парторганизации.

Парторганизации сельских районов, в которые включены превосходные большевистские кадры, работавшие в политотделах МТС, должны полностью использовать зимние месяцы для того, чтобы намеченная пленумом перестройка повысила качество нашего руководства сельским хозяйством, чтобы решения ноябрьского пленума ЦК по укреплению колхозного строя, громадные льготы, предусмотренные для колхозников, стали исходным пунктом **для нового, еще более мощного и быстрого под'ема колхозов в 1935 году.**

ОТ ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА К ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ И БЕСПОВОРОТНОЙ ПОБЕДЕ КОЛХОЗНОГО СТРОЯ*

К ПЯТИЛЕТИЮ ВЫСТУПЛЕНИЯ ТОВАРИЩА СТАЛИНА НА КОНФЕРЕНЦИИ АГРАРНИКОВ-МАРКСИСТОВ

А. Никаноров

В колхозе обобществлены основные средства производства, в колхозе нет класса, монополизирующего средства производства, и класса, лишенного этих средств производства, а так как тип хозяйства определяется общественными отношениями людей в процессе производства, то совершенно бесспорно, что колхоз представляет собой социалистическую форму хозяйства. Но эта социалистическая форма хозяйства не исключает элементов классовой борьбы в колхозах, говорит товарищ Сталин, хотя классовая борьба уже происходит на базе колхозов, на базе разгрома кулачества и отсутствия у кулачества средств производства. В колхозах классовая борьба происходит вокруг вопросов, связанных с индивидуалистическими и кулацкими пережитками, с попытками использовать некоторое неравенство внутри колхозов. И товарищ Сталин предупреждал:

«Было бы ошибочно думать, что ежели даны колхозы, то дано все необходимое для построения социализма. Тем более ошибочно было бы думать, что члены колхозов уже превратились в социалистов. Нет, придется еще много поработать над тем, чтобы переделать крестьянина-колхозника, выправить его индивидуалистическую психологию и сделать из него настоящего труженика социалистического общества. И это будет сделано тем скорее, чем скорее будут колхозы машинизированы, чем скорее они будут тракторизированы» [1].

Много еще придется поработать, но путь, направление указаны партией: это путь подведения мощной технической базы под колхозы Следовательно, с точки зрения типа хозяйства колхозы, даже организованные на основе сложения простых крестьянских средств производства, являются хозяйствами социалистического типа. Причем колхозы как крупное хозяйство «представляют основную базу для применения машин и тракторов в земледелии... составляют основную базу для переделки крестьянина, для переработки его психологии в духе пролетарского социализма» [2].

В целях подведения под колхозы мощной технической базы партия за годы первой пятилетки провела ряд мероприятий: завоз десятков тысяч тракторов из заграницы, а затем, с созданием собственной тракторной промышленности, производство тракторов и других сельскохозяйственных машин и снабжение ими деревни в массовом масштабе через организуемые МТС. Сеть МТС, созданная по предложению товарища Сталина, явилась мощным рычагом социалистической переделки сельского хозяйства и его технического перевооружения.

История нашего колхозного строя целиком подтвердила прогноз товарища Сталина. Мы уже к концу первой пятилетки имели десятки тысяч колхозов, которые представляли собой крепкие хозяйства, где развитие социалистических производственных отношений достигло большого успеха.

---

* Окончание. См. начало в № 23 «Большевика».

[1] Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 455—456. 9-е изд.

[2] Там же.

Но одновременно с этим еще недавняя история ряда колхозов в некоторых зерновых районах нашего Союза показала, что кулак, который разбит в открытой борьбе, не отказался от борьбы против социализма и сделал попытку использовать колхозы в борьбе против социализма. Попытка классовых врагов использовать колхозную форму производства в своих интересах в ряде мест Союза удалась. Им удалось вовлечь в борьбу против партии и против государства даже некоторых «коммунистов».

Но классовый враг был бит. Его маневр, имевший целью развалить колхозы изнутри, был разоблачен товарищем Сталиным (см. выступление товарища Сталина на январском пленуме). Мы привели предупреждение товарища Сталина о том, что «ошибочно было бы думать, что члены колхозов уже превратились в социалистов». Ровно через два года это предупреждение товарища Сталина получило особую силу, так как некоторые коммунисты в своей практической работе допустили крупнейшие ошибки, которые вытекали из переоценки колхозов как социалистической формы производства. Эти ошибки привели к тому, что в ряде районов нашего Союза партийные организации и отдельные коммунисты ослабили свою бдительность и вместо активной борьбы за социалистическое содержание колхозов допустили использование врагами рабочего класса и крестьянства многих колхозов в своих, классовых интересах.

Но классовый враг, его новая тактика использования колхозов против диктатуры пролетариата, его новая тактика, имевшая целью «тихой сапой» взрывать колхозы, была разоблачена. Партия и весь рабочий класс извлекли величайший урок из тех недостатков работы в деревне, которые были вскрыты товарищем Сталиным в его выступлении на январском пленуме ЦК 1933 г.

Проблема соотношения между социалистической формой колхозов и их содержанием получила новое освещение и теоретическое обоснование. Указания товарища Сталина сыграли решающую роль в деле ориентировки, ясности и уверенности в победе всех практических работников социалистического земледелия. Программа борьбы за социалистическое содержание колхозов была намечена со всей четкостью и ясностью.

И здесь, как и в период подготовки великого перелома, в период массовой организации колхозов, основной линией борьбы за социалистическое содержание было — вышибить кулака из колхозов. Лозунг «сделать колхозы большевистскими, а колхозников—зажиточными» и означал прежде всего вышибить врагов социализма из колхозов и поставить у руководства своих, преданных делу колхозного строя, людей.

Борьба за социалистическое содержание колхозов означает укрепление общественной собственности как основы социалистического строя и самую жестокую борьбу против всяческих посягательств на нее. Борьба за социалистическое содержание колхозов означает воспитание у колхозников социалистического отношения к выполнению своих обязательств перед государством как своей первейшей заповеди. Наполнение колхозов социалистическим содержанием означает развитие и укрепление социалистического отношения к труду, развитие социалистического соревнования и ударничества как массового движения, организацию постоянных бригад по производственному принципу, непримиримую борьбу с лодырями как врагами колхозов, решительное устранение кулацкой уравниловки в оплате труда и распределении доходов. Борьба за социалистическое содержание колхозов означает также рост обеспеченности колхозников, полное устранение бедности и бескультурья. Лозунг «сделать колхозы большевистскими и колхозников — зажиточными» явился лозунгом миллионов и миллионов колхозников в их борьбе под руководством рабочего класса, его партии за социалистическое содержание колхозов.

Партия провела ряд важнейших мероприятий для очищения колхозов и укрепления колхозного строя, создав политотделы, послав целую армию лучших, проверенных большевиков в деревню. Партия приняла ряд мер для решительного устранения недостатков в руководстве колхозами со стороны партийных и советских организаций, в частности земельных органов, проведя их перестройку. Партия направила основной удар на усиление и укрепление социалистического существа колхозов. И в результате усиленной работы всей партии над вопросами укрепления колхозного строя, приведения в соответствие социалистической формы колхозного производства с его социалистическим содержанием колхозный строй представляет непобедимую силу.

Чрезвычайно много сделано партией под руководством Сталина в деле укрепления колхозного строя, в деле решения этой наиболее трудной задачи социализма. Но еще очень и очень много нам необходимо сделать, чтобы выполнить указания Сталина о социалистической переделке крестьянина-колхозника, о превращении его в настоящего труженика социалистического общества. Поэтому чрезвычайно важно остановиться на еще нерешенных задачах в этой области.

Победа социалистической индустриализации совершенно изменила лицо нашей страны. Страна покрыта огромными индустриальными предприятиями, крупными, оснащенными передовой техникой совхозами, огромным количеством — 240 тысяч — колхозов.

Социалистическое сельское хозяйство — 240 тыс. колхозов, 3500 МТС, 5 тыс. совхозов — располагает сейчас (данные к моменту ноябрьского Пленума ЦК) 281 тыс. тракторов, 33 тыс. комбайнов, 34 тыс. грузовых машин, 845 тыс. сложных и полусложных молотилок, огромным количеством других сельскохозяйственных машин. Наша собственная социалистическая тракторная и автомобильная промышленность и промышленность сельскохозяйственного машиностроения только за два года — 1933—1934 — снабдили сельское хозяйство машинами на 1280 млн. руб. Такова техническая база нашего социалистического сельского хозяйства.

Наша металлургическая промышленность — становой хребет всего народного хозяйства — приходит с величайшей победой к пятилетию поворота политики партии к ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Выполнение металлургией раньше срока годовой программы в 10 млн. тонн и пятилетие победоносно проводимой политики организации колхозов и совхозов на основе ликвидации кулачества как класса имеют между собой непосредственную связь, ибо социализм мог победить только в результате проведения политики социалистической индустриализации и социалистической переделки деревни. Социалистическая индустриализация — решающая сила социалистической перестройки всего народного хозяйства. Победа колхозного строя — прочная база социалистической индустриализации.

Огромных успехов добилась партия в области социалистического воспитания масс колхозников. Появился совершенно новый тип людей, и не только среди молодежи, но и среди стариков. Фразу «мы стали жить как-то по-новому» сейчас очень часто можно слышать среди колхозников, в прошлом, при помещичье-самодержавном строе, ничего, кроме нужды, издевательства и тягот мелкого хозяйства, не видевших.

Колхозный строй победил на всей территории нашей необ'ятной социалистической родины. Вся наша страна, включая бывшие колонии царской Рос-

сии: Кабардино-Балкарию, Татарию, Чувашию, средне-азиатские республики, Закавказье и т. д.,—зацвела пышными яркими цветами под'ема колхозной жизни.

Колхозный строй привел в движение многомиллионные пласты наиболее угнетенной части населения старой деревни—женщин. Наряду с передовыми колхозниками появились и передовые колхозницы—замечательные люди, герои социалистического колхозного труда. Социалистическое соревнование, ударничество становятся движением миллионов.

Но победы на фронте коллективизации не должны нам помешать видеть наши недостатки. Мы ни на минуту не должны забывать о тех задачах, которые стоят перед нами. Мы не должны забывать о том, что четверть крестьянских хозяйств еще находится вне колхозов. Нельзя забывать, что среди колхозов есть еще такие колхозы, которые не представляют собой крепких социалистических хозяйств, что далеко не все еще колхозы очищены от кулацких недобитков. В результате внедрения в сознание миллионов колхозников понимания первоочередности выполнения обязательств перед государством колхозы в этом году провели хлебосдачу исключительно организованно, выполнив эту первейшую заповедь перед государством. Но вместе с тем в некоторых районах нашего Союза, особенно в восточных районах, наблюдались факты антигосударственных попыток невыполнения отдельными колхозами и колхозниками обязательной хлебосдачи государству. В этих районах были распространены факты сознательной порчи и укрывательства хлеба, поломки машин и т. д.

В настоящее время уже до $^3/_4$ всех бедняцко-середняцких хозяйств об'единены в колхозы, и, таким образом, можно считать, что сплошная коллективизация по Союзу в основном завершена. Но если мы возьмем даже передовые края, области, где процент коллективизации выше чем средний по Союзу, то и там имеются отдельные районы, сельские советы и селения, где процент коллективизации ниже среднего по краю или району и где еще сосредоточено большое количество единоличников. Возьмем, например, Челябинскую область. По области процент коллективизации достигает 70, но есть и такие районы, как например Викуловский, где процент коллективизации менее 40. Больше того, в этом самом Викуловском районе наряду с сельсоветами, в которых процент коллективизации достигает 60 и даже 80, имеются и такие сельские советы, где процент коллективизации 10—15 и ниже. В этом же Викуловском районе имеются два сельских совета, в которых нет колхозов. Вот наглядный пример того, что нельзя руководиться только средними цифрами. Викуловский район — отсталый район. Он отстает не только по коллективизации, но и во многом другом. Весной этого года викуловские колхозы не выполнили план сева, уборка затянулась, хлебосдача проходила во многих колхозах неорганизованно и т. д. Колхозы здесь хозяйственно слабые, организационно неокрепшие, засоренность аппарата колхозов враждебными элементами чрезвычайно большая. Ясное дело, что такое положение колхозов не может служить притягательной силой для большого количества единоличников, которые окружают колхозы. Поэтому рост коллективизации здесь недопустимо слабый. Несмотря на чрезвычайно большое количество единоличников никакой работы с ними нет. В своей практике партийные и советские организации и отдельные коммунисты совершенно упустили из виду борьбу за основную линию партии в деревне: за социалистическую переделку мелкого крестьянского хозяйства, за вовлечение бедняцко-середняцких масс в колхозы, за организационно-хозяйственное и политическое укрепление колхозов. Именно этим, а не какими-либо «об'ективными» причинами об'ясняется отставание такого района, как Викуловский.

Возможно, что такой район, как Викуловский, не типичен. Возможно, что он даже в ряду отстающих районов Союза плетется в хвосте. Однако,

повторяем, имеются еще уголки в Советском Союзе, где работа по вовлечению в колхозы единоличников далеко не завершена.

На I всесоюзном с'езде колхозников товарищ Сталин указывал на необходимость самого внимательного отношения к единоличникам и предупреждал о том, что было бы ошибкой закрывать всем без разбора единоличникам путь к вступлению в колхоз. Товарищ Сталин указывал, что наряду с частью единоличников, окончательно ушедшей в спекуляцию, большинство единоличников остается трудящимся, добывая себе хлеб честным трудом. И вот для этих-то честных тружеников двери колхозов должны быть широко раскрыты.

Несмотря на это прямое указание товарища Сталина в практике работы многих колхозов чрезвычайно распространены такие факты, когда искусственно ставят рогатки, препятствующие приему в колхоз честных единоличников.

Имеются и другого рода извращения линии партии—либеральное отношение к тем единоличникам, которые систематически уклоняются от выполнения обязательств перед государством, которые нарушают закон о хлебопоставках, мясопоставках, не выполняют прочих обязательств перед государством. Вместо того чтобы к таким единоличникам применить всю силу закона, в ряде районов Союза отсутствовала какая-либо борьба с этими нарушениями. Естественно, что, кроме разлагающего влияния на остальных единоличников, а также на неустойчивых колхозников, такая антигосударственная практика ничего принести не может. Ведь из-за такого извращения в практике проведения советских законов единоличники часто почти освобождаются от выполнения обязательств перед государством. При этом нужно принять во внимание и факты недообложения финорганами доходов таких единоличников от торговли на базаре, извоза и т. д.

Приведем чрезвычайно интересное место из выступления товарища Кирова на пленуме ленинградского облисполкома и горкома 10 октября 1934 г. по вопросу о дальнейших задачах коллективизации, о колхозниках и о единоличниках:

«Став на путь коллективизации, мы должны притти к 100-процентной коллективизации, и растягивать без конца этого нельзя. И для успешного решения этой задачи крайне важно, чтобы колхозники были во всем поставлены в преимущественное положение перед единоличником, чтобы единоличник в колхозе видел для себя единственный выход к лучшей, зажиточной жизни. Надо жизнь колхоза построить таким образом, чтобы сразу можно было отличить колхозника от неколхозника, чтобы каждый колхозник реально, на деле каждый день чувствовал свое преимущество перед единоличником. А что у нас выходит? На прошлом пленуме мы много и подробно об этом говорили. А когда товарищи из Дновского района приехали с пленума и когда им нужно было обеспечить фуражем ветеринарные пункты, то они не придумали ничего лучшего, как просто в порядке постановления обязать колхозы представить такое-то количество фуража и пр. Вообще этого нельзя приказать в порядке постановления, но дело не только в этом, а и в том, что единоличника это постановление Дновского райкома совершенно не касалось. И таким образом колхозы обязывались сено и фураж на ветпункты выделять, а единоличнику райком разрешал ходить мимо этого дела, а когда надо, конечно, тем же ветпунктом пользоваться. На первый взгляд как будто это пустяки, но это не пустяки, потому что из этого складывается колхозная жизнь. И если мы хотим завершить коллективизацию нашей области, то надо, во-первых, на практике обеспечить преимущества колхозников перед единоличниками, и, во-вторых, заставить единоличника по-настоящему выполнять государственные и общественные обязательства. У нас есть такие работники, которые либерально относятся к единолични-

кам, нарушающим советские законы, из-за боязни сделать перегиб. Эти люди являются «героями самотека» в самом чистом его виде. Они рассуждают примерно так: для того чтобы не было загибов и недогибов, лучше сидеть сложа руки и ничего не делать (Смех).

Эти люди, допускающие гнилой либерализм на практике по отношению к единоличнику, не умеют проводить политику партии по отношению к колхозникам. С этим нужно кончать.

Надо показать единоличнику, что советские законы нужно уважать, неуклонно выполнять, что в общественных повинностях надо участвовать и что во всем этом советская власть дает реальные преимущества колхознику перед единоличником. Только тогда единоличник поймет, что путь коллективизации — это действительно единственная для него дорога к лучшей, зажиточной жизни.

И поэтому, если мы хотим,—а мы хотим этого всерьез,—усилить организационно-хозяйственное укрепление колхозов, то надо решительно покончить с либерализмом и попустительством в отношении выполнения государственных обязательств единоличником, в отношении соблюдения им советских законов»[1].

В приведенных словах товарища Кирова четко сформулирована линия партии по отношению к вопросам коллективизации и по отношению к сегодняшнему единоличнику. Партия всегда боролась и будет бороться против всякого рода искусственной погони за цифрами коллективизации. Партия не потерпит каких-либо административных методов в деле вовлечения в колхозы трудящихся-единоличников. Но партия требует от партийных и советских организаций и от каждого коммуниста в отдельности такой работы, которая бы обеспечила непрерывный, прочный рост колхозов.

Нужно со всей силой подчеркнуть и то основное положение, что лучшим орудием вовлечения в колхозы оставшихся единоличников является действительно большевистская работа над осуществлением лозунга товарища Сталина о том, чтобы сделать колхозы большевистскими, а колхозников— зажиточными. В самом деле, всякая работа, в том числе и массовая агитационная работа, пойдет на смарку, если у единоличников перед глазами не будет живого примера крепкого колхоза, в котором бурно поднимается материальный и культурный уровень жизни колхозников. Сила примера, не раз говорили Ленин и Сталин, является самой могучей силой в деле завоевания крестьянства на сторону социализма.

Поэтому совершенно понятно, что одной из важнейших задач партийных организаций и отдельных коммунистов в деревне является работа над укреплением отстающих колхозов. Нужно поставить перед собой как конкретную задачу такое подтягивание отстающих колхозов, которое поставило бы их в шеренгу передовых колхозов. Мы все время должны помнить и руководствоваться словами Сталина о том, что за колхозы, за их политическое и организационно-хозяйственное состояние отвечаем мы, партия, коммунисты. И в самом деле, почти всегда при ознакомлении с причинами отставания того или другого колхоза сразу выясняется, что это отставание является результатом или безобразного руководства, незнания хозяйства, равнения на средние цифры, без учета действительного положения того или другого колхоза, или прямого извращения политики партии по вопросу борьбы с засоренностью колхозов, по вопросам отношения к единоличникам, организационно-хозяйственного укрепления колхозов и т. д.

Возьмем, например, такой вопрос, как распределение доходов в колхозах. За последние два года партии удалось добиться огромных результатов в этом отношении: колхозники почти во всех районах Союза получают такое количество зерна, которое они никогда, ведя единоличные хозяйства,

[1] С. М. Киров «Статьи и речи 1934 г.», стр. 159—160. Партиздат.

не получили бы. Даже в условиях текущего года, когда ряд районов Союза был охвачен засухой, колхозы в результате политического и хозяйственного укрепления, улучшения организации труда, улучшения качества работы добились такого урожая, который обеспечил выполнение плана хлебосдачи на 1½ месяца раньше чем в 1933 г., повышение выдачи хлеба на трудодни, а также продажу значительного количества хлеба государству в порядке хлебозакупок.

В беседе с колхозниками Днепропетровской области товарищ Сталин указывал, что увеличение доходов колхозников, достигнутое в 1933 г., еще далеко не достаточно. Товарищ Сталин тогда же указал, что колхозники и колхозный строй могут и должны обеспечить невиданное еще обилие продуктов. Но чтобы эти слова товарища Сталина были осуществлены, нельзя надеяться на самотек; необходимо упорно работать, добиваясь, чтобы каждый колхоз непрерывно усиливал и расширял свое хозяйство и тем самым увеличивал доходы колхозников.

Необходимо отметить один довольно распространенный недостаток в работе колхозов, который отражается на размере доходов колхозника: во многих колхозах еще очень слабо развиты дополнительные отрасли сельского хозяйства. Известно, что зерновое хозяйство является основной отраслью сельского хозяйства. Однако доход колхозника складывается, и должен складываться, не только в зависимости от урожайности зерновых, но и от получения продукции в такой важнейшей отрасли хозяйства, какой является животноводство. Без всякого преувеличения можно сказать, что правильно поставленное колхозное животноводство является наиболее доходной статьей колхозного производства. Молоко, масло, мясо, шерсть, яйца и т. д., после выполнения государственных обязательств по этим продуктам, должны в изобилии поступать в распоряжение колхозов и колхозников. То же самое с продуктами огородничества, садоводства, пчеловодства и т. д. За это дело надо взяться по-настоящему; здесь имеются огромные источники для повышения благосостояния колхозников. И, наоборот, можно прямо сказать, что лозунг товарища Сталина о зажиточности колхозников не может быть правильно осуществлен, если колхозы задержатся на одностороннем развитии своего хозяйства как чисто зернового хозяйства. В колхозах, где наряду с основными отраслями колхозного производства (зерно, животноводство, технические культуры) создаются такие подсобные отрасли, как садоводство, огородничество, пчеловодство и т. д.,—в этих колхозах имеются все условия для получения устойчивого и постоянно растущего дохода колхозов и колхозников. Кроме того такие отрасли, как животноводство, огородничество, садоводство, пчеловодство, дают продукты, являющиеся наиболее товарными, и их реализация может обеспечить увеличение денежной части дохода колхозников. Вопрос об увеличении денежной части доходов является важнейшим и серьезнейшим вопросом в деле организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Ведь нередко даже в крепких колхозах, где натуральная часть дохода довольно значительна, денежная часть дохода еще чрезвычайно мала. Решение ноябрьского пленума ЦК партии об отмене карточной системы, последовательное развертывание товарооборота требуют, чтобы колхознику было обеспечено систематическое поступление денежных доходов и постоянный рост этих доходов.

Товарищ Сталин говорил на XVII с'езде партии о сельскохозяйственной артели как основной и единственно правильной форме колхозного движения в нынешних условиях. Одновременно он указывал:

«Будущая коммуна вырастет из развитой и зажиточной артели. Будущая сельско-хозяйственная коммуна возникнет тогда, когда на полях и в фермах артели будет обилие зерна, скота, птицы, овощей и всяких других продуктов, когда при артелях заведутся механизированные прачечные, совре-

менные кухни-столовые, хлебозаводы и т. д., когда колхозник увидит, что ему выгоднее получать мясо и молоко с фермы, чем заводить свою корову и мелкий скот, когда колхозница увидит, что ей выгоднее обедать в столовой, брать хлеб с хлебозавода и получать стиранное белье из общественной прачечной, чем самой заниматься этим делом».

Товарищ Сталин предупреждал, что сельскохозяйственная коммуна будет еще не скоро и что «было бы преступлением искусственно ускорять процесс перерастания артели в будущую коммуну».

Мы особо подчеркиваем слова товарища Сталина о том, что будущая коммуна вырастет из развитой и зажиточной артели. Такая постановка вопроса о сельскохозяйственной коммуне является одновременно конкретной программой борьбы за будущую коммуну.

Постановка вопроса о зажиточной и развитой сельскохозяйственной артели исчерпывающе отвечает и на вопрос о соотношении между общественным хозяйством колхоза и индивидуальным хозяйством колхозника. Абсолютно небольшевистскими являются мероприятия, направленные к ущемлению индивидуальной части хозяйства: обобществление усадебных участков колхозников, мелкого скота, птицы и т. д., чем отличались в свое время «левацкие» перегибщики. Большевистской политикой является политика, выраженная словами товарища Сталина и направленная на то, чтобы усиливать общественное хозяйство колхозов во всех его отраслях.

Общественное начало в колхозе охватывает, таким образом, все стороны сельскохозяйственного производства. Зависимость индивидуального хозяйства колхозников как подсобного, имеющего потребительский характер, от общественного хозяйства колхоза все более усиливается.

Это дает в руки партии оружие также и против оппортунистических попыток расширить индивидуальное начало в колхозах за счет общественного (как было, например, в БССР, где в ряде районов за счет урезки колхозных земель увеличивали усадьбы колхозников), а также против попыток искать разрешения животноводческой проблемы на основе индивидуальной части хозяйства колхозников и противопоставлять развитию колхозных молочных товарных ферм развитие индивидуального животноводства.

* * *

Мы подчеркнули основную линию политики партии, сформулированную товарищем Сталиным 27 декабря 1929 г.,—подчеркнули, что уничтожение кулачества и об'единение всех бедняцко-середняцких хозяйств в колхозы есть единый процесс. Социалистическая переделка крестьянина-колхозника, преодоление его индивидуалистической психологии, воспитание социалистического отношения к труду и непримиримая борьба с кулацкими недобитками и кулацкими элементами внутри и вне колхозов есть также единый процесс борьбы за социалистическое сельское хозяйство. Политическое, организационное и хозяйственное укрепление колхозов, социалистическая организация труда, улучшение колхозного производства, обеспечивающее обилие колхозной продукции, являются смертельным оружием в борьбе против классовых врагов, против остатков капитализма в экономике и сознании людей.

Решающую роль в деле укрепления колхозов должны иметь мероприятия, направленные на то, чтобы вытравить имеющиеся в колхозах недостатки, препятствующие росту колхозного актива. Наряду с таким вопросом, как ликвидация карточек на хлеб и некоторые другие продукты, и вопросом о политотделах в сельском хозяйстве ноябрьский пленум ЦК партии обсудил также вопросы об уставе сельскохозяйственной артели, об индивидуальном крестьянском хозяйстве и отсталых колхозах, о финансовом положении и задолженности колхозов.

В практике работы колхозов наблюдаются распространенные факты нарушений постановления партии и правительства об укреплении колхозных кадров. Имеются факты администрирования в колхозах, снижения роли общих собраний колхозников и т. д. Задача партийных организаций и каждого коммуниста заключается в устранении методов администрирования по отношению к колхозникам; надо решительно изгнать безобразную практику массовых штрафов, часто не санкционированных даже правлением колхоза, практику массовых и часто необоснованных исключений из колхозов. Мы должны добиться, чтобы к управлению и руководству хозяйством были привлечены все массы колхозников, добиться оживления работы общих собраний колхозников, обсуждения на них всех основных вопросов жизни колхоза. Мы должны укрепить общественный контроль над колхозным производством, подняв роль и улучшив работу ревизионных комиссий. Нужно положить конец распространенным фактам командования и административного вмешательства в колхозное производство, допускаемым некоторыми учреждениями, когда финансами колхозов распоряжаются без всякого на то права различные организации и учреждения.

Вся система пролетарского государства направлена к тому, чтобы поддержать колхозный строй, способствовать его развитию. Миллиардные суммы капиталовложений в сельское хозяйство, кредитная, семенная и денежная помощь, такая огромная государственная помощь колхозам, как списание с колхозов задолженности в размере 485,6 миллионов рублей, различного рода льготы колхозам и колхозникам — все это направлено к тому, чтобы колхозы росли и крепли.

Внимание и помощь партии и государства направлены в первую очередь на поднятие отстающих колхозов. Нужно в ближайшее же время провести большую работу с отстающими колхозами, чтобы подтянуть их до уровня передовых хозяйств.

Важнейшим, часто даже решающим вопросом укрепления колхозов является вопрос о колхозных кадрах. Выше уже говорилось о необходимости самой решительной борьбы с нарушениями постановлений партии и правительства о закреплении кадров в колхозах. Но наряду с закреплением уже имеющихся кадров особенно острой для колхозов является потребность в выдвижении новых кадров. Колхозный строй растет, задачи колхозной жизни становятся шире, многообразней, сложней. Нужны люди. И люди безусловно есть, ибо сам колхозный строй выдвигает, воспитывает огромные массы людей. Нужно только их знать, — без этого, конечно, нечего и говорить о серьезном выдвижении.

Товарищ Каганович в своей речи на совещании заведующих отделами руководящих партийных органов указал: «Товарищ Сталин учит нас смелее выдвигать людей, хорошо проявивших себя на практической работе. Нужно помочь партии выдвигать лучших людей, поддерживать их в работе. Это великое дело. Но выдвигать или поддерживать можно только на основе хорошего знания этих работников».

Эти слова тов. Кагановича должны быть руководящим указанием для коммунистов, работающих в нашей колхозной деревне.

Великую работу проделала партия в деле осуществления политики ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, в деле социалистического перевоспитания крестьянина-колхозника. Но не менее великие задачи еще стоят перед нами. Не только для нашей партии, но и для всего коммунистического движения, для рабочего класса всего мира теперь совершенно ясно, что победа в разрешении наиболее трудного вопроса социализма, вопроса социалистической переделки сельского хозяйства, могла быть достигнута только в результате полного идейного и организационного разгрома врагов коммунизма. Идейно и организационно сплочен-

ная вокруг Центрального Комитета, вокруг товарища Сталина, партия разгромила троцкизм и зиновьевско-троцкистскую оппозицию, разгромила правых оппортунистов и троцкистские рецидивы «левацких» загибщиков.

Антисоветская группа подонков бывшей зиновьевской оппозиции, ставшая на путь террора, ярко показала свою политическую обреченность, полное отсутствие какой-либо поддержки масс.

Именно благодаря своей сплоченности партия ответила на выстрел в товарища Кирова, направленный из лагеря фашистов зиновьевского толка, еще большим сплочением и усилением своей революционной бдительности.

Именно благодаря этой сплоченности партия смогла с корнем вырвать врагов социализма, врагов рабочего класса, кулаков, пробравшихся в колхозы с целью использовать колхозную форму для своей подрывной работы против социализма. Только наша могучая партия, партия Ленина — Сталина, могла выделить десятки тысяч твердых большевиков в политотделы. «Политотделы, как чрезвычайная форма организации, опираясь на силу и авторитет всей партии, на хозяйственную мощь МТС, добились серьезных успехов в деле превращения отсталого участка социалистического строительства — сельского хозяйства — в передовой», — говорится в резолюции ноябрьского пленума ЦК.

И сейчас наша партия, поставившая великие задачи дальнейшего строительства и укрепления социализма в городе и деревне, великие задачи уничтожения противоположности между городом и деревней, делает следующие шаги вперед в деле усиления организаторской роли большевиков в деревне. В свое время Ленин говорил, что каждый агитатор должен быть одновременно и организатором; сейчас роль организатора поднялась на огромную высоту.

Создание новых областей и организация новых районов, преобразование политотделов в райкомы и тем самым создание мощного единого районного партийного центра, охватывающего своим руководством все стороны социалистического строительства: политическую, хозяйственную, культурно-бытовую,— все это, безусловно, улучшит оперативное руководство колхозным производством и всеми сторонами колхозной жизни, еще более усилит влияние партии на многомиллионные массы колхозников и обеспечит полное завершение сплошной коллективизации во всех уголках Советского Союза.

* * *

Мировая история борьбы классов богата великими событиями. Но над всеми этими событиями в мировой истории высится Октябрьский переворот 1917 г.

Октябрьская пролетарская революция вырвала из когтей капитала первую сотню миллионов трудящихся, положила начало новой эры человечества.

Великий перелом в советской деревне в 1929 г. и поворот к политике ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации являются составным и неразрывным звеном Великого Октября.

Победа социализма, победа колхозного строя в нашей стране показывает, что пролетариат, вооруженный теорией Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, является всепобеждающей силой.

О ПРОЛЕТАРСКОЙ ДЕМОКРАТИИ И УКРЕПЛЕНИИ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Н. Березин

Ленин в своей бессмертной работе «Государство и революция» писал:

«Маркс вывел из всей истории социализма и политической борьбы, что государство должно будет исчезнуть, что переходной формой его исчезновения (переходом от государства к негосударству) будет «организованный в господствующий класс пролетариат». Но открывать политические формы этого будущего Маркс не брался»[1].

Эти формы даны опытом русской революции. Русская революция создала советы — массовые боевые политические организации рабочего класса, и естественно, что именно в этой форме и осуществилась организация классового господства пролетариата в нашей стране и что в этой форме, в форме советской власти, будет организована диктатура пролетариата и в других странах.

Весь опыт Октябрьской революции, весь опыт советского строительства, т. е. развитие советской формы государства, является исторической проверкой марксистско-ленинского учения о государстве переходного периода и ценнейшим вкладом в арсенал международной социалистической революции. Опыт развития могущественного государства пролетарской диктатуры на одной шестой части земного шара, победоносно строящей социализм, успешно завершающего решение задач переходного от капитализма к социализму периода, в жестокой борьбе решившего вопрос «кто кого» в пользу социализма и в то же время создавшего невиданную в мире новую пролетарскую демократию, имеет исключительное значение для развития революционной борьбы пролетариата во всем мире.

Маркс и Энгельс могли дать только основные указания о необходимости революционного захвата власти рабочим классом, разрушения старой государственной машины, обеспечивавшей господство меньшинства над большинством, и о необходимости государства нового типа впредь до того, когда исчезнет потребность в государстве вообще и оно отомрет.

Констатировав необходимость и неизбежность пролетарской диктатуры, Маркс и Энгельс установили также важнейшие ее задачи. Подавление сопротивления эксплоататоров, перестройка всего общества, привлечение пролетариатом на свою сторону остальных трудящихся—эти гениальные положения, выдвинутые основоположниками научного марксизма на опыте развития капитализма и революционной борьбы эпохи домонополистического капитализма, легли в основу ленинского учения о государстве, обогащенного анализом последней, империалистической стадии капитализма,—учения, развитого на основе богатейшего опыта революционной борьбы рабочего класса.

Империализм, характеризующийся господством монополий, означал одновременно начало кризиса буржуазного парламентаризма, усиление мощи государственной машины, господство финансовой олигархии, обострение национального гнета. В эпоху империализма происходит также значительное усиление капиталистических групп в сельском хозяйстве.

[1] Ленин. Т. XXI, стр. 408. 3-е изд.

Империализм крайне обострил неравномерность капиталистического развития, делая неизбежными империалистические войны.

Глубокий анализ эпохи империализма привел Ленина к выводу о возможности победы социализма сначала в немногих и даже в одной, отдельно взятой стране. Отсюда следовало, что, взявши власть в какой-либо стране, пролетариат может строить и построить социалистическое общество. Анализ империализма позволил со всей полнотой поставить вопрос о союзниках, о резервах пролетариата, правильно решить вопрос о взаимоотношении пролетариата с крестьянством, правильно решить вопрос о взаимоотношениях пролетариата ранее державной нации с трудящимися угнетенных наций. Вместе с тем анализ эпохи империализма со всей очевидностью выявлял также, что весь переходный период неизбежно должен быть периодом обостреннейшей классовой борьбы.

Эти принципы ленинизма легли в основу строительства нового государства.

* * *

25 октября 1917 г. родилось новое государство, которое, как это говорил Ленин в отношении Парижской коммуны, не является уже государством в собственном смысле этого слова. Однако было бы величайшей ошибкой видеть в акте разрушения старой государственной машины, обеспечивавшей подавление меньшинством большинства населения, начало отмирания государства.

Да, это новое государство является переходным от государства к негосударству, но установление пролетарской диктатуры означает не начало отмирания, а начало развития нового государства, принципиально отличного от прежних, как это показал Ленин на уроках Парижской коммуны, тем, что «коммуна переставала быть государством, поскольку подавлять ей приходилось не большинство населения, а меньшинство (эксплуататоров)» [1]. Следовательно, существо отличия нового государства от всех государственных форм, ранее существовавших, не в ослаблении значения государства как аппарата классового господства, а в том, что оно является органом классового насилия большинства над меньшинством. Только в этом смысле говорится о том, что оно уже не государство в собственном смысле этого слова.

Захват власти рабочим классом означает не начало отмирания государства, а является исходным пунктом развития, а следовательно укрепления нового рабочего государства. Укрепление государства диктатуры пролетариата, государства, строящего социализм, подготовляет условия, предпосылки для того, чтобы, когда государственный аппарат станет ненужным, он начал отмирать. Товарищ Сталин говорил на XVI партийном с'езде: «Мы за отмирание государства. И мы вместе с тем стоим за усиление диктатуры пролетариата, представляющей самую мощную и самую могучую власть из всех существующих до сих пор государственных властей. Высшее развитие государственной власти в целях подготовки условий для отмирания государственной власти — вот марксистская формула».

По вопросу об отмирании государства мы имеем исчерпывающие указания Ленина, вытекающие из основ марксистского учения о государстве:

«...Мы... в праве говорить лишь о неизбежном отмирании государства, подчеркивая длительность этого процесса, его зависимость от быстроты развития высшей фазы коммунизма и оставляя совершенно открытым вопрос о сроках или о конкретных формах отмирания, ибо материалу для решения таких вопросов нет» [2].

Следовательно, после захвата власти победивший пролетариат ставил в

---

[1] Ленин «Государство и революция». Т. XXI, стр. 415.
[2] Там же, стр. 436.

порядок дня не вопросы отмирания государства, а задачу развития и укрепления новой, только что народившейся государственной формы. Еще в статье «О задачах пролетариата в нашей революции» Ленин поставил задачей революционный переход к новому типу государства — к государству типа Парижской коммуны. Но государство типа Парижской коммуны— это только начальная форма пролетарской диктатуры. Оно решало лишь первую часть вопроса — разрушение старой государственной машины, оно означало лишь начало строительства нового государства. В «Государстве и революции» Ленин прямо ставит вопрос о дальнейшем развитии этой формы и выдвигает демократический централизм как один из важнейших принципов строительства нового рабочего государства. Ленин писал:

«Ну, а если пролетариат и беднейшее крестьянство возьмут в руки государственную власть, организуются вполне свободно по коммунам и объединят действие всех коммун в ударах капиталу, в разрушении сопротивления капиталистов, в передаче частной собственности на железные дороги, фабрики, землю и прочее всей нации, всему обществу, разве это не будет централизм?»[1]

Создание единого государства, построенного на принципе демократического централизма в условиях многонациональной страны, где одна национальность господствовала над многими другими, не могло не пройти через ряд промежуточных ступеней, пока не был создан Союз Советских Социалистических Республик.

Развитие государства типа Парижской коммуны в высший тип означало укрепление органов пролетарской диктатуры, совершенствование новой государственной машины и развертывание новых форм участия господствующего класса — рабочего класса — в управлении государством и хозяйственном строительстве. Одновременно это развитие шаг за шагом решало вопрос о привлечении на сторону пролетариата всей массы трудящегося населения страны, что являлось и является непременным условием победоносного решения стоящей перед диктатурой пролетариата задачи — выкорчевывания капитализма и построения сначала фундамента социализма, а затем и бесклассового, социалистического общества.

* * *

Идя к захвату власти и в первый период диктатуры пролетариата, мы, опираясь на деревенскую бедноту, вели политику нейтрализации середняка, колеблющегося в силу своей двойственной природы (труженика—с одной стороны и мелкого собственника—с другой) между новой властью и капитализмом. Укрепление советской власти, угроза реставрации помещика сделали возможным установление прочного союза с средним крестьянством. Уже в первую годовщину советской власти мы получили возможность ликвидировать комитеты бедноты, которые были фактически властью на селе, и сделать советы полновластными органами власти в деревне. И с этого момента наш государственный строй характеризуется союзом пролетариата с основной массой крестьянства при сохранении гегемонии и руководящей роли пролетариата. Это, однако, не означало изменения природы нашего государства как государства пролетарской диктатуры—наше государство оставалось рабочим государством. Союз вовсе не означал уменьшения руководящей роли рабочего класса. Заключение союза не означало уничтожения двойственной природы середняка, но на основе этого союза обеспечивалась возможность постепенной переделки крестьянина, превращения его из мелкого собственника в сознательного строителя бесклассового, социалистического общества.

[1] Ленин. Т. XXI, стр. 406.

Ленин в одной из последних своих работ писал: «Конечно, в нашей советской республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян... Если возникнут серьезные классовые разногласия между этими классами, тогда раскол будет неизбежен, но в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания такого раскола...» [1].

Партия под руководством товарища Сталина не только не допустила серьезных разногласий между этими классами, но добилась огромных успехов по пути уничтожения классов. Индустриализация страны привела к колоссальному возрастанию руководящей роли пролетариата и обеспечила победу социалистических форм в сельском хозяйстве. Победой колхозов мы расширили базу, на которой зиждется наш государственный строй. Колхозники, составляющие огромное большинство сельского населения, стали прочной опорой советской власти. На базе сплошной коллективизации осуществлена в основном ликвидация кулачества как класса. Колхозное крестьянство стало основной и прочной опорой рабочего класса и советской власти. Колхозное крестьянство не перестало еще быть крестьянством, сохранило еще в себе многое от своего мелкособственнического прошлого, но оно уже потеряло основные черты мелкого собственника: основные средства производства находятся не в частной собственности, а в коллективной, общественной. Это-то и позволяет нам на базе дальнейшего развертывания индустриализации и технической реконструкции сельского хозяйства поставить в порядок дня задачу превращения колхозника в сознательного строителя бесклассового, социалистического общества.

* * *

Параллельно с решением вопроса о взаимоотношениях с основной массой крестьянства мы решали и другой вопрос — вопрос о взаимоотношениях между национальностями бывшей Российской империи. Ведь, в национальном вопросе, как говорил товарищ Сталин на XII с'езде партии, «...мы имеем дело с вопросом об установлении правильных взаимоотношений между пролетариатом бывшей державной нации, представляющим наиболее культурный слой пролетариата всей нашей федерации, и крестьянством, по преимуществу крестьянством национальностей ранее угнетенных. В этом—классовая сущность национального вопроса» [2].

Октябрьская революция провозгласила право наций на самоопределение. Большинство национальностей самоопределилось в форме советских республик. Укрепление советского строя в этих республиках доказало на практике, что советский строй означает уничтожение национального гнета, и обеспечило возможность перехода к высшей форме союза национальностей, к созданию единого государства. В 1923 г. эти республики об'единились в единое государство — Союз Советских Социалистических Республик. Одновременно произошло и об'единение закавказских республик в единую федерацию.

На XII с'езде партии товарищ Сталин говорил:

«В чем состоит характерная черта разрешения национального вопроса в данный момент, в 1923 году? Какую форму вопросы, требующие разрешения по национальной линии, приняли в 23 году? Форму установления сотрудничества между народами нашей федерации по линии хозяйственной, по линии военной, по линии политической... Национальный вопрос, имеющий в своей основе задачи установления правильных отношений между пролетариатом бывшей державной нации и между крестьянством инонациональным, в данный момент принимает особую форму установления сотрудничества и братского сожительства тех народов, которые раньше были разобщены и которые теперь об'единяются в рамках единого государства».

---

[1] Ленин. Т. XXVII, стр. 405.
[2] Стенографический отчет XII с'езда партии, стр. 441—442.

Об'единением в рамках единого государства достигалось не только повышение мощи советского государства, но была создана такая форма сотрудничества между национальностями, населяющими Советский Союз, которая обеспечивала его хозяйственный расцвет и постепенное изживание неравенства между национальностями.

Провозгласив в октябре 1917 г. право наций на самоопределение, мы установили юридическое равенство между всеми национальностями. Равенство национальностей лежало и в основе создания Советского Союза. Однако этим не устранялась исторически сложившаяся в силу национального гнета экономическая и культурная отсталость большинства национальностей, населяющих Советский Союз. Вот что говорил о Советском Союзе товарищ Сталин на XII с'езде партии:

«Вторая основа — правовое равенство народов, входящих в состав союза. И это понятно. Я не говорю о фактическом равенстве, об этом я в дальнейшем скажу, ибо установление фактического равенства между национальностями, ушедшими вперед, и национальностями отсталыми, дело очень сложное ..»

Но создание Советского Союза было исходным моментом для борьбы за достижение фактического равенства. Единство хозяйства, достигнутое созданием Союза, об'единение хозяйственного руководства было могучим фактором в успешном завершении первого пятилетнего плана, в превращении нашей страны в страну индустриальную, в победе социалистических форм в земледелии. На основе экономического под'ема всего Советского Союза бурными темпами происходит хозяйственный под'ем национальных республик и развивается национальная по форме, социалистическая по содержанию культура.

Мы быстрыми шагами идем к фактическому равенству национальностей и добились громадных успехов в этой области. Бурное развитие промышленности Украины и Закавказья, создание собственной промышленности в таких республиках, как Казакстан, Узбекистан, Туркменистан и др., под'ем сельского хозяйства в национальных республиках — все это результат ленинско-сталинской национальной политики. О росте национальной культуры мы приведем только некоторые цифры. Повышение грамотности в Таджикистане с 4% в начале первого пятилетия до 52%, в Туркмении с 13,5% до 61%, в Узбекистане с 12% до 72%, повышение удельного веса национальных газет с 10,5 до 26,2%—разве это не наглядное свидетельство огромных успехов в деле культурного под'ема ранее темных и забитых национальностей?

Диктатура пролетариата не только обеспечила национальный мир в стране и равноправие народов, она ведет к подлинному, фактическому равенству национальностей. Таков на сегодняшний день итог диктатуры пролетариата в деле раскрепощения ранее угнетенных национальностей, итог, противостоящий «цивилизаторской» работе буржуазно-демократических государств в колониях, позорным «расовым теориям» и средневековому изуверству фашизма.

* * *

Правильное решение вопроса о взаимоотношениях пролетариата с другими группами трудящихся, правильное разрешение национального вопроса обеспечили решающие победы социализма. Мы завершили построение фундамента социалистической экономики, подавили сопротивление капиталистов, а социалистический сектор стал безраздельно господствующим во всем народном хозяйстве.

Борьба с капиталистическими элементами в нашей стране была особенно сложна, ибо в стране преобладало мелкое и мельчайшее хозяйство, рождающее капитализм. Нам приходилось не только бороться с капитализмом, но и

обуздывать мелкобуржуазную стихию. Мы должны были не только разбить буржуазию в гражданской войне, но и преодолевать капиталистическую тенденцию развития, рождаемую преобладанием мелкотоварного хозяйства,— сначала путем ограничения возможностей капиталистического развития и вытеснения отдельных отрядов капитализма, и лишь потом мы получили возможность выкорчевывания капитализма по всему фронту.

Взятие власти рабочим классом, постановка под контроль, а потом и овладение хозяйственными командными высотами создали возможность для пролетарского государства руководить хозяйственным развитием страны. Как известно, законы экономического развития—это общественно-исторические законы, вытекающие из существа производственных отношений данного общественного строя. В условиях товарно-капиталистического хозяйства эти законы действуют стихийно, с силою законов природы. В наших условиях общество получает возможность управлять своей хозяйственной жизнью. Законом развития товарно-капиталистического способа производства является стихийный закон стоимости. Развитие нашего хозяйства определяется пролетарской диктатурой. Она ставит перед собой и успешно разрешает задачу создания собственной технической базы, способной реорганизовать все народное хозяйство на социалистических началах. Она ставит себе задачу переделки мелкого и мельчайшего хозяйства в крупное, обобществленное социалистическое хозяйство.

Эта возможность управления хозяйством находит свое выражение в том, что наше хозяйство является плановым. Наши планы — это конкретизация общих задач, стоящих перед пролетарской диктатурой на данный отрезок времени, это директивы, за воплощение которых в жизнь пролетарская диктатура ведет упорную борьбу.

Самые талантливые государственные мужи капиталистического общества не в состоянии в рамках капиталистического производства изменить или предотвратить действие стихийных законов. Всякие попытки реформы капиталистического способа производства неизбежно оканчиваются крахом. Об этой их беспомощности перед лицом хозяйственной стихии красочно говорит товарищ Сталин в своей беседе с английским писателем Уэллсом:

«Американцы хотят разделаться с кризисом на основе частно-капиталистической деятельности, не меняя экономической базы. Они стремятся свести к минимуму ту разруху, тот ущерб, которые причиняются существующей экономической системой. У нас же, как Вы знаете, на месте разрушенной старой экономической базы создана совершенно другая, новая экономическая база. Даже если те американцы, о которых Вы говорите, частично добьются своей цели, т. е. сведут к минимуму этот ущерб, то и в этом случае они не уничтожат корней той анархии, которая свойственна существующей капиталистической системе. Они сохраняют тот экономический строй, который обязательно должен приводить, не может не приводить к анархии в производстве. Таким образом в лучшем случае речь будет идти не о перестройке общества, не об уничтожении старого общественного строя, порождающего анархию и кризисы, а об ограничении отдельных отрицательных его сторон, ограничении отдельных его эксцессов» («Большевик» № 17, стр. 8—9. 1934).

У нас пролетарское государство определяет направление хозяйственного развития. И именно то, что от самих людей зависит перестройка жизни, заражает невиданным энтузиазмом миллионы и определяет успех в героической борьбе за построение сначала фундамента социалистической экономики, а затем и полного социалистического общества в такой отсталой в прошлом стране, как наша. Только в наших условиях может полностью развернуться человеческий гений, и величайшая роль Ленина и Сталина—наглядный пример этого. Как бледнеют имена великих полководцев и

государственных деятелей прошлого перед именами этих великих вождей пролетариата, чьим руководством обеспечена победа в борьбе за новое общество, за новую жизнь в нашей стране.

* * *

В отличие от прежних государственных аппаратов Советы являются массовой организацией пролетариата, и только в этой форме могла быть осуществлена действительно неразрывная связь депутата с избирателями.

Парламентская система в буржуазных странах — это форма прикрытия буржуазной диктатуры, средство обмана рабочего класса и трудящихся масс; поэтому парламенты не являются работающими органами. Парламентская говорильня — это самое существо буржуазно-демократической республики, построенной на отделении исполнительной власти (подлинной власти) от власти законодательной (говорильни); парламентская система должна служить плотиной, преграждающей развитие революционного движения, создавая у рабочего иллюзии «свобод» и возможности мирным, парламентским путем добиться освобождения.

Ленин беспощадно раскрыл подлинную сущность этих иллюзий, показав, что для рабочего класса в капиталистическом обществе свобода слова, печати, собраний является лишь призрачной свободой. «... В капиталистическом обществе мы имеем демократию урезанную, убогую, фальшивую демократию только для богатых, для меньшинства» [1].

История ярко подтвердила положение Ленина о том, что буржуазная демократия служит лишь формой прикрытия диктатуры буржуазии и что буржуазия отказывается от этой ширмы, как только она ей становится ненужна, как только становится ясно, что иллюзиями уже не удержать рабочих в повиновении. Поэтому не случаен кризис парламентаризма, который переживают сейчас в той или иной мере все без исключения капиталистические страны. Этот кризис начался еще перед империалистической войной, ибо уже тогда демократические формы начали давать осечку, как средство торможения революции, и, с другой стороны, они начали мешать господствующей группе финансовой олигархии. В этом суть кризиса парламентаризма.

Кризис парламентаризма особенно остро проявился после войны. Правда, углубление этого кризиса шло не по непрерывно падающей кривой, а зигзагообразно: происходили как бы «вспышки парламентаризма», например, в послевоенной Германии, отчасти в Англии; но эти «вспышки» только еще нагляднее свидетельствуют о кризисе парламентской системы. Буржуазия переходит к прямой, неприкрытой диктатуре. Наиболее острой ее формой является фашистская диктатура, используемая для поддержания господства финансовой олигархии. Этот буржуазный выход из кризиса парламентской системы означает уничтожение даже той урезанной, чрезвычайно иллюзорной демократии, которой так кичились «демократы» и соглашатели всех мастей.

Пролетариат под руководством большевистской партии, разбив старую государственную машину, создал свой новый тип государства. В «Государстве и революции» Ленин писал: «Выход из парламентаризма, конечно, не в уничтожении представительных учреждений и выборности, а в превращении представительных учреждений из говорилен в «работающие» учреждения» [2].

Советская система достигает, во-первых, самой тесной связи государственного аппарата с широкими массами; во-вторых, она достигает превращения представительных учреждений в руководящие, работающие органы.

Сила наших представительных учреждений определяется именно тем, что они самым тесным образом связаны с широкими массами трудящихся. Этой

[1] Ленин. Т. XXI, стр. 431.
[2] Там же, стр. 401.

связью и активностью масс определяется и качество работы всего советского аппарата.

Подробная проработка наказа депутату, наказа, в котором наряду с политическими задачами избиратели выдвигают конкретные вопросы хозяйственного строительства, вопросы быта, — систематический контроль масс за работой своих депутатов и право отзыва депутатов, если они не оправдывают доверия избирателей, участие многих тысяч избирателей в работе секций советов—такова новая форма пролетарской демократии, которой не знает и не может знать ни одна парламентская система, создающая из депутатов своеобразную касту профессиональных политических дельцов, кормящуюся у общественного пирога.

Происходившие только что при небывалой активности масс выборы в советы знаменуют дальнейшее развитие пролетарской демократии и являются исходным моментом для поднятия на высшую ступень всей работы советов.

Успехи индустриализации и победа колхозного строя поставили перед советами новые огромные задачи. Мы получили возможность широким фронтом развернуть работу по коммунальному хозяйству, имеющую исключительное значение в борьбе за зажиточную, культурную жизнь трудящихся. На основе бурного развития производительных сил и роста доходов трудящихся во всей полноте встают вопросы обслуживания бытовых и культурных нужд населения. Отменой нормирования в снабжении хлебом и некоторыми другими продуктами мы делаем новый огромный шаг в развертывании товарооборота. Переход от распределения хлеба к свободной продаже неизбежно повлечет за собой расширение всего товарооборота в целом. Здесь перед советами стоит задача огромной важности. Наша страна становится богатой. А это значит, что мы можем и должны заботиться не только о том, чтобы у нас было достаточно школ или больничных коек, но чтобы все это находилось в образцовом состоянии, соответствующем нашему новому, социалистическому строю.

Вся совокупность этих вопросов во всей полноте стоит не только перед городскими, но и перед сельскими советами. Мы «добились серьезных успехов в деле превращения отсталого участка социалистического строительства — сельского хозяйства — в передовой»[1].

Продолжая борьбу за дальнейший под'ем сельского хозяйства, на основе этого под'ема мы должны сейчас двинуть вперед весь комплекс вопросов работы на селе. Поэтому партия вынесла решение о преобразовании политотделов МТС, об укреплении системы обычных партийных органов. «...Для руководства всей работой в колхозной деревне—политической, хозяйственной, культурно-бытовой (школы, больницы и т. д.) требуется укрепление нормальных партийных и советских органов, охватывающих всю работу: административную, хозяйственную, культурно-бытовую, финансовую и т. д.» — читаем мы в резолюции ноябрьского пленума ЦК.

Новые перспективы, открывающиеся перед нами в процессе реализации второго пятилетнего плана и вытекающие из его основных установок, требуют дальнейшего развития участия масс в управлении государством. Огромный рост политической сознательности и культурности трудящихся масс нашей страны — залог того, что эти задачи нами будут успешно решены.

* * *

Естественно, что создаваемая пролетариатом государственная машина не могла не страдать целым рядом недостатков. «Об уничтожении чиновничества сразу, повсюду, до конца, не может быть речи. Это—утопия,—писал

[1] Резолюция ноябрьского пленума ЦК.

Ленин.—Но разбить сразу старую чиновничью машину и тотчас же начать строить новую, позволяющую постепенно сводить на-нет всякое чиновничество,—это не утопия...»

Старое чиновничество неизбежно просачивалось в поры нового государственного аппарата, являясь в нем агентурой классового врага, неся с собой методы работы бюрократического аппарата. Бюрократизм является наиболее злостным наследием прошлого. Бюрократизм, говорил Ленин, коренится в преобладании мелкого товарного хозяйства и в нашей некультурности. Превращением нашей страны из аграрной в индустриальную и победой крупного обобществленного хозяйства в земледелии уничтожается основа бюрократизма. Одновременно невиданными темпами растет культурность как всего населения, так и работников государственного и хозяйственного аппаратов. Повышение общего процента грамотности населения до 90%, 180 тыс. инженеров и техников, выпущенных высшими учебными заведениями только за период с 1930 по 1933 г., — это ли не выражение огромного роста культурности Советского Союза! Когда-то противники пролетарской революции предсказывали ее неизбежный крах из-за «некультурности» рабочего класса. Меньшевистские горе-теоретики не хотели понять того, что настоящая борьба за культуру рабочих и трудящихся масс вообще может развернуться только после захвата власти пролетариатом. Кто может сейчас отрицать огромный рост культурности рабочего класса СССР? В итоге:

«Наш государственный аппарат несомненно за последнее время улучшился, органы пролетарской диктатуры укрепились. На нашем государственном аппарате не могли не сказаться общий хозяйственный под'ем и рост политического сознания широких рабоче-крестьянских масс» [1].

В области борьбы с бюрократизмом партия достигла больших успехов. Огромную роль здесь сыграло широкое участие рабочих с производства в работе государственного аппарата. Рабочей инициативой рождена такая форма участия в работе государственного аппарата, как шефство фабрик и заводов над государственными учреждениями. Десятки тысяч рабочих отдают свое свободное время работе в государственном аппарате. Шефские бригады стали острейшим оружием контроля и критики работы наших учреждений. Рабочие фабрик и заводов выделяют в государственный аппарат так называемых соцсовместителей, которые в свободное от работы на производстве время выполняют в аппарате те или другие функции. В отдельных случаях, например при проведении различных видов обложений, мы получили благодаря участию рабочих возможность в очень большой мере сократить постоянный государственный аппарат.

Однако наш государственный и хозяйственный аппарат страдает еще многими недостатками, он еще не находится на уровне тех задач, которые стоят перед нами на данном этапе борьбы за социализм. Товарищ Сталин на XVII партийном с'езде указал, что перед нами стоит задача — «поднять уровень нашей организационной работы до уровня политического руководства». Эту задачу мы также решаем путем поднятия участия масс в государственной работе на более высокую ступень. По решению XVII с'езда партии, функции низовых органов рабоче-крестьянской инспекции переданы профсоюзам. Особое значение для выявления и устранения недостатков работы советского и хозяйственного аппарата, для выкорчевывания остатков бюрократизма, для изгнания пролезших в наш аппарат агентов классового врага имеет развертывание рабочего контроля. На предприятиях широко развертываются рабочий контроль и работа «легкой кавалерии». Но контроль масс — это не только метод борьбы за улучшение нашего аппарата, а и лучшая школа, в которой массы учатся управлять государством. «Че-

[1] Л. Каганович. Доклад на XVII с'езде партии. Стенографический отчет, стр. 547.

рез школу контроля профсоюзы, как и комсомол, подготовляют кадры государственных деятелей. **Хороший контролер — будущий хороший управитель»** (Каганович).

* * *

Вскрывая всю фальшь разговоров о демократии вообще, подвергая беспощадной критике так называемый демократизм в буржуазных государствах, Ленин противопоставляет буржуазному «демократизму» новую демократию рабочего государства—подлинную демократию для трудящихся. «Диктатура пролетариата, период перехода к коммунизму, впервые дает демократию для народа» (Ленин). Советский строй является наиболее демократичным из всех существующих государственных устройств, ибо он обеспечивает господство большинства населения.

Как и в борьбе с пережитками феодализма в экономике (уничтожение частной земельной собственности), так и в области правовых отношений пролетарской революции приходилось прежде всего доделывать мимоходом то, что не доделала буржуазно-демократическая революция. «То равенство граждан, независимо от пола, религии, расы, национальности, которое буржуазная демократия всегда и везде обещала, но нигде не провела и в силу господства капитализма провести не могла, Советская власть или диктатура пролетариата осуществляет сразу и полностью, ибо в состоянии сделать это только власть рабочих, не заинтересованных в частной собственности на средства производства, в борьбе за раздел и передел их» [1].

Советская власть не только обеспечила юридическое равенство национальностей, но и успешно идет гигантскими шагами к установлению фактического равенства между ушедшими вперед и отсталыми национальностями. То же самое мы должны сказать и о равноправии женщин. Октябрьская революция дала юридическое равноправие женщине, но как и в вопросе о равенстве национальностей политическое равноправие еще не тождественно с равенством фактическим. Фактическое равенство создается участием женщины в производстве, освобождением женщины от пут, которые на нее накладывает частно-собственническое хозяйство. Наши достижения в этой области за семнадцать лет диктатуры пролетариата огромны. Особенно поразительны сдвиги, происшедшие на основе победы колхозного строя в деревне. Товарищ Сталин на XVII с'езде партии отмечал, что у нас уже свыше 6 тыс. женщин работают председателями колхозов, свыше 60 тыс. — членами правления, около 9 тыс. заведуют товарными фермами. И это на том участке, где женщина была наиболее закабаленной!

Мы уже говорили, что так называемые буржуазные «свободы» не могут быть использованы рабочим классом, и только захват власти позволяет рабочему классу действительно пользоваться этими свободами. Стоит только сравнить положение рабочей печати у нас, в Союзе, с ее положением в капиталистических странах. Да что говорить о рабочей печати в капиталистических странах: тираж наших рабочих газет в 15 раз больше тиража всех газет в старой царской России. Миллионная армия рабкоров и селькоров, пишущих о нуждах рабочих, о наших достижениях и недостатках нашего аппарата, — это ли не ярчайший показатель подлинной пролетарской свободы печати! Мы уже говорили о системе советов, об участии рабочих в государственном управлении. Это совершенно новые формы демократии, рожденные советским строем. А разве не новой формой пролетарской демократии являются наши производственные совещания, где рабочие критикуют недостатки и вносят свои предложения по улучшению производства, причем если предложения этих совещаний признаны хозяйственным руководством правильными, то невыполнение их является уголовным делом.

---

[1] Ленин «Тезисы о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата».

Таковы некоторые итоги развития пролетарской демократии, демократии для большинства, демократии, ставшей возможной только благодаря наличию самой могучей из всех существующих до сих пор государственных властей —благодаря диктатуре пролетариата.

Развитием пролетарской демократии мы создаем условия для отмирания государства в будущем, но в настоящих условиях это развитие, выражающее все большее вовлечение трудящихся масс в управление государством, увеличение их активности, охват рабочим контролем всех звеньев аппарата, означает укрепление государственной власти, укрепление диктатуры пролетариата.

Ленин указывал, что экономической основой для отмирания государства является развитие высшей фазы коммунизма, когда труд из необходимости превратится в первейшую жизненную потребность человека, когда исчезнет противоположность между умственным и физическим трудом, исчезнут родимые пятна, перешедшие к нам по наследству от старых общественных отношений, когда будет претворен в жизнь принцип — «от каждого по способностям — каждому по потребностям», ибо тогда исчезнет необходимость в государстве как аппарате принуждения.

«Коммунизм один только в состоянии дать демократию действительно полную, и чем она полнее, тем скорее она станет ненужной, отомрет сама собою» (Ленин. Т. XXI, стр. 431).

* * *

Из всего этого со всей очевидностью следует, что не социалистическое общество, а высшая фаза коммунизма является тем общественным строем, когда государство становится ненужным, будет отмирать. Поэтому глубоко ошибочно представление, что в связи с постановкой во втором пятилетнем плане задачи ликвидации пережитков капитализма в экономике и сознании людей и построения бесклассового, социалистического общества можно ставить в порядок дня задачу отмирания государства. Эти представления отражают надежду остатков разбитого классового врага на ослабление режима пролетарской диктатуры. Ликвидация в основном кулачества как класса и предстоящее полное уничтожение пережитков капитализма вовсе не означают, что исчезла необходимость подавления враждебных пролетариату групп. Враждебные пролетариату классы уничтожаются, но остаются люди, полные ненависти к советской власти, лишенные былого господствующего положения. Они не прекращают своей борьбы. Разбитые внутри страны, остатки классового врага ставят ставку на интервенцию, на свержение советской власти путем войны империалистов против СССР. А пока что они пытаются тормозить социалистическое строительство, вредят, стреляют из-за угла, всеми силами подготовляя условия для интервенции. Мы стали несравненно сильнее, капитализм внутри страны разбит, но было бы непростительной ошибкой на этом основании «отпустить вожжи», дать возможность тормозить победоносное строительство социализма и помогать врагам нашей родины. Как мы видим, вопрос о подавлении борьбы против социализма внутри страны нельзя отрывать от вопросов защиты нашей социалистической родины, нельзя рассматривать отвлеченно, забывая об империалистическом окружении.

Во втором пятилетии мы ставим своей задачей «преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового, социалистического общества» (XVII партконференция). Но распределение в первой фазе коммунизма сохраняется по труду. Следовательно, и здесь

необходимо сохранить государственное принуждение и государственный контроль за распределением. Мало этого, сейчас перед нами стоит задача создания и укрепления новой дисциплины на производстве и воспитания чувства государственности как в рядах самого рабочего класса, так и в особенности у колхозников, еще не изживших своего мелкобуржуазного прошлого. А эта задача является особой формой классовой борьбы при диктатуре пролетариата.

Государство пролетарской диктатуры дает подлинную демократию для рабочего класса, для трудящихся масс. Но мы никогда не закрывали глаза на то, что и среди рабочего класса есть отсталые слои, что в его среду просасываются чуждые люди. Поэтому на всем протяжении существования советской власти мы вели борьбу с антипролетарскими, отсталыми элементами в самом рабочем классе. С первых дней организации советской власти партия вела борьбу за твердую пролетарскую дисциплину на производстве, борьбу с лодырями и рвачами, стремящимися к тому, чтобы сорвать с пролетарского государства побольше и сработать ему поменьше. Сейчас наш рабочий класс политически неизмеримо вырос. Многомиллионная армия ударников — лучшее тому свидетельство. Но тем настоятельнее задача подтягивания отсталых групп, изживания у них пережитков частнособственнических настроений. Опираясь на возросшую сознательность подавляющего большинства рабочих, мы эту задачу сейчас можем разрешить до конца.

Борьба за социалистическую дисциплину имеет особое значение для колхозов. Эта борьба есть в то же время борьба с частнособственническим прошлым колхозника. Товарищ Сталин так говорил колхозникам-ударникам: «От вас требуется только одно — трудиться честно, делить колхозные доходы по труду, беречь колхозное добро, беречь тракторы и машины, установить хороший уход за конем, выполнять задания вашего рабоче-крестьянского государства, укреплять колхозы и вышибать вон из колхозов пробравшихся туда кулаков и подкулачников».

В этих простых словах дана ясная, конкретная программа борьбы за новое, социалистическое отношение к труду, за превращение колхозника в сознательного строителя бесклассового, социалистического общества.

Теорийки о начале отмирания государства тем в частности вредны, что они ведут не к укреплению новой дисциплины, а к ее дезорганизации. Они играют на-руку попыткам и стремлениям осколков капитализма, а также мелкособственнических элементов города и деревни ослабить диктатуру пролетариата, дезорганизовать социалистическое хозяйство.

Мы знаем, что враг отчаянно борется, пытаясь противопоставить частные интересы той или иной организации, отдельных групп и даже лиц интересам государства. Мы противопоставляем всему этому борьбу за интересы пролетарского государства во всей нашей работе, воспитываем в каждом честном гражданине чувство ответственности перед государством, воспитываем сознание, что интересы государства выше всего.

Эту борьбу мы ведем по всему фронту, начиная от борьбы за строгое, точное выполнение государственных планов и обязательств перед государством и кончая борьбой за строгую дисциплину на производстве.

Вместе с тем мы ведем борьбу за революционную законность. Уважение к советским законам, их неуклонное выполнение, является непременным условием развития пролетарской демократии и лучшим средством преодоления попыток остатков классового врага внести дезорганизацию в наши ряды.

«Революционная законность нашего времени направлена своим острием не против крайностей военного коммунизма, которых давно уже нет в природе, а против воров и вредителей в общественном хозяйстве, против хулиганов и расхитителей общественной собственности», — говорил товарищ Сталин в своем докладе об итогах первой пятилетки.

Ясно, что борьба за неприкосновенность общественной собственности, являющейся основой социалистического способа производства, также требует усиления мощи пролетарской диктатуры.

Классовая борьба в нашей стране продолжается. Остатки гибнущих капиталистических классов и их агентура прибегают к самым отчаянным, самым подлым мерам борьбы против советской власти. Они пользуются при этом поддержкой капиталистического окружения.

Не случайно, что белогвардейско-фашистские подонки зиновьевской антипартийной и антисоветской группы, мечтавшие о свержении советской власти путем интервенции, не раз бегали к иностранному консулу и получали от этого консула крупные денежные суммы.

Капиталистическое окружение, в особенности те силы, которые сейчас заинтересованы в нарушении мира, будут, вероятно, еще не раз посылать через границу всевозможные диверсионные, террористические банды, будут всеми способами активизировать остатки капиталистических элементов, подонки контрреволюции в нашей стране. Они будут это делать именно потому, что так грандиозны победы социализма в нашей стране, что так велико сплочение трудящихся масс, рабочих, колхозников вокруг советской власти, вокруг коммунистической партии.

Злодейское убийство товарища Кирова, материалы обвинительного заключения по делу контрреволюционной террористической банды, так называемого «ленинградского центра», показывают, что классовая бдительность должна быть во много раз усилена. В этой связи нужно подчеркнуть особую вредность каких бы то ни было попыток ослабления диктатуры пролетариата, каких бы то ни было теориек о якобы начавшемся «отмирании» государства.

«Отмирание государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление, необходимое для того, чтобы добить остатки умирающих классов и организовать оборону против капиталистического окружения, которое далеко еще не уничтожено и не скоро еще будет уничтожено» (Сталин).

ЗА КУЛЬТУРНУЮ ТОРГОВЛЮ ХЛЕБОМ

А. Бадаев

Каждому рабочему, каждому колхознику, каждому трудящемуся СССР понятно то громадное, исключительное значение, которое имеет историческое решение ноябрьского пленума ЦК «Об отмене карточной системы на хлеб и некоторые другие продукты» для дальнейшего улучшения снабжения городов и сельских районов и для всей экономической жизни страны.

Под руководством гениального продолжателя дела Ленина, любимейшего вождя многомиллионных пролетарских масс товарища Сталина партия, победоносно преодолевая на своем пути все трудности, ведет страну к новым и новым победам социалистического строительства. Линия партии победила на всех фронтах.

Гнилые остатки зиновьевско-троцкистской оппозиции, пытавшейся тянуть партию назад, к капитализму, докатились до омерзительнейшего разложения. В бессильной ненависти к пролетарской революции и к коммунистической партии подонки разгромленной оппозиции дошли до последней степени падения, до методов фашистского бандитизма—гнуснейших актов террора против вождей пролетарской партии, против лучших представителей и выразителей победоносного строительства социализма в Стране советов.

Социалистическое отечество трудящихся превратилось в такую могучую, исполинскую силу, которая не боится прямой атаки международного империализма. Тем более не страшны партии отдельные предательские выстрелы из-за угла, направленные рукой разгромленного врага. Умножив, удесятерив свою классовую бдительность, партия, рабочий класс, колхозное крестьянство Страны советов, ни на секунду не задерживая своей железной победной поступи, будут продолжать великое пролетарское дело.

Отмена хлебных карточек—новая победа нашего строительства. Являясь результатом блестящих успехов партии на всех участках народного хозяйства, выражением хозяйственной мощи страны, отмена карточной системы—в то же время необходимая предпосылка, огромный фактор дальнейших побед социалистического строительства.

Коренная реорганизация дела снабжения населения основным, первоочередным продуктом питания—хлебом—подготовлялась целым рядом серьезнейших мероприятий, одним из которых является развитие советского механизированного хлебопечения.

В 1929 г. вся сеть механизированных хлебопекарных предприятий в стране составляла 145 единиц общей мощностью в 5293 т печеного хлеба в сутки. В 1934 г. она состояла уже из 404 предприятий, а общая мощность сети достигла 28 800 т в сутки, т. е. увеличилась в 4 раза, причем за эти годы мы строили не просто механизированные заводы и предприятия, — мы строили заводы-гиганты, заводы-автоматы, которые ныне являются гордостью советского строительства.

Семьдесят лет назад Маркс писал об английском хлебопечении:

«Ни в одной отрасли промышленности Англии... не сохранилось такого

древнего и даже, в чем могли бы убедить поэты Римской империи, до-христианского способа производства, как в **хлебопечении**»[1].

Эта характеристика в огромной степени может быть отнесена и к теперешнему состоянию хлебопечения в капиталистических странах (не говоря уже о царской, дореволюционной России), где в основном сохранилась система мелкого, кустарного производства, основанная на ужасающей эксплоатации рабочего-пекаря.

Первый советский хлебозавод-автомат мощностью в 240 т был построен в 1926 г. в Ленинграде еще полностью на иностранном оборудовании и по иностранным чертежам.

По образцу ленинградского в 1928 г. были начаты строительством два автомата в Москве и один в Одессе по тем же иностранным чертежам.

Это были переломные годы в развитии советской хлебопекарной промышленности. За период с 1929 года до 1931 года по СССР было начато строительство 14 хлебозаводов-автоматов, причем, за малым исключением, уже на собственном советском оборудовании и по советским проектам.

В результате этого в 1934 г. в стране имелось уже 22 гиганта-автомата общей мощностью ежедневной выпечки в 4500 т, из них в Красной столице 12 автоматических хлебозаводов производительностью в 2500 т хлеба в сутки.

Решающие успехи советского хлебопечения достигнуты в результате побед первой пятилетки в развитии советского машиностроения. На этом участке советского народного хозяйства еще раз блестяще подтвердились слова товарища **Сталина**, сказанные им на январском пленуме ЦК партии в 1933 г., о том, что «основное звено пятилетнего плана состояло в тяжелой промышленности с ее сердцевиной — **машиностроением**. Ибо только тяжелая промышленность способна реконструировать и поставить на ноги и промышленность в целом, и транспорт, и сельское хозяйство»[2].

Именно создание собственной технической базы, освобождение от иностранной зависимости позволило партии в 1931 г., по докладу тов. Кагановича на июньском пленуме ЦК ВКП(б) о социалистическом переустройстве городов, поставить в качестве задачи ближайших лет проблему полной механизации хлебопечения в крупнейших советских промышленных центрах.

Москва, идущая на всех участках народного хозяйства в головной шеренге социалистического переустройства, явилась и в области хлебопечения первым городом в СССР, который уже в 1933 г. выполнил директиву партии о стопроцентной механизации хлебопекарной промышленности и рапортовал партии и правительству о завершении строительства хлебозаводов-автоматов. Под руководством московской партийной организации, при личной непосредственной помощи тов. Кагановича, в течение 1931—1933 гг. московской кооперацией было осуществлено грандиозное строительство одновременно девяти хлебозаводов-гигантов.

За эти годы население Москвы увеличилось на 60%, рабочий класс вырос почти в 2½ раза. Задача снабжения почти 4-миллионного населения столицы доброкачественным важнейшим продуктом ежедневного питания—чрезвычайно большая и ответственная задача. Московские большевики ее решили.

Автоматические хлебозаводы коренным образом изменили лицо московского хлебопечения. Мощность каждого нового московского хлебозавода составляет от 200 до 280 т суточной выпечки, в то время как самый крупный хлебозавод (Уорда) в Америке может выпечь в сутки лишь 180 т.

Производительность труда на хлебозаводах повысилась против ручной работы примерно в 3½—4 раза. Пекарь-кустарь за 12 часов тяжелой, изну-

---

[1] «Капитал». Т. I, стр. 283. ИМЭЛ — Партиздат. 1934.

[2] И. **Сталин** «Вопросы ленинизма», стр. 487. 10-е изд. Разрядка моя. — А. Б.

рительной работы может выпечь 12—14 пудов хлеба. На одного заводского рабочего, стоящего у мощного агрегата в великолепном заводском помещении, приходится за 7-часовой рабочий день более 50 пудов выпеченного хлеба. Таким образом новая техника дала возможность освободить для других отраслей советского хозяйства значительные массы рабочих и снизила себестоимость производства более чем в 2 раза.

Мощность всего московского хлебопечения (13 хлебозаводов) составляет ныне свыше 2500 т в сутки и может быть доведена до 3 тыс. тонн.

За 1929 г. все московское хлебопечение дало лишь 550 тыс. тонн хлеба, причем около 85% продукции производилось в 500—600 мелких пекарнях, разбросанных по всему городу, не поддававшихся действительному контролю ни в смысле качества, ни в смысле сохранности хлеба.

За 1934 г. выпечка хлеба МСПО составила 975 тыс. т. (около миллиона тонн!). При старом, дореволюционном способе производства для этого потребовалось бы не менее 2 тыс. кустарных пекарен.

Лишь в условиях социалистического хозяйства возможна организация подобных мощных концентрированных предприятий.

Развитие советского хлебопекарного производства ярко характеризует линию партии на непрерывное улучшение материально-бытового положения трудящихся.

Ставя вопрос о коренной перестройке быта рабочего класса, Ленин подчеркивал важность в этом деле замены индивидуального, домашнего хозяйства общественным:

«Это—борьба длительная, требующая коренной переделки и общественной техники и нравов. Но эта борьба кончится полной победой коммунизма» [1].

С завершением полной механизации хлебопечения мы освободили хозяйку от тяжелой бытовой обязанности печь хлеб: месить тесто, тратить непроизводительно труд, сырье, топливо,—освободили ее для участия в общем строительстве и в управлении государством.

Механизация хлебопечения завершила также процесс освобождения пекаря от изнурительного труда ручной выпечки, превратила пекаря в культурного индустриального рабочего, активного участника общей социалистической стройки. На хлебозаводе-автомате все процессы обработки и выпечки продукции: подноска муки, просеивание, замес, посадка и выемка из пылающих печей, все связанные с этим подсобные работы—выполняются машинами по конвейерной системе, почти без прикосновения человеческих рук к муке, тесту, хлебу.

Стопроцентная механизация хлебопечения в Москве, выдвинувшая Красную столицу на первое место во всем мире, — большая победа рабочего класса. Но у нас не должно быть успокоения на достигнутом. Еще далеко не закончена борьба за освоение техники новых заводов, новых машин, борьба за высокое качество и высокий ассортимент хлебных изделий. Эта борьба в основном происходила на протяжении 1933—1934 гг., и сейчас мы получили возможность расширять дальше производственную мощность заводов, а также переключиться на многообразный ассортимент.

В связи с переходом к открытой продаже хлеба перед всеми работниками московской кооперации поставлена партией огромнейшая, боевая задача—добиться полного удовлетворения запросов потребителя, *дать свежий, вкусный, доброкачественный хлеб и притом разнообразного ассортимента.*

Это значит: мало снабдить ежедневно 4-миллионное население столицы печеным хлебом, надо дать его в лучшем, разнообразном ассортименте, из разных сортов муки. Рабочий и его семья хотят получить и ситный, и халу,

---

[1] *Ленин.* Т. XXV, стр. 64. 3-е изд.

и калач, и французскую булку. И в черном хлебе должно быть разнообразие: потребитель хочет получить и кислый хлеб, и рижский, и заварной.

Все данные для правильного решения этой задачи в Москве имелись: Красная столица обладает 13 гигантами-хлебозаводами, суточная производительность которых вместе с крупными, механизированными предприятиями достигает 3 тыс. т, мы обладаем квалифицированными кадрами рабочих и мастеров-пекарей, накопленным опытом в деле хлебопечения.

В течение декабря 1934 г. почти все хлебозаводы и отдельные основные агрегаты были отремонтированы и приведены в порядок. Возобновлена работа нескольких, законсервированных до того, наиболее крупных механизированных пекарен.

Вся мощность московского хлебопечения без учета неизбежных остановок на отдельные очередные ремонты и возможные частичные аварии доведена сейчас до 3354 т в сутки (свыше 200 тыс. пудов), а с учетом этих остановок обеспечивает 3 тыс. тонн.

Между хлебопекарными предприятиями к моменту перехода на бескарточную продажу хлеба полностью распределена конкретная программа выпечки хлеба по расширенному ассортименту. Ржаной хлеб выпекается нескольких сортов. Белый хлеб в соответствии с сырьем доведен до 15—20 основных сортов, не считая многообразия ассортимента в смысле формы изделий. До 50% всей продукции переводится на штучный хлеб в 800 и 400 грамм. Привлечены старые кадры мастеров-пекарей. Произведены пробные выпечки новых сортов. Перестроены экспедиции заводов с учетом изменяющегося потока выпускаемой продукции. Проведен целый ряд совещаний рабочих-хлебопеков с продавцами торговой сети, с транспортниками, с диспетчерами, с рабочими-потребителями (заводы «Серп и молот», им. Бабаева и другие).

Весь аппарат хлебозаводов—рабочие, инженерно-технические работники, руководящий персонал — соревнуется в уменье и способности переключиться с немногих стандартных сортов на многообразие ассортимента, добиваясь высокого качества изделий, своевременности насыщения ими торгующей сети.

С отменой карточной системы коренным образом меняется характер всей торговли хлебом: от нормированного распределения, от прикрепления населения к определенным торговым точкам мы перешли к широкой открытой торговле хлебо-булочными изделиями с удовлетворением запросов и вкусов потребителя.

Культурная советская торговля требует, чтобы трудящийся-потребитель мог покупать хлеб и хлебо-булочные изделия высокого качества и в разнообразном ассортименте в культурных, красивых магазинах, где обеспечено выполнение всех требований гигиены и санитарии.

До революции продажа хлеба, в особенности на рабочих окраинах, производилась в основном в подвальных и полуподвальных помещениях под вывесками наподобие такой: «Мелочная, овощная, хлебная торговля купца такого-то». Маленькие окна этих лавчонок специально закрывались разными выставленными товарами, чтобы в лавке всегда была полутьма и легче было всучивать потребителю недоброкачественный и неполновесный товар. Хлеб, выпеченный в подвальных, грязных кустарных пекарнях, продавался в темноте полуподвальной лавочки вместе с керосином, капустой, селедками. Рабочий-потребитель фактически был прикреплен к лавочке тем, что купец отпускал ему хлеб и продукты в долг, на книжку, до получки. Рабочий был всегда в долгу у лавочника и поневоле забирал товары у него. Только немногие магазины в центральных, буржуазных кварталах города, вроде

булочной купцов Филипповых, отличались красотой, чистотой и роскошным оборудованием.

За последние два года, особенно после решения партии об открытой широкой продаже хлеба, муки и крупы, мы заново реконструировали в Москве всю хлебную торговую сеть. Сейчас огромное большинство наших специализированных магазинов — это культурные, светлые, чистые, окрашенные масляной краской помещения с усовершенствованными шкафами и полками. Все продавцы одеты в чистые фартуки и белые куртки, на прилавках — мрамор и стекло. С помощью целого ряда мероприятий в Москве уже давно ликвидированы какие бы то ни было очереди за хлебом.

С отменой хлебных карточек коренным образом изменился естественный поток покупателя. Покупатель идет в магазин, наиболее удобно расположенный по отношению к его работе и жилищу; кроме того покупатель выбирает лучше оборудованный магазин с лучшим ассортиментом и качеством изделий, магазин, где штат культурнее и вежливее. Плохой, черствый хлеб просто не будет иметь сбыта; плохой с грубым штатом магазин просто не будет иметь покупателя.

Только дальнейшая практическая работа поможет нам изучить изменение потока покупателя по признаку территориальности и по времени дня и построить в соответствии с новыми требованиями дислокацию сети и время завоза хлеба. Сейчас необходимо было встретить изменение торговли расширением сети, расширением транспорта, уменьем маневрировать завозом и насыщением торгующих хлебом единиц.

Вот почему уже самое постановление ЦК партии предусматривало необходимость громадного развертывания хлебной сети по СССР путем увеличения торгующих точек к 1 февраля на 10 300 единиц.

До решения ЦК партии Москва торговала хлебом и хлебными изделиями в 1097 точках. На основе постановления декабрьского пленума МК ВКП(б) московская сеть увеличена в течение декабря до 1400 единиц путем открытия новых магазинов, павильонов и палаток и путем организации новых хлебо-булочных отделений в существующих продуктовых магазинах. Вся торгующая хлебом, мукой и крупой сеть увеличена на 30%.

Хлебо-булочные магазины отныне должны завоевывать своего покупателя хорошей работой. Созданы громадные стимулы для улучшения всей торговой техники в этих магазинах на базе соревнования. Большая работа проделана (и еще много надо проделать), чтобы обеспечить новую сеть руководящим персоналом и переквалифицировать весь штат хлебо-булочных магазинов. Существовавшее до сих пор самое название продавца хлеба «хлеборез» характеризовало упрощенность его квалификации. Сейчас нужен квалифицированный продавец, знающий ассортимент и качество изделий, могущий быстро изучить спрос и вкусы потребителя, чтобы регулировать заказы на завод, помогая хлебопекарному производству перестраиваться в соответствии с запросами потребителя. Путем ускоренного выпуска уже обучавшихся и краткосрочных курсов для вновь принимаемых московская кооперация подготовила в декабре 1300 завмагов, продавцов и кассиров. На должности завмагов и их помощников в большинстве мобилизованы комсомольцы.

Быстрому снабжению реконструированной сети инвентарем, весами, кассами помогло наличие в системе МСПО производственно-подсобного треста торгово-технического снабжения. Напряженной работой трест в течение декабря дал в систему московской кооперации 3 тыс. ножей, 2720 весов, 500 ванночек для ножей, 3500 стоек для прилавков, 3200 комплектов гирь, 5 тыс. совков, 20 кассовых аппаратов советской системы своего производства. Свыше 25 тыс. м белой материи было распределено по системе МСПО для быстрой пошивки халатов и фартуков.

Решив задачу ежедневной выпечки свыше 160 тыс. пудов хлеба, перестроив в основном хлебо-булочную торгующую сеть, надо было решить

не менее важную задачу — своевременно и культурно транспортировать хлеб.

Еще недавно из-за отсутствия специализированного транспорта выпеченный на механизированных хлебозаводах хлеб развозился по торговым точкам в возках и санях или в грузовых автомобилях навалом, прикрытый только брезентом от дождя и пыли. Нередко можно было наблюдать, как поверх брезента восседали грузчики и возчики, топча хлеб сапогами. При таком способе перевозки даже доброкачественный хлеб мялся, ломался, портился и доходил до потребителя в неудовлетворительном состоянии. Для Красной столицы, механизировавшей весь производственный процесс хлебопечения, такой варварский, некультурный способ перевозки хлеба был совершенно недопустимым явлением.

Задача реконструкции хлебного транспорта в Москве была очень сложной и трудной. Несмотря на бурный рост автомобильной промышленности потребности растущих городов и механизирующейся деревни в автотранспорте растут неизмеримо быстрее. Однако с помощью партии и правительства московская кооперация эту задачу разрешила путем постройки на своем заводе реконструкции транспорта поставленных на обыкновенные автошасси специализированных закрытых автофургонов «люкс».

По улицам Москвы сейчас циркулируют красивые, окрашенные масляной краской автомобили МСПО с надписями «Хлеб», «Brot». Они работают и днем и ночью, подготовляя 4-миллионному населению хлеб к утреннему завтраку. Из хлебозаводов быстро растекаются они по всему городу; под'езжает такой автофургон к магазину: открываются герметически закрытые дверцы, выдвигаются лотки с аккуратно разложенным на них свежим хлебом, лотки передаются в магазин, ставятся на приемные весы, оттуда — на полку магазина. Хлеб не мнется, не пылится, до самого отпуска потребителю к нему не прикасаются человеческие руки. Вместе с закрытыми фургонами-контейнерами к декабрю циркулировало уже около 180 таких «люксов». Однако сейчас это число стало явно недостаточным. Открытая широкая продажа хлебо-булочных изделий, помимо самого увеличения числа мест торговли, потребовала значительно большей работы транспорта. Прежде всего переход на штучную выпечку хлеба и расширение ассортимента увеличивают об'ем продукции. А главное, чтобы снабдить все хлебные точки всегда свежими изделиями, необходимо увеличить число завозов. Надо завозить хлеб не раз-два в сутки, а четыре-пять раз. Надо умело регулировать завоз и переброску хлеба в соответствии с потоком потребителя. Ответственные задачи диспетчеризации и транспортировки хлеба еще более усложняются; поэтому проведен ряд совещаний с диспетчерами хлебного транспорта, проработаны графики движения и маршруты машин по городу. В течение декабря и января число новых автофургонов-«люксов» доводится до 250.

Все эти мероприятия обеспечили в Красной столице успешное проведение перехода на бескарточную систему продажи хлеба.

Население встретило мероприятия партии с величайшим доверием. Не было никаких очередей; покупатель спокойно выбирал нужный ему хлеб, выражая удовлетворение громадным упрощением системы отпуска хлеба, проведенными реконструкцией и переоборудованием сети, расширением ассортимента хлебных изделий. Первые же дни широкой продажи хлеба показали, что количественный спрос на хлеб со стороны населения совершенно нормальный, на уровне несколько ниже обычного.

Огромная работа выпала на долю транспорта в ночь с 31/XII 1934 г. на 1/I 1935 г. — первую ночь снабжения торговых точек хлебом по-новому. Работа эта была осложнена тем, что в последний день карточной системы (31/XII) выборка населением хлеба повысилась против обычной на 500—600 т, вследствие чего в большинстве торговых точек не оставалось переходящих остатков. В одну ночь, до шести часов утра, надо было снабдить хле-

бом, причем разного ассортимента, около 1500 хлебных точек — почти в два раза больше чем в предшествующие дни.

В то же время график движения автотранспорта и завоза хлеба был построен с основным упором завоза и выхода машин в утренние часы в целях обеспечения торговых точек свежим и мягким хлебом.

Это вызвало в течение ночи единичные перебои в снабжении отдельных торговых точек.

Однако немедленно путем перестройки графика на-ходу и мобилизации дополнительных транспортных средств работа по развозке хлеба была усилена, и к открытию магазинов абсолютно никаких заминок в снабжении покупателя хлебом не было.

Первые дни открытой торговли показали, что в отношении производственного ассортимента необходимо внести изменения в смысле удельного веса отдельных сортов изделий, главным образом увеличения выпечки 96-процентного пшеничного хлеба.

На основе внимательного изучения опыта первых дней продажи хлеба по-новому мы должны внести соответственные коррективы и в производство, и в хлебный транспорт, и в торговлю, чтобы путем изменения ассортимента и максимальной гибкости транспорта и торгового аппарата обеспечить для потребителя всегда свежий, мягкий хлебный продукт требуемых сортов.

На проведение коренной реорганизации снабжения хлебо-булочными изделиями, согласно историческому решению ноябрьского пленума ЦК и декабрьского пленума МК, в Красной столице мобилизовались все организации: партийные, советские, торговые. Это послужило залогом того, что Москва вновь показала образцы большевистского выполнения директив партии.

Построив хлебозаводы-автоматы, переключившись на высококачественный ассортимент, создав специализированный хлебный автотранспорт, оборудовав заново культурную хлебо-булочную сеть, мы, таким образом, обеспечиваем все условия для культурного снабжения хлебом пролетариев и трудящихся великой Красной столицы.

О ЗОЛОТОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР

А. Серебровский

Золото в руках партии и рабочего класса — один из важнейших факторов осуществления того грандиозного плана, который принят XVII с'ездом нашей партии и проводится в жизнь под руководством любимого вождя партии и рабочего класса товарища Сталина. Это определяет задачи, которые стоят перед золотой промышленностью во втором пятилетии.

Неослабные заботы партии и правительства о золотой промышленности создали все предпосылки, для того чтобы эти задачи были разрешены.

Товарищ Сталин в беседе с американским корреспондентом г-ном Дюранти остановился на вопросе о нашей золотой промышленности.

Представитель страны, находящейся в состоянии кризиса, страны, в которой запасы золота иссякают, естественно, был заинтересован страной, где золотая промышленность идет вперед гигантскими шагами. Г-ну Дюранти было чрезвычайно интересно знать, как Страна диктатуры пролетариата справляется с этим труднейшим участком фронта индустриализации. Сжатый и точный ответ товарища Сталина в нескольких словах определил и настоящее положение этой отрасли нашей индустрии и указал пути ее дальнейшего развития.

Вот этот ответ: «У нас много золотоносных районов и они быстро развиваются. Наша продукция уже вдвое превысила продукцию царского времени и дает сейчас более ста миллионов рублей в год. Особенно за последние два года мы улучшили методы нашей разведочной работы и нашли большие запасы. Но наша промышленность еще молода — не только по золоту, но и по чугуну, стали, меди и по всей металлургии, и наша молодая индустрия не в силах пока оказать должную помощь золотой промышленности. Темпы развития у нас быстрые, но об'ем еще не велик. Мы могли бы в короткое время учетверить добычу золота, если бы имели больше драг и других машин» (разрядка наша. — *А. С.*).

Мы должны насытить золотую промышленность механизмами, в самое короткое время уточнить наши огромные запасы, добыть мускульным трудом то, что рентабельно можно взять, чтобы учетверить добычу золота.

Что значит уточнить запасы? Это значит не только детально разведать их, но и разрешить вопрос, когда и в каких размерах делать капиталовложения, куда распределять вновь поступающее оборудование, с каких об'ектов, какими видами работ брать золото.

Что значит «учетверить добычу золота»? Это значит крупными шагами двинуть вперед не только разведки, не только ввести в строй новые агрегаты, но и освоить наличное оборудование, изучить технику золотого дела, правильно поставить добычу и обработку, организовать транспорт, снабжение, труд, доведя его до максимальной производительности, покончить со всеми недочетами, ошибками, недостатками в нашей работе. Вот что значит по-сталински бороться за золото. А это нелегко. «Победа никогда не приходит сама,—ее обычно притаскивают. Хорошие

резолюции и декларации за генеральную линию партии — это только начало дела, ибо они означают лишь желание победить, но не самую победу», — учит нас великий вождь товарищ Сталин.

Но «притащить победу» можно и в далекую тайгу. Большевики золотой промышленности досрочно выполнили программу добычи первого полугодия 1934 г., дав прирост 151% к прошлому, 1933 г. Им предоставлена была великая честь первыми рапортовать любимому вождю, и в ответ на их рапорт товарищ Сталин писал: «Поздравляю с успехом. Надеюсь, что перевыполните план и второго полугодия».

Все, что мы делали до сих пор,—все это можно рассматривать только как подготовку к дальнейшему развитию золотой промышленности. Разведаны огромные запасы, выдвигающие Страну советов на первое место в мире по количеству рудного и россыпного золота. Созданы кадры инженеров, техников, мастеров, квалифицированных рабочих, хозяйственников. Ряд прежде кустарных приисков превращен в крупные индустриальные центры. Золотая промышленность стала индустрией. Это сопровождалось глубокой организационной перестройкой.

Решением ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1933 г. золотой индустрии была придана четкая организационная форма, были введены парторги, ликвидированы лишние звенья, упразднены об'единения, разукрупнены громоздкие тресты, специалисты переброшены непосредственно на производство, увеличена производительность труда, повышен коэфициент использования механизмов и т. д. Наконец, самое главное: работники золотой промышленности были мобилизованы вокруг боевого задания — выполнить и перевыполнить программу, и программа перевыполняется.

В I квартале, а также в апреле и мае 1933 г. золотодобыча еще отставала от плана; но, начиная с июня 1933 г., темпы добычи нарастают. По сравнению с соответствующими месяцами 1932 г. добыча золота составила в июне 1933 г. 118%, в июле — 125,9%, в августе — 144,3%, в сентябре — 173%, в октябре — 179%, в ноябре — 187%. В декабре в связи с огромным производственным под'емом, вызванным подготовкой к XVII партийному с'езду, предприятия золотопромышленности увеличили добычу золота по сравнению с декабрем предыдущего года на 197%.

План первого полугодия 1934 г., предусматривающий огромный рост добычи золота по сравнению с 1933 г., был выполнен досрочно. Перевыполнен план и второго полугодия. Работники золотой промышленности, воодушевленные указаниями товарища Сталина, досрочно выполнили годовой план.

Успехи золотой промышленности были основаны на том повседневном внимании, которое уделяла ей партия во главе с товарищем Сталиным, на том крепком конкретном руководстве, которое проводил тов. Орджоникидзе. И если бы работники золотой промышленности полностью выполняли указания нашей партии и товарища Сталина, результаты работы были бы лучше. А пока мы работаем все еще недостаточно хорошо. Резервы в золотой промышленности весьма велики.

Слабым участком попрежнему еще остается организация труда в золотой промышленности.

На местах еще не вытравлены обезличка и функционалка. Еще много болтунов засоряет производство. Еще не все директивы партии и правительства выполнены на сто процентов.

На многих приисках и рудниках производительность труда низкая и качество работы плохое. Подлинной сдельщины нет. В правильной организации труда золотая промышленность имеет огромные резервы. Можно с уверенностью сказать, что, наладив труд, правильно расставив рабочую силу, добившись полной загрузки рабочего дня и максимальной производительности, мы сможем обеспечить еще 15—20% роста добычи на рудниках.

Диференциации снабжения нет в полной мере. Ударников далеко не везде кормят по-ударному. В области зарплаты и снабжения не изжита уравниловка.

Много есть еще дурных примеров слабого освоения техники, наличия больших простоев крупных и мелких агрегатов, низких коэфициентов работы механизмов, вызывающих значительный недобор золота.

Безусловно, плохо еще используются те огромные материальные ресурсы технического и продовольственного снабжения, которые даны партией и правительством.

Слабыми участками остаются пока складское дело и транспорт.

* * *

СССР обладает огромнейшими запасами золота, на базе которых можно легко добиться учетверения его добычи.

На Урале (Север), в Западной Сибири (Подлунные, Голец, Салаир), на Лене (Голец Высочайший), в Забайкалье (Балей, Дарасун, Ключи), на Дальнем Востоке (Рифманова гора, Белая гора, Ольдой) открыт ряд месторождений, о которых до революции не знали.

Не исчерпана мощность сырьевой базы и старых районов. Достаточно сказать, что в этих районах до сих пор разведано не более 10—20% всей их золотоносной площади. Но кроме того открыт ряд районов совершенно новых, которые не разведывались ранее или потому, что их не знали, или потому, что экономика капитализма не давала возможности их использовать.

Огромные золотоносные площади Казакстана выявлены впервые лишь при советской власти. Казакстан обладает такой мощной сырьевой базой, что даже при недостаточной разведке запасы металла увеличились за небольшой отрезок времени в 20 раз.

Значительно увеличились разведанные запасы Якутии, Дальнего Востока, Восточной и Западной Сибири и, наконец, Урала. Разведками установлено на Алдане наличие рудного золота. Кроме того почти совсем не разведаны еще Средняя Азия и Кавказ, к изучению которых только что приступлено, и, наконец, целый ряд огромных массивов на севере, например Анабар, Чукотка и ряд других.

В такой стране, как Америка, переход на рудное золото с бедным содержанием в 2—2½ грамма на тонну — вопрос решенный. Для Советского Союза разработка бедных руд не является необходимой. Мы будем изучать технологию извлечения золота из бедных руд, но это — наш резерв, резерв огромной мощности. Мы имеем много крупнейших месторождений с запасами, определяемыми в сотни тонн золота, с богатым содержанием металла в руде. И таких богатых руд нам хватит еще не на одну пятилетку.

Надо приступить к широкой разработке огромных наших запасов, как рудных, так и россыпных, и приступать во всеоружии новейших достижений современной техники.

Того, что сделано в этом направлении, совершенно недостаточно. Мы еще не добились максимально возможного извлечения золота из руд, не используем еще в достаточной мере старых отвалов, содержащих большое количество металла и легко поддающихся обработке, не поставили еще правильно дела разработки россыпей.

Нам нужно еще многому учиться и, прежде всего, поставить на должную высоту самую добычу золота, усовершенствовать горно-рудное дело; использовать в разработке золотых руд все новейшие методы разработок, применяемые в Америке, — это первое и самое главное, что мы должны сделать [1].

[1] Подробнее см. А. Серебровский «Золотая промышленность». Т. I. «Соединенные штаты Америки». 4-е изд. 1934.

Затем, нужно улучшить процесс извлечения золота из руд, ввести новую технику механической обработки руд, методы флотации, методы цианирования.

Не надо забывать, что химическим путем мы сможем обработать не только новые руды, но и массу старых отвалов, имеющихся у нас в изобилии. Но для этого нужно внедрить современный американский полный иловой процесс, состоящий в измельчении всей массы руды и последовательной обработке ее путем флотации и ряда сложных химических операций.

Установка для полного илового процесса состоит из крупной дробильной фабрики, затем, из размольного оборудования, ряда классификаторов, флотационных машин и, наконец, из крупного химического, цианового завода, где масса илов промывается, обрабатывается в цианистом растворе, фильтруется. В конечном счете это дает возможность извлечь золото из руд почти полностью до 92—94 %.

Впервые при советской власти у нас построено несколько крупных обогатительных фабрик и заводов с законченным циклом. Ранее работали главным образом на амальгамационных (бегунных) фабриках. От бегунных фабрик мы и теперь еще не отказываемся: они более компактны, их легче построить, и они требуют меньше расходов. Поэтому мы еще долго будем работать и на старых бегунных фабриках, и новые бегунные фабрики строить не отказываемся, особенно в гористых и малодоступных местностях.

Однако полный иловой процесс как технически более совершенный способ извлечения золота будет все больше и больше распространяться у нас, тем более, что он сопровождается значительной механизацией и дает большую экономию. Но несмотря на это большая часть наших предприятий на сегодняшний день работает раздельным процессом обработки золотых руд, а не полным иловым процессом, который нашел себе сравнительно широкое применение в Канаде, США и Южной Америке.

В ряде проблем обработки золотых руд определенное место занимает снабжение наших предприятий цианистыми препаратами, а также разработка возможности регенерации цианистых растворов. Цианистые соединения до настоящего времени почти полностью импортировались из-за границы, и мы не имеем еще своей достаточно развернутой промышленности по производству цианидов. Поэтому мы должны особо настойчиво ставить вопрос о возможности применения регенерации цианистых соединений из отработанных растворов.

Вопрос о регенерации особенно важен для предприятий крупного масштаба, обрабатывающих руды с содержанием соединений меди, железа и некоторых других веществ, вызывающих большой расход цианистого натрия.

Нужно отметить, что большая часть наших предприятий в деле введения новых методов отличается значительным рутинерством. Как на один из характерных примеров можно указать на почти повсеместное, за исключением только Балейской «американской» фабрики, ведение процесса осаждения золота и серебра из цианистых растворов цинковой стружкой. У нас совершенно игнорируется почти повсеместно принятый за границей метод осаждения цинковой пылью с предварительным выделением кислорода из цианистого раствора.

Последний метод не только уменьшает стоимость процесса, но и упрощает его, не допуская того омертвления капитала, которое происходит при осаждении цинковой стружкой в экстракторах. При наличии последних с'емка производится обычно один раз в месяц, а в лучшем случае два раза в месяц, тогда как при осаждении цинковой пылью металл реализуется через несколько дней.

На циановых заводах путем законченного илового процесса можно получать всякое, в том числе и мелкое золото.

Для выделения крупного золота в настоящее время применяются следующие основные методы:

непосредственная амальгамация всей руды; применение шлюзов из ворсистой или рифленой материи с последующей амальгамацией в бочках получаемого с них золотого концентрата; промывка измельченной руды на рифленом шлюзе, который применяется при наличии весьма бедных золотых руд, требующих наиболее простых и дешовых методов обработки.

На наших предприятиях для выделения крупного золота применяется почти исключительно амальгамация. Между тем применение шлюзов из ворсистой материи представляет более дешовый метод, не требующий значительной затраты ртути и дающий возможность в ряде случаев извлечь попутно с золотом и другие ценные металлы.

Последнее обстоятельство дало возможность, например в Южной Африке, извлекать совместно с золотом значительное количество платинированных металлов. В Южной Африке такого рода шлюзы в настоящее время почти совершенно вытеснили из практики обработку золотых руд непосредственной амальгамацией всей золотой руды.

Преимущества данного метода показывают, что основной и неотложной задачей является организация в Советском Союзе производства ворсистых и рифленых материй, а также проведение систематических работ на опытных установках, для того чтобы получить достаточный технический опыт для более широкого введения матерчатых шлюзов.

Техника механической обработки золотых руд имеет крупное значение в экономике их обработки. На долю ее падает от 30 до 40% общей стоимости обработки. Наши золоторудные предприятия еще крайне слабо механизированы, и их хозяйство должно быть пополнено целым рядом устройств для большей механизации и автоматизации процесса обработки.

В первую очередь надо обратить внимание на установку рудоразборки (сортировки руд), так как таким путем значительно облегчается работа фабрик и заводов по обработке отсортированной руды.

Общим для большей части наших золотых комбинатов является недопустимо скверное хранение отвалов — эфелей и илов, идущих после амальгамации золотой руды в так называемые разрезы, или прудки. Такой способ никуда не годится, и фабрики по обработке золотых руд, расположенные нередко на берегах рек, теряют значительное количество металла вместе с илами, сносимыми или непосредственно водой или переливающимися через борта запруды.

Одним из последствий плохой системы хранения хвостов после амальгамации является необходимость затрачивать значительные средства на последующий под'ем их из отвалов, а также необходимость классификации, так как последняя почти не может быть достигнута путем последовательного перетекания из одного зумпфа в другой.

Много нового в металлургию золота вносит флотация. Главнейшим возражением против непосредственного применения флотации к обработке золотых руд является нередко относительно низкое извлечение (около 80% и ниже), которое иногда дает флотация при извлечении золота из руд, не содержащих колчеданов.

Ввиду этого необходимо провести ряд исследовательских работ с различными об'ектами для выявления возможности и перспектив флотационного обогащения золотых, серебряных и платиновых руд перед извлечением из них драгоценных металлов.

Мы уже отметили, что весьма существенным моментом для увеличения сырьевой базы является использование отвалов, накопившихся в результате деятельности амальгамационных фабрик, масштаб которых часто бывает небольшим, и поэтому постановка цианистого процесса может оказаться на некоторых фабриках невыгодной по экономическим соображениям. Ввиду этого нужно самым серьезным образом обсудить и ввести в практику золото-

промышленности небольшие переносные обогатительные установки, производительностью от 25 до 50 т в сутки, предназначенные для переработки отвалов амальгамационных фабрик. Подобного рода установки включают флотационные приборы и концентрационные столы и имеют достаточно широкое применение в американской практике не только для отвалов амальгамационных фабрик, но и для переработки шлихов, накопившихся в результате промывки россыпей.

Рациональное хранение отвалов, которые остаются на небольших месторождениях в предприятиях, не успевших развернуть у себя цианистый процесс, является чрезвычайно необходимым.

Внедрение методов обогащения в обработку серых и черных шлихов в связи с задачами комплексной обработки их является одной из существенных проблем россыпного дела, над которой мы работаем теперь с успехом.

Подсчеты и исследовательские работы говорят об экономических выгодах, которые можно получить путем обогащения шлихового материала; это мероприятие кроме того даст нам довольно много в отношении получения попутно с золотом также и редких металлов и олова. В шлихах золотых россыпей найдены вольфрам, касситерит (до 50% оловянного камня в некоторых пробах шлихов) и монацит. Причем такого рода находки не являются случайными, характерными для одного только района, а повторяются в ряде районов.

Если черный шлих представляет легкодоступный и ценный резерв для извлечения золота и редких металлов, то серый шлих, несомненно, хранит в себе еще более значительные запасы указанных ценных составных частей, так как примитивный процесс концентрации, осуществляемый при получении черного шлиха из серого, приводит к весьма значительным потерям.

Это дает возможность ставить вопрос об организации опытных установок по обогащению серых и черных шлихов, дабы изучить на них данный процесс в полузаводском масштабе и поставить промышленные предприятия.

Дальнейшая обработка серого шлиха и извлечение из него шлихового металла должны осуществляться на фабриках, построенных по общему принципу обогатительных установок.

Наличие редких и драгоценных металлов в наших россыпях ставит, в первую очередь, вопрос о необходимости широкого опробования и изучения состава шлихов, получающихся в результате промывки. Следующим вопросом является разработка таких месторождений, с такого рода схемой обогащения шлихов, которая дает возможность в дальнейшем организовать извлечение из них не только драгоценных металлов, но и их спутников.

Эти задачи являются совершенно новыми для россыпного дела. Но все это не исключает, конечно, решения той основной проблемы, которая уже широко осуществляется в настоящее время, а именно: механизации добычи и промывки путем введения драгирования золотоносных площадей, разработки в некоторых случаях их экскаваторами и применения гидравлического способа в зависимости от экономических условий.

Методы механизации добычи и первой стадии промывки должны быть поставлены во главу угла развития россыпного дела во втором пятилетии, так как в развитии мускульной добычи мы подходим к пределу.

В течение всей первой пятилетки механизация золотодобычи непрерывно росла. В 1926 г. механическим путем было добыто 25%, в 1933 г. — около 70. В год расцвета добычи в дореволюционной России (1913 г.) механическим способом было добыто всего около 20%.

В дореволюционной России добывалось главным образом россыпное золото. Это был способ, наиболее быстро дававший барыши и не требовавший больших вложений. Рудного золота добывалось 13%. В СССР рост добычи рудного золота в первом пятилетии дает следующую прогрессию:

Годы	Проценты	Годы	Проценты
1927—1928	16	1931	37
1928—1929	24	1932	40
1929—1930	34	1933	44

В течение второго пятилетия рудная добыча должна будет составлять не менее 58% общей добычи золота.

Рост золотодобычи должен осуществляться за счет расширения механизированных работ на всех наших рудниках, расширения американских фабрик с законченным циклом обработки руды, амальгамационных фабрик, оборудованных бегунными чашами, химических заводов. Мы должны перейти к коренной реконструкции горнодобычных работ с повсеместным введением механического бурения шпуров, механической очисткой забоев, откаткой и под'емом руды, механической сортировкой и предварительным дроблением.

Мы должны обеспечить и старателя-золотничника такими механизмами, которые в значительной степени увеличат производительность его труда. Старательская добыча многими совершенно незаслуженно игнорировалась. Советский Союз имеет неисчислимое количество сравнительно мелких золотых месторождений, доступных для разработки небольшими артелями и отдельными лицами. Старатели ежегодно добывают кроме того сотни и тысячи килограммов золота, разрабатывая отвалы старых работ и утилизируя отходы производства отдельных крупных наших устройств. Они же являются лучшими практиками-разведчиками, выявляя в глухой сибирской тайге богатейшие площади, пригодные для постановки крупных механизированных золотоизвлекательных работ.

Добывая ежегодно золота на много миллионов валютных рублей, старательские артели и золотничники творят огромной важности государственное дело, укрепляют валютную мощь Советского Союза. К сожалению, старательской добыче мешали и до сих пор мешают факты безобразного администрирования со стороны отдельных местных работников, отвлекающих старателей и их тягло на другие работы, срывающих старательскую добычу золота. Таким «администраторам» нужно дать самый решительный отпор как людям, саботирующим важнейшие решения партии и правительства.

Чрезвычайно большое значение имеют и будут иметь для повышения старательской добычи приказы тов. Орджоникидзе о повсеместном развитии старательских золотничных работ и привлечении к ним широких слоев населения, а также закон о старателях-золотничниках от 27 мая 1934 г.

* * *

Механизация золотодобычи требует широкой подготовки кадров инженерно-технического персонала и рабочих. Выполняя директивы партии, золотая промышленность во втором пятилетии развернет в широком масштабе подготовку технического персонала и создаст все условия хозяйственникам для овладения техническими знаниями. Управляющий-инженер должен стать основной фигурой на командных высотах золотой промышленности. Широкие возможности выдвижения на ответственные посты в золотой промышленности должны быть предоставлены нашим молодым советским инженерам. До сих пор инженерные кадры золотой промышленности чрезвычайно слабы. Этот участок нуждается в подкреплении из других отраслей тяжелой промышленности.

Во втором пятилетии золотая промышленность должна окончательно закрепить постоянные кадры на приисках, создать культурно-бытовые условия, обеспечивающие их закрепление. Крупное жилищное строительство, в том числе и индивидуальное, при значительной помощи со стороны предприятия материалами, техническими указаниями и кредитом должно закрепить на

длительные сроки работников на приисках. Этой же цели будет служить и развитие приискового сельского и огородного хозяйства.

Только при наличии хорошо подготовленных, постоянных, на долгий срок закрепившихся на рудниках и приисках кадров рабочих мы сумеем хорошо освоить технику имеющегося оборудования и нового, которое будет введено в строй.

Темпы насыщения золотой промышленности механизмами были очень значительны в первой пятилетке.

Если взять для сравнения 1928 и 1934 гг., то получаются следующие разительные цифры: «американских» фабрик, т. е. предприятий с законченным циклом обработки золотой руды, тогда не было совсем, сейчас их 6. Вместо 34 амальгамационных фабрик мы сейчас имеем 85. Количество электрических драг увеличилось с 1 до 16. Общее количество паровых и электрических драг увеличилось в три раза: сейчас их работает 85. Количество гидравлик выросло с 32 до 190.

Такие рудники, как Кочкарский, Балей, по степени своей механизации и по оборудованию не уступают рудникам черной и цветной металлургии, а «американские» фабрики, построенные в СССР впервые, по характеру своих механизмов близки к сложнейшим флотационным фабрикам цветной металлургии.

Сырьевые запасы золота позволяют нам строить столько фабрик, рудников, электростанций, драг, гидравлик, экскаваторов, сколько мы сможем оборудовать, ибо наши сырьевые запасы безграничны.

Во втором пятилетии мы должны прежде всего в связи с широким разворотом работы обеспечить транспорт в золотой промышленности.

На сегодня транспорт, этот важнейший нерв работы всей золотой промышленности, представляет собой «узкое место». Характерной особенностью территориального расположения золотодобывающих предприятий является значительная оторванность большинства из них от железнодорожной сети общего пользования.

Главная масса предприятий расположена в районах, мало обжитых и плохо освоенных. Помимо золотой промышленности в этих районах обычно нет никаких других производственных предприятий, нет так же и крупных сельскохозяйственных организаций, продукция которых могла бы быть использована для удовлетворения хотя бы некоторой части потребностей золотой промышленности.

Все техническое и продовольственное снабжение в громадном количестве приходится завозить на прииски издалека.

Бесперебойность производства зависит в огромной мере от снабжения, а успешность снабжения — от возможностей во-время доставить тот или иной груз в требуемом количестве.

В настоящее время транспорт лимитирует золотодобычу и в частности механизацию работ, так как без дорог и без автомашин нельзя завезти на предприятия драги, оборудование для фабрик и вообще те тяжеловесы, которые требуются в процессе механизации добычи.

Непрестанно, из года в год, растущее и в количественном и в качественном отношении производство влечет за собой, естественно, и соответствующий рост внешнего завоза грузов в наши дальние районы.

Если в прежние годы грузопоток мог быть освоен комбинированным применением собственных и вольнонаемных гужевых средств и незначительным количеством механизированных транспортных средств, то в настоящий период освоить грузопоток можно только при условии значительной механизации транспорта, выполняющего внешние перевозки.

Уже нельзя делать ставку на вольнонаемного возчика и на поголовную мобилизацию гужевых средств населения из местностей, удаленных на многие сотни километров от золотых предприятий.

Автомашины и тракторы должны вступить в работу немедленно на всех тех участках, где дорожные условия улучшены капиталовложениями последних двух-трех лет.

В местах, где с дорогами еще неблагополучно, нужно немедленно развернуть дорожно-мостовые работы, так как без этого механизированный транспорт не даст нужного эффекта. Такие крупные прииски, как Ленские, должны быть соединены железной дорогой с магистралью. Нетерпимо, чтобы добыча на Лене ставилась в зависимость от уровня воды в реке и от различных случайностей.

Для обслуживания верхних плесов нужно развернуть строительство мелкосидящих теплоходов и катеров.

Необходимо усилить водные перевозки, усилить новыми пароходами весь водный транспорт, углубить и обставить речные артерии. Капиталовложения в транспорт должны быть сосредоточены на ближайшем отрезке времени.

Наряду с крупными вложениями в транспорт во второй пятилетке мы должны будем правильно освоить и те транспортные средства, которыми золотая промышленность располагает. Важнейшее условие работы транспорта — беречь коня, беречь машину — на приисках до сих пор еще не выполняется как следует. А без этого мы не сможем даже при самых больших капиталовложениях насытить золотую промышленность транспортными средствами.

На складах и базах, на которых хранятся грузы, должен быть установлен твердый порядок хранения и обеспечена безопасность грузов от порчи и хищений. Решительную борьбу за сохранность грузов от всяких посягательств мы должны вести во втором пятилетии еще более жестко чем сейчас. Ни в коем случае нельзя допускать фактов безобразного «хранения» грузов — под открытым небом, в грязи, в беспорядке.

Склады должны быть построены по всем правилам новейшей складской техники, хорошо содержаться и охраняться, учет должен стоять на высоте, самая возможность злоупотреблений и хищений должна быть исключена, виновных в нарушениях надо беспощадно карать.

* * *

Необходимо немедленно пересмотреть весь вопрос о направлении капиталовложений в золотую промышленность.

Ставя перед золотой промышленностью задачу — дать как можно больше дешевого золота, товарищ Сталин дает директиву о постановке работ в тех районах, которые можно легче и скорее освоить, т. е. в районах, близких к основным магистралям железных дорог, к базам нашей тяжелой промышленности, к энергетической базе.

Это не означает необходимости забросить старые районы, в которых есть еще много золота. Такие районы, как Лена, Алдан, Западная Сибирь, должны развиваться форсированными темпами.

Но разведанные запасы рудников Казакстана, Урала и Западной Сибири и имеющиеся там перспективы показывают необходимость основное внимание уделить именно этим районам. В связи с этим нужно пересмотреть и направление капиталовложений, и размещение оборудования, и самую систему работ.

Экономически обосновав выбор районов, обеспечивающих большую и дешевую добычу золота, мы должны именно там строить основные предприятия золотой промышленности — шахты, фабрики, заводы, электростанции.

Готовясь к гигантскому развороту золотодобычи во втором пятилетии как части всего народного хозяйства, мы должны подводить базу под этот разворот уже сейчас, правильно сосредоточив капиталовложения и произ-

водя новое строительство в 1935 г. Результатом всех этих мероприятий будет резкое увеличение золотодобычи во второй половине 1936 г. и в 1937 г.

Все, что наша золотая промышленность сделала до сих пор, было по существу только подготовкой. Мы прошли только начальную школу золотопромышленности, подготовив своих инженеров, свои рабочие кадры, получив новые технические навыки, научившись работать на новом оборудовании.

Имея огромнейшие, богатейшие в мире сырьевые запасы золота, мы должны и можем их освоить, овладевая техникой дела, а также применяя все те новые методы, какие введены на лучших заграничных золотодобывающих предприятиях.

Армия рабочих, инженеров и техников золотой промышленности, уже показавшая прекрасные образцы в борьбе за золото, вооруженная указаниями гениального вождя партии и рабочего класса товарища Сталина, перевыполнила план добычи этого года, развертывая борьбу за гигантское развитие золотопромышленности и освоение богатейших в мире рудных и россыпных месторождений золота.

Слова любимого вождя товарища Сталина: «Надеюсь, что перевыполните план», приняты работниками золотой промышленности как боевой приказ. Этот боевой приказ большевиками золотой промышленности выполнен.

1 декабря 1934 г. золотая промышленность закончила весь годовой план, дав свыше 100% металла, увеличив добычу против прошлого года на 49%.

Тресты «Уралзолото» (управляющий тов. Ершов), «Запсибзолото» (управляющий тов. Перышкин), «Приморзолото» (управляющий тов. Гуслицер), «Минусазолото» (управляющий тов. Алдаданов), «Миассзолото» (управляющий тов. Голованов), «Балейзолото» (управляющий тов. Мильчаков), «Каззолото» и «Джетыгарзолото» (управляющие тов. Кутиков, тов. Быткин), «Якутзолото» (управляющий тов. Щербинин Я. С.), «Башзолото» (управляющий тов. Ульмасов) — вот передовики золотой промышленности в 1934 г.

Победа в этом году завоевана. Не зазнаваться, не успокаиваться на достигнутых успехах, а работать так, чтобы и в 1935 г., упорно борясь со всеми недостатками в работе, получить право первыми рапортовать о победе нашей партии и правительству, — такова очередная задача всей армии рабочих, инженерно-технического персонала, служащих и руководителей золотой промышленности.

ОБОСТРЕНИЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ

И. Ерухимович

1. Расторжение Японией вашингтонского морского договора

29 декабря 1934 г. японский посол в США Саито уведомил американское министерство иностранных дел, что с этого дня Япония считает вашингтонский морской договор расторгнутым. Вашингтонский корреспондент «Дейли телеграф» сообщает не лишенные интереса подробности того, как произошло расторжение вашингтонского договора: «Все было очень просто. Мистер Саито, японский посол, посетил государственный департамент за несколько минут до полудня. Ровно в полдень, когда часы били 12, посол был введен в частное бюро министра иностранных дел мистера Корделла Хэлла, который принял посла наедине. Оба пробыли в бюро около 15 минут. В течение этого времени японское сообщение было официально вручено и тут же были даны необходимые раз'яснения». Корреспондент добавляет, что в Вашингтоне расторжение договора «не явилось неожиданностью». В иной обстановке этот шаг Японии вызвал бы, без сомнения, сенсацию во всем мире. Между тем, насколько можно судить по откликам мировой прессы, расторжение Японией вашингтонского договора было встречено в США, не говоря уже об Англии, «спокойно». Американская печать весьма сдержанно реагировала на уведомление Саито и лишь в морских кругах было в связи с этим заявлено, что США «примут соответствующие меры».

Но это — обманчивое «спокойствие».

Японский империализм подготовлял отмену вашингтонского договора в течение трех лет, постепенно и непрерывно. Когда японские войска заняли 18 сентября 1931 г. Мукден и оккупировали затем всю Манчжурию, половину Внутренней Монголии и фактически подчинили себе весь Северный Китай, они тем самым возвестили под гром пушек начало конца того «равновесия сил на Тихом океане», которое было установлено в начале 1922 г. на вашингтонской конференции. Выступление японского империализма нанесло потрясающий удар устоям, на которых покоился договор «девяти держав», установивший принцип «территориальной целостности и неприкосновенности Китая». Японский империализм штыками своей армии аннулировал этот договор, воспользовавшись сложной обстановкой, создавшейся в капиталистической Европе и в Америке в результате грандиозного экономического кризиса и резкого обострения внутренних и внешних противоречий основных империалистских стран. Японский империализм воспользовался тем, что его соперники были связаны создавшейся международной и внутренней обстановкой и провозгласил себя **единственным и монопольным вершителем судеб в западной части Тихого океана и в Восточной Азии.**

Последующие события показали, насколько были обоснованы расчеты японского империализма. Шаг за шагом он продвигался вперед, захватывая все новые и новые китайские области, неизменно демонстрируя свою готовность ответить вооруженной силой на малейшие попытки вмешательства других империалистических держав. Японские империалисты до конца

использовали предательскую политику гоминдановского режима, продажность китайской контрреволюции, беззащитность китайского народа. Но они прежде всего широко использовали противоречия между Англией и США. Они не остановились и перед тем, чтобы покинуть Лигу наций, когда последняя стала стеснять японский генеральный штаб публичным обсуждением манчжурской авантюры. Японский империализм расширил сферу своих захватов, продолжая одновременно в огромных размерах расширять свои вооружения, как бы предостерегая своих противников от вмешательства. Правящие круги Японии исходили из того, что США в одиночку не решатся вступить в борьбу, пока не будет выяснена позиция Англии. И в течение всех истекших лет они прилагали немалые усилия, чтобы предотвратить возможность совместного англо-американского выступления, которое могло бы помешать Японии укрепиться на материке. Поэтому они усиленно стараются сохранить «дружбу» с Англией, т. е. восстановить «англо-японское согласие» к тому времени, когда открытая схватка с американским империализмом станет неизбежной.

Если всех этих целей японский империализм еще не достиг, то он все же добился основного. Ему удалось осуществить без помех захват Манчжурии, части внутренней Монголии и укрепиться в Северном Китае. Тем самым японский империализм создал для себя широкий маневренный плацдарм на случай войны.

Японский империализм фактически ликвидировал «открытые двери» в Китае, заявив в ноте от 17 апреля 1934 г., что отныне он рассматривает Китай как свою монопольную сферу влияния. Совершенно ясно, и это отлично понимают в Лондоне и Вашингтоне, что только непредвиденные обстоятельства, вроде небывалого стихийного бедствия, могли бы заставить японский империализм отказаться от этой программы. Но поскольку землетрясения и тайфуны не могут учитываться как надежный элемент политики, империалистские соперники готовятся прибегнуть к другому средству. Это средство — война. Японский империализм также понимает, что его стремление к господству над Восточной Азией ведет к военной катастрофе. Он понимает, что без войны ему не удастся удержать награбленное за последние три года. И вопрос этот: быть или не быть войне — решен господствующими классами Японии в утвердительном смысле. Проблема сводится к тому, как создать такую обстановку, которая гарантировала бы победу. Речь идет о сроках, о политической подготовке, о направлении главного удара. По этим коренным вопросам среди господствующих классов Японии полного единства нет.

Можно отметить три тенденции, которые характерны для настроений, господствующих в буржуазно-помещичьем лагере.

Первая тенденция — это нанесение главного удара на северо-западе — против Советского Союза. Эту линию защищают преимущественно военно-фашистские течения, особенно круги, группирующиеся вокруг Араки и его клики. Они рассчитывают, во-первых, что такое «решение» временно отсрочит выступление США и даже, при наиболее благоприятном стечении обстоятельств, позволит надеяться на поддержку основных сил империалистского мира. Во-вторых, диверсия на северо-запад могла бы, по мнению этих военно-фашистских кругов, создать более или менее обеспеченный тыл со стороны материка и освободить затем все наличные силы Японии для борьбы с противниками, могущими появиться с востока (США) или юго-запада (Англия). Таким образом удалось бы выиграть время для решения основной задачи, которой является окончательное утверждение японского империализма в роли полного хозяина Дальнего Востока. Эти круги, наконец, исходят из того, что воевать нужно как можно скорее, ибо иначе неизбежна внутренняя катастрофа.

Вторая тенденция — нанесение главного удара на за-

паде и юго-западе — против Китая, т. е. против позиций основных соперников Японии в этой стране. Эту линию защищают преимущественно основные группировки финансового капитала, дворцовые круги и их военное окружение — группа Угаки-Минами. Это, так сказать, «трезвая» группировка, считающая, что следует раньше всего использовать настоящее положение вещей и в максимальной степени прибрать к рукам то, что «плохо лежит». Уход генерала Хисикари с поста японского посла в Манчжоу-го и командующего Квантунской армией и замена его генералом Минами (занимавшим пост военного министра в начале манчжурской авантюры) свидетельствует о победе того крыла японской военщины, которое считает, что без тщательной военной и политической подготовки война против СССР сопряжена с колоссальным риском для Японии, а поражение будет иметь катастрофические последствия. Сама Япония не в силах бороться против Советского Союза с какими-либо шансами на успех до тех пор, пока нет уверенности в том, что создастся антисоветская коалиция. Впрочем, надо отметить, что в этих кругах нет уверенности и в том, не потерпит ли Япония поражения даже и при наличии такой коалиции; они не без основания также опасаются, что, ввязавшись сейчас в войну против СССР, Япония лишь улучшит положение своих соперников, которые воспользовались бы неминуемым ее ослаблением и лишили бы ее плодов трехлетних «завоеваний» в Манчжурии и Китае.

Группа Угаки-Минами, вернее, стоящие за ней группировки финансового капитала считают, что прежде чем начинать войну против СССР Япония должна «развязать себе руки» в Китае, закончить оборудование манчжурского плацдарма, реорганизовать армию и заручиться соответственной политической и финансовой поддержкой в форме союза с одним или несколькими империалистскими государствами. Судя по многим признакам, поиски союзников являются сейчас осью всей японской внешней политики.

Третья тенденция, свойственная обеим этим группировкам, заключается в том, чтобы, максимально гибко маневрируя, активно создавать новую группировку сил на Тихом океане. Основные элементы этой новой группировки сил должны заключаться в следующем:

1. а) Максимальное усиление сухопутных и морских военных сил Японии.

б) Завершение оборудования баз для воздушного флота и подводных лодок на далеко выдвинутых вперед островных форпостах.

в) Образование необходимых запасов стратегического сырья: металлов, нефти и химических продуктов и с'естных припасов — риса, скота и т. д.

г) Более или менее прочное «освоение» Манчжурии и других китайских территорий как военно-сырьевых и маневренных баз.

д) Завершение реорганизации и приспособление промышленности, в особенности огромного количества мелких полукустарных промышленных предприятий, к нуждам войны.

2. а) Достижение в той или иной форме прочной договоренности с Англией о «дружественном нейтралитете», т. е. об экономической поддержке.

б) Возобновление англо-японского союза и обеспечение тихоокеанского тыла Японии всей мощью Британской империи, широкая материальная поддержка Японии, изоляция Соединенных штатов.

в) Достижение соглашения с Германией, а через последнюю и с Польшей о совместных действиях, направленных против Советского Союза.

г) Сохранение в резерве возможности компромисса с США на условиях, выгодных Японии.

Все борющиеся между собой капиталистические группировки в Японии сходятся на том, что независимо от направления главного удара надлежит

до конца исчерпать благоприятный момент, дабы Япония наилучшим образом подготовилась к войне.

По мнению английской консервативной печати, морские силы Японии завершили в основном и главном подготовку «к любым возможностям». В октябре закончились японские морские маневры, продолжавшиеся три месяца. Как указывает военно-морской обозреватель «Дейли телеграф» Гектор Байуотер, это были не просто маневры, а «генеральная репетиция в полных костюмах». «Никогда до этого времени, — пишет Байуотер, — ни один флот не проводил настолько далеко идущие учения в мирное время. Уроки маневров уже претворяются в действительность. В течение ноября и декабря была пересмотрена вся система организации морских сил. Начальник морского генерального штаба адмирал принц Фушими получил широчайшие полномочия. В течение последнего года много кораблей было модернизовано, на что потребовались большие расходы. К весне 1935 г. весь флот будет приведен в такое состояние, что сможет в любую минуту встретить «чрезвычайные обстоятельства». Япония к началу года будет в состоянии в кратчайший срок мобилизовать следующие морские соединения: 9 дредноутов, 12 тяжелых крейсеров, вооруженных 20,3-сантиметровой артиллерией, 20 легких крейсеров, 4 авианосца, 2 авиатранспорта, 17 минных заградителей, 100 эскадренных миноносцев, 62 подводных лодки и 500 морских самолетов. Соответственный личный состав подготовлен. Запасы нефти в Иокосука, Куре, Сасебо и в других морских базах значительно увеличены, кроме того построено несколько подземных нефтехранилищ. Созданы запасы металлов, железного лома и другого сырья. Японские военные заводы работают с невиданной доселе производительностью. Выпуск военных кораблей, самолетов, пушек, снарядов, торпед и взрывчатых веществ рассчитан на длительную войну. Наряду с широкими морскими и воздушными приготовлениями японская армия также подвергается усилению и реорганизации. Не может быть никаких сомнений, что нынешняя Япония лучше подготовлена к войне, чем в какой-либо предыдущий период ее истории» [1].

Несомненно, в этой картине краски отчасти нарочито сгущены. Тем не менее она дает представление о поистине бешеном темпе военных приготовлений Японии.

Расторгнув вашингтонский договор, Япония не только развязывает себе руки для неограниченных вооружений, но стремится также таким путем ускорить вызревание нового империалистского блока на Тихом океане, учитывая, что гонка морских вооружений должна еще более обострить англо-американские противоречия.

Расторжение Японией вашингтонского договора является с этой точки зрения завершением определенного периода развития империалистических противоречий на Тихом океане, периода острой борьбы между гигантами империалистического мира. Расторжение вашингтонского договора является вехой, открывающей другой период, еще более острой борьбы, чреватой непосредственными гигантскими столкновениями.

Японский империализм формально не расторгнул остальные соглашения, заключенные в Вашингтоне: он их отменил фактически. Чем же, однако, об'яснить, что он счел необходимым формально расторгнуть вашингтонский морской договор?

С внешней стороны дело представляется более чем просто. Японское правительство потребовало от «морских держав», в первую голову от Соединенных штатов, признания за Японией права на равенство морских вооружений. Конкретно дело сводилось к равенству между флотами Японии и

[1] «Дейли телеграф» от 31/XII 1934 г.

США. В речи, произнесенной в Филадельфии, японский посол Саито в ноябре 1934 года заявлял, что самолюбие не позволяет Японии примириться с меньшим флотом, чем у других держав. Та страна, говорил Саито, которая требует более высокой нормы для своих вооружений, ставит себя таким образом на более высокую моральную ступень. Японский империализм обладает самолюбием, измеряемым пушками только самого крупного калибра!

Есть и другие официальные об'яснения японских требований. Они гласят, что сейчас судьба возлагает именно на Японию «бремя белого человека», которое последнему оказалось не под силу. Это бремя — «сохранение мира на Востоке». Японские военные публицисты с серьезным видом пытались уверить американцев, что, захватывая одну провинцию Китая за другой, Япония не покушается на права других стран.

«Японцы, — писал один из руководителей японского морского министерства, капитан Гумпей Секинэ, — отнюдь не против политики «открытых дверей». Но они понимают, что для проведения этой политики нужен мир, ибо при отсутствии мирных условий политика «открытых дверей» становится бесцельной. Какая другая страна намерена заняться этой существенной задачей — сохранения мира на Востоке? Легко говорить о мире, но чрезвычайно трудно сохранить его. Для этого нужен сильный флот не меньше, чем сильная армия. Выполняя эту задачу, Япония шла на величайшие жертвы в течение последних десяти лет и даже больше. И все же мы выполнили лишь часть нашей миссии. Японский народ твердо уверен в том, что ни одна страна, кроме Японии, не могла бы успешно выполнять эту миссию... Нет сомнения, что если бы американский народ с присущей ему прозорливостью подумал об этом, то он сразу понял бы позицию Японии. Что касается японского народа, то из того, что он один выполняет задачу сохранения мира на Востоке, не следует, будто он намеревается закрыть двери на Восток для других народов. **Трудно придумать** (!) **что-либо так мало похожее** (!) **на намерения Японии**... Взяв на себя инициативу в установлении гармонических отношений между восточными расами, Япония выполняет свою национальную миссию и способствует, таким образом, процветанию человечества» [1].

Надо сказать, что в США эта набожная проповедь не произвела впечатления или, вернее, произвела обратное впечатление. Герберт Корей возразил по этому поводу в декабрьском номере того же журнала, что в США умеют по достоинству оценивать подобные проповеди. Американский империализм, указывает Корей, сам «испробовал идеализм и альтруизм, и надо откровенно сказать, что они себя не оправдали... Это не значит, что американцы стали циниками, это значит, что они научились распознавать факты... Япония уже заявила, что слово «квота» обидно для нее, и требует, чтобы другие державы предоставили ей «в принципе» равенство в области обороны. По всей видимости, ее теория сводится к тому, чтобы ей дали возможность иметь достаточное количество судов для того, **чтобы она получила абсолютный контроль на дальневосточных морях.** Одновременно с этим Япония предлагает Великобритании и США уменьшить их нормы тяжелых линейных судов и в отношении численности и в отношении тоннажа. **Если бы это предложение было принято, это означало бы, что Япония могла бы делать все, что ей угодно, в Азии, и ни одна страна в мире не могла бы против нее выступить...** Может быть, наиболее поразительным заявлением капитана Секинэ является утверждение, что «если даже считать, что факты оправдывают позицию Америки в отношении ее рынков на Востоке», то нужно помнить, что рынки существуют лишь постольку, поскольку

[1] «Керрент истори», ноябрь 1934 г. Разр. моя. — И. Е.

там царит мир, и что «ни одна страна, кроме Японии, не могла бы» сохранять мир на Востоке. Но отсюда приходится делать неизбежные выводы: Япония не возражает против политики «открытых дверей», но хочет своей рукой придерживать эту дверь. Америка, без сомнения, выступит против этого... Мы видим здесь зародыш будущих беспокойств»[1].

Таким образом в Соединенных штатах не скрывают своего иронического отношения к официальной точке зрения японского империализма. Какой же смысл имеет японская аргументация? Смысл ее заключается в том, чтобы внушить трудящимся массам Японии представление об обидах, наносимых им другими участниками вашингтонского договора, отказавшими Японии в равенстве морских сил и тем самым поставившими ее на более низкую моральную ступень. Эта же аргументация должна прикрыть основные цели, которые Япония преследует, формально расторгая вашингтонский морской договор. Этим шагом она как бы предлагает Соединенным штатам форму торга только по одному вопросу, а именно о морских вооружениях, давая одновременно понять, что по другим вопросам, касающимся Дальнего Востока, Япония дискутировать не намерена, пока она не добьется «равенства».

Иными словами, для японского империализма проблема сейчас сводится к тому, как сохранить завоеванное и обеспечить возможность дальнейших завоеваний. Японскому империализму нет надобности придерживаться точного смысла формулы равенства, ибо для него нет необходимости иметь такой флот, все элементы которого были бы равны элементам американского флота. Япония уже сейчас располагает (судя по числу и классам построенных и запроектированных кораблей) максимумом того, что она могла бы создать, даже имея в кармане формально признанное право на равенство морских сил. Если бы Соединенные штаты, предположим, решили сейчас утроить судовой состав своего флота, то Япония вряд ли могла бы ответить тем же. Да и сомнительно, стала ли бы она на такой путь. Расторгая вашингтонский договор под предлогом отклонения ее требований равенства, Япония стремится:

во-первых, предотвратить неограниченные морские вооружения Соединенных штатов путем точного фиксирования в будущем договоре состава военно-морских сил США, а впрочем, также и Англии; средство для достижения этой цели — обострение англо-американского соперничества; Япония могла бы тогда противопоставить своим соперникам меньший флот, но помноженный на благоприятное географическое положение и, следовательно, нейтрализовать «угрозу с востока и юга» при меньших затратах;

во-вторых, расчистить поле для возможного сговора с одним своим соперником против другого: с британским империализмом о совместном переделе экономических, территориальных и всяких иных сфер влияния на Тихом океане за счет американского империализма, или с Соединенными штатами о компромиссе на основе «статус кво». С этой программой действий японская делегация прибыла в Лондон для участия в предварительных морских переговорах.

II. Тактика Японии и позиция британского империализма

Лондонским переговорам, как и расторжению вашингтонского договора, предшествовали неоднократные попытки Японии добиться «взаимопонимания» с США. Нынешний японский министр иностранных дел Хирота не упускал случая заявить, что «Япония искренно стремится к дипломатическому регулированию своих отношений с Соединенными штатами». Летом 1934 г.

[1] Разрядка наша. — И. Е.

по инициативе японского правительства состоялся обмен «посланиями доброй воли» между Токио и Вашингтоном. Видные представители политических кругов и императорского двора специально командировались в Вашингтон для того, чтобы позондировать почву, на каких основаниях возможно японо-американское соглашение. Все эти поездки и обмен любезностями должны были подготовить выступление Хирота с проектом японо-американского пакта, чтобы вырвать у США согласие на передел Восточной Азии в пользу японского империализма. Это была глубокая разведка с целью узнать, как далеко Соединенные штаты готовы пойти против Японии и как далеко они могут пойти ей навстречу. Японский империализм не отказался от надежды избегнуть риска войны с Соединенными штатами путем заключения соответствующих соглашений, которые временно отсрочили бы развязку на Тихом океане. Но когда выяснилось, что в ближайшее время нет перспектив в этом направлении, в Японии еще более усилилась тенденция к привлечению Англии к делу «сохранения мира на Дальнем Востоке».

Англо-японское соглашение в том или ином виде не только должно, по мысли руководящих кругов Японии, развязать им руки, но одновременно должно заставить американский империализм пойти на уступки. С другой стороны, представители японского империализма исходят также из того, что переговоры с США о тихоокеанском пакте вынудили бы и Великобританию быть более сговорчивой. Иначе говоря, это означает, что японский империализм делал и продолжает делать ставку на англо-американские противоречия как на важнейший фактор, который так или иначе способствует сохранению Японией завоеванных позиций, предотвращая возможность образования антияпонской коалиции с Англией и Соединенными штатами во главе.

В этом смысле любопытно, что японская пресса широко использовала пребывание английской промышленной делегации на Дальнем Востоке для распространения всевозможных версий о состоявшемся якобы японо-английском соглашении. Многочисленные слухи, распространявшиеся в течение июля и августа 1934 г. о возобновлении англо-японского союза, усиленно инспирировались из японских источников. 22 августа «Асахи», одна из крупнейших токийских газет, опубликовала сообщение о японо-английских переговорах, посвященных «восстановлению прежнего японо-английского политического союза». Газета даже напечатала одновременно проект нового соглашения. По словам «Асахи», проект состоял из следующих четырех пунктов:

«1. Япония и Англия взаимно признают интересы каждой страны (Японии и Англии) в Центральной и Восточной Азии.

2. Англия признает Манчжоу-го и свободу действий Японии в Северном Китае и сотрудничает с Японией в Южном Китае.

3. Япония обещает Англии не захватывать Британскую Индию (!), Малайский полуостров и другие английские колонии.

4. В случае, если Япония будет иметь столкновение с СССР в Восточной Азии или Англия будет иметь столкновение с СССР в Центральной Азии, — Англия и Япония взаимно обязуются сохранять дружественный нейтралитет».

Приведя эти четыре пункта, «Асахи» сопроводила их комментариями, в которых указывала, что «необходимость восстановления англо-японского политического соглашения вызывается современным международным положением; в настоящее время стоящая у власти консервативная партия Англии понимает, что единственным средством приостановить дальнейшую экспансию Японии

на внешних рынках является восстановление японо-английского политического союза».

В этих комментариях, как и в самых «четырех пунктах», приведенных газетой «Асахи», нет ни слова об Америке. Но это не существенно, поскольку любое англо-японское соглашение, а тем более союз неизбежно были бы в современной обстановке своим острием направлены к изоляции Соединенных штатов. Важно другое. Повидимому, во время пребывания английской промышленной делегации на Дальнем Востоке не только обсуждалась возможность возобновления англо-японского политического соглашения, но и намечались его конкретные формы и предпосылки. Сообщение «Асахи» может послужить в известном смысле материалом для суждения о предварительном наброске японского проекта. Японский империализм, как видно, готов милостиво оставить за Великобританией то, что она уже завоевала в Центральной Азии, в обмен на предоставление ему свободы действий в Восточной Азии, в частности в Северном Китае, и соответствующих уступок в Южном Китае («взаимное сотрудничество»!). Японский империализм готов заплатить за это уменьшением своего демпинга на британских рынках, однако при том условии, если Англия окажет финансовую помощь. То, что в этих проектах как будто не упоминаются Соединенные штаты, говорит еще и о том, что японский империализм хотел придать новому англо-японскому союзу явно антисоветский характер, рассчитывая, что такой именно вариант союзного договора не встревожит преждевременно США.

Трудно сейчас сказать, к каким результатам могут привести переговоры, начатые в Токио между руководящими деятелями японского империализма и членами британской промышленной делегации. Но более чем вероятно, что японские делегаты, прибывшие в Лондон для участия в предварительных морских переговорах, имели своей задачей продолжить эту линию, рассчитанную на недопущение англо-американского сговора, с одной стороны, и на ускорение японо-английского соглашения — с другой.

Японские делегаты, как и руководящие круги Японии, отлично понимали, что возобновление англо-японского союза в той или иной форме не так просто и что Англия так легко не откажется в нынешних условиях от использования японо-американских противоречий в своих интересах. Они поэтому настаивали, чтобы переговоры в Лондоне велись не на совместных совещаниях всех трех делегаций—американской, английской и японской,— а при помощи двусторонних встреч (Англия — Япония, США — Япония и Англия — США). Несмотря на возражения американских делегатов японская точка зрения победила, так как ее поддержали английские делегаты. Неизвестно, в какой степени Саймон и Макдональд держали своих американских и японских коллег в курсе того, о чем они с ними говорили в отдельности. Но эта процедура переговоров позволила представителям Японии и Англии держать инициативу в своих руках и располагать достаточной свободой для маневрирования. Надежды Соединенных штатов на поддержку Англии оказались явно преувеличенными. И японские делегаты имели, надо думать, возможность убедиться в том, что британский империализм, хотя и не слишком рьяно опровергавший распространяемые японскими источниками слухи о каком-то англо-японском соглашении, не склонен сейчас взять на себя риск обеспечения японской завоевательной программы, но вместе с тем и не закрывает пути к такому соглашению.

Британский империализм находится в наиболее благоприятном положении. Его поддержки добиваются и Япония и Соединенные штаты. Правда, за истекшие три года английский империализм фактически содействовал Японии, если не прямо, то косвенно, уже одним фактом «невмешательства». Но при этом он сам рисковал в наименьшей степени. Японский же империализм

добивается активной и прямой поддержки, чтобы завершить перегруппировку империалистских сил на Дальнем Востоке. В Лондоне, несомненно, обсуждался и этот вопрос. И, насколько можно судить по скупым сведениям, просочившимся в печать, японские делегаты не только упрашивали своих английских коллег, но и прибегали к угрозам, сводившимся к тому, что или британский империализм «избавит» Японию от дальнейшего напряжения или Япония сама найдет «избавление» за счет Англии. Эта угроза, повидимому, подействовала, ибо в Лондоне отнюдь не намерены терять такой важный козырь, как Япония. Поэтому английское правительство в конце концов неофициально согласилось с японскими требованиями относительно равенства, и не возражало против расторжения Японией вашингтонского договора. Англия не отвергла окончательно и японский проект замены общего морского соглашения двусторонними договорами. Этой ценой Англия купила согласие Японии подождать, пообещав еще, повидимому, не заключать за спиной Японии отдельных, направленных против нее, соглашений с Соединенными штатами.

Так или иначе, но японскому империализму пока не удалось заручиться активной английской поддержкой для решения «проклятых вопросов» своего бытия как великой империалистской державы. Японский империализм вместе с тем мог установить, что возможность англо-японского соглашения еще окончательно не утеряна, а опасность англо-американского сговора временно также предотвращена.

Следует отметить, что и до и во время лондонских переговоров в японо-английских кругах обсуждались возможности, так сказать, «одностороннего англо-японского соглашения», которое своим острием было бы направлено против Советского Союза. Британский империализм фактически косвенно все время поддерживал антисоветские планы на Дальнем Востоке. Японские империалисты знают, что они могут рассчитывать на подобную косвенную поддержку и дальше. Они учитывают наличие таких благоприятных факторов, как противоречия между Советским Союзом и капиталистическим миром, существование влиятельных антисоветских группировок в лагере английского империализма, надежды, питаемые этими группировками, что попытка Японии осуществить антисоветские планы отвлечет ее внимание от английских сфер влияния в Азии. Но, как известно, одного сочувствия антисоветским планам мало для того, чтобы японский империализм мог решиться на такую рискованную авантюру, как переход через Амур. В материальной же и прямой политической поддержке Великобритании Япония отнюдь не уверена. А между тем речь идет о самой широкой поддержке: не о миллионных, а о миллиардных займах; речь идет о том, чтобы английский империализм взял на себя ответственность за войну, которая, несомненно, имела бы плачевные результаты для ее организаторов и вдохновителей. В Лондоне научились после опыта 1918—1920 гг. считать деньги и взвешивать реальные силы. Руководящие круги Великобритании не уверены в политической кредитоспособности Японии. Они понимают всю тяжесть риска, который им пришлось бы взять на себя. Кроме того, до тех пор, пока британскому империализму не удалось «умиротворить» Европу, т. е. создать для себя наиболее выгодное соотношение сил в связи с вооружениями германского фашизма, английское правительство не склонно развязать войну на Дальнем Востоке, ибо это спутало бы все его карты.

Японии и в этом направлении не удалось пока создать необходимые политические предпосылки для «короткого прыжка пантеры».

Таково положение сейчас. Но каким оно будет завтра? Ведь нынешняя

ситуация может измениться под влиянием тех или иных факторов, порождаемых развитием империалистских противоречий, **не только на Тихом океане, но и в Европе**. Несомненно одно: английский империализм будет и дальше продолжать тактику балансирования между Японией и Соединенными штатами, играя на обострении противоречий между ними, стремясь не допустить двустороннего японо-американского компромисса, чтобы сохранить свободу действия и выбора между англо-американским компромиссом и англо-японским союзом, в зависимости от обстоятельств.

Достаточно проследить внимательно высказывания представителей различных группировок английского империализма, чтобы стала ясна его позиция и тактика. «Конфликт на Дальнем Востоке, — читаем мы в официозе адмиралтейства, — не создает опасности воздушной атаки для Лондона или нападения с моря на наши западные подступы. Другое дело — конфликт в Европе»[1]. Смысл этих слов очень прост: **Англия сама уязвима и на Тихом океане и в Европе**; поэтому она должна и там и тут обладать свободой действий. **Гектор Байуотер**, человек, достаточно осведомленный относительно того, какая именно мозоль в данное время больше беспокоит лордов адмиралтейства, следующим образом оценивает нынешнюю обстановку.

«Что касается морской политики Японии, — пишет он, — то здесь нет ничего неясного или двусмысленного. Япония хочет настолько усилить свою стратегическую позицию, чтобы сделать физически невозможным вооруженное иностранное вмешательство в Восточной Азии. Эта цель уже видна, если не достигнута. Япония не держит военных кораблей в иностранных водах и не имеет заморских баз, если не считать мандатных островов в южных морях. Все ее морские силы сконцентрированы в отечественных водах, где благодаря географическим условиям и первоклассному флоту ее позиция неуязвима. Судя по опыту, можно сказать, что никакой, даже самый убедительный аргумент не сможет заставить Японию уменьшить свои морские вооружения хотя бы на одну тонну или одно орудие ниже того уровня, который она найдет необходимым. Напротив, добившись соотношения 3 : 5 в Вашингтоне, Япония подняла это соотношение в Лондоне до 3,5 : 5, а теперь требует «принципиального равенства» и, без сомнения, не удовлетворится меньшим...

Каковы перспективы? Откровенно говоря, они мрачны. Как бы британские государственные деятели ни хотели сотрудничать в согласии с США, они должны в первую очередь учитывать равновесие сил в европейских водах. А между тем Соединенные штаты меньше всего заинтересованы в этой стороне проблемы. Положение на Тихом океане является сравнительно простым, и при доброй воле держав было бы не трудно установить, в грубых чертах или вполне точно, будущие размеры флотов трех держав. Объединенный англо-американский фронт заставил бы вероятно японских делегатов на конференции сделать разумные выводы, так как, будучи умными людьми, эти делегаты должны понять, что ни Великобритания, ни Америка не питают никаких намерений, направленных против сохранения мира на Дальнем Востоке. Но к ногам британской государственной политики прикованы ядро и цепь потенциальной, если не актуальной угрозы в Северном море, в Английском канале и в Средиземном море. Предлагать Великобритании подписать договор о разоружении, основанный на одной лишь тихоокеанской стратегии, было бы равносильно тому, если бы мы предложили США выработать свою будущую морскую политику, не учитывая совершенно Карaибские или южноамериканские воды или Атлантический океан в целом».

Вся эта длинная тирада понадобилась Байуотеру для того, чтобы заявить

[1] «Naval and Military Record» от 22 февраля 1934 г.

американцам: «На этот раз не помогут методы практической навигации, которые оказались к месту в Вашингтоне в 1921—1922 гг. и в Лондоне в 1930 году» [1]. Иначе говоря, Англия может оказаться вынужденной дать Японии свободу действий на Дальнем Востоке и тем купить себе свободу действий в Европе в случае, если попытки направить экспансию германского фашизма в сторону от британских интересов окончились бы неудачей.

Еще яснее говорит уже цитированный нами «Naval and Military Record»: «Если Америка не доверяет Японии, то пусть она с нею имеет дело. Мы не имеем никаких оснований не доверять Японии, которая хочет лишь одного, а именно: сохранения старой дружбы» [2]. Спустя месяц редактор «Naval and Military Record» Герберт Рессель был однако вынужден добавить в статье, посвященной имперской обороне: «Я думаю, что оживление интереса к проблемам имперской обороны объясняется политикой, которую ведет Япония в течение последних лет. Я не думаю, что Япония питает какие-либо воинственные намерения, но совершенно ясно, что она не позволит другим державам мешать ей в проведении ее политики. И подобная позиция, равно как и оживление, царящее на японских верфях (гм, гм!—*И. Е.*), являются достаточным основанием для беспокойства» [3]. Трудно понять, что думает в промежутке между двумя номерами своего журнала господин Рессель, но зато не трудно понять, чем озабочено британское адмиралтейство и где находится источник колебаний руководящих кругов британского империализма Рессель явно неодобрительно относится к тем, кто предложил бы «отдать Японии большую часть северной Австралии и, таким образом, разрешить всю проблему» (перенаселения Японии).

Английский империализм таким образом преследует свои собственные цели, которые могут быть сформулированы в следующих пяти пунктах:

1. Защита британских интересов и владений от японской экспансии.

2. Выталкивание США из основных сфер влияния на Тихом океане, не допуская вместе с тем чрезмерного усиления Японии. Британский империализм отнюдь не в восторге от перспективы очутиться один на один, лицом к лицу с Японией.

3. Стремление избегнуть необходимости оказать поддержку Соединенным штатам, чтобы не ускорить японо-американского компромисса, а, с другой стороны, не облегчать положения американского империализма.

4. Стремление избегнуть необходимости открыто и до конца поддерживать Японию, чтобы не порывать окончательно с Соединенными штатами. В Лондоне понимают, что следствием этого явилось бы усиление позиции, с одной стороны, тех кругов Америки, которые высказываются за необходимость тесного сотрудничества с другими странами в Азии и Европе, стремящимися к усилению коллективной безопасности; с другой стороны, это усилило бы позиции японофильских кругов, настаивающих на компромиссе с Японией. Британскому империализму чрезвычайно выгодно поддерживать в Соединенных штатах иллюзию о возможности англо-американского сотрудничества.

5. Наконец, британский империализм не может игнорировать мнения настроенной против Японии буржуазии доминионов и поневоле должен заботиться об их спокойствии.

В Англии понимают, насколько сложна обстановка на Тихом океане, и при всем желании и стремлении поддерживать высокое давление в котле тихоокеанских империалистских противоречий там не решаются еще довести дело до взрыва, пока не выяснена ситуация в Европе. Поэтому английский империализм выдвигает свой проект установления нового «равновесия», ко-

---

[1] «Каррент истори», октябрь 1934 г.

[2] «Naval and Military Record», 20 сентября 1934 г.

[3] **Там же, номер от 11 октября 1934 г. Разрядка наша. — И. Е.**

торое Англия могла бы в любую минуту нарушить как решающая сила и с неизменной выгодой для себя Здесь именно и следует искать об'яснений глубокого маневра, предпринятого английской дипломатией и выразившегося в предложении тройственного англо-американо-японского пакта, который установил бы новый «статус кво» на Тихом океане на основе нынешнего соотношения сил.

Насколько сейчас известно, проект тройственного тихоокеанского пакта был выдвинут английской дипломатией неофициально, во время различных «частных» бесед в Лондоне с делегатами Японии и Соединенных штатов. Английский империализм пытался таким путем выяснить, как отнесутся Соединенные штаты к подобному проекту, на каких условиях они пошли бы навстречу Англии. Определенных и надежных данных, которые свидетельствовали бы об американской точке зрения по этому вопросу, пока нет. Современная обстановка тем и характерна, что соперничающие на Тихом океане империалистские державы вынуждены пока еще выжидать, стремясь нащупать уязвимые пункты в позициях друг у друга.

В сущности борьба за новую расстановку сил только начинается. Японский империализм, повидимому, попрежнему будет стараться использовать англо-американские противоречия и растягивать передышку в целях лучшей подготовки к «решительным разговорам». Британский империализм так скоро и так легко не откажется от своего благоприятного положения и будет и впредь маневрировать между Японией и Соединенными штатами. Одновременно нельзя считать исключенным и дальнейшее «сближение» между Англией и Японией, т. е. возрождение англо-японского союза в той или иной форме, но не сразу, а этапами. Любопытно отметить в этой связи обстоятельство, заслуживающее внимания. Английская промышленная делегация, посетившая Дальний Восток и подробно ознакомившаяся с положением в Манчжурии и Японии, опубликовала по возвращении в Лондон подробный отчет, где высказывается за признание Англией Манчжоу-го и за расширение англо-японских экономических отношений. Делегация в частности высказалась за кредитование строительства стратегических ж. д. в Манчжурии. Несомненно, что если бы эти предложения были приняты, то в настоящих конкретных условиях они явились бы этапами на пути к англо-японскому союзу. Этот путь возрождения англо-японского союза представляется наиболее вероятным.

Проект тройственного тихоокеанского пакта следует рассматривать и с другой точки зрения. Если бы английскому империализму удалось реализовать свой проект, — это также явилось бы этапом на пути к завершению перегруппировки сил на Тихом океане, поскольку такой пакт обеспечил бы тыл японскому империализму и развязал бы ему руки для антисоветских авантюр.

Таким образом основной вывод из анализа позиции британского империализма заключается прежде всего в том, что позиция эта при всей своей осторожности все же основана на сотрудничестве правящих кругов Англии не с теми силами, которые заинтересованы в сохранении мира на Дальнем Востоке, а с силами, несущими угрозу новой войны. Британский империализм сейчас еще считает военную развязку преждевременной, он еще заинтересован в том, чтобы выиграть время для дальнейшей военной и политической подготовки, сохраняя в своих руках решающие позиции. Но он уже сейчас, пусть пока косвенно, содействует воинственным замыслам Японии и именно поэтому несет наибольшую ответственность за все последствия, которыми чревата подобная политика для дела мира.

III. Англо-американские противоречия. Перспективы

Расторжение Японией вашингтонского договора является, несомненно, большим ударом для Соединенных штатов, даже если учесть, что свой шаг

Япония подготовляла исподволь, последовательно отменяя фактически все другие вашингтонские соглашения. Американскому империализму остается сделать тот вывод, что времена вашингтонской конференции прошли безвозвратно. Политические деятели США понимают, что за истекшие тринадцать лет произошли большие перемены. Они поставлены перед выбором: санкционировать эти перемены или принять вызов.

Позиция Соединенных штатов далеко не ясна. Герберт Корей, правда, заявляет в цитированной выше статье, что «Америка не намерена вновь предлагать другим странам награду за хорошее поведение». Что же намерены делать Соединенные штаты? Если бы весь вопрос сводился только к соотношению военно-морских сил, то американскому империализму не так трудно было бы опередить Японию. По сообщению американских газет, делегаты США, вернувшись из Лондона в Вашингтон, намерены предложить Рузвельту принять меры к заключению «джентльменского соглашения» с Англией, «чтобы заставить Японию отказаться от ее претензий». Но американские делегаты, повидимому, учитывают, что Англия вряд ли согласится участвовать в комбинации, прямо направленной против Японии; поэтому они предлагают другое средство, которое должно укротить ее: Соединенные штаты должны явственно заявить, что в случае необходимости они доведут свой флот до таких размеров, за которыми Японии не хватит сил угнаться Можно ли, однако, сомневаться, что подобное расширение американского флота вызовет живейший отклик не только в Токио, но и в Лондоне, и что США придется фактически соревноваться не с одной Японией, но и с Англией? Ведь сложность обстановки именно в том и заключается, что над американо-японскими противоречиями доминируют англо-американские противоречия. Иными словами, пока американскому империализму не удалось создать соответственную группировку сил на Тихом океане, достаточно мощную, чтобы воспрепятствовать осуществлению завоевательной программы Японии, — до тех пор никакие, даже самые грандиозные морские вооружения не могут изменить ситуацию в пользу Соединенных штатов. Своеобразие положения заключается именно в том, что проблема японо-американских отношений неизбежно перерастает в проблему англо-американских отношений. Корей указывает, что в «1935 г. взоры Америки будут обращены на Дальний Восток» и что «Америка хочет так распределить морские силы, чтобы ни одна страна не могла рассматривать море как свое частное владение». Все это более чем понятно.

Даже если учесть все возможные варианты временных и частичных соглашений между Соединенными штатами и Англией или между Соединенными штатами и Японией,—неизбежным следствием складывающейся на Тихом океане обстановки явится дальнейшее обострение англо-американских империалистских противоречий. Одно это придает соперничеству на Тихом океане исключительно острый и мировой характер. Не следует думать, что американский империализм добровольно и окончательно откажется от своих позиций на Тихом океане. И готовясь к борьбе, он сейчас вынужден маневрировать еще больше, чем даже его соперники, ибо ему приходится расплачиваться за многочисленные ошибки, предрассудки и неоправдавшиеся надежды прошлого.

Когда три года назад на полях Манчжурии загремели японские пушки, во всех империалистских столицах мира ожидали, что японский шквал минует их и обрушится на чужую голову. Известно, что подобные надежды питали и высокопоставленные государственные деятели гуверовского правительства. Весьма и весьма влиятельные круги США не переставали надеяться, что Япония в конце концов завязнет в Манчжурии и на долгие годы бу-

дет отвлечена от американских позиций в остальном Китае. Немало расчетов связывалось с уверенностью, что японская авантюра в Манчжурии неизбежно приведет к осложнениям с Советским Союзом, и снова, как во время первой мировой империалистской войны, финансовый капитал Соединенных штатов окажется в выигрыше, ничего или почти ничего не проиграв. Эти расчеты не оправдались. Правительство Рузвельта сделало отсюда кое-какие выводы. Но в Соединенных штатах продолжают действовать и те круги, которые попрежнему настаивают на политике «невмешательства». Предоставим, говорят они, другим истощать друг друга в войне, а американским капиталистам дадим возможность сделать хороший «бизнес».

Точку зрения этих кругов довольно откровенно изложил бывший товарищ министра иностранных дел Соединенных штатов при президенте Гувере—Вильям Кестль.

«Мне кажется,—писал он,—что государственный департамент не должен ничего предпринимать, пока новая японская политика («господства над Азией».—*И. Е.)* не будет официально подтверждена или забыта...

Это первая обязанность государственного департамента.

Вторая обязанность имеет огромное значение. Если японская политика действительно будет такой, какой она сейчас кажется, то эта вторая обязанность заключается в том, что мы не должны делать ничего такого, что позволило бы думать, будто этот вопрос специально затрагивает наши отношения с Японией. Мы отнюдь не являемся специальными защитниками Китая. Наши деловые интересы в Китае не могут сравниться с интересами Великобритании... Иностранная печать уже говорит о назревающем конфликте между Японией и Америкой...

В силу нашей долголетней дружбы с Китаем мы сожалели бы, если бы его независимость пострадала в той или другой степени. Но мы не должны ради этого воевать. Нельзя излечить меньшее зло большим! Если Филиппины не подвергнутся нападению, если не случится избиения американских граждан на Востоке, то я не вижу ничего такого, что заставило бы нас воевать в этой части света...

Япония является, без сомнения, сильнейшим государством в западной части Тихого океана. Она сейчас страдает от эпидемии шовинизма и поэтому внезапно превратилась в угрозу для всеобщего мира. Эту угрозу можно устранить лишь проявляя величайшее терпение. Мы должны крепко держаться за дружбу, которая началась 80 лет назад.

Если бы Япония и Америка позволили другим государствам втянуть их в глупую, совершенно бесполезную войну, то мир был бы отброшен назад на целое поколение. Держаться за дружбу с Японией не означает отречься от Китая. Это скорее способствовало бы японо-китайскому сближению. Пока эти две страны: одна—блещущая своими традициями, размерами и потенциальной, хотя чрезвычайно дезорганизованной сейчас мощью; другая—своим патриотизмом и активностью, хотя эта активность сейчас часто направляется по неправильному пути,—не сблизятся друг с другом, мир на Востоке не будет обеспечен» [1].

Перед нами, таким образом, целая программа, и, насколько можно судить, ее поддерживают определенные круги американского финансового капитала, в частности группа Моргана, чикагские банкиры и оружейные фирмы, уже сейчас извлекающие немалые прибыли, снабжая Японию различными военными припасами, химическими продуктами и т. д. Эти круги имеют достаточно сильное влияние, и в определенных правительственных сферах к их голосу прислушиваются не в меньшей степени чем к голосу тех кругов финансового капитала Соединенных штатов, которые имеют крупные интересы в самом Китае. Статья Вильяма Кестля любопытна и в том

[1] «Нью-Йорк геральд трибюн» от 6 мая 1934 г. Разрядка наша.—И. Е.

отношении, что она как бы намечает конкретные условия англо-японского соглашения.

Если Кестль оперировал преимущественно политическими аргументами и взывал к «здравому смыслу», то выступивший вслед за ним контрадмирал Стерлинг, лицо достаточно известное в американских морских кругах, взял на себя другую часть задачи: доказать, что Японии вообще нет основания опасаться Соединенных штатов. А так как и Англия «не покушается на интересы Японии», то последней не угрожает никакая опасность с моря, и незачем поэтому стремиться к дальнейшему усилению своего флота. По мнению Стерлинга, Япония уже обеспечила себя «от нападения крупных морских держав»; сейчас ей угрожает «потенциальная опасность» со стороны авиации Китая и СССР. Какой же выход подсказывает японскому генеральному штабу контрадмирал Стерлинг?

«Оккупация,—заявляет он,—уменьшает угрозу. Полная безопасность японских островов от воздушных налетов с континента может быть достигнута военной оккупацией Японией всей территории, откуда грозит опасность. Это означало бы не только Маньчжоу-го, уже находящееся под японским контролем, но и всю Сибирь, до Байкальского озера, и почти все восточные провинции Китая.

Опасность со стороны морских сил Великобритании и США бледнеет по сравнению с этой новой угрозой...

Купив теперешнюю безопасность дорогой ценой, пролив для этого много крови и затратив много денег, Япония не примирится с тем, чтобы над ее головой вечно висел дамоклов меч, каким является советская авиация возле Владивостока. Можно думать, что если положение станет таким, с каким не примирилась бы любая разумная нация, то Япония начнет борьбу, дабы устранить эту воображаемую или подлинную угрозу.

Именно эта авиационная угроза, а не опасность со стороны морских сил Великобритании и США, стоит в центре внимания военных и морских руководителей Японии»[1].

Адмирал Стерлинг, может быть, и хороший моряк, но он явно недальновидный политик. Надо думать, что американские делегаты во время предварительных морских переговоров в Лондоне на собственном опыте могли убедиться в том, насколько удачно японские делегаты использовали аргументы адмирала Стерлинга. Ведь основной аргумент японского империализма сводится к тому, что его «национальной обороне» со всех сторон грозит опасность, для предотвращения которой ему необходимы крупные вооруженные силы и новые захваты! Статья Стерлинга, как и статья Кестля, появилась в мае, после заявления японского министерства иностранных дел от 17 апреля. Эти высказывания дают возможность понять, как это заявление было встречено в тех кругах американского империализма, которые проповедуют необходимость соглашения с Японией и одновременно подталкивают ее на Север в надежде, что именно таким путем удастся отвратить опасность от сфер влияния Соединенных штатов на Востоке. Несомненно, это обстоятельство, как и «благожелательный нейтралитет» Великобритании были учтены руководящими кругами японского империализма при подготовке и осуществлении расторжения вашингтонского договора. Близорукая политика мстит за себя!

Американскому империализму, с другой стороны, не удалось вбить клин между Японией и Англией, так как не удалось найти приемлемую платформу для соглашений или компромисса с ними. Некоторый свет на настроения руководящих кругов Америки проливает статья Вальтера Липпмана, обычно хорошо информированного обозревателя «Нью-Йорк геральд трибюн». По мнению Липпмана, возможность соглашения с Японией будет

[1] «Нью-Йорк геральд трибюн» от 27 мая 1934 г.

зависеть всецело от готовности Соединенных штатов признать перемены, происшедшие на Дальнем Востоке с 1922 г., а также от «решимости иметь значительно более сильный флот, чем Япония». Липпман, таким образом, советует действовать «и кнутом и пряником».

«Необходимо,—пишет он,—раз'яснить не при помощи хвастливых фраз и угроз, а путем соответствующих мер и спокойного авторитетного заявления, что если Япония хочет получить в политическом отношении свободу действий и не согласна ограничить свои притязания, то мы сможем построить и построим превосходящий по силам флот в Тихом океане. С другой стороны, если Япония согласится ограничить свои притязания,—мы можем пересмотреть свои позиции на Дальнем Востоке, и тогда можно будет заключить морское соглашение... Пересмотр (вашингтонских соглашений.—*И. Е.*) был бы возможен в том случае, если бы Япония признала, что пересмотр не означает предоставления свободы действий и что она, Япония, нуждается в ограничении морских вооружений даже больше, чем мы. На основе этих соображений возможно заключение соглашения на Дальнем Востоке» [1].

С тех пор, как была написана указанная статья Липпмана, произошло немало событий, и даже если считать, что руководящие круги Соединенных штатов остались на этой точке зрения и согласны и впредь уплатить названную Липпманом цену в обмен на готовность Японии «ограничить свои притязания», то отнюдь не известно, примет ли сейчас эти условия Япония. Напротив, она продолжает повышать свои требования, стремясь создать ситуацию для длительного и надежного сохранения завоеванных позиций и их дальнейшего расширения. Безусловно, и английский империализм будет всеми силами мешать соглашению между Японией и Соединенными штатами.

Обстановка на Тихом океане остается чрезвычайно напряженной. Тихоокеанские противоречия вступают в к р и т и ч е с к и й п е р и о д. И если даже отдельными компромиссными соглашениями кризис будет отсрочен, то они отнюдь не в силах предотвратить взрыв. Во всяком случае на этом важнейшем секторе империалистских противоречий следует ожидать таких событий, последствия которых сейчас еще трудно предвидеть.

---

[1] **«Нью-Йорк геральд трибюн» от 17 мая 1934 г.**

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

Иностранная буржуазная печать об отмене карточной системы в СССР

«Самая важная тема сейчас в мире — это Россия». Такими словами начинается статья в американской газете «Сэн» (от 16 декабря) о впечатлениях американского журналиста, побывавшего в Советском Союзе. Эти и подобные слова часто можно встретить в самых различных статьях о Советском Союзе. Они действительно отражают тот огромный интерес, который проявляется во всем мире, — конечно, в разных слоях по-разному — к Советскому Союзу, к успехам социалистического строительства.

Новостей из Советского Союза ждут, их ищут в газетах; о победах социализма ежедневно читают: одни со скрежетом зубовным, другие — с радостью и гордостью. Одни видят в них смертный приговор своему классу, другие воспринимают их как вести из своего будущего: не вести «ниоткуда», из страны утопии, а как вести из *своего будущего*, за которое они борются.

Понятно, что отмена карточной системы была воспринята с огромным вниманием всей международной печатью. Не нашлось, пожалуй, ни одной серьезной газеты, ни одного широко распространенного органа, который позволил бы себе не откликнуться на эту новость хотя бы кратким сообщением. Газеты пестрели заголовками: «Русские обеспечены хлебом», «Молотов говорит, что стране достаточно хлеба до урожая будущего года», «Заготовки превысили план», «Советы приступают к отмене хлебных карточек», «Советы в результате большого урожая прекращают рационирование хлеба», «Шаг к восстановлению нормальной торговой системы с 1 января», «Декретирована повышенная заработная плата для покрытия повышения цен», «Карточки уничтожены», «Отмена хлебных карточек — новый советский блеф», «Новая эра в России», «Советская продовольственная реформа».

Весьма характерно, что буржуазные газеты в подавляющем большинстве хотя и считали необходимым откликнуться на это событие, но предпочитали делать это в кратких телеграммах, в небольших корреспонденциях, избегая сколько-нибудь распространенных комментариев. Значительная часть газет ограничилась довольно об'ективной и сдержанной передачей основных моментов речи тов. Молотова и решения пленума ЦК. Прошло то время, когда можно было замалчивать крупнейшие успехи социалистического строительства в Советском Союзе или пытаться их беспардонно оболгать. Правда о Советском Союзе проникает столькими каналами за границу, что невозможно отмахнуться от нее или отделаться выдумками и извращениями. Вместе с тем отмена карточной системы, выражающая грандиозные успехи социалистического строительства, не представляет особо благодарной темы для комментариев буржуазной печати. Этим и об'ясняются скупость и сдержанный тон информации большинства буржуаз-

ных газет. Так называемые солидные органы печати в неизбежных кратких замечаниях в большинстве случаев вынуждены сделать логический вывод о том, что отмена карточек означает разрешение хлебной проблемы в Советском Союзе, означает, что советское правительство обладает достаточным запасом хлеба.

Например английский «Таймс» от 27 ноября пишет: «Правительство является хозяином положения в смысле снабжения хлебом городских масс. Хлеба заготовлено, повидимому, более чем достаточно». Таковы же отклики германского полуофициоза в вопросах внешней политики — «Кельнише цейтунг», которая 30 ноября говорит, что «советское государство располагает теперь достаточным количеством хлеба, чтобы обеспечить снабжение без карточной системы, путем развития торговли хлебом».

Умеренная консервативная английская воскресная газета «Обсервер» еще более определенно и с некоторой попыткой осмысленного изложения пишет (в номере от 2 декабря): «Теперь, через 6 лет, когда 90% пахотной земли находится в руках колхозов и совхозов, которые быстро механизируются и продуктивно работают, и когла промышленных товаров стало больше, — правительство может заготовлять более значительное количество хлеба, что позволяет отменить карточную систему на хлеб».

Такого рода признания не везде записаны «черным по белому» в потоке буржуазной информации об отмене карточной системы. Но тем отчетливее они читаются между строк.

Уместно вспомнить, что писала почти вся буржуазная пресса 6 лет назад, когда в СССР вводилась карточная система.

Немецкая лево-буржуазная газета «Франкфуртер цейтунг», проливая крокодиловы слезы, в апреле 1929 г. сокрушалась по поводу отсутствия якобы в Советском Союзе перспектив на улучшение продовольственного положения:

«Самые последние сообщения из Москвы с ужасающей достоверностью показывают, что хозяйство пришло к опасному пункту. Успехи, достигнутые со времени переворота, неоспоримы (автор статьи с жалкой хитростью хочет здесь показать свою беспристрастность, чтобы тем сильнее подчеркнуть «справедливость» своих выводов.— *А. Т.)*, но нынешний русский кризис все яснее обнаруживается как кризис системы. Уже нельзя больше, как в первые годы, отговариваться гражданской войной или чрезвычайно плохими урожаями... Политический кризис, который царит в коммунистической партии, является непосредственным выражением трудности экономической проблемы: производство с'естных припасов недостаточно. В городах опять видишь перед лавками длинные хвосты... И вот самое сильное доказательство кризиса: пришлось ввести снова хлебную карточку».

Хлебная карточка в СССР была введена в начале развертывания боев за первую пятилетку. Она сделала свое дело и сделала его неплохо. Сейчас, спустя 6 лет, она отменяется. И увы, «Франкфуртер цейтунг», которая сокрушалась тогда по поводу политического кризиса, в своем новом фашистском образе и подобии, очевидно, уклонится от ответственности за недальновидность своих предсказаний.

Другой солидный немецкий орган — экономический еженедельник «Дер дейче фольксвирт» — в августе 1929 г. в статье под широковещательным заголовком «Крах русской хлебной монополии» усматривал в том, что «правительство предполагает и в 30 году сохранить карточную систему на хлеб», доказательство «неспособности справиться с хлебным кризисом». Бывший орган австрийской социал-демократии «Арбейтер цейтунг», пытаясь доказать губительность большевистской политики для рабочего движения, в декабре 1928 г. заклинал австрийских рабочих поверить, что «попытка Сталина является героической утопией, но утопией». Как извест-

но, слово «утопия» во всей буржуазной печати, начиная с социал-демократической и кончая реакционной, было излюбленным определением развернутого социалистического наступления и пятилетнего плана. С особенной навязчивостью применял это слово к коллективизации «левый» орган германской социал-демократии «Лейпцигер фольксцейтунг» в августе 1929 г., когда писал, что попытки коммунистов создать «новый фундамент сельского хозяйства, поощряя организацию совхозов и колхозов», представляют собой лишь «гнилую утопию, которая будет разрушена в процессе развития».

Этот претендовавший на левизну орган германской социал-демократии повторил почти дословно высказывания цитированной выше «Дер дейче фольксвирт», которая в солидной статье утверждала, что «хлебные фабрики», как она называла совхозы, не смогут дать хлеба и что «надежды, которые советское правительство возлагает на коллективные хозяйства, еще менее обоснованы... Искусственное создание колхозов даст лишь печальный результат — оно сведется в сущности к трате государственного достояния». Это было 6 лет назад.

Более конфузно, что и в самое последнее время, непосредственно перед опубликованием сообщения об отмене карточной системы на хлеб, ряд журналистов, правда, наиболее реакционных и фашистских, выступил с пророчествами о тяжелых осложнениях, которые это должно вызвать. Так, «Берлинер берзенцейтунг» в июне 1934 г., утверждая, что якобы засуха погубила урожай в Советском Союзе, предсказывал резкое обострение продовольственного положения и общее повышение цен на все товары и прежде всего на хлеб.

Известный своими клеветническими статьями против СССР, американский журналист Вилльям Чемберлин в апрельской книжке журнала «Форейн афферс», утверждал, что «карточная система в городах служит убедительным доказательством того, что проблема увеличения продуктов питания не разрешена».

Уже осенью, во второй половине октября, после того как в буржуазной печати были опубликованы сведения об итогах урожая и хлебозаготовок, реакционный орган германского фашизма «Кройццейтунг» в серии статей о сельском хозяйстве в СССР, следуя правилу «желание — мать действительности», выражал сомнение в том, что в СССР возможен рост сельскохозяйственной продукции, и с торжеством сообщал, что колхозы и совхозы «отказались выполнять требования государства о хлебопоставках».

Не удивительно после всего этого, что сообщение об отмене карточной системы явилось для многих буржуазных кругов ошеломляющим. Немецкий экономический еженедельник «Виртшафтеринг» 17 декабря прямо писал: «Многих должно было ошеломить решение пленума Центрального Комитета партии об отмене хлебных карточек». Некоторые органы пытались изобразить дело так, что отмена карточек была неожиданной для самих... Советов, и пришла неизвестно откуда. Фашистская «Дейче альгемейне цейтунг» писала, например, 2 декабря: «Если сейчас, как сообщают, решением пленума ЦК партии хлебные карточки отменены, то это в известной мере является неожиданностью не только для заграницы, но даже для самой страны. Получается почти так, как будто само правительство застигнуто врасплох ходом событий».

Не все газеты, однако, позволили себе такую грубую попытку скрыть свое замешательство; наоборот, некоторые из них указывали, что отмена карточек явилась завершением давно намеченной линии. Выпад «Дейче альгемейне цейтунг» не выделяется, впрочем, из довольно большого количества сумасшедших пустяков, которыми ряд газет сопровождает свои сообщения об отмене карточек.

Если буржуазной печати вообще трудно пускаться в сколько-нибудь осмысленные комментарии по поводу этого мероприятия, то совершенно естественно, что правая реакционная и желтая печать не могла не сопроводить краткие телеграммы своих корреспондентов или сообщения телеграфных агентств различными толкованиями с целью умалить значение или подвергнуть сомнению положительные стороны отмены карточек хотя бы пророчествами о тяжелых осложнениях, которые это должно вызвать. В большинстве случаев эти столь же злобные, сколь и легковесные комментарии сводятся к «глубокомысленному» анализу неизбежности инфляции. Так, французская «Репюблик» от 6 декабря, приводя фантастические цены на хлеб, говорит, что это должно сопровождаться утроением заработной платы. «Но можно ли это сделать без инфляции?» — вопрошает газета, думая такой постановкой вопроса подвергнуть сомнению успех свободной торговли хлебом.

О неизбежности инфляции пишет и французская «Журналь». Еще более категорически заявляет об этом правая французская газета «Журналь де Деба» от 2 декабря: «Уничтожение продовольственных карточек, — пишет она, — попросту означает появление инфляции в Советской России». Довольно трезвые высказывания многих буржуазных органов об укреплении советского рубля в результате развития советской торговли еще более подчеркивают вымученность и вздорность приведенных выше примеров «анализа» денежного рынка.

То, что ряд газет так настойчиво цепляется за перспективу инфляции, говорит лишь о том, как беден, жалок и смешон арсенал их аргументов. Чего стоит, например, заявление близкой правительственным кругам польской газеты «Илюстрованы курьер цодзенны» от 8 декабря, которая утверждает, что советское правительство оказалось вынужденным перейти к свободной торговле хлебом потому, что карточная система потерпела-де неудачу: «Карточный хлеб стал редкостью, и его было трудно получить». В отказе от карточной системы газета усматривает «полное банкротство марксистского учения».

«Комментаторы» действительно застигнуты врасплох и мечутся между противоположными утверждениями. В буржуазной прессе можно встретить заявления о том, что карточная система утратила вообще всякое значение («Нейе фрейе прессе» от 6 декабря) и потому, мол, отмена ее не составляет большого события. Французская «Журнал де Деба» глубокомысленно заявляет, что отмена карточной системы означает возвращение к первому этапу нэпа 1921 г., и пророчит: «Отныне цены значительно повысятся во всех областях русского народного хозяйства».

Но рекорд, пожалуй, побили белогвардейские «Последние новости», которые растерянно бормочут об ухудшении продовольственного положения и выражают надежду, что советское правительство не захочет пустить в продажу значительное количество хлеба и это, мол, поведет к повышению вольных цен на него.

Не следует, однако, думать, что комментарии ограничиваются подобного рода бредом. Полусловами, а иногда и полным голосом более серьезная часть буржуазной прессы не только говорит о положительном значении отмены карточек, но дает более или менее об'ективные, правда, скупые, комментарии. Например «Таймс», сообщив своим читателям в корреспонденции от 27 декабря, что хлебозаготовки протекают успешно (мы приводили выше соответственную цитату), прямо говорит: «Реформа имеет шансы на успех». Чрезвычайно любопытно при этом, что, указывая на рост сети магазинов, «Таймс», очевидно, не без печали, констатирует: «При этом не имеется в виду частная торговля в какой-нибудь форме». Ряд газет указывает, что переход к свободной торговле приведет к снижению цен.

к укреплению рубля и к широкому развитию торговли. Французский «Тан» (от 2 декабря) пишет: «В руководящих кругах считают, что довольно высокие цены, по которым вынуждены будут продавать хлеб вначале, вскоре можно будет снизить при условии, если продукция в колхозах будет расти. Во всяком случае отмена хлебных карточек является отправным пунктом более гибкой экономической политики и в то же время первым шагом к отказу от бюрократизма, который, пожалуй, был необходим на первоначальной стадии, но который очень усложнял торговлю».

«Кельнише цейтунг» (от 30 ноября), излагая решение ноябрьского пленума, говорит, что «отмена карточной системы и развитие торговли хлебом по единым твердым государственным ценам, а также возможность снижения этих цен и снижения цен на промышленные товары создали бы благоприятные условия для дальнейшего роста благосостояния масс». Газета идет еще дальше: «Следует признать, — говорит она, — что коллективизация, охватывающая сейчас 90% обрабатываемой земли, сильно облегчила государству охват урожая хлеба. Одновременно за последние годы улучшился распределительный аппарат. Вместе с тенденцией к установлению единой цены на хлеб и другие товары, с подчеркиванием значения торговли для народнохозяйственной функции распределения товаров возникает вопрос об укреплении и установлении покупательной способности рубля».

Любопытно, что даже «Кройццейтунг» (от 30 ноября) (в некотором несоответствии со своими предыдущими высказываниями) тоже констатирует, что переход к свободной торговле хлебом поведет к установлению покупательной способности рубля, а возвращаясь к этой теме через несколько дней (11 декабря) газета находит любопытный образ для характеристики решения пленума: «С уничтожением хлебной карточки исчезает внешний символ нехватки».

Венгерская «Пестер Ллойд» (от 2 декабря) отвергает спекуляции ряда газет на инфляции и, указывая на открытие коммерческих магазинов, говорит: «Это как будто приводит к общему повышению цен, которое, однако, ни в коем случае нельзя, конечно, рассматривать как инфляционное. При совершенно иной структуре денежного хозяйства в Советском Союзе, желая пользоваться такими понятиями, как инфляция и дефляция, следовало бы скорее сказать, что здесь речь идет о дефляционном явлении, ибо на деле покупательная способность советского рубля все время возрастает».

Замечания некоторых органов печати показывают, что корреспонденты иностранных газет, находящиеся в Москве, понимали, что успехи социалистического строительства приведут к отмене карточных ограничений. Многие из них, очевидно, старались возможно дальше оттянуть сообщение об этом. И если «Дейче альгемейне цейтунг» уверяла, что решение об отмене карточек явилось неожиданным и застало всех врасплох, то например, «Кельнише цейтунг» в уже цитированной нами статье от 30 ноября констатировала, что «отмена хлебной карточки произошла не внезапно». А корреспондент американской газеты «Нью-Йорк таймс» Гарольд Денни, излагая речь тов. Калинина от 6 ноября, говорит в своей телеграмме: «Нейтральные наблюдатели ввиду того факта, что собран хороший урожай несмотря на большую засуху во многих районах, не будут удивлены, если на с'езде коммунистической партии (очевидно, корреспондент имел в виду с'езд советов) в январе будет сделано сообщение о полной отмене хлебных карточек». Наиболее широкую картину рисовал известный иностранный корреспондент Луи Фишер в английском либеральном ежегоднике «Нью-Стэйтсмен Энд Нейшен» (22 декабря). В статье «Хлеб и большевизм» он писал:

«Отмена хлебных карточек означает не только то, что в стране имеется достаточно хлеба, чтобы удовлетворить спрос, но также и то, что имеются все вероятности нормального сельскохозяйственного производства и нормального розничного распределения в будущем.

До коллективизации советская система была подобна двуликому Янусу: одно лицо было направлено в сторону красного пути к социализму, другое имело знакомые черты русского мужика. До коллективизации советская система держалась на одной ноге — на социалистическом городе, теперь большевизм имеет одно лицо и две ноги. Теперь уже нет никакой опасности, что усилившаяся частнокапиталистическая деревня подвергнет экономической осаде и подавит социалистический город.

Так же, как уничтожение хлебных карточек отражает наличие большего количества хлеба, снижение цен на товары отражает наличие большего количества промышленных изделий. Здесь, следовательно, в неоспоримой форме дается доказательство прогресса сельского хозяйства и промышленности Советского Союза. Люди, живущие или приезжающие в эту страну, могут собственными глазами видеть быстрое ежедневное увеличение количества и повышение качества городских товаров, продаваемых в магазинах, а также быстрый ежедневный рост жизненного уровня. До сих пор беспристрастный наблюдатель мог давать такую информацию и просить принять ее на веру. Теперь же эти официальные мероприятия дают неопровержимое доказательство».

Об этих официальных мероприятиях вынуждена сообщать вся печать. Без информации о Советском Союзе не может обойтись сейчас ни одна газета. Но тема «Советский Союз», эта «наиболее важная и наиболее интересная тема», по словам цитированного нами выше американского корреспондента, — не просто тема для информации. Всякая телеграмма о Советском Союзе — это аргумент в политической борьбе, это острое оружие в классовой борьбе.

Поэтому телеграммы о Советском Союзе с их комментариями в буржуазной прессе являются наиболее окрашенными и подчиненными политическим интересам. Соображения внешней политики и внутренние условия классовой борьбы — вот чем (и довольно прозрачно) определяются тон, характер, заголовки, место комментариев в каждой корреспонденции о Советском Союзе.

Несмотря на все эти комментарии, сама тема, факты, о которых пишут, делают свое дело. Факты—упрямая вещь, и от них не уйдешь. Отмена карточной системы послужила еще одним сильнейшим фактором дальнейшего укрепления международного положения СССР, явилась новым ярким доказательством успехов социалистического строительства в глазах трудящихся всего мира.

А. Т.

„Подлинное описание „варфоломеевской ночи" в Германии"

«Белая книга» о расстрелах 30 июня 1934 г. Париж. 1934[1].

В парижском издании Каррефур с предисловием известного шведского адвоката Брантинга только что вышла «Белая книга» о фашистских расстрелах 30 июня 1934 г. Книга представляет собой убийственный обвинительный акт против германского фашизма, против того режима крови и грязи, преступления и провокации, который утвержден германским национал-социализмом на костях трудящихся масс.

Книга основана на точных документах и показаниях, на сообщениях очевидцев, на расследованиях, произведенных авторитетными лицами. Она полна фактического материала, большей частью нового, тщательно подобранного и систематизированного, богато иллюстрирована многочисленными фотодокументами. Эту книгу по силе обличительности, по яркости обвинительного материала можно поставить рядом с «Коричневой книгой» о поджоге рейхстага. Но этим связь между ними не ограничивается. Поджог рейхстага 27 февраля 1933 г. и «кровавая баня» 30 июня 1934 г. являются событиями, внутренне связанными между собой, вытекающими из сущности фашистского режима. «Белая книга» является в известной степени продолжением «Коричневой книги», тем более, что расстрелы 30 июня коснулись целого ряда участников поджога рейхстага и в результате всплыли на поверхность новые подробности о поджоге рейхстага, а главное, появились новые документы, окончательно разоблачившие истинных поджигателей, истинных виновников беспримерной провокации. В книге приведены два замечательных документа. Первый из них—письмо расстрелянного командира штурмовых отрядов Берлин-Бранденбургского района и организатора поджога рейхстага Карла Эрнста, датированное 5 июня и адресованное командиру бреславльских штурмовиков Эдмунду Гейнесу. В этом письме, красочно рисующем обстановку, предшествовавшую кровавым событиям 30 июня, Эрнст сообщает, что надо ждать ударов со стороны Геббельса и Геринга, и обсуждает планы спасения. Главная задача, по его мнению,—это отделить Геббельса и Геринга от Гитлера. Самое интересное в письме—это указание на то, что Эрнст составил документ о поджоге рейхстага и сдал его на хранение в надежные руки. Вот что пишет Эрнст:

«От хромого (подразумевается Геббельс.—*И. Л.)* можно ожидать самых диких вещей. Начальник (т. е. Рем) уже хранит свой важный материал в надежном месте. После разговора с ним я подписал заявление о февральской истории, составленное М. по моим указаниям. Оно в надежных руках. Если со мной хоть что-нибудь случится, пусти его в ход. Посылаю тебе на всякий случай подписанную копию. Хорошенько припрячь ее. Ты должен также отдать куда-нибудь в надежное место свои вещи. Прочти заявление еще раз для себя. Это самое сильное средство, которое мы имеем на худой конец. Быть может это поможет, быть может не поможет ничто».

Стремясь создать какую-нибудь гарантию для своей жизни от нависшего над ними топора, руководители штурмовиков прибегали к различным средствам страховки. Эрнст выбрал самое сильное средство, составив исповедь о поджоге рейхстага и распорядившись опубликовать ее в случае его насильственной смерти. Он хотел в случае опасности заявить: «Попробуйте убить меня, — вы будете разоблачены!» Гейнес отдал письмо Эрнста

---

[1] Weissbuch über die Erschiessungen des 30 Juni 1934. Autentische Darstellung der deutschen Bartholomäusnacht. Paris. 1934.

вместе с целым рядом других документов на хранение одному из своих друзей в Бреславле. Этот человек, живущий и поныне в Германии, передал составителям «Белой книги» исповедь Эрнста о поджоге рейхстага. В книге содержится не только письмо с упоминанием о документе, но и самая исповедь, в которой Эрнст подробно рассказывает о том, как был подожжен рейхстаг и как он вместе с двумя штурмовиками—Фидлером и Моренширьдом—осуществил провокационное задание Гитлера и Геббельса[1]. То, что утверждала «Коричневая книга», то, что ярко обнаружилось во время фашистского процесса о поджоге рейхстага, получило теперь окончательное подтверждение. Главный участник поджога рейхстага сам рассказал о том, как было совершено преступление. Характерно, что фашисты убили не только Эрнста, но и других участников поджога—Фидлера, Моренпшильда и Зандера, чтобы не оставить в живых ни одного свидетеля. «Убрать» людей, участвовавших в поджоге рейхстага или слишком много знавших о нем,—было одной из задач, которую фашисты разрешали 30 июня.

«Белая книга» дает впервые подробное и точное описание событий 30 июня, событий, имевших крупнейшее политическое международное значение, сигнализировавших о чрезвычайном обострении кризиса германского фашизма.

До сих пор такого исчерпывающего описания этих событий не было. Фашисты устроили вокруг них настоящий заговор молчания. Министерство пропаганды, тайная полиция, партийное руководство и Герингт приняли чрезвычайные меры для того, чтобы правда о событиях не проникала в печать. Рассылались циркуляры, была усилена цензура, беспощадно конфисковались даже самые благонамеренные, унифицированные газеты, если на их страницы проникало, хотя бы в форме похоронного об'явления, сообщение, связанное с расстрелами 30 июня. И все же «Белая книга» вышла. Но авторы ее—не фашисты, а враги фашизма, и книга эта бьет как тяжелый снаряд по кровавому режиму фашистской диктатуры.

Что же произошло 30 июня? Насколько германские фашисты стараются скрыть сущность и размах кровавой бойни, видно из того, что до сих пор не опубликованы официальные данные даже о количестве расстрелянных. Геббельс называл число расстрелянных—46, Гитлер в своей известной речи в рейхстаге 13 июля говорил о 77 расстрелянных. «Белая книга» утверждает, что число расстрелянных—минимум тысяча человек. В ней приводится точный, с указанием имен и фамилий, список 116 расстрелянных. Но это, главным образом, лица известные, занимавшие высокие посты, в том числе такие ближайшие сподвижники Гитлера, как Рем, Грегор Штрассер, Эрнст, Гейнес, генерал Шлейхер, генерал Бредов, руководитель католической оппозиции Клаузенер и др. Интересно, что в вышедшей в 1934 г. книге «Дейче фюрер-лексикон», в которой помещаются биографии руководящих деятелей германского фашизма, издатели, чтобы не отправлять эту книгу на макулатуру, решили из'ять или заклеить фотографии и жизнеописания расстрелянных 30 июня национал-социалистских деятелей. Таких заклеенных страничек оказалось 81! В одной Пруссии, по официальным сообщениям, было арестовано 1124 человека. В некоторых местах руководители охранных отрядов, производившие массовые расстрелы, рассказывали в кругу приятелей о числе своих жертв. Вот данные, собранные на основании этих рассказов и приведенные в «Белой книге»: в Мюнхене—137, в Лихтерфельдском лагере—68, в остальном Берлине—74, в Бреславле—54, в остальной Силезии—32, в Лихтенбурге—14, в Саксонии—22.

---

[1] Мы не приводим здесь исповеди Карла Эрнста, поскольку она уже была опубликована в нашей печати (см. «Правду» от 5/XII 1934 г.).

Цифра в тысячу человек расстрелянных, названная в «Белой книге» отнюдь не преувеличена. Примерно на этой же цифре сходятся сообщения целого ряда иностранных буржуазных газет. «Нейе винер журналь» называет цифру в 1184 человека, ссылаясь на сведения, полученные доверенным лицом газеты конфиденциально у сотрудника германского министерства пропаганды.

Кого же расстреливали 30 июня? «Белая книга» делит расстрелянных на 9 категорий: 1) руководители штурмовых отрядов, 2) возможные конкуренты в случае преобразования правительства, 3) участники поджога рейхстага, 4) соучастники каких-либо компрометирующих событий прошлого или убитые из мести, 5) участники католической оппозиции, 6) политические заключенные—антифашисты, 7) евреи, 8) убитые «по ошибке», 9) убитые по фальшивому доносу.

Помещенные в книге биографии расстрелянных руководителей штурмовых отрядов дают яркое представление о напряженности той борьбы за власть, которая происходит среди различных фашистских клик. Из документов и фотографий можно убедиться, как близки были к верхушке фашистского движения эти расстрелянные. В «Белой книге» можно прочесть благодарственные заявления и благодарственные приказы Гитлера по адресу тех, кто через каких-нибудь две недели был зверски убит без суда и следствия. Убийство генерала Шлейхера и его жены, убийство генерала Бредова, убийство Грегора Штрассера и ряда других были вызваны главным образом опасениями Гитлера и Геринга, как бы при каком-либо повороте событий эти лица не заняли их места. Как известно из заявления Геринга, эти лица были убиты при «расширении им своих полномочий по расправе с крамолой». В книге приводится характерный случай расстрела по фальшивому доносу. 13 июля в своей речи в рейхстаге Гитлер указал, что начальник штурмового отряда, член рейхстага Георг фон Деттен был расстрелян, так как он осуществлял, по заданию Рема и Шлейхера, связь с заграницей. А 21 августа вдова фон Деттена была неожиданно вызвана к могиле мужа, где ее встретил заместитель Гитлера по делам партии, министр Гесс, и заявил, что муж ее реабилитирован и что он передает... «гитлеровский привет мертвому товарищу!» Другой пример характеризует тщательность, с которой национал-социалисты уничтожали соучастников компрометирующих событий или даже невольных свидетелей этих событий. Незадолго до 30 июня происходило свидание между Геббельсом и Ремом. Как известно, Геббельс был очень близок к Рему, и, повидимому, переговоры касались того, на чьей стороне выступит Геббельс. И вот 30 июня расстреляны обслуживавшие их владелец гостиницы Центнер и два кельнера, которые знали об этом свидании и, возможно, знали слишком много. Из политических заключенных, убитых в эти дни, укажем, например, на Эриха Мюзама, о котором фашисты сообщили, что он «покончил самоубийством».

Официальные сообщения о событиях 30 июня давали самые разноречивые об'яснения причины расстрелов. Геринг заявлял, что надо было покончить с «больными индивидуумами, увлеченными фантомом второй революции». Пресс-бюро национал-социалистской партии в своем знаменитом сообщении указывало, что пришлось расправиться с «кликой честолюбцев, стремившихся вбить клин между штурмовыми отрядами и государством». Главный упор в этом сообщении был сделан на моральное разложение руководителей штурмовых отрядов, на их роскошную жизнь, на их гомосексуальные извращения, на то, что «вождь» не мог стерпеть такого разложения и приказал их расстрелять. Как будто «вождь» не знал о роскошной жизни, о кутежах, о гомосексуальных наклонностях своих ближайших сподвижников! Как будто он не прикрывал их, не защищал

их, не давал отпора «клевете»! Как будто в его окружении и после 30 июня осталось мало гомосексуалистов и всякой другой человеческой мрази!

Истинное значение событий 30 июня можно понять, только оценивая всю обстановку в Германии. «Белая книга» скупо отводит место оценке этой обстановки: банкротство экономической политики, растущее недовольство масс, непрекращающаяся революционная борьба против фашизма, нарастающий пролетарский отпор фашистской диктатуре, растущая ненависть рабочего класса к фашизму, ярко проявившиеся во время выборов в «советы доверия», начинающееся отрезвление мелкой буржуазии, рост революционных настроений в деревне, разочарование молодежи. Штурмовые отряды, разросшиеся до $2\frac{1}{2}$—3 млн. человек и не расквартированные постоянно в казармах, состоящие в значительной мере из мелкобуржуазных элементов, безработных и т. д., не могли не чувствовать на себе растущего антифашистского под'ема в стране. К тому же фашистская диктатура не могла обеспечить работой и хлебом даже свою главную вооруженную силу—штурмовиков. Отсюда—рост недовольства, выливавшегося в открытое возмущение. Отсюда—непрекращавшиеся среди штурмовиков разговоры о «второй революции». Штурмовики распевали песенку:

«Мы боремся не за золото миллионеров,
Биржевой капитал—наш злейший враг».

Штурмовики писали листовки, в которых требовали: «Гитлер, дай нам хлеба, иначе мы станем красными». Массовая вооруженная сила фашизма, опираясь на которую фашизм пришел к власти, используя которую он осуществлял невиданный кровавый террор по отношению к пролетариату,—эта сила становилась ненадежной. Гитлер, обращаясь к штурмовикам, 8 мая 1933 г. говорил:

«Вы были гвардией национальной революции, вы должны стать гарантией победоносного завершения этой революции, а она только тогда будет победно завершена, если в вашей школе будет воспитан новый германский народ».

«Политические солдаты национал-социалистской революции», «национальные гвардейцы фашизма», шли, однако, за Гитлером потому, что поддались на удочку национал-социалистской демагогии, потому, что они верили обещаниям Гитлера, ожидали от него всех земных благ, как только он придет к власти. Фашистская диктатура быстро разоблачила себя как диктатура наиболее реакционных, шовинистических и империалистических групп финансового капитала. Фашистская диктатура не выполнила ни одного из своих обещаний—она оказалась банкротом. И в ответ на разговоры о «второй революции», которая должна привести к осуществлению демагогических обещаний фашизма, Гитлер резко выступил против смутьянов, носящихся с идеей «второй революции». Усилился сыск в штурмовых отрядах, были утверждены специальные «отряды I—E» для надзора за штурмовиками. Усилились преследования штурмовиков, тысячи из них были брошены в концентрационные лагери уже не в качестве охранников, а в качестве арестованных. Вопрос о нарастающем недовольстве среди штурмовых отрядов—это вопрос о социальной базе фашизма, вопрос о непримиримом противоречии между классовой природой фашизма и его лживой социальной демагогией. В штурмовых отрядах отражался тот процесс нарастающего недовольства против фашистской диктатуры, который захватывал широчайшие слои мелкой буржуазии и который в значительной степени определялся растущей боеспособностью германского пролетариата.

Крупный капитал, юнкера, генералитет рейхсвера с тревогой следили за развитием событий; они требовали решительных мер против социальной демагогии, они решительно возражали против «разжижения» рейхсвера штурмовыми отрядами. Вопрос о включении штурмовых отрядов в рас-

ширяющийся рейхсвер был вопросом о том, может ли германский фашизм рассчитывать на надежность массовой армии. Рейхсвер возражал против включения штурмовиков, требовал сокращения их численности и превращения их в подсобную военизированную организацию. Руководство штурмовых отрядов во главе с Ремом хотело использовать нарастающее недовольство штурмовиков для того, чтобы самим выдвинуться, оттеснить конкурирующие с ними группировки, сделать штурмовые отряды основой вооруженных сил фашистской Германии. Капиталисты, юнкера, генералы рейхсвера требовали обуздания демагогов и руководителей штурмовиков. Гитлер, разумеется, послушно выполнил их волю.

«Белая книга» дает подробное описание событий, предшествовавших 30 июня: свидание Гитлера с Бломбергом на крейсере «Дейчланд», когда был заключен «пакт Гитлер—Бломберг». Вскоре после этого военный министр Бломберг вводит новую присягу для рейхсвера, в которой солдаты присягают национал-социализму. Дальше переговоры Гитлера с Шахтом, Круппом, Тиссеном. 17 июня Папен произносит в Марбурге нашумевшую речь против министерства пропаганды, против неудачного похода, затеянного для преодоления «критиканов и злопыхателей», против опасных разговоров о «второй революции». По линии внешнеполитической Гитлер направляет заграницу Риббентропа, который ведет переговоры о согласии Германии на сокращение численности штурмовых отрядов в обмен на расширение рейхсвера. Такие же переговоры ведет Шахт с директором английского банка Монтегю Норманом.

Между тем положение обостряется, борьба между рейхсвером и штурмовиками выливается наружу в виде открытых вооруженных столкновений между штурмовиками и «Штальгельмом». Руководители «Штальгельма» в некоторых округах арестованы. Офицерские союзы исключают из своих рядов начальника штурмовых отрядов, министра Рема. Финансовый капитал оказывает давление на Гитлера: надо действовать скорее. И Гитлер решается. 24 июня Гитлер дает интервью корреспонденту «Ньюс кроникл», в котором заявляет:

«И если даже придется выбросить за борт тех, кто был для меня друзьями с первых дней, то и тогда я не остановлюсь перед жертвами, поскольку это необходимо для обеспечения движения вперед».

25 июня Гесс произносит речь по радио, в которой грозит: «Горе тому, кто нарушит верность, думая, что он может при помощи бунта служить революции. Адольф Гитлер—революционер большого стиля и внутренне остается революционером большого стиля. Он не нуждается ни в каких костылях».

Мобилизуются охранные отряды (СС—«шуцштаффельн»), эта преторианская гвардия Гитлера, на долю которой выпало непосредственное осуществление кровавой бойни 30 июня. Полки рейхсвера приводятся в боевую готовность. Бломберг выступает за день до событий со статьей в «Фелькишер беобахтер», в которой заявляет, что рейхсвер полностью поддерживает Гитлера. Геббельс, который только что (24 июня) заявлял: «Враг национал-социализма—это не рабочий, его надо искать среди знатных господ, среди тех, которые рассматривали национал-социализм как временное явление»; Геббельс, который только что конфисковал речь Папена, быстро меняет ориентировку. Так же как бог, согласно наполеоновской поговорке, Геббельс всегда—на стороне более многочисленных батальонов. Вместе с Гитлером он летит в Мюнхен на свидание с Тиссеном и Круппом, и 30 июня начинается кровавая бойня.

«Белая книга» не дает подробного анализа классовой сущности 30 июня. События эти означали переориентировку германского фашизма на более суженную социальную базу. Они означали сокрушительный удар по всей

системе национал-социалистского обмана и демагогии, они означали серьезнейший удар по военным планам германского фашизма. Германский фашизм взял на себя задачу—вооружить германский народ не только оружием, но и идеей, во имя которой народ будет отдавать свою кровь на полях новой империалистической войны. События 30 июня показали, что такой идеи у германского фашизма нет, что массовая армия из опоры фашизма превращается в угрозу для него. События 30 июня были убийственной дискредитацией фашизма не только внутри страны, но и на международной арене. В частности они дискредитировали «военную кредитоспособность» фашистской Германии; ими в известной степени был вызван известный поворот в фашистской политике в сторону укрепления военно-политических связей с Францией. События 30 июня были серьезной вехой на пути нарастания об'ективных предпосылок революционного кризиса, хотя рабочий класс и компартия оказались еще не в состоянии полностью использовать драку в лагере буржуазии в качестве косвенного резерва революции.

Самое ценное в «Белой книге»—это факты, ярчайшие факты, срывающие маску с забрызганного кровью и грязью отвратительного лица фашистской диктатуры. «Белая книга» дает описание того, что произошло после «варфоломеевской ночи» в Германии: укрепление позиций монополистического капитала, помещиков и рейхсвера; дальнейший рост недовольства народных масс; растущий отпор рабочего класса фашистской диктатуре; дальнейшее разложение среди штурмовых отрядов. Вот воззвание революционных штурмовиков, которое распространялось в Берлине после событий 30 июня:

«Товарищи штурмовики! Штурмовики отосланы в отпуск, потому что в них больше не нуждаются. Руководители штурмовиков уничтожаются. Мы, революционные штурмовики, ничего общего не имеем с Ремом, но мы ничего общего не хотим иметь и с Гитлером и с Герингом. Гитлер предал штурмовиков, выдал их врагам... Товарищи штурмовики! Не давайте себя разоружать, не давайте себя превращать в палачей рабочего класса».

В «Белой книге» приводятся, правда, немногочисленные, отклики иностранной прессы, причем даже самой реакционной, в которых дается уничтожающая критика фашистского режима. Целая глава посвящена перенесению методов 30 июня на международную арену: национал-социалистскому путчу в Австрии и убийству Дольфуса 25 июля. Наконец, книга описывает события, связанные со смертью Гинденбурга, с об'единением должности рейхсканцлера и рейхспрезидента в лице Гитлера, с гнусной комедией «народного плебисцита» 19 августа 1934 г. Провокация и подлог неотделимы от методов фашистского господства. Помимо жесточайшего террора, запугивания и фальсификации во время плебисцита, Гитлер не мог отказать себе в удовольствии выпустить новую фальшивку, так называемое «завещание Гинденбурга», в котором Гинденбург якобы призывает германский народ следовать за Адольфом Гитлером. В «Белой книге» с неопровержимой ясностью и убедительностью доказывается, что завещание Гинденбурга—чистейшая фальшивка. Несмотря на фальшивки, несмотря на террор и фальсификацию все же нашлось 7 млн. людей, бросивших вызов фашистской диктатуре, голосовавших против Гитлера. На самом деле их было гораздо больше, это видно из того, что в Гамбурге 28% голосов было против, в католических районах—25% против, в Ахене—30% против. Официально был один кандидат—Гитлер, но во многих местах на выборных листках можно было прочесть лозунг: «Ни одного голоса предателям народа! Избирайте Тельмана».

30 июня продолжается... «Варфоломеевская ночь» 30 июня, конечно, не могла укрепить режима фашистской диктатуры, наоборот, она явилась серьезным фактором дальнейшего ее развала. Расстрелы не содействовали

даже консолидации сил в лагере правящих классов Германии. Чем больше фашизм старается монополизировать власть, тем больше обостряется внутренняя борьба в фашистском лагере. Уже из «Белой книги» мы видим, как во время событий 30 июня и после них происходит ожесточенная борьба среди различных конкурирующих между собой группировок. Гитлер и Геринг, выполняя волю монополистического капитала, расправлялись с теми, кто слишком далеко заходил в своей демагогии, в то же время уничтожали и тех, кто мог претендовать на их места в правительстве. Они заключают союз с рейхсвером, но уничтожают близкого к рейхсверу генерала Шлейхера. Они выполняют волю Тиссена и Круппа, но заносят руку над близким к Тиссену и Круппу фон Папеном. Приведенный в «Белой книге» документ—адресованная Гинденбургу докладная записка нескольких генералов рейхсвера по поводу убийства Шлейхера—ясно говорит о том, что и после 30 июня осталась серьезная почва для внутренней борьбы, для трений среди различных группировок германского фашизма, в частности по вопросу о военной политике фашистской Германии. Этот документ носит название «Голубая книга рейхсвера». Авторы «Белой книги» получили этот документ на несколько часов от одного офицера, сотрудника военного министерства. Они сфотографировали этот документ и отправили его за границу. Помимо жалоб на бессмысленное убийство Шлейхера и на лживые обвинения, брошенные по адресу этого «безупречного генерала», мы находим в «Голубой книге» целый ряд общеполитических установок, идущих вразрез с политикой Гитлера. И, самое главное, там говорится:

«После полутора лет национального правительства мы с глубоким сожалением должны заявить, что эти задачи не выполнены. Последние события показали, что тот разрыв, который существует в народе, не устранен. Сведения, которые идут из страны, никак не ослабляют наших опасений. Попрежнему большая часть рабочего класса стоит в стороне, враждебно настроена против нового государства. Бессмысленная церковная борьба раскалывает нацию. Несомненно, новое правительство сделало большие усилия, чтобы укрепить обороноспособность нашего народа, но пока не устранен политический и религиозный раскол, пока вся масса безоговорочно не примыкает к государству, до тех пор мы не можем считать себя готовыми к выполнению великих военных задач будущего».

Генералы рейхсвера требуют устранения Лея — руководителя «трудового фронта», Дарре — министра земледелия и Розенберга — руководителя внешнеполитического отдела. Генералы рейхсвера требуют отстранения военного министра Бломберга и назначения на его место генерала Гаммерштейна, а также назначения Надольного на должность министра иностранных дел. Наконец, в «Голубой книге» рейхсвера указывается на резкое ухудшение международного положения Германии и на необходимость изменить внешнеполитический курс.

30 июня продолжается... В «Белой книге» приводятся факты, показывающие, что обостряется борьба фашистских клик, что не прекращаются аресты и расстрелы среди штурмовиков, среди национал-социалистских деятелей, среди молодежи. Эти факты можно было бы дополнить фактами последних недель, большая часть которых не успела попасть на страницы «Белой книги». Вот краткий перечень их: сообщения о серьезных разногласиях между генералитетом и Бломбергом и о вероятной отставке военного министра; докладная записка командующего рейхсвером генерала Фритча Гитлеру; сообщения об обострившейся борьбе между группой Геринг—Шахт, с одной стороны, и группой Геббельс—Дарре—Лей—Гиммлер—с другой; расстрелы руководителей гитлеровской молодежи—Штебеля и шести других в Мюнхене; расстрел национал-социалистского наместника Верхней Силезии Брокнера и нескольких руководителей штурмовых

отрядов; отставка Федера—главного теоретика национал-социализма, автора н.-с. программы, причем с издевательской иронией Федеру раз'яснили, что его программное требование об отмене процентного рабства надо понимать так: «Плати долги, расплачивайся наличными, и ты будешь избавлен от процентного рабства». Борьба между рейхсвером и охранными отрядами (СС). Руководитель охранных отрядов Гиммлер в конце ноября созвал конференцию своих командиров, на которой заявил: «Рейхсвер снова претендует на то, что он является единственным носителем вооруженной мощи нации. Может быть, это верно с точки зрения внешних интересов. Но с точки зрения нашего внутреннего положения и в особенности принимая во внимание переживаемый момент, мы не только имеем право, но и обязаны сохранить имеющееся у нас оружие». Через месяц, в конце декабря, печать сообщила не только об отстранении Гиммлера, но и о расстреле его. Факт расстрела, по сообщению «Дейли геральд», окончательно не установлен, но известно, что Гиммлер смещен. В ночь на 21 декабря министерство рейхсвера было окружено частями, которые охраняли его всю ночь. Ожидали какого-то выступления против военного министерства. Отовсюду идут сообщения о массовых репрессиях по отношению к национал-социалистам, о многочисленных расстрелах. Издан приказ, запрещающий устройство партийных собраний без разрешения высшего национал-социалистского начальства. Повидимому, в декабре повторились события 30 июня, может быть, в еще большем масштабе, но втихомолку, — так сказать, «варфоломеевская ночь» с потушенными фонарями. Продолжаются кровавые расправы с недовольными элементами, грызутся между собой как пауки в банке различные клики в фашистском лагере. Сокращается размах социальной демагогии. Суживается база маневрирования.

Куда ведет это перманентное 30 июня? Только господа Вельсы, помогшие Гитлеру придти к власти и отсиживающиеся теперь в пражских кафе, могут делать ставку на... календарь, на то, что фашистский режим сам собою падет в результате внутренней борьбы. Все зависит от силы рабочего класса, от его революционной организованности, от того, насколько успешно коммунистическая партия будет ковать единый фронт с социал-демократическими рабочими, завоевывать большинство рабочего класса на сторону революции.

«Белая книга» показывает, куда ведет 30 июня и его продолжение, — к дальнейшему перенесению методов 30 июня на внешнюю политику, к использованию методов террора и провокации во внешнеполитической области, к попыткам разрешить свои внутренние противоречия на международной арене, т. е. к войне.

«За бесчисленными нападениями и зверскими расправами над германскими рабочими последовал поджог рейхстага, за поджогом рейхстага — 30 июня, за 30 июня — 25 июля. От револьверных выстрелов преступников к артиллерийской канонаде и взрывам аэробомб ведет прямая дорога. Она будет тем короче, чем меньше становится маневроспособность гитлеровской диктатуры. Война есть последний выход, по пути которого она решилась идти и ради которого она делает все приготовления. Рабочий класс и весь мир не смогли помешать преступлению с поджогом рейхстага, 30 июня и 25 июля. Эта книга должна помочь помешать новому, еще более страшному преступлению — войне».

Так заканчивается «Белая книга». Книга о фашистском режиме, от которого пахнет кровью и преступлением. Книга, которая наносит звонкую пощечину фашистской диктатуре. Страшная повесть о вчерашних и сегодняшних злодеяниях, грозное напоминание о тех, еще более страшных преступлениях, которые готовит германский фашизм.

И. Л.

XXVII Ленинский сборник

ИМЭЛ — Партиздат. 1934. 489 стр., 5 р. 50 к. в переплете

В «Империализме» Ленин, подводя итоги своего исследования новой исторической эпохи и формулируя в чеканных словах ее определение, замечает: «Но слишком короткие определения хотя и удобны, ибо подытоживают главное, — все же недостаточны, раз из них надо особо выводить весьма существенные черты того явления, которое надо определить» [1].

И вслед за этим Ленин перечисляет пять основных признаков империализма, суммируя гениальное теоретическое обобщение нового исторического этапа в развитии капитализма.

Только что вышедший XXVII Ленинский сборник наглядно показывает, какая титаническая работа мысли, какая масса кропотливого, упорного труда предшествовала формулированию основных признаков империализма. С этой точки зрения, бесспорно, исключительный интерес представляют опубликованные в сборнике варианты плана книги «Империализм — как высшая стадия капитализма». Первые же строки показывают, какую мучительную работу для приспособления к Прокрустову ложу царской цензуры пришлось проделывать Ленину. Ленин тщательно продумывает различные варианты заголовка: «Для цензуры: etwa (примерно. — *Ред.*): «Основные особенности современного (новейшего, новейшей стадии) капитализма» (стр. 104). И, очевидно, плодом тщательного продумывания различных вариантов заглавия, наиболее удобного с точки зрения цензурных условий и в то же время наиболее точно отражающего содержание книги, явился окончательный заголовок, под которым книга вошла в историю человечества.

Как и у Маркса в подготовительных материалах к его работам, в ленинской наметке плана «Империализма» содержится множество гениальных мыслей и постановок вопроса, которые сами по себе уже могут служить предметом серьезнейших исследований, продвигающих вперед теорию марксизма-ленинизма, поднимающих ее на более высокую ступень. Так, под знаком «3 b i s. Кризисы?» Ленин ставит одну из крупнейших проблем капитализма, которая приобрела исключительное значение именно сейчас, в эпоху, когда на основе общего кризиса капиталистической системы развернулся величайший в истории кризис перепроизводства, вот уже 5 лет царящий в капиталистическом мире.

Сколько усилий потратили ревизионисты всех разновидностей, стараясь «доказать», что эпоха империализма, господство монополии внесли «организованность» в стихию капиталистического хозяйства и должны были «способствовать» смягчению кризисов! И уже одна алгебраическая форму-

[1] Ленин. Т. XIX, стр. 142. 3-е изд.

ла Ленина: «Кризисы и м о н о п о л и и... особенно in fine (в конце.—*Ред.*) азарт, риск, крахи» (стр. 105)—дает ключ к правильному решению этой проблемы. Рядом с этими словами Ленин тщательно отмечает те места из многочисленных буржуазных источников и собственных записей, которые дают ему конкретный материал для обоснования постановки вопроса. В высшей степени характерно, что под этим же пунктом о кризисах Ленин записал: «Несоответствие развития земледелия и промышленности». Эта краткая заметка показывает путь, которым Ленин подходил к одной из глубинных основ диспропорциональности, лихорадочных срывов и особенно острого проявления кризисов в эпоху империализма. Подчеркнутое товарищем С т а л и н ы м в качестве одной из характерных особенностей современного кризиса переплетение промышленного кризиса с аграрным показывает всю глубину и значительность этих кратких ленинских заметок.

Как тема о кризисах, так и целый ряд других интереснейших проблем и явлений эпохи империализма, намеченных в этом варианте плана, не могли быть полностью развернуты в тех узких рамках, которые ставило Ленину мелочно придирчивое меньшевистское руководство издательства. Упомянем наметки о дипломатии и внешней политике 1871—1914 гг., вопрос об империализме и демократии, национальный вопрос в эпоху империализма, относительно которых Ленин уже в этом плане отмечал необходимость ограничиться «парой слов».

Но и та «пара слов», которая сохранилась в публикуемом ленинском плане, представляет исключительный интерес. Эти замечания показывают, как все стороны анализа экономики и политики империалистической эпохи связаны и сцементированы в стройной теории империализма, разработанной Лениным.

В добавление к развернутому проекту плана Ленин разрабатывал и планы отдельных глав брошюры, которые близко подходят к окончательному плану, легшему в основу работы. Схемы брошюры и варианты оглавлений также показывают, как тщательно и упорно Ленин работал над формой расположения материала, над последовательностью в изложении отдельных сторон, искал наиболее краткой и в то же время наиболее выпуклой и выразительной компановки книги.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что и в наметках плана Ленин наряду с Каутским очень много внимания уделяет Гильфердингу. Уже расположение тех мест, где повторяется имя Гильфердинга, без расшифровки критических замечаний, которые мысленно имел перед собой Ленин, показывает, в какой мере ленинская теория империализма является плодом беспощадной и последовательной критической переработки и разоблачения оппортунистических построений Гильфердинга.

Опубликованные в XXVII сборнике критические замечания по адресу Гильфердинга дают законченную картину ленинской критики «финансового капитала». Суммарно характеризуя ошибки Гильфердинга, Ленин перечисляет: «1) теоретическая ошибка относительно денег, 2) игнорирует (почти) раздел мира, 3) игнорирует соотношение финансового капитала с паразитизмом, 4) игнорирует соотношение (империализма с оппортунизмом)». Эти ленинские замечания бьют в одну точку. Они со всей силой показывают то, что отделяет «ученые исследования» Гильфердинга о «финансовом капитале» от программного документа марксизма-ленинизма. Они разоблачают Гильфердинга как оппортуниста, проходящего в своих исследованиях мимо главного и основного, обходящего решающее, умалчивающего о том, что империализм есть п о с л е д н я я стадия капитализма, стадия его гниения и умирания.

В своих критических заметках Ленин добирается до основы основ оппортунистической гильфердинговской концепции — до его махистско-

неокантианской эклектики. «Каша... неверно. Не «также»,—пишет Ленин по поводу утверждения Гильфердинга.—«По Э. Маху» «я» есть только тот фокус, в котором теснее сходятся бесконечные нити ощущений... Точно также деньги являются узлом в сети общественных связей» (стр. 317).

Не лишне напомнить читателю в этой связи, что гильфердинговская теория финансового капитала довольно охотно выдавалась кое-кем из извратителей ленинизма чуть ли не за «основу» ленинской теории империализма. Так в свое время «излагал» теорию империализма Каменев, который счел за благо в популярной брошюре, предназначенной для партийного просвещения, по-школьному переложить Гильфердинга, выдавая это за ленинскую теорию.

Публикуемые в XXVII сборнике материалы представляют огромный интерес также и с другой стороны. В них исследования различных сторон империализма тесно связаны и местами прямо переплетаются с подготовительными материалами и замечаниями по вопросу о мировой войне 1914—1918 гг. Это и понятно. В кровавой действительности мировой войны Ленин искал и находил подтверждение своих взглядов на империализм как эпоху революций и войн. В неразрывной связи со своим обобщением основных черт империалистической эпохи он формировал стратегические и тактические установки партии пролетариата, единственной партии, последовательно и до конца борющейся за революционный выход из войны. Ленин тщательно выписывает факты и материалы, он ловит на страницах буржуазных газет высказывания, которые говорят о нарастающем недовольстве, об искрах революционного пламени, вылетающих из костра империалистической войны. Он регистрирует те скупые заметки, проскальзывающие даже на страницах органов воинствующего империализма, которые выражают тревогу буржуазии перед лицом назревающего революционного взрыва. Ленин записывает красочные цифры, публикуемые самими дельцами финансового капитала и говорящие о том, что «война ужасная вещь—но война ужасно прибыльная вещь».

В сборнике среди многочисленных конспектов, выписок, библиографических списков мы находим план такого исключительно важного документа международного революционного движения, каким послужила ленинская статья «О лозунге разоружения».

Ленин тщательно конспектирует брошюру Юниуса (Розы Люксембург)—один из первых документов, свидетельствовавших о том, как лучшие люди из рядов старой социал-демократии, претерпевая мучительный процесс освобождения от оппортунистической коросты, ищут пути к последовательно-революционным позициям международного пролетариата. Ленинский конспект этой брошюры не содержит прямых высказываний Ленина по этому поводу. Читая этот документ и делая из него подробные выписки, Ленин продумывал и готовил свою статью, опубликованную в декабре 1916 г. в «Сборнике социал-демократа» № 2. Но и характер выписок, в которых правильные или приближающиеся к позициям большевизма положения переплетаются и чередуются с неправильными, нечеткими, отражающими влияние социал-демократических традиций, сам характер этих выписок показывает, как Ленин работал над расчисткой пути для лучших людей социал-демократической левой к международному большевизму.

И вместе с тем мы находим в публикуемых материалах гневные, бичующие реплики по адресу оппортунистов и социал-шовинистов, разными путями оправдывающих империалистическое гниение. Ленин выражает свое негодование по адресу Пауля Ленча, метко определяя его статью как «образец холуйски-шовинистской бляги». Он тут же отмечает, что «очень бы полезно сопоставить с Плехановым!!» (см. стр. 294 и 296 настоящего

сборника). Эпитет «мелкий жулик» как нельзя более ярко рисует Каутского, своей лакейски-угодливой критикой империализма служащего апологии капитала.

В «Сборнике» опубликовано огромное количество выписок и библиографических заметок, которые Ленин делал, работая над «Империализмом». Как и материалы, уже известные читателю по первой публикации ленинских тетрадей, эти выписки и заметки служат прекрасной школой и образцом работы для каждого исследователя-большевика.

Многочисленные выписки названий книг, статей, справочников учат тому, как нужно подыскивать и подбирать факты. Эти материалы показывают, как Ленин в трудных условиях работы, в маленьком провинциальном швейцарском городке, настойчиво и упорно разыскивает в дебрях буржуазной литературы факты и свидетельства новой эпохи капитализма. Эти материалы показывают, как Ленин воплощал в жизнь методологический принцип подлинно марксистского диалектического исследования. Они показывают, как следует изучать явление, чтобы охватить его во всей многосложной совокупности связей и переплетений живой действительности. Ленинские конспекты и выписки учат отбирать из бесчисленной массы фактов, из бесформенной груды данных, нагроможденных в буржуазной литературе, то, что действительно ценно и важно для понимания действительности. Характерно с этой точки зрения, как Ленин каждый выписываемый им факт или цифру, которая может служить подтверждением его взглядов, отмечает, заботливо регистрирует, классифицирует в соответствии со своим планом. Из опубликованных материалов читатель видит, как скупо и тщательно Ленин отбирал действительно основное, как он умел экономно использовать обильнейшие фактические материалы. Делая большие выписки и конспекты, составляя кропотливые расчеты и таблицы, Ленин отчетливо представлял себе, что из этого материала в печать пойдет лишь очень небольшая доля. Но он не щадил своего труда и драгоценного времени на эту черновую работу. Как далеки многие и многие из наших исследователей от этих ленинских образцов работы! Как много нужно каждому большевику-исследователю учиться у Ленина, чтобы преодолеть скверную манеру загромождать изложение попавшимися под руку таблицами, цифрами, цитатами только потому, что так удобнее и быстрее. Пробираясь сквозь лабиринты статистических таблиц и квази-ученых, напыщенных рассуждений буржуазных авторов, Ленин собирал факты и цифры, характеризующие новейшую стадию капитализма. И эти факты, оплодотворенные марксистским методом, профильтрованные мозгом гениального исследователя, ожили и заговорили. Таблицы численности населения и территорий всех стран земного шара, тщательно выписанные из географических справочников, заговорили чеканным языком ленинских положений о разделе мира, о господстве горстки империалистов над миллионами и десятками миллионов людей во всех уголках земного шара. Подсчеты ресурсов угля, железной руды крупнейших империалистических стран оделись в плоть и кровь ленинских положений о соревновании империалистических хищников, о стремлении монополистического капитала захватить в свои руки все и всяческие источники наживы, где бы они ни находились. Из хаоса юридических определений и словесной шелухи формальных статутов отдельных капиталистических стран вырисовались ленинские определения зависимости и подчинения, на которых построено империалистическое господство.

Характерны те замечания, которые Ленин делает для себя, имея в виду невозможность под гнетом царской цензуры полным голосом говорить о царской России. Анализируя данные о колониальных владениях великих держав, Ленин пишет: «Россия... 96 мил. угнетенных или неравноправных»

(стр. 230). В плане изложения данных о концентрации производства Ленин записывает после указаний о Германии и Соединенных штатах: «idem о России («Развитие капитализма»?)». «Внимательный читатель легко подставит вместо Японии—Россию, а вместо Кореи—Финляндию, Польшу, Курляндию, Украину, Хиву, Бухару, Эстляндию и прочие, не-великороссами заселенные области»,—говорил Ленин в предисловии к «Империализму», написанном уже после Февральской революции.

Октябрьская революция, разбившая тюрьму народов, какой была царская Россия, подтвердила эти слова Ленина. Вооруженная ленинской теорией, большевистская партия победоносно воплотила в жизнь учение Ленина о пролетарской революции, которую ставит в порядок дня последняя стадия капитализма—империализм.

Е. ХМЕЛЬНИЦКАЯ

XXVIII Ленинский сборник

ИМЭЛ — Партиздат

В XXII и XXVII Ленинских сборниках опубликована часть ленинских «тетрадей по империализму», охватывающих подготовительные работы Вл. Ильича к книге «Империализм, как высшая стадия капитализма». Как указывалось в предисловиях к XXII и XXVII сборникам, Ленин подготовлял и писал свою книгу в период февраль — июнь 1916 г. в Цюрихе, проработав огромнейшую литературу, с самых различных сторон характеризующую империалистскую стадию развития капитализма. Подготовительные тетради дают богатейший материал для изучения и разработки ленинской теории империализма, как высшей стадии капитализма и кануна пролетарской революции, ярко характеризуя подход Ленина к авторам, к экономическим и историческим фактам, процессам, явлениям, методологию его анализа и методы его работы.

Настоящий Ленинский сборник, охватывающий последнюю группу из серии тетрадей Ленина по империализму [1] (последовательно помеченных им буквами греческого алфавита), открывается тетрадкой «χ», посвященной выпискам и заметкам, связанным с книгой Дж. А. Гобсона «Империализм». Работе Гобсона Вл. Ильич посвятил наибольшее количество выписок и замечаний из всей проработанной им богатейшей литературы по империализму. В предисловии к книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленин пишет: «...Главный английский труд об империализме, книгу Дж. А. Гобсона, я использовал с тем вниманием, которого этот труд, по моему убеждению, заслуживает» [2]. Публикуемая в XXVIII Ленинском сборнике тетрадь «χ» наглядно демонстрирует это внимание. Вл. Ильич еще в 1904 г. начал переводить работу Гобсона об империализме на русский язык (см. письмо Ленина М. А. Ульяновой от 28 августа 1904 г. из Женевы [3]. Работа эта, видимо, не была закончена. Выписки и заметки в тетради «χ» свидетельствуют о той тщательности, с которой Ленин прорабатывал эту книгу весной 1916 г., когда он подготовлял свой «Империализм».

«Автор, стоящий на точке зрения буржуазного социал-реформизма и пацифизма — однородной, в сущности, с теперешней позицией бывшего марксиста К. Каутского, — дал очень хорошее и обстоятельное описание

[1] Кроме заключительной тетради «о», которая будет опубликована в XXIX Ленинском сборнике вместе с рядом ленинских тетрадей, озаглавленных им «марксизм и империализм» и посвященных империалистской войне 1914 года.

[2] Соч. XIX, с. 71.

[3] «Письма к родным 1894—1919». Гиз. 1931, 297.

основных экономических и политических особенностей империализма» [1], — так характеризует Ленин Гобсона.

Книга Гобсона, выпущенная в 1902 г., написана под свежим впечатлением откровенно захватнической, открыто грабительской со стороны хищного английского империализма англо-бурской войны (1899—1902). При всей беспомощности реформистско-пацифистских политических выводов автора его работа содержит чрезвычайно богатый и острый разоблачительный фактический материал, ярко рисующий картину империалистских захватов и неприкрытого ограбления колоний, разбойничьей политики кучки финансистов («инвестантов»), которые фактически захватили власть. Гобсон яркими красками рисует паразитизм, свойственный империализму, и иллюстрирует процесс его загнивания.

Ленин неоднократно подчеркивает преимущества буржуазного реформиста Гобсона по сравнению с теоретиками социал-демократии, скатившимися на путь поддержки «своей» буржуазии, на путь социал-империализма. Ленин противопоставляет Гобсона таким столпам социал-демократии, как Гильфердинг и Каутский. «Одним из недостатков марксиста Гильфердинга, — пишет Вл. Ильич, — является то, что он сделал шаг назад по сравнению с немарксистом Гобсоном. Мы говорим о паразитизме, свойственном империализму» [2].

Жестоко, беспощадно разоблачая Каутского, Ленин подчеркивает: «...Каутский, претендуя, что он продолжает защищать марксизм, на деле делает шаг назад по сравнению с *социал-либералом* Гобсоном, который *правильнее* учитывает две «исторически-конкретные» (Каутский как раз издевается своим определением над исторической конкретностью!) особенности современного империализма: 1) конкуренцию *нескольких* империализмов и 2) преобладание финансиста над торговцем» [3]...

Ленин широко использует фактический материал Гобсона, подвергая критике его реформистские выводы. Так, в связи с наивными рассуждениями автора о том, что империализм и империалистская экспансия не неизбежны, что их можно устранить, «если потребители данной страны повысят свое потребление», — Ленин отмечает на полях тетради: «ха-ха! суть мещанской критики империализма» (с. 43). В своей книге Вл. Ильич по этому поводу пишет: «Гобсон предвосхитил Каутского, восставая против «неизбежности империализма» и апеллируя к необходимости «поднять потребительную способность» населения (при капитализме!)» [4].

Как известно, краеугольным камнем апологетической «теории» Каутского является его тезис об ультра-империализме — некоей «высшей» стадии мирного развития империалистского мира. Ленин беспощадно разоблачал эту «глупенькую побасенку» Каутского, показывая, что это — «реакционная попытка запуганного мещанина спрятаться от грозной действительности» [5].

«Ультра-империалистские» рассуждения Каутского Ленин подвергает уничтожающей критике при проработке книги Гобсона. Вл. Ильич трижды отчеркивает следующую выписку из Гобсона:

«Христианство, упрочившееся в немногих крупных федеральных империях, из которых каждая имеет ряд нецивилизованных колоний и зависимых стран, кажется многим наиболее законным развитием современных тенденций, и при том таким развитием, которое дало бы больше всего надежды на постоянный мир на прочной базе интер-империализма» (с. 85).

---

[1] Соч. XIX, с. 78.
[2] Соч. XIX, с. 151.
[3] Там же, с. 145.
[4] Там же, с. 161.
[5] Там же, с. 149.

На полях против этой выписки Ленин пишет: «*Ср.* Каутский об ультра-империализме» и ниже отмечает: «во что вылился бы «ультра-империализм» Каутского и Соединенные Штаты Европы *на базе* капитализма: в «интер-империализм»!!». К этому Ленин неоднократно возвращается в своих работах об империализме, сопоставляя откровения Каутского с проповедью английских попов. Так он пишет: «Ультра-империализмом или сверх-империализмом назвал Каутский то, что Гобсон за 13 лет до него назвал интер-империализмом или между-империализмом. Кроме сочинения нового премудрого словечка, посредством замены одной латинской частички другою, прогресс «научной» мысли у Каутского состоит только в претензии выдавать за марксизм то, что Гобсон описывает, в сущности, как лицемерие английских попиков. После англо-бурской войны со стороны этого высокопочтенного сословия было вполне естественно направить главные усилия на *утешение* английских мещан и рабочих, потерявших немалое количество убитыми в южно-африканских сражениях и расплачивавшихся повышением налогов за обеспечение более высоких прибылей английским финансистам. И какое же утешение могло быть лучше того, что империализм не так плох, что он близок к интер- (или ультра-)империализму, способному обеспечить постоянный мир?» [1].

Критику каутскианского «ультра-империализма» Ленин связывал с критикой лозунга «Соединенных штатов Европы», того самого лозунга, за который так энергично ратовал каутскианец Троцкий. Полемика вокруг этого лозунга имеет исключительное значение для анализа империалистской стадии развития капитализма и определения генеральной линии борьбы рабочего класса против империализма и империалистской войны — за пролетарскую революцию, за пролетарскую диктатуру, за социализм. Достаточно напомнить, что именно в статье «О лозунге Соединенных штатов Европы», критикующей этот реакционный лозунг, Ленин формулирует теорию возможности победы социализма «первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране» [2], теорию, гениально разработанную и продолженную товарищем Сталиным, победоносно претворенную в жизнь пролетариатом СССР под руководством большевистской партии.

Ленин неоднократно подвергает уничтожающей критике лозунг Соединенных штатов капиталистической Европы и при проработке книги Гобсона, наглядно показывая, что содержанием этого лозунга является попросту соглашение империалистов о дележе и совместном грабеже колоний. В тетради, посвященной выпискам из Гобсона, Ленин сочувственно отмечает и подчеркивает следующие его замечания:

«Трест главных европейских держав был бы эксплуатацией внеевропейских стран. Хозяйничанье европейцев в Китае в достаточной мере показывает, как лживы все уверения, будто иностранная политика христианского мира и входящих в него народов вдохновляется в настоящее время желанием исполнить до конца возложенную на последних цивилизаторскую миссию... *Если когда-нибудь* и была усвоена *общая международная политика* в обхождении *с низшими* расами, она основывалась *не на моральном доверии друг к другу, а лишь на «сделках»* (с. 69).

По поводу этой выписки Вл. Ильич отмечает: «К вопросу о Соединенных Штатах Европы!!»

Таким же образом он помечает и следующую выписку из Гобсона: «Несмотря на эгоизм и алчность современной политики, ослабляющей

[1] Соч. XIX, с. 166—167.

[2] Соч. XVIII, с. 232.

силы европейских держав на далеком Востоке, *настоящая драма* начнется только тогда, когда международный капитализм, сплотив свои силы и претендуя на роль носителя общехристианских идеалов, *подойдет вплотную к вопросу о мирном открытии дверей Китая*» (с. 79 и 81).

Гобсон весьма красочно показывает, как «европейская федерация великих держав» «не только *не двигала бы вперед дела* всемирной цивилизации, *а могла бы означать гигантскую опасность западного паразитизма:* выделить группу *передовых промышленных наций, высшие* классы которых получают громадную дань *с Азии и Африки* и при помощи этой дани содержат большие *прирученные* массы служащих и слуг» и т. д. Гобсон с тревогой отмечает, что если эти «влияния» не встретят «противодействия», то процесс развития пойдет именно по этой линии (с. 93 и 95).

Широко цитируя эти материалы из Гобсона, Ленин указывает:

«Социал-либерал Гобсон не видит того, что это «противодействие» может оказать *только* революционный пролетариат *и только* в виде социальной революции. На то он и социал-либерал! Но он превосходно подошел еще в 1902-м году к вопросу и о значении «Соединенных Штатов Европы» (к сведению каутскианца Троцкого!) и всего того, что затушевывают *лицемерные каутскианцы* разных стран, именно: что *оппортунисты* (социал-шовинисты) работают вместе с империалистской буржуазией *как раз* в направлении создания империалистской Европы на плечах Азии и Африки, что *оппортунисты* объективно представляют из себя часть мелкой буржуазии и некоторых слоев рабочего класса, *подкупленную* на средства империалистской сверхприбыли, превращенную в *сторожевых псов* капитализма, в *развратителей* рабочего движения» [1].

«Разоблачительный материал» об империализме Ленин тщательно критически отбирает и в работе Шульце-Геверница — одного из махровых идеологов германского империализма. Вл. Ильич характеризует автора достаточно определенно и красочно: «Величайший мерзавец, пошляк, кантианец, за религию, шовинист, — собрал некоторые очень интересные факты об английском империализме и написал бойкую. не скучную книгу. Ездил по Англии, много собрал материала и наблюдений. Награбили г.г. англичане, дайте и нам пограбить, «освятив» грабеж Кантом, боженькой, патриотизмом, наукой = вот суть позиции сего «ученого»!! (много и лишней болтовни)» (с. 125). Итоговая характеристика книги Шульце-Геверница, которую Ленин очень тщательно проработал, весьма лаконична: «В общем научная ценность сей книги *украдена* у Гобсона. Плагиатор в плаще кантианца, религиозного мерзавца, империалиста, вот и все» (с. 151). Ленин однако, критически перерабатывая, внимательно использует у Шульце-Геверница фактический материал о развитии империализма (особенно английского).

Рассуждения автора о перспективах развития Европы, которая все больше остается в роли рантье, перекладывая «грубый труд» на цветное человечество и т. д., Вл. Ильич сопровождает замечанием: «Европа = рантье (едет на *неграх)*» (с. 137).

Ленин выписывает замечания Шульце-Геверница об обуржуазившейся верхушке английских рабочих: «Организованные в профсоюзы рабочие (Англии) давно вступили на путь практической политики. Расширение избирательного права сделало их господами демократизированного государственного строя, тем более, что избирательное право все еще достаточно *ограничено,* чтобы *исключать действительно-пролетарский* низ-

[1] Соч. XIX, с. 305.

ший слой»... На полях Ленин пишет: «вернуться паки и паки», «очень важно!!» (с. 133).

Ряд дальнейших рассуждений автора об английском империализме, его корнях, об обуржуазившейся верхушке английских рабочих, о том, что «связь между социализмом и джингоизмом, направленную специально против Германии, воплощает Гайндман», — Ленин заключает следующим выводом:

«Очень важные признания:

(1) «связь» социализма с шовинизмом.

(2) условия «осуществления» социал-шовинизма (государство-рантье, охрана политического рабства колоний и т. д.)...

(3) исключительность и аристократизм рабочих (кули)» (с. 149).

Ленин чрезвычайно подробно, на огромном конкретном материале, разбирает реальный процесс раздела мира между империалистскими державами, ход колониальных захватов. Материал подобного рода можно встретить в самых различных ленинских тетрадях при проработке самых различных авторов. Чрезвычайный интерес представляет публикуемая в настоящем сборнике таблица колониальных захватов и войн.

Тщательно, факт за фактом, звено за звеном, исследуя процесс раздела мира между империалистскими хищниками, Ленин вскрывает узлы новых конфликтов, новые противоречия в начинающейся борьбе за передел мира. Анализируя различные международные конфликты и кризисы, разбирая историю дипломатических отношений, Вл. Ильич вскрывает пути подготовки империалистской войны 1914 г., расстановку сил империалистских держав в процессе этой подготовки. Он приводит следующую схематическую таблицу, рисующую «международные кризисы»:

«1877—78	Россия против Турции
1885	Россия против Англии
1895	Россия + Германия + Франция против Японии
1898	Англия против Франции
1904/5	Россия против Японии
1905	Франция (Франция + Англия) против Германии
1911	Франция против Германии» (с. 249).

Далее Ленин дает по определенным периодам ряд синхронистических таблиц, в которых приводит исторические факты, рисующие ход борьбы за раздел мира, объединяя различные государства в три группы: Америка и Западная Европа (350 млн. населения), Восточная Европа (Австрия + + Балканы + Россия — 250 млн. населения) и остальные страны (главным образом Азия и Африка — 1000 млн. населения).

В конце Вл. Ильич записывает «вехи дипломатической истории» — подготовки сил и создания группировок «великих держав» перед войной 1914 г.: «1879: союз Германии и Австрии (1881 + Италия); 1891: франко-русский союз; 1898: Фашода; 1904: англо-французское соглашение; 1907: англо-русское; русско-японское; французско-японское соглашения» (с. 257).

Эти ленинские таблицы имеют огромное значение для освещения вопроса о процессе подготовки мировой империалистской войны 1914 г. за передел мира между империалистскими хищниками.

Ленин тщательно прослеживал по разнообразнейшим источникам различные комбинации империалистских держав. В качестве примера можно привести хотя бы следующие чрезвычайно интересные его выписки и замечания:

«Как известно из статей японского посла графа Хаяши, дальнейшее опубликование которых, к сожалению, запрещено правительством в Токио, в 1898 г. в Лондоне по инициативе Джозефа Чемберлена велись пере-

говоры с Японией по вопросу об англо-японско-немецком тройственном союзе, направленном против дальнейшего продвижения России в Восточной Азии. Это происходило в то самое время, когда из Лондона в Берлин шли секретные запросы относительно англо-немецкого союза. Эти запросы остались без результатов, хотя бы уже потому, что Англия не могла предложить Германии ничего другого, кроме чести пойти в поход против России. Япония же была готова без колебаний войти в союз с Германией» (с. 291 и 293).

На полях против этой выписки Ленин пишет: «NB. 1898: переговоры об англо-германско-японском союзе против России. Не сторговались!!»

Не менее любопытна и другая выписка: «В 1898 г. Англия вела переговоры с Германией о союзе против России («Saturday Review» грозила, что народ расправится с династией в случае ее союза с Германией!!) и не сошлись: Англия сказала: «Германия требует слишком много», это де неправда, Берлин де не ставил требований (?!!?). Заключили **только** в октябре 1898 договор, «который предусматривал экономическое продвижение Германии и Англии в португальские колонии в том случае, если Португалия не выполнит своих платежных обязательств»» (с. 293).

На полях против пункта о «продвижении» Германии и Англии в португальские колонии Вл. Ильич пишет: «NB перл!», а после выписки указывает: «Англия и Германия в октябре 1898 г. **делят** колонии Португалии».

Прорабатывая книгу Вирта «Современная мировая история», Ленин сочувственно выписывает следующее место: «Карлейль говорит, что уже в 18 столетии ведение войн в интересах Англии было «профессией» континентальных государств». Трижды отчеркнув эту выписку, Вл. Ильич пишет: «хорошо сказано!» (с. 261).

Весь этот материал чрезвычайно наглядно показывает, как Ленин строил свои теоретические выводы об особенностях и специфических чертах империализма на основе богатейшего фактического материала, внимательно изучая конкретный исторический процесс развития отдельных стран в сложном переплете их взаимоотношений.

Ленин внимательно, во всех подробностях рассматривает процесс развертывающейся борьбы за передел мира. Много внимания он уделяет борьбе за Китай. Здесь, между прочим, любопытна выразительная характеристика барона фон-Макай, автора книги «Срединная республика»: «Сволочь, реакционер, тупица и негодяй, натаскавший из десятка книжонок клевет на «радикальных депутатов» («куоминтан» с Сун-Ят-Сеном во главе). Научное значение — ноль» (с. 367). Среди выписок о Китае обращает внимание набросанная Лениным собственноручно схематическая карта распределения китайских железных дорог между различными империалистскими державами (с. 371).

В публикуемых в настоящем сборнике тетрадях Ленин останавливается и на Индии и на Ближнем Востоке.

Весьма красочно Ленин оценивает книжку Кромера «Древний и современный империализм»: «Почти ноль. Претенциозная болтовня, с ученым видом, с тьмой цитат из римских писателей, английского империалиста и чинодрала, который кончает воплем *за* удержание Индии, против тех, кто допускает мысль об отделении ее. «Преступлением против цивилизации» было бы освободить Индию... и т. п. и т. д. Параллели с Римом, размышления и советы бюрократа, почти исключительно «административного» характера — вот и все» (с. 405).

Исключительный интерес представляет приводимый в тетрадях богатый материал, характеризующий империализм и империалистскую политику царской России на Ближнем и Дальнем Востоке. Как известно, по

цензурным условиям — Ленин писал свой «Империализм» для легального издания — он был лишен возможности приводить в книге материал об империализме царской России (Вл. Ильич отмечал это в предисловии к книге). Тем более интересны характеризующие империализм царской России выписки и замечания в ленинских подготовительных тетрадях.

Ленин приводит чрезвычайно яркое описание процесса империалистского проникновения Англии и царской России в Персию.

«Самым важным событием в новейшей эволюции Персии, которая запутывается все сильней, является, конечно, крупный заем, в котором участвуют Англия и Россия. Это самый крупный заем в истории Персии: 70 млн. марок. Он представляет из себя типичную аферу современного империализма. То же самое было проделано и в Марокко. Какая-нибудь страна приглянется современной могущественной державе. Страна эта — будь это Куба или Либерия, или Иран — находится в затруднительном положении, в ней происходят беспорядки, которые, однако, можно устранить, если никто не вмешается в них. Иностранная держава растравляет раны, увеличивает существующие беспорядки и провоцирует еще новые. Случается, что кого-нибудь из провокаторов убьют — например, д-ра Мошана в Маракеше, или северо-американского флибустьера в Никарагуа, или же полиции в Тавризе вменяется в вину исчезновение русского солдата (которого через несколько дней находят на отдаленном маисовом поле) и, в поисках дезертира, врываются в дом, почти в гарем, высшего духовного лица. Само собой разумеется, в стране растет ожесточение против бесчинствующих иностранцев. Народные страсти вспыхивают, начинаются жестокости. Тогда иностранная держава посылает карательный отряд и одновременно представляет стране счет за свое вторжение. Страна не может уплатить. Что делать? И тогда вторгнувшаяся иностранная держава с приятной улыбкой заявляет о своей готовности помочь друзьям и предлагает заем. Конечно, за приличные проценты. Затем представленное обеспечение объявляется недостаточным, и страна попадает в лапы ростовщиков. Теперь она уж не уйдет от своей судьбы — получить цивилизацию из рук ворвавшейся дружественной державы» (с. 263 и 265).

Разве это подробное и красочное описание (которое Ленин заключает замечанием: «Это пишет буржуазный писатель!») предвоенных фокусов империалистов в борьбе за Персию не напоминает живейшим образом сегодняшних действий империалистских держав — например «деятельности» Японии в Китае?

Вл. Ильич останавливается на вопросе о разоружении в условиях империализма.

В тетради «ν» Ленин делает ряд выписок из статей Энгельса «Может ли Европа разоружиться». Эти статьи (изданные в 1893 г. отдельным оттиском) печатались в берлинском «Vorwärts» в марте 1893 г. во время дебатов по военному законопроекту в рейхстаге.

В некоторых пунктах Вл. Ильич отмечает несогласие с характеристиками и выводами автора. Так, напр., на с. 223, где Энгельс, останавливаясь на вопросе о военном воспитании молодежи, пишет: «бьюсь об заклад, наша бунтующая школьная молодежь поучит уму-разуму злейшего из прежних мучителей солдат» — Ленин после слова «бунтующая» («rebellische») пишет «sic!!?», а на полях против этой выписки ставит два вопросительных знака, очевидно, не разделяя высокой оценки автором настроений прусской школьной молодежи.

Скептические знаки «?!» Ленин ставит и против следующего по меньшей мере парадоксального вывода автора: «Как только Германия начнет есть белый хлеб вместо черного, нынешняя официальная царско-крупнобуржуазная Россия тотчас же обанкротится» (с. 225).

Во всех ленинских материалах анализ империализма неразрывно переплетается с подробнейшим разбором всех вопросов мировой империалистской войны 1914 года. Разрабатывая теорию империализма, Ленин вместе с тем самым тщательным образом изучает и освещает «практику» борьбы империалистов за передел мира. Анализируя вопросы мировой империалистской войны, Ленин со всей беспощадностью разоблачает оппортунистов всех мастей и оттенков. Он приводит восторженные комплименты, которые делают социал-предателям враги рабочего класса. Так, например, Вл Ильич выписывает высказывания по этому поводу Э. Бельгера — бывшего генерального секретаря имперского союза борьбы с социал-демократией: «похвала «их» (социалдемократов) безупречному честному поведению»... заседания 4 и 5 августа рейхстага «принесли нам великую радость» ...«самой светлой точкой всей картины было социалдемократическое «Да»!» (с. 381).

Ленин вскрывает глубокие корни оппортунизма, показывая, как в условиях империализма буржуазия подкупает и разлагает верхушку рабочего класса подачками за счет сверхприбылей от эксплуатации колоний. Особенно подробно он останавливается на английском рабочем классе, в котором черты «обуржуазивания» (в силу особенностей развития капиталистической Англии — необъятные колонии, монопольное положение на мировом рынке) были ярко выражены еще до эпохи империализма. Ленин приводит по этому вопросу обширный материал из Маркса и Энгельса [1], отношение которых к аристократической верхушке английских рабочих ярко характеризуется хотя бы следующими словами Маркса в письме к Зорге: «Что касается городских рабочих (в Англии), то можно лишь пожалеть о том, что вся свора их вождей не попала в парламент. Это самый верный способ освободиться от этой сволочи» [2].

В доимпериалистскую эпоху только буржуазная Англия могла создать «буржуазную рабочую партию». Отмечая, что «ни Маркс, ни Энгельс не дожили до империалистской эпохи, которая начинается не раньше как в 1898—1900 годах», Ленин показывает, как в условиях империализма каждая империалистская «великая держава» может подкупать и подкупает прослойки «рабочей аристократии», создавая свои «буржуазные рабочие партии», свою агентуру в рядах пролетариата.

И на этой основе Ленин с особенной силой провозглашает свой боевой лозунг: *борьба с империализмом без борьбы и разрыва с оппортунизмом есть обман.* Ленин резко противопоставляет: «*Мы и они:*

1) Реннер, «Sozialistische Monatshefte», «Glocke» и К° = лакеи империалистической буржуазии.

2) Каутский, Гильфердинг и К° (+ ближайший друг = Троцкий) = = уговариватели, усовещеватели, реформаторы *ее*.

3) Левые = революционные борцы *против* нее» [3].

«Мы» и «они» — революционный авангард пролетариата, с одной стороны, и открытая и прикрытая агентура империалистской буржуазии, с другой. Беспощадная, непримиримая борьба большевизма с оппортунистами всех названий и разновидностей — таково решающее условие победы рабочего класса.

---

[1] Выписки из Маркса и Энгельса об английском рабочем классе, помещенные в тетради «о», использованы Лениным в статье «Империализм и раскол социализма» (т. XIX, с. 306—308), написанной в начале октября 1916 г. и опубликованной в декабре в «Сборнике социалдемократа» № 2.

[2] Ленинский сборник XXIX, 139.

[3] Там же, с. 131.

Ленин приводит выписку из статьи Гильфердинга, которую тот заканчивает болтовней насчет «разрыва с Machtpolitik» (политикой насилия).

Владимир Ильич делает по этому поводу замечание: «Надо сначала взять *самим власть* (Macht), а не зря говорить о власти» [1].

Это — поистине основной и решающий вопрос. Взять власть в революционной борьбе, установить диктатуру пролетариата — вот единственный путь борьбы с империализмом, путь к новому — высшему — общественному строю — социализму. По этому пути победоносно повел пролетариат России великий Ленин, по этому пути, по пути пролетарской революции и строительства социализма ведет его от победы к победе великий продолжатель дела Ленина — Сталин.

Б. ТАЛЬ

---

[1] Ленинский сборник XXIX, с. 135.

Уполномоченный Главлита № В — 102 134.
Тираж 500 000 экз.
В 1 п. л. 63 000 зн. 3 бум. листа.
Изд. № 1197.

Редакция: А. Стецкий (редактор), В. Кнорин, П. Поспелов, Б. Таль

Материал сдан в набор 5/I 1935 г., подписан к печати 9/I 1935 г. Заказ № 9.
Типография газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 8.

СПИСОК СТАТЕЙ ЧЛЕНОВ И КАНДИДАТОВ ЦК ВКП(б), ПОМЕЩЕННЫХ В „БОЛЬШЕВИКЕ" ЗА 1934 ГОД

Автор	*Название статьи*	*В каком № помещена статья*
СТАЛИН, И. В.	Беседа с английским писателем Г. Д. Уэллсом . .	17
КАГАНОВИЧ, Л. М	О внутрипартийной работе и отделах руководящих партийных органов	21
КУЙБЫШЕВ, В.	Ленин и Сталин о социалистическом планировании.	1
МИКОЯН, А. И.	Пищевая индустрия во второй пятилетке	9—10
ПОСТЫШЕВ, П.	Поднять работу марксистско-ленинских институтов Украины на уровень требований социализма . .	3—4
МАНУИЛЬСКИЙ, Д.	Кризис капитализма и задачи мирового коммунистического движения	1
КНОРИН, В. Г.	Международное рабочее движение в эпоху 1914—1934 гг.	13—14
КНОРИН, В. Г.	СССР и мировой пролетариат	19—20
ПЯТНИЦКИЙ, О.	Пятнадцать лет Коммунистического Интернационала.	3—4
ПЯТНИЦКИЙ, О.	Вопросы международного профессионального движения	18
КРЖИЖАНОВСКИЙ, Г.	Ленин, диктатура пролетариата и построение социализма	1
КРИНИЦКИЙ, А.	Знамя борьбы — программа новых великих работ (передовая)	2
КРУПСКАЯ, Н. К.	XVII с'езд партии в свете учения Ленина	3—4
МЕЖЛАУК, В.	О второй пятилетке	2
МЕЖЛАУК, В.	Победоносно завершить второй год второй пятилетки	19—20
ЕНУКИДЗЕ, А. С.	XVII с'езд ВКП(б) и задачи перестройки работы Советов	7
ЕНУКИДЗЕ, А. С.	За укрепление Советов — органов пролетарской диктатуры	19—20
ЗЕЛЕНСКИЙ, И. А.	XVII с'езд ВКП(б) о задачах в области товарооборота	8
ЧЕРНОВ, М. А.	Об улучшении и развитии животноводства	12
ЭЙХЕ, Р.	Колхозы Западной Сибири к XVII партс'езду . .	1
РАЗУМОВ, М. О.	На под'еме	15
БАДАЕВ, А. Е.	Двадцать лет назад	13—14
БАДАЕВ, А. Е.	За культурную торговлю хлебом	24
БЕРИЯ, Л. П.	Большевики Закавказья в борьбе за социализм . .	11
ИКРАМОВ, А.	На аванпостах борьбы за хлопковую независимость.	3—4
РУМЯНЦЕВ, И. П.	Социалистическая перестройка сельского хозяйства Западной области	12
УГАРОВ, А.	Учение Ленина—Сталина о войнах империалистической эпохи и тактика большевизма	1
УГАРОВ, А.	О социалистической родине	19—20
ЛЮБЧЕНКО, П. П.	О подготовке и проведении уборочной кампании 1934 г.	11
БУДЕННЫЙ, С. М.	За большевистское развитие коневодства	5
ЕРЕМИН, И. Г.	Задачи текстильной промышленности во второй пятилетке	15
СЕРЕБРОВСКИЙ, А.	О золотой промышленности СССР	24

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ПОМЕЩЕННЫХ В „БОЛЬШЕВИКЕ" ЗА 1934 ГОД

ЛЕНИН и ЛЕНИНИЗМ

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ИНСТИТУТА МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА—ЛЕНИНА

К 70-ЛЕТИЮ I ИНТЕРНАЦИОНАЛА

К 20-ЛЕТИЮ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

XVII С'ЕЗД ВКП(б) — С'ЕЗД ПОБЕДИТЕЛЕЙ

XVII ЛЕТ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

ИЮЛЬСКИЙ И НОЯБРЬСКИЙ ПЛЕНУМЫ ЦК ВКП(б)

ВНУТРИПАРТИЙНЫЕ ВОПРОСЫ

ВТОРАЯ ПЯТИЛЕТКА, ОВЛАДЕНИЕ НОВОЙ ТЕХНИКОЙ, ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТРАНСПОРТ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

ВОПРОСЫ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА, ПРОФСОЮЗОВ И КУЛЬТУРЫ

ВОПРОСЫ КОМИНТЕРНА И МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС

КОНСУЛЬТАЦИИ

КОН'ЮНКТУРНЫЕ ОБЗОРЫ

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ МИРОНОВИЧА КИРОВА

РАЗНЫЕ

ВНИМАНИЮ

ПАРТИЙНОГО, КОМСОМОЛЬСКОГО И БЕСПАРТИЙНОГО АКТИВА

В первой половине 1935 года состоится VII всемирный конгресс Коммунистического интернационала.

Конгресс выработает генеральную линию международной партии пролетариата на предстоящий период второго тура революций и войн.

Конгресс обсудит очередные задачи и методы подведения широких масс рабочих и трудящихся — через единый фронт против наступления капитала, фашизма и опасности войны — к решающим боям за свержение власти буржуазии во всех ее формах, к боям за диктатуру пролетариата, за советскую власть во всем мире.

Конгресс подведет итоги победоносного социалистического строительства в СССР.

Выполняя решения президиума ИККИ от 5/IX 1934 г., редакция журнала «Коммунистический интернационал» уже начала помещать в специальном отделе «Трибуна VII конгресса» статьи, посвященные обсуждению вопросов, стоящих перед конгрессом. К участию в «Трибуне» привлечены руководящие работники Коминтерна, а также братских компартий.

Каждый партиец, комсомолец, беспартийный активист, каждый пропагандист, мопровец должен быть в курсе международной революционной борьбы пролетариата и угнетенных народов мира и ориентироваться в актуальных проблемах Коминтерна. Для этого они должны выписать журнал «Коммунистический интернационал» на 1935 г.

Издательство ЦК ВКП(б) «Правда».

Подписная цена на «КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ»:

на 1 мес. — 1 р. 20 к.,	*на 3 мес. — 3 р. 60 к.,*
на 6 мес. — 7 р. 20 к.,	*на 12 мес. — 14 р. 40 к.*

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: во всех почтовых отделениях, организаторами подписки «Союзпечати» на предприятиях, уполномоченными по партпечати в партгруппах и издательствами политотдельских газет на транспорте.

Цена 40 коп.

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1935 ГОД

НА ДВУХМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

13-й ГОД ИЗДАНИЯ

Журнал выходит под редакцией: Покровского М. Н., Адоратского В. В., Митина М. В., Кольмана Э., Юдина П., Максимова А. А., Деборина А. М., Тимирязева А. К.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» — боевой орган марксизма-ленинизма — ведет решительную борьбу за генеральную линию партии, против всяких уклонов от нее, проводя последовательно во всей своей работе ленинский принцип партийности философии.

В области философии журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» ведет неуклонную борьбу на два фронта с механистической ревизией марксизма, с меньшевиствующим идеализмом и со всякого рода вульгаризаторством и упрощенчеством в марксистской теории.

Важнейшей задачей «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» являются действительное выполнение намеченной для него Лениным программы, разработка ленинского этапа развития диалектического материализма, освещение материалистической диалектики в работах т. Сталина, беспощадная критика всех антимарксистских и, следовательно, антиленинских установок в философии, общественных и естественных науках, как бы они ни маскировались.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» разрабатывает теорию материалистической диалектики, вопросы исторического материализма в тесной связи с практикой социалистического строительства и мировой революцией.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» об'единяет для выполнения этих задач воинствующих материалистов-диалектиков, систематически выращивая большевистски выдержанные философские кадры.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» имеет постоянные отделы: Ленин и ленинизм, материалистическая диалектика, исторический материализм, история материализма, история социализма, критика фашизма и социал-фашизма, отдел теоретической экономики, теории советского хозяйства, естествознания и техники, литературы и искусства, психологии; антирелигиозный отдел, дискуссионный отдел, отдел работы семинаров ИКП; критика и библиография; отдел переписки с читателями, сообщения и заметки.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» рассчитан на активных работников партии, преподавателей и слушателей комвузов, вузов, рабфаков, марксистских кружков, естественников, товарищей, занимающихся самообразованием, и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1935 ГОД:

на 1 год — 18 руб., на ½ года — 9 руб., на 2 мес. — 3 руб.

Цена отдельной книжки 3 руб.

Подписка принимается всеми почтовыми отделениями, конторами «Союзпечати», всеми письмоносцами и организаторами подписки на предприятиях и в учреждениях.

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C057928840